

Российская академия наук
Институт психологии

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Результаты и перспективы развития

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлёв,
В. А. Кольцова*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2017

УДК 159.9

ББК 88

Ф 94

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*А. А. Алдашева, И. О. Александров, Ю. И. Александров, Б. Н. Безденежных,
Н. В. Борисова, Ю. В. Быховец, А. Е. Воробьева, Т. В. Галкина,
Т. В. Дробышева, Е. Н. Дымова, Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлёв (отв. ред.),
А. Н. Занковский, Н. Н. Казымова, Ю. В. Ковалева, В. А. Кольцова (отв. ред.),
А. Н. Костин, А. И. Лактионова, А. В. Махнач, Л. Ш. Мустафина,
Т. А. Нестик, А. А. Обознов, Н. Д. Павлова, М. А. Падун, Ю. В. Постылякова,
Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина,
Б. Н. Тугайбаева (отв. секретарь), Д. В. Ушаков, М. А. Холодная*

Ф 94 **Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития /**
Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 2714 с.

ISBN 978-5-9270-0362-4

УДК 159.9

ББК 88

Сборник научных работ освещает широкий круг фундаментальных и прикладных проблем современной психологической науки, отражает ее состояние и представляет систему основных отраслей, научных направлений и проблем, а также важнейшие тенденции ее развития: усиление комплексности, междисциплинарности и системности исследований, их социальной ориентированности, гуманизации в трактовке личности и социальных общностей, появление новых, отвечающих запросам времени научных разработок.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-06-14058г «Всероссийская юбилейная научная конференция „Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития“, посвященная 45-летию ИП РАН и 90-летию со дня рождения его создателя и первого директора Б. Ф. Ломова»

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

ISBN 978-5-9270-0362-4

*45-летию Института психологии РАН
и 90-летию его основателя,
Бориса Фёдоровича Ломова,
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кольцова В. А., Журавлёв А. Л.</i> Современные тенденции развития отечественной психологической науки	25
--	----

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

<i>Александров И. О., Максимова Н. Е.</i> Закономерности динамики цитирования научных публикаций.	36
<i>Алексеева Л. В.</i> Методология подхода к субъектным возможностям человека в юридически значимой ситуации	46
<i>Войтенко Т. П.</i> Принцип системно-деятельностного подхода как методологическая основа современного образования	53
<i>Гильманов С. А.</i> Музыкальная деятельность как система: взгляд с позиций Б. Ф. Ломова	61
<i>Знаков В. В.</i> Понимание эмпирической реальности мира человека	69
<i>Карпов А. В.</i> Современный метакогнитивизм и психология деятельности	76
<i>Карпов А. В., Карпов А. А.</i> Стратегии и метакогнитивные детерминанты групповых решений.	85
<i>Костин А. Н., Голиков Ю. Я.</i> Введение релятивной функции в состав основных функций психики	92
<i>Лебедев А. Н.</i> Две методологически важные проблемы психологии	101
<i>Мазилев В. А.</i> Предмет психологической науки и философия психологии	108
<i>Мединцев В. А.</i> Методологические проблемы интеграции психологического знания	116
<i>Немов Р. С., Яценко Д. А.</i> Методология системного подхода к психологическим исследованиям личности.	124
<i>Рябов В. Б.</i> Психологический подход к исследованиям качества жизни.	131
<i>Сергиенко Е. А.</i> Принцип развития в современной психологии	139
<i>Степанова Г. С.</i> Поликонтекстный подход к исследованию этнической идентичности	147

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Абульханова К. А.</i> Проблемы сознания и его исследований в отечественной психологии XX–XXI столетий	158
<i>Артемова О. А.</i> Отечественная психологическая практика на страницах российских газет первой половины XX века.	167

<i>Артемяева Т. И.</i> Психология личности в работах Е. В. Шороховой: К 95-летию со дня рождения	176
<i>Галкина Т. В., Журавлев А. Л.</i> Научные взгляды Я. А. Пономарёва в области методологии психологии	183
<i>Гостев А. А., Кольцова В. А.</i> Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета	194
<i>Грачев А. А.</i> Участие Института психологии АН СССР в становлении социально-психологической службы промышленного предприятия в 70–80-х годах XX века (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор»)	205
<i>Данилова А. Г.</i> Психосемантическое исследование восприятия образа человека различных эпох на материале произведений искусства.	214
<i>Дробышева М. М.</i> Проблема метода в исследовании гениальной личности художника с позиции исторической психологии	221
<i>Завгородняя Е. В.</i> Основы ценностно ориентированного социального поведения в этико-психологических работах Г. А. Балла	229
<i>Казакова Н. Е.</i> Первые опыты психофизиологических исследований человека в условиях воздушного полета.	237
<i>Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.</i> Становление экспериментального подхода в отечественной психологии конца XIX–начала XX веков	245
<i>Королева А. Ю.</i> Идеал как компонент направленности личности в представлениях современной российской молодежи.	253
<i>Логинова Н. А.</i> История Петербургской психологической школы в архивных фондах	262
<i>Минькова Е. С.</i> Экспериментальные исследования особенностей детского восприятия в работах психологов Германии первой трети XX века	269
<i>Новичихина И. В.</i> Влияние оппонентного круга С. Л. Франка на формирование его мировоззрения и научных взглядов	275
<i>Няголова М. Д.</i> Применение психологической теории Б. Ф. Ломова в болгарской науке.	281
<i>Обозов Н. Н., Полежаева О. Д.</i> Принципы системного подхода в психологии как основного инструмента познания психики в концепции Б. Ф. Ломова	289
<i>Олейник Ю. Н., Кольцова В. А.</i> «Птенцы казанского гнезда» В. М. Бехтерева: судьбы и достижения ученых первой экспериментальной психологической лаборатории в России	296

<i>Синельникова Е. С., Зиновьева Е. В.</i> Память о 1990-х годах русской истории: представления студентов	307
<i>Синякина Е. Г.</i> Религиозность и народное благочестие русского крестьянства дореволюционного периода как основа его духовно-нравственного развития	315
<i>Славская А. Н.</i> Особенности и функции интерпретации в жизни личности	324
<i>Стояхина Н. Ю.</i> Вопросы борьбы с аварийностью и промышленным травматизмом в работах советских психотехников.	331
<i>Суворов В. В.</i> Философские произведения предистории психологии – источник психологических идей	340
<i>Тихонова Э. В. А. И.</i> Введенский об основных принципах построения психологической науки	348
<i>Тугайбаева Б. Н.</i> Гендерные идентичности в периоды кардинальных изменений общества	357
<i>Фомин А. Г., Гостев А. А.</i> Многослойная модель личности «Матрешка»: психологические размышления на основе святоотеческих идей.	367
<i>Харитонова Е. В.</i> Психологические особенности идеалов молодого человека в послереволюционной России	376
<i>Холондович Е. Н.</i> Психологическое самочувствие личности в условиях социального кризиса	382

Раздел III

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОБЛЕМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ

<i>Артемуца Н. Г.</i> Влияние естественной окклюзии лица на восприятие психологических характеристик человека.	394
<i>Бандурка Т. Н.</i> Стандартизации личностного опросника на выявление особенностей полимодального восприятия у школьников	401
<i>Барабанщиков В. А., Беспрозванная И. И., Ананьева К. И.</i> Роль личностных особенностей наблюдателя в оценке личностных особенностей натурщика по фотоизображениям его лица	409
<i>Барабанщиков В. А., Королькова О. А., Лободинская Е. А.</i> Оценка эмоциональных экспрессий различной степени четкости.	417
<i>Банщикова Т. Н., Соколовский М. Л.</i> Копинг-стратегии в структуре осознанной саморегуляции: кросскультурные характеристики	423
<i>Блинникова И. В., Измалкова А. И.</i> Паттерны движений глаз в процессе поиска на веб-страницах у рефлексивных и импульсивных испытуемых	432

<i>Богданова И. В., Носуленко В. Н., Самойленко Е. С.</i> Операциональная процедура получения вербализаций при сравнении сложных объектов	441
<i>Бондаренко И. Н., Моросанова В. И.</i> Роль вида обратной связи в саморегуляции достижения целей: рассогласование или скорость	449
<i>Величковский Б. Б.</i> Чувство присутствия как уровневый феномен	459
<i>Головина Г. М., Савченко Т. Н.</i> Экономический и эмоциональный факторы в структуре субъективного качества жизни	468
<i>Жегалло А. В.</i> Опознавание и различение геометрических фигур	477
<i>Измалкова А. И., Блинникова И. В.</i> Когнитивные стратегии и паттерны движений глаз в процессе визуального распознавания и запоминания иностранных слов	484
<i>Лупенко Е. А.</i> Оценка индивидуально-психологических характеристик наблюдателя в задачах социальной перцепции в ситуации опосредованного общения	494
<i>Моросанова В. И.</i> Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека	501
<i>Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Ованесбекова М. Л.</i> Возрастные различия осознанной саморегуляции учебной деятельности	510
<i>Носуленко В. Н., Самойленко Е. С.</i> Воспринимаемое качество городской акустической среды	517
<i>Плохих О. В.</i> Развитие познавательных способностей подростков через реализацию программы формирования информационно-познавательной компетентности	526
<i>Самойленко Е. С., Савченко Т. Н., Корбут А. В.</i> Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения	532
<i>Скотникова И. Г., Желанкин Р. В.</i> Принятие решения при выборе альтернатив поведения: пилотажное сравнение характеристик, полученных у животных и человека	541
<i>Соколовский М. Л., Польченко О. В.</i> Связь копинг-стратегий с саморегуляцией иностранных студентов	551
<i>Титова М. А.</i> Эффективная психологическая саморегуляции функционального состояния как фактор профессиональной успешности преподавателей колледжа разных возрастных групп	559
<i>Фомина Т. Г., Ефтимова О. В.</i> Регуляторные и личностные особенности младших школьников с различным уровнем удовлетворенности школьной жизнью	566

<i>Фомина Е. А., Соломонов В. А.</i> Кросскультурные особенности влияния саморегуляции на механизмы совладающего поведения.	575
<i>Харитонов А. Н., Ананьева К. И., Басюл И. А.</i> Перцептивная категоризация лиц разных рас в индивидуальном и парном эксперименте	582
<i>Хрисанфова Л. А., Сергеева О. М.</i> Оценка индивидуально-психологических характеристик человека по фотографии его лица и по аудиозаписи его голоса	590
<i>Цыганов И. Ю., Бондаренко И. Н.</i> Возрастные различия регуляторных предикторов академических достижений учащихся суворовского училища.	599
<i>Шендяпин В. М., Скотникова И. Г.</i> Анализ содержания понятия уверенности на основе разработанной модели решения сенсорных задач	607
<i>Шпагонова Н. Г., Садов В. А., Петрович Д. Л.</i> Личностные характеристики слухового образа в долговременной памяти.	615
<i>Шунто А. С., Лупенко Е. А.</i> Исследование восприятия лица человека, представленного на фотографическом и портретном изображениях.	623

Раздел IV
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

<i>Абитов И. Р., Акбирова Р. Р., Сибгатуллина Л. Р.</i> Особенности веры в сверхъестественное у студентов гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки	630
<i>Артемова Н. Г., Галкина Т. В.</i> Представления о психологическом здоровье у людей с официальным и неофициальным брачным статусом	638
<i>Богомаз С. А., Атаманова И. В.</i> Оценка восприятия городской и университетской среды через измерение ценностей.	646
<i>Борисова Н. В.</i> Проблема целостности личности в отечественной психологии.	652
<i>Борисова А. М., Воловикова М. И.</i> Исследование представлений россиян о новом государственном празднике.	660
<i>Бочавер А. А., Нартова-Бочавер С. К., Резниченко С. И., Хачатурова М. Р.</i> Образ дома и моральные мотивы обитателей: взаимное влияние	666
<i>Васильченко Н. А., Горбачева А. Ю.</i> Агрессивность продавца как фактор успешных продаж.	674

<i>Воловикова М. И., Галкина Т. В.</i> Проблемы психологического здоровья: современное состояние и перспективы исследования	682
<i>Воловикова М. И., Журавлев А. Л.</i> Проблема соотношения феноменов и понятий «нравственная элита» и «интеллигенция» в современной России.	691
<i>Дементий Л. И.</i> Самоконтроль личности как фактор снижения риска буллинга	699
<i>Журавлёва Н. А.</i> Ценностные факторы отношения личности к деньгам	706
<i>Калугин А. Ю.</i> Варианты смысла жизни: эмпирические свидетельства	714
<i>Карпинский К. В.</i> Историческое происхождение и значение смысложизненного кризиса личности.	721
<i>Коробейникова Я. П.</i> Психологические механизмы продуктивного совладающего поведения личности в состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного и межкультурного взаимодействия.	729
<i>Куликовская Е. А.</i> Рефлексивный уровень самосознания: феномен «чувство вины»	736
<i>Лапкина Е. В.</i> Результаты исследования психологической защиты, совладающего поведения и жизнестойкости курсантов первого–второго курсов	743
<i>Лебедев А. Н.</i> Мотивация и психологические механизмы саморазвития личности	751
<i>Маркина Н. А.</i> Взаимосвязь рефлексивных механизмов личности и типов пищевого поведения	758
<i>Микляева А. В.</i> Социальные ценности инфантильной личности (на примере студенческой молодежи).	764
<i>Мишкевич А. М., Щебетенко С. А.</i> Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory: новые свидетельства	771
<i>Мотков О. И.</i> Природа нашего «Я»	777
<i>Мустафина Л. Ш.</i> Структура и динамика социальных представлений старшеклассников о совести как отражение нравственного сознания в молодежной среде.	785
<i>Погонцева Д. В., Прокопьева А. Е.</i> Принятие дискриминационного поведения по отношению к женщинам с различным этнокультурным оформлением внешнего облика: возрастной аспект	794
<i>Радостева А. Г., Корниченко Д. С.</i> Личностные характеристики женщин с разным опытом материнства	800

<i>Рябикина З. И.</i> Личность как субъект бытия в условиях нарастающих изменений реальности	807
<i>Салихова Н. Р., Ахметова А. С.</i> Социокультурная специфика ценностно-смысловых оснований копинг-стратегий	816
<i>Самойлова И. Г.</i> Осознанность и субъективная витальность у старшекласников, склонных к уединению	826
<i>Соловьева А. В.</i> К вопросу об организации контактного взаимодействия современной молодежи	834
<i>Сунгурова Н. Л.</i> Психологические стратегии сетевого взаимодействия студенческой молодежи.	843
<i>Сухарев А. В., Тимохин В. В., Шапорева А. А., Выдрин Е. А.</i> Фактор мультикультурности и когнитивный компонент адаптации личности	851
<i>Тучина О. Р.</i> Исторический опыт и национальная идентичность личности: субъектный подход	858
<i>Федотова Ж. Э.</i> Факторы выбора стратегий взаимодействия в ситуации неопределенности	865
<i>Хачатурова М. Р., Нартова-Бочавер С. К., Резниченко С. И.</i> Гендерные различия использования домашней среды как ресурса совладающего поведения в юношеском возрасте.	872
<i>Шляпников В. Н.</i> Волевая регуляция подростков-пользователей социальных сетей.	880
<i>Щукина М. А., Зизевская Е. С.</i> Разработка методики психологической диагностики структуры сексизма	888

Раздел V

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА И ПРОБЛЕМЫ АКМЕОЛОГИИ

<i>Бойко О. В.</i> Сказка как основа для формирования нравственного иммунитета личности ребенка	898
<i>Большунова Н. Я., Устинова О. А.</i> Медиация прощения и диалога как основа согласия в межличностном школьном конфликте.	903
<i>Виленская Г. А.</i> Особенности контроля поведения детей младшего школьного возраста	913
<i>Водопьянова Н. Е., Никифоров Г. С., Столярчук Е. А.</i> Интрасубъективные ресурсы жизнестойкости руководителей зрелого возраста	921
<i>Головина Е. В., Мамедова Л. Ю.</i> Особенности понимания и принятия себя и других людьми старшего возраста.	929
<i>Данина М. М., Кисельникова Н. В., Куминская Е. А., Лаврова Е. В., Голзицкая А. А.</i> Разработка методики исследования решения личностных проблем у психотерапевтов.	937

<i>Деветьярова И. Н.</i> Исследование компетенции саморегуляции у подростков с девиантным поведением во внешкольной деятельности.	944
<i>Знаков В. В.</i> Перспективное направление исследований психологии субъекта.	953
<i>Куфтяк Е. В.</i> Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрасте	961
<i>Лебедева Е. И.</i> Понимание ментального мира в дошкольном и младшем школьном возрастах.	970
<i>Маленов А. А., Маленова А. Ю.</i> Потенциальные и актуальные копинг-ресурсы субъектов психологического образования зрелого возраста.	978
<i>Марченко Е. Е.</i> Динамика личностной составляющей субъектной позиции в учении у детей при переходе в пятый класс.	985
<i>Меньшикова Л. В.</i> О внутренних закономерностях в развитии индивидуальности студентов	994
<i>Никитина Е. А.</i> Существует ли гало-эффект привлекательности при решении моральных дилемм?	1002
<i>Николаева Н. О., Мешкова Т. А.</i> Родительские стили матерей и личностная уязвимость дочерей	1009
<i>Самохвалова А. Г., Скрябина О. Б.</i> Коммуникативные трудности подростков, проживающих в мегаполисе, провинции и сельской местности	1016
<i>Сергиенко Е. А., Королева Н. А., Лебедева Е. И., Уланова А. Ю.</i> Соотношение модели психического и символических функций у детей дошкольного возраста.	1025
<i>Силина О. В.</i> Границы «Я» как маркер становления субъектности у детей 2–10 лет.	1034
<i>Скрипник Н. М., Швалева Н. М., Селина Я. М.</i> Психологическая поддержка субъектных проявлений младшего подростка на этапе перехода в среднюю школу	1041
<i>Слепо Ю. Н.</i> Психологическая система учебной деятельности в основном и среднем общем образовании	1049
<i>Уланова А. Ю.</i> Понимание психического мира в нарративах детей дошкольного возраста.	1058
<i>Хазова С. А., Бардашевич Е. М.</i> Ресурсная роль Я-концепции в совладающем поведении подростков.	1064
<i>Шмелева Е. А., Кисляков П. А.</i> Фундаментальные акмеологические основания развития инновационного потенциала субъекта педагогической деятельности.	1072
<i>Эйдельман А. Б.</i> Динамика психологического благополучия зависимых от психоактивных веществ в процессе реабилитации.	1080

<i>Эйдельман Г. Н.</i> Субъектные характеристики как предиктор психологического благополучия современной молодежи на этапе самоопределения	1089
<i>Юсупов М. Г.</i> Феноменологические особенности познавательных состояний субъекта	1098

Раздел VI

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ СПОСОБНОСТЕЙ, МЕНТАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ, ИНТЕЛЛЕКТА И ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

<i>Алексеева Е. М.</i> Особенности ментальной репрезентации психического состояния неуверенности	1108
<i>Арпентьева М. Р.</i> Проблемы современной психологии метапознания .	1115
<i>Артищева Л. В.</i> Взаимосвязь структуры интеллекта и ментальных репрезентаций психических состояний.	1121
<i>Будрина Е. Г.</i> Особенности когнитивных стилей импульсивность/рефлексивность и полезависимость/полнезависимость в младшем школьном возрасте	1129
<i>Волкова Е. В., Русалов В. М., Дудникова Т. А.</i> Когнитивные стили в структуре индивидуальности в период ранней взрослости . .	1137
<i>Волкова Н. Э.</i> Роль понятийных способностей как фактора совладающего поведения.	1145
<i>Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А.</i> Гиперболическое распределение и способы статистического анализа данных в психологических исследованиях творчества и искусства	1152
<i>Губенко А. В.</i> О механизмах семантических трансформаций на интуитивном этапе креативного мышления	1160
<i>Дегтярев С. Н.</i> Выявление предметно-специфического креативного потенциала учащихся средствами учебного предмета.	1168
<i>Дорфман Л. Я., Челнокова А. В.</i> Мотивы достижения как медиаторы между Я-концепцией и дивергентным мышлением	1176
<i>Еремينا Л. И.</i> Исследование групповой креативности студентов. . .	1183
<i>Кибальченко И. А., Плаксиенко А. И.</i> Особенности ментальных репрезентаций страхов у студентов с разной самооценкой. . . .	1191
<i>Князева Т. С.</i> Интеллект, музыкальная практика и концептуализация музыкального смысла	1198
<i>Кузьмина Е. И.</i> Свободный ум: ретроспективный и проспективный анализ	1206
<i>Маховская О. И., Марченко Ф. О.</i> Воздействия экранных технологий на развитие детей из различных социальных групп	1216
<i>Ожиганова Г. В.</i> Рефлексивные способности и древние психопрактики	1223

<i>Осаволок Е. Ю.</i> Связь когнитивной флексибельности личности с формально-динамическими свойствами индивидуальности . . .	1230
<i>Пляскина А. С., Поддьяков А. Н.</i> Роль эмоционального интеллекта во взаимодействии мышления и эмоций личности при решении моральных дилемм: постановка проблемы	1237
<i>Прохоров А. О.</i> Ментальные репрезентации психических состояний: характеристики образа	1243
<i>Ребеко Т. А.</i> Выбор формы занятий фитнесом как индикатор репрезентации телесного Я	1251
<i>Сабатош П. А.</i> Функция эстетических переживаний в познавательной деятельности	1258
<i>Толочек В. А.</i> «Задатки – способности – ресурсы» в детерминации социальной успешности человека	1265
<i>Холодная М. А.</i> Могут ли высокие показатели IQ свидетельствовать о дефиците индивидуального интеллектуального ресурса?	1273

Раздел VII
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ РЕЧИ
И ДИСКУРСА

<i>Алексеев К. И.</i> Метафоры научного психологического дискурса	1282
<i>Афиногенова В. А., Павлова Н. Д.</i> Организация повседневного студенческого дискурса	1290
<i>Воронин А. Н.</i> Дискурсивные способности и когнитивный ресурс как факторы разнообразия межличностного общения	1298
<i>Воронин А. Н., Рафикова А. С.</i> Психологические проблемы искусственного билингвизма	1306
<i>Зачесова И. А.</i> Интенциональные характеристики городской среды мегаполиса	1314
<i>Кубрак Т. А.</i> Социокультурные аспекты информационно-психологической безопасности в кинодискурсе	1321
<i>Лаппо М. А.</i> Дискурс самоактуализирующейся/виктимной личности (на материале текстов автобиографического характера)	1328
<i>Латынов В. В.</i> Метод виньеток в исследовании межличностного дискурса	1337
<i>Латынов В. В.</i> Эффекты и закономерности психологического воздействия массмедийного дискурса	1346
<i>Медведева Д. С., Хотинец В. Ю., Вяткин Б. А.</i> Неравновесность интеграции и дифференциации речемыслительных функций у детей-билингвов в период после дошкольного возраста	1354
<i>Морозов В. П.</i> Голоса мастеров сценического искусства в экспериментальных исследованиях	1362

<i>Морозов П. В.</i> Оценка искренности/неискренности речи представителей художественных и мыслительных профессий .	1371
<i>Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.</i> Интенциональный паттерн как единица изучения взаимодействия собеседников	1378
<i>Цепцов В. А.</i> Экстремальные переговоры: проблема экспериментального исследования дискурсивных и когнитивных компонентов.	1386

Раздел VIII

ПСИХОЛОГИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА: СИМПТОМАТИКА И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

<i>Бердичевский А. А., Падун М. А.</i> Комплексная психическая травма у бездомных лиц.	1394
<i>Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.</i> Связь интенсивности переживания террористической угрозы с отношением к новостным сообщениям о терактах	1402
<i>Головей Л. А., Стрижицкая О. Ю.</i> Восприятие стрессоров повседневной жизни: половой и возрастной аспекты	1410
<i>Дымова Е. Н.</i> Психологическое благополучие и посттравматический стресс в трудной жизненной ситуации .	1418
<i>Лебедева Т. Г., Солнцева Н. В.</i> Факторы, определяющие отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия	1425
<i>Михайлова Н. Ф.</i> Повседневный стресс и копинг в неполных семьях слепых и слабовидящих подростков	1433
<i>Нартова-Бочавер С. К.</i> Диспозициональная суверенность и моральные мотивы в юношеском возрасте	1442
<i>Одинцова М. А.</i> Жизнестойкий и виктимный стили преодоления травматического жизненного события наркозависимыми и безработными	1449
<i>Падун М. А., Зелянина А. Н.</i> Стратегии регуляции эмоций и эмоциональные состояния: кросскультурные аспекты	1458
<i>Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е.</i> Повседневный и травматический стресс: современные направления исследований	1468
<i>Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.</i> Экономические лишения и психологические последствия их влияния на человека	1476
<i>Чуракова И. Е.</i> Особенности психоэмоциональной сферы пострадавших от секс-треффинга	1485
<i>Шапиро С. В.</i> Трихотилломания как проявление стрессового состояния	1493

Раздел IX
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

<i>Арсалиду М., Мартынова О. В., Котова Т. Н.</i> Параметрические измерения емкости ментального внимания	1500
<i>Бахчина А. В., Александров Ю. И.</i> Дедифференциация системного обеспечения поведения в начале научения	1508
<i>Безденежных Б. Н.</i> Метод выявления одноименных электрических потенциалов мозга, связанных с выполнением разных по сложности задач	1516
<i>Галиакберова И. Л.</i> Нейропсихологический аспект исследования жизнеспособности молодежного населения региона экологического и социального неблагополучия (на примере студентов Забайкальского края)	1524
<i>Горкин А. Г.</i> Некоторые особенности структуры индивидуального опыта, выявляемые по активности специализированных нейронов	1531
<i>Греченко Т. Н., Харитонов А. Н., Жегалло А. В.</i> Электрические осцилляции у растений	1538
<i>Забродина Т. А., Сорокин А. С.</i> Сенсорная чувствительность у людей с хроническими заболеваниями	1545
<i>Исайчев С. А., Черноризов А. М., Адамович Т. В., Гудков В. Н.</i> Психофизиологические индикаторы динамики эмоциональных состояний в процессе социально-психологического тестирования межэтнических и межконфессиональных установок	1549
<i>Клочкова О. И., Погорелова И. В., Старцева М. С., Воробьева Е. Ю., Рыбченко А. А., Шабанов Г. А.</i> Возрастная динамика активности мозга в диапазоне медленных волн при интеллектуальной работе за компьютером	1557
<i>Ковалёв А. И.</i> Микроструктурный анализ движений глаз как метод изучения динамики протекания иллюзии движения собственного тела	1566
<i>Крылов А. К.</i> Недизъюнктивность мышления, по А. В. Брушлинскому, как временная дедифференциация	1575
<i>Кузина Е. А., Александров Ю. И.</i> Многократное повторение инструментального поведения и реорганизация его мозгового обеспечения	1583
<i>Москвин В. А., Москвина Н. В. Б. Ф. Ломов</i> и современные психофизиологические исследования проблемы волевой регуляции в спорте	1592

<i>Палихова Т. А.</i> Гипотеза пресинаптического ожидания	1600
<i>Сварник О. Е.</i> Закономерности реактивации памяти.	1605
<i>Сулейманов Р. Ф.</i> Функциональная асимметрия полушарий головного мозга и восприятие музыкальных произведений разных жанров	1610
<i>Хлудова Л. К.</i> Молекулярная психофизиология: внутриклеточное исследование пластичности.	1617
<i>Черноризов А. М., Девишвили В. М., Исайчев С. А., Назаров К. С.</i> Перспективные направления в изучении движений и сенсомоторной координации: фундаментальные проблемы и прикладные аспекты	1625
<i>Чистова Ю. Р., Ивлиева Н. П., Горкин А. Г., Александров Ю. И.</i> Динамика индивидуального опыта, связанная невозможностью инструментальной реализации субъективно значимого поведения	1633
<i>Яценко М. В.</i> Влияние цветовой фотостимуляции на показатели умственной работоспособности в условиях физической нагрузки	1641

Раздел X

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЕЕ ОТРАСЛИ

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Айсина Р. М.</i> Социально-психологическая адаптация российских дауншифтеров	1648
<i>Басимов М. М., Падурина Е. А.</i> Нелинейная природа позитивных чувств к супругу как родителю	1656
<i>Голынчик Е. О., Гудкова Н. Н.</i> Социальные представления молодежи об измене в романтических отношениях	1664
<i>Колосова В. В.</i> Ценностные компоненты профессионального самосознания (на примере студентов-психологов)	1672
<i>Кочеткова Т. Н.</i> Психологические особенности Я-концепции бездомного человека	1680
<i>Куликов Л. В., Петрова Д. К.</i> Эмоционально-чувственные характеристики взаимоотношений свекрови и невестки	1686
<i>Лабунская В. А.</i> Современная психология внешнего облика сквозь призму идей А. А. Бодалева	1693
<i>Лусто И. И., Ясева Н. Ю.</i> Система работы с детьми из аддитивных семей в учреждениях образования.	1701
<i>Мешкова Н. В.</i> К вопросу о социальной креативности и методах ее диагностики	1708

<i>Поддубный С. Е., Эгамбердиева Е. В., Панкова Т. С.</i> Индивидуально-психологические детерминанты статусно-ролевых позиций личности в системе внутригрупповых межличностных отношений (на примере коллектива сотрудников ДООУ)	1715
<i>Павлова П. С., Малышева Н. Г., Лунякова Е. Г.</i> Особенности зрительного восприятия студентами лиц людей с различным типом гендерной самопрезентации	1723
<i>Решетко С. А.</i> Типы психологического отношения к табакокурению среди некурящих студентов московских вузов	1733
<i>Романовская М. А.</i> Взаимосвязь ценностных ориентаций и представлений о ребенке у матерей из семей с наемным работником (няней)	1740
<i>Смирнова Э. В.</i> Опыт изучения социально-психологических детерминант внутренней картины здоровья.	1748
<i>Филатова Л. Э.</i> Динамика коммуникативной компетентности студентов-музыкантов	1756
<i>Шкурко Т. А., Лабунская В. А.</i> Динамика отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста	1762

Глава 2

ПСИХОЛОГИЯ ГРУППЫ И МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Альперович В. Д.</i> Метафорические представления взрослых, различающихся стратификационными характеристиками, о «своих» и «чужих» людях с разным этнокультурным внешним обликом	1770
<i>Балева М. В.</i> Функциональная дихотомия социальной перцепции Другого: постановка проблемы и состояние исследований	1778
<i>Гайдар К. М.</i> Этапы развития группового субъекта: типологический подход	1787
<i>Гридяева Л. Н., Клепач Ю. В.</i> Возрастные особенности мотивации социометрического выбора в группе сверстников.	1795
<i>Дроздова И. И., Лабунская В. А.</i> Влияние оценок внешнего облика на «деловой» и «эмоциональный» статус студентов в группе.	1801
<i>Дука А. И.</i> Социальное обучение как условие развития групповой надежности инкассаторов	1809
<i>Елизаров С. Г.</i> «Авансированное доверие» как социально-психологический механизм мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы	1815
<i>Зуев К. Б., Нестик Т. А.</i> Библиометрический анализ основных показателей публикаций по теме «Психология» в наукометрической базе Web of Science core collection	1822

<i>Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.</i> Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов	1830
<i>Кружкова О. В., Девятковская И. В.</i> Психологические аспекты выделения эмоциональной основы организационного вандализма	1839
<i>Липатов С. А.</i> Включенность работников в организацию: социально-психологический подход	1847
<i>Логвинов И. Н., Сарычев С. В.</i> Влияние пола на структуру ценностных ориентаций молодежных лидеров юношеского возраста	1856
<i>Нестик Т. А.</i> Социально-психологические факторы долгосрочной ориентации научного сообщества	1867
<i>Третьякова В. Э.</i> Проявления субъектных свойств группы в принятии совместных решений (на примере производственных коллективов)	1878
<i>Флоровский С. Ю.</i> Личностно-диспозиционные факторы эффективности совместной управленческой деятельности	1887
<i>Ширков Ю. Э.</i> Темпоральная организация групповой динамики эвристической сессии	1896

Глава 3

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Арпентьева М. Р.</i> Модель «глубинной демократии» в осмыслении проблем взаимодействия человека и организации	1904
<i>Войтенко М. Ю.</i> Представления о городе проживания в разных группах москвичей.	1912
<i>Воробьева И. В., Кружкова О. В.</i> Молодежный вандализм как реакция на информационные вызовы современной городской среды: постановка проблемы.	1920
<i>Дробышева Т. В.</i> Социально-психологический анализ подходов к дифференциации поколений: психологические ресурсы	1927
<i>Дробышева Т. В., Журавлёв А. Л.</i> К истории становления отечественной социальной психологии города: основные этапы и направления исследований	1934
<i>Емельянова Т. П.</i> Память детства: особенности воспоминаний поколения «детей войны».	1943
<i>Жукова М. О., Баранова В. А.</i> Образ России XX века у россиян разных возрастных групп.	1950
<i>Зинченко Ю. П., Шайгерова Л. А., Шилко Р. С.</i> Субъективное благополучие как основа социальной стабильности в обществе высокого культурного разнообразия	1958

Зубакин М. В. Воздействие финала фильма ужасов на когнитивную и аффективную сферу зрителей	1967
Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Поколение эгоистичных конформистов: современные тенденции социализации молодежи	1974
Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юревич А. В. Коррупция в предметном поле психологических исследований	1981
Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Большие социальные группы как мишени информационных войн: уязвимость и ресурс сопротивления	1990
Лисова Е. Н. Проблема террористической виктимности: культурно-специфический аспект	1997
Литвина С. А., Муравьева О. И., Богомаз С. А., Кружкова О. В. Психологические основания идентичности с городом современной молодежи российских городов	2003
Матвеева Л. В., Позерт А. Е. Гендерный фактор в коммуникативном дискурсе в сети Интернет	2011
Михеев Е. А., Нестик Т. А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований	2021
Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология отношения человека к глобальным рискам: состояние и перспективы исследований.	2031
Нестик Т. А., Патраков Э. В., Самекин А. С. Психология отношения человека к новым технологиям: состояние и перспективы исследований	2041
Оболенская А. Г. Среда большого города как фактор, детерминирующий вандальное поведение	2051
Семёнов В. Е. Изменения в ценностях российской молодежи.	2058
Соснин В. А. Психология конфликта как направление исследований в социальной психологии: история и современные тенденции	2065
Соснин В. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Социально-психологические аспекты исследования геополитической стабильности	2074
Харитоновна Е. В. Представление о коллективных переживаниях и чувствах в работах отечественных ученых.	2085
Юревич А. В., Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики	2091

Глава 4

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Жалагина Т. А. Основные характеристики психологического состояния российского общества в период экономического кризиса.	2101
---	------

<i>Журавлёв А. Л., Позняков В. П.</i> Экономические реформы и социально-психологическая динамика	2109
<i>Карнышев А. Д.</i> Экономический патриотизм: сущность и межкультурные особенности с позиции психологии	2119
<i>Мурзина Ю. С.</i> Психология семейного бизнеса как драйвер развития предпринимательства в России: поиск исторических параллелей и направления будущих исследований	2127
<i>Позняков В. П., Журавлёв А. Л.</i> Социальная психология российского предпринимательства – актуальное направление современной психологии	2135
<i>Тимофеев Д. И., Нестик Т. А.</i> Психология стратегического управления: анализ зарубежных исследований	2144

Раздел XI

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА, ЭРГОНОМИКИ, ИНЖЕНЕРНОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 1

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Абдуллаева М. М., Коновалова О. С.</i> Психосемантические особенности профессионально значимых объектов как показатели выгорания врачей	2154
<i>Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Понамарева Е. А., Рунец О. В.</i> Ценностно-смысловые ориентации у социальных воспитателей	2163
<i>Винокуров Л. В., Кожина А. А.</i> Феноменология общения и отчуждение от работы	2173
<i>Дерягина Л. Е., Булимова А. А.</i> Мотивационный профиль курсантов-психологов вуза МВД России как предиктор эффективности деятельности	2179
<i>Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Лим В. С., Костенко Е. В.</i> Исследование стратегий преодоления стресса у летчиков	2185
<i>Караванова Л. Ж.</i> Со-бытийная сущность профессиональной подготовки специалистов	2194
<i>Криулина А. А.</i> Психологические формулы и их роль в процессе профессионального самопознания педагогов	2203
<i>Кузнецова А. С., Лузянина М. С.</i> Психология отдыха современного профессионала: актуальные направления исследований и перспективы развития	2211
<i>Леонова Е. В.</i> Составляющие психологической готовности инженера к инновационной деятельности	2219

<i>Ловков С. Г., Гапонова С. А., Майорова И. А.</i> Эмоциональное выгорание и особенности ценностно-мотивационной сферы представителей социономических профессий	2227
<i>Минасян Г. Г., Канахин Д. И.</i> Связь результативности инновационной и рутинной бизнес-деятельности.	2235
<i>Наличаева С. А.</i> Профессиональная мотивация педагогов в структуре личностного самоактуализационного потенциала	2243
<i>Прохорова М. В.</i> Особенности мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин: содержательный аспект	2249
<i>Разина Т. В.</i> Временная (диахроническая) система мотивации научной деятельности, обусловленная встроением метасистемным уровнем.	2257
<i>Толочек В. А., Гаришвили Л. Ш.</i> «Измерения» профессиональной пригодности субъекта как предмет исследования.	2266
<i>Худякова Т. Л., Севрюкова А. Н.</i> Оценка и развитие профессиональных компетенций психологов сферы образования	2274

Глава 2

ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЭРГНОМИКА

<i>Акимова А. Ю.</i> Опросник для оценки доверия и недоверия технике (для машинистов локомотивов железнодорожного транспорта)	2281
<i>Баканов А. С.</i> Визуализация ранжирования критериев субъектом в процессе профессиональной деятельности.	2289
<i>Бессонова Ю. В., Петрович Д. Л., Обознов А. А., Алмаев Н. А., Мурашева О. В.</i> Окуломоторные маркеры искажения информации	2295
<i>Бочкарева Е. Н.</i> Развитие эмоционального интеллекта операторов контактного центра.	2306
<i>Васильева И. И.</i> Интеграция разделенного (коллективного) субъекта как условие его безопасности и надежности	2313
<i>Горюнова Л. Н., Водопьянова Н. Е., Федоров С. И.</i> Баланс автономии и интеграции в профессиональном становлении оперативных руководителей потенциально опасных производств.	2321
<i>Гузий А. Г., Мишин А. В., Майорова Ю. А.</i> Качество расследования авиационных инцидентов и организационные меры авиапредприятия по его повышению	2329
<i>Кожанова И. В.</i> Принципы инженерно-психологического проектирования автоматизированных информационных систем.	2337

<i>Майорова Ю. А.</i> Аппарат экспертного анализа в процедурах управления состоянием сложных динамических систем.	2344
<i>Майорова Ю. А., Фокин А. В.</i> Методологический подход к решению управленческой дилеммы коммерческой авиации «безопасность–стоимость»	2352
<i>Макарова О. А., Фукин А. И.</i> Психоэмоциональная устойчивость и адаптивный потенциал как необходимые слагаемые успешности деятельности операторов химического производства.	2358
<i>Обознов А. А., Бессонова Ю. В.</i> Психологическое благополучие или психологическая безопасность – две стороны одной монеты? . .	2367
<i>Обознов А. А.</i> Некоторые актуальные и перспективные направления развития отечественной эргономики	2377
<i>Сергеев С. Ф.</i> Парадигмы инженерного и профессионального образования в эволюционирующем техногенном мире.	2384
<i>Тимашкова Н. А., Журавлева Н. И., Денисова В. Г.</i> Динамика актуализации ресурсов в процессах становления профессионала	2393
<i>Чернецкая Е. Д.</i> Типы структурной организации концептуальных моделей у ведущих инженеров по управлению ядерным реактором	2401

Глава 3

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ: АДАПТАЦИЯ, РЕСУРСЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Александрова О. Е.</i> Особенности влияния внешних и внутренних факторов на жизнеспособность эмигрантов	2408
<i>Берилова Е. И.</i> Личностные ресурсы преодоления психического выгорания у девушек-футболисток	2414
<i>Бражникова А. Н.</i> Самооценка будущих профессионалов как фактор нравственного и профессионального становления личности	2420
<i>Забегалина С. В.</i> Жизнеспособность личности субъекта деятельности.	2428
<i>Котовская С. В.</i> Способ определения уровня жизнеспособности у представителей трудных профессий	2436
<i>Лактионова А. И.</i> Смысловые образования как «ключевой ресурс» жизнеспособности	2444
<i>Лотарева Т. Ю.</i> Социальная поддержка жизнеспособности профессионалов сферы защиты прав детей-сирот	2452
<i>Махнач А. В., Дикая Л. Г.</i> Актуальность изучения жизнеспособности: человека, семьи, общества	2460

<i>Нестерова А. А.</i> Потребностно-мотивационный и регуляторный компоненты жизнеспособности безработной молодежи	2468
<i>Ощепков А. А.</i> Роль жизнеспособности в формировании ценностно-мотивационной сферы у молодежи, склонной к девиантному поведению.	2475
<i>Паатова М. Э.</i> Формирование социально-личностной жизнеспособности у детей с ограниченными возможностями здоровья	2481
<i>Плющева О. А.</i> Жизнеспособность специалистов помогающих профессий: субъективное представление о факторах профессионального риска и защитных факторах.	2490
<i>Постылякова Ю. В.</i> Перспективы изучения жизнеспособности образовательной среды	2498
<i>Рут Е. И., Березовская Р. А.</i> Критерии профессионального благополучия: анализ социальных представлений	2506
<i>Рыльская Е. А.</i> Актуальные проблемы жизнеспособности и конкурентоспособности человека в современном обществе . .	2514
<i>Сапрыкина Ю. А.</i> Особенности саморегуляции специалистов социномических профессий в стрессогенных условиях деятельности.	2522
<i>Сараева Н. М., Суханов А. А.</i> Энергетический фактор психологической адаптации человека как интегральный показатель его жизнеспособности в экологически неблагоприятной жизненной среде.	2529
<i>Тарасова Е. В.</i> Профессионально важные качества личности психологов-консультантов как составляющие их жизнеспособности	2536
<i>Шубникова Е. Г.</i> Формирование структурных компонентов жизнеспособности личности в педагогической превенции зависимого поведения подростков	2543

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Алдашева А. А., Рунец О. В.</i> Доверие профессионала к себе в помогающих профессиях социномического типа	2551
<i>Вольвич Ю. К.</i> Специфика переживания организационного стресса субъектами разных профессиональных, должностных и социально-демографических сегментов	2560
<i>Емельянова Т. П., Викентьева Е. Н.</i> Опыт исследования внутреннего имиджа организации: методический прием.	2568
<i>Ермолаева Е. П.</i> Современные тенденции динамики профессиональной идентичности	2576

<i>Журавлёв А. Л., Занковский А. Н.</i> Современная организационная психология: основные тенденции развития	2585
<i>Занковский А. Н., Журавлёв А. Л.</i> Психология виртуальной организации: основные проблемы исследования	2594
<i>Захарова Л. Н., Власкин В. Ю., Орлова О. М.</i> Профориентационная социализация как обновленная парадигма социально-психологической подготовки к трудовой деятельности	2603
<i>Ключева О. А.</i> Типология конкурентного поведения в профессиональной деятельности	2612
<i>Корнеева Я. А., Симонова Н. Н., Тюлюбаева Т. О.</i> Модель психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний при вахтовой организации труда в условиях Арктики.	2620
<i>Котлярова Л. Н.</i> Мотивационный потенциал персонала в период подготовки предприятия к выводу из эксплуатации.	2629
<i>Леонова А. Б., Будилина Н. А.</i> Организационный контекст анализа феномена «вовлеченность в работу» у представителей современных видов труда	2635
<i>Маничев С. А., Старикова М. В.</i> Профессиональный контекст трудовой деятельности.	2645
<i>Марусанова Г. И., Барабанщикова В. В.</i> Особенности первичного этапа адаптации опросника «Новая шкала активной прокрастинации»	2653
<i>Остроушко М. Г.</i> К проблеме психологических аспектов управленческой компетентности врача-руководителя «линейного» уровня	2659
<i>Сидоренков А. В.</i> Субъективные показатели производственно-экономической и социально-психологической эффективности производственных групп	2667
<i>Харитонова Ев. В.</i> Основные стратегии достижения личностью социально-профессиональной востребованности	2675
<i>Хотинец В. Ю., Кожевникова О. В.</i> Организационная логика в региональном контексте	2681
<i>Ясько Б. А.</i> Профессиональный оптимизм: размышления о понятии и психологических маркерах	2689
Алфавитный список авторов.	2698

Раздел XII ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

<i>А. Л. Журавлёв, Н. В. Тарабрина, Л. А. Головей.</i> Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность	2700
---	------

Современные тенденции развития отечественной психологической науки

В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев

Включенные в сборник научных трудов работы представляют достаточно репрезентативный срез основных направлений и тенденций развития современной отечественной психологической науки. Об этом свидетельствует широта рассматриваемых отраслей психологии и научных проблем, разнообразие тематики научных исследований, представленность как фундаментальных, так и прикладных направлений психологии.

Проблемологический анализ материалов, содержащихся в статьях, позволяет выделить *главные тенденции*, характерные для развития психологии начала XXI столетия.

Во-первых, большое внимание уделяется рассмотрению *проблем методологии психологии*, что обусловлено необходимостью ее самоопределения в контексте новых социальных условий развития психологической науки, изменения научной политики государства, форм социальной поддержки науки, прежде всего, фундаментальных научных исследований.

В фокусе внимания исследователей – обсуждение *предмета психологии* в его связи с философией психологии, *природы эмпирической реальности мира человека и функций психики*, рассмотрение *основных методологических подходов и принципов психологии* в исследовании разных психологических феноменов – системного, комплексного системно-деятельностного, субъектного, междисциплинарного, поликонтекстного, метакогнитивного подходов, принципа историзма и развития, проблемы интеграции психологического знания.

Особо следует отметить работы, направленные на *рефлексию современного состояния психологической науки и перспектив ее развития*: обоснование непродуктивности использования индекса цитирования научных публикаций как основного показателя эф-

фективности научной деятельности; выявление социально-психологических факторов долгосрочной ориентации научного сообщества; библиометрический анализ основных показателей публикаций по теме «Психология» в наукометрической базе Web of Science core collection; «цифровая» революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики.

Во-вторых, материалы книги подтверждают ранее выявленную закономерность, согласно которой обострение интереса к истории – это «функция переломного периода» (Н. А. Бердяев). Эта закономерность проявляется и в сфере науки: историческая рефлексия сегодня занимает значительное место в структуре научного психологического знания, что нашло отражение в данной книге, где большое число работ посвящено рассмотрению *проблем истории психологии*. Предметом исследования авторов выступают взгляды известных отечественных авторов дореволюционного и советского периодов – А. И. Введенского, С. Л. Франка, Б. Ф. Ломова (в частности, влияние его идей на болгарскую психологию), Е. В. Шороховой, Я. А. Пономарева, Г. А. Балла; история Петербургской психологической школы; становление отечественной экспериментальной психологии и вклад ее создателей в формирование психологии как отрасли научного знания; история разработки проблем и направлений психологии – проблемы сознания, первого опыта психофизиологических исследований человека в условиях воздушного полета, вопросов борьбы с аварийностью и промышленным травматизмом в работах советских психотехников, участия Института психологии АН СССР в становлении социально-психологической службы промышленного предприятия в 1970–1980-х годах и др.

Особой областью историко-психологической рефлексии является рассмотрение психологических явлений (психологии личности и социальных групп) в контексте конкретного исторического времени: в прошлом, в периоды кардинальных перемен в жизни общества и в сознании народа. Отрадно, что *историческая психология* в нашей стране за последние несколько десятилетий существенно окрепла и сегодня демонстрирует тенденцию к превращению в самостоятельную, институционально оформленную отрасль психологического знания. В представленных в данной книге статьях рассматривается широкий спектр проблем исторической психологии: метаисторические аспекты исторической психологии в изучении менталитета; психосемантическое исследование восприятия образа человека различных эпох на материале произведений искусства; проблема метода в исследовании гениальной личности художника прошлого; идеалы российской молодежи в переломные перио-

ды в развитии общества – в постсоветской России и в послереволюционные годы; историческая память: представления о 1990-х годах российской истории; духовный мир русского крестьянства дореволюционного периода; гендерные идентичности в периоды кардинальных изменений общества и др.

В-третьих, четко проявляется возрастание ориентации научных исследований на разработку актуальных социально значимых проблем, отвечающих запросам времени: связь интенсивности переживания террористической угрозы с отношением к новостным сообщениям о терактах; коррупция в предметном поле психологических исследований; большие социальные группы как «мишени» информационных войн; психология отношения человека к глобальным рискам и к новым технологиям; культурно-специфический аспект проблемы террористической виктимности; социально-психологические аспекты исследования геополитической стабильности; субъективное благополучие как основа социальной стабильности в обществе высокого культурного разнообразия и др.

В-четвертых, гуманистическая функция психологии ярко проявляется в исследовании комплекса психологических проблем, направленных на обеспечение психологического благополучия жизнедеятельности человека в постоянно усложняющихся условиях современного мира.

К ним, прежде всего, относятся следующие.

- 1. Исследование посттравматического стресса, его симптоматики и путей преодоления: выявление особенностей повседневного и травматического стресса; раскрытие полового и возрастного аспектов восприятия стрессоров повседневной жизни; рассмотрение посттравматического стресса как следствия трудной жизненной ситуации, включая психологические последствия экономических лишений; изучение повседневного стресса и копинга в неполных семьях слепых и слабовидящих подростков, проявлений психологической травмы и путей ее преодоления у бездомных, наркозависимых и безработных, людей, пострадавших от секс-треффикинга, детей, подвергшихся сексуальному насилию.*
- 2. Разработка проблем психологического здоровья человека, его социально-психологического самочувствия, субъективного качества жизни.*
- 3. Исследование проблем жизнеспособности человека в современном мире: особенностей влияния внешних и внутренних факторов на жизнеспособность эмигрантов; жизнеспособности личности субъекта деятельности; уровня жизнеспособности у представи-*

телей трудных профессий; смысловых образований как «ключевого ресурса» жизнеспособности; потребностно-мотивационного и регуляторного компонента жизнеспособности безработной молодежи; роли жизнеспособности в формировании ценностно-мотивационной сферы у молодежи, склонной к девиантному поведению; формирования социально-личностной жизнеспособности у детей с ограниченными возможностями здоровья; актуальных проблем жизнеспособности и конкурентоспособности человека в современном обществе; особенностей саморегуляции специалистов социомических профессий в стрессогенных условиях деятельности; энергетического фактора психологической адаптации человека как интегрального показателя его жизнеспособности в экологически неблагоприятной жизненной среде и др.

В-пятых, по-прежнему центральное место в структуре психологической науки занимают фундаментальные психологические исследования, касающиеся, прежде всего, рассмотрения познавательных, регулятивных и коммуникативных функций (компонентов) психики.

В работах по общей психологии они представлены исследованиями, посвященными изучению различных *познавательных процессов* – восприятия и оценки объектов разной сложности: человеческого лица и личностных характеристик наблюдаемого субъекта, эмоциональной экспрессии различной степени четкости, процессов вербализации при сравнении сложных объектов, опознания и различения геометрических фигур, качественных характеристик городской акустической среды. Рассматриваются когнитивные стратегии и паттерны движений глаз в процессе визуального распознавания и запоминания иностранных слов, процессы принятия решения при выборе альтернатив поведения у животных и человека, личностные характеристики слухового образа в долговременной памяти и др.

Предметом исследования выступают *осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека*, особенности ее проявления в учебной деятельности школьников разного возраста и различной удовлетворенности школьной жизнью, учащихся суворовских училищ, студентов, преподавателей колледжа, кросс-культурные особенности влияния саморегуляции на механизмы совладающего поведения, роль вида обратной связи в саморегуляции достижения целей и др.

Коммуникативные аспекты психического рассматриваются в русле исследования психологии речи и психологического дискурса – научного, студенческого, межличностного, массмедийного –

в условиях экстремальных переговоров, выявления интенционального паттерна при изучении взаимодействия собеседников и т. д.

Базовым основанием психических явлений выступают *психофизиологические процессы*, традиционно глубоко исследуемые в отечественной психологии. В книге они представлены широким спектром разработок, касающихся изучения нейрональных основ формирования поведения животных, раскрытия психофизиологических коррелятов сенсорной чувствительности, восприятия, внимания, памяти, эмоциональных состояний, волевой регуляции, движений и сенсомоторной координации, мозгового обеспечения решения задач и т. д.

В-шестых, с позиций антропологического и системного подходов исходным конструктом, объединяющим всю совокупность психических явлений, природно и социально обусловленных, является человек как *целостная индивидуальность*, сложное, иерархически организованное образование, включающее ряд уровней: индивидуальный, личностный, субъектный.

В данной работе рассматривается круг проблем, касающихся разных структурных психологических уровней человека и его развития:

- *ментальных ресурсов и интеллекта* (взаимосвязь структуры интеллекта и ментальных репрезентаций психических состояний; когнитивные стили в структуре индивидуальности в младшем возрасте и в период ранней взрослости; роль эмоционального интеллекта во взаимодействии мышления и эмоций личности при решении моральных дилемм; связь показателей IQ и уровня индивидуального интеллектуального ресурса и т. д.);
- *психологии способностей и творчества* (роль понятийных способностей как фактора совладающего поведения; механизмы семантических трансформаций на интуитивном этапе креативного мышления; выявление предметно-специфического креативного потенциала учащихся средствами учебного предмета; исследование групповой креативности студентов; «задатки–способности–ресурсы» в детерминации социальной успешности человека и др.);
- *психологии личности* (проблема целостности личности в отечественной психологии; особенности веры в сверхъестественное у людей разной профессиональной ориентации; самоконтроль личности как фактор снижения риска буллинга; ценностные факторы отношения личности к деньгам; варианты смыслов жизни; историческое происхождение и значение смысложизненного кризиса личности; феномен «чувства вины»; мотивация и психологические механизмы саморазвития личности; структура

и динамика социальных представлений молодежи о совести; личность как субъект бытия в условиях нарастающих изменений реальности; социокультурная специфика ценностно-смысловых оснований копинг-стратегий; проблема соотношения феноменов и понятий «нравственная элита» и «интеллигенция» в современной России и др.);

- *психологии субъекта* (перспективное направление исследований психологии субъекта; границы «Я» как маркер становления субъектности детей 2–10 лет; субъектные проявления младшего подростка на этапе перехода в среднюю школу; акмеологические основания развития инновационного потенциала субъекта педагогической деятельности; субъектные характеристики как предиктор психологического благополучия современной молодежи на этапе самоопределения);
- *психологии развития* (соотношение модели психического и символических функций у детей дошкольного возраста; понимание психического мира в нарративах детей дошкольного возраста; сказка как основа для формирования нравственного иммунитета личности ребенка; особенности контроля поведения детей младшего школьного возраста; понимание ментального мира в дошкольном и младшем школьном возрасте; коммуникативные трудности подростков, проживающих в мегаполисе, провинции и сельской местности; исследование компетенции саморегуляции подростков с девиантным поведением во внешней деятельности; жизнестойкость в подростковом и юношеском возрасте; интрасубъективные ресурсы жизнестойкости руководителей зрелого возраста; потенциальные и актуальные копинг-ресурсы субъектов психологического образования зрелого возраста; особенности понимания и принятия себя и других людьми старшего возраста и др.).

В-седьмых, обнаруживается усиливающийся интерес к социально-психологической проблематике, что является следствием усложнения бытия человека в современном мире, возрастающего числа требований, предъявляемых ему социумом.

В книге выделяются четыре проблемных блока социально-психологических исследований:

- *социальная психология личности и межличностных отношений* (проблемы социально-психологической адаптации, социальной перцепции, социальной креативности, индивидуально-психологических детерминант статусно-ролевых позиций личности в системе внутригрупповых межличностных отношений, цен-

- ностных компонентов профессионального самосознания молодежи, детско-родительских и супружеских отношений и др.);
- *психология группы и межгрупповых отношений* (проблемы развития группового субъекта, включенности работников в организацию, проявления субъектных свойств группы при принятии совместных решений, факторов эффективности совместной управленческой деятельности, представлений о «своих» и «чужих» людях с разным этнокультурным внешним обликом, возрастных особенностей мотивации социометрического выбора в группе сверстников, «авансированного доверия» как социально-психологического механизма мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы, влияния пола на структуру ценностных ориентаций молодежных лидеров юношеского возраста и др.);
 - *психология общества* (проблемы дифференциации поколений; анализ причин и проявлений молодежного вандализма; изучение истории становления отечественной социальной психологии города, представлений о городе проживания разных групп москвичей, воспоминаний поколения «детей войны», образа России XX в. у россиян разных возрастных групп, современных тенденций социализации российской молодежи и изменения системы ее ценностей, дезинформации в социальных сетях; исследование проблем психологии конфликта и др.);
 - *экономическая психология* (проблемы психологического состояния российского общества в период экономического кризиса; исследование экономических реформ и социально-психологической динамики, психологии семейного бизнеса как драйвера развития предпринимательства в России, социальной психологии российского предпринимательства, психологии стратегического управления и др.).

В-восьмых, большое внимание традиционно уделяется исследованию проблем психологии труда, инженерной психологии и эргономики, организационной психологии, что нашло отражение в материалах данного научного труда.

В русле *психологии труда* исследуются проблемы профессиональной подготовки и «измерения» профессиональной пригодности субъекта, психологической готовности инженеров к инновационной деятельности, эмоционального выгорания и особенностей ценностно-мотивационной сферы представителей социально-экономических профессий; стратегии преодоления стресса у летчиков; связи результативности инновационной и рутинной бизнес-деятельности; особенности мотивации трудовой деятельности женщин

и мужчин; психология отдыха современного профессионала; развитие профессиональных компетенций психологов сферы образования и др.

Предметом исследования в области *инженерной психологии и эргономики* выступают: окуломоторные маркеры искажения информации; интеграция разделенного (коллективного) субъекта как условие безопасности и надежности его деятельности; баланс автономии и интеграции в профессиональном становлении оперативных руководителей потенциально опасных производств; качество расследования авиационных инцидентов и организационные меры по его повышению; принципы инженерно-психологического проектирования автоматизированных информационных систем; психоэмоциональная устойчивость и адаптивный потенциал как необходимые условия успешности деятельности операторов химического производства; соотношение психологического благополучия и психологической безопасности; динамика актуализации ресурсов в процессах становления профессионала; типы структурной организации концептуальных моделей у ведущих инженеров по управлению ядерным реактором и др.

В рамках *организационной психологии* рассматриваются основные тенденции развития; обсуждаются проблемы внутреннего имиджа организации, психологии виртуальной организации, современных тенденций динамики профессиональной идентичности, типологии конкурентного поведения в профессиональной деятельности, профессионального контекста трудовой деятельности, доверия профессионала к себе в помогающих профессиях социоэкономического типа, специфики переживания организационного стресса субъектами разных профессиональных, должностных и социально-демографических сегментов, профориентационной социализации как обновленной парадигмы социально-психологической подготовки к трудовой деятельности, мотивационного потенциала персонала в период подготовки предприятия к выводу из эксплуатации, основных стратегий достижения личностью социально-профессиональной востребованности, профессионального оптимизма и др.

Проведенный анализ представленных в книге материалов, содержащих достаточно репрезентативный срез современного состояния психологической науки и отражающих ее основные тенденции, позволяет констатировать широту проблемного поля обсуждаемых вопросов, разнообразие тематики психологических исследований, глубину их методологической проработки, возрастание ориента-

ций психологической науки на решение важных и социально значимых проблем общественной практики.

Это, в свою очередь, опровергает часто тиражируемые в рамках психологического сообщества утверждения о наличии *глобального методологического кризиса психологии*, а также мнение о непродуктивности фундаментальной науки, высказываемое ее реформаторами.

Следует отметить, что открывшиеся в последние годы возможности для широкого научного поиска и свободного обсуждения ключевых проблем теории и методологии психологии не привели к кардинальному пересмотру системы основополагающих принципов и подходов, сложившихся в отечественной научной школе в XX столетии. Даже наиболее радикальная критика ограничивается лишь их уточнением и дополнением, что является нормальным и естественным процессом в развитии научного познания. Согласно К. Попперу, наука – динамично развивающийся процесс, ориентированный на перманентное опровержение полученных знаний, переход от менее достоверного знания к более достоверному. В основе этого движения лежит научная критика, прекращение которой оценивается им как остановка в развитии науки. Более того, пока не предложены какие-либо серьезные альтернативы базовым методологическим подходам и принципам. В связи с этим правомерно говорить скорее о тенденции развития методологии, расширении и углублении теоретического каркаса психологической науки, нежели о его коренном преобразовании и наличии глобального методологического кризиса психологии.

Очевидно и то, что трудности, переживаемые современной российской психологией, вызваны, в первую очередь, общественно-историческими факторами: трансформациями в области экономической и социально-политической жизни, преобразованиями системы общественных ценностей, *изменением научной политики государства, недостаточностью социальной, идеологической и материальной поддержки науки*, прежде всего, фундаментальной.

В условиях монетаризации общественной жизни возрастают тенденции коммерциализации науки, утверждается представление о ней как, в первую очередь, о потенциальной статье дохода и средстве получения материальной прибыли, уменьшается взгляд на науку как на важнейшее условие формирования духовной культуры общества, повышения его образовательного уровня, снижается общественный статус ученого и науки в целом. Естественно, эти тенденции влияют на структуру психологии: уменьшается объем фундаментальных исследований, сокращается численность научных кадров, разрушены связи с рядом крупных психологических

региональных центров (грузинских, прибалтийских, украинских и т. д.), входивших ранее в состав единой советской психологической науки. Но даже все это еще не дает основания констатировать состояние глубокого *организационного кризиса* современной психологии, так как одновременно с высокими темпами развивается сфера психологической практики, многократно в последние годы увеличилось число психологических центров в области прикладной психологии (главным образом консультационных, психотерапевтических), расширяется система подготовки психологических кадров, возрастает численность психологического сообщества, усиливается интерес к психологии в обществе, происходит активное освоение ею различных сфер жизни человека и социума. Преодолевая серьезные организационные трудности, продолжают развиваться фундаментальные исследования, регулярно проводятся научные съезды и конференции (всесоюзные и международные), углубляется взаимодействие отечественной психологии с мировой психологической наукой, увеличивается число периодических изданий по психологии (журналов и газет), возрастает массив научной и популярной литературы по психологии.

По-видимому, правомерно говорить о *функциональной неравновесности* в состоянии современной психологии, что вызвано изменением взаимосвязей науки с макросистемными процессами и возникающей в связи с этим необходимостью активного приспособления психологической науки к новым общественно-историческим реалиям.

К числу последствий кризисных состояний относится нарушение сложившихся форм функционирования научной системы, ее дестабилизация, деформация ее структуры. Но одновременно, как утверждает И. Р. Пригожин, неравновесное состояние представляет собой форму активного деятельностного состояния, выступает источником появления нового. Таким образом, идеологическое раскрепощение психологии, расширение ее теоретико-методологического базиса и проблемного поля исследований, опора на конструктивные достижения в познании психической реальности, полученные на предшествующих этапах развития психологической науки, создают предпосылки для позитивных преобразований в системе психологического знания. В этих условиях особую актуальность приобретают задачи методологической рефлексии, включающие анализ и конструктивное переосмысление достижений предшествующих этапов развития психологии, ее современного состояния, а также перспектив дальнейшего развития.

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
ПСИХОЛОГИИ**

Закономерности динамики цитирования научных публикаций¹

И. О. Александров, Н. Е. Максимова** (Москва)*

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; email: almax2000@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; email: almax2000@inbox.ru*

Проанализирована динамика цитирования публикаций исследователей членов парадигмального сообщества «Химической теории графов» с 1967 г. по 2013 г. Установлено, что для интервала от 0 до 15 лет (первый квартиль – 2 года, медиана – 3 года, третий квартиль – 6 лет) характерно либо отсутствие цитирования, либо единичные упоминания работ, причем, именно членами этого же парадигмального сообщества. Нарастание количества цитирований связано с появлением цитирований членами других парадигмальных групп. Обосновано предположение, что высокий уровень цитирования не связан ни с популяризацией парадигмальных представлений, ни со смещением фундаментальных исследований в область практики. Установлено, что значимость публикаций для парадигмального сообщества (как и их надпарадигмальное значение) невозможно оценить по количеству цитаций, поскольку их количество нарастает тогда, когда результаты начинают утрачивать принципиальную новизну. Выявленные характеристики динамики цитирования являются препятствием для использования показателя цитирования для оценки значимости публикаций и продуктивности исследователей; ошибочность этих оценок максимальна на протяжении первых 2–6 лет с момента публикации.

Ключевые слова: коммуникация, научные публикации, парадигма, парадигмальные сообщества, цитирование.

1 Работа выполнена в рамках исследовательской программы Ведущей научной школы РФ «Системная психофизиология» (НШ-9808.2016.6).

Постановка проблемы

Цитирование публикаций в научных текстах представляет одну из важнейших составляющих взаимодействия членов научного сообщества в рамках социального института науки. Как одно из средств научной коммуникации избирательное цитирование публикаций – формальное выражение приверженности автора к конкретной парадигме, исследовательскому коллективу, предпочтения базовых познавательных установок и концепций. Не менее важно и то, что цитирование (или неупоминание) определенных работ отмечает преемственность исследований, их согласованность с опытом парадигмального сообщества или поляризацию исследовательского сообщества, возникновение и развитие в нем «революционных ситуаций».

Понятие «парадигма», используемое в работе, содержательно близко к введенному Т. Куном термину (Кун, 1977); оно означает *форму организации исследования, принятую определенной группой специалистов в качестве образца, применение которого обеспечивает радикально новый способ решения актуальной проблемы*. Группа специалистов, объединенная признанием ценности решения центральной для нее проблемы, реализуемой в исследованиях, построенных в соответствии с образцом, представляет собой парадигмальное сообщество. Именно множественность сосуществующих парадигм (и парадигмальных сообществ) составляет разнообразие, необходимое для эволюции научного знания и института науки. Мультипарадигмальность научного сообщества, по-видимому, можно рассматривать как одно из оснований возможности создания нового знания, построения и конкуренции альтернативных концепций, оценивания их правдоподобия в исследованиях.

Эволюция сложно организованного мультипарадигмального дисциплинарного сообщества неизбежно гетерохронна. Парадигмальные сообщества, прошедшие более длительные этапы формирования (по Куну, вступившие в эпоху «нормальной науки» и, следовательно, утрачивающие радикализм), более многочисленны, чем относительно молодые, проходящие «революционный этап» формирования базиса парадигмального знания и занимающие более радикальные позиции в межпарадигмальных дискуссиях. Можно полагать, что «несоизмеримость» парадигмальных позиций может проявляться и в публикационной активности, в том числе и в особенностях внутрипарадигмального и транспарадигмального цитирования.

Цель, методика и процедура эмпирического исследования

Цель работы – сопоставление закономерностей динамики цитирования работ определенного парадигмального сообщества членами этого же сообщества и других сообществ (внутрипарадигмального и транспарадигмального цитирования).

Гипотезы исследования

Представления о парадигмальной структуре институционализированного научного сообщества, стадиях формирования парадигмального знания и сообществ, особенностях межпарадигмальных отношений позволяют сформулировать следующие предположения о проявлении парадигмальной организации знания в характеристиках цитирования:

- 1) начальные потоки цитирования – внутрипарадигмальные; они обеспечивают развитие парадигмального знания;
- 2) цитирование равномерно распределено в межпарадигмальной коммуникации;
- 3) публикация обзоров фундаментальных научных достижений парадигмы вводит их в общедисциплинарный контекст и значимо увеличивает межпарадигмальное цитирование;
- 4) публикация рецептов практического внедрения парадигмальных достижений в надпарадигмальной форме значимо увеличивает межпарадигмальное цитирование;
- 5) публикация парадигмальных достижений в популярной форме изложения значимо увеличивает межпарадигмальное цитирование.

Для оценки правдоподобия выдвинутых гипотез необходим анализ однородной выборки публикаций. Наиболее однородной в концептуальном, теоретическом, методическом отношении может быть выборка публикаций, представляющая исследования, которые выполнены членами единого сообщества, группой специалистов, разделяющих общее представление о целях исследований, приоритетных научных проблемах, теоретических и методических подходах к их решению, объяснительных конструкциях, владеющих общей терминологией, т. е. членами относительно однородного парадигмального сообщества. Важные признаки такого сообщества: 1) точная формулировка «радикально нового решения актуальной проблемы»; 2) неприемлемость центральных положений концепции для других сообществ; 3) определенность события, инициализировавшего формирование парадигмального сообщества; 4) устойчивость ядра сообщества на протяжении его истории

и способность к рекрутированию новых членов; 5) неформальный характер сообщества, его распределенность по разным исследовательским организациям.

Методика исследования

В ходе исследования анализировались публикации сообщества специалистов в области математической (топологической) стереохимии. Выбор специалистов в области химии, по нашему предположению, позволит устранить эффекты предвзятости со стороны авторов, которые могли бы быть значимыми при анализе парадигмальной организации в психологической науке.

Математическая (топологическая) стереохимия – фундаментальная область знания, которая интенсивно развивается, а результаты ее исследований широко применяются в технологических разработках (Химические приложения топологии..., 1987; Todeschini, Consonni, 2000). Центральная фундаментальная проблема в этой области – соответствие структуры молекул и их химических, физических и фармакологических свойств (problem of structure-property-activity relationship). В разработку этой проблемы вовлечены не менее 7 групп (Todeschini, Consonni, 2000), концептуальные и методические подходы которых принципиально несовместимы (Randić, 2008). Характер их взаимоотношений и взаимных оценок указывают на то, что эти группы можно рассматривать как относительно изолированные парадигмальные сообщества.

Для анализа характеристик цитирования выбраны публикации одной из этих групп, в которую, судя по тематике публикаций и перекрестным соавторствам, с конца 1960-х годов до настоящего времени входило не менее 25 человек из Института им. И. Р. Бошковица (Загреб, Хорватия), Высшего химико-технологического института (Бургас, Болгария) и других исследовательских организаций Европы и США. Постоянные члены и лидеры этого сообщества с момента его основания – М. Рандич (M. Randić) и Н. Тринайстич (N. Trinajstić). Рассматривались публикации членов сообщества с 1967 по 2013 г.¹. Всего рассмотрено более 500 публикаций. Анализировались кривые, описывающие динамику цитирования, для публикаций с 1968 по 1999 г., процитированных 14 раз и более. В анализ формы кривых, описывающих динамику цитирования, включены 78 публикаций, для которых выполнялись критерии отбора, а так-

1 «История индекса Рандича и возникновения враждебности по отношению к химической теории графов».

же графики динамики публикаций, отображающие количество публикаций М. Рандича и ссылок на них по годам с 1959 по 2007 г. (Randić, 2008, p. 23, fig. 2).

Результаты исследования

Первые, еще допарадигмальные публикации основателей парадигмы, Рандича и Трианстича, датируются концом 1960-х годов. Эти публикации процитированы 1–2 раза; в них решаются задачи построения типологии и классификации молекул с применением теории графов; они еще не связаны с центральной парадигмальной идеей. В начале 1970-х годов появляются публикации, обосновывающие основные парадигмальные положения. Около 25 человек, рекрутированных за время развития парадигмы, продолжают публиковать работы выраженной парадигмальной принадлежности до конца рассмотренного периода (до 2013 г.).

Большинство (более 400) публикаций «парадигмального периода» процитировано 1–5 раз; для квазислучайной подвыборки эти цитирования внутрипарадигмальные. В цитировании работ этой группы представителями других парадигмальных групп подчеркивается их неприемлемость. Один из лидеров этого сообщества специально проанализировал неприятие идей и результатов исследований своей группы членами других парадигмальных сообществ в работе «On History of the Randić Index and Emerging Hostility toward Chemical Graph Theory»¹ (см. Randić, 2008).

Для кривых, описывающих динамику цитирования, характерна S-образная форма: плоское начало, длящееся несколько лет, возращание частоты цитирования, постепенно замедляющееся, «насыщающееся» (рисунок 1).

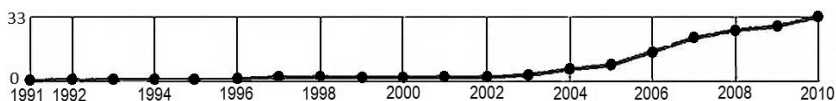

Рис. 1. Накопленная частота цитирования публикаций М. Рандича (1991)

Длительность плоской начальной части кумуляты составляет 11 лет (с 1992 по 2002 г.). Медианное значение длительности начального плато кривых составило 3 года; значения I и III квартилей – 2 и 6 лет, т. е. для 25% работ длительность начального плато графика частоты

1 «История индекса Рандича и возникновения враждебности по отношению к химической теории графов».

цитирования превышала 5 лет. В 15 случаях плато длилось 7 и более лет; его максимальная длительность составила 15 лет. Отмечены случаи с полным отсутствием цитаций на интервале 7–8 лет после публикации; для этого периода характерны 1–3 цитирования. Цитирования в период плато преимущественно внутрипарадигмальные.

На всем массиве проанализированных кривых не обнаружено изменений частоты цитирования в связи с публикацией двух томов специального издания «Mathematical Chemistry Series. Chemical Graph Theory», посвященных фундаментальным основам данной парадигмы и результатам исследований, выполненных членами парадигмального сообщества. Публикация внутрипарадигмальных руководств (Chemical Graph Theory: Introduction..., 1991; Chemical Graph Theory: Reactivity..., 1992) по оценке динамики единичных кривых цитирования не увеличила цитируемость парадигмальных исследований. Хотя по суммарным кривым цитирования, приведенным Рандичем (Randić, 2008, p. 23), некоторое увеличение количества цитаций произошло, но это можно объяснить сглаживанием кривых за счет различной длины плоских участков.

Значительное увеличение количества цитирований отмечено после 2001–2003 гг., причем за счет именно межпарадигмального цитирования, которое можно связать с публикацией в 2000 г. специального справочника, руководства для внедрения приемов и результатов исследований в технологические разработки, в том числе фармакохимические (Todeschini, Consonni, 2000). Заметим, что в этом руководстве имена только упомянутых лидеров парадигмы (Рандича и Трианстича) цитируются более 500 раз. По сведениям, приведенным Рандичем, так же как и по нашим оценкам, после 2000 г. цитируемость публикаций возрастает существенно (на сотни ссылок) без заметного увеличения количества публикаций. При этом изменений частоты цитирования, связанных по времени с публикацией Д. Руврэ статьи в научно-популярном журнале «Scientific American», посвященной успехам применения теории графов в фундаментальной и прикладной химии (Rouvray, 1986), не обнаружено.

Можно утверждать, что кривые, описывающие динамику цитирования конкретных статей с момента их публикации, имеют *устойчивую S-образную форму*. Начальное плато кривой может длиться более 10 лет, после чего кривая, пройдя фазу интенсивного роста, может достигать высокого уровня. Начальное плато может быть «нулевым», вообще не содержать цитирований. Установлено, что немногочисленные ссылки, соответствующие начальному плато, имеют *внутрипарадигмальный характер*, обеспечивают

преимущество результатов исследований различных исследователей. Нарастание количества ссылок в большинстве случаев придает кривой ступенчатый характер. Можно полагать, что эта форма отражает «запаздывающее» принятие результатов работы другими группами исследователей, возможно, родственными, но в парадигмальном отношении специфичными. Именно строгие, парадигмально ориентированные исследования могут использоваться длительное время только в рамках данного парадигмального сообщества (с единичными ссылками) и даже не получить «поздней волны» цитаций, полностью выполнив функцию инициации других парадигмально важных исследований. Они могут быть не «замечены» другими парадигмальными сообществами или оказаться для них неприемлемыми в силу межпарадигмальной несоизмеримости (гипотеза 1 не опровергнута). Массивное цитирование публикаций имеет вторичный характер и может воспроизводить не центральные, не наиболее содержательно важные стороны цитируемого исследования, для распознавания которых необходимо свободно владеть «парадигмальной матрицей» (см.: Кун, 1977). В этом отношении на фазе обильного межпарадигмального цитирования воспроизводятся преимущественно побочные смыслы и результаты публикаций.

Согласно нашим предположениям, начальному плато кривых цитирования соответствует точно сфокусированное и содержательное внутрипарадигмальное цитирование. Эта форма цитирования сохраняется и на более поздних этапах использования публикации в сообществе, но на основе первичного цитирования формируются возможности множественных эпизодов межпарадигмального использования публикации, которым соответствуют ступенчатые подъемы кривой и достижение ею насыщения (гипотеза 2 опровергнута).

Результаты работы показывают, что научно-популярные разъяснительные публикации не ведут к распространению парадигмальной точки зрения, к изменению позиции носителей оппонентных сообществ. С публикацией Д. Руврэ в весьма популярном журнале «Scientific American» (Rouvray, 1986) не удалось связать какие-либо закономерные изменения – ни единичные кривые цитирования, ни суммарные кривые, приведенные Рандичем (Randić, 2008, p. 23). Возможно, что такие публикации эффективны преимущественно для рекрутации молодых специалистов, еще не ставших членами парадигмальных сообществ (гипотеза 5 опровергнута).

Достижение кривыми цитирования максимума можно связать со временем публикации специализированного руководства, зна-

чительную часть которого составляют результаты исследований, проведенных членами рассматриваемого парадигмального сообщества (Todeschini, Consonni, 2000) (гипотезы 3 и 4 не опровергнуты). Это руководство содержит результаты работ других парадигмальных групп, в том числе и несовместимых с топологическим подходом, например «quantum chemistry». Важно заметить, что ориентация рассматриваемых работ на практику, на разработку фармакологических препаратов присутствовала во многих публикациях длительное время и даже специально декларировалась (Randić, 2008, p. 44). По-видимому, практическая ориентированность как таковая не является ведущим фактором в росте цитирования работ. Значительное повышение частоты цитирования публикаций, связанное с изданием этого руководства, возможно, отражает повышение интереса к исследованиям, проводимым данным сообществом, но маловероятно, что оно склоняет приверженцев других парадигм к изменению их исследовательских парадигмальных позиций.

Заключение

Наиболее важный результат данной работы – обнаружение S-образности кривых цитирования публикаций, неоднородности динамики цитирования публикаций в научном сообществе. Предложенное объяснение формы этих кривых (плоский начальный участок, ступенчатый характер, возможное достижение насыщения кривых) предполагает использование опубликованных результатов дискретными парадигмальными группами. Начальному плато соответствует цитирование, ограниченное рамками парадигмального сообщества (которое может длиться неопределенно долго), а различным вариантам нарастания кривой – обращение к публикации членов других парадигмальных сообществ. Важный вопрос, который возникает при таком истолковании результатов, – в чем состоит различие и сходство целей внутри- и межпарадигмального цитирования?

Результаты анализа и их объяснение показывают, что значимость публикаций для парадигмального сообщества невозможно оценить по количеству цитаций, поскольку их количество нарастает тогда, когда результаты начинают утрачивать принципиальную новизну. Существенная задержка нарастания межпарадигмального цитирования, по нашим оценкам достигающая 10–15 лет, также является препятствием для использования показателя цитирования для оценки значимости публикаций и продуктивности исследова-

теля. Оценивание эффективности исследований по цитации, особенно в период начального плато, неизбежно ведет к некорректным выводам.

Литература

- Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977.
- Химические приложения топологии и теории графов / Под ред. Р. Кинга. М., 1987.
- Chemical Graph Theory: Introduction and Fundamentals / Eds. D. Bonchev, D. H. Rouvray. N. Y.: Abacus Press/Gordon & Breach, 1991.
- Chemical Graph Theory: Reactivity and Kinetics / Eds D. Bonchev, D. H. Rouvray. N. Y.: Abacus Press/Gordon & Breach, 1992.
- Randić M. On History of the Randić Index and Emerging Hostility toward Chemical Graph Theory // MATCH. Communications in Mathematical and in Computer Chemistry. 2008. V. 59. P. 5–124.
- Rouvray D. Predicting Chemistry from Topology // Scientific American. 1986. V. 255. № 3. P. 40–47.
- Todeschini R., Consonni V. Handbook of Molecular Descriptors. Weinheim: WILEY-VCH Verlag, 2000.

On dynamics of intraparadigmatic and crossparadigmatic citations of scientific publications

I. O. Aleksandrov, N. E. Maksimova** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology RAS

** Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology RAS

The dynamics of citation of scientific publications, prepared by member of paradigmatic society “Chemical Graph Theory” during 46 yrs (1967–2013) was analyzed. It was found that for interval 0–15 yrs (1st quartile = 2 yrs; median = 3 yrs; 3rd quartile = 6 yrs) only sporadic citations (or even absence) are typical. It is important that such citations are characteristic for members of the same paradigmatic group. The slow growth of citations number is related to references in publications of members of other (opponent) paradigmatic groups. It was substantiated hypothesis that high level of citation of certain article is not related to popularization of conceptual essences of paradigm, neither to practical shift of fundamental researches. The main results of the study and their explanations emphasized that significance of certain article for paradigmatic society could be not estimated

by number of its citation, insofar as number of citations grows intensively when the novelty of described results decreases. A long delay of the beginning of crossparadigmatic citations (up to 15 yrs), also is an obstacle for application of citation index for estimation of investigators' productivity essentially for publications of 2–6 previous years.

Keywords: communication, scientific publications, paradigm, paradigmatic society, citations.

Методология подхода к субъектным возможностям человека в юридически значимой ситуации

Л. В. Алексеева (Тюмень)

*доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры
общей и социальной психологии,
Тюменский государственный университет;
e-mail: alex-lubov2008@yandex.ru*

Раскрывается специфика подхода к определению возможностей человека проявить себя субъектом, в том числе, социальным субъектом в юридически значимой ситуации. Подчеркивается, что система методологических принципов должна учитывать сложную организацию функционирования психики человека. Описываются методологические принципы и подходы в общенаучном и конкретно-научном планах. Подчеркивается, что изучению возможности или невозможности человека проявить субъектоспособность, прежде всего, соответствует полисистемный подход, разработанный Б. Ф. Ломовым. Методология описанного подхода позволила выдвинуть идею о субъектно-объектной сущности личности, разработать модель уровневого строения субъектности человека, а саму психику представить как особый вид организации.

Ключевые слова: методология, методологические принципы и подходы, субъект, субъектная позиция, субъектоспособность, социальная субъектность человека, субъектно-объектная сущность человека, психики, личности.

Поскольку методологическая позиция может как ограничивать, так и расширять возможности исследования, важно ответить на вопрос, имеет ли специфику методология подхода к определению путей и способов проявления человеком себя как социального субъекта в юридически значимой ситуации. В связи с этим необходимо обозначить *основы* методологии психологического исследования

в целом как системы обобщенных принципов и способов его организации. Такой основой является *диалектический подход*, реализующийся через принципы *объективности, системности, развития и гуманистической направленности* исследования. Важность *принципа комплексности* обусловлено усилением тенденции к проведению междисциплинарных исследований, что требует *интеграции*, а не суммирования разноплановых знаний и методов (Алексеева, 2002).

Общенаучные методологические принципы исследования при разработке психологических проблем дополняются конкретно-научными. Следует также иметь в виду особенность психологии, которая, по словам С. Л. Рубинштейна, находясь *в центре всей системы наук*, одновременно является гуманитарной и естественнонаучной дисциплиной. В связи с этим изучение психологии человека как субъекта опирается одновременно и на *гуманитарный*, и на *естественнонаучный* подходы. Гуманитарный подход, как особый тип научного познания, отличается от естественнонаучного, по М. М. Бахтину, в первую очередь, неисчерпаемостью познаваемого объекта, требованием не только «точности» познания, но и глубины «проникновения», не идентификации, а преодоления «чуждости чужого без превращения его в чисто свое». Гуманитарному подходу созвучны многие положения герменевтики – науки и искусства понимания, истолкования и интерпретации явлений, выполняющей роль объяснения.

Идея интегративности приобретает особую значимость в связи с реализацией в психологии субъектного подхода. А. В. Брушлинский отмечает, что разработка психологии субъекта – путь к установлению единства всей психологической науки (Брушлинский, 1992). Это предъявляет особые требования к исследованию, связанные с необходимостью объединения множества научных парадигм, подходов, областей науки, включая правовой подход к человеку как субъекту преступления, вменяемому, дееспособному или виктимному лицу.

Интегративному требованию к психологическому пониманию человека в онтологическом и гносеологическом планах соответствует *полисистемный/полифункциональный* подход. Согласно Б. Ф. Ломову (Ломов, 1975, 1984), *моносистемный* взгляд на природу целостного объекта, в том числе на бытие человека, наделенного психикой, концентрирует внимание на компонентах и структуре, а *полисистемный* взгляд – на объективных основаниях интегральных качеств и свойств. Психика человека разворачивается в разных планах и системах; причем системный анализ предполагает не только раскрытие целостного иерархического строения психического явления, но и выявление системы его детерминант.

Итак, чтобы изучить человека как субъекта, в том числе действующего в психолого-правовом поле, необходимо рассматривать его в русле субъектного и системного подходов (Алексеева, 1996, 2004).

Если полисистемно рассматривать психику, писал Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984), то ее многомерность, многоплановость, многоуровневость определяется множественностью детерминант – как общих, так и специальных, которые могут действовать одновременно и иметь разную зону и направление влияния (внешние и внутренние факторы), различный «вес». В системе детерминант можно выделить ведущее звено (системообразующий фактор) и установить характер отношений между отдельными детерминантами или их группами (соподчинение, дополнение, взаимодействие и т. д.). Действие детерминант того или иного психического процесса изменяется в ходе развития этого процесса, что, в свою очередь, проявляется в особенностях регуляции психическим поведения, деятельности и общения человека. Психика сама становится детерминантой объективно протекающих процессов.

Итак, полисистемный/полифункциональный подход, обоснованный Б. Ф. Ломовым, дает возможность, с одной стороны, представить целостную модель психики и механизм ее сложного многоуровневого функционирования; с другой стороны, описать и объяснить не идеализированного субъекта или идеальной функционирование психики, а ее реальное функционирование как *целенаправленной системы*. Неэффективное функционирование психики человека, снижение его социальной субъектоспособности обусловлены несоответствием предъявляемых требований возможностям психики.

Полисистемный подход, по Б. Ф. Ломову, проявляется в онтологическом и гносеологическом аспектах. С позиций гносеологии, психическое описывается через совокупность взаимосвязанных понятий и категорий, раскрывающих предмет психологии в его существенных проявлениях и отношениях, а любое понятие (категория) фиксирует какой-то отдельный срез объекта (явления). Категориальный аппарат позволяет отразить реальные взаимосвязи, взаимопереходы, сущностные характеристики психических явлений. Однако следует подчеркнуть, что среди базовых категорий психологии раньше категория «субъект» не выделялась. Ее введение в психологию относится к концу XIX столетия.

В советской психологии преобладали общепсихологические теории, ставящие во главу угла какую-либо одну категорию («установка», «отношение», «деятельность», «общение»). Значимость разработки интегративной модели психики трудно переоценить. Наше время характеризуется ориентацией на построение интегративной

психологии, способной преодолеть ряд застарелых симптомов кризисности психологии, к которым относятся «отсутствие единой, общеразделяемой теории; некумулятивность знания» (Юревич, 2001, с. 3). В попытке избежать этих недостатков, прежде всего, необходимо стремиться к *интегативности*, которую может обеспечить полисистемный/полифункциональный подход. Феномен человека в его взаимоотношениях с действительностью воплощает в себе единство законов природы и общества, представляя собой биопсихосоциодуховное существо, личность, индивидуальность и субъекта различных видов активности, включенных в широкий социальный контекст.

Именно адекватно организованное функционирование психики в том или ином жизненном контексте значимо при рассмотрении признаков субъектности человека. В то же время выделенные психологические характеристики субъекта преступления или дееспособного лица, обозначенные теми или иными психологическими терминами, не будут иметь смысла, если не могут быть применены на практике. *Единство теории, эксперимента и практики* раскрывается как «важнейший принцип перспективного планирования психологической науки и профессиональной деятельности психологов» (Ломов, 1984, с. 51).

Целостное психологическое исследование человека, фиксирующее его различные стороны, ипостаси, позиции, сущностные характеристики, обеспечивается *интегативностью* – не только *полисистемностью*, но и *комплексностью*, что обусловлено его психофизиологическими, психофизическими, психосоциальными особенностями, соответствующими пониманию человека как *индивида, личности, индивидуальности, субъекта общественной жизни*. Отмечу также *индивидуальность и универсум* – следующие два уровня функционирования психики, ориентированные, соответственно, на индивидуальные смыслы и духовные ценности. На каждом из этих уровней может проявляться субъектная и объектная позиция человека как носителя психического.

Двойственность человека заключена в его субъектно-объектной природе. Он социален и автономен; не только общество влияет на него, но и он оказывает воздействие на общество. Отсюда логично возникают гуманистические идеи о ценности не только общества, но и человека как субъекта общественной жизнедеятельности, его прав на самоопределение, самореализацию и саморазвитие. В современных исследованиях отмечается, что роль индивидуального проявления человека, не только как *субъективного*, но и как *субъектно-объектного начала*, возросла до уровня *методологического принципа*,

в котором отражается единство его природного и социального, общественного и автономного проявления. Н. И. Яблокова (2000) выражает эту тенденцию гуманитарного познания в обобщенном виде: принцип субъектности отражает действительный факт, состоящий в том, что *люди делают историю*.

Например, на конкретно-научном уровне психолого-правового анализа человека, совершившего преступление, принцип субъектности выражает ответственность человека за свои деяния и жизнедеятельность, а полисистемный подход позволяет разобраться в сложном сплетении детерминант и условий деяния человека в конкретный период его жизни, а также организовать исследование в единстве теории, эксперимента и практики с учетом предписаний и возможностей психологии и уголовного права. Таким образом, реализуется не только общепсихологический подход к субъекту, но и особый *психолого-правовой подход*, в частности судебно-психологический, экспертный, имеющий специфический объект и предмет исследования при ограниченности использования экспериментального подхода.

В случаях ограниченности возможностей использования экспериментального подхода, подспорьем становится гуманитарный подход, позволяющий применить *методы моделирования и интерпретации*. В основу *моделирования* психологических возможностей и проявлений человека была положена идея «аналитического эксперимента», предложенного Н. Д. Левитовым (Левитов, 1962) для исследования способностей, позволяющая путем установления требований деятельности, предъявляемых к психике, моделировать ее возможности, отвечающие этим требованиям. В методологическом плане этот подход позволяет конструировать теоретические *модели* психики, исходя из анализа обобщенных требований жизнедеятельности человека. В результате были созданы (Алексева, 2004) следующие системно-функциональные модели: а) субъектных и объектных *атрибутов* личности; б) *уровней* психики и уровней субъектности человека; в) *звеньев психической организации как базовых психических функций*; г) *субъектных способностей* личности, релевантных уголовно-правовым требованиям.

Использование экспериментального метода в психологическом исследовании человека в изучаемой юридически значимой ситуации в русле проведения судебной психологической экспертизы невозможно, поскольку рассматриваемая ситуация относится к уже произошедшим событиям. В связи с этим используется экспертный подход, в котором основную роль играет метод ретроспективной реконструкции (Коченов, 1977). В обсуждаемом контексте это

метод ретроспективной реконструкции реальных субъектных возможностей обвиняемого, проявившихся в инкриминируемой ему ситуации. Именно для практической возможности осуществления экспертной оценки создавались отмеченные теоретические модели, с которыми сопоставлялась реконструированная продукция функционирования психики в каждом экспертном случае.

В целом, авторский подход оформлялся в процессе производства более тысячи судебных психологических экспертиз по уголовным и гражданским делам. Проверка авторского подхода в отношении определения степени субъектности обвиняемого лица как субъекта преступления прошла при проведении 88 судебных психологических экспертиз.

Завершая рассмотрение методологического подхода к субъектным возможностям человека в юридически значимой ситуации, подчеркну, что он обладает спецификой, основанной не только на комплексности исследования. В соответствии с изучаемой реальностью – субъектоспособностью человека, характеризующейся интегральностью – следует опираться на методологический подход, соответствующий интегративному требованию к пониманию психики человека. В онтологическом и гносеологическом планах этому соответствует *полисистемный/полифункциональный* подход, разработанный Б. Ф. Ломовым. Полисистемный взгляд на природу целостного объекта концентрирует внимание на объективных основаниях интегральных качеств и свойств. В соответствии с этим подходом, для изучения характера и степени субъектности подэкспертного необходимо не только рассматривать его возможности как особой психической организации, но и учитывать возможность ее дезорганизации. Культурно-исторический, деятельностный, личностный и субъектный подходы в отношении к человеку как к субъекту интегрируются с полисистемным подходом. Ограниченность экспериментального подхода в судебной психологической экспертизе компенсируется использованием неэкспериментальных технологий, герменевтических моделей и возможностей интерпретации.

Литература

- Алексеева Л. В.* Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.
- Алексеева Л. В.* Взаимоотношение психологии и уголовного права в аспекте экспертологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 60–71.

- Алексеева Л. В.* Психология субъекта и субъекта преступления: Монография. Тюмень, 2004.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.
- Брушлинский А. В.* Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 43–48.
- Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.
- Левитов Н. Д.* Проблема экспериментального изучения способностей // Проблемы способностей / Отв. ред. В. Н. Мясищев. М., 1962. С. 32–42.
- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 3–12.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.

Methodology of Approach to Human Subjective Possibilities in a Legally Significant Situation

L. V. Alekseeva (Tyumen)

Doctor of psychological Sciences, Docent, professor at the Department of General and social psychology, Tyumen state University

The approach to determining the capabilities of a person to express themselves as subject, including a social subject in a legally significant situation are revealed. It is emphasized that the system of methodological principles must take into account the complex organization of the functioning of the human psyche. Methodological principles and approaches in general scientific and concrete scientific plans are described. It is emphasized that the polysystem approach, developed by B. F. Lomov, is the first one to study the possibility or impossibility of a person to show subjectivity. The methodology of the described approach made it possible to put forward the idea of the subject-object essence of personality, to develop a model of the level structure of human subjectivity, and to imagine the psyche itself as a special kind of organization.

Keywords: methodology, methodological principles and approaches, subject, subjective position, subjectivity, social subjectness of a person, subject-object essence of a person, psyche, personality.

Принцип системно-деятельностного подхода как методологическая основа современного образования

Т. П. Войтенко (Калуга)

*кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора
Калужского государственного института развития образования
e-mail: TatianaVoyt@rambler.ru*

В статье поднимается проблема разрыва теории и практики в психологической науке. Обсуждаются трудности реализации принципа системно-деятельностного подхода в образовательной практике. Показывается значение работ С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова для преодоления этих трудностей. Автор статьи подчеркивает роль мотивационной стороны деятельности, акцентирует важность нравственных мотивов. Для аргументации используется прием исторической ретроспективы.

Ключевые слова: деятельность, внутренняя сторона деятельности, системный подход, нравственные мотивы

Проблема соотношения теории и практики в психологической науке

Вопрос о соотношении теории и практики в психологии ставится в двух аспектах – по отношению к собственной психологической практике и по отношению к практикам, принадлежащим к другим сферам: образованию, медицине, управлению и т. д. В обоих аспектах он носит характер серьезной методологической проблемы, поднимавшейся многими учеными: Ф. Е. Василюком, И. В. Вачковым, Л. С. Выготским, Б. Ф. Ломовым, Я. А. Пономаревым и др.

Л. С. Выготский рассматривал практику как «верховный суд» теории (1982, с. 387). Б. Ф. Ломов говорил о «диалектическом единстве» теории, эксперимента и практики (1984, с. 51).

В реальности отношения между теорией и практикой часто имеют деструктивный характер. Практика может выступать «колонией теории, во всем зависимой от метрополии» (Выготский, 1982, с. 387). Теория и практика могут «жить параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности» (Василюк, 1996, с. 26). Теория может выступать по отношению к практике «полезным мифом», «артефактом» (Огинская, Розин, 1991).

В современной психологии образования ярко выражен еще один тип деструктивных отношений: теории отводится роль «свадебного генерала». Этот вариант деструкций особенно заметен по отношению к теории деятельности. На нее постоянно ссылаются, но реальное ее влияние на образовательные процессы оказывается ничтожно малым. Такое положение дел не может не обречь на промахи и ошибки.

Целью настоящей работы является привлечение внимания и попытка осмысления психологической теории деятельности в контексте задач современной образовательной практики. Вытекающий из теории деятельности принцип системно-деятельностного подхода заявлен в качестве методологической основы последней образовательной реформы в нашей стране, введения Федеральных государственных образовательных стандартов. На что этот принцип должен нацеливать образовательную практику? Как должна раскрываться в ней теория деятельности? И самое главное – почему данные теоретические конструкты в реальной практике остаются лишь декларацией?

Видится крайне важным рассмотреть практический потенциал обсуждаемых теоретических конструктов в исторической ретроспективе.

Психологическая теория деятельности и принцип деятельностного подхода в образовательной практике

Как известно, начало разработки теории деятельности относится к 30-м годам XX столетия и связывается с именами двух выдающихся отечественных психологов – С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева. На протяжении всего XX в. эта теория и задаваемый ею принцип деятельностного подхода активно разрабатывались многими отечественными учеными: Б. Г. Ананьевым, Л. И. Божович, А. В. Брушлинским, П. Я. Гальпериным, В. В. Давыдовым, Н. В. Занковым, А. В. Запорожцем, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломовым, В. И. Слободчиковым, Д. Б. Элькониним и др. Актуальность разработок сохраняется и в настоящее время, особенно в приложении к сфере образования.

Благодаря трудам С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, а также их многочисленных последователей в отечественной психологической науке сложилось представление о деятельности как *высшей – специфически человеческой – форме активности*, сутью которой является *преобразование*. Преобразовательная активность раскрывается в двух планах – внешнем и внутреннем: действуя, *субъект не только преобразует внешний, предметный мир, но и самого себя*.

Вместе с тем, как известно, имелись и заметные расхождения в подходах С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева к пониманию деятельности и разработке деятельностной методологии.

Считается, что А. Н. Леонтьеву и его ученикам удалось выстроить на основе категории «деятельность» целостную парадигму, надежно связанную с практикой. Развернув масштабные исследования по линиям фило-, антропо- и онтогенеза, А. Н. Леонтьев пытался показать, что все многообразие психического может быть понято как функция деятельности, что деятельность породила психику и является ключевой детерминантой ее развития.

Особенно активно проводились онтогенетические исследования, нацеленные на изучение роли деятельности в индивидуальном развитии человека (Д. Б. Эльконин, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, В. В. Давыдов и др.). Результаты этих исследований получили очень широкий выход в образовательную практику XX столетия.

Д. Б. Эльконин раскрыл деятельность как *основание смены различных возрастов*, ввел в психологическую науку и детально разработал понятие «ведущая деятельность». Было выделено три основных вида ведущей деятельности – игра, учение, труд. Наиболее глубоко Д. Б. Эльконин исследовал игру – ведущую деятельность в дошкольном детстве. Эти исследования на многие годы задали вектор развития практике дошкольного воспитания.

Важнейшим направлением онтогенетических исследований в школе А. Н. Леонтьева являлось изучение структуры деятельности. Разделив деятельность на внешнюю (предметную) и внутреннюю (сознание), А. Н. Леонтьев предположил, что внутренняя деятельность имеет такое же строение, что и внешняя. Проверка этой гипотезы вылилась в грандиозные по масштабам исследования под руководством П. Я. Гальперина, послужившие основой для создания одной из самых популярных в образовательной практике теорий – *поэтапного формирования умственных действий*. Особенно большое распространение эта теория получила в практике школьного обучения, определив основы проектирования многих образовательных программ и технологий, нацеленных на формирование универсальных учебных действий.

Деятельностная парадигма А. Н. Леонтьева выступала основой для построения не только отдельных образовательных программ и технологий, но и целостных образовательных систем. В контексте этой парадигмы Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдовым была разработана теория учебной деятельности, выступившая «ядром» широко известной *системы развивающего обучения* с мощным учебно-дидактическим и организационно-методическим обеспечением. В конце XX столетия около 10% младших школьников России обучались по программам и учебникам, созданным на основе теории учебной деятельности Д. Б. Эльконина–В. В. Давыдова.

В сложившейся системе научных представлений деятельность рассматривалась как не только формирующее, но и *формируемое образование*. Однако в плане формирования деятельностных видов активности к концу XX в. стали отмечаться *заметные трудности*.

Положения программ формирования общеучебных умений, построенных на основе теории поэтапного формирования умственных действий, оставались *невостребованными детьми*: зная приемы рациональной умственной деятельности, школьники не пользовались ими без специального требования со стороны учителя. Похожая ситуация складывалась и при обучении по системе Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова. Значительная часть детей занимала откровенно антиучебную позицию: «Умеем учиться, но не хотим!» (Давыдов и др., 1992).

Процессы деформации и распада затронули не только учебную деятельность. Они коснулись *всех ведущих видов деятельности* – и игры, и учения, и труда. У современных дошкольников не складывается игровая деятельность. Педагоги и психологи, работающие в детских садах, в последние десятилетия серьезно озабочены тем, что сюжеты свободной игры у детей примитивны и однообразны, а нередко дошкольники и вовсе не проявляют интереса к ролевым играм. Овладение трудовой деятельностью связано с еще большими трудностями.

В чем причина сложившейся ситуации? Где сокрыта «тайна» деятельностных форм активности?

Внутренняя сторона деятельности: открытие С. Л. Рубинштейна

На наш взгляд, «тайна» деятельностных форм активности была открыта С. Л. Рубинштейном в годы Великой Отечественной войны. Как известно, в эти годы ученый работал над выпуском *второго издания* своего фундаментального труда «Основы общей психологии».

Первое издание, в котором автор – на основе принципа деятельностного подхода – попытался привести в единую систему все имеющиеся научные данные, состоялось еще в 1940 г. О значении этого труда говорит тот факт, что он был удостоен Государственной премии в самый разгар войны (1942). Однако – «в свете всего происшедшего и пережитого» – ученый посчитал необходимым «с новой остротой и значительностью поставить вопрос о человеке и его деятельности» (Рубинштейн, 2000, с. 7).

Во втором издании, иллюстрированном эпизодами из истории военных событий Великой Отечественной войны, автор обращает внимание на *внутреннюю сторону деятельности* – ее *мотивы*, говорит о могучей побудительной силе чувства *долга и ответственности* – «тенденций долженствования». С. Л. Рубинштейн пишет: «Действенная сила тенденций долженствования... проявилась с изумительной мощью в несметных героических делах советских людей на фронтах Великой Отечественной войны. Подвиг Н. Гастелло, который бросил свой загоревшийся самолет на вражеские цистерны, чтобы уничтожить их, и последовавшие его примеру Шевчук и И. Черных, 28 панфиловцев, 16 гвардейцев во главе с В. Д. Кочетковым, 12 краснофлотцев во главе с Трушкиным, краснофлотец М. А. Паниках, который, превратившись в пылающий факел, сжег в объявшем его пламени немецкий танк, красноармеец Гладкобородов, собственным телом закрывший амбразуру вражеского дзота...» (Рубинштейн, 2000, с. 440).

Приводя эти примеры, С. Л. Рубинштейн стремится показать огромную силу нравственной мотивации. Он комментирует: «Вот человек: жизнь уже покидает его, обескровленный мозг затухает; сознание его мутнеет, он не осознает уже самых элементарных вещей... но одна мысль, единственная освещенная точка среди все уже заволакивающей тьмы, держится несокрушимо до самого конца: „Разрешил ли я возложенную на меня задачу? Выполнил ли я свой долг?!“ И на этой мысли – силой исходящего от нее напряжения – держится и с нею кончается жизнь» (там же, с. 440–441). Ученый заключает: *мысль о долге, об ответственности – самая прочная мысль в сознании человека; с нею оно пробуждается и гаснет. Понять мотивацию, природу человеческой деятельности вне этого невозможно* (там же, с. 441–442).

К сожалению, открытие С. Л. Рубинштейном значения мотивационной стороны деятельности, роли нравственных мотивов («тенденций долженствования») осталось мало замеченным наукой и практикой того времени. Между тем именно нравственная мотивация в значительной степени обеспечила победы на полях сраже-

ний и бесперебойную работу «трудового фронта» в годы Великой Отечественной войны, всенародный подъем на восстановление послевоенной разрухи.

Дети равнялись на взрослых. Исследуя мотивы учения у советских школьников, Л. И. Божович (1951) в качестве ведущих выделила *широкие социальные мотивы*: «Чтобы быть нужным стране», «Чтобы быть полезным членом общества». И хотя такие мотивы не всегда были реально действующими в конкретных ситуациях, они раскрывали перед школьниками *нравственный смысл* учебной деятельности. И потому учились (и хотели учиться!) даже те, кому это давалось с трудом. Учились, будучи полуголодными, не имея элементарно необходимых условий: тетрадей, учебников, места для учебных занятий.

Действенность нравственной мотивации к учению особенно убедительно раскрывается на примерах вхождения в школьную жизнь в годы Великой Отечественной войны. Набор детей в школы проходил и в самое тяжелое время – осенью 1942–1943 гг. По воспоминаниям непосредственных участников этих событий – тогдашних первоклассников, *никто не умел ни читать, ни писать и учиться не хотел*. Кругом война, голод, разруха. Отцы – на фронте, матери – круглосуточно на работе. На плечах полностью лишенных родительского внимания детей – все заботы о домашнем хозяйстве. *Желание и готовность учиться формировались единственной фразой учителя*: «Хорошая учеба – это ваш вклад в победу! Считайте, что каждая ваша пятерка – это сбитый вражеский танк или самолет!».

Разрушение нравственных устоев жизни, развитие индустрии потребления и развлечений деформировали сознание людей. Сегодня нравственная мотивация – редкостное исключение. Типичная мотивация имеет выраженный эгоцентрический формат: личный успех, деньги, карьера и т. п. Утрата нравственных оснований жизни блокирует все деятельностные формы активности человека. В дошкольном детстве ребенок не умеет и не хочет играть, в школьном возрасте – учиться, став взрослым – трудиться.

Деятельность как системное образование (вместо заключения)

До конца открыть «тайну» деятельности, на наш взгляд, позволяет принцип системного подхода, разработка которого в психологии неразрывно связана с именем Б. Ф. Ломова.

Согласно принципу системного подхода, изучаемые явления должны рассматриваться с точки зрения целого, обладающего свойст-

вами, которые невозможно вывести из его частей. Понять целое на основании изучения его отдельных частей «так же невозможно, как невозможно восстановить сложное объемное тело по изображению одной-единственной его проекции на плоскость» (Ломов, 1984, с. 93). Поэтому на передний план выдвигается логика синтеза, взаимосвязей и взаимопереходов.

Что же задает и определяет целостность деятельности, собирает множество ее видов в единую систему? Ответ, на наш взгляд, очевиден – системообразующим основанием всех видов деятельности является ее мотивационная сторона.

Игра, учение, труд – это взаимосвязанные виды деятельности, имеющие единое основание – нравственную мотивацию. Это преемственные виды деятельности, которые могут быть описаны как ступени взросления человека, овладения им системой связей и отношений с миром. В игре ребенок *пытается проникнуть* в окружающий мир, *имитируя его* в своих игровых сюжетах; обучаясь в школе, он *готовится войти* в этот мир в качестве *полноправного и ответственного участника*; через трудовую деятельность – *реально входит и несет ответственность «за все содеянное и упущенное»*. Преобразующая сила деятельности раскрывается – прежде всего – в *нравственном преобразении человека*.

Заявляя о реализации принципа системно-деятельностного подхода в образовательной практике, важно помнить, что деятельность имеет не только внешнюю сторону, но и внутреннюю. При этом внутренняя сторона деятельности играет первостепенную роль: формирование деятельности начинается с формирования нравственных мотивов. Именно недостаточное внимание к внутренней стороне деятельности (неразличение побуждающих ее мотивов с точки зрения направленности) явилось причиной трудностей формирования деятельностных форм активности в образовательной практике. Определяя деятельность как *преобразующую (творческую) активность, имеющую нравственную направленность*, можно преодолеть эти трудности и снять разрыв теории и практики в рамках деятельностного подхода.

Литература

- Божович Л. И., Морозова Н. Г., Славина Л. С. Развитие мотивов учения у советских школьников // Известия АПН РСФСР. Вып. 36. М., 1951.
- Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.
- Давыдов В. В., Слободчиков В. И., Цукерман Г. А.* Младший школьник как субъект учебной деятельности // Вопросы психологии. 1992. № 3–4. С. 14–19.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Огинская М. М., Розин М. В.* Мифы психотерапии и их функции // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 10–18.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.

The principle of the system-activity approach as a methodological basis of modern education

T. P. Voytenko (Kaluga)

Candidate of Psychological Sciences, Docent, Deputy Director
of Kaluga State Institute for education development

The article rises discontinuity theory and practice in psychological science. Discusses the difficulties of implementing the principle of system-activity approach in educational practice. Shows the value of the works of S. Rubinstein and B. Lomov to overcome these difficulties. The author of the article emphasizes the role of motivational aspects of activity, stresses the importance of moral motives. The argument uses the technique of historical retrospectives.

Keywords: activities, inside activities, system approach, moral motives.

Музыкальная деятельность как система: взгляд с позиций Б. Ф. Ломова

С. А. Гильманов (Ханты-Мансийск)

*доктор педагогической наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии Гуманитарного института,
Югорский государственный университет;
e-mail: gilmanovsa1109@gmail.com*

В статье с теоретических позиций, обоснованных Б. Ф. Ломовым, рассматривается музыкальная деятельность как системный феномен. Автор предлагает в качестве объекта музыкальной деятельности выделить музыкальное произведение как «культурную единицу» музыки, а в качестве субъекта – личности и общности, действующие разными средствами, исходя из различных потребностей и мотивов. На этой основе выделено пять уровней музыкальной деятельности: культурно-исторический, социокультурный, уровень работы с музыкальными продуктами, психологический и социотехнический. Целостность музыкальной деятельности, характеризующейся многомерностью и динамичностью, обеспечивается взаимодействием с музыкальным произведением. Автор считает, что проведенный анализ полезен для психологии деятельности, для проведения экспериментальных исследований, для теории и практики музыкального образования.

Ключевые слова: система, объект и субъект деятельности, музыкальная деятельность, уровни музыкальной деятельности.

Введение

Б. Ф. Ломов, указывая на то, что зачастую категорией «деятельность» пользуются столь широко, вкладывают в нее столь различное содержание, что возникает опасность размывания самого понятия, писал: «Если попробовать классифицировать те виды деятельности,

о которых пишут в психологии, то обнаружится картина, исключительная по пестроте, несогласованности и противоречиям» (Ломов, 1984, с. 191). На наш взгляд, это суждение Б. Ф. Ломова справедливо и сегодня по отношению к понятию музыкальной деятельности, к которой в психологии и в педагогике обычно относят деятельность композитора, исполнителя, слушателя, иногда отождествляя каждый из этих видов деятельности с музыкальной деятельностью в целом, иногда расширяя этот список (включая сюда, например, деятельность педагогов-музыкантов). Музыкальная деятельность в одном случае рассматривается как предмет музыкальной психологии (Е. В. Назайкинский), в другом – как прикладная отрасль музыкальной психологии (А. Л. Готсдинер). На наш взгляд, проблема рассмотрения музыкальной деятельности как целостной системы остается актуальной не только в свете расширения методологических основ музыкальной психологии, но и в общепсихологическом и педагогическом аспектах: углубление деятельностного подхода, расширение спектра экспериментальных исследований, совершенствование методов и технологий музыкального образования непосредственно связаны с представлениями об объекте, предмете, цели, составе музыкальной деятельности.

Представляется, что именно системный подход Б. Ф. Ломова в психологии, выделение системных характеристик деятельности позволяет рассмотреть феномен музыкальной деятельности как системы, а не только как вида художественной деятельности. Главными, на наш взгляд, здесь является ряд ориентиров. Во-первых, это выдерживание системного подхода, который, как говорил Б. Ф. Ломов, предполагает три плана исследования определенного объекта: план качественной определенности объекта в его принадлежности к видо-родовой системе; план исследования объекта как относительно самостоятельной системы; план рассмотрения объекта в его отношениях с системами более высокого уровня. При этом «общие подходы, схемы и концепции, разработанные в психологии для описания и изучения деятельности, должны быть соотнесены с теми, которые сложились в других, пограничных с нею науках» (Ломов, 1984, с. 193). Вместе с тем нельзя допускать, чтобы происходила «подмена психологических аспектов анализа деятельности философскими, социологическими, экономическими и т. д., и наоборот» (там же). Во-вторых, обращаясь к исследованию деятельности, необходимо сохранять ее психологический предмет, выделяя конкретные «образующие» деятельности. Следует помнить, что действительным продуктом «любой, в том числе и индивидуальной деятельности является преобразованный (хотя бы опосредствованно – через дея-

тельность других людей) в ходе ее выполнения предмет, материальный или идеальный» (там же, с. 203). В-третьих, деятельность, включая ее исходные стороны, – потребности и мотивы – следует рассматривать только в связи с социальной жизнедеятельностью. «Анализ всякой индивидуальной деятельности «должен начинаться не с абстрактно взятого отношения „субъект–объект“, а с изучения функций этой индивидуальной деятельности в системе общественной жизни, в системе взаимодействий данного индивида с другими людьми, в том социальном контексте, в который эта деятельность включена» (там же, с. 194). При проведении классификации следует помнить, что «в основу теоретической классификации должны быть положены виды, типы и формы общественных отношений» (там же, с. 198). Нельзя, с одной стороны, отождествлять деятельность индивида и деятельность общества, с другой – неправомерно рассматривать индивида как стоящего один на один с предметом деятельности, когда сама деятельность «трактуется как замкнутая система, обладающая самодвижением, которое порождает перцептивные, мнемические и иные процессы, формируя сознание индивида и его личность» (там же, с. 194).

Музыкальная деятельность как системный феномен

Целью статьи является рассмотрение музыкальной деятельности как системного феномена, опираясь на теоретические позиции, обоснованные Б. Ф. Ломовым. Следуя им, анализ музыкальной деятельности надлежит начинать с рассмотрения ее объекта со стороны его определенности, системности, включенности в систему социальных отношений. Обращаясь к характеристикам субъекта и структуры музыкальной деятельности, необходимо выдерживать ракурс социальной обусловленности деятельности, ее включенности в системы более высокого уровня, не сводя деятельность к замкнутой самодвижущейся системе.

Мы считаем, что системообразующим основанием музыкальной деятельности является *музыкальное произведение*, имеющее имя, историю создания, исполнителей и другие признаки, закрепленные в историко-культурном и социокультурном процессе, в системе общественного производства и общественных отношениях. Музыка на заре культурогенеза человечества была средством организации отдельных сторон жизнедеятельности общества и человека; она создавалась коллективным субъектом, которым были все члены общества, способные организовывать звуки в упорядоченные в смысловом отношении сочетания и использовать их в своей жиз-

недеятельности. Постепенно обособляясь и приобретая признаки целостности, музыкальные произведения в ходе своего существования приобретали «культурный авторитет», «ореол», имя, жанровую (родовую) отнесенность, индивидуальную судьбу (видовые признаки). Основными свойствами современного произведения как объекта музыкальной деятельности являются, на наш взгляд, во-первых, его трехслойная структура: текст (знаковая закреплённость), чувственная выраженность (физически выраженное воспроизведение в определенной культурно маркированной ситуации), смысловая «нагрузка» (представленная в форме и содержании); во-вторых, возможность разнообразных способов бытования произведения в культурно-исторической реальности (инвариантом остается особое время, выделяемое в культуре для взаимодействия с произведениями в ритуальных и традиционных коллективных и индивидуально организуемых ситуациях). Для отражения системообразующих свойств произведения, предельно обобщив свойства произведений, можно, по нашему мнению, условно выделить следующие характеристики: 1) по смыслоориентированности произведение может относиться к музыке «труда души» или к музыке отвлечения, отдыха; 2) по способу текстовой организации – быть «натурально» или искусственно ориентированным (ладоритмическая и гармоническая организация, форма и др. либо опираются на «окультуренную естественность», либо требуют знания музыкальной теории и опыта); 3) по чувственности – «поличувственное» или «моночувственное» (развернутая, богатая палитра чувственных признаков, или одна ярко выраженная «сенсорно-эмоциональная программа», однозначно указывающая на определенный смысл).

Субъектом музыкальной деятельности могут быть, как отдельные личности, так и группы, общности, действующие разными средствами, исходя из различных потребностей и мотивов, но представляющие единый субъект единой деятельности, а их ролевое деление – продукт диверсификации музыкальной деятельности под влиянием социокультурных процессов. Полагаем, что в самом обобщенном виде, учитывая характер взаимодействий с произведением (основанный на потребностях и мотивах субъекта), участие субъекта в системе общественных отношений, социализированность самой деятельности, можно выделить три вида *субъектов музыкальной деятельности*: 1) профессионал (музыкант, имеющий дело с музыкой как объектом и занимающий четкую, социально закреплённую позицию: композитор, исполнитель, критик, педагог, искусствовед и др.); 2) любитель (имеющий дело с музыкой, хотя его социальная позиция с ней не связана, или связана косвенно); 3) потребитель (массо-

вый субъект, не погружающийся в глубины произведений, а использующий свойства музыки как средство и условие для самых разных целей: получения удовольствия, стимулирования конъюмеристского поведения, танцев и пр.). Мотивация и целеполагание в деятельности субъектов основывается на обращении к произведению как к выразителю полноты жизни и способу выхода за ее пределы в то, что «поверх жизни»; это и обуславливает способы функционирования музыки. Профессионалы производят и воспроизводят музыку, способствуют ее развитию в соответствии с меняющимися потребностями и мотивами общества и масс; любители обеспечивают преобладание тех или иных жанров, появление шлягеров, формируют публику концертов и др.; потребители поддерживают включение музыки как средства, условия, «фона» функционирования музыки в массовых процессах; они включены во взаимодействия с так называемой функциональной музыкой, в «фоновое» использование многочисленных безликих, лишенных индивидуальности жанровых пьес, музыкальное сопровождение традиций и ритуалов и т. п. При любых субъектах продукты музыкальной деятельности проявляются в рождении, способах бытия, трансформациях произведения, в его воздействиях на личность, в изменениях отношений людей.

Такое выделение объекта и субъекта музыкальной деятельности, по нашему мнению, дает возможность не только изучать ее как целостность (учитывая характеристики объекта и субъектов как ее особенности), но и, опираясь на подход Б. Ф. Ломова, выявить ее иерархические уровни. Высший – культурно-исторический – уровень характеризуется человечеством как совокупным субъектом (актуализируемым в действиях профессионалов, действующих по канонам классических произведений), так и представленностью музыки в любом ее обличье, форме, виде произведений, теоретических обоснованиях музыки. Второй – социокультурный – фиксирует проявления музыкальной деятельности в конкретном обществе. Деятельность предстает здесь через разветвленные разновидности и формы музыки, «расписанные» по социальным ролям. В качестве субъектов выступают социальные общности, отдельные выдающиеся деятели, рядовые труженики музыки; вычлняются роли профессионала, любителя, потребителя. Третий уровень, представляющий осуществляемую в конкретных условиях музыкальную деятельность, включая систему действий и операций – реальное «делание» произведений, работа с музыкальными продуктами. Субъект здесь – человек, выполняющий определенную роль, деятель, чья индивидуальная деятельность может быть расчленена на составляющие и описана (краткий анализ такого описания проведен нами,

см. Gilmanov, 2016). Здесь выделяются роли не только композитора, исполнителя, слушателя, но и теоретика, педагога, просветителя, пропагандиста, технического «обеспечителя» и др. Четвертый уровень – психологический – где в центре стоит человек, включенный в те или иные отношения и взаимодействия с музыкой. Именно этот уровень изучается в музыкальной психологии как отрасли психологической науки. Музыкальная деятельность здесь представит как вид индивидуальной деятельности, в которой функционируют психические процессы, актуализируются состояния, проявляются качества и особенности личности, обнаруживаются общие и индивидуальные особенности освоения и выполнения действий и операций и пр. Наконец, можно выделить и пятый – социотехнический – уровень. Это уровень реального функционирования музыки, «вписывания» произведений в текущую социальную жизнедеятельность, выявляющий способы и ситуации ее воспроизведения и восприятия, где деятельность предстает как динамическая система действий и операций многих субъектов: театральных и кинорежиссеров, технических работников (звукорежиссеров, акустиков, программистов и пр.) в той или иной полноте проявления субъектности (субъект действий, субъект-средство, субъект-условие и др.). При этом музыкальное произведение может обладать художественными качествами, но может и не иметь их, что в определенной мере (категоричность здесь, в силу специфики искусства, невозможно) определяет их отнесение к искусству или к социотехническому продукту, а саму деятельность делает художественной или не художественной. Хотя потребности, мотивы, цели субъектов музыкальной деятельности на каждом уровне различны, но сохраняют единство на основе обращения к основному «мотиватору» музыкальной деятельности – производству. Именно производство, включенное в разные социальные отношения, привлекаемое в традиционные и ритуальные социальные ситуации, делает музыку ценностью, товаром, средством, «фоном» и т. п.

Предлагаемый нами подход в определенной мере противоречит подходу, изложенному в единственном в отечественной психологической литературе глубоком анализе музыкальной деятельности, проведенном Л. Л. Бочкаревым (Бочкарев, 1997), который сосредоточен скорее на психологическом содержании действий и операций трех видов субъектов музыкальной деятельности, чем на характеристиках единой музыкальной деятельности.

В западной психологической науке, в которой музыкальная деятельность не рассматривается как особая проблема, есть, тем не менее, подходы, позволяющие подвергать ее анализу как целостность.

Это, например, выделение В. Дойсом четырех уровней психологического анализа музыки (внутриличностного, межличностно-ситуационного, социопозиционного, идеологического), что позволяет «потенциально повысить уровень понимания и не исключить априори их основу», сохраняя возможность применения результатов исследований в «реальном мире» (см.: North, Hargreaves, 2008, р. 4–6). Своеобразная таксономия музыкальной деятельности заметна и в семиотической модели музыкальной компетентности (ММК) Дж. Стефани (Stefani, 2002), согласно которой всякий музыкальный опыт управляется большим числом кодов на пяти уровнях – от «общих кодов» до уровня отдельного опуса.

Выводы

Таким образом, музыкальная деятельность как система характеризуется, во-первых, многомерностью, выражающейся в том, что для разных видов и уровней деятельности одни и те же компоненты предстают в своих новых качествах, играя разную роль. Само произведение – и продукт композитора, и средство для ритуала, и товар, и исполняемая пьеса. Музыка включается в разные типы отношений и виды социальной деятельности; она может быть в них предметом, условием, средством. Во-вторых, музыкальная деятельность чрезвычайно полимотивирована и динамична. Под влиянием ведущих социокультурных факторов меняется, как внутренняя (форма и виды произведений, стили, жанры и пр.), так и внешняя (способы включения музыки в текущую социальную жизнь) стороны музыкальной деятельности. Однако единым объектом, придающим музыкальной деятельности целостность, остается произведение – и предмет, и продукт, и единица анализа самой музыкальной деятельности.

В психологии музыкальная деятельность должна рассматриваться с учетом общих свойств ее объекта и субъекта, без редукции к отдельным характеристикам произведений и к действиям и операциям отдельных видов субъектов. Исследование проявлений музыкальной деятельности в психологии должно всегда учитывать способы бытия музыки в обществе, не скатываясь только к одному ракурсу рассмотрения, не изолируя операции и действия от общих свойств музыкальной деятельности. В эмпирических исследованиях нужно учитывать характеристики произведения как объекта действий и стимульного материала, видеть различия воздействия собственно свойств звучания музыки и слуховой модальности в их отношениях к общим психическим процессам, свойствам, состояниям.

В образовании следует ориентироваться на развитие свойств субъекта музыкальной деятельности, а не на «последствие» музыки на нравственное и эстетическое развитие личности.

Литература

- Бочкарев Л. Л.* Психология музыкальной деятельности. М., 1997.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Gilmanov S.* Diversity and harmony in musical activity // International Journal of Psychology. Vol. 51. Iss. Supplement S1. Special Issue: 31st International Congress of Psychology, 24–29 July 2016. Yokohama, 2016. P. 855.
- North A. C., Hargreaves D. J.* The Social and Applied Psychology of Music. N. Y., 2008.
- Stefani D.* On the Semiotic of Music // Music, Culture and Society: a reader / Ed. by D. B. Scott. N. Y., 2002. P. 50–55.

Musical activity as a system: a vision from the positions of B. F. Lomov

S. A. Gilmanov (Khanty-Mansiysk)

Doctor of pedagogical Sciences, Full Professor, professor
at the Department of pedagogy and psychology Institute of Humanities
of State university Yugra

In the article from theoretical positions, substantiated by B. F. Lomov music as a system phenomenon is considered. The author proposes as the object of musical activities to provide a musical work as a “cultural unit” of music, and as a subject – individuals, groups and communities, operating by different means, based on different needs and motives. On this basis, he identified five levels of musical activity: cultural-historical, socio-cultural level of operating with music products, psychological and sociotechnical levels. The integrity of the music activity, characterized by multidimensionality and dynamism is ensured by the interaction with the musical work. The author believes that the analysis is useful for psychology activities, for experimental studies, for the theory and practice of music education.

Keywords: system, object and subject of activity, musical activity, levels of musical activity.

Понимание эмпирической реальности мира человека¹

В. В. Знаков (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт психологии РАН
e-mail: znikov50@yandex.ru*

В статье описаны характерные особенности эмпирической реальности, обосновано, что в ней возможны изменения, но невозможно развитие. Проанализированы общий и специфические признаки понимания эмпирической реальности. Признаками являются: «перевод» объективной реальности на язык значений; ориентация на предметное значение, а не личностный смысл; использование познавательного, а не духовного знания; оперирование знаками, а не символами; рефлексия различий в понимании макромира и микромира.

Ключевые слова: понимание, изменения, развитие, признаки понимания, знаки, символы.

Введение

В российской психологии категория «мир человека» получила содержательное наполнение и развитие главным образом в трудах С. Л. Рубинштейна. По Рубинштейну, мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотнесена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования. Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Иначе говоря, мир человека не одномерный. Он многомерен и состоит, по меньшей мере, из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Понимание субъектом мира неоднородно: в раз-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00334.

ных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной – мнение и смысл, в экзистенциальной – переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016).

Цель статьи – кратко описать сущность эмпирической реальности и проанализировать психологические основания понимания-знания.

Особенности эмпирической реальности

В нашей жизни немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Такой тип ситуаций нидерландский методолог науки Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом», эмпиризм (Анкерсмит, 2007). Следуя за Анкерсмитом, я назвал первый тип реальности «эмпирическим». Эмпирическая реальность включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и предметную, созданную людьми. Эмпирическая реальность – это неодушевленная природная (включающая животных) и предметная среда, в которой живет и с которой взаимодействует человек. «Взаимодействие» не предполагает обязательного чувственного восприятия, достаточно осмысления и понимания. Я не был в Антарктиде, но понимаю, что этот материк составляет часть природы планеты Земля. Я никогда не видел альшписа, но знаю, что это часть рыцарских доспехов, средневековое холодное оружие.

В соответствии с парадигматическим способом понимания, люди, так же как объекты и предметы, тоже могут включаться в эмпирическую реальность. Это происходит тогда, когда мы рассматриваем людей не как субъектов, обладающих разумом, чувствами и т. п., а как объекты логических рассуждений, по отношению к которым применяется парадигматический способ понимания мира. Примерами могут служить логические задачи на поиск лишнего слова. В перечне «стол, шкаф, кровать, стул, телефон», лишним является слово «телефон», потому что оно не входит в понятие «мебель». Аналогично из списка «мать, дядя, начальник, дочь, брат» необходимо удалить слово «начальник» как не относящееся к определению понятия «семья». В таких случаях, рассуждая логически, мы парадигматически понимаем обсуждаемый фрагмент мира человека. При этом не принципиально, состоит он из неодушевленных объектов или живых людей – методы рассуждений и способ пони-

мания такие же, как при научном исследовании природы или предметов, созданных человеком.

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений, или, как говорил К. Поппер, использовать принцип фальсифицируемости, принципиальной опровержимости утверждений. Например, любой психолог, знающий историю своей науки, без труда поймет, какое из двух высказываний является истинным: «С. Л. Рубинштейн работал в ЛГПИ им. А. И. Герцена в первой половине XX в.» или «С. Л. Рубинштейн работал в ЛГПИ им. А. И. Герцена во второй половине XX в.».

Характерной особенностью эмпирической реальности, отличающей ее от социокультурной и экзистенциальной, является то, что события и ситуации в ней имеют *бесцельный, ненаправленный* характер (Гофман, 2003). В эмпирической реальности *возможны изменения* (и они все время происходят), но *невозможно развитие*. Нет необходимости обосновывать, почему для психологов, посвящающих проблеме развития статьи и монографии (Принцип развития..., 2016), такое отличие эмпирической реальности от других оказывается очень значимым, принципиально важным.

Обсуждая проблемы понимания эмпирической реальности, необходимо указать на несколько признаков этого психологического феномена. Один из них *общий*, относящийся к пониманию любой реальности, другие – указывающие на *специфические* особенности, характеризующие взаимодействие человека с предметной и природной средой.

Общий признак: в макромире человека, в котором объекты и предметы, безусловно, существуют, обладают онтологическим статусом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности, вследствие переживания, трансформации, порождения опыта, конструирования новых знаний. В современной науке аксиомой является положение о том, что объективная действительность включает в себя сознание познающего ее субъекта. В эмпирической реальности человек имеет дело с онтологическими данностями, т. е. реально существующими объектами и предметами. Тогда какую роль в понимании эмпирической реальности играют сознание и психика понимающего мир субъекта? Эта роль, условно говоря, гносеологическая, связанная с различными точками зрения на объекты и предметы,

а в науке – с разными теориями. Однако различные точки зрения строятся на общем фундаменте значений. По мнению А. А. Леонтьева, «действительность дана, презентирована в сознании каждого отдельного человека как означенная действительность, как объективная реальность, „переведенная“ на язык значений. Значения суть форма идеального существования действительности...» (Леонтьев, 2001, с. 16). Именно значения как форма идеального существования действительности являются общим основанием понимания реальностей.

Специфические признаки понимания эмпирической реальности

1. Психологическими основаниями понимания предметов, событий и ситуаций являются «предметные значения» (Леонтьев, 2001) и знания. Психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается именно одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. И это неудивительно: высказывание «Расстояние от Москвы до Парижа по прямой – 2487 километров, или 1544 мили» имеет для всех образованных людей одинаковое значение, но в нем потенциально не содержится личностного отношения, индивидуального смысла (для порождения смысла нужны дополнительные высказывания). Другое дело, что в метрической и американо-британской мерах длины выражены неодинаковые значения, т. е. формы идеального существования действительности.
2. Психологическое содержание понимания-знания строится не на духовном, знании, а на познавательном (Фуко, 2007). Такое знание, по большому счету, всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей.
3. Понятийная структура понимания-знания эмпирической реальности строится на знаках, но не включает символы. Внутренние условия понимания субъектом мира, конечно же, потенциально содержат предпосылки для оперирования понимающим субъектом, как знаками, так и символами. Однако при понимании

событий и ситуаций эмпирической реальности субъект оперирует только однозначными знаками (указателями на объекты и предметы) и знанием, которое может быть истинным или ложным (и потому для определения его истинности/ложности удовлетворительной оказывается корреспондентная теория истины). Понимание-знание эмпирической реальности основано на значении, не предполагающем возможности различий в его интерпретации во время коммуникации людей. Такая однозначность соответствует знаку и противоречит психологическому содержанию символа. По мнению А. Н. Вераксы, Н. В. Кулагиной, С. В. Никоненко и других ученых, знаки необходимы исключительно в тех областях мира человека, в которых нужно искусственно задать однозначность и устранить множественность толкований и разночтений в понимании событий и ситуаций. Если каждый водитель, увидев дорожный знак «проезд запрещен», начнет искать его возможные бесчисленные символические смыслы, то обстановка на дорогах быстро превратится в непредсказуемую.

4. Существуют различия в понимании объектов макро- и микромира. В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности – сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Хотя это может показаться странным любому здравомыслящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» (Феррарис, 2014) научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас. Он определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. М. Феррарис иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления – прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

С методологической точки зрения, сложнее обстоит дело с пониманием микромира. В этом контексте одним из самых научно значимых оказывается вопрос об онтологическом статусе ненаблюдаемых сущностей современной физики: являются ли они реальными объектами или представляют собой социальные конструкты? (Мамчур, 2017). Другими словами, это вопрос о том, например, существовал ли в природе бозон Хиггса до того, как его предсказала теория? В физических экспериментах его открыли или создали, как утверждают социальные конструкционисты? Аргументация последних такая: открытия и бозона Хиггса, и других элементарных частиц были бы невозможны не только без физических теорий, но и без армии экспериментаторов, построивших суперколлайдер, технологов, сконструировавших экспериментальные установки, и многих других. Иначе говоря, предварительное осмысление проблемы определяет конкретное видение результатов ее решения. Вместе с тем очевидно и обратное: природная детерминация просматривается даже в сложных социальных конструктах. Например, болезнь – это отклонение от нормального функционирования организма, как бы оно ни трактовалось в разных культурах. Обсуждая вопрос о том, идет ли речь о создании или открытии микрообъектов в ходе экспериментов, Е. А. Мамчур высказывает мнение, с которым я полностью согласен: *«Мне думается, что социальные конструктивисты делают в данном случае довольно типичную для современной философии науки ошибку: они смешивают, не различают два на самом деле различных плана рассмотрения проблемы – эпистемологический (иногда говорят эпистемический) и онтологический. Чтобы остаться на реалистических позициях, конструктивист должен сказать: да, мы конструируем результаты экспериментов, но только в эпистемическом, но не в онтологическом смысле. Между тем социальные конструкционисты, оставаясь в рамках онтологического плана рассмотрения эксперимента, в котором бозоны обнаруживаются, рассуждают так, как будто в процессе эксперимента создаются, конструируются реальные объекты микромира, т. е. само сущее»* (Мамчур, 2017, с. 112–113).

Таким образом, понимание даже «простых» природных объектов оказывается сложным многомерным психологическим феноменом, требующим дальнейшего изучения.

Литература

- Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.

- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М., 2016.
- Леонтьев А. А. Значение и смысл // Мир психологии. 2001. № 2 (26). С. 13–20.
- Мамчур Е. А. ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2016.
- Феррарис М. Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145–159.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб., 2007.

Understanding the empirical reality of the human world

V. V. Znakov (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer,
Institute of Psychology of RAS

In article characteristics of empirical reality are described, it is proved that in her changes are possible, but development is impossible. The general and specific features of understanding of empirical reality are analysed. The feature are: “translation” of objective reality into language of values; orientation to value, but not personal sense; use of cognitive, not a spiritual knowledge; operating by signs, but not symbols; a reflection of distinctions in understanding of a macrocosm and microcosm.

Keywords: understanding, changes, development, understanding features, signs, symbols.

Современный метакогнитивизм и психология деятельности¹

А. В. Карпов (Ярославль)

*доктор психологический наук, профессор, чл.-корр. РАО,
декан факультета психологии, заведующий кафедрой
психологии труда и организационной психологии Ярославского
государственного университета им. П. Г. Демидова;
e-mail: anvikar56@yandex.ru*

Рассматриваются методологические и теоретические аспекты взаимоотношений двух фундаментальных областей психологического знания – теории деятельности и метакогнитивизма. Сформулирован новый подход, позволяющий реализовать концептуальный синтез этих двух крупных направлений. С его позиций получены новые данные относительно феноменов и закономерностей психической регуляции деятельности. Показано также, каким образом полученные данные содействуют разработке проблемы сознания.

Ключевые слова: психология деятельности, метакогнитивизм, метакогнитивные процессы, организация деятельности, метакогнитивные детерминанты

Одной из наиболее явных, но одновременно и негативных особенностей современного метакогнитивизма выступает его подчеркнутая автономизированность и недостаточный синтез со многими важнейшими направлениями психологии. В особой мере это проявляется по отношению к психологической теории деятельности. Внедеятельностный характер всего современного метакогнитивизма, его несинтезированность со многими важнейшими положениями теории деятельности – одна из наиболее негативных черт его современного состояния (Metacognition, 2002). Это, в свою очередь,

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10030.

порождает многие принципиальные трудности в его дальнейшем конструктивном развитии. Прежде всего в связи с этим возникает фундаментальная проблема экологической валидности эмпирического и экспериментального базиса метакогнитивизма, а также осуществляемых на его основе теоретических обобщений. Дело в том, что представляется проблематичным непосредственный перенос многих из полученных в нем результатов на реальные, естественные (т. е. экологически валидные) условия деятельности и поведения. Кроме того, доминирование внедеятельностных подходов к его разработке объективно блокирует экспликацию реальной – многомерной и многоплановой, а не упрощенной и не «уплощенной» картины всех реально существующих феноменов и закономерностей метакогнитивного плана. И наоборот, их раскрытие лишь на основе изучения сложноорганизованных форм активности личности – прежде всего, деятельности – может содействовать именно такой многомерной, а значит, и достаточно полной их экспликации.

Наряду с этим и тот факт, что современная теория деятельности явно недостаточно синтезирована с метакогнитивизмом, также является очень негативным. Дело в том, что эта теория не включает с должной полнотой и содержательностью в свой концептуальный состав большой класс наиболее сложных процессов – «вторичных», т. е. метакогнитивных процессов ее психической организации и регуляции (а также иных, связанных с ними образований и структур метакогнитивного плана). Тем самым возникают объективные и достаточно существенные сложности в плане раскрытия истинного содержания процессуально-психологического обеспечения деятельности.

Вместе с тем именно эти наиболее принципиальные трудности и проблемы в значительной степени преодолеваются с позиций методологического подхода, обоснованного в наших предыдущих работах (Карпов, 2011, 2015). Согласно ему, исследование метакогнитивных процессов и качеств должно реализовываться не в абстрактно-лабораторных – искусственных и упрощенных – условиях, а в контексте той реальной, онтологически представленной метасистемы, в которой они и получают свою естественную, наиболее богатую и содержательную экспликацию, что позволяет раскрыть гораздо более полную их картину.

В собственно методологическом плане данный подход базируется на сформулированном нами ранее еще более общем принципе метасистемного подхода и является его конкретизацией по отношению к фундаментальной психологической проблеме деятельности. Данный подход, являясь логическим продолжением и развити-

ем общенаучного принципа системности, в то же время позволяет конструктивно преодолеть целый ряд его ограничений, которые особенно рельефно проявляются при разработке собственно психологической проблематики в целом и при развитии проблемы деятельности, в особенности. Главным положением данного подхода является обоснование и доказательство существования особого класса систем, которые не были дифференцированы ранее, но которые в наибольшей мере адекватны специфике объектов собственно психологического исследования. Было показано, что эти системы характеризуются двумя наиболее важными и одновременно наиболее специфическими особенностями.

Во-первых, они обладают уникальной особенностью, которая заключается в том, что метасистема, которая является более общей по отношению к ним и в которую они сами онтологически входят, в то же время сама функционально включается в них – она встраивается в их собственное содержание. Наиболее общей и репрезентативной иллюстрацией данной особенности выступает организация психики в целом, поскольку ее важнейшей, атрибутивной чертой как раз и является функциональная представленность в ней – как в субъективной реальности – той метасистемы, в которую она сама включена – объективной реальности. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается функционально представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной. Объективный мир (как метасистема отношению к психике), а также взаимодействия с ним оказываются функционально «встроенными» в саму систему (психику).

Во-вторых, эти системы характеризуются способностью к саморепрезентации своего содержания в целом и тем самым – к порождению нового уровня собственной организации – метасистемного. Наиболее яркой иллюстрацией этой особенности является организация психики с ее важнейшим и наиболее специфическим атрибутом – феноменом сознания. Оно в целом и его базовое свойство – свойство трансцендентности – фактически тождественно порождению такого метауровня. Такого рода системы были обозначены нами понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Они обладают целым рядом новых, не описанных в традиционных вариантах принципа системности особенностей и свойств и подробно охарактеризованы в сформулированном нами подходе. Эти особенности и составляют адекватную методологическую основу для разработ-

ки многих собственно психологических проблем в целом. Однако роль и значимость всех этих особенностей наиболее велика именно при исследовании собственно метакогнитивных процессов и механизмов организации деятельности. Дело в том, что именно они являются основными – конкретными по содержанию, но одновременно общими по смыслу и функциональному назначению операционными средствами, позволяющими реализовать принцип метасистемной организации.

В теоретическом плане развитый в ходе реализации проекта подход позволяет решить одну из основных проблем, сдерживающих в настоящее время конструктивное развитие психологической теории деятельности в целом, суть которой состоит в следующем. Как известно, в данной теории исторически сложились два основных подхода, две парадигмы ее разработки: структурно-уровневая и структурно-морфологическая. Суть первой состоит в уровневой экспликации структуры деятельности и в характеристике основных уровней, а также закономерностей их иерархической организации. Суть второй состоит в представлении структуры деятельности в виде совокупности организованных друг с другом основных компонентов – функциональных блоков, т. е. в виде психологической системы деятельности. Вместе с тем обе эти парадигмы характеризуются достаточно существенными ограничениями. Так, первая из них далеко не в полной мере вскрывает реальную, а не симплифицированную уровневую структуру деятельности, поскольку в ней эксплицированы не все реально существующие уровни ее организации, а лишь три из них. Вторая также характеризуется определенной схематизированностью, поскольку в ней явный акцент делается на раскрытии состава – «морфологии» деятельности. Однако другой важнейший аспект организации деятельности – функциональный, состоящий в необходимости раскрытия закономерностей процессуально-психологической организации деятельности, остается, фактически, нераскрытым.

Сформулированный нами методологический подход к исследованию метакогнитивной организации деятельности позволяет преодолеть именно эти наиболее принципиальные ограничения двух основных парадигм разработки теории деятельности.

С одной стороны, его реализация позволяет эксплицировать принципиальный факт, согласно которому в действительности реальная структура деятельности включает в себя не три, как это полагается традиционно, а пять основных макроуровней. Так, иерархически высшим уровнем ее организации является не уровень «автономной деятельности», как это полагается традиционно, а иной, качественно специфический уровень. Дело в том, что любая инди-

видуальная деятельность и онтологически, и генетически, и организационно выступает «составляющей» и результатом дифференциации более общей метасистемы – совместной деятельности. Однако в ходе ее генезиса в ее собственный состав и содержание последовательно транспонируются средства, механизмы и закономерности организации самой совместной деятельности. В данном отношении наиболее значимо то, что регулятивные процессы, необходимые для организации совместной деятельности и представленные исходно во внешнем плане (целеобразование, планирование, принятие решения, контроль, координация, коррекция и др.), меняют форму своего существования. Они становятся средствами и механизмами реализации индивидуальной деятельности, транспонируясь в ее собственное содержание. Такое транспонирование и составляет внутреннее содержание феномена интериоризации; оно во многом содействует раскрытию и объяснению конкретного содержания данного феномена. Тем самым метасистема совместной деятельности, фактически, мультиплицируется, функционально включается в состав индивидуальной деятельности и образует качественно новый уровень ее организации – метасистемный. Кроме того, показано, что между традиционно дифференцируемыми уровнями «отдельной автономной деятельности и действий локализуется еще один, не описанный до настоящего времени уровень, обозначенный понятием инфрадеятельностного уровня. Он не сводится к уровню частных действий, поскольку образован целостными и сорганизованными их комплексами (паттернами) и только на их основе может быть реализован. Однако он не «возвышается» и до собственно «деятельностного» уровня, т. е. не требует включения в их реализацию всей психологической системы деятельности.

С другой стороны, с позиций нашего подхода преодолевается и «морфологизм» второй парадигмы теории деятельности, поскольку он позволяет дифференцировать особый, качественно специфический класс процессов, направленных именно на функциональную организацию системы деятельности. Эти процессы были обозначены нами ранее понятием интегральных процессов психической регуляции деятельности; к ним относятся такие специфически регулятивные, атрибутивно деятельностные процессы, как целеобразование, антиципации, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, самоконтроля и др. Их суть состоит в том, что они являются принципиально синтетическими по своему составу, поскольку базируются на синтезе, интеграции психических процессов всех иных основных классов. Тем самым они выступают как процессы «второго уровня» – «вторичные процессы» – и в этом

заключается их глубинное, атрибутивное сходство, даже подобие с метакогнитивными процессами, которые, как известно, также обозначаются в когнитивной психологии понятием «вторичных» процессов. Вместе с тем интегральные процессы – подобно метакогнитивным процессам – имеют специфически регулятивное предназначение; они атрибутивно регулятивны. Следовательно, лишь на основе синтеза двух классов процессов – описанных ранее (метакогнитивных) и дифференцируемых с позиций развитого подхода (интегральных) возможно расширение и углубление представлений о реальной сложности и комплексности процессуально-психологического обеспечения деятельности.

Реализация сформулированных выше положений методологического плана позволила сформулировать комплекс новых представлений о содержании метакогнитивных детерминант организации деятельности и поведения. Они включают в себя, наряду с традиционно выделяемыми категориями метакогнитивных процессов и метакогнитивных знаний, еще целый ряд образований этого плана. Наиболее принципиальный результат состоит в обосновании того, что в качестве метакогнитивных образований могут выступать и реально выступают не только традиционно дифференцированные образования (прежде всего, разумеется, когнитивные процессы). Наряду с ними, практически все иные основные структурные компоненты психики также могут функционально выступать в этом качестве. Основным средством, обеспечивающим данный фундаментальный факт, является механизм «функциональной обратимости», суть которого состоит в том, что операционные и иные возможности практически всех психических процессов и образований могут «оборачиваться» – транспонироваться на самих же себя. В результате все они могут выступать не только в первичном, но и во «вторичном» модусе – в транспонированном на самих себя виде. В результате такого транспонирования и порождаются новые многочисленные и многоплановые образования и структуры метакогнитивного плана, в частности метакачества, метасостояния а также новые метакогнитивные образования процессуального плана – метамотивационные и метаэмоциональные процессы. Все факторы метакогнитивного плана, эксплицируемые с его позиций, как раз и выступают в качестве целостной системы основных операционных средств, за счет которых реализуется не просто «высший и важный», а определяющий уровень организации деятельности – уровень ее осознаваемой регуляции. Эти факторы в значительной степени конкретизируют и наполняют реальным – дифференцированным, но одновременно и закономерно организованным образом содержанием представления

об «осознанной регуляции деятельности», которые до настоящего времени, к сожалению, трактуются чрезмерно обобщенно, абстрактно и недифференцированно. Тем самым проблема деятельности также получает новый и достаточно конструктивный импульс для своего развития – причем опять-таки в ее объективно определяющем, главном аспекте – в аспекте раскрытия содержания процессов и механизмов осознаваемой регуляции. При этом сама фундаментальная общепсихологическая категория сознания, которая пока явно недостаточно ассимилирована теорией деятельности именно в ее конкретно-научном содержании, органично включается в ее концептуальный состав. Тем самым имеет место концептуальное обогащение и самого предмета этой теории.

Наряду с этим сформулированный методологический подход позволил раскрыть и проинтерпретировать также новые, неизвестные до настоящего времени особенности метакогнитивных процессов, имеющие место в ходе психической регуляции профессиональной деятельности в естественных условиях ее реализации, т. е. в экологически валидном их виде. Их общий смысл состоит в том, что под воздействием специфически деятельностной детерминации подавляющее большинство установленных в метакогнитивизме феноменов и особенностей, как правило, подвергаются существенной трансформации. Так, в частности, известный феномен «метакогнитивной петли» (Metacognitive Loop) в значительной степени минимизируется или даже фактически редуцируется. В противоположность этому другой классический феномен – явление «гиперкоррекции» (Hypercorrection effect) имеет тенденцию к максимизации, в особенности в условиях высокой ответственности. Наряду с этим, обнаружено, что практически все метакогнитивные процессы и механизмы, включаясь в состав реальной деятельности, обретают фундаментальную особенность – амбивалентность их субъективной репрезентации. С одной стороны, они имеют «положительную валентность», поскольку нормативные условия деятельности и требования к обеспечению ее качества заставляют субъекта максимально использовать все возможные средства, позволяющие обеспечить это – в том числе и средства метакогнитивного плана. С другой стороны, они же обладают и «отрицательной валентностью», поскольку их реализация сопряжена с существенными ресурсными затратами (прежде всего, когнитивными), что входит в противоречие с субъективной тенденцией к минимизации («экономии») затрат на реализацию деятельности. Следовательно, необходимо заключить, что в деятельности имеет место и возникновение новых особенностей и даже закономерностей организации метакогнитивной сферы. К числу

именно таких новых закономерностей следует отнести и еще один полученный результат. Он состоит в том, что многие метакогнитивные феномены подвергаются в деятельности еще более радикальной трансформации. Они, осознаваясь субъектом и эксплицируясь им, а затем и закрепляясь в его профессиональном опыте, начинают использоваться в качестве операционных средств организации деятельности. Феномены меняют свой исходный статус и становятся реальными детерминантами – средствами и частично даже механизмами организации деятельности.

Наконец, в ряде случаев имеет место наиболее радикальный тип трансформации средств метакогнитивного плана – их своеобразная инверсия, «оборачивание» в противоположность. Так, в частности, известный феномен «metacognition of agency», а в целом – необходимость в обеспечении максимизации осознаваемого контроля в ряде случаев инвертируется субъектом – вплоть до тенденции к его редукции. В этих случаях именно минимизация степени осознаваемого контроля может выступать единственно действенным средством выхода из тех или иных деятельностных ситуаций. Таким образом, имеет место развернутая таксономия закономерных трансформаций «классических» метакогнитивных феноменов, включающая пять их типов – их максимизацию (гипертрофию), минимизацию, редукцию, порождение новых феноменов и инверсию.

Итак, можно заключить, что синтез двух крупных направлений – психологической теории деятельности и метакогнитивизма, действительно, в значимой степени содействует расширению и представлений по основному вопросу каждого из них – об их предмете. Тем самым обоснованный и реализованный подход имеет более общее, фактически, методологическое значение. Он дает новый импульс для развития самого метакогнитивизма и, соответственно, когнитивной психологии в целом, а также для дальнейшего развития другой фундаментальной общепсихологической проблемы – проблемы деятельности. Важно и то, что данный подход позволяет конструктивно реализовать концептуальный потенциал метакогнитивизма по отношению к проблеме деятельности именно в целом, поскольку с его позиций детерминанты и факторы собственно метакогнитивно плана эксплицируются как операционные средства всех важнейших компонентов общей структуры деятельности, а также как механизмы ее общесистемной организации. Тем самым результаты, полученные при его реализации, переводят развитие проблемы метакогнитивной организации деятельности на принципиально новый качественный уровень – на уровень разработки целостных, т. е. собственно концептуальных представлений.

Литература

Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М., 2011.

Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. М., 2015.

Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. V. Yzerbyt et al. SAGE Publications, 2002.

Modern metacognitivism and psychology of activity

A. V. Karpov (Yaroslavl)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Corresponding member of RAE, Dean of faculty of psychology, Head of the Department of psychology of labor and organizational psychology of Yaroslavl state University of P. G. Demidov

The methodological and theoretical aspects of the relationship between two fundamental areas of psychological knowledge such as the theory of activity and metacognitivism are considered. There is new approach, which makes it possible to realize the conceptual synthesis of these two major directions. New data about the phenomena and patterns of mental regulation of activity were got by this approach. Moreover, this article shows how these data contributes to the development of the problem of consciousness.

Keywords: psychology of activity, metacognitivism, metacognitive processes, organization of activity, metacognitive determinants.

Стратегии и метакогнитивные детерминанты групповых решений¹

А. В. Карпов*, А. А. Карпов** (Ярославль)

* доктор психологических наук, профессор, чл.-корр. РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; e-mail: anvikar56@yandex.ru

** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; e-mail: anvikar56@yandex.ru

Рассматривается проблема групповых решений в связи с основными положениями метакогнитивизма. Выявлен стратегический состав групповых решений и проинтерпретированы его метакогнитивные детерминанты. Сформулированы новые представления о специфике метакогнитивных процессов при реализации процессов принятия решений в группе.

Ключевые слова: принятие решения, групповые решения, стратегии, метакогнитивные детерминанты, метакогнитивные процессы.

Одной из основных проблем психологической теории групповых решений, которая имеет определяющее значение для ее развития, является проблема экспликации и интерпретации основных стратегий подготовки и принятия групповых решений. В свою очередь, важнейшим аспектом самой этой проблемы выступает необходимость установления и объяснения тех когнитивных средств и механизмов, которые лежат в основе этих стратегий. Согласно существующим теоретическим представлениям, дифференцируются три основных стратегии групповых решений: *мажоритарная* (стратегия «простого большинства»), *«свободная»* (стратегия «решенческой дискус-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ); № проекта 13-06-000964.

сии»), а также стратегия *консенсуса* (Beach, 1990; Communication..., 1996).

В плане данной проблемы, однако, возникает достаточно важный в теоретическом отношении вопрос: *исчерпывают* ли собой три указанных типа стратегий *все* процессуальное содержание групповых решений? Выполненные нами исследования данного вопроса (Карпов, 2016) заставляют дать на него отрицательный ответ. Они показывают, что сложившиеся к настоящему времени традиционные взгляды о «трехкомпонентности» стратегического состава групповых решений явно недостаточны и априорно заужены. Основным результатом проведенных исследований явилось доказательство того, что существуют и иные, инвариантные, обобщенные и качественно своеобразные стратегии групповых решений.

Так, первая из установленных стратегий может быть обозначена как *квазисовместная* (или квазигрупповая). Ее суть состоит в следующем. При невозможности по тем или иным причинам прийти к согласию, к единому мнению и решению члены группы реально переходят в режим «автономного функционирования» (при формальной сохранности группы как таковой). Проще говоря, они стремятся найти *индивидуальный* выход из сложившейся ситуации, действуя, однако, в рамках группы. Формально процесс решения сохраняет статус группового, однако реально он строится как аддитивное множество разнонаправленных и практически несогласуемых друг с другом попыток выработки индивидуальных решений. При формальной сохранности группы, а следовательно, и *группового* решения, его *коллективный субъект* приобретает *диффузную структуру*.

Специфика второй из установленных стратегий состоит в следующем. Очень типичным и широко распространенным случаем в практике группового функционирования являются ситуации, в которых она *не может*, в силу объективно присущих ей ограничений, принять решение. «Мощность» группы, ее потенциал (всегда ограниченный, хотя, конечно, и очень разный у различных групп) уступает при этом сложности ситуации, не соответствует тем требованиям, которые необходимы для преодоления ситуации. В результате такого несоответствия группа продуцирует своеобразное *адаптационно-компенсаторное* поведение. Оно, как правило, строится по принципу «адресации за помощью» к группам и/или лицам, располагающим объективно большими возможностями. В реальных условиях это обычно группы (или лица) более высоких иерархических уровней. Можно видеть, таким образом, что суть данной стратегии состоит, в конечном счете, во взаимодействии той

или иной группы с какой-либо *более общей и мощной* группой (куда она, как правило, входит в качестве подгруппы, подструктуры). Данную стратегию целесообразно поэтому обозначить как *метагрупповую*: группа использует в ней для выработки решения средства, лежащие *вне* ее самой.

Итак, в свете полученных данных следует дифференцировать не три, а пять базовых стратегий групповых решений (точнее, пять «семейств» стратегий): мажоритарную, «свободную», консенсусную, а также квазигрупповую и метагрупповую. Тем самым можно видеть, что данный результат содействует развитию представлений по одной из основных проблем теории групповых решений – проблеме их *стратегического состава*.

Далее, выполненные нами исследования показывают, что закономерной спецификации подвергается и процессуально-психологическое обеспечение основных стратегий групповых решений. Обычно принято считать, что специфика группового выбора по отношению к индивидуальному определяется тем, что в состав и содержание, в структуру и функциональную организацию второго включается новая категория факторов и детерминант, которая в принципе отсутствует (просто по определению) в индивидуальном выборе; это, естественно, детерминанты собственно группового, т. е. *межличностного, социально-психологического* плана. Именно они и «окрашивают» групповой выбор в специфические для него тона, очерчивают «демаркационную линию» между ними и процессами индивидуального выбора. Фактически, вся психологическая теория группового выбора – это конкретизация данного положения, поскольку все ее основные положения как раз и связаны с экспликацией и интерпретацией того, каким образом межличностные, социально-психологические детерминанты и факторы специфицируют (и вообще организуют) процессы выбора. Разумеется, в целом и в его общем виде данное положение является не только справедливым, но, действительно, основополагающим и определяющим для теории группового выбора. Вместе с тем специфика группового выбора не исчерпывается им, а имеет и более глубокий «пласт» ее детерминации, заключающийся в следующем.

Действительно, с одной стороны, необходимо обязательно учитывать тот факт, что в основе процессов выбора в целом и группового выбора *в особенности* лежат психические процессы не только традиционно дифференцируемых классов (когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые), но и процессы *иных* классов и уровней их организации. Речь при этом, разумеется, идет уже не только о «первичных» психических процессах, к которым как раз и отно-

сятся все отмеченные выше их классы, но и о более сложных и комплексных, синтетических и интегративных по содержанию и строению процессах – о «вторичных» психических процессах. Наиболее репрезентативным их классом, в свою очередь, являются, как известно, *метакогнитивные* процессы. Следовательно, они с необходимостью должны быть включены в сферу исследований, проводимых в психологической теории выбора – как индивидуального, так и (особенно) группового.

Дело в том, что в групповом выборе, по сравнению с индивидуальным, меняется не только его *общая организация*, т. е. он не только обретает распределенный, *интериндивидуальный* характер (в отличие от *интраиндивидуального* характера индивидуального выбора), но имеет место и трансформация еще одного не менее принципиального плана. Она состоит в том, что кардинальной, качественной (и, по-видимому, *наибольшей* среди всех возможных) трансформации подвергается то, на что он, собственно говоря, направлен, в отношении чего он сам – ее *предмет*. При этом следует учитывать, что именно предмет, равно как и производное от него свойство *предметности*, является, согласно психологической теории деятельности, ее главными и определяющими, *атрибутивными* чертами. В силу этого трансформации *объективно главного* компонента деятельности (и поведенческой в целом) активности не могут не приводить к столь же радикальным трансформациям и всей ее структурно-функциональной организации. В качестве предмета выбора в процессах принятия решений выступает уже не «неодушевленный объект», не какая-либо объективная ситуация, а *субъект* (субъекты) – «другие люди», «социальные объекты», если пользоваться термином Дж. Брунера (Bruner, Tagiuri, 1959).

В результате столь радикальной трансформации предмета выбора качественно изменяется и вся система его детерминант, и вся его структурно-функциональная организация в целом (подробнее об этом см.: Карпов, 2015). В наиболее общем плане происходящие при этом сложнейшие трансформационные процессы могут быть зафиксированы посредством обращения к очень общей и аналогичной по значимости дихотомии. Она является общепринятой в психологии и предполагает дифференциацию «субъект-объектных» и «субъект-субъектных» взаимодействий. Данная дихотомия распространяется и на дифференциацию типов *деятельности*, и на иные формы субъектной активности, в том числе и на процессы групповых решений.

Очень характерно и показательно в этом плане то, что прототип такого рода дифференциации был представлен уже на отно-

сительно наиболее ранних этапах развития теории принятия решения. Это, как известно, дифференциация всех ситуаций выбора, осуществленная Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном, на так называемые «*игры с природой*» и «*рефлексивные игры*» (Нейман, Моргенштерн, 1970).

Вместе с тем по отношению к процессам групповых решений само понятие «рефлексивная игра», на наш взгляд, имеет еще один более глубинный, но одновременно и определяющий (а в известном смысле, и объясняющий) аспект своего содержания. Эффективность любого субъект-субъектного взаимодействия (в том числе и деятельностного, и поведенческого, и направленного на реализацию выбора, и др.) в решающей степени зависит от того, насколько полно и адекватно субъектом будут учтены главные содержательные характеристики того, с кем осуществляется это взаимодействие. Безусловно, спектр этих характеристик очень широк и гетерогенен: при этом, однако, нельзя не видеть и того вполне очевидного, в действительности, но обычно не учитывающегося должным образом обстоятельства, что в этот спектр входит и еще одна категория характеристик субъекта. Их суть состоит в том, что они эксплицируют представления субъекта выбора о тех особенностях поведения других включенных в ситуацию выбора субъектов, которые присущи им в целом, и, главное, о том, чем обусловлены эти особенности. Фактически, речь идет о том, что в ситуациях интериндивидуального выбора его субъектом обязательно эксплицируется и интерпретируется то, как и почему другие включенные в него субъекты организуют свое поведение в нем. При этом, по-видимому, главную роль в такой экспликации и, соответственно, в интерпретации поведения «других» играют те представления, которые складываются относительно главных операционных средств, лежащих в основе организации поведения в отношении психических процессов, в особенности – *когнитивных*. В групповых решениях, равно как и в ситуациях субъект-субъектного взаимодействия в целом, поведение включенных в них лиц может быть эффективным лишь в том случае, если в достаточно адекватной мере ими будут учитываться особенности не только *своей* когнитивной сферы (знания, опыт, представления о своих возможностях), но и о когнитивной сфере *других*.

Следовательно, наиболее принципиальным является и то, что именно в процессах групповых решений на первый план объективно выходят детерминанты и факторы не только когнитивного, но и *метакогнитивного* плана, поскольку эти процессы атрибутивно сопряжены с рефлексивными механизмами и закономерностями

и, более того, базируются на них. Осуществление процессов групповых решений, в отличие от реализации индивидуальных решений, объективно невозможно вне и помимо опоры на факторы и процессы именно метакогнитивного плана. При этом и само понятие «метакогниции» существенно расширяется и обогащается, поскольку в него включаются не только представления субъекта о своих когнитивных процессах и особенностях (что свойственно традиционному метакогнитивизму), но и представления о метакогнициях *других* людей. Особо следует подчеркнуть, что такого рода, так сказать, *интериндивидуальные* метакогниции с необходимостью включают в свой состав и более широкие представления о когнитивной сфере «других» – о всей совокупности их «*знаниевых* характеристик». Действительно, принимая решения в условиях межличностного взаимодействия, личность как субъект выбора ориентируется на то, какими знаниями, в каком аспекте, с какой полнотой и достоверностью и пр. обладает тот субъект, в отношении которого (или же вместе с которым) осуществляется сам выбор. При этом необходимо учитывать, что само понятие метакогниции имеет в качестве синонима понятие «*метапознание*», в котором как раз и фиксируется тот факт, согласно которому в общий состав метакогнитивной сферы входят не только *процессуальные* образования, но и итоговые, результативные эффекты их функционирования, т. е. сами *знания*, а также обеспечивающие их структуры. Таким образом, можно сделать существенное, на наш взгляд в методологическом плане заключение, согласно которому за счет учета всего вышеизложенного происходит *концептуальное расширение* теоретических представлений о самом *предмете* метакогнитивизма.

В свете вышеизложенного становится очевидным, что групповые решения вообще могут существовать как некая реальность – как «фрагмент онтологии» группового функционирования – лишь в том случае, если они включают в свое содержание факторы и процессы метакогнитивного плана (точнее – уровня организации). Более того, именно эти факторы локализуются на высшем, т. е. ведущем и определяющем уровне такого функционирования, поскольку они носят атрибутивно присущий всем метакогнитивным процессам осознаваемый характер. Они тем самым обеспечивают осознаваемый, произвольно контролируемый и именно потому – высший и ведущий уровень организации межличностного взаимодействия. В связи с этим лишь небольшое преувеличение требуется для заключения о том, что групповые решения вообще возможны лишь благодаря тому, что в них включены метакогнитивные факторы и детерминанты, процессы и механизмы.

Литература

- Карпов А. В.* Психология групповых решений. М., 2010.
- Карпов А. В.* Психология деятельности. В 5 т. М., 2015.
- Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В.* Психология принятия решений в управленческой деятельности. М., 2016.
- Нейман Дж. фон, Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.
- Beach L. R.* Image theory: Decision-making in personal and organizational contexts. Chichester, Wiley, 1990.
- Bruner J., Tagiuri R.* The perception of people // Handbook of Social Psychology / Ed. G. Lindzey. Vol. 2. L., 1959.
- Communication and Group Decision-Making / Ed. R. Hirokawa. Texas AM University, 1996.

Strategies and metacognitive determinants of group decisions

*A. V. Karpov**, *A. A. Karpov*** (Yaroslavl)

*Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Corresponding member of RAE, Dean of faculty of psychology, Head of the Department of psychology of labor and organizational psychology of Yaroslavl state University of P. G. Demidov

** Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of psychology of labour and organizational psychology of Yaroslavl state University of P. G. Demidov

The problem of group decisions is under consideration in connection with the main provisions of metakognitivizm. The strategic composition of group decisions is revealed and its metacognitive determinants are interpreted. New ideas about the specifics of metacognitive processes in the implementation of decision-making processes in the group are formulated.

Keywords: making decision, group decisions, strategies, metacognitive determinants, metacognitive processes.

Введение релятивной функции в состав основных функций психики¹

*А. Н. Костин**, *Ю. Я. Голиков*** (Москва)

** доктор психологических наук, главный научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: anatolykostin@gmail.com*

*** доктор психологических наук, главный научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: golikov@psychol.ras.ru*

Исследуется проблема выделения основных функций психики. Проанализированы существующие теоретические позиции рассмотрения функций психики и показана их ограниченность. Выделены когнитивная, релятивная и регулятивная функции. Первая и третья функции являются классическими; их назначение состоит в осуществлении познавательных процессов, а также в инициации и организации активности. Вторая, релятивная функция введена впервые; ее назначение заключается в выработке субъективных отношений к объективной реальности и сосредоточенности на ее требуемых изменениях. По своему содержанию данные отношения разделяются на два типа: эмоциональные и осмысленные.

Ключевые слова: функции психики, активность, внутренняя детерминация, когнитивная, релятивная и регулятивная функции

Одним из итогов проводимых нами исследований различных видов сложной деятельности явилось осознание серьезной ограниченности изучения только одного аспекта активности человека – регуляционного (Костин, Голиков, 2014). Несмотря на возможности теоретического и экспериментального анализа содержания процессов организации активности в динамике, представляющих суть психической регуляции, данная ограниченность проявилась, в частности, в недостаточности раскрытия механизмов детерминации активности.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0010.

Для целостного, многоаспектного анализа активности и раскрытия особенностей ее детерминации необходимо рассмотрение всех функций психики, а не только регулятивной. Как подчеркивал Б. Ф. Ломов, «когда речь идет о психике как относительно самостоятельной системе... ее анализ должен начинаться с выделения *основных функций психики* (курсив наш. – Авт.) в жизнедеятельности человека» (Ломов, 1984, с. 401). Им были выделены три функции – когнитивная, регулятивная и коммуникативная, которые рассматривались и как отдельные подсистемы единой функциональной системы психики (там же). Когнитивная функция, по его мнению, «выступает как познание в полном смысле этого слова, т. е. как активное, целенаправленное приобретение знаний» (там же, с. 183). Регулятивная функция, реализующаяся, прежде всего, на основе волевых процессов, обеспечивает адекватность деятельности ее предмету, средствам и условиям. Коммуникативная функция формируется и развивается в процессе общения и обеспечивает обмен знаниями, идеями, замыслами, опытом между людьми.

Данные функции были определены Б. Ф. Ломовым, исходя из понимания психики как субъективного отражения объективной действительности, на основе которого осуществляется регуляция поведения и деятельности. В рамках этого понимания выделение регулятивной функции является очевидным, а когнитивную функцию можно сопоставить с осуществлением отражения действительности. Однако выделение коммуникативной функции в качестве основной функции данному пониманию психики не соответствует, так как она реализует процессы обмена «результатами психического отражения» (Ломов, 1984, с. 400), которые в используемом понимании психики отсутствуют. А это означает, что коммуникативную функцию нельзя считать необходимой. В то же время данную функцию можно было бы рассматривать как необходимую, если расширить приведенное понимание психики, добавив в него положение о том, что на основе субъективного отражения осуществляется не только регуляция поведения, но и коммуникация с другими людьми. Однако в связи с тем, что по своему назначению коммуникативная функция направлена на передачу знаний и информации между людьми, она реализуется в активности не всегда, а только в процессах общения и поэтому имеет не общий, а частный характер. Более того, так как эта функция по содержанию связана с передачей знаний, ее следует рассматривать как составную часть когнитивной функции психики.

Существенное развитие теоретической позиции Б. Ф. Ломова предпринято в работах Н. И. Чуприковой. В ее работах по созда-

нию модели функциональной системы психики выделяются не три подсистемы (или функции), а значительно большее их количество (Чуприкова, 2015). Однако эти подсистемы выделяются на разных основаниях, поэтому предлагаемая модель обладает внутренней противоречивостью, которую мы сейчас анализировать не будем.

Полагаем, что основание для полноценного и непротиворечивого выделения функций психики должно выражать ее сущность или наиболее принципиальные свойства. Самая общая позиция рассмотрения психики, как известно, заключается в том, что она присуща человеку как живому существу. Поэтому следует считать, что *в качестве основания для выделения функций психики необходимо использовать такое понимание ее сущности, которое учитывало бы специфические свойства жизни как таковой.*

В современном естественнонаучном знании жизнь определяется главным образом как форма существования материи, закономерно возникающая в процессе ее развития, как форма бытия органического мира, отличающаяся от неживых объектов следующими свойствами: обменом веществ (метаболизмом), раздражимостью, приспособляемостью к среде, способностью к саморегуляции, различными формам движения, размножению, развитию. Достаточно очевидно, что практически все перечисленные свойства могут быть реализованы только в том случае, если живые организмы обладают внутренней активностью.

Рассмотрим далее, каким образом внутренняя активность живого существа может реализовывать различные свойства, выделяемые в естественнонаучных представлениях о жизни. Так, обмен веществ, прежде всего, связан с активностью по поглощению полезных веществ из внешней среды и их отделению от вредных; приспособляемость к среде предполагает различение опасных и безопасных ее элементов и т. д.; при саморегуляции и выполнении различных форм движений требуется оценка полезности и бесполезности их результатов. Таким образом, живым организмам необходимо разделение элементов и условий объективной реальности на позитивные и негативные, которое и обуславливает направленность дальнейшей активности. Естественно, что формирование направленности активности требует проведения оценки *значимости для существования* различных аспектов реальности – полезных и вредных, опасных и безопасных, приятных и неприятных, нужных и ненужных, полезных и бесполезных, благоприятных и неблагоприятных и т. д.

Следовательно, внутренняя активность живых существ не хаотична, а отличается направленным характером. Но тогда данное об-

стоятельство обязательно должно быть отражено в определении жизни, которое сформулируем следующим образом: *жизнь – это способ бытия сущностей, наделенных внутренней активностью, направленность которой детерминируется значимостью для их существования различных элементов и условий объективного мира – в отличие от не обладающих способностью к оценке указанной значимости неживых объектов.*

Внутренняя активность является качественно неоднородной и ее можно разделить на два типа в зависимости от области ее реализации. Активность первого типа – *внутриорганизменная* – заключается в осуществлении обмена веществ и связанных с ним процессов в разных системах организма или его отдельных органах. Активность второго типа – *внеорганизменная* – представляет собой активность живых организмов как отдельных единичных сущностей в окружающей действительности. Отметим, что и тот, и другой типы активности являются внутренними, так как реализуются внутри живого существа, хотя и могут иметь внешние проявления. Введенные два типа внутренней активности позволяют разделить жизненные процессы на физиологические и психические. Достаточно очевидно, что содержание внутриорганизменной активности соответствует физиологическим процессам, а внеорганизменной активности – психическим. Соответственно, будем полагать, что *сущность психики заключается в обеспечении внутренней детерминации внеорганизменной активности живого существа*, направленность которой обуславливается значимостью для его существования элементов и условий объективного мира. В дальнейшем изложении под понятием «внутренняя активность» будем иметь в виду только ее внеорганизменный тип. Для человека такая активность представляет собой поведение и деятельность. В то же время значимость для существования его как индивида и личности принимает форму субъективной значимости.

Проблема психической детерминации является одной из самых фундаментальных. Общий принцип детерминации психических явлений обычно формулируется как «внешнее через внутреннее», т. е. считается, что внешние воздействия влияют на активность не напрямую, а опосредованно – через внутренние условия (Брушлинский, 2003; Рубинштейн, 2003). Необходимо учитывать, что роль детерминации не сводится лишь к инициации активности. Так, Б. Ф. Ломов считал, что «детерминанты поведенческого акта выступают не просто в роли некоего “первого толчка”, только иницирующего его начало. Сама реализация детерминации представляет собой развернутый во времени процесс, осуществляемый в ходе выполне-

ния этого акта, при этом может изменяться его состав и структура» (Ломов, 1984, с. 124).

Исходя из используемого нами понимания психики, следует считать, что каждая из психических функций должна обеспечивать тот или иной аспект детерминации активности человека благодаря своему назначению. Соответственно, рассмотрим далее, какие же главные аспекты можно выделить в психике человека как живого существа.

Прежде всего, во внутренней детерминации активности должна существовать ее некоторая *основа*, которую должны составлять получение знаний об объективном мире, где происходит активность и сама жизнь человека, возможность оперирования ими, а также их реализация посредством воздействия на окружающую действительность. Все это можно рассматривать в качестве первого аспекта психики.

Вторым аспектом следует считать *формирование направленности* внутренней детерминации активности, осуществляемой на основе оценки субъективной значимости знаний об объективном мире. Для этого необходимо разделить различные элементы и условия объективной реальности и собственное положение в ней человека на позитивные и негативные, а затем выявить требуемые, нужные или желательные изменения, как окружающего мира, так и своего места в нем. Сосредоточенность на этих изменениях и определит *индивидуальную направленность* дальнейшей активности. Условно говоря, направленность активности будут формировать ответы на вопросы, какова значимость для человека элементов и условий окружающего мира, и что ему требуется в нем изменить.

Третьим аспектом должна быть *реализация* внутренней детерминации активности, которую можно достичь с помощью инициации и организации активности.

Основываясь на психологическом содержании первого и третьего аспектов внутренней детерминации, следует считать, что соответствующие им функции предназначены, во-первых, для приобретения, оперирования и реализации знаний и, во-вторых, для инициации и организации активности. Они являются *когнитивной* и *регулятивной* функциями психики, уже ставшими классическими.

Что же касается функции, которая соответствует второму аспекту внутренней детерминации активности, то при определении ее названия возникает существенная неоднозначность. Формирование направленности внутренней детерминации активности осуществляется на основе оценки субъективной значимости элементов и условий объективной реальности и предполагает, прежде

всего, как показано выше, разделение их на позитивные и негативные. В совокупности этих оценок выражается позиция человека по отношению к окружающему миру. Под влиянием полученных оценок и возникает направленность активности как сосредоточенность на требуемых изменениях окружающего мира и своего места в нем. В общем случае эти изменения заключаются в сохранении, усилении, увеличении, создании новых позитивных аспектов действительности или избегании, ослаблении, уменьшении ее негативных аспектов, хотя здесь могут быть исключения. Фактически в данной позиции человека и выражаются его *субъективные отношения* к окружающему миру, зависящие от жизненного опыта и индивидуально-личностных особенностей. Поэтому назначение второй основной функции психики заключается в *выработке субъективных отношений к объективной реальности и сосредоточенности на ее требуемых изменениях.*

В. Н. Мясищев полагал, что психологические отношения человека «в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека; она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» (Мясищев, 2011, с. 7). В то же время отношения к окружающей действительности, сложившиеся у человека на основе жизненного опыта, фактически характеризуют его личность.

В свою очередь, рассматривая основные психологические характеристики личности – потребности, мотивационно-целевую сферу, ценностные ориентации, интересы, привязанности, симпатии, стереотипы поведения, способы взаимодействия и др., – Б. Ф. Ломов считал возможным обобщить все эти характеристики понятием «субъективные отношения личности». Данное понятие характеризует, «как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет»; оно «подразумевает не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, но, прежде всего, ее субъективную позицию в этом окружении» и «включает момент оценки, выражает пристрастность личности» (Ломов, 1984, с. 326).

По нашему мнению, понятие «субъективная позиция» в объективном окружении, введенное Б. Ф. Ломовым, более адекватно отражает суть рассматриваемого психического феномена – отношения по сравнению с понятием «связь личности» с аспектами объективной действительности, используемым В. Н. Мясищевым. Поэтому нами предлагается следующее определение: *отношение – это позиция человека в объективной реальности, заключающаяся в выяв-*

лени ее субъективно значимых (позитивных и негативных) аспектов, которые задают направленность активности.

Следовательно, название второй функции, исходя из ее назначения, должно определяться с помощью понятия «отношение». Основываясь на английских аналогах названий функций когнитивной и регулятивной, вторую функцию можно назвать *релятивной* (от *англ. relation* – отношение).

Таким образом, исходя из введенного понимания сущности психики, заключающейся в обеспечении внутренней детерминации внеорганизменной активности живого существа и ее трех аспектов – основы, направленности и реализации, – нами выделены три основные функции психики: когнитивная, релятивная и регулятивная. Введение релятивной функции в состав основных функций психики существенно увеличивает *субъективность* в детерминации активности, потому что, как уже отмечалось, в отношениях человека к окружающей действительности и самому себе наиболее выражено проявляются его индивидуально-личностные свойства.

Детерминацию поведения жизненными смыслами, руководствуясь которыми человека может действовать вопреки объективным обстоятельствам, подробно анализирует В. Франкл (1990). Им особо выделяются ценности отношений как смысловые универсалии, которые позволяют человеку занять осмысленную позицию даже в случае непреодолимых обстоятельств. Аналогичной позиции придерживался и А. Н. Леонтьев, подчеркивая, что «смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражается и несет в себе его собственные жизненные отношения» (Леонтьев, 1975, с. 278). По его мнению, субъективность состоит в пристрастности субъекта, причем, именно «личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания» (там же, с. 153). С позиции деятельностного подхода, как отмечал Д. А. Леонтьев, «смысл порождается реальными отношениями, связывающими субъекта с объективной действительностью» (Леонтьев, 2003, с. 103).

Можно полагать, что отношения связаны с индивидуально-личностными особенностями эмоциональной и смысловой сфер человека. Тогда целесообразно выделить два типа отношений – эмоциональные и осмысленные – так как они имеют разное функциональное назначение.

Эмоциональные отношения предназначены для непосредственных позитивных и негативных оценок субъективной значимости различных аспектов объективного окружения, своего места в нем, реагирование на которые приводит к некоторым импульсивным влечениям. В то же время назначение осмысленных отношений состо-

ит в опосредованных, углубленных оценках указанной значимости, вызывающих осознанные, продуманные стремления.

Таким образом, включение в состав основных функций психики новой, релятивной, функции выражает специфическое свойство живых существ, отличающее их от неживых объектов, – направленность внутренней активности, которая детерминируется значимостью для существования различных элементов и условий объективного мира и формируется в процессе выработки субъективных отношений к этому миру. В связи с тем, что по содержанию данные отношения разделяются на эмоциональные и осмысленные, введение релятивной функции позволяет усилить субъективность в детерминации активности, а также повысить статус категории отношений.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.– Воронеж, 2003.
- Костин А. Н., Голиков Ю. Я.* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М., 2014.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
- Ломов Б. Ф.* Теоретические и методологические проблемы психологии. М., 1984.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений. М.–Воронеж, 2011.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Чуприкова Н. И.* Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М., 2015.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

Introduction of relative function in the composition of the basic functions of mind

A. N. Kostin, Yu. Ya. Golikov** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, chief scientific officer,
Institute of Psychology RAS

** Doctor of psychological sciences, chief scientific officer,
Institute of Psychology RAS

The problem of definition of the basic functions of mind is investigated. It's analyzed the existing theoretical positions considering the mental functions and it is shown their limitations. Cognitive, relative and regulative

functions are highlighted. The first and third features are classic, their assignment is to fulfill the cognitive processes as well as to initiate and to organize activities. Second, relative function is introduced for the first time; its purpose is to develop a subjective relationship to objective reality and focusing on its demanded changes. In their content, these relations are divided into two types: emotional and meaningful.

Keywords: functions of mind, activity, inner determination, cognitive, relative and regulative functions, the means of functions realization, mental mechanisms, processes and formations.

Две методологически важные проблемы психологии

А. Н. Лебедев (Москва)

*доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: artleb@mail.ru*

Две нейронные константы (Г. Бергера и М. Н. Ливанова) я включил в новые простые законы экспериментальной психологии, психофизики и лингвистики. Точность прогнозов поведения человека увеличилась. Психология превратилась отныне в точную науку, подобную физике, химии и генетике. Проложен новый путь к открытию столь же точных законов коллективного поведения миллиардов людей. В частности, предлагается обсудить новую простую технологию выдвижения мировых лидеров в разных странах с целью исключения опасных межгосударственных конфликтов.

Ключевые слова: нейронные константы, законы психологии, выборы

Основатель Института психологии АН СССР (в настоящее время – РАН) Б. Ф. Ломов был нацелен на поиск фундаментальных законов поведения человека: «Действительно, научная психология не может ограничиваться только констатацией индивидуальных различий и разнообразия проявлений психического. Она должна раскрывать общие законы. Абсолютизация уникального и специфического, игнорирование общего означает отрицание объективных законов» (Ломов, 1984, с. 108).

В указанном направлении сегодня требуется решение двух методологически важных проблем.

Первая проблема касается огромного количества накопленных в психологии и нейрофизиологии данных. Универсальных констант и простых всеобъемлющих законов, подобных законам физики, химии и генетики (таких как, например, классические законы И. Ньютона, Д. И. Менделеева, Г. И. Менделя), в психологии до сих пор не было. Требуется найти такие законы.

Вторая глобальная проблема психологии сейчас, пожалуй, более важная, касается царящего ныне хаоса в сфере общественных отношений. До сих пор не затухают военные конфликты. И. П. Павлов назвал мировые войны «сумасшествием», «болезнью человечества». Необходимо мирно, безболезненно и быстро превратить все человечество в «одну семью», подобную многомиллиардной «семье» нейронов, составляющих мозг человека. Психологи обязаны найти законы поведения не только конкретных людей, но и человечества в целом.

К счастью, в наши дни найдены, наконец, доступные инструментальному измерению элементарные единицы внутреннего мира человека, что обеспечивает решение обеих глобальных проблем. Впервые психология, вслед за физикой, химией и генетикой, благодаря двум универсальным нейронным константам ($F=10$ Гц, $R=0,1$) в своих законах достигла высокой точности прогнозов поведения человека.

Для сравнения напомним, что простейшими единицами в физике являются атомы, в химии – молекулы, в генетике – длинные молекулы рибонуклеиновых кислот, скрученные в компактные спирали внутри каждой клетки. Сейчас доказано, что элементарными единицами нашего внутреннего мира являются нейронные ансамбли, т. е. группы нервных клеток, ритмично пульсирующие взаимосвязано друг с другом и с другими ансамблями. Пора психологам перестать шутить, что общая, т. е. теоретическая, психология до сих пор – это всего лишь общие слова на общие темы. Доказано, что множество экспериментально найденных ранее и, казалось бы, никак не связанных друг с другом частных закономерностей психики являются в действительности проявлениями единого нейронного механизма взаимодействия миллиардов нейронов, составляющих мозг человека. Этому доказательству посвящена моя последняя книга (Лебедев, 2016). Достаточно привести лишь некоторые новые простые формулы законов, объясняющих множество разнообразных данных в экспериментальной психологии, в психофизике и в лингвистике.

Первая формула. Начну с лингвистики. Когда-то Ципф (Zipf, 1935) обнаружил интересную зависимость, названную законом. Между двумя одинаковыми словами в связном тексте размещается, в среднем, десять других слов, реже – двадцать слов, еще реже – тридцать, сорок слов и т. д. по формуле: $R/1+R/2+R/3...+R/M$, где M – число разных слов, причем константа Ципфа – $R=0,1$. Получается, что объем текста предопределяет объем словаря, его размер, т. е. количество разных слов в заданном тексте. Для текстов, сильно различающихся по своему объему, значения константы должны

быть разными. Константа Ципфа, по определению, не может быть в точности одинаковой для разных объемов текста.

Тем не менее, учитывая закономерности ритмичной нейронной деятельности, я вывел чисто аналитически универсальную формулу для текстов, различающихся по своим объемам во много раз со слегка различающимися значениями константы Ципфа. Замечу, что нейронные «буквы» и «слова», кодирующие обычные буквы и слова, представлены пакетами волн нейронной активности тех или иных нейронных ансамблей. В новых формулах ступенчатая минимальная разница между периодами и фазами согласованных колебаний нейронной активности в относительных единицах была названа мной константой М. Н. Ливанова ($R=0,1$). Вряд ли сходство констант Ливанова и Ципфа случайное. Проверая эту гипотезу, удалось рассчитать зависимость объема словаря от объема текста (Лебедев, 1986) и значение (R) нейронной константы Ливанова – по опубликованным данным самого Ципфа и других исследователей. Новые результаты представлены в таблице 1. Сходство обеих констант удивительное.

Таблица 1

Расчет константы (R) и размера словарей (T) по объему текста (V)

Автор текста	V	T	S	$T/S, \%$	R
Мицкевич	6587	2254	2257	100	0,1071
Камю	14330	2531	2533	100	0,1174
Данте	14392	2275	2275	100	0,1197
Шекспир	25471	3386	3391	100	0,1146
Данте	33386	6265	6274	100	0,1049
Данте	34042	6444	6450	100	0,1044
Данте	34126	6575	6598	100	0,1040
Мицкевич	34280	6807	6823	100	0,1033
Лермонтов	40364	5890	5925	99	0,1073
Писарев	48354	6307	6348	99	0,1069
Паустовский	57000	7828	7829	100	0,1042
Данте	101554	12998	13004	100	0,0991
Гладков	127917	12807	12821	100	0,0996
Байрон	130745	14366	14411	100	0,0984

Примечание. Здесь S – реальный размер словаря. Формула для итеративного расчета его размера простая: $T=V-R*V*(\ln(R*V)+0,577216)+R*V$, T/S – совпадение, %. Мы использовали для такого расчета известные тексты разных авторов (Орлов, 1978; Тулдава, 1980).

Вторая формула. Известное из математики «золотое сечение» ($Q=0,618$) открыл для психологов Густав Фехнер, сопоставив ширину и высоту множества картин разных художников. Наша формула

иная: $Q = (1 + f(0,677) / \sqrt{(1/R/2)}) / 2 = 0,612$, где f – функция плотности нормального распределения, $\sqrt{\quad}$ – обозначение квадратного корня из среднего числа параллельных операций сравнения двух равновероятных решений, а $R=0,1$ – нейронная константа Ливанова, т. е. минимальная относительная разность между периодами альфа-волн. Константа (Q) по нашей формуле имеет ясный психологический смысл.

Третья формула. Объем (N) оперативной, т. е. кратковременной, памяти человека легко вычислить по формуле: $N = (1/R - 1) \ln(1/R - 1) / \ln(A)$, в которой \ln – знак натурального логарифма, A – размер алфавита запоминаемых элементов. Новый закон точнее известного психологам правила Миллера для объема кратковременной памяти – «семь плюс – минус два».

Четвертая формула. Время $t(N)$, необходимое для выбора одного решения из нескольких (N) возможных решений, находим по уравнению: $t(N) = (1/FR) * ((1 - (1 - R)/N)^{**2}) / 2$. Здесь одинарная звездочка – знак умножения, а двойная – знак возведения в степень. В этой формуле символ (F) – вторая универсальная нейронная константа: частота доминирующего у человека альфа ритма, равная округленно 10 герцам. Четвертая формула предсказывает опытные данные намного точнее, чем широко известный в экспериментальной психологии закон Хика. По четвертой формуле, в частности, при $N=1$ получаем константу Гайслера, равную округленно пяти миллисекундам ($G=5$).

Пятая формула. Из четвертой же формулы при $N \gg 1$ выводится еще одна нейронная константа: $C = t(N) / 2 = 250$ мс, почти совпадающая с известной константой Кавеноха (243 мс), определяющей время поиска заданного элемента в кратковременной памяти человека.

Шестая формула. Известная в психофизике формула Стивенса выражает зависимость наших ощущений от интенсивности (I) воспринимаемых стимулов. Точность расчетов по этой формуле существенно повышается, если для вычисления показателя степени (n) в формуле Стивенса использовать наше новое простое уравнение $n = \ln(T_{\max} / T_{\min}) / \ln(I_{\max} / I_{\min})$. Здесь, в этой шестой формуле, символы (\min) и (\max) соответствуют самой низкой, пороговой, и, соответственно, максимально высокой интенсивности (I) воспринимаемых стимулов в случае простых сенсомоторных реакций. Они же соответствуют длительности (T) скрытых периодов таких реакций. Отношение $T_{\max} / T_{\min} = (1/FR) / G = 1000 / 5 = 200$ в числителе шестой формулы обеспечивает точный расчет показателя степени основного психофизического закона. Итак, законы психологии стали проще и точнее благодаря двум универсальным нейронным констан-

там ($R=0,1$, $F=10$ Гц). Новые психологические законы и константы выведены из представлений о психике человека как совокупности многообразных волновых нейронных процессов. Эту мысль высказал впервые более трехсот лет тому назад врач Д. Гартли, последователь И. Ньютона. Открытия Г. Бергера и М. Н. Ливанова, моего учителя, в первой половине XX в. позволили вскрыть простой механизм взаимосвязи ритмичных нейронных процессов, обеспечивающих хорошо предсказуемое поведение человека во множестве известных психологам ситуаций. Новые константы и законы психологии по своей универсальности и точности подобны законам физики, химии и генетики. Итак, можно утверждать, что первая методологическая проблема психологии, в принципе, решена.

Вторая важная методологическая проблема психологии теоретически также решена, но экспериментально еще не проверена. Речь идет о законах коллективного поведения людей. Подобно нейронам, все люди объединяются добровольно в небольшие ячейки с целью взаимопомощи и, главное, – с целью выбора своих «семейных» лидеров. Первичные ячейки следом, в свою очередь, объединяются в небольшие ячейки рангом выше и так далее. Пример подобного объединения в суровых условиях одной российской колонии в 1920–1930-е годы был показан нашим классиком А. С. Макаренко.

Гипотетически можно представить также возможность создания гигантских «многоэтажных» пирамид выборщиков. Например, население России способно образовать одну восьмизэтажную пирамиду из небольших ячеек, примерно по 10 человек в каждой. На вершине – руководитель пирамиды. Еще выше в свои ячейки размером по 3–7 человек каждая объединяются тоже добровольно лидеры всевозможных государств, создавая более мощные мировые пирамиды. Все решения любой ячейки о выборе своего руководителя на каждом этапе пирамиды принимаются в ходе непосредственного общения («глаза в глаза»). Это главное. В итоге каждому участнику гигантской мировой пирамиды суждена долгая счастливая жизнь. Ибо охотники повоевать исчезают автоматически, поскольку становится бессмысленным для любого воинственного лидера противостоять гигантскому мировому сообществу, образующему единую пирамиду. Так выглядит предстоящая глобализация мира – по-доброму, по-семейному, без нищих и золотых миллиардов на земле.

Каждая из миллиардов нервных клеток живет в сотни раз дольше всех остальных клеток благодаря подобной самоорганизации, обеспечивающей мирное, своевременное и безболезненное решение разнообразных межклеточных проблем. Любая «живая пирамида» напоминает семью, в которой один – за всех, и все – за одно-

го. Возможность подобных технологий, вытекающих из последних достижений нейронауки, привлекает все большее внимание психологов (Егоров, Лебедев, 2013; Егоров и др., 2015; Лебедев, 2014). Жаль, что не политиков. Любителей повоевать немало. Кому же выгодно преждевременная смерть человечества? Такой исход, увы, отнюдь не за горами!

Литература

- Егоров И. В., Лебедев А. Н.* Новая информационная технология избирательных процедур // Когнитивное моделирование в науке, культуре, образовании: Труды I-й Международной конференции, CMSCE-2013. Ростов-на-Дону, 2013. С. 288–290.
- Егоров И. В., Лебедев А. Н., Савенков А. И.* Психолого-педагогические риски и будущее наших детей: Материалы 2-ой Межрегиональной научно-практической конференции. 14–25 апреля 2015 г. М.–СПб., 2015. С. 278–282.
- Лебедев А. Н.* Циклические коды памяти // Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. М., 1986. С. 105–115.
- Лебедев А. Н.* Благополучие человека в свете достижений нейронауки // Общество и непрерывное благополучие человека: Сборник научных работ Международного научного симпозиума / Под ред. Г. А. Барышевой и Л. М. Борисовой. Томск, 2014. С. 137–140.
- Лебедев А. Н.* Нейронаука и психология. Избранные труды. Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, Germany, 2016.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Орлов Ю. К.* Статистическое моделирование речевых потоков // Вопросы кибернетики. 1978. Вып. 41. С. 66–99.
- Тулдава Ю. А.* К вопросу об аналитическом выражении связи между объемом словаря и объемом текста // Лингвостатистика и количественные закономерности текста: Ученые записки Тартуского университета. Вып. 549. Тарту, 1980. С. 113–144.
- Zipf G.* The psychobiology of language. Boston, 1935.

Two acute methodological problems in psychology

A. N. Lebedev (Moscow)

Doctor of biological Sciences, Full Professor, chief scientific officer,
Institute of Psychology RAS

I included two neuronal constants of H. Berger and M. N. Livanov into new simple laws of experimental psychology, psychophysics and linguistics. The exactness of prognoses of human's behavior is significantly increased. Psychology is transformed now into exact science like physics, chemistry and genetics. A new way is proposed to open new exact laws of collective behavior of milliards of people. In partial, the simple new technology of elections of world leaders darts out on a discussion with the purpose of exception of military dangerous conflicts between the states.

Keywords: neuronal constants, psychological laws, elections.

Предмет психологической науки и философия психологии¹

В. А. Мазилов (Ярославль)

*доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой
общей и социальной психологии Ярославского
государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского;
e-mail: v.mazilov@yspu.org*

Статья посвящена проблеме предмета психологии. Сама история психологии рассматривается как история поисков подлинного предмета психологии. Констатируется, что современные трактовки предмета не в полной мере соответствуют сложности задач, стоящих перед психологией. Предлагается версия трактовки предмета научной психологии как внутреннего мира человека. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: декларируя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении осторожно заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. Внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. В статье раскрывается трактовка предмета, анализируются преимущества данного подхода. Утверждается, что разработкой теории предмета должна философия психологии. Дается абрис философии психологии как психологической дисциплины.

Ключевые слова: психология, наука, предмет науки, объяснение, внутренний мир человека.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания № 25.8407.2017/БЧ по теме «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества».

Введение

Среди методологических вопросов психологии важное место занимает проблема определения предмета психологии. Она особенно важна в связи с существующим в наше время мнением, что психология превратилась в совокупность мало связанных между собой дисциплин, поэтому обсуждение вопроса о ее предмете в целом является излишним. Процессы дифференциации вполне заметны, оспаривать их наличие не приходится. Однако было бы неверно игнорировать и явно выраженные тенденции интеграции. Очевидно и то, что, прогнозируя будущее психологии как набор слабо связанных друг с другом дисциплин, мы тем самым способствуем ее превращению в «траву-ковыль». Если же мы будем относиться к психологии как к развивающейся фундаментальной науке, то со временем она такой и будет. Про траву – возможно, лишнее, но еще живы в памяти споры наших учителей о том, как будет развиваться психология – в «ствол» или в «куст». Теперь ясно, что они были большими оптимистами.

Проблема определения предмета психологии

Вся история психологии представляет собой историю поисков предмета психологии. Теоретический анализ этой проблемы предполагает, в первую очередь, выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основных характеристик. Представляется возможным выделить следующие функции предмета психологии:

- 1) Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других.
- 2) Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрипредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.
- 3) Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.
- 4) Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов (Мазилов, 2006).

Назовем основные характеристики предмета психологии:

- 1) Предмет должен существовать реально, не быть «искусственно» сконструированным; исследоваться должна психическая реальность, иными словами, предмет должен иметь онтологический статус.
- 2) Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, приводя тем самым к редукции психического.
- 3) Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать психологическую науку по ее собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к логике естественного или герменевтического знания (там же).

Предмет психологии – внутренний мир человека

Представляется очевидным, что для осуществления этих функций требуется не формальное определение предмета как идеи, а совокупное содержание – то, что мы называем совокупным предметом. По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать *внутренний мир человека*. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет, и она уже встречалась в истории психологической науки. Не останавливаясь на историческом экскурсе трактовки предмета психологии, подчеркнем, что приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову (Шадриков, 2004). Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта «предмет психологии» (Шадриков, 2006). Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» В. А. Мазилова (Мазилев, 2002). Отметим, что в этом издании идея не была реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

Понимание предмета психологии как внутреннего мира человека представлено в учебнике для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей (Шадриков, Мазилев, 2015). Данный подход здесь не только декларирован, но и максимально эксплицирован: из дидактических соображений полно представлена внутренняя архитектура предмета. Отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета.

Дается также достаточно полная содержательная характеристика данного концепта. Показано, что «внутренний мир человека» отражает его бытие и формируется в процессе жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках человека, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, связан с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология (Шадриков, Мазиллов, 2015).

Как справедливо отмечает Д. А. Леонтьев, человека можно рассматривать одновременно и как природный объект, индивидуальность, и как личность, имеющую особый внутренний мир, который характеризуется через его содержание и те взаимодействия, в которые надо вступить с миром, чтобы позволить ему раскрыться (Леонтьев, 2006). Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются отделы нервной системы человека, прежде всего головного мозга (Шадриков, Мазиллов, 2015).

Обратим внимание на некоторые преимущества сформулированного выше подхода.

1. При трактовке совокупного предмета психологии как внутреннего мира человека предмет получает онтологический статус. Это означает, что предмет психологии мы рассматриваем как психическую реальность (В. Д. Шадриков). К внутреннему миру человека применимо понятие «психология». Таким образом, в научную психологию возвращается то значение слова «психология», которое отображает склад психической жизни человека. Это значение, на наш взгляд, оказалось несправедливо вытесненным из пространства научной психологии. В рамках этого значения психологии все ее составляющие находят свое место: и системы имплицитных представлений о мире, и способности человека, и личностные качества.
2. Совокупный предмет, трактуемый как внутренний мир человека, имеет свою архитектуру, позволяющую представить его основные составляющие. Это избавляет от необходимости, которая как «дамклов меч» висит над каждым, пытающимся осмыслить предмет психологии: необходимости дать его стро-

гое определение. Известно, что дать строгое определение психике или миру в целом достаточно затруднительно. Возможно, это обстоятельство дает некоторую оправдывающую «отсрочку». В физике, скажем, не очень понятно, что такое «сила», но ее функциональные отношения позволяют вполне успешно без такого определения обходиться.

3. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь, процессы рассматриваются обособленно от качеств личности.
4. Описываемый подход, при котором психические явления обретают надежную нейробиологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удастся избежать редукционизма и физиологизма.
5. Широкая трактовка предмета психологии способствует улучшению взаимопонимания между академической и практической психологиями (Мазиллов, 2015), что представляется важной и пока еще не решенной задачей современной психологии.
6. Нуждается в комментарии сам выбор ключевого термина «внутренний мир». Известно, что в научном исследовании бывает важным то, с какими понятиями будет соотноситься исследуемое. В данном случае полезно вспомнить о древней традиции: нельзя исключить, что аналогии соотношения внутреннего и внешнего мира как микро- и макрокосма будут полезны и сегодня.
7. Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектуру. Это естественный объект, представляющий собой систему и предполагающий использование системного подхода для своего исследования. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.
8. Реализуемый подход позволяет проводить последовательную линию на описание общей психологии как целостной науки, что не мешает демонстрировать множественность подходов и психологических теорий.

Задачи философии психологии

Как представляется, проблеме предмета уделяется в современной психологии недостаточное внимание. Отметим, что философия науки, на наш взгляд, недостаточно отражает специфику психологии. В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой по большей части дополнительную нагрузку на память студента и в лучшем случае обогащает его эрудицию, так как привести примеры из психологии обычно не удается, ибо отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Существует необходимость в разработке философии психологии как ветви психологического знания. Есть основания рассматривать философскую психологию как верхний уровень методологии психологии. Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую характеристику философии психологии. Назовем некоторые отличительные черты.

Философия психологии имеет дело с идеями, или, используя терминологию К. Поппера, с «третьим миром». Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии. На этом уровне осуществляется стратегическое планирование и прогнозирование развития психологической науки: философия психологии определяет ориентиры и магистральные задачи, стоящие перед психологической наукой, выявляет перспективы для междисциплинарных исследований. Философия психологии вырабатывает понимание предмета психологии и конструирует предметное пространство психологии. Она задает ориентиры на современную постановку и решение основных проблем психологии: психофизической, психофизиологической, психосоциальной, психогенетической. Философия психологии обеспечивает «вписывание» психического в научную картину мира, а также единство психологии, объединяя в одно пространство ее различные структурные составляющие – академическую психологию и практико-ориентированную, способствует интеграции различных потоков психологического знания.

Речь, в частности, идет о том, что кроме академической научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, а также различные ветви практической психологии. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки.

Заключение

Таким образом, для современной психологии по-прежнему актуален поиск предмета психологии. Предложен новый подход к трактовке предмета психологии, согласно которому предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. В статье проанализированы следствия такой трактовки, раскрыты ее основные преимущества и обозначены перспективы. Утверждается, что вопросами разработки проблемы предмета психологии должен заниматься раздел методологии психологии – философия психологии. В статье определяется круг задач, которые должна решать философия психологии как раздел психологии. Утверждается, что разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки.

Литература

- Леонтьев Д. А.* Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 2006. С. 134–147.
- Мазилев В. А.* Предмет и задачи психологии // Общая психология: Учебник / Под ред. А. В. Карпова. М., 2002. С. 5–23.
- Мазилев В. А.* О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 55–72.
- Мазилев В. А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 87–96.
- Мазилев В. А.* Предмет психологии: версия для XXI века // Вестник интегративной психологии. 2017. № 1. С. 16–23.
- Шадриков В. Д.* О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 1. С. 5–19.
- Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека. М., 2006.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А.* Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М., 2015.

The subject of psychological science and the philosophy of psychology

V. A. Mazilov (Yaroslavl)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of the Department of general and social psychology of Yaroslavl State pedagogical University of K. D. Ushinsky

The article is devoted to the problem of the subject of psychology. The very history of psychology is seen as the history of searching for the true subject of psychology. It is stated that modern interpretations of the subject do not fully correspond to the complexity of the tasks facing psychology. A version of the treatment of the subject of scientific psychology as the inner world of man is proposed. Usually in the definition of an object, the following course is used: declaring this or that subject, in the further consideration, carefully replace it with the “unit”, this object representing. As a result, the cumulative object actually disappears from psychology. In this case, the inner world of a person is a cumulative object – the psyche as a whole – which in the process of analysis is subjected to analysis. The article reveals the interpretation of the subject, the advantages of this approach are analyzed. It is argued that the development of the theory of the subject must be the philosophy of psychology. The outline of the philosophy of psychology as a psychological discipline is given.

Keywords: psychology, science, subject of science, explanation, inner world of man.

Методологические проблемы интеграции психологического знания

В. А. Мединцев (Киев)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт
психологии им. Г. С. Костюка НАПН Украины;
e-mail: vladislav-medintsev@yandex.ru*

Существуют различные оценки современного состояния психологического знания и представления о перспективных направлениях его развития. Рассмотрена одна из возможных перспектив интеграции психологического знания и некоторые методологические проблемы, связанные с ее осуществлением. Вариант интеграции психологических знаний может быть реализован путем разработки теоретической модели с описанием универсализации способов их представления и синтеза результатов, полученных в рамках естественнонаучной и гуманитарной парадигм. При разработке интегративных моделей целесообразно использование различных стратегий формализованных описаний; три такие стратегии рассмотрены в статье.

Ключевые слова: психологическое знание, стратегия, парадигма, универсализация, формализованные описания.

Введение

Идеи, методы и проблемы разработки возможных перспектив развития психологической науки сопряжены с тенденциями общенаучного характера, при этом их оценки существенно различаются в трудах специалистов различных научных отраслей и дисциплин. Методологические проблемы психологических исследований тесно связаны и *общенаучной картиной мира*, и, как отметил Ю.П. Зинченко, рассмотрение категориальной матрицы методологических оснований психологического знания способствует ее уточнению и развитию (Зинченко, 2011). Психологи не остаются в стороне

от дискуссий по вопросам перспектив развития науки, в частности, отечественной. Примером может служить предложенный Ю. А. Юревичем вариант стратегий ее развития, предусматривающий выработку отечественной науке социального заказа, создание условий для его выполнения и рационализацию массового сознания (Юревич, 2010).

Характерными чертами современного состояния научного, в частности психологического, знания является стремительное увеличение его объема и углубление его отраслевой и дисциплинарной дифференциации. Эта тенденция в значительной мере обусловлена ростом общественной потребности в как можно более детальных и адекватных научных репрезентациях психологических описаний функционирования человеческих сообществ и отдельного человека как участника различным реальным, виртуальным и идеальных (прогнозируемых) культурных сообществ. В таких условиях исторически сложившаяся фрагментарность психологического знания становится преградой для его эффективного использования во всех отраслевых и дисциплинарных сегментах. Поскольку прогнозирование и определение перспектив являются неотъемлемыми составляющими науки, то поиск оптимальных возможностей обеспечения интеграции психологического знания представляется насущной задачей (Балл, 2010).

Научные трудности интеграции в современной психологии связаны со сложностью изучаемой психологической реальности и с эпистемологическими особенностями гуманитарного знания. Последние проявляются в многовариантности познания любого предмета психологического исследования, в существенной роли субъективных предпочтений и установок исследователя, в необходимости учета субъектных качеств исследуемых, в трудностях согласования результатов, полученных с применением различных исследовательских методов. Вследствие этих особенностей (а также глобальных культурных процессов) современная психологическая наука построена из трудно согласуемых частей.

Проблема интеграции психологического знания

Для прогресса психологической науки, в том числе для успешности ее многообразных практических применений, необходимо преодолеть выделенные выше трудности и противоречивость психологического знания, создавая условия для его интеграции в будущем. Кроме того, нельзя не учитывать традиционно устойчивые тенденции в психологической науке, которые, в частности, охарактеризо-

ваны в следующем высказывании: «С большим трудом преодолевает психология искушение в очередной раз возвести свое здание на песке своих же собственных рассуждений, не опираясь на фундамент более общих дисциплин» (Рыжов, 2010, с. 39). Как и в любой творческой научной работе, при создании вариантов возможной интеграции психологического знания необходимо использовать опыт интегративных процессов в других подсистемах культуры, в частности примеры успешной интеграции знания в естественных и гуманитарных науках. Поскольку психологические теории отличаются не только своими предметами, исходными принципами, глубиной описания психической реальности, но и особенностями репрезентаций их содержаний, то перспективными представляются разработки интегративных моделей различного типа: от моделей-метафор до максимально формализованных. Одним из вариантов разработки теоретических моделей интеграции психологических знаний может быть модель с описанием следующих двух составляющих:

- а) универсализации способов их представления, в том числе с использованием формализованных описаний;
- б) синтеза результатов, полученных в рамках естественнонаучной и гуманитарной парадигм.

Способы и стратегии универсализации форм представления человековедческих знаний

Универсализация форм представления человековедческих знаний происходит вместе с развитием наук и технологий. В последние десятилетия эту тенденцию можно проследить, к примеру, в требованиях к оформлению научных публикаций (аннотации, ключевые слова, обязательные разделы, правила оформления ссылок, в том числе на веб-ресурсы). Вместе с тем универсализация, о которой идет речь, в области человековедения сопряжена с трудностями, среди которых наиболее актуальными представляются следующие (Балл, Мединцев, 2016):

- а) противоречия, связанные с этнокультурными, экономическими, политическими, мировоззренческими, социально-психологическими напряжениями; разобщенностью между научными дисциплинами, соперничающими научными школами, долгосрочными и краткосрочными, академическими и прагматическими приоритетами;
- б) исторически сложившееся различное видение положения и статуса дисциплин в системе науки (в том числе существенно раз-

личные мнения о том, в какой мере применимо в психологии понятие «научной парадигмы» (по Т. Куну);

- в) трудности формализации содержания человековедческих знаний.

О трудностях групп «а» и «б» написано немало; значительно меньше внимания уделяется трудностям группы «в». Они обусловлены, в первую очередь, отсутствием однозначного соответствия между используемыми терминами и вкладываемым в них содержанием. Однако такое соответствие было и остается важным требованием к научному знанию. В научных, особенно гуманитарных, текстах ключевую роль играют слова, являющиеся носителями *унифицированных значений* (например, слово «сила», когда оно обозначает компонент в формулировке физического закона). В отличие от этого, в художественных, публицистических, пропагандистских текстах те же слова (хотя бы «сила» как обычное существительное) являются носителями размытых значений и в большой мере эмоциогенными выразителями *смыслов*.

Жесткие требования к средствам научной деятельности – это скорее идеалы, чем нормы, подлежащие безусловному выполнению. Возможная степень приближения к таким идеалам зависит, во-первых, от характера исследуемых объектов и, во-вторых, от так называемой исследовательской программы, или парадигмы. Ориентируясь на эти критерии, выделяют определенные типы наук. К примеру, В. П. Филатов (Гуманитарная наука, 2007) различает следующие типы наук: 1) «точные» естественные науки (физика, химия и т. п.); 2) описательно-классификационные естественные науки (например, науки о Земле); 3) социальные науки (экономическая наука, социология); 4) гуманитарные науки (историческая наука, культурология и т. п.). Еще теснее, по сравнению с «точными», естественными науками, приближаются к вышеупомянутым идеалам не вошедшие в эту классификацию математика и математическая логика – науки, ориентированные не на познание мира, а на создание и изучение формальных моделей, которые могли бы стать средствами такого познания.

По мере перехода от «точных» наук (математических и естественных) через промежуточные типы к гуманитарным наукам и к философии становятся менее строгими нормы рационального познания; на их смягчение идут ради более полного охвата свойств весьма сложных исследуемых объектов, в том числе таких свойств, которые не удается формализовать. Смягчение требований касается и языковых средств науки. Когда слова национальных языков использу-

ются как психологические термины, семантические свойства этих слов изменяются. Таким образом, содержание понятий в гуманитарной сфере оказывается зависимым от особенностей национальных языков, а, значит, и национальных культур; зафиксированные словарями соответствия терминов зачастую лишь приблизительны, а качественный перевод на другой язык научно-гуманитарного текста (как и художественного) представляет собой сложную научно-творческую деятельность.

Осуществляя разработку стратегий универсализации представления знаний в сфере человековедения, имеет смысл опереться на результаты исследований в области языка науки с учетом особенностей, присущих дисциплинам, которые находятся, по определению А. А. Крушанова, в «ситуации предстандарта», что характерно для современного человековедения. При этом необходимо учитывать:

- *разнородность* человековедческих знаний, в частности, по такому параметру, как степень четкости понятий и определенности их соотношения с обозначающими их терминами;
- важность обеспечения *единства* знания (и психологического, и человековедческого, и научного в целом).

В связи со вторым положением стоит упомянуть позицию Д. А. Леонтьева, отрицающего альтернативность гуманитарного и естественнонаучного подходов к психологии человека (Леонтьев, 2011).

Сказанное не исключает актуальности работы по упорядочению (весьма желательно – в рамках глобальных проектов) понятийно-терминологического аппарата человековедения. Разумеется, легче осуществить такую работу применительно к его разделам, ориентирующимся на естественнонаучную традицию: здесь примеры успешных международных систематизаций в естественных науках (химическая номенклатура, биологическая систематика и пр.) непосредственно выступают методологическим и методическим ориентиром. Вместе с тем очевидна важность рассматриваемого упорядочения (опять-таки в глобальном масштабе) и в гуманитарных дисциплинах (а также таких, как психология, где ориентируются и на естественнонаучную, и на гуманитарную традиции).

Отдавая себе отчет в очерченных выше трудностях на этом пути, необходимо видеть в них не аргумент в пользу консервации существующего, близкого к хаосу положения, а вызов, на который в современной цивилизационной ситуации должны и могут быть найдены адекватные ответы. Принципиальный путь их нахождения видится в построении метасистем, наглядно представляемых как решетки, в ячейки которых попадают понятия, специфические

для тех или иных поддисциплин, научных школ, национально-языковых традиций и т. п.

Как было отмечено выше, при разработке универсальных способов представления психологических знаний могут быть полезны их формализованные описания. В человековедении уже накоплен немалый опыт разработки и использования таких описаний. Представляется целесообразным различение в них двух основных стратегий (см. также: Балл, Мединцев, 2016).

К *первой стратегии* могут быть отнесены формализованные описания, в которых для закономерностей, описываемых «гуманитарным» языком, исследователь подбирает подходящие математические модели. Последние могут относиться к любой из трех групп теоретических моделей – детерминированным, стохастическим, синергетическим. Примером разработки формализованных описаний в рамках этой стратегии могут служить широко известные и обсуждаемые работы В. Лефевра (Лефевр, 1991; и др.).

Ко *второй стратегии* отнесем разработки, в которых исследователи на основе моделей, применяемых в физике, биологии и других естественных науках, строят формализованные описания в различных отраслях человековедения. В такой методологии разработаны, в частности, энтропийный анализ в психологии (Рыжов, 2010; и др.) и трактовка физических теорий как конкурирующих моделей представления мира в различных типах сознания (Петренко, Супрун, 2014; и др.).

Но возможны и более универсальные методы формализованных описаний. В этой связи есть смысл рассматривать *третью стратегию*, в рамках которой исследуются возможности применения в человековедении *наиболее общих* математических моделей. Такая стратегия использована, в частности, при разработке *теоретико-множественного метода описания процессов* (Балл, Мединцев, 2016; и др.), в котором наиболее общий математический инструмент (теория множеств) применен к наиболее общему гуманитарному понятию «культура», при этом культура и ее компоненты (модусы) рассмотрены как алгебраические структуры.

Заключение

Проблема перспектив развития психологии всегда актуальна и дискуссионна. Парадигматический статус психологической науки – допарадигмальная, мультипарадигмальная или внепарадигмальная (Юревич, 2007) – по всей видимости, еще долго будет оставаться неопределенным. В настоящей публикации (и в ряде предыду-

щих) намечен вариант построения теоретического инструментария для интеграции психологических знаний путем: а) универсализации способов их представления, в том числе с использованием формализованных описаний; б) синтеза результатов, полученных в рамках естественнонаучной и гуманитарной парадигм. Оба пути сопряжены с трудностями – как с методологическими, так и с социокультурными, – однако в этих трудностях имеет смысл видеть не столько аргумент в пользу консервации существующего, близкого к хаосу, положения, сколько вызов, на который в современной цивилизационной ситуации должны и могут быть найдены адекватные ответы. Принципиальный путь их нахождения видится в построении метасистем психологических знаний, наглядно представимых как решетки, в ячейки которых попадают понятия, специфические для тех или иных поддисциплин, научных школ, национально-языковых традиций и др.

Литература

- Балл Г. А. Радиогуманистическая установка в методологии инновационного развития // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 5. Ч. II. М., 2010. С. 273–281.
- Балл Г. А., Мединцев В. А. Теоретико-множественный метод описания процессов и его применение в психологии: Монография. Киев, 2016.
- Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 57–82.
- Зинченко Ю. П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 42–49.
- Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
- Лефевр В. А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии. Пер. с англ. М., 1991.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69–86.
- Рыжов Б. Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. Т. 1. № 1. С. 5–42.
- Юревич А. В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 3–17.

Юревич А. В. Стратегии развития российской науки // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 52–66.

Methodological problems of integration of psychological knowledge

V. A Medintsev (Kiev)

Candidate of psychological Sciences, research officer of the G. S. Kostiuk Institute of Psychology of the National academy of educational sciences of Ukraine

There are various assessments of the current state of psychological knowledge and understandings of the promising guidelines of its development. One of the possible prospects for the integration of psychological knowledge and some methodological problems associated with its implementation are considered. The option of integration of psychological knowledge can be implemented by developing a theoretical model which describes the universalization of the methods for their presentation and synthesis of results obtained within the framework of the natural and humanitarian paradigms. When developing integrative models, it is advisable to use various strategies for formalized descriptions, three such strategies are discussed in the article.

Keywords: psychological knowledge, strategy, paradigm, universalization, formalized descriptions.

Методология системного подхода к психологическим исследованиям личности

Р. С. Немов, Д. А. Яценко** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей и практической психологии
Института психологии, социологии и социальных отношений,
Московский городской педагогический университет;
e-mail: rnetov@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры
социальной психологии, Московский институт психоанализа;
e-mail: da947@mail.ru*

Основные вопросы, связанные с научными психологическими исследованиями личности. Специфика системного подхода к их решению. Системные решения вопросов, касающихся определения личности, описания ее структуры, происхождение личности, законов формирования и развития человека как личности, способов объяснения поведения человека как личности, характеристики нормального и аномального развития личности, методов исследования личности.

Ключевые слова: теория личности, системный подход.

Постановка проблемы

Системный подход в психологии, создателем которого в нашей стране был Б. Ф. Ломов, за последние годы стал базовым методологическим основанием психологических исследований. Этот подход с успехом реализован по отношению ко многим проблемам современной психологии. Что касается исследований личности, то они до сих пор в основном ориентируются на старый, внесистемный подход к ее изучению. В данной работе предлагаются гипотетические, базирующиеся на системной методологии ответы на следующие вопросы, связанные с психологическими исследованиями личности:

- определение личности;
- структура личности;
- происхождение личности;
- законы формирования и развития человека как личности;
- способы объяснения поведения человека как личности;
- характеристики нормального и аномального развития личности;
- методы исследования личности.

Системное определение личности

Такое определение личности должно включать в себя все, что накоплено в науке о личности, и, по возможности, охватывать все психологические феномены, относящиеся к личности. В качестве системообразующего фактора при выработке такого определения может выступить идея его использования как общего понятия, включающего все определения личности, встречающиеся в разных теориях личности, а также возможность его применения вместе с частными определениями личности или вместо них для объяснения разных видов поведения, характеризующего человека как личность. Системное определение личности должно включать в себя общую характеристику личности, ее описание как системы с использованием понятий, применяемых в современном системном подходе (Ломов, 2011; Рыжов, 2017).

Системное представление структуры личности

С точки зрения системного подхода, представление о структуре личности должно выступать как целостное, многоуровневое ее описание, в рамках которого личность представляется как система, состоящая из многих подсистем и связей между ними, носящих, в свою очередь, системных характер. На каждом из этих уровней личность может описываться как система, и выбор для представления структуры личности в каждом конкретном случае определяется предметом исследования. Системообразующим фактором, определяющим такое представление о структуре личности, выступает идея о том, что в личности должны найти отражение все ее характеристики, известные из разных теорий. Другими словами, системная реализация представления о структуре личности, как и ее определение, должна содержать в себе и в обобщенном виде представлять все, что авторами различных теорий личности включается в ее структуру.

Системное решение вопроса о происхождении личности

Такое решение, на наш взгляд, может заключаться в учете и целостном представлении различных факторов и условий в их сочетании, порождающих феномен личности в тех его проявлениях, которые отражены в системном определении и системном представлении структуры личности. Эти факторы и условия также должны пониматься как некоторого рода детерминирующая система, которая в своем развитии порождает другую систему (в данном случае природа и социум, понимаемые как система, порождают в их развитии другую систему – личность). Системообразующие факторы, определяющие такое решение вопроса о происхождении и развитии личности, могут быть разными на различных этапах личностного развития человека. На ранних этапах, в детстве – это отношения между людьми в непосредственном социальном окружении человека, в котором он рождается и пребывает значительную часть времени своей жизни, прежде всего отношения, в первичных и референтных для него социальных группах. Когда он становится самостоятельной, зрелой и устойчивой личностью, то в качестве главного системообразующего фактора его дальнейшего развития как личности начинает выступать он сам как субъект деятельности и общения, причем значение последнего фактора, по мере взросления человека и повышения уровня его психологического развития, возрастает.

Системный подход к законам формирования и развития человека как личности

Суть такого подхода заключается в том, чтобы, взяв на основу системное определение и системное представление о структуре личности, а также представленное выше системное решение вопроса о происхождении личности, выделить и описать общие и частные законы формирования и развития личности как системы, а не отдельных личностных свойств и форм поведения человека (такой подход до сих пор доминирует в психологических исследованиях личности). В качестве своеобразного системообразующего фактора при таком понимании законов формирования и развития личности могут выступить следующие положения (методологические основания):

- законы личностного развития, которые, выступая как единые для всех людей на уровне их абстрагирования от конкретных жизненных условий, по отношению к каждой личности могут проявлять себя своеобразно – в зависимости от состояния системы «личность» и ее отношений с другой системой, включаю-

щей в себя данную личность и обозначаемой как ее социальное окружение;

- могут существовать различия в проявлениях одних и тех же законов развития по отношению к разным личностям.

Системное объяснение поведения человека как личности

Суть такого подхода к объяснению поведения человека как личности может быть выражена через следующие положения:

- поведение человека представляет собой не набор отдельных действий, а их систему, и это справедливо по отношению к причинам, объясняющим действия и поступки человека;
- допустимы и являются правильными разные объяснения одного и того же поведения (вместе с тем каждое из них, взятое в отдельности, является неполным или недостаточным, поскольку не содержат в себе описание всех его возможных причин как целостной детерминирующей системы);
- суть системного подхода к объяснению поведения человека как личности заключается в вероятностной оценке состояния каждой из участвующих в таком объяснении подсистем – объясняющей и объясняемой, а также в необходимости использования вероятностной трактовки причинно-следственных связей, существующих между ними.

Системное представление нормального и аномального развития личности

Системная трактовка нормального и аномального развития личности предполагает его представление с указанием многих совместно действующих причин и проявлений, причем это касается как нормы, так и возможных отклонений от нее. Системное решение данного вопроса должно быть ориентировано на установление системных связей, существующих между различными отклонениями от нормы, и их вероятными причинами. Системный подход к нормальному и аномальному развитию человека также должен принимать в расчет (учитывать, выделять и описывать) главные, системообразующие факторы, от которых может зависеть как нормальное, так и аномальное развитие личности. В качестве системообразующего основания, определяющего представление о нормальном и аномальном в личности человека, выступает понимание того, что нормальность или аномальность в развитии личности – это относительная и вместе с тем целостная характеристика психологического развития личности.

Такая характеристика должна базироваться на следующих положениях (предположениях):

- быть связанной с тем психологическим свойством, применительно к которому в данном случае устанавливается норма или отклонение от нее;
- зависеть от того, каким образом определяется норма;
- принимать во внимание тот факт, что одна и та же личность одновременно может соответствовать и не соответствовать норме, так как одни ее свойства могут быть нормальными, а другие – аномальными;
- исходить из допущения, что абсолютно нормальных или аномальных личностей не существует, так как каждый отдельно взятый человек в отношении одних психологических свойств и форм поведения может находиться в пределах существующей нормы, а в отношении других – отклоняться от нее;
- при системном описании нормальности или аномальности в развитии личности необходимо указывать параметры, относительно которых определяются, соответственно, нормальность или аномальность;
- системный подход к представлению нормальности или аномальности в развитии личности предполагает также установление внутрисистемных связей, существующих между разными проявлениями как нормы, так и отклонений от нее.

Системный подход к методам психологического исследования личности

Такой подход предполагает выбор и использование в процессе изучения личности взаимосвязанной системы методов, позволяющих изучать ее с разных сторон и устанавливать характеризующие ее системные законы. Применение методов исследования личности на системной основе включает также представление полученных результатов таким образом, чтобы они относились не к отдельным свойствам личности, а ко всей личности в целом, понимаемой как система, или к отдельным подсистемам, входящим в ее структуру. Методологической основой для такого решения проблемы методов исследования личности могут служить следующие идеи:

- для реализации системного подхода к изучению личности необходимо выбирать не отдельные ее свойства, а систему свойств и соответствующую ей систему методов исследования;

- результаты исследования необходимо представлять в системной форме, т. е. показывать, в каком состоянии находятся основные составляющие изучаемой подсистемы личности или всей личности в целом;
- в представляемых результатах исследования необходимо акцентировать внимание на системных связях, существующих как между методами исследования, так и между получаемыми с их помощью данными о личности.

Применяемые в настоящее время методы исследования личности не позволяют получать целостное, системное представление о ней. Для этого необходимо создавать другие методы, имеющие системный характер, и новый, соответствующий им аппарат вероятностного, математико-статистического анализа получаемых с их помощью результатов.

Существующие сегодня методы исследования и аппарат математической статистики базируются на ассоциативной методологии научного исследования и соответствующей ему психологии. Он приспособлен к решению задач, связанных именно с такой психологией и методологией научных исследований. Большинство до сих пор проведенных исследований личности были ориентированы на установление частных или парциальных связей между отдельными переменными величинами, связанными с личностью. Этот аппарат создавался тогда, когда психология, которую он обслуживал, строилась на методологической основе классической физики И. Ньютона. Системный подход, основанный на теории относительности А. Эйнштейна, возник вначале в физике и уже в первой половине XX в. успешно реализовался в естественных науках. В психологии вообще, и в психологии личности в частности, он пока не нашел широкого применения. Будущее этой области научных знаний связано, на наш взгляд, с его успешной реализацией.

Заключение

Сформулированные выше идеи – это лишь общие предварительные соображения, касающиеся возможностей использования системного подхода в исследованиях личности. Они представляют собой не более чем соображения самого общего характера, которые требуют уточнения и конкретизации как на теоретическом уровне, так и в организации и проведении опытных (эмпирических) исследований личности.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–19.
- Асмолов А. Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 1990.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1982.
- Ломов Б. Ф. Системность в психологии. М.–Воронеж, 2011.
- Рыжов Б. Н. Системная психология. 2-е изд. М., 2017.
- Юревич А. В. Методология и социология психологии. М., 2010.

Methodology of the systematic approach to psychological research of personality

R. S. Nemov, D. A. Yatsenko** (Moscow)*

*** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, professor at the Department of general and practical psychology of Institute of psychology, sociology and social relations, Moscow city pedagogical University*

*** Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of social psychology, Moscow Institute of psychoanalysis*

Basic issues related to scientific psychological research of personality. Specificity of the system approach to their solutions. Systemic solutions to issues relating to the definition of personality and its structure, the origin of the personality, the laws of the formation and development of man as a personality, the ways of explaining the behavior of a personality, the characteristics of normal and abnormal development of the personality, methods of investigating the personality.

Keywords: personality theory, system approach.

Психологический подход к исследованиям качества жизни

В. Б. Рябов (Москва)

*кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН;
e-mail: v.ryabov@aog.ru*

Проводится теоретический анализ понятия субъективного качества жизни, специфика его исследования по сравнению с социологическими исследованиями качества жизни. Рассматриваются методы и модели изучения субъективного качества жизни как феномена и как оценочной категории. Рассматривается перечень основных структурных компонентов нормативной модели субъективного качества жизни. Оценочными критериями субъективного качества жизни выступают эмоциональная и рациональная удовлетворенность и неудовлетворенность человека своей жизнью.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, качество трудовой жизни, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, счастье, человеческий потенциал.

Введение

В последние десятилетия проблема качества жизни вызывает большой интерес как у исследователей, так и у практиков. При этом существуют разные определения качества жизни, разрабатываются различные модели для его изучения. Как правило, в структуру этих моделей входят такие компоненты, как здоровье, образование, трудовая занятость, жилищные условия и проч. При этом качество жизни изучают, главным образом, социологи, используя социологические модели и методы исследования. Достаточно полный обзор моделей качества жизни, применяемых для исследования и сравнительного анализа жизни людей в разных странах, регионах и пр., приво-

дит Г. В. Зараковский в своей монографии, посвященной этой проблеме (Зараковский, 2009).

Проводя анализ существующих подходов к исследованию качества жизни, которые носят преимущественно социологический характер, Г. В. Зараковский утверждает, что «без психологической модели субъективного качества жизни невозможно изучать качество жизни» (там же, с. 6). Психологическая модель должна отражать восприятие и оценку качества жизни конкретным человеком в той картине мира, которая существует в его сознании, и поэтому ее разработка принципиально отличается от социологических моделей качества жизни и соответствующих методов ее анализа. Действительно, каждый конкретный человек оценивает качество своей жизни по собственной индивидуальной системе показателей. Эти показатели могут совпадать с теми показателями, которые предлагают ему оценить социологи в своих исследованиях качества жизни, а могут их и не включать. Кроме того, для конкретного человека при его оценивании собственного качества жизни могут быть важны такие показатели, которые в социологическом исследовании были не использованы.

Целью статьи является рассмотрение специфики субъективно-го качества жизни и разработка психологического подхода к его исследованию.

Понятие «качество жизни»

Прежде всего, отметим, что само понятие «качество» в общем виде может быть рассмотрено и как феномен, и как оценочная категория. В первом случае качество некоторого объекта выражает существенную определенность этого объекта, благодаря которой он является именно этим, а не иным. При этом оно представляет собой характеристику объекта, обнаруживающуюся в совокупности его свойств. Во втором случае понятие «качество» определяется как совокупность полезных свойств, позволяющих удовлетворять определенные материальные или духовные потребности человека.

В своих исследованиях мы использовали оба подхода к рассмотрению понятия качества. Подход к рассмотрению понятия качества как феномена мы использовали при определении значимых для человека характеристик, которыми он описывает собственную жизнь. Адекватным психологическим инструментарием выступает метод построения репертуарных решеток Дж. Келли, который мы успешно

апробировали для определения персональных конструктов, определяющих субъективный образ жизни человека и отдельных ее компонентов (Рябов, 2015б, в). В основу метода репертуарных решеток положено определение персональных конструктов для описания субъективного образа конкретной предметной области на основе логической операции «сходства–различия». Очевидно, что использование этой логической операции полностью соответствует определению качества как феномена.

Все оценочные характеристики качества формируются как результат субъективной оценки способности объекта удовлетворять потребности человека. С их использованием создается метрика оценки качества, на основе которой осуществляется его сравнительный анализ. Г. В. Зараковский рассматривал качество как оценочную категорию. Соответственно, он считал, что логика разработки проблемы «вытекает из основополагающего понимания качества жизни как оценочной категории жизни человека... Поэтому необходимо, прежде всего, раскрыть эти аспекты и проявления, выделив в них психологические составляющие. Затем следует содержательно описать и операционализировать названные составляющие, после чего определить их измеримые показатели и критерии оценки. Наконец, надо предложить процедуру измерения и оценки психологических составляющих качества жизни и продемонстрировать ее на конкретных примерах» (Зараковский, 2009, с. 6).

Зараковский рассматривает качество жизни как оценочную категорию, руководствуясь следующими принципами построения модели субъективного качества жизни, сформулированными М. Н. Алферовой с соавторами (Зараковский, 2009):

- качество жизни должно содержать отдельно две категории: «качество жизни» и «качество условий жизни»;
- в качестве исходных категорий должны быть приняты «потребности» и «ценности», поскольку человеческую жизнь можно рассматривать как процесс реализации потребностей и ценностей, что, в сущности, означает самореализацию человека;
- качество жизни должно учитывать деятельностную составляющую, так как оно обретается самими людьми в процессе преобразования среды и самих себя;
- следует рассматривать качество жизни как некоторую меру, в пределах которой человек самореализуется;
- качество жизни должно объединять объективные и субъективные показатели жизнедеятельности людей.

Авторский подход к исследованию субъективного качества жизни

В русле основных идей Г. В. Зараковского мы разработали собственный подход к исследованию субъективного качества жизни, а также ряд моделей и методов его изучения (Рябов, 2015а). Наряду с перечисленными выше принципами, мы использовали также следующие операционные аспекты понятия качества, проанализированные в работе «Экономика качества. Основные принципы и их применение» (2005), изданной под редакцией Дж. Кампанеллы:

- уровень удовлетворенности субъекта объектом, определяемый как ощущаемая субъектом оценивания (потребителем) мера соответствия объекта его нуждам и ожиданиям;
- ценность объекта с точки зрения субъекта;
- наличие у объекта полного набора ожидаемых субъектом свойств;
- отсутствие дефектов у объекта;
- соответствие процедур создания объекта принятым нормам, стандартам и правилам.

В общем случае субъективная оценка человеком качества некоторого объекта определяется способностью этого объекта удовлетворять потребности человека. По этой причине основным критерием оценки качества человеком является его удовлетворенность. Исследователи качества жизни обычно используют два основных критерия в рамках оценочного подхода: удовлетворенность жизнью и уровень ощущения счастья (Зараковский, 2009). Как правило, эти два критерия рассматриваются как независимые или же как дополняющие друг друга. Мы предложили четко дифференцировать два вида удовлетворенности: удовлетворенность рациональную и удовлетворенность эмоциональную.

Помимо этого, мы использовали в своем подходе двухфакторную модель удовлетворенности Ф. Герцберга, который в своих исследованиях удовлетворенности работников трудовой жизнью установил, что разные условия труда по-разному участвуют в формировании удовлетворенности человека работой. В соответствии с концепцией Герцберга, человек оценивает свою работу, используя две независимые шкалы – шкалу удовлетворенности и шкалу неудовлетворенности, причем каждая из этих шкал связана с разными условиями труда. Шкала удовлетворенности связана с условиями труда, которые Герцберг называет мотивирующими, а шкала неудовлетворенности – с условиями, которые названы им гигиеническими. При улучшении мотивирующих условий труда удовлетворенность человека

трудом повышается. В случае с гигиеническими условиями труда дело обстоит следующим образом. Если уровень гигиенического условия труда низкий, то возникает неудовлетворенность этим условием труда. При ухудшении гигиенического условия труда уровень неудовлетворенности увеличивается. Если же уровень гигиенического условия труда находится на необходимом для нормальной работы уровне, то дальнейшее его улучшение не приводит к изменению неудовлетворенности. Мы предположили, что представления Ф. Герцберга правомерны для оценки человеком не только условий работы, но и условий взаимодействия с окружающим миром (Рябов, 2013).

Таким образом, в нашей модели оценки субъективного качества жизни человеком мы используем четыре оценочных критерия:

- уровень рациональной удовлетворенности человека жизнью и отдельными ее компонентами;
- уровень эмоциональной удовлетворенности человека жизнью и отдельными ее компонентами;
- уровень рациональной неудовлетворенности человека жизнью и отдельными ее компонентами;
- уровень эмоциональной неудовлетворенности человека жизнью и отдельными ее компонентами.

Наиболее сильное влияние на интегральную оценку субъективного качества жизни оказывают оценочные критерии эмоциональной удовлетворенности и эмоциональной неудовлетворенности жизнью.

Основные структурные компоненты нормативной модели оценки человеком своего качества жизни включают функциональные блоки потребностей сохранения, потребностей развития, ресурсов сохранения, ресурсов развития, условий сохранения («гигиенических» условий жизни), условий развития, смысла жизни, жизненной стратегии и некоторых других.

Мотивирующие и обеспечивающие условия труда включают в свой состав ценностные составляющие, мотивирующие и обеспечивающие условия труда. Важное место в модели занимает блок процесса жизни, непосредственно связанный с оценочными критериями эмоциональной удовлетворенности. Функцию согласования направленности жизнедеятельности человека с потребностями и требованиями социальной системы осуществляет компонента, которая носит название «человеческий потенциал» (Зараковский, 2009). Более полный перечень структурных блоков, их описание, обоснование, а также раскрытие функциональных связей между ними здесь дать не представляется возможным вследствие ограничений

на объем публикации. Более подробно с этой информацией можно ознакомиться в наших опубликованных ранее работах (Рябов, 2015а).

Заключение

Таким образом, разрабатываемый психологический подход к исследованиям качества жизни принципиально отличается социологического подхода. Основные отличия определяются самим способом получения характеристик, показателей и факторов, описывающих субъективную картину мира и построения соответствующей нормативной модели субъективного качества жизни. Адекватным методом решения этой задачи является метод персональных конструкторов и построения репертуарных решеток Дж. Келли. Основными оценочными критериями субъективного качества жизни в нашей модели выступают эмоциональная и рациональная удовлетворенность человека, а также эмоциональная и рациональная неудовлетворенность жизнью и отдельными ее компонентами.

Психологический подход к анализу качества жизни позволяет решать принципиально новые проблемы по сравнению с социологическим подходом. В число этих проблем, решение которых предложено нами с помощью соответствующих методов и моделей, сконструированных на основе этого подхода, входят разработка гуманитарной технологии организационного проектирования и развития, основанная на идее согласования интересов работников и организации (Рябов, 2013), разработка психологического обеспечения системы Всеобщего Управления Качеством (TQM – Total Quality Management) (Рябов, 2016), разработка психологической модели эскапизма (Рябов, 2017б), психологической модели дауншифтинга (Рябов, 2017а), разработка типологии субъективного качества управленческого взаимодействия (Рябов, 2015г) и ряд других проблем. Соответствующие решения базируются на аксиоматичном утверждении о том, что доминантой направленности поведения каждого человека является его осознанное и неосознанное стремление к сохранению и повышению существующего качества жизни в своем субъективном понимании. По нашему мнению, это положение имеет характер общепсихологической закономерности, в том числе позволяет дать объяснение психологического механизма эскапизма.

Литература

- Зараковский Г. В. Качество жизни населения современной России: Психологические составляющие. М., 2009.
- Рябов В. Б. Модели качества трудовой жизни // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 382–398.
- Рябов В. Б. Структура нормативной модели субъективного качества жизни // Наука. Культура. Общество. 2015а. №2. С. 38–49.
- Рябов В. Б. Ценностные детерминанты качества управленческого взаимодействия // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М., 2015б. С. 566–572.
- Рябов В. Б. Оценка качества управленческого взаимодействия исполнителем // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2015в. № 1 (72). С. 35–40.
- Рябов В. Б. Теоретические и эмпирические основания типологии субъективного качества управленческого взаимодействия // Прикладная юридическая психология. 2015 г. № 4. С. 85–94.
- Рябов В. Б. Качество трудовой жизни как концептуальная основа психологического обеспечения систем Всеобщего Управления Качеством // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 162–186. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document221.pdf>.
- Рябов В. Б. Психологический анализ дауншифтинга на основе концепции субъективного качества жизни // Наука. Культура. Общество. 2017а. № 1. С. 50–63.
- Рябов В. Б. Эскапизм и субъективное качество жизни // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017б. Т. 2. № 1. С. 44–65. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document314.pdf>.
- Экономика качества. Основные принципы и их применение / Под ред. Дж. Кампанеллы / Пер. с англ. А. Раскина; науч. ред. Ю. П. Адлер, С. Е. Шепетова. М., 2005.

Psychological approach to researches of life quality

V. B. Ryabov (Moscow)

Candidate of engineering Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

The theoretical analysis of a concept of subjective life quality, specifics of its research in comparison with social researches of quality of life is carried out. Methods and models of studying of subjective life quality as phenomenon and as estimation category are considered. The list of the main structural components of normative model of subjective life quality is considered. Emotional and rational satisfaction and dissatisfaction of the person with the life are the main estimation criteria of subjective life quality.

Keywords: subjective life quality, work life quality, satisfaction with life, subjective wellbeing, happiness, human potential.

Принцип развития в современной психологии¹

Е. А. Сергиенко (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: Elenas13@mail.ru*

Отмечается существенное расширение содержания этого принципа, принципами системности, непрерывности, антиципации, гетерохронности, гетерогенности, субъектности, неопределенности психического развития, введением, наряду с принципом иерархии систем принципа гетерархии, что снимает противоречие в сосуществовании систем разного исторического и эволюционного уровней. Детерминация психического развития в настоящее время представляется как мультидетерминированный процесс, который означает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре системы – человек как саморазвивающаяся система. Принцип развития, являясь стержневым и основным принципом в психологии, «нанизывает», объединяет другие методологические принципы, создавая общее «ожерелье» методологии психологии. Мультипарадигмальность, междисциплинарность и трансдисциплинарность современной науки диктуют переход к обобщающим моделям развития и поиску ее категориального строя, отражающих взаимовлияние, взаимодействие, взаимоперенос не только внутри разных областей психологии, но и во взаимодействии психологии с другими науками (биологией, социологией, философией, историей, лингвистикой и т. д.).

Ключевые слова: принцип развития, принципы психологии, методология, детерминация, движущие силы развития.

В 1978 г. был опубликован коллективный труд «Принцип развития в психологии», под редакцией Л. И. Анцыферовой, посвященный рас-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00069.

смотрению методологических и теоретических основ психического развития. Спустя почти четыре десятилетия Институт психологии РАН вновь обратился к анализу данной проблемы, представив в коллективном труде «Принцип развития в современной психологии» (2016) результаты разработки принципа развития на современном этапе научного психологического знания, а также ближайшие перспективы его развития.

В своей детальной обобщающей статье «Методологические проблемы психологии развития» Л. И. Анцыферова (Анцыферова, 1978) провела глубокий анализ обсуждаемых проблем и предлагаемых решений. Содержание принципа развития было раскрыто по таким кардинальным вопросам, как обогащение его другими методологическими принципами, диахрония развития (соотношение прогресса и регресса), движущие силы психических изменений и детерминация психического развития.

В настоящее время можно утверждать, что, во-первых, в том или ином виде принципы развития и системности стали общими, тесно взаимосвязанными психологическими принципами. Если в книге 1978 г. показано взаимопроникновение и взаимовлияние принципа развития и системности, то на современном этапе данные идеи уже реализованы во многих подходах: системном, системно-деятельностном, историко-культурном, культурно-аналитическом, субъектно-деятельностном, субъектно-аналитическом, системно-субъектном, историко-эволюционном и других. Во-вторых, произошло существенное расширение и обогащение принципа развития другими принципами: дифференциации–интеграции, непрерывности, гетерогенности и гетерохронности, контекстуальности, антиципации, субъектности, неопределенности, составляющими единое пространство современной методологии. Обоснование такого обогащения представлено в теоретических исследованиях современных авторов (Принцип развития в современной психологии, 2016).

В работах Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2012, 2016) были детально проанализированы принципы дифференциации – интеграции, непрерывности, антиципации и субъектности.

Принцип дифференциации – интеграции указывает на основную закономерность в развитии систем – как биологических, так и психологических: от максимальной интегрированности, целостности к дифференциации систем, а затем к их интеграции на новом уровне взаимодействия. Однако для дифференциации необходимо наличие потенциала, содержащегося в интегративном целом. Без направляющих принципов организации психического развития, ядерных систем или примитивов (Сергиенко, 2012), а также предраспола-

гающих факторов (Асеев, 1978) трудно понять и описать адекватность восприятия и действия, избирательность взаимодействий, развитие ментальных внутренних моделей и других психических феноменов. Переход к более дифференцированным системам происходит постепенно. Закон дифференциации развития требует дополнения принципом континуальности, непрерывности развития.

Принцип непрерывности (континуальности) психического развития означает взаимосвязанность всех этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь фило- и онтогенеза, саморазвитие системной организации психики, генетико-средовые координаты психических изменений.

Принцип антиципации тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Антиципация рассматривается как имманентное свойство всех психических процессов в их развитии.

Принцип субъектности, авторства собственного развития, неопределенности и уникальности путей развития психики становится ключевым для нового понимания принципа детерминизма.

Расширение принципа субъектности в психологии, который получил мощное развитие благодаря С.Л. Рубинштейну и его ученикам (К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинскому), имеет не только гуманистический смысл и теоретическое значение для психологии, но и положен в основу модернизации образования, делающего акцент на саморазвитии и самообразовании человека (Гусельцева, 2009).

Перспективы принципа развития связаны, во-первых, с дальнейшей разработкой вопросов диахронии, непрерывности и преемственности психического развития, которые уже рефлексированы и фундируются современными исследователями.

Во-вторых, реализация принципа развития в настоящее время ставит вопрос о пересмотре категориального аппарата современной психологии. Как отмечает Т.Д. Марцинковская (Марцинковская, 2015), назрела необходимость смены матричного принципа организации категорий на сетевой. Именно *сетевой принцип организации* научных категорий характерен для постнеклассического этапа развития науки (Гусельцева, 2009). По мнению Т.Д. Марцинковской, сетевой принцип организации категорий позволяет проследить их взаимосвязи, законы и тенденции в развитии категорий, возможности разработки новых. Вполне уместно метафорическое описание общей современной картины психологической науки как аналога «сети» и «невода». Если сетевой принцип применим к изучению отдельных проблем, образующих систему зна-

ний, то «невод» образует единую многомерную систему концепций и подходов (вертикальных и горизонтальных отношений), собирает их воедино, не давая им растекаться в разные стороны. Данные метафоры чрезвычайно важны для развития научного знания, однако здесь возникает вопрос о выборе «материала»: теорий и подходов, равнозначности и состава «ячеек» в «сети» и «неводе». Этот вопрос сопряжен с *субъектностью* научного знания, ответственностью и профессионализмом самого исследователя, от которого зависит и выдвижение гипотезы, и ее экспериментальная проверка, и интерпретация, и определение места в выбранной «сети» категорий и в «неводе» теорий. Возможно, именно такое положение отвечает метамодернизму, предполагающему поиск творца.

Еще одной перспективной линией в разработке принципа развития на современном этапе становится переход к интегративным понятиям и обобщающим метатеориям психического развития. Эта тенденция выражена в нескольких направлениях. Первое из них – поиск интегративных психологических понятий, вбирающих в себя или объединяющих в единый узел другие категории и понятия. Показателем поиска интегративности понятий служит их расширение, с одной стороны, введением общепсихологического содержания («психология выбора», «психология субъекта», «психология жизнестойкости», «психология безопасности» и др.), с другой стороны – обращением к мультидисциплинарной и межпарадигмальной методологии их анализа. В современной психологической науке возникают новые подходы: историко-генетический, историко-эволюционный, культурно-аналитический, системно-деятельностный, системно-субъектный, субъектно-аналитический и др. Такое разнообразие подходов отражает, на наш взгляд, стремление к все большему обобщению, формированию унитарных концепций, интегративной психологии, что обусловлено нарастающим тесным *межпарадигмальным взаимодействием*.

А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер и А. М. Черноризов реализуют программу, направленную на целостный анализ феномена жизни, в котором разнообразие, специализация и симбиоз являются универсальными феноменами (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2013).

Системно-эволюционный подход в психологии также широко реализуется и входит как неотъемлемая часть в системно-субъектный подход (Сергиенко, 2011), направленный на создание унитарной концепции психического развития. Кроме того, разработка собственно системно-эволюционного подхода осуществляется в работах Ю. И. Александрова (Aleksandrov, 2015). Несмотря на своеобразие и авторскую уникальность этих разработок, важно подчеркнуть,

что эволюционный принцип анализа становится общим «мостом» в разработке сложных проблем природы психического. Именно реализация эволюционного принципа анализа привела к сходным предположениям об антиципирующем характере психической организации, ее усложнении через саморазвитие.

Сложная проблема сознания с позиций школы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева и школы С. Л. Рубинштейна решалась различно. Однако в последних работах А. Г. Асмолова, Е. Д. Шехтера и А. М. Черноризова намечены, в соответствии с историко-эволюционным подходом, представления о взаимопомощи, предвидении, усложнении систем, которые также раскрываются в рамках системно-эволюционного и системно-субъектного подходов. Здесь вся логика развития наук о человеке, достижения в разных областях также способствуют наведению «мостов» между школами и разными парадигмами.

Представление о движущих силах психического развития – ключевая проблема дискуссий между культурно-исторической теорией, теорией деятельности А. Н. Леонтьева и теорией деятельности С. Л. Рубинштейна. Не обсуждая деталей спорных представлений, которые достаточно хорошо известны, отметим, что современное представление о мультидетерминации психического развития, означающее множество пересечений культурно-социобиологических направляющих, образующих саморазвивающуюся систему, позволяет также подготовить «переправу» между разными парадигмами, что предполагает мультипарадигмальность и междисциплинарность современного этапа развития науки.

Общая идея о наведении «мостов» между разными школами в отечественной психологии остро назрела и диктуется как логикой развития науки с ее межпарадигмальными ориентирами, так и содержательным пересечением современных понятий в разных психологических школах. Попытка наведения межпарадигмальных «мостов» (Сергиенко, 2016) заставляет перейти от поверхностного уровня сравнения парадигмального аппарата к глубокому содержательному, это позволит снять целый ряд разногласий и будет способствовать установлению связей, что в век постмодерна становится требованием логики развития науки. Эта задача предполагает ревизию и современный анализ понятийного аппарата психологической науки и сравнительный анализ различных подходов в психологии, что также становится реализацией принципа развития в методологии психологической науки.

Перспективами разработки принципа развития в психологии становится реализация структурно-функционального, динамического, процессуального подходов в разных ее отраслях: психологии

личности, организационной, инженерной, исторической, социальной психологии, психологии труда, когнитивной психологии, клинической психологии, психофизиологии и др.

Сравнение разработки методологического принципа развития в психологии, представленного в коллективных трудах «Принцип развития в психологии» под редакцией Л. И. Анцыферовой (1978) и «Принцип развития в современной психологии» под редакцией А. Л. Журавлева и Е. А. Сергиенко (2016), а также на основе анализ других современных работ, позволили выделить существенные изменения в разработке данного принципа спустя 40 лет.

Говоря о разработке принципа развития в психологии на современном этапе, следует отметить, что произошло существенное расширение его содержания принципами системности, непрерывности, антиципации, неопределенности, гетерохронности, гетерогенности, субъектности, неопределенности психического развития, введением, наряду с принципом иерархии систем, принципа гетерархии, что снимает противоречие в сосуществовании систем разного исторического и эволюционного уровней. Детерминация психического развития в настоящее время представляется как мультидетерминированный процесс, который означает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, в центре которых находится человек как саморазвивающаяся система.

Оставаясь стержневым и основным принципом в психологии (и не только), принцип развития «нанизывает», стягивает другие методологические принципы, создавая общее «ожерелье» методологии психологии. Мультипарадигмальность, междисциплинарность и трандисциплинарность современной науки диктуют переход к обобщающим моделям развития и поиску ее категориального строя, отражающим взаимовлияние, взаимодействие, взаимоперенос не только внутри разных областей психологии, но и в области междисциплинарного взаимодействия психологии с другими науками (биологией, социологией, философией, историей, лингвистикой и т. д.).

В качестве перспективных направлений дальнейшей разработки принципа развития как общеметодологического для психологии выступают: переход от матричного категориального строя психологии к сетевому принципу; разработка интегративных понятий и подходов; установление межпарадигмальных связей; дальнейшая реализация принципа развития в разных областях психологии через структурно-функциональные, динамические, процессуальные подходы.

Значительных теоретико-эмпирических усилий потребует разработка проблем диахронического развития (соотношения, взаимосвязи и условий прогрессивных и регрессивных линий психического развития), преемственности стадий и этапов развития разных компонентов психической организации.

Представленное современное состояние разработки принципа развития в психологии свидетельствует о научном прогрессе, развитии психологической науки, несмотря на все проблемные моменты и трудности жизнедеятельности научного сообщества.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М., 1978. С. 3–20.
- Асеев В. Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М., 1978. С. 21–37.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 3–14.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 17–27.
- Марцинковская Т. Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М., 2015.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2016.
- Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2016).
- Сергиенко Е. А.* Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2016).
- Aleksandrov Yu. I.* Cognition as systemogenesis // Anticipation: Learning from the Past: The Russian/Soviet Contributions to the Science of Anticipation. Springer / Ed. M. Nadin. 2015. Т. 25. P. 193–220.

The principle of development in modern psychology

E. A. Sergienko (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer,
Institute of Psychology of RAS

The paper compared the main problematic issues and solutions presented in the book edited by L. I. Antsyferova “Principrasvitija v psihologii” and the current state of the problem. It is shown that for almost 40 years, sharing the work data, there have been significant changes. There is a significant expansion of the content of this principle by the principles of consistency, continuity, anticipation, heterochrony, heterogeneity, subjectivity, mental development of uncertainty, the introducing instead the principle of hierarchy the principle heterarchy system that removes the contradiction in the coexistence of different systems of historical and evolutionary levels. Determination of mental development is now presented as multi-determinational process, which means a lot of the intersection of biological, genetic, social, historical and cultural guides, where in the heart of the system – people like self-developing system. Multiparadigmality, interdisciplinarity and transdisciplinarity in modern science dictate the transition to unitary models of development and the search for her categorical system, reflecting the mutual interaction, transitority not only within different fields of psychology and other sciences (biology, sociology, philosophy, history, linguistics and other).

Keywords: principle of development, principles of psychology, methodology, determination, driving force for development, modern tendencies.

Поликонтекстный подход к исследованию этнической идентичности

Г. С. Степанова (Воронеж)

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и педагогической психологии
Воронежского государственного педагогического университета;
e-mail: gsstepanova@mail.ru*

В статье рассматриваются методологические проблемы исследования этнической идентичности. Указывается на недостаточность применения сравнительной парадигмы в изучении структурных компонентов феномена, подчеркивается необходимость перехода к новым исследовательским стратегиям. Описывается эффективность интегративного подхода и принципа преемственности современного и ретроспективного контекстов. Отмечается актуальность сочетания различных контекстов и направлений анализа. Подчеркивается важность транспективного анализа. Анализируются результаты многолетнего исследования этнической идентичности поколенных групп русских. Подчеркивается историческая детерминация устойчивых особенностей идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, сравнительная парадигма, интегративный подход, поколение, принцип преемственности, ретроспективный контекст, транспективный анализ.

Постановка проблемы

Современные социальные преобразования как в России, так и в ряде других государств определяют актуальность вопроса о месте в процессе государственного строительства национальной идентичности и национального самосознания.

Этнокультурная идентичность как на индивидуальном, так и на групповом уровне играет все более возрастающую роль. Она

заключается в том, что, с одной стороны, этническая идентичность как вид социальной категоризации является условием сохранения этнокультурных традиций и общности в целом, являясь этнокультурным фундаментом развития общества. С другой стороны, она выступает компонентом интегративной структуры личности, детерминируя ее целостность и эффективность социального поведения. И с третьей стороны, выраженность этнической идентичности в социуме может в определенной мере и при определенных условиях как ускорять, так и тормозить реализацию модернизационных инноваций в обществе.

Поликонтекстный подход к исследованию этнической идентичности

Основная стратегия исследования этнической идентичности в отечественной психологии осуществляется сегодня в основном в рамках одномерной логики – в сравнении содержательных, эмоциональных, поведенческих компонентов этнической идентичности и в определении (на основании отдельных, единичных показателей), выражена ли и в какой степени этничность в самосознании; как субъект чувствует ее в обыденной жизни, насколько для него это болезненно или важно. Соответственно, делается вывод – сформирована, актуализирована идентичность или нет. Современными авторами (Митрофанова, 2009; Янчук, 2010) обосновывается необходимость смены такой логики, лежащей в основании классической рациональной парадигмы, на постнеклассическую, многомерную логику, предполагающую разнообразные проявления феномена, создающую основания для углубления представлений о природе и неоднозначности психологических явлений.

Учитывая принципиально новые реалии и задачи современного общества, необходимо с разных сторон взглянуть на историю возникновения, историческую динамику и социально-психологическую сущность этнической идентичности, ее функции, внутреннюю логику, особенности актуализации и трансформации в периоды транзитивности общества, ее ресурс и ограничения в процессе социального конструирования.

В последней трети XX столетия стало приходить понимание, что результаты научного познания зависят не только от методического инструментария. Важным в данном случае является положение постнеклассической психологии о том, что сегодня объектом науки становятся саморазвивающиеся системы с присущей им самодетерминацией (системной детерминацией). Постнеклассическая наука

поставила вопрос о необходимости учета не только средств и процедур получения научных результатов, но и ценностно-смыслового контекста исследования (Клочко, 2005). Для нашего исследования важны такие положения постнеклассической парадигмы, как рассмотрение явления в качестве системы с внутренней логикой саморазвития, с высокой вероятностью неоднозначного, многообразного проявления. Чем более развита система, тем больше степеней свободы она имеет (Петренко, 2002). В рамках указанной парадигмы отмечается также взаимосвязь научного знания и истории. Теория есть результат языковой договоренности людей, живущих в конкретных историческом пространстве и времени. К. Джерджен, например, констатировал факт, что явление, которое американцы называют ригидностью, в Германии описывают как стабильность. Индивидуализм в российском, в частности, советском, словоупотреблении – негативная характеристика, вписанная в конструкты «индивидуализм–коллективизм», «индивидуализм–соборность». Для западного сознания это позитивная характеристика в контексте оппозиции «индивидуализм–конформизм». Таким образом, одни и те же характеристики совершенно по-разному рассматриваются, объясняются и оцениваются в разных социальных контекстах (Леонтьев, 2005).

Научная общественность в разных отраслях знаний употребляет сегодня термин «контекст», что приводит к выводу о его важности в научной лексике и научном дискурсе. Это понятие претендует на статус новой психологической категории, о чем впервые было заявлено еще в начале 1980-х годов (Вербицкий, 2015). Даже при самом беглом анализе становится ясно, что термин «контекст» получил широкое распространение в постмодернистской (и постпостмодернистской, т. е., собственно, современной) гуманитарной литературе.

В употреблении понятия «контекст» в гуманитарной «нелингвистической» литературе (психологической, социологической, философской и методологической) отчетливо прослеживаются две тенденции.

1. Это понятие может применяться как «служебное», когда требуется описать «фон», «среду», «ситуацию», «обстоятельства», «обстановку», «условия» и т. п., т. е. некоторое «пространство», которое задает характеристики включенного в них объекта для субъекта-наблюдателя.
2. Во втором случае под контекстом понимаются некоторые внешние и внутренние условия, формирующие состояние и обуславливающие определенные реакции человека или группы, выступающих в роли объекта исследования.

Таким образом, контекст представляет собой определенную *эпистемологическую установку*, указывающую на ограничения каждого конкретного способа интерпретации исследуемого объекта и требующую системной взаимодополнительности таких описаний. В психологии это приводит к построению многомерных моделей психики и конкретных явлений, в результате чего диалектически снимается противопоставление концепций различных психологических школ и направлений (Вербицкий, Калашников, 2015).

Исходя из вышесказанного, актуальными, на наш взгляд, современными задачами исследования этнической идентичности выступают: обобщение накопленных результатов эмпирических исследований и реализация новых стратегий и контекстов в изучении феномена, что способствует выявлению констант и динамических тенденций, функционально проявляющихся в определенные периоды социокультурных трансформаций.

В качестве эффективной стратегии в изучении этнической идентичности мы рассматриваем *интегративный подход*, заключающийся в совокупном рассмотрении проявлений этничности на основе непротиворечивого сочетания ряда отдельных, частных контекстов – таких как ретроспективный (историческая реконструкция процесса формирования этнической идентичности); поколенный (сравнительный анализ этнической идентичности различных поколенных групп); социодинамический (изучение изменений идентичности в рамках одного поколения в ближайшей исторической ретроспективе, за десять–пятнадцать последних лет) и транспективный (исследование идентичности одного поколения в разные периоды его становления) (Степанова, 2013, 2016).

Сравнительное эмпирическое исследование этнической идентичности в русле поликонтекстного подхода

Вышеуказанные теоретические положения были реализованы в сравнительных эмпирических исследованиях в 1998–1999 (N=485) и в 2014–2015 гг. (N=472), в которые были включены молодежные, студенческие группы и поколенные группы 25–40-летних, 40–55-летних и 55–60-летних испытуемых. Сравнение осуществлялось по трем направлениям: социодинамическое (сравнительные особенности этнической идентичности студенческих групп в 1998–1999 и 2014–2015 гг.), межпоколенное (особенности этнической идентичности поколенных групп в 2014–2015 гг.) и транспективное (сравнение 18-летних в 1998–1999 и 35/40-летних в 2014–2015 гг.). Последнее направление объясняется тем, что современное поколение 35–40-лет-

них – это, фактически, поколение 18–20-летних в 1998 г. Кроме того, предпринималась попытка ретроспективного анализа полученных данных, или поиска исторических детерминант выявленных особенностей. Выборка состояла преимущественно из русских испытуемых. В исследовании применялся авторский опросник, направленный на изучение всех структурных компонентов этнической идентичности.

Остановимся на некоторых *результатах исследования*.

В частности, в рамках поколенного и социодинамического контекста выявлена устойчиво слабая вербализация этнонима «Я русский», исследуемая с помощью методики Куна–Макпартленда (в пределах 8,5% в 1998–1999 до 7,5% в 2014–2015 гг. в молодежной выборке и до 10,5% – у старших поколений в 2014–2015 гг.).

Исследование степени выраженности этнической идентичности показало более уточненную картину. Испытуемым предлагалось проранжировать по авторской шкале набор идентичностей в зависимости от их значимости для личности. В перечень идентичностей вошли следующие: «Я космополит» (могу быть гражданином любого государства); «Я православный» (или представитель другого вероисповедания); «Я житель города, села, района» (в зависимости от места проживания); «Я русский» (или представитель другой национальности); «Я россиянин»; «Я житель планеты Земля». Предлагаемые идентичности были выделены в результате свободного опроса большого массива студентов и старшеклассников в 1998 г. Нас, в первую очередь, интересовала степень выраженности этнической, гражданской и религиозной идентичностей. Межгрупповые сравнения в рамках социодинамического контекста показали большую выраженность этнической идентичности у студентов в 1998 г. (различия находятся в зоне критических значений, $t=2,6$). Студенты в 2014 г. демонстрировали более размытую идентичность, чем в 1998 г. Но при этом сравнение результатов опроса студентов в рамках поколенного контекста с результатами средней и старшей поколенных групп в 2014 г. показало значимое различие в выраженности этнической идентичности у студентов ($t=3,9$; $t=2,68$). Старшие поколенные группы в большей степени чувствуют себя россиянами. Любопытно, что во всех группах в 2014 г. отрицается космополитизм, но в меньшей степени отрицается «всепланетность». Религиозная идентичность не является ведущей ни в одной из групп, хотя входит в тройку ведущих, наряду с этнической и гражданской у старших групп.

В результате проведенного исследования возникает вопрос о факторах, детерминирующих выраженность этнической идентич-

ности у студентов в 1998 г. и ее меньшую выраженность у поколенных групп в 2014 г., в частности у 35–40-летних. В данном случае, в рамках транспективного анализа мы рассматриваем поколение 35–40-летних в 2014–2015 гг. как «повзрослевшее» поколение 18-летних в 1998 г. Наряду с безусловными возрастными, поколенными, здесь необходимо проанализировать социально-исторические факторы. К таковым мы относим, как ни парадоксально, отмену в 1990-е годы графы национальности в паспортах, начинающееся разрушение советской идентичности и манипуляцию понятиями «русские», «россияне». Можно предположить, что в ситуации нарастающей неопределенности молодое поколение демонстрировало потребность в стабильной идентичности, структурирующей социальное пространство, что проявилось в приоритете этнической идентичности и отрицании космополитизма и «планетарной» универсальности.

В рамках как социодинамического, так и поколенного контекстов выявлена определенная динамика этнических автостереотипов. При сохранившейся противоречивости (как в 1998–1999, так и в 2014–2015 гг.) изменилось представление о современных русских в позитивную сторону, что является, на наш взгляд, результатом определенных социальных, политических, спортивных достижений общества. Более негативными стали автостереотипы русских в будущем (при исследовании автостереотипов задавался временной вектор: русские сегодня, в прошлом, будущем). Следует уточнить природу критичности по отношению к русским в будущем. В большинстве ответов респонденты подчеркивали определенные изменения в национальном характере, указывая на утрату коллективистических ценностей культуры. В качестве примера можно привести следующие ответы: *«В прошлом было коллективистское сознание, были частью целого, „стахановцы“, в будущем – индивидуалисты, в центре – отдельный человек, потребитель благ, личное благополучие – большая ценность»*; *«В прошлом русские были более отзывчивые, честные, веселые, смелые, гостеприимные, в будущем будут более закрытые, рациональные, предприимчивые, опирающиеся на западные ценности»*. При этом необходимо подчеркнуть, что не наблюдалось содержательного переноса критичных групповых характеристик («Мы русские») на личностный уровень («Я русский»). Таким образом, можно констатировать, что в целом сохраняется устойчивая тенденция к противоречивости самоописания и приписывания себе на личностном уровне более положительных этнокультурных качеств у всех поколенных групп.

В плане анализа указанных выше особенностей актуально обращение к историческим детерминантам таких тенденций или обра-

щение к ретроспективному контексту. Являются ли результаты исследования отражением современной ситуации в обществе, или это проявление более глубоких тенденций, свойственных общности? О противоречивости русских говорил еще Н. А. Бердяев. Но существуют и другие подтверждения проявления феномена. Например, М. Коялович, ссылаясь на западного исследователя русского народа Леруа-Болье в конце XIX в., также отмечал тенденцию русских умалять свои национальные черты. Историк отмечал, что Леруа-Болье считал русский народ еще не сложившимся в смысле национальности, указывал и превозносил такие типические черты русского человека, как «унижать и поносить все свое» (Коялович, 1884). Кроме того, на такую особенность идентичности русских может пролить свет православие. Согласно православной догме, «унижение паче гордости», или лучше унижение, в том числе самоунижение, чем гордыня.

Важной характеристикой этнической идентичности является механизм отождествления себя с этнической общностью. Результаты исследования содержания этнически интегрирующих признаков (объединяющих со своим этносом) в вышеуказанных экспериментальных группах показали, что национальность родителей не является ведущим признаком при определении своей национальности. Испытуемые ранжировали десять показателей, в которые входили как объективные – язык, единство происхождения (общая история), совместное проживание (общая территория), национальность родителей и др., так и субъективные – чувство духовной общности, национальная культура и др. Результаты показали, что у студентов в 1998 г. среднее значение ранга такого признака, как национальность родителей, – 5,64 (при максимальном значении рангов в иерархии признаков – 6,7); у студентов в 2014 г. – 6,2 (макс. – 6,8); у средней поколенной группы – 6,64 (макс. – 6,89); у старшей поколенной группы – 4,76 (макс. – 7,39). Первое место среди этноинтегрирующих признаков занимает язык, затем – единство происхождения и совместное проживания. Религия как этноинтегрирующий признак больше выражена у средней и у старшей групп.

Заключение

Таким образом, исследование этнической идентичности как многообразного феномена требует современного исследования в рамках постнеклассической парадигмы, интегративного подхода и разнообразных контекстов. В частности, социодинамический контекст позволяет выявить динамичные тенденции феномена. Поколенный контекст способствует исследованию изменений этнической

идентичности с точки зрения поколенной преемственности характеристик. Транспективный контекст показывает особенности выраженности явления у одного поколения в разные временные периоды его становления. Ретроспективный контекст способствует определению исторических детерминант выявленных особенностей. Поликонтекстный характер исследования этнической идентичности позволяет выявить как константные, так и динамичные особенности феномена, ее ресурс и ограничения в процессе социального конструирования.

Литература

- Вербицкий А. А., Калашников В. Г.* Понятие «контекст» в категориальном строе психологической науки // Педагогика и психология образования. 2015. №4. С. 90–100.
- Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.
- Коялович М. О.* История русского самосознания. СПб., 1884.
- Леонтьев Д. А.* Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. №1 (2). С. 51–72.
- Митрофанова О. Г.* Проблема исследования межкультурного взаимодействия и взаимопонимания: диалогический подход // Весник ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3 «Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія». 2010. №3. С. 124–128.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. №3. С. 113–121.
- Степанова Г. С.* Особенности интегративного подхода к исследованию этнической идентичности студенческой молодежи в условиях макросоциальных изменений в обществе // Европейский журнал социальных наук. 2013. №7. С. 315–323.
- Степанова Г. С.* Особенности этнической идентичности русских как отражение ментального ресурса общности // Ментальные ресурсы личности. Теоретические и прикладные исследования. Материалы Третьего Международного симпозиума. Москва, ИП РАН, 20–21 октября 2016 г. М., 2016. С. 371–377.
- Янчук В. А.* Перспективы прогресса в углублении понимания психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Психологический журнал. 2009. №3. С. 3–14.

Polycontextual approach to the study of ethnic identity

G. S. Stepanova (Voronezh)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate professor
at the Department of general and pedagogic psychology,
Voronezh state pedagogical University

The article deals with the methodological issues of ethnic identity research. The insufficiency of using a comparative paradigm in the study of the phenomenon's structural components and the necessity of switching to new research strategies are emphasized. The effectiveness of the integrative approach and the principle of succession of the modern and retrospective contexts is described. It is noted the relevance of the combination of different contexts and areas of analysis. Emphasizes the importance of the transpective analysis. The results of a long-term research of ethnic identity in the generation groups of the Russians are analyzed. The historical determination of the identity's persistent features is pointed out.

Keywords: ethnic identity, comparative paradigm, integrative approach, generation, principle of succession, retrospective context, transpective analysis.

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблемы сознания и его исследований в отечественной психологии XX–XXI столетий

К. А. Абульханова (Москва)

доктор философских наук, профессор, академик РАО,
главный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: abulkhanova@ipras.ru

В статье рассматривается подход к сознанию как жизненной способности личности, открывающий ее онтологическую сущность и обусловленность бытием личности, ее включенностью в жизнь социума, отношением к нему. Обосновывается типология сознания. Раскрываются базовые составляющие сознания как способности личности – целеполагание, саморегуляция, интерактивность, проективность (интенциональность), избирательность, разрешающие возможности.

Ключевые слова: сознание как жизненная способность личности, социум, общественное сознание, типология сознания.

Философско-психологическая и методологическая парадигма С. Л. Рубинштейна, представленная в его последнем труде «Человек и мир» (1973), позволила обосновать одно из основных положений теории сознания – его *принадлежность личности*. На первый взгляд, это представляется очевидным. Однако во множестве существующих концепций сознания оно рассматривалось либо в соотношении с бытием (в философии – как «вторичное» по отношению к бытию), либо как отражение действительности (гносеология), либо как индивидуальное сознание в его детерминации обыденным, либо (при определении предмета психологи) как психика, сознание и т. д.

Все эти определения сознания не обесцениваются как разные контексты его рассмотрения подходом к сознанию как *способности личности*, но, вероятно, занимают свое место и заключают в себе новые объяснительные возможности. Принадлежность сознания личности в самом широком смысле открывает его онтологическую

сущность и обусловленность бытием личности, а определение его как ее *жизненной способности* позволяет раскрыть возможности личности в самоосуществлении, самореализации в ее жизненном пути.

Данные нами ранее определения трех механизмов сознания – как *саморегуляции*, обеспечивающей движение личности во времени жизни, как *интерактивности*, определяющей ее включенность в различные связи с людьми (раскрытой в различных теориях диалога, коммуникации и т. д.) и как *проективности*, интенциональности, осознанной направленности личности на самореализацию в жизни (Абульханова, 2006), подвели к более интегративному определению сознания как *жизненной способности личности*, поскольку оно позволяет вводить ряд дальнейших конкретизирующих определений. Сам жизненный путь личности осуществляется в конкретном социуме, который в тот или иной исторический период формируется в определенном обществе, существующем в более длительном историческом времени. Общество характеризуется не только теми или иными общественными отношениями, но и *общественным сознанием*, при этом сознание социума определяется его социальной организацией. Отсюда следует, что и жизненный путь, и сама личность имеют множество различных детерминант, влияющих на нее или непосредственно, или опосредованно-встречным отношением личности к обществу.

Согласно разработанной в Институте психологии РАН концепции российского менталитета, общественное сознание является *не столько внешней детерминантой* сознания личности, сколько ее *корнем, онтологической основой*, в свою очередь, слитой с национальным укладом, традиционным образом жизни данного общества. По некоторой аналогии с юнговскими архетипами (но отнюдь не в согласии с его концепцией в целом) можно сказать, что, поскольку от века существовала Русь, Россия, поскольку существовало ее уникальное противоречивое общественное сознание (которое, конечно, исторически менялось, но отнюдь не параллельно новым социальным типам ее государственности), постольку русскому человеку всегда был присущ неповторимый российский менталитет – общественное сознание с его слабостями и силой. Его особенности проявляются с момента рождения индивида, буквально «с колыбели» – воспитанием, актуализируются укладом жизни семьи, речью, традициями и продолжают сопровождать его становление личностью через связь с предшествующими поколениями.

Часто это обозначается как *коллективное бессознательное*. Однако применительно к сознанию личности, принятому уровневому подходу к нему, оно не совпадает ни по существу, ни понятийно

с уровнем бессознательного в триаде «сознание – неосознанное – бессознательное», которая раскрывает уровни *индивидуального сознания*. Кроме того, общественное сознание является не только «корнем» индивидуального: сопровождая *становление* индивида личностью, оно обуславливает сознание последней извне не только перечисленными выше *влияниями*, но также *нравственными* и *жизненными* (вначале житейскими) *ценностями*– трудовое, религиозное, нравственное воспитание.

Но смена влияния семьи на воздействие другого круга общения (школа, двор или уже с раннего детства соприкосновение с социальной действительностью в силу сиротства, беспризорничества или влияния разного рода приютов) сталкивает подрастающую личность с более жестким воздействием синкретически смешанного и общественного, и собственно *социального* сознания и ценностей, имманентно включенных в тот или иной способ поведения. Часто встречающаяся непокладистость подростка вызвана чаще всего противоречивым *столкновением* в его сознании этих разных (и по существу, и по способу воздействия) детерминант, а его подражательное поведение (иногда отрыв от семьи) связаны с трудностью разрешения этого противоречия или способом ухода от него.

Важно отметить, что общественное и социальное сознание не только прививают личности *разные ценности* и *разным способом*, но поскольку они достаточно часто противоречат друг другу как менталитет и социальная идеология, связанная с данным социумом, постольку становление личности в юности происходит через осознанное или неосознаваемое *самоопределение* по отношению к самому факту противоречивости сознаний или как приятие/неприятие ценностей того или другого, или как присвоение обоих влияний в синкретическом виде. В этот период сознание личности начинает играть решающую роль в ее отношениях и к собственной жизни, и к социальной действительности.

Детерминация сознания личности социумом, типом социальной организации общества, изменяющаяся в России даже на протяжении жизни одного поколения, остается *внешней* (тем, что личность «знает» и с чем вынуждена считаться) или приобретает *присвоенный* ею характер. Это зависит от занимаемой ею самой того или иного *места* в социуме. Воспринятое или только сознательно учитываемое социальное сознание (идеология социума, существующая и оцениваемая расстановка в нем экономических, политических, властных и др. позиций, способ организации его жизнедеятельности) воплощаются в *отношении* личности к социуму в целом (если ее сознание способно интегрировать и, тем более, обобщить все эти значения,

ценности, нормы) и построить интеграл (формулу) их значимости (позитивной/негативной или более позитивной, чем негативной, или наоборот и т. д.). Это не исключает множественности различных отношений к отдельным образованиям, правилам, организациям и т. д. социума.

Сознание личности, таким образом, *типизируется* по следующим основаниям:

- внутренне принятое социальное или известное, учитываемое;
- опосредованное личностью и ее сознанием обобщенное отношение к социуму или/и совокупность отношений к его отдельным образованиям;
- *позитивное* или *негативное* отношение к целому или его составляющим;
- отношение к социальному сознанию или отношение к социуму в целом;
- *отношение*, опирающееся на ценности и особенности российского менталитета или только на особенности социального сознания, или на те и другие;
- *активное* или *пассивное* отношение (созерцательность), связанное с действительным участием личности в тех или иных структурах или неучастием; критическое отношение и мера его реализации в личной или общественной жизни.

Очевидно, что эти отношения могут изменяться на протяжении жизненного пути личности в связи с изменениями и самой личности, и социума.

Понятие «отношения» мы употребляем в значении, раскрытом С. Л. Рубинштейном и В. Н. Мясищевым. Оно является личностным способом самовыражения, несущим ценностно-смысловую нагрузку, выражением личностью существующего в *ней самой* и *для нее* в мире, своеобразным интегральным способом связи и *внутреннего* (и в сознании, и в самой личности) и *внешнего*, системообразующим (Б. Ф. Ломов).

Отношение есть *избирательность* сознания личности, которую установил С. Л. Рубинштейн как сущностную характеристику его онтологической специфики. На наш взгляд, именно в этом отношении и проявляется сознание как способность личности.

Согласно данным проведенного ранее исследования (Абульханова и др., 1994) сознания, кроме его базовых составляющих – целеполагания, саморегуляции, интерактивности и проективности (интенциональности) – мы обнаружили его *разрешающие возможности*, которые определялись гипотетически предполагаемым «на-

бором» детерминант, позволивших выявить уровень конструктивности сознания при взаимодействии качественного различия этих составляющих.

Подобная схема (упрощенно сравнивая) имеет место и в химии, и в физике, и в других областях материального мира. Разные сочетания веществ в жидкости образуют ее совершенно разные свойства, в других сферах разные составляющие – говоря совсем обще – дают разную *силу* (например, тока), разную скорость (например, движение), разную степень хрупкости или устойчивости к воздействию, разную длительность сохранности во времени и т. д. и т. п. Так, сооружения древних пирамид и других памятников культуры сохранились в веках, в отличие от обветшалых домов XX в., несмотря на «силу» прогресса и «мощь» технологий.

Устойчивость, целостность и позитивные человеческие качества личности в значительной мере определяются степенью опосредования ее ценностной избирательностью и отношением к воздействиям на нее и ее сознание социума. Конструктивность ее сознания дает ей возможность противостоять даже самым жестким внешним воздействиям. Его разрешающие возможности открывают ей «выходы из тупика», позволяют выстоять перед фактами противоречия менталитета и сознания данного социума, выработать и удержать противоречащее действительности свое внутреннее отношение к ней, а самой личности – действовать «вопреки». Однако такой тип личности является идеалом достаточно редким в современном социуме. Именно он способен к самовыражению и объективации практически во всех условиях, что парадоксальным образом приписывается сообществом не его *самоопределенности*, а адаптированности.

Есть личности, способные осознать противоречия между своим уже сложившимся сознанием и способом, характером жизни, и в той или иной степени их решать или переживать. Редки личности, способные *изменять сами себя*. Разумеется, необходимо раскрыть масштаб и направление изменений – идет ли речь о самосовершенствовании или смене тех или иных ценностей. Чаще встречаются изменяющие *самим себе*. И в этом контексте возникает классический вопрос о способности личности *познать* себя (Н. А. Бердяев, 1998). Он также требует конкретизации – идет ли речь о познании своих способностей или потребностей, или характера, или способа самореализации себя в жизни. Но это уже сфера проблем самосознания, связанная с Я-концепцией личности и ее «Я» в целом, требующая специального рассмотрения (И. И. Чеснокова, В. С. Агапов и др.).

На основании вышесказанного можно сделать вывод, дополняющий определение сознания как *способности личности*. В более

широком смысле это означает, что сознание *принадлежит* ей, является ее *качеством*; в более конкретном – необходимо исследовать, как функционирует ее сознание в качестве способности *того или иного уровня и масштаба*. И разумеется, последнее зависит от уровня развития самой личности, способа ее самореализации в жизни и характера последней с ее обстоятельствами, условиями и изменениями.

Можно сказать, что *одни личности способны интерпретировать и обобщать* эти многообразные детерминанты, влияния, условия и т. д. Именно на это указал С. Л. Рубинштейн, выделив мировоззренческие чувства личности как способ обобщения и оценки ею своей жизни. *Другие* способны к регуляции сознанием своей жизни в зависимости от достигнутого уровня его развития и способа обобщения и осознанности жизни. *Третьи* обладают способностью *изменять* свое сознание, свой взгляд на собственную жизнь и жизнь социума (судьбу страны) под влиянием обстоятельств и общего характера своего жизненного пути или изменений, происходящих в социуме.

При определении сознания как способности личности необходимо иметь в виду не только оптимальный уровень этой способности, но и *неспособность* или даже нежелание нечто осознавать. Это отнюдь не выделенный З. Фрейдом механизм вытеснения или «застревания» на уровне неосознанного. Подходя к этой проблеме несколько издалека, мы выдвигаем, опираясь на вскользь упоминаемое в литературе понятие «круга сознания», предположение о суждении круга индивидуального сознания. Бытовое выражение «это не пришло мне в голову» подтверждает, что личность вдруг может обнаружить нечто существующее (и даже существенное), о чем она никогда не задумывалась. Но у этого явления есть несколько проявлений. Она может быть *не способна* нечто осознать, *боится* или *не хочет* это осознать, или ей *трудно осознать* нечто.

Как в жизни личность определяет нечто, чего никогда не допустит (не поступит подобным образом), проводя *границу* своего дозволенного, так и своим сознанием она исключает некие «запретные» сферы, сколько бы они не навязывались ей жизнью (например, «распущенность» сознания). Это зависит от духовного, нравственного склада личности. *Нежелание* размышлять о том, о чем только и думают другие, фактически является способностью воздействия (иногда волевого) самой личности на свое сознание.

Нежелание или неспособность осознать и, тем более, разрешать противоречие, возникающее между поступком и самой жизнью, желаниями, ценностями, совестью личности трудно обсуждать после Ф. М. Достоевского. Но, тем не менее, проблема *неподлинности* жиз-

ни личности, обсуждаемая в философии Э. Фроммом, В. Франклом, С. Кьеркегором и др., требует своего психологического если не решения, то внимания, анализа, поскольку рассматривается соотношение сознания, личности и ее жизни. Кроме жизни *вопреки* обстоятельствам, требованиям, принуждению, есть люди, живущие «вопреки себе». Этот факт противопоставляется часто употребляемой в психологии формуле, согласно которой человек в конце жизни находит самого себя, или не теряет себя.

Эта неподлинность не является раздвоением личности, но ее качеством, более сущностным, чем ложь (В.В. Знаков). Последняя является объективацией *не соответствующей внутреннему* (ценностям, устремлениям и т. д.). Поступки, обещания, уверения и т. д. противоречат или не соответствуют желаниям, намерениям, совести, но синкретично соединены с тем, в чем уверяет или что демонстрирует личность окружающим, представляя сущность личностного конформизма. Данные социологических опросов показывают, что сама личность не переживает своей противоречивости, но ее сознание демонстрирует ее превращенность, *добровольное* признание отчужденности от самой себя. Личность являет собой возможность соединения несовместимого, что является последствием социального насилия над целостностью человека, способности и возможностью быть самим собой. Естественно, что у этого типа личности есть граница, за которую она не допускает свое сознание, однако, как правило, она и не стремится к рефлексии.

Преодоление закрытости российского общества привело и к расширению круга, пространства индивидуального сознания. Но не было донесено до сознания народа, что эта закрытость имела и свои огромные преимущества – актуализацию лучших, высочайших научных, технических и трудовых достижений. Информация об образе жизни и ее уровне за границей привела к распространению западных ценностей, обесценению отечественных ценностей и жизни. Позитивная оценка распространилась с предметов и устроенности быта на образование, науку. Разумеется, израненная, обескровленная, разрушенная страна не могла сравниться по «качеству жизни» с Западом. На наш взгляд, это было тем, что называется изменой, предавшей подвиг России и ее народа в войне, без какого бы то ни было достоверного знания трудностей, проблем западного и американского обществ.

Однако сегодня открытие для индивидуального сознания сложных международных отношений, противоречий, с которыми столкнулось, например, правительство Меркель, догматически рекламировавшее ценности гуманизма и прав человека и приведшее

к затоплению страны (и других стран Европы) беженцами, под-
вергшими варварскому насилию ее население, т. е. не только на-
рушению прав человека, но жесточайшему обезцениванию самых
базовых жизненных прав, а заодно и самой демократической идеи.
Открылась реальность нарушающих все законы войн, уничтожаю-
щих людей, столкновений государств и народов.

В XXI в. удалось конструктивно международной политикой вос-
становить значимость России (хотя бы в аспекте ее военных приори-
тетов), которое оказалось доступно суженному сознанию зарубежья.

Сознанию мыслящих граждан России открылись новые грани-
цы – представления о возможности интеграции, сотрудничества,
консенсусов в мире в сферах международных отношений, полити-
ки. Социальное российское сознание постепенно овладевает прак-
тикой диалектического мышления и реальной кооперации. Однако
обращение к выходящему за пределы психологии контексту пред-
принимается нами лишь с целью решения психологической зада-
чи – дифференциации типов сознания российских личностей. Сте-
пень образованности, информированности, развития мышления,
названного нами социальным, и причастности или просто интере-
са к судьбам Отечества, обеспечивают круг *актуального* сознания,
его работы у этого типа людей. Тогда как у других типов сохраня-
ется еще с прошлых времен круг некоего *созерцательного*, напол-
ненного переосмысленной информацией, отрывочными представ-
лениями сознания. У них актуальное сознание связано с кругом
личной и гражданской жизни и, как показали вышеупомянутые
исследования, с разным уровнем представленности в нем проблем.
Неспособность конструктивного, т. е. проблемного мышления свя-
зана с неопределенностью явлений, событий и общего положения
в сегодняшнем социуме. Приблизительные представления, конста-
тация отдельных фактов, эмпирическая информация не позволяют
личности не только объяснить для себя, но даже понять происхо-
дящее. Это создает состояние *неопределенности*, целиком противор-
ечащее основной роли сознания для личности и ее жизни вносить
определенность, раскрывать смысл происходящего в действитель-
ности и, опираясь на это, жить и действовать. Более того, уровень
неопределенности снижает жизненную и социальную активность
личности и открывает границы массового сознания для заражения
его примитивными потребностями. И если эти потребности сущест-
вовали всегда, но в их человеческом обличьи, то сегодня они рекла-
мируются СМИ как главные ценности.

Возвращаясь к концепции сознания С. Л. Рубинштейна, можно
отметить, что если в «Бытии и сознании» (1957) он выделил две ха-

рактики сознания – субъективное и идеальное, то в последнем труде «Человек и мир» (1973) философский характер его концепции позволил нам дифференцировать две ортогональные особенности сознания – как менталитета, из которого вырастает сознание личности и мира, в котором она живет. Развивая подход С. Л. Рубинштейна, В. Д. Шадриков расширил рубинштейновское понимание субъективного, введя понятие «внутреннего мира». Из проделанного выше анализа очевидно, что последний не противопоставляется внешнему миру, в который, согласно Рубинштейну, *вписан* человек (личность со своим внутренним миром). Это изменяет научную психологическую стратегию разграничения и общественных социальных ценностей, и ценностей индивидуальных, личностных. А снятие этой границы ставит как индивидуальную, так и социально-психологическую, а также социальную задачу максимальной гармонизации индивидуального и общественного сознания и, как говорится сегодня, «прозрачности» для личности социальных ценностей, программ и способов их реализации.

Заключая, можно сделать главный вывод о том, что ведущей ценностью российского общества, должна, наконец, стать личность, уровень развития которой сможет обеспечить и адекватный анализ современных социальных отношений, и построение новых, соответствующих благополучию России.

Problems of consciousness and his research in Russian psychology of the XX–XXI centuries

К. А. Abulkhanova (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, professor, academician
of the Russian Academy of education, chief scientific officer
of Institute of psychology of RAS

In the article, going is examined near consciousness as vital ability of personality, opening its ontological essence and conditionality by life of personality, its plugged in life of sociuma, by attitude toward him. Typology of consciousness is grounded. The base constituents of consciousness open up as capabilities of personality are a teleologism, self-regulation, interactivity, project (intencional'nost'), electoralness, resolvent possibilities.

Keywords: consciousness as vital ability of personality, socium, public consciousness, tipologiya of consciousness.

Отечественная психологическая практика на страницах российских газет первой половины XX века¹

О. А. Артемьева (Иркутск)

*доктор психологических наук,
доцент Иркутского государственного университета;
e-mail: oartemeva@yandex.ru*

Представляются результаты анализа газетных публикаций психологов как специального источника историко-психологических данных об актуальных идеях и достижениях практической и прикладной психологии. Анализируются результаты изучения 65 газетных статей 13 ведущих отечественных психологов, опубликованных в первой половине XX в., их тематика, направленность публиковавших их газетных изданий, частоты выхода публикаций в разные периоды социальной истории российской психологии. Приводятся примеры статей, представлявших опыт решения задач социального развития не только в сфере науки, но и в конкретной практической деятельности, прежде всего, в областях образования и просвещения. Полученные данные свидетельствуют о выраженной гражданской позиции отечественных психологов и актуальности психологических проблем в жизни российского общества на протяжении всего полувекового периода. Делается вывод об активном участии психологического сообщества в жизни страны, а также общественной значимости их работ.

Ключевые слова: история психологии, источниковедение истории психологии, советская психология, психологическая практика, массовая коммуникация.

1 Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-36-01096, частично – гранта Президента Российской Федерации № МД-1443.2017.6.

Газетные публикации как источник историко-психологического исследования

Уникальным свидетелем истории развития психологии являются газетные публикации ведущих психологов. Основными особенностями этих важных письменных источников (Кольцова, 2002) историко-психологического исследования является актуальность и доступность для широкой читательской аудитории содержащихся в них материалов. По сравнению с другими публикациями статьи в газетах содержат более оперативный отклик на события действительности. Так, анализ тематических публикаций на страницах ежедневных и еженедельных газет позволяет отслеживать изменения в общественной и научной жизни, не всегда заметные на страницах журналов. Кроме того, научно-популярные газетные публикации представлены преимущественно «интегрирующими текстами» (Лауристин, 1986), понятными читателям. Со страниц газет психологи могут обращаться к широкой неподготовленной аудитории. Поэтому публикации в газетах являются важным источником данных об актуальных идеях и достижениях практической и прикладной психологии.

Подготовка газетных публикаций учеными-психологами требует от них особых навыков. Они должны владеть научно-популярным стилем изложения, уметь доступно излагать научные идеи и результаты проведенных исследований. Обязательным условием составления хорошего газетного текста является актуальность излагаемых идей, понимание автором современных общественных проблем, его близость к практике. Таким образом, газетные публикации психологов являются индикаторами наличия связи исследовательской и практической психологии (Взаимоотношения..., 2016), единства теории, эксперимента и практики (Ломов, 1984) в истории психологии. В этом качестве газетные публикации психологов анализировались для изучения развития отечественной психологии в первой половине XX столетия.

Анализ библиографических списков 41 ведущего отечественно-го психолога 1901–1950 гг. (Артемьева, 2013) позволил обнаружить 65 газетных статей 13 авторов. Это публикации В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, А. Б. Залкинда, В. Н. Колбановского, К. Н. Корнилова, Н. Н. Ланге, А. Р. Лурия, М. М. Рубинштейна, С. Л. Рубинштейна, А. А. Смирнова, И. В. Страхова, Б. М. Теплова, Г. И. Челпанова. Хотя относительно небольшое количество обнаруженных публикаций не позволяет дать исчерпывающую характеристику взаимосвязи исследовательской и практической психологии в России на протя-

жении полувека, на основе их анализа может быть выделен ряд тенденций. В социальной истории отечественной психологии первой половины XX в. мы выделяем семь периодов (Артемьева, 2013). Рассмотрим специфику газетных публикаций в каждый из них.

Дореволюционная пресса

В период 1901–1904 гг. обнаружены только три статьи Н. Н. Ланге в газете «Одесские новости» под общим заглавием «Великие мыслители XIX века: Разрушение метафизики и нравственная философия Канта» (1901). Очевидно, что освещение философских идей на страницах газеты предполагает наличие не только умения популярного изложения своих взглядов, но и ожидания отклика читателей, неких изменений общественного сознания и бытия, а также осознания автором собственной ответственности. В таких публикациях ученые не просто представляют результаты собственных исследований, но также претендуют на просвещение населения и, в конечном счете, на активное участие в жизни страны, осваивают пути практического приложения научных и философских идей.

В период между революциями 1905 и 1917 гг. ведущие психологи опубликовали не менее 20 статей по психологии, философии и педагогике на страницах газет разной направленности: 1) *общественно-политической* («Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Утро России», «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Сибирь», «За свободу»); 2) *медицинской* («Врачебная газета»); 3) *педагогической* («Школа и жизнь»). На страницах общественно-политических газет либерального толка представлены идеи В. М. Бехтерева, Г. И. Челпанова, П. П. Блонского, М. М. Рубинштейна. Статьи психологов имели информационно-просветительский и аналитический характер. Их можно рассматривать как форму участия ученых в общественной жизни путем философско-психологического осмысления и исследования актуальных проблем современности: алкоголизма, преступности, политических забастовок, воспитания и школьной реформы. Показательны заглавия статей: «К алкогольному вопросу», «Еще о совместном обучении», «По поводу предстоящего закрытия городских школ». В газетах представлялся опыт проведения психиатрически-психологической экспертизы, организации психолого-педагогического обучения и исследований. Дополнительного исследования требует факт отсутствия среди газетных выступлений ведущих психологов в 1914–1917 гг. статей, посвященных проблемам военного времени. В целом можно говорить о том, что основная часть газетных статей дореволюционного перио-

да является откликом на возникающую общественную потребность в использовании психологического знания для осознания и решения проблем социальной жизни страны и ее граждан.

Советская печать

В послереволюционное десятилетие 1918–1928 гг. выступления психологов публиковали не только центральные и региональные общественно-политические («Известия», «Петроградская правда», «Наш труд», «Власть труда», «Наше дело», «Дело»), но и университетские («Иркутский университет», «Университетский клич», «Университетское слово») газеты. Всего обнаружено 24 статьи. Они способствовали пропаганде научных знаний, представляли опыт решения проблем организации учебной работы. Это газеты, выпускавшиеся не только в Москве и Петрограде, но и в региональных центрах – Ярославле («Наш труд»), Иркутске («Наше дело», «Университетское слово», «Университетский клич»).

Примерам таких публикаций являются статья первого ректора Иркутского университета М. М. Рубинштейна «Год жизни государственного Иркутского университета, 1918–1919 учебный год» в газете «Наше дело» (1919) и тогда еще студента Ярославского педагогического института И. В. Страхова «Работа в школе ликвидации неграмотности» в газете «Наш труд» (1926). Эти работы – свидетельства активного участия членов психологического сообщества в практике построения советской системы образования на разных уровнях. Были выступления и по другим общественным вопросам, в частности «Протест по поводу продовольственной блокады», организованной странами Антанты, В. М. Бехтерева в «Петроградской правде» (1920).

В период 1929 – первой половины 1936 гг., пришедшийся на первую социалистическую «пятилетку», обнаружена лишь одна обзорная статья – «Поведенческий съезд и советская психоневрология» (1930) инициатора его проведения А. Б. Залкинда (Залкинд..., 1993) во «Врачебной газете». Предельное сокращение числа газетных публикаций может свидетельствовать о сосредоточении ведущих психологов на исследовательской работе, на построении новой, марксистской психологии. Также можно предположить, что в условиях возрастающей государственной и партийной регламентации научной и практической деятельности, а также печати¹ появились ограничения на газетные выступления отдельных ученых. Кроме того,

1 В рамках реформы периодической печати в 1931 г. были приняты регламентирующие постановления ЦК ВКП(б) «О постановке производственно-технической пропаганды» и «Об издательской работе».

факт отсутствия в известных библиографических списках ведущих психологов информации о других газетных публикациях в эти годы может рассматриваться как показатель возможного уничтожения или ограничения доступа к отдельным газетным публикациям в условиях внутрипартийной борьбы и репрессий. На отсутствие подобных документов эпохи как важный историко-психологический показатель указывает Х. Люк (Люк, 2012).

После Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов»

В период второй половины 1936–первой половины 1941 гг., следующий за постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», обнаружено уже 10 статей. Их основная часть вышла в 1936 г. в газете «За коммунистическое просвещение». Это две «покаянные» статьи – А. Б. Залкинда «Мои ошибки» и близкая по духу статья П. П. Блонского «В плену буржуазной науки». Они явились откликом на критику педологии, содержащуюся в Постановлении. К нему же апеллировали В. Н. Колбановский и К. Н. Корнилов в своих статьях 1936 г. – «Состояние и задачи советской психологии» и «Вытравить буржуазный хлам из психологии», опубликованных в газете «За коммунистическое просвещение». Таким образом, если в начале 1930-х годов газетная публикация еще использовалась как форма объективного представления событий в жизни науки, то в 1936 г. все статьи были ориентированы на идеологический запрос рокового Постановления ЦК ВКП(б).

В том же 1936 г. на волне критики метода тестов в «Известиях» опубликована статья директора Института психологии, педологии и психотехники В. Н. Колбановского «Так называемая психотехника». В последующие четыре года этого периода не обнаружено ни одной газетной публикации. Очевидная причина этого – социальная ситуация в стране и науке. В эти годы «большого террора», обрушившегося на науку после Постановления 1936 г., многие психологи меняли место работы и жительства, специализацию. О поиске областей приложения психологического знания свидетельствует статья К. Н. Корнилова в «Красной звезде» – «Воспитание моральных качеств (что такое воля)» (1941).

Кроме этой статьи в последние довоенные полгода в «Учительской газете» опубликовано еще три статьи. Все они посвящены вышедшей в 1940 г. книге С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии». Это рецензия А. Р. Лурия и выступление С. Л. Рубинштейна «О задачах советской психологии», а также статья двадцати психологов (К. Н. Корнилов, Б. М. Теплов, А. А. Смирнов и др.) «Задачи

психологии в создании марксистской науки о детях». Значительная часть публикации посвящена анализу книги С. Л. Рубинштейна, но в общем может рассматриваться как попытка реабилитации психологии. Авторы говорят о «неоспоримых сдвигах», произошедших в психологической науке со времени опубликования Постановления 1936 г., причем одним из основных аргументов является ссылка на новые учебные пособия по психологии.

В целом газетные статьи предвоенных лет представляют уникальную ситуацию привлечения внимания широких народных масс к проблемам развития отечественной психологической науки. В названных статьях обсуждались не только вопросы практики советской психологии, но и задачи фундаментальных и прикладных исследований. Практическая ориентация газетных выступлений ведущих психологов была связана с решением задач построения социалистического общества.

Великие и трагические сороковые

В годы Великой Отечественной войны обнаружена лишь одна публикация – Н. Д. Левитова и А. А. Смирнова «О психологических особенностях мальчиков и девочек» (1943). Эта работа по возрастной психологии, представленная на страницах «Учительской газеты», – свидетельство продолжавшихся в трудные военные годы психологических исследований ребенка.

В послевоенный период первой половины 1945–1950 гг. обнаружено шесть публикаций: в «Учительской газете», «Комсомольской правде», «Труде» и «Известиях». Четыре статьи принадлежат профессору Высшей партийной школы К. Н. Колбановскому: о взглядах В. И. Ленина и И. В. Сталина на коммунистическую мораль (1946, 1947), о духовном облике советского человека (1947) и о диалектическом материализме как основе педагогической системы А. С. Макаренко (1949). Педагогическая проблематика также была представлена в статье К. Н. Корнилова «Народный учитель» и в рецензии А. А. Смирнова на учебник Б. М. Теплова «Психология» для средней школы за 1946 г. Эти публикации представляют такие официально признаваемые сферы практического приложения психологического знания в послевоенной стране, как воспитание и обучение.

Основные тенденции

Проведенный анализ позволяет обнаружить тенденцию к сокращению числа газетных статей психологов и публикующих их изда-

ний на протяжении первой половины XX столетия. Революционные социальные изменения отразились в издательской деятельности. На смену либеральным газетам «Русские ведомости» и «Утро России» пришли коммунистические – «Труд», «Комсомольская правда» и «Известия». В 1930-х годах основным изданием, публикующим психологические статьи, стала газета «За коммунистическое просвещение» (с 1938 г. – «Учительская газета»).

Анализ тематики публикаций позволил обнаружить отражение на страницах газет достижений в таких областях психологической практики, как образование, просвещение, здравоохранение (профилактика, терапия, реабилитация), организация производства. На протяжении изучаемого периода происходила смена названных областей: постепенно на передний план в статьях выходили психолого-педагогические проблемы образования.

Переломным годом в динамике публикаций стал 1927: если до этого времени психологи публиковали философско-психологические, просветительские, информационные статьи, то после него, вплоть до конца Великой Отечественной войны, известны их выступления лишь по особым поводам. В 1930 г. таким поводом стал Педологический съезд; в 1936 г. – постановление ЦК ВКП(б). Даже статья двадцати психологов в 1941 г. была, по сути, защитным словом в пользу науки. Хотя участие отдельных ученых в общественной жизни было ограничено условиями научной политики, выступления на страницах печати приобрели коллективные формы. Газетные выступления ведущих советских психологов свидетельствуют об их осознанном профессиональном участии в решении задач социалистического строительства.

Можно говорить о выполнении через газетные публикации психологов первой половины XX в. таких функций массовой коммуникации, как информирование, реализация социальной активности членов общества, интеграция общества и его саморегуляция, формирование общественного мнения, идейно-воспитательная функция (см.: Богомолова, 1991), а также просвещение. При этом на протяжении полувекового периода возрастала степень активности авторов-психологов в реализации названных функций. Все в большей степени они выражали собственные идеи, позиции по общественно важным вопросам, претендовали на формирование общественного мнения. Интересна тенденция, характерная для изложения и анализа ведущими психологами идей других мыслителей. Если в начале века это были воззрения немецкого философа Канта, то к концу изучаемого периода на страницах периодической печати представлялись взгляды идейных вдохновителей советских людей – В. И. Ле-

нина, И. В. Сталина. Эти немногочисленные публикации позволяют говорить об участии ведущих психологов в формировании национального самосознания граждан СССР и реализации в их научно-практических работах умеренной изоляционистской ориентации по отношению к буржуазной философии и науке.

Заключение

В целом данные, полученные при анализе газетных публикаций, свидетельствуют о выраженной гражданской позиции отечественных психологов и актуальности психологических проблем в жизни российского общества на протяжении всего периода первой половины XX столетия. Газетные публикации – важный свидетель жизни научного сообщества в нашей стране. Полученные данные могут рассматриваться как показатель активного участия психологического сообщества в общественной жизни страны в первой половине XX в., а также общественной значимости их работ, прежде всего, в русле педагогической психологии и психологии развития.

Результаты проведенного исследования подтверждают возможность привлечения газетных публикаций в качестве источника историко-научного исследования развития психологической практики. Обращение к газетным публикациям позволяет обнаружить малоизвестные факты из общественной жизни российских психологов, увидеть их как граждан своей страны, решающих задачи не только в сфере науки, но и конкретной практической деятельности, прежде всего в области образования и просвещения.

Литература

- Артёмьева О. А.* Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2013.
- Богомолова Н. Н.* Социальная психология печати, радио, телевидения. М., 1991.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2015.
- Залкинд А. Б. // Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 320–321.
- Кольцова В. А.* Источниковедение истории психологии // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4: «Методологические проблемы историко-психологического ис-

следования» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2002. С. 9–38.

Лауристин М. Опыт и проблемы изучения эффективности районных газет // Массовая коммуникация и развитие социалистического образа жизни: Материалы конференции / Отв. ред. М. Лауристин. Тарту, 1986. С. 43–51.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Люк Х. Е. История психологии. Течения, школы, пути развития / Пер. с нем. М. В. Волковой. М., 2012.

Domestic psychological practice on pages of Russian newspapers at 1900–1950

O. A. Artemeva (Irkutsk)

Doctor of psychological sciences, associate professor
of Irkutsk State University

Results of newspaper psychological publications' analysis are represented. Newspaper publications of psychologists are researched as a special source of history of psychology data on main ideas and achievements of practical and applied psychology. Results of a study of 65 newspaper articles of 13 leading Russian psychologists published in the first half of the XX century, topics and frequencies of publications during the different periods of social history of the Russian psychology are analyzed. Examples of articles representing experience of the decision of the problems of not only fundamental science but also of psychological practice, first of all in the area of education are given. The data testify active position of Russian psychologists and relevance of psychological problems in life of the Russian society throughout all semicentennial period. The conclusion about the active involvement of psychological community in the country life, and also the public significance of their works is drawn.

Keywords: history of psychology, source studies, Soviet psychology, psychological practice, mass communications.

Психология личности в работах Е. В. Шороховой: К 95-летию со дня рождения

Т. И. Артемьева (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: arttam2001@yandex.ru*

Статья посвящена анализу научного наследия Е. В. Шороховой. В ней рассматриваются применяемые ею различные подходы к проблеме человека в целом и к психологии личности. Исследуются позиции ученого по теоретико-методологическим вопросам: общественная природа и социальная сущности человека; проблема сознания и ее место в философии и естествознании; проблема личности, ее понимание как психологической категории, а также тенденции исследования личности как в зарубежной, так и в советской психологии и др.

Ключевые слова: социальная сущность человека, биологическое, социальное, личность как психологическая категория, сознание и его уровни, деятельность, переживание, самосознание, взаимосвязь философских и психологических категорий.

История отечественной психологической науки богата учеными, внесшими большой вклад в ее организацию и развитие. Екатерина Васильевна Шорохова (1922–2004) – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР – известна в психологической науке как специалист широкого профиля, занимавшаяся разработкой философских проблем психологии, психологии личности, социальной психологии, которые не только в отечественной, но и в мировой науке были ключевыми, актуальными и дискуссионными.

Предваряя анализ научного творчества Екатерины Васильевны Шороховой, следует отметить некоторые наиболее важные вехи ее биографии. Она родилась 10 июня 1922 г. в деревне Березовка Волгоградской области. Трудности жизни на селе ей были хорошо знако-

мы с раннего детства – тяжелый труд, бедность, отсутствие условий для получения полноценного образования. Тем не менее, в 1940 г. она закончила школу с золотой медалью и поступила на философский факультет Ленинградского университета, выбор которого говорит о направленности ее интересов и потенциальных возможностях ее как личности.

Во время войны Е. В. Шорохова принимала участие в оборонных работах под Сталинградом, трудилась в колхозах в районах Поволжья. Вернувшись на учебу в университет, в котором в 1944 г. на философском факультете было создано психологическое отделение, она выбрала для себя путь психолога, оправдав этот выбор всей последующей жизнью. В 1948 г. состоялся первый выпуск психологов, в котором было всего четыре студента, и в их числе – Е. В. Шорохова.

Ее научная деятельность началась под руководством Б. Г. Ананьева, известного ученого, организатора и руководителя психологического отделения философского факультета ЛГУ.

После переезда в Москву в конце 1940-х годов она поступила на работу в сектор философских проблем психологии Института философии АН СССР, возглавляемый С. Л. Рубинштейном, где прошла путь от лаборанта, аспиранта, младшего научного сотрудника, Ученого секретаря Института до заведующего сектором. В декабре 1971 г. после создания в системе АН СССР нового Института психологии Е. В. Шорохова переходит в него в составе сектора, становится заместителем директора Института и заведующей лабораторией социальной психологии, проработав на этом поприще 20 лет, реализовав и проявив свою огромную энергию, ум, талант организатора науки.

В научном плане Е. В. Шорохову интересовала проблема человека в целом и психология личности в частности. Вопросы об общественной природе и социальной сущности человека; проблема сознания и ее место в философии и естествознании; проблема личности, ее понимание как психологической категории, а также тенденции исследования личности как в зарубежной, так и в советской психологии; анализ проблем социальной психологии и др. были в центре ее научного внимания. Ее идеи были воплощены во многих публикациях. Ее издано около 200 научных работ, из них три монографии, под ее редакцией было вышло более 60 монографий и коллективных трудов. Большое значение для разработки проблемы личности имели фундаментальные работы: «Некоторые методологические вопросы психологии личности» (1969); «Психологический аспект проблемы личности» (1974); «О естественной природе и социальной сущности человека» (1975); «Тенденции исследований личности в советской психологии» (1982) и др.

В 1960–1970-е годы в отечественной и зарубежной психологии развернулись острые дискуссии по поводу определения понятия личности, ее структуры, движущих сил и детерминирующих факторов ее развития, связи социального и биологического. В трактовке личности выделяется ряд подходов: биологизаторский (фрейдизм), социологизаторский (представители французской социологической школы Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, Ж. Блондель и др.), функциональный, теория двух факторов и т. п. Их последователи в острой полемике пытались отстоять свою точку зрения о ведущей роли того или иного фактора – биологического или социального – в человеке и на этой основе обосновать положение о том, что личность есть либо биологическое, либо социальное образование. Позже человека стали рассматривать как биосоциальное существо. В работах Е. В. Шороховой дается детальный критический анализ существовавших подходов и формулируется собственная точка зрения, основанная на марксистской трактовке сущности личности как выражения общественных отношений. Она пишет: «В марксистском анализе личности существенное место отводится характеристике ее деятельной сущности, активности. В системе общественных отношений, выражающих сущность личности, сама личность выступает не как детектор внешних влияний, а как сила, выполняющая активную роль в преобразовании внешнего мира» (Шорохова, 1974, с. 8).

Е. В. Шорохова внесла весомый вклад в историко-теоретическое осмысление проблемы сознания, без понимания которой не может продуктивно исследоваться психология личности. Проблема сознания всегда занимала центральное место в системе психологического знания – как отечественного, так и зарубежного. В гуманитарной науке она первоначально изучалась в русле философии и естествознания, откуда позже была эксплицирована в область психологии. В истории отечественной психологии разработка этой проблемы осуществлялась в трудах многих выдающихся психологов: Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейн и др.

В фундаментальном труде Е. В. Шороховой «Проблема сознания в философии и естествознании» (1961) рассмотрены разные аспекты этой проблемы: биологические предпосылки возникновения сознания; его физиологические основы; соотношение сознательного и бессознательного; место сознания в психической деятельности человека и др. Анализируя проблему сознания, Е. В. Шорохова уделяет большое внимание рассмотрению истории ее разработки, тем положениям, которые были сформулированы в работах известных зарубежных (В. Вундт, И. Герbart, Р. Декарт, Д. Локк, Д. Юм, З. Фрейд и др.) и отечественных (Б. Г. Ананьев, П. К. Анохин, Н. Н. Ла-

дыгина-Котс, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, И. М. Сеченов и др.) ученых.

Обобщая различные точки зрения, касающиеся определения природы сознания, она пишет о том, что одни ученые сущность сознания, проявляющуюся в своих состояниях, сводят к тому, что сознание непосредственно *дано* определенному субъекту. Им противостоит, например, точка зрения П. Наторпа, согласно которой в сознании выделяются три стороны: то, что сознается, – содержание сознания; некто, кто сознает, т. е., по существу, это «Я», и отношение между ними – между «Я» и содержанием сознания. Общий вывод, сделанный Шороховой, состоит в следующем: в буржуазных концепциях основой определения сознания выступает понимание субстанционального характера психического; сознание анализируется как замкнутая в себе сущность в его отрыве от внешнего мира и деятельности мозга. Этим взглядам Е. В. Шорохова противопоставляет материалистический взгляд на сознание, согласно которому сущность сознания раскрывается не изнутри самого сознания или из его соотношения с другими психическими явлениями, а *из связи сознания с внешним миром*, определяется как результат *взаимодействия субъекта с объективной действительностью*. Данные концептуальные положения подтверждаются результатами исследований отечественных ученых в области изучения сознания. В этом контексте, в частности, подробно анализируются взгляды И. М. Сеченова, его характеристика природы, сущности и функций психического, вскрываемая им роль различных психических явлений – ощущений, памяти, восприятия, представлений, мышления (суждений и умозаключений) – в формировании и функционировании сознания человека.

В отечественной психологии большое внимание уделяется рассмотрению соотношения сознания и деятельности, диалектике их взаимоотношения. Е. В. Шорохова подчеркивает, что «вопрос о соотношении сознания и деятельности является одним из коренных вопросов в системе психологических знаний, одним из краеугольных камней психологической теории» (Шорохова, 1961, с. 249). Убедительным подтверждением этого являются дискуссии по этой проблеме, проводившиеся в отечественной науке. Опираясь на материалистические позиции, Е. В. Шорохова подвергает критике точку зрения о том, что, якобы, сознание и деятельность не связаны друг с другом, и подчеркивает регулирующую функцию сознания. Она отмечает, что «только высшая форма отражения действительности – сознание – дает человеку возможность подчинить свои действия возникающим в его голове представлениям и понятиям,

а также действовать мысленно, „в уме“. Этим и определяется та специфическая роль, которую играет сознание в деятельности человека... Будучи отражением действительности, оно играет важную роль в регулировании той самой деятельности, продуктом которой является. Сознание выступает как средство, направляющее деятельность на достижение определенных целей» (Шорохова 1961, с. 254–255). Регулирующая роль сознания проявляется, согласно Е. В. Шороховой, в волевых, эмоциональных составляющих, выступающих в качестве индивидуализирующих характеристик деятельности человека. Отмечается диалектика взаимоотношения сознания и деятельности: не только сознание влияет на деятельность, но и деятельность воздействует на формирование сознания. Теперь это положение стало нормой и никем не оспаривается, но в свое время в психологической науке были бурные дискуссии по этому вопросу.

Главной функцией сознания является ее отражательная, познавательная функция. А этим, в свою очередь, определяется активная роль человека не только по отношению к окружающей действительности, но и к самому себе, к своим поступкам и действиям, к деятельности, направленной на достижение поставленных целей. «Сознание является способностью человека понимать окружающий мир, процессы, происходящие в нем, свои мысли и действия и свое отношение к миру и себе самому. Сознание человека формируется и проявляется в его трудовой деятельности, в его поступках и действиях, в отношении к отдельным людям, к обществу в целом» (Шорохова, 1961, с. 256).

В рассматриваемой работе обсуждается проблема соотношения «сознания и переживания». Подчеркивается, что переживание, как и знание, является стороной, атрибутивной характеристикой сознания. «У реально живущего, познающего и действующего человека нет только знаний и нет только переживаний. Объективное содержание психического процесса, характерное для знания, оценивается, соотносится с индивидуальным опытом человека, с его жизнью. В этом соотношении и оценке вскрывается истинное значение процессов и явлений внешнего мира для человека, их смысл. Этим в известной степени объясняется роль психических явлений в жизнедеятельности человека (Шорохова, 1961, с. 258). При этом отмечается, что «переживается человеком любой психический процесс, и что сознание человеком своего переживания связано с включением в психический процесс знания как отражения того внешнего воздействия, которое им переживается» (там же, с. 259). В иерархии характеристик, образующих психологическую структуру личности, ее высшим уровнем является самосознание, занимающееся су-

ществственное место в исследованиях, как зарубежных, так и отечественных ученых. Какова же сущность этого феномена? Реальность самосознания, «Я», признавалась учеными разных ориентаций – как идеалистами, так и материалистами. При этом автор ссылается на точку зрения А. И. Герцена, который, будучи представителем «западников» в философии и занимаясь изучением личности, также уделял существенное внимание этой проблеме как значимой и актуальной. Он писал своему сыну-физиологу: «Человек лишь только начинает взвешивать свои поступки, когда сознает, что он действует по собственному желанию. Он заключает отсюда о самопроизвольности своих поступков – забывая, что само сознание представляет равнодействующую длинного ряда antecedентов. Он подмечает цельность своего организма, единство всех его частей и их функций, убеждается в существовании центра для его чувственной и умственной деятельности и заключает на основании этого об объективном существовании души, независимой от материи и господствующей над телом. Следует ли отсюда, что чувство свободы личности – заблуждение, сознание нашего я – галлюцинация? Я не думаю этого» (цит. по: Шорохова, 1961, с. 259–260).

В работе делается попытка ответить на вопрос, что же такое «Я», какой реальный смысл содержится в этом понятии. Автор приводит ряд убедительных примеров, раскрывающих многогранность и многоаспектность понятия самосознания. Утверждается, что оно включает в себя характеристики, как физических, так и духовных особенностей личности. Точка зрения Е. В. Шороховой состоит в том, что она в некотором смысле разделяет понятия сознание и самосознание по их содержательным характеристикам, т. е., с одной стороны, они по своей сути не являются одним и тем же феноменом. Но, с другой стороны, отмечается, что «всякое самосознание есть сознание, но сознание не есть только самосознание... Самосознание представляет собой высший вид сознания; для его возникновения и развития необходим определенный уровень сознания. Отождествление сознания и самосознания означает индивидуализацию и субъективизацию сознания в ущерб его объективному содержанию, в том числе и его общественной сущности», – пишет она (там же, с. 263).

Чтобы самосознание возникло, сознание человека должно быть достаточно развитым, поскольку не любой его уровень может быть рассмотрен как самосознание. «Самосознание человека – это не только и не столько переживание, непосредственно присущее ему, как это утверждали психологи-идеалисты, а результат познания реальных причин своих переживаний, действительного процесса своей

жизнедеятельности», – утверждает Е. В. Шорохова (там же, с. 264–265).

В заключении следует подчеркнуть, что в работах по психологии личности Е. В. Шороховой были поставлены и рассмотрены коренные вопросы: это ведущие философско-психологические принципы, на которых в дальнейшем базировались работы отечественных психологов; тенденции развития психологии личности; соотношения сознания и самосознания, знания и переживания как компонентов сознания, личности и деятельности, диалектика их отношений. Выводы, сделанные автором, имели эвристический характер и оказали влияние на последующие, как теоретические, так и экспериментальные исследования психологии личности.

Литература

Шорохова Е. В. Психологический аспект проблемы личности. М., 1974.

Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.

Psychology of personality in the works of E. V. Shorohova: to the 95 anniversary of birthday

T. I. Artemyeva (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer
of Institute of Psychology of RAS

The article analyzes the scientific heritage of E. V. Shorohova, considers it has applied different approaches to the problem of man in General and of personality psychology. Examines the position of the scientist on theoretical and methodological issues: the public nature and social nature of man; the problem of consciousness and its place in philosophy and the natural Sciences; the problem of the individual, its understanding as a psychological category, as well as trends in the study of personality in foreign and Soviet psychology.

Keywords: social nature of human, biological, social, personality as a psychological category, consciousness and its levels, activity, experience, identity, between philosophical and psychological categories.

Научные взгляды Я. А. Пономарева в области методологии психологии¹

*Т. В. Галкина**, *А. Л. Журавлев*** (Москва)

** кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: galkina@list.ru*

*** академик РАН, профессор, директор Института психологии РАН;
e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

В статье рассматриваются основные этапы научной деятельности и важнейшие идеи в области методологии психологии выдающегося ученого и талантливого экспериментатора, известного теоретика и методолога, психолога и философа Я. А. Пономарева, предложившего оригинальные воззрения на природу психического и содержание категорий деятельности, взаимодействия и развития, создавшего учение о психологическом механизме творчества и поведения, открывшего закон «этапы–уровни–ступени (ЭУС)», разработавшего концепцию структурно-уровневой организации психики и выдвинувшего теорию о типах знания. Разрабатывая свою научную концепцию в области психологии творчества, Пономарев внес неоценимый вклад в развитие методологии, создав оригинальную философско-психологическую систему научных представлений, имеющую общенаучное значение.

Ключевые слова: методология психологии, психологический механизм творчества, интуиция, логика, взаимодействие, развитие, закон ЭУС, внутренний план действий, способность действовать «в уме», типы знания, экспериментальная методология.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0002.

Введение

В 2017 г. научная общественность отмечает двойной юбилей – 45-летие Института психологии РАН и 90-летие со дня рождения его создателя и первого директора Бориса Федоровича Ломова, который смог привлечь к работе в Институте целую плеяду замечательных ученых-психологов, ставших впоследствии основателями ряда психологических направлений и научных школ. В их числе – Яков Александрович Пономарев, блестящий ученый и удивительно талантливый человек, работы которого не только не утратили своей актуальности, но и стали вызывать к себе в последнее время новый интерес и пристальное внимание ученых. И это вполне закономерно, учитывая то, что он создал оригинальную, опережающую свое время по глубине теоретических и методологических обобщений, *философско-психологическую систему научных представлений*, которую можно рассматривать, как концептуально-методологическую основу современного теоретико-экспериментального изучения разных психологических феноменов.

Б. Ф. Ломов, пригласивший Пономарева на работу в Институт психологии АН СССР (ныне – РАН), был чрезвычайно мудрым, дальновидным и прозорливым руководителем, разглядевшим в ученом, которого в то время (1960-е – начало 1970-х годов) не всюду принимали с распростертыми объятиями, не только блестящего теоретика и изобретательного экспериментатора, но и талантливого методолога и крупного философа, предложившего новые, революционные воззрения на природу психического, содержание категорий деятельности, взаимодействия, развития и др. Идеи, предложенные Пономаревым, вызывали в то время жаркие дискуссии в научных кругах. Но в лице директора Института Ломова ученый приобрел единомышленника в области методологии науки. При постоянной поддержке, понимании и одобрении Бориса Федоровича, Яков Александрович смог наконец полностью отдаться своей самой любимой работе – научному творчеству.

Нелегко был жизненный и научный путь Пономарева (подробнее см.: Журавлев, Галкина, 2010, 2016; Галкина, Журавлев, 2016; и др.), но он не раз повторял, что время его научной деятельности в Институте, где он успешно и плодотворно проработал четверть века (с 1973 г., фактически со дня основания Института, и до своей кончины в 1997 г.), было самым счастливым и продуктивным этапом в его творческой жизни.

Научная деятельность Я. А. Пономарева в Институте психологии АН СССР (РАН)

Пономарев в 1973 г., по приглашению Ломова, перешел из Института истории естествознания и техники (ИИЕиТ) АН СССР в созданный в 1972 г. Институт психологии Академии наук СССР. Ломов, возглавив Институт и пригласив Пономарева на работу, предложил ему рассмотреть возможность решения нескольких стратегических задач, связанных с дальнейшим развитием психологической науки. Какие же задачи были поставлены перед Пономаревым? Во-первых, ему предлагалось продолжить научные разработки не только в области психологии творчества, но и в области методологии психологии в целом, систематически отражая результаты своей научно-исследовательской деятельности в изданиях ИПАНа и научных журналах, а с 1980 г. – в «Психологическом журнале», регулярно выступая на конференциях, симпозиумах, методологических семинарах и т. п. Во-вторых, ему поручалось руководить общепсихологическим семинаром, с тем чтобы апробировать на нем доклады докторантов по актуальным направлениям развития психологической науки. В-третьих, была поставлена задача разработки Словника и подготовки к печати Большой психологической энциклопедии.

Ломов высоко ценил Пономарева и предоставил ему полную самостоятельность в научно-исследовательской деятельности. Наконец сбылась мечта Пономарева – официально заниматься разработкой тех научных проблем, которые он сам считал важными и актуальными. Ученый пишет, что в ИП АН СССР он впервые смог работать непосредственно по своей проблематике, как говорится, «работать на себя» (Пономарев, 2010, с. 238).

Отрадным было и то, что взгляды двух крупных ученых и талантливых людей – Ломова и Пономарева – по поводу актуальности и необходимости разработки тех или иных психологических и методологических проблем в основном совпадали. О такой «производственной ситуации» Пономарев мог только мечтать. Он начал планомерно и успешно решать задачи, непосредственно интересные ему самому, но поставленные при этом перед ним директором Института. Нигде раньше он не имел такой возможности. На всех предыдущих местах своей работы Пономарев выполнял конкретные заказы своих работодателей, которые далеко не всегда совпадали с его собственными научными интересами и мировоззрением. Он писал книги, но их издавали с огромным трудом, предварительно убрав «неподходящие» места, или вообще не публиковали, как несоответствующие разрабатываемой там тематике, о чем с горечью

вспоминал Яков Александрович (Пономарев, 2010, с. 238; Журавлёв, Галкина, 2010, с. 29–30, 34–35). Но, справедливости ради стоит отметить, что ученый в любых жизненных ситуациях умел находить рациональное и полезное конкретно для него и разрабатываемых им в течение жизни научных проблем, будь то психология творчества или умственного развития, онтология психического или гносеология психологического познания. Ему была присуща способность видеть «побочные» продукты своей деятельности, характерная для креативного человека! Пономарев был не только креативным, но и разносторонне талантливым человеком, подтверждающим своей жизнью и научным творчеством многие открытия, сделанные им в психологической науке. Это касается и побочного (неосознаваемого) продукта деятельности, и закона ЭУС, и способности действовать «в уме», и типов знания и т. д. (Журавлев, Галкина, 2010).

Проработав в Институте психологии АН СССР 24 года¹, ученый опубликовал целый ряд фундаментальных трудов. Среди них – «Психология творчества» (Пономарев, 1976а); «Психология творчества и педагогика» (Пономарев, 1976б); «Методологическое введение в психологию» (Пономарев, 1983). Под его редакцией и с участием его учеников были выпущены две коллективные монографии – «Исследование проблем психологии творчества» (1983), «Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная» (1990), а также большое количество статей по актуальным теоретическим и методологическим проблемам психологии творчества и психологической науки в целом. Особое место в научной деятельности ученого в последние десять лет его жизни занимала работа над книгой «Перспективы развития психологии творчества». К сожалению, он не успел ее закончить, хотя работал над ней упорно вплоть до последних дней своей жизни (Пономарев, 2006).

Работы Пономарева в 1970–1990-е годы стали часто и без всяких проблем публиковать как в «Психологическом журнале» и «Вопросах психологии», так и в различных научных трудах, выпускаемых в Институте. Это было для него непривычно и радостно, и Яков Александрович этого никогда не скрывал.

Борис Федорович Ломов умел создать необыкновенно теплую и творческую атмосферу для работы своих сотрудников, а специалисты, работавшие в Институте и имевшие такую поддержку, не жалея сил, трудились на благо психологической науки. Пономарев активно участвовал в международных и всесоюзных конференциях,

1 Отметим, что за предыдущие 22 года после окончания МГУ Пономарев сменил 4 основных места работы, где ему удавалось по разным причинам проработать от трех до семи лет.

методологических семинарах. За время работы в Институте под его научным руководством было защищено более 10 кандидатских диссертаций; он успешно руководил и методологическим семинаром, вверенным ему Ломовым.

Таким образом, два из трех стратегических поручений, данных директором ученому, выполнялись им весьма успешно. Несколько сложнее и драматичнее сложилась ситуация с выполнением третьего поручения директора – составлением Словника и подготовкой к печати Большой психологической энциклопедии (БПЭ). Пономарев провел огромную концептуальную и организационную работу по созданию БПЭ (был подготовлен Словник, создан коллектив авторов, собраны, обсуждены и отредактированы сотни статей и т. п.), но, к сожалению, весь этот титанический труд ученого пропал. В 1991–1993 гг. не только в стране в целом, но и в науке сложилась трудная социально-экономическая ситуация. В этот период реорганизации и Академии наук, и издательства «Наука» куда-то пропали Словник и все отредактированные Пономаревым статьи. Это был весьма серьезный и ощутимый удар, который он, как всегда, мужественно выдержал, продолжая с присущим ему оптимизмом работать в Институте, сосредоточив все свое внимание на методологических проблемах психологии, работая над своей последней книгой «Перспективы развития психологии творчества», которая стала своеобразным итогом его многолетних исследований и размышлений, особенно в области методологии науки. Она была впервые опубликована в издательстве «Института психологии РАН», но, к сожалению, уже после того, как Пономарева не стало (Пономарев, 2006).

Основные идеи Я. А. Пономарева в области методологии психологии

Еще будучи студентом, Пономарев в дипломной работе сделал свое *первое научное открытие*: изучив влияние подсказки на решение задач («Четыре точки»), он вскрыл феномен неоднородности результата действия человека, выделив в нем прямой (осознаваемый) и побочный (неосознаваемый) продукты деятельности. Выявленный *факт* неоднородности результата действия человека, т. е. наличия в нем *осознаваемого* (связанного с работой логики и относящегося к цели действия) и *неосознаваемого* (связанного с работой интуиции и формирующегося помимо сознательной цели) продуктов деятельности укрепил веру ученого в роль *взаимодействия* (в данном случае – взаимодействия логического и интуитивного опыта в едином

процессе творческого мышления) (Пономарев, 1960, 2010). По его мнению, интуиция и логика в творческом мышлении находятся в постоянном взаимодействии, и только из этого взаимодействия может родиться новое знание и открытие. Факт неоднородности позже натолкнул Пономарева на разработку системы представлений о психологическом механизме взаимоотношения *взаимодействия и развития* в рамках системного подхода, причем как в области психологии творчества, так и методологии психологической науки в целом (Пономарев, 1976а, 1983, 2006).

Результаты, полученные Пономаревым в дипломном исследовании, оказались настолько значимыми, что «первые лица» советской психологии (А. Н. Леонтьев и др.) обсуждали их в 1953 г. на Всесоюзном совещании по вопросам психологии. Казалось бы, молодому ученому, выполнившему интереснейшую исследовательскую работу, внесшую существенный вклад в развитие отечественной психологии мышления, обеспечена блестящая научная карьера. Но в жизни Пономарева роковую роль сыграл тот факт, что он в 1941 г., выходя из окружения, попал в плен, при этом чудом остался жив и вернулся на Родину. Но «факт плена» мешал ему всю жизнь: после окончания МГУ его не взяли на работу по специальности; десять лет он фактически находился «вне науки» (но это не мешало ему проводить свои исследования в области творческого мышления) и никогда не занимал административных постов.

В 1958 г. без научного руководителя Пономарев успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исследование психологических механизмов творческого (продуктивного) мышления». Только в 1961 г. он, наконец, оказался в научном сообществе психологов – в Институте общей и педагогической психологии АПН РСФСР (НИИ ОПП), где ему было поручено заниматься изучением фундаментальных и прикладных проблемам предметного обучения и умственного развития. Отметим, что научные исследования Пономарева, начиная с 1961 г., стали идти параллельно по двум направлениям: экспериментальные исследования творческого мышления взрослых («неофициально») (Пономарев, 1960, 2010; и др.) и умственного развития ребенка («официально») (Пономарев, 1976б и др.). Занимаясь подготовкой докторской диссертации по теме «Проблемы психологии творчества» (которую он успешно защитил в 1972 г.), сопоставляя и сравнивая результаты, полученные в двух циклах исследований, Пономарев сделал свое *второе открытие* – сначала принцип, а затем и *универсальный закон ЭУС* («этапы–уровни–ступени») (Пономарев, 1976а). Согласно этому закону, *этапы* онтогенетического развития психологического механизма мышления (шире – этапы

всего психического развития человека и его поведения) превращаются в *структурные уровни* организации этого механизма и выступают затем в виде функциональных *ступеней* решения творческих задач или любых проблем в новых (или экстремальных) ситуациях.

Так сложилось, что Пономарев идейно разошелся сначала с В. В. Давыдовым – руководителем лаборатории психологии младшего школьного возраста в НИИ ОПП, а затем и с М. Г. Ярошевским – руководителем сектора психологии научного творчества в Институте истории естествознания и техники, где он проработал с 1966 по 1973 г., когда и был приглашен в Институт психологии АН СССР Ломовым (об этих периодах научного творчества ученого подробно см.: Журавлев, Галкина, 2010, 2016). Именно в Институте психологии он смог продуктивно разрабатывать свою *философско-психологическую систему научных представлений*, постепенно поднимая на новый уровень методологического обобщения созданную им теорию.

Открытие закона ЭУС, по словам Пономарева, явилось «золотой жилой», которую следует целенаправленно разрабатывать и делать это достаточно легко в силу того, что этот закон представлен в лаконичной формулировке, допускающей многозначность толкований и вариантов его применения на конкретно-психологическом уровне исследований. На основе закона ЭУС Яков Александрович выстраивает целостную общепсихологическую концепцию, имеющую свой особый научный язык – *структурно-уровневый*. Введение такого языка выводит теорию Пономарева на новый уровень, превращая ее из общепсихологической в *общенаучную*. Психика понимается ученым как один из уровней во всеобщей взаимосвязи явлений природы. Уровни – это понятие, относящееся не только к функционированию системы, но и к ее развитию. Разработанная Пономаревым *структурно-уровневая* концепция позволяет сравнивать внутреннее строение явлений, объектов и их эволюционный прогресс. Последовательное развитие им принципа ЭУС способствовало глубокой эволюции всего мировоззренческого содержания его концепции: акцент со структурно-уровневого строения постепенно переместился к *двухполюсной организации взаимодействующих систем*. Принцип ЭУС, относящийся первоначально к творческому мышлению и творчеству, превратился в универсальный закон ЭУС, означающий «двухполюсность» мира и организации всего Мироздания, единство и борьбу противоположностей, постоянное их взаимопроникновение и взаимовлияние. Такие психологические феномены, как логика и интуиция, рациональное и эмоциональное, осознанная цель и неосознаваемый побочный продукт, внешний и внутренний планы деятельности оказываются законо-

мерно вписанными в эту двухполюсную систему. Такая эволюция научного мировоззрения ученого во многом предопределилась его изначальным пониманием творчества в широком смысле, как полиморфного и многокомпонентного явления, механизма развития, а позже – как *развивающего взаимодействия*, т. е. взаимодействия, ведущего к последующему развитию.

Результатом глубоких методологических обобщений Пономарева стала его теория об *этапах (типах) развития психологического* (в целом – научного) *знания*, которая явилась логическим продолжением построенной им общепсихологической и общенаучной системы, кратко выраженной в законе ЭУС (Пономарев, 1983, 2006). Согласно представлениям Пономарева о гносеологическом механизме общественного познания, существуют определенные этапы (типы), как психологического, так и любого другого научного знания, развитие которых происходит путем перехода от созерцательно-объяснительного типа знания к эмпирическому и далее – к действительно-преобразующему (Пономарев, 1983, с. 38–43). Не останавливаясь на характеристике типов знания, отметим только один аспект – стратегию исследований, характерную для действительно-преобразующего типа знания. Пономарев, хорошо знавший и ценивший идеи Ломова (Ломов, 1996), подчеркивал, что *основной стратегией* здесь является *комплексный, системный подход*, опирающийся на структурно-уровневую теорию, в основе которой лежит *принцип взаимодействия*; при этом отличительной особенностью научных исследований в рамках этого типа знания является их *междисциплинарный* характер (Пономарев, 2006, с. 216–221, 242). Удивляет то, как Пономарев смог гипотетически в середине 80-х гг. XX в. предположить, что наука в XXI в. обратится к разработке тем, связанных именно с действительно-преобразующим типом знания, и психологи будут обосновывать необходимость проведения именно таких исследований (Журавлев, 2007; Кольцова, 2004; и др.).

Вершиной методологических обобщений Пономарева стала предложенная им *экспериментальная методология*, характерная для действительно-преобразующего типа знания. Главным ее признаком является использование психологического эксперимента как средства решения методологических задач и проблем (Пономарев, 2006, с. 158, 278).

Заключение

Анализ научного наследия Якова Александровича Пономарева, талантливого человека, блестящего экспериментатора, выдающегося

психолога и философа, глубокого мыслителя и методолога, позволяет выделить *основные положения его теории*: открытие феномена неоднородности результата действия человека (т. е. наличие в нем прямого – осознаваемого и побочного – неосознаваемого, связанного с работой интуиции, продуктов деятельности); выявление психологического механизма интуиции и введение категории взаимодействия (Пономарев, 1960); учение о психологическом механизме творчества (и поведения) и его центральном звене – внутреннем плане действий – ВПД (иначе – способности действовать «в уме» – СДУ) (Пономарев, 1976б); открытие сначала принципа, а затем универсального закона ЭУС – закона преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и ступени дальнейших развивающих взаимодействий (Пономарев, 2006, с. 279); разработка методологического принципа взаимодействия (Пономарев, 1976а, 2006); обоснование этапов развития психологического (научного) знания и разработка идеи экспериментальной методологии как атрибута третьего, гипотетически выделенного ученым, действительно-преобразующего типа знания (Пономарев, 1983, 2006, 2010). Все это позволяет обоснованно говорить о создании им оригинальной *философско-психологической системы научных представлений*.

Начав свою научную деятельность с оригинального и блестяще выполненного эксперимента, Пономарев, вопреки всем жизненным обстоятельствам, долго мешавшим ему заниматься его самым любимым делом – научным творчеством – внес неопределимый вклад в развитие различных отраслей психологической науки, ее истории и методологии. Яков Александрович всю жизнь занимался проблематикой творчества, но разработанная им *концепция*, безусловно, носит *общепсихологический, философский и общенаучный характер*.

Литература

- Галкина Т. В. Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М., 2011.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л. Развитие научного творчества Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.
- Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В. Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарева // Пономарев Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М., 2010. С. 6–54.

- Журавлев А. Л., Галкина Т. В. Философско-психологическая система научных представлений Я. А. Пономарева: истоки, основные положения, перспективы // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М., 2016. С. 264–279.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Ломов Б. Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды. М.–Воронеж, 1996.
- Пономарев Я. А. Психология творческого мышления. М., 1960.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976а.
- Пономарев Я. А. Психология творчества и педагогика. М., 1976б.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М., 1983.
- Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М., 2006. С. 145–276.
- Пономарев Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Ред.-сост. А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М., 2010.

Ya. A. Ponomarev's scientific ideas in the sphere of methodology of psychology

*T. V. Galkina**, *A. L. Zhuravlev*** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, associate professor, senior research officer of the Institute of psychology of RAS

** Akademician RAS, professor, Director of the Institute of psychology of RAS

The article deals with the main phases of the scientific activity and the principal ideas in the sphere of methodology of psychology of the eminent scientist and talented experimentalist, prominent theoretician and methodologist, psychologist and philosopher Ya. A. Ponomarev, who suggested the original ideas about the nature of mind, content of such categories as activity, interaction and development. The scientist created the study about psychological mechanism of creativity and behavior, discovered PLS (Phases–Levels–Stages) principle, elaborated structure-level conception of psyche organization and advanced the theory of stages in scientific knowledge's development. Developing his scientific concept in the field

of psychology of creativity, Ponomarev put in very important contribution into development of methodology, created the original philosophical-psychological system of scientific ideas, having the general-scientific value.

Keywords: methodology of psychology, psychological mechanism of creativity, intuition, logic, interaction, development, PLS (Phases–Levels–Stages) principle, inner plan of action, ability to operate “in mind”, types of knowledge, experimental methodology.

Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета¹

А. А. Гостев*, В. А. Кольцова** (Москва)

* доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: aagos06@rambler.ru

** доктор психологических наук, заместитель директора
по науке Института психологии РАН; e-mail: fotus@mail.ru

Рассмотрена возможность развития взаимодействия исторической, политической, социальной психологии путем раскрытия метаисторических аспектов изучения менталитета народов, наций, региональных структур. Метаисторическими источниками являются: мифология, архетипическая символика, религиозные верования, мистические традиции, историко-психологическая реконструкция жизнедеятельности исторических общностей. Подчеркнуто значение христианских метаисторических представлений. Обозначена роль локальных архетипов в геополитике. Указано на возможные гипотетические метаисторические основания цивилизационного конфликта – Руси/России, несущей в себе «гиперборейские гены» и коллективного Запада с «генетикой Атлантиды». Сформулированы перспективные задачи исследования, в частности, поиск «мостиков в метаисторической генетике» социальных субъектов.

Ключевые слова: история, метаистория, менталитет, социальный субъект, мифология, архетипическая символика, гиперборея, атлантизм, цивилизационные конфликты.

Данная статья посвящена важной, возможно спорной, но, наш взгляд, интересной и актуальной теоретико-методологической проблеме. Подчеркнем, что статья является не только дискуссионной, но и сугубо «пилотажной». Тем более что ее объем не позволяет сколь-ни-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

будь подробно рассмотреть затрагиваемые сложные для академической науки вопросы, связанные с познанием сферы символического, прототипического, углублением знаний о коллективной неосознаваемой памяти социальных субъектов на уровне народов, наций, национально-культурных образований. Основная цель статьи – постановка теоретико-методологической проблемы, привлечение к ней внимания исследователей, экспертов и выделение некоторых дополнительных возможностей развития исторической психологии в ее взаимоотношениях с социальной и политической психологией, с системой гуманитарного знания на поприще изучения проблемы менталитета.

Известно, что менталитет социальной общности задает специфику социального познания, является призмой для социального восприятия и прогнозирования, определяет особенности жизнедеятельности группового субъекта. Актуальной задачей психологической науки в этой связи становится изучение *глубинных оснований историко-психологической детерминации менталитета* (Журавлев, Кольцова, 2016; Кольцова, 2015). К ним относятся, несомненно, духовно-нравственные и религиозные факторы. Психологическая наука уделяет недостаточно внимания раскрытию их влияния на менталитет народов, наций, культур/субкультур и т. п., хотя в последнее время определенные шаги в данном направлении сделаны (Гостев, 2015). Между тем выдающиеся мыслители дореволюционного периода (К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский, Н. О. Лосский, Н. И. Надеждин, А. В. Терещенко и др.) указывали на *ключевую роль духовного фактора* в этногенезе, развитии культуры и мировоззрения русского народа, формировании его национальной самобытности в целом.

Соотнося исследование менталитета с проблематикой образной сферы человека, с системой социальных представлений в обществе, подчеркнем значимость осмысления образов *памяти* группового субъекта на собственный исторический опыт и образов *локальных архетипов культуры*, к которой принадлежит групповой субъект. Внутри данных классов и между ними существуют сложные закономерности взаимодействия образов в структуре менталитета социально-исторической общности. Система образов вместе с проявлениями ее коллективной воли, эмоционально-мотивационной и духовно-нравственной сфер, а также некоей духовной программы влияет на происходящее, определяет исторический выбор, формирует особенности группового субъекта (Гостев, 2008, 2015).

Заметим, что научное понимание метаисторического фактора в психологической науке практически отсутствует. Близко к изуче-

нию метаисторической детерминации истории подошла школа «Анналов». Критикуя историческую науку за неспособность создать целостную картину связи прошлого, настоящего и будущего, данный подход породил полезные идеи. Ракурсы понимания метаистории как гипотетического предмета научного рассмотрения со стороны исторической психологии следует расширять.

При этом необходимо помнить о важности использования в историко-психологическом познании вненаучного психологического знания, что обусловлено особенностями предметной области исторической психологии – реальные, «живые» процессы жизнедеятельности человека и социальных общностей во всей полноте их проявлений на разных этапах их исторического развития (Кольцова, 2008). Подчеркивая важность использования вненаучного знания в психологии, Б. М. Теплов писал: «Нельзя полностью отделять друг от друга историю строго научных, методически проводимых исследований психологических проблем и историю развития психологических знаний, получаемых другими путями... Содержание психологии настоящего времени почерпнуто из обоих источников; удельный вес того и другого различен в разных отделах психологии» (Теплов, 1960, с. 9–10). Как пишет С. Л. Рубинштейн, «психология и очень старая, и совсем еще молодая наука, она имеет за собой 1000-летнее прошлое, и тем не менее она вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины исчисляется лишь десятилетиями, но ее основная проблематика занимает философскую мысль с тех пор, пока существует философия. Годам экспериментального исследования предшествовали столетия философских размышлений, с одной стороны, и тысячелетия практического познания людей – с другой» (Рубинштейн, 1940, с. 37).

Вряд ли правомерным является и разграничение житейских и научных понятий по критерию их истинности. История научной мысли демонстрирует множество примеров ниспровержения «научных фетишей» – казалось бы, абсолютно истинных и не вызывающих сомнения идей и понятий. Достаточно вспомнить почти аксиоматическое, хрестоматийное определение психики как идеальной по своей природе, как «субъективного образа объективного мира», подвергающееся в современной психологии критике. В то же время ряд положений и понятий, выработанных в житейской практике человечества, не только не утрачивают своего значения, но на новом витке развития психологии приобретают все более актуальное звучание («душа», «духовность», «совесть» и т. д.) (Кольцова, 2004). В этом плане примечательна мысль А. А. Потебни о том, что для аналитического по своей природе научного знания недостижимо це-

лостное отражение и познание мира, поэтому оно никогда не сможет достигнуть совершенства, в то время как народной мудростью созданы «совершенные поэтические творения», сохраняющие свою ценность в течение многих тысячелетий.

Для современной научной мысли в целом характерен постепенный отход от сциентистских моделей, от радикального противопоставления науки и вненаучного знания к рассмотрению последнего как важного источника накопления рациональных, достоверных идей. Так, Г. Г. Гадамер, критикуя сциентистский взгляд на науку, выступает против ее идеализации и отдает предпочтение философии, искусству и обыденному сознанию. Прогресс науки он видит в усилении ее связей с другими сферами жизненной практики. Согласно М. Хайдеггеру, основным условием возникновения и существования науки является иницируемый субъектом процесс «о-предмечивания мира», отсюда делается вывод об органической связи науки и всех жизненных явлений мира. Расширение границ научной историографии и введение в сферу ее исследования исторического сознания прослеживается и в современной исторической науке (Бажов, 1991; Барг, 1987; Володина, 1998; Могильницкий, 1995; Сеницына, 1998; и др.).

Тенденцией развития наукознания сегодня выступает дополнение рациональных принципов исследования интуитивными подходами и другими нерационалистическими компонентами, обоснование важности и возможности, наряду с доказательностью, угадывания закономерностей окружающего мира, принятия на «веру» многих идей, остающихся недоступными для объективного опытного познания, но логически встраивающихся в общую картину мира. «Многие догмы остаются вне критики только потому, что их нельзя критиковать по причине принадлежности авторитетам, что так думает большинство, что это привычно и не противоречит „здравому смыслу“». Часто издательства отказываются публиковать статьи, монографии из-за того, что в их содержании много спорных моментов. Но кому нужны „бесспорные“ работы, которые привычны, соответствуют общепринятым взглядам, т. е. не несут новой информации. Такой подход годится для учебников, но не для научных исследований. Впрочем, и в учебниках важно проводить альтернативное изложение спорных гипотез и моделей¹. В качестве примера приводится специальная теория относительности (СТО), базирующаяся постулате постоянства скорости света в вакууме, полученном измерениями Физо и Майкельсона. «Но все их изме-

1 http://holism.narod.ru/book1/1_2.htm.

рения проведены только на Земле или в околоземном пространстве спустя 15–20 млрд. лет после рождения Вселенной, фактически в одно из мгновений существования Вселенной. Тогда почему мы считаем, что так было и будет всегда. Другой постулат о невозможности превысить скорость света во взаимодействиях между объектами Мира является ничем не доказанной декларацией. Это просто постулат (вера). Следуя СТО, свет распространяется по пространству, но в ходе расширения Вселенной пространство сильно изменяло свою кривизну, как надуваемый «воздушный шарик». Скорость распространения волны зависит от параметров среды, по которой распространяется волна. При расширении Вселенной изменялась кривизна пространства, уменьшалась плотность материи, так почему же скорость распространения электромагнитной волны должна оставаться всегда неизменной? Пространство и время также должны эволюционировать, если эволюционирует вся Вселенная. Но постулат Эйнштейна принят на веру...»¹.

И с этой точки зрения обоснованным и целесообразным является обращение к проблемам метаистории.

«Метаистория» – достаточно размытое, не имеющее научного статуса понятие. Тем не менее, в области исторической психологии данный термин игнорировать не следует, ибо через него мы касаемся чрезвычайно значимого вопроса об исторической детерминации социальной действительности, жизни человечества. И это требует более глубокого осмысления того, что стоит «над/сверх/за» феноменальным фасадом истории. Метаистория обычно обобщенно понимается как процессы, протекающие в некоей многомерной «инобытийной» реальности, которые не только проявляются в нашем мире в виде исторических событий, но и существенно определяют их. О ноуменальности некоего универсального процесса, открывающегося человечеству как история, говорил, например, отечественный философ и богослов С. Н. Булгаков. Идея метаисторического влияния на наш мир с очевидностью присутствует в мифологических системах, в мистических учениях, говорящих о том, что за историческими событиями стоят «невидимые метафизические силы светлой и темной природы».

Среди попыток как-то осмыслить подобные идеи в опыте человечества отметим подход Е. А. Файдыша, который выделяет архетипическую феноменологию метаистории, общую для разных мифологических традиций и религий. Он анализирует информационную картографию метаисторических взаимодействий, базируясь на со-

1 Там же.

временных моделях многомерного пространства-времени, идеях самоорганизации неравновесных открытых систем, теории детерминированного хаоса. На этой основе строятся феноменологические модели метаисторической реальности в древних и современных мистических традициях (Файдыш, 2015).

Представление о метаистории ясно проглядывает в богословии. С глубокой древности человечество пыталось найти ответы на глобальные вопросы мироздания и бытия человека. В этом плане мировые религии представляют собой модели сотворения мира и места в нем человека. Л. А. Тихомиров (Тихомиров, 2000) указывает, что, с точки зрения религиозного воззрения, сущность исторического процесса – попечение Бога о человечестве. Обобщенно говоря, православные метаисторические идеи базируются на понимании того, что человек является со-творцом истории под Промыслительным божественным попечением. Современный исследователь подобных идей В. Ю. Катасонов (Катасонов, 2017) говорит о «*метафизике истории*» как о постижении начала и конца мировой истории, ее логики и движущих силах. Подчеркивается необходимость ответа на «вечные вопросы» о том, каковы движущие силы истории человечества, есть ли у нее конец, является ли история детерминированной, познаваемой, объективной или обусловленной сознанием людей и общества. Особое внимание В. Ю. Катасонов уделяет роли Руси/России в мировой истории.

И в этом вопросе мы выходим на следующую метаисторическую тему – поиск более глубоких причин многовекового взаимонепонимания российского и западного менталитетов. Почему «коллективный Запад» всегда был и остается главным геополитическим и цивилизационным оппонентом и конкурентом Руси/России? Традиционных объяснений данного цивилизационного противостояния, например, духовно-мировоззренческими различиями православия и других ветвей христианства, святоотеческими пророчествами о сопротивлении России как «Третьего Рима» строительству «западного антихристианского Нового Вавилона», геополитическим стремлением к захвату территорий и природных богатств нашей страны, на наш взгляд, недостаточно. Действительно, нельзя ли допустить более глубинную детерминацию различий менталитетов важнейших и сильнейших субъектов мировой истории?

Гипотетические корни данного противостояния могут уходить очень далеко в глубь истории. Среди отечественных исследователей темы отметим работы А. Г. Дугина, Т. В. Грачевой, В. И. Карпеца, А. И. Фурсова. Они указывали на «Атлантиду и Гиперборею» Р. Генона, который говорил о том, что в доисторические времена от не-

коей первоначальной сакральной «полярной/гиперборейской» традиции отделилась традиция «атлантическая». Разъединение же цивилизационных ветвей породило метаисторические последствия. Значимый фактор метаисторического противостояния данных ветвей связан, например, с различиями в содержании института высшей власти (Дугин, 2004; Карпец, 2006). Гиперборейская традиция акцентирует архетип «царства», подчиняющий себе власть «жречества/священства». Проекция этого подхода видна в соотношении монархической традиции России и роли православной церкви в «государстве российском». Атлантизм же на первое место ставит «священство/жречество», которое выше «царства». Проявления данной матрицы можно увидеть в роли римо-католичества в западном мире, в антимонархических трендах общественного сознания в последние века, популярности гностических традиций, роли тайных религиозно-мистических обществ, влияющих уже много веков на геополитику. Указанные авторы (например: Карпец, 2006; Грачева, 2011) раскрывают это влияние на примере конкретных событий мировой истории. Атаки «атлантизма» на нашу страну проявлялись, в частности, в активной деструктивной деятельности Запада в России (с середины XVII в.) через официальные и неофициальные политические финансово-экономические структуры (Фурсов, 2016).

Говоря о «духовной метаисторической генетике России», отметим, что в Гиперборее существовала прахристианская вера в Сына Божьего, вошедшего в земной мир, чтобы в нем умирать и ежегодно воскресать на «космическом кресте» (Карпец, 2006). Не случайно данный архетип Воскресения Сына Божьего наиболее полно проявляется именно в православной пасхальной радости.

Итак, мы считаем постановку проблемы метаисторических кодов/матриц/факторов истории правомерной с научной точки зрения. Они должны стать предметом историко-психологической реконструкции и интерпретации. Заявленная нами проблема является междисциплинарной, причем система гуманитарного научного знания по теме должна соотноситься со знанием, транслируемым религиозно-мистическими традициями. О поиске и осмыслении метаисторических кодов в изучении менталитета групповых субъектов следует говорить, как о перспективной проблеме исторической, социальной и политической психологии в их концептуальном взаимодействии. При этом метаисторические аспекты группового сознания/менталитета надо изучать, с одной стороны, не боясь статуса «ненаучности» данной проблемы, а с другой, проявлять теоретико-методологическую осторожность в научном описании соответствующей символики.

В психологическом плане исследование метаисторических кодов предполагает анализ уникальности, взаимопретекания, инвариантности архетипической символики различного уровня – локального, регионально- и макроцивилизационного. Источником подобной информации выступают: а) мифологические представления, в частности, легенды, сказания, былины/эпосы; б) религиозные верования и мистические традиции; в) историко-психологическая реконструкция жизнедеятельности исторических общностей. Особое значение имеет философско-психологическое наследие А. Ф. Лосева, в частности, понимание им особой онтологии мифологических представлений и символических образов (Гостев, 2015; Кольцова, 2004). Согласно Лосеву, от других форм познания миф отличается как раз «своей постоянной телесностью и видимостью, осязаемостью» (Лосев, 1991, с. 43). В нем нет рассогласования между внутренним смысловым содержанием и внешней формой его выражения. Он не является ни схематическим отражением идеи, ни метафорической, иносказательной, аллегорической формой ее выражения. Лосев подчеркивает символическую природу мифа, для которой характерно тождество смыслового (внутреннего) и «вещного» (внешнего). Более того, он считает, что, являясь максимально конкретной реальностью, миф в этом отношении выгодно отличается от науки, которая как раз далеко не всегда имеет дело с действительно существующими явлениями и часто не заботится об обеспечении реальности и объективности своих категорий.

Понимание природы мифа как непосредственной фиксации, воплощения в мифологических образах и сюжетах психологических свойств и способностей человека, сложившихся на ранних ступенях эволюции человека психологических представлений превращает миф в чрезвычайно важный источник реконструкции генезиса и детерминант идей, взглядов, тех или иных психологических феноменов. Особая познавательная ценность мифа заключается в том, что он открывает путь для воссоздания тех ранних этапов психического развития человека, когда имплицитно существующее психологическое знание еще не было отрефлектировано и осмыслено и не могло быть зафиксировано в каких-либо иных, более «зрелых» формах.

Метаисторические матрицы на глубинном мифологическом и символическом уровнях раскрывают основы менталитета народов, наций, региональных структур различного масштаба. Углубляется изучение роли архетипического уровня психического отражения-регулирования в: а) формировании национально-культурных

традиций; б) исторической детерминации жизнедеятельности групповых субъектов – стран, народов, наций, региональных образований; в) современной геополитике и мировой экономике.

Можно также предположить возможность более глубокого понимания одного из самых устойчивых и сильных цивилизационных конфликтов – *Руси/России*, несущей в себе «гиперборейские гены», и *коллективного Запада* с «генетикой Атлантиды». Установку последнего на захват Руси/России, переформатирование менталитета ее населения можно гипотетически рассматривать как метаисторическую основу политического, экономического, идеолого-мировоззренческого и культурного противостояния атлантизма историческому государству российскому. Принимая гипотезу о гиперборейских корнях нашей страны, необходимо, однако, искать все мостики-переходы-связи в «метаисторической генетике». Прежде всего, это дохристианский праславянский период, уходящий корнями в доисторические времена. В этом плане ценны все мифы, легенды, сказания и т. п., информация о переселении народов Евразии, например, о связях праславян с другими народами, об «арийских перемещениях» по планете. То же самое необходимо делать относительно атлантизма, в частности, на более глубоком уровне анализировать данные о влиянии на «коллективный Запад» египетских, античных, арабских культурно-исторических кодов, заимствований более позднего периода из других культур при путешествиях и экспансиях атлантизма по миру.

Наконец, важным теоретическим положением нашего подхода является признание того, что человек и социальные общности различного масштаба являются не только объектом метаисторических влияний, но и субъектом метаистории. Это объект-субъектное взаимовлияние является актуальной перспективной задачей психологической науки в междисциплинарных связях с системой гуманитарного знания.

Литература

Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.

Гостев А. А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 1. М., 2015. С. 25–47.

Грачева Т. В. Память русской души. Рязань, 2011.

Дугин А. Г. Философия политики. М., 2004.

- Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. Вып. 2. М., 2016. С. 7–37.
- Карпец В. И. Русь Мировингов и корень Рюрика. М., 2006.
- Катасонов В. Ю. Метафизика истории / Предисл. С. Г. Лаковского. Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2017.
- Кольцова В. А. Теоретическо-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кольцова В. А. Особенности предметной области исторической психологии // *Журнал Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. «Психология и педагогика». Вып. 1. 2008.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. Вып. 1. М., 2015. С. 5–15.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. 1991. С. 21–186.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
- Теплов Б. М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // *Вопросы психологии: Материалы Второй Закавказской конференции психологов*. Ереван, 1960. С. 3–13.
- Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 2000.
- Файдыш Е. А. Жизненные энергии в мистическом космосе. 2-е изд. М., 2015.

Metahistorical aspects of historical psychology: new aspects in study of mentality

A. A. Gostev, V. A. Koltsova** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, leading researcher
of Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Deputy director for science
of the Institute Psychology of RAS

The article considers some possibilities of historical, political, social psychology development through revealing metahistorical aspects in mentality of peoples, nations, regional structures studies. Metahistorical sources are: mythology, religious beliefs, content of mystical traditions, historical and psychological reconstruction of historical communities life, analysis of archetypal symbols of various levels. The role of local archetypes in modern geopolitics is revealed. Importance of Christian metahistori-

cal ideas is underlined. Metahistorical foundations of the civilizational conflict – Russia, which contains the “hyperborean genes” and “collective West” with “genetics of Atlantis” – are also considered. Long-term research tasks, in particular, searching bridges in “meta-historical genetics” of social subjects are formulated.

Keywords: history, metahistory, mentality, social subject, mythology, archetypal symbolism, hyperborea, atlantism, civilizational conflict.

**Участие Института психологии АН СССР
в становлении социально-психологической службы
промышленного предприятия в 70–80-х годах XX века
(на примере социально-психологической службы
производственного объединения
«Курганприбор»)¹**

А. А. Грачев (Москва)

*доктор психологических наук, профессор
Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail: agrat50@mail.ru*

В статье рассматривается роль Института психологии АН СССР в появлении и развитии психологических служб промышленных предприятий во второй половине XX столетия. Обсуждается взаимодействие психологического и социологического знания в комплексной реализации знания о человеке в социальной организации в форме службы социального развития промышленного предприятия. Показывается эффективность взаимодействия фундаментальной и прикладной науки, комплексного и междисциплинарного подходов на примере деятельности социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор». Определяются перспективы такого подхода в связи с моделью управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: фундаментальная психология, прикладная психология, психологическая служба, социологическая служба, Институт психологии АН СССР, социально-психологическая служба объединения «Курганприбор».

1 Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-06-10672.

Постановка проблемы

Развитие наук предполагает, наряду с развитием фундаментальных отраслей знания, также прикладных областей. Это характерно и для психологии, которая, будучи первоначально преимущественно наукой фундаментальной, на определенном этапе своего развития пришла к необходимости создания прикладных областей. Это было обусловлено несколькими детерминантами – не только внутренней логикой самой науки, но и развитием междисциплинарных связей и, наконец, социальным заказом.

Во многих науках стремление к трансформации фундаментального знания в прикладное реализовалось в виде специализированной области знаний, которую обычно называют *инженерией*. Инженерия сформировалась, прежде всего, в естественно-научной области и в настоящее время представляет собой дифференцированную (и по горизонтали, и по вертикали) отрасль знаний. При этом вертикаль естественно-научной области знаний в значительной степени образует система прикладных научно-исследовательских институтов, которые занимаются разработкой проектов, технологий, опытных образцов, находящих затем свое воплощение в производстве социально значимых продуктов.

В социальных и гуманитарных науках такой вертикали не сложилось за, пожалуй, одним исключением – это научные педагогические организации, которые занимаются обеспечением двух областей жизни человека: обучения и воспитания. И не случайно в педагогике интенсивно и продуктивно используются понятия, характерные для инженерии, – «*проект*» и «*технология*». Однако и другие области человеческой жизни требуют прикладного гуманитарного и социального знания, разрабатывающегося в соответствующих научных организациях. В настоящее время таких специализированных организаций фактически нет, хотя постоянно ставится вопрос об их необходимости. В связи с этим прикладное знание развивается в значительной степени в академических научных организациях. Примером этого служит Институт психологии РАН (ранее – АН СССР).

Участие ИП АН СССР в создании психологической службы предприятия

Одна из областей такой прикладной научной деятельности состояла в участии Института психологии в разработке и апробации в 70–80-х годах XX в. *модели психологической службы промышленного*

предприятия, которая производилась совместно с производственным объединением «Курганприбор». К советскому периоду развития социальных и гуманитарных наук в наше время часто относятся скептически, имея в виду влияние идеологии на содержание научных исследований. Однако сегодня приходит понимание того, что и в советский период было сделано многое, что не только соответствует современному уровню науки, но и показывает перспективы ее развития (Журавлев, Кольцова, Олейник, 2016). В то время эта работа в значительной степени была стимулирована появлением социологических служб промышленных предприятий, которые по мере своего развития чувствовали дефицит психологического прикладного знания.

В Институте психологии того времени сложился комплекс методолого-теоретических оснований для разработки и научно-методического сопровождения психологической службы промышленного предприятия:

1. Системный подход, определяющий общие принципы психологического исследования, включая прикладные области (Б. Ф. Ломов). Этот подход в значительной степени формировал системность мышления прикладного психолога.
2. Интенсивно развивающийся субъектный подход, реализующий традиции научной школы С. Л. Рубинштейна (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский) и определяющий представления о человеке у прикладного психолога.
3. Развитие промышленной социальной психологии в форме разработки концепции совместной трудовой деятельности, социальной психологии управления, коллективных (бригадных) форм организации труда, социально-психологической адаптации и др. (Е. В. Шорохова, К. К. Платонов, А. Л. Журавлёв). Эти работы были значимы для прикладного психолога в связи с тем, что именно социально-психологическая составляющая имела наибольший вес в общей системе работы промышленного психолога.
4. Разработка методологических проблем прикладной психологии (Б. Ф. Ломов, Ю. М. Забродин), ориентирующих прикладного психолога на поиск специфичных методов, в значительной степени отличных от методов фундаментальной психологии.
5. Анализ зарубежной психологии, в основном представляющий прикладную психологию, в частности – организационную (П. Н. Шихирев, С. К. Роцин, В. А. Соснин).

Этот комплекс исследований восполнял дефицит знаний о человеке, который испытали социологические службы промышленных пред-

приятий в процессе своей работы. Таким образом, в 1970–1980-х годах Институт психологии АН СССР был ориентирован на реализацию своих наработок в форме организации психологической службы промышленного предприятия и обладал необходимым для этого потенциалом.

Начало этой работы было обусловлено тесным взаимодействием Генерального директора производственного объединения «Курганприбор» Е. В. Таранова с Институтом психологии, результатом чего стала защита им в 1976 г. кандидатской диссертации, посвященной социально-психологическим проблемам адаптации молодого рабочего. Следующим шагом этого взаимодействия явилось осмысление опыта использования социально-психологического знания в руководстве организацией (Журавлев, Таранов, 1979). Наконец, в 1980 г. в Объединении была создана социально-психологическая служба, которая во взаимодействии с Институтом психологии (Б. Ф. Ломов, Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова, координатор – Н. В. Крылова) разрабатывала концепцию психологической службы производственной организации как подразделения, направленного на обеспечение жизненных интересов работников предприятия (Грачев, 2016).

Эта служба получила название *социально-психологической службы* (СПС) производственного объединения «Курганприбор». Термин «социально-психологическая» в названии службы несет двойную нагрузку. С одной стороны, имеется в виду то, что в основе работы службы лежат социальные и психологические знания, с другой, этот термин говорит о преимущественном социально-психологическом знании (в узком смысле этого слова), поскольку основной массив задач, решаемых СПС, имел социально-психологическое содержание.

Говоря о структуре СПС, следует заметить, что общее руководство ее работой осуществлял Генеральный директор объединения (Е. В. Таранов), непосредственное руководство – В. Н. Гюппенен, выполняющий функцию заместителя генерального директора по инновациям, а руководителем лаборатории, выступавшей ядром службы, был А. А. Грачев, закончивший аспирантуру Института психологии и защитивший там под руководством Б. Ф. Ломова кандидатскую диссертацию. Состав лаборатории (психологи – основа лаборатории, а также физиолог, социолог, врач) обеспечивал комплексную работу по обеспечению интересов персонала предприятия, что считали обоснованным не только работники службы (Таранов, 1983; Грачев, 2008), но и академические ученые (Журавлев, Зотова, 1982; Боровик, Журавлёв, Крылова, 1986).

Комплексность и междисциплинарность были характерны для всех социологических и психологических служб СССР, что бы-

ло выявлено в ходе анализа задач, решаемых этими службами (139 служб), проведенного в 1986 г. (Грачев, Крылова, 1986). При этом социально-психологическая служба «Курганприбора» отличалась от типичных служб того времени выходом на более высокий уровень управления, комплексностью и многочисленностью состава специалистов, что позволяло решать не только оперативные, но и стратегические и исследовательские задачи. В значительной степени это было обусловлено тесным взаимодействием с ИПАН, что показывают две таблицы, раскрывающие содержание такого взаимодействия.

Таблица 1
Типовые задачи, решаемые психологическими
и социологическими службами СССР

Задачи, решаемые психологическими и социологическими службами СССР, включая СПС ПО «Курганприбор»		
<i>Содержание задачи</i>	<i>Участие ИПАН в научно-методическом обеспечении</i>	<i>Подразделение ИПАН</i>
Составление планов социального развития	Обсуждение типового проекта плана	Сектор социальной психологии
Адаптация молодых рабочих	Помощь в подготовке кандидатской диссертации по проблеме адаптации генерального директора ПО «Курганприбор» Е. В. Таранова	Сектор социальной психологии: Е. В. Шорохова, П. Н. Шихирев, О. И. Зотова, А. Л. Журавлёв
Совершенствование социально-психологического климата	Помощь в подборе методик оценки СПК	Сектор социальной психологии: О. И. Зотова
Подготовка к внедрению бригадных форм труда (БФОТ)	Руководство разработкой типовой системы психологического обеспечения подготовки и внедрения БФОТ	Сектор социальной психологии: А. Л. Журавлев
Реализация социальной активности работников	Консультирование по основным формам социальной активности	Сектор социальной психологии: К. А. Абульханова
Обследование общественного мнения, организация службы «Ваше настроение»	Нет	Нет
Обучение руководителей	Обсуждение типовых планов обучения, чтение лекций для руководителей	Сектор социальной психологии
Профдиагностика и профконсультирование работников, профориентация школьников	Обсуждение профдиагностических процедур	Лаборатория психологии труда
Диагностика и оптимизация психофизиологического состояния (ПФС)	Обсуждение методик диагностики ПФС	Лаборатория дифференциальной психофизиологии

Таблица 2
Задачи, отмечаемые психологическими
и социологическими службами как перспективные и решаемые
СПС ПО «Курганприбор»

<i>Содержание задачи</i>	<i>Участие ИПАН в научно-методическом обеспечении</i>	<i>Подразделение ИПАН</i>
Разработка системы социального управления промышленным предприятием	Обсуждение проекта	Сектор социальной психологии
Организация психологической диагностики и первичного консультирования персонала	Нет	Нет
Разработка системы поддержки семьи	Нет	Нет
Разработка системы поддержки рабочих групп	Разработка (а) концепции совместной трудовой деятельности и (б) системы психологического обеспечения бригадных форм организации труда	Сектор социальной психологии
Разработка системы реализации личностной, производственной и общественной активности	Обсуждение компонентов системы	Сектор социальной психологии
Разработка системы «Здоровье персонала»	Нет	Нет

Таблицы 1 и 2 показывают, что для решения большинства задач, стоящих перед СПС, существовало тесное взаимодействие с Институтом психологии. В первую очередь, это относилось к сектору социальной психологии, что было логично в связи с ведущей ролью социально-психологического знания в работе не только службы «Курганприбора», но и всех социологических и психологических служб того времени.

Показателем продуктивности взаимодействия ИПАН и СПС является и то, что на базе объединения «Курганприбор» совместно с Институтом психологии были проведены три Всесоюзных конференции, две из которых (1983 и 1985 гг.) были посвящены обсуждению теоретических, методических и организационных основ работы социально-психологических служб промышленных предприятий. Особое значение для дальнейшего развития служб имела конференция 1985 г., проведенная совместно с социологами (Институтом социологии АН СССР и Советской социологической ассоциацией), где были определены перспективы взаимодействия психологов и социологов в разработке модели службы социального развития промышленного предприятия.

Такое взаимодействие психологов и социологов нашло свое отражение в знаменательной в этом отношении работе – подготовке практического пособия (Служба социального развития предприятия, 1989) под руководством Б. Ф. Ломова (психолога) и В. Н. Иванова (социолога).

Наметившееся взаимодействие психологов и социологов в области разработки научно-методических основ служб социального развития промышленных предприятий закончилось во второй половине 1980-х годов в связи с кризисом в промышленности, следствием которого и стало прекращение работы служб предприятий. В настоящее время лишь складываются предпосылки возрождения таких служб в связи с общемировой тенденцией *гуманизации управления* и стремлением России приблизиться в этом отношении к наиболее развитым странам. В решении этой задачи значительный вклад может внести дальнейшее развитие научных направлений, существующих в Институте психологии РАН и представленных в таблице 3.

Таблица 3

Перспективы развития промышленной психологии, определенные на основе опыта взаимодействия Института психологии с СПС ПО «Курганприбор»

<i>Направления работы Института психологии</i>	<i>Перспективные для промышленной психологии направления</i>
Системный подход в психологии	Системный подход в прикладной психологии
Субъектный подход в психологии	Операциональная модель человека-работника (средовый и ситуационный подходы)
Методологические проблемы прикладной психологии	Теория и методология прикладной психологии. Психологическая теория организации
Социальная психология труда и управления	Социально-психологическое обеспечение управления промышленным предприятием
Анализ опыта в области промышленной психологии	Рабочая группа в ИПРАН, конференции, печатные издания по промышленной психологии

Примечание. В этой таблице не представлены некоторые перспективные для развития промышленной психологии направления работы Института психологии РАН, которые, возможно, появятся в будущем.

Заключение

Итак, в конце 70–начале 80-х годов XX в. в СССР сложились предпосылки для практической реализации психологического знания в форме психологической службы промышленного предприятия.

Эти предпосылки были реализованы Институтом психологии АН СССР в инициации социально-психологической службе производственного объединения «Курганприбор». Становление этой службы показало, что она должна а) иметь комплексный характер и б) реализовать междисциплинарные знания о человеке, ядром которых выступает психологическое (преимущественно – социально-психологическое) знание. В этом отношении опыт работы службы «Курганприбора» соответствует современной модели управления – управлению человеческими ресурсами – и может получить дальнейшее развитие в области промышленной психологии.

Литература

- Боровик В. С., Журавлев А. Л., Крылова Н. В.* Проблемы «службы человека» на производстве // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 154–160.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование производственной организации. СПб., 2008.
- Грачев А. А.* Психологическая служба промышленного предприятия конца советского периода (на примере социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор») // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. М., 2016.
- Грачев А. А., Крылова Н. В.* Основные задачи социально-психологических служб // Первый Всесоюзный симпозиум по социальной психологии. Кострома, 1986. С. 64–66.
- Журавлев А. Л., Зотова О. И.* Психологическая служба промышленного предприятия: поиски, решения // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 155–158.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. М., 2016.
- Журавлев А. Л., Таранов Е. В.* Социально-психологические основы опосредованных методов руководства // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М., 1979. С. 287–304.
- Служба социального развития предприятия: Практическое пособие / Рук. авт. кол. Б. Ф. Ломов, В. Н. Иванов. М., 1989.
- Таранов Е. В.* Методологические и организационные основы социально-психологической службы производственной организации //

Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган, 1983. С. 12–27.

Part of the Institute of psychology, USSR Academy of Sciences in the formation of the social-psychological service of the industrial enterprises in the 70–80-ies of XX century (on the example of the socio-psychological service of the production enterprises Kurganpribor

A. A. Grachev (Moscow)

Doctor of psychological sciences, professor of Moscow University for the Humanities, chief scientific officer of Institute of psychology of RAS

The article discusses the role of the Institute of psychology, USSR Academy of Sciences in the emergence and development of psychological department of the industrial enterprises in the second half of the twentieth century. Discusses the interaction of psychological and sociological knowledge in a complex implementation of knowledge about human social organization in the form of social development of the industrial enterprise. Shows the efficiency of interaction of fundamental and applied science, comprehensive and multidisciplinary approaches on the example of the socio-psychological service of manufacturing enterprises Kurganpribor. Perspectives of this approach in connection with human resources management model.

Keywords: basic psychology, applied psychology, psychological department, socialdepartment, Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, socio-psychological departmentproduction company “Kurganpribor”.

Психосемантическое исследование восприятия образа человека различных эпох на материале произведений искусства

А. Г. Данилова (Москва)

*научный сотрудник Всероссийского института научной и технической
информации РАН; e-mail: a_g_danilova@mail.ru*

Рассмотрены возможности применения психосемантических методов в историко-психологических исследованиях. Изложены результаты психосемантического исследования восприятия образа человека по материалам произведений искусства различных эпох и культурных традиций. Средствами дисперсионного анализа построена модель зависимости восприятия образов человека прошлого от времени и культурной традиции. Сопоставлено восприятие произведений искусства испытуемыми разных возрастных групп.

Ключевые слова: историческая психология, статистические методы, психосемантика, пятифакторная модель личности, ANOVA.

Постановка проблемы

Историко-психологические исследования успешно используют психосемантические методы (Петренко, Митина, 2011; Liu et al., 2012). Формат таких исследований предполагает оценку испытуемыми исторических событий, эпох, личностей. При этом предметом оценки выступают существующие у респондента образы оцениваемых объектов, полученные в непосредственном опыте либо сложившиеся на основании усвоенного культурного опыта; таким образом, исследование не выходит за пределы субъективного восприятия. Принципиально иной подход был реализован Е. Ю. Артемьевой, предложившей для оценки методом семантического дифференциала культурные артефакты (памятники архитектуры), принадлежащие определенной эпохе, и события этой эпохи (Артемьева, 1999).

Расчет семантических расстояний (сумма абсолютных величин попарных разностей координат семантических кодов объектов) между объектами, принадлежащими одной эпохе, показал статистическую значимость результатов. Это позволяет предположить возможность получения объективной информации историко-психологического содержания методами психосемантического анализа.

В качестве материала историко-психологического исследования могут выступать литературные памятники, документы или произведения искусства, рассматриваемые как культурные тексты, содержащие семантические коды своей эпохи (системы символических образов, особенности образной структуры и художественного языка и т. д.). Поскольку символические значения и сюжетные аспекты обусловлены культурным контекстом, его разрыв сильно искажает интерпретацию произведения, а значит, этот уровень трансляции смыслов мало пригоден для анализа. Культурантропологические исследования, направленные на изучение особенностей кросс-культурного восприятия, в качестве ключевого объекта рассматривают *образ человека*. Психосемантический подход позволил выделить культурно универсальную стабильную структуру межличностного восприятия, включающую 5 факторов (Big Five); часто применяемая японскими исследователями 6-факторная модель HEXACO M. Эштона – У. Ли добавляет культурно специфический фактор к известным пяти. Вместе с тем особенности образов человека, являющихся носителями личностных смыслов, а также целенаправленно сконструированных для трансляции социальных смыслов, исследуются в психологии массовой коммуникации. Для анализа восприятия образа человека различных исторических эпох, отраженного в произведениях искусства, имеет смысл использовать шкалу, пригодную для оценки образа человека в опосредованной коммуникации.

Эмпирическое исследование восприятия образа человека разных эпох

На основе шкалы, использованной Л. В. Матвеевой, Т. Я. Аникеевой, Ю. В. Мочаловой для анализа телевизионных образов (Матвеева, Аникеева, Мочалова, 2000), составлен 20-пунктный список биполярных характеристик. В качестве материала исследования использованы репродукции произведений искусства, относящиеся к эгейской культуре (Крит XV в. до н. э.), античной эпохе (Греция с VII по III вв. до н. э. и Рим с VI в. до н. э. по IV в. н. э.), культуре Византии (V–VII вв.), культуре Древней и Московской Руси (XI–XVII вв.), России (XVIII–XX вв.) и Западной Европы (XII–XX вв.) – всего 28 эпизодов культуры/эпохи.

Для каждого эпизода составлена презентация, включающая около 20 произведений скульптуры, живописи, книжной графики и монументально-декоративного искусства, преимущественно портретных. Датировки основаны на академических изданиях по истории русского и зарубежного искусства, а в случае предъявления поздней римской копии с несохранившегося греческого оригинала приоритетной является датировка оригинала как времени возникновения культурно значимого образа (на основании консультации д-ра искусствоведа М. И. Свищерской).

Опрошены испытуемые различных возрастных групп – старшего школьного возраста, студенты и лица взрослого и пожилого возраста с высшим образованием. Презентации, отражающие искусство определенной культуры в определенном веке, предъявлялись в случайном порядке.

Получена матрица, включающая 606 наблюдений. Математическая обработка выполнена с помощью программ IBM SPSS Statistics 19 и Statistica 10.

Факторный анализ, выполненный в пакете SPSS методом главных компонент ($D=0,006$; $KMO=0,862$; $\chi^2 \approx 3069,981$; $df=190$; $p=0,000$), после варимакс-вращения с нормализацией Кайзера дал 5 факторов с собственным значением >1 , совокупно описывающих 54,27% дисперсии данных.

Факторная структура составлена факторами: «дружелюбие» (15,36%: добрый 0,69; душевный 0,69; вежливый 0,67; мягкотелый 0,52); «выразительность» (13,51%: выразительный 0,71; умный 0,69; энергичный 0,61; убедительный 0,54); «вера, трудолюбие» (10,09%: верующий 0,74; трудолюбивый 0,66); «независимость» (8,19%: независимый 0,75; откровенный 0,56; сильный 0,50); «когнитивная сложность» (7,11%: хитрый 0,81; остроумный 0,45; скрытный 0,36).

Два из полученных факторов по смыслу подобны факторам «склонность к сотрудничеству» (A) и «добросовестность» (CBigFive); фактор «когнитивная сложность» приближается к фактору «открытость опыту» (O), но несет ощутимую негативную окраску. Фактор «независимость» по смыслу сближается с категорией «индивидуализм» – одной из наиболее мощных размерностей кросс-культурных исследований. Фактор «выразительность» характеризует особенности художественного языка эпохи, возможно, отражая близость изобразительного кода исследуемой эпохи привычному для респондентов; но в основном более высокие значения по фактору получили культуры/эпохи с развитым реалистическим стилем и традицией индивидуализированного портрета. В целом факторная структура Big Five не воспроизведена, хотя в факторе «независимость» можно

усмотреть характеристику низкого нейротизма, а в факторе «выразительность» – проекцию характеристик экстраверсии. Вместе с тем при сопоставлении с альтернативной Big Five M. Цукермана фактор «дружелюбие» обратен фактору «агрессивность–враждебность» (Agg-Host); фактор «выразительность» включает характеристики «активности» (Act), «независимости–общительности» (Sy) и обратна по смыслу «нейротизму–тревожности» (N-Anx); но «когнитивная сложность» не соответствует «поиску ощущений» (ImpSS).

С помощью дисперсионного анализа ANOVA (Statistica 10; метод главных эффектов) проанализировано влияние на оценку объектов социальных характеристик испытуемых (респонденты были объединены в 3 группы по возрасту). Модель включила в качестве зависимых переменных размерности факторного анализа, а в качестве независимых факторов показатели «культура», «век» и «группа». Многомерный тест значимости (sigma-restricted parameterization) показал значимость вклада всех трех независимых факторов (группа: $F=11,82452$, $p=0,000000$; культура: $F=2,26649$, $p=0,001101$; век: $F=1,86876$, $p=0,000000$) и всех пяти выделенных размерностей (дружелюбие: $F=4,012937$, $p=0,000000$; выразительность: $F=2,994943$, $p=0,000000$; вера, трудолюбие: $F=4,280865$, $p=0,000000$; независимость: $F=2,340318$, $p=0,000094$; когнитивная сложность: $F=4,240040$, $p=0,000000$; $dfModel=30$; $dfResidual=575$)

Графическое представление полученных данных показывает, что факторы «выразительность» и «когнитивная сложность» повернуты и на графике обозначены как «невыразительность» и «когнитивная простота», соответственно.

Подростки и молодежь дают в целом сходные оценки; принципиально отличается оценка пожилых людей, выше оценивающих выразительность, простодушие и независимость воспринятых образов произведений искусства. Сходство оценок испытуемых, близких по возрасту, но различных по социальному статусу, позволяет заключить, что причины различий относятся не столько к социально-ролевым характеристикам, сколько к характеристикам поколения. Результаты могут отражать либо альтернативную норму художественного языка, обусловленную динамикой культурной нормы, либо межпоколенные различия в установках межличностного восприятия/социальной презентации. Наименьшие межгрупповые различия имеют факторы «дружелюбие» и «вера, трудолюбие», что позволяет предположить малое влияние культурных факторов на оценку этих категорий.

При построении модели, включающей в качестве независимых переменных параметры «культура» и «век», значимым является взаимо-

действие факторов «культура * век» – $\lambda=0,86368$; $F(55, 2605)=1,5235$, $p=0,00819$. Значимыми в модели остаются 4 переменные – «дружелюбие», «выразительность», «вера, трудолюбие» и «когнитивная сложность» ($p<0,01$). Расчет средних по методу наименьших квадратов (effective hypothesis decomposition; доверительный интервал – 0,95) позволил построить графики значений культур по векам. Представлены данные за XV в. до н. э. (крито-микенская культура), VII в. до н. э. – VII в. н. э. (античное искусство Греции и Рима и Византия до иконоборческого периода), XI–XX вв. (обобщенные данные по романскому и готическому периодам, Итальянское Возрождение, домонгольская и Московская Русь, обобщенные данные по Европе XVII–XX вв., искусство СССР и США). На период VIII–X вв. данных нет.

Графики отражают траекторию динамики развития отдельных культур в рамках общеевропейского тренда.

Там, где набор данных позволяет проследить достаточно большой исторический отрезок, можно предположить наличие колебательной зависимости, фаза которой культурно специфична. Подобные результаты были получены при анализе ценностных ориентаций по критериям, выделенным Г. Хофстеде, античной и древнерусской культур на материалах нарративных источников (Данилова, 2013). Для более подробного анализа необходимо накопление более обширной базы данных. Целесообразно исследование более близких к современности исторических отрезков с уменьшением масштаба сетки исследования.

Заключение

Поскольку произведения искусства отражают систему социально значимых образов, в частности, в образах человека фиксируют и усиливают социально желательные черты, исследование динамики во времени образных характеристик искусства различных культур может быть информативно для анализа социальных норм и ценностей исторических обществ и закономерностей их развития. Применение психосемантического метода для выявления особенностей образа человека и репрезентации личности имеет ряд методологических особенностей и ограничений. Процедура отражает не абсолютные характеристики образа, а воспринятые, т. е. на формирование впечатления влияет близость культурного кода создателя произведения и его зрителя; на восприятие могут влиять существующие у респондента стереотипы оцениваемой культуры и «культурного поведения». В силу этого факторное пространство восприятия образа человека по произведениям визуальных ис-

кусств, построенное на основе шкалы, включающей социальные и образные характеристики, не повторяет ожидаемого факторного пространства межличностного восприятия (Big Five). Дисперсионный анализ показал значимость взаимодействия факторов «культура» и «век», демонстрируя, что характеристики социально значимого образа человека зависят, как от культурных/этнических факторов, так и от эпохи, что соответствует существующим в истории искусства представлениям. Графики культур по факторам лежат в области единого тренда, что демонстрирует способность метода отразить последовательность развития культурной традиции и отражает преемственность и взаимозависимость культурных традиций внутри европейской цивилизации.

Литература

- Артемьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. М., 1999.
- Данилова А. Г.* Кросс-культурный анализ категориальной структуры ценностных ориентаций на материале исторических текстов // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 46–55.
- Данилова А. Г.* Моделирование пространства психологических факторов субъекта культуры по результатам исследования исторических текстов и восприятия произведений искусства. М., 2013. Деп. в ИНИОН.
- История искусства зарубежных стран. Средние века, Возрождение: Учебник / Под ред. Ц. Г. Нессельштраус. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982.
- История искусства зарубежных стран 17–18 веков: Учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. В. И. Раздольской. 3-е изд., перераб. М., 2009.
- История искусства зарубежных стран. Первобытное общество, Древний Восток, Античность: Учебник / Под ред. А. П. Чубовой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1980.
- История русского искусства / Под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. Н. Лазарева, В. С. Кеменова. М., 1953–1969.
- Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В.* Психология телевизионной коммуникации. М., 2000.
- Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантическая реконструкция представлений о прошлом // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2. С. 151–178
- Liu J. H., Paez D., Hanke K., Rosa A., Hilton D. J., Sibley C. G., Cabecinhas R., Zaromb F., Garber I. E., Chan-hoong L., Moloney G., Valchev V.* Cross-cul-

tural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? Perceptions of historical calamities and progress in cross-cultural data from 30 societies // *Journal of Cross-cultural Psychology*. 2012. V. 43. № 2. P. 251–272.

Psychosemantic study of perceptions of the human image of different eras to the works of art

A. G. Danilova (Moscow)

Research officer of Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS)

Russian and foreign researchers showed potential of application of psychosemantic methods in historic psychological researches. Psychosemantic study of personal image perception on materials of art works of various epoch and cultural traditions got factor structure, alike but not exactly fit to Big Five. ANOVA model showed dependence of image perception from epoch and cultural tradition. The perception of art works differ on respondents' age.

Keywords: historical psychology, statistical methods, psychosemantics, Big Five, ANOVA.

Проблема метода в исследовании гениальной личности художника с позиции исторической психологии

М. М. Дробышева (Москва)

*аспирант Государственного академического
Университета гуманитарных наук;
e-mail: mmdrob@mail.ru*

В статье изложена проблема выбора метода исследования с целью психолого-исторической реконструкции личности художника. На примере творчества Ван Гога сопоставлены показатели его психического состояния, представленные на автопортрете, в письмах к брату и воспоминаниях современников и родных. Обнаружено противоречие в показателях психического состояния художника на портрете и в письмах. Показано, что изучение автопортретов художника методом контент-анализа менее объективно без сопоставления с данными других источников.

Ключевые слова: психолого-историческая реконструкция, контент-анализ, личность художника, гений, психология искусства, художник, автопортрет, личность, Ван Гог.

Постановка проблемы

Исследование многих современных проблем, явлений, феноменов, касающихся жизни человека, психологических особенностей личности, невозможно без погружения в историческое прошлое. «Психический мир предшествующих поколений не является исключительной принадлежностью своего времени; он сохраняет зримый и весомый след в культуре и психике современного человека» (Кольцова, 2008, с. 6). Историческая психология позволяет изучать природу психических явлений, исследование которых актуально и в настоящее время. Это касается и изучения таких феноменов, как гениальность, гениальная личность; интерес к ним не угасает со времен Античности.

Гений, в определенном смысле, – эталон, человек, достигший высших форм творческой самореализации и предельных возможностей, являющийся ярчайшим представителем своего времени. Гениальная личность меняет представление о мире и творит историю, продвигая человечество вперед. Проблема изучения этапов, механизмов ее становления и развития требует обращения к прошлому, его тщательного анализа. Поэтому изучение гениальности и гениальной личности прошлого в рамках исторической психологии – важная область психологических исследований, позволяющая определить наиболее оптимальные условия, формы и механизмы развития способностей и таланта личности.

Процедура реконструкции психологических характеристик гениальной личности прошлого

Одним из основных способов исследования психологических характеристик гениальной личности прошлого является *процедура психолого-исторической реконструкции*, которая заключается в выявлении необходимой информации об изучаемом психологическом явлении, содержащейся в исторических источниках, и ее последующей интерпретации с позиций современной научной мысли. Реконструкция – «своеобразный мостик, связывающий исследователя с изучаемыми ими психологическими феноменами, „рожденными“ в специфическом культурном контексте прошлых эпох» (Кольцова, 2008а, с. 408). В процессе исследования гениальной личности – художника прошлого, оказавшего влияние на становление и развитие современного искусства, возникает проблема комплексного исследования, решаемая при помощи метода реконструкции. В этом случае важным является не только изучение биографии творца, но и анализ продуктов его творческой деятельности (произведений искусства). Такой подход опирается на идеи С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева об объективировании, опредмечивании психики субъекта в продуктах его деятельности (там же).

Портрет как источник психологического познания личности

Искусство – важный источник психологического познания, являющийся «художественной формой отражения и воплощения системы психологических представлений человека» (там же, с. 95). Несмотря на сложность и специфику интерпретации живописных полотен, можно сказать о том, что их анализ позволяет приоткрыть тайну личности художника и психологических особенностей его творчества.

В изобразительном искусстве, раскрывающем разные грани личности, особую роль приобретает портрет, созданный художником. Главной целью творца при создании портрета, в отличие от фотографии, является не столько внешнее, сколько внутренне сходство, отображение психического состояния изображаемого человека (Лицо человека в науке, искусстве и практике..., 2014, с. 269–284). Портрет обладает способностью выделять черты человеческой личности, выступает в качестве объекта ее глубинной интерпретации (там же).

Проведенные в рамках психосемантического подхода исследования по восприятию портретов показывают, что для описания портрета респондентами исследователи используют базовый набор характеристик, отражающий индивидуально-личностные особенности человека, представленного на портрете. Этот набор является универсальным, независимо от исторического времени создания художественной работы, от характеристик зрителя, воспринимающего портрет (например, активный, воспитанный, добрый, замкнутый, знающий, мечтательный, самоуверенный, спокойный и т. д.) (там же). Наиболее важные события жизни портретируемого (т. е. человека, изображенного на портрете) влияют не только на его личность, но и находят отражение в его изображении. Косвенно они воздействуют и на восприятие зрителей, описывающих и оценивающих портрет, фиксируются в их впечатлениях. В портрете отражаются социальные условия исторической эпохи и существующие живописные стили. Анализируя портрет можно не только сказать о половых и расовых особенностях человека, его эмоциональном состоянии, но и о заболеваниях, поскольку существует определенный ряд признаков, характерных для тех или иных болезней. По данным Е. А. Никитиной, писатели и художники для подчеркивания болезни героя используют ряд признаков, которые затем «считывает» зритель: бледность лица, запавшие глаза с кругами вокруг них, заостренные черты лица, синяки под глазами, вдавленные виски, опущенные уголки рта, лихорадочная краснота щек (Лицо человека в науке, искусстве и практике..., 2014, с. 253–267).

Лицо человека является специфичной семиотической системой, обозначающей состояние человека, особенности его личности (Барбанщиков, Носуленко, 2014). Сторонники психосемантического подхода считают его наиболее важным источником изучения психического состояния личности, которое они рассматривают как особое явление, находящееся между динамическими психическими процессами и стабильными по времени свойствами личности. С его помощью исследователями были выявлены общие характеристики

семантических пространств, содержащие «следы переживаний», и динамику психических состояний; отмечалась важность субъективной оценки в диагностике психических состояний (Прохоров, 2009; и др.).

Роль автопортрета в психологическом познании личности творца

Принимая во внимание специфику того или иного исследования, информацию о психических состояниях художника можно найти в его дневниках, письмах, продуктах творчества. Причем самым психологически нагруженным видом живописи, отражающим внутреннее состояние художника, его переживания, понимание себя и своего положения в окружающем мире в определенный момент времени, является автопортрет. Это своеобразное культурно-историческое средство символизации переживания, с помощью которого ведется, с одной стороны, диалог со зрителем, с другой стороны, диалог с самим собой, с разными сторонами своего «Я» (Насиновская, Шалина, 2008; и др.). Автопортреты можно рассматривать как особую веху индивидуальной истории, выполняющей в то же время «терапевтическую» функцию, позволяющей выразить переживание и интегрировать жизненный опыт. Создавая серию автопортретов, художник фактически воспроизводит свою автобиографию из полотен, при помощи которой можно проследить и развитие его личности, и жизненный путь в контексте определенной эпохи.

Исследование психологического состояния Ван Гога на основе анализа галереи его автопортретов

В нашем исследовании предпринимается попытка психолого-исторической реконструкции личности гениального художника Винсента Ван Гога (Дробышева, 2014). Причем в качестве значимого показателя становления гениальной личности художника предполагается рассмотреть особенности и динамику его психических состояний. В связи с этим важное место в работе отводится выбору совокупности методов, позволяющих провести реконструкцию личности художника. Особая роль отводится анализу серии автопортретов художника, созданных Ван Гогом на протяжении основного периода его творческой жизни как способа выявления внутреннего мира художника, его диалога с собой и внешним миром. Его автопортреты определенным образом показывают эволюцию художника как творца и как человека, наглядно демонстрируют динамику его психического состояния. С точки зрения искусствоведов, Ван Гог

экспериментирует со своим психологическим обликом, как экспериментирует с разложением цвета (Дмитриева, 1980).

Анализируя серию автопортретов художника, мы выявили, что цветовая палитра, контрасты, художественные стили менялись на полотнах в разные периоды его жизни, являясь следствием его личностных кризисов. В результате качественного анализа нами было выделено *пять этапов* становления Ван Гога как художника.

Первые автопортреты были написаны им на *третьем этапе* (Париж. Март 1886–февраль 1888). Именно в это время Ван Гог уже начал ощущать себя настоящим художником. Наибольшее количество автопортретов было создано им в этот период его становления и вхождения в мир «настоящих живописцев» как равного им художника.

В качестве примера можно привести анализ автопортрета Ван Гога в образе Художника, написанного им перед отъездом в Арль. Портрет отражает итоги поиска Ван Гогом особого стиля, цветовых контрастов, мазков, линий, света. Его лицо на портрете сосредоточено: кажется, даже мысли живописца на картине обращены к мольберту, на котором стоит подрамник с холстом. Цветовая гамма всего портрета выполнена в теплых голубоватых и желтых тонах. По «закону дополнительных цветов» Шевреля два цвета, дополняя друг друга, усиливают свою яркость. В цветовых контрастах анализируемого автопортрета можно наглядно увидеть, как художник «осваивает» данный закон. Здесь контрастируют совокупность цветов: красные и зеленые, синие с оранжевым и желтые с пурпурным, т. е. художник использует портрет как способ применения новых знаний. Он изображен в синей блузе из грубого льна; в руках он держит палитру и кисти. Детализация образа указывает на то, что на портрете Ван Гог предстает именно как Художник, «уверенный в себе, без напыщенности, но и без ложной скромности» (Азие, 2012, с. 172). Стиль изображения здесь также отражает состояние портретируемого – короткими длинными мазками в технике пуантилизма. Именно в этот период он осваивал данную технику изображения. Интересно, что сам Ван Гог относил эту работу к автобиографическому документу, который приоткрывает зрителю его «тягостное психическое состояние». Оно переживалось им в конце периода пребывания в Париже. Так, в одном из писем к сестре Виллемине Винсент отмечал, что в этом автопортрете он намеревался зафиксировать психический и физический упадок своих сил, уподобляя себя «Смерти с косой». Однако этот факт в большей степени свидетельствует о специфике восприятия Ван Гогом себя во время пребывания в Париже, чем о том впечатлении, которое оказывал

и оказывает этот автопортрет на зрителя, не говоря уже о реальном физическом и психическом состоянии художника в этот период. Он пишет, что в те дни его лицо было похоже на лицо «человека при смерти», но в это сложно поверить без комментария художника в письме к сестре. По данным исследователей – сотрудников музея Ван Гога в Амстердаме, жена Тео Ван Гога (брата Винсента) Йоханна писала, что, впервые встретив Винсента (1890), она ожидала увидеть серьезно больного человека. Однако, как она позже рассказывала, «это был крепкий, широкоплечий мужчина со здоровым цветом лица, улыбкой на лице и очень решительного вида». Йоханна отмечала, что «из всех автопортретов только один, где он перед мольбертом, наиболее похож на него в тот период». Причем она предполагала, что на самом деле Ван Гог был здоров (Hendriks, van Tilborgh, 2011, с. 57).

Можно предположить, что при написании портрета Ван Гог одновременно переживал два эмоциональных состояния – чувство усталости, вызванное напряженной работой, и глубинное чувство удовлетворения от обретения мастерства, радость творчества.

Заключение

Выявленные нами противоречия свидетельствуют о том, что ощущение художником своего психического и физического состояния, тот образ, который он представляет на автопортрете, может отличаться от его восприятия окружающими. На данном примере становится очевидной проблема выбора метода изучения динамики психических состояний творца, обеспечивающего объективное отражению его личностного и творческого становления, воссоздание его жизненного пути. Частично решение этой проблемы возможно при сопоставлении разных источников знания о психических состояниях художника (письма, воспоминания близких и др.). Однако и здесь возникают определенные трудности, связанные, например, с наличием подделок и путаницей относительно времени создания полотен. Например, многие года последним автопортретом Ван Гога считались то знаменитая работа «с клубящимся фоном» (написанная им в сентябре 1889), то автопортрет с «изуродованным ухом» (он находится в Осло и был признан «ненастоящим»). Стивен Найфи и Грегори Уайт-Смит в последней и наиболее подробной биографии Ван Гога высказывают мысль, что знаменитый автопортрет «с голубым, клубящимся фоном» был написан, скорее, для брата Тео, с которым у художника наметилось охлаждение отношений. С помощью автопортрета художник хотел продемонстрировать улучшение

своего состояния, поскольку врачи информировали Тео о кризисах Винсента и его попытках суицида. Его актуальное психическое состояние в это время более точно передает «Автопортрет с палитрой» (Овер, 1889). Это работа, на которой Винсент предстает в образе измученного художника, с землистым лицом и затуманенным взором, что подтверждают его слова: «Я здесь худ и бледен как чёрт» (цит. по: Дмитриева, 1980, с. 317). Однако следом он создает автопортрет «с клубящимся фоном». В письме к брату Тео Ван Гог пишет: «Ты, надеюсь, увидишь, что лицо мое стало спокойнее» и, «сопоставив мой только что законченный автопортрет на светлом фоне с теми, которые я написал в Париже, ты убедишься, что сейчас я выгляжу гораздо более здоровым, чем тогда» (цит. по: Дмитриева, 1980, с. 317). Таким образом, этот автопортрет Винсента не только передает его состояние в моменты просветления между кризисами, но и является способом убеждения себя и близких в собственном выздоровлении.

В заключение еще раз отметим, что проблема выбора метода с целью психолого-исторической реконструкции гениальной личности художника связана с сопоставлением данных контент-анализа разных видов источников – автопортретов, писем, дневников, с одной стороны, и воспоминаний современников, представленных в работах искусствоведов, с другой. Как показало наше исследование, они могут противоречить друг другу.

Литература

- Азю Д. Ван Гог. М., 2012.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность. Восприятие. Общение. М., 2004.
- Дмитриева Н. А. Винсент Ван Гог. Человек и художник. М., 1980.
- Дробышева М. М. Психолого-историческая реконструкция гениальной личности: динамика психологических характеристик Винсента Ван Гога на разных этапах его творческой деятельности // Психологические исследования. Вып. 7. М., 2014. С. 60–73.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008а.
- Кольцова В. А. Особенности предметной области исторической психологии // Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». Вып. 1. 2008б.
- Насиновская Е. Е., Шалина О. С. Автопортрет как средство овладения миром личностных переживаний // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 77–88.

Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М., 2009.

Лицо человека в науке, искусстве и практике. М., 2014.

Hendriks E., van Tilborgh L. Vincent Van Gogh. Paintings. Vol. 2. Antwerp and Paris, 1885–1888. Publisher: Lund Humphries. New edition. July 1, 2011.

The problem of method in the study of genius artist's person of historical psychology

M. M. Drobysheva (Moscow)

Postgraduate of State academic University of humanitarian Sciences

In article the problem of the choice of a method of a research for psychological and historical reconstruction of the artist's person is stated. With the example of Van Gogh's works his mental state indicators presented on the self-portraits, in letters to the brother and memoirs of contemporaries and family are compared. The contradiction in indicators of a mental condition of the artist on a portrait and in letters is revealed. It is shown that studying of self-portraits of the artist by a content analysis method less objectively without comparison to data of other sources.

Keywords: artist's personality, psychology of art, self-portrait, Vincent Van Gogh, artist, personality, genius, psychological and historical reconstruction, content analysis.

Основы ценностно ориентированного социального поведения в этико-психологических работах Г. А. Балла

Е. В. Завгородняя (Киев)

*доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии имени Г. С. Костюка НАПН Украины (Киев);
e-mail: zolen58@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению этико-психологической проблематики в работах Г. А. Балла. Раскрываются важные теоретические достижения ученого, а именно: определение категорий добра и зла, анализ проблем идентификации добра и зла, проявлений их бытийной взаимосвязи, формулировка универсальной нравственной установки, определение свойств субъекта, необходимых для созидания добра, осмысление противоречивости нормативной регуляции поведения, сложности ценностных коллизий, обоснование неправомерности максималистского подхода к их решению. На основе идей ученого выделены направления и перспективы изучения этико-психологической проблематики.

Ключевые слова: Г. А. Балл, этико-психологические идеи, рационалистический подход, типы норм, ценностные коллизии, моральный максимализм, перспективы развития.

Изучение психологических аспектов ценностно ориентированного социального поведения приобретает все большее значение в контексте глобальных вызовов человечеству. Актуальность этико-психологической проблематики обусловлена важностью ее осмысления и поиска путей воздействия на неудовлетворительное состояние нравственного сознания, как отдельного человека, так и общества (и человечества в целом). Г. А. Балл отмечает, что уровень нравственного сознания (не только массового, но и элитарного) существенно отстает от требований времени, а состояние осмысления этических проблем заслуживает критической оценки, поскольку в этой

сфере недостаточно рациональных, взвешенных подходов, а преобладают крайности (Балл, 2013).

Целью статьи является рассмотрение этико-психологических идей Г. А. Балла о ценностно ориентированном социальном поведении, о добре и зле, сформулированных в работах 2008–2016 гг.

В своих исследованиях ученый с радиогуманистических позиций рассматривает содержание категорий добра и зла как базовых этических категорий, определяющих важнейшие основы человеческого со-бытия (Балл, 2009). В поле внимания исследователя также входят такие категории и понятия, как «гармония», «нравственный максимализм», «нигилизм», «совесть», «мораль», «нравственность», «честь», «достоинство», «смысл жизни» и др. (Балл, 2013, 2015, 2016).

Говоря о ценностно ориентированном социальном поведении, Г. А. Балл рассматривает ряд вопросов: онтологическая взаимосвязь добра и зла; обоснование неправомерности нравственного максимализма; свойства субъекта, необходимые для оказания добра; важность гармоничного сочетания рационального и интуитивного в принятии этически значимых решений, широкого и индивидуализированного поведенческого репертуара; противоречивость нормативного регулирования поведения; различия социальной морали и личностной нравственности; ценностные коллизии.

Добро трактуется ученым как сущностный атрибут природо- и культуросообразного гармоничного развития людей и человеческих сообществ, а зло – как атрибут препятствий такому развитию. Приведенная трактовка добра и зла подчеркивает их асимметрию (вопреки манихейским, в широком смысле, взглядам) и объясняет, почему тактическое преимущество приверженных злу стратегий социального поведения, достигаемое благодаря игнорированию моральных ограничений в выборе средств достижения целей, в долгосрочной перспективе не приводит к тотальному торжеству зла. Отмечается, что упомянутому тактическому преимуществу зла противостоит стратегическое преимущество добра, что обусловлено его соответствием сущностным закономерностям бытия.

Существуют ситуации, отмечает Г. А. Балл, когда приходится активно преодолевать зло. Вопрос о том, допустимо ли при этом самому становиться носителем зла, определяет одну из самых сложных этических проблем. В конкретной острой ситуации человек вынужден взять на себя ответственность и сознательно допустить меньшее зло, чтобы избежать большего. При этом «большим злом» может стать и пассивное поведение, если оно открывает путь для негатив-

ного (а то и трагического) развития событий. Эта проблема усугубляется различными факторами, в частности, трудностями идентификации добра и зла.

Анализируя проблему взаимосвязи добра и зла в социальном поведении, ученый показывает, что внешняя непоследовательность поступков иногда оправдана, поскольку отражает противоречия, существующие в мире. Ведь добро и зло неразрывно связаны онтологически, в самом бытии. Балл характеризует следующие направления взаимосвязи добра и зла:

- 1) в условиях столкновения интересов индивидов или сообществ то, что является добром для одной из сторон, оказывается злом для другой, и это приводит к конфликтам;
- 2) одни и те же объекты и события часто выступают как носители или добра, или зла в зависимости от того, в какой временной перспективе они рассматриваются;
- 3) для достижения благой цели часто приходится прибегать к средствам опасным, способным нанести вред, т. е. таким, которые, в большей или меньшей степени несут и зло;
- 4) сложность идентификации добра и зла обусловлена также сущностью процесса развития, предусматривает очередность гармоничных и дисгармоничных фаз (Балл, 2016).

Г. А. Балл подчеркивает, что неразрывная связанность добра и зла ограничивает всеобщность воплощения этических требований в жизнь. Поэтому нравственный максимализм, категорически отвергающий любое зло, является иррациональным и не может быть последовательно реализован. Понимание этого должно вести не к нигилистическому отрицанию нравственных приоритетов, а к более взвешенному решению (Балл, 2008).

В качестве такого решения ученый предлагает соответствующую рационалистическому подходу универсальную нравственную установку, составляющими которой являются: а) презумпция предотвращения зла: субъекты взаимодействия должны последовательно избегать делать зло, если и пока такое избегание не угрожает с высокой вероятностью большим злом; при этом каждый раз следует минимизировать осуществляемое зло; б) требование максимизации осуществляемого добра. Это требование вступает в силу при условии соблюдения презумпции «а». Составляющие установки задействованы не в одиночку, а сообща: автор акцентирует их взаимосвязь. Сформулированная универсальная этическая установка является уточнением, и одновременно – обобщением, распространением на самые различные социальные ситуации хорошо извест-

ного принципа медицинской деонтологии: «Не навреди, а если можешь – помоги».

Указанную этическую установку Г. А. Балл дополняет требованием индивидуализации. Ученый подчеркивает важность разнообразия поведения разных людей, обращая также к кибернетическим аналогиям (о разнообразии компонентов сложной системы как предпосылке ее устойчивости). Каждый человек должен, учитывая особенности конкретных ситуаций, в максимально возможной степени использовать свои специфические индивидуальные возможности для предотвращения зла и увеличения добра в мире.

При этом выделяются ценностно-мотивационные и инструментальные свойства действующего субъекта, необходимые для максимизации добра, подчеркивается необходимость соединения указанных свойств. С одной стороны, даже самые высокие когнитивные и волевые качества людей не обеспечат реализации ими добра из-за недостаточного уровня их нравственной развитости. С другой стороны, инструментальные возможности субъекта (в том числе коллективного) следует соотносить с задачами, которые он пытается решить. И если эти задачи предусматривают усовершенствование очень сложных систем (как, например, социум с противоречивым и зачастую скрытым характером взаимосвязей его многочисленных компонентов), то даже высокие моральные качества тех или иных деятелей сами по себе не помогут увеличить добро; необходим также опыт решения задач в определенной области, ум (а лучше – мудрость) и воля.

Г. А. Балл анализирует особенности регуляции ценностно значимого поведения, сложность его движущих сил, условий и факторов, рассматривает его социальные регуляторы и индивидуальные установки. Предметом его анализа являются предпосылки успешности ценностно ориентированного поведения в ситуации, когда отсутствуют или преодолены внешние ограничители свободы, и на этой основе выделяются следующие поведенческие установки: а) установка на рациональный анализ ситуации, направленный на то, чтобы выбрать или сконструировать паттерн поведения, оптимальный с точки зрения реализации приоритетных ценностей человека; б) установка на осуществление того паттерна поведения, который интуитивно оценивается лицом как наиболее соответствующий упомянутым ценностям; в) установка на осуществление паттерна поведения, которому в подобных ситуациях чаще всего отдают предпочтение члены социальной группы, референтной для человека. Ученый утверждает, что реализации важных для человека ценностей будет способствовать опора на согласованные с характерис-

тиками ситуации гармонично сочетающихся установок всех трех типов (Балл, 2010, 2013).

Г. А. Балл рассматривает нормы как средства регулирования социального поведения и характеризует различные типы норм – нормы права, нормы морали, нормы личной нравственности. Для успешного регулирования (или саморегулирования) деятельности, дающей личностно-развивающий эффект, нужны также принятые субъектом деятельности нормы-стандарты, нормы-идеалы и нормы индивидуального прогресса.

В этом контексте Балл говорит о различиях социальной морали и личностной нравственности (и соответствующих норм). В зависимости от уровня своего развития человек может «не дорасти» до морали, поддерживаемой некоей общностью, а может и «перерастить» эту мораль. В последнем случае человек чаще всего предпочитает (сознательно или интуитивно) нормы личностной нравственности. Необходимость личной нравственности является наиболее очевидной относительно нестандартных ситуаций, в которых правовые, а также принятые человеком моральные нормы не предоставляют удовлетворительных решений или предлагают решения, несовместимые друг с другом. Тогда возникают проблемы выбора и нравственного творчества в контексте решения ценностных коллизий (Балл, 2013).

Балл с присущей ему исследовательской и этической страстностью всматривался в новые горизонты, стремился осмыслить многие этико-психологические проблемы, дать им рационалистическую трактовку. Поэтому, исходя из достижений ученого, попробуем выделить дальнейшие направления и перспективы разработки этой, без сомнения, актуальной проблематики. Представляется важным дальнейшее психологическое освоение и упорядочивание касающихся этики понятий («забота», «вина», «прощение», «просветление», «раскаяние», «гордыня», «соблазн», «тоска», «скука» и др.), определение их психологической составляющей, а также рационалистическое осмысление следующих проблем:

- развитие личности как субъекта осуществления добра и/или зла, возрастные и индивидуальные типы осуществления добра и/или зла; приверженные добру стратегии социального поведения: стратегии сотрудничества, сотворчества, «бдительной стражи», охраны добра; приверженные злу стратегии: «разделяй и властвуй», маскировки («овечьей шкуры»), гибридной правды, «постправды» и т. п.;
- акмеологический аспект (в частности, как он возможен для осуществления зла), генезис склонности к добру (добродетельнос-

- ти)/предпочтения зла, влечения ко злу (порочности)/нравственной амбивалентности;
- исходя из рациогуманистической трактовки добра (как сущностного атрибута природо- и культуросообразного гармоничного развития людей и человеческих сообществ) и зла (как атрибута препятствий развитию) исследование внутренних источников, двигателей и факторов добра и зла в человеке, привлекательности, «обаяния», «прелести» (аттракторов) добра и зла;
 - искушения и соблазны (может ли быть искушение добром или это лишь инструмент зла), их разновидности и уровни (телесный, социальный, духовный уровни искушения);
 - поведенческие установки на достижение успеха/на избегание неудач в этическом контексте, в соотнесении с предложенной Г. А. Баллом универсальной этической установкой; особенности различных олицетворений зла, в том числе, известных «успешных менеджеров»;
 - проявления, особенности и уровни индивидуализации в созидании добра/делании зла;
 - кризисы и дисгармонии в нравственном становлении личности;
 - творчество и адаптация в этическом контексте;
 - личностные и деятельностные характеристики субъекта осуществления добра и/или зла в зависимости от преобладания у него внутренней или внешней мотивации и различных вариантов локуса контроля;
 - особенности генезиса выделенной Г. А. Баллом инструментальной составляющей в созидании добра и определении условий предотвращения ее деформации (превращение в инструмент зла).

Анализ этико-психологических работ Балла свидетельствует о плодотворности исследовательского подхода, ориентированного на синтез гуманистической и рационалистической традиции, и побуждает к дальнейшей постановке проблем в указанной сфере. Ученый надеялся на влияние и учет осуществляемых им этико-психологических исследований не только в теоретических работах коллег, но и в различных сферах практики. В этом контексте было бы целесообразно разработать образовательный курс «Основы этико-психологической компетентности», внедрение которого расширило бы диапазон практического функционирования рациогуманистических идей.

Завершая, процитирую ученого: «Понятно, что мои и подобные исследования ни в коей мере не освобождают человека от необхо-

димости самостоятельно принимать решения в сложной ситуации, реализовывать его и брать за это ответственность. Самое большее, на что хотелось бы надеяться, – это то, что учет результатов этих исследований может повысить этическую и психологическую культуру субъектов социального поведения и, благодаря этому, степень ее совершенства» (Балл, 2015, с. 22).

Литература

- Балл Г.А. К проблеме взаимосвязи добра и зла в социальном поведении (рациогуманистический подход) // Журнал практикующего психолога. 2009а. Вып. 15. С. 23–38.
- Балл Г.А. Рациогуманистическая ориентация в анализе этической и этико-психологической проблематики // Горизонты образования. Севастополь, 2009б. № 1. С. 7–26.
- Балл Г.А. Выбор в жизни человека как предмет системологического и психологического анализа // Мир психологии. 2010. № 1. С. 32–41.
- Балл Г.А. Категория гармонии в разработке человековедческих проблем // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 ч. Ч. 1. М., 2016.
- Балл Г.А. К анализу предпосылок теории этических систем В. Лефевра // Биоэтика науки та технологій: проблеми та рішення: Матеріали V Міжнародногосимпозіуму з біоетики. Київ, 2008.
- Балл Г. О. Раціогуманістична орієнтація в аналізі розв'язування ціннісних колізій // Актуальні проблеми психології. Т. 11. «Психологія особистості. Психологічна допомога особистості». Вип. 7. Ч. 1 / Гол. ред. С. Д. Максименко. Київ, 2013а. С. 25–37.
- Балл Г. Раціогуманістична орієнтація в опрацюванні етико-психологічних проблем // Професійна освіта: педагогіка і психологія: Польсько-український щорічник / За ред. Т. Левовицького, І. Вільш, І. Зязюна, Н. Ничкало. Київ, 2013б. С. 19–33.
- Балл Г. О. Раціогуманістичний підхід до визначення засад ціннісно налаштованої соціальної поведінки // Психологія і суспільство. 2015. № 2 (8). Ч. 2. С. 6–22.

The foundations of axiologically oriented social behavior in the ethical-psychological works of Georgy Ball

O. Zavorodnya (Kyiv)

Doctor of psychological Science, leading researcher of Institute of psychology named after G. S. Kostiuk, NAPS Ukraine

The article is devoted to the consideration of ethical-psychological problems in the works of Georgy Ball. Disclosed important theoretical achievements of the scientist in this context, namely: definition of the categories of good and evil, analysis of the problems of identifying good and evil, analysis of manifestations of the interconnection of good and evil, their ontological inseparability, formulation of an universal moral guidelines, which corresponds to the ratio-humanistic approach, definition of the required properties of person who doing good, analysis of contradictoriness of normative regulation of behavior and of the complexity of value conflicts, justification of impropriety and irrationality of maximalist approach to solving that conflicts. On the basis of the achievements of the scientist were formulated directions, trends and prospects of the study of ethical-psychological problems.

Keywords: Georgy Ball, ethical-psychological ideas, ratio-humanistic approach, types of norms, value conflicts, moral maximalism, development prospects.

Первые опыты психофизиологических исследований человека в условиях воздушного полета

Н. Е. Казакова (Москва)

кандидат психологических наук, доцент, проректор по развитию, Международный институт качества бизнеса; e-mail: aloyf@rambler.ru

Статья посвящена начальному этапу становления физиологических и психологических исследований человека в состоянии полета. В работе рассматриваются условия и предпосылки зарождения летающих лабораторий психофизиологического профиля, первые российские опыты исследования психофизиологического состояния человека в условиях полета. Анализируется начальный период становления авиационной психофизиологии от первого научного полета 1804 г. до конца XIX в. Источниками исследования послужили архивные документы, публикации и историко-психологические исследования в области авиационной психологии, труды К. К. Платонова. Особое внимание уделяется отдельным личностям – энтузиастам авиации: Я. Д. Захарову, М. А. Рыкачёву, С. П. Мунту, внесшим значительный вклад как в развитие воздухоплавания, так и в становление авиационно-психологических исследований.

Ключевые слова: история психологии, история психофизиологии, летающая лаборатория психофизиологического профиля, авиационная психология, авиационная психофизиология, история авиационной психофизиологии, экспериментально-психологические исследования.

Некоторые современные исследователи начинают историю создания летающих лабораторий психофизиологического профиля со второй половины XX столетия – с работ Константина Константиновича Платонова над самолетами-лабораториями в то время, когда он возглавлял отдел Экспериментальной психологии Научно-исследовательского испытательного института авиационной медицины (НИИИАМ) ВВС (1947–1959). На наш взгляд, это мнение глубоко-

ко ошибочно. Огромный вклад Платонова в развитие и внедрение самолетов-лабораторий и проведение на их основе научных исследований в области авиационной психологии неоспорим. Но историю возникновения летающих лабораторий психофизиологического профиля следует начинать гораздо раньше – с начала XIX столетия.

Устойчивый интерес к проблеме влияния на организм и психику человека высоты, состояния полета, нахождения в различных слоях атмосферы появился одновременно с возникновением воздухоплавания. Стремление к изучению этих явлений реализовывалось сначала в фиксации своих состояний самими воздухоплавателями, затем – в оснащении летательных аппаратов различными приборами, в том числе регистрирующими, а позднее – в возникновении собственно летающих лабораторий, позволяющих экспериментально исследовать физиологическое и психологическое состояние человека в полете.

Исторически первый полет с сугубо научными целями был совершен на воздушном шаре 30 июня 1804 г. российским профессором химии, академиком Яковом Дмитриевичем Захаровым. Полет был организован по инициативе Петербургской академии наук и совершен совместно с бельгийцем Г. Р. Робертсоном, являвшимся пилотом воздушного шара. На Робертсоне лежали обязанности управления воздушным шаром, сохранения высоты, сбрасывания балласта. Научная программа полета разрабатывалась совместно с академиком Т. Е. Ловицем и была весьма обширной. Перед исследователем стояли задачи «узнать с большею точностью о физическом состоянии атмосферы и о составляющих ее частях», а также сделать «некоторые замечания на влияние и перемены, какие разжиженный воздух над человеком производит... и некоторые другие Физические и Химические опыты» (цит. по: Воздухоплавание и авиация в России..., 1956, с. 323). Оборудование шара являлось для того времени весьма совершенным. Специально для полета Я. Д. Захаров изобрел и успешно применил прибор «путеуказатель» для показания изменений направления полета шара. Кроме того, на шар были доставлены: 12 склянок с кранами в ящике с крышкой; барометр с термометром; термометр; два электрометра с сургучом и серой; компас и магнитная стрелка; секундные часы; колокольчик; рупор; хрустальные призмы; известь негашеная и некоторые другие вещества для физических и химических опытов; клетка с чижами и приборы для наблюдений за поведением и состоянием птиц на большой высоте; зрительная труба для определения местонахождения в полете.

На максимальной высоте подъема шара (примерно 2550–2600 м) Я. Д. Захаров параллельно с выполнением физических опытов про-

водил наблюдения за своим организмом, фиксировал частоту пульса и дыхания: «Пульс был в минуту столько же раз, как и на земле, именно 82 раза, дыхание было у меня... 22 раза в минуту...» (там же, с. 35). На высоте 1770 м были проведены эксперименты со звуком. Самонаблюдение собственного психологического состояния и фиксация физиологических показателей позволили Захарову сделать вывод о наличии у него состояния спокойствия; единственный выделенный им негативный факт – заложенность ушей (там же, с. 34–36).

Всего воздушный шар находился в воздухе в течение 3 часов 45 минут и пролетел 60 верст. Результаты своих наблюдений и опытов Яков Захаров изложил в «Рапорте о полете», опубликованном частично в «Санкт-Петербургские ведомостях», а также в «Мемуарах Академии». Несмотря на то, что Д. И. Менделеев назвал этот полет «первым чисто метеорологическим поднятием» (Менделеев, 1946, с. 252), сам Захаров видел значение полета прежде всего в «наблюдении [над. – Н. К.] самим собою, над электрическим веществом и магнитом...» (цит. по: Воздухоплавание и авиация в России..., 1956, с. 36). Таким образом, полет Я. Д. Захарова 30 июня 1804 г. можно считать первым прототипом «летающей лаборатории», положившим начало исследованиям человеческого организма в условиях полета, логически приведшим впоследствии к развитию авиационной психофизиологии.

Долгое время после полета Захарова подъемы на воздушном шаре носили исключительно увеселительный или коммерческий характер. Подготовка их не всегда должным образом соответствовала сложности полета и метеорологическим условиям планируемого путешествия. Так, в истории авиационной психофизиологии имеется «Подробное описание воздушных путешествий Берга и Леде, совершенных ими из Москвы в 1847 году». Данный документ интересен тем, что в нем представлено подробное описание Вильгельмом Бергом своего психологического состояния во время полета, зафиксированное как в письменном виде непосредственно в воздухе, так и в его интервью сразу после приземления. По воспоминаниям Берга, «он летел все выше и выше, ночное небо было мрачно, лишь яркие звезды, блиставшие гораздо яснее, чем с земли, освещали неведомый путь. Воздухоплавателем овладела робость, которая перешла в совершенное отчаяние, когда чрезмерный холод высших слоев атмосферы, несмотря на теплую одежду, окостенил его члены, а изреженный воздух выгнал кровь из носа, ушей и рта. Дыхание становилось трудным, шея распухла, кожа на голове до того отекала, что шерстяная шапка его сделалась ему тесна, глаза налились кровью, и зрение так было мерцающе, что походило на состо-

яние опьянения»¹ (Подробное описание воздушных путешествий..., 1847, с. 41). Как показал опыт последующих подъемов и наблюдений за состоянием человеческого организма в полете, описания В. Берга не соответствовали действительности; он сильно драматизировал события с целью вызвать интерес к полетам у публики.

Через 20 лет, 9 мая 1868 г., вместе с В. Бергом на аэростате поднялся крупный российский ученый Михаил Александрович Рыкачёв – основатель синоптики, гидрометеоролог, генерал российского флота, директор Главной физической обсерватории. М. А. Рыкачёв поднимался в воздух на воздушном шаре несколько раз: дважды в 1868 г. (на высоту 1200 м и 1570 м) и в 1873 г. (достигнув высоты 4046 м). Помимо изучений атмосферных явлений, он исследовал влияние высоты на органы чувств, изучал видимость и слышимость в воздухе, а по возвращении описал свое эмоциональное состояние, охарактеризовав его как «величайшее удовольствие в жизни» (Рыкачёв, 1868; Платонов, Лавников, 1957).

В конце XIX в. проблема психологического состояния человека в полете привлекает все большее внимание ученых (М. А. Рыкачёв, Д. И. Менделеев, Н. А. Арндт, С. П. Мунт). Обосновывается необходимость учета человеческого фактора при конструировании летательных аппаратов, а также всестороннего изучения проявлений и возможностей человеческого организма в условиях полета.

Для разработки теоретических вопросов воздухоплавания, организации и руководства полетами при Императорском Русском техническом обществе 20 декабря 1880 г. был создан Воздухоплавательный (VII) отдел, положивший начало систематическим исследованиям во всех областях науки, связанных с летной деятельностью, в том числе и в области авиационной медицины, психологии и психофизиологии. Первым председателем отдела был избран М. А. Рыкачёв. Он неоднократно оказывал поддержку тем, кто занимался вопросами воздухоплавания – Н. Е. Жуковскому, А. Ф. Можайскому, К. Э. Циолковскому. Известно, что, М. А. Рыкачёв оказывал содействие К. Э. Циолковскому при проведении его опытов по сопротивлению воздуха, Н. Е. Жуковскому – в создании первого в Европе Аэродинамического института в Кучино. В 1882 г. М. А. Рыкачёв дал первое в истории описание профессионально важных психологических характеристик авиатора: «Управление шаром требует... быстроты соображения, распорядительности, сохранения присутствия духа, осмотрительности, внимательности, ловкости». По мнению авторитетных психологов XX в., это была первая профессиограмма

1 Сохранена орфография автора. – Н. К.

пилота-воздухоплатателя (цит. по: К истории отечественной авиационной психологии..., 1981, с. 24).

С Воздухоплатательным отделом была связана и деятельность врачей. Так, с ним тесно сотрудничал известный российский общественный деятель, врач, демограф, статистик, редактор (1897–1903) журнала «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины» Василий Ильич Гребенщиков. По данным Отчета о деятельности VII отдела Русского технического общества, в 1890 г. им был сделан доклад на тему «О подании первой помощи в несчастных случаях во время воздушных полетов», в 1891 г. – доклад «Врачебные советы воздухоплатателям», где был обобщен накопленный к тому времени опыт по медицинскому обеспечению полетов на воздушном шаре. Доклад впоследствии был полностью опубликован в «Записках Императорского Русского технического общества» (см.: Воздухоплатание и авиация в России..., 1956; Гребенщиков, 1891).

16 февраля 1885 г. в Петербурге на Волковом поле была создана отдельная воинская часть «Кадр военных воздухоплатателей», которая проводила военные учения с использованием аэростатов и занималась подготовкой военных воздухоплатателей. Решением Военного Совета от 27 апреля 1890 г. эта команда была преобразована в Учебный воздухоплатательный парк.

Впоследствии Учебный воздухоплатательный парк стал военным и научным центром, сыгравшим огромную роль в становлении российского военного воздухоплатания и подготовке квалифицированных военных кадров пилотов-воздухоплатателей.

Именно в Учебном воздухоплатательном парке военный врач Сергей Петрович Мунт в 1897–1899 гг. начал проводить специальные физиологические и психологические исследования в полете на специально оборудованном для этого воздушном шаре. Первые опыты Мунта были проведены методом наблюдения над собой и пилотами-воздухоплатателями. С разрешения командира Учебного воздухоплатательного парка 10 июля 1897 г. Мунт впервые поднялся в воздух с целью выяснения «влияния воздухоплатания на отправление организма человека». Целью исследования было выяснение ряда физиологических изменений, происходящих в человеческом организме в воздухе на высоте. Для проведения исследований шар был оснащен специальным оборудованием, причем часть его была специально разработана для осуществления опытов в условиях полета. В программу изучения входили выявление и фиксация следующих физиологических показателей: жизненной емкости легких; числа дыхательных движений; силы кровяного давления; ритма

и частоты пульса; силы вдоха и выдоха; состава крови; объема газосодержащих полостей (груди и живота); силы мышц произвольного движения; тактильной и болевой чувствительности; электрической реакции мышц; внутренней температуры тела.

Команда воздухоплателей поднялась на высоту 1200 м. Исследования проводились на всех трех членах экипажа воздушного шара. Были получены следующие результаты: жизненная емкость легких с поднятием шара постепенно уменьшается; сила вдоха и выдоха слегка увеличивается; кровяное давление при быстром поднятии шара весьма значительно возрастает; сила мышц произвольного движения уменьшается; внутренняя температура тела падает. Было также установлено, что с постепенным поднятием шара у участников полета «отмечались явления возрастающей психической инертности и потеря боязни высоты». С. П. Мунт высказал предположение, что во многих случаях катастрофы воздухоплавания имеют в своей основе не технические неисправности, а человеческий фактор. Сделан обоснованный вывод о том, что изучение «комплекса явлений, отзывающихся на организме человека в связи с кислородным голоданием, охлаждением окружающей температуры, изменением атмосферного давления, влажности, электрического потенциала и других метеорологических явлений», представляет огромный интерес не только в научном отношении, но и как фактор обеспечения безопасности полетов. В дальнейшем программа исследований была расширена. В нее вошли вопросы, касающиеся физического состояния будущих пилотов, реакции организма на высоту подъема и скорость летательного аппарата, последствий воздухоплавания для организма человека, пригодности личности к полету, причин увечий и болезней в воздухоплавательных частях (см. К истории отечественной авиационной психологии..., 1981, с. 32–34).

Взросший интерес к проблеме психологического обеспечения полетов иллюстрирует также тот факт, что в это время к ее рассмотрению обращаются психологи. В 1898 г. в Московском психологическом обществе был заслушан доклад «Логика воздухоплавания», сделанный известным общественным деятелем Д. Н. Церетелевым. И хотя доклад не сохранился и, по мнению современников, не оказал заметного влияния на развитие авиационной психологии, показателен сам факт вынесения данной проблемы на обсуждение психологического сообщества.

В 1898–1899 гг. продолжались полеты-исследования С. П. Мунта и его команды. Командующий Учебным воздухоплавательным парком А. М. Кованько активно поддерживал научные опыты С. П. Мунта и обращался в Главное инженерное управление с просьбой раз-

решить проведение ряда полетов с целью продолжения научных исследований. В дальнейшем С. П. Мунт неоднократно выступал с лекциями и докладами о влиянии воздухоплавания на организм.

В газете «Народ» 5 февраля 1899 г. статья, посвященная докладу С. П. Мунта, заканчивалась следующими словами: «Нам особенно приятно отметить еще раз, что все эти исследования так широко и основательно поставлены впервые у нас в России; за границей пока еще ничего подобного нет, но несомненно, что и там, вероятно, скоро последуют нашему примеру и обратят на этот вопрос серьезное внимание» (цит. по: К истории отечественной авиационной психологии..., 1981, с. 38). Таким образом, работа, проводимая коллективом исследователей под руководством С. П. Мунта, ценна как первая осознанная попытка создания летающей лаборатории для изучения человека в условиях полета.

Сам факт наличия на летательных аппаратах (воздушных шарах) специального оборудования для проведения исследований в реальном полете дает нам основания считать, что данные опыты явились первыми примерами изучения физиологических и психологических изменений состояния организма человека в условиях реального воздушного полета, а указанные летательные аппараты – первыми лабораториями психофизиологического профиля.

Литература

- Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.: Сборник документов и материалов / Под ред. В. А. Попова. М., 1956.
- Гребенщиков В. И. Врачебные советы воздухоплателям. Сообщение доктора Гребенщикова VII отдел // Записки Императорского Русского Технического общества. СПб., 1891. Т. 25. С. 44–47.
- Захаров Я. Д. Рапорт Академии Наук академика о полете 30 июня 1804 г. // Технологический журнал. СПб., 1807. Т. IV. Ч. 2. С. 132–153.
- К истории отечественной авиационной психологии: Документы и материалы / Под ред. К. К. Платонова. М., 1981.
- Менделеев Д. И. О температурах атмосферных слоев // Менделеев Д. И. Соч. Т. 7. 1946.
- Платонов К. К., Лавников А. А. Материалы из прошлого отечественной авиационной медицины. М., 1957.
- Подробное описание воздушных путешествий Берга и Леде, совершенных ими из Москвы в 1847 году. М., 1847.
- Рыкачёв М. А. Плавание в воздушном шаре // Санкт-Петербургские ведомости. 14 (26) мая 1868 г. № 130.

Рыкачёв М. А. О качествах, необходимых для воздухоплавателя // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1882. Т. VII. Кн. II. С. 30.

The first experiences of psychophysiological researches of the person in the conditions of air flight

N. E. Kazakova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, associate professor, vice-rector for development of International institute of quality of business

Article is devoted to the initial stage of formation of physiological and psychological researches of the person in a condition of flight. In work conditions are considered and prerequisites of origin flying laboratories of a psychophysiological profile the first Russian experiences of carrying out researches of reactions to the changes happening to an organism in air at height understand. The initial stage of formation of aviation psychophysiology from the first scientific flight of 1804 until the end of the 19th century is analyzed. Archival documents, publications and historical and psychological researches in the field of aviation psychology, works were sources of a research of K. K. Platonov. Special attention is paid to individuals – enthusiasts of aeronautics: to Y. D. Zakharov, M. A. Rykachev, S. P. Munt, page which has made the significant contribution both to aeronautics development, and to formation of aviapsychological researches.

Keywords: psychology history, psychophysiology history, the flying laboratory of a psychophysiological profile, aviation psychology, aviation psychophysiology, history of aviation psychophysiology, experimental and psychological researches.

Становление экспериментального подхода в отечественной психологии конца XIX–начала XX века¹

В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, заместитель директора
по науке Института психологии РАН; e-mail: fotus@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного
университета; e-mail: yurii03@mail.ru*

Рассматривается история становления экспериментальной психологии в России. Выделяются условия и факторы, способствовавшие применению экспериментальных методов в изучении психических явлений. Дан анализ и обоснование особенностей трактовки возможностей и границ применимости эксперимента в изучении психики человека в понимании русских психологов. Подчеркивается важная роль методологической позиция исследователя, проявляющаяся и в постановке исследовательской задачи, и в организации самого эксперимента, и в объяснении полученных на его основе результатов. Обосновано своеобразие экспериментального подхода к отечественной психологии, обозначены традиции, которые были заложены в трудах ученых-экспериментаторов на ранних этапах развития отечественной экспериментальной психологии и получили дальнейшее развитие в истории психологической науки в нашей стране.

Ключевые слова: отечественная психология, эксперимент, экспериментальная психология, В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский.

Становление отечественной психологии как самостоятельной отрасли знания, с одной стороны, было обусловлено общими тенденциями развития мировой психологической мысли, необходимостью повышения ее результативности, перехода от описательной

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10857а.

методологии исследования психических явлений к объяснительной и доказательной, и в этом смысле в ней воплощались универсальные закономерности развития науки. С другой стороны, оно осуществлялось в конкретных социально-исторических условиях, в контексте традиций, накопленных в культурной жизни и интеллектуальной сфере России, чем определялась специфика отечественной психологии как научной школы-направления в рамках мировой психологической науки.

Взаимодействие указанных тенденций ярко проявляется при изучении истории возникновения экспериментального подхода в русской психологии. Известно, что большое влияние на развитие русской психологии конца XIX–начала XX вв. оказали идеи В. Вундта, Г. Эббингауза, Г. Гельмгольца и других известных европейских ученых того времени. Многие русские ученые (В. М. Бехтерев, Н. Н. Ланге, А. П. Нечаев, В. Ф. Чиж и др.), ставшие впоследствии создателями первых психологических экспериментальных лабораторий в России, прошли стажировку и обучение психологическому экспериментированию в лаборатории В. Вундта.

Наряду с этим, возникновение в России психологической науки, базирующейся на эксперименте, было подготовлено развитием комплекса наук, в первую очередь естествознания, вооружившего психологию объективными методами исследования. При этом особенностью естествознания в России было его традиционное тяготение к материалистическому мировоззрению. Идеи философского материализма А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других русских просветителей нашли предметно-научное воплощение в трудах многих наших выдающихся естествоиспытателей. Наиболее последовательно они были выражены И. М. Сеченовым, с именем которого связано начало научного этапа в познании психического в русской психологии. В работах Сеченова дано материалистическое объяснение природы психических явлений, показана их отражательная и регулятивная роль в жизнедеятельности организма. Им была разработана программа развития психологии как экспериментальной науки, выдвинута и глубоко обоснована идея объективного изучения психики (Кольцова, Ждан, 2015).

В отличие от Вундта, рассматривавшего психику как непосредственный (внутренний) опыт, не зависящий от внешних воздействий и познаваемый методом самонаблюдения, Сеченов отстаивал идею детерминистического объяснения психических явлений, их обусловленности внешним миром. Соответственно, адекватным, отвечающим задачам построения научной психологии он считал объективный естественнонаучный метод (Сеченов, 1947). Именно

на основе материалистической программы Сеченова, его рефлексивной теории психической деятельности осуществлялось становление русской психологии конца XIX–начала XX гг. как экспериментальной науки.

Значительный вклад в утверждение объективного метода в психологии, критику интроспекционистского подхода внесли организаторы первых русских экспериментальных психологических лабораторий: В. М. Бехтерев, Н. Н. Ланге, А. Ф. Лазурский, С. С. Корсаков, А. А. Токарский и др. Наиболее последовательно идея экспериментального пути развития психологии была выражена Бехтеревым. Уже в одной из первых своих психологических работ «Сознание и его границы» (1888), анализируя результаты экспериментально-психологических исследований, выполненных в созданной им в Казани первой в России экспериментальной психофизиологической лаборатории, он отмечает, что «было бы совершенно бесплодно еще раз обращаться в этом вопросе к методу самонаблюдения. Только экспериментальным путем можно достичь, возможно, точного и обстоятельного решения вопроса» (Бехтерев, 1888, с. 15).

Определяя задачи объективной психологии, Бехтерев писал, что для нее «всякий организм не в одних только своих основных жизненных процессах, изучаемых физиологией, но и во всех своих внешних отношениях к окружающему миру, в основе которых лежат нервно-психические процессы, есть объект, который подлежит строгому научному обследованию, как и всякий другой объект внешнего мира» (Бехтерев, 1907, с. 22).

Идею экспериментального пути развития психологии активно отстаивал Н. Н. Ланге, связывавший с этим превращение психологии в точную науку, что было блестяще подтверждено на примере его собственных экспериментальных исследований (Ланге, 1893).

Обосновывая возможности экспериментального метода, А. Ф. Лазурский проводит его сопоставление с методом «чистого самонаблюдения». Он указывает, что в условиях самонаблюдения субъект является одновременно и наблюдаемым, и наблюдателем, что нередко приводит к неосознанным ошибкам в оценке его собственных переживаний, создает почву для произвольных толкований и фальсификаций результатов самонаблюдения (Лазурский, 1912). В отличие от этого эксперимент «разделяет исследователя от исследуемого, наблюдателя от наблюдаемого. При экспериментальном исследовании есть *экспериментатор* – лицо, которое должно решать известные психологические вопросы, вырабатывать методы постановки для решения этого вопроса и ставить самый эксперимент; от него совершенно отдельно другое лицо – *испытываемый*,

который только должен отвечать на поставленные ему вопросы» (там же, с. 11). Второе важное преимущество эксперимента заключается, по мнению Лазурского, в открывающейся возможности количественного анализа явлений, подсчета и измерения: «...прежние психологи, пользовавшиеся чистым самонаблюдением, не могли даже и думать, что в психической жизни можно что-нибудь измерить и подсчитать; между тем... при экспериментальном методе исследования мы можем пользоваться подсчетом» (там же). Это, в свою очередь, позволяет не только исследовать те или иные психические процессы, но и определять их особенности у разных испытуемых, т. е. открывает путь для развития дифференциально-психологических исследований. Наконец, в отличие от чистого самонаблюдения, при котором человек «не может изменять своих психических процессов, а должен наблюдать их в том виде, в каком они ему представились», в экспериментальных условиях посредством варьирования условий проведения эксперимента, использования различного стимульного материала «исследователь может видоизменять явления и этим путем ближе и детальнее изучает их» (там же).

Однако введение эксперимента не означало автоматического утверждения объективного подхода. Как отмечал Бехтерев, «эксперимент может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента» (Бехтерев, 1907, с. 12–13). Подтверждением тому является позиция одного из лидеров отечественной психологии конца XIX–начала XX в. Г. И. Челпанова. Являясь основателем Психологического экспериментального института в Москве, одного из центров экспериментальных исследований в нашей стране в тот период времени, автором ряда статей по вопросам психологического эксперимента и книги «Введение в экспериментальную психологию», Челпанов объективно способствовал пропаганде и развитию экспериментального метода в психологии. Вместе с тем в оценке эксперимента, его роли и функции как метода исследования психических явлений, Челпанов являлся последовательным сторонником В. Вундта, рассматривая эксперимент лишь как условие улучшения интроспекции, доказывая, что значение экспериментального метода в психологии крайне незначительно и не с ним связано ее дальнейшее развитие.

Таким образом, критерием объективности научного метода, в том числе эксперимента, является, прежде всего, методологическая позиция исследователя, проявляющаяся и в постановке исследовательской задачи, и в организации самого эксперимента, и в объяснении полученных на его основе результатов.

Характерно то, что с самого начала эксперимент в отечественной психологии рассматривался не как основание для выделения отдельного научного направления в рамках психологии – экспериментальной психологии – а как метод, включающийся во все сферы и области психологического знания. В этом отношении представляет интерес заявление студентов Санкт-Петербургского университета 1907 г. «О расширении преподавания психологии в Университете», в котором отмечается позитивная роль психологического эксперимента в обеспечении «точности и доказательности исследования» и вместе с тем указывается, что экспериментальная психология «не составляет особого отдела общей психологии, а понимается лишь как особый метод, с помощью которого может разрабатываться любой отдел психологии» (Заявление, внесенное группой студентов..., 1907, с. 4).

Об этом же пишет А. Ф. Лазурский в предисловии к книге «Общая и экспериментальная психология»: «Особой „экспериментальной психологии“ нет и не может быть, так как эксперимент есть лишь метод, который можно применять в любом из отделов психологии» (Лазурский, 1912, с. 47).

Важной характеристикой экспериментального подхода в русской психологии является *тесная связь эксперимента с теорией*, их диалектическое единство, проявляющееся практически на всех этапах ее развития.

Следует отметить, что принцип единства теории и эксперимента уже на первых этапах развития психологической науки в нашей стране был дополнен еще одной составляющей – практикой. В этом отношении представляют интерес следующие слова В. М. Бехтерева: «То, что вырабатывается в кабинетах и лабораториях, применяется затем у кровати больного и, с другой стороны, то, что наблюдается у кровати больного, служит предметом лабораторных исследований» (Бехтерев, 1893, с. 11). Здесь еще в не оформившемся окончательно виде получил отражение принцип единства теории, эксперимента и практики, являющийся в настоящее время одним из ведущих методологических принципов психологической науки (Ломов, 1984). В деятельности создателей и руководителей первых экспериментальных психологических лабораторий указанный принцип последовательно реализовывался; их научная деятельность формировалась под непосредственным воздействием запросов практики и была ориентирована на решение конкретных практических задач.

Важным был вопрос о *границах или области использования эксперимента в психологии*. В отличие от В. Вундта, считавшего, что пред-

метод психологического эксперимента могут быть лишь элементарные психические процессы, русские ученые-экспериментаторы практически доказали возможность использования эксперимента не только в исследовании различных психических процессов (восприятия, памяти, мышления), но и в изучении целостной личности, а также социально-психологических явлений. Усложнение предмета экспериментально-психологического анализа сопровождалось совершенствованием экспериментальных методов, поиском новых приемов и процедур исследования. Так, задачи экспериментально-психологического изучения личности привели к разработке А. Ф. Лазурским метода естественного эксперимента (Лазурский, 1918), позволяющего выделить и исследовать психологические характеристики личности в условиях деятельности, к использованию в трудах В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского и др. генетических методов исследования психики. Изучение влияния коллектива на личность и попытка экспериментального изучения социально-психологического взаимодействия в группах обусловили создание специальных исследовательских методов в области коллективной рефлексологии (Бехтерев, 1925).

Заслугой отечественной школы психологии было то, что она опиралась на целостное представление об объекте исследования, стремилась дать его комплексное и системное описание. «Пионером» в этой области был В. М. Бехтерев, впервые выдвинувший, теоретически обосновавший и реализовавший в экспериментальных исследованиях принцип целостного изучения человека. Рассматривая человека как целостную, сложно организованную систему, включающую в себя ряд иерархических уровней, представленных соматическими, физиологическими и психическими явлениями, Бехтерев искал методические средства изучения этой сложноструктурной целостной организации. Это привело к использованию в его исследовательской деятельности метода широкого и многоуровневого сравнительного анализа данных, характеризующих различные проявления человека как в норме, так и в патологии, как в экспериментальных условиях, так и в клинических исследованиях, как в ситуации индивидуальной, так и групповой деятельности, а также к выявлению специфики психических характеристик человека в отличие от животных, особенностей разных возрастных этапов в его развитии и т. д.

Проведенный анализ позволил подтвердить своеобразие экспериментального подхода к отечественной психологии, выделить те традиции, которые были заложены в трудах ученых-экспериментаторов на ранних этапах развития отечественной эксперименталь-

ной психологии и получили дальнейшее развитие в истории психологической науки в нашей стране.

Литература

- Бехтерев В. М.* Сознание и его границы. Отд. оттиск. Казань, 1888.
- Бехтерев В. М.* О современном развитии неврологических знаний и значении в этом развитии научных обществ // *Неврологический вестник*. 1893. Т. 1. С. 1–13.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология. СПб., 1907. Вып. 1.
- Бехтерев В. М.* Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии // *Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы*. Л.–М., 1925. С. 306–337.
- Заявление, внесенное группой студентов в Совет профессоров Санкт-Петербургского университета. Оттиск. СПб., 1907.
- Естественный эксперимент и его школьное применение* / Ред. А. Ф. Лазурский. Пг., 1918.
- Кольцова В. А.* К 100-летию лаборатории В. М. Бехтерева в Казани // *Психологический журнал*. 1985. Т. 6. № 2. С. 9–18.
- Кольцова В. А., Ждан А. Н.* Рефлексы головного мозга И. М. Сеченова – манифест русской объективной психологии // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 2. С. 70–77.
- Лазурский А. Ф.* Общая экспериментальная психология. СПб., 1912.
- Ланге Н. Н.* Психологические исследования. Одесса, 1893.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Formation of the experimental approach in the Russian psychology of the late XIX–early XX century

*V. A. Koltsova**, *Yu. N. Oleynik*** (Moscow)

** Doctor of psychological Sciences, professor, deputy Director for science of Institute of Psychology of RAS*

*** Candidate of psychological Sciences, associate professor, head of the department of General psychology and history of psychology of Moscow university for the humanities*

The history of the development of experimental psychology in Russia is considered. Conditions and factors favoring the application of experimental methods in the study of psychic phenomena are singled out. The analy-

sis and substantiation of the features of interpretation of the possibilities and limits of the applicability of the experiment in the study of the human psyche in the understanding of the Russian psychologist are given. The important role of the methodological position of the researcher, which manifests itself both in the formulation of the research task, in the organization of the experiment itself, and in explaining the results obtained on its basis, is emphasized. The originality of the experimental approach to domestic psychology is substantiated, the traditions that were laid down in the works of experimental scientists at the early stages of the development of Russian experimental psychology and are further developed in the history of psychological science in our country

Keywords: domestic psychology, experiment, experimental psychology, V. M. Bekhterev, A. F. Lazurskiy, N. N. Lange.

Идеал как компонент направленности личности в представлениях современной российской молодежи¹

А. Ю. Королёва (Москва)

*аспирант Государственного академического университета
гуманитарных наук; e-mail: alexandra1036@list.ru*

В статье описаны результаты исследования представлений современной молодежи об идеале, в котором принимали участие выпускники школы и студенты 1–2 курсов университета. Важным выводом является то, что современные молодые люди в своем большинстве наделяют идеал нравственной характеристикой. Фактор внешности занимает не самое главное место в оценке идеала, но все же является очень важным, особенно вследствие активного влияния СМИ и рекламы на современную молодежь. Среди тех, кто считает идеалом страну, не нашлось ни одного упомянувшего Россию, что свидетельствует об утере национального духа.

Ключевые слова: идеалы, смысловое поле представлений, российская молодежь, нравственный идеал, эталон.

Постановка проблемы

В конце XIX–начале XX в. было положено начало систематическим исследованиям идеалов молодого поколения России, и с тех пор проблема идеала вновь и вновь возникает в поле зрения психологической науки в силу ее вневременной актуальности. Современное российское общество страдает от несформированности ценностной системы, сложности формулирования положительных примеров для подражания и поддержания морально-нравственной основы, в связи с чем тема идеалов становится особенно важной.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

Интерес к проблеме идеалов прослеживается на протяжении длительного периода развития научной мысли. Ее значение для правильного развития человека и всего общества многие отмечают отечественные психологи, педагоги и философы – Г. Э. Ахтямова, Т. Ф. Богданова, Л. И. Божович, М. И. Воловикова, З. И. Гришанова, М. И. Дробжев, Л. Ю. Дукат, М. Г. Казакина, С. Г. Крантовский, Г. С. Лабковская, А. А. Микаберидзе, М. И. Никитинская, Л. М. Николаева, А. И. Новосельцева, А. В. Осипов, М. С. Паськова, В. А. Ракша, Л. Е. Раскин, С. Л. Рубинштейн, Н. А. Рыбников, З. Г. Сафонова, Т. П. Соболева, Э. Д. Степанова, Н. И. Судаков, В. А. Сухомлинский, Н. Ф. Яковлева и др., а также зарубежные ученые – Э. Мейман, М. Лобзин, П. Фридрих, А. Рихтер, С. Холл и др.

Направленность личности, рождаясь в деятельности и обуславливая ее (взаимосвязанный процесс), является динамической силой, проявляющейся в потребностях (влечениях и желаниях), интересах и идеалах. Являясь высшим компонентом направленности личности, идеалы выступают важнейшей частью регулирования жизнедеятельности человека. Психология преследует цель объяснения поведения человека и функционирования его психики; идеалы, в свою очередь, играют существенную роль в их исследовании (С. Л. Рубинштейн). Изучение идеалов является частью решения корневой проблемы психологии о социальной регуляции поведения человека.

Что же понимается под идеалом? Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные и в этом смысле –привлекательные человеческие черты; образ, который служит образцом (Рубинштейн, 1973, с. 422).

Еще с античных времен философы пытались раскрыть понятие идеала, дать его определение. Такие поиски встречаются в работах Августина, Аристотеля, Конфуция, Платона, Г. Гегеля, И. Гете, И. Канта, Ф. Ницше, Л. Фейербаха, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Ф. Шиллера, К. Маркса и Ф. Энгельса и др., а также у психологов – Г. Спенсера, З. Фрейда, К. Юнга, С. А. Ананьина, Л. М. Архангельского, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьева, Ю. П. Петрова, Н. С. Познанского, С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе, Г. Г. Шпета и др.

Существует много точек зрения на то, что представляет собой идеал, может ли он существовать в реальности в виде конкретного человека, или же это некий несуществующий образ, абстрактное понятие, идея, мечта, воплощение нравственности.

Важным представляется выявление того, как трактуется идеал современным человеком. Особое внимание при этом всегда уделялось изучению идеалов молодого поколения. Молодежь – наиболее динамическая часть общества, именно от того, какие идеалы она

продвигает и каким идеалам следует, зависит будущее нашей страны и народа в целом. Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время деформировано нормальное функционирование общественных механизмов передачи ценностей. В современной России, происходит разрыв между старшим и младшим поколениями, что ухудшает механизм передачи нравственных идеалов и ценностей молодежи. Эта проблема присутствовала уже в дореволюционной России. А. С. Изгоев, русский философ начала XX в. отмечал постепенную потерю связи между поколениями, указывая, что для нравственного развития ребенка огромное значение играет родительский пример и семейное воспитание. В такой ситуации душа ребенка отталкивается от души своих родителей, развивается как бы от противоположного (Изгоев, 1991).

В современное время главным каналом духовного влияния на молодежь оказываются не родители, не высокая культура и образовательные структуры, а средства массовой информации и коммуникации (Рачков, 2010), что не может не влиять на изменение традиционных и возникновение новых идеалов.

С. Г. Крантовский одним из первых заинтересовался вопросом, какое содержание вкладывают учащиеся в понятие «идеал», который определяется им как высшая цель деятельных устремлений человека (Крантовский, 1952, с. 7). Согласно его мнению, содержание этого понятия проходит длительный путь усложнения в ходе развития личности, конкретизируется и становится с возрастом более содержательным.

Многие исследователи отмечают, что в современный период проблеме идеала уделяется мало внимания, как в научных исследованиях, так и в реальном процессе воспитания и становления личности. Среди немногочисленных работ, посвященных этой теме, можно назвать исследования А. К. Дусавицкого и В. В. Загrevской, выполненные на студентах вузов (Загrevская, 2012; Дусавицкий, 1989).

Организация и методика исследования

Целью нашего исследования было выявление того, какое значение вкладывает современная молодежь в понятие идеала, с чем у нее он ассоциируется.

Выборку исследования составили учащиеся 11 классов и студенты 1–2 курса.

В исследовании использовалась *методика словесных ассоциаций*, нацеленная на выявление семантического поля представлений респондентов об идеале.

Результаты исследования

В ходе анализа полученных данных были выделены следующие группы. Большинство испытуемых связывают идеал с нравственными свойствами личности (23,3%). Нравственный идеал, по мнению Н. И. Судакова, можно отнести к числу наиболее существенных свойств личности (Судаков, 1970, с. 131). Это подтверждает характерная для российского менталитета трактовка идеала как нравственной категории. Этой мыслью пронизаны многие исследования отечественных авторов, уделявших особое внимание морально-нравственной составляющей идеала. Как мы видим, у современной молодежи отчетливо проявляется эта тенденция.

С. Л. Рубинштейн характеризует нравственный идеал как эмоционально окрашенный внутренне принятый человеком образ, который осуществляет регуляцию его поведения и является критерием для оценки поведения других (Рубинштейн, 1973). Согласно А. К. Дусавицкому, идеал – нравственный образец, эталон, выступающий мотивом преобразовательной деятельности субъекта (Дусавицкий, 1989). А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский, говоря о нравственном идеале, обозначают его как представление, достойное подражания, – образцовый человек, особенности его личности, поступков и построения отношений с другими (Петровский, Ярошевский, 2002). В работе С. А. Питта «Историческая динамика нравственных идеалов школьников в России» отмечается важное значение нравственных ориентиров в форме облика конкретного человека, воплощающего в себе наиболее ценимые подростком качества (Питт, 2001, с. 49). В выборе человека, которого подростки считают идеалом, представлены Епископ Динский из «Отверженных» В. Гюго, Будда, Иисус, Бог.

Вторую группу представлений об идеале занимает его трактовка как объекта поклонения (17%). Сюда были отнесены мужчина, женщина, страны, футбольная команда, эталон как общее понятие. Идеал – это образец, эталон, который помогает оценить свою собственную личность, а также личность других людей и в соответствии с этим строить свое поведение (Божович, 1968, с. 329).

Как выясняется, для некоторых такой образец может представлять не просто в облике конкретного человека, но и в виде страны или футбольной команды. В нашем исследовании к числу «эталонных» стран испытуемые отнесли Германию, Нидерланды, Данию, США, что говорит о европеизации российских ценностей и идеалов. Среди упоминаемых стран ни разу не встретилась Россия! Это указывает на глобальную проблему нашей страны, свидетельству-

ет о падении «русского духа», утрате исконно русских идеалов, гордости за свою страну, об отсутствии веры в ее силу.

Третье место занимает трактовка идеала как проявления мотивационно-потребностной сферы (15,4%). Фактически, идеал отражает тенденцию развития, ориентирует на достижение реальных результатов. И Кант и Г. Фихте отмечали, что идеал – это образец, который существует лишь в нашем воображении и мотивирует на самосовершенствование.

В противоречии между существующей действительности и идеальным образом, того какой эта действительность должна быть, раскрывается проблема идеала. Большая часть упоминаний, относящихся к этой категории была связана с добыванием денег и трудом, что является неотъемлемой частью современной жизни. Культ денег, так же как и «идолы личного успеха» (Плеханов, 2007, с. 151), теперь часто становятся целями достижений, мотивами поступков многих, определяют «социальную траекторию» их жизни. Можно отнести сюда выбор таких идеалов, как Максим Во (звезда Инстаграма), Джозеф Сагг (видеоблоггер), Монс Селмерлев (шведский актер, звезда Инстаграма) и практически все современные звезды кино и шоу-бизнеса, которых упоминают подростки в своих ответах.

Не меньшее внимание уделяется удовлетворенности и гармоничности существования, ассоциируемые современной молодежью с такими словами, как «тишина», «сон», «воздух», «природа», «молчание», «спокойствие», «отдых», «свет», «тепло», «гармония», «счастье», «смех», «надежда». По одному разу были упомянуты музыка, спорт, а также жизнь сама по себе. Среди ответов несколько раз был упомянут Будда, учение которого соответствует выбору именно такого поля представлений об идеале, а также Сократ.

Кроме того, выявлены представления об идеале как о некоей безупречности (10,8%). В эту категорию были включены такие характеристики идеала, как «совершенство», «вершина», «великолепие», «вдохновение», «восхищение», «безупречность», «возвышенность», «непревзойденный», «лучший», «отличный», «замечательный», «первый», «превосходный», «прекрасный». Представление о некоем совершенстве впервые появилось еще в античной культуре. Идея о совершенном человеке представлена в мифах и легендах о «полубогах» и античных героях. Платон говорил о божественном промысле, прообразе (который он считал идеалом) всех вещей материального мира. Августин видел прообраз совершенного человека в Иисусе Христе (в выборе молодежи встречается Бог, Иисус и пророк Мухаммед), а Конфуций считал таким человеком «совершенного мужа». Идеал есть концептуальное представление об итоговом совершенствовании.

нии человека в историческом контексте развития социума, пишет Г. Э. Ахтямова (Ахтямова, 2005, с. 14).

Внешности среди современной молодежи отводится достаточно много внимания (9,166%).

Но если среди российской молодежи внешность занимает важное место, но не является ведущей, то в исследовании Дж. Гиббонс, Р. Ритчера и Д. Уилли, которые изучали идеал противоположного пола для подростков (11–16 лет) в Гватемале, Исландии, Мексике и США, это качество идеала является преобладающим. Характеристики, которыми наделяют свои идеалы подростки, легковесны и пусты. Они считают, что идеальный человек должен иметь много денег, хорошо выглядеть, быть сексуальным (Gibbons, Richter, Wiley, 1996, с. 534). Трудно отрицать роль внешности в оценке идеала современной молодежью. СМИ диктуют обществу отнюдь не самые высокие идеалы, среди которых внешность занимает одну из главных позиций. Огромное влияние оказывает реклама в жизни современного общества. Как отмечает Ж. В. Чернова, она не просто играет свою роль в распространении товаров и услуг, но и влияет на мировоззрение, диктует стили жизни, мотивирует на соответствие заданному образцу (Чернова, 2003, с. 97). Современные СМИ культивируют образ физической привлекательности с помощью техники визуализации (Болохова, 2006, с. 69), что подтверждается частыми выборами идеала именно по этому критерию – Йен Сомерхолденер, Джейсон Стэтхэм, Анжелина Джоли, Тайлер Дерден и т. д.

Эту точку зрения подтверждают результаты современных исследований, касающихся идеала внешности в понимании молодых людей: исследование Н. Н. Бахтиной, Л. А. Гореловой (Бахтина, Горелова, 2008), которые ставили своей целью составить портрет идеала внешности девушек и молодых людей среди студентов УГТУ; работы М. В. Болохова, посвященные изучению физической привлекательности женщины (Болохов, 2006); изучение медиаобразов корпоративной мужественности Ж. В. Черновой, освещающие восприятие внешних качеств и аксессуаров мужчины, а не его внутренних качеств и др.

Примерно одинаково представлены определения идеала как проявления социально-психологических (7,916%), индивидуально-психологических и волевых (5,416%) качеств. К социально-психологическим качествам были отнесены социально-психологический статус, семья и дружба, причем слава, престиж, признание всеми, успех, которые связаны со статусом, упоминаются чаще семейных ценностей и дружбы, что подтверждается выбором в качестве идеала членов семьи, друзей, преподавателей. Как уже отмечалось ра-

нее и вновь подтвердилось в нашем исследовании, в современном российском обществе существует разрыв поколений; ценность семьи является далеко не самой важной для молодежи. Говоря об индивидуально-психологических и волевых качествах идеала, респонденты выделяли практичность, рациональность, разум, порядок, цель, стремление, целеустремленность, перфекционизм, уверенность, силу. (Персонификацией этих качеств выступают, по их мнению, Бертран Рассел – известный ученый и философ, воплощение разума и рациональности; «Железный человек» как воплощение силы и уверенности; Лавров – министр иностранных дел как воплощение ума и профессионализма.)

Выявлено также представление об идеале как о недостижимой мечте (5,416%). Идеал является мечтой, нереальным образом, который существует лишь в головах людей. Еще Кант сравнивал идеал с горизонтом, к которому тебе кажется, что приближаешься, но он недостижим: «идеал есть то, к чему надо стремиться и чего никогда не достигнешь» (см. История философии..., 1996). Немало философов придерживались точки зрения о недостижимости идеала. Мохандас Карамчанд Ганди писал, что ценность идеала в том, что он удаляется по мере приближения к нему. Именно абсолютность и, следовательно, недостижимость идеала и является лучшей гарантией бесконечности движения к нему, говорил С. Н. Булгаков.

Заключение

Все конкретные герои, выбранные в качестве идеала современной молодежью, включают в себя разные компоненты – как нравственные, так и социально-психологические, как потребностно-мотивационные свойства, так и внешние качества и т. д. В этой статье был сделан акцент на конкретных наиболее ярко выраженных характеристиках, в жизни же идеальный человек включает в себя все эти качества.

Важным выводом является то, что современные учащиеся в своем большинстве наделяют идеал нравственной характеристикой. Намного меньше могут порадовать данные, указывающие на потерю российской молодежью ориентации на традиционные национальные ценности и стремление к западным стандартам.

В современном обществе СМИ и реклама оказывают сильное влияние на молодежь, предлагая идеалы, не наделенные внутренней моральной составляющей, а диктующие культ внешности и денег.

Идеалы для некоторых оказываются набором определенных качеств, волевых или социально-психологических, или же представля-

ются чем-то недостижимым и совершенным. Одно всегда остается неизменным – идеалы мотивируют человека на развитие и самосовершенствование, или же на разрушение и деградацию, оказывая влияние на жизнь и ее направление.

Литература

- Ахтямова Г. Э.* Проблема идеала совершенного человека в социокультурных системах чувашей и татар: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. Чебоксары, 2005.
- Бахтина Н. Н., Горелова Л. А.* Образ идеальной девушки и идеального парня в представлении студентов УГТУ // *Коммуникации, общество, духовность* – 2007. Ухта, 2008. С. 280–285.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
- Болохова М. В.* Физическая привлекательность женщины: особенности современных представлений // *Женщина в российском обществе*. Иваново, 2006. № 3. С. 69–74.
- Дуравицкий А. К.* Развитие личности в коллективе в зависимости от организации учебной деятельности: Дис. ... докт. психол. наук. Харьков, 1989.
- Загrevская В. В.* Формирование идеалов у студентов естественнонаучного и гуманитарного направлений обучения // *Вестник ОНУ им. И. И. Мечникова*. Т. 17. Вып. 9. М., 2012. С. 83–89.
- Изгоев А. С.* Об интеллигентской молодежи (заметки о ее бытии и настроениях) // *Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910*. М., 1991. С. 185–210.
- История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 2 «Философия XV–XIX вв.»* / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М., 1996.
- Крантовский С. Г.* Военные идеалы суворовцев старших классов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1952.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Психология. М., 2002.
- Питт С. А.* Историческая динамика нравственных идеалов школьников в России // *Исследования актуальных вопросов психологии личности: Сборник работ молодых ученых*. М., 2001. С. 49–57.
- Плеханов И. А.* Общественные идолы и личностные идеалы в современной России // *Человек и общество в противоречиях и согласии*. Н. Новгород, 2007. Ч. 2. С. 148–156.
- Рачков М. Ю.* Влияние общественных ценностей на социализацию личности современной молодежи. М., 2010.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.

Судаков Н. И. Сравнительная характеристика идеалов современных советских учащихся и учащихся дореволюционной России // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 131–140.

Чернова Ж. В. «Корпоративный стандарт» современной мужественности // Социологические исследования. М., 2003. № 2. С. 97–103.

Gibbons J. L., Richter R. R., Wiley D. C. Stiles D. A. Adolescents' Opposite-Sex Ideal in Four Countries // J. of social psychology. Provincetown, 1996. V. 136. № 4. P. 531–537.

Ideal as a component of the orientation of the personality in representation of Russian modern youth

A. Y. Koroleva

Postgraduate of State academic University of humanitarian Sciences

The article describes the results of a study of representations of modern youth about the ideal, which was attended by graduates and students of 1–2 courses of the University. An important conclusion is that today's young people are the majority give the ideal of moral characteristics. The factor of appearance is not the most important place in the assessment of ideal, but still is very important, especially due to the active influence of media and advertising on today's youth. Among those who consider the ideal of the country, not one mentioned Russia, which indicates the loss of the national spirit.

Keywords: ideals, the semantic field of representation of Russian youth, a moral ideal, a sample.

История Петербургской психологической школы в архивных фондах¹

Н. А. Логинова (Санкт-Петербург)

*доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского
государственного университета; e-mail: n.loginova@spbu.ru*

В начале XX в. зародилась школа В. М. Бехтерева с центром в Санкт-Петербурге. В ее составе выделилась группа психологов, работавших под руководством Бехтерева в Психоневрологическом институте, а позже – в Институте по изучению мозга и психической деятельности. Суть исследовательской программы Бехтерева состоит в комплексном подходе к человеку как субъекту социального поведения, детерминированному разнообразными социальными и природными факторами. Приверженность объективным методам и рефлекторной теории свойственны этой школе. На основе огромного идейного наследия В. М. Бехтерева оформились нескольких потоков научно-психологической деятельности его последователей и «дочерние школы». Среди них наиболее продуктивные школы Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева сформировались уже после войны с центром в Ленинградском государственном университете. Современная Петербургская школа более всего отождествляется с Ананьевской, или Ленинградской, имеющей общепсихологический характер. Школа В. Н. Мясищева сформировалась как школа клинической психологии с центром в Психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева. Становление и развитие Петербургской школы отражены в документах архивных фондов Санкт-Петербурга, большая часть которых еще не описана и не изучена историками психологической науки.

Ключевые слова: Петербургская психологическая школа, архивные фонды, персональный состав школы, В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, научные психологические центры, историографические исследования.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда научных исследований (РФФИ-РГНФ), проект № 17-06-00484.

В России психология как позитивная, опытная наука зародилась в XIX столетии. Тогда В. М. Бехтеревым, В. Ф. Чижом, С. С. Корсаковым, А. А. Токарским и др. в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Дерпте (Тарту) в течение одного десятилетия были созданы первые психологические лаборатории на базе университетов и медицинских учреждений.

В начале XX в. зародилась школа В. М. Бехтерева с центром в Санкт-Петербурге. Школа Бехтерева – широкое неформальное объединение его учеников, более всего – медиков (психиатров, нейрохирургов, невропатологов), но также и психологов. Персональный состав психологической части этой школы не определен до сих пор. Это трудно сделать по разным причинам, в том числе в силу отсутствия четкой самоидентификации ученых, занимавшихся психологией у Бехтерева в руководимых им институтах, лабораториях и принявшим его программу.

В чем суть этой программы? По моему мнению, она состоит в комплексном подходе к человеку как субъекту социального поведения, детерминированному разнообразными социальными и биологическими факторами. Для его реализации требовались объективные методы – эксперимент и наблюдение, а также анализ продуктов деятельности и ее объективных процессуальных характеристик. Психическое, сознание не отрицалось, но и не было специальным предметом изучения. При этом человек понимался как целостное биопсихосоциальное существо (Логинова, 2005).

Идейное наследие В. М. Бехтерева велико. На его основе происходило оформление нескольких потоков научно-психологической деятельности его последователей. В советский период в течение тридцати лет функционировал созданный Бехтеревым Институт по изучению мозга и психической деятельности (1918–1948), в котором работали ученики Бехтерева, стремившиеся удержать ориентацию на комплексное изучение человека и разрабатывающие отдельные проблемы психологии, развивая лучшие идеи Бехтерева. Б. Г. Ананьев и В. Н. Мясищев – наиболее яркие и значительные продолжатели дела Бехтерева и основатели собственных научных школ. Программы этих «дочерних школ» родственны, но не идентичны. Ананьев развивал идею и наработки Бехтерева о комплексном человекознании, а Мясищев – о соотносительной деятельности посредством рефлексов (в терминологии Бехтерева) или посредством формирования объективных и субъективных отношений с социальной средой (в терминологии Мясищева). Школа В. Н. Мясищева сформировалась на базе клинической психологии, и на ее становление и развитие большое влияние оказали идеи А. Ф. Лазурского, входившего

в круг ближайших сотрудников В. М. Бехтерева. Особое место занимает М. Я. Басов, внесший большой вклад в разработку целостного объективного изучения личности, введший в психологию категорию деятельности. Тем не менее, его вполне обоснованно причисляют к школе Бехтерева, которая представляет Петербургскую/Ленинградскую школу на первом этапе ее существования (1907–1948).

Современная Петербургская школа более всего отождествляется с Ананьевской, или Ленинградской, созданной на базе общей психологии. Ананьев вобрал в свою теорию лучшее из научного наследия В. М. Бехтерева. После Великой Отечественной войны центр психологической науки переместился в Ленинградский государственный университет (ЛГУ), на отделение-факультет психологии, изначально руководимого Б. Г. Ананьевым¹.

Данная статья посвящена Петербургской психологической школе с центром в ЛГУ (ныне СПбГУ) в период ее развития в 1941–1991 гг., конкретнее – ее отражению в документах, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга. Петербургская психология исследована и представлена в сводных научных и учебных изданиях совершенно недостаточно, что порождает ошибки и пробелы в представлениях о развитии психологии в России. Разработка архивных фондов, относящихся к интересующему нас периоду истории научной школы, является эмпирической частью большой исследовательской темы по истории российской психологии. Со временем, надо надеяться, исследователи получают новые данные и на их основе составят более полную и объективную картину развития психологии в России советского периода.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (бывший Центральный архив Октябрьской революции и социалистического строительства) содержит фонды НИИ педагогики, в котором десять лет (1951–1960) работал Б. Г. Ананьев, являвшийся его директором.

Здесь находятся стенограммы заседаний Ученого совета и собраний коллектива института, а также научных и научно-практических конференций, проводимых при участии или по инициативе Института. Б. Г. Ананьев часто выступал с большими научными докладами, в которых содержались теоретические основы программы коллективных исследований и анализ полученных результатов. Примером является доклад «О некоторых условиях эффективности обучения в связи с научными данными института» (13 февраля

1 До войны таким центром, наряду с Институтом мозга им. В. М. Бехтерева, был РГПУ им. А. И. Герцена. Здесь работали многие известные психологи, но самую выдающуюся роль сыграли М. Я. Басов и С. Л. Рубинштейн.

1953 г.). Характерными для того времени были официальные доклады-отклики на политические события, например, «V сессия Верховного Совета СССР и задачи института» (21 сентября 1953 г.).

Судя по материалам фонда¹, Б. Г. Ананьев написал несколько книг и статей, которые так и не были опубликованы. Однако впоследствии они вошли в переработанном сжатом виде в публикации поздних периодов. К таким материалам относятся доклады «Сознание, осознанность, сознательность» (25 марта 1949 г., 43 с.), «Общие проблемы современной советской педагогики и психологии» (23 декабря 1957 г., 49 с.), рукописи «Педагогический опыт как источник психологических знаний о развитии ребенка» (1949 г., 124 с.), «Педагогическая проблема культурного развития латиноамериканских стран» (1958 г., 35 с.). Во многих материалах просматриваются контуры будущей педагогической антропологии Ананьева как приложения к его общепсихологической теории развития человека.

Особый интерес представляют материалы, относящиеся к началу проведения под руководством Б. Г. Ананьева комплексных исследований человека. Сектор психологии НИИ образования взрослых (бывший НИИ педагогики), наряду с лабораторией дифференциальной психологии и антропологии и факультетом психологии ЛГУ, был исполнителем ананьевской программы – той ее части, которая касалась развития психофизиологических функций взрослых. Подготовительная и последующая работа этого коллектива отражена в стенограммах заседаний сектора психологии и Ученого совета Института. В этом плане представляет интерес доклад Б. Г. Ананьева от 28.09.1966 г. «Психофизиологическая эволюция зрелости как фактор обучения взрослых»².

По архивным данным удалось уточнить персональный состав сектора психологии, выполнявшего в 1960–1980-е годы свою часть программы комплексных антропо-психологических исследований. Здесь работали Ю. Н. Кулюткин, Я. И. Петров, Е. И. Степанова, Г. С. Сухобская, Л. Н. Фоменко и другие психологи. Все они тесно сотрудничали с лабораторией ННИКСИ и факультетом психологии ЛГУ. Это, по существу, был единый коллектив, руководимый Б. Г. Ананьевым.

Кроме того, в ЦГА СПб находятся документы Ленинградского государственного университета, относящиеся к деятельности отделения и факультета психологии – протоколы заседаний кафедры психологии, Ученого совета, по которым можно составить хронику жизни факультета.

1 ЦГА СПб., ф. 9754.

2 ЦГА СПб., ф. 9754, оп. 3, д. 494.

Много информации о психологии и психологах Института мозга им. В. М. Бехтерева содержат материалы Санкт-Петербургского филиала архива РАН. Упомяну лишь «Научно-производственные планы на 1941 г.», измененные с началом войны в связи с переходом на оборонную тематику¹, «Пятилетний план Института и материалы к нему» 1946 г.² Эти и другие документы военных и первых послевоенных лет отражают гражданское поведение и особенности исследовательской деятельности ученых, а также потери Института вследствие войны. В списке потерь числятся утрата экспонатов из Пантеона мозга, рукописей, протоколов экспериментов и описание опытной работы в школах, разрушение частей здания Института. Особенно тяжелы людские потери – двенадцать сотрудников и среди них психолог Н. К. Гусев. Они были представлены к медали «За оборону Ленинграда».

Документы архива РАН дают сведения о персональном и количественном составе сектора (отдела) психологии Института мозга. Здесь в разные годы работали Б. Г. Ананьев, М. Я. Басов, В. Н. Мясищев, В. И. Кауфман, Б. Н. Компанейский, А. А. Крогиус, В. Н. Осипова, Г. С. Рогинский, А. А. Таланкин, Р. И. Черановский, Ж. Шиф, Л. А. Шифман, А. Л. Шнирман, П. О. Эфрусси и др. – в общей сложности по предварительным подсчетам примерно пятьдесят психологов. Старшие непосредственно учились у Бехтерева, более молодые прошли через аспирантуру Института и сформировались уже в новых, советских условиях. В начале 1930-х годов ученики Бехтерева отказались от ортодоксальной рефлексологии, но сохранили в своем опыте и профессиональном мышлении родовые черты научной школы, передавая это личностное знание научной молодежи (Логинова, 1993).

Важны данные архивных фондов РАН о структуре Института мозга и ее многочисленных изменениях, обусловленных научными и политическими факторами (преобразованием методологических установок, социальным заказом, сменой руководства, обновлением научных программ, объемом финансирования, изменениями в подчиненности высшим государственным органам). В 1948 г. Институт был закрыт. Это был удар по психологической науке, о чем с болью вспоминали бывшие сотрудники института. Причины и обстоятельства этого трагического события и в целом история Института мозга им. В. М. Бехтерева изучены пока недостаточно.

1 СПб. филиал архива РАН, ф. 805, оп. 2, д. 10.

2 Там же, д. 7.

Большую ценность представляют домашние архивы психологов. До них петербургские историки науки почти еще не добрались¹. Есть реальная опасность исчезновения этих личных документов с уходом из жизни их владельцев. Дочь Б. Г. Ананьева, Наталия Борисовна, передала в мое распоряжение несколько папок с документами его домашнего архива. Кое-какие документы мне удалось получить от петербургских психологов старшего поколения. Обработка, анализ и публикация этих материалов, равно как и моих многочисленных записей устных выступлений психологов, сделанных в разные годы, – ближайшая задача.

Разработка многих архивных фондов находится в начальной стадии, но уже сейчас ясно, что здесь нас ждут открытия, которые не только обогатят историографию российской психологии, но, возможно, изменят в чем-то взгляды на процесс развития российской психологической науки в XX столетии.

Литература

- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: Монография. М., 2006.
- Логина Н. А. Об Институте мозга им. В. М. Бехтерева (К 75-летию со дня основания) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 110–115.
- Логина Н. А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб., 2005.

History of the St Petersburg school of psychology in archival collections

N. A. Loginova (St Petersburg)

Doctor of psychological sciences,
professor of St Petersburg State University

At the beginning of the twentieth century the school of V. M. Bekhterev with its center in St Petersburg was arose. In its composition, a group of psychologists worked under the guidance of Bekhterev at the Psychoneurological Institute, and later at the Institute for the Study of the Brain and

1 Хорошим примером использования такого рода материалов является книга В. А. Кольцовой и Ю. Г. Олейника, посвященная деятельности советских психологов в годы Великой Отечественной войны (Кольцова, Олейник, 2006).

Mental Activity. The essence of Bekhterev's research program consists in a comprehensive approach to man as a subject of social behavior, determined by a variety of social and natural factors. Adherence to objective methods and reflex theory is inherent in this school. Being based on the enormous ideological heritage of V. M. Bekhterev several streams of scientific and psychological activities of his followers and daughter schools were formed. Among them, the most specific and productive schools of B. G. Ananiev and V. N. Myasishchev were formed after the Great patriotic war in the Leningrad State University. The modern Petersburg school is most identified with B. G. Ananiev, having a general psychological character. V. N. Myasishchev School was formed as a school of clinical psychology. Formation and development of the St Petersburg school are reflected in the documents of the St Petersburg archives, most of which have not yet been described and studied by the historians of psychological science.

Keywords: Petersburg psychological school, archival funds, personal composition of the school, V. M. Bekhterev, B. G. Ananiev, scientific psychological centers, historiography tasks.

Экспериментальные исследования особенностей детского восприятия в работах психологов Германии первой трети XX века

Е. С. Минькова (Нижний Новгород)

*доктор психологических наук, профессор Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: helensea59@mail.ru*

Целью данной статьи является анализ проблемы развития восприятия ребенка в работах немецких психологов первой трети XX столетия. В работе дана оценка вклада ряда немецких психологов Германии первой трети XX в. в разработку данной проблемы: Левенштейна, Фолькельта, Шварца и других.

Ключевые слова: Германия, детская психология, гештальтпсихология, восприятие, целостный подход.

Германия была одной из ведущих европейских стран, в которой ученые из самых разных областей научного знания проявили интерес к изучению психики ребенка. У истоков немецкой детской психологии стоял В. Прейер (Preyer, 1882), который, как справедливо пишет П. Саугстад, «обстоятельно описал процесс развития своего ребенка с точки зрения перцепции перцептивных восприятий» (Саугстад, 2008, с. 108). Основателями детской психологии в Германии были Э. Мейман, В. Штерн, К. Гросс, К. Бюлер, Ш. Бюлер и др. Круг изучаемых ими проблем был широким: от проблем детской игры в работах К. Гросса до характеристики особенностей возраста детства в наследии Ш. Бюлер.

Целью данной статьи является анализ проблемы развития восприятия ребенка в работах немецких психологов первой трети XX столетия.

Первые шаги в разработке данной проблемы были сделаны педиатрами Германии. По признанию одного из ведущих специалистов

в области гештальтпсихологии, Г. Фолькельта, толчком к развитию нового взгляда на развитие психических процессов у ребенка стало исследование, проведенное в 1913 г. С. Канестрини, который с помощью регистрации движений лобных мышц доказал, что у ребенка все чувства функционируют с момента его рождения (Canestrini, 1913). Эксперименты, проводимые Канестрини, доказали, что уже на седьмом дне жизни шепот матери оказывает на младенца успокаивающее действие, в то время как шепот постороннего человека абсолютно не влияет на его эмоциональное состояние. Согласно Фолькельту, этот опыт доказывает, что «для психической жизни ребенка наиболее характерны не изолированные чувственные элементы... а богатые целостные переживания, уже осложненные опытом и в высшей степени наполненные яркими чувствами» (Фолькельт, 1930, с. 18).

Не менее серьезное влияние на исследования развития психических процессов ребенка оказали опыты по различению грудным ребенком формы предмета, проводимые детским врачом Ф. Левенштейном в Лейпциге. Исследование проводилось над детьми в возрасте от 5 до 12 месяцев. Детям предъявлялись четыре молочные бутылочки, различные по форме, но одинаковые в отношении остальных качеств: оптических, тактильных и температурных. Первоначально ребенку давалась только одна бутылочка одной определенной формы, затем эта бутылочка предлагалась его вниманию одновременно еще с одной, потом с двумя и, наконец, с тремя бутылочками, отличающимися от нее по форме. Только одна соска из четырех надетых на бутылочки была снабжена дырочкой, чтобы ребенок мог пить молоко. В результате почти две трети из 29 исследованных детей одинаково быстро научились выбирать ту форму бутылочки, соска которой пропускала молоко. По мнению Левенштейна, в результате опыта у ребенка формируется целостное переживание, основанное на прочной связи между питьем из бутылочки определенной формы и переживаемым наслаждением. Если взрослый человек осознает, что он пьет из бутылочки треугольной формы, то понятие формы бутылочки и получаемого наслаждения от вкуса молока не сливаются у него воедино; в примитивном же сознании ребенка существует представление, что он пьет «треугольное молоко». У грудного ребенка восприятие свойств предмета отличается нерасчлененностью, представляет из себя наполненное чувством целое.

Серьезный вклад в разработку данной проблемы сделал офтальмолог Рельман, перу которого принадлежат работы по изучению цветоощущения ребенком. Рельман еще в 1903 г. проводил эксперименты над грудными детьми, предлагая им цветные бутылочки

с молоком. Результаты исследования показали, что грудные дети в состоянии различать все основные цвета. Позднее, в 1914 г., сотрудница женевского института А. Декедр в опытах с 3–6-летними детьми доказала имеющееся у них предпочтение цвета форме. Согласно ее утверждению, близкие к жизни, богатые целостные образы воспринимаются ребенком быстрее, чем картинки, отличающиеся друг от друга только цветом. Параллельно с исследованиями Декедр аналогичные опыты проводил немецкий психолог Д. Катц.

Большой вклад в разработку проблемы развития восприятия ребенка внесли детские психологи: Коффка, Кершенштейнер, Левенштейн, Шварц, Фолькельт и др. Проводимые Коффкой исследования восприятия заложили основы стремительно развивающегося нового направления – гештальтпсихологии. Вертгеймеру и Коффке мы обязаны открытием основных законов восприятия.

Крупнейшими центрами развития немецкой детской психологии в первой половине XX в. были Берлинский и Лейпцигский университеты. Представители обеих немецких школ развивали новый, целостный подход к пониманию развития психики ребенка в противовес старой, механистически-анатомической концепции ассоциативной школы.

В работах представителя Лейпцигской школы детской психологии А. Шварца изучались рисунки стереометрических фигур детьми от 3 до 6 лет. Детям предлагалось нарисовать квадрат, разбитый на клеточки. Полученные Шварцем рисунки показали, насколько далеко заходит детское творческое изображение предлагаемого предмета. Фигура, предъявленная ребенку, зачастую просто пересоздается им, как в отношении ее общего контура, так и в отношении числа, формы, предназначения составляющих ее частей. Шварц отметил, что доминирующую роль в видоизменении оригинала играет та часть ее образца, которая воспринимается ребенком как самая существенная. В рисунках детей отдельные части квадрата, разбитого на клеточки, высвобождаются из строго ограниченной структуры целого и группируются заново. Эта перегруппировка может производиться ребенком разным способом: или все целое превращается в кучу, лишённую очертаний, или творчески переформируется в более или менее отличный от оригинала новый образ, подчиненный законам собственной структуры. Особенно охотно дети изображают отдельные клеточки квадрата в виде «дыр» со своеобразными, как правило, круглыми контурами. Рисунки детей демонстрируют существующую разницу в восприятии стереометрической модели между взрослым и ребенком. В сознании взрослого данное целое воспринимается как система взаимно пересекающихся гори-

зонтальных и вертикальных линий, образующих квадраты. Детское восприятие данного предмета связано не с математическими законами прямых линий; оно подчиняется тактильно-моторно-аффективному переживанию ребенка. Ребенок не только «видит» и изображает предмет, но он его также «трогает», «любит» или «не любит», и эти ощущения выливаются у него в рисунке.

Дальнейшая, еще более глубокая трактовка особенностей детского восприятия окружающего мира представлена в работах Г. Фолькельта. Им была разработана теория целостного комплексного переживания. Фолькельт руководил детской секцией Психологического института, возглавляемого профессором Ф. Крюгером, при Лейпцигском университете в Германии. О результатах своих блестящих экспериментальных исследований Фолькельт неоднократно докладывал на различных конгрессах и семинарах. Это были выступления на IX немецком конгрессе по экспериментальной психологии в Мюнхене (1925), на IV конгрессе по лечебной педагогике в Лейпциге (1928). В 1930 г. в России была издана его книга «Экспериментальная психология дошкольника».

Опыты Фолькельта были направлены на изучение особенностей детского восприятия фигур, в частности, способов передачи форм предмета ребенком с помощью рисования или других видов изобразительной деятельности (лепки, выкладывания и т. д.). Ученый пришел к выводу, что маленький ребенок воспроизводит плоские фигуры целостнее, чем взрослый. Графическое изображение ребенком фигур родственно экспрессионизму в искусстве: как ребенок, так и художник-экспрессионист стремятся не столько к изображению внешне-оптических проявлений вещей, сколько к воспроизведению их целостной сущности, включая и оборотную сторону вещи, которая не видна в данном ракурсе. Например, форма цилиндра в рисунке ребенка приобретает вид целостного овала.

Фолькельт считал, что в детском рисунке предмет изображается не в изолированном вещественном бытии; в нем отражается собственное отношение ребенка к предмету, то, какое воздействие оказывает на него данный предмет. Наибольшее воздействие в данном случае предмет оказывает на ребенка не оптически, а тактильно, следовательно, в детском рисунке оптические качества предмета не играют решающей роли; внимание ребенка более сосредоточено на передаче его тактильно-моторных ощущений. Детские рисунки «символичны». Изображение «угла» в детских рисунках может быть представлено в виде луча. Ребенок передает таким образом то ощущение, которое он испытывает, когда прикасается рукой к острой поверхности. Для доказательства данной точки зрения Фолькельт

провел целый ряд различных экспериментов. Например, он просил нарисовать фигуры, которые ребенок не видел, а только ощупывал руками. Полученные таким образом рисунки, по мнению Фолькельта, свидетельствуют о символичности передачи ребенком качеств предмета. «Детская передача оперирует с качествами, не имеющими непосредственного отношения к предмету в собственном смысле, и что, следовательно, [он – Е. М.] изображает предмет неподлинно», – писал ученый (Фолькельт, 1930, с. 133). При этом, подчеркивал Фолькельт, ребенок не имеет ни малейшего представления о неподлинном характере своей передачи и переживает свои рисунки непосредственно. Для ребенка гораздо важнее оказывается не точность оптической передачи свойств предмета, а «выражение того живого многообразного общения ребенка с ним, которое обуславливается имеющейся ситуацией и индивидуальностью» (там же, с. 134). Доминантой изображения предмета являются не свойства данного предмета, а переживания, связанные с данным предметом. Поэтому, по мнению Фолькельта, главным характерным содержанием творческого изображения ребенка являются целостные сверхпредметные переживания, которые лишь содержат в себе зачатки форм самого предмета; в этом заключается своеобразие примитивной психической жизни.

Таким образом, детских психологов Германии не устраивал основной принцип ассоцианизма – сведение такого сложного феномена, как психика, к выведению и анализу составляющих ее частей и механических связей между ними. Их главным положением было подчеркивание качественного своеобразия психического по сравнению с физическим и физиологическим. Они считали невозможным изучение психических процессов методами естественных наук. Стронники гештальтпсихологии утверждали, например, что восприятие музыкального произведения нельзя рассматривать как сумму простейших слуховых ощущений, сложенную по законам механического ассоциирования, как это представляли сторонники ассоциативной школы в психологии.

Современный исследователь в области истории психологии Пер Саугстад считает, что «до начала второй мировой войны немецкие психологи не делали никаких попыток осознать связь психологических процессов с онтогенезом» (Саугстад, 2008, с. 109). Представленный в настоящей статье материал позволяет усомниться в справедливости данного вывода. На наш взгляд, целостный подход к исследованию психики ребенка и развитию его восприятия, в частности, слишком опередил свое время. В первой трети XX в. достаточно сильные теоретические позиции занимала физиологичес-

кая психология В. Вундта. В этот период стремительно развивалось новое направление – бихевиоризм, имевшее большую практическую направленность, а, значит, и более востребованное для общества. Ценность гештальтпсихологии заключается в полном отсутствии в ней формально-логического подхода к сущности психического. Именно гештальтпсихологами была осмыслена необходимость, например, увидеть элементы творческого, продуктивного характера восприятия и мышления ребенка. Поэтому обращение к наследию психологов данного направления так необходимо и сегодня; актуальность высказанных ими идей сохраняется на современном этапе развития психологии.

Литература

- Саугстад П.* История психологии. От истоков до наших дней. Самара, 2008.
- Фолькельт Г.* Экспериментальная психология дошкольника. М.–Л., 1930.
- Canestrini S.* Über das Sinnesleben des Neugeborenen (nachphysiologischen Experimenten). Berlin, 1913.
- Preyer W.* Die Seele des Kindes. Lpz., 1882.
- Volkelt G.* Über die Vorstellungen der Tiere. Lpz., 1914.
- Volkelt G.* Fortschritte der experimentelle Kinderpsychologie. Lpz., 1926.

Experimental study of peculiarities of children's perception in the works of German psychologists in the first third of the twentieth century

E. S. Minkova (Nizhny Novgorod)

Doctor of psychological sciences, professor of Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University

The purpose of this article is to analyze the problem of children's perception in the work of German psychologists at the first third of the twentieth century. The author evaluates contribution in the development of this problem by a number of German psychologists, i. e. Löwenstein, Volkelt, Schwartz and others.

Keywords: Germany, child psychology, Gestalt, perception, holistic approach.

Влияние оппонентного круга С. Л. Франка на формирование его мировоззрения и научных взглядов

И. В. Новичихина (Москва)

*аспирантка Московского гуманитарного университета (Москва);
e-mail: ira575@icloud.com*

В статье рассматривается взаимодействие философа и мыслителя рубежа XIX–XX вв. С. Л. Франка с научной мыслью его эпохи. Доказывается, что его система взглядов формировалась в непосредственном взаимодействии с идеями его современников, в свою очередь, оказывая на них существенное влияние. При этом мысль философа всегда сохраняла самобытность; он стремился к поиску универсального синтеза противоречивых воззрений.

Ключевые слова: оппонентный круг, философия рубежа XIX–XX вв., история русской мысли.

Взгляды С. Л. Франка на протяжении всей жизни складывались в активном диалоге с его современниками и мыслителями прошлого. На это указывают исследователи творчества ученого (Буббайер, 2001). Об этом как нельзя более ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что первая опубликованная С. Л. Франком статья (Франк, 1898) носила полемический характер.

При этом следует отметить особую научно-историческую интуицию ученого: свой исследовательский путь С. Л. Франк начал с диалога с теорией К. Маркса – наиболее актуальной и влиятельной в России на протяжении XX столетия. Полемический подход определил и направление научной мысли ученого: дискутируя с системой К. Маркса Франк логично начал свою научную деятельность с экономического исследования. Теория стоимости стала основной темой его первой статьи – «Психологическое направление в теории ценности» (1898), и первой монографии – «Теория ценности Маркса и ее значение» (1900).

Характерно, что уже с первых работ наметилась и уникальная тенденция, во многом определившая всю дальнейшую научную деятельность Франка: взаимодействуя с научной мыслью предшественников и современников, ученый постоянно стремился к синтезу противоречивых теорий. В первой же монографии Франк совершает свою попытку примирить две подхода к теории стоимости путем создания универсальной теоретической модели экономики.

Его стремление к нахождению «точек соприкосновения» между полярными научными школами и теориями, выраженное в первых работах, стало одним из ведущих методологических приемов и главной интенцией и всей дальнейшей творческой деятельности ученого: монизм Франка заключался в стремлении увидеть и описать мир как единую, целостную систему.

Ключевую роль в развитии С. Л. Франка и как ученого, и как личности сыграл известный русский общественный деятель, политик, публицист, экономист и философ П. Б. Струве. Вскоре после личного знакомства со Струве (1898) Франк, который был младше на 7 лет, практически полностью попадает под его влияние и становится его ближайшим соратником на долгие годы. В этом плане примечателен эпизод из истории их первых бесед, описанный самим Франком. Буквально при первом же серьезном разговоре Франк задал Струве вопрос относительно помощи голодающим в 1891–1892 гг. Социал-демократы рассматривали этот голод как здоровый признак классовой борьбы, видели в нем условие роста среди крестьянства революционных настроений. В связи с этим проблема благотворительной помощи голодающим представлялась Франку сложной и запутанной. Ответ П. Б. Струве «Чтобы кормить голодающих, нет надобности умозаключать» произвел на него сильнейшее впечатление своей ясностью, простотой и четкостью приоритетов (цит. по: Франк, 1956, с. 21).

Франк писал рецензии в издаваемых под редакцией Струве газете «Начало»¹ и журнале «Мир Божий», а также участвовал в издании сборника П. Б. Струве «Проблемы идеализма (1901), готовил с ним совместные очерки (Франк, Струве, 1905а, б, 1906).

После 1922 г., когда Франк был выслан на Запад, в их отношениях со Струве возник кризис. В переписке со Струве этого периода Франк отождествляет себя с другими членами редколлегии «Русской мысли» – прежде всего, с Бердяевым и Изгоевым, называя эту

1 Газета «Начало» выходила с 1899 г. в Петербурге под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и будущего сподвижника Франка В. Я. Богучарского.

группу, «прожившими эти годы в России» (Переписка С. Л. Франка и П. Б. Струве..., 1993, с. 123). Струве, который после революции соединился с белым движением и работал министром иностранных дел в правительстве Врангеля, отвечает ему с «нашей» позиции, подразумеваемая под этим белую эмиграцию (там же, с. 124).

Примечательно, что именно в письме к П. Б. Струве Франк формулирует свой взгляд по ключевому вопросу русского зарубежья – об основном векторе дальнейшего развития России. Франк видит этот вектор в сфере внутренних духовно-моральных преобразований русского общества. «Тот дух „реальной политики“, которым я лично обязан прежде всего тебе, который вытекает не из внешних тактических соображений, а из религиозно-морального убеждения в духовности и органичности всех политических процессов, – этот дух должен получить свое настоящее испытание именно теперь» (там же, с. 123).

В целом обмен мнениями между двумя мыслителями оставался плодотворной почвой для творческого поиска Франка на протяжении всей жизни, а их дружба являлась важной составляющей его личностного бытия.

Переписка С. Л. Франка с П. Б. Струве является ценнейшим источником для изучения истории формирования мировоззренческой позиции ученого, а также может служить для уточнения и прояснения некоторых аспектов его работ, поскольку Франк в письмах регулярно пояснял и пересказывал свои мысли и идеи (Колерова, Плотникова, 1922). Кроме того, эти письма позволяют полнее воссоздать жизненный путь ученого, его биографию.

В оппонентный круг С. Л. Франка входили также его коллеги по религиозно-философскому движению в Москве и в Европе: Н. А. Бердяев, А. Белый (Б. Н. Бугаев), В. И. Иванов, С. Н. Булгаков, Ф. А. Степун, Б. П. Вышеславцев, Ю. И. Айхенвальд и др. В рамках основанной Н. А. Бердяевым в Москве Вольной академии духовной культуры С. Л. Франк читал курс «Введение в философию» и активно участвовал в научных дискуссиях (Буббайер, 2001, с. 135). Эту деятельность он продолжил в Берлине в Религиозно-Философской академии, выступив на торжественном ее открытии в 1922 г. вместе с ее основателями Н. А. Бердяевым и Л. П. Карсавиным. Совместная работа в рамках этого амбициозного проекта, который ставил первоочередной целью пробуждение духовной жизни в среде русских за рубежом, оказала большое влияние на дальнейшее развитие взглядов Франка. Именно работая с Бердяевым и Карсавиным, Франк начал открыто формулировать религиозную составляющую своей философии (там же, с. 147–148).

При этом, несмотря на тесное сотрудничество, взгляды Франка всегда сохраняли глубокую самобытность. Ни с кем из современников он не мог полностью согласиться. Подтверждением этого являются его собственные оценки воспоминания. В частности, о своем отношении к взглядам Н. Бердяева и С. Булгакова Франк пишет (1945): «С обоими я был дружен уже почти полвека, сознавая их талантливость (каждого по-своему), но их мысли в общем мною всегда воспринимались, скорее, как некие „завиральные идеи“, чем как правда; и эти мысли были мне не нужны, они мне не помогали. Так, напр., я никогда не мог понять, какой смысл имеет „софиология Булгакова“; а идеи Бердяева, напр. по социальным и политическим вопросам, создавшие ему славу в Европе, и вообще все его „бунтарство“, кажутся мне по наивности и туманности почти мыслями гимназиста; я не чувствую в них зрелости и ответственности – что не мешает признавать его очень талантливым и живым умом» (цит. по: Буббайер, 2001, с. 172).

Особый пласт оппонентного круга С. Л. Франка составляли европейские мыслители-современники, в частности, Анри Бергсон и Людвиг Бинсвангер. Первому в 1912 г. Франк посвятил особую статью, в которой отмечал, что Бергсон «руководится всегда первичной интуицией и никогда не исходит из каких-либо готовых, до него существовавших идей: скорее он только приходит к последним» (Франк, 1912, с. 33). Идеи Бергсона оказали существенное влияние на одну из наиболее концептуальных работ Франка – «Предмет знания».

Близкие отношения с Л. Бинсвангером, с которым они познакомились в 1934 г., играли важнейшую роль весь последний период жизни и творчества философа. В письмах Бинсвангеру Франк делился размышлениями и личными духовными переживаниями, что делает их важным источником для изучения взглядов позднего Франка. К примеру, в одном из них Франк размышлял о невозможности счастья в человеческих взаимоотношениях на этой земле: «Человек – словно малое дитя, в чей детский мир вторгается сила из иного, высшего мира» (цит. по: Буббайер, 2001, с. 186).

Согласно Бинсвангеру, работы Франка явились одним из главных источников становления европейского экзистенциализма.

Однако, как и в прежние годы, дружба и даже близость интеллектуальных интересов не означала тождества взглядов и убеждений. В частности, Бинсвангер считал себя почитателем Фрейда, идеи которого Франк считал не стоящими внимания. В то время как Франк все более глубоко погружался в христианское мировоззрение, Бинсвангер не относил себя к числу верующих. Объединяли их, по мне-

нию Ф. Буббайера, «совместный поиск истины, уважение к миру и вера в важность того, что они делают» (Буббайер, 2001, с. 207).

Таким образом, Франк тесно взаимодействовал со многими русскими и европейскими мыслителями и учеными своей эпохи. В соответствии с традициями того исторического периода значительная часть их обмена идеями проходила в рамках устных дискуссий; творческое взаимодействие нашло отражение также в переписке Франка и в его работах.

В постоянных дискуссиях оттачивались формулировки всех участников, а активная полемика позволяла не только развивать аргументацию и выстраивать безупречные логические конструкции, но и вела к обмену идей, нахождению общих точек зрения и положений. Система взглядов Франка формировалась в непосредственном взаимодействии с идеями его современников и, в свою очередь, оказывая на них влияние, вошла в качестве органической составляющей в тот историко-философский пласт, который именуют «религиозно-философским ренессансом русской мысли».

Литература

- Буббайер Ф. Л.* Франк: жизнь и творчество русского философа. (1877–1950). М., 2001.
- Колерова М. А., Плотникова Н. С.* Письма П. Б. и Н. А. Струве, 1901–1905 // Путь. 1992. № 1. С. 164–165.
- Переписка С. Л. Франка и П. Б. Струве // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 110–131.
- Франк С. Л.* Психологическое направление в теории ценности // Русское богатство. 1898. № 8. С. 60–110.
- Франк С. Л.* Теория ценности Маркса и ее значение: Критический этюд. СПб., 1900.
- Франк С. Л.* О философской интуиции // Русская мысль. 1912. № 3. С. 28–39.
- Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
- Франк С. Л., Струве П. Б.* Очерки философии культуры: Культура и личность // Полярная звезда. 1905а. № 3. С. 104–117.
- Франк С. Л., Струве П. Б.* Очерки философии культуры: Что такое культура // Полярная звезда. 1905б. № 2. С. 170–184.
- Франк С. Л., Струве П. Б.* Письмо в редакцию // Речь. 1906. 23 июня. С. 3.

Influence of opponent's circle of S. L. Frank on forming his world view and scientific looks

I. V. Novithihina

Graduate student of Moscow university for the humanities (Moscow)

The article deals with the interaction of S. L. Frank – the philosopher of the XIX–XX century boundary, with the scientific and philosophical ideas of his epoch. It is proved that his system of views was formed under direct interaction of the ideas of his contemporaries, in turn, exerting a significant influence on them. At the same time, the philosopher's way of thinking always retained its identity, seeking to search for an universal synthesis of conflicting views.

Keywords: opponent's circle, philosophy of the turn of the XIX–XX centuries, the history of Russian thought.

Применение психологической теории Б. Ф. Ломова в болгарской науке

М. Д. Няголова (Велико Търново, Болгария)

*кандидат психологических наук, доцент,
Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия;
e-mail: mniagolova@yahoo.com*

Статья посвящена изучению применения психологической теории выдающегося российского психолога Б. Ф. Ломова в болгарской психологии. Проанализирована оценка значимости его идей в таких психологических областях, как методология и теория психологии, общая психология, психология общения, психология управления.

Ключевые слова: методология психологии, общая психология, психология общения, психология управления, психология познания.

Введение

Научный интерес болгарских психологов к творчеству и личности Б. Ф. Ломова ведет свое начало с 70-х годов XX века. Ведущая роль замечательного российского ученого в развитии психологической науки связывается с разработкой новейших для того времени в социалистических странах прикладных проблем психологии, в том числе инженерной и авиационной психологии, психологии труда и психологии управления. Благодаря его деятельности, созданию Института психологии в системе Российской академии наук, личность ученого считается олицетворением самых лучших и перспективных качеств организатора психологической науки и истинного новатора ее теории и практики. Очень часто в публикациях при упоминании его имени встречаются такие обобщающие определения, как: «один из самых известных советских ученых, патриарх советской психологической школы» (Радев, 1984, с. 92). К этому яркому портрету первого директора Института психологии РАН

болгарские психологи добавляют еще один штрих – «объединитель психологов социалистических стран», проистекающий из активной международной научной деятельности Б. Ф. Ломова, а также из его дружеских и научных связей со многими болгарскими психологами.

Международная значимость научной деятельности Б. Ф. Ломова

После холодной войны, в 1970–1980-х годах, в международном научном сообществе усиливается тенденция сотрудничества с учеными социалистических стран. Доказательством этого служит тот факт, что Б. Ф. Ломов был избран вице-президентом Международного союза психологических наук (International Union of Psychological Science) и занимал этот пост с 1976 по 1988 г. Руководящую роль он выполнял также в проведении и организации Совещений психологов Придунайских стран, которые проходили каждые три года в одной из стран бассейна реки Дунай с 1967 по 1987 г. Эти встречи, по словам В. М. Русалова, «задуманные в начале как совещания регионального характера, постепенно сделались конференциями европейского масштаба» (Русалов, 1981, с. 150), в которых принимали участие не только психологи собственно Придунайских стран, но также ученые из США, Швеции, Финляндии и других западных стран.

На одной из этих конференций Б. Ф. Ломов выступил с докладом по вопросам методологии психологии в рамках симпозиума «Системный подход в психологических исследованиях». Возвращаясь на родину, участники болгарской делегации делали подробные сообщения о новом подходе. Благодаря этому открылась возможность внедрения системного подхода в методологию болгарской психологической науки и проведения основывающихся на нем новых исследований.

Наряду с этим в Болгарии очень высоко оценивалась деятельность Б. Ф. Ломова в качестве президента Общества психологов СССР. Хотя его книги, к сожалению, не были переведены на болгарский язык, в журнале Болгарского общества психологов «Психология» часто печатались его программные статьи и доклады. В 1977 г., например, вышла на болгарском языке его статья «Состояние и перспективы развития психологической науки в СССР», подготовленная на основе доклада, сделанного им на V всесоюзном съезде Общества психологов СССР (Ломов, 1977, с. 269–287).

Статья была опубликована в юбилейном номере журнала, посвященном 60-летию Октябрьской революции в России. Ее содержание учитывало идеологические требования времени социализма. Этому

соответствуют и заглавия ее разделов: «Функции психологической науки в развитом психологическом обществе», «Задачи психологической науки в свете решения XXV съезда КПСС». В содержательном отношении, однако, статья выявляет недогматическую, исследовательскую направленность общего русла развития психологии в СССР.

Б. Ф. Ломов изложил те новые психологические области и проблемы, которые привлекали внимание российских психологов. Среди них – изучение совместной деятельности, общения, социальных характеристик поведения, проблем мышления и памяти человека, который, по словам автора статьи, является «субъектом своей деятельности и общения с другими людьми». Именно в качестве субъекта он включается в общественные отношения, участвует в жизни общества (Ломов, 1977, с. 275). Таким образом, Б. Ф. Ломов изложил новую концепцию понимания человека как субъекта деятельности, общения, которая задала новые перспективы развития болгарской психологии.

Результаты библиографического анализа цитирования говорят о том, что в публикациях по психологии 1970-х годов число ссылок болгарских психологов на его работы увеличилось в несколько раз, а вместе с этим тематика разработок исследователей определялась в соответствии с выявленными Ломовым перспективами изучения определенных областей научного знания.

Исследования методологии и истории психологии

В публикации 1977 г. Б. Ф. Ломов указывает на необходимость продолжения и углубления разработки философских, методологических и общетеоретических проблем психологии, которой способствует дальнейшее углубленное изучение истории психологии (Ломов, 1977, с. 277). Эту свою идею он обосновал и всесторонне развил в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» (Ломов, 1984).

Обе публикации оказали сильное влияние на изучение методологических и исторических проблем психологии. До конца 1970-х – начала 1980-х годов в Болгарии эти проблемы практически не разрабатывались. Существующие публикации по методологии психологии отличались формальным характером и обычно отражали идеологические требования к психологической науке. Самостоятельные исследования по истории психологии практически отсутствовали. Полному забвению была предана история болгарской психологии, которая определялась как «буржуазная» и «неправильная».

Именно под влиянием идей Б. Ф. Ломова болгарские психологи получили творческий импульс к исследованию методологических и, в частности, исторических проблем психологии. Определяя труд Б. Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии» как «фундаментальный», Димитр Василев поставил задачу разработки методологических вопросов психологии в контексте его идей. Чрезвычайно перспективной и основополагающей он считал идею Б. Ф. Ломова о создании единой, целостной системы психологической науки (Василев, 1986, с. 75). Василев разделял взгляд Ломова на интегративную роль общей психологии в этой системе, рассматривал в русле его концепции соотношение общей психологии и специальных психологических дисциплин (там же, с. 114–119).

Вместе с тем Д. Василев выражал критическое отношение к некоторым положениям концепции Ломова. Первое из них относится к оценке Б. Ф. Ломовым сущности методологического кризиса психологии, сделанной в 1984 г. и утверждающей, что кризис остался в истории науки западных стран и что он не имеет глобального характера (там же, с. 5). Второй пункт критики касается определения Б. Ф. Ломова предмета психологии. Признавая гуманистическую направленность данного определения, Д. Василев полагает, что из него вытекает исключение психики животных из предмета психологии (там же, с. 83–84).

Уточняя понимание предмета психологии Д. Василев, поддерживает идею Б. Ф. Ломова о том, что категория «деятельность» не является собственно психологической. Согласно его мнению, преимущество разработки системного подхода состоит в изучении проявлений человеческой психики не только в деятельности, но и в общении.

С начала 1980-х годов в болгарской психологии категория «общение» постепенно привлекает внимание исследователей. Первое исследование «Общение и самопознание» российско-болгарского научного коллектива опубликовано в Софии в 1982 г. М. И. Лисиной и И. Т. Димитровым. Как известно, оно проведено на материале изучения общения в онтогенетическом аспекте. Последующие публикации, прежде всего, посвящены проблемам общения в социальной психологии.

В начале 1990-х годов интерес к психологическому исследованию общения усиливается, а за последние несколько лет уже опубликовано множество статей и монографий по данной теме в рамках разных психологических дисциплин. При этом авторы активно цитируют работы Б. Ф. Ломова и используют принципы его теории.

Среди современных публикаций наиболее глубоко взгляды Ломова в этой области рассматриваются специалистами по педагоги-

ческой психологии. Так, в своей монографии «Профессиональное педагогическое общение» Стойко Иванов выявляет преимущество идей Б. Ф. Ломова и Б. Г. Ананьева в изучении общения. Автор проводит анализ взглядов Ломова на общение как многофункциональный и динамический процесс. Основываясь на его трехуровневом понимании общения, С. Иванов формулирует собственную концепцию структуры и средств межличностного общения в педагогической практике (Иванов, 2004).

В теоретико-историческом исследовании общения Йоана Янкулова анализирует теорию общения Б. Ф. Ломова и указывает, что самая существенная ее черта относится к выводу о том, что общение является «самостоятельной формой активности субъекта, в результате которой его отношения с социальным миром преобразуются и изменяются». Подчеркивается продуктивность понимания общения как субъект-субъектного взаимодействия, «в процессе которого сохраняется уникальность каждого партнера по общению» (Янкулова, 2006, с. 83). Таким образом, вслед за Б. Ф. Ломова, болгарские психологи рассматривают категорию «общение» как одну из фундаментальных методологических категорий современной психологической науки.

Исследования познавательных психических явлений в общей и экспериментальной психологии

Среди болгарских исследователей общей психологии известность Б. Ф. Ломова обусловлена его деятельностью по изучению пространственных представлений, чувственных образов, психологии познавательного процесса, в целом. Интерес направлен на методологический анализ механизмов реализации познавательного процесса и формирования психического образа. Основной вопрос связан с интерпретацией самой категории «психическое отражение» и возможности ее применения к процессу чувственного познания.

В конце 1970-х годов болгарский философ Генчо Пенчев проводит сопоставление взглядов Жана-Поля Сартра и Б. Ф. Ломова на процесс формирования психического образа и выявляет принципиальное различие двух разных точек зрения: феноменологического подхода Ж.-П. Сартра и гносеологического – Б. Ф. Ломова, которое сводится к возможностям объективации образа и активности воспринимающего субъекта (Пенчев, 1978, с. 109–110).

В плане изучения чувственных проявлений психики Д. Василев разделяет гносеологический подход Б. Ф. Ломова к изучению процессов восприятий и представлений. Предлагая онтологический подход

к пониманию ощущения, он приводит цитату из книги Ломова о том, что «психология, как и каждая другая наука, не может развиваться плодотворно на основе одной-единственной категорий, несмотря на ее важность» (Василев, 1986, с. 91). Следовательно, категория «отражение» отличается ограниченной применимости к объяснению чувственных проявлений психики. Наряду с ней необходимо учитывать такие категории, как «воздействие» и «взаимодействие».

В исследовании, посвященном константности восприятия, Йордан Манчев специально анализирует подход Б. Ф. Ломова к изучению данной проблемы, определяя его как «инженерно-психологический». Он анализирует вывод Ломова о том, что «основной предпосылкой константности восприятия является не просто прошлый перцептивный опыт субъекта, а отражение ситуации, в которой находится воспринимаемый объект» (Манчев, 1980, с. 120). Болгарский автор уделяет место рассмотрению преемственности взглядов Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова на процесс восприятия в целом и его константность в частности. Он считает, что именно Б. Ф. Ломов является самым ярким продолжателем идей Б. Г. Ананьева в сфере исследования психологии восприятия.

Социально-психологические исследования по психологии управления и конфликтологии

В немалой степени научные идеи Б. Ф. Ломова оказали влияние и на развитие разных областей болгарской психологии. Особый отзвук они получили в сфере психологии управления. Известный болгарский представитель данной психологической дисциплины Филип Генов работал в тесном сотрудничестве с Б. Ф. Ломовым. В своей монографии он пространно цитирует исследования российского психолога и часто ссылается на них.

Ф. Генов указывает, что работами Б. Ф. Ломова, посвященными совместной деятельности, открывается новый этап в развитии психологии управления. По-новому понимается роль автоматизации и моделирования процессов труда, которые способствуют развитию мышления и интеллектуальных способностей человека. Гуманизация психологии и усовершенствование информационной теории и практики предъявляют новые требования к руководителю трудового коллектива и организации (Генов, 1974, с. 46–53).

В 1982 г. на русском языке выходит книга Ф. Генова «Психология управления» с вступительной статьей Б. Ф. Ломова и В. Ф. Венды. В ней российские ученые высоко оценивают вклад Ф. Генова в психологию управления не только в теоретическом, но и в экспе-

риментальном плане. По словам самого автора книги, она написана под руководством Б. Ф. Ломова.

Несмотря на то, что методология современной социальной психологии изменилась по сравнению с периодом 1970–1980-х годов, новое поколение болгарских исследователей продолжает использовать идеи Б. Ф. Ломова при разработке проблем конфликтологии и психологии менеджмента (Каменова, 2011, 2012).

Заключение

Проведенный анализ применения идей Б. Ф. Ломова в болгарской психологии, осуществленный по материалам цитирования в научных публикаций, говорит о том, что его работы являются одними из самых активно цитируемых российских и зарубежных авторов. Болгарские ученые не только учились у него и испытали его сильное идейное влияние; его творчество в целом способствовало развитию новых научных тенденции гуманизма в болгарской психологической науке последних десятилетий XX столетия.

Литература

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М., 2006.
- Русалов В. М. Сопоставления психологов Придунайских стран // Вопросы психологии. 1982. № 1. С. 150–153.
- Брушлински А. В. Психология на субекта. Велико Търново, 2013.
- Василев Д. Психология. Ч. I. «Исторически и методологически увод». Велико Търново, 1986.
- Генов Ф. Психологически аспекти на управлението. София, 1974.
- Иванов Ст. Професионално педагогическо общуване. Шумен, 2004.
- Каменова Д. Конфликтологичната компетентност на мениджера. Варна, 2011.
- Ломов Б. Ф. Състояние и перспективи на развитие на психологическата наука в СССР // Психология. 1977. Година V. Брой 5. С. 269–289.
- Манчев Й. Константност на възприятията за величина при приемане на образна информация // Годишник на Софийския университет. Философски факултет. Кн. «Психология». Т. LXXII. София, 1979. С. 117–148.
- Пенчев Г. Философско-естетическите възгледи на Жан-Пол Сартър. София, 1978.

Янкулова (Цветкова) Й. Дефиниране на понятието за общуване в психологическата литература // Образование. 2006. К. 4. С. 77–86.

The application of the idea of the psychological theory of B. F. Lomov in Bulgarian science

M. D. Nyagolova (Veliko Turnovo, Bulgaria)

Candidate of psychological Sciences, associate Professor, University of Veliko Turnovo “Sts Cyril and Methodius”

There port is educated to the study of the application of psychological theory of the eminent Russian psychologist B. F. Lomov, on Bulgarian Psychology. The evaluation of the significance of his ideas in such psychological fields as methodology and theory of psychology, general psychology, psychology of communication, management psychology is analyzed.

Keywords: methodology of Psychology, general psychology, Psychology of communication, management Psychology, cognition Psychology.

Принципы системного подхода в психологии как основного инструмента познания психики в концепции Б. Ф. Ломова

Н. Н. Обозов, О. Д. Полежаева** (Санкт-Петербург)*

** доктор психологических наук, профессор кафедры социальных технологий РАНХиГС при Президенте РФ;*

e-mail: apptmspb@gmail.com

*** аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ; e-mail: polezhaevaolga@yandex.ru*

Статья посвящена теоретическому изучению личности выдающегося отечественного ученого Б. Ф. Ломова как разносторонней личности, в работах которого нашли отражение различные направления психологии, также рассмотрены профессиональные достижения Б. Ф. Ломова в психологической науке. Потенциал системного подхода в психологии связывается с использованием как классических положений психологии, сформулированных еще при жизни Б. Ф. Ломова, так и результатов ее дальнейшего развития, в том числе и описанных в настоящей статье.

Ключевые слова: Б. Ф. Ломов, исследование, личность, психология, системный подход.

Сознательная деятельность людей, направленная на максимально возможное раскрытие и использование ими своего потенциала, является основной движущей силой развития общества, культуры, цивилизации. Успешность социально-экономического и культурного развития каждого государства сегодня во многом зависит от того, создана ли в нем система, позволяющая выявлять наличие значимого для различных сфер профессиональной деятельности потенциала у членов общества, и создаются ли условия для эффективного использования этого потенциала на благо не только социально-экономического, но и личностного развития.

Еще в древнеегипетской, древнеиндийской и античной философии прослеживается выделение трехкомпонентной структуры человеческого поведения, в котором проявляется психика – когнитив, аффект, конатив.

Философы древности строили свои теории, исходя из практического наблюдения и размышления над окружающей действительностью. Непосредственность наблюдаемых явлений, в том числе поведения и жизнедеятельности других людей и своего собственного, давала общую картину, облегчающую выделение главных и второстепенных признаков, присущих человеку. Не будучи вооруженными сложной методикой и техникой биологических и социальных наук нашего времени, они видели и оценивали явления в их целостности и неразрывности. Однако характерно, что при целостном описании поведения человека и группы людей, они выделяли три составляющих его компонента:

- познавательный (информационный, когнитивный);
- аффективный (эмоционально-коммуникативный, мотивационно-потребностный);
- практический (поведенческий, регулятивный) (Ильин, 2016).

Сложившееся в определенное историческое время гармоничное сочетание этих трех компонентов в индивидуальности Б. Ф. Ломова обеспечило появление понятия системного подхода в психологии как основного инструмента познания психики. Он рассматривал психические процессы как системные, органически вписанные во всеобщую взаимосвязь явлений и процессов материального мира и сами выступающие по отношению к ним как органическое единство при раскрытии своих уникальных качеств. Согласно Б. Ф. Ломову, понимание психического предполагает его анализ в плане воздействия на него совокупности внешних и внутренних отношений, с которыми оно вступает в связь, прежде всего, в качестве единого целого (Ждан, 2012).

Исследователь исходил из того, что психическое выступает как отражение действительности и активное отношение к ней, как природное и социальное, сознательное и бессознательное.

Психика как система, по Б. Ф. Ломову, – это многомерное, иерархически организованное динамическое целое. В этой связи им ставилась задача выявления множественности систем бытия человека по отношению к единству его психических свойств (Ломов, 1975).

Ядро его системного подхода образуют следующие шесть основных принципов:

- 1) Психические явления должны восприниматься и анализироваться с нескольких сторон: как некоторая качественная единица, как внутреннее условие взаимосвязи и взаимодействия объекта со средой, как совокупность качеств, приобретаемых индивидом, и как результат активности микросистем организма. Целостное описание явления предполагает сочетание всех планов исследования.
- 2) Психические явления многомерны, а потому они должны рассматриваться с разных сторон и в различных системах измерения.
- 3) Система психических явлений состоит из многих уровней, психика в целом разделяется на когнитивную, коммуникативную, регулятивную, каждая из которых также разделяется на уровни.
- 4) Свойства человека организованы в единое целое, по своему строению напоминающее пирамиду: на вершине находятся основные психические свойства, в основании – свойства, их раскрывающие, грани представляют собой различные категории психических свойств. Отсюда следует, что при системном рассмотрении необходимо учитывать совокупность свойств различного порядка.
- 5) Целостное познание психического явления подразумевает учет множественности его детерминант. В их число входят причинно-следственные связи, общие и специальные предпосылки психических явлений, опосредствующие звенья, различные внешние и внутренние факторы. Одни и те же детерминанты могут в одних условиях выступать в роли предпосылок, а в других – в роли самостоятельного фактора или опосредующего звена.
- 6) Психические явления должны изучаться в их динамике и развитии. Целостность и дифференцированность психических явлений возникают, формируются или разрушаются в ходе развития человека как их носителя, жизнь которого сама представляет собой полисистемный процесс. Таким образом, психическое развитие человека можно представить, как постоянное движение, возникновение, формирование и преобразование его основных качеств и свойств (Ломов, 1975, 1984).

На самом высоком уровне человек рассматривался Б. Ф. Ломовым в системе человеческих отношений и изучался как личность. Предметом исследования в этом случае являются психология личности и социально-психологические явления. На следующем уровне личность рассматривается с точки зрения ее собственных свойств и структуры, в контексте ее деятельности и непосредственного по-

ведения. На еще более низком уровне изучаются процессы и состояния человека, его восприятие, мышление, память. Этот уровень связывает психологию с физикой и математикой, а следующий – с нейрофизиологией и биологическими науками. Низший уровень находится в области исследований нейродинамики и физиологического обеспечения психических процессов. Данная схема показывает связь психологии с другими науками, а кроме того, дает основание для систематизации получаемых в психологии данных (Марцинковская, 2011).

Работы Б. Ф. Ломова были посвящены анализу общепсихологических проблем – экспериментальное изучение особенностей пространственных представлений и зрительного восприятия, выявление роли осязания в осуществлении практических действий, применение эксперимента в психофизических исследованиях, рассмотрение особенностей формирования и преобразования чувственных образов, исследование памяти и воображения (Ломов, 1979). Можно выделить основные его труды – «О взаимосвязи психологии и физиологии в исследовании восприятия», «Психология в системе наук и в общественной практике», «Сознание, мозг и внешний мир» и др. Он показал роль антиципации в структуре деятельности и разработал концепцию уровней процессов антиципации. Проблема образа рассматривалась им применительно к особенностям конкретных видов деятельности, раскрывались также роль и функции психического образа в регуляции деятельности (Ломов, 1966).

Значительное внимание Б. Ф. Ломов уделял коммуникативным функциям психики, проблемам общения, психологии управления и психологии личности; исследовал взаимосвязи познания и общения, общения и деятельности. В частности, им был проведен психологический анализ деятельности летчиков и космонавтов.

Б. Ф. Ломов исследовал категориальный аппарат психологической науки, показал место и роль психологии в системе других наук, внутреннее единство психологического знания. В его работах содержится анализ современного состояния и развития психологии, определяются пути построения ее теории, раскрываются взаимосвязи теории, эксперимента и практики в психологии. В последние годы большое внимание Ломов уделял вопросам истории отечественной психологии, пытаясь собрать воедино и сохранить все ценное, что было создано в русской и советской психологической науке (Ильин, 2016).

Б. Ф. Ломов – создатель научной школы в инженерной психологии. С конца 1950-х годов он занимался проблемами применения психологических законов в производственной сфере жизни людей.

Серьезное внимание также уделялось Ломовым изучению коммуникативных функций психики. В связи с этим он обратился к проблеме общения, выдвинув и глубоко обосновав общепсихологический подход к ее исследованию. Им была предложена, всесторонне теоретически обоснована и эмпирически исследована проблема «общение и познавательные процессы». В контексте общения непосредственно Ломовым, его учениками и последователями изучены различные психические процессы, свойства и состояния. В результате был создан ряд трудов: «Проблема общения в психологии», «Общение и познание», «Психологические исследования общения» и др.

1960-е годы в нашей стране ознаменовались серьезными сдвигами в области научно-технического прогресса. Появление новых сложных технических устройств, развитие автоматизации производства объективно выдвигало на повестку дня и делало остро актуальной проблему взаимодействия человека и техники. Борис Федорович, уловив и осознав указанную тенденцию, включается в разработку новых сложных и ответственных проблем, став, по существу, одним из создателей отечественной инженерной психологии. Предмет его изучения – проблемы информационного взаимодействия человека и технических устройств; поиск оптимальных форм и способов управления механизмами и технологическими процессами; исследование закономерностей приема, переработки, хранения и использования информации; рассмотрение человека как центрального звена системы управления и субъекта трудового процесса. Им были определены основополагающие принципы советской инженерной психологии, ее программа, задачи и пути развития. Этим проблемам посвящены такие работы Ломова, как «Человек и техника» (1966), получившая первую премию ЛГУ; «Человек в системе управления» (1967); позже – «Человек и автоматы» (1984) и др. Б. Ф. Ломов изучал вопросы информационного взаимодействия человека и технических устройств, поиска средств отображения информации и оптимальных форм и способов управления механизмами и технологическими процессами, исследовал также ряд теоретических и практических проблем психологической оценки и проектирования современной техники.

Теоретические, экспериментальные и прикладные работы Б. Ф. Ломова оказали влияние на появление новых направлений психологических исследований, отвечающих интересам смежных научных дисциплин. Он разработал и прочитал оригинальные курсы лекций по общей и экспериментальной психологии, инженерной психологии и психологии труда.

Интерес к людям, талант общения, системный способ мышления – наиболее яркие черты личности Бориса Федоровича, удивительным образом преломившись в научном творчестве ученого, стали основополагающими принципами психологического познания в его трудах. Масштаб ученого определяется перспективностью и исторической востребованностью его идей. Масштаб личности определяется теми добрыми делами, которые сотворил человек, тем позитивным следом, который он оставил в умах и сердцах людей. И с этой точки зрения, и идеи, и человеческий образ Бориса Федоровича выдержали испытание временем. Они по-прежнему живы, ориентируют нас и помогают в решении наших научных и жизненных проблем, являются критериями их оценки; они задают перспективу завтрашнего дня психологической науки.

Литература

- Ждан А. Н. История психологии от Античности до наших дней. М., 2012.
- Ильин Г. Л. История психологии: Учебник для академического бакалавриата. Люберцы, 2016.
- Ломов Б. Ф. Человек и техника: Очерки Инженерной психологии. 2-е изд. М., 1966.
- Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
- Ломов Б. Ф. Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. 1979. № 10. С. 35–45.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Марцинковская Т. Д. История психологии: Учебник для вузов. М., 2011.
- Марцинковская Т. Д., Юревич А. В. История психологии. М., 2008.

The principles of system approach in psychology as the main instrument of mentality knowledge in B. F. Lomov's concept

N. N. Obozov, O. D. Polezhayeva** (St Petersburg)*

* Doctor of psychological Sciences, professor of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management, branch of RANEPA,

** Postgraduate at the Faculty of Social Technologies, The North-West Institute of Management, branch of RANEPA

The article is devoted to the theoretical study of the personality of the outstanding Russian scientist B. F. Lomov as a versatile personality, whose works reflected the various areas of psychology, is also considered profes-

sional achievements B. F. Lomov in psychological science. The potential of the systemic approach to psychology associated with the use of both classical provisions psychology, formulated during the life of B. F. Lomov, and the results of its further development, including those described in this article.

Keywords: B. F. Lomov, research, personality, psychology, system approach.

«Птенцы казанского гнезда» В. М. Бехтерева: судьбы и достижения ученых первой экспериментальной психологической лаборатории в России¹

Ю. Н. Олейник, В. А. Кольцова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного
университета; e-mail: yurii03@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, заместитель директора
Института психологии РАН; e-mail: fofus@mail.ru*

Рассматривается деятельность В. М. Бехтерева как создателя и руководителя первой в России экспериментально-психологической лаборатории в Казани (1885), а также судьбы некоторых его учеников, работавших в тот период в лаборатории. Выявлены особенности взаимоотношений и последующего взаимодействия между ними.

Ключевые слова: экспериментальная психология в России, В. М. Бехтерев, научный руководитель и его ученики, научная школа.

В процесс становления и формирования экспериментальной психологии в России был вовлечен достаточно большой круг ученых. Значительная часть из них хорошо известна современным специалистам. Правда, в первую очередь, все же речь идет о наиболее известных ученых, создателях научных школ, руководителях экспериментально-психологических лабораторий и институтов. Менее известны широкому психологическому сообществу жизнь и творчество тех, кто работал под их руководством, кто, поверив в возможности нового метода изучения психических явлений, вносил свой вклад в формирование отечественной экспериментальной психологии. И этому есть объяснение.

Во-первых, к работе в экспериментально-психологических лабораториях (кабинетах) нередко привлекались молодые ученые

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10857а.

и студенты, которые впоследствии не продолжили исследовательские изыскания в области психологии. Кто-то ушел в медицинскую или педагогическую практику, кто-то вообще покинул научную сферу деятельности.

Во-вторых, в лабораториях проводили исследования не только психологи, но и врачи, физиологи, философы, педагоги которые, сегодня, более широко известны в своих исследовательских областях, а не в психологии¹.

В-третьих, бурные события в истории России XX в. привели к тому, что были утрачены многие архивы и документы, характеризующие деятельность научных учреждений и работавших в них сотрудников. И сегодня требуются достаточно серьезные усилия, чтобы буквально по крупицам восстановить жизненную траекторию отдельных ученых, особенно если они не входят в круг корифеев науки. Тем не менее, представляется важным проследить судьбы тех, кто работал в первых экспериментально-психологических лабораториях. И не только потому, что они, независимо от их дальнейшей судьбы, уже вписали свои имена в историю отечественной экспериментальной психологии, но и для понимания того, в какой мере экспериментальный стиль мышления, сформировавшийся в изучении психологических явлений, распространялся в другие области знания или проявлялся в последующей деятельности ученых. Это важно и для понимания истоков и особенностей научных психологических школ, взаимоотношений внутри них и между ними, восстановления целостной картины развития психологии в нашей стране.

Для примера рассмотрим жизнь и творчество лиц, упоминаемых в связи с деятельностью первой отечественной экспериментально-психологической лаборатории, созданной В. М. Бехтеревым в Казани.

Несмотря на то, что деятельность В. М. Бехтерева привлекает постоянное внимание специалистов (две последние конференции прошли в текущем году в Санкт-Петербурге² и Каза-

1 Это неудивительно, учитывая, что в лаборатории В. М. Бехтерева было три отдела – морфологический, физиологический и психологический, располагавшиеся в левом крыле главного здания Казанского университета (Менделевич).

2 Научно-практическая конференция с международным участием «Школа В. М. Бехтерева: от истоков до современности», посвященная 160-летию со дня рождения Владимира Михайловича Бехтерева и 110-летию Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, состоялась 18–19 мая 2017 г. в Санкт-Петербурге.

ни¹⁾, остаются еще не проясненные моменты в деятельности ученого и его учеников. В частности, отсутствует выверенный список людей, работавших с ним в созданной им лаборатории, лишь контурно очерчены взаимоотношения между ними, а также недостаточно известна роль «казанского периода» их деятельности в их дальнейшей судьбе.

Анализ историко-психологической литературы и архивных документов по истории отечественной экспериментальной психологии позволил выявить следующий круг лиц, упоминаемых в связи с деятельностью этих лабораторий:

1. С. Е. Драпкина и М. Я. Полякова, указывая, что в лаборатории работало более 20 человек, приводят следующие фамилии: «Н. Н. Реформатский, М. К. Валицкая, Б. И. Воротынский, С. Д. Колотинский, П. А. Останков, А. А. Диомидов, М. С. Добротворский, А. М. Токарский и др.» (Драпкина, Полякова, 1985, с. 123).
2. Е. А. Будилова и В. А. Кольцова называют следующие имена врачей, физиологов, психологов: В. И. Васильев, М. К. Валицкая, Б. И. Воротынский, В. Н. Васяткин, А. В. Диомидов, Н. Н. Реформатский, И. К. Мейер, П. А. Останков и др. (Будилова, Кольцова, 1985, с. 96).
3. Д. М. Менделевич отмечает, что в Казани оформилась первая научная школа В. М. Бехтерева, а его учениками были П. П. Останков, В. И. Левчаткин, И. К. Мейер, Н. Я. Смелов, Н. Н. Реформатский, Б. И. Воротынский, С. Д. Колотинский, М. К. Валицкая, К. К. Васильев.
4. О. А. Костина в своей диссертации приводит следующие фамилии «сотрудников кафедры психиатрии», проводивших исследования в лаборатории: В. И. Васильев, М. К. Валицкая, Б. И. Воротынский, А. В. Диомидов, Н. Н. Реформаторский, П. А. Останков, С. Д. Колотинский, А. М. Токарский и др. (Костина, 2006, с. 4).

Сам В. М. Бехтерев в своей автобиографии, изданной в 1928 г., подробно описывает «казанский период» своей научно-педагогической деятельности и пишет относительно интересующего нас вопроса: «Здесь в Казани образовалась и первая школа моих учеников, из которых вышли будущие профессора П. О. Останков, Б. И. Воротынский и директора и врачи больших психиатрических учрежде-

1 Научно-практическая конференция «Школа В. М. Бехтерева: от истоков до современности», в которой приняли участие более 200 научных сотрудников и врачей, прошла 30 июня 2017 г. в Казани на базе Республиканской клинической психиатрической больницы им. акад. В. М. Бехтерева.

ний – д-ра Васильев, Диомидов, Мальцев, Мейер, Колотинский, Реформатский и др.» (Бехтерев, 1928, с. 18).

Конечно, когда мы говорим о научной школе¹, то всегда, в первую очередь, имеем в виду идеи, которые отличают ее представителей, но при этом часто забываем о тех, кто их создавал, развивал, воплощал в научных и практических разработках. Как сложилась их дальнейшая судьба, какие взаимоотношения были между ними, участвовал ли В. М. Бехтерев в их дальнейшей судьбе? Ответы на эти и ряд других вопросов, характеризующих и деятельность самого В. М. Бехтерева как наставника и ученых, включенных в эту деятельность, представляются актуальными и важными. Что же известно о тех, кто составил «первый круг» учеников В. М. Бехтерева, проводя исследования рядом с ним и под его руководством в казанской лаборатории ученого?

Надо отметить, что воссоздание биографий, да и самого списка этих людей, уже представляет определенные трудности, поскольку в отдельных случаях встречаются различное написание инициалов исследователей, часто не указываются даты их жизни, а иногда – и полные имена и отчества. По большей части это связано с техническими погрешностями при подготовке материалов к печати и банальными опечатками, однако необходимо сделать все возможное, чтобы эти неточности не повторялись в дальнейшем.

Обобщая приведенные сведения в историко-психологической литературе, проведя специальную поисковую библиографическую и историко-архивную работу, можно указать достаточно полный и точный (на данный момент) список тех, кто упоминается в связи с деятельностью в первой отечественной экспериментальной психологической лаборатории, и дать подтвержденные сведения о них.

К числу тех, о жизни и научно-практической деятельности которых сохранились достаточно полные сведения, можно отнести Петра Александровича Останкова (1867–1949), Бронислава Ивановича Воротынского (1865–1925), Николая Николаевича Реформатского (1855–1921), Сергея Диомидовича Колотинского (1869–1921).

П. А. Останков после окончания в 1886 г. Казанской гимназии поступает в Императорский Казанский университет, который успешно заканчивает в 1892 г. На выпускном курсе под руководством В. М. Бехтерева проводит исследование «Психометрические из-

1 Как отмечают Драпкина и Полякова, именно «в Казанской лаборатории впервые стал зарождаться один из тех научных коллективов с особым направлением и традициями в характере исследований, который вошел в историю отечественной науки как бехтеревская школа» (Драпкина, Полякова, 1985, с. 123).

мерения над здоровыми: изменение скорости психических процессов в различное время дня» и в 1893 г. становится сверхштатным ассистентом на кафедре психиатрии. В 1894 г., вслед за своим учителем и по его приглашению, переезжает в Санкт-Петербург и работает сначала врачом, а затем (1898) – заведующим отделением Клиники нервных и душевных болезней Петербургского клинического военного госпиталя, продолжая сотрудничать с В. М. Бехтеревым. Об этом свидетельствует тот факт, что он избирается секретарем, а затем и заместителем председателя Общества петербургских психиатров; с 1896 г. становится секретарем организованного Бехтеревым журнала «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии». После возвращения из годичной зарубежной командировки (1899) защищает диссертацию на степень доктора медицины (1890). В 1908 г. становится одним из первых профессоров созданного В. М. Бехтеревым Психоневрологического института, а в 1912 г. возглавляет женскую психиатрическую клинику института. В 1918 г. Останков назначается заведующим кафедрой психиатрии в Женском медицинском институте, а затем (1922, 1932) организует и руководит работой ряда клиник при психиатрических больницах. Интересно, что П. А. Останков был единственным отечественным психиатром, который в 1926 г. получил приглашение принять участие в похоронах Эмиля Крепелина, лекции которого он слушал во время своей зарубежной командировки. В 1936 г. ученому присваивают звание Заслуженного деятеля науки РСФСР¹. Великую Отечественную войну П. А. Останков встретил, работая в клиниках психиатрической больницы им. И. М. Балинского и 2-й психиатрической больницы. После временной эвакуации в Кисловодск в 1943 г., где он работал в филиале 1-го Ленинградского медицинского института, ученый возвращается в Ленинград. Скончался П. А. Останков в 1949 г. (Санкт-Петербургская психиатрическая..., 2012, т. 1, с. 808–811).

Б. И. Воротынский в 1890 г. окончил курс медицинских наук в Казанском университете и в 1892 г. сначала временно, а с 1894 г. на постоянной основе занял должность сверхштатного ассистента при кафедре психиатрии Казанского университета, которую возглавлял В. М. Бехтерев. В 1890 г. он совместно с Е. Геником в газете «Врач» (1890, № 16) опубликовал статью «Психометрические исследования над лицами, приведенными в состояние гипноза» по результатам работы с В. М. Бехтеревым. Впоследствии после защиты

1 Возможно, на это повлиял тот факт, что в 1933 г. ученый получил почетное предложение из Нобелевского комитета принять участие в конкурсе на соискание Нобелевской премии.

в 1897 г. диссертации на степень доктора медицинских наук Б. И. Воротынский работал старшим врачом Одесской городской психиатрической больницы и одновременно в 1905 г. вел преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента Новороссийского университета по кафедре нервных и душевных болезней. В 1915–1917 гг. он становится директором Томской окружной лечебницы для душевнобольных и преподает в качестве приват-доцента в Томском университете. В 1917 г. Воротынский возвращается в Новороссийский университет на преподавательскую работу, а с 1920 г. в качестве профессора возглавляет клинику судебной психопатологии в Одесской медицинской академии (институте) и работает профессором Одесского клинического института (1920–1922). С 1922 г. до скоропостижного ухода из жизни в 1925 г. Б. И. Воротынский возглавлял в Таврическом (Крымском) университете в Симферополе кафедру психиатрии и неврологии¹.

Хорошо известна судьба и еще одного ученика В. М. Бехтерева – *Н. Н. Реформатского*. После окончания в 1881 г. медицинского факультета Казанского университета он в течение 7 лет работал земским врачом в родном городе Юрьевце, а с 1888 по 1892 г. – ординатором на кафедре психиатрии Казанского университета под руководством В. М. Бехтерева. Впоследствии, уже являясь врачом Московской земской психиатрической больницы в селе Покровско-Мещерском, он защищает диссертацию в Императорской Военно-Медицинской академии в Санкт-Петербурге (1893). Затем (с мая 1895) работает главным врачом в Новознаменской больнице-колонии для душевнобольных хроников в Санкт-Петербурге и в 1902 г. становится (не без поддержки В. М. Бехтерева) главным врачом больницы св. Николая Чудотворца, в то время крупнейшей психиатрической больницы страны. В 1906 г. Реформатский был направлен в командировку за границу для ознакомления с организацией посемейного призрения, после возвращения из которой вновь приступает к работе в Новознаменской больнице, возглавляя ее вплоть до закрытия в 1917 г. В 1911 г. он избирается председателем психиатрического бюро при больничной комиссии, фактически возглавив психиатрическую службу Санкт-Петербурга. С началом Первой мировой войны Н. Н. Реформатский в качестве уполномоченного Красного Креста по эвакуации и оказанию помощи душевнобольным воинам Северо-Западного фронта принимает участие в организации госпиталей для душевнобольных воинов, в том числе и в Санкт-Петербурге,

1 Архив Одесского национального медицинского университета. Личное дело проф. Б. И. Воротынского. № 234. Л. 1–48.

и руководит эвакуацией душевнобольных с оккупированных территорий. Скончался Н. Н. Реформатский от болезни в Петрограде в 1920 г. (Санкт-Петербургская психиатрическая..., 2012, т. 1, с. 557–558).

Достаточно полно восстановлена и судьба еще одного ученика Бехтерева – С. Д. Колотинского (1869–1921). После окончания гимназии с серебряной медалью в 1887 г. он поступает на медицинский факультет Императорского Казанского университета, который успешно заканчивает в 1893 г. и занимает должность сверхштатного ординатора клиники Казанского университета и работает в этой должности в течение двух лет. После отъезда В. М. Бехтерева в Санкт-Петербург осенью 1893 г. С. Д. Колотинский в 1895 г. становится сверхштатным чиновником департамента МВД, а вскоре получает должность ординатора Петербургской Новознаменской больницы. Здесь он работает под руководством еще одного ученика Бехтерева казанского периода, Н. Н. Реформатского, который был старшим врачом больницы. После защиты в 1902 г. в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге диссертации на звание доктор медицины¹, С. Д. Колотинский назначается директором Винницкой окружной психиатрической лечебницы (1902), а в 1907 г. – главным врачом только что открывшейся Московской окружной больницы, располагавшейся в селе Троицкое Молодинской волости Подольского уезда Московской губернии (ныне – Психиатрическая больница № 5 Департамента здравоохранения Москвы²). Проработав в больнице 10 лет, в мае 1917 г. он покидает больницу и возвращается в Москву. О последних годах жизни С. Д. Колотинского ничего не известно, кроме даты смерти – 1921 г. (Колотинский, 2016).

Меньше сведений имеется о единственной женщине, упоминаемой в связи с деятельностью в лаборатории, – *Марии Константиновне Валицкой* (1861–1912). Вот что сообщает о М. К. Валицкой исследователь проблем женского высшего образования в России А. В. Толстогорытова: «Мария Константиновна Валицкая (1861–1912), происходившая из семьи одесских врачей, в 1882 г. выехала в Цюрих, где

-
- 1 Интересно отметить, что диссертация С. Д. Колотинского «Хронические отравления спорыньей и наблюдаемые при них изменения в центральной нервной системе у животных» (1902) продолжала исследования Н. Н. Реформатского, диссертация которого, защищенная тоже в ВМА в 1893 г., называлась «Душевное расстройство при отравлении спорыньей (болезнь „злая корча“)».
 - 2 В 50-е годы XX в. в этой больнице читал лекции для ее сотрудников известный психолог В. Н. Мясичев, а консультации для врачей проводила не менее известный психолог Б. В. Зейгарник.

слушала курс медицинских наук и принимала деятельное участие в деятельности эмигрантских организаций. После обучения в Цюрихе завершила образование в Петербурге, где училась у В. М. Бехтерева и в 1884 г. была награждена степенью доктора в области медицины. Работала врачом-психиатром в Чернигове и Санкт-Петербурге. Является автором ряда научных работ по вопросам здравоохранения» (Толстокорова, 2013). Практически такая же информация повторяется этим же автором и в другой публикации (Толстокорова, 2014, с. 104–105). Примечательно, что работа М. К. Валицкой с В. М. Бехтеревым в Казани автором даже не упоминается. Между тем именно М. К. Валицкая провела экспериментально-психологическое исследование «К вопросу о психофизических измерениях у душевнобольных (психометрическое исследование)», на результаты которого ссылался Бехтерев в своих публикациях.

К сожалению, объем данной публикации не позволяет привести все выявленные сведения о других исследователях, работавших с В. М. Бехтеревым в «казанский период» его творчества. Несомненным остается только одно – общение и взаимодействие учителя и его учеников продолжалось и на последующих этапах их жизни и творчества, вне зависимости от сферы их научных и практических интересов, а так же то, что «казанцы» усвоили стиль научной деятельности своего учителя и старались ему следовать. Очень ярко и точно эту мысль выразил один из последователей В. М. Бехтерева, психиатр Г. В. Рейтц (1876–1948): «Главные отличительные черты творчества В. М. [Владимира Михайловича Бехтерева. – Ю. О., В. К.]: вечное стремление вперед, безбрежность и универсальность задач, планов, проблем, исходящих из человеческой личности, тщательно изучаемой, от нервной клетки до гения, строгая фактичность, полная объективность, отсутствие боязни самого неожиданного факта, самой парадоксальной гипотезы и вместе с тем резкое отграничение от всякой фантастики, метафизики, мистики. Вот что отличает В. М. как научного творца и мыслителя... Эти же качества отличают его как организатора-созидателя, и это ярко выразилось в его школе: единоклассия, которым отличаются обыкновенные школы, нет в помине: трудно представить себе более разнообразную, расходящуюся в противоположных направлениях группу людей, с большими колебаниями интересов и установок, чем его ученики» (Рейтц, 2012, с. 510–511).

Обобщая жизненный и творческий путь исследователей, участвовавших в работе первой отечественной экспериментально-психологической лаборатории, созданной В. М. Бехтеревым в Казани (1885), можно сделать ряд выводов.

1. За 8 лет (1885–1893) работы В. М. Бехтерева в Казани круг исследователей, сотрудничавших с ним и работавших под его руководством, оказывается достаточно широким. В наибольшей мере на сегодня изучена судьба таких учеников В. М. Бехтерева «казанского периода», как Петр Александрович Останков (1867–1949), Николай Николаевич Реформатский (1855–1921), Bronislav Иванович Воротынский (1865–1925), Сергей Диомидович Колотинский (1869–1921), Мария Константиновна Валицкая (1861–1912). О других есть лишь справочная информация (см., например: Русские..., 2011).
2. Многие из сотрудников и учеников В. М. Бехтерева стали впоследствии известными учеными или авторитетными специалистами в своих областях, в первую очередь, в области психиатрии; защитили диссертации на степень докторов медицины. Следовательно, интерес к науке, возникший у многих еще на студенческой скамье, не угас, и в этом, как представляется, большая заслуга личности самого В. М. Бехтерева.
3. Значительная часть «птенцов казанского гнезда», так же как и их учитель В. М. Бехтерев, впоследствии совмещали конкретную организационную и практическую работу в области медицины с преподавательской и исследовательской деятельностью. Тем самым обеспечивалась интеграция научных достижений с их практической реализацией и транспонированием полученного опыта в педагогическую деятельность по подготовке новых исследовательских кадров.
4. В. М. Бехтерев внимательно следил за судьбой своих учеников и впоследствии с некоторыми из них тесно сотрудничал. Да и сами исследователи, работавшие в первой отечественной экспериментально-психологической лаборатории, несмотря на различия их жизненных траекторий, не только продолжали общение, но и оказывали друг другу поддержку и даже разрабатывали общие научные темы.

В завершение отметим, что можно согласиться с оценкой, высказанной одним из учеников В. М. Бехтерева об его отношении к своим ученикам и последователям: «...сотни... учеников находили отклик, понимание, сочувствие и содействие у В. М. [Владимира Михайловича Бехтерева. – Ю. О., В. К.], никого он не калечил, он шел навстречу всякому предложению, не отказывал ни в одной работе, только требовал непременно условием точную анатомическую и физиологическую подготовку. Всякая работа, выходящая из лаборатории В. М., должна была давать новые факты» (Рейтц, 2012, с. 511).

На примере первой плеяды учеников В. М. Бехтерева отчетливо видна плодотворность и конструктивность отношений между «Учителем» и «Учениками».

Литература

- Бехтерев В. М.* Автобиография // Библиотека «Огонек». М., 1928. № 316.
- Будилова Е. А., Кольцова В. А.* 100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории // Вопросы психологии. 1985. № 6.
- Драпкина С. Е., Полякова М. Я.* К истории организации В. М. Бехтеревым психофизиологической лаборатории при Казанском университете (октябрь 1885 г.) // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 123–127.
- Колотинский В. Н.* Директор лечебницы. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2016.
- Костина О. А.* Психическое здоровье как проблема возрастной и педагогической психологии в наследии В. М. Бехтерева: Дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2006.
- Менделевич Д. М.* В. М. Бехтерев в клиниках Западной Европы (в 1884–1885 годах) и в Казани // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2010. № 1. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 20.07. 2017).
- Рейтц Г. В.* Личность В. М. Бехтерева // Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Т. II. «Антология». СПб., 2012. С. 509–512.
- Русские и российские психиатры, невропатологи и психотерапевты: биографический справочник / Сост. А. Е. Архангельский. СПб., 2011.
- Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Т. I–II. Антология. СПб., 2012.
- Толстокорытова А. В.* Роль пространственной эмансипации в формировании гендерной идентичности украинских образованных женщин (конец XIX–начало XX вв.) // Человек и культура. 2013. № 1. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.1.316. URL: http://print-ed.e-notabene.ru/ca/article_316.html.
- Толстокорова А. В.* На грани миров: вклад украинских образованных женщин в «обмен знаниями» между Западной и Восточной Европой // Метаморфозы истории: Альманах. Псков, 2014. № 5. С. 97–108.

**“Chicks nest Kazan” of V. M. Bekhterev:
destiny and achievements of scientists of first experimental
psychology laboratory in Russian**

U. N. Oleinik, V. A. Koltsova** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, associate professor, head of the department of General psychology and history of psychology of Moscow university for the humanities

** Doctor of psychological Sciences, professor, deputy director of Institute of psychology of RAS

It reviews the activities of V. M. Bekhterev as the creator and leader of Russian's first experimental psychology laboratory in Kazan (1885), as well as the fate of some of his pupils, who worked at that time in the laboratory. The features and the relationship of subsequent interaction between them.

Keywords: experimental psychology in Russia, V. M. Bekhterev, scientific director and his students, a scientific school.

Память о 1990-х годах российской истории: представления студентов

Е. С. Синельникова, Е. В. Зиновьева** (Санкт-Петербург)*

** кандидат психологических наук, ассистент кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения; e-mail: elena.sinelni@yandex.ru*

*** студентка кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения;
e-mail: lenazinvlad@yandex.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования представлений студентов об эпохе 90-х. В исследовании приняли участие 64 студента Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС), применялись методики: авторская анкета «Коллективная память» Е. С. Синельниковой, методика «Художественные стили» М. В. Иванова. Представления студентов об эпохе 90-х включают следующие аспекты: правовой, экономический, роль эпохи в судьбе государства, уровень морали в обществе, культурные течения того периода. Респонденты дают обобщенную оценку эпохи, пишут о проблеме эмиграции граждан из страны. При оценке роли эпохи в судьбе страны респонденты обращают внимание, прежде всего, на изменения в российской государственности, экономические и государственно-правовые проблемы, также отмечают изменения в социальной структуре общества, снижение уровня безопасности. Студенты значительно выше оценивают уровень безопасности в наши дни, чем в 90-е годы. Выявлены слабые, но статистически достоверные взаимосвязи направленности личности (художественных стилей) и оценки роли эпохи в судьбе страны. Практически все студенты (97%) слышали о распаде СССР, более 70% – о Конституции РФ, чеченской войне и дефолте, 42% – о «расстреле Белого Дома» и лишь 30% – о ГКЧП.

Ключевые слова: коллективная память, 90-е годы, студенты, ценностные ориентации, направленность личности.

Постановка проблемы

Наша история, воспоминания о недавних и относительно далеких исторических событиях оказывают влияние и на восприятие происходящего в современной жизни. Например, в иерархии ценностей поколения, пережившего Великую Отечественную войну, мир является одной из наиболее значимых ценностей. Современные люди средних лет в повседневных разговорах нередко говорят: «Мы прошли через 90-е»; «Мы пережили 90-е».

Эмпирические исследования показывают, что 1990-е годы оказали огромное влияние на ценностные ориентации россиян: произошла кардинальная трансформация ценностей: снизилась роль коллективистических ценностей и возросла значимость индивидуалистических ценностей (Почебут, 2012). Российская культура стала более маскулинной; повысилась толерантность к неопределенности (Лебедева, Татарко, 2007). В то же время остается открытым вопрос о стабильности произошедших изменений. В диссертационном исследовании Е. Г. Синякиной (Синякина, 2012), посвященном особенностям русской крестьянской культуры, было показано, что в системе ценностных ориентаций представителей русской культуры традиционно присутствуют коллективистические ценности. Возможно, в разные исторические периоды в сознании людей преобладают то коллективистические, то индивидуалистические ценности. В 1990-е годы произошел сдвиг в сторону индивидуалистических ценностей, а в будущем может возобладать противоположная тенденция.

Драматическая роль 1990-х годов в истории страны обусловила интерес к изучению представлений современной молодежи об этом периоде.

Понятие «коллективная память» ввел М. Хальбвакс, считавший, что историческая память группы является интерактивной, социально конструируемой и дает ориентиры индивидуальному сознанию (Хальбвакс, 2005). В коллективной памяти сохраняются самые важные события истории, причем наиболее полное запоминание происходит при активной попытке стереть их из памяти (Емельянова, 2006). На представления о событиях прошлого влияют события настоящего. Понятия «историческая память», «коллективная память», «социальная память» являются очень близкими. Историческая память определяется как коллективная память («в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы») или как социальная память («в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества») (Положенцева, Кашенко, 2014, с. 42–43).

Историческая память включает, как научные знания, так и обыденные представления (там же) и подразделяется на общую и личную. Личная историческая память человека формируется, прежде всего, под влиянием ближайшего социального окружения человека (там же).

Эмпирическое исследование представлений современной студенческой молодежи о 1990-х годов

Целью эмпирического исследования было изучение представлений современной студенческой молодежи о периоде 1990-х годов в истории нашей страны.

В исследовании приняли участие 64 респондента: студенты технических специальностей (39 чел.) и психологи (25 чел.) Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС) (средний возраст – 19,38 года).

В исследовании применялись следующие методики: анкета «Коллективная память» Е. С. Синельниковой и методика «Художественные стили» М. В. Иванова (Иванов, 2006).

Анкета «Коллективная память» была разработана специально для исследования представлений студенческой молодежи о рассматриваемом периоде. В 2016 г. она была апробирована в исследовании на выборке 30 студентов ПГУПС (56,7% девушек) в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст – 19,57 года). На основе анализа ответов на вопросы анкеты об ассоциациях, связанных с 1990-ми годами, были выделены следующие категории:

- семейно-автобиографические («счастливое детство», «старая квартира», «я родилась, друзья родились»);
- эмоционально-оценочные («страх», «грубое и некрасивое время»);
- экономические («разруха», «появление иностранных товаров», кризис 98);
- правовые («бандитизм», «разгул»);
- культурные («панки», «музыка»).

На основе результатов исследования анкета была доработана; в нее были включены закрытые вопросы, направленные на выявление общественной оценки периода, сравнение уровня безопасности в 1990-е годы и в современной России, выяснение того, знакомы ли респонденты с теми или иными событиями рассматриваемого времени.

Методика «Художественные стили» предназначена для исследования направленности личности: на малую группу, на служение

государству и обществу, на себя (Иванов, 2006). Направленность на малую группу (сентиментализм) предполагает ориентацию личности на отношения с близким кругом: семьей, друзьями. Направленность на большую социальную группу (классицизм), служение государству и обществу предполагает стремление приносить пользу своей стране, добиваться социального успеха. Направленность на себя (романтизм) включает ориентацию на свободу и независимость, максимальную реализацию своих возможностей.

На основе анализа ответов респондентов о 1990-х годах были выделены следующие категории и связанные с ними ассоциации:

- роль этого периода в судьбе страны (перестройка, разруха, распад СССР);
- обобщенная оценка периода (нестабильность, упадок, «самые интересные годы», переломный момент, 1990-е годы стали переломным моментом после брежневского застоя, роль важная, несмотря на негатив);
- экономическая сфера общества (дефолт, безработица, дефицит нищета, многие люди остались без денег);
- государственно-правовая сфера (развал СССР, Россия стала независимой, исчезновение «железного занавеса», плохо организованная власть, возрос уровень преступности, бандитизм, криминал, беззаконие, ущемление прав человека, эмиграция);
- политическая сфера (чеченская война, политическая борьба);
- изменение социальной структуры общества (развитие частного бизнеса, «рождение» большого количества олигархов);
- безопасность (люди перестали чувствовать себя защищенными, безопасность страны);
- моральное состояние общества (разврат, пьянство, безнравственность, научило людей ценить совершенно простые вещи);
- СМИ/свобода слова (новые возможности, каждый использовал свободу как умел);
- развитие культуры (рейв навсегда, кожаная куртка, отличные фильмы «Брат», «Бригада», классная музыка);
- отказ от ответа.

В наибольшей степени в сознании респондентов присутствуют представления о роли рассматриваемого исторического периода в судьбе страны (средний балл – 0,72). С помощью критерия Т Стьюдента выявлены статистически достоверные количественные различия в представленности этой категории со следующими за ними по рангу категориями – «правовая сфера» (средний балл – 0,42), и «экономическая сфера» (средний балл – 0,41) – $t=2,04$, $p<0,05$ и $t=2,76$, $p<0,01$.

Также были проанализированы взаимосвязи направленности личности (художественного стиля) и оценки респондентами роли 1990-х годов в судьбе России. Было показано, что направленность на малую группу (сентиментальный тип) негативно взаимосвязана с присутствием в описаниях респондентов ответов, относящихся к экономической категории. Оценивая роль 1990-х годов в судьбе нашей страны, респонденты, в большей степени направленные на отношения с родными, близкими, друзьями, в меньшей степени обращают внимание на экономические проблемы или возможность занятия предпринимательской деятельностью ($r = -0,259$; $p < 0,05$). Отметим, что идеал сентиментализма предполагает спокойную жизнь на лоне природы, а отнюдь не достижение материального благополучия.

Направленность на себя, собственную уникальность, реализацию своих возможностей негативно взаимосвязана с присутствием в ответах респондентов ответов, имеющих отношение к политическим событиям этого исторического периода ($r = -0,258$; $p < 0,05$). Возможно, человек, ориентированный, прежде всего, на реализацию собственных возможностей, в меньшей степени интересуется политическими событиями.

Девушки чаще отказываются отвечать на вопрос о роли 1990-х годов в судьбе страны ($t = -2,23$, $p < 0,05$), что может быть связано с их меньшим интересом к политике.

В исследовании не выявлены статистически достоверные различия в оценке роли 1990-х гг. студентами психологического направления и технических специальностей.

В анкете были перечислены основные события периода 1990-х годов: распад СССР, принятие Конституции РФ, ГКЧП, «расстрел Белого Дома», первая Чеченская война, дефолт. Мы просили респондентов подчеркнуть те события, с которыми они знакомы. В исследовании были получены следующие результаты. О том, что произошел распад СССР, знают 97% респондентов; о дефолте и чеченской войне – 73% респондентов. Практически такое же число респондентов (72%) знает о принятии Конституции РФ. В то же время о событиях ГКЧП и «расстреле Белого Дома» знают меньше половины респондентов (30% и 42% соответственно). Это может быть связано с тем, что последние события меньше освещались в прессе и в то же время, в отличие от дефолта, не затронули непосредственно большинство российских семей. Знания студентов о Конституции могут быть связаны с тем, что ежегодно в нашей стране отмечается День Конституции. Чеченская война также достаточно часто упоминается в СМИ.

Также респондентам было предложено оценить уровень безопасности в 1990-е годы и в современных условиях. Несмотря на то, что исследование проводилось через 18 дней после теракта в Санкт-Петербурге, респонденты статистически достоверно выше оценили уровень безопасности в наши дни, чем в 1990-е годы ($t=-6,33$, $p<0,001$). Средний уровень оценки безопасности в 1990-е годы – 2,66, в наши дни – 4,41 (по 7-балльной шкале). Таким образом, студенты оценивают уровень безопасности в 1990-е годы как достаточно низкий, а уровень безопасности в современной России – как средний.

Мы предполагаем, что на оценку уровня безопасности в современной России повлиял теракт в Петербургском метро 3 апреля 2017 г., в котором погибла студентка 3 курса кафедры психологии ПГУПС и пострадали еще 13 студентов ПГУПС. Здание ПГУПС находится вблизи станций метро «Сенная площадь» и «Технологический институт», на перегоне между которыми произошел взрыв. На уровне статистической тенденции выявлены различия в оценке уровня безопасности студентами-психологами и студентами технических направлений подготовки ($t=-1,8$, $p=0,073$). Студенты-психологи оценили уровень безопасности в наши дни немного ниже, чем студенты технических специальностей. В то же время студенты-психологи по сравнению со студентами технических специальностей статистически достоверно выше оценили уровень безопасности в 1990-е годы ($t=3,3$, $p<0,01$).

Заключение

На основе результатов проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод, что представления студентов о периоде 1990-х годов являются достаточно полными и всесторонними. Выделяя ассоциации, связанные с 1990-ми годами, респонденты обращают внимание на различные сферы жизни общества в этот исторический период: правовую, экономическую, роль эпохи в судьбе государства, уровень морали в обществе, культурные течения того периода, дают обобщенную оценку рассматриваемого периода, пишут о проблемах эмиграции из страны.

При оценке роли 1990-х годов в судьбе России на первый план вышла глобальная оценка роли этого периода в судьбе страны, экономические и правовые проблемы. Также респонденты отмечают изменение в социальной структуре общества (социальное расслоение), свободу слова, драматические политические события, проблемы безопасности и морального состояния общества. Значительно выше студенты оценили безопасность в современной России.

В исследовании были выявлены слабые, но статистически достоверные связи между направленностью личности и представлениями о 1990-х годах. Респонденты, ориентированные на взаимоотношения с семьей и друзьями, в меньшей степени обращают внимание на экономические реалии этого периода, а респонденты, ориентированные на себя, – на политическую жизнь эпохи. Девушки чаще юношей отказывались оценивать роль 1990-х годов в истории страны.

Различия в представленности событий в сознании респондентов могут быть связаны с несколькими факторами: освещением этих событий в современных СМИ, степенью, в которой они затронули семью респондентов, ролью их в истории страны.

Перспективы дальнейших исследований связаны с включением в выборку респондентов нескольких поколений, переживших 1990-е годы в разном возрасте.

Литература

- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. С. 137–162.
- Иванов М. В.* Историческая психология личности: Учебное пособие. СПб., 2006.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Ценности культуры и развития общества. М., 2007.
- Положенцева И. В., Кащенко Т. Л.* Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // *Власть*. 2014. № 12. С. 42–46.
- Почебут Л. Г.* Кросс-культурная и этническая психология. СПб., 2012.
- Синякина Е. Г.* Психологические характеристики русского крестьянства второй половины XIX–начала XX века: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас* 2005. № 2–3.

Collective memory of the 90th Russian history: students' representations

E. S. Sinelnikova, E. V. Zinovjeva** (Saint-Petersburg)*

** Candidate of psychological Sciences, assistant professor,
Department of Applied Psychology Saint-Petersburg Transport University*

*** Student of Department of Applied Psychology Saint-Petersburg
Transport University*

Students' representations of the dramatic era of 90th were studied. 64 students of Saint-Petersburg Transport University (mean age – 19,38) participated in the study. Questionnaires “Collective memory of the 90th” (E. Sinelnikova) and “Artistic styles” (M. Ivanov) were applied. Research has shown that students' representations include following categories: economical, legal, the role of the era in the destiny of the state, the moral level of the society, cultural currents. Participants give a brief assessment of the era, pay attention to the problem of emigration. Evaluating the role of the era in the destiny of Russia participants focus on changes in the Russian state, economical and legal problems, and the problem of crime. Representations of the era of the 90th correlate with the orientation of personality (artistic styles): self-oriented people are less focused on political events, and family/friend-oriented people pay less attention on economical problems of the era. Students appreciate the modern era as more secure in comparison to the era of 90th. Practically all students (97%) are aware of the collapse of the USSR, about 70% – about the Constitution of Russia, the first war in Chechnya and the crisis (default) of Russian economy in 1998. However only 42% are aware of dramatic political events: “the shooting of the White House” and Putsch.

Keywords: collective memory, 90th, students, values, the orientation of the personality.

Религиозность и народное благочестие русского крестьянства дореволюционного периода как основа его духовно-нравственного развития

Е. Г. Синякина (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: k.sinyakina@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности образа жизни и деятельности русского крестьянства, его бытовой культуры, географические условия формирования народа России. Основной и наиболее глубокой чертой русского народа принято считать религиозность. Более всего на Руси любили человека душевного, сердечного, совестливого. А русские крестьяне всегда славилась трудолюбием, совестливостью и набожностью. Именно религиозность русского народа, укоренённая в православном христианстве, большинством исследователей этого вопроса рассматривается в качестве глубинного основания русского менталитета. Православие, как основная доминанта русского национального самосознания, сформировало в русском народе религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему, смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность как готовность отдать свою жизнь «за други своя», соборность и патриотизм.

Ключевые слова: русское крестьянство дореволюционного периода, уровень религиозности и народного благочестия, основа его духовно-нравственного развития.

Особенности образа жизни и деятельности русского крестьянства дореволюционного периода как народообразующей социальной группы общества, его бытовой культуры, географические условия формирования народа России и ее евразийский статус, многовековые традиции и Православие как духовное ядро русской культуры предопределили своеобразие психического мира русского человека.

Русский крестьянин трудился не только на ниве земной, но и на ниве духовной – над совершенствованием своих душевных качеств, стараясь вытравить «сорняки зла» и посеять «семена добра», «сотворить храм» в своей душе. В религиозности народа коренился огромный нравственно-духовный потенциал, убеждение в важности *праведной земной жизни* как условия обретения вечной жизни в «граде Божьем».

Более всего на Руси любили человека *душевного, сердечного, соvestливого*. «*Душа-человек*» – высшая архетипическая похвала у русских, – писал И. А. Ильин. Основной и наиболее глубокой чертой русского народа Н. О. Лосский считал *религиозность* и связанное с ней *искание абсолютной правды* (Лосский, 1991). Согласно Ф. М. Достоевскому, «все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из Православия» (Достоевский, 1994, с. 138). Русский дух насквозь проникнут религиозностью, – отмечал С. Л. Франк. Именно *религиозность* русского народа, укорененная в православном христианстве, большинством исследователей этого вопроса рассматривается в качестве глубинного основания русского менталитета (В. В. Розанов, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьёв, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Ф. М. Достоевский, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, Г. П. Федотов, Л. П. Карсавин, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, И. С. Бунин, И. С. Шмелёв и др.).

Православие, как основная доминанта русского национального самосознания, сформировало в русском народе *религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему, смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность, соборность и патриотизм*. Эти качества формировались в соответствии с евангельскими идеалами добра, правды, милосердия и сострадания. Именно в Православии заключен религиозный источник *русской стойкости и терпения, выносливости и силы жертвенности* русского народа.

Христианство, пишет Г. П. Федотов, попало в России на благодатную почву: уже в Киевской Руси до монгольского ига оно было усвоено в своей подлинной сущности именно как *религия любви* (цит. по: Лосский, 1991). «В дальнейшей истории Руси вслед за высшими слоями общества и благодаря влиянию великих святых также и низшие слои населения усвоили христианство настолько, что идеалом народа стала не могучая, не богатая, а Святая Русь» (там же, с. 243).

Стремление покаяться, прикоснуться к святыне, жажда праведности, желание жить по-Божьи было, по мнению И. С. Шмелёва, идеалом России, *внутренним стержнем*, который держал всю русскую жизнь. Скажем об этом словами И. А. Ильина, ближайшего

друга и единомышленника И. С. Шмелёва: «Русь именуется Святою не потому, что в ней „нет“ греха и порока; или что в ней „все“ люди – святые... Нет. Но потому что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее... – и для этого оставить земное и обыденное царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье. И в этой жажде праведности человек прав и свят при всей своей обыденной греховности» (курсив мой. – Е. С.) (Ильин, 2016).

Религиозность являлась той характеристикой, которая отвечала нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян (Громыко, 1991, с. 111). С уставом Русской Православной церкви крестьяне соизмеряли свою жизнь. Вся бытовая сторона жизни крестьянской семьи регулировалась нормами, канонами и правилами православной веры с ее обрядами, постами и праздниками. Русский земледелец строго следовал заветам своих предков, был верен исторической традиции.

Высокое развитие нравственного опыта русского человека Н. О. Лосский видел в том, что он проявлял особый интерес к проблеме добра и зла и чутко различал примеси зла к добру, зорко подмечал несовершенства всех своих поступков и нравов, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра (Лосский, 1991). Согласно Ф. М. Достоевскому, сознание своей греховности дает русскому народу стремление к идеалу духовного восхождения. Сходные мысли высказывал по этому поводу и Н. В. Гоголь: «А земляпашец наш всегда казался мне нравственнее всех других и менее других нуждающимся в наставлениях писателя» (Гоголь, 1984, с. 433).

Вера русского народа, возможно, являлась в чем-то примитивной, включала примеси суеверия и язычества, но именно она отражала мировосприятие и мировоззрение русского крестьянина. Как отмечал Н. А. Бердяев, русский человек не закален в догматике, в церковной вере, он довольствуется в своей повседневной религиозной жизни простой и краткой Иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Вся его духовная энергия «направлена на единую мысль о спасении: о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине, эта мысль о всеобщем спасении – характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна – он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины... Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире» (Бердяев, 1990, с. 82, 85).

Многие русские писатели и философы указывали на то, что *рассудочное отношение к религии чуждо русским*. Оно воспринимается народом как плоское, поверхностное, мещанское и пошлое (И. А. Ильин, А. Андреев, И. С. Тургенев, А. П. Чехов и др.).

Крестьянское сознание связывало *нравственное поведение* человека с *состоянием его веры*. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно – по степени выполнения нравственных норм, поведению, в целом. «Креста на тебе нет», – говорили человеку, совершившему бессовестный поступок, и, наоборот: «Живет по-божески, по-христиански», – о тех, кто был совестлив и милосерден.

Не только старшие в семье следили, чтобы молодежь не пропустила важные богослужения, но и вся община наблюдала за этим. Соседи укоряли мать, если ее сын был «ленив ходить к обедне». Одна семья, отличавшаяся особенно благочестивым образом жизни, могла оказать заметное влияние на духовный настрой всего сельского прихода (Громыко, 1991, с. 122).

Крестьянское благочестие выражалось также в почитании церковных праздников, чтении молитв перед едой, совершении крестного знамения и поклонов при виде святыни (на храм, часовню или монастырь, при входе в дом на иконы в «Красном углу», на молитве, в поклонах – при встрече с соседями). Хлеб пекли и еду готовили с молитвой; по утрам съедали по кусочку просфоры и выпивали по глотку святой воды; почитали и слушали старших, на всякое дело испрашивали благословение у Бога и у старшего в семье; собственное жилище, хозяйственные постройки и животных окропляли святой водой и освящали священными предметами: вербой, четверговой свечой, солью. Освящали в Церкви первые плоды, которые до этого момента не употребляли в пищу: хлеб нового урожая – первый сжатый сноп-«именинник», распустившиеся символические веточки деревьев – вербу, березку; яблоки – на Преображение Господне; куличи, пасхи, яйца – на праздник Светлого Воскресения Христова, – и хранили эти освященные предметы как святыньки за иконами в «Красном углу». Накануне большого праздника в доме перед иконами затепляли лампады.

В отзывах корреспондентов, исследующих русский народ по программам этнографических обществ, содержатся материалы, свидетельствующие о *православном образе жизни и мировоззрения* русских крестьян дореволюционного периода: «Село Коробейниково всегда славилось трудолюбием, совестливостью, набожностью. Без имени Господа глаз не открывали по утрам. Миром такой храм построили, каких нигде в округе не было» (Ганаго, 2008, с. 55).

Обязательным условием религиозной жизни русского крестьянства было *совершение молитвы, исповеди и принятие Причастия*. В описании корреспондентом людей, проживающих в Тульской губернии Новосильского уезда, подчеркивается особое крестьянское *благочестие*: «Здесьшний народ имеет добрые качества. Его набожность в простоте веры и гостеприимство достойны подражания. Не говоря о хождении в церковь, об усердном и добровольном исполнении христианских обязанностей – исповедания и причастия – набожность крестьян видна и в их частной жизни. Они не сядут за стол, не помолясь, не начнут и не окончат никакого дела, не перекрестясь; по окончании уборки хлеба почти всякий старается выказать особенное усердие и набожность, приглашая священника со святыми иконами в свой дом для благодарственного молебна» (Руднев, 1854, с. 109).

О *набожности и благочестии* крестьян Пошехонского уезда говорится в описании, присланном в Географическое общество священником А. Архангельским: «Добрые качества здесьшних жителей суть: набожность, благотворительность и гостеприимство. Набожность выражается в усердии к храму Божию. Здесьшний народ любит часто ходить в церковь для молитвы и непременно бывает у службы по воскресеньям и праздникам; не приходят только отсутствующие из селения и больные. Приходя в церковь, всегда ставят свечи многим святым иконам, и это же делают у себя дома, когда молятся. Так, например, поутру или ввечеру затепливают перед домашними иконами свечу или две либо лампаду с деревянными маслом, а в праздник перед каждою иконою ставят по свече. На дому и особенно в храмах Божиих молятся усердно и с благоговением, стоят в церкви с благочестием; часто служат молебны Спасителю, Божией Матери и многим угодникам, которых часто призывают на помощь. Свято соблюдают посты, в Великий пост и на Страстной неделе ходят в церковь молиться, исповедаются и приобщаются святых Тайн. Соблюдают также пост по средам и пятницам и все прочие посты: Петров, Успенский и Рождественский. Сверх того, многие женщины налагают на себя произвольные посты, например, по понедельникам, а другие вовсе не едят мяса и рыбы. Здесьшний народ, особенно женщины, любят также приносить в храм Божий дары, как то: новины, свечи, ладан, масло, навешивают на иконы полотенца, платы шелковые, разные ткани и другие вещи. Наконец, набожность здесьшнего народа видна и в том, что он часто поминает своих родителей или во время проскомидии, или в известные дни, заказывает обедни по усопшим, особенно по тем из них, которые умерли недавно; ходит для молитвы, хотя и в недалеком расстоянии, к яв-

ленным и чудотворным иконам и в ближайшие монастыри» (Архангельский, 1854, с. 48–49).

Высокая набожность не позволяла крестьянам *отказаться в приюте нуждающемуся страннику или нищему*. «Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему» (Руднев, 1854, с. 109).

Русские люди были *сострадательны* «к колодникам, преступникам, содержащимся в тюрьмах, которых посылали со сторожами просить милостыню для пропитания. Благочестивые люди отправляли в тюрьмы кормы и раздавали колодникам перед праздником одежды... Иногда даже тюремные сидельцы получали сравнительно более, чем содержащиеся в богадельнях раненые воины. Иностранцам казалось странно, что люди, наказанные кнутом, не только не отмечались народным презрением, но еще возбуждали к себе участие и внушали даже некоторого рода уважение к своим страданиям. Никто не стыдился не только ласково говорить с ними, но даже вместе с ними есть и пить... Таким образом, всеуравнивающее сострадательное чувство заставляло в несчастном видеть одно несчастье и подходить к нему с добрым уважением сердца, а не с осуждением» (Костомаров, 1993, с. 273–274).

Крестьяне заботились о чистоте души; этой цели служила исповедь. Совершали ее даже маленькие дети, начиная с семилетнего возраста. Примечательно, что крестьянин, который длительное время не исповедовался и не причащался, лишался права быть свидетелем на суде¹.

Очищению души способствовал также широко распространенный среди крестьянства *обычай просить прощения* у близких и даже у малознакомых людей. «Русского человека вообще отличала способность прощать» (Громыко, 1991, с. 61). У близких прощение просили перед долгим расставанием, кланяясь, согласно русской традиции, «по-крестьянски» – низко, в пояс. Смысл этого обычая заключался в том, чтобы в разлуке не тяготило сознание собственной вины, и родственники не «поминали лихом». Просили прощения также женщины, чувствующие приближение родов, низко кланяясь в ноги каждому члену своей семьи, а также те, кто долго не мог родить. Испрашивали прощения и перед каждой исповедью и причащением. Широкою возможностью помириться с близкими после больших или малых обид давал обычай испрашивать прощение у всех в последний день масленицы – Прощеное Воскресение. После бурного веселья последней перед Великим постом недели, во время которой

1 РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 603, л. 22; д. 1467, л. 17.

на долгое время расставались со скромным столом и другими мирскими радостями, обычай просить прощения заставлял русский народ *ощутить переход к повышенным нравственным требованиям по отношению к самому себе* и к строгости тех семи недель поста, которые продолжались до самой Пасхи. Виновный человек просил прощение у обиженного им прилюдно, на мирской сходке. В этом случае сумма возложенного на него штрафа уменьшалась вдвое¹.

Практика прощения определяла и такую черту русского народа, как *отсутствие злопамятности*. По мнению Достоевского, «русские люди не способны ненавидеть долго и серьезно» (Достоевский, 1994, с. 45). Мстительность была нехарактерна для крестьянского общества. Один из собирателей этнографических материалов, С. Я. Дерунов, записал в конце XIX в.: «Мщения русский народ почти не понимает. Признавали либо непосредственную и открытую реакцию на обиду, либо прощение вины» (цит. по: Громыко, 1991, с. 126).

А. И. Солженицын так описывает особенности понимания жизни русским крестьянством дореволюционного периода: «Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он – в церквах. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными, поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью, – они издалека-издалека кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых поднимаются к единому небу. И где б ты в поле, в лугах ни брел, вдали от всякого жилья, – никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки... И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот звон... поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги. В эти камни, в колоколенки эти наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни» (Солженицын, 1991, с. 157–158).

Таким образом, видно, что в то время «все также протекал быт по-православному... Россия еще жила старым укладом, а по селам и деревням и вовсе держались Православия, говорили природным языком, не засоренным чуждыми заимствованиями. Благоухающие травы, таинственные леса и блескучие воды полноводных рек; колокольные звоны, благоговейная тишина молящихся в храме, радость и ликование праздничных дней – решительно все это заронило

1 РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1789, л. 9.

в чуткую душу крестьянства неотразимые впечатления» (Стрижѳв, 2001, с. 3–4) и, безусловно, способствовало формированию *особой ментальности русского человека*.

Литература

- Архангельский А.* Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник. Вып. II. «Собрание местных этнографических описаний России». СПб., 1854. С. 1–81.
- Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990.
- Волков В. М.* Русская деревня. Труд, быт и нравы наших предков. М., 2004.
- Ганаго Б. А.* Когда же прозреем? // Б. А. Ганаго. О Промысле Божием. Минск, 2008. С. 53–59.
- Гоголь Н. В.* Авторская исповедь // Н. В. Гоголь. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1984. С. 430–467.
- Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 год // Собр. соч. В 15 т. Т. 12. Л., 1994.
- Ильин И. А.* Богомолье. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=201> (дата обращения: 21.03.2016).
- Костомаров Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
- Руднев А.* Сѳла Голубень и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда // Этнографический сборник. Вып. II. СПб., 1854. С. 98–111.
- Солженицын А. И.* Путешествуя вдоль Оки. (Из цикла «Крохотки») // Малое собр. соч. Т. 3. «Рассказы». М., 1991. С. 157–158.
- Стрижѳв А.* Василий Акимович Никифоров-Волгин. Биографический очерк // Никифоров-Волгин В. Заутреня Святителей. Избранное. М., 2001. С. 3–10.

Religiosity and popular piety the Russian peasantry of pre-revolutionary period as the basis of its spiritual and moral development

E. G. Sinyakina (Moscow)

Candidate of psychological Sciences,
research officer of Institute of Psychology of RAS

The article discusses the features of the lifestyle and activities of the Russian peasantry, its consumer culture, geographical conditions of formation of the Russian people. The main and most profound trait of Russian people is considered to be religious. More only in Russia loved a man sincere, cordial, conscientious. A Russian peasants always was famous for diligence, conscientiousness and piety. It is the religiosity of the Russian people, rooted in Orthodox Christianity, the majority of researchers of this issue is seen as a deep foundations of the Russian mentality. Orthodoxy as the dominant feature of Russian national identity, formed people in the Russian religiosity, the desire for absolute goodness, love of neighbor, humility, meekness, conscious of their sinfulness and imperfection, of self-sacrifice as the willingness to give his life “for his friends”, unity and patriotism.

Keywords: the Russian peasantry of pre-revolutionary period, the level of religiosity and popular piety, the foundations of it spiritual and moral development.

Особенности и функции интерпретации в жизни личности

А. Н. Славская (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: slavskaya@ipras.ru*

В статье анализируется феномен интерпретации, определяется его психологическое содержание, раскрываются его роль и виды в научном исследовании и в обыденном сознании. Подчеркивается, что интерпретации осуществляются сознанием личности и в значительной степени зависят от нее: ее жизненного опыта, ценностей, способности «видеть» вещи с разных сторон, самопознания (своих способностей и ограничений, притязаний, Я-концепции, интуиции) и разных качеств характера (оптимизма и пессимизма, уверенности и неуверенности, ответственности, справедливости и т. д.). На основе эмпирических данных выделяются типы интерпретаторов.

Ключевые слова: интерпретация, сознание, личность, ценности, способности личности, виды интерпретации, роль и функции интерпретации, типы интерпретаторов.

Во второй половине XX в. интерпретация как понятие герменевтики постепенно начинает употребляться в психологии. Однако это происходит без дальнейшего раскрытия собственно психологического контекста его употребления, его специфически психологического значения, функции, роли.

Чаще всего оно используется в детской психологии (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский и др.). В философско-литературоведческом плане его употребляет М. М. Бахтин, в лингвистическом – А. Шафф и др., в историко-культуроведческом – А. Ф. Лосев и др.

Однако интерпретация оставалась некоторой процедурой, в основном обозначающей трактовку чего-либо (какого-либо факта, явления, действия и др.) вне связи с конкретным источником ее осу-

ществления, ее ролью и целями, поэтому она скорее приближалась к логическим понятиям.

Как известно, Л. С. Выготский рассматривал процесс *интериоризации* как *перенос* знаний в мышление ребенка, и тем самым он в известной степени подразумевал лицо (субъекта), усваивающее их. Однако он не раскрыл этим понятием того *преобразования* этих знаний, которое осуществляется ребенком, психологического механизма, который имеет место при *переходе* от логики знаний к мышлению ребенка (на это неоднократно критически указывал А. В. Брушлинский).

А. Н. Леонтьев решая эту проблему, сблизил понятие *интериоризации* с понятием *деятельности*. Однако интериоризация была раскрыта в своей пассивной роли – только как *уподобление* усваиваемому знанию. Это было справедливо в отношении того, что ребенок должен усваивать знания так, как они определились в науке. Однако нерешенной осталась проблема того, как они *преобразуются*, включаясь в индивидуальную систему сознания. Взрослая личность должна разрешить *противоречия*, состоящие в *несоответствии* между всеобщим (знаниями, культурой, отношениями социальной действительности и т. д.) и индивидуальным, т. е. решить *задачу*, а не получить «*нечто готовое*». Она становится субъектом, решая множество задач, интерпретаций всей окружающей действительности – взаимоотношений людей, их изменений, событий, включая обстоятельства и ход собственной жизни.

А. Шафф попытался воспроизвести эту активность субъекта в своей теории моделей. Однако, в конечном итоге, оказалось, что индивидуальные модели (интерпретации) функционируют подобно другим *абстрактно-логическим* формам. Этот просчет частично преодолел Р. Павилёнис, создав теорию индивидуальных концептов, в которых и заключается *интерпретация*.

С. Л. Рубинштейн также обратился к проблеме интерпретации в контексте рассмотрения развития ребенка. Эмпирически исследуя стадии *наблюдения*, он так раскрывает понятие интерпретации: «Подлинные стадии наблюдения, отражающие ступени умственного развития ребенка, – это стадии *интерпретации* (курсив наш. – А. С.), поскольку и само наблюдение является ничем иным, как *осмысливающим*, т. е. интерпретирующим восприятие» (Рубинштейн, 1946, с. 280–281).

Здесь речь идет не о восприятии как познании культуры, знаний, а о восприятии действительности, и акцент ставится не на то, что знания становятся достоянием ребенка, а на сами механизмы (восприятия, мышления), которые были обойдены концепцией ин-

териоризации. Само понятие интериоризации означает, что нечто становится внутренним. Но как происходит это присвоение, раскрывает С. Л. Рубинштейн, рассматривая разные качества, способы и уровни интерпретаций. Им выделяются «употребляющая интерпретация» и «умозаключающая интерпретация, раскрывающая абстрактные (чувственно не данные) свойства и отношения» (там же).

Казалось бы, и здесь итогом является интерпретация, выявляющая абстрактные формы. Но принципиальное различие заключается в том, что в концепции интериоризации познающий и отправляется от абстрактных форм культуры и знаний. Здесь же ребенок отправляется в своем наблюдении и восприятии от самой *действительности* во всей ее неопределенной и многообразной конкретности и оказывается *способен сам* раскрыть абстрактные (чувственно не данные) свойства и отношения. И это он осуществляет посредством интерпретации.

Раскрывая способы интерпретации, Рубинштейн выявляет разную степень развития интеллектуального и смыслового механизмов сознания, различную степень его активности на разных стадиях наблюдения и восприятия.

Однако, когда Рубинштейн употребляет понятие «умозаключенное», он ближе к логическому определению интерпретации, хотя речь идет о наблюдении, восприятии, т. е. психологических этапах. Возникает вопрос: к какому кругу явлений реально принадлежит интерпретация – логическому или психологии мышления или сознанию в целом?

Следует отметить, что интерпретация имеет место не только при освоении знаний, осуществляется не только ребенком, но и взрослой личностью. Интерпретация происходит в общении при наличии разных мнений, взглядов, точек зрения на разные личные, жизненные, общественные явления. При интерпретации в одних случаях осуществляется объяснение (даже доказательство), в других достигается понимание, раскрывается смысл и т. д.

Чтобы определить место интерпретации в психологии, К. А. Абульханова включила ее в число процедур социального мышления, определив последнее как механизм сознания, а сознание, в свою очередь, – как жизненную способность личности (Абульханова, 1994). Это и дало нам возможность в специальном исследовании сосредоточиться не столько на том, *что* подлежит интерпретации, а на том, *как* она осуществляется личностью как *индивидуальностью* и как *субъектом*. Близки к нашей позиции исследования Д. А. Леонтьева, поскольку он раскрывает особенности личностных смыслов. Однако смысл, с одной стороны, – это продукт работы сознания личности,

с другой – это смысл для нее явлений: событий, отношений, поступков людей в действительности. Поэтому интерпретация имеет свой *предмет* и осуществляет его преобразование, создает свою конкретную или обобщенную «концепцию» субъекта – его мнение об объекте (событии, человеке и т. д.).

Различия в интерпретациях жизни связаны с одной стороны, с более широким контекстом, охватываемым ее сознанием – мировоззрением, с другой – с конкретикой обстоятельств, событий, реального хода и способа ее жизни, с третьей – с потребностями, мотивацией, притязаниями самой личности. Широко известны разные интерпретации жизни: «это борьба со смертью»; «страдания ради райских благ»; «достижение благополучия»; «полнота самореализации»; «жить не хуже/лучше других» и т. д. Осуществляя подобные интерпретации, личность обобщает ход своей жизни в зависимости от способности решать ее противоречия, возможности делать свое дело, противостоять потерям и неудачам и уровня продуктивности своего сознания.

Личность способна находить собственные оригинальные интерпретации или, напротив, поддается расхожим, общепринятым в обыденном или общественном сознании. Эти особенности, в свою очередь, зависят от масштаба, уровня развития ее сознания, охватывающего узкий, односторонний или широкий и глубокий контекст. Проблема заключается в том, что многие живут, не осознавая происходящее и ими же содеянное, т. е. *бездумно*. Доказательством тому могут служить даже не искусные исследования, а судьбы семей, отношений в них, профессиональные судьбы (например, заключающиеся в хаотичном поиске своего призвания, профессии и т. д.).

Личность в качестве субъекта осуществляет интерпретацию, не сводимую к одному глобальному или примитивному смыслу, а создает *различные композиции*, в которых интегрирует разнообразные, разноуровневые, разноплановые составляющие жизни: общения, деятельности, людей и мира, в котором она живет. Эта работа ее интерпретирующего сознания чрезвычайно сложна, поскольку она может включать и допущения еще не произошедшего, но возможного, и определения степени силы действия различных детерминант (более/менее существенного), и способность отказаться от стереотипного или недостижимого, неосуществимого.

Подобная жизненная концепция складывается по мере накопления жизненного опыта, достижения уровня высших жизненных ценностей, способности мышления «видеть» вещи с разных сторон (С. Л. Рубинштейн), самопознания (своих способностей/ограничений, притязаний, Я-концепции, интуиции) и разных качеств характера

(оптимизма/пессимизма, уверенности/неуверенности, ответственности, справедливости и т. д.). Таким образом интерпретации осуществляются сознанием личности и в значительной степени зависят от нее как основания того или иного их способа и уровня.

К сожалению, ряду людей свойственно *преувеличение* роли какого-либо обстоятельства («мне во всем мешали»), *искажение* смысла другого, сознательное *игнорирование* роли третьего – это «авторы» ложных интерпретаций, амбициозные или предвзято настроенные люди, ориентирующиеся на расхожие мнения. Личности оказываются перед трудностью интерпретировать собственную жизнь и потому не способны понять свои ошибки, иногда даже не понимают самих себя, совершая те или иные поступки.

Значительную роль в осуществлении интерпретации играют, кроме уровня развития мышления и ценностей сознания, мотивация, притязания и характер. Выявленная ранее типология процесса интерпретирования обнаружила зависимость априорного вывода, предвзятой оценки другого человека от притязаний (высокого уровня) при сравнении с ним. Субъективизм, пристрастность, предубеждение порождают негативную интерпретацию действий и отношений к себе.

Поверхностность, легкость характера проявляются и в отношении к жизни, и в неадекватности суждений о происходящем. Иногда поспешность, отсутствие вдумчивости ведут к ошибочным интерпретациям. Напротив, зрелость личности и отношения к жизни позволяют на более высоком уровне интерпретировать другого человека позитивно, что не мешает на более конкретном уровне интерпретировать его поступок критически. Но при этом осуществляется не просто позитивное/негативное оценивание, а осмысление причин, толкнувших его на неверный шаг.

В последние два года проведено психосоциальное эмпирическое исследование интерпретации одних и тех же событий тремя различающимися по возрасту и профессиональному статусу группами (студенты, научные работники, преподаватели высших учебных заведений). При обработке полученных данных выявились следующие типы интерпретаторов:

- *креативный* – высший по конструктивности интерпретаций;
- *когнитивный* – преимущественно склонный к теоретическому умозрительному способу интерпретаций;
- *констатирующий* – использующий стандартные общепринятые (или собственные консервативные) интерпретации;
- *корректирующий* (вариативный) – способный изменять несколько раз свое мнение, сравнивать с точками зрения других людей;

- *квазисубъективный* – пристрастный, предвзятый («априорный») по нашему предыдущему исследованию), с неразвернутым процессом самой интерпретации¹.

Анализ шкал распределения типов по трем группам (в первом приближении) показал, что креативный тип встречается *во всех группах*. Когнитивный в большей части представлен у научных работников (кроме старшего поколения), констатирующий – у преподавателей, корректирующий и квазисубъективный – у студентов.

Однако эти данные свидетельствуют не о простой связи типов интерпретации с возрастом и профессией, но о более сложных зависимостях. К сожалению, общая численность креативного типа невелика, что свидетельствует о незначительном числе личностей с высоким уровнем развития сознания. В отношении второго и третьего типов можно говорить либо о влиянии профессиональной деятельности на тип личностной интерпретации, либо о выборе личностью той или иной профессиональной деятельности в зависимости от способности своего сознания к интерпретации того или иного рода (условно говоря, исследовательской, авторской – у ученого и стереотипизирующей – у преподавателей в силу специфики их деятельности).

Факт представленности всех типов интерпретаций в выборке студентов свидетельствует, по-видимому, о возможности развития их сознания и социального мышления в самых разных направлениях. Это поколение требует особого внимания общества, чтобы в будущем их сознание стало более гибким, конструктивным и зрелым.

В настоящее время исследование проблемы интерпретации приобретает в психологии особую актуальность в силу ее реальной общественной значимости. Плюрализм социальных интерпретаций, сосуществующий, наряду с консерватизмом (особенно негативными установками, оценками), не только во внутренних социальных отношениях стран нашего государства, но и в международных оценках-интерпретациях России, побуждает к психологическому и социально-психологическому исследованию проблемы интерпретации и использованию научных данных в общественной жизни.

Литература

- Абульханова К. А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. 1994. № 4.
Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

1 Здесь не приводятся данные о промежуточных типах.

- Брудный А. А.* Психологическая интерпретация. Фрунзе, 1996.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж, 1996.
- Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Гайденко П. П.* Философская герменевтика и ее проблематика. Природа философского анализа. Т. 1. М., 1975.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М., 1999.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. 1. М., 1963.
- Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1983.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций. М., 1995.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
- Славская А. Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2002.
- Славская А. Н.* Основы психологии С. Л. Рубинштейна (философское обоснование развития). М., 2015.

Features and functions of interpretation in life of a personality

A. N. Slavskaya

Candidate of psychological Sciences, senior research officer of Institute of Psychology of RAS

The phenomenon of interpretation is analysed in the article, his psychological maintenance is determined, his role and kinds open up in scientific research and in ordinary consciousness. It is underlined that interpretations are carried out consciousness of personality and largely depend on it: its vital experience, values, ability to “see” things from different sides, self-knowledge (the capabilities and limitations, claims, I-conception, intuition) and different qualities of character (optimism and pessimism, confidence and uncertainty, responsibility, to justice et cetera). On the basis of empiric information the types of interpreters are selected.

Keywords: interpretation, consciousness, personality, values, capabilities of personality, types of interpretation, role and functions of interpretation, types of interpreters.

Вопросы борьбы с аварийностью и промышленным травматизмом в работах советских психотехников

Н. Ю. Стоюхина (Нижний Новгород)

*кандидат психологических наук,
доцент Нижегородского государственного университета им.
Н. И. Лобачевского; e-mail: natast0@rambler.ru*

Предметом исследования данной статьи является историко-психологический обзор одного из многообразных аспектов деятельности советских психотехников 1920–1930-х годов – предотвращение несчастных случаев, борьба с аварийностью и промышленным травматизмом. Основываясь на теории К. Марбе о предрасположенности работника к несчастным случаям, психотехники комплексно подошли к решению этого вопроса. На материале истории советской психотехники раскрыты предпосылки и истоки становления психологии безопасности на производстве, введены в научный оборот забытые работы психотехников по предупреждению аварий с учетом особенностей социального контекста и научной политики. Все это позволяет расширить поле историко-психологического исследования.

Ключевые слова: психотехника, психотехника травматизма, психотехническое изучение аварийности и безопасности труда, И. Н. Шпильрейн.

За недолгое время своего существования советская психотехника изучала множество вопросов применения психологии на производстве: от профотбора до воздействия. Одной из тем, важных для народного хозяйства страны, было предупреждение травматизма и снижение аварийности. В основу своего подхода психотехники положили точку зрения профессора психологии Вюрцбургского университета Карла Марбе (1969–1953), считавшего, что «вероятность подвергнуться несчастному случаю тем большая, чем боль-

ше несчастных случаев уже произошло с данной личностью» (цит. по: Носкова, 1997, с. 206). Он выделил два типа работников: предрасположенные к несчастным случаям и защищенные от несчастных случаев. В основе этой градации лежала способность к изменению установки – формальной структуры, которые зависят от общей ориентации личности (там же).

Одними из первых стали изучать городскую среду как опасную для жизни человека сотрудники психотехнической лаборатории Московского коммунального хозяйства И. Н. Дьяков и Н. В. Петровский (1925–1927). Они писали: «Причина всякой автомобильной или трамвайной катастрофы... всегда представляет собой явление сложное, слагающееся, по крайней мере, из двух моментов: поведения автоработника... с одной стороны, и движения встречной машины, прохожего или экипажа, равно как и особенностей самой уличной поверхности, с другой» (Дьяков, Петровский, 1928, с. 2). Отсюда, по их мнению, следует, что в основу психотехнических испытаний, направленных на борьбу с травматизмом, необходимо положить принцип «всесторонней борьбы с опасностями городского движения, как по линии укомплектования личного персонала, так и по линии предупреждения об опасности самого прохожего, встречной машины, словом, того второго предмета, от поведения которого нередко в равной мере зависит благополучный исход встречи» (там же). Таким образом, подвергнуть психотехническому воздействию предлагалось и самого автоработника, и социальную среду, в которой он действует. Психотехническое воздействие должно быть направлено на решение широкого круга задач: «пропаганда самозащиты» (реклама безопасности, символика опасностей и пр.); психотехническая проверка всей внешней номенклатуры машин и остановок; информация населения; совершенствование сигнализации; психотехнический учет и изучение условий труда работников коммунального и местного транспорта с точки зрения нагрузки, утомления и психофизического изнашивания организма. В своем исследовании авторы сосредоточились на профподборе шофера, вагонновожатога, кондуктора, контролера: «Психотехнический отбор есть одно из важных средств профилактической борьбы с профессиональными заболеваниями. Подбор лиц, для которых профессиональный труд наиболее доступен и наименее вреден, есть важное средство ослабить вредное влияние труда на общественное здоровье... Прямым результатом случайного распределения сил является увеличение кадров недостаточно квалифицированных работников, частая смена видов работы со всеми вытекающими отсюда последствиями: плохой специализацией, непостоянством рабочего состава, уве-

личением безработицы, неустойчивостью в бюджете и судьбе рабочих» (там же, с. 48).

Теоретическое осмысление проблем промышленного травматизма и аварийности началось с Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (25.01–02.02.1930 г., Ленинград), точнее с доклада сотрудника отдела психологии труда Института охраны труда Ю. И. Шпигеля об индивидуальных психофизиологических различиях как факторе травматизма. Он, по сути, декларировал точку зрения К. Марбе на травматизм: значение индивидуальных психофизических различий в промышленном и бытовом травматизме доказано и подтверждено изучением кривой распределения несчастных случаев, особенно на примере профессии водителей. Осмыслив опыт западных коллег и в целом соглашаясь с ним, автор считал недостаточным использование аппаратных или бумажных тестов, измеряющих моторную одаренность, распределение внимания, скорость реакции и пр., а предложил использовать ряд взаимно дополняющих тестов, многократное повторение каждого эксперимента в резко отличающихся по травматизму группах. Ему казалось, что неправильно изучать каждую функцию изолированно, поскольку в основе травматизма лежит комплекс факторов. Важно выделить динамические показатели поведения испытуемых (упражняемость, действие утомления, распределение несчастных случаев данного субъекта во времени) и установить их связь с подверженностью травматизму. «Количество несчастных случаев объективный критерий установления степени подверженности травматизму – показатель, обладающий большой вероятной ошибкой» (Шпигель, 1930, с. 271). Говоря о «личном факторе в травматизме», Шпигель призывал не игнорировать условия профессиональной работы и быта, состояние здоровья, пол, возраст, общие соматические характеристики испытуемых, подчеркивал важность их невропатологического и психиатрического обследования.

В 1931 г. сотрудники отделения психологии труда и кабинета психологии воздействия Института охраны труда Л. Бурлюк, С. Г. Геллерштейн, Л. Красновская, Д. И. Рейтынбарг, Ю. И. Шпигель, сделали обзор на русском языке зарубежных работ о роли личного фактора в несчастных случаях, изложили первые собственные опыты, поставленные на заводе им. Ферреро (бывшем АМО, позже – завод им. Лихачева). Хотя работа эта носила только ориентировочный характер, ее материалы подчеркивали всю важность проблемы и подтверждали необходимость проведения дальнейших экспериментов в этой области. Как отмечал директор Института охраны труда С. И. Каплун, «данная работа ясно выявляет необходимость при решении ряда вопросов по безопасности труда использовать не только методы

экспериментально-биологических дисциплин, но и методы клинического или поликлинического обследования для получения возможности на определенных категориях рабочих наиболее углубленно проникновения в психологические и соматические особенности определенных индивидуальных структур личностей, могущие влиять на повышение риска в отношении промышленной травмы» (Промышленный травматизм..., 1930, с. XXXII). Авторы (Л. Бурлюк, С. Геллерштейн, Л. Красновская, Д. Рейтынбарг, Ю. Шпигель) писали, что вариантов борьбы с несчастными случаями много, но, выбирая оптимальный путь, необходимо создать классификацию причин несчастных случаев, чему мешает отсутствие сколько-нибудь разработанной методологии изучения этой проблемы. Не случайно роль психологического фактора выступила наиболее отчетливо у «движенцев» (водители, кондукторы, вагоновожатые), где «рабочий является активным регулятором или управителем движения машины», относится к профессиям, «сопряженным с опасностью не только для самого рабочего, но и для окружающих», где работнику приходится иметь дело с подвижной машиной, управлять ею и целиком регулировать ее передвижение. Именно в этой сфере «характер трудовой деятельности человека, наряду со всей производственной ситуацией... предопределяет, как степень вероятности травматизма, так и удельный вес различных факторов (внешних и внутренних), служащих непосредственным источником несчастных случаев» (там же, с. 654). Опасные ситуации постоянно сопровождают такие профессии, потому что «источник опасности... в ситуациях, связанных с ее движением. Поскольку механические регуляторы этого движения целиком находятся в руках работника, постольку естественно связывать судьбу машины с умением работника управлять ею» (там же). Авторы стремились найти связь между пригодностью работника к профессии и подверженностью его несчастным случаям.

При этом ими подчеркивается, что в настоящее время трудно создать классификацию профессий по признаку заложенной в каждой из них возможности психологически обусловить несчастный случай, трудно отметить в отдельных случаях качественное своеобразие психологической связи между несчастным случаем и личными свойствами рабочего, отмечается, что такая работа только начинается. И если в данный момент стоит задача исследования «вопроса о психологическом изучении профтравматизируемости как функции профпригодности и профутомляемости» (там же, с. 656), то в дальнейшем актуальными будут «специальные вопросы психологии травматизма: о связи несчастных случаев с ритмом движений, с соотношением скорости и точности движений, о влиянии системы за-

рабочей платы на травматизм, о связи травматизма с монотонной работой и т. д.» (там же). Таким образом, коллектив психотехников Института охраны труда в данной работе, по сути, обосновал методологический подход к изучению травматизма, что способствовало развитию психологии воздействия в области изучения промышленного травматизма и аварийности.

В феврале 1931 г. И. Н. Шпильрейн, выступая на фракции ВКП(б) Общества психоневрологов-марксистов, скупой отметил достижения советских психотехников в области борьбы с травматизмом – улучшение плакатного дела, пропаганда безопасности среди рабочих и консультирование при разработке новых технических конструкций. «Психотехниками проведено много работ по линии рационализации и борьбы с утомлением, по рационализации рабочего места, режима рабочего дня» (Шпильрейн, 1931б, с. 109).

В мае 1931 г. на I Всесоюзном психотехническом съезде заведующая отделом психологии труда в Центральной научно-исследовательской лаборатории психофизиологии и гигиены труда А. И. Колодная назвала основной причиной почти всех несчастных случаев неправильную организацию труда на отдельных участках транспорта, организационные и технические недочеты, а также нарушения основных принципов организации труда и предложила изучать несчастные случаи всесторонне, охватывая весь комплекс обуславливающих их причин. Сосредоточение внимания только на личном факторе приведет психотехников к профподбору как единственному мероприятию по борьбе с несчастными случаями.

С 8 по 13 сентября 1931 г. в Москве проходила VII Международная психотехническая конференция, где вопросам борьбы с аварийностью и травматизма было уделено особое внимание. На этом фоне выделяется доклад психотехника Э. А. Рахмель о психологии промышленного травматизма, в котором предложен четкий классовый подход к этой проблеме. Рахмель заявила, что промышленный травматизм – историческая категория, порожденная капитализмом, в то время как промышленность в социалистическом обществе имеет все условия для снижения травматизма. Согласно ее мнению, существующий промышленный травматизм вызван технической отсталостью предприятий, поэтому необходимо срочно обучить кадры, научно-обоснованно распределить их с учетом, как характера социалистического производства, так и всего многообразия индивидуальных различий среди рабочих. Отмечается, что советские психотехники ведут борьбу с травматизмом вместе с инженерами, врачами, инспекторами по технике безопасности, положив в основу своей работы принцип планового распределения кадров по видам

промышленности и профессиям. На самые травматичные профессии существует профотбор; большую роль играют профконсультации и профориентационная работа в школе. Анализируя «опасные» профессии, советские психотехники рационализируют режим труда и отдыха работников. Подчеркивается, что статистический метод изучения «массовых случаев» без социально-психологического анализа опасных профессий не может вскрыть, как качественных особенностей личности, так и специфических особенностей конкретных опасных профессий, поэтому он может быть только вспомогательным.

Перед VII Международной психотехнической конференцией открылись международные комиссии, а для выражения советских точек зрения образовали одноименные советские комиссии. Председателем международной комиссии по аварийности и травматизму был К. Марбе (Германия), председателем советской комиссии – А. И. Колодная. Два эти органа выработали совместные решения. Международная комиссия назвала причины аварийности и травматизма: санитарно-гигиеническое состояние производства; социально-экономические и бытовые условия жизни рабочих; продолжительность и режим рабочего дня; система заработной платы; возраст рабочего, его техническая грамотность и степень развития; индивидуальные особенности и психофизиологические различия рабочих и т. д. при решающем факторе – социально-политический строй государства. Снижение уровня аварийности и травматизма должно идти за счет усовершенствования производственного процесса, развития техники безопасности, улучшения санитарно-гигиенических условий, сокращения рабочего дня, оздоровления и охраны труда женщин и подростков, учета индивидуальных различий работающих. В профессиях с повышенной опасностью следует учитывать индивидуальные особенности каждого рабочего применительно к этим профессиям, практиковать специальное производственное обучение и тренировку недостаточных психофизиологических функций, обусловленных социально-экономическими причинами, и усиленную пропаганду безопасности.

На результаты VII Международной психотехнической конференции И. Н. Шпильрейн откликнулся большой статьей «О повороте психотехнике» (Шпильрейн, 1931а), в которой изложил программу советской психотехники, основанную на сталинском лозунге «по-новому работать, по-новому руководить». В ней отмечается, что психотехники должны обратить свое внимание на: 1) рабочую силу, поэтому важны профориентационная работа, методы профотбора, подготовка в вузах; 2) обслуживание труда и отдыха рабо-

чих; 3) организацию труда; 4) производственно-техническую пропаганду среди рабочего класса; 5) умение использовать наличные кадры; 6) плановость, экономность, соразмерность затрат и возможного экономического эффекта от научной психотехнической работы.

Советские психотехники изучали вопросы предотвращения травматизма и безопасности во многих отраслях промышленности:

- на автотранспорте (С. А. Жекулин. «К вопросу о личных факторах аварийности на Московском автобусном транспорте»; Н. Н. Китаев. «К вопросу об изучении утомления шоферов»; Н. М. Ободан, Г. Ю. Зеленский. «Психотехническое изучение профессии регулировщика уличного движения»; Н. Оральников. «Водительские профессии, аварийность и городское движение»; Б. И. Северный. «Проблемы остроты зрения в автодорожном деле. Экспериментальное исследование остроты дорожных знаков»; А. А. Толмачев. «Номерные знаки автомашин» и многие др.);
- на железнодорожном транспорте (А. И. Колодная. «Психологический анализ железнодорожных происшествий» и др.);
- в летном деле (С. Г. Геллерштейн. «К вопросу о причинах неуправляемости и аварийности в летных школах»; Н. А. Эппле. «Опыт рационализации стрелок и циферблатов аэронавигационных приборов» и др.);
- в угольной промышленности (В. Г. Баранов. «Организация психотехнической работы в каменноугольной промышленности»; А. Е. Горшков. «Труд запальщиков угольных рудников» и др.);
- в химической промышленности (А. А. Нейфах. «Психологические особенности профессии автоматизированного химического производства» и др.);
- в области металлургии (В. В. Чебышева. «Методы обучения сталеваров в борьбе с неполадками в работе мартеновских печей»; Ю. И. Шпигель. «Систематизация опыта мартеновцев-практиков для целей обучения и инструктажа» и др.).

До 1936 г. советские специалисты много сделали для решения вопросов промышленного травматизма, особенно по предотвращению аварий на транспорте (Стояхина, 2012, 2015а, 2015б) и разработке способов эффективного воздействия на трудящихся на опасных производствах (Стояхина, 2016).

Литература

Дьяков И. Н., Петровский Н. В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте. Психотехнические испытания шоферов,

- вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта. М., 1928.
- Носкова О. Г.* История психологии труда в России (1917–1957): Учебное пособие / Под ред. Е. А. Климова. М., 1997.
- Промышленный травматизм и борьба с ним: Труды и материалы Государственного института охраны труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР / Под ред. директора института проф. С. И. Каплуна. М.–Л., 1930.
- Стоюхина Н. Ю.* История советской психотехники: психология воздействия: Учебное пособие. М., 2012.
- Стоюхина Н. Ю.* Анализ опыта изучения советскими психотехниками вопросов предупреждения промышленного травматизма // *Личность в пространстве и времени.* 2015а. №5. С. 184–194.
- Стоюхина Н. Ю.* Психотехнические исследования 1920–1930-х гг. по предотвращению аварий на транспорте // *Психолог.* 2015б. №1. С. 66–93.
- Стоюхина Н. Ю.* Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-е –1930-е гг. Ярославль, 2016.
- Шпигель Ю. И.* Индивидуальные психофизиологические различия, как фактор в промышленном травматизме // *Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека).* М.–Л., 1930. С. 269–272.
- Шпильрейн И. Н.* О повороте в психотехнике // *Психотехника и психофизиология труда.* 1931а. №4–6. С. 247–285.
- Шпильрейн И. Н.* Положение на психотехническом фронте. Тезисы доклада на фракции ВКП(б) Общества психоневрологов-марксистов в феврале 1931 г. // *Психотехника и психофизиологии труда.* 1931б. №2–3. С. 103–111.

Issues of combating of accidents and industrial injuries in works of Soviet psychotechnicians

N. U. Stoyukhina (Nizhni Novgorod)

Candidate of psychological sciences, associate professor of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The subject of this article is a historical and psychological overview of one of the many aspects of the activities of Soviet psychotechnicians of the 1920–1930s, prevention of accidents, combating of accidents and industrial injuries. Based on the theory of K. Marbe about the predisposition of the employee to accidents, psychotechnicians integrated the solution of this issue. The background of the history of Soviet psychotechnics reveals the prerequisites and origins of the emergence of the psychology

of safety at work, introduced the forgotten work of psychotechnicians in the prevention of accidents, taking into account the peculiarities of the social context and scientific policy. All this allows expanding the field of historical and psychological research.

Keywords: psychotechnics, psychotechnics of trauma, psychotechnics of accident rate, psychotechnical study of accidents and safety, I. N. Spielrein.

Философские произведения предыстории психологии – источник психологических идей

В. В. Суворов (Москва)

*кандидат физико-математических наук,
доцент Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова; e-mail: svv@srcc.msu.ru*

Статья посвящена проблеме психологических исследований философских произведений. Отмечается вклад С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова в разработку философского аспекта психологической проблематики. Проведение исследований в данном направлении иллюстрирует анализ трактата Николая Кузанского «Простец об уме». Устанавливается психологическое значение понятий «числа», «имени», «конципирования», представляемых в трактате интегративными в отношении способностей ощущения, чувственного восприятия, мышления, понимания. Делается вывод об актуальности ряда положений трактата и направления исследований в целом для современных психологических исследований.

Ключевые слова: предыстория психологии, психические способности, ум, ощущение, чувственное восприятие, понимание, число, имя, конципирование

Постановка проблемы

Философские проблемы психологии являются предметом исследований в трудах ряда российских психологов. С. Л. Рубинштейном создана философско-психологическая концепция. «Вопрос об отношении психических явлений к другим сторонам материального мира... стоит в центре философской мысли. Решение именно этого вопроса определяло пути психологической теории» (Рубинштейн, 2003, с. 53). Значимость гносеологического анализа в психологии, связь понятия «субъективное» с теорией познания отмечал Б. Ф. Ло-

мов: «Понятие субъективного (субъективного отражения) наиболее тесно связано с теорией познания. В гносеологическом аспекте оно рассматривается как существующее в сознании... в противоположность объективному... Гносеологический аспект безразличен и для психологии...» (Ломов, 1984, с. 146).

Особенности психологических исследований философских произведений прошлых эпох, создаваемых в контексте специфических иррациональных мировоззренческих учений и несущих на себе их отпечаток, заключаются в трудности их прочтения средствами языка современной науки и, как следствие, – выявления в них идей и суждений, имеющих значение для психологического знания. Исследования в данном направлении являются, тем не менее, актуальными.

Психологические понятия в трактате Николая Кузанского «Простец об уме»

Николай Кузанский (1401–1464) – кардинал Римской католической церкви, крупный мыслитель, философ, теолог, ученый, политический деятель эпохи перехода от позднего Средневековья к Новому времени. В трактате «Простец об уме» он представил свои философские воззрения в связи с рассмотрением психических (духовных) способностей человека. Независимо от философского стиля произведения и присутствия в тексте апелляций к богословским понятиям и ценностям, фактически в нем рассматриваются понятия, объективно выражающие психологическое содержание: ощущения, чувственное восприятие, представления, понимание и др.

Философский рационализм Кузанского подтверждается неоднократно даваемыми им сравнительными оценками учений Платона и Аристотеля в пользу последнего.

Психологические понятия – от ощущений до умопостижения – даны в трактате в контексте философско-психологической концепции автора. Главное внимание он уделяет понятию ума и содержанию непосредственного субъективного восприятия человеком обобщенных форм реальностей, представляемых в форме «числа» и «имени», а также «конципированию».

А. Реалистичность представления ума в метаконтексте трактата

«Ум» – центральное понятие трактата. Он провозглашается бесконечным и вечным началом всего, но одновременно получает в трактате реалистическую трактовку в виде описания качеств ума че-

ловека. Простец говорит об «ощущении способностей ума», об уме как «ощущаемой духовной способности», которая «говорит в нас и судит», что «нет и не было ни одного человека, который, достигши зрелости, не составил бы себе того или иного понятия об уме» (Кузанский, 1979, с. 388). Отмечается, что мы находим «в своем уме суждение относительно всякой гармонии», что он «изготавливает (fabricare) из себя понятия и движет себя», а «то или другое мнение об уме или душе мыслители высказывали на основании... наблюдений над самими собой» (там же, с. 409).

Излагаемая в трактате концепция ума является теоретическим построением философа, не исчерпывающим содержание трактата. В трактате содержатся высказывания, которые не могут быть отнесены к этой концепции, но высказываются центральным персонажем, Простецом, от лица автора. Следуя, с одной стороны, тексту, а с другой – постнеклассической¹ интерпретации, мы строим мета-контекст, в котором собственно концепция дополняется утверждением, в частности, о том, что «то или другое мнение об уме или душе мыслители высказывали на основании... наблюдений над самими собой» (там же). Последнее означает, что и знание о вечном уме, и излагаемая концепция есть результат мыслительного действия реального человека, его гипотеза. Цитируемое и некоторые другие имеющиеся в тексте фрагменты служат аргументами для данного вывода. Первым, по ходу изложения, определением ума становится ссылка на понятие о нем «человека, достигшего зрелости», что находится вне рамок концепции и указывает на происхождение знания об уме. Сделанное заключение не принадлежит концепции, излагаемой философом; оно является следствием из цитированных высказываний, полученным в исследовании с применением современной методологии постнеклассики.

Б. «Число» – символ чувственного восприятия вещи как соразмерности ее атрибутов

В Античности пифагорейцы полагали, что числа являются «причиной и началом» вещей. Платон отождествил «идеи» с «числами». Подобных взглядов придерживался ряд других мыслителей Античности и Средневековья. Кузанский показывает, что многие нереалистиче-

1 Постнеклассическая парадигма включает субъективный человеческий фактор, «расширяет поле рефлексии над деятельностью... учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте... с особенностью средств и операций деятельности... и с ценностно-целевыми структурами» (Степин, 2000, с. 635).

ские по формулировкам высказывания имеют рациональные основания. На вершину иерархии понятий Кузанский помещает бесконечный и вечный ум: «из ума – и числа и все», «первообразом вещей в духе создателя является число» (там же, с. 407), «число является первообразом понятий нашего ума» (там же, с. 408). Число получает также раскрытие в психологическом понимании способа восприятия: «...ум [вечный. – В. С.] есть... число, наилучшим образом соразмеренное и приспособленное для отражения божественной гармонии; оно обнимает чувственную, рассудочную и интеллектуальную гармонию и все прочее» (там же, с. 410). В последней формулировке число представляется соразмеренным и приспособленным для отражения чувственного, рассудочного и интеллектуального содержания.

Придание числу первостепенного значения в иерархии человеческого знания и бытия означает определенный аспект психического отражения реальности адекватно внешнему миру и имманентно восприятию и мышлению. Именно такую оценку дает Кузанский в трактате, говоря о числе не как о математической категории, а как о принципе вещи: «...пифагорейцы... мыслители глубокие и остроумные; я убежден, что они, говоря о числе, имели в виду не число математическое и происходящее из нашего ума, ведь само собой понятно, что это число не есть принцип какой-нибудь вещи, – но что они символически и доступным для рассудка образом (*rationabiliter*) говорили о числе... в отношении которого математическое число есть только образ» (там же, с. 405).

В трактате многократно и различным образом число связывается с соразмерностью, формой и вещами, к которым оно относится: «...число есть субъект соразмерности... а соразмерность есть место для формы... с нарушением соразмерности... форма ложки не может сохраниться...» (там же, с. 406). Логика движения от числа к вещи состоит в следующем: число–соразмерность–форма–вещь (ложка). Кузанский иллюстрирует сказанное примером того, как человек, реализуя число в соразмерных формах материала, делает сложную числовую соразмерность чувственно воспринимаемой: «...хотя эта форма в своей природе и недоступна никакому ощущению... я все же буду пытаться сделать ее чувственно воспринимаемой... применяя мои инструменты... пока не возникнет в нем требуемая соразмерность, в которой соответственным образом отразится форма ложечности» (там же, с. 391). Другой пример – действия музыканта, который, желая сделать свою мысль чувственной, приводит множество звуков в числовое гармоническое соотношение, достигая тем самым восприятия «сладостного и совершенного». То же автор усматривает в математике в отношении геометрических фигур.

Формой соразмерности, согласно Кузанскому, является и человеческое тело, имеющее «устройство», способствующее деятельности души и являющееся условием его одушевления умом: «...уму свойственна деятельность, по которой он называется душой, он требует подходящего устройства тела, в уподобление ему соразмерного...»; ум «не может одушевить тела, соответственным образом не соразмерного» (там же, с. 433).

В другом своем произведении («Об ученом незнании») Кузанский говорит, что число в смысле соразмерности определяет вещь не только по внешним формам, но и по другим атрибутам.

Таким образом, число у Кузанского символизирует совокупную соразмерность пропорций формы и других акциденций вещи. В философском понимании число служит проектом (кодом), прообразом создаваемой вещи. В восприятии человека число символизирует соразмерность акциденций вещи в простом впечатлении, из которого в результате конципирования может возникнуть понимание. Впечатление ассоциируется с именем – вербальным или мнемоническим, сохраняющимся в памяти и доступном для ума.

В. «Имя» – номинативный слой бытия и ума

Тема имени существует с древнейших времен. В мифологической трактовке языка главное значение имеет слово, точнее имя. У Кузанского Простец говорит: «Каждое наименование соединено с вещью на том же основании, на каком форма привходит в материю; и верно, что наименование обусловлено формой, так что [точные. – В. С.] имена окажутся у вещей не в результате налагания, но от века, а произвольно только само налагание, – все-таки я нахожу, что налагается соответствующее имя, хотя бы оно и не было точным» (Кузанский, 1979, с. 390). Здесь наименование обусловлено формой, привходящей в материю, т. е. имена являются не просто идентификаторами, но отображениями вещей в некотором подпространстве (номинативном). Выделяются точные имена, существующие «от века», и имена произвольные, даваемые человеком, называющие; налагаемое имя, не будучи точным, соответствует вещи. Наименования даются человеческим рассудком, и «на определенном основании мы называем одну вещь одним именем и ту же вещь на другом основании – другим... соответствие наименования предмету может быть большим и меньшим, точного наименования мы не знаем» (там же, с. 389). Говорится о языке, в котором слова-имена образуют систему, и есть слово – точное имя всех вещей. Это слово есть не называние множества всех вещей в совокупности, как, например, бытие,

а слово, производящее все имена и имеющее отображения в имена неточные. Некоторые высказывания представляются безосновательными декларациями, например, то, что точное знание одной вещи открывает по необходимости знание всех вещей, и «если бы мы знали точное имя одной вещи, тогда мы знали бы и имена всех вещей» (там же, с. 395). Сказанное поясняется примером: «Я утверждаю: если „треугольник“ есть точное наименование треугольной фигуры, тогда я знаю точные наименования всех многоугольников... я знаю, что наименование четырехугольной фигуры есть „четыреугольник“, пятиугольной – „пятиугольник“ и т.д.... Равным образом я утверждаю, что если бы я знал точное имя одного творения божия, то не оставался бы в неведении относительно всех имен божиих творений и относительно вообще всего, о чем возможно знание» (там же, с. 395–396).

Инструментом наименования служит рассудок, который «движется вокруг вещей, подпадающих под ощущение, и производит их различение, согласование и разделение... Так он дает наименования в рациональном стремлении дать одно имя одной вещи и другое – другой» (там же, с. 392).

Возникает вопрос о связи сказанного об имени с другими компонентами концепции и степени реалистичности данного представления. Указание на связь имени с числом содержится в следующем фрагменте: «...форма ложечности... отражается в соразмерности очертаний, которые принимает это дерево... оно называется «ложкой» с возникновением соразмерности, в которой отражается ложечность, почему имя и оказывается соединенным с формой» (там же).

У Кузанского получают развитие представления об имени, возникшие исторически. Имя представляется неразрывным с содержанием, которое оно называет и существует как компонент мышления (ума) в связи с другой формой знания – числом.

Г. Конципирование – движение ума от впечатления к умопостижению

Одно из определений ума у Простеца – способность конципировать. Понимание он называет совершенным (завершенным) конципированием: «Он [ум. – В. С.] движется, создавая концепции, пока не достигнет понимания» (там же, с. 415). Конципирование означает восприятие в модусе «материи или формы»; при этом ум «создает подобия вещей», «видовые различия, виды, собственные или случайные признаки» (там же). Конципирование имеет ряд признаков, относящихся к пониманию, хотя они не тождественны: например, «актуальное

бытие понимается, но не конципируется». Простец поясняет, что «актуальное бытие... понимается, то есть умом схватывается его собственная суть»; «началом движения [ума. – В. С.] является впечатление, а его завершением – понимание», и в определенном смысле «впечатление ума и его понимание – одно и то же» (там же). Конципирование оказывается процессом перехода от первого схватывания сути к ее пониманию, а «о понимании следовало бы говорить только по достижении завершенности» (там же). Конципирование определяет Кузанским как условие достижения понимания: «о концепциях говорят, имея в виду подражание, а о понимании – совершенство... Ум создает концепции тогда, когда хочет достичь совершенства [завершенности, полноты. – В. С.] понимания» (там же, с. 416).

Кузанский отмечает значение концепций как форм систематизации знания. На вопрос Философа «Значит, и концепция есть результат впечатления?» Простец отвечает: «Нет, не значит... хотя роды и виды относятся к мышлению, они... не становятся впечатлениями души; впечатление души прекращается, а роды и виды остаются» (там же). Простец заключает указанием на две стороны результата конципирования: «созерцание в сложной необходимости» – в концепциях и методах, которое Простец называет учением, и силу ума, которая «созерцает все в простоте и вне сложности, может быть названа умопостижением (*intelligentia*)» (там же, с. 417).

Заключение

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что ум, представляемый как божественный, как вечное первоначало, в то же время получает в трактате реалистическое описание. Содержание трактата актуально для развития представлений о психологических понятиях, а также для психологического исследования текста в качестве размышлений автора на тему психических способностей. Приведенный анализ понятий «числа», «ума» и «конципирования» раскрывает определенные формы представления глубинной семантики для субъективно воспринимаемых реальностей. Недоступная ощущению форма делается чувственно воспринимаемой через посредство числа, отражаемого в соразмерности, характеризующей конкретную вещь. С числом связываются не только количественные пропорции, но и любое сходство или различие. Продуктивность исследования психологического содержания в произведениях философов Античности представлена также в рассмотренной работе (Суворов, 2016). Общий вывод состоит в том, что в философских произведениях аккумулирован имеющий непреходящее значение

опыт поиска и нахождения ответов на вопросы, касающиеся психологической проблематики. Это опыт является актуальным для современных научных исследований.

Литература

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Николай Кузанский. Простец об уме / Пер. А. Ф. Лосева // Николай Кузанский. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 385–444.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Суворов В. В.* «Созерцание» в произведениях философов Античности // Вестник Московского университета. Сер. 7. «Философия». 2016. № 6. С. 5–16.

The philosophical prehistory of psychology – the source of psychological ideas

V. V. Suvorov (Moscow)

Candidate of physico-mathematical sciences, associate professor of Lomonosov Moscow State University

The article considers the problem of psychological analysis of philosophical works. The contribution of Russian scientists B. Lomov and S. Rubinstein in the development of the philosophical foundations of psychology is pointed out. Approach to the problem is illustrated by the consideration of the psychological concept's of treatise “The Layman On Mind” by Nicholas of Cusa. The report concludes the relevance of the concept of treatise and of the problem as a whole.

Keywords: prehistory of psychology, mind, sensation, perceptual power, understanding, conceiving, number, name.

А. И. Введенский об основных принципах построения психологической науки

Э. В. Тихонова (Арзамас)

*кандидат психологических наук, доцент Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета;
e-mail: mit1972@mail.ru*

В статье рассматривается психологическая концепция известного русского философа и психолога А. И. Введенского, предложенная им в начале XX в. как вариант построения психологической науки. В соответствии с эмпирическим пониманием психологии как науки о душевных явлениях А. И. Введенский определял и ее задачи. Основную задачу психологии он видел в безоценочном изучении душевных явлений как фактов внутренней природы, в исследовании и описании законов их формирования и развития. Это отражало стремление Введенского к объективному построению психологии, что было важным шагом на пути ее становления в качестве строго научной дисциплины.

Ключевые слова: А. И. Введенский, история отечественной психологии, интроспекция, метафизика, объективное познание.

Основные направления психологии конца XIX–начала XX в.

Научная деятельность Александра Ивановича Введенского (1856–1925) разворачивалась на рубеже XIX–XX вв., когда шло активное формирование и становление отечественной психологии. Продолжался начатый в середине XIX в. поиск путей ее построения, методологии и собственного предмета, ее отличий от других наук и отношения к европейской психологии. К тому времени уже определились две основные концепции построения молодой науки: одна выступала за формирование психологии на основе философии, в русле которой она главным образом развивалась до того момента,

другая – на основе физиологии, как того требовали новые веяния науки и распространение экспериментальной практики.

Естественнонаучное направление в психологии, видными представителями которого были В. М. Бехтерев, В. А. Вагнер, П. Ф. Лесгафт, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге, С. С. Корсаков, И. А. Сикорский, А. А. Токарский, В. Ф. Чиж, Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский и др., было тесно связано с традициями отечественного естествознания, а также выступало с критикой субъективизма и интроспекционизма. У истоков этого направления стоял И. М. Сеченов. Естественнонаучное направление оказало значительное влияние на развитие психологической мысли в России, в особенности – на формирование тех разделов психологии, которые ближе всего соприкасаются с естественными науками – психофизиологии, зоопсихологии, медицинской психологии, патопсихологии и др.

Другое направление в развитии русской психологии – философско-умозрительное – было признано официальным и развивалось в академическом русле на кафедрах российских университетов и духовных академий. В числе его представителей – выдающиеся мыслители, ученые, составившие цвет российской психологической науки и определившие почти на тридцать лет (до 20-х годов XX в.) путь ее развития: М. И. Владиславлев, А. И. Введенский, Н. Я. Грот, К. Д. Кавелин, И. И. Лапшин, Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский, Г. И. Челпанов, С. Л. Франк и др. Многие из них разрабатывали собственные программы построения психологической науки. В рамках умозрительной психологии существовало несколько направлений и школ: «психология без всякой метафизики» А. И. Введенского; волюнтаристическая психология М. И. Владиславлева и Н. О. Лосского; спиритуалистическая психология Л. М. Лопатина; философская психология С. Л. Франка и др. Несмотря на то, что философско-умозрительная психология не представляла собой однородного целого, она содержала ряд общих теоретических положений. Среди них – понимание психики как замкнутого в себе внутреннего мира, который отражает не внешнюю действительность, а самого себя; взгляд на психологию как на область знания, основанную на внутреннем чувстве, самонаблюдении; отрицание сведения психологии к физиологии; принятие в качестве объяснительного принципа теории параллелизма психических явлений и физиологических процессов.

В рамках философско-умозрительного направления было высказано много ценных мыслей, идей по проблемам исследования сознания, чувств и эмоций человека, а также – процесса формирования жизненных ценностей и духовно-нравственной сферы личности. Его представители стремились к построению целостной философско-психологической концепции.

Программа построения психологии в трудах А. И. Введенского

Ярким примером развития этого направления психологии служит научное наследие Александра Ивановича Введенского (1856–1925). Основные свои взгляды на принципы построения психологической науки он изложил в ряде своих работах: «О пределах и признаках одушевления» (1892), «О видах веры и ее отношении к знанию» (1894), «Спор о свободе воли перед лицом критической философии» (1901), «О задачах современной психологии» (1903), а также в одном из основных своих сочинений «Психология без всякой метафизики» (1915).

Психологию А. И. Введенский выделял в особую область положительного знания и определял ее как *безоценочную описательную науку о явлениях душевной жизни*. В своей психологической концепции он исходил из идеалистической трактовки природы психического, считая психику особой бестелесной непространственной сущностью, движущая сила которой скрыта в ней самой. За основу при разработке задач и общих положений психологии им был взят главный вывод кантовского критицизма относительно границ человеческого знания, согласно которому научное знание возможно только относительно имманентных, данных человеку в опыте предметов, а трансцендентные предметы остаются недоступными для ума вследствие присущей ему организации познавательных способностей. Поэтому метафизика (если под этим термином подразумевать учение о трансцендентных, непознаваемых в опыте предметах, таких как Бог, душа, свобода воли и т. п.) возможна только как вера, а не как знание.

В своем главном труде «Психология без всякой метафизики», Введенский провозгласил отказ от обсуждения в психологии каких-либо философских – метафизических – вопросов. Предмет психологии (душевные, психические процессы), по Введенскому, относится исключительно к миру явлений. Психология может претендовать на научность лишь в том случае, если будет безоценочным образом изучать душевные явления как факты внутренней природы человека.

Введенский отказывался от рассмотрения психологии как «учения о душе», каковой она была раньше, поскольку душа относится к области трансцендентного, непознаваемого, и поэтому ее существование нельзя ни доказать, ни опровергнуть: в него можно лишь верить. Поэтому вопросы о душе и ее сущности должны войти в состав метафизики – специального учения о трансцендентных предметах. Психологию же, по убеждению Введенского, следует разрабатывать «без всякой метафизики, т. е. без всякого учения о каких бы то ни было трансцендентных предметах, а не только без души» (Введенский,

1917, с. 11). Иначе говоря, предметом и целью изучения психологии должны стать явления, находящиеся в сфере знаний, доступных нашему изучению, а не относящиеся к области веры, «неопровержимой, но зато и недоказуемой».

Подобный рационалистический взгляд на познавательные способности человека разделяли далеко не все представители русской мысли конца XIX–начала XX столетия. В числе наиболее активных оппонентов А. И. Введенского были интуитивисты Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский. Противоположной точки зрения по этому поводу придерживался и В. С. Соловьев. Все они были едины в мысли, что трансцендентное познаваемо – воспринимается через религиозный, мистический опыт, интуицию.

Стремясь к построению научной психологии, А. И. Введенский старался заложить как можно более объективные положения в ее основание. Главный недостаток «старой» психологии, из-за которого последняя «постоянно служила ареной для бесплодной борьбы материализма со спиритуализмом» (Введенский, 1915, с. 1), ученый видел в неверной постановке ее задач, которые вплоть до середины XIX в. были направлены на то, чтобы «решить, есть ли душа или нет, и, если есть, какова она по своей природе, и, уже исходя из этого решения, объяснить весь мир душевных явлений и их отношений к телесным» (там же). А так как вопрос о существовании души и ее сущности относится к трансцендентной сфере, то современная психология должна исключить его из своего предмета и заниматься изучением психических явлений, данных в опыте и подчиненных законам природы. Эту принципиальную позицию Введенский заявил уже в самом названии своего труда «Психология без всякой метафизики» и объяснил ее двумя причинами: 1) наука должна определять для себя такой предмет, который она может изучать с помощью научных методов; 2) душа принципиально непознаваема как предмет трансцендентного, недоступного нашему разуму. Вслед за Н. Я. Гротом, А. И. Введенский подчеркивал, что в отличие от расплывчатых теорий души психология исследует объективные познавательные процессы, а также чувства и волю, которые имеют внешние корреляты и потому могут быть исследованы объективно, стать предметом самостоятельной науки. Следует отметить, что и Н. Я. Грот, и А. И. Введенский во взглядах на предмет психологии продолжали традицию своих учителей – М. М. Троицкого и М. И. Владиславлева, которые одними из первых в России выступили за пересмотр методологических основ отечественной психологии.

Но среди русских психологов были и те, кто возражал против такого определения предмета психологической науки, считая,

что душевные явления не имеют самостоятельного значения и потому не могут являться предметом самостоятельной науки. Наиболее отчетливо эта позиция выразилась в работе С. Л. Франка «О душе» (1917), хотя и другие ученые – Н. О. Лосский, Л. М. Лопатин, С. Н. Булгаков – считали, что именно душа, объединяющая разные состояния, является центром исследовательских интересов, а потому не имеет смысла изменять предмет психологии. А. И. Введенский подобную точку зрения охарактеризовал как «поразительное по своей силе стремление нашего ума к метафизическому знанию» (Введенский, 1909, с. 27).

Развивая свою мысль о предмете психологии, А. И. Введенский писал, что если она хочет оставаться объективной, положительной наукой, то должна стремиться к безоценочному изучению психических явлений – их состава, происхождения, законов, по которым они действуют, подобно тому, как естествознание изучает явления природы. Тем самым он пытался окончательно прекратить практику метафизических споров, рассуждений о сущности души, происхождении психического и т. п. в рамках данной науки, вероятно, имея целью приблизить психологию к ее практическому использованию, к тому, чтобы общие положения этой дисциплины удовлетворяли любым философским воззрениям и направлениям: «Окончательные выводы каждого научного исследования... должны быть такими, чтобы они были обязательными и одинаково приемлемыми для всякого метафизического направления» (Введенский, 1923, с. 10). Примечательно, что материализм А. И. Введенский также считал одной из разновидностей метафизики: «Нередко думают, будто бы материализм не составляет метафизики, хотя без всякого спора относят к ней допущение существования души... Но ведь всякий ответ – как утвердительный, так и отрицательный (как допущение, так и отрицание существования Бога, души и т. п.) – на метафизический или трансцендентный вопрос уже составляет метафизику» (Введенский, 1909, с. 25). Таким образом, психология, по Введенскому, должна строиться безоценочным способом, чтобы быть приемлемой для использования представителями всех философских направлений и взглядов.

Итак, А. И. Введенский провозгласил «психологию без души», предметом которой должны стать явления внутренней, душевной жизни: ощущения, восприятия, представления, сновидения, воспоминания, воображения, акты мышления, воли, чувств и т. д. Но это вовсе не означало отрицания им самой души как особой субстанции. Более того, Введенский оставлял за психологией, как, впрочем, и за любой другой положительной наукой, право использовать ме-

тафизические подходы в качестве рабочих гипотез. «Так, вопреки провозглашенному принципу избегать метафизики, – критически замечает А. Н. Ждан, – с ее помощью Введенский выбирается из тента неизбежного солипсизма» (Ждан, 1990, с. 201).

В соответствии с эмпирическим пониманием психологии как науки о душевных явлениях А. И. Введенский определял и ее задачи: исследуя душевные явления, психология должна понять и описать прежде всего законы формирования, развития этих процессов. В зависимости от специфики задач он выделял общий и еще мало разработанные на тот момент специальные разделы психологии, позднее определившиеся в отдельные отрасли.

К задачам *общей психологии* (ее А. И. Введенский называл «основной»), считая этот раздел психологии теоретической основой всей психологической науки) относятся: 1) изучение состава душевных явлений и условий, от которых зависит их возникновение и особенности; 2) изучение взаимовлияния разнородных душевных явлений, например, памяти – на мышление, мышления – на волю и т. п.; 3) влияния каждого из них на общий строй душевной жизни, например, на формирование личностных структур, развитие интеллекта человека и т. п. Позднее в работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л. С. Выготский поддержал идею употребления именно такого определения данного раздела. «Говорить об основной, или центральной, психологии было бы, действительно, в данном случае уместнее, чем об общей», – отмечал он (Выготский, 1996, с. 54).

От задач «основной» психологии, призванной изучать то общее, что присуще всем объектам данной науки, А. И. Введенский отличал специфические задачи специальных разделов данной науки, изучающих то, что свойственно отдельным группам или даже тем или иным экземплярам из того же рода объектов. Так, *сравнительная психология* подразделяется на несколько ветвей и изучает особенности протекания одних и тех же психических явлений у разных людей одного возраста и пола (индивидуальная психология) и у лиц разного пола (дифференциальная психология), у людей разного возраста (возрастная психология), у разных животных (зоопсихология), у душевнобольных (патопсихология). *Коллективная психология* [социальная. – Э. Т.] призвана определить зависимость протекания индивидуальных психических процессов от влияния организованной или неорганизованной группы людей (психология толпы, психология народов и т. п.). Важное место в составе психологической науки А. И. Введенский отводил *психофизиологии*, видя ее назначение в установлении и изучении связи душевных явлений с телесными. Он разводил понятия «психофизиология» и «экспери-

ментальная психология», объясняя, что последняя ведет разработку «любого отдела психологии посредством экспериментирования, а не одной лишь психофизиологии». Подобное уточнение звучало актуально, поскольку некоторые ученые в то время использовали эти понятия как тождественные.

Признавая значимость психофизиологии как одного из разделов психологии, А. И. Введенский полностью отвергал возможность замены ею психологии как науки, что было предметом научных споров среди психологов естественнонаучного и философско-умозрительного направлений. Согласно Введенскому, психофизиология имеет для психологии важное *вспомогательное* значение, так как исследует связь душевных явлений с телесными, но в психике остается много такого, что не может быть объяснено только материальными, телесными изменениями, а потому психофизиология не исчерпывает полностью предмета психологии. Вместе с тем Введенский высказывал надежду, что в будущем психофизиология достигнет более высокого уровня развития и тем самым «прольет новый свет на душевные явления». Подобным образом оценивали значение и задачи психофизиологии Н. Я. Грот, Г. И. Челпанов, И. И. Лапшин. В сущности, того же мнения придерживались Н. Н. Ланге и В. М. Бехтерев. Они считали, что данные психофизиологии (объективной психологии) должны дополняться данными субъективной психологии, данными самонаблюдения для того, чтобы точнее и полнее понять природу и законы психических явлений.

Доказывая необходимость использования в психологии данных психофизиологии, естествознания, А. И. Введенский указывал и на ее тесную связь с другими научными дисциплинами – философской теорией познания (гносеологией), логикой, педагогикой и др. Особо подчеркивал он важное значение философии для психологии, указывая при этом, что психология, как и любая другая наука, имеет философское значение, поскольку она содействует усовершенствованию нашего мировоззрения. К тому же с давних времен психологическое знание развивалось в русле философии, поэтому последняя, по существу, является методологическим фундаментом психологии. В этой связи Введенский требовал, чтобы при подготовке профессиональных психологов преподаванию философии уделялось должное внимание: «Путь к психологии должен отправляться от философии» (Введенский, 1915, с. 14). Эту точку зрения в полной мере разделяло большинство его коллег – Л. М. Лопатин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, Г. И. Челпанов и др.

Гносеологию и логику А. И. Введенский тесным образом связывал с психологией: их объединяет то, что все они направлены на из-

учение процесса образования знания, понятий, законов мышления. Но их основное отличие в том, что делают они это с разных позиций: психология строится безоценочно, а две другие дисциплины – чисто оценочным способом (гносеология выясняет значение психических явлений для процесса познания, а для логики всегда существуют правильные и неправильные ответы). Поэтому, заключает Введенский, психологические исследования должны опираться на гносеологические, а логика – входить в состав психологии мышления. Это утверждение нашло реальное воплощение в его собственной психологической концепции.

Заключение

Критически изучив и осмыслив состояние психологической науки, А. И. Введенский определил основные принципы ее построения. В своей психологической концепции он исходил из идеалистической трактовки природы психического, считая психику особой бестелесной непространственной сущностью, движущая сила которой скрыта в ней самой. Введенский отказывался от рассмотрения психологии как «учения о душе», каковой она была раньше, выделяя ее в особую область положительного знания и определяя ее как безоценочную описательную науку о явлениях душевной жизни. По его мнению, во-первых, предмет науки должен быть доступен изучению с помощью научных методов, а во-вторых, «душа» принадлежит к области трансцендентного, недоступного нашему разуму, поэтому она принципиально непознаваема.

Выступая за разработку объективных основ психологии, определяя психологию как науку безоценочную, Введенский тем самым пытался окончательно прекратить практику метафизических споров, рассуждений о сущности души, происхождении психического и т. п. в рамках данной науки. Он имел целью приблизить психологию к ее практическому использованию, к тому, чтобы общие положения этой дисциплины удовлетворяли любым философским воззрениям и направлениям.

Литература

- Введенский А. И.* Что такое философский критицизм? // Новое слово. 1909. № 1. С. 22–27.
- Введенский А. И.* Психология без всякой метафизики. 2-е изд., испр. и доп. Пг., 1915.

- Введенский А. И.* Психология без всякой метафизики. 3-е изд., исп. и доп. Пг., 1917.
- Введенский А. И.* Логика как часть теории познания. 4-е изд. М.–Пг., 1923.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития как феномен культуры. М.–Воронеж, 1996. С. 48–218.
- Ждан А. Н.* История психологии: от античности до наших дней. М., 1990.

A. I. Vvedensky about the basic principles of creation of psychological science

E. V. Tikhonova (Arzamas)

Candidate of psychological sciences, associate professor of Arzamas branch of Nizhny Novgorod state University

In article the psychological concept of the famous Russian philosopher and psychologist A. I. Vvedensky offered them at the beginning of the XX century as option of creation of psychological science is considered. According to empirical understanding of psychology as sciences about the sincere phenomena A. I. Vvedensky defined also its tasks. He saw the main objective of psychology in bezotsenochny studying of the sincere phenomena as facts of the internal nature, in research and the description of laws of their formation and development. It reflected Vvedensky's aspiration to objective creation of psychology that was an important step on the way of its formation as strictly scientific discipline.

Keywords: A. I. Vvedensky, history of domestic psychology, introspektion, metaphysics, objective knowledge.

Гендерные идентичности в периоды кардинальных изменений общества¹

Б. Н. Тугайбаева (Москва)

*помощник директора по аспирантуре Института психологии РАН;
e-mail: batima-1@rambler.ru*

В статье анализируются проблемы гендерной идентичности личности, рассматриваемые в историческом контексте проблемного состояния российского общества 90-х годов XX века. Показана взаимосвязь психологических проблем личности, кризиса идентичности, трансформации образцов маскулинности/феминности с социальными процессами радикальных реформ общества. Кризис гендерной идентичности выявляет адаптационно-приспособительные возможности личности в условиях кардинальных социальных изменений.

Ключевые слова: социальные изменения, идентичность, кризис гендерной идентичности, образы мужественности/женственности.

Осмысление прошлого трансформационного опыта людей в периоды социально-политических перемен позволяет выявлять уроки истории и применять их в будущем, понять современное состояние российского социума. Оценивая нравственное состояние общества, исследователи отмечают многочисленные проблемы в его морально-нравственной сфере – такие как коррупция во всех уровнях власти, наркомания, толерантность к различным формам агрессии, бытовое хамство, рост межконфессиональной и межэтнической напряженности. Все они возникли не сегодня, а уходят своими корнями в период разрушения СССР, резкого перехода к рыночно-капиталистическим отношениям (Нравственность современного российского общества..., 2012). По прошествии уже 26 лет у аналитиков нет единой оценки этого исторического периода, но с тем, что это было

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 15-06-10293.

время кардинальной ломки социальных институтов, всей системы общественных отношений и ценностей, тяжелое время выживания и самоопределения для каждого человека, согласны все исследователи российского общества.

Экономико-политические преобразования привели к глубоким изменениям в способе существования индивида, его ментальности, провоцируя кризисы идентичности, внутриличностные гендерные конфликты.

Целью нашего исследования стало изучение психологии личности в периоды кардинальных изменений общества с позиций психолого-исторического подхода, в частности, *кризисных процессов гендерной идентичности*. В данной работе мы изучали трансформации гендерных идентичностей – мужских и женских – в контексте состояния социума первого десятилетия в новейшей истории России (90-е годы XX в.). Этот период мы определяем как кризисный, характеризующийся кардинальным преобразованием всех сторон жизни общества, подобный тому, который страна переживала в начале века, после Революции 1917 г.

Мы рассматриваем гендерную идентичность как многомерное (многоуровневое), изменяющееся образование, опосредованное социальными взаимодействиями, культурным контекстом. Гендерная идентичность понимается нами как составляющая социальной идентичности (сосуществующая, наряду с профессиональной, семейной, этнической и другими самоидентификациями), соотносимая с исторически изменчивыми представлениями о маскулинности и феминности, образцами «мужественности» и «женственности» для идентификаций, создающимися в конкретной культуре и социальном пространстве.

Исследование проводилось в рамках исторической психологии, изучающей различные психологические явления в историческом контексте с использованием *метода* психолого-исторической реконструкции. «Психолого-историческая реконструкция воссоздает явления, существующие в определенном временном континууме, поэтому важным ее аспектом выступает *учет особенностей исторического времени* бытия исследуемого феномена» (Кольцова, 2008, с. 409).

Анализировались данные социологических, социально-психологических, культурологических, политико-экономических исследований 90-х годов XX в., результаты опросов ВЦИОМ, Левада-Центра, материалы СМИ (популярные журналы, газеты), позволяющие реконструировать социальные условия и идентификационные процессы (отношения, оценки, самоописания, самочувствие людей, об-

разцы «новых» моделей поведения) в гендерных группах (мужских и женских) россиян. В данной статье приводятся обобщенные результаты анализа в аспекте изучения новых моделей, образцов «мужественности» и «женственности», появившихся в постперестроечной России.

Оценка состояния общества и периода 1990-х годов в России (аналитические статьи журналов «Социологические исследования», «Общественные науки и современность», «Полис», «Мир России» и др.) выражена в следующих определениях – «переходный», «катастрофический», «разрушительный», «безвременье», «кризис», «динамичный», «размытое общество». Смена политического строя, произошедшие масштабные социально-экономические трансформации, «шоковая терапия» привели к нестабильности, неопределенности, утрате безопасности существования всей системы общественной жизни. Экономика, правопорядок приходили в упадок, демократия превратилась в ширму, за которой скрывались своекорыстие и произвол. «Уж больно велика оказалась цена свободы», – писала газета «Труд». «Разрушение единого государства, обвальное падение жизненного уровня, разгул преступности, ликвидация привычных социальных гарантий, гнетущие контрасты бедности и богатства, чувство заброшенности у „маленького человека“, – таков реестр тревожных примет российской жизни 90-х годов»¹.

Проведенный ВЦИОМ в 2015 г. опрос современных россиян об их воспоминаниях и оценках 1990-х годов показал, что у более половины (53%) опрошенных эти годы вызывают негативные чувства, ассоциируются с криминалом, бедностью, развалом; затрудняются назвать какие-либо конкретные события и факты, которые можно считать положительными результатами реформ, 60% опрошенных; 19% считают, что никаких значительных успехов в этот период не было. Вот как характеризует отношение современных граждан Алексей Фирсов, директор по коммуникациям ВЦИОМ: «Исследование показывает, что попытки романтизации 90-х годов наталкиваются на эмоциональную „плиту“ непонимания и неприятия этого периода заметным большинством граждан и поэтому остаются уделом незначительного, хотя информационно активного меньшинства. Для сегодняшних респондентов этот период является не исторической реконструкцией, а живой памятью, связанной с социальным провалом и разрушением государства. Идеальные ценности, которыми оперируют сторонники 90-х („новая жизнь“, „открытые возможности“ и др.), оказались лишенными конкретного содержания,

1 «Труд». Март, № 16, 1996.

в отличие от таких факторов, как „развал СССР“, „криминал“, „коррупция“. Характерно, что опрошенные, как правило, затрудняются назвать конкретные положительные события того периода» (см.: Россия девяностых: дни поражения или побед, 2015).

Изменения в коллективном и индивидуальном сознании на рубеже веков ученые характеризуют, прежде всего, такими понятиями, как «утрата идентичности», «кризис идентичности», «поиск идентичности» (Кон, 1984; Холл, 1998). Деструктивные процессы фиксируются в национально-культурной (Панарин, 1993; Тишков, 1994, 1996), политической (Тимофеев, 2008), этнической (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999; Стефаненко, 1999), социальной (Косова, 1997; Ядов, 1994, 1997; и др.) идентичностях. Исследование трансформаций гендерной идентичности также отражают процессы адаптации личности в условиях «динамического хаоса», в котором пребывало российское общество.

Ситуация исчезновения идентификационных групп на макроуровне (нет страны, с которой себя соотносили, политического строя, общих целей на будущее), разрушения референтных групп, бывших носителями образцов поведения (профессиональных, трудовых коллективов), приводила на психологическом уровне к появлению растерянности, чувства потери стабильности и безопасности, дезориентации (кто теперь «мы», кто такой «Я»), стрессу. Возникла ситуация «структурной и ценностно-мировоззренческой неопределенности», подкрепленная болезненным переживанием людьми потери своего статуса, что открывало «широкое поле для манипуляций общественным сознанием и коллективным поведением» (Климова, 2001, с. 14). Фиксируемый исследователями кризис традиционной ценностной системы проявился в наличии множества часто несовместимых систем ценностей различных социальных групп; эти ценностные системы не являются до сих пор устоявшимися, что характеризует Россию как «расколотую нацию» (Гизатова, Иванова, 2009). «Подавляющее большинство людей старшего поколения разделяет ценности советской эпохи и резко негативно воспринимает происходящие в мире и стране изменения. Представители среднего поколения пытаются создать собственную систему ценностей, сформировать свою идентичность. Что касается молодого поколения, то определяющее влияние на формирование его ценностной системы, жизненных установок оказывают СМИ, навязывающие ему массовую культурную продукцию далеко не самого высокого качества. В целом, в массовом сознании россиян глобализация создает преобладающие настроения неопределенности и слабых оптимистических ожиданий» (там же, с. 87).

Быстрые изменения в социокультурной среде, когда индивид не успевает в полной мере воспринять, оценить и интерпретировать происходящие с ним и с миром метаморфозы, приводят к проблемам идентичности. В периоды быстрых социокультурных изменений, как отмечают исследователи, кризис идентичности может принимать массовый характер, порождая «времена безвременья», периоды «разброда и шатания», целые «потерянные поколения» и воспринимаемая многими как утрата смысла жизни. Однако быстрые смены эпох могут иметь и позитивные последствия, способствуя появлению новых традиций, социальных опытов, норм и образцов и, тем самым, расширяя спектр адаптационных способностей человека.

Рассмотрение проблем идентичности исследователями смежных с психологией наук проводится преимущественно через призму влияния на личность социальных факторов –вышестоящих уровней социальной реальности (государства, страны, народа, класса, социальной страты и др.), при этом, как правило, не учитывается гендерный аспект. Гендерная идентичность может изучаться с позиций внутриличностных процессов (субъективный уровень самосознания себя как представителя гендерной группы) и с позиций представленности гендера на уровне общественного сознания – как нормативных образцов мужественности и женственности. Феномен кризиса гендерной идентичности проявляется в ситуации, когда поведение носителей мужской и женской идентичности не соответствует нормативным образцам, распространенным в данном обществе. Люди вынуждены находить новые способы и формы жизнедеятельности в изменившихся социальных условиях, часто в нарушение традиционно предписываемым формам гендерного поведения и стереотипов. Группы мужчин и женщин, осознавая свое несоответствие по основным характеристикам общепринятой нормативной модели «мужественности/женственности», актуализируют эту проблему в публичном дискурсе. Но это не проблема отдельной личности, а состояние психологического неблагополучия общества: кризис гендерной идентичности имеет не столько психологическую, сколько социально-психологическую и социальную природу, и должен анализироваться с учетом влияния различных факторов (Клецина, 2004, с. 363).

Какие же изменения гендерной идентичности и ее кризисные проявления были характерны для периода кардинального преобразования российского общества?

Здесь мы должны отметить, что не все мужчины и женщины в последнее десятилетие XX в. переживали кризис гендерной идентичности, испытывали его как внутриличностный конфликт, психоло-

гическую проблему. Внутриличностный гендерный конфликт – это неудовлетворительное переживание изменений себя как мужчины или женщины, рассогласование внутренних ценностей, образов и идеалов маскулинности/феминности, непринятие себя или отдельных сторон своей личности как мужчины или женщины. Ситуация социальной и экономической нестабильности, смены политической системы, идеологических ориентиров обострила проблемы самоидентификации, потребовала активизации всех личностных ресурсов, в том числе и корректировки гендерной идентичности. Мужчины и женщины разных возрастных и социальных групп конструировали, трансформировали, создавали свою гендерную идентичность, проявляя новые формы поведения, приспосабливаясь к новым реалиям жизни. На смену требованиям к социальным ролям, предписываемым к исполнению мужчинам и женщинам в советском обществе, приходили плюралистические взгляды на индивидуальное поведение, утверждалось право личной свободы выбора, право распоряжаться собой.

В начале 1990-х годов с падением «железного занавеса» на фоне либеральной идеологии стали распространяться различные формы массовой культуры. Появились журналы, ориентированные на подростково-юношескую группу, специализированные глянцево-женские журналы и журналы для мужчин, которые «открывали» западный мир, продвигали новый образ жизни, пропагандирующий культуру потребления высших слоев среднего класса, новые ценности и образы культуры; одновременно презентировались новые модели и образы маскулинности/феминности. Например, появился мужской образ метросексуала, по стилю жизни напоминающего женщин: посещающего салоны красоты, заботящегося о внешнем облике, внимательного к тенденциям моды. СМИ фиксировали многообразие форм гендерного поведения россиян, появление новых социальных типажей (предприниматели, новые русские в малиновых пиджаках, бизнес-леди, «качки», рэкетеры, проститутки, сутенеры, уличные торговки и торговцы в «комках», «челноки», бомжи), которых не было в советское время и которые репрезентировали новые гендерные практики. Часть граждан, как мужчин, так и женщин, активно использовала новые возможности для реализации своего личностного потенциала; они включились в появившиеся сферы бизнеса, политики, предпринимательства. Другие же вынужденно меняли вид занятости и способ заработка в условиях безработицы. Проблема реализации своего жизненного проекта в меняющейся социальной действительности стала проблемой повседневного существования практически всего взрослого населения России.

Мужская идентичность включает базовые, сущностные характеристики, которые И. С. Кон обозначил как *константы мужского самоутверждения*: ориентация на профессиональную сферу (настоящий мужчина должен реализоваться в профессии, делать карьеру); потребность отличаться от женщин (мужчина не должен заниматься женскими делами, он должен избегать поведения и ролей, традиционно приписываемых женщинам); установка на эмоционально сдержанное поведение (мужчина не должен демонстрировать чрезмерные эмоциональные реакции, должен быть рассудительным и сдержанным, самостоятельно справляться со своими проблемами); установка на то, что мужчина должен зарабатывать, быть добытчиком, финансово состоятельным, обеспечивать семью (Кон, 2002). Когда перечисленные константы не могут быть реализованы, они неустойчивы или подорваны, мужчина испытывает внутренний гендерный конфликт, дезориентацию, что проявляется в нарушении поведения, снижении самооценки, приводит к возникновению стресса. Неисполнение ожидаемых традиционных мужских ролей, невозможность реализовать установки, потребности и ценности, на которых базируется мужская самоидентификация, становится причиной кризиса маскулинности. Мужская самоидентификация затруднялась реально существующим сближением мужских и женских ролей в публичной сфере, происходившим на протяжении многих лет советской гендерной политики (мужчина потерял статус единственного кормильца и добытчика, лидера в семье; женщины активно вовлекались в общественное производство, имели высокий образовательный уровень, что укрепляло их лидерские позиции в семье).

На протяжении 1990-х годов происходила трансформация мужских идентификационных образов в культуре, «мужественность» продолжала подвергаться изменениям. Традиционный образ мужчины, укоренившийся в ментальности русской культуры, начал входить в противоречие с теми образами, которые рекламировала субкультура «глянца», телевизионная реклама, развлекательные программы в постперестроечное время.

Женская идентичность строится на следующих константах: установка на материнство (женщина – прежде всего, мать; в обыденном сознании многих женщин материнство – базовое предназначение существования и самоутверждения); стремление быть хорошей хозяйкой (роль хозяйки дома, отвечающей за порядок, уют, хорошее питание – значимая составляющая женского самоутверждения); ориентация на эмоциональную близость, межличностные отношения (включенность в социальное взаимодействие и личные

отношения играет большую роль в развитии идентичности женщины); установка иметь привлекательную внешность (женщины должны быть привлекательной, соответствовать эталонам красоты, выглядеть модной; внешность – женский ресурс) (Клецина, 2004, с. 370). Социологические и социально-психологические исследования, изучающие женщин или проблемы современной семьи, показали, что образ идеальной женщины включает привлекательную внешность, любовь к детям, хозяйственность, доброту и верность в любви (Женщины новой России..., 2002). Если женщина не может поддерживать стандарт общепринятого феминного поведения, это подрывает основы ее самоутверждения, приводит к неуверенности и неудовлетворенности собой, провоцирует кризис гендерной идентичности. Этот кризис также связан с затруднениями в исполнении женской роли, что исследователями обозначено как кризис двойной идентичности (Здравомыслова, Арутюнян, 1998). В начале 1990-х годов был разрушен контракт «работающей матери» с государством, который был характерен для советской страны, где социальная политика в отношении женщин была ориентирована на защиту работающей матери, которая имела льготы и привилегии. Общая смена направления социальной политики 1990-х годов – отказ государства регулировать социальные процессы, отмена финансирования выплат, льгот и компенсаций – привела к необходимости переориентации многих женщин на поиск работы, большей включенности в конкурентные отношения на рынке труда. Работающие женщины, выбиравшие главным для себя профессию, испытывали большие внутриличностные проблемы; они не были довольны собой как матерью и хозяйкой. Тиражируемые средствами массовой информации образы «новой русской» – успешной и ухоженной бизнес-вумен, подруги или жены богатого «нового русского», броской представительницы шоу-бизнес – также входили в диссонанс с общепринятыми моделями «женственности», вносили свою лепту в создание кризиса гендерной идентичности российских женщин.

В заключение отметим, что трансформации гендерной идентичности являются естественным процессом развития личности, но в кризисные исторические периоды происходит ломка структур идентичности. Как писал Э. Фромм, «потребность в чувстве самостождественности проистекает из самих условий человеческого существования и, в свою очередь, служит источником наиболее сильных стремлений. Поскольку при отсутствии чувства Я невозможно сохранить душевное здоровье, человек вынужден делать чуть ли не все, что ни попадя, лишь бы обрести это чувство» (Фромм, 1998,

с. 182). Противоречивая социально-культурная ситуация «запускает» процессы когнитивного диссонанса, затрагивает эмоциональную сферу личности, влияет на возникновение внутрличностного конфликта. Кризисные проявления гендерной идентичности российских мужчин и женщин 90-х годов XX в. отражают ситуацию разрушения и трансформации культурных моделей «мужественности/женственности», невозможности соответствовать эталону маскулинности/феминности.

Литература

- Гизатова К. Г., Иванова О. Г. Трансформация идентичности российского общества в условиях глобализации // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 2. С. 83–87.
- Женщина новой России: Какая она? / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2002.
- Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). М., 1998.
- Клецина И. С. Психология гендерных отношений. СПб., 2004.
- Климова С. Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13–22.
- Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. М., 2008.
- Кон И. С. История и теория «мужских исследований» // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М., 2002. С. 188–242.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2012.
- Россия девяностых: дни поражения или побед // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2993. 2015. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 05.05.2017).
- Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина. М., 1998. С. 129–452.

Gender identity in periods of cardinal changes in the society

B. N. Tugaybaeva (Moscow)

Assistant director of the department of postgraduate studies,
Institute of psychology of RAS

The article analyzes the problems of gender identity, considered in a historical perspective, the problematic condition of Russian society in the post-perestroika period of the 90-s of XX century. The relationship of psychological problems of personality, identity crisis, transformation, specimens of masculinity/femininity with socio-cultural processes of radical reforms of society. Gender identity crisis reveals the adaptive opportunities of an individual in the context of fundamental social change.

Keywords: social change, identity, gender identity crisis, images of masculinity.

**Многослойная модель личности «матрешка»:
психологические размышления
на основе святоотеческих идей¹**

А. Г. Фомин, А. А. Гостев** (Москва)*

** психолог-практик, консультант;
e-mail: fomin62@gmail.com*

*** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail: aagos06@rambler.ru*

Опираясь на святоотеческие антропологические и психологические идеи, предложена многослойная модель описания личности – «Матрешка» (М), включающая следующие оболочки: М-1 представляет человека в его макросоциальном мире; М-2 является продуктом семейной жизни; М-3 связана с физическим телом человека; М-4 состоит из представлений о мире и самом себе; основой М-5 является ощущение человеком присутствия неких невидимых сил своей души; М-6 выражает религиозный опыт людей; М-7 – целостная, неделимая душа человека. Основные оболочки разделяются на внутреннюю М и внешнюю М. Модель помогает психологической коррекции личности в направлении целостного восприятия уникальности собственного внутреннего мира. Намечены пути соотношения модели с другими представлениями о многоуровневом строении человеческой личности в психологической науке. Сформулирована задача соотношения «индивидуальной матрешки» с многоуровневостью групповых субъектов.

Ключевые слова: святоотеческие идеи, многослойная модель личности, социум, семья, физическое тело, душа, дух, невидимый мир, религиозный опыт, психокоррекция.

1 «Труд». Март, № 16, 1996.

Введение

Сегодня в психологической науке признана актуальность, теоретическая и практическая значимость историко-психологического изучения религиозных проявлений личности (см.: Гостев, 2008, 2011; Гостев, Борисова, 2012; Гостев, Елисеев, Соснин, 2006; Гостев, Елисеев, Фомин, 2006; Кольцова, 2008; и др.). Оправданным представляется обращение к отечественной духовно-нравственной традиции, исследование многовекового православного духовного опыта. Психологии предстоит стать более открытой обсуждению и осмыслению данного пока внеученого материала (Кольцова, 2008). Одной из актуальных проблем на этом пути является концептуально-терминологический перевод святоотеческих описаний психологических реалий на язык современной психологической науки. В указанных работах предпринималась попытка рассмотрения ряда положений святоотеческой психологической традиции в их соотношении с современным научным психологическим знанием с целью его обогащения новым материалом. Это, в частности, проблема личности и глубинной внутренней природы человека; духовная составляющая общения; развитие личности и психосоматики; православно-христианский взгляд на психопатологию.

В последнее время авторов данной статьи вновь стали беспокоить мысли о недостаточности знаний современной психологии относительно глубинных оснований внутреннего мира человека. Существующие объяснения того, почему он проявляет себя в собственных глазах и тем более в своем окружении различными способами, пока не всегда основательны. И это предполагает движение вглубь внутреннего мира личности, но, по возможности, избегая психоаналитических построений. Мы решили вернуться к поиску опоры в святоотеческой традиции, которая ранее помогала понять теоретико-методологическую важность включения понятия души и духа в качестве базовых и необходимых ипостасей человеческой личности (Б. С. Братусь, В. Д. Шадриков, В. И. Слободчиков и др.).

Многослойность субъективного «Я»

В ходе размышлений о *многоуровневости внутреннего мира личности* у авторов данной статьи возник образ некоего теоретико-методологического подспорья. Это был образ всем известной игрушки «матрешки». С одной стороны, данный образ напоминал о различных психологических идеях многоуровневости внутреннего мира личности. С другой стороны, чувствовались некие новые возмож-

ности теоретических инсайтов от образа «матрешки». Это говорит о том, что за образом скрывается некая психологическая глубина, которую стоит описать на психологическом уровне.

Разбирая «матрешку», люди видят внутри игрушки аналоги все меньшего размера. Полая фигурка, разделяющаяся на две половинки, может восприниматься как «обманка», скрывающая в себе другую «обманку». Привлекает внимание извлечение последней, самой маленькой фигурки, которая напоминает скорее ребенка, чем «румяную девку». Цельность «детеныша» символична. Возникла мысль представить «психологическую матрешку» в виде множества психических оболочек, в которые заключена целостная неделимая душа человека. Вспомнилась икона Успения Богородицы, где Спаситель – Сын Божий – держит на руках душу Матери, которая возвращается к своему Создателю. Видимый конец человеческой жизни ведет к невидимому истоку, ее породившему. Но если «крошка-матрешка» (будем называть ее «матрешка-7»), лишившись всех своих оболочек, возвращается к истоку, то что можно сказать об оболочках?

Самая большая «матрешка-1» представляет человека в его макросоциальном мире. У каждого есть образ и манера репрезентировать себя окружающим людям. «Матрешка-1» меняется с годами, облекаясь то в школьную форму, то в свитер с джинсами студента, то в костюм офисного работника. Иными словами, «матрешка-1» – это «верхняя одежда». Когда она изнашивается, возникает дискомфорт, ощущение выпадения из временного потока – принадлежности к современности. Однако в какой-то момент у людей уже не возникает желания «менять гардероб». С этого времени может начаться осознанный путь личности вглубь себя, поиск подлинного «Я».

Ребенок начинает поиск подлинного «Я» в родительской семье. Поэтому «матрешка-2» предстает как обобщенный продукт семейной жизни, т. е. того микросоциума, в котором человек может снять «уличную одежду». Семейная матрешка формируется с рождения и вбирает в себя все значимые отношения людей. Она выступает в детской, супружеской, родительской, прародительской ипостасях. Существуют также оболочки, возникшие под влиянием близких родственников, и даже ближайших друзей семьи. Оболочка матрешки-2, следовательно, находится на пересечении многих семейных миров и временных цепей, которые соединяются в отдельных человеческих судьбах и порождают, как положительные для развития личности внутренние детерминанты, так и деструктивные внутренние конфликты. Поскольку семейная обо-

лочка является уже оболочкой внутренней, она помогает человеку двигаться к идентификации со своим подлинным «Я». Очевидно, что семейные связи и взаимовлияния могут, как иметь позитивное значение для личностного развития, так и быть небезопасными для него.

Одной из основных функций семьи является биологическое воспроизводство. Говоря о семейных проблемах, психолог не может обойти проблему телесности. Поэтому третьей оболочкой – «*матрешкой-3*» – является физическое тело человека. Все телесные ощущения субъективно истинны и высокозначимы для человека. Тело не может обманывать, считает он: «мое Я» и «мое тело» переживают неразделимыми. «*Матрешка-3*» стремится к телесному благополучию. Если человек считает свои телесные потребности главнейшими, она влияет на «*матрешку-2*» и «*матрешку-1*», подчиняя их своим «плотским интересам». Поэтому людям полезно уже при жизни начать понимать, что физическая оболочка с годами начинает болеть, доставлять все больше неудобств, и настает миг расставания с телесной оболочкой, когда люди отправляются в неизвестный путь, фрагменты которого описаны в различных религиозных традициях лишь приблизительно (в то же время они призывают серьезно готовиться к переходу в иной мир).

Движущим органом «*матрешки-3*» является физическое сердце. Но что управляет им? Вряд ли на физическое сердце указывал Иисус Христос, говоря, что из «сердца человека исходят злые помыслы». Святые отцы подчеркивали зависимость физического сердца от «сердца духовного» и тем самым ставили вопрос о психофизической природе человека. И здесь мы встречаемся с «*матрешкой-4*» – внутренними моральными правилами/нормами, идеалами, ценностными ориентациями, социально-психологическими установками и стереотипами, действующими во внешней повседневной жизни человека. «*Матрешка-4*» в широком смысле состоит из представлений о мире и самом себе, которые человек считает истинными. Социальная психология показывает, как все перечисленное эффективно управляет человеком, часто вопреки его воле и попыткам сознательного контроля собственного поведения. И понятно, что люди еще в большей степени склонны отождествлять свое субъективное «Я» с этой оболочкой. Но на примере только лишь когнитивного компонента социальных представлений видно, что любое его содержание (например, суждение) может быть как истинным, так и ложным, в зависимости от обстоятельств и контекста. Нам кажется неестественным анализировать содержание суждений в отрыве от субъектов, высказывающих эти суждения. Данная проблема

вместе с темой субъективности эмоционального компонента социальных представлений хорошо раскрывается святоотеческим учением о помыслах. Размышления над этим кругом вопросов приводит нас к следующей матрешке.

«*Матрешка-5*» проявляет себя в снах и образах измененных состояний сознания. Ее основой является смутное ощущение или явное переживание присутствия неких невидимых сил человеческой души. Эта «матрешка-медиум» живет на границе миров, где внешние события являются лишь знаками и свидетельством присутствия иных сущностей, сил, определяющих видимое феноменальное бытие человека. Находясь на границе видимого и невидимого миров, материальной и духовной сфер, «*матрешка-5*» способна чувствовать присутствие иного мира, который не только управляет миром внешним, но и стремится завладеть ее волей. Присутствие в своей жизни чего-то «иного и неземного» может проявляться в безотчетном страхе, тревоге, или, наоборот, в переживании беспричинной эйфории, тонкой светлой радости бытия. Духовный опыт человечества свидетельствует, что в невидимом мире есть силы, помогающие человеку на его жизненном пути, особенно в плане личностного развития, и силы мешающие, деструктивные для внутреннего мира человека. Именно поэтому святые отцы подчеркивали важность различения духовных влияний (об этом см.: Гостев, 2008).

Показательно, что для «*матрешки-5*» свойственно терять интерес к видимому миру и сосредотачиваться на общении с «невидимым духовным миром». При этом она может стать творческой личностью, фиксирующей свои духовные озарения в продуктах культуры, или, наоборот, носителем психопатологии. Духовно-психологической опасностью для человека является восприятие «*матрешки-5*» в качестве своего истинного «Я». Это может сделать общение с потусторонним миром главным содержанием жизни, что уведет человека от реального поиска высших духовных смыслов, в пределе – от богообщения.

Поэтому следующую оболочку мы назвали религиозной «*матрешкой-6*». В поисках источника своего бытия она уже хорошо видит ограничения своих предыдущих оболочек, стремится их преодолеть, начинает распознавать источник бытия в проявлениях тварного мира. Восхождение к Богу сопровождается движением к собственной самосутности, т. е. добровольным снятием с себя всех «одежд-оболочек» перед Создателем. «*Матрешка-6*» превращается в «душу, вернувшуюся к Нему, т. е. в «*матрешку-7*», о которой мы говорили в самом начале описания модели.

Выводы и перспективы

Итак, модель, которую мы планируем строить, метафорически представляет человека в трех главных ипостасях.

- 1) «Внутренняя *матрешка-7*», – целостная, простая и неделимая душа человека, которая является основным содержанием («внутренним логосом») всех описанных оболочек.
- 2) Наблюдающее и действующее «духовное Я», которое может находиться на любой оболочке, давая ей в этом случае приоритетность и доминантность в регуляции жизнедеятельности человека.
- 3) «Матрешка как целое», призывающая психологическую науку к более целостному описанию человеческой личности.

Эти три состояния «матрешки» могут быть названы «внутренней матрешкой». Мы говорили и о проявлениях «внешней матрешки» – макросоциальном и семейном. Также отметим, что количество оболочек в «матрешке» не является конечным и жестко фиксированным. Так, например, некоей нулевой внешней оболочкой («*матрешка-0*») в структуре «внешней матрешки» можно считать вещественную среду, которую человек считает своей собственностью, например, вещами, принадлежащими ему. Утеря собственности, как известно, влечет негативные последствия для душевного состояния людей, вплоть до глубокой депрессии. Очевидно, что «вещественная оболочка» связана с макросоциальной и частично с семейной оболочками.

Все это хорошо иллюстрирует взаимосвязанность всех «матрешек». В зависимости от ситуации, состояния мотивационной и эмоционально-волевой сфер человек фиксирует себя на одной из оболочек матрешки. Пребывая, например, на «семейной оболочке» и решая проблему отношения с собственным ребенком, человек задействует социальную роль идеального родителя, собственную историю отношений со старшими поколениями, физическое самочувствие, моральные установки. Задействовано также (хотя это менее очевидно) то духовное влияние невидимых метафизических сил, которое во многом определяет фон семейных отношений. Поэтому религиозность влияет на характер отношений в семье (семья воцерковленная отличается от семьи атеистов, например). При решении конфликтной ситуации человеку важно суметь увидеть себя отдельно и от внешних обстоятельств, и от обозначенных уровней-оболочек. Человеку полезно также осознать, что, принимая те или иные решения, ему необходимо понимать свою позицию и ответственность, связанную со свободой и разумностью своей души – «внутренним Я», в психологической терминологии.

Модель «матрешки» соотносима с боровской моделью атома, где душа является аналогом ядра, Дух в человеке подобен электрону, а сам атом соответствует целостной личности. В нормальном состоянии Дух имеет возможность свободно перемещаться по оболочкам в зависимости от внешних обстоятельств и содержания внутреннего мира личности, в частности, от целеполагания, мотивационной сферы и пр. «Залипание» на одной из оболочек говорит не только о личностном расстройстве невротического или психотического уровня, но и свидетельствует о духовно-душевной патологии (часто, к сожалению, с деформацией нравственной сферы), связанной во многих случаях с зависимостью человека от субъектов духовного мира (отрицательных метафизических сил), навязывающих человеку свою волю.

В своей практической работе психолог должен стремиться к восстановлению максимально целостной многоуровневой картины состояния человека со всеми волнующими его вопросами. Ему надо показать взаимосвязь различных уровней внутренней организации и помочь людям в их стремлении к восстановлению утраченного внутреннего контроля на основании целостного самовосприятия уникальности собственной души и духа. Авторы статьи стараются на практике реализовать синтез современных психологических подходов с традиционными христианскими, святоотеческими представлениями о человеке, о путях его духовного развития. Предложенная модель показывает как духовно-психологические истоки психических заболеваний, так и возможность практического приложения христианского учения о страстях и путях их преодоления. Целью индивидуальной психологической коррекции на основе модели «матрешки» поэтому являются:

- а) разблокировка «наблюдающего и действующего Я» как духовного начала в человеке;
- б) обнаружение человеком «внутреннего логоса» собственного бытия;
- в) соотнесение состояния внутренней целостности с уровнем понимания целостности мироздания;
- г) обнаружение единого источника внешней и внутренней целостности и определение его как главного смысла бытия;
- д) принятие Христа как пути к целостности личности.

Модель «матрешки» в ходе своей разработки будет соотноситься с другими представлениями о многоуровневом, иерархическом строении человеческой личности.

В перспективе авторы планируют применять модель не только для описания процессов во внутреннем мире личности, ее психо-

динамики, но и в сферах гуманитарного знания. В этой связи будут прописываться возможные связи и аналогии «индивидуальной матришки» с многоуровневостью групповых субъектов.

Литература

- Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.
- Гостев А. А. Психология духовно-нравственного начала человека – направление развития методологических основ психологической науки // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. М., 2011. С. 360–378.
- Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М., 2012.
- Гостев А. А., Елисеев В. А., Соснин В. А. Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. «Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С. 72–79.
- Гостев А. А., Елисеев В. А., Фомин А. Г. К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий // История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. М., 2006. С. 177–187.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.

Multi-layered personality model “Matryoshka”: psychological reflections based on patristic ideas

A. G. Fomin, A. A. Gostev** (Moscow)*

** Practicing psychologists, consultant;*

*** Doctor of psychological Sciences, leading researcher of Institute of psychology of RAS*

Based on patristic anthropological and psychological ideas, the multilayered model of personality – “Matryoshka” (M) is proposed. It includes the following “sheaths”: M-1 represents a person in his/her macrosocial world. M-2 is product of family life. M-3 is associated with person’s physical body. M-4 consists of human ideas and images about the world and “self/ego”.

The basis of M-5 is experience of some invisible forces presence in person's soul. M-6 expresses religious/mystical experience of people. M-7 is an integral human soul. This main "M sheaths" are divided into internal M and external M. The model helps psychological correction of personality, particularly in gaining holistic perception of uniqueness of ones's inner world. Some ways of correlating the model with other psychological ideas about multilevel structure of personality are outlined. The problem of correlating the "individual matryoshka" with multilevel structure of group subjects is also formulated.

Keywords: patristic ideas, multi-layered personality model, society, family, physical body, soul, spirit, invisible world, religious experience, psychocorrection.

Психологические особенности идеалов молодого человека в послереволюционной России¹

Е. В. Харитонова (Москва)

*кандидат психологических наук, ученый секретарь
Института психологии РАН; e-mail: kharitonova-fish@mail.ru*

В статье показано, как в послереволюционной России создавались модели «новых героев». Приведены результаты исследования идеалов молодежи двух русских психологов М. М. Рубинштейна и А. П. Нечаева. Показана роль пропаганды и агитации в формировании и воспитании нового человека. Основными психологическими характеристиками нового человека в послереволюционной России являлись коллективизм, мужество, умение подчинять личные интересы общественным.

Ключевые слова: идеалы, молодежь, герои, ценности, образ, пропаганда.

Коренные преобразования в обществе, происходящие в России после революционных событий 1917 г. внесли изменения в мировоззренческие представления и идеалы личности, оказали влияние на традиционные ценности. Идеологи Советской власти начали масштабную пропаганду новых ценностей и идеалов. Создавались созвучные «духу времени» новые идеальные модели героя – борца за дело пролетарской революции, которые внедрялись в сознание масс.

Особое внимания уделялось воспитанию молодежи, поскольку именно молодые люди наиболее подвержены идеологическому влиянию, являются удобным объектом для формирования у них «классового сознания» и новых «революционных ценностей».

В этом плане представляют интерес демографические данные, свидетельствующие о том, что в послереволюционной России моло-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 15-06-10293а.

дые люди в возрасте от 15 до 26 лет составляли треть населения (более 40 млн человек) (Очерки..., 1993, с. 9). В партийно-комсомольской литературе молодежь рассматривалась как важнейшая социальная сила общества, его «боевой резерв», утверждалось, что в советском обществе она получила уникальную возможность для активного участия в политической жизни страны, влияния на происходящее в стране своим личным творчеством и инициативой.

В 1921 г. на X съезде партии перед Главполитпросветом была поставлена задача усиления агитационной работы, для решения которой привлекались все существующие к тому моменту пропагандистские организации – Агитпром, организации «Пролетарской культуры» и др.

Основной целью агитации является воспитание нового человека. Так, деятели Пролеткульта даже ввели термин «социальная инженерия», полагая, что средствами искусства можно преобразовать не только социальную жизнь, но и психику человека. Считалось, что формирование «новой» личности» социалистического общества связано с улучшением природы человека, воспитанием в нем таких качеств, как коллективизм, товарищеская взаимопомощь, самоотверженность, преданность социалистическим идеалам, умение подчинять личные интересы общественным.

Этому соответствовали создаваемый *обобщенный героический образ* – мужественный и непримиримый «солдат партии», революционный боец, главной задачей которого является беспощадная борьба с врагами советского государства, обязательное и безусловное исполнение приказов большевистской партии. «Герой» понимает, что без насилия радикальное переустройство общества невозможно, поэтому подавление всех враждебных советской власти сил воспринимается им как священный долг. При этом в его системе ценностей индивидуальное представляется незначимым: для общего дела, для строительства светлого будущего он готов жертвовать и собой.

Не менее значимыми становятся образы «героев-одиночек» (Павел Корчагин, Пётр Кривонос, сестры Виноградовы и др.), которые становились символами, безусловными образцами для подражания. Их преданность делу революции, трудовые подвиги и самоотверженное служение новой власти легло в основу создания «модели героя времени», призванной побуждать и стимулировать развитие в этом русле массового молодежного поведения.

Безусловно, модель такого героя связана с формированием позитивного образа – человека смелого, решительного, готового отдать жизнь за дело революции. Подобная модель героя выполняет множество функций: во-первых, задает способы поведения для мо-

лодежи; во-вторых, формирует новые ценности и внедряет новые идеалы. Особое значение идеальных образов заключается в том, что в них воплощаются духовно-нравственные ценности личности, выступающие регуляторами поведения человека. На роль идеалов в формировании личности обращал внимание С. Л. Рубинштейн: «Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные в этом смысле привлекательные человеческие черты, – образ, который служит образцом» (Рубинштейн, 1989, с. 119).

О важности формирования идеалов, их связи с социальными ожиданиями писал русский педагог П. Ф. Каптерев: «Идеал есть хотя и духовное, но живое и образное целое, воплощающее в себя желаемое и ожидаемое известным народом от своих сограждан, есть совокупность привлекательных ценных черт, есть совершенно определенная путеводная для жизни звезда» (Каптерев, 1905, с. 67).

О возрастных особенностях молодежи, ее открытости внешнему воздействию и в связи с этим возможностью влияния на ее сознание писал в своей работе «Психология, педагогика и гигиена юности» М. М. Рубинштейн: «...юность, даже в своем индивидуализме глубоко социальна и открывает огромный простор для социального воздействия» (Рубинштейн, 1926, с. 212). В эпоху революции и реформ, по мнению М. М. Рубинштейна, актуализируются потребности юности «в новизне и героизме», в поиске идеалов: «...в героическую эпоху, в эпоху борьбы ясно, что больше шансов на то, что юность будет черпать свои образцы из сферы общественной и при том на передний план будут выдвинуты фигуры конкретные» (там же, с. 162).

Наиболее ярким идеалом, «символом» новой жизни, победной борьбы за ее утверждение стал В. И. Ленин. Пропагандистская кампания, начатая вскоре после смерти Ленина, преследовала задачу его героизации, распространения среди населения страны его культа и превращения атрибутов и ритуалов этого культа в неотъемлемую часть советской политической практики. Авторитет вождя, его статус героя, вождя и «отца народа», вероятно, был проявлением привычного для людей того времени монархизма. Образ вождя на все времена («Ленин жил, Ленин жив, Ленин вечно будет жить») целенаправленно поддерживался с помощью плакатов, стихов, песен, личных воспоминаний соратников по партии, которые демонстрировали народу преклонение перед человеком, впервые правившим Россией от имени масс.

В 20-е годы XX в. были проведены специальные исследования молодежи, направленные на изучение, в том числе, и идеалов мо-

лодых людей. В своей статье мы обратились к работам двух психологов – М. М. Рубинштейна «Юность: по дневникам и автобиографическим записям» (1928) и А. П. Нечаева «Психология школьного коллектива» (1928).

В 1925–1927 гг. М. М. Рубинштейн провел автобиографическое исследование среди юношей и девушек, охватившее 129 человек. Наряду с другими вопросами, в анкету были включены вопросы, связанные с отношением респондентов к чтению и выбором любимого героя. 98% опрошенных молодых людей ответили, что имеют любимого героя; для 71% опрошенных «героем» являлся литературный персонаж, 3% молодых людей в качестве своего героя назвали В. И. Ленина. Самыми главными качествами «героев» молодые люди назвали мужество, смелость, честность.

Опрос об идеалах, проведенный А. П. Нечаевым, также включал вопросы о любимых героях. Кроме того, задавались вопросы: «Кого вы считаете великим человеком? Кого вы считаете счастливым человеком? Кого вы считаете лучшим человеком?» (Нечаев, 1928, с. 51). Ответы опрошенных, по мнению А. П. Нечаева, тесно взаимосвязаны с уровнем их образования. Были выделены три группы: не окончившие начальную школу, окончившие начальную школу и обучающиеся в средней школе. Исследование показало, что с ростом образования увеличивался, соответственно, интерес к общественно-политической литературе. Анализируя особенности идеалов в данных группах, автор отмечает, что в группе наиболее образованных молодых людей 38% опрошенных «характеризуют идеальное не с точки зрения личной морали, а сточки зрения общественного блага» (Нечаев, 1928, с. 53).

Ответы респондентов продемонстрировали основные черты идеала, характерные для всех трех групп: «Великим и лучшим признается тот, кто приносит пользу... кто много знает и одарен большим умом» (там же, с. 53). Главными моральными качествами идеальной личности большинством опрошенных названы честность, мужество, доброта.

Можно заключить, что в данных исследованиях нашло отражение черты идеалов, не только сформированные в послереволюционные годы, но и традиционно существовавшие у русского народа на всем протяжении его истории, включающие такие качества личности, как патриотизм, доминирование духовного над материальным, служение государству. При этом новая социальная ситуация жизнедеятельности в послереволюционные годы, запросы и требования времени, развернувшаяся борьба с религией, внедрение в сознание людей принципов классовой морали отразились в отсутствии

в числе значимых свойств идеальной личности милосердия, терпимости, братства, всепрощения.

Рассмотренные материалы свидетельствуют и о том, что в 1920-е годы деятельность идеологической пропаганды большевиков по созданию «героя нашего времени» была эффективной, целенаправленной, продуманной и действенной.

Внедрение новых ценностей, воспитание «человека социалистического общества» в те годы носило тотальный характер, началось с дошкольного возраста. «Социальное воспитание может делать гигантские успехи, если оно будет брать детей в раннем дошкольном возрасте и методически правильно и классово продуманно воздействовать на них для того, чтобы выработать из них коллективно мыслящие и действующие существа» (Луначарский, 1976, с. 320).

Опыт создания моральных образов и идеалов не теряет своей актуальности в современной России, так как модернизация нашего общества связана с созданием новых массовых социальных типов, новых «героев». Однако «современные герои», создаваемые СМИ, не имеют четких позиций, не содержат в себе ценностные качества, которые следовало бы транслировать; их известность создается посредством постоянного мелькания на экране, многократного повторения сплетен о них, связанных с ними «скандальных историй». Эти, по сути, «антигерои» закрепляют ситуацию морального вакуума, отсутствия четких ценностных ориентиров в обществе, роста психологической аномии. В связи с этим ретроспективный анализ формирования идеалов молодежи в 1920-е годы требует изучения и осмысления. Практика создания моделей «героев», их внедрения в массовое сознание представляет интерес для профилактической и коррекционной работы с молодежью.

Литература

Каптерев П. Ф. Педагогический процесс. Избранные педагогические сочинения. СПб., 1905.

Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М., 1976.

Нечаев А. П. Психология школьного коллектива. М., 1928.

Очерки истории молодежного движения. М., 1993.

Рубинштейн М. М. Психология, педагогика и гигиена юности. М., 1926.

Рубинштейн М. М. Юность: по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 2. М., 1989.

Psychological peculiarities of the ideals of a young man in post-revolutionary Russia

E. V. Kharitonova

Candidate of psychological Sciences, academic secretary
of the Institute of Psychology of RAS

The article shows how models of «new heroes» were created in post-revolutionary Russia. The results of the study of the ideals of the youth of the two Russian psychologists M. M. Rubinstein and A. P. Nechaev. The role of pro-paganda and agitation in the formation and education of a new man. The main psychological characteristics of the new man in post-revolutionary Russia were collectivism, courage, the ability to subordinate personal interests to the public.

Keywords: ideals, young people, heroes, values, image, propaganda.

Психологическое самочувствие личности в условиях социального кризиса¹

Е. Н. Холоднович (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: holelena@bk.ru*

В статье раскрывается понятие психологическое самочувствие личности. При помощи процедуры психолого-исторической реконструкции воссоздается психологическое самочувствие личности в период кризиса общества, а именно периода 90-х годов XX в. Для выполнения поставленной задачи делается теоретический обзор исторического времени при помощи научных источников, относящихся к указанному периоду, а также анализ психологической литературы 90-х годов, позволяющий раскрыть на основе достоверных данных (эмпирические исследования) психологическое самочувствие личности в кризисные моменты истории

Ключевые слова: психологическое самочувствие личности, социальное самочувствие личности и группы, психологическое благополучие, кризисные моменты истории, 90-е годы в России, революция, поведение, переживания, ценности, удовлетворенность жизнью, идентичность, личность, общество, государство.

Введение

Исследование особенностей психологического самочувствия человека в кризисные моменты развития общества является актуальным, теоретически и практически значимым. Рост материального расслоения в обществе, социальная напряженность, утрата привычных для человека ценностей и идеалов, потеря уверенности в завтрашнем дне, – вот далеко не полный перечень основных характеристик

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10293.

переходного периода в развитии государства, времени глубочайших преобразований, который переживала Россия неоднократно в процессе своего исторического развития. Все они оказывают дестабилизирующее влияние на психологию личности. В настоящее время, когда кризис 90-х годов XX в. далеко не исчерпал себя и его отголоски испытывает на себе большая часть населения страны, исследование психологического самочувствия личности приобретает особое значение.

В русле исторической психологии возникает возможность выявить историческую обусловленность происходящих в психике человека процессов и сдвигов, обусловленных кризисом, раскрыть их особенности и тенденции.

Психологическое самочувствие личности

В современном научном дискурсе понятие «психологическое самочувствие» личности разработано довольно слабо. В западной психологии наиболее часто употребляется понятие «психологическое благополучие» личности (psychological well-being of a person), включающее в себя качество жизни, удовлетворенность, ощущение человеком счастья, формирующиеся под воздействием физических, социальных и психологических факторов. В качестве показателей психологического благополучия выступают такие характеристики, как самопринятие, отношение к другим людям, удовлетворенность деятельностью, автономия, цели и смыслы жизни, личностный рост и развитие.

Можно выделить несколько подходов при изучении данного феномена. Первый подход заключается в выявлении уровня или степени психологического благополучия на протяжении всей жизни: выстраиваются модели его психологического роста (Н. М. Брандбурн, К. Рифф, Э. Динер). Второй подход акцентирует внимание на степени удовлетворенности жизнью в целом как индикаторе психологического благополучия человека. Этот аспект рассматривает психологию личности с точки зрения самоактуализации (А. Маслоу) и полноты самореализации человека (К. Роджерс), через проблему индивидуации (К. Юнга), уровня зрелости (Г. Олпорта). Клиническая психология оценивает психическое и психологическое здоровье личности. В отечественной психологии наиболее часто используется понятие психологическое здоровье (Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, Е. А. Сергиенко и др.), понимаемое более широко.

Психологическое благополучие связано, прежде всего, с личностными чертами или качествами человека: его общительностью, доброжелательностью, уверенностью в себе, психологическим благо-

получим в социальном плане. Мы же предлагаем психологическое самочувствие трактовать как более широкое понятие, рассматривающее не столько субъективный компонент благополучия человека (удовлетворенность жизнью с точки зрения его личностных черт и субъективных оценок), сколько объективный – уровень его социальной активности, включенности в широкий круг общественных отношений (большие и малые социальные группы). С этой точки зрения, психологическое самочувствие личности более близко к пониманию его как одной из составляющих социального самочувствия человека – понятия, наиболее часто употребляемого в социологии и социальной психологии. Оно введено социологами для определения «переживания, отношения представителей конкретного общества (индивидов, групп, коллективов) относительно проявления сложного соотношения между их индивидуальными и социальными ожиданиями, удовлетворенностью их реальным статусом и положением, жизнью в целом» (Симонович, 2007). Это своего рода оценка индивидов окружающей реальности и своего места в ней. Данное понятие имеет двоякий смысл. Личность в процессе трансформационных изменений в обществе испытывает на себе последствия этих изменений, и, в свою очередь, вырабатывает к ним определенное отношение, что определяет ее поведение по отношению к обществу. Социальное самочувствие состоит из двух компонентов – психологического и социального. В данном случае нас интересует именно *психологический компонент* социального самочувствия личности – психологическое состояние, возникающее под влиянием объективных условий и событий общественной жизни.

Таким образом, можно сказать, что *психологическое самочувствие* – это сложное интегративное образование, включающее в себя следующие психологические характеристики: переживания, выступающие индикатором бытия субъекта (уверенность в завтрашнем дне, возможность профессионального и личностного роста, пессимизм–оптимизм), которые, в свою очередь, определяют и формируют направленность поведения; удовлетворенность своими позициями в социуме; установки и ценностные ориентации; идентификация себя как члена общества. Психологическое самочувствие может проявляться, как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Кризис общества 90-х годов XX в.

Период 90-х годов XX в. в России характеризуется резким изменением общественно-политической системы. Исследователи расходятся в определении происшедших событий. Одни утверждают, что в 1991 г.

произошла буржуазно-демократическая революции и возврат России на путь цивилизации. Другие определяют события этого года как «антикоммунистический переворот» (Соргин, 1998, с. 3). Последовательность событий представляется следующим образом:

- 1989–1991 гг. – период попытки модернизации страны на социалистической платформе;
- 1990–1991 гг. – присутствие в обществе западных настроений, уверенность в том, что экономическое и политическое развитие возможно только по пути западной цивилизации;
- 1991 г. – мирная политическая революция, произошедшая при поддержке большинства общества;
- 1992 г. – начало приватизации, позволившей сосредоточить собственность и экономическую власть в руках новой элиты;
- 1997 г. – развитие российского «термидора» – «присвоение результатов революции, концентрация и консолидация экономической и политической власти в руках новых элит» и «разделение общества на классы управляющих и управляемых» (там же, с. 4, б).

За этот период произошли серьезные изменения в социальном, экономическом и политическом статусе граждан, что, в свою очередь, вызвало в обществе разочарование, растерянность и шок. Основная масса населения испытывала состояние «апатии, исключенности из общественно-политического процесса. Большинство настроений россиян владеет ностальгией по защищенности и покровительству со стороны государства, которых его лишил новый политический строй» (там же, с. 16). Таким образом, произошло резкое разделение общества. Как указывает К. А. Абульханова, в обществе установилось «состояние подвижного неравновесия», что соответствовало разделению его на соответствующие страты, характеризующиеся различными социальными, личностными и духовными возможностями (Абульханова, 1997, с. 34).

Предприниматели – активная прослойка общества с высоким уровнем мотивации и притязаний. Эта страта обладала новыми ценностями, высоким уровнем оперативности социального мышления, оптимизмом и адаптированностью к меняющимся условиям; она чувствовала себя достаточно свободно по отношению к государству и закону.

Чиновники и политические деятели – изолированные от других слоев общества носители государственной власти.

Мелкие предприниматели – страта, нацеленная на быстрое обогащение, но не обладающая внушительным капиталом и достаточными связями во властных структурах.

Эти три страты отличались умением действовать оперативно даже при отсутствии осознания стратегической цели. В силу наличия личного капитала и открывшихся государственных и негосударственных сфер деятельности они чувствовали себя достаточно свободными. Хотя ограничения все же присутствовали в виде еще недостаточно сформированных и не устоявшихся ценностей, создающих противоречие внутри их личности. Способом их решения явились выработка нового имиджа, активное использование различных атрибутов успеха и власти и т. п.

Служащие, рабочие, интеллигенция, пенсионеры – слои общества, полностью зависящие от государства. На фоне нивелирования ценностей, профессионализма, уважения к должности и достижениям карьеры эта группа оказалась вынуждена «эксплуатировать сама себя, чтобы поддерживать свой жизненный уровень на том пределе, который сама себе установила, как прожиточный» (Абульханова, 1999, с. 8).

Личности, представляющие данную страту, оказались в условиях неопределенности, разрыва социальных связей. Они лишены порой необходимых средств к существованию и испытывали «когнитивного диссонанса». Их поведение регулируется старыми стереотипами. Они не могут понять и принять социальных перемен. В их сознании присутствует противоречие между новыми и старыми ценностями, сформировавшимися на основе жизненного опыта. На эту же особенность психологического самочувствия указывает Г. В. Филиппова: «Экономическое неравенство в российском обществе дополнилось поляризацией социальных слоев по психологическому основанию: исключенность из социальных и профессиональных связей, вынужденная пассивность, сознание личной беспомощности привели к состоянию пессимизма, которое переживается особенно остро при сравнении с процветанием и оптимизмом активных социальных слоев» (Филиппова, 1997, с. 145). Эта ситуация оказывает травмирующее воздействие на психику человека, вызывает состояние фрустрации, агрессии, ведет к потере жизненных смыслов.

Особо К. А. Абульхановой подчеркивается роль интеллигенция, так как эта группа дистанцирована от основной массы населения, что связано с ее исторически сложившимися ментальными особенностями. Ее мышление изначально направлено на выявление и решение проблем. Ценности этой группы отличаются от ценностей остальных слоев общества и делают ее деятельность более осмысленной. Хотя интеллигенция активно поддерживала революционные преобразования 1991 г., к концу 1990-х годов она оказалась в рядах «новых бедных» (Соргин, 1998, с. 16). Парадоксальность су-

ществования данной группы состоит еще и в том, что, обладая большим интеллектуальным потенциалом, она оказалась практически невостребованной новой политической властью.

В работах 1990-х годов изучались возрастные особенности в оценке окружающей действительности, ценности и представления личности. Так, в исследованиях ценностных ориентаций, стереотипов и идеалов студентов психологического факультета МГУ в 1986 и 1997 г., проведенных Д. А. Леонтьевым, выявлена интересная динамика за период начала перестройки и истекшее десятилетие (Леонтьев, 1998). Представления студентов о собственной системе ценностей за временной промежуток в 11 лет значительно не изменились. Самыми значимыми для них были и остаются ценности любви, интересной работы, наличие друзей. В качестве инструментальных ценностей наиболее значимыми выступили честность, ответственность, жизнерадостность. Были отмечены, прежде всего, изменения в структуре ценностных ориентаций. Так, у девушек повысилась значимость уверенности в себе, а у юношей – независимости. И те, и другие отметили важность материальной обеспеченности. Ранг же хорошей обстановки в стране значительно снизился за истекший период. Автор делает вывод, что данная тенденция отражает, с одной стороны, преемственность в системе ценностных ориентаций у молодых людей, с другой стороны, – влияние макросоциума на мнения респондентов: изменение требований, предъявляемых обществом к молодежи, переориентация на «индивидуалистский» тип поведения. Ценностные идеалы к 1998 г. претерпели изменения в сторону приближения к ценностным ориентациям и стереотипам в отличие от 1987 г., где ценностные идеалы существенно расходились с представлениями о себе и стереотипами, существовавшими в обществе, т. е. реальное «Я» и демонстрируемое в 1997 г. совпали. Интересно, что в исследовании К. А. Абульхановой молодое поколение рассматривает собственный интеллект и приобретенные знания для дальнейшего построения своей карьеры и жизни в целом, что подтверждает переориентировку молодежи на потенциал собственной личности, а не на коллектив или общество.

При исследовании ценностей более старшего поколения, представленных в исследованиях, проведенных В. А. Хащенко, было выявлено возрастание значимости ценности богатства, собственности, материальной обеспеченности, предприимчивости, наряду со здоровьем и семьей (см.: Журавлев, 1998).

В исследованиях, приведенных А. Л. Журавлевым, выделено увеличение значимости экономического критерия при оценке членами коллектива друг друга в условиях групповой деятельности (зарплата,

доходы, достаток, внешний вид и другие атрибуты богатства) (Журавлёв, 1998). Так при оценке авторитета руководителя были значительно снижены требования к его компетенции и профессионализму, уровню образования, и возросла значимость экономической составляющей – уровня зарплат, умения вовремя обеспечить ими сотрудников и т. п. Как пишет автор, «социально-психологическая динамика личности и группы находится в непосредственной связи или под непосредственным влиянием социально-экономических изменений» (там же, с. 7).

Для понимания психологического самочувствия личности в изучаемый период интересны данные, приведенные в статье 1998 г. И. А. Джидарьян «Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе» (Джидарьян, 1998). Согласно представленным в ней данным, 75% россиян не удовлетворены своей жизнью и материальным благополучием, живут без надежды, идеалов, не уверены в завтрашнем дне, испытывают напряжение, раздражение, тоску, страх и другие отрицательные чувства (Джидарьян, 1997, с. 200). В другом исследовании (1998) при оценке способов совладающего поведения у российских граждан в 1990-е годы установлено, основными были «фантазирование», «личностные изменения» и «проблемное решение» (Антонова, Джидарьян, 1998, с. 215). Авторы объясняют полученные результаты, во-первых, особенностями национально-го менталитета – склонностью русских к излишней мечтательности и избыточной игре воображения; во-вторых, особенностями социальной ситуации в стране: непрекращающиеся реформы того времени способствовали формированию у личности состояния отчуждения и бессилия, которые заполнялось излишним фантазированием и уходом в свой внутренний мир. Ощущение невозможности повлиять на происходящие процессы в окружающем мире способствовало отчуждению личности и общества, общества и государства. Поэтому личность стремилась сконцентрироваться на себе, пересмотреть свои установки и личностные характеристики, чтобы хоть как-то приспособиться к происходящим изменениям и справиться с все новыми и новыми проблемами, встающими перед ней.

Нарастание в сознании всех групп значения частных ценностей – любви, семьи, общения – отмечает К. А. Абульханова при исследовании социальных представлений россиян в 1990-е годы (Абульханова, 1999). Аналогичные данные получены в исследовании, проведенном НИИКСИ в Петербурге и в Ленинградской области. Установлено, что «частные ценности», связанные с микромиром человека (здоровье, семья, жилище, материальное благополучие), занимали в это время первое место в сознании респондентов это.

При этом лидирующая позиция в 1993 г. принадлежала ценности материального благополучия (Семенов, 2008). Вероятно, в условиях кризиса ценности материального обеспечения главенствуют в силу того, что люди обеспокоены, прежде всего, своим выживанием.

Наличие серьезных социально-экономических проблем и снижение уровня жизни населения в конце 1990-х годов отразились на системе социальной идентичности русских – ослаблении идентификации с государством и усилении роли европейской идентификации и значимости включенности в мировое сообщество в целом (Жорж, Павленко, 1999). Отмечалось повышение этнической идентификации (акцент делался на принадлежности к определенной культуре) на всей выборке (жители Москвы, Тверской области, украинцы, русские, живущие на Украине). У русских, живущих на Украине, и сельских жителей исследователями было выявлено усиление ностальгии по советской эпохе, а у москвичей и украинцев – повышение роли европейской идентификации. Идентификация себе с государством у всех была снижена. Ощущая свою ненужность и невостребованность в новом государстве, личность, в свою очередь, стремится отгородиться от него и ищет для себя более успешные и стабильные источники для оценки собственного «Я» – такие как принадлежность к Европейскому сообществу или к великой культуре.

Таким образом, нам удалось выявить следующие параметры *психологического самочувствия личности*: переживания как индикатор бытия субъекта; направленность поведения; удовлетворенность своей позицией в социуме; установки и ценностные ориентации; самоидентификация.

Дан краткий обзор социально-политической и экономической ситуации в России 90-х годов XX столетия. В данный период выделяются определенные страты в обществе, которые в силу своих политических, социальных и экономических возможностей по-разному оценивают свое психологическое самочувствие в условиях кризиса.

Показано, что в период общественного кризиса для личности, к каким бы стратам она не принадлежала, наибольшее значение приобретают приватные ценности и ценности материального благополучия, связанные с микромиром человека, так как люди обеспокоены, прежде всего, своим выживанием.

Выявлено, что в кризисные периоды истории личность стремится часто идентифицировать себя не со своим государством или политической структурой, а прежде всего с культурой (как своей, так и чужой). Это является следствием утраты гражданами чувства защищенности, которое приводит к неуверенности в своей значимости как членов общества, а возможно потере уважения к собствен-

ной личности. Чтобы ее вернуть, личности необходимо чувствовать себя принадлежащей к более устойчивым социокультурным образованиям, таким как культура страны, Европы, мировой цивилизации.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы теории и практики / Отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М., 1997. С. 7–37.
- Абульханова К. А. Российская проблема свободы, совести, одиночества и смирения // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 5–14.
- Джидарьян И. А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы теории и практики / Отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М., 1997. С. 187–223.
- Джидарьян И. А., Антонова Е. В. Проблема общей удовлетворенности жизнью: теоретическое и эмпирическое исследование // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 76–94.
- Журавлев А. Л. Социально-психологическая динамика в изменившихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
- Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–26.
- Павленко В. Н., Корж Н. Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 75–88.
- Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2007). СПб., 2008.
- Симонович Н. Н. Психологические особенности социального самочувствия молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. URL: <https://psibook.com/scholarly/psihologicheskie-osobennosti-sotsialnogo-samochuvstviya-olodezhi.html> (дата обращения: 27.04.2007).
- Соргин В. В. Революция и термидор. К исторической типологии общественно-политического процессов России 90-х годов // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 3–16.
- Филиппова Г. В. Проблема и методы социальной защиты населения // Российский менталитет: вопросы теории и практики /

Отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М., 1997. С. 144–155.

Ryff C., Keyes C. The Structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 69. № 4. P. 719–727.

Study links personality changes to changes in social well-being. URL: <https://medicalxpress.com/news/2012-12-links-personality-social-well-being.html> (дата обращения: 17.05. 2017).

Psychological well-being of the personality in a social crisis

E. N. Kholondovich (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer
of Institute of Psychology of RAS

The article reveals the concept of a person's psychological state. Through the procedure of psychological and historical reconstruction, the psychological state of a person is recreated during a period of the crisis of society, namely in the period of the 90s of the XX century. The author conducts a theoretical analysis of historical time with the help of scientific sources, as well as an analysis of the psychological literature of the 1990s (empirical studies), which allows us to disclose the psychological state of a person in crisis moments of history on the basis of reliable data

Keywords: psychological state of a person, social well-being of a person and a group, psychological well-being, crisis moments in history, 90s in Russia, revolution, behavior, feelings, values, satisfaction with life, identity, personality, society.

Раздел III

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОБЛЕМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Влияние естественной окклюзии лица на восприятие психологических характеристик человека¹

Н. Г. Артемцева (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент,
научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: natulya2797@post.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования восприятия психологических характеристик объект-коммуниканта по его фотопортрету с естественной окклюзией и без окклюзии. Показано, что восприятие психологических характеристик объект-коммуниканта с естественной окклюзией в виде растительности на нижней части лица и психологических характеристик коммуниканта без такой окклюзии частично отличаются.

Ключевые слова: восприятие, естественная окклюзия, объект-коммуникант, субъект-коммуникант.

Актуальность исследуемой проблемы

Восприятие человека человеком – это многогранный процесс. Каждый исследователь изучает его в какой-либо одной плоскости, открывая его отдельные проекции. Однако большинство теоретико-экспериментальных исследований восприятия психологических характеристик человека по его лицу в рамках одной дисциплины оставляет открытыми вопросы, ответы на которые возможно получить в рамках другой. В наших исследованиях мы рассматриваем это явление как интегративное. Анализ существующих исследовательских подходов к изучению проблемы восприятия психологических характеристик человека по его лицу (целому или части) по-

¹ Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ № 0159-2017-0004.

казал, что исследователи пытались по-разному подойти к решению поставленных задач.

Как известно, процесс восприятия человека человеком имеет трехкомпонентную структуру, т. е. в него всегда включены воспринимающий, воспринимаемый и ситуация восприятия. Поэтому исследовательские позиции обусловлены доминированием конкретного предмета изучения: субъекта восприятия – его установок и личностных особенностей (психология личности, дифференциальная психология, психофизиология); объекта восприятия, психофизических особенностей воспринимаемого стимула и психологических характеристик (общая психология, психофизика); ситуации восприятия (общая и социальная психология).

В рамках системного подхода осуществляется интеграция исследований психических процессов, свойств и состояний с индивидуальными характеристиками субъекта. Системный подход является методом научного познания, позволяющим выявить особенности целостной системы и ее внутренней структуры. Он наиболее адекватен задачам целостного изучения личности с учетом объективных и субъективных факторов.

Как субъект, так и объект межличностного восприятия являются носителями внешних и внутренних атрибутов, включающих также социальный опыт воспринимающих; эти атрибуты определяют, как общие закономерности межличностного восприятия, так и индивидуальные особенности участников взаимодействия. Следовательно, в результате межличностной перцепции субъект в состоянии определить личностные характеристики объекта в терминах своего «образа Я». Этот процесс может быть исследован опосредованно, через анализ изображения объекта.

При подборе кадров, в криминалистике, в рекламе, в психиатрии часто возникают проблемы определения психологических особенностей личности по фотопортрету. Однако при таком опосредованном восприятии личности по внешнему облику человека могут возникать всякого рода искажения. Один из путей решения проблемы точности межличностной перцепции – осмысление совокупности помех, мешающих восприятию человека человеком. Существуют факторы, препятствующие правильному восприятию людей. Одним из таких факторов является естественная окклюзия нижней части лица человека. Метод окклюзии (затенение/загораживание одного объекта в зрительной области другим) лица позволяет исследовать восприятие обобщенных психологических характеристик человека по его изображению; изучая особенности восприятия части, получать точную информацию о целом. Естественная окклюзия лица –

это наличие растительности в виде бороды и усов на фотопортрете, что при восприятии инициирует широкий диапазон психологических характеристик, взаимодополняющих друг друга.

Надо отметить, что в рамках системного и когнитивно-коммуникативного подходов (В. А. Барабанщиков, В. А. Носуленко, Е. С. Самойленко), реализуемых в лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии Института психологии РАН, было изучено восприятие психологических характеристик личности человека по его фотопортрету, представленному фрагментарно (Артемцева, 2003; Болдырев, 2006; Лупенко, 2014). В результате этих исследований было показано, что окклюзия лица (правая/левая и верхняя/нижняя половины) приводит к изменению оценок психологических характеристик воспринимаемого коммуниканта в зависимости от того, какая часть лица подвергнута окклюзии. Однако в этих исследованиях окклюзия была искусственной, т. е. с помощью компьютерных программ закрывалась какая-либо часть лица на фотопортрете.

Процедура и методика исследования

В предпринятом нами исследовании была поставлена задача выявления различий в оценках воспринимаемых психологических характеристиках человека с естественной окклюзией по его лицу. Нижнюю часть лица человека принято считать очень информативной и потому, с нашей точки зрения, естественная окклюзия в виде растительности на лице, закрывающей подбородок, овал лица, рот, может повлиять на мнение о психологических характеристиках человека.

Гипотеза исследования: при восприятии коммуниканта с естественной окклюзией лица и без нее его психологические характеристики оцениваются частично по-разному.

Испытуемые: 50 респондентов (29 женского пола и 31 – мужского пола) в возрасте от 21 года до 58 лет. Образование – не ниже среднего. Все испытуемые – совершеннолетние и трудоспособные.

Процедура и методика исследования

В качестве стимульного материала использовался комплект из восьмицветных фотопортретов (15×21 см). На фотографиях изображены реальные люди (2 персонажа – мужчины, 2 персонажа – женщины). Каждый персонаж (и мужчина, и женщина) представлен на двух портретах: 1 портрет с признаками растительности на лице в виде бороды и усов и 1 портрет – с чисто выбритым лицом.

Испытуемым предлагался регистрационный бланк для заполнения, в котором было необходимо указать пол и возраст, уровень образования, инициалы. Далее последовательно каждому испытуемому предъявлялись карточки с фотоизображениями в произвольном порядке. Для оценивания психологических характеристик изображенного на фотографиях человека использовался метод субъективного шкалирования (в модификации Н. Г. Артемцевой, 2003). Испытуемым предлагался протокол, куда входили следующие шкалы:

- веселый–грустный;
- добрый–злой;
- умный–безумный;
- сильный–слабый;
- мягкий–жестокый;
- задумчивый–легкомысленный;
- целеустремленный–бесцельный;
- терпимый–нетерпимый;
- нежный–грубый;
- общительный–замкнутый;
- экстравертированный–интровертированный;
- чувственный–рациональный.

Исследование проводилось в индивидуальной форме; время рассматривания фотоизображений не ограничивалось.

Результаты исследования

При анализе всех оценок были выделены три основные группы испытуемых – у которых: а) оценки фотоизображения с окклюзией и без окклюзии полностью совпадают; б) оценки фотоизображения с окклюзией и без окклюзии частично соответствуют друг другу; в) оценки фотоизображения с окклюзией и без окклюзии различаются абсолютно. Из 200 пар протоколов 184 показали частичное совпадение, 2 полностью совпадают и 14 не совпадают совсем.

Обнаружено, что оценки психологических характеристик персонажей с естественной окклюзией и без нее статистически значимо (при $p < 0,05$) различаются по следующим шкалам: «умный–безумный», «сильный–слабый», «задумчивый–легкомысленный», «общительный–замкнутый» (применялся Т-критерий Стьюдента). Так, испытуемые характеризовали мужчину без естественной окклюзии как более сильного, умного, задумчивого и общительного, по сравнению с мужчиной с окклюзией. В то же время по фотогра-

фиям, на которых изображены женщины, испытуемые дали прямо противоположные оценки.

Анализ исследований восприятия психологических характеристик субъекта по выражению его лица показывает, что чисто выбритое лицо должно иметь какие-то преимущества, которые не видны на первый взгляд. Например, выделяется такая характеристика, как дружелюбие (к ней можно отнести оценки по шкалам «добрый – злой», «нежный–грубый»). Мы не получили значимых различий по этим шкалам, а значит, наличие окклюзии, по мнению испытуемых, никак не влияет на восприятие человека как дружелюбного.

Рассмотрим еще одну интересную для нас характеристику – женоподобность. Ей соответствуют шкалы: «сильный–слабый», «мягкий–жесткий», «нежный–грубый» и «чувственный–рациональный». В нашем исследовании получены значимые различия по шкале «сильный–слабый». В этом случае мужчин без бороды и усов испытуемые оценили, как более сильных, а женщин без естественной окклюзии – как более слабых. Это является необычным результатом, так как считается, что наличие бороды делает образ мужчины более сильным и мужественным. По другим же шкалам значимых различий не выявлено.

Таким образом, в случае естественной окклюзии нижней части лица женщины производят впечатление более сильных, умных, задумчивых и общительных личностей, чем при открытом лице, тогда как мужчины, наоборот, выглядят менее сильными, умными, задумчивыми и общительными при естественной окклюзии лица, чем при чисто выбритых лицах.

Для проверки гипотезы о том, что *восприятие психологических характеристик человека по его лицу опосредовано набором базальных представлений об основных качествах личности*, все данные по каждому изображению (с естественной окклюзией и без нее) были подвергнуты факторному анализу. Процедура факторного анализа была выполнена методом главных компонент, далее выделенные факторы подверглись вращению Varimax с помощью программы Statistica 7. Оказалось, что 3 фактора являются *общими* для всех стимулов. Они получили такие названия: фактор 1 – «отношение к себе и к другим», в который с высокими нагрузками вошли шкалы «добрый–злой», «мягкий–жестокый», «нежный–грубый»; фактор 2 – «экстраверсия–интроверсия» – отражает социальный аспект личности, как бы направленный во вне или внутрь. Наиболее значимые шкалы здесь: «веселый–грустный», «общительный–замкнутый», «экстравертированный–интровертированный»; фактор

З – «интеллектуальные качества», куда вошли шкалы «целеустремленный–бесцельный», «задумчивый–легкомысленный», «умный–безумный».

Заключение

Мы считаем, что, пожалуй, самый важный результат состоит в том, что факторы выделились достаточно однообразно для любого представляемого стимула, т. е. для восприятия любого лица и даже части лица наиболее значимыми для воспринимающего являются следующие факторы: «отношение к себе и к другим», «экстраверсия–интроверсия» и «интеллектуальные качества». Эти результаты согласуются с данными, полученными нами ранее (Артемцева, 2003).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что наличие естественной окклюзии в виде растительности на нижней части лица влияет на впечатление о психологических особенностях коммуниканта (как мужчины, так и женщины).

Литература

Артемцева Н. Г. Восприятие психологических характеристик человека по «разделенному лицу»: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Болдырев А. О. Восприятие выражения целого и частично закрытого лица: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М., 2014.

Лупенко Е. А. Влияние окклюзии на восприятие и опознание личности человека, изображенного на портрете // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 44–55.

The effect of natural occlusion on the perception of psychological characteristics of the person

N. G. Artemtseva (Moscow)

Candidate of psychological sciences, associate professor, research officer of the Institute of psychology of RAS

Results of an empirical research of perception of psychological characteristics of an object communicant on the basis of his images which had or had not the natural occlusion are presented in the article. It is shown

that perception of psychological characteristics of an object communicant with natural occlusion in the form of hair vegetation on the lower part of the face partially differs from perception of the communicant's image without occlusion.

Keywords: perception, natural occlusion, object-communicant, subject-communicant.

Стандартизации личностного опросника на выявление особенностей полимодалного восприятия у школьников

Т. Н. Бандурка (Иркутск)

*кандидат психологических наук, доцент Педагогического института
Иркутского государственного университета; e-mail: bandurka@list.ru*

Доказана возможность применения методики на выявление полимодалного восприятия у обучаемых на выборке школьников предпоздроскового возраста. Представлены основные процедуры и расчеты по стандартизации опросника на выявление особенностей полимодалного восприятия у школьников. Впервые получены нормативные средние оценочные шкалы модальностей восприятия и измерения уровня активности полимодалного восприятия у школьников предпоздроскового возраста. Статистика надежности опросника на выявление полимодалного восприятия у девочек и мальчиков свидетельствует, что 1) значения α Кронбаха $>0,9$ – очень хорошее и $>0,8$ – хорошее, что показывает внутреннюю согласованность шкал опросника; 2) одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова данных опросника на выявление полимодалного восприятия у школьников подтвердил внешнюю валидность.

Ключевые слова: полимодалное восприятие, кинестетическая модальность восприятия, вкусовая модальность восприятия, обонятельная модальность восприятия, слуховое восприятие, зрительное восприятие, восприятие людей, восприятие себя, восприятие природы.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью особенностей чувственного восприятия у школьников предпоздроскового возраста. Потребность в знаниях о чувственном восприятии у школьников предпоздроскового возраста объясняется особенностями возраста, которые связаны с ситуацией перехода из начальной школы в среднюю, проблемой психологической адаптации к об-

учению в среднем звене и необходимостью учитывать особенности восприятия в процессе обучения. Школьникам необходима психологическая помощь в организации восприятия, переработки и воспроизведения учебной информации. Используемые в практике школьного обучения методики на выявление трех модальностей восприятия (зрительной, слуховой, кинестетической), на наш взгляд, не отражают многогранности чувственного восприятия личности и не могут достоверно выявлять особенности полимодального восприятия.

Теоретико-методологической основой нашего исследования являются работы Б. Ф. Ломова (Ломов, 1984), раскрывающие общие закономерности системного подхода к структуре психологического познания, а также представления о чувственном восприятии, разработанные В. А. Барабанщиковым (Барабанщиков, 2006, 2007). В современной отечественной психологии чувственному восприятию отводится ведущая роль в развитии личности, ее деятельности, в том числе учебной и учебно-профессиональной, а также общении (Барабанщиков, 2006). Психодиагностическая методика на выявление особенностей полимодального восприятия (Бандурка, 2005, 2013, 2016) развивает современный подход к чувственному восприятию В. А. Барабанщикова.

Полимодальное восприятие мы рассматриваем как «системную форму организации перцептивного опыта индивида, состоящую из упорядоченных интегративных структур (модальностей восприятия), которые имеют свои сложноустроенные подструктуры. В полимодальном восприятии нами выделяются такие модальности, как: кинестетическая, гаптическая, висцеральная, обонятельная, вкусовая, слуховая, зрительная, чувственное интуитивное восприятие людей и природы (Бандурка, 2015).

Целью данного исследования являются изучение возможности применения методики на выявление полимодального восприятия у школьников предпозднего возраста и стандартизация личностного опросника на выявление особенностей полимодального восприятия у школьников. Необходимо отметить, что стандартизацию личностного опросника на выявление особенностей полимодального восприятия мы проводили на выборке студентов вузов (Бандурка, 2016).

Процедура и методы исследования

Для проверки внутренней согласованности суждений опросника на выявление полимодального восприятия у школьников мы применили коэффициент α Кронбаха. Для подтверждения внешней валидности опросника применялся критерий Колмогорова–Смирно-

ва. Определение норм для опросника осуществлялось с помощью описательных статистик суммарного показателя данных опросника. Методы математической статистики применялись с помощью программы IBM SPSS Statistics 22 и Excel 2013.

Выборку стандартизации составили 60 респондентов-девочек и 60 респондентов-мальчиков – школьников 11–12 лет, обучающихся в МБОУ средней общеобразовательной школе № 21 и МБОУ средней общеобразовательной школе № 63 г. Иркутска. Администрации школ имеют договоры с родителями на проведение психологических тестирований в учебных и исследовательских целях без указания фамилий школьников.

Перед началом исследования школьники были кратко проинформированы о направлении и особенностях проводимого исследования. Участие респондентов в исследовании было добровольным. Респонденты заполняли бланки ответов не анонимно, но могли записывать любым псевдонимом или аббревиатурой. По окончании исследования респондентам давалась обратная связь.

Выборка стандартизации соответствует определенным требованиям: а) состоит из респондентов, на которых в принципе ориентирована данная методика, т. е. на школьников, обучающихся в общеобразовательной школе; б) является репрезентативной, представляет собой уменьшенную модель популяции по таким параметрам, как возраст (11–12 лет), пол, обучение в 5 классе средней общеобразовательной школы.

Результаты исследования

Как видно из таблиц 1, 2, 3, 4, по шкалам и по суждениям опросник имеет достаточную внутреннюю однородность. Статистика надежности опросника на выявление полимодального восприятия у девочек и мальчиков (значения α Кронбаха $>0,9$ – очень хорошее и $>0,8$ – хорошее) показывает внутреннюю согласованность шкал и суждений опросника на выявление полимодального восприятия у школьников предпоздроскового возраста.

Таблица 1

Статистика надежности опросника на выявление полимодального восприятия у девочек, $n=60$ (по шкалам)

α Кронбаха	α Кронбаха на основе стандартизованных элементов	Н элементов
0,843	0,844	8

Таблица 2

Статистика надежности опросника на выявление полимодального восприятия у девочек, $n=60$ (по ответам на суждения)

α Кронбаха	α Кронбаха на основе стандартизованных элементов	Н элементов
0,895	0,894	80

Таблица 3

Статистика надежности опросника на выявление полимодального восприятия у мальчиков, $n= 60$ (по шкалам)

α Кронбаха	α Кронбаха на основе стандартизованных элементов	Н элементов
0,883	0,884	8

Таблица 4

Статистика надежности опросника на выявление полимодального восприятия у мальчиков, $n=60$ (по ответам на суждения)

α Кронбаха	α Кронбаха на основе стандартизованных элементов	Н элементов
0,910	0,910	80

С помощью критерия Колмогорова–Смирнова была изучена внешняя валидность опросника путем сравнения распределения результатов на нашей выборке с нормальным распределением. Полученный результат указывает на то, что эмпирическое распределение показателей полимодального восприятия у школьников является нормальным, следовательно, внешнюю валидность опросника можно оценить, как удовлетворительную.

Как видно из таблиц 5, 6, 7, распределение результатов, полученных при исследовании особенностей полимодального восприятия у респондентов, соответствует нормальному распределению.

Диапазон средних значений для данной выборки школьниц-девочек в баллах: для кинестетической модальности – от 39 до 75; для гаптической – от 27 до 66, для висцеральной – от 35 до 73, для вкусовой – от 38 до 75, для обонятельной – от 46 до 79, для слуховой – от 29 до 63, для зрительной – от 48 до 83, для восприятия людей и природы – от 27 до 70.

Диапазон средних значений для данной выборки школьников-мальчиков в баллах: для кинестетической модальности – от 27 до 68; для гаптической – от 37 до 72, для висцеральной – от 27 до 66,

Таблица 5
Однорядочный критерий Колмогорова–Смирнова
данных опросника на выявление полимодального восприятия
у школьниц-девочек

N	Кн	Гпт	Всц	Вк	Обн	Сл	Зр	Влп
Параметры нормального распределения ^{а,б}	56,766	46,083	53,766	56,666	62,633	45,866	65,2	48,283
	18,236	19,572	19,194	18,336	16,707	17,314	17,324	21,369
Наибольшие экстремальные расходы	0,075	0,084	0,084	0,075	0,104	0,072	0,111	0,092
	0,068	0,084	0,063	0,065	0,062	0,072	0,070	0,082
	-0,075	-0,050	-0,084	-0,075	-0,104	-0,059	-0,111	-0,092
Статистика критерия	0,075	0,084	0,084	0,075	0,104	0,072	0,111	0,092
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,200 ^{с,d}	0,200 ^{с,d}	0,200 ^{с,d}	0,200 ^{с,d}	0,169 ^с	0,200 ^{с,d}	0,064 ^с	0,200 ^{с,d}

Примечание: а – проверяемое распределение является нормальным; б – вычислено изданных; с – коррекция значимости Лиллиефорса; d – нижняя граница истинной значимости. Здесь и далее модальности: кн – кинестетическая, гпт – гаптическая, всц – висцеральная, вк – вкусовая, обн – обонятельная, сл – слуховая, зр – зрительная, влп – восприятие людей (себя, других) и природы.

Таблица 6

Описательные статистики суммарного показателя
данных опросника на выявление полимодального восприятия
у школьниц-девочек

Показатели описательной статистики	Значение модальностей полимодального восприятия у девочек, n=60							
	Кн	Гпт	Всц	Вк	Обн	Сл	Зр	Влп
Н Допустимо	60	60	60	60	60	60	60	60
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	57	46	54	57	63	46	65	48
Стандартная ошибка среднего	2,35	2,52	2,47	2,36	2,15	2,23	2,23	2,75
Стандартное отклонение	18,23	19,57	19,19	18,33	16,70	17,31	17,32	21,36
Мода	61,00 ^а	48,00	42,00 ^а	47,00 ^а	70,00	61,00	70,00	42,00
Медиана	59	47	54	56	65	46	67	46
Дисперсия	332,55	383,09	368,41	336,22	279,2	299,77	300,12	456,64
Размах	36	39	38	37	33	34	35	43
Минимум	39	27	35	38	46	29	48	27
Максимум	75	66	73	75	79	63	83	70

Примечание: а – существует несколько модальных значений; показано наименьшее значение.

для вкусовой – от 32 до 69, для обонятельной – от 37 до 74, для слуховой – от 32 до 66, для зрительной – от 43 до 87, для восприятия людей и природы – от 24 до 70.

Выводы

Таким образом, исследование доказало возможность применения методики на выявление полимодального восприятия у школьников подросткового возраста. Показано, что опросник на выявление особенностей полимодального восприятия у школьников имеет достаточную внутреннюю однородность и внешнюю валидность, что диапазон средних значений (в баллах) каждой модальности восприятия в полимодальном восприятии у школьников девочек и мальчиков для данных выборок имеет размах от 34 (самое нижнее значение) до 75 (самое высокое значение).

Таблица 7

Описательные статистики суммарного показателя данных опросника на выявление полимодального восприятия у школьников-мальчиков

Показатели описательной статистики	Значение модальностей полимодального восприятия у девочек, n=60							
	кн	гпт	всц	вк	обн	сл	зр	Влп
N Допустимо	60	60	60	60	60	60	60	60
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	53	50	48	59	57	50	62	47
Стандартная ошибка среднего	2,208	2,550	2,874	2,613	2,356	2,411	2,510	2,665
Стандартное отклонение	17,11	19,75	22,27	20,24	18,23	18,68	19,44	20,65
Мода	61	50 ^а	36 ^а	71	56	42 ^а	70 ^а	27 ^а
Медиана	51	50	43	61	57	48	67	50
Дисперсия	61	50 ^а	36 ^а	71	56	42 ^а	70 ^а	27 ^а
Размах	34	40	44	41	37	37	38	41
Минимум	36	30	26	39	38	32	43	27
Максимум	70	70	70	80	75	69	81	68

Примечание: а – существует несколько модальных значений; показано наименьшее значение.

Литература

- Бандурка Т. Н. Полимодальность восприятия в обучении. Как раздвинуть границы познания. Монография. Иркутск, 2005.
- Бандурка Т. Н. Осознание собственного полимодального восприятия у студента как путь развития его субъектности и понимания им своих духовно-нравственных истоков // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. №4. С. 59–66.
- Бандурка Т. Н. Полимодальность как содержательная характеристика восприятия студентами понятий «психологическое здоровье» и «счастье» // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы XI Международной научно-практической конференции. 27 февраля 2015 г. В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н. В. Уварина. Прага, 2015. С. 45–49.
- Бандурка Т. Н. Опыт стандартизации личностного опросника на выявление особенностей полимодального восприятия // Процеду-

- ры и методы экспериментально психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М., 2016. С. 146–152.
- Барабанщиков В. А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М., 2006.
- Барабанщиков В. А.* Системный подход в структуре психологического познания // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 86–99.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Standardization of the personal questionnaire on revealing the features of polymodal perception in children

T. N. Bandurka (Irkutsk)

Candidate of psychological sciences, associate professor of the Pedagogical Institute of Irkutsk State University

The possibility of using the methodology for revealing the multimodal perception in trainees in a sample of pre-adolescent schoolchildren is proved. The main procedures and calculations for the standardization of the questionnaire to identify the characteristics of polymodal perception in schoolchildren are presented. For the first time, normative mean scoring scales for the modalities of perception and measurement of the level of activity of multimodal perception in schoolchildren of preadolescence were obtained. The reliability statistics of the questionnaire on the detection of polymodal perception in girls and boys testify that 1) α Cronbach values >0.9 are very good and >0.8 – good, which shows the internal consistency of the scales of the questionnaire; 2) a single-sample Kolmogorov–Smirnov criterion of the questionnaire for the detection of polymodal perception in schoolchildren confirmed external validity.

Keywords: multimodal perception, kinesthetic modality of perception, taste modality of perception, olfactory modality of perception, auditory perception, visual perception, perception of people, perception of self, perception of nature.

Роль личностных особенностей наблюдателя в оценке личностных особенностей натурщика по фотоизображениям его лица¹

*В. А. Барабанщиков**, *И. И. Беспрозванная***, *К. И. Ананьева****
(Москва)

** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
директор Института экспериментальной психологии МГППУ;
e-mail: vladimir.barabanshikov@gmail.com*

*** директор по развитию Центра практической психологии «Восприятие»;
e-mail: i.besprozvannaya@gmail.com*

**** кандидат психологических наук, доцент,
научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: kristina.ananyeva@psyexp.ru*

Проверялась гипотеза о зависимости оценок индивидуально-психологических особенностей людей, изображенных на фотопортретах, от конфигурационных изменений лица, вызывающих впечатление радости, либо грусти. Получены профили самооценок личностных черт участников исследования. Выделены и описаны кластерные группы испытуемых, по-разному воспринимающих одни и те же фотоизображения. Установлены личностные особенности наблюдателей, способствующие изменению оценок индивидуально-психологических характеристик натурщиков при изменении конфигурационной структуры лица.

Ключевые слова: восприятие выражений лица, межличностное восприятие, конфигурационные трансформации лица, самооценка, личностные черты.

1 Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-01101а.

Постановка проблемы

Известно, что люди склонны оценивать других людей, в первую очередь, по их внешнему облику, а межличностное взаимодействие во многом опирается на первое впечатление. Исследования зарубежных авторов показали, что для формирования первого впечатления достаточно десятой доли секунды (Todorov, Oosterhof, 2011). При этом мимически нейтральные лица сходно оцениваются наблюдателями по ряду параметров, например, экстраверсии и доминантности личности. В работах Дж. М. Керри, С. М. Маккормик, С. Л. Мондлок были определены конкретные черты лица, важные для создания первого впечатления (Cerry, McCornik, Mondlock, 2009). К ним относятся, например, увеличенная пропорция ширины лица к его высоте, что используется наблюдателями в качестве индикатора не очень надежного человека, но при этом доминирующего типа личности. Высказано предположение, что этот эффект обуславливается высоким уровнем тестостерона в крови, который приводит к появлению «широкого» лица (Lefevre, Lewis, Perrett, Penke, 2013). Другой важной чертой являются глаза – наличие визуального контакта вызывает доверие: большие глаза создают впечатление, что человек является чутким, приятным, экстравертированным, добросовестным и умным (Paunonen, Ewan, Earthy, Lefave, Goldberg, 1999).

В исследованиях эффекта сверхобобщения и валидности первых впечатлений широко использовались оценки сходства и различий между лицами. Например, исследователи уделяли внимание качеству экспонируемых лиц: варьировали значения разрешения изображения (в пикселях), производили трехмерное сканирование лиц, использовали процедуру аннотирования лицевых признаков (Wolthechel, Fagertun, Jacobsen, Majewski, Hemmingsen, Larsen, Jarmer, 2014). Было показано, что каждое измерение пространства лица определяется его общими свойствами, которые не могут быть сведены к отдельным признакам (Todorov, Oosterhof, 2011). Реализация такого пространства лиц позволила создавать искусственные лица, предположительно выражающие черты, как низкого, так и высокого уровня (там же). М. Уокер и Т. Веттер использовали эту технику для модификации фотоизображений лиц реальных людей, усиливая отдельные черты лица. Валидизация этих изображений показала, что гипертрофированные черты лица выбираются немного чаще (Wolthechel, Fagertun, Jacobsen, Majewski, Hemmingsen, Larsen, Jarmer, 2014).

В нашем исследовании мы попытались сосредоточить внимание на том, каким образом индивидуальные психологические осо-

бенности испытуемых изменяют оценку личностных характеристик натурщиков.

Процедура и методики исследования

В качестве стимульного материала мы использовали фотоизображения трех мужских (WF2-5; JJ3-4; PE2-4) и четырех женских (PF1-2; SW3-3; C2-3; A1-2) лиц анфас в спокойном состоянии, отобранных из базы «Pictures of Facial Affect» П. Экмана (Ekman, Friesen, 19976), а также 12 фотоизображений, создающих у наблюдателя впечатление лица, выражающего радость или грусть. Фотоизображения были подготовлены и апробированы Е. Г. Хозе (Хозе, 2013). Выбор признаков, подвергавшихся трансформации, опирался на исследования Э. Брунсвика (Brunswick, 1956). Выражение радости создавалось высоким лбом или низким расположением линии глаз, большим межзрачковым расстоянием, средним расположением верхнего края носа и укороченным нижним краем носа, верхним расположением линии рта; выражение грусти – низким лбом, небольшим межзрачковым расстоянием, длинным носом, низким расположением рта.

В исследовании приняло участие 103 студента вузов Москвы: 80 женщин и 23 мужчин, средний возраст – $28,4 \pm 10,3$ года.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе в идентичных условиях проводилась фотосъемка участников исследования. Фотографировались лица испытуемых до плечевого пояса анфас. Все фотоизображения подверглись обработке: убирались артефакты съемки, приводились к единому размеру (ширина 200 px с пропорциональной высотой), а также переводились в градации серого.

На втором этапе каждому участнику исследования, размещенному перед экраном ПК, предлагалось рассмотреть собственное фотоизображение и оценить его по 21 биполярной шкале методики «Личностный дифференциал» (ЛД). Данный инструмент позволяет оценить уровень самоуважения, доминантности/тревожности и экстраверсии/интроверсии, как самого испытуемого, так и партнеров по общению – реальных или воображаемых.

Затем каждый испытуемый с помощью шкал ЛД оценивал стимульные изображения. Каждому респонденту предъявлялось в рандомизированном порядке 7 из 21 лица. Стимулы экспонировались на экране до нажатия на отметку на шкале. Среднее время экспозиции составляло 15 секунд. Ответы испытуемого о выраженности индивидуально-психологических черт человека, изображенного на фото, давались нажатием на клавиши клавиатуры ПК и регистрировались программой PXLab.

Полученные данные проходили предварительную обработку, сортировку и объединение в единый массив в среде Python 2.7.6.

Для удобства обработки «сырых» данных исходные значения шкал перекодировались от 1 до 7; также уменьшалась степень градации шкал с 7 до 3. Так, значения 1, 2, 3 приняли условное значение 1, значение 4 ® 2, а значения 5, 6, 7 приняли условное значение 3. Уменьшение мерности оценочных шкал использовалось для исключения влияния эффекта сверхтрудности выполняемой задачи на выявление общих тенденций межличностного восприятия. Правомерность и обоснованность данной процедуры обсуждалась в других работах (Демидов, 2008).

Статистическая обработка осуществлялась с помощью пакета статистических программ SPSS 21.0. Статистическая значимость эффектов фиксировалась на уровне $p < 0,05$. Поскольку распределение данных значимо отличалось от нормального (Колмогоров, Смирнов, $Z > 5$ при $p < 0,001$) для анализа использовались непараметрические критерии: Н Краскела–Уоллиса, а также кластерный анализ с помощью метода К-средних.

Результаты исследования

На первом этапе анализа с использованием метода К-средних были выделены три группы испытуемых по сходству самооенок, выполненных в базе методики «Личностный дифференциал».

В первый кластер вошло 67 респондентов, оценивающих себя обаятельными, сильными, разговорчивыми, добросовестными, открытыми, добрыми, деятельными, отзывчивыми, решительными, энергичными, справедливыми, дружелюбными, уверенными, общительными и честными. Данный кластер получил условное название «Ораторы».

Во второй кластер вошло 20 респондентов, считающих себя непривлекательными, слабыми, уступчивыми, зависимыми, пассивными, нерешительными, вялыми, расслабленными и неуверенными. Кластер получил название «Наблюдатели».

Третий кластер образовали 16 респондентов, оценивающих себя молчаливыми, упрямыми, замкнутыми, независимыми, напряженными, спокойными, враждебными, нелюдимыми, самостоятельными и невозмутимыми. Данный кластер получил название «Нарциссы».

На втором этапе был произведен расчет различий оценки нейтральных лиц натурщиков, а также лиц с конфигурационными изменениями по типу радости и грусти респондентами каждого кластера.

Для ситуации оценки мимически нейтральных изображений лиц значимые различия были получены по шкалам «обаятельный–непривлекательный» ($\chi^2=6,75$, $p=0,034$) и «сильный–слабый» ($\chi^2=5,69$, $p=0,058$). Наиболее обаятельными натурщики воспринимаются представителями кластера «Нарциссы» ($M=1$), в меньшей степени – представителями кластера «Ораторы» ($M=0,9$), а наименее обаятельными натурщики представляются для испытуемых кластера «Наблюдатели» ($M=0,3$). Наиболее сильными натурщики оцениваются испытуемыми кластера «Ораторы» ($M=1$), в меньшей степени – респондентами кластера «Нарциссы» ($M=0,8$), и наименее сильными они представляются для испытуемых кластера «Наблюдатели» ($M=0,5$).

Для лиц с конфигурационными изменениями по типу радости значимых различий обнаружено не было.

Для лиц с конфигурационными изменениями по типу грусти были обнаружены значимые различия по шкалам «открытый–замкнутый» ($\chi^2=6,23$, $p=0,044$) и «несамостоятельный–самостоятельный» ($\chi^2=12,792$, $p=0,002$). Более замкнутыми натурщики воспринимаются представителями кластера «Ораторы» ($M=0,5$), менее замкнутыми – испытуемыми кластера «Наблюдатели» ($M=0,4$), а открытыми натурщики представляются испытуемым кластера «Нарциссы» ($M=-0,2$). Наиболее самостоятельными натурщиков воспринимают представители кластера «Наблюдатели» ($M=1$), чуть менее самостоятельными – испытуемые кластера «Ораторы» ($M=0,9$), а наименее самостоятельными натурщиков воспринимают представители кластера «Нарциссы» ($M=0,5$).

На третьем этапе анализа для каждого кластера испытуемых выполнялась проверка гипотезы об изменении оценок натурщиков при различном типе трансформации лица (Барабанщиков, Беспрозванная, Ананьева, 2016). Изменения оценок индивидуально-психологических характеристик натурщиков при конфигурационных трансформациях лиц проявились в большей степени для респондентов первого кластера – «Ораторов». В этой группе значимые изменения оценок коснулись девяти шкал: «обаятельный–непривлекательный» ($\chi^2=91,6$, $p<0,001$), «сильный–слабый» ($\chi^2=20,6$, $p<0,001$), «разговорчивый–молчаливый» ($\chi^2=8,9$, $p=0,012$), «открытый–замкнутый» ($\chi^2=17,5$, $p<0,001$), «деятельный–пассивный» ($\chi^2=17,8$, $p<0,001$), «решительный–нерешительный» ($\chi^2=10,4$, $p=0,005$), «энергичный–вялый» ($\chi^2=22,5$, $p<0,001$), «уверенный–неуверенный» ($\chi^2=9,3$, $p=0,009$) и «общительный–нелюдимый» ($\chi^2=20,8$, $p<0,001$). Представители кластера «Ораторы» склонны оценивать мимически нейтральные лица обаятельными, сильными, открытыми,

деятельными, решительными, энергичными, уверенными и общительными. Лица с конфигурационными измерениями по типу грусти «Ораторы» оценивают непривлекательными, молчаливыми, замкнутым и нелюдимыми. Лица с конфигурационными изменениями по типу радости в меньшей степени по сравнению с «грустными» представляются непривлекательными, и в меньшей степени по сравнению с нейтральными лицами – сильными, деятельными, решительными, энергичными, уверенными и общительными.

Представители второго и третьего кластеров («Наблюдатели» и «Нарциссы») менее подвержены влиянию конфигурационной структуры лица при вынесении межличностных оценок. Для респондентов кластера «Наблюдатели» изменения коснулись четырех шкал: «обаятельный–непривлекательный» ($\chi^2=5,9$, $p=0,05$), «разговорчивый–молчаливый» ($\chi^2=9,1$, $p=0,011$), «суетливый–спокойный» ($\chi^2=6,3$, $p=0,044$) и «самостоятельный–несамостоятельный» ($\chi^2=6,2$, $p=0,046$). Представители кластера «Наблюдатели» склонны оценивать мимически нейтральные лица обаятельными, молчаливыми, спокойными и самостоятельными. Лица с конфигурационными измерениями по типу грусти «Наблюдатели» оценивают довольно непривлекательными, молчаливыми (но в меньшей степени по сравнению с нейтральными лицами), наиболее спокойными и самостоятельными. Лица с конфигурационными изменениями по типу радости оцениваются ими наиболее непривлекательными, разговорчивыми, достаточно спокойными и в небольшой степени самостоятельными.

Для третьего кластера («Нарциссы») изменения произошли лишь по трем шкалам: «обаятельный–непривлекательный» ($\chi^2=32,9$, $p<0,001$), «добрый–эгоистичный» ($\chi^2=5,9$, $p=0,05$) и «самостоятельный–несамостоятельный» ($\chi^2=6,1$, $p=0,047$). Представители кластера «Нарциссы» оценивают мимически нейтральные лица достаточно обаятельными, высоко эгоистичными и несамостоятельными. Лица с конфигурационными измерениями по типу грусти «Нарциссы» оценивают наиболее обаятельными, добрыми и наиболее самостоятельными. Лица с конфигурационными изменениями по типу радости оцениваются «Нарциссами» как обаятельные, но в меньшей степени по сравнению с другими типами лиц как немного эгоистичные и самостоятельные.

Интересно отметить, что шкала «обаятельный–непривлекательный» изменяется при различиях конфигурационной структуры лица по всем группам испытуемых.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что полученные нами данные, с одной стороны, подтверждают исследования отечественных и зарубежных авторов – указывают на связь конфигурационных изменений лица с оценками индивидуально-психологических характеристик, но в то же время показывают, что эта связь зависит от личности наблюдателя и широко варьируется.

Литература

- Барабанщиков В. А., Беспрозванная И. И., Ананьева К. И. Динамика оценок индивидуально-психологических свойств человека в зависимости от изменений конфигурационной структуры его лица // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М., 2016. С. 192–204.
- Демидов А. А. Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в различных ситуациях восприятия: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Хозе Е. Г. Восприятие индуцированных экспрессий лица: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Brunswick E. Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 1956.
- Carry J. M., McCormick C. M., Mondlock C. J. Facial Structure Is a Reliable Cue of Aggressive Behavior // Psychological Science. 2009. № 20. P. 1194–1198.
- Ekman P., Friesen W. Pictures of Facial Affect. Palo Alto: Consulting psychologists Press, 1976.
- Lefevre C. E., Lewis G. J., Perrett D. I., Penke L. Telling facial metrics: facial width is associated with testosterone levels in men // Evolution and Human Behavior. 2013. № 34. P. 273–279.
- Paunonen S. V., Ewan K., Earthy J., Lefave S., Goldberg H. Facial Features as Personality Cues // Journal of Personality. 1999. № 67. P. 555–583.
- Todorov A., Oosterhof N. N. Modeling Social Perception of Faces // IEEE Signal Processing Magazine. 2011. № 28. P. 117–122.
- Wolthechel K. M. B., Fagertun J., Jacobsen U. P., Majewski W., Hemmingesen A. S., Larsen C. L., Jarmer H. Interpretation of appearance: the effect of facial features on first impressions and personality. 2014. № 9. [e107721]. doi: 10.1371/journal.pone.0107721.

The role of personality features of the observer in the estimation of the personality features of the sitter from facial photos

*V. A. Barabanshikov**, *I. I. Besprozvannaya***, *K. I. Ananyeva****
(Moscow)

* Doctor of psychological sciences, Professor, corresponding member RAE, Director of Institute of experimental psychology, Moscow city psychological-pedagogical University

** Director on development of Center of practical psychology "Perception"

*** Candidate of psychological sciences, associate professor, research officer of the Institute of Psychology of RAS

The hypothesis was tested of the dependence of individual psychological assessments of facial photos from configuration changes that produce the impression of joy or sadness. The profiles of participants' self-assessments of their personality traits were obtained. Cluster groups of subjects with different perception of the same images were singled out and described. The personality characteristics of the observers were established, which contribute to changing the assessments of the individual psychological characteristics of the sitters when the configuration of the face was changed.

Keywords: perception of facial expressions, interpersonal perception, facial configuration transformations, self-assessment, personality traits.

Оценка эмоциональных экспрессий различной степени четкости¹

В. А. Барабанищikov, О. А. Королькова**, Е. А. Лободинская***
(Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
директор Института экспериментальной психологии Московского
Государственного психолого-педагогического Университета;
e-mail: vladimir.barabanschikov@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института экспериментальной психологии Московского
Государственного психолого-педагогического Университета;
e-mail: olga.kurakova@gmail.com*

**** научный сотрудник Института экспериментальной психологии
Московского Государственного психолого-педагогического Университета;
e-mail: elena.lobodinskaya@gmail.com*

В психофизическом эксперименте варьировались модальность экспрессии (6 базовых эмоций и нейтральное лицо), контекст, время экспозиции лица (50, 100 либо 200 мс) и степень его расфокусированности (четкие или размытые изображения). Содержание контекста определялось типом стимульной ситуации: стробоскопической экспозицией экспрессий на фоне нейтрального лица либо их прямой и обратной зрительной маскировкой рандомизированным паттерном. Обнаружено, что в условиях стробоскопической экспозиции возникновение кажущегося движения обеспечивает сохранение точности распознавания базовых эмоций даже в наименее благоприятных условиях восприятия (при минимальном времени экспозиции и максимальной расфокусированности изображения). При ухудшении условий восприятия маскировка приводит к существенному снижению точности оценок эмоций. Эффект стробоскопической сенси-

1 Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 16-06-01101 «Оценка эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей личности в процессе общения».

билизации указывает на сходство влияний реального и кажущегося движения на оценку эмоциональных состояний.

Ключевые слова: базовые эмоции, стробоскопическая экспозиция, зрительная маскировка, восприятие лица, кажущееся движение, расфокусированные изображения, экспрессии лица.

Постановка проблемы

Поиск закономерностей восприятия эмоциональных экспрессий при экспозиции четко выраженных и расфокусированных изображений является одной из перспективных задач исследования восприятия естественных выражений лица в процессах межличностной коммуникации (Барабанщиков, 2012; Барабанщиков, Жегалло, Королькова, 2016; Ambadar, Schooler, Cohn, 2005). Ранее мы показали, что при наличии детализированной информации о конфигурации экспрессии кажущееся изменение лица, как и его реальное движение, не приводит к увеличению точности оценки экспрессий по сравнению со статичной экспозицией эмоциональных состояний (Барабанщиков, Королькова, Лободинская, 2015). Вместе с тем, известно, что со снижением экологической валидности изображений лица эффект реального движения на распознавание эмоций возрастает (Bould, Morris, 2008; Delis, Chen, Jack, Garrod, Panzeri, Schyns, 2011; Katsyri, Sams, 2008). В выполненной работе определялись условия, при которых стробоскопическая экспозиция экспрессии способствует более эффективному распознаванию эмоций, по сравнению с изображениями, подверженными маскировке.

Процедура и методика экспериментального исследования

В условиях стробоскопического движения наблюдателю демонстрировался фотопортрет человека, переживающего одну из базовых эмоций, до и после чего в этой же части экрана предъявлялись изображения спокойного лица. В условиях маскировки спокойное лицо заменялось «маской», созданной путем случайного перемешивания частей нейтрального изображения; эффект движения в этом случае отсутствовал.

Стимульным материалом служили цветные фотографии лиц натурщиков из валидизированной базы RaFD (Langneretal, 2010), выражающих шесть базовых эмоциональных экспрессий (радость, удивление, страх, печаль, отвращение, гнев) и спокойное состояние (нейтральное лицо). Снижение четкости изображений лица и «маски» обеспечивалось применением фильтра Гаусса с радиусом размытости изображения 20, 40 либо 60 пикселей.

В экспериментах приняли участие 125 студентов московских вузов с нормальным зрением. Испытуемые сидели на расстоянии 60 см от экрана; угловые размеры изображений лица составляли $16 \times 20^\circ$. В каждой пробе на экране ЭЛТ-монитора (ViewSonic G90f, частота 100 Гц) на сером фоне последовательно демонстрировались: 1) черный фиксационный крест (2000 мс, угловые размеры $1,4 \times 1,4^\circ$); 2) «пустой» экран (длительность варьировалась случайно от 300 мс до 1300 мс, среднее время – 800 мс); 3) первое контекстное изображение – спокойное либо рандомизированное лицо (300 мс); 4) тестовое изображение лица (50, 100 либо 200 мс); 5) второе контекстное изображение, аналогичное первому (100 мс); 6) «пустой» экран (500 мс); 7) вопрос «Какие эмоции присутствовали на изображении?» с вариантами ответа: «радость», «гнев», «страх», «удивление», «отвращение», «печаль», «спокойное лицо». Испытуемому предлагалось выбрать из предъявленного списка название той эмоции, которая максимально соответствовала увиденной экспрессии. Порядок предъявления стимульного материала был случайным. Данные анализировались в среде статистического анализа R3.3.0. Зависимой переменной служили пропорции верных оценок экспрессий в различных экспериментальных ситуациях. Применялся метод логистической регрессии со смешанными эффектами, реализованный в пакете lme41.1-12 (Bates, Maechler, Bolker, Walker, 2015). Оценивалось влияние внутригрупповых факторов – *время экспозиции* (3 градации) и *экспрессия натурщика* (7 градаций) и межгрупповых факторов – *содержание контекста* (2 градации) и *степень расфокусированности* стимульного изображения (2 градации), а также их взаимодействий. При помощи линейных контрастов для каждой экспрессии, времени предъявления и содержания контекста проводились сравнения частот верных ответов при различной степени расфокусированности стимульного изображения.

Результаты исследования

Проведенный эксперимент позволил получить ряд новых данных, раскрывающих природу межличностного восприятия эмоциональных состояний коммуникантов. Точность распознавания эмоционального состояния по лицу натурщика статистически значимо зависит от модальности его экспрессии, длительности экспозиции и содержания контекста. Максимально точно распознаются: радость (0,87 по всем сериям), спокойное лицо (0,85) и удивление (0,79). Печаль (0,56), отвращение (0,5), страх (0,41) и гнев (0,38) распознаются наименее точно.

Основной результат заключается в том, что при экспозиции четких либо слабо расфокусированных изображений кажущееся движе-

ние, по сравнению с маскировкой, не приводит к увеличению точности распознавания базовых эмоций. Напротив, при возрастании степени расфокусированности стробоскопическое движение существенно повышает точность распознавания по сравнению с маскировкой (эффект стробоскопической сенсбилизации). С уменьшением времени экспозиции базовых экспрессий эти различия усиливаются.

По сравнению с четкими изображениями лица слабая степень расфокусированности не приводит к существенным изменениям точности его распознавания. Исключения составляют восприятие экспрессии страха, экспонируемой в условиях кажущегося движения на 200 мс, и экспрессии печали при маскировке и экспозиции в 50 мс. С увеличением размытости изображений лица до 40 пикселей и сокращении времени экспозиции до 50 мс точность распознавания значительно снижается, а при более длительном предъявлении (100 и 200 мс) – сохраняется для всех экспрессий, кроме печали и удивления. Печаль, в большей степени подверженная влиянию расфокусировки, ошибочно воспринимается как спокойное, нейтральное лицо; экспрессия страха систематически смешивается с экспрессией удивления (Барабанщиков, Королькова, Лободинская, 2014, 2015).

При ухудшении условий восприятия (увеличении степени расфокусированности изображений либо уменьшении времени их экспозиции) данные тенденции усиливаются. Средне и сильно расфокусированные изображения в условиях кажущегося движения оцениваются так же эффективно, как и четкие, за исключением экспрессий печали (сильная расфокусированность, любое время экспозиции), страха (сильная расфокусированность, 50 мс) и гнева (сильная расфокусированность, 200 мс). Тем самым и здесь проявляется положительная роль воспринимаемого изменения экспрессии в ее распознавании. Движение как бы нивелирует негативные влияния снижения пространственных частот изображений, обеспечивая эффективную оценку выражаемых натурщиком эмоций.

В отличие от кажущегося движения в условиях маскировки большинство сильно расфокусированных изображений экспрессий распознается хуже, чем четких. Тенденция не распространяется на высокоаттрактивные экспрессии радости (экспозиция 100 или 200 мс) и спокойствия (200 мс).

Данные результаты указывают на качественное отличие двух стимульных ситуаций: кажущегося движения и маскировки рандомизированным паттерном. При сходной временной организации маскировка приводит к разрушению образа воспринимаемой экспрессии, существенно снижая эффективность распознавания. В слу-

чае низкоаттрактивных экспрессий (отвращение, страх, печаль, гнев) и наименее благоприятных условий (расфокусированность 40 либо 60 пикселей, экспозиция 50 мс) точность оценок падает до нуля.

Заключение

При возрастании степени расфокусированности лица в контексте кажущегося движения эмоциональные экспрессии распознаются более эффективно, чем в условиях маскировки. Сравнительный анализ распознавания четких и слабо расфокусированных экспрессий показывает, что для одного и того же набора условий полученные данные практически совпадают. Значимые различия появляются с возрастанием размытости изображений лица. Эффект стробоскопической сенсбилизации имеет место в пороговой зоне четкости. Полученный результат подтверждает гипотезу, допускающую возможность положительного влияния кажущегося (стробоскопического) движения на распознавание базовых экспрессий (Барабанщиков, Королькова, Лободинская, 2014, 2015).

Литература

- Барабанщиков В. А. Экспрессии лица и их восприятие. М., 2012.
- Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., Королькова О. А. Перцептивная категоризация выражений лица. М., 2016.
- Барабанщиков В. А., Королькова О. А., Лободинская Е. А. Восприятие эмоциональных экспрессий лица при его маскировке и кажущемся движении // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 7–27.
- Барабанщиков В. А., Королькова О. А., Лободинская Е. А. Распознавание эмоциональных экспрессий лица в условиях стробоскопической экспозиции // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М., 2014. С. 71–378.
- Ambadar Z., Schooler J., Cohn J. Deciphering the enigmatic face: The importance of facial dynamics in interpreting subtle facial expressions // Psychological Science. 2005. V. 16. P. 403–410. doi: 10.1111/j.0956-7976.2005.01548.x.
- Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. V. 67. № 1. P. 48. doi: 10.18637/jss.v067.i01.
- Bould E., Morris N. Role of motion signals in recognizing subtle facial expressions of emotion // British Journal of Psychology. 2008. V. 99. P. 167–189. doi:10.1348/000712607X206702.

- Delis I., Chen C., Jack R. E., Garrod O. G. B., Panzeri S., Schyns P. G.* Space-by-time manifold representation of dynamic facial expressions for emotion categorization // *Journal of Vision*. 2016. V. 16. №8. P. 14. doi: 10.1167/16.8.14.
- Katsyri J., Sams M.* The effect of dynamics on identifying basic emotions from synthetic and natural faces // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2008. V. 66. P. 233–242. doi: 10.1016/j.ijhcs.2007.10.001.
- Langner O., Dotsch R., Bijlstra G., Wigboldus D. H. J., Hawk S. T., van Knippenberg A.* Presentation and validation of the Radboud Faces Database // *Cognition & Emotion*. 2010. V. 24. №8. P. 1377–1388. doi: 10.1080/02699930903485076.

Evaluation of emotional expressions of various degree of sharpness

*V. A. Barabanshikov**, *O. A. Korolkova***, *E. A. Lobodinskaya****
(Moscow)

* Doctor of psychological sciences, Professor, corresponding member RAE, Director of Institute of experimental psychology, Moscow city psychological-pedagogical University

** Candidate of psychological sciences, senior research officer of Institute of experimental psychology of Moscow city psychological-pedagogical University;

*** Research officer of Institute of experimental psychology, Moscow city psychological-pedagogical University

In a psychophysical experiment we varied the modality of expression (6 basic emotions and neutral face), presentation context, exposure time (50, 100 or 200 ms) and the degree of its defocusing (clear or blurred images). The context was determined by the type of stimulus: stroboscopic exposure of the expression on the background of a neutral face or forward and backward visual masking by a randomized pattern. It is found that under stroboscopic exposure, the apparent motion preserves the accuracy of recognition of the basic emotions even in the least favorable conditions of perception (with a minimum exposure time and maximum defocusing of the image). When the conditions of perception worsen, masking leads to a significant decrease in the accuracy of the emotion recognition. The effect of stroboscopic sensitization indicates the similarity of the effects of real and apparent movement on the evaluation of emotional states.

Keywords: basic emotions, blurred images, stroboscopic exposure, face perception, apparent movement, defocused images, stroboscopic sensitization.

Копинг-стратегии в структуре осознанной саморегуляции: кросскультурные характеристики¹

Т. Н. Банищикова, М. Л. Соколовский** (Ставрополь)*

** кандидат психологических наук, доцент, руководитель научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: sevkv@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: bilb2000@yandex.ru*

В статье представлены результаты исследования особенностей осознанной саморегуляции и копинг-стратегий на выборке 1482 респондентов – российских и иностранных молодых людей, обучающихся в российском университете. Обсуждаются данные сравнительного анализа регуляторных характеристики репертуара копинг-стратегий. Анализируются выявленные кросскультурные различия в стилевых характеристиках осознанной саморегуляции у российских и зарубежных студентов. Показана связь компонентов саморегуляции с используемыми копинг-стратегиями в ситуации адаптации к новой социокультурной среде. Паттерн корреляций копинг-стратегий с регуляторным профилем стилевых характеристик саморегуляции имеют значимые различия в группах иностранных и российских респондентов.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, копинг-стратегии, иностранные обучающиеся, адаптация, кросскультурные особенности.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00804 «Осознанная саморегуляция и совладающее поведение в условиях адаптации студентов к новой социокультурной среде: общие закономерности и кросскультурные различия».

Постановка проблемы

Динамика социально-экономических, институциональных, социокультурных условий современного мира, глобализация информационного пространства, обуславливают необходимость поиска человечеством новых форм взаимодействия, установления контактов между культурами, народностями, социальными группами, отдельными индивидами. Приоритетные позиции стала занимать задача адаптации субъекта к инокультурной среде, организации в новых условиях адекватного поведения для решения жизненно значимых проблем. В связи с этим актуальным становится изучение роли осознанной саморегуляции как целенаправленного процесса управления всеми видами внешней и внутренней активности, ресурсами, направленными на построение модели окружающего мира и оптимальной адаптации к нему. Данная проблема активно рассматривается в работах многих современных отечественных (Дикая, 2002; Леонова, 2011; Леонтьев, 2011; Моросанова, Банщикова, 2014; Сергиенко, 2011; и др.) и зарубежных (Brown, Westbrook, Challagalla, 2005; Carver, Scheier, 2000; и др.) психологов.

Саморегуляция личности детерминирована культурой и особенностями социальной среды. Кросскультурные особенности как компоненты различных аспектов активности субъекта являются факторами выбора способов саморегуляции. Процессы аккультуризации связаны со сложностями конкретного выбора личностных ориентиров регуляции своего поведения и самосознания во взаимодействии с разнонаправленными формами и способами жизнедеятельности других людей. В этом контексте исследование особенностей саморегуляции в ситуации адаптации к новой социокультурной среде должно быть тесно связано с изучением факторов, имеющих культурную обусловленность – традициями, нормами и ценностями конкретной социальной общности. Особенности саморегуляции в ситуации адаптации не могут рассматриваться вне социокультурного контекста.

Организация и методики эмпирического исследования

Цель исследования – выявить кросскультурные различия в стилевых характеристиках осознанной саморегуляции у российских и иностранных студентов, раскрыть связи компонентов саморегуляции с используемыми копинг-стратегиями в ситуации адаптации к новой социокультурной среде.

Выборку исследования составили 1482 студента, из них 837 иностранных студентов из дальнего (Ангола, Ирак, Сирия, Йемен, Замбия,

Тунис, Мозамбик, Конго, Гана, Ангола и др.) и ближнего (Таджикистан, Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Кыргызская Республика и др.) зарубежья, а также 845 российских студентов.

Методики исследования

Для оценки характеристик саморегуляции респондентов был использован многошкальный тест-опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой (Моросанова, 2004). Данная методика позволяет выявить степень развития осознанной саморегуляции и регуляторный профиль ее стилевых характеристик (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов), а также особенности развития регуляторно-личностных свойств – гибкости, самостоятельности, надежности, ответственности. Наконец, важнейшей индивидуальной характеристикой выступает общий уровень саморегуляции. Данная интегральная характеристика саморегуляции отражает актуальные возможности человека осознанно инициировать и управлять произвольной активностью.

Для исследования стресс-совладающего поведения была использована методика диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (E. Heim). Это скрининговая методика, позволяющая исследовать 26 ситуационно-специфических вариантов копинга, распределенных в соответствии с тремя основными сферами психической деятельности: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Обработка полученных данных проводилась с использованием метода однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), корреляционного анализа (по К. Пирсону) и t-критерия Стьюдента.

Результаты исследования

Первой решаемой в настоящем исследовании задачей стало сравнение стилевых характеристик (планирования, моделирования, программирования оценивания результатов), а также особенностей регуляторно-личностных свойств – гибкости, самостоятельности – у обучающихся в нашей стране иностранных и российских студентов. Для оценки значимости различий между выборками российских и иностранных студентов применялся t-критерий Стьюдента.

Выявлены значимые различия по шкалам «Моделирование» (0,0325), «Гибкость» ($p=0,0013$), «Общий уровень саморегуляции» ($p=0,0013$) (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей осознанной саморегуляции у российских и иностранных студентов

Показатели саморегуляции	Российские студенты	Иностранные студенты	p
	Средние арифметические		
Планирование	5,8	4,7	0,0907
Моделирование	5,3	4,3	0,0325
Программирование	5,6	4,8	0,0580
Оценивание результатов	5,5	4,8	0,1597
Гибкость	6,3	4,5	0,0013
Самостоятельность	5,3	4,4	0,3273
Общий уровень саморегуляции	28,6	23,3	0,0013

Как показывают полученные данные, средние значения показателей саморегуляции у российских студентов выше, чем у иностранных. Однако и у одной, и у другой группы студентов наблюдается сглаженный профиль саморегуляции (все показатели по шкалам отличаются не более чем на 1 балл), соответствующий среднему уровню развития.

Следующей задачей стало сравнение ситуационно-специфических вариантов копингов российских и иностранных студентов как осознанных стратегий преодоления стрессовых ситуаций (таблица 2).

Значимые различия установлены по когнитивным копинг-стратегиям. Иностранные студенты значимо чаще применяют защитную стратегию мыслительного ухода от проблемы, используя пас-

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей совладающего поведения у российских и иностранных студентов

Копинг-стратегии	Российские студенты	Иностранные студенты	p
	Средние арифметические		
Когнитивные	2,1	1,5	0,0172
Эмоциональные	2,3	2,5	0,6287
Поведенческие	2,1	2,2	0,4340

сивные формы поведения: смирение, растерянность, диссимуляцию, игнорирование.

На следующем этапе анализа мы рассматривали различия в структуре связей между когнитивными копинг-стратегиями и показателями осознанной саморегуляции у российских и иностранных студентов. Для решения этой задачи был использован корреляционный анализ (по К. Пирсону). Полученные результаты представлены в таблице 3.

В целом по выборке выраженность эмоциональной группы копинг-стратегий коррелирует практически со всеми компонентами саморегуляции. Следовательно, сформированность частных регуляторных процессов (планирования, моделирования, программирования, оценивания результатов) выступает предиктором адаптивных эмоциональных копинг-стратегий и направлена на работу с эмоциями, которые сопровождают восприятие стресса и включают актив-

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции между показателями саморегуляции и адаптивности копинг-стратегий для выборок российских и зарубежных студентов

Шкалы саморегуляции	Когнитивные	Эмоциональные	Поведенческие
<i>Российские студенты</i>			
Планирование	0,06	0,10	0,02
Моделирование	0,12	0,21	0,10
Программирование	0,06	0,12	0,06
Оценивание результатов	0,07	0,11	0,03
Гибкость	0,05	0,17	0,09
Самостоятельность	-0,03	-0,09	-0,11
ОУрС	0,11	0,20	0,07
<i>Иностранные студенты</i>			
Планирование	0,20	0,05	0,12
Моделирование	0,11	0,21	0,09
Программирование	0,05	0,22	0,09
Оценивание результатов	0,09	0,20	0,05
Гибкость	0,12	0,24	0,14
Самостоятельность	0,13	-0,01	0,00
ОУрС	0,21	0,25	0,15

ное управление ими. Проранжировав средние значения всех 8 вариантов эмоциональных копингов, отмечаем, что для российских и иностранных респондентов приоритетные позиции занимают стратегии «Я всегда уверен, что есть выход из трудной ситуации» и «Я подавляю эмоции в себе».

У российских студентов установлена отрицательная связь регуляторно-личностного свойства самостоятельности с эмоциональными копинг-стратегиями. По всей видимости, результаты отражают тот факт, что развитость регуляторной автономности снижает вероятность проявления враждебных чувств: злости, раздражения, связанных с ситуацией аккумуляционного стресса.

Показатели осознанной саморегуляции положительно коррелируют с когнитивными копинг-стратегиями у российских студентов; среди иностранных обучающихся положительно значимая связь установлена только со шкалами «Планирование» и «Общий уровень саморегуляции».

Адаптивные стратегии «Я придаю своим трудностям особый смысл, преодолевая их, я совершенствуюсь сам», «Я не теряю самообладания и контроля над собой в тяжелые минуты и стараюсь никому не показывать своего состояния», «Я стараюсь проанализировать, все взвесить и объяснить себе, что же случилось», занимают приоритетные позиции (1, 2, 3 места) в ранге когнитивных копинг-стратегий российских студентов. Эти же варианты копинг-стратегий значимо коррелируют со шкалами «Планирование» и «Общий уровень саморегуляции» у иностранных студентов. Сформированность осознанного планирования своей деятельности, индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности обуславливает выбор стратегии когнитивной адаптации: мышление направлено на изменение отношения к ситуации.

Паттерн корреляций поведенческих копинг-стратегий с регуляторным профилем стилевых характеристик саморегуляции различается в группах иностранных и российских респондентов. Так, у российских студентов установлена значимая положительная связь со шкалами «Моделирование», «Программирование», «Гибкость», «Общий уровень саморегуляции» и отрицательная связь – со шкалой «Самостоятельность», тогда как у иностранных студентов не выявлена корреляционная связь поведенческих копинг-стратегий со шкалами саморегуляции.

По всей видимости, результаты отражают тот факт, что в стрессовых ситуациях способность выделять значимые условия достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем (моделирование); сформированность потребности продумывать

способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей (программирование); способность перестраивать систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий (гибкость) выступают значимыми факторами выбора адаптивных поведенческих стратегий, сфокусированных на работе с возникшей проблемой («Я использую сотрудничество со значимыми мне людьми для преодоления трудностей», «Я стараюсь помочь людям и в заботах о них забываю о своих горестях»).

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Выявлены отдельные кросскультурные особенности осознанной саморегуляции и репертуара копинг-стратегий. Значимые различия по шкалам «Моделирование», «Гибкость», «Общий уровень саморегуляции» говорят о том, что российские студенты, испытывая стресс адаптации к иным условиям жизнедеятельности, демонстрируют большую степень осознанности, детализированности значимых условий достижения цели, более выраженную пластичность всех регуляторных процессов. У российских респондентов наблюдается более частое обращение к когнитивным копинг-стратегиям адаптивного характера; они чаще прибегают к использованию своего рода философии стоицизма: сохранение самообладания, равновесия, самоконтроля.

Регуляторные характеристики имеют наибольшее количество значимых корреляций с показателями эмоциональных копинг-стратегий. Структура связей когнитивных копинг-стратегий с особенностями сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека четко проявляется у российских респондентов; у иностранных обучающихся значимые связи установлены только по двум показателям. Сформированность показателей осознанной саморегуляции, отвечающих за быструю реакцию в ситуациях изменения внешних и внутренних условий, способствует активному использованию адаптивных поведенческих копинг-стратегий – сотрудничества, альтруизма, конструктивной активности.

Литература

Банщикова Т. Н., Моросанова В. И. Роль осознанной саморегуляции в контроле агрессивности у педагогов // Мир в образовании – образование в мире. 2014. № 4. С. 112–123.

- Дикая Л. Г.* Психология функциональных состояний (в экстремальных условиях профессиональной деятельности): Монография. М., 2002.
- Леонова А. Б.* Стресс-резистентность и структурная организация процессов саморегуляции деятельности // Психология саморегуляции в XXI веке / Отв. ред. В. И. Моросанова. СПб.–М., 2011. С. 354–373.
- Леонтьев Д. А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 107–130.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М., 2004.
- Набиуллина Р. Р., Тухтарова И. В.* Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): Учебное пособие. Казань, 2003.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлёва, Е. А. Сергиенко. М., 2011.
- Brown S. P., Westbrook R. A., Challagalla G.* Good cope, bad cope: Adaptive and maladaptive coping strategies following a critical negative work event // *Journal of Applied Psychology*. 2005. №90. P. 782–798.
- Carver C. S., Scheier M. F.* On the structure of behavioral self-regulation // *Hand book of self-regulation* / Eds M. Boekaerts, P. R. Pintrich, M. Zeidner. San Diego: AcademicPress, 2000. P. 42–80.

Coping strategies in the structure of conscious self-regulation: cross-cultural characteristics

*T. N. Banshchikova**, *M. L. Sokolovsky*** (Stavropol)

* Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Head of Scientific-Educational Center of psychological support personal-professional development, North-Caucasus Federal University

** Candidate of psychological Sciences, leading researcher of Scientific-Educational Center of psychological support personal-professional development, North-Caucasus Federal University

The article presents the results of a study of the features of conscious self-regulation and coping strategies on a sample of 1482 respondents – Russian and foreign young people studying at a Russian university. The data of the comparative analysis of regulatory characteristics and repertoire of coping strategies are discussed. The revealed cross-cultural differences in the style characteristics of conscious self-regulation among Rus-

sian and foreign students are analyzed. The connection of the components of self-regulation with the used coping strategies is shown in the situation of adaptation to a new socio-cultural environment. The pattern of correlations of coping strategies with a regulatory profile of the style characteristics of self-regulation have significant differences in groups of foreign and Russian respondents.

Keywords: conscious self-regulation, coping strategies, foreign students, adaptation, cross-cultural features.

Паттерны движений глаз в процессе поиска на веб-страницах у рефлексивных и импульсивных испытуемых¹

И. В. Блишников, А. И. Измалкова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
лаборатории психологии труда факультета психологии МГУ
им. М. В. Ломоносова; e-mail: blinnikovamslu@hotmail.com*

*** научный сотрудник лаборатории психологии труда факультета
психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: mayoran@mail.ru*

В экспериментальном исследовании моделировался поиск на веб-страницах. Испытуемым, разделенным на импульсивных и рефлексивных с помощью теста «Сходных фигур» Дж. Кагана, предъявлялся целевой стимул, который нужно было найти в матрице, состоящей из 81 графического элемента. Всего каждый испытуемый выполнял 32 задачи поиска. Регистрировалось время поиска и показатели движений глаз с помощью установки SMI iView X RED 4. Результаты позволили выявить различия во времени поиска и отдельных параметрах движений глаз у рефлексивных и импульсивных испытуемых. Было также установлено, что коэффициент Голдберга–Котвела, устанавливающий соотношение между средней длительностью фиксации и саккад, значимо выше у рефлексивных испытуемых, что свидетельствует о том, что они тратят больше времени на извлечение информации и меньше – на перемещение в пространстве поиска. Были также выявлены характерные паттерны сканирования в процессе поиска. Для рефлексивных испытуемых характерно более планомерное сканирование слева–направо, в то время как для импульсивных испытуемых – более хаотичный поиск с резкой сменой направления движения глаз.

Ключевые слова: зрительный поиск, веб-страницы, движения глаз, когнитивные стили, импульсивность–рефлексивность.

1 Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00652.

Постановка проблемы

Проблема зрительного поиска с 1980-х годов является одной из важнейших в когнитивной психологии и когнитивной эргономике (Eckstein, 2011). Задача зрительного поиска является экологически валидной и состоит в обнаружении целевого объекта среди множества других. Зрительный поиск включает координацию процессов сканирования пространства (перемещения глаза в новую позицию) и извлечения искомой информации (различение целевых/нецелевых стимулов). Эти процессы дополняют друг друга: считывание информации происходит, когда глаз относительно неподвижен (периоды, называемые фиксациями), но для того, чтобы осуществить следующее считывание, глаз должен переместиться в новую область (быстрое скачкообразное движение, называемое саккадой: периоды фиксаций и саккад определяются с помощью аппарата регистрации движений глаз). В среднем цикл, включающий фиксацию и саккаду, повторяется 3–4 раза в секунду (Schütz, Braun, Gegenfurtner, 2011).

Возникло целое направление исследований, в рамках которого были сделаны попытки выделить стратегии поиска на основе показателей движений глаз (Eckstein, 2011; Pan et al., 2004). При этом в дополнение к основным мерам предпринимаются попытки выделить более сложные интегративные индексы, такие как соотношение длительности фиксаций и саккад (Goldberg, Kotval, 1999; Velichkovsky et al., 2005), с помощью которых выделяются этапы амбиентного и фокального зрения в процессе поиска. Анализ этого показателя помогает понять характер процессов извлечения информации. Другим комплексным показателем, актуальным для задачи визуального поиска, является межсаккадический угол (Amor et al., 2016). Любая саккада может быть представлена как вектор, а взаимодействие двух векторов может быть описано углом между ними. Величина этого угла соответствует направлению движений глаз. Этот индекс может дать целостное описание процесса поиска или, другими словами, описать характер пространственного сканирования.

В последние годы появился особый интерес к анализу зрительного поиска на веб-страницах (Blinnikova, Izmalkova, Semenova, 2016). В этих исследованиях большое внимание уделяется целям и контексту поиска, а также характеристикам субъекта поиска (Pan et al., 2004). В качестве таких характеристик могут рассматриваться те или иные способности, личностные черты, когнитивные стили (Bawden, 2006). В частности, неоднократно высказывалось предположение, что индекс импульсивности пользователей веб-сайтов влияет на стратегии поиска (Kinley et al., 2012).

Цель, процедура и методика исследования

В нашем исследовании мы постарались выделить стилевое своеобразие организации поиска графических элементов на веб-страницах.

Гипотеза исследования: предполагалось, что время поиска и параметры движений глаз различаются в зависимости от уровня импульсивности испытуемых.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 63 испытуемых с нормальным или скорректированным до нормального зрением; 41 женщина, 22 мужчины в возрасте 18–48 лет (средний возраст – 22 года 3 месяца).

В качестве *стимульного материала* выступили матрицы 9×9 (прямоугольной формы, размером 1466×954 пикселей), состоящие из изображений, используемых в качестве «иконок» на веб-сайтах (изображения были подобраны в интернет-базах) (рисунок 1) – всего 5128 изображений. Каждая матрица содержала 1 целевой стимул и 80 дистракторов. Целевой стимул размещался в одном из 8 квадрантов (центральный квадрант не использовался). Каждому испытуемому предъявлялись 32 матрицы.

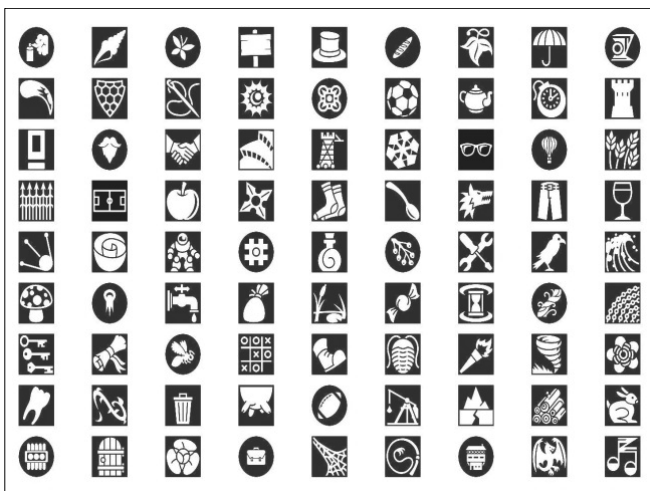

Рис. 1. Пример стимульной матрицы

Стимульный материал предъявлялся на экране компьютера, оснащенного аппаратом регистрации движений глаз SMiiViewXRED 4 – расстояние между монитором (19") и глазами испытуемого составляло 0,6–0,7 м.

Испытуемым давалась задача найти целевое изображение в матрице на основе заданного образца (предъявлявшегося на отдельном слайде перед матрицей на неограниченное время). Последовательность «образец–матрица» повторялась 32 раза (каждый раз с новым образцом и матрицей с новыми изображениями), таким образом, всего было записано 2016 проб (33 из которых были исключены в связи с плохим качеством калибровки аппарата регистрации движений глаз).

Регистрируемые показатели. Регистрировалось время поиска изображений и показатели движений глаз испытуемых.

Оценка стилевой характеристики «импульсивность–рефлексивность». До выполнения серии поисковых задач испытуемые проходили компьютеризированную версию теста «Сравнение сходных фигур» Кагана, направленного на оценку когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» (Kagan, 1966).

Определение паттернов движений глаз при поиске на основе межсаккадического угла и направлений саккад. Паттерн движений глаз при поиске определялся с помощью двух значений саккадических углов: межсаккадического угла (угла между двумя последующими саккадами) и угла относительно горизонтальной границы изображения. Саккадические углы рассчитывались на основе данных о координатах точек начала и конца каждой саккады, полученных в программе SMI BeGaze, по формуле, описанной в работах Амор, Райс, Кампос, Херманн и Андрэ (Amor et al., 2016) и Блинникова, Измалкова (Blinnikova, Izmalkova, 2017). Мы выделили 8 направлений саккад относительно горизонта изображения с 45-градусным интервалом (0–45° – направление «направо–вверх», 45–90° – «вверх–направо», 90–135° – «вверх–налево» и т. д.). Межсаккадические углы рассчитывались в пределах 0–180°.

Результаты исследования

Испытуемые были разделены на две группы на основе времени выполнения и количества совершенных ошибок в тесте «Сравнения сходных фигур»: «импульсивные» и «рефлексивные». Результаты продемонстрировали, что испытуемые с выраженной импульсивностью на 1,341 с быстрее осуществляли задачу поиска (таблица 1). Данный результат является предсказуемым, поскольку люди с рефлексивным когнитивным стилем решают задачи медленнее. Это свойство легло в основу первоначального выделения и описания данного когнитивного стиля.

Значимые различия в отдельных показателях движений глаз у «импульсивных» и «рефлексивных» испытуемых были обнаруже-

Таблица 1

Время поиска и отдельные показатели движений глаз, значительно различающиеся у испытуемых с разной степенью импульсивности

Время поиска (с)	Рефлективные	Импульсивные	F (2; 1983)	Уровень значимости
		12,758	11,417	5,087
Время, проведенное в области интереса (Dwelltime) (мс)	1847,467	1642,718	7,098	0,008
Средняя скорость саккад (°/с)	110,387	105,691	10,568	0,001

ны во времени пребывания (dwell time) на области интереса и средней скорости саккад (таблица 1). Более длительное пребывание рефлективных испытуемых в области интереса, которая обрамляет целевой стимул, также выглядит достаточно закономерным. Люди, обладающие выраженной рефлексивностью, медленнее и более тщательно анализируют информацию при сравнении ментального эталона и воспринимаемого элемента матрицы, как в случае нерелевантного, так и в случае релевантного (целевого) стимула.

Более интересным нам кажется результат, связанный со скоростью саккадического движения. Эта скорость выше у рефлективных испытуемых. Это свидетельствует о том, что рефлективные испытуемые медленнее извлекают информацию, но быстрее перемещаются к новой области информационного считывания.

Наличие таких данных заставило нас обратиться к анализу комплексных показателей движений глаз. Поисковое поведение импульсивных испытуемых характеризовалось более короткими фиксациями и более длительными саккадами, а у рефлективных, наоборот, регистрировались более длительные фиксации и короткие саккады. Однако различия в этих показателях были незначимы. Мы подсчитали коэффициент Голдберга–Котвала (Goldberg, Kotval, 1999), предписывающий соотношение средней длительности фиксаций и средней длительности саккад. Сравнив подгруппы испытуемых по данному коэффициенту, мы обнаружили значимые различия ($F(2; 1983)=7,149, p<0,01$). Это свидетельствует о том, что импульсивные и рефлективные испытуемые используют при поиске стратегии различающиеся по соотношению процессов извлечения информации и сканирования пространства.

Для определения паттернов движений глаз испытуемых при задаче поиска элементов изображения в интернет-среде был проведен кластерный анализ по всем пробам на основе показателей про-

Таблица 2
Результаты кластерного анализа

	Кластер 1 (370 проб) «Горизонтальный последователь- ный паттерн»	Кластер 2 (334 пробы) «Вертикальный последователь- ный паттерн»	Кластер 3 (544 пробы) «Хаотичный паттерн»
Средний % межсаккадических углов 0–45°	44,39	27,72	24,47
Средний % межсаккадических углов 45–90°	12,58	15,60	24,72
Средний % межсаккадических углов 90–135°	13,37	17,76	22,20
Средний % межсаккадических углов 135–180°	24,80	24,13	22,96
Средний % направления «направо–вверх» (0–45°)	20,08	8,09	13,11
Средний % направления «вверх–направо» (45–90°)	4,29	14,96	9,84
Средний % направления «вверх–налево» (90–135°)	5,11	13,80	11,11
Средний % направления «налево–вверх» (135–180°)	18,06	8,17	15,68
Средний % направления «налево–вниз» (180–225°)	20,56	7,15	15,35
Средний % направления «вниз–налево» (225–270°)	5,83	16,40	9,32
Средний % направления «вниз–направо» (270–315°)	5,27	13,96	9,39
Средний % направления «направо–вниз» (315–360°)	18,6	12,31	13,2

центного соотношения саккадических углов с разной величиной в каждой пробе. Данные кластерного анализа приведены в таблице 2.

Таким образом, на основе кластерного анализа можно выделить три паттерна движений глаз со следующими характеристиками:

- 1) преимущественно горизонтальные направления («направо–вверх», «направо–вниз», «налево–вверх», «налево–вниз»), преобладающий небольшой угол между саккадами, отражающий незначительную смену направления (0–45°) и значительное количество «возвратных» углов (135–180°);
- 2) преимущественно вертикальные направления («вверх–направо», «вверх–налево», «вниз–направо», «вниз–налево»), при этом межсаккадические углы также преимущественно составляли 0–45° и 135–180°;

- 3) более равномерное соотношение саккадических углов разных направлений с небольшим преобладанием горизонтально ориентированных саккад.

Паттерны были названы «Горизонтальный последовательный паттерн» (кластер 1), «Вертикальный последовательный паттерн» (кластер 2) и «Хаотичный паттерн» (кластер 3).

Коэффициент сопряженности между испытуемыми и паттернами движений глаз составил 0,61 ($p < 0,05$), что свидетельствует об относительно устойчивом характере использования паттернов.

У испытуемых с низким индексом импульсивности наблюдался преимущественно «Горизонтальный последовательный паттерн» по сравнению с испытуемыми с высоким уровнем импульсивности ($F(4;1248) = 4,7$, $p < 0,05$), т. е. более «рефлективные» испытуемые просматривали матрицу слева направо и сверху вниз, в то время как более «импульсивные» испытуемые осматривали матрицу в разных направлениях.

Заключение

Было обнаружено влияние когнитивного стиля «импульсивность – рефлексивность» испытуемых на процесс зрительного поиска. Более импульсивные испытуемые демонстрировали меньшее время поиска и быстрее идентифицировали целевой стимул по сравнению с испытуемыми с выраженной рефлексивностью. Было также показано, что соотношение длительности фиксации к длительности саккад так же, как и скорость саккад, выше у рефлексивных испытуемых. Это свидетельствует о том, что рефлексивные испытуемые в большей степени задействуют механизмы фокального зрения, проявляющиеся в более медленном извлечении информации и более организованном сканировании поискового пространства за счет коротких, но быстрых перемещений между областями поиска. Импульсивные испытуемые меньше времени затрачивают на извлечение информации; их поиск характеризуется более «размашистыми» сканирующими движениями глаз. Различия в характере сканирования были получены при вычислении смены направления и угла между двумя саккадами. Были описаны паттерны движений глаз, характерные для испытуемых с разной выраженностью импульсивности. Для рефлексивных испытуемых характерно более планомерное сканирование стимульной матрицы слева–направо и сверху–вниз, тогда как для импульсивных испытуемых характерен более

хаотичный поиск с более резкими сменами направления движений глаз. Полученные данные согласуются с предыдущими исследованиями в области визуального поиска и когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» и могут быть использованы при разработке интерфейсов поисковых систем.

Литература

- Amor T. A., Reis S., Campos D., Herrmann H. J., Andrade J. S.* Persistence in eye movement during visual search // *Scientific Reports*. 2016. V. 6. P. 1–12.
- Bawden D.* Users, user studies and human information behavior // *Journal of Documentation*. 2006. V. 62 (6). P. 671–679.
- Blinnikova I., Izmalkova A., Semenova M.* The factors of effectiveness and the organization of the search of elements within a graphic interface // *International Journal Information Content and Processing*. 2016. V. 3 (2). P. 160–174.
- Eckstein M. P.* Visual search: a retrospective // *Journal of Vision*. 2011. V. 11 (5). P. 1–36.
- Goldberg J. H., Kotval X. P.* Computer interface evaluation using eye movements: Methods and constructs // *International Journal of Industrial Ergonomics*. 1999. V. 24 (6). P. 631–645.
- Kagan J.* Reflection–impulsivity: the generality and dynamics of conceptual tempo // *Journal of abnormal psychology*. 1966. V. 71 (1). P. 17–24.
- Kinley K., Tjondronegoro D. W., Partridge H. L., Edwards S. L.* Human–computer interaction: the impact of users’ cognitive styles on query reformulation behavior during web searching // *Proceedings of Australasian Conference on Computer–Human Interaction (OZCHI 2012)*. P. 299–307.
- Netzel R., Ohlhausen B., Kurzhals K., Woods R., Burch M., Weiskopf D.* User performance and reading strategies for metro maps: an eye tracking study // *Spatial Cognition & Computation*. 2017. V. 17 (1–2). P. 39–64.
- Pan B., Hembrooke H. A., Gay G. K., Granka L. A., Feusner M. K., Newman J. K.* The determinants of web page viewing behavior: an eye-tracking study // *Proceedings of the 2004 Symposium on Eye Tracking Research and Applications*. 2004. P. 147–154.
- Schütz A. C., Braun D. I., Gegenfurtner K. R.* Eye movements and perception: A selective review // *Journal of Vision*. 2011. V. 11 (5). P. 1–30.
- Velichkovsky B. M., Joos M., Helmert J. R., Pannasch S.* Two visual systems and their eye movements: evidence from static and dynamic scene perception // *Proceedings of the XXVII Conference of the Cognitive Science Society*. 2005. P. 2283–2288.

Eye movement patterns of Web-search in reflective and impulsive subjects

I. V. Blinnikova, A. I. Izmailkova** (Moscow)*

* Candidate of psychological sciences, associate professor, senior research officer of Laboratory of work psychology at the Department of psychology, Lomonosov state University

** Research officer of Laboratory of work psychology at the Department of psychology, Lomonosov state University

In the current study visual search on Web-pages was modelled. Subjects, divided into “impulsive” and “reflective” groups based on their MFFT score, were demonstrated a template image, which they had to find in a 9×9 graphic elements matrix. Each subject performed 32 trials. Search time and eye movements were recorded (with SMI iView X RED 4 eye tracker). The obtained results enabled identifying distinctions in search time and eye movement characteristics in impulsive and reflective subjects. It was also demonstrated that Goldberg–Kotval coefficient (fixation and saccade duration ratio) was higher in reflective subjects, which indicates that they spend more time eliciting information and less time scanning during search. We also distinguished specific eye movement patterns of visual search. Reflective subjects demonstrated left-right scanning, while impulsive subjects tended to perform more “chaotic” search with abrupt change of eye movement direction.

Keywords: visual search, Web pages, eye movements, cognitive styles, impulsive, reflective.

Операциональная процедура получения вербализаций при сравнении сложных объектов¹

*И. В. Богданова**, *В. Н. Носуленко***, *Е. С. Самойленко**** (Москва)

** младший научный сотрудник*

Института экспериментальной психологии

Московского Государственного психолого-педагогического Университета;

e-mail: irina4.bogdanova@gmail.com

*** доктор психологических наук, главный научный сотрудник*

Института психологии РАН;

e-mail: valery.nosulenko@ipras.com

**** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник*

Института психологии РАН;

e-mail: elena.samoylenko@ipras.com

В статье представлен новый метод получения вербализаций в задаче выявления составляющих воспринимаемого качества сложных объектов при их сравнении. Вместо свободного описания всех характеристик, определяющих для участника различия в сравниваемых объектах, им предлагалось сформулировать только 3 самых важных характеристики этого различия. Процедура получения вербализаций также была упрощена: участники давали свои ответы не вслух, а писали текст в соответствующих окнах на компьютере. Проверка эффективности и надежности процедуры осуществлялась в экспериментах на сравнение качества звучания музыкальных фрагментов, различающихся способом кодирования записи. Даны результаты построения вербальных портретов сравниваемых звуков, которые оказались сходными с результатами, полученными с помощью процедуры свободной вербализации.

Ключевые слова: воспринимаемое качество, вербализация, сравнение, метод.

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания, проект ФАНО №0159-2017-0004.

Введение

Одним из итогов разработки программы «Познание и общение», инициированной в начале 1980-х годов Б. Ф. Ломовым (Ломов, 1984), явилась исследовательская парадигма воспринимаемого качества, направленная на оценку событий естественной среды с точки зрения отношения людей к этим событиям (Носуленко, 2007). Для раскрытия содержания воспринимаемого качества разработан метод поэтапного анализа вербализаций, продуцируемых человеком в общении при характеристике и сравнении воспринимаемых объектов или событий, а также многочисленные процедуры, позволяющие учитывать невербальное поведение людей и включенность контекста. Было показано, что необходимым элементом коммуникативной ситуации и одним из главных условий получения репрезентативных данных для изучения когнитивных процессов является вербальное сравнение (Носуленко, Самойленко, 2012; Самойленко, 2010; Nosulenko, Samoylenko, 1997).

В качестве единиц анализа вербальных данных, полученных в коммуникативной ситуации, используются вербальные единицы, независимым образом отражающие в высказывании отдельные аспекты или целостные сущности воспринимаемых событий. Предварительно выделенные вербальные единицы рассматриваются с точки зрения трех отношений: логического, предметного и семантического (Самойленко, 2010). Оценка представленности тех или иных категорий вербальных единиц в соответствии с внешне наблюдаемыми параметрами воспринимаемых событий и характеристиками коммуникативной ситуации позволяет строить для этих событий так называемые «вербальные портреты», в которых представлена иерархия выделенных в анализе составляющих воспринимаемого качества: свойства событий, характеристики переживаемых человеком состояний, выполняемых им действий и т. д. Вербальный портрет является эмпирическим референтом воспринимаемого качества и визуализирует результат «измерения» субъективно значимых характеристик события, изучаемого в коммуникативной ситуации.

Разработанный метод обеспечивает количественный анализ вербальных данных: каждая вербальная единица представляет собой отдельный элемент измерения, к которому могут быть применены стандартные статистические процедуры. Для анализа вербального материала, получаемого в коммуникативных ситуациях, и для установления его соответствия с другими наблюдаемыми характеристиками разработаны специальные процедуры индексирования и открытого кодирования данных (Носуленко, 2007; Самойленко, 2010).

Экспериментальные и прикладные исследования, в которых применялся указанный метод, показали его высокую эффективность и надежность для решения самых разнообразных задач (Носуленко, Самойленко, 2012; Lahlou, Nosulenko, Samoilenko, 2012; Nosulenko, Samoilenko, 2001). Процедуры свободной вербализации позволяют человеку самому выделить основные особенности события без навязанной исследователем гипотезы о направлениях анализа, когда нельзя с определенностью утверждать, что сделанный исследователем выбор дескрипторов соответствует содержанию формируемого при восприятии события образу. Но процедуры свободной вербализации существенно более трудоемки, по сравнению с техникой оценки, например, по заданным семантическим шкалам. Они требуют больше времени для сбора данных и высокой квалификации экспертов, осуществляющих анализ. Это может стать ограничением для практического применения свободных вербализаций. Поэтому нами была поставлена задача разработки операциональной процедуры получения вербальных данных для выявления составляющих воспринимаемого качества.

На возможность решения такой задачи указывали результаты цикла наших исследований по проверке адекватности вербальных портретов, построенных с помощью метода поэтапного анализа вербализаций, продуцированных людьми в экспериментах по восприятию сложных акустических событий (звуки закрывающихся автомобильных дверей). Для достижения этой цели было организовано несколько экспериментов (Носуленко, Самойленко, 2013; Nosulenko, Parizet, Samoilenko, 2014). Вначале были получены вербализации для построения типовых дескрипторов для каждого акустического события. Затем количество дескрипторов было сокращено таким образом, чтобы оставались только наиболее значимые. Эти дескрипторы были объединены для каждого акустического события в вербальных портретах. И наконец, полученные вербальные портреты были предложены слушателям для определения их соответствия описанным акустическим событиям. Т. е. речь шла о передаче содержания воспринимаемого качества звука, сформированного у одной группы участников (в эксперименте по сравнению и свободному описанию акустических событий), другой группе участников (в эксперименте по идентификации акустических событий). Результаты показали, что дескрипторы шумов, выработанные в одной группе участников, позволяют другим участникам эти шумы идентифицировать. Для этого оказалось достаточно наличие ограниченного числа дескрипторов, иногда одного.

Процедура и методика исследования

Опираясь на результаты, описанные выше, мы попытались упростить задачу анализа вербализаций, частично распределив ее между исследователем и участником исследования на этапе оценки значимости вербального признака. Для этого была модифицирована инструкция участникам: вместо задачи свободного описания всех характеристик, определяющих для участника необходимость выявления различия в сравниваемых звуках, им предлагалось сформулировать только 3 самых важных характеристики этого различия. Процедура получения вербализаций также была упрощена: участники давали свои ответы не вслух, а писали текст в соответствующих окнах на компьютере.

С учетом этих модификаций мы повторили эксперименты по сравнению качества звучания музыкальных фрагментов, различающихся способом кодирования записи (Носуленко, Старикова, 2009).

В экспериментах участники прослушивали музыкальные фрагменты, каждый из которых был закодирован двумя способами: WAVE и mp3. Для эксперимента использовался набор из шести музыкальных фрагментов, условно разделенных на «натуральные» и «искусственные» звучания. Пары звуковых фрагментов записывалось двумя способами, отличающимися порядком следования звучания WAVE и звучания mp3. Это позволило составить экспериментальную программу, исключая влияние порядка предъявления тестовых звуков. В процессе эксперимента участникам предъявлялось 14 пар музыкальных фрагментов, две первые из которых были тренировочными.

Всего в эксперименте участвовало 37 слушателей: 30 женщин и 7 мужчин в возрасте от 18 до 58 лет (средний возраст – 23 года).

В результате поэтапного анализа вербальных данных, полученных от участников, определялись дескрипторы, характеризующие значимые различия между сравниваемыми фрагментами и строились вербальные портреты для каждого из фрагментов.

Результаты исследования

По результатам анализа вербализаций всех участников были выделены 15 групп вербальных единиц, обозначенные следующими дескрипторами:

- дескриптор «высота» (шкала «высокий–низкий»);
- дескриптор «глубина» (шкала «глубокий–поверхностный»);
- дескриптор «громкость» (шкала «громкий–тихий»);

- дескриптор «детализация» (шкала «детализированный–без деталей»);
- дескриптор «динамичность» (шкала «динамичный–спокойный»);
- дескриптор «звонкость» (шкала «звонкий–глухой»);
- дескриптор «качество» (шкала «качественный–некачественный»);
- дескриптор «насыщенность» (шкала «насыщенный–ненасыщенный»);
- дескриптор «естественность» (шкала «естественный–искусственный»);
- дескриптор «приятность» (шкала «приятный–неприятный»);
- дескриптор «пространственность» (шкала «объемный–плоский»);
- дескриптор «резкость» (шкала «резкий–мягкий»);
- дескриптор «четкость» (шкала «четкий–нечеткий»);
- дескриптор «чистота» (шкала «чистый–грязный»);
- дескриптор «яркость» (шкала «яркий–тусклый»).

Каждый дескриптор объединяет суждения разной направленности, относящиеся к данной категории. Например, в категорию «четкость» входят вербальные единицы, характеризующие звучание как «четкое», и вербальные единицы, отражающие восприятие звучания как «нечеткое».

В целом, обозначение качественных характеристик по данным этого эксперимента оказалось сходным с результатами анализа свободных вербализаций, продуцированных участниками устно (Носуленко, Старикова, 2009). Различие касается, прежде всего, характеристики «пространственность», которая объединила характеристики «объемность», «эхо» и «разнесенность», значимо дифференцируемые в свободных вербализациях. Кроме того, вербальные единицы, относящиеся раньше к категории «в живую», были включены в группу «естественность».

Статистическая обработка представленности выделенных дескрипторов позволяет строить «вербальные портреты» для каждого акустического события (подробнее о построении «вербальных портретов» см.: Носуленко, 2007). Как было показано в наших работах, построение «вербального портрета» можно рассматривать как процедуру «измерения» составляющих воспринимаемого качества, позволяющую количественно сравнивать их присутствие в характеристике разных событий.

В таблице 1 даны «вербальные портреты» звуков, записанных в формате WAVE и «вербальные портреты» звуков, закодированных

в формате mp3. Представлены объединенные данные для всех шести типов музыкальных отрывков. Все дескрипторы показаны в порядке убывания их представленности в описаниях 37 участников. Рядом с каждым дескриптором отмечен уровень его значимости (различие между количеством полярных суждений по соответствующей шкале; использовался непараметрический критерий Манна–Уитни Rank Sum Test).

Из таблицы можно видеть, что в «вербальных портретах» четко дифференцируются сравниваемые события. Показатели значимости сопоставимы с показателями, получаемыми в процедурах свободной вербализации (Носуленко, 2007; Носуленко, Старикова, 2009). Понятно, что более глубокий анализ позволит уточнить распределение характеристик в зависимости от типа музыкального фрагмента, от индивидуальных особенностей участников и т. д.

Таблица 1
Вербальные портреты музыкальных фрагментов,
записанных в разных форматах

		<i>Формат mp3</i>	
<i>Дескриптор</i>	<i>Значимость (p)</i>	<i>Дескриптор</i>	<i>Значимость (p)</i>
Звонкий	<0,001	глухой	<0,001
Четкий	<0,001	грязный	<0,005
Чистый	<0,001	нечеткий	<0,001
Яркий	<0,005	без деталей	<0,005
Детализированный	<0,005	тусклый	<0,005
Громкий	<0,001	тихий	<0,005
Резкий	<0,01	низкий	0,028
Высокий	0,016	плоский	<0,01
Объемный	<0,005	мягкий	<0,01
Качественный	<0,001	некачественный	<0,005
Насыщенный	<0,005	спокойный	n.s.
Динамичный	n.s.	поверхностный	n.s.
Глубокий	n.s.	естественный	n.s.
Искусственный	n.s.	ненасыщенный	n.s.
Приятный	n.s.	неприятный	n.s.

Заключение

Парадигма воспринимаемого качества обеспечивает количественно-качественный анализ таких наблюдаемых ситуаций, для которых обычно было применимо только качественное рассмотрение. Новая процедура получения вербального материала для раскрытия составляющих воспринимаемого качества сложного акустического события оказалась вполне операциональной для применения в экспериментальных исследованиях. Она позволяет получать данные достаточно высокой надежности о составляющих воспринимаемого качества сравниваемых акустических событий. При этом существенно сокращается трудоемкость проведения экспериментов и обработки данных. Прежде всего, это касается возможности автоматизировать сам процесс формирования базы вербальных единиц и их статистической обработки.

Конечно, предлагаемая операционализация метода не может заменить полностью достоинства свободной вербализации как спонтанного речевого сопровождения возникающих при восприятии впечатлений. Только в этих условиях исследователю доступен богатейший невербальный материал, скрытый, как в форме продуцируемой речи, так и в самом поведении участника. Однако возможность ускорения процесса получения данных может оказаться востребованной в полевых условиях и при проведении массовых обследований.

Литература

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Носуленко В. Н. Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М., 2007.
- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С. «Познание и общение»: системная исследовательская парадигма // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 5–16.
- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С. Реконструкция воспринимаемого качества акустического события по его вербальным описаниям // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 3. С. 74–82.
- Носуленко В. Н., Старикова И. В. Сравнение качества звучания музыкальных фрагментов, различающихся способом кодирования записи // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 19–34.
- Самойленко Е. С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М., 2010.

- Lahlou S., Nosulenko V., Samoylenko E.* Numériser le travail. Théories, méthodes, expérimentations. Paris, 2012.
- Nosulenko V., Parizet E., Samoylenko E.* Identification des bruits des portes des véhicules selon leurs portraits verbaux // CFA 2014, Poitiers. 2014. P. 651–657.
- Nosulenko V., Samoylenko E.* Approche systémique de l'analyse des verbalisations dans le cadre de l'étude des processus perceptifs et cognitifs // *Social Science Information*. 1997. V. 36. N° 2. P. 223–261.
- Nosulenko V., Samoylenko E.* Evaluation de la qualité perçue des produits et services: approche interdisciplinaire // *International Journal of Design and Innovation Research*. 2001. V. 2. N° 2. P. 35–60.

The operational procedure for obtaining verbalizations when comparing complex objects

*I. V. Bogdanova**, *V. N. Nosulenko***, *E. S. Samoylenko**** (Moscow)

* Junior research officer of Institute of experimental psychology, Moscow city psychological-pedagogical University

** Doctor of psychological sciences, chief scientific officer of Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of psychological sciences, leading researcher of Institute of psychology of RAS

The article presents a new method for obtaining verbalizations in the problem of identifying components of perceived quality of complex objects when they are compared. Instead of freely describing all the characteristics that determine the differences in compared objects, the participants were asked to formulate only the 3 most important characteristics of this difference. The procedure for obtaining verbalizations was also simplified: the participants gave their answers not aloud, but wrote the text in the corresponding windows on the computer. The efficiency and reliability of the procedure were tested in experiments to compare the sound quality of musical fragments, which differ in the way of encoding. The results of constructing verbal portraits of compared sounds are given, which turned out to be like the results obtained with the procedure of free verbalization.

Keywords: perceived quality, verbalization, comparison, method.

Роль вида обратной связи в саморегуляции достижения целей: рассогласование или скорость¹

И. Н. Бондаренко, В. И. Моросанова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии саморегуляции, Психологический институт
Российской академии образования; e-mail: pondi@inbox.ru*

*** доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор, зав.
лабораторией психологии саморегуляции поведения, Психологический
институт Российской академии образования; e-mail: morosanova@mail.ru*

В статье исследуется проблема использования специально организованной обратной связи с целью достижения максимальных результатов при выполнении экспериментальных заданий. Изучались два типа обратной связи (о рассогласовании и скорости). Выполнено сравнение динамики результативности в группах с различными стратегиями достижения цели и с различным общим уровнем саморегуляции. Использовалась компьютерная методика с игровыми экспериментальными заданиями «Диагностика ситуационной специфики саморегуляции (DSSSR)» и многошкальный опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М». Полученные результаты (N=103), позволяют утверждать, что специально организованная обратная связь позволила всем испытуемым улучшить свои результаты. Однако обратная связь о рассогласовании значительно улучшила результаты выполнения экспериментальных заданий только у учащихся, выбравших стратегию точности. Испытуемые, предпочитающие стратегию скорости, существенно не улучшили свои результаты. Эта тенденция особенно выражена у студентов с низкой саморегуляцией.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 15-06-10855а «Саморегуляция, самоэффективность и мотивационно-эмоциональное отношение в экспериментальных ситуациях достижения целей».

Ключевые слова: осознанная саморегуляция; обратная связь; скорость рассогласование; достижение учебных целей.

Постановка проблемы

С тех пор как отечественные и зарубежные исследователями показали, что саморегуляция (СР) является одним из ведущих факторов академической успешности (М. Voekaerts, P. R. Pintrich, M. Zeidner; A. Diseth, T. Kobbeltvedt; A. J. Elliot, H. A. McGregor; E. DeGroot; B. Zimmerman, D. H. Schunk; В. И. Моросанова, Н. Ф. Круглова, Т. В. Корнилова, Т. Г. Фомина, И. Ю. Цыганов, Е. В. Филиппова), большинство исследований в этой области сосредоточилось на выявлении когнитивных и некогнитивных предикторов этой успешности и оценке опосредствующей роли СР в достижении учебных целей (В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина, И. Н. Бондаренко, И. Ю. Цыганов, Е. В. Филиппова, М. Л. Ованесбекова). Мы определяем СР учебной деятельности как систему осознанной самоорганизации психической активности по постановке учебных целей и достижению результатов, соответствующих этим целям. Индивидуальная СР учащегося может быть охарактеризована профилем СР, включающим показатели развития когнитивных функциональных процессов (планирование, моделирование значимых для достижения цели условий, программирование, оценка результатов) и регуляторно-личностных свойств (гибкость, самостоятельность, ответственность, надежность) (Моросанова, 2010).

Наиболее общее определение СР предложили К. Карвер и М. Шейер: СР – это разворачивающийся во времени процесс постановки целей и их достижения посредством механизма обратной связи (Carver, Scheier, 1998). Таким образом, обратная связь играет ведущую роль в процессе достижения целей (Erez, 1977; Neubert, 1998; Locke, Latham, 2002), в том числе и учебных (Конопкин, 2004; Butler, Winne, 1995; Pekrun, 2002; Hattie, Timperley, 2007; Моросанова, 2010; Моросанова, Бондаренко, 2016). Подчеркивая значимость блока «оценки результатов деятельности», О. А. Конопкин писал, что два звена («информация о достигаемых результатах» и «система субъективно принятых критериев успешности деятельности») объединяются в функциональном блоке «оценки результатов деятельности». «Важность этого блока проявляется в том, что собственно достижение цели возможно только потому, что субъект может внести дополнительные коррективы в функциональный блок программирования на основе оценки результатов деятельности. Более того, именно оценка субъектом результатов деятельности делает его

деятельность не только „целенаправленной“, но и „целедостигающей“» (Конопкин, 1980, с. 219).

В отличие от трудовой деятельности, где обратную связь о достигнутых результатах профессионал может получить непосредственно (больной человек выздоравливает, сломанный прибор начинает работать), в учебной деятельности эта связь оказывается опосредствованной и часто неопределенной. Факторный анализ пунктов известного многофакторного опросника ССУДМ («Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М Экспресс» (Моросанова, Бондаренко, 2015) показал, что мнение или поведение преподавателя играет ведущую роль в процессе оценки учениками степени рассогласования достигнутой и желаемой цели. Например, если пункты «Если приходит новый преподаватель, с трудом привыкаю к его требованиям» и «С трудом перестраиваюсь, если у преподавателя оказываются более высокие, чем я ожидал, требования» входят в фактор «Оценка результатов» с нагрузкой 0,531 и 0,460 соответственно, то пункт «Завершив письменную работу, часто забываю проверить ошибки» – лишь с нагрузкой 0,298.

Настоящее исследование проводилось с целью определения типа *непосредственной* обратной связи, являющейся информативной для учащихся и способствующей достижению учебных целей.

Исследователи выделяют несколько типов обратной связи о процессе достижения цели (Carver, Scheier, 1998; Johnson, Howe, Chang, 2013; Jonson et al., 2006): обратная связь о расхождении текущего достигнутого и запланированного результатов (*рассогласование*) и обратная связь о скорости уменьшения этого расхождения (*скорость*). Описана обратная связь, специфичная для учебной деятельности: непосредственное исправление неправильных ответов (*input-providing*), замечания, которые побуждают учащихся самостоятельно исправлять неверный ответ (*output-pushing*) (Ellis, 2006), и обратная связь о процессе обучения, которая показывает, что ученик сделал хорошо, что ему нужно улучшить и как это сделать (Hattie, Timperley, 2007). Также важно, является ли эта обратная связь позитивной или негативной (Леонова, Блинникова, Капица, 2013). Обратная связь способствует повышению академической успешности, поддерживает учебную мотивацию (Wigfield, Klauda, Cambria, 2011) и саморегуляцию (Zimmerman, Schunk, 2001) (об этом см.: Моросанова, Бондаренко, 2016).

Измеряя общий уровень осознанной СР, В. И. Моросанова и И. Н. Бондаренко показали, что учащиеся с высоким уровнем СР, как правило, выбирают цель выполнения задания без ошибок (минимизация рассогласования). Они медленно и тщательно изучают

инструкции, учитывают возможные трудности и способы их преодоления. Такое поведение свидетельствует о развитой СР и способности оперировать наглядно-образными или абстрактными представлениями, связанными с достижением цели (Моросанова, Бондаренко, 2016). О. А. Конопкин рассматривал эту способность как важный признак развитой общей способности к СР (Конопкин, 2004). Мияки определяет ее в качестве экспериментального показателя регуляторной функции поведения – планирования (Miyake et al., 2000). Мы обнаружили, что студенты различаются по выбираемой стратегии достижения цели: одни предпочитают быстрое получение результата (стратегия скорости), другие – делать как можно меньше ошибок (уменьшение рассогласования).

Организация и методики экспериментального исследования

В качестве *гипотезы* мы предположили, что обратная связь о рассогласовании значимо улучшает результаты выполнения экспериментальных заданий у учащихся с высоким уровнем СР и предпочтением стратегии точности. В случае если учащиеся предпочитают стратегию скорости, то предоставление им обратной связи о рассогласовании, значимо их результаты не улучшит.

Методики исследования

Для проверки этой гипотезы мы использовали компьютерную методику с игровыми экспериментальными заданиями «Диагностика ситуационной специфики саморегуляции (DSSSR)». Экспериментальные задания ДСССР, с одной стороны, моделируют ситуации, схожие с учебными, с другой – отвечают требованиям новизны и нетипичности, различаются по сложности, значимости и обратной связи, предоставляют возможность получения информации о достижениях и неудачах учащихся. Учащиеся получали два вида обратной связи: непосредственную информацию о текущих результатах выполнения заданий и оценку ответов на вопросы о понимании и запоминании инструкций (обратная связь по типу «input-providing») (Моросанова, Бондаренко, 2016). Таким образом, данная методика использовалась для оценки динамики успешности выполнения экспериментальных заданий в зависимости от стилевых особенностей СР в ситуациях с различной обратной связью и значимостью, выявления устойчивости СР и развитости внутреннего плана взаимодействия с действительностью.

Наряду с этим, использовался многошкальный опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (Моросанова, Бондаренко, 2015). 9 шкал опросника (Планирование, Моделирование, Программирование, Оценка результатов, Самостоятельность, Гибкость, Ответственность, Надежность, Социальная желательность) позволяли оценить общий уровень развития осознанной СР учебной деятельности и регуляторный профиль развития ее процессов и регуляторно-личностных свойств.

Выборку исследования составили учащиеся 12–15 лет двух московских общеобразовательных школ (N=130).

Результаты исследования

Для изучения роли обратной связи в СР выполнения экспериментальных заданий были выделены две группы учащихся: с высоким ($M=33,6$, $p=36$) и низким уровнем СР ($M=16,4$, $p=24$). Каждую из этих групп мы разделили еще на две подгруппы – со стратегией уменьшения рассогласования и стратегией скорости, после чего сравнили результаты учащихся. Выборка учащихся со стратегией уменьшения рассогласования состояла из 19 учащихся с высокой СР и 14 – с низкой СР. Выборка учащихся со стратегией скорости состояла из 17 человек с высокой СР и 10 – с низкой. В таблицах 1 и 2 показаны результаты выполнения экспериментальных заданий. Мы

Таблица 1

Сравнение результатов ДСССР у учащихся, различающихся по предпочитаемым стратегиям, с высоким общим уровнем саморегуляции ($M=33,6$), с минимальной обратной связью (результат 1) и специально организованной обратной связью (результат 2)

Стратегия	Результат 1							Результат 2						
	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
Рассогласование	2,6	2,36	1725	11,8	38	1810	3842	1,27	1,6	1862	7,06	39	1999	3954
Скорость	35,8	0,50	1644	27,2	77	1767	3421	4	2,35	1687	5,5	104	1814	3514

Примечание: 1 – количество ошибок в задании Мемори, 2 – время изучения инструкций к заданию «Мемори» (с), 3 – общее количество баллов за задание «Мемори», 4 – время начала использования клавиши «пробел» (визуальное ориентирование) (с), 5 – сколько раз использовали клавишу «пробел», 6 – общее количество баллов за задание «Мореход», 7 – общее количество баллов за все задания в двух испытаниях.

сравнили результаты выполнения двух различающихся по сложности заданий «Мемори» и «Мореход» в двух испытаниях: с минимальной обратной связью о достигнутых промежуточных результатах (результат 1) и с обратной связью, которая позволяет выявить и исправить забывание или неверное понимание инструкций (результат 2). Кроме того, таблицы содержат ряд показателей, которые имеют важное значение для достижения высоких результатов: время изучения инструкций, ошибки использования клавиш, использование клавиши «пробел» для управления кораблем. Сравнительный анализ средних значений по критерию Манна–Уитни показал значимые различия по большинству из этих показателей.

Результаты подтвердили гипотезу о том, что учащиеся с высоким уровнем СР и стратегией минимизации рассогласования значимо улучшили результаты выполнения заданий при предоставлении им специально организованной обратной связи. Учащиеся, предпочитающие быстрое достижение цели, также улучшили свои результаты, но незначимо. Эта незначимость является результатом малого времени изучения инструкций и, как следствие, увеличения количества ошибок. Эти учащиеся позже обнаруживают надежный способ успешного выполнения задания «Мореход», по сравнению с учащимися со стратегией рассогласования (27,2 и 11 с). Однако во втором испытании (результат 2) они уже интенсивно использовали эту возможность (104 против 39). Для учащихся с низким об-

Таблица 2

Сравнение результатов ДСССР у учащихся, различающихся по предпочитаемым стратегиям, с низким общим уровнем саморегуляции (M=16,4), с минимальной обратной связью (результат 1) и специально организованной обратной связью (результат 2)

Стратегия	Результат 1							Результат 2						
	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
Рассогласование	2,53	1,88	1797	11,5	23	1744	3804	1,14	1,65	1851	8,4	26	1957	3850
Скорость	28,6	0,30	1611	44,3	101	1716	3357	1	2,5	1727	5,2	47	1778	3328

Примечание: 1 – количество ошибок в задании «Мемори», 2 – время изучения инструкций к заданию «Мемори» (с), 3 – общее количество баллов за задание «Мемори», 4 – время начала использования клавиши «пробел» (визуальное ориентирование) (с), 5 – сколько раз использовали клавишу «пробел», 6 – общее количество баллов за задание «Мореход», 7 – общее количество баллов за все задания в двух испытаниях.

щим уровнем СР были выявлены аналогичные закономерности (таблица 2). Наименее успешной при выполнении всех заданий во всех испытаниях оказалась группа с предпочтением стратегии скорости. Они не читают инструкции и совершают большое количество ошибок. Даже обнаружив надежный способ быстрого достижения цели, они не используют его во втором испытании, а как будто его забывают.

Анализ результатов исследования показал, что обратная связь о рассогласовании не является информативной для учащихся со стратегией скорости и, как следствие, не способствует значимому улучшению их результатов.

Обсуждение результатов

Недостаточное понимание того, как два типа обратной связи (о рассогласовании и о скорости) влияют на результаты выполнения учащимися экспериментальных заданий, определило цель данного исследования. Большинство исследователей определяют обратную связь в учебной деятельности как информацию, позволяющую учащемуся подтверждать, дополнять, корректировать, регулировать, реструктурировать уже имеющиеся у него данные (Butler, Winne, 1995). Очевидно, что исследователи имеют в виду, прежде всего обратную связь о рассогласовании. В этом случае теряются преимущества, которые предоставляет обратная связь о скорости достижения цели: позитивный и негативный аффект (Carver, Scheier, 1998), облечение взаимодействия между разными уровнями иерархии цели (Johnson et al., 2006).

Результаты настоящего исследования подтвердили ранее сделанные выводы о том, что чем выше общий уровень СР и гармоничнее профиль, тем дольше учащиеся читают инструкции, делают меньше неточных ходов. У них формируется внутреннее представление о решаемых экспериментальных заданиях, что позволяет находить способы выполнять задание хорошо и быстро.

Показано, что существуют различия в результативности студентов с высокой и низкой СР. Эти различия можно объяснить вышеперечисленными причинами. Кроме того, существуют также различия в динамике улучшения результатов при повторном выполнении экспериментальных заданий с дополненной специально организованной обратной связью о точности запоминания и правильности понимания инструкций. У учащихся с предпочтением стратегии уменьшения рассогласования (независимо от уровня СР) успешность увеличивается значимо. У студентов со стратегией скорости

успешность растет незначительно. В наибольшей степени это касается учащихся с низкой СР. Можно сделать вывод, что стратегия скорости недооценивается, а иногда и обесценивается в учебной деятельности («Поспешишь – людей насмешишь»). Это приводит к тому, что некоторые категории учащихся не получают необходимой им информации о процессе продвижения к цели и не имеют возможности вносить дополнительные коррективы.

Аналогичных исследований в учебной деятельности крайне мало. Наша работа показала, что стратегию скорости чаще выбирают учащиеся со средней и низкой академической успешностью, и низким уровнем СР. Именно им обратная связь о скорости могла бы принести наибольшую пользу.

Заключение

В данном исследовании изучена роль двух типов обратной связи при выполнении экспериментальных заданий учащимися с высоким и низким уровнем СР. Результаты показали, что, несмотря на важность фактора скорости в СР достижения учебных целей, большинство эмпирических работ сосредоточивают свое внимание на расогласовании, т. е. на уменьшении количества ошибок в учебной деятельности. Настоящее исследование показало, что специально организованная обратная связь позволила всем испытуемым улучшить свои результаты. Однако обратная связь о расогласовании значительно улучшает результаты выполнения экспериментальных заданий только у учащихся одной категории. Испытуемые, предпочитающие стратегию скорости, существенно не улучшили свои результаты. Дальнейшие исследования должны ответить на вопросы о том, какая конкретно информация о скорости достижения цели будет способствовать повышению успешности у этой категории учащихся, и каков механизм этого процесса.

Литература

- Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
- Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М., 2015.
- Моросанова, В. И., Бондаренко, И. Н. Общая способность к саморегуляции: операционализация феномена и экспериментальный подход к диагностике его развития // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 109–124.

- Butler D.L., Winne P.H.* Feedback and self-regulated learning: a theoretical synthesis // *Review of Educational Research*. 1995. V. 65 (3). P. 245–281.
- Carver C.S., Scheier M.F.* On the self-regulation of behavior. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.
- Johnson R.E., Chang C.-H., Lord R.G.* Moving from cognition to behavior: What the research says // *Psychological Bulletin*. 2006. V. 132. P. 381–415.
- Johnson R.E., Howe M., Chang, C.H.* The importance of velocity, or why speed may matter more than distance // *Organizational Psychology Review*. 2013. V. 3. P. 62–85.
- Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // *Cognitive Psychology*. 2000. №41. P. 49–100.

The role of feedback type in self-regulation of learning goals achievement: velocity or discrepancy

I.N. Bondarenko, V.I. Morosanova (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, leading researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

** Doctor of psychological Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, head of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The article examines the problem of using a specially organized feedback in order to achieve maximum results when performing the experimental tasks. Based on the proposition that feedback can be attributed to one of the two types (discrepancy and velocity), we compared the dynamics of results in the groups with different goal achievement strategies and different levels of self-regulation. We used computerized diagnostic complex, which simulates different learning activity contexts and provides data about students' regulatory and personal characteristics, goals achievement strategies and dynamic of test results. It includes Self-Regulation Profile Questionnaire (SRPLQM, Morosanova) to diagnose students' self-regulation stylistic features. The obtained results (N=103) allow us to state that we revealed differences in the dynamics of students' results enhancement when they carried out the same experimental tasks in testing with intentionally organized feedback. The results of the students who preferred discrepancy strategy (regardless their SR levels) increased significantly. The

students with the strategy of velocity increased their results slightly. This trend is especially noticeable for students with low SR. The role of velocity feedback in self-regulation of learning goals achievement for students with strategy of velocity was discussed.

Keywords: conscious self-regulation; feedback; velocity; discrepancy; learning goals achievement.

Чувство присутствия как уровневый феномен¹

Б. Б. Величковский (Москва)

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: velitchk@mail.ru

Под чувством присутствия понимается чувство реальности взаимодействия с окружением. В системах виртуальной реальности чувство присутствия определяет, как субъективное качество взаимодействия с виртуальной средой, так и эффективность такого взаимодействия. В работе предлагается рассматривать чувство присутствия с позиций уровневого подхода к когнитивной организации (уровни А–F, по Б. М. Величковскому). Выделяются низкоуровневые процессы присутствия, связанные с настройкой сенсомоторных координаций на особенности виртуального окружения и с построением пространственной модели виртуальной среды. Выделяются среднеуровневые процессы присутствия, связанные с предметными действиями с виртуальными объектами и с навигацией в виртуальном пространстве на основе построения ситуационной модели виртуальной среды. Также выделяются высокоуровневые процессы присутствия, связанные с формированием эмоционально-окрашенного отношения к виртуальному сценарию, с рефлексией своего отношения к виртуальной среде и с ее субъективным «принятием». Рассматриваются эмпирические феномены формирования чувства присутствия, относящиеся к различным уровням присутствия. Обсуждается, в какой мере уровневый подход может помочь в оптимизации чувства присутствия при разработке виртуальных сред.

Ключевые слова: чувство присутствия, виртуальная реальность, стратификация познания, пространственная модель, ситуационная модель, рабочая память, отказ от недоверия.

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 15-06-08998.

Постановка проблемы

Под чувством присутствия понимается чувство реальности взаимодействия с окружением – реальным или виртуальным. Взаимодействие с реальной средой в норме всегда сопровождается чувством присутствия, однако его нарушения (например, дереализация) характерны для патологических состояний. Существование чувства присутствия особенно ярко проявляется при погружении в виртуальные среды. Чувство присутствия придает взаимодействию с виртуальной средой особые качества естественности, непротиворечивости и эмоционального комфорта, в целом повышая эффективность работы (Авербух, Щербинин, 2011; Slater, Wilbur, 1997). Традиционно возникновение чувства присутствия в виртуальных средах связывают с технологическим совершенством виртуальной стимуляции, однако современные исследования показывают ведущую роль психологических факторов присутствия, таких как когнитивные особенности и особенности личности (Величковский, 2014). Чувство присутствия опосредует эффективное и эмоционально комфортное взаимодействие со средой. В этой связи важной целью разработки виртуальных сред является максимальное способствование возникновению этого чувства. Достижение этой актуальной цели требует понимания механизмов возникновения чувства присутствия и его функциональной организации.

Современная литература рассматривает феномен присутствия с разных теоретических позиций. Практико-ориентированные исследования трактуют присутствие как психометрический конструкт, описывая его через набор факторов («факторные теории присутствия») (например: Lessiter et al., 2001). К основным факторам присутствия относятся воспринимаемая естественность виртуальной среды, контролируемость виртуальных объектов, эмоциональная вовлеченность и проч. Выявление подобных факторов позволяет определить важные аспекты феномена присутствия при взаимодействии с виртуальным окружением. Однако сегодня испытывается отчетливая потребность в *процессуальных теориях и моделях присутствия*, которые раскрывали бы когнитивные механизмы присутствия и динамику его формирования в ходе отдельных актов взаимодействия с реальным или виртуальным окружением. Представляется, что подобные теории и модели должны учитывать возможность *уровневой организации феномена присутствия* как сложного психического образования.

Уровневая организация феномена присутствия

Уровневые концепции широко распространены в современной когнитивной науке, начиная с исследований эффектов «уровня обработки» при анализе имплицитной памяти. В частности, парадигмальными становятся различного рода «теории двойных процессов», выделяющих в когнитивной сфере уровень когнитивных автоматизмов (автоматическая переработка) и надстроенный над ним уровень сознательных процессов (контролируемая переработка). Более детально представления об уровне организации когнитивной сферы рассматриваются в концепции Б. М. Величковского, основанной на теории построения моторных действий Н. А. Бернштейна. В этой концепции выделяются шесть уровней когнитивной организации – от уровня палеокинетической регуляции действий до уровня метакогнитивных координаций, связанных с личностным смыслом и процессами рефлексии (Величковский, 2006). Сложноорганизованная деятельность разворачивается на всех этих уровнях под управлением вышележащих уровней. Так как возникновение чувства присутствия имеет как выраженные рефлекторные и пространственные компоненты («автоматизмы»), так и выраженные личностно-мотивационные и сознательно-контролируемые компоненты, то представляется целесообразным рассмотреть возможную уровневую организацию феномена присутствия.

Сегодня существует ряд теоретических подходов, приближающихся к уровневому пониманию чувства присутствия. В работе Н. Вирта с соавторами (Wirth et al., 2007) формирование пространственного присутствия (базового аспекта присутствия, связанного с иллюзией «переноса» в виртуальную среду) рассматривается на двух уровнях. На первом уровне процессы экзогенного и эндогенного внимания приводят к селективной обработке информации о виртуальном окружении, что результирует в построении модели виртуального пространства. На этом уровне ведущую роль играют технологические факторы (особенности предъявляемой стимуляции) и когнитивные особенности испытуемых. На втором уровне происходит проверка перцептивной гипотезы о виртуальном пространстве как первичной системе отсчета, относительно которой должна организовываться деятельность испытуемого. На этом уровне ведущее значение приобретают высокоуровневые факторы – вовлеченность и критичность («отказ от недоверия»), тесно связанные с личностно-мотивационной сферой. Продуктом второго (осознаваемого) уровня является собственно чувство присутствия, однако в его основе лежит ситуационная модель, построенная на основе процес-

сов первого («автоматического») уровня (что соответствует уровням А, В и С, по Б. М. Величковскому).

Другая уровневая модель присутствия предлагается в работе Рива с соавторами (Riva et al., 2004). В ней выделяется три уровня присутствия: протоприсутствие, базовое присутствие и расширенное присутствие. Протоприсутствие связано с автоматическим построением сенсомоторной репрезентации окружающей среды и тонкой настройкой двигательных автоматизмов. Протоприсутствие опосредовано проприоцепцией и обеспечивает разделение себя и окружения. Базовое присутствие связано с сознательной интеграцией признаков объектов в целостные перцепты и построением внутренней модели окружения. Базовое присутствие обеспечивает целенаправленную навигацию и предметные действия в виртуальной среде с учетом их семантики (таким образом, оно соответствует уровням D и E). Расширенное присутствие связано с осознанием себя по отношению к среде. Здесь виртуальная среда понимается как значимая для испытуемого. Это уровень организации взаимодействия с виртуальной средой на основе иерархии целей, т. е. в соответствии с личностно-мотивационными факторами на основе сознательного контроля за деятельностью (что соответствует уровню F). В целом, в этой модели, как и в модели Н. Вирта (Wirth et al., 2007), прослеживается иерархическая организация присутствия. Она начинается в сенсомоторных автоматизмах и заканчивается личностно-опосредованными процессами целеполагания. В контексте этих моделей следует подробнее рассмотреть, в какой мере современные эмпирические свидетельства поддерживают выделение отдельных уровней феномена присутствия.

В свете имеющихся данных представляется, что процессы присутствия можно разделить на относительно низко-, средне- и высокоуровневые. Низкоуровневые процессы присутствия связаны с построением пространственной модели виртуальной среды, на основе которой происходит настройка сенсомоторных координаций (уровни А, В и С). Сенсорные факторы, особенности перцептивных процессов и факторы внимания играют ведущую роль в построении такой пространственной («метрической») модели. В частности, исследования показывают важную роль процессов подавления irrelevantной стимуляции в формировании чувства присутствия (Величковский и др., 2016). Селективная концентрация внимания (эндогенное внимание) на элементах виртуального окружения способствует «погружению» испытуемого в виртуальное пространство и является предпосылкой построения пространственной модели виртуального окружения. Необходимость в подобных механизмах

управления вниманием особенно высока в случае низкоиммерсивных виртуальных сред, в которых виртуальная стимуляция не обладает достаточным потенциалом для автоматического захвата внимания. Аналогично исследования свидетельствуют о важной роли процессов переключения сенсомоторных установок на этом уровне формирования присутствия. Эффективная смена сенсомоторных установок приводит к гибкой перенастройке сенсомоторных координаций на особенности взаимодействия с виртуальной средой и препятствует возникновению низкоуровневых эффектов «симуляторной болезни» (Величковский и др., 2016). Представляется, что на этом уровне аспекты формирования чувства присутствия обычно не осознаются, хотя и могут стать осознаваемыми при возникновении затруднений с формированием пространственной модели виртуальной среды.

Среднеуровневые процессы связаны с предметными действиями и навигацией в виртуальной среде. Пласт предметного взаимодействия с виртуальными объектами стабильно выделяется в факторных теориях присутствия в виде компонента, оценивающего контролируемость виртуального окружения. Среднеуровневые процессы присутствия требуют активации концептуальных структур и связаны с пониманием *семантики* виртуальной среды, которая может отличаться или не отличаться от семантики реального окружения. Такие взаимодействия осуществляются на уровнях D и E когнитивной организации. В модели Рива (Riva et al., 2004) им соответствует базовое присутствие, причем, авторы этой модели также отмечают концептуальный характер активируемых на этом уровне репрезентаций. При предметных взаимодействиях предположительно уже происходит осознание себя как агента, активно действующего в виртуальной среде. Важным продуктом процессов среднего уровня является построение ситуационной модели происходящего, конструируемой на основе пространственной модели, к которой добавляются репрезентации виртуальных объектов и их отношений, закодированные в виртуальном сценарии. Построение такой ситуационной модели является важнейшим элементом интерпретации нарративов (Zwaan, Radvansky, 1998). Ситуационные модели строятся с использованием ресурсов рабочей памяти – гипотетической системы оперативного хранения и обработки информации, релевантной задаче. Действительно, исследования показывают наличие корреляций между выраженностью чувства присутствия и показателями рабочей памяти (Величковский и др., 2016; Rawlinson et al., 2012).

Высокоуровневые процессы присутствия характеризуются полной осознанностью себя как субъекта взаимодействия с виртуаль-

ной средой и виртуальным сценарием в целом. В модели Рива (Riva et al., 2004) это соответствует расширенному присутствию, характеризующему восприятие себя по отношению к среде. На этом уровне роль играют высокоуровневые когнитивные процессы, а также личностно-мотивационные факторы. Речь идет о *прагматике* виртуального взаимодействия, оценка которой осуществляется на уровне F когнитивной организации. Здесь формируется пристрастное отношение к виртуальному сценарию и виртуальному взаимодействию, что проявляется в феноменах связи чувства присутствия с эмоциональной вовлеченностью в работу с виртуальной средой (Lessiter et al., 2008). Конечно, нельзя говорить о полноценном чувстве присутствия, если пользователь испытывает эмоциональный дискомфорт и даже скуку в виртуальном окружении. Хорошо известно, что чувство присутствия формируется тем легче, чем больше заинтересованность испытуемого в тематике виртуального сценария. Другим важным феноменом, который можно отнести к этому уровню, является «отказ от недоверия» (*suspension of disbelief*) – произвольное принятие виртуального сценария как субъективно допустимого, несмотря на его отличия от реальности. Этот феномен, в частности, в явной форме приписывается высшему уровню формирования присутствия в модели пространственного присутствия Н. Вирта (Wirth et al., 2007). Отказ от недоверия может трактоваться как произвольное снижение уровня критичности, которое способствует «погружению» в виртуальную реальность. Этот вывод подтверждается тем фактом, что у детей (сниженная критичность вследствие незрелости префронтальных отделов коры) чувство присутствия в виртуальных средах формируется легче, чем у взрослых (Baumgartner et al., 2008).

Представляется, что предложенная интерпретация чувства присутствия как уровня феномена позволяет интегрировать различные эффекты, относящиеся к его формированию. Она предлагает целостную теоретическую концепцию для понимания чувства присутствия, в котором, безусловно, отражаются, как относительно низкоуровневые когнитивные процессы, так и высшие процессы рефлексии и пристрастного отражения актуального окружения. Уровневый подход позволяет также сделать определенные предположения относительно оптимизации чувства присутствия при разработке виртуальных сред. Так, проведенный анализ показывает, что присутствие является комплексным феноменом, в силу чего его оптимизация требует комплексного подхода. Обеспечение присутствия на низком уровне требует учета разнообразных технологических факторов, обеспечивающих беспрепятственную интеграцию

сенсомоторных процессов человека и виртуальной среды, а также построение пространственной модели виртуального окружения. Также на этом уровне огромное значение имеет управление экзогенным вниманием (например, физическая изоляция дистракторов). На среднем уровне большое значение приобретает семантика виртуального сценария, определяющая возможность быстрого построения непротиворечивой ситуационной модели виртуального окружения. На этом уровне большую роль также будут играть интерфейсные решения, обеспечивающие «естественные» предметные взаимодействия с виртуальными объектами. Высшие уровни формирования присутствия будут связаны с субъективной привлекательностью виртуального сценария, а также с готовностью субъекта «принять» виртуальное окружение со всеми его возможными отличиями от привычного окружения. В целом, уровневый подход к присутствию требует, чтобы все уровни присутствия работали согласованно на формирование этого комплексного феномена (Riva et al., 2004).

Заключение

Предлагается рассматривать чувство присутствия в виртуальных средах как комплексный феномен, имеющий уровневую организацию. Неосознаваемые низкоуровневые процессы присутствия (уровни А, В и С когнитивной организации по Б. М. Величковскому) связаны с построением пространственной модели виртуального окружения и с автоматической настройкой сенсомоторных координаций и перцептивных процессов. На этом уровне большое значение для формирования присутствия имеют процессы экзогенного внимания и когнитивной гибкости. Осознаваемые среднеуровневые процессы присутствия (уровни D и E) связаны с предметными взаимодействиями с виртуальными объектами на основе построения ситуационной модели виртуальной среды, опосредованного процессами рабочей памяти. Высокоуровневые процессы присутствия (уровень F) связаны с формированием пристрастного отношения к виртуальному сценарию и с его субъективным принятием. На этом уровне большое значение для формирования присутствия играют личностно-мотивационные факторы, а также метакогнитивные способности. Уровневый подход к присутствию позволяет интегрировать различные эмпирические феномены связей выраженности присутствия с когнитивными и личностными особенностями. Он также указывает на необходимость комплексного подхода при оптимизации чувства присутствия в ходе разработки виртуальных сред.

Литература

- Авербух Н. В., Щербинин А. А.* Феномен присутствия и его влияние на эффективность решения интеллектуальных задач в средах виртуальной реальности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 4. С. 102–119.
- Величковский Б. Б.* Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах // Национальный психологический журнал. 2014. № 3. № 15. С. 31–38.
- Величковский Б. Б., Гусев А. Н., Виноградова В. Ф., Арбекова О. А.* Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 5–20.
- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М., 2006.
- Baumgartner T., Speck D., Wettstein D., Masnari O., Beeli G., Jäncke L.* Feeling present in arousing virtual reality worlds: prefrontal brain regions differentially orchestrate presence experience in adults and children // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2008. V. 2. P. 8.
- Lessiter J., Freeman J., Keogh E., Davidoff J.* A cross-media presence questionnaire: The ITC – Sense of Presence Inventory // *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 2001. V. 10. P. 282–297.
- Rawlinson T. G., Lu S., Coleman P.* Individual Differences in Working Memory Capacity and Presence in Virtual Environments / Eds H. Zhang, A. Hussain, D. Liu, Z. Wang // *Advances in Brain Inspired Cognitive Systems. BICS 2012. Lecture Notes in Computer Science*. V. 7366. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 22–30.
- Riva G., Waterworth J. A., Waterworth E. L.* The Layers of Presence: A Bio-cultural Approach to Understanding Presence in Naturaland Mediated Environments // *Cyberpsychology & Behavior*. 2004. V. 7. P. 405–419.
- Slater M., Wilbur S.* A framework for immersive virtual environments (FIVE): Speculations on the role of presence in virtual environments // *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 1997. V. 6. P. 603–616.
- Wirth W., Hartmann T., Böcking S., Vorderer P., Klimmt C., Schramm H., Saari T., Laarni J., Ravaja N., Gouveia F., Biocca F., Sacau A., Jäncke L., Baumgartner T., Jäncke P. A.* Process Model of the Formation of Spatial Presence Experiences // *Media Psychology*. 2007. V. 9. № 3. P. 493–525.
- Zwann R. A., Radvansky G. A.* Situation models in language comprehension and memory // *Psychological Bulletin*. 1998. V. 123. № 2. P. 162–185.

The sense of presence as a stratified phenomenon

B. B. Velichkovsky (Moscow)

Candidate of psychological sciences, Docent, associate Professor
at the Department of methodology, Faculty of psychology,
Lomonosov state University

The sense of presence relates to the illusion of realness during interaction with an environment. In virtual reality, the sense of presence determines the subjective quality of interaction with a virtual environment as well as the effectiveness of the interaction. In this paper it is suggested to consider the sense of presence as an example of the stratification of cognition (levels A–F after B.M. Velichkovsky). Low-level presence processes are concerned with the fine-tuning of senso-motor processes toward the peculiarities of the virtual environment and with the creation of a spatial model of the virtual environment. Mid-level presence processes are concerned with the interaction with virtual objects and with navigation in the virtual environment on the basis of its situation model. High-level presence processes are concerned with the emotional relationship towards the virtual scenario and its subjective acceptance (suspension of disbelief). Empirical phenomena related to different levels of presence are considered. Implications for the optimization of the sense of presence during virtual environment development are discussed.

Keywords: sense of presence, virtual reality, stratification of cognition, spatial model, situation model, working memory, suspension of disbelief.

Экономический и эмоциональный факторы в структуре субъективного качества жизни¹

Г. М. Головина, Т. Н. Савченко** (г. Москва)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: gala-galarina@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: t.n.savchenko@mail.ru*

В работе исследовались экономический и эмоциональный факторы в структуре субъективного качества жизни (СКЖ). Было показано, что показатели СКЖ, относящиеся к социальному, профессиональному, материальному и духовному самоощущению личности, взаимосвязаны с субъективным экономическим благополучием (СМБ). Показатели СКЖ взаимосвязаны с конкретными типами общей эмоциональной направленности (ОЭН): респонденты с преобладанием альтруистической направленности склонны позитивно оценивать свое экономическое благополучие, а с глорической – негативно. Выявлена взаимосвязь СКЖ и СМБ со счастьем.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, субъективное экономическое благополучие, общая эмоциональная направленность, счастье.

Постановка проблемы

Субъективное качество жизни (СКЖ) определяется как субъективное удовлетворение, выражаемое или испытываемое индивидом в различных ситуациях его жизнедеятельности. В структуре субъективного качества жизни выделяют два основных компонента: аффективный, измеряемый через ощущение счастья или несчастья, и когнитивный, измеряемый через удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными сферами (Головина, Савченко, 2004; Сав-

1 Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ №0159-2017-0004.

ченко, Головина, 2006). Счастье является одним из составляющих компонентов субъективного качества жизни и относится к эмоциональной сфере жизни человека. Б. И. Додонов считает, что принадлежность к определенному типу общей эмоциональной направленности (ОЭН) оказывает влияние на всю эмоциональную жизнь человека, его взаимоотношения с другими людьми, на вкус, творческую деятельность, видение мира (Додонов, 1978), а следовательно, и на СКЖ. Объективно доход является одним из ключевых показателей экономического развития, и он воспринимается как главная составляющая качества жизни. Однако результаты зарубежных и отечественных исследований показали, что между доходом, восприятием собственной экономической ситуации и субъективным качеством жизни корреляции в некоторых случаях отсутствуют (Хашченко, 2005). В связи с этим представляется интересным исследовать взаимосвязь показателей субъективного качества жизни и субъективного экономического благополучия с эмоциональной направленностью личности.

Цель, методика и процедура эмпирического исследования

Целью эмпирического исследования является изучение экономического и эмоционального факторов в структуре субъективного качества жизни.

Объект исследования – структура СКЖ; предмет – взаимосвязи СКЖ с субъективным экономическим благополучием и эмоциональной направленностью.

Выборку составили 50 человек в возрасте 23–25 лет, проживающие в Москве, имеющие высшее образование, работающие в сфере кадров (HR – Human Resources.)

Гипотеза: субъективное качество жизни взаимосвязано с субъективным экономическим благополучием и эмоциональной направленностью.

Методики исследования – опросники: «Субъективное качество жизни (СКЖ)» Т. Н. Савченко и Г. М. Головиной; «Субъективное экономическое благополучие (СМБ)» В. А. Хашченко; «Общая эмоциональная направленность (ОЭН)» Б. И. Додонова; «Счастье» Фордайса.

С помощью опросника СКЖ выявляются оценки удовлетворенности человека различными ценностями в разных сферах жизни: полноценный отдых, материальное положение, духовные ценности, самоуважение и уважение окружающих, личная свобода и др.; а также общая удовлетворенность жизнью и субъективное качество жизни.

Опросник СМБ измеряет пять показателей: экономический оптимизм, текущее благосостояние семьи, финансовая депривированность, субъективная адекватность дохода и экономическая тревожность.

Опросник ОЭН определяет ведущие эмоциональные направленности человека: альтруистическую, романтическую, акизитивную, практическую, глорическую, гедонистическую, гностическую, пугническую и коммуникативную.

В опроснике «Счастье» Фордайса респондентам предлагается ответить на вопрос, насколько счастливыми они себя обычно чувствуют.

Результаты исследования

Установлено, что общий показатель субъективного качества жизни варьирует от 4,05 до 8,65 при среднем значении 7,25, что соответствует высокому субъективному качеству жизни испытуемых.

Корреляционный анализ показателей опросников СКЖ и СЭБ выявил следующие корреляционные взаимосвязи:

- прямая взаимосвязь между фактором текущего благосостояния семьи в опроснике СЭБ и удовлетворенностью образованием, здоровьем, общей удовлетворенностью жизнью, профессией, в любви и семьей, уверенностью в завтрашнем дне в опроснике СКЖ;
- обратная взаимосвязь между фактором финансовой депривированности опросника СЭБ и показателями образования, уверенности в завтрашнем дне, отношения к спорту, профессии, любви, любимой работе, семье и друзьям опросника СКЖ;
- обратная взаимосвязь фактора экономической тревожности опросника СЭБ с такими показателями опросника СКЖ, как образование, общая удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне, отношение к спорту, профессии, развлечению, любви, друзьям, семье и к материальному положению;
- прямая корреляционная взаимосвязь между фактором экономического оптимизма и духовными ценностями (таблица 1).

Анализ взаимосвязей объективного дохода и жилья с показателями субъективного экономического благополучия показал, что чем выше показатель объективного дохода, тем ниже уровень экономической оптимизма, текущего благосостояния семьи и субъективной адекватности дохода, но тем выше показатели финансовой депривированности и экономической тревожности. Также было выявлено,

Таблица 1

Корреляции Спирмена между опросниками СКЖ и СМБ

СКЖ/СМБ	ЭО	ТБС	ФД	САД	ЭТ
Образование				0,385	-0,330
Здоровье		0,321			
Уверенность		0,383	-0,357	0,256	-0,437
Спорт			-0,362		-0,336
Профессия		0,394	-0,336		-0,336
Развлечения					-0,336
Любовь		0,372	-0,288		-0,336
Работа			-0,357		
Друзья			-0,293		-0,336
Семья		0,478	-0,397	0,398	-0,495
Духовные ценности	0,328				
Удовлетворенность жизнью		0,501			-0,331

Примечание: ЭО – экономический оптимизм, ТБС – текущее благосостояние семьи, ФД – финансовая депривированность, САД – субъективная адекватность дохода и ЭТ – экономическая тревожность.

что у респондентов, имеющих свое жилье, более высокие показатели экономической тревожности, финансовой депривированности и более высокий объективный доход, но низкие показатели по факторам экономического оптимизма и текущего благосостояния семьи.

Важно отметить также, что испытуемые с более высоким доходом, имеющие собственное жилье, склонны более негативно оценивать свое экономическое благополучие, нежели испытуемые с низким доходом и живущие в родительской семье, что может быть объяснено высоким уровнем экономической ответственности, к которой первые, возможно, неготовы. Это также связано с невозможностью экономической поддержки от семьи (так как прослеживается обратная взаимосвязь уровня дохода и отношения к семье), что повышает уровень ответственности за себя и свое дальнейшее благосостояние.

По опроснику «Счастье» Фордайса, было рассчитано соотношение степени счастья и несчастья. Можно говорить о превалировании счастливых людей в данной выборке (68% счастливых, 10% нейтральных и 22% несчастливых). Обнаружена прямая взаимосвязь между уровнем счастья и такими показателями СКЖ, как уверен-

ность в завтрашнем дне, духовные ценности, общая удовлетворенности жизнью, отношение к любви, к семье и к профессии. Оказалось, что уровень счастья ниже у испытуемых со своим жильем и высоким доходом; чем счастливее чувствует себя респондент, тем выше у него показатели экономического оптимизма, субъективной адекватности дохода и текущего благосостояния семьи, и ниже показатель экономической тревожности и финансовой депривированности. Была выявлена прямая взаимосвязь степени счастливости с альтруистической эмоциональной направленностью и обратная – с глорической эмоциональной направленностью. Это можно объяснить тем, что выборка состоит из людей, работающих в сфере HR, занимающих не руководящую должность. В этой отрасли человек с альтруистической эмоциональной направленностью в большей степени может раскрыть себя в профессиональном плане и ощущать себя более счастливым, нежели человек с глорической направленностью.

В ходе исследования выявлены взаимосвязи показателей СКЖ с выраженностью эмоциональной направленности:

- обратная взаимосвязь между эстетической эмоциональной направленностью и отношением к спорту;
- прямая корреляционная зависимость между гедонистической эмоциональной направленностью и факторами СКЖ: отношением к спорту, питанию и к друзьям;
- прямая взаимозависимость между альтруистической эмоциональной направленностью и параметрами СКЖ: стабильной обстановке в стране, самоуважением и уважением окружающих, отношением к профессии, к семье, к любви, к любимой работе;
- обратная связь между глорической направленностью и духовными ценностями, самоуважением, уважением окружающих и отношением к профессии;
- обратная связь между гностической направленностью и такими параметрами, как стабильная обстановка в стране и отношение к развлечениям, а также между романтической направленностью и отношением к друзьям и развлечениям.

Приведенные выше данные показывают *прямую взаимосвязь эмоциональной направленности с СКЖ*. Так, испытуемые, у которых преобладают гедонистическая направленность, связанная преимущественно с удовлетворением физических потребностей, отдают предпочтения, таким параметрам СКЖ, как питание и спорт, которые непосредственно связаны с эмоциональным насыщением гедонистического типа. Испытуемые же с альтруистической эмоциональной направленностью, для которых важны потребности в содействии, помо-

щи, покровительстве другим людям, выше оценивают параметры СКЖ, непосредственно связанные с взаимоотношениями с окружающими людьми. Интересно также отметить, что глорическая эмоциональная направленность, для которой свойственна потребность в славе и самоутверждении, отрицательно взаимосвязана с такими параметрами СКЖ, как самоуважение и уважение окружающих. Хотя, для людей с такой эмоциональной направленностью важно то, как к ним относятся окружающие, что может играть определяющую роль в их эмоциональном насыщении.

С помощью корреляционного анализа показателей СЭБ и ОЭН была обнаружена прямая взаимосвязь альтруистической эмоциональной направленности с факторами экономического оптимизма, текущего благосостояния семьи, субъективной адекватности дохода и обратная – с факторами финансовой депривированности и экономической тревожности; прямая взаимосвязь глорической эмоциональной направленности с факторами финансовой депривированности и экономической тревожности, и обратная – с факторами экономического оптимизма, текущего благосостояния семьи, субъективной адекватности дохода (таблица 2). Таким образом, ре-

Таблица 2
Корреляции между опросниками СЭБ и ОЭН

Показатели СЭБ и ОЭН	Объем выборки	Коэффициент корреляции Спирмена	Уровень значимости Р
Экономический оптимизм/пессимизм & Альтруистическая	50	0,331849	0,018557
Экономический оптимизм/пессимизм & Глорическая	50	-0,547458	0,000039
Текущее благосостояние семьи & Альтруистическая	50	0,289016	0,041787
Текущее благосостояние семьи & Глорическая	50	-0,412860	0,002885
Финансовая депривированность & Альтруистическая	50	-0,532087	0,000070
Финансовая депривированность & Глорическая	50	0,430477	0,001806
Субъективная адекватность дохода & Альтруистическая	50	0,445099	0,001200
Субъективная адекватность дохода & Глорическая	50	-0,345561	0,013974
Экономическая тревожность (финансовый стресс) & Альтруистическая	50	-0,463655	0,000696
Экономическая тревожность (финансовый стресс) & Глорическая	50	0,561284	0,000022

спонденты с альтруистической эмоциональной направленностью склонны более оптимистически относиться к своему экономическому положению, в отличие от людей с глорической эмоциональной направленностью, которые объективно более успешны (имеют большей доход и собственное жилье). Здесь может играть роль тот фактор, что для людей с преобладанием глорической эмоциональной направленности более ценно их экономическое положение, так как, опираясь на него, они могут испытывать чувство превосходства, которое необходимо для эмоционального насыщения данного типа ОЭН.

Выборка исследования состоит преимущественно из людей с альтруистической и глорической эмоциональной направленностью. Причем респонденты с альтруистической эмоциональной направленностью чувствуют себя более счастливыми и субъективно экономически благополучными, в отличие от респондентов с глорической направленностью, хотя объективно первые экономически менее состоятельны, нежели вторые. Такое отношение к экономическому благополучию может быть связано с оценкой субъективного качества жизни испытуемых: альтруистическая направленность положительно взаимосвязана с основными показателями качества жизни, которые могут повлиять на эмоциональное насыщение альтруистов; глорическая направленность взаимосвязана с другими параметрами качества жизни, которые способствуют эмоциональному насыщению этого типа.

Выводы

Анализ статистических результатов исследования позволяет сделать выводы относительно гипотез. Многие показатели СКЖ, относящиеся к социальному (отношение к друзьям, семье, любви) и профессиональному (образование, профессия) аспектам, а также к материальному самоощущению личности, имеют прямую взаимосвязь с СМБ. Причем объективно испытуемые с более высоким доходом и собственным жильем не чувствуют себя экономически благополучными. Испытуемые с преобладанием альтруистической направленности склонны позитивно оценивать свое экономическое благополучие, а респонденты с глорической направленностью – негативно.

Важным элементом субъективного качества жизни и экономического благополучия являются эмоции. Счастье определяется как эмоция, которая оценивает факты не с позиции частных потребностей, а с точки зрения того, насколько человеку удастся

осуществлять себя; оно связано с оценкой самоосуществления человека в разных сферах его жизнедеятельности. Счастье, как позитивная эмоция, имеет прямую взаимосвязь с субъективным экономическим благополучием; эмоциональная направленность личности взаимосвязана с субъективным качеством жизни. Параметры СКЖ взаимосвязаны с конкретными типами эмоциональной направленности. Можно сделать вывод о том, что люди с преобладанием той или иной эмоциональной направленности в первую очередь ориентированы на совершенствование параметров СКЖ, которые могли бы повлиять на их эмоционально насыщение и сделать их более счастливыми. Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что, определив тип своей общей эмоциональной направленности, человек может выбрать тот вид деятельности, который обеспечит его положительное эмоциональное состояние, что, в свою очередь, приведет к более высокой оценке субъективного качества жизни и экономического благополучия.

Литература

- Головина Г. М., Савченко Т. Н. Влияние экономического фактора на субъективное качество жизни // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М., 2004. С. 56–67.
- Додонов Б. И. Эмоции как ценность. М., 1978.
- Савченко Т. Н., Головина Г. М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М., 2006.
- Хащенко В. А. Модель субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 38–51.

Economic and emotional factors in the structure of subjective quality of life

*G. M. Golovina***, *T. N. Savchenko*** (Moscow)

* Candidate of psychological sciences, senior research officer of Institute of psychology of RAS

** Candidate of psychological sciences, leading researcher of Institute of psychology of RAS

We investigated the economic and emotional factors in the structure of subjective quality of life (SQL). It was shown that the SQL indicators related to social, professional, financial and spiritual (&) feelings are connected with the subjective economic well-being. Indicators of subjective

quality of life correlate with specific types of total emotional orientation: respondents with an altruistic orientation assess their economic well-being positively, and with glorious orientation – negatively. SQL and subjective economic well-being correlate with happiness.

Keywords: subjective quality of life, subjective economic well-being, total emotional orientation, happiness.

Опознавание и различение геометрических фигур¹

А. В. Жегалло (Москва)

кандидат психологических наук,
научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: zhegs@mail.ru

Изучены особенности различения и опознавания простых геометрических фигур на примере равномерного переходного ряда между кругом и квадратом. По результатам решения задачи различения и анализа свободных описаний изображений показана высокая эффективность опознавания наблюдателями малых отклонений от эталонного образа простой геометрической фигуры (круг или квадрат). Сопоставление с результатами ранее проведенных исследований опознавания и различения переходных эмоциональных экспрессий показывает, что диапазон перцептивной эквивалентности при опознании и различении эмоциональных экспрессий значительно шире, чем при опознании геометрических фигур. Данное различие объясняет принципиальные различия характерных распределений точности решения задачи различения для переходных эмоциональных экспрессий (/\<-образное распределение, максимум точности в центре ряда) и геометрических фигур (\<-образное распределение, максимумы точности на краях ряда).

Ключевые слова: задача опознавания, дискриминационная задача, категоризация, эмоциональные экспрессии.

Введение

Результаты исследования категориальности восприятия эмоциональных экспрессий лица свидетельствуют о высокой вариативности идентификации переходных выражений. В процессе решения

1 Работа выполнена в рамках Госзадания ФАНО РФ № 0159-2017-0004.

задачи у наблюдателей в некоторых случаях формируются индивидуальные свернутые семантические описания для экспонируемых изображений. Отсюда следует, что классическая парадигма исследований, согласно которой обобщенный по группе результат решения задачи различения на переходном ряду между изображениями базовых эмоциональных экспрессий соотносится с обобщенным результатом решения задачи идентификации, некорректна (Барабанщиков, Жегалло, Королькова, 2016). В то же время соотношение индивидуальных результатов решения задач идентификации и дискриминации на данном материале в силу высокой индивидуальной вариативности результатов связано со значительными техническими и организационными трудностями. Таким образом, представляется полезным переход к модельной задаче, сохраняющей основные особенности экспериментальной парадигмы и в то же время характеризующейся меньшей степенью индивидуальной вариативности результатов.

Задача, процедура и методика экспериментального исследования

В качестве такой модельной задачи в нашем исследовании выступила задача различения геометрических фигур, представляющих собой переходные формы между кругом и квадратом.

Задача различения давалась участникам индивидуально в форме параллельно последовательной дискриминационной АВХ-задачи. В качестве стимульного материала использовался эквидистантный переходный ряд (11 градаций изображения). Изображения были объединены в 9 пар, каждая из которых экспонировалась в 4 условиях (А, В, А), (А, В, В), (В, А, А), (В, А, В) – в общей сложности 64 раза. Общее число экспериментальных ситуаций составило 576 на каждого испытуемого. Эксперимент был реализован с помощью ПО PXLab. Угловые размеры изображений – 8.5°. В ходе экспериментальной ситуации участнику одновременно демонстрировались два заведомо различных изображения А и В, а затем – целевое изображение Х, в точности совпадающее либо с А, либо с В. Требовалось указать, какому из изображений – А или В – соответствовало Х. Время экспозиции составляло 1 с.

В исследовании участвовал 21 человек, студенты московских вузов (первое и второе высшее образование) в возрасте от 22 до 46 лет; 8 мужчин, 13 женщин. Время выполнения эксперимента составляло до 45 мин. Данные каждого участника обрабатывались индивидуально.

Результаты исследования

По результатам обработки у 19 участников из 21 был обнаружен V-образный паттерн распределения точности решения, характеризующийся максимальной точностью для крайних пар переходного ряда – 0,9 и выше и снижением точности для центральных пар ряда – до 0,6–0,7 (рисунок 1).

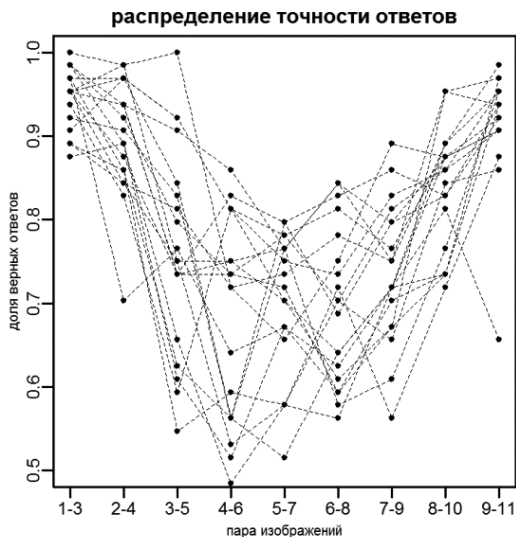

Рис. 1. Индивидуальные распределения точности решения дискриминационной задачи

Различия в точности решения для каждого из участников – значимые (критерий χ^2 Пирсона, $p < 0,001$). Из указанных 19 человек у 9 были обнаружены значимые различия во времени реакции для разных пар переходного ряда (критерий Краскела–Уоллиса, $p < 0,01$). При этом для крайних пар в ряду время реакции было минимальным, увеличиваясь к центру ряда. Величина времени реакции отличалась значительной индивидуальной вариативностью. Распределение времени реакции для всех участников отличалось от нормального. У оставшихся 2 из 21 участников точность решения задачи составляла 0,5, т. е. на уровне угадывания, что можно интерпретировать как то, что данные участники не поняли данную экспериментатором инструкцию или игнорировали ее.

Таким образом, применительно к использованному стимульному материалу, можно утверждать, что при индивидуальном решении дискриминационной АВХ-задачи на уровне отдельных инди-

видуальных участников устойчиво воспроизводится V-образный паттерн точности решения.

В какой мере данный результат может быть объяснен семантической категориальной принадлежностью различаемых изображений? Для ответа на данный вопрос был проведен дополнительный эксперимент, в котором дискриминационная АВХ-задача совместно решалась парой участников. В качестве стимульного материала использовался сокращенный переходный ряд: 6 градаций изображения, 5 пар (рисунок 2). Каждая пара экспонировалась по 8 раз; всего 40 экспериментальных ситуаций. В ходе экспериментальной ситуации одному из участников демонстрировались заведомо различные изображения А и В, а другому – изображение Х, в точности совпадающее либо с А, либо с В. Условия экспозиции – те же, что и в первом эксперименте. После исчезновения изображений участники исследования должны были совместно принять решение о том, какому из изображений – А или В – соответствует Х. Ответ давал участник, которому демонстрировались изображения А и В. Анализ подвергались ответы участников и даваемые ими описания изображений. Время выполнения эксперимента парой участников составляло 10–15 мин. В исследовании приняли участие студенты московских вузов – 12 человек, из них – 7 мужчин, 5 женщин.

По результатам обработки групповых данных воспроизводится V-образный паттерн распределения точности ответов, выделенный ранее при индивидуальном решении задачи. Различение крайних в ряду пар выполняется с максимально возможной точностью, практически безошибочно. Для центральных пар ряда точность различения снижается до 0,85–0,7. Анализ описаний, даваемых участниками исследования, показывает, что крайние в ряду изображения (1 и 6) всегда описываются участниками как круг и квадрат. В некоторых случаях дополнительно указывается: «обычный круг», «просто квадрат» и т. п. Типичное обсуждение в таком случае выглядит следующим образом: Х – участник, которому было показано целое изображение; в скобках – номер экспонируемого изображения;

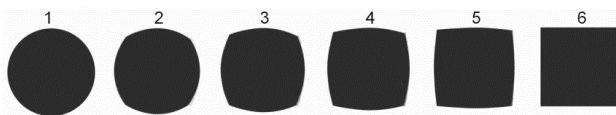

Рис. 2. Использованный стимульный материал при совместном решении дискриминационной задачи.

Цифрами обозначены номера фигур, используемые далее при анализе даваемых респондентами описаний

A+B – участник, которому были показаны два различных изображения и который должен дать ответ; в скобках через запятую – номера экспонируемых изображений. X (1): *«Тут все просто, просто круг»*; A+B (1,2): *«Замечательно»*.

Также легко в паре (A, B), содержащей крайнее изображение (1 или 6), опознается и слегка модифицированный его вариант (соответственно, 2 или 5). Участник, которому экспонировалось X, указывает на наличие легко обнаруживаемого отклонения от идеальной геометрической фигуры. Этой информации его партнеру достаточно для принятия решения. X (5): *«Чуть-чуть такой, скругленный»*; A+B (5,6): *«Угу»*.

В случае если оба изображения в паре представляют собой переходные формы, их описание и, соответственно, различие, представляет собой более сложную проблему. Переходные формы, как правило, описываются участниками как формы, имеющие признаки, как квадрата, так и круга, причем, различие производится на основе градуальных различий в степени выраженности признаков. X (4): *«Вот этот у меня больше квадрат...»*; A+B (3,4): *«Тут совсем небольшая была разница, две фигуры, но одна пошире, а другая поуже»*; X: *«Нет, эта поуже»*. A+B правильно выбирает 4 фигуру.

Неверная градуальная оценка степени выраженности сходства с базовой формой приводит к неверному ответу. X (3): *«У меня типа раздутый»*; A+B (4,3): *«Раздутый и более сильно раздутый?»*; X: *«Нет, несильно раздутый»*; A+B: *«Прямо совсем чуть-чуть?»*; X: *«Да»*. A+B, ориентируясь на данную X неточную градуальную оценку, выбирает из 3-й и 4-й фигур 4-ю как менее раздутую и тем самым дает ошибочный ответ.

Осознавая сложность выполнения точной градуальной оценки, отдельные участники исследования пытались в ходе его проведения разработать дополнительные приемы, повышающие эффективность различения. Так, в одной из пар испытуемые попытались давать численные оценки степени выпуклости верхней грани. Однако такой способ работы оказался ненадежным. A+B (3,4): *«Передо мной два квадрата, у одного из них, если взять от центра верхней грани миллиметр вверх и провести дугу, у другого если 2 миллиметра»*; X (3): *«Два миллиметра»*. A+B – ошибочно выбирает менее выпуклую фигуру 4.

Максимально высокая эффективность решения задачи была продемонстрирована парой участников, которая отказалась от использования градуальных оценок степени выраженности сходства переходных фигур с опорными. Вместо этого для каждой из 6 фигур было сформировано уникальное компактное семантическое обо-

значение: «круг», «почти круг», «сильно выпуклый бочонок», «слабо выпуклый бочонок», «почти квадрат», «квадрат». При введении дополнительной отсылки к форме фигуры неточность градуальной оценки не мешает успешному опознанию. Х (3): «Такой бочонок»; А+В (3,2): «Толстый?»; Х: «Не толстый, не толстый»; А+В: «Средний да?»; Х: «Да». А+В правильно выбирает 3 фигуру.

Сопоставляя результаты решения дискриминационной АВХ задачи в индивидуальном и парном случаях, можно сделать вывод, что высокая точность различения фигур на краях переходного ряда объясняется тем, что участники хорошо опознают малые отличия от эталонных форм геометрических фигур (круг и квадрат). В случае дробного стимульного ряда как круг участниками опознаются изображения 1 и 2, как квадрат – изображения 10 и 11. В то же время выявление различий между двумя переходными формами выполняется за счет градуальной оценки выраженности сходства с эталонными фигурами, что снижает точность их различения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет по-новому рассмотреть результаты ранее проводившихся исследований эффективности различения переходных эмоциональных экспрессий. Типичным паттерном распределения точности решения задачи различения на переходном ряду является максимум точности решения в центральной части переходного ряда и плавное снижение точности решения для крайних пар ряда. При этом центральный максимум связывается с положением границы между категориями, характеризующими опорные эмоциональные экспрессии, соответствующие краям переходного ряда. При этом слабая выраженность центрального максимума точности решения (Куракова, Жегалло, 2012) объясняется неустойчивостью положения межкатегориальной границы. Фактически, положение границы может варьировать не только для разных участников эксперимента, но и у одного и того же участника в разных экспериментальных ситуациях. Данный результат хорошо согласуется с теорией «конструируемых эмоций» (constructed emotions), предполагающей, что эталон, обеспечивающий опознание эмоциональной экспрессии, вновь динамически создается в каждой коммуникационной ситуации (Feldman, 2017).

Напротив, эталоны простейших геометрических фигур, по крайней мере для студентов вузов, являются высокостабильными конструктами с узким диапазоном перцептивной эквивалентности. Уже при малых отклонениях от эталона фигура изображение опо-

знается не как простая геометрическая фигура, а как имеющая некоторое сходство с эталоном, но заведомо дистинктивная форма. Таким образом, наглядно демонстрируется, что категоризация образов может происходить с использованием разных механизмов. Оpozнание переходных эмоциональных экспрессий хорошо описывается в рамках экспериментальной прототипической категоризации, по Э. Рош, а опознание геометрических фигур представляет собой случай классической категоризации с использованием набора признаков, по Дж. Брунеру.

Литература

- Барабанищиков В. А., Жегалло А. В., Королькова О. А.* Перцептивная категоризация выражений лица. М., 2016.
- Куракова О. А., Жегалло А. В.* Эффект категориальности восприятия экспрессий лица: многообразие проявлений // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 22–38.
- Feldman B. L.* How Emotions Are Made. The Secret Life of the Brain. Boston–N. Y., 2017.

Identification and discrimination of geometric figures

A. V. Zhegallo (Moscow)

Candidate of psychological sciences, research officer
of the Institute of psychology of RAS

Peculiarities of distinguishing and identifying simple geometric figures are studied when using the example of a uniform transition series between a circle and a square. The high efficiency of recognizing small deviations from the reference image of a simple geometric figure (circle or square) is shown. Comparison with the results of previous studies of identification and discrimination of transient emotional expression shows that the range of perceptual equivalence in the recognition and discrimination of emotional expression is much wider than in the identification of geometric figures. This difference explains the fundamental differences in the characteristic distributions of the accuracy of the solution of the discrimination problem for transient emotional expression (\wedge -shaped distribution, the maximum of accuracy at the center of the series), and geometric figures (\vee -shaped distribution, maximum accuracy at the edges of the series).

Keywords: identification task, discrimination task, categorization, emotional expressions.

Когнитивные стратегии и паттерны движений глаз в процессе визуального распознавания и запоминания иностранных слов¹

*А. И. Измалкова**, *И. В. Блинникова*** (Москва)

** научный сотрудник лаборатории психологии труда
факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: mayoran@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник лаборатории психологии труда
факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: blinnikovamslu@hotmail.com*

В исследованиях формирования и использования билингвального лексикона когнитивные стратегии рассматриваются как осознанные способы работы с вербальным материалом. В данной работе когнитивные стратегии, используемые при распознавании и запоминании незнакомых иностранных слов, были соотнесены с объективными данными о процессе восприятия слов – движениями глаз испытуемых. Рассматривались два типа задач: запоминание иноязычной лексики вне контекста и распознавание значений незнакомых иностранных слов в контексте. Было обнаружено, что осознанное использование стратегий запоминания и распознавания незнакомых слов иностранного языка приводит к улучшению результата воспроизведения и отражается в характерных паттернах окулomotorной активности. Полученные результаты позволяют выделить окулomotorные корреляты когнитивных стратегий, ориентированных на разную глубину переработки информации.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, движения глаз, запоминание иностранных слов, уровни переработки информации.

1 Работа выполнена при поддержке гранта ОГиОН РФФИ № 16-36-00044.

Введение

В исследованиях формирования и использования билингвального лексикона когнитивные стратегии рассматриваются как осознаваемые способы работы с вербальным материалом – мнемотехнические приемы (Atkinson, 1975) или способы распознавания значений (Nassaji, 2003). В данной работе когнитивные стратегии, используемые при распознавании и запоминании незнакомых иностранных слов, выделялись на основе данных свободного отчета испытуемых и ошибок воспроизведения; результаты воспроизведения соотносились с объективными данными о процессе восприятия слов – движениями глаз испытуемых. Регистрация движений глаз позволяет получить информативные показатели особенностей когнитивных процессов, лежащих в основе выполнения задач распознавания и запоминания билингвального лексикона (Барабанщиков, Жегалло, 2014; Rayner, 2009). Неоднократно совершались попытки выделить окулomotorные корреляты когнитивных стратегий переработки информации: в частности, при распознавании значений синтаксически неоднозначных предложений (Frazier, Rayner, 1982), при решении задачи сравнения стимулов (Velichkovsky et al., 2005), при анализе зрительного поиска (Блинникова, Капица, Леонова, 2016). В области формирования билингвального лексикона, однако, на данный момент когнитивные стратегии переработки информации и их окулomotorные корреляты изучены в меньшей степени.

Описываемое исследование включало два этапа: 1) анализ когнитивных стратегий и паттернов движений глаз при запоминании незнакомых иностранных слов, предъявленных вне контекста; 2) анализ когнитивных стратегий и паттернов движений глаз при распознавании незнакомых иностранных слов в контексте. В обоих исследованиях предполагалось обнаружить изменения характера движений глаз при выполнении перцептивных задач, связанные с использованием различных способов переработки информации.

Первый этап исследования – изучение когнитивных стратегий и паттернов движений глаз при запоминании незнакомых иностранных слов, предъявленных вне контекста

Испытуемые – 31 студент МГУ им. М. В. Ломоносова и Московского государственного лингвистического университета от 18 до 26 лет; первый иностранный язык – английский; уровень английского языка – B1–C1 по шкале CEF. Всего было записано 992 пробы (222 пробы были исключены из последующей обработки в связи с низким качеством записи).

Используемое оборудование – аппарат регистрации движений глаз EyeLink 1000 (фирмы «SR Research»), монокулярная система, частота записи – 500 Hz.

Стимульный материал – слайды с парами слов: русское слово и псевдослово, представленные моноширинным шрифтом Courier New. Псевдослова, состоящие из 7 букв, были созданы в программе Wuggy (Keuleers, Brysbaert, 2010) на основе английских слов, (например, «consike», «remwoud», «stalore»). Русские слова, также состоящие из 7 букв, обозначающие конкретные понятия, были подобраны в Словаре частотности русского языка с $ipm = 8,5-22,8$ (например, «стебель», «коляска», «тетрадь»).

Процедура исследования

После демонстрации инструкции проводилась калибровка аппарата регистрации движений глаз и предъявлялись серии слайдов с парами слов. Время предъявления каждого слайда составляло 7 секунд. Запись движений глаз осуществлялась во время предъявления. Спустя 30 секунд после каждой серии испытуемым давались карточки с русскими словами, на которых они должны были воспроизвести псевдослова (cued-recall task). Затем предъявлялись правильные ответы, и испытуемые давали свободный отчет о процессе запоминания слов.

Регистрируемые показатели

В обработку были включены следующие показатели движений глаз: длительность пребывания на AOI, количество фиксаций на AOI, количество переходов между AOI, регрессионные движения глаз на AOI. Результат воспроизведения оценивался по 14-балльной шкале (за каждую верно воспроизведенную букву начислялся 1 балл, за верный порядок букв начислялся 1 балл за букву).

Когнитивные стратегии запоминания иностранных слов выделялись на основе свободного отчета испытуемых. После воспроизведения псевдослов на основе их русских «эквивалентов» испытуемый давал устный отчет о способе запоминания, который он использовал. Впоследствии способы запоминания были разделены на 3 категории: 1) обращение к графическим признакам слов, 2) запоминание слов на основе их фонетических характеристик, 3) запоминание на основе создания ассоциаций по созвучию к псевдослову. Стратегии, выделенные на основе свободного отчета испытуемых, согласовались с результатами, полученными в предыдущих исследова-

ниях способов запоминания иностранных слов (Atkinson, 1975; Ellis, Beaton, 1993) и уровней переработки информации (Величковский, 1999). В анализ также была включена информация о типах ошибок, совершаемых испытуемыми при воспроизведении псевдослов. Ошибки в воспроизведении были разделены на три основные группы: 1) ошибки графического характера (например, ошибки в буквах верхнего регистра или в буквах, обладающих сходными графическими элементами), 2) ошибки фонетического характера (ошибки в буквах, передающих один звук), 3) ошибки, связанные с ассоциациями (ошибка в «корне» слова). Например, при отчете о запоминании псевдослова «consike», предъявлявшегося в паре с русским словом «тетрадь», испытуемые могли совершить ошибки – «console», «konsike» и «ovessike», которые регистрировались как графические, фонетические и ассоциативные, соответственно.

Результаты исследования

Коэффициент сопряженности между использованными стратегиями и характером совершенных ошибок воспроизведения составил 0,316 ($p < 0,01$), что может свидетельствовать о достаточно высокой осознанности применения техник запоминания. Стратегии оказывали значимое влияние на результат воспроизведения; при этом характер влияния можно описать как уровневый – результат запоминания увеличивался с увеличением «глубины» переработки информации (рисунок 1).

В зависимости от выбранной техники запоминания были выявлены значимые различия в показателях движений глаз испытуемых (таблица 1).

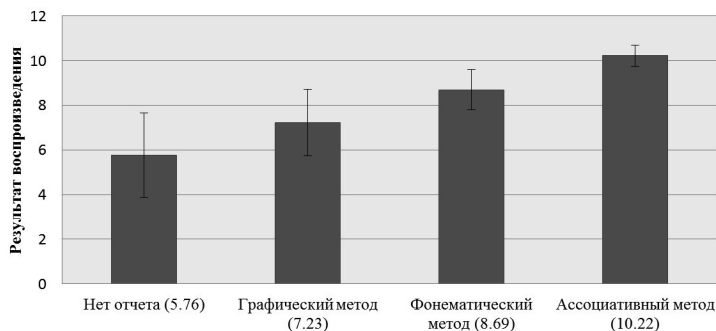

Рис. 1. Средние показатели результативности воспроизведения в зависимости от способов запоминания

Таблица 1
Показатели движений глаз
в зависимости от способа запоминания

Показатели движений глаз	Значимость различий	Графический метод	Фонематический метод	Ассоциативный метод
Количество «переходов» между словами	$F(3, 770)=4,2$ $p<0,05$	2,8 (1,1)	2,9 (1,3)	2,6 (1,2)
Количество фиксаций	$F(3, 770)=13,03$ $p<0,01$	13,0 (3,2)	11,7 (3,5)	12,3 (3,3)
Dwelltime на иностранных словах (мс)	$F(3, 770)=5,9$ $p<0,01$	2993 (890)	2737 (863)	2970 (872)
Количество регрессионных движений глаз в пределах области псевдослов	$F(3, 770)=5,4$ $p<0,01$	3,8 (1,9)	2,9 (1,7)	3,3 (1,6)

При отчете об использовании фонематического метода испытуемые совершали наибольшее количество «переходов» между «областями интереса» – словами русского языка и псевдословами, при этом делая минимальное количество фиксаций и регрессионных движений глаз (рисунок 2). Это может быть связано с фонетическим заучиванием слов в их «связке».

Рис. 2. Пример последовательности движений глаз испытуемого при использовании фонематического способа запоминания

При использовании ассоциативного способа запоминания наблюдалось минимальное количество «переходов» между словами русского языка и псевдословами и сравнительно большое количество фиксаций на псевдословах (рисунок 3). Это может быть связано с тем, что при запоминании через ассоциации предполагается акцент на семантический уровень переработки информации, что обуславливает сравнительно быстрое запоминание русского слова. Таким образом, однажды зафиксировав значение русского слова, испытуемые могли больше к нему не возвращаться, уделяя внимание только новой форме. При этом подобная асимметричность распределения внимания не приводила к ошибкам воспроизведения, связанным с формированием связи с русским словом: в случае, если испытуемый полностью или частично воспроизводил псевдосло-

во, в большинстве случаев (438 из 519) оно было правильно соотнесено с русским словом.

Рис. 3. Пример последовательности движений глаз испытуемого при использовании семантического способа запоминания

Второй этап исследования – изучение когнитивных стратегий и паттернов движений глаз при распознавании незнакомых иностранных слов в контексте

Испытуемые – 26 студентов Московского государственного лингвистического университета от 17 до 22 лет; первый иностранный язык – английский; уровень английского языка – B1-C1 по шкале CEF.

Оборудование – аппарат регистрации движений глаз SMI Red-x, бинокулярная система, частота записи 60 Hz.

Стимульный материал – текст на английском языке, адаптированный под уровень сложности B1, в который были вставлены 10 низкочастотных слов. Воспроизведено исследование Х. Нассаи (2003), в котором испытуемым предлагалось прочитать текст, воспроизвести целевые слова и дать отчет о способе распознавания слов. В нашем исследовании для анализа процесса распознавания слов использовалась аппаратура для регистрации движений глаз.

Процедура исследования

Испытуемым предлагалось прочитать текст на английском языке с последующим ответом на вопросы на понимание содержания текста, после чего предлагался бланк со словами русского языка, в который требовалось вписать их английские эквиваленты из текста (список слов был одинаков во всех пробах – 10 слов с низкой частотностью). Фиксировались результаты свободного отчета испытуемых об используемых стратегиях распознавания значений слов. В процессе чтения текста осуществлялась регистрация движений глаз испытуемых.

Регистрируемые показатели

Результат распознавания значений слов оценивался по бинарной шкале («верно»–«неверно»). В качестве показателей процесса распознавания слов использовались данные о движениях глаз испы-

туемых: количество фиксаций на слове-стимуле и на слайде, длительность пребывания на слове-стимуле и на слайде, количество возвратных движений глаз в область слова-стимула, амплитуды саккадических движений глаз.

Способы распознавания определялись *posthoc* на основе свободного отчета испытуемых. Были выделены следующие стратегии: 1) анализ морфологических характеристик слов (обращение к знакомым морфемам), 2) анализ синтаксических характеристик целевого слова и предложения (обращение к контексту), 3) анализ общего дискурса (обращение к дискурсу). Также был проведен анализ ошибок, допущенных испытуемыми при распознавании значений иностранных слов. Допущенные испытуемыми ошибки были разделены на три категории, соответствующие способам распознавания значений слов: морфологические (слово-ответ имело очевидное сходство с другим словом английского или русского языка, при этом не подходило к контексту предложения); контекстные (слово подходило к контексту предложения, но не являлось правильным переводом с английского); дискурсивные (слово подходило по смыслу к общему дискурсу, однако не подходило по синтаксическим или другим признакам к контексту предложения).

Результаты исследования

Коэффициент сопряженности между использованными способами распознавания и совершенными ошибками составил 0,429 ($p < 0,05$), что говорит об отражении используемых способов на результате распознавания. При распознавании слов на основе анализа контекста преимущественно допускались ошибки, связанные с обращением к контексту (58%); при анализе морфологических характеристик наблюдалось ошибочное распознавание слов на основе известных морфем (60%).

Однако статистически значимых различий в результативности распознавания между стратегиями обнаружить не удалось: при обращении к контексту, морфологическим характеристикам слова и дискурсу процент правильных ответов был равен 29, 28 и 33% соответственно.

В зависимости от выбранного способа распознавания были выявлены значимые различия в показателях движений глаз испытуемых: анализ контекста и анализ морфем способствовали большей длительности фиксаций в области интереса; при анализе контекста также наблюдалось большее количество возвратов в область интереса; если слово распознавалось на основе общего дискурса, или от-

Таблица 2
Показатели движений глаз
при использовании разных стратегий распознавания

Показатели движений глаз	Значимость различий	Анализ морфем (23,1% проб)	Анализ контекста (50,5% проб)	Анализ дискурса (10,9% проб)	Нет отчета (15,5% проб)
Длительность пребывания в области интереса (мс)	F (3, 202)=3,4 p<0,05	2053 (1670)	2188 (1533)	1797 (1250)	1630 (1231)
Количество фиксаций в области интереса	F (3, 202)=5,5 p<0,05	4,0 (3,0)	5,2 (3,5)	3,7 (1,6)	2,6 (1,1)
Количество возвратов в область интереса	F (3, 202)=4,5 p<0,05	2,0 (1,9)	2,5 (2,0)	1,7 (1,4)	0,8 (0,8)
Процент длительности пребывания в области интереса от общего времени пребывания на слайде	F (3, 202)=3,8 p<0,05	0,9%	1,2%	0,9%	0,8%
Процент количества фиксаций в области интереса от общего количества фиксаций на слайде	F (3, 202)=5,0 p<0,05	0,7%	1,0%	0,9%	0,7%

чет об используемом способе распознавания предоставлен не был, в области интереса наблюдалось меньше фиксаций и возвратных движений глаз (таблица 2).

Сравнительно низкие показатели длительности пребывания на иностранных словах при обращении к общему дискурсу могут быть связаны со спецификой данной стратегии: в отличие от анализа морфем и контекста, обращение к дискурсу предполагает распределение внимания не в пользу слова и его ближайшего окружения, а в пользу текста в целом.

Заключение

В данном исследовании было рассмотрено влияние осознанного использования когнитивных стратегий на результат воспроизведения и показатели движений глаз испытуемых. Было обнаружено, что осознанное использование стратегий распознавания и запоминания незнакомых слов иностранного языка (1) приводит к улучшению результата воспроизведения, (2) отражается в характерных паттернах окулomotorной активности. Полученные результаты свидетельствуют в пользу теории уровневой переработки информации

(Величковский, 1999). Характер влияния осознанного использования стратегий на результат воспроизведения также согласуется с исследованиями запоминания иностранных слов вне контекста (Atkinson, 1975; Zang, 2014).

Выявленные в работе стратегии распознавания и запоминания и их окуломоторные проявления при разных способах предъявления материала могут быть использованы для разработки новых методов педагогической диагностики и повышения эффективности обучения лексике иностранного языка. Экспериментальная методика исследования процессов распознавания и запоминания иноязычной лексики через показатели регистрации движений глаз и самоотчеты испытуемых может быть использована при организации исследовательских процедур в экспериментах, посвященных запоминанию и распознаванию вербальной информации на родном и иностранном языке.

Литература

- Барабанщиков В. А., Жегалло А. В. Айттрекинг. Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М., 2014.
- Блинникова И. В., Капица М. С., Леонова А. Б. Психологические исследования информационного поиска в интернет-среде // Мир психологии. 2016. № 4. С. 223–231.
- Величковский Б. М. От уровней обработки к стратификации познания // Вопросы психологии. 1999. № 4. С. 58–74.
- Atkinson R. C. Mnemotechnics in second-language learning // American psychologist. 1975. V. 30 (8). P. 821–828.
- Ellis N. C., Beaton A. Psycholinguistic determinants of foreign language vocabulary learning // Language learning. 1993. V. 43 (4). P. 559–617.
- Frazier L., Rayner K. Making and correcting errors during sentence comprehension: Eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences // Cognitive psychology. 1982. V. 14 (2). P. 178–210.
- Nassaji H. L2 vocabulary learning from context: Strategies, knowledge sources and their relationship with success in L2 lexical inferencing // Tesol Quarterly. 2003. V. 37 (4). P. 645–670.
- Keuleers E., Brysbaert M. Wuggy: A multilingual pseudoword generator // Behavior Research Methods. 2010. V. 42 (3). P. 627–633.
- Rayner K. Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search // The quarterly journal of experimental psychology. 2009. V. 62 (8). P. 1457–1506.

Velichkovsky B. M., Joos M., Helmert J. R., Pannasch S. Two visual systems and their eye movements: evidence from static and dynamic scene perception // Proceedings of the XXVII Conference of the Cognitive Science Society, CogSci 2005. 2005. P. 2283–2288.

Zhang M. An Empirical Study of Applying Associative Method in College English Vocabulary Learning // English Language Teaching. 2014. V. 7 (6). P. 68–73.

Cognitive strategies and eye movement patterns in SL vocabulary acquisition

A. I. Izmalkova, I. V. Blinnikova** (Moscow)*

* Research officer of Laboratory of work psychology at the Department of psychology, Lomonosov state University

** Candidate of psychological sciences, associate professor, senior research officer of Laboratory of work psychology at the Department of psychology, Lomonosov state University

In the research of SL learning cognitive strategies are regarded as way sand methods of vocabulary acquisition. In the current study cognitive strategies, used in SL vocabulary acquisition, were measured and matched with eye movement characteristics – objective means of information processing analysis. Two types of tasks were studied: contextual and non-contextual SL vocabulary learning. The findings indicate that conscious use of SL vocabulary learning strategies leads to better recall and is reflected in specific eye movement patterns. The acquired data enables distinguishing eye movement correlates of cognitive strategies with different depth of processing.

Keywords: cognitive strategies, eye movements, SL vocabulary acquisition, levels of processing.

Оценка индивидуально-психологических характеристик наблюдателя в задачах социальной перцепции в ситуации опосредованного общения¹

Е. А. Лупенко (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Центра экспериментальной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета; e-mail: elena-lupenko@yandex.ru*

Проведено исследование адекватности оценки индивидуально-психологических характеристик наблюдателя, находящегося в ситуации опосредованного общения, на примере восприятия и свободного описания художественного портрета. Получены результаты, которые позволяют предположить, что подобный процесс межличностного восприятия, с точки зрения оценки индивидуально-психологических характеристик наблюдателя, ничем не отличается от реального процесса непосредственного общения.

Ключевые слова: социальная перцепция, когнитивно-коммуникативный подход, опосредованное общение, портретное изображение человека, индивидуально-психологические характеристики.

Введение

Проблема социальной перцепции активно разрабатывается отечественными и зарубежными учеными вот уже более полувека. Совокупность аспектов проблемы социальной перцепции и социально-перцептивной компетентности разнообразна и охватывает актуальные вопросы теоретического, методологического и прикладного плана.

В узком понимании термин означает восприятие одним человеком другого. Таким образом, социальная перцепция, или, в уз-

1 Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-01101 «Оценка эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей личности в процессе общения».

ком смысле, восприятие и понимание людьми друг друга, является неотъемлемой частью процесса взаимодействия людей и одной из центральных проблем межличностного общения.

Довольно часто приходится иметь дело с восприятием личности человека, представленного на фотографии, портрете или скульптурном изображении. Подобная ситуация восприятия лица человека имеет свою специфику, однако, являясь, по сути, актом невербальной коммуникации, как свидетельствуют исследования В. А. Барабанщикова и его коллег, она принципиально сходна, с точки зрения оценки индивидуально-психологических особенностей, с ситуацией непосредственного общения (Барабанщиков, Носуленко, 2004).

Опираясь на положения когнитивно-коммуникативного подхода к исследованию перцептивных процессов (Ломов, 1975; Барабанщиков, 2002; Барабанщиков, Носуленко 2004), можно констатировать, что психологическая оценка человека по выражению лица является функцией многих переменных: а) структуры и состояния его личности; б) морфотипа и экспрессий лица; в) личностных особенностей и функционального состояния наблюдателя; г) структуры и логики развития коммуникативной ситуации. Выражение лица воспринимаемого человека и психологические характеристики наблюдателя взаимообусловлены и влияют друг на друга в ходе развертывания перцептивного события. Структура личности и/или состояние наблюдателя с самого начала включены в детерминацию перцептивного события в виде Я-концепции, потребностей, установок, отношения к другому субъекту, совокупного коммуникативного и эмоционального опыта.

Проблема адекватного восприятия индивидуально-психологических свойств личности по выражению лица, в частности, в условиях викарного (опосредованного) общения, должна рассматриваться в связи с анализом перцептивного события в целом (Барабанщиков, 2002; Барабанщиков, Болдырев, 2007), включающего как объективные (действительные свойства личности коммуниканта), так и субъективные (коммуникативный опыт, Я-концепция) составляющие. Поэтому при восприятии личности другого человека важно учитывать индивидуально-психологические характеристики самого наблюдателя, накладывающие отпечаток на процесс межличностного восприятия и являющиеся предпосылками адекватного понимания партнера по общению (воспринимаемой личности).

По данным В. А. Барабанщикова и его коллег (Барабанщиков, 2009), адекватность оценок выражения лица связана с разными свойствами личности в зависимости от условий восприятия (целое

либо фрагментарное лицо). В частности, эффективная оценка целого лица опирается, в терминах основных факторов 16 RFP Кеттелла, на эмоционально-волевые качества наблюдателя: Q3 – высокий самоконтроль ($p=0,007$). Традиционно его рассматривают как один из наиболее важных показателей прогноза успешности деятельности (там же, с. 311). Связь между индивидуально-психологическими особенностями зрителя и оценками лиц неизвестных ему людей продемонстрирована П. Боркенау и А. Лейблером (Borkenau, Leibler, 1992). Используя преобразованные шкалы «Bigfive» (McCrae, Costa, 1987), они показали наличие значимых корреляций между оценками изображений лица натурщиков и самооценками зрителей по параметру экстраверсия ($r=0,33$) и сознательность ($R=0,32$). Согласно более поздней работе, экстравертированность зрителя является предиктором эффективного восприятия экстравертированности лица, изображенного на фотографии (Penton-Voak, Pound, Little, Perrett, 2006). Установлена также связь между типом темперамента и адекватностью межличностных оценок (Тимохина, Ананьева, 2015). Однако широкой коммуникативной базы, т. е. многообразного сочетания индивидуально-психологических характеристик наблюдателя, обеспечивающего эффективное восприятие личностных черт натурщика, в целом обнаружено не было (Барабанщиков, 2009).

Известно, что портретное изображение человека, благодаря своей специфике (особая способность портрета выделять те черты человеческой личности, которым приписывается смысловая доминанта), по качеству и глубине передачи является намного более сложной и многоуровневой работой, гораздо лучше передающей личность, чем фотоизображение (Лупенко, 2014).

Процесс восприятия и свободного описания художественного портрета, попытка проникновения в личность изображенного персонажа актуализирует и эксплицирует ряд важных с точки зрения коммуникативного процесса индивидуально-психологических характеристик самого наблюдателя, решающего эту задачу. Наиболее полную информацию о специфике выражения лица дает анализ его динамики в реальном времени. Поэтому, второй наблюдатель, анализирующий процесс взаимодействия (викарного общения) первого наблюдателя с личностью, изображенной на портрете, получает непосредственную информацию об особенностях личности первого наблюдателя. Оценка степени адекватности полученной информации об индивидуально-психологических характеристиках наблюдателя в процессе викарного общения явилась основной задачей выполненной работы.

Методы и процедура исследования

В ходе исследования были использованы следующие методы:

- 1) Свободное семантическое описание первым наблюдателем индивидуально-психологических характеристик персонажей, изображенных на художественных портретах, и его вербальный самоотчет о том, на что он опирался при описании. Портретные изображения известных личностей России рубежа XIX–XX вв. (всего 13 портретов) последовательно предъявлялись на экране компьютерного дисплея на неограниченное время в режиме презентации.
- 2) Видеорегистрация поведения первого наблюдателя (видеокамера Panasonic Full HD, частота съемки 50 Гц).
- 3) Просмотр видеозаписи вторым наблюдателем, ее анализ и вынесение суждений об индивидуально-психологических характеристиках первого наблюдателя.
- 4) Тестирование наблюдателей: методика «Личностный дифференциал».
- 5) Анализ адекватности полученных суждений о личности первого наблюдателя с помощью методики сравнения семантических профилей (Барабанщиков, 2009).

Участники исследования – студенты Московских вузов и взрослые – всего 46 человек, мужчины и женщины (28,3% мужчин и 71,7% женщин) в возрасте от 18 до 49 лет; средний возраст – 26,5 лет.

В результате проведенного исследования было получено в сумме 495 свободных описаний портретных изображений, которые зафиксированы на видео.

Результаты исследования

Видеорегистрация поведения наблюдателей, описывающих портретные изображения, позволила зафиксировать широкий спектр их поведенческих реакций и выражения лица, достаточно информативных, чтобы составить впечатление об их личности вторым наблюдателем. Практически не возникало трудностей при определении индивидуально-психологических характеристик лиц, находящихся в описываемой коммуникативной ситуации, несмотря на то, что это было викарное (опосредованное) общение. Зафиксированный с помощью видеосъемки спектр невербальных поведенческих реакций, сопровождающих свободное описание портрета, свидетельствует, во-первых, о живом процессе межличностного общения первого наблюдателя с человеком, изображенным на портрете,

во-вторых, о том, что по видеозаписи этого процесса второй наблюдатель достаточно адекватно смог оценить индивидуального-психологические характеристики наблюдателя, описывающего портретные изображения. Об этом свидетельствуют полученные результаты.

Был проведен сравнительный анализ данных по методике «Личностный дифференциал», полученных при самооценке первого наблюдателя, и данных по той же методике, полученных при оценке первого наблюдателя вторым. При сравнении оценочного профиля наблюдателя 2 и самооценочного профиля наблюдателя 1 получены результаты, свидетельствующие о значительном сходстве данных (см. примеры на рисунках 1–2). Кроме того, был подсчитан коэффициент корреляции между оценками по двум вышеописанным профилям.

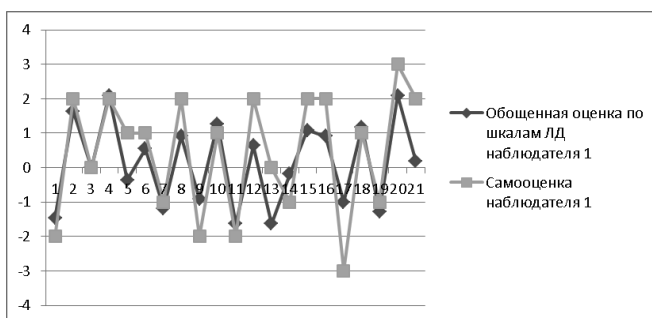

Рис. 1. Обобщенный оценочный профиль по методике ЛД наблюдателя 1 и самооценочный профиль наблюдателя 1 (испытуемый Л. Е. А.)

При этом коэффициент корреляции, по Спирмену, между оценками полученных профилей – $r=0,82$ ($p<0,05$).

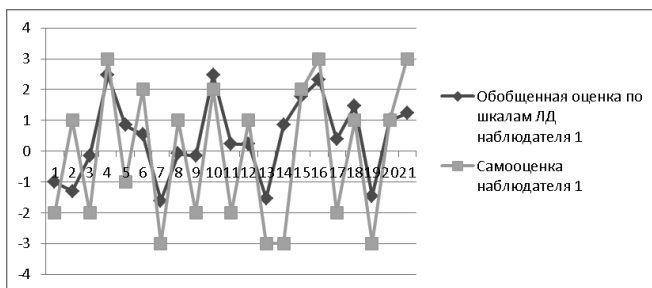

Рис. 2. Обобщенный оценочный профиль по методике ЛД наблюдателя 1 и самооценочный профиль наблюдателя 1 (испытуемый Т. О. В.)

Коэффициент корреляции, по Спирмену, между оценками полученных профилей – $r=0,76$ ($p<0,05$).

Как видно на рисунках 1 и 2, наблюдается значительное сходство полученных оценочных профилей наблюдателя, описывающего личность, изображенную на портрете, и самооценочного профиля этого наблюдателя. Об этом свидетельствуют и данные корреляционного анализа. Высокие коэффициенты корреляции получены при анализе всех оценочных и самооценочных семантических профилей по всем испытуемым. Это говорит об адекватности полученных суждений о личности наблюдателя, находящегося в ситуации опосредованного взаимодействия с персонажем, изображенным на портрете.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

- 1) Сходство семантических профилей, полученных по методике ЛД, свидетельствует об адекватности восприятия личности наблюдателя, находящегося в ситуации викарного (опосредованного) общения с персонажем, изображенным на портрете, и позволяет предположить, что подобное межличностное взаимодействие с точки зрения оценки индивидуально-психологических характеристик наблюдателя ничем не отличается от реального процесса непосредственного общения.
- 2) Процесс восприятия и описания портретного изображения человека открывает обширное поле для психологического исследования и анализа.

Литература

- Барабанщиков В. А.* Восприятие и событие. СПб., 2002.
- Барабанщиков В. А.* Восприятие выражений лица. М., 2009.
- Барабанщиков В. А., Болдырев А. О.* Восприятие выражения лица в условиях викарного общения // *Общение и познание.* М., 2007. С. 15–43.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М., 2004.
- Ломов Б. Ф.* Психические процессы и общение // *Методологические проблемы социальной психологии.* М., 1975. С. 151–165.
- Лупенко Е. А.* Портретное изображение человека как предмет психологического исследования: проблемы и исследовательские подходы // *Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв.*

- ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М., 2014. С. 269–283.
- Тимохина Ю. А., Ананьева К. И.* Роль типа темперамента в адекватности межличностных оценок // Психологические и психоаналитические исследования. М., 2015. С. 205–214.
- Borkenau P., Liebler A.* Trait inferences: sources of validity et zero acquaintance // Journal of personality and social psychology. 1992. V. 4. P. 645–658.
- McCrae R., Costa P. T.* Validation of the five factors model of personality across instruments and observers // Journal of personality and social psychology. 1987. V. 1. P. 81–90.
- Penton-Voak I. S., Pound N., Little A. C., Perrett D. I.* Personality judgments from natural and composite facial images: more evidence for a “kernel of truth” in social perception // Social cognition. 2006. V. 24. P. 607–640.

Assessment of observer’s personal traits in social perception process in the situation of mediated communication

E. A. Lupenko (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer of Institute of experimental Psychology, Moscow city psychological-pedagogical University

A study on adequacy of personal traits assessment was carried out. There were two groups of observers: the observers of the first one had to give free description of art portraits (i.e. they were in the situation of mediated communication), the observers of the other one had to assess the personal traits of the first group observers. Obtained results allow to suppose, that such a process of interpersonal perception, in respect to personal traits assessment, does not differ from actual process of direct communication.

Keywords: social perception, cognitive-communicative approach, mediated communication, portrait of a person, personal traits.

Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека¹

В. И. Моросанова (Москва)

*доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор,
зав. лабораторией психологии саморегуляции, Психологический
институт Российской академии образования; e-mail: morosanova@mail.ru*

Рассмотрены понятия «метапроцесс, метасистема, метарегуляция». Проанализирована специфика структуры метасистемы и входящих в нее субсистем. Развивается ресурсный подход к исследованию осознанной саморегуляции (СР) и обосновывается ее понимание как многоуровневой метасистемы. Она включает субсистемы универсальных и специальных регуляторных компетенций человека осознанно и самостоятельно выдвигать цели и управлять их достижением. Регуляторные субсистемы, в свою очередь, взаимосвязаны с субсистемами когнитивных и личностных ресурсов, интегрируя и опосредствуя их влияние на поведение человека. В этом смысле, осознанная СР как метаресурс не рядоположена с другими видами ресурсов. Она не только вносит вклад в продуктивные аспекты достижения целей, но и является механизмом координации, а также средством медиации и накопления всей палитры индивидуальных психологических ресурсов решения субъектом задач саморазвития, позволяет осознанно использовать индивидуальные ресурсы для изменения своего характера и развития личности.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, метапроцессы, метасистема, ресурсы, достижение цели, саморазвитие.

Задача данной работы – раскрыть современные исследования осознанной саморегуляции в научной школе психологии саморегуля-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 16-06-00562.

ции Психологического института РАО. Теоретическим основанием нашего подхода является представление о психической СР как многоуровневой и динамической метасистеме процессов, состояний и свойств, являющейся инструментом инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвижение и достижение субъектных целей. Система СР имеет свои проекции в различные виды активности человека, специфичность которых определяется используемыми для осуществления регуляции подсистемами психических средств (когнитивных, личностных, темпераментальных и т. д.).

Для нас представляется принципиальным выделение специфически регуляторных процессов и их целостной функциональной системы (Моросанова, 2010). Согласно нормативной модели осознанной СР О. А. Конопкина, ее основными структурными компонентами являются: планирование целей, моделирование значимых условий их достижения, программирование последовательности и способов действий, оценивание и корректирование их результатов. Нетрудно заметить, что этот операциональный уровень СР является, по существу, когнитивным, и во многом аналогичен представлениям о саморегуляции в структурных теориях в когнитивной психологии (Carver, Scheier, 2000). Личностный уровень осознанной СР в нашем подходе представлен инструментальными регуляторно-личностными свойствами, такими как гибкость, надежность ответственность, инициативность, рефлексивность, за которыми стоят индивидуально-типические стратегии поведения. Общее развитие осознанной СР зависит, с нашей точки зрения, как от когнитивного уровня СР, так и от личностного, что отвечает современным тенденциям в разработке интегративных психологических концепций.

Осознанная СР является принципиально рефлексивным психологическим инструментом человека для организации своей активности на основе самоорганизации различных субсистем первичных психических процессов и состояний (когнитивных и личностных), выступающих средствами реализации этой активности. Такой подход позволяет рассматривать осознанную СР как *метасистему*, координирующую различные субсистемы психики человека (когнитивные, эмоциональные и личностные).

Метасистема – сравнительно новое понятие. Метасистема, согласно теории систем, характеризует собой структуру субсистем и является управляющей по отношению к ним. Есть существенные различия в структуре метасистем и субсистем:

- Компоненты каждой из субсистем обязательно взаимосвязаны между собой.

- Компоненты метасистемы (входящие в ее состав subsystemы) в большой степени самодостаточны и связаны друг с другом преимущественно опосредствованно как средства реализации функций метасистемы.
- Во время функционирования subsystemы все ее компоненты в той или иной степени вовлечены в этот процесс.
- В метасистеме функционируют только те ее компоненты, которые необходимы для реализации актуальной цели.

Сам префикс «мета» происходит от древнегреческого слова «meta» и означает буквально «о себе». Например, в информатике метаданные – данные о данных (кто их выдает, когда, какой формат данных используется и т. п.). Этот префикс широко используется в современной науке и практике (математике, химии, физике и др.).

В психологии по отношению к познавательным процессам префикс «мета» (метапамять, метарегуляция, метавнимание) означает процессы, стоящие выше когнитивных процессов. По существу, это когнитивности второго порядка, т. е. знание о собственной когнитивной системе, включающее также и управление ею (Baker, Brown, 1984).

Разрабатывается отдельное понятие метакогнитивной регуляции, позволяющей человеку осуществлять произвольную рефлексивную регуляцию познавательной деятельности (Карпов, 2014; Zimmerman, 1990). В зарубежной психологии прослеживается аналогичная тенденция в отношении таких феноменов, как metacognition, self-regulation and self-regulated learning. Основоположник метакогнитивизма Дж. Флавел рассматривал данный конструкт с позиций когнитивного подхода, А. Браун и Л. Бейкер дополнили его регуляторным компонентом, а А. Бандура – мотивационными переменными.

Осознанная СР человека носит черты метасистемы, так как является психологическим инструментом человека для организации своей активности на основе самоорганизации различных subsystem – как регуляторных процессов операционального и регуляторно-личностного уровня, так и subsystem первичных психических процессов и состояний (когнитивных, личностных, эмоциональных), выступающих средствами реализации этой произвольной регуляторной активности человека активности. В наших многочисленных исследованиях было теоретически обоснованно и эмпирически подтверждено, что от развития осознанной саморегуляции зависит успешность достижения цели в самых разных видах учебной и профессиональной деятельности (Моросанова, 2001, 2007, 2011, 2014). Для изучения типичных для субъекта как личности индивидуальных способов регулирования были разработаны концептуальные представления о стилевых особенностях саморегуляции произвольной

активности, т. е. о тех индивидуальных различиях в регуляторных процессах и регуляторно-личностных (субъектных) качествах, которые устойчиво проявляются в разнообразных жизненных ситуациях и видах активности при выдвижении и достижении субъектно-значимых целей. Их выраженность у человека определяет во многом степень развития осознанной саморегуляции и своеобразие способов достижения целей («как действует человек»). Именно субъектные черты определяют способность человека преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей и, наряду с индивидуальным регуляторным профилем, являются основой для формирования индивидуальных стилей саморегуляции в конкретных видах деятельности. Они могут осознаваться субъектом активности и превращаться в психологические ресурсы – сначала в ресурсы достижения целей поведения, а по мере взросления и накопления опыта – в ресурсы саморазвития. Именно возможность изменения степени субъектной активности и преодоление на этой основе негативных для достижения цели индивидуальных особенностей темперамента и характера – это и есть сущностная характеристика человека как субъекта достижения цели (Моросанова, 2010). Особую роль в этом приобретает развитие субъектных (регуляторно-личностных) качеств индивидуальности и самосознания как отражения ее личностной направленности. Они являются ресурсом индивидуальности и основой множества индивидуальных стилей в разных видах деятельности (Моросанова, 1995–2011). Развивая эти положения, мы пришли к выводу о том, что осознанная саморегуляция является универсальным ресурсом достижения целей и саморазвития человека, что и привело нас к разработке ресурсного подхода (Моросанова, 2012, 2014).

Широкое понимание ресурсов – это любые свойства человека, которые могут использоваться человеком для решения определенной задачи. Для того чтобы сузить это определение, не расширять его до всего потенциала индивидуальности человека, мы определяем психологические ресурсы через свойства ресурсности. Анализ литературы показал, что такие свойства могут человеком накапливаться, распределяться, расходоваться и восстанавливаться (Моросанова, 2014).

Нетрудно заметить, что основные характеристики ресурсности присущи осознанной СР произвольной активности человека по определению. Действительно, осознанная СР *целесообразна*, так как именно цель является для нее системообразующим фактором; *инструментальна*, поскольку является психологическим средством достижения цели; *потенциально осознаваема*, как в отношении

собственно регуляторных процессов, так и внутренних и внешних средств ее реализации. Распределяемость осознанной СР как ресурса показана в исследованиях коллективного субъекта труда А.Л. Журавлёва, когда для достижения общей профессиональной цели регуляторные функции выполняются различными членами рабочей группы. Эффекты истощения осознанной СР и ее способность к восстановлению как ресурса были выявлены и описаны Н.Ф. Кругловой при исследовании утомления и его преодоления в экспериментальных условиях монотонии. Подобные эффекты были получены А.А. Обозновым с соавторами при исследовании решения задач операторского профиля в особых условиях, т. е. при эпизодическом воздействии экстремальных факторов рабочей среды – пилотажных перегрузок, монотонности обстановки, дефицита времени, информационных перегрузок.

Ресурсная природа СР проявляется в существовании зависимости продуктивных аспектов достижения целей от совершенства и развитости системы осознанной СР. Этот факт подтвержден результатами исследований сотрудников и аспирантов лаборатории психологии СР Психологического института РАО, вне зависимости от того, на материале каких видов деятельности или активности они проводились.

По-видимому, можно говорить об *универсальном* регуляторном ресурсе как комплексе индивидуальных универсальных компетентностей человека осознанно и самостоятельно выдвигать цели и управлять их достижением. Они включают навыки и умения планировать цели, моделировать значимые условия их достижения, программировать, оценивать и корректировать действия и их результаты, а также регуляторно-личностные свойства – по существу, инструментальные субъектные черты, за которыми стоят типичные для человека способы регуляции поведения и отношений с окружающим миром. Эти компетентности имеют в качестве своей дифференциальной основы когнитивные особенности человека, а также особенности темперамента, характера и самосознания человека, мобилизуя, интегрируя и опосредствуя их влияние на поведение человека.

Универсальный регуляторный ресурс является продуктом концептуализации опыта СР достижения разнообразных целей в различных условиях жизнедеятельности. Он является важнейшим источником и механизмом создания и накопления другого чрезвычайно важного в рассматриваемом контексте вида психологических ресурсов – *специальных* регуляторных ресурсов достижения различных целей (профессиональных и учебных).

Специальные регуляторные ресурсы имеют принципиально то же строение, что и универсальный ресурс. Они могут быть различной степени конкретности вплоть до ресурсов разрешения конкретных жизненных ситуаций. Принципиальным в данном контексте является то, что универсальный ресурс в большей степени отражает уровень развития и стилевые особенности СР в их взаимосвязи с их дифференциально-психологической основой (когнитивной и личностной), а также включает совокупность накопленных в опыте регуляторных компетенций достижения разнообразных целей. В отличие от этого, специальный регуляторный ресурс соответствует лишь определенному классу целей или даже одной конкретной задаче. Его содержание и степень развития носит отпечаток требований активности, необходимых для достижения системообразующей цели создания или актуализации ресурса.

Для исследования стилевых особенностей СР был разработан опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ» (Моросанова, 1988–2004). Именно этот базовый опросник позволяет измерить и оценить *универсальный* индивидуальный регуляторный ресурс человека. Для исследования развития и стилевых особенностей СР учебной деятельности и некоторых видов профессиональной деятельности созданы специальные версии данного опросника, которые нацелены на выявление *специальных* регуляторных ресурсов: «Саморегуляция подготовки спортсмена, СПС», «Стиль саморегуляции студентов, ССС», «Саморегуляция в избирательной компании депутата, СИК», «Стилевая саморегуляция подростка» (Моросанова, Бондаренко, 2015).

Результаты наших многочисленных эмпирических исследований верифицируют развиваемые нами представления об осознанной СР как *метаресурсе* достижения целей человека в разнообразных сферах его жизнедеятельности. На материале многочисленных исследований активности человека в разных сферах жизнедеятельности – в спорте высших достижений, в политике, в экстремальных видах деятельности, в деятельности преподавателей в средней и высшей школы – было показано, что от развития регуляторных метаресурсов зависят продуктивные аспекты любого вида практической деятельности человека (Моросанова и др., 2001–2016). В известных нам классификациях психологических ресурсов *регуляторные* ресурсы выделяются в числе субъектных, хотя в их описание вкладывается различное содержание (Хазова, Дорьева, 2012; Сергиенко, 2011). С нашей точки зрения, универсальный регуляторный ресурс является не рядоположенным с остальными видами ресурсов и резервов индивидуальности человека (личностными, когнитивными, средо-

выми, мотивационными, ценностными и т. д.). Этот ресурс является механизмом мобилизации всех остальных видов психологических ресурсов на достижение результата.

Регуляторные ресурсы следует отличать от психологического потенциала (Д. А. Леонтьев) наблюдаемых и оцениваемых свойств индивидуальности (например, способностей), которые выступают в качестве *резерва* для формирования психологических ресурсов. Человек может наделить их ресурсной ролью, если они будут осознанны и использованы как средство решения какой-либо задачи.

Осознанная СР является метаресурсом, так как не рядоположена с другими видами ресурсов. В этом смысле, СР является метасистемой разного рода подсистем психологических ресурсов, так как она не только вносит вклад в продуктивные аспекты, но и является медиатором связей с ними когнитивных и личностных особенностей, средством и механизмом координации всей палитры индивидуальных психологических ресурсов для достижения принятых субъектом задач (Моросанова, Фомина, 2016).

Чрезвычайно важной представляется роль метаресурса саморегуляции не только в обучении и воспитании, но и в процессах личностного саморазвития и профессионального самоопределения. Метаресурс СР является тем психологическим средством человека, которое позволяет осознанно использовать свои индивидуальные ресурсы для изменения своего характера и развития личности.

В практическом плане, исследование регуляторных метаресурсов дает новые ориентиры в развитии компетентного подхода, выдвигая практическую задачу, с одной стороны, формирования универсальных ресурсов как развитой системы компетентностей осознанно и ответственно выдвигать цели своей активности, а также самостоятельно и настойчиво добиваться их достижения, с другой стороны, формирования представления о специальных регуляторных компетенциях и связанных с ними подсистем других психологических ресурсов, необходимых для овладения различными видами профессиональной и учебной деятельности. Начинаться эта важная работа должна с системы образования, с разработки технологии развития и актуализации осознанной СР, обеспечивающей самостоятельность учащихся в учебной деятельности, способствующей развитию их субъектной активности, способности самостоятельно выдвигать цели, ставить и последовательно добиваться решения поставленных задач в учении, личностном самовоспитании и профессиональном самоопределении.

Литература

- Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию: Учебное пособие. М., 2015.
- Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М., 2010.
- Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция человека как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. С. 16–38.
- Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М., 2015.
- Моросанова В. И., Фомина Т. Г. Осознанная саморегуляция в системе психологических предикторов достижения учебных целей // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 124–135.
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Хазова С. А., Дорьева Е. А. Ресурсы субъектности: теория и практика исследования. Кострома, 2012.
- Baker L., Brown A. L. Metacognitive skills and reading // Handbook of Reading Research 3. Longman Press, 1984. P. 353–394.
- Carver C. S., Scheier M. F. On the structure of behavioral self-regulation // Hand book of self-regulation / Eds M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. San Diego: Academic Press, 2000. P. 42–80.
- Zimmerman B. J. Self-regulated learning and academic achievement: An overview // Educational psychologist. 1990. T. 25. № 1. С. 3–17.

Conscious self-regulation as a meta-system of psychological resources in goal achievement and self-development

V. I. Morosanova (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, head of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

A proper consideration is given to the concepts of metaprocess, metasystem, metaregulation. The article proposes a deep analysis of the metasystem specific structure including its subsystems. The resource approach is developed to the conscious self-regulation (SR) research and the basis is given to its understanding as a multilevel metasystem. It consists of the subsystems of the universal and specific regularity competencies of a person that allow for conscious and independent goals setting and their

achievement. Regulatory subsystems, in their turn, are interconnected with the subsystems of cognitive and intrapersonal resources, integrating them and mediating their influence on the human behaviour. In this sense, the conscious SR is not in one row and not equal with the other types of resources. It doesn't only contributes to the productive aspects of the goal achievement, but also represents a mechanism for coordinating and a means of mediating and accumulating all the diversity of individual psychological resources in solving the subject's tasks of self-development allowing to consciously using individual resources in changing his character and developing his personality.

Keywords: conscious self-regulation, metaprocess, metasystem, resource, goal achievement, self-development.

Возрастные различия осознанной саморегуляции учебной деятельности¹

*В. И. Моросанова**, *Т. Г. Фомина***, *М. Л. Ованесбекова**** (Москва)

** доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор,
зав. лабораторией психологии саморегуляции,
Психологический институт Российской академии образования,
e-mail: morosanova@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии саморегуляции,
Психологический институт РАО; e-mail: tanafomina@mail.ru*

**** младший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции,
Психологический институт РАО; e-mail: ovanesbekova@mail.ru*

Обсуждается актуальность исследования возрастной специфики осознанной саморегуляции учебной деятельности. Представлены эмпирические данные о возрастных различиях саморегуляции учебной деятельности у учащихся с 6 по 11 классы (N=606). Показана нелинейность изменений саморегуляции учебной деятельности и ее стилевых особенностей в период обучения в средней и старшей школе. Эта нелинейность свойственна возрастному изменению как общего уровня саморегуляции, так и отдельным ее характеристикам. Наиболее высокий уровень саморегуляции и отдельных ее показателей наблюдается у младших подростков, что может быть связано с динамикой целей в разном возрасте. Младшие подростки в большей степени задействуют регуляцию при решении учебных задач, в то время как саморегуляция старших подростков направлена на решение задач социального взаимодействия и профессионального самоопределения.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, возрастные различия, учебная деятельность, подростковый возраст.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00562.

Введение

Исследование специфики развития осознанной саморегуляции (СР) учебной деятельности в различные периоды школьного обучения является актуальной проблемой, как общей психологии, так и психологии образования. Научная значимость этой проблемы обусловлена наличием лишь разрозненных данных относительно возрастной специфики СР учащихся, что определяет необходимость создания целостной картины развития осознанной саморегуляции в условиях образовательной среды.

Результаты предыдущих исследований дают основание полагать о существовании нелинейности изменений СР учебной деятельности и ее стилевых особенностей. Эта нелинейность свойственна возрастному изменению как общего уровня СР, так и отдельным ее характеристикам.

Организация и методика эмпирического исследования

Целью нашего исследования является изучение возрастных особенностей осознанной саморегуляции в подростковом возрасте, границы которого в настоящее время определяются в диапазоне 12–18, что соответствует обучению в 6–11 классах общеобразовательной школы. Это позволяет оценить общие тенденции в выраженности регуляторных характеристик в подростковом возрасте, что является первым шагом на пути к пониманию возрастных особенностей саморегуляции учебной деятельности.

Общую выборку исследования составили 606 человек: 6 классы – 99 человек; 7 классы – 126 человек; 8 классы – 143 человека; 9 классы – 115 человек; 10 классы – 87 человек; 11 классы – 36 человек.

Теоретическая основа исследования

Наше исследование опирается на подход, согласно которому осознанная СР понимается как интегративный когнитивно-личностный конструкт (Моросанова, 2014–2016). Она включает, с одной стороны, систему когнитивных процессов переработки информации, включающих планирование целей, моделирование значимых для их достижения условий, программирование действий, оценивание и корректирование результатов, с другой стороны, – своеобразные инструментальные личностно-регуляторные свойства: гибкость, самостоятельность, надежность, ответственность и др.

Методика исследования

Для оценки развития осознанной саморегуляции был использован опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (Моросанова, Бондаренко, 2015). Он включает 67 утверждений, описывающих типичные ситуации достижения учебных целей. Утверждения опросника сгруппированы в 10 шкал: Планирование, Моделирование, Программирование, Оценка результатов, Гибкость, Инициативность, Надежность, Ответственность, Социальная желательность, Общий уровень саморегуляции.

Результаты исследования

Для выявления значимых различий был проведен дисперсионный анализ по всем регуляторным характеристикам, которые оценивались в исследовании. Для удобства анализа рассмотрим их в следующей последовательности: возрастные различия в выраженности показателей регуляторных процессов, свойств, общего уровня осознанной саморегуляции.

На рисунке 1 представлены графики средних значений по всем классам для показателей регуляторных процессов планирования, моделирования, программирования и оценки результата.

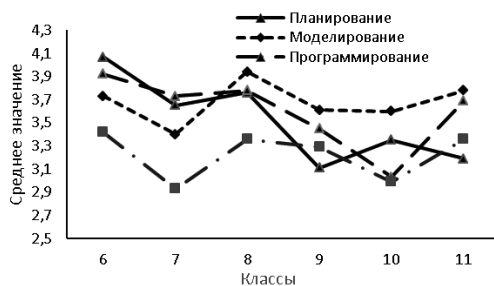

Рис. 1. Показатели средних значений регуляторных процессов у учащихся 6–11 классов

Как видно из графиков, показатели средних значений регуляторных процессов выше у учащихся 6 классов (кроме моделирования). Этот эффект оказывается наибольшим при сравнении шестиклассников со старшеклассниками (9–11 классы) – значимые различия выявляются по показателям планирования ($p \leq 0,01$) и программирования ($p < 0,01$). У учащихся старших классов показатели шкал «Планирование» и «Программирование» оказываются значимо ни-

же еще и по сравнению с учащимися 7–8 классов: в показателях планирования у 9-классников зафиксированы значимые различия с учащимися 7 ($p=0,043$) и 8 ($p=0,043$) классов; в показателях программирования у 10-классников – значимые различия с учащимися 7 ($p=0,038$) и 8 ($p=0,005$) классов. Кроме того, на графиках отчетливо прослеживается резкое снижение в показателях моделирования и оценки результатов у учащихся 7 классов: значимые различия с 8 классом ($p=0,015$, $p=0,043$). Можно предположить, что на разных этапах школьного обучения, в зависимости от специфики учебных задач, некоторые регуляторные процессы обеспечивают более эффективную организацию деятельности.

На рисунке 2 представлены графики средних значений по всем классам для показателей регуляторно-личностных свойств – гибкости, надежности, ответственности и инициативности.

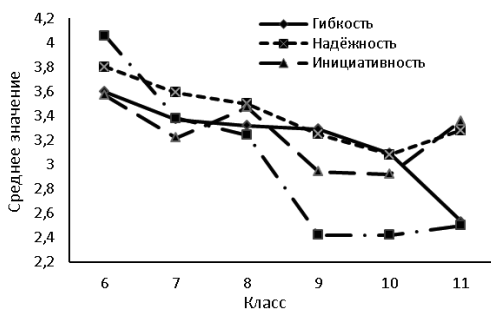

Рис. 2. Показатели средних значений регуляторных свойств у учащихся 6–11 классов

Что касается регуляторно-личностных свойств, то наблюдается отчетливое снижение от 6 к 11 классу показателей гибкости, надежности и ответственности. У учеников 11 класса значимо ниже показатели гибкости по сравнению с учениками 6 ($p=0,001$), 7 ($p=0,009$) и 8 ($p=0,006$) классов. Показатели надежности значимо ниже у учащихся 10 классов, чем у учащихся 6 ($p=0,003$) и 7 ($p=0,039$) классов. По шкале «Ответственность» выявлено наибольшее количество значимых различий. Средние значения этого регуляторного свойства у учеников 6, 7 и 8 классов превосходят средние значения учеников 9, 10 и 11 классов ($p \leq 0,016$ для всех пар кроме сравнения 8 и 11 классов, у которых $p=0,044$). Также по этому параметру значимо различаются показатели учащихся 6 и 7 классов ($p=0,014$). Что касается инициативности, то можно отметить повышение показателя в 8 классе и затем к 11 классу. Значимые различия выявлены меж-

ду учащимися 6 и 9 ($p=0,000$), 6 и 10 ($p=0,000$), 8 и 9 ($p=0,011$), 8 и 10 ($p=0,014$) классов.

На рисунке 3 представлены средние значения общего уровня саморегуляции с 6 по 11 классы.

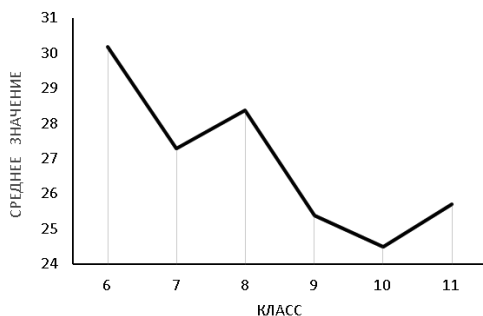

Рис. 3. Показатели средних значений общего уровня саморегуляции у учащихся 6–11 классов

На рисунке видна общая тенденция в постепенном снижении осознанной СР учебной деятельности от 6 к 11 классу. Значимые различия выявляются преимущественно при сравнении шестиклассников с учащимися 9–11 классов ($p<0,01$).

Обсуждение результатов

В ходе исследования были получены данные о более высоких показателях по регуляторным процессам и свойствам у младших подростков по сравнению со старшими. Этот результат может объясняться помощью в организации и контролем осуществления учебной деятельности со стороны родителей и учителей у шестиклассников. В дальнейшем это влияние снижается, поскольку у подростков растет потребность в автономии на фоне снижения самоорганизации в пубертатном периоде развития. Исходя из полученных данных, можно предположить, что сепарация от родителей в процессе саморегуляции учебной деятельности происходит именно в 7 классе.

Анализ данных возрастных различий регуляторно-личностных свойств, по всей видимости, должен проводиться в контексте динамики мотивации и отношения к учению. Тенденция снижения мотивации учебной деятельности в подростковом и старшем школьном возрасте – это установленный факт. Поощряемое в среде сверстников равнодушное отношение к учебной деятельности, показное

пренебрежение своими обязанностями как ученика, игнорирование выполнения домашнего задания и т. п. ведет к снижению проявлений инициативности, ответственности и надежности именно в отношении учебы, поскольку в других сферах может наблюдаться обратное (общение, увлечения и пр.).

Рассмотрение специфики осознанной саморегуляции учебной деятельности невозможно без учета возрастных психологических особенностей учащихся, факторов и условий их развития. Мы предполагаем, что получение столь низких показателей процессов и свойств СР в 9–10 классах может быть связано, с одной стороны, с изменением мотивационной направленности учащихся, с другой стороны, как ни странно, с возросшими навыками саморегуляции у школьников. Учащиеся 9–10 классов меньше ориентированы на учебу, как таковую, а в большей степени – на социальное взаимодействие; также происходит их постепенная переориентация на профессиональную деятельность, мотивация которой существенно отличается от учебной мотивации. Кроме того, к 10 классу осознанная саморегуляция у школьников может становиться более автоматизированной: они уже знают, что нужно сделать, чтобы успешно учиться, поэтому им не требуется развернутая деятельность по мониторингу значимых условий, программированию действий и оценке результатов. В связи с этим внешне их саморегуляция может выглядеть более бедной по сравнению с учащимися средних классов (что и отражается при заполнении ими опросника), однако, результативность такой СР окажется выше. У учащихся 11 классов осознание необходимости получения аттестата зрелости приводит к возрастанию значимости учебных целей и повышению саморегуляции учебной деятельности.

Заключение

Эмпирические данные подтвердили нелинейность изменений уровня развития осознанной СР и ее стилевых особенностей в период обучения в средней и старшей школе: высокий средний уровень развития СР у младших подростков, снижаясь на средней ступени обучения, имеет тенденцию к повышению в выпускных классах. Интерпретация этих результатов требует в дальнейшем сопоставления полученных возрастных различий с личностными и мотивационными особенностями подростков разных возрастов, с динамикой успешности обучения и отношения к учебе.

Литература

Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция человека как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // Теоретическая и экспериментальная психология 2014. № 4. С.16–38.

Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М., 2015.

Age differences in the conscious self-regulation of the learning activity

*V. I. Morosanova**, *T. G. Fomina***, *M. L. Ovanesbekova**** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, head of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

** Candidate of psychological Sciences, leading researcher of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

*** Junior research officer of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The age specifics of the conscious self-regulation (SR) of the learning activity is of current importance in today's educational problems research. The study presents empirical data on the age differences of the learning activity SR in the students of 6–11 grades (N=606). The results demonstrate a non-linear character of changes in the learning activity SR and its stylistic features throughout the education period of the middle and high school. The revealed non-linearity is characteristic of the age changes of both general SR level and its specific features. The highest levels of SR and its characteristics are observed in the young adolescents that can be explained by the specific goals dynamics in different ages. The self-regulation of the younger adolescents is focused mainly on the learning goals achievement whereas the senior adolescents SR is directed to solving social interaction problems as well as professional self-determination

Keywords: conscious self-regulation, age differences, learning activity, adolescence.

Воспринимаемое качество городской акустической среды¹

*В. Н. Носуленко**, *Е. С. Самойленко*** (Москва)

** доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: valery.nosulenko@ipras.com*

*** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН e-mail: elena.samoilenko@ipras.com*

В статье представлены некоторые результаты эмпирического исследования, направленного на выявление составляющих воспринимаемого качества акустической среды у жителей г. Москвы. Теоретической и методологической базой исследования были идеи Б. Ф. Ломова о взаимосвязи познания и общения, а также разработанные на их основе перцептивно-коммуникативный подход и парадигма воспринимаемого качества. Показаны результаты опроса жителей г. Москвы, с использованием качественного и количественного инструментария (методы закрытых и открытых вопросов, метод незаконченных предложений, методы шкальных оценок и ранжирования). Обсуждены основные подходы к изучению воздействия на человека акустической среды (подход управления шумом и подход создания «звуковых ландшафтов»). Определены методы и технологические возможности создания библиотеки акустических событий, репрезентативных для городской среды.

Ключевые слова: познание и общение, воспринимаемое качество, вербализация, акустическая среда, технологии записи звука.

Постановка проблемы

Юбилей Института психологии РАН совпал с 90-летием его основателя – Бориса Фёдоровича Ломова. Такое событие побудило авто-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-05499 «Воспринимаемое качество акустической среды в условиях ее техногенных изменений».

ров этой статьи, которым посчастливилось с самого начала работать руководством Б. Ф Ломова, изложить некоторые результаты современного применения некоторых идей Учителя. Речь идет о развитии проблематики «Познание и общение», занимавшей особое место в творчестве Б. Ф Ломова (Ломов, 1980, 1984). Положение о том, что в общении люди обмениваются своими образами и представлениями, а значит, и формируют их, открывает путь изучения познания через анализ коммуникативных процессов. Ведь то, что мы воспринимаем, мыслим или переживаем, определяется тем, как и с кем мы общаемся. Включение общения в структуру эмпирического исследования познавательных процессов делает изучаемую ситуацию более приближенной к реальным условиям жизни и деятельности людей. При этом общение в такой *коммуникативной ситуации* становится источником данных о характеристиках познавательных процессов (Носуленко, Самойленко, 2012; Самойленко, 2010).

Исследовательская парадигма, включающая коммуникативную ситуацию в структуру эмпирического исследования познавательных процессов, является *парадигмой «воспринимаемого качества»* естественного окружения человека (Носуленко, 2007). В воспринимаемом качестве отражается совокупность субъективно-значимых, сущностных для индивида, свойств объекта или события. Изучение воспринимаемого качества направлено на выявление тех составляющих внешней среды, которые характеризуют для субъекта их качественную определенность. В рамках этой парадигмы, в отличие от традиционной психофизики, анализ направлен не на получение зависимостей между искусственно моделируемым стимулом и впечатлениями человека, а на установление связи между событиями повседневной жизни людей и воспринимаемым качеством этих событий.

Таким образом, воспринимаемое качество становится своеобразным «измерительным инструментом» эмпирического исследования, позволяющим в коммуникативной ситуации раскрыть субъективный мир человека и оценить внешние явления с точки зрения отношения к ним субъекта. В основе применения такого «инструмента» лежит метод анализа вербализаций, продуцируемых человеком в общении при характеристике и сравнении воспринимаемых объектов или событий, а также многочисленные процедуры, позволяющие учитывать невербальное поведение людей и включенность контекста (Самойленко, 2010). Необходимым элементом коммуникативной ситуации и одним из главных условий получения репрезентативных данных для изучения познавательных процессов является вербальное сравнение, характеристики которого оказались значимыми индикаторами субъективно оцениваемой ве-

личины различия воспринимаемых объектов и событий (Носуленко, 2007; Технологии сохранения..., 2016; Носуленко, Самойленко, 2012; Самойленко, 2010; Lahlou, Nosulenko, Samoilenko, 2012; Nosulenko, Samoilenko, 2011).

Один из проектов, инициированных благодаря развитию идеи Б. Ф. Ломова об общении как особой стороне бытия человека, направлен на изучение техногенных изменений в акустической среде, которые происходят в современном мегаполисе. Главные задачи проекта: 1) разработка подходов и методов мониторинга и прогнозирования состояния акустической среды города; 2) выявление составляющих акустической среды, которые связаны с опасными для психического здоровья человека источниками; 3) разработка методов и определение технологических возможностей создания «библиотеки» акустических событий, репрезентативных для городской среды.

Рассмотрим некоторые результаты реализации этого проекта.

Два подхода к изучению акустической среды города

Значительное количество экологически направленных исследований акустической среды посвящено вопросам изучения, мониторинга и трансформации акустической среды. Их анализ дан в наших предыдущих работах (Носуленко, 2007; Носуленко, Самойленко, Выскочил, 2016).

Среди исследований городской акустической среды выделяются два основных подхода. Один из них рассматривает городской шум как некоторый «загрязняющий» среду продукт и может быть назван подходом управления шумом (noise management). Другой подход, который получает все большее распространение, называется подходом создания «звуковых ландшафтов» (sound scape approach). Согласно последнему, звук является, прежде всего, ресурсом, таким же как вода, воздух или почва. Управление ресурсом предполагает его рациональное использование, защиту и усиление в случае необходимости. Оно фокусируется, в первую очередь, на обеспечении полезности ресурса для человека и на его влиянии на качество жизни как для сейчас живущих, так и для будущих поколений.

Другое фундаментальное различие в этих двух подходах связано с тем, какие результаты воздействия звука на человека изучаются в первую очередь. В подходах, рассматривающих шумовое воздействие акустической среды, изучаются неблагоприятные воздействия среды на человека (или шире – на живую природу). Речь идет о звуках, вызывающих дискомфорт: нарушение сна, раздражение, неблагоприятные физиологические эффекты, прерывание

коммуникации или когнитивных процессов и т. д. В отличие от этого, подходы «звукового ландшафта» направлены на анализ звуков, оказывающих благоприятное влияние, от которых люди получают удовольствие, которые способствуют улучшению здоровья, повышению качества жизни или облегчению условий деятельности людей. Исследования в этой области в значительной степени направлены на выявление предпочитаемых звуков, но не только. Предмет интересов подхода «звукового ландшафта» может включать анализ привязанности людей к определенному месту жизни и деятельности, изучение возникновения чувства гармонии или единения с природой благодаря восприятию звуков природной среды. При этом в разных местах и контекстах человеческие предпочтения к звукам акустической среды могут сильно различаться (Soundscape of European Cities and Landscapes, 2013)

Тенденциям таких исследований отвечает парадигма воспринимаемого качества, выбранная для реализации проекта. Анализ воспринимаемого качества направлен на идентификацию именно тех составляющих акустической среды, усиление или возникновение которых связано с появлением звуков, оказывающих благоприятное воздействие на человека или, наоборот, «загрязняющих» среду акустических событий (Носуленко, 2007). Предложенный в рамках парадигмы воспринимаемого качества исследовательский инструментарий интегрирует качественные и количественные методы, апробированные в исследованиях технологического окружения человека при изучении эмоционально окрашенных акустических событий, а также звуков, преобразованных средствами звукозаписи. С помощью этих методов, связанных, прежде всего, с процедурами вербализации, выявляется содержание и дается количественная оценка значимости составляющих (в том числе – эмоциональных) воспринимаемого качества акустических событий.

Необходимым результатом такого исследования должна стать «библиотека» акустических событий городской среды, расклассифицированных по основаниям их аффективного воздействия на человека и общего вклада в «загрязнение» окружающей среды или в формирование факторов ее благоприятного влияния на человека.

Процедура и метод исследования

На первом этапе исследования применялся комплексный опросник, особенность которого заключается в интеграции пяти методов опроса: метод закрытых вопросов; метод открытых вопросов; метод незаконченных предложений; метод шкальных оценок; ме-

тод ранжирования (Носуленко, Самойленко, Выскочил, 2016). Совокупность этих методов позволяет одновременно собирать качественные и количественные данные. Закрытые вопросы, шкальные оценки и ранжирование обеспечивают возможность количественного анализа эмпирического материала. Открытые вопросы и незаконченные предложения дают богатую качественную информацию, касающуюся детальной характеристики акустической среды. Эта информация подвергалась индуктивному контент-анализу (Самойленко, 2010), результаты которого способствуют более четкой интерпретации количественных данных и выявлению значимых составляющих воспринимаемого качества изучаемого объекта, сгруппированных в соответствии с основными направлениями опросника. Например, раздел опросника «Ваше отношение к звуковому окружению» содержал следующие незаконченные предложения: 1) «Среди окружающих меня звуков я наиболее часто обращаю внимание на...»; 2) «Среди окружающих меня звуков самое приятное впечатление вызывают...»; 3) «Среди окружающих меня звуков самое неприятное впечатление вызывают...»; 4) «Среди окружающих меня звуков раздражение (гнев) вызывают...»; 5) «Среди окружающих меня звуков радость вызывают...»; 6) «Среди окружающих меня звуков страх вызывают...»; 7) «Среди окружающих меня звуков отвращение вызывают...»; 8) «Среди окружающих меня звуков интерес вызывают...»; 9) «Среди окружающих меня звуков чувство страдания вызывают...»; 10) «Среди окружающих меня звуков чувство стыда вызывают...».

Результаты исследования

Обработка данных опроса 280 респондентов, жителей московского региона, показала следующие результаты о воспринимаемом качестве акустической среды, которое сформировалось у москвичей, участвовавших в опросе.

Около 40% опрошенных отмечают негативное влияние звука, как в месте проживания, так и на работе. Почти 80% участников считают, что существует риск изменения звуковой среды в сторону ухудшения условий жизни. При этом только 30% видят перспективу изменений в сторону улучшения условий проживания. Персонально ответственными за негативные изменения в звуковой среде считают себя менее 15% участников. Действия городских властей в отношении звукового окружения в 89% случаев оцениваются как незаметные или негативные. При этом социальная активность самих жителей оказывается очень низкой: только 9% участников обращались

к властям по поводу проблем, возникающих по месту жительства, 3% – на работе и 8% – во время отдыха, хотя в половине случаев отмечается положительный эффект подобных обращений.

Около 80% опрошенных оценивают свое звуковое окружение шумным, но при этом комфортным. Более 80% опрошенных отмечают сильное воздействие на человека, как звуков, которые приятны, так и неприятных. Наиболее важными характеристиками акустической среды, определяющими негативное воздействие звука, отмечаются следующие: интенсивность звука (94%); время звукового события (82%); физиологическое или психологическое воздействие (88%); место звукового события (76%); связь с личными интересами (76%); наличие постоянного звукового фона (74%). При этом участники опроса предъявляют относительно высокие требования к качеству акустической составляющей окружающей среды (80% участников указали важность этого показателя). Это оказалось сопоставимо с оценками важности других экологических показателей, таких, как качество воздуха (96% участников отмечают его важность), влажность воздуха (89%), температура среды (91%) и ее общее загрязнение (92%).

Среди окружающих звуков хорошо слышимыми являются транспортные шумы (68%), строительные работы (63%), звуковоспроизводящие устройства (62%) и разговоры людей (79%). В меньшей степени слышны звуки спортивных событий (12%) и звуки бытовых приборов (35%). Звуки природы хорошо слышат в своем окружении только 39% опрошенных. При этом 86% участников отмечают высокую степень присутствия искусственных звуков.

Что касается транспортных шумов, то наиболее сильное негативное воздействие на человека, согласно мнению участников исследования, оказывает метро (75%). Оценки негативного воздействия других видов городского транспорта распределяются следующим образом: трамвай (59%), маршрутное такси (56%), автобус (53%), такси (39%) и троллейбус (38%). Более 50% опрошенных достаточно критично относятся к личному транспорту; при этом данные анализа свободных описаний показывают, что такая оценка касается не шума, производимого автомобилем во время движения в общем транспортном потоке, а ситуаций работы двигателя и звуковых устройств автомобиля во время стоянки вблизи жилых помещений («газующий двигатель», «проверка сигнализации», «гудки клаксона»).

Материалы, полученные в ответах на незаконченные предложения, обрабатывались при помощи процедуры индуктивного контент-анализа (Самойленко, 2010), специально адаптированной для данного исследования. Для осуществления открытого кодиро-

вания вербальных единиц разработана компьютерная программа поддержки кодирования, которая позволяет группировать вербальные единицы, в соответствии с их отнесенностью к источнику звука, ее «весом» в общем контексте высказывания и типом аффективного воздействия звука на человека (Носуленко, Самойленко, Выскочил, 2016). На этапе кодирования для разных групп вопросов было выделено от 2100 до 3800 вербальных единиц, которые при кодировании объединялись в ограниченное число (менее 50) категорий. Для каждой из выделенных категорий определен коэффициент ее значимости в зависимости от типа воздействия соответствующего источника звукового окружения.

Так, например, среди наиболее раздражающих звуков выделяются звуки ремонта и стройки, крики и ругань людей, звуки газующих автомобилей и мотоциклов, звуковые сигналы транспорта и другие транспортные шумы, звуки сигнализации автомобилей, различные сирены, звуковая реклама в общественных местах, звуки работы электронной техники (например, гул ретрансляторов мобильной связи). При этом такие звуки, как «крик», «сирена», «звук тормозов», и просто «неожиданные звуки» однозначно связываются с эмоцией страха. Особое внимание участники обращают на транспортные шумы, голоса людей, музыкальные звуки, пение птиц, громкие звуки, технические шумы, сигналы телефона или компьютера. Наиболее приятные ощущения вызывают музыкальные звуки, пение птиц, радостный смех, природные звуки (шум деревьев, журчание воды, звук дождя и т. д.).

Заключение

Главным итогом проделанной работы мы считаем выбор общей парадигмы исследования, в рамках которой разработана система методов, обеспечивающая качественно-количественный анализ воспринимаемого качества акустических событий городского окружения. С помощью этих методов, связанных, прежде всего, с процедурами свободной вербализации, возможны выявление содержания и оценка значимости составляющих (в том числе – эмоциональных) воспринимаемого качества акустических событий.

Результаты проведенного качественно-количественного анализа полученных вербализаций послужили основой для выбора ситуаций и условий записи акустических событий городской среды, необходимых для экспериментального исследования факторов, определяющих негативное или благоприятное воздействие этой среды на человека.

При реализации таких записей возникла необходимость использования технологий, позволяющих обеспечить максимально точную передачу пространственных характеристик записываемых акустических событий. Кроме специального монтажа «звуковых сцен» и «звуковых пейзажей» с использованием записей разных источников, необходимо было технически решить вопрос создания «эффекта присутствия». Как показал проведенный анализ, простой стереофонической передачи звука оказывается недостаточно. Перспективным направлением видится использование бинауральной записи, что требует специальной мобильной аппаратуры для записи естественных ситуаций прослушивания жителем города окружающих его звуков. Наиболее подходящими оказались миниатюрные микрофоны, выпускаемые фирмой Sound Professionals (США), которые могут имплантироваться в уши участника исследования. Эти микрофоны в сочетании с высококачественным цифровым регистратором позволяют осуществлять бинауральную запись, так, как это слышит человек, находящийся в определенном участке города. Последующее воспроизведение такой записи при помощи наушников позволяет реконструировать трехмерную картину акустического события максимально близко к исходному.

С использованием такого оборудования осуществлена запись образцов городской акустической среды в соответствии со списком источников, сформированным по результатам проведенных опросов. В результате монтажа полученных записей создаются звуковые фрагменты для экспериментальных исследований, направленных на изучение в лабораторных условиях аффективного воздействия звуков городской среды. Предварительные результаты проведенных экспериментов показали операциональность и надежность выработанных процедур (Носуленко, Самойленко, Высокочил, 2016).

Литература

- Ломов Б. Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психологический журнал. 1980. № 5. С. 26–42.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Носуленко В. Н. Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М., 2007.
- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С. «Познание и общение»: системная исследовательская парадигма // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 5–16.

- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С., Выскочил Н. А. Парадигма воспринимаемого качества в изучении изменений акустической среды // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2015–2016 / Под ред. А. А. Демидова. М., 2016. С. 8–30.
- Самойленко Е. С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М., 2010.
- Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Под ред. В. Н. Носуленко. М., 2016.
- Lahlou S., Nosulenko V., Samoilenko E. Numériser le travail. Théories, méthodes, expérimentations. Paris, 2012.
- Nosulenko V., Samoilenko E. Cognition et communication: un paradigme de recherche et d'application // Social Science Information. 2011. № 50 (3–4). P. 656–677.
- Soundscape of European Cities and Landscapes / Eds J. Kang, K. Chourmouziadou, K. Sakantamis, B. Wang, Y. Hao. Oxford, 2013.

Perceived quality of urban acoustical environment

V. N. Nosulenko, E. S. Samoilenko** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, chief scientific officer of Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological sciences, leading researcher of Institute of Psychology of RAS

The article presents some results of an empirical study aimed at identifying the components of the perceived quality of the acoustic environment among residents of Moscow. The theoretical foundation and methodological approach of the research were based on the ideas of B. F. Lomov about the relationship between cognition and communication, as well as the perceptually communicative approach and paradigm of perceived quality developed on their basis. The results of a survey of Moscow residents are shown using qualitative and quantitative tools (methods of closed and open questions, the method of unfinished sentences, methods of scale ratings and ranking). The main approaches to the study of the impact on the human acoustic environment (noise management approach and the soundscape approach) are being discussed. The methods and technological possibilities of creating a library of acoustic events, representative of the urban environment, are being defined.

Keywords: cognition and communication, perceived quality, verbalization, acoustic environment, sound recording technologies.

Развитие познавательных способностей подростков через реализацию программы формирования информационно-познавательной компетентности

О. В. Плохих (Курск)

*учитель, заместитель директора по учебно-воспитательной работе
Средней общеобразовательной школы с углубленным изучением
отдельных предметов № 28; e-mail:sader100zent@mail.ru*

В статье представлена программа формирования информационно-познавательной компетентности (ИПК) подростков, реализация которой направлена на решение следующих задач: развитие познавательных процессов; формирование учебно-информационных умений; практическое освоение умений работать с различными источниками информации. Программа содержит методические рекомендации, которые позволят получить высокий результат и повысить качество образования подростков.

Ключевые слова: познавательные процессы, компетентность, информация, программа, подростки.

Постановка проблемы

Проблема, над которой мы работаем, посвящена формированию информационно-познавательной компетентности (ИПК) подростков. Актуальность и значимость данной проблемы для учителей очень высока. С переходом на стандарты второго поколения, где в программе заложены формирование универсальных учебных действий и компетентностный подход к обучению, возникает необходимость научить школьников работать с информацией. Спецификой современной школы, ее проблемой как раз и является все то, что несет в себе повышенная информационная составляющая современного мира. Образовательная программа школы определяет задачу формирования компетентностей на каждом предмете и на каждом

занятии. Безусловно, это большой плюс. Однако система обучения подростков работе с информацией, учитывая различные источники, в том числе и современные, не выделена в качестве особого предмета. Тем не менее, актуализируется задача систематизации вопросов, связанных с обучением и, самое главное, с необходимостью различать информацию и знания, использовать информацию для получения и прочного усвоения знаний, транслировать и применять ее в новых условиях. С целью решения вышеуказанного противоречия нами была разработана и апробирована *программа формирования информационно-познавательной компетентности подростков*.

Программа основана на требованиях федерального государственного стандарта основного общего образования и направлена на развитие таких познавательных способностей подростков, как восприятие, память, мышление, внимание, воображение. Развитие познавательных способностей сопряжено с умением работать с различными информационными источниками и использовать полученную информацию в рамках учебной деятельности.

Предложенная программа строится на межпредметных связях и представляет собой синтез заданий, охватывающих разные предметные области, способствуя тем самым формированию метапредметных знаний в процессе обучения.

Прежде чем более подробно остановиться на содержательном аспекте программы, необходимо отметить, что компетентность определяется нами как совокупность способностей решать задачи (Некрасов, 2005). Информационно-познавательная компетентность обеспечивает навыки деятельности ученика по отношению к информации, содержащейся в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире, умение самостоятельного поиска, анализа и отбора необходимой информации, способов ее обработки, сохранения и передачи. Информационно-познавательная компетентность опирается на основное предназначение учения – преобразовывать информацию, полученную из различных источников, в знания.

Реализация программы формирования информационно-познавательной компетентности направлена на решение следующих задач:

- развитие познавательных процессов: восприятия, мышления, памяти, внимания, воображения;
- формирование учебно-информационных умений;
- практическое освоение умений работать с различными источниками информации: анализировать, структурировать и предоставлять их в различных видах.

В условиях действующего закона об образовании и федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования (ФГОС ОО) стало легче определить место программы в учебном плане школы.

В связи с тем что программа формирования ИПК является межпредметной, опирается на связи различных учебных предметов, в учебном плане ее целесообразно реализовывать в рамках внеурочной деятельности. Объем программы рассчитан на 34 часа в год; как вариант, возможна реализация программы в течение одного года в объеме 68 часов (в зависимости от особенностей учебного плана внеурочной деятельности в образовательной организации).

Программу рекомендуется реализовывать в 8 классе, так как для ее успешного освоения на этом этапе школьного обучения создаются все необходимые условия, касающиеся уровня развития подростков, их кругозора и различных умений, знаниевой составляющей.

Методические рекомендации к проведению занятий

Одним из главных условий реализации программы является разработка и реализация межпредметных связей. Развитие информационно-познавательной компетентности должно быть синхронизировано с обучением и развитием учащихся на основных школьных предметах. Именно эта синхронизация должна давать единое целое восприятие программы и делать учебные действия универсальными.

Содержание программы способствует развитию интеллектуальных качеств личности, но никакое развитие невозможно без мотивации, которая является ключевым условием активизации познавательной деятельности. Мотивация должна обеспечивать ситуацию успеха, при этом задания должны усложняться. Для поддержания мотивации учителю необходимо помнить о целеполагании – о постановке совместно с учащимися целей и задач обучения на каждом занятии. Это поможет планировать действия в соответствии с уровнем развития ребенка. Занятия, нацеленные на формирование учебно-информационных умений и развитие познавательных процессов, носят безоценочный характер, поэтому важным и полезным навыком становится развитие самооценки полученных знаний. Для создания и поддержания ситуации успеха учителю необходимо продумать систему поощрений учащихся. Повысить интерес к занятиям по программе педагогу поможет творческое отношение к учебному процессу. Целесообразно развивать интерес и к психо-

логии как к науке, привлекать для подготовки к занятиям работы ведущих российских и зарубежных авторов.

Занятия по программе формирования ИПК должны отличаться достаточным объемом, регулярностью, систематичностью, логикой изучения и целенаправленностью. На каждое занятие отводится 1 час в неделю (из расчета 34 часа в год).

Методические особенности проведения занятий заключаются в следующем.

1. Методы и приемы организации деятельности учащихся на занятиях по формированию ИПК должны быть ориентированы на развитие навыков самостоятельной работы с информационными источниками с целью получения новых и систематизации имеющихся знаний, а также на развитие познавательной активности учащихся.
2. Обучающий и развивающий характер занятий определяет необходимость акцентирования внимания на развитии познавательных процессов.
3. При построении занятий необходимо один вид деятельности сменять другим – это поможет поддерживать мотивацию на протяжении всего занятия и предотвратить усталость при повышенном темпе работы.
4. Педагогу необходимо помнить, что психолого-педагогический процесс усвоения учебной информации предполагает выделение следующих основных компонентов (Хуторская, 2002):
 - восприятие информации;
 - осознание и осмысление информации;
 - запоминание информации;
 - обобщение и систематизацию информации;
 - применение информации.
5. Работая над развитием памяти, необходимо применять следующие мнемические (мнемотехнические) приемы запоминания:
 - метод свободных ассоциаций;
 - метод наводящих ассоциаций;
 - «метод Цицерона» (метод размещения);
 - метод цепочек;
 - «слова вешалки»;
 - прием «Матрешка»;
 - метод зацепок;
 - метод ассоциативного списка;
 - прием символизации;

- прием привязки к хорошо знакомой информации;
- прием образования слова по согласным буквам;
- прием образования слова из слогов;
- прием образования смысловых фраз из начальных букв запоминаемой информации;
- метод ритмизации;
- прием запоминания на разные части одного образа;
- прием возврата.

Использование этих приемов позволяет добиться высоких результатов развития познавательных процессов. Для оценки сформированности ИПК используются батарея тестов: ШТУР, тест Р. Амтхауэра, технический тест Беннета, тест интернет-зависимости, корректурная проба для исследования внимания, авторские тесты определения умений работы с информацией в различных базах источников (библиотека, Интернет, СМИ и т.д.) и др. На протяжении учебного года учащиеся тестируются дважды: в начале года (стартовая диагностика) и в конце. При необходимости возможно включение промежуточного тестирования (может быть не в полном объеме) в середине учебного года – по окончании первого полугодия. Это трудоемко, но оправдано с точки зрения мониторинга результатов освоения программы.

В ходе эксперимента был проведен анализ формирования ИПК у подростков на основе реализации программы. В результате в экспериментальной группе по отношению к контрольной значительно повысился уровень развития памяти, мышления, внимания, воображения. Обучающиеся из экспериментальной группы показали более высокий уровень умений работать с различными источниками информации, анализировать, структурировать и предоставлять полученные из них сведения. Хотелось бы отметить положительное влияние программы реализации ИПК на обучение по общеобразовательным программам. Около 18% обучающихся из экспериментальной группы повысили качество обучения по общеобразовательным предметам. Это так называемый «резерв»: обучающиеся, имеющие одну «3» по итогам I четверти, стали по итогам IV четверти «хорошистами» и получили по итогам года только «5» и «4». В контрольной группе качество образования осталось без изменений.

Заключение

Реализация программы информационно-познавательной компетентности подростков способствует развитию познавательных процессов, формированию учебно-информационных умений. Программа

помогает подростками ориентироваться в информационной среде, в результате чего они учатся работать с различными источниками информации.

Литература

Некрасов С. Д. Компетентность как совокупность способностей решать задачи // Человек, сообщество, управление. 2005. № 4. С. 31–44.

Хуторская Л. Н. Информационная педагогика // Интернет-журнал «Эйдос». 2002, 25 августа. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0825.htm> (дата обращения: 10 января 2016 г.).

Cognitive development of adolescents through the implementation of the program of development of information and cognitive competence

O. V. Plokhikh (Kursk)

Teacher, Deputy director for teaching and educational work of Average comprehensive School with profound studying separate subjects № 28 of Kursk

The article presents the program of development of information and cognitive competence (ICC) of adolescents which implementation is aimed at achieving the following objectives: development of cognitive processes; creation of teaching information skills; practical development of skills to work with different sources of information. The program contains guidelines which will allow to get a high score and improve the quality of education of adolescents.

Keywords: cognitive processes, competence, information, program, adolescents.

Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения¹

*Е. С. Самойленко**, *Т. Н. Савченко***, *А. В. Корбут**** (Москва)

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail: elena.samoylenko@ipras.com*

*** кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: savchenko@mail.ru*

**** преподаватель Московского гуманитарно-экономического
Университета; e-mail: korbut.anna@rambler.ru*

В данной статье представлены результаты оценки надежности и валидности опросника, разработанного для измерения ориентированности на виды социального сравнения (РООСС). Опросник состоит из 13 пунктов, касающихся сравнения человеком себя в настоящем с самим собой в разные моменты жизни; сравнения себя с желаемым, возможным, идеальным Я; сравнения себя с другими людьми. По результатам проведенного анализа опросника РООСС выделены 3 фактора: «ориентация на сравнение себя с самим собой», «ориентация на сравнение себя со знакомыми людьми», «ориентация на сравнение себя с незнакомыми людьми». Продемонстрирована высокая конструктивная и внешняя валидность опросника, которая оценивалась путем соотнесения его с опросником Big 5, хорошая внутренняя согласованность и временная стабильность вопросов. Разработан ключ к опроснику, что позволяет применять его в практической работе.

Ключевые слова: сравнение, ориентированность на социальное сравнение, Big 5.

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания, проект ФАНО №0159-2017-0004.

Постановка проблемы

Сравнение как разновидность когнитивных явлений заключается в установлении человеком сходства и различия между объектами и событиями окружающего мира. В рамках психологии сравнение рассматривается в единстве его процесса и результата, а также в связи с индивидуально-психологическими особенностями субъекта в контексте выполняемой им деятельности и общения. Когнитивный процесс сравнения, имеющий многомерный характер, может касаться как предметного, так и социального мира. В последнем случае речь идет о так называемом социальном сравнении, которое может быть обращено к любым социальным объектам (Kruglanski, Mayseless, 1990), в качестве которых выступают как отдельные индивиды, так и социальные группы.

Для того чтобы более четко охарактеризовать тот вид социального сравнения, референтом которого для сравнивающего субъекта могут выступать он сам в разных ипостасях, другой конкретный человек или некоторый абстрактный образ и которое не включает в себя межгрупповое сравнение, введено понятие «личностно-ориентированное сравнение» (Самойленко, 2012), которое, в свою очередь, можно дифференцировать на два общих вида: сравнение человеком себя с другими людьми и с самим собой.

Сравнение себя с другими людьми имеет отношение как к реалистичным референтам, так и к воображаемым образам. *Реалистичные референты* – это реальные индивиды, обладающие конкретными социально-психологическими характеристиками, способностями и точками зрения, которые соотносимы с соответствующими характеристиками, имеющимися у субъекта, осуществляющего сравнение. Реалистичные референты, с которыми человек может в принципе сравнивать себя, достаточно многочисленны и трудно поддаются какой-либо типологии (члены семьи, друзья, знакомые, коллеги по работе и учебе, популярные люди) (Wheeler, Miyake, 1992).

Воображаемые образы – это такие социальные референты, которые конструируются воображением человека и, соответственно, не существуют как таковые в его реальном окружении. В этом случае речь идет о реализации субъектом так называемого конструктивистского сравнения, основанного на догадке, предположении или рационализации (Goethals, Klein, 2000). Так, в качестве референта сравнения могут выступать *придуманные стереотипы*. При этом люди могут исказить информацию социального плана, имеющую отношение к выбираемому ими референту сравнения, или же осуществлять проекцию на него собственных характеристик. Еще один тип конструируемых социальных референтов представляет собой

так называемый *усредненный образ*. В ряде исследований показано, что люди, оценивая ту или иную собственную характеристику, иногда осуществляют социальное сравнение не с каким-то конкретным человеком, а с образом, обладающим средним уровнем выраженности этой характеристики.

Сравнение с самим собой имеет место, во-первых, в тех случаях, когда человек сравнивает себя с самим собой *в разные промежутки своего жизненного пути* (Albert, 1977). Человек сравнивает особенности своей личности и в целом позиции в настоящий момент с тем, каковы они были *в прошлом*, и каковы могут быть *в будущем* («возможное Я») (Lin, Tsai, 2007). Понятие «возможное Я», введенное Х. Маркусом и П. Нуриусом (Markus, Nurius, 1986), означает такое «Я», которое человек, во-первых, *очень хочет иметь в будущем*, во-вторых, *может иметь в будущем*, в-третьих, *боится иметь в будущем* (Markus, Nurius, 1986). Совокупность «возможных Я» рассматривается как когнитивное проявление целей, стремлений и мотивов. Еще одной разновидностью «возможного Я» считают «*идеальное Я*» – репрезентацию тех характеристик, которые хотелось бы в идеале иметь. В качестве другой возможной формы референции, которую может осуществлять субъект в отношении своей личности, выделяют «*гипотетическое Я*», которое понимается как такое «Я», которое могло бы быть реализовано, но не было реализовано. «Гипотетическое Я» – это воображаемые результаты или состояния, которые в реальности не имели места у того или иного индивида (Olson et al., 2000).

Разнообразие категорий референтов личностно-ориентированного сравнения, выявленное в многочисленных зарубежных исследованиях (см. Самойленко, 2010), послужило основой разработанного нами опросника, предназначенного для измерения ориентированности на виды социального сравнения (РООСС), среди которых – не только сравнение себя с другими людьми, но и сравнение себя в разные временные моменты, а также сопоставление себя с желаемым, возможным, «идеальным Я» (Самойленко, 2012). Данный опросник можно рассматривать как некоторое продолжение работ в области психометрического измерения социального сравнения, началом которых послужил англоязычный опросник INCOM (Iowa–Netherlands Comparison Orientation Measure), разработанный Гиббонсом и Буунком для измерения ориентированности на сравнение человеком себя (своих мнений и способностей) с другими людьми (Gibbons, Buunk, 1999).

РООСС состоит из 13 пунктов, часть которых касаются сравнения человеком себя в настоящем с самим собой в разные моменты жизни, а часть – сравнения с различными категориями людей. Ре-

спонденты должны указать, как часто они сравнивают себя с каждой из этих категорий, используя 5-балльную шкалу (0 – никогда не сравниваю; 4 – сравниваю все время) (Самойленко, 2012).

Результаты проверки валидности и надежности данного опросника представлены ниже.

Процедура и метод исследования

В исследовании приняли участие 476 респондентов; средний возраст – 24 года (329 женщин и 147 мужчин), студенты МГУ им. М. В. Ломоносова, Педагогического университета, Гуманитарно-экономического университета, Института психоанализа, Московского гуманитарного университета, а также служащие, работающие в университетах, школах, детских садах и других сферах. Законченное высшее образование – у 17% респондентов; незаконченное высшее образование – у 83%.

Для проверки внешней валидности был использован адаптированный Пятифакторный личностный опросник Big five (Р. Маккрей, П. Коста) (Батаршев, 2006), состоящий из 75 пар противоположных по значению утверждений, отражающих поведение субъекта.

Результаты исследования

Согласно описательной статистике, распределение значений было нормальным; среднее значение полученных ответов – 1,64 (находится в промежутке от 0,91 до 2,38), что близко к середине шкалы (2); стандартное отклонение – 1,097.

Факторный анализ проводился с использованием метода Varimax с выделением главных компонент и их вращением. Исследование главных компонент проводилось по 13 пунктам на выборке 318 человек (средний возраст – 24 года). По результату анализа были выделены 3 фактора. Первый фактор со значением 3,63, второй – со значением 2,21, третий фактор – со значением 1,67. Эти факторы объяснили 27, 17 и 12% дисперсии соответственно (в совокупности объясняющие 56% дисперсии по выборке).

Согласно проведенному нами анализу, в первый фактор включены 7 пунктов, отражающих «ориентацию на сравнение себя с самим собой» (таблица 1); во второй фактор – 4 пункта, отражающие «ориентацию на сравнение себя со знакомыми людьми» (таблица 2); в третий фактор – два вопроса, которые, по нашему мнению, можно отнести к «ориентации на сравнение с незнакомыми людьми» (таблица 3).

Таблица 1
Фактор 1 «Ориентация на сравнение себя с самим собой»

№	Вопросы	Факторная нагрузка
6	Я сравниваю себя с придуманными мной образами людей	0,45
8	Я сравниваю себя в настоящем и себя в прошлом	0,54
9	Я сравниваю себя в настоящем с собой таким, каким я очень хочу быть в будущем	0,86
10	Я сравниваю себя в настоящем с собой, таким, каким я могу быть в будущем	0,82
11	Я сравниваю себя в настоящем с собой таким, каким я боюсь быть в будущем	0,64
12	Я сравниваю себя в настоящем с собой таким, каким я мог бы быть, но не стал	0,59
13	Я сравниваю себя в настоящем с собой таким, каким я должен стать в идеале в будущем	0,78

Таблица 2
Фактор 2 «Ориентация на сравнение себя со знакомыми людьми»

№	Вопросы	Факторная нагрузка
1	Я сравниваю себя со знакомыми	0,61
2	Я сравниваю себя с людьми, с которыми нахожусь в интимных отношениях	0,66
3	Я сравниваю себя с друзьями	0,77
4	Я сравниваю себя с членами семьи	0,69

Таблица 3
Фактор 3 «Ориентация на сравнение себя с незнакомыми людьми»

№	Вопросы	Факторная нагрузка
5	Я сравниваю себя с посторонними людьми	0,78
7	Я сравниваю себя с усредненными типами людей	0,64

Надежность внутренней согласованности вопросов проверялась с помощью критерия α Кронбаха. Результаты позволяют говорить о высокой внутренней согласованности вопросов; полученные результаты соответствуют значениям 0,82–0,84.

Повторно, через месяц, было проведено исследование тест-ретестовой надежности на выборке 41 респондента. Анализ, прове-

Таблица 4
Показатели ретестовой надежности
для шкалы «ориентированности на социальное сравнение»

№ во-проса	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
показа-тель ре-тестовой надеж-ности	0,84*	0,92*	0,62*	0,51*	0,82*	0,82*	0,78*	0,80*	0,75*	0,55*	0,67*	0,85*	0,71*

Примечание: * – значимые показатели.

денный с помощью метода корреляции r Спирмена, свидетельствует о высокой временной устойчивости вопросов (таблица 4).

Таким образом, данные, полученные в результате подсчетов r Спирмена и α Кронбаха, позволяют говорить о достаточной надежности опросника «ориентированности на социальное сравнение» как по трем отдельным факторам, так и о надежности методики в целом.

Для подтверждения внешней валидности шкалы нами использовалась методика Big 5 с уже подтвержденной конструктивной валидностью. В исследовании соотношения показателей опросника РООСС с показателями Big 5 приняли участие 208 респондентов. Данные считались при помощи коэффициента r Спирмена.

Обнаружена значимая связь между общим показателем опросника РООСС, с одной стороны, и I, IV, V факторами опросника Big 5, с другой стороны. Корреляционная связь прослеживается также между I фактором опросника РООСС и I и V факторами опросника Big 5; между II фактором опросника РООСС и факторами IV, V опросника Big5; между III фактором опросника РООСС и III и IV факторами опросника Big5 (таблица 5).

Чем выше показатель экстраверсии и экспрессивности, тем более выражена ориентация на сравнение себя с самим собой. Чем выше эмоциональная устойчивость и экспрессивность, тем более склонен человек сравнивать себя со знакомыми людьми.

По результату полученных данных нами был разработан ключ к методике диагностики «ориентированности на социальное сравнение». Для оценки общей ориентированности на социальное сравнение необходимо подсчитать общую сумму баллов по всем 13 вопросам. Далее выделяются три уровня общей ориентированности на социальное сравнение: низкий уровень (0–13 баллов); средний (14–38 баллов); высокий (39–52 балла).

Таблица 5
Соотношение показателей опросника РООСС
с показателями шкал методики Big 5

	Общий по-казатель опросни-ка РООСС	Фактор 1. «Ориента-ция на срав-нение се-бя с самим собой»	Фактор 2. «Ориента-ция на срав-нение себя со знакомы-ми людьми»	Фактор 3. «Ориентация на сравне-ние себя с не-знакомыми людьми»
I. Экстраверсия/ интроверсия	0,167*	0,243*	0,114	-0,067
II. Привязанность/ обособленность	0,009	0,059	-0,040	-0,040
III. Самоконтроль/ импульсивность	-0,057	-0,064	0,009	-0,075
IV. Эмоциональная устойчивость/эмоцио- нальная неустойчивость	0,184*	0,136	0,150*	0,131
V. Экспрессивность/ практичность	0,234*	0,317*	0,155*	-0,013

Примечание: * – значимые показатели.

Также можно подсчитать ориентацию на сравнение с разными референтными группами. Для этого подсчитываются общие суммы баллов по каждому из трех факторов и выделяются три уровня. «Ориентация на сравнение себя с самим собой»: низкий уровень (0–7 баллов); средний (8–20 баллов); высокий (21–28 баллов). «Ориентация на сравнение себя со знакомыми людьми»: низкий уровень (0–4 балла); средний (5–11 баллов); (12–16 баллов). «Ориентация на сравнение себя с незнакомыми людьми»: низкий уровень (0–2 балла); средний (3–5 баллов); высокий (6–8 баллов).

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного анализа опросника РООСС мы выделили 3 фактора: «ориентация на сравнение себя с самим собой», «ориентация на сравнение себя со знакомыми людьми», «ориентация на сравнение себя с незнакомыми людьми». Продемонстрирована высокая конструктивная и достаточно хорошая внешняя валидность опросника, высокая внутренняя согласованность, а также временная стабильность его вопросов. Мы полагаем, что данный опросник можно использовать для диагностики склонности человека осуществлять в повседневной жизни разные виды личностно-ориентированного сравнения.

Литература

- Батаршев А. В. Диагностика черт личности и акцентуаций. М., 2006.
- Самойленко Е. С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М., 2010.
- Самойленко Е. С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2012.
- Albert S. Temporal comparison theory // *Psychological review*. 1977. V. 84 (6). P. 485–503.
- Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. № 1. P. 117–140.
- Gibbons F. X., Buunk A. P. Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76 (1). P. 129–142.
- Kruglanski A. W., Maysel O. Classic and current social comparison research: expanding the perspective // *Psychological Bulletin*. 1990. V. 108 (2). P. 195–208.
- Lin C.-H., Tsai Ch.-Ch. Comparison conditions, comparison patterns and models of comparative behavior // *Social behavior and personality*. 2007. V. 35 (6). P. 761–776.
- Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. V. 41 (9). P. 954–969.
- Olson J. M., Buhrmann O., Roese N. J. Comparing comparisons. An integrative perspective on social comparison and counterfactual thinking // *Handbook of Social Comparison: Theory and Research* / Eds J. Suls, L. Wheeler. N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. P. 379–398.
- Wheeler L., Miyake K. Social comparison in everyday life // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 62 (5). P. 760–773.

An instrument to measure social comparison types' orientation

*E. S. Samoylenko**, *T. N. Savchenko***, *A. V. Korbut**** (Moscow)

* Doctor of psychological sciences, leading researcher of Institute of psychology of RAS

** Candidate of psychological sciences, Docent, leading researcher of Institute of psychology of RAS

*** Lecturer of the Moscow humanitarian-economic University

The results of validation of a measure of individual differences in social comparison types' orientation are described. The measure contains 13

questions concerning different types of comparison a person realizes: temporal comparison, comparing himself with desired, possible and ideal self as well as with other people. The three-factor structure emerged from the analysis: comparison of the self in different statuses, comparison with familiar people, comparison with unfamiliar people. The analyses of the data indicated that the scale had good psychometric properties: construct and external validity (significant correlations with Big Five were revealed) as well as internal consistency and temporal stability were high. The key elaborated for the measure can be used in the applied settings.

Keywords: individual differences in social comparison orientation, comparison, Big 5.

Принятие решения при выборе альтернатив поведения: пилотажное сравнение характеристик, полученных у животных и человека¹

И. Г. Скотникова, Р. В. Желанкин (Москва)

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail: valshend@yandex.ru*

*** младший научный сотрудник Центра биопсихологических исследований
Московского института психоанализа;
e-mail: zhelankin86@mail.ru*

В пилотном эксперименте изучалось поведение обыкновенных ужей при выборе альтернатив решения в задаче цветоразличения. Совместная регистрация основных параметров принятия решения (правильности/ошибочности, скорости и колебаний субъекта) позволила проследить его процессуальное осуществление. В обычных условиях движения ужей при ошибочном выборе цвета были быстрее движений при верном выборе, а в затрудненных условиях медленнее. Большее число поворотов головы и/или тела ужей в выбранную сторону, чем в отклоненную, указывает на подготовку выбора в фазе предрешения. Большее число поворотов при верном выборе, чем при ошибочном, указывает на более тщательную проверку себя животными перед верным выбором, что замедляет его, но обеспечивает правильность. Эти факты согласуются с данными, полученными у людей, что подтверждает сведения об общности ряда механизмов ПР у человека и животных.

Ключевые слова: поведение рептилий, выбор альтернатив поведения, принятие решения, правило Свенссона, цветоразличение, Т-образный лабиринт.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00832а.

Проблема принятия решения в психологии

Принятие решения (ПР) – ключевое звено любой деятельности человека и поведения животных. Чаще всего ПР понимается в литературе как выбор одной из конкурирующих альтернатив. Такое понимание было обосновано А. Тверски и утвердилось после его работ в теории проспектов Тверски-Канемана, моделях ожидаемой полезности, отечественных концепциях ПР (П. К. Анохина, А. Р. Лурии, Е. Н. Соколова) (Скотникова, 2008; Канеман, Тверски, 2016). Подготовка к такому выбору может быть длительной и совершаться в ходе сколь угодно сложной деятельности человека. Это предрешение, включающее три стадии, за которыми следует четвертая стадия – собственно решение, представляющее собой выбор из альтернатив (Козелецкий, 1979). Ряд отечественных авторов считает, что не всегда ПР (в частности, интеллектуального и морального) – это выбор из альтернатив (Брушлинский, Темнова, 2006; Знаков, 2005; Корнилова, 2003). Однако такой выбор происходит на конечном этапе процесса ПР и тогда, когда на предшествующих этапах разворачивается мыслительный поиск возможных вариантов решения. Не случайно Т. В. Корнилова не избежала представления о выборе как типичном завершении процесса принятия решения (Корнилова, 2003), а позднее указала на это еще более определенно (Корнилова, 2016).

Основные параметры принятия решения – это его правильность/ошибочность, скорость и колебания субъекта (уверенность/сомнения) в его процессе. При легком различении с инструкцией на скорость ответов ошибочные ответы даются быстрее верных, а при трудном различении с инструкцией на их правильность – наоборот, что подтверждено многочисленными экспериментальными данными 1911–1974 гг. и нашими результатами зрительного различения временных интервалов (Скотникова, 2008). Разработаны модели, объясняющие эти соотношения, названные правилом Р. Свенсона (Link, Heath, 1975; Heath et al., 1981, 1988).

В приведенных материалах речь идет о принятии решения человеком. Вместе с тем в теории функциональной системы, где наиболее проработаны представления о структуре отдельного акта деятельности человека и поведения животных, обоснована идея общности в обоих случаях такой структуры. Функциональная система – это органическое единство всех сложных факторов и, одновременно, законченная единица деятельности и поведения любого живого организма, состоящая из узловых механизмов, обеспечивающих логическое и физиологическое формирование поведенческого акта (Анохин, 2004). В парадигме функциональной системы ак-

тивно развиваются представления об этой структуре, в которой ПР занимает центральное место (Александров, 2003). Именно поэтому в Институте психологии АН СССР под руководством академика П. К. Анохина в течение ряда лет работал семинар по проблемам ПР, где обсуждались процессы ПР на разных уровнях организации психического: от нейронного до социально-психологического и на материале исследований, как человека, так и животных (Проблемы принятия решения, 1976). Следуя этим традициям, мы используем понятие «принятие решения» для описания выбора животными альтернатив поведения (хотя встречаются и другие термины), тем более что экспериментально установлено и воспроизводится соответствие между психологическими закономерностями ПР человеком и данными нейронаук о ПР животными (Smith, Ratcliff, 2004).

Интенсивное изучение ПР, которое постоянно осуществлялось за рубежом, в отечественной психологии происходило более всего в 70–80-е годы XX в., о чем свидетельствует, в частности, советско-американский симпозиум в Тбилиси (Нормативные и дескриптивные модели принятия решений, 1981). В сложный для нашей страны период перестройки все научные работы резко сократились. Интерес к проблемам ПР в России возрождается в 2000-е годы, когда появляются новые отечественные и переводные монографии по этой тематике, проводятся исследования в Институте психологии РАН и Высшей школе экономики.

Экспериментальное исследование

Целью нашей работы было пилотажное исследование основных параметров принятия решения (правильности/ошибочности, скорости и колебаний) при выборе альтернатив поведения рептилиями, в данном случае обыкновенными ужами (*Natrixnatrix*), в задаче цветоразличения.

Методика исследования

Эксперименты проводились в Т-образном лабиринте (рисунок 1), состоявшем из следующих компонентов: стартовой камеры (СК); малого коридора (МК); большого коридора (БК); двух цветных кабинок: красной и зеленой (КК и ЗК). Под ЗК кабинкой находился термокабель для нагревания ее пола до 28–29° С (что использовалось как безусловное подкрепление) (Сафаров, 1990). Кабинки могли перемещаться в разные стороны от БК (вправо и влево). Максимум светопропускания цветного оргстекла, из которого были сделаны

кабинки, для КК: 577–600 нм, для ЗК: 450–512 нм. Кабинки освещались люминесцентными лампами (13 Вт). Освещенность измерялось люксметром Ю-116, была уравнена для обеих кабинок и составляла на их входе 70 лк, а в середине большого коридора – 30 лк для большинства опытов, и 65 лк при усложнении условий (рисунок 1). После каждого опыта пол лабиринта обрабатывался губкой с мылом, вытирался и просушивался для устранения запаха после движений ужей. Вокруг лабиринта находилась плотная ограда белого цвета, не позволявшая ужа видеть окружение. Т.е. для обеих кабинок были уравнены условия по освещенности, температуре, тактильным характеристикам, зрительному окружению, и было исключено влияние запаха (Желанкин, 2016).

Процедура исследования

Предварительно у ужей вырабатывали условный рефлекс на цвет: выбор ЗК (а не КК), который подкреплялся безусловным стимулом (теплом пола ЗК). Выбор ЗК не мог быть вызван реакцией на ее тепло, так как ужи не имеют дистантных терморцепторов (а имеют лишь контактные), и потому не могут ощущать тепло на расстоянии 30 см от выхода из МК в БК до входа в кабинку (Сафаров, 1990; Черлин, 2012). В начале всех опытов ужей запускали в стартовую камеру, затем проход в лабиринт открывали и фиксировали их поведение на видеокамеру Sony HDR-CX405 и веб-камеру DefenderC-090. Кабинки переставляли случайным образом в разных сериях опытов. Опыт завершали после остановки ужа в выбранной кабинке более чем на 1 минуту.

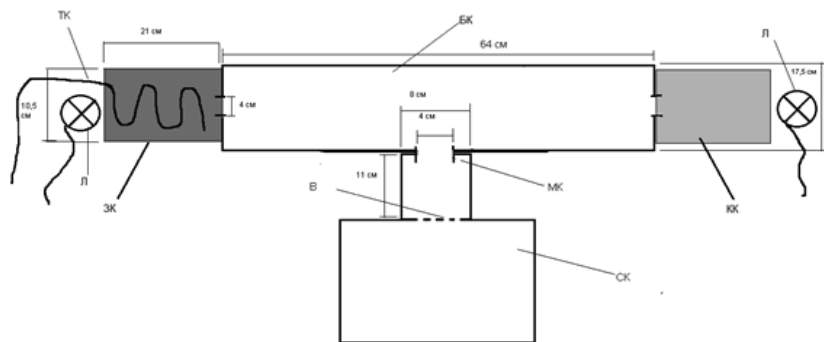

Рис. 1. Т-образный лабиринт, используемый в опыте.

Л – лампы, ТК – термокабель, БК – большой коридор, МК – малый коридор, СК – стартовая камера, ЗК – зеленая кабинка, КК – красная кабинка, В – вход в лабиринт

В ходе основного эксперимента были проведены 23 опыта. В каждом опыте регистрировались: результат выбора (ЗК или КК), время движения (ВД) от входа в БК до ЗК ($ВД_{\text{БКвер}}^1$) либо до КК ($ВД_{\text{БКош}}^1$) и общее время движения от СК до ЗК ($ВД_{\text{ОБЩвер}}^1$) либо до КК ($ВД_{\text{ОБЩош}}^1$). В 14 опытах с обычными условиями эти показатели даны с индексами 1, в 9 опытах затрудненными условиями – с индексами 2 (условия охарактеризованы ниже). По данным каждого опыта, для групп участвовавших в нем 3–6 ужей вычислялись 8 средних значений ВД: в обычных условиях – $ВД_{\text{БКвер}1}^1$, $ВД_{\text{БКош}1}^1$, $ВД_{\text{ОБЩвер}1}^1$, $ВД_{\text{ОБЩош}1}^1$, в затрудненных условиях – $ВД_{\text{БКвер}2}^1$, $ВД_{\text{БКош}2}^1$, $ВД_{\text{ОБЩвер}2}^1$, $ВД_{\text{ОБЩош}2}^1$. По видеозаписям каждого опыта, подсчитывались 8 значений числа поворотов головы и/или тела ужа: в обычных условиях число поворотов при верном выборе (ЗК) в сторону ЗК ($n_{\text{1пов вер}}^1$) и в сторону КК ($n_{\text{1пов ош}}^1$) и при ошибочном выборе (КК) – в сторону КК ($n_{\text{2пов ош}}^1$) и в сторону ЗК ($n_{\text{2пов вер}}^1$), т. е. 4 значения; в затрудненных условиях аналогичные 4 значения с индексами 3 и 4, соответственно. Значимость различий этих показателей оценивалась по Т-тесту Вилкоксона и тесту χ^2 Фишера, а значений $ВД_{\text{ОБЩвер}}^1$, $ВД_{\text{ОБЩош}}^1$, $ВД_{\text{БКвер}}^1$, $ВД_{\text{БКош}}^1$ – по Т-тесту Вилкоксона.

Проверялось действие ряда предположительно существенных факторов: а) подкрепления в ЗК (3 видов: тепла в 19 опытах; запаха слизи лягушки на салфетке в 11 опытах, тогда как в КК была пустая салфетка; кормления мясом лягушки в 2 опытах, тогда как в КК был пустой кронштейн для мяса; в некоторых из этих опытов использованы по 2 фактора подкрепления); б) затруднения различения цветовых тонов ЗК и КК путем повышения освещенности в БК до 65 лк (близкой к 70 лк на входе в ЗК и КК) в 3 опытах; в) ускорения движений ужей путем вращения пола в СК в 5 опытах.

Результаты исследования

1. Для проверки правила Свенссона данные всех 23 опытов разделены на 2 группы.
 - а) В 14 опытах (обычные условия) движения в ошибочную сторону (к КК) были в среднем более чем вдвое быстрее движений в верную сторону (к ЗК): $ВД_{\text{БКош}1}^1 = 22,5 < ВД_{\text{БКвер}1}^1 = 46,2$; $T=0$, $n=14$, $p < 0,01$; $ВД_{\text{ОБЩош}2}^1 = 43,7 < ВД_{\text{ОБЩвер}2}^1 = 102,7$; $T=0$, $n=14$, $p < 0,01$ (таблица 1¹).
 - б) В 9 опытах движения в ошибочную сторону (к КК) были медленнее движений в верную сторону (к ЗК). В БК при $p < 0,05$: $ВД_{\text{БКош}3}^1 = 33,5 > ВД_{\text{БКвер}3}^1 = 27,0$; $T=7$, $n=9$, а в общем по лабиринту

1 Обозначения к этой и другим таблицам даны в разделе «Методика».

Таблица 1

Средние значения времени движений по 14 опытам с обычными условиями и по 9 опытам с затрудненными

Обычные условия				Трудные условия			
ВД _{БКощ1}	ВД _{БКвер1}	ВД _{ОБЩощ1}	ВД _{ОБЩвер1}	ВД _{БКощ2}	ВД _{БКвер2}	ВД _{ОБЩощ2}	ВД _{ОБЩвер2}
22,5	46,2	43,7	102,7	33,5	27,0	60,8	45,7

в тенденции: $ВД_{ОБЩощ4} = 60,8 > ВД_{ОБЩвер4} = 45,7$; $T=9$, $n=9$ (таблица 1). Иногда медленные ошибочные движения наблюдались в одном из этих двух случаев: в БК или в общем по лабиринту). В этих 9 опытах условия были затрудненными по разным причинам либо новыми: 1-й опыт с вращением СК; 2-й опыт с вращением СК, следовавший сразу после 1-го без обычного перерыва; дважды 3-й опыт подряд (утомление ужей); 1-й и 2-й опыты с освещенностью лабиринта 65 лк; 1-й опыт с кормлением ужей; и наконец, запах лягушки и в ЗК, и в КК, а также кормление в ЗК и запах в КК – именно в последних 2 опытах не только $ВД_{БКощ3} > ВД_{БКвер3}$ и $ВД_{ОБЩощ3} > ВД_{ОБЩвер3}$, но также ошибок (4 и 4) вдвое больше, чем верных выборов (2 и 2). Видимо, в дальнейшем данные факторы целесообразно использовать как затрудняющие, тогда как роль освещенности БК в 65 лк надо еще раз проверить, поскольку при этом более медленные ошибочные движения, чем верные, наблюдались лишь в первых двух опытах (причем, либо для $ВД_{БК}$, либо для $ВД_{ОБЩ}$), в которых движений в ошибочную сторону (1 и 1) было меньше, чем в верную (3 и 5), а в 3-м опыте единственная ошибка была быстрее 5 верных выборов в обоих случаях: $ВД_{БКощ} < ВД_{БКвер}$ и $ВД_{ОБЩощ} < ВД_{ОБЩвер}$ (поэтому он вошел в группу α из 14 опытов). Таким образом, подтвердилось правило Свенссона для времени ответа, установленное по данным, полученным на людях. Отметим, что время движения в БК (от развилки лабиринта до кабинок) более отражает время принятия решения, чем общее время движения в лабиринте. Вращение пола СК, как и ожидалось, ускорило движения, но одновременно в первых 4 опытах замедлило ошибочные движения, в сравнение с верными т. е. видимо, выступило как затрудняющий фактор – пугало ужей (лишь в 5-м опыте ошибки вновь стали быстрыми – видимо, ужи привыкли к вращению и перестали его бояться). В силу такого вероятного амбивалентного воздействия следует использовать далее вращение пола СК как корректный фактор ускорения движений ужей лишь после их привыканию к вращению.

2. Повороты головы и/или тела уже в МК и БК в сторону ЗК (верного выбора) и в сторону КК (ошибочного выбора) характеризовали их колебания в фазе предрешения перед окончательным принятием решения (по терминологии Ю. Козелецкого, 1979) о выборе кабинки.

а) В обычных условиях число поворотов к выбранной кабинке было больше, чем к отклоненной, как при верном выборе ($n_{1\text{пов вер}}=5,4 > n_{1\text{пов ош}}=3,9$; $T=3$, $n=14$, $p < 0,01$), так и при ошибочном ($n_{2\text{пов ош}}=3,9 > n_{2\text{пов вер}}=2,6$; $T=6$, $n=14$, $p < 0,01$). То же соотношение обнаружено и в затрудненных условиях, как при верном выборе ($n_{3\text{пов вер}}=6,7 > n_{3\text{пов ош}}=4,3$; $T=1$, $n=9$, $p < 0,01$), так и при ошибочном ($n_{4\text{пов ош}}=3,8 > n_{4\text{пов вер}}=2,7$; $T=6$, $n=9$, $p < 0,01$) (таблица 2). Это указывает на подготовку выбора на фазе предрешения.

Таблица 2

Средние значения числа поворотов по 14 опытам с обычными условиями и по 9 опытам с затрудненными условиями

Обычные условия				Трудные условия			
Верные выборы		Ошибочные выборы		Верные выборы		Ошибочные выборы	
$n_{1\text{пов вер}}$	$n_{1\text{пов ош}}$	$n_{2\text{пов ош}}$	$n_{2\text{пов вер}}$	$n_{3\text{пов вер}}$	$n_{3\text{пов ош}}$	$n_{4\text{пов ош}}$	$n_{4\text{пов вер}}$
5,4	3,9	3,9	2,6	6,7	4,3	3,8	2,7

б) В обычных условиях число поворотов было больше при верном выборе (ЗК), чем при ошибочном (КК) – к выбранной кабинке в тенденции: $n_{1\text{пов вер}}=5,4 > n_{2\text{пов ош}}=3,9$; $T=32$, $n=14$, а к отклоненной при $p < 0,05$: $n_{1\text{пов ош}}=3,9 > n_{2\text{пов вер}}=2,6$, $T=23$, $n=14$. В затрудненных условиях, наоборот, это наблюдалось при $p < 0,05$ для числа поворотов к выбранной кабинке: $n_{3\text{пов вер}}=6,7 > n_{4\text{пов ош}}=3,8$, $T=7$, $n=9$, а к отклоненной в тенденции: $n_{3\text{пов ош}}=4,3 > n_{4\text{пов вер}}=2,7$; $T=10,5$, $n=9$ (таблица 2).

Во всем массиве опытов за счет суммарного по обычным и затрудненным условиям количества измерений (23) число поворотов больше при верном выборе, чем при ошибочном, как к выбранной кабинке ($n_{1\text{пов вер}}=5,9 > n_{2\text{пов ош}}=3,9$; $T=69,5$, $n=23$, $p < 0,05$), так и к отклоненной ($n_{1\text{пов ош}}=4,0 > n_{2\text{пов вер}}=2,7$; $T=70$, $n=23$, $p < 0,05$) (таблица 3). Тот же результат получен и при использовании теста ξ^2 Фишера: $n_{1\text{пов вер}}=5,9 > n_{2\text{пов ош}}=3,9$; $F=0,015888$, $\xi^2=6,26$, $p < 0,05$ и $n_{1\text{пов ош}}=4,0 > n_{2\text{пов вер}}=2,7$; $F=0$, $\xi^2=4,2$, $p < 0,05$.

Таблица 3

Средние значения числа поворотов по всем 23 опытам

Верные выборы		Ошибочные выборы	
$n_{1\text{пов вер}}$	$n_{1\text{пов ош}}$	$n_{2\text{пов ош}}$	$n_{2\text{пов вер}}$
5,9	3,9	4,0	2,7

Видимо, перед верным выбором ужи чаще проверяют себя на фазе предрешения, именно это замедляет его в обычных условиях ($ВД_{\text{БКош}}=22,5 < ВД_{\text{БКвер}}=46,2$; $ВД_{\text{ОБЩош}}=43,7 < ВД_{\text{ОБЩвер}}=102,7$), но обеспечивает правильность. При ошибочном же выборе таких проверочных движений меньше, поэтому выбор совершается поспешнее и неправильно. Во всем массиве опытов при верном выборе среднее число поворотов в верную сторону (к ЗК) более чем вдвое больше, чем при ошибочном ($5,9 > 2,7$), а среднее число поворотов в ошибочную сторону (к КК) почти одинаково (4,0 и 3,9). В затрудненных условиях среднее число поворотов в обе стороны при верном выборе (ЗК: $n_{1\text{пов вер}}=6,7$; $n_{1\text{пов ош}}=4,3$) стало несколько больше среднего числа поворотов в целом по всем опытам (5,9 и 4,0), тогда как среднее число поворотов в обе стороны при ошибочном выборе (КК: $n_{2\text{пов вер}}=3,8$; $n_{2\text{пов ош}}=2,7$) почти не изменилось (по всем опытам 3,9 и 2,7). Все это вновь указывает на тщательную проверку ужами себя перед верным выбором, особенно при затруднении решения. Это перекликается с многократными проверками себя рефлексивными лицами при выборе фигуры, идентичной эталону в тесте Дж. Кагана, что ведет к медленным, но чаще верным решениям, тогда как у импульсивных проверок меньше, и потому их решения быстрые, но чаще ошибочные (Messer, 1976).

Заключение

Совместная регистрация основных параметров принятия решения (правильности, скорости и колебаний) позволяет проследить его процессуальное осуществление. Пилотажное исследование показало, что в обычных условиях движения ужей при ошибочном выборе цвета быстрее движений при верном выборе, а в затрудненных условиях – медленнее. Большее число поворотов в выбранную сторону, чем в отклоненную, указывает на подготовку выбора на фазе предрешения. Большее число поворотов головы и/или тела ужей при верном выборе, чем при ошибочном, указывает на их более тщательную проверку себя перед верным выбором, что замедляет этот

выбор, но обеспечивает его правильность. Эти факты согласуются с данными, полученными у людей, что подтверждает сведения об общности ряда механизмов ПР у человека и животных.

Литература

- Александров Ю. И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века. М., 2003. С. 39–85.
- Анохин П. К. Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта // Синергетика и психология. М., 2004. С. 301–319.
- Желанкин Р. В. Поведенческие реакции обыкновенных ужей (*Natrix natrix*) в Т-образном лабиринте, связанные с различением зеленого и красного цветов // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М., 2016. С. 426–430.
- Канеман Д., Тверски А. Выбор, ценности и фреймы // Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М., 2016. С. 572–596.
- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
- Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М., 2003.
- Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в ситуациях неопределенности и риска. СПб., 2016.
- Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М., 1981.
- Проблемы принятия решения. М., 1976.
- Сафаров Х. М. Экология и физиология высшей нервной деятельности рептилий. Душанбе, 1990.
- Скотникова И. Г. Психология сенсорных процессов. Психофизика // Психология XXI века. М., 2003. С. 117–168.
- Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М., 2008.
- Черлин В. А. Термобиология рептилий. СПб., 2012.
- Smith P., Ratcliff R. Psychology and neurobiology of simple decisions // Trends in neuroscience, 2004. V. 27. P. 161–168.

Decision making in behavior alternatives choice: similarity of characteristics obtained in animals and humans

I. G. Skotnikova, R. V. Zhelankin** (Moscow)*

** Doctor of psychological sciences, leading researcher
of Institute of Psychology of RAS

** Junior researcher of Center for biopsychological research
of Moscow *psychoanalysis Institute*

Decision making characteristics of behavior alternatives choice was studied in pilot experiment in which grass snakes discriminated between col-

ors. Joint registration of main decision making parameters (accuracy, speed and violations) allowed to follow its process. In ordinal conditions snakes' movements were faster in incorrect choices than in correct ones while in difficult conditions vice versa. A number of snake's head and/or body turns to a chosen side was greater than to a declined one. In points to a choice preparing in a pre decision stage. A number of turns in cases of correct choices was greater than in cases of incorrect ones. In points that the animals check themselves carefully before the correct choice. Therefore this choice becomes slower but correct.

Keywords: reptiles' behavior, choice of behavior alternatives, decision making, Swensson's rule, colors discrimination, grass snakes, T-maze.

Связь копинг-стратегий с саморегуляцией иностранных студентов¹

М. Л. Соколовский, О. В. Польшенко** (Ставрополь)*

** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
научно-образовательного центра психологического сопровождения
личностно-профессионального развития
Северо-Кавказского федерального университета;
e-mail: bilb2000@yandex.ru*

*** студентка Института образования и социальных наук,
Северо-Кавказский федеральный университет;
e-mail: polchenko-olga@yandex.ru*

На выборке иностранных студентов в количестве 176 человек (108 мужчин и 68 женщин) из ближнего и дальнего зарубежья выявлена связь компонентов саморегуляции (по В. И. Моросановой) со всеми видами копинг-стратегий (по Э. Хайму). Значимость различий в уровне компонентов саморегуляции в зависимости от выбранной копинг-стратегии определялась при помощи однофакторного дисперсионного анализа. Отдельно для каждого вида копинг стратегий (когнитивных, эмоциональных и поведенческих копинг-стратегий). Доказано, что эмоциональные копинг-стратегии влияют на большее число компонентов осознанной саморегуляции. Выявлено, что адаптивность копинг-стратегий носит ситуативный характер и неадаптивные копинг стратегии для взаимодействий, указанные Э. Хаймом, такие как «диссимуляция», «подавление эмоций», «отступление» становятся полезными для адаптации иностранных студентов. Указаны наиболее оптимальные, с точки зрения взаимосвязи копинга и саморегуляции личностные характеристики иностранных студентов.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00804 «Осознанная саморегуляция и совладающее поведение в условиях адаптации студентов к новой социокультурной среде: общие закономерности и кросс-культурные различия».

Ключевые слова: Копинг, саморегуляция, адаптация иностранных студентов, Э Хайм, В. И. Моросанова.

Постановка проблемы

Копинг-стратегии являются поведенческим проявлением саморегуляции, актуализируемым в условиях общения с окружающими, в сложной жизненной ситуации. В качестве удобной модельной выборки для изучения взаимосвязи копинг-стратегий и саморегуляции могут выступить иностранные обучающиеся в наших вузах, испытывающие повышенное влияние факторов аккультурационного стресса (Соколовский, Руднева, Польшенко, 2017) и в большей степени, по сравнению с российскими студентами, вынужденные справляться с жизненными трудностями (Банщикова, Моросанова, 2015). Кроме того, изучение особенностей саморегуляции иностранных студентов является для нашей страны крайне важным в силу значительного роста числа иностранных студентов в последние годы. Так, ежегодно число обучающихся в российских вузах увеличивается более чем на 20 тысяч человек и на 2015 г. составляло свыше 200 тысяч человек, что заметно в организации учебного процесса, как в стране в целом, так и на уровне отдельных вузов.

Саморегуляция является важнейшим компонентом адаптации студентов к новым социокультурным условиям (Моросанова, Нестерова, Сулова, 2015). При этом выявление копинг-стратегий, оптимальных для формирования того или иного уровня развития компонентов саморегуляции, открывает новые возможности для организации работы по адаптации и аккультурации иностранных студентов.

Организация и методики исследования

Целью данного исследования стало выявление наиболее оптимальных, с точки зрения саморегуляции, копинг-стратегий.

Методики исследования

- 1) Для изучения особенностей саморегуляции нами использовался опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), разработанный под руководством В. И. Моросановой в Психологическом институте РАО в 1988 г. (Моросанова, Бондаренко, 2015).
- 2) С целью исследования особенностей копинг-стратегий использовалась адаптированная в лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева

под руководством д. м. н., профессора Л. И. Вассермана методика Эдгара Хейма, согласно инструкции которой испытуемые выбирали по одной копинг-стратегии в сферах поведенческой, эмоциональной и когнитивной регуляции. Всего Э. Хейм выделяет 26 копинг-стратегий, дифференцировав их по степени адаптивности в зависимости от прогноза успешности терапевтического взаимодействия. Однозначность выбора копинг-стратегии по методике Э. Хейма позволила нам сравнить уровень развития компонентов саморегуляции у респондентов, выбравших ту или иную копинг-стратегию.

- 3) Для изучения взаимосвязи уровней развития компонентов саморегуляции и предпочитаемых иностранными студентами копинг-стратегий использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Выборку исследования составили 176 иностранных студентов (108 мужчин, 68 женщин) как из дальнего, так и из ближнего зарубежья. Студенты ближнего зарубежья, представлены, в основном, гражданами стран Средней Азии, и, как и студенты дальнего зарубежья (в основном это арабы и африканцы), они испытывают серьезные трудности со знанием русского языка и весьма отличаются по культурным особенностям от российских студентов. Сходная социокультурная ситуация адаптации иностранных студентов позволила их рассматривать на данном этапе исследования в качестве одной выборки.

Результаты исследования

В использованной нами модели Эдгара Хейма (Heim, 1983) рассматриваются три вида копинг-стратегий: когнитивные, эмоциональные и поведенческие. Эти виды копинг-стратегий составили три фактора (группирующие переменные), по которым осуществлялся поиск статистически значимых различий в уровнях развития компонентов саморегуляции. Как и следовало ожидать, все три вида копинг-стратегий оказались связаны с проявлениями саморегуляции, однако – с учетом уникальной специфики, присущей каждому виду саморегуляции и каждому виду копинг-стратегий.

В результате было выявлено, что среди когнитивных копинг-стратегий наиболее оптимальными для саморегуляции иностранных студентов являются: *придача смысла* («Я придаю своим трудностям особый смысл, преодолевая их, я совершенствуюсь сам») и *сохранение самообладания*. Помимо этих двух стратегий, также значима страте-

гия *проблемного анализа* («Я стараюсь проанализировать, все взвесить и объяснить себе, что же случилось»), а для гибкости в саморегуляции – *диссимуляция* («Это несущественные трудности, не все так плохо, в основном все хорошо»). Для наглядности значения средних арифметических показателей саморегуляции ранжировались по убыванию (1 ранг – самые высокие показатели, последний, 10 – самые низкие). Результаты для когнитивных копинг-стратегий представлены в таблице 1. Во всех таблицах указаны только те показатели саморегуляции, по которым были выявлены значимые различия.

Выбор эмоциональной копинг-стратегии оказал наибольшее влияние на большинство компонентов саморегуляции: моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость и общий уровень развития саморегуляции. При этом наиболее оптимальными для саморегуляции иностранных студентов стали такие эмоциональные копинг-стратегии, как «*оптимизм*» и «*подавление эмоций*». При сопоставлении полученных результатов с характеристиками адаптивности копинг-стратегий, по Э. Хейму (Heim, 1995), и адаптивности, исходя из уровней развития компонентов саморе-

Таблица 1
Ранги средних арифметических значений
показателей саморегуляции в зависимости
от выбранной когнитивной копинг-стратегии

Порядковый номер когнитивной копинг-стратегии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	P-level
Моделирование	9	7	4	2	3	6	5	10	1	8	0,005
Гибкость	9	7	2	3	4	8	5	10	1	6	0,031
Общий уровень развития саморегуляции	7	9	4	3	2	6	5	10	1	8	0,009

Примечание. 1 – «Говорю себе: в данный момент есть что-то важнее, чем трудности»; 2 – «Говорю себе: это судьба, нужно с этим смириться»; 3 – «Это несущественные трудности, не все так плохо, в основном все хорошо»; 4 – «Я не теряю самообладания и контроля над собой в тяжелые минуты и стараюсь никому не показывать своего состояния»; 5 – «Я стараюсь проанализировать, все взвесить и объяснить себе, что же случилось»; 6 – «Я говорю себе: по сравнению с проблемами других людей мои – это пустяк»; 7 – «Если что-то случилось, то так угодно Богу»; 8 – «Я не знаю, что делать, и мне временами кажется, что мне не выпутаться из этих трудностей»; 9 – «Я придаю своим трудностям особый смысл, преодолевая их, я совершенствуюсь сам»; 10 – «В данное время я полностью не могу справиться с этими трудностями, но со временем смогу справиться и с ними, и с более сложными».

гуляции, обнаруживается, что неадаптивные для организации терапевтического взаимодействия копинг-стратегии могут оказаться полезными в адаптации иностранных студентов, с точки зрения сформированности их компонентов саморегуляции. В частности, «подавление эмоций» неадаптивно при терапевтическом взаимодействии, поскольку, например, может способствовать несвоевременному поступлению жалоб пациента на состояние здоровья и препятствовать выздоровлению, в то время как для адаптации к новой социокультурной среде «подавление эмоций» является весьма адаптивной стратегией, связанной с относительно высокими показателями саморегуляции.

Из числа поведенческих копинг-стратегий для такого качества саморегуляции, как «оценивание результатов», наиболее полезной оказалась стратегия «отступление» (номер 6 «Я изолируюсь, стараюсь остаться наедине с собой») и «сотрудничество» и «отвлечение».

Заключение

В ходе проведенного исследования связи выбранных иностранными студентами копинг-стратегий и компонентов саморегуляции (по В. И. Моросановой) эмпирически были доказаны:

Таблица 2
Ранги средних арифметических значений показателей саморегуляции в зависимости от выбранной эмоциональной копинг-стратегии

Порядковый номер эмоциональной копинг-стратегии	1	2	3	4	5	6	7	8	p-level
Моделирование	4	7	2	1	8	5	6	3	0,000
Программирование	5	6	3	1	2	7	4	8	0,000
Оценивание результатов	5	3	2	1	8	7	4	6	0,000
Гибкость	6	7	2	1	4	5	8	3	0,000
Общий уровень развития саморегуляции	3	6	2	1	5	7	8	4	0,000

Примечание. 1 – «Я всегда глубоко возмущен несправедливостью судьбы ко мне и протестую»; 2 – «Я впадаю в отчаяние, я рыдаю и плачу»; 3 – «Я подавляю эмоции в себе»; 4 – «Я всегда уверен, что есть выход из трудной ситуации»; 5 – «Я доверяю преодолению своих трудностей другим людям, которые готовы помочь мне»; 6 – «Я впадаю в состояние безнадежности»; 7 – «Я считаю себя виноватым и получаю по заслугам»; 8 – «Я впадаю в бешенство, становлюсь агрессивным».

Таблица 3
Ранги средних арифметических значений
показателей саморегуляции в зависимости
от выбранной поведенческой копинг-стратегии

Порядковый номер поведенческой копинг-стратегии	1	2	3	4	5	6	7	8	p-level
Оценивание результатов	3	5	8	6	7	1	2	4	0,015
Общий уровень развития саморегуляции	1	3	8	7	5	6	2	4	0,058

Примечание. 1 – «Я погружаюсь в любимое дело, стараясь забыть о трудностях»; 2 – «Я стараюсь помочь людям и в заботах о них забываю о своих горестях»; 3 – «Стараюсь не думать, всячески избегаю сосредотачиваться на своих неприятностях»; 4 – «Стараюсь отвлечься и расслабиться (с помощью алкоголя, успокоительных средств, вкусной еды и т. п.)»; 5 – «Чтобы пережить трудности, я берусь за осуществление давней мечты (еду путешествовать, поступаю на курсы)»; 6 – «Я изолируюсь, стараюсь остаться наедине с собой»; 7 – Я использую сотрудничество со значимыми мне людьми для преодоления трудностей»; 8 – «Я обычно ищу людей, способных помочь мне советом».

- 1) необходимость учета копинг-стратегии при анализе особенностей саморегуляции иностранных студентов, при этом каждый из видов копинг-стратегий – когнитивные, эмоциональные, поведенческие – влияют на уровень некоторых компонентов саморегуляции; эмоциональные копинг-стратегии оказывают влияние практически на все компоненты саморегуляции.
- 2) что к оценке адаптивности копинг-стратегий следует подходить гибко, с учетом конкретной ситуации адаптации, в частности, оптимальные, с точки зрения взаимодействия врача и пациента, копинг-стратегии могут быть неуспешны для адаптации иностранных студентов;
- 3) наиболее оптимальными для адаптации иностранных студентов являются следующие копинг-стратегии и соответствующие им личностные характеристики студентов: стойкость в достижении поставленной цели («придача смысла», «сохранение самообладания», «подавление эмоций»), а также умение снять эмоциональное напряжение (способность отвлечься, остаться наедине с самим собой) и оптимизм.

Литература

Банщикова Т. Н., Моросанова В. И. Кросс-культурные особенности саморегуляция агрессивного поведения // От истоков к современности

- менности. 130 лет организации Психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 1. М., 2015. С. 401–403.
- Копинг-поведение у больных невротами и его динамика под влиянием психотерапии: Пособие для врачей / Б. Д. Карвасарский, В. А. Абабков, А. В. Васильева, Г. Л. Исурина, Т. А. Караваева и др. СПб., 1999.
- Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М., 2015.
- Моросанова В. И., Нестерова А. А., Суслова Т. Ф. Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов // Психологический журнал. 2015. № 5 (36). С. 104–116.
- Соколовский М. Л., Руднева Е. Н., Польшченко О. В. Динамика мотивации студентов в процессе обучения в вузе // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 344–347.
- Heim E. Coping with stress situations // SSO. Schweizerische Monatsschrift fur Zahnheilkunde. Revue mensuellesuissees odonto-stomatologia. Rivistamensilesvizzera di odontologia e stomatologia. 1983. № 93 Spec. S. 804–811.
- Heim E. Coping-based intervention strategies // Patient Education and Counseling. 1995. № 1–3 (26). P. 145–151.

Correlation between coping strategies and self-control on the international student sample

M. L. Sokolovsky, O. V. Polchenko** (Stavropol)*

*Candidate of psychological Sciences, leading researcher of Scientific-Educational Center of psychological support personal-professional development, North-Caucasus Federal University

** Student of Institute of Education and Social Science, North-Caucasus Federal University

On a sample of international students in the number 176 people (108 men and 68 women) was revealed correlation between components of self-control (V. I. Morosanova) and all kinds of coping-strategies (E. Heim). The significance of the differences between coping strategies by levels of self-control features was determined by ANOVA for each type of coping strategies (cognitive, emotional and behavioural coping strategies). Proven that emotional coping strategies affect a greater number of components perceived self-control. Found that adaptability coping strategy is situational

and maladaptive coping strategies (by E. Heim) such as “dissimulation”, “suppression of emotions”, “retreat” should be useful for international student’s adaptation. Identifies the most optimal international student’s personal characteristics from the point of view of the relationship between coping and self-regulation.

Key words: Coping, self-regulation, adaptation, foreign students, E. Heim, V.I. Morosanova.

Эффективная психологическая саморегуляция функционального состояния как фактор профессиональной успешности преподавателей колледжа разных возрастных групп¹

М. А. Титова (Москва)

*кандидат психологических наук, психолог кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: mariatitova@mail.ru*

Представлено исследование особенностей психологической саморегуляции функционального состояния преподавателей колледжа разных возрастных групп. Исследование проведено на контингенте 50 преподавателей. Гипотеза исследования: для преподавателей колледжа характерна разная степень эффективности саморегуляции функционального состояния в зависимости от принадлежности к возрастной группе. В результате исследования выявлена большая эффективность психологической саморегуляции состояния преподавателей более старшего возраста по показателю преодоления признаков эмоционального истощения, что позволяет сохранять профессиональное долголетие.

Ключевые слова: саморегуляция функционального состояния, профессиональная успешность, стрессоустойчивость, жизнестойкость, профессионально-личностные деформации, копинг-поведение.

Введение

В настоящее время существует тенденция к увеличению пенсионного возраста. Все больше внимания уделяется вопросам стресс-резистентности сотрудников организаций на разных этапах профессионального развития (Кузнецова и др., 2010) в условиях перманентного осу-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00994.

ществления процессов внедрения широкомасштабных отраслевых и технологических инноваций. В этой связи крайне актуальной становится необходимость изучения ресурсов эффективной психологической саморегуляции функционального состояния профессионалов разных возрастных групп.

Условия повышенной напряженности труда, связанные с организационными перестройками, предъявляют повышенные требования к ресурсам саморегуляции профессионалов. Известно, что развитые ресурсы саморегуляции обеспечивают стабильное функционирование адаптационных процессов, гибкую поддержку работоспособности, укрепление стрессоустойчивости, жизнестойкости и сохранение профессионального здоровья (Леонова, Кузнецова, 2009; Леонова, 2011; Моросанова, 2012). Эффективная психологическая саморегуляция функционального состояния, как отмечается в проведенных ранее исследованиях, проявляется в более типичном использовании способов саморегуляции, адекватных требованиям профессионального труда и правилам организационного поведения, в отсутствии признаков развития хронических состояний и профессионально-личностных деформаций (Титова, 2016).

Важно, что эффективную психологическую саморегуляцию функционального состояния можно рассматривать как дифференцирующую компетенцию, позволяющую разделять успешных и наиболее успешных профессионалов (Кузнецова, Титова, 2015, 2016) разного возраста. Известно, что в последнее время, наряду с профессиями операторского типа, к числу профессий, связанных с напряженными условиями труда, где ключевым для сохранения профессионального долголетия является применение эффективных приемов саморегуляции состояния, все чаще относят профессию преподавателя. Причиной этого становится не только эмоционально-насыщенное взаимодействие преподавателя с обучающимися, их родителями, коллегами и администрацией образовательного учреждения, но и пролонгированные процессы реформирования системы образования (Титова, 2012а, б).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью представленного исследования стало выявление особенностей психологической саморегуляции функционального состояния преподавателей колледжа разных возрастных групп в условиях пролонгированной напряженности труда, связанной с внедрением организационных инноваций.

Объект исследования – функциональное состояние (ФС) преподавателей разного возраста. В качестве *предмета* исследования выступают особенности ресурсов психологической саморегуляции функционального состояния преподавателей колледжа разных возрастных групп.

Гипотеза исследования: для преподавателей колледжа характерна разная степень эффективности саморегуляции функционального состояния в зависимости от принадлежности к возрастной группе.

Выборку исследования составили 50 преподавателей колледжа разных квалификационных категорий. Участвовали преподаватели колледжа разного возраста (от 22 до 72 лет) и стажа работы в колледже (от 1 до 44 лет), 34 женщины и 16 мужчин, преподаватели, как общих, так и специальных дисциплин.

Процедура и методики исследования

Для анализа эффективности саморегуляции функционального состояния использована схема поэтапного анализа эффективности саморегуляции функционального состояния: 1) установление объективных требований напряженных рабочих ситуаций пролонгированного характера; 2) анализ субъективного образа труда; 3) выявление специфики актуализации ресурсов саморегуляции функционального состояния (выбор стратегий и моделей копинг-поведения; актуализация конкретных средств и приемов оперативной саморегуляции состояния); 4) оценка степени эффективности функционирования ресурсов саморегуляции состояния на основе данных о степени удовлетворенности работой и наличия/отсутствия выраженных признаков неблагоприятных хронических состояний и профессионально-личностных деформаций как последствий сбоев в работе системы средств саморегуляции состояния.

Данные для исследования собраны при помощи пакета диагностических методик, сформированного в соответствии со схемой поэтапного анализа эффективности саморегуляции функционального состояния: анкета «Отношение к организационным изменениям» (Леонова, Мотовилина, 2006); опросник трудового стресса Ч. Спилбергера в адаптации А. Б. Леоновой и С. Б. Величковской – для выявления значимых стрессоров и оценки общего уровня стрессогенности работы (Леонова, Величковская, 2002); тест «Удовлетворенность работой» В. А. Розановой (Верещагина, 2003); опросник «Стратегия преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой – для сбора данных о типичных моделях копинг-поведения (Водопьянова, Старченкова, 2003);

анкета для изучения средств восстановления работоспособности и оптимизации ФС на рабочем месте (Кузнецова, 2004); опросник «Степень хронического утомления» (Леонова, 1984); опросник «Профессиональное выгорание» – для выявления признаков синдрома выгорания как типичного варианта профессионально-личностных деформаций работников социономической сферы (Водопьянова, 2003).

Результаты исследования

В результате исследования выявлено соответствие системы средств саморегуляции функционального состояния преподавателей колледжа требованиям профессионального труда: возможности сложившейся системы саморегуляции функционального состояния преподавателей отвечают данным требованиям. В целом по выборке отсутствуют существенные признаки хронических состояний и профессионально-личностных деформаций, за исключением тенденции недооценивать результаты своего труда.

Средний возраст участвовавших в исследовании преподавателей колледжа, по результатам анализа данных описательной статистики, составил 49,4 года (стандартное отклонение – 15,235). С учетом этого выборка преподавателей была разделена на подгруппы по возрасту: (1) группа преподавателей до 50 лет (N=24), (2) группа преподавателей старше 50 лет (N=26).

По результатам межгруппового сравнения выявлено, что представления о трудовой ситуации перед началом организационных изменений сходные у преподавателей разных возрастных групп, за исключением такого фактора трудового стресса, как борьба за продвижение по службе. Интересно, что преподаватели в возрасте до 50 лет воспринимают данный источник стресса более негативно ($U=196$, $p=0,021$), чем преподаватели старшей возрастной группы. По показателю отношения к организационным инновациям значимых различий между группами преподавателей разного возраста не выявлено.

Выявлены значимые различия в применении ресурсов саморегуляции функционального состояния: в наиболее типичных моделях копинг-поведения и приемах восстановления состояния на рабочем месте (таблица 1). Для преподавателей старшего возраста характерно чаще прибегать к осторожному поведению, в отличие от преподавателей в возрасте до 50 лет. Преподаватели в возрасте до 50 лет чаще применяют следующие типичные приемы восстановления состояния на рабочем месте: не отрываясь от работы, съесть

Таблица 1
Значимые различия в системе саморегуляции
функционального состояния преподавателей
разных возрастных групп

	Преподаватели до 50 лет (N=24)	Преподаватели старше 50 лет (N=26)	U-критерий Манна-Уитни
<i>Типичные модели копинг-поведения</i>			
Осторожное поведение	20 (4,022)	22,115 (3,8809)	197 (p=0,025)
<i>Типичные приемы оптимизации функционального состояния на рабочем месте</i>			
Не отрываясь от работы, съесть что-нибудь	2,125 (0,9)	1,577 (0,757)	199,5 (p=0,018)
Через окно наблюдать за тем, что происходит на улице	2,167 (0,637)	1,5 (0,583)	150,5 (p=0,000)
Писать смс или письмо по электронной почте друзьям	1,75 (0,794)	1,192 (0,491)	178,5 (p=0,002)
Использовать возможности Интернета (сайты, анекдоты и т. д.)	1,583 (0,83)	1,154 (0,368)	224 (p=0,002)

что-нибудь; через окно наблюдать за тем, что происходит на улице; а также чаще используют современные технические устройства для отдыха и восстановления состояния работоспособности (пишут смс или письма друзьям по электронной почте, используют возможности сети Интернет, просматривая сайты, читая анекдоты и т. д.).

Обнаружены представляющие интерес значимые межгрупповые различия по показателям результатов работы системы саморегуляции функционального состояния. Для преподавателей колледжа до 50 лет, в отличие от старших по возрасту преподавателей, более характерно эмоциональное истощение как результат сбоев в работе системы саморегуляции функционального состояния ($U=199,5$; $p=0,029$). Несмотря на то, что значение показателя эмоционального истощения выражено средне, тенденция к повышению значения у преподавателей колледжа в возрасте до 50 лет вызывает опасения, поскольку отражает малую эффективность используемых внешних средств восстановления состояния.

Значимых различий в уровне удовлетворенности трудом преподавателей разных возрастных групп не обнаружено: преподаватели в целом удовлетворены работой.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что существуют межвозрастные различия в преимущественном приме-

нении способов восстановления работоспособности и типичных моделях преодолевающего поведения. Обследованным преподавателям старше 50 лет более свойственно осторожное копинг-поведение. В то же время для преподавателей в возрасте до 50 лет более типичными становятся такие внешние приемы оптимизации состояния на рабочем месте, как пассивный отдых, перекусы без отвлечения от работы, приемы общения и получения информации, связанные с использованием современных информационных технологий и сети Интернет.

Качественно различные системы саморегуляции функционального состояния преподавателей колледжа разных возрастных групп в целом позволяют преодолевать неблагоприятное влияние источников стресса и повышенной напряженности труда пролонгированного типа, связанного с перманентным процессом внедрения инноваций, обеспечивая высокий уровень стрессоустойчивости и жизнестойкости. При этом для преподавателей в возрасте до 50 лет более свойственно наличие признаков эмоционального истощения. Применяемые преподавателями старше 50 лет способы и средства саморегуляции позволяют более эффективно купировать симптомы профессионально-личностных деформаций и хронических состояний, таких как эмоциональное истощение, что, вероятно, во многом обеспечивает высокий уровень профессионального долголетия сотрудников образовательной организации.

Литература

- Бодров В. А. Психологический стресс: природа и преодоление. М., 2006.
- Кузнецова А. С., Ерилова В. А., Титова М. А. Саморегуляция функционального состояния на разных этапах профессионального развития // Вестник Московского университета. Сер. 14 «Психология». 2010. № 2. С. 82–91.
- Кузнецова А. С., Титова М. А. Эффективная саморегуляция состояния в напряженных условиях как дифференцирующая компетенция // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда: Электронный журнал. 2016. № 1. С. 87–113 (дата обращения: 15.05.2017).
- Кузнецова А. С., Титова М. А. Эффективная саморегуляция функционального состояния как дифференцирующая компетенция успешных профессионалов // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 октября 2015 г.). М., 2015. С. 238–242.

- Леонова А. Б. Стресс-резистентность и структурная организация процессов саморегуляции деятельности // Психология саморегуляции в XXI веке / Под ред. В. И. Моросановой. СПб.–М., 2011. С. 354–374.
- Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М., 2009.
- Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М., 2012.
- Титова М. А. Саморегуляция функциональных состояний и профессиональная успешность преподавателей колледжа // Среднее профессиональное образование. 2012а. №6. С. 48–50.
- Титова М. А. Средства саморегуляции функциональных состояний преподавателей современного колледжа // Профессиональное образование. Столица. 2012б. № 11. С. 44–45.
- Титова М. А. Эффективность психологической саморегуляции функционального состояния как фактор профессиональной успешности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.

Effective psychological self-regulation of functional state as a factor of successful job performance in teachers of different age

M. A. Titova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, psychologist of the Department of Labor psychology and engineering psychology, Lomonosov Moscow state University

The research was aimed to describe effective functional state self-regulation means of teachers. The study was focused on 50 teachers of different age. The hypothesis is: there is age difference in effectiveness of functional state self-regulation means of teachers. The results revealed: there are qualitative age difference in coping means of teachers. Teachers over 50 years use more effective means of functional state self-regulation, that helps to cope with emotional exhaustion symptoms and it leads to professional longevity.

Keywords: self-regulation of functional state, successful job performance, stress-resistance, hardiness, professional personal deformation, coping behaviour.

Регуляторные и личностные особенности младших школьников с различным уровнем удовлетворенности школьной жизнью¹

*Т. Г. Фомина**, *О. В. Ефимова*** (Москва)

** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии саморегуляции,
Психологический институт РАО;
e-mail: tanafomina@mail.ru*

*** научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции,
Психологический институт РАО;
e-mail: eftimoska@yandex.ru*

В настоящей статье представлены результаты исследования взаимосвязи осознанной саморегуляции учебной деятельности, личностных характеристик и удовлетворенности жизнью младших школьников (N=156). Обсуждается важность изучения саморегуляции и целодостижения в контексте проблемы субъективного благополучия. Выявлены значимые связи личностных характеристик и регуляторных особенностей с показателями удовлетворенности в трех сферах: семья, школа и самоотношение. Наибольшее количество значимых связей обнаружено для шкалы «Удовлетворенность школьной жизнью». Выявлена специфика регуляторных и личностных особенностей учащихся с высоким и низким уровнем удовлетворенности школьной жизнью. Для учащихся с высоким уровнем характерно более высокое развитие регуляторных процессов, саморегуляции в целом и ряда личностных особенностей (Большая пятерка).

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, личностные особенности.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-36-00037.

Постановка проблемы

Исследования субъективного благополучия детей и подростков, в отличие от взрослых, началось относительно недавно. Изучение удовлетворенности жизнью по отношению к школьному обучению изучено в меньшей степени, несмотря на важность и актуальность этой проблемы. Немногочисленные исследования показывают, что у младших школьников ощущение счастья во многом связано с осуществлением учебной деятельности. Характер социального взаимодействия со сверстниками, учителями, родителями во многом опосредован включенностью в учебную деятельность и является важным предиктором глобальной удовлетворенности жизнью в детстве и раннем подростковом возрасте (Suldo, Riley, Shaffer, 2006). Показано, что дети уже с 8 лет способны дифференцировать основные конструкты субъективного благополучия: позитивный и негативный аффекты и удовлетворенность жизнью в целом, а также соотносить их для разных сфер жизни – семья, школа, друзья и др. (Gilman, Huebner, 2003).

Особое внимание уделяется изучению психологических предикторов, влияющих на показатели субъективного благополучия. Наиболее изученными в этом отношении являются личностные факторы. Метаанализы демонстрируют, что факторы большой пятерки устойчиво связаны с субъективным благополучием (Steel, Schmidt, Shultz, 2008), в особенности экстраверсия и нейротизм: экстраверсия – положительно, а нейротизм – отрицательно. Исследователи подчеркивают, что удовлетворенность жизнью в целом однозначно не связана с удовлетворенностью в разных сферах. Так, например, удовлетворение семейной жизнью сильнее связано с высокой общей удовлетворенностью, чем удовлетворение в дружеской сфере, а высокая удовлетворенность школьной жизнью не коррелирует с общей удовлетворенностью (Huebner, 1991).

Мы полагаем, что осознанная саморегуляция выступает в качестве предиктора субъективного благополучия. В ряде исследований отмечается, что целедостижение является одним из факторов психологической удовлетворенности человека (Emmons, 1986; и др.). Показано, что не только результативное достижение, но даже субъективное восприятие прогресса и ощущение движения в верном направлении к поставленной цели ведет к росту субъективного благополучия (Wiese, 2007). С субъективным благополучием связаны также и личностные особенности, которые характеризуют, прежде всего, активность человека по достижению собственных целей и преодолению трудностей: мотивация достижения, самоэффек-

тивность, стрессоустойчивость, самоконтроль. Что касается учебной деятельности, то саморегуляция выступает важным предиктором успешности учебной деятельности (Моросанова, Фомина, 2016; и др.), что, в свою очередь, позволяет говорить о том, что развитие саморегуляции учащихся может выступать необходимым условием психологического благополучия ребенка в школе.

Мы рассматриваем осознанную саморегуляцию в качестве интегративного когнитивно-личностного конструкта, реализующего основные компоненты системы психической саморегуляции: регуляторные процессы (операциональный уровень); регуляторно-личностные свойства (темпераментально-характерологический уровень); общий (интегративный) уровень саморегуляции. Такое строение осознанной саморегуляции подчеркивает ее мета-природу как психологического средства мобилизации и интеграции когнитивных и личностных ресурсов (Моросанова, 2016). Для диагностики развития стилевых особенностей саморегуляции учебной деятельности нами были разработаны методики для учащихся начальной школы и подростков, которые активно используются в научных и практических целях (Morosanova, Bondarenko, 2015).

Организация и методики исследования

Задачи настоящего исследования состоят в рассмотрении особенностей взаимосвязи регуляторных и личностных особенностей с показателями удовлетворенности жизнью младших школьников в различных сферах (семья, школа, самоотношение); проведении сравнительного анализа регуляторных и личностных особенностей младших школьников с различным уровнем удовлетворенности школьной жизнью.

Выборку исследования составили учащиеся четвертых классов московских школ (156 человек: 85 девочек, 71 мальчик).

Методики исследования

Для диагностики регуляторных особенностей использовалась опросная методика «Стиль саморегуляции поведения (детский) ССПМ-Д» (Моросанова, Бондаренко 2015). Данная методика была специально разработана для младших школьников. Вопросы представлены в виде описания типичных учебных повседневных ситуаций, которые необходимо оценить, применительно к себе по 6-бальной шкале. Оцениваются следующие регуляторные процессы и свойства: планирование, моделирование, программирование, оценивание ре-

зультата, гибкость, самостоятельность, ответственность и общий уровень как сумма по всем шкалам. Ребенку необходимо выбрать, в какой степени описываемое поведение характерно для него. Валидность и надежность шкал опросника была показана на выборке более 400 учащихся.

Для оценки параметров субъективного благополучия школьников была использована «Многомерная детская шкала удовлетворенности жизнью MSLSS» (Huebner, 1994; русскоязычная версия – Т. О. Гордеевой и Е. Н. Осина, 2007) со шкалами удовлетворенности жизнью в трех жизненных сферах: семья (благополучие в семье), школа (благополучие в школе), я сам (позитивное самоотношение). Методика включает 23 утверждения, которые необходимо оценить по 5-бальной шкале.

Использовалась также русская адаптация методики «Большая пятерка – детский вариант» для младших школьников, содержащая 62 утверждения, которые необходимо оценить по 3-бальной шкале (Малых, Тихомирова, Васин, 2015). Измеряемые шкалы – «Нейротизм», «Экстраверсия», «Открытость опыту», «Дружелюбность», «Добросовестность».

Результаты исследования

Результаты корреляционного анализа основных шкал удовлетворенности жизнью представлены в таблице 1.

Полученные данные свидетельствуют о том, что показатели саморегуляции и удовлетворенности жизнью учащихся связаны, причем, наибольшее количество значимых корреляций выявлено для шкалы удовлетворенности в школе. Учебная деятельность является ведущей в этом возрасте и через нее во многом оценивается личность самого школьника окружающими, формируется его самооценка. То, каким образом ребенок организует свою учебную деятельность, выполняет домашние задания, взаимодействует со сверстниками, насколько ответственно относится к своим обязанностям, влияет на его субъективное ощущение удовлетворенности собой и своей деятельностью. Закономерной выглядит и связь регуляции с ощущением благополучия в семье. Родители ожидают от ребенка к концу обучения в начальной школе уже большей автономности и самостоятельности в осуществлении учебной деятельности, поощряя его активность и инициативность. Это ведет к позитивному оцениванию ребенка через его позицию субъекта учения родителями. Что касается связей личностных переменных со шкалами удовлетворенности жизнью, то интерес представляет тот факт, что зна-

Таблица 1
 Результаты корреляционного анализа
 регуляторных и личностных особенностей
 с показателями удовлетворенности жизнью

	Переменные	Удовлетворенность жизнью		
		Семья	Школа	Самоотношение
Саморегуляция	Планирование	0,300**	0,351**	0,206*
	Моделирование	0,207*	0,468**	0,102
	Программирование	0,188*	0,304**	0,115
	Оценка Результата	0,288**	0,400**	0,161*
	Гибкость	0,078	0,183*	0,125
	Самостоятельность	0,326**	0,175*	0,253**
	Ответственность	0,271**	0,375**	0,330**
	Общий уровень СР	0,334**	0,424**	0,340**
Большая пятёрка	Экстраверсия	418**	0,189	0,287**
	Дружелюбность	0,438**	0,350**	0,273**
	Добросовестность	0,497**	0,502**	0,390**
	Нейротизм	-0,161	-0,250**	-0,029
	Открытость опыту	0,457**	0,324**	0,305**

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

чимая отрицательная связь с нейротизмом обнаружена на нашей выборке только для шкалы удовлетворенность в школе. По-видимому, это связано с тем, что школьная обстановка и учебные ситуации являются во многом причиной эмоциональной нестабильности и повышенного беспокойства у детей с высоким уровнем нейротизма. Также для переменной экстраверсия на нашей выборке не обнаружена значимая связь со шкалой удовлетворенности в школе. Возможно, в этом возрасте общительность и социальное взаимодействие в школе не играют такой существенной роли для удовлетворенности, как в дальнейшем, когда общение становится основой развития личности подростка.

На следующем этапе с помощью дисперсионного анализа мы провели сравнительный анализ регуляторных и личностных особенностей крайних групп учащихся с различным уровнем удовлетворенности школьной жизнью (таблица 2).

Установлено, что у учащихся с высоким уровнем удовлетворенности школьной жизнью значимо выше показатели регулятор-

Таблица 2

Сравнение регуляторных и личностных особенностей учащихся с высоким и низким уровнями удовлетворенностью школьной жизнью

Переменные	Уровень удовлетворенности школьной жизнью		
	Низкий (N=39) M (SD)	Высокий (N=62) M (SD)	ANOVA-effects
Планирование	3,92 (1,47)	4,66 (1,11)	0,001
Моделирование	3,62 (1,55)	4,89 (1,36)	0,000
Программирование	3,75 (1,42)	4,40 (1,31)	0,006
Оценка результатов	3,38 (1,59)	4,38 (1,34)	0,000
Гибкость	4,19 (1,52)	4,21 (1,46)	0,921
Самостоятельность	4,13 (1,64)	4,58 (1,36)	0,077
Ответственность	4,13 (1,45)	3,47 (1,49)	0,000
Общий уровень CP	26,00 (7,00)	30,78 (7,42)	0,000
Экстраверсия	26,78 (4,95)	27,63 (4,33)	0,354
Дружелюбность	29,76 (4,73)	32,54 (3,65)	0,001
Добросовестность	24,05 (5,07)	28,86 (4,67)	0,000
Нейротизм	20,98 (5,08)	19,42 (4,09)	0,085
Открытость опыту	28,90 (4,49)	31,17 (3,58)	0,005

Примечание: M=средние значения; SD=стандартные отклонения.

ных процессов: планирование, моделирование, программирование и оценка результатов, а также общий уровень саморегуляции. Эти процессы связаны с осознанным выдвижением целей учебной активности, анализом внешних и внутренних условий достижения целей, составлением программы действий и самооценкой результатов деятельности. То есть учащиеся с высоким уровнем удовлетворенности школьной жизнью более успешны в саморегуляции своей учебной деятельности. В то же время учащиеся с низким уровнем удовлетворенности школьной жизнью могут испытывать трудности в целедостижении, программировании своих действий, эффективном анализе результатов своей учебной деятельности.

Что касается личностных характеристик, то у учащихся с высоким уровнем удовлетворенности школьной жизнью значимо выше показатели дружелюбности, добросовестности, открытости опыту. В начальной школе данные качества, безусловно, являются значимыми и положительно оцениваются окружающими. Дисципли-

нированные, ответственные, любознательные, общительные дети, получая от учителя позитивную обратную связь и оценку своего поведения, тем самым, ощущают себя более благополучными.

Обсуждение результатов

В жизни младших школьников школа и учебная деятельность имеют большое значение. В связи с этим, важным аспектом удовлетворенности жизнью выступает отношение к школьной жизни. Исследования показывают, что саморегуляция является необходимым фактором успешности учебной деятельности (Моросанова, 2016; Моросанова, Фомина, 2016). Полученные в настоящем исследовании данные свидетельствуют о том, что показатели саморегуляции и удовлетворенности жизнью учащихся связаны. К концу начальной школы у учащихся формируются важные субъектные качества, характеризующие специфику их саморегуляции: самостоятельность, ответственность, инициативность. Это позволяет более эффективно справляться с новыми задачами учебной деятельности, что сказывается и на удовлетворенности жизнью. Анализ регуляторных и личностных особенностей у учащихся с высоким и низким уровнем удовлетворенности школьной жизнью показал, что учащиеся с высоким уровнем более успешны в саморегуляции своей учебной деятельности: способны эффективно анализировать особенности учебной деятельности, учитывать условия достижения учебных целей, корректировать свои действия и оценивать результаты. Также у них более выражены такие личностные характеристики, как дружелюбность, добросовестность, открытость опыту. Данные личностные характеристики, в отличие от экстраверсии и нейротизма, в меньшей степени генетически опосредованы и в большей степени зависят от социального взаимодействия. В наших исследованиях было показано, что добросовестность коррелирует с общим уровнем саморегуляции.

Отсутствие значимых различий по переменным экстраверсия и нейротизм позволяет предположить, что существенное влияние на удовлетворенность жизнью младших школьников оказывают ситуационные факторы. Исследователи отмечают, что для краткосрочного прогнозирования субъективного благополучия личностные особенности обычно являются более слабым предиктором, чем ситуационные факторы. Действительно, нельзя забывать о высокой динамичности школьной среды, разнообразии ситуаций и отношений, которые предъявляют высокие требования как к развитию социально значимых личностных качеств, так и к способностям ребенка к саморегуляции своего поведения в школе и взаимодействию

со сверстниками и учителями. Результаты настоящего исследования обосновывают данное положение.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить значимые связи между саморегуляцией, личностными особенностями и показателями удовлетворенности жизнью младших школьников. Сравнительный анализ регуляторных и личностных особенностей учащихся с высоким и низким уровнем удовлетворенности школьной жизнью показал, что для учащихся с высоким уровнем характерно более высокое развитие регуляторных процессов, саморегуляции в целом и ряда личностных особенностей.

Литература

- Малых С. Б., Тихомирова Т. Н., Васин Г. М.* Адаптация русскоязычной версии опросника «Большая пятерка – детский вариант» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. №4. С. 6–12.
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // Педагогика. 2016. № 10. С. 13–24.
- Моросанова В. И., Бондаренко И. Н.* Диагностика саморегуляции человека. М., 2015.
- Моросанова В. И., Фомина Т. Г.* Осознанная саморегуляция в системе психологических предикторов достижения учебных целей // Вопросы психологии. 2016. №2. С. 124–135.
- Emmons R. A.* Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being // Journal of Personality and Social psychology. 1986. V. 51. №5. P. 1058.
- Gilman R., Huebner S.* A review of life satisfaction research with children and adolescents // School Psychology Quarterly. 2003. V. 18. №2. P. 192.
- Huebner E. S.* Preliminary development and validation of a multidimensional life satisfaction scale for children // Psychological assessment. 1994. Т. 6. №2. P. 149.
- Steel P., Schmidt J., Shultz J.* Refining the relationship between personality and subjective well-being // Psychological bulletin. 2008. V. 134. №1. P. 138.
- Suldo S. M., Riley K. N., Shaffer E. J.* Academic correlates of children and adolescents' life satisfaction // School Psychology International. 2006. Т. 27. №5. P. 567–582.

Wiese B. S. Successful pursuit of personal goals and subjective well-being // Personal project pursuit: Goals, action, and human flourishing / Eds B. R. Little, K. Salmela-Aro, S. D. Phillips. Mahwah, N.J.: Erlbaum, 2007. P. 301–328.

Self-regulation and personality characteristics of elementary school children with different level of School Life Satisfaction

*T. G. Fomina**, *O. V. Eftimova*** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, leading researcher of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

** Research officer of the Laboratory of Psychology of self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

This article presents research results on the relationship between the conscious self-regulation of learning activity, personal characteristics, and life satisfaction in younger schoolchildren (N=156). The focus is made on studying self-regulation and achieving educational goals in the context of the subjective well-being problem. Significant links have been revealed between the personality characteristics, regulatory features and life satisfaction indicators in three subscales: family life, school life, and self-attitude. The largest number of significant links was found for the School Life Satisfaction Subscale. The study displays specificity of regulatory and personality characteristics of students with high and low level of School Life Satisfaction (SLS). Students with high level of SLS are characterized by a higher development of regulatory processes, self-regulation in general and those particular personality characteristics (Big Five).

Keywords: conscious self-regulation; subjective well-being, life satisfaction, personal characteristics.

Кросс-культурные особенности влияния саморегуляции на механизмы совладающего поведения¹

Е. А. Фомина, В. А. Соломонов** (Ставрополь)*

** кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Научно-образовательного центра психологического сопровождения
личностно-профессионального развития,*

Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: fea30@mail.ru

*** кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник
Научно-образовательного центра психологического сопровождения
личностно-профессионального развития,*

Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: vlads67@mail.ru

В статье рассмотрены варианты влияния саморегуляции на выбор стратегии совладающего поведения, основанной на когнитивных, эмоциональных или поведенческих механизмах. Выявлены и проанализированы кросскультурные особенности выбора стратегии совладающего поведения у российских и иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья, обучающихся в СКФУ. Установлено, что вне зависимости от близости культур иностранных студентов, на выбор или отвержении ими стратегий совладающего поведения влияют особенности процессов саморегуляции. Наиболее важную роль при этом играет процесс планирования.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, адаптация студентов, копинг-стратегии, копинг-механизмы, совладающее поведение, кросскультурные особенности.

Введение

Использование сетевых моделей образования, обмен студентами, построение индивидуальных образовательных траекторий, – все

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00804.

эти возможности расширили перечень ситуаций, в которых студенту приходится прибегать к механизмам совладающего поведения, адаптируясь не только к требованиям образовательного процесса, но и к условиям иной культуры. Стремясь к приобретению профессиональных компетенций и личностному росту, человек часто оказывается в ситуации неопределенности (Банщикова, Фомина, Соломонов, 2015), стресса, перед необходимостью адаптации к иной социокультурной среде.

Вузы Российской Федерации в последние годы столкнулись с проблемой адаптации иностранных студентов. Актуальной является данная проблема и для Северо-Кавказского федерального университета.

Организация и методики исследования

Цель исследования – выявление особенностей влияния саморегуляции на выбор российскими и иностранными студентами моделей совладающего поведения.

Методики исследования

Для достижения поставленной цели были использованы две методики: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова, 2004) и методика диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (см.: Набиуллина, Тухтарова, 2003).

Многошкальная методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) позволяет диагностировать степень развития осознанной саморегуляции и ее индивидуальные профили. Опросник включает девять шкал: Планирование целей (Пл), Моделирование значимых условий достижения целей (М), Программирование действий (Пр), Оценивание результатов (Ор), Гибкость (Г), Самостоятельность (С), Надежность (Н), Ответственность (Отв), а также интегративный показатель общего уровня саморегуляции (ОУ) (Моросанова, 2004).

Методика диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (E. Heim) – скрининговая методика, позволяющая исследовать 26 ситуационно-специфических вариантов копинга, распределенных в соответствии с тремя основными сферами психической активности – когнитивные копинг-стратегии (К к-с), эмоциональные копинг-стратегии (Эм к-с) и поведенческие копинг-стратегии (П к-с). Основные варианты копинг-поведения разделены на три группы по степени их адаптивных возможностей: адаптивные (А в к-п), относительно

адаптивные (От в к-п) и неадаптивные (Н в к-п). Методика адаптирована в лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством д. м. н., профессора Л. И. Вассермана (см. Набиуллина, Тухтарова, 2003).

Для оценки связи между шкалами саморегуляции и шкалами копинг-поведения, измеренными с использованием метрической шкалы, мы использовали коэффициент корреляции Пирсона. Статистическая обработка данных проводилась с применением пакета программ SPSS 22.0 и Excel 2016. Результатом данного анализа будет наличие или отсутствие достоверных связей между переменными.

Эмпирическую выборку исследования составили 1589 студентов СКФУ в возрасте от 18 до 25 лет: это студенты из России (РФ) и иностранные студенты. В выборку российских студентов вошли 1358 человек, студенты 1 курса. Выборку иностранных студентов составили 48 студентов из стран дальнего зарубежья (Ангола, Ирак, Сирия, Монголия и др.), 183 студента из стран постсоветского пространства (Украина, Белоруссия, Узбекистан, Армения и др.).

Результаты исследования

В процессе анализа данных было обнаружено значительное количество значимых корреляций между исследуемыми переменными. В самом общем виде анализ показал и положительную, и отрицательную взаимосвязь осознанной саморегуляции с копинг-стратегиями, используемыми студентами.

При анализе когнитивных копинг-стратегий, используемых студентами вуза (таблица 1), обращаем на себя внимание отсутствие значимых корреляций по шкале «Самостоятельность» нет.

Таблица 1

Взаимосвязь саморегуляции и предпочитаемых когнитивных копинг-стратегий (уровень статистической значимости $p < 0,05$)

Копинг-стратегии	Варианты копинг-поведения	Пл	М	Пр	Оц	Г	С
К к-с Российские студенты	А в к-п	-0,100	-0,213	-0,118	-0,129	-0,117	
	От в к-п		0,178	0,199	0,181	0,204	
	Н в к-п		-0,100			-0,158	
К к-с Иностранные студенты	А в к-п						
	От в к-п	-0,517	0,262				
	Н в к-п					0,241	

У российских студентов процессы и свойства саморегуляции отрицательно коррелируют с адаптивными вариантами копинг-поведения по всем шкалам, кроме шкалы «Самостоятельность»: «Планирование» (-0,100), «Моделирование» (-0,213), «Программирование» (-0,118), «Оценка» (-0,129) и «Гибкость» (-0,117). Положительно связаны с относительно адаптивными стратегиями копинга шкалы саморегуляции «Моделирование» (0,178), «Программирование» (0,199), «Оценка» (0,181) и «Гибкость» (0,204). С неадаптивными копинг-стратегиями отрицательно связаны шкалы «Моделирование» (-0,100) и «Гибкость» (-0,158).

У иностранных студентов шкала «Планирование» (-0,517) отрицательно влияет на относительно адаптивные варианты копинг-поведения, а «Моделирование» (0,261) – положительно. «Гибкость» (0,241) положительно взаимодействует с неадаптивными вариантами когнитивных стратегий копинг-поведения.

Все корреляции указывают на очень слабую или слабую взаимосвязь показателей, кроме корреляции «Планирования» с выбором относительно адаптивных стратегий поведения в выборке иностранных студентов (средняя сила связи).

При корреляционном анализе эмоциональных копинг-стратегий и осознанной саморегуляции (таблица 2) у российских студентов выявлено положительное взаимодействие характеристик саморегуляции с адаптивными вариантами копинг-поведения по всем шкалам, кроме шкалы «Самостоятельность»: «Планирование» (0,072), «Моделирование» (0,187), «Программирование» (0,082), «Оценка» (0,148), «Гибкость» (0,173); отрицательное – по шкале «Самостоятельность» (-0,093). На выборы адаптивных вариантов копинг-поведения у иностранных студентов отрицательно влияет «Гибкость» (-0,163).

Таблица 2

Взаимосвязь саморегуляции и предпочитаемых эмоциональных копинг-стратегий (уровень статистической значимости $p < 0,05$)

Копинг-стратегии	Варианты копинг-поведения	Пл	М	Пр	Оц	Г	С
Эм к-с РФ	А в к-п	0,072	0,187	0,082	0,148	0,173	-0,093
	От в к-п				-0,206		
	Н в к-п				-0,115		
Эм к-с ИС	А в к-п					-0,164	
	От в к-п	-0,606	0,227	-0,422	0,218		
	Н в к-п		-0,438	-0,297	-0,267		

С относительно адаптивными вариантами копинг-поведения у студентов из РФ отрицательно коррелируют шкалы «Оценка» (-0,206), «Планирование» (-0,606), «Программирование» (-0,422). У иностранных студентов на выбор относительно адаптивных копинг-стратегий положительно влияют «Моделирование» (0,227) и «Оценка» (0,218).

С неадаптивными вариантами копинг-поведения отрицательно коррелируют показатели по шкалам саморегуляции и у студентов из РФ, и у иностранных студентов. Так, у россиян связаны выборы копинг-стратегий и шкала «Оценка» (-0,115). У иностранных студентов связаны выборы копинг-стратегий и шкал саморегуляции: «Моделирование» (-0,438), «Программирование» (-297), «Оценка» (-267).

Все коэффициенты корреляции указывают на очень слабую или слабую взаимосвязь показателей, кроме корреляции планирования с выбором относительно адаптивных стратегий поведения в выборке иностранных студентов (средняя сила связи).

Значимых корреляций между характеристиками саморегуляции и особенностями выборов поведенческих копинг-стратегии у российских студентов не обнаружено.

У студентов, приехавших обучаться из-за рубежа, значимые положительные корреляции присутствуют между адаптивными вариантами копинг-поведения и шкалой «Оценка» (0,223); отрицательные корреляции – между относительно адаптивными вариантами копинг-поведения и шкалами саморегуляции «Планирование» (-0,275) и «Моделирование» (-0,255); между неадаптивными копинг-стратегиями и «саморегуляцией» (-207).

Таблица 3

Результаты исследования влияния саморегуляции на виды поведенческих копинг-стратегий (уровень статистической значимости $p < 0,05$)

Копинг-стратегии	Варианты копинг-поведения	Пл	М	Пр	Оц	Г	С
П к-с РФ	А в к-п						
	От в к-п						
	Н в к-п						
П к-с ИС	А в к-п				0,223		
	От в к-п	-0,275	-0,244				
	Н в к-п						-0,207

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Российские студенты с развитой осознанной саморегуляцией в условиях совладания со сложной для них ситуацией демонстрируют тенденцию обращения к условно адаптивным когнитивным копинг-стратегиям, основанным на оценке и придании смысла возникшим трудностям, и адаптивным эмоциональным копингам, связанным с верой в наличие выхода из любой ситуации. Эта тенденция соседствует со склонностью к отказу от выбора адаптивных стратегий, связанных с оценкой трудностей и их осознанным преодолением.
2. Иностранцы студенты как представители иных культур в ситуации адаптации к условиям российского вуза достаточно уверенно демонстрируют готовность выбирать относительно адаптивные когнитивные копинг-стратегии и тенденцию отказываться от неадаптивных форм эмоциональных копинг-стратегий.
3. Наибольшую роль в выборе стратегий совладающего поведения иностранными студентами играет процесс планирования. Чем выше развит процесс планирования, т. е. способность ставить цели и определять шаги по их достижению, тем выше вероятность отказа от относительно адаптивных когнитивных и эмоциональных стратегий совладающего поведения в пользу каких-либо иных.
4. Иностранцы студенты вынуждены в большей степени, чем российские, менять привычные модели поведения, обращаясь к различным видам поведенческих копинг-стратегий.

Литература

- Банщикова Т. Н., Фомина Е. А., Соломонов В. А.* Саморегуляция профессиональной деятельности в ситуации неопределенности: кросс-культурные особенности // Известия Волгоградского технического университета. 2015. № 8 (171). С. 32–35.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М., 2004.
- Набууллина Р. Р., Тухтарова И. В.* Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): Учебное пособие. Казань, 2003. С. 23–29.

Cross-cultural features of the influence of self-regulation on the mechanisms of coping behavior

E. A. Fomina, V. A. Solomonov (Stavropol)

* Candidate of Psychological Sciences, Doctnt, leading researcher of the Scientific and Educational Center for Psychological support of personal-professional development, North-Caucasian Federal University

** Candidate of Psychological Sciences, associate Professor, research officer of the Scientific and Educational Center for Psychological support of personal-professional development, North-Caucasian Federal University

The article examines the options for the influence of self-regulation on the choice of coping strategies based on cognitive, emotional or behavioral mechanisms. Identified and analyzed cross-cultural features of the choice of coping strategies for Russian and foreign students from countries of the far and near abroad who study in the SKFU. It is established that regardless of the proximity of the cultures of foreign students, the choice or rejection of strategies of coping behavior is influenced by the features of the processes of self-regulation. The most important role in this is played by the planning process.

Keywords: conscious self-regulation, student adaptation, coping strategies, coping mechanisms, coping behavior, cross-cultural characteristics.

Перцептивная категоризация лиц разных рас в индивидуальном и парном эксперименте¹

А. Н. Харитонов*, К. И. Ананьева**, И. А. Басюл*** (Москва)

* кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail: ankhome47@list.ru

** кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail: hristinka.84@gmail.com

*** инженер-исследователь Института психологии РАН;
e-mail: ivbasul@gmail.com

В ходе реализации программы сравнительных межкультурных исследований познавательных процессов изучались инварианты и специфика «эффекта другой расы», выражающегося обычно в целом спектре различий в восприятии лица представителей своей и иной расы/этноса, а также и в других когнитивных процессах – зрительном опознании, запоминании и воспроизведении, категоризации и др. На материале идентификации нативных и морфированных фотоизображений лиц разной расовой принадлежности показана достоверная связь эффективности выполнения индивидуальной АВХ-задачи и решения совместной задачи идентификации фотоизображений лиц в парном эксперименте. Показана достоверная взаимосвязь суммарной результативности совместной деятельности в парном эксперименте и эффективности деятельности в индивидуальной АВХ-задаче.

Ключевые слова: эффект категориальности восприятия, парный эксперимент, расовый тип лица, совместная идентификация изображений лиц.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ проект № 16-06-01100а «Закономерности формирования и передачи перцептивного образа в процессе общения: кросс-культурный аспект».

Исходные положения

В ходе реализации программы сравнительных межкультурных исследований познавательных процессов нами изучались инварианты и специфика «эффекта другой расы», выражающегося обычно в целом спектре различий в восприятии лиц представителей своей и иной расы/этноса, а также и в других когнитивных процессах – зрительном опознании, запоминании и воспроизведении, категоризации и др. (обзор см.: Ананьева, Харитонов, 2012). Часть этой работы выполнялась с использованием разработанной в свое время Б. Ф. Ломовым исследовательской парадигмы сравнительного изучения познавательных процессов при решении индивидуально и в условиях общения (Ломов, 1979, 1980; Носуленко, 1981).

Руководствуясь положенными в основу этой парадигмы принципами построения экспериментальной схемы сравнительных исследований, согласно которым от испытуемых требуется решение одинаковой или максимально близкой задачи индивидуально и совместно, мы предложили и апробировали метод сравнительного изучения восприятия объекта индивидом и передачи воспринимаемого объекта партнеру по общению, основанный на феномене категориальности восприятия переходных рядов между двумя стимульными изображениями (Calder et al., 1996). Исходным материалом для построения таких переходных рядов в нашем случае служат оригинальные (нативные) фотографии лиц представителей разных рас/этносов (в англоязычной литературе для обозначения такого материала используется не совсем удачный термин «ethnic face» – букв.: «этническое лицо»). Переходный ряд конструируется с помощью процедуры морфинга (Etcoff, Magee, 1992). В индивидуальном эксперименте используется задача АВ=X (ABX-задача), для решения которой испытуемому надо соотносить предъявленное фотоизображение лица (X) с одним из двух изображений, А или В, представляющих соседние члены переходного ряда, которые были предъявлены ранее (см.: Levin, 2000). Для парного эксперимента используются те же пары фотоизображений, но каждому партнеру предъявляется только одно из них, причем добавляются пары одинаковых изображений, а общей задачей диады испытуемых является определение, одинаковые или разные изображения им предъявлены.

При визуальном сравнении кривых перцептивной категоризации и успешности решения задач в парном эксперименте обнаружилось, что конфигурация этих кривых часто оказывается схожей (Ананьева, Харитонов, 2012). Приведенное ниже исследование име-

ло целью подтвердить или опровергнуть существование обнаруженного эффекта, для чего определялся вклад каждой пары стимулов в результаты решения задач испытуемыми.

Процедура и методика исследования

Испытуемые

В исследовании приняли участие 54 человека – студенты Тувинского государственного университета (г. Кызыл) в возрасте от 18 до 24 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала использовались две нативные фотографии и равномерный переходный ряд между ними, полученный посредством процедуры морфинга с шагом 20%. Таким образом, всего было использовано шесть изображений: нативная фотография азиата, нативная фотография европеоида и четыре изображения переходного ряда, полученные путем морфинга исходных фотоизображений (рисунок 1). Из соседних изображений формировались пары, которые затем использовались в АВХ-задаче и в парном эксперименте.

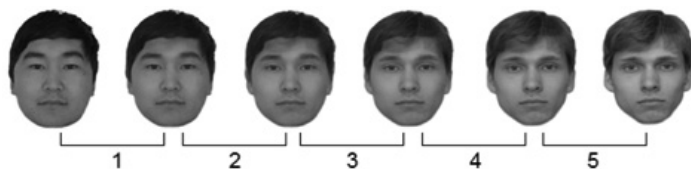

Рис. 1. Переходный ряд стимульных изображений.

Слева – нативная фотография азиата; справа – нативная фотография европейца; с 1 по 5 обозначены пары изображений, которые предъявлялись в АВХ-задаче и в парном эксперименте

Процедура исследования

Испытуемые выполняли два типа задач: (1) индивидуальную АВХ-задачу, где испытуемому сначала предъявлялась пара изображений, а затем одно из них в качестве тестового; испытуемый должен был ответить, в какой позиции располагалось тестовое изображение в предыдущей паре изображений, и (2) парную задачу, где испытуемые работали попарно так, что каждому испытуемому де-

монстрировалось какое-либо одно изображение из пары соседних, а другому – другое. Испытуемые не видели изображения, которые демонстрировались партнеру, а задачей для такой пары испытуемых было определить, одинаковые им представлены изображения или разные (соответственно, были добавлены предъявления одинаковых изображений, которые из дальнейшего анализа исключались).

В АВХ-задаче предъявлению пары изображений предшествовала фиксационная точка – 1 с, далее непосредственно пара изображений – 1 с, далее «маска» – 0,5 с, и тестовое изображение (одно из предъявленной пары) – 1 с. После такой серии испытуемый при помощи клавиш «Left» или «Right» выбирал ответ на вопрос «Где находилось тестовое изображение в предъявленной паре?»; подтверждение выбора ответа осуществлялось клавишей «Enter» (см. рисунок в работе: Ананьева, Харитонов, 2012). Далее следовал следующий цикл предъявлений. Каждая комбинация пары изображений и тестового изображения предъявлялась 4 раза. Общий порядок следования пар изображений в комбинации с определенными тестовыми изображениями был квазислучайным и для каждого испытуемого генерировался перед запуском эксперимента.

В парном эксперименте двое испытуемых находились перед мониторами компьютеров. Каждому испытуемому демонстрировалось какое-либо одно изображение из пары соседних; при этом испытуемые были расположены таким образом, что они не могли видеть экрана своего партнера. Испытуемые должны были посредством беседы прийти к совместному выводу: одинаковые им предъявлены изображения или разные. После того как испытуемые приходили к общему решению, экспериментатор фиксировал их ответ и предъявлял следующие изображения на мониторах перед испытуемыми. Каждое сочетание изображений в течение эксперимента демонстрировалось испытуемым два раза (вразбивку), причем, при повторном предъявлении испытуемый видел изображение, которое прежде предъявлялось его партнеру.

Предъявление стимульного материала и фиксация ответов испытуемых реализованы посредством авторского программного обеспечения на базе Python 2.7 и пакета расширений PsychoPy 1.80 (Skipper, Perktold, 2010; Peirce, 2007). Данный пакет содержит набор модулей, позволяющих эффективно реализовать высокоточное (со стабильными временными показателями) предъявление стимулов, а также сбор всех необходимых показателей работы испытуемого высокоразрешающими методами программирования. В парном эксперименте отдельной задачей было обеспечение синхронного вывода изображений на экраны испытуемых. Это удалось реализовать при помо-

щи встроенных средств среды Python 2.7 в части сетевых интерфейсов. Для синхронизации компьютеров был применен скоростной протокол передачи данных UDP. В результате удалось достичь синхронизации предъявления стимулов на двух мониторах, не превышающей времени одной развертки (т. е. одного кадра) монитора.

Обработка данных

В ходе анализа строились кривые перцептивной категоризации для индивидуально выполнявшейся АВХ задачи и правильных ответов для парного эксперимента, а также определялся вклад каждой пары изображений в характер решения экспериментальной задачи испытуемыми. При обработке данных независимой переменной выступил номер пары предъявленных изображений. Всего было предъявлено 5 различных пар изображений. Зависимыми переменными стали успешность (количество правильных ответов) выполнения индивидуальной АВХ-задачи и парного эксперимента относительно соответствующих пар изображений. Уровень достоверности оценивался при помощи χ^2 Фридмана. Кроме того, оценивалась взаимосвязь успешности выполнения испытуемыми индивидуальных АВХ-задач и совместного парного задания. Для этого данные разбивались на три части в соответствии с количеством правильных ответов (0, 1 или 2) в парном эксперименте на каждую пару изображений и анализировались соответствующие группы правильных ответов в индивидуальных АВХ-задачах. При этом результаты индивидуальных АВХ-задач для данной пары испытуемых суммировались. Достоверность различий определялась при помощи теста Краскела–Уоллиса. Статистические тесты применялись на основе пакета SciPy 0.19 (Millman, Aivazis, 2011). Для выявления групп, вносящих в обоих случаях наибольших вклад в общий эффект, выполнялся post-hoc анализ при помощи теста Тьюки, реализованного в пакете расширений Statsmodels 0.8.

Результаты исследования

Для АВХ-задачи была построена кривая категоризации. Для парного эксперимента – график правильных решений для всех случаев предъявления разных изображений. Как и ожидалось, конфигурация кривых была практически идентичной, при этом кривая правильных ответов в парном эксперименте с небольшим сдвигом располагалась ниже кривой категоризации индивидуального эксперимента.

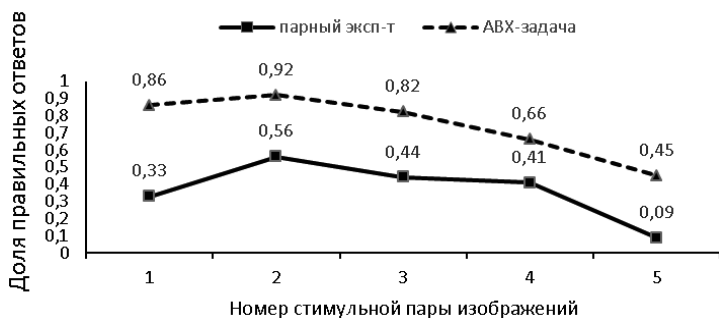

Рис. 2. Кривая категоризации для ABX-задачи и кривая правильных решений для парного эксперимента

Выявлены достоверные корреляции типа изображений, которые сочетались в пары (номер пары), с эффективностью выполнения решения задачи парного эксперимента (χ^2 Фридмана, $p < 0,01$). При этом основной вклад внесен отличием 5-й пары изображений (первое фото – нативное изображение европеоида, второе фото – смесь 80% европеоида и 20% азиата) от пар изображений 4, 3 и 2.

Аналогичная связь выявлена и относительно эффективности выполнения ABX-задачи (χ^2 Фридмана, $p < 0,01$). Однако в этом случае вклад в общий эффект лучше распределен между парами предъявленных изображений; недостоверными оказались различия между 1 и 2 парой и 1 и 3 парой изображений, остальные попарные сравнения выявили достоверные различия.

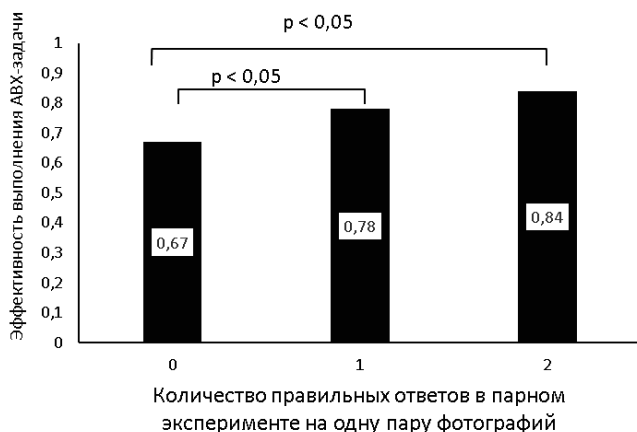

Рис. 3. Сопряжение эффективности работы в парном эксперименте и количества правильных ответов в ABX-задаче

Анализ взаимосвязи эффективности работы в парном эксперименте и эффективности решений индивидуальной АВХ-задачи также выявил достоверный эффект (тест Краскела–Уоллиса, $p < 0,01$). Дальнейший *post-hoc* анализ выявил достоверное различие между подгруппами с отсутствием правильных ответов и подгруппами с одним и двумя правильными ответами на данную пару изображений. Между подгруппами с одним и двумя правильными ответами достоверных различий не выявлено.

Выводы

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. В индивидуальной АВХ-задаче и в парном эксперименте наблюдается достоверная связь типа предъявленных фотоизображений (номер пары переходного ряда) и эффективности решения задачи.
2. Показана достоверная взаимосвязь суммарной результативности совместной деятельности в парном эксперименте и эффективности деятельности в индивидуальной АВХ-задаче.

Литература

- Ананьева К. И., Харитонов А. Н.* Совместная идентификация лиц разных расовых типов // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2012. С. 181–187.
- Ломов Б. В.* Категория общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 34–47.
- Ломов Б. Ф.* Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 5. С. 23–45.
- Носуленко В. Н.* Общение в задачах оценки сигналов // Проблема общения в психологии / Отв. ред. Б. Ф. Ломов. М., 1981. С. 45–59.
- Calder A. J., Young A. W., Perrett D. I., Etcoff N. L., Roland D.* Categorical Perception of Morfed Facial Expressions // Visual Cognition. 1996. № 3 (2). P. 81–117.
- Etcoff N. L., Magee, J. J.* Categorical perception of facial expressions // Cognition. 1992. № 44. P. 281–295.
- Levin D.* Race as a visual future: using Visual Search and Perceptual Discrimination Tasks to Understand Face Categories ant the Cross-Race Recognition Deficit // Journal of experimental Psychology. 2000. V. 129. № 4. P. 559–574.

- Millman K. J., Aivazis M. Python for Scientists and Engineers, Computing in Science & Engineering. 2011.13, 9–12, DOI:10.1109/MCSE.2011.36.
- Peirce J. W. Psychoy – Psychophysics software in Python // Journal Neuroscience Methods. 2007. V. 162 (1–2). P. 8–13.
- Skipper S., Perktold J. Stats models: Econometric and statistical modeling with python. Proceeding soft the 9th Python in Science Conference. 2010.

Perceptual Categorization of Racial Faces in Individual and Dual Experiment

*A. N. Kharitonov**, *K. I. Ananyeva***, *I. A. Basyul**** (Moscow)

* Candidate of psychological sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

*** Research engineer of the Institute of Psychology of RAS

In a comparative intercultural study of cognitive processes, invariants and the specificity of the “other race effect” were studied, which is usually expressed in the spectrum of differences in the perception of the face of representatives of own and other race/ethnos, as well as in other cognitive processes, i. e. visual recognition, memorization and reproduction, categorization, etc. On the material of identification of native and morphed photo images of faces of different races, a reliable relationship is shown between the performance on an individual ABX-task and in joint identification of photo-images of ethnic faces in a dual experiment. A reliable correlation between the overall effectiveness of solving a dual experimental task and the individual effectiveness in an ABX-task is also found.

Keywords: categorical perception, ethnic face, ABX-task, dual experiment, joint identification of faces.

Оценка индивидуально-психологических характеристик человека по фотографии его лица и по аудиозаписи его голоса

Л. А. Хрисанфова, О. М. Сергеева (Нижний Новгород)

** кандидат психологических наук, доцент*

*Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: l.hri@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, старший преподаватель*

*Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: sergeeva_oxana@bk.ru*

Цель предпринятого исследования – сравнительный анализ оценок личностных качеств человека, полученных при восприятии фотографии его лица и при прослушивании аудиозаписи его голоса. В качестве испытуемых-натурщиков выступили 34 студента Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. В качестве испытуемых-оценщиков выступили 89 человек разного возраста и разных профессий. Обнаружено, что испытуемые-оценщики выражают более согласованное мнение при оценке личностных качеств человека по его лицу, нежели по голосу. Бальная выраженность каждого качества оценивается при этом ниже, чем по голосу. Доля согласованных оценок личностных качеств, относящихся к эмоциональной сфере, больше в случае оценки их по голосу, нежели по лицу. При определении субъективного соответствия голоса человека его лицу испытуемые-оценщики не ориентируются на такие лицевые параметры как ширина и высота лица, величина носа и расстояние между глазами.

Ключевые слова: личностные характеристики, оценка, лицо, голос.

Постановка проблемы

Диагностика личностных качеств всегда была и остается одной из самых важных областей психологического знания. Достоверная информация об индивидуально-психологических особенностях че-

ловека востребована в разных областях человеческой деятельности. Сегодня особенно актуальным становится прогноз поведения человека, его возможностей в связи с глобальными изменениями, произошедшими в современном обществе. Глобализация, тотальная информатизация, смещение информационных потоков в виртуальную среду, появление новых негативных явлений (например, терроризм) выдвигают повышенные требования к точности диагностики возможностей конкретного человека. Между тем, вопрос получения достоверной информации о личности, причем в максимально короткие сроки и наименее трудоемким способом, остается открытым. Основные методы исследования личностных особенностей фактически не изменились в последние пятьдесят лет, и многие из них уже давно не отвечают запросам практики. Согласно классификации методов исследования личности, предложенной В. М. Блейхером и Л. Ф. Бурлачуком (1978), существует несколько принципиально отличных друг от друга групп методов: 1) наблюдение и близкие к нему методы (изучение биографий, беседа, экспертные оценки и др.); 2) специальные экспериментальные методы (моделирование определенных видов деятельности, ситуаций, некоторые аппаратные методики и т. д.); 3) личностные опросники и другие методы, базирующиеся на оценке и самооценке; 4) проективные методы. Каждое из перечисленных направлений отвечает своей задаче и востребовано в определенных ситуациях. При оценке данных методов с позиции получения наиболее объективных данных подавляющее большинство авторов сходится на том, что наиболее достоверные данные могут быть получены методом наблюдения и близких к нему методами, в частности методом экспертной оценки. Меньше всего объективной информации мы получаем из опросников и самоопросников. В настоящее время ведется активный поиск альтернативных методов диагностики индивидуально-психологических особенностей человека, которые отвечали бы современным требованиям практики: быстро, надежно, прогностично. Одним из направлений данных поисков является разработка методов диагностики по лицу человека и его голосу. Направление, исследующее возможность диагностики качеств по лицу человека, в настоящее время уже достаточно неплохо разработано. Данное направление опирается на серьезные методологические основы: системный подход (Б. Ф. Ломов), коммуникативную теорию восприятия (В. А. Барабанщиков, В. Н. Носуленко), теорию ведущих тенденций (Л. Сонди, Л. Н. Собчик). Опираясь на основные положения данных концепций, проведя теоретические и практические исследования, мы выделили ведущую функцию человеческого лица – информационную. Лицо дает не только текущую

и явную информацию о человеке (эмоции, переживания, пол, возраст, раса и др.), но и более глубинную, неявную, например, о состоянии здоровья человека или его индивидуально-психологических особенностях. Это становится возможным благодаря иерархичному принципу организации индивидуально-психологических качеств (системный подход). Каждый уровень этой иерархии определяется различной степенью влияния системообразующих факторов: биологических и социальных. В процессе восприятия существует возможность считать информацию об индивидуально-психологических особенностях человека по его лицу. Информация в процессе реального общения считывается, как правило, имплицитно и достигает сознания в обобщенных, интегральных формах.

Серия исследований, проведенных Л.А. Хрисанфовой, позволила получить ответы на ряд вопросов о том, какие качества человека возможно оценить по его лицу, как соотносится оценка качеств человека по его лицу с оценками, полученными другими способами. Так, автором статьи было установлено, что оценка индивидуально-психологических качеств человека по фотографии его лица имеет самый большой процент совпадений с экспертной оценкой по сравнению с данными проективных и тестовых методов. При оценке индивидуально-психологических качеств человека по фотографии его лица всегда безошибочно определяется эмоциональная составляющая, но интерпретируется она далеко не всегда правильно. Хорошо определяются по лицу человека качества интровертированности/экстравертированности, напряженности, активности. Плохо определяемые по фотографии человека его личностные качества в основном относятся к категории социально формируемых, прежде всего, к тем, которые выражают аффилиативную потребность, а также детерминируют степень усвоения социальных норм (Хрисанфова и др., 2016).

Методология системного подхода и ведущих тенденций позволяет нам предположить, что влияние ведущих тенденций будет прослеживаться и в голосовых характеристиках. Вопрос состоит в том, какие базовые качества можно определить по голосу человека, как они соотносятся с проявлением этих же качеств на лице. Нами была предпринята попытка исследовать эти вопросы.

Цель, метод, этапы и процедура экспериментального исследования

Основной целью данного исследования является изучение особенностей восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по его лицу, по сравнению с восприятием по голосу.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что информация об индивидуально-психологических особенностях человека, относящихся к базовым качествам, будет определяться одинаково хорошо и по лицу человека, и по его голосу.

Этапы исследования

Данное исследование включило в себя три этапа. В рамках первого этапа была проведена экспериментальная процедура оценки индивидуально-психологических особенностей человека (натурщика) по фотографии его лица. На втором этапе проведена экспериментальная процедура оценки индивидуально-психологических особенностей человека (натурщика) при прослушивании аудиозаписи его голоса. Третий этап включал изучение субъективного соответствия лица человека аудиозаписи голоса.

Метод исследования

Для получения личностных профилей натурщиков в процессе реализации каждого из методов использовался один и тот же набор личностных качеств, составленный на основе «Пятифакторного опросника личности» Р. Маккрея и П. Косты, и одна и та же оценочная шкала. Всего было использовано 36 пар альтернативных личностных качеств для оценивания.

Каждому испытуемому-оценщику предлагался бланк с личностными качествами, согласно которому каждый натурщик оценивался по следующей шкале: от -3 баллов до 0 – выраженность одного из альтернативной пары признаков; от 0 до 3 баллов – выраженность другого признака из пары. Выбрать можно было только один признак из пары.

Стимульный материал

В рамках реализации экспериментальной оценки качеств человека был подготовлен стимульный материал двух типов: набор фотографий лиц испытуемых-натурщиков и набор аудиозаписей голосов этих же людей.

Набор фотографий включал в себя 35 фотографий лиц. Фотографии были сделаны с соблюдением всех правил для получения стандартных фотографий в ракурсе анфас. Готовые фотографии приводились к общему стандарту при помощи программы Adobe Photoshop.

Набор аудиозаписей голоса тех же испытуемых-натурщиков был получен в результате записи сказки «Репка», которую рассказывал каждый участник. При отборе роликов учитывалось качество записи,

проводилась проверка на наличие существенных различий между аудио-роликами в используемой лексике и сложности построения предложений – различий выявлено не было. Всего было отобрано 20 аудиозаписей. Длительность всех аудиозаписей была примерно одинаковой – в среднем составляла 1 минуту. Сказка «Репка» была выбрана в качестве стимульного материала, так как она проста, рассказывается всеми почти идентично, и, соответственно, может использоваться для оценки паравербального компонента речи (Морозов, 1998).

Процедура исследования

Процедура оценки качеств человека по фотографии его лица происходила следующим образом. На экране компьютера испытуемым-оценщикам в случайной порядке предъявлялись фотографии лиц испытуемых-натурщиков и предлагалось оценить у них выраженность личностных качеств, используя список качеств, перечисленных на бланке. Время экспозиции не ограничивалось.

Процедура оценки качеств человека при прослушивании аудиозаписи его голоса происходила аналогично. На экране компьютера испытуемым-оценщикам предъявлялся список пронумерованных аудиозаписей. Выбирая аудиозапись, испытуемый прослушивал ее, оценивая выраженность личностных качеств у человека, голос которого он слышал, используя список тех же качеств (на бланке), что и при оценке по фотографии лица.

Процедура изучения субъективного соответствия лица человека аудиозаписи голоса осуществлялась следующим образом. На экране монитора предъявлялись одновременно четыре фотографии натурщиков. Одновременно при активации кнопки на экране звучала аудиозапись голоса. Фотография лица хозяина голоса присутствовала в предъявляемом наборе фотографий лиц. Всего испытуемый-оценщик прослушивал 20 аудиозаписей голосов различных людей. Испытуемый-оценщик осуществлял выбор фотографии лица натурщика, которому, по его мнению, принадлежал услышанный голос, представляя галочки в бланке напротив номера выбранной фотографии.

Испытуемые

Выборка 1 (натурщики) – студенты Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в количестве 20 человек, среди которых 16 женщин и 4 мужчин в возрасте от 19 лет до 21 года (средний возраст – 20 лет).

Выборка 2 (испытуемые-оценщики по фотографии лиц): 32 человека, среди которых 27 девушек и 6 мужчин (средний возраст составляет 26 лет). В выборке присутствуют студенты, а также люди разных профессий.

Выборка 3 (испытуемые-оценщики по голосу): студенты Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в количестве 57 человек, среди которых 51 девушка, 6 юношей, (средний возраст – 19,5 лет).

Результаты исследования

Сравнение личностных профилей испытуемых, полученных при оценке людей по лицу и по голосу, осуществлялась следующим образом.

Для каждого личностного качества подсчитывалось количество баллов в среднем по выборке – это определяло выраженность данного качества, по мнению испытуемых-оценщиков. Далее высчитывалась дисперсия оценки выраженности каждого качества. По величине дисперсии определялось, насколько сильно отличаются в оценке каждого качества мнения всех испытуемых-оценщиков. Те качества, которые давали минимальный разброс данных, характеризовали согласованность оценок испытуемых-оценщиков и их единое мнение по поводу выраженности данных качеств.

Как показали полученные данные, доля согласованных оценок личностных качеств, отражающая единое мнение испытуемых-оценщиков по величине выраженности качества, больше в случае оценки их по голосу (0,65), нежели по лицу (0,55).

Следующее, что представляет значительный интерес, – это анализ того, какие именно качества единодушно оценивались большинством испытуемых по лицу человека и по его голосу. Для этого были подсчитаны доли единодушной оценки для каждой группы личностных качеств (согласно трактовке авторов пятифакторного опросника): группа качеств, относящаяся к факторам 1) экстраверсия/интроверсия, 2) привязанность/отделенность; 3) контролирование/естественность; 4) эмоциональность/эмоциональная сдержанность; 5) игривость/практичность (рисунок 1).

Как видно из представленных данных, при оценке индивидуально-психологических характеристик человека по фотографии его лица все оцениваемые качества выбираются испытуемыми-оценщиками равнозначно. При оценке по голосу человека мы явно наблюдаем более высокий единодушный выбор качеств, относящихся к факторам привязанность/отделенность и контролируемость/естественность. Оба фактора характеризуют эмоциональные осо-

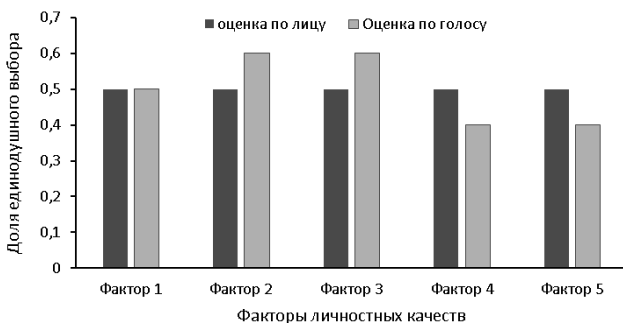

Рис. 1. Доли единодушных выборов личностных качеств, относящихся к различным факторам, полученным при оценке человека по фотографии его лица и при прослушивании аудиозаписи его голоса.

Фактор 1 – экстравертированность/интровертированность; фактор 2 – привязанность/отделенность; фактор 3 – контролирование/естественность; фактор 4 – эмоциональность/сдержанность; фактор 5 – игривость/практичность

бенности человека. Менее единодушны испытуемые при оценке по голосу человека качеств, относящихся к факторам эмоциональность/сдержанность и игривость/практичность. Экстравертированность/интровертированность одинаково единодушно оценивается и по лицу, и по голосу.

Поиск лицевых особенностей людей, чьи лица и голос, по мнению испытуемых-оценщиков, соответствовали друг другу

В исследовании проводилось изучение субъективного соответствия (по мнению испытуемых-оценщиков) предъявляемых фото лиц и аудиозаписей голоса. Для этого на каждую аудиозапись голоса подсчитывалось количество выборов каждой из предъявляемых фото лиц. Число выборов каждой фотографии лица (на конкретную аудиозапись голоса) переводилось в доли от общего количества предъявляемых на данный голос лиц.

В результате такого подсчета были выделены группы фотографий испытуемых-натурщиков, отличающиеся по количеству верно опознаваемых фото по голосу. Далее было осуществлено сравнение при помощи статистического t-критерия Стьюдента выделенных групп по показателям строения лица, отражающих симметрию лица по горизонтальным зонам и билатеральную симметрию. Достоверной разницы по лицевым показателям между хорошо опознаваемыми лицами по голосу и плохо опознаваемыми лицами по голосу

не обнаружено. Это означает, что в процессе прослушивания голоса испытуемые-оценщики не ориентировались на строение лица, и на их решение «соответствует или не соответствует данное лицо данному голосу» не влияет ширина и высота лица, величина носа и расстояние между глазами. По-видимому, на решение о соответствии оказывают какие-то другие особенности лица.

Заключение

Испытуемые-оценщики выражают более согласованное мнение при оценке личностных качеств человека по фотографии его лица, нежели по голосу. Бальная выраженность каждого качества оценивается при этом ниже, чем по голосу. Доля согласованных оценок личностных качеств, относящихся к эмоциональной сфере, отражающая единое мнение испытуемых-оценщиков по величине выраженности качества, больше в случае оценки их по голосу, нежели по лицу.

При определении субъективного соответствия голоса человека его лицу испытуемые-оценщики не ориентируются на такие лицевые параметры, как ширина и высота лица, величина носа и расстояние между глазами.

Литература

- Морозов В. П.* Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998.
- Хрисанфова Л. А., Сергеева О. М., Сибирякова И. А., Орлов А. В., Бронфман Л. Б.* Сравнительный анализ оценок индивидуально-психологических особенностей человека, полученных различными методами // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2016. № 4. С. 123–127.

Assessing individual psychological characteristics: face and voice

*L. A. Khrisanfova**, *O. M. Sergeeva*** (Nizhni Novgorod)

* Candidate of psychological sciences, associate professor
of N. I. Lobachevsky State University

** Candidate of psychological sciences, senior lecturer
of N. I. Lobachevsky State University

It is a well-known fact that judgements that we make about other people are often based on how they look, especially on how their face looks, and

on the way they talk. In our previous studies we mainly focused on examining the accuracy of assessments made from photographic images of human faces. The aim of this research is to compare two ways of assessing psychological characteristics of individuals. Thus, we analyse the differences between assessments made from photographic images of their faces and assessments based on recordings of their voices. The experiment included 34 Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod students, who served as models both for the photos and for the recordings, as well as 89 subjects of the experiment, people of different backgrounds and age. We are trying to prove that assessments of individual psychological characteristics of a person formed on the singularities of their voice are just as accurate as those formed while looking at their face. It was discovered that subjects of the experiment tend to form a more unanimous opinion when making the face assessment as opposed to the voice assessment. However, the quantitative values of the face assessments are smaller. We observed more unanimous assessments of individual psychological characteristics connected to the subjects' emotional sphere when these assessments were based on their voice. It was also established that such facial features as face width/height, nose size and interpupillary distance do not seem to play any role in establishing the face that corresponds to a particular voice.

Keywords: individual personal characteristics, assessment, face, vote.

Возрастные различия регуляторных предикторов академических достижений учащихся суворовского училища¹

И. Ю. Цыганов, И. Н. Бондаренко** (Москва)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
лаборатории психологии саморегуляции,
Психологический институт Российской академии образования;
e-mail: i4321@mail.ru*

** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии саморегуляции,
Психологический институт Российской академии образования;
e-mail: pondi@inbox.ru*

Саморегуляция учебной деятельности взаимосвязана с академической успешностью, ее стилевые особенности служат предикторами результатов обучения. В работе проверяется гипотеза о том, что существует специфика регуляторной детерминации успешности по русскому языку и математике у учащихся различных возрастов. Исследование имеет ситуационную специфику, оно выполнено на выборке курсантов суворовского училища. Для проверки гипотезы исследования выполнена серия регрессионных анализов для четырех выделенных возрастных групп. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу и показывают, что специфика предикторов академической успешности суворовцев отражает характер стоящих перед ними возрастных и содержательных задач обучения.

Ключевые слова: саморегуляция, возрастные особенности, успешность обучения, суворовцы.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00562 «Возрастные различия осознанной саморегуляции учебной деятельности во взаимосвязи с академической мотивацией, личностными особенностями учащихся и результатами их обучения».

Введение

Осознанная саморегуляция (СР) учебной деятельности рассматривается нами как целенаправленная активность по выдвижению и достижению учащимся субъективно принятых целей деятельности. Целостная система СР и стилевые особенности выступают надежными предикторами и психологическими ресурсами академических достижений учащихся (Моросанова, 2014). Рассмотрение проблематики взаимосвязи СР учебной деятельности и успешности обучения открывает возможность поиска регуляторных особенностей, детерминирующих построение и реализацию активности учащихся для достижения учебных целей на различных возрастных этапах. Особенностью данного исследования является учет специфики этапа обучения и типа образовательного учреждения.

Представленное исследование и его результаты являются логическим продолжением работы, проводимой в лаборатории на протяжении последних лет на контингенте воспитанников Московского суворовского военного училища. Полученные ранее результаты используются в данной работе в качестве задела (Цыганов и др., 2016). В частности, мы рассматриваем сформированные на предыдущем этапе возрастные группы суворовцев. Основанием для их выделения стали различия по общему уровню СР в группах суворовцев, представляющих все классы обучения в училище (с 5-го по 11-й). Выделено 4 возрастных группы: учащиеся 5-го класса 11–12 лет (70 человек); учащиеся 6-го класса 12–13 (73 человека); учащиеся 7-го, 8-го, 9-го классов 13–16 лет (184 человека); учащиеся 10-го и 11-го классов 16–18 лет (86 человек).

Сравнение возрастных групп по уровню развития СР учебной деятельности и по их стилевым особенностям показало, что более высокие показатели регуляции характерны для суворовцев 11–12 лет (5-й класс) и 16–18 лет (10–11-е классы). В группе 12–13 лет (6-й класс) наблюдался выраженный спад в регуляции учебной активности. В то же время корреляционный анализ взаимосвязей стилевых особенностей СР и общего уровня СР учебной деятельности суворовцев с показателями их успешности по русскому языку и математике показал, что наибольшее их число характерно как раз для этого возраста. То есть, несмотря на дефицит регуляции, в младшем подростковом возрасте успешность учащихся детерминирована большим числом процессов и свойств сравнительно со старшим подростковом возрастом, где успешность зависит от отдельных показателей СР.

Организация и методики исследования

Цель данного исследования – раскрыть роль возрастных особенностей СР в академических достижениях суворовцев и выявить регуляторные предикторы, вносящие вклад в успешность обучения на разных возрастных этапах.

Методический инструментарий исследования

В работе использовалась методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М Экспресс» для исследования возрастных особенностей СР учебной деятельности (Моросанова, Бондаренко, 2015). Он содержит 45 утверждений, сгруппированных в 10 шкал для диагностики развития стилевых особенностей регуляторных процессов – планирования (Пл), моделирования (М), программирования (Пр), оценивания результатов (ОР), а также регуляторно-личностных свойств – гибкости (Г), самостоятельности (С), надежности (Н), ответственности (Отв); интегративного показателя общего уровня саморегуляции (ОУ). Помимо этого, включена корректурная шкала социальной желательности (СЖ).

Для выявления данных об академической успеваемости воспитанников училища анализировались итоговые годовые оценки по русскому языку и математике (алгебре с 6-го класса) за 2014/2015 учебный год – основным предметам в выпускных экзаменах.

Для обработки результатов были использованы методы математико-статистического анализа данных с помощью пакета SPSS 19.0 для Windows: регрессионный анализ (методы «Включение» и «Шаговый отбор»).

Результаты исследования

Проведен регрессионный анализ для четырех рассматриваемых нами возрастных групп, в которых в качестве зависимых переменных выступали показатели учебной успешности респондентов по русскому языку и математике, а независимых – показатели выраженности стилевых особенностей СР учебной деятельности: планирования учебных целей, моделирования значимых условий, программирования учебных действий, оценивания результатов, гибкости, самостоятельности, надежности и ответственности. Результаты представлены в таблицах 1–4.

В отношении успешности по русскому языку для суворовцев 11–12 лет получена регрессионная модель, описывающая прибли-

Таблица 1
 Регрессионные модели зависимых переменных
 «оценка по русскому языку» и «оценка по математике»
 для суворовцев 11–12 лет (5-й класс обучения)

Зависимая переменная	R ²	Скор-рект. R ²	F-стат.	Значимые предикторы	B	β	p
Русский язык	0,133	0,117	8,435	Моделирование	0,132	0,365	0,005
Математика	0,135	0,119	8,568	Моделирование	0,162	0,367	0,005

Примечание. Метод регрессии – шаговый отбор; осн. сокр.: R² – коэффициент детерминации, B – нестандартизованный коэффициент регрессии, β – стандартизованный коэффициент регрессии, p – значимость предикторов.

зительно 12% дисперсии (p ≤ 0,005). Значимый предиктор – моделирование (B = 0,132). 12% дисперсии по математике объясняется процессом моделирования (B = 0,162, p ≤ 0,005). Результаты показывают, что основную роль в успешности обучения суворовцев на этом возрастном этапе играет учет значимых условий учебной деятельности, что позволяет воспитаннику первого года обучения быстрее адаптироваться к новым для него условиям обучения и преодолеть напряженность, а также «страх неоправдания надежд», научиться равномерно и адекватно распределять усилия на решение многообразия стоящих перед ним задач.

Полученная регрессионная модель успешности по русскому языку для суворовцев 12–13 лет описывает приблизительно 39% диспер-

Таблица 2
 Регрессионные модели зависимых переменных
 «оценка по русскому языку» и «оценка по математике»
 для суворовцев 12–13 лет (6-й класс обучения)

Зависимая переменная	R ²	Скор-рект. R ²	F-стат.	Значимые предикторы	B	β	p
Русский язык	0,463	0,391	6,370	Моделирование	0,114	0,320	0,033
				Программирование	0,100	0,291	0,012
				Надежность	0,134	0,318	0,008
Математика	0,193	0,168	7,777	Гибкость	0,107	0,274	0,028
				Надежность	0,129	0,250	0,045

Примечание. Методы регрессии – включение; шаговый отбор; осн. сокр.: R² – коэффициент детерминации, B – нестандартизованный коэффициент регрессии, β – стандартизованный коэффициент регрессии; p – значимость предикторов.

Таблица 3

Регрессионные модели зависимых переменных
«оценка по русскому языку» и «оценка по математике»
для суворовцев 13–16 лет (7–9-е классы обучения)

Зависимая переменная	R ²	Скор-рект. R ²	F-стат.	Значимые предикторы	B	β	p
Русский язык	0,122	0,080	2,980	Планирование	0,094	0,189	0,038
				Оценивание результатов	0,080	0,209	0,027
				Самостоятельность	0,100	0,200	0,014
Математика	0,121	0,111	12,293	Оценивание результатов	0,126	0,304	0,000
				Планирование	0,085	0,158	0,026

Примечание. Методы регрессии – включение; шаговый отбор; осн. сокр.: R² – коэффициент детерминации, B – нестандартизованный коэффициент регрессии, β – стандартизованный коэффициент регрессии; p – значимость предикторов.

сии ($p \leq 0,000$). Значимые предикторы – моделирование ($B=0,114$), программирование ($B=0,100$), надежность ($B=0,134$). В отношении успешности по математике полученная модель описывает около 17% дисперсии ($p \leq 0,001$). Значимыми предикторами выступают гибкость ($B=0,107$) и надежность ($B=0,129$). Таким образом, основной вклад в успешность обучения в этот возрастной период вносит надежность CP – способность суворовца к регулярной учебной активности, проявлению целеустремленности и настойчивости в достижении учебных целей. В обучении русскому языку вклад Моделирования и Программирования проявляется в понимании требований и способов достижения учебных целей. В обучении математике особенно важным оказывается умение «переключаться» между различными учебными целями, предполагающими различные способы их достижения.

Регрессионная модель регуляторных предикторов успешности по русскому языку для суворовцев 13–16 лет описывает примерно 8% дисперсии ($p \leq 0,004$). Значимые предикторы – планирование ($B=0,094$), оценивание результатов ($B=0,080$), самостоятельность ($B=0,100$). Регрессионная модель, описывающая успешность по математике, объясняет приблизительно 11% дисперсии ($p \leq 0,000$), а значимыми предикторами выступают оценивание результатов ($B=0,126$) и планирование ($B=0,085$). Несмотря на невысокий процент объясненной дисперсии, полученные данные подчеркивает важность умения ставить перед собой цели и поддерживать стрем-

Таблица 4

Регрессионные модели зависимых переменных «оценка по русскому языку» и «оценка по математике» для суворовцев 16–18 лет (10–11-е классы обучения)

Зависимая переменная	R ²	Скоррект. R ²	F-стат.	Значимые предикторы	B	β	P
Русский язык	0,207	0,112	2,188	Программирование	0,133	0,314	0,025
				Самостоятельность	-0,130	-0,339	0,016
Математика	-	-	-	-	-	-	-

Примечания. Метод регрессии – включение; осн. сокр.: R² – коэффициент детерминации, B – нестандартизованный коэффициент регрессии, β – стандартизованный коэффициент регрессии; p – значимость предикторов.

ление к ним, адекватно оценивать получаемые промежуточные и конечные результаты, а также рассчитывать свои возможности и распределять силы.

Для суворовцев старших годов обучения (10–11-х классы) получена значимая регрессионная модель успешности обучения по русскому языку, описывающая чуть более 11% дисперсии ($p \leq 0,039$). Предикторами явились программирование учебных действий ($B=0,133$) с положительным вкладом и самостоятельность ($B=-0,130$) – с отрицательным. В отношении успешности по математике значимых предикторов не выявлено. При обучении русскому языку в этом возрасте на первый план выходит умение определять четкий порядок действий, осуществлять самостоятельную работу с учебным материалом в соответствии с основной задачей обучения на этом этапе – подготовкой к выпускным экзаменам. Это если и предполагает проявление инициативности (в этом значении также рассматривается используемый показатель «самостоятельность»), то только в определенных, установленных обстоятельствами учебной ситуации рамках. Для объяснения отсутствия регуляторных предикторов успешности обучения по математике у учащихся 10–11-х классов требуется проведение дальнейших исследований. Возможно, зависимость носит нелинейный характер и складывается по типу оптимума мотивации.

Заключение

Полученные в исследовании данные позволили расширить представления о регуляторных предикторах академической успешности

ти суворовцев на различных возрастных этапах обучения в военном училище. Выявленные предикторы могут рассматриваться, как в качестве значимых некогнитивных психологических ресурсов успешности обучения, так и факторов регуляторно-личностного развития учащихся в конкретный возрастной период.

Анализ полученных данных показал, что специфика предикторов академической успешности отражает характер стоящих перед суворовцами возрастных и содержательных задач обучения. При поступлении в училище перед курсантами встают задачи, связанные с адаптацией к новым условиям обучения. Соответственно, ведущая роль в регуляции учебной активности отводится процессу моделирования. В 7–9-х классах на первый план выходят инициативность в обучении (самостоятельность), умение ставить учебные цели и стремиться к их достижению (планирование), оценивать достигнутые по мере продвижения к цели результаты (оценивание результатов). Наконец, к 10–11-м классам складывается *индивидуальный* стиль саморегуляции, позволяющий курсантам с наибольшей эффективностью достигать планируемых результатов и готовиться к выпускным экзаменам.

Выявленные в настоящем исследовании особенности детерминации успешности по русскому языку и математике у курсантов-шестиклассников подтверждаются результатами изучения регуляторных предикторов успешности по математике на выборке учащихся 9-х классов общеобразовательных школ (Morosanova, Bondarenko, Fomina, 2015). Согласно полученным в этой работе данным, моделирование выступает значимым предиктором годовой оценки по математике, а также является медиатором влияния на нее интеллектуальных способностей учащихся. В исследовании, выполненном на одаренных детях (учащиеся 8-х классов) показано, что процесс оценивания результатов вносит значимый вклад в успешность обучения по алгебре (там же). Аналогичный результат был получен в данном исследовании для суворовцев 7–9-х классов.

Выявлена специфика регуляторных предикторов академической успешности по русскому языку и математике. В 7–9-х классах, когда происходит освоение нового материала, значимым предиктором, кроме планирования и оценивания результатов, выступает регуляторно-личностное свойство самостоятельности, которое включает в себя инициативность и автономию. В 10–11-х классах при подготовке к ЕГЭ успешность определяется только процессом программирования, т. е. умением сформировать порядок действий, определить способы достижения цели и последовательно их реализовывать.

Литература

- Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. №4. С. 62–78.
- Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М., 2015.
- Цыганов И. Ю., Ованесбекова М. Л., Фомина Т. Г., Моросанова В. И. Возрастные особенности саморегуляции учебной деятельности и их связь с академической успешностью у учащихся суворовского училища // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2016. №4. С. 113–117.
- Morosanova V. I., Fomina T. G., Bondarenko I. N. Academic achievement: Intelligence, regulatory, and cognitive predictors // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. V. 8. №3. P. 136–157.

Age differences in regulatory predictors of the academic achievement of Suvorov military school students

*I. Yu. Tsyganov**, *I. N. Bondarenko*** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

** Candidate of psychological Sciences, leading researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The learning activity self-regulation being interconnected with academic achievement, its stylistic features serve as predictors of the learning outcomes. The study is to test the hypothesis about age specific regulatory determination of academic success in mathematics and native language (Russian). The research has its contextual specifics being made on the sample of Suvorov military school students. A series of regression analysis for selected four age groups procured the results supportive for initial hypothesis. The article describes how the academic achievement predictors reflect the age specific character of the educational tasks of the military school students.

Keywords: self-regulation, age peculiarities, academic achievement, military school students.

Анализ содержания понятия уверенности на основе разработанной модели решения сенсорных задач¹

В. М. Шендяпин, И. Г. Скотникова** (Москва)*

** ассоциированный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: valshend@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института
психологии РАН; e-mail: iris236@yandex.ru*

Разработка нормативной математической модели уверенности в решении сенсорных задач позволила конструктивно раскрыть понятие уверенности. Уверенность – это не только состояние человека, совершающего деятельность в условиях неопределенности, но и субъективный показатель эффективности принимаемых решений, которая в реальной жизни выражается не столько вероятностью правильности, либо ожидаемой средней полезностью, сколько полезностью, превышающей заданный уровень. Показано, что в общем случае в состав уверенности в выбранном ответе входят следующие три независимых компонента: свидетельство в пользу сигнала, свидетельство в пользу большей ценности сигнала и свидетельства в пользу осторожности при выборе каждого из ответов.

Ключевые слова: уверенность, принятие решений, сенсорные задачи, математическая модель.

Выбор предмодельной концепции уверенности

В нашей работе впервые в отечественной науке разрабатывается нормативная модель уверенности в решении сенсорных задач. Эта работа продолжает традиции математического моделирования в психологии, которые в Институте психологии РАН развива-

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0004.

ли В. Ю. Крылов и Ю. М. Забродин. Методологию моделирования активно поддерживал Б. Ф. Ломов, а в настоящее время – В. А. Баранщиков, Ю. И. Александров, Д. В. Ушаков.

Ключевое звено любой деятельности человека – это принятие решения, характеризующее скоростью, степенью уверенности в нем и правильностью/ошибочностью. Если речь идет не о начале конкретной деятельности, а о потенциальной готовности человека к деятельности, то она характеризуется только одним из этих параметров – *уверенностью в будущем решении*. Чтобы действовать в условиях дефицита времени и отсутствия точной информации, люди вынуждены опираться не столько на точные знания и формальную логику, сколько на собственный опыт и состояние, переживаемое ими как *уверенность*. В условиях недостатка информации, т. е. *неопределенности*, уверенность зачастую является единственным средством субъективного прогноза и контроля правильности решений, принимаемых человеком.

В качестве научного понятия уверенность появилась в середине XIX в., когда возникла психофизика. Однако длительное время уверенность не являлась объектом систематического научного изучения. Ее активное исследование началось в психофизике примерно в середине XX столетия. Однако к единому и общепризнанному пониманию этого понятия исследователи пока не пришли. В экспериментах степень уверенности обычно измеряется вероятностной мерой от 0,5 (полная неуверенность) до 1 (полная уверенность). В зарубежной психофизике разработан ряд моделей уверенности в правильности решения (Bjorkman et al., 1993; Ferrel, 1995; Heath et al., 1984, 1988; Usher et al., 1993, 2001; Balakrishnan, Ratcliff, 1996; Juslin, Ollson, 1997; Vickers et al., 1998, 2003; Pleskas, Busemeyer, 2010; Jonson, Fowler, 2011)¹. Однако эти модели не базируются на проработанных теоретических концепциях; их авторы не предлагают теоретических представлений об уверенности и ее определений.

Ранее на основе анализа существующих подходов к пониманию уверенности было предложено определение, в котором было выделено то общее, что лежит в основе двух видов уверенности, – личностной уверенности в себе и ситуативной уверенности в конкретном решении: «Уверенность – это психическое состояние или свойство, при котором человек принимает себя, свое поведение, деятельность, решения как правильные, адекватные. Степень уверенности выражается вероятностной мерой» (Скотникова, 2008, с. 205). Однако это и другие определения являются малопродуктивными, так

1 Подробный обзор см. в: Шендяпин, Скотникова, 2015.

как не указывают, как формируется уверенность, как функционирует ее психологический механизм, а также не позволяют приступить к ее моделированию. Можно констатировать, что в современной психофизике отсутствует общепринятая словесно-смысловая (т. е. «предмодельная») теория, которая могла бы служить основой для разработки математической модели уверенности. Между тем чтобы моделирование было действительно полезным инструментом науки, необходимо, чтобы и выбор «предмодельного» математического аппарата, и организация эксперимента соответствовали единому концептуальному взгляду на изучаемое явление.

Уверенность в правильности решения долгое время связывали исключительно с вероятностью правильности ответа. Однако экспериментальное изучение уверенности на материале когнитивных и сенсорных задач выявило значимые расхождения между субъективными оценками уверенности и реальной частотой правильных решений – завышенную либо заниженную уверенность (проблема реализма уверенности). Общепринятого объяснения этого феномена пока нет. Проблема реализма поставила перед нами два общих вопроса: 1) Что же такое уверенность? и 2) Не может ли она быть «устроена» более сложным образом, чем думают экспериментаторы?

Для ответа на первый вопрос необходимо отметить, что любые действия в условиях неопределенности (когда неизбежны ошибки) создают для человека ситуацию риска. Стресс, порождаемый этим риском, и его психосоматические последствия могут представлять серьезную угрозу для здоровья. Избавиться от этой угрозы можно только с помощью *веры* в правильность своих действий или, говоря другими словами, с помощью принятия их как правильные и адекватные. Вера при этом бывает неосознаваемой, как у детей, не знакомых с рисками, и осознаваемой, как у зрелых людей, прошедших через испытания в виде различных рисков и овладевших опытом работы в условиях неопределенности.

Осознанно вводя в научный обиход, казалось бы, иррациональное понятие веры, мы опираемся на мысль Г. Г. Шпета о *вере* как «принятии возможности за действительность» (цит. по: Шендяпин, Скотникова, 2015, с. 63). Наша рационализация понятия веры основывается на следующем. Действуя в условиях неопределенности, человек длительное время не знает наверняка, что получится в конечном итоге из его действий. О правильности или ошибочности своих действий он узнает нечасто либо с большой задержкой во времени. Поэтому в процессе деятельности он должен прогнозировать промежуточные результаты и действовать, веря в правильность своих прогнозов, т. е. принимать возможности за действительность. Таким

образом, давая ответ на первый вопрос, мы рассматриваем уверенность как особый вид веры – веры в себя и свои действия, основанный на личном опыте практической деятельности, который не передается логическим путем.

Для поиска ответа на второй вопрос мы дополнительно предположили, что уверенность – это не только состояние человека, совершающего деятельность в условиях неопределенности, но и субъективный *показатель* эффективности решений, принимаемых в процессе деятельности, что выражается вероятностью правильности, либо ожидаемой средней полезностью, либо полезностью, превышающей заданный уровень. Таким образом, подобно тому как высота столбика жидкости в термометре показывает температуру, уверенность показывает, насколько эффективным является решение.

Представляется оправданным мнение, что наиболее высокий математический уровень в психологии достигнут в психофизике и теории ощущений (Чуприкова, 2016). Поэтому разработку модели уверенности мы начали на материале самой простой и наиболее изученной сенсорной задачи – порогового различения сходных стимулов как типичного примера ситуаций неопределенности. Так как намного легче объяснить поведение не реального, а идеального рационального наблюдателя, то мы начали разрабатывать модель уверенности для идеального наблюдателя.

Теоретической основой модели для сенсорных задач порогового типа (различения сходных сигналов и обнаружения слабых сигналов среди помех) стали концепции вероятностного прогнозирования как базового принципа механизма восприятия и выбора действий в условиях неопределенности (Брунер, 1975; Фейгенберг, Иванников, 1978; Моллер, Гросс, 2004; Витяев, 2008; Аллахвердов, 2010). Эти представления наиболее полно раскрыты П. К. Анохиным (1978) как *принцип опережающего отражения событий внешнего мира*, который активно развивается в его школе (Александров, 1999). В качестве «предмодельного» математического аппарата для поиска механизма вероятностного прогнозирования взята хорошо известная в психофизике теория обнаружения сигнала (см.: Green, Swets, 1974; Бардин, 1976; Иган, 1983; Macmillan, Creelman, 2005).

С точки зрения математики, данная теория является одним из разделов более общей теории статистических решений, которая, опираясь на имеющиеся у исследователя статистические данные, занимается поиском решений (решающих правил для определения неизвестных параметров статистических гипотез). Тем не менее, готового решающего правила, пригодного для объяснения явления уверенности, в литературе мы не нашли. Поэтому нам пришлось

разрабатывать специальную формулировку решающего правила в парадигме теории обнаружения сигнала.

Содержание модели и полученные результаты

На основе теории обнаружения сигнала разработана модель процесса принятия решения в сенсорной задаче, описывающая уверенность в его правильности. В психофизике уже сложилось представление о том, что в процессе восприятия на основе элементарных отсчетов текущей сенсорной репрезентации стимула формируются сенсорные свидетельства в пользу сравниваемых альтернатив ответа, на основе которых далее принимается решение (Ratcliff, Smith, 2004; Vickers, Lee, 1998). В нашей модели впервые четко определено и раскрыто содержание понятия свидетельства в пользу сигнала, с ростом которого возрастет вероятность правильного обнаружения сигнала. Показано, что оно равно сумме двух составляющих: логарифма отношения априорных вероятностей предъявления двух сравниваемых стимулов и логарифма отношения правдоподобия, зависящего от сенсорного впечатления о различии. Решение принимается на оси свидетельств. Для этого полученное в наблюдении свидетельство в пользу сигнала сравнивается с критерием. Уверенность в принятом решении оценивается как расстояние на оси принятия решения от критерия до полученного свидетельства. Увеличение этого расстояния приводит к монотонному росту вероятности правильности принятого решения.

Впервые были выявлены составные части уверенности, проявляющие себя по мере повышения степени трудности задачи. Были рассмотрены три сенсорные задачи наблюдателя с последовательно усложняемыми целями его деятельности: выбор наиболее правильного ответа; выбор наиболее полезного действия; выбор успешного действия. Показано, что уверенность в выборе наиболее правильного ответа определяется только величиной свидетельства в пользу сигнала. На уверенность в выборе наиболее полезного действия кроме того влияет критерий принятия решения, определяемый значимостями для наблюдателя стимулов. Значимость каждого отдельного стимула (и сигнального, и шумового) определяется суммой премии за его обнаружение и штрафа за его пропуск. На уверенность же в выборе успешного действия дополнительно влияют риски ошибочности каждого из ответов, большие величины которых приводят к отказу от вынесения определенного ответа («да» или «нет», т. е. был или не был предъявлен сигнал) и к появлению осторожных ответов («сомневаюсь»). Введенное представление о минимально допусти-

мом для наблюдателя уровне успешности деятельности объяснило явление его осторожности в ситуации больших рисков. Математический анализ рассмотренных задач показал, что на основе своей уверенности человек может принимать решения и контролировать их соответствие поставленной перед ним задаче.

Сенсорная составляющая свидетельства в пользу сигнала (зависящая от величины полученного сенсорного впечатления) характеризует когнитивную функцию уверенности; априорная составляющая свидетельства, субъективные значимости для наблюдателя стимулов и риски ошибочности ответов – ее регулятивную функцию. Тем самым в модели математически обоснована структура уверенности в сенсорных суждениях как системного психического образования, включающего когнитивную и регулятивную подсистемы. Таким образом, эти подсистемы выделяются в составе не только сенсорного процесса в целом, как было ранее, но и такого его субъектного аспекта как степень уверенности, что развивает системные представления Б. Ф. Ломова (1999) в общей психологии и Ю. М. Забродина (1976) – в психофизике. Модель отражает зависимость уверенности не только от *сенсорных впечатлений*, что учитывалось в предшествующих (зарубежных) моделях, но и от таких *несенсорных характеристик задачи*, как вероятности стимуляции, а также «цены» ответов. Тем самым модель включает наблюдение в контекст деятельности субъекта. В этом находят свое развитие задачный подход в психофизике (Асмолов, Михалевская, 1974; Бардин, 1976; Забродин и др., 1981; Гусев, 2002; Скотникова, 2002; Шендяпин, Скотникова, 2015) и субъектно-деятельностный подход в психологии и психофизике (Брушлинский, 1994, 2006; Бардин и др., 1993; Скотникова, 2008; Шендяпин, Скотникова, 2015), обосновывающие принципиальную роль задачи наблюдателя, его индивидуальности и собственной активности для результатов сенсорных измерений.

Введение в психофизическую теорию обнаружения сигнала ранее плохо определенного и чисто эвристического понятия о свидетельстве в пользу сигнала позволило выделить в структуре сенсорно-перцептивного процесса следующие компоненты: наблюдение за внешними объектами → сенсорное впечатление → свидетельство в пользу сигнала → уверенность в правильности/полезности/успешности → принятие решения и ответ наблюдателя. Была адаптирована для психофизики и реализована методологическая схема процесса моделирования, сложившаяся в естественных науках. Выбраны базовые теоретические предмодельные концепции: психофизическая теория обнаружения сигнала и теоретические представления об опережающем отражении событий внешнего мира как основа ме-

ханизма восприятия и выбора действий. Была предложена гипотеза о роли уверенности в процессе принятия решения как инструмента прогноза и оценки его эффективности, выделены типичные задачи наблюдателя: выбор наиболее правильного ответа, выбор наиболее полезного действия и выбор успешного действия. Для этих задач разработаны математические модели, проведены численные расчеты, выполнена экспериментальная проверка ряда предсказаний модели.

Согласно модели, среди уверенных ответов частота правильных решений больше, чем во всем массиве ответов, и она повышается путем отказа от решения в случаях сомнений. На материале основных видов сенсорного различения (с ответами «больше–меньше» и «одинаковые–разные») для пространственных и временных признаков объектов (Шендяпин, Скотникова, 2015) экспериментально показано, что это повышение более свойственно рефлексивным и осторожным лицам (по-видимому, потому, что их поведение ближе к поведению идеального наблюдателя, описываемого моделью) в сравнение с импульсивными и склонными к риску испытуемыми. С помощью модели обоснована и экспериментально обнаружена нами и другими авторами большая частота ответов о равенстве сравниваемых объектов, чем об их различии (при равновероятном предъявлении пар одинаковых и разных объектов).

Заключение

Разработка нормативной математической модели уверенности в решении сенсорных задач позволила конструктивно раскрыть понятие уверенности. Уверенность – это не только состояние человека, совершающего деятельность в условиях неопределенности, но и субъективный показатель эффективности принимаемых решений; в реальной жизни она выражается не столько вероятностью правильности либо ожидаемой средней полезностью, сколько полезностью, превышающей заданный уровень. В общем случае в состав уверенности в выбранном ответе входят все три соответствующих компонента: свидетельство в пользу сигнала, свидетельство в пользу большей ценности сигнала и свидетельство в пользу осторожности при выборе каждого из сигналов.

Литература

Александров Ю. И. Теория функциональных систем и системная психофизиология // Системные аспекты психической деятельности / Под ред. К. В. Судакова. М., 1999.

- Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональных систем. М., 1978.
- Забродин Ю. М. Процессы принятия решения на сенсорно-перцептивном уровне // Проблемы принятия решения. М., 1976. С. 33–55.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
- Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М., 2008.
- Чуприкова Н. И. Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М., 2015.
- Шендяпин В. М., Скотникова И. Г. Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М., 2015.
- Macmillan N. A., Creelman C. D. Detection theory: guide. N. Y., 2005.
- Ratcliff R., Smith P. A comparison of sequential models for two-choice reaction time // Psychological Review. 2004. V. 111. P. 333–367.
- Vickers D., Lee M. Dynamic models of simple judgments: I. Properties of a self-regulating accumulator model // Nonlinear dynamics, psychology and life sciences. 1998. V. 2. P. 169–194.

Confidence concept analysis by means of its modeling in sensory tasks

*V. M. Shendyapin**, *I. G. Skotnikova*** (Moscow)

* Associative researcher of Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological sciences, leading research worker of Institute of Psychology of RAS

Development of normative mathematical confidence model for decision making in sensory tasks allowed to elucidate confidence concept operationally. Confidence is a subjective characteristic of decision making efficiency but not only a subject's state when he/she acts in uncertainty situations. The efficiency is expressed as a correctness probability, or an expected average utility, or an utility exceeded a level set. In a general case confidence in a response chosen includes 3 independent components: an evidence in favor of a signal, an evidence in favor of a greater value of a signal and an evidence in favor of a cautiousness when each of responses is chooses.

Keywords: confidence, decision making, sensory tasks, mathematical model.

Личностные характеристики слухового образа в долговременной памяти¹

*Н. Г. Шпагонова **, *В. А. Садов***, *Д. Л. Петрович**** (Москва)

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН;
e-mail:shpagonova@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент
Государственного академического университета гуманитарных наук;
e-mail: sadov1952@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, старший преподаватель
Государственного академического университета гуманитарных наук;
e-mail:dlpe@mail.ru*

Исследовано влияние личностных, когнитивно-стилевых характеристик (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, личностная тревожность, полезависимость/полenezависимость) и длительности хранения на физические и семантические характеристики эталона памяти. Показано, что длительность хранения не влияет на физические характеристики эталона. Устойчивость и точность воспроизведения длительности эталона не меняется в процессе его хранения в долговременной памяти. Обнаружено влияние личностных и когнитивно-стилевых характеристик на физические и семантические характеристики эталона. Выявлено взаимодействие влияния длительности хранения эталона в памяти и личностной тревожности; длительности хранения эталона и нейротизма на некоторые семантические характеристики эталона.

Ключевые слова: эталон, долговременная память, семантическое описание, воспроизведение длительности, звуковой фрагмент, характеристики личности.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ, № 150610438а.

Постановка проблемы

Отечественными и зарубежными учеными установлено, что с течением времени хранения эталона в памяти забывание не происходит, наоборот, увеличивается точность опознания, различения. Динамика характеристик эталона в процессе хранения не зависит от модальности и особенностей стимулов (громкость, цвет, длительность, длина линий), а также от методов исследования: узнавания, воспроизведения, психофизических методов (Корж, 2009; Шпагонова, 2009).

В экспериментальном исследовании, посвященном динамике физических и семантических характеристик эталона памяти, рассматривались два аспекта, связанных с запоминанием и сохранением сенсорно-перцептивной информации: динамика характеристик воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) и динамика структуры семантического описания в процессе его хранения в долговременной памяти: от 20 минут до 70 дней (Шпагонова, Садов, Петрович, 2014). В процессе хранения эталона увеличивалась точность его воспроизведения. С увеличением длительности хранения в долговременной памяти эталон оценивался как менее приятный, звонкий, знакомый, известный, живой, более длинный, утомительный, законченный.

По величине воспроизведения длительности и признакам СД испытуемые разделились на две группы. В первой группе выявлена переоценка, во второй – недооценка эталона в среднем по группе и у большей части испытуемых. Испытуемые второй группы оценивали эталон как более знакомый, встречаемый, мелодичный, веселый, желаемый, успокаивающий и менее утомительный, законченный, локализованный, по сравнению с испытуемыми первой группы. Дисперсионный анализ показал, что основу изменчивости длительности воспроизведения составляют индивидуальные различия; фактор задержки (длительности хранения) может объяснить менее 2% дисперсии. Таким образом, процесс сохранения и воспроизведения длительности эталона зависит от индивидуально-личностных особенностей испытуемых. Это проявляется как в физических, так и семантических характеристиках эталона (Шпагонова, Садов, Петрович, 2014).

Согласно Н. Н. Корж, сенсорный эталон проявляется в памяти не отдельным сенсорным признаком, а приобретает более богатую «фактуру» и смысл, что предполагает рассмотрение экспериментальных данных в личностном контексте (Корж, 2009). Процесс решения мнемических задач сенсорно-перцептивного уровня определяется личностными особенностями, прошлым опытом, индивидуальными

приемами деятельности испытуемых. Показано, что для испытуемых с высоким уровнем нейротизма характерна меньшая устойчивость воспроизведения звуковых эталонов, по сравнению с испытуемыми с низким уровнем нейротизма. Экстраверты и эмоционально стабильные испытуемые более устойчиво воспроизводили эталон красного цвета, а интроверты и эмоционально нестабильные – эталон синего цвета (Корж, Лупенко, Сафуанова, 1990). Установлено, что функциональная составляющая автобиографической памяти связана с нейротизмом, открытостью опыту (Cappeliez, O'Rourke, 2002). Разные типы автобиографической памяти обусловлены индивидуально-личностными особенностями, личностными чертами, по Кеттеллу, и свойствами нервной системы (Василевская, Кабардов, Нуркова, 2011). Выявлено, что стиль полнезависимость/полнезависимость связан с эффективностью работы памяти и внимания (Nosal, 1990). Полнезависимость, измеренная с помощью методики «Включенные фигуры», соотносится с более эффективной памятью (Davis, Frank, 1979).

Цель, процедура и методы исследования

Целью данного исследования является выявление связи личностных и когнитивно-стилевых характеристик (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, ситуативная и личностная тревожность, полнезависимость/полнезависимость) с характеристиками семантического описания и воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) в процессе его хранения в долговременной памяти.

Процедура и методы исследования

В качестве эталона был выбран звуковой фрагмент – пение птиц в лесу (2449 мс). Этот фрагмент оценивался как наиболее приятный, естественный, известный, сильный по сравнению с другими фрагментами, которые использовались при исследовании связи семантического описания естественных звуковых фрагментов с показателями эффективности воспроизведения длительности (Садов, Шпагонова, 2008). Известно, что существенное влияние на точность и устойчивость воспроизведения оказывает эмоциональное отношение к эталону (Корж, Лупенко, Сафуанова, 1990). В исследовании использовались: семантический дифференциал (СД) для описания звукового фрагмента; метод воспроизведения длительности; личностный тест ЕРІ Г. Айзенка (в адаптации В. М. Русалова); тест ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина;

методика АКТ-70 для диагностики когнитивного стиля «полезависимость/полenezависимость».

Исследование проводилось индивидуально и состояло из 10 серий (время задержки: 20 минут, 7, 14, 21, 28, 35, 42, 49, 63, 70 дней). Эталон предъявлялся однократно для запоминания в первой серии. Затем испытуемый заполнял тесты и бланк СД. Через 20 минут испытуемый воспроизводил длительность эталона нажатием на клавишу. В каждой серии испытуемый оценивал характеристики звукового фрагмента по признакам СД, заполнял тест ситуативной тревожности и воспроизводил длительность звукового фрагмента.

В эксперименте приняли участие более 90 человек.

Результаты исследования

Результаты корреляционного анализа показали наличие положительной связи ситуативной тревожности и стандартного отклонения воспроизведения длительности эталона. С увеличением ситуативной тревожности по всем сериям происходило увеличение стандартного отклонения, уменьшалась точность воспроизведения длительности эталона. В первой и во второй сериях (задержка 20 минут и 7 суток) ситуативная тревожность оказалась связанной с воспроизведением длительности эталона. С увеличением ситуативной тревожности происходило уменьшение воспроизведения длительности эталона. Ситуативная тревожность испытуемых изменялась в процессе хранения эталона в долговременной памяти: уменьшалась на 14 день хранения, затем увеличивалась. Возможно, испытуемый привыкал к ситуации эксперимента, а далее становился менее уверенным в своем эталоне. Во второй, третьей, четвертой сериях (задержка 7, 14, 21 суток) воспроизведение длительности эталона связано с уровнем нейротизма. С увеличением нейротизма уменьшалась длительность воспроизведения эталона.

Корреляционный анализ по всем сериям показал, что с ситуативной тревожностью связаны почти все признаки семантического описания звукового фрагмента. С увеличением ситуативной тревожности звуковой фрагмент оценивался как более низкий, плоский, краткий, толстый, раздражающий, обрывистый, тяжелый, унылый, утомительный, жесткий, обычный, печальный, грустный, и менее яркий, встречаемый, одушевленный, стандартный, комфортный, привлекающий, желанный, сильный, приятный, природный, знакомый, звонкий, расслабляющий, радостный, четкий, счастливый, громкий, благоприятный, живой. Было также показано, что с увеличением личностной тревожности эталон оценивался как более

низкий, плоский, нестандартный, некомфортный, раздражающий, обрывистый и менее сильный, звонкий, радостный, счастливый, естественный, объемный. С увеличением нейротизма эталон оценивался как более обрывистый, низкий и менее сильный, четкий, громкий, заметный, веселый, а с увеличением экстраверсии – как более четкий, громкий, звонкий, яркий, мелодичный, веселый, счастливый, благоприятный, комфортный, мягкий и менее толстый, тяжелый, широкий, краткий, утомительный. С увеличением полнезависимости (продуктивности) эталон оценивался как менее сильный, широкий, толстый и более яркий, одушевленный, легкий, крупнообъемный, успокаивающий, благоприятный, мелодичный, счастливый, живой, комфортный, обрывистый.

Для изучения влияния личностных характеристик и фактора задержки на физические и семантические характеристики эталона памяти был применен дисперсионный анализ. Для этого испытуемые (96 человек) были разделены на контрастные группы: 1 (низкая), 2 (средняя), 3 (высокая) по личностным и когнитивно-стилевым характеристикам. Для воспроизводимых длительностей в 1 серии (задержка 20 мин.) обнаружены значимые эффекты для факторов «личностная тревожность» и «полнезависимость/полнезависимость». Длительность воспроизведения эталона у испытуемых с пониженной и повышенной (1 и 3 группы) личностной тревожностью меньше, чем у среднетревожных испытуемых ($p=0,006$, $p=0,026$). Выявлено, что у полнезависимых (с высокой продуктивностью) испытуемых длительность воспроизведения эталона больше, чем у среднепродуктивных ($p=0,033$).

Таким образом, с помощью однофакторного дисперсионного анализа (Anova oneway) было показано влияние личностной тревожности и когнитивного стиля «полнезависимость/полнезависимость» на длительность воспроизведения эталона при задержке в 20 минут. Влияния экстраверсии и нейротизма физические характеристики эталона не обнаружено.

С помощью дисперсионного анализа с повторными измерениями (Repeated measures Anova) выявлено, что через 7, 14, 21 и 28 дней длительность воспроизведения эталона не меняется. Было обнаружено влияние нейротизма на длительность воспроизведения эталона для всех экспериментов (20 мин, 7, 14, 21 и 28 дней). С увеличением нейротизма уменьшается длительность воспроизведения эталона во всех сериях ($p=0,035$).

Влияния личностных характеристик – тревожности, нейротизма, экстраверсии – на точность воспроизведения эталона в процессе хранения не обнаружено. Установлено влияние когнитивного сти-

ля «полезависимость/полenezависимость» на точность воспроизведения эталона: у полenezависимых с повышенной продуктивностью и полезависимых с пониженной продуктивностью испытуемых точность воспроизведения длительности эталона выше, чем у средне продуктивных ($p=0,041$). Этот эффект усиливается со временем хранения эталона в долговременной памяти.

Выявлено влияние личностных характеристик на семантическое описание эталона в процессе его хранения в долговременной памяти. Показано, что высоко тревожные испытуемые оценивали звук более низким, менее приятным, звонким, расслабляющим, четким, веселым, известным, счастливым, по сравнению с низко тревожными ($p=0,05$). Полenezависимые испытуемые (с повышенной продуктивностью) оценивали звук более расслабляющим и менее четким, чем полезависимые (с пониженной продуктивностью) ($p=0,05$). Экстраверты оценивали звук более веселым, чем интроверты ($p=0,04$).

Показано взаимодействие влияния длительности хранения эталона в памяти и личностной тревожности на семантические признаки звука: естественный – искусственный, малый по площади – большой по площади. Для низкотревожных испытуемых звук в процессе хранения приобретал большую естественность, чем для среднетревожных. Для высокотревожных звук в процессе его сохранения в памяти становился большим по площади, чем для низкотревожных ($p=0,05$).

Было установлено взаимодействие влияния длительности хранения эталона в памяти и нейротизма на семантические признаки звука: сильный–слабый, звонкий–глухой, тусклый–яркий, четкий–размытый. В течение первой недели хранения эмоционально стабильные испытуемые оценивали звук как более сильный и звонкий, чем нейротичные ($p=0,05$). В течение двух первых недель хранения уменьшалась оценка яркости звука у испытуемых со средним и высоким уровнями нейротизма. В то же время наблюдалось снижение четкости слухового образа у эмоционально стабильных и высоко нейротичных испытуемых, причем наиболее резкая потеря четкости наблюдается у высоко нейротичных испытуемых ($p=0,05$).

Заключение

В результате данного исследования были выявлены связи личностных и когнитивно-стилевых характеристик (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, ситуативная и личностная тревожность, «полезависимость/полenezависимость») с характеристиками семантического описания и воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) в процессе его хранения в долговременной памяти. По-

казано, что фактор задержки не влияет на физические характеристики эталона. Устойчивость и точность воспроизведения длительности эталона не меняется в процессе его хранения в долговременной памяти. Обнаружено влияние личностных и когнитивно-стилевых характеристик на физические и семантические характеристики эталона, а также взаимодействие влияния длительности хранения эталона в памяти, личностной тревожности и нейротизма на некоторые семантические характеристики эталона.

Литература

- Василевская К. Н., Кабардов М. К., Нуркова В. В.* Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 2 (16). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.03.2016).
- Корж Н. Н.* Личностные черты невербальной памяти (психофизический контекст) // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М., 2009. С. 157–178.
- Корж Н. Н., Лупенко Е. В., Сафуанова О. В.* Сенсорно-мнемические задачи и индивидуально-личностные особенности // Психологический журнал. Т. 11. № 5. 1990. С. 27–31.
- Садов В. А., Шпагонова Н. Г.* Роль семантики в воспроизведении длительностей звуковых фрагментов // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 34–43.
- Шпагонова Н. Г.* Психофизические характеристики памяти в лабораторных и естественных условиях // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М., 2009. С. 179–198.
- Шпагонова Н. Г., Садов В. А., Петрович Д. Л.* Динамические аспекты хранения физической и семантической информации // Естественно-научный подход в современной психологии. 20–21 ноября 2014. М., 2014. С. 475–480.
- Cappeliez P., O'Rourke.* Personality traits and existential concerns as predictors of the functions of reminiscence in older adults // Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2002. V. 57 (2). P. 16–23.
- Davis J. K., Frank B. N.* Learning and memory of field independent-dependent individuals // Journal of Experimental Research in Personality. 1979. V. 13. P. 469–479.
- Holmes T. H.* Development and application of a quantitative measure of life change magnitude // Stressfullifeevents: their nature and effects / Ed. J. E. Barrett. N. Y.: Wiley, 1979.
- Nosal Ch. S.* Psychologiczne modeleu myslu. Warszawa, 1990.

Personal characteristics of the acoustical image in long-term memory

*N. G. Shpagonova**, *V. A. Sadv***, *D. L. Petrovich**** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer of the Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, associate Professor of State academic University of humanitarian Sciences

*** Candidate of psychological Sciences, senior lecturer of State Academic University of humanitarian Sciences

Influence of personal, cognitive style characteristics (an extraversion–introversion, a neurotism, trait anxiety, field-dependent/field-independent cognitive style) and storage period on physical and semantic characteristics of memory standard stimulus are investigated. It is shown that the storage period (factor of a delay) doesn't influence physical characteristics of memory standard stimulus. Stability and accuracy of duration reproduction of standard stimulus doesn't change during its storage in long-term memory. Influence of personal and cognitive style characteristics on physical and semantic characteristics of standard stimulus is revealed. Interaction of influence of storage period of a standard stimulus in memory and personal uneasiness is revealed; storage period of a standard stimulus and a neurotism on some semantic characteristics of a standard stimulus.

Keywords: standard stimulus, long-term memory, semantic description, reproduction of duration, sound fragment, characteristics of the personality.

Исследование восприятия лица человека, представленного на фотографическом и портретном изображениях¹

А. С. Шунто, Е. А. Лупенко** (Москва)*

** аспирант Московского института психоанализа;
e-mail: a.shunto@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Центра экспериментальной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета;
e-mail: elena-lupenko@yandex.ru*

В исследовании рассматриваются особенности восприятия выражения лица, изображенного на фотографии и на художественном портрете. Работа направлена на выявление наиболее важных для восприятия и опознания индивидуально-психологических характеристик, полученных при свободном описании лица одного и того же человека при разном способе его изображения.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативный подход, восприятие выражения лица, индивидуально-психологические характеристики, методика свободного описания.

Постановка проблемы

Проблема восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица активно разрабатывается в психологической науке (Барабанщиков, 2009, 2016). Однако, несмотря на внушительный задел, существующий в этой области, проблема влияния способа изображения человеческого лица на его восприятие и опознание остается пока недостаточно разработанной.

Кроме того, необходимо учитывать вероятностный характер восприятия личности другого человека, его подверженность влия-

1 Работа выполнена при поддержке Минобрнауки ГК 25.3916.2017/4.6.

нию установок, прошлого опыта, стереотипов и т. п., в силу чего оно может быть источником ошибок в стратегии и тактике коммуникации и организации совместной деятельности (Барабанщиков, 2009). Так, в следственной практике, например, известно большое количество фактов невинно осужденных людей вследствие ненамеренных ошибок в опознании преступника (Schooler, 2002).

Цель, методологическая основа и процедура исследования

Работа направлена на выявление наиболее важных для восприятия и опознания инвариантных и специфических характеристик, актуализирующихся при свободных описаниях и семантических оценках выражения лица одного и того же человека, полученных при разном способе его изображения, а также на изучение того, как это влияет на формирование общего впечатления о его личности. Будет ли и каким образом проявляться специфика портретного изображения лица человека в его словесном описании? Что будет превалировать при восприятии разных изображений лица одного и того же человека: тождественность модели, либо различия, связанные со спецификой разного способа изображения – документальной фиксацией реальности в случае фотопортрета и авторским видением художника в случае портрета художественного?

В работе осуществляется попытка показать, что художественный портрет наиболее адекватно воспроизводит ключевые черты внешности и индивидуально-психологические особенности изображенного на нем человека и обладает способностью выделять смысловую доминанту во внешнем облике человека.

Методологической основой исследования стали теоретические положения когнитивно-коммуникативного подхода, разработанного Б. Ф. Ломовым и развитого В. А. Барабанщиковым применительно к исследованиям в области изучения межличностного восприятия (Ломов, 1975; Барабанщиков, 2009, 2016), а также методология психологии субъективной семантики (Артемьева, 1999).

Главная идея когнитивно-коммуникативного подхода состоит в утверждении неразрывной связи, или единства, познания и общения. В соответствии с этим можно утверждать, что восприятие выражения лица носит системный характер и имеет статус когнитивно-коммуникативного события (Барабанщиков, 2009). С этих методологических позиций лицо выражает личность конкретного человека, наделенного уникальной структурой индивидуально-психологических особенностей и переживающего те или иные состояния, а также представляет собой особую семиотическую сис-

тему. С данной точки зрения выражение лица похоже на слово (фразу или текст), обозначающее состояние человека, черты характера, намерения и т. п. (там же). Таким образом, каждый человек может быть описан многомерной системой шкал, характеризующих различные свойства его личности. Это то, что открыто наблюдению и самонаблюдению и традиционно выступает в качестве основания сравнения людей (умный–глупый, хороший–плохой, общительный–замкнутый и т. п.).

Традиционно весь объем исследований по восприятию выражения лица – восприятие мимических экспрессий и индивидуально-психологических характеристик по выражению лица, особенности восприятия «разделенного лица» и т. п. – используют в качестве стимульного материала фотографические изображения из стандартных баз данных. Вместе с тем, портретные изображения человека, благодаря своей специфике, открывают обширное поле для психологического исследования и анализа (Лупенко, 2014; Никитина, 2016).

Участники исследования: в эксперименте приняли участие 60 человек – студенты московских вузов и взрослые с высшим техническим и гуманитарным образованием в возрасте от 18 до 54 лет (средний возраст – 27 лет), из них 38% мужчин и 62% женщин.

Стимульный материал

В качестве *стимульного материала* были использованы 20 изображений: 10 фотографических и 10 художественных портретов одних и тех же персонажей – известных личностей России рубежа XIX–XX вв. (5 мужских и 5 женских), выполненных примерно в одном и том же возрасте. Это певец Федор Шаляпин, композитор Антон Рубинштейн, поэт Георгий Иванов, граф Феликс Юсупов, поэт Александр Блок, императрица Мария Федоровна, графиня Зинаида Юсупова, графиня Татьяна Толстая, княгиня Мария Тенишева, меценат Маргарита Морозова. Изображения были подвергнуты специальной обработке – удалены все детали интерьера, фон, оставлено только изображение лица, которое приближено анфас, без украшений и излишних деталей прически и отцентрировано по линии глаз.

Процедура и методика исследования

Изображения последовательно предъявлялись на экране компьютерного дисплея в режиме презентации на неограниченное время. Перед испытуемыми стояла задача дать свободное описание индивидуально-психологических характеристик изображенного лица,

определить его возраст, социальное положение и предположительно эпоху, в которую было выполнено изображение. Таким образом, было собрано 600 описаний, которые были подвергнуты обобщению и частотному анализу.

Результаты исследования

Одним из результатов явилось выделение базового набора характеристик, одинаково часто встречающихся при свободном описании практически всех изображений. Это некое ядро характеристик, которое представляет собой по большей части индивидуально-психологические особенности – *добрый, спокойный, открытый, серьезный, общительный, строгий, целеустремленный, умный, уверенный в себе, творческий, решительный, скрытный, замкнутый* и т. п., что согласуется с ранее полученными данными одного из авторов (Лупенко, 2011). Таким образом, можно предположить, что при восприятии любого изображения человеческого лица актуализируется некий базовый набор категорий, которые являются инвариантными характеристиками и становятся определяющими при оценке изображения лица человека, независимо от эпохи, к которой принадлежит модель, ее социального положения, способа ее изображения (там же).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии тенденции использования при свободном описании более богатого словаря и большего числа характеристик при восприятии художественных портретов, чем при восприятии фотоизображений одних и тех же моделей. Частотный анализ также позволил выделить большее количество категорий при восприятии и описании художественных портретов, что предположительно свидетельствует о более богатом психологическом содержании портретного изображения как способе передачи личности человека. Кроме того, выявилась тенденция более частого употребления категорий «взгляд» и «лицо» при описании фотоизображений и категорий «глаза» и «профессия» при описании художественных портретов, что можно отнести к специфическим характеристикам, выделяющимся при описании лица человека, изображенного разным способом.

Интересными и в наибольшей степени подтверждающими нашу гипотезу о том, что художественный портрет обладает способностью лучше отображать личность человека, чем фотоизображение, явились данные по адекватности восприятия индивидуально-психологических характеристик по свободному описанию. Чтобы оценить степень адекватности восприятия личности по фотоизобра-

жению и портретному изображению одной и той же модели, был дополнительно проведен контент-анализ литературных данных – воспоминаний современников изображенных лиц. Были получены следующие результаты: из двадцати исследуемых изображений только в двух случаях (фото и портрет императрицы Марии Федоровны и фото и портрет композитора Антона Рубинштейна) можно констатировать более адекватное описание индивидуально-психологических характеристик по фотоизображению. Во всех остальных случаях описание художественного портрета исследуемых персонажей и полученный в результате него набор индивидуально-психологических характеристик наилучшим образом согласуется с воспоминаниями современников об их личности (Фокин, Князева, 2017).

Заключение

Полученные данные нашего исследования во многом согласуются с результатами аналогичного исследования, выполненного Д. А. Леонтьевым и Е. Ф. Жуковой (Леонтьев, Жукова, 2011), которое использует методологию психологии субъективной семантики и направлено на сравнение эмоциональной и ценностной семантики графических портретов и фотопортретов одних и тех же людей. Результаты свидетельствуют о различиях в их восприятии, что отражается в существенном качественном различии приписываемых тем и других семантических и ценностных дескрипторов (Леонтьев, Жукова, 2011). Семантические и ценностные оценки графических и фотографических портретов одной и той же модели, как свидетельствует исследование, обычно имеют между собой мало общего и отражают не инвариантные характеристики модели, а специфику формы изучаемого объекта, т. е. фотоизображения или художественного объекта.

В дальнейшем предполагается получить различия в результатах семантического оценивания фотографических и портретных изображений одних и тех же лиц.

Литература

- Артёмьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
- Барabanщиков В. А. Восприятие выражений лица. М., 2009.
- Барabanщиков В. А. Динамика восприятия выражений лица. М., 2016.
- Леонтьев Д. А., Жукова Е. Ф. Эмоциональная и ценностная семантика графических портретов и фотопортретов // Психология субъективной семантики. М., 2017.

- ективной семантики: Истоки и развитие / Под ред. И. Б. Ханиной, Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 250–264.
- Ломов Б. Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 151–165.
- Лупенко Е. А.* Анализ категориальной структуры восприятия портретов русских художников XVIII–XIX вв. и портретов художников советского периода в связи с социально-ролевым статусом изображенных на них лиц // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту / Под ред. В. А. Барабанщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. М., 2011. С. 297–304.
- Лупенко Е. А.* Портретное изображение человека как предмет психологического исследования: проблемы и исследовательские подходы // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М., 2014. С. 269–283.
- Никитина Е. А.* Направление лиц на портретах // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М., 2016. С. 157–171.
- Фокин П. Е., Князева С. П.* Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX веков. В 3 т. СПб., 2017.
- Schooler J. W.* Verbalization produces a transfer inappropriate processing shift // *Applied Cognitive Psychology*. 2002. V. 16. P. 989–997.

A Research of perception of human face presented on photographic and portrait images

A. S. Shunto, E. A. Lupenko** (Moscow)*

* Postgraduate of Moscow Institute of Psychoanalysis

** Candidate of psychological Sciences, senior research officer of Institute of experimental Psychology, Moscow city psychological-pedagogical University

The features of perception of human face (presented on photograph and on art portrait) are considered in this research. The work is aimed at identifying the individual psychological characteristics that are most important for perception and identification, obtained with a free description of face of the same person with a different way of representing it.

Keywords: cognitive-communicative approach, perception of facial expression, personal traits, free description method.

Раздел IV

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Особенности веры в сверхъестественное у студентов гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки¹

И. Р. Абитов, Р. Р. Акбирова**, Л. Р. Сибгатуллина*** (Казань)*

** кандидат психологических наук, доцент кафедры дефектологии
и клинической психологии Казанского (Приволжского)
федерального университета; e-mail: ildar-abitov@yandex.ru*

*** студент-бакалавр 4 курса Института психологии и образования
Казанского (Приволжского) федерального университета;
e-mail: akbrezeda@yandex.ru*

**** студент-бакалавр 4 курса Института психологии и образования
Казанского (Приволжского) федерального университета;
e-mail: l-s95@mail.ru*

Исследование направлено на выявление различий в проявлении суеверности и веры в паранормальное у студентов разных направлений подготовки. Мы предположили, что мировоззрение студентов, выбирающих разные направления подготовки различно: студенты естественно-научного направления более склонны к формированию научной картины мира, в то время, как студенты гуманитарного направления склонны проявлять интерес к мистике, религиозно-философским идеям, проблемам духовности и т. д. В связи с этим сформулировано предположение о том, что у студентов-гуманитариев более выражена суеверность и другие компоненты веры в паранормальное. В исследовании приняли участие 219 студентов разных курсов обучения. 129 из них обучаются на гуманитарном направлении (филология, психология, социология), 90 – на естественно-научном направлении (физика, химия, биология, математика). В результате исследования выявлено, что у студентов-гуманитариев более выражена вера в догматы традиционных религий, и вера в переселение душ, обособленное от тела существование души и возможность об-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Казанского (Приволжского) федерального университета.

щаться с душами умерших. Структура взаимосвязей между исследуемыми показателями в группах не отличается, что может свидетельствовать о единой структуре веры в сверхъестественное.

Ключевые слова: суеверность, вера в паранормальное, студенты гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки.

Постановка проблемы

Результаты социологических опросов, проведенных в течение последних 5 лет среди представителей различных групп населения России, свидетельствуют о том, что большая часть населения верит в паранормальные явления (колдовство, ясновидение), астрологические прогнозы, сверхъестественных существ и обращается за помощью к экстрасенсам, гадалкам и магам. Так, социологический опрос «Левада-центра» в 2012 г. показал, что в глаза и порчу верят 59% россиян (при том что в 1990 г. таких было 38% от общего числа опрошенных). По результатам опроса, проведенного Институтом социологии РАН в 2013 г., 67% российских женщин обращались за помощью к магам, гадалкам и экстрасенсам. В колдовство верят 48% опрошенных, в ясновидение – 55% (данные «Левада-центра» и ВЦИОМ). Опрос, проведенный в декабре 2015 г., показал, что астрологическим прогнозам верят 36% россиян, а в инопланетян – 32%.

Особый интерес представляет то, насколько выражена суеверность среди молодежи, получающей высшее образование. Молодые люди составляют основу будущего общества, а получение высшего образования подразумевает формирование и развитие научного мировоззрения, которое, на наш взгляд, является антагонистичным магическому мировоззрению и суеверности как его проявлению. В данном контексте встает вопрос об изучении особенностей проявления веры в сверхъестественное и суеверности у студентов, получающих образование по естественно-научному и гуманитарно-му направлениям подготовки.

Исследованием суеверности и суеверий занимаются такие ученые, как Д. С. Григорьев, Н. Н. Измоденова, Ю. В. Саенко, М. Ю. Строгальщикова и др.

Д. С. Григорьев описывает в своей статье результаты валидации методики Дж. Тобасика «Шкала веры в паранормальное». Тобасик, разрабатывая свою методику, выделил такие верования, как традиционная религиозная вера, вера в пси-способности, в колдовство, спиритизм, суеверия, вера в экстраординарные формы жизни, вера в предсказания (Григорьев, 2015). В нашем исследовании мы бу-

дем рассматривать как близкие по содержанию категории «суеверность» и «вера в паранормальное».

Н. Н. Измоденова указывает на то, что суеверия относятся к социальным представлениям или к формам коллективного сознания, которые формируются в процессе совместной жизнедеятельности людей. Суеверия понимаются ею как предрассудки, представляющие собой веру в какие-либо потусторонние силы, содержащие допущение, часто неосознанное, что от этих сил можно найти защиту или достигнуть с ними приемлемого для человека компромисса. По мнению автора, суеверия, как правило, проявляют себя на поведенческом уровне в редуцированных обрядовых формах: использовании талисманов, в татуировке, магических жестах и пр. К суевериям относится также вера в приметы, когда определенным событиям приписывается прогностическое значение. Измоденова отмечает, что большинство опрошенных ею респондентов если и не верят в приметы, бытующие в культурном пространстве современного российского общества, то зачастую используют их в повседневной жизнедеятельности. По мнению респондентов, основными источниками, порождающими использование суеверий и магии, являются социально-психологические причины: страх, беспокойство, неуверенность, желание предугадать последствия своих действий. Вера в некие непознанные, но реально существующие силы, скрытые связи явлений помогает человеку обрести уверенность в себе и завтрашнем дне, в результатах своих действий. Респонденты убеждены в том, что главную роль в распространении магического способа мышления играют средства массовой информации (Измоденова, 2013).

Ю. В. Саенко предлагает выделять 3 аспекта суеверий: когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий. Когнитивный компонент суеверия включает в себя познавательные процессы, направленные на распознавание и категоризацию незнакомых событий и ситуаций, а также предвидение возможных последствий встречи с ними и построение стратегии поведения по отношению к данным событиям и ситуациям. Аффективно-мотивационная составляющая суеверий представлена эмоциональными состояниями, испытываемыми по поводу потенциально опасных или желаемых явлений, отражающих актуальные потребности человека. Поведенческий компонент суеверий включает в себя ритуальные символические действия, призванные защитить человека при появлении угрозы, вызвать желаемое событие или предотвратить нежелательное (Саенко, 2006).

По мнению Саенко, в основе суеверий лежат разнообразные иррациональные страхи. Следуя приметам, человек стремится защитить свое самосознание и эмоциональную сферу от вторжения тре-

воги и страха. Поведенческий компонент суеверий состоит в том, что суеверные представления выступают в качестве регулятора поведения человека в социуме и в «мире вещей». В исследовании, проведенном Ю. В. Саенко на студенческой выборке, было установлено, что суеверность связана с такими характеристиками личности, как тревожность и экстернальный локус контроля. Чем более тревожен человек, чем более выражено у него стремление относить причины своих успехов и неудач к внешним влияниям, тем более он суеверен. По мнению автора, суеверность – одна из форм, которую может принимать тревожность, наряду с невротическими симптомами и религиозностью (Саенко, 2006).

М. Ю. Строгальщикова приходит к выводу о том, что вера в слез является одной из разновидностей атрибуции неудачи и выполняет защитную функцию в жизни человека (поддержание самооценки, снижение тревожности и пр.) (Строгальщикова, 2012).

Опираясь на существующие определения, мы приходим к выводу, что суеверность – это характеристика мировоззрения человека, особое его отношение к реальности. На наш взгляд, ближе всего к данному феномену в современной психологии находится категория «вера». А. М. Двойнин выделяет в понимании веры, что это внутреннее отношение личности, мифологизирующее отношение человека к действительности (Двойнин, 2011). Суеверность в данном контексте может рассматриваться как частный случай веры, поскольку она также подразумевает внутреннее отношение личности к происходящему и мифологизирует (опосредует) его отношение к действительности. В отличие от религиозной веры, сутью которой является убежденность в существовании сверхъестественного, всемогущего Бога, влияющего на жизнь людей и события, происходящие в реальности, сутью суеверности является признание причинно-следственной связи между различными событиями и отдельными действиями (или бездействием) человека и тем, что произойдет с ним в будущем, а также убежденность в существовании различных сверхъестественных существ (привидений, духов и т. д.) и их способности влиять на жизнь людей. Таким образом, суеверность и религиозная вера, с точки зрения психологии, должны быть не противопоставлены друг другу, а рассмотрены как различные проявления феномена веры в сверхъестественное.

Организация и методика эмпирического исследования

Целью нашего исследования является выявление различий в проявлениях веры в сверхъестественное у студентов, получающих выс-

шее образование по естественно-научному и гуманитарному направлениям подготовки.

Задачи исследования

- выявить различия в суеверности и отдельных компонентах веры в паранормальное между студентами естественнонаучного и гуманитарного направлений подготовки;
- выявить различия в структуре взаимосвязей между показателями суеверности и веры в паранормальное у студентов разных направлений подготовки.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что суеверность и вера в паранормальное у студентов гуманитарного направления подготовки более выражены, чем у студентов естественно-научного направления.

Суеверность рассматривается нами в данном исследовании как частный случай веры, включающий в себя когнитивный, поведенческий и аффективно-мотивационный компоненты и проявляющийся в убежденности в наличии причинно-следственной связи между различными событиями и отдельными действиями (или бездействием) человека и тем, что произойдет с ним в будущем, а также в признании существования различных сверхъестественных существ (привидений, духов и т. д.) и их способности влиять на жизнь людей, наличия экстрасенсорных (пси-способностей), возможности предсказывать будущее с помощью различных приемов гадания и составления гороскопов, а также достоверности астрологических «знаний».

Методики исследования

Для выявления выраженности суеверности и веры в паранормальное нами были использованы «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика и опросник суеверности И. Р. Абитова. «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика содержит 26 вопросов и состоит из семи субшкал: «Традиционная религиозная вера», «Пси-способности», «Колдовство», «Суеверия», «Спиритизм», «Экстраординарные формы жизни» и «Предсказание». Степень согласия с каждым утверждением оценивается по семибалльной шкале (от «абсолютно не согласен» – 1 балл до «абсолютно согласен» – 7 баллов). Для диагностики выраженности суеверности нами был разработан авторский опросник, включающий в себя 30 утверждений, касающихся поведения испы-

туемых, выполнения ими действий, предписываемых приметами, принятия ими верований, существующих в современном российском обществе. Для получения более объективных данных испытуемым предлагалось перечислить приметы и верования, не попавшие в опросник, которых они придерживаются и выполняют. Каждое утверждение предлагалось оценить по 4-балльной шкале: 0 – никогда так не поступаю, 1 – редко так поступаю, 2 – часто так поступаю, 3 – постоянно так поступаю. Одной из частных задач данного исследования является проверка внешней валидности разработанного нами опросника. Исследование проводилось с использованием сети интернет; все методики были переведены в гугл-форму и рассылались испытуемым по электронной почте.

В качестве испытуемых выступали студенты-бакалавры, обучающиеся в Казанском (Приволжском) федеральном университете, Новосибирском государственном педагогическом университете, Чувашском государственном университете и Ярославском государственном университете. Всего в исследовании приняло участие 219 испытуемых, которые были разделены на две группы: студенты естественно-научного направления подготовки (биология, физика, химия) – 90 человек и студенты гуманитарного направления подготовки – 129 человек.

Все полученные данные были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова – Смирнова. Установлено, что распределение данных можно отнести к нормальному и, следовательно, использовать параметрические критерии для выявления взаимосвязей и различий. Использовались статистические методы обработки результатов, включающие вычисление коэффициентов Пирсона и Стьюдента, корреляционный анализ.

Результаты исследования

При использовании критерия Стьюдента у студентов, получающих образование по гуманитарному направлению подготовки, выявлены более высокие показатели по шкалам «Традиционная религиозная вера» ($p \leq 0,05$; $t = -2,379$) и «Спиритизм» ($p \leq 0,001$; $t = -3,060$). Результаты исследования указывают на то, что студенты-гуманитарии более привержены догматам традиционных религий о существовании Бога, рая и ада, дьявола, чем студенты естественно-научного направления подготовки. Также у студентов-гуманитариев более выражена вера в переселение душ (реинкарнацию), возможность «астральных путешествий», общения с умершими. Эти различия, на наш взгляд, обусловлены мировоззренческими особенностями лиц, выбираю-

щих гуманитарное или естественно-научное образование. Среди «гуманитариев» преобладают лица с мистическим или религиозным мировоззрением (или их сочетанием). Их мировоззрение связано с повышенным интересом к человеку как объекту изучения, его способностям, законам его развития и существования. Лица, выбирающие естественно-научное направление, в большей степени интересуются универсальными законами природы и развития жизни. Их меньше интересуют специфически «человеческие» вопросы, касающиеся духовности, смысла жизни и т. д. Это лица преимущественно с научным мировоззрением.

При анализе взаимосвязей между исследуемыми характеристиками было обнаружено, что структура взаимосвязей в обеих группах почти не имеет отличий: все показатели имеют статистически значимые взаимосвязи между собой. Это может указывать на однородность структуры суеверности и веры в паранормальное вне зависимости от особенностей исследуемой группы.

Таким образом, в результате исследования были обнаружены следующие особенности проявления веры в сверхъестественное у студентов гуманитарного и естественно-научного направлений обучения:

- 1) Студенты-гуманитарии более привержены догматам традиционных религий. У них более выражена вера в рай и ад, в существование всесильного и всеведущего Бога и олицетворения зла – дьявола, а также в бессмертие души.
- 2) Студенты-гуманитарии в большей степени верят в переселение душ, в обособленное от тела существование души и возможность общаться с душами умерших.
- 3) Не обнаружены различия в таких проявлениях веры в сверхъестественное, как вера в колдовство, пси-способности, предсказания, экстраординарные формы жизни и суеверность.
- 4) Не выявлены отличия в структуре взаимосвязей между различными показателями веры в сверхъестественное в исследуемых группах.

Литература

- Григорьев Д. С. Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика // Социальная психология и общество. Т. 6. № 2. 2015. С. 132–145.
- Измоденова Н. Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 20–35.

Саенко Ю. В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85–97.

Строгальщикова М. Ю. Социально-психологические особенности феномена суеверия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.

Двойнин А. М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб., 2011.

Supranatural beliefs of students majoring in Humanities and in Science

I. R. Abitov, R. R. Akberova**, L. R. Sibgatullina*** (Kazan)*

* Candidate of psychological Sciences, associate Professor of speech and clinical psychology, Kazan (Volga region) Federal University

** Student-bachelor 4th course of the Institute of psychology and education Kazan (Volga region) Federal University

*** Student-bachelor 4th course of the Institute of psychology and education Kazan (Volga region) Federal University

The research addresses the differences in manifestation of superstitiousness and paranormal beliefs among students of various fields of studies. The authors supposed that students who choose different training programs have dissimilar world-views: students majoring in Sciences are more prone to the development of the scientific view of the world while those who study Arts and Humanities are more interested in mysticism, religious and philosophical ideas, spirituality etc. Thus a hypothesis was made that humanitarian students have higher indexes of superstitiousness and paranormal beliefs. 219 students of different years of studies took part in the research. 129 of them major in Humanities and Social Sciences (Philology, Psychology and Sociology) and 90 of them study Natural Sciences (Physics, Chemistry, Biology and Mathematics). The research showed that the humanitarian students have a stronger faith in traditional religious formulas, metempsychosis beliefs, faith in the fact that soul may exist separately from body and in the opportunity to contact with spirits of dead people. The correlation structure between the studied parameters in both sample groups is similar; therefore it may indicate the unified framework of the faith in the paranormal.

Keywords: superstitiousness, paranormal beliefs, students majoring in Humanities and Science.

Представления о психологическом здоровье у людей с официальным и неофициальным брачным статусом¹

Н. Г. Артемцева, Т. В. Галкина** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: artyomtseva@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: galkina@list.ru*

Статья посвящена актуальной проблеме изучения различных аспектов психологического здоровья. В статье затрагивается тема неразрывной связи представления людей о своем здоровье (как базовой ценности) и его компонентах с менталитетом нации. Подчеркивается, что психологическое здоровье тесно связано с духовно-нравственной составляющей. Дается сравнение представлений о психологическом здоровье у людей с разным брачным статусом. Показано, что авторский опросник «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ) дает возможность исследовать на русскоязычной выборке субъективно-личностное отношение к психологическому здоровью. Выявлено, что представления о психологическом здоровье и его компонентах различаются у людей в зависимости от их брачного статуса – официально оформленных/неоформленных семейных отношений.

Ключевые слова: здоровье, психологическое здоровье, менталитет, личностные представления, брачный статус, семья.

Актуальность исследуемой проблемы

Социально-экономические особенности развития России в начале XXI века повлекли за собой серьезные изменения во всех сферах жизни.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственными заданиями ФАНО, № 0159-2017-0002 и № 0159-2017-0004.

недеятельности людей. Исключением не стали и современная семья, и институт брака в целом. Общество переживает быстрые революционные изменения, в которых люди не всегда успевают сориентироваться, при этом теряются важнейшие социальные и духовные ценности, которые помогали выживать и справляться с трудностями. Одной из таких ценностей является здоровье в целом, и психологическое здоровье в частности. Представления людей о своем здоровье (как *базовой ценности*) и *его компонентах*, отношение к нему неразрывно связаны с *менталитетом нации* как социокультурным феноменом (Воловикова, 2012; Кольцова, 2016; и др.).

Социально-экономические преобразования в России оказали огромное влияние на брачно-семейные отношения. Перестройка в обществе повлекла за собой перестройку в браке и семье как главных социальных институтах. Традиционная семья и официальный брак, которые для многих людей были источником восполнения нравственных и физических сил, островком спокойствия, надежности и безопасности, переживают глубокий кризис. Постепенно меняется отношение к брачному статусу: молодежь все чаще предпочитает неофициальные брачные отношения официально оформленному браку. Современная ситуация характеризуется нарастанием различных трудностей и проблем в современной семейной жизни. Семья, как ячейка общества, является своеобразным «зеркалом», отражающим общую ситуацию в обществе и его проблемы.

На каждом новом этапе развития общества, когда происходит переоценка ценностей, возрастает интерес к проблемам создания и функционирования семьи. В настоящее время можно наблюдать оживление интереса к семье, как во властных структурах и разных областях общественной практики, так и в социогуманитарных науках, и, в первую очередь, в психологии. Правительство, региональные и муниципальные власти стали пропагандировать образ «здоровой семьи», как основной ячейки общества. Семейные отношения имеют большое значение для здоровья людей. Благоприятный морально-психологический климат семьи положительно сказывается на здоровье ее членов. Современное общество заинтересовано в прочной, духовно и нравственно здоровой, а следовательно, и в благополучной семье. Психологическая наука всегда уделяла проблемам семьи особое внимание; в последнее время появились и специальные исследования, посвященные *психологическому здоровью семьи* (Торохтий, Прохорова, 2009). Каждая семья рано или поздно обращается к изучению своего психологического здоровья. Но психологическое здоровье семьи складывается из психологического здоро-

вья ее членов. Возникает проблема диагностики психологического здоровья, которая может быть начата с выявления и изучения особенностей представления о нем у членов семьи. Причем весьма интересным представляется аспект изучения представлений о психологическом здоровье в семьях разного типа, у людей с разным брачным статусом.

Психологическое здоровье часто рассматривается, как динамическая совокупность психических свойств, обеспечивающих гармонию между различными сторонами личности человека, а также между человеком и обществом. Психологическое здоровье дает возможность человеку полноценно функционировать в процессе жизнедеятельности.

Во многих исследованиях показано, что психологическое здоровье тесно связано с духовно-нравственной составляющей (Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, И. В. Дубровина, А. Л. Журавлев, Г. С. Никифоров, В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов, А. В. Юревич и др.). Термин *психологическое здоровье* (в отличие от «психического здоровья») имеет отношение ко всей личности в целом и находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа (Артемцева, Галкина, 2016а, б; Воловикова, Галкина, 2014; Галкина, 2014; Дубровина, 2009; Торохтий, Прохорова, 2009; Шувалов, 2012; и др.). Подобное понимание психологического здоровья делает изучение этого феномена особо актуальным в период идеологического и мировоззренческого кризиса, переживаемого современной Россией. В условиях активного поиска новых жизненных приоритетов, социальных и духовно-нравственных ориентиров научная разработка проблемы психологического здоровья выдвигается на передний план среди актуальных направлений психологических исследований.

Таким образом, *актуальность* и *необходимость* проведения специальных психологических исследований, связанных с различными аспектами проблемы психологического здоровья вообще и семьи, в частности, не вызывает сомнения. Вместе с тем обзор существующих публикаций позволяет констатировать слабую разработанность данной проблемы в плане методов исследования и концептуально-терминологического аппарата (Воловикова, Галкина, 2014; Галкина, 2014; Артемцева, Галкина, 2016а; Шувалов, 2012; и др.). Нерешенными остаются вопросы о критериях и нормах психологического здоровья, возможных угрозах. Несомненно, требуется продолжение исследований, направленных на выявление особенностей представления россиян о психологическом здоровье и его компонентах (Артемцева, Галкина, 2016б).

Процедура и методика эмпирического исследования

В предпринятом нами исследовании была поставлена задача выявления различий в представлениях о психологическом здоровье у людей с неофициальным и официальным брачным статусом.

Гипотеза исследования: представления о психологическом здоровье и его компонентах у людей с официальным и неофициальным брачным статусом существенно различаются.

В качестве *респондентов* выступили 64 человека в возрасте от 21 до 46 лет (мужчины и женщины). 20 человек – люди, имеющие неофициальный брачный статус; группу для сравнения составили люди, имеющие официальный брачный статус – 44 человека.

Процедура и методика исследования

В исследовании использовался авторский опросник «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ) (Артемцева, Галкина, 2016а). Данная методика позволяет выявить личностные представления о психологическом здоровье и различия в отношении к его компонентам. По форме проведения опросник ШОПЗ является индивидуальным и не требует какого-либо оборудования. Участие в исследовании было добровольным. Респондентам, желающим принять участие в исследовании, давался бланк опросника, сообщалось о цели проведения исследования, предоставлялась гарантия о неразглашении результатов. Затем респондентам предлагалась инструкция, в соответствии с которой надо было заполнить анкетные данные и оценить по 6-балльной шкале, насколько приведенные в опроснике высказывания подходят ему.

Анкета включала следующие утверждения:

1. Психологическое здоровье связано с успешной адаптацией человека в современном мире.
2. Каждый человек должен стремиться к гармонии души и тела.
3. Состояние благополучия укрепляет психологическое здоровье.
4. Когда человек несет за себя ответственность, у него все получается.
5. Чтобы чувствовать себя психологически здоровым, необходимо позитивное мышление в широком смысле.
6. Для психологического здоровья важно уметь легко справляться с возникающими проблемами.
7. Психологический здоровый человек умеет устанавливать межличностные отношения.
8. Оптимизм способствует сохранению психологического здоровья.

9. Эмоциональная уравновешенность – неотъемлемая часть психологического здоровья.
10. Радость – это естественное состояние психологически здорового человека.
11. Душевное спокойствие помогает развиваться и самосовершенствоваться.
12. Адекватная самооценка способствует достижению психологического здоровья.
13. Уверенность в себе – важная составляющая психологического здоровья.
14. Психологическое здоровье включает в себя и физическое, и душевное, и духовное¹.

Результаты исследования

Таким образом, с помощью опросника ШОПЗ были изучены представления о психологическом здоровье и его компонентах у людей с неофициальным и официальным брачным статусом. С целью выявления различий в их представлениях о психологическом здоровье был применен Т-критерий Стьюдента (Statistica 7). При сравнении полученных результатов между группами людей с неофициальным и официальным брачными статусами были обнаружены статистически значимые различия в оценках следующих высказываний:

№2 – «Каждый человек должен стремиться к гармонии души и тела».

№7 – «Психологический здоровый человек умеет устанавливать межличностные отношения».

№11 – «Душевное спокойствие помогает развиваться и самосовершенствоваться».

Полученные результаты представлены на рисунке 1.

Как показано на рисунке 1, люди с неофициальным брачным статусом считают более значимым утверждения: «Каждый человек должен стремиться к гармонии души и тела» ($T=-3,0204$ при $p=0,003$), «Душевное спокойствие помогает развиваться и самосовершенствоваться» ($T=-3,1722$ при $p=0,002$), чем люди с официальным брачным статусом. Видимо, люди с неофициальным статусом склонны уделять больше внимания своему внутреннему балансу, больше прислушиваться к своему телу и разуму, и вообще более склонны к рефлексии, ведь благодаря этому они знают, чего хотят от жизни

1 Ключ к обработке результатов: подсчитывается общая сумма баллов. Чем выше набранная сумма баллов, тем более выражено стремление достичь психологического здоровья.

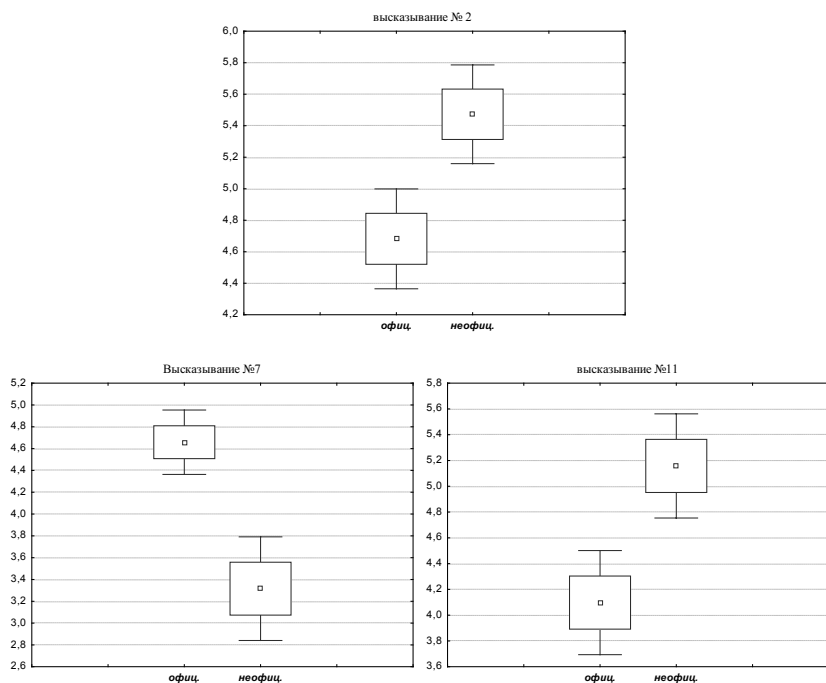

Рис. 1. Статистически значимые различия в представлениях о психологическом здоровье у людей с официальным и неофициальным брачным статусом

и стремятся к этому; душевная гармония является для них залогом самовыражения. Можно предположить, что для людей с официальным брачным статусом является более значимым внешнее окружение, чем стремление к внутренней гармонии, именно поэтому люди с официальным статусом более, чем люди с неофициальным статусом, считают значимым утверждение: «Психологически здоровый человек умеет устанавливать межличностные отношения» ($T=4,8667$, при $p=0,000009$).

Таким образом, исследование представлений о психологическом здоровье у людей с неофициальным и официальным брачным статусом показало, что для людей с неофициальным брачным статусом душевная гармония является более важной, чем для людей с официальным статусом. Они более склонны стремиться к ней, так как считают ее залогом успешной жизни. Соответственно, они в большей степени готовы на действия, которые оберегут и обезопасят их душевное спокойствие. Люди с официальным брачным

статусом не уделяют такого внимание гармонии души и тела и душевному спокойствию. Они считают более важным уметь общаться с людьми, налаживать социальные контакты.

Полученные результаты позволяют прийти к следующим выводам:

- разработанный нами опросник «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ) дает возможность исследовать на русскоязычной выборке субъективно-личностное отношение к психологическому здоровью и выявлять различия между группами;
- представления о психологическом здоровье в целом и о ряде его компонентов различаются в зависимости от крайне важного социального статуса – официально оформленных семейных отношений.

Можно предположить, что и другие параметры будут определенным образом влиять на особенности личностных представлений о психологическом здоровье и его компонентах.

Литература

- Артемова Н. Г., Галкина Т. В.* Отношение к психологическому здоровью личности: проблема измерения // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции 23–25 ноября 2016 г. (Москва, ИП РАН) / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М., 2016а. С. 121–126.
- Артемова Н. Г., Галкина Т. В.* Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М., 2016б. С. 182–194.
- Воловикова М. И.* Житейские представления о порядочном человеке: Научно-популярное издание. М., 2012.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М., 2014. С. 5–15.
- Галкина Т. В.* Осознание как путь к психологическому и физическому здоровью субъекта // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М., 2014. С. 35–61.

- Дубровина И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 17–21.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (введение) // Историкогенез и современное состояние российского менталитета. М., 2016. С. 5–18.
- Торохтий В. С., Прохорова О. Г. Психологическое здоровье семьи: учебно-методическое пособие. М., 2009.
- Шувалов А. В. Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспект // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М., 2012. С. 76–99.

Representations about Psychological Health at Subjects Having Official and Nonofficial Marriage Status

N. G. Artemtseva, T. V. Galkina** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, associate professor, research officer, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, associate professor, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

Article is devoted to the problem of studying of various aspects of psychological health. The subject of indissoluble connection of representation of people about the health (as basic value) and its components with mentality of the nation is touched in the article. It is emphasized that psychological health is closely connected with a spiritual and moral component. Comparison of representations about psychological health at people with the different marriage status is given. It is shown that an authors' questionnaire "The scale of the attitude to psychological health" (SAPH) gives the opportunity to investigate the subjective and personal attitude towards psychological health on Russian-language selection. It is revealed that representations about psychological health and its components differ at people depending on their marriage status – officially issued/not properly executed family relations.

Keywords: health, psychological health, personal representations, marriage status, family.

Оценка восприятия городской и университетской среды через измерение ценностей¹

С. А. Богомаз*, И. В. Атаманова** (Томск)

* доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой
организационной психологии, Томский государственный университет;
e-mail: bogomazsa@mail.ru

** кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической
и клинической психологии, Томский государственный университет;
e-mail: iatamanova@yandex.ru

В статье обсуждаются результаты исследования субъективной оценки значимости базисных ценностей и их реализуемости в определенных средовых условиях с помощью методики СОРБЦ («Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей»), которая позволяет таким образом оценить потенциал городской или университетской среды в контексте личностно-профессионального становления представителей этих сред. С точки зрения вузовской молодежи оценена степень значимости базисных ценностей и то, как эти оценки соотносятся с возможностью реализации обозначенных ценностей в городской или университетской среде. В статье также приводится краткое описание разработанной методики.

Ключевые слова: городская среда, университетская среда, средовая самоидентичность, базисные ценности, значимость ценностей, реализуемость ценностей.

Введение

Одной из ведущих психологических проблем является взаимодействие среды и личности. В контексте этой проблемы очень важным становится вопрос о том, какие средовые условия используются чело-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10803а «Психологические факторы средовой самоидентичности».

веком как возможности для реализации личностно значимых целей и базисных ценностей, а какие условия оцениваются им как причины, объясняющие бессмысленность некоторых действий и незначимость определенных ценностей. В «психологии возможностей» сформулировано представление о том, что человек сам может становиться важным фактором собственного развития и за счет самодетерминации, саморегуляции и самоорганизации добиваться преодоления границ генетической и средовой предопределенности (Личностный потенциал..., 2011). Взаимодействие детерминант городской среды с целями и ценностями проживающих в ней людей является специфическим по отношению к вузовской молодежи, которая сфокусирована на самоопределении и профессиональном развитии (Мартынова, Богомаз, 2012; Атаманова, Стариченко, Богомаз, 2013; Богомаз, Горчакова, Левицкая, Шекетера, 2015). В психологии уже поставлена проблема личностно-обусловленного восприятия вузовской молодежью среды города и университета как среды своего самоосуществления (Муравьева, Литвина, Богомаз, 2015; Литвина, Муравьева, Богомаз, 2016; Муравьева, Литвина, Кружкова, Богомаз, 2017). Новые знания о том, как молодые люди воспринимают средовые условия в контексте своего личностно-профессионального развития, могут способствовать разработке современных гуманитарных технологий для вовлечения вузовской молодежи в активную научную и инновационную деятельность.

Описание методики «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (СОРБЦ)

Для изучения особенностей восприятия городской среды использовалась собственная измерительная методика. В ее основе лежит идея о важности интегральной оценки средовых условий с помощью измерения возможности реализации базисных ценностей в том или ином городе. Для этого учитывались 20 базисных ценностей: иметь хорошую работу, быть здоровым, быть материально обеспеченным, иметь благополучную семью, достичь успехов в профессии, быть уважаемым, достичь успехов в карьере, любить и быть любимым, стать свободным, чувствовать себя в безопасности, стать известным и знаменитым, достичь желаемой цели, жить полной жизнью, найти смысл своей жизни, получить обширные знания, быть примером для других, самоутвердиться в жизни, стать уникальным и оригинальным, иметь власть, быть справедливым. Каждый элемент из этого списка ценностей и сформулированный к нему антоним являются полюсами 7-балльной биполярной шкалы (от +3

до –3). В инструкции испытуемому предлагается оценить среду своего города, обозначив степень реализуемости той или иной ценности на этой шкале. Методика получила название «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (СОРБЦ). Оценка степени реализуемости базисных ценностей человека позволяет судить об особенностях восприятия им той или иной социокультурной среды (Богомаз, Мацуа, 2012; Литвина, Богомаз, 2016).

В ходе модификации методики СОРБЦ участникам исследования предлагалось оценить 20 базисных ценностей по 7-балльной шкале с точки зрения их личностной значимости. На основе полученных данных строятся два профиля субъективных оценок: один профиль представляет собой реализуемость ценностей в городской среде, а другой – значимость этих ценностей для респондентов (идеальные базисные ценности).

Результаты исследования

В качестве примера представляем результаты, полученные при исследовании вузовской молодежи г. Томска, обучающейся и работающей в разных университетах города (n=200). При анализе профиля значимости ценностей были выделены максимально значимые (любить и быть любимым и иметь благополучную семью) и минимально значимые (стать известным и знаменитым и иметь власть) ценности, с точки зрения вузовской молодежи. При этом, по мнению молодежи, городская среда в большей степени способствует реализации тех базисных ценностей, которые оказываются для нее незначимыми (стать известным и знаменитым, иметь власть, получить обширные знания, быть примером для других; различия достоверны с $p=0,05$). Вместе с тем в городской среде, с точки зрения молодежи

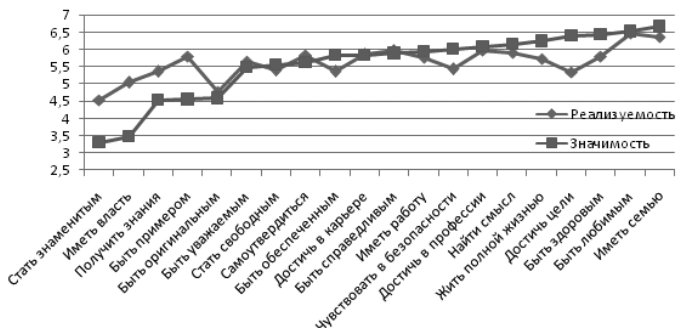

Рис. 1. Профиль реализуемости базисных ценностей и профиль их значимости для вузовской молодежи г. Томска (n=200)

жи, в малой степени реализуются следующие ценности: быть обеспеченным, чувствовать себя в безопасности, жить полной жизнью, быть здоровым и достичь желаемой цели в сравнении со значимостью этих ценностей (различия достоверны с $p=0,05$) (рисунок 1).

Методика СОРБЦ была использована нами также для изучения средовых условий в университете. Для этого была изменена инструкция методики для испытуемых: «По моему мнению, жизнь и обучение в университетской среде может мне обеспечить в будущем возможность...». В качестве примера приведены результаты с оценками реализуемости базисных ценностей и оценками значимости этих ценностей представителями одного из томских университетов ($n=56$) (рисунок 2).

Сравнение профилей реализуемости базисных ценностей в университете и их значимости для респондентов показывает, что, по мнению молодежи, незначимыми являются ценности иметь власть, стать известным и знаменитым, быть примером для других, однако они реализуются в университетской среде ($p=0,05$). В то же время университетская среда мало способствует реализации таких базисных ценностей, как: стать свободным, чувствовать себя в безопасности, быть здоровым, любить и быть любимым, иметь благополучную семью, относительно значимости этих ценностей для респондентов ($p=0,05$). Практически совпадают в университетской среде степень значимости и степень реализуемости таких базисных ценностей, как: достичь успехов в карьере, быть материально обеспеченным, иметь хорошую работу, получить обширные знания, достичь успехов в профессии. Эти же ценности показывают максимальную реализуемость в университетской среде, что может свидетельствовать о достаточно высокой оценке качества получаемого образования.

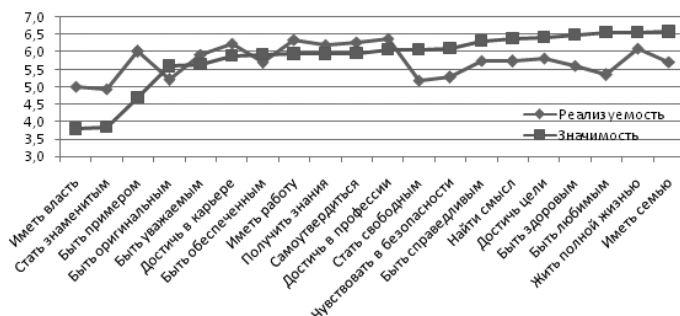

Рис. 2. Профиль реализуемости базисных ценностей и профиль их значимости для вузовской молодежи в университете ($n=56$)

К настоящему времени на основе описанной методики созданы 2 электронных базы данных по представителям вузовской молодежи и проанализировано 16 российских городов (в частности, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Владивосток, Барнаул, Петропавловск-Камчатский и прочие), а также 7 университетов из Томска, Новосибирска, Иркутска и Тюмени.

Заключение

Представленная методика СОРБЦ позволяет оценивать восприятие человеком средовых условий города или университета путем сравнения профилей значимости базисных ценностей и их реализуемости в тех или иных средовых условиях. Полученные результаты свидетельствуют, что данная методика способна выявить степень значимости тех или иных базисных ценностей для респондентов, а также оценить возможность их реализации в условиях города или университета. Подход СОРБЦ позволяет изучать количественно средовые условия, развивать психологические концепции измерения ценностей и средовой самоидентичности.

Литература

- Атаманова И. В., Стариченко О. Н., Богомаз С. А.* Психологические особенности магистрантов и аспирантов, обучающихся в вузах с ориентацией на классическое и инженерное образование // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 128–135.
- Богомаз С. А., Горчакова О. Ю., Левицкая Т. Е., Шекетера А. А.* Восприятие образовательной среды университета студентами с разной степенью выраженности имплицитных теорий интеллекта и личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3. № 3. С. 88–92.
- Богомаз С. А., Мацута В. В.* Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
- Литвина С. А., Богомаз С. А.* Личностно-обусловленная оценка городской среды через конструкт реализуемости базисных ценностей // Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М., 2016. С. 125–144.
- Литвина С. А., Муравьева О. И., Богомаз С. А.* Базисные ценности и характеристики личностного потенциала как факторы идентич-

- ности с городом // Успехи современной науки. 2016. Т. 1. № 7. С. 154–157.
- Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011.
- Мартынова М. А., Богомаз С. А. Самодетерминация в структуре личностного потенциала современной российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 164–168.
- Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148.
- Муравьева О. И., Литвина С. А., Кружкова О. В., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 63–80.

Assessment of Perceiving the Urban and University Environment by Measuring Values

S. A. Bogomaz, I. V. Atamanova** (Tomsk)*

* Doctor of psychological Sciences, Full professor, Head of Department of Organizational Psychology, Tomsk State University

** Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of Genetic and Clinic Psychology, Tomsk State University

The paper discusses the results of studying subjective evaluation of basic values significance and their realizability in certain environmental conditions using a technique called SEBVR (Subjective Evaluation of Basic Values Realizability). This technique allows one to evaluate the potential of the urban or university environment in the context of personal and professional development of people involved in these environments. Based on the data collected from university youth we evaluated the degree of significance of basic values for them and how these assessments correlate with possibility to realize the values concerned in their urban or university environments. The article also provides a brief description of the technique developed.

Keywords: urban environment, university environment, environmental self-identity, basic values, significance of values, realizability of values.

Проблема целостности личности в отечественной психологии

Н. В. Борисова (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: borisova07@bk.ru*

Анализируется потенциал отечественной психологии в преодолении деформации личности в ситуации глобализации современного мира, утраты традиционных смысложизненных ориентиров. Подходы к раскрытию глубинных вопросов человеческой жизни в российской и зарубежной психологии имеют значительные различия. Западное экзистенциально-гуманистическое направление психологии возникло в ситуации адаптации личности и общества к изменяющимся социально-экономическим условиям. Оно характеризуется потерей человеком своей духовной идентичности, концентрацией на самом себе как центре мироздания. Для отечественной психологической мысли характерна целостность в подходе к личности, опора на глубокие религиозные и философские основания. Особый потенциал в этом плане имеют философско-психологические разработки в рамках православной антропологии, а также значительная по глубине проникновения в онтологию человеческой жизни философско-психологическая концепция личности С. Л. Рубинштейна.

Ключевые слова: целостность личности, духовность, экзистенциальная психология, С. Л. Рубинштейн, сознание, внутреннее самоопределение, общество.

Введение

Процесс глобализации современного мира приводит к подрыву национальной и культурной идентичности, утрате традиционных смысложизненных ориентиров. Новый тип социальности, складывающийся в современной России, отмечает Н. А. Журавлёва, предъ-

являет определенные требования к социальным качествам личности: ориентирует на индивидуализм, приоритет частного интереса, на ценность богатства как цели. Эти качества не соответствуют общепринятым морально-нравственным образцам, противоречат многовековым традициям духовной культуры, сложившейся в российском обществе (Журавлёва, 2014).

Еще А. А. Тарковский (1932–1986), крупнейший отечественный кинорежиссер XX в. отмечал, что человечество является жертвой «лавиного процесса» технологического роста (Тарковский, 2014, с. 44). Так, в современный мир активно входят идеи *трансгуманизма*, что вызывает многочисленные дискуссии. В основе этого мировоззрения лежат представления о необходимости фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью усиления его физических, умственных и психологических возможностей. Представители данного движения утверждают, что тот уровень бытия, который был создан природой, уже исчерпал себя, поэтому необходимо целенаправленно совершенствовать «природный продукт», выходить за пределы человека и человеческой истории. Это приведет к созданию постчеловека как нового существа.

В условиях трансформации системы ценностных ориентаций современного общества, первостепенной становится задача сохранения *целостности личности*. Отечественная психологическая мысль, для которой характерна опора на глубокие религиозные и философские основания, накопила фундаментальные разработки в этой области. Особый потенциал имеют психологические идеи в рамках русской *религиозно-философской традиции*, а также значительная по глубине проникновения в онтологию человеческой жизни *философско-психологическая концепция личности С. Л. Рубинштейна*.

Глубинные вопросы человеческой жизни в отечественной традиции

Еще с X в. русские религиозные мыслители обратись к познанию внутреннего мира человека, основой которого выступало христианское вероучение, предопределившее концептуальные положения христианской антропологии, касающиеся понимания природы человека как образа и подобия Божьего, его места в мироздании. Первым опытом систематического философского обоснования *православной антропологии* исследователи называют изданный в 1898 г. труд «Наука о человеке» отечественного философа и богослова В. И. Несмелова (1863–1937). Анализируя проблему духовной целостности

личности и ее взаимоотношений с окружающим миром, мыслитель выразил суть понимания этой проблемы в русле православной традиции. В основу своей философской системы он ставит факт рокового противоречия в бытии человека. С одной стороны, душевная жизнь представляет собой процесс *внешнего самоопределения* личности в условиях ее физического существования. С другой стороны, душевная жизнь – процесс *внутреннего самоопределения* личности, и в этом отношении она не зависит от физических условий жизни. Только обращение личности к ценностям нравственного идеала, которые ученый называет ценностями «не от мира сего», позволяет преодолеть противоречие и осуществить движение от рабского состояния, в котором человек находится при внешнем самоопределении, к развитию духа как разумно-творческой силы (Несмелов, 2000).

Потеря традиций – разрушение духовных основ жизни

Произошедшие в начале XX в. социальные и духовные катаклизмы привели к глобальным изменениям в мире, обществе, мироощущении и поведении людей, прервали процесс передачи духовных основ жизни. Потрясенный этими событиями, выдающийся отечественный ученый, представитель русской религиозно-философской традиции *И. А. Ильин* (1883–1954) посвятил свою жизнь раскрытию причин *глобального кризиса человечества*. Главной причиной он считал *потерю духовной почвы*, которая заключалась в религиозности. До определенного времени религиозность глубоко коренилась в человеческих душах. Теологический характер имели все сферы жизни: наука, искусство и т. д. Постепенно положение дел начало меняться. Разногласия между верой и рассудком привели Европу к неприкрытому восстанию против Бога. Разрыв с христианством был выражен у Ф. Ницше «тоном откровенной ненависти» (Ильин, 1994, с. 418). Духовная культура XIX–XX вв. – секуляризованная по своей сути; она выработала новую, научную очевидность, основанную на внешнем, чувственном опыте и неизбежно приводящую к материалистическому миропониманию. Этот душевно-духовный раскол был принят человеком за некое высшее достижение, за признак сверхчеловека новой эпохи. С переходом человечества на новый порядок, считает Ильин, родился *гуманизм*, и в нем человек выступил как *самобытная и самостоятельная ценность*.

Представитель экзистенциальной психологии *Р. Мэй* указывает (Мэй, 2015), что *успех индустриальной системы* с ее накоплением капитала, который стал мерилom ценности личности, оказал *деперсонализирующее* воздействие на человека. Главной характеристикой

второй половины XIX в., отмечает он, был распад личности на части. Тревога, отчаяние, отчуждение человека от самого себя и от общества стали основными проблемами, к которым и обратилась философия экзистенциализма. Но потребность преодолеть образовавшуюся «пустоту» привела не к пересмотру кризисной ситуации с желанием вернуть утраченное единство, а к попыткам построить *новые мировоззренческие основания*. Так, ситуацию, когда «культура бьется в конвульсиях переходного периода», а люди испытывают культурный и эмоциональный сдвиг, Мэй оценивает, как положительную, подталкивающую к более высокому уровню самосознания и принятию существования с опорой на новый фундамент (Мэй, 2015, с. 106).

Психологическую характеристику человека, которого формируют эти новые мировоззренческие основания, мы находим у С. Роуза (1934–1982), автора философских работ, посвященных исследованию духовного состояния общества. «Он человек без корней, оторванный от своего прошлого, которое разрушил нигилизм, сырье для мечты всякого демагога <...> закрытый для истины, но открытый для любой новой интеллектуальной моды, потому что сам он не имеет собственного интеллектуального основания <...> любитель планирования и экспериментов, благоговеющий перед фактом, поскольку от истины он отказался, а мир представляется ему обширной лабораторией, в которой он свободен решать, что „возможно“, а что нет <...> человек минуты, без совести и ценностей, „бунтарь“, ненавидящий любое ограничение и власть, потому что он сам себе свой единственный бог, человек массы <...> умаленный и упрощенный, способный только на самые элементарные идеи, однако презирающий любого, кто только упомянет о чем-либо высшем или заговорит о сложности жизни» (Иеромонах Серафим (Роуз), 2006, с. 147). Писатель называет новый порядок «абсолютным деспотизмом обмирщенности» и прогнозирует, что такой искусственный мир поглотит человека, направит всю его энергию на «мирские» интересы. Роуз отмечает, что разрушение старого порядка и построение нового – не единственные и не самые главные результаты «исторической программы нигилизма» как отказа от религиозной духовной основы жизни. Более зловещим итогом является «*преобразование человека*».

Возвращение в психологию проблемы духовного потенциала человека

Заслуга введения *проблемы человека* в отечественную философию в период реальной депривации ее и самого человека принадлежит, по мнению К. А. Абульхановой, С. Л. Рубинштейну. Именно он, утверж-

дает Кольцова, возвратил в психологию проблему любви, поставил вопрос о специфике подлинного человеческого бытия, прежде всего, как ценностно и нравственно обусловленного (Кольцова, 2011).

Социальные условия, несомненно, обусловили психологические идеи Рубинштейна. Ученому, стремящемуся к последовательному изучению человека, его способностей и потенциала, была дана уникальная, несмотря на свою катастрофичность, возможность познать на практике природу человека. Он увидел в человеке два полюса и построил на этом *концепцию становления личности* – движение от состояния небытия к состоянию бытия. Опыт жизни в советском обществе принес одновременно со знанием и разочарование. Ученый воочию наблюдал уничтожение человеческого в человеке, опустошение, внутреннее обнищание, потерю человеком себя, «сердцевины своего существования» (Рубинштейн, 2012, с. 212) и сделал вывод: если политика становится выражением тоталитарного способа организации общества, она достигает полной противоположности этике. Общество абсолютного тоталитаризма, социального принуждения и уничтожения всякого достоинства человека воспринимает человека как «маску» – носителя определенных общественных функций. «Ленин... определил общество как „фабрику“ и „контору“, а людей – как служащих в ней» (там же, с. 119). Более того, Рубинштейн пришел к глубокому, требующему серьезного анализа заключению: формы зла меняются, а зло остается, способы «калечения» людей меняются, а само оно остается. «Каждое поколение, борясь против несправедливости своего времени, верит, что следующее поколение будет жить в обетованной земле, а на самом деле на долю каждого следующего поколения падают свои несправедливости – и если они и бывают менее крупными, то зато они оказываются более утонченными» (там же, с. 209).

Для Рубинштейна *духовная история человека* – история становления субъекта, понимаемая им как выход личности из поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней. «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя» (там же, с. 84). А. Л. Журавлёв, А. Б. Купрейченко отмечают, что именно Рубинштейн первым из отечественных психологов ввел в научный оборот понятие *самоопределения*, имея в виду те качества личности, которые определяют ее самостоятельность в выборе жизненных целей и планов (Журавлёв, Купрейченко, 2011). Только внутреннее самоопределение сохраняет личность, ограждает ее от подчинения внешнему, гарантирует верность себе. Доминирующая внешняя детермина-

ция влечет за собой внутреннюю пустоту, отсутствие сопротивляемости, избирательности по отношению к внешним воздействиям или простое приспособление к ним.

Рубинштейн критикует экзистенциализм за абсолютизацию существования в противопоставлении сущности человека. В данном философском течении человек как исходное оказывается не только началом, но и концом. Такой подход, по его мнению, не дает возможности выхода в сферу бытия в целом. Мир, в котором живет человек, – это только шатер, который он сам над собой сооружает (Рубинштейн, 2012). Рубинштейн предостерегал психологов в процессе познания человека от ухода в плоскость «человек как абсолют», как «вещь в себе», как «нечто обособленное и замкнутое в себе» (там же, с. 5). Представление о субъекте как чисто индивидуальном, только единичном существе, по мнению ученого, – фикция. При этом мыслитель не просто раздвигает границы человека и видит его включенным в более широкие связи; его интересует природа человека как «зеркала Вселенной, всего бытия» (там же, с. 85). Фундаментальной для ученого являлась проблема не психического, не сознания «как такового во взаимосвязи явлений материального мира», а проблема места человека в мире, в жизни (там же, с. 5).

В. В. Знаков, сопоставляя подход к человеку в экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия (Знаков, 2000), к основателям которой он относит С. Л. Рубинштейна и В. Франкла, отмечает, что оба направления имеют дело с анализом коренных проблем человеческой жизни, однако в решении этих вопросов принципиально различны. *Экзистенциальная психология* унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу. Она представляет собой психологию индивидуализма, изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями – добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, жизнью и смертью. Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними всегда остается непреодолимая пропасть. Данный подход не отрицает важной роли intersубъективных отношений в жизни человека, однако это отношения не взаимодействия и сотрудничества, а отстранения и отчуждения. Неизбежным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека. В *психологии человеческого бытия*, указывает Знаков, существование субъекта в мире анализируется с позиции «Я и другой чело-

век». Развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. Важной является *морально-нравственная* категория, которая помогает человеку ориентироваться в жизни, регулирует его поступки, представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Такая мировоззренческая позиция, отвергая представления об абсурдности и бессмысленности человеческого существования, ставит совершенно иную, нежели экзистенциализм, задачу: познание смысла человеческой жизни, поиск места и предназначения человека в системе мироздания.

Заключение

Процесс глобализации современного мира, утрата традиционных смысложизненных ориентиров порождают проблемы деформации личности. Новый социально-психологический тип человека, формирующийся в современной России, противоречит традициям духовной культуры, сложившейся в российском обществе. В условиях трансформации системы ценностных ориентаций первостепенной становится задача сохранения целостности личности.

Психологические идеи отечественных мыслителей, для которых характерна опора на глубокие религиозные и философские основания, помогают преодолевать беспомощность человека перед внешними факторами, несущими для него угрозу. Особый потенциал в этом плане имеют *философско-психологические разработки в рамках отечественной религиозно-философской традиции*, а также значительная по глубине проникновения в онтологию человеческой жизни *философско-психологическая концепция личности Рубинштейна*.

Центральным в этих подходах является *процесс становления личности*, который понимается как духовно-нравственное возрастание, движение человека к обретению подлинного бытия через восприятие духовных содержаний и смыслов. Значительная роль отводится *сознанию и внутреннему самоопределению*.

Литература

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Развитие идей С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна. М., 2011. С. 216–233.

Журавлева Н. А. Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе // Психоло-

- гическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М., 2014. С. 171–191.
- Знаков В. В. Понимание субъектом мира как проблема психологии человеческого бытия // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 86–105.
- Иеромонах Серафим (Роуз). Человек против Бога. М., 2006.
- Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. В 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 313–465.
- Кольцова В. А. Место С. Л. Рубинштейна в истории отечественной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 27–33.
- Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Теория и практика экзистенциальной психологии. М., 2015. С. 88–131.
- Несмелов В. И. Наука о человеке. СПб., 2000.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012.
- Тарковский А. А. Страсти по Андрею: о Боге, о вере и искусстве. Тюмень, 2014.
- Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна. М., 2011.

The problem of integrity of the person in Russian psychology

N. V. Borisova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

Examines the potential of Russian psychology in overcoming the deformation of the individual in a situation of globalization of the modern world, loss of traditional life-meaningful orientations. Approaches to reveal the deep issues of human life in Russian and foreign psychology have significant differences. The Western existential-humanistic direction in psychology has emerged in a situation of adaptation of the individual and society to the changing socio-economic conditions. It is characterized by the loss of a man of his spiritual identity, concentration on himself as the center of the universe. For the domestic psychological thought characterized the integrity of the approach to personality, based on deep religious and philosophical bases. Special capabilities are of philosophical and psychological development in the framework of Orthodox anthropology, as well as significant depth of penetration into the ontology of human life the philosophical and psychological concept of personality by S. L. Rubinstein.

Keywords: integrity of the person, spirituality, existential psychology, S. L. Rubenstein, consciousness, internal self-determination, society.

Исследование представлений россиян о новом государственном празднике¹

А. М. Борисова*, М. И. Воловикова** (Москва)

* младший научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail:
anatibo@yandex.ru

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

В статье отмечается роль государственных праздников в формировании гражданской идентичности и культурно-исторических ценностей, говорится о предпринимаемых попытках по созданию нового праздничного календаря. Приводятся результаты эмпирического исследования социальных представлений о новом государственном празднике. Выявлено, что динамика в развитии этих представлений происходит постепенно, указывается ряд причин, затрудняющих принятие нового праздника.

Ключевые слова: государственный праздник, социальные представления, личность, гражданская идентичность, ценности, культура.

Государственные праздники играют особую роль и в общественной жизни страны, и в жизни конкретной личности. С их помощью задаются определенные социально-общественные и культурно-исторические ориентиры, следование которым способствует консолидации народа. На личностном уровне происходит формирование гражданской идентичности, возникновение патриотических чувств, а также закрепление общественных норм и ценностей. Поскольку праздник как социально-культурный феномен несет в себе глубокую смысловую нагрузку, берущую начало «из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов» (Бахтин, 1990, с. 14), то государственный праздник, как и любой другой,

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00859а.

призван обращаться и к личности, используя образно-символическую язык выражения, и к исторически значимым событиям, которые закреплены в культурной памяти граждан как образец единства народа и государственной власти.

Психологическое исследование, начатое нами в 1999 г. (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003), посвящено изучению особенностей проявлений личности (эмоций, переживаний, отношений, чувств и др.) в праздновании. Уникальность праздника в качестве объекта исследования выражается в том, что он является «значимым событием для общества и каждого индивида как форма коллективного эмоционально-символического выражения ценностно-мировоззренческих установок социума» (Гужова, 2006, с. 92), когда весь мир предстает «сквозь призму человеческих ценностей и смыслов, когда экзистенция, социальное бытие и природа схвачены сознанием как целостность» (там же, с. 93). Эта целостность может быть отрефлексирована человеком, переживающим праздник как событие, в котором актуализируются основные ценности. В этом заключается механизм внутреннего запечатления подобного эмоционально-эстетического опыта, в результате которого общепринятые нормы и правила усваиваются индивидом в качестве собственных ориентиров.

В настоящее время государственные праздники в России представляют собой область поисковой деятельности по созданию новой праздничной концепции. Предпринимаются попытки по внедрению новых праздников (День народного единства – 4 ноября, отмена праздника Октябрьской революции – 7 ноября и др.). Как показывает исторический опыт нашей страны, процесс привыкания к изменению официального праздничного календаря не бывает быстрым и безболезненным: на это требуется время, а также проведение специальных мер по подготовке к новому торжеству. Психологические исследования в рамках данной проблемы помогают выявить динамику отношения к новому празднику, определить его характер и особенности, а также найти причины сформировавшегося отношения.

Замена главного советского праздника – годовщины Октября сначала на День примирения и согласия, а затем на День памяти военного парада 1941 г. (но уже не выходного дня) и одновременно назначение нового официального государственного праздника – Дня народного единства (совпадающего по дате с православным праздником Казанской иконы) дала исследователям редкую возможность наблюдать в реальной жизни процесс принятия (или отторжения) личностью нового праздника.

Для исследования данного феномена был организован мониторинг динамики представлений о новом и старом ноябрьских праздниках. Каждый год, начиная с 2007 г., примерно за месяц до ноябрьских праздниках на сайте ИП РАН размещается анкета, в которой респондентам предлагается в режиме он-лайн выполнить следующие задания: а) продолжить предложение «Для меня праздник 4 ноября – это...»; б) назвать первые три слова, которые приходят в голову в связи со словами «праздник 4 ноября»; в) ответить на вопросы: был ли праздник 4 ноября, который особенно запомнился? Чем именно он запомнился? г) Что для вас означает старый (теперь) праздник 7 ноября? В завершении предлагается указать возраст, пол и регион проживания.

Первый этап исследования (2007–2013) выявил неоднозначное отношение к замене праздника. Обработка 188 анкет, заполненных взрослыми респондентами (женщин – 72,3%, мужчин – 27,7%; средний возраст – 35 лет) из разных регионов РФ, осуществлялась с помощью качественного анализа высказываний и прототипического метода анализа П. Вержеса (Verges, 1992). Суть метода заключается в распределении называемых ассоциаций в зависимости от частоты упоминания и порядка их предъявления (именуемого рангом) в ответах. На основании пересечения показателей частоты упоминания и среднего ранга каждого слова (ассоциации) образуются четыре сектора («квадрата») (Пашенко-де-Превиль, Дрозда-Сенковска, 2013). Структура социальных представлений (СП) включает ядро (устойчивую составляющую) и периферию (подвижную составляющую) социальных представлений. Элементы с высокой частотой упоминания и низким рангом (те, которые называют чаще всего и ставят на первые позиции) относят к ядру социальных представлений; редко упоминаемые и имеющие высокий ранг попадают в зону периферии; две оставшиеся области образуют, так называемую, зону потенциальных изменений.

Анализ первого этапа (Воловикова, Борисова, 2015) обнаружил противоречивый характер СП о новом празднике: еще не оформившись, они стали обретать негативно-оценочный характер. В ядро СП вошли: *выходной, единство, что это?, обман*; в зону потенциальных изменений СП: *революция, Путин, ничего, согласие, праздник, икона Казанской Б. М., навязывание, народ/общество, 7 ноября, непонятность*.

Полученные результаты показали, что представления о новом празднике как о подлинном празднике в первые годы после его введения в официальный календарь пока не сложились: ядро СП включает слова, которые не образуют смыслового единства, целостности,

а, значит, нет четкого представления о том, «что» и «зачем» празднуется в этот день. Этот праздник воспринимается в большей мере как выходной день. В тоже время для части респондентов подлинным праздником еще остается день Октябрьской революции.

Данные второго этапа исследования (2014–2015) показали, что этот праздник по-прежнему воспринимается в первую очередь как выходной. Правда, из 84 респондентов (женщин – 77,3%, мужчин – 22,6%; средний возраст – 34 года), проживающих в разных регионах России, подавляющее большинство (96%) теперь знает, какой праздник отмечается в этот день. На этот раз ядро СП составили: *выходной, непонятный, демонстрация, бессмысленность*. В зону потенциальных изменений СП попали: *замена/подмена, поляки, Минин и Пожарский, Россия, единство, искусственный (фальшивый, придуманный)*.

Таким образом, содержательно восприятие праздника почти не изменилось. Результаты качественной обработки помогли выявить главное отличие, которое произошло за эти два года – отсутствие эмоционального негативно-агрессивного накала, который был характерен для первого этапа, а также появление рефлексивно-оценочных ответов, касающихся исторического прошлого нашей страны (советского периода).

Можно предположить, что введение нового праздника, по сути, для замены старого привело к столкновению двух исторических периодов, сильно отличающихся друг от друга. Отсюда и столь противоречивое восприятие данного преобразования: в ответах все еще присутствуют недоумение, иногда раздражение, ощущение некоторой искусственности, обмана, фальши.

Заключение

Актуальность исследования, касающегося признаваемого и отмечаемого всей страной государственного праздника, на современном этапе очевидна, поскольку главная задача праздника в жизни государства – сохранение ценностей, поддержание нравственных норм и принципов, имеющих первостепенное значение для личности и общества, взаимодействие которых происходит в социуме в рамках определенного культурно-исторического контекста.

Как показывает наше исследование, изменения в восприятии Дня народного единства происходят, но очень медленно и понемногу. Основная причина заключается в непонимании, прежде всего, смысла самого праздника. Попытка комбинирования событий разных исторических эпох нашей страны и желание соблю-

ти привычные временные границы празднования пока выглядит не очень успешной.

«Назначение» праздников (а государственные праздники, как правило, назначаются) должно предваряться и сопровождаться серьезной проработкой и подготовкой со стороны специалистов разных гуманитарных направлений, как в информационном, так и организационном плане.

Необходимо учитывать, что праздники затрагивают культурную память общества, менталитет, традиционный уклад, и это требует очень бережного и внимательного отношения при разработке мероприятий государственного масштаба.

Литература

- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М.* Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М., 2003.
- Воловикова М. И., Борисова А. М.* Социально-психологические последствия изменения праздничного календаря // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 63–75.
- Гужова И. В.* Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 7 (58). С. 92–95.
- Пащенко-де-Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е.* Социальные представления об ответственности у молодежи России и Франции // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 87–98.
- Verges P.* L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. P. 203–209.

Research of Russian citizens' ideas about a new state holiday

A. M. Borisova, M. I. Volovikova** (Moscow)*

* Junior research officer, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Full professor, chief scientific officer of Institute of Psychology of RAS

The article shows that state holidays play important role in formation of civic identity and cultural-historical values; it refers to ongoing attempts to create a new holiday calendar. The article contains the results of empirical research of social representations about a new state holiday. It was

revealed that the dynamics in the development of these representations is gradual. The author indicates a number of reasons that make adoption of a new holiday difficult.

Keywords: state holiday, social representations, personality, civic identity, values, culture.

Образ дома и моральные мотивы обитателей: взаимное влияние¹

*А. А. Бочавер**, *С. К. Нартова-Бочавер***, *С. И. Резниченко**,
*М. Р. Хачатурова***** (Москва)

** кандидат психологических наук, научный сотрудник Института образования, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
e-mail: a-bochaver@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, департамент психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
e-mail: s-nartova@yandex.ru*

**** кандидат психологических наук, научный сотрудник факультета клинической и специальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет;
e-mail: sofya_292@list.ru*

***** кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
e-mail: mhachaturova@hse.ru*

Статья посвящена изучению связи образа дома и моральных мотивов в юношеском возрасте. Проверялись гипотезы о том, что 1) чем выше дружелюбность домашней среды, тем сильнее выражены моральные мотивы обитателей и 2) эта связь модерирована полом. В исследовании приняли участие 550 студентов (25% мужского пола) разных специальностей, обучающихся в московских университетах $M_{\text{возраст}} = 20,6$, $SD_{\text{возраст}} = 2,3$. Для исследования образа дома использовались многошкальные опросники Функциональность домашней среды и Релевантность домашней среды (Нартова-Бочавер и др., 2015, 2017), для изучения выраженности моральных мотивов – опросник

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02163.

Модель моральных мотиваций (Mora Motives Model (MMM) scale) (Janoff-Bulman, Carnes, 2013). Обнаружено, что дружелюбность образа дома действительно связана с моральными мотивами, однако регрессионный анализ показал разнонаправленность этой связи в мужской и женской подвыборках: если у юношей дружелюбный дом вносит вклад в выраженность моральных мотивов, то у девушек, напротив, моральные мотивы вносят вклад в формирование дружелюбного образа дома. Результаты обсуждаются с учетом повседневных практик персонализации домашней среды и актуализации уровня образа дома.

Ключевые слова: образ дома, пол, картина мира, моральные мотивы, дружелюбность домашней среды.

Постановка проблемы

Дом – это наиболее стабильная, универсальная, оказывающая воздействие на разные стороны человеческой индивидуальности и бытия вообще среда (Нартова-Бочавер и др., 2016). Связь человека с его жилищем многогранна, опирается, как на биологические программы территориальности, так и на повседневные рутинные практики взаимодействия с домом. Мы называем дружелюбной домашнюю среду, которая содержит в себе богатый функционал и удовлетворяет благодаря этому функционалу потребности ее обитателей. Дом отличается от других жизненных сред, в которых оказывается человек по ходу своего жизненного пути, более широким спектром возможностей, которые он предоставляет, и более тесной связью с личностной идентичностью, в силу чего он часто рассматривают как символ личности. Образ дома имеет многослойную структуру и включает в себя, как более фундаментальные пласты, связанные с глубинным «чувством гнезда», так и преходящие впечатления, навеянные повседневным бытием (Бочавер, 2015).

В ряде исследований убедительно показано, что домашняя среда представляет собой важный фактор психологического благополучия в разных его проявлениях, и что таким образом дом способствует хорошей адаптации человека (Case, 1996; Roster, Ferrari, Jurkat, 2016). Однако, несмотря на косвенные культурологические свидетельства «облагораживающей» функции дома, до сих пор не было получено психологических данных о его развивающих личность возможностях, в частности, о том, имеется ли, и если да, то каков вклад средовых характеристик в мировоззрение человека, его отношение к другим людям.

Процедура и методика эмпирического исследования

Целью настоящего исследования являлось изучение связи образа дома и моральных мотивов человека.

Проверялись две эмпирические гипотезы: 1) дружественный образ дома положительно связан с моральными мотивами; 2) эта связь модерирована полом.

Методологические основы нашего исследования составили работы в области средовой психологии, психологии морали и гуманистически-позитивной психологии вообще, демонстрирующие средовую обусловленность гуманного отношения к другим людям. Несмотря на то, что моральные качества чаще изучают как устойчивые личностные диспозиции, ряд исследований отмечает их зависимость от текущего момента жизни человека, от того, в какой мере удовлетворены его базовые потребности, как строится его домашнее бытие. В дружественной среде вероятность гуманного мироотношения выше, поскольку человек не тратит энергию на избыточно дефензивное поведение (Маслоу, 1999; Нартова-Бочавер, 1992; Montada et al., 1988).

В то же время необходимо отметить, что образ дома – это существенная составляющая картины мира вообще, отражающая меру базового доверия и оптимизма человека. Поэтому можно предположить, что образ дома может, в свою очередь, быть функцией моральных мотивов человека: люди, относящиеся гуманно к другим, видят свой дом более позитивным, уютным, надежным.

В исследовании приняли участие 550 студентов (25% мужского пола) разных специальностей, обучающихся в московских университетах $M_{\text{возраст}}=20,6$, $SD_{\text{возраст}}=2,3$.

Методики исследования

Для исследования образа дома использовались многошкальные опросники «Функциональность домашней среды» (ФДС) и «Релевантность домашней среды» (РДС) (Нартова-Бочавер и др., 2015, 2017); для изучения выраженности моральных мотивов – опросник «Модель моральных мотиваций» (Moral Motives Model (MMM) scale) (Janoff-Bulman, Carnes, 2013). Опросник ФДС включает в себя четыре субшкалы, измеряющие функции, присутствующие в домашней среде (Развитие, Стабильность, Защищенность и Прагматичность). Опросник РДС отражает меру соответствия домашней среды потребностям обитателей и включает семь шкал – Управление домашней средой, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность, Исто-

ричность, Ресурсность и Самопрезентация. Кроме отчужденности все шкалы отражают позитивные характеристики дома. Опросник «Модель моральных мотиваций» содержит шесть субшкал, отражающих выраженность мотивов, каждый из которых характеризуется модальностью (прескриптивный, побуждающий, или проскриптивный, запрещающий) и объектом (на себя, социальную группу, общество в целом). Мотивы имеют следующее содержание: самоограничение (self-restraint), усердие (self-reliance, industriousness), непричинение вреда (not-harming), помощь/честность (helping), социальный порядок/общественная солидарность (social order), социальная справедливость/социальная ответственность (social justice).

Результаты исследования

Обнаружено большое количество положительных связей между образом дома и выраженностью моральных мотивов (таблицы 1–2).

Таблица 1
Связь образа дома и моральных мотивов (юноши)

Шкала	Помощь	Непричинение вреда	Социальная справедливость	Социальный порядок	Усердие	Самоограничение
Функциональность	0,30**	0,19*	0,25**	0,33***	0,15	0,26**
Прагматичность	0,36***	0,25**	0,31***	0,28**	0,16	0,19*
Развитие	0,28**	0,11	0,15	0,29**	0,15	0,19*
Стабильность	0,26**	0,17	0,19*	0,29**	0,09	0,21
Защищенность	0,25**	0,21*	0,27**	0,29**	0,14	0,25**
Релевантность	0,33***	0,28**	0,35***	0,39***	0,32***	0,18
Управляемость	0,35***	0,33***	0,33***	0,30**	0,33***	0,20*
Ресурсность	0,34***	0,26**	0,31***	0,37***	0,36***	0,15
Самопрезентация	0,25**	0,25**	0,34***	0,31***	0,17	0,12
Эргономичность	0,26**	0,24**	0,33***	0,29**	0,22*	0,13
Отчужденность	-0,22**	-0,23*	-0,15	-0,05	-0,29**	-0,09
Пластичность	0,07	0,09	0,24*	0,24**	0,13	0,04
Историчность	0,18	0,12	0,21*	0,27**	0,10	0,10

Примечание. * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$, HE – home environment.

Таблица 2
Связь образа дома и моральных мотивов (девушки)

Шкала	Помощь	Непричинение вреда	Социальная справедливость	Социальный порядок	Усердие	Самоограничение
Функциональность	0,08	0,07	0,00	0,06	0,18***	0,02
Прагматичность	0,07	0,05	-0,01	0,08	0,21***	0,02
Развитие	0,10*	0,07	0,05	0,07	0,13**	0,04
Стабильность	0,07	0,10	0,01	0,09	0,16**	0,01
Защищенность	0,07	0,06	0,03	0,07	0,16**	0,02
Релевантность	0,11*	0,12*	0,05	0,06	0,23***	0,02
Управляемость	0,05	0,05	-0,02	0,01	0,23***	-0,01
Ресурсность	0,17**	0,15**	0,09	0,14**	0,27***	0,08
Самопрезентация	0,12*	0,08	0,06	0,07	0,21***	0,02
Эргономичность	0,16**	0,21***	0,15**	0,13*	0,24***	0,09
Отчужденность	-0,02	0,00	0,04	0,02	-0,20***	0,05
Пластичность	0,04	0,10*	0,09	0,09	0,15**	0,06
Историчность	0,14**	0,11*	0,09	0,03	-0,01	-0,01

*Примечание.** – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$. HE – home environment.

Примечательно, что в мужской подвыборке их значительно больше (53 против 26, включая тенденции). Таким образом, можно отметить, что развивающая и «возвышающая» функция дома более сильно выражена в мужской подгруппе.

Поскольку корреляции – это связи двусторонние, для уточнения механизмов взаимодействия образа дома и моральных мотивов был предпринят регрессионный анализ. У юношей обнаружено 11 предикторов из числа качеств домашней среды, предсказывающих моральные мотивы, причем все шесть; у девушек таких связей всего семь, и они ведут всего к четырем мотивам.

Поскольку на уровне здравого смысла изучаемые переменные обладают приблизительно равной степенью стабильности и «глубинности», был предпринят регрессионный анализ и в обратном направлении. Складывается выразительная картина: в то время как в мужской группе значимы всего три связи, в женской их 16. Предикторами позитивного образа дома выступили мотивы непри-

чинения вреда и усердия, и совсем неожиданно мотив самоограничения у девушек выступил антипредиктором позитивного образа дома: чем больше они склонны себя дисциплинировать, тем более мрачным и негуманным представляется им их дом (а возможно, и весь мир).

Полученные результаты можно объяснить, обращаясь к гендерно типичным способам обживания дома и, возможно, связанными с ними актуализированными образами дома: если для женщин типично персонализировать свой дом посредством порой утомительных рутинных практик, которые вызывают повседневный образ дома, не всегда «облагораживающий» обитательниц и, скорее, связанный с переживанием обыденности и утомления, то для мужчин дом – это праздник возвращения и место планирования нового этапа свободы, на котором они будут поддержаны архетипическим образом дома. Дом для мужчины – это то, что живет в его сердце, где бы он ни находился, а не конкретное место, которое нужно подметать и чистить и откуда не всегда удастся уйти для более интересных занятий.

Заключение

Заключая, можно отметить, что, в то время как в женской выборке был неоднократно отмечен сильный вклад дружественной домашней среды в поддержание психологического благополучия, в мужской группе дом больше способствует развитию высших моральных мотивов. Таким образом, для женщин дом – скорее, поддерживающая среда, для мужчин – стимулирующая и развивающая.

Литература

- Бочавер А. А.* Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №4. С. 5–15.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
- Нартова-Бочавер С. К.* Экспериментальное исследование ситуационной изменчивости мотивации помощи // Психологический журнал. 1992. Т. 13. №4. С. 15–23.
- Нартова-Бочавер С. К., Резниченко С. И., Дмитриева Н. С., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И.* Метод оценки дружественности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №4. С. 71–83.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М., 2016.

- Case D. Contributions of journeys away to the definition of home: An empirical study of a dialectical process // Journal of Environmental Psychology. 1996. № 16. P. 1–15.*
- Janoff-Bulman R., Carnes N. C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. № 17 (3). P. 219–236.*
- Montada L., Dalbert C., Schmitt M. Ist prosoziales Handeln im Kontext Familie abhängig von situationalen, personalen oder systemischen Faktoren? // Altruismus. Bedingungen der Hilfsbereitschaft / Hrsg. H. W. Bierhoff, L. Montada. Göttingen: Hogrefe, 1988. S. 179–205.*
- Roster C. A., Ferrari J. R., Jurkat M. P. The dark side of home: Assessing possession ‘clutter’ on subjective well-being // Journal of Environmental Psychology. 2016. T. 46. P. 32–41.*

Home representation and moral motives: mutual relations

*A. A. Bochaver**, *S. K. Nartova-Bochaver***, *S. I. Reznichenko****,
*M. R. Khachaturova***** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, research officer of the Institute of Education, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics

** Doctor of Psychological Science, Professor at the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics

*** Candidate of psychological Sciences, research officer at the Department of Clinical and Special psychology, Moscow State University of Psychology and Education

**** Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics

The article is devoted to the investigation on the connections between the home representation and moral motives level in youth. The following hypotheses were examined: 1) the higher is the home environment friendliness the stronger are inhabitants' moral motives 2) this connection is moderated by gender. 550 students (25% males) of different trades participated in the survey ($M_{age=20,6}$, $SD_{age=2,3}$). To assess their home representations, multi-scale questionnaires the Functionality of the home environment and the Relevance of the home environment were used (Nartova-Bochaver et al., 2015, 2017), to examine the moral motives level the Moral Motives Model (MMM) scale was used (Janoff-Bulman, Carnes, 2013). It is found that the friendliness of the home environment is really connected with moral motives but the multi-regression analysis showed

their different directions depending on gender: whereas in males, friendly home contributed to the high moral motives level, in females, on contrast, moral motives contributed to the development of the friendly home representation. Results are discussed taking into consideration routine techniques of the home personalization and horizons of the home image actualization.

Keywords: home representation, gender, world image, moral motives, friendliness of the home environment.

Агрессивность продавца как фактор успешных продаж

Н. А. Васильченко, А. Ю. Горбачева** (Краснодар)*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет;*

e-mail: vasilch_nat@mail.ru

*** магистр психологии, Кубанский государственный университет;*

e-mail: 79528612520@ya.ru

Актуальность изучения агрессивности личности в различных сферах жизнедеятельности обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время усиливается интерес исследователей к психологическим детерминантам гармоничного развития общества. Понятие агрессивность в работах разных авторов все чаще определяется как психологическая черта личности, которая может усложнять межличностные отношения в жизни, создавать сложности во взаимоотношениях субъектов в различных ситуациях, к числу которых можно отнести и продажи. Эмпирический материал дает представление о существующих противоречиях между потребностями личности покупателя и продавца, механизмах формирования необходимого поведения у продавца, специфике взаимоотношений продавцов с разным уровнем агрессивности и потребителей, особенностях агрессивности у успешных продавцов.

Ключевые слова: агрессивность, личность продавца, успешность продавца, успешные продажи, покупатель.

Постановка проблемы исследования

Современная розничная торговля переживает кризис, обусловленный быстрым развитием интернет-продаж. Многие факторы, в число которых входят низкая стоимость, быстрота обслуживания, удобство покупки, привлекают покупателей в онлайн-магазины.

Анализ теоретических источников и прикладных исследований за последние десять лет показывает, что ключевыми способами стимулирования продаж выступают: реклама, выгодная цена товара, развитый сервис и система обслуживания покупателя. В сравнении с онлайн-магазинами, которые могут похвастать и низкой ценой, и большим количеством рекламы, основным преимуществом розницы в продаже остается непосредственный контакт с покупателем. Продажа, в контексте розничной торговли, представляет собой субъект-субъектные отношения, в которых каждый из участников взаимодействия стремится удовлетворить свои потребности (Личность и бытие..., 2012). Именно от качества удовлетворения потребностей зависит успешность продаж. Таким образом, взаимодействие продавца и покупателя является определяющим фактором в привлечении клиентов в розничные магазины.

Актуальность исследования эталонов и стереотипов качеств успешного продавца подчеркивали многие отечественные исследователи: А. А. Бодалев, Б. А. Еремеев, А. С. Золотнякова, И. С. Кон, А. А. Кроник, В. Н. Куницина, В. Н. Панферов, В. П. Трусов, Ю. А. Шерковин, П. Н. Шихерев и др. О необходимости специального изучения характеристик и качеств продавца, позволяющих ему работать наиболее успешно, писали также и зарубежные авторы: А. Г. Харсторф, С. А. Ричардсон и С. М. Дорнбуш, Р. Таджеури.

Процесс продажи является предметом изучения различных наук. Продажа – процесс воздействия продавца на покупателя по поводу обмена товара на деньги с целью получения обоюдосторонних выгод (Хисрик, Джексон, 1996).

С позиции психологической науки, продажа выглядит следующим образом: продажа – процесс взаимодействия двух личностей, продавца и покупателя, с целью удовлетворения их различных потребностей. Таким образом, данное взаимодействие носит субъект-субъектное отношение. Общее бытийное пространство, возникающее между продавцом и покупателем, позволяет первому реализоваться как профессионалу, а второму – удовлетворить свою покупательскую потребность.

Продажа носит форму интенсивного диалога – обмена вопросами, ответами, суждениями, высказываниями между продавцом и покупателем, отличающимся информационной и смысловой насыщенностью. Суть продаж заключается в необходимости с помощью психологического воздействия, используя методы психологического анализа, убеждения и внушения, убедить покупателя в том, что предлагаемый ему товар – именно то, что необходимо ему в дан-

ный момент (Энджел, Блэкуэл, 1999). Следовательно, продавец выступает соавтором покупательского решения.

Соавторство продавца – сознательная позиция продавца, стремящегося поддержать покупателя в трудной ситуации выбора, помочь ему совершить покупку с наибольшей пользой и выгодой и в то же время реализовать свой потенциал как профессионала.

По утверждению ведущих специалистов мира по продажам, 10% успешной продажи зависит от презентации товара, проводимой продавцом, 40% – от его способности наладить коммуникацию с покупателем, и 50% – от способности продавца работать с возражениями покупателя (Шадриков, 1994).

На сегодняшний день, одна из самых распространенных технологий продаж в розничной торговле – это пятишаговая комплексная продажа. Умение провести комплексную продажу означает расширение границы внутреннего плана покупателя. Именно в этом случае продавец максимально реализует себя как субъект. Для этого продавцу в своем отношении к клиенту необходимо в должной степени проявлять настойчивость. Умение реализовать себя как профессионала зависит от качества налаженного контакта в ходе консультации.

С точки зрения субъектно-бытийного подхода, успешность взаимодействия двух личностей в со-бытие определяется общими интересами, целями и задачами. Поскольку в ситуации продажи цели покупателя и продавца отличаются, то итог, к которому приведет консультация, зависит от умения продавца сделать свою цель целью покупателя (Личность и бытие..., 2012). Таким образом, успешность продавца зависит, в первую очередь, от его способности быть чутким, активным и в меру агрессивным. Опишем успешного продавца следующей формулой: успешность продавца = профессионально значимые качества + профессиональные знания и умения + психологическая компетентность (знание основ психологии личности потребителя; понимание особенностей поведения потребителей; понимание психологического механизма выработки и принятия покупательского решения).

Субъектная позиция, реализуемая продавцами, позволяет в наибольшей степени проявлять личностные качества, способствующие повышению продаж. Среди них можно выделить *агрессивность*, которая в ходе взаимодействия продавца с покупателем позволяет добиваться хороших результатов продаж.

Современный продавец – это не просто информатор, человек который представляет товар. Именно он, помимо консультирования при выборе товара, помогает покупателю и с принятием реше-

ния. Продавец как субъект взаимодействия должен проявлять активность, быть в меру агрессивным и настойчивым. Ведь зачастую при выборе товара покупатель использует продавца лишь как носителя актуальной информации, а сами покупки совершает в интернет-магазинах.

В связи с этим особое внимание вызывают личностные характеристики продавца, в том числе уровень его агрессивности, который влияет на совершение продажи.

Организация и методики эмпирического исследования

В своей работе мы опирались на результаты теоретических и эмпирических исследований, в частности: исследования покупательского поведения (А. Копонена, В. Такера и Дж. Пейнтера, Ф. Эванса, М. Хейра, Е. Дихтера, П. Мартино, Р. Коулмана, С. Леви, В. Уэллса и Г. Гьюбара и др.); исследования факторов влияния на покупательское поведение (Г. Картер); исследования профессионально важных качеств продавца (Д. Ф. Энджел, Р. Д. Блэкуэлл и П. У. Минигард). Были приняты во внимание: классификация и типы трудовой деятельности (К. К. Платонов, Ю. В. Котелова, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, Е. А. Климов и др.); субъектно-бытийный подход (З. И. Рябикина, А. Н. Демин, В. В. Знаков); описание личности в трудовой ситуации (М. Я. Басов); исследование понятия и видов агрессивности (К. Юнг, З. Фрейд, К. Лоренц, А. Басс); исследование природы и проявлений агрессивности (А. Ардри, Л. Моррисон, К. Хорни, Э. Фромм, Н. Миллер, Дж. Доллард).

Целью исследования является изучение связи агрессивности и успешности продавца.

Выборка исследования

В исследовании, которое проводилось с апреля 2016 по март 2017 г., приняли участие 64 человека – юноши и девушки в возрасте от 20 до 28 лет: 28 сотрудников компании «М. Видео», 14 сотрудников компании «Эльдорадо», 12 представителей компании «Bosch & Siemens», 10 представителей компании «Boik». Также был проведен опрос среди покупателей о качестве обслуживания, в котором приняли участие 30 мужчин и женщин, в возрасте от 22 до 57 лет.

Методики исследования: опросник для диагностики агрессивности межличностных отношений (тест Ассингера); методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; анализ успешности продаж в соответствии с оборотом, по данным, взятым с торго-

вых точек; опросная процедура «Оценка качества обслуживания» – для определения уровня удовлетворенности качеством обслуживания покупателей (Райгородский, 2001).

Результаты исследования

При анализе полученных в исследовании результатов мы выделили две ключевых позиции продавца в работе с покупателем: позиция активного «давления» и позиция соавторства с покупателем в принятии решения.

Удалось выявить, что высокая степень агрессивности во всей выборке продавцов наблюдалась у 33% опрошенных консультантов; средняя степень агрессивности была установлена у 30% респондентов; слабая степень агрессивности – у 37% продавцов, участвовавших в исследовании.

Степень агрессивности у респондентов зависела от используемой ими техники продаж. Так, у консультантов, реализующих позицию активного «давления», уровень агрессивности был почти в два раза выше, чем у тех, кто руководствовался позицией соавторства в принятии решения.

Тип отношений, выстраиваемый с покупателем во время консультации, также влияет на уровень агрессивности. В группе, которая использует позицию активного «давления» в работе с клиентами, ведущими типами отношений являются: авторитарный (24% опрошенных выделили его как ведущий) и агрессивный (19%). Это говорит о склонности к дизъюнктивным проявлениям, о независимости мнения, упорстве в отстаивании собственной точки зрения, тенденции к лидерству и доминированию. В группе, которая использует позицию соавторства с покупателем, ведущими типами отношений являются: подчиняемый (21%), дружелюбный (19%) и альтруистический (17%). Это говорит о преобладании конформных установок, конгруэнтности в контактах с окружающими, ответственности по отношению к людям.

Анализ успешности работы продавцов выявлялся по показателям результата продаж в соответствии с оборотом продукции, которые предоставили обследуемые торговые точки. Были выделены 2 ключевых параметра успешности: качественный и количественный. Под количественной успешностью понимается общее количество проданного товара (техники) продавцом, т. е. показатель его оборота за определенный период времени. Под качественной успешностью понимается уровень продаж сопутствующих аксессуаров и услуг к продаваемой технике. Качество работы – это по-

казатель степени включения в продажу дополнительных услуг и товаров.

Анализ результатов, полученных за полгода работы продавцов в магазине и их личных планов, выставленных в этот период, позволил определить общий показатель успешности, соответствующий приведенной шкале: 1– план за полгода выполнялся менее двух раз; 2 – план за полгода выполнялся 2–3 раза; 3– план за полгода выполнялся 4–5 раз; 4– план за полгода выполнялся 5–6 раз; 5 – план за полгода выполнялся не менее пяти раз и при этом не менее одного месяца план перевыполнялся на 10% и выше.

По результатам проведенного анализа установлено, что показатели успешности продавцов, использующих технологию активного «давления» (4,6), оказываются выше показателей успешности продавцов, реализующих позицию соавторства в принятии решения (3,8).

Опрос покупателей по авторской методике «Оценка качества обслуживания» был направлен на выявление уровня их удовлетворенности качеством обслуживания, о чем свидетельствовали ответы опрашиваемых на следующие вопросы: вернется ли покупатель за следующей покупкой в данный магазин; насколько он доволен обслуживанием; насколько комфортно ему было работать с продавцом во время консультации. Полученные данные позволили заключить, что различные стили общения продавца покупателем хорошо воспринимаются и осознаются. В процессе консультации агрессивность, проявляемая продавцами, может, как помочь и служить условием успешных продаж, так и, наоборот, отпугнуть людей, неготовых к такому типу взаимодействия.

Анализ анкет позволил также установить, что агрессивность, проявленная на этапе принятия решения покупателем, приводит к успешной продаже. В этот момент покупатель нуждается в поддержке, ему необходима помощь в определении товара, который ему действительно необходим и соответствует его запросам. И если продавец оказывался активным, был внимателен к покупателю, сохраняя при этом агрессивно-напористую позицию, то это обеспечивало успешность покупки товара. Главное на этом этапе для продавца – использовать оптимально приемлемый для конкретного покупателя уровень агрессивности, иначе он начинает чувствовать враждебность и явную доминантность продавца.

Заключение

Теоретический и эмпирический анализ литературы позволил выделить психологические характеристики успешного продавца, опре-

делить инструментарий, дающий возможность исследовать связь уровня агрессивности и успешности продавца. Наиболее действенными из существующих типов взаимодействия продавца с покупателем, на наш взгляд, являются две ведущие позиции: позиция активного «давления» и позиция соавторства в принятии решения.

В зависимости от используемого типа взаимодействия консультация носит или более агрессивный или более дружелюбный характер, т. е. уже выбранная позиция взаимодействия продавца с покупателем предусматривает определенную степень агрессивности. Именно поэтому для проведения исследования нами были отображены продавцы, работающие по одной из этих техник.

Удалось установить, что продавцы, реализующие позицию соавторства с покупателем на этапе принятия решения, обладают меньшей степенью агрессивности; это более мягкие люди, предпочитающие агрессивному методу взаимодействия дружелюбный. Это, в свою очередь, делает их более открытыми для покупателя, но в тоже время оставляет за последним возможность к доминированию. Позиция дружелюбия, подчиняемости, альтруизма может способствовать потере возможности управлять процессом продаж. Проявление только косвенной агрессивности также не способствует удержанию контроля над покупателем. Анализ результатов успешности этой группы указывает на относительно низкие показатели успешности.

Продавцы, использующие в своей работе технику активного «давления», являются людьми, с высокими показателями агрессивности; они в своей работе стремятся доминировать, вести человека за собой, что обеспечивает более высокие результаты успешности этой группы.

Благодаря проведенному исследованию, удалось рассмотреть агрессивность продавца как фактор успешных продаж. На основании полученных данных можно предположить, что агрессивность является одним из профессионально важных качеств продавца, оказывающим непосредственное влияние на уровень его успешности.

Результаты исследования можно использовать в работе с продавцами при проведении коучинга и тренинга, направленных на повышение успешности продаж.

Литература

Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар, 2012.

Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика: Методики и тесты. Самара, 2001.

Хисрик Р., Джексон Р. Торговля и менеджмент продаж. М., 1996.

Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М., 1994.

Энджел Д. Ф., Блэкуэл Р. Д. Поведение потребителей. СПб., 1999.

The Aggressiveness of the Salesperson as a Factor in Successful Sales

*N. A. Vasilchenko**, *A. Y. Gorbacheva*** (Krasnodar)

* Candidate of psychological Sciences, associate professor
at the Department of personality psychology and General psychology,
Kuban state University

** Master of Psychology, Kuban state University

The relevance of studying the individual aggressiveness in various spheres of life is due to the fact that currently there is a growing interest of researchers to the psychological determinants of the harmonious development of society. The concept of aggression in the works of different authors often defined as a psychological trait of the individual, which can complicate interpersonal relationships in life, to create difficulties in the relations between subjects in different situations, which can be attributed to the sale. The empirical material gives an idea of the existing contradictions between the needs of the individual buyer and seller, the mechanisms of formation of the required behavior of the consumer, the characteristics of the relationship between sellers with different levels of aggressiveness and consumers, characteristics of aggressiveness from successful sellers.

Keywords: aggressiveness, the identity of the seller, the success of the seller, a successful sale, the buyer.

Проблема психологического здоровья: современное состояние и перспективы исследования¹

М. И. Воловикова, Т. В. Галкина** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: galkina@list.ru*

В статье показано, что в период идеологического и мировоззренческого кризиса, переживаемого Россией, когда идет активный поиск новых жизненных приоритетов, социальных и духовно-нравственных ориентиров, проблема психологического здоровья становится особо актуальной и приобретает государственное значение. Это объясняется тем, что психологическое здоровье теснейшим образом связано с духовно-нравственной составляющей. В связи с 45-летием Института психологии РАН, акцент в статье сделан на работах, выполненных его сотрудниками из различных лабораторий. Предпринята попытка показать современное состояние, перспективы, а также истоки исследования проблемы психологического здоровья, восходящие к разработке, как классиками отечественной психологии, так и многими учеными из Института психологии РАН, нравственной и этической проблематики, напрямую связанной с проблемой психологического здоровья.

Ключевые слова: психологическое здоровье, социальные и личностные представления, ценности, духовно-нравственный аспект, нравственная и этическая психология.

Введение

Повышенное внимание исследователей в конце XX–начале XXI столетия к проблеме психологического здоровья говорит об ее акту-

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО, №0159-2017-0002.

альности, теоретической и практической значимости. Проблема психологического здоровья признана сегодня одной из приоритетных среди разрабатываемых психологических проблем. В условиях бурных социально-экономических изменений и периодически возникающих кризисов в современной России, обострившейся информационной войны с Западом и США, *проблема психологического здоровья личности, семьи и нации* в целом приобретает государственное значение. В период идеологического и мировоззренческого кризиса, переживаемого нашей страной, идет активный поиск новых жизненных приоритетов, социальных и духовно-нравственных ориентиров. Психологическое здоровье теснейшим образом связано с духовно-нравственной составляющей, что отмечается во многих исследованиях отечественных психологов (Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина, И. В. Дубровина, А. Л. Журавлев, Г. С. Никифоров, В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов и др.). Исследования проблемы психологического здоровья во взаимосвязи с нравственной и этической психологией является еще одним подтверждением того, что современная отечественная психология постулирует направленность научной мысли на служение обществу, прогрессу, формирование новых потребностей, общественных целей и ценностей человеческой жизни.

Разработка проблемы психологического здоровья и укоренение в научном лексиконе этого термина дает дополнительную возможность ученым и практикам в области психологии сделать акцент на изучении духовно-нравственных детерминант личности как субъекта жизни. С нашей точки зрения, духовно-нравственный аспект является системообразующим фактором психологического здоровья личности.

Научная разработка учеными проблемы психологического здоровья позволяет преодолеть фрагментарность знаний в той области психологии, которая ближе всего стоит к изучению ее изначально, исторически первого предмета – души. Обращение к этой теме позволяет вернуть психологии то, что она почти потеряла, вооружившись исключительно объективными методами и средствами изучения субъекта и его психики. В XX в. неоднократно раздавались сетования на то, что раньше психология была наукой о душе, а теперь стала наукой об ее отсутствии. Психология, можно сказать, пожертвовала душой ради научной объективности своей науки. «Потеря души» далеко не безобидна, как для психологической науки в целом, так и для психологов в частности. А. А. Ухтомский нарисовал картинку того, что может произойти с внедрением в психологию, и особенно в психологию личности, исключительно объективных

методов исследования: «Будет царство немое и глухое, ибо никто никого понимать не будет при уверенности, что каждый для себя все понимает!» (Ухтомский, 1997, с. 171).

Современное состояние исследований психологического здоровья

Проведенный анализ существующих теорий и исследований в области разработки проблемы психологического здоровья позволяет прийти к выводу о наличии целого ряда нерешенных вопросов. Это относится, во-первых, к концептуально-терминологическому аспекту – отсутствию единства и точности в определении понятия «психологическое здоровье», его содержания, критериев и т. п. и, во-вторых, к слабой разработанности методов исследования этого феномена.

Проблема психологического здоровья, безусловно, связана с более широкой проблемой здоровья человека в целом. Сложность разработки и анализа проблемы психологического здоровья заключается, в частности, в том, что ученые и практики зачастую не разграничивают понятия «психологическое» и «психическое» здоровье, употребляют в качестве синонимов психологического здоровья такие термины как «душевное», «духовное», «личностное», «нравственное» здоровье. Существует большое количество различных определений этих видов здоровья, в которых достаточно трудно разобраться, однозначно определив, к какому виду здоровья относится то или иное определение.

Термин «психологическое здоровье» (в отличие от «психического здоровья») имеет отношение ко всей личности в целом и находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа (Дубровина, 1998). Несмотря на терминологическую путаницу в изучаемой проблеме, отметим, что в ряде исследований современных отечественных психологов представлено целостное видение сущности того, что обозначается терминами «психическое», «психологическое», «духовное», «личностное» и другие виды здоровья (Н. Г. Артемцева, Б. С. Брагусь, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина, Л. Д. Демина, И. В. Дубровина, Е. И. Исаева, Г. С. Никифоров, О. Г. Прохорова, И. А. Ральникова, В. И. Слободчиков, В. С. Торхтий, А. Б. Холмогорова, А. В. Шувалов и др.). Многие сходятся во мнении, что термин «психологическое здоровье», относясь к личности в целом, указывает на проявление духовности. Духовность же при этом рассматривается как особое эмоционально-нравственное состояние личности, при котором сознание человека ориентировано на абсолютные, объективные духовно-нравственные ценности, такие как любовь,

добро, совесть, красота, творчество, истина и др. (Воловикова, 2014). Можно заметить, что эти ценности фактически выражены в десяти заповедях, связанных с христианским взглядом на мир и место человека в нем. Духовное напрямую связано с системой ценностей человека, которая является стержнем его личности и, соответственно, влияет на все *личностное развитие* и поведенческие проявления в различных сферах жизнедеятельности. Психологическое здоровье, в свою очередь, связывается многими исследователями не с развитием психического аппарата, но именно с *личностным развитием*. Поскольку основой личностного развития человека является ценностное самоопределение, опирающееся на его систему ценностей, то психологическое здоровье неизбежно связано с *ценностным самоопределением*, нарушение которого подрывает саму основу психологического здоровья (Колпакова, 2014). Под «психологическим здоровьем», таким образом, понимается именно психологический аспект психического здоровья, т. е. те процессы, которые позволяют человеку в будущем достичь зрелости, пребывать в постоянном *саморазвитии*, реализовывать свои жизненные задачи (Дубровина, 1998). Подчеркнем, что под *саморазвитием* подразумевается именно *развитие духа, души и тела в их неразрывном единстве*, т. е. *гармоничное* развитие субъекта жизнедеятельности. Очень важно, что в наши дни уже признается эффект взаимовлияния «духа», «души» и «тела» на общее состояние здоровья человека (Шувалов, 2012, с. 77–78). Возвращением в научную психологию постулата о тричности состава человека («дух-душа-тело»), который был сильно искажен в советской психологии, мы во многом обязаны Т. А. Флоренской, которая, опираясь на православные традиции в отечественной психологии, наглядно показала, что нарушения в системе «дух–душа–тело», как правило, ведут к болезни, повреждению психологического, психического и соматического здоровья человека (Флоренская, 2001).

Важнейшими ориентирами в разработке проблемы психологического здоровья можно считать нравственную и этическую психологию, которые активно развиваются в последнее время. Но бурный рост количества исследований, связанных с нравственной проблематикой, стал возможен не только благодаря осознанию современными психологами жизненной необходимости таких исследований, но и постоянному вниманию к нравственным проблемам классиков отечественной психологии советского и постсоветского периодов. Выдающиеся психологи Л. И. Анцыферова, Л. И. Божович с сотрудниками, Б. С. Братусь, А. В. Брушлинский с сотрудниками, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, Т. А. Флоренская, В. Э. Чудновский,

Е. В. Шорохова, С. Г. Якобсон и др. внесли серьезный вклад в сохранение интереса к духовно-нравственной проблематике. Этот интерес не только сохранился, но и усилился в последнее время. Уместным здесь будет упомянуть исследования в социальной и экономической психологии А. Л. Журавлева, Н. А. Журавлевой, Т. П. Емельяновой, А. Б. Купрейченко, А. Е. Воробьевой, В. Е. Семенова и др.; в психологии труда – Л. Г. Дикой, Е. П. Ермолаевой и др.; в психологии развития – Е. А. Сергиенко с сотрудниками; в области разработки проблем посттравматического стресса – Н. В. Тарабриной, Н. Е. Харламенковой с сотрудниками; в общей психологии, методологии и истории психологии – К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой с сотрудниками, А. А. Гостева, В. А. Кольцовой с сотрудниками, Л. М. Попова с сотрудниками, О. Е. Серовой, В. И. Слободчикова, В. А. Соснина, А. В. Шувалова, А. В. Юревича и др.; в психотерапии – М. Ю. Колпаковой, Т. Ю. Коренюгиной и др.; в исследовании проблем воспитания детей и молодежи – Н. Я. Большуновой, А. С. Чернышова и др.

Отметим, что большое количество психологических исследований, посвященных различным вопросам нравственной и этической психологии, изучению проблем совести, духовно-нравственного развития личности, социально-нравственных аспектов самоопределения, осуществляется сотрудниками Института психологии РАН. Исследование различных вопросов, связанных с нравственно-психологическими проблемами в разных областях психологии, изучение роли и места духовно-нравственных аспектов в бытии человека вносят существенный вклад в разработку проблемы психологического здоровья.

Психологические исследования, связанные со здоровьем человека, давно ведутся в Институте психологии РАН. Можно говорить о существовании в Институте методологической базы для проведения широкомасштабного цикла работ, направленных на изучение различных аспектов проблемы психологического здоровья личности, семьи и нации. Методологической основой этих исследований служат научные принципы комплексного и системного подходов; единство теории, эксперимента и практики; основные положения методологических принципов развития, общения и взаимодействия.

В качестве методического обеспечения исследований различных аспектов психологического здоровья субъекта используется классический микросемантический анализ высказываний, метод макроаналитического анализа. Изучаются социальные представления, связанные с нравственностью и нравственными ценностями, морально-этическими нормами и духовностью, социально-культурными явлениями и изменениями в обществе; исследуются личност-

ные представления о психологическом здоровье человека, семьи, нации, о психологической безопасности, феномене созависимости как возможной угрозе психологическому здоровью и др.

Разработка проблемы психологического здоровья представляется прямым подтверждением положения Я. А. Пономарева о типах психологического знания и его прозорливого предположения о том, что академическая наука в своих исследованиях в XXI в. напрямую обратится к разработке тем, связанных с третьим – действенно-преобразующим – типом психологического знания. По различным аспектам темы «психологического здоровья» накоплен богатый эмпирический материал. Сейчас задача состоит в том, чтобы, обобщив полученные результаты и осмыслив их, выйти на новый уровень научного знания по этой проблематике. Для действенно-преобразующего типа знания особое значение приобретает реализация абстрактно-аналитической ветви системного подхода – опора на принцип взаимодействия, описание абстрактно выделенных свойств объектов, выявление генезиса событий, возможность формулировать и решать теоретические и методологические задачи на новом более высоком уровне (Пономарев, 1983). Таким образом, проблема психологического здоровья является той областью научного знания, которую уже фактически сейчас можно охарактеризовать как действенно-преобразующую и которую необходимо активно развивать.

Перспективы исследования проблемы психологического здоровья

Анализ современных работ в области проблемы психологического здоровья позволяет наметить некоторые перспективные направления в ее разработке.

Прежде всего, отметим, что все исследования, связанные с нравственностью и духовно-нравственным развитием личности, а также с выявлением различных угроз здоровью нации и профессиональному здоровью общества представляются весьма перспективными и необходимыми в плане дальнейшей разработки проблемы психологического здоровья в целом (Воловикова, 2014; Воловикова, Галкина, 2014).

Безусловно, требуется продолжение исследований, связанных с выявлением особенностей представления наших современников о психологическом здоровье и его компонентах (Артемцева, Галкина, 2016а; Галкина, Артемцева, 2016; и др.). Исследования по этой теме способствуют не только получению новых интересных данных о личностных представлениях россиян о психологическом здоровье

и его составляющих, но и прояснению терминологического аспекта этой проблемы. Они также вносят существенный вклад в разработку адекватного инструментария диагностики феномена психологического здоровья и представлений о нем (Артемцева, Галкина, 2016б).

Проблема психологического здоровья детей теснейшим образом связана с проблемой их психологической безопасности. Обеспечение психологической безопасности ребенка нацелено, прежде всего, на его успешное психическое развитие, которое, в свою очередь, является залогом психического и психологического здоровья растущей личности. Психологическая безопасность – одно из главных условий не только психического и психологического здоровья, но и физического. Проблемы психологического здоровья и психологической безопасности логически и содержательно тесно связаны друг с другом.

В рамках проблемы психологического здоровья представляется также перспективным проведение исследований, связанных с проблемой творческого развития детей и взрослых, с выявлением и актуализацией их творческого потенциала, поскольку осознание себя и своих творческих возможностей может вести человека не только к радости самореализации, самоосуществления, но и к духовно-нравственному развитию.

Работы, связанные с помощью людям с ограниченными возможностями здоровья, научная разработка проблемы *инклюзии* и научное обоснование создания специальных структур, в частности «инклюзивных театров», – важнейшее направление в структуре исследований по проблеме психологического здоровья. «Инклюзивный театр» может изменить отношение человека к самому себе, своим детям и окружающему миру, что, безусловно, является важнейшей составляющей психологического здоровья личности, семьи и общества в целом.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье, будучи ограниченными ее объемом, мы смогли осветить, конечно, не все вопросы, связанные с современным состоянием и перспективами исследования такой сложнейшей проблемы, как психологическое здоровье. Отмечая в этом году 45-летие Института психологии РАН, авторы статьи сделали акцент на работах, выполненных его сотрудниками из различных лабораторий. Была предпринята попытка показать истоки исследования этой проблемы, восходящие к разработке как классиками отечественной психологии, так и многими учеными Института психологии РАН, духовно-нравственной и этической проблематики, напрямую связанной с проблемой психологического здоровья.

Литература

- Артемова Н. Г., Галкина Т. В. Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М., 2016а. С. 182–194.
- Артемова Н. Г., Галкина Т. В. Отношение к психологическому здоровью личности: проблема измерения // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции 23–25 ноября 2016 г. (Москва, ИП РАН) / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М., 2016б. С. 121–126.
- Воловикова М. И. Психологическое здоровье личности и ее духовно-нравственное состояние // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М., 2014. С. 79–95.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В. Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М., 2014. С. 5–15.
- Галкина Т. В., Артемова Н. Г. Личностные представления о психологическом здоровье у созависимых и независимых субъектов // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлёв, Н. Е. Харламенкова. М., 2016. С. 352–381.
- Дубровина И. В. Введение в практическую психологию образования // Практическая психология образования: Учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений. 2-е изд. / Под ред. И. В. Дубровиной. М., 1998. С. 5–116.
- Колпакова М. Ю. Диалог как путь к личностному здоровью // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М., 2014. С. 96–110.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М., 1983.
- Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997.
- Флоренская Т. А. Диалоги о воспитании и здоровье: Духовно-ориентированная психотерапия // Духовно-нравственное воспитание. М., 2001. № 3. С. 1–73.
- Шувалов А. В. Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М., 2012. С. 76–99.

The Problem of Psychological Health: Current Status and Prospects of Research

M. I. Volovikova, T. V. Galkina** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, Full professor, chief scientific officer of Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, associate professor, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

The article shows that in the period of the ideological crisis in Russia, when there is an active search of new life priorities, social and spiritual-moral values, the problem of psychological health becomes particularly relevant and acquires a state importance. This is because psychological health is closely related to spiritual-moral component. In connection with the 45th anniversary of the Institute of Psychology RAS, the emphasis is made on the studies performed by its officers from the different laboratories. Attempts to show the current state, prospects, as well as the sources of research of the psychological health problem, which go back to the development by both the classics of Russian psychology and many scientists from the Institute of Psychology RAS of moral and ethical issues directly related to the problem of psychological health.

Keywords: psychological health, social and personal representations, values, spiritual-moral aspect, moral and ethical psychology.

Проблема соотношения феноменов и понятий «нравственная элита» и «интеллигенция» в современной России¹

М. И. Воловикова*, А. Л. Журавлев** (Москва)

* доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru

Статья посвящена анализу понятий «нравственная элита» и «интеллигенция», а также их роли в современном российском обществе. Подтверждена идея о правомерности выделения особого вида элиты – нравственной, конкретизирована ее роль в общественной жизни и дано описание ее характерных особенностей, представлены результаты эмпирического исследования.

Ключевые слова: нравственная элита, интеллигенция, российский менталитет, нравственный идеал, имплицитные представления.

Постановка проблемы

Гипотеза о правомерности выделения такого феномена, как *нравственная элита*, и основных качеств этой уникальной социальной группы была высказана всего семь лет назад (Журавлев, Купрейченко, 2010), но к настоящему времени получила свое развитие и успешно прошла эмпирическую проверку (Воловикова, Журавлев, 2016).

В российском менталитете исторически особая роль в нравственной регуляции общественной жизни отводилась такой большой и неоднородной социальной группе, как *интеллигенция*. Однако в современных условиях ведущая роль в нравственной регуляции переходит нравственной элите.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-03271.

Поиски больших социальных групп, ответственных за состояние российского общественного сознания, привели когда-то к наделению интеллигенции особыми качествами, определяющими прогрессивную направленность развития общества. И произошло это не со времени появления в «Новом мире» открытого письма Д. С. Лихачева «О русской интеллигенции» (Лихачев, 1993), в котором академик отстаивает положительный образ интеллигенции в России во все исторические периоды, начиная от Киевской Руси и Великого Новгорода до настоящего времени.

Историк Федор Гайда отмечает, что само слово интеллигенция (*lat. intelligentia* – понимание, разум) пришло в Россию из немецкой философии, в первую очередь – из работ Гегеля, где оно означало интеллектуальную способность, самосознание. Превратили это слово в идеологическое оружие русские социалисты-народники (Гайда, 2011). Историк подчеркивает оппозиционный характер интеллигенции и то, что общеупотребительным это слово сделалось только после публикации в 1909 г. сборника «Вехи» с резкой критикой интеллигенции.

Интеллигенция – это образованный, мыслящий слой общества, способный, в том числе, замечать недостатки государственной жизни и часто находящийся в оппозиции существующему строю. Именно интеллигенция участвовала в Февральской революции 1917 г., и среди пострадавших от новой власти, утвердившейся в октябре 1917 г., было много интеллигентов. Но не все подвергалось отвержению. Новой власти нужны были специалисты. В сталинской конституции 1936 г. «трудовая интеллигенция» была включена в состав «трудящихся». Ф. Гайда приходит к выводу, что «именно И. В. Сталин окончательно закрепил представление об „интеллигенции“ как особой социальной (а не интеллектуальной) группе – „работников умственного труда“. <...> „Интеллигенции“ конституционно запрещалось быть оппозиционной. Для нее это означало перспективу гибели или „полного перерождения“» (Гайда, 2011).

В примерах поступков «подлинных интеллигентов», приводимых Д. С. Лихачевым (Лихачев, 1993), много настоящего героизма и свидетельства проявления лучших человеческих качеств: бескорыстия, доброты, бесстрашия, чувства собственного достоинства и уважения к человеческой личности. Сам Дмитрий Сергеевич, прошедший в молодые годы испытание ГУЛАГом, в 1990-е оставался для многих эталоном подлинного интеллигента: высококлассным профессионалом, готовым бесстрашно ринуться в защиту истины и справедливости. Но в целом интеллигенция как передовая часть общества именно в 1990-е сходила с политической сцены. На-

ступало время «элит»: политических, финансовых, управленческих, творческих и т. д.

В широкое повседневное употребление слово «элита» (или «элиты») попало после снятия негласного запрета в постперестроечный период темы денег. Так сложилось в нашей новейшей истории, что принадлежность к элите первоначально связывалась с политическим статусом и финансовым благополучием, и только позднее это понятие стало распространяться на другие группы успешных и оказывающих влияние людей. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко отмечают: «Под *элитой* понимается социальная категория людей, характеризующаяся наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и успешно проявляющая их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что и встречается в современных публикациях: политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элита, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная и др.» (Журавлев, Купрейченко, 2010, с. 8). Хотя и названы творческая, научная и другие виды элит, авторы специально оговаривают возможность отнесения к элите лиц, не только не обремененных финансовым благополучием, но, скорее, противоположного устройства. Они говорят о целесообразности «рассматривать и *нравственную элиту*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития нравственных качеств и успешно *проявляют* их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, существенно *вливая* на их нравственную атмосферу, как минимум, повышая ее общий уровень» (там же).

Поскольку сама потребность в нравственных ориентирах в российском обществе не исчезла, место подлинной интеллигенции не могло слишком долго оставаться «вакантным». Отсюда закономерно появление темы *нравственной элиты*, не только не привязанной к материальному благополучию и высокому статусу, но зачастую очень далекой от этих внешних атрибутов жизненного успеха. В основе феномена, названного «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи» (там же, с. 6), лежат наблюдения над той немногочисленной социальной группой, которая смогла сохранить личностную свободу и относительную независимость от происходящих изменений системы ценностей и приоритетов. Отмечается здоровое отношение к себе и другим, жизненный оптимизм таких людей, не связанный с уровнем материального благосостояния, даже их некоторая неадаптивность, будто эти люди продолжают жить в другом историческом времени

и ориентироваться на иные ценности и идеалы. В трудные моменты своей истории общество само находит эти «нравственные маяки», помогающие устоять в условиях резких изменений ценностных приоритетов. Такими людьми, к мнению которых прислушивались, были академики Д. С. Лихачев и А. Д. Сахаров, писатели В. Г. Распутин и В. П. Астафьев, художник И. С. Глазунов и др. Важно отметить, что всегда находилось (и находится) то лицо, ценностным ориентациям которого доверяло большинство российских граждан.

А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко выделены *основные признаки* нравственной элиты: участие в общественно-полезной деятельности, приносящей пользу социуму; строгое следование в своем поведении нравственным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека; способность оказывать нравственное влияние на других людей (в том числе через поступок); готовность жертвовать своими интересами ради других; оказание безвозмездной помощи, проявление разных форм помогающего поведения. Подчеркиваются такие качества, как способность к активной защите моральных устоев общества и благотворное влияние на моральный климат близкого окружения. Отмечается *позитивная роль страдания* в истории становления высоконравственных людей. Добавление этого необычного компонента естественно в российских условиях, где нравственность всегда была ценностью, которую порядочному человеку приходилось демонстрировать не только словом, но и делом, поступком (Воловикова, 2012).

Процедура эмпирического исследования

В 2016 г. была проведена эмпирическая проверка ранее высказанных идей о характерных признаках нравственной элиты (Воловикова, Журавлёв, 2016). Исследование можно назвать построенным по принципу проекции: на вопросы о качествах и поступках «лично знакомого порядочного человека» отвечали представители элитной группы успешных людей, что позволяло исследовать их собственные имплицитные представления о нравственном образце. Использовалась методика, разработанная в предыдущих исследованиях (см.: Воловикова, 2012).

Выборка исследования состояла из 71 человека (средний возраст – 39 лет; 45% – мужчины), которые достигли заметного успеха в жизни. Среди них были врачи и экономисты, юристы и музыканты, художники и психологи, руководители лабораторий, институтов и творческих коллективов, главные редакторы изданий и директора компаний.

Результаты исследования

Частотный анализ заполненных анкет показал, что «безотказный» является наиболее *отвергаемым* качеством для человека, которого представители этой группы могут назвать нравственным; далее в списке отвергаемых оказались: «верит в Бога», «хорошо одевается», «гордый». Среди наиболее *принимаемых* лидируют следующие качества: «не предаст друга», «ответственный», «добросовестный».

Факторный анализ позволил выделить после варимакс-вращения 6 факторов с суммарной долей дисперсии 52,41%. С большим отрывом лидирует *фактор коммуникативности* (доля дисперсии 17,38%). Его составили дескрипторы: «щедрый» (0,78), «с чувством юмора» (0,72), «общительный» (0,71). Второе место (доля дисперсии 10,86%) занял *фактор надежности*: «смелый» (0,74), «пунктуальный» (0,68), «ответственный» (0,66). *Фактор интеллигентности* (8,32%) занял третье место. Его составили дескрипторы: «уважает старших» (0,72), «тактичный» (0,71), «уважающий других людей» (0,71), «интеллигентный» (0,61). В четвертый *фактор – доверия* (6,09%) вошли: «не предаст друга» (0,62), не курит с отрицательным значением (-0,65), т. е. «курит». В пятый *фактор – просоциальности* (5,24%) вошли: «не сквернословит» (0,70), «не ворует» (0,62), «не нарушает закон» (0,61). Последнее шестое место занял *фактор образованности* (4,52%): «умный» (0,72), «образованный» (0,71), «начитанный» (0,62). Таким образом, в данной выборке первое место заняли качества, помогающие поддерживать общение с другими людьми, далее идут качества надежности, уважения к другим людям, доверия, отрицания асоциального поведения (фактор «просоциальности») и образованности. Ни в один фактор не вошли такие важные для российского сознания качества, как: «честный», «справедливый», «рассудительный», «безотказный», «верит в Бога» и «любит Родину». Однако «совокупность признаков», соответствие которым указывает на принадлежность к нравственной элите, подтвердилось в рассказах о *нравственном поступке* человека, которого респондент мог назвать «порядочным».

Об *участии в общественно полезной деятельности* говорит статус персонажа, о котором идет речь: «это мой начальник, он в меня поверил...»; «мой коллега, зав. кафедрой...»; «при публикации научных трудов отражал имена сотрудников, включая аспирантов»; «она была моей начальницей...»; «мой коллега, ученый-физик, пользуется международным авторитетом»; «...зам. директора НИИ... профессионально честный...».

О *строгом следовании нравственным принципам, нормам и правилам* говорит каждый из сюжетов на тему «никогда не...»: «она ни-

когда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «зная мои тайны, не рассказывает их другим людям»; «не обманет, не предаст»; «не выпячивается, не навязывает своего мнения»; «имеет четкие принципы и четко следует им»; «честно выполняет свои обязательства в бизнесе, хотя обязательства складываются так, что она вполне могла бы нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе, в целях наживы» и др.

Способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере доказывается не только приводимыми примерами, но и собственно самим фактом, что эти лица названы нравственным образцом – «порядочным человеком».

Оказание безвозмездной помощи другим людям, реализация разных форм помогающего поведения доказывается конкретными примерами оказания помощи: «помогал малознакомым людям в сложных ситуациях выступить посредником в близкородственных отношениях»; «несмотря на свою болезненность готова помогать всем и вся»; «когда у подруги был серьезно болен ребенок и отсутствовали финансовые средства на лечение, моя знакомая приютила их с ребенком у себя, наняла врача и безвозмездно оплатила лечение»; «на фирме начались финансовые проблемы, и она была закрыта; последнюю зарплату мне не выплатили; позже начальница выплатила причитающуюся мне зарплату из своих денег».

Примеры по поводу неприспособленности нравственной элиты к реалиям современной жизни: «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива»; «ему неоднократно предлагали прекрасную высокооплачиваемую работу в США, но он отказывался – лучше я буду приезжать к вам в Штаты на конференции, а жить хочу у себя, любоваться российскими березками»; «пожертвовала своей работой ради женщины, которая одна воспитывает детей»; «отказался от материальной выгоды в пользу принципов» и т. п.

Отметим, что хотя ни в одном из факторов «любовь к Родине» не набрала большого веса, однако в описаниях запомнившихся поступков она была заметна (см. также: *Историогенез...*, 2016; *Психологическое здоровье личности...*, 2014; и др.). Некоторая *противоречивость* (а возможно, и незрелость) представлений о нравственном образце заметна также при сопоставлении результатов факторного анализа выделившихся дескрипторов и контент-анализа описанных поступков нравственного («порядочного») человека.

Но особенно явно эта противоречивость выступила по поводу другого дескриптора – «верит в Бога», что вполне объяснимо атеистическим характером воспитания в детские или юношеские годы большинства респондентов при эмоциональной притягательности образцов подлинного христианского поведения – проявлений самоотвержения, бескорыстия и любви. Описывая знакомого «порядочного человека», респонденты, представители элиты, дают образ православного идеала жертвенной любви к людям. Не зная почти ничего о родном (по рождению) православии, они об этом не догадываются, продолжая на когнитивном уровне отрицать наличие веры в Бога у описываемого лица. При этом они приводят примеры не только бескорыстной помощи, самопожертвования и честности в отношениях, но и проявления такого специфического качества, как умение прощать обиды (и даже забывать о них), обладая при этом всеми реальными возможностями (материальными и ситуационными), чтобы соответствующим образом ответить.

Заключение

В российском менталитете исторически особая роль в нравственной регуляции общественной жизни на протяжении XX в. отводилась такой большой и неоднородной социальной группе, как интеллигенция. Однако в современных условиях ведущая роль в нравственной регуляции переходит к нравственной элите. Понятие «нравственная элита» перспективно для современной психологии личности и социальной психологии, так как именно этим нравственным образцам начинает отводиться ведущее место в духовно-нравственной регуляции жизни российского общества, принадлежащее прежде интеллигенции.

В проведенном исследовании показано, что характерный для российского менталитета *приоритет* нравственного закона над житейским успехом отличает представления реализовавшихся, успешных людей.

Выявлен *противоречивый характер* нравственных предпочтений современной российской элиты. Так, относительно низкая оценка значимости любви к Родине (в связи с нравственностью человека) сочетается с рассказами об отказе покинуть страну, несмотря на возможность обретения более благоприятных условий жизни. А отвергаемая большей частью респондентов вера в Бога сочетается с доминированием в рассказах православного идеала смирения и не привязанности к славе, деньгам и могуществу.

Литература

- Воловикова М. И. Житейские представления о порядочном человеке. М., 2012.
- Воловикова М. И., Журавлёв А. Л. ИмPLICITные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 40–49.
- Гайда Ф. «Интеллигенция»: чем гордиться? // Православие.ру. Интернет-журнал, 23 июня 2011. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/47186.htm> (дата обращения: 24.07.2011).
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М., 2016.
- Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М., 2014.
- Шиняева О. В., Ключева Т. В., Займалин Е. П. Интеллигенция в российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 110–120.

The problem of correlation of phenomenon and concepts of “moral elite” and “intelligentsia” in modern Russia

M. I. Volovikova, A. L. Zhuravlev** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, Full professor, chief scientific officer of Institute of Psychology of RAS

** Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), professor, Director of Institute of Psychology of RAS

The article analyzes the concepts of “moral elite” and “intelligentsia” and their role in contemporary Russian society. Confirmed the idea on the legality of the allocation of a special kind of elite – moral, specified its role in public life and the description of its characteristics, presents the results of empirical research.

Keywords: moral elite, intelligentsia, Russian mentality, moral ideal, implicit representations.

Самоконтроль личности как фактор снижения риска буллинга¹

Л. И. Дементий (Омск)

*доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии
Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;
e-mail: lyudmiladementiy@mail.ru*

Под самоконтролем понимается способность личность контролировать свои эмоции и управлять поведением. Представлены результаты эмпирического исследования самоконтроля, агрессивности и риска буллинга у учащихся средних и старших классов школы. Показано, что уровень самоконтроля у старшеклассников достоверно выше, чем у школьников средних классов. Установлены обратные взаимосвязи между шкалой самооценки (СЕ) и интегральным показателем самоконтроля со шкалой небезопасности ($r=-0,253$, $r=-0,246$, $p<0,05$). Зафиксирована значимая положительная корреляция на уровне $p\leq 0,05$ между показателями благополучия и уровнем интерперсонального самоконтроля в группе старшеклассников ($r=0,217$). Результаты свидетельствуют о том, что самоконтроль является личностным ресурсом построения конструктивных отношений, снижая, тем самым риск буллинга в школьной среде.

Ключевые слова: самоконтроль, ресурсный подход, личностные ресурсы, агрессивность, буллинг, риск буллинга.

Введение

В последние годы число событий, бросающих вызов личности, неуклонно растет. Поскольку внешняя среда очень часто агрессивна и недружелюбна, человек должен не просто адаптироваться к ней, но и эффективно справляться с трудностями без ущерба своему фи-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 17-16-55013.

зическому и психологическому здоровью. В поисках ресурсов, обеспечивающих эффективную адаптацию, следует, прежде всего, обратить внимание на личностные ресурсы человека.

В контексте ресурсного подхода накоплено достаточно сведений о том, какие именно черты личности могут потенциально и реально выступать личностным механизмом, обеспечивающим адаптивное поведение. За последние годы, особенно в зарубежной психологии, целый ряд исследований показал, что не столько повышение самооценки, сколько способность контролировать свое поведение критично для совместной жизни, деятельности и общения (Baumeister, 2004).

Зарубежные исследования самоконтроля берут свое начало с 1960 г., когда Мишель (Mishel et al., 1989) провел свой известный «зефирный тест», позволивший изучить способность противостоять искушению в четыре года. Лонгитюдное исследование показало, что те дети, которые смогли справиться с искушением, в жизни стали более успешными, здоровыми, адаптивными. Указанная работа запустила целую серию экспериментальных исследований, доказывающих, что наличие сформированного самоконтроля у человека практически обеспечивает ему счастливую жизнь.

Растущий объем научных исследований самоконтроля и его роли в жизнедеятельности человека, в регуляции поведения способствовали тому, что Американская Психологическая Ассоциация выпустила научно-популярную брошюру для населения «What you need to know about will power» (Что надо знать о силе воли), в которой собраны научные доказательства необходимости поддерживать самоконтроль на необходимом для адаптации в жизни уровне.

В работах зарубежных психологов показано, что лица с высоким самоконтролем быстрее достигают своих целей (Baumeister, 2011), более академически успешны (Seligman et al., 2005), отличаются лучшим физическим и ментальным здоровьем, более социально успешны, не имеют криминальных проблем, обладают более высоким интеллектом (Moffit et al., 2011), выстраивают более конструктивные межличностные отношения (Mischel, 1989).

Эти и другие доказательства создают иллюзию, что результаты исследований самоконтроля как предиктора поведения изначально очевидны и не имеют научной перспективы. С нашей точки зрения, и сегодня остается много спорных и не до конца изученных вопросов, связанных с вкладом самоконтроля в регуляцию поведения.

Р. Баумайстер (2016) утверждает, что самоконтроль может сильно и разнообразно влиять на поведение человека, и это влияние не всегда очевидно. Так, в исследованиях поведения лиц с никотиновой зависимостью показано, что для поддержания зависимости нужен высокий самоконтроль. Курильщики с низким уровнем самоконтроля быстрее справляются с зависимостью в условиях запрета, чем лица с высоким уровнем самоконтроля.

Наши более ранние исследования также показывают неоднозначность решения вопроса о предикции поведения у лиц с высоким уровнем самоконтроля. Измерение самоконтроля у лиц, отбывающих наказание за совершение серьезных преступлений, показало, что большая часть этих людей имеет высокий уровень самоконтроля (Дементий, Ашрапова, 2015). В исследованиях факторов академической успешности установлено, что уровень самоконтроля напрямую не определяет уровень академической успешности, а должен исследоваться в структуре других предикторов (мотивации, уровня интеллекта) (Дементий, Купченко, 2014).

Мы полагаем, что исследования роли самоконтроля, его вклада в понимание факторов не просто адаптивного, но и успешного, конструктивного поведения по-прежнему остаются остро актуальными. Особый интерес для нас представляют вопросы, связанные с поиском предикторов и антипредикторов конструктивного поведения в ситуациях актуального или потенциального насилия.

Процедура и методики эмпирического исследования

В нашей работе тестировалась *гипотеза* о том, что высокий уровень самоконтроля выступает фактором, снижающим риск угрозы буллинга. Основанием гипотезы выступили следующие положения. Во-первых, личность с развитым самоконтролем склонна к меньшему проявлению агрессии, так как способна управлять своими эмоциями (Baumeister, 2011). Во-вторых, самоконтроль тесно связан с принятием личной ответственности за свои поступки (Дементий, 2015). В-третьих, как показали экспериментальные исследования, лица с высоким самоконтролем способны к выстраиванию более конструктивных отношений (Mishel, 1989).

Выборка исследования

Исследование проводилось на трех возрастных выборках – учащиеся 5–6 классов, 7–8 и 9–10 классов. Общая выборка составила 90 человек (по 30 человек в группе, из них 15 девочек, 15 мальчиков).

Методики исследования

В одной экспериментальной серии испытуемые заполняли опросник подверженности буллингу (Бочавер с соавт., 2015), опросник «Шкала самоконтроля (Humphrey, 1982), опросник А. Басса и А. Дарки (Дерманова, 2002).

С целью установления взаимосвязи между самоконтролем, агрессивностью и риском угрозы буллинга использовался метод Пирсона. Для целей сравнительного анализа применялся метод Краскела–Уоллиса.

Результаты исследования

Сравнительный анализ подверженности буллингу показал наличие значимых достоверных различий между учащимися 5–6, 7–8 и 9–10 классов по шкале благополучия. Наибольший показатель благополучия зафиксирован в старших классах ($M=3,1\pm 0,83$), наименьший – в 5–6 классах ($M=1,9\pm 0,92$) ($N=21,675$, $p\leq 0,01$).

Значимые и достоверные различия между выделенными группами зафиксированы по показателям «раздражение» ($N=6,405$, $p\leq 0,05$), «подозрительность» ($N=7,731$, $p\leq 0,05$), «вербальная агрессия» ($N=15,202$, $p\leq 0,01$), «чувство вины» ($N=7,374$, $p\leq 0,05$) и «индекс агрессивности» ($N=12,503$, $p\leq 0,01$).

Сравнительный анализ показателей выраженности самоконтроля по классам позволил получить следующие результаты. Школьники разных классов значимо и достоверно различаются по показателям интерперсонального самоконтроля ($N=12, 289$, $p\leq 0,01$) и общему показателю самоконтроля ($N=8,594$, $p\leq 0,05$).

Корреляционный анализ между данными методики «Шкала самоконтроля» и опросником риска буллинга позволил установить следующие обратные взаимосвязи: шкалы самооценки (СЕ) со шкалой небезопасности ($r=-0,253$, $p<0,05$), общим баллом самоконтроля со шкалой небезопасности ($r=-0,246$, $p<0,05$).

Зафиксирована значимая положительная корреляция на уровне $p\leq 0,05$ между показателями благополучия и уровнем интерперсонального самоконтроля в группе старшекласников ($r=0,217$).

Установлены взаимосвязи и между шкалами методики Басса-Дарки и опросником риска буллинга: индекс враждебности шкалы обиды коррелируют со шкалой небезопасности ($r=0,259$ и $r=0,336$, $p<0,05$ соответственно).

Также выявлена значимая отрицательная корреляция на уровне $p\leq 0,05$ между показателями агрессивности и общим уровнем самоконтроля ($r=-0,225$).

Как и ожидалось, уровень самоконтроля у большинства школьников возрастает по мере взросления, что подтверждает данные об усилении произвольной регуляции поведения с возрастом. Подростки больше контролируют свое поведение в разных ситуациях взаимодействия. Возрастает контроль проявления эмоций, в том числе агрессивных проявлений во взаимоотношениях со сверстниками. Учащиеся с сформированным самоконтролем, выстраивая конструктивное поведение со сверстниками, способствуют тому, что школьная среда становится более безопасной, менее агрессивной и, тем самым, создаются условия, при которых проявления любых форм насилия (физического, психологического, эмоционального) становится менее возможным. Таким образом, формируются конструктивные паттерны поведения, задающие стилевые особенности взаимоотношений в среде сверстников, что, в свою очередь, не может не отразиться на формировании позитивных личностных черт.

Самоконтроль личности выступает необходимым ресурсом уже в подростковом возрасте, ослабляя негативное влияние агрессивных действий на социально-психологический климат в классном коллективе.

Наши данные позволяют утверждать, что своевременная диагностика учащихся по уровню самоконтроля и формирование школьных коллективов с учетом этой личностной черты и степени ее выраженности у школьников, позволит снизить риск школьного буллинга.

Вместе с тем, заметим, что самоконтроль проявляется лишь в своем формирующемся качестве – некоторые виды самоконтроля (в соответствии с нашими данными) не сформированы даже к старшим классам школы и, безусловно, не могут оказывать какого-либо влияния на построение межличностных отношений в школьном коллективе.

Более значимое влияние на построение отношений и формирование социально-психологического климата в классе оказывает агрессивность подростков, особенно в средних классах школы, так как многие виды агрессии в этом возрасте выражены особенно сильно (вербальная, косвенная, физическая).

Запретительные меры относительно проявления любых форм насилия в школе не могут быть однозначно действенными. Более продуктивным, с нашей точки зрения, является путь целенаправленного формирования самоконтроля как способности сдерживать нежелательные импульсы и контролировать свое поведение. Заметим при этом, что формирование саморегуляции только через развитие способности к планированию и постановке целей не всегда дает необходимый эффект. Как было сказано выше, самоконтроль

охватывает все сферы личности – и когнитивную, и эмоциональную, и поведенческую. Соответственно, и развитие его должно идти по всем направлениям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что самоконтроль личности является предиктором безопасности школьной среды, а агрессивность во всех ее проявлениях – антипредиктором.

Вместе с тем отметим, что, как и любое исследование, наша работа ставит целый ряд важных вопросов, ответы на которые помогут найти пути повышения безопасности образовательной среды.

Важно учитывать не только сам факт связи между самоконтролем и подверженностью буллингу, но и то, каким образом происходит влияние учащихся с высоким или низким уровнем самоконтроля на социально-психологический климат в классе, как задаются конструктивные паттерны поведения, которые потенциально могут определить стили отношений в конкретном классе и школе в целом.

Следует признать, что проблемы саморегуляции и самоконтроля, особенно в подростковом возрасте, к сожалению, не стали предметом широких исследований. Поэтому наши научные попытки пролить свет на феномен самоконтроля, его факторы, условия проявления или снижения, а также влияния на построение межличностных отношений мы считаем весьма продуктивными.

Литература

- Бочавер А. А., Кузнецов В. Б. и др.* Опросник риска буллинга в школе (ОРБ) // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 146–154.
- Дементий Л. И., Ашрапова Р. Р.* Волевой субъективный контроль и самоконтроль как ресурсы адаптации личности // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Л. И. Дементий. Омск, 2015. С. 37–42.
- Дементий Л. И., Купченко В. Е.* Волевой субъективный контроль и самоконтроль старшеклассников в ситуации выбора профильного обучения // Вестник Омского университета. Сер. «Психология». 2014. № 2. С. 13–20.
- Диагностика состояния агрессии (опросник Басса-Дарки) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 80–84.

- Baumeister R., Tierney J.* Willpower: Rediscovering the Greatest Human Strength. N. Y.: Penguin Press, 2011.
- Handbook of Self-Regulation: Research, Theory and Applications / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.: Guilford Press, 2016.
- Mishel W. et al.* Delay of gratification in children // *Science*. V. 244 (4907). 1989. P. 933–938.
- Tangney J., Baumeister R., Boone A. L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. V. 72 (2). P. 271–324.
- Humphrey L. L.* Children's and teachers' perspectives on children's self-control: The development of two rating scales // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1982. V. 50. P. 624–633.

Self-control of personality as a factor in reducing the risk of bullying

L. I. Dementiy (Omsk)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Omsk State University of F. M. Dostoevsky

The meaning of the term “self-control” implies the ability of the personality to control his emotions and to manage his behavior. The article provides the results of empirical study of self-control, aggression and risk of bullying among junior and senior high school students. It is demonstrated that the self-control level among senior high school students is obviously higher compared to junior counterparts. The author has detected the inverse correlation between the self-esteem scale (SE) and the integral self-control indicator with the insecurity scale ($r = -0.253$, $n = 246$, $p < 0.05$). Also, in the group of senior students a significant positive correlation at the level of ≤ 0.05 between the indicators of well-being and interpersonal self-control was revealed ($r = 0.217$). The results testify to the fact that self-control is a personality's resource for building constructive relationships which decreases the risk of bullying in school environment.

Keywords: Self-control, resource approach, personal resources, aggressiveness, bullying, risk of bullying.

Ценностные факторы отношения личности к деньгам

Н. А. Журавлева (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: jouravlevalubov@mail.ru*

В статье изложены результаты исследования связи психологической значимости денег со структурой ценностных ориентаций личности. Проблема данного исследования заключается в анализе экономико-психологических характеристик личности, отличающейся разными психологическими особенностями. Основное предположение заключается в том, что люди, придающие разную значимость деньгам, по-разному относящиеся к богатству, материальному благосостоянию и собственности, прежде всего, отличаются разными психологическими характеристиками. Согласно полученным результатам, система ценностей имеет большое значение в формировании отношения личности к деньгам. Менее всего деньги значимы для лиц, в структуре ценностей которых приоритетное положение занимают ориентации на творчество, познание, общение с друзьями и честность.

Ключевые слова: экономическое сознание, отношение к деньгам, экономические ценности, ценностные ориентации, личностные характеристики.

Постановка проблемы

Переход российской экономики к системе рыночных отношений характеризовался возрастанием социальной роли денег, а также возникновением разнообразных видов социально-экономической деятельности людей. Расширилось пространство потребительского поведения, изменились структура и формы сбережения денег, стал активно реализовываться предпринимательский тип социально-экономического поведения (Российская деловая культура...,

1998). Особого внимания заслуживает изучение экономического сознания личности, различные компоненты которого в последние два десятилетия интенсивно трансформировались у подавляющего большинства российского населения. Значительные изменения коснулись экономических представлений личности о таких экономических объектах, как деньги, богатство, благосостояние, собственность.

Экономическое сознание и экономическое поведение личности в значительной степени обусловлены культурными, экономическими, социальными, политическими факторами (Юревич, 1999, 2009, 2016; Воловикова, 2012; Кольцова, Олейник, 2013; Юревич, Журавлев, 2014). При этом и отношение к экономическим объектам, и поведение в сфере потребления во многом определяются психологическими особенностями личности, которые мы рассматриваем как опосредствующий фактор в процессе влияния социально-экономических условий в обществе на экономические представления личности.

Среди ранее выполненных исследований психологических факторов экономических представлений личности следует отметить работу А. Л. Журавлева и И. М. Осипенко, в которой были установлены взаимосвязи психологических характеристик студентов и значимости для них материальных благ (Журавлев, Осипенко, 2007). Выявлена отрицательная корреляционная связь между степенью значимости денег и показателями мотивации достижения успеха, а также общей интернальности личности и интернальности в области достижений. Чем выше мотивация достижения успеха и уровень субъективного контроля личности, тем менее значимы для нее деньги. Показано, что для наиболее активной молодежи, ориентированной на успех в деловой сфере, деньги не являются самоцелью экономической активности. Выявлена положительная связь между оценками степени удовлетворения потребительских интересов и оценками по шкале общей интернальности. Молодые люди, имеющие высокий уровень субъективного контроля и полагающиеся, прежде всего, на свои силы, более удовлетворены итогами своей экономической активности. Они чаще отдают предпочтение работе на предприятиях с частной формой собственности, а также более склонны к деятельности в условиях риска и неопределенности.

Среди работ, в которых предпринимались попытки выявить личностные детерминанты отношения к деньгам, также следует выделить исследование мотивационно-волевых коррелятов денежного поведения и отношения к деньгам, выполненное О. С. Дейнека (Дейнека, 1999). Было обнаружено, что решительные и самостоя-

тельные люди не относятся к деньгам сверхзначимо. Целеустремленные люди тратят деньги более согласованно со своими целями и поэтому меньше переживают о результатах трат. Чем чаще опрошенным свойственно проявлять целеустремленность и решительность в жизненных ситуациях, тем меньше они уделяют внимание второстепенным признакам товара, например, упаковке, и больше – содержательным (качество, функциональность). На выборке старшекласников экстернальность оказалась связанной не только с повышенной значимостью денег, но и со склонностью к большим тратам. Чем выше самооценка, тем меньше проявляется фактор «деньги – престиж» и меньше переживаний из-за трат.

Исследователи обращают внимание на то, что отношение к деньгам изменяется по мере развития личности (Семенов, 2004). М. Ю. Семеновым на примере возрастной группы 40–65 лет выявлены и описаны социально-психологические особенности отношения к деньгам у людей с разным уровнем личностной зрелости. Установлено, что эти особенности проявляются на уровне ценностей, потребностей и степени их удовлетворения, социальных установок, в переживаниях, связанных с деньгами, и мотивах использования денег.

Показано, что происходящие в человеке изменения, обусловленные личностным ростом, приводят к выраженному снижению ценности денег, а также в целом повышению уровня его финансовой удовлетворенности. Если в жизненных целях обычных людей лидирующее положение занимают монетарные ценности и выраженной является ориентация на то, чтобы сделать жизнь богаче или принципиально изменить свое финансовое положение, то у людей с высоким уровнем личностной зрелости преобладают духовные ценности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у людей, имеющих высокий уровень личностной зрелости, чаще встречается общая направленность на творчество и познание нового, выражены мотивы путешествовать, самореализоваться, заниматься любимым делом. Мотивы творчества, познания, саморазвития, альтруистической помощи другим людям также чаще составляют основу их мотивации расходования денег.

Иными словами, экономические представления личности в значительной степени зависят от ее психологических особенностей.

Процедура и методика эмпирического исследования

Проблема данного исследования заключается в анализе экономико-психологических характеристик личности, отличающейся разными психологическими особенностями. В работе поставлена *цель*

изучить связь психологической значимости денег со структурой ценностных ориентаций личности.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что люди, придающие разную значимость деньгам, по-разному относящиеся к богатству, материальному благосостоянию и собственности, прежде всего, отличаются разными психологическими характеристиками.

В выполненном нами исследовании ценностные ориентации понимаются как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций. Образуя высший уровень диспозиционной иерархии в структуре личности, ценностные ориентации являются основаниями для оценок окружающей действительности и детерминируют предрасположенность личности к той или иной социальной активности.

Методики исследования

В исследовании используется предложенное М. Рокичем группирование ценностей на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности (ценности-цели) определяются как такие значимые объекты социальной действительности, на которые распространяются убеждения личности в том, что, с личной, групповой или общественной точек зрения, они стоят того, чтобы к ним стремиться, добиваться их. Инструментальные ценности (ценности-средства) – это такие качества и способы действий, на которые распространяются убеждения личности в том, что, с личной, групповой или общественной точек зрения, они являются более предпочтительными для личности в большинстве социальных ситуаций.

Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации», в списки терминальных и инструментальных ценностей которого были включены «богатство» и «собственность».

Выборку исследования составили жители Московского региона – было опрошено 745 человек, которые распределились в равных частях по следующим социальным группам: работники государственных предприятий; работники предприятий без образования юридического лица; работники открытых акционерных и закрытых акционерных обществ; военнослужащие по ведомству МО РФ; предприниматели сферы малого бизнеса; безработные; студенты

и старшие школьники. Они были уравнены по демографическим критериям: полу и возрастным категориям: 18–25, 36–45 и 46–55 лет. Выбор исследуемых групп производился по следующим критериям: по основному роду занятий (работающие, учащиеся и безработные), по форме экономической деятельности (наемные работники и предприниматели различных сфер малого бизнеса), по форме собственности предприятий, на которых работали респонденты (работники государственных и частных предприятий, открытых и закрытых акционерных обществ).

Для выявления значимости для личности психологической ценности денег респондентам был предложен вопрос: «Насколько, по вашему мнению, деньги значимы для вас?», ответить на который предлагалось на 7-балльной цифровой шкале. Ниже будут проанализированы высоко достоверные данные корреляционного анализа ($p < 0,01$) психологической значимости денег и ценностных ориентаций личности.

Результаты исследования

Исследование показало, что с возрастанием значимости денег в жизни опрошенных для них повышается значимость терминальной ценности богатства. Если в иерархии ценностных приоритетов опрошенных, низко оценивающих значимость денег, ценность богатства находится лишь на 15 месте, то она занимает 9 место в структуре жизненных ценностей респондентов со средней и высокой оценкой значимости денег. Такая же тенденция характерна и для связей с инструментальной ценностью богатства. С 13 ранговой позиции в структуре ценностных ориентаций респондентов, оценивших уровень значимости для них денег как низкий и средний, она переходит на 9 место в иерархии ценностей-средств опрошенных, для которых деньги выступают крайне значимыми в их жизнедеятельности.

С ростом значимости денег повышается в иерархии жизненных целей материальная обеспеченность. С 5–6 мест для опрошенных с низкой и средней оценкой значимости денег она переходит на 4 место в группе респондентов, считающих деньги очень значимыми. Следует отметить и некоторый рост по средним значениям приоритета терминальной ценности собственности, хотя и сохраняется ее 17 позиция в структуре ценностных ориентаций опрошенных, отметивших низкую, среднюю и высокую значимость для них денег.

Особое внимание привлекает по мере снижения значимости денег постепенное повышение для исследуемых социальных групп ценности творчества. С 15 места в структуре жизненных целей респондентов с высокой оценкой значимости денег она переходит на 13

и 12 места в иерархии терминальных ценностей опрошенных с низкой и средней оценками значимости денег. Аналогичная тенденция наблюдается и в связи с изменением в иерархии терминальной ценности познания. С 13 позиции в структуре ценностных приоритетов опрошенных, для которых деньги являются крайне значимыми, она становится 12 и 11 в иерархии ценностей тех опрошенных, для которых деньги не выступают столь важными (для групп со средней и низкой значимостью денег).

Со снижением значимости денег для личности наблюдается значительный рост приоритета терминальной ценности общения с друзьями. С 6 места в группе респондентов, отличающихся выраженной денежной мотивацией, эта ценность переходит на 4 место в группах опрошенных с низкой и средней оценками значимости для них денег. Та же тенденция характерна и для инструментальной ценности честности, которая с 3 ранговой позиции в структуре ценностей респондентов с высокой и средней значимостью для них денег становится 2 по значимости для тех, в чьей жизни деньги играют меньшую социальную роль.

Заключение

Различия в иерархии ценностных приоритетов оказывают значительное влияние на формирование экономических представлений личности. В частности, система ценностей имеет большое значение в формировании отношения личности к деньгам. Показано, что деньги оцениваются как высокозначимые, прежде всего, респондентами, характеризующимися ориентацией на богатство, материальную обеспеченность и собственность. А менее всего деньги значимы для лиц, у которых в структуре ценностей приоритетное положение занимают ориентации на творчество, познание, общение с друзьями и честность. Полученные результаты о связи отношения личности к деньгам со структурой ее ценностных ориентаций не только позволяют уточнить данные о мотивации поведения личности в экономической среде, но и дают возможность прогнозировать ее предполагаемое экономическое поведение.

Литература

Воловикова М.И. История и современное состояние исследований в лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Современная личность: Психологические исследования. М., 2012. С. 59–76.

- Дейнека О. С.* Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб., 1999.
- Журавлев А. Л., Осипенко И. М.* Структура, детерминанты и механизмы экономического самоопределения студентов в процессе профессионализации // Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М., 2007. С. 273–332.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Историческое сознание личности как компонент ментальности поколения // Знание. Понимание. Умение. 2013. №6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Koltsova-Oleinik_Historical-Consciousness (дата обращения: 25.04.2017).
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М., 1998.
- Семенов М. Ю.* Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
- Юревич А. В.* Психологические особенности российской науки // Вопросы философии. 1999. Т. 53. №4. С. 11–23.
- Юревич А. В.* Нравственность в современной России // Экономические стратегии. 2009. Т. 11. №3. С. 58–63.
- Юревич А. В.* Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. №3. С. 83–110.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление. М., 2014. С. 92–100.

Value factors of attitude of personality towards money

N. A. Zhuravleva (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer of Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of a study of psychological value of money and the structure of the value orientations of the individual. The problem of the research is the analysis of the economico-psychological characteristics of personality which have different psychological features. According to the main idea of this research, individuals which have different attitude towards money characterized by different psychological features.

The results of the study demonstrate that the system of values is of great importance in shaping the attitude to the money. Money is not very important for all persons in which structure of values the priority position have the values of creativity, knowledge, friends and honesty.

Keywords: economic consciousness, attitude to money, economic values, value orientations, personality traits.

Варианты смысла жизни: эмпирические свидетельства

А. Ю. Калугин (Пермь)

кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; e-mail: kaluginau@yandex.ru

В статье проверяется предположение о существовании шести вариантов смысла жизни, которые характеризуют основные векторы смысловознательной направленности личности: «направленность на поиск смысла жизни», «направленность на гедонизм», «направленность на самоактуализацию», «направленность на самоутверждение», «направленность на сохранение и проявление собственной индивидуальности», «направленность на конформизм». Проверка гипотезы осуществлялась на выборке из 287 студентов с применением кластерного анализа методом К-средних, многомерного шкалирования и однофакторного дисперсионного анализа. Полученные результаты подтверждают выдвинутое предположение.

Ключевые слова: смыслообразующая активность, ценностная направленность личности, смысловознательная направленность личности, варианты смысла жизни.

Введение

Проблема смыслообразования давно обозначена учеными как одна из основных проблем современной постнеклассической психологии (Леонтьев, 2003; Ключко, 2013), так как напрямую связана с формированием личности человека, его активностью в качестве субъекта жизнедеятельности. Несмотря на множество попыток решения данной актуальной проблемы, она остается недостаточно исследованной.

Смыслообразующая активность субъекта понимается нами как активность личности, направленная на выбор, интериориза-

цию (усвоение, присвоение) и соотнесение ценностей в определенной внутренней иерархии (Калугин, 2015). По сути, здесь представлены три этапа, отражающие переход социальных ценностей в личностные.

Результатом смыслообразующей активности может быть вектор *ценностной направленности личности* (ЦНЛ) (Волочков, Ермоленко, 2004), характеризующий основополагающие ориентации групп людей на те или иные ценности. Вектор ценностной направленности личности сокращает бесконечное множество возможных степеней свободы проявления активности субъектом, тем самым, выполняя системообразующую функцию. Как отмечает В. Е. Клочко, «в поле ясного сознания всегда попадает то, что имеет для человека актуальный смысл и ценность. Благодаря этому сознание человека оказывается сконцентрированным не на любом фрагменте „объективной реальности“, а на выделенном смысловой разметкой актуальном („напряженном“) секторе пространства жизни» (Клочко, 2013, с. 114).

Проведенное ранее исследование показало, что третий этап развертывания смыслообразующей активности, связанный с построением внутренней иерархии личностных ценностей (смыслов), может быть представлен в векторах ценностной направленности личности: «направленности на осмысление жизни», «направленности на мир», «направленности на себя» (Калугин, 2015). Более того, вектор ЦНЛ может иметь два противоположных направления и отражать основные варианты смысла жизни: «направленность на поиск смысла жизни» или «направленность на гедонизм», «направленность на самоактуализацию» или «направленность на самоутверждение», «направленность на сохранение и проявление собственной индивидуальности» или «направленность на конформизм» (Калугин, 2016). Для различения типов ЦНЛ и типов с разными вариантами смысла жизни предлагается обозначить последние как *типы смысложизненной направленности личности*.

Однако способны ли эти варианты смысла жизни разделить всю совокупность респондентов на соответствующие типы? И каковы содержательные характеристики вариантов смысла? Поиску ответа на эти вопросы посвящено настоящее исследование.

Задачи и методики эмпирического исследования

Задачи исследования – определение типов смысложизненной направленности и рассмотрение их содержания (подробнее о том, как были получены векторы ЦНЛ см. Калугин, 2015).

Выборку исследования составили 287 участников (студенты пермских вузов, обучающиеся по специальностям гуманитарного блока: психология, юриспруденция, история, культурология и экономика), в возрасте 18–26 лет ($M=21,5$; $SD=2,2$), 181 девушка, 106 юношей.

Был использован следующий *методический инструментарий*:

- 1) «Опросник личностной ориентации» (ЛЮ) в адаптации А. А. Руквишниковой (2002).
- 2) Опросник «Аксиологической направленности личности» (АНЛ) А. В. Капцова, Л. В. Карпушиной (2007).
- 3) «Тест смысловых ориентаций» (СЖО) в адаптации Д. А. Леонтьева (2006), использовалась только общая шкала.
- 4) «Шкала чувства связности» (ШЧС) по А. Антоновскому в адаптации М. Н. Дымщица (Осин, 2007).

Методы математико-статистической обработки – кластерный анализ методом К-средних, многомерное шкалирование, однофакторный дисперсионный анализ.

В настоящей статье представлена лишь часть обработанных данных, связанная с решением поставленных задач.

Результаты исследования

Кластерный анализ методом К-средних, проведенный на трех векторах ценностной направленности личности отдельно, позволил получить крайние группы респондентов, отражающие каждый полюс рассматриваемых ценностных факторов (респонденты со средними значениями не учитывались). Так, для «направленности на осмысленность жизни» полюс «направленности на поиск смысла жизни» был присущ 67 респондентам, а полюс «направленности на гедонизм» – 77 студентам. Для «направленности на мир» полюс «направленности на самоактуализацию» был представлен 91 респондентом, а полюс «направленности на самоутверждение» – 70 респондентами. Для «направленности на себя» полюс «направленности на сохранение и проявление собственной индивидуальности» был характерен для 91 студента, а полюс «направленности на конформизм» – для 71 респондента.

Часть испытуемых совмещала в себе выраженные характеристики нескольких типов, поэтому перед проведением многомерного шкалирования из всей совокупности респондентов, отражающих тот или иной тип, были отобраны те, которые ярко проявляют толь-

ко один вариант смысла. Такой подход позволил максимизировать психологические проявления типов.

На основании трех векторов ЦНЛ была сформирована матрица дистанций для каждого респондента, которая использовалась далее в многомерном шкалировании. Типы смысложизненной направленности оказались хорошо разведены в пространстве трех измерений, занимая каждый свой сектор, более того, противоположные друг другу типы в пространстве также занимали противоположные сектора.

Был проведен однофакторный дисперсионный анализ, позволивший обнаружить значимые различия шести типов по ценностно-смысловым характеристикам методик ЛиО, АНЛ, СЖО и ШЧС. По результатам анализа была подготовлена обобщенная характеристика типов смысложизненной направленности, а по сути, вариантов смысла жизни.

Рассмотрим выделенные смысложизненные направленности и типологические особенности субъектов, характеризующихся этими видами направленностей.

Направленность на поиск смысла жизни

Этот тип людей чувствует связность с миром и другими людьми, при этом больше опирается на себя и меньше зависит от внешних влияний; предпочитает воспринимать людей как добрых по своей природе; принимает ценности самоактуализации; пытается осмысливать свою жизнь, рефлексировать, объяснять происходящие события и планировать свою деятельность; считает себя достойным любви и уважения, при этом не стремится выделиться, не отстаивает свою неповторимость и своеобразие; этот тип людей не любит сидеть, сложа руки, а стремится к деятельности, к преодолению трудностей, к самосовершенствованию и творческой самореализации; требователен к себе. Смысл жизни – в поиске своего места в жизни.

Направленность на гедонизм (экзистенциальный эскапизм, бегство от поиска смысла жизни)

Такой тип людей ориентирован на получение удовольствия; они не доверяют миру, другим людям и даже самим себе; слабо рефлексировать свою жизнь, в принципе сомневаются, что жизнь постижима и управляема. Смысл жизни – в постоянной стимуляции и насыщении жизни новыми впечатлениями и эмоциями.

Направленность на самоактуализацию

Мы придерживаемся понимания самоактуализации В. Н. Дружининим как внутренне детерминированной направленности на реализацию себя во внешнем мире (Дружинин, 2010). Человек такого типа больше опирается на себя при взаимодействии с миром; поведение его характеризуется гибкостью, спонтанностью в выражении чувств; он принимает свои слабости и недостатки; рассматривает гнев и агрессию как естественные человеческие проявления; способен к глубоким, близким взаимоотношениям с другими людьми; это человек, живущий в настоящем (пребывающий «здесь и теперь»); он не стремится к признанию, уважению и одобрению со стороны других, во многом самодостаточен; он безразличен к успеху; не гонится за материальным достатком; не любит далеко планировать; не стремится повышать свой образовательный уровень; семья – не главное в жизни такого человека. Смысл жизни – в реализации своих желаний во внешнем мире.

Направленность на самоутверждение

Такой тип людей стремится к признанию и уважению, одобрению со стороны окружающих; большое количество жизненных достижений служит для них основанием для высокой самооценки; они достаточно ригидны и не склонны к спонтанности; не готовы принимать свои слабости и недостатки; отрицают наличие у них агрессивности, стараются ее подавлять, избегать ее проявления; им присущи чувства вины, раскаяния, сожаления, обвинения и обиды; им важна независимость от других, сохранение своей неповторимости и уникальности; они часто обдумывают те или иные события жизни, пытаются объяснить их, предпочитают планировать свою жизнь; они готовы много работать, преодолевать препятствия и достигать поставленных целей; они стараются реализоваться в профессии и семье. Смысл жизни – в достижениях во внешнем мире.

Направленность на сохранение и проявление собственной индивидуальности

Такие люди стремятся к независимости, борются за право быть индивидуальностью, иметь собственное мнение, отличное от других, поэтому порой бывают чересчур конфликтны; они стремятся реализовать свой творческий потенциал, избегают однообразия и стереотипов, в целом, весьма креативны; стараются получать удовольствие от того, что делают; за очевидными противоречиями жизни видят

значимые связи; принимают противоречивость человеческой природы и, скорее, склонны видеть доброту в людях; ориентированы на самосовершенствование. Смысл жизни – в проявлении себя, своей индивидуальности.

Направленность на конформизм

Такой тип людей в отношениях с окружающими редко бывает открыт, спонтанен и общителен, хотя и принимает ценности общества; старается не выделяться, чтобы не быть «белой вороной»; представители данного типа предпочитают не брать на себя ответственность; стереотипны в поведении и деятельности, консервативны, стараются следовать устоявшимся нормам и ценностям; их раздражает нарушение привычного уклада жизни; они склонны к максимализму, воспринимают мир «черно-белым». Смысл жизни – в обеспечении собственного выживания.

Заключение

Таким образом, пространство человеческих смыслов может быть поделено на шесть основных векторов смысложизненной направленности: «направленность на поиск смысла жизни», «направленность на гедонизм», «направленность на самоактуализацию», «направленность на самоутверждение», «направленность на сохранение и проявление собственной индивидуальности», «направленность на конформизм». Эти векторы смысложизненной направленности в трехмерном пространстве (которое отражает отношение респондентов к тому или иному вектору ценностной направленности личности) заняли обособленные сектора, тем самым, подтверждая самостоятельность каждого варианта смысла.

Вероятно, варианты смысла жизни не исчерпываются только рассмотренными нами выше. Поиск и обоснование существования других вариантов смысла – перспектива будущих исследований.

Литература

- Волочков А. А., Ермоленко Е. Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 17–27.
- Дружинин В. Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. СПб., 2010.
- Калугин А. Ю. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функ-

- ции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): Дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2015.
- Калугин А. Ю.* Смыслообразующая активность и варианты смысла жизни // *Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международной научной конференции.* 25–29 октября 2016 г. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. А. В. Шаболас, Н. В. Гришина, С. В. Медников, Д. Н. Волков. СПб., 2016. С. 149–150.
- Капцов А. В., Карпушина Л. В.* Аксиологическая направленность личности: Руководство по применению теста: Методическое пособие. Самара, 2007.
- Клочко В. Е.* Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О. К. Тихомирова) // *Вестник Московского университета.* Сер. 14. «Психология». 2013. №2. С. 106–120.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
- Леонтьев Д. А.* Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М., 2006.
- Опросник личностной ориентации (ЛиО): Практическое руководство.* М., 2002.
- Осин Е. Н.* Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // *Психологическая диагностика.* 2007. №3. С. 22–40.

Options of the Meaning of Life: Empirical Evidence

A. Y. Kalugin (Perm)

Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of Theoretical and applied Psychology, Perm state humanitarian-pedagogical University

The aim of the article is hypothesis testing that there are six options of the meaning of life that characterize the main vectors of meaning of life orientation of the personality: “orientation to finding the meaning of life”, “orientation to hedonism”, “orientation to self-actualization”, “orientation to self-assertion”, “orientation to conservation and appearance of their own identity”, “orientation to conformism”. On the sample of 287 students the hypothesis was tested. K-means cluster analysis, multidimensional scaling and one-way ANOVA used for hypothesis testing. The results of our research confirm the hypothesis.

Keywords: the meaning-making activity, value orientation of the personality, meaning of life orientation of the personality, options of the meaning of life.

Историческое происхождение и значение смысложизненного кризиса личности

К. В. Карпинский (Гродно)

*кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
экспериментальной и прикладной психологии Гродненского
государственного университета им. Я. Купалы; e-mail: karpkosta@tut.by*

Рассматриваются общие закономерности историогенеза смысложизненного кризиса и его социогенетическое значение в контексте общественно-исторического прогресса. Обосновано положение о том, что возникновение смысложизненного кризиса в структуре онтогенетического развития личности обусловлено исторически усиливающимся обособлением индивидуальной жизни от жизнедеятельности социальной общности, что потребовало перехода от гетерономной регуляции, опосредованной коллективным значением, к автономной саморегуляции, базирующейся на личностном смысле индивидуальной жизни.

Ключевые слова: смысложизненный кризис, смысл жизни, субъект жизни, историогенез, личная жизнь.

Смысложизненный кризис является одним из ненормативных кризисов в онтогенетическом развитии современной личности. В психологической науке данный феномен личностного развития и бытия обозначается разными терминами («экзистенциальная фрустрация», «метопатология», «экзистенциальный невроз», «ноогенный невроз» и т. д.) и традиционно анализируется в психодинамических, гуманистических и экзистенциальных теориях зарубежной персонологии (Карпинский, 2015). В ответ на пробелы и противоречия, присущие научным представлениям и исследованиям в этой предметной области, нами была разработана общепсихологическая концепция смысложизненного кризиса, целостно и непротиворечиво объясняющая его феноменологию, механизмы и закономерности в раз-

витии личности. Методологические основания данной концепции составили смысловой, субъектный, деятельностный подходы и производные от них теоретические понятия «смысл жизни», «субъект жизни», «жизнедеятельность». В соответствии с этим смысложизненный кризис концептуализирован как психологический кризис развития личности, который вызван неразрешимыми или неразрешенными противоречиями в поиске, сохранении и практической реализации смысла жизни, проявляется в бессубъектности (десубъектизации) личности по отношению к собственной жизни, а также в дезинтеграции и непродуктивности ее индивидуальной жизнедеятельности (Карпинский, 2016).

Фундаментальной закономерностью психического, в том числе личностного, развития человека является историчность, выражающаяся в сложной зависимости его содержания, форм, темпов, средств и возрастной структуры от исторического контекста, социокультурных условий эпохи. Наиболее глубоко и обстоятельно данная закономерность раскрыта при изучении разных аспектов и составляющих процесса психического развития (отдельных психических функций и новообразований, ведущих видов деятельности, социальной ситуации развития и т. д.). Кризисы составляют неотъемлемую часть онтогенетического развития психики человека и тоже историчны в том смысле, что их психологическое содержание, источники, узловые противоречия, формы переживания, способы преодоления детерминируются конкретно-историческими условиями. Хотя для современных исследований кризисов принцип историзма – далеко не новация, его применение в данной научной области еще не приобрело систематического и последовательного характера. Немногочисленные исследования избирательно сфокусированы на нормативных кризисах детского и подросткового возраста, оставляя за рамками рассмотрения историчность происхождения и детерминации психологических кризисов более поздних стадий индивидуального развития. Это критическое замечание в полной мере справедливо для существующих в психологии подходов к пониманию смысложизненного кризиса, в связи с чем его историогенез, социокультурная обусловленность и социогенетическое значение представляют нерешенную проблему (Карпинский, 2010).

Неразработанность данной проблемы отчасти объясняется тем, что подавляющая часть имеющихся концепций придерживается экзистенциально-антропоцентрического подхода, в рамках которого смысложизненный кризис интерпретируется как универсальное и инвариантное явление личностного развития человека, носящее внеисторический и культурно-неспецифический характер. Тем са-

мым подразумевается, что он детерминирован, во-первых, неизменной природой человека как «смыслозависимого» существа, которое обладает врожденной потребностью в смысле и обречено на его извечный поиск; во-вторых, исконной ситуацией человеческого бытия (экзистенции) в объективно абсурдном, онтологически бессмысленном мире. С этой позиции, возникновение смысложизненного кризиса совершенно не зависит ни от культурной специфики, ни от уровня исторического развития общества, в котором протекает процесс становления личности. По сути, экзистенциально-антропоцентрический подход является одним из вариантов аисторического (натуралистического) подхода, усматривающего истоки смысложизненного кризиса в природе человека и «человеческой ситуации».

В предложенной нами *общепсихологической концепции смысложизненного кризиса* конструктивной антитезой экзистенциально-антропоцентрическому подходу служит *культурно-исторический подход и принцип историзма*. С этих позиций смысложизненный кризис определяется как конкретно-историчное и культурно-специфичное явление личностного развития человека. Это означает, что данный кризис возникает в структуре личностного развития людей определенной исторической эпохи и в определенных культурах, а его онтологические и психологические предпосылки складываются в зависимости от исторически и культурно изменчивых отношений человека с миром (Карпинский, 2015).

Культурно-исторический подход признает производность содержания, структуры и динамики психического развития человека от исторически изменчивых и культурно вариативных систем его жизненных (субъект-объектных) отношений и жизненного мира в целом. В ходе истории вслед за появлением новых видов жизненных отношений и форм их деятельно-практической реализации складывается объективная необходимость в формировании психических новообразований (структур, процессов и механизмов), которые обеспечивают адекватную ориентировку в этих новоявленных отношениях и регуляцию соответствующих им видов познавательной и практической деятельности человека. Каждое более или менее значительное преобразование жизненных отношений обуславливает видоизменение или возникновение новых задач индивидуального развития, которые по-своему трансформируют содержание, структуру и логику онтогенеза человеческой психики. Таким образом, чтобы понять конкретно-исторический характер феноменологии, механизмов и закономерностей психического развития человека, необходимо реконструировать культурно-исторические особенности современного ему жизненного мира.

Смысложизненный кризис – это кризис психического развития, обусловленный противоречиями в построении, сохранении и реализации человеком особой разновидности жизненных отношений. Качественную определенность этим отношениям придают их «полюса»: человек в них выступает в качестве субъекта жизни, а индивидуальная жизнь как целостность фигурирует в качестве объекта, который подвергается познанию и практическому преобразованию со стороны субъекта. С учетом этих атрибутивных характеристик данные отношения были квалифицированы как *смысложизненные отношения* (Карпинский, 2015).

Смысложизненные отношения, как и все прочие системы жизненных отношений, являются исторически сложившимся модусом жизненного мира, причем его становление и развитие характеризуется исторической неравномерностью и культурной избирательностью. Возникновение этих отношений повлекло за собой серьезные изменения содержания, структуры и логики психического развития людей, живущих в соответствующих культурно-исторических обстоятельствах. Смысл жизни и жизнедеятельность – центральные новообразования индивидуального развития, обусловленные вовлечением человека в строительство, поддержание и осуществление смысложизненных отношений. Смысл жизни при этом выступает высшей психической функцией, а жизнедеятельность – высшей формой человеческой деятельности, которые солидарно обеспечивают человеку возможность овладения (присвоения) собственной жизнью как целым и тем самым конституируют его в качестве ее автономного субъекта. Овладение и присвоение жизни есть ни что иное, как формирование специфической системы саморегуляции, во главу которой поставлен смысл жизни. Смысложизненная регуляция – одна из высших и исторически наиболее поздних форм саморегуляции, которая возникает по мере обретения человеком относительной самостоятельности не в каких-то отдельных видах деятельности, а в жизни в целом.

Вместе с появлением психических новообразований, амплифицирующих человеческую способность саморегуляции целостной жизни, исторически возникают и новые, более изощренные формы кризисов и аномалий психического развития. Смысложизненный кризис, относящийся к формированию индивидуального смысла жизни, жизнедеятельности и субъекта жизни, вторгается в процесс развития личности в тех обществах и культурах, где впервые выделяется личная жизнь и складывается новая система жизненных отношений. И поскольку обособление личной жизни достигает своего пика на достаточно поздних этапах истории, смысложиз-

ненный кризис преимущественно присущ развитию современной личности.

Таким образом, отправным пунктом и ведущей предпосылкой исторического происхождения (историогенеза) смысложизненного кризиса является обособление (эмансипация) индивидуальной жизни от коллективной жизнедеятельности социального целого (рода, племени, общины и других исторических форм организации человеческого сообщества), т. е. возникновение личной жизни в качестве особого исторического феномена и объекта жизненных отношений человека. Личная жизнь – это исторически возникшая форма бытия человеческого индивида, которая характеризуется совокупностью таких признаков, как персонификация, субъектизация и индивидуализация. В основе исторического становления личной жизни лежит постепенное присвоение индивидом общественных отношений, изначально принадлежащих коллективному субъекту, т. е. процесс превращения этих отношений в личностные отношения, реализуемые индивидуальным субъектом в процессе саморегуляции.

Происхождение смысла жизни, жизнедеятельности, субъекта жизни и возникновение смысложизненного кризиса вплетено в более широкую канву исторического становления личности. Главное предназначение личности заключается в обеспечении условий для существования и функционирования человека в качестве индивидуального субъекта – субъекта индивидуальной деятельности и личной жизни. Фундаментальной закономерностью развития личности (как в истории, так и в онтогенезе) является движение от интериндивидуальных форм регуляции к интраиндивидуальным формам саморегуляции («переход от интерпсихического к интрапсихическому»). Данный закон в равной степени справедлив для генезиса высших форм личностной саморегуляции, представленных механизмами смыслообразования индивидуальной жизни и смысложизненной регуляции. Общий вектор исторического и онтогенетического развития смысложизненной регуляции идет от коллективных форм смыслообразования индивидуальной жизни, продуктом которых является ее общественное значение, к индивидуальным формам ее осмысления, продуктом которых выступает ее личностный смысл. В этой перспективе смысложизненный кризис определяется как переходное состояние между ее гетерономно заданным, общественным значением и автономно определенным личностным смыслом. Исходное историческое противоречие, порождающее смысложизненный кризис, заключается в том, что при ослаблении внешней смысловой регуляции

личность сталкивается с неопределенностью смысла и негарантированностью его сохранения и реализации в индивидуальной жизни.

С точки зрения культурно-исторического подхода, в основе психологических кризисов индивидуального развития лежит противоречие между актуально достигнутой реальной формой и идеальной формой, намечающей перспективу развития личности. Аналогичное противоречие выступает движущей силой развития и в смысловом кризисе. Исторический процесс обособления личной жизни способствовал порождению не только новой системы жизненных отношений (смысловых отношений), но и новой идеальной формы – культурного образа человека как субъекта собственной жизни, который является одним из ведущих ориентиров развития современной личности на границе детства и взрослости. В таком ракурсе смысловой кризис концептуализирован как психологический кризис, обусловленный невозможностью и/или неспособностью личности открыть для себя идеальную форму субъекта жизни и субъективировать ее, т. е. перевести в реальный способ осуществления индивидуальной жизни.

В свете принципа историзма открывается не только историческое происхождение и детерминация, но также историческое значение смысловой кризиса в развитии общества. Индивидуализация, дифференциация и диверсификация смыслов жизни и жизненных путей (человеческих судеб), начавшаяся в связи с выделением личной жизни и становлением личности, придавала импульс исторически беспрецедентному, безлимитному росту ресурсов вариативности, поддерживающих социальный прогресс. В социогенетической перспективе индивидуальный смысл жизни выступает как один из возможных смыслов истории, а индивидуальный жизненный путь – как один из потенциальных путей исторического движения общества, что поднимает полноценно функционирующего субъекта жизни до ранга *субъекта истории*. Смысловой кризис как явление личностного развития в контексте общественной истории выполняет амбивалентную функцию. Позитивная роль заключается в том, что смысловой кризис – это жизнетворческое состояние, в течение которого наиболее вероятно появление объективно и субъективно новых вариантов осмысления и строительства индивидуальной жизни. Вместе с тем, сказанное справедливо лишь для конструктивно и современно преодоленного кризиса, из которого личность выходит с новым или существенно обновленным смыслом и проектом

собственной жизни. Неразрешимый или неразрешенный смысло-жизненный кризис ведет к недоразвитию и недоиспользованию потенциала субъектности и жизнотворчества отдельной личности и косвенно затормаживает и стагнирует общественно-исторический процесс.

Таким образом, интериндивидуальные формы психических функций, обслуживающих регуляцию жизнедеятельности индивида, исторически предшествовали интраиндивидуальным формам, позволяющим осуществлять эту жизнедеятельность в личной жизни. Эта логика в полной мере присуща и историческому развитию функции смыслообразования. В ходе исторического обособления личной жизни ее смыслообразование превращалось из функции, выполняемой монополюсо социальной общностью в интериндивидуальной форме, в функцию, которая перекладывается на личность для осуществления в интраиндивидуальной форме. Задачи выработки, поддержания и контроля реализации смысла в жизни, изначально решаемые социальной общностью, исторически «вращивались» в структуру индивидуального развития и трансформировались в смысложизненные задачи самой личности. Вместе с этим общественное значение, придаваемое жизни индивида в контексте бытия социальной общности, замещается личностным смыслом, которым сам индивид наделяет собственную жизнь. Смысложизненный кризис в исторической и онтогенетической перспективе развития личности знаменует переход от гетерономно заданного к автономно выработанному смыслу индивидуальной жизни. Исходное историческое и онтогенетическое противоречие, порождающее смысложизненный кризис, заключается в том, что при ослаблении внешней смысловой регуляции личность сталкивается с неопределенностью смысла, а также негарантированностью его сохранения и реализации в индивидуальной жизни.

Литература

- Карпинский К. В.* Социокультурная детерминация смысложизненного кризиса в развитии личности // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 33–41.
- Карпинский К. В.* Смысложизненный кризис в развитии личности: Анализ концепций отечественной и зарубежной психологии. Гродно, 2015.
- Карпинский К. В.* Неоптимальный смысл: психологические тупики жизненного пути личности. Гродно, 2016.

Historical origin and importance of meaning of life crisis in the personality development

K. V. Karpinski (Grodno)

Candidate of psychological Sciences, associate professor,
Head of the Experimental and Applied Psychology Department,
Yanka Kupala State University of Grodno

The general laws of the historiogenesis of the meaning crisis and its sociogenetic significance in the context of socio-historical progress are considered. The author states that the emergence of a meaning crisis in the structure of the ontogenetic development of the individual is due to the historically increasing emancipation of individual life from the social community, which required the transition from heteronomous regulation mediated by collective meaning to autonomous self-regulation based on the personal meaning of individual life.

Keywords: meaning crisis, meaning of life, subject of life, historiogenesis, personal life.

**Психологические механизмы
продуктивного совладающего поведения личности
в состоянии фрустрации
в ситуации внутрикультурного и межкультурного
взаимодействия**

Я. П. Коробейникова (Ижевск)

*аспирант кафедры общей психологии
Удмуртского государственного университета;
e-mail: yana.korobeynikova@bk.ru*

В статье обосновывается представление о том, что продуктивное совладающее поведение личности в состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного и межкультурного взаимодействия обеспечивается согласованием – специфическим соотношением (связью) функционального резерва, субъектного, интересубъектного ресурса в отнесении (связи) с копинг-стратегиями, что позволяет говорить о функционально-целевых механизмах, нацеленных на поддержание и сохранение баланса между требованиями среды и резервами/ресурсами, удовлетворяющими их. Доказывается, что специфический характер связи ресурсов (функционального резерва, субъектного, интересубъектного) с копинг-стратегиями продуктивного совладающего поведения в состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного и межкультурного взаимодействия опосредован условиями межличностных взаимоотношений, отношениями межличностной значимости. Устанавливается, что согласование ресурсов (функционального резерва, субъектного, интересубъектного) и копинг-стратегий продуктивного совладающего поведения личности связано с особенностями социотипического поведения, в которых заложены стратегии совладания.

Ключевые слова: продуктивное совладающее поведение, состояние фрустрации, «согласование ресурсов и копинг-стратегий», социотипические модели поведения.

Постановка проблемы

Несмотря на то, что исследования стресса и совладающего поведения достаточно широко представлены в отечественной науке, влияние этнических и социокультурных факторов на переживания стресса и выбор копинга, совладание с трудностями остается недостаточно изученным. С трудностями, стрессовыми ситуациями, препятствиями, затрудняющими адаптацию, сталкиваются все люди независимо от культуры, национальности, расы и социальной группы, что, безусловно, формирует опыт субъекта. Однако носители различных культур могут иметь расхождения в понимании, оценке, разрешении проблем, собственных эмоциональных состояний, в выборе стратегий совладания со стрессом. Соответственно, необходимо учитывать, что социокультурные факторы в какой-то мере ограничивают варианты выбора копинг-поведения для субъекта и заслуживают пристального внимания и изучения (Крюкова, 2015).

В критических ситуациях неустойчивого состояния общества именно культура снабжает человека своим ресурсом (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, S. Schwartz и др.), вооружая его действенными способами совладания с трудностями, заложенными в социотипических моделях поведения (А. Г. Асмолов), выражающих типовые программы культуры и регулирующих поведение в стандартных для данной общности ситуациях (В. В. Гриценко, Л. Г. Почебут, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, Д. С. Корниенко, В. Ю. Хотинец и др.). Трансформации, происходящие в обществе и затрагивающие различные сферы (социально-экономическую, политическую, культурную и др.), диктуют необходимость принципиально по-новому рассматривать человека в условиях динамично меняющегося и усложняющегося мира, в котором протекает его жизнедеятельность.

Активность субъекта обеспечивается разными механизмами, среди которых выделяются резервы, ресурсы и потенциалы, подключающиеся на разных уровнях реализации и регуляции субъектной активности (В. А. Бодров, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек, Н. И. Журавлёва, С. А. Хазова и др.). Соответственно, основой нашего исследования выступает идея, согласно которой продуктивное совладающее поведение личности актуализируется не только за счет усиливающегося эффекта адаптивных копинг-стратегий или психологических средств овладения поведением, заложенных в культуре человеческой жизни (Л. С. Выготский), но и силу имеющихся в наличии ресурсных возможностей как совокупности личностных и средовых средств, которые субъект может актуализировать и осознанно использовать при необходимости в целях совладания (С. А. Хазова, С. М. Aldwin, S. Folkman и др.).

В условиях происходящей в современном мире кардинальной трансформации общественных норм и ценностей, нарастающей неопределенности будущего исследование способов, к которым прибегает человек для преодоления трудностей, средств, позволяющих ему овладеть собственным поведением и эффективно справляться с требованиями, предъявляемыми ему жизнью, является важнейшей задачей и одной из центральных проблем. Совокупность возможностей и средств, которые находятся в потенциальном состоянии, но могут актуализироваться и осознанно использоваться человеком в целях совладания с трудностями рассматривается как ресурс совладающего поведения (Хазова, 2014). Особый интерес вызывает вопрос о потенциальных возможностях и психологических ресурсах в совладании с проблемными ситуациями (состоянием фрустрации) в сложных реалиях современного общества, тех механизмах и способах, которые обеспечивают эффективное разрешение проблем в межэтнических взаимоотношениях. Исследование данной проблемы проливает свет на процесс межкультурного взаимодействия, трудности и возможности становления толерантного сознания в целях противодействия межэтнической вражде у представителей разных культур (Хотинец, Коробейникова, 2016).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью нашего исследования являлось выявление психологических механизмов продуктивного совладающего поведения личности в состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного и межкультурного взаимодействия, в связи с изменениями условий взаимодействия (внутрикультурное→межкультурное) и ресурсными возможностями испытуемых.

Выборку исследования составили 168 студентов в возрасте 17–22 лет, обучающихся в Удмуртском государственном университете на факультетах удмуртской филологии (85 студентов, принадлежащих к удмуртской этногруппе) и русской филологии (83 студента, принадлежащих к русской этногруппе).

Методики исследования

В ходе эмпирического исследования в качестве базовой методики использовался модифицированный вариант рисуночного теста фрустрации С. Розенцвейга (Розенцвейг, 1990), который моделировал «попадание» в инокультурную для испытуемого среду (Шлягина, Ениколопов, 2011).

Были проведены две серии испытаний, в каждой из которых предъявляемый диагностический материал сопровождался определенной инструкцией. В первом случае испытуемым было предложено представить себя в ситуации взаимодействия с представителями своей этногруппы (ситуация внутрикультурного взаимодействия), во втором – с представителями другой этногруппы (ситуация межкультурного взаимодействия). В результате были выделены группы испытуемых с высоким и низким уровнем активности преодоления препятствий.

Затем была осуществлена дифференциация испытуемых с разной этнической принадлежностью по уровню активности преодоления препятствий в связи с изменениями условий взаимодействия (внутрикультурное→межкультурное).

Для выявления *функционального резерва* использовался опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В. М. Русалова; *субъектного ресурса* – тест изучения общительности личности А. И. Крупнова; *интерсубъектного ресурса* – методика диагностики межличностных отношений Т. Лири и тест-опросник К. Н. Томаса, направленный на диагностику поведения в конфликтной ситуации; *копинг-стратегий* – тест-опросник Е. Хайма.

Результаты исследования

В состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного взаимодействия по результатам частотного анализа у высокоактивных испытуемых выявлены копинг-стратегии, нацеленные на глубокое осознание собственной ценности как личности, повышение самооценки и самоконтроля, у низкоактивных – уход от активных interpersonalных контактов.

В ситуации межкультурного взаимодействия отмечается преимущественный выбор поведенческих копинг-стратегий активного социального взаимодействия, предполагающих перестройку, коррекцию планов, задач и режимов деятельности, высокоактивными испытуемыми; эмоциональных копинг-стратегий, выражающих возмущение и протест по отношению к трудностям, снимающих напряжение, – низкоактивными испытуемыми.

В связи с изменениями условий взаимодействия (внутрикультурное межкультурное) в состоянии фрустрации зафиксировано расширение диапазона выбираемых копинг-стратегий и их равномерное распределение в когнитивной, поведенческой и эмоциональной сферах у высокоактивных испытуемых; сужение вариативности вы-

бираемых копинг-стратегий, проявляющееся в выборе неактивных форм поведения у низкоактивных.

Эмпирически подтверждено, что продуктивное совладающее поведение в состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного и межкультурного взаимодействия обеспечивается согласованием – специфическим соотношением (связью) функционального резерва, субъектного и интересубъектного ресурсов в соотношении (связи) с копинг-стратегиями. При этом специфика соотношения ресурсов (функционального резерва, субъектного, интересубъектного) и копинг-стратегий продуктивного совладающего поведения связана с социотипическим поведением личности, объективированном в культуре народа в виде религиозно-мифологических представлений, образцов типичного для данной культуры поведения, овладение которыми происходит в процессе социализации. Культура для ее носителей – прежде всего, внутреннее, интериоризированное образование, включающее в себя ценности и представления, правила и установки, нормы и модели поведения, которые становятся внутренними регуляторами, основой самоопределения людей в группе и способом самосохранения в многообразном культурном многоцветии (Хотинец, 2005, 2011).

Более того, в работе установлено, что соотношение ресурсов (функционального резерва, субъектного, интересубъектного ресурсов) и копинг-стратегий в продуктивном совладающем поведении имеет специфический характер связи между ними по типу усиления, ингибирования, снятия, компенсации, который опосредован условиями межличностного взаимодействия, значимостью межличностных отношений.

Выявлены компенсаторные механизмы потенциала продуктивного совладающего поведения по инверсионному типу (инверсионного балансирования потенциала, резервов и ресурсов совладания):

1. В состоянии фрустрации в ситуации внутрикультурного взаимодействия при высоком психодинамическом потенциале роль предикторов совладания выполняют субъектный и интересубъектный ресурсы (экономия потенциала) и, наоборот, в ситуации межкультурного взаимодействия низкие потенциальные возможности при совладании компенсируются высокими ресурсами того же уровня регуляции субъектной активности (восполнение потенциала).
2. В связи с изменениями условий взаимодействия (внутрикультурное → межкультурное) низкие резервные и ресурсные возможности компенсируются высокими ресурсами того же уров-

ня регуляции субъектной активности (восполнение потенциала), и, наоборот (снятие избыточности потенциала).

Таким образом, в представленном исследовании заявленная категория согласования, раскрывающаяся через специфическое соотношение (связь) функционального резерва, субъектного, интерсубъектного ресурсов в соотнесении (связи) с копинг-стратегиями, понимается как функционально-целевой механизм продуктивного совладающего поведения личности, нацеленный на поддержание и сохранение баланса между требованиями среды и резервами/ресурсами, удовлетворяющими их.

Литература

- Крюкова Т. Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 5–15.
- Крюкова Т. Л. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения / Т. Л. Крюкова, Т. В. Гущина. Кострома, 2015.
- Сергиенко Е. А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008. С. 67–83.
- Толочек В. А. Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной деятельности // Социология и управление персоналом. 2011. № 2. С. 48–61.
- Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
- Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2014.
- Хотинцев В. Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 33–44.
- Хотинцев В. Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 42. С. 99–108.
- Хотинцев В. Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: Учебное пособие. М., 2012.
- Хотинцев В. Ю., Коробейникова Я. П. Психологические механизмы продуктивного копинг-поведения в проблемных коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 59–73.

Psychological mechanisms productive coping behavior of the individual in a state of frustration in a situation of intracultural and intercultural interaction

Y. P. Korobeynikova (Izhevsk)

Postgraduate of the Department of General Psychology,
Udmurt state University

The article substantiates the notion that the productive coping behavior of a person in a state of frustration in the situation of intra-cultural and intercultural interaction is ensured by agreement – a specific of the ratio (relationship) of the functional reserve, subjective, intersubjective resource in correlation (relationship) with coping strategies, that allows us to talk about functional-purpose mechanisms aimed at maintaining and maintaining a balance between the requirements of the environment and the reserves/resources that satisfy them. It is proved that the specific nature of the connection of resources (functional reserve, subjective, intersubjective) with coping strategies of productive coping behavior in the state of frustration in the situation of intra-cultural and intercultural interaction is mediated by the conditions of interpersonal relationships, relations of interpersonal significance. It is established that the agreement of resources (functional reserve, subjective, intersubjective) and coping strategies of productive coping behavior of the individual is related to the peculiarities of socio typical behavior, in which coping strategies are laid.

Keywords: productive coping behavior, the state of frustration, “reconciliation of resources and coping strategies”, socio typical behavior models.

Рефлексивный уровень самосознания: феномен «чувство вины»

Е. А. Куликовская (Донецк)

аспирант Донецкого национального университета, заведующий психолого-педагогической лаборатории Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики; e-mail: kulikovskaya1979mail@rambler.ru

В статье рассматривается феномен «чувство вины» как рефлексивный уровень самосознания. Описывается, как испытываемые феноменологически воспринимают эмоции стыда и вины. Выявляется, насколько чувство вины тесно связано с моральным развитием личности и формированием Я-концепции. Проводится теоретический анализ подходов к изучению феномена чувства вины в отечественной и зарубежной психологии. Выявлено то, что важнейшим механизмом возникновения чувства вины, является осознание, которое трансформирует эмпатический дистресс в чувство вины.

Ключевые слова: переживание, чувство вины, самосознание, Я-концепция, субъект, моральное развитие, рефлексивный уровень.

Чувство вины занимает особое место в жизни личности, влияет на ее развитие и психологическое здоровье. Система ценностей и нормативов, формирующаяся в процессе социализации, в условиях современных вызовов и общественных трансформаций изменчива и неустойчива, связана с моральным кризисом в обществе. Закономерно возникают вопросы: каковы природа феномена «чувство вины», механизмы его возникновения и влияние на отношение к самому себе и другим людям.

Долгое время чувство вины рассматривалось лишь в русле психоанализа и только недавно приобрело статус самостоятельной предметной области исследования и в других направлениях психологической науки. Так, чувство вины рассматривается зарубеж-

ными и отечественными учеными как социальный феномен в рамках ряда подходов: психоаналитического (З. Фрейд, В. Райх, О. Ранк, К. Хорни, Э. Фромм), гуманистического (А. Маслоу и др.), экзистенциального (М. Бубер, В. Франкл, М. Мэй), экзистенциально-гуманистического (И. Ялом, Дж. Бьюдженталь), когнитивного (А. Бек, Л. Первин, Д. Оливер, Г. Келли, Л. Фестингер, Дж. Тангей, К. Баррет, М. Хоффман, Т. Фергусон). Некоторые зарубежные исследователи (Н. Айзенберг, М. Хоффман) ставят чувство вины в один ряд с эмпатией и определяют его как моральную эмоцию «высшего порядка».

В ряде работ, подчеркивая необходимость исследования чувства вины, авторы при этом не учитывают структуру самосознания личности, недостаточно внимания уделяют особенностям его переживания. Таким образом, сегодня остаются мало исследованными переживания личностью чувства вины как проявления рефлексивного уровня самосознания.

В западном обществе вплоть до XX в. феномен вины выступал как часть, составляющая педагогической системы, направленная на осознание субъектом греховности своей природы. Главной целью подобного воспитания выступало формирование у личности установки на то, чтобы стать судьей самого себя, уметь обвинять себя за те или иные проступки и действия в отсутствие внешних обвинителей.

Безусловно, общество и культура играют решающую роль в становлении личности. Согласно базовому принципу теории З. Фрейда, в развитии личности принимают участие два фактора: биологический и социокультурный. Родители являются опосредующим звеном в воздействии социокультурного фактора, выступая в качестве первейших агентов социализации ребенка. Формирование Сверх-Я невозможно без родительской фигуры. Как отмечает Фрейд, именно появление этой инстанции выводит на сцену чувство вины (Фрейд, 2012).

Таким образом, теоретико-методологические основания постановки проблемы чувства вины как психологического феномена впервые закладываются в психоанализе. Позже чувство вины становится предметом исследований в других научных направлениях и школах – бихевиоризме, когнитивной психологии, экзистенциализме.

Психоаналитическая традиционная интерпретация чувства вины сформировала в научном сообществе негативное восприятие данного феномена, так как в нем видели причину неврозов, некоторых видов психозов и депрессивных расстройств. В конце 1960–начале 1970-х годов исследования, проведенные представителями когнитивной психологии, изменили взгляд на природу и процессы, порождаемые чувством вины. В частности, были отмечены позитивные аспекты чувства вины. Например, студенты, склонные испыты-

вать чувство вины, показывают более высокие результаты успеваемости; юноши и девушки, склонные к подобным переживаниям, реже меняют сексуальных партнеров; их половая жизнь более упорядочена и т. д. (Манхаева, 2017). В рамках когнитивной теории были получены доказательства о более раннем возникновении чувства вины сравнительно с тем, как это утверждается в психоаналитической теории. Так, было установлено, что поведенческие реакции, характерные для проявления переживания чувства вины (попытки восстановить нанесенный ущерб, объяснение причин своего проступка, извинение), появляются уже на втором году жизни (Кляйн, 2007). Кроме того, источник возникновения данного феномена понимается когнитивными психологами иначе.

Подчеркивается, что чувство вины выполняет сигнальную роль, свидетельствует о том, что гармоничным отношениям нанесен ущерб. Экспериментальные данные, полученные в ходе исследования, проведенного под руководством К. Муздыбаева, подтвердили, что наиболее интенсивно переживаемая эмоция, возникающая вследствие нанесения ущерба близкому человеку или внутрисемейного конфликта, – это чувство вины (Муздыбаев, 2010).

Таким образом, можно говорить о том, что: во-первых, чувство вины возникает на довольно ранних этапах возрастного развития; во-вторых, важнейшим условием его возникновения является межличностное взаимодействие в рамках определенных норм и правил, которые вводятся взрослыми, изначально контролирующими их соблюдение в процессе социализации.

Очевидным является положение о том, что стыд и вина – две эмоции, довольно близкие по своему семантическому значению. По мнению Р. Чалдини, переживая чувство стыда, субъект, прежде всего, концентрируется на самом себе и своих недостатках. «Я» субъекта выступает и как судья, и как обвиняемый, следствием чего, в конечном итоге, может стать переживание субъектом глобального обесценивания своей личности. Это касается не только реальных, но и воображаемых субъектом ситуаций. Феноменологически эта эмоция описывается испытуемыми как болезненное переживание, сопровождающееся ощущением скованности, неловкости, беспомощности, никчемности, презрения. Человек, испытывающий чувство стыда, стремится спрятаться, исчезнуть или отомстить, изменить, перестроить собственное «Я». Если говорить о чувстве вины, то здесь внимание направлено на «пострадавшую» сторону и соответствующее «неправильное» поведение. Таким образом, согласно точки зрения Р. Чалдини, вина в большей степени ситуативна; здесь забота направлена на пострадавшего и последствия совершенного про-

ступка. Переживание чувства вины описывается как неприятное состояние внутреннего упрека, напряжения, сопровождающееся ощущением экстренной необходимости искупить свою вину, чтобы ослабить это переживание. Реакция субъекта обычно включает в себя действия, направленные на исправление ситуации, признание своей вины, поиск прощения. Вместе с тем, согласно Р. Чалдини, по описаниям детей до 8 лет трудно различить, что именно ребенок переживает – стыд или вину (Чалдини, 2009).

Интересным является факт, установленный в исследовании В. А. Горяниной, свидетельствующий о том, что родители инициируют переживание чувства вины чаще в отношении маленьких детей, чем в отношении детей более старшего возраста. Было показано также, что более опытные родители реже используют «чувство вины» как метод воспитательного воздействия, чем молодые родители. Выделено три возможных причины данного явления:

- 1) более опытные родители владеют большим набором способов влияния на ребенка;
- 2) более опытные родители меньше озабочены контролированием всего происходящего, так как они более уверены в себе, чем молодые родители;
- 3) молодые родители в большей степени, чем опытные, стремятся утвердить свой авторитет в глазах ребенка, так как разница в возрасте между ними и ребенком небольшая (Горянина, 2007).

Личностные особенности родителей также могут влиять на возникновение у детей чувства вины. Так, дети депрессивных матерей более интенсивно переживают чувство вины, и в более раннем возрасте склонны брать на себя ответственность за других, при этом они более тревожны, их эмоциональный фон часто снижен (там же).

Кроме того, необходимо отметить, что нежелание родителей брать ответственность за свои действия (например, в форме обвинения других), асоциальное поведение родителей или сиблингов, отсутствие проявления родителями эмпатии по отношению к другим, включая и собственных детей, использование силовых методов наказания в ответ на агрессивные действия со стороны ребенка, – все это не способствует формированию у детей чувства вины и эмпатии.

Вероятно, переживание чувства вины в ответ на ситуацию, в которой нарушаются нормы и правила или наносится вред другому лицу, является определенным психологическим индикатором того, что:

- для субъекта нормы и правила, физическое и психологическое благополучие другого человека и гармоничные взаимоотношения являются ценностью;

- субъект способен понимать и чувствовать состояние другого человека;
- субъект мотивирован на оказание помощи пострадавшему и способен ее оказать;
- произошел разрыв между представлением субъекта о его Я-идеальном и Я-реальным.

Чувство вины тесно связано с моральным развитием личности и формированием Я-концепции.

У некоторых субъектов моральные понятия представляют ядро их личности, в то время как другие конструкты, участвующие в образовании Я-концепции, отходят на второй план. «Быть нравственным» является для них личностным смыслом; нравственные представления пронизывают всю структуру их личности, при этом предпочтение в выборе моральных ценностей осуществляется при минимальном уровне сознательного контроля. У других людей нравственные идеалы и потребности не выступают смыслообразующим звеном Я-концепции, напротив, обнаруживают свою хрупкость и требуют контроля и защиты для того, чтобы «Я-концепция» была устойчивой (Демидов, 2000).

Понятие самосознания включает в себя разделение субъекта и объекта. При этом субъект одновременно становится и объектом самопознания. Когда результат действия начинает осознаваться и оцениваться как следствие собственной активности, субъект становится объектом рефлексивного осмысления, самопознания. Такая умственная активность способствует появлению «Я» и лежит в основе построения идентичности.

Появление самосознания выступает условием развития саморегуляции и произвольности. При этом регуляция собственной активности в процессе социального взаимодействия уже в раннем возрасте осуществляется на основе образа, сформированного родительскими требованиями («нельзя бить товарища, ты же друг»). Таким образом, самосознание действует как система контроля, управляющая социальными действиями.

Вина часто рассматривается как неотъемлемая составляющая совести. В исследованиях Р. Чалдони показано, что боязливые дети демонстрируют более высокий уровень развития эмоций, связанных с переживанием чувства вины, чем небоязливые дети. В исследованиях также обнаружено, что у родителей, использующих авторитарные методы воспитания, дети проявляют более низкий уровень развития эмоций, связанных с чувством вины. Хотя Чалдони утверждает, что у боязливых детей чувство вины более разви-

то, в ее исследованиях оно часто определяется через индикаторы, свойственные чувству стыда (отведение глаз, закрывание лица, телесная скованность).

Сложно отличить роль чувства вины и стыда в процессе интериоризации норм и правил, несмотря на то, что это, по сути, разные эмоции, особым образом регулирующие социальное поведение. Изучив отношение между стыдом и невозможностью ответить на враждебность и агрессию со стороны другого, недостаточностью регуляции гнева, обвинениями других и психопатологическими вариантами развития, правомерно утверждать, что, в отличие от этого, вина связана с умением управлять гневом, желанием исправлять взаимоотношения с другими.

Проведенный теоретический анализ подходов к изучению феномена чувства вины в отечественной и зарубежной психологии позволяет сделать следующие выводы. Вина – это эмоциональное состояние, испытываемое человеком, нарушившим нравственные или правовые нормы, регулирующие поведение людей в обществе. Несмотря на то, что чувство вины было описано как психологический феномен впервые в психоанализе, значительный вклад в его исследование внесли и другие научные направления (бихевиоризм, когнитивная психология, экзистенциализм).

Чувство вины имеет две формы, акцентируемые в переживании: ситуативное переживание и хроническое. Также можно выделить два принципиально разных вида переживания чувства вины. Первый тип является адаптивным и мотивирует просоциальное поведение, второй тип – дезадаптивным, чаще связанным с психическими или психосоматическими расстройствами.

Чувство вины тесно связано с моральным развитием личности и формированием Я-концепции. Следовательно, важнейшим механизмом возникновения чувства вины является осознание, которое трансформирует эмпатический дистресс в чувство вины. Переживание чувства вины чаще всего формируется в близких взаимоотношениях и демонстрирует тревогу, возникающую из-за возможного разрыва отношений. Феномены чувства вины, совесть, стыд тесно связаны с моральным развитием личности, выступая проявлениями нравственного самосознания личности.

Литература

Горянина В. А. Психологические предпосылки непродуктивного стиля межличностного взаимодействия // Психологический журнал. 2007. Т. 18. № 6. С. 73–83.

- Демидов Д. Н.* Соотношения образов Я-идеальное и Я-реальное и проблемы подростков: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000. URL: <http://www.myword.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
- Кляйн М.* Зависть и благодарность. СПб., 2007.
- Манхаева О. М.* Теоретико-эмпирическое обоснование феномена «чувство вины» с точки зрения развития личности. 2017. URL: http://www.rusnauka.com/15_aprn_2011/psihologia/7_87964.doc.htm3 (дата обращения: 10.05.2017).
- Муздыбаев К.* Переживание вины и стыда. СПб., 2010.
- Фрейд З.* Я и Оно. М., 2012.
- Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 2009.

Reflective level of self-consciousness: phenomenon “sense of guilt”

E. A. Kulikovskaya (Donetsk)

Postgraduate of Donetsk national University, Head of psychologist-pedagogical Laboratory of Donetsk academy of management and public administration under the Head of Donetsk People’s Republic

The article considers the phenomenon of “guilt feeling” as a reflective level of self-awareness. Describes how the subjects phenomenologically perceive the emotions of shame and guilt. It is revealed how much the sense of guilt is closely connected with the moral development of the personality and the formation of the self-concept. A theoretical analysis of approaches to the study of the phenomenon of guilt in domestic and foreign psychology is carried out. It is revealed that the most important mechanism for the emergence of a sense of guilt is awareness, which transforms empathic distress into a sense of guilt.

Keywords: emotional experience, feeling of guilt, self-awareness, Self-concept, subject, moral development, reflexive level.

Результаты исследования психологической защиты, совладающего поведения и жизнестойкости курсантов первого–второго курсов

Е. В. Лапкина (Ярославль)

*кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ярославского высшего военного училища ПВО;
e-mail: elena-lapkina@inbox.ru*

В статье приводятся результаты лонгитюдного исследования защитно-совладающего поведения и жизнестойкости курсантов. Обнаружены изменения, как в защитном, так и в совладающем поведении курсантов: от первого ко второму курсу увеличиваются значения проактивного копинга, компенсации; снижаются показатели смещения, проекции. Общий показатель жизнестойкости и его составляющие имеют тенденцию к увеличению. Выявлен ряд связей совладающего и защитного поведения с личностными особенностями курсантов. Формированию проактивного копинга способствует наличие таких личностных черт, как настойчивость, пластичность, контролирование, предусмотрительность, ответственность, теплота, любопытство. Смещение связано с напряженностью, эмоциональной лабильностью, эмоциональностью, самокритикой курсантов.

Ключевые слова: лонгитюдное исследование, проактивное совладание, психологическая защита, жизнестойкость, личностные особенности курсантов.

Постановка проблемы

В последнее пятидесятилетие предпринимались различные попытки изучения защитного и совладающего поведения методом лонгитюда. Остановимся подробнее на описании некоторых из них.

И. И. Ветровой исследовалась специфика связи контроля поведения, психологической защиты и совладания в подростковой и юношеском возрасте. Выявилась возрастная динамика психологических защит, отличная от динамики копинг-поведения. Установлено, что пик изменений психологических защит приходится на более ранний период, чем у контроля поведения и совладающего поведения – от 16 к 17 годам. Вслед за увеличением напряжения психологических защит в этом возрастном диапазоне наблюдается его спад к 18 годам (Ветрова, 2011).

Е. В. Куфтяк рассматривалась динамика психологических защит и стратегий совладания в паре сиблингов. Автор указывает, что наибольшая динамика обнаружена у младших сиблингов в отказе от выбора деструктивной эмоциональной экспрессии, а у старших сиблингов – в выборе продуктивных стилей совладания. Опыт по преодолению трудностей, демонстрируемый старшими сиблингами в совместном общении с младшими детьми, участвует в становлении у них совладающего поведения. С возрастом увеличивается количество и качество связей между показателями психологических защит и копинг-стратегиями (Куфтяк, 2016).

Т. Л. Крюкова, проводя подробный обзор зарубежных исследований возрастных изменений копинга, приводит выводы о существовании возрастных различий в совладающем поведении у людей молодого, среднего и пожилого возраста в ситуациях ежедневных жизненных трудностей и болезней. Увеличение использования проблемно-ориентированного копинга ряд авторов считают положительно связанным с возрастом (Irion, Blanchard, 1987), в то время как другие отрицают такую связь (Feifel, Strack, 1989; Folkman, 1987). Тем не менее, люди всех возрастов используют разнообразные стратегии, совладания со стрессом, и многие предпочитают решение проблемы всем другим стратегиям (Крюкова, 2006). Перечисленные исследования представляют несомненную ценность, поскольку позволяют наметить основные тенденции возрастного изменения копинга и психологической защиты.

Организация и методики эмпирического исследования

Нами предпринято лонгитюдное исследование защитно-совладающего поведения и жизнестойкости курсантов Ярославского высшего военного училища ПВО. Помимо решения нормативных задач юношеского возраста, курсанты сталкиваются со специфичными задачами, обусловленными спецификой их профессионального формирования как офицеров.

На момент начала исследования весной 2016 г. возраст курсантов был в диапазоне от 18 до 20 лет. Всего в исследовании приняли участие 58 человек.

В исследовании использованы следующие *методики*: «Опросник проактивного совладающего поведения» (авторы – Greenglas, Schwarzer и Taubert, адаптирован Е. С. Старченковой (2009); опросник «Диагностика механизмов психологической защиты» Л. Ю. Субботиной; тест выявления жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой); «Пятифакторный опросник личности» (сост. Хийджиро Теуйн) в адаптации А. Б. Хромова.

На настоящий момент есть возможность сравнить результаты методик, проведенных с курсантами на первом и на втором курсах. Сравнение результатов осуществлялось при помощи Т-критерия Вилкоксона.

Результаты исследования

Показатель проактивного преодоления ($p=0,001$) увеличивается от первого курса ко второму (таблица 1). Суть проактивного преодоления заключается в усилиях по формированию общих ресурсов, которые облегчают достижение важных целей и способствуют личностному росту. Проактивный копинг способствует постановке курсантами лично значимых целей, а также саморегуляции по достижению поставленных целей, включающей когнитивную и поведенческую составляющие.

Корреляционный анализ показал, что формированию проактивного копинга способствует наличие таких личностных качеств курсантов, как настойчивость ($p=0,47$), пластичность ($p=0,34$), контролирование ($p=0,31$), предусмотрительность ($p=0,31$), ответственность ($p=0,29$), теплота (в противовес равнодушию) ($p=0,29$), любопытство ($p=0,29$). Перечисленные качества условно можно разделить на две группы, где первая группа, включающая теплоту и любопытство, будет отвечать за целеполагание (постановка эмоционально значимых целей, ценных для курсанта), саморегуляцию поведения. Другие же качества будут способствовать достижению поставленных целей (настойчивость, контролирование, предусмотрительность и т. д.).

Показатель смещения снижается от первого курса ко второму ($p=0,0005$). В большинстве случаев смещение разряжает эмоциональное напряжение (чаще – агрессию), возникшее под влиянием фрустрирующей ситуации. Смысл замещения (смещения) применительно к объекту агрессии состоит в том, что, с одной стороны,

Таблица 1

Сравнение результатов копинг-поведения, психологической защиты и жизнестойкости курсантов на первом и втором курсах

		1-й курс	2-й курс	Уровень значимости Р
Копинг-стратегии	Проактивное преодоление	41,38	45,79	0,001
	Рефлексивное преодоление	35,60	35,54	0,918
	Стратегическое планирование	11,60	12,23	0,174
	Превентивное преодоление	33,69	33,35	0,788
	Поиск инструментальной поддержки	19,42	19,02	0,890
	Поиск эмоциональной поддержки	14,38	14,19	0,502
Психологические защиты	Вытеснение	15,60	16,23	0,268
	Регрессия	14,93	15,04	0,438
	Формирование реакции	19,80	19,54	0,393
	Рационализация	25,69	25,35	0,896
	Смещение	16,80	14,83	0,000
	Отрицание	22,78	23,38	0,317
	Проекция	22,56	21,63	0,069
	Компенсация	23,84	25,17	0,052
Сублимация	24,20	23,88	0,802	
Жизнестойкость	Вовлеченность	42,18	44,52	0,037
	Контроль	37,16	39,44	0,057
	Принятие риска	18,73	20,52	0,017
	Общий показатель жизнестойкости	98,18	104,48	0,011

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые различия и тенденции достоверных различий на уровне значимости $p < 0,10$.

человек избегает ответной агрессии, а с другой стороны, достигает облегчающего эффекта. Естественно предположить, что в использовании этого защитного механизма при возникновении конфликтов чаще будут нуждаться социально неуверенные субъекты. Этот факт подтверждает связь смещения с такими личностными особенностями курсантов, как напряженность ($p = 0,44$), эмоциональная лабильность ($p = 0,43$), эмоциональность ($p = 0,43$), самокритика ($p = 0,34$).

Согласно нормам теста, средний результат шкалы смещения в группе соответствовал нижней границе средних значений (на первом курсе), а ко второму стал еще ниже. «Зрелым» вариантом смещения является сублимация, результаты которой, как на первом, так и на втором курсе, находятся в диапазоне высоких значений. Возможно, происходит перестройка защитно-совладающего поведе-

ния в сторону его взросления, тем более, как показывает опыт бесед с курсантами, они весьма часто при переживании негативных эмоций и чувств стараются занять себя физически (тренироваться, устраивать спортивные состязания и т. д.)

Наметились тенденции в изменении показателей некоторых защит (таблица 1). Значение *проекции* ($p=0,069$) снижается от первого курса ко второму. В основе этого защитного механизма лежит процесс, посредством которого неосознаваемые и неприемлемые для личности чувства и мысли приписываются другим субъектам. Довольно часто встречается другой вид проекции, при которой значимым лицам приписываются позитивные, социально одобряемые чувства, мысли или действия. Данный вид проекции способствует формированию дружеских отношений за счет интереса к другому, наделяя его положительными качествами. В целом же значения проекции варьируются в диапазоне средних значений, а снижение может быть связано с уменьшением актуальности завязывания знакомств, поскольку основные связи к середине второго курса уже сформировались.

Механизм *компенсации* ($p=0,052$) имеет тенденцию к увеличению. Результат может быть обусловлен тем, что, находясь в сильной конкурентной среде, курсанту должны прилагать усилия, чтобы достичь успеха в той области, где они чувствуют свою слабость, либо компенсировать недостатки в одной сфере достижениями в другой (например, недостатки в учебе компенсируются успехами в спорте и т. д.).

Общий показатель *жизнестойкости* ($p=0,011$), как и ее составляющие – вовлеченность ($p=0,038$), контроль ($p=0,057$), принятие риска ($p=0,018$), – увеличиваются от первого ко второму курсу. Причем, согласно нормам теста, как общий показатель средних по группе результатов, так и средние значения составляющих жизнестойкости находятся в области значений выше нормальных. Высокая степень выраженности каждого из трех компонентов жизнестойкости в отдельности и совокупного показателя жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях. Человек, обладающий развитым компонентом вовлеченности, получает удовольствие от собственной деятельности. Данная характеристика «дает человеку силы, мотивирует его к реализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению; дает возможность ощущать себя значимым и достаточно ценным для того, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие множества стрессогенных факторов и изменений» (Леонтьев, Рассказова, 2006, с. 17–18).

Показатель контроля отражает убежденность человека в том, что «борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован» (Леонтьев, Рассказова, 2006, с. 5). Иными словами, компонент контроля отражает уверенность человека в существовании причинно-следственной связи между его собственными действиями, поступками, усилиями и результатами действий, событиями, отношениями и т. п. Показатель принятия риска (challenge) выражает убежденность человека в том, «что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного» (Леонтьев, Рассказова, 2006, с. 5–6). Способность к принятию риска дает возможность личности оставаться открытой окружающему миру, воспринимать происходящие события как вызов и испытание, дающие человеку возможность приобрести новый опыт (позитивный или негативный), извлечь для себя определенные уроки.

Общий показатель жизнестойкости связан с такими личностными особенностями курсантов, как теплота ($p=0,54$), понимание ($p=0,51$), настойчивость ($p=0,54$), предусмотрительность ($p=0,53$), контролирование ($p=0,49$), артистичность (в противоположность отсутствию артистичности) ($p=0,49$), привязанность ($p=0,41$), аккуратность ($p=0,43$), ответственность ($p=0,45$), чувствительность (в противоположность отсутствию чувствительности) ($p=0,37$).

Обнаружились также обратные корреляции жизнестойкости с эмоциональностью ($p=-0,65$), напряженностью ($p=-0,57$), депрессивностью ($p=-0,57$), эмоциональной лабильностью ($p=-0,57$). Можно отметить, что в целом жизнестойкости способствуют эмоциональные привязанности курсантов, связанные с ними теплые и доверительные взаимоотношения, умение гибко подстраиваться в различных ситуациях социального взаимодействия, определять адекватные формы поведения. Причем, умение «чувствовать» ситуацию достигается за счет рациональной составляющей, поскольку эмоциональная, как показал корреляционный анализ, препятствует формированию жизнестойкости. Большой вклад в жизнестойкость курсантов вносит умение осторожно и настойчиво достигать поставленных целей.

Заключение

Первые результаты лонгитюдного исследования защитно-совладающего поведения курсантов высшего военного училища ПВО демонстрируют изменения у них показателей, как психологических защит, стратегий проактивного копинг-поведения, так и жизнестойкости от первого ко второму курсу обучения. Основные тенденции измене-

ний: 1) увеличение накопления курсантами ресурсов совладающего поведения в виде проактивного копинга; 2) незначительное увеличение роли «зрелых» психологических защит и уменьшение «примитивных»; 3) увеличение всех показателей жизнестойкости; высокий уровень жизнестойкости, а также ее составляющих – контроля, вовлеченности, принятия риска; 4) значимость роли определенных личностных качеств курсантов (настойчивости, контролирования, теплоты, понимания, ответственности и др.) в формировании здорового защитно-совладающего поведения и жизнестойкости.

Представляет интерес исследование устойчивых паттернов защитно-совладающего поведения курсантов от первого курса к последнему как системы связей между психологическими защитами и копингами. В связи с этим планируется продолжение лонгитюдного исследования до конца обучения курсантов, и в перспективе – исследование защитно-совладающего поведения в период прохождения службы в войсках.

Литература

- Ветрова И. И.* Развитие контроля поведения, совладания и психологических защит в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Ильин Е. П.* Психология индивидуальных различий. СПб., 2011.
- Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения. Кострома, 2004.
- Куфтяк Е. В.* Лонгитюдное исследование психологических защит и совладающего поведения у сиблингов // Принципы развития в современной психологии. М., 2016. С. 339–359.
- Лапкина Е. В.* Проблема связи совладающего и защитного поведения // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 201–205.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М., 2006.

The results of the study of psychological protection, coping behavior and resilience of cadets of the first-second courses

E. V. Lapkina (Yaroslavl)

Candidate of Psychological Sciences, senior lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense

The article presents the results of a longitudinal study of defensive and coping behavior and resilience of cadets. Discovered changes in the defensive and coping behavior of students, from the first to the second rate

of increase of the value of proactive coping, compensation; reduced indicators of displacement, projection. The overall resilience and its components tend to increase. Revealed a number of relationships coping and defensive behavior with personal characteristics of the trainees. The formation of proactive coping contributes to the presence of such personality traits as perseverance, flexibility, control, prudence, responsibility, warmth, curiosity. The bias is due to tension, emotional lability, emotionality, self-criticism of the cadets.

Keywords: longitudinal study, proactive coping, psychological defense, resilience, personal characteristics of cadets.

Мотивация и психологические механизмы саморазвития личности¹

А. Н. Лебедев (Москва)

*доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru*

Проблема психологических механизмов саморазвития личности приобрела актуальность во второй половине XX века. Она рассматривается в теориях самодетерминации личности Э. Деси и Р. Райана, в синергетике Г. Хакена и некоторых других. В теории самодетерминации это явление выводится из врожденной потребности в саморазвитии и благоприятных социальных условий. В синергетическом подходе речь идет о личности как самоорганизующейся системе. Возможен третий подход к проблеме. В этом случае саморазвитие личности рассматривается в сочетании с развивающим рефлексивным мышлением, которое является логико-стохастическим процессом. Данный подход позволяет объяснить как саморазвитие личности, так и ее деградацию. Здесь реализуется принцип Я. А. Пономарева и Б. Ф. Ломова: «Этапы развития системы определяют уровни ее организации».

Ключевые слова: личность, мотивация, саморазвитие, самодетерминация, синергетика, мышление, стохастические процессы, системный подход.

Введение

Проблема психологических механизмов саморазвития личности приобрела особую актуальность во второй половине XX столетия. В наиболее отчетливой форме она рассматривалась в рамках теории самодетерминации личности Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan,

1 Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО, проект №0159-2016-0006.

1985, 2008; Handbook of self-determination..., 2002), в синергетике (Хакен, 2001, 2002) и др.

Так, появление теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана многие ученые восприняли с воодушевлением, поскольку традиционными для психологии всегда являлись подходы, в соответствии с которыми считалось методологически правильным рассматривать только два источника развития личности и мотивации личностного роста: врожденные (биологические) и приобретенные (социально обусловленные) факторы. К моменту выхода публикаций на эту тему у многих исследователей появились предположения, что феномен развития личности можно объяснить некими собственно личностными, психологическими механизмами.

Так, в процессе анализа биографий выдающихся людей многие исследователи обращали внимание на отсутствие у тех явной наследственной предрасположенности или какого-либо заметного социального влияния, способствующих высоким профессиональным достижениям. Трудно было с принятых позиций объяснить, например, профессиональные успехи выдающихся ученых (М. Кюри, Э. Резерфорда, И. П. Павлова), писателей (Э. М. Ремарка, Э. Хэмингуэя), топ-менеджеров (С. Хонды, Г. Форда), полководцев (Н. Бонапарта), философов (И. Канта), математиков (К. Ф. Гаусса), изобретателей (Т. Эдисона) и других. Ярчайшим примером здесь является также феномен М. В. Ломоносова. Эти личности либо были детьми заурядных или малообразованных родителей, либо добились успеха в тех областях, с которыми их семьи никоим образом не были связаны.

В наиболее общем виде под позитивным саморазвитием, видимо, следует понимать существенные (отличающиеся от средних) или выдающиеся социально востребованные личные достижения человека. Причем, в этом случае не должно быть оснований утверждать, что человек обладает какими-либо выдающимися природными способностями или длительное время находился в условиях целенаправленного социального влияния.

Например, если родители, ближайшие родственники или друзья человека проявляли значительные способности к той деятельности, в которой он сумел себя реализовать, то здесь можно допустить наличие либо генетического фактора, либо значительную роль социального влияния (семейных ценностей, установок, ближайшего социального окружения и пр.). И когда такие факторы на основе биографического анализа обнаружить не удастся, то возникает ситуация, позволяющая говорить о феномене саморазвития. В этом случае личность не формируется под влиянием социального окружения, а, наоборот, сама создает такое окружение вокруг себя.

Многие авторы полагают, что данную проблему нецелесообразно рассматривать односторонне – личность может меняться, как в позитивную, так и негативную сторону. Таким образом, развитие и деградация личности – две стороны одного пока еще мало понятного психологического явления. Часто бывает так, что у очень одаренных или известных родителей дети оказываются вполне заурядными личностями¹.

Саморазвитие и самодетерминация

Теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана обычно относят к позитивной психологии, целью которой, как известно, является не только исправление негативного в личности, но информирование ее позитивных качеств (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000). Данная теория основывается на положении о том, что базовыми психологическими потребностями человека являются потребности в автономии, компетентности и связи с другими. Если социальные условия способствуют удовлетворению базовых потребностей, это повышает уровень субъективного благополучия (well-being) и жизненных сил человека.

Под автономией понимается ситуация, когда самооценка поведения человека совпадает с его собственными интересами и ценностями (Deci, Ryan, 2008; Handbook of self-determination..., 2002). Автономия обеспечивается отсутствием контроля со стороны окружающих. Потребность в компетентности реализуется в эффективной деятельности в социальной группе. Для этого необходимо, чтобы окружение ставило перед человеком задачи оптимального уровня сложности и давало ему положительную обратную связь (Deci, Ryan, 1985). Потребность в связи с окружающими определяется наличием позитивного отношения группы к личности, в ощущении ею заботы.

Внутренняя мотивация определяется Э. Деси и Р. Райаном как врожденная характеристика человека, основанная на реализации ею своих интересов и совершенствовании своих способностей для решения задач оптимального уровня сложности. Основное внимание в теории уделяется изучению влияния на внутреннюю мотивацию таких факторов, как награды, внешние оценки, ограничения и стили межличностного взаимодействия.

Авторами и их последователями теория самодетерминации подкрепляется большим числом эмпирических исследований. Так, например, В. Чирков и Э. Райан (Chirkov, Ryan, 2001) обнаружили,

1 В теории Э. Деси и Р. Райана этому уделяется незначительное внимание.

что предоставление личности подростка автономии со стороны родителей и учителей положительно коррелирует с самооценкой его субъективного благополучия и мотивацией к учебе (на материалах исследований в США и в России). Э. Деси с соавторами показал, что обеспечение автономии со стороны начальства положительно связано с субъективным благополучием сотрудников коммерческих компаний в западных странах и сотрудников государственных организаций в восточных странах (см. Handbook of self-determination..., 2002).

Тем не менее, по мере развития теории детерминации становилось ясно, что эта теория по сути дела выводит саморазвитие личности из некоей врожденной потребности, проявляющейся в благоприятных социальных условиях в виде способности к достижению успеха. Поэтому в настоящее время вряд ли можно утверждать, что данной теорией сделан существенный прорыв в понимании того, существует ли собственно саморазвитие, и если существует, то на основе каких психологических механизмов оно реализуется? Непонятно также, можно ли активизировать массовое саморазвитие на практике; ведь оно предполагает самостоятельно выдвигаемые цели и незаурядное умение их достигать.

Таким образом, если жизненные цели заданы социальными стандартами, то разумно ли тогда говорить о некоем «абсолютном саморазвитии» без социальной обусловленности? Также неясно, почему, например, у одних людей «врожденная» тенденция к саморазвитию как потребность и способность проявляется в ярко выраженной форме, у других она почти никак не проявляется, а третьи люди демонстрируют медленную или стремительную деградацию.

В соответствии с этой теорией для самодетерминации должны возникнуть особые условия. Как минимум, человек должен быть внутренне мотивирован и независим от окружения и обстоятельств. Вопрос внутренней мотивации в рамках этой теории (т. е. источника мотивации саморазвития и ее природы) остается открытым, так как неясно, откуда берутся так называемые «собственные интересы и ценности» у личности, когда речь идет о ее саморазвитии.

В рамках теории термин «самодетерминация» отражает не какой-то специфический источник саморазвития, а тот факт, что личность обладает врожденной способностью к осуществлению и переживанию некоего волевого выбора. Поскольку Э. Деси и Р. Райан предполагают, что люди (причем лишь некоторые) обладают врожденной потребностью в самодетерминации, то неизбежно возникает вопрос о теоретической новизне подхода (см. Handbook of self-determination..., 2002).

Сегодня сторонники теории самодетерминации почти не говорят о некоем независимом саморазвитии. Теперь чаще всего речь идет о механизмах личностного регулирования врожденных и приобретенных способностей, о внутренней и внешней мотивации и пр., т. е. именно о детерминантах саморазвития. При этом они полагают, что иного источника, объясняющего явление личностного роста, в детерминистической системе представлений о природе личности быть не может. Изучая основы теории Деси и Райана, можно обратить внимание на то, что понятие самодетерминации тесно связано с понятием воли, которое трактуется авторами как способность человека принимать решения (делать выбор) на основе полученной извне информации и процессов, происходящих в самой личности.

Саморазвитие и синергетика

Параллельно с теорией самодетерминации во второй половине XX в. в психологии обрела популярность другая концепция саморазвития, на которую следует, на наш взгляд, обратить особое внимание. Речь идет о синергетическом подходе. Его автором традиционно считается немецкий исследователь Г. Хакен (Хакен, 2001).

В рамках синергетического подхода рассматриваются процессы самоорганизации так называемых неравновесных систем, т. е. систем, в которых в результате изначально хаотичных процессов могут возникать некие устойчивые явления часто с переходом системы на более высокий уровень организации. Причем, в соответствии с основами синергетики, это происходит в результате действия очень незначительных случайных факторов, поэтому, в каком именно состоянии окажется вся система, заранее предсказать невозможно. Следовательно, в основе синергетического подхода лежит принцип не строгой (лапласовской) каузальной детерминации, а детерминации стохастической.

Хакен и его последователи полагают, что феномены синергетики присущи как неживой, так и живой природе, а также обнаруживаются на уровне работы мозга и психики (Хакен, 2002). Поэтому саморазвитие личности, если ее рассматривать как самоорганизующуюся систему, в рамках данного подхода оказывается вполне закономерным. Более того, такое саморазвитие вполне может получить объяснение не на основе самодетерминации врожденных и социальных факторов, как это описано в теории Деси и Райана, а на уровне механизмов, присущих самой личности как диссипативной (открытой) системе.

По нашему мнению, в настоящее время может быть обозначен и третий подход к проблеме саморазвития личности, который также основан на принципе стохастической детерминации и для которого существуют все основания в современной психологии. Понятие личности здесь рассматривается не изолировано, а в контексте психики человека в целом, т. е. не как свойство психики, а как ее наивысший уровень. Это происходит на основе принципа системного подхода, сформулированного Я. А. Пономаревым и Б. Ф. Ломовым: «Этапы развития системы становятся уровнями ее организации» (Ломов, 1984).

В этом случае, например, процесс рефлексивного мышления человека рассматривается как источник саморазвития личности, а само мышление – как логико-стохастический процесс (Лебедев, 2016). В результате получает объяснение тот факт, что направленность саморазвития конкретной личности, ее специфика и особенности, да и сам факт такого развития не могут определяться однозначно, поскольку это явление основано на принципах не каузальной, а стохастической детерминации.

Заключение

Рассматривая мышление как логико-стохастический процесс, можно объяснить, почему многие люди выбирают в жизни то, что раньше для них не было характерным. Например, скромный и застенчивый человек, неожиданно для себя власть, вдруг становится жестким и самоуверенным. А самоуверенный и, казалось бы, сильный человек в сложных жизненных ситуациях вдруг оказывается психологически сломленным и превращается в посредственность. Все это получает объяснение, когда мышление рассматривается как процесс, обуславливающий непредсказуемость многих принимаемых человеком жизненно важных решений (Лебедев, 2016). Таким образом, в рамках данного подхода тип и уровень саморазвития личности рассматривается как результат развития этапов рефлексивного мышления.

Литература

- Лебедев А. Н.* Логико-стохастические задачи и нейромаркетинг // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 94–114. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document281.pdf> (дата обращения: 16.04.2017).
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

- Хакен Г. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. Ижевск, 2002.
- Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001.
- Chirkov V. I., Ryan R. M. Parent and teacher autonomy-support in Russian and U. S. Adolescents: Common effects on well-being and academic motivation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. № 32. P. 618–635.
- Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N. Y.: Plenumpress, 1985.
- Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macro theory of human motivation, development and health // *Canadian Psychology*. 2008. Т. 49. P. 182–185.
- Handbook of self-determination research. Rochester / Eds E. Deci, R. Ryan. N. Y.: University of Rochester Press, 2002.
- Seligman M., Csikszentmihalyi M. Positive psychology // *American psychologist*. 2000. V. 55. № 1. P. 5–14.

Motivation and psychological mechanisms of personality self-development

A. N. Lebedev (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

The problem of psychological mechanisms of self-development has become topical in the second half of the twentieth century. It is described in the theories of self-determination of personality (E. Deci and R. Ryan), in synergetic (H. Haken) and some others. In self-determination theory, this phenomenon is derived from the innate needs for self-development and favorable social conditions. In a synergistic approach, we are talking about personality as a self-organizing system. The third approach to the problem is possible as well. In this case, self-development is considered in combination with the developing reflective thinking, which is the logical and stochastic process. This approach allows us to explain self-development as well as degradation. The principle of Y. A. Ponomarev and B. F. Lomov – “stages of development of the system determine the levels of its organization” – is taking place here.

Keywords: personality, motivation, self-development, self-determination, synergetic, thinking, stochastic processes, system approach.

Взаимосвязь рефлексивных механизмов личности и типов пищевого поведения

Н. А. Маркина (Калуга)

*кандидат психологических наук, декан факультета менеджмента
и психологии, Калужский институт: филиал Московского гуманитарно-
экономического университета; e-mail: kuleshova_nadya@list.ru*

Работа посвящена эмпирическому исследованию взаимосвязи рефлексивных механизмов и типов пищевого поведения. Факторный анализ позволил выявить, что взаимосвязь рефлексивных механизмов с типами пищевого поведения определяется двумя факторами. Дана краткая психологическая характеристика респондентов с разными типами пищевого поведения. Показано также, что существуют различия в степени выраженности рефлексивности и типов пищевого поведения.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивные механизмы, пищевое поведение, эмоциогенный тип пищевого поведения, экстернальный тип пищевого поведения, ограничительный тип пищевого поведения.

Введение

В работе представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи рефлексивных механизмов с типами пищевого поведения.

Ориентация на целостное изучение человека, рассматриваемого Б. Г. Ананьевым как биопсихосоциальное образование, раскрывает многоаспектность всестороннего изучения психики (Маркина, Галкина 2012).

Теоретический обзор работ, посвященных рефлексии, показывает ее системные свойства. Рефлексивные механизмы включают в себя рефлексия как процесс и рефлексивность как комплексное психическое свойство (Лобанова, 1998), которые способствуют интеграции компонентов психики.

В настоящее время актуальным является изучение различных аспектов психологического здоровья. Нельзя отрицать воздействия внешнего вида человека на его внутреннее состояние. Данный аспект раскрывает актуальность проблемы лишнего веса, а также взаимовлияния пищевого поведения и психического состояния человека.

Избыточный вес зафиксирован у 30% населения нашей планеты, а в экономически развитых странах эта цифра приближается к 50%. Следствием избыточной массы тела являются, как многочисленные осложнения со стороны внутренних органов, эндокринной системы, так и усугубление невротических проявлений, социальная дезадаптация. Остается неясным, что лежит в основе различных нарушений пищевого поведения, ведущего к формированию лишнего веса, а также то, какие факторы или их сочетание вносят наибольший вклад в возникновение своеобразных поведенческих расстройств. К этим факторам могут быть отнесены психологические особенности личности, нейрофизиологическая организация мозга, патологические стили воспитания, научения и др.

В данном контексте представляется интересным изучение взаимосвязи рефлексивных механизмов и типов пищевого поведения в контексте выявления психологических причин лишнего веса.

Прежде всего, необходимо дать определения понятий «рефлексия» и «пищевое поведение», которые рассматриваются в данной работе.

Рефлексия предстает как психический процесс и состояние, позволяющее объединять компоненты психики (Карпов, 2004). Данный психологический феномен предстает как «процессуальное средство» реализации метасистемного уровня организации психики, позволяющее человеку анализировать собственное поведение за пределами объективной данности (там же, с. 103). Рефлексия является одним из основных регулятивных компонентов психики.

Пищевое поведение рассматривается как отношение к приему пищи, особенности питания человека в обычных условиях и стрессовых ситуациях. Оно является проявлением не только физиологических и биологических функций человека, но и его социальных и психологических потребностей (Перлз, 2010), определяется формированием собственного образа «Я». Стиль пищевого поведения может отражать эмоциональное состояние человека.

В отечественной психологии многие авторы проводили исследования нарушений пищевого поведения (Гумницкая, 2001; Марков, 2006; Приленская, 2009; и др.).

Исследованию подвергались психологические аспекты различных стилей питания: *ограничительного*, имеющего своей целью поддержание необходимого достаточного веса, *эмоциогенного*, ко-

гда ожирение является последствием пережитых стрессов, *экстер-нального*, который является ответом на внешний вид еды (Вознесенская, 2007).

Организация и методики эмпирического исследования

Проведенное исследование направлено на подтверждение *гипотезы* о том, что рефлексия, как психический процесс и состояние психики, связана с типами пищевого поведения.

Выдвинутая гипотеза исследования, определила его конкретные *задачи*:

- 1) выявить преобладающие типы пищевого поведения;
- 2) определить уровни рефлексивности у респондентов с разными типами пищевого поведения;
- 3) раскрыть внутреннюю структуру взаимосвязи рефлексии с типами пищевого поведения.

Для решения поставленных в исследовании задач был использован следующий *методический инструментарий*:

- Методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А. В. Карпов);
- Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ) (Tatiana Van Striyen);
- Когнитивно-эмотивный тест (Ю. М. Орлов);
- Индивидуально-типологический опросник ИТО (Л. Н. Собчик);
- Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки.

Эмпирическое исследование по изучению взаимосвязи рефлексивных механизмов и типа пищевого поведения проводилось в г. Калуга. Общий объем *выборки*– 74 человека. Половой состав: 43 мужчины и 31 женщина. Выборку составили респонденты с индексом массы тела (ИМТ) выше 30, что соответствует ожирению первой степени и выше. Возраст респондентов – 25–48 лет.

Анализ полученных результатов осуществлялся методами математической статистики с применением компьютерной программы для обработки данных Statistica 7.0.

Результаты исследования

Выявлено, что у респондентов преобладают низкий и средний уровни рефлексивности.

Преобладающими типами пищевого поведения являются эмоциогенный и экстернальный типы. Ограничительный тип пищевого поведения у всех респондентов представлен средним уровнем значений, что не отражает безограничительного или сильно ограничивающего характера приема пищи.

В результате проведения эмпирического исследования было установлено, что взаимосвязь рефлексивных механизмов с типами пищевого поведения определяется двумя факторами, объясняющими 52% общей дисперсии. Вес первого фактора 5,72, второго – 5,24. В первый фактор, назовем его «Экстернальное поведение», входят: агрессивность (0,799), рефлексивность (-0,702), экстернальный тип пищевого поведения (0,853), физическая агрессия (0,795) (таблица 1).

Таблица 1
Показатели фактора «Экстернальное поведение»

Показатели	Факторные нагрузки
Экстернальный тип пищевого поведения	-0,853830
Агрессивность	0,799368
Рефлексивность	-0,702561
Физическая агрессия	0,795998
Вес фактора	5,726964

Анализ данного фактора позволяет говорить о том, что для респондентов характерны снижение рефлексивных способностей, высокая физическая агрессия, агрессивность по отношению к себе и другим людям.

Для респондентов с низким уровнем рефлексивности характерен экстернальный тип пищевого поведения. Можно предположить, что они реагируют не на внутренние гомеостатические стимулы к приему пищи, а на внешние стимулы – накрытый стол, принимающего пищу человека, пищевые продукты, совершенно не рефлексивуя свое собственное физиологическое состояние.

Характеристиками второго фактора, назовем его «Эмоциогенное поведение», являются: агрессия против других (0,701) и против себя (0,763), раздражение (0,861), эмоциогенный тип пищевого поведения (0,743) (таблица 2).

Анализ данного фактора показал возможность конверсии болезненной эмоции. Обида и раздражение являются следствием эмоцио-

Таблица 2
Показатели фактора «Эмоциогенное поведение»

Показатели	Факторные нагрузки
Агрессия против других	0,701241
Агрессия против себя	0,763046
Эмоциогенный тип пищевого поведения	0,743512
Раздражение	0,861715
Вес фактора	5,243702

нальной нестабильности и пережитых стрессов у данной категории людей. Невозможность справиться с болезненными эмоциями и ситуациями в силу личностных особенностей вызывает агрессивное поведение, направленное против себя и других людей. Это предстает как своеобразный «неправильный» механизм психологической защиты, т. е. чтобы снизить болезненность данных эмоций, респонденты проецируют свои переживания, вымещая свою злость на себя и других людей, а также «заедают» собственные проблемы и стрессы.

Таким образом, стимулом к приему пищи становится не голод, а эмоциональный дискомфорт.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

- существует взаимосвязь между рефлексивными механизмами и типами пищевого поведения, при этом рефлексивные механизмы проявляются как психический процесс и состояние, регулирующее пищевое поведение;
- низкая рефлексия своего внутреннего эмоционального состояния и внутренних физиологических механизмов способствует формированию неправильного пищевого поведения.

Проведенное исследование раскрывает особенности рефлексивного поведения людей с разными типами пищевого поведения. Представляется актуальным проведение дальнейшего исследования с целью изучения рефлексивной регуляции личности с разными типами пищевого поведения.

Литература

- Вознесенская Т. Г.* Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция // Международный эндокринологический журнал. 2007. № 3 (9). С. 2–6.
- Гумницкая Т. М.* Психопатологические нарушения и их психотерапия у больных с алиментарно-обменным ожирением // Медицинские исследования. 2001. Т. 1. Вып. 1. С. 92–93.
- Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004.
- Марков А. А.* Пограничные нервно-психические расстройства при избыточном весе и ожирении: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Томск, 2006.
- Маркина Н. А., Галкина Т. В.* Рефлексивные механизмы вербальной и невербальной креативности личности // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2012. С. 226–228.
- Перлз Ф. С.* Эго, голод и агрессия. М., 2010.
- Приленская А. В.* Пограничные нервно-психические нарушения у пациентов с зависимым поведением (клинико-реабилитационный аспект): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Томск, 2009.

Interrelation of reflexive mechanisms of the person and types of alimentary behavior

N. A. Markina (Kaluga)

Candidate of psychological Sciences, Dean of Faculty of Management and Psychology, Kaluga institute: branch of Moscow humanitarian and economic University

Work is devoted to an empirical research of interrelation of reflexive mechanisms and types of alimentary behavior. The factorial analysis allowed to allocate that the interrelation of reflexive mechanisms with types of alimentary behavior is defined by two factors. The short psychological characteristic of respondents with different types of alimentary behavior is given. It is shown also that there are significant differences in degree of expression of reflexivity and types of alimentary behavior.

Keywords: reflection, reflexive mechanisms, alimentary behavior, emotogenic type of alimentary behavior, externally type of alimentary behavior, restrictive type of alimentary behavior.

Социальные ценности инфантильной личности (на примере студенческой молодежи)¹

А. В. Микляева (Санкт-Петербург)

*доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии человека,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена;
e-mail: a.miklyaeva@gmail.com*

В статье представлены результаты исследования социальных ценностей, значимых для молодых людей с признаками волевого, рефлексивного и нравственного инфантилизма личности. На материале выборки объемом 165 человек в возрасте 18–24 года показано, что обобщенная иерархия социальных ценностей молодых людей в целом отражает содержание возрастных задач развития в период юности и ранней взрослости. Молодым людям с выраженными признаками личностного инфантилизма (вне зависимости от его типа) свойственны схожие особенности ценностной сферы, заключающиеся в более высоких рангах материальных ценностей, в сравнении с ценностями, связанными с ориентацией на личностное развитие. Показано, что специфика ценностной сферы молодых людей, для которых характерны проявления личностного инфантилизма, определяется не иерархией социальных ценностей, а способами их интерпретации и реализации в поведении. Описаны некоторые особенности интерпретации социальных ценностей молодыми людьми с признаками волевого, рефлексивного и нравственного инфантилизма личности.

Ключевые слова: инфантилизм личности, социальные ценности, волевой инфантилизм личности, рефлексивный инфантилизм личности, нравственный инфантилизм личности.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-50031.

Постановка проблемы

В современной научной литературе термином «инфантилизм» обозначается широкий спектр явлений, имеющих отношение к разным уровням организации индивидуальности: от физиологического до социального. Одним из аспектов изучения инфантилизма является изучение инфантилизма личности, под которым в нашем исследовании понимается совокупность различных проявлений социальной незрелости на фоне нормативного уровня психического функционирования человека. При такой трактовке «маркером» проявлений инфантилизма становится разрыв между конструируемым обществом образом социально зрелой личности и поведением человека, а сам личностный инфантилизм может рассматриваться как полюс бинарного социального конструкта «зрелость личности – инфантилизм личности», который представлен разнообразными характеристиками нравственной, волевой, рефлексивной и когнитивной (осмысление жизненного опыта) сфер, имеющими дефицитарный характер.

В нашем предыдущем исследовании было продемонстрировано, что содержание социального конструкта «зрелость личности – инфантилизм личности» находит отражение в реальном поведении людей. В частности, показано, что личностный инфантилизм представляет собой неоднородное явление и проявляется в различных формах личностной активности. Обнаружены три типа проявлений личностного инфантилизма: волевой, нравственный и рефлексивный. Волевой инфантилизм проявляется в трудностях, связанных с планированием деятельности и эмоциональной саморегуляцией при условии понимания значимости управления собственными эмоциями, намерениями и поведением для эффективной организации жизни и деятельности. Проявления нравственного инфантилизма связаны со стремлением человека к самоутверждению в сочетании с тенденцией избегать личной ответственности и минимизировать прикладываемые усилия, игнорируя при этом моральные нормы в том случае, когда они вступают в противоречие с личными интересами. Рефлексивный инфантилизм определяется, прежде всего, зависимостью самооценки от мнения других людей, чувствительностью к критике, стремлением получать положительные оценки своей личности и деятельности.

Очевидно, что охарактеризованные типы проявлений личностного инфантилизма различаются, в первую очередь, характеристиками, имеющими отношение к сфере регуляции социальной активности личности. В этой связи было выдвинуто предположение о том,

что проявления личностного инфантилизма могут быть взаимосвязаны с социальными ценностями, значимыми для человека. Социальные ценности выступают основными регуляторами социального поведения, с одной стороны, и средствами опосредования социальных воздействий и их преломления в жизненном опыте личности, с другой стороны (Зотова, Бобнева, 1975; Шерковин, 1982), представляя собой общественно одобряемый диапазон целей деятельности человека и средств их достижения (Ручка, 1976).

Процедура и методики эмпирического исследования

Целью исследования являлось выявление социальных ценностей, специфичных для молодых людей с выраженными признаками регуляторного, рефлексивного и нравственного инфантилизма личности.

Выборку исследования составили 165 человек в возрасте 18 лет – 24 года, из них 70 юношей и 95 девушек, которые на момент участия в исследовании получали первое профессиональное образование.

Методики исследования

Для выявления структуры социальных ценностей использовались методика экспресс-диагностики социальных ценностей личности (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002), а также структурированное интервью (с целью уточнения представлений респондентов о содержании ценностей, перечисленных в тексте методики, а также об их жизни в целом). Выраженность признаков личностного инфантилизма определялась с помощью опросников «Уровень выраженности инфантилизма» А. А. Серegiной (Серегина, 2006), «Инфантильность личности» О. А. Медведевой (Медведева, 2012), методики диагностики личностной зрелости Е. В. Ковалевской (Ковалевская, 2013).

В соответствии с факторной структурой пунктов перечисленных методик выделены различные типы личностного инфантилизма (по параметру «нравственный инфантилизм» $n=23$; по параметру «волевой инфантилизм» $n=21$; по параметру «рефлексивный инфантилизм» $n=26$). В дальнейшем осуществлялось сравнение социальных ценностей в подгруппах с высокой и низкой выраженностью признаков инфантилизма каждого типа (данные респондентов с показателями, составляющими диапазон средних значений, при сравнении не учитывались).

Для математической обработки данных использовался пакет программного обеспечения Statistica 12.0.

Результаты исследования

Полученные результаты позволяют утверждать, что иерархия социальных ценностей молодых людей в целом весьма устойчива и не связана прямо со степенью выраженности признаков инфантилизма личности. Первые пять позиций в ценностной иерархии во всех выделенных подгруппах занимают: увлекательная работа, которая доставляет удовольствие (среднее значение по всей выборке 8,76), несколько близких друзей (8,54), интеллектуальное развитие (8,30), высокооплачиваемая работа (8,24) и карьера (8,12). Наименьший ранг имеют ценности вовлечения в общественную деятельность (5,35), медитации, размышления, молитвы и т. д. (4,92), здоровой сбалансированной диеты (4,83), работы на добровольных началах в некоммерческих организациях (4,70), религии (4,18). В целом, полученные результаты соотносятся с имеющимися в современной психологии представлениями о возрастных задачах развития в период юности и ранней взрослости, с одной стороны, и позволяют предполагать, что специфика ценностной сферы молодых людей, для которых характерны проявления личностного инфантилизма, кроется не в иерархии социальных ценностей, а в способах их интерпретации и реализации в собственном поведении. Это предположение нашло подтверждение в ходе дальнейшего анализа данных.

Результаты исследования показали, что молодым людям с выраженными признаками личностного инфантилизма свойственны схожие особенности ценностной сферы вне зависимости от типа инфантилизма. Это, прежде всего, более высокий ранг материальных ценностей в сравнении с ценностями, связанными с ориентацией на личностное развитие. В частности, между группами молодых людей с высокой и низкой выраженностью признаков инфантилизма любого типа выявлены статистически достоверные различия в оценке значимости ценностей высокооплачиваемой работы, красивых машин, одежды, дома и т. д., интеллектуального развития и чтения образовательной литературы, просмотра образовательных передач, самосовершенствования и т. п. Первые две группы ценностей имеют достоверно более высокую значимость для молодых людей с выраженными признаками личностного инфантилизма ($t=2,09$ и $t=3,21$, соответственно, $p<0,01$), третья и четвертая группы – для молодых людей, для которых признаки личностного инфантилизма не характерны ($t=2,40$ и $t=2,92$, соответственно, $p<0,01$).

Помимо этого, были выявлены особенности в структуре социальных ценностей, специфичные для молодых людей с проявлениями признаков того или иного типа личностного инфантилизма.

Так, для молодых людей с признаками волевого инфантилизма личностным оказалось предпочтение ценностей знакомства с новыми людьми, социальных мероприятий, а также медитации, размышлений, молитвы и т.д. ($t=2,15$ и $t=2,89$, соответственно, $p<0,01$). Значимость ценности спортивных упражнений, напротив, оказалась низкой ($t=2,11$, $p<0,01$). Среди контент-аналитических категорий, выделенных при анализе результатов интервью, приоритетными оказались представления о молодости как «периоде социальных проб» (частота встречаемости 0,109). В целом, можно предполагать, что для молодых людей, характеризующихся признаками волевого инфантилизма, свойственно предпочтение таких социальных ценностей, которые могут быть проинтерпретированы ими как возможность не прикладывать усилий к достижению целей, организовывать свою деятельность в соответствии с текущими потребностями, отказываться от тех видов деятельности, успех в которых прямо связан с волевыми усилиями (к которым, безусловно, относятся спорт, поддержание устойчивых отношений с несколькими близкими друзьями и т.д.).

Молодым людям с высокими показателями по признакам, характерным для нравственного инфантилизма, оказалось свойственно предпочтение ценностей карьеры и религии ($t=3,11$ и $t=3,01$ соответственно, $p<0,01$), а также представление о том, что основной задачей в период юности и ранней молодости является «вклад в будущее» (0,097). Вклад в собственное будущее, по всей вероятности, ассоциируется здесь с построением успешной карьеры, карьерным ростом (но не профессиональным развитием). Интересным представляется также содержание ценности «религия». Испытуемые, составляющие данную группу, в подавляющем большинстве случаев определили себя как православных, однако, давая характеристику своей жизни, описали себя скорее как людей «соблюдающих», а не «верующих». Вполне возможно, что относительно высокий ранг ценности религии среди испытуемых с выраженными признаками нравственного инфантилизма обусловлен представлением о религиозности как одним из «трендов» современного общества, обладание которым придает человеку дополнительный статус и дополнительные возможности в социальных отношениях.

Для молодых людей с выраженными признаками рефлексивного инфантилизма оказалось наиболее характерным восприятие текущего этапа жизненного пути как «периода, в котором нужно жить для себя» (0,113). В этом случае в структуре ценностей достоверно менее значимыми стали те, которые связаны с установлением и поддержанием контактов с людьми: женитьба/замужество, участие

в волонтерских движениях, знакомства с новыми людьми ($t=3,46$, $t=2,45$ и $t=2,78$ соответственно, $p<0,01$). Занижение рангов данных ценностей может быть отражением стремления молодых людей, составляющих данную группу, к «защите» своих представлений о себе от возможных негативных воздействий извне путем сокращения потенциальных социальных контактов.

Заключение

Таким образом, в результате исследования социальных ценностей, значимых для молодых людей с различными проявлениями личностного инфантилизма, было показано, что обобщенная иерархия социальных ценностей молодых людей в целом отражает содержание возрастных задач развития в период юности и ранней взрослости. Однако молодым людям с выраженными признаками личностного инфантилизма (вне зависимости от его типа) свойственны схожие особенности ценностной сферы (прежде всего, более высокий ранг материальных ценностей в сравнении с ценностями, связанными с ориентацией на личностное развитие). Кроме того, показано, что специфика ценностной сферы молодых людей, для которых характерны проявления личностного инфантилизма, определяется не иерархией социальных ценностей, а способами их интерпретации и реализации в поведении: волевой инфантилизм предполагает предпочтение тех социальных ценностей, которые могут быть проинтерпретированы как «разрешение» действовать на основе актуальных в данный момент потребностей; нравственный инфантилизм связан с предпочтением ценностей, которые интерпретируются как обеспечивающие максимально быстрый статусный рост; рефлексивный инфантилизм характеризуется отказом от ценностей, предполагающих интенсивные контакты с другими людьми.

Литература

- Зотова О. И., Бобнева М. И.* Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1975. С. 241–254.
- Ковалевская Е. В.* Диагностика личностной зрелости у студентов педагогических специальностей // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. «Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика». 2013. Т. 19. №3. С. 48–51.

- Медведева О. А. Создание и психометрическая проверка опросника «инфантильность личности» // Психология XXI века: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века» 26–28 апреля 2012 г., Санкт-Петербург / Под ред. Р. А. Березовской. СПб., 2012. С. 69–70.
- Ручка А. А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976.
- Серегина А. А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
- Шерковин Ю. А. Проблема ценностной ориентации и массовые информационные процессы // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 5. С. 135–148.

Social values of the infantile personality (on the example of student's youth)

A. V. Miklyaeva (St Petersburg)

Doctor of psychological Sciences, Docent, professor of the Department of Human Psychology, Russian State Pedagogical University named after AI. Herzen

The article presents the results of a study about social values important for young people with signs of a strong-willed, reflective and moral personal infantilism. The material sample of 165 people aged 18–24 years shows that the general hierarchy of youth's social values in general reflects the age tasks of development during adolescence and early adulthood. While young people with severe signs of personal infantilism (out-based from the type) corresponding to similar features values of the spheres enclosing the pupils in the higher grades of material values in comparison with values associated with a focus on personal development. The study also showed that the specificity of youth's values is not determined by the hierarchy of social values and but ways of their interpretation and implementation in behavior. Describes some features of the value interpretation by young people with signs of a strong-willed, reflective and moral personal infantilism.

Keywords: personal infantilism, social values, strong-willed personal infantilism, reflective personal infantilism, moral personal infantilism.

Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory: новые свидетельства

А. М. Мишкевич, С. А. Щebetенко** (Пермь)*

** аспирант, преподаватель кафедры психологии развития,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет; e-mail: arinamishkevich@ya.ru*

*** кандидат психологических наук,
профессор кафедры психологии развития,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет; e-mail: sergei.shchebetenko@me.com*

В докладе рассматриваются психометрические характеристики русскоязычного варианта вопросника Big Five Inventory (BFI) и его модификации для диагностики установок на черты. Предыдущие исследования показали, что BFI стабильно демонстрирует хороший уровень внутренней согласованности подшкал, конструктивной, конвергентной и дивергентной валидности вопросника. Однако о сих пор ретестовая надежность BFI и его версий не оценивалась. На выборке в 906 человек нами подтверждается, что BFI обладает высокой внутренней согласованностью подшкал, конвергентной валидностью, а также хорошей ретестовой надежностью.

Ключевые слова: BFI, черты личности, установка на черты, психометрика.

Постановка проблемы

На данный момент разработано достаточно методик, направленных на измерение пятифакторной модели черт личности (например, BFI, NEO-PI-R, IPIP и др.). Ряд тестов переведен на русский язык, причем они различаются как содержанием (например, см. Князев, 2000), так и количеством вопросов – от 10 (Егорова, Паршикова, 2016) до 240 пунктов (Martin et al., 2002).

Одной из самых компактных и известных методик является Big Five Inventory (BFI; John et al., 2008) в русскоязычной адаптации С. А. Щебетенко (Shchebetenko, 2014). Методика состоит из 44 высказываний, описывающих личность, начинающихся с фразы «Я считаю себя тем, кто...». Каждое высказывание необходимо оценить по шкале от 1 («совершенно не согласен») до 5 («совершенно согласен»). Кроме этого, разработана модификация BFI, направленная на диагностику социальных установок на черты личности (далее – ABFI; Shchebetenko, 2014), под которыми понимается биполярная оценка данной черты индивидом без прямого отнесения к собственной личности (Щебетенко, 2015). Список вопросов этого теста начинается с фразы «Я считаю это качество для человека...». Каждое высказывание необходимо оценить по шкале от 1 («очень плохим») до 5 («очень хорошим»). Русская версия BFI и ABFI стабильно демонстрирует высокие показатели надежности и валидности.

Например, в исследовании А. Д. Балабиной (Балабина, 2015) с общей выборкой 300 человек использовались BFI и несколько ее модификаций, в том числе ABFI. Уровень внутренней согласованности (α) для всех подшкал варьировался от 0,64 до 0,84.

В исследовании С. А. Щебетенко и Е. А. Тютиковой (Щебетенко, Тютикова, 2015) с выборкой в 110 человек также использовались BFI и ABFI. Подшкалы BFI продемонстрировали хорошую внутреннюю согласованность в диапазоне α от 0,69 до 0,79. Подшкалы ABFI показали хорошую внутреннюю согласованность в диапазоне α от 0,70 до 0,85. Исключение составила шкала установки на экстраверсию, внутренняя согласованность которой лишь приближалась к приемлемым значениям: $\alpha=0,62$.

В исследовании А. М. Мишкевич (Мишкевич, 2016) с выборкой, состоявшей из 143 респондентов подросткового возраста, также была продемонстрирована достаточная внутренняя согласованность для подшкал BFI: для экстраверсии – $\alpha=0,72$; для доброжелательности – $\alpha=0,67$; для добросовестности – $\alpha=0,75$; для нейротизма – $\alpha=0,82$; для открытости – $\alpha=0,73$. Кроме того, были получены сильные корреляции между подшкалами экстраверсии и нейротизма и соответствующими подшкалами подросткового варианта теста личности Г. Айзенка (EPI; Eysenck, Eysenck, 1964) в адаптации Т. В. Маталиной. Это свидетельствует о конвергентной валидности BFI. Также вторичный факторный анализ пунктов BFI показал два фактора, соответствующие теоретическим предположениям о двухфакторной структуре более высокого порядка – факторам стабильности и пластичности (De Young et al., 2005). Это свидетельствует в пользу конструктивной валидности BFI.

В исследовании С. А. Щебетенко (Shchebetenko, 2014) с выборкой 1079 человек подшкалы методики BFI продемонстрировали приемлемый уровень внутренней согласованности в диапазоне α от 0,68 до 0,80. Подшкалы ABFI показали хорошую и умеренную внутреннюю согласованность в диапазоне α от 0,68 до 0,80. Кроме того, изучалась конвергентная валидность путем соотнесения BFI с тестом IPIP (International Personality Item Pool) Л. Голдберга (2001) в адаптации Г. Г. Князева с соавторами (2010). Корреляции между соответствующими шкалами варьировались от $r=0,56$ до $r=0,82$. Факторный анализ подшкал также показал два фактора, соответствующих стабильности и пластичности.

Таким образом, подшкалы BFI и ABFI стабильно демонстрируют, как минимум, приемлемый уровень внутренней согласованности, а также конструктивную, конвергентную и дивергентную валидность.

До сих пор не оценивался еще один важный психометрический показатель методик – ретестовая надежность.

Организация и методики эмпирического исследования

Нами было проведено исследование, целью которого выступала проверка психометрических характеристик русского BFI и ABFI, где, среди прочего, измерялась и ретестовая надежность.

Выборку исследования составили 906 студентов 1–3 курсов одного из российских университетов в возрасте от 17 до 25 лет ($M=19,27$, $SD=1,09$), среди них – 315 (34,7%) юноши. Для ретестовой надежности через 3–4 недели была повторно опрошена часть этой выборки. В нее вошли 400 студентов в возрасте от 17 до 24 лет ($M=19,14$, $SD=1,06$), в том числе 127 (31,8%) юношей.

Методики исследования

Для диагностики уровня выраженности черт личности использовалась русская версия (Shchebetenko, 2014) BFI (John et al., 2008). Для измерения установок на черты использовалась ABFI (Shchebetenko, 2014).

Результаты исследования

Внутренняя согласованность методик

BFI показала достаточную внутреннюю согласованность по всем шкалам: для экстраверсии $\alpha=0,84$, доброжелательности $\alpha=0,70$, добросовестности $\alpha=0,80$, нейротизма $\alpha=0,83$ и открытости $\alpha=0,80$.

ABFI также показала достаточную внутреннюю согласованность: для экстраверсии $\alpha=0,68$, доброжелательности $\alpha=0,71$, добросовестности $\alpha=0,72$, нейротизма $\alpha=0,69$ и открытости $\alpha=0,77$.

Конструктивная валидность

Метод главных компонент (вращение Варимакс) получил 2-факторную структуру подшкал BFI; эти две компоненты объяснили в совокупности 56,13% дисперсии.

Таблица 1
Структура подшкал BFI (метод главных компонент, вращение Варимакс)

Подшкалы BFI	Компонента 1	Компонента 2
Нейротизм	-0,71	-0,03
Добросовестность	0,68	0,15
Доброжелательность	0,65	0,10
Открытость опыту	-0,04	0,88
Экстраверсия	0,31	0,71
Доля объясненной дисперсии, %	29,75	26,38

Полученная факторная структура соответствует модели стабильности/пластичности (De Young et al., 2005).

Ретестовая надежность методик

Для вычисления коэффициента ретестовой надежности (r_t) использовался корреляционный анализ Пирсона для соответствующих шкал в первом и втором замере.

Все подшкалы методики BFI продемонстрировали хорошие показатели ретестовой надежности: для экстраверсии $r_t=0,90$, доброжелательности $r_t=0,79$, добросовестности $r_t=0,82$, нейротизма $r_t=0,83$, открытости $r_t=0,83$.

Подшкалы ABFI показали приемлемые показатели ретестовой надежности: для экстраверсии $r_t=0,68$, доброжелательности $r_t=0,64$, добросовестности $r_t=0,52$, нейротизма $r_t=0,58$ и открытости $r_t=0,68$.

Таким образом, русская BFI и ABFI вновь продемонстрировали достаточные показатели внутренней согласованности для всех подшкал. Это согласуется с предыдущими исследованиями. Кро-

ме этого было обнаружено, что вторичная факторная структура опросника BFI соответствует модели стабильности/пластичности, что также повторяет результаты ранее проведенных исследований. Подтверждение теоретических положений о наличии двух факторов является свидетельством конструктивной валидности BFI.

Заключение

В данном исследовании впервые показана ретестовая надежность русскоязычного варианта BFI и ее модификации при измерении установок на черты. Полученные результаты еще раз демонстрируют валидность и надежность BFI и ее модификаций, что подтверждает возможность использования этого теста в диагностической науке и практике.

Литература

- Балабина А. Д.* Рефлексивные адаптации характера и социометрический статус // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2 (22). С. 55–64.
- Егорова М. С., Паршикова О. В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (B5-10) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 45. С. 9.
- Князев Г. Г., Митрофанова Л. Г., Бочаров В. А.* Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов „Большой Пятерки“» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 100–110.
- Мишкевич А. М.* Об использовании русскоязычной версии «Вопросника Большой Пятерки» (Big Five Inventory) при изучении подростков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 92–101.
- Щебетенко С. А.* Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 55–65.
- Щебетенко С. А., Тютюкова Е. А.* «Картина хороша, потому что хороша открытость опыту»: опосредующая роль установок на черты личности в индивидуальных различиях отношения к живописи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 4. С. 122–141.
- De Young C. G., Peterson J. B., Higgins D. M.* Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth fac-

- tor of personality // *Journal of personality*. 2005. T. 73. №4. C. 825–858.
- John O.P., Naumann L.P., Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy // *Handbook of personality: Theory and research*. 2008. T. 3. C. 114–158.
- Martin T.A., Costa P. T. Jr, Oryol V.E., Rukavishnikov A.A., Senin I. G.* Applications of the Russian NEO-PI-R // *The Five-Factor Model of personality across cultures*. Springer US. 2002. C. 261–277.
- Shchebetenko S.* “The Best Man in the World”: Attitudes Toward Personality Traits Psychology // *Journal of the Higher School of Economics*. 2014. T. 11. №3. C. 129–148.

Psychometrics of the Russian version of the Big Five Inventory: Some new evidences

A. M. Mishkevich, S. A. Schebetenko** (Perm)*

* Postgraduate, lecturer of the Department of Developmental psychology, Perm state national research University

** Candidate of psychological Sciences, Professor of the Department of Developmental psychology, Perm state national research University

Psychometrics of the Russian version (Shchebetenko, 2014) of the Big Five Inventory (BFI; John et al., 1991, 2008) and of the attitude toward traits BFI (ABFI) have been considered in the present paper. Extant literature shows that the subscales of the Russian BFI and ABFI demonstrate at least acceptable internal consistency, along with good constructive, convergent, and divergent validity. However, the research on retest reliability of the Russian BFI and ABFI has been absent to date. The participants were 906 undergraduates from a Russian university. Again, the Russian BFI and ABFI showed good internal consistency and convergent validity. Of importance, the measures revealed good retest reliability.

Keywords: Big Five Inventory, personality traits, attitudes toward traits, psychometrics.

Природа нашего «Я»

О. И. Мотков (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
доцент кафедры психологии личности, Российский государственный
гуманитарный университет; e-mail: oleg1748@yandex.ru*

В статье описано новое понимание «Я» как естественного механизма личности. Он представляет собой структуру из трех динамических, постоянно действующих сетей (полей), расположенных в центре трех основных уровней личности – Базового уровня, Относительно устойчивого и Оперативного. Соответственно этим уровням выделяются отдельные подструктуры «Я»: Первичное Я, Вторичное Я и Оперативное Я. Все они, помимо специальных, выполняют еще и общие функции: сканирования состояния проецируемых в них ярлыков компонентов своего уровня, интеграции и соотнесения этих ярлыков, их оценки и выбора ярлыка приоритетного стремления (или мотива, или ситуативной цели), передачи главного ярлыка стремления и дополняющих ярлыков с первого и второго уровней на уровень Оперативной личности и обратно. В последнем организуется прямое взаимодействие с внешним миром и своими ресурсами и опытом, ставятся ситуативные цели и строится план реализации поведения, включается и корректируется его выполнение. Также кратко рассмотрены возможные нейрофизиологические корреляты механизма «Я» и особенности его развития в онтогенезе.

Ключевые слова: функции и структура механизма «Я» личности, ярлыки личностных характеристик, отдельные функции и взаимодействия Первичного Я, Вторичного Я и Оперативного Я, нейропсихологические корреляты и развитие сетей «Я».

Существует ли изначальное «Я»?

«Я» есть то, что в каждую данную минуту сознает, между тем как эмпирическая личность есть только один из сознаваемых объек-

тов...Чистое „Я“ есть мыслящий субъект» (Джемс, 1991, с. 100). Кажется бы, Джемс с симпатией относится к этому интуитивному самоощущению неизменности и постоянства нашего «Я», нашего внутреннего «деятеля». Однако в дальнейшем тексте он озадачивает читателя: «Психология имеет дело только с теми или другими состояниями сознания. Доказывать существование души [т. е. чистого «Я». – О. М.] – дело метафизики или богословия, но для психологии такая гипотеза субстанционального принципа единства излишня» (там же, с. 106–109).

Однако в бодрствующем состоянии мы всегда знаем, что некий внутренний *командный пункт*, руководствуясь содержанием нашей цели, управляет нашими познавательными и моторными процессами. Например, я говорю себе: «Подними левую руку вверх!» И тут же поднимаю ее. Кто или что во мне отдает этот приказ, включает его выполнение и контролирует процесс? Объяснение этого состоит в следующем: в моей психике, в *центральной управляющей ее части – личности* – есть инстанция, которая ставит и удерживает важные цели, строит планы, отдает руке мысленный приказ, включает и организует ее движения, контролирует их осуществление. Этот *управляющий, руководящий механизм* имеет изначальную возможность подключать исполнительные психические процессы для достижения цели. Мы называем его словом «Я». Много различных целей человек ставит и старается осуществить в течение *всей* своей жизни, т. е. инстанция «Я» *постоянно* присутствует в нашей личности. Без введения представления об *особом командном центре* в личности невозможно объяснить, как организуется поведение живого существа.

Необходимость появления в эволюции отдельной структуры «Я» в психике обуславливается биологическим ограничением – возможностью организации только *однаправленного неавтоматизированного* поведения. Живая особь не может целенаправленно мыслить и двигаться сразу в нескольких направлениях. Мы можем параллельно основному проблемному поведению совершать только автоматизированные, привычные действия. *Механизм «чистого Я» призван выделять среди нескольких активных желаний наиболее сильное, значимое и приемлемое в данных условиях стремление и организовывать его успешное осуществление.*

Структура «Я» и личность

У. Джемс отождествил «эмпирическое Я» и личность, убрав вообще из рассмотрения ее «чистое эго» (Джемс, 1991). Другие авторы

считали, что область «Я» состоит уже из двух инстанций: «первичного Я» и производного, «эмпирического», «вторичного Я» (Алексеев, Оршанский, 1993; Налчаджян, 2000; Орлов, 2000). У З. Фрейда инстанция Эго, на мой взгляд, совмещает в какой-то мере функции «первичного Я» и «оперативного Я», а Сверх-Я содержит социальные и идеальные ориентиры относительно устойчивой личности (Фрейд, 1991). Структуры «Я» здесь не работают со всей личностью, а являются обслуживающими Оно инстанциями. Т. Мейнерт свел «первичное Я» и «вторичное Я» ко всей личности (Алексеев, Оршанский, 1993). А. Ю. Орлов, определив личность как «оболочку», как Я-концепцию, вывел некое «внутреннее Я» за ее пределы (Орлов, 2000). «Внутреннее Я» и личность у него суть разные структуры. Однако А. Г. Спиркин, и вслед за ним А. А. Налчаджян, утверждали, что «Я является центральной организующей, интегрирующей и регулирующей инстанцией психики... центральной инстанцией личности...» (Налчаджян, 2000, с. 271–272). Сегодня большинство авторов рассматривают в качестве «Я» только Я-концепцию, т. е. один из компонентов «вторичного Я», иногда добавляя к ее набору представлений о себе и окружающем мире, о своей самооценке и притязаниях «реальное Я» и «идеальное Я» и пр. (У. Джемс, К. Роджерс, Р. Бернс, Т. Шибутани и др.).

В результате тщательного анализа я пришел к выводу, что структура «Я» состоит из *трех центров* в соответствии с *тремя основными уровнями личности* (Мотков, 2008). Последние различаются по критериям генотипсредовой обусловленности компонентов и степень их постоянства, устойчивости: 1 – *базовый уровень*, или «базовая личность», включает определяемые преимущественно наследственностью образования («первичное Я», потребности, тенденции характер, культурологические, защитные, архетипические тенденции, первичные эмоции и требования органов тела); 2 – *относительно устойчивый уровень*, или «относительно устойчивая личность» («вторичное Я», мотивы, Я-концепция, ценности и отношения, склонности, значимые навыки, привычки, привычные эмоции); 3 – *оперативно-ситуативный уровень*, или «оперативная личность» («оперативное Я», ситуативные самооценка и уровень притязаний, мегаярлык «первичного Я» и «вторичного Я», ярлыки значимых характеристик опыта, речи, ситуативные цели, оперативный план, значимые ориентиры среды). Соответственно трем уровням личности, выделяются три отдела общей структуры «Я» – «первичное Я», «вторичное Я» и «оперативное Я». Рассмотрим этот аспект подробнее.

«Первичное Я», «вторичное Я» и «оперативное Я»

Они занимают *центральное* место на своих уровнях личности и представляют собой объемные *постоянные врожденные сети*, «матрицы», в которые проецируются значимые метки, ярлыки состояний компонентов уровня. От уровня к уровню меняется содержание, с которым работают механизмы «Я». Важно, что все отделы «Я» работают с проецирующимися в них *ярлыками* (label, tag) компонентов своего уровня и других уровней личности. Ярлыки несут в *сжатом виде главные параметры состояний и содержания* личностных характеристик. Они экономичны, подвижны, легко переносятся на другой уровень и объединяются, соотносятся в поле (сети) «Я». Организму экономичнее вести *целостную* организацию и регуляцию поведения из одного первичного системного центра, а не из нескольких. Этот центр имеет подчиненные ему подструктуры, продолжающие совершать его основные функции на других уровнях личности с базовым или другим внутренним и внешним материалом.

Некоторые *функции* блоков «Я» остаются *общими* на всех уровнях личности: это *сканирование* элементов уровня, *интеграция* их активных ярлыков, *обобщение* физических и эмоциональных состояний, *соотнесение* базовых и др. ярлыков друг с другом и *выделение*, благодаря анализу внутренних и внешних ресурсов, наиболее значимого и приемлемого в текущих условиях стремления или цели, *передача* ярлыков своего уровня на другие. От других компонентов личности разных уровней *механизм «Я» отличается своими функциями*. Все составляющие личности (а их много) стремятся направить ближайшее поведение по определенному пути и придать действиям особый стиль. Но поведение может строиться и осуществляться *только в одном* главном направлении. Структура «Я» определяет самое важное и приемлемое в данных условиях направление будущих действий. «Первичное Я» и «вторичное Я» действуют в *основном неосознанно*. «Оперативное Я» прямо связывается с сетью *сознания как бодрствования* (осознания) – т. е. с *полем ясного видения*, использует его, что ведет к целостному осознанию себя здесь и теперь как «точки Я», к самоощущению «Я», к осознанию актуального желания и ситуативных целей, важных характеристик внешней ситуации.

«Первичное Я» и «оперативное Я» действуют уже у плода. Поле «вторичного Я» также изначально, но у новорожденного почти не имеет материала для работы.

Функции «первичного Я»

Оно сканирует, интегрирует и оценивает состояния базовых потребностей и тенденций личности, определяет и выделяет ярлык наиболее приоритетного активного стремления, автоматически обобщает состояния тела в переживание единого самочувствия, и затем передает обобщенный ярлык избранного стремления, самочувствия и автоматически дополняющих их стилевых, культурологических и архетипических тенденций далее во «вторичное Я» и в «оперативное Я», запускает процессы построения поведения по его реализации. С возрастом для выбора приоритетного стремления (мотивационной доминанты) все чаще привлекаются механизм «оперативного Я» и характеристики «вторичного Я» (самооценки, притязания, привычные эмоции, навыки и пр.).

Функции «вторичного Я»

Этот отдел структуры «Я» работает с образующимися преимущественно при жизни ярлыками ценностей, мотивов, самооценок и ожиданий, навыков и привычек, привычных эмоций. Последние создаются на уровне «оперативной личности» в процессе автоматической интеграции, обобщения и оценки повторяющихся значимых характеристик ситуации и своего поведения, и затем автоматически переходят на уровень «относительно устойчивой личности». Сеть «вторичного Я» дополняет направленность обобщенного ярлыка «первичного Я» релевантными ярлыками требований, значимых установок и опыта своего уровня, и передает затем образующийся еще более комплексный мегаярлык в сеть «оперативного Я».

Функции «оперативного Я»

С санкции мегаярлыка «первичного Я» и «вторичного Я» оперативная «точка Я» организует здесь и теперь предварительный анализ особенностей внешней ситуации и внутренних ресурсов – их сканирование, интеграцию, соотнесение и оценку с помощью процессов восприятия, внимания, мышления, памяти, воображения и оценивания – под углом зрения требований мегаярлыка. В процессе анализа выделяются важные ориентиры-эвристики, порождаются ситуативные цели, строится план последовательности действий. Затем «оперативное Я» включает внешнее поведение по его осуществлению или сначала мысленно опробует его в своем оперативном поле. «Точка Я» постоянно автоматически отслеживает

параметры своих действий (затраты времени и усилий), *оценивая* их успешность, создавая при их повторении новые самоопределения, новые самооценки и притязания. В случае успеха осуществления приоритетного стремления «оперативное Я» освобождается для выполнения новой задачи.

Развитие механизмов «Я»

В онтогенезе в основном *развиваются* параметры механизма «оперативного Я» и образования «относительно устойчивой личности»: Я-концепция, ценности, мотивы, самооценка и притязания, значимые навыки и ориентиры, привычные схемы действий и т. п. Постепенно вызревают и компоненты «базовой личности»: потребности и различного рода тенденции и предпочтения. Сети «первичного Я», «вторичного Я» и «оперативного Я» имеют *биологическую* природу и определяются в большей мере созреванием. Круг личностных образований, которыми оперирует «вторичное Я», видимо, испытывает значительные *культурные* влияния и имеет *биокультурную* сущность. С возрастом поле «вторичного Я», по мере роста числа определений себя и окружающего мира, привычек, поневоле *расширяется* и начинает все чаще обращаться к помощи «оперативного Я», чтобы *упорядочить* и выстроить *более адекватные* ценностные представления о себе и мире. В период зрелости «первичное Я» больше опирается на *разум*, на работу «оперативного Я», а также на ориентиры и релевантный поведенческий *опыт*, проецирующиеся во «вторичное Я», на внутренние ресурсы самоорганизации и самоконтроля поведения. Увеличивается способность проигрывания планов будущих действий «в уме», *предвидения* результатов возможного внешнего поведения. Здесь выработка полезных установок и схем действий опыта идет в первую очередь за счет процессов осознанно направляемой самогармонизации личности.

Нейропсихология механизмов «Я»

Структура «Я» имеет нейропсихологические корреляты в подкорковых и корковых областях головного мозга – это *голубое пятно*, отделы *лимбической системы*, зона 46 и другие поля *префронтальной коры* переднего мозга, в том числе и поля его правого полушария (Геллатли, 2012; Голдберг, 2003; Лурия, 2002). Их функции развиваются в течение всей жизни живого существа. Вероятно, поля «Я» существуют и у животных. Сегодня мы находимся лишь на начальном этапе изучения нейропсихологии «Я».

Заключение

Изложена *гипотетическая модель* сущности и работы природного механизма «Я» нашей личности. В ходе эволюции выработался психический механизм, выбирающий из набора активных потребностей «базовой личности» только *одно приоритетное стремление* для его дальнейшего осуществления. Механизм «Я» в целом – инструмент личности для организации лучшей жизни, оптимального поведения по реализации актуальных потребностей, мотивов и намерений. Это *особая интегрирующая, соотносящая, выбирающая, планирующая и запускающая поведение постоянная природная сеть*. Она создает *долговременные и оперативные мотивационные доминанты* (Ухтомский, 2002). Ядром этих доминант всегда является актуальная мотивация. «Я» – наш *подлинный субъект*, внутренний «бог», создатель приоритетной направленности будущего поведения и оперативный организатор его осуществления.

С возрастом *мотивационная доминанта* все больше определяется не только по первичным критериям силы и значимости потребности, но и с учетом ее *приемлемости и осуществимости* в сложившейся ситуации при данных физических и психических возможностях, культурных и природных требованиях, своих предпочтениях. На базовом и вторичном уровнях личности направленность *первичной и вторичной Я-доминанты* автоматически, неосознанно дополняется требованиями первичных тенденций, вторичных мотивов, ценностей и привычек. *Оперативные Я-доминанты* в виде ситуативных целей и планов создаются уже более разумно и осознанно с привлечением процессов анализа внешней ситуации, внутренних ресурсов и предпочтений, опыта, процессов осознания.

Литература

- Алексеев С., Оршанский И. Я (ego) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. 1890. Т. 81. Репринт. изд. М., 1993. С. 465–472.
- Геллатли А. Мозг и разум: графический путеводитель. Ростов-на-Дону, 2012.
- Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация. М., 2003.
- Джемс У. Психология. М., 1991.
- Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. Ч. 2. Гл. V–VI. М., 2002.
- Мотков О. И. Личность и психика. Сущность, структура и развитие. Самара, 2008. URL:<http://dlib.rsl.ru/01004962868>.

- Налчаджян А. А. Я-концепция // Психология самосознания: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2000. С. 270–332.
- Орлов А. Б. «Эмпирическая» личность и ее структура // Психология самосознания. Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2000. С. 156–173.
- Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002.
- Фрейд З. 31 лекция // Введение в психоанализ: Лекции / Ред. М. Г. Ярошевский. М., 1991. С. 334–349.

“The Nature of our “Self”

O. I. Motkov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer, associate professor at the Department of Personality Psychology, Russian State University for the Humanities

This article describes a new understanding of “Self” as a natural personality mechanism. It is represented by a structure that consists of three dynamic, continuously acting fields (networks), which are located at three key levels of personality. These are the Primary Self, Secondary Self, and Operating Self. They carry out the general functions of scanning the states of their level’s components, integrating and coordinating their labels, evaluation and selection of priority striving (or motive, or purposive orientation), and transferring of its label and accessory labels from the first and second levels to the level of Operating personality, and returned. The latter level is responsible for building a plan for executing behavior and turning on its implementation. Neurophysiological correlates of the mechanism of “Self” are also presented. These correlates include locus coeruleus (“Sky-blue spot”) in the mesencephalon, some of the areas of the limbic system, area 46 and other zones of the prefrontal cortex. The development of mechanisms of “Self” occurs via maturation of the functions of the Operating and Primary Self and the appearance of a large number of formations of Secondary Self. With age, there is an increasing reliance on reason, working “in one’s head”, and experience.

Keywords: functions and structure of “Self” of personality, labels for personality characteristics, separate functions and interactions of Primary Self, Secondary Self, Operating Self, neuropsychological areas of “Self”, development of networks of “Self”.

Структура и динамика социальных представлений старшекласников о совести как отражение нравственного сознания в молодежной среде¹

Л. Ш. Мустафина (Москва)

кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: Leila.mus@gmail.com

Проанализирована структура и динамика социальных представлений (СП) о совести у старшекласников Москвы и Казани в 2008–2016 гг. Показано, что отношение современных школьников к феномену совести стабильно, а содержательная наполненность ядра СП о ней изменилась незначительно. В 2008 г. большинство старшекласников считало, что совесть независима от мнения окружающих, а страдание и раскаяние назывались как атрибут совести, в 2016 г. старшекласники акцентировали связь совести с умом человека, уважением других людей и положительными взаимоотношениями в социуме. Изменения на периферии социальных представлений старшекласников о совести свидетельствуют о возможной тенденции постепенного «размывания» этих представлений среди молодежи.

Ключевые слова: совесть, структура социальных представлений, динамика социальных представлений, нравственное сознание, нравственные ориентиры, молодежь, старшекласники.

Постановка проблемы

Человек социален по своей природе, и общество задает определенные нормы, ориентиры, преломляя которые человек выстраивает свой жизненный путь. Экономические, политические и общественные преобразования в современном российском обществе и в ми-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-36-01228.

ровом сообществе в целом неизбежно сопровождается изменением нравственных представлений и норм. Особая сензитивность молодых людей к явлениям социальной жизни, происходящим переменам приводит к тому, что в представлениях молодежи наиболее отчетливо отражаются тенденции развития общественного сознания.

Важнейшей составляющей нравственного сознания личности является совесть. Исследование данного феномена сопряжено с серьезными трудностями: с одной стороны, совесть тесно связана с сознанием, с другой стороны, в ее функционировании много неосознаваемого самим человеком. Определить прямыми методами нравственно-психологическое состояние личности сложно также потому, что высока вероятность социальной желательности ответов респондентов, а также работы защитных механизмов психики. Обращение к концепции социальных представлений в этом случае является и правомерным, и перспективным. Прежде всего, имеется в виду структурный подход к исследованию социальных представлений, позволяющий выявлять направленность происходящих в сознании человека изменений под влиянием преобразующихся условий жизни.

Социальные представления (далее СП) – это разные формы убеждений, идеологических взглядов, знаний об окружающей действительности, общественной жизни. Социальные представления являются потенциально осознаваемыми, широко разделяются членами определенной социально-культурной группы, выполняют особую роль в поддержании и регуляции внутригрупповых отношений. По мнению Ж.-К. Абрика и Г. Вашеро, именно представление определяет построение субъективной картины мира и поэтому является удобным объектом анализа причин поведения (цит. по: Донцов, Емельянова, 1987).

В конкретных исследованиях часто используют концепцию Ж.-К. Абрика, в которой он, развивая идеи С. Московичи, представляет структуру социального представления как состоящую из центрального ядра и периферической системы. Центральное ядро отвечает за стабильность, ригидность и последовательность представлений, позволяет определять значение социального представления и его организацию. Элементы центрального ядра тесно связаны с коллективной памятью, устойчивы к изменениям. Периферическая система состоит из элементов, которым свойственна мобильность, подвижность и индивидуальные различия. Она чувствительна к определенному контексту, адаптируется к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания, предохраняет центральное ядро от внешних воздействий (Abric, 1993; Емельянова, 2006).

Мы считаем, что исследование структуры СП о совести поможет отразить состояние нравственного сознания современной молодежи.

Организация и методики эмпирического исследования

При построении программы эмпирического исследования (Воловикова, Мустафина, 2016; Мустафина, 2016) мы опирались на классические работы в области исследования социальных представлений (Московичи, 1995; Abric, 1993; Verges, 1992; Пашенко-де Превиль, 2012; Емельянова, 2006; и др.). Исследование структуры и динамики социальных представлений о совести проводилось в 2008 и 2016 гг. на старшекласниках Москвы и Казани.

Методики исследования

1. В исследовании применялась авторская анкета, составленная на базе результатов двух подготовительных этапов эмпирического исследования, состоящая из 39 суждений о совести (Воловикова, Мустафина, 2016). Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале, в какой степени предложенные им высказывания совпадают с их представлениями о совести.
2. Для обработки заполненных анкет использовалась оценочная шкала, составленная Т. П. Емельяновой на основе работ Ж.-К. Абрика, по которой предлагается при анализе структуры социальных представлений вычислять коэффициент позитивных ответов ТСП (*фр. taux categorie que positif*): $TSP = (n(4) + n(5)) / N \times 100$, где: $n(4)$ – число ответов «согласен», $n(5)$ – число ответов «совершенно согласен», N – общее число ответов (Емельянова, 2006, с. 243). В ядро социальных представлений входят элементы (утверждения), коэффициент позитивных ответов которых ≥ 63 .
3. Методика П. Вержеса для обработки ассоциаций.

Выборку исследования составили учащиеся 9, 10 и 11 классов общеобразовательных школ городов Москвы и Казани в возрасте от 14 до 17 лет. В 2008 г. в исследовании по методу Ж.-К. Абрика приняли участие 158 респондентов, в 2016 г. – 191 респондент, выборка по методу П. Вержеса составила 100 респондентов в 2008 г. и 105 респондентов в 2016 г.

Результаты проведенного сравнения показали, что по количеству утверждений ядро представлений почти не претерпело изменений: в 2008 г. у старшеклассников ядро социальных представлений о совести состояло из 12 элементов, в 2016 г. стало состоять из 13 элементов (см. таблицу 1).

В содержательном плане в ядре СП старшеклассников о совести акцентированы связь понятия «совесть» с умом человека и утверждение о положительном влиянии совести на жизнедеятельность человека (*«От совести зависит способность совершать обдуманные поступки»*, *«Совесть помогает уважать других и самого себя»*, *«Совесть способствует нормальным отношениям между людьми»*). В сознании современных старшеклассников феномен совести тесно связан с личностными характеристиками – самоуважением, уважением других, разумностью, взаимоотношениями в социуме.

В целом, старшеклассники в 2016 г. статистически чаще, чем старшеклассники в 2008 г., соглашаются с утверждениями, наиболее полно и глубоко отражающими содержание феномена совести (*«Совесть – это форма самосознания и самоконтроля человека»*, *«Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими»*, *«Это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать»* и др.), и с утверждениями анкеты, характеризующими положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества (*«Совесть помогает уважать других и самого себя»*, *«Совесть позволяет людям доверять друг другу»*). Вместе с тем старшеклассники в 2016 г. статистически реже, чем старшеклассники 2008 г., соглашаются с утверждениями о независимости совести от внешних оценок (*«Совесть независима от мнения окружающих»*) и о врожденной природе совести (*«Совесть есть у всех людей, только не все ее слушают»*).

Наряду с устойчиво позитивным характером элементов ядра СП о совести, среди старшеклассников с 2008 по 2016 г. намечается тенденция к увеличению числа респондентов с противоречивостью внутреннего содержания представлений, разделяющих цинично-прагматичное отношение к совести. Увеличился коэффициент позитивных ответов по следующим утверждениям анкеты: *«Совесть не нужна»*, *«Совесть нужна для личной выгоды»*, *«Совесть – одно из чувств, которое человеку приходится демонстрировать другим для поддержания общественных связей»*, *«Совесть помогает добиться прощения за проступки»*. Вместе с тем к 2016 г. снизилось

Таблица 1

Ядро социальных представлений о совести у старшеклассников в 2008 и в 2016 гг.

Утверждения анкеты	Коэффициент позитивных ответов старшеклассников 2008 г.	Коэффициент позитивных ответов старшеклассников 2016 г.
<i>Утверждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести:</i>		
(2) Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими	87	90
(4) Совесть – это форма самосознания и самоконтроля человека	69	72
(20) Совесть вызывает страдание и раскаяние при нарушении нравственных законов	75	62
(26) Совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать	76	77
<i>Понятия о характере развития совести, ее природе – приобретенный характер:</i>		
(9) У разных людей совесть развита в разной степени	92	92
(13) В человеке совесть закладывается воспитанием	76	81
(31) Человек сам у себя воспитывает совесть	70	70
<i>Понятия о характере развития совести, ее природе – врожденный характер:</i>		
(30) Совесть есть у всех людей, только не все ее слушают	81	67
<i>Независимость совести от внешних оценок:</i>		
(24) Совесть независима от мнения окружающих	68	57
(26) Совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать	73	74
<i>Регулирующая функция совести:</i>		
(3) Совесть помогает не выходить за рамки приличия и чувствовать грань дозволенного	77	73
(10) Совесть – регулятор поведения и человеческих поступков	67	81
(16) Совесть помогает уважать других и самого себя	56	69
(23) Совесть формирует личность человека	66	74
(39) Совесть способствует нормальным отношениям между людьми	60	64
<i>Связь совести с умом человека:</i>		
(19) От совести зависит способность совершать обдуманные поступки	56	71

Примечание: Ядерные элементы социальных представлений отмечены жирным шрифтом.

количество старшекласников, разделяющих негативные представления о роли совести: «От совести многие люди хотят избавиться, это чувство мешает», «Совесть мало что способна изменить в мире». Следует отметить, что утверждения с негативным смыслом в целом по выборке не входят в ядро СП современных старшекласников о совести, а относятся к периферии СП.

С помощью анализа ассоциаций по методу Пьера Вержеса (Verges, 1992) мы также выделяли структуру СП старшекласников о совести и осуществили прогноз о ее возможной динамике. Старшекласники указывали в среднем от 3 до 5 слов-ассоциаций на понятие «совесть». Результаты анализа ассоциаций школьников о совести в 2008 и в 2016 гг. представлены в таблицах 2 и 3.

Как видно из таблиц 2 и 3, в ядре представлений школьников 2008 г. лидирует ассоциация «ответственность», а в 2016 г. – «честность». В зону потенциальных изменений СП о совести попали ассоциации «уважение», «искренность», «порядочность», «отсутствие совести» (под этой условной ассоциацией мы объединили такие ответы, как «нет совести», «ее нет», «пустота», «отсутствие», «бездействие совести» и т. п.). Ассоциации, навязанные СМИ, – «стыд», «угрызения», «долг», «правда», «поступок». Периферию СП составили ассоциации «сознание», «доброта», «понимание», «разум». Получается, что у старшекласников совесть ассоциируется с высоко-

Таблица 2
Структура социальных представлений школьников
Москвы и Казани о совести 2008 г. (N=100)

Ядро социальных представлений			Ассоциации, навязанные СМИ		
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
Ответственность	30	1,766	Стыд	18	2,166
Честность	24	1,5	Угрызания	16	2,562
Честь	15	1,53	Долг	8	2,25
Правда	8	1,875	Разум	10	2,30
Зона потенциальных изменений			Периферия социальных представлений		
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
Отсутствие (совести)	4	1,25	Сознание	7	2,14
Обязанность	4	1,25	Доброта	5	2,80
Уважение	5	1,80	Понимание	4	4,00
Порядочность	7	2,00	Мучение	4	2,25

Таблица 3

Структура социальных представлений школьников
Москвы и Казани о совести 2016 г. (N=105)

Ядро социальных представлений			Ассоциации, навязанные СМИ		
<i>Ассоциации</i>	<i>Частота</i>	<i>Ранг</i>	<i>Ассоциации</i>	<i>Частота</i>	<i>Ранг</i>
Честность	33	2,12	Стыд	12	2,50
Честь	15	2,40	Угрызения	9	2,80
Ответственность	12	2,25	Правда	16	2,50
			Поступок	10	3,20
Зона потенциальных изменений			Периферия социальных представлений		
<i>Ассоциации</i>	<i>Частота</i>	<i>Ранг</i>	<i>Ассоциации</i>	<i>Частота</i>	<i>Ранг</i>
Уважение	6	2,17	Разум	8	2,50
Искренность	7	1,86	Душа	4	3,00
Отсутствие (совести)	6	1,83	Доброта	7	3,00
			Страх	4	2,75

нравственными качествами человека и это является центральной частью их социальных представлений о совести.

Следует обратить внимание на то, что в зоне потенциальных изменений СП о совести у школьников находится ассоциация «отсутствие совести». Мы предполагали, что к 2016 г. представление молодежи об отсутствии совести у современных людей может войти в ядерную часть их СП, что косвенно могло бы свидетельствовать о духовно-нравственном кризисе современного российского общества. Однако этого не произошло: место данной категории в структуре СП осталось неизменным.

Необходимо заметить, что разброс содержания ассоциаций со словом «совесть» к 2016 г. значительно увеличился. Наряду с устойчиво позитивным смыслом ассоциаций с понятием «совесть», у старшеклассников с 2008 по 2016 г. значительно возросло число ассоциаций с негативной окраской (боль, грусть, тоска, глупость, невыгодность, угнетение совестью и т. п.). Это говорит о субъективной остроте данной темы и о наличии негативных эмоций у старшеклассников в отношении феномена совести.

В 2016 г. появился также новый содержательный пласт ассоциаций с понятием «совесть», связанных с силой человеческого духа (храбрость, смелость, решительность, получение сил, борьба и т. п.), который практически отсутствовал в представлениях старшеклассников в проведенном ранее исследовании.

Заключение

Таким образом, полученные результаты позволяют предположить сохранение устойчивого позитивного отношения к феномену совести у молодежи в настоящее время.

Вместе с тем, проявились и негативные тенденции (недостаточная включенность в ядро представлений выделенных суждений о совести, выбор некоторыми респондентами противоречивых утверждений о совести, увеличение ассоциаций с негативным смыслом).

По результатам обеих методик выявилось, что в сознании старшеклассников в 2016 г. феномен «совесть» теснее связывается с социальными взаимоотношениями, при этом внутренняя эмоциональная напряженность возрастает, что может свидетельствовать о некоторых особенностях СП старшеклассников о совести. К ним можно отнести недостаточную полноту представлений о сущности совести, противоречивость содержания этих представлений, что косвенно доказывает фрагментарное знакомство современных старшеклассников с механизмом функционирования данного феномена.

Выявленная динамика СП о совести со смещением акцента в сторону социально одобряемых мнений свидетельствует о том, что происходит трансформация представлений о совести: понимание совести не как внутриличностного регулятора, а, скорее, как отражения оценки социального окружения.

Несмотря на полученные противоречивые результаты, главным является то, что в СП молодежи совесть по-прежнему предстает как необходимый и уникальный феномен, который помогает регулировать отношения с обществом, определяет действия и поступки человека.

Литература

- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
- Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Мустафина Л. Ш. Особенности представлений старшеклассников о совести // Психология обучения. 2016. № 6. С. 86–93.

- Пащенко-де Превиль Е.* Карьера в понимании молодежи: сравнительный анализ социальных представлений российских и французских студентов // Вопросы психологии. 2012. №4. С. 48–61.
- Abric J.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representation. 1993. V. 2. P. 75–78.
- Verges P.* L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XL. P. 203–209.

Structure and dynamics of social representations of schoolchildren about conscience as a reflection of moral consciousness in the youth environment

L. Sh. Mustafina (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer,
Institute of Psychology of RAS

The social representations' (SR) structure and dynamics about conscience among upperclassmen of Moscow and Kazan in 2008–2016 was analyzed. It was shown that the social representations of modern upperclassmen about conscience phenomenon were constant, and the content of the core of SR about conscience has varied slightly. In 2008 the majority of upperclassmen a the conscience is independent of the opinions of others, and suffering and remorse were pointed as attributes of conscience, in 2016 the upperclassmen gave their accent on the relation between the conscience and the man mind, respect of others and the positive relationships in society. The changes on the periphery of the SR about the conscience could show a possible trend of gradual and slow “blurring” of representations about conscience among the young.

Keywords: conscience, social representations, dynamics of social representations, core and periphery of social representations, moral development, upperclassmen.

Принятие дискриминационного поведения по отношению к женщинам с различным этнокультурным оформлением внешнего облика: возрастной аспект¹

Д. В. Погонцева, А. Е. Прокопьева** (Ростов-на-Дону)*

** кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет e-mail: pogoncevadv@sfedu.ru*

*** бакалавр, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет; e-mail: anna0895@mail.ru*

В данной работе рассматривается возрастной аспект принятия дискриминационного поведения по отношению к женщинам с различным этнорелигиозным оформлением внешнего облика. Приводится эмпирическое исследование, объектом которого выступили 807 человек: 436 женщин и 371 мужчина, в возрасте от 18 до 35 лет. Респондентам было предложен набор фотографий девушек в хиджабе и без него (5 пар фотографий). К каждой фотографии была предложены 3 ситуации, предложенные в работе В. А. Лабунской, А. А. Безьян: «Оказание услуги», «Совместное проживание», «Прогулка по городу». В результате эмпирического исследования делаются выводы о том, что с возрастом восприятие женщин, чей внешний облик оформлен в соответствии с определенными этнокультурными особенностями воспринимается менее критично. Полученные данные также могут указывать на то, что с возрастом повышается уровень принятия Другого, а также непринятия дискриминационного отношения Другого направленного на женщин с различным этнорелигиозным оформлением внешнего облика.

Ключевые слова: дискриминационное поведение, оформление внешнего облика, этнолукизм, хиджаб.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-36-00049.

Постановка проблемы

В современном мире на фоне роста тенденций дегуманизации, культурного упадка и обострения противоречий нередко случаи дискриминации людей в связи с их внешним обликом. Данный вид дискриминации в современной психологии получил название «лукизм» и включает в себя несколько подвидов (дискриминация по весу, росту, цвету волос, привлекательности и т. д.). Феномен лукизма проявляется в различных социально-культурных контекстах взаимодействия, характеризующихся особыми социально-психологическими интерпретациями значимости, ценности внешнего облика, его «инвестиционной» силы (Лабунская, 2016). Одной из форм дискриминации является *этнолукизм*, направленный на представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика. По сути, оценка этнокультурной принадлежности основывается здесь на восприятии внешнего облика, а его результат запускает определенное отношение к представителям данной группы – дискриминационное или толерантное.

Организация и методика эмпирического исследования

В наших предыдущих работах (Погонцева, 2016) мы уже затрагивали различные аспекты восприятия этнокультурного оформления внешнего облика. Продолжая исследование, мы поставили задачу рассмотреть принятие дискриминационного поведения по отношению к женщинам с различным этнорелигиозным оформлением внешнего облика с учетом возрастного аспекта.

Методика исследования

В связи с этим респондентам предлагалось заполнить анкету, в которой они указывали свой пол, возраст, этническую принадлежность. Далее они получали набор фотографий девушек в хиджабе и без него (5 пар фотографий). К каждой фотографии прилагалось описание трех ситуаций, предложенных в работе В. А. Лабунской и А. А. Бзезян (Лабунская, Бзезян, 2014).

Ситуация 1. Девушка, представленная на фотографии, приходит в библиотеку, чтобы взять книгу. Работник библиотеки неохотно разговаривает с ней и пытается отказать ей в выдаче книги, ссылаясь на то, что такие, как она, небрежно обращаются с книгами, часто теряют их, не возвращают в библиотеку.

Ситуация 2. В пансионате заезд отдыхающих происходит в течение дня. Приехавшие ранее отдыхающие попросили менеджера пансионата не селить на оставшееся свободное место в их комнате девушку с фотографии.

Ситуация 3. Девушка, представленная на фотографии, приехала в гости к родственникам. На следующий день они пошли прогуляться. На одной из площадей города их останавливает сотрудник полиции и просит предъявить паспорта. Девушка предъявляет ему свой паспорт, который в полном порядке, но полицейский задерживает ее.

Респондентам предлагалось оценить, насколько они согласны с поведением лиц, взаимодействующих с девушками в предложенных ситуациях (от «полностью не согласен», до «полностью согласен»).

Выборку исследования составили 807 человек: 436 женщин и 371 мужчина в возрасте от 18 до 35 лет, средний возраст – 25 лет, все жители Южного федерального округа. Территориальный выбор респондентов был обусловлен тем, что в данном регионе наблюдается высокий процент жителей, исповедующих ислам.

Результаты исследования

В ходе корреляционного анализа был выявлен ряд связей, при этом, во-первых, корреляционные связи разнонаправленные, во-вторых, не во всех ситуациях наблюдаются корреляционные связи с возрастом.

Так, при оценке фотографии 9 девушек-блондинок без хиджаба не было выявлено корреляционной связи, также как в случае оценки ситуации 2 по отношению к девушкам на фотографиях 1, 2, 4, 5 в хиджабах и ситуации 3 по отношению к девушкам на фотографиях 3 в хиджабе и 6, 8, 9, 10 – без хиджаба. Кроме того, отрицательная корреляционная связь обнаружена между возрастом и отношением к дискриминационному поведению в ситуации 2 по отношению к девушкам на фотографии 3 (девушки в хиджабе) ($r=-0,10$ при $p<0,05$); на фотографии 7 (девушки без хиджаба) ($r=-0,11$ при $p<0,05$) и фотографии 8 (девушка без хиджаба) ($r=-0,08$ при $p<0,05$). Таким образом, чем старше респонденты, тем чаще они не принимают дискриминационное поведение Другого. В тоже время по отношению к девушкам без хиджаба с фотографии 6 ($r=0,10$ при $p<0,05$) и девушке без хиджаба с фотографии 10 ($r=0,08$ при $p<0,05$) наблюдается прямая корреляционная связь. На примере ситуации с подселением в гостиницу можно наблюдать интересный феномен, когда на принятие ситуации дискриминации влияет не столько хиджаб, сколько оценка девушки на фотографии в целом. Именно этим мы можем объяснить такие результаты.

При рассмотрении ситуации 1 (в библиотеке) выявлена прямая корреляционная связь при оценке ситуации по отношению к девушкам на фотографиях: 1 ($r=0,15$ при $p<0,05$); 2 ($r=0,12$ при $p<0,05$); 3 ($r=0,08$ при $p<0,05$); 4 ($r=0,15$ при $p<0,05$); 5 ($r=0,14$ при $p<0,05$); 6 ($r=0,18$ при $p<0,05$); 7 ($r=0,14$ при $p<0,05$), 10 ($r=0,09$ при $p<0,05$).

При рассмотрении ситуации 3 (прогулка по городу) выявлена прямая корреляционная связь при оценке ситуации по отношению к девушкам на фотографиях: 1 ($r=0,13$ при $p<0,05$); 2 ($r=0,08$ при $p<0,05$); 4 ($r=0,08$ при $p<0,05$); 5 ($r=0,11$ при $p<0,05$); 7 ($r=0,08$ при $p<0,05$). Такие показатели указывают на то, что чем старше становится человек, тем менее он согласен одобрять/принимать дискриминационное поведение Другого. Следует отметить, что данная связь более выражена в случае оценки ситуаций по отношению к девушкам в хиджабах. Таким образом, это косвенно указывает на то, что чем младше респонденты, тем в больших количествах ситуаций они склонны принимать/одобрять дискриминационное отношение Другого по отношению к девушкам в хиджабах (9 случаев из 15) и реже – по отношению к девушкам без хиджаба (6 случаев из 15).

Заключение

В целом можно высказать предположение о том, что с возрастом восприятие женщин, чей внешний облик оформлен в соответствии с определенными этнокультурными особенностями, становится менее критичным. Полученные данные также могут указывать на то, что с возрастом повышается уровень принятия Другого, а также неприятия дискриминационного отношения Другого, направленного на женщин и оцениваемого некоторыми респондентами как проявление «несправедливости». В тоже время интересен тот факт, что существуют различия в принятии дискриминации, как женщин в хиджабах, так и без них, что может свидетельствовать о том, что, кроме наличия хиджаба, на принятие/непринятие дискриминационного поведения Другого могут влиять иные особенности внешнего облика девушек, представленных на фотографиях (аттрактивность / неаттрактивность).

Полученные нами данные указывают на наличие двух феноменов: лукизма (т. е. категоризации Другого по внешнему облику) и этнолукизма, который базируется на основе «аррегансе» стереотипов, в основе которых, в свою очередь, лежит классификация людей в соответствии с антропологическими или этнокультурными типами внешнего облика.

Литература

- Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 19–33.
- Лабунская В. А., Безьян А. А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы четвертой Международной научной конференции. 30–31 мая 2014 г. Смоленск, 2014. Т. 1. С. 50–55.
- Лабунская В. А., Безьян А. А. Особенности дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп: гендерно-ситуационный анализ // Гендерные реалии 21 века: Сборник научных статей: Материалы XI Международных гендерных чтений. 28 марта 2014 г. Ростов-на-Дону, 2014. С. 130–134.
- Погонцева Д. В. Виды дискриминации в современной социальной психологии // Психолог. 2016. № 5. С. 1–6.
- Погонцева Д. В. Формы проявления этнолукизма (на примере современных зарубежных исследований) // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. Краснодар, 2016. С. 112–114.
- Погонцева Д. В. Особенности отношения к девушкам с различным оформлением внешнего облика: роль хиджаба // Психология и психотехника. 2015. № 3. С. 235–244.
- Погонцева Д. В., Кожухарь Г. С. Особенности религиозной категоризации женщин в хиджабе и без него // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 265–276.

Adoption of discriminatory behavior towards women with different ethno-religious appearance: the age aspect

*D. V. Pogontseva**, *A. E. Prokopenva*** (Rostov-on-Don)

* Candidate of psychological sciences, associate professor at the Department of social psychology and psychology of the personality, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University

** Bachelor, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University

This paper considers the age aspect of adopting discriminatory behavior towards women with different ethno-religious design of the external appearance. An empirical study is presented, with the object of 807 people:

436 women and 371 men, aged 18 to 35 years. Respondents were offered a set of photographs of girls in hijab and without it (5 pairs of photographs). For each photo, three situations proposed in the work of V. A. Labunskaya, A. A. Bzezyan: "Rendering services", "Joint living", "Walking around the city". As a result of empirical research, conclusions are drawn that with age, the perception of women whose appearance is shaped in accordance with certain ethno-cultural characteristics is perceived less critically. The data obtained can also indicate that with age, the level of acceptance of the Other increases, as well as the non-acceptance of the discriminatory attitude of the Other directed at women with different ethno-religious design of the external appearance.

Keywords: discriminatory behavior, appearance design, ethnocentrism, hijab.

Личностные характеристики женщин с разным опытом материнства¹

А. Г. Радостева, Д. С. Корниенко** (Пермь)*

** ассистент кафедры психологии
Пермского государственного гуманитарно-педагогического
университета; e-mail: batagen@gmail.com*

*** доктор психологических наук, доцент, зав. кафедрой
общей и клинической психологии
Пермского государственного национального исследовательского
университета; e-mail: dscorney@gmail.com*

Значительная часть исследований посвящена изучению материнства в контексте детско-родительских и супружеских отношений. Личностные характеристики женщин и их изменение зачастую не рассматривается, но именно ими определяются способы выстраивания взаимоотношений, предпочтения в родительских установках. Данное исследование посвящено изучению личностных характеристик женщин с разным опытом материнства. Выборка состоит из трех подгрупп: беременные женщины, имеющие ребенка до 5 лет и женщины, не имеющие детей (всего 590 чел., возраст – 18–40 лет ($M=24,7$; $SD=4,5$)). Свойства личности: экстраверсия, невротизм, открытость опыту, доброжелательность и сознательность – измерялись при помощи «Пятифакторного личностного опросника». Данные обрабатывались дисперсионным анализом. Основные результаты: беременные женщины демонстрируют меньший невротизм и большую сознательность, в отличие от женщин имеющих/не имеющих детей. Женщины без опыта материнства имеют более высокие показатели открытости опыту.

Ключевые слова: личность, материнство, беременность, невротизм, открытость опыту, сознательность.

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-16-59001.

Постановка проблемы

Одним из активно развивающихся направлений в современной психологии является психология материнства. Исследования в рамках данного направления довольно разнообразны: интерес вызывает изучение психологической и личностной готовности женщины к материнству (Баз, Баженова, Копыл, 1993; Брутман, Филиппова, Хамитова, 2002; Мещерякова, 2000); факторов, влияющих на развитие в структуре личности женщин материнской сферы (Филиппова, 2002); психологического состояния беременных женщин (Брутман, Радионова, 1997; Брутман, Филиппова, Хамитова, 2002), в том числе при нормальной и осложненной патологиями беременности (Коваленко, 2001; Русалов, Рудина, 2003; Филиппова, 2003); изменения структуры личности женщин в связи с появлением ребенка (Образцова, Бахчеева, 2014).

В современной психологии личности материнство изучается в аспекте удовлетворенности женщины ролью матери, рассматривается как стадия личностной и половой идентификации. Оно обсуждается с точки зрения личностного развития женщины, психологических и физиологических особенностей разных периодов репродуктивного цикла (С. Ю. Мещерякова, Г. Г. Филиппова и др.). Материнство подразумевает готовность женщины к рождению ребенка, что предполагает ее внутреннюю работу, заключающуюся в осознании своих жизненных ценностей и задач, готовности освоить новую социальную роль, принятии на себя ответственности и многочисленных обязанностей.

Неосознаваемые представления женщин о материнстве основываются на их личностных качествах, длительности семейной жизни и полученного опыта, а также на готовности женщины к специфическому материнскому поведению. Немаловажным является способность женщины регулировать свое поведение без излишних усилий и конфликтных переживаний на уровне «Я» (Ковалева, Сергиенко, 2004).

Основная масса исследований посвящена изучению материнства в контексте детско-родительских и супружеских отношений. Вместе с тем особого внимания заслуживает изучение личностных характеристик самих женщин, поскольку именно ими определяются способности выстраивания взаимоотношений и предпочтения в родительских установках. Наиболее исследуемыми у беременных женщин личностными свойствами являются тревожность и депрессивность, которые являются главными компонентами их эмоционального состояния. При этом причинами тревожности и депрессивности у беременных могут выступать различные факторы: социальные, сома-

тические, психологические (O'Connor et al., 2014). Как показывает анализ работ, исследование феномена материнства и личностных характеристик возможно у женщин, еще не имеющих детей, как этапа прогнозирования будущего материнства; у беременных женщин – как периода становления образа матери; у женщин, имеющих детей – как фиксирование складывающегося образа материнства. В связи с этим важным является исследование и сравнение характеристик личности женщин в зависимости от опыта материнства.

Организация эмпирического исследования

Выборку данного исследования составили 590 женщин, разделенные на три подгруппы: беременные женщины (203 чел.) ($M=24,8$; $SD=4,4$), женщины, имеющие ребенка возрастом до 5 лет (233 чел.) ($M=26,2$; $SD=4,6$), женщины, не имеющие детей (154 чел.) ($M=22,4$; $SD=3,7$). Возраст испытуемых во всей выборке – от 18 до 40 лет ($M=24,7$; $SD=4,5$).

Диагностика личностных свойств испытуемых проводилась с помощью методики «Пятифакторный личностный опросник» Р. Маккрей, П. Коста в адаптации С. Д. Бирюкова, М. В. Бодунова. Выделялись следующие показатели: экстраверсия, невротизм, открытость опыту, доброжелательность и сознательность.

Сравнение характеристик личности женщин с разным опытом материнства проводилось с помощью дисперсионного анализа.

Результаты исследования

Обнаружены значимые эффекты «опыта материнства» (беременная, с детьми, без детей) на показатели невротизма ($F(2, 58)=11,43$; $p<0,001$), открытости опыту ($F(2, 58)=3,43$; $p<0,03$), сознательности ($F(2, 58)=3,69$; $p<0,03$). Средние (и стандартные отклонения) показатели невротизма, открытости опыту, сознательности в разных группах женщин приведены в таблице 1.

Posthoc сравнения свидетельствовали о том, что у беременных женщин невротизм выражен в меньшей степени, чем у женщин имеющих или не имеющих детей ($p<0,001$). Женщины, имеющие детей, и женщины, не имеющие детей, не имеют значимых различий по невротизму.

Женщины, не имеющие детей, значимо отличаются от женщин с детьми и беременных более высокими значениями показателя открытости опыту ($p<0,03$). Беременные и женщины, имеющие детей, значимо не различаются по данному показателю.

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения показателей невротизма, открытости опыту, сознательности в различных группах женщин

Подгруппа	N	Невротизм		Открытость опыту		Сознательность	
		Ср. ар	Ст. откл.	Ср. ар.	Ст. откл.	Ср. ар.	Ст. откл.
Беременные	203	20,99	7,18	26,02	5,66	31,77	7,33
С детьми	233	24,34	8,17	25,72	6,17	29,84	7,83
Без детей	152	24,07	8,21	27,29	5,88	30,68	6,73

Свойство сознательности больше выражено у беременных, нежели у женщин, имеющих или не имеющих детей, между которыми отсутствуют значимые различия по данному показателю.

Полученные результаты позволяют констатировать, что беременные женщины значимо отличаются от женщин имеющих и не имеющих детей, демонстрируя меньшие значения по показателю невротизма. Как это ни удивительно, но именно беременные женщины характеризуются большим спокойствием, уравновешенностью, в то время как женщины без детей и еще больше – женщины с детьми демонстрируют повышенную эмоциональность. Сходные данные на выборках женщин, имеющих различное количество детей были получены другими исследователями (Корниенко, Харламова, Баландина, 2011).

Кроме того, беременные женщины, имея значимые различия по показателю сознательности с группами женщин, имеющих и не имеющих детей, отличаются большей организованностью и самоконтролем.

Женщины, не имеющие детей, значимо отличаются от женщин с детьми и беременных по показателю открытости опыту, что характеризует их как готовых к новой информации, любопытных, тогда как беременные и женщины с детьми более ограничены в своих интересах.

Вероятным объяснением является не изменение личностных свойств, а восприятие женщинами себя и собственных характеристик, проявляемых во внешнем мире. В связи с тем, что женщинам необходимо уделять большое количество времени на взаимодействие с ребенком, их рефлексия относительно собственных личностных свойств меняется. Возможной интерпретацией является и то, что появление ребенка и, как следствие, принятие роли матери меняет структуру отношений в семье и заставляет женщину в большей степени управлять своим эмоциональным состоянием, стремиться

ся к большей определенности в организации повседневной жизни и ограничивать круг интересов.

Выявленные различия можно объяснить тем, что беременные женщины, особенно во втором и третьем триместрах беременности, сосредотачиваются на своем состоянии, погружаются в него, отслеживают изменения, происходящие с ними и с плодом. Необходимость регулярного посещения специалистов, контроль за своим состоянием, своевременное прохождение обследований требуют организованности, дисциплины и повышения ответственности.

Женщины, имеющие детей в возрасте до 5 лет, часто испытывают повышенные физические и эмоциональные нагрузки (совмещение обязанностей по дому, профессиональной деятельности с уходом за ребенком), что может приводить к повышенной раздражительности, нервозности, беспокойству и, соответственно, отражается на их эмоциональности (нейротизме).

Женщины, не имеющие детей, в меньшей степени ограничены пространством семейных отношений. Они более свободны, независимы и открыты для внешних взаимодействий. Круг их интересов шире и не ограничивается только семейным укладом; ими движет стремление к саморазвитию и самореализации.

Отсутствие значимых различий в данных группах по показателям экстраверсии и доброжелательности, характеризующим специфику межличностных взаимоотношений, говорит о том, что, возможно, данные критерии не зависят от опыта материнства. Наличие, отсутствие или ожидание ребенка не являются важным критерием для указанных показателей и не определяют значимых различий (изменений) в структуре личности женщины.

Заключение

Полученные результаты показывают, что женщины с различным опытом материнства имеют различия (или оценивают по-разному) в базовых личностных свойствах. При этом беременные демонстрируют больший уровень эмоциональной стабильности и самоконтроля в отличие от женщин, имеющих ребенка до 5 лет, и женщин без опыта материнства. Вероятным объяснением является социальная ситуация (ожидание и погруженность в собственное состояние, совмещение семьи и работы или большое число разных социальных групп), складывающаяся вокруг женщин с разным опытом материнства, что заставляет их проявлять в большей или меньшей степени личностные характеристики. Таким образом, проведенное

нами исследование свидетельствует о том, что наличие/отсутствие ребенка или период ожидания его рождения (беременность) оказывает существенное влияние на личностную сферу женщин.

Литература

- Брутман В. И., Радионова М. С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 1997. № 7. С. 38–47.
- Брутман В. И., Филиппова Г. Г., Хамитова И. Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 59–68.
- Ковалева Ю. В., Сергиенко Е. А. Контроль поведения при различном течении беременности // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е. А. Сергиенко. М., 2004. С. 424–464.
- Коваленко Н. П. Психопрофилактика и психокоррекция женщин в период беременности и родов: Перинатальная психология, медико-социальные проблемы. СПб., 2001.
- Корниенко Д. С., Баландина Л. Л., Харламова Т. М. Интегральная индивидуальность и конфигурация семьи: монография. Пермь, 2011.
- Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18–27.
- Образцова А. С., Бахчиева Э. П. Самосознание многодетных женщин // Личность, семья, общество: вопросы педагогики и психологии: Сборник материалов XXXVI Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. № 1 (36).
- Русалов В. М., Рудина Л. М. Индивидуально-психологические особенности женщин с осложненной беременностью // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 16–27.
- Филиппова Г. Г. Психологические факторы нарушения беременности и материнства // Перинатальная психология и медицина: Сборник материалов конференции по перинатальной психологии. СПб., 2003. С. 34–38.
- O'Connor T. G., Monk C., Fitelson E. M. Practitioner Review: Maternal mood in pregnancy and child development: implications for child psychology and psychiatry // Journal of child psychology and psychiatry, and allied disciplines. 2014. V. 55 (2). P. 99–111.

Personality characteristics of women with different maternal experience

A. G. Radosteva, D. S. Kornienko** (Perm)*

* Assistant professor at the Department of psychology, Perm state humanitarian-pedagogical University

** Doctor of psychological Sciences, Docent, Head of Department of General and clinical psychology, Perm state national research University

Maternity usually is studied in the context of child-parent or marital relations. Mother's personality characteristics are not in the center of attention of researchers. At the same time maternal attitudes, strategy of intrafamily relation are determined by mother's personality characteristics. The aim of this study is to reveal the differences in personality characteristics of women with different maternal experience. Sample consists of 3 subgroups: pregnant women, women with 2–5 years old child, women without kids (590 total, age 18–40, ($M=24,7$; $SD=4,5$)). Personality traits: extraversion, neurotism, openness, agreeableness, consciousness were measured by NEO-PI-R. The main results: pregnant women are showed less neurotism and more consciousness than other subgroups; women without kids are more open to experience.

Keywords: personality, maternity, pregnancy, neurotism, openness, consciousness.

Личность как субъект бытия в условиях нарастающих изменений реальности

З.И. Рябикина (Краснодар)

*доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет;
e-mail: z.ryabikina@yandex.ru*

В статье обосновывается возрастание роли *методологического принципа единства (взаимообусловленности) личности и ее бытия* в научном рассмотрении личности и социокультурной реальности. Обосновывается эвристичность научных направлений: *психология человеческого бытия и субъектно-бытийный подход к личности*. Рассмотрены достижения субъектно-бытийного подхода. Предложена интерпретация личностной идентичности, как процесса, направляющего интеграцию личности и обуславливающего вектор субъектной активности. Названы факторы, обуславливающие трансформацию личностной идентичности, в связи с возросшей скоростью изменений реальности бытия, изменениями образа жизни человека, его сознания и процессов самоидентификации. Конкретизированы задачи последующих исследований бытия как проектируемого и конструируемого самим субъектом.

Ключевые слова: личность, субъектно-бытийный подход, изменяющаяся реальность, идентичность, трансформация идентичности.

Состояние научного мировоззрения сегодня зачастую сравнивают с состоянием человека, который «*заходит за угол*». Это состояние ожидаемых, но труднопредсказуемых изменений, когда активно оформляется новый взгляд на мир, человека, его место и роль в происходящем, т. е. грядет резкая смена парадигм.

В связи с этим происходят изменения и с предметной областью современной психологии (Юревич, Журавлев, 2016; Сергиенко, 2011; и др.), в фокусе внимания которой сегодня находится сложнейший

синтетичный феномен – «бытие человека», представляющее собой организованную иерархию различных способов человеческого существования (Знаков, 2016; и др.). Бытие человека предстает как преобразованная им реальность и, одновременно, выражение подлинно человеческого способа существования. В работах С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, З. И. Рябикиной, Л. Н. Ожиговой, Г. Ю. Фоменко и многих других авторов представлена идеология преодоления бессубъектности в рассмотрении бытия. Продолжение себя в мир, переструктурирование личностью пространств своего бытия в соответствии с личностными смыслами и достижение, таким образом, аутентичного бытия, – все эти темы отражают гуманистическую идеологию в психологической интерпретации человека. В контексте сказанного *психология человеческого бытия и рассмотрение личности как субъекта бытия* обретают особое значение. В *субъектно-бытийном подходе* личность и ее бытие рассматриваются как взаимозависимые стороны единого целого, взаимообуславливающие друг друга стороны тотальности (Рябикина, 2010; и др.). Анализ *структурной организации личности, ее динамики и побудителей* показывает, что личность не может быть понята, а ее процессуальность квалифицирована, если ее бытие не включено в предметную область психологии личности.

Развивая субъектно-бытийный подход к личности, психологи Кубанского государственного университета создали *структурно-динамическую теорию гендерной идентичности* (Л. Н. Ожигова), *концепцию личности как субъекта бытия в экстремальных условиях* (Г. Ю. Фоменко), разработали *теоретико-феноменологическую модель со-бытия личности в браке* (А. Р. Тиводар, З. И. Рябикина), *модель субъектной активности личности в контексте ее обусловленности ориентацией на поддержку своей личностной идентичности* (Г. Г. Танасов, З. И. Рябикина).

В последнее время проведенные О. Р. Тучиной исследования позволили распространить подход на анализ феноменологии, закономерностей формирования и функционирования личностной идентичности в различающихся этнокультурных пространствах бытия (Тучина, 2016). Показано, что в условиях большого титульного этноса, малого интегрированного этноса и диаспоры различаются процессы самоидентификации и его результаты – определенное представление личности о себе. В различающихся условиях бытия личности приходится преодолевать различающиеся противоречия, содержательно изменяются специфичные составляющие ее идентичности. В условиях большого титульного этноса личность осу-

ществляет поиск ценностных оснований своего бытия в сопряженных пространствах: этническом, цивилизационном и гражданском. В малом интегрированном этносе личность стремится сохранить соответствие этнокультурному идеалу, обретая в этом свою бытийность. В условиях диаспоры личность ориентирована на синтез бытийных ценностей этнокультуры исторической родины и культуры принимающей стороны.

Субъектно-бытийный подход также послужил теоретико-методологическим основанием для рассмотрения и анализа *протестной активности*, концептуализированной как процесс, характеризующийся различиями в направленности субъектной активности личности (Гусейнов, 2016). Создана типология конструктивных и деструктивных форм протестной активности, осуществлен их анализ как *модусов бытия личности*, которые сложились в определенных социально-исторических условиях в результате субъектной активности личности, ориентированной на определенный вариант экзистенциального самоопределения.

Современный человек организует свое бытие в быстро *изменяемом* мире. Реальность бытия XXI в. обоснованно наделяется обозначениями, фокусирующими внимание на изменчивости: «текущая современность» (З. Бауман), «ускользающий мир» (Э. Гидденс) и т. д. Мы говорим о транзитивном состоянии общества, отсылаясь к изменениям социального пространства в связи с информационной социализацией, возрастающей виртуализацией бытия и пр. Образ жизни человека, его сознание и личностное бытие претерпевают изменения. Скорость этих изменений возрастает.

К существенным факторам, обуславливающим ускорение преобразований реальности, несомненно, следует отнести *возрастающую субъектность* личности (Рябикина, 2010). Интенсивность вмешательств человека в реальность бытия, объем осуществляемых им преобразований, сокращение дистанции между внутренним и внешним миром субъекта (между субъективным и объективным) проявляется в «легкости» объективации ментальных проектов. Благодаря информационным и постиндустриальным формам культуры, современным технологиям, обеспечивается доступ к «глобальным воплощениям» ментального продукта. Количество акторов, способных вмешаться в реальность бытия и масштаб этих возможных вмешательств возросли. Бытие – все более продукт конкретного человека, воплощение его ментальных проектов, и в этом смысле оно все более становится следствием психологических закономерностей (достоинств, дефицитов) функционирования конкретного социального субъекта.

Даже история общества как отражение преобразований социальной реальности все в меньшей степени остается *естественной* и все в большей степени конструируется (реконструируется, реконцептуализируется, реконтекстуализируется, переписывается) субъектами постоянно обновляемых проектов социального бытия. Постмодернистскому мировоззрению в целом свойственно подчеркивание возрастающей роли активности человека в выстраивании пространства собственной жизни, своего бытия и их социальной проекции в общественное устройство, в реальность социального бытия. Это, в частности, сказывается и в перенаправленности вектора научной аналитики от макропроцессов к микропроцессам (социология, психология повседневности и пр.). Предполагаемый кумулятивный эффект микропроцессов (или многократно усиленный интернет-пропагандой относительно локальный процесс) могут обуславливать и служить основанием для объяснения макропроцессуальности. Это приводит к множественности трудно учитываемых факторов и осложняет прогнозирование (Чулук, 2016). Возросшая субъектность социальных индивидов в преобразованиях реальности обуславливает множественность и многовекторность этого процесса, что приводит к осложнениям в научном понимании реальности и к невозможности точного прогноза ее динамики.

Реальность современного бытия и ее научный анализ теряют определенность, становятся все более множественными, хаотизируются. При этом, хаотизация расценивается, как естественный процесс, связанный с развитием систем. С. Манн пишет о том, что мир обречен быть хаотичным из-за многообразия факторов, имеющих разные цели и ценности, что повышает динамизм систем.

Рассматриваемая в контексте субъектно-бытийного подхода к личности субъектная позиция человека по отношению к бытию, и реализация в соответствии с этим субъектной активности в бытийных пространствах предполагают *личностную определенность*, относительную устойчивость сложившегося личностного содержания, обуславливающего возможность целеполагания; настойчивость в движении к поставленной цели, к ее реализации в прогнозируемом будущем; уверенность в значимости совершаемых деяний; непоколебимость самоотношения и векторов субъектной активности в отношениях с возможными партнерами, преследующими аналогичные или иные цели. Личностная определенность – это «знаемый и твердо усвоенный» человеком образ-Я, или *чувство личностной идентичности*, обуславливающее, как понимание человеком своего места в социальной системе (и «вытекающие» из этого регламенты отношений с другими людьми), так и достигнутую личностью

внутреннюю непротиворечивость, согласованность ее личностных смыслов, органичную связанность побуждений и возможностей.

Невозможность разрешить противоречия в системе отношений между отдельными составляющими структуры личности (нарушенная соотнесенность внешних и внутренних процессов) приводит к *диффузии идентичности*, к чувству неаутентичности бытия, отчужденности, внутренней конфликтности.

В подобном рассмотрении бытийность предстает как *повседневность*, в которой личность продолжает (продлевает) себя, подтверждая субъектной активностью свою реальность, объективируя свой субъективный мир и утверждая непрерывность своей личностной идентичности во времени и в изменяющихся системах отношений с другими людьми (Танасов, 2012). Если мы хотим понять истинную природу изучаемых явлений, важен акцент на *процессуальности*. Так полагали Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, М. Фуко, Ж. Делёз и др. известные авторы. Личность – это *интегрирующая инстанция* психики и, одновременно, динамичный *процесс непрерывающейся бытийности* в коммуникации с другими субъектами, что в итоге и создает реальность современного мира, обуславливая его макропроцессуальность. Личностная идентичность – это процесс, *направляющий интеграцию личности* (единение, синхронизацию процессов субъективного и объективных пространств бытия) и в этом качестве выполняющий системообразующую (соединение прошлого, настоящего, будущего личности; гармонизация исполняемых ролей и др.), регуляторную, смыслообразующую функции. Рассмотрение личностной идентичности как процесса предполагает *постоянный вектор субъектной активности*, обуславливаемый направленностью личности на самоопределение, на поиск поддержки и подтверждения своей идентичности (Танасов, 2012). Этот вектор активности обуславливает, как целостность личности, так и конструируемую ею реальность бытия.

Текучесть современности, стремительность изменений реальности бытия предполагают возрастание мобильности личностной идентичности. Современный человек экспериментирует с различными аспектами своей идентичности, меняя стили жизни. К существенным факторам, обуславливающим трансформацию личностной идентичности, есть основания отнести следующие:

- манипулирование общества с гендерной темой, смешение характерологических признаков индивида, связываемых с половой принадлежностью (один из важнейших аспектов личностной определенности), осложняющие процессы гендерного самоопределения личности;

- активность современных политических процессов, ориентированных на «перedel мира», вызванные этим изменения этнополитических критериев идентификации больших и малых сообществ, осложняющие обретение личностью этнической, гражданской идентичностей;
- деятельность стилистов, дизайнеров, косметологов, оголтело экспериментирующих с новыми идентификационными метками, со стилями, образами, имиджевыми масками; активные провокации, ориентирующие личность на обязательное следование моде, на подражание раскрученным «глянцевым» образцам, затрудняющие обретение личностью «собственного лица»;
- благодаря достижениям современной медицины, спорту, косметологии и пр., возникает смешение возрастных признаков человека, что проецируется на сферу межличностных отношений и вызывает неожиданные коллизии в самоопределении;
- возрастание виртуализации бытийных пространств личности, порождающее опасность «зависания» личности в виртуальном пространстве online, сегрегация отдельного аспекта бытия (виртуальное бытие), когда общение из средства, расширяющего возможности реальной жизни личности, превращается в ненасыщаемую самодовлеющую потребность, подчиняющую человека, делающую его зависимым от сформированных им в виртуальном пространстве *фальшивых самоидентификаций*, поддерживаемых виртуальными партнерами компьютерной коммуникации;
- возрастающая трансформация мира профессий, осложняющая прогнозы и проекты профессионального самоопределения;
- направленное вмешательство в сферу осознания личностью своего места в бытии в ходе информационных войн и смешения идентичностей посредством создания ложных представлений о социальной реальности, в контексте которых человека побуждают к самоопределению, выгодному для субъектов информационной войны.

На последнем из перечисленных факторов трансформации (вплоть до деструкции и деперсонализации) личностной идентичности остановимся несколько подробнее. Информационная война как одно из средств террора направлена на разрушение социальной структуры, выработанной воспитанием и социализацией структуры социального действия, в связи с чем человек теряет определенность «социального лица», лишается чувства личностной идентичности.

Основная борьба в сегодняшнем мире – это борьба за «самообраз» современного человека, определение того, ради чего совре-

менный человек живет в диалоге и во взаимодействиях с другими людьми. Если у социального субъекта нет ясного чувства идентичности, отсутствует собственная философия устройства мира в той версии, которая поддерживает устойчивый, принимаемый «самообраз», значит, человек попадает в схему «чужого господства и чужого действия» (Громыко, 2006).

Перечисленные факторы трансформации личностной идентичности в условиях быстро изменяемой реальности современного бытия провоцируют неустойчивость социальных представлений и, как следствие, – потерю человеком чувства личностной определенности. В психологическом пространстве личности возникает смешение самообразов, эффект «мерцающего» Я. Это новые вызовы психологической науке, ее возможностям понимания, интерпретации названных явлений современного бытия личности, и ее последующей готовности (инструментальной оснащенности и пр.) обеспечить поддержку важных для сохранности личности процессов.

Выполненные в рамках субъектно-бытийного подхода исследования и оцениваемые перспективы демонстрируют его ориентированность на *конструктивистское* понимание личности и ее бытия, а также возросшую роль методологического принципа единства (взаимообусловленности) личности и ее бытия в рассмотрении, понимании, интерпретации, как личности, так и социокультурной реальности (Рябкина, 2010; Харламенкова, Кумыкова, Рубченко, 2015).

Есть основания для формулировки некоторых общих утверждений, которые позволяют уточнить и конкретизировать задачи последующих исследований:

- в процессе самоидентификации (которая мыслится как единство прошлого, настоящего и будущего, по Э. Эриксону) возрастает значимость интерпретации личностью настоящего с позиции понимаемого и планируемого ею будущего не как предсказываемого, но как проектируемого и конструируемого самим субъектом;
- возникает запрос на компетентность личности в проектной деятельности, ее способность адекватно оценивать свой потенциал в конструировании реальности и самоконструировании;
- бытие – всегда со-бытие, и проект бытия личности всегда является проектом ее со-бытия, что определяет важность выявления личностью потенциальных со-субъектов в конструировании ею своего бытия как совокупности связанных микропроцессов, обуславливающих макропроцессуальность социальной реальности;

- количество «обжитых» личностью пространств бытия нарастает (пространств, в которых реализована, объективирована ее субъективность), обостряются проблемы соотносительности бытийных пространств и способности личности отвлечься от экстенсивного тренда в овладении пространствами бытия и углубить свое присутствие в тех пространствах, которые ею осознаются и конструируются как наиболее существенные для ее самоактуализации и чувства идентичности;
- пространства бытия личности все более виртуализируются, теряя, при этом, *естественную* пространственно-временную развертку и прихотливо «сворачиваясь – разворачиваясь» по законам ментального процесса;
- не только возрастает скорость изменений объективной реальности, но *нарастает вероятностный характер* направленности этих изменений, их обусловленность закономерностями ментальности, т. е. закономерности «субъективного» подчиняют (предопределяют) законы функционирования материального (ментальное подчиняет себе природное, превращая его в «нестественное»).

Таким образом, возросшая скорость изменений реальности бытия, соответствующие изменения образа жизни человека, его сознания и процессов самоидентификации формируют новый вызов к науке. Ускорение преобразований реальности связано с *возрастающей субъектностью* личности. В научной аналитике обоснованно возрастает роль методологического принципа единства (взаимобусловленности) личности и ее бытия в рассмотрении, понимании, интерпретации, как личности, так и социокультурной реальности. В этой связи *психология человеческого бытия и рассмотрение личности как субъекта бытия* обретают особое значение.

Литература

- Громько Ю. В. Антропология политической идентичности. М., 2006.
- Гусейнов А. Ш. Протестная активность личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2017.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М., 2016.
- Рябикина З. И. Субъектно-бытийный подход к личности и ее со-бытию со значимыми другими // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикинной, Е. А. Сергиенко. Краснодар, 2010. С. 130–157.
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

- Танасов Г. Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2012.
- Тучина О. Р. Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности в разных условиях бытия: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2016.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Поиск национальной идеи как психологическая проблема: размышления над текстами // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 93–104.
- Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М., 2015.
- Чулок А. 3D-печать заменит молекулярная самосборка // Lenta.ru. 29 июня 2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/20/chulok/> (дата обращения: 04.04.2017).

Personality as existence subject in the face of increasing change reality

Z. I. Ryabikina (Krasnodar)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, professor of the Department of Psychology of personality and general Psychology, Kuban State University

The article justifies increase of the role of a methodological principle of unity (interdependence) of personality and its existence in the scientific consideration of individual and sociocultural reality. Substantiates the heuristic research areas: psychology of human existence and subjective-existential approach to personality. Examined the achievements of subject-existential approach. Interpretation of personal identity, as the process guiding the integration of the personality and the underlying vector of the subject's activity. These factors, contributing to the transformation of personal identity, in connection with the increased speed of change the reality of life, changes of lifestyle of the person, its consciousness and processes of self-identification. Specific objectives of further research existence as planned and constructed by the personality.

Keywords: personality, subject-existential approach, a changing reality, identity, the transformation of the identity.

Социокультурная специфика ценностно-смысловых оснований копинг-стратегий

Н. Р. Салихова (Казань), А. С. Ахметова** (Кызылорда)*

** доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры
общей психологии Института психологии и образования,
Казанский (Приволжский) федеральный университет;
e-mail: Nailya.Salihova@kpfu.ru*

*** старший преподаватель кафедры педагогики и психологии
Кызылординского государственного университета;
e-mail: akhmetova_ayan@mail.ru*

Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания как общих, так и культурно-специфичных ресурсов совладания человека со стрессом. В исследовании сравнивались ценностно-смысловые основания копинг-стратегий у студентов Казахстана и Татарстана. На основе тестового метода определялись осмысленность жизни, параметры важности и реализованности ценностей, копинг-стратегии. Оказалось, что осмысленность жизни прямо связана с проблемно-ориентированным копингом и обратно с эмоционально-ориентированным в обеих выборках, и только у студентов Казахстана она прямо связана со стратегией социального отвлечения. У всех студентов с ценностями более всего связана стратегия избегания. По сравнению с мерой важности реализованность ценностей в жизни в большей степени связана с копинг-стратегиями, причем это более выражено у казахстанцев. Обнаружено соответствие стратегии социального отвлечения ценностям близких отношений, а стратегии отвлечения ценностям различных видов индивидуальной активности. Выявлена специфика связей копинг-стратегий с различными параметрами ценностей в данных выборках.

Ключевые слова: копинг-стратегия, ценность, смысл, осмысленность жизни, реализация ценностей, личность.

Постановка проблемы

В психологии совладающее поведение понимается как целенаправленные когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на устранение или уменьшение вредного воздействия стресса способами, адекватными личностными ситуационным особенностям (Крюкова, 2010). Согласно системному подходу в психологии (Ломов, 1984), психика является целостной системой, и потому ее познание возможно лишь во множестве внешних и внутренних взаимосвязей и отношений с учетом совокупности свойств различного уровня и порядка. Соответственно, совладающее поведение (coping) также изучается через соотнесение его с другими свойствами психики и личности. Наряду с продолжающейся теоретической разработкой понятия копинга, ведется и его эмпирическое изучение, что привело к получению множества интересных и разнообразных данных о его специфике в зависимости от вида ситуации и деятельности, взаимосвязей со свойствами личности и социально-психологическими явлениями и т. д.

Особое направление составляет поиск ценностно-смысловых основ совладающего поведения. Выявлена роль осмысленности жизни как условия прототвращения возникновения стресса, преодоления стрессовых событий и противодействия суицидальным тенденциям (Психология стресса..., 2013). Ценностные основания прослеживаются и в обнаруженных связях стилей копинга с религиозными и духовными убеждениями. Ценности личности играют роль ресурса и предиктора в совладании со стрессом у подростков и связаны с особенностями копинга у ветеранов боевых действий (Психология стресса... развитие, 2016).

В содержании способов совладания также усматриваются содержательные параллели с ценностями: социальное отвлечение связано с важностью социального окружения для человека; проблемно-ориентированный копинг созвучен ценности достижений, а эмоционально-ориентированный подчеркивает выраженность и значение эмоций для человека.

Кросс-культурные исследования копинга дают основания для предположения о том, что социокультурные факторы могут опосредствовать связь копинг-стратегий с ценностно-смысловыми структурами и определять ее специфику. В ряде исследований межкультурные различия предпочитаемых копинг-стратегий отражают полярность ценностей в коллективистических и индивидуалистических культурах. Так, в ситуации виктимизации тайванские подростки искали поддержку друзей и взрослых, а американские

больше опирались на себя и решали проблему самостоятельно (Ma, Bellmore, 2016). Личный контроль оказался связан со стилем совладания у британцев и не связан у японцев (O'Connor, Shimizu, 2002).

Все вышесказанное обосновывает гипотезу о связи копингов с ценностно-смысловыми структурами, а также о социокультурной специфичности этих связей. Выявление социокультурной обусловленной специфики связей копинга с ценностно-смысловыми структурами может раскрыть особый смысл разных стратегий копинга в той или иной культуре, а взгляд сквозь призму культуры позволит точнее оценить эффективность той или иной копинг-стратегии, что определяет *теоретическую актуальность* темы исследования.

Сопоставление ценностно-смысловых оснований копинга у студентов Казахстана и Татарстана представляет интерес в связи с тем, что раньше и Казахстан, и Татарстан входили в состав единого социокультурного пространства, которое в настоящее время разделено. Они занимают промежуточное положение в континууме индивидуалистическая – коллективистическая культуры. В сравнительных исследованиях личностных структур уже были выявлены не только черты сходства, но и различия между ними. Исследовались и стратегии совладания, однако вопрос о различиях ценностно-смысловых оснований копинга до сих пор не являлся предметом изучения.

В ценностно-смысловой регуляции мы различаем содержательную и динамическую стороны (Салихова, 2010). Состав важных для человека ценностей и место каждой из них в иерархии ценностей задает содержательную сторону ценностной регуляции. Мера реализации ценностей в жизни составляет ее динамическую сторону, которая играет роль обратной связи в процессе регуляции жизнедеятельности. Согласно ранее полученным данным, динамические параметры связаны с разными стратегиями совладания даже больше, чем содержательные (Салихова, Клементьева, 2014; Ахметова, 2016), однако социокультурная специфика этих связей не выявлялась.

Организация и методы эмпирического исследования

Целью данного исследования стало выявление как общих, так и специфичных ценностно-смысловых оснований копинг-стратегий у студентов Казахстана и Татарстана.

Методики исследования

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики:

- 1) Ранжирование 12 терминальных ценностей по критериям важности (В) и доступности (Д) методом их попарного сравнения между собой в соответствии с модификацией методики М. Рокича, предложенной Е. Б. Фанталовой (см. Салихова, 2010). У каждого испытуемого для каждой ценности рассчитывались следующие параметры: важность (В) как количество случаев, когда ценность выбиралась как более важная в паре; доступность (Д) как количество случаев, когда ценность выбиралась как более доступная в паре; расхождение важности и доступности (В-Д).
- 2) Тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) (Леонтьев, 1992), включающий показатели: цели в жизни (Цели), эмоциональная насыщенность жизни (Процесс), результативность (Результат), локус контроля – Я (ЛК-Я), локус контроля жизни (ЛК-жизнь), общая осмысленность жизни (ОЖ).
- 3) Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» в адаптации Т. Л. Крюковой (2010), измеряющая три основных стиля совладания: проблемно-ориентированный копинг (ПОК); эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК), копинг, ориентированный на избегание (КОИ), включающий субшкалы отвлечение (О) и социальное отвлечение (СО).

Выборку исследования составили 408 студента магистратуры (52% мужчин и 48% женщин), из них 216 магистров (средний возраст – 23,2 года) естественно-научных факультетов Казанского федерального университета (Татарстан, г. Казань) и 192 магистра (средний возраст – 22,3 года) казахстанских университетов (КазНУ и КазНТУ, г. Алма-ата).

Для статистической обработки данных использовались средства описательной статистики, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты исследования

В обеих выборках шкалы СЖО прямо связаны со стратегией проблемно-ориентированного копинга (ПОК) и обратно со стратегией эмоционально-ориентированного копинга (ЭОК). Лишь связь шкалы «Результат» и ПОК у казахстанцев ниже уровня достоверности (таблица 1).

В обеих выборках отсутствуют связи шкал СЖО с ориентированной на избегание стратегией совладания (КОИ) за исключением прямой связи КОИ и шкалы «ЛК-Я» у казахстанцев. В обеих выборках нет связей субшкалы «Отвлечение» и шкал СЖО. «Социальное отвлечение» у татарстанцев также не связано с СЖО, тогда как у казахстанцев оно прямо связано с 4 шкалами.

Таблица 1
Взаимосвязи копинг-стратегий
со смысловыми ориентациями личности в экспериментальных выборках (по Спирмену)

Параметры	ПОК			ЭОК			КОИ					
	каз	Таг	Каз	Таг	общий балл		отвлечение		социальное отвлечение			
					Каз	таг	Каз	таг	каз	таг		
Цель в жизни	0,18**	0,28**	-0,24**	-0,18**	0,07	0,00	-0,03	-0,02	0,13*		0,00	
Процесс	0,16**	0,17*	-0,19**	-0,14*	0,05	0,11	-0,06	0,04	0,12*		0,10	
Результат	0,11	0,22**	-0,29**	-0,20**	0,03	0,10	-0,05	0,06	0,07		0,09	
ЛК-Я	0,23**	0,24**	-0,28**	-0,16*	0,19**	0,02	0,03	-0,01	0,25**		0,02	
ЛК-жизнь	0,14*	0,24**	-0,27**	-0,19**	0,06	0,02	-0,05	0,00	0,12		0,04	
ОЖ	0,20**	0,23**	-0,29**	-0,27**	0,08	0,04	-0,06	-0,01	0,17**		0,04	

Примечание. Уровни статистической значимости $p < 0,05$ – (*), $p < 0,01$ – (**).

Картины связей осмысленности жизни и копингов в обеих выборках похожи и соответствуют ранее полученным: чем выше осмысленность жизни, тем чаще применяется проблемно-ориентированный копинг и реже – эмоционально-ориентированный. Культурно-специфичны лишь прямые связи социального отвлечения с осмысленностью жизни у казахстанских магистров, которых нет у магистров из Татарстана. Это говорит о более значительной роли социальной общности в преодолении стресса и трудных ситуаций у студентов из Казахстана по сравнению со студентами Татарстана.

В обеих выборках обнаружены связи копинг-стратегий с разными параметрами ценностей. При этом у казахстанцев больше связей с динамическими (Д и В-Д), а у представителей Татарстана – с содержательными (В) параметрами ценностей. Так, у казахстанцев 5 связей копингов с важностью ценностей, 16 – с доступностью, 13 – с разницей (В-Д), у татарстанцев 9, 10 и 4 связей, соответственно. У проблемно-ориентированного копинга ПОК 11 связей, у ЭОК – 5 связей, у КОИ – 20, его субшкалы (О и СО) имеют по 20 и 15 связей, соответственно. Копинг-стратегии связаны почти со всеми ценностями кроме ценности *творчества*. Ни один ее параметр ни в одной выборке не связан с копинг-стратегиями.

Самые яркие отличия между выборками касаются связи ПОК и важности ценности *свободы*, которые носят противоположный характер. Чем важнее *свобода*, тем татарстанстанцы чаще, а казахстанцы, наоборот, реже прибегают к проблемно-ориентированному копингу (ПОК). Свобода как независимость суждений и поступков относится к ценностям демократии и более важна в индивидуалистических культурах. Как видим, роль этой ценности в применении стратегии к проблемно-ориентированному совладанию отличается в Казахстане и Татарстане.

Наиболее сходны выборки по связи ПОК и доступности ценности *красоты природы и искусства*: чем она доступнее, тем реже применяется ПОК. Возможно, реализация этой ценности представляет альтернативу ПОК по аналогии полярности действия и созерцания.

Татарстанстанцы применяют ПОК тем чаще, чем доступнее ценность *здоровья*, а казахстанцы – при высокой доступности *познания*.

Культурно не специфична обратная связь ЭОК с доступностью ценности *уверенности в себе*. Это психологически закономерно и созвучно также культурно неспецифичной сопряженности ЭОК с низкой осмысленностью жизни.

Связь ЭОК с ценностью *хороших и верных друзей* обнаружена только у студентов из Казахстана. Чем важнее и доступнее для них эта ценность, тем реже они прибегают к ЭОК. Можно полагать,

что для них дружба выступает ресурсом при преодолении стресса, который уменьшает эмоциональное напряжение.

Больше всего связей с параметрами ценностей в обеих выборках выявлено у стратегии избегания (КОИ), причем в каждой выборке они специфичны.

У татарстанцев чем важнее близкие отношения (ценности *счастливой семейной жизни* и *наличия хороших и верных друзей*), тем чаще используется КОИ. С ценностью *уверенности в себе* – наоборот: чем она важнее, тем реже они прибегают к КОИ.

У казахстанцев КОИ применяется реже при высокой доступности ценностей деятельности (*активной деятельной жизни, интересной работы*), а при большей доступности близких отношений (ценности *любви и счастливой семейной жизни*), напротив, – чаще.

Применение разновидностей стратегии избегания – отвлечения и социального отвлечения – в обеих выборках также сопряжено с разными ценностями. Исключение составляют связи отвлечения (О) с (В-Д) ценности *здоровья* и стратегии социального отвлечения (СО) – с доступностью ценности *наличия хороших и верных друзей*, которые есть в обеих выборках.

У татарстанцев социальное отвлечение (СО) используются тем чаще, чем важнее и доступнее близкие отношения (ценности *наличия хороших и верных друзей* и *счастливой семейной жизни*). В этом случае соответствие ценностей и способа отвлечения очевидно.

У казахстанцев СО также поддерживается реализацией ценности *наличия хороших и верных друзей*. При этом у них есть ценности, которые сопряжены с меньшим применением СО. Это важность ценности *свободы* и все параметры ценности *красоты природы и искусства*, которые обратно связаны с СО. Эти ценности выступают для казахстанцев как альтернативные социальным опорам или замещающие их.

Обеим формам отвлечения (О и СО) у студентов из Татарстана противостоит реализация ценности *познания*, а важность ценности *интересной работы* прямо сопряжена со стратегией отвлечения (О).

У казахстанцев отвлечению (О) противостоит ценность *активной деятельной жизни*; прямо связаны с ним доступность ценностей *любви* и *материально обеспеченной жизни*, а также разница (В-Д) ценностей *здоровья* и *интересной работы*.

Заключение

Все полученные результаты можно обобщить в следующих выводах:

- 1) Обнаружены, как общие, так и социокультурно специфичные связи стратегий совладающего поведения и осмысленности жизни. Общей является прямая связь осмысленности жизни с проблемно-ориентированным копингом и обратная – с эмоционально-ориентированным. Культурно-специфичной является связь осмысленности жизни и стратегии социального отвлечения: у казахстанских студентов она прямая, у татарстанских она отсутствует.
- 2) Копинг-стратегии связаны как с содержательными параметрами ценностей, т. е. с местом ценностей в их общей иерархии, так и с динамическими, отражающими меру реализации ценностей в жизни. У студентов из Татарстана больше связей копингов с содержательными характеристиками ценностей, а у студентов из Казахстана – с динамическими. Наибольшее количество связей обнаруживает ориентированная на избегание копинг-стратегия.
- 3) Наиболее универсальной является обратная связь проблемно-ориентированной копинг-стратегии с ценностями *красоты природы и искусства* и эмоционально-ориентированной копинг-стратегии с ценностью *уверенности в себе*. Наиболее социокультурно специфичны связи ценности *свободы* и проблемно-ориентированной копинг-стратегии: у студентов из Казахстана она противостоит проблемно-ориентированной копинг-стратегии, тогда как у студентов из Татарстана сопряжена с ней.
- 4) Выявлена содержательная связь копинг-стратегий с ценностями, часть которых культурно специфична, другая универсальна. Социокультурно неспецифично сопряжение социального отвлечения с ценностями близких отношений, и противостояние стратегии избегания ценностям индивидуальной активности. Культурно специфичны конкретный состав ценностей и те параметры, с которыми связаны копинг-стратегии.

Литература

- Ахметова А. С. Соотношение характеристик ценностно-смысловой сферы личности и стратегий совладающего поведения у казахов-магистрантов // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. №6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/80PSMN616.pdf>.
- Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Монография. Кострома, 2010.
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 1992.

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Салихова Н. Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. Казань, 2010.
- Салихова Н. Р., Клементьева М. В. Соотношение характеристик ценностно-смысловой сферы личности и стратегий совладающего поведения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. Ч. 1. С. 224–235.
- Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Международной научной конференции. Кострома, 2013. Т. 1. С. 35–37, 222–223.
- Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Международной научной конференции. Кострома, 2016. Т. 1. С. 95–97, 105–107, 208–211, 375–377.
- Ma T. L., Bellmore A. Connection or Independence: Cross-Cultural Comparisons of Adolescents' Coping with Peer Victimization Using Mixed Methods // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. № 47. № 1. P. 109–130.
- O'Connor D. B., Shimizu M. Sense of Personal Control, Stress and Coping style: A cross-cultural study // Stress and Health. 2002. № 18. № 4. P. 173–183.

Sociocultural Features of the Value-meaning Bases of Coping Strategies

N. R. Salikhova (Kazan), A. S. Akhmetova** (Kyzylorda)*

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, professor at the Department of general psychology of the Institute of Psychology and Education, Kazan (Privolzhskiy) federal University

** Senior lecturer of the Department of pedagogics and psychology, Kyzylorda state University

The topic of this article is important in view of the understanding of both general and culture specific resources of stress-coping. The study compared value-meaning correlatives of coping between master's students from Kazakhstan and Tatarstan. With the use of the test method the meaningfulness of life, hierarchy of values, realization of values and the coping strategies were identified. The findings show that the meaningfulness of life directly relates to task-orientated coping and inversely relates to emotion-orientated in both student groups however in case with students from Kazakhstan it directly relates to the strategy of social diversion. For all students avoidance-orientated coping was most related to values. The de-

gree of attaining and acting in accordance with one's values relates more to coping in comparison to the parameters of importance and this is even more common for Kazakhs. The results demonstrate the difference in how values relate to coping strategies in the sample groups. The findings also show both universal and culture specific value resources for coping.

Keywords: coping strategies, value, meaning, meaningfulness of life, realization of values, personality.

Осознанность и субъективная витальность у старшеклассников, склонных к уединению

И. Г. Самойлова (Кострома)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры
социальной психологии Костромского государственного университета;
e-mail: samirge@mail.ru*

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты позитивного одиночества или склонности к уединению в юношеском возрасте. Психологические категории эмпирического исследования (созерцание, осознанность, субъективная витальность) непосредственно связаны функциями уединения. Представлены результаты исследования, цель которого состояла в том, чтобы выявить специфику осознанности и субъективной витальности у старшеклассников, склонных к уединению. Выборку составили старшеклассники одной из школ г. Костромы в количестве 56 человек; из них 14 юношей и 42 девушки. По итогам сделан вывод: общий уровень осознанности у всех старшеклассников одинаков, но наблюдательность как характеристика осознанности в большей степени присуща школьникам, склонным к уединению. Однако уединение для них не является ресурсным, уровень субъективной витальности в группе, склонных к уединению старшеклассников, ниже, чем у их сверстников, не склонных к уединению. Потенциал уединения не в полной мере используется в данной выборке респондентов.

Ключевые слова: осознанность, созерцание, старшеклассники, субъективная витальность, позитивное одиночество, уединение.

Постановка проблемы

Мы живем в эпоху быстрых социальных перемен, качественных изменений общественного устройства. Сегодня человек переживает своеобразный шок навязанной свободы или шок одиночества.

Одиночество имеет, как негативные, так и позитивные стороны, может служить ресурсом развития личности, межличностных и общественных отношений. Преобладающими в психологической науке являются исследования одиночества как негативного явления, а позитивные аспекты одиночества исследованы недостаточно, а применительно к юношескому возрасту практически не изучены. Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев рассматривают уединение как форму позитивного одиночества (Осин, Леонтьев, 2013).

Уединение – это состояние, «сопровожаемое позитивными переживаниями или проживанием ранее не пережитых эмоций, когнитивно воспринимаемое как свобода, ведущее к созданию собственного внутреннего пространства, самореализации, концентрации и, в результате, раскрывающее внутренние ресурсы человека, восстанавливающее его жизненные силы» (Бодрова, 2012, с. 284). Для молодых людей уединение выполняет следующие психологические функции: «...самопознание; конструирование отношений с Другим, другими, миром; установление глубинной связи с природой, объектами культуры; пространство для творчества», а также восстановление витальных ресурсов (там же, с. 285). Психологические понятия, которые использованы в нашем исследовании (созерцание, осознанность, субъективная витальность) непосредственно связаны с этими психологическими функциями уединения.

А. А. Александрова определяет витальность как «субъективное переживание обладания физической и психической энергией», фактор психологического благополучия и составляющую личностного потенциала (Александрова, 2014). Субъективная витальность – это важнейший жизненный ресурс личности, который, согласно восточной духовной традиции, можно восполнять посредством созерцательных и медитативных практик. Встает вопрос о целесообразности применения медитативных практик в подростковом и юношеском возрасте. На теоретико-методологическом уровне в российской психологической науке эта проблема еще не обсуждалась, но определенный вклад был сделан в исследованиях, выполненных под руководством Г. В. Акопова, где используется близкое к термину «медитация» понятие «созерцание». Созерцание рассматривается в качестве дополнительной к деятельности категорией психологии. Традиционный для российской психологии «принцип единства сознания и деятельности» дополняется триадой «сознание–деятельность–созерцание» (Акопов, 2014). Для разработки категории «созерцание» имеется теоретическое обоснование.

В свое время С. Л. Рубинштейн отмечал, что созерцание является важнейшей формой активности человека, наряду с действием

и познанием. И хотя Рубинштейн не исследовал созерцание непосредственно, он все же считал его важным психическим феноменом. «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись к Вселенной, к миру, к бытию... в онтологии человека наличие не только действенного, но и познавательного, созерцательного отношения к миру, составляет важнейшую характеристику человека» (Рубинштейн, 2003, с. 359). Г. В. Акопов считает, что созерцание потенциально выступает в формах процесса, состояния и свойства (Акопов, 2014).

В исследовании Е. А. Клишковой, проведенном под нашим руководством, было показано, что созерцание может выступать способом развития эмоционального интеллекта и снижения агрессивности в подростковом возрасте (Клишкова, Самойлова, 2017). По результатам исследования сделан вывод о возможном включении созерцательных практик в арсенал технологий воспитания в образовательных организациях. Однако неясно, в каких формах (индивидуальных или групповых) лучше всего предлагать молодежи эти психопрактики.

Еще одна психологическая категория – «осознанность» (mindfulness), практически не разработанная в отечественной психологической науке, вошла в теоретический конструкт нашего эмпирического исследования. Н. М. Юмартова, Н. В. Гришина считают осознанность фактором психологического благополучия и связывают его с эмоциональной устойчивостью личности. По данным этих авторов, осознанность выше у людей, практикующих медитацию сравнительно с теми, кто медитативного опыта не имеет (Юмартова, Гришина, 2016). «Осознанность (Mindfulness) – это сложносоставляющая характеристика организации психической деятельности, базирующаяся на контроле внимания и ограничении мыслительного и эмоционального автоматизма, и характеризующаяся увеличением осведомленности о текущих психических и физиологических процессах» (там же, с. 105).

Мы полагаем, что осознанность (по аналогии с созерцанием) может выступать в формах процесса, состояния и свойства. Осознанность является результатом включенности человека в созерцательные и медитативные практики. В американской версии опросника, адаптированного Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной, одна из характеристик осознанности – это созерцание (Тукаев, Кузнецов, 2015), хотя в российской версии опросника характеристика названа шкалой «Наблюдение» (Юмартова, Гришина, 2016). Анализ утвержде-

ний, входящих в шкалу «Наблюдение», адаптированного Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной опросника осознанности, позволил увидеть сходство с категорией «перцептивное созерцание» (или перцептивные модальности) в методике Г. В. Аكوпова и Т. В. Семеново́й «Тест преобладающего типа сознания» (Созерцание: диагностический инструментарий, 2015).

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

Под нашим руководством М. Е. Кузнецовой было проведено эмпирическое исследование, в котором проблема исследования была связана с поиском ответов на следующие *вопросы*: выполняет ли уединение в юношеском возрасте функцию накопления жизненных сил, витальных ресурсов; способствует ли уединение переработке негативной эмоциональной информации и формированию эмоциональной устойчивости личности?

Цель проведенного исследования заключалась в выявлении специфики осознанности и субъективной витальности у старшеклассников, склонных к уединению.

Объект исследования – осознанность и субъективная витальность как факторы психологического благополучия в юношеском возрасте.

Предмет исследования – осознанность и субъективная витальность у старшеклассников, склонных к уединению.

Основная *гипотеза* исследования состояла в предположении о существовании различий в осознанности и субъективной витальности у старшеклассников, склонных и не склонных к уединению.

Выборку исследования составили 56 старшеклассников одной из школ г. Костромы в возрасте 16 лет; 14 юношей и 42 девушки.

Методики исследования: дифференциальный опросник переживания одиночества Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева (ДОПО-3к) (Осин, Леонтьева, 2013); шкала диспозиционной витальности (Vt-d) Л. А. Александровой (Александрова, 2014); пятифакторный опросник осознанности (ПФОО) американских психологов К. W. Brown, R. A. Ваег в адаптации Н. М. Юмартовой, Н. В. Гришиной (Юмартова, Гришина, 2016); проективная методика Г. В. Аكوпова, Т. В. Семеново́й «Диагностика склонности к созерцанию» (Созерцание: диагностический инструментарий, 2015); математические методы обработки данных: описательная статистика, применение критерия Манна–Уитни (U).

Результаты исследования

На первом этапе обработки эмпирических данных на основе рангового шкалирования вся выборка респондентов была поделена на две группы по шкале «Позитивное одиночество» (которую мы назвали «Склонность к уединению») методики Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева «Дифференциальный опросник переживания одиночества». В первую группу вошли 32 школьника, склонных к уединению (от 27 до 36 баллов по шкале «Позитивное одиночество»), во вторую – 24 старшеклассника, не склонных к уединению (с баллами от 11 до 26). Различия между группами подтверждаются на уровне статистической значимости (при $p \leq 0,01$) по всем эмпирическим показателям позитивного одиночества.

Установлено, что склонные к уединению школьники в меньшей степени зависимы от общения ($U=195,00$; $p \leq 0,01$), но общее переживание одиночества у них выше, чем у не склонных к уединению сверстников ($U=195,00$; $p \leq 0,01$).

Для подробного исследования феномена позитивного одиночества (или склонности к уединению) в юношеском возрасте, мы провели качественно-количественный анализ шкалы «Позитивное одиночество». Ранжирование показателей этой шкалы показало, что у обеих групп старшеклассников на первых местах по предпочтительности находятся одни и те же утверждения: «Бывают чувства, ощутить которые можно лишь наедине с собой» (1 место), «Чтобы понять какие-то важные вещи, человеку необходимо остаться одному» (2 место), «Мне хорошо дома, когда я один» (3 место). Таким образом, можно сделать вывод, что уединение у всех старшеклассников способствует, прежде всего, переработке негативных эмоций и осмыслению происходящих во внутреннем мире возрастных изменений.

Имеются статистически значимые различия практически по всем утверждениям шкалы «Позитивное одиночество» между двумя группами старшеклассников. Числовые значения выше у респондентов, склонных к уединению (при $p \leq 0,001$). Нет статистически значимых различий только по утверждению «В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле». Старшеклассники, склонные к уединению, больше любят оставаться наедине с самими собой, чем не склонные к уединению. Также первые считают, что в одиночестве приходят умные мысли, и человеку, чтобы понять что-то важное в жизни или ощутить какие-то чувства, нужно остаться одному. В одиночестве можно почувствовать себя самим собой, и увидеть, кем ты являешься на самом деле.

При сравнении характеристик осознанности по критерию Манна–Уитни (U) статистически различается только характеристика «наблюдение» (или «созерцание»). У старшеклассников, склонных к уединению, этот показатель выше, чем у тех, кто не склонен к уединению ($U=231,00$; $p\leq 0,05$). Получается, что у тех старшеклассников, которые склонны к уединению, созерцательность как черта личности выше, чем у не склонных к уединению.

Для уточнения этого вывода был применен качественно-количественный анализ шкалы «Наблюдение» (или «Созерцание»). При сравнении эмпирических показателей, входящих в эту шкалу, по критерию Манна–Уитни (U) оказалось, что различия существуют только по одному показателю «Я обращаю внимание на то, как мои эмоции влияют на мои мысли и поведение» ($U=229,00$; $p\leq 0,05$). Склонные к уединению старшеклассники больше обращают внимание на то, как их эмоциональные переживания влияют на мыслительную активность и поведение по сравнению со сверстниками, не склонными к уединению. Ранжирование эмпирических показателей шкалы «Наблюдение» опросника осознанности показало, что перцептивные модальности созерцательности (наблюдательности), такие как визуальные, аудиальные, тактильные, телесные проявления, у старшеклассников, склонных к уединению и не склонных к нему не различаются и выражены в равной степени. Таким образом, уединение для обеих групп старшеклассников является средством переработки эмоциональной информации, отслеживания и рефлексии своих чувств и переживаний.

Субъективная витальность выше в группе старшеклассников, не склонных к уединению и зависимых от общения ($U=195,00$; $p\leq 0,01$). По проективной методике Г. В. Акопова, Т. В. Семеновой «Диагностика склонности к созерцанию» статистически значимые различия между двумя группами старшеклассников не выявлены.

Выводы

Основная гипотеза исследования о том, что существуют различия в осознанности и субъективной витальности у старшеклассников, склонных и не склонных к уединению, подтвердилась частично. Общий уровень осознанности у всех старшеклассников одинаков, но наблюдательность (созерцательность) как характеристика осознанности в большей степени присуща школьникам, склонным к уединению. Но уединение для них не является ресурсным, так как уровень субъективной витальности у них ниже, чем у их сверстников, не склонных к уединению. Накопление витальности, жизненных сил происхо-

дит в общении, а не в уединении. Потенциал уединения не в полной мере используется в данной выборке респондентов.

Перцептивные модальности созерцательности (наблюдательности), такие как визуальные, аудиальные, тактильные, телесные проявления, у старшеклассников, склонных к уединению и не склонных к нему, не различаются и выражены в равной степени. Для всех старшеклассников уединение является средством переработки эмоциональной информации, отслеживания и рефлексии своих чувств и переживаний. Однако склонность к уединению усиливает эмоциональные переживания, которые оказывают влияние на мыслительную активность и поведение. Созерцательные практики в подростковой и юношеской среде не рекомендуются в уединенных формах, так как само уединение в этом возрастной группе не является ресурсным. Необходимы дальнейшие исследования в понимании феномена уединения и его связи с категориями «созерцание», «осознанность» и «субъективная витальность».

Литература

- Акопов Г. В., Семенова Т. В. Созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии: лекция по курсу «Общая психология». Самара, 2014.
- Александрова Л. А. Субъективная витальность как предмет исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 1. С. 133–163.
- Бодрова М. С. Психологические функции уединения // Психология индивидуальности: Материалы IV Всероссийской научной конференции, 22–24 ноября 2012 г. / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, В. В. Штроо. М., 2012. С. 284–285.
- Клишкова Е. А., Самойлова И. Г. Созерцание как способ развития эмоционального интеллекта и снижения агрессивности подростков // Технологии воспитания в общеобразовательных организациях / Под ред. Л. И. Тимониной. Кострома, 2017. С. 117–120.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференцированный опросник переживания одиночества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Созерцание: диагностический инструментарий: методическая разработка к курсу «Психология сознания» / Сост. Г. В. Акопов, Т. В. Семенова. Самара, 2015.
- Тукаев Р. Д., Кузнецов В. Е. Когнитивно-ориентированная психотерапия при тревожных расстройствах: оценка в контролируемом

исследования // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т. 25. № 2. С. 55–64.

Юмартова Н. М., Гришина Н. В. Осознанность (Mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 105–115.

Mindfulness and Subjective Vitality among High School Students with a Tendency for Solitude

I. G. Samoilova (Kostroma)

Candidate of psychological Sciences, assistant professor at the Department of social psychology Kostroma state University

The article discusses the theoretical and practical aspects of positive loneliness or desire for privacy in adolescence. Psychological categories of the empirical research (contemplation, mindfulness, subjective vitality) directly related to the functions of privacy. The results of a study which purpose was to reveal the specifics of mindfulness and subjective vitality among high school students with a tendency for solitude, are presented. The sample consisted of the pupils of one school of Kostroma in the amount of 56 people; including 14 boys and 42 girls. The results concluded that the overall level of mindfulness of all high school students is the same, but the observability as characteristics of mindfulness in a greater degree inherent in the students who are inclined to solitude. However, privacy for them is not a resource, level of subjective vitality in the group retiring seniors lower than their peers, are not inclined to seclusion. Potential privacy was not fully used in this sample of respondents.

Keywords: high school students, mindfulness, positive loneliness, privacy, contemplation, subjective vitality, tendency to solitude.

К вопросу об организации контактного взаимодействия современной молодежи

А. В. Соловьева (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Московский университет МВД России и.м. В. Я. Кикотя;
e-mail: sav947978@mail.ru*

В статье приводятся результаты изучения защитного поведения, обеспечивающего у молодых людей контактное взаимодействие.

Ключевые слова: психологическая защита, контакт, контактное взаимодействие, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация.

Постановка проблемы

В настоящее время происходят коренные изменения во всех сферах российского общества. Их глубина, динамичность и стремительность порождают ряд серьезных проблем. Речь идет, прежде всего, о нестабильности социального бытия, возникающего вследствие девальвации устоявшихся норм и ценностных ориентиров. Обесценивание образцов, норм и ценностей как регуляторов деятельности и поведения вызывает у индивидов потребность в продуцировании и апробировании новых способов действия, к сожалению, в том числе и асоциального характера. Впрочем, следует отметить, что жизненный путь любого человека социален по своему содержанию, тогда как по форме и структуре он носит индивидуальный характер. Иными словами, общесоциальные значения выступают лишь как отправная точка, которой человек придерживается, чтобы предстать перед другими людьми. Между тем, не преступая допустимых пределов, каждый человек и в рамках социальной системы имеет возможность быть и оставаться самим собой.

С позиции антропологического подхода, речь в этом случае идет об одобрении отдельных отклонений от социально заданной линии поведения. Например, такими допускаемыми социумом отклонениями являются сверхинтеллектуальность, некоторые особые качества, обеспечивающие успех в тех или иных сферах деятельности, харизма, склонность к риску и действиям на пределе возможностей и др. Все эти качества составляют индивидуальность человека, то, что человек сконструировал для себя сам, и что, в конечном счете, обеспечивает ему «выигрыш» в своеобразных «психических соревнованиях» между людьми. Разумеется, такого рода выход за пределы устоявшихся средних значений не всегда сопровождается положительной оценкой со стороны социального окружения человека. В связи с этим в действительности чаще всего наблюдается «сокрытие» индивидуальности: человек, вступая во взаимодействие, часто утаивает свои «выигрышные» характеристики, организуя для этого своеобразное защитное поведение.

В терминах концепции контактного взаимодействия Л. Б. Филонова, в этом случае говорят о защите шести глубинных слоев личности, последовательно раскрываемых друг другу общающимися индивидуумами в процессе контактного взаимодействия. При этом под контактом понимается постепенное увеличение количества точек соприкосновения между общающимися по разнообразным параметрам посредством их взаимного понимания и принятия партнерами. Согласно такому подходу, в контактном взаимодействии выделяется шесть стадий последовательного сближения, предусматривающих постепенное соотнесение особенностей и характеристик друг друга в целях достижения взаимоприемлемых отношений: накопление согласия, поиск общих или совпадающих интересов, принятие принципов и качеств, предлагаемых для общения, выявление качеств, опасных для общения, индивидуальное воздействие и адаптация к партнеру, выработка общих правил и взаимодействие (Филонов, 1982).

Разумеется, для каждой из стадий характерно свое, как содержательное, так и функциональное назначение в обеспечении успешности межличностного общения. Однако ведущая роль в организации эффективного взаимодействия в целом отводится именно самораскрытию индивидуальности участников взаимодействия, степень которого напрямую зависит от действия таких сопровождающих процесс установления контакта феноменов, как психологические барьеры и защитные механизмы. Под барьерами понимаются превентивные образования, создаваемые для противодействия проникновению партнера во внутренний мир личности, ее замыслы,

планы и установки, направляемому на нее с его стороны воздействию с целью достижения некоего желательного для него результата. Они, как правило, готовятся и выставляются заранее, еще до взаимодействия. В отличие от этого, защитные механизмы представляют собой ответ на уже проникший в организм опасный «агент», угрожающий нарушением психического гомеостаза, стабильности поведения, сознания, психики, потерей целостности «Я». Считается, что роль защитных механизмов заключается в редукации аффективного напряжения, вызываемого угрозой в адрес личностной самобытности индивидуума. Однако в наиболее общем виде защитные механизмы, как и любые другие механизмы, являются таким образованием психики, которое включается для того, чтобы усилить либо нейтрализовать какой-либо фактор, выступая в связи с этим способом реализации некоего действия, а значит, объясняя то, каким образом организуется, осуществляется и регулируется тот или иной психический процесс. На этом основании можно сделать вывод, что защитные механизмы выступают способом реализации контактного взаимодействия. В связи с этим выявление того, какое защитное поведение обеспечивает контактное взаимодействие, определило программу нашего исследования.

Организация и методики эмпирического исследования

Выборку эмпирического исследования составили 50 юношей и девушек в возрасте от 20 до 23 лет. Главным аргументом, обосновывающим характер выборки, стал тот факт, что в современных условиях именно на молодежь возлагаются надежды на осуществление социальной модернизации России.

Статистическая обработка полученных в исследовании данных проводилась с использованием пакета Statistica 6. При этом поскольку достоверных гендерных различий (на основе применения статистического критерия Манна–Уитни) по результатам диагностики не было обнаружено, фактор половой принадлежности при анализе эмпирических данных не учитывался.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о наличии в контактном взаимодействии молодых людей специфики, обусловленной характером защитного поведения.

Методический инструментарий

Решение задачи и проверка гипотезы исследования осуществлялись с помощью следующих методик: опросник «Индекс жизненного сти-

ля» для определения индекса напряжения восьми классических механизмов психологической защиты – интеллектуализации, отрицания, замещения, проекции, регрессии, реактивного образования, компенсации и вытеснения (автор Р. Плутчик, адаптация Л. Р. Гребенников); методика выявления психологических барьеров, определяющая остроту переживания индивидуума по поводу развития каждой отдельной стадии контакта, выражающего проявления той или иной степени барьерности (автор Л. Б. Филонов).

Результаты исследования

Статистический анализ результатов (на основе применения статистического критерия Фридмана) показывает, что к числу наиболее активно используемых молодыми людьми защитных механизмов относятся проекция, отрицание и интеллектуализация (рисунок 1).

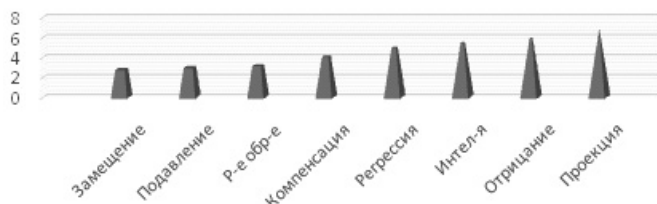

Рис. 1. Результаты, полученные на основе опросника «Индекс жизненного стиля»

Это означает, что типичным для молодых людей способом реагирования на различного рода воздействия является контроль за сохранением в этих условиях границ собственного пространства. Как следует из анализа сущности преобладающих у них защитных механизмов, средствами проекции и отрицания контролируются чувства принятия и непринятия себя и окружающих, а интеллектуализация обеспечивает контроль за стабильностью зоны комфорта, которая всегда остается закрытой для любого рода воздействий и своим постоянством гарантирует индивидууму стабильность. Основное назначение этой зоны – своего рода «спасение» молодых людей от любых «атак» со стороны социума.

Далее для проверки предположения о существовании специфики защитного поведения, обеспечивающего контактное взаимодействие молодых людей, был проведен корреляционный анализ показателей психологической защиты с показателями методики установления психологических барьеров (коэффициент ранговой корреляции

Спирмена). Результаты корреляционного анализа показали, что значимые положительные корреляции (заметного и умеренного характера) обнаружены у четырех защитных механизмов – компенсации – по пяти стадиям (за исключением пятой), проекции – по четырем стадиям (за исключением второй и пятой), замещения – с третьей стадией, интеллектуализации – с шестой стадией установления контактного взаимодействия (таблица 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что повышение либо понижение барьерности на той или иной стадии контактного взаимодействия неизбежно влечет за собой усиление или снижение активности защитного поведения по соответствующему типу. Выходит, что в процессе контактного взаимодействия молодых людей действительно имеются защитные механизмы, предопределяющие характер его течения.

Анализ полученных результатов с использованием положений концепции Р. Плутчика об универсальных проблемах адаптации, представляющейся нам наиболее отвечающей специфике исследуемого вопроса, показал, что суть защитных механизмов заключается, главным образом, в сдерживании тех или иных эмоций, сиг-

Таблица 1
Результаты корреляционного анализа данных,
полученных по опроснику «Индекс жизненного стиля»
и методике установления психологических барьеров

Стадии контактного взаимодействия	Название защитного механизма	Коэффициент корреляции
1 стадия	Компенсация	0,37
	Проекция	0,37
2 стадия	Компенсация	0,45
3 стадия	Компенсация	0,53
	Проекция	0,51
	Замещение	0,39
4 стадия	Компенсация	0,58
	Проекция	0,45
5 стадия	Значимые корреляции отсутствуют	
6 стадия	Компенсация	0,43
	Проекция	0,38
	Интеллектуализация	0,41

нализирующих, как правило, о степени полезности либо вредности происходящего для человека. В отношении результатов нашего исследования можно отметить, что компенсация, например, связана со сдерживанием эмоции печали, проекция – эмоции отвержения, замещение – эмоции гнева, интеллектуализация – эмоции ожидания. В более широком понимании защитные механизмы выступают одним из базовых способов, регулирующих возможность удовлетворения фундаментальных психологических потребностей (в силу того, что именно потребности лежат в основе возникновения эмоций). На основании полученных данных можно говорить о потребностях в безопасности, в признании и самопринятии, в свободе и автономии, в успехе и эффективности, удовлетворение которых и обеспечивается средствами защитных механизмов компенсации, проекции, замещения и интеллектуализации, соответственно (таблица 2).

Возникновение эмоции печали в процессе контактного взаимодействия молодых людей обусловлено снижением вероятности удовлетворения потребности в безопасности. Это означает, что взаимодействие, ориентирующее молодых людей на сближение, воспринимается ими как потенциально опасная стратегия поведения. Принимая во внимание, что эффективность достижения контакта существенно зависит от увеличения точек соприкосновения между взаимодействующими индивидуумами, такой характер вос-

Таблица 2
Анализ результатов корреляционного анализа
в терминах концепции Р. Плутчика

Стадии контактного взаимодействия	Сдерживаемая эмоция	Базисная психологическая потребность
1 стадия	Печаль Отвержение	Потребность в безопасности Потребность в признании и самопринятии
2 стадия	Печаль	Потребность в безопасности
3 стадия	Печаль Отвержение Гнев	Потребность в безопасности Потребность в признании и самопринятии Потребность в свободе и автономии
4 стадия	Печаль Отвержение	Потребность в безопасности Потребность в признании и самопринятии
5 стадия	–	–
6 стадия	Печаль Отвержение Ожидание	Потребность в безопасности Потребность в признании и самопринятии Потребность в успехе и эффективности

приятия стадий установления контактного взаимодействия, предписывающих глубинное раскрытие собственных целей, ценностей, психических состояний и качеств (в соответствии с задачами каждой стадии), не удивителен. Сближение, заложенное в основу контактного взаимодействия, скорее всего, служит для молодых людей признаком утраты собственной индивидуальности, что, в свою очередь, может приводить к появлению у них чувства незащитности. В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что решение молодыми людьми задачи эффективного контактного взаимодействия происходит, главным образом, за счет снижения вероятности полноценного удовлетворения потребности в безопасности.

Следующим способом, сопровождающим реализацию задач контактного взаимодействия, как показывает таблица 1, является защитный механизм проекции. Предназначенный для сдерживания эмоции отвержения, он свидетельствует о том, что обстоятельства, обеспечивающие решение задач четырех обозначенных стадий контактного взаимодействия, существенно осложняют удовлетворение потребности в признании и самопринятии. Представляется, что источником возникновения эмоции отвержения выступает необходимость соблюдения двух генеральных требований: о максимальном сближении с партнером и глубинном самораскрытии. Соблюдение данных требований, без которых невозможно осуществление контактного взаимодействия, вызывает напряжение, поскольку оба требования несут в себе опасность потери собственной индивидуальности. Отсутствие корреляции у механизма проекции со второй стадией мы склонны объяснять тем, что на стадии поиска совпадающих интересов отсутствуют необходимые для включения защитного механизма проекции стимулы (ощущение эмоционального отвержения со стороны окружающих). Получается, что в данных условиях в возникновении напряжения по поводу эмоционального отвержения нет никакого смысла.

Отсутствие каких бы то ни было корреляций у защитных механизмов с пятой стадией установления контакта, по нашему мнению, можно объяснить сущностью самой стадии. Согласно концепции контактного взаимодействия, основной смысл пятой стадии заключается в укреплении тех соглашений, которые были приняты по итогам четырех предыдущих стадий, и потому она не предполагает создания каких-либо новых договоренностей. Это означает, что данная стадия в принципе носит чисто технический характер, в связи с чем необходимость в защитном поведении отпадает сама собой.

Наконец, следует отметить обнаружение значимых корреляционных связей, свидетельствующих об усилении действия меха-

низма замещения при увеличении барьерности на третьей стадии установления контакта, и защитного механизма интеллектуализации – на шестой стадии контактного взаимодействия. Как известно, замещение – это защитный механизм, предназначенный для сдерживания эмоции гнева, вызываемой осознанием того, что некоторые люди сильнее и подготовленнее других. Показательно, что сущность третьей стадии как раз и заключается в выделении и не критическом принятии наиболее ценных, положительных качеств партнера. Таким образом, сама стадия своим содержанием провоцирует специфическое восприятие партнера как более сильного и социально значимого человека, способствуя тем самым утрате у личности уверенности в свободе собственных действий в связи с предвидением ответной агрессии со стороны более сильного другого.

Пусковым стимулом для актуализации защитного механизмы интеллектуализации, чье действие сопровождает шестую стадию контактного взаимодействия, является эмоция ожидания, которая, как правило, возникает в связи с осуществлением активной деятельности по исследованию партнерами взаимодействия индивидуальных особенностей друг друга и характеризуется по этой причине снижением чувства субъективного контроля над ситуацией. Дело в том, что эффективное прохождение шестой стадии основано на подчинении участников взаимодействия созданной ими сами единой системе требований по поводу установления и поддержания контакта. Ограничение свободы действий установленными пределами, скорее всего, и порождает опасение потери либо подавления собственно индивидуальности волей партнера. Очевидно, что для компетентного функционирования и проявления индивидуальности некоторая необходима определенная отчужденность, что и обеспечивается интеллектуализацией. Таким образом, возникает вывод, что условия прохождения шестой стадии существенно осложняют удовлетворение молодыми людьми потребности в успехе и эффективности.

В целом можно утверждать, что в организации, осуществлении и регулировании контактного взаимодействия молодых людей обнаружена специфика, обусловленная характером защитного поведения. Организация контактного взаимодействия выражается в сдерживании неприемлемых для этого эмоций (печали, отвержения, гнева, ожидания); в основе его осуществления лежат проблемы, связанные с удовлетворением фундаментальных психологических потребностей – в безопасности, в признании и самопринятии, в свободе и автономии, в успехе и эффективности, а регулирование

тесно связано с такими защитными механизмами, как компенсация, проекция, замещение и интеллектуализация соответственно.

Разумеется, представленное исследование ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту. Однако раскрытие характера организации защитного поведения открывает новые возможности для понимания процесса контактного взаимодействия.

Литература

Филонов Л. Б. Психологические способы установления контактов между людьми: Методика контактного взаимодействия. М., 1982.

The question of the organization of contact interaction of modern youth

A. V. Solovyova (Moscow)

Candidate of psychological sciences, Docent, associate Professor at the Department of psychology, Moscow University of Ministry of internal Affairs of Russia named after V. J. Kikot

The article presents the results of the study of the defense behavior providing contact interaction at young people.

Keywords: psychological defense, contact, contact interaction, compensation, projection, substitution, intellectualization.

Психологические стратегии сетевого взаимодействия студенческой молодежи¹

Н.Л. Сунгурова (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Российского университета дружбы народов; e-mail: sungurovanl@mail.ru*

В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования психологических стратегий сетевого взаимодействия современной студенческой молодежи. По характеру вовлеченности и степени интернет-взаимодействия студенты используют разные стратегии поведения, но при этом наблюдается следующая статистически достоверная тенденция «Активность в восприятии альтернатив» преобладает в поведении у респондентов над «Активностью в действии» и «Интернет-зависимостью». Тенденция в распределении шкал является устойчивой для студенческой аудитории независимо от специфики профессиональной подготовки и половых различий. В зависимости от особенностей самовыражения личности в сети рассматриваются стратегии нравственной и статусной вариативности самопрезентации. Автор проводит содержательный анализ взаимосвязей стратегий сетевой активности с ценностями студентов, мотивами использования технологий, учебными стилями.

Ключевые слова: стратегии сетевого поведения, самопрезентация, ценности, мотивы, учебные стили.

Постановка проблемы

Особую актуальность и значимость в контексте современной социальной ситуации развития человека, связанной с появлением глобального информационного пространства, приобретает анализ

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-10956а «Индивидуально-типологические характеристики личности студентов в информационном пространстве».

психологических стратегий сетевого взаимодействия студенческой молодежи. С одной стороны, расширяются границы личной свободы человека, появляются возможности самовыражения, самопрезентации, саморазвития, проявления индивидуально-личностных характеристик, с другой стороны, с позиции информационно-психологической безопасности, возникают риски смещения идентичности, формирования нереалистичного образа «Я», нивелирования индивидуальности личности.

Несмотря на все разнообразие активности пользователей интернета, выделяют три основных вида осуществляемой ими деятельности: познавательную, игровую и коммуникативную (Бабаева, Войскунский, Смыслова, 2004). Этим разновидностям деятельности соответствуют определенные изменения в личности:

- увлеченность познанием в сфере программирования и телекоммуникаций или, как крайний вариант, хакерство;
- увлеченность компьютерными играми и, в частности, играми посредством интернета или, как крайний вариант, игровая зависимость;
- увлечение сетевой коммуникацией или, как крайний вариант, интернет-аддикция.

По мнению А. Е. Жичкиной, к вышеперечисленным целевым аспектам можно добавить созидательную деятельность по преобразованию самого интернета (создание веб-страниц, программирование и т. п.) (Жичкина, 2001).

По характеру вовлеченности и степени интернет-взаимодействия выделены три вида сетевой активности студентов (А. Е. Жичкина, Н. Л. Сунгурова).

«Активность в восприятии альтернатив» свойственна респондентам с выраженным стремлением к поиску своей идентичности, желанием испытать новый опыт, что невозможно осуществить в реальной жизни. Проявляется в интересе к чтению чужих сообщений, просмотре сайтов, порталов разного информационного содержания, выражении оценочного отношения к фото или видео материалу.

«Активность в действии» характерна для людей со слабо выраженной социально-ролевой составляющей. В сети они часто знакомятся первыми; предлагают свою тему для обсуждения; обычно выходят в сеть, нечетко представляя свой личный статус.

«Интернет-зависимость» связана с восприятием Интернета как среды, способной дать эмоциональную поддержку, справиться с грустью и одиночеством, предоставить возможность самовы-

ражения и самопрезентации. Характерна для людей с повышенной чувствительностью к социальным ограничениям.

Социокультурная среда, образованная в информационном образовательном пространстве, а также технические возможности общения, опосредованного сетью, создают условия для вариативности самопрезентации личности. Под самопрезентацией (или самопредъявлением) понимается сознательная управляемая передача собеседнику некоей информации о себе. При этом используются различные стратегии и тактики с целью произвести определенное впечатление на окружающих. Виртуальная самопрезентация может рассматриваться как стремление к экспериментированию с идентичностью, желание пробовать себя в новых ролях, испытывать новый опыт.

И. С. Шевченко предлагает типологию пользователей Интернетом, исходя из особенностей вариативности самопрезентации как определенной стратегии сетевого поведения:

- пользователи, не обладающие подвижностью, вариативностью самопрезентации в интернет-общении;
- пользователи, обладающие вариативностью самопрезентаций и проявляющие ее в актуальном общении;
- пользователи, потенциально обладающие вариативностью самопрезентаций как возможной стратегией поведения в интернет-общении, но актуально ее не проявляющие (Шевченко, 2003).

Методики эмпирического исследования

Представим отдельные результаты многолетних исследований психологических стратегий сетевого поведения студенческой молодежи.

При исследовании различных аспектов взаимодействия студентов с информационно-коммуникационными технологиями использовался следующий психодиагностический комплекс: «Опросник поведения в Интернете» (А. Е. Жичкина); опросник «Я в интернет-общении» (И. Шевченко), методика «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова), методика «Диагностика учебных стилей» (Флеминг и Миллс, VARK), методика исследования мотивации использования информационно-компьютерных технологий (Н. Л. Сунгурова).

Методы математической обработки данных – описательная статистика, непараметрическая статистика, корреляционный анализ. Программное обеспечение – Microsoft Excel, IBM SPSS Statistics Version 20.

Общий объем выборки на разных этапах исследования составляет 420 человек.

Результаты исследования

По характеру вовлеченности и степени интернет-взаимодействия пользователей выделяются три типа сетевой активности (по А. Е. Жичкиной). Установлено, что студенты используют разные стратегии поведения, но при этом наблюдается следующая статистически достоверная тенденция: «активность в восприятии альтернатив» преобладает в поведении у респондентов над «активностью в действии» и «интернет-зависимостью». В ряде исследований нами была неотнократно отмечена данная тенденция в распределении шкал. Она является устойчивой для студеченской аудитории, независимо от специфики профессиональной подготовки и половых различий (Сунгурова, 2014, 2017).

Самопрезентация личности в сети определяется статусной и нравственной вариативностью (И. С. Шевченко) как своеобразными стратегиями сетевой активности. Первая из них позволяет изучить вариативность в сфере создания впечатления о статусе, социальной роли респондентов; вторая – определить вариативность самопрезентации нравственного, этического слоя личности. Именно в этих сферах наблюдается наибольшая вариативность. Студентам интересно варьировать различными ролями, пребывать в разном статусе, демонстрировать свои нравственные качества. Высокий уровень нравственной вариативности определяет психологическое благополучие не только в реальной жизни, но и в виртуальной среде. Для респондентов характерно проявление различных социальных ролей, варьирование личным и социальным статусом, индивидуальным стилем. Некоторые студенты указывают на желание представиться человеком другого пола, возраста, профессии.

Корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена выявил следующие значимые взаимосвязи между различными психологическим стратегиями поведения в Интернете:

- 1) Между стратегией «активность восприятия альтернатив» и общей вариативностью самопрезентации ($r_s = 0,318$, $p = 0,05$). Чем выше склонность к восприятию альтернатив, тем больше выражена вариативность самопрезентации в сети.
- 2) Между стратегией «склонность у интернет-зависимости» и «нравственной вариативностью» ($r_s = -0,241$, $p = 0,01$). Отрицательная взаимосвязь показывает, что чем больше выражена склонность к интернет-аддикции, тем больше наблюдается сниженная нравственная вариативность, что может свидетельствовать о желании сохранять свои намерения, уверенно придерживаться определенных нравственных позиций.

У студентов, предпочитающих разные стратегии сетевой активности, выявляется общее и особенное в проявлении ценностей. Для «активных в восприятии альтернатив», прежде всего, важны ценности счастливой семейной жизни, любви, здоровья, уверенности в себе. Для студентов, отдающих предпочтение стратегии «активность в действии», характерен следующий ранговый ряд ценностей: здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, уверенность в себе и свобода в поступках и действиях. Склонные к интернет-зависимости предпочитают ценности счастливой семейной жизни, наличия хороших друзей, уверенности в себе, материально-обеспеченной жизни. Таким образом, выделены общие базовые ценности, и можно предположить, что становление идентичности у студентов во многом определяется этими ценностями. Вместе с тем, выявлена особенность в проявлении ценностей, что, вероятно, влияет на характер сетевой активности.

Корреляционный анализ результатов исследования выявил следующие значимые связи. Шкала «активность в действии» положительно коррелирует с ценностью наличия хороших и верных друзей ($r_s=0,278$, $p=0,00$). Чем более выражена у респондента «активность в действии», тем большую значимость имеет для него ценность наличия хороших друзей. «Активность в восприятии альтернатив» также положительно коррелирует с ценностью наличия хороших и верных друзей ($r_s=0,239$, $p=0,02$). Для студентов, предпочитающих данную стратегию, также важно наличие надежного дружеского окружения. «Склонность к интернет-зависимости» положительно коррелирует с ценностью материально-обеспеченной жизни ($r_s=0,293$, $p=0,01$). Чем большей мере выражена данная стратегия, тем более значима ценность материально-обеспеченной жизни.

Вариативность отрицательно коррелирует с ценностью любви ($r_s=-0,259$, $p=0,01$). Для пользователей, склонных к варьированию различными стратегиями самопрезентации в интернет-коммуникациях, в меньшей степени важна ценность любви. Нравственная вариативность также отрицательно коррелирует с ценностями творчества ($r_s=-0,262$, $p=0,02$).

Достаточно устойчивые взаимосвязи наблюдаются между психологическими стратегиями сетевого поведения и мотивами использования информационно-коммуникационных технологий.

Шкала «Активность в восприятии» положительно коррелирует с мотивацией на процесс решения учебных задач, мотивацией увлечения, мотивацией виртуальной самопрезентации, мотивацией общения. Студенты с выраженным стремлением к поиску своей идентичности, стремлением испытать новый опыт в интернет-про-

странстве, который невозможно испытать в реальной жизни, с одной стороны, в большей мере демонстрируют мотивацию, связанную с процессуальной стороной решения задач, с другой стороны – мотивы увлечения (игрой, новостями, видео), мотивы общения и виртуальной самопрезентации.

Шкала «Активность в действии» также положительно коррелирует с мотивацией на процесс решения учебных задач, мотивацией увлечения, мотивацией виртуальной самопрезентации, мотивацией общения. «Активность в действии» в Интернете связана с особенностями самокатегоризации пользователей, с недостаточной выраженностью в структуре идентичности социально-ролевой составляющей и, как следствие, мотивационной направленностью на процесс решения задач, увлечения, общение, виртуальную самопрезентацию.

Шкала «Интернет-зависимость» имеет положительную связь с мотивацией боязни неудач, мотивацией увлечения, мотивацией виртуальной самопрезентации, мотивацией общения. Особенности идентичности интернет-зависимых пользователей являются стремление избавиться от требований социального окружения и потребность в эмоциональной поддержке. Чем сильнее это стремление, тем в большей степени выражены мотивы боязни неудач, увлечения, общения, виртуальной самопрезентации (Сунгурова, 2017).

По методике «Диагностика учебных стилей» (Флеминг и Миллс, VARK) выявлены четыре типа учебных стилей студентов в зависимости от особенностей восприятия информации: аудиальный, визуальный, вербальный и кинестетический. При проведении корреляционного анализа нами также были выявлены взаимосвязи:

- между шкалами «Активность в восприятии альтернатив» и «Аудиальный учебный стиль» ($r_s = -0,163$, $p = 0,048$), т. е. студенты, предпочитающие в Интернете стратегию активности в восприятии альтернатив не стремятся к использованию аудиального учебного стиля;
- между шкалами «Интернет-зависимость» и «Визуальный учебный стиль» ($r_s = 0,293$, $p = 0,023$), т. е. студенты, склонные к проявлению стратегии интернет-зависимости, предпочитают визуальный тип представления материала;
- между шкалами «Визуальный учебный стиль» и «Активность в восприятии альтернатив» ($r_s = 0,315$, $p = 0,048$) (в группе студентов технического направления), т. е. студенты, предпочита-

ющие стратегию активности в восприятии альтернатив, чаще остальных применяют визуальное представление материала; вероятно, их интересует просмотр сайтов, порталов разного информационного содержания, выражение оценочного отношения к фото- или видео материалу (Сунгурова, 2017).

Таким образом, нами представлены особенности проявления психологических стратегий сетевого взаимодействия во взаимосвязи с личностными характеристиками. При использовании разных стратегий поведения пользователями проявляются их индивидуально-личностные особенности, реализуются целевые установки.

Литература

- Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смылова О. В.* Интернет: воздействие на личность. Психология зависимости: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. Мн., 2004.
- Жичкина А. Е.* Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Карабущенко Н. Б., Иващенко А. В., Сунгурова Н. Л.* Личностно-типологические особенности студентов в сетевом поведении // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 2. С. 58–71.
- Сунгурова Н. Л.* Индивидуально-личностные особенности студентов в информационно-психологическом пространстве. М., 2014.
- Сунгурова Н. Л.* Личностные детерминанты взаимодействия студенческой молодежи с информационно-компьютерными технологиями. М., 2017.
- Шевченко И. С.* Исследование самопрезентации личности в интернет-общении: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Psychological strategies of network interaction of student

N.L. Sungurova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of psychology and pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

The article presents the results of a theoretical and empirical study of the psychological strategies of the network interaction of modern student's youth. Students use different strategies of behavior in nature of their involvement in the interaction and the degree of Internet interaction. But

the following statistically significant trend is observed: “Activity in perception of alternatives” prevails in respondents’ behavior over “Activity in Action” and “Internet addiction”. Strategies for the moral and status variability of self-presentation are considered, depending on the characteristics of the individual’s self-expression in the network. The author conducts a meaningful analysis of the interconnection between strategies and methods of using resources, learning styles.

Keywords: network behavior strategies, self-presentation, values, motivations, learning styles.

Фактор мультикультурности и когнитивный компонент адаптации личности¹

*А. В. Сухарев**, *В. В. Тимохин***, *А. А. Шапорева**** (Москва),
*Е. А. Выдрин***** (Химки)

** доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: zavor753@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Московский государственный университет дизайна и технологий;
e-mail: bbt74@bk.ru*

**** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Московский государственный университет дизайна и технологий;
e-mail: a.a.shaporeva@mail.ru*

***** кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики
и психологии, Академия гражданской защиты МЧС России;
e-mail: v-katerina@bk.ru*

Для исследования влияния фактора мультикультурности на когнитивный компонент адаптации использовался этнофункциональный подход в психологии, специально ориентированный на решение психологической проблемы адаптации личности в культурно и этнически неоднородных внешних и внутренних условиях. На контингенте студентов вузов была выявлена связь характера субъектных мультикультурных представлений личности в «пространственном» и «онтогенетическом» аспектах с показателями репродуктивного и креативного интеллекта. В итоге исследования было сделано предположение о негативном влиянии фактора мультикультурности на уровень репродуктивного и креативного интеллекта в раннем онтогенезе (до 7–8 лет). В то же время при снижении выраженности искажений этнофункционального развития в раннем онтогенезе данный фактор может оказывать позитивное влияние на формирование креативного интеллекта в более позднем возрасте.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00218.

Ключевые слова: мультикультурность, этнофункциональный подход, личность, креативный и репродуктивный интеллект.

Постановка проблемы

В современном обществе в связи с нарастанием интенсивности коммуникаций, технологического прогресса, миграций и т. п. все большее значение приобретает *фактор мультикультурности* или мультиэтничности. Исследования показывают, что мультикультурность общества отображается и во внутреннем плане на уровне отдельной личности (Сухарев, 2008; и др.).

Исследование фактора мультикультурности и его психологических проявлений с позиций традиционного типологического подхода не позволяет достаточно дифференцированно оценивать роль тех или иных культурно или этнически разнородных параметров или внутренних условий в механизмах психологической адаптации. Таковы современные типологические подходы, применяемые в этнопсихологии, культурологии, культурной антропологии и др. Адекватным для исследования мультикультурной специфики адаптации личности является этнофункциональный подход к исследованию психологической адаптации человека (Сухарев, 2008). С позиций этнофункционального подхода рассматривается *этническая функция* ментальных категорий (суждений, отношений, представлений и пр.), которая может принимать два значения. Во-первых, это *этнодифференцирующее* значение, т. е. отделяющее личность от какого-либо таксона – этноса, этнической системы. В данном подходе фактор мультикультурности не только рассматривается в системной взаимосвязи с природными, трансцендентными (духовными) и антропологическими параметрами, но и сам по себе может быть произвольно «тонко» дифференцирован на основе этнической функции всего многообразия составляющих ту или иную культуру элементов.

Наряду с «пространственными» характеристиками (признаками), развитие личности характеризуется этнофункциональными параметрами. В ее онтогенезе можно выделить определенные стадии: природную, где ведущие представления – образы природы, а эмпирически выявленным оптимальным для прохождения возрастным периодом является возраст от 1 до 5 лет; природно-анимистическую, где ведущие представления – одухотворенные персонифицированные природные стихии и явления, а оптимальный возраст – от 2 до 5 лет; надэтнически-религиозную, на которой ведущими являются нравственные представления тех или иных мировых ре-

лигий, а оптимальный возраст ее прохождения – от 7 до 8 лет; стадию просвещения, где ведущие представления – естественнонаучные, а оптимальный возрастной период прохождения – от 7 до 9 лет; современную стадию этнической маргинальности и проектируемую (будущую) стадию. Ведущими представлениями для каждой стадии в исторической ретроспективе выступают те, которые были системообразующими на том или ином этапе исторического развития конкретной этносреды – «языческом», «христианском», в эпоху Просвещения.

В качестве показателей искажения идеального прообраза этносреды или идеального прообраза ее развития мы рассматривали различные этнодифференцирующие представления, отношения, суждения, а также нарушения последовательности и оптимальных возрастных периодов в этнофункциональном развитии субъекта.

Мультикультурная среда обуславливает нарастание этнофункциональной неоднородности ментальности личности и оказывает влияние на когнитивный компонент ее адаптации, в том числе на интеллект.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования стало изучение роли фактора мультикультурности в процессе интеллектуальной адаптации личности к этносреде.

В качестве *гипотезы* высказано предположение о том, что большая степень субъектно представленного этнофункционального искажения развития личности связана со сниженным уровнем ее интеллектуальной адаптированности. В качестве показателей интеллектуальной адаптированности личности мы рассматривали уровень репродуктивного и креативного интеллекта.

Выборку исследования составили 175 студентов московских вузов (возраст – от 18 до 22 лет), приблизительно в равном количестве мужчины и женщины, из них 90% считали себя русскими.

Методический инструментарий исследования

Для определения уровня репродуктивного интеллекта нами использовался «Краткий отборочный тест (КОТ)» (Бужин, 1998), для определения уровня вербального креативного интеллекта – тест Е. Торренса (Туник, 1998).

Выраженность субъективно воспринимаемых показателей этнофункционального искажения идеального прообраза этносреды и этнофункционального развития личности мы фиксировали с по-

мощью метода структурированного этнофункционального интервью (Сухарев, 2008).

Искажения этнофункциональных отношений личности фиксировались при наличии в них этнодифференцирующих ментальных категорий. Искажения развития, в свою очередь, определялись по наличию в воспоминаниях личности любых представлений (или других ментальных категорий), субъективно не относимых ею к оптимальным возрастным периодам, а также этнодифференцирующих представлений, относимых к оптимальным периодам.

Обработка полученных данных проводилась с помощью статистической программы PSPP 0.10.1. Результаты считались достоверными при вероятности ошибки $p < 0,05$.

Результаты исследования

В результате исследования было установлено, что относительно более высокий уровень репродуктивного интеллекта по методике «Краткий отборочный тест» соответствует меньшей частоте встречаемости искажений развития на надэтнически-религиозной и природной стадиях. Т.е. представления о родной природе и нравственные переживания, связанные с христианскими нравственными представлениями, чаще встречались в воспоминаниях респондентов позже оптимальных возрастных периодов.

Кроме того, у респондентов, имеющих более высокий уровень показателя по данной методике, чаще встречались этнодифференцирующее отношение к религиозной культуре и к библейским заповедям.

Результаты обследования по методике Торренса выявили связь более высокого показателя вербальной креативности с меньшей частотой встречаемости искажений на надэтнически-религиозной и природной стадиях этнофункционального развития.

Также с помощью использования данной методики было установлено, что на момент обследования более высокий показатель вербальной креативности был связан с более высокой частотой встречаемости этнодифференцирующих антропоэстетических (термин Н. И. Халдеевой) предпочтений (при перекрестно-половых выборах), а также предпочтений этнодифференцирующих животных и растений. Высокий показатель вербальной креативности был связан с более негативным отношением к библейским заповедям.

В целом полученные ранее результаты подтвердили связь, а в некоторых случаях обусловленность повышения уровня репродуктивного и креативного интеллекта и наличия в психическом онтогенезе

детей и подростков достаточно рано возникших (до 5 лет) этноинтегрирующих природных и природно-анимистических представлений.

Результаты настоящего исследования на взрослых респондентах показали, что в целом они не противоречат, а во многом совпадают с результатами ранее проведенных исследований (Выдрина, 2007; Сухарев, Неверова, 2011; Сухарев, Панкова и др., 2015; Сухарев, 2013; и др.). Наличие в воспоминаниях природных и надэтнически-религиозных представлений, относимых к оптимальным возрастным периодам, связано с высоким уровнем репродуктивного интеллекта. В то же время высокий креативный интеллект связан с наличием в воспоминаниях тех же признаков, что и для репродуктивного интеллекта, дополняемых наличием в воспоминаниях природно-анимистических представлений, относимых к оптимальному возрастному периоду.

Настоящее исследование взрослых респондентов показало, что высокий уровень креативного интеллекта связан у них с высокой частотой встречаемости этнодифференцирующих антропозстетических выборов, а также предпочтений этнодифференцирующих представителей фауны и флоры. При этом высокий уровень репродуктивного интеллекта связан с негативным отношением к религиозной культуре. Последнее обусловлено, на наш взгляд, историко-психологическими причинами, связанными с особой ролью в ментальности России православной культуры.

Связь наличия этнодифференцирующих предпочтений, наряду с отсутствием выраженных искажений развития на природной, природно-анимистической и надэтнически-религиозной стадиях, с высокими показателями креативного интеллекта объясняется тем, что этнодифференцирующие представления являются условиями инициации креативного мышления. Т.е., процесс креативного мышления может обуславливаться возникновением *этнофункциональных личностных конфликтов*, возникающих вследствие наличия в образной сфере личности этнодифференцирующих представлений. В итоге креативного процесса этнофункциональные конфликты могут разрешаться на высшем, «творческом этноинтегрирующем уровне» (Сухарев, 2008, с. 90–93).

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что фактор мультикультурности, оказывающий влияние на развитие личности в раннем онтогенезе (до 7–8 лет), может оказывать негативное влияние на развитие репродуктивного и креативного ин-

теллекта. В то же время при условии незначительной выраженности искажений в раннем онтогенезе личности, в более позднем возрасте этнодифференцирующее воздействие фактора мультикультурности может играть позитивную роль в формировании креативного интеллекта (после 8 лет).

Литература

- Бузин В. Н. Краткий отборочный тест. Психодиагностическая серия. Вып. 4. М., 1998.
- Выдрина Е. А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2008.
- Сухарев А. В. Этнофункциональный анализ психической адаптированности коренных народов Камчатского края – чукчей, коряков и русских камчадалов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 36–50.
- Сухарев А. В., Неверова Т. В. Роль психологических этнофункциональных факторов в повышении уровня мотивации к учению у подростков // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 81–91.
- Сухарев А. В., Панкова С. Ю., Соснин В. А., Чулисова А. П. Роль этнофункциональных параметров в психологической адаптации коренных народов Сахалинской области (на примере нивхов) // Пространство и время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 279–289.
- Туник Е. Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб., 1998. С. 121–126, 158, 160.
- Berry J. W. Towards a universal psychology of cognitive competence // International Journal of Psychology. 1984. V. 19. P. 335–361.

The factor of multiculturalism and cognitive component of personality adaptation

*A. V. Sukharev**, *V. V. Timokhin***, *A. A. Shaporeva**** (Moscow),
*E. A. Vidrina***** (Khimki, Moscow region)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, leading researcher, Institute of psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of psychology, Moscow state University of design and technology

*** Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of psychology, Moscow state University of design and technology

**** Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of psychology and pedagogy, Civil defense Academy of Ministry of emergency situations of Russia

In the study of the effects of multilingualism on the cognitive component of adaptation ethnofunctional approach in psychology was used. On the contingent of students the relation between the subjective of multicultural attitudes of personality in “space” and “ontogenetic” aspects with indicators of reproductive and creative intelligence was revealed. In the end of the study an assumption was made about the possible negative impact of multiculturalism in early ontogeny of personality (7–8 years) on the level of reproductive and creative intelligence. At the same time, when the intensity of distortion of ethnofunctional development in the early ontogeny was decreased this factor can have a positive impact on the formation of the creative intellect at a later age.

Keywords: multiculturalism, ethnofunctional approach, personality, creative and reproductive intelligence.

Исторический опыт и национальная идентичность личности: субъектный подход¹

О. Р. Тучина (Краснодар)

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры философии
Кубанского государственного технологического университета;
e-mail: tuchena@yandex.ru

В статье рассматривается возможность исследования феномена национальной идентичности в контексте исторического опыта личности на основании основных положений субъектного подхода. Исторический опыт определяется как грань экзистенциального опыта личности: он относится к опыту всей группы, но переживается индивидом как событие, имеющее к нему непосредственное отношение, становится источником личностных изменений. Представлены результаты эмпирического исследования национальной идентичности и исторического опыта русской молодежи Кубани: переживание исторического опыта представляет собой неразрывно связанные чувства гордости, стыда и боли, но только чувство гордости за свой народ в определенной исторической ситуации связано с позитивной этноидентичностью, национализмом и патриотизмом.

Ключевые слова: личностная идентичность, национальная идентичность, исторический опыт, субъектный подход.

Постановка проблемы

Национальная идентичность в современном научном дискурсе рассматривается как многомерный концепт, в котором в той или иной

1 Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-26-20003а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

степени соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие; в категории национальной идентичности синтезированы, как политико-институциональные, территориальные, так и этнокультурные основания сообщества, при этом конфигурация составляющих идентичности тесно связана с особенностями исторического развития страны (Семененко, 2015). Субъектный подход может стать методологическим основанием изучения национальной идентичности, определяя собственно психологическое поле исследования данного феномена.

В контексте субъектно-бытийного подхода личностная идентичность отражает два аспекта связи человека с миром: его причастность к социуму, различным группам и их социально значимым деятельности, а также к продуктам этой деятельности; идентичность характеризует одновременно процесс и результат самокатегоризации личности, фиксируемый в субъективном пространстве личности как определенный образ «Я». Групповую и личностную идентичности рассматривают здесь как два полюса самоидентификации, поскольку качества, определяющие индивидуальность человека, невозможно категоризовать и осмыслить вне социокультурного контекста. Положения психологии человеческого бытия (Знаков, 2016) и субъектно-бытийного подхода (Рябкина, 2003; Ожигова, 2009; Танасов, 2011) постулируют, что единство личности в многообразии ее идентификаций достигается через интериоризацию присущих данным идентификациям ценностей, формирование и объективацию личностного смысла, который выступает в качестве психологического механизма реализации личности, т. е. определяет достижение личностью аутентичного бытия.

С позиций субъектно-бытийного подхода, личностная идентичность рассматривается как процесс, направляющий интеграцию всех сфер личностного бытия, и выполняющий системообразующую (соединение прошлого, настоящего, будущего личности; гармонизация исполняемых ролей и др.), регуляторную, смыслообразующую функции, реализуемые в субъектной активности (понимание, переживания, поведение) (Танасов, 2011). В рамках данного подхода национальная идентичность может рассматриваться как нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве гражданской общности. Как и в случае личностной идентичности, национальная идентичность также может рассматриваться как процесс, направляющий интеграцию личности. Системообразующая функция национальной идентичности состоит в субъективном представлении о связи личности с нацией, ее прошлым, настоящим и будущим, нахождении своего места в пространстве социума. Регуля-

торная функция состоит в формировании норм и правил поведения субъекта в соответствии с ценностями нации. Смыслообразующая функция выражается в формировании личностного смысла национальной принадлежности.

В субъектно-бытийном подходе уделяется большое внимание феномену поддержке (защиты) личностью своей идентичности: «Поддержка идентичности личности равносильна ее жизнеспособности как системы» (Танасов, 2011, с. 67). Национальная идентичность личности нуждается в поддержке, особенно в ситуации угрозы идентичности, которая особенно актуально в современной социокультурной ситуации. Позитивная национальная идентичность как эмоциональное переживание своей принадлежности к гражданской общности опирается на самоотождествление со страной, положительное восприятие ее исторического опыта и перспектив развития. Позитивная идентичность предполагает, что критический настрой не переходит грани, за которой самоидентификация с национальным сообществом оборачивается безоговорочным отрицанием его опыта и стремлением перечеркнуть такой опыт путем разрушения политических институтов. Одним из основных способов поддержки национальной идентичности является актуализация исторического опыта личности, представляющего собой непосредственное переживание человеком исторического события и одновременно временной дистанции между прошлым и настоящим (Анкерсмит, 2007).

Исторический опыт личности включает в себя не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии. Осмысливая прошлое, человек сталкивается с экзистенциальной проблемой, в решении которой он пытается найти смысл определенного исторического события для общности, к которой он себя относит, и для себя лично. Результатом решения подобных проблем становится экзистенциальный опыт личности, под которым подразумевают комплекс персонально значимых концептов, семантически соотнесенных с самой личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов неких событий и обстоятельств прошлого, раскрывших свои значения данному человеку, что приводит к новому рубежу личностной зрелости. Соответственно, в таком опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, зазора между «тогда» и «теперь». «Вхождение» в такой зазор порождает такие чувства и переживания, как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд.

Рассматривая феномен исторического опыта с позиций психологии человеческого бытия, мы выделили ряд особенностей, позволяющих рассматривать данный феномен как грань экзистенциального опыта личности:

- исторический опыт относится к опыту группы, но переживается индивидом как событие, имеющее к нему непосредственное отношение;
- осмысление прошлого становится для человека решением экзистенциальной проблемы, в которой он пытается найти смысл определенного исторического события, как для общности, к которой он себя относит, так и для себя лично;
- эмоциональное переживание исторического события становятся источником личностных изменений;
- исторический опыт дает возможность человеку выйти за пределы собственной личности, осмыслить свою жизнь как звено в цепи, соединяющей прошлое и будущее, дает субъекту ощущение высших смыслов своего существования, выражение чувства его причастности к истории своего народа и бытию в целом (Тучина, 2016).

Задачи, выборка и методики эмпирического исследования

В рамках проекта РГНФ было проведено исследования взаимосвязи особенностей национальной идентичности и исторического опыта молодежи Кубани. *Задачей* исследования стало выявление связи между уровнем и особенностями этнической и гражданской идентичности и выраженностью исторического опыта.

Выборку исследования составили 352 русских респондента: 194 мужчины (от 18 до 30 лет; средний возраст – 24,6 лет) и 158 женщин (от 18 до 29 лет; средний возраст – 23,8 лет).

Методики исследования

Исследование особенностей этнической идентичности респондентов проводилось при помощи методик «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н. М. Лебедева)», «Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н. М. Лебедева)». Для исследования особенностей гражданской идентичности респондентов применялся вопросник программы Международного социального опроса (ISSP) в адаптации Л. К. Григорьян (Григорьян,

2013). Исследование особенностей исторического опыта проводилось при помощи авторской анкеты. Выраженность исторического опыта выявлялась путем количественной оценки респондентами (от 1 до 5 баллов) чувств гордости, горечи и боли, а также вины и стыда, которые вызывают определенные исторические события.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета Statistica 7.0.

Результаты исследования

Как показали результаты исследования, уровень национализма и патриотизма положительно связан с субъективной выраженностью этнической идентичности, гордостью за свою этническую группу, а также с уровнем позитивной этноидентичности ($p \leq 0,5$). Национализм в данной методике рассматривается как склонность возвышать свою страну в сравнении с другими странами, поэтому уровень положительной корреляции с позитивной этноидентичностью ниже, чем уровень отрицательной корреляции с выраженностью этнонигилизма. Патриотизм включает два параметра: гордость достижениями нации и социально-политической системой страны. По данным исследования, уровень патриотизма положительно связан не только с позитивной этноидентичностью, но и этноизоляционизмом, этнофанатизмом и этноэгоизмом ($p \leq 0,5$).

Корреляционный анализ результатов оценки выраженности чувств гордости, горечи и боли, а также вины и стыда, вызываемых историческими событиями, показал их положительную взаимосвязь ($p \leq 0,5$). При этом только выраженность чувства гордости за события в истории своего народа положительно связана с гордостью за свою этническую группу, позитивной этноидентичностью, уровнем национализма и патриотизма. Таким образом, переживание исторического опыта представляет собой неразрывно связанные чувства гордости, стыда и боли: историческое событие, которым больше всего гордятся респонденты (92,7% респондентов-юношей и 90,4% девушек), является победа в Великой Отечественной войне, и этот же исторический период вызывает самое сильное чувство горечи и боли (14,5% юношей и 50% девушек). Однако только выраженность чувства гордости за свой народ в определенной исторической ситуации положительно коррелирует с позитивной этноидентичностью, национализмом и патриотизмом. Таким образом, гордость за свой народ является эмоциональным фактором, который цементирует все составляющие национальной идентичности и создает основу формирования нации.

Заключение

Методологическим основанием исследования национальной идентичности может стать субъектный подход к исследованию личности, в рамках которого национальная идентичность рассматривается как нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве гражданской общности. Одним из основных способов поддержки национальной идентичности является актуализация исторического опыта личности, определяемого как непосредственное переживание человеком исторического события и одновременно исторической дистанции между прошлым и нынешним временем.

В структуру национальной идентичности русских респондентов входят следующие взаимосвязанные параметры: эмоциональное переживание принадлежности к своему народу, позитивная этноидентичность, национализм и патриотизм, объединенные переживанием исторического опыта.

Субъектная сторона исторического опыта связана с личностным переживанием сопричастности человека истории своего народа и страны, непосредственным переживанием подлинности прошлого в настоящем. Он обращен к феномену историчности сознания человека, тому, что его задевает и заставляет осознавать прошлое. В данном контексте исторический опыт представляется необходимым элементом человекообразования субъекта и играет ключевую роль в процессах формирования национальной грани личностной идентичности.

Литература

- Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человеком. М., 2016.
- Ожигова Л. Н. Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтничной среде. Краснодар, 2009.
- Рябикина З. И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология. Краснодар, 2003. С. 16–19.
- Танасов Г. Г. Субъектно-бытийный подход к пониманию активности личности в переговорах. Краснодар, 2011.
- Тучина О. Р. Исторический опыт в контексте экзистенциального опыта личности // Научные труды КубГТУ. 2016. № 6. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/1030>.
- Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91–102.

Historical experience and national identity: the subjective approach

O. R. Tuchina (Krasnodar)

Doctor of psychological Sciences, Docent, Professor at the Department of philosophy, Kuban state technological University

The article discusses the possibility of study of the phenomenon of national identity in the context of the historical experience of the individual on the basis of the main provisions of the subjective approach. Historical experience is defined as the face of the existential experience of the individual: it refers to the experience of the whole group, but is experienced by the individual as an event with a direct relation, be a source of personal change. The article presents the results of an empirical study of national identity of the Russian youth of Kuban: the experience of the historical experience represents an inherent sense of pride, shame, and pain, but only a sense of pride for his people in a particular historical situation connected with positive ethnic identity, nationalism and patriotism.

Keywords: personal identity, national identity, subjective approach, historical experience.

Факторы выбора стратегий взаимодействия в ситуации неопределенности

Ж. Э. Федотова (Москва)

*аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; e-mail: ganka007@yandex.ru*

Основная идея статьи заключается в том, что на выбор стратегий взаимодействия может оказать влияние такой фактор как когнитивная установка. Кроме того, взаимодействие в ситуации неопределенности может осложнить ситуацию выбора стратегий сотрудничества или конфронтации. В данной статье представлены результаты исследования, направленного на проверку гипотезы о влиянии когнитивного фактора на выбор стратегии конфронтации и сотрудничества. Описан эксперимент, в котором моделировалась ситуация «дилемма узника», где принимали участие 60 человек: 20 испытуемых в контрольной группе, другие 40 в экспериментальной.

Ключевые слова: стратегии взаимодействия, сотрудничество, конфронтация, когнитивный фактор, когнитивная установка, «дилемма узника», условия неопределенности.

Постановка проблемы

Формой принятия организационных решений может быть выбор стратегий межличностного взаимодействия сотрудников (Лавриненко, 2005). Каждый из оппонентов склонен выбирать ту или иную стратегию взаимодействия в условиях неопределенности – сотрудничество или конфронтацию (Андреева, 2004).

Следует отметить, что существуют альтернативные мнения относительно оценки результатов выбора той или иной стратегии взаимодействия. Как отмечает Л. Росс, стратегия сотрудничества является лучшим вариантом в достижении оптимальных результатов в межличностном взаимодействии (Ross, 1988). В отличие от этого,

существует противоположный подход, согласно которому стратегия конфронтации обеспечивает достижение наиболее оптимальных результатов межличностного взаимодействия (Thompson, Wang, Gunia, 2010).

Процесс принятия организационных решений определяется рядом факторов. Л. Томпсон, Д. Ванг и Б. Джуния предложили уровневую модель факторов принятия решений на межличностном уровне (Thompson, Wang, Gunia, 2010). Во многих исследованиях когнитивный фактор рассматривается как *когнитивная установка*, которая оказывает влияние на поведение человека, выбор стратегии его взаимодействия с другими (Муздыбаев, 2003; Triandis, 2001; Van Lange et al., 1997). Так, Ф. Зимбардо и М. Ляйппе отмечают, что поведение человека во многом определяется той установкой, которая была ему задана (Зимбардо, Ляйппе, 2006). Подчеркивается, что установка может формироваться вне зависимости от того, насколько кратким является знакомство с объектом или насколько значим сам объект.

Поскольку в нашем исследовании планируется изучать принятие организационных решений на уровне *межличностного* взаимодействия, то особое внимание будет уделено когнитивному фактору.

Процедура, задачи и методы экспериментального исследования

Целью исследования являлось изучение роли когнитивного фактора в принятии организационных решений о выборе стратегий взаимодействия в условиях неопределенности.

В ходе исследования проверялись следующие *гипотезы*:

- 1) При формировании когнитивной установки, направленной на выбор определенной стратегии, увеличивается вероятность выбора именно этой стратегии.
- 2) При формировании установки, направленной на выбор стратегии сотрудничества, увеличивается вероятность выбора именно этой стратегии.
- 3) При формировании установки, направленной на выбор стратегии конфронтации, увеличивается вероятность выбора именно этой стратегии.

Объектом исследования является выбор стратегий взаимодействия в процессе принятия организационных решений.

Предмет исследования – роль когнитивной установки в выборе стратегий взаимодействия в процессе принятия организационных решений.

Выборку экспериментального исследования составили 60 испытуемых – 41 женщина и 19 мужчин. Средний возраст испытуемых – 26,8 года.

Все испытуемые были поделены на три групп по 20 человек: контрольную группу и две экспериментальные группы (в соответствии с наличием/отсутствием когнитивной установки, направленной на выбор стратегии конфронтации или сотрудничества).

Процедура исследования

Всем испытуемым была предложена инструкция модифицированной игры по типу «дилемма заключенных»:

«Вы и ваш партнер по бизнесу являетесь владельцами уникальных компаний по производству канцтоваров. На рынке товаров только ваши компании занимаются производством этих товаров. Для производства вам необходим уникальный материал – высокоэкологичный пластик. Для закупок этого пластика вы договариваетесь друг с другом о том, что покупать будете равное количество этого материала каждый месяц, чтобы обеспечить одинаковый выпуск продукции и тем самым создать здоровую конкуренцию среди ваших товаров на рынке. Но вдруг ваши договоренности нарушаются, и вы заподозрили вашего конкурента в мошенничестве. Он, в свою очередь, также обвиняет вас. Чтобы антимонопольная комиссия не привлекла каждого из вас к оплате внушительного штрафа, были предложены каждому из вас следующие стратегии поведения. Если вы оба говорите правду, то вы получаете по 3000 единиц выручки. Если вы врете, а он говорит правду, то вы получаете максимальную часть от выручки, а именно 10000 единиц. Если вы говорите правду, а он врет, то он получает максимальную часть – 10000 единиц. Но если вы оба врете, то каждый из вас получит по 6000 единиц от общей выручки за месяц другой компании. Учтите, что во время игры вы не можете переговариваться. Как вы поступите?».

В экспериментальных группах для создания когнитивной установки на выбор определенной стратегии взаимодействия каждому из участников было дано личностное описание его оппонента.

В первой экспериментальной группе задавалась установка на восприятие оппонента как готового идти на сотрудничество. Соответственно, давалось следующее его личностное описание: «Ваш оппонент обладает активной позицией в поисках решения, которое удовлетворит всех участников взаимодействия. При этом ему

важно учитывать свои собственные интересы. Он стремится сохранить хорошие отношения с другими участниками. Также ему важен открытый обмен мнениями. Ваш оппонент старается рассмотреть проблему со всех сторон и так, чтобы каждый участник был заинтересован в общем результате».

Во второй экспериментальной группе для формирования когнитивной установки, направленной на выбор стратегии конфронтации, было предложено следующее личностное описание оппонента: «В большинстве ситуаций ваш оппонент активно отстаивает свою точку зрения. Почти всегда для достижения собственной цели он может использовать любые средства. Кроме того, он ориентируется только на личные интересы, не учитывая позицию и мнения другой стороны. Любое несогласие с его мнением провоцирует его на активные действия, направленные на убеждения оппонента в собственной правоте».

Для проверки особенностей сформированной когнитивной установки после решения задачи каждый из испытуемых должен был написать три ассоциации (в виде существительных – либо одного слова, либо фразы) относительно своего оппонента.

Результаты исследования

В контрольной группе, в которой отсутствовало целенаправленное формирование установки на выбор стратегии взаимодействия, из 20 испытуемых 13 выбрали стратегию сотрудничества, и семь – стратегию конфронтации.

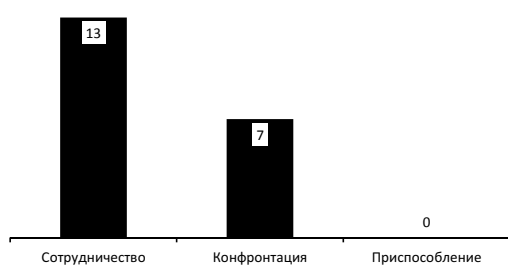

Рис. 1. Выбор стратегий взаимодействия испытуемыми контрольной группы

В первой экспериментальной группе, где формировалась когнитивная установка на стратегию сотрудничества, данную стратегию выбрали 17 испытуемых, что больше, чем в контрольной группе, где такой выбор сделали 13 респондентов. Полученные результаты подтверждаются статистически (критерий Пирсона $p=0,01 < 0,05$) (рисунок 2).

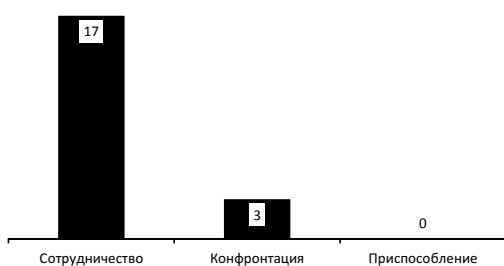

Рис. 2. Выбор стратегий взаимодействия испытуемыми экспериментальной группы с когнитивной установкой на выбор стратегии сотрудничества

Во второй экспериментальной группе, где задавалась установка на стратегию конфронтации, были получены следующие результаты: стратегию сотрудничества выбрали 13 испытуемых, что равно количеству выбравших ее в контрольной группе, но количество выборов стратегии конфронтации в экспериментальной группе оказалось меньше – только пять по сравнению с контрольной группой, в которой семь испытуемых выбрали данную стратегию (критерий Пирсона при $p=0,125 > 0,05$) (рисунок 3).

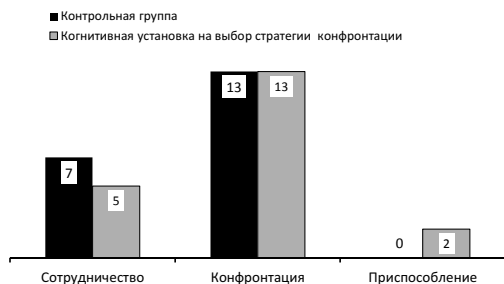

Рис. 3. Сравнение выбора стратегий взаимодействия испытуемыми в контрольной группе и экспериментальной группе с когнитивной установкой, направленной на выбор стратегии конфронтации

Для фиксации характера когнитивной установки после выбора стратегии взаимодействия каждый из испытуемых сформулировал три ассоциации относительно своего оппонента. Предполагалось, что полученные ассоциации должны быть связаны с тем описанием, которое изначально давалось каждому испытуемому: при получении информации о том, к выбору какой стратегии взаимодействия склонен оппонент – сотрудничеству или конфронтации – формировалась соответствующая установка. Для анализа результатов был

проведен контент-анализ. Выделены следующие категории в соответствии с контекстом исследования: личностные качества оппонента, условия взаимодействия с оппонентами, состояние взаимодействия сторон и абстрактная категория.

Результаты контент-анализа показали, что сформированная установка соответствовала заданному стимульному материалу. Так, при описании личностных качеств оппонента, ориентированного на стратегию конфронтации были выделены такие его свойства, как эгоизм, корысть, безжалостность, беспринципность и самолюбие; в категории «условия взаимодействия» – война, борьба, конфликт, унижение, страх и др. Можно сделать вывод, что сформированные ассоциации действительно имеют качественное отличие друг от друга, что соответствует особенностям когнитивных установок.

Заключение

Одной из форм принятия организационных решений является выбор стратегий межличностного взаимодействия в условиях неопределенности. Особое внимание уделяется таким стратегиям, как сотрудничество, конфронтация и приспособление. Существуют факторы, которые оказывают влияние на выбор той или иной стратегии. К ним относится когнитивный фактор, выступающий в виде установки на оппонента взаимодействия. Задача из теории игр дилемма заключенных является инструментом для проверки выбора стратегий взаимодействия при влиянии когнитивного фактора в условиях неопределенности. Это связано с тем, что постановка задачи позволяет точно отследить выбор той или иной стратегии. Полученные результаты показывают, что когнитивная установка, ориентированная на выбор стратегии сотрудничества, увеличивает вероятность выбора именно этой стратегии. Когнитивная установка, направленная на выбор стратегии конфронтации, не увеличивает вероятность выбора именно этой стратегии.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник для вузов. М., 2004.
Зимбардо Ф., Ляйпте М. Социальное влияние. СПб., 2006.
Лавриненко В. Н. Психология и этика делового общения. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 99–122.
Муздыбаев К. Анатомия эгоизма // Российская наука. М., 2003. С. 333–347.

- De Cremer D., Snyder M., Dewitte S.* The less I trust, the less I contribute (or not)?: The effect soft rust, account ability and self monitoring in social dilemmas // *European Journal of Social Psychology*. 2001. V. 31. P. 93–107.
- Ross L.* Situationist perspectives on the obedience experiments. Review of A. G. Miller's *The obedience experiments* // *Contemporary Psychology*. 1988. V. 33. P. 101–104.
- Thompson L. L., Wang J., Gunia B. C.* Negotiation. Northwestern University, Evanston, Illinois: *Annual Review of Psychology*, 2010.
- Triandis H. C.* Individualism–collectivism and personality // *Journal of Personality*. 2001. P. 907–924.
- Van Lange P. A., Otten W., DeBruin E. M. N., Joireman J. A.* Development of prosocial, individualistic, and competitive orientations: Theory and preliminary evidence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 73. P. 733–746.

Factors of interaction strategies choice under condition of uncertainty (based on prisoners' dilemma)

Zh. E. Fedotova (Moscow)

Postgraduate of National research University Higher School of Economics

The main idea is that factors as cognitive attitudes influence on strategies choice in the decision-making process. In addition, the interaction could complicate the strategies choice for cooperation or confrontation in an situation trust-distrust. This article presents the results of a study designed to check the hypothesis about the impact of the cognitive factor to strategy choice in context of confrontation strategy. We describe an experiment in which simulated a situation of “prisoner’s dilemma”, where 60 people attended: 20 subjects in the control group, the other 40 – experimental.

Keywords: communication strategies, cooperation, confrontation, “cognitive factor”, cognitive attitudes, “prisoner’s dilemma”, the conditions of uncertainty, situation trust-distrust.

Гендерные различия использования домашней среды как ресурса совладающего поведения в юношеском возрасте¹

*М. Р. Хачатурова**, *С. К. Нартова-Бочавер***, *С. И. Резниченко****
(Москва)

** кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: mhachaturova@hse.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, департамент психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: s-nartova@yandex.ru*

**** кандидат психологических наук, научный сотрудник факультета клинической и специальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: sofya_292@list.ru*

Статья посвящена изучению гендерных различий использования домашней среды как ресурса совладающего поведения в юношеском возрасте. В качестве эмпирической базы в исследовании приняли участие 344 респондента, 267 девушек и 77 юношей, средний возраст – 19,1 лет, студенты различных факультетов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Нами были использованы опросники «Функциональность домашней среды», «Релевантность домашней среды», «Привязанность к домашней среде» и «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтяк. Результаты исследования показали, что выбор таких стратегий совладания как дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство-избегание и планирование решения проблем имеет гендерную специфику. Кроме того, полученные результаты позволяют нам утверждать, что девушки более привязаны к домашней среде, чем юноши. Гендерных различий в показателях функциональности и релевантности домашней сре-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02163.

ды найдено не было. Результаты исследования могут помочь сформулировать ряд практических рекомендаций и лечь в основу тренинга по использованию возможностей домашней среды для психологического развития и благополучия личности.

Ключевые слова: функциональность, релевантность домашней среды, привязанность к дому, копинг-стратегии.

Постановка проблемы

В юношеском возрасте человек сталкивается с рядом важных задач и сложных ситуаций. Проблемы со сверстниками, трудности в романтических отношениях, начало трудовой деятельности и желание построить свою карьеру предъявляют особые требования к умению личности преодолевать сложные жизненные ситуации. Большое значение в данном случае имеет ее совладающее поведение, т. е. выбор копинг-стратегий как способов действия человека в трудной ситуации, возникших в ответ на воспринимаемую угрозу (Folkman, Lazarus, 1998).

На протяжении нескольких десятилетий исследователи, занимающиеся проблематикой совладающего поведения, рассматривают его с точки зрения «ресурсного подхода». Они делают акцент на том, что существует процесс «распределения ресурсов», объясняющий способность некоторых людей сохранять свое психологическое и физическое здоровье и умение адаптироваться к различным жизненным обстоятельствам и проблемам (Крюкова, Куфтяк, 2007; Holahan, Moos, 1987; Folkman, Lazarus, 1998; Frydenberg, 2004).

В рамках ресурсного подхода рассматривают широкий спектр разнообразных ресурсов совладания. С. Фолкман и Р. Лазарус говорят о личностных и средовых копинг-ресурсах. В качестве личностных ресурсов, по их мнению, выступают не только личностные свойства человека, но и особенности когнитивной сферы, ценности, нормы, мотивация, навыки, способности. Средовые ресурсы – это, прежде всего, социальное окружение и семья, которые могут помочь человеку справиться с проблемами. Ресурсы могут быть использованы человеком, тем самым актуализируясь, а могут оставаться в потенциальном состоянии (Folkman, Lazarus, 1998).

На наш взгляд, важнейшим средовым ресурсом совладающего поведения может выступать *домашняя среда*. Для оценки домашней среды может быть использовано понятие дружественности, означающее богатство возможностей домашней среды и их доступность обитателям (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Отношение между человеком и его домашней средой может быть описано на нескольких уровнях.

Допсихологический уровень задан качествами жилья, например, тем, где оно находится, временный или постоянный характер имеет, каков метраж, с кем его делит обитатель и другими характеристиками.

Объектный уровень задан физическими качествами дома как жилой среды, представленными в функциях дома – работе, действиях, которые он выполняет в жизни обитателей, для которых был построен или приобретен. Мы предполагаем, что изначально функции дома не могут иметь дезадаптивного характера. Чем выше *функциональность*, тем выше дружелюбность дома как жизненной среды.

Субъектно-объектный уровень задан степенью соответствия, или *релевантности*, между наличествующими функциями и теми потребностями обитателя, для удовлетворения которых они могут использоваться. Чем выше релевантность, тем более дружелюбна домашняя среда.

Субъектный уровень задан глубокими личностными переживаниями, смыслами и отношением в целом к дому как онтологическому пространству и в терминологии нашего исследования представлен *привязанностью к дому* (там же).

В юношеском возрасте эти уровни связи человека со своей домашней средой особенно значимы для него, так как человек находится в так называемом «кризисе первой четверти жизни», получает первый опыт романтических отношений и пытается сепарироваться от своего родительского дома. При этом действия, предпринимаемые в данных обстоятельствах юношами и девушками, могут сильно различаться (Moore, Graefe, 1994). В такой ситуации становится особо актуальным изучение их стратегий совладающего поведения. Это определило направленность нашего исследования.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования было изучение гендерных различий в использовании домашней среды как ресурса совладающего поведения в юношеском возрасте.

В нашей работе были выдвинуты следующие *гипотезы*:

- 1) В юношеском возрасте девушки выше, чем юноши, оценивают функциональность и релевантность своей домашней среды.
- 2) В юношеском возрасте девушки сильнее, чем юноши, привязаны к своей домашней среде.

- 3) Существуют различия в выборе стратегий совладания юношами и девушками: девушки ориентированы на поиск социальной поддержки, а юноши – на когнитивные стратегии планирования решения проблем и самоконтроля.

Выборка исследования

В качестве эмпирической базы исследования выступили 344 респондента, 267 девушек и 77 юношей, средний возраст – 19,1 лет, студенты различных факультетов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Методики и процедура исследования

В исследовании были использованы три авторских опросника, направленных на изучение дружелюбности домашней среды, а также опросник, изучающий способы совладания респондентов.

Опросник «*Функциональность домашней среды*» включает в себя четыре шкалы, измеряющие объективно существующий функционал домашней среды – ее «Развитие», «Стабильность», «Защищенность» и «Прагматичность». Задачей респондента была оценка меры своего согласия с 55 утверждениями. По пунктам вычислялся средний показатель для каждой шкалы; суммирование показателей субшкал дало общее значение функциональности домашней среды (Нартова-Бочавер и др., 2015).

Опросник «*Релевантность домашней среды*» отражает меру соответствия домашней среды потребностям обитателей и включает в себя семь шкал – «Управление домашней средой», «Эргономичность», «Отчужденность», «Пластичность», «Историчность», «Ресурсность» и «Самопрезентация». По пунктам вычислялся средний показатель для каждой субшкалы. Оценка общего уровня релевантности домашней среды производилась путем суммирования средних значений по семи шкалам (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Опросник «*Привязанность к домашней среде*» включал в себя 14 прямых вопросов и описывался одной шкалой, которая отражала общий уровень привязанности и эмоциональной близости человека с его домом. Степень согласия или несогласия респондента с утверждениями оценивалась по пятибалльной шкале Р. Лайкерта (Резниченко и др., 2016).

«*Опросник способов совладания*» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтяк использовался для определения способов преодоления трудностей в различных сферах деятельнос-

ти. Он включает в себя восемь субшкал: «Конфронтационный coping», «Дистанцирование», «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Принятие ответственности», «Бегство–Избегание», «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» (Крюкова, Куфтяк, 2007).

Для обработки результатов была использована программа SPSS 21.0. Мы применяли критерий Манна–Уитни, коэффициент корреляции Пирсона, а также критерий Колмогорова–Смирнова, который показал нормальность распределения полученных данных.

Результаты исследования

Результаты свидетельствуют о том, что показатели функциональности и релевантности домашней среды очень сильно связаны между собой (коэффициент корреляции Пирсона $r=0,82$ при $p<0,01$). При этом функциональность и релевантность позитивно связаны с привязанностью к домашней среде ($r=0,65$ при $p<0,01$ и $r=0,74$ при $p<0,01$, соответственно).

Также были обнаружены гендерные различия в уровне привязанности к домашней среде (критерий Манна–Уитни, $p<0,05$), что позволяет подтвердить вторую гипотезу исследования. Гендерных различий в уровне функциональности и релевантности домашней среды найдено не было ($p>0,05$), что не позволяет подтвердить первую гипотезу исследования.

Кроме того, полученные результаты выявили гендерные различия в выборе следующих стратегий совладающего поведения: дистанцирования ($p<0,05$), поиска социальной поддержки ($p<0,01$), бегства–избегания ($p<0,01$) и планирования решения проблем ($p<0,05$). Таким образом, третья гипотеза исследования была подтверждена частично.

Наши результаты согласуются с данными нескольких предыдущих исследований. Л. Тамрес и его коллеги показали, что женщины склонны использовать вербальные стратегии преодоления трудностей – поиск социальной поддержки, размышление и использование позитивного самовыражения, в то время как мужчины обычно выбирают стратегии решения проблем и избегания (Tamres et al., 2002). Женщины в большей мере, чем мужчины, оценивают события как более стрессовые и имеющие последствия (Eaton, Bradley, 2008). Поэтому они склонны использовать эмоционально-ориентированные стратегии.

Гендерные различия в степени привязанности к домашней среде также подчеркиваются в ряде исследований. Р. Мур и А. Грейфе

обнаружили, что женщины больше, чем мужчины, эмоционально привязаны к своим домам. В то же время функциональность домашней среды также более важна для женщин. Они эффективно выбирают место проживания, сравнивая свои потребности и возможность дома удовлетворить их нужды и нужды их семей (Moore, Graefe, 1994). Однако гендерных различий в показателях функциональности и релевантности домашней среды в нашем исследовании обнаружить не удалось.

Как показали полученные нами данные, функциональность и релевантность домашней среды, а также привязанность к дому сильно связаны в юношеском возрасте. В наших предыдущих исследованиях было также установлено, что подростки и молодые люди более чувствительны к функциональности домашней среды, чем люди старшего возраста. Другими словами, молодые люди привязаны к дому, если он удобен и удовлетворяет их потребности (Резниченко и др., 2016).

Полученные результаты можно также объяснить тем, что юношеский возраст – это период, когда молодые юноши и девушки начинают свою взрослую жизнь. Они живут и проводят большую часть времени вне дома – в общежитии, университете, на квартирных вечеринках и т. д. Этот период характеризуется высокой социальной мобильностью, быстрым темпом жизни, социальной напряженностью и полнотой жизни, которые требуют от молодых людей дополнительных ресурсов. Они «перезаряжают свои батареи» путем получения этих ресурсов из дома. Их дом – это место, где молодые люди могут расслабиться, отдохнуть и подумать о своих планах на будущее (там же).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Выбор таких стратегий совладания, как дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство-избегание и планирование решения проблем имеет гендерную специфику. Девушки более ориентированы на поиск социальной поддержки, в то время как мужчины склонны либо планировать решение проблем, либо уходить от их разрешения, используя стратегии дистанцирования или бегства-избегания.
- 2) У девушек более, чем у юношей, выражена степень привязанности к домашней среде.

- 3) Гендерные различия в показателях функциональности и релевантности домашней среды не были выявлены.

Результаты исследования могут помочь сформулировать ряд практических рекомендаций и лечь основу тренинга по использованию возможностей домашней среды для психологического развития и благополучия личности.

Литература

- Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. №3. С. 93–112.
- Нартова-Бочавер С. К., Резниченко С. И., Дмитриева Н. С., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №4. С. 71–83.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И. Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М., 2016.
- Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. №3. С. 498–518.
- Eaton R. J., Bradley G. The role of gender and negative affectivity in stressor appraisal and coping selection // International Journal of Stress Management. 2008. № 15. P. 94–115.
- Folkman S., Lazarus R. S. Coping as a mediator of emotion // Journal of Personal and Social Psychology. 1998. № 54. P. 466–475.
- Frydenberg E. Coping Competencies // Theory into Practice. 2004. № 43. P. 14–22.
- Holahan C. J., Moos R. H. Personal and contextual determinants of coping strategies // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 52. P. 946–955.
- Moore R. L., Graefe A. Attachment to recreation settings: The case of rail-trail users // Leisure Sciences. 1994. № 16. P. 17–31.
- Tamres L. K., Janicki D., Helgeson V. S. Sex differences in coping behavior: A meta-analytic review and an examination of relative coping // Personality and Social Psychology Review. 2002. № 6. P. 2–30.

Gender Differences in Using the Home Environment as a Resource of Coping Behaviour in Youth

*M. R. Khachaturova**, *S. K. Nartova-Bochaver***, *S. I. Reznichenko****
(Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National research University Higher School of Economics

** Doctor of Psychological Science, Professor at the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National research University Higher School of Economics

*** Candidate of psychological Sciences, research officer at the Department of Clinical and Special psychology, Moscow State University of Psychology and Education

In the following article we discuss gender differences in using the home environment as a resource of coping behavior in youth. The sample for our study consisted of 344 participants: 267 young women and 77 young men, mean age – 19.1, students of different faculties in HRU HSE. We used the “Functionality of the Home Environment Questionnaire”, the “Relevance of the Home Environment Questionnaire”, the “Home Attachment Questionnaire”, and the “Ways of Coping Questionnaire”. Our results show gender differences in the choice of the following coping strategies: distancing, seeking social support, escape-avoidance, and planning of problem solving. We have also revealed gender differences in the level of home attachment – young ladies are more home attached than young men. Gender differences in the level of functionality and relevance of the home environment have not been displayed. The study material can help to have a number of practical recommendations and can help to create the psychological training in using opportunities of the home environment for a personality’s development and well-being.

Keywords: functionality, relevance, home environment, home attachment, coping strategies.

Волевая регуляция подростков – пользователей социальных сетей

В. Н. Шляпников (Москва)

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, Московский институт психоанализа; e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Приводятся результаты исследования особенностей волевой регуляции подростков-пользователей социальных сетей. Сравниваются три группы подростков в возрасте от 15 до 18 лет, в зависимости от времени пребывания в социальных сетях: до 3 часов в день (n=50), от 3 до 5 часов в день (n=50), более 5 часов в день (n=50). Показано наличие значимых различий между группами по показателям методики «Шкала контроля за действием», «Выраженность самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении», теста СЖО, а также самооенок волевых качеств. Подростки, проводящие в социальных сетях больше всего времени, «почти постоянно», по сравнению с респондентами из других групп, обладают наименее эффективным типом волевой регуляции, самой низкой склонностью к самоконтролю в деятельности и социальном взаимодействии, а также самооценками целого ряда волевых качеств.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, подростки, самоконтроль, ИКТ, социальные сети.

Постановка проблемы

Более 90% российских подростков ежедневно пользуются интернетом и другими информационно-коммуникационными технологиями (далее – ИКТ); в среднем они проводят в Сети около 3 часов в день, а почти треть из них еще больше (Солдатова и др., 2013). Очевидно, что интенсивное использование ИКТ как новых средств общения и усвоения культурно-исторического опыта неизбежно должно

вести к изменению строения высших психических функций, по отношению к которым ИКТ могут быть рассмотрены как интерпсихические орудия, с помощью которых подросток овладевает собой и своим поведением (Выготский, 2000). Тем не менее, исследований, которые раскрывают влияние ИКТ на формирование тех или иных высших психических функций, явно недостаточно, что определяет научную значимость и актуальность данной проблемы для фундаментальной и прикладной психологии.

В частности, это относится к волевой регуляции, под которой в данной работе понимается «одна из форм (или способов) произвольной регуляции, которая состоит в овладении человеком своим поведением и психическими процессами для решения задач, принимаемых личностью как собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками» (Иванников, Шляпников, 2012, с. 113). Ранее нами было показано, что игроки многопользовательских онлайн-игр значимо уступают по целому ряду показателей волевой регуляции обычным пользователям Интернета (Шляпников, Волков, 2011). Тем не менее, игроки составляют далеко не единственную и не самую многочисленную группу среди пользователей интернета. Как показывают исследования, более 90% современных подростков являются пользователями социальных сетей, где они общаются, обмениваются информацией, слушают музыку, смотрят фильмы, играют в игры (Солдатова и др., 2013). Это определяет направленность нашего исследования.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью нашего исследования стало изучение особенностей волевой регуляции у подростков – пользователей социальных сетей.

Поскольку большинство современных подростков являются пользователями социальных сетей, практически невозможно подобрать эквивалентную контрольную группу школьников этого возраста, которые бы не использовали данные ресурсы (Солдатова и др., 2013). В связи с этим мы выдвинули *гипотезу*, что должны быть определенные различия в показателях волевой регуляции у подростков, пребывающих в социальных сетях разное время и использующих их с разной интенсивностью.

Процедура исследования

Для проверки высказанного предположения о связи между показателями волевой регуляции и уровнем активности подростков в со-

циальных сетях было проведено исследование подростков – пользователей социальной сети «ВКонтакте», которая, согласно данным многих опросов, является наиболее популярным приложением у данной возрастной группы (там же).

Всего в исследовании приняло участие 150 респондентов (73 девочки и 77 мальчиков) в возрасте от 15 до 18 лет.

На основе анкетных данных все респонденты были разделены на три группы, уравненные по возрастному и половому составу:

- Группа 1 – пользователи, которые проводят в социальной сети до 3 часов в день (50 респондентов: 28 девочек, 22 мальчика, в возрасте 15 лет – 20%, 16 лет – 34%, 17 лет – 22%, 18 лет – 24%).
- Группа 2 – пользователи, которые проводят в социальной сети от 3 до 5 часов в день («все свободное время») (50 респондентов: 23 девочки, 27 мальчиков, в возрасте 15 лет – 18%, 16 лет – 20%, 17 лет – 18%, 18 лет – 44%).
- Группа 3 – пользователи, которые проводят в социальной сети более 5 часов в день («почти постоянно») (50 респондентов: 22 девочки, 28 мальчиков, в возрасте 15 лет – 6%, 16 лет – 30%, 17 лет – 40%, 18 лет – 24%).

Методики исследования

Для изучения онлайн-активности респондентов нами была составлена анкета, включающая вопросы о продолжительности использования Интернета и социальных сетей в частности, предпочитаемых ресурсах, об особенностях поведения и коммуникативной активности респондентов в социальной сети, а также о ряде демографических характеристик респондента (пол, возраст, образование).

Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции респондентов использовались следующие методики:

- Субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С. А. Шапкина (1996);
- «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г. С. Никифорова, В. К. Васильева и С. В. Фирсова (Ильин, 2000);
- «Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн» В. А. Иванникова, Е. В. Эйдман (Иванников, Эйдман, 1990);
- «Тест смысложизненных ориентаций» (Тест СЖО) в адаптации Д. А. Леонтьева (2000).

Исследование проводилось в онлайн-режиме в добровольном порядке; респонденты заполняли электронную форму, размещенную в Google Docs. Заполненные формы обрабатывались в соответствии с ключами, прилагаемыми авторами. Для статистической обработки данных использовался статистический пакет SPSS 11.0.

Результаты исследования

Для оценки значимости различий по показателям волевой регуляции в сравниваемых группах подростков нами использовался непараметрический тест Краскела–Уоллиса. В целом результаты анализа свидетельствуют о том, что выдвинутая гипотеза подтвердилась: подростки из сравниваемых групп значимо различаются по целому ряду показателей волевой регуляции.

Шкала контроля за действием. Наиболее низкие значения по данному показателю наблюдаются в группе № 3 ($M=4,12$, $SD=2,73$), тогда как в других группах они значимо выше: группа № 1 ($M=5,62$, $SD=3,16$), группа № 2 ($M=5,86$, $SD=3,08$) ($\chi^2(2)=8,74$, $p=0,01$). Эти результаты могут свидетельствовать о том, что подростки, которые проводят в социальных сетях больше всего времени, чаще обладают менее эффективным типом волевой регуляции, по Ю. Кулю, и более склонны к формированию состояния «ориентации на состояние». Довольно сложно сказать, что в данном случае является причиной, а что – следствием. С одной стороны, неэффективный тип волевой регуляции может вести к тому, что подростку сложно организовать свою деятельность в интернете, и глобальная паутина буквально затягивает его в свои сети. С другой стороны, длительное пребывание в социальных сетях в подростковом возрасте, который является сензитивным для развития волевой регуляции, может стать причиной формирования неэффективного типа волевой регуляции. Можно предположить, что оба эти объяснения дополняют друг друга, но чтобы дать однозначный ответ на этот вопрос, необходимо проводить дальнейшие исследования.

Выраженность самоконтроля. По двум из трех субшкал данного опросника в группе № 3 мы наблюдаем самые низкие показатели: «поведенческий самоконтроль» ($M=12,96$, $SD=5,44$), «социальный самоконтроль» ($M=13,66$, $SD=4,25$). Подростки из других групп более склонны к самоконтролю: «поведенческий самоконтроль» – группа № 1 ($M=16,98$, $SD=4,1$), группа № 2 ($M=14,62$, $SD=4,65$) ($\chi^2(2)=16,84$, $p=0,01$); «социальный самоконтроль» – группа № 1 ($M=16,46$, $SD=3,68$), группа № 2 ($M=14,48$, $SD=4,34$) ($\chi^2(2)=10,55$, $p=0,01$). Полученные данные могут говорить о том, что подрост-

ки, которые проводят слишком много времени в социальных сетях, не могут или не хотят контролировать свою деятельность. Согласно модели волевой регуляции А. В. Быкова и Т. И. Шульги, недостаток самоконтроля может быть связан со слабостью, как мотивационно-смыслового, так и исполнительского звеньев волевой регуляции (Быков, Шульга, 1991). В пользу первого предположения говорит наличие значимо более низких показателей в группе № 3 по тесту СЖО: группа № 1 (M=111,14, SD=19,74), группа № 2 (M=104,92, SD=22,92), группа № 3 (M=97,54, SD=21,7) ($\chi^2(2)=9,6$, $p=0,01$), а второго предположения – данные, полученные по тесту «Шкала контроля за действием». Наряду с этим, следует отметить отсутствие значимых различий между группами по субшкале «эмоциональный самоконтроль» ($\chi^2(2)=4,41$, $p=0,11$). Во всех группах наблюдаются достаточно низкие значения по этому показателю, что, скорее всего, является возрастной нормой (Божович, 2001).

Волевая самооценка. В целом в группе подростков, которые больше всего времени проводят в социальных сетях, наблюдается низкий уровень волевой самооценки. По 14 из 20 предложенных качеств в этой группе наблюдаются значимо более низкие показатели самооценок, чем в других группах:

- Ответственный: группа № 1 (M=4,10, SD=0,86), группа № 2 (M=3,96, SD=0,9), группа № 3 (M=3,52, SD=0,79) ($\chi^2(2)=13,71$, $p=0,01$).
- Дисциплинированный: группа № 1 (M=4,08, SD=0,78), группа № 2 (M=3,6, SD=1,03), группа № 3 (M=3,38, SD=0,88) ($\chi^2(2)=15,02$, $p=0,01$).
- Целеустремленный: группа № 1 (M=4,04, SD=0,75), группа № 2 (M=3,88, SD=0,9), группа № 3 (M=3,62, SD=0,97) ($\chi^2(2)=5,77$, $p=0,06$).
- Обязательный: группа № 1 (M=4,08, SD=0,88), группа № 2 (M=3,76, SD=0,82), группа № 3 (M=3,58, SD=0,67) ($\chi^2(2)=10,13$, $p=0,01$).
- Настойчивый: группа № 1 (M=3,86, SD=0,88), группа № 2 (M=3,44, SD=0,93), группа № 3 (M=3,62, SD=0,97) ($\chi^2(2)=5,02$, $p=0,08$).
- Самостоятельный: группа № 1 (M=4,1, SD=0,76), группа № 2 (M=3,84, SD=0,96), группа № 3 (M=3,52, SD=1,05) ($\chi^2(2)=7,71$, $p=0,02$).
- Энергичный: группа № 1 (M=3,98, SD=0,84), группа № 2 (M=3,92, SD=0,94), группа № 3 (M=3,54, SD=0,95) ($\chi^2(2)=5,73$, $p=0,06$).
- Терпеливый: группа № 1 (M=3,86, SD=0,81), группа № 2 (M=3,54, SD=1,22), группа № 3 (M=3,1, SD=1,05) ($\chi^2(2)=12,32$, $p=0,01$).

- Упорный: группа № 1 (M=4,02, SD=0,91), группа № 2 (M=3,74, SD=0,83), группа № 3 (M=3,5, SD=0,84) ($\chi^2(2)=9,33$, p=0,01).
- Спокойный: группа № 1 (M=3,72, SD=1,01), группа № 2 (M=3,34, SD=1,08), группа № 3 (M=3,08, SD=1,03) ($\chi^2(2)=8,32$, p=0,02).
- Деловитый: группа № 1 (M=3,14, SD=0,88), группа № 2 (M=2,9, SD=1,11), группа № 3 (M=2,62, SD=0,99) ($\chi^2(2)=5,66$, p=0,06).
- Уверенный: группа № 1 (M=3,88, SD=0,75), группа № 2 (M=3,64, SD=0,9), группа № 3 (M=3,4, SD=0,83) ($\chi^2(2)=8,11$, p=0,02).
- Организованный: группа № 1 (M=3,9, SD=0,81), группа № 2 (M=3,28, SD=0,99), группа № 3 (M=3,28, SD=0,81) ($\chi^2(2)=13,73$, p=0,01).
- Внимательный: группа № 1 (M=4,2, SD=0,73), группа № 2 (M=3,66, SD=0,82), группа № 3 (M=3,5, SD=0,93) ($\chi^2(2)=18,62$, p=0,01).

Поскольку в группе № 3 наблюдаются низкие показатели практически по всем волевым качествам, можно предположить, что мы имеем дело с недостаточным развитием оценочного звена волевой регуляции в целом. Согласно сложившимся в науке представлениям, оценочное звено волевой регуляции складывается в старшем школьном возрасте, который является сензитивным для его формирования. Оно основывается как на самооценках собственных достижений подростка, так и на оценках окружающих его людей (Божович, 2001; Быков, Шульга, 1991). Низкая волевая самооценка подростка, который все свое свободное время проводит в социальных сетях, отражает низкий уровень развития других звеньев волевой регуляции, что в целом подтверждается полученными данными. Вместе с этим представления школьника о себе как о «безвольном человеке», неспособном проявить целеустремленность, настойчивость, ответственность, самостоятельность, дисциплинированность, может стать самостоятельным регулятором его деятельности (Божович, 2001; Быков, Шульга, 1991).

Заключение

Таким образом, полученные нами результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Сравнимые нами группы значимо различаются по большинству показателей волевой регуляции, причем, наиболее низкие показатели наблюдаются в группе подростков, которые проводят в социальных сетях больше всего времени. Отметим, что это относится ко всем трем звеньям волевой регуляции: мотивационному, исполнительскому и оценочному, что позволяет говорить о достаточно сложной взаимосвязи волевой регуляции и деятельности

в социальных сетях. Старший школьный возраст во многом является критическим для развития воли, поскольку именно в этом возрасте происходит интеграция отдельных его звеньев в единую функциональную систему волевой регуляции (Быков, Шульга, 1991). В связи с этим старшие подростки являются достаточно уязвимой группой среди пользователей интернета. Можно предположить, что отсутствие значимых и устойчивых мотивационно-смысловых отношений с окружающим миром становится одной из причин более длительного пребывания в социальных сетях, а также поиска новых отношений в виртуальной среде. Недостаточно эффективная волевая регуляция может усугублять эту ситуацию, не позволяя подростку контролировать свою деятельности в интернете и противостоять всем соблазнам Сети. Очевидно, что подросток, который большую часть своего времени проводит в социальных сетях и не может переключиться на какие-либо социально-полезные и одобряемые виды деятельности, начинает ощущать себя слабым и безвольным, что, в свою очередь, не способствует прогрессивному развитию его волевой регуляции. В связи с этим возникает важный вопрос: является ли Интернет простым катализатором описанных процессов или специфика деятельности, опосредствованной ИКТ, такова, что она не способствует прогрессивному развитию воли? Дать ответ на этот вопрос смогут дальнейшие исследования в этом направлении.

Литература

- Божович Л. И. Развитие воли в онтогенезе // Проблемы формирования личности. М., 2001. С. 302–332.
- Быков А. В., Шульга Т. И. Становление волевой регуляции в онтогенезе: Учебное пособие. М., 1999.
- Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Психология. М., 2000. С. 512–755.
- Иванников В. А., Шляпников В. Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №3. С. 111–121.
- Иванников В. А., Эйдман Е. В. Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. №3. С. 39–49.
- Ильин Е. П. Психология воли. СПб., 2000.
- Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М., 2000.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М., 2013.

Шапкин С. А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М., 1997.

Шляпников В. Н., Волков А. В. Игрок: Почему возникает зависимость от онлайн-игр и у кого больше шансов в нее попасть // Дети в информационном обществе. М., 2011. №9. С. 38–43.

Volitional regulation of adolescents-social network sites' users

V. N. Shlyapnikov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, Head of Department of personality and individual differences psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis

The results of volitional regulation of adolescents-social network sites' users study are presented. In accordance of time spending in social network sites, three groups of adolescents in age from 15 to 18 years were compared: less than 3 hour (n=50), from 3 to 5 hours (n=50), more than 5 hours (n=50). The significant differences between groups in "Action control scale", "Self-control in emotional sphere, activity and behavior", Purpose-in-life test and volitional self-appraisals were shown. Adolescents, that spent most of their time in social network sites ("almost constantly"), demonstrate inefficient type of volitional regulation, low tendency to self-control in activity and social interaction, and low self-appraisals of many volitional traits in comparison with respondents from other groups.

Keywords: volition, volitional regulation, adolescents, self-control, ICT, social networks.

Разработка методики психологической диагностики структуры сексизма

*М. А. Щукина**, *Е. С. Зизевская*** (Санкт-Петербург)

** доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей, возрастной и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; e-mail: corr5@mail.ru*

*** бакалавр психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; e-mail: catzz@list.ru*

Статья посвящена анализу результатов апробации нового психодиагностического инструмента для диагностики уровня и структуры сексизма как социальной установки личности – «Опросника структуры сексизма». Опросник сконструирован из афористических негативных высказываний в отношении женщин на основании экспертной оценки и содержит помимо обобщенного показателя сексизма три шкальные оценки: «Ненадежность женщины в межличностных отношениях», «Отсутствие у женщины способностей для деятельности», «Объективация женщины». Первичная проверка опросника на выборке студентов (n=231) показала его психометрическую надежность и валидность и выявила направления для дальнейшей его доработки.

Ключевые слова: сексизм, стереотип, психодиагностика, опросник, валидность, надежность.

Постановка проблемы

Сексизмом в психологии принято называть предвзятое отношение к людям по признаку пола. Однако чаще сексизмом именуют негативные социальные установки и стереотипы, касающиеся женщин. Как показано в ряде зарубежных исследований, сексизм несет негативные последствия для самооценки женщины, характера ее социального взаимодействия, реализации и профессионального раз-

вития (Bian et al., 2017; Brescoll, 2016; Kroon Van Diest, Perez, 2013; и др.). При этом для проведения диагностики негативных стереотипов по отношению к женщинам активно используются англоязычные методики: «Тест имплицитных ассоциаций» (Implicit Association Test – IAT) А. Гринволд, Д. Макгри, Дж. Шварц (Greenwald et al., 1998); «Краткая версия шкалы аттитюдов к женщинам» (Attitudes Toward Women Scale – AWS) Дж. Спенс, Р. Хельмрайх (Spence, Helmreich, 1973); «Шкала современного сексизма» (Modern Sexism Scale – MS) Дж. Свим, К. Эйкин, В. Холл, Б. Хантер (см.: Fiske, North, 2015); «Шкала неосексизма» (Neosexism Scale – NSF) Ф. Тугас, Р. Браун, А. Битон, С. Джоли (Tougas et al., 1995); «Опросник амбивалентного сексизма» (Ambivalent Sexism Inventory – ASIP) Глик и С. Фиске (Glick, Fiske, 1966).

Однако сопоставить зарубежные данные с российскими не представляется возможным, поскольку в отечественной психологической науке практически отсутствуют исследования по данной проблематике, что подтверждает проведенный контент-анализ содержания публикаций десяти ведущих психологических журналов за десять последних лет. Одной из причин подобной ситуации является отсутствие релевантного русскоязычного психодиагностического инструментария.

В связи с этим нами была поставлена задача создания инструментария для измерения сексизма, который бы отражал его различные проявления и использовал непрямые методы тестирования, чтобы минимизировать сознательную актуализацию социальных поло-ролевых стереотипов у опрашиваемых.

Конструирование «Опросника структуры сексизма» (ОСС)

При разработке опросника было выбрано 99 афоризмов, сексистских по отношению к женщинам. Приведем примеры афоризмов: «У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух»; «Женщина верит, что дважды два будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал»; «Брак – весьма справедливый общественный институт: муж должен ежедневно есть, жена должна ежедневно готовить».

Далее был проведен экспертный анализ афоризмов тремя научными сотрудниками из разных отраслей (психологии, социологии, истории) высших учебных заведений: М. А. Щукина, д. психол. н., доцент Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, О. В. Сергеева, д. соц. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, К. Мишу-

рис, преподаватель департамента истории Мичиганского университета США (Department of History University of Michigan)¹. Экспертам была предоставлена таблица с афоризмами и предложены следующие задания:

1. Определить, как именно афоризм оценивает женщин: положительно, нейтрально или отрицательно.
2. Определить, какие качества или ценностные характеристики приписывает женщинам каждый афоризм, выбирая подходящие качества или ценностные характеристики из предложенного списка: глупость, неспособность к адекватным действиям, изменчивость/непостоянство, зависть к другим, склонность к вранью /лицемерие, женщина как объект или второстепенное существо, молодость как ценность, красота как ценность, слабость, болтливость, ограниченность интересов, алчность, отсутствие талантов, гиперэмоциональность. При этом можно было выбирать несколько пунктов, если они казались подходящими, или не выбрать ни один из них.

После частотного анализа экспертных оценок в состав опросника был включен 81 афоризм, все из которых: а) были единогласно оценены всеми тремя экспертами как отрицательные по отношению к женщинам; б) оценка содержания (приписываемых характеристик) совпадала не менее чем у двух экспертов. Кроме того, экспертная оценка позволила распределить подобранные афоризмы по принадлежности к трем шкалам опросника, выделенным согласно теоретическим представлениям о структуре сексизма.

Шкала «Ненадежность женщины в межличностных отношениях» (женщина как субъект отношений) оценивает приписывание женщинам таких характеристик, как: зависть к другим, склонность к вранью/лицемерие, болтливость, гиперэмоциональность, алчность, изменчивость/непостоянство.

Шкала «Отсутствие у женщины способностей для деятельности» (женщина как субъект деятельности) измеряет меру согласия с наличием у женщин следующих качеств: глупость, неспособность к адекватным действиям, отсутствие талантов, ограниченность интересов, слабость.

Шкала «Объективация женщины» (женщина как объект) оценивает убеждение в присутствии у женщин следующих свойств: молодость как ценность, красота как ценность, женщина как объект или второстепенное существо.

1 Русскоязычный аспирант, соискатель на степень доктора философии.

Чтобы минимизировать число социально желательных ответов, применяется легенда: «Данный тест исследует то, как в наше время люди воспринимают афоризмы». Далее следует инструкция: «Ниже вам будет представлен ряд устойчивых выражений. Пожалуйста, укажите степень того, насколько Вы согласны с каждым из них». Для оценки используется шкала Лайкерта: от 0 до 3 (0 – совершенно не согласен; 1 – скорее не согласен; 2 – скорее согласен; 3 – совершенно согласен).

Психометрическая проверка опросника

Для статистического анализа использована программа SPSS Statistics 23.0.

Апробация опросника проводилась на выборке 231 человек (147 женщин, 84 мужчин) от 17 до 54 лет ($M=23,5$, $SD=7,45$), среди которых – студенты и слушатели Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы ($n=118$), студенты Санкт-Петербургского государственного технологического института ($n=75$), студенты Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики ($n=38$).

Определение *надежности* с помощью коэффициента альфа Кронбаха установило высокую внутреннюю согласованность опросника в целом ($\alpha=0,969$), а также его шкал: для шкалы «Ненадежность женщины в межличностных отношениях» $\alpha=0,919$, для шкалы «Отсутствие у женщины способностей для деятельности» $\alpha=0,952$, для шкалы «Объективация женщины» $\alpha=0,918$.

Проверка *нормальности распределения данных* по тесту Колмогорова–Смирнова показала, что значения по трем шкалам и общему значению имеют распределение, близкое к нормальному (таблица 1).

Поскольку сексизм представляет собой одну из разновидностей гендерных стереотипов, определение *конструктивной валидности* опросника производилось посредством оценки ожидаемой связи с результатом теста «Мужские нормативные установки» (МНУ) Р. Луйта (в адаптации И. С. Клециной и Е. Ф. Иоффе (Клецина, Иоффе, 2013)), выявляющего содержание гендерных представлений опрашиваемых. Расчет ранговой корреляции Спирмена между оценками по ОСС и шкалами МНУ позволил установить наличие значимых положительных корреляций между суммарными показателями по тестам, а также между всеми их шкалами (таблица 2), что свидетельствует о конструктивной валидности ОСС.

Таблица 1

Мера разброса показателей «Опросника структуры сексизма»
(N=231)

Шкалы и общий уровень	р для теста Колм.- Смирн.	Статистические показатели				Квартили		
		М	SD	min	max	25	50	75
Шкала «Ненадежность женщины в межличностных отношениях»	0,2	28,27	14,43	0	69	17	29	39
Шкала «Отсутствие у женщины способностей для деятельности»	0,2	47,15	25,05	0	128	28	46	66
Шкала «Объективация женщины»	0,2	33,44	16,99	1	88	21	33	45
Уровень сексизма в целом	0,2	80,41	40,74	1	211	49	81	111

Таблица 2

Значения коэффициента корреляции Спирмена между показателями «Опросника структуры сексизма» (ОСС) и «Мужские нормативные установки» (МНУ)

	Нормативность мужских установок	Шкалы МНУ				
		Жесткость	Опора на собственные силы	Ориентация на достижения	Принятие безличной сексуальности	Гомофобия
Общий уровень сексизма	0,446	0,384	0,395	0,310	0,234	0,417
Шкала ОСС «Ненадежность женщины в межличностных отношениях»	0,413	0,354	0,356	0,302	0,227	0,372
Шкала ОСС «Отсутствие у женщины способностей для деятельности»	0,458	0,387	0,410	0,326	0,235	0,430
Шкала ОСС «Объективация женщины»	0,441	0,397	0,383	0,316	0,237	0,405

Примечание. Корреляции значимы при уровне 00,01 (двунаправленные).

Для оценки прогностической валидности опросника были сконструированы ситуативные задания, где приводятся различные гендерноспецифичные альтернативы поведения, и респондентам предлагается совершить выбор между ними. Во всех ситуациях предлагалось

два имени (мужское и женское) с похожими характеристиками людей для того, чтобы выбор респондентов мог быть обоснован именно полом. Предполагалось, что задачи № 1, 4, 9 связаны со шкалой ОСС «Отсутствие у женщины способностей для деятельности». В них выявлялось, какого кандидата (мужчину или женщину) выберут респонденты для осуществления следующих ролей: начальника отдела импорта, водителя рейсового автобуса, кандидата на студенческую международную стажировку. Задачи № 2, 5, 7 предположительно связаны со шкалой ОСС «Ненадежность женщины в межличностных отношениях» и выясняли, какого пола людей выберут респонденты для осуществления секретного задания, при котором важно сохранить тайну; поверят ли они мужчине или женщине в ситуации, когда есть две противоположные истории об одной и той же ситуации; сотрудника какого пола будут подозревать в ситуации, когда кто-то пожаловался на коллегу начальству.

Следующие три вопроса были связаны со шкалой ОСС «Объективация женщины» и имели отличную от вышеуказанных структуру ответов. В задачах № 3 и 8 обе кандидатуры имели женские имена, но отличались по возрасту и привлекательности, поскольку они выступают аспектами объективации через придание сверхценности параметру «красота тела» и редуцирование личности человека до образа тела. В задаче № 6 предлагалось сделать выбор относительно рекламы автомобиля. Можно было разместить его на фоне горной дороги или выбрать изображение полуобнаженной женщины рядом с автомобилем. В последнем случае имеет место объективация, поскольку женщина начинает восприниматься как некий товар.

Для каждого ситуативного задания был проведен анализ различий по всем шкалам ОСС между группами, выбиравшими ответ 1 или 2 с помощью критерия Манна–Уитни. Для заданий № 1–3, № 5, № 7–9 различия по всем шкалам ОСС оказались незначимыми, поэтому не представляется возможности говорить о предсказательной валидности относительно данных ситуаций на основе уровня сексизма. Различия были обнаружены для задач № 4 и 6 (таблица 3). Из таблицы 3 видно, что у тех, кто счел необходимым отдать работу водителя рейсового автобуса мужчине оказался выше и уровень сексизма в целом ($Mdn=76$), чем у группы, выбравшей для этой работы женщину ($Mdn=50$), $U=388,5$, $Z=-2,1$, $p=0,035$, $r=-0,22$. Также уровень сексизма был выше у тех, кто выбирал изображение обнаженной женщины для рекламы автомобиля ($Mdn=82$), чем у тех, кто выбирал изображение горной дороги ($Mdn=64$), $U=462,5$, $Z=-2,1$, $p=0,039$, $r=-0,22$.

Таблица 3
Различия по показателям ОСС для ситуативных заданий № 4 и № 6

Ситуативное задание	Параметры опросника ОСС	Выбор групп респондентов	n	Mdn	U	Z	p	r
№ 4. Вакансия водителя рейсового автобуса	Общий уровень сексизма	выбрали мужчин	79	76	388,5	-2,1	0,035	-0,22
		выбрали женщин	15	50				
	Ненадежность женщины в межличностных отношениях	выбрали мужчин	79	26	374,5	-2,3	0,024	-0,24
		выбрали женщин	15	20				
	Отсутствие у женщины способностей для деятельности	выбрали мужчин	79	45	393,5	-2,1	0,04	-0,22
		выбрали женщин	15	28				
	Объективация женщины	выбрали мужчин	79	28	393,5	-2,1	0,04	-0,22
		выбрали женщин	15	22				
Общий уровень сексизма	обнаженное женское тело	дорога	18	82	462,5	-2,1	0,039	-0,22
		дорога	75	64				
№ 6. Выбор изображения для рекламы автомобиля	Ненадежность женщины в межличностных отношениях	обнаженное женское тело	18	27,5	462	-2,1	0,038	-0,22
		дорога	75	21				
Отсутствие у женщины способностей для деятельности	обнаженное женское тело	дорога	18	48	453	-2,2	0,031	-0,23
		дорога	75	37				

Заключение

Таким образом, первичная проверка психометрической адекватности разработанного «Опросника структуры сексизма» позволила установить обоснованность его надежности и валидности как диагностического инструмента для измерения сексизма по отношению к женщинам и выявила направления для дальнейшей его доработки. Опросник может найти применение, как в научно-исследовательской деятельности психологов для изучения социальных представлений и стереотипов в отношении женщин, так и в практической деятельности: консультировании, организационной психологии, в сфере образования. Например, опросник можно использовать при определении гендерного климата в коллективе, поскольку высокий уровень сексизма в организации может негативно сказываться на психологическом самочувствии женщин, а также быть барьером в эффективной деловой коммуникации сотрудников. В сфере профессионального образования применение опросника может стать отправным пунктом для дискуссии о проблеме сексизма и ее влиянии на возникновение различных социально-психологических феноменов, поскольку обсуждение проблемы является одним из наиболее известных видов интервенции не только на индивидуально-психологическом уровне, но и на уровне социальных институтов и практик.

Литература

- Клецина И. С., Иоффе Е. В.* Результаты первичного этапа адаптации российского аналога опросника «Мужские нормативные установки» // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.05.2017).
- Bian L., Leslie S.-J., Cimpian A.* Gender stereotypes about intellectual ability emerge early and influence children's interests // Science. 2017. № 355 (6323). P. 389–391.
- Brescoll V. L.* Leading with their hearts? How gender stereotypes of emotion lead to biased evaluations of female leaders // The Leadership Quarterly. 2016. № 27 (3). P. 415–428.
- Fiske S. T., North M. S.* Measures of Stereotyping and Prejudice: Barometers of Bias // Measures of Personality and Social Psychological Constructs. 2015. P. 684–781.
- Glick P., Fiske S. T.* The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. № 703). P. 491–512.

- Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K.* Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 74. №6. P. 1464–1480.
- Kroon Van Diest A. M., Perez M.* Exploring the integration of thin-ideal internalization and self-objectification in the prevention of eating disorders // *Body Image*. 2013. № 10 (1). P. 16–25.
- Spence J. T., Helmreich R., Stapp J.* A short version of the Attitudes Toward Women Scale (AWS) // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1973. № 2. P. 219–220.
- Tougas F., Brown R., Beaton A. M., Joly S.* Neosexism: Plus ça change, plus c'est pareil // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995. № 21 (8). P. 842–849.

The method of psychological diagnosis of the Sexism structure

M. A. Schukina, E. S. Zizevskaia** (St Petersburg)*

* Doctor of psychological Sciences, Head of Department of general, developmental and differential psychology, Saint Petersburg State Institute of psychology and social work

** Bachelor of psychology, Saint Petersburg state Institute of psychology and social work

The article is devoted to the analysis of the results of approbation of a new psychodiagnostic tool for diagnosing the level and structure of sexism as a social setting of the personality – “Sexism Structure Inventory (SSI)”. The questionnaire is constructed from aphoristic negative statements about women on the basis of peer review and contains, in addition to the generalized indicator of sexism, three scales: “Insecurity of a woman in interpersonal relationships”, “The lack of a woman’s abilities for activity”, “Women’s objectification”. The primary examination of the questionnaire on a sample of students (n=231) showed its psychometric reliability and validity and revealed directions for its further refinement.

Keywords: sexism, stereotype, psycho-diagnostics, questionnaire, validity, reliability.

Раздел V

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА И ПРОБЛЕМЫ АКМЕОЛОГИИ

Сказка как основа для формирования нравственного иммунитета личности ребенка

О. В. Бойко (Горловка)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Горловский институт иностранных языков;
e-mail: boichka80@mail.ru*

В статье рассматривается сказка как основа для формирования нравственного иммунитета личности ребенка. Представлен теоретический анализ проблемы возможностей использования сказкотерапии в работе практического психолога. Автор раскрывает понятие «нравственный иммунитет» и проблему его формирования у детей с помощью сказкотерапии. Сказкотерапия представлена как один из современных и эффективных методов в работе психолога. Этот метод использует форму для интеграции личности, для расширения сознания, развития творческих способностей, совершенствования взаимодействия с окружающим миром. Рассматриваются понятия сказкотерапии, сказки и функции сказок.

Ключевые слова: сказка, сказкотерапия, личность, нравственный иммунитет, ценности.

Цель нашего исследования – теоретический анализ проблемы формирования «нравственного иммунитета» личности ребенка с помощью сказкотерапии.

Сказкотерапия является одним из современных и эффективных методов в работе психолога. Этот метод используется для интеграции личности, расширения сознания, развития творческих способностей, совершенствования взаимодействия с окружающим миром. Сегодня сказкотерапевтов можно встретить в детских садах, психологических центрах, больницах.

К сказкам обращались в своих работах известные отечественные и зарубежные психологи: Э. Фромм, Э. Берн, Э. Гарднер, И. В. Вачков,

Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Р. М. Ткач, М. Осорина, Е. Лисина. Однако до сих пор само понятие «сказкотерапия» понимается психологами по-разному.

Сказкотерапия означает «лечение сказкой». Это совместное с клиентом открытие тех знаний, которые живут в душе и являются в данный момент психотерапевтическими.

Сказку используют и врачи, и психологи, и педагоги. При этом каждый специалист находит в сказке тот ресурс, который помогает ему решать его профессиональные задачи.

И. В. Вачков характеризует сказкотерапию как такое направление практической психологии, которое, используя метафорические ресурсы сказки, позволяет людям развить самосознание и построить особые уровни взаимодействия друг с другом, что создает условия для становления их субъектности (Вачков, 2007).

Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева определяет сказкотерапию как набор способов передачи знаний о духовном пути души и социальной реализации человека, как воспитательную систему, созвучную духовной природе человека. Она считает, что сказкотерапия – это и «открытие тех знаний, которые живут в душе и являются в данный момент психотерапевтическими», и «процесс поиска смысла, расшифровки знаний о мире и системе взаимоотношений в нем», и «процесс образования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни», и «процесс объективации проблемных ситуаций», и «процесс активизации ресурсов, потенциала личности», и «процесс экологического образования и воспитания ребенка», и «терапия средой, особой сказочной обстановкой, в которой могут проявиться потенциальные части личности, нечто нереализованное, может реализоваться мечта» (Зинкевич-Евстигнеева, 2008).

Некоторые считают, что сказкотерапия – это «детский» метод. Согласно Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, и да, и нет. «Детский», в том смысле, что он адресован живому, творческому, созидательному, открытому «детскому началу» в человеке, – да. «Детский», в том смысле, что он ограничен по возрасту, – нет. Секрет «вечной молодости» сказок в том, что в любом возрасте в них можно открыть нечто сокровенное и волнующее. Поэтому сказкотерапия – это процесс поиска смысла, расшифровки знаний о мире и системе взаимоотношений в нем, образования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни, это процесс переноса сказочных смыслов в реальность (Зинкевич-Евстигнеева, 2000).

Согласно И. В. Вачкову, сказкотерапию необходимо рассматривать, прежде всего, как психологический метод, поскольку важнейшие цели, достигаемые с его помощью (развитие самосознания

и построение высоких уровней взаимодействия между субъектами), имеют психологический характер (Вачков, 2007).

Современная педагогика и психология требуют от специалистов разработки адекватных методов, приемов и технологий, способствующих повышению уровня самосознания как основного условия развития личности ребенка. Одним из таких приемов и являются специально созданные психологические сказки.

Психологические сказки могут быть структурированы по отдельно взятым детским проблемам. Так, Р. М. Ткач выделяет: сказки для детей, которые испытывают страхи темноты, страх перед медицинским кабинетом и другие страхи; сказки для гиперактивных детей; сказки для агрессивных детей; сказки для детей, страдающих расстройствами поведения с физическими проявлениями: проблемы с едой; проблемы с мочевым пузырем и т. д.; сказки для детей, которые столкнулись с проблемами семейных отношений (в случае развода родителей, в случае появления нового члена семьи, когда дети считают, что в другой семье им будет лучше); сказки для детей в случае потери значимых людей или любимых животных (Ткач, 2008).

Сказкотерапия – это тот метод, который позволяет решать ряд проблем, возникающих у детей. Посредством сказкотерапии можно работать с агрессивными, неуверенными, застенчивыми детьми; с проблемами стыда, вины, лжи, неприятием своих чувств, а также с различного рода психосоматическими заболеваниями. Кроме того, процесс сказкотерапии позволяет ребенку актуализировать и осознать свои проблемы, а также увидеть различные пути их решения.

Сказки имеют свои психологические особенности. В сказках постоянно используется прием материализации целого ряда категорий: все значимые для ее содержания элементы приобретают четкую форму, выраженную телесность (например, волшебные способности представлены в виде предметов или существ – конь, скатерть, печь, золотая рыбка и т. д.); конфликты, споры реализуются не в нудных препирательствах, а в конкретных действиях, чаще всего соревновательных (кто со Змеем справится?).

В последнее время психологи обращаются к социокультурной традиции как к основе для формирования так называемого нравственного иммунитета личности. Под этим понимается формирование способности человека к противостоянию негативным воздействиям духовного, ментального и эмоционального характера, исходящим из социума.

В системе сказкотерапии проблему формирования «нравственного иммунитета» рассматривает Д. Кудзилов. Как показано в его работе «Роль „духовно-нравственного иммунитета“ в процессе кон-

структивной социализации личности», под «нравственным иммунитетом» понимается совокупность свойств личности духовного, морального и нравственного характера, направленных на конструктивную самореализацию и эффективную психологическую невосприимчивость (резистентность) индивида к деструктивным воздействиям окружающей среды. В этом случае под деструктивным воздействием окружающей среды понимается воздействие духовного, ментального и эмоционального характера (Зинкевич-Евстигнеева, 2003).

«Нравственный иммунитет» направлен на профилактику психологической дезадаптации личности, вследствие которой увеличивается риск возникновения «саморазрушающих» форм поведения. Он не передается по наследству. По наследству передается лишь информация о предрасположенности к его формированию, которая носит специализированный характер, обусловленный ментальностью предыдущих поколений.

Важным аспектом функционирования механизма «нравственного иммунитета» является критическая оценка транслируемой на личность информации с целью ее выборочного принятия. Любая информация духовного, ментального или эмоционального характера проходит своеобразную проверку «нравственным иммунитетом». В результате информация подвергается критической оценке, и если признается позитивной для развития личности, то включается в систему ценностей человека и дополняет его картину мира.

Развитие «нравственного иммунитета» происходит с момента рождения и продолжается в течение жизни человека. Одним из его базовых компонентов является система ценностей личности.

В детстве простые народные и авторские сказки создают основу для формирования «нравственного иммунитета» ребенка.

Об активном формировании «нравственного иммунитета» в младшем школьном возрасте и у подростков может говорить появление детских сказок с жизненной моралью. Такого рода сказки отражают ситуации, связанные с приобретением жизненного опыта, с заботой о ближнем, борьбой с пороком и его наказанием. В современном информационном пространстве ребенку трудно самому разобраться в нахлынувшей на него информации. В этом ему может помочь сказка.

Сказка передает социокультурный опыт, в котором, заложена информация о том, как в прошлом люди жили, трудились, радовались, и как действовали в беде и горе. Проживая сказку, дети приобщаются к опыту предков и выбирают из многообразия явлений сознательное и нравственное поведение.

Однако мало кто из взрослых сочиняет с ребенком сказки, помогает ему осознать их смысл, применять в реальной жизни «уроки» сказки. Поэтому среди современной молодежи встречаются очень часто те, у кого не сформирован «нравственный иммунитет».

Таким образом, формирование «нравственного иммунитета» личности ребенка является одной из актуальных проблем современного общества. Основой для его формирования являются сказки. Сказкотерапия может помочь в формировании и укреплении «нравственного иммунитета» личности ребенка, что в дальнейшем снизит процент разрушительного асоциального поведения среди молодежи.

Литература

Вачков И. В. Сказкотерапия. Развитие самосознания через психологическую сказку. М., 2007.

Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Формы и методы работы со сказками. СПб., 2008.

Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., Тихонова Е. А. Проективная диагностика в сказкотерапии. СПб., 2003.

Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. СПб., 2000.

Ткач Р. М. Сказкотерапия детских проблем. СПб.–М., 2008.

Fairy tale as a basis for the formation of the child's personality

O. V. Boiko (Gorlovka)

Candidate of psychological Sciences, associate professor of Department of psychology, Gorlovka Institute for foreign languages

The article deals with the fairy tale as the basis for the formation of moral immunity of the child's personality. A theoretical analysis of the problem of the possibilities of using fairy tale therapy in the work of a practical psychologist is presented. The author reveals the concept of "moral immunity" and the problem of its formation in children with the help of fairy tale therapy. Tale therapy is presented as one of the modern and effective methods in the work of a psychologist. This method uses a form to integrate the individual, to expand consciousness, develop creative abilities, improve interaction with the surrounding world. The concepts of fairy tale therapy, fairy tales and functions of fairy tales are considered.

Keywords: fairy tale, fairy tale therapy, personality, moral immunity, values.

Медиация прощения и диалога как основа согласия в межличностном школьном конфликте

Н. Я. Большунова (Новосибирск), О. А. Устинова** (Новокузнецк)*

** доктор психологических наук, профессор, профессор
Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: nat_bolshunova@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент Новокузнецкого института
(филиал) «Кемеровский государственный университет»;
e-mail: ustinova_oly@mail.ru*

В статье представлено обоснование комплексного подхода к организации работы по медиации школьных конфликтов, включающего превентивную подготовку (воспитание) ответственности медиации. Показано, что напряженность конфликта в современной социокультурной ситуации обусловлена аксиологической неопределенностью, утратой реальности, «анонимностью» человека в современном мире, разрушением сферы интимности и «доминанты на другом». Медиация школьных конфликтов может быть эффективна, если стороны конфликта готовы к прощению Другого, что предполагает развитие системы ценностей, с которой человек готов соизмерять свои мысли, переживания и поступки, способности к диалогу, к принятию «инаковости» Другого, готов осуществлять рефлексия ситуации взаимодействия, подвергать сомнению правильность своих действий и переживать сочувствие к обидчику. Описан опыт работы по развитию способности к прощению у дошкольников на основе диалога с героями сказок и историй, осуществляемый в контексте организации образования в формах детской субкультуры (в формах игры средствами сказки для дошкольников). Показано развитие способности к прощению у детей, что проявляется в их готовности к примирению и согласию в ситуации конфликта.

Ключевые слова: конфликт, социокультурная ситуация, медиация школьных конфликтов, согласие, развитие способности к диалогу и прощению, субъектность и индивидуальность.

Постановка проблемы

Современный мир охвачен конфликтами: национальными, гражданскими, бытовыми, школьными, межличностными и т. д. Как правило, именно конфликты выступают источником личностных проблем. Однако конфликтологи (Анцупов, Шипилов, 2015; и др.) имеют неоднозначные представления о конфликте и его месте в межличностных отношениях и развитии человека. Одни утверждают, что конфликты неизбежны и выступают, скорее, как благо, поскольку они генерируют изменения, вскрывая противоречия и инициируя процесс развития (Л. Козер, Л. А. Петровская и др.). Следовательно, нужно заботиться не о предотвращении конфликта, а о его конструктивном разрешении. С этой точки зрения, именно маргинализация конфликта может привести к разрушению межличностных отношений и обусловить нарастание личностных проблем. Другие склонны рассматривать конфликт как сугубо негативное, деструктивное явление, поскольку он нарушает эффективное функционирование, взаимопонимание и порядок в обществе (Т. Парсонс), разрушает человеческие отношения (Э. Мейо), что предполагает работу, направленную на предотвращение конфликта. Неоднозначно отношение к конфликту и народной мудрости: с одной стороны, утверждает: «Худой мир лучше доброй ссоры», с другой – «Больше дерутся, так смирнее живут».

Однако и в том, и другом случаях неразрешенный внешний конфликт продуцирует внутренний; он насыщен негативными переживаниями: жадой мщения, ненавистью, злорадством, завистью; связан с утратой целостности личности, «расщеплением» ее внутреннего мира на «добро» и зло». Состояние расщепления – это постоянный внутренний конфликт, непримиримость, вражда самого с собой, с другими и Другим, с Главным, с Богом, Совестью.

Вместе с тем даже разрешенный конфликт может оказывать разрушающее влияние, оставляя «послевкусие» недоверия и настороженности. В этом отношении любой конфликт, в конечном итоге, если его участники действительно хотят прийти к подлинному его преодолению (или к предотвращению), восходит к этическому началу. С. Л. Рубинштейн считал, что одним из путей поведения человека в ситуации этического противоречия является «формирование внутренней позиции, внутреннего отношения к любым конфликтам, которые приносит жизнь, к любым противоречиям, которыми она может оказаться чреватой» (Рубинштейн, 2002, с. 490). Эта внутренняя позиция включает в себя верность себе и искренность, обращенность к «голосу совести» как внутренней инстанции, с которой

человек соизмеряет свои решения, разрешение проблемы отношения между долгом и влечением, основанное на том, чтобы «увидеть и восстановить истинную нравственную картину» (там же, с. 491).

Как правило, любой конфликт возникает тогда, когда люди между собой не смогли договориться, прийти к общему «со-гласию». Нарастание конфликтов в современном мире связано с рядом причин. Это утрата аксиологической, ценностной составляющей, социокультурных ориентиров, нравственной основы конфликта, поскольку, как считал С. Л. Рубинштейн, выбор между добром и злом утрачивает этический смысл: «где зло борется с добром, нужны не этические размышления, а несгибаемость мужества, непреклонность борьбы» (там же).

П. Слoderдаик видит проблемы современного человека в «крушении микросфер нашего бытия», в утрате интимности, внутреннего мира, бездомности – жизни за пределами границы «своего мира», потеря которого не позволяет различать и «мир другого».

Э. Левинас говорит о монотонности бытия, его анонимности, безличности, о бессубъектности человека, которая может быть прервана полаганием «инаковости» Другого.

Социокультурное состояние современного общества обуславливает такие феномены, как аномия, рессентимент, различные формы девиантного поведения, криминализация детской среды, конфликтность в отношениях и т. д. Последнее приобретает в детском и подростковом возрасте нередко агрессивные, бескомпромиссные формы как в отношениях между сверстниками, так и со взрослыми, что особенно явственно в школьной жизни. Особенностью школьного конфликта (дети–дети, родители–педагоги, педагоги–педагоги, педагоги–школьники, родители–дети) является невозможность его разрешения и завершения формальным договором, поскольку стороны конфликта продолжают участвовать в совместной деятельности и состоять в длящихся межличностных отношениях. Это требует особой организации и нетривиальных способов работы школьных служб медиации (примирения), отличающихся от техник урегулирования конфликтов в сфере бизнеса или досудебных решений, когда целью медиации является в большей мере достижение компромисса или победы, полученных уступками или даже принуждением. Например, медиатор предлагает сторонам конфликта выработать систему правил поведения, нарушения которых могут повлечь применение санкций по отношению к тем участникам конфликта, которые их нарушили. Такая технология, возможно, обеспечит быстрое изменение поведения, но будет ли оно искренним и не приведет ли в конечном итоге к уклонению от реального, подлинного взаимо-

действия? В ситуации школьного конфликта такой результат может привести к его маргинализации и обострению отношений на другом уровне взаимодействия.

Медиация же, особенно в школьных или семейных отношениях, должна ориентироваться на обретение согласия и солидарности, что возможно при изменении внутренней позиции человека в его отношении к Другому: пониманию интересов, признанию инаковости, «другости» Другого, его права быть другим и возможности диалога с Другим.

Формы и методы медиации, ориентированные на восстановление подлинных отношений между людьми

В современной практике посредничества используются различные модели: медиация, ориентированная на решение проблем; понимающая; трансформативная; нарративная; восстановительная. В школьных службах примирения в России обычно применяется восстановительная медиация (Коновалов, 2012), направленная не только на примирение, но и, прежде всего, на обеспечение ответственности участников конфликта за восстановление отношений и заглаживание вреда, которая актуализируется в процессе диалога.

В отечественной психологии имеется задел для разработки форм и методов медиации, ориентированных на восстановление подлинных отношений между людьми (субъектный подход в «тактике и стратегии этики» С. Л. Рубинштейна; идеи и практика диалога согласия М. М. Бахтина, Т. А. Флоренской и др.; концепция доминанты на другом А. А. Ухтомского; положения глубинного общения и новой педагогики Г. С. Батищева; идея коллективных творческих дел И. П. Иванова и пр.).

В русской религиозной философии и психологии (В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, В. В. Несмелов, Н. А. Бердяев и др.) еще в прошлом веке была сформулирована идея о необходимости исследований, направленных на выявление психологического содержания таких духовно-нравственных феноменов, как прощение, благодарность, покаяние и др. В частности, в удивительных по психологической глубине работах И. А. Ильина отражена сложность такого явления, как прощение: «Я должен простить, считаете вы, чувствительные люди? Да, конечно, я хочу это сделать. Я это и сделаю, хотя мне это не всегда удается легко. Люди часто так неблагодарны, зложелательны, коварны! Моя оскорбленная душа порою так ожесточается, что я не знаю, что с нею делать! И тем не менее, я стараюсь искоренить в глубине своей души личную обиду, сохранить спокойст-

вие и объективность, не думать более об отвратительном мщении, скорее, взвесить вопрос с точки зрения общечеловеческих ценностей, проявить по отношению к психологии оскорбителя понимание и воздать ему, где только можно, благодеянием. Я должен прямо признаться: мне не удастся ответить на подлости личного врага христианскою любовью; я – не святой, и подобное „прощение“ превышает мои силы... Для того, чтобы быть „должным“ прощать, мне надо прежде всего „сметь“ прощать... Если то, что я должен простить, – „грех“, то прощение грехов – в Руце Господа; у меня нет на это полномочий» (Ильин, 1994, с. 189–190).

Таким образом, медиация, направленная на восстановление искренних, доверительных отношений, обеспечивающих возможность сотрудничества и человеческого общения, предполагает длительную предварительную работу, ориентированную на развитие внутренней позиции человека, его способности прислушаться к голосу совести. Такая медиация включает основательную предварительную системную работу, и ее задачи не могут быть исполнены посредством применения только технологичных приемов посредничества.

Эта предварительная работа включает в себя, начиная с самого раннего детства, развитие способности к прощению, к доминанте на Другом, принятию его инаковости, диалогу с ним, преодолению «анонимности» в жизни человека, созданию и в детском саду, и в школе, и в семье условий для воссоздания сферы интимного.

Особое значение в этой системе работы имеет развитие способности к прощению, поскольку оно становится сосредоточием всех прочих составляющих системы работы.

Роль прощения в духовно-нравственном развитии личности

Феномен прощения и программы его развития для разных возрастов, методика диагностики прощения успешно разрабатываются в зарубежной психологии (Р. Энрайт, Э. Гассин и др.), однако в современной отечественной психологии пока имеются лишь отдельные его исследования (А. С. Чукова, Ю. В. Печин, А. В. Ямпольская, А. А. Родионова и др.). По-видимому, учитывая выраженную культуральную составляющую феномена прощения (Большунова, 2017; Горьковская, 2015; и др.) есть необходимость, принимая во внимание и те исследования, которые имеются в зарубежной психологии, обратиться к смыслу прощения, характерному для российской культуры.

Прощение невозможно без доминанты на Другом, без признания «дружости» Другого. Доминанта на Другом дает шанс понять его,

открыть его «инаковость» и обнаружить в Другом и через Другого себя («...кто из вас без греха, первый брось в нее камень» – Ин 8: 7), пережить это понимание как сочувствие и простить. «Другость» Другого вскрывается в диалоге с ним и с самим собой и предусматривает необходимость стать трансгредиентным ситуации, увидеть ее «со стороны», обнаружить себя как Другого и осуществить рефлексию.

Прощение невозможно «анонимным» человеком, утратившим переживание реальности себя и Другого, живущим симулякрами виртуального мира, поскольку в этом случае исчезают основания для сочувствия и понимания. Прощение и примирение недоступно человеку, утратившему интимность, «свой мир» сердечности и взаимопонимания, живущему вовне, поскольку исчезают основания его интеграции с окружающим. Оно невозможно также без освоения культуры прощения, представленного в ценностях и образцах поведения, традициях своего народа. Например, безусловное прощение, согласно традиционному русскому мировоззрению, способно изменить не только жизнь, но и посмертную судьбу человека, так же как искреннее раскаяние дает надежду на духовное освобождение от бремени греха (Брилева, 2015). В основе прощения лежит способность испытывать к другому человеку добрые чувства, любовь, со-радование, сострадание. Когда другой человек совершает зло, именно любовью и доверием можно простить, понять этого человека и облегчить его духовные муки. Апостол Павел в Послании Римлянам (Рим. 12: 21) говорит: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром... Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец вам не простит согрешений ваших» (Матф. 6: 15).

Одна из важнейших задач медиатора в школьных конфликтах – помочь простить и раскаяться. При этом прощение может выступать как дар: «Единственное в своем роде отношение любящего к любимому, отношение немотивированной оценки к предмету („каков он ни был, я его люблю“, а уж затем следует активная идеализация, дар формы), отношения утверждающего приятия к утверждаемому, принимаемому, отношение дара к нужде, прощения к преступлению, благодати к грешнику» (Бахтин, 1979, с. 80).

Описание опыта работы

Воспитание способности к прощению начинается с дошкольного возраста. Программа развития способности к прощению как воспитания готовности к конструктивному поведению в ситуации конфликта, ответственности медиативным действиям начинается

с развития доминанты на Другом, социальных эмоций, к которым, согласно исследованиям А. В. Запорожца, особенно сензитивны дети этого возраста, способности к диалогу. Реализация программы осуществлялась в контексте концепции организации образования дошкольников в формах детской субкультуры (направление «Социокультурное развитие детей дошкольного возраста»). Для дошкольного возраста этот подход предполагает организацию образования в формах игры средствами сказки.

Программа включает работу со сказками и историями, их обсуждение и драматизацию, диалоги с героями сказок, рисование героев и сказочных событий. Использовались сказки М. А. Андрианова «Болезнь непощения», истории из книг Н. А. Александрова «Библиотека „Мудрые дети“», авторские сказки. Это позволило детям осуществить рефлексии ситуации непощения, осмыслить и пережить ее («Непощение – это такая заразная болезнь»; «Простили друг другу и вылечились»).

Обязательным условием реализации программы является активная включенность в нее родителей, что актуализирует появление круга, сферы интимности, близости в отношениях. Вместе с родителями дети ищут и создают символические «средства», помогающие осуществить акт прощения: собирают фольклорные «прощалки-мирилки», придумывают и шьют «мирилки-рукавички», «мирилки-солнышки» и пр., которые на уровне кинестетики (сближение, прикосновение) помогают преодолению обиды и отчужденности. Вместе с родителями дети сочиняют сказки о прощении, рассказывают их в группе, рисуют или лепят их героев.

Еще одно направление работы связано с развитием способности к диалогу и доминанты на Другом. Рассмотрим пример диалога о прощении со старшими дошкольниками, реализуемого в процессе игры-драматизации по сюжету авторской сказки. Герой сказки, маленький птенчик, оказывается в беде – на него охотится кот; его брат, испугавшись кота, улетел и бросил его. Дети помогают герою сказки, вызволяют его из беды. Птенчик, обидевшись на брата, не хочет иметь с ним дела. В процессе игры-драматизации инициируется диалог о том, можно ли птенчику простить брата (разговор детей с птенчиком). Высказывания детей: «Нужно понять другого, почему он это сделал»; «Наверное, он сильно испугался»; «Нужно простить, и тогда на душе станет легче». Обсуждая вопрос о том, что труднее – простить или обидеться, дети отмечают, что обижаться легче, но, «когда простишь, хочется улыбаться».

Апробация программы свидетельствует о том, что дети дошкольного возраста отзывчивы на ситуации прощения, проявляют

готовность к прощению и примирению. Диагностика способности к прощению с использованием разработанной нами методики, где дошкольники должны выбрать способ поведения в предлагаемых ситуациях «нанесения им вреда», также обнаруживает достаточно высокий для этого возраста уровень понимания смысла прощения.

Технология медиации прощения и диалога используется нами также в психологических консультациях, в работе с семьей, коррекционных и развивающих занятиях, а также в ходе реализации таких проектов с детьми младшего школьного, подросткового возраста, как: «Диалоги о Главном», «Я и Другой», «Прощение – путь к согласию: человек и конфликт».

Эти проекты ориентированы на актуализацию в ходе духовно-ориентированного диалога ответственности ценностным основаниям жизни человека, ценностно-смысловой вертикали личности, представлений детей о ценностях и духовных феноменах (о совести, прощении, правде, гневе, саморегуляции и пр.). Наблюдения показывают, что дети обретают способность к самостоятельному принятию решений во взаимоотношениях со сверстниками, к выбору и удержанию своей позиции в ситуации ответственности, что свидетельствует о развитии их субъектности и индивидуальности.

Заключение

Таким образом, необходимость служб медиации, работающих со школьными конфликтами обусловлена их напряженностью, высоким уровнем агрессивности, актуализируемых с условиях современной социокультурной среды, для которой характерны аксиологическая неопределенность, развернутость человека во вне и оскудение сферы интимности, анонимность его бытия и утрата доминанты на Другом. В этих условиях медиация школьных конфликтов требует готовности сторон конфликта к работе с посредником. Причем, формальное применение технологий медиации в условиях невосприимчивости участников конфликта к чувствам, переживаниям, как Другого, так и своим, может маргинализировать конфликт, привести к внешне обусловленному поведению. Успешность посредничества возможна при организации работы, направленной на воспитание способности к прощению, развитие ценностно-смысловой и эмоциональной сферы личности, способности к диалогу и к принятию инаковости Другого, восстановление интимного общения.

Опыт работы по развитию способности к прощению у дошкольников, осуществляемый в контексте концепции организации обра-

зования в формах детской субкультуры (в формах игры средствами сказки), включающий драматизацию сказок, диалог с ее героями, обсуждение смысла и ценности прощения, вовлечение родителей в круг интимного содержательного взаимодействия, свидетельствует об ответственности детей ценностно-смысловому общению, переживанию значимости прощения и примирения. Аналогичная работа, осуществляемая с более старшими детьми, подтверждает, что посредничество в конфликте, основанное на диалоге, должно опираться на развитие ценностно-смысловой сферы личности, внутреннего мира и способности к интимному, основанному на доминанте на Другом, общению.

Литература

- Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. 6-е изд. СПб., 2015.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Большунова Н. Я. Прощение как духовно-нравственное явление и психологический феномен // Человек и мир. 2017. № 1. Т. 1. С. 201–218. URL: chelovekimir.ru/engine/documents/document206.pdf (дата обращения: 25.05. 2017).
- Брилева И. С. О категории прощения в системе традиционного мировоззрения (на материале русской народной несказочной прозы) // Мир русского слова. 2015. Вып. № 1. С. 35–44.
- Горьковская З. П. «От избытка сердца глаголят уста». Тема прощения в истории эмоций в России XVIII–XIX веков // «В надежде славы и добра...»: исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ и исторического факультета (Института истории, гуманитарного и социального образования) (Новосибирск, 14–15 апреля 2015 г.) / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск, 2015. С. 104–113.
- Ильин И. Я. Я глядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 89–226.
- Коновалов А. Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: Практическое руководство / Под ред. Л. М. Карнозовой. М., 2012.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М., 2002.

Mediation of forgiveness and dialogue as the basis of agreement in interpersonal school conflict

N. Y. Bolshunova (Novosibirsk), O. A. Ustinova** (Novokuznetsk)*

* Doctor of psychological Sciences Professor, Full Professor, Professor of Novosibirsk state pedagogical University

** Candidate of psychological Sciences, associate Professor of Novokuznetsk Institute (branch) “Kemerovo State University”

The article presents the rationale for an integrated approach to the organization of work on the mediation of school conflicts, including the preventive preparation (education) of the mediation responsiveness. It is shown that the tension of the conflict in the modern socio-cultural situation is due to axiological uncertainty, loss of reality, the “anonymity” of a person in the modern world, the destruction of the sphere of intimacy and the “dominant on the other”. Mediation of school conflicts can be effective if the parties to the conflict are ready to forgive the Other, which implies the development of a value system with which a person is ready to measure his thoughts, feelings and actions, the ability to dialogue, to accept the “otherness” of the Other, is ready to reflect the situation of interaction, To question the correctness of their actions and to experience compassion for the offender. Experience of developing the ability to forgive preschool children on the basis of a dialogue with the heroes of fairy tales and stories is described. It is carried out in the context of the organization of education in the forms of a child’s subculture (in the forms of play using the means of a fairy tale for preschoolers). It shows the responsiveness of children to the development of the ability to forgive, which manifests itself in their readiness for reconciliation and agreement in a situation of conflict.

Keywords: conflict, socio-cultural situation, mediation of school conflicts, consent, development of ability to dialogue and forgiveness, subjectivity and individuality.

Особенности контроля поведения детей младшего школьного возраста¹

Г. А. Виленская (Москва)

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: vga2001@mail.ru

В работе рассматриваются особенности контроля поведения у младших школьников (30 человек, Ме = 7 лет 9 мес). Для оценки когнитивного контроля применялись методика совмещения признаков Когана и «Ханойская башня». Для оценки эмоционального контроля – «Тест детской тревожности» Теммл-Дорки-Амен и «Азбука настроения» Н. Л. Белопольской; контроль действий оценивался при помощи нейропсихологических проб. Для оценки интеллекта применялся детский вариант теста «Прогрессивные матрицы Равена». Анализируются различные варианты развития когнитивного контроля (дети гибкие и ригидные, лучше и хуже распределяющие внимание). Обнаружено, что в группе «ригидных» детей с интеллектом более тесно связан контроль действий, а в группе «гибких» – эмоциональный контроль. В целом, в группе «ригидных» детей связи внутри контроля поведения организованы вокруг эмоционального контроля, а в группе «гибких» – вокруг когнитивного. Предполагается существование двух вариантов развития контроля поведения в зависимости от способности к управлению своим вниманием – с акцентом на когнитивном или на эмоциональном компоненте контроля поведения. Предполагается также, что интеллект играет роль ресурса для менее развитого компонента контроля поведения.

Ключевые слова: контроль поведения, младшие школьники, развитие саморегуляции, варианты развития контроля поведения, когнитивный контроль, эмоциональный контроль, невербальный интеллект.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ, № 0159-2016-0004.

Постановка проблемы

Для более глубокого понимания механизмов и закономерностей развития контроля поведения как психологического уровня саморегуляции необходимо исследовать индивидуальные вариации его развития, различные профили, которые образуют компоненты контроля поведения (когнитивный, эмоциональный и волевой контроль). Контроль поведения имеет ресурсную основу, включающую индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы, интегрируемые субъектом. При этом соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых способностей представлено у каждого человека в разных соотношениях (Сергиенко и др., 2010).

Важным представляется оценить способность детей к организации своего поведения в переходный период адаптации к новой деятельности и новой среде (начало обучения в школе). Понимание процессов развития контроля поведения, их роли в адаптации детей к школе, позволит повысить эффективность школьного обучения и социализации и разработать меры по улучшению и ускорению самой адаптации.

Выявление определенной типологии, индивидуального своеобразия в контроле поведения может быть полезно при разработке различных вариантов коррекционных программ, способов помощи детям, испытывающим проблемы при адаптации в школе. Понимание характера регуляторных затруднений сделает помощь детям более адресной, целенаправленной и, в конечном счете, более успешной.

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

Выборку исследования составили 30 детей в возрасте от 7 лет 1 мес. до 8 лет 10 мес. (Me=7 лет 9 мес.) – 20 мальчиков и 10 девочек, учащиеся 1-х классов московских школ.

Методики исследования

Для оценки когнитивного контроля применялись методики совмещения признаков Когана (Блейхер, Крук, 1986) и «Ханойская башня» (Bull et al., 2004). Для оценки эмоционального контроля использовался «Тест детской тревожности» Теммл–Дорки–Амен (Практикум по возрастной психологии..., 2001) и «Азбука настроения» Н. Л. Белопольской (Белопольская, 2008); контроль действий (произвольный контроль) оценивался при помощи нейропсихологических проб (реципрокные действия, серийная организация движений, дейст-

вия по образцу) (Ахутина и др., 1996). Также для оценки интеллекта детей применялся детский вариант теста «Прогрессивные матрицы Равена».

Мы предприняли попытку более детально проанализировать данные по когнитивному контролю, поскольку именно входящие в него процессы (планирование, концентрация, распределение и переключение внимания и др.) во многом обеспечивают успешность школьного обучения. Способность к концентрации, распределению и переключению внимания исследовалась при помощи методики совмещения признаков. Она включала сортировку карточек с разноцветными изображениями геометрических фигур по цвету, затем – по форме, затем раскладывание их с учетом двух признаков. Одновременно ребенок должен вслух пересчитывать карточки. Основным показателем является время выполнения каждой серии. Таким образом, эта методика дает возможность оценить, например, когнитивную гибкость (включаемую практически всеми исследователями в состав исполнительных функций, которые, в свою очередь, являются операциональным обеспечением когнитивного контроля поведения) (Виленская, 2016). Показателем когнитивной гибкости мы считали разность между временем, за которое испытуемый производил сортировку по цвету и сортировку по форме (т.е. легкость переключения между основаниями сортировки). Использовался медианный критерий, т.е. условно гибкими считались дети, у которых эта разность была меньше 8 секунд, а условно ригидными, соответственно, дети, у которых она составляла больше 8 секунд. Также мы использовали показатель «коэффициент внимательности», определяемый как разность между суммарным временем, затраченным на классификацию по цвету и по форме, и временем, затраченным на классификацию по двум основаниям одновременно. Он показывает, насколько успешен ребенок в распределении внимания, способности оперирования двумя признаками одновременно.

Результаты исследования

Были проанализированы паттерны корреляций показателей контроля поведения между собой (с целью выделения профилей контроля поведения) и с показателями интеллекта (с целью определения возможного ресурса контроля поведения). Оказалось, что данные паттерны у этих групп детей различны.

Рассмотрим корреляции показателей контроля поведения с невербальным интеллектом. У обеих групп детей есть корреляции показателей невербального интеллекта с показателями контроля

действий (нейропсихологические пробы), но если у «гибких» – только с серией АВ (аналитико-синтетическая мыслительная деятельность), причем лишь на уровне тенденции ($r=0,46$, $p=0,08$), то у «ригидных», помимо серии АВ ($r=0,54$, $p=0,04$), с серией В ($r=0,59$, $p=0,02$) (поиск аналогий, требует дифференциации) и с общим индексом ($r=0,56$, $p=0,03$), т. е. наблюдается значительно более тесная связь контроля действий с интеллектом. У «гибких» детей наблюдаются такая же тесная связь невербального интеллекта и эмоционального контроля – количества ошибок при классификации эмоций и результатов серий А ($r=-0,51$, $p<0,05$) (дифференциация, сходство с образцом), АВ ($r=-0,54$, $p=0,05$), В ($r=-0,59$, $p=0,02$) и общим индексом ($r=-0,69$, $p=0,004$). У «ригидных» детей обнаруживается только связь количества ошибок при идентификации эмоции с результатами серии В ($r=-0,57$, $p=0,03$).

Т.е. взаимосвязи контроля поведения с невербальным интеллектом у детей условно ригидных и условно гибких представляют собой практически зеркальную картину. Невербальный интеллект у «ригидных» детей тесно связан с контролем действий и слабо – с эмоциональным контролем; у «гибких» – напротив, невербальный интеллект очень тесно связан с эмоциональным контролем и столь же слабо, как с эмоциональным контролем в группе «ригидных», – с контролем действий.

Таким образом, интеллект, по крайней мере, невербальный, представляет собой ресурсную основу для различных компонентов контроля поведения в зависимости от степени когнитивной гибкости детей.

Рассмотрим взаимосвязи внутри самого контроля поведения.

В группе «ригидных» детей таких связей относительно немного: эмоциональный контроль (количество ошибок при идентификации эмоций) связан с контролем действий ($r=-0,54$, $p=0,04$) и с коэффициентом внимательности на уровне тенденции ($r=-0,44$, $p=0,09$). Также эмоциональный контроль (количество ошибок при классификации эмоций) связан с количеством ходов при решении задачи «Ханойская башня» (чем чаще дети ошибаются в классификации эмоций, тем больше ходов они делают) ($r=0,55$, $p=0,04$). С когнитивным контролем и контролем действий связан именно тот аспект эмоционального контроля, который связан и с невербальным интеллектом.

В группе «гибких» связей несколько больше. Дети из этой группы, затрачивающие больше времени на решение задачи «Ханойская башня» (но не ходов!), тратят больше времени и на классификацию в методике Когана по форме ($r=0,51$, $p=0,04$); у них выше коэффициент внимательности ($r=0,50$, $p=0,05$). Возможно, таким

детям нужно больше времени, чтобы включиться в работу, уловить принцип, после чего они могут действовать быстрее. Когнитивный контроль – способность к планированию – у них тесно связан с контролем действий (с количеством ходов в задаче «Ханойская башня» – $r=-0,79$, $p=0,0002$ и с затраченным на решение этой задачи времени – $r=-0,65$, $p=0,006$). Эмоциональный контроль (классификация эмоций) также связан с контролем действий, но на уровне тенденции ($r=-0,48$, $p=0,06$) (в отличие от ригидных). Также любопытно, что у них есть связь между разными показателями эмоционального контроля (на уровне тенденции) ($r=0,51$, $p=0,07$) – тревожные дети чаще ошибаются в классификации эмоций (что неудивительно).

В целом, в группе «ригидных» детей связи внутри контроля поведения организованы вокруг эмоционального контроля, а в группе «гибких» – вокруг когнитивного, также у них более согласованы показатели методик, оценивающих один и тот же компонент контроля поведения.

Далее мы разделили детей на условно распределяющих внимание и условно не распределяющих внимание соответственно величине коэффициента внимательности. У «распределяющих внимание» детей он больше 0, т. е. они выполняют классификацию по двум основаниям одновременно быстрее, чем суммарно, по цвету и по форме, а у «нераспределяющих» – меньше 0, т. е. по двум основаниям одновременно они классифицируют медленнее, чем суммарно по каждому в отдельности. При этом показатель гибкости, рассмотренный ранее, с коэффициентом внимательности на всей выборке не связан ($r=0,11$, $p=0,56$).

У «нераспределяющих» детей с количеством ходов в задаче «Ханойская башня» связано количество ошибок при назывании эмоций ($r=0,58$, $p=0,02$); оно же связано с контролем действий (как и у «ригидных») ($r=-0,61$, $p=0,01$), а контроль действий, в свою очередь, связан с невербальным интеллектом (общий коэффициент по тесту Равена) (как и у «ригидных») ($r=0,54$, $p=0,03$).

У «распределяющих» детей с временем, затраченным на решение задачи «Ханойская башня», коррелирует собственно коэффициент внимательности ($r=0,65$, $p=0,009$) (чем больше времени затрачено на решение задачи, тем дольше ребенок классифицирует по двум основаниям сравнительно с классификацией по одному основанию – при том, что в целом дети данной группы делают это быстрее). Также чем дольше ребенок классифицирует по двум основаниями, по сравнению с классификацией по одному основанию, тем чаще он неправильно идентифицирует эмоции ($r=0,54$, $p=0,04$). Контроль действий связан с показателем планирования: чем лучше ребенок

выполняет нейropsychологические пробы, тем меньше ходов он затрачивает на решение задачи «Ханойская башня» ($r=-0,57$, $p=0,03$).

Прослеживается определенное сходство между группами «ригидных» и «нераспределяющих», с одной стороны, и группами «гибких» и «распределяющих», с другой.

Таким образом, можно выделить, по крайней мере, две группы детей. К первой группе можно отнести детей, у которых хорошо развито произвольное внимание, прежде всего, такие его аспекты, как способность к переключению и к распределению внимания. Можно предположить, что когнитивный контроль и контроль действий у них развиты лучше, чем эмоциональный контроль, который нуждается в дополнительном ресурсе в виде интеллекта (невербального). И действительно, «гибкие» и «распределяющие» (одновременно) дети чаще ошибаются в идентификации эмоций ($U=10,50$, $p<0,03$), но быстрее производят сортировку по форме ($U=8,00$, $p<0,05$).

Ко второй группе относятся дети, испытывающие относительные затруднения при необходимости переключать или распределять внимание. У них, видимо, ведущая роль в контроле поведения принадлежит эмоциональному контролю; при этом с невербальным интеллектом у них тесно связан контроль действий. Поскольку эти дети имеют сложности и с переключением внимания, и с его распределением, можно предположить, что и на уровне построения движений детям сложно сосредоточиться на всех аспектах задания и удержать его в поле внимания, поэтому интеллект здесь играет ресурсную роль.

Выделить «профили» здесь пока сложно, возможно, увеличение выборки сделает различия между этими группами более «выпуклым», однако можно говорить о том, что наблюдается различная организация контроля поведения (с акцентом на когнитивной его стороне и на эмоциональной). Можно также провести аналогию с когнитивным стилем полезависимости/полenezависимости, где полезависимые характеризуются большей социальной ориентированностью и чувствительностью к социальным сигналам при худших способностях к анализу информации, а полenezависимые лучше структурируют и анализируют информацию, но менее ориентированы на социальное взаимодействие (Холодная, 2004). Однако понятие когнитивного стиля описывает только индивидуальное своеобразие в области интеллектуальной активности. Контроль же поведения включает также и эмоциональный, и произвольный (волевой) контроль.

Дальнейшие исследования будут направлены на поиск своеобразия в развитии и других компонентов контроля поведения.

Литература

- Ахутина Т. В., Игнатъева С. Ю., Максименко М. Ю., Полонская Н. Н., Пылаева Н. М., Яблокова Л. В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–8 лет // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 1996. № 2. С. 51–58.
- Белопольская Н. Л. Азбука настроений. Эмоционально-коммуникативная игра для детей 4–10 лет. М., 2008.
- Блейхер В. М., Крук И. В. Патопсихологическая диагностика. К., 1986.
- Виленская Г. А. Исполнительные функции: природа и развитие // Психологический журнал. Т. 37. № 4. 2016. С. 21–31.
- Прогрессивные матрицы Равена: Методические рекомендации / Сост. и общая ред. О. Е. Мухордовой, Т. В. Шрейбер. Ижевск, 2011.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М., 2010.
- Практикум по возрастной психологии / Под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб., 2001.
- Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.
- Bull R., Espy K., Senn T. E. A Comparison of Performance on the Towers of London and Hanoi in Young Children. 2004. Developmental Cognitive Neuroscience Laboratory – Faculty and Staff Publications. Paper 11. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/dcnlfacpub/11>.

The features of child behavioral control in young school age

G. A. Vilenskaya (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

The features of behavioral control in younger schoolchildren (30 people, Me = 7 years 9 months) are considered. The cognitive control is evaluated by the task of combining the attributes and the Hanoi Tower. The emotional control is evaluated by Temml–Dorki–Amen’s “Test of Childhood Anxiety” and “ABC of Mood” by N. L. Belopolskaya. The control of actions was evaluated by the neuropsychological tasks. To assess the intellect, the child’s version of the “Raven Progressive Matrices” was applied. Various variants of cognitive control development are analyzed (flexible and rigid children, with better and worse ability to distribute attention). It was found that in the group of “rigid” children intellect is more closely connected with the control of actions, and in the group of “flexible” – with emotional control. In general, in the group of “rigid” children, links within the control of behavior are organized around emotional

control, and in the “flexible” group – around the cognitive one. It is suggested that there are two variants of behavioral control development, depending on the ability to manage one’s attention – with an emphasis on the cognitive or emotional component of behavioral control. It is also assumed that the intellect can be considered as a resource for a less developed component of behavioral control.

Keywords: behavioral control, primary schoolchildren, development of self-regulation, variants of behavioral control, cognitive control, emotional control, nonverbal intellect.

Интрасубъектные ресурсы жизнестойкости руководителей зрелого возраста¹

Н. Е. Водопьянова, Г. С. Никифоров**, Е. А. Столярчук***
(Санкт-Петербург)*

** доктор психологических наук, профессор кафедры
«Психологическое обеспечение профессиональной деятельности»
Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: vodop@amil.ru*

*** доктор психологических наук, профессор кафедры
«Психологическое обеспечение профессиональной деятельности»
Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: nikiforov.germ@mail.ru*

**** старший преподаватель кафедры «Психологическое обеспечение
профессиональной деятельности» Санкт-Петербургского
государственного университета; e-mail: esol@yandex.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи жизнестойкости с ценностно-смысловыми ресурсами и параметрами субъектной позиции руководителей зрелого возраста. Установлено, что высоким показателям субъектной позиции, удовлетворенности самоактуализацией, качеством жизни и осмысленности жизни соответствует более высокий уровень жизнестойкости, что подтверждает основную гипотезу исследования о роли интрасубъектных ресурсов для развития жизнестойкости. На основе полученных результатов построена модель развития жизнестойкости руководителей, в которой центральной «мишенью» психологических влияний является актуализация ресурсов субъектной жизненной позиции – системы позитивных когнитивных оценок, оптимистических установок, отношений к текущим ситуациям как стимулу развития, уверенности в возможность поиска новых ресурсов и конструктивных решений.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10638.

Ключевые слова: Ресурсы, жизнестойкость, смысложизненные ориентации, самоактуализация, удовлетворенность качеством жизни, оптимизм, субъектная позиция.

Постановка проблемы

Научный и практический интерес к проблеме жизнестойкости руководителей связан с рядом актуальных вопросов психологического обеспечения их профессиональной деятельности в целях сохранения личностных потенциалов и профессионального здоровья. Среди них – выявление психологических ресурсов жизнестойкости; определение организационно-средовых, ситуационных и личностных факторов риска снижения жизнестойкости; разработка моделей и технологий повышения жизнестойкости с учетом этапов профессионального пути руководителей; создание метатеории жизнестойкости.

Современные условия профессиональной деятельности руководителей в сфере бизнеса РФ характеризуются высокой динамичностью, неопределенностью и нестабильностью, что обуславливает высокие требования к их жизнестойкости.

Понятие жизнестойкости («hardiness»), введенное С. Кобейс и С. Мадди, рассматривается как свойство личности, которое определяет меру способности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность без снижения успешности деятельности. Согласно современным воззрениям, жизнестойкость – это когнитивно-смысловой и установочно-волевой конструкт (совокупность мыслей, взглядов, смыслов, жизненной позиции, способов совладания и принципов человека), благодаря которому человек сохраняет активность, позитивный взгляд на жизнь и противостояит разрушительному действию стрессогенных ситуации и болезней (Maddi, 1994; Brooks, 2008; Бонивелл, 2009). Жизнестойкость служит важным фактором саморегуляции, способствующим оптимизации деятельности, лежит в основе психологического благополучия, сохранения здоровья и противостояния стрессам (Glimcher, 2005).

Согласно модели С. Мадди, жизнестойкость включает в себя три компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. С. Мадди подчеркивает важность выраженности всех трех компонентов для сохранения здоровья, оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях (Maddi, 1998).

На основе концепции управления человеческими ресурсами исследователи выделяют проактивные и реактивные сценарии разви-

тия жизнестойкости сотрудников организации, которые проявляются на организационном, командном и личностном уровнях. Предполагается, что для развития жизнестойкости важны четыре сферы интрасубъектных ресурсов: самоподдержка (self-enhancement), асертивность и воля; (hardiness), позитивные эмоции и стиль атрибуции (Luthans et al., 2006).

Отмечается, что жизнестойкость в определенной мере выступает как детерминанта удовлетворенности качеством жизни и как следствие субъектной позиции, когда человек способен к автономности, сознательным и самостоятельным выборам, самоорганизации и другим проявлениям субъектности (Леонтьев, Рассказова, 2006). Имеющиеся в литературе факты говорят о возможной связи жизнестойкости с самоактуализацией личности, смысловыми ориентациями, волевыми и когнитивными характеристиками личности, выполняющими ресурсную функцию.

Организация и методики исследования

Целью исследования являлся поиск интрасубъектных ресурсов жизнестойкости для построения модели ее развития.

Общая гипотеза: жизнестойкость зрелых руководителей значимо связана с такими интрасубъектными ресурсами позитивных эмоций и атрибуции, как удовлетворенность самоактуализацией и качеством жизни, оптимистическая жизненная позиция, смысловые ориентации: чем больше выраженность данных ресурсов, тем выше жизнестойкость.

На основе выявленных предикторов может быть построена модель и технологии развития жизнестойкости зрелых руководителей.

Задачи исследования

- 1) сравнить показатели жизнестойкости у руководителей мужчин и женщин;
- 2) выявить взаимосвязи между жизнестойкостью и интрасубъектными ресурсами руководителей.

Выборку исследования составили 67 руководителей (из них 70% женщин) в возрасте от 45 до 60 лет; стаж управленческой деятельности – от 10 до 17 лет; у 57% руководителей общий стаж трудовой деятельности – более 25 лет.

В работе использовались следующие психодиагностические методики: 1) тест жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006); 2) опросник по изучению самоактуализации Э. Шострома (Алешина и др., 1987); 3) опросник качества жизни (Водопьянова, 2005); 4) тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева; 5) шкала «РОП-2017» (Водопьянова, Чесноков, 2017¹) для оценки выраженности реализма, оптимизма, пессимизма; 6) авторская анкета «Трудные ситуации» для оценки устойчивости руководителей к рабочим ситуациям.

Методы математико-статистической обработки данных: корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Пирсона (Pearson r); дисперсионный анализ с помощью коэффициента Фишера.

Результаты исследования

С помощью анкетного опроса «Трудные ситуации» респонденты были разделены на две группы. В первую вошли 47% руководителей, ответивших, что не имели особо трудных или стрессовых ситуаций на работе за последние два года. Во вторую группу вошли 53% руководителей, отметивших, что за последние два года (2015–2016) количество профессионально трудных и стрессогенных ситуаций, связанных с нестабильностью и неопределенностью, значительно возросло, что создает повышенную нервозность и психический дискомфорт.

Обнаружено, что руководители первой группы имеют статистически более высокие показатели общей жизнестойкости и ее компонентов – вовлеченности, принятия риска и контроля, а также показателей самоактуализации по сравнению с руководителями второй группы. Первая группа получила условное название – «устойчивые», вторая – «неустойчивые».

«Устойчивые» руководители предпочитают быть в курсе событий, активно вовлечены в организационные процессы и рабочие коммуникации. Они отмечают, что, разрешая текущие управленческие задачи, как правило, уверены в позитивном результате, направляют свою энергию на личную ответственность, самоконтроль и организованность, повышают контроль подчиненных за процессом деятельности и ее результатом. При этом они стремятся сохра-

1 Водопьянова Н. Е., Чесноков В. Б. «РОП – 2017» – оценка реализма, оптимизма, пессимизма // Петербургский психологический вестник. 2017. № 29 (в печати).

нять спокойствие и оптимизм. «Устойчивые» руководители характеризуются более высокими показателями оптимизма и активности по шкале «РОП-2017», по сравнению с группой «неустойчивых» руководителей ($p < 0,001$).

Руководители второй группы («неустойчивые») трудно переносят сложные и неопределенные рабочие ситуации, стремятся «уйти» от ответственности за возможные риски при принятии управленческих решений, с настороженностью относятся к инновациям, значительную часть текущих ситуаций воспринимают как угрозу для себя, а не возможность получения нового опыта. Они отличаются сильными негативными переживаниями в трудных ситуациях, что уменьшает их вовлеченность в организационные процессы и рабочие коммуникации, характеризуются более низкими показателями оптимизма по сравнению с «устойчивыми» руководителями.

Не выявлено значимых различий по показателям жизнестойкости руководителей разного пола. На уровне тенденции отмечается более высокий уровень контроля и меньшая вовлеченность у мужчин-руководителей по сравнению с женщинами-руководителями (таблица 1).

Таблица 1

Показатели жизнестойкости у мужчин и женщин

Показатели жизнестойкости	Среднее значение		t-критерий	Достоверность различий
	Мужчины	Женщины		
Вовлеченность	36,12	37,24	2,429	<0,05
Контроль	30,38	28,71	2,429	<0,05
Принятие риска	18,38	18,09	0,969	>0,33
Общий балл жизнестойкости	82,71	83,12	1,329	>0,05

В результате корреляционного анализа были обнаружены положительные связи между жизнестойкостью и ценностно-смысловыми ресурсами руководителей. В частности, жизнестойкость положительно коррелирует со смысловыми ориентациями по показателям: цели в жизни ($r=0,40$ при $p=0,01$), процесс жизни ($r=0,53$ при $p=0,01$), результативность жизни ($r=0,53$ при $p=0,01$), локус контроля – Я ($r=0,63$ при $p=0,01$), локус контроля – жизнь ($r=0,64$ при $p=0,01$) и осмысленность жизни ($r=0,55$ при $p=0,01$). Жизнестойкость положительно коррелирует с показателями удовлетворенности самоактуализацией: ориентация во времени ($r=0,59$ при $p=0,01$), поддержка ($r=0,40$ при $p=0,01$), самоуважение ($r=0,44$ при $p=0,01$),

представление о природе человека ($r=0,48$ при $p=0,01$) и познавательные потребности ($r=0,41$ при $p=0,01$).

Обнаружены положительные корреляции жизнестойкости с показателями удовлетворенности качеством жизни: по общему индексу качества жизни ($r=0,58$ при $p=0,01$) и по удовлетворенности работой ($r=0,43$ при $p=0,01$), личными достижениями ($r=0,52$ при $p=0,05$), общением с близкими людьми ($r=0,48$ при $p=0,01$), поддержкой ($r=0,40$ при $p=0,01$), оптимистичностью ($r=0,44$ при $p=0,01$) и отрицательные связи – с показателем напряженности жизни ($r=-0,46$ при $p=0,01$), негативными эмоциями ($r=0,45$ при $p=0,01$). Жизнестойкость коррелирует с активностью и оптимизмом по шкале «РОП-2017» (при $p=0,01$).

В структуре взаимосвязей субъектная жизненная позиция оптимизма и активности занимает центральное место, что позволяет причислить ее к метаресурсу, который не только непосредственно, но и опосредованно – через удовлетворенность качеством жизни и самоактуализацией – влияет на жизнестойкость.

Заключение

В целом руководители зрелого возраста (после 45 лет) характеризуются высоким уровнем жизнестойкости. При этом руководители, спокойно и рационально воспринимающие трудные рабочие ситуации, относятся к ним как естественным «вызовам» бизнеса, отличаются более высокими показателями жизнестойкости по сравнению с руководителями, которые склонны к «катастрофизации» и пессимизму. Выявлено достоверно значимое различие в снижении общей жизнестойкости и ее составляющих для «неустойчивых» руководителей за последние два года по сравнению с «устойчивыми» руководителями. Не обнаружены достоверные различия по уровню жизнестойкости между мужчинами и женщинами. Отмечается тенденция к более высокому контролю и меньшей вовлеченности мужчин-руководителей по сравнению с женщинами-руководителями.

Высоким показателям удовлетворенности самоактуализацией, качеством жизни и осмысленности жизни соответствует более высокий уровень жизнестойкости, что подтверждает основную гипотезу исследования о роли интрасубъектных ресурсов для развития жизнестойкости. Высокой жизнестойкости соответствует субъектная позиция в виде оптимизма и активности. Таким образом, подтвердилась предположение о позитивной роли субъектной жизненной позиции в виде оптимизма и активности для проявления жизнестойкости.

На основе полученных результатов была построена модель развития жизнестойкости руководителей, в котором центральной «мишенью» психологических влияний является актуализация субъектной жизненной позиции как системы позитивных установок, отношений к текущим ситуациям, стимулу развития, уверенности в возможность поиска новых ресурсов и конструктивных решений.

Литература

- Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1987. С. 91–114.
- Бонивелл И. Ключи к благополучию: Что может позитивная психология. Пер. с англ. М., 2009.
- Водопьянова Н. Е. Опросник качества жизни // Практикум по психологии здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2005. С. 148–155.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006.
- Brooks M. Health-Related Hardiness in Individuals With Vhronic Illness // Clinical Nursing Research. 2008. V. 17. Is. 2. P. 98–117.
- Glimcher P. W. Indeterminacy in brain and behavior // Annual Review of Psychology. 2005. V. 56. № 1. P. 25–56.
- Luthans F., Vogelgeasang G. R., Lester P. B. Developing the Psychological Capital of Resiliency // Human Resource Development. Review. 2006. March. V. 5. № 1. P. 25–44.
- Maddi S. The Hardiness Enhancing Lifestyle Program (HELP) for Improving Physical, Mental and Social Wellness. Oakland (CA): University of California/Health Network, 1994 (Wellness Lecture Series).
- Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health / Ed. H. S. Friedman. SanDiego (CA): AcademicPress, 1998. P. 323–335.

Intrasubject resources of hardiness of senior managers

*N. E. Vodopianova**, *G. S. Nikiforov***, *E. A. Stolyarchuk****
(*St Petersburg*)

* Doctor of psychological sciences, Professor of the Department of Psychological support of professional activity, St Petersburg state University

** Doctor of psychological Sciences, Professor of the Department of Psychological support of professional activity, St Petersburg state University

*** Senior lecturer of the Department of Psychological support of professional activities, St. Petersburg state University

The article presents the results of an empirical study of the hardiness with value-semantic resources and the parameters of the subject position of senior managers. It was found that a higher level of hardiness corresponds to high indicators of the subject position, satisfaction with self-actualization, quality of life and meaningfulness of life, which confirms the basic hypothesis of the study on the role of intrasubject resources for the development of hardiness. On the basis of the results obtained, a model for the development of hardiness of senior managers is constructed, in which the central “target” of psychological influences is the actualization of the resources of the subject vital position – a system of positive cognitive assessments, optimistic attitudes, attitudes to current situations as a stimulus for development, confidence in the possibility of finding new resources and constructive solutions.

Keywords: resources, hardiness, life orientation, self-actualization, satisfaction with quality of life, optimism, subjective position.

Особенности понимания и принятия себя и других людьми старшего возраста¹

Е. В. Головина, Л. Ю. Мамедова** (Москва)*

** кандидат психологических наук,
научный сотрудник Института психологи РАН;
e-mail: lena-liana@mail.ru*

*** психолог-консультант, Центр психологической помощи населению;
e-mail: lilima555@yandex.ru*

Научная проблема, в рамках которой выполняется работа, является позитивное функционирование личности в пожилом возрасте. Цель работы – исследование возрастных особенностей уверенности в себе и эмоционального интеллекта. Были обнаружены значимые различия в уверенности в себе и в управлении своими и чужими эмоциям между людьми пожилого и среднего возраста. Пожилые люди хуже управляют эмоциями и не проявляют инициативу в контактах с другими. С возрастом меняется также структура взаимосвязей уверенности и эмоционального интеллекта. Исследования по данной проблеме могут помочь в разработке практических методов для сохранения потенциала психического здоровья и продуктивного старения людей.

Ключевые слова: пожилой возраст, уверенность в себе, эмоциональный интеллект, продуктивное старение.

Постановка проблемы

Научная проблема, в рамках которой выполняется работа, – позитивное функционирование личности в пожилом возрасте. Перед людьми старшего возраста встают новые задачи, связанные с сохранением и развитием личностных потенциалов и способностей с учетом

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ, № 0159-2017-0004.

возможностей организма; созданием оптимальных условий для самореализации, самовыражения через занятость в различных сферах жизнедеятельности; улучшением качества жизни; обеспечением социальной и экономической независимости в новых условиях существования. Ресурс старшего поколения, его мудрость и опыт должны быть направлены на решение социальных и экономических задач.

Б. Г. Ананьев предлагает изучать возрастные особенности во взаимосвязи с половыми, типологическими и индивидуальными особенностями, а также отмечает, что с возрастом индивидуальное развитие приобретает все более своеобразный индивидуализированный характер (Ананьев, 1972). К. А. Абульханова и Т. Н. Березина обосновывают необходимость преодоления разрыва между изучением психологического и физического, социокультурного и исторического времени; отмечают, что личность соотносит свое субъективное время со временем самореализации в деятельности и жизненном пути (Абульханова, Березина, 2001). Л. И. Анциферова выделяет типы старения и возможности поступательного развития личности в поздний период (Анциферова, 2001), ставит вопрос о стадии поздней зрелости: время теплой осени или суровой зимы?

Западные ученые выдвинули теорию активности, которая основывалась на проведенных в Европе и США исследованиях. В соответствии с этой теорией, пожилые люди должны как можно дольше сохранять свою активность, дополняя свою традиционную деятельность новыми видами и формами активности. Любой пожилой человек способен найти свое место в обществе, соответствующее его здоровью, жизненным планам, интересам, способностям. Согласно концепции продуктивного старения, любая работа, выполняемая пожилыми людьми, связанная или не связанная с производством товаров и услуг, считается продуктивной. Подготовка и обучение пожилых людей, направленная на приобретение и овладение специальностью для занятий такого рода, также считаются продуктивными. Волонтерская, добровольческая, педагогическая, просветительская деятельность, забота о других членах семьи, знакомых, помощь молодым, занятие любимым делом, хобби – тоже продуктивная деятельность (Шабалин 2015; Василевская, 2016). Какие психологические характеристики способствуют такой деятельности? Как показывают результаты многих исследований, лица с высоким уровнем эмоционального интеллекта обладают рядом личностных особенностей, таких как эмоциональная устойчивость, принятие ответственности за качество собственных переживаний, принятие себя и других,

способствующих их адаптивности (Головина, 2014, 2015; Тримаскина и др., 2010; Люсин, 2006). Уверенность в общении и позитивное самоотношение выступают факторами удовлетворенности личностными отношениями с другими (Фёдорова и др., 2015).

Организация и методики эмпирического исследования

Мы предположили, что такие психологические характеристики, как уверенность в себе и эмоциональный интеллект, способствуют высокой адаптивности личности в пожилом возрасте.

Цель работы – исследование возрастных особенностей уверенности в себе и эмоционального интеллекта и выявление взаимосвязей между этими психологическими характеристиками.

Гипотеза исследования: существуют взаимосвязи между уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и различия между возрастными группами в выраженности этих характеристик.

Объект исследования – люди среднего и пожилого возраста.

Предмет исследования – взаимосвязи уверенности в себе и эмоционального интеллекта, а также различия в уровне характеристик разных возрастных групп.

Выборку исследования составили 49 человек (москвичи), из которых 27 человек – в возрасте от 27 до 45 лет и 22 пожилых человека – от 58 до 75 лет.

В соответствии с целью и задачами исследования были использованы следующие *методики*: 1) опросник по изучению эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, включающий шкалы: Понимание чужих эмоций, Управление чужими эмоциями, Понимание своих эмоций, Управление своими эмоциями, Контроль экспрессии; 2) опросник по изучению уверенности в себе В. Г. Ромека, измеряющий уверенность в себе, социальную смелость и инициативу в контактах.

Методы статистического анализа – корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и анализ различий в выраженности характеристик (U-критерий Манна-Уитни).

Результаты исследования

Анализ взаимосвязей шкал уверенности и эмоционального интеллекта в средней и старшей возрастных группах

Анализ взаимосвязей шкал уверенности и эмоционального интеллекта в группах среднего и старшего возраста показал следующее.

В средней группе с пониманием своих эмоций оказались значимо положительно связаны все шкалы уверенности: с управлением своими эмоциями – уверенность в себе и инициатива в контактах; с пониманием и управлением чужими эмоциями – все шкалы уверенности; с контролем экспрессии – социальная смелость и общая уверенность (таблица 1).

Таблица 1

Взаимосвязи эмоционального интеллекта и уверенности
в группе среднего возраста

Переменные	МП	МУ	ВП	ВУ	ВЭ
Уверенность в себе	0,484	0,415	0,708	0,783	
Социальная смелость	0,467		0,616	0,496	0,592
Инициатива в контактах	0,518	0,603	0,639	0,580	
Общая уверенность	0,574	0,439	0,717	0,729	0,394

Примечание: МП – понимание чужих эмоций, МУ – управление чужими эмоциями, ВП – понимание своих эмоций, ВУ – управление своими эмоциями, ВЭ – контроль экспрессии.

В группе пожилых людей выявлены значимые корреляции между шкалами уверенности и эмоционального интеллекта (таблица 2): уверенность в себе взаимосвязана с управлением своими эмоциями; социальная смелость обратно взаимосвязана с контролем экспрессии; инициатива в социальных контактах не связана ни с одной шкалой эмоционального интеллекта; общая уверенность взаимосвязана с управлением чужими эмоциями.

Таблица 2

Взаимосвязи эмоционального интеллекта и уверенности
в группе старшего возраста

Переменные	МП	МУ	ВП	ВУ	ВЭ
Уверенность в себе				0,461	
Социальная смелость					-0,398
Инициатива в контактах					
Общая уверенность		0,479			

Примечание: МП – понимание чужих эмоций, МУ – управление чужими эмоциями, ВП – понимание своих эмоций, ВУ – управление своими эмоциями, ВЭ – контроль экспрессии.

Выявление различий в уровне характеристик между возрастными группами

С помощью непараметрического критерия Манна–Уитни обнаружены значимые различия по шкале «Инициатива в социальных контактах» и по шкалам «Умение управлять своими эмоциями» и «Умение управлять чужими эмоциями»: показатели этих шкал ниже у пожилых людей.

Таким образом, во-первых, выявлено, что с возрастом инициатива в контактах снижается. Вероятно, это связано с тем, что существуют некоторые характерные особенности стиля жизни и поведения пожилого человека. Исследования и повседневная практика показывают, что, прежде всего, теряется социальная полнота жизни, ограничивается количество и качество связей с обществом, иногда возникает самоизоляция от социального окружения. Чтобы не попасть в ситуацию одиночества, в самоизоляцию, человеку пожилого возраста необходимы социальные контакты, даже если он не работает. В этом возрасте реальность старения влечет за собой много причин одиночества. Умирают старые друзья, и, хотя сокращающийся круг общения можно пополнить новыми знакомыми, зачастую этого не происходит. В целях наилучшего приспособления к среде человек должен иметь и того, к кому он лично привязан, и широкий круг друзей. Все исследователи сходятся на том, что одиночество связано с переживанием человека его оторванности от профессионального сообщества, семьи. Исходя из вышеизложенного, специалисты выделили основные проблемы, с которыми сталкивается данная категория граждан: одиночество, психологический дискомфорт, ощущение своей ненужности, отчаяние от беспомощности. Не вызывает сомнений, что инициатива в социальных контактах связана с тем, какое отношение к себе личность ожидает получить. Так, человек, готовый к социальным контактам, предполагает, что он способен вызывать симпатию к себе со стороны других. Он понимает и принимает себя таким, какой он есть. Такой человек ожидает от другого положительного отношения реакции в виде проявления симпатии, уважения, одобрения и т. д. Естественно, личность, ожидающая негативной реакции от окружающих, не стремится к установлению новых контактов. Надо отметить, что именно инициатива в контактах связана практически со всеми шкалами эмоционального интеллекта в группе респондентов среднего возраста.

Во-вторых, высшим уровнем осознания эмоций является не только правильная идентификация эмоционального переживания и умение его описать, но и понимание причин его возникновения и контекста. Умение управлять своими эмоциями и эмоциями окру-

жающих – важный фактор эффективности деятельности. С развитой формой эмоционального интеллекта можно также соотнести знание о том, как изменить свое негативное настроение на позитивное. И хотя «эмоционально одаренная» личность способна свободно выражать свои переживания, она всегда чувствует, когда такое поведение будет неуместным и может удержать себя от неуправляемого всплеска эмоций. Человек с высоким уровнем эмоционального интеллекта берет на себя ответственность за собственное эмоциональное состояние. Мы предполагаем, что обнаруженные значимые различия в управлении своими и чужими эмоциями между респондентами среднего и старшего возраста (у последних они значительно ниже) позволяют говорить об изменении состояния здоровья, образа жизни и ценностных ориентаций пожилых людей.

Корреляционный анализ показал изменение с возрастом структуры взаимосвязей уверенности и эмоционального интеллекта. Социальная смелость приобретает другой смысл: в средней группе она взаимосвязана с контролем своей экспрессии и отсутствием стремления управлять эмоциями других, т. е. можно говорить об отсутствии агрессии; в старшей группе взаимосвязь социальной смелости с контролем экспрессии становится уже обратной. Инициатива в контактах также приобретает другой смысл: если в средней группе она связана практически со всеми шкалами, то в старшей группе инициатива может проявляться без понимания и управления своими и чужими эмоциями. Это может привести к нарушению сложившихся контактов и сложностям в приобретении новых.

Выводы

Проведенный в данной работе теоретический и эмпирический анализ возрастных особенностей уверенности в себе и эмоционального интеллекта позволяет сформулировать следующие выводы. С возрастом инициатива в контактах снижается. Вероятно, это связано с тем, что существуют некоторые характерные особенности стиля жизни и поведения пожилого человека. Исследования и повседневная практика показывают, что, прежде всего, теряется социальная полнота жизни, ограничивается количество и качество связей с обществом, сужается круг общения, иногда возникают самоизоляция от социального окружения, чувство одиночества.

Чтобы не попасть в ситуацию одиночества, человеку старшего возраста необходимы социальные контакты, даже если он не работает. Дружеские связи, социально окружение и индивидуальная деятельность представляют собой альтернативу одиночеству и чувству

оторванности от жизни. Различие в управлении чужими и своими эмоциями у пожилых людей, возможно, связано с тем, что они хуже управляют эмоциями в силу ухудшения состояния здоровья. Следовательно, эмоциональный интеллект является важным предиктором различных аспектов жизни человека, отвечая за развитие индивидуальных ресурсов человека, обеспечивая эффективные варианты адаптации, позволяющие преодолевать трудные жизненные ситуации. Зачастую, сталкиваясь с какой-либо проблемой в жизни, человек не способен ее разрешить, так как не понимает ни окружающих, ни самого себя. Человеку приходится мириться с одиночеством, так как нет уверенности в создании и поддержании отношений. Эмоциональный интеллект выполняет адаптивную функцию в социальном поведении, участвуя в решении широкого спектра задач.

Следует отметить, что на стадии опроса у испытуемых старшего возраста неоднократно встречались признаки чувства тревоги и беспокойства, наличие психологических защит, которые могут рассматриваться как препятствия к адекватному самовосприятию и восприятию других. В целом эта возрастная группа неохотно шла на контакт.

Между тем исследования геронтологами долгожителей показывают, что они общительны, доброжелательны, проявляют высокий интерес к событиям и явлениям окружающего мира. В настоящее время людей, перешагнувших 100-летний рубеж, в мире десятки тысяч. В России насчитывается около 6 тыс. людей старше 100 лет. Поэтому следует менять стереотипы восприятия самой старости как самими пожилыми людьми, так и их родственниками, окружающими и обществом. Нельзя относиться к пожилым людям как к немощным и больным. Исследования по данной проблеме помогут разработать научные теории и практические методики, помогающие сохранению потенциала здоровья и продуктивного старения.

Литература

- Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб., 2001.
- Ананьев Б. Г. *Некоторые проблемы психологии взрослых*. М., 1972.
- Анциферова Л. И. Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости // Психологический журнал. 2001. № 3. С. 45–59.
- Василевская Е. Ю., Молчанова О. Н. Возможные Я: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. Т. 13. № 4. С. 801–815.

- Головина Е. В. Взаимосвязи уверенности в себе с эмоциональностью и агрессивностью // Прикладная юридическая психология. 2014. №4. С. 85–92.
- Головина Е. В. Уверенность в себе и эмоциональный интеллект // Психология способностей. Современное состояние и перспективы исследований / Под ред. А. Л. Журавлева, С. С. Беловой и др. М., 2015. С. 67–69.
- Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. №4. С. 3–22.
- Ромек В. Г. Тренинг уверенности в межличностных отношениях. СПб., 2003.
- Тримаскина И. В., Тарантин Д. Б., Матвиенко С. В. Тренинг эмоционального интеллекта и развития личной эффективности. СПб., 2010.
- Фёдорова В. А., Комова Е. Д. Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. №2. С. 22–34.

Peculiarities of understanding and accepting oneself and others by elderly people

E. V. Golovina, L. J. Mamedova** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences Ph. D., research officer,
Institute of Psychology of RAS

** Psychologist- counselor, Center of psychological assistance

Discussed scientific problem was a positive functioning of personality in old age. The aim of the work was to study the age peculiarities of self-confidence and emotional intelligence. Significant differences in self-confidence and in emotional management between the elderly and middle-aged persons were founded. Elderly people were worse successful in their emotion management and do not take the initiative in contacts with others. The structure of confidence and emotional intelligence relationships was changed.

Keywords: elderly age, self-confidence, emotional intelligence, productive ageing.

Разработка методики исследования решения личностных проблем у психотерапевтов¹

*М. М. Данина**, *Н. В. Кисельникова***,
*Е. А. Куминская****, *Е. В. Лаврова*****, *А. А. Голзицкая******
(Москва)

- * кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник Психологического института РАО;
e-mail: mdanina@yandex.ru
- ** кандидат психологических наук,
заместитель директора по науке Психологического института РАО;
e-mail: kiselnikova-nv@yandex.ru
- *** научный сотрудник Психологического института РАО;
e-mail: j-aquarius@bk.ru
- **** научный сотрудник Психологического института РАО;
e-mail: may_day@list.ru
- ***** младший научный сотрудник Психологического института РАО;
e-mail: A_golzi@mail.ru

В статье представлен обзор методов исследования решения проблем (problem solving). Рассматриваются методики Social Problem-Solving Inventory, Social Problem-Solving Inventory Revised, направленные на исследование решения социальных проблем, Problem Solving Inventory, исследующая решение личностных проблем, Means Ends Problem-Solving Procedure, направленная на исследование межличностных проблем, а также другие опросники. Приведен анализ методик, представлено описание шкал, входящих в них, а также приведена критика и ограничения рассмотренных методов.

Ключевые слова: методы исследования решение проблем, диагностика, решение личностных проблем.

1 Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФЮ, проект № 15-36-01359.

Современные методики исследования решения личностных проблем

В современной научной литературе представлено множество подходов к измерению способности к решению сложных личностных и социальных проблем. Однако существующие инструменты измерения подвергаются серьезной критике в связи с определенными методическими ограничениями. Рассмотрим наиболее актуальные подходы.

На основе теоретической модели навыков решения социальных проблем Т. Д'Зуриллы была разработана методика «Social Problem-Solving Inventory» (SPSI), содержащая две шкалы: Проблемная ориентация (Problem Orientation Scale) и Навыки решения проблем (Problem-Solving Skills Scale). Доработанный опросник – Social Problem-Solving Inventory-Revised (SPSI-R) в настоящее время является самым популярным среди исследователей и включает 52 пункта и 5 шкал: 1) Позитивная проблемная ориентация; 2) Негативная проблемная ориентация; 3) Рациональный стиль решения проблем; 4) Импульсивно-беспечный стиль; 5) Избегающий стиль (D'Zurilla et al., 2002).

Д'Зурилла отмечает, что самонаблюдение за решением проблемы, в отличие от опросников, является более эффективным способом оценки его процессуальных аспектов. С этой целью была разработана методика Problem-Solving Task (PST) (А. М. Незу). Исследователи предъявляли испытуемым проблемные ситуации и задавали серию вопросов («В чем состоит проблема?», «Придумайте так много решений, как только можете» и пр.), направленных на анализ различных процессуальных переменных, а также оценку возможного исхода ситуации. Ответы оценивались по шкале от 1 до 5 по параметрам эффективности, точности и релевантности.

В 1999 г. Д'Зурилла и Незу предложили методику исследования процессуального аспекта решения проблем – самомониторинг решения проблем (Problem-Solving Self-Monitoring – PSSM). Испытуемых знакомят с понятием проблемы, процесса и результата решения проблемы, а затем просят назвать проблемы из их реальной жизни, сформулировать суть проблемы и отношение к ней, попытаться ее решить и объяснить свое решение. По прошествии времени решения оцениваются на предмет эффективности, и на основе данных оценок выводится обобщенный показатель способности решать социальные проблемы (D'Zurilla, Nezu, 1999).

П. Хеппнер разработал опросник решения личностных проблем (PSI), включающий три фактора: Уверенность в решении проблемы,

Персональный контроль и Приближающий/Избегающий стиль. Он выступил основой для создания новых шкал: 1) Самоэффективность решения проблем (Problem-Solving Self-Efficacy, PSSE) и 2) Навыки решения проблем (Problem-Solving Skills, PSS) (Heppner, Petersen, 1982).

Им же разработана Шкала решения психотерапевтической проблемы (Psychotherapy problem resolution outcome scale, PROS) (Heppner et al., 2001), в результате использования которой было выявлено четыре измерения решения клиентской проблемы: 1) стратегия решения проблемы, 2) самоэффективность в решении проблемы, 3) влияние проблемы на повседневную жизнь, 4) общая удовлетворенность психотерапией.

Из наиболее используемых в практике решения межличностных проблем является процедура, предполагающая использование конструктов «средство–результат» (Means-Ends Problem-Solving Procedure, MEPS). Процедура представляет собой операционализацию трех гипотетических компонентов поэтапного мышления (Platt, Spivack, 1975): 1) способность концептуализировать этапы, необходимые для достижения цели – решения проблемы; 2) способность предвосхищать возможные препятствия, которые стоят на пути к достигаемой цели; 3) способность оценить время, необходимое для эффективного решения проблемы.

Испытуемым предъявляют 10 гипотетических межличностных проблем, которые состоят из неполных историй, имеющих начало и конец. В начале повествования декларируется потребность или цель протагониста, а в конце протагонист успешно достигает цели (удовлетворяет потребность). В инструкции данное тестирование представляется как исследование воображения. Испытуемого просят придумать середину истории. Для подсчета результатов используется оценка частоты упоминания соответствующих средств, препятствий и времени.

На основе синтеза модели решения социальных проблем Т. Д'Зуриллы и опросника PSIP II. Хепшнера независимыми исследователями из других школ и подходов были разработаны различные вариации опросников. Один из них – Interpersonal Problem-Solving Assessment Technique (IPSAT) (Getter, Nowinski, 1981). Он состоит из 46 полуструктурированных заданий. Испытуемых просили представить себя в заданной проблемной ситуации, записать альтернативные способы решения проблемы и определить тот способ, который они применили бы в данной ситуации. Оцениваются, как минимум, две процессуальные переменные – создание альтернативных решений и принятие решения. Ответы относятся диагностом к одной из ка-

тегорий: эффективное решение, избегание решение, неподходящее решение, зависимое решение или «неоцениваемое».

К числу методик, использующих в качестве стимульного материала описание проблемных ситуаций, относится Everyday Problem Solving Inventory (EPSI) (Cornelius, Caspi, 1987). Для диагностики решения социальных проблем при шизофрении разработана процедура Social Problem Solving Assessment Battery (SPSAB) (Sayers et al., 1995), которая включает в себя: (1) ролевую игру, (2) задание на генерацию решений проблемы, (3) задание на самооценку решения проблем, (4) задание на оценку чужих решений.

Похожая методика для той же группы людей – Assessment to Interpersonal Problem-Solving Skills (AIPSS) (Donahoe et al., 1990) – представлена 13 проблемными ситуациями, разыгрываемыми в ролевой игре. Протоколы кодируются наблюдателями, заранее ознакомленными с критериями оценки.

Следует отметить использование Тематического апперцептивного теста (ТАТ) как способа оценки способности к решению личностных проблем (Ronan et al., 1993). Система оценки называется Personal Problem-Solving System (PPSS). Согласно автору, ситуации, представленные в ТАТ, можно рассматривать как своего рода личностные или социальные проблемы, на которые испытуемый некоторым образом отвечает. Несмотря на то, что не все карты ТАТ можно отнести к персональным проблемам, некоторые им все же соответствуют (например, карты 1, 2, 4 и др.). Ответы на стандартные вопросы, задаваемые в ТАТ, классифицируются по 4 шкалам, которые соответствуют 5-факторной модели решения проблемы (D'Zurilla, Goldfried, 1971): 1) общая ориентация в ситуации, 2) дизайн истории, 3) генерация решений, 4) решение проблемы, представленной в истории. Данная методика была валидизирована на основе методики Means-Ends Problem-Solving Procedure (Spivack, Platt, 1975) и показала значимую связь с измеряемым ею конструктом.

Разработка методики оценки процесса решения личностных проблем психотерапевтов

Для исследования способности решать личностные проблемы психотерапевтами на данный момент отсутствуют валидные инструменты. Основные сложности связаны с местом конструкта «проблема» в понятийном поле психотерапевтов разных направлений. Существующие методики не позволяют содержательно соотнести процессуальные аспекты решения проблемы у психотерапевтов с разным стажем. Необходима разработка новых процедур и методик.

По результатам теоретического и эмпирического анализа деятельности психотерапевтов по решению клиентских проблем были выделены компетенции, связанные с решением личностных проблем в ходе психотерапевтической работы. Данные компетенции совпадают с описанными в психологии мышления этапами решения комплексных проблем.

Первый этап – постановка цели. На этом этапе выявляются компетенции, связанные с разработкой, оценкой и окончательной формулировкой цели. Цель может быть сформулирована в терминах избегания (в негативной формулировке) или достижения (что хотелось бы привнести). Также на этом этапе можно оценить умение конкретизировать глобальные цели, прояснять неясные цели, умение эффективно управлять решением проблем (выделение центра приложения усилий).

Второй этап – построение модели проблемной ситуации. На этом этапе необходимы компетенции-знания, о том, на какие составные части (элементы) разложима система, и как они объединяются, связываются в целостной системе, а также связанные с ними такие компетенции, как: использование мышления по аналогии, выделение причинно-следственных связей («функциональная структура»), индикаторов переменных.

Третий этап решения проблемы – это прогнозирование и экстраполяция. Компетенции, оцениваемые на этом этапе, – умение учитывать динамику процесса и конкретные данные при построении гипотез.

На *четвертом этапе* начинается планирование мероприятий. План может быть проработан в большей или меньшей степени; оцениваются также умения соотнесения плана с условиями его осуществления и координации планируемых мероприятий.

На *пятом этапе* осуществляется контроль результата, а на *шестом* – корректировка мероприятий в соответствии с обратной связью. Оцениваемые компетенции включают в себя наличие или отсутствие учета обратной связи, соответствие или несоответствие предпринимаемых действий для корректировки результата.

На основании выделенных компетенций была разработана оригинальная методика исследования решения личностных проблем в ситуации общения психолога-консультанта или психотерапевта и клиента. Методика представляет собой структурированное интервью с использованием стандартизированных клиентских кейсов.

В рамках исследования было проведено обучение исследователей ее использованию – как самому интервьюированию, так и анализу протоколов. В пилотной апробации методики приняли участие

12 психотерапевтов-представителей разных направлений психотерапии. Каждое интервью было расшифровано и проанализировано в соответствии с разработанной методикой контент-анализа. Для каждой компетенции были описаны коды, отражающие содержательные особенности каждого этапа решения комплексной проблемы (например: ставят промежуточные цели, выдвигают различные типы гипотез, выделяют причинные связи и т. п.). Для каждого кода были описаны примеры из устной речи психотерапевтов. Кодирование интервью позволило построить индивидуальные профили компетенций психотерапевтов в области решения личностных проблем, а также оценить наличие в их речи показателей профессионального мышления.

По результатам полученных в исследовании данных были произведена корректировка методики исследования решения личностных проблем психотерапевтами и шкал стандартизированного опросника SPSI-R.

Заключение

На данный момент существует большое количество методик по измерению способности к решению личностных проблем. Однако методологические и содержательные ограничения данных инструментов не позволяют использовать их в исследовании процесса решения личностных проблем психотерапевтов. С учетом опыта предыдущих разработок и моделей на основе подхода Д. Дернеранами была создана и апробирована методика исследования решения личностных проблем у психотерапевтов разных школ и направлений.

Литература

- Cornelius S. W., Caspi A.* Every day problem-solving in adulthood and old age // *Psychology and Aging*. 1987. V. 2. P. 144–153.
- D’Zurilla T. J., Goldfried M.* Problem-solving and behavior modification // *Journal of Abnormal Psychology*. 1971. V. 78. P. 104–126.
- D’Zurilla T. J., Nezu A. M., Maydeu-Olivares A.* The social problem-solving inventory-revised (SPSI-R): technical manual. North Tonawanda, N. Y.: Multi-Health Systems, Inc., 2002.
- Donahoe C. P., Carter M. J., Bloem W. D., Hirsch G. L., Laasi N., Wallace C. J.* Assessment of interpersonal problem-solving skills // *Psychiatry*. 1990. V. 53. P. 329–339.
- Getter H., Nowinski J. K.* A free response test of interpersonal effectiveness // *Journal of Personality Assessment*. 1981. V. 45. P. 301–308.

- Heppner P. P., Petersen C. H.* The Development and Implications of A Personal Problem Solving Inventory // *Journal of Counseling Psychology*. 1982. V. 29 (1). P. 66–75.
- Heppner P. P., Cooper C., Mulholland A., Wei M.* A brief, multidimensional, problem-solving psychotherapy outcome measure // *Journal of Counseling Psychology*. 2001. V. 48 (3). P. 330–343.
- Platt J. J., Spivack G.* Unidimensionality of the Means-Ends Problem-Solving Procedure // *Journal of Clinical Psychology*. 1975. V. 31. P. 15–16.
- Ronan G. E., Colavito V. A., Hammontree S. R.* Personal problem-solving system for scoring TAT responses: Preliminary validity and reliability data // *Journal of Personality Assessment*. 1993. V. 61. P. 28–40.
- Sayers M. D., Bellack A. S., Wade J. H., Bennett M. E., Fong P.* An empirical method for assessing social problem solving in schizophrenia // *Behavior modification*. 1995. V. 19 (3). P. 267–289.

Development of psychotherapists personal problems solving investigating method

*M. M. Danina**, *N. V. Kiselnikova***, *E. A. Kuminskaya****,
*E. V. Lavrova*****, *A. A. Golzitskaya****** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Psychological Institute of RAE

** Candidate of psychological Sciences, Deputy Director of Science,
Psychological Institute of RAE

*** research officer, Psychological Institute of RAE

**** research officer, Psychological Institute of RAE

***** junior research officer, Psychological Institute of RAE

The article presents an overview of methods that investigate problem solving. We reviewed most popular questionnaires and scales in personal and social problem solving area. Social Problem-Solving Inventory Revised and Problem Solving Inventory both measure social and personal problem solving abilities as well. Means Ends Problem-Solving Procedure investigates interpersonal problem solving abilities. We considered the criticism and limitations of the methods and presented a new approach to access problem solving skills in psychotherapists.

Keywords: problem solving, diagnostics, solving personal problems, research methods.

Исследование компетенции саморегуляции у подростков с девиантным поведением во внешкольной деятельности¹

И. Н. Деветьярова (Ижевск)

*заместитель директора по научно-методической работе
Муниципального бюджетного образовательного учреждения
дополнительного образования детей «Центр детского творчества»;
e-mail: sterhirina@yandex.ru*

Рассматривается структура компетенции саморегуляции у подростков с девиантным поведением: её функциональный, личностно-регуляторный и деятельностный компоненты. Обосновывается ресурсная основа компетенции саморегуляции, представленная мотивационно-потребностной сферой личности. Обсуждаются результаты сформированности компетенции саморегуляции у подростков с девиантным поведением во внешкольной деятельности после работы по экспериментальной программе.

Ключевые слова: структура компетенции саморегуляции, подростки с девиантным поведением, экспериментальная программа формирования компетенции саморегуляции.

Постановка проблемы

Одной из актуальных задач современной научной и практической психологии является исследование закономерностей развития саморегуляции, ее роли в деятельности и поведении человека. Фундаментальные психологические исследования К. А. Абульхановой, Л. Г. Дикой, Б. В. Зейгарник, О. А. Конопкина, Б. Ф. Ломова, Е. С. Мазуры, Ю. А. Миславского, В. И. Моросановой, А. К. Осницкого, А. Б. Холмогоровой и др. посвящены раскрытию сущности, природы и роли

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке «Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации».

осознанной саморегуляции. Процесс саморегуляции характеризуется наличием таких компонентов, как целенаправленная активность субъекта, система выбора действий и способов, осознанность действий и поведения в соответствии с поставленными целями, наличие самоконтроля.

Процессы саморегуляции являются субъективными компонентами деятельности личности при адаптации к среде; это феномен, опосредованный сложной работой личности с собственными смысловыми структурами, основывающийся на иерархии смысловых образований и ценностных ориентаций (Зейгарник, Холмогорова, Мазун и др., 1989).

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что девиантные подростки обладают противоречиво сформированными личностными характеристиками, что приводит к формированию специфической модели адаптации и жизнедеятельности. Особенности поведения тесно связаны с развитием саморегуляции. Внутренние регуляторы личности – ценности, смысловая сфера, потребности – у девиантных подростков носят искаженный характер, проявляются в гедонизме, индивидуализме, стремлении к наживе и негативных пристрастиях; способность к саморегуляции слабо развита (Клейберг, 2008; Кондрашенко, 1988; Лишин, Лишина, 2009; Петрынин, Печенюк, 2001; и др.). Поэтому чрезвычайно значимой задачей психолого-педагогической работы с девиантными подростками является формирование у них способности к саморегуляции, так как степень ее сформированности влияет не только на результаты деятельности и поведения, но и на процесс социализации и развития личности в целом (Гапонова, Деветьярова, 2014).

Компетенция представляет собой совокупность знаний, правил оперирования ими и их использования; сущность термина «компетенция» отражает понятийное поле «знаю, как». Компетенция характеризуется культуросообразностью, социальностью, системностью, ситуативностью, межпредметностью, интегративностью, надпредметностью, практико-ориентированностью и мотивированностью использования (Вербицкий, Ларионова, 2011).

Важным для нашего исследования является представление о том, что одного лишь указания на осознанность психической саморегуляции человека явно недостаточно; необходимо понять, каким образом в процесс саморегуляции вовлечена личность, которая регулирует свои действия на основе сознания, составляющего ориентировочную часть ее действий. Чтобы быть личностью, нужно быть сознательным, общественно-ответственным субъектом (Гальперин, 1999).

В рамках нашего исследования была разработана структура компетенции саморегуляции. Ресурсную основу компетенции саморегуляции составляют ценностная и потребностная сфера личности, ее смысложизненные ориентации. На основе анализа работ ряда авторов (Зимняя, 2004; Равен, 2002) и данных собственных исследований (Гапонова, Деветьярова, 2014) нами были выделены структурные компоненты компетенции саморегуляции – функциональный, личностный, деятельностный – и определено их психологическое наполнение. Для описания критериев развития компетенции саморегуляции мы использовали дескрипторы, предложенные И. Я. Зимней (Зимняя, 2004). Основными психологическими механизмами компетенции саморегуляции являются личностные и когнитивные свойства человека: осознанность саморегуляции, смысложизненные ориентации, ценностная и мотивационно-потребностная сферы. Мотив понимается как побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей, достижения целей. Смысловое образование связано с осмыслением знания о возможностях самостоятельно регулировать свои действия, поступки, что становится опорой для человека в разработке собственных стратегий жизнедеятельности и решении актуальных задач. Ценности – это оценочные ориентиры, позволяющие отбирать новое, жизнеспособное, усваивать и использовать опыт.

При этом конечный результат этой произвольной активности зависит не только от субъекта действия (кто действует?) или его объекта (на что направлено?), а также от того, как совершается процесс, какие способы, приемы, средства при этом применяются.

Операционально-результативной основой практической деятельности (поведения) человека является компетенция саморегуляции, определяемая как способность личности осознанно управлять своей активностью в практической деятельности в изменяющихся условиях, и обеспечивающая ей положительный результат, успешность и уверенность во взаимодействии с окружающей действительностью (Зимняя, 2004; Гапонова, Деветьярова, 2014).

Организация и методики исследования

Цель исследования – на базе выделенных структурных компонентов компетенции саморегуляции (функционального, личностного, деятельностного) определить уровни их сформированности у девятых подростков.

Выборку исследования составили 140 подростков экспериментальной группы (ЭГ), состоящих под патронатным контролем МКУ

«Городской центр “Подросток”», и 385 подростков контрольной группы (КГ) – учащихся общеобразовательных школ города Ижевска.

В соответствии с поставленной целью был использован следующий *методический инструментарий*: 1) опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой (Моросанова, 2004); 2) тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2000); 3) тест юмористических фраз (ТЮФ) А. Г. Шмелева, В. С. Болдыревой (см. Рогов, 2008); 4) опросник по изучению ценностей личности Ш. Шварца (см.: Карандашев, 2004).

Математическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью непараметрических критериев: U-критерий Манна–Уитни, T-критерий Вилкоксона, критерий χ^2 Пирсона.

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что регуляторные процессы и общий уровень саморегуляции у девиантных подростков имеют в основном низкий и средний уровни развития.

По тесту СЖО выявлены отсутствие жизненной перспективы, неудовлетворенность своей жизнью, потеря веры в свои силы. По методике Ш. Шварца, как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов, обнаружено, что выявленные ценности далеко не всегда находят свое отражение в социальной практике: например, ценность гедонизма может проявляться как просто ничегонеделание или нахождение в неблагополучной среде. Выявленное по методике А. Г. Шмелева и В. С. Болдыревой, преобладание у девиантных подростков потребностей «организма», «социального индивида», «взаимоотношения полов», «денег», «алкоголизма» связано, по-видимому, с их образом жизни (недостатком денег, материальных благ, неблагоприятными условиями развития и т. д.).

На основе оценки результатов критериального анализа нами выявлены уровни развития компетенции саморегуляции у девиантных подростков (ЭГ), дающие возможность оценить степень ее сформированности (в соответствии с дескрипторами И. А. Зимней, 2004). Обобщенные результаты проведенного исследования представлены на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, у подавляющего большинства девиантных подростков развитие компетенции саморегуляции находится на элементарном уровне, что подтверждает необходимость ее формирования и обуславливает актуальность разработки специальной экспериментальной программы.

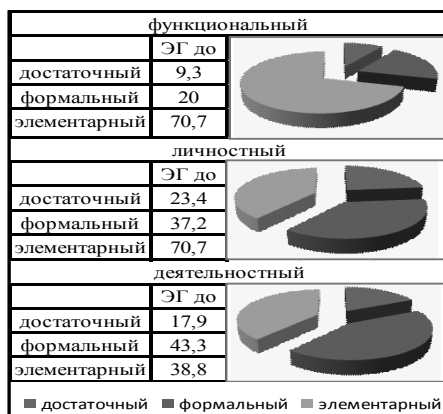

Рис. 1. Распределение девиантных подростков (ЭГ) по уровням развития психологических компонентов компетенции саморегуляции (%)

На формирующем этапе исследования реализовывалась опытно-экспериментальная программа, которая является вариативной частью школьного и интернатного воспитания и обусловлена тем, что искаженная личностная сфера трудного подростка требует психолого-педагогического вмешательства. Содержание воспитательного процесса – физическое, нравственное, трудовое, культурное, интеллектуальное, психологическое. Тематическое планирование представлено следующими блоками воспитательного процесса: организация ручного труда (мастер-класс), игра как метод воспитания, познавательные площадки, поездки и экскурсии, обучение компьютерной грамотности, обучение в конноспортивной секции, досуг как организационная форма формирования компетенции саморегуляции. Система мероприятий представлена личностно-развивающим (функциональным), информационно-познавательным (когнитивным), социально-активным (деятельностным) компонентами. Формирование компетенции саморегуляции у девиантных подростков осуществляется в специально организованной деятельности и транслируется подростком в широкий контекст своей жизнедеятельности в целом.

После проведения работы по экспериментальной программе была осуществлена итоговая диагностика уровня сформированности компетенции саморегуляции у девиантных подростков, показавшая, что удалось сформировать необходимый и достаточный уровень компетенции саморегуляции в экспериментальной выборке. Так, после формирующего эксперимента количество испытуемых с высоким уровнем регуляции возросло с 13,6 до 31,4%; положи-

тельная динамика составила 17,8%. В подгруппе со средним общим уровнем саморегуляции количество трудных подростков увеличилось с 41,4 до 57,9%; положительная динамика составила 16,5%. Количество трудных подростков с низким общим уровнем саморегуляции значительно сократилось: с 45 до 10,7%. Данные исследования частных регуляторных процессов в экспериментальной группе позволили проследить позитивную динамику их развития. Значимые изменения произошли по 5 показателям: «планирование», «моделирование», «программирование», «гибкость», «общий уровень саморегуляции» (таблица 1).

Таблица 1

Уровень развития процесса саморегуляции на констатирующем и формирующем этапах эксперимента (в %)

Регуляторные шкалы	Констатирующий этап			Формирующий этап			Вероятность ошибки (р)
	ЭГ (n=140 респондентов)			ЭГ (n=140 респондентов)			
	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий	
Планирование	11,4	45,7	42,9	20,7	50,7	28,6	$p \leq 0,05$
Моделирование	2,1	42,9	55	11,4	55,8	32,8	$p \leq 0,01$
Программирование	2,9	45,7	51,4	10,7	58,6	30,7	$p \leq 0,01$
Оценивание результатов	5,7	54,3	40	7,8	57,2	35	$p \geq 0,05$
Гибкость	8,6	42,9	48,6	20,7	61,4	17,9	$p \leq 0,01$
Самостоятельность	37,1	45,7	17,1	45	35	20	$p \geq 0,05$
Общий уровень саморегуляции	9,3	20	70,7	13,6	41,4	45	$p \leq 0,01$

По методике «Тест смысложизненных ориентаций» также были выявлены положительные сдвиги развития смысложизненных ориентаций у подростков после проведения формирующего эксперимента (таблица 2).

По результатам исследования ценностей можно сделать вывод о том, что приоритеты в выборе ценностей до и после эксперимента имеют определенные особенности. Так, на уровне нормативных

Таблица 2

Динамика показателей по тесту СЖО до и после эксперимента

Показатели (субшкалы)	Среднее значение		Уровень значимости
	до	после	
1. Цели	21,74	29,57	$p \leq 0,01$
2. Процесс	23,89	32,97	$p \leq 0,01$
3. Результат	20,40	26,69	$p \leq 0,01$
4. Локус контроля – Я	15,34	21,57	$p \leq 0,01$
5. Локус контроля – Жизнь	23,03	31,60	$p \leq 0,01$
7. Общий результат	79,0	104,09	$p \leq 0,01$

идеалов и на констатирующем, и на формирующем этапах эксперимента наиболее значимыми являлись ценности безопасности, самостоятельности, доброты. Однако на уровне индивидуальных приоритетов в констатирующем эксперименте наиболее в качестве наиболее важных отмечались ценности гедонизма, самостоятельности, стимуляции, а после работы по программе приоритетными стали ценности стимуляции, доброты, самостоятельности. Достоверно значимые сдвиги выявлены на уровне нормативных идеалов по показателям конформности, доброты, универсализма, достижений, на уровне индивидуальных приоритетов – доброты и стимуляции ($p \leq 0,05$).

По тесту юмористических фраз на констатирующем этапе эксперимента выявлено, что значимыми потребностями у девиантных подростков являлись взаимоотношения полов, деньги и пагубные пристрастия. После работы по экспериментальной программе среди значимых потребностей появилась «потребность личности» – «человеческая глупость», где потребность личности характеризуется как потребность в познании, стремлении к истине как самостоятельной ценности, самоутверждение в обладании истинным знанием, а в качестве преграды выступают невежество, ограниченность окружающих. На первый план вышла «потребность социального индивида» – «карьера» и «семейные неурядицы». Наиболее значимыми остаются: «потребность организма» – «пагубные пристрастия», но наметилась тенденция снижения количества выборов этой потребности у подростков.

Заключение

Таким образом, компетенция саморегуляции включает целостную систему элементов – осознанность саморегуляции и личностные

свойства, обеспечивающие успешную жизнедеятельность человека. В основании компетенции саморегуляции находится интегрирующая функция, которая обеспечивает единство психического, функционального и личностного компонентов. Поскольку все составляющие структуры компетенции саморегуляции взаимосвязаны, изменение любой из них неизбежно ведет к преобразованию всей структуры в целом.

Сравнение данных, полученных в контрольной и экспериментальной выборках, свидетельствуют о том, что, создавая продуктивную среду жизни девиантного подростка, расширяя круг его деятельности, опираясь на его лучшие качества и видя в нем активного преобразователя своей жизни, можно существенно повысить сформированность компетенции саморегуляции у подростков с девиантным поведением.

Литература

- Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б., Мазун Е. С. и др.* Саморегуляция поведения в норме и патологии // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 5–11.
- Гапонова С. А., Девятьярова И. Н.* Психологические компоненты компетенции саморегуляции у девиантных подростков // Известия Российской академии образования. 2014. № 2. С. 124–134.
- Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: Авторская версия. М., 2004.
- Вербицкий А. А., Ларионова О. Г.* Личностный и компетентностный подход в образовании: проблемы интеграции. М., 2011.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. М., 1999.
- Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М., 2004.
- Леонтьев Д. А.* Тест смысловых ориентаций (СЖО). М., 2000.
- Рогов Е. И.* Настольная книга практического психолога. Кн. 1. Система работы психолога с детьми разного возраста: Учебное пособие. М., 2008.
- Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.

The study of the self-regulation competence of adolescents with deviant behavior in extracurricular activities

I. N. Devetiarova (Izhevsk)

Sub Director for Scientific and Methodological Work of the Municipal Budgetary educational institution of the additional education for Children “Center for Children’s Creativity”

The structure of the self-regulation competence of adolescents with deviant behavior is examined: its functional, personality-regulatory and activity components. The resource basis of the self-regulation competence, presented by the motivational and demanding sphere of an individual, is substantiated. The results of the formation of the self-regulation competence of adolescents with deviant behavior in extracurricular activities after work on the experimental program are discussed.

Keywords: structure of self-regulation competence, adolescents with deviant behavior, experimental programm of the formation of self-regulation competence.

Перспективное направление исследований психологии субъекта¹

В. В. Знаков (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: znakov@rol.ru*

Описаны признаки первого, структурно-содержательного, этапа развития психологии субъекта и второго – самосозидательного, самопорождающего. Приведены примеры психологических исследований, проводившихся на первом и втором этапах развития психологии субъекта. Обосновано, что на новом этапе развития этого научного направления главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта и способствующие ей деятельностные основания человеческой психики. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности.

Ключевые слова: субъект, два этапа исследования, изменение, саморазвитие.

Проблема субъекта в психологии: этапы развития и концептуальные подходы

В XXI в. мир человека очень изменился; это очевидное и даже банальное утверждение сегодня уже не нужно доказывать. Неудивительно, что существенно иной стала методология социогуманитарного познания в целом и психологической науки в частности. В нашей науке фундаментальные основания научных исследований явным

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00334.

образом представлены в психологии субъекта, которая и актуально, и потенциально отвечает вызовам времени.

Российская психология субъекта прошла *первый этап* развития, который я бы назвал *содержательно-структурным*. В отечественной психологии этот этап исследований начался в 1990-х годах (Брушлинский, 1991). На первом, фактически познавательном, этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления, по существу, был телеологичным; он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего «Я» (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы.

В этом контексте значимыми были психологические исследования, в которых решалась задача различения признаков индивидуального и коллективного субъекта. На теоретико-методологическом уровне анализа проблемы отмечалось, что «в самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» (Брушлинский, 2003, с. 29). На конкретно-эмпирическом уровне анализа психологические исследования характеризовались закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков коллективного субъекта; в них проявлялся интерес психологов к структурным компонентам индивидуального и коллективного субъекта. Именно в этом качестве аналитически были выделены присущие членам группы состояния преактивности, коллективная саморефлексия, групповая устойчивость, удовлетворенность и т. п. (Журавлев, 2000).

Другая решаемая задача – содержательное разграничение категорий «субъект» и «личность». Для решения задачи была выдвинута гипотеза о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически), личность является срежневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора

целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной (Сергиенко, 2013).

Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы в исследованиях, проводившихся на первом этапе, не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На *втором этапе* главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например духовные практики, с помощью которых она происходит. Сегодня важно осознать, что во втором десятилетии XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать *самосозидательным* или *самопорождающим*. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко. Выдающийся французский мыслитель выделял два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе. В психологии, вероятно, одним из первых ученых, осознавших неизбежность психологического анализа самоконструирования, был Дж. Брунер.

В наше время очевидным является смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды учеников и последователей А. В. Брушлинского. Идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Тульчинский, 2010), в идее о самоконструировании «Я» (Harter, 2012), о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» (Петрова, 2013), конеч-

но же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познание, и такую нелегкую работу по изменению себя, которая отражена в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека – познать и изменить себя» (Критская, Мелешко, 2015, с. 19). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

В самом обобщенном виде применительно к современным задачам гуманистики формулирует эту проблему М. Н. Эпштейн: «Человековедение неотделимо от человекотворчества. Субъект человековедения потому и не может быть полностью объективирован, что находится в процессе становления, и каждый акт самоописания есть и событие его *самопостроения*. В гуманистике человек не только открывает нечто в мире субъектов, но и *производит в ходе самопознания собственную субъективность*» (Эпштейн, 2016, с. 16).

Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. При одном, содержательном, ракурсе рассмотрения проблемы субъекта, психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя и проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта. Перспективным и соответствующим второму этапу понимания субъекта мне представляется не телеологическое, а *конструктивистское* направление исследований. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразование соответствует многим направлениям со-

временных психологических исследований – самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др.

С новой, междисциплинарной, научной позиции на многие традиционные проблемы, например, психологии коллективного субъекта, можно посмотреть с иной точки зрения. Сегодня для учета существования неявного знания в межличностных взаимодействиях и преодоления исключительно рационалистического подхода к решению проблемы предлагаются различные варианты уровневой структуры психологической организации коллективного субъекта. Например, И. Т. Касавин пытается избежать редукции проблемы только к познающему индивиду. Он различает основные типы коллективности, в которых производится знание. Следуя этой логике, он описывает четыре уровня коллективного субъекта познания: трансцендентальный, укорененный, договорный и распределенный (Касавин, 2015).

Очевидно, что во всех современных вариантах интерпретации содержания категории «коллективный субъект» проявляется направленность на анализ неявного знания и невербализуемого опыта субъекта; это одна из главных характеристик исследований в области человекознания.

А. В. Брушлинский – «основатель дискурсивности» проблемного поля психологии субъекта

В контексте изложенного выше очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А. В. Брушлинского, а, например, не К. А. Абульханову или какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А. В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). Иначе говоря, в трудах А. В. Брушлинского психология субъекта описана как новая *целостная* область психологического познания (в работах других психологов представлены только ее фрагменты). Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов – допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем.

В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А. В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности (Брушлинский, 2003). С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А. В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т. п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

Обобщенно говоря, можно утверждать, что А. В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличны от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос отразилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности, которые изучает А. Н. Поддьяков, безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций (Поддьяков, 2014).

Заключение

То, что в XXI в. мир человека изменился, утверждение очевидное и даже банальное. Для психологов важнее определить, в чем конкретно заключаются изменения и как они сказываются на формировании новых взглядов на классические научные проблемы. Изменение социальной структуры общества, превращение знаний в средства производства, сетевой характер организации структуры знаний по-

родили оригинальные идеи, которые необходимо продуктивно использовать в психологии субъекта. К ним относятся осознание необходимости применения междисциплинарного, метакогнитивного и метасистемного подходов; переосмысление деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека. Однако ключевым является понимание научной неизбежности исследования самосозидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности. И анализировать субъекта и субъектность надо так, как выражено в мудром тезисе Л. И. Анцыферовой: «Изменить себя, не изменяя себе» (Анцыферова, 2006, с. 341). Другими словами, в изменчивом мире психологи должны изучать субъектную сущность человека, не утрачивая его внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия.

В заключение я хочу ответить на вопрос, который я сам себе задаю: оказывают ли влияние на развитие психологии субъекта мои рассуждения о втором этапе развития? Безусловно, да. Самопорождается не только субъект, но и психология субъекта: знания о втором этапе, рефлексия его признаков преобразуют психологию субъекта как область психологической науки. Девиз второго этапа – не только познавать, но и преобразовывать! Без такого знания невозможны современные эмпирические исследования психологии субъекта.

Литература

- Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал 1991. Т. 12. № 6. С. 3–10.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.–СПб., 2003.
- Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М., 2000. С. 133–151.
- Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 5–17.
- Корбут А. М. Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М. А. Гусаковского. Минск, 2004. С. 122–134.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихология шизофрении. М., 2015.

- Петрова Г. И.* Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 12 (140). С. 131–134.
- Поддьяков А. Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М., 2014.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
- Тульчинский Г. Л.* Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М. А. Козлова. М., 2010. С. 49–63.
- Чепелева Н. В.* Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А. В. Брушлинского). В 4 т. Т 3 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 342–345.
- Эпштейн М. Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.–СПб., 2016.
- Harter S.* The construction of the self: Developmental and Sociocultural Foundations. N. Y.: Guilford Press, 2012.

Perspective direction of researches of psychology of the subject

V. V. Znakov (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer,
Institute of Psychology of RAS

The author describes features of the first, structural stage in evolution of psychology of the subject, and of the second – the self-creating and self-transforming stage, providing examples of psychological studies characteristic of either stage, and arguing that the new stage focuses on conditions that ensure self-transformation of the subject and the accompanying activity foundations of the mind. The category “subject” is being reconsidered; from its understanding as self-identification to self-construction, search for practices and discourses which reveal multiplicity of options for development of subjectness.

Keywords: subject, two phases of the study, change, self-creation.

Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрасте¹

Е. В. Куфтяк (Кострома)

*доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой специальной психологии и педагогики,
Костромской государственной университет;
e-mail: kuftyak@yandex.ru*

Представлены результаты исследования, посвящённого изучению становления жизнеспособности в подростковом и юношеском возрасте. Предполагается, что существует возрастная динамика жизнеспособности на разных этапах онтогенеза, а личностные черты и социальные отношения выступают факторами защиты и риска. Всего в исследовании приняли участие 320 человек (127 мальчиков и 178 девочек). В работе рассмотрены половозрастные аспекты жизнеспособности. Описаны исследования взаимосвязи проявлений жизнеспособности с личностными чертами, психологическим благополучием, чувством связности и социальным отношением родителей. Личностные черты подростков связаны с показателями жизнеспособности, ориентированными на внешние ресурсы. Характер отношения с отцом оказывается важным для жизнеспособности подростков. Установлена возрастная динамика жизнеспособности в юношеском возрасте.

Ключевые слова: жизнеспособность, подростковый возраст, юношеский возраст, динамика, личностные черты, отношения с родителями.

Постановка проблемы

Проблема обеспечения стабильности и устойчивости жизни человека является одной из актуальных в современной психологической науке.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-10198.

кой науке. С этим вопросом связано активное изучение жизнеспособности личности. Понятие «жизнеспособность» пришло на смену термина «неуязвимость». Жизнеспособная личность – человек, который адаптируется «к чрезвычайным обстоятельствам, достигая неожиданного позитивного исхода в критических ситуациях» (Fraser, Richman, Galinsky, 1999, p. 136). В контексте жизнедеятельности человека жизнеспособность проявляется в адаптации к окружающей среде, саморегуляции и саморазвитии. Жизнеспособность предполагает невосприимчивость к вредным воздействиям (Махнач, 2013). Феномен жизнеспособности континуален личностной беспомощности.

Особый интерес представляет становление жизнеспособности в онтогенезе. Жизнеспособность в зарубежной психологии на протяжении долгого времени изучается, как применительно к детям, так и взрослым. В отечественной психологии активно ведется изучение жизнеспособности в рамках общепсихологической проблематики человека в период зрелости.

Необходимо отметить, что в ряде исследований убедительно показано, что на развитие и становление жизнеспособности оказывают влияние, как факторы, относящиеся к окружающей среде, так и биологические факторы. Внутренние, или наследственные, факторы описываются как факторы биологической и психологической природы: они присущи индивиду и им порождаются. С точки зрения внутренних факторов, жизнеспособные дети обладают хорошим физическим здоровьем, редко болеют, не страдают бессонницей и отсутствием аппетита (Mandleco, Peery 2000). Напротив, внешние, или относящиеся к окружающей среде, факторы отражают качество отношений с членами семьи и людьми, не входящими в семейное окружение. Факторы, реализуемые в пределах близкого окружения, включают в себя: родителей, их стиль воспитания, сиблингов, традиции и семейную культуру. Факторы окружающей среды, которые играют роль в проявлении жизнеспособности, включают в себя отношения и ресурсы социального окружения – общественные организации и сообщества и их членов – взрослых и ровесников.

В ряде психологических исследований жизнеспособность связывается с индивидуально-психологическими качествами. Для жизнеспособного человека характерны способность к контролю, активная жизненная позиция, восприятие перемен в жизни как шанса к росту. Жизнеспособным личностям свойственны забота о себе, наличие веры, эмпатичность, ориентация на активную деятельность и развитие, позитивный настрой и настойчивость (Rose, 1997). В исследовании

ях выделен ряд динамических процессов (качеств), с помощью которых жизнеспособные люди адаптируются и развиваются, несмотря на имеющиеся трудности, по сравнению со статическими свойствами, которые автоматически защищают неуязвимых. Для жизнеспособного взрослого, пережившего трудное детство, характерны такие черты, как проницательность (осведомленность о трудностях), независимость (дистанцирование от проблемы), межличностное взаимодействие (социальная поддержка от других), инициатива (помощь себе и близким), творчество, юмор (представление ситуации в менее угрожающем виде), моральные качества (справедливость, сострадание). Уровень жизнеспособности сопряжен с выносливостью, самоусилением, принудительным копингом и позитивными эмоциями (Vonanno, 2004).

Таким образом, исследование жизнеспособности в подростковом и юношеском возрасте, например, поможет раскрыть механизмы развития этой способности в периоды нестабильного развития, выявить факторы защиты и риска.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью нашего исследования является изучение жизнеспособности в подростковом и юношеском возрасте с учетом половозрастной динамики, а также соотношения компонентов жизнеспособности с такими личностными факторами, как личностные особенности и показатели психологического благополучия.

Описание выборки

Всего в исследовании приняли участие 320 человек (127 мужчин и 178 женщин). Из них 94 участника подросткового возраста (39 мальчиков, 55 девочек). Средний возраст подростков – 12,5 лет.

Юношескую выборку составили 226 человек (103 юноши и 123 девушки), студенты вузов г. Костромы и г. Казани, техникумов г. Костромы, обучающиеся на разных направлениях подготовки; средний возраст респондентов – 18,3 года.

Методики исследования

В ходе исследования использовались следующие методики: 1) для оценки компонентов жизнеспособности в подростковом возрасте – опросник «Шкала жизнеспособности для подростков» (Hjem-

dal, Friborg, Stiles, Martinussen, Rosenvinge, 2006) (адаптация – Куфтяк, 2016); 2) для оценки индивидуально-психологических особенностей личности – Личностный многофакторный опросник Р. Кеттелла (HSPQ) (адаптация – Рукавишников, Соколова, 1995); 3) для оценки воспитательной практики родителей – опросник «Родители о подростках» (Вассерман, Горьковская, Ромицына, 2004); 4) для оценки компонентов жизнеспособности в юношеском возрасте – опросник «Шкала факторов жизнеспособности» (Takviriyun, 2008) (адаптация – Куфтяк, 2016); 5) для измерения уровня психологического благополучия – «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптация – Н. Н. Лепешинский, 2007); 6) для измерения чувства связности – «Шкала чувства связности» А. Антоновского, 1988) (адаптация – Е. С. Осин, 2007).

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS 19.

Опросник «Шкала жизнеспособности для подростков» состоит из пяти шкал: Социальная компетентность, Социальный ресурс, Единство семьи, Личная компетентность, Стиль планирования. Коэффициент Кронбаха по данным исследователей составляет 0,70–0,88 (Hjemdal et al., 2006). В настоящее время осуществляется проверка надежности опросника на русскоязычной выборке.

Опросник «Шкала факторов жизнеспособности» содержит шесть шкал, каждая из которых отражает базовые характеристики факторов жизнеспособности: Решимость и умение решать проблемы; Саморегулирование и социальные навыки; Позитивное мышление; Упорство; Личная поддержка; Социальная поддержка. По данным зарубежных авторов, опросник обладает приемлемыми показателями внутренней согласованности (коэффициент α Кронбаха общего подсчета пунктов опросника составляет 0,88). Адаптация русскоязычного варианта опросника была проведена на выборке 257 человек (103 мужчины и 154 женщины) в возрасте от 15 до 34 лет. В ходе психометрической проверки вычислен показатель внутренней надежности для шкалы «Навыки определения и решения проблем» $\alpha=0,73$, «Личная поддержка» $\alpha=0,78$, «Другие виды поддержки» $\alpha=0,64$, «Позитивное мышление» $\alpha=0,63$, «Уверенность в себе» $\alpha=0,57$, «Баланс личности и социальных навыков» $\alpha=0,53$. Отметим, что для шкал опросников наиболее характерны значения коэффициента Кронбаха в диапазоне 0,6–0,8. Полученные данные дают основание для валидного использования методики на русскоязычной выборке подросткового и юношеского возраста.

Результаты исследования

Показатели жизнеспособности в выборке подростков

Ни по одному из факторов жизнеспособности в исследуемой выборке подростков не было установлено половых различий.

Далее были получены корреляционные связи между личностными чертами подростков и показателями жизнеспособности. Фактор *B* логично положительно связан со стилем планирования (0,32, $p=0,007$). Это говорит о связи с когнитивными особенностями.

Выявлена отрицательная корреляция фактора *O* со следующими показателями жизнеспособности: социальными ресурсами (-0,31, $p=0,01$), единством семьи (-0,47, $p=0,000$), личностной компетентностью (-0,32, $p=0,008$) и стилем планирования (-0,26, $p=0,034$). Таким образом, чем выше склонность к чувству вины (фактор *O*), тем реже подростки используют социальный ресурс, оказываются лично некомпетентны, реже планируют свое поведение и могут рассчитывать на единство семьи.

Фактор *Q4* отрицательно связан с показателем единства семьи. Так, подростки склонные к напряженности и возбудимости, реже ориентированы на единство семьи.

Взаимосвязь фактора *I* с социальными ресурсами (0,21, $p=0,07$) и единством семьи (0,23, $p=0,06$) указывает на то, что чем выше показатели фактора *I* – мягкосердечность, ранимость – тем выше потребность в социальных ресурсах и единстве семьи для решения трудных жизненных вопросов.

Ориентируясь на имеющиеся данные о том, что жизнеспособность у детей оказывается социально обусловленной и формируется под влиянием родителей, нами была проверена взаимосвязь показателей жизнеспособности с воспитательными практиками родителей (отца, матери).

Было установлено, что социальная компетентность подростков отрицательно связана с позитивным интересом матери (-0,39, $p=0,05$). Это единственная связь жизнеспособности с отношением матери к подростку. Так, безусловное положительное отношение матери к ребенку в подростковом возрасте оказывает влияние на социальные умения и навыки взаимодействия с окружающими.

Социальный ресурс коррелирует с «непоследовательностью» в отношении отца к подростку (0,36, $p=0,07$). Показатель единства семьи и личностная компетентность отрицательно связаны с «директивностью» отца по отношению к подростку (-0,39, $p=0,05$; -0,37, $p=0,06$).

Именно воспитательные тактики со стороны отца имеют большее воздействие на жизнеспособность. Предъявление отцом жестких требований в сочетании с их непоследовательностью уменьшают уверенность в себе и ориентацию на будущее, но заставляют подростков искать в окружающей среде (внешний защитный фактор) помощи и поддержки.

Показатели жизнеспособности в юношеской выборке

В юношеской группе были выявлены половые различия в уровне выраженности показателей жизнеспособности. Установлено, что девушки, по сравнению с юношами, чаще используют личную поддержку ($p=0,044$) и социальную поддержку ($p=0,011$), а юноши склонны чаще позитивно мыслить ($p=0,003$) и более уверены в себе ($p=0,021$), чем девушки.

Полученные результаты согласуются с известными данными гендерной психологии. Мужчины, в целом, не склонны обращаться за помощью и искать поддержку в разных проблемных ситуациях. Женщины склонны к повышенной потребности в общении, в близких эмоциональных отношениях, по сравнению с мужчинами. Мужчины редко сообщают окружающим о своих трудностях, хотя так же тяжело и глубоко склонны переживать проблемы. Общеизвестными социальными характеристиками стереотипа мужского ролевого поведения выступают соревновательность и стремление к доминированию, поэтому склонность обратиться за помощью равноценна тому, чтобы признать себя неспособным и «проигравшим». Известно, что женщины более подвержены, чем мужчины, негативному влиянию критики со стороны и самобичеванию, что связано с их большей эмоциональностью.

Сопоставление факторов жизнеспособности у юношей и девушек позволяет констатировать, что для юношей характерны ориентация на собственные силы и ожидание лучшего. Жизнеспособность девушек в большей степени связана с использованием внутренних и внешних средств поддержки.

Возрастная динамика в развитии жизнеспособности

Поскольку жизнеспособность формируется и закрепляется в процессе жизни, должны существовать различия в компонентах жизнеспособности на разных этапах онтогенеза. Юношеская выборка была разделена по возрасту на 3 группы: 1 группа – от 16 до 17 лет; 2 группа – от 18 до 20 лет; 3 группа – от 21 до 22 лет.

Выявлены достоверные различия средних между возрастными группами лиц юношеского возраста по следующим шкалам: «Навыки определения и решения проблем» ($p=0,007$), «Внешние виды поддержки» ($p=0,05$) и «Баланс личностных и социальных навыков» ($p=0,03$). Выраженность данных компонентов усиливается с возрастом.

Отметим, что навыки разрешения проблем с увеличением возраста постепенно формируются и закрепляются в поведении. Благодаря накопленному опыту, становится возможным использовать отработанные способы, избегать «бесполезных» стратегий поведения и отказаться от желания «бросаться в бой», используя все способы. Обращение к внешним видам поддержки с возрастом усиливается за счет расширения представлений о стратегиях поведения. Внутренняя регуляция и социальные навыки с возрастом повышаются за счет сознательных усилий по сохранению уверенности и самообладания, сдерживания своих спонтанных проявлений.

Корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($p<0,001$) позволил выявить взаимосвязи между факторами жизнеспособности и показателями шести шкал методики психологического благополучия. В нашем исследовании все факторы жизнеспособности положительно коррелируют со всеми показателями шкал психологического благополучия, за исключением показателя автономности. Автономность положительно связана с такими факторами жизнеспособности, как позитивное мышление и уверенность в себе. Наличие подобных связей может свидетельствовать о том, что позитивность взгляда, уверенность и упорство отражают самостоятельность и независимость в поведении, независимо от мнения других.

Установлено, что все факторы жизнеспособности положительно коррелируют с чувством связности. Полученные данные согласуются с представлениями А. Антоновского о том, что люди с высоким уровнем связности в ситуациях вызова действуют более активно, решая проблемы, готовы обращаться за поддержкой, уверены в себе и социально компетентны.

Заключение

Итак, по результатам исследования можно говорить, что в подростковом возрасте не фиксируются половые различия. Личностные черты подростков в большинстве оказываются связаны с показателями жизнеспособности, ориентированными на внешние ресурсы. Вероятно, в силу личностной незрелости подростки склонны рассчитывать больше на внешние защитные факторы, чем на внутренние

(личностные) факторы. Для жизнеспособности подростков важным оказывается характер отношения с отцом.

В юношеской выборке была установлена возрастная динамика в развитии жизнеспособности. Юноши ориентируются на собственные силы и ожидание лучшего; девушки склонны апеллировать к внутренним и внешним средствам поддержки.

Литература

- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 54–83.
- Bonanno G. A.* Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? // *American Psychologist*. 2004. V. 59. P. 20–28.
- Fraser M. W., Richman J. M., Galinsky M.* Risk, protection and resilience: Toward a conceptual framework for social work practice // *Social Work*. 1999. V. 23 (3). P. 131–143.
- Hjemdal O., Friborg O., Stiles T. C., Martinussen M., Rosenvinge J. H.* A New Scale for Adolescent Resilience: Grasping the Central Protective Resources behind Healthy Development // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2006. V. 39. P. 84.
- Mandleco B., Peery J. C.* An organizational framework for conceptualizing resilience in children // *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*. 2000. V. 13 (3). P. 99–111.
- Rose J. M.* Footprints on the soul: Journeys from trauma to resilience (Doctoral Dissertation). Dissertation Abstracts International. Toronto: The Fielding Institute, 1997.
- Takviriyannun N.* Development and testing of the Resilience Factors Scale for Thai adolescents // *Nursing and Health Sciences*. 2008. V. 10. P. 203–208.

Resilience in adolescent and youth ages

E. V. Kuftyak (Kostroma)

Doctor of psychological Sciences, Head of the Department of Special psychology and pedagogy, Kostroma state University

Kostroma State University, Kostroma, Russia The results of a study devoted to the study of the development of resilience in adolescence and youth age are presented. It is assumed that there is an age-related dynamics of

resilience at different stages of ontogeny, and personality traits and social relations are factors of protection and risk. A total of 320 people took part in the study (127 boys and 178 girls). The sex-age aspects of resilience are considered in the work. Studies of the relationship between manifestations of vitality with personality traits, psychological well-being, a sense of coherence, and the social attitude of parents are described. Personality traits of adolescents are related to indicators of resilience, focused on external resources. The nature of the relationship with the father is important for the resilience at youthful age. Age-related dynamics of viability in adolescence have been established.

Keywords: resilience, adolescence, youth age, dynamics, personality, relationships with parents.

Понимание ментального мира в дошкольном и младшем школьном возрастах¹

Е. И. Лебедева (Москва)

*кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: evlebedeva@yandex.ru*

Представлены результаты сравнительного исследования понимания детьми ментальных состояний в ситуациях, максимально приближенных к естественным (сказки, истории) и развития понимания неверных мнений (как ключевых аспектов модели психического) в стандартных задачах. В исследовании принимали участие 149 детей с 3-х до 8 лет. Показано, что понимание ментального мира развивается постепенно – дети лучше понимают ментальные состояния в сказках и историях, чем в тестовых задачах.

Ключевые слова: модель психического, понимание ментальных состояний, неверные мнения, дошкольный возраст, младший школьный возраст.

Постановка проблемы

Исследование выполнено в рамках концепции модели психического и является частью продолжающегося в настоящий момент лонгитюдного исследования взаимосвязи развития саморегуляции и понимания себя и другого в дошкольном и младшем школьном возрасте (Виленская, Лебедева, 2014).

Модель психического как механизм понимания ментального мира других людей начинает свое развитие с рождения, бурно формируясь в дошкольном возрасте, и продолжает усложняться в течение всей жизни. Мы говорим о модели психического как о способнос-

1 Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ, № 0159-2016-0004.

ти приписывать другим людям различные психические состояния (отличающиеся от наших собственных) и рассматривать эти состояния как причину поведения. По мнению большинства исследователей, такое понимание отличия собственного психического мира от мира других людей начинает развиваться у детей около 4 лет (Сергиенко и др., 2009).

Развитие «модели психического» не может быть изучено в отрыве от развития понимания психических состояний других людей в повседневной жизни. Для того чтобы понимать коммуникативные намерения говорящего и эффективно участвовать в процессе общения очень важно уметь понимать психические состояния, намерения, эмоции, мнения других людей. Совместное изучение развития понимания психических явлений людей (их намерений, эмоций, желаний и т.д.) в ситуациях, максимально приближенных к естественным, и развития способности приписывать психические состояния другим поможет полнее раскрыть картину понимания детьми своего социального окружения и причины возможных ограничений социализации.

Из исследований психологии развития известно, что понимание ментального мира начинает развиваться задолго до того, как дети смогут решать тесты на понимание неверных мнений (как маркера становления модели психического). Результаты исследования Клементс и Пернера (Clements, Perner, 1994) показали, что трехлетние дети все же имеют имплицитное понимание неверных мнений, несмотря на то, что большинство из них не справляются со стандартными тестами на ложные убеждения, на что указывает направление движения их глаз к правильному ответу. В стандартной задаче на неожиданное перемещение, когда ребенку необходимо было понять, где персонаж будет искать свою вещь, если он не видел самого факта перемещения, дети смотрели на то место, где он оставил свою вещь, а не на то, где вещь лежит в действительности, хотя и отвечали неправильно.

Организация и методики исследования

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи распознавания ментальных состояний, понимания коммуникативных намерений говорящего в ситуациях, максимально приближенных к естественным, и развития понимания неверных мнений (как ключевых аспектов модели психического) в стандартных задачах у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Это поможет понять, насколько когнитивные способности детей к пониманию ментального мира действительно связаны с их пониманием внутреннего мира людей в повседневной жизни.

Выборку исследования составили 149 детей дошкольного и младшего школьного возраста. Из них дошкольного возраста – 119 человек: в возрасте 3 лет – 42 человека (от 3 лет 0 мес. до 3 лет 10 мес., М_е = 3 г. 7 мес., 16 мальчиков), в возрасте 4 лет – 44 человека (от 4-х лет 0 мес. до 4 лет 11 мес., М_е = 4 г. 6 мес., 20 мальчиков), 5 лет – 32 человека (от 5 лет 0 мес до 5 лет 11 мес., М_е = 5 лет 5 мес., 12 мальчиков). Дети младшего школьного возраста: 30 учеников 1 классов московских школ в возрасте от 7 лет 1 мес. до 8 лет 10 мес. (М_е = 7 лет 9 мес., 20 мальчиков).

Методики исследования

Для оценки развития модели психического в дошкольном возрасте использовались следующие методики:

1. Для оценки *понимания неверных мнений* использовался аналог «Салли-Энн теста» (Baron-Cohen et al., 1985). Экспериментатор разыгрывал перед ребенком историю с участием кукол-персонажей популярного мультфильма: «Это Крош и Ньюша. У Кроша есть голубая коробочка, а у Ньюши – розовая. Ньюша очень любит играть со своим мячиком. Сейчас Ньюша кладет свой мячик в свою розовую коробку и уходит гулять. В это время непослушный Крош перекладывает мячик из розовой коробки в свою голубую коробку. Ньюша вернулась с прогулки и хочет поиграть в мячик. Где она будет его искать: в розовой коробке или голубой? Почему там? А где на самом деле лежит мяч? Ньюша знает, что он лежит там?». Для того, что правильно ответить на тестовый вопрос (Где Ньюша будет искать свой мяч?), ребенок должен отличать свои собственные знания от знаний другого и понимать, что другой может иметь ошибочное мнение о ситуации («Я понимаю, что он допустит ошибку, так как ему неизвестно то, что знаю я»).
2. Для оценки *понимания ошибочности собственных убеждений* использовалась задача на понимание неверных мнений с неожиданным содержанием. Ребенку предъявлялась упаковка из под конфет M&M и задавался вопрос: «Как ты думаешь, что там находится?». Большинство детей отвечали: «Конфеты». Экспериментатор открывал упаковку и показывал, что в ней игрушки. После того как ребенку показали содержимое коробки, его спрашивали: «Что ты думал о том, что находится в коробке, пока я ее

не открыл?». Вопрос состоит в том, осознает ли ребенок, что он сам может заблуждаться.

Для оценки развития понимания ментальных состояний других людей в ситуациях, максимально приближенных к естественным, использовались следующие методики:

3. Развитие *понимания неверных мнений в сказках* оценивалось с помощью сказки Красная Шапочка. Процедура исследования понимания неверных мнений в сказках: экспериментатор рассказывает сказку, иллюстрируя картинками. Когда доходит до картинки, на которой изображен Волк под платком, читает текст, написанный на картинке, и задает вопрос: «Что думает Красная Шапочка: кто лежит в кровати? Почему она так думает?».
4. Понимание *обмана в сказках* исследовалось с помощью сказки Маша и Медведь. Экспериментатор рассказывал ребенку сказку, иллюстрируя картинками. Когда доходит до картинки, изображающей Машу, залезающей в короб, и Медведя, выглядывающего за дверь, читает текст, написанный на картинке, и задает вопрос: «Зачем Маша попросила выглянуть Медведя за дверь? Она говорила ему правду, когда просила посмотреть, идет ли дождик?».
5. Оценка развития собственно модели психического у детей младшего школьного возраста проводилась с использованием задач на понимание неверных мнений 1-го порядка (оценить мнение персонажа относительно местоположения объекта, который в его отсутствие второй персонаж перекладывал в другое место) и 2-го порядка (оценивается не просто мнение одного персонажа, а мнение одной персоны о мнении другой). Данные задачи были заимствованы нами из теста на понимание ментального мира (Theory of Mind Task Battery), разработанного Т. Хатчинс с коллегами (Hutchins et al., 2008).
6. Оценка ментального вербального и невербального возраста детей дошкольного возраста проводилась с помощью «Теста интеллекта Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста» (WPPSI – Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence). Для оценки ментального вербального возраста были использованы данные по субтесту «Словарный», а для невербального – субтеста «Кубики Косса» как наиболее показательные в своей серии.
7. Для оценки развития понимания ментальных состояний других людей в ситуациях, максимально приближенных к естествен-

ным, использовались методика, направленная на оценку развития понимания коммуникативных намерений в ситуации обмана из альтруистических и эгоистических соображений (Нарр, 1994). Тест представляет собой 12 историй, касающихся разного вида неправдивой информации – подстрекательства, «белой» лжи, недоразумений и т. п. Ребенку требуется не только понять, что персонаж говорит неправду, но и объяснить, почему он это делает. В конце каждой истории задаются вопросы: «Как ты думаешь, он сказал правду? Почему он так сказал?». Для данного исследования мы использовали две истории – на понимание обмана и понимание «белой» лжи.

8. Также использовался тест «Понимание ментальных состояний человека по выражению его глаз» («Reading the Mind in the Eyes») (версия для детей), разработанный С. Бароном-Коеном (Baron-Cohen et al., 2001), который представляет собой буклет с 29 фотографиями глаз людей (17 мужских и 12 женских). Около каждой фотографии представлено четыре описания ментальных состояний человека (эмоций, намерений, убеждений и т. п.); необходимо выбрать одно из них. Тест может быть использован для детей от 6 лет. Есть правильные ответы, но как таковых возрастных норм для выполнения этого теста нет, есть только исследовательские данные на разных выборках детей.
9. Для оценки уровня интеллектуального развития детей младшего школьного возраста, как необходимого условия изучения модели психического, мы использовали тест «Цветные прогрессивные матрицы Равена». Уровень интеллектуального развития детей, участвовавших в исследовании, характеризовался как «средний» и выше по результатам теста, что соответствует задачам исследования.

Результаты исследования

Результаты исследования в группе детей дошкольного возраста показали возрастную динамику понимания неверных мнений, как собственных, так и других людей. Понимание неверных мнений других людей достоверно улучшалось в возрасте от 4 до 5 лет: в 4 года только половина детей, тогда как в 5 лет – 73% детей могли приписать человеку отличное от его собственного мнение, в том числе и не соответствующее реальности ($\varphi=2,01$, $p \leq 0,022$). Возрастная динамика также наблюдается в распознавании и понимании неверных мнений и понимании обманных намерений персонажей в сказках ($\varphi=3,45$, $p \leq 0,01$ и $\varphi=5,06$, $p \leq 0,01$ соответственно).

Сравнение успешности выполнения детьми дошкольного возраста задач разного типа показало, что дети лучше понимают неверные мнения и обман в сказках, чем в стандартных задачах. Но достоверные различия были выявлены только в группе 5-летних детей: дети лучше понимали неверные мнения и обман в сказках, чем собственные неверные мнения и мнения других людей в лабораторных задачах ($\varphi=1,782$, $p \leq 0,05$ и $\varphi=3,079$, $p \leq 0,01$ соответственно). Также в группе детей 5 лет была обнаружена взаимосвязь между выполнением стандартных задач на понимание отличия собственного мнения от мнения других людей и понимание неверных мнений и обманных намерений персонажей в сказках ($r=0,490$, $p=0,006$).

В исследованиях индивидуальных различий становления «модели психического» у детей авторы большое значение придают такому фактору, как разговоры в семье о ментальных состояниях и их причинах (Ruffman et al., 2006). Мы предполагаем, что лучшее понимание того, что другие могут иметь неверные мнения, и обмана в сказках, в отличие от тестов типа «Салли-Энн», обусловлено именно известностью этих сказок детям и их возможным обсуждением ранее (Лебедева, Попрыго, 2013).

Результаты исследования показали, что большинство детей 7–8 лет успешно справляются с задачами на понимание неверных мнений 1-го порядка (когда нужно понять различие между своим собственным мнением о ситуации и мнением Другого), но еще не могут приписать неверное мнение одному персонажу о ментальных состояниях другого персонажа (задачи на понимание неверных мнений 2-го порядка) ($\varphi=6,545$, $p \leq 0,01$).

Также были обнаружены достоверные различия между пониманием неверных мнений 2-го порядка и пониманием намерений персонажа в ситуациях обмана и «белой» лжи – дети лучше понимали коммуникативные намерения говорящего в ситуациях обмана, чем понимали, что другой человек может иметь неверные представления о ментальных состояниях человека и, следовательно, неправильно предсказывать его дальнейшее поведение ($\varphi=5,933$, $p \leq 0,01$).

При сопоставлении показателей результатов выполнения детьми заданий, направленных на развитие различных аспектов понимания ментального мира, была выявлена взаимосвязь только между распознаванием ментальных состояний по выражению глаз людей и пониманием намерений говорящего в ситуации обмана ($r=0,426$, $p=0,019$). Это результат может быть следствием того, что понимание неверных мнений и понимание ментальных состояний другого по мимике (выражению глаз), а также понимание коммуникативных намерений могут быть иметь два разных основания под собой.

В дальнейшем мы планируем увеличить количество участников исследования младшего школьного возраста и проверить гипотезу об опосредующем влиянии интеллектуального уровня на понимание ментального мира, как в тестовых задачах, так и в ситуациях, приближенных к естественным.

Заключение

Таким образом, ментальные состояния других людей детьми дошкольного и младшего школьного возраста лучше распознаются в ситуациях, максимально приближенных к естественным, чем в стандартных задачах, оценивающих развитие модели психического. Дети дошкольного возраста лучше понимают неверные мнения и обман в сказках, чем в тестовых задачах, где требуется оценить мнение персонажа о местонахождении объекта, перемещенного в его отсутствие. Дети младшего школьного возраста также лучше распознают эгоистические и альтруистические намерения говорящего в ситуациях обмана в историях, чем понимают отличия собственного мнения от мнения другого человека в ситуации прогнозирования поведения персонажа истории в стандартных задачах.

Литература

- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2017).
- Лебедева Е. И., Попрыго А. Ю.* Понимание обмана и неверных мнений в сказках детьми дошкольного возраста // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 292–294.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М., 2009.
- Baron-Cohen S., Wheelwright S., Hill J., Raste Y., Plumb I.* The “Reading the Mind in the Eyes” test revised version: A study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism // Journal of child psychology and psychiatry. 2001. V. 42. № 2. P. 241–251.
- Clements W. A., Perner J.* Implicit understanding of belief // Cognitive development. 1994. V. 9. №. 4. P. 377–395.

- Happé F. G. E.* An advanced test of theory of mind: Understanding of story characters' thoughts and feelings by able autistic, mentally handicapped, and normal children and adults // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 1994. V. 24. № 2. P. 129–154.
- Hutchins T. L., Bonazinga L. A., Prelock P. A., Taylor R. S.* Beyond false beliefs: The development and psychometric evaluation of the Perceptions of Children's Theory of Mind Measure – Experimental Version (PCToMM-E) // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2008. V. 38. № 1. C. 143–155.
- Ruffman T., Slade L., Devitt K., Crowe E.* What mothers say and what they do: The relation between parenting, theory of mind, language and conflict/cooperation // *British Journal of Developmental Psychology*. 2006. V. 24. C. 105–124.

Understanding of the mental world in pre-school and primary school age

E. I. Lebedeva (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

The results of a comparative study of children's understanding of mental states in situations that are as close to natural as possible (fairy tales, stories) and development of an understanding of false beliefs (as key aspects of the theory of mind) in standard tests are presented. The study involved 149 children from 3 to 8 years. It is shown that the understanding of the mental world is developing gradually – children understand the mental states better in fairy tales and stories than in test tasks.

Keywords: theory of mind, understanding of mental states, false beliefs, preschool age, primary school age.

Потенциальные и актуальные копинг-ресурсы субъектов психологического образования зрелого возраста

А. А. Маленов, А. Ю. Маленова** (Омск)*

** заведующий учебно-научной лабораторией, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; e-mail: malyonov@univer.omsk.su*

*** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; e-mail: malyonova@mail.ru*

Копинг-поведение человека зависит от ряда факторов, источником которых выступает среда или сама личность. В качестве копинг-ресурса личности в период зрелости может выступать психологическое образование. Оно может иметь потенциальный ресурсный характер (для лиц, его не получающих, или потенциальных потребителей) и актуальный – для студентов, непосредственно включенных в учебно-профессиональную подготовку. Основная гипотеза, проверяемая в ходе исследования: переход ресурса от потенциального к актуальному обусловлен субъектной позицией, так как именно благодаря ей объекты внешней среды наделяются смыслом, ценностью, позитивным эффектом. В работе представлены данные нескольких срезов на разных выборках, подтверждающие выдвинутое предположение через призму копинг-поведения личности.

Ключевые слова: ресурсы, копинг, психологическое образование, субъектность, период зрелости.

Постановка проблемы

Ресурсный подход в психологической науке является достаточно «молодым» направлением, имеющим ярко выраженный междисциплинарный статус. Несмотря на то, что проблема ресурсов активно разрабатывается за рубежом и в нашей стране лишь последние де-

сятилетия, истоки ее изучения представлены значительно раньше, о чем свидетельствуют многочисленные семантически близкие понятия – «внутренние возможности и потенции человека» (С. Л. Рубинштейн), «актуальные и потенциальные характеристики человека как субъекта деятельности» (Б. Г. Ананьев), «потенциальный резерв развития» (А. В. Запорожец) и др., а теперь уже нашедшие свое продолжение и в современных работах, например, «запас прочности» (Т. А. Цецорина) или «личностный потенциал» (Д. А. Леонтьев). Понятие «ресурс» вошло в работы по многим психологическим направлениям, как фундаментального – психология личности и субъекта, развития и жизнедеятельности, так и прикладного характера – психология профессиональной и педагогической деятельности, здоровья, творчества, семьи, совладающего поведения (именно последнее направление имеет особое значение для настоящей работы). Актуальные исследования в психологии направлены на уточнение содержания, специфики, уровневых, функциональных, типологических, динамических характеристик феномена, порождая его новые дефиниции – через возможности индивида, личности, субъекта, субъектности.

Несколько лет наш научный интерес вызывает психологическое образование, его роль на зрелых периодах онтогенеза. То, что эта область знаний имеет особую ресурсность для личности, не вызывает сомнения, однако вопрос о том, насколько этот потенциал осознается самими субъектами, на наш взгляд, требует самостоятельного изучения. Полагаем, что речь в данном случае вполне может идти о «взаиморесурсности»: именно благодаря лицам, получающим психологическое образование в зрелом возрасте, мы можем вскрыть не только возможности самого образования, но и его субъектов, позволяющие эти образовательные возможности воплощать в действительности. Другими словами, мы предположили, что психологическое образование, выступая внешним по отношению к личности ресурсом, в зрелом возрасте, при активной субъектной позиции способно перейти из потенциальной возможности в актуальную, причем этот процесс поддается глубокому осознанию и рефлексии его носителями. Таким образом, в нашем случае ресурсный подход представлен с двух взаимосвязанных сторон – внешней (психологическое образование как возможность, потенциальный ресурс) и внутренней (актуальный ресурс его субъектов). В связи с этим в качестве базового для нас выступило определение ресурсов С. А. Хазовой – это психические свойства, которые устойчиво связываются в ментальном опыте субъекта с позитивным эффектом, наличием ощутимого преимущества и могут быть использованы для повыше-

ния эффективности жизнедеятельности, а также «объекты внешней среды и отношения, которым субъект приписывает ресурсную роль в определенных ситуациях, наделяет их ресурсным значением, т. е. наделяет их смыслом, ценностью, важностью и связывает именно с ними появление позитивных с точки зрения достижения результата состояний» (Хазова, 2012, с. 85–86).

В рамках данной работы, мы бы хотели остановиться на обсуждении вопроса о роли психологического образования в организации совладающего поведения личности. Последнее в психологии имеет разные трактовки, преимущественно обосновывающие идею о нем как об «индивидуальном способе взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями» (Нартова-Бочавер, 1997, с. 21), и содержательно раскрывающемся через «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы» (Lazarus, Folkman, 1991, p. 210). Еще один момент, требующий прояснения – оценка уровня осознанности этих усилий, так как эмпирические данные и теоретические модели в этом ракурсе весьма противоречивы. Мы склоняемся к мнению, что совладающее поведение существенно отличается от психологических защит, разделяя позицию Т. Л. Крюковой о совладании как о целенаправленном способе реагирования на стрессовую или трудную жизненную ситуацию, позволяющем субъекту справиться с ней благодаря задействованию осознанных стратегий (Крюкова, 2008).

Еще одно понятие, требующее определения, как раз и возникает на «стыке» терминов «ресурсы» и «копинг». В этом отношении большинство авторов дает согласованные, непротиворечивые и дополняющие друг друга определения, соединяющие личность и средой активным взаимодействием. Приведем некоторые из них. Итак, копинг-ресурсы – это жизненные ценности (возможности людей и общества), образующие реальный потенциал для удовлетворения требований среды и совладания с неблагоприятными жизненными событиями (Муздыбаев, 1998); индивидуальные особенности, благодаря которым легче решаются задачи мобилизации, адаптации к стрессовой ситуации, ее преодоления и предотвращения неблагоприятных последствий (Александрова, 2005); физические и духовные возможности человека, мобилизация которых обеспечивает поведение по предотвращению или купированию стресса (Бодров, 2006); эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и по-

веденческие конструкты, основными атрибутами которых являются осознанность, мотивация, значимость и целенаправленность их использования или накопления, актуализируемые для адаптации к стрессовым ситуациям, способствующие психологической устойчивости личности (Водопьянова, 2009); совокупность личностных и средовых средств, имеющих в наличии и доступных актуализации для сознательного использования с целью совладания с трудной жизненной ситуацией (Петрова, Хазова, 2010).

Результаты исследований

В свою очередь, обобщая данные, полученные нами благодаря ряду исследовательских срезов, мы можем выделить несколько тенденций относительно связи психологического образования и копинга через призму потенциальных и актуальных ресурсов субъектов зрелого возраста.

Анкетирование потенциальных потребителей психологического образования (специалисты социономического профиля: медики, педагоги, менеджеры, служащие полиции, N=155) показало, что 72% хотели бы обладать психологическими знаниями, полагая, что они снизят их «уязвимость» и одновременно усилят позицию в профессиональной (44,4% опрошенных), семейной (37% опрошенных) и коммуникативной (29,6% опрошенных) сферах.

Анализ сочинений на тему «Ресурсы психологического образования для меня» студентов факультета психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского зрелого возраста (N=200) позволил выявить многочисленные ресурсные возможности, среди которых выделяются и те, которые обеспечивают совладание с жизненными трудностями. Благодаря факторизации данных, были обнаружены, так называемые, «мишени затруднений» в зависимости от возраста обучаемых. Для представителей ранней взрослости (от 21 до 25 лет, N=80), получаемое образование, прежде всего, связано с преодолением затруднений в профессиональной деятельности. В период средней взрослости (от 25 до 40 лет, N=80) центральным фактором выступает семья, требующая своевременно разрешения детско-родительских, супружеских и родственных противоречий. Для студентов старше 40 лет (N=40) основной зоной дискомфорта выступают проблемы, возникающие в собственной личности. Решение личных проблем, по мнению этой возрастной группы, тесно связано с преодолением внутренней пустоты, поиском нового смысла жизни, разрешением кризиса, открытием новых ресурсов (фактор «Преодоление и самопомощь»). Две другие группы не упоминали эти «симптомы» в сво-

их сочинениях, однако дескриптор «решение личных проблем» ими был выделен: в первом случае – во взаимосвязи с «самопознанием», во втором – с «познанием других».

Письменный опрос обучающихся выпускных курсов факультета психологии, возраст которых превышает 25 лет (N=36), направленный на установление факта непосредственной актуализации ресурсов, приобретенных благодаря психологическому образованию, подтвердил, что новые знания и умения активно внедряются ими в разных сферах, прежде всего, в профессиональной (57% опрошенных) и семейной (69,2% опрошенных). На прямой вопрос: «Помогают ли вам полученные знания при столкновении с трудными жизненными ситуациями?» – утвердительный ответ был получен в 100% случаев. В свою очередь, введение процедуры шкалирования, позволило измерить «прирост» успешности преодоления жизненных трудностей за время получения психологического образования: он варьируется от 10 до 60%, достигая в среднем показателя в 30%.

Психологическое тестирование лиц, получающих (N=64) и не получающих (N=91) психологическое образование в период зрелости, позволило путем сравнения установить у первых более высокий уровень адаптационного потенциала и самоактуализации: по методике «САТ» различия в пользу субъектов психологического образования были выявлены по 2 основным (Ориентация во времени и Поддержка) и 7 дополнительным (Гибкость поведения, Сензитивность, Спонтанность, Самоуважение, Контактность, Креативность, Познавательные потребности) шкалам. Также было доказано, что среди студентов факультета психологии достоверно меньше тех, кто редко использует проактивный копинг при столкновении с трудными жизненными ситуациями, а тех, кто чаще, – больше.

Выводы

Таким образом, обобщая результаты, полученные разными методами на различных группах взрослых, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, даже не будучи включенными в процесс получения психологического образования, взрослое население указывает на его возможности в улучшении показателей в разных сферах жизнедеятельности, говоря тем самым о его ресурсном значении.

Во-вторых, психологическое образование способно выступать копинг-ресурсом для его реальных потребителей, при этом оно может предложить инструменты для решения конкретных возрастных задач, в том числе сопряженных с нормативными и ненормативными трудностями.

В-третьих, потенциальные ресурсы становятся не только актуальными, но и актуализированными в процессе учебно-профессиональной подготовки на факультетах психологического профиля, при этом их реализация направлена не только на других людей, совместную деятельность и отношения, но и на самого субъекта, обеспечивая позитивную личностную динамику.

Все это позволяет предположить, что получение психологического образования в зрелом возрасте может рассматриваться как условие и фактор проявления особого свойства субъекта – субъектности, подразумевающей, по мнению С. А. Хазовой (Хазова, 2012), свободу выбора и ответственность за него, рефлексивное самопознание и постоянное саморазвитие, активную позицию при постановке новых целей и задач, а также определение адаптивных стратегий преодоления трудностей на пути их достижения.

Литература

- Александрова Л. А.* О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005. Т. 51. № 7. С. 83–84.
- Бодров В. А.* Проблема преодоления стресса. Ч. 2 «Процессы и ресурсы преодоления стресса» // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 113–123.
- Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
- Муздыбаев К.* Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 100–111.
- Нартова-Бочавер С. К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
- Петрова Е. А., Хазова С. А.* Ресурсы личности: проблемы и перспективы исследования // Журнал практического психолога. 2010. № 2. С. 86–103.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы /* Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008.
- Хазова С. А., Дорьева Е. А.* Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома, 2012.
- Folkman S., Lazarus R. W.* Coping and Emotion // Stress and Coping: an anthology. N. Y.: Columbia University Press, 1991. P. 207–227.

Potential and actual coping-resources of subjects of psychological education of mature age

A. A. Malenov, A. Y. Malenova** (Omsk)*

* Manager of educational and scientific laboratory, Omsk state University of F. M. Dostoevskiy

** Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor of the Department of Social psychology, Omsk state University of F. M. Dostoevskiy

Coping-behavior the person depends on a number of factors as which source social environment or the personality acts. Psychological education can act as a coping-resource of the personality in the period of a maturity. It can have potential resource character (for persons, its not receiving, or potential consumers) and urgent – for the students who are directly included in educational vocational training. The main hypothesis checked during the research: transition of a resource from potential to actual is caused by a subject position as exactly thanks to it objects of the external environment are allocated with sense, the value, positive effect. In work the data of several cuts on different selections confirming the made assumption through a prism of coping-behavior of the personality are submitted.

Keywords: resources, coping, psychological education, subjectivity, maturity period.

Динамика личностной составляющей субъектной позиции в учении у детей при переходе в пятый класс

Е. Е. Марченко (Брест)

магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина; e-mail: elena_mar@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического изучения динамики личностной составляющей субъектной позиции в учении у детей на границе младшего школьного и подросткового возрастов. Описана система показателей личностной составляющей субъектной позиции в учении у детей. Установлено, что мальчики как в четвертом, так и в пятом классе характеризуются меньшими проявлениями субъектности по показателям «принятие основных атрибутов учебы», «стремление к упрощению учебы» и «отношение к учебе». Переход на новую ступень общего среднего образования выступает как кризисный период становления субъектной позиции в учении. Типичной для детей является негативная динамика, связанная со снижением проявлений надситуативной познавательной активности, а также с усилением стремления к упрощению учебы и негативного отношения детей к учебе.

Ключевые слова: субъектная позиция, отношение к учебе, личность, младший школьный возраст, подростковый возраст.

Постановка проблемы

Младший школьный и младший подростковый возраста традиционно соотносятся со становлением субъектой позиции в учении (Г. А. Цукерман, Г. А. Вайзер, Б. А. Зельцерман, Ю. В. Зарецкий, Е. Д. Божович и др.). Субъектная позиция в учении может быть определена как интегративное образование, включающее операционально-действен-

ную (когнитивную) и личностную составляющие и обеспечивающее саморегуляцию учебной деятельности (Марченко, 2013). Однако внимание исследователей при этом сосредоточено преимущественно на изучении операционально-действенной составляющей субъектности (умении учиться) (Г. А. Цукерман, Ю. В. Зарецкий, Е. Д. Божович, Г. В. Самусева и др.). Личностная составляющая, связанная с мотивационно-смысловой стороной учения, хоть и признается в качестве ведущей (Г. А. Цукерман, Е. Д. Божович), но исследована в меньшей степени (Т. Г. Раевская, Г. С. Абрамова, Л. В. Бура). Проведенный анализ позволил выделить систему показателей личностной составляющей субъектной позиции в учении у детей: надситуативная познавательная активность, стремление к упрощению учебы (В. В. Давыдов, Г. А. Цукерман, Л. И. Ануфриук), принятие основных атрибутов учебы (Л. И. Божович, Д. В. Лубовский, Е. Н. Волкова, Г. В. Самусева), переживание ребенком важности учебы на фоне внеучебных интересов (В. Д. Шадриков, Ю. В. Зарецкий, П. Р. Галузо), отношение к учебе (Г. А. Цукерман, Г. С. Абрамова, И. В. Бакумова).

Особый интерес в контексте становления субъектной позиции в учении у детей представляет интервал 9–11 лет, на который приходится переход детей из начальной школы в пятый класс, а также «пограничье» между младшим школьным и подростковым возрастными (Цукерман, 1998).

Процедура и методики исследования

Для выявления особенностей личностной составляющей субъектной позиции в учении (ЛСПУ) у детей специально были разработаны *две методики*: клиническая беседа о школе и методика «Магазин умений».

Клиническая беседа о школе была построена на основе методики изучения отношения к учению и к учебным предметам Г. Н. Казанцевой и представляла собой обсуждение следующих тематических блоков: отношение ребенка к различным урокам; отношение к педагогам; представления ребенка о функциях отметок, мнение о необходимости отметочной системы, наличие желания изменить систему оценивания успешности учебной деятельности в школе; наличие стремления к упрощению или усложнению учебной программы; желание ребенка к переходу в пятый класс или возвращению в предшествующие классы.

В основу методики «Магазин умений» была положена идея психотерапевтического упражнения «Волшебный магазин» (Magic shop) Н. В. Weiner. Сконструированная процедура использовалась

для определения субъективной значимости учебы для ребенка относительно различных внеучебных занятий.

По результатам методик каждому ребенку по выделенным показателям были начислены баллы. Затем они переводились в процент от максимально возможного числа баллов по соответствующему показателю. Эта величина определялась как индивидуальный индекс.

Результаты исследования

1. Особенности субъектной позиции в учении детей четвертого класса

Проведенное исследование позволило установить, что в период завершения обучения в четвертом классе для детей характерен довольно высокий уровень *принятия основных атрибутов школьной учебы* ($M_e=75$). У 17,3% четвероклассников было зафиксировано полное принятие необходимости установленной программы обучения и требований объективности оценки учебы. Индекс менее 50% был начислен только 19,4% детей. Другими словами, в период завершения первой ступени общего среднего образования для обучающихся неприятие основных атрибутов школьной учебы не является типичным. При этом мальчики, по сравнению с девочками, характеризуются меньшим принятием атрибутов учебы ($U=329, p \leq 0,001$).

По показателю, отражающему *субъективную значимость учебы* для ребенка на фоне внеучебных занятий, установлено, что в период завершения четвертого класса для многих мальчиков и девочек ($U=512,5, p > 0,05$) учеба не является наиболее важной сферой интересов ($M_e=58,3$). Нулевое значение индекса, отражающее отсутствие учебы в иерархии интересов ребенка, было зафиксировано у 11,1% обучающихся. Максимально выраженную заинтересованность в учебе ($VU=100$) проявило незначительное число детей (5,6%).

По показателю «*внеучебная направленность*» эмпирическое распределение смещено в сторону значений, которые можно обозначить как низкие и ниже средних ($M_e=44$). Нулевых значений индекса зафиксировано не было, а треть детей (33,3%) имели индексы более 50%, т. е. характеризовались выраженной внеучебной направленностью интересов. Половых различий по этому показателю субъектности не обнаружено ($U=629, p > 0,05$).

Проявления *надситуативной познавательной активности* за пределами школьной программы для четвероклассников ($U=499,5$ при $p > 0,05$) не являются типичными ($M_e=6,3$). Треть детей (33,3%) имели нулевые значения индекса по этому показателю субъектности, не проявив в процессе беседы никакого стремления к расшире-

нию уже имеющейся учебной программы. Только трое детей набрали более половины возможного числа баллов по данному показателю.

Стремление к упрощению учебы, хоть и выражено у детей в большей степени, чем надситуативная познавательная активность, но в целом может быть оценено по интенсивности как низкое и ниже среднего ($M_e=26,9$). При этом полное отсутствие желания упростить школьную программу было зафиксировано у 9 из 72 детей. О достаточно выраженном стремлении к упрощению учебы (индекс >50) можно говорить только в отношении 18% выборки. Установлено, что мальчики характеризуются более выраженным желанием упростить школьную программу ($U=371, p \leq 0,01$).

В целом для четвероклассников не характерно переживание *негативного отношения к учебе* ($M_e=17,4$). Установлено, что на этапе завершения четвертого класса большее недовольство учебой и школой в целом испытывают мальчики ($U=424,5$ при $p \leq 0,05$).

При комплексном анализе взаимосвязи между показателями ЛСПУ попарно положительные связи были обнаружены между показателями «принятие основных атрибутов учения» – «надситуативная познавательная активность» – «важность учебы» и показателями «стремление к упрощению» – «внеучебная направленность» – «отношение к учебе». В свою очередь, каждый из показателей первой группы находится в значимой отрицательной связи с каждым из показателей второй группы.

На основе соотношения величин индексов определялся *тип субъектной позиции в учении*. За основу были принята типология, описанная Е. Н. Волковой и А. В. Гришиной (2013). Было дифференцировано три типа субъектной позиции.

Сбалансированный тип, который в наибольшей степени соответствовал теоретической модели субъектной позиции в учебной деятельности, характеризовался наличием выраженных проявлений по показателям «принятие атрибутов учебы», «надситуативная познавательная активность» и «важность учебы» на фоне отсутствия или незначительных проявлений несубъектных характеристик у ребенка (стремления к упрощению учебы, внеучебной направленности и негативного отношения к учебе). *Несбалансированный* тип личностной составляющей представлял собой вариант, наиболее отличающийся от теоретической модели субъектной позиции в учении. Он определялся сочетанием: 1) выраженных несубъектных характеристик на фоне отсутствия или лишь отдельных проявлений субъектных характеристик в учении или 2) низких проявлений субъектных характеристик при отсутствии очевидных проявлений сопротивления и негативизма в отношении школы. Все

остальные варианты сочетаний квалифицировались как *частично сбалансированный* тип субъектной позиции, который отражал наличие у ребенка отдельных проявлений субъектности на фоне присутствия и несубъектных характеристик.

На этапе завершения первой ступени общего среднего образования три типа субъектной позиции в учении представлены статистически равнозначно ($\chi^2=2,25$) при наличии значимых половых различий ($\chi^2=9,288$, $p\leq 0,01$). Среди мальчиков преобладает несбалансированный тип субъектной позиции (55,9%; $\chi^2=8,176$, $p\leq 0,05$). В подгруппе девочек три типа субъектной позиции в учении встречаются одинаково часто ($\chi^2=4,0$).

2. Особенности субъектной позиции в учении детей в пятом классе

По показателю «*принятие основных атрибутов школьной учебы*» после перехода в 5-й класс эмпирическое значение смещено в сторону значений, которые можно охарактеризовать как средние и выше средних ($Me=70$). Полное принятие всех атрибутов школьной учебы (индекс ПАУ=100) обнаружено у 20,3% пятиклассников. В свою очередь, индекс менее 50% по данному показателю субъектности, свидетельствующий лишь о частичном принятии школьной учебы, был начислен 27,5% детей. В 5-ом классе мальчики характеризуются значимо меньшим пониманием смысла учебы, а также меньшим принятием необходимости установленных уроков, содержания школьной программы и требований объективной оценки учебных достижений школьников ($U=420,5$ при $p\leq 0,05$).

По показателю «*важности учебы*» (ВУ) установлено, что в пятом классе для детей учеба не обладает высокой субъективной значимостью ($Me=33,3$). Это касается, как мальчиков, так и девочек ($U=461,5$ при $p>0,05$). В процессе беседы о школе отдельные дети (23,2% выборки) вообще не проявили какой-либо заинтересованности в учебе (индекс равен 0). Всего же более чем у половины пятиклассников (52,2%) величина индекса ВУ не превысила и 34%. В свою очередь, все феноменологические показатели, соотносимые с заинтересованностью в учебной деятельности (ВУ=100), были зафиксированы у незначительной доли детей – 13% выборки.

После перехода в пятый класс в выраженности *внеучебной направленности интересов* у детей половых различий не установлено ($U=443,5$ при $p>0,05$). В выборке преобладали значения индекса по этому показателю, которые можно охарактеризовать как средние и ниже среднего ($Me=40$). Так, у 76,8% детей индекс составил

менее 50%, а максимально возможный индекс (100) был зафиксирован только у одного ребенка.

В пятом классе и для мальчиков, и для девочек ($U=561,5$ при $p>0,05$) характерно либо полное отсутствие, либо незначительные проявления *надситуативной познавательной активности* ($Me=5,6$). Нулевые значения индекса, свидетельствующие о полном отсутствии у ребенка в процессе беседы каких-либо проявлений стремления к расширению учебной программы, имела почти половина пятиклассников (46,4%). В свою очередь, значения индекса более 50% зафиксированы только у двух детей.

Для детей характерны отдельные проявления *стремления к упрощению учебы*. Полное отсутствие проявлений желания упростить учебу (индекс=0) было зафиксировано у 14,5% пятиклассников. Индексы более 50% были начислены немногим более трети всех детей (36,2%). Установлено, что мальчики в большей степени, чем девочки, склонны желать сокращения и отмены уроков, а также упрощения учебных заданий ($U=421,5$ при $p\leq 0,05$).

По показателю «отношение к учебе» был зафиксирован полный диапазон значений (от 0 до 100) при медиане в 30,4. Полное отсутствие каких-либо негативных переживаний в отношении школьной жизни было зафиксировано у четырех детей (5,8%). Еще 36,2% обучающихся выразили лишь незначительное недовольство школьной жизнью и учебой (индекс от 1 до 20 баллов). В свою очередь, тотальный негативизм в отношении учебы был зафиксирован у двух детей. Более выраженное негативное отношение к учебе и школьной жизни в пятом классе характерно для мальчиков ($U=417,5$ при $p\leq 0,05$).

Анализ взаимосвязей между показателями субъектности после перехода в пятый класс обнаружил, что, во-первых, в пятом классе отсутствует статистически значимая взаимосвязь показателя «познавательная надситуативная активность» с показателями «важность учебы» и «внеучебная направленность». Во-вторых, после перехода на вторую ступень образования между показателями «принятие основных атрибутов учебы» и «стремление к упрощению учебы» отрицательная связь является сильной на высоком уровне значимости ($r_{s=}-0,909$, $p\leq 0,01$), а коэффициент корреляции между показателями «стремление к упрощению» и «отношение к учебе» достиг значения тесной положительной связи ($r_{s=} 0,930$, $p\leq 0,01$).

Полученные данные свидетельствуют о выраженной поляризации показателей субъектности у детей на новой ступени образования. После перехода в пятый класс, как проявления благополучия, так и проявления неблагополучия в субъектной позиции обнаруживаются более «слаженно».

При комплексном анализе установлено, что типы личностной составляющей субъектной позиции в учении у пятиклассников представлены неравнозначно ($\chi^2=17,478$, $p\leq 0,01$). Типичным для детей после перехода на вторую ступень образования выступил вариант, характеризующийся выраженным отличием позиции ребенка в учебе от показателей субъектности – несбалансированный тип (56,5%). Это заключение касается, как мальчиков, так и девочек, так как три типа субъектной позиции у них представлены аналогично ($\chi^2=3,571$, $p>0,05$).

3. *Динамика личностной составляющей субъектной позиции в учении у детей при переходе из четвертого в пятый класс*

Статистический анализ показал, что переход с первой на вторую ступень образования не связан с существенными изменениями в принятии детьми основных атрибутов учебы, переживании важности учебы и внеучебной направленности интересов. По данным показателям субъектности изменения в сторону снижения, повышения или сохранения значений представлены равнозначно, так же как и по выраженности изменений в сторону снижения и повышения индексов статистических различий нет.

В период перехода произошли значимые изменения субъектности у детей негативного характера, обнаруживающиеся в усилении стремления к упрощению учебы ($G_{\text{эмп}}=21$, $p\leq 0,05$; $T_{\text{эмп}}=560,5$, $p\leq 0,01$), негативного отношения к учебе ($G_{\text{эмп}}=22$, $p\leq 0,05$; $T_{\text{эмп}}=580$, $p\leq 0,01$), а также в преобладании случаев снижения над ситуативной познавательной активности над случаями ее повышения ($G_{\text{эмп}}=18$, $p\leq 0,05$; $T_{\text{эмп}}=508$, $p>0,05$).

Для комплексной оценки проводился анализ сочетания различных проявлений субъектности. Если после перехода в пятый класс у ребенка сохранялось несбалансированное сочетание индексов или происходил переход с любого типа на несбалансированный, динамика определялась как *негативная*. *Позитивная динамика* представляла собой случаи: 1) смены типа позиции с несбалансированного на сбалансированный или с частично сбалансированного на сбалансированный; 2) сохранения у ребенка до и после перехода в пятый класс сбалансированного типа позиции. Все остальные варианты изменений квалифицировались как условно позитивная динамика.

В период перехода с первой на вторую ступень образования три варианта динамики показателей личностной составляющей субъектной позиции в учении представлены неравнозначно ($\chi^2=14,869$,

$p \leq 0,01$). Типичной (55,1%) для школьников является негативная динамика, выражающаяся в снижении уровня субъектности. Данное утверждение в равной степени относится, как к мальчикам, так и к девочкам ($\chi^2=2,280$).

Заключение

Полученные данные позволяют рассматривать переход детей из четвертого в пятый класс как кризисный период в становлении субъектной позиции в учении, связанный либо с манифестацией, либо с усилением уже имеющегося неблагополучия. При этом в группу риска по динамике субъектности в учении прежде всего попадают мальчики, которые, по сравнению с девочками, и в период завершения обучения в начальной школе, и после перехода в пятый класс характеризуются меньшими проявлениями субъектности.

Литература

- Волкова Е. Н.* Исследование структуры субъектности в младшем подростковом возрасте // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского, Москва, 10–11 окт., 2013 г. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2013. Т. 1. С. 260–263.
- Марченко Е. Е.* Свойства субъектности как система // Психология – наука будущего: материалы V Международной конференции молодых ученых, Москва, 28–29 ноября 2013 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. М., 2013. С. 405–406.
- Цукерман Г. А.* Десяти-двенадцатилетние школьники: ничья земля в возрастной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 17–31.

Dynamics of the personal component of the subject position in the teaching of children in the transition to the fifth class

E. E. Marchenko (Brest)

Master of psychological Sciences, senior lecturer of the Department of Developmental psychology of the Brest state University of A. S. Pushkin

The article deals with the empirical research of the dynamics of the personal component of the subjective position in learning on the border of primary school age and adolescence. The system of quality indicators of

personal component of the subjective position in learning is described. It is shown that boys in Form 4 as well as in Form 5 are characterized by less manifestations of subjectivity: demonstrate less acceptance of the basic learning's attributes, greater desire to simplify learning and greater negative attitude towards school. Transition to a new stage of education appears as a crisis period of the formation of a subjective position in learning. Typical for children is a negative dynamic of subjectivity, associated with a decrease in the cognitive activity and increase in desire to simplify learning and negative attitudes to learning.

Keywords: Subject attitude, attitudes toward learning, personality, junior school age, adolescence.

О внутренних закономерностях в развитии индивидуальности студентов

Л. В. Меньшикова (Новосибирск)

*доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
и педагогики, Новосибирский государственный технический университет;
e-mail: pevl@narod.ru*

Предлагается подход, который базируется на теоретическом представлении об индивидуальном развитии как прогрессирующем развитии координации в динамическом ядре индивидуальности, которое включает переживания, категориальную систему значений и личностные смыслы. Показано наличие противоречий между указанными элементами этой динамической системы при рассмотрении когнитивной, аффективной и коммуникативной сфер в индивидуальном развитии студентов вуза. Психологическая служба рассматривается как особое социо-культурное пространство, специфика которого состоит в организации диалога с внутренним миром студентов, активизирующим процессы осознания противоречий в динамическом ядре индивидуальности.

Ключевые слова: индивидуальность, развитие, координация, переживания, значения, смыслы, психологическая служба.

Постановка проблемы

Понятие «индивидуальность» в психологии в настоящее время находится в центре внимания многих исследователей, переживая период активного становления и определения своего научного статуса. Анализируя состояние исследований в этой области, можно отметить, что пока не выработана единая точка зрения на природу индивидуальности, хотя в отечественной психологии существуют направления и школы, внесшие значительный вклад в разработку этой проблемы. При всем разнообразии подходов практически все

исследователи (Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, В. С. Мерлин, Э. А. Голубева, В. М. Русалов и др.) исходят из того, что индивидуальность представляет собой систему, интегрирующую разнородные и разноразличные свойства человека.

Особое место занимает концепция Б. Г. Ананьева, заложившего основы фундаментальных исследований индивидуальности в Ленинградской – Санкт-Петербургской психологической школе и рассматривавшего ее как относительно закрытую метасистему (микрокосм), проявляющуюся вовне на уровнях индивида, личности, субъекта деятельности (Ананьев, 1968).

Методологический и теоретико-экспериментальный уровень разработки проблемы индивидуальности определяет в настоящее время возможность сосуществования различных точек зрения. Вместе с тем признание необходимости междисциплинарного, комплексного подхода, что подчеркивается большинством исследователей, часто приводит к тому, что индивидуальность растворяется в частнонаучных закономерностях и фактах. Однако на этом фоне можно заметить определенную тенденцию, связанную с постепенным переходом от комплексного рассмотрения структуры индивидуальности к системному, имеющему своей целью выделение ядра и «единицы» анализа индивидуальности.

Серьезные шаги в этом направлении были предприняты в школах В. С. Мерлина и его учеников: их исследования связаны с выделением в качестве системообразующих факторов индивидуальности индивидуального стиля жизнедеятельности (Мерлин, 1986) и индивидуального стиля деятельности, детальное исследование которого было проведено Е. А. Климовым (Климов, 1969). Выделение системообразующего фактора в пространстве деятельности и жизнедеятельности раскрывает одну из сторон сложного полисистемного существования индивидуальности.

Другая, не менее важная ее проекция скрыта в феноменологическом внутриличностном пространстве. В дополнение к имеющимся в психологии подходам в настоящем исследовании сделана попытка выделить системообразующий фактор индивидуальности в особенностях организации ее внутреннего мира. Как указывают многие исследователи (Л. И. Анцыферова, В. П. Зинченко, Ф. Е. Василюк и др.), понятие внутреннего мира в отечественной психологии разработано довольно слабо. Однако активное развитие в последние годы психосемантики (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, Е. Ю. Артемьева и др.), психологии переживания (Ф. Е. Василюк), направления, связанного с исследованием смысловых образований (Д. А. Леонтьев, В. В. Столин, Б. С. Братусь), позволяет, на наш взгляд, осуществить

необходимый синтез и подойти к пониманию закономерностей внутриличностного пространства с позиций системной методологии.

Анонимность внутреннего мира, отчуждение от себя все чаще встречаются в жизни. Даже в студенческом возрасте, для которого характерны высокая сензитивность, открытость и стремление к саморазвитию, приходится сталкиваться с этим явлением, которое часто бывает следствием отсутствия необходимой социально-психологической зрелости и культуры. Между тем, основные источники развития скрыты во внутреннем мире человека, в котором процессы переживания и нравственного осознания событий своей жизни порождают личностные смыслы. Поэтому проблема развития индивидуальности студентов в вузе, имеющая особую актуальность в условиях современной жизни, тесно связана с изучением закономерностей строения и функционирования их внутриличностного пространства.

Наше исследование имело целью в рамках концепции Б. Г. Ананьева развить представления о «динамическом ядре» индивидуальности со стороны особенностей организации ее внутреннего мира и на основе этих представлений изучить закономерности развития отдельных подструктур индивидуальности студентов (когнитивной, аффективной, коммуникативной) в период их обучения в вузе (Меньшикова, 2007).

Структура и содержание настоящего исследования определялись использованием двух методологических подходов: комплексного и системного. На основании комплексного подхода, используя метод лонгитюдного изучения, мы исследовали закономерности развития трех сфер индивидуальности студентов (когнитивной, аффективной, коммуникативной) в условиях их стихийного, естественного формирования в вузовской среде. В этом случае индивидуальность рассматривалась как открытая система, проявляющаяся вовне в качестве личности и активного субъекта учебной деятельности и межличностного общения. Однако для понимания механизмов внутреннего созревания индивидуальности в студенческой среде, которое часто происходит «тайно», скрыто от глаз окружающих и даже от самого человека, одного этого подхода было бы недостаточно.

Б. Г. Ананьев писал: «Для того, чтобы подойти к проблеме индивидуальности с точки зрения целого (на молярном уровне), нужно представить человека не только как открытую систему, но и как систему „закрытую“, замкнутую вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств (личности, индивида, субъекта) (Ананьев, 1968, с. 327). Он далее развивает свою мысль: «Конечно, такой подход к индивидуальности не является исключением, так как, по справедливому

замечанию В. М. Бехтерева, „мир строится в форме замкнутых систем, представляя собой особые индивидуальности“. Каждая индивидуальность может быть различной сложности, но она представляет всегда определенную гармонию частей и обладает своей формой и своей относительной устойчивостью системы... Гармония частей есть основа индивидуальности...» (Ананьев, 1968, с. 328).

Ананьев считал, что в явлениях индивидуальности как бы замыкается внутренний контур регулирования всех свойств человека как индивида, личности с ее множеством противоречивых ролей и субъекта различных деятельностей. В такой относительно замкнутой системе, «встроенной» в открытую систему взаимодействия с миром, образуется определенное взаимосоответствие тенденций и потенциалов человека.

В настоящем исследовании была сделана попытка нащупать «ядро» этой «внутренней взаимосвязанности», о которой пишет Б. Г. Ананьев. На основании системной методологии была выделена динамическая «единица» анализа индивидуальности – система переживаний, значений и смыслов, в которой, на наш взгляд, стягиваются воедино свойства человека как индивида, личности и субъекта деятельности со стороны их представленности во внутреннем мире. Именно благодаря этому «ядру» происходит скрытое от глаз «тайное» созревание индивидуальности человека. «В этом относительно обособленном от окружающего внутреннем мире складываются комплексы ценностей (жизненных планов и перспектив, глубоко личностных переживаний), определенные организации образов и концептов, притязаний и самооценки» (Ананьев, 1968, с. 328).

Б. Ф. Ломов отмечал, что одним из признаков «единицы» анализа системы является то, что эта она должна проявляться на всех уровнях этой системы, во всех ее свойствах (Ломов, 1984). В нашем исследовании было обнаружено, что во всех сферах индивидуальности студентов (когнитивной, аффективной, коммуникативной) выделенная динамическая система переживаний, значений и смыслов является основой внутреннего механизма, определяющего развитие этих сфер. Это подтверждает правомерность предложенного подхода. Наше многолетнее исследование показало, что отсутствие координации в том или другом звене динамической системы переживаний, значений и смыслов приводит к задержкам развития указанных выше подструктур индивидуальности.

Обобщение результатов проведенного нами теоретического и эмпирического исследования психологических закономерностей развития индивидуальности студентов в вузе позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Анализ состояния проблемы индивидуальности в психологии показывает, что в исследовании природы индивидуальности, воплощающей в себе психобиосоциальную целостность человека, используются два взаимодополняющих подхода: комплексный и системный.
2. Системная методология исследования ориентирована на выделение системообразующих факторов индивидуальности в различных сферах ее проявления: в пространствах жизнедеятельности, деятельности, социума и во внутриличностном пространстве.
3. Предпринятый в исследовании теоретический анализ позволил выделить во внутриличностном пространстве системообразующий фактор индивидуальности. «Единицей» анализа индивидуальности является динамическая система, состоящая из трех основных элементов – переживаний, категориальной сетки значений и личностных смыслов.
4. Центральным механизмом формирования новообразований, составляющих основные события внутренней жизни, является механизм перевода переживаний в личностные смыслы. В основе этого механизма лежит рефлексия переживаний, их координация с индивидуальной категориальной системой значений, дающая возможность сознательно соотносить переживания со смысловыми образованиями личности и трансформировать наиболее значимые из них в личностные смыслы.
5. Развитие индивидуальности студента в вузе и ее отдельных подструктур связано с разрешением противоречий внутри динамического ядра индивидуальности и развитием координации между указанными выше компонентами этой системы.
6. Эти противоречия отражают диспропорции в уровне развития элементов динамической системы (гипертрофию или их неразвитость) либо недостаточное развитие координации между ними.
7. Рассмотрение типов противоречий внутри динамической системы, составляющей ядро индивидуальности, дает возможность выделить типы индивидуального развития студентов, определить их сильные стороны и дефекты.
8. Психографический метод позволяет исследовать траекторию развития индивидуальности студентов в координатах, задаваемых предлагаемой теоретической моделью.
9. Исследование психологических закономерностей развития отдельных подструктур индивидуальности студентов в вузе отражает наличие указанных выше противоречий между элементами динамической системы, составляющей ядро индивидуальности.

В частности:

- в когнитивной подструктуре индивидуальности это проявляется в диспропорции развития вербальных и образно-эмоциональных компонентов мышления, а также в недостаточном развитии механизма их координации;
- в аффективной сфере это отражается в отсутствии координации переживаний с семантическими структурами сознания, что проявляется в недостаточной «означенности» этих переживаний в категориальной системе значений; неразвитость указанного механизма приводит к снижению возможностей саморегуляции состояния студентов (особенно в ситуации экзаменационного стресса);
- в коммуникативной подструктуре индивидуальности студентов это проявляется в виде рассогласования между личностным смыслом коммуникативных актов и их психосемантикой.

Заключение

Предлагаемая в исследовании теоретическая модель развития индивидуальности как прогрессирующего развития координации в динамической системе переживаний, значений и смыслов создает, на наш взгляд, концептуальную основу и новую перспективу в понимании задач и целей работы психологов в вузе (Меньшикова, 1999).

Указанные выше типы противоречий, являясь потенциально источником развития индивидуальности студентов, в среде вуза не находят конструктивного разрешения, закладывая основу для дезинтеграции внутреннего мира. Рассмотрение типов противоречий внутри динамической системы, составляющей ядро индивидуальности, дает возможность выделить типы индивидуального развития студентов, определить его сильные стороны и дефекты. Б. Г. Ананьев считал наиболее адекватным методом исследования индивидуальности психографический метод, который позволяет осуществить синтез разноуровневых характеристик а также структурных и генетических связей между ними. Психографическое описание дает возможность исследовать траекторию развития индивидуальности студентов в координатах, задаваемых предлагаемой теоретической моделью. Характер координаций и субординаций внутри динамического ядра индивидуальности каждого человека имеет свою онтогенетическую историю, которую психолог должен исследовать.

Психологическая служба восполняет дефицит развивающего потенциала вуза. На основании проведенных нами исследований разработана концепция психологической службы в вузе как особого социокультурного пространства развития индивидуальности студентов, специфика которого состоит в организации диалога с внутренним миром студентов, активизирующим процессы переживания и рефлексивного осознания внутренних и внешних событий своей жизни.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Меньшикова Л. В.* Роль психологической службы вуза в развитии индивидуальности студентов // Психологический универсум образования человека ноэтического / Под ред. В. И. Кабрина, Э. И. Мещеряковой. Томск, 1999. С. 146–154.
- Меньшикова Л. В.* Прикладное значение концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 70–80.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.

About the internal laws in the development of individuality of students

L. V. Menshikova

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, professor of the Department of psychology and pedagogy, Novosibirsk state Technical University (Novosibirsk)

In this report an approach has been taken which is based on the theoretical understanding of individuality development as a progressing coordination development in the individuality dynamic core which includes experiences, categorical semantic matrix and personality meanings. The author shows the existence of contradictions between the specified elements of this dynamic system when considering the cognitive, affective, and communicative spheres in the individuality development of undergraduate students. It is concluded that the counseling represents a peculiar

socio-cultural environment whose specific feature is to form a dialogue with the inner world of a student, which, in this case, makes the processes of understanding and resolving the inner contradictions more active.

Keywords: individuality, development, coordination, experiences, categorical semantic matrix, personality meanings, counseling service.

Существует ли гало-эффект привлекательности при решении моральных дилемм?¹

Е. А. Никитина

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: e.nikitina@psychol.ras.ru*

Представленные в текстовой форме дилеммы являются одним из наиболее часто используемых в психологии методов изучения морального развития. Однако чувствительность данного метода к ряду внешних факторов изучена недостаточно. Наше исследование подтверждает роль факторов намеренности/ненамеренности и действия/бездействия при оценивании допустимости причинения вреда. Гипотеза о роли внешности потенциальной «жертвы» при принятии решения о допустимости нанесения ущерба не подтвердилась за исключением ситуации намеренного причинения вреда.

Ключевые слова: моральные дилеммы, привлекательность, действие/бездействие, намеренность.

Постановка проблемы

Начиная с классических работ Л. Кольберга использование дилемм, относительно которых респондентам требуется вынести то или иное решение, остается одним из основных методов изучения морального развития. В литературе неоднократно указывается как на положительные стороны такого подхода, так и на его ограничения (Знаменская и др., 2016; Fraenkel, 1981). Вопрос: «В какой мере моральным оценкам и высказываниям, полученным в ходе психологического исследования, соответствует реальное поведение человека?» – остается пока открытым. Мета-анализ результатов 83 публикаций 1977–2012 гг. подтвердил значимую, хотя и достаточно слабую связь

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ, №0159-2017-0004.

($r=0,238$) между уровнем моральных суждений и этичностью поведения участников исследований (Peng, Huashan, 2014). Однако, какие именно факторы опосредуют эту связь, пока до конца неясно.

Наибольшее количество работ посвящено обсуждению оснований рационального выбора и объяснению его причин респондентами, но в последнее время стали появляться исследования, в которых акцент делается на интуитивной или эмоциональной стороне решения моральных дилемм. Так, например, Дж. Хейдт (Haidt, 2001) полагает, что в основе моральных суждений лежит интуитивный ответ, а сознательные рассуждения используются на последующих стадиях для объяснения выбранных решений.

На основании литературных данных мы предположили, что одним из важных факторов, способных повлиять на оценку моральных дилемм, может выступать привлекательность лиц людей, относительно судьбы которых респонденты должны сделать выбор. Известно, что внешняя красота человека положительно коррелирует с оценками его интеллекта (Zebrowitz et al., 2002), социальной компетентности (Eagly et al., 1991) и др. Избиратели отдают предпочтение привлекательным политическим кандидатам (Efran, Patterson, 1974), а при имитации судебных процессов привлекательные «обвиняемые» реже признаются виновными.

Организация и методика эмпирического исследования

Мы выдвигаем следующую *гипотезу*: при оценке моральных дилемм допустимость причинения вреда привлекательным людям будет оцениваться как менее допустимое, чем причинение вреда непривлекательным людям.

Выборку исследования составили 43 человека (возраст от 18 до 45 лет; средний возраст – 23 года; женщины-студентки московских вузов, получающие первое или второе высшее образование).

Стимульный материал

Ф. Кушманом (Cushman et al., 2006) были предложены и использованы в целом ряде работ 30 моральных дилемм, различающихся по параметрам действия/бездействия, намеренности/ненамеренности и наличию/отсутствию физического контакта. Перевод на русский язык и сопоставление результатов русско- и англоязычной выборки выполнялось К. Арутюновой (Arutyunova et al., 2013). Из этих дилемм мы отобрали шесть, образующих пары, различающиеся по параметру действия/бездействия (дилеммы № 5, 6, 8, 10,

15 и 16). При этом в двух парах (дилеммах 5, 6, 15, 16) нанесение вреда потенциальной жертве было лишь побочным результатом, а контакт с жертвой отсутствовал. В дилеммах 8 и 10 причинение вреда было намеренным.

Выбор дилемм определялся также возможностью создания иллюстративного материала, в котором можно было показать лицо потенциальной жертвы. С помощью программы Adobe Photoshop CC 2015 к каждой из шести тестовых историй было создано по 4 изображения с красивыми и некрасивыми персонажами мужского пола.

Фотографии наиболее привлекательных и непривлекательных лиц были взяты нами из использовавшейся ранее базы изображений. В ходе работы мы убедились в том, что оценки привлекательности лиц, выставленные респондентами данного исследования, надежно коррелируют (r Спирмена=0,757) с полученными нами ранее (Nikitina, 2008).

Процедура исследования

Участникам исследования выдавался индивидуальный комплект стимульных материалов, включавший лист с инструкцией и бланк для заполнения, а также тестовый комплект из 6 страниц формата А5 в портретной ориентации. Нижнюю треть каждой страницы занимало описание одной из дилемм, над ним размещалась иллюстрация.

Респондентам следовало оценить допустимость действий персонажей по 7-балльной шкале (от «действие запрещено» до «действие обязательно»), а также для контроля оценить привлекательность лиц.

Результаты исследования

Корреляционный анализ по всей выборке респондентов и по всем 6 дилеммам не выявил значимой связи между привлекательностью лиц персонажей на иллюстрациях и оценке допустимости причинения им вреда. Таким образом, наша основная гипотеза не подтвердилась.

Далее мы исключили из рассмотрения индивидуальные ответы респондентов относительно персонажей, чья внешность была оценена как средняя, и сконцентрировались на поиске различий между оценками дилемм для двух контрастных по привлекательности групп. Но и для этих крайних групп значимых различий по критерию Манна-Уитни между оценками допустимости нанесения вреда в целом по всем использованным дилеммам не выявлено.

Более дифференцированное рассмотрение результатов показало, что респонденты по-разному принимали решение по предложен-

ным им дилеммам в зависимости от фактора намеренности/ненамеренности (рисунок 1). В ситуациях намеренного причинения вреда (дилеммы 8 и 10) его допустимость ниже для тех случаев, когда потенциальная жертва привлекательна. В тех случаях, когда нанесение ущерба оказывается побочным результатом решения проблемы (дилеммы 5, 6, 15 и 16), т. е. намерение отсутствует, допустимость оказывается выше для привлекательных «жертв»; при этом различия не достигают уровня значимости ($p=0,08$).

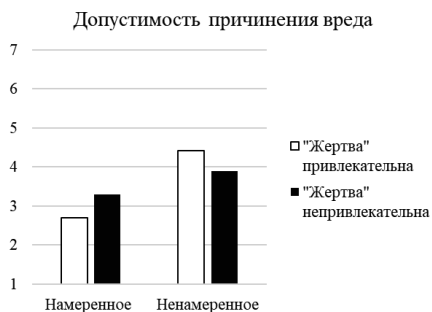

Рис. 1. Средние значения оценок допустимости намеренного или ненамеренного причинения вреда (от 1 – действие запрещено – до 7 – действие обязательно)

При сравнении оценок, данных респондентами, в целом ненамеренное причинение вреда оценивается как более допустимое ($p<0,0001$), независимо от фактора привлекательности, что полностью согласуется с данными Кушмана, Арутюновой и др.

С помощью критерия Манна–Уитни выявлены также значимые различия при сравнении оценок причинения вреда действием или бездействием ($p<0,01$). Бездействие всегда оценивается как более допустимое (рисунок 2). Наибольшие различия видны для непривлекательных персонажей ($p<0,01$); для привлекательных «жертв» значимость различий несколько меньше ($p<0,05$). Однако ни в ситуациях действия, ни в ситуациях бездействия допустимость причинения вреда не связана с внешностью потенциальных «жертв».

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают обнаруженную ранее (Arutunova et al., 2013; Cushman et al., 2006) роль факторов намеренности/ненамеренности и действия/бездействия при принятии респондентами решения относительно допустимости причинения

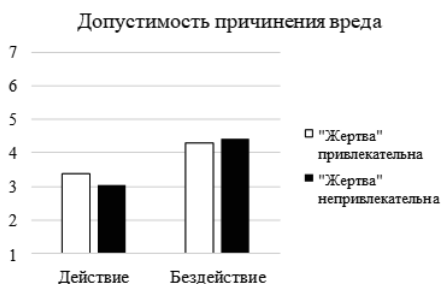

Рис. 2. Средние значения оценок допустимости причинения вреда действием или бездействием (от 1 – действие запрещено – до 7 – действие обязательно)

вреда одному человеку ради спасения пятерых. Причинение вреда намеренно и активным действием оценивается как менее допустимое, независимо от внешности потенциальной «жертвы».

Однако оказалось, что роль фактора привлекательности не так однозначна, как мы предполагали. Только в ситуации оценки допустимости намеренного причинения вреда можно говорить о проявлении гало-эффекта привлекательности. Во всех других случаях различия либо не значимы, либо, что особенно интересно, даже проявляется тенденция к признанию большей допустимости нанесения ущерба привлекательным людям.

При поиске возможных объяснений данного феномена, прежде всего, стоит обратить внимание на то, что в исследовании принимают участие респонденты женского пола, а персонажи дилемм – мужчины. Более того, в дилеммах 5, 6, 15, и 16 эти мужчины прямо называются спортсменами (пловцами или скалолазами). Возможно, привлекательная внешность героев дилемм связывается в представлениях женщин, участвующих в исследовании, с более высокими физическими качествами, и, следовательно, с большей способностью успешно выйти из опасной ситуации.

При дальнейшем качественном анализе комментариев респондентов мы обнаружили также, что если герои дилемм были привлекательными, то участники исследования достаточно часто уходили от решения дилеммы: *«Не факт, что человек, который находится в безопасности утонет»*, *«Женя может предупредить пловца»*, *«Можно подтянуть шнур, чтобы он не задел скалолаза»*, *«Тяжело больные скорее всего в больнице умрут»*.

Если же на иллюстрации был изображен человек непривлекательной внешности, респонденты чаще перекладывали ответственность на него: *«Скалолазу следовало выбрать специальные места для дан-*

ного вида спорта и не затруднять движение», «Скалолаз сам виноват», «Тут один пловец сможет спастись сам. Он же пловец», или давали утилитарный ответ: «Лучше спасти пятерых, чем одного».

Заключение

В целом наша гипотеза о меньшей допустимости причинения вреда привлекательным людям не подтвердилась. Возможно, причиной этого является двойственная роль внешности потенциальных «жертв» при принятии решения. С одной стороны, респонденты делают выбор в пользу меньшей допустимости причинения вреда привлекательным людям, например, в особенно явных ситуациях с намеренным нанесением вреда. С другой стороны, привлекательность ассоциируется с более высокими физическими качествами, а, значит, и со способностью справиться с ситуацией.

Литература

- Знаменская И. И., Созинова И. М., Александров Ю. И. Моральные дилеммы как инструмент психологического исследования // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М., 2016. С. 741–747.
- Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Znakov V. V., Hauser M. D. Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity // Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 3–4. P. 255–285.
- Cushman F., Young L., Hauser M. The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm // Psychological science. 2006. V. 17. №. 12. P. 1082–1089.
- Eagly A. H., Ashmore R. D., Makhijani M. G., Longo L. C. What is beautiful is good, but...: A meta-analytic review of research on the physical attractiveness stereotype // Psychological Bulletin. 1991. V. 110. P. 109–128.
- Efran M. G., Patterson E. Voters vote beautiful – effect of physical appearance on a national election // Canadian Journal of Behavioural Science-Review. 1974. V. 6. P. 352–356.
- Fraenkel J. R. The relationship between moral thought and moral action: implications for social studies education // Theory and research in social education. 1981. V. 9 (2). P. 39–54.
- Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001. V. 108. P. 814–834.

- Nikitina E.* Attractiveness of faces of different age // *Perception*. 2008. V. 37. Supplement. P. 31.
- Peng W., Huashan L.* Association between Moral Reasoning and Moral Behavior: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Acta Psychologica Sinica*. 2014. V. 46 (8). P. 1192–1207.
- Zebrowitz L.A., Hall J.A., Murphy N.A., Rhodes G.* Looking Smart and Looking Good: Facial Cues to Intelligence and Their Origins // *Personality and social psychology bulletin*. 2002. V. 28. N°2. P. 238–249.

Is there a halo effect of attractiveness in dealing with moral dilemmas?

E. A. Nikitina (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

The dilemmas presented in the text form are one of the most frequently used methods in the psychological studies of moral development. However, the sensitivity of this method to a number of external factors has not been studied sufficiently. Our study confirms the role of intention/side effect and action/omission factors when assessing the permissibility of causing harm. Our hypothesis about the role of the appearance of a potential “victim” in making a decision on the admissibility of causing damage to him was not confirmed except for the situation of intentional harm.

Keywords: moral dilemmas, attractiveness, action/omission, intention/side effect.

Родительские стили матерей и личностная уязвимость дочерей

Н. О. Николаева, Т. А. Мешкова** (Москва)*

** старший преподаватель кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии факультета клинической и специальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет;
e-mail: sp_natalia@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, зав. кафедрой дифференциальной психологии и психофизиологии факультета клинической и специальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет;
e-mail: tmesh@mail.ru*

Анализ родительских воспитательных стилей и личностных особенностей детей может быть востребован в сфере профилактики подросткового аддиктивного поведения и в семейной психотерапии. В данном исследовании участвовали дочери и матери из 223 семей. Матери отвечали на опросник PARI, направленный на выявление установок родительской роли, а их дочери – на опросник EDI, направленный на исследование личностных особенностей, ассоциирующихся с нарушением пищевого поведения. Предполагалось, что материнские «чрезмерная эмоциональная дистанция», «раздражение» и «чрезмерная концентрация на дочери» будут сочетаться с эмоциональными и межличностными проблемами у дочерей. Проводилось сравнение девушек с тремя «неоптимальными» типами материнского воспитания с девушками, чьи матери проявляли «оптимальный эмоциональный контакт». Выявлено, что у девушек, чьи матери чрезмерно дистанцированы или чрезмерно сконцентрированы на дочери, наблюдаются низкая самооценка, межличностные проблемы, страх взросления. Кроме этого, у девушек, чьи матери чрезмерно дистанцированы, наблюдаются дезорганизация, отчуждение своего «Я», неэффективность и трудности эмоциональной регуляции, особенно, если мать проявляет раздражение.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, стиль воспитания, личность, самооценка, межличностные отношения.

Введение

Каждая личность неповторима и уникальна. Эта уникальность – результат воздействия множества факторов формирования личности, к которым относятся наследственные, семейные, социальные, экологические, а также личный выбор и предпочтения индивидуума. Тем не менее, при всей сложности и неоднозначности онтогенеза ведется поиск определенных закономерностей влияния семейной среды на личностные особенности детей.

Невротические и пограничные состояния взрослых пациентов часто рассматриваются как результат искажения детско-родительских отношений. Э. Эриксон связывал качество прохождения фаз психического развития у детей с взаимодействием со взрослыми: базовое доверие или недоверие формируется в зависимости от удовлетворения оральной потребности; в зависимости от воспитания на следующих возрастных этапах формируются автономия или нерешительность, эффективность (инициативность или виновность) (Эриксон, 1996). Н. Мак-Вильямс отмечала, что «тревога по поводу базальной безопасности и отстраненность от жизни и некоторой своей части» могут порождаться двумя типами семейных ситуаций: сверхвовлеченным типом воспитания и пренебрежением со стороны родственников. Дж. Боулби, изучая историю становления личности малолетних преступников, пришел к выводу о том, что нарушения в поведении ребенка в значительной мере происходят из-за негативных родительско-детских отношений (см. Зверева, Горячева, 2015). Д. Бомринд выявила, что у детей авторитарных родителей самоконтроль низкий, усиливаются чувство вины, раздражительность и склонность к агрессии (Шнейдер, 2010). А. И. Захаров (2000) подчеркивает, что «тревожное ожидание и неуверенность в себе» у детей связаны с непоследовательным стилем воспитания.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью данного исследования было выявление соотношения материнских установок на родительские роли «излишняя эмоциональная дистанция» и «излишняя концентрация на ребенке» с личностными особенностями дочерей.

Мы рассматриваем установки женщин на родительскую роль как устойчивую личностную характеристику. Б. Ф. Ломов подчерки-

вал, что всегда «к тем или иным событиям и явлениям мира» существует «субъективное отношение личности», формирующееся на когнитивном и эмоциональном уровнях и отражающее психические состояния и индивидуально-личностные особенности. Субъективное отношение проявляется в установках, ценностных ориентациях, привязанностях, поведении и взаимоотношениях (Ломов, 1984). Родительские установки могут быть как осознанными, так и бессознательными; в них отражаются опыт детства, личностная зрелость, особенности межличностной коммуникации и пр. (Овчарова, 2005).

Выборку исследования составили девушки и матери из 223 семей. Возраст девушек был от 12 до 25 лет ($M=19,13\pm 1,97$). Основную часть выборки дочерей составили студентки. Возраст матерей – от 34 до 59 лет ($M=44,83\pm 5,07$).

Методики исследования

Девушки отвечали на опросник EDI (Eating Disorders Inventory), состоящий из личностных шкал, которые ассоциируются с нарушениями пищевого поведения; их матери – на опросник PARI (Parental Attitude Research Instrument), направленный на исследование родительских и семейных установок.

Опросник EDI создан Д. М. Гарнером. Методика содержит 91 утверждение, 12 шкал. Последние объединяются в следующие факторы: Риск нарушений пищевого поведения; Неэффективность (низкая самооценка, отчужденность по отношению к своему «Я»); Межличностные проблемы (затруднения в межличностных взаимодействиях и отчужденность в отношении с другими); Эмоциональные проблемы (плохое понимание своих чувств и «трудности эмоциональной регуляции»); Сверхконтроль (перфекционизм и аскетизм); Общая психологическая дезадаптация (сумма девяти шкал, не входящих в фактор риска нарушений пищевого поведения).

Опросник PARI (авторы – Е. С. Шефер и Р. К. Белл) адаптирован Т. В. Нещерет. Выявляет 15 материнских родительских установок, которые относятся к трем факторам: Оптимальный эмоциональный контакт (побуждение словесных проявлений, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравнивательные отношения); Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком (чрезмерная строгость, раздражительность, вспыльчивость и уклонение от контакта); Излишняя концентрация на ребенке (чрезмерная забота, подавление воли, агрессивности сексуальности, исключение внесемейных влияний, создание безопасности и стремление ускорить развитие ребенка).

Результаты исследования

Из всей выборки были выделены три группы дочерей, приблизительно по 30 девушек, чьи матери имели наиболее высокие значения по шкалам «Излишняя эмоциональная дистанция», «Раздражительность» и «Излишняя концентрация на ребенке», обозначив их как экспериментальные группы. К контрольной группе отнесены девушки, чьи матери имели средние баллы по шкале «Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком». Сопоставление личностных особенностей девушек из экспериментальных групп с девушками из контрольной группы проводилось с помощью U-критерия; результаты сравнения представлены на рисунках 1–3.

Девушки, чьи матери были излишне эмоционально дистанцированы, проявили значимо более высокие значения, по сравнению с девушками из контрольной группы, по «отчуждению своего „Я“», «отчуждению с другими», «страху взросления» «неэффективности», «межличностным проблемам» и «дезорганизации» (рисунок 1). В группе девушек, матери которых проявляют высокую раздражительность, к перечисленным личностным особенностям добавляется и усиление трудностей эмоциональной регуляции (рисунок 2). Девушки, чьи матери демонстрируют установку на излишнюю концентрацию на ребенке, имели значимо более высокие значения, по сравнению с девушками из контрольной группы, по «отчуждению с другими», «страху взросления» и «межличностным проблемам» (рисунок 3). Также у девушек всех трех экспериментальных

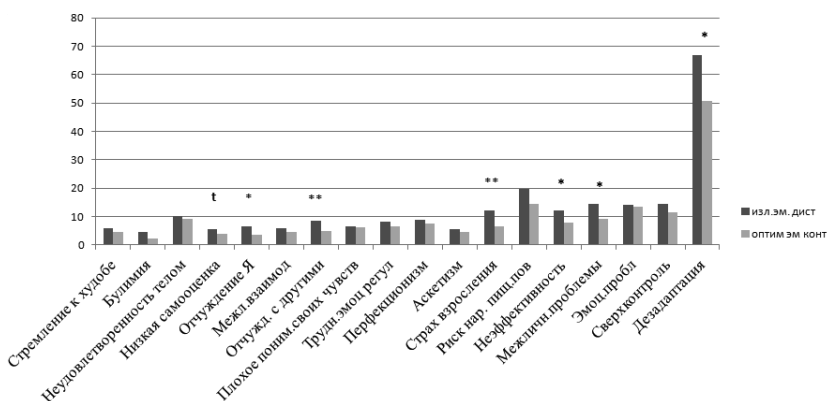

Рис. 1. Сопоставление характеристик девушек, чьи матери имеют родительскую установку «излишняя эмоциональная дистанция», и девушек из контрольной группы

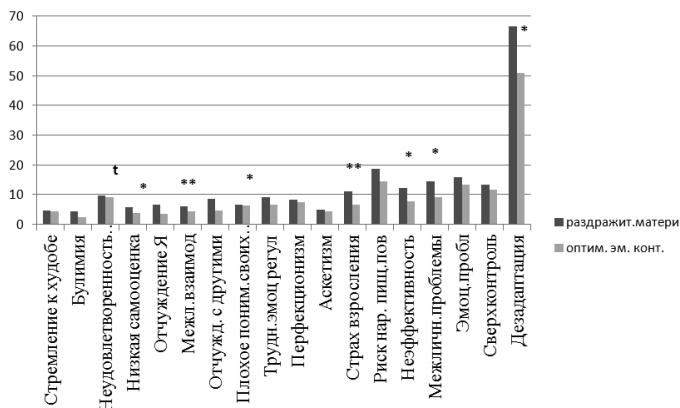

Рис. 2. Сопоставление характеристик девушек, чьи матери проявляют раздражительность, и девушек из контрольной группы

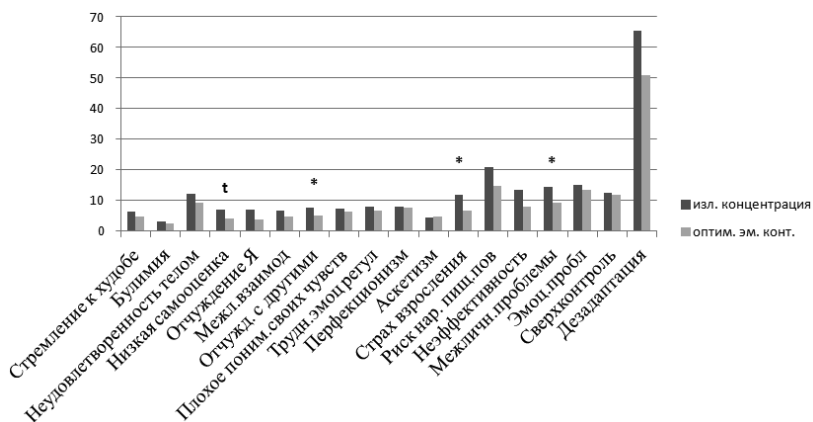

Рис. 3. Сопоставление характеристик девушек, чьи матери имеют родительскую установку «излишняя концентрация на ребенке», и девушек из контрольной группы

групп наблюдая тенденция к пониженной самооценке, по сравнению с респондентами контрольной группы.

Таким образом, выявлено, что, по сравнению с дочерьми, чьи матери проявляют оптимальный эмоциональный контакт, дочери, имеющие излишне эмоционально дистанцированных или излишне концентрированных на них матерей, обладают некоторыми сходными факторами личностной уязвимости – «отчуждение с другими», «страх взросления», «межличностные проблемы», «низкая са-

мооценка», что подтверждает представления о «патологизирующих типах воспитания», к которым относятся гипо- и гиперпротекция (Эйдемиллер, Юстицкис, 2001). При этом у девушек, чьи матери проявляют излишнюю эмоциональную дистанцию и раздражительность, спектр факторов личностной уязвимости шире. У них, по сравнению с девушками, чьи матери проявляют оптимальный эмоциональный контакт, значимо более высокими также являются дезорганизация, неэффективность и трудности эмоционального регулирования, что соответствует представлениям о том, что «эмоциональное отвержение формирует и усиливает черты... невротических расстройств у подростков с эмоционально-лабильной и стенической акцентуациями» (там же, с. 141).

Заключение

Исследование показало, что материнские «излишняя эмоциональная дистанция» и «излишняя концентрация на дочери» являются факторами возникновения ряда личностных особенностей дочерей в сфере межличностных отношений, самопонимания, самоотношения, эмоциональной саморегуляции, которые могут формировать невротические реакции и служить предикторами возникновения аддикций (Lang, 1983), в частности нарушений пищевого поведения.

Литература

- Захаров А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. М., 2000.
- Зверева Н. В., Горячева Т. Г. Детская клиническая психология: история и современное состояние // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2015. № 2 (31). URL: <http://psy.su/feed/4660/> (дата обращения: 04.05.2017).
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2001.
- Овчарова Р. В. Психология родительства: Учебное пособие. М., 2005.
- Шнейдер Л. Б. Основы семейной психологии. М.–Воронеж, 2010.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Семейная психотерапия. СПб., 2001.
- Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.
- Lang A. R. Addictive Personality: A Viable Construct? // Commonalities in Substance Abuse and Habitual Behavior. Lexington Books / Eds P. K. Levison, D. R. Gerstein, D. R. Maloff. N. Y., 1983. P. 157–236.

Parenting styles of mothers and personal vulnerability of daughters

*N. O. Nikolaeva**, *T. A. Meshkova*** (Moscow)

* Senior lecturer of the Department of Differential psychology and psychophysiology, Faculty of Clinical and special psychology, Moscow state psychological and pedagogical University

** Candidate of psychological Sciences, senior researcher, Head of the Department of differential psychology and psychophysiology, Faculty of Clinical and special psychology, Moscow state psychological and pedagogical University

Analysis of parental educational styles and personal characteristics of children can be in demand in the field of prevention of adolescent addictive behavior and in family psychotherapy. Daughters and mothers from 223 families were participated in this study. Mothers responded to the PARI questionnaire, aimed at identifying the settings of the parental role, daughters responded to the EDI questionnaire, aimed at personality characteristics associated with eating disorders. It was assumed that the maternal “excessive emotional distance” and “excessive concentration on the daughter” would be associated with the emotional and interpersonal problems of the daughters. Groups of girls with three types of maternal styles were compared with girls whose mothers showed “optimal emotional contact”. It was revealed that girls, whose mothers are excessively distanced or overly concentrated on their daughter, have low self-esteem, interpersonal problems, and fear of maturity. In addition, girls, whose mothers are excessively distanced, noted disorganization, alienation of their “I”, inefficiency, difficulties of emotional regulation, especially if the mother is irritated.

Keywords: parenting styles, parent-child relationships, personality traits, self-esteem, interpersonal relationships.

Коммуникативные трудности подростков, проживающих в мегаполисе, провинции и сельской местности¹

А. Г. Самохвалова, О. Б. Скрыбина** (Кострома)*

** доктор психологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой педагогики и акмеологии личности Костромского государственного университета; e-mail: samohvalova@kmtn.ru*

*** кандидат педагогических наук, доцент, и. о. директора Института педагогики и психологии Костромского государственного университета; e-mail: olgaskryabina@ksu.edu.ru*

В статье поднимается проблема затрудненного общения на этапе подросткового онтогенеза с позиций социокультурного подхода. Представлены результаты эмпирического исследования, в котором проверялась гипотеза о существовании различий в модальности, формах проявления и способах преодоления коммуникативных трудностей подростков, воспитывающихся в социокультурной среде мегаполиса, провинциального города и деревни. Делается вывод, что социокультурные условия онтогенеза детерминируют характер затрудненного общения субъекта. Показано, что конструктивное преодоление коммуникативных трудностей играет важную роль в самопознании, самоутверждении и социализации подростков.

Ключевые слова: подросток, коммуникативные трудности, фактор риска, социокультурная детерминация, школьная тревожность, гелотофобия.

Постановка проблемы

Несомненно, потребности субъекта в общении, доверии, понимании, тесном межличностном взаимодействии являются важнейши-

1 Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00607а.

ми базовыми потребностями в подростковом возрасте. Однако выраженность аффилиативных потребностей, ценность и интенсивность самого общения, вариативность его стилей и т. д. варьируются в зависимости от социокультурной среды онтогенеза (Д. И. Фельдштейн, А. Л. Журавлёв, А. Л. Свенцицкий, Е. А. Сергиенко, Т. Д. Марцинковская и др.). На наш взгляд, это обуславливает необходимость выявления трудностей общения, существующих у детей, живущих в мегаполисе, провинциальном городе и в сельской местности, а также того, как подростки указанных групп справляются с этими трудностями. То, что в одной социокультурной среде является нормой коммуникации, в другой вполне может интерпретироваться как затрудненное общение. Именно поэтому мы считаем, что изучение коммуникативных трудностей субъекта без учета социокультурного контекста онтогенеза непродуктивно.

В научном дискурсе проблема возникновения коммуникативных трудностей связывается с недостатком коммуникативных знаний и умений (компетентностный подход), с трудностями понимания и конструирования высказывания (лингвистический подход), с нарушением системных связей ребенка с социальным окружением (интеракционистский подход), с деструктивными чувствами ребенка, возникающими в ситуации общения (феноменологический подход) и др. Нам представляется чрезвычайно актуальным и своевременным рассмотрение проблемы затрудненного общения ребенка с позиций *социокультурного подхода*, раскрывающего влияние динамических процессов, происходящих в современном обществе, условий проживания, культурных традиций, ближайшего социального окружения на характер общения подростков, специфику их межличностного взаимодействия в коммуникативных ситуациях. Ведь, по мнению Б. Ф. Ломова, реальный процесс общения надьиндивидуален, поскольку несет дополнительные, по сравнению с индивидуальной деятельностью, моменты: взаимоотношения мотивов, идей, программ участников общения, сопряжение их действий, дифференцирование позиций и функций в сообществе (Ломов, 1979).

Социокультурные условия онтогенеза современного подростка потенциально содержат различные *факторы риска*, которые провоцируют вариативные трудности в общении, повышают риск дезадаптации ребенка в социальной среде, несут потенциальную угрозу для развития общения (M. Holtmann, K. Becker, B. Kentner-Figura, M. H. Schmidt, H. Scheithauer, F. Petermann, G. Jugert, A. A. Реан, Л. Ф. Обухова, А. М. Прихожан, С. Н. Ениколопов, И. А. Баева и др.). К факторам риска в зарубежной и отечественной психо-

логии относят *средовые* (факторы окружения, например, плохие социальные условия жизни, дефицит общения, и факторы *отношений*, например, деструктивный стиль семейного воспитания, жестокое обращение сверстников к ребенку) и *индивидуальные* факторы риска («факторы уязвимости»), связанные с психофизиологическими и социальными характеристиками ребенка (например, общая слабость, негативный образ «Я», чрезмерная тревожность, сильное стремление к острым ощущениям и др.). Действие факторов риска в процессе онтогенеза зависит от *факторов защиты*, снижающих риск, смягчающих влияние стрессовых событий на социальное поведение ребенка (Holtmann, 2004). Следовательно, факторы риска и факторы защиты находятся в тесной взаимозависимости с устойчивостью и уязвимостью субъекта в социокультурном контексте. Именно уязвимость по отношению к рискам оказывает вредную нагрузку на процесс развития (Petermann et al., 2000), вызывая такие коммуникативные трудности, которые субъект не способен самостоятельно преодолеть (Самохвалова, 2016).

Коммуникативные трудности – это различной силы и степени выраженности объективные или субъективно переживаемые препятствия для коммуникации, нарушающие внутреннее равновесие субъекта общения, усложняющие межличностные отношения; требующие внутренних усилий, направленных на их преодоление. Мы выделяем четыре группы *коммуникативных трудностей*: базовые, содержательные, инструментальные, рефлексивные. К *базовым коммуникативным трудностям* относятся трудности, обусловленные личностными особенностями ребенка, – трудности в осуществлении эмпатии, вступления в контакт, связанные с детским эгоцентризмом, отсутствием положительной установки на другого человека, неадекватной самооценкой ребенка, повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению. К *содержательным коммуникативным трудностям* относятся когнитивные трудности, связанные с недостатком коммуникативных знаний, неумением прогнозировать, планировать и перестраивать коммуникативную программу. *Инструментальные коммуникативные трудности* проявляются в неспособности субъекта эффективно реализовывать на практике намеченные программы коммуникативных действий – вербальные, невербальные, просодические, экстралингвистические трудности, трудности построения диалога. К *рефлексивным коммуникативным трудностям* относятся трудности осуществления самоанализа, самонаблюдения, саморазвития (Самохвалова, 2014).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью эмпирического исследования было изучение коммуникативных трудностей подростков, проживающих в мегаполисе, провинциальном городе и сельской местности.

Проверялась гипотеза о существовании различий в модальности, формах проявления и способах преодоления коммуникативных трудностей подростков, воспитывающихся в разных социокультурных средах города и деревни.

Выборку исследования составили 180 подростков в возрасте 12–13 лет, обучающихся в бклассах: в первую группу вошли учащиеся средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга ($n=60$; 32 девочки, 28 мальчиков, $M=12,6$); во вторую группу – учащиеся гимназий г. Костромы ($n=60$; 29 девочек, 31 мальчик, $M=12,4$); в третью группу – ученики сельских малокомплектных общеобразовательных школ Костромской области ($n=33$ девочки; 27 мальчиков, $M=12,3$).

Использовался комплекс *диагностических методик*, выявляющих коммуникативные трудности подростков: 1) методика экспертной оценки коммуникативного развития ребенка (Самохвалова, 2011); 2) методика диагностики уровня школьной тревожности Б. Н. Филиппса; 3) полуструктурированное интервью, раскрывающее характер проявления и способы преодоления коммуникативных трудностей.

Для статистической обработки эмпирических данных был использован H -критерий Краскела–Уоллиса, корреляционный анализ Спирмена, контент-анализ, множественный функциональный критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что наиболее выраженными показателями тревожности подростков, проживающих в мегаполисе, оказались *переживание социального стресса, фрустрация потребности в достижении успеха, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу* ($p \leq 0,002$). Переживание социального стресса значимо связано с возникновением *трудностей установления контакта, сотрудничества, выбора адекватных средств воздействия на партнера и трудностей самоконтроля в ситуации общения* ($p \leq 0,01$). Чаще всего это проявляется в уходе от потенциально травмирующих ситуаций общения, склонности к индивидуальным формам учебной деятельности, замкнутости, частых перепадах настроения. Высокий темп жизни, депривация доверительного общения в сочетании

с растущим числом формализованных коммуникаций, выраженная потребность социального одобрения и невозможность добиваться своих целей в условиях жесткой конкуренции нередко становятся причиной хронического стресса субъекта (*«всегда жду каких-то неприятностей: и в школе, и дома...»*, *«постоянно сердце выпрыгивает»*), снижают адаптационные потенциалы (*«людей много вокруг, а я один»*, *«что бы я ни делала, все не так»*, *«не знаю, как подстроиться под других»*), провоцируют саморазрушающее поведение подростков (*«хочу от всех скрыться и – в компьютер»*, *«покурю и забуду все проблемы»*, *«никому до меня нет дела, жить не хочется»*).

Вместе с тем результаты интервью показали, что у подростков из Санкт-Петербурга, по сравнению с двумя другими группами, наиболее выражена *социализирующая функция* затрудненного общения ($p \leq 0,003$), способствующая осмыслению собственного коммуникативного опыта и ошибок, повышающая «социальный иммунитет» субъекта, возможность использовать выработанные модели эффективного поведения в последующих ситуациях общения (*«набираюсь опыта»*, *«учусь на своих ошибках»*, *«готовлюсь стать взрослой»*).

Подростки, проживающие в провинциальном городе, значительно чаще переживают *проблемы, связанные с учителями, и страх самовыражения* ($p \leq 0,005$), испытывают негативные эмоциональные переживания при необходимости самораскрытия, самопредъявления, демонстрации своих возможностей, отстаивания собственной позиции, особенно в присутствии педагогов. Эти ситуации нередко воспринимаются подростком как стрессовые, трудные, как ситуации вызова, блокирующие свободу самопрезентации и коммуникативную креативность субъекта. По результатам экспертной оценки установлено, что подростки, живущие в Костроме, чаще в общении испытывают трудности осуществления *эмпатии* и трудности, связанные с *эгоцентризмом* и *враждебностью* по отношению к партнеру ($p \leq 0,004$); они более требовательны к другим, чем к себе, обидчивы (*«трудности мои, а виноват в них не я»*), индивидуалистичны, эмоционально нечувствительны и холодны к потребностям и настроениям партнеров (*«никогда не думаю о других – нужно жить только для себя!»*), склонны к зависти и соперничеству (*«завидую тем, кто легко находит общий язык со всеми»*).

У жителей провинциального города наиболее выражена *гелотофобия* ($p \leq 0,004$). Они не способны воспринимать смех и улыбку собеседников как нечто позитивное, расценивают их как издевку, оскорбление, агрессию. В общении это проявляется в замкнутости, излишней тревожности; подростки «близко к сердцу» воспринимают юмористические замечания, критику со стороны взрослых,

испытывают трудности самопрезентации; любой смех сверстников принимается «на свой счет», часто не понимают смысла шуток.

Анализ интервью показал, что у некоторых подростков проявляются феномены, тесно связанные с гелотофобией (Proyer, Ruch, 2010) и катагеластиицизмом. Гелотофилия – стремление выглядеть смешным («когда мне трудно общаться, начинаю валять дурака, рассказывать пошлые анекдоты, материться...»). Катагеластиицизм – склонность высмеивать окружающих («дома заранее продумываю, как задеть одноклассниц», «главное – успеть первому подколоть, тогда смеяться будут не надо мной!»). Проявления гелотофилии и катагеластиицизма можно считать своеобразными защитными механизмами, весьма сходными с регрессом и компенсацией, с помощью которых подростки пытаются заглушить страх быть осмеянными, минимизировать риск унижения.

Вместе с тем процесс преодоления коммуникативных трудностей у костромских подростков выполняет функцию самоутверждения ($p \leq 0,04$), удовлетворяющую потребность в ощущении собственной значимости, силы, ценности, состоятельности («должен доказать всем, что не слабак!», «если преодолею свою скромность – меня будут уважать»).

Подростки, проживающие в деревнях, значимо чаще испытывают страх в ситуациях проверки знаний и страх не соответствовать ожиданиям окружающих ($p \leq 0,003$), поскольку менее уверены в своих интеллектуальных возможностях, стесняются публичной демонстрации собственных знаний; нередко они ожидают негативных оценок, настраивая себя на «провал», боятся отрицательной оценки со стороны педагогов, поскольку она важна и значима для них, воспринимается не как оценка уровня знаний, а как оценка личности. Более того, они не хотят расстраивать родителей своими «школьными неудачами» (следует заметить, что у городских школьников подобные опасения практически отсутствуют). Наиболее распространенными коммуникативными трудностями являются трудности планирования, убеждения, самоанализа коммуникативных действий ($p \leq 0,006$). Следовательно, с одной стороны, подростки более открыты, спонтанны, непосредственны в общении, с другой стороны, их действия зачастую хаотичны, стереотипны, инфантильны, неадекватны требованиям социальной ситуации.

Подростки, живущие в сельской местности, боятся ситуаций осуждения, наказания, публичного выступления, общения с незнакомыми и с людьми высокого социального статуса (директор школы, полицейский, глава района, начальники) ($p \leq 0,02$). В общении эти страхи вызывают трудности, связанные с повышенной эмоцио-

нально-личностной зависимостью от партнера («без учительницы на олимпиаду не поеду»), трудности понимания мыслей и намерений собеседника («если человека не знаю, то и что у него на уме не знаю!»), трудности самопрезентации, оказания влияния на партнера и убеждения, отстаивания собственных взглядов («я как собака: все понимаю, а сказать не могу»), самоанализа и самонаблюдения («мне трудно понять, что я чувствую и чего хочу»). Эти подростки более ориентированы на социально-одобряемое поведение, на положительную оценку их действий со стороны взрослых и сверстников. В наших исследованиях на репрезентативной выборке (n=2342) было доказано, что в онтогенезе данные модели поведения больше соответствуют младшему школьному возрасту, чем подростковому (Самохвалова, 2014). Этот факт отражает, с одной стороны, более медленный темп развития деревенского подростка как субъекта общения, с другой стороны – сохранение у подростков уважения к старшим поколениям, субординации в отношениях с ними, ценностей сотрудничества и взаимопонимания в общении.

Заключение

1. Социокультурная среда мегаполиса, провинциального города и сельской местности создает специфические факторы риска для онтогенеза общения, действие которых может быть блокировано индивидуальными факторами защиты, снижающими риск, смягчающими влияние стрессовых событий на коммуникативное поведение подростка, способствующими самопознанию, самопониманию, самоутверждению, самоидентификации и успешной социализации субъекта.
2. Существуют различия в модальности, формах проявления и способах преодоления коммуникативных трудностей подростков, воспитывающихся в мегаполисе, провинции и сельской местности.
3. Социокультурные условия онтогенеза детерминируют характер затрудненного общения подростков: индивидуалистическая культура города (как большого, так и провинциального) формирует установку «я боюсь, что другие причинят мне боль» (будут смеяться надо мной, нападать, не поймут, перестанут общаться и др.), которая проявляется в тенденции «ухода от людей в общении»; в условиях коллективистической культуры российской деревни складывается установка «я боюсь, что другие останутся недовольны мной» (я не оправдаю их ожидания, вызову их осуждение, буду общаться не так, как этого требует ком-

муникативная ситуация), обуславливающая тенденцию «сближения с людьми в общении».

4. Психолого-педагогическое сопровождение онтогенеза общения должно строиться на основе социокультурного подхода, учитывающего типичные для города или деревни факторы риска, условия проживания, культурные традиции, влияние социального окружения на характер общения детей и подростков.

Литература

- Ломов Б. Ф. Категория общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. 1979. №8. С. 47–53.
- Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция. СПб., 2011.
- Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности ребенка: феноменология, факторы возникновения, динамика: Монография. Кострома, 2014.
- Самохвалова А. Г. Социальное сиротство как фактор затрудненного общения подростка // Вопросы психологии. 2016. №3. С. 29–40.
- Holtmann M. Increased frequency of rolandic spikes in ADHD children // *Epilepsia*. 2004. V. 45. №5. P. 564–565.
- Petermann F., Becker K., Kentner-Figura B., Schmidt M. Risiken in der frühkindlichen Entwicklung – Entwicklungspsychopathologie der ersten Lebensjahre / Eds F. Petermann, K. Niebank, H. Scheithauer. Göttingen, 2000.
- Proyer R. T., Ruch W. Enjoying and fearing laughter: Personality characteristics of gelotophobes, gelotophiles, and katagelasticists // *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. V. 52. №2. P. 148–160.

Communicative difficulties of adolescents, living in a megacity, a province and a countryside

*A. G. Samokhvalova**, *O. B. Scriabina*** (Kostroma)

* Doctor of psychological Sciences, Docent, acting Head of the Department of pedagogy and acmeology of personality chair, Kostroma state University

** Candidate of pedagogical sciences, Docent, acting Director of the Institute of pedagogy and psychology of Kostroma state University

The article raises the problem of difficult communication at the stage of adolescent ontogeny from the standpoint of the sociocultural approach. The results of an empirical study in which the hypothesis of the existence

of differences in modality, the forms of manifestation and ways of overcoming the communicative difficulties of adolescents brought up in the sociocultural environment of a megacity, a provincial city and a countryside were examined. It is concluded that the socio-cultural conditions of ontogeny determine the nature of the subject's difficult communication. It is shown that constructive overcoming of communicative difficulties plays an important role in self-knowledge, self-assertion and socialization of adolescents.

Keywords: adolescent, communicative difficulties, risk factor, sociocultural determination, school anxiety, gelotophobia.

Соотношение модели психического и символических функций у детей дошкольного возраста¹

*Е. А. Сергиенко**, *Н. А. Королева***, *Е. И. Лебедева****,
*А. Ю. Уланова***** (Москва)

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: elenas13@mail.ru*

*** аспирантка Института психологии РАН; e-mail: koroleava.n@yandex.ru*

**** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: evlebedeva@yandex.ru*

***** кандидат психологических наук, научный сотрудник Института
психологии РАН; e-mail: rachugina@gmail.com*

Обсуждается проблема соотношения развития символических функций и модели психического. И символические функции, и модель психического означают общую способность ментально моделировать и отделять реальность и внутренние представления, управлять этими представлениями и строить на их основе собственную активность в мире. Представлены результаты исследования соотношения модели психического и символических функций на критическом этапе их развития – в дошкольном возрасте. Изучение символических функций проводилось в рамках игры и рисования. С этой целью были разработаны и апробированы методики, включающие в себя задачи разного уровня сложности, позволяющие дать комплексную оценку этой способности на разных этапах развития. В исследовании приняли участие 60 детей двух возрастных групп – 3–4 года и 5–6 лет. Показано, что на разных этапах онтогенеза символическая функция меняет характер связи с моделью психического, также изменения связей наблюдаются при сопоставлении способности понимать ментальные состояния с символическими функциями в разных видах деятельности (игра и рисование).

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00068.

Ключевые слова: модель психического, понимание ментальных состояний, символические функции, развитие игры и рисования, символическая игра, дошкольный возраст.

Целью настоящей работы является изучение соотношения развития символических функций и модели психического на критическом этапе их развития – у детей 3–4 и 5–6 лет. В настоящее время вопрос о роли символических функций в психическом развитии, в становлении модели психического (понимание социального мира) остается дискуссионным, несмотря на достаточно интенсивное его исследование. При этом в данном вопросе сталкивались две позиции: культурно-историческая (Л. С. Выготский), в которой развитие символической деятельности выступает причиной психического развития (высших психических функций), и точка зрения Ж. Пиаже, определяющего развитие символических функций как закономерное когнитивное достижение, являющееся показателем перехода к новым структурно-уровневым достижениям ребенка. Современные исследователи приводят экспериментальные доказательства двух этих точек зрения. Однако необходимо отметить, что результаты исследований в большей своей части противоречивы. Еще острее вопрос о соотношении развития символических функций и психического развития стоит в отношении способности понимать психический мир людей и их ментальные состояния (модель психического (Theory of Mind)). Поскольку в символической деятельности происходит замещение реальности, возникает возможность перейти к ментальным моделям реальности, то такая способность должна способствовать развитию понимания скрытых ментальных состояний других людей и прогнозированию их действия (J. Flavell, A. Leslie, J. Astington, P. Harris, L. Moses, M. Chandler). Большое число работ посвящено отдельным аспектам проблемы – «игре понарошку» и ее связи с разными аспектами когнитивного и общего психического развития, которые дают достаточно разноречивые результаты (например, Lillard et al., 2013). Разноречивость результатов связана, как с общетеоретическими вопросами, так и методическими проблемами. В большинстве исследований оценивались либо определенные виды игры, либо в ряде работ способность к изображению и его пониманию сравнивалась с отдельными задачами на модель психического (понимание неверных мнений, или намерений, или перспективы в качестве показателей развития модели психического). Обобщая исследования по влиянию символической игры на когнитивное развитие, следует указать, что в противовес данным отечественных авторов, зарубежные исследования не под-

тверждают критической роли символической игры для когнитивного развития. Только корреляции развития игры и умозаключений указывают на существование связи, но направленность ее может быть обратима. Ни креативность, ни уровень психометрического интеллекта, ни теория сохранения, ни концепция принятия решения не дают доказательств причинного влияния игры.

Модель психического представляет собой взаимосвязанные концепты людей и их состояний (мыслей, чувств, намерений, эмоций, желаний и т. п.), что позволяет объяснять и предсказывать социальное поведение. Многие авторы строили спекулятивные утверждения о том, что развитие модели психического может обеспечиваться символической игрой («игрой понарошку»).

Теоретическое обоснование для рассмотрения модели психического как способности, которая связана с развитием символической игры и социальных навыков у детей, основано на идеях относительного сходства между способностями, которые необходимы для развития символической игры и модели психического. Замещение одного объекта другим в игре и понимание неверных мнений требуют схожих способностей, например, понимания ментальных состояний (точки зрения) Другого, которые отличаются от реальных состояний. Для того чтобы понять символическую игру (замещение одного объекта другим в символической игре), необходимо приписать Другому ментальные состояния, которые отличаются от реального положения дел. Таким образом, более детальное понимание ментальных состояний других людей (более высокий уровень развития модели психического) приведет к более сложной символической игре. А. Лиллард (Lillard et al., 2013) объясняла взаимосвязь модели психического и символической игры: в символической игре используются социальные метарепрезентации. Когда ребенок притворяется кем-то другим в ролевой игре, то он может приписывать себе мнение, желания и точку зрения того персонажа, роль которого он играет.

Другая точка зрения на взаимоотношения между символической игрой и пониманием психического других людей представлена метарепрезентационной моделью (Metarepresentational Model). Во время символической игры дети ассимилируют ментальные репрезентации и «манипулируют» ими. После того как дети начинают понимать ментальные состояния других людей, они начинают применять это понимание в ситуациях вне игры (Lillard, 2001). Эта метарепрезентационная модель рассматривает символическую игру как раннюю демонстрацию способностей концептуализации ментальных состояний. А. Лесли (Leslie, 1987) полагает, что когнитив-

ная «архитектура» поддерживает понимание, что некто может иметь неверное мнение (одна из ключевых характеристик понимания психического), и та же самая когнитивная «архитектура» поддерживает понимание символической игры, притворства, следовательно, притворство усиливает использование этих когнитивных структур.

Обобщая исследования взаимосвязи символической игры и модели психического, А. Лиллард с коллегами (Lillard et al., 2013) отмечает, что, несмотря на представляющуюся логическую и теоретическую обоснованность положения о том, что символическая игра продвигает развитие модели психического, существуют только единичные его доказательства. Результаты корреляционного анализа этих функций, полученные в разных работах, противоречивы; полученные положительные корреляции указывают только на наличие связи, но не ее направленность, что не позволяет считать символическую игру источником развития модели психического. Дети, имеющие больше преимуществ в развитии модели психического, имеют преимущества в символической игре, причиной этого может быть и третья переменная, например, участие взрослого, который взаимодействует с ребенком, поощряет его умозаключения о ментальных состояниях и активность в социальных играх.

Приведенные исследования не могут служить доказательствами того, что символическая деятельность (символическая игра) становится ключевым причинным источником в психическом развитии и способности понимать ментальный социальный мир, обозначаемый как способность к связанным концептам людей (модели психического). Но символическая игра может рассматриваться как эпифеномен, обеспеченный когнитивным и аффективным развитием ребенка, в котором взрослый и собственная активность ребенка играют решающую роль.

Необходимо рассмотреть взаимосвязь психического развития с развитием возможности изображать объекты и события в виде графических символов у детей и возможную роль и место рисования в модели психического.

В. И. Жуковский (2013) считает, что детский рисунок есть не что иное, как визуализация фазы представленности, наглядное воплощение сущности идеального отношения ребенка с предметным миром. Детская изобразительная деятельность есть доказательство того, что человек уже в начале жизни может сравнительно легко управляться с познавательными и коммуникативными возможностями визуального мышления. Анализ литературы дает представление о символическом характере рисования, его развитии и тесной связи с психическим развитием ребенка. Однако если экспрессив-

ный аспект рисования и его развития изучен достаточно широко, то другой аспект изобразительной деятельности – коммуникативный – остается слабо изученным. Одним из важных аспектов этой проблемы для нас является возможность понимания продуктов изобразительного творчества детьми. Согласно гипотезе П. Блум (Bloom, 2000), антропогенные артефакты, в том числе и картины, должны идентифицироваться, исходя из намерения их автора создать нечто определенное. Изображение объектов часто не совпадает с их реальным видом. Некоторые признаки, которые обеспечивают идентификацию, не всегда возможно изобразить. Еще сложнее распознать изображение стороннему наблюдателю. Соответственно, важную роль при распознавании изображений играет именно распознающий. Визуальные стимулы могут быть произвольными, не имеющими сходства с их референтами, или иконическими, тесно связанными с референтами в мире. Хотя рисунки детей являются преимущественно иконическими, но их вид не всегда становится достаточным для их идентификации и коммуникации (Armitage, Allen, 2015). Этот вопрос адресован дискуссии о становлении теории рисунка у детей и связях рисунков с референтами реального мира (Callaghan, 2013; DeLoache et al., 2004). Приведенные современные исследования, свидетельствуют об актуальности изучения проблемы понимания рисунков, что необходимо для комплексного анализа символического значения рисования. В целом, они свидетельствуют, что между пониманием рисунков и способностью понимания психического мира людей есть взаимосвязь. И понимание рисунков, и понимание ментальных состояний обращается к интерпретации намерения; кроме того, и рисование, и модель психического – это сопоставление ментальных репрезентаций об объектах и событиях, людях реальных и идеальных, обращение к действиям с ментальными моделями и их применению.

В литературе не было обнаружено исследований, в которых бы сравнивались способности к пониманию ментальных состояний и развитие символических функций. В нашей работе предпринимается попытка комплексной оценки способности к пониманию ментальных состояний и оценки перспективы, сочетание возможностей использования средств символизации в игре, сравнение символического изображения предметов и ситуаций с их возможностью понимания другими детьми (Королева, Сергиенко, 2017). Подобная постановка вопроса позволяет ответить на вопрос о ментальных внутренних моделях в представлении о реальном мире вещей и людей. И символические функции, и модель психического означают общую способность ментально моделировать и отделять реаль-

ность и внутренние представления, управлять этими представлениями и строить на их основе собственную активность в мире. В этом смысле модель психического и символические функции – это мета-репрезентации, требующие развития метапознавательных способностей. Поскольку нами были выделены несколько уровней развития ментальных моделей: отдельных репрезентаций, ситуативно-зависимых и ситуативно независимых (Сергиенко и др., 2009), которые отражают принципиальный переход к возможности понимания физического и ментального мира, то мы прогнозируем, что символические функции разных уровней и в игре, и в рисовании будут различно представлены и взаимосвязаны и с разными уровнями развития модели психического, отражая общие характеристики указанных ментальных моделей. В таком случае, гипотеза об общей метапознавательной динамике ментальных структур и функций получит свою поддержку. Однако, возможно, что способность к символизации и способность к «чтению» психического мира, будут иметь собственную генетическую логику развития и рассматриваться как эпифеномены общего когнитивного развития ребенка. В нашем исследовании проводится подобное сравнение, в котором анализируется развитие символических функций в игре и рисовании, а также развитие модели психического. При этом в данном исследовании способность к «игре понарошку», которая считается ключевой для психического развития ребенка, моделируется как возможность символизации ребенком сюжета последовательных действий, представленных в мультфильме (мишка играет с куклой или перевозка груза машинкой – полуспецифичные сюжеты), с возможностью выбора символических средств: реалистичные копии, но меньшие по размеру, символическое изображение предметов (объемные модели предметов), подходящих по размеру для игры и абстрактные материалы (кубики и коробки, подходящие по форме и размеру для игры). Такая постановка задачи воспроизведения игры позволяет проследить возможности использования средств символизации в игре. Исследование внутреннего символического наполнения игрового процесса в терминах обозначения причинно-следственных связей и их количественного соотношения может дать новую информацию для понимания процесса развития символических функций в дошкольном возрасте, а также способностей ребенка к анализу причинности событий и учету позиции наблюдателя. Символические способности в рисовании оценивались именно с точки зрения сравнения – как качества изображения, так и возможности его понимания детьми. Эта задача включала два уровня: изображение одной из игрушек (мяч, машинка, собака, дом и кукла) и двух историй, описывающих два

события, произошедшие с мальчиком, в которых он испытывал радость и грусть. Детей просили нарисовать главное, что было в рассказе. Дети также интерпретировали чужие рисунки.

В оценке модели психического, в отличие от большинства исследований, была предпринята попытка комплексной оценки основных составляющих (всего 20 задач): понимание намерений, неверных мнений первого и второго порядка, понимания эмоций, перспективы и др. Исследования проводились на группах детей 3–4 и 5–6 лет. Данный возраст характеризуется, как интенсивным развитием символических функций, так и развитием модели психического, и является критичным для их развития.

Первый анализ полученных результатов показал, что на разных этапах онтогенеза символическая функция меняет характер связи с моделью психического, также изменения связей наблюдаются при сопоставлении способности понимать ментальные состояния с символическими функциями в разных видах деятельности (игре и рисовании). Существуют возрастные различия связей модели психического и символических функций. В возрасте 5–6 лет развитие модели психического становится важным фактором, обеспечивающим понимание и использование символических средств в рисовании, тогда как в 3–4 года развитие этой способности связано с пониманием игры и уровнем развития рисунка. Показана гетерохронность в развитии разных составляющих символических функций (понимания и использования) в игре и рисовании. Дальнейший анализ направлен на поиск ответа на вопрос о соотношении развития модели психического и символических функций.

Таким образом, проведенный теоретический анализ проблемы воздействия символических функций на психическое развитие детей показал, что не обнаружено их критического влияния, что противоречит культурно-исторической теории. Ни креативность, ни уровень психометрического интеллекта, ни теория сохранения, ни концепция принятия решения не дают доказательств причинного влияния символической игры. В нашем исследовании соотношения символических функций и модели психического показано изменение соотношения данных способностей в дошкольном возрасте, что скорее свидетельствует об изменении системной организации в общей структуре когнитивного развития, что ближе к позиции Ж. Пиаже.

Литература

Жуковский В. И. Моделирование образовательного пространства в процессе взаимодействия зрителя с произведением искусства

- ва // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 3. С. 43–45
- Королёва Н. А., Сергиенко Е. А.* Генезис соотношения модели психического и символических функций в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М., 2009.
- Armitage E., Allen M. Z.* Children picture interpretation. Appearance of intention // *Developmental psychology*. 2015. V. 51. № 9. P. 1201–1215.
- Bloom P.* How children learn the meanings of words. Cambridge, MA: MIT press, 2000.
- DeLoache J. S., Simcock G., Marzolf D. P.* Transfer by very young children in the symbolic retrieval task // *Child development*. 2004. V. 75. № 6. P. 1708–1718.
- Callaghan T.* Symbols and symbolic thought // *The Oxford Handbook of Developmental Psychology*. 2013. V. 1. P. 975–1005.
- Leslie A. M.* Pretense and representation: The origins of «theory of mind» // *Psychological review*. 1987. V. 94. № 4. P. 412–436.
- Lillard A. S.* Pretend play as twin earth: a social-cognitive analysis // *Developmental Review*. 2001. V. 21. P. 495–531.
- Lillard A. S., Lerner M. D., Hopkins E. J., Dore R. A., Smith E. D., Parmquist C. M.* The impact of pretend play on children's development: a review of evidence // *Psychological Bulletin*. 2013. V. 139. № 1. P. 1–34.

The relationship of Theory of Mind and symbolic functions in preschool children

*E. A. Sergienko**, *N. A. Koroleva***, *E. I. Lebedeva****,
*A. Y. Ulanova***** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, professor, chief scientific officer,
Institute of Psychology of RAS

** Postgraduate of Institute of Psychology of RAS

*** Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology RAS ****Candidate of psychological Sciences,
research officer, Institute of Psychology of RAS

The problem of the relationship between the development of symbolic functions and Theory of Mind is discussed. Both symbolic functions and the mental model mean a common ability to mentally model and separate reality and internal representations, to manage these representations and build on their basis their own activity in the world. The results of the study

of the correlation between the model of mental and symbolic functions at the critical stage of their development – in preschool age are presented. The study of symbolic functions was carried out within the framework of play and drawing. To this end, methods have been developed and tested, including tasks of varying complexity, allowing a comprehensive assessment of this ability at different stages of development. The study involved 60 children of two age groups – 3–4 years and 5–6 years. It is shown that, at different stages of ontogeny, the symbolic function changes the character of the connection with the mental model, and changes in relationships are observed when the ability to understand mental states with symbolic functions in different activities (play and drawing) is compared.

Keywords: Theory of Mind, understanding of mental states, symbolic functions, play and drawing development, symbolic play, preschool age.

Границы «Я» как маркер становления субъектности у детей 2–10 лет¹

О. В. Силина (Переславль-Залесский)

магистр психологии, психолог, психологический центр «Сказка Детства»;
e-mail: omela333@yandex.ru

В статье рассматривается становление субъектности как высшей цели человека с позиции теории психологических границ. Выделены такие способности границ Я как контроль, регуляция, понимание, чувствование, активность и защита. Сбор данных производился с помощью качественных методов (наблюдение, кейс-метод, интервью) в 2010–2014 гг. на выборке из 46 детей в возрасте от 2 до 10 лет. Было показано, что указанные свойства границ Я последовательно сменяют друг друга, образуя, предположительно, гендерные стратегии онтогенеза психологических границ (хорошо контролируемые у девочек и тенденцию к активной регуляции у мальчиков). Границы Я у детей актуализируются в момент восприятия угрозы. Репертуар способов защиты психологических границ расширяется по мере взросления. Основные тенденции развития границ Я показывают, что формирование субъектности предполагает баланс между нахождением в среде и изоляции от нее.

Ключевые слова: детство, субъектность, границы Я, активность, регуляция, контроль, понимание и чувствование границ Я.

Введение

Детство – особый период, наделяемый в разные времена особым смыслом. Отношение к нему менялось в непосредственной связи с уровнем социально-экономического развития: от необходимости как можно скорейшего взросления до «моратория на взросление»,

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00239.

от незначительности детских переживаний до наделения чрезвычайно важным значением детских чувств (Митрофанова, 2013). Несмотря на многообразие подходов к детству, большинство современных психологических теорий признают детство важной частью жизни человека, а также указывают на существующее влияние детской когорты на взрослую. Процесс развития рассматривается как постепенное восхождение к собственному «акме». Что же мы можем считать вершиной становления человека? В рамках системно-субъектного подхода (Сергиенко, 2009) основным критерием выступает развитие субъектности. Это системное качество, которое позволяет воспринимать собственное «Я» источником преобразующей активности, что ведет к формированию «авторской» позиции по отношению к собственной жизни. Исходя из этого определения, можно отметить, что субъектность не является изначально заданным человеческим проявлением, а формируется в процессе жизни, а также, что немаловажно, проявляется только в социокультурном пространстве. Этот нюанс отмечает большинство концепций развития субъектности (Волкова, 2012).

Социокультурное пространство – это пространство множества людей, живущих в своих собственных измерениях, руководствующихся разными целями, потребностями и ценностями. Каким же образом люди формируют со-бытие? Нам представляет возможным говорить о существовании *психологических границ* как маркеров отделения пространства одного человека от другого. Философы древности и современности сходятся во мнении, что границы – это не только предел, ограничение всякой сущности, но и способность «помыслить невозможное» (Денисова, 2015), возможность умозрительно выйти за существующие рамки. Следует оговориться, что мы рассматриваем «Я», личность ребенка как некоторый командный центр, «диспетчера» (Косилова, 2015), активизирующего состояние границ «Я», что позволяет сохранять целостный подход к изучению феномена.

Особенности развития границ «Я» в детском возрасте

Обратившись к понятию «детство», мы увидим, что дети обладают рядом качественных особенностей: отсутствие готовых форм поведения, дефицитарность представлений об окружающей действительности, стремительное развитие (как физическое, так и психическое) (Эльконин, 1989).

Если мы говорим, что субъект формируется в процессе жизни, то и границы «Я» имеют определенные вехи своего становления.

Поэтому возникает вопрос о неприменимости описательных категорий границ «Я» у взрослых к детской выборке.

Границы «Я» у взрослых описываются довольно подробно и широко, отражая результат определенных процессов (развития самосознания, самоконтроля, рефлексии, самопознания и пр.). При этом при характеристике границ используются такие определения, как: «гибкие», «жесткие», «открытые» и пр. Такой подход позволяет накопить описательные характеристики, позволяющие всеобъемлюще взглянуть на психологическую границу.

Однако любое «Я», по словам С.Л. Рубинштейна, есть «коллективный субъект, содружество субъектов... это «Я» есть на самом деле «мы». ... Должно быть отвергнуто представление о единственном субъекте как отправном пункте познания. «Я» – субъект познания – это универсальный субъект, коллектив, содружество эмпирических субъектов» (Рубинштейн, 2003, с. 354). Наше исследование затрагивает детский возраст и, следовательно, процессы «вхождения» ребенка в социум. Ребенок – это тот самый «отдельный» субъект, который в течение времени приобретает «коллективность» как качество общности с другими (нормы и правила поведения, мировоззрение, ценности и пр.). Поэтому важно иметь «точку отсчета», которая поможет сориентироваться в том, каким образом происходит формирование границ «Я» ребенка, какие описательные характеристики можно использовать для определения данного феномена. Применительно к детскому возрасту целесообразнее говорить о процессах, которые приводят к возникновению той или иной характеристики, так как мы не можем принять какое-либо свойство или атрибут за точку отсчета. Поэтому мы посвящаем наше исследование выделению и рассмотрению тех процессов, которые приводят к формированию те или иных свойств и характеристик границ «Я» в детском возрасте.

Теоретический анализ показывает, что категории, используемые первоначально как пространственные признаки психического («внутреннее» и «внешнее»), в настоящее время наделяются личностным смыслом (Петровский, 2008). Исследователи подчеркивают многофункциональность границ «Я»: от дифференцирующей до адаптационной.

Результаты исследования

В 2010–2014 гг. под руководством С. К. Нартовой-Бочавер было проведено эмпирическое исследование, посвященное становлению границ «Я» у детей от 2 до 10 лет. Целью его было описание феноменоло-

гии границ «Я» и направления их развития. В нем приняли участие 46 детей, из них 26 мальчиков и 20 девочек.

За отсутствием стандартизированных методик были предложены авторские («Чтение сказок «Три медведя», «Мой дом» и «Пирог») (Силина, 2012). В процессе теоретического анализа нами были выделены следующие категории границ «Я»: динамические характеристики (контроль, регуляция, осознанность, чувство, активность), направленные на поддержание целостности личности, и инструментальные, т. е. конкретные способы защиты границ «Я». Указанные категории отражают способность ребенка быть с другими и одновременно сохранять собственную приватность, благодаря наличию адаптивных границ «Я» (Нартова-Бочавер, Силина, 2014). При обработке полученных данных был использован метод контент-анализа, а также статистический пакет SPSS; для проверки значимости связей использован непараметрический коэффициент корреляции Спирмена r_s .

Проведенный анализ полученных данных позволяет выявить следующие тенденции: с 2 до 10 лет процессы контроля и регуляции, активности и пассивности границ «Я» поочередно сменяют друг друга; чувство и понимание границ «Я» начинают взаимно дополнять друг друга; защита границ «Я» становится более разнообразной, переходит на вербальный уровень.

Также были выявлены ярко выраженные гендерные стратегии развития границ «Я». В возрасте 2–3 лет как мальчики, так и девочки обладают слабыми процессами регуляции и контроля, поэтому изменение состояния границ зависит от ситуативных факторов (привлекательности ситуации для ребенка, знака настроения и пр.). Способы защиты также ситуативны и возникают только в ответ на угрозу. Во время конфликта мальчики скорее предпочитают нападать, чтобы устранить источник негативных переживаний. У девочек же выше «чувствование» психологических границ, что проявляется в стремлении уйти из зоны действия источника негативных эмоций.

Период 4–5 лет характеризуется тем, что дети начинают ощущать (хотя еще не осознают) наличие некоторой «буферной зоны» в отношениях с окружающими, которая присутствует в их жизни и создает некоторый комфорт и безопасность для личностных проявлений.

Мальчики в 4–5 лет границы контролируют; приоритетные способы используемых ими защит – физические. Внешними поведенческими проявлениями этого выступают упрямство, «несгибаемость», нежелание менять привычные стратегии действий.

Девочки учатся регулировать границы; в их поведении отмечается больше «сговорчивости», готовности пробовать новые формы поведения. Защита психологических границ более конструктивна, «вербализована», часто с привлечением социальных норм и правил.

Для возраста 6–7 лет общей характеристикой является понимание феномена нарушения чужих границ «Я», т. е. дети не только «присваивают» эту категорию себе, но и признают ее наличие у других.

Мальчики проявляют тенденцию к контролю, фиксации границ «Я», т. е. четко определяют меру допустимого внешнего воздействия на собственную личность. Таким образом они восстанавливают некоторый баланс между собой и средовыми воздействиями.

Девочки же, напротив, стремятся к регулированию границ «Я», стараясь «освоить» разные пространства: физическое, межличностное. Они стараются узнать способы взаимодействия в каждой из плоскостей бытия (материальной, личностной), в конфликтных ситуациях пытаются ориентироваться на социальные нормы для регуляции психологических границ.

Важное событие, происходящее в возрастной период 8–10 лет, – осознание наличия психологических границ, т. е. границы «Я» переходят на уровень сознания, и дети учатся ими управлять; постепенно они становятся средством регуляции собственного состояния, механизмом адаптации к внешним воздействиям, средством влияния на окружающих.

Мальчики проявляют стремление регулировать границы «Я», расширять зоны собственного влияния; возрастает активность границ «Я», т. е. мальчики больше «проявляют» себя, стремясь к самовыражению, к укреплению жизненной позиции, собственного статуса, «присвоению» внешнего пространства. Мальчики коммуникативны, с желанием выполняют общественные поручения.

Девочки в данном возрасте стремятся к контролю границ, их осознанию. При защите границ происходит у них проявляется ориентация на внутренние сигналы (возникающие эмоции, убеждения, отношения и пр.). Девочки в данном возрасте выглядят более категоричными, делают мир на «черное и белое», с трудом примиряясь с «чужим мнением».

Заключение

Изучение границ «Я» имеет давнюю историю. Этот феномен привлекал внимание философов, которые трактовали границу не только как предел, но и как средство для дальнейшего развития. В психологической науке выделяются различные функции границы «Я»:

адаптационная, интегративная, дифференцирующая и пр. Отметим, что границы «Я» формируются в процессе жизни человека, не являясь изначально заданными. Поэтому применительно к детскому возрасту целесообразнее говорить о тех процессах, которые приводят к становлению определенных характеристик психологических границ. Выделив контроль, регуляцию, активность, понимание, чувствование и защиту границ «Я», мы провели исследование данного феномена у детей в возрастном диапазоне 2–10 лет, которое показало, что каждая из выделенных сторон выступает на первый план в разное время, формируя гендерные особенности границ. Ключевыми моментами данного отрезка жизни можно назвать возраст 4–5 лет, когда дети начинают чувствовать наличие пространства другого человека, а также 8–10, когда границы «Я» осознаются и становятся механизмом управления собственного состояния. Субъектность мальчиков предположительно будет развиваться в условиях предоставления пространства, задач, которые нужно покорять, решать, выполнять, так как основная тенденция развития границ у мальчиков – их активная регуляция. Девочки в возрасте 10 лет, предпочитая процессы контроля границ, успешно смогут проявить свои высшие устремления в стабильных ситуациях, заботясь о созданном им субъективном мире. Таким образом, мы наметили первые штрихи, которые позволяют прикоснуться к феномену границ «Я» у детей 2–10 лет. Безусловно, это лишь наброски, отправная точка, которая требует длительной и тщательной дальнейшей работы.

Литература

- Волкова Е. Н. и др. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2012.
- Денисова Т. Ю. О существе границы // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 3. С. 53–64.
- Косилова Е. В. Адекватность и патология отношения «субъект–другие»: Дис. ... докт. философ. наук. М., 2015.
- Митрофанова С. Ю. «Я – взрослый, я взрослая»: представления третьеклассников о собственном будущем // Вестник СамГУ. 2013. № 2 (103). С. 10–21.
- Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3. С. 13–28.
- Петровский В. А. «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. № 3. С. 10–26.

- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Сергиенко Е. А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлёва, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М., 2009. С. 50–67.
- Силина О. В.* Границы Я в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте: магистерская диссертация. М.: МГППУ, 2012.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды: Проблемы возрастной и педагогической психологии. М., 1989.

Borders I as a marker of the formation of subjectivity in children 2–10 years

O. V. Silina (Moscow)

Master of Psychology, psychologist of the Psychological Center
“The Tale of Childhood”

The article deals with the development of subjectness as the supreme goal of man from the position of the theory of psychological boundaries. The abilities of the boundaries of Self such as control, regulation, understanding, feeling, activity and protection are singled out. Data were collected using qualitative methods (observation, case-study, interview) in 2010–2014. The sample consisted of 46 children aged of 2 to 10 years old. It has been shown that these properties of the boundaries of Self consistently replace one another, forming, presumably, gender strategies of the ontogenesis of psychological boundaries (well controlled in girls and a tendency to active regulation in boys). Boundaries of I in children are actualized at the time of perceiving a threat. The repertoire of ways to protect psychological boundaries expands as one grows up. Thus, the main trends in the development of boundaries of I show that the formation of subjectness presupposes a balance between the presence in and isolation from the environment.

Keywords: childhood, subjectiveness, boundaries of I, activity, regulation, control, understanding and sense of boundaries of Self.

Психологическая поддержка субъектных проявлений младшего подростка на этапе перехода в среднюю школу

Н. М. Скрипник (Ессентуки),
Н. М. Швалева**, Я. М. Селина*** (Пятигорск)*

** кандидат психологических наук, ст. преподаватель
кафедры педагогики и психологии филиала
«Ставропольский государственный педагогический институт»;
e-mail: skripniknm@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
личности и профессиональной деятельности,
Пятигорский государственный университет;
e-mail: shvaleva@rambler.ru*

**** зам. директора по учебно-воспитательной работе лицея № 15;
e-mail: selina-yana@bk.ru*

В статье рассматриваются теоретические подходы и прикладные аспекты становления субъектности на этапе школьного детства, формирование у младших подростков целостной системы субъектных личностных качеств в условиях поддерживающей образовательной среды. Представленные результаты экспериментального исследования позволили определить сбалансированную и несбалансированную структуру субъектности как выраженность ее компонентов на этапе перехода младших подростков в среднюю школу и дать им качественную и количественную характеристику. Представлена программа развития субъектности, разработанная на принципах субъект-центрированного подхода к организации психологической практики, применимой к учащимся в поддерживающей образовательной среде, показана ее эффективность.

Ключевые слова: психологическая поддержка, поддерживающая образовательная среда, младший подросток, субъектность, саморазвитие, субъект-субъектное взаимодействие.

Постановка проблемы

Значимость субъектности личности в процессе ее развития раскрывается при решении многих задач, решаемых в различных направлениях психологии.

Идея субъектности нашла свое развитие в концепциях персонализации, индивидуальности, адаптации, социализации отечественных исследователей. Так, теоретические и практические аспекты психологии субъектности рассматривают К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн и др.; психологической поддержки – А. Г. Асмолов, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, И. В. Дубровина, Р. В. Овчарова, А. В. Петровский и др. В своих исследованиях Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн выделяют поддерживающие отношения к другому человеку на основе ценностного подхода.

Субъектный подход находит понимание и в зарубежных психологических концепциях в рамках персонологического направления (А. Адлер, А. Маслоу, Э. Фромм, К. Роджерс, Э. Эриксон, К. Юнг и др.).

Непростым представляется согласование формирования субъектности педагога и школьника, так как субъектом учения учащийся становится не сразу. Учебно-познавательная деятельность является особой формой активности ребенка и направлена на перемену в самом себе как субъекте учения, из-за этого она начинает выступать в роли основы его развития (Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, В. В. Репкин и др.). К началу обучения у ребенка возникает потребность расширить сферу реализации себя в качестве субъекта. Однако у него не наблюдается еще потребности в самоизменении, отсутствуют навыки к этому. И то, и другое формируется и развивается в процессе обучения.

Превращение ученика в субъекта происходит в образовательном учреждении вместе с развитием его учебной деятельности. Если ребенок – субъект саморазвития, то взрослый помогает создать условия для его самореализации в деятельности, так как воспитание и обучение нацелено на целостное развитие растущего индивида.

В исследованиях К. А. Абульхановой, А. А. Бодалева, Е. П. Ермолаевой отмечается, что основной характеристикой саморазвития являются сознательные качественные изменения самом себе, являющиеся основным стержнем индивидуально-личностного развития. Саморазвитие индивида связано со становлением его субъектности, которая отражает качество этого процесса.

Понятие субъектности появилось в психологической науке не так давно и связано с понятиями индивидуальности и личности. Субъектность связана со статусом личности в группе, формой общения

и системой взаимоотношений. Под субъектом мы понимаем человека, способного инициировать и осуществлять какие-либо действия, исходя из своих целей, намерений, потребностей с учетом требований, предъявляемых социальными условиями его существования. Субъект – человек, реализующий активную позицию и осознанное целеполагание, способный самостоятельно проектировать свою деятельность, инициативно и творчески решать поставленные перед ним задачи, рефлексировать и прогнозировать дальнейшие результаты деятельности (Тырсигов, 2008).

«Субъектность существа в фило- и онтогенетическом планах может пониматься как его собственную способность хоть в какой-то мере участвовать в организации своей жизнедеятельности, управляя ею в ситуациях с той или иной степенью неопределенности» (Абульханова, 2012, с. 66).

Идея субъектности личности задает новый масштаб в осмыслении особенностей организации учебной деятельности школьника. Формирование нового способа организации жизнедеятельности – субъектного – проявляется в способности школьника самостоятельно организовывать среду, в которой разворачивается его активность и устанавливаются отношения с окружающим миром, с другими людьми (Тырсигов, 2008).

Проведенный анализ состояния разработанности проблемы позволил установить, что личностный ресурс младшего подростка не исследован в достаточной мере с позиции личностно-средового фактора, раскрывающего потенциал поддерживающей среды в формировании и развитии субъектности школьника на этапе перехода в среднюю школу. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки эффективных комплексных программ, обеспечивающих процесс развития субъектности школьников в поддерживающей образовательной среде.

Переходя к новым условиям обучения, младший подросток сталкивается с различными трудностями, определяющимися низкой социальной адаптированностью, недостаточностью знаний об окружающих предметах и действиях, неустойчивостью самооценки, высокой тревожностью, напряженными межличностными отношениями. Все это является препятствиями для реализации субъектного потенциала личности. Но современные достижения психологической науки и практики предоставляют необходимые ресурсы и возможности для развития субъектности школьника на этапе его адаптации к средней школе.

Определенное противоречие, наблюдающееся между необходимостью применения современных способов и методов для создания

условий поддерживающей образовательной среды на этапе перехода в среднюю школу и отсутствием единой субъект-центрированной психологической практики помогло обозначить цель и дальнейшую программу исследования.

Организация и методический инструментарий исследования

Выборку исследования составили учащимися 4–5 классов 10 и 11-летнего возраста (всего 203 школьника). Экспериментальное исследование было проведено в 2010–2011 гг. на базе МБОУ лицея № 15 г. Пятигорска.

Целью исследования явилось рассмотрение субъектных и личностных свойств младших подростков по запросам педагогов и родителей с целью оказания психологической поддержки. Была составлена программа по развитию субъектности на основе субъект-центрированного подхода к организации психолого-педагогической практики.

В качестве *методического инструментария* использовались следующие психодиагностические методики: 1) методика диагностики уровня развития субъектности Е. Н. Волковой, И. А. Серединой; 2) методика Кеттелла (16-факторный опросник); 3) методика изучения школьной мотивации Н. Г. Лускановой; 4) методики изучения тревожности Филлипа; 5) методика изучения общей самооценки личности с помощью опросника Г. Н. Казанцевой; 6) диагностика самочувствия, активности и настроения.

Для статистической обработки полученных количественных данных применялись: t-критерий Стьюдента (для определения статистической значимости различий по отдельным показателям); корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции r Пирсона (для установления взаимосвязи между исследуемыми показателями); факторный анализ методом вращения – варимакс с нормализацией Кайзера (для анализа корреляций множества признаков). Количественный анализ данных проводился при помощи компьютерной программы SPSS 22 (Статистический пакет обработки данных психологических исследований).

Результаты исследования

Проведенная диагностика субъектных и личностных свойств испытуемых выявила наличие сбалансированной и несбалансированной структуры субъектности (когда была нарушена выраженность компонентов субъектности в зоне исследуемого возраста) по следующим

параметрам: активность, рефлексивность, ценностное самоотношение, коммуникативные навыки, самооценка, порог тревожности.

Проведен сравнительный анализ показателей субъектных и личностных свойств младших подростков исследуемых групп до и после применения программы развития субъектности средствами психологических технологий в условиях поддерживающей образовательной среды.

В ходе сопоставления обнаружены статистически значимые отличия в развитии субъектности как симптомокомплекса личностных свойств младших подростков со сбалансированной и несбалансированной структурами субъектности (в 28 из 31 представленного показателя значимость на уровне $p=0,001$).

Констатирующая стадия эксперимента показала, что школьники со сбалансированной структурой субъектности характеризуются высоким уровнем активности, способностью к рефлексии, стремление к самопознанию и саморазвитию, ответственностью за совершенные действия, осознанием собственной значимости, пониманием и принятием других; они более общительны, уверены в себе, независимы, ответственны, полагаются на свои силы. Наличие высокого уровня самооценки и мотивации указывает на интерес к учебному процессу, состояние психологического комфорта. Такие дети владеют хорошим самоконтролем, более спокойны и менее напряжены, по сравнению с детьми, относящимися к группе с несбалансированной структурой субъектности.

Проведенный корреляционный анализ субъектности и свойств личности младших подростков со сбалансированной и несбалансированной субъектностью представил субъектность как симптомокомплекс характеристик личности, которые выступают и как психологические функции, оптимизирующие процесс развития (Скрипник, 2014).

Факторный анализ структурных компонентов субъектности младших подростков со сбалансированной субъектностью выявил отличительные психологические особенности, включающие: способность применять рефлекссию как средство самопознания; осознание своей значимости и признание мнения других; сформированность интеллектуальных функций; уверенность в себе; высокую личностную самооценку; низкий уровень эмоциональной напряженности; ощущение психологического благополучия.

Все эти показатели были заложены в основу программы развития субъектности младшего подростка в условиях поддерживающей образовательной среды на этапе перехода в среднюю школу под названием «Восхождение к субъектности».

Идея программы основана на организации развивающего субъект-субъектного взаимодействия, реализации индивидуальной траектории развития и является основой для построения модели поддерживающей образовательной среды. Главная задача комплексной программы – обеспечение активной личностной позиции учащегося, выявление и актуализация его потенциальных личностных возможностей.

Программа «Восхождение к субъектности» содержит 4 этапа психологической поддержки: 1) Я – настоящее; 2) отношение к проблемам; 3) Я – будущее; 4) осознание зоны роста, состоящей из 3 блоков (когнитивный, эмоциональный, поведенческий). Программа, в которую включен комплекс развивающих и игровых упражнений, методов воздействия на систему «ребенок–значимые взрослые» и на самого ребенка, характеризуется принципами системности и комплексности: для работы с ребенком психолог привлекает всех значимых агентов социального влияния, способствуя овладению ими навыками субъект-субъектного взаимодействия, задействует широкий спектр средств и методов, занимая при этом координирующую позицию (Скрипник, 2015).

В ходе мероприятий, предпринятых с целью психологической поддержки младших подростков с несбалансированной структурой субъектности, испытуемые были разбиты на группы – контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) по 64 человека в каждой. Младшие подростки со сбалансированной структурой субъектности образовали эталонную группу с той же численностью. Формирующий эксперимент проводился только с экспериментальной группой.

По результатам сопоставительного анализа по показателям развития субъектности и личностных свойств младших подростков исследуемых групп после проведения формирующего эксперимента обнаруживается следующая тенденция: из 31 изучаемого свойства у испытуемых экспериментальной и эталонной групп статистически значимые отличия просматриваются только по 8 показателям – уровню склонности к риску, ответственности, зависимости от других, страху самовыражения, ситуации проверки знаний, страху не соответствовать ожиданиям окружающих, страху в отношениях с учителями. При этом в ЭГ качественно изменились показатели компонентов субъектности: активности ($t=-12,16$ при $p<0,001$); способности к рефлексии ($t=-9,26$ при $p<0,001$); осознания собственной уникальности ($t=-5,67$ при $p<0,001$); понимания и принятия другого ($t=-8,59$ при $p<0,001$); саморазвития ($t=-9,19$ при $p<0,001$). В ЭГ эти показатели статистически выше, чем в КГ. Очевидно, что после участия в формирующем эксперименте, освоив навыки психологи-

ческой поддержки, испытываемые экспериментальной группы в своих возможностях вплотную подошли к эталонной группе (Скрипник, 2014).

Базовые концептуальные положения психологической поддержки субъектных проявлений школьника в условиях поддерживающей образовательной среды реализуются в рамках краевой инновационной площадки МБОУ лицея № 15 г. Пятигорска по теме: «Субъект-центрированная модель качества образования в ОУ как условие сохранения психологического здоровья обучающихся» (автор и научный руководитель проекта – Н. М. Швалева). Результаты опытно-экспериментальной деятельности представлены в научно-методическом пособии «Психологическая безопасность школьника: стратегии и техники формирования» (авторы – Н. М. Швалева, Я. М. Селина, А. В. Мясоедова), получившем Диплом I степени в номинации «Лучший издательский проект года» на Всероссийском конкурсе «За нравственный подвиг учителя».

Рассмотрение прикладных аспектов формирования субъектности младшего подростка в условиях поддерживающей среды на этапе перехода в среднюю школу является перспективным направлением для дальнейшего изучения. Теоретическая и практическая разработка данной тематики будет содействовать оптимизации психолого-педагогической поддержки школьников, их личностному развитию.

Литература

- Абульханова К. А. Субъект и субъектность: проблема определения качеств // Развитие психологии в системе комплексного человекознания / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Ч. 1. М., 2012. С. 49–62.
- Волкова Е. Н., Суворова О. В., Дунаева Н. И., Бирюкова Л. А., Гришина А. В., Пыжьянова М. А., Косых Е. А., Кузьминых Л. Н., Потапова А. Б. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2012.
- Скрипник Н. М. Развитие субъектности младших подростков в условиях поддерживающей образовательной среды на этапе перехода в среднюю школу: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2014.
- Скрипник Н. М., Швалева Н. М. Развитие субъектности младших подростков в условиях поддерживающей образовательной среды на этапе перехода в среднюю школу: Монография. Пятигорск, 2015.

Тырсигов Д. В. Развитие субъектности в инновационной школе: Учебно-методическое пособие. Пятигорск, 2008.

Швалева Н. М., Селина Я. М., Мясоедова А. В., Пищулина Л. В. Психологическая безопасность школьника: стратегии и техники формирования: Научно-методическое пособие. Пятигорск, 2014.

Psychological support of the younger adolescent subjective manifestations at the transition to secondary school

*N. M. Skripnik** (Essentuki), *N. M. Shvaleva***, *Y. M. Selina**** (Pyatigorsk)

* Candidate of psychological Sciences, Senior lecturer of the Department of pedagogy and psychology of the branch “Stavropol state pedagogical Institute”

** Candidate of psychological Sciences, Docent, Professor of the Department of Personality and professional psychology, Pyatigorsk state University

*** Deputy director, Lyceum № 15 of Pyatigorsk

The article deals with theoretical approaches and applied aspects of the subjectivity formation at the school childhood stage, the formation of subject personal qualities holistic system in junior adolescents in supportive educational environment conditions. The presented experimental study made it possible to determine the balanced and unbalanced structure of subjectness as the components expression at the stage of junior adolescents transition to secondary school and to give them a qualitative and quantitative descriptions. The subjectivity development program, developed on the subject-centered principles to the psychological practice approach organization, applicable to students in a supportive educational environment, is shown with its effectiveness.

Keywords: psychological support, supportive educational environment, younger teen, subjectivity, self-development, the subject-subject interaction.

Психологическая система учебной деятельности в основном и среднем общем образовании¹

Ю. Н. Слепко (Ярославль)

*кандидат психологических наук, доцент,
декан педагогического факультета*

Ярославского государственного педагогического университета

им. К. Д. Ушинского;

e-mail: slepko@inbox.ru

Статья посвящена анализу проблемы формирования мотивационной системы учебной деятельности студентов педагогического вуза. С целью объяснения психологических особенностей формирования системы мотивов автором выбран теоретический подход, разрабатываемый в рамках теории системогенеза профессиональной деятельности В. Д. Шадрикова, а также представления о формировании компонентов психологической структуры деятельности субъекта труда Ю. П. Поваренкова. В статье формулируется идея о том, что формирование системы мотивов учебной деятельности включает в себя изменение как отдельных мотивов обучения, так и структуры мотивов на разных курсах обучения. Помимо мотивации деятельности автор рассматривает формирование ценностных ориентаций студентов на разных курсах обучения, которые также имеют свою специфику как на уровне абсолютных показателей, так и на уровне структурных особенностей.

Ключевые слова: учебная деятельность, успешность деятельности, система учебной деятельности.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10290 «Системогенетическая концепция профессионального становления и сопровождения личности на современном этапе социально-экономического развития общества».

Постановка проблемы

Учебная деятельность, являясь одним из трех основных видов деятельности человека (Рубинштейн, 1946), сопровождает его развитие на достаточно длительном временном промежутке – от окончания дошкольного возраста и до начала трудовой деятельности. Согласно традиционной периодизации психического развития, ее роль на каждом возрастном этапе носит особый характер. Как отмечал Д. Б. Эльконин, «учебная деятельность детей является ведущей деятельностью в этот период (младший школьный. – Ю. С.). При ее осуществлении у ребенка происходит интенсивное формирование интеллектуальных и познавательных сил. Ведущее значение учебной деятельности определяется также и тем, что через нее опосредуется вся система отношений ребенка с окружающими взрослыми, вплоть до личностного общения в семье» (Эльконин, 1989, с. 72). С наступлением подросткового возраста учебная деятельность теряет статус ведущей, на смену ей приходит «и развивается особая деятельность, заключающаяся в установлении интимно-личных отношений между подростками. Эта деятельность была названа деятельностью общения» (там же, с. 73). Важно, что учебная деятельность в подростковом возрасте сохраняет статус основного вида деятельности – она продолжает развиваться, занимая достаточно большой объем времени и оказывая серьезное влияние на развитие разных сторон жизнедеятельности подростка.

Изучение психологической системы учебной деятельности (далее – ПСУД) в младшем школьном возрасте позволило нам установить, что динамика ее развития в период обучения в начальной школе неравномерна: в 1 и 2 классе наблюдается оптимизация и формирование новой для учащегося системы деятельности. Лишь с 3 класса и далее в 4 класса ПСУД переходит к состоянию оптимального функционирования, обеспечивая успешность деятельности учащегося (Слепко, Цымбалюк, 2017). Между тем возникает вопрос, какова дальнейшая динамика развития ПСУД в связи со сменой ведущего вида деятельности, появлением новых условий жизнедеятельности учащегося; продолжает ли ПСУД функционировать на достигнутом уровне, или она развивается дальше и приобретает новые психологические особенности? Эти, а также ряд других вопросов позволили сформулировать задачи, результатам решения которых посвящена настоящая статья: 1) Как взаимосвязаны успешность деятельности и развитие функциональных блоков ПСУД? 2) Какими качественными и количественными особенностями характеризуется ПСУД в начале подросткового возраста? 3)

Каково направление и содержание развития ПСУД в течение подросткового возраста?

Программа и методы исследования

Выборку исследования составили учащиеся 5–11 классов общеобразовательной школы г. Ярославля ($n = 259$), в том числе: учащиеся 5 классов – 27 человек, 6 классов – 53 человека, 7 классов – 60 человек, 8 классов – 29 человек, 9 классов – 43 человека, 10 классов – 27 человек, 11 классов – 20 человек. В связи с тем что анализ половых особенностей испытуемых не входит в задачи нашего исследования, учет распределения по полу не производился.

Теоретической основой организации и проведения исследования стало представление о психологической системе деятельности (ПСД), сформулированное в теории системогенеза В. Д. Шадрикова (Шадриков, 2013, 2015; Мазилев, 2015). Согласно последней, ПСД представляет собой «психологическую структуру деятельности, организованную в плане выполнения функций конкретной деятельности (...достижения конкретной цели), направленную на получение конкретного результата» (Шадриков, 2013, с. 139). Компонентный состав ПСД представлен шестью основными функциональными блоками (конструктами): мотивы деятельности, цели, программа, информационная основа (ИОД), принятие решений и учебно важные качества (УВК).

Результаты исследования

Взаимосвязь успешности деятельности и развития функциональных блоков ПСУД

В одном из наших исследований (Слепко, Цымбалюк, 2017) было показано, что в конце младшего школьного возраста ведущими функциональными блоками, обеспечивающими успешность учебной деятельности, являются: представления учащихся о программе деятельности, блок принятия решений и учебно-важных качеств. При этом как в старшем дошкольном, так и в течение младшего школьного возраста происходит смена ведущих блоков учебной деятельности, что говорит о постоянном изменении требований деятельности к учащемуся. В связи с полученными результатами можно предположить, что начало подросткового возраста также ведет к смене ведущих блоков учебной деятельности в силу появления новых условий деятельности и требований к ее эффективности. Результаты анализа показали следующее.

Развитие ПСУД при переходе из младшего школьного в подростковый возраст

- 1) Было установлено, что ведущими блоками ПСУД у учащихся 5 класса являются *мотивация деятельности* (познавательная, достижения, значимость общественной жизни), *программирование* (моделирование и оценка результатов деятельности), *принятие решений* (рефлексивность) и *учебно-важные качества* (осведомленность, классификация, обобщение и уровень IQ). Таким образом, мы видим, что включение ребенка в новые условия обучения в основной школе приводит к значительному увеличению числа значимых для достижения успешности его деятельности психологических характеристик. По всей видимости, это является естественным следствием изменения и расширения содержания образовательной программы основной школы.
- 2) При сохранении высокой значимости тех функциональных блоков, которые обеспечивали успешность учебной деятельности в конце младшего школьного возраста, возрастает роль мотивационного блока.

Полученный результат свидетельствует о том, что переход из младшего школьного в подростковый возраст не сопровождается резкой сменой функциональных характеристик учебной деятельности. Наоборот, последние дополняются новыми показателями. Сравнивая полученный результат с данными переходного периода из старшего дошкольного в младший школьный возраст (Слепко, Цымбалюк, 2017), следует отметить, что механизмы принятия новых условий деятельности в начале младшего школьного и подросткового возрастов разные. В первом случае мы наблюдаем значительные изменения в содержании ведущих функциональных блоков ПСУД (снижение роли мотивационно-целевого блока, отсутствие значимости ИОД и принятия решений); во втором случае подобных изменений не наблюдается.

Динамика ПСУД в 6–11 классах

Можно предположить, что смена ведущих функциональных блоков ПСУД происходит позже – в течение подросткового возраста. Для проверки данного предположения обратимся к результатам исследования взаимосвязи успешности учебной деятельности и развития ПСУД в 6–11 классах. Учитывая достаточно большой объем полученных результатов, охарактеризуем наиболее значимые из них.

В течение 6–7 классов происходит увеличение числа значимых функциональных блоков ПСУД. Фактически все блоки имеют статистически значимую положительную связь (r) с успешностью учебной деятельности. При этом статистически значимые r умеренной силы (0,20–0,59) позволяют говорить о наличии так называемого парциального вклада компонентов учебной деятельности в обеспечение ее успешности. Это является, как следствием тесных взаимодействий блоков друг с другом, так и отражением системного характера в реализации функции ПСУД (Шадриков, 2013, с. 140).

В течение 8–10 классов наблюдается постепенное снижение числа значимых для обеспечения успешности деятельности блоков. Ведущими становятся *мотивационно-целевой, программирование, ИОД и УВК*.

Значительные изменения происходят в течение 11 класса: лишь блок *программирования и УВК* (вербальные и мнемические способности) статистически значимо *отрицательно* коррелирует с успешностью учебной деятельности. В остальных случаях значимых взаимосвязей обнаружено не было. Полученный результат может свидетельствовать, как о значительном изменении требований деятельности к обучающемуся в конце подросткового возраста, так и о существенных изменениях в ПСУД. Учитывая, что данные процессы являются взаимосвязанными, далее необходимо обратиться к анализу динамики развития ПСУД в течение подросткового возраста. Это позволит более детально объяснить полученные результаты.

Развитие ПСУД в подростковом возрасте

В первую очередь обратимся к результатам сравнительного анализа развития ПСУД при переходе из младшего школьного в подростковый возраст. Было установлено, что при переходе в 5 класс наблюдается значительный рост интегрированности ПСУД, который сопровождается и ростом ее дифференцированности. Естественно, что включение новых компонентов в функционирование системы приводит и к увеличению числа разнонаправленных связей между ними. Однако интеграционные процессы в системе деятельности в начале подросткового возраста все-таки преобладают, что отражено в росте организованности системы. Полученный результат хорошо согласуется с описанными выше результатами изучения взаимосвязи успешности деятельности и ее функциональных блоков. Включение ребенка в новые условия освоения образовательной программы в основной школе приводит к тому, что система его деятельности не разрушается под воздействием новых требований

среды, а, наоборот, активизируется. Напомним, что в другом нашем исследовании (Слепко, Цымбалюк, 2017) было установлено, что переход из старшего дошкольного в младший школьный возраст сопровождается обратным процессом – интегрированность системы снижается, растет ее дифференцированность, что приводит к снижению уровня организованности ПСУД первоклассника. Таким образом, можно предположить, что процессы перехода из старшего дошкольного в младший школьный возраст, и далее – в подростковый обеспечиваются разными механизмами принятия и освоения учебной деятельности: в 1 классе практически сразу наступает дезорганизация системы, в 5 классе система активизируется для установления соответствия новым условиям.

Между тем интерес представляет вопрос о том, как ПСУД развивается дальше – после перехода в подростковый возраст. В исследовании были получены следующие результаты.

Во-первых, как было показано ранее, переход в новые условия деятельности в подростковом возрасте сопровождается значительным ростом интегрированности и дифференцированности ПСУД. Более наглядно это видно на рисунке 1. При этом пик интегрированности приходится на два года обучения – 6 и 7 классы. Таким образом, можно говорить, что с конца младшего школьного возраста (3–4 класс) и до 6–7 классов ПСУД характеризуется положительной динамикой развития функциональных характеристик. Подтверждением тому является наиболее высокая академическая успеваемость учащихся именно в 6 классе.

Во-вторых, несмотря на достаточно резкий рост интегрированности ПСУД с 4 по 7 классы, нельзя не обратить внимание и на столь же значительное возрастание показателя дифференцированности. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в ПСУД идет постоянный поиск наиболее оптимального способа функционирования. При этом тот факт, что системы учебной деятельности в 5, 6, 7 классах являются гомогенными, свидетельствует не о перестройке, а именно об *оптимизации системы деятельности обучающегося*.

В-третьих, на рисунке 1 отчетливо видно, что в 8 классе наблюдается обратный началу подросткового возраста процесс резкого спада интегрированности ПСУД. Столь же значительное снижение дифференцированности, сопровождаемое двукратным ростом организованности, свидетельствует о том, что оптимизационные процессы завершаются и далее идет процесс формирования ПСУД.

Измерения представлены в условных единицах, отражающих уровень статистической значимости положительных и отрица-

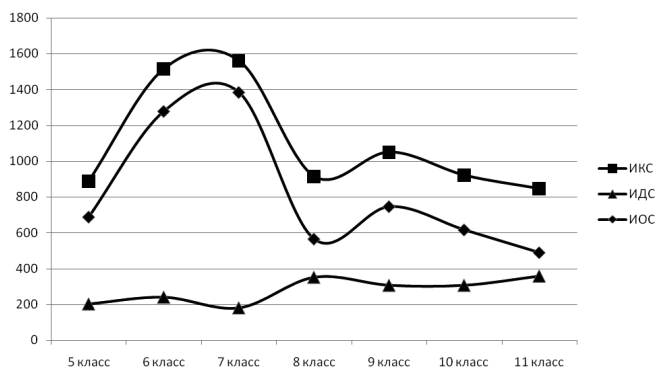

Рис. 1. Развитие ПСУД в период обучения с 5 по 11 классы.

ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры; ПСУД – психологическая система учебной деятельности

тельных корреляций между компонентами ПСУД ($p \leq 0,05$ – 1 балл, $p \leq 0,01$ – 2 балла, $p \leq 0,001$ – 3 балла)

При этом, учитывая непрерывность учебной деятельности в основной школе на достаточно большом промежутке времени, а также гомогенность систем в 7–11 классах, можно говорить не о качественной перестройке и формировании нового содержания в ПСУД, а о *приобретении ею определенной и законченной формы*. Конечно, полученные результаты требуют гораздо более глубокого и внимательного анализа.

Заключение

1. В ходе анализа было показано, что при переходе в подростковый возраст сохраняется и повышается роль тех функциональных блоков, которые обеспечивали успешность учебной деятельности в конце младшего школьного возраста. Также было установлено, что развитие функциональных связей ПСУД и успешности деятельности в подростковом возрасте характеризуется, как наличием постоянно значимых блоков (мотивационный, программирование, УВК), так и меняющейся значимостью для обеспечения успешности деятельности отдельных блоков (цели, ИОД, принятие решений).
2. Анализ развития ПСУД показал, что начало подросткового возраста сопровождается значительным ростом показателей интегрированности и дифференцированности. Дальнейшее снижение

этих показателей и последующая их относительная стабилизация позволяют говорить о том, что развитие ПСУД в период обучения в основной и старшей школе проходит этапы оптимизации, формирования и функционирования.

3. Исследование показало, что на протяжении младшего школьного, подросткового возрастов ПСУД проходит ряд этапов в своем развитии. При этом стабилизация системы в период обучения в старшей школе позволяет предположить, что включение обучающегося в новые условия учебно-профессионального обучения приводит к новым изменениям в функционировании ПСУД. В связи с этим актуальной задачей является продолжение исследования на новом объекте.

Литература

- Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.* Новые перспективы психологии деятельности // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 162–163.
- Поваренков Ю. П., Слепко Ю. Н.* Оценка эффективности педагогической деятельности. Ярославль, 2011.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946.
- Слепко Ю. Н., Цымбалюк А. Э.* Формирование психологической системы учебной деятельности в младшем школьном возрасте // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 215–219.
- Шадриков В. Д.* Психология деятельности человека. М., 2013.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А.* Общая психология. М., 2015.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М., 1989.

Psychological system of educational activity in basic and secondary general education

Y. N. Slepko (Yaroslavl)

Candidate of psychological Sciences, Docent, Dean of the Pedagogical faculty of the Yaroslavl state pedagogical University of K. D. Ushinsky

The article is devoted to the analysis of the problem of formation of the motivational system of educational activity of students of a pedagogical university. In order to explain the psychological features of the formation of a system of motives, the author selected a theoretical approach, developed within the framework of the theory of the systemogenesis of professional activity by V. D. Shadrikov, as well as ideas about the formation of the components of the psychological structure of the subject of labor by Yu. P. Povarenkov. The article formulates the idea that the formation

of a system of motives for learning activities includes changing both individual learning motives and the structure of motives at different training courses. In addition to motivating activities, the author considers the formation of value orientations of students in different training courses, which also have their specifics both at the level of absolute indicators and at the level of structural features.

Keywords: educational activity, activity success, learning activity system.

Понимание психического мира в нарративах детей дошкольного возраста¹

А. Ю. Уланова (Москва)

кандидат психологических наук, научный сотрудник Института
психологии РАН; e-mail: rachugina@gmail.com

Статья описывает результаты работы, направленной на изучение понимания психического, как механизма, опосредующего конструирование нарративов детьми 4–6 лет. Для решения поставленной задачи предусмотрено проведение теоретического анализа и экспериментального исследования концепции модели психического, обуславливающей характер и способы порождения высказываний в процессе коммуникации. На материале высказываний детей в ситуации реального общения были проанализированы их структурные и содержательные характеристики. Представлены первые результаты и дальнейшие перспективы работы.

Ключевые слова: модель психического, понимание психических состояний, нарративный подход, коммуникация, дошкольный возраст.

Введение

Способность ребенка к описанию событий окружающего мира рассматривается в данном исследовании в контексте теоретического конструкта «модель психического» (Theory of mind) как механизма когнитивно-эмоционального познания действительности (Flavell, 2004; Сергиенко и др., 2009; и др.). Проблема формирования модели психического в детском возрасте как понимания психологической сущности себя и другого является на современном этапе чрезвычайно актуальной. Дифференцированные представления о собственных психических состояниях и психических состояниях другого обеспе-

1 Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-528.2017.6.

чивают компетентность при социальном взаимодействии, что в современной ситуации развития общества становится жизненно необходимым условием активной социальной жизни. Данный факт обосновывает роль модели психического как активного механизма не только психического развития, но и социализации.

В многочисленных исследованиях показано значение модели психического для развития социокогнитивных навыков и социальной компетентности: нарративных способностей, манипулятивного поведения, оценки социальных навыков учителями, популярности у сверстников (Repacholi e tal., 2003; Slaughter et al., 2015; и др.). Таким образом, уровень модели психического имеет прогностическую силу в определении множества компетенций ребенка, связанных с его становлением как субъекта общения.

Новый тренд современных междисциплинарных исследований раскрывает взаимообусловленность метакогнитивных способностей (возможности преобразовывать информацию в виде ментальных репрезентаций, например, когнитивного состояния собеседника) и развития языка. В научной литературе существуют противоречивые данные о становлении понятия о ложности убеждения (который считается маркером становления модели психического) как следствия усвоения языкового навыка построения предложений, включающих ментальные предикаты (например, DeVilliers, Pyers, 1997) или, наоборот, необходимости сформированности метакогнитивных способностей для овладения такими языковыми навыками, как, например, использование слов, обозначающих когнитивные процессы и ментальные состояния (Fletcher et al., 1995). Несмотря на различия во взглядах, данное направление исследований демонстрирует взаимообусловленность сознания и языка, что создает фундаментальную основу для решения проблемы эффективной коммуникации.

Традиционно в психолингвистике данная проблематика и ее основные положения анализируются в контексте понятия «компетентности». Коммуникативная компетенция рассматривается, как «функциональная система способностей, обеспечивающих человеку возможность эффективно участвовать во всех видах коммуникации и проявляющихся в его конкретных речевых действиях» (Казаковская, 2011, с. 120). Аспекты этой компетенции изучаются в основном на материале речи детей в возрасте от 3 лет и применительно к разным видам речевой деятельности – как монологической (narrative skills), так и диалогической (conversational skills). При этом возможность поставить себя на место другого, умение адекватно реагировать и выражать свою точку зрения рассматриваются как ядро коммуникативной способности человека.

В результате применения нарративного метода исследований одним из видов коммуникативной компетенции стала определяться нарративная или разговорная способность. Данный метод становится все более востребованным в изучении вопросов когнитивного и социального познания, а также является мощным инструментом для исследований в области атипичного развития (Narrative thought..., 2014). Нарративный анализ дает возможность отделить формальное содержание текста от его смысловой нагрузки, которая воплощает в себе скрытую психологическую реальность. Таким образом, нарративы служат не только для формальной передачи информации собеседнику, но и раскрывают индивидуальные смыслы, интерпретацию и анализ описываемых личных и общественных событий, состояний героев, что с необходимостью задействует систему знаний о собственном психическом и психическом других людей.

Открытым при этом остаются вопросы о реализации способности к пониманию психических состояний в конструировании нарративов, изменении этих характеристик с возрастом, ментальных механизмах процесса координации точек зрения и ролевом взаимодействии в коммуникации. Ранее нами были получены данные, согласующиеся с результатами зарубежных исследований, о взаимозависимости развития модели психического и коммуникативного поведения (Уланова, 2015). В этой работе были получены эмпирические данные, доказывающие, что развитие способности точнее понимать, как ментальность партнера, так и информационные сообщения, напрямую связано с переходом дошкольников с одного уровня развития модели психического (уровень агента в 3–4 года) на другой (уровень наивного субъекта в 5–6 лет). Полученный материал обладает существенным потенциалом для качественного анализа коммуникативных процессов и проведения психолингвистического анализа высказываний детей. Поиск маркеров интенциональности и способов кодирования ментальных репрезентаций в речи, изучение процесса вербализации ментальных состояний в связи со становлением понимания психических процессов позволит содержательно изучить вопрос о развитии когнитивных механизмов нарративных способностей детей.

Организация и методики эмпирического исследования

В данной работе предпринимается попытка изучения модели психического детей в соотношении с качественным анализом их коммуникативной деятельности, процессами кодирования и передачи

информации в речи. Исследования проводились на группах детей 3–4 и 6–7 лет.

Для изучения модели психического в исследовании использованы традиционные методики, принятые для изучения ментальности ребенка, а также ряд оригинальных методик (задач), разработанных в Институте психологии РАН под руководством профессора Е. А. Сергиенко. В состав этих методик вошли задачи, позволяющие оценить различные аспекты понимания психического мира: понимание ложных убеждений («Салли-Энн» и «Неожиданное содержимое»), понимание отличий причин движения физических и социальных объектов (Лебедева, 2006), понимание причинно-следственных связей в процессе взаимодействия ментальных агентов или объектов физического мира (Уланова, 2015). Определение нарративных способностей осуществлялось посредством записи реальных ситуаций общения детей с последующим анализом и интерпретацией полученного материала. Ситуация общения была реализована как пересказ событий разного содержания одного ребенка другому, при этом каждый из участников коммуникации отвечал на вопросы о содержании события для пересказа. Анализ полученных текстов с применением структурного подхода позволил выделить различные компоненты нарратива (сюжет, герои, их намерения и цели, временная рамка, события, неожиданность события, попытка, последствия и др.), что делает возможным описание и анализ смысловых частей повествования. Дальнейший анализ был направлен на интерпретацию текстов не изолированно, а с учетом роли говорящего и его намерения, адресного высказывания, т. е. поиска маркеров интенциональности и анализа способов воздействия на партнера.

Результаты исследования

Первый анализ полученных результатов показал согласованность в развитии понимания психического и некоторых особенностей конструирования нарративов. Дети, более ориентированные в понимании психических состояний других людей, дают более развернутые и подробные описания событий. Использование таких приемов, как описание сюжетного контекста, физических и ментальных характеристик объектов, внутренних оснований действий персонажей, были зафиксированы в качестве «микротем», расширяющих представления об описываемом событии. Данную тенденцию в большей мере продемонстрировали шестилетние дети, включающие в описание объяснение причинности, контекст событий и дополнительные подробности, улучшающие понимание. Последующий анализ

направлен на изучение процесса вербализации ментальных состояний и причинно-следственных связей событий в связи со становлением понимания психических процессов.

Заключение

Проведенный анализ литературных источников позволил описать современные представления о роли понимания психических состояний в коммуникативном развитии детей и процессе построения нарративов. Противоречивость интерпретаций данных о взаимобусловленности метакогнитивных и речевых способностей, существующая в научной литературе, неизбежно требует накопления новых результатов изучения этих процессов. Попытка интерпретации структурных элементов повествования с различными аспектами понимания психического мира и состояний субъектов, принятая в данном исследовании, позволяет прояснить некоторые ментальные основания процесса порождения (конструирования) нарративов.

Литература

- Казаковская В. В.* Вопрос и ответ в диалоге «взрослый–ребенок». 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова. М., 2011.
- Лебедева Е. И.* Понимание ментального и физического мира детьми с типичным развитием и расстройствами аутистического спектра: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического как основа понимания себя и другого в онтогенезе человека. М., 2009.
- Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А.* Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 60–72.
- De Villiers J., Pyers J.* Complementing cognition: The relationship between language and theory of mind // Proceedings of the 21st Annual Boston University Conference on Language Development. Cascadia Press, 1997. V. 1. P. 136.
- Flavell J. H.* Theory-of-mind development: Retrospect and prospect // Merrill-Palmer Quarterly. 2004. V. 50. № 3. P. 274–290.
- Fletcher P. C. et al.* Other minds in the brain: a functional imaging study of “theory of mind” in story comprehension // Cognition. 1995. V. 57. № 2. P. 109–128.

Narrative thought and narrative language / Eds B.K. Britton, A.D. Pellegrini. Psychology Press, 2014.

Repacholi B. et al. Theory of mind, Machiavellianism, and social functioning in childhood // Individual differences in theory of mind: Implications for typical and atypical development. 2003. P. 67–97.

Slaughter V. et al. Meta-Analysis of Theory of Mind and Peer Popularity in the Preschool and Early School Years // Child development. 2015. V. 86. P. 1159–1174.

Understanding of the mental world in the narratives of preschool children

A. Y. Ulanova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer,
Institute of Psychology of RAS

The article describes the results of research, which studying the understanding of the psychic as a mechanism that mediates the construction of narratives by children aged 4–6. To solve this problem, it is planned to conduct a theoretical analysis and experimental study of the concept Theory of mind, which determines the way of making narration. We study the structural and content characteristics of texts on the material of the children's messages in a situation of real communication. The article contains the first results and further research prospects.

Keywords: Theory of Mind, understanding of mental states, narrative approach, communication, preschool age.

Ресурсная роль Я-концепции в совладающем поведении подростков

С. А. Хазова, Е. М. Бардашевич** (Кострома)*

** доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственной университет; e-mail: hazova_svetlana@mail.ru*

*** магистрант, Костромской государственной университет; e-mail: elenabardashevich@mail.ru*

В статье представлены результаты исследования роли эмоционального и когнитивного компонента Я-концепции в совладании с трудностями в старшем подростковом возрасте (n=90). Показано, что наибольшую роль в выборе продуктивных стратегий совладания играют самооценка и степень дифференцированности представлений о себе. Высокая самооценка и достаточно дифференцированные представления о себе позволяют сохранять оптимистических взгляд на жизнь и совладать с проблемой, в том числе за счет групповых действий и ориентации на достижения. В то же время низкая самооценка и низкая степень дифференцированности представлений о себе приводят к предпочтению эмоционально-ориентированных способов поведения и отстранению от проблемы. Делается вывод о ресурсной роли Я-концепции.

Ключевые слова: Я-концепция, когнитивный и эмоциональный компоненты Я-концепции, совладающее поведение, ментальные ресурсы.

Актуальность исследования

Проблема ментальных ресурсов в разные возрастные периоды в контексте изучения совладающего поведения все чаще становится объектом научного интереса (Хазова, 2013). Одним из ментальных ресурсов личности, на наш взгляд, является Я-концепция. Однако в настоящее время в психологической науке роль Я-концепции в трудных жизненных ситуациях анализируется в немногочисленных ра-

ботах (В. И. Голованевская, А. В. Захарова, Т. Л. Крюкова, А. А. Реан), что и обусловило цель нашего исследования.

Организация исследования

В исследовании использовались следующие *методики*: (1) для исследования стратегий совладающего поведения – «Юношеская копинг-шкала» (Frydenberg? Lewis, 1993) – адаптация Т. Л. Крюковой (2002); (2) для исследования эмоционально-оценочного компонента Я-концепции – методика исследования самооценки Дембо–Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан (1988), показатель – уровень самооценки; (3) для исследования когнитивного компонента Я-концепции – тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) – модификация Т. В. Румянцевой (1954), показатели – общее количество ролей, приписываемых испытуемым самому себе, количество объективных ролей (количество ролей, приписываемых испытуемым самому себе, обусловленных объективными обстоятельствами социальной действительности), количество субъективных ролей (количество ролей, приписываемых испытуемым самому себе, обусловленных межличностной сферой), количество групп ролей как отражение степени дифференцированности представлений о себе.

Выборку составили 90 подростков в возрасте 15–17 лет, 50 девочек, 40 мальчиков.

Результаты исследования

Предваряя результаты, доказывающие роль Я-концепции в выборе стратегий совладания, необходимо отметить, что 66,6% нашей выборки имеют средний и низкий уровень самооценки (в пределах 36–59 баллов), остальные 33,4% подростков характеризуются высокой самооценкой (60–73 балла). В среднем подростки называют 15 ролевых позиций, из них 8 приходится на роли, обусловленные объективными обстоятельствами (ученик, спортсмен, дочь), 7 описывают межличностное взаимодействие (друг, хороший парень, любимая девушка). Степень дифференцированности представлений является невысокой: названные ролевые позиции могут быть отнесены к 3–4 содержательным группам (например, семейные роли, романтическое партнерство, дружеские отношения и т. д.).

На первом этапе исследования был проведен кластерный анализ (метод К-средних) с учетом всех переменных: характеристик Я-концепции и выбора стратегий совладания. В результате выборка разделилась на три группы (таблица 1).

Таблица 1
Кластерный анализ характеристик Я-концепции
и стратегий совладания

Переменные	Кластер 1 (n=30)	Кластер 2 (n=27)	Кластер 3 (n=33)
	Средние (M)		
Количество ролей	17,6	13,7	14,3
Количество объективных ролей	7,7	7,0	7,4
Количество субъективных ролей	9,9	6,7	6,9
Количество групп ролей	4,4	3,5	3,6
Самооценка	65,5	47,8	50,2
Социальная поддержка	68,5	69,8	55,5
Решение проблемы	77,3	58,7	57,2
Работа, достижения (ориентация на высокие достижения)	76,7	54,9	57,4
Беспокойство	44,1	72,5	53,8
Принадлежность (стремление принадлежать к группе)	67,8	66,8	53,7
Надежда на чудо	44,6	61,2	50,3
Несовладание	31,1	45,3	37,3
Разрядка	38,3	47,2	38,8
Общественные действия	66,9	47,4	50,5
Игнорирование	31,9	50,8	39,5
Самообвинение	32,6	62,4	41,4
Уход в себя	37,0	49,2	49,5
Духовность (религиозная поддержка)	67,0	49,0	44,0
Позитивный фокус	81,5	57,4	60,2
Профессиональная помощь	29,4	43,6	29,7
Отвлечение (от проблемы)	45,8	73,7	60,1
Активный отдых	43,2	67,1	56,3
Друзья (обращение к друзьям)	67,6	75,2	51,6

Примечание. Статистические различия установлены между группами по всем переменным на уровне $p \leq 0,001$ за исключением количества объективных ролей (критерий Краскела–Уоллиса).

Совладающее поведение первой группы подростков ($n=30$) с наиболее высокими показателями эмоционального и когнитивного компонента Я-концепции характеризуется выраженностью таких стратегий, как *Позитивный фокус* (рейтинг 1), *Решение проблемы* (рейтинг 2), *Работа, достижения* (рейтинг 3), а также стратегий *Общественные действия* и *Религиозная поддержка*. Кроме того, эти подростки реже, чем в других группах, замыкаются в себе, отвлекаются от проблем, используя такие способы, как чтение, просмотр фильмов и занятия спортом. Подростки второй группы с низким уровнем развития Я-концепции (низким осознанием своих ролей, низкой самооценкой) чаще обращаются за поддержкой к друзьям (рейтинг 1), отвлекаются, в том числе за счет занятий спортом (рейтинг 2 и 4) и беспокоятся (рейтинг 3), а также обвиняют себя в возникновении трудностей, надеются на чудо и не совладают с ситуацией. Наконец, подростки третьей группы со средними показателями компонентов Я-концепции наиболее значимо отличаются от подростков других групп меньшей ориентацией на получение *Социальной поддержки* и *Стремлением принадлежать* – интересом к тому, что думают и делают в такой ситуации другие. Подтверждаются эти данные и результатами корреляционного анализа (таблица 2).

Прежде всего, необходимо отметить, что все характеристики Я-концепции значимо коррелируют с выбором стратегий совладания, однако наибольшее количество связей демонстрируют уровень самооценки (6 связей) и степень дифференцированности представлений о себе (4 связи), в то время как количество объективных и субъективных ролей играет меньшую роль.

Так, при возрастании уровня самооценки подростки значимо чаще выбирают стратегии *Решение проблемы* ($r=0,638$, $p=0,000$), *Позитивный фокус* ($r=0,681$, $p=0,000$), *Общественные действия* ($r=0,507$, $p=0,000$), но реже *беспокоятся* ($r=-0,483$, $p=0,004$), *надеются на чудо* ($r=-0,380$, $p=0,034$) и замыкаются в себе (Стратегия *Уход в себя*, $r=-0,200$, $p=0,047$). Следующая группа результатов касается связей степени дифференцированности представлений о себе и стратегий *Решение проблемы* ($r=0,401$, $p=0,000$), *Работа/достижения* – ориентация на высокие достижения ($r=0,382$, $p=0,000$), *Обращение к религии* ($r=0,247$, $p=0,018$) и единственной отрицательной связи со стратегией *Несовладание* ($r=-0,382$, $p=0,000$). Количество объективных ролей коррелирует с выраженностью стратегий *Решение проблемы* ($r=0,208$, $p=0,048$), количество субъективных ролей – со стратегиями *Общественные действия* ($r=0,338$, $p=0,050$) и *Обращение к религии* ($r=0,379$, $p=0,000$).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей Я-концепции копинг-стратегий

Шкалы	Количество человек	Коэффициент корреляции r Spearman	Уровень значимости p
Решение проблем и уровень самооценки	90	0,638	0,000
Решение проблем и количество объективных ролей	90	0,208	0,048
Решение проблем и степень дифференцированности представлений о себе	90	0,401	0,000
Работа/достижения и степень дифференцированности представлений о себе	90	0,382	0,000
Беспокойство и уровень самооценки	90	-0,483	0,004
Надежда на чудо и уровень самооценки	90	-0,380	0,034
Несовладание и степень дифференцированности представлений о себе	90	-0,382	0,000
Уход в себя и уровень самооценки	90	-0,200	0,047
Общественные действия и уровень самооценки	90	0,507	0,000
Общественные действия и количество субъективных ролей	90	0,338	0,050
Обращение к религии и количество субъективных ролей	90	0,379	0,000
Обращение к религии и степень дифференцированности представлений о себе	90	0,247	0,018
Позитивный фокус и уровень самооценки	90	0,681	0,000

Обобщая полученные результаты, можно констатировать важную роль когнитивного и эмоционального компонентов Я-концепции в обеспечении продуктивности совладающего поведения. Что касается самооценки, то, во-первых, оказывается, что подросток с высоким уровнем самооценки способен сфокусироваться на положительной стороне ситуации, поддерживать бодрость духа, систематически обдумывать сложившуюся ситуацию, искать и находить поддержку в групповых действиях; во-вторых, он не склонен погружаться в свои страдания, слишком беспокоиться о последствиях, безосновательно надеяться на лучшее и на то, что все само собой разрешится. Более четкие и дифференцированные представления о себе, как и в предыдущем случае, играют позитивную роль и дают возможность подростку сосредоточиться на решении проблемы, высоких достижениях, поисках духовной опоры и при этом снижают риск несовладания с си-

туацией, отказа от каких-либо действий по ее преодолению или возникновения болезненных состояний. Наконец, чем лучше подросток понимает свое место в структуре социальных отношений, тем легче он справляется с трудными жизненными ситуациями, находя поддержку в вере или различных группах, в том числе, становится организатором групповых действий для решения проблемы. Интересно, что в квалификационном исследовании Е. М. Бардашевич (Бардашевич, 2014) на основании рисуночной методики «Автопортрет» (Р. Бернс) именно подростки с высокой самооценкой изображали себя наиболее реалистично, что интерпретируется автором как свидетельство развитой способности к рефлексии, тщательному анализу ситуации и собственных действий (Бардашевич, 2014). В то же время для подростков, непродуктивно совладающих с трудностями, наиболее характерными типами изображений являются схематичное, с малым количеством деталей, эскизное либо «эмоциональное» изображение, с чрезмерной либо «вялой» штриховкой, что говорит о недостаточной детализированности, эмоциональности в восприятии ситуации, эмоциональной нестабильности, неудовлетворенности собственными возможностями, неуверенности и самопоглощенности, склонности к отвлечению и уходу от трудностей (там же).

Важным представляется результат в группе со средними показателями самооценки и средней выраженностью большинства стратегий совладания, что свидетельствует об отсутствии сложившегося стиля реагирования на трудности. По данным авторов, исследующих динамику и развитие совладающего поведения в онтогенезе, такое отсутствие выраженного копинг-стиля в данный возрастной период может рассматриваться как закономерное, поскольку большинство эмпирических данных говорит о противоречивости, непоследовательности, изменчивости копинг-поведения подростков в различных ситуациях, что может быть связано с активным формированием рефлексии, понятийного мышления и представлений о себе и своих возможностях (Крюкова, 2007; Сапоровская, 2014; Хазова, 2016; Куфтяк, 2016).

Используя классификацию стратегий совладающего поведения М. А. Холодной (Холодная, 2012), можно говорить о том, что позитивная Я-концепция (высокая самооценка, достаточная степень дифференцированности представлений о себе и своих ролях в социуме) способствует обращению к проблемно-ориентированным способам совладания (решению проблемы, ориентации на достижения), когнитивной стратегии мобилизации (фокусирование на позитиве) и стратегии активного социального взаимодействия (общественные действия). В то же время они снижают риск выбора в трудной

ситуации стратегий эмоционального реагирования (несовладание, надежда на чудо, беспокойство, обращение к религии) и стратегии отстранения (уход в себя). Низкая самооценка приводит к выбору социотропных стратегий, стратегий интернализации, отстранения от проблемы либо эмоционально-ориентированных стратегий поведения в трудной жизненной ситуации, что приводит к непродуктивному совладанию. Эти данные позволяют сделать вывод о ресурсной роли Я-концепции в совладании с трудностями и рассматривать ее как важнейший ментальный ресурс в подростковом возрасте.

Заключение

1. С выбором стратегий совладающего поведения в подростковом возрасте связаны и когнитивный, и эмоциональный компонент Я-концепции. Однако наибольшую роль в совладании с трудностями играют самооценка и степень дифференцированности представлений о себе.
2. Высокая самооценка и достаточно дифференцированные представления о себе позволяют не избегать решения проблемы, а совладать с ней в том числе за счет групповых действий и ориентации на достижения. В то же время низкая самооценка и низкая степень дифференцированности представлений о себе приводят к предпочтению социотропных, эмоционально-ориентированных способов поведения, несовладанию и отстранению от проблемы.
3. Связь показателей сформированности Я-концепции с выборами стратегий совладающего поведения позволяет рассматривать ее как важнейший ментальный ресурс в подростковом возрасте.

Литература

- Бардашевич Е. В.* Взаимосвязь степени сформированности структурных компонентов Я-концепции и выбора стратегий совладающего поведения у подростков: Квалификационная работа. Кострома, 2014.
- Крюкова Т. Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома, 2007.
- Куфтяк Е. В.* Лонгитюдное исследование психологических защит и совладающего поведения у сиблингов // Принцип развития в современной психологии. М., 2016. С. 339–359.
- Сапоровская М. В.* Психология межпоколенных отношений в семье. М., 2014.

Хазова С. А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Основная выпуск. 2013. Т. 19. № 5 С. 188–190.

Хазова С. А. Подростки в трудных жизненных ситуациях: факторы мобилизации ментальных ресурсов // Ментальные ресурсы личности: Теоретические и прикладные исследования материалы Третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М., 2016. С. 201–206.

Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М., 2012.

Self-concept as a mental resource in adolescence

*S. A. Khazova Svetlana**, *E. M. Bardashevich*** (Kostroma)

*Doctor of psychological Sciences, Docent, Professor at the Department of Special pedagogy and psychology, Kostroma State University

** Graduate student, Kostroma State University

The article presents the results of a study of the role of emotional and cognitive component of self-concept in coping in Teens (n=90). It is shown that the greatest role in the choice of productive coping strategies play the self esteem and the degree of differentiation of beliefs about ourselves. High self esteem and quite differentiated beliefs about themselves allow you to keep an optimistic Outlook on life and to cope with the problem, including through group activities and focus on achievements. At the same time has low self esteem and low degree of differentiation of individuals leads to a preference for emotional-oriented behaviors and removal problems. This allows to make a conclusion about the resource role of self-concept.

Keywords: self-concept, cognitive and affective components of self-concept, coulduse behavior, mental resources.

Фундаментальные акмеологические основания развития инновационного потенциала субъекта педагогической деятельности

Е. А. Шмелева (Шуя), П. А. Кисляков** (Москва)*

** доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Шуйский филиал «Ивановский государственный университет»; e-mail: pos_shmeleva@mail.ru*

*** доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии, Российский государственный социальный университет; e-mail: pack.81@mail.ru*

В статье представлено акмеологическое обоснование развития инновационного потенциала личности как субъекта деятельности, который определяется как интегративная характеристика в совокупности личностных свойств, качеств и способностей, обеспечивающих психологическую готовность личности генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов, а также саморазвитие и личностный рост как стратегический фактор продуктивной педагогической деятельности. Рассмотрена связь продуктивности и инновационности как акмеологических категорий. Описаны методологические принципы, лежащие в основе концепции развития инновационного потенциала субъекта образования.

Ключевые слова: акмеология, продуктивность деятельности, педагог, духовные продукты, инновационный потенциал личности.

В условиях возрастающей международной конкуренции российское образование испытывает необходимость в пересмотре своих целей и результатов, так как деятельность каждого субъекта педагогической деятельности должна быть высокопродуктивной. Акмеологическая наука предоставляет новый взгляд на переосмыс-

ление перспектив дальнейшего развития личности в рамках новых концепций образования.

В акмеологии обоснована ведущая категория – «созидание», обусловленное природными и творческими потенциалами человека, условиями, факторами его самореализации в продукте творчества. Итогом созидания являются духовные продукты – физические, психические, акмеологические новообразования в свойствах участника образовательного процесса как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности (Кузьмина, 2012). Духовный продукт выступает как акме-результат образования.

Фундаментальное образование Н. В. Кузьмина с позиции акмеологии определяет как «продуктивную систему, способную усилиями субъектов, в него вовлеченных и согласующих свои действия с ответственности с определенными принципами, правилами и законами, созидать духовные продукты в свойствах его участников» (Кузьмина, 2015, с. 224).

Вектор исследований акмеологии направлен на то, чтобы выявить и конкретизировать факторы, обеспечивающие развитие «новообразований», или акме-результатов, в свойствах участников образовательного процесса, осваивающих закономерности и способы продуктивного решения задач в области образования.

Базируясь на акмеологическом подходе как фундаментальном основании, на идеях о целостном развитии личности в условиях достижения наивысших результатов в продуктивной деятельности, в качестве одного из факторов достижения акме-результатов мы рассматриваем *инновационный потенциал личности* как субъекта самосозидательной деятельности, формулирующего образ результата, акме-стратегии обеспечения условий и управления процессами воплощения результатов в духовные продукты.

Инновационный потенциал педагога представляет собой интегративную характеристику совокупности личностных свойств, качеств и способностей, обеспечивающих его психологическую готовность генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов, а также саморазвитию и личностному росту как стратегическому фактору продуктивной педагогической деятельности (Шмелева, Кисляков, 2016).

Акмеологический подход позволяет осуществить целостный процесс личностного и профессионального развития в условиях продуктивной инновационной образовательной деятельности и через это обеспечить формирование и развитие инновационного потенциала педагога. В построении концепции развития инновационного по-

тенциала личности нами использованы законы создания продуктов в свойствах участников образовательного процесса средствами образовательных практик. Именно категория *продуктивности*, выраженная в показателях уровня и качества процесса и результатов деятельности, в характеристиках состояния образовательной среды, в способностях субъектов к самосовершенствованию и саморазвитию позволяет экстраполировать теоретико-методологический аппарат акмеологии на процесс подготовки педагогических кадров к инновационной деятельности (Шмелева, 2008, 2010, 2011).

Акмеологический подход к процессу развития инновационного потенциала личности в образовательной среде мы рассматриваем как целостную организацию психолого-педагогического сопровождения процесса развития личностных и профессиональных качеств, определяющих готовность субъекта к инновационной образовательной деятельности, в том числе, личностный рост и саморазвитие как проявление инновационного потенциала личности (Шмелева, 2012; Шмелева, Кузьмина, 2013).

Значимое место в концепции развития инновационного потенциала личности отводится акмеологическим принципам, поскольку они несут нагрузку общей стратегии процесса развития инновационного потенциала, выполняя функции научного прогнозирования, диагностики и обратной связи с исследуемыми явлениями.

Мы выделяем принцип *акмеологичности* инновационного потенциала педагога как субъекта инновационной деятельности в образовательной среде. Акмеологичность рассматривается с позиции акмеологического детерминизма как объективная закономерность и причинная обусловленность осуществимости потенциала человека, вставшего на путь совершенствования. Она выступает «признаком вершинности в реализации творческого потенциала социального субъекта и свойством жизнедеятельности человека, характеризующим его устремленность к вершинам личностного, профессионального развития и самосовершенствования, выражающимся в творческом потенциале и профессиональном мастерстве...» (Акмеология, 2006, с. 29).

Акмеологичность инновационного потенциала выражается в обусловленной личностными потребностями и интересами тенденции к развитию. Принцип акмеологичности инновационного потенциала педагога связан с рассмотрением его как психологической готовности генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов, саморазвитием и личностным ростом.

Данный принцип выражается в достижении наивысшего совершенства в профессиональной деятельности посредством анализа реального уровня профессионализма на данный момент и готовностью к преобразованию, т. е. переходу на более высокий уровень мастерства; в самосовершенствовании специалиста, ориентации на синтез лично- и социально-значимых результатов деятельности специалиста как индивида, личности, индивидуальности и субъекта деятельности. Принцип акмеологичности лежит в основе акмеологической теории саморазвития и самодвижения субъектов образования и самообразования к вершинам продуктивности деятельности: педагога – к вершинам профессионализма педагогической деятельности, обучающегося – к продуктивности учебной деятельности.

Принцип акмеологичности реализуется в психолого-педагогическом сопровождении развития инновационного потенциала личности в образовательной среде, интегрированном и целенаправленном воздействии на развитие свойств субъектности и профессионализма, формировании на основе саморазвития психологической готовности к продуктивной педагогической деятельности (Толстов, Шмелева, 2012).

В этой связи мы выражаем принцип акмеологичности инновационного потенциала личности через взаимообусловленность продуктивности и инновационности педагогической деятельности. Инновационность связана с осмыслением, конструированием нового образа продукта в сознании субъекта; продуктивность предполагает воплощение этого образа в процессе достижения результата в форме конкретного продукта деятельности, являющегося главным понятием, раскрывающим акмеологичность. Продукт деятельности представляет собой не отдельное свойство процесса, а высший уровень, к которому этот процесс устремлен. Акмеологичность связывает субъекта, его деятельность и ее результат в единое целое, отражает движение личности к новой вершине через преодоление порога прошлого, что позволяет ей приобретать новые свойства, благодаря которым создаются условия непрерывного проявления акмеологичности. Практический аспект акмеологичности выражается в общественном признании инновационной личности, в востребованности и практическом применении созданного ею продукта.

Принцип акмеологической направленности инновационной педагогической деятельности основывается на положении о том, что она представляет собой процесс создания, освоения и распространения педагогических инноваций, в который включен субъект образования (Шмелева, 2010). Рассматривая ее в тесной связи с социальной

практикой как деятельность по разработке, внедрению педагогических инноваций, трансферту результатов в образовательный процесс и социально-педагогическую практику, созданию образовательной среды, повышающей инновационную активность педагога, формирующего личность обучающегося, мы обосновываем ее социальную востребованность и эффективность.

В инновационной деятельности системообразующим результатом является созданный продукт, предназначенный для использования на практике. Законы создания продуктов в свойствах участников образовательного процесса средствами образовательных практик являются предметом акмеологии. Категория продуктивности деятельности синтезирует в себе инновационный потенциал акмеологии и позволяет экстраполировать ее теоретико-методологический аппарат на инновационную педагогическую деятельность. Именно продуктивная инновационная деятельность определяет направления профессионального роста педагога, его творческого поиска, способствует его саморазвитию и личностному росту.

Принцип акмеологической направленности инновационной педагогической деятельности ориентирует на постоянное развитие и обогащение инновационного потенциала личности; целостное развитие человека как субъекта жизнедеятельности, как личности, индивидуальности, гражданина и профессионала; развитие мотивации достижений, стремления к творчеству, к успеху, к высокому качеству результатов деятельности; создание образовательной среды, обеспечивающей саморазвитие, личностный и профессиональный рост субъектов образования.

Акмеологичность как фундаментальное основание развития инновационного потенциала личности обеспечивается комплексом психолого-педагогических и акмеологических воздействий на нее как на субъекта инновационной деятельности:

- на уровне целей, содержания и технологий: реализацией инновационных образовательных технологий, ориентирующих личность на продуктивность педагогической деятельности, на поэтапное движение к профессионализму и мастерству;
- на уровне организации образовательной среды как детерминанты развития профессионализма педагога: закономерной взаимозависимостью уровня сформированности среды и личностно-профессионального развития ее субъекта (чем больше и полнее личность использует возможности среды, тем более успешно осуществляется ее развитие и саморазвитие, образование и самообразование, более полно актуализируются и реализуются личностные потенциалы);

- на уровне психолого-педагогического сопровождения: обеспечением возможности личности позиционировать, рефлексировать и самореализоваться как субъекту инновационной педагогической деятельности, создавать и использовать инновационные образовательные продукты в непосредственной образовательной практике; стремлением к достижению вершин профессионального мастерства, обогащению инновационного опыта; осознанием значимости инновационных процессов в образовательной практике, отражающим психологическую установку на развитие личности обучаемых и собственное саморазвитие как личностно-необходимое; сознательным, качественным изменением себя как субъекта продуктивной педагогической деятельности; уровневой диагностикой личностных качеств;
- на личностном уровне: формированием профессионально-ценностных ориентаций, профессионального целеполагания, профессиональной мотивации (интереса к процессу и содержанию инновационной педагогической деятельности и др.); развитием стремления к профессиональному успеху (мотивации достижения, стремления к саморазвитию).

Инновационная деятельность усиливает личностную составляющую профессионально-личностного развития, выступает как созидательный процесс по преобразованию педагогической действительности и личности педагога; влияет психологическими механизмами, порождающими саму инновационную деятельность, на его саморазвитие; способствует его самореализации. Переход от одного качественного состояния к другому характеризуется направленностью на продуктивность и созидательность инновационной педагогической деятельности, на прогрессивное профессиональное развитие и саморазвитие, на максимальную творческую самореализацию в процессе созидательной деятельности, самообразование и самоконтроль, а также самокоррекцию и самоорганизацию деятельности.

Обеспечение системной целостности инновационного содержания, образовательных технологий, научно-методического обеспечения, психолого-педагогического сопровождения в образовательной среде определяет эффективность инновационной деятельности в образовании.

Таким образом, следование акмеологическим принципам позволяет формировать качества, которые помогут личности осуществлять в будущем поэтапное движение к высоким показателям в профессиональной деятельности. Их формирование основывается на сформулированном положении о ведущей роли обучения в развитии психики, на понятии зоны ближайшего развития. В процессе

целенаправленного взаимодействия всех элементов образовательной среды у ее участников возникают объективные возможности для актуализации потребности в саморазвитии, реализации своего инновационного потенциала и осознания себя как субъекта акмеоориентированных самоизменений. Свойство акмеологичности образовательной среды, заключающееся в предоставлении личности максимума возможностей, способствует развитию инновационного потенциала личности как интегративной характеристики личности в совокупности личностных свойств, качеств и способностей, обеспечивающих ее психологическую готовность генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов, а также обеспечивает саморазвитие и личностный рост как стратегический фактор продуктивной педагогической деятельности.

Литература

- Акмеология: Учебник / Под ред. А. А. Деркача. М., 2006.
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Психология развития инновационного потенциала личности и субъекта профессиональной деятельности // Психология развития человека как субъекта деятельности / Под ред. П. А. Кислякова. М., 2016. С. 7–79.
- Кузьмина Н. В. Акмеологическая теория фундаментального образования: монография. СПб., 2012.
- Кузьмина Н. В., Жаринов Н. М., Жаринова Е. Н. Основное понятие акмеологии в образовании // Современные проблемы науки и образования во внутренних войсках МВД России: Сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. СПб., 2015. С. 149–152.
- Кузьмина Н. В., Чупина В. А., Жаринова Е. Н. Акмеологические подходы к развитию фундаментального образования // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 212–227.
- Кузьмина Н. В., Шмелева Е. А. Развитие акмеинновационного потенциала будущего учителя в профессионально-образовательной среде вуза // Акмеология. 2013. № 1. С. 16–21.
- Толстов С. Н., Шмелева Е. А. Инновационный потенциал и образовательная среда как акмеологические ресурсы развития // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 79. С. 781–794.
- Шмелева Е. А. Акмеологические аспекты профессиональной подготовки будущих учителей: Монография. Шуя, 2008.

Шмелева Е. А. Акмеология в профессиональной подготовке учителя к педагогическим инновациям // Высшее образование сегодня. 2010. № 6. С. 37–39.

Шмелева Е. А. Акмеологические аспекты инновационной деятельности преподавателя высшей школы // Акмеология. 2011. № 3. С. 720–723.

Fundamental acmeological criteria of the development of the innovative potential of the subject of pedagogical activity

E. A. Shmeleva (Shuya), P. A. Kislyakov** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, Docent, Deputy director for scientific work Shuya branch “Ivanovo State University”

** Doctor of psychological Sciences, Docent, Head of the Department of Labor psychology and special psychology, Russian state social University

The article presents the acmeological substantiation of the development of the innovative potential. Innovative potential is defined as an integrative characteristic in the aggregate of personal properties, qualities and abilities that ensure the psychological readiness of an individual to generate new forms of activity for the creation, development and dissemination of innovative educational products, as well as self-development and personal growth as a strategic factor of productive pedagogical activity. The relationship between productivity and innovativeness as acmeological categories is considered. The methodological principles underlying the concept of innovation potential development are described.

Keywords: Acmeology, productivity, teacher, spiritual products, innovative personality potential.

Динамика психологического благополучия зависимых от психоактивных веществ в процессе реабилитации

А. Б. Эйдельман (Москва)

аспирантка Института психологии РАН; e-mail: eydelman94@gmail.com

В статье рассматривается динамика психологического благополучия людей зависимых от ПАВ в процессе реабилитации. Представлены результаты сравнительного анализа интегрального показателя и структуры психологического благополучия респондентов с разным сроком ремиссии и условно здоровых людей. Выявлены статистически значимые различия в структуре и уровне психологического благополучия между зависимыми на любом этапе реабилитации и здоровыми людьми. Установлено, что, несмотря на положительную динамику в изменении психологического благополучия в процессе реабилитации, его показатели не достигают уровня здорового человека.

Ключевые слова: психологическое благополучие, психоактивные вещества (ПАВ), реабилитационный процесс, ремиссия, психологическое здоровье.

Введение

В условиях современного общества, где распространены не только физические, но и психические заболевания, а также поведенческие проблемы (асоциальное, девиантное и деликвентное поведение), изучение проблемы психологического здоровья и его факторов с целью максимально эффективного возвращения к полноценному функционированию становится особо актуальным. Одной из острых проблем социума на настоящий момент является распространение различных зависимостей от психоактивных веществ (ПАВ) как формы отклоняющегося поведения. Согласно статистике, в 2015 г. от употребления различных наркотических и одурманивающих веществ

умерло около 100 тысяч людей, в 2016 г. число летальных исходов от употребления наркотиков увеличилось до 110 тысяч. Из года в год эта цифра неустанно растет по причине распространения новых химических веществ, входящих в группу синтетических психоактивных веществ (спайсы, химические соли). Одновременно возрастает и число зафиксированных случаев отклонений в физическом и психическом здоровье человека в связи с употреблением наркотических средств.

Для изменения подобной ситуации в России создаются различные реабилитационные центры, основной задачей которых является купирование зависимостей, формирование устойчивой ремиссии и возвращение людей в нормальное общество. Однако процент успешно сформированных ремиссий (успешной ремиссией считается неупотребление веществ в течение более 3 лет), как показателя эффективности реабилитации, колеблется от 30 до 50%. Большинство людей вновь возвращаются к употреблению ПАВ по прошествии некоторого периода. В связи с этим встает задача повышения эффективности реабилитационного процесса, т. е. снижения количества срывов, увеличения количества сформированной ремиссии и ее сроков и улучшения процесса ресоциализации в общество.

В связи с этим одной из важных проблем становится выявление субъективных факторов психологического здоровья как ресурса формирования устойчивой ремиссии в процессе реабилитации. Психологическое здоровье является одним из необходимых условий выздоровления и формирования устойчивой ремиссии у зависимых от психоактивных веществ.

Проблема зависимости от психоактивных веществ является смежной для различных дисциплин, таких как медицина, юриспруденция, психология и др. В рамках психологической науки в 2014 г. проводилось исследование, направленное на выявление факторов устойчивости ремиссии у наркозависимых, прошедших реабилитацию (Научно-методические рекомендации..., 2014). Ранее исследовалась динамика таких личностных особенностей наркозависимых в процессе реабилитации, как самооценка, смысложизненные ориентации, проблемные зоны в жизни (Соловова, 2009).

Однако на данный момент времени подобных исследований недостаточно. Кроме того, на поддержание здорового образа жизни большое влияние оказывает не только самооценка, но и степень удовлетворенности собственной жизнью. В связи с этим исследование субъективной оценки психологического благополучия как предиктора психологического здоровья в процессе реабилитации актуально и обладает новизной.

Организация и методический инструментарий исследования

Целью проведенного исследования являлось изучение различных аспектов субъективного психологического благополучия, психологического здоровья и самооценки зависимых от ПАВ в реабилитационном процессе.

Выборка исследования

В исследовании субъективного психологического благополучия приняли участие зависимые от ПАВ, не употребляющие вещества на момент обследования и находящиеся в процессе реабилитации в центрах г. Москвы и Московской области, а также жители Москвы, не страдающие зависимостью от ПАВ.

Выборка состоит из 128 человек: 88 зависимых от ПАВ (70 мужчин, 18 женщин) и 40 здоровых (25 мужчин и 15 женщин) в возрасте от 16 до 56 лет. Средний возраст клинической группы – 30,5 лет, контрольной – 30,2.

Согласно концепциям О. Ф. Ерышева и М. М. Кабанова (Ерышев, 2005) об этапах реабилитации и этапах становления ремиссии, все респонденты были поделены на несколько групп: 1) находящиеся на этапе становления ремиссии (0–6 мес.) – $n=34$ человека; 2) находящиеся на этапе стабилизации ремиссии (6–12 мес.) – $n=27$ человек; 3) находящиеся на этапе сформированной ремиссии (более 12 мес.) – $n=27$ человек; 4) контрольная группа – $n=40$ человек.

Методический инструментарий

В рамках работы использованы такие методы исследования, как анкетирование, психологическое тестирование и статистико-математические методы обработки данных. В частности, для сбора данных о социально-экономическом положении, психологическом здоровье, психологическом благополучии и личностных характеристиках людей, находящихся в реабилитации от химических зависимостей, применялись следующие методики:

- Авторская анкета, направленная на изучение социально-экономического статуса респондентов, объективных параметров психологического здоровья, а также внутренних параметров удовлетворенности своим положением в обществе и реабилитационным процессом.
- «Шкала психологического благополучия» (ШПБ) К. Рифф в модификации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко для выявления уров-

- ня и структуры психологического благополучия как предиктора психологического здоровья (Шевеленкова, Фесенко, 2005).
- Тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2000).
 - Личностный дифференциал, разработанный на основе Семантического Дифференциала в Институте им. В. М. Бехтерева (Бажин, Эткинд, 1983).
 - Немецкий опросник социальной поддержки F-SOZU-22 (Холмогорова, Гаранян, Петрова, 2003).

Результаты исследования

В ходе исследования установлено, что психологическое благополучие у зависимых от ПАВ на разных этапах реабилитации значимо не различается. При этом оно значительно ниже, чем у здоровых людей ($U=0,000$, $p=0,001$). Люди, проходящие реабилитацию зависимости от ПАВ, на любом этапе формирования ремиссии менее удовлетворены собой и своей жизнью в целом, чем условно здоровые люди. Даже люди, имеющие достаточно длительный срок ремиссии – до 3 лет, оценивают свою жизнь и себя менее благополучными, чем здоровые люди, никогда не имевшие проблем с немедицинским употреблением наркотиков.

В связи с тем что психологическое здоровье является структурным многокомпонентным конструктом, включающем в себя такие параметры, как позитивные отношения с окружающими, автономия, управление жизнью, личностный рост, цели в жизни и самопринятие, можно говорить, что, в отличие от условно здоровых людей, лица, имеющие зависимость от ПАВ, в независимости от срока ремиссии, неудовлетворены собой и своей жизнью по трем и более из вышеперечисленных параметров.

Анализ отдельных случаев людей с устойчивой ремиссией более 3 лет позволяет предполагать возможность достижения уровня нормы психологического благополучия при увеличении срока реабилитации и ремиссии до 10–15 лет. Однако полученных в нашем исследовании данных недостаточно для подтверждения или опровержения подобного предположения.

Наличие значимых различий в интегральном уровне психологического благополучия между реабилитантами и здоровыми людьми можно объяснить следующим образом: люди, имеющие в опыте употребление ПАВ и ощущений «кайфа», оценивают все последующие эмоции через призму подобного опыта. В связи с тем, что воспоминания о полученном удовольствии от вещества возносятся на вер-

шину пирамиды, планка необходимого уровня благополучия у реабилитантов повышается и, возможно, никогда не будет достигнута в трезвости. Это приводит к более низким показателям удовлетворенности собственной жизнью и собой в целом.

Показатели структуры психологического благополучия зависимых на разных этапах реабилитации статистически отличаются от показателей условно здоровых людей. На этапе становления ремиссии все компоненты значимо меньше, чем в контрольной группе ($p=0,001$; $p=0,005$). На этапе стабилизации ремиссии и сформированной ремиссии наблюдаются статистически значимые отличия от контрольной группы по показателям «автономия», «управление средой», «цели в жизни» и «самопринятие» ($p=0,001$, $p=0,005$).

Анализ данных исследования позволил выявить значимые различия в структуре психологического благополучия у зависимых на разных этапах реабилитационного процесса. В начале реабилитации зависимый от ПАВ ощущает себя неспособным к развитию и изменениям, чувствует недостаток внутренних и внешних сил для личностного роста ($M=56,8$; $SD=10,4$). На уровне стабилизации ремиссии, после прохождения реабилитации в течение полугода, картина резко меняется. Возрастает стремление к саморазвитию и изменениям, появляются ощущение и понимание предоставленных возможностей «расти над собой» ($M=61,8$; $SD=8$). При этом уровень удовлетворенности собственным развитием и личностным ростом на этом этапе реабилитации достигает уровня условно здорового человека, находящегося в социуме ($M=65,2$; $SD=8$). На этапе сформированной ремиссии (более 1 года) эти ощущения еще немного возрастают, что свидетельствует о сохранении удовлетворенности за пределами реабилитационного центра ($M=62,6$; $SD=8,1$).

Такие результаты объясняются направленностью программ реабилитации на личностные изменения зависимых, самоисследование, самопонимание и решение личностных проблем. Именно на втором этапе реабилитанты делают основной упор на изучении собственной личности, принятии своих проблем и поиске альтернативных путей их решения.

В ходе реабилитации выявляется поступательная тенденция к улучшению социальных контактов с окружающими, открытости и гибкости. На первом этапе реабилитации наблюдаются низкие показатели по компоненту «позитивные отношения с окружающими» ($M=52,6$; $SD=11,1$), что значимо ниже, чем показатели условно здоровых людей ($M=59$; $SD=10,1$). Однако уже на втором этапе ($M=56,2$; $SD=8,7$) различия сглаживаются и становятся менее зна-

чимыми. На третьем этапе реабилитации эти показатели незначительно повышаются ($M=56,4$; $SD=10,2$).

В начале реабилитации, так же как и до попадания в реабилитационную программу, у 83% зависимых от ПАВ складываются сложные отношения с родственниками, друзьями, бывшими соупотребителями, представителями власти, руководителями программ и др. Благодаря интервенциям, заложенным в реабилитационную программу, и ограничению круга общения, направленным на достижение стабильности и открытости в отношениях с людьми, картина меняется в сторону улучшения (низкий уровень у 37%). При выходе из закрытого реабилитационного центра зависимые со сформированной ремиссией сохраняют навыки позитивного, открытого, доброжелательного и гибкого общения, в результате чего достигают уровня условно здоровых людей по данному параметру.

Несмотря на благоприятную картину по двум показателям, данные исследования показывают, что в ходе реабилитационного процесса не наблюдается значимого улучшения по показателям «автономия», «управление средой», «цели в жизни» и «самопринятие».

В начале реабилитации люди, зависимые от ПАВ, ощущают себя более зависимыми от мнения окружающих, менее свободными и не способными сопротивляться давлению общества ($M=52,4$; $SD=10,2$). На втором этапе реабилитации наблюдается тенденция к еще большему снижению показателей по данному параметру ($M=49,2$; $SD=6,7$). Реабилитанты находятся в закрытом учреждении, не имеют возможности действовать свободно, что является объективной причиной такой тенденции. На третьем этапе, при выходе в реальное общество, показатели по параметру «автономия» незначительно повышаются ($M=49,5$; $SD=10,8$), но не достигают уровня условно здоровых людей ($M=59,6$; $SD=8,8$). Наличие границ во взаимодействии с предметами и людьми, а так же опыт зависимости от вещества, по всей видимости, накладывает отпечаток на всю последующую оценку собственной свободы действий и мыслей в обществе.

Показатели по параметру самопринятия в первой ($M=46,3$; $SD=12,1$), второй ($M=51,1$; $SD=10,6$) и третьей ($M=50,7$; $SD=8,9$) группах не имеют статистически значимых различий и при этом значимо ниже показателей условно здоровых людей контрольной группы ($M=58,2$; $SD=9,5$). Реабилитационная программа в течение первых 6 месяцев направлена на активное признание своих ошибок, проблем, трудностей, а также на их принятие; в связи с этим наблюдается рост по данному показателю на втором этапе реабилитации. При этом незначительный откат на третьем этапе, возможно, свя-

зан с выходом в реальную жизнь и столкновением с последствиями ранее совершенных действий.

Так как зависимое поведение представляет собой уход от реальности с ее проблемами и трудностями, наличие низкой оценки собственных способностей по преодолению препятствий на жизненном пути естественно. Однако реабилитационный процесс и программы, реализуемые в его рамках, не способствуют значимому повышению данного навыка. Показатели по параметру управления средой в первой группе ($M=51,2$; $SD=11,2$), второй группе ($M=52,2$; $SD=9,5$) и третьей группе ($M=53$; $SD=9,7$) не имеют статистически значимых различий и при этом значимо ниже показателей условно здоровых людей контрольной группы ($M=59,8$; $SD=7,9$). В первую очередь, это связано с внешними условиями реализации реабилитации, необходимостью изоляции от внешней среды в закрытом учреждении. Строгая регламентация и прописанные обязанности, большое количество групповой работы и искусственные условия проживания не создают благоприятную среду для самостоятельного преодоления трудностей, в результате чего даже люди с длительной ремиссией не достигают уровня здоровых людей по параметру управления средой.

Зависимые от ПАВ в процессе реабилитации незначительно меняют свое отношение к собственному будущему и наличие смысла в жизни. Показатели по параметру «цели в жизни» первой ($M=56,2$; $SD=10,5$), второй ($M=57$; $SD=9,4$) и третьей ($M=58,5$; $SD=8,4$) групп не имеют статистически значимых различий. В независимости от этапа реабилитации и срока ремиссии, зависимые от ПАВ склонны к фатализму, негативному прогнозированию и постоянной перемене целей без их достижения, а также ощущают тоску и скуку в большей степени, чем условно здоровые люди ($M=64,5$; $SD=9,2$). Таким образом, можно наблюдать сохранение проблем людей с зависимым поведением в области целеполагания и активности.

Заключение

Таким образом, интегральный показатель психологического благополучия на всех этапах реабилитации значимо ниже показателя условно здоровых людей, что свидетельствует о длительности процесса достижения полного психологического благополучия людьми, имеющими зависимость от ПАВ. При этом различия интегральных показателей психологического благополучия на разных этапах реабилитационного процесса, рассматриваемых в данном исследовании, не значительны.

Наблюдаются значимые различия в структуре психологического благополучия между исследуемыми группами, в частности, показатели «личностный рост» и «позитивные отношения с окружающими» значимо ниже на первом этапе реабилитации, чем у условно здоровых людей. При этом в динамике наблюдается повышение этих показателей в процессе реабилитации и достижение уровня нормы. Показатели по другим компонентам психологического благополучия, несмотря на незначительные изменения, остаются значимо ниже, чем у респондентов контрольной группы даже на позднем этапе реабилитации.

Необходимо также отметить, что, благодаря проводимым терапевтическим интервенциям и мероприятиям, направленным на саморазвитие, среди реабилитантов повышается количество случаев полного благополучия (8,6–18,5%), при этом число полного неблагополучия сокращается (68,6–51,9%). Подобная динамика психологического благополучия свидетельствует о том, что под воздействием реабилитационных программ у зависимых от ПАВ появляется удовлетворенность в некоторых сферах собственной жизни, например, по параметру личностного роста. Однако количество случаев полного благополучия на позднем этапе реабилитации существенно меньше, чем среди условно здоровых людей (37,5%).

Так как неудовлетворенность жизнью является фактором риска возвращения к употреблению ПАВ, необходимо уделять больше внимания повышению удовлетворенности жизнью в разных сферах в рамках реабилитации.

Литература

- Бажин Е. Ф., Эткин А. М. Методика «Личностный Дифференциал». Л., 1983.
- Ерышев О. Ф. Наркомания: проявление, лечение, профилактика. СПб., 2005.
- Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М., 2000.
- Научно-методические рекомендации по результатам проекта «Исследование факторов устойчивости ремиссии у наркозависимых, прошедших разные виды программ реабилитации и ресоциализации» / Сост. И. П. Кутянова, О. М. Щекатурова, А. А. Шабанов. М., 2014.
- Соловова Н. А. Динамика личностных особенностей наркозависимых в процессе реабилитации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г., Петрова Г. А. Социальная поддержка как предмет научного изучения и ее нарушения у больных с расстройствами аффективного спектра // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. № 2. С. 15–23.

Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

The dynamics of psychological well-being of people having dependence on psychoactive substance

A. B. Eidelman (Moscow)

Postgraduate of the Institute of Psychology of RAS

The article deals with the dynamics of psychological well-being of people having dependence on psychoactive substance during rehabilitation process. The results of a comparative analysis of the integral indicator and the structure of the psychological well-being of respondents with different period of remission and healthy people are shown. Statistically significant difference in the structure and level of psychological well-being among associated respondents at any stage of rehabilitation and healthy people was revealed. It is established that despite of positive dynamics in the change of psychological well-being in the process of rehabilitation, indicators of the last one do not reach the level for healthy person.

Keywords: psychological well-being, psychoactive substances (PAS), rehabilitation process, remission, psychological health.

Субъектные характеристики как предиктор психологического благополучия современной молодежи на этапе самоопределения

Г. Н. Эйдельман (Москва)

*старший преподаватель кафедры
психологии развития личности, факультет психологии,
Московский государственный областной университет;
e-mail: galeid2015@gmail.com*

Представлен анализ субъектных характеристик как составляющей субъективной картины мира. Обсуждаются субъективные оценки субъектных характеристик с позиции гендерных различий. Отмечена тенденция к стиранию гендерных различий в области субъектных характеристик. Анализируются представления молодых людей в области субъектных характеристик с точки зрения идеала. Выявлена неудовлетворенность собственными субъектными характеристиками в возрасте 20–30 лет. Фиксируются взаимосвязи субъектных характеристик с профессиональной определенностью и психологическим благополучием. Субъектные характеристики рассматриваются как личностные ресурсы, но отмечается недостаточность влияния субъектных характеристик для ведущей роли в ресурсной модели психологического благополучия для современной молодежи на этапе самоопределения.

Ключевые слова: психологическое благополучие, молодежь, самоопределение, субъектные характеристики, субъективная картина мира, личностные ресурсы.

Постановка проблемы

Проблема жизненного самоопределения была предметом рассмотрения многих отечественных ученых (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абуль-

ханова, М. М. Бахтин, Б. С. Братусь, М. Р. Гинзбург, Е. И. Головаха, И. В. Дубровина, Б. В. Зейгарник, А. В. Мудрик, Г. П. Ников, А. В. Петровский, В. Ф. Сафин, В. И. Слободчиков и др.). Однако в настоящее время проблема самоопределения молодежи приобретает особое значение в контексте изучения процесса социализации, представлений о смыслах, ориентирах выбора в современных социальных условиях.

В последнее время ситуация самоопределения для молодых людей осложнена трудностями социального и экономического переустройства нашего общества, переизбытком специалистов в отдельных областях деятельности, в связи с чем особую остроту приобретает изучение психологического благополучия молодежи и факторов его поддержания.

К настоящему времени в позитивной психологии накоплен большой массив эмпирических данных о различных факторах, влияющих на психологическое благополучие (Э. Динер, С. Любомирски, К. Рифф, К. Шелдон, И. Бонивелл, Д. А. Леонтьев). Однако в основном исследования направлены на изучение влияния внешних событий и объективных условий жизни на благополучие или личностных характеристик, опосредующих эффекты внешних факторов. В контексте ситуации самоопределения, которая представлена чаще всего в рамках экзистенциального выбора (неопределенные альтернативы и критерии) (Леонтьев, Пилипко, 1995) и характеризуется тем, что выбор осуществляется не только в соответствии с интеллектуальными и личностными особенностями субъекта, но и под воздействием субъективного переживания выбора (Леонтьев, Фам, 2011), можно предположить, что в механизм выбора вовлечены субъективные факторы, отражающие отношение субъекта к себе, к другим и к действительности. При этом работ, посвященных изучению субъективной картины мира современного молодого человека и отдельных ее составляющих, недостаточно, чтобы понять его отношение к себе и происходящему во вне, выявить причины и суть субъективных переживаний личности, найти ресурсы для адаптации к социуму и саморазвития.

Параллельно с этим психология развития, акмеология ставит перед собой задачи не только в уточнении и описании феномена и категории субъектности, но и в выявлении различных условий формирования и развития субъекта. При этом «рассмотрение проблемы психологии зрелости в контексте изменяющегося мира – это тоже один из важных и перспективных аспектов ее изучения» (Кольцова, 2007, с. 256).

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

Целью нашего исследования являлось изучение субъективной картины мира, представлений о себе и своем поколении, психологическом благополучии в период выбора жизненного пути после окончания профессиональной подготовки. Данный период рассматривается нами как критический в процессе социализации.

В настоящей статье представлен только анализ субъектных характеристик как составляющей субъективной картины мира, поскольку многие данные были рассмотрены в других публикациях (Эйфельман, Сергиенко, 2014, 2016).

Выборку исследования составили жители Москвы и Московской области, находящиеся в процессе самоопределения в профессиональной и личной жизни. Возраст участников исследования – 20–30 лет. Общий объем выборки – 235 человек, из них 114 мужчин и 121 женщина. Средний возраст респондентов – $M=23,5$, $SD=3$ года. Отбор участников исследования проводился по двум основным критериям: возраст от 20 до 30 лет и наличие ситуации самоопределения в жизни.

Методики исследования

1. Авторская анкета, направленная на изучение социально-экономического статуса респондентов.
2. Шкала психологического благополучия (ШПБ) К. Рифф в модификации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко для выявления уровня и структуры психологического благополучия (Шевеленкова, Фесенко, 2005).
3. Авторская проективная методика «Отношение к миру», построенная на основе метода Семантического дифференциала и направленная на изучение внутренней картины мира субъекта (Эйфельман, 2013).
4. Личностный дифференциал, разработанный на основе Семантического дифференциала в Институте им. В. М. Бехтерева для оценки себя как личности и идеала (Бажин, Эткинд, 1983).
5. Методика «Молодой возраст» (авторская модификация Г. Н. Эйфельман). Построена на основе метода «Незаконченных предложений», разработанного Дж. М. Саксом, в русскоязычной версии апробирована Г. Г. Румянцевым (Сакс, Леви, 2000). Методика позволяет выявить отношение к своему возрасту.

Результаты исследования

С целью выявления субъектных характеристик в системе личностных черт (Бажин, Эткинд) путем применения факторного анализа с ортогональным методом вращения (Варимакс) нами были выделены 4 фактора: «Коммуникативные навыки», объединяющие черты, способствующие эффективной коммуникации; «Субъектные характеристики», отражающие черты зрелой личности; «Толерантность», включающая в себя черты, способствующие принятию другого человека; «Характеристики самоорганизации», отражающие способность к управлению своей деятельностью и повышению ее эффективности. Факторное решение состоятельное (кумулятивный процент – 52,192%). Степень применимости факторного анализа к данной выборке – в рамках приемлемой адекватности (КМО=0,799). Субъектные характеристики объединили в себе субъективную оценку следующих качеств: самостоятельный/несамостоятельный, добросовестный/безответственный, независимый/зависимый, уверенный/неуверенный, сильный/слабый, честный/неискренний, справедливый/несправедливый. С помощью дополнительной инструкции к методике «Личностный дифференциал» («Оцените идеальную личность по отобранным чертам личности») с целью изучения идеальных представлений о субъектности в молодом возрасте были собраны данные об идеальном образе человека среди молодого поколения. Полученные данные изучались с позиции средних значений в оценке себя и идеала, стандартного отклонения, сравнительного анализа, корреляционных взаимосвязей с социоэкономическими параметрами и психологическим благополучием.

Из таблицы 1 видно, что молодые люди склонны к позитивному восприятию своих субъектных характеристик и к построению по-

Таблица 1
Субъективная оценка субъектных характеристик
у современной молодежи (20–30 лет)

Респонденты	Субъектные характеристики (диапазон оценки от -42 до +42)		
	Оценка себя	Оценка идеала	Разница в оценке идеала и себя
Все респонденты	19,93+12,29	33,13+8,45	13,86+11,96
Мужчины	19,35+12,58	32,53+8,47	13,08+11,6
Женщины	20,46+12,04	33,69+8,44	14,6+12,32

зитивного портрета идеального человека в плане его субъектности. Однако по сравнению с другими параметрами субъективного восприятия себя (коммуникативные навыки, толерантность, характеристики самоорганизации) разница в оценке идеала и себя, которая отражает неудовлетворенность собственным образом в области субъектных характеристик, является наибольшей.

Сравнительный анализ субъективной оценки себя и идеала выявил, что в молодом возрасте прослеживается тенденция к более высокому оцениванию идеала по отношению к себе, что говорит об адекватности самооценки. Оценка значимости различий, проводимая с помощью непараметрического критерия Уилкоксона для связанных выборок, показала значимые различия на уровне $p=0,001$ в области субъектных характеристик. Это, с одной стороны, говорит о самокритичности молодого поколения, с другой стороны, отражает слабую субъектность в возрасте 20–30 лет.

Сравнительный анализ данных мужчин и женщин по критерию Манна–Уитни для независимых выборок не выявил значимых различий в области субъектных характеристик, что говорит о приблизительно равной оценке мужчинами и женщинами своих субъектных качеств в молодом возрасте.

Рассматривая стандартное отклонение как оценку однородности ответов респондентов, можно говорить, что большой разброс в оценке собственных субъектных качеств (более 50% от среднего значения) отражает ее неоднородность и высокую вариативность восприятия себя в плане субъектных качеств. При этом разброс в субъективной оценке идеала по сравнению с оценкой себя уменьшается с 12,29 до 8,45. Данный факт подтверждает влияние культурных, национальных, исторических особенностей социума на формирование и развитие идеального образа человека.

Исследование взаимосвязей между субъективной оценкой своей субъектности и социально-экономическим статусом человека (метод ранговой корреляции Спирмена) выявило связь между субъектными характеристиками и профессиональным самоопределением (таблица 2).

Из таблицы 2 видно, что оценки субъектных характеристик связаны с профессиональной жизнью человека. Наличие и увеличение стажа работы, работа в соответствии со специальностью, рост дохода и финансовая независимость сопровождаются увеличением самооценки в плане своих субъектных характеристик. Также чем выше уровень образования, тем выше субъективная оценка собственных субъектных характеристик, присущих зрелой личности. Наличие взаимосвязи между субъектными характеристиками и жилищной

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа взаимосвязи субъективной оценки субъектных характеристик с социально-экономическими параметрами и психологическим благополучием

Взаимосвязь субъектных характеристик с социоэкономическими параметрами		Взаимосвязь субъектных характеристик с психологическим благополучием	
Социально-экономические параметры	Субъектные характеристики	Психологическое благополучие	Субъектные характеристики
Образование	0,131*	Общий индекс	0,426**
Наличие работы	0,164*	Позитивные отношения с близкими	0,185**
Стаж работы	0,199**	Автономия	0,294**
Соответствие специальности	0,149*	Управление средой	0,416**
Финансовая независимость	0,259**	Личностный рост	0,220**
Доход	0,188**	Цели в Жизни	0,344**
Жилищная автономия	0,156*	Самопринятие	0,354**

Примечание. * – корреляция на уровне 0,05; ** – корреляция на уровне 0,01.

автономией позволяет рассматривать проживание, отдельное от родителей, как подтверждение финансовой независимости.

При изучении взаимосвязи субъектных характеристик с психологическим благополучием, которое отражает не только удовлетворенность жизнью, но и степень самореализации, играющую важную роль в становлении субъектности, было зафиксировано постепенное нарастание самооценки в области субъектных характеристик от психологического неблагополучия ($M=11,2$, $SD=13,74$) через частичное психологическое неблагополучие ($M=21,36$, $SD=11,02$) к психологическому благополучию ($M=24,54$, $SD=9,12$). Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи ($p=0,01$) как с общим индексом психологического благополучия, так и с отдельными сферами психологического благополучия (таблица 2). Т.е. чем выше молодой человек оценивает свои субъектные качества (самостоятельность, добросовестность, независимость, уверенность и т.д.), тем более удовлетворенным он ощущает себя во всех областях жизни, тем выше его психологическое благополучие.

С целью определения влияния субъектных характеристик на психологическое благополучие был проведен регрессионный анализ.

В качестве зависимой переменной рассматривался показатель психологического благополучия. В качестве независимой переменной выступали субъектные характеристики. Регрессионный анализ показал, что 21,7% психологического благополучия обусловлено влиянием субъектных характеристик ($R^2=0,217$; $\beta=0,466$).

Заключение

Полученные данные позволяют говорить о том, что в возрасте 20–30 лет молодые люди склонны к положительной оценке себя в области субъектных характеристик и имеют достаточно устойчивый идеальный образ субъектности, что может рассматриваться как ресурс при психотерапевтической работе с людьми данного возраста. Однако оценка качеств, относящихся к субъектным характеристикам человека, которые необходимы для нахождения собственного места в жизни социума, сильно расходится с идеальной оценкой, что отражает слабую субъектность в возрасте 20–30 лет.

Отсутствие значимых различий в области субъектных характеристик между мужчинами и женщинами отражает тенденцию к стиранию в современных мегаполисах гендерных различий в оценке решительности, независимости, самостоятельности, что было отмечено нами и в других работах (Эйдельман, 2015).

Наличие взаимосвязи между субъектными характеристиками и профессиональной определенностью является еще одним ресурсом в развитии зрелой личности. Помогая молодым людям в профессиональном самоопределении, мы можем стимулировать развитие их субъектности. И наоборот, развивая самостоятельность, независимость, добросовестность, уверенность, мы готовим их к более успешной профессиональной деятельности.

Результаты корреляции и регрессионного анализа между субъектными характеристиками и психологическим благополучием позволяют рассматривать субъектные характеристики в качестве предиктора психологического благополучия. Однако доля влияния со стороны субъектных характеристик недостаточно велика, чтобы отдавать им ведущую роль в ресурсной модели психологического благополучия.

Таким образом, субъектные характеристики можно рассматривать как личностные ресурсы в повышении психологического благополучия в целом и отдельных его областях в частности. Однако влияние субъектных характеристик, которые, по нашему предположению, должны играть ведущую роль в профессиональной саморе-

ализации, в молодом возрасте (20–30 лет) на этапе профессионального самоопределения недостаточно велико.

Литература

- Бажин Е. Ф., Эткин А. М.* Методика «Личностный дифференциал». Л., 1983.
- Кольцова В. А.* История разработки проблемы психологии зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2007. С. 108–128.
- Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В.* Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
- Леонтьев Д. А., Фам А. Х.* Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2011. № 1. С. 39–53.
- Сакс Д. М., Леви С.* Тест «Завершение предложений» // Проективная психология: Сборник статей. Пер. с англ. М., 2000. С. 203–237.
- Сергиенко Е. А., Эйдельман Г. Н.* Субъективная картина мира, психологическое благополучие в состоянии самоопределения у современных молодых людей // Психология психических состояний: сборник статей. Вып. 9 / Под ред. А. О. Прохорова. Казань, 2014. С. 257–273.
- Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П.* Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–130.
- Эйдельман Г. Н.* Субъективная оценка мира в молодом возрасте (20–30 лет) // Человек, субъект, личность в современной психологии: материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 366–369.
- Эйдельман Г. Н.* Субъективное восприятие себя в молодом возрасте // IX Международная научно-практическая конференция «Психология и педагогика в XXI веке. Очерки научного развития». Ч. 2. Т. 1. № 9. Новосибирск, 2015. С. 47–51.
- Эйдельман Г. Н., Сергиенко Е. А.* Роль субъективных факторов в психологическом благополучии молодежи в ситуации профессионального самоопределения // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 10. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2016v9n50/853> (дата обращения: 12.11.2016).

Subjective characteristics as a predictor of the psychological well-being of modern youth at the stage of self-determination

G. N. Eydelman (Moscow)

Senior lecturer at the Department of personality development psychology, Moscow state Regional University

The analysis of subjective characteristics as a component of the subjective picture of the world is presented. Subjective assessments of subject characteristics from the gender differences position are discussed. There is a tendency of gender differences smoothing in the field of subject characteristics. Representations of young people in the field of subjective characteristics from the point of view of the ideal are analyzed. The dissatisfaction with own subject characteristics at the age of 20–30 years is revealed. The interrelationships of subjective characteristics with professional certainty and psychological well-being are fixed. Subjective characteristics are considered as personal resources, but there is a lack of influence of subjective characteristics for the leading role in the resource model of psychological well-being for modern youth in the stage of self-determination.

Keywords: psychological well-being, youth, self-determination, subjective characteristics, subjective picture of the world, personal resources.

Феноменологические особенности познавательных состояний субъекта¹

М. Г. Юсупов (Казань)

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей психологии Казанского (Приволжского)
федерального университета; e-mail: yusmark@yandex.ru*

Статья посвящена изучению феноменологических особенностей познавательных состояний в ходе основной деятельности субъекта. Познавательные состояния рассматриваются как самостоятельный класс, имеющий собственные специфические характеристики по отношению к другим группам состояний (эмоциональным, волевым и др.). Показано, что в профессиональной деятельности, связанной с угрозой для жизни и здоровья, познавательные состояния не играют существенной роли, ведущая роль принадлежит функциональным, эмоциональным и стрессовым состояниям. Ситуационный анализ проблемностей, приводящих к возникновению познавательных состояний, показал, что последние в большинстве случаев являются отражением конкретной деятельности субъекта. Выявлена специфика переживаний познавательных состояний в зависимости от возраста и вида деятельности респондентов. Установлено, что наиболее частотными во всех возрастных группах являются состояния вдумчивости, размышления, заинтересованности и сосредоточенности.

Ключевые слова: субъект, деятельность, познание, познавательные состояния, феноменология.

Введение

Исходные теоретические предпосылки для выделения класса познавательных состояний появились в результате изучения мыслитель-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан, проект № 17-16-16012.

ной деятельности человека. «Интеллектуальные чувства», возникающие в ходе мыслительного процесса, соотносились с отдельными фазами логического мышления и противопоставлялись обычным эмоциям, связанным с соматическими процессами. Поскольку когнитивные процессы структурно и функционально образуют относительно автономную сферу субъекта (наряду с эмоциональной и регулятивной), ее активность выступает на передний план при анализе возникающих «сопутствующих» психических состояний. В дальнейшем эти состояния рассматривались с точки зрения активности познавательных процессов субъекта (Левитов, 1964).

Несмотря на то, что познавательные состояния типичны для учебной, научно-исследовательской, творческой и других видов деятельности, на сегодняшний день отсутствует номенклатура познавательных состояний, не изучена их структура и функции, не проанализированы вызывающие их факторы, нет данных об их динамике в процессе деятельности, не разработаны критерии для выделения и систематизации познавательных состояний и т. д. Это связано с тем, что проблема классификации психических состояний не решена, и вопрос дифференциации отдельных групп состояний (волевых, эмоциональных и др.) по-прежнему остается открытым. Как следствие – состояния, характерные для познания (заинтересованность, удивление, раздумье и др.), отождествляются с мотивационными, эмоциональными или волевыми состояниями (наряду со страхом, тревогой и пр.), либо само существование познавательных состояний ставится под сомнение (Ильин, 2009).

В связи с этим актуальной является разработка и описание класса познавательных состояний субъекта, раскрытие их специфических характеристик (состава, структуры, функций, динамики), выделение номенклатуры и анализа параметров состояний (интенсивности, длительности, полярности и пр.), принципов классификации, исследование ситуативно-событийных факторов актуализации, связи с субъектно-личностными особенностями и др.

В общепсихологическом плане знание феноменологии познавательных состояний, их актуализации, длительности и интенсивности в ходе деятельности субъекта позволит углубить научное понимание активности человека как фундаментальной характеристики его бытия. Особую актуальность исследование познавательных состояний приобретает для разработки категории «психическое состояние», поскольку включает решение проблемных вопросов состава, классификации, структуры, функции, динамики, механизмов детерминации, диагностики и связи с другими категориями психических явлений. Следует отметить, что описания познавательных состоя-

ний в отечественной психологии делались, как правило, умозрительно. Широкие экспериментальные исследования, посвященные изучению познавательных состояний, не проводились. Как следствие – отсутствие четких теоретических представлений о познавательных состояниях и их роли в жизнедеятельности субъекта.

Типичные познавательные состояния выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и прежде всего мыслительных процессов. Выяснение функций различных познавательных состояний в ходе основной деятельности человека, а также разработка методов их актуализации, является важнейшей практической задачей в области психологии.

Организация исследования

Основные задачи данного исследования следующие:

- 1) выявить значимые познавательные состояния (с наибольшей частотой встречаемости) у различных групп испытуемых (студентов, аспирантов, преподавателей, ученых и др.);
- 2) определить познавательные состояния, которые являются общими («сквозными») для рассматриваемых видов деятельности;
- 3) выявить виды деятельности, для которых переживание познавательных состояний не характерно.

Для решения этих задач была разработана открытая анкета, которая позволяет собирать информацию о ситуациях возникновения состояний, их проявлениях, а также влиянии на продуктивность деятельности. На основе анализа теоретической литературы по психологии состояний был составлен список познавательных состояний. Уточнение и редакция перечня осуществлялась методом экспертной оценки российскими психологами, специализирующимися в области изучения состояний человека (5 докторов и 4 кандидата психологических наук).

По результатам экспертной оценки были выделены 22 познавательных состояния: вдохновение, вдумчивость, задумчивость, заинтересованность, когнитивный диссонанс, любознательность (любопытство), мечтательность, невосприимчивость, недоумение, одурелость, озадаченность, озарение (инсайт), предвосхищение (интуиция), предчувствие, размышление (раздумье), рассеянность, рефлексия, скука, сомнение (неуверенность), сосредоточенность, тупость, удивление.

Перед проведением исследования с испытуемыми осуществлялось обсуждение глоссария познавательных состояний. В ходе ос-

новой деятельности респондентам предлагалось выбрать из указанного перечня 5–6 состояний, которые переживаются наиболее часто. Затем из этих состояний предлагалось выбрать только одно, типичное для данного испытуемого и заполнить для этого состояния анкету.

В дальнейшем подсчитывалась относительная частота встречаемости каждого состояния во всех группах испытуемых, на основании последней выделялись типичные для испытуемых познавательные состояния. Между абсолютными и относительными частотами применительно к данной методике соблюдались следующие соотношения: относительной частоте 5% соответствует около 30% испытуемых, 10% – 60%, 15% – 90% и 17% – 100% изучаемой выборки.

Результаты исследования

Было обследовано 1698 студентов, 635 школьников, 150 аспирантов, 28 научных сотрудников, 23 преподавателя высшей школы, 22 врача-хирурга, 90 пожарных-спасателей, 101 военнослужащий морской пехоты.

Установлено, что значимыми состояниями *школьников* являются: сосредоточенность, заинтересованность, размышление, сомнение, задумчивость, озадаченность, любознательность (любопытство), вдумчивость, скука, вдохновение, мечтательность; *студентов* – размышление, заинтересованность, умственное напряжение, задумчивость, любознательность (любопытство), скука, сосредоточенность, вдумчивость, сомнение, озадаченность, рефлексия, мечтательность.

Ведущими состояниями *аспирантов* являются: размышление, вдумчивость, вдохновение, заинтересованность, любознательность (любопытство), сосредоточенность, задумчивость; *научных работников* – размышление, сосредоточенность, заинтересованность, любознательность, когнитивный диссонанс, вдохновение; *преподавателей*, не занимающихся научной деятельностью, – заинтересованность, вдумчивость, сосредоточенность, вдохновение, задумчивость, размышление; в профессиональной деятельности *врачей-хирургов* – размышление, сосредоточенность, заинтересованность, озадаченность, задумчивость, сомнение.

В профессиональной деятельности, связанной с угрозой для жизни и здоровья, познавательные состояния не играют существенной роли; ведущую роль выполняют функциональные (активность, спокойствие, утомление и др.), эмоциональные (ожидание, страх, волнение и др.) и стрессовые состояния. Так, у пожарных МЧС состояние *размышления* находится на последнем месте в списке переживаемых

мых состояний. Военнослужащие морской пехоты в перечне наиболее часто переживаемых состояний указали только одно познавательное состояние – *уверенность* (по Е. П. Ильину), которое типично в ситуациях выполнения мероприятий боевой службы (нахождение в открытом море, несение караульной службы, пребывание на территории иностранных государств). Оно переживается в 4,5 раза реже, чем состояние активности, и в 2,5 раза реже, чем состояние психической напряженности. Некоторые авторы относят данное состояние к группе волевых психических состояний (Левитов, 1964).

Далее был проведен ситуационный анализ проблемностей, приводящих к возникновению познавательных состояний, а также связь возрастного фактора с частотой актуализации различных познавательных состояний. Выявленные проблемности в подавляющем большинстве случаев являются отражением конкретной деятельности респондентов. У школьников 6–7-ых классов (13–14 лет), 8–9-ых классов (15–16 лет) и 10–11-ых классов (17–18 лет) проблемности связаны с ситуациями учебной деятельности: написание контрольной работы, диктанта, выполнение самостоятельной работы, изучение новой темы на уроке, написание сочинения, теста по дисциплине, ответ у доски. Установлено, что наиболее характерными познавательными состояниями для учеников 6 классов являются: *вдумчивость* (17%), *озадаченность* (16%), *сомнение* (16%). Типичные состояния учеников 7-ых классов – *сосредоточенность* (17%), *заинтересованность* (17%), *вдумчивость* (16%). Наиболее характерным для учеников 6–7-ых классов является состояние *вдумчивости*. У школьников 8–9-ых классов преобладают такие познавательные состояния, как *вдохновение* (10%), *любопытность* (8%), *задумчивость* (8%). Учащиеся 10–11-ых классов наиболее часто испытывают на уроках познавательные состояния *размышления* (12%), *скуки* (9%), *заинтересованности* (9%), *вдумчивости* (8%).

У студентов 1–4-х курсов познавательные состояния актуализируются в учебном процессе на контрольных работах, семинарских занятиях, при анализе проблемных вопросов в форме дискуссии, на самостоятельных работах, при неожиданных вопросах со стороны преподавателя, выступлениях с докладом, при решении трудных задач на практических занятиях, в ситуациях экзаменов и зачетов.

Студенты первого курса (18–19 лет) наиболее часто переживают познавательные состояния *размышления* (13%) и *заинтересованности* (11%); студенты 2-го курса (19–20 лет) – состояния *размышления* (15%) и *заинтересованности* (12%); студенты 3-го курса (20–21 год) – состояния *размышления* (14%), *заинтересованности* (13%) и *сосредоточенности* (12%); студенты 4-го года обучения (21–22 го-

да) – состояния размышления (12%) и заинтересованности (11%). Таким образом, ведущими состояниями студентов всех годов обучения являются состояния размышления и заинтересованности.

У аспирантов (23–25 лет) познавательные состояния связаны с научно- исследовательской деятельностью и такими ситуациями, как работа в научно- исследовательских лабораториях, анализ научной информации, выступление на научных мероприятиях, непосредственная работа над задачами диссертационного исследования. Наиболее часто аспиранты переживают познавательные состояния вдумчивости (17%), размышления (9%), вдохновения (12%), заинтересованности (11%).

У научных работников (средний возраст – 35 лет) познавательные состояния возникают в ситуациях решения трудных задач, планирования и проведения исследования, обработки и интерпретации результатов, написания научной статьи. Наиболее часто научные сотрудники переживают состояния размышления (17%), сосредоточенности (17%), заинтересованности (17%), любознательности (14%).

Познавательные состояния педагогов и учителей (средний возраст – 40 лет) чаще всего возникает в ситуациях планирования, подготовки к урокам и лекциям, проведения урока и лекции, при решении трудных задач, при проведении исследований. Наиболее часто педагоги и учителя переживают состояния заинтересованности (17%), вдумчивости (16%), вдохновения, задумчивости, размышления и сосредоточенности (по 8%).

У врачей-хирургов (средний возраст – 53 года) познавательные состояния связаны с проблемами, возникающими в ситуациях первичного приема, плановой операции, оказания первой неотложной помощи, врачебного консилиума. Чаще всего в профессиональной деятельности врачи-хирурги испытывают состояния размышления (17%), сосредоточенности (14%), заинтересованности (14%).

Таким образом, существует специфика переживаний познавательных состояний в зависимости от возраста и вида деятельности респондентов. В то же время познавательные состояния *вдумчивости, размышления, заинтересованности и сосредоточенности* являются наиболее частотными во всех видах основной деятельности (и соответствующих возрастных группах).

Заключение

Исследованы типичные познавательные состояния школьников, студентов, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей, а также врачей-хирургов; выявлены ситуации профессиональной деятель-

ности, приводящие к возникновению познавательных состояний для каждой из этих групп испытуемых. Установлено, что проблемы, приводящие к возникновению познавательных состояний, в большинстве случаев являются отражением конкретной деятельности респондентов.

Показано, что в профессиональной деятельности, связанной с угрозой для жизни и здоровья, познавательные состояния не играют существенной роли; ведущую роль выполняют функциональные (активность, спокойствие, утомление и др.), эмоциональные (ожидание, страх, волнение и др.) и стрессовые состояния.

Познавательные состояния вдумчивости, размышления, заинтересованности, сосредоточенности являются типичными («сквозными») для деятельности школьников, студентов, аспирантов, научных работников и преподавателей. Раскрыть содержательность одного и того же состояния (например, заинтересованности) у разных групп респондентов возможно только на основе анализа его системной организации: состава, структуры, функций, системообразующих составляющих и т. д. Полученные результаты показывают, что систематизацию познавательных состояний можно проводить на основе принципа деятельности и анализа уровневой организации состояния.

Литература

- Левитов Н. Д.* О психических состояниях человека. М., 1964.
Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009.

Phenomenological features of subject's cognitive states

M. G. Yusupov (Kazan)

Candidate of psychological Sciences, Docent,
associate Professor of General psychology
at Department of Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the study of phenomenological features of cognitive states in the course of the subject's main activity. Cognitive states are considered as an independent class, having its own specific characteristics in relation to other groups of states (emotional, volitional etc.). It is shown that cognitive states do not play an important role in professional activities related to the threat to life and health, the functional, emotional and stressful states play a leading role. Situational analysis of the prob-

lems that lead to the emergence of cognitive states, showed that the latter in most cases are a reflection of the specific activity of the subject. The specificity of the experiences of cognitive states is revealed depending on the age and type of activity of the respondents. It is established that the most frequent in all age groups are states of thoughtfulness, reflection, interest and concentration.

Keywords: subject, activity, cognition, cognitive states, phenomenology.

Раздел VI

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ СПОСОБНОСТЕЙ, МЕНТАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ, ИНТЕЛЛЕКТА И ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

Особенности ментальной репрезентации психического состояния неуверенности¹

Е. М. Алексеева (Казань)

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет; e-mail: ealekseeva@list.ru

Статья посвящена изучению характеристик ментальной репрезентации психических состояний. В ней описываются феноменологические закономерности и особенности понятийных описаний психического состояния неуверенности и ассоциативных речевых реакций на его название. Эмпирическое исследование проводилось при помощи методики свободного описания объекта и в рамках ассоциативного эксперимента, разработанного на основе программы DMDX, позволяющей замерять время речевой реакции с точностью до миллисекунды. Для описания состояния неуверенности испытуемые использовали от 4 до 8 слов. Большинство описаний основывались на понятиях «решение» и «нерешительность». Понятийные описания оказались связаны с ассоциативными проявлениями репрезентации состояний. В околядерный слой вошли ассоциации скованность, страх, стеснение, экзамен, работа.

Ключевые слова: психическое состояние, состояние неуверенности, ментальная репрезентация, понятийный уровень, ассоциативный уровень.

Введение

В современных научных исследованиях уделяется особое внимание изучению ментальных репрезентаций, которые могут рассмат-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884а.

риваться и как результат (единица описания опыта в рамках картины мира), и как процесс (процесс отображения, представления).

Ментальные репрезентации понимаются как внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Большинство исследований ментальных репрезентаций осуществляется психосемантическими методами (Андреева, Белопольский, Блиникова и др., 1998; Bascoe, Davies, Sturge, 2009). В рамках других подходов изучается, прежде всего, процессуальная, динамическая сторона ментальной репрезентации, ее когнитивные функции. Исследование переработки предъявляемой информации и ее кодирования/декодирования, анализ механизмов ментальной репрезентации через изучение мыслительных процессов, внимания, памяти, речевой деятельности, времени реакции, а также рассмотрение закономерностей и динамики формирования репрезентаций осуществляется нейрофизиологическими и нейропсихологическими методами (Cooper, 1990; Geller, Farber, Schaffer, 2010).

Недостаточная изученность ментальных репрезентаций в целом и ментальных репрезентаций психических состояний, в частности, объясняется методической ограниченностью. Действительно, не так много исследовательских методов, подходящих для изучения процессов и результатов отображения (репрезентации) объектов действительности во внутренней (психической) жизни человека.

Исследования представлений о психических явлениях, в частности, об эмоциях и психических состояниях, занимают особое место. Знания и представления об эмоциях анализируются в рамках глобальных когнитивных структур. Эмоции в данном подходе выступают как многогранный феномен психической жизни, знания о котором должны быть представлены, структурированы и включены в процесс психической регуляции (Дорфман, 1997; Прусакова, Сергиенко, 2002). Имеются исследования, в которых ставится вопрос об уровне организации ментальных репрезентаций психических состояний (Алексеева, 2015).

Однако необходимы исследования, целью которых явилось бы целостное изучение и описание содержания и структуры ментальных репрезентаций психических состояний (актуального, прошлого, будущего, положительных и отрицательных, равновесных и неравновесных). Объектом исследования при этом становятся не сами психические состояния, возникающие на основе переживания актуальной ситуации, а субъективное описание представлений о том или ином психическом состоянии. Кроме того, необходимы исследования проблемы соотношения универсальности и специфичнос-

ти в представлениях о психических состояниях. Так как состояния являются наиболее индивидуальным и субъективным феноменом психики, выявление универсальных и специфических компонентов в представлениях о них может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры представлений о мире в целом и о себе.

Мы исходим из того предположения, что со временем и по мере накопления индивидуального опыта ментальные репрезентации могут приобретать иерархическую многокомпонентную структуру, где выделяются ассоциативный, оценочный, понятийный и образный уровни.

Процедура и методы эмпирического исследования

Предметом настоящего эмпирического исследования являются закономерности и особенности понятийного и ассоциативного уровней ментальных репрезентаций психических состояний.

В исследовании приняли участие студенты Казанского (Приволжского) федерального университета: 34 человека в возрасте от 16 до 23 лет (29 женщин и 5 мужчин).

Методика исследования

В первом исследовании использовался метод свободного описания объекта. Испытуемым было дана следующая инструкция: «Пожалуйста, дайте краткое письменное объяснение следующих понятий. Ни на кого не ориентируйтесь, нет ни хороших, ни плохих ответов». Словами-стимулами стали слова, референтные состояниям *раздумья, усталости, восторга, спокойствия, тоски, неуверенности, веселости, жалости, удовольствия, ревности, симпатии, любви*. Впоследствии производился качественный и количественный анализ эмпирических результатов. Также учитывались уровень психической активности состояний и связь с ассоциативным уровнем ментальной репрезентации.

Во втором исследовании проводился ассоциативный эксперимент, разработанный на основе программы DMDX, позволяющей замерять время речевой реакции с точностью до миллисекунды (Forster, Forster 2003).

Инструкция для испытуемых предьявлялась в распечатанном виде на листе бумаги и была следующей: «Добрый день, дорогой участник исследования! На экране монитора Вам будут предьявлены названия психических состояний. Ваша задача состоит в том,

чтобы как можно быстрее назвать первую пришедшую в голову ассоциацию к данному понятию. Отвечайте, как можно быстрее, долго не задумывайтесь. В своих ответах ни на кого не ориентируйтесь. Нет ни хороших, ни плохих ответов!»

Таким образом, испытуемым в ходе эксперимента предлагалось назвать ассоциации, вызываемые предъявляемыми на мониторе компьютера стимулами. Стимулами послужили названия 25 психических состояний: *раздумье, усталость, восторг, спокойствие, тоска, радость, неуверенность, жалость, удовольствие, ревность, симпатия, ожидание, любовь, утомление, угрызение совести, влюбленность, одиночество, заинтересованность, веселость, нерешительность, счастье, сострадание, волнение, бодрость, вдохновение.*

Результаты исследования

Рассмотрим эмпирические данные, полученные в ходе изучения психического состояния неуверенности.

«Неуверенность» – отрицательное волевое состояние, имеющее низкий уровень психической активности. Для описания данного состояния испытуемые использовали от 4 до 8 слов. При исследовании понятийных репрезентаций состояния неуверенности в состав ядерного образования вошли описания «решение», «нерешительность» – 23,5%. Например, «нерешительность» – 11,8%, «колебание в решении» – 5,8% и т. п. Следующий слой: «боязнь» или «страх», «сомнение» – по 20,6% испытуемых. Встречались, например, такие описания: «сомнение в своих силах, в способностях», «страх принять решение», «боязливость», «боязнь не справиться». Дальнейший слой составили негативные психологические характеристики самосознания личности – 14,7% («неудовлетворенность собой», «неуверенность в себе», «заниженная самооценка», «неравновесие Я-концепции и Я-сознания» и т. д.). К периферии понятийного поля отнесены: «нечеткость восприятия», «состояние дискомфорта», ощущение «нехватки сил», «изменчивое оценивание», «нет внутри твердости». Большинство ответов имеют эмоциональные характеристики – боязнь и страх, при этом ядро составляют интеллектуальные характеристики, имеется также описание физиологического процесса («нехватка сил»).

В описаниях встречались разнообразные ассоциативные характеристики. Совпадения со словарной справкой были незначительные, что подчеркивает влияние индивидуального жизненного опыта на представления об этом состоянии.

Второе исследование показало, что время речевой ассоциативной реакции на понятие психического состояния неуверенности составило 2012,81 мс, что меньше среднего времени реакции на названия всех других приведенных выше психических состояний, предъявленных на мониторе компьютера (2114,68 мс).

В ходе качественного анализа было выявлено, что состояние неуверенности характеризуется отсутствием ядра ассоциативного поля, но наличием околядерного слоя (5 слов-реакций), в которое вошли ассоциации *скованность* (10%), *страх* (10%), *стеснение* (7%), *экзамен* (7%), *работа* (7%). Богатой на ассоциации оказалась периферия (18 слов-реакций), которую составили ассоциации *сомнение*, *раздражение*, *расстройство*, *беспокойство*, *непонятность*, *застенчивость*, *обида*, *робость*, *боязнь*, *неравновесие*, *смущение*, *растерянность*, *отчаяние*, *слабость*.

Таким образом, структура понятийных и ассоциативных характеристик ментальной репрезентации психического состояния *неуверенность* отличается наличием (понятийный уровень) или отсутствием (ассоциативный уровень) «ядерного» образования, наличием околядерных слоев разной степени плотности и периферией, представленной единичными значениями.

В целом можно сказать, что в исследовании оказалось возможным выделить закономерности и особенности понятийных и ассоциативных характеристик ментальных репрезентаций психического состояния *неуверенность*. В некоторых случаях ассоциативный уровень оказался трудно разделимым с понятийным уровнем: описания состояния неуверенности, оказавшиеся на периферии, часто представляли собой компоненты ассоциативного уровня.

Заключение

Перспективы изучения ментальных репрезентаций психических состояний состоят в дальнейшей разработке единой модели ментальной репрезентации психических состояний, в том числе, в реконструкции структурной организации ментальных репрезентаций состояний. Также возможно проведение сравнительного исследования с испытуемыми, владеющими другим языком и принадлежащими к другой культуре.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования его результатов в практической работе психолога, которая чаще всего заключается в воздействии на психическое состояние другого человека (клиента).

Литература

- Алексеева Е. М. Ментальная репрезентация психических состояний: эксплицитный и имплицитный ассоциативные компоненты // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. Кн. 4. С. 147–156.
- Андреева Е. А., Белопольский В. И., Блинникова И. В. и др. Ментальная репрезентация: Динамика и структура. М., 1998.
- Дорфман Л. Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М., 1997.
- Прусакова О. А., Сергиенко Е. А. Репрезентации эмоций детьми от трех до шести лет // Научный поиск: Сборник научных работ студентов, аспирантов и молодых преподавателей / Под ред. А. В. Карпова. Ярославль, 2002. Вып. 3. С. 51–64.
- Bascoe S. M., Davies P. T., Sturge M. L., Cummings E. M. Children's representations of family relationships // *Developmental Psychology*. 2009. V. 45. № 6. P. 1740–1751.
- Cooper L. A. Mental representation of three-dimensional objects in visual problem solving and recognition // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1990. V. 16. № 6. P. 1097–1106.
- Forster K. I., Forster J. C. DMDX: A Windows display program with millisecond accuracy // *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers*. 2003. V. 35. № 1. P. 116–124.
- Geller J. D., Farber B. A., Schaffer C. E. Representations of the supervisory dialogue and the development of psychotherapists // *Psychotherapy Theory, Research, Practice, Training*. 2010. V. 47. № 2. P. 211–220.

Representation features of the mental state of uncertainty

E. M. Alekseeva (Kazan)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate professor at the Department of theory and practice of translation of the Institute of international relations, history and Oriental studies, Kazan (Volga-region) federal University

The article is devoted to researching characteristics of mental state representation. It describes phenomenological regularities and conceptual descriptions features of the mental state of uncertainty and associative speech reactions to his name. The empirical research was conducted by means of a free object description method and within the associative experiment developed on the basis of the DMDX program allowing to measure speech reaction time with a millisecond accuracy. The probands used from 4 to 8 words for the description of the mental state of uncertainty.

The major descriptions were based on the concepts “decision” and “indecision”. The conceptual descriptions have been quite often connected with associative features of states representation. The associative layers had included the following associations: constraint, fear, constraint, examination, work. The associative speech reaction time to the concept of a mental state of uncertainty has made 2012,81 ms.

Keywords: mental state, state of uncertainty, mental representation, conceptual level, associative level, phenomenological characteristics.

Проблемы современной психологии метапознания

М. Р. Арпентьева (Калуга)

*доктор психологических наук, профессор,
старший научный сотрудник*

*Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского;
e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Проанализированы представления о метапознании, представленные в работах основоположника метакогнитивной психологии Дж. Флейвелла и его последователей, а также в работах современных отечественных и зарубежных психологов.

Ключевые слова: типы метапознания, структура метапознания, понимание, целеполагание, моделирование условий, программирование действий, самоконтроль познавательной деятельности.

Введение

Метапознание как совокупность знаний человека об основных особенностях познавательной сферы и способах управления ею выступает в качестве объекта внимания разных направлений и подходов, вследствие чего общее определение предмета метакогнитивной психологии, понимание структуры метапознания, его видов и функций до сих пор не сложилось. Используется целый ряд понятий, например, «метапознавательные способности», «метапознавательные процессы» и «метапознавательные структуры», которые также нуждаются в том, чтобы быть более или менее однозначно соотносенными друг с другом и изучаемой реальностью (Фомин, 2015). Неудивительно, что основным объектом внимания становятся типы/стили и компоненты метапознания.

Основные характеристики метапознания

Согласно Дж. Флейвеллу, метакогнитивный опыт содержит метакогнитивные навыки и знания, а также метакогнитивные стратегии и цели (Флейвелл, 2012). Таким образом, метапознание включает метакогнитивные процессы и структуры. При этом метакогнитивные структуры по своей природе отражают преимущественно процессуальные знания, касающиеся правил переработки информации в различных ситуациях жизнедеятельности (учебных и трудовых, интимно-личностных и публичных). Они формируются и трансформируются в течение всей жизни человека в результате в разной мере целенаправленного обучения и самообучения (Скитяева, 2005; Brown, 1987). К ним, в первую очередь, можно отнести знания и умения, касающиеся логических (дедуктивных, индуктивных) и квазилогических (традуктивных и абдуктивных) преобразований (когнитивный и метакогнитивный виды опыта), а также знания и умения, касающиеся формирования и трансформирования ценностных и интерактивных аспектов познания (интенциональный вид опыта), их связи с моделями общения и отношений, поведением и поступками человека, с процессами преодоления кризисов развития, кризисов отношений и иных трудных жизненных ситуаций разных типов (Холодная, 1997). Как познание познания, метапознание, в первую очередь, есть процесс (система или совокупность метапознавательных процессов). Во вторую очередь, как система знаний о знании, оно есть система или совокупность метапознавательных структур. Феноменология метакогнитивных процессов и структур, хотя и затрагивает самые разные сферы жизнедеятельности, наиболее отчетливо проявляется в ситуациях затруднений – проблем конфликтного общения и проблем, возникающих в ходе обучения: и там, и там перед субъектом или субъектами как в качестве наиболее важной стоит задача индивидуального и/или совместного понимания, а также задача соотнесения подчас принципиально разных способов осмысления реальности и ее фрагментов. Именно в этом соотнесении («сверке») и состоит, на наш взгляд, сущность метапознания, называется ли оно рефлексией или эмпатией, или ментализацией как умением видеть себя извне, а других – изнутри, или диалектичностью, или перецентрацией как сменой позиции, или умением учиться и учить, т. е. обучением «второго» («третьего» либо «четвертого») типа (Арпентьева, Меньшиков, Мойсеева, 2017; Карпов, 2004; Кашапов, 2012; Шадриков, 2006). Метапознание часто соотносят с саморегуляцией и самоэффективностью, связывая его с определенными личностными свойствами, мотивами и ценностями, хьютагогикой или аутодидактикой, развивающим

обучением, вне зависимости от того, возникают ли метакогнитивные качества как «негарантированный», эмерджентный результат глубинного интимно-личностного контакта или задаются обучающей задачей с четко сформулированной, развернутой «ориентировочной основой деятельности».

Во всех этих случаях стоящая перед субъектом задача на понимание активизирует, помимо процедур исследования содержания понятий и образов, процедуры сопоставления (структурные взаимосвязи внутри фреймов и связанных с понятием или образом поведенческих паттернов, а также процедуры формирования и трансформации содержательного и структурного знания, заключенного в данном образе или понятии. Таким образом, метакогнитивные процессы и структуры, условно говоря, могут быть двух типов: 1) «структурирующие» – отражающие задачи понимания в отношении структурных взаимосвязей (вне и внутри) понятий; 2) «трансформирующие» – отражающие процедурные аспекты существования и изменения содержания и структуры понятий. Е.И. Савин отмечает, что в изучении метапознания имеют место два его основных аспекта: 1) рефлексивный аспект – знание о собственном знании, включающее метакогнитивную осведомленность и открытость опыту, выступающие как важнейший регулятор познания; 2) собственно регулятивный аспект – произвольное (целеполагание и рефлексия) и непроизвольное (исполнительный контроль, внимание) управление процессами познания, в которых рефлексия выступает как один из компонентов, не вполне гарантирующих успешность познания и деятельности. Эти аспекты выделяются практически всеми исследователями, но, изучаясь в рамках разных походов, включая продолжающиеся исследования в рамках школы Ж. Пиаже, парадигму «имплицитного научения», информационные, деятельностные и др. подходы, дают подчас противоположные результаты (Савин, 2008). Фиксация исследователя на том или ином языке описания происходящего приводит к фиксации конкретной модели исследования, и, таким образом, интерпретации результатов с позиции «наивных ученых» (испытуемых), и «ненаивных ученых» (экспериментаторов). Условность их разделения раскрывается на этапе сопоставления: содержание, структурные связи и процессы получения знания об объекте и умение действовать с ним тесно связаны между собой. Первым примером является межличностное общение, в котором понимание себя, другого человека и ситуации взаимодействия с ним представляют собой единый комплекс, трансформация одного из компонентов которого автоматически приводит к трансформации остальных. Вторым – профессиональное обучение, в ко-

тором, как отмечал вслед за И. Кантом Г.Р. Киргхоф, «нет ничего практичнее хорошей теории».

Метапознание направлено на формирование и развитие представление о глубинных взаимосвязях феноменов мира, в том числе, причин и целей понятий и образов, которые человек сформировал или присвоил в той или иной конкретной ситуации. Контекстность, эмерджентность, релятивность понимания себя и мира – прямое отражение метапознавательной деятельности. Она позволяет человеку постичь множественность миров его жизни, ее изменчивость. Жизненный мир человека с развитыми метапознавательными способностями представляет собой, по сути, не гарантированное и фиксированное объективно данное, не произвольно декларируемое субъективное, не соотносящееся ни с другими, ни с ситуацией, а принятое на веру и возникающее в результате согласования с конкретными субъектами и в конкретной ситуации интерсубъектное или интерсубъективное представление. В этом представлении образы и понятия соотносятся так, чтобы обеспечить человека пониманием задач его текущей деятельности, в том числе обучения и общения. Качественные изменения деятельности, связанные с изменениям отношений человека к себе и окружающим людям, а также ситуации взаимодействия, предполагают активизацию метапознания, его процессов и структур. Незрелость метапознания приводит к дезориентации, барьерам и блокам понимания и, следовательно, отказу от деятельности или отношений с людьми или миром, в некоторых случаях – нарушению отношений человека с самим собой и психологической невозможности продолжать жить (состояния ступора и астении, суицидальные попытки и намерения и т. д.). Неумение соотнести процессы и структуры, выявить сходства и различия в формировании и трансформировании понятий и образов ставит человека в ситуацию более или менее выраженной дезориентации. В этом случае складывается особая психологическая ситуация, связанная с необходимостью, во-первых, освоить новый способ обучения, т. е. осознать существование, обновить или освоить новые метакогнитивные структуры и процессы, и, во-вторых, исправить обнаруженные метакогнитивные иллюзии и ошибки познавательной деятельности: от познавательной ригидности до переоценки своих когнитивных способностей.

Заключение

Виды метапознания можно рассматривать как его отдельные стадии или ведущие компоненты. Среди них в разных работах часто

называются целеполагание, моделирование условий, программирование деятельности, контроль исполнения и т. д. Метапознание позволяет человеку успешно познавать мир, понимать его, решая «задачи на смысл», формирование и трансформацию смысла. Метакогнитивные процессы принимают прямое и определяющее участие в идентификации и категоризации проблемы/ситуации, построении и трансформации ее репрезентации субъектом. В современной психологии метапознания в качестве важной проблемы и направления исследований выделяется необходимость научения метапознанию и смежное с ним направление совершенствования процесса обучения за счет активизации и развития метапознавательных способностей личности.

Литература

- Арпентьева М. Р., Меньшиков П. В., Моисеева Т. В. Дидактическая коммуникация: умение учиться и умение учить / Под ред. М. Р. Арпентьевой. Калуга, 2017.
- Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М., 2004.
- Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М., 2005.
- Кашапов М. М. Когнитивное и метакогнитивное понимание структурно-динамических характеристик творческого профессионального мышления // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов / Под ред. М. М. Кашапова, Ю. В. Пошехоновой. Ярославль, 2012. С. 35–121.
- Савин Е. Ю. О некоторых направлениях изучения метакогниций в психологии // Психология когнитивных процессов: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А. Г. Егорова, В. В. Селиванова. Смоленск, 2008. С. 150–153.
- Флейвелл Д. Когнитивное развитие и метапознание // Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. М., 2012. С. 151–162.
- Фомин А. Е. Метакогнитивный мониторинг решения учебных задач: механизмы и искажения. Калуга, 2015.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск–М., 1997.
- Шадриков В. Д. Интеллектуальные операции. М., 2006.
- Brown A. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms // Metacognition, Motivation and Understanding / Eds F. Weinert, R. Kluwe. N. J., 1987. P. 65–116.

The problems of modern metacognitive psychology

M. R. Arpentieva (Kaluga)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor,
senior research officer of Tsiolkovskiy Kaluga state University

The analysis of psychological literature on metacognition problems is given. The ideas of metacognition presented in the works of J. Flavell, the founder of metacognitive psychology, his followers and contemporary psychologists are analysed.

Keywords: types of metacognition, structure of metacognition, understanding, goal-setting, simulation of conditions, programming of actions, self-control of cognitive activity.

Взаимосвязь структуры интеллекта и ментальных репрезентаций психических состояний¹

Л. В. Артищева (Казань)

*кандидат психологических наук, старший преподаватель
Института психологии и образования
Казанского федерального университета;
e-mail: ladylira2013@yandex.ru*

На формирование ментальных репрезентаций психических состояний оказывает влияние ряд причин, относящихся к различным психическим явлениям. Наличие связей показателей интеллектуальных способностей и репрезентаций состояний посвящена данная статья. В ней раскрывается специфика ментальных репрезентаций психических состояний в зависимости от влияния интеллектуальных характеристик. Для выявления связей между структурой интеллекта и ментальными репрезентациями использовались опросник «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова и тест структуры интеллекта (TSI) Р. Амтхауэра. Показано, что большую взаимосвязанность с показателями интеллекта имеет структура отношений типичных и положительных состояний.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, психические состояния, интеллект, структура.

Введение

Вопросу специфики психических состояний посвящены многие исследования (Габдреева, 2004; Дикая, Семикин, 1991; Прохоров, 2004, 2013). Отражение психических состояний в сознании формирует образ состояний, их ментальные репрезентации (Прохоров, Артищева, 2016). Ментальные репрезентации могут рассматриваться

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884.

как процесс (процесс отображения, представления) и как результат, единица (описание опыта в рамках картины мира) (Кубрякова, Демьянков, 2007; Geller и др., 2010). «Ментальные репрезентации психических состояний» – малоизученная категория психического. В связи с этим встает вопрос об изучении механизмов формирования репрезентаций состояний, их динамики, распада, трансформации, а также связи с индивидуальными характеристиками, социальными составляющими личности. В нашем исследовании мы пытаемся выяснить, как интеллектуальные способности могут влиять на ментальные репрезентации психических состояний, которые чаще всего переживают испытуемые.

Процедура и методики исследования

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе испытуемые (студенты 20–22 лет; 36 человек) заполняли тест структуры интеллекта (TSI) Р. Амтхауэра. На втором этапе каждым испытуемым оценивалось по четыре психических состояний: актуальное, типичное состояние (чаще всего переживаемое во время занятий), положительное и отрицательное (состояния, переживаемые чаще других) по методике «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова.

Полученные данные обрабатывались с помощью программы SPSS 16.0.

Результаты исследования

Изучаемая структура интеллекта включает в себя следующие компоненты: вербальный, счетно-математический, пространственный, мнемический. На рисунке 1 отражен общий уровень интеллекта испытуемых.

Для данной группы испытуемых характерна высокая способность к запоминанию, сохранению информации в условиях помех и логическому, осмысленному ее воспроизведению. Отмечается достаточно высокий уровень развития кратковременной памяти и самостоятельность мышления, рассуждений с акцентом на конкретно-практическое мышление. Испытуемые для решения задач обладают необходимыми знаниями, способны актуализировать их и оперировать словами как сигналами и символами.

При этом на низком уровне – практическое мышление, математическое обобщение, логическое умозаключение. Слабо выражена способность к абстракции, абстрагированию, образованию поня-

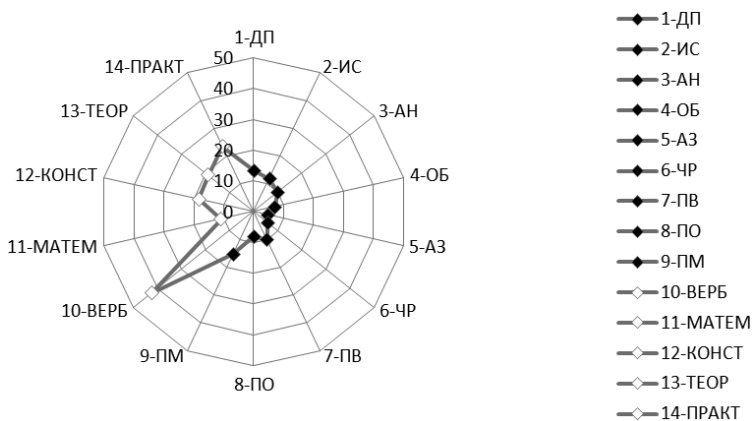

Рис. 1. Структура интеллекта по тесту Р. Амтхауэра.

ДП – дополнение предложений, ИС – исключение слова, АН – аналогии, ОБ – обобщение, АЗ – арифметические задания, ЧР – числовые ряды, ПВ – пространственное воображение, ПО – пространственное обобщение, ПМ – память, мнемические способности, ВЕРБ – комплекс вербальных субтестов, МАТЕМ – комплекс математических субтестов, КОНСТ – комплекс конструктивных субтестов, ТЕОР – комплекс теоретических планов способностей, ПРАКТ – комплекс практических планов способностей. 1–9 – основные характеристики структуры (оцениваются от 0 до 20 баллов, характеристика 4 – от 0 до 36 баллов), 10–14 – дополнительные характеристики структуры (оцениваются от 0 до 60 баллов)

тий, беден словарный запас, вследствие чего нечетко выражается и оформляется содержание мыслей.

Далее рассмотрим структуру отношений ментальных репрезентаций состояний исследуемых лиц с их интеллектуальными данными. На рисунке 2 отражена корреляционная плеяда показателей ментальных репрезентаций *актуальных состояний* и структуры интеллекта.

Формирование ментальных репрезентаций *актуальных* состояний детерминировано такими интеллектуальными особенностями, как мнемические, вербальные, теоретические способности и способность к обобщению. Структура исследованных взаимоотношений образована отрицательными связями; их структурообразующим звеном является характеристика поведения (расслабленность/напряженность). Снижение уровня абстрактного мышления и обобщения, вербального интеллекта и теоретических способностей вызывают напряженность поведения. Развитие кратковремен-

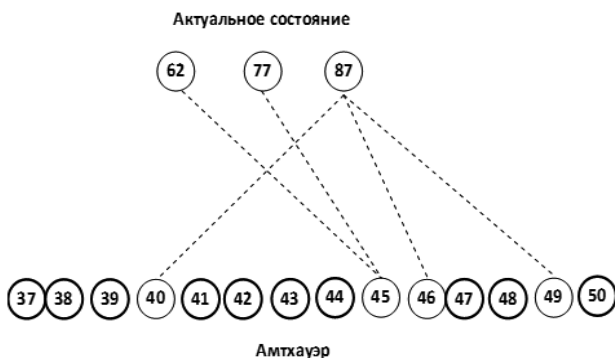

Рис. 2. Плеяда корреляций показателей ментальных репрезентаций актуальных состояний и структуры интеллекта.

Показатели теста структуры интеллекта (TSI): 37 – дополнение предложений, 38 – исключение слова, 39 – аналогии, 40 – обобщение, 41 – арифметические задания, 42 – числовые ряды, 43 – пространственное воображение, 44 – пространственное обобщение, 45 – память, мнемические способности, 46 – комплекс вербальных субтестов, 47 – комплекс математических субтестов, 48 – комплекс конструктивных субтестов, 49 – комплекс теоретических планов способностей, 50 – комплекс практических планов способностей. Показатели ментальных репрезентаций актуальных состояний: физиологические реакции: 62 – состояние мышечного тонуса; переживания: 77 – опускает–поднимает; поведение: 87 – расслабленность/напряженность

ной памяти способствует значительному мышечному напряжению и снижению интенсивности переживаний.

Структура взаимоотношений ментальных репрезентаций *типичных* состояний и интеллектуальных способностей отражена на рисунке 3. Она обладает большим количеством положительных связей между всеми подструктурами ментальных репрезентаций (психические процессы, физиологические реакции, переживания, поведение) и показателями структуры интеллекта, среди которых выявлены структурообразующие характеристики. Все они образуют одинаковые корреляции, т. е. детерминирует интенсивность одних и тех же показателей ментальных репрезентаций типичных состояний.

Способность к абстракции, умение грамотно выражать и оформлять содержание своих мыслей, практическое мышление и теоретические способности актуализируют чувствительность к внешним воздействиям, осознанность и ясность восприятия, мнемические процессы и речевую активность. Переживания становятся более бойкими, а поведение – продуманным.

Рис. 3. Плеяда корреляций показателей ментальных репрезентаций типичных состояний и структуры интеллекта.

Показатели теста структуры интеллекта (TSI) – те же. Показатели ментальных репрезентаций типичных состояний: психические процессы: 51 – ощущение, чувственность к внешним воздействиям, 52 – четкость, осознанность восприятия, 54 – память, 55 – мышление, 57 – речь; физиологические реакции: 68 – ощущения со стороны желудочно-кишечного тракта, 69 – состояние слизистой оболочки полости рта; переживания: 74 – пассивность–активность, 75 – сонливость–бодрость, 76 – вялость–бойкость, 78 – напряженность–раскрепощенность, 80 – скованность–раскованность; поведение: 81 – пассивность–активность, 84–необдуманность–продуманность, 85 – неуправляемость–управляемость, 86 – неадекватность–адекватность

Структура взаимоотношений показателей интеллекта и ментальных репрезентаций *положительных* состояний образована в основном отрицательными связями (рисунок 4).

Данная структура не имеет структурообразующих показателей, т. е. корреляционная нагрузка распределена равномерно на ряд показателей. Отметим лишь, что в формировании ментальных репрезентаций *положительных* состояний участвуют интеллектуальные характеристики, но их влияние ограничено количеством взаимосвязанных показателей репрезентаций.

На рисунке 5 отражена структура взаимоотношений ментальных репрезентаций *отрицательных* состояний и характеристик интеллекта. Структура в основном содержит отрицательные связи; взаимодействующих показателей очень мало, т. е. можно говорить не о структуре как целостности, а о наличии частных единичных связей между структурой интеллекта и ментальными репрезентациями. На процесс репродукции отрицательно окрашенных психических состояний интеллектуальные характеристики оказывают очень слабое влияние.

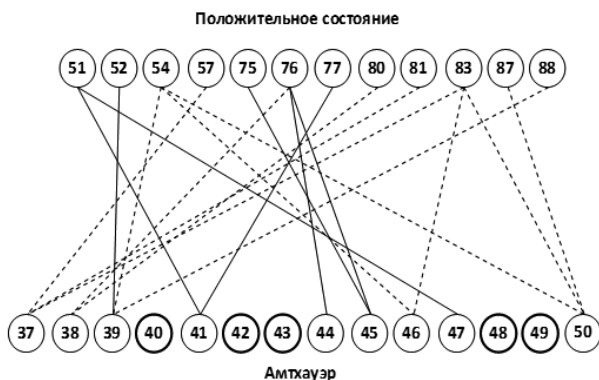

Рис. 4. Плеяда корреляций показателей ментальных репрезентаций положительных состояний и структуры интеллекта.

Показатели теста структуры интеллекта (TSI) – те же. Показатели ментальных репрезентаций положительных состояний: психические процессы: 51 – ощущение, чувственность к внешним воздействиям, 52 – четкость, осознанность восприятия, 54 – память, 57 – речь; переживания: 75 – сонливость–бодрость, 76 – вялость–бойкость, 77 – опускает–поднимает, 80 – скованность–раскованность; поведение: 81 – пассивность–активность, 83 – импульсивность–размеренность, 87 – расслабленность–напряженность, 88 – неустойчивость–устойчивость

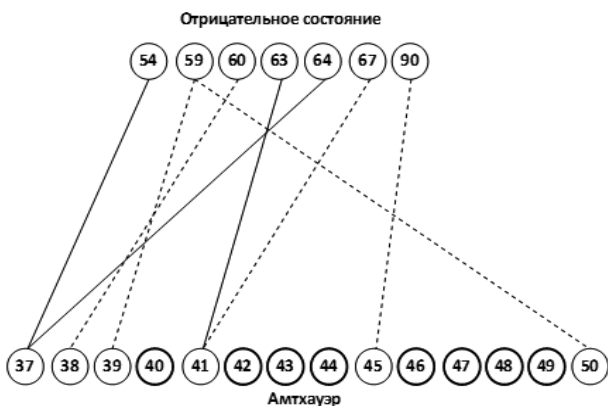

Рис. 5. Плеяда корреляций показателей ментальных репрезентаций отрицательных состояний и структуры интеллекта.

Показатели теста структуры интеллекта (TSI) – те же. Показатели ментальных репрезентаций отрицательных состояний: психические процессы: 54 – память, 59 – волевые процессы, 60 – внимание; физиологические реакции: 63 – координация движений, 64 – двигательная активность, 67 – состояние потоотделения; поведение: 90 – закрытость–открытость

Заключение

Для исследуемой группы испытуемых характерны интеллектуальные особенности, которые коррелируют и определяют специфику ментальных репрезентаций состояний. Выявленные высокий уровень наглядно-действенного мышления, кратковременной памяти, способности к запоминанию, сохранению информации, большой запас необходимых знаний, самостоятельность мышления являются коррелятами актуальных, типичных, положительных и отрицательных состояний, которые в большей мере характерны испытуемым. В основном выявленные способности детерминируют поведенческие реакции.

Литература

- Габдреева Г. Ш.* Методы регуляции психического состояния // Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. А. О. Прохорова. М.–СПб., 2004. С. 516–530.
- Дикая Л. Г., Семикин В. В.* Регулирующая роль образа функционального состояния в экспериментальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 55–65.
- Прохоров А. О.* Модели функциональных структур психических состояний // Психология состояний: Хрестоматия / Под ред. А. О. Прохорова. М.–СПб., 2004. С. 202–216.
- Прохоров А. О.* Образ психического состояния // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 108–122.
- Прохоров А. О., Артищева Л. В.* Циркадная динамика образных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2016. Т. 158. Кн. 4. С. 957–966.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
- Geller J. D., Farber B. A., Schaffer C. E.* Representations of the supervisory dialogue and the development of psychotherapists // *Psychotherapy Theory, Research, Practice, Training*. 2010. V. 47. № 2. P. 211–220.

The relationship structure of intelligence and the mental representations of mental states

L. V. Artishcheva (Kazan)

Candidate of psychological Sciences, senior teacher of the Institute of psychology and educations of the Kazan (Privolzhsky) federal University

The formation of mental representations of mental states is influenced by a number of reasons related to different mental phenomena. The article is devoted to analysis of the linkages of intellectual abilities' indicators and representations of mental states. It reveals the specificity of the mental representations of mental states, depending on the impact of intellectual characteristics. To identify the relations between the structure of intelligence and the mental representations, A. O. Prokhorov's Mental State Relief questionnaire and R. Amthauer's Intelligence Structure Test (AIST) were used. It is shown that greater interconnectedness has the structure of relationship of typical and positive mental states with indicators of intelligence.

Keywords: Mental representation, mental state, intelligence, structure.

Особенности когнитивных стилей импульсивность/рефлексивность и полезависимость/ полenezависимость в младшем школьном возрасте¹

Е. Г. Будрина (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: bydrina@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности когнитивных стилей импульсивность/рефлексивность и полезависимость/полenezависимость в младшем школьном возрасте. Данное исследование выполнено в рамках теории о квадриполярности когнитивных стилей. С помощью процедуры кластерного анализа проведено «расщепление» полюсов когнитивных стилей импульсивность/рефлексивность и полезависимость/полenezависимость и представлена специфика распределения стилевых субгрупп в младшем школьном возрасте. В младшем школьном возрасте когнитивные стили находятся в стадии формирования, так как когнитивный стиль представлен тремя, а не четырьмя субгруппами. В выборке младших школьников получена промежуточная стилевая субгруппа. Принадлежащие к этой субгруппе дети имеют потенциал, который с возрастом могут успешно реализовать при условии правильного воздействия (семейного, педагогического, образовательного, социального).

Ключевые слова: когнитивные стили, импульсивность/рефлексивность, полезависимость/полenezависимость, младший школьный возраст.

Постановка проблемы

В последние десятилетия в рамках когнитивной психологии активно разрабатывается стилевой подход, связанный с изучением когнитив-

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема № 0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

ных стилей. Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении, проявляющиеся в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего.

Относительно возрастной проблематики когнитивных стилей до сих пор отсутствует единая точка зрения. Остается ряд вопросов, требующих дополнительных исследований: существуют ли когнитивные стили в дошкольном возрасте, в каком возрасте появляется сформированное стилевое поведение, изменяются ли когнитивные стили с возрастом?

Исследование, проведенное нами на подростках с 5 по 9 класс (n=566) показало, что в подростковом возрасте можно говорить о сформированности таких когнитивных стилей, как узкий/широкий диапазон эквивалентности, импульсивность/рефлексивность, полезависимость/полenezависимость (Будрина, 2009).

Относительно наличия когнитивных стилей в дошкольном возрасте существует три точки зрения. М. Сакс (Сакс, 1985), исследовав двух-трехлетних детей, пришел к выводу, что стили в детском возрасте есть. В. В. Селиванов (1998), проведя исследование на основе модифицированной методики М. Сакса, установил, что дети младшего и среднего дошкольного возраста способны к полистилевому поведению. Вместе с тем большинство исследователей считает, что стили в этом возрасте нет, так как все дети, в силу возрастной специфики психического развития, – полезависимы, импульсивны и т. д.

Доказательством того, что в дошкольном возрасте когнитивный стиль полезависимость/полenezависимость еще не сформирован, являются результаты исследования Ю. Д. Чертковой (Черткова, 2003). При проведении кластерного анализа (n=168) ею было получено три кластера, при этом полюс полезависимости представлен двумя кластерами, которые в сумме составляют 96,5% от общей выборки испытуемых. Учитывая, что в кластер 1 вошло 91,5% испытуемых (субгруппа «фиксированные полезависимые»), а в кластер 2 – 5% испытуемых (субгруппа «мобильные полезависимые»), можно говорить о том, что полезависимость присуща подавляющему числу обследованных детей шестилетнего возраста.

Л. Л. Баландиной было проведено исследование старших дошкольников по методике MFFT для изучения когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность. Кластерный анализ позволил выделить две группы испытуемых с полярными полюсами когнитивного стиля. Первый кластер получил название «импульсивность», а второй – «рефлексивность». Однако, поскольку по основному показателю – «время ответа» – различия между этими группами незна-

чимы ($t=1,42$; $p \leq 0,2$), то можно говорить о том, что все дети данной выборки находятся на одном полюсе когнитивного стиля – импульсивности. Различия по дополнительному показателю – «количество ошибок» – говорит о том, что это две разные субгруппы одного полюса, одна из которых – «импульсивные», относящаяся к непродуктивной субгруппе, а другая субгруппа – «быстрые/точные» – относится к продуктивной субгруппе. К сожалению, автор исследования не приводит данные о количестве выборки дошкольников и о процентном распределении полученных групп (возможно, как и в исследовании Ю. Д. Чертковой, подавляющий процент приходится на группу «импульсивных» испытуемых). Таким образом, мы получаем сходную картину по двум когнитивным стилям у старших дошкольников: дети старшего дошкольного возраста в силу возрастной специфики психического развития – полезависимы и импульсивны.

Если в подростковом возрасте мы имеем сформированное стилевое поведение, а в дошкольном возрасте когнитивных стилей как таковых нет, то какова специфика когнитивных стилей в младшем школьном возрасте?

Процедура и методики эмпирического исследования

Методики исследования

Для изучения когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность (И/Р) применялась методика «Сравнение похожих рисунков» (MFFT) Дж. Кагана. Основной показатель импульсивности/рефлексивности – латентное время первого ответа (сумма); дополнительный показатель – общее количество ошибок.

Для выявления когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость применялась методика «Фигуры Готтшальдта». Показатели полезависимости/полenezависимости – общее время выполнения всех 30 заданий (в минутах); количество правильных решений; продуктивность, равная отношению количества правильных решений к времени выполнения (в минутах). В дальнейшем последний показатель обозначается как полезависимость/полenezависимость (ПЗ/ПНЗ).

Участники и организация исследования

Исследование проходило на базе МБОУ СОШ № 31 г. Мытищи. Сбор данных осуществлялся на протяжении 2014/2015 учебного года, во всей параллели 3-х классов. Диагностика когнитивных стилей проводилась индивидуально с каждым учащимся. Для методики

«Сравнение похожих рисунков» общая выборка составила 162 ученика, из них – 92 мальчика и 70 девочек; для методики «Фигуры Готтшальдта» – 151 ученик, из них – 86 мальчиков и 65 девочек.

Для обработки данных применялся стандартизированный пакет программ SPSS (версия 22). Для выявления стилевых субгрупп в рамках учета феномена «расщепления» полюсов когнитивных стилей применялся кластерный анализ, метод Уорда. Для оценки различий средних значений использовали параметрический критерий для независимых выборок (Т-критерий Стьюдента).

Результаты исследования

Данное исследование выполнено в рамках положения о квадриполярности когнитивных стилей (Холодная, 2000, 2004).

Расщепление полюсов когнитивного стиля И/Р осуществлялось по основному показателю – время первого ответа и дополнительно показателю – количество ошибок. В плане теоретических ожиданий полюс импульсивности должен быть представлен субгруппами «импульсивные» и «быстрые/точные», а полюс рефлексивности – субгруппами «рефлексивные» и «медленные/неточные». Две стилевые субгруппы («быстрые/точные» и «медленные/точные») относятся к продуктивным и две («быстрые/неточные» и «медленные/неточные») – к непродуктивным (там же).

При поведении кластерного анализа по когнитивному стилю импульсивность/рефлексивность было получено три субгруппы, а не четыре, как теоретически ожидалось.

Полюс рефлексивности представлен только одной субгруппой – «рефлексивные», т. е. произошло выпадение второй непродуктивной

Таблица 1

Средние значения показателей кластеров когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность в младшем школьном возрасте

Показатели	Полюс импульсивности			Полюс рефлексивности		
	Импульсивные n=57	Т-критерий 1	Быстрые/ Точные n=67	Т-критерий 2	Рефлексивные n=38	Медленные/ Неточные
ВПО	18,3/±7,6	16,570***	46,7/±11,1	-13,475***	105,5/±25,8	–
КО	25,3/±8,3	-10,895***	11,6/±4,6	6,785***	5,5/±4,3	–

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$; Т-критерий 1 – сравнение импульсивных и быстрых/точных; Т-критерий 2 – сравнение быстрых/точных и рефлексивных.

стилевой субгруппы с наименее эффективным типом перцептивного сканирования – «медленные/неточные». Испытуемые субгруппы «рефлексивные» имеют самое высокое значение основного показателя «время первого ответа» и самое низкое значение дополнительного показателя «количество ошибок», т. е. замедление темпа перцептивного сканирования ведет к увеличению точности перцептивного сканирования.

Полюс импульсивности представлен двумя субгруппами. У испытуемых субгруппы «импульсивные» значение основного показателя «время первого ответа» – самое низкое (их отличает высокая скорость принятия решения), а значение дополнительного показателя «количество ошибок» – самое высокое, т. е. увеличение темпа перцептивного сканирования приводит к уменьшению точности перцептивного сканирования. Вторую субгруппу полюса импульсивности можно условно назвать «быстрой/точной», так как она занимает промежуточное положение между двумя крайними субгруппами – «рефлексивными» и «импульсивными». Для того чтобы интерпретировать полученную субгруппу как «быструю/точную», мы не должны были получить отличие в основном показателе «время первого ответа» между этой субгруппой и субгруппой «импульсивные» и отличие в дополнительном показателе «количество ошибок» с субгруппой «рефлексивные».

Расщепление полюсов когнитивного стиля ПЗ/ПНЗ осуществлялось по показателям «общее время» и «количество правильных ответов». В плане теоретических ожиданий полюс полезависимос-

Таблица 2

Средние значения показателей кластеров когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость в младшем школьном возрасте

Показатели	Полюс Полenezависимости			Полюс Полезависимости		
	ПНЗ мобильных n=58	Т-критерий 1	ПНЗ фиксированные n=44	Т-критерий 2	ПЗ фиксированные n=49	ПЗ Мобильные
ОбВр	11,9/±3,8	2,916**	9,9/±3,0	-11,530***	18,7/±4,3	-
КПО	23,0/±2,9	13,245***	12,3/±4,7	-0,508	12,7/±3,5	-
ПЗ/ПНЗ	2,2/±1,0	4,917***	1,34/±0,7	5,624***	0,7/±0,1	-

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$; Т-критерий 1 – сравнение ПНЗ мобильных и ПНЗ фиксированных; Т-критерий 2 – сравнение ПНЗ фиксированных и ПЗ фиксированных.

ти должен быть представлен субгруппами «ПЗ мобильные» и «ПЗ фиксированные», а полюс полнезависимости – субгруппами «ПНЗ мобильные» и «ПНЗ фиксированные». Две стилевые субгруппы («ПЗ мобильные» и «ПНЗ мобильные») относятся к продуктивным и две («ПЗ фиксированные» и «ПНЗ фиксированные») – к непродуктивным.

При поведении кластерного анализа в когнитивном стиле полезависимость/полнезависимость было получено три субгруппы, а не четыре, как теоретически ожидалось.

Полюс полезависимости представлен только одной субгруппой – «ПЗ фиксированные», которая является самой непродуктивной, т. е. произошло выпадение второй продуктивной стилевой субгруппы – «ПЗ мобильные». Испытуемые субгруппы «ПЗ фиксированные» имеют самое высокое значение показателя «общее время», при этом второй показатель «количество правильных ответов» у них невысокий, т. е. увеличение времени принятия решения не приводит к увеличению правильности принятия решений. Соответственно, обобщенный показатель «ПЗ/ПНЗ» в субгруппе «ПЗ фиксированных» самый низкий.

Полюс полнезависимости представлен двумя субгруппами. У испытуемых субгруппы «ПНЗ мобильных» – самое высокое значение показателя «количество правильных ответов», при этом второй показатель «общее время» у них невысокий, т. е. уменьшение времени перцептивного сканирования не влияет на правильность принятия решений. Данная субгруппа является самой продуктивной и, соответственно, обобщенный показатель «ПЗ/ПНЗ» у них самый высокий. Вторая субгруппа «ПНЗ фиксированных», хоть и относится полюсу полнезависимости, но является непродуктивной, так как при невысоком показателе «общее время» второй показатель «количество правильных ответов» также невысокий, т. е. увеличение скорости перцептивного сканирования у данных испытуемых влияет на правильность принятия решений. Данную субгруппу можно условно назвать «ПНЗ фиксированной», так как мы не должны были получить отличия в показателе «общее время» между этой субгруппой и субгруппой «ПНЗ мобильных». Со временем больше вероятности того, что испытуемые субгруппы «ПНЗ мобильные» увеличат скорость перцептивного сканирования, так как данная группа является продуктивной и имеет ресурс и в скорости, и в точности перцептивного сканирования, чем того, что «ПНЗ фиксированные» увеличат скорость принятия решений, не имея ресурса в точности перцептивного сканирования.

Заключение

В младшем школьном возрасте в когнитивных стилях импульсивность/рефлексивность и полезависимость/полenezависимость происходит выпадение одной стилевой субгруппы – «медленные/неточные», «ПЗ мобильные», т. е. каждый когнитивный стиль представлен тремя субгруппами.

В когнитивном стиле импульсивность/рефлексивность выделяется промежуточная субгруппа – «быстрые/точные», которая занимает среднее положение в пространстве основного и дополнительного показателя. Возможно, испытуемые данной субгруппы имеют потенциал, который с возрастом могут успешно реализовать при условии правильного воздействия (семейного, педагогического, образовательного, социального) и остаться в этой продуктивной субгруппе, либо «перейти» в другую продуктивную субгруппу – «рефлексивные» за счет формирования механизма произвольного контроля процесса принятия решения. Если данный потенциал правильно не реализовать, то в дальнейшем ребенок может оказаться в непродуктивной стилевой субгруппе «импульсивные».

В рамках когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость также выделяется промежуточная субгруппа («ПНЗ фиксированные»). Здесь также возможны прогрессивная (переход в субгруппу «ПНЗ мобильные») и регрессивная (нарастание проявлений полenezависимого стиля) линии интеллектуального развития в зависимости от меры сформированности механизма произвольного интеллектуального контроля.

Таким образом, когнитивные стили в младшем школьном возрасте находятся в стадии формирования, и с возрастом можно ожидать изменений в составе и соотношении стилевых субгрупп.

Литература

- Баландина Л. Л. Особенности проявления когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» и его взаимосвязь с интеллектом и личностными характеристиками дошкольников // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 1. С. 55–65.
- Будрина Е. Г. Динамика интеллектуального развития подростков в условиях разных моделей обучения // Психологической журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 33–46.
- Сакс М. Существуют ли когнитивные стили у двух–трехлетних детей? // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1985. № 722. С. 80–97.

- Селиванов В. В. Мышление и личность. Смоленск, 1998.
- Черткова Ю. Д. Природа межиндивидуальной изменчивости когнитивных характеристик в подростковом возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Холодная М. А. Когнитивный стиль как квадриполярное измерение // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 46–56.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.
- Kagan J. Reflection–impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of abnormal psychology. 1966. V. 71. P. 17–24.

Peculiarities of cognitive styles impulsivity/reflectivity and field dependence/field independence in the younger school age

E. G. Budrina (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer, Institute of Psychology of RAS

The peculiarities of cognitive styles of impulsivity/reflectivity and field dependence/field independence in the younger school age are studied. This study was performed in the framework of the theory of cognitive styles quadripolarity. By means of cluster analysis the “splitting” of the poles of cognitive styles impulsivity/reflectivity and field dependence/field independence was conducted, and the specifics of the distribution of style subgroups in the younger school age was showed. In contrast to adolescents, in which the style behavior was fully formed, and to preschool age who had no cognitive styles, at the younger school age cognitive styles were being formed: they were represented by three rather than four subgroups, in each cognitive style an intermediate subgroup was obtained. Subjects of the intermediate subgroup have potential that can be successfully implemented with age, if provided with right developmental impact (family, pedagogy, education, society).

Keywords: cognitive styles, impulsivity/reflectivity, field dependence/field independence, younger school age.

Когнитивные стили в структуре индивидуальности в период ранней взрослости¹

*Е. В. Волкова**, *В. М. Русалов***, *Т. А. Дудникова**** (Москва)

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: volkovaev@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: roussa@rambler.ru*

**** магистр Государственного академического университета
гуманитарных наук; e-mail: keeperrain@yandex.ru*

Статья посвящена описанию взаимосвязей показателей когнитивных стилей с важнейшими характеристиками индивидуальности: темпераментом, фундаментальными свойствами личности, чертами характера, мотивацией и интеллектом в период ранней взрослости. В исследовании приняли участие 633 человека в возрасте от 17 до 270 лет (среди них 35,4% юношей). Показано, что факторная структура индивидуальности может быть представлена четырьмя видами комплексов – личностными (коммуникативно-экстравертивный, нейротический и психотический), когнитивно-стилевыми (продуктивный, непродуктивный), когнитивно-личностными (психомоторный, психотический) и интеллектуальным. Когнитивные стили в структуре индивидуальности могут функционировать, как самостоятельно, так и совместно с другими подструктурами индивидуальности, образуя устойчивые симптомокомплексы, обуславливающие особенности поведения. Проведена первичная психометрическая проверка методики CPS-Q (опросника когнитивных стилей), которая показала, что большинство шкал обладают допустимым уровнем внутренней согласованности и внешней валидности.

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема №0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

Ключевые слова: когнитивные стили, структура индивидуальности, ранняя взрослость.

Введение

Проблема когнитивных стилей является одной из актуальных в современной психологии. Анализ полученных данных показывает, что различия в когнитивных стилях влияют на процессы восприятия, обучения, решения задач, общения, мышления, интеллекта, творчества (Холодная, 2004; Обознов, Петрович, 2009; Толочёк, 2013, 2015; Armstrong, 2000; Sternberg, 2010; и др.). Однако во всем многообразии подходов и исследований вопрос о роли когнитивных стилей в структуре индивидуальности остается одним из наименее изученных.

Целью настоящего исследования является первичная психометрическая проверка опросника когнитивных стилей (CPS-Q; Volkova, Rusalov, 2016) и выявление сопряженности когнитивных стилей с равноуровневыми свойствами индивидуальности.

Обзор литературных источников (Русалов, Волкова, 2015; Glicksohn, Naftuliev, Golan-Smooha, 2007; Hodgkinson, Sadler-Smith, 2003; Volkova, Rusalov, 2016) позволяет предположить существование «чисто» когнитивных, когнитивно-личностных и личностных комплексов, обуславливающих особенности поведения и деятельности в период ранней юности.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 633 студента (35,4% юношей) московских университетов (ГАУГН, МИП, МГППУ), Калужского университета (КГУ им. К. Э. Циолковского), Пермского университета (ПГПУ) разных факультетов. Средний возраст выборки – $19,6 \pm 1,8$ года.

Методический комплекс представлен двумя блоками.

1 блок. Когнитивные стили:

- 1) полная (CPS-Q; В. М. Русалов, Е. В. Волкова) и сокращенная (КСИЧ; В. М. Русалов, Н. А. Велумян) версии опросника когнитивных стилей – полезависимость (ПЗ), полenezависимость (ПНЗ), узкий диапазон эквивалентности (УДЭ), широкий диапазон эквивалентности (ШДЭ), гибкость познавательного контроля (ГИБ), ригидность познавательного контроля (РИГ), импульсивность (ИМП), рефлексивность (РЕФ), конкретная концептуализация (КОНКОН), абстрактная концептуализация (АБСКОН), толерант-

ность к нереалистическому опыту (ТОЛ), нетолерантность к нереалистическому опыту (НЕТОЛ);

- 2) компьютерная версия методики «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана – импульсивность (ИМП), рефлексивность (РЕФЛ);
- 3) индивидуальная версия методики «Включенные фигуры» Г. Уиткина – полезависимость (ПЗ), полenezависимость (ПНЗ);
- 4) методика «Свободная сортировка слов» в модификации В. Колги.

2 блок. Особенности индивидуальности:

- 1) опросник формально-динамических свойств индивидуальности (показателей темперамента в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах) (В. М. Русалов);
- 2) опросник фундаментальных свойств личности (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, психотизм) Айзенка (Русская модифицированная и адаптированная версия ЛОА-к, Е. Р. Слободская, Г. Г. Князев, М. В. Сафронова);
- 3) опросник черт характера (В. М. Русалов, О. Н. Манолова) – гипертимность, застревание, эмотивность, педантичность, тревожность, циклотимность, демонстративность, возбудимость, дистимность, экзальтированность;
- 4) модифицированные версии опросников мотивации достижения (Spence, Helmreich, 1983) и выбора профессии (ее доступность и ценность);
- 5) тест интеллекта «Логические операции» (В. М. Русалов).

Статистическая обработка данных проводилась на базе стандартных программ из пакета IBM SPSS Statistics-22. Для предварительной психометрической проверки CPS-Q и оценки сопряженности когнитивных стилей с разноуровневыми свойствами в структуре индивидуальности использовался дискриптивный анализ, анализ надежности, корреляционный и факторный анализ (метод главных компонент с последующим вращением по критерию Varimax).

Результаты исследования¹

Валидизация и проверка надежности CPS-Q

Для проверки внешней валидности показатели шкал CPS-Q *импульсивность/рефлексивность, полезависимость/полenezависимость и узкий/широкий диапазон эквивалентности* сопоставлялись с по-

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе эмпирического материала Е. И. Горбачевой, И. А. Кибальченко, И. О. Куваевой и А. Ю. Калугину.

казателями методик «Включенные фигуры» Уиткина, «Сравнение похожих рисунков» Кагана и «Свободная сортировка слов» в модификации Колги.

Корреляционный анализ выявил отрицательную связь между шкалой *импульсивность* опросника CPS-Q и показателями среднего времени выполнения заданий ($r = -0,219$, $p \leq 0,05$) методики «Сравнение похожих рисунков».

Показатель шкалы *полезависимости* опросника CPS-Q положительно коррелирует с показателем времени выполнения методики «Включенные фигуры» ($r = 0,409$, $p \leq 0,001$). Эти данные свидетельствуют о том, что при доминировании полезависимости для респондентов характерно преобладание целого, недостаточное дифференцирование частей в образе восприятия, неспособность преодолевать контекст. Также было установлено, что показатель *полнезависимости* отрицательно связан с показателем времени нахождения простой фигуры в сложной ($r = -0,394$, $p \leq 0,001$).

Показатель шкалы CPS-Q *широкий диапазон эквивалентности* положительно коррелирует с коэффициентом категоризации при сортировке слов ($r = 0,306^*$; $p \leq 0,001$), что может говорить об умении классифицировать объекты деятельности с учетом некоторых обобщенных категориальных оснований.

Валидизация и проверка надежности CPS-Q показала, что большинство шкал обладают допустимым уровнем внутренней согласованности (Альфа Кронбаха варьирует в диапазоне от 0,472 до 0,704); шкалы *импульсивность*, *полезависимость/полнезависимость* и *широкий диапазон эквивалентности* обладают достаточной внешней валидностью.

Факторный анализ

Для выявления сопряженности когнитивных стилей с разноуровневыми свойствами в структуре индивидуальности обратимся к результатам факторного анализа. Данные одномерной описательной статистики (Детерминант = $7,978E-8$; мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (КМО) = 0,842 и критерий сферичности Барлетта = 5172,889; $p = 0,000$) свидетельствуют о правомерности применения факторного анализа к анализу полученных данных. Факторный анализ выделил 8 факторов, описывающих 64,3% дисперсии.

В первый фактор, охватывающий 12,6% общей дисперсии, вошли: *экстраверсия* (0,902), *коммуникативная активность* (0,867), показатели черт характера – *гипертичность* (0,796), *демонстративность* (0,776), *дистимность* (-0,594), показатели *мотивации дости-*

жений (0,428) и доступности выбора профессии (0,413). Данный фактор был назван «Коммуникативно-экстравертивный».

Во второй фактор (11,9%) вошли: показатель интеллектуальной активности (0,508), показатели когнитивных стилей – абстрактная концептуализация (0,802), толерантность (0,706), гибкость (0,705), полнезависимость (0,642), рефлексивность (0,593), узкий диапазон эквивалентности (0,495) и показатель мотивации достижений (0,529). Поскольку такие особенности, как способность легко устанавливать разного рода связи и отношения между объектами действительности, принимать оригинальные решения и быть открытым новому опыту, несмотря на противоречивую информацию, легкость перехода с одних личностно-познавательных программ на другие, способность опираться на собственные знания и опыт, высокая чувствительность к деталям и нюансам деятельности характеризуют поведение творческой личности, то данный фактор получил название «Продуктивно-стилевой».

Третий фактор (10,6%) составили показатели *нейротизма* (0,747) и таких черт характера, как *циклотимность* (0,888), *экзальтированность* (0,862), *дистимность* (0,619), *эмотивность* (0,514), *тревожность* (0,451), *застывание* (0,433). Учитывая то обстоятельство, что в этот фактор вошли показатели, отражающие нестабильность эмоциональной сферы, он был назван «Нейротический».

В четвертый фактор (8,16%) вошли только когнитивные стили – *ригидность* (0,831), *конкретная концептуализация* (0,622), *широкий диапазон эквивалентности* (0,535), *нетолерантность* (0,616) и *рефлексивность* (0,422). Исходя из того, что для респондентов с данными стилевыми особенностями характерны жесткое следование намеченному плану и инструкциям деятельности, зависимость от статуса и авторитета источника информации, нетерпимость к неопределенности, замедленный темп принятия решений, грубая оценка событий и явлений действительности, данный фактор можно назвать «Непродуктивно-стилевой».

Пятый фактор (6,5%) составили такие характерологические свойства, как *педантичность* (0,562), *эмотивность* (0,510), *тревожность* (0,459), показатель *психомоторной активности* (0,463) и когнитивные стили – *узкий диапазон эквивалентности* (0,462), *полезависимость* (0,437). Данный фактор получил название «Психомоторный». Для молодых людей с подобным симптомокомплексом характерны настойчивая деятельность, направленная на постоянное поддержание порядка, обостренное чувство справедливости, чувство тревоги, ориентированность на детали и неспособность самостоятельно принимать решение.

В шестой фактор (5,9%) вошли такие когнитивные стили, как *импульсивность* (0,695), *широкий диапазон эквивалентности* (0,486), *полезависимость* (0,450), *мотивация ценности выбора профессии* (0,513) и *психотизм* (0,430). Вышеперечисленные признаки свидетельствуют о том, что для людей с данным симптомокомплексом характерны спонтанность, грубая оценка предметов и явлений, неспособность самостоятельного принятия решения, нарушение установленных правил и нормативов. Как бы это ни казалось парадоксальным, ценность выбранной профессии для респондентов с таким симптомокомплексом важнее, чем ее доступность.

Седьмой фактор (4,8%) составили следующие показатели: *возбудимость* (0,805), *психотизм* (0,537) и *застывание* (0,529). Поскольку данная группа показателей объединяет такие личностно-характерологические признаки, как бурная эмоциональная реакция на незначительные события, чрезмерно агрессивное отстаивание позиции, легкость вступления в конфликтную ситуацию, повышенная чувствительность к любым критическим замечаниям, то было принято решение назвать данный фактор «Возбудимо-психотический».

Восьмой фактор (3,736%) составили показатели *сформированности элементарных логических операций* (0,880) и *интеллектуальной активности* (0,419). В этот фактор вошли показатели, описывающие особенности чисто интеллектуальной деятельности, поэтому он был назван «Логико-интеллектуальный».

Заключение

Содержательный анализ данных показывает, что среди восьми факторов только четыре сопряжены с показателями когнитивных стилей, при этом два из них «чисто» когнитивно-стилевого комплекса (продуктивный и непродуктивный) и два – когнитивно-личностных комплекса (психомоторный и психотический). Таким образом, когнитивные стили могут функционировать и как самостоятельные психологические образования, и совместно с другими структурами индивидуальности. Продуктивный стилевой комплекс включает абстрактную концептуализацию, толерантность, гибкость, полезависимость, узкий диапазон эквивалентности, а также показатель интеллектуальной активности и мотивации достижений. Непродуктивный стилевой комплекс в основном образован противоположными полюсами данных когнитивных стилей – ригидность, конкретная концептуализация, широкий диапазон эквивалентности, нетолерантность и рефлексивность. Данный факт подтверждает

ет гипотезу М. А. Холодной о «расщепленности» полюсов когнитивных стилей. По-видимому, в основе данной «расщепленности» лежит биологически обусловленное свойство темперамента – интеллектуальная активность. Выявленные связи между когнитивными стилями и индивидуально-психологическими особенностями – темпераментом, фундаментальными свойствами личности, характером, мотивацией и интеллектом – могут служить дополнительным подтверждением теоретической гипотезы о значимости вышеперечисленных свойств в структуре индивидуальных ментальных ресурсов человека.

Литература

- Обознов А. А., Петрович Д. Л. Оценивание приборной информации: Когнитивно-стилевые характеристики // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 4. С. 74–80.
- Русалов В. М., Волкова Е. В. Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 32–42.
- Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М., 2013.
- Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.
- Armstrong S. J. The influence of cognitive style on performance in management education // Educational Psychology. 2000. № 20. P. 323–339.
- Glicksohn J., Naftuliev Y., Golan-Smooha H. Extraversion, psychoticism, sensation seeking and field dependence–independence: Will the true relationship please reveal itself? // Personality and Individual Differences. 2007. № 42. P. 1175–1185.
- Hodgkinson G. P., Sadler-Smith E. Complex or unitary? A critique and empirical re-assessment of the Allinson–Hayes cognitive style index // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2003. № 76. P. 243–268.
- Sternberg R. J. Thinking styles. N. Y., 2010.
- Volkova E. V., Rusalov V. M. Cognitive styles and Personality // Personality and Individual Differences. 2016. V. 99. P. 266–271.

Cognitive styles in the structure of individuality at early adulthood

*E. V. Volkova**, *V. M. Rusalov***, *T. A. Dudnikova**** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, leading researcher, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer, Institute of Psychology of RAS

*** Master of the State academic University of humanitarian Sciences

The purpose of this paper was to describe the relationships among the indicators of cognitive styles and the most important characteristics of individuality: temperament, fundamental personality traits, character traits, motivation and intelligence at the age of early adulthood. Six hundred and thirty three students aged from 17 to 27 years (35.4% of males) took part in the study. It was shown that the factor structure of individuality can be represented by four types of complexes: (a) personal (communicative-extraverted, neurotic, and psychotic), (b) cognitive-style (productive and unproductive), (c) cognitive-personal (psychomotor and psychotic) and (d) intelligence complex. According to the data obtained, cognitive styles in the structure of individuality can function both independently and together with other personality structures, forming stable symptom-complexes, which underlie the peculiarities of the behavior and activities of modern youth. A primary psychometric verification of the CPS-Q technique was performed. It was also shown that most of CPS-Q scales have an acceptable level of internal consistency and external validity.

Keywords: cognitive styles, individuality structure, early adulthood.

Роль понятийных способностей как фактора совладающего поведения

Н. Э. Волкова (Москва)

*аспирантка Государственного академического университета
гуманитарных наук; e-mail: nats29@mail.ru*

В статье анализируется специфика совладающего поведения в зависимости от сформированности понятийных способностей в период ранней взрослости. В исследовании принимали участие 118 добровольцев технических и гуманитарных специальностей из Москвы и Таганрога в возрасте от 18 до 24 лет ($19,5 \pm 0,9$), среди них 58,1% девушек. Факторный анализ позволил выделить три фактора (социальные, непродуктивные и проблемно-ориентированные группы стратегий совладания). Понятийные способности вошли в один фактор с проблемно-ориентированными стратегиями совладания, что свидетельствует о важной роли когнитивных механизмов в стратегиях этого типа. Опираясь на полученные результаты, можно предположить, что социальные и непродуктивные стратегии совладания обусловлены в большей мере личностными или когнитивно-личностными механизмами.

Ключевые слова: понятийные способности, стратегии совладающего поведения, ранняя взрослость.

Постановка проблемы

Проблема взаимосвязи интеллектуальной продуктивности и стратегии совладающего поведения является одной из дискуссионных в современной психологии. В одних исследованиях отмечается, что более высокоинтеллектуальные респонденты преимущественно выбирают проблемно-ориентированные стратегии совладания; в других описывается их склонность использовать социальные и эмоциональные стратегии; в третьих констатируется отсутст-

вие каких-либо связей между интеллектуальной продуктивностью и выбором стратегии совладения с трудными жизненными ситуациями. Так, в исследованиях С. А. Хазовой (Хазова, 2014) обнаружено, что высокоинтеллектуальные старшеклассники чаще используют стратегию «уход в себя», в то время как Э. Фрайденберг считает, что для них характерно использование стратегий «решение проблем» и «работа и достижения».

Подобные противоречия могут быть обусловлены тем обстоятельством, что структура совладающего поведения и отнесение тех или иных стратегий совладания к продуктивным либо непродуктивным различаются у разных исследователей.

Э. Фрайденберг, Р. Льюис (Frydenberg, Lewis, 1991) и Т. Л. Крюкова (2004), анализируя модели поведения человека в трудных жизненных ситуациях, выделяют три группы индивидуальных стратегий совладающего поведения: продуктивный стиль совладания («решение проблемы»; «работа и достижения»; «религиозная поддержка»; «позитивный фокус»), непродуктивный стиль совладания («беспокойство»; «надежда на чудо»; «несовпадение»; «разрядка»; «игнорирование»; «самообвинение»; «уход в себя»; «отвлечение»; «активный отдых») и социальный стиль совладания («социальная поддержка»; «друзья»; «принадлежность»; «общественные действия»; «профессиональная помощь»). Однако М. А. Холодная, О. Г. Берестнева и Е. А. Муратова такое разделение стратегий совладающего поведения считают некорректным, поскольку проверка валидности опросника «Юношеская копинг-шкала» (ACS) выявила существование семи факторов, не соответствующих трем стилям совладания (продуктивному, непродуктивному и социальному). Первый фактор включает в себя четыре стратегии («социальная поддержка»; «друзья»; «принадлежность»; «отвлечение»); второй фактор – две стратегии («решение проблемы»; «работа и достижения»); третий фактор – две стратегии («беспокойство»; «самообвинение»); четвертый фактор – четыре стратегии («надежда на чудо»; «несовладание»; «разрядка»; «религиозная поддержка»); пятый фактор – две стратегии («общественные действия»; «профессиональная помощь»); шестой фактор – две стратегии («игнорирование»; «уход в себя») и седьмой фактор – две стратегии («позитивный фокус»; «активный отдых») (Холодная, Берестнева, Муратова, 2007).

Анализ имеющихся эмпирических исследований приводит к постановке закономерного вопроса о роли интеллектуальных способностей в структуре совладающего поведения. Пролить свет на данный вопрос могут результаты исследования когнитивных стилей В. М. Русалова и Е. В. Волковой (Volkova, Rusalov, 2016), в которых

обнаружено существование «чистого» когнитивно-стилевого комплекса и когнитивно-личностных стилевых комплексов, в основе которых лежат разные психические механизмы регуляции жизнедеятельности. Вероятно, ключевое различие в компонентах структуры совладания может отличаться мерой выраженности механизмов регуляции (когнитивные, когнитивно-личностные, личностные) в совладании с трудными жизненными ситуациями.

Процедура, гипотеза, методы эмпирического исследования

Опираясь на исследования М. А. Холодной и Е. В. Волковой (Kholodnaya, Volkova, 2016), в которых показана ведущая роль понятийных способностей как важнейшего фактора, обуславливающего продуктивность интеллектуальной деятельности, мы сформулировали *гипотезу* о том, что категориальные способности (категориальное обобщение и произвольный категориальный контроль) и концептуальные (порождающие) способности могут лежать в основе выбора, прежде всего, таких стратегий совладающего поведения, как «работа и достижения» и «решение проблемы».

Настоящее исследование выполнено в рамках методологического подхода, согласно которому понятийные способности рассматриваются как ключевой фактор в структуре индивидуальных ментальных ресурсов, обуславливающих продуктивность жизнедеятельности человека.

Цель исследования состоит в изучении взаимосвязей показателей понятийных способностей и стратегий совладающего поведения в период ранней взрослости.

Организация исследования

В исследовании принимали участие 118 добровольцев технических и гуманитарных специальностей из Москвы и Таганрога в возрасте от 18 до 24 лет ($19,5 \pm 0,9$), среди них 58,1% девушек.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс диагностических методик, включающих два блока:

Первый блок: Методика диагностики понятийных способностей М. А. Холодной (Холодная, 2012); Методика «Обобщение трех слов» (показатели категориальных способностей); Методика «Понятийный синтез» (показатели концептуальных способностей); Методика «Свободная сортировка слов» В. Колги (показатели произвольной категоризации).

Второй блок: Методика для выявления стратегий совладающего поведения: «Юношеская копинг-шкала» (the Adolescent Coping Scale – ACS) (Э. Фрайденберг, Р. Льюис; в адаптации Т. Л. Крюковой; общая форма).

Для оценки уровня развития категориальных способностей респондентам были предъявлены 10 триад слов, относящихся к разным семантическим областям, к которым нужно было подобрать обобщающее слово или словосочетание. На выполнение задания отводилось 5 минут.

Показателем уровня развития категориальных способностей служил мера категориального обобщения, т. е. сумма баллов по 10 триадам слов:

- 0 баллов – тематическое обобщение на основе ассоциативных связей или обобщение только двух слов из трех;
- 1 балл – аналитическое обобщение на основе выделения конкретного признака;
- 2 балла – категориальное обобщение с использованием строгой родовой категории.

Для оценки способности к произвольной категоризации испытуемому предлагалось разложить 35 слов, характеризующих различные аспекты категории «время» на группы наиболее удобным, логичным и естественным, с его точки зрения, способом. Подчеркивалось, что задание не имеет единственно правильного решения и что каждый раскладывает группы по-своему.

Показатели узости/широты диапазона эквивалентности: 1) количество выделенных групп; 2) коэффициент категоризации (сумма баллов за основание категоризации, деленная на количество групп).

Для оценки уровня развития концептуальных способностей респондентам были предоставлены три триады слов, из которых нужно было составить максимально возможное количество их сочетаний в виде осмысленных предложений. Время, отводимое на каждую триаду слов, – 3 минуты. Показателем уровня развития концептуальных способностей служила степень сложности установленных связей как сумма баллов за все ответы. Критерии оценки ответов:

- 0 баллов – связываются только два слова из трех;
- 1 балл – связь устанавливается на основе простого перечисления слов;
- 2 балла – все три слова связываются в рамках описания определенной конкретной ситуации;
- 3 балла – все три слова объединяются на основе обобщающей категории, аналогии, причинно-следственных отношений.

Статистическая обработка данных исследования проводилась на базе стандартных программ из пакета IBM SPSS 22 и включала дескриптивный и факторный анализы.

Результаты исследования

Согласно данным описательной статистики (Мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (КМО)=0,679; критерий сферичности Бартлетта = 736,353; ст. св. = 210; $p < 0,000$), мы имеем достаточное основание для применения факторного анализа. Для выделения факторов использовался метод главных компонент (метод вращения Varimax).

Факторный анализ выявил шесть факторов, собственное значение которых превышает единицу. Объясненная совокупная дисперсия составила 62,79%. Однако график собственных значений функций указывает на наличие трех значимых факторов с (42,97% объясненной дисперсии).

В первый фактор вошло шесть стратегий совладающего поведения: «принадлежность» (с весом 0,854), «социальная поддержка» (0,683), «беспокойство» (0,652), «друзья» (0,626), «позитивный фокус» (0,531) и «общественные действия» (0,504), что в определенной мере согласуется с группой социальных стилей совладания в трактовке Э. Фрайденберг и Р. Льюиса (Frydenberg, Lewis, 1991).

Второй фактор образован такими стратегиями, как «несовладание» (0,755), «игнорирование» (0,635), «уход в себя» (0,566), «самообвинение» (0,501), что в определенной мере соответствует группе непродуктивных стилей, выделенных Э. Фрайденберг и Р. Льюисом (там же).

В третий фактор вошли такие стратегии, как «решение проблемы» (0,571) и «работа и достижения» (0,559), а также показатели понятийных способностей – концептуальные способности (0,571), категориальное обобщение (0,595) и произвольная категоризация (0,546).

Заключение

В настоящем исследовании выявило три значимых фактора в структуре совладающего поведения в период ранней взрослости: проблемно-ориентированный, социальный и непродуктивный, что в определенной мере согласуется с работами Э. Фрайденберг и Р. Льюиса (Frydenberg, Lewis, 1991). Результаты факторного анализа показали тесную взаимосвязь между понятийными способностями и про-

блемно-ориентированными стратегиями совладания: чем выше уровень сформированности концептуальных и категориальных (категориальное обобщение и произвольная категоризация) способностей, тем чаще человек использует такие стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, как «решение проблемы» и «работа и достижения». Вопрос о том, какие механизмы лежат в основе социальных и непродуктивных групп стратегий совладания, остается открытым. Можно предположить, что они обусловлены в большей мере личностными или когнитивно-личностными механизмами.

Литература

- Волкова Н. Э.* Понятийные способности и продуктивность когнитивного развития в период ранней зрелости // *Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: Материалы II Международной научно-практической конференции 20–22 апреля 2017 г., Калуга, Россия.* Калуга, 2017. С. 623–629.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2014.
- Холодная М. А.* Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М., 2012.
- Холодная М. А., Алексапольский А. А.* Интеллектуальные способности и стратегии совладания // *Психологический журнал.* 2010. № 4. Т. 31. С. 59–68.
- Холодная М. А., Берестнева О. Г., Муратова Е. А.* Структура стратегий совладания в юношеском возрасте: к проблеме валидности опросника «Юношеская копинг-шкала» // *Вопросы психологии.* 2007. № 5. С. 143–156.
- Frydenberg E., Lewis R.* Adolescent coping styles and strategies. Is there functional and dysfunctional coping? // *Australian J. of Guidance and Counseling.* 1991. P. 35–43.
- Kholodnaya M. A., Volkova E. V.* Conceptual structures, conceptual abilities and productivity of cognitive functioning: the ontological approach // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2016. V. 217. P. 914–922.
- Volkova E. V., Rusalov V. M.* Cognitive styles and Personality // *Personality and Individual Differences.* 2016. V. 99. P. 266–271.

The role of conceptual abilities as the most important factor responsible for the structure of coping behavior

N. E. Volkova (Moscow)

Postgraduate of the State academic University of humanitarian Sciences

This paper investigates the specifics of coping behavior depending on the formation of conceptual abilities in the period of early adulthood. One hundred and eighteen volunteers from the technical and humanitarian fields from Moscow and Taganrog aged from 18 up to 24 years ($19,5 \pm 0,9$) among them 58,1% of girls took part in our study. We revealed three significant factors (social, unproductive and problem-oriented groups of coping strategies). The first factor included conceptual abilities with task-oriented coping strategies, which indicates the prominence of cognitive mechanisms in these strategies. Based on the results obtained, it can be assumed that social and unproductive groups of coping strategies are largely driven by personal or cognitive-personal mechanisms, however, this requires further research.

Keywords: conceptual abilities, coping behavior, intellectual productivity, early adulthood.

Гиперболическое распределение и способы статистического анализа данных в психологических исследованиях творчества и искусства

В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева**
(Челябинск)*

** доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией
Психология и психофизиология стрессоустойчивости и креативности
Высшей медико-биологической школы, Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский университет);
e-mail: vdobshinya@mail.ru*

*** старший преподаватель, научный сотрудник
Высшей медико-биологической школы, Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский университет);
e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru*

В статье анализируются выявленные в исследованиях факты гиперболического распределения данных проективных и психосемантических методик. Выделены психометрические возможности и ограничения психодиагностических методик с гиперболическим распределением. Показаны возможности психометрии стимулов проективных методик на основе гиперболического распределения для раскрытия избирательной активности субъектов в отношении этих стимулов. Выявлены возможности исследований личностной динамики (при воздействии произведений искусства или творческого лидера) с дифференциацией максимально значимых эффектов на основе гиперболического распределения данных. Обсуждаются проблемы стандартизации шкал методик с распределением данных, отличающимся от нормального распределения.

Ключевые слова: проективные методики, тест Роршаха, гиперболическое распределение, психология творчества, психология искусства.

Введение

В исследованиях по психологии творчества и психологии искусства созданы и используются проективные и психосемантические методики («Периодическое стимульное пространство», «Психологическая топология личности»), связанные с предъявлением субъектам стимулов, психометрия которых определяется с помощью методов статистического анализа, дифференцируя их по сложности, неопределенности, популярности (Грязева-Добшинская, 2006, 2008). Разработанные психодиагностические методики выявляют особенности активности личности и ее динамики в параметрическом предметном пространстве. Данные психодиагностические методики ориентированы на выявление избирательной активности субъектов в современной культуре и исходят из понимания многомерности, вариативности личности, действующей в сложном, неопределенном, динамичном мире. Выявлено, что в этих методиках данные по различным показателям имеют гиперболическое распределение. Эти факты исследований соответствует существующему распределению предпочтений субъектов в предметном мире современной культуры, который характеризуется избыточностью, избытием и ориентирован на избирательную активность субъектов. Данные факты согласуются с дизайном исследований по математическому моделированию факторов избирательности восприятия, внимания, потребительского поведения (Дмитриева, 2016).

Анализ гиперболического распределения данных в психологических исследованиях творчества и искусства

Цель статьи – анализ выявленных в исследованиях фактов гиперболического распределения данных, полученных на основе ряда методик, а также особенностей распределения данных по различным показателям одной из самых популярных методик – теста Г. Роршаха, используемого в исследованиях по психологии творчества и искусства (Грязева-Добшинская, 2006). Анализ направлен на выявление психометрических возможностей и ограничений данных с гиперболическим распределением.

Методика «Периодическое стимульное пространство» (вариант проективных методик со слабоструктурированными стимулами), выявляющая стилевые особенности индивидуальной и групповой творческой активности, в том числе особенности творческого лидерства, показывает гиперболический характер распределения данных, что относится и к психометрии стимулов, и к психометрии ответов субъектов. Стимулы методики дифференцируются по уров-

ням неопределенности (статистика X^2), сложности (D-статистика), популярности (частотные показатели). «Периодическое пространство» стимулов используется как психометрический инструмент в исследовании *влияния личности в совместной творческой деятельности* («влияние лидера») на значимые изменения избирательной активности субъектов в отношении стимулов с определенной психометрией (Грязева-Добшинская, 2010).

Одним из важных вопросов исследования воздействия произведений искусства на аудиторию является *определение меры изменений*, отражающей существенные личностные и групповые эффекты преобразований, а не ситуативные флуктуации. Предлагаемый способ определения меры изменений, значимых для исследований факторов динамики, включает выявления *гиперболического типа распределения данных* и проведение диагностики в частотных диапазонах более двух средних и более четырех средних значений (максимально редкие и весомые изменения).

Для исследования личностных изменений как эффектов влияния произведений искусства была разработана технология психодиагностики *«Психологическая топология личности»* (Грязева-Добшинская, 2006).

Получаемые на основе методики *тексты* субъектов (с образами «Я» в символических ситуациях) обрабатываются с помощью параметрической системы анализа текстов, и далее выявляются особенности групповой динамики в разных сериях. Параметрическая система анализа «Психологическая топология личности» включает 12 биполярных параметров (по 16 градаций качества в каждом) – таких, как рефлексия переживаний «Я», рефлексия избирательной активности и потенциалов взаимодействия «Я» с миром, качества структурирования жизненного пространства и времени и др.

Образы «Я» субъектов в символических ситуациях оценивались по показателям 16 микрозон (16 градаций качества) каждого из 12 параметров, затем выявлялись *частоты характеристик ответов в выборке по каждой микрозоне каждого параметра и тип распределения*. Психометрия показала, что из 16 микрозон каждого из 12 параметров обнаруживается максимум микрозон, частотные значения которых меньше среднего (таких зон по разным параметрам 10–12), меньшее количество микрозон, частотные значения которых от среднего до двух средних (таких зон по разным параметрам 2–4) и минимум микрозон, частотные значения которых от двух до четырех средних и более четырех средних (таких зон по разным параметрам 1–2). Подобное распределение приближается к *гиперболическому распределению Ципфа-Парето* (Петров, Яблонский, 1980).

Использование гиперболического распределения позволяет проводить диагностику в частотном диапазоне более двух средних (использование нормального распределения предполагает диагностику в диапазоне менее двух средних). Для выявления статистически значимых эффектов личностной динамики в группе выбираются результаты с частотами от двух до четырех средних значений (максимально редкие и весомые изменения).

Тест Г. Роршаха использовался в лонгитюдных исследованиях развития творческой одаренности, при изучении восприятия и воздействия искусства, творческого и инновационного лидерства (Грязева-Добшинская, 2006, 2016).

Применение статистических методов для психометрического описания стандартных стимулов теста привело к созданию атласа *Роршах-статистик* (на выборке около 1800 человек), включающего дифференциацию различных зон локализации каждого стимула по уровням неопределенности (статистика X^2), сложности (D-статистика), популярности (частотные показатели) и используемого для диагностики избирательной активности субъектов в отношении различных стимулов. Разработанный атлас Роршах-статистик позволяет проводить диагностику в целях выявления у личности ресурсов креативности и творческого лидерства.

В настоящее время существует несколько систем интерпретации данных методики Роршаха, основанных на разных теоретических подходах. Наиболее альтернативными являются два подхода – проективный и психометрический; при этом в рамках каждого представлены различные точки зрения отдельных авторов относительно взаимовлияния, интеграции исследованных феноменов и технических приемов (Бурлачук, 2012; Klopfer, 1995; Exner, 1974).

В наших исследованиях система шифровки, расчета показателей и интерпретации ответов по тесту Роршаха проводилась в основном, по Б. Клопферу с использованием некоторые показателей по С. Беку и Д. Экснеру (Грязева-Добшинская, 2016). Психометрически ориентированная система Бека отличалась от подхода Клопфера, который использовал идеи проективной психологии и статистические методы, проводил исследования по валидности теста. В рамках психометрического подхода в процессе исследований надежных и валидных способов психологической диагностики методом Роршаха Экснером была разработана интегративная система, включающая определение многих диагностических индексов (Exner, 1974).

В исследованиях по психологии творчества и искусства фиксируются показатели теста Роршаха, наиболее валидные для измерения творческой и адаптивной активности личности в ситуациях

неопределенности: уровень интеллектуального контроля (F%), интеллектуальной инициативы (ΣM), эмоциональной реактивности (ΣC), эмоциональной активности (L), показатели психофизической активности (Fm), популярности (Pop) и оригинальности восприятия (Or), гибкости (f), композиционного мышления (Z), тревожности (c').

Анализ типа распределения данных проводился по комплексу основных показателей для исследований по психологии творчества и искусства. Далее представлены названия показателей, их значения (интерпретация) и традиционное символическое обозначение.

Уровень интеллектуального контроля. Высокий уровень ($F\% > 70$) – способность самостоятельно достигать высокого качества, точности выполняемой деятельности, самокритичность при выполнении деятельности. Средний уровень ($61 < F\% < 70$) – способность самостоятельно выполнять деятельность с неплохим, иногда хорошим, уровнем качества. Низкий уровень ($F\% < 60$) – неспособность самостоятельно поддерживать высокий уровень качества деятельности; не критичность к качеству собственной продукции.

Показатели креативности. Композиционное мышление (Z) – способность к синтезу разнородных элементов, объединению различных факторов ситуации. *Гибкость мышления (f)* – способность по-разному интерпретировать (видеть, понимать) ситуацию. *Индекс реалистичности (Pop)* – уровень стандартности восприятия и понимания действительности. *Индекс оригинальности (Or)* – способность преодолевать стандарты в продуктивной деятельности.

Уровень активности личности. Уровень интеллектуальной активности, интеллектуальной инициативы ($\Sigma M, M'$) – способность порождать и предлагать идеи. *Уровень психофизической активности ($\Sigma Fm, m$)* – энергетика импульсивных действий, стремление к двигательной активности.

Уровень эмоциональной реактивности ($\Sigma C, CF, FC$). Уровень эмоциональной активации (ΣL) – способность к эмоциональному воздействию. *Тревожность ($\Sigma c', c'F, Fc'$)* – переживание ситуативной тревоги в деятельности, ожидание возможных неприятностей.

Анализ показателей теста Роршаха на нормальность распределения на выборке менеджеров предприятий (420 человек) выявил следующее (Грязева-Добшинская, 2016). Проверка на нормальность распределения каждой шкалы теста Г. Роршаха осуществлялась с помощью статистического критерия нормальности Колмогорова–Смирнова.

Установлено, что максимально совпадают с нормальным распределением данные по показателю *интеллектуального контроля (F%)*. Минимальные и максимальные значения показателя ин-

теллектуального контроля встречаются редко, а средние – часто. Показатель интеллектуального контроля имеет нормальное распределение, что подтверждено статистически с помощью критерия Колмогорова–Смирнова.

Все остальные показатели имеют распределение данных, в большей или меньшей степени отличное от нормального и приближающиеся к гиперболическому.

Данные по показателям популярности (Pop) и оригинальности интерпретаций (Or), психофизической активности ($\sum Fm, m$), тревожности ($\sum c', c'F, Fc'$) имеют распределения, близкие к нормальному.

Частотные зависимости таких показателей теста Г. Роршаха, как интеллектуальная инициатива ($\sum M, M'$), эмоциональная реактивность ($\sum C, CF, FC$), имеют вид, значительно отличающийся от нормального распределения и приближаются к гиперболическому.

Максимально приближаются к гиперболическому распределению данные гибкости (f), эмоциональной активации ($\sum L$), композиционного мышления (Z).

Итак, по результатам статистической проверки распределения данных теста Г. Роршаха выявлено, что за исключением показателя интеллектуального контроля, все показатели имеют распределение, отличающееся от нормального. Для дальнейшего перевода сырых баллов по тесту в стены была проведена процедура принудительной нормализации (Грязева-Добшинская, 2016).

Заключение

Таким образом, выявлены некоторые психометрические возможности и ограничения данных психодиагностических методик с гиперболическим распределением. Во-первых, психометрия стимулов проективных и психосемантических методик с выявленным гиперболическим распределением данных дает возможность максимально дифференцировать стимулы для последующего выявления избирательной активности субъектов. Во-вторых, в исследованиях личностной динамики (как эффекта воздействия произведений искусства или эффекта влияния творческого лидера) выявленная специфика гиперболического распределения данных дает возможность дифференцировать максимально значимые, «сильные эффекты». В-третьих, возникающие проблемы стандартизации шкал методик с распределением данных, отличающимся от нормального, являются ограничением, которое в определенной мере преодолевается процедурой принудительной нормализации при переводе сырых баллов в стены.

Литература

- Бурлачук Л. Ф. Методика Роршаха: Краткое пособие. М., 2013.
- Грязева-Добшинская В. Г. Тест Роршаха в диагностике творческой активности личности // Психология образования: региональный опыт: Материалы 2-й национальной научно-практической конференции. М., 2005. С. 90–92.
- Грязева-Добшинская В. Г. Феномены субъектности в современном искусстве // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 93–104.
- Грязева-Добшинская В. Г. Технологии диагностики динамики личности и группы на основе интеграции методов проекции и психосемантики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Психология». 2008. № 32. С. 37–44.
- Грязева-Добшинская В. Г. Синергия взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности как механизм творческого лидерства // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации. М., 2010. С. 298–308.
- Грязева-Добшинская В. Г. Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: психологический Р443 инновационный аудит: Учебное пособие / В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, В. А. Глухова и др. / Под ред. В. Г. Грязевой-Добшинской, Ю. А. Дмитриевой. Челябинск, 2016.
- Дмитриева Ю. А. Актуальные направления математической психологии // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2016. № 2 (23). С. 16–22.
- Петров В. М. Математика и социальные процессы (гиперболические распределения и их применение) / В. М. Петров, А. И. Яблонский. М., 1980.
- Exner G. E. The Rorschach: A comprehensive system. N. Y., 1974.
- Klopfer B. Developments in Rorschach Technique / B. Klopfer, M. Ainsworth, W. Klopfer, R. Holt. N. Y., 1995. V. 1.

Hyperbolic distribution and methods of statistical data analysis in the psychological research of creativity and art

V. G. Gryazeva-Dobshinskaya, Y. A. Dmitrieva** (Chelyabinsk)*

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of Psychology and psychophysiology of stress resistance and creativity of the Highest medical-biological school, South Ural state University (national research University)

** Senior lecturer, research officer of the Highest medical-biological school, South Ural state University (national research University)

The article analyzes the facts of the hyperbolic distribution of projective and psychosemantic methods revealed in the studies. Psychometric possibilities and limitations of psychodiagnostic techniques with hyperbolic distribution are revealed. The possibilities of psychometry of stimuli of projective methods on the basis of hyperbolic distribution are shown to reveal the selective activity of subjects in relation to these stimuli. The possibilities of researching personal dynamics (under the influence of works of art or the creative leader) with the differentiation of the most significant effects on the basis of hyperbolic data distribution are revealed. Problems of standardization of method scales with data distribution that differ from the normal distribution are discussed.

Keywords: projective methods, Rorschach test, hyperbolic distribution, psychology of creativity, psychology of art.

О механизмах семантических трансформаций на интуитивном этапе креативного мышления

А. В. Губенко (Киев)

*кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института психологии им. Г. С. Костюка НАПНУ;
e-mail: alado2014@yandex.ru*

В статье анализируются такие малоизученные аспекты когнитивных процессов, как когнитивные механизмы творческой интеллектуальной деятельности. Они включают в себя два противоречащих друг другу компонента – интуицию и логику. Анализ психосемантических механизмов и особенностей творческого мышления позволил выделить такие его специфические составляющие, как многозначные полисемантические свертки, процессы сворачивания и разворачивания смыслов, сгущение мысли, неопределенность и многозначность семантических единиц, являющиеся носителями интуитивного мышления. Семантические единицы, которые являются основой мышления на интуитивном уровне, не могут быть названы понятиями в традиционном смысле; это полисемантические свертки. Изучение этих компонентов позволяет показать их роль на основных этапах и уровнях творческого процесса: интуитивном и логическом, сознательном и бессознательном.

Ключевые слова: творческая интеллектуальная деятельность, полисемантические свертки, интуиция, бессознательное.

Введение

Когнитивные механизмы творческой интеллектуальной деятельности включают в себя два противоречивых компонента – интуицию и логику. Анализ психосемантических механизмов и особенностей творческого мышления позволил выделить такие его составляющие, как полисемантические свертки, процессы сворачивания и разво-

рачивания смыслов, сгущения и сжатия мысли, неопределенности и полисемантической (многозначности) смысловых единиц, являющихся носителями интуитивного мышления, и т. д. Изучение этих компонентов, по нашему мнению, позволяет раскрыть их роль на основных этапах и уровнях творческого процесса – интуитивном и логическом, сознательном и бессознательном, создав тем самым предпосылки к более правильному пониманию глубинных механизмов творчества. Согласно гипотезе нашего исследования, основными семантическими носителями мышления на интуитивном уровне являются не традиционные понятия, а *полисемантические свертки*.

Проблема полисемантической свертки и процессов интуиции в творческом познавательном процессе

Интуитивному мышлению свойственны определенные особенности, которые отсутствуют в «обычном», традиционном формально-логическом мышлении. Как мы уже упоминали, понятия и другие семантические единицы, которыми оперирует интуиция, характеризуются неопределенностью, поливалентностью и многозначностью. Собственно, те семантические единицы, которыми оперирует мышление на интуитивном уровне, нельзя назвать понятиями в традиционном смысле; это полисемантические свертки. Особенно трудно прояснить и смоделировать такое проявление интуиции из числа отмеченных выше, как полисеманτικότητα. Полисеманτικότητα и ее синтаксический носитель – полисемантическая свертка – являются фундаментом многих интуитивных когнитивно-семантических процессов, поэтому выяснение сущности этого феномена и создание его приемлемой модели является, учитывая все сказанное, одной из важных задач когнитивной психологии и психологии творчества.

Большое внимание вопросу активной роли неосознаваемого в творчестве уделял выдающийся советский исследователь творческого мышления Я. А. Пономарев. Он выделял два типа знаний: интуитивное и логическое, связывая бессознательное мышление с интуитивным (Пономарев, 1976). Логическое знание является осознанным и применяется при решении задач с опорой на уже известное знание (т. е. для решения конвергентных задач). Интуитивное знание таково, что оно в той или иной мере не осознается в процессе его выработки; интуитивное мышление вступает в действие при столкновении с дивергентной творческой задачей, для решения которой старые знания не могут быть применены. В сфере логики опыт и знания четко структурированы. В интуитивной сфере они гораздо меньше структурированы и формализованы. Знания

в интуиции более неопределенны и расплывчаты, чем в дискурсивно-логическом мышлении, но более насыщены информацией. Когда решение находится на интуитивном уровне, субъекту нужно его логически выразить, облечь в структурно-логическую форму, формализовать, перевести на дискурсивно-логический уровень (Пономарёв, 1976).

Значительную роль интуиции в творческих актах отмечают и многие западные ученые. Было установлено, что у ученых, писателей и людей искусства интуитивный когнитивный стиль встречается чаще, чем у людей с низким уровнем собственной инициативы. Например, Маккиннон доказал, что абсолютно все 40 архитекторов, которых их коллеги оценили, как креативных, характеризовались интуитивным когнитивным стилем (MacKinnon, 1962).

Американские ученые Любарт и Стернберг после разделения исследуемых на три группы с разным уровнем креативности установили, что в наиболее креативной группе интуитивным когнитивным стилем владело 94% респондентов, в средне креативной группе – 64%, в наименее креативной – 44%. Была получена положительная корреляция между показателями креативности и интуиции, которая достигала значения 0,50 (Муширу, Торджман, Зенасни, Любарт, 2009, с. 53). Эти и другие исследования свидетельствуют об огромной роли, которую интуиция, наряду с дискурсивным мышлением, играет в креативных процессах.

При изучении творчества и интуиции очень важным, на наш взгляд, является выяснение природы полисемантической, т. е. способности единицы смысла – семы – приобретать многозначность, нести в себе много смыслов, существовать, так сказать, на перекрестке многих содержательных полей. В одной семе, задействованной в креативно-интуитивном акте, смешиваются, совмещаются несколько смыслов. Именно это свойство психосемантических структур, наблюдаемое часто в интуитивных состояниях психики, является основой таких феноменов креативного мышления, как бисоциация, семантическая гибкость, скорость и продуктивность мышления, способность к семантическим рекомбинациям и трансформациям (какими изобилует творческий процесс). С «работой» полисемантических сверток также связана парадоксальность мышления творца (вспомним пушкинское определение гения: «И гений, парадоксов друг»). Для парадоксального мышления характерны неожиданное столкновение и совмещение несовместимых смыслов, алогичность, проявляющаяся в нарушении стандартных законов формальной логики, и другие нетривиальные «изломы» смыслов и нарушения привычных канонов, свойственных творческому мышлению.

Нам удалось создать когнитивно-математическую модель смысловой свертки и процессов интуиции, которые опираются на когнитивный механизм сворачивания смыслов. В нашей модели мы применяем иные, отличающиеся от нейросетевого, подходы, связанные с топологическими аспектами моделирования из области математической теории катастроф. Нам удалось также указать на возможные реальные физические эквиваленты тех семантических трансформаций, которые наблюдаются в творческом познавательном процессе. Ограниченность размера публикации не позволяет привести достаточно полное описание этих разработок.

Остановимся на *качественных характеристиках когнитивных механизмов сворачивания смыслов*. Об огромном значении сворачивания смыслов в стихии слова и в языке писал выдающийся российско-украинский филолог и философ языка А. Потебня. В этой связи он ввел понятие сгущения или конденсации мысли. «Поэтический образ, – писал Потебня, – дает нам возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами... Этот процесс можно назвать процессом сгущения мысли...» (Потебня, 1990, с. 91).

Уточним характеристики категории *полисемантической свертки*, которая, по нашему мнению, способствует пониманию интуитивных явлений. Полисемантическая свертка характеризуется не только «сжатием» нескольких смыслов в один, что свойственно также обычному понятию, которое можем считать моносемантической сверткой, но и предусматривает одно-многозначное соответствие между именем и его содержанием, когда имени соответствует не одно, а несколько различных и разноплановых значений, при этом одновременно каждому из этих значений отвечает одно и то же имя или символ.

С понятиями «свертка» и «сгущение смыслов» перекликается явление *компрессионного сжатия смыслов*. Феномен сжатия смыслов во время кульминационной фазы мыслительного поиска обнаружили при проведении экспериментальных исследований творческой активности российские психологи И. Н. Семенов и С. Ю. Степанов (Степанов, Семенов, 1983), назвавшие его компрессионным сжатием.

Таким образом, и понятие сгущения смыслов, открытое более ста лет назад А. А. Потебней, и результаты экспериментального исследования творческого мышления, приведшие психологов И. Н. Семенова и С. Ю. Степанова к открытию понятия компрессионного сжатия, и наши собственные исследования подтверждают правомерность применения понятия полисемантической свертки для объяснения многих феноменов творческого мышления, в особенности – интуитивного творческого мышления.

В подтверждение наших соображений об ускоренной обработке информации в неосознаваемых полисемантических процессах мышления приведем расчеты: через сознание проходит 10–60 бит за секунду (например, скорость чтения – около 45 бит/с), в то время как во всей человеческой психике подвергается переработке около 1120000 бит/с (Кармин, 2011). Таким образом, привлечение понятия полисемантической свертки делает более понятным, почему неосознанное интуитивное мышление обладает такой высокой продуктивностью в обработке информации по сравнению с дискурсивно-логическим.

Подытожим основные свойства полисемантических сверток:

1. Полисемантические свертки сокращают расстояние между отдаленными ассоциациями и разнородными смыслами, не связанными очевидной логической связью. Они сжимают поле ассоциаций, кардинально уплотняют смысловые связи, буквально вкладывают смыслы друг в друга. Благодаря чему облегчается, разнообразится и ускоряется процесс контактов и взаимодействий между огромным количеством отдаленных, а не только близких, смыслов.
2. Они сокращают (редуцируют) логические операции.
3. Полисемантические свертки являются ускорителями мышления: умозаключения и логические цепочки, развернутые во времени и создаваемые медленно и поэтапно поэлементным логическим интеллектом, в свертках строятся очень быстро, иногда мгновенно.
4. В полисемантических свертках, если обобщить свойства, связанные со сжатием семантического пространства и ускорением семантического времени (см. п. 1, 2, 3 и 5 данного перечня), происходит радикальное сжатие пространственно-временных рамок мышления.
5. Они ускоряют понимание и восприятие смысла, закодированного в информационных сообщениях и текстах.
6. Полисемантические свертки выводят семантические блоки и структуры из поля вербализированного проговариваемого и осознанного мышления; связаны с безотчетным мышлением и пониманием.
7. Они обеспечивают продуктивный катализ творческих синтезов, комбинаций и трансформаций смыслов. Это происходит благодаря ускоренному сочетанию всех возможных семантических связей, модальностей и позиций между собой (за счет кардинального уплотнения смыслов в свертке – см. п. 1). В про-

цессе такого сочетания и ускоренного рекомбинирования устанавливаются новые релевантные смысловые связи и возникают замкнутые смысловые цепи с образованием реле-эффектов. Понятие «реле-эффект» введено В. А. Моляко (Моляко, 1983).

Психологические теории творчества предлагают различные решения проблемы когнитивных механизмов творчества. Для нашей темы важно показать, какую роль в каждом из этих механизмов играют полисемантические свертки (для краткости обозначим их как ПС). Попытаемся вкратце представить некоторые механизмы творчества и роль ПС в каждом из них в таблице 1.

Таблица 1
Роль полисемантических сверток
в различных механизмах творчества

№	Механизм творчества	Роль полисемантических сверток (ПС) в этом механизме
1	Переструктурирование проблемной ситуации (К. Дункер)	ПС обеспечивают плотные контакты между семантическими полями, их сжатие и смешивание, а также перестройку на этой основе семантических связей между элементами, без чего переструктурирование невозможно
2	Компрессионное сжатие смыслов на кульминационной фазе творчества (И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов)	Сжатие смыслов осуществляется в рамках механизма работы ПС
3	Дивергентное мышление, идущее сразу в нескольких направлениях (Дж. Гилфорд)	Дивергентное мышление обеспечивается ПС, которые свертывают разноплановые и разнонаправленные смыслы в одну структуру, тем самым позволяя вниманию одновременно удерживать и «вести» их
4	Семантическая гибкость мышления как способность к быстрому поиску новых решений, умение с легкостью переходить от явлений одного класса к другим (Дж. Гилфорд, Е. П. Торренс)	Связана с процессами сжатия в ПС, переформатирования и распаковывания многообразных и разноплановых значений, сжатых в ПС
5	Ассоциирование отдаленных элементов опыта, отдаленных ассоциаций (С. Медник)	Сближение отдаленных ассоциаций осуществляется путем их сжатия в ПС
6	Взаимодействие логического и интуитивного (Я. А. Пономарев)	Многие стороны интуитивных процессов базируются на ПС, что было раскрыто в тексте данной статьи

Заклучение

1. Таким образом, полисемантические свертки играют значительную роль в процессах творчества и являются одним из основных когнитивных механизмов креативной интеллектуальной деятельности. С практической точки зрения моделирование механизмов сворачивания и разворачивания смыслов может быть положено в основу разработки моделей искусственного творческого интеллекта.
2. Мы в своих исследованиях проблемы моделирования творческого интеллекта успешно применяем изложенные в данной статье представления. В частности, нам удалось создать когнитивно-математическую модель смысловой свертки и процессов интуиции, которые опираются на когнитивный механизм сворачивания смыслов.

Литература

- Губенко А. В. Феномен интуиции и интеллектуальное творчество // Практическая психология и социальная работа. 1999. №8. С. 9–12.
- Кармин А. С. Интуиция: философские концепции и научное исследование. СПб., 2011.
- Любарт Т. Психология креативности // К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни, Т. Любарт. М., 2009.
- Моляко В. А. Психология решения школьниками творческих задач. Киев, 1983.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
- Потебня А. А. Теоретическая поэтика / Сост. А. Б. Муратов. М., 1990.
- Семенов И. Н. Рефлексия в организации мышления в творческом саморазвитии личности // Вопросы психологии. 1983. №2. С. 35–42.
- MacKinnon D. W. The nature and nurture of creative talent // American Psychologist. 1962. № 17. P. 484–495.

The mechanisms of semantic transformations on intuitive stage of creative thinking

A. V. Gubenko (Kiev)

Candidate of psychological Sciences, Docent, senior research officer
of the G. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy
of Pedagogical Sciences of Ukraine

This article analyzes such a little explored aspect of cognitive processes as cognitive mechanisms of creative intellectual activity. They include

two contradictory components – intuition and logic. Analysis of psychosemantic mechanisms and features of creative thinking made it possible to distinguish such components as polysemantic convolutions, processes of folding and unfolding of meanings, condensation of thought, ambiguity and polysemantic (multivalued) of semantic units that are carriers of intuitive thinking. The semantic units with which thinking operates on an intuitive level can not be called concepts in the traditional sense, these are multise semantic convolutions. Analysis of these components allows us to determine and show their role at the main stages and levels of the creative process: intuitive and logical, conscious and unconscious.

Key words: creative intellectual activity, polysemantic convolutions, intuition, unconscious.

Выявление предметно-специфического креативного потенциала учащихся средствами учебного предмета

С. Н. Дегтярев (Тюмень)

*доктор педагогических наук, доцент, директор гимназии
Тюменского государственного университета; e-mail: freutmit@mail.ru*

Приведены результаты исследования возможностей различных методик оценки ментальных ресурсов личности в выявлении предметно-специфического креативного потенциала, т. е. потенциала творческого освоения учащимся конкретной предметной области. Изучалась возможность построения исследовательских методик на материале учебного предмета. Представлены стандартная, модифицированная и авторская методики. Сделан вывод о возможности построения методик изучения предметно-специфического креативного потенциала учащихся на учебном материале конкретной предметной области. Обнаружено, что большая степень «привязанности» к материалу учебного предмета повышает вероятность обнаружения предметно-специфического креативного потенциала.

Ключевые слова: ментальный ресурс, креативный потенциал, креативность, интеллект, обучение.

Постановка проблемы

Вектор внимания и теоретиков, и практиков в современных психолого-педагогических исследованиях смещается в сторону изучения ресурсного потенциала учащихся, еще не демонстрирующих высоких достижений в той или иной области, но обладающих творческими возможностями, которые могут быть реализованы при благоприятных условиях. Речь идет о значительно большем количестве детей в сравнении с теми, у которых проявлена актуальная форма одаренности. Потенциальная форма одаренности определяется как психологическая характеристика ребенка, который имеет лишь

определенные психические возможности (потенциал) для высоких достижений в том или ином виде деятельности (Рабочая концепция одаренности, 2003).

Утверждая гуманистическую направленность педагогики, М. А. Холодная ввела понятие «презумпция одаренности» для каждого ребенка, побуждая видеть в любом ученике потенциал развития, возможности его творческого роста (Холодная, 1997).

Однако противоречие между практическими требованиями в оценке творческого потенциала и способностей учащихся и реальной применимостью результатов тестирования в процессе обучения и развития детей не преодолено педагогической практикой. Результаты тестовых измерений психометрической креативности слабо коррелируют с успешностью учащихся в обучении и в конкретных видах творческой деятельности. По общей оценке творческого и интеллектуального потенциала трудно спрогнозировать будущие результаты деятельности в конкретной области. Очевидно, что в педагогике необходимы специальные методики, связанные с изучаемым учебным предметом, по которым можно было бы оценить креативный потенциал ученика. Учителю необходимы специфические педагогические методы и средства выявления потенциальных возможностей учащихся. Сложность состоит в их дифференциации от актуальных. С помощью методик оценки актуальной одаренности далеко не всегда удается идентифицировать ее потенциальную форму. Полагаем, что потенциальная форма одаренности, креативный потенциал личности связаны со структурами понятийно-познавательного субъектного опыта, высший уровень которых, представленный концептуальными структурами, характеризует ментальные ресурсы личности. В различных исследованиях удалось показать, что чем выше уровень организации концептуальных структур, «тем выше уровень концептуализации, полнезависимости, интеллекта и креативности, компетентности и успешности профессиональной деятельности» (Волкова, 2016, с. 20).

Подход к оценке креативного потенциала с помощью средств учебного предмета и на его материале является предметно-ориентированным, что характеризует его перспективность в практическом применении. С помощью средств учебного предмета можно более продуктивно прогнозировать развитие творческого потенциала учащихся. Изучение творческих продуктов учебно-познавательной деятельности учащихся может дать представление не только об актуальной одаренности и способностях, но и о потенциале развития личности в какой-либо конкретной сфере (физике, химии, биологии и т. д.). Судить об этом потенциале можно по степени развитос-

ти, целостности структуры знаний и познавательного опыта, являющихся некоторой моделью ментальных структур интеллекта, ответственных за восприятие, преобразование, хранение и применение информации.

Методы и методики эмпирического исследования

В ходе исследования проверялись возможности различных методик оценки ментальных ресурсов личности в выявлении предметно-специфического креативного потенциала. Изучались возможности построения методик на материале учебного предмета, условия и границы их применения. *Методы исследования:* анкетирование учащихся; наблюдение; изучение результатов творческой деятельности; математические методы обработки.

Использовались следующие *методики:* «Экологический прогноз будущего развития Земли» (Шавинина, 1993); «Вопрос историческому персонажу» (Дегтярев, 2015) как модифицированный вариант методики «Идеальный компьютер» (Холодная, 1997); «Составление задач на основе заданных ситуаций» (Дегтярев, 2015).

Испытуемые – учащиеся гимназии Тюменского государственного университета (всего 330 учащихся 10–11 классов).

Результаты исследования

Методика «Экологический прогноз будущего развития Земли» позволяет по показателям дифференцированности прогноза (т. е. «увиденных» аспектов будущего) и его оптимистичности судить о креативном характере мышления ученика (Холодная, 1997, с. 276). Первоначально была сформулирована гипотеза H_1 : существуют значимые различия в содержании экологического прогноза, выполненного учащимися естественно-научного и гуманитарного профилей. Подтверждение гипотезы означает, что данная методика позволяет выделять специфический естественно-научный потенциал, связанный с возможными перспективными достижениями учащегося в естественно-научной сфере (химии, биологии, географии) (таблица 1).

Вывод: статистически значимых различий не обнаружено (H_0 -гипотеза), использовался φ^* -критерий Фишера ($\varphi^*_{\text{эмп}}=1,107$, $\varphi^*_{\text{крит}}=1,64$ для уровня значимости $\rho=0,05$) (Сидоренко, 2003).

Методика «Вопрос историческому персонажу» не привязана к конкретному учебному предмету. Однако ее легко адаптировать к предметному материалу. Например, на уроках истории можно предоставить мысленную возможность учащимся задать вопросы како-

Таблица 1

Результаты методики «Экологический прогноз будущего развития Земли» у учащихся естественно-научного и гуманитарного профилей

Профили	Количество испытуемых	Дифференцированность прогноза (среднее)	Оптимистичность прогноза (% уч-ся)
Естественно-научный	58	4,5	75,9
Гуманитарный	60	4,0	66,7
Принимаемая гипотеза		H_0	H_0

му-либо историческому персонажу (Ивану III, Петру I, Александру II, П. Столыпину, Б. Н. Ельцину и др.). Составленные учащимися вопросы также можно оценить по критерию проявления креативности (вариативность вопросов, их обобщенность, категориальность, системность и др.). Анализируя вопросы, учитель может получить представление о сфере интересов учащихся, широте их мышления, глубине и качестве освоенной учебной информации.

Использовались следующие показатели: категориальность (степень обобщенности), объективированность (направленность на внешнюю проблематику) вопросов.

Была сформулирована следующая гипотеза H_1 : существуют значимые различия в характере вопросов (по показателям объективированности и категориальности), заданных учащимися естественно-научного и социально-гуманитарного профилей. Принятие альтернативной (H_1) гипотезы означает возможность методики выявлять креативный предметно-специфический (в области истории) потенциал испытуемого за счет связи между способностью задавать категориальные вопросы и креативностью (таблица 2).

Таблица 2

Результаты методики «Вопрос историческому персонажу» у учащихся естественно-научного и гуманитарного профилей

Профили	Объем выборки	Кол-во испытуемых с категориальными вопросами (%)	Кол-во испытуемых с объективированными вопросами (%)
Естественно-научный	48	62,5	87,5
Социально-гуманитарный	54	79,6	81,5
Принимаемая гипотеза		H_1 ($\rho \leq 0,05$)	H_0 ($\varphi_{эмп}^* = 0,842$)

Как показывают данные таблицы 2, обнаружены статистически значимые различия по показателю категориальности вопроса ($\varphi^*_{\text{эмп}}=1,92$, $\varphi^*_{\text{крит}}=1,64$ для уровня значимости $\rho=0,05$). Характер вопросов учащихся социально-гуманитарного профиля отличался большей степенью обобщенности. В вопросах затрагивались роль личности или тех или иных событий в глобальных исторических процессах и связи между ними. Вопросы отличались также аргументацией, наличием исходной предпосылки. Например, вопрос Ивану III: «Иван Васильевич, Вы взяли курс на укрепление и централизацию власти. Хотелось бы спросить: считаете ли Вы возможным ограничение великокняжеской власти в будущем посредством введения представительного органа?» (ученик М. З., 10 кл.).

Одним из видов творческих продуктов деятельности могут быть задачи, составленные учащимися на основе заданных ситуаций (условий протекания какого-либо физического процесса). Учащиеся, обладающие творческим потенциалом, выполнив задание, продолжают проявлять познавательную активность. Они модифицируют проблемную ситуацию, рассматривают ее разные аспекты, не заданные в условии, пытаются выйти в смежную предметную область, найти связь с другими проблемами. Подобная мыслительная активность, безусловно, является признаком творческой личности. Можно оценить (или, во всяком случае, обнаружить) креативный потенциал, если предложить учащимся необычную для них творческую работу по составлению задач на основе предложенных типовых задач (заданных в них ситуаций, сюжетов). Задание состоит в том, чтобы составить более сложную, более интересную задачу на основе предложенной. Допускается введение новых элементов в условие и требования, а также развитие сюжета задачи. Ограничение состоит лишь в том, что задача должна иметь смысл, вариант(ы) ее решения. Но не требуется, чтобы на момент составления задачи учащийся уже нашел ее решение и вообще смог бы ее решить самостоятельно. Степень «выхода» учащегося за пределы базовой задачи и определяет потенциал креативности.

В исследовании принимали участие испытуемые (учащиеся 10–11 классов) физико-математического и гуманитарного профилей. Предлагались три базовые задачи, не сложные по содержанию и простые по сюжету, чтобы учащиеся имели более широкое поле для фантазирования, преобразования задач. Задачи выбраны по различным темам механики, которая в своих проявлениях широко присутствует в жизни человека, что дает богатую пищу для выполнения творческой работы. Оценивались составленные задачи по 6-балльной шкале, увязанной с индикаторами творческого изменения задачи:

- увеличение числа требований задачи без изменения ее сюжета;
- добавление условий, усложняющих задачу в рамках ее сюжета;
- изменение сюжета задачи без выхода за тему задачи;
- изменение сюжета задачи с выходом на другую тему (темы) без значительного увеличения сложности задачи;
- значительное увеличение сложности задачи с выходом на другие темы;
- оригинальное усложнение задачи с присутствием элементов новизны в практике решения задач (выход на олимпиадный уровень).

Проявление креативности различной степени можно обнаружить в задачах, получивших от 4 до 6 баллов. Подлинно креативными продуктами можно считать задачи, оцененные в 6 баллов. Была сформулирована следующая гипотеза (H_1): доля испытуемых, проявляющих признаки креативности при составлении задач, в физико-математических классах выше, чем в гуманитарных классах.

Статистически значимые различия, представленные в таблице 3, позволяют сделать вывод о том, что методика «Составление задач на основе заданных ситуаций» позволяет выявить предметно-специфический потенциал учащихся в области изучения физики.

Такой способ выявления креативного потенциала (составление задач на основе базовых) способствует развитию предметно-специфических способностей учащихся, например, способности решать сложные задачи через использование прототипов проблемных ситуаций (задачных ситуаций). Данная способность объясняется моделью концептуальных прототипов, основанной на предположении, что для каждого класса ситуаций существуют наиболее репрезентативные, по сравнению с другими, концепты (понятия, значения, смыслы), которые быстрее и легче воспроизводятся субъектом (Маланов, 2004). Следовательно, сформированные прототипы

Таблица 3

Результаты методики «Составление задач на основе заданных ситуаций» у учащихся естественно-научного и гуманитарного профилей

Профили	Объем выборки	Типы 1–2–3 (%)	Типы 4–5–6 (%)
Физико-математический	54	18,5	81,5
Гуманитарный	56	64,3	35,7
Принимаемая гипотеза		$H_1 (\rho \leq 0,01)$	$H_1 (\rho \leq 0,01)$

проблемных ситуаций, отраженных в сложных задачах, будут актуализироваться в первую очередь, что и будет способствовать решению задачи, «наводить» на идею решения. Прототипы имеют существенное значение в формировании таких креативных приемов, как усмотрение аналогий и рефлексии, необходимых при решении нестандартных задач.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод о возможности построения методик изучения предметно-специфического креативного потенциала учащихся на учебном материале конкретной предметной области. Большая степень «привязанности» к материалу учебного предмета, повышает вероятность обнаружения предметно-специфического потенциала в системе ментальных ресурсов ученика. Это подтвердилось тем, что при использовании методики «Экологический прогноз будущего развития Земли» не были выявлены различия между выборками учащихся естественно-научных и гуманитарных классов, хотя изначально предполагалось, что учащиеся, углубленно изучающие географию, химию, биологию, смогут сделать более детализированный и более оптимистичный прогноз. «Широта» данной методики позволила учащимся опираться не только на естественно-научную область, но также на социальные, экономические, политические, исторические аспекты жизни человека, что и обусловило, как мы полагаем, полученный результат. В то же время «узко-предметные» методики (в нашем случае на материале истории и физики) выявили значимые отличия по выборкам, что подтверждает возможность их применения с целью обнаружения предметно-специфического креативного потенциала учащихся и планирования работы по его развитию в процессе обучения.

Литература

- Волкова Е. В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М., 2016.
- Дегтярев С. Н.* Развивающее креативно ориентированное обучение: проектирование и реализация в старшей школе. Тюмень, 2015.
- Маланов С. В.* Психологические механизмы мышления человека: мышление в науке и учебной деятельности. М.–Воронеж, 2004.
- Богоявленская Д. Б., Шадриков В. Д., Бабаева Ю. Д., Холодная М. А. и др.* Рабочая концепция одаренности. 2-е изд., перераб. М., 2003.
- Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. СПб., 2003.

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск–М., 1997.

Definition of subject-specific creative potential of pupils by means of studying subject

S. N. Degtyarev (Tyumen)

Doctor of pedagogical Sciences, Docent, Director of gymnasium of the Tyumen state University

Results of the research of opportunities of different methods of assessment of personality mental resources in the definition of subject-specific creative potential, i.e. potential of creative learning of definite subject sphere by pupils, are given. The possibility of construction of research methods was studied on the basis of the learning subject. Standard, modified and author's methods are presented. Conclusion about possibility of construction of methods of learning of pupils' subject-specific creative potential with the help of studying information on the exact subject sphere is made. It is discovered that a high degree of "connection" with the studying subject rises the possibility of definition of subject-specific creative potential.

Keywords: mental resource, creative potential, creativity, intellect, teaching.

Мотивы достижения как медиаторы между Я-концепцией и дивергентным мышлением

*Л. Я. Дорфман**, *А. В. Челнокова*** (Пермь)

** доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики пермского государственного института культуры; e-mail: dorfman07@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Пермского государственного института культуры; e-mail: samoletnaya@yandex.ru*

Для дальнейшего развития исследований личности творца в теории творчества Я. А. Пономарева (2006) предлагается конвертировать общетеоретические понятия в эмпирические понятия и развернуть эмпирические исследования. Обозначена перспектива применения полимодального подхода к Я-концепции и мотивам достижения, рассмотрения творчества со стороны дивергентного мышления. В полимодальном «Я» выделяются субмодальности, в полимодальных мотивах стремления к успеху и избегания неудачи – субмотивы. В дивергентном формате креативное мышление проявляется в движении дискретных, параллельных, дополнительных идей. Задача исследования заключалась в том, чтобы выяснить вклады полимодального «Я» и полимодальных мотивов достижения в дивергентное мышление. Оценивалась исследовательская гипотеза о том, что субмотивы полимодальных мотивов стремления к успеху и избегания неудачи служат медиаторами между субмодальностями полимодального «Я» и дивергентным мышлением. Установлено, что авторский субмотив избегания неудачи тормозит вклад субмодальности «авторского Я» в дивергентное мышление. Воплощенный субмотив стремления к успеху, наоборот, способствует вкладу субмодальностей «авторского Я» и «воплощенного Я» в дивергентное мышление.

Ключевые слова: теория творчества Пономарева, творчество, личностно-мотивационный ресурс, полимодальное «Я», полимодальные мотивы достижения, дивергентное мышление.

Введение

В школе Якова Александровича Пономарева неоднократно ставилась и изучалась роль личности в творчестве (Пономарев, 2006; Ушаков, 2006). Вместе с тем условием исследования личностно-мотивационных ресурсов креативности является конвертация общетеоретических понятий в эмпирические понятия и развертывание эмпирических исследований (Дорфман, 2016; Ушаков, 2006). Одной из перспектив развития этого направления может быть применение полимодального подхода к Я-концепции и мотивам достижения (Дорфман, 2007; Челнокова, 2009), рассмотрение творчества со стороны дивергентного мышления (Дорфман, 2016; Guilford, 1967). В статье предпринята попытка наметить этот вариант подхода к изучению проблемы и привести в его подтверждение эмпирические данные.

Теоретическая основа, задача, гипотеза и методики исследования

В ряде исследований показано, что Я-концепция связана с креативностью и может рассматриваться в качестве одного из ее источников (Дорфман, 2007; Dorfman, Ogorodnikova, 2007). Мотивы тоже влияют на творческие успехи (Богоявленская, 2015). Хотя теоретически Я-концепция и мотивы достижения могут служить факторами креативности, в эмпирическом плане их возможные совместные вклады в креативность исследованы недостаточно.

В данной работе эта проблема изучается с позиций многоаспектного (полимодального) подхода к Я-концепции и мотивам достижения. Показано, что они функционируют в формате многомерности, а не являются одномерными (унитарными) образованиями (Дорфман, 2007; Dorfman, Ogorodnikova, 2007). Креативное мышление рассматривается как дивергентное. В дивергентном формате креативное мышление выдвигает дискретные, параллельные, альтернативные, дополнительные идеи (Дорфман, 2016; Guilford, 1967). В некотором роде многоаспектность полимодального «Я» и полимодальных мотивов достижения можно сопоставить с тем, как устроено и функционирует дивергентное мышление. Теоретически у них намечается общий корень.

Мы исходим из того, что в полимодальном «Я» выделяются 4 субмодальности: авторская, воплощенная, превращенная, вторящая. В общем виде, «авторское Я» выражает позицию автора, инициатора, деятеля; «воплощенное Я» – реформатора, покорителя, обладателя; «превращенное Я» описывает человека, который понимает

и принимает людей; «вторящее Я» выражает позицию последователя, подражателя, исполнителя (Дорфман, 2007).

Классическая теория мотивации достижения (Atkinson, 1957) и многоаспектный взгляд на полимодальное «Я» позволяют экстраполировать полимодальный подход на мотивы достижения. Соответственно, предложены представления о полимодальных мотивах достижения. Было показано, что мотив стремления к успеху, как и мотив избегания неудачи, является не унитарным, а множественным образованием. И в мотиве стремления к успеху, и в мотиве избегания неудачи выделялись авторский, воплощенный, превращенный и вторящий субмотивы. Эмпирические данные подтвердили теоретические ожидания о наличии этих субмотивов в мотивах стремления к успеху и избегания неудачи (Дорфман, 2007; Феногентова, 2002; Dorfman, Ogorodnikova, 2007).

Задача исследования заключалась в том, чтобы выяснить вклады полимодального «Я» и полимодальных мотивов достижения в дивергентное (креативное) мышление.

На основании анализа литературы и в соответствии с задачей исследования оценивалась *исследовательская гипотеза* о том, что субмотивы полимодальных мотивов стремления к успеху и избегания неудачи выступают в качестве медиаторов между субмодальностями полимодального «Я» и дивергентным мышлением.

В исследовании приняли участие 142 студента Пермского государственного педагогического университета – 64 юноши и 78 девушек; возраст – в диапазоне от 16 до 22 лет ($M=18,17$, $SD=1,70$).

Методики исследования

Дивергентное мышление оценивалось тестом «Необычное использование» (Аверина, Щепланова, 1996; Guilford, 1967; Wallach, Kogan, 1965). Полимодальное «Я» оценивалось «Полифакторным вопросником Я» (Дорфман, 2007), полимодальные мотивы стремления к успеху и избегания неудачи – «Полифакторным вопросником мотивов стремления к успеху и избегания неудачи» (Феногентова, 2002). Вопросы характеризовались конструктивной валидностью и надежностью. Вопросы и тест предъявлялись участникам исследования в ходе групповых сессий в случайном порядке.

Строились структурные модели вкладов полимодального «Я» и полимодальных мотивов достижения в дивергентное мышление посредством линейных структурных уравнений. Общая схема моделей имела следующий вид: субмодальности «Я» (коррелирующие экзогенные факторы и их манифестные переменные) → субмотивы

(факторы-медиаторы и их манифестные переменные) → дивергентное мышление (эндогенный фактор и его манифестные переменные). Оценивались 4 структурные модели по индексам статистической пригодности. Модели отличались друг от друга составом субмодальностей полимодального «Я» и субмотивов полимодальных мотивов достижения. При этом каждый раз медиаторами служили субмотивы полимодальных мотивов достижения.

Результаты исследования

Статистически наиболее вероятной и пригодной оказалась следующая структурная модель. В нее вошли переменные «авторского Я» и «воплощенного Я», авторский субмотив избегания неудачи и воплощенный субмотив стремления к успеху, дивергентное мышление. Было установлено, что авторский субмотив избегания неудачи тормозит вклад субмодальности «авторского Я» в дивергентное мышление. Воплощенный субмотив стремления к успеху, наоборот, способствует позитивному вкладу субмодальностей «авторского Я» и «воплощенного Я» в дивергентное мышление.

Эти результаты поддержали гипотезу о том, что субмотивы полимодальных мотивов достижения могут служить медиаторами между субмодальностями полимодального «Я» и дивергентным мышлением. Вместе с тем, только субмодальности «авторского Я» и «воплощенного Я» и только воплощенный субмотив стремления к успеху и авторский субмотив избегания неудачи вносили вклады (реципрокно) в дивергентное мышление.

Можно предложить несколько объяснений полученных результатов.

- 1) Полимодальное Я служит необходимым, но недостаточным ресурсом дивергентного мышления. Субмодальности, которые характеризуют личность в представлениях о себе (Я-концепция), могут влиять на позиции, которые она выбирает, решая поставленную задачу. Это, так сказать, структурная сторона личностного ресурса. Но чтобы привести его в действие, по всей видимости, необходимо еще побуждение, энергетическая сторона личностного ресурса. Его обеспечивают некоторые субмотивы мотивов стремления к успеху и избегания неудачи.
- 2) В совместных вкладах указанных субмодальностей и субмотивов выражается дополнительность указанных личностно-мотивационных ресурсов дивергентного мышления. Дополнительность можно усмотреть в следующем. В терминах линейных

структурных уравнений были установлены два пути. «Авторское Я» и «воплощенное Я», воплощенный субмотив стремления к успеху, дивергентное мышление вошли в состав одного пути. «Авторское Я», авторский субмотив избегания неудачи, дивергентное мышление вошли в состав другого пути. Каждый из них вносил свой вклад в дивергентное мышление. В этом смысле указанные пути носили характер дополнительности.

- 3) Возможно, дополнительность отмеченных личностно-мотивационных ресурсов служит одним из источников дополнительности идей, продуцируемых дивергентным мышлением.

Заключение

Намечена перспектива исследования роли личности в творчестве в школе Я.А. Пономарева путем конвертации общетеоретических понятий в эмпирические понятия и развертывания эмпирических исследований. Предлагался полимодальный подход к Я-концепции и мотивам достижения, а творчество рассматривалось со стороны дивергентного мышления. Выяснялись вклады полимодального «Я» и полимодальных мотивов достижения в дивергентное (креативное) мышление. Исследовательская гипотеза заключалась в том, что субмотивы полимодальных мотивов стремления к успеху и избегания неудачи выступают в качестве медиаторов между субмодальностями полимодального «Я» и дивергентным мышлением. Оценивались 4 структурные модели по индексам статистической пригодности. Модели отличались друг от друга составом субмодальностей полимодального «Я» и субмотивов полимодальных мотивов достижения. Было установлено, что авторский субмотив избегания неудачи тормозит вклад субмодальности «авторского Я» в дивергентное мышление. Воплощенный субмотив стремления к успеху, наоборот, способствует позитивному вкладу субмодальностей «авторского Я» и «воплощенного Я» в дивергентное мышление.

Литература

- Аверина И. С., Щебланова Е. И.* Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М., 1996.
- Богоявленская Д. Б.* Методологические основы построения типологии творчества // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М., 2015. С. 264–267.

- Дорфман Л. Я.* Метаиндивидуальная и полимодальная модели креативности // *Информация, время, творчество* / Под ред. В. М. Петрова, А. В. Харуто. М., 2007. С. 73–79.
- Дорфман Л. Я.* Креативное ментальное поле, дивергенция и вариативность // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 1. С. 26–34.
- Пономарев Я. А.* Перспективы развития психологии творчества // *Психология творчества: школа Я. А. Пономарева* / Под ред. Д. В. Ушакова. М., 2006. С. 145–276.
- Ушаков Д. В.* Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарёв и его научная школа // *Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва* / Под ред. Д. В. Ушакова. М., 2006. С. 19–142.
- Феногентова О. П.* Вопросы полимодальных мотивов успеха и неудачи: теоретические предпосылки и предварительные психометрические результаты // *85 лет высшему профессиональному образованию на Урале* / Отв. ред. Е. М. Березина. Пермь, 2002. С. 126–130.
- Челнокова А. В.* Личностно-мотивационные факторы и пол как детерминанты креативности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2009.
- Atkinson J.* Motivational determinants of risk-taking behavior // *Psychological Review*. 1957. V. 64. P. 359–372.
- Dorfman L., Ogorodnikova A.* Plural self, plural achievement motives, and creative thinking // *Aesthetics and Innovation* / Eds L. Dorfman, C. Martindale, V. Petrov. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2007. P. 125–160.
- Guilford J. P.* Creativity: Yesterday, today and tomorrow // *Journal of Creative Behavior*. 1967. V. 1. P. 3–14.
- Wallach M. A., Kogan N.* Modes of thinking in young children. N. Y.: Holt, Rinehart, and Winston, 1965.

Plural achievement motives mediate relationships between plural self and divergent thinking

*L. Y. Dorfman**, *A. V. Chelnokova*** (*Perm*)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Department of psychology and pedagogy of Perm state Institute of culture

** Candidate of psychological Sciences, senior lecturer of psychology and pedagogy of Perm state Institute of culture

This study examined the link between the plural self, the plural achievement motives and creative thinking among university students. A methodological ground was the theory of creativity propounded by Ponomarev

(2006). His large conceptions were proposed to convert to concepts available for empirical testing. In this framework, a plural approach was used to self-conception and achievement motives. The plural self was divided on subselves and the plural achievement motives on submotives either of motives to achieve success or of motives to avoid failure. Divergent thinking was considered a kind of creative thinking. A principal hypothesis to be tested was that submotives of the plural achievement motives serve a mediator part between subselves of the plural self and divergent thinking. Structural equation modeling was applied to estimate 4 models. Fit indices indicated the best model this way. Paths with significant positive coefficients passed from the Authored and the Embodied subselves to the Embodied submotive of the motive to achieve success to divergent thinking. There also were paths with significant or very close at significant level negative coefficients from the Authored subself to the Authored submotive of the motive to avoid failure to divergent thinking.

Keywords: theory of creativity by Ponomarev, creativity, plural self, plural achievement motives, divergent thinking.

Исследование групповой креативности студентов

Л. И. Еремина (Ульяновск)

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова; e-mail: lariv73@mail.ru

В статье описаны результаты пилотажного исследования развития групповой креативности студентов с помощью технологически проработанных алгоритмов организации группового взаимодействия по решению творческих задач. Охарактеризовано понятие «групповая креативность» как способность к творчеству, формируемая внутригрупповым взаимодействием; данная способность характерна для группы и имеет социальный контекст. В статье выделены и обоснованы качественные показатели для определения динамики развития групповой креативности, которые послужили основой для использования в исследовании метода экспертных оценок. В качестве технологической формы организации внутригруппового взаимодействия выступило игровое моделирование, где применялась развивающаяся кооперация процесса творческой групповой работы, включающего рефлексивный этап организации совместной творческой деятельности.

Ключевые слова: креативность, групповая креативность, показатели развития групповой креативности.

Проблема исследования

Анализ отечественных (А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, Т. А. Нестик, Е. А. Леванова, В. Г. Грязева-Добшинская, Я. А. Пономарев, Ч. М. Гаджиев, Л. И. Уманский, М. Г. Ярошевский, Г. С. Гавреева и др.) и зарубежных (М. Csikszentmihalyi, D. Harrington, B. Nijstad, E. Rietzschel, W. Stroebe, B. Hennessey, T. Amabile и др.) исследований показывает, что вне социального взаимодействия, совместного вида деятельнос-

ти развитие креативности невозможно. В зависимости от субъекта творчества выделяют индивидуальную креативность, характерную для отдельного человека, и групповую креативность, осуществляемую сообществом, группой участников совместной деятельности.

В настоящее время проводятся исследования групповой креативности, направленные на изучение влияния совместного творчества на индивидуальную креативность членов группы (порождение и обмен идеями, особенности переработки информации во внутригрупповом взаимодействии), и исследования проблемы креативности и инновационности реальных групп в современных организациях (Журавлев, Нестик, 2011).

Групповая креативность, по мнению Д. В. Ушакова, – это способность группы создавать продукт, обладающий новизной и при этом соответствующий окружающему контексту и ограничениям, накладываемым ситуацией (Творчество..., 2011). А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик понимают под групповой креативностью способность группы не только к генерированию новых идей, но и к обеспечению их поддержки, совершенствования в ходе обсуждения с другими людьми, доведения до реализации (Журавлев, Нестик 2010). Г. С. Гавреева характеризует групповую креативность как устойчивую групповую характеристику, комплексное свойство группы, которое позволяет ей в совместной профессиональной деятельности генерировать оригинальные идеи, инновационные предложения, находить способы нестандартного решения проблем, творчески относиться к делу, выявлять лидеров в команде единомышленников, стремиться к групповым профессиональным достижениям (Гавреева, 2008).

В рамках данного исследования групповая креативность определяется как способность к творчеству, формируемая в ходе внутригруппового взаимодействия, при этом в аспекте совместной деятельности данная способность характерна для группы и имеет социальный контекст (Еремина, 2014).

В ряде исследований отмечено, что групповая креативность выше индивидуальной. В одной группе участники оценивают себя как недостаточно креативных, но при этом свою группу считают достаточно творческой (Гавреева, 2008). Следовательно, для повышения уровня креативности каждого участника группы, необходимо повысить уровень креативности самих групп путем стимулирования различных групповых процессов.

Для запуска творчества необходим хотя бы малейший исследовательский интерес к своей деятельности и развитию. Необходима «внутренняя» мотивация – ориентация на успех и развитие. Соот-

ответственно, для пробуждения творчества участников группы, необходимо активизировать внутреннюю мотивацию человека, т. е. его ценности, смыслы и цели. В некоторых случаях необходимо показать, детально объяснить и научить творческому отношению. Групповая креативность является управляемой характеристикой группового творчества, поэтому ее можно развивать.

Процедура и методы эмпирического исследования

В последнее время все большее значение приобретают технологические формы организации совместной деятельности, что обусловило цель нашего пилотажного исследования: сформировать устойчивую мотивацию на групповое творчество за счет грамотно организованного внутrigруппового взаимодействия – процесса творческой групповой работы, включающего рефлексивный этап организации совместной творческой деятельности.

Исследование было ориентировано на адекватную организацию совместной творческой деятельности: первично выступало групповое взаимодействие (обмен знаниями, идеями, опытом, действиями и пр.) и нацеленность на раскрытие творческого потенциала всех членов учебной группы, и вторично – достижение творческого группового результата (продукта).

Оценка достижения эффективного группового решения задачи не осуществлялась в связи с тем, что в нее вмешивается много субъективных факторов, например, таких как сложность и специфика решаемых задач, состав группы, неоднозначность показателей оценки креативного продукта и пр.

Выборка исследования

В пилотажном исследовании приняли участие 71 человек в возрасте 19–20 лет; выборка была гендерно смешанной. Респонденты (студенты бакалавры 2 курса очной формы обучения факультета педагогики и психологии УлГПУ) были поделены на три группы в соответствии с направлениями подготовки: 25 человек – студенты-психологи (психолого-педагогическое образование, ППО), 20 человек – студенты социальной работы (социальная работа, СР), 26 человек – студенты-педагоги (педагогическое образование, ПО). В нашем случае студенты учебных групп и состав группы не подбирались под уровень сложности решения задач. Специального отбора в группы не было, следовательно, мы ушли от понятия творческие команды (группы).

Гипотеза исследования

Мы предположили, что если студентам задавать технологически проработанные алгоритмы организации группового взаимодействия по решению творческих задач, то будет прослеживаться положительная динамика развития групповой креативности, и студенты займут рефлексивную позицию в отношении совместной деятельности.

Процедура исследования

Групповое взаимодействие было организовано в форме игрового моделирования, где применялась развивающаяся кооперация в совместной творческой деятельности. Использование постепенно развивающейся кооперации было обусловлено повышением творческой продуктивности учебной группы за счет анализа, сведения вместе и размещения в логической последовательности операций производства творческих идей, организации непрерывного процесса решения задачи в ходе группового взаимодействия. Группам было предложено задание творческой направленности, состоящее из трех частей (шагов), технологически проработанных алгоритмов организации группового взаимодействия.

В первой части каждый участник работал индивидуально и самостоятельно, решая творческую задачу: «Что произойдет на земле, если люди перестанут доверять друг другу?» Участники могли написать, нарисовать, изобразить в форме знаков, схем свой ответ. Каждый участник получал для работы одну вторую листа А4. Во второй части участники объединялись в пары и отвечали на данный вопрос уже вдвоем, используя свои идеи или придумывали что-то новое сообща. Участники для работы получали целый лист А4. В третьей части в группах по четыре человека участники совместно решали данную проблему. При этом важно было выбрать наиболее интересную идею, преобразовать, сформулировать и оформить ее. Участники для работы получали лист А3. Время, отводимое на выполнение задания, составляло 30 минут.

По завершению работы каждая микрогруппа озвучивала свои идеи, свой вариант ответа на проблемный вопрос творческой направленности. Подчеркивалось, что мнение каждого участника значимо и важно, идеи интересны, полезны и оригинальны.

Далее проводился совместный анализ (рефлексия) группового взаимодействия. Основные вопросы рефлексивного анализа: «Каков результат группового взаимодействия для Вас лично?», «Готовы ли Вы в дальнейшем участвовать в подобных формах совместной ра-

боты?», «Какова степень удовлетворенности от группового взаимодействия (оценка осуществлялась по семибалльной шкале от 1 до 7)?».

Формирование рефлексивного отношения необходимо для понимания не только новой идеи, но и смысла группового творческого взаимодействия, повышения значимости процессов координации и интеграции за счет понимания цели и смысла собственных действий. Рефлексия развивает группу, облегчает взаимодействие, способствует осмыслению совместного опыта группы. При анализе ответов и суждений (после окончания обсуждения) имеет смысл разделить высказывания студентов на следующие группы: 1) участник группового взаимодействия отметил, что нового, продуктивного в совместной деятельности для него было мало (не было); 2) участник группового взаимодействия заинтересовался, узнал для себя что-то новое, полезное, продуктивное в совместной деятельности; 3) участник группового взаимодействия не готов в последующем участвовать в подобных формах совместной работы; 4) участник группового взаимодействия намерен и далее участвовать в подобных формах совместной работы; 5) участник группового взаимодействия не удовлетворен совместной творческой работой; 6) участник группового взаимодействия удовлетворен совместной творческой работой.

Игровое моделирование может считаться успешным, если количество ответов «намерен участвовать» в подобных формах совместной работы – не менее чем у 75% участников, «узнал новое, заинтересовался» – не менее чем у 50% от числа участников, «удовлетворен совместной творческой групповой работой» – не менее чем у 60% участников.

Для диагностики уровня развития групповой креативности студентов использовались: метод экспертных оценок (выделенные показатели групповой креативности оценивались экспертами по пятибалльной шкале от 0 до 4), метод самооценок и метод «Неоконченных предложений».

Студенты в начале игрового моделирования получили задание: «Оцените по семибалльной шкале творческая/нетворческая ли наша учебная группа». После рефлексии по завершению игрового моделирования студенты также отвечали на данный вопрос, но в задании добавлялась вторая часть: «Обоснуйте причину своего ответа: наша учебная группа творческая/нетворческая, потому что...».

Результаты исследования

Анализ описания творческих групп, структурных характеристик творческого (продуктивного) мышления и особенностей организа-

ции совместной творческой деятельности позволил выделить показатели групповой креативности. Групповая креативность характеризуется не суммой индивидуальных креативностей членов группы. Как целостное явление, она имеет ряд существенных характеристик: 1) интерес к решению творческих задач; 2) общность творческого настроения учебной группы; 3) способность к генерированию новых идей, ассоциаций, способов действий (продуктивность); 4) способность находить новые (альтернативные) стратегии решения творческих задач (гибкость); 5) способность оригинально, необычно и конструктивно решать творческие задачи (оригинальность); 6) способность усовершенствовать объект путем добавления существенных деталей (разработанность); 7) групповая активность (степень включенности в групповое взаимодействие); 8) согласованность действий, сотрудничество в решении творческой задачи.

Первые два показателя можно отнести к характеристикам творческой направленности; продуктивность, гибкость, оригинальность и разработанность соотносятся с критериями творческого мышления; последние два показателя определяют особенности организации процесса творческой групповой работы.

В соответствии с данными показателями групповой креативности эксперты оценили уровень развития групповой креативности. Результаты экспертной оценки показали следующее: групповая креативность студентов ППО соответствует высокому уровню (коэффициент групповой креативности 3,28); студентов ПО (2,58) и студентов СР (2,54) – среднему уровню развития групповой креативности.

Корреляция между показателями групповой креативности студентов ППО и студентов ПО оказалась высокой ($r_s=0,923$; $p=0,01$), т. е. чем выше показатели групповой креативности в группе будущих педагогов, тем выше данные показатели в группе психологов, и наоборот. Установлена сильная зависимость между показателями групповой креативности у студентов ППО и студентов СР ($r_s=0,78$; $p=0,05$). Выявлена корреляция ($r_s=0,631$; $p=0,05$) между показателями групповой креативности студентов СР и студентами ПО. Из полученных данных можно сделать заключение, что показатель групповой активности во всех трех выборках самый высокий. Показатель разработанности самым низким оказался у студентов ПО. Способность оригинально, необычно и конструктивно решать творческие задачи была выявлена в группах ППО и СР; по согласованности действий и готовности сотрудничать в процессе решения творческой задачи получили наибольшие баллы от экспертов студенты-психологи.

Используя критерий Краскела–Уоллиса, мы получили данные, свидетельствующие о том, что между тремя выборками студентов – ППО, ПО, СР – существуют значимые различия по уровню развития групповой креативности ($H_{эмп} = 10,75$; $p = 0,01$).

Отвечая на вопрос в начале и в конце игрового моделирования, насколько учебная группа является творческой/нетворческой, все студенты обнаружили положительную динамику в сторону увеличения показателя в 1,3–1,5 раза. Обосновывая причину своего ответа, студенты выделили следующие моменты: *«нашей группе присуще творчество»*; *«наша группа занимается творческой деятельностью»*; *«в нашей группе есть творческие студенты»*; *«вместе интереснее решать творческие задачи»*; *«нам нравится взаимодействовать друг с другом»* и пр.

По семибалльной шкале оценивалась степень удовлетворенности групповым взаимодействием. Условно разделив полученные данные по четырем уровням, можно констатировать, что больше чем у половины респондентов (50,7%) высокий уровень удовлетворенности групповым взаимодействием; у 42,6% респондентов – средний уровень удовлетворенности и всего лишь у 9,9% студентов – уровень ниже среднего.

Результаты пилотажного исследования показали, что в ходе совместной творческой деятельности с использованием развивающейся кооперации общность творческого настроения и устойчивая мотивация на групповое творчество возрастают.

Заключение

Специфика развития групповой креативности студентов обусловлена предметом и содержанием совместной деятельности, связана с особенностями организации группового взаимодействия, с формами организации творческой групповой работы.

Прслеживается положительная динамика развития групповой креативности студентов и смещение рефлексивной позиции в отношении совместной деятельности за счет использования технологически проработанных алгоритмов организации группового взаимодействия по решению задач творческой направленности. При постепенно развивающейся кооперации (постепенное увеличение участников) усиливается эффект от разнородности группы.

Существуют различия в уровнях развития групповой креативности студентов в зависимости от направления их подготовки. В частности, у студентов ППО показатели развития групповой креативности выше, чем у студентов СР и студентов ПО. В то же вре-

мя отмечен рост показателя общности творческого настроения у всех трех групп респондентов, прослеживается положительная динамика в степени удовлетворенности от группового взаимодействия.

Литература

- Гавреева Г. С.* Влияние внутригрупповых процессов на развитие креативности малой группы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Еремина Л. И.* Влияние групповой креативности на социальное творчество студентов в Поволжском регионе: монография. Ульяновск, 2014.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследования. М., 2010.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М., 2011.

Study of group creativity of students

L. I. Eremina (Ulyanovsk)

Candidate of pedagogic Sciences, Docent, associate professor of Department of pedagogy and social work of Ulyanovsk state pedagogical University named I. N. Ulyanov

The article describes a pilot study of the development of group creativity of students with the help of technologically advanced algorithms for organizing group interaction in solving creative problems. The concept of “group creativity” as an ability to creativity, formed by intra-group interaction, is characterized; this ability is characteristic of the group and has a social context. The article highlights and substantiates the qualitative indicators for determining the dynamics of the development of group creativity, these indicators served as the basis for using the method of expert assessments in the study. As a technological form of organization of intra-group interaction, game modeling was used, where the developing cooperation of the process of creative group work was applied, including the reflexive stage of organizing joint creative activity.

Key words: creativity, group creativity, indicators of the development of group creativity.

Особенности ментальных репрезентаций страхов у студентов с разной самооценкой

И. А. Кибальченко, А. И. Плаксиенко** (Таганрог)*

** доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности, Южный федеральный университет;
e-mail: kibal-irina@mail.ru*

*** аспирантка Южного федерального университета;
e-mail: pantonina8@yandex.ru*

Статья посвящена эмпирическому изучению особенностей ментальных репрезентаций страха студентов в связи с таким фактором, как разный уровень самооценки. Низкий уровень самооценки рассматривается как негативная предпосылка понимания содержания и причин страха у студентов. Согласно полученным результатам, ментальные репрезентации страха у студентов с низкой самооценкой значимо отличаются недифференцированностью содержания, актуальностью социальных тем страха, неосознаваемостью причин и ситуаций, вызывающих страх; у студентов с высокой самооценкой – разнообразием и согласованностью содержания, наличием причинно-следственных связей между возникновением и последствиями страхов, оценкой своих страхов и их значения.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, уровни самооценка, страх.

Постановка проблемы

Изучение и профилактика возникновения отрицательно окрашенных эмоциональных состояний студентов во время обучения, сдачи зачетов и экзаменов – важная проблема педагогической психологии, так как точность и объективность оценки уровня подготовленности студентов часто зависят от особенностей их эмоциональной сферы. Не все студенты справляются с волнением, возникающим

перед очередной проверкой знаний и умений; у многих появляется страх. Повышенный уровень страха отражается на эффективности и результативности деятельности, приводит к срывам, отказам от ее выполнения (Крейнина, 2015).

Понятие «страх» определяется следующим образом: как отрицательная эмоция, проявляющаяся при получении субъектом информации о реальной или воображаемой опасности (Гамезо, 2007); как негативное эмоциональное переживание, которое испытывает человек при встрече с угрозой или ее ожидании (Щербатых, 1999) и др. Обобщая их, можно сказать, что присутствие страха выступает не только как реакция на реально существующее явление, событие; он может также проявляться в виде предчувствия, ожидания, представления относительно некоей воображаемой опасности.

Ментальная репрезентация – ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира «в голове» человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире (Цымбалюк, 2011); как актуальный умственный образ события (т. е. субъективная форма «видения» происходящего») или оперативная форма ментального опыта (Холодная, 2002). Точность ментальной репрезентации зависит от величины когнитивного ресурса.

Парадигма ментальных репрезентаций позволяет обсудить организацию и содержание вербальных и образных представлений человека (в том числе страха) (А. В. Брушлинский, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Т. А. Ребеко и др.).

В той или иной степени страхи присутствуют в психике любого человека. Однако у неуверенных людей проблема состоит в том, что у них социальный страх становится доминирующим чувством, блокирующим их социальную активность. Низкая личностная самооценка тесно связана с чувством вины, стыда, страха, а порой и враждебности к окружающему миру. Таким образом, прогнозируется взаимосвязь между низкой (заниженной) самооценкой, неадекватным образом происходящего и социальными страхами. При этом нужно отметить, что изучение различных аспектов страха, включающего не только физиологические, но и когнитивные, эмоциональные, социально-психологические детерминанты, остается открытым. Исследование ментальных репрезентаций страхов студентов позволит разработать надежную практическую систему управления их психическим состоянием, поможет им осознать проблему собственной эмоциональной нестабильности в стрессовых ситуациях, в том числе и во время экзаменов, избежать многих проблем в их развитии.

Цель, процедура и методики эмпирического исследования

Цель пилотажного исследования – изучение ментальных репрезентаций страхов студентов с разным уровнем самооценки.

Гипотеза исследования

Мы предположили, что ментальные репрезентации страхов студентов с высокой самооценкой – в сравнении со студентами с низкой самооценкой – будут отличаться по следующим критериям страхов: виды; признаки; формы. Гипотетически существуют различия в экспликации репрезентаций страхов студентов с разной самооценкой на понятийном, ассоциативном и образном уровнях; вербальные и образные единицы репрезентаций страхов студентов с разной самооценкой будут иметь качественные различия.

Выборка исследования

Выборку составили студенты 2–4 курсов института в количестве 112 человек; средний возраст – 20,4 года. Для эмпирического исследования были сформированы три группы: первая включает 62 студента с низким уровнем развития самооценки, вторая – 43 студента со средним уровнем самооценки, третья – 7 студентов с высоким уровнем самооценки.

Заметим, что ментальная репрезентация страха содержит как объективные, так и субъективные детерминанты, поэтому в исследовании были использованы следующие *методы и методики исследования*: методика вербальной диагностики самооценки личности (Фетискин, 2002); опросник иерархической структуры актуальных страхов личности (ИСАС), предназначенный для определения интенсивности страхов, а также выявления наличия или отсутствия фобий (Щербатых, Ивлева, 1998); авторский диагностический инструментарий (Плаксиенко, 2015) для изучения страхов студентов (рефлексивная оценка страхов в разных ситуациях (РОСС); методика «Рисуем и описываем страх» – словесно-образный перевод понятия страха (СОППС); контент-анализ; угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

На первом этапе исследования в процессе использования вербальной диагностики самооценки личности (ВДСЛ) (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002) было установлено, что у большинства студентов

(54%) показатели уровня самооценки низкие, что является фактором, потенциально создающим негативные предпосылки для развития личности. У 38% студентов обнаружен средний уровень самооценки, а у 8% студентов – высокий. Таким образом, выделены три группы студентов с разной самооценкой.

На втором этапе при изучении актуальных страхов студентов по опроснику иерархической структуры актуальных страхов личности (Щербатых, Ивлева, 1998) были получены следующие результаты. Среди студентов с низким уровнем самооценки больше всего студентов (60%), имеющих высокий уровень страхов. Практически такой же результат (63%) обнаружен в группе студентов со средним уровнем самооценки. У студентов же с высокой самооценкой чаще всего (у 57%) встречается низкий уровень страхов.

Студенты с низким уровнем самооценки – в сравнении со студентами других групп – при словесно-образном переводе понятия «страх» в среднем вспомнили и описали значимо большее количество ситуаций, связанных со страхом ($\varphi_{эмп}^* = 2,235$ при $p=0,05$), что отражает актуальность проблемы страхов, прежде всего, для студентов с низкой самооценкой. Для студентов со средним уровнем самооценки такой факт получен на уровне тенденций. Количественно 221 ситуация (почти 4 ситуации в среднем) описаны студентами с низким уровнем самооценки; 130 ситуаций (в среднем – 3) – студентами со средним уровнем самооценки; 14 ситуаций (в среднем – 2) – студентами с высоким уровнем самооценки. Таким образом, в группе студентов с низкой самооценкой этих ситуаций в среднем в два раза больше, чем в группе с высокой самооценкой. Однако, наряду с этим, обнаружено, что в случае низкой самооценки большее количество студентов (23%) – в сравнении со студентами со средней самооценкой (16%) – затруднились описать наиболее значимую для них ситуацию, связанную со страхами, что также отражает актуальность проблемы страхов для данной группы студентов. Таким образом, среди студентов с низкой самооценкой больше тех, кто не готов описать, изобразить, раскрыть содержание своих страхов и классифицировать их. Студенты с высоким уровнем самооценки не обнаружили проблем при описании наиболее значимых ситуаций, вызывавших страх, что частично отражает осознание и понимание ими содержания страхов.

Анализ видов страхов у студентов с низким, средним и высоким уровнем самооценки, описывающих ситуации, согласно классификации Ю. В. Щербатых, показал, что у респондентов с низким уровнем самооценки преобладают темы социальных страхов (изоляция и одиночества, страха потери близких, страха перед экзаменом и т. д.)

($\varphi^*_{\text{ЭМП}}=11,888$, $p=0,01$), что отражает ощущение тревоги, ожидания опасности от социума. Можно сказать в связи с этим, что у них возможны проблемы в адаптации, в общении со сверстниками и в учебной деятельности. У респондентов со средним уровнем самооценки преобладают темы биологических страхов (угрозы жизни, страха животных, страха болезни и т. д.), которые являются нормой для данной выборки. Значимых различий по данному вопросу, в сравнении с другими группами студентов, не обнаружено.

У студентов с высокой самооценкой значимо преобладают темы биологических ($\varphi^*_{\text{ЭМП}}=10,47$, $p=0,01$) страхов как защита от необдуманных поступков, что обеспечивает безопасность и здоровье.

Необходимо отметить выявленную тенденцию к снижению количества тем экзистенциальных страхов у студентов с повышением самооценки, что логично встраивается в канву теоретических оснований, так как эти страхи спрятаны в подсознании и чаще всего не осознаются человеком, что более характерно для студентов с низкой самооценкой.

Контент-анализ описаний страхов студентами в наиболее значимых для них ситуациях показал, что у студентов с низким уровнем самооценки самый высокий суммарный средний показатель по признаку «колотится сердце». У студентов двух других групп встречаемость этого признака понижается: у студентов со средней самооценкой он встречается гораздо реже, у студентов с высокой самооценкой доминирует признак «ноги становятся „ватными“». Этот факт согласуется с тем, что у студентов с низким уровнем самооценки признаки острых и хронических страхов выражены ярче, по сравнению с остальными двумя группами студентов. Реже всего встречаются признаки хронических и острых страхов у респондентов с высоким уровнем самооценки.

Предложение изобразить свой страх (словесно-образный перевод понятия страха) вызвало у многих студентов с низкой самооценкой нежелание, неготовность, непонимание содержания задания. Им трудно изобразить и описать признаки, идентифицирующие понятие страха, его связь с явлениями внешнего мира, сложно соотнести его с собственной жизнедеятельностью. Это отражает недостатки организации ментальных репрезентаций страха у студентов с низкой самооценкой, обусловленные тем, что содержание страхов ими не дифференцируется. При анализе рисунков по критерию использования деталей получены значимые различия в группах студентов с низкой и высокой самооценкой на уровне значимости $p=0,05$ ($\varphi^*_{\text{ЭМП}}=1,923$). Студенты с низкой самооценкой значимо реже используют детали в рисунках, не описывают причинно-следственные свя-

зи, реже дифференцируют содержание понятия «страх». Выявлены значимые различия на уровне $p=0,05$ ($\varphi^*_{эмп}=1,923$) по наличию позитивного содержания в рисунках страха у студентов с высокой самооценкой в сравнении со студентами с низкой и средней самооценкой. В их описании встречается анализ ситуаций, в которых возникли страхи, представлено объяснение их причин.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что у современных студентов выражена низкая самооценка, что является негативной предпосылкой в развитии личности. Эмпирически обнаружены качественные различия вербальных и образных единиц репрезентаций страхов у студентов с разной самооценкой.

Ментальные репрезентации страхов у студентов с высокой самооценкой содержат признаки, отражающие осознание ситуаций, вызывающих страхи, в них отражены причинно-следственные связи возникновения и последствий страхов, оценки значения своих страхов. Их репрезентации более разнообразны и согласованы. В ментальных репрезентациях страхов студентов с низкой самооценкой, напротив, обнаруживается недифференцированность содержания понятия «страх», неосознаваемость причин и ситуаций, вызывающих страхи.

Ментальные репрезентации страха студентов с разной самооценкой являются результатом различий в способах анализа и структурирования информации о содержании страхов, их причин и последствий.

Литература

- Гамезо М. В., Герасимова В. С., Машурцева Д. А., Орлова Л. М. Общая психология: Учебно-методическое пособие / Под ред. М. В. Гамезо. М., 2007.
- Крейнина О. В. Личностные факторы страха студентов перед экзаменами. URL: <http://www.dslib.net/psixologia-vozrasta/lichnostnyefactory-straha-studentov> (дата обращения: 10.06.15).
- Плаксиенко А. И. Диагностика страхов студентов // Психология XXI века: академическое прошлое и будущее: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. 20–23 апреля 2015 г. СПб., С. 78–80.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002.

Цымбалюк А. Э. Содержание ментальной репрезентации жизненных ситуаций в юношеском возрасте // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 244–248.

Щербатых Ю. В., Ивлева Е. И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж, 1998.

Щербатых Ю. В. Психология страха. М., 1999.

Features of mental representations of fears of students with different self-assessment

*I. A. Kibal'chenko**, *A. I. Plaksienko*** (Taganrog)

* Doctor of psychological Sciences, Docent, professor of the Department of psychology and life safety, Southern federal University

** Postgraduate of the Southern federal University

The article is devoted to the empirical studies of the characteristics of mental representations of fear in students in connection with factors such as different levels of self-assessment. Low level of self-assessment is seen as a negative precondition for understanding the content and causes of fear among students. Mental representations of fear in students with low self-assessment were significantly notable for nondifferentiable content, timely social themes of fear, unconsciousness of reasons and situations giving rise to fear. Mental representations of fear in students with high self-assessment were significantly notable for diversity and coherence of the content, availability of cause-and-effect relations between the origin and the consequences of fears, students' assessment of their own fears and their values. Research prospects are planned to develop structures of mental representations of fear of students with different self-assessment for organization of correction.

Keywords: mental representation, levels of self-assessment, fear.

Интеллект, музыкальная практика и концептуализация музыкального смысла

Т. С. Князева (Москва)

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: tknyazeva@inbox.ru*

В статье рассматривается проблема взаимосвязи общего интеллекта, продолжительности музыкальной практики в опыте взрослых испытуемых и способности к концептуализации в музыкальном исполнении. В исследовании с участием 62 испытуемых не выявлено достоверных различий по уровню общего интеллекта (тест SPM Plus Дж. Равена) между музыкальной и контрольной группами. Также не обнаружено связи между интеллектом и продолжительностью музыкальной практики у музыкантов-исполнителей. Выполнение теста SPM Plus музыкантами-исполнителями оказалось положительно и достоверно связано со способностью к музыкальной концептуализации. Была подтверждена гипотеза, что общий интеллект связан не столько с наличием или продолжительностью музыкальной практики, сколько со способностью к концептуализации музыкального смысла.

Ключевые слова: общий интеллект, музыкальная практика, музыкальная концептуализация, когнитивные основания музыкальности, музыкальные предпочтения.

Постановка проблемы

В исследованиях взаимосвязи и взаимовлияния между музыкальной практикой, музыкальностью и когнитивными выделяются два направления. Первое касается проблемы оптимизации когнитивных функций под влиянием музыкальной практики, второе – проблемы когнитивных оснований музыкальности и успешности музыкальной деятельности.

Наиболее устойчивые и выраженные связи между когнитивным развитием и наличием или отсутствием в онтогенетическом опыте музыкальной практики наблюдаются в дошкольном возрасте. Показано, что чем раньше ребенок получает регулярное музыкальное воздействие, например, помещается в музыкально обогащенную среду, слушает музыку не меньше одного часа в день, играет в музыкальные игры, обучается игре на музыкальном инструменте, тем лучше развивается его мозг, и тем сильнее отличается ребенок в выполнении когнитивных заданий от сверстников контрольной группы. В школьном возрасте когнитивные преимущества уже не так очевидны: эмпирические данные более противоречивы, зависимы от методов измерения и анализа; результаты менее устойчивы. Это дает исследователям основание предположить участие в когнитивном развитии ребенка «немузыкальных» переменных, таких, например, как социально-экономический статус семьи, поддержка родителей, изучение нотной грамоты, техническое овладение инструментом, повышение самооценки через участие в музыкальных программах и др. (Schellenberg, Weiss, 2013; Degé et al., 2011).

У взрослых музыкантов, хотя и сохраняются определенные преимущества при решении музыкальных, акустических и некоторых когнитивных задач, по уровню интеллекта не наблюдается отличий от «немузыкальных» испытуемых-профессионалов в других областях деятельности (Helmbold et al., 2005), однако в целом по популяции IQ музыкантов превышает средние значения.

При изучении связей между музыкальностью и когнициями, как правило, тестируются изолированные музыкальные способности – музыкальная память, звуковысотный и ритмический слух и т. п. Между тем высший уровень музыкальности связан со способностью к музыкальной концептуализации. Под музыкальной концептуализацией мы понимаем способность к смысловому структурированию потока музыкальной информации, обобщению всех элементов музыкальной ткани в целостный музыкальный образ – творческую концепцию. Процесс концептуализации необходим при восприятии звучащей музыки, а также является этапом в работе исполнителя над произведением. Перед исполнителем стоит задача воссоздания музыкального произведения, поскольку, в отличие от пространственных искусств – архитектуры, живописи и скульптуры, музыка существует в виде нотной записи, которая фиксирует лишь сочетание высотных и ритмических соотношений звуков. Раскрытие художественного содержания произведения, интонационное наполнение нотного текста является задачей исполнителя. Концептуализация проявляется в способности ощущать законо-

мерность развития музыкальной мысли, ее связность, логическую последовательность музыкальных событий, соразмерность частей и целого. В отличие от врожденного характера большинства базовых музыкальных способностей, способность к концептуализации формируется прижизненно, в ходе музыкальной практики. Вопрос о характеристиках музыкальной практики, способствующих развитию способности к концептуализации, в настоящее время остается открытым.

Процедура и методика эмпирического исследования

Целью эмпирического исследования явилось изучение связи между общим интеллектом, продолжительностью музыкальной практики в опыте взрослых испытуемых и способностью к музыкальной концептуализации у музыкантов-исполнителей.

Проверялась *гипотеза* о том, что интеллект связан не столько с наличием или продолжительностью музыкальной практики, сколько со способностью к музыкальной концептуализации.

Выборку исследования составили 62 взрослых испытуемых разной профессиональной принадлежности (90% выборки – женщины) в возрасте от 18 до 50 лет. В состав музыкальной выборки вошли студенты и выпускники музыкальных вузов, концертирующие музыканты, а также испытуемые, которые, имея базовое немusicalное образование, уже во взрослом возрасте начали посещать музыкальные классы. Все испытуемые имели разную продолжительность музыкально-инструментальной практики (от года до 15 лет). 24 человека с высшим образованием в различных профессиональных областях указали в анкете, что не имеют опыта музыкальной практики. Они составили контрольную группу.

Методы и методики исследования

Для оценки уровня общих интеллектуальных способностей использовался тест «Стандартные Прогрессивные матрицы Плюс Дж. Равена» (SPM Plus), который предъявлялся испытуемым в компьютерной форме.

Продолжительность и интенсивность музыкальной практики, а также свои музыкальные предпочтения испытуемые указывали в анкете.

Способность музыкальных исполнителей к музыкальной концептуализации оценивалась группой экспертов. В состав экспертной группы вошли четыре педагога-музыканта с большим опытом

и стажем работы, трое из которых являлись членами жюри международных конкурсов. Эксперты участвовали в подборе музыкальной выборки, помогли нам связаться с испытуемыми из состава своих настоящих и бывших учеников, как из музыкальных вузов, так и из музыкальных классов для взрослых, которые они вели. По рекомендации и при содействии экспертов были также приглашены участники конкурсов, в состав жюри которых входили эксперты. Мы попросили экспертов оценить не отдельные музыкальные способности, которые есть у участников исследования, а способность к концептуализации музыкального образа, демонстрируемого в исполнении. Ценность экспертных оценок заключалась в том, что эксперты оценивали испытуемых не на основании какой-либо разовой проверочной процедуры, а опирались на свой многолетний опыт наблюдений за работой испытуемых, хорошо знали их сильные и слабые стороны. В качестве иллюстрации эксперты анализировали исполнения некоторых музыкантов, принявших участие в нашем исследовании. Являясь опытными педагогами, они не только в «общем виде» улавливали смысловые нарушения в исполнении произведений, но и указывали на конкретные места, где эти нарушения были допущены. Эксперты оценивали испытуемых по 7-балльной шкале Лайкерта. Согласованность экспертных оценок составила 0,91 по шкале α Кронбаха.

Результаты исследования

Сравнение музыкальной и контрольной выборок по уровню общего интеллекта не выявило значимых различий между группами ($z = -1,72$, $p = 0,08$). Испытуемые с наличием опыта музыкальной практики не отличаются по уровню интеллекта от профессионалов из других областей деятельности. При этом среднее значение интеллекта (IQ) музыкантов оказалось достаточно высоким – 120 баллов (стандартное отклонение – 18,2).

Не выявлено связи между продолжительностью, а также интенсивностью музыкальной практики и общим интеллектом – коэффициенты корреляции были положительными, но не достигали значимых значений. Поскольку исследование не является лонгитюдным, мы не можем сделать однозначного заключения о наличии или отсутствии влияния музыкальной практики на интеллект. Полученные результаты пересекаются с данными некоторых зарубежных исследователей (например, Bialystok, Brandler Franklin, Helmbold, Patston и др.).

Выполнение теста SPM Plus музыкантами-исполнителями оказалось положительно и достоверно связано с экспертными оценками

ми способности к музыкальной концептуализации ($r=0,543$, $p=0,01$). При этом высокие экспертные оценки сочетались с высокими баллами теста Равена, но не наоборот: некоторым испытуемым с высокими значениями по тесту Равена эксперты выставили низкие оценки. Педагоги охарактеризовали этих испытуемых как мало инициативных, нуждающихся в постоянной подсказке, не способных к самостоятельному поиску и творческой интерпретации в исполнении музыки. Таким образом, связи между экспертными оценками и успешностью выполнения теста Равена не являются двусторонними: при высоких экспертных оценках испытуемые демонстрируют и высокий интеллект; интеллект же испытуемых, которым эксперты выставили невысокие экспертные оценки, может быть, как высоким, так и низким. Наблюдения за детьми, которые занимаются музыкой, показывают, что низкий интеллект совпадает с низкой музыкальностью, но высокий интеллект не обязательно свидетельствует о высокой музыкальности (Douglas, 1976). Сходные закономерности демонстрируются и в других видах деятельности, например, при изучении связи интеллекта и академической успешности. Согласно теории «интеллектуального порога», место ученика в диапазоне академической успешности выше интеллектуального порога определяется не когнитивными факторами, а личностными особенностями, в первую очередь, учебной мотивацией (Дружинин, 2007). Индивидуальная продуктивность, в соответствии с моделью Дж. Рензулли (Renzulli, 1986), определяется помимо IQ, уровнем мотивации и «приобщенностью к задаче», т. е. уровнем специальных навыков и знаний. Успех деятельности зависит от общего фактора интеллекта и фактора, специфического для данной деятельности (Carroll, 1997). Таким образом, недостаток мотивации и специальной компетентности препятствует индивиду достичь верхнего порога индивидуальных достижений.

В целом полученный результат позволяет заключить, что выполнение сложных музыкальных задач, связанных с концептуализацией музыкального смысла, требует активного участия интеллектуальных функций, помогающих осуществить пространственный охват музыкального целого, сопоставить музыкальные события, выстроить общую архитектонику музыкального смысла и т. п. И музыкальная концептуализация, и выполнение теста Равена, направленные на выявление связей и отношений, опираются на общую интеллектуальную способность. Ситуация, в которой требуется участие интеллекта, – это всегда проблемная ситуация. При решении сложных музыкальных задач наличие высокого интеллекта является необходимым, но недостаточным условием. При малой дифференци-

ции или несформированности структур музыкального опыта интеллект не может выступить в качестве операционного аппарата и оказывается не задействованным. Вместе с тем, если верна гипотеза о том, что музыкальная концептуализация опирается на интеллектуальные возможности, то интеллектуальные ограничения могут препятствовать этому процессу, и об этом свидетельствуют данные проведенного исследования. В качестве дополнительного примера можно привести «музыкальных» савантов, которые отличаются низким интеллектом и при феноменальном развитии традиционных музыкальных способностей не всегда могут концерттировать, поскольку, по данным Е. Виннер, Р. Янга, О. Сакса и других исследователей, не способны к концептуальной переработке музыкальной информации (Кирнарская, 2004).

Способность к концептуализации может оказывать влияние на музыкальный вкус и музыкальные предпочтения. Известно, что легкость музыкального языка является одним из факторов массового распространения поп-музыки. Развитая музыкально-концептуальная способность дает возможность понимания замысла музыкального произведения разного уровня сложности, обеспечивает более глубокое проникновение в эмоционально-смысловую структуру, расширяет диапазон музыкальных предпочтений. В нашем исследовании это проявилось в выборе испытуемыми с высокими экспертными оценками более сложных в когнитивном и смысловом отношении музыкальных направлений и жанров. Эмпирические данные ряда исследований показывают, что предпочтения и оценки музыкального материала связаны с уровнем развития интеллекта (например, А. Пантелеев, Е. Камишкирцева, А. Sekowski и др.).

Заключение

В заключение отметим, что дизайн эмпирического исследования не дает возможности ответить на вопрос, возможно ли развитие общего интеллекта внутри музыкальной деятельности, но дает основание предполагать, что процесс концептуализации музыкального смысла требует участия общего интеллекта. Интеллект, опираясь на сформированный музыкальный опыт, выступает в качестве операционной системы для упорядочивания музыкального потока, переработки сложной музыкальной информации. Чем сложнее уровень музыкальной задачи и выше уровень музыкальной компетенции, тем более высокие требования предъявляются к репрезентации когнитивной системы. Возможно, что для диагностики и прогноза успешности обучения в музыкальных учреждениях ин-

формативным является оценка не только специальных музыкальных способностей, но и общего интеллекта.

Вместе с тем многие музыкальные психологи и педагоги критически относятся к качеству современного музыкального обучения, указывают на недостаточность внимания к развитию способности к пониманию музыки, ориентацию на техническую сторону в обучении, подмену творческого поиска смысловой целостности на-таскиванием в рамках программной интерпретации. В связи с этим актуальной является разработка методов, включающих в процесс обучения задачу на самостоятельный поиск музыкального смысла, т. е. проблемную ситуацию, при которой активизируются эмоциональные, когнитивные и иные ресурсы личности.

Литература

- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. 3-е изд. СПб., 2007.
- Кирнарская Д. К.* Музыкальные способности. М., 2004.
- Carroll J. B.* The three-stratum theory of cognitive abilities // D. P. Flanagan, J. L. Genshaft et al. Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues. N. Y., 1997. P. 122–130.
- Degé F., Kubicek C., Schwarzer G.* Music lessons and intelligence: A relation mediated by executive functions // Music Perception. 2011. V. 29. № 2. P. 195–201.
- Douglas P.* An Investigation of the Relationship between Musicality and Intelligence // Psychology of Music. 1976. № 4 (2). P. 16–31.
- Phillips D.* An investigation of the relationship between musicality and intelligence // Psychology of Music. 1976. V. 4. № 2. P. 16–31.
- Helmbold N., Rammsayer T., Altenmüller E.* Differences in primary mental abilities between musicians and nonmusicians // Journal of Individual Differences. 2005. V. 26. P. 74–85.
- Schellenberg G., Weiss M.* Music and cognitive abilities // Psychology of Music / Ed. D. Deutsch. 3rd ed. Academic Press, 2013. P. 499–550.
- Renzulli J.* The three ring conception of giftedness: A developmental model for creative productivity // Conceptions of Giftedness / Eds R. J. Sternberg, J. E. Davidson. N. Y.: Cambridge University Press, 1986. P. 51–92.

Intelligence, musical practice and conceptualization of musical meaning

T. S. Knyazeva (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

The article discusses the relationships of general intelligence, duration of musical practice in the experience of adult subjects, and ability to conceptualize in a musical performance. The study involving 62 subjects has not revealed significant differences in General intelligence test (the SPM Plus, Raven) between musician and control groups. No associations were found between length of musical practice and performance on intelligence test in the sample of musicians. The intelligence was associated with the ability to musical conceptualization. The hypothesis was confirmed that the general intellect is connected not so much with the presence or duration of musical practice as with the ability to conceptualize the musical meaning.

Keywords: general intelligence, musical practice, musical conceptualization, cognitive basis of musicality, musical preferences.

Свободный ум: ретроспективный и проспективный анализ

Е. И. Кузьмина (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии
Военного университета МО РФ; e-mail: kuzminael1@yandex.ru*

Рассматривается психологическое содержание свободного ума, выступающего предиктором свободы творчества. Приводится ретроспективный анализ идей мыслителей прошлого о природе свободы творчества и характеристиках свободного ума, позволяющих, с позиций субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна, заметить перспективы и выбрать средства развития свободного ума у учащихся с целью формирования креативности, способности самостоятельно мыслить, а в будущем – совершенствовать профессиональное мастерство, творчески и ответственно преобразовывать жизнь (проспективный анализ).

Ключевые слова: свободный ум, характеристики свободного ума, свобода творчества.

Иди туда, куда влечет тебя свободный ум.

А. С. Пушкин

На основании субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна и рефлексивно-деятельностного подхода (Кузьмина, 2007) нами предпринята попытка исследования свободного ума и свободы творчества. Согласно субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна и вытекающих из нее принципов, «внешние причины всегда действуют через внутренние условия, так что конечный эффект любого внешнего воздействия всегда зависит не только от внешнего воздействия на тело или явление, но и от внутренних его свойств, применительно к человеку неизбежно приобретает и этический смысл – соотношения определения и самоопределения, свободы

и необходимости в человеческом поведении» (Рубинштейн, 2003, с. 350).

Ретроспективный анализ феномена свободного ума уводит нас в глубь веков – к древним рисункам в пещерах, свидетельствующим о понимании художником связи знака и символа. Особый интерес представляют размышления о свободном уме, встречающиеся в текстах талантливых людей, начиная, преимущественно, с эпохи Возрождения. Так, по мнению Леонардо да Винчи, «свобода – главный дар природы». Он писал: «Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет» (Леонардо да Винчи, 2017, с. 314). Итальянский историк искусств Джорджо Вазари отмечал: «В этом была его сила, что на какие бы трудные предметы он ни обращал свой ум, он легко справлялся с ними. Мощь его была велика и соединялась с ловкостью. Дух и характер его отличались царственной величавостью и благородством»» (Джорджо Вазари, 2017, с. 5).

Другой гений, опередивший свой век на несколько столетий, А. С. Пушкин, в статье «О цензуре» писал: «Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом» (Пушкин, 2014, с. 392). В своих статьях и заметках 1824–1836 гг. о творчестве поэтов и литераторов А. С. Пушкин высветил ряд характеристик свободного ума – личностных и когнитивных, своего рода прообразов когнитивных стилей, составляющих его психологическое содержание (в современной системе понятий – гибкость, диалектичность, быстрота, полнезависимость, толерантность к нереалистическому опыту, широкий диапазон эквивалентности, широта категории, когнитивная сложность). В стихах того или иного автора он видел такие достоинства, как «живость в подробностях», «необыкновенное искусство в описаниях», «яркость в выражениях», «блеск и энергию», «силу в мыслях», «гармонию», «лирическое движение», «простодушие», «истину чувств», «индивидуальность», «истинный талант». В заметке о критических статьях кн. Б. Л. Вяземского отмечается, что они «носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостью самого софизма» (там же, с. 57–58). Например, в качестве отличительной черты ума Александра Радищева выделяется «беспокойное любопытство».

Отметим, что в работе с курсантами Военного университета – будущими специалистами по психологии служебной деятельности – мы обращаемся к произведениям А. С. Пушкина. Приведем фрагмент семинара по теме «Ценностные ориентации и направленность личности». После демонстрации художественного фильма «Маленькие трагедии» (1979) проводится его обсуждение. Курсантам задается вопрос: «О чем этот фильм?». После диспута они делают вывод: «О ценностях жизни и ее пороках».

В. Г. Белинский в «Московском наблюдателе» по поводу публикации неоконченных статей и заметок А. С. Пушкина отмечал, что во всех этих неизвестных ранее материалах «виден не критик, опирающийся в своих суждениях на известные начала, но гениальный человек, которому его верное и глубокое чувство, или, лучше сказать, богатая субстанция открывает истины везде, на что он не взглянет» (Белинский, 1948, с. 303).

Определяя свободу как «возможность поступать по своей воле», «не отчитываться ни перед кем», наш великий поэт, автор вольнолюбивых стихотворений и поэм, будучи литературным критиком и редактором литературного журнала, оценивает опубликованную мысль как гражданский акт, взятие на себя ответственности и при этом отмечает «благодетельную сторону закона», который предотвращает произвол писателей – «не только наказывает, но и предупреждает». Говоря о процессе работы писателя со словом, он утверждает *ценность свободы творчества*, полагая, что писатель не должен «печься более о наружных формах слова», а должен стремиться к «мысли истинной: жизни его [слова. – Е. К.], независимой от употребления!». Понятие «неистошимость» используется им для характеристики огромных возможностей разума в рождении разнообразия и богатства мыслей: «Разум неистошим в соображении понятий, как язык неистошим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности» (Пушкин, 2014, с. 192).

Очевидно, что слово, в силу своего семантического богатства, обладает большим количеством степеней свободы – возможностей разнообразных связей с другими словами. Смысловая избыточность слова обеспечивает поступательное движение поэтической речи, которая свободна по своей природе.

Через полтора столетия мысль А. С. Пушкина об «истинной жизни слова» развивает талантливый поэт XX в., лауреат Нобелевской премии И. А. Бродский в своих эссе о литературном творчестве. Ана-

лизируя творения поэтов Серебряного века, он раскрывает их психологический механизм: «Стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения... поэтическая речь – как и всякая речь вообще – обладает собственной динамикой, сообщающей душевному движению то ускорение, которое заводит поэта гораздо дальше, чем он предполагал, начиная стихотворение. Но это и есть главный механизм (соблазн, если угодно) творчества... Речь выталкивает поэта в те сферы, приблизиться к которым он был бы иначе не в состоянии, независимо от степени душевной, психической концентрации, на которую он может быть способен вне стихотворения. И происходит это выталкивание со стремительностью необычайной: со скоростью звука, – высшей, нежели та, что дается воображением или опытом» (Бродский, 2012, с. 81–82).

Действительно, при чтении стихов гениальных поэтов мы вместе с ними совершаем «полет» мысли, испытываем возвышающие нас чувства, становимся более творческими, чуткими, любознательными, отзывчивыми на обращения к нам – будь то человека или природы. М. Цветаева писала: «Что такое человеческое творчество? Ответный удар, больше ничего. Вещь в меня ударяет, а я отвечаю, отдаю. Либо вещь меня спрашивает, я отвечаю. Либо перед ответом вещи ставлю вопрос. Всегда диалог, поединок, схватка, борьба, взаимодействие. Вещь задает загадку» (Цветаева, 1994, с. 107).

Свободный ум выступил как предмет познания философов XIX–XX столетий.

Так, Ф. Ницше в работах «Воля к власти», «По ту сторону добра и зла» и других выделил следующие характеристики свободного ума и его носителя (субъекта):

- 1) Способность быть воином – активным трудом преодолевать сопротивление.
- 2) Способность быть личностью – активным, крепким, мощным, самостоятельным, желающим господствовать существом, а не оставаться пассивным, аморфным, приспособливающимся, выступающим в качестве средства для других людей.
- 3) Обладание стремлением к развитию: «Иметь и желать иметь больше, рост... – в этом сама жизнь, иметь желание и возможности „идти самому по себе, быть иным“, в противном случае, т.е. когда человек не ставит цель своего развития, он остается рабом – „скромным, прилежным, благожелательным, умеренным идеальным рабом, рабом будущего“... Кто не может мыслить себя как „цель“ и, вообще, не в состоянии из себя создавать цели, тот склоняется к морали самоотречения – инстинктивно» (Ницше, 1990, с. 358).

- 4) Обладание свободным умом, который присущ человеку с сильным характером, имеющему способность «хотения, и именно хотения всею волею», готовому к тягостям и лишениям; умением обуздывать себя и умением перехитрить себя, свойственным независимым людям с сильным характером.
- 5) Способность отвечать за себя: «Ибо, что такое свобода? То, что имеешь волю к собственной ответственности» (там же, с. 614).
- 6) В отличие от несвободного ума, свободный ум выбирает среди множества возможностей; для него характерно знание, что человек открыт величайшим возможностям.
- 7) Познание понимается носителем свободного ума как созидание.
- 8) Свободный ум приносит радость познания, повышает самооценку, человек осознает свою силу.
- 9) Характеристики свободного ума – сила, необузданное любопытство, любознательность и тонкая подвижность.
- 10) Свободный ум отличается духом «искания истины», стремлением найти основания.
- 11) Человек, обладающий свободным умом, имеет собственное мнение о каждой вещи, любом явлении; умеет отказываться от общепринятых оценок и создавать новые; способен освобождаться от всякой традиции, не привязываться к тому, что может сделать его зависимым.
- 12) Для него характерно умение сохранять себя, «не привязываться к... собственным добродетелям и не становиться... жертвою какого-нибудь одного из... качеств, например, „радушия“, – такова опасность из опасностей для благородных и богатых душ, которые относятся к самим себе расточительно, почти беспечно и доводят до порока добродетель либеральности. Нужно уметь сохранять себя – сильнейшее испытание независимости» (там же, с. 273).

К. Ясперс выделил характеристики «живого философствования», или философского (по сути, свободного) ума.

- 1) «Философская установка» – стремление человека в своем мышлении «проникать в широчайший объем возможного», осуществлять «познание границ всякого бытия». Мысль создает, творит возможность: «Мышление творит пространство возможного нашей свободой и надеждой – подлинное трансцендирование» (Ясперс, 2013, с. 45).
- 2) Характеристики разума – «неограниченная отзывчивость»; постоянное развитие («мышление пребывает в движении»; «бесконечное ускорение стремления вперед»); «тяга к преодолению

и сопряжению»; разум «видит вне себя иное, открыт для неясного, утверждает бытие иного... преодолевает все границы, стремится к подлинному объемлющему», связывает все способы бытия (существование, сознание, дух); он «гонит нас вперед... требует единства противоположных экзистенций»; «разум есть воля к единству, воля к истине»; «неустрашимость мысли... дело решимости – отделиться от известного к иному»: «Мыслители превосходят приобретенное» (там же, с. 90, 291).

- 3) Способность трансцендирующего мышления к опредмечиванию и распределению; «трансцендирующее мышление сообщает нам непредметное»; «трансцендирование по ту сторону к подлинному исполнению вещей, открытость для того, что не есть его (человека) самость» (там же, с. 112).
- 4) Активность разума: «неустанное искание», «постоянно движущаяся вперед познаваемость»; «разум должен постоянно осуществлять себя, чтобы проникнуться бытием, которое больше разума»; «мышление как активность во внутренней деятельности»; «это та пружина, от которой знание получает стимул для того, чтобы знающий превосходил себя (а не просто владел знанием о нечто)» (там же, с. 167, 327).
- 5) Способность «разбивать всякую окаменевающую в окончательности форму, овладевать всеми мыслимыми точками зрения, присутствовать живым сознанием в каждом из способов бытия всеобъемлющего, осуществлять все способы общности (разумная алогика)», «возможность неограниченной коммуникации» (там же, с. 114, 140).
- 6) Любое «сознательное знание осуществляется на основе рефлексии»; «методологическая рефлексия приводит к отличию многообразных способов научного познания от философских методов мышления»; «при помощи каждый раз особенных критериев для того или иного особенного познания я могу получить убедительно достоверное знание о вещах в мире»; «мы должны при помощи основной философской операции воспарить над прикованностью к объектам и подняться в объемлющее» (там же, с. 21).

Общим у Ницше и Ясперса является признание открытости человека иному в стремлении к истине. Отличие состоит в приоритете процесса самодетерминации или самоопределения в достижении свободы человеком. Представления Ясперса базируются на идее самоопределения личности, и в этом они близки теории личности С.Л. Рубинштейна, а взгляды Ницше – на принципе самодетерминации как основе автономии личности.

Психологическое познание свободы и свободного ума выступает источником развития человека. А. Бандура утверждал, что «психология не может сказать людям, как они должны прожить свою жизнь. Однако она может предоставить им средства для осуществления личностных и социальных перемен. А также может помочь им в оценке их выбора путем определения последствий альтернативных стилей жизни и различных видов общественного устройства» (Бандура, 2000, с. 290). Психология содействует и в прояснении смысла жизни человека. По мнению С. Л. Рубинштейна, «от человека – сейчас это очевиднее, чем, когда-либо, – требуется, чтобы он не только умел находить всяческие, самые изобретательные средства для любых задач и целей, но и мог, прежде всего, определить надлежащим образом цели и задачи подлинно человеческой жизни и деятельности» (Рубинштейн, 2017, с. 7).

Так, например, выдающийся политический и государственный деятель, академик, крупный специалист в области мировой экономики и международных отношений Е. М. Примаков сформулировал свою жизненную задачу в поэтической форме:

*Я твердо все решил,
Быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.*

(Примаков, 2015, с. 591)

Он утверждал, что «сильная Россия сегодня не должна ассоциироваться с угрозой стабилизации в мире. К выводу об опасности, исходящей от России, могут привести только инерционность мышления и недооценка многослойной российской действительности, непонимание реального изменения соотношения сил в стране – произошедшего и происходящего. Адекватное восприятие России – важный элемент мобилизации всех возможностей для реализации общечеловеческих задач в нашем беспокойном мире» (там же, с. 588).

С. Степашин, друг и коллега Е. М. Примакова, писал о нем: «Он – один из самых образованных людей не только России, но и мира. Это признавали все. С его мнением вынуждены были считаться. Он умел разговаривать со всеми... Евгения Максимовича удостоили премии Российского книжного союза „За особые заслуги в просвещении России“... Именно он изменил курс российской внешней политики. Отказался от так называемого „атлантизма“ – заигрывания с Западом. Примаков задал собственный многовекторный путь... свое самое

известное политическое решение Евгений Примаков принял, когда был премьер-министром. Узнав о начале натовских бомбардировок Югославии, он развернул самолет над Атлантикой и отменил визит в США. Именно тогда и в России, и за рубежом его восприняли „удивительной политической глыбой“... Академик, выдающийся востоковед, он проявлял себя ярко всегда и везде. Даже оппоненты называли его одним из самых блестящих умов современности» (цит. по: Млечин, 2017, с. 6).

В результате анализа литературных произведений, в которых человек «превосходит самого себя», обобщения философских и психологических работ, посвященных свободе (Кузьмина, 1994, 2007), мы предприняли попытку определить психологическое содержание свободного ума.

Ведущей характеристикой *свободного ума*, понимаемого нами в качестве когнитивного стиля, является индивидуально-специфическая и устойчивая способность человека преодолевать препятствия на пути познания, продуцировать мысли, порождающие новые возможности. Феномен свободы ума обнаруживает себя в процессах осознания, переживания и изменения человеком границ пространства своих познавательных возможностей в ходе порождения нового, оригинального образа, открытия и воплощения в деятельности уникального знания, значимого для культуры и ее развития. Когнитивный и личностный факторы свободного ума взаимосвязаны друг с другом и составляют функционально-динамическое единство его существования и развития. Критериальным показателем свободного ума выступает движение мысли через препятствия познания, что предполагает открытость бытию, новому знанию, и совершается в ходе «трансцендирования в мышлении» (К. Ясперс).

Понимание природы свободного ума становится возможным благодаря трудам философов, естествоиспытателей, психологов, которые изучали мышление как процесс, разворачивающийся в широких семантических пространствах – диалога (Сократ, Платон, М. М. Бахтин, В. С. Библер), жизни человека, мира (С. Л. Рубинштейн), всеобъемлющего бытия (К. Ясперс), природы (Б. Спиноза).

Свобода ума (и свобода творчества) – дар Божий, но его необходимо не только сохранять, что актуально в современном прагматическом, наполненном тревогами, контролем и манипуляциями социуме, но и развивать в ходе обучения, что возможно в богатом культурно-историческом пространстве (Л. С. Выготский), в предельно широком формате жизненного пути «Человек–Вселенная» (С. Л. Рубинштейн), в мире, взывающем к поиску нового, к научным открытиям, движению к истине (К. Ясперс). Таланты востребованы в нашей

стране. Без них невозможен прогресс в науке, экономике, культуре. Пора учебы, пожалуй, самая благодатная для развития свободного ума и свободы творчества. Несомненно, детство с его непосредственностью, любознательностью, даром созерцания, фантазии и воображения, ощущением безграничности движения в открывающемся с каждым днем сказочно богатом мире дает разбег и выступает, своего рода, трамплином развития свободного ума и других когнитивных стилей и способностей. Далее школа и вуз с особо организованной системой *развивающего обучения* предоставляют реальные возможности для развития свободного ума.

Итак, свободная мысль, свобода творчества – ценности и, одновременно, способности, которые необходимо развивать у подрастающего поколения. Их высокая оценка и глубина понимания мыслителями, философами, поэтами, их проявления в науке, образовании, литературном творчестве, политике определяют развитие человека по «духовной вертикали», служат, своего рода, идеалом для всех, кто считает себя культурным человеком.

Литература

- Бандура. А. Теория социального научения. СПб., 2000.
- Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. I. Статьи и рецензии. 1834–1841. ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948. С. 301–401.
- Бродский И. Власть стихий. Эссе. СПб., 2012.
- Джорджо Вазари. Леонардо да Винчи, живописец и скульптор флорентийский (Из книги «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих») // Леонардо да Винчи. О науке и искусстве. СПб.–М., 2017. С. 5–24.
- Кузьмина Е. И. Психология свободы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Кузьмина Е. И. Психология свободы: теория и практика. СПб., 2007.
- Леонардо да Винчи. О науке и искусстве. СПб.–М., 2017.
- Млечин Л. Примаков. Сер. «Жизнь замечательных людей. М., 2017.
- Ницше Ф. Воля к власти // Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М., 2015.
- Пушкин А. С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеликко // Собр. соч. В 10 т. Т. 6 «Критика и публицистика». М., 2014. С. 190–192.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Рубинштейн С. Л. Предисловие ко второму изданию (1945) // Основы общей психологии. СПб., 2017.
- Цветаева М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994–1995.
- Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2013.

Free mind: a retrospective and prospective analysis

E. I. Kuzmina (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, professor
of Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

Consider the psychological content of free mind, acting as a predictor of creative freedom. Are the ideas of the thinkers of the past about the nature of freedom of creativity and the characteristics of the free mind (prospective analysis), allowing the positions of subject-activity theory by S. L. Rubinstein prospects and to choose the means of development of the free mind in students with the aim of development of creativity, ability to think independently, and in the future – to improve professional skill, creatively and responsibly to transform lives (prospective analysis).

Keywords: free mind, the characteristics of the free mind, freedom of creativity.

Воздействия экранных технологий на развитие детей из различных социальных групп¹

О. И. Маховская, Ф. О. Марченко** (Москва)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: olyam@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, научный сотрудник Института
образования Высшей школы экономики; e-mail: creol@bk.ru*

Приводятся результаты анализа истории психологических исследований влияния медиа на развитие детей из семей разных социально-культурных статусов. Показано, что предмет исследований сдвигался с негативных эффектов СМИ к выделению социальных факторов, амортизирующих воздействие медиа на детей. Показано, что образовательные СМИ могут повышать жизнеспособность и потенциал социализации у детей из семей с низким образовательным и культурным статусом. Они практически не влияют на судьбу детей из семей с высоким образовательным и социально-культурным уровнем.

Ключевые слова: дети; образование; статус семьи; телевидение; онлайн-ресурсы; компенсация; амортизация; моделирование.

Для многих детей образовательные онлайн-ресурсы и телевидение являются единственным способом получения сведений о мире, нормальной жизни, успешной карьере, любящей семье или даже освоения навыков элементарной грамотности (научиться читать–писать–читать).

Ставится вопрос о «цифровом неравенстве» (digitaldivide): воспроизводят ли информационные технологии и доступ к ним социальное неравенство или могут его компенсировать? Технологии стали применяться в детских домах, приемных семьях, где необходимы специальные усилия по развитию социально, интеллектуаль-

1 Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 15-06-10481а, Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, проект № 28-2015.

но педагогически запущенных детей в целях повышения их жизнеспособности.

Особый интерес представляют видеоигры, образовательные, мотивационные, познавательные, социальные эффекты которых мало изучены, хотя и очевидны. 97% подростков США, по меньшей мере, час в день проводят за интерактивными видеоиграми.

Большинство исследователей фиксируют негативное влияние гейминга на детей: провоцирование депрессии, зависимости, агрессии, бессонницы. Наряду с этим, высказывается и противоположное мнение, согласно которому интерактивный характер видеоигр приводит к тому, что у ребенка формируется представление о развивающемся интеллекте, о необходимости собственных усилий по его развитию; игры рассматриваются как прекрасный тренажер для развития познавательной мотивации детей, нужно только уметь воспользоваться его возможностями. Немедленная обратная связь, поощрение удачных решений через систему баллов, «монеток», продвижение по уровням подпитывают «зону ближайшего развития» (Л. С. Выготский), позволяют игрокам балансировать между стрессом из-за сложности задачи и триумфом достижений (Granic, Lobel, Engels, 2014).

Интерактивность и развлекательность (edutainment – обучение через развлечение) используются и в телевидении. Между медиаресурсами существует взаимовлияние, а значит, идея переноса данных о влиянии телевидения на социализацию и развитие детей на практику разработки видеоигр и образовательных порталов имеет смысл.

Поскольку психологические исследования проводились разрозненно и в разные периоды развития образовательных СМИ, проблема состояла уже в том, чтобы собрать эти данные, часто закрытые для широкой общественности. Нас интересовало, что стало предметом пристального внимания исследователей, перекликались ли исследования в своей методологии, гипотезах, какие психологические закономерности были установлены, можно ли сделать важные для других проектов практические выводы, насколько полно отразился в этой мозаике результатов круг вопросов, которые больше всего интересуют детского психолога, вооруженного научным знанием и стоящего на защите интересов ребенка.

Как было показано в работе Ф. О. Марченко (Марченко, 2012), в истории психологических исследований телевидения с 1990-х годов начался экзистенциально-центрированный этап. Несколько десятилетий в фокусе внимания были технические, психологические и социальные эффекты быстро развивающихся СМИ. Но к 1990-м годам стало понятно, что средства массовой коммуникации (те-

левидение, Интернет) могут влиять на представления, установки и поведение даже пассивных участников взаимодействия, причем, в долгосрочной перспективе.

Вопрос о силе воздействия СМИ на реципиентов разных возрастов не сразу оказался связанным с их культурным и образовательным уровнем. Теории «сильного телевидения» исходили из идеи пассивной роли зрителя, выступающего заведомо «жертвой» обмана и злонамеренных действий со стороны владельцев и заказчиков телепродукции; постулировалось, что реакция и поведение зрителей зависят от намерений, замысла авторов телепрограммы, которые манипулируют своей аудиторией, нанося ей вред и вынуждая имитировать чуждые модели поведения.

К теориям «сильного телевидения» относится также теория «унифицированных эффектов» (theory of uniform effects), согласно которой зрители, в том числе дети, реагируют примерно одинаково на телевизионные стимулы. После Первой мировой войны Лассуэлл сравнил СМИ со «шприцем для подкожных впрыскиваний», посредством которого активизируются самые худшие побуждения зрителей. Последователи теории «сильного телевидения» до сих пор наблюдаются среди огульных критиков телевидения. Такая тенденция существует и в России (работы В. А. Абраменковой и др.).

Есть несколько заблуждений, которые мешают критически относиться к детскому телевидению и онлайн-ресурсам. Первое состоит в том, что дети готовы смотреть все подряд, стоит только им позволить. Панически настроенные родители заявляют, что их дети смотрят телевизор по 40 часов в неделю, т. е. полную рабочую неделю на языке КЗОТ. Видеонаблюдения показывают, что из 40 часов, которые ребенок проводит при включенном телевизоре, активное смотрение занимает 2–3 часа. В остальное время ребенок отвлекается, играет, с кем-то разговаривает, просто смотрит в сторону и даже спит. Дети не расположены смотреть сложные программы. Стоит персонажу заговорить также быстро и неоднозначно по смыслу, как взрослые, которых нельзя перебивать, как дети отводят взгляд от экрана; им это неинтересно. Эмпирические исследования показывают: если пауза составит 10 секунд, то, скорее всего, ребенок больше не возвращается к просматриваемому сюжету. Так, большинство детей отвлекаются во время рекламной паузы, блока новостей, «программы, в которой действуют взрослые персонажи» (там же).

Исследователи познавательных эффектов детского телевидения с целью удержания внимания ребенка изучали такие характеристики познавательной деятельности, как: количество ментальных

усилий, активное внимание, продолжительность и оптимальные характеристики программ, особенности программирования (чередования анимационных, игровых и документальных сюжетов). Как выяснилось, они повышают познавательную мотивацию детей, улучшают внимание и другие познавательные процессы, некоторые из которых (например, креативность) вполне могут быть перенесены в реальную жизнь (Jackson et al., 2012). Видеоигры создают благоприятную развивающую среду, в которой улучшается зрительное восприятие и различение, усиливается внимание, способность к пространственной ориентации, а также повышается способность к рефлексии при решении сложных познавательных задач, что само по себе может служить предиктором академической успеваемости. Однако ученые осторожно отмечали, что развивающий потенциал видеоигр может так и не реализоваться, если познавательная мотивация не встретит понимания в школе и дома.

Критике подвергается любая видеопродукция для детей. Главный аргумент критиков состоит в том, что компании-производители больше заботятся о прибыли в краткосрочной перспективе, чем о пользе для развития детей. Эффекты образования же ценны тем, что однажды усвоив навык или получив знания, человек сможет пользоваться ими годами и десятилетиями. Повторение как принцип формирования устойчивых познавательных и социальных навыков не используется в образовательном телевидении и онлайн-образовании. Переводя этот тезис на язык психологии, можно сказать, что новые образовательные технологии опираются на оперативную память, игнорируя потребности и возможности долговременной памяти, играющей особую роль в процессе систематического усвоения информации.

Исследования показали, что видеосюжеты – не лучший инструмент формирования смысловых связей у детей. Так, если детям предъявляли видеосюжет, а потом просто читали рассказ по материалам сюжета, дети выдавали больше интерпретаций в случае чтения. Более того, дети из низших сословий вообще затруднялись обобщать содержания сюжетов, рассуждать на заявляемую тему. Они в большей мере реагировали на видеоряд и хорошо дифференцировали некоторые объекты и персонажи. Дети из среднего и высшего классов общества более свободно устанавливали связи, анализировали и приходили к правильным выводам. Таким образом, исследования познавательных эффектов различных медиаресурсов указывают на культурный и социальный статус семьи как на главный фактор познавательного развития детей, который опосредует любые внешние информационные воздействия.

До сих пор неясна роль эмоций в когнитивном и личностном развитии человека. Телевидение через процессы идентификации, персонализации влияет на формирование идентичности личности зрителя не меньше, чем другие события. В процессе просмотра интересной, увлекательной программы формируется парасоциальный контакт, отношения разной степени «близости» с персонажами, иногда – почти родственные. Исследования кино, телевидения, видеоигр показывают, что зрители всех возрастов смотрят те сюжеты, которые держат их в постоянном напряжении (suspence). Это напряжение может быть сопоставимо с эмоциональной активацией, вызванной реальными событиями, или даже превышать ее. Очевидно, что с помощью СМИ зрители удовлетворяют свои эмоциональные дефициты. Есть группа зрителей, которые ищут острых ощущений («high sensation seekers»), предпочитая криминальные хроники и боевики. Дети, чьи предпочтения только начинают культивироваться, скорее всего, ожидают получить от телепросмотров удовлетворение любопытства, и, как это ни печально, потребности в любви, которой может им не хватать. Эти дефициты служат почвой для быстрого формирования игромании (Маховская, Марчкенко, 2015). Все исследователи отмечают, что даже перенос и переоценка эффективных стратегий совладания с негативными эмоциями определяются конкретными условиями жизни. Нет данных о различиях в переживаниях детей из различных социальных групп, о том, что, помимо просоциальных эмоций, медиа могут стимулировать обиду, зависть у детей различного происхождения.

Статистические данные показывают, что, в отличие от общераспространенного мнения о том, что типичный геймер – это одиночка, который громко хохочет, лежа на диване, на деле 70% детей играют с друзьями или партнерами. На сегодняшний день уже достаточно игр, которые стимулируют навыки кооперации, разрешения конфликтов. Очевидно, что эти навыки в краткосрочной перспективе могут быть перенесены на отношения с членами семьи или коллегами. Однако пока нет данных, подтверждающих, что эти навыки сохранятся навсегда. Показано также, что если мотивы благотворительности и покровительства более слабым заложены в сценарий видеоигры, то игроки с большей вероятностью будут участвовать в волонтерских гражданских акциях.

Таким образом, образовательные медиаресурсы могут играть роль дополнительного социализатора, амортизатора, компенсаторная роль которого нарастает по мере дефицита в развивающей семейной среде. Если семья сама справляется с образованием и вос-

питанием, телевидение отступает на задний план. В отношении образовательных медиаресурсов мы должны придерживаться не модели конкуренции (например, «телевидение против реальности»), а модели дополнительности («телевидение плюс реальность»). Показано, что отсутствие четких установок на повышение образования, отсутствие опыта систематического образования хотя бы у одного члена семьи, является тем вакуумом, в котором посредством СМИ могут легко сформироваться любые установки, в том числе социально-значимые (Маховская, Марченко, 2015).

Исследователи психологических эффектов онлайн-ресурсов повторили путь своих предшественников, изучавших психологические эффекты телевидения. Объект исследования движется в направлении контекстуализации: медиатехнология, ее возможности в распространении видеопродукции → ребенок, его познавательные и личностные характеристики → семья, ее структура, культурный и социальный статус → социальная среда (школа, общество, класс) → жизнедеятельность ребенка в современной медиасреде и конкретном социальном контексте. Сила влияния медиа на ребенка определяется культурным и образовательным уровнем семьи. Самое существенное влияние (позитивное или негативное) они оказывают на детей из малообразованных социальных слоев, для которых интернет и телевидение являются главным и единственным источником информации. В этом случае работают механизмы амортизации, опосредования. Семейный опыт может служить своего рода «подушкой информационной безопасности».

Литература

- Марченко Ф. О. Историко-психологический анализ экспертизы телепрограмм для детей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О. Дети и телевидение. М., 2015.
- Jackson L. A., Witt E. A., Games A. I., Fitzgerald H. E., von Eye A., Zhao Y. Information technology use and creativity: Findings from the Children and Technology Project // Computers in Human Behavior. 2012. V. 28. P. 370–376.
- Granic I., Lobel A., Engels R. The Benefits of Playing Video Games // American Psychologist. 2014 January. V. 69. № 1.
- Lemola S., Brand S., Vogler N., Perkinson-Gloor N., Allemand M., Grob A. Habitual computer game playing at night is related to depressive symptoms // Personality and Individual Differences. 2011. V. 51. P. 117–122.

Impact of Medias in Development of Children from Different Social Groups

O. I. Makhovskaya*, F. O. Marchenko** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer of the Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, research officer of the Institute is formations of Higher school economy

There exists a problem how online resources and television prove a resilience of children from families with different educational and cultural backgrounds. The focus of psychological researches had shifted following by the basic paradigms. The article is devoted to the rapid and postponed long-life effects of educational medias on children from different social group. It is argued that educational medias increase the resilience of children from low-status families. They do not significantly influence on the life of children from families with strong educative and cultural status.

Keywords: children; education; the status of the family; TV; online resources; compensation; amortization; modeling.

Рефлексивные способности и древние психопрактики¹

Г. В. Ожиганова (Москва)

*кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: galinaozhiganova@rambler.ru*

В статье рассматриваются особенности и характеристики высших рефлексивных способностей. На основе историко-психологического подхода проводится анализ роли высших рефлексивных способностей в процессе духовно-религиозного самосовершенствования человека на примере древних исихастских и буддийских текстов. Этот анализ показал, что особенностью высших рефлексивных способностей является их тесная связь с другими высшими способностями, такими, как саморегулятивные и трансцендентные.

Ключевые слова: рефлексивные способности, высшие способности, психодуховные практики, древние системы знаний, духовное самосовершенствование.

Высшие рефлексивные способности личности

Изучение рефлексивных способностей является актуальным и представляет интерес как для фундаментальной, так и прикладной науки. Это обусловлено их практической востребованностью для эффективной адаптации человека в современном социуме, охваченном многочисленными общественными и природными катаклизмами, а также необходимостью дальнейшего психологического исследования разных аспектов рефлексивности для углубления научного понимания и трактовки рефлексивных проявлений человека.

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема № 0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

В качестве задач нашего исследования выступает, во-первых, определение понятия «высшие рефлексивные способности», выделение их свойств; во-вторых, проведение историко-теоретического анализа отличительных характеристик высших рефлексивных способностей на примере древних психопрактик, описанных в философских текстах духовно-религиозного содержания.

Рефлексивные способности позволяют личности самоопределяться в окружающем мире, осознавая свои жизненные цели, ценности, смыслы, самосовершенствоваться и развиваться, решая проблемы, в том числе психологические, преодолевать возникающие трудности, намечая план действий по их устранению. По мнению А. В. Карпова, «выраженность у личности, способности к рефлексии во многом определяет уровень, стратегии и эффективность произвольной психической регуляции деятельности и поведения. В контексте эволюции психики рефлексия есть механизм ее самодифференциации с целью адаптации к изменяющейся внешней и усложняющейся внутренней среде» (Карпов, 2010, с. 42).

Рефлексивные способности в современной психологии определяются как универсальный механизм развития, позволяющий осознать необходимость изменения индивидуального самосознания в целях продуктивной адаптации. Рассуждая о высших рефлексивных способностях, важно отметить, что их кардинальная особенность по сравнению с рефлексивными способностями заключается в том, что они позволяют человеку возвыситься над стремлением к продуктивной адаптации, выйти за пределы эмпирической личности в целях духовного самосовершенствования.

Рассматривая рефлексивные способности в качестве высших, мы используем критерий близости к «духовному Я», движение от «эгоцентрического Я» к «духовному Я», в основе которого находится морально-ценностный фундамент личности. Таким образом, с одной стороны, принимается в расчет, что рефлексивные способности связаны с мыслительными процессами (анализом, синтезом) и другими интеллектуальными процессами, с другой, – учитывается направленность этих процессов (ориентация на высшие ценности), что, собственно, позволяет причислять их к разряду высших.

Высшие рефлексивные способности соотносятся со сферой самосознания, саморегуляции, саморазвития и обуславливают проявления мудрости, глубины мышления. Благодаря рефлексивным способностям человек может видеть суть вещей, осознавать все, что с ним происходит, понимать причины и следствия явлений и действий; глубоко анализировать свой опыт и состояния; эффективно прогнозировать события; четко осознавать свои жизненные цели и ценности.

Религиозно-философская учения и психопрактики древности как источники знаний о высших способностях

Высшие способности человека описаны в глубокой древности в системах знаний, связанных с активизацией скрытых возможностей человека, его глубинных ресурсов. В древних религиозно-философских доктринах высшие способности, с одной стороны, трактуются в философском ключе, с другой стороны, – находят отражение в различных психопрактиках.

Изучение высших способностей в связи с древней системой знаний – новый ракурс психологического исследования, в основе которого лежит историко-психологический подход. Обратимся к методологии проведения историко-психологического анализа. По мнению В. А. Кольцовой, одной из важных методологических задач современной истории психологии является изменение традиционных представлений о моделях исторической науки и принципах ее изучения. Речь идет о расширении предметной области истории психологии, включении в предмет ее изучения не только научной психологической мысли, но и вненаучного знания (Кольцова, 2008). Данный подход позволяет включить в поле историко-психологического анализа древние тексты и отраженные в них системы знаний и изучать эти знания с психологической точки зрения.

Рассмотрим *исихазм* – древнюю традицию духовной практики, представляющей собой основу православного аскетизма. «Исихазм – это мистическая практика богосозерцания путем молитвенного самоуглубления. Речь не идет о буквальном, физическом созерцании, а о духовном, „внутреннем узрении“. Смысл исихазма заключается во внутреннем сосредоточении и духовном перемещении „ума“ в „сердце“» (Справочник по религии. Электронный ресурс), что требует мобилизации высших рефлексивных способностей и ведет человека к духовному и физическому совершенству, позволяя воспринимать Бога эстетически.

В отношении нашего исследования представляется важным рассмотреть исихастские практики в психологическом ракурсе, с точки зрения возможностей самосовершенствования человека, реализации его высших духовных способностей, в связи с активизацией скрытых психофизических и духовных ресурсов личности, актуализирующихся во многом благодаря высшим рефлексивным способностям. Так, например, основоположник исихазма Макарий Египетский, проведший большую часть своей жизни в безмолвии, отразил плоды своей многолетней рефлексии в трактате, где изложил основные идеи исихазма, свидетельствующие о проявлении высших рефлексивных способностей, которые вместе со способнос-

тиями к саморегуляции открывают путь для актуализации способностей к трансценденции и духовному саморазвитию (Слова преподобного..., 1817).

Уже в слове первом «О хранении сердца» намечается важнейшая психологическая проблематика, связанная с высшими способностями к самосовершенствованию в рамках духовно-религиозного поиска. В частности, говорится об очищении «внутреннего человека», (говоря языком современной психологии, – внутренне-го ментального пространства), ассоциируемого с душевным центром человека, пребывающим в сердце. Это очищение, направленное на самосовершенствование, духовное саморазвитие, согласно Макарию Египетскому, является не просто воздержанием от злых помышлений, но нацелено на истребление их из совести; оно предполагает рассмотрение мыслей «до дна», т. е. глубокую – высшую – рефлексивную способность.

Отметим, что многие из идей исихазма связаны с обоснованием монашеских психодуховных практик, в основе которых лежит использование определенных психотехник, имеющих отношение к высшим рефлексивным, а также саморегулятивным способностям. Так, для Симеона Нового Богослова главным был личный, непосредственный опыт богообщения. Описывая свой духовный опыт, он свидетельствует о психопрактике монахов-молчальников, которая, в понятиях современной психологии, может быть представлена как религиозный аспект духовных способностей, связанных с высшими рефлексивными, а также саморегулятивными и другими высшими способностями. «Сев в безмолвной келье и наедине в одном углу, постарайся сделать то, что я говорю тебе, – пишет Симеон. – Затвори дверь и вознеси ум твой от всего суетного, т. е. временно-го. Затем, упершись брадой своей в грудь, устремляя чувственное око со всем умом в середину чрева, т. е. пуп, удержи тогда и стремление носового дыхания, чтобы не дышать часто, и внутри исследуй мысленно утробу, дабы обрести место сердца, где пребывают обычно все душевные силы. И сначала ты найдешь мрак и непроницаемую толщу, но, постоянно подвизаясь в деле сем ночью и денно, ты обретешь, о чудо! непрестанную радость. Ибо как только ум найдет место сердечное, он сразу узревает, чего никогда не знал. Видит же он посреди сердца воздух и себя самого, всего светлого и исполненного рассуждения». Далее с помощью молитвы «он изгоняет и истребляет помыслы при (его. – Г. О.) появлении, прежде чем тот завершится или сформируется» (Симеон Новый Богослов, 1999, с. 23–24).

Следуя Симеону, установление контроля над телом и умом (высшая способность к рефлексии и саморегуляции) позволяет проявить

ся такому аспекту духовных способностей, как способность к трансценденции на духовно-религиозном уровне, т. е. ведет к созерцанию.

В данном случае высшая рефлексивная способность раскрывает свой высший духовный смысл и предназначение. Реализуясь сполна, она ведет к рефлексии без рефлексии. Если понимать рефлексию как размышление, процесс самонаблюдения, позитивного самопреобразования, саморазвития, то в рамках описанной древней духовной психопрактики исихазма эта рефлексия трансформируется в способность к трансценденции, завершаясь моментами восприятия божественного света и слияния с ним. Это ведет к полному преобразованию личности на всех уровнях (физическом, психологическом, духовном), приближая человека к совершенству.

Рассмотрим также другие психотехнологии самосовершенствования, представленные в древних текстах, например, медитативную психопрактику «Созерцание ума», описанную в «Анапанасати сутте», входящей в самый ранний из дошедших до нас памятников буддизма – «Палийский канон» (1 в. до н. э.). В основе этой психопрактики – глубокая осознанность и саморегуляция дыхания, обуславливающая, в свою очередь, осознанность созерцания тела, чувств, ума, умственных объектов. Это, в конечном итоге, порождает «семь аспектов просветления», которые, согласно современной терминологии, достигаются благодаря «высшим рефлексивным способностям»: 1) когда медитирующий «пребывает в созерцании тела как тела, будучи старательным, бдительным, осознанным, устраняя алчность и уныние в отношении мира, незамутненная осознанность утверждается в нем, и возникает аспект просветления «осознанность»; 2) будучи столь осознанным, медитирующий, используя мудрость, изучает (свое умственное. – Г. О.) состояние, начинает его всестороннее и полное исследование; тогда возникает аспект просветления «исследование состояний»; 3) в человеке, который изучает и исследует (свое умственное. – Г. О.) состояние, используя мудрость, зарождается неослабевающее усердие и развивается аспект просветления «усердие»; 4) у того, кто развил усердие, возникает возвышенный восторг; реализуется аспект просветления – «восторг»; 5) тот, чей ум пропитан восторгом, обретает безмятежность тела, и его ум становится безмятежным, – реализуется аспект просветления – «безмятежность»; 6) «у того, чье тело безмятежно, и кто ощущает счастье, ум становится сосредоточенным», возникает аспект просветления – «сосредоточение»; 7) такой человек пристально с невозмутимостью наблюдает свой сосредоточенный ум, и в нем возникает аспект просветления – «невозмутимость» (Анапанасати сутта. Электронный ресурс). Так представлены ступени самосовершенствования человека

в буддийской медитативной психопрактике, сопряженные с проявлением высших рефлексивных способностей.

Заключение

Таким образом, высшие рефлексивные способности, связанные с духовным самосовершенствованием человека, описанные в древних психопрактиках, обладают такими характеристиками, как: возможность видеть суть вещей, достигая просветления, что связано с осознанностью, сосредоточением, мудростью, усердием, радостью и восторгом, безмятежностью и невозмутимостью. Важнейшее свойство высших рефлексивных способностей – тесная связь с другими высшими способностями, например, саморегулятивными, трансцендентными.

Литература

- Анапанасати сутта: Осознанность дыхания // *Majjhima Nikaya* by Bodhi & Nyanamoli, p. 941. URL: http://www.theravada.ru/teaching/canon_suttanta/texts/mn118-anapanasati-sutta-sv.htm.
- Карпов А. В. О понятии метакогнитивных способностей личности // *Психология интеллекта и творчества* / Под ред. А. Л. Журавлева, М. А. Холодной и др. М., 2010. С. 35–46.
- Кольцова В. А. История психологии. Проблемы методологии. М., 2008.
- Симеон Новый Богослов. Метод священной молитвы и внимания // *Путь к священному безмолвию: Малоизвестные творения святых отцов исихастов*. М., 1999.
- Слова преподобного отца нашего Макария Египетского. СПб., 1817. URL: http://imwerden.de/pdf/makarij_egipetsky_slova_1817.pdf.
- Справочник по религии: Религиозный справочник-словарь. URL: http://sr.artap.ru/i_hesyachasm.htm.

Higher reflexive capacities and ancient psycho-practices

G. V. Ozhiganova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

In the article the properties and characteristics of higher reflexive capacities are considered. On the basis of the historical and psychological approach, the role of higher reflexive capacities in the process of spiritual

and religious self-improvement of person is analyzed using the example of ancient Hesychastic and Buddhist texts. This analysis has shown that the peculiarities of higher reflexive capacities are their close connection with other higher capacities, such as self-regulatory and transcendental.

Keywords: reflexive capacities, higher capacities, psycho-spiritual practices, ancient systems of knowledge, spiritual self-perfection.

Связь когнитивной гибкости личности с формально-динамическими свойствами индивидуальности¹

Е. Ю. Осаволук (Москва)

аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; e-mail: eosavoluk@hse.ru

Представлены результаты корреляционного исследования связи когнитивной гибкости и формально-динамических свойств индивидуальности (N=138). Проведенное исследование показало наличие связи изучаемой ментальной способности с нейродинамическими свойствами индивидуальности: эргичностью, пластичностью и скоростью в интеллектуальной сфере. Определены теоретические предпосылки установленных связей. Показана значимость формально-динамических свойств относительно индивидуальной меры выраженности когнитивной гибкости, что находит проявление на уровне поведения.

Ключевые слова: когнитивная гибкость, индивидуальность, опросник когнитивной гибкости, формально-динамические свойства индивидуальности.

Введение

Современные исследования в психотерапевтической практике все чаще обращаются к *когнитивной гибкости* (КГ) личности, характеризующей умение человека преобразовывать свои когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизни. Корректная диагностика уровня выраженности КГ способствует продуктивной работе с неадаптивными мыслями, что наиболее часто

1 Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00917 «Способность к продуцированию мысли в континууме ментального развития человека».

встречается в когнитивно-бихевиоральных техниках психотерапии. При работе в данном направлении важным является не только определение совокупного потенциала личности, но и установление вклада КФ как ментальной способности в его спектр. Проявляясь у конкретного индивида, КФ определяет его индивидуальное поведение и отношение к окружающей его действительности. Однако вопрос о том, какие внутренние ресурсы личности связаны с той или иной формой ее индивидуального поведения и отношения к действительности, остается вне внимания исследователей.

Цель, гипотеза и методики эмпирического исследования

Для понимания роли внутренних ресурсов личности в формировании у нее определенной меры выраженности КФ мы обратились к формально-динамическим, или темпераментальным, свойствам индивидуальности, преимущественно зависящим от свойств нервной системы и проявляющимся на поведенческом уровне (В. М. Русалов).

Нами проверялась *гипотеза* о связи КФ с формально-динамическими свойствами индивидуальности.

В исследовании приняли участие 138 студентов в возрасте от 17 до 21 года ($M=18,21$, $SD=0,88$, $Me=18$), обучающихся по программам академического бакалавриата факультета социальных и гуманитарных наук одного из университетов города Москвы. Большую ее часть (93%) составили женщины в возрасте от 17 до 21 года ($M=18,21$, $SD=0,88$, $Me=18$), меньшую часть – мужчины в возрасте от 17 до 19 ($M=18,11$, $SD=0,78$, $Me=18$). За участие в исследовании испытуемые получали зачетные единицы в рамках часов по дисциплинам, в ходе которых проводилось тестирование.

Использовались следующие *методики*:

- 1) Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ, Русалов, 2004), который разработан для измерения свойств индивидуальности третьего уровня. Автор выделяет четыре основных свойства нервной системы: эргичность (потребность в освоении мира), пластичность (способность переключаться с одних программ поведения на другие), скорость (способность как можно быстрее реализовать намеченную программу), эмоциональность (чувствительность человека к несопадению реализованной программы с той, которая была заложена в акцепторе результата действия). Данные свойства выделены в соответствии с четырьмя фундаментальными бло-

ками функциональной системы П. К. Анохина. Опросник предполагает измерение базальных свойств в трех сферах: психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной. Таким образом, опросник, состоящий из 150 вопросов, включает 12 шкал, измеряющих непосредственно изучаемые свойства индивидуальности, и контрольную шкалу. В методике имеются, как прямые, так и обратные пункты. На основании полученных данных возможно вычисление индексов, отражающих различную степень интеграции формально-динамических свойств.

- 2) Опросник когнитивный флексибельности (CFI-R), представляющий собой краткий самоотчет для оценки степени осознания индивидом своей способности давать возможные объяснения переживаемым трудным ситуациям, с которыми он сталкивается, и предлагать различные варианты выхода из них. Опросник включает двадцать пунктов, объединенных в две шкалы: «Альтернативы» (А), включающей 12 пунктов, которые содержат в себе утверждения о возможностях индивида давать несколько вариантов объяснения жизненным событиям и предлагать множество разных способов разрешения трудных ситуаций, а также «Контроль» (С), состоящей из 8 пунктов, содержание которых отражает возможности индивида воспринимать трудные ситуации как контролируемые. Шесть из двадцати пунктов опросника являются обратными. Оценка утверждений производится по 7-балльной шкале. Балл по шкале определяется суммой оценок по пунктам, составляющих ее содержание. Высокие значения указывают на выраженную когнитивную флексибельность, главным образом, измеряемый шкалой аспект. Подсчет суммы оценок по всем пунктам опросника позволяет определить выраженность интегрального показателя КФ (Total).

Обработка результатов проводилась с помощью стандартных пакетов статистических программ IBM SPSS Statistics 22.

Результаты исследования

В ходе обработки эмпирических данных были установлены связи, отраженные в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, эргичность в интеллектуальной сфере положительно коррелирует с общим показателем КФ ($r=0,328$, $p=0,001$) и аспектами «Альтернативы» ($r=0,232$, $p=0,006$) и «Контроль» ($r=0,293$, $p=0,001$). Среди рассматриваемых нами компонентов КФ в данной связи наиболее значимым может выступать

Таблица 1
Матрица интеркорреляций шкал CFI-Ри ОФДСИ

	ЭРИ	ПИ	СИ	ЭИ	ИПА	ИИА	ИКА	ИОА	ИОЭ	ИОАД
А	0,232**	0,228**	0,215*	0,003	0,069	0,298**	0,214*	0,256**	-0,012	0,209*
С	0,293**	0,286**	0,440**	-0,243**	0,342**	0,458**	0,140	0,435**	-0,319**	0,496**
Total	0,328**	0,321**	0,408**	-0,147	0,254**	0,472**	0,223**	0,431**	-0,204*	0,439**

аспект контроля, поскольку он отображает способность к восприятию трудных ситуаций как контролируемых и способствует освоению внешних условий жизнедеятельности. Эргичность, соотнесенная В. М. Русаловым с первым блоком структуры функциональной системы (широтой афферентного синтеза), определяется как способность к освоению внешнего мира. Отсюда аспект контроля КФ и эргичность в интеллектуальной сфере находят свое проявление в освоении человеком внешнего мира. Высокие показатели эргичности в интеллектуальной сфере, проявляющиеся в высоком уровне способности к обучению, стремлении к интеллектуальной деятельности, положительно связаны с высоким показателем КФ через способность освоения изменяющихся условий жизнедеятельности (Dennis, Vander Wal, 2010).

Значение коэффициента корреляции между показателем пластичности в интеллектуальной сфере и общим показателем КФ говорит о наличии умеренной положительной связи ($r=0,321$, $p=0,000$). В исследовании КФ (Ionescu, 2012), посвященном систематизации множественности имеющихся представлений о природе данного феномена, автором выделены несколько основных направлений понимания КФ. Процесс переключаемости является одним из ведущих в интерпретации КФ (Colzato, Huizinga, Hommel, 2009), что согласуется с пониманием пластичности В. М. Русаловым, который трактует ее через гибкость мышления. В работах Русалова пластичность определяется как способность человека переключаться с одних программ поведения на другие, с одной формы мышления – на другую. Данная точка зрения находит подкрепление у многих отечественных ученых, разрабатывающих континуум «ригидность–гибкость» (Залевский, 2007; Холодная, 2004; и др.). Связь КФ и интеллектуальной пластичности может быть объяснена также зависимостью явлений на уровне поведения, где гибкость мышления выступает основой пластичного поведения (Рощупкина, 2016). КФ в ряде исследований рассматривается как когнитивный компонент креативности. Ранее Дж. Гилфорд определял КФ как способность к созда-

нию новых ассоциаций между концептами. В данном направлении зарубежные исследователи концептуализировали КФ как когнитивное ядро креативности (Hennessey, Amabile, 2010), а проведенные В. М. Русаловым исследования указывают на наличие значимой связи интеллектуальной эргичности и пластичности с показателями креативности по Торренсу.

Полученные результаты демонстрируют положительную умеренную связь между скоростью интеллектуальной и общим показателем КФ ($r=0,408$, $p=0,000$). Связь с фактором «Контроль» на данном уровне оказалась более отчетливой ($r=0,440$, $p=0,000$). Данный факт дает основание полагать, что наиболее наглядно связь КФ и формально-динамических свойств индивидуальности прослеживается через блок реализации намеченной программы, где ведущую роль играет способность к ее быстрому выполнению. В данном соотношении не наблюдается значимой связи с фактором «Альтернативы», что очевидно, поскольку аспект «Альтернативы» подразумевает процесс осознания множественности причин, способствующих возникновению проблемы, а это связано с временными затратами и не способствует ускорению процесса реализации программы.

На субъектно-содержательном уровне прослеживается отрицательная связь фактора «Контроль» с эмоциональностью в интеллектуальной сфере ($r=-0,243$, $p=0,004$). Данный факт свидетельствует о том, что чем более выражены эмоциональные проявления, тем менее склонен индивид воспринимать происходящие события как контролируемые.

Коэффициент корреляции индекса интеллектуальной активности (ИИА) с общим показателем КФ, факторами «Альтернативы» и «Контроль» свидетельствует об их значимой связи ($r=0,472$, $r=0,298$, $r=0,458$, $p=0,000$). Поскольку данный индекс выражает сумму активностных шкал в интеллектуальной сфере, то чем выше совокупный показатель интеллектуальной эргичности, пластичности и скорости, тем сильнее степень осознания индивидом своей способности давать возможные объяснения переживаемым жизненным событиям, трудным ситуациям, с которыми он сталкивается, и предлагать различные варианты выхода из них. Индекс общей активности (ИОА) также положительно связан с КФ и ее аспектами ($r=0,256$, $p=0,002$ – для шкалы «Альтернативы»; $r=0,435$, $p=0,000$ – для шкалы «Контроль»; $r=0,431$, $p=0,000$ – для общего показателя КФ), что, скорее всего, достигается за счет роли ИИА в совокупном показателе индекса. Для индекса общей адаптивности (ИОАД) наблюдаются значимые умеренные связи со шкалой «Контроль» ($r=0,496$, $p=0,000$) и общим показателем КФ ($r=0,439$, $p=0,001$), что может

быть связано с фактом наличия корреляции социальной пластичности с адаптивностью.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что КФ и ее аспекты связаны с формально-динамическими свойствами индивидуальности. Данная связь наиболее ярко прослеживается в интеллектуальной сфере, поскольку КФ, являясь ментальной способностью, отражает содержание когнитивных процессов индивида. Среди полученных показателей корреляции на уровне характеристик блоков функциональной системы более выраженной оказалась связь КФ со скоростью, что свидетельствует о наличии связи КФ с формально-динамическими свойствами второго уровня, опосредованного третьим, к которому и относится такая характеристика, как скорость.

Литература

- Залевский Г. В. Личность и фиксированные формы поведения. М., 2007.
- Рощупкина Е. И. Гибкость мышления как основа пластичного поведения // Вестник удмуртского университета. 2016. Т. 26. № 2. С. 43–48.
- Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности человека (ОФДСИ). М., 2004.
- Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека // Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М., 2012.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004.
- Шадриков В. Д. Вопросы психологической теории способностей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 3. С. 41–56.
- Colzato L. S., Huizinga M., Hommel B. Recreational cocaine polydrug use impairs cognitive flexibility but not working memory // Psychopharmacology. 2009. V. 207. P. 225–234.
- Dennis J. P., Vander Wal J. S. The Cognitive Flexibility Inventory: Instrument development and estimates of reliability and validity // Cognitive Therapy and Research. 2010. V. 34. № 3. P. 241–253.
- Hennessey B. A., Amabile T. M. Creativity. Annual Review of Psychology // CA: Annual Reviews / Ed. S. Fiske. 2009. P. 569–598.
- Ionescu Th. Exploring the nature of cognitive flexibility // New Ideas in Psychology. 2012. V. 30. № 2. P. 190–200.

Relationship between the personality cognitive flexibility and the dynamic-formal properties of its individuality

E. U. Osavoliuk (Moscow)

Postgraduate of National research University Higher School of Economics

The results of the correlation analysis between the cognitive flexibility and dynamic-formal properties of individuality are provided (N=138). The results of the study show the interrelation between mental ability and neurodynamic attributes of an individual's basis: ergicity, plasticity and speed in the intellectual sphere of individuality. The theoretical assumptions of established interrelations are determined. The integral significance of personality dynamic-formal properties in an the individual degree of the cognitive flexibility is defined.

Keywords: cognitive flexibility, individuality, Cognitive Flexibility Inventory, dynamic-formal properties of individuality.

Роль эмоционального интеллекта во взаимодействии мышления и эмоций личности при решении моральных дилемм: постановка проблемы

А. С. Пляскина, А. Н. Поддьяков** (Москва)*

** аспирантка Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» e-mail: aspjaskina@gmail.com*

*** доктор психологических наук, профессор Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: apoddiakov@gmail.com*

В статье поднимается вопрос, связанный с одной из актуальных проблем современной психологии личности, – решением моральных дилемм и принятием решений в ситуациях морального выбора: каковы особенности взаимодействия мышления и эмоций при решении моральных дилемм в целом и при решении особого класса моральных дилемм – альтер-альтруистических. Альтер-альтруистические дилеммы представляют собой дилеммы о вынужденном причинении зла – например, дилеммы пожертвования интересами одного человека ради интересов большего числа людей, в том числе экстремально напряженные дилеммы о пожертвовании жизнью близкого ради спасения множества других людей. Нас интересует, как взаимодействие мышления и эмоций влияет на конечное решение в такого типа ситуациях, на последующие переживания в связи с принятым и реализованным решением и на саму личность. Важную роль в этом процессе, на наш взгляд, играет эмоциональный интеллект личности (ЭИ). Работ, в которых изучались бы связи особенностей решения моральных дилемм с уровнем эмоционального интеллекта человека, решающего эту дилемму, нам обнаружить не удалось, мы ставим цель исследовать эти связи.

Ключевые слова: моральные дилеммы, альтер-альтруистические дилеммы, когнитивный подход, эволюционный подход, моральные эмоции, эмоциональный интеллект.

В современных условиях человек оказывается вовлечен в большое количество широких и сложных сетей различных взаимодействий; все чаще ему приходится решать комплексные задачи, умея при этом учитывать и сочетать сразу несколько различных переменных: например, собственные знания из научных и практических областей со способностью собирать разнообразную информацию из множества источников и принимать сразу много решений в условиях ограниченного времени с учетом намерений и действий других людей (Поддьяков, 2007а). В качестве таких комплексных задач, на наш взгляд, в жизни человека выступают и ситуации моральных дилемм.

Моральные дилеммы различного масштаба сопровождают человека на протяжении всей его жизни: усыпить ли домашнего питомца, испытывающего сильные боли и страдающего от этого, или дать ему умереть естественной смертью; потратить деньги на дорогое обучение одного из своих детей, при этом отказав в нем другому, или нет; уделить свое преподавательское внимание и время одному студенту, при этом лишив их другого, или нет; кому из пациентов врач должен уделить внимание и оказать помощь в условиях ограниченных ресурсов (времени, лекарств и т. п.) и кому из пострадавших оказывать помощь в первую очередь в условиях чрезвычайных ситуаций и многие другие.

При этом особый класс дилемм составляют альтер-альтруистические (Поддьяков, 2007б) – такие дилеммы, в которых человек вынужден выбирать между благополучием своих близких и интересами других людей, за которых он несет или готов принять ответственность. Они существенно отличаются от тех, где субъект выступает в роли относительно нейтрального третейского судьи, чьи личные интересы даже при самом напряженном выборе не затронуты непосредственно (Ф. Фут «Трамвай»; Дж. Томпсон «Толстяк»; Канемана-Тверски «Азиатская болезнь» и др.). В альтер-альтруистических дилеммах напряженнейшее взаимодействие мышления и эмоций имеет свою специфику.

Возникает вопрос: что помогает и что мешает личности осуществить выбор и принять решение в ситуациях моральных дилемм в целом, и в ситуациях альтер-альтруистических дилемм? Как в эти моменты взаимодействуют эмоции и мышление человека, и как это влияет на саму личность, ее конечное решение и последующие переживания в связи с ним? Важную роль в этом процессе, на наш взгляд, играет *эмоциональный интеллект личности* (ЭИ), введение которого в концептуальный аппарат психологии в начале 90-х годов XX в. стало одним из решений проблемы соотношения интеллекта и аффекта, мышления и эмоций личности, изучавшейся в оте-

чественной и западной психологической науке на протяжении всего прошлого столетия.

Концепция эмоционального интеллекта Дж. Майера, П. Саловея и Д. Карузо (Mayer, Salovey, Caruso, 2008) относится к моделям способностей и включает в себя «способность заниматься сложной обработкой информации о собственных эмоциях и эмоциях других людей и способность использовать эту информацию в качестве основы для мышления и поведения» (Mayer, Salovey, Caruso, 2004). Таким образом, в данной модели ученые делают акцент на когнитивной составляющей, связанной с переработкой информации об эмоциях и использовании ее в мышлении и деятельности: гибкое планирование, творческое мышление, переключение внимания, мотивация. Это становится возможным благодаря одному из компонентов в структуре ЭИ – пониманию эмоций. Оно отвечает за установление причинно-следственных отношений между различными отражаемыми в данный момент эмоциями, а также между эмоциями и стоящими за ними мотивационно-смысловыми образованиями: потребностями, интересами, смыслами, ценностями, принципами и т. д., в том числе моральными принципами и ценностями. Одной из главных особенностей эмоционального интеллекта, констатируемой в исследованиях, является тот факт, что при повышении уровня эмоционального интеллекта личности возрастают ее адаптивные функции. Это означает, что человек с высоким уровнем ЭИ способен в целом успешнее справляться с состояниями эмоциональной нестабильности (Brackett, Rivers, Shiffman, Lerner, Salovey, 2006) и использовать эффективные стратегии преодоления трудностей, решения проблем, снижающие переживаемый в таких ситуациях стресс (Burns, 1978). Человек, оказавшийся в ситуации моральной дилеммы, подвержен состояниям эмоциональной нестабильности, и ему необходимо понимание того, какое решение будет эффективным, а какое – неэффективным в сложившейся ситуации. Неумение воспринять, понять свои эмоции и эмоции других людей, а также мотивационно-смысловые образования, которые за ними стоят, и использовать полученную информацию об эмоциях в мышлении и деятельности может приводить к выбору неудачных решений, а иногда и к фатальным ошибкам.

В целом, анализ литературы по проблеме морального сознания и мышления, моральных выборов и решений личности, решения ею моральных дилемм показывает следующее. В настоящее время в философских и психологических исследованиях данной проблемы можно условно выделить два основных подхода: когнитивный и эволюционный. Важно отметить, что эти подходы формирова-

лись в определенной мере под влиянием существующей и в настоящее время традиционной в философии диалектической дихотомии: «рациональное–чувственное», которая восходит к философскому спору между «человеком Юма» с большим сердцем и «человеком Канта» с большим мозгом (Хаузер, 2008). Соответственно, мы можем наблюдать, что в когнитивном подходе ведущая роль в развитии морального сознания личности отводится усвоению человеком общественных правил и норм (Colby, Kohlberg, 1987) и опыту рационального анализа моральных проблем с различных позиций (Kahneman, 2003), а эмоциональная сфера личности, скорее, игнорируется. В рамках эволюционного подхода широкое развитие получили концепции «моральных эмоций», в которых ведущая роль в моральном выборе личности отводится эмоциям (Greene, Haidt, 2002).

При этом работ, в которых изучались бы связи особенностей решения моральных дилемм с уровнем эмоционального интеллекта человека, разрешающего эту дилемму, нам обнаружить не удалось. Мы ставим цель исследовать эти связи в эмпирическом исследовании, в котором используется комплекс методов: эксперимент, прохождение тестов и стандартизированных опросников, полуструктурированное интервью. Планируемое исследование может способствовать расширению теоретических знаний в указанной области науки, а также получению данных, существенно важных для практической психологии. А именно, понимание взаимодействия мышления и эмоций личности в критических жизненных ситуациях, а также связей эмоционального интеллекта с особенностями принятия решения в них может способствовать развитию внутреннего мира личности, большей дифференциации «Я», более глубокому самосознанию.

Литература

- Поддьяков А. Н. Альтер-альтруизм // Психология. Журнал ВШЭ. 2007а. №3. С. 98–107.
- Поддьяков А. Н. Неопределенность в решении комплексных проблем // Человек в ситуации неопределенности / Гл. ред. А. К. Болотова. М., 2007б. С. 177–193.
- Хаузер М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М., 2008.
- Colby A., Kohlberg L. The measurement of moral judgment. V. 1. “Theoretical foundations and research validation”. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1987.

- Greene J. D., Haidt J.* How (and where) does moral judgment work? // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2002. V. 6 (12). P. 517–523.
- Kahneman D.* A perspective on judgment and choice: mapping bounded rationality // *American Psychologist*. 2003. V. 58. P. 697–720.
- Brackett M. A., Rivers S. E., Shiffman S., Lerner N., Salovey P.* Relating emotional abilities to social functioning: A comparison of selfreport and performance measures of emotional intelligence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. №91. P. 780–795.
- Burns J. M.* *Leadership*. N. Y., 1978.
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R.* Emotional intelligence: Theory, findings and implications // *Psychological Inquiry*. 2004. V. 60. P. 197–215.
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R.* Emotional Intelligence – New Ability or Eclectic Traits? // *American Psychologist*. 2008. №6. P. 503–517.

The role of emotional intelligence in thinking and emotions interaction while solving moral dilemmas: problem statement

*A. S. Plyaskina**, *A. N. Poddiakov*** (*Moscow*)

* Postgraduate of National research University of Higher school of economics

** Doctor of psychological Sciences, professor of National research University of Higher school of economics

The present article is an attempt to consider such urgent problem of practical personality psychology as the solving moral dilemmas and decision-making in situations of the moral choice. The central research question could be framed as follows: what are the features of the interaction of thinking and emotions in solving moral dilemmas in general and in solving a special class of moral dilemmas, particularly, forced infliction of evil dilemmas. Forced infliction of evil dilemmas are dilemmas of sacrificing one person's interests for the sake of interests of a bigger number of people, including extremely intense dilemmas of giving one's life for the sake of rescuing a great number of other people. How does interaction of thinking and emotions influence the final decision in situations of this kind, on the subsequent experiences in connection with the made and realized decision and on the personality? We predict an important role of personality emotional intelligence in thinking and emotions interaction, because EI structure includes improving the efficiency of thinking – the ability to generate, use and feel emotions to transmit feelings or use them in other

cognitive processes. At present data, which have examined the relationship between the decision features of moral dilemmas and the level of emotional intelligence (EI) in solving these dilemmas, do not exist in psychology.

Keywords: moral dilemmas, forced infliction of evil dilemmas, thinking and emotions interaction, emotional intelligence, practical personality psychology.

Ментальные репрезентации психических состояний: характеристики образа¹

А. О. Прохоров (Казань)

*доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета;
e-mail: alprokhor1011@gmail.com*

В статье представлены результаты изучения образных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний. На основании концептуальных представлений о психологических составляющих репрезентаций состояний на большой выборке (более 600 чел.) были получены данные о феноменологических характеристиках репрезентаций психических состояний, динамике образных характеристик, структуре образа и его вариативности/устойчивости, показаны возрастные и половые особенности ментальных репрезентаций состояний, а также связь образных характеристик репрезентаций со свойствами личности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что образ психического состояния отображается в сознании как субъективное представление переживаемой конфигурации различных субъективных и объективных характеристик человека, возникающих вслед за актуализированным состоянием.

Ключевые слова: психические состояния, ментальные репрезентации, образ, феноменология, структура, устойчивость.

Постановка проблемы

Изучение психических состояний человека неизбежно ставит вопрос о возникновении, становлении и организации представлений о переживаемых состояниях, их распознавании, идентификации и репродукции в тех или иных ситуациях жизнедеятельности.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884а.

Такая постановка вопроса приводит исследователя к «хранилищу» возникшего конструкта – ментальному опыту человека. На наш взгляд, содержательное понимание ментального опыта предлагает М. А. Холодной (Холодная, 2002), по мнению которой такой опыт представлен в трех основных формах: оперативной – ментальные репрезентации; динамической – ментальное пространство; фиксированной – ментальные структуры. В этом контексте процесс формирования представлений о психических состояниях в ментальном плане, а также результат данного процесса в виде образа и знания как совокупности субъективных суждений о состоянии, связаны с ментальными репрезентациями.

По мнению А. В. Брушлинского и Е. А. Сергиенко (см. Ментальная репрезентация..., 1998), понятие репрезентация означает «представленность», «изображение», «отображение одного в другом или на другое», т. е. речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. При такой трактовке с помощью понятия «ментальная репрезентация» можно описывать и содержание психического отображения, и формат, в котором происходит такое отображение.

Ментальные репрезентации могут рассматриваться как процесс (процесс отображения, представления) и как результат (описание опыта в рамках картины мира). Первый подход характерен для зарубежной психологии, где акцент делается на процессуальной, динамической стороне ментальной репрезентации, на ее когнитивных функциях (Geller et al., 2010).

В рамках второго подхода ментальные репрезентации понимаются как внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Данная парадигма характерна для ряда отечественных и зарубежных работ (Кубрякова, Демьянков, 2007; Vascoe et al., 2009). Она позволяет рассмотреть организацию и содержание вербальных и образных представлений человека.

При таком подходе, рассматривающем ментальную репрезентацию как результат отображения, принято различать несколько ее форм: образные, концептуальные, функциональные (связанные с действием) и социальные репрезентации (Ребеко, 1998). Ключевыми в этом случае являются образные и концептуальные ментальные репрезентации. Понимание ментальной репрезентации как образа довольно широко распространено среди исследователей. Так, М. А. Холодная, например, считает, что «ментальная репрезентация – это актуальный умственный образ того или иного конкрет-

ного события (т. е. субъективная форма „видения“ происходящего)» (Холодная, 2002, с. 245).

В контексте сказанного изучение ментальных репрезентаций состояний человека имеет особую значимость, так как психическое состояние – индивидуальный субъективный феномен человеческой психики, и выделение универсальных закономерностей репрезентаций состояний позволит выявить закономерности в формировании картины мира и структуры суждений о нем. Представляет существенный интерес процесс формирования системы представлений о психических состояниях в ментальном плане, а также результат данного процесса. Это особый вид репрезентации того, чему нет соответствия в объективном предметном мире, поэтому изучение психологических механизмов и закономерностей репрезентаций состояний субъекта позволит более глубоко понять природу и функционирование репрезентаций в психической жизни человека, в его внутреннем мире.

Однако, несмотря на наличие отдельных работ в области ментальных репрезентаций, в целом следует отметить, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, предметом которых являются ментальные репрезентации психических состояний.

В изучении ментальных репрезентаций состояний мы исходили из следующих представлений. На наш взгляд, возникновение и закрепление ментальных репрезентаций психических состояний имеет следующий психологический механизм. Внутренние ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями, переживаемыми субъектом, проходя этап сличения с содержанием более раннего опыта, формируют соответствующие ментальные структуры, связанные с актуализированным состоянием. Возникшие ментальные структуры, отражающие и отображающие психическое состояние в виде образа и последующего его вербального оформления, фиксируются и закрепляются в структурах памяти, формируя субъективный ментальный опыт. Этот процесс связан с осознанием и рефлексией, а также со смысловыми структурами сознания. В него также включены когнитивные и субъектно-личностные характеристики человека.

В соответствии с данными представлениями нами рассматривались образы психических состояний – радость, гнев, спокойствие, одиночество, утомление – с учетом ряда показателей: интенсивность и вариативность проявления, рельеф, изменения структурных характеристик во временных диапазонах, организованность и устойчивость образов, связи со свойствами личности и др. Выборка составила 605 человек.

Результаты эмпирического исследования

Проведенные исследования позволили выявить ряд важных закономерностей. Было установлено, что стабильность и интегрированность образа относительно и зависят от ряда переменных: энергетической составляющей состояния, времени-длительности, знака, модальности, содержания и других характеристик. Устойчивость образа, на наш взгляд, связана с субъективным опытом переживания, прежде всего, с частотой его возникновения, длительностью и интенсивностью протекания в тех или иных ситуациях жизнедеятельности человека. Вследствие этого происходит закрепление характеристик состояния в структуре образа. Устойчивость/вариативность образа во времени, по-видимому, является отражением свойства его процессуальности, а также неоднозначности процессов адаптации субъекта к обстоятельствам и ситуациям бытия.

Анализ феноменологических особенностей показывает, что образ психического состояния относительно стабилен, независим от ситуации, в которой он переживается, устойчиво репродуцируется в том числе в стрессовых, напряженных ситуациях. В описаниях образа состояния ведущими являются характеристики физических и физиологических проявлений, особенности поведения, а также особенности эмоций и чувств, переживаемых при актуализации того или иного образа. В динамике времени образ характеризуется незначительной тенденцией к изменению при сохранении субъективной идентификации состояния. Формы и проявления бытия человека представлены в вариациях образов состояний: обнаружены специфические проявления образа в зависимости от этнокультуральных особенностей, течения беременности, занятий физической культурой и при разных формах нарушения здоровья.

Исследования дают основания считать, что структура образа состояния представляет собой относительно стабильное образование, имеющее различные психологические, физиологические и поведенческие показатели. Образ состояния когерентен и организован, особенно в крайних временных диапазонах. Наиболее организованы структуры образов состояний высокого и низкого уровня психической активности. Высокие индексы организованности свидетельствует о связанности структуры образа, что позволяет ей сохранять идентификацию в разных ситуациях и интервалах времени. В структуре образа отражается качественное своеобразие: образы «простых» состояний более «жестко» организованы по сравнению с обра-

зами «сложных». Образ психического состояния характеризуется определенным типом изменений структуры во временном континууме, зависящим от качества состояния.

Устойчивость структуры образа состояний определяет ее прочность как целого. Последнее обеспечивается увеличением числа связей между показателями психических процессов, переживания, поведения и др., значимыми корреляциями, структурообразующими показателями, сквозными, инвариантными взаимосвязями и отдельными инвариантами, сохраняющимися в структурах во всех интервалах времени.

В то же время стабильность и интегрированность образа относительны, зависят от ряда переменных: энергетической составляющей состояния, времени-длительности, знака, модальности состояния, содержания и др. характеристик. Устойчивость образа связана с субъективным опытом переживания состояния, прежде всего, с частотой, длительностью и интенсивностью его актуализации в тех или иных ситуациях жизни. Отражение этих влияний вследствие стабилизирующего отбора признаков и возникновением корреляций между ними (по Бергу) приводит к образованию плеяд и закреплению элементов образа в структуру, характеризующуюся определенной организацией. Устойчивость/вариативность образа во времени является отражением свойства процессуальности образа, а также неоднозначности процессов адаптации субъекта к обстоятельствам и ситуациям бытия.

Наименее устойчивы структуры образов состояний в актуальном времени, что обусловлено, на наш взгляд, потенциальной возможностью «изменения–обогащения» актуального образа состояния, тогда как «вызываемые» (представляемые) «прошлые и будущие образы» – его репродукцией, обращенностью к структурам долговременной памяти. Вследствие репродукции образы «прошлых и будущих» состояний более устойчивы. Образ психического состояния, являясь результатом накопленного опыта переживания определенного состояния, обогащается в процессе жизнедеятельности. Этот процесс сопровождается увеличением организованности структуры образа.

Выявлены инвариантные структуры образа состояния, способствующие его сохранению во времени. Можно полагать, что структурообразующие инварианты образов вместе с устойчивыми интеркорреляционными связями, усиливающимися во времени, являются составной частью индивидуального опыта переживания состояния, позволяющего субъекту сохранять, осознавать, распознавать, дифференцировать и репродуцировать образ в сознании в разнообразных ситуациях и временных контекстах жизнедеятельности.

В динамическом плане отметим следующее. Образы психических состояний во временном континууме «прошлое–настоящее–будущее» характеризуются различной стабильностью, интенсивностью и содержательной насыщенностью в зависимости от уровня психической активности и модальности состояния. Результаты исследования свидетельствуют о различиях между динамическими рядами образов состояний разного уровня психической активности. Наибольшее число различий между образами состояний во временном континууме «прошлое–настоящее–будущее» присуще образам положительных состояний высокого и среднего уровня психической активности. Различия между образами отрицательных состояний опосредуются энергетическим уровнем состояния: наибольшие различия выявлены между образами отрицательных состояний высокого уровня психической активности, наименьшие – между образами состояний низкого энергетического уровня.

Образ психического состояния связан и зависит от свойств личности, причем, «вклад» свойств личности различен: он дифференцируется в зависимости от структуры образа и опосредуется видом деятельности, качеством состояния, ситуациями жизнедеятельности, а также спецификой и иерархией свойств в личностной организации человека.

Взаимоотношения образа состояния и составляющих сознания определяются особенностями, обусловленными содержательными характеристиками (качеством) ментальной структуры. Так, взаимосвязь образа состояния и рефлексивных процессов зависит от ситуационно-деятельностных опосредований и половой принадлежности субъекта. В напряженных ситуациях жизнедеятельности структура связи и включенность составляющих рефлексии отличается от повседневных ситуаций большей частотой и сложностью взаимодействия.

Заключение

Полученные результаты позволяют судить об образе состояния как об относительно стабильном образовании, интегрирующим различные психологические, физиологические и поведенческие показатели. Эти характеристики достаточно полно осознаются субъектом, что проявляется в оценках, описаниях и дифференцировании образов. Но это не предметный образ, а образ сознания как результирующая влияний различных социальных, психологических и организменных составляющих на его актуализацию.

Образ психического состояния включен в структуры сознания в качестве составной части ментальной организации человека. Содержание образа представляет собой результат отображения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект. Образ выражает переживания и порождает их. Отраженные компоненты психического состояния закрепляются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру образа. Последняя изоморфна реальному состоянию. Упрочиваясь в структурах памяти, образ становится структурным элементом субъективного опыта переживания состояний. Через образы становится возможным проникновение в хранилища субъективного (индивидуального) опыта. Формирование образа может рассматриваться как приобретение опыта переживания состояния вследствие фиксации в памяти временных и пространственных (структурных) характеристик актуального состояния, скрепленных в единое целое регуляторными влияниями структур сознания. С одной стороны, образ является составляющей единицей субъективного опыта, с другой – сам образ хранит в себе опыт, служащий информационной базой человека.

Литература

- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М. – Тамбов, 2007. № 4. С. 8–16.
- Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. М., 1998.
- Психосемантические методы исследования: Методические указания к выполнению лабораторных работ по курсу / Сост. В. К. Солондаев. Ярославль, 2003.
- Ребеко Т. А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. М., 1998. С. 25–54.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2002.
- Bascoe S. M., Davies P. T., Sturge M. L., Cummings E. M. Children's representations of family relationships // *Developmental Psychology*. 2009. V. 45. № 6. P. 1740–1751.
- Geller J. D., Farber B. A., Schaffer C. E. Representations of the supervisory dialogue and the development of psychotherapists // *Psychotherapy Theory, Research, Practice, Training*. 2010. V. 47. № 2. P. 211–220.

Mental representations of mental states: figurative characteristics

A. O. Prokhorov (Kazan)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of the Department of the general psychology of Kazan (Volga) federal University

Results of studying of figurative characteristics of mental representations of mental states are presented in the article. Based on conceptual ideas of psychological components of representations of mental states, more than 600 people sample data on phenomenological characteristics of representations of mental states, dynamics of figurative characteristics, structure of an image and its variability/stability have been obtained; age and sexual features of mental representations of states, and also coherence of figurative characteristics of representations with properties of the personality etc. are shown. Results of the research demonstrate that the image of a mental state is reflected in consciousness as subjective representation of the endured configuration of various subjective and objective characteristics of the person arising after the mental state actualization.

Keywords: mental states, mental representations, image, phenomenology, structure, stability.

Выбор формы занятий фитнесом как индикатор репрезентации «телесного Я»¹

Т. А. Ребеко (Москва)

*кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: rebekota@yandex.ru*

Проведено исследование на выборке женщин (N=38), посвященное выявлению связи между выбором формы занятий фитнесом, репрезентацией «телесного Я» (ориентация на самоощущения или на Другого) и параметрами когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость с учетом его фиксированности/мобильности. Показано, что предпочтение в выборе формы занятия фитнесом (монотонный на тренажерах/ естественные движения) сопряжен с разными компонентами когнитивного стиля (фиксированность/мобильность, полезависимость/полenezависимость) и с особенностями репрезентации «телесного Я». Подтверждается гипотеза о том, что женщины, выбирающие занятия на тренажерах, являются «полезависимыми» и «фиксированными»; проявления их «телесного Я» имеют низкие значения. Женщины, предпочитающие естественные движения, являются «полenezависимыми» и «мобильными»; доминирующим компонентом их «телесного Я» является ориентация на собственные ощущения. Предполагается, что выбор тренажеров свидетельствует о раннем опыте расщепления «телесного Я» и Эго.

Ключевые слова: дифференцированность/расщепление, форма фитнеса (монотонный/свободный), «телесное Я», полезависимость/полenezависимость, фиксированность/мобильность, тест Уиткина.

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема №0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

Постановка проблемы

Взаимодействие с внешним миром посредством движений является исходным в онтогенезе. Когнитивно-телесная система является целостной и репрезентирует ментальный опыт на каждом этапе онтогенеза (Wilkinson, 2010). В. П. Зинченко приводит слова А. Бергсона о теле, погруженном в поток интенциональных переживаний. Свое тело – это «место прохождения полученных и отосланных движений, соединительная черта между вещами, на которые действую Я, и вещами, которые действуют на меня» (цит. по: Зинченко, 2005, с. 37).

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что характер моторной активности является индивидуальной характеристикой, которая отражает реципроктные отношения между приобретаемым ментальным опытом и ментальными структурами (Дольто, 2006). Индивидуальный способ взаимодействия является «слепком» ментальной системы, в которой можно выделить «слои», в том числе аутистические, для которых характерно отсутствие целостного восприятия тела. Недифференцированная репрезентация «телесного Я» проявляется в целом спектре когнитивных и личностных деформаций. Так, например, было показано, что лица, страдающие перееданием, характеризуются полезависимостью, неумением конструктивно выражать свою агрессию и дифференцировать себя от других (Каменецкая, 2014). По результатам другого исследования, можно сделать вывод о том, что репрезентация разных модулей телесности сопряжена с разными компонентами когнитивного стиля, адекватностью оценки собственного тела и перееданием (Ребеко, 2016).

Энн Алварес (Alvarez, 1999) показала, что ранний травматический опыт проявляется в монотонно повторяющихся и фиксированных движениях, которые следует рассматривать как «защиту от тревоги». По словам М. Сидоли (Sidoli, 2002), непроработанные эмоциональные фрагменты опыта локализируются в теле и проявляются в виде соматических симптомов или в виде стереотипных форм поведения. Если опыт взаимодействия с внешним миром был неуспешным, и если ментальный образ тела остался неинтегрированным (расщепленным), то его объединение может происходить посредством движений, «объединяющих верх и низ тела» (Sandri, 1994, p. 101).

Процедура, гипотезы и методики исследования

Несмотря на то, что цитируемые исследования относятся к области патологии, мы предполагаем, что нормальные здоровые люди сохраняют в телесном опыте ранние травматические переживания,

которые предопределяют их моторную активность. В связи с этим можно допустить, что предпочтение занятий на тренажерах служит компенсацией недифференцированного телесного опыта.

Теоретическая гипотеза исследования: выбор формы занятий фитнесом зависит от отношения к телу либо как к целостному, либо как к состоящему из отдельных частей. *Эмпирическая гипотеза:* группа испытуемых, предпочитающих занятия на тренажерах, характеризуются такими параметрами когнитивного стиля, как фиксированность и полезависимость, а группа испытуемых, предпочитающих тренировки в режиме «естественных» движений, характеризуются такими параметрами когнитивного стиля, как мобильность и полнезависимость.

Цель исследования, выполненного в парадигме квазиэксперимента, состоит в выявлении связей между компонентами когнитивного стиля (мобильность/фиксированность, ПЗ/ПНЗ), репрезентацией «телесного Я» («Я-Сам», «Я-Другой») и выбором формы занятий фитнесом.

Для реализации цели исследования использовались следующие методики:

- 1) Методика «Включенные фигуры» Уиткина с учетом эффекта расщепления стилевых полюсов по стандартами, разработанным М. А. Холодной (Холодная, 2002).
- 2) Опросник «Диагностика телесного Я» (Лыбко, 2008). Согласно теории «амебного Я» (Лыбко, 2008), закономерности формирования, развития, функционирования и трансформации сформированного образа «телесного Я» коррелируют с закономерностями психического и соматического индивидуального развития человека. Автором выделено два фактора, которые можно кратко охарактеризовать, как «Самопринятие своего телесного Я» («Я-Сам») и «Влияние Другого на отношение к своему телу» («Я-Другой»). В основе первого фактора лежит чувство симпатии к себе; человек рассматривает свое тело не как объект, а как часть своего «Я». Второй фактор охватывает два полюса: либо уверенность в себе и независимость самооценки своего «телесного Я», либо конформность и поиск социального одобрения.

Выборка исследования

В исследовании участвовало 38 женщин в возрасте 18–56 лет, $M_e=36$, которые посещали фитнес-центры с целью ухода за собственным телом. Половина участников исследования предпочитала тренажеры, разработанные для тренировки и коррекции отдельных групп

мышц (группа 1). Вторая половина участников исследования (группа 2) ориентировалась на такие виды тренировок, как свободное владение телом (плавание, аэробика, танцы).

Процедура исследования

Исследование проводилось на добровольной основе. Мотивацией к участию в исследованиях служил интерес к собственной внешности. Испытуемые получали лояльные интерпретации результатов исследования в качестве бонуса по окончании исследования.

Результаты теста Уиткина были переведены в шкалы порядка в соответствии с квадриполярной моделью когнитивных стилей М. А. Холодной (Холодная, 2002). Все испытуемые были разделены на 4 субгруппы, полученные путем сочетания двух параметров: полезависимость/полenezависимость (ПНЗм и ПНЗф) и мобильность/фиксированность (ПЗм и ПЗф).

Обработка данных проводилась с помощью пакета Statistica 8.0. Использовались непараметрические критерии Краскела–Уоллиса и метод смешанной иерархической модели ANOVA/ANCOVA.

Результаты исследования

Согласно статистическому критерию Краскела–Уоллиса, выбор стиля занятий фитнесом достоверно различает две группы по вкладу переменной «Я-Сам» ($H(1, N=38)=8,687373$ $p=0,0032$). По критерию Шеффе, участники группы 1 достоверно меньше ориентируются на себя, по сравнению с участниками группы 2 ($F(1,36=11,107, p=0,002)$).

Выбор формы фитнеса достоверно различает две группы по вкладу переменной «Влияние Другого» ($H(1, N=38)=18,59714, p=0,0000$). По критерию Шеффе, участники группы 1 достоверно меньше ориентируются на других, по сравнению с участниками группы 2 ($F(1,36=27,48, p=0,00001)$).

Выбор стиля фитнеса достоверно различает две группы по вкладу параметра когнитивного стиля фиксированность/мобильность ($H(1, N=38)=12,40166, p=0,0004$). По критерию Шеффе, участники группы 1 являются «фиксированными», а группы 2 – «мобильными» ($F(1,36=18,150, p=0,0001)$).

Выбор формы фитнеса достоверно различает две группы по вкладу параметра когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость ($H(1, N=38)=9,2215, p=0,0024$). По критерию Шеффе, участники группы 1 являются «полезависимыми», а группы 2 – «полenezависимыми» ($F(1,36=8,47, p=0,006)$).

Расчет смешанной модели ANOVA/ANCOVA показал, что, помимо участия выделенных параметров, выбор формы фитнеса сопряжен с взаимодействием параметров: «Я-Сам» – с параметром ПЗ/ПНЗ ($F=8,031$, $p=0,001$), «Влияние Другого» – с параметром фиксированность/мобильность ($F=5,034$, $p=0,009$).

Обсуждение полученных результатов

Существенным фактором, предопределяющим выбор формы занятия фитнесом, является взаимодействие переменных, описывающих отношение к телу с компонентами когнитивного стиля. Выявлена взаимосвязь между ориентацией на самоощущения (или на самопринятие своего «телесного Я» («Я-Сам»)) с параметром ПЗ/ПНЗ, а также между параметром «Влияние Другого» с фиксированностью/мобильностью.

Видимо, монотонные и повторяющиеся движения, которые выполняют участники в группе 1 при использовании тренажеров, можно рассматривать как выражение когнитивно-стилевой характеристики фиксированности. Участники данной группы меньше ориентируются на себя. Принимая во внимание результаты расчетов о взаимодействии параметров фиксированности и «Влияние Другого», можно допустить, что представители данной группы демонстрируют менее зрелые формы освоения телесного опыта. Действительно, онтогенетически более ранний опыт полезависимости сопряжен с влиянием другого (прежде всего, с опытом телесного взаимодействия с матерью). Однако данные, полученные с помощью критерия Краскела–Уоллиса, свидетельствуют о том, что участники группы 1 достоверно меньше ориентируется на других. Данный парадокс можно рассматривать как показатель диссоциации телесного опыта и опыта Эго. М. Сидоли (Sidoli, 2002) указывает, что в случае фрустрации на ранних этапах онтогенеза опыт тела существует относительно независимо от опыта Эго.

В группе 2, участники которой предпочитали свободные движения (плавание и т. п.), выявлено взаимодействие переменных «Я-Сам» и полезависимости. Женщин, предпочитающих свободные движения при выборе формы фитнеса, можно рассматривать как структурно более зрелых в освоенности телесного опыта и его интеграции.

Заключение

Полученные нами результаты позволяют говорить о том, что женщины, предпочитающие заниматься фитнесом на тренажерах, ха-

рактируются как «полезависимые» и «фиксированные». Вклад телесных самоощущений и ориентация на других в их телесную репрезентацию существенно меньше, по сравнению с теми женщинами, которые выбирали занятия фитнесом в форме свободных и естественных движений. В свою очередь, женщины, выбирающие в качестве формы занятия фитнесом свободные и естественные движения, характеризуются как «полнезависимые» и «мобильные». Их телесная репрезентация зависит, как от самоощущений, так и от влияния других. Таким образом, можно говорить о сопряженной связи между полюсами когнитивного стиля и переменными «телесного Я».

Литература

- Зинченко В. П.* Психология на качелях между душой и телом // Психология телесности. Между душой и телом / Под ред. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М., 2005. С. 10–52.
- Дольто Фр.* Бессознательный образ тела. Ижевск, 2006.
- Каменецкая Е. В., Ребеко Т. А.* Телесный образ Я у лиц с нарушением пищевого поведения // Вестник Костромского университета. 2014. № 4. С. 58–64.
- Ребеко Т. А.* Структура телесной репрезентации и когнитивные стили // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 26–36.
- Лыбко И. В.* Методика «Диагностика телесного Я» // Психологическая диагностика: Научно-методический и практический журнал. 2008. № 3. С. 5–21.
- Холодная М. А.* Феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей // Интеллект и творчество / Под ред. А. Н. Воронина. М., 1999. С. 30–48.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М., 2002.
- Alvarez A.* Disorder, deviance and personality. Factors in the persistence and modifiability of autism // Autism and Personality. N. Y., 1999. P. 62–78.
- Sandri R.* Penser avec des bébes. Lyon, 1994.
- Sidoli M.* When the body speaks. The Archetypes in the Body. Hove, N. Y., 2002.
- Wilkinson M.* Changing mind in therapy. Emotions, Attachment, Trauma and Neurobiology. N. Y.–London, 2010.

The choice of the form of fitness as an indicator of the corporal Ego's representation

T. A. Rebeko (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology RAS

The study, conducted on a sample of women (N=38), focuses on the relationship between the forms of fitness, representation of corporal Ego (oriented either to self or to the Other) and components of cognitive style (field dependence/field independence, fixity/mobility). It is shown that the selection of the form of fitness classes (monotonous movement with fitness equipment/natural movement) is associated with different components of cognitive style (fixity/mobility, field dependence/field independence) and the representation of corporal Ego. The hypothesis has been confirmed that women who choose classes at the gym with fitness equipment are field dependent and have fixed cognitive style; both components of corporal Ego had low values. Women who prefer natural movement are the field independent and mobile; the dominant component of their corporal Ego is a focus on their own feelings. It is assumed that selection of fitness equipment is an evidence of very early experience of splitting between corporal Ego and personality.

Keywords: differentiation/splitting, style of fitness (fitness equipment/natural movement), corporal Ego (“Me experience”/“influence of the Others”), field dependence/ field independence, fixity/ mobility (Witkin test).

Функция эстетических переживаний в познавательной деятельности¹

П. А. Сабадош (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: sabadosh@psychol.ras.ru*

Исследование посвящено обоснованию и конкретизации гармонизирующей функции эстетических переживаний в познавательной деятельности. Показано, что интеллект не всегда продуктивно согласует переживаемый опыт и концептуализирующую его понятийную сеть, поскольку ограничен ее уже сложившейся структурой. Эстетическое переживание, в котором реальность осознается вне понятийно-логических норм рациональности, позволяет обойти это ограничение. Получаемый таким путем опыт осознания облегчает более адекватную концептуализацию. Эту функцию эстетического переживания, проявляющуюся в снятии логических оппозиций, мы можем обозначить как психическую деконструкцию.

Ключевые слова: познавательная деятельность, эстетические переживания, концептуализация, деконструкция.

Постановка проблемы

Эстетические переживания, которые рассматриваются в качестве предмета психологической эстетики, очевидно, должны, как и любой психический процесс, выполнять какую-то функцию в жизни субъекта. Ранее нами была выделена такая гипотетическая функция согласования следов жизненного опыта на разных психических уровнях (содержаний психики), которую было предложено назвать функцией гармонизации (Сабадош, 2015а). Настоящее исследова-

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема № 0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

ние посвящено обоснованию и конкретизации этой функции в познавательной деятельности.

Прежде всего, необходимо очертить круг объектов, на которые направлена такая функция гармонизации. Можно перечислить описанные в рамках разных подходов различные виды состояния конфликта и напряжения, вызванные противоречиями в психических содержаниях и требующие их согласования: интрапсихический конфликт и невротические симптомы в психоаналитическом подходе; конфликт в структуре задачи в гештальтпсихологии; перцептивный конфликт в психологии восприятия; когнитивный диссонанс в социальной психологии; состояние тревоги и тупика в гештальт-терапии; экзистенциальный конфликт и соответствующие кризисы в экзистенциальном подходе. Все эти виды конфликтов могут либо встречаться непосредственно в познавательной деятельности, либо становиться объектом психотерапии (различные виды которой базируются на самопознании, т. е. разновидности познания).

Когнитивные стратегии разрешения противоречий

Естественно, функция разрешения противоречий в познавательной деятельности выполняется, в первую очередь, самим когнитивным аппаратом. Основным познавательным ресурсом психики считается интеллект. Полноценное субстантивное определение интеллекта дать затруднительно, однако из эмпирических исследований, в том числе психодиагностической практики, следует его операциональное определение как способности, обеспечивающей сопоставление объектов познания, выделение, абстрагирование признаков, обобщение, установление связей и отношений между объектами. Наиболее полно интеллект проявляется в понятийном мышлении, где обобщения и причинно-следственные связи устанавливаются рационально, т. е. осознанно на основе определенных логических правил и стремятся вписаться в целостную непротиворечивую систему – иерархическую понятийную сеть (систему концептов). Вместе с тем интеллект обеспечивает применение концептов и правил к конкретной ситуации. Обе эти функции интеллекта мы можем объединить в понятие «концептуализация опыта».

При возникновении познавательного конфликта интеллект может реализовать различные стратегии его разрешения: поиск ошибки в рассуждении; перепроверка исходных данных опыта; переоценка значимости определенных данных вплоть до отрицания их достоверности; локальный отход от принципов рациональности; локальные уточнения иерархической системы понятий; пересмотр правил.

Эти стратегии различаются по субъективной «стоимости», т. е. количеству требуемых ими психических усилий. Поскольку функция интеллекта состоит в концептуализации опыта, интеллектуальные усилия будут направлены, в первую очередь, на укрепление и развитие уже имеющейся понятийной сети, а пересмотр ее (а тем более правил как метасистемы) будет субъективно оцениваться как крайне дорогостоящее занятие и предприниматься лишь в последнюю очередь, если вообще состоится.

Выделенные стратегии в зависимости от конкретной ситуации могут оказываться более или менее продуктивными, т. е. приводить к более или менее успешному разрешению конфликта, либо переводить его на другой уровень. Ярким примером непродуктивной работы интеллектуальных стратегий разрешения познавательного конфликта служат различные способы сглаживания когнитивного диссонанса. (Образцом взаимодействия когнитивного аппарата с конфликтующими аффективно заряженными психическими содержаниями на более глубинном уровне представляются психологические защиты: отрицание, вытеснение, рационализация). В случае продуктивной работы интеллектуальных стратегий повышается адекватность концептуальных структур (соответствие пережитому опыту), а также, как правило, их разработанность и связанность. Наиболее продуктивным результатом в этом смысле, очевидно, можно считать создание новой, более когерентной понятийной сети вместо устаревшей прежней. (Возможности по развитию и перестройке понятийной сети, в свою очередь, определяются метасистемой формирующих ее правил.)

Альтернатива: эстетическое переживание

Ранее нами было показано, что эстетическое переживание в работах целого ряда авторов из разных направлений психологии рассматривается как ресурс познания субъектом мира и себя, альтернативный понятийно-логическому мышлению (Сабадош, 2015б). В частности, подчеркивается интуитивный, спонтанный характер постижения через эстетическое переживание, отсутствие в нем следования нормам рациональности (правилам логики), восприятие мира вне и поверх бинарных оппозиций.

В качестве важной отличительной характеристики эстетического переживания, как правило, выделяют особое состояние сознания, проявляющееся по мере усиления переживания, и представляющее его трансцендентный аспект: необычное целостное созерцание реальности во всей полноте ее граней, в то же время стирание границ

в восприятии себя и окружающего, ощущение субъекта и объекта как единого целого, осознание ничтожности кажущихся противоречий, чувство единства и гармонии с универсумом. Трансцендентальный аспект эстетического переживания подтвержден эмпирическими исследованиями разных авторов, в том числе, нашими собственными (Csikszentmihalyi, Robinson, 1990; Diessner et al., 2008; Sabadosh, 2017; и др.).

Противопоставляя эстетическое переживание интеллектуальному процессу рационального познания, было бы странно ожидать, что их результаты совпадут. Действительно, как правило, эстетическое переживание не изменяет концептуальной системы непосредственно: по мере того, как оно ослабевает и угасает, возвращается обыденное состояние сознания со всеми его оппозициями и противоречиями. И даже в случае, если эстетическое переживание как-то изменяет понятийную сеть, само это изменение не приводит непосредственно к существенному продлению либо возобновлению эстетического переживания, которое таким образом представляется независимым от функции концептуализации. Вместе с тем переживание запечатлевается в опыте субъекта, который может осознаться и тем самым опосредованно влиять на развитие понятийной сети.

Таким образом, эстетическое переживание, само по себе, характеризуется в общем случае лишь преходящим эффектом на сознание субъекта, чем и ограничивается его собственно гармонизирующая функция. Однако, будучи включенным в более широкую познавательную деятельность, такое переживание может играть решающую роль в разрешении противоречий – причин познавательного конфликта в том случае, если интеллектуальные стратегии непродуктивны и лишь загоняют конфликт вглубь. Тогда эстетическое переживание временно снимает противоречие вместе с нормами рациональности, задающими концептуальную структуру, конституирующую восприятие и уже тем самым его ограничивающую. В этой ситуации интеллектуальное познание может быть начато как бы «с чистого листа» и избежать данных ограничений.

Эстетическое переживание как деконструкция

Отметим, что снятие противоречий в данном случае следует понимать не в гегелевском смысле, а в постмодернистском ключе. Ж. Деррида описал аналогичный эффект осмысления применительно к анализу текста и разработал для его достижения специальную стратегию

обнаружения и нивелирования (имплицитных бинарных) оппозиций, назвав ее *деконструкцией* (Деррида, 2000). Подобно психоаналитической и герменевтической техникам, деконструкция вскрывает внешний, явный слой текста, как бы выворачивая его наизнанку в поиске скрытого смысла, но при этом, в отличие от психоанализа, деконструкция действует гораздо радикальнее: демонтирует саму несущую концептуальную структуру, в которой текст создавался, и постулирует отсутствие у него единственного истинного смысла – все извлекаемые смыслы могут быть истинными в равной мере.

Понятие деконструкции, будучи введенным в оборот полвека назад, получило широкое признание и активно используется в современной философской и искусствоведческой эстетике. Вместе с тем, на наш взгляд, оно в недостаточной степени освоено психологическими теориями, в общем давно и успешно развивающими другие идеи социального конструктивизма. Исключение в этом плане составляет область психотерапии: деконструкция декларируется в качестве базового идеологического принципа в нарративном подходе (Жорняк, 2001); через это понятие теоретически объясняется воздействие гештальт-терапии (Захарова, 2009); деконструкция признается важным компонентом разных видов арт-терапии, терапии посредством выражения (Келиш, 2002; Stitelmann, 2008; и др.).

Таким образом, для определения функции эстетического переживания в познавательной деятельности можно использовать эвристический потенциал достаточно хорошо теоретически проработанного понятия деконструкции. Однако, будучи по своему эффекту аналогичной эстетическому переживанию, критическая философская деконструкция текста, тем не менее, отличается от него, поскольку, по существу, обеспечивается (несмотря на всяческие предостережения и призывы автора метода к отказу от концептуализации) интеллектуальными операциями: действует по осознаваемым логическим правилам, пусть и отличающимся от традиционных. Эстетическое же переживание отличается спонтанностью, нерелексивностью, обеспечивается не сознательными интеллектуальными операциями, а в большой степени автономными психическими механизмами (что не исключает возможности непрямого управления им посредством, например, арт-объекта). Для указания на это различие правомерно назвать данную функцию эстетического переживания психической деконструкцией.

Заключение

Итак, основной познавательный ресурс, интеллект, не всегда продуктивно согласует переживаемый опыт и концептуализирующую его понятийную сеть, поскольку ограничен ее уже сложившейся структурой. Эстетическое переживание, в котором реальность осознается вне понятийно-логических норм рациональности, позволяет обойти это ограничение. Получаемый таким путем опыт осознания облегчает более адекватную концептуализацию. Эту функцию эстетического переживания, проявляющуюся в снятии логических оппозиций, мы можем обозначить как психическую деконструкцию.

Литература

- Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000.
- Жорняк Е. С.* Нарративная терапия: от дебатов к диалогу // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. №4. С. 9–15.
- Захарова Е. В.* Гештальт-терапия: деконструкция в диалоге // Вестник Самарского государственного университета. 2009. №71. С. 9–14.
- Келиш Э.* В поисках смысла визуальных образов // Арт-терапия в эпоху постмодерна / Под ред. А. И. Копытина. СПб., 2002. С. 15–49.
- Сабадош П. А.* О предмете психологической эстетики // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 1 / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М., 2015а. С. 113–115.
- Сабадош П. А.* Ресурсная функция эстетических переживаний: анализ и систематизация подходов // Психологический журнал. 2015б. Т. 36. №5. С. 21–31.
- Csikszentmihalyi M., Robinson R. E.* The art of seeing: an interpretation of the aesthetic encounter. Malibu, CA.: J. P. Getty Museum; Getty Center for Education in the Arts, 1990.
- Diessner R., Solom R. D., Frost N. K., Parsons L., Davidson J.* Engagement with beauty: Appreciating natural, artistic, and moral beauty // The Journal of Psychology. 2008. V. 142. №3. P. 303–332.
- Sabadosh P.* A Russian version of the Engagement with Beauty Scale: the multitrait-multimethod model // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2017. V. 14. №1. P. 7–21.
- Stitelmann J.* Order to deconstruct! // Praise of Poiesis, the Arts and Human Existence – A Festschrift for Stephen K. Levine. Toronto: EGS Press, 2008. P. 59–68.

Aesthetic experience function in the cognitive activity

P. A. Sabadosh (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer,
Institute of Psychology of RAS

The study is devoted to the substantiation and concretization of the harmonizing function of aesthetic experiences in cognitive activity. It is shown that the intellect does not always productively accommodate the conceptual network to an experience, as the former is limited by its already established structure. Aesthetic experience, in which reality is apprehended outside the conceptual-logical norms of rationality, allows to bypass this restriction. The experience obtained in this way facilitates more adequate conceptualization. This function of aesthetic experience, manifested in the removal of logical oppositions, we can designate as a psychic deconstruction.

Keywords: cognitive activity, aesthetic experiences, conceptualization, deconstruction.

«Задатки–способности–ресурсы» в детерминации социальной успешности человека¹

В. А. Толочёк (Москва)

*доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: tolochekva@mail.ru*

Рассматриваются связи задатков, способностей, ресурсов как проявлений единого феномена на разных стадиях онтогенеза. Анализируются контексты научного изучения проблемы, выделяются его «измерения»: 1) возраст; 2) спонтанность/целенаправленность активности; 3) характер деятельности; 4) продукты деятельности; 5) полнота социализации; 6) критерии социальной успешности; 7) эволюция. Констатируется, что «задатки–способности–ресурсы» по-разному обнаруживают себя в зависимости от меры включенности человека как субъекта и как личности в деятельность (трудовую, профессиональную, специализированную) и социальные отношения людей, от продолжительности проявления активности человеком как субъекта своей жизнедеятельности и меры «сопротивления среды». Предполагается, что ресурсы завершает эволюцию феномена «задатки–способности–ресурсы».

Ключевые слова: задатки, способности, ресурсы, успешность, человек, субъект, среда.

Введение

Под *задатками* Б. М. Теплов понимал «врожденные анатомо-морфологические особенности», лежащие в основе развития способностей; под *способностями* – «индивидуальные особенности, которые

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема № 0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

не сводятся к наличным навыкам, умениям или знаниям, но которые могут объяснить легкость и быстроту приобретения этих знаний и навыков» (Теплов, 1985, с. 16). Способности, по Б. М. Теплову, можно описывать как индивидуально-психологические особенности: 1) «отличающие одного человека от другого»; 2) «которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей»; 3) «не сводимые к знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека» (там же, с. 16). Способности проявляются в деятельности, более того, «они создаются в этой деятельности» (там же, с. 20). С предложенной Б. М. Тепловым трактовкой соглашались и другие ведущие отечественные психологи – Б. Г. Ананьев, А. Г. Ковалев, Н. Д. Левитовым, Н. С. Лейтес, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.

В последние два – три десятилетия в зарубежной и в отечественной психологии доминирующей проблемой изучения стала проблема ресурсов, перечень и содержание которых интерпретируется специалистами крайне широко.

Задатки–способности–ресурсы: единство феномена

Сопоставляя контексты обсуждения названных выше тем, выделим важные моменты, указывающие на единство феноменологии при разных проявлениях *задатков, способностей, ресурсов*. Назовем наиболее очевидные из них. 1) *Задатки* понимаются как врожденные анатомо-морфологические особенности человека как индивида; о них говорят в отношении детей младшего возраста. 2) *Способности* связывают с конкретной деятельностью, предлагающей средства и условия их становления и развития; о способностях говорят в отношении детей среднего и старшего возраста; в отношении молодых людей добавляют уточняющую характеристику – «профессиональные способности». 3) *Ресурсы* обсуждаются в отношении лиц зрелого возраста, активно включенных в разные сферы жизнедеятельности, проявляющих целенаправленную активность, сопряженную с высокими психофизиологическими затратами (Богоявленская, 2002; Волкова, 2011; Теплов, 1985; Толочек, 2008, 2009, 2015; Шадриков, 2007; и др.).

Можно различать шесть «измерений» в понимании *задатков, способностей и ресурсов*:

- 1) *Возраст*: рассматриваемые феномены относят к людям разного возраста.

- 2) *Спонтанность/целенаправленность активности*: в отношении задатков систематическое проявление социальной активности необязательно; становление способностей требует систематической и целенаправленной активности; о ресурсах говорят в отношении людей, длительное время включенных в профессиональную деятельность или находящихся в сложной социальной ситуации, сопряженной с необходимостью решения важных социальных задач.
- 3) *Характер деятельности*: для существования задатков не обязательна; способности проявляются в индивидуальной деятельности; ресурсы заявляют о себе в разных формах социальной активности человека, связанной с интенсивными взаимодействиями с другими людьми.
- 4) *Продукты деятельности*: для задатков не актуальны; в отношении способностей рассматриваются как условные и косвенные (учебная успеваемость, быстрота и легкость освоения деятельности и т. п.); тема ресурсов появляется, когда люди заняты созданием социально ценного продукта.
- 5) *Полнота социализации*: для носителей задатков не требуется; для субъектов способностей – допускается и ограниченная социализация (как спонтанная деятельность, в искусственной среде и пр.); ресурсы адресуют к лицам, продолжительно выполняющим множество социальных ролей.
- 6) *Критерии социальной успешности*: для задатков представлены как априорные ожидания; для способностей – как вероятность успешности в отдельной (индивидуальной) деятельности; для ресурсов – как успешность в профессии, социальная и личностная стабильность.
- 7) *Эволюция*: для задатков не рассматривается; для способностей выступает как полнота реализации в отдельной деятельности; для ресурсов – как наличие ограничений в социальном функционировании.

Внесубъектные, интерсубъектные и интрасубъектные ресурсы

На протяжении XX в. задатки и способности изучались достаточно широко. В данной статье мы кратко обсудим проблему ресурсов.

Ресурсы рассматриваются как феномен, обеспечивающий повышение уровня функционирования человека как личности и как субъекта деятельности, полноту его реализации в разных сферах жизни.

недеятельности. В понятие «ресурсы» включают широкий спектр условий социальной среды – институты социальной поддержки, финансовые возможности семьи, физическое здоровье, образование, особенности саморегуляции, стратегии совладания и пр. *Успешность* человека в разных сферах жизнедеятельности объясняется обращением к дополнительным возможностям, кроме его способностей, знаний, опыта. *Интрасубъектные условия* (принадлежащие субъекту) становятся дополнениями лишь при их своеобразной актуализации; *внесубъектные условия* – при условии их особого использования; *интерсубъектные* – в отдельных взаимодействиях партнеров совместной деятельности.

Относительно содержания феномена ресурсов и механизмов их актуализации возможны три типа объяснений. При первом из них подразумевают *экстенсивное вовлечение средств* решения задач (как правило, рассматриваются лишь интрасубъектные ресурсы); при втором – *мобилизацию возможностей* человека (физических, психических, духовных) в экстремальной ситуации (чаще также имеются в виду интрасубъектные ресурсы в их количественных границах – как ограниченные, возобновляемые, невозобновляемые); при третьем – *актуализацию новых условий внутренней и внешней среды* в процессах реорганизации и становления психических структур.

В первом подходе (типе объяснений) ресурсы трактуются как использование адаптивных возможностей организма и психики человека. К ресурсам относится все, что обеспечивает и поддерживает осознанную целенаправленную деятельность, является доступным «всегда и везде». Феномен рассматривают как экстенсивное вовлечение в деятельность человека его «новых» возможностей. Второй подход характерен для трудов физиологов, врачей и реже – для психологов. Он реализуется при изучении поведения людей, оказавшихся в экстремальных ситуациях (военнослужащих, пожарников, спасателей, жертв техногенных катастроф, вынужденных переселенцев и мигрантов, лиц в состоянии безработицы). Рассматриваются преимущественно их интрасубъектные ресурсы, но уже как ограниченные во времени возможности организма и психики. Превышение «предела» актуализации ресурсов ведет к заболеваниям и гибели человека. Ресурсы понимаются как единичная, экстремальная мобилизация возможностей человека. В третьем подходе феномен «ресурсы» объясняется как актуализация новых условий внутренней и внешней среды, как реорганизация существующих и становление новых психических структур (Толочек, 2009, 2015).

Внесубъектные, intersубъектные и интрасубъектные ресурсы и психические структуры

Содержание ресурсов мы объясняем процессами актуализации и интеграции новых – ранее не вовлеченных – условий внутренней и внешней среды, процессами реорганизации и становления новых психических структур, механизмами становления психологических систем (их дифференциации, интеграции, преобразования, эволюции). Суть третьего типа объяснения феномена заключается в признании: а) качественного преобразования состава и структур психологических систем, управляющих поведением и деятельностью человека (субъекта) в процессах решения задач в данных ситуациях; б) периодических вариативных реорганизаций психологических структур; в) активного взаимодействия человека со средой (окружением), вернее – частью условий среды; г) появления эффектов синергии «внешнего» и «внутреннего»; д) динамичности взаимодействия и уникальных комбинаций внутренних условий субъекта и внешних; е) эволюции психологических систем; ж) рассогласования структур после завершения деятельности; з) наличия как медиаторов, так и блокирующих условий в составе функционирующих систем; и) разрушения функциональных систем в неблагоприятных ситуациях (при чрезмерной сложности задач, неадекватном уровне притязаний и пр.).

Можно предположить, что три понятия «задатки», «способности» и «ресурсы» отражают единый феномен в разных стадиях его развития. В наших работах выделяются три группы ресурсов – интра-, интер- и внесубъектные (Толочек, 2009, 2015) и отмечается, что наименее изученными остаются вопросы *порождения ресурсов вследствие реорганизаций пространства и времени взаимодействий субъектов совместной деятельности* (Толочек, 2015). Подчеркивается, что в качестве ресурсов могут выступать как «внутренние условия» субъекта (по С.Л. Рубинштейну), так и «внешние условия» (условия среды): а) *интрасубъектные* ресурсы есть эффекты становления новых психических структур, обеспечивающих возможность инструментального использования ранее не актуализированных субъектом своих «внутренних условий»; б) *интерсубъектные* ресурсы – эффекты взаимодействия субъектов совместной деятельности; в) *внесубъектные* ресурсы – эффекты взаимодействия индивидуальности человека с условиями социальной среды (например, с типичными условиями родительской и своей семьи, рабочей микросреды, с условия социальной мезо- и макросреды). Ресурсами становятся не сами по себе индивидуальные особенности субъекта (свойства личности, интеллекта, стратегии поведения, стиля дея-

тельности), как и не составляющие социальной среды (социальные институты и др.), но другие, не актуализированные ранее внутренние и внешние условия, не вовлеченные в сложившиеся функциональные системы. В определенной деятельности в конкретных ситуациях «новыми внутренними условиями» субъекта могут выступить особенности интеллекта (например, креативность), характера (например, настойчивость), ценностных ориентаций и пр.

Феномен ресурсов проявляется, когда функционирование психологических (физиологических, биомеханических и пр.) образований, выступающих в качестве *функциональных систем* (по В. Д. Шадрикову), приводит к *становлению новых, более сложных систем*, позволяющих повышать эффективность деятельности и таким образом обеспечивать большую социальную успешность субъекта в данной ситуации посредством согласования и синергии разных условий, в том числе и новых. Механизмами становления новых систем мы считаем *акты активного взаимодействия субъекта со средой* (окружением), когда условия внешней и внутренней среды, первоначально не отраженные в составе функциональных систем субъекта, уже влияют на становление новых систем. За признанием динамичности в становлении функциональных систем следует признание цикличности в их эволюции, их вариативных реорганизаций при изменении внешних условий, решаемых задач, а также внутренних условий субъекта. За признанием эволюции психических структур следует признание естественной завершенности цикла их становления – разрушения системы (при ее длительной не востребованности, после завершения деятельности, при изменении состояния субъекта и пр.). Таким образом, *феномен ресурсов* нужно описывать как *порождение, становление и функционирование новых психологических систем в процессах взаимодействия человека с новыми фрагментами среды* (как «внутренней», так и «внешней»).

Третий тип объяснений феномена ресурсов можно рассматривать как приближение к решению фундаментальной задачи психологии, выделенной С. Л. Рубинштейном, – о психологических механизмах отражения «внешних причин» и их преобразовании во «внутренних условиях». Не абстрагируясь от множества реалий жизнедеятельности человека, вместе с тем, необходимо выделить и уточнить, какие именно условия среды («внешние причины») могут преобразовывать «внутренние условия» человека так, что вследствие этого преобразования они *про-являются* уже в новом качестве – *ресурсов*. Уточним ключевой вопрос: как и почему условия среды, изначально лишь *отражаемые* человеком, изменяют свою «нейтральность», преобразуются, актуализируются в качестве ресурсов?

Заключение

Если предположить, что в цикле проявлений (про-явлений) «*задатки–способности–ресурсы*» имеет место единство феномена, что его проявления зависят от активности человека и ее продолжительности, от актуальных и актуализируемых им условий среды, то темы *задатков* и *способностей* получают новые перспективы их изучения как предпосылок становления *ресурсов*. Вероятно, «*задатки–способности–ресурсы*» по-разному обнаруживают себя в зависимости от меры включенности человека как личности в сложные социальные отношения людей, в зависимости от продолжительности проявления активности человеком как субъектом своей жизнедеятельности и меры «сопротивления среды».

Литература

- Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей. М., 2002.
- Волкова Е. В.* Психология специальных способностей: дифференциально-интеграционный подход. М., 2011.
- Теплов Б. М.* Способности и одаренность // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 15–41.
- Толочек В. А.* Интрасубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2 (40). С. 155–161.
- Толочек В. А.* Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
- Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. М., 2007.

“Assets–abilities–resources” in determining the social success of a person

V. A. Tolochek (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

Relationships of makings, abilities, resources as manifestations of a single phenomenon at different stages of ontogenesis are considered. Contexts of the scientific study of the problem are analyzed; its “dimensions” are distinguished: 1) age; 2) spontaneity/purposefulness of activity; 3) nature

and 4) work products; 5) the fullness of socialization; 6) criteria of social success; 7) evolution. It is stated that “makings–abilities–resources” differently reveal themselves depending on the degree of involvement of a person as a subject and as a person in activity (labor, professional, specialized), in the social relations of people, on the duration of human activity as a subject of his life activity and a measure of “environmental resistance”. It is assumed that the concept of “resources” completes, “closes” the evolution of the phenomenon of “makings–abilities–resources”, that in this bunch it gets new prospects for studying.

Keywords: makings, abilities, resources, success, person, subject, environment.

Могут ли высокие показатели IQ свидетельствовать о дефиците индивидуального интеллектуального ресурса?¹

М. А. Холодная (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией
Института психологии Российской академии наук;
e-mail: kholod1949@yandex.ru*

Принципиальным ограничением тестологического подхода является представление о том, что интеллектуальная одаренность сводится к уровню сформированности когнитивных функций. Рассматриваются особенности психологического статуса детей с высокими и сверхвысокими показателями IQ. Формулируется вывод о том, что высокий IQ может быть индикатором дефицитов развития интеллектуальной сферы, в частности, недостаточной сформированности понятийных способностей как важнейшей части индивидуального интеллектуального ресурса.

Ключевые слова: интеллектуальная одаренность, интеллектуальный ресурс, эффект инверсии развития одаренности, высокий IQ

В последние годы резко возрос интерес к проблеме интеллектуально одаренных детей, в том числе в виде разнообразных практических инициатив, начиная с предложения о массовом выявлении интеллектуально одаренных школьников с помощью тех или иных тестов интеллекта и заканчивая идеей создания в России поименного «федерального реестра одаренных детей». При этом игнорируется то очевидное противоречие, с которым приходится сталкиваться каждому психологу-практику: не всякий одаренный ребенок становится одаренным взрослым человеком, и, в свою очередь, не вся-

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания ФАНО, тема №0159-2014-0005 «Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности».

кий одаренный взрослый был в детстве одаренным ребенком. Иными словами, наблюдается *эффект инверсии* развития одаренности: был одаренным – перестал быть одаренным, не был одаренным – стал одаренным (Холодная, 2011). Данный эффект, на наш взгляд, в значительной мере связан с традицией использования теста интеллекта и показателя *IQ* для оценки меры выраженности интеллектуальной одаренности (и, соответственно, уровня индивидуального интеллектуального ресурса).

Обычно отмечается, что в среднем дети с высокими и сверхвысокими значениями *IQ* составляют 4–5% детской популяции. В рамках идеологии тестологического подхода остальные 95% детей бесперспективны, поскольку их *IQ*, измеренный в условиях одноразового тестирования, находится ниже границы «одаренности» и не может быть повышен никакими образовательными воздействиями в силу своей генетической природы.

Принципиальным ограничением тестологического подхода является представление о том, что интеллектуальная одаренность сводится к уровню сформированности достаточно простых когнитивных функций. Это обстоятельство является одной из причин ненадежности прогноза реальных индивидуальных достижений на основе величины *IQ*. По мнению Д. К. Саймонтона, когнитивные функции являются необходимым, но недостаточным условием реальных достижений: ниже определенного уровня *IQ* достижения маловероятны, но с ростом *IQ* вероятность достижений не растет линейно (Simonton, 2000).

В действительности современные научные взгляды на одаренность и особенности динамики ее проявлений в детском и подростковом возрасте позволяют утверждать, что признаки интеллектуальной одаренности в этом возрасте крайне разнообразны и что одаренных детей в процентном отношении гораздо больше, чем это предполагалось в рамках тестологической концепции одаренности, – до 30% возрастной популяции. Кроме того, описаны разные виды интеллектуальной одаренности, базирующиеся на множестве разных способностей (теория «множества интеллектов» Г. Гарднера; теория компетентности Дж. Равена, предполагающая существование множества видов одаренности, и др.). Наконец, в последние годы продемонстрировано существование «потенциальной» и «скрытой» форм одаренности (Ю. Д. Бабаева). Чтобы избежать ошибок в оценке проявлений интеллектуальной одаренности, необходимо ответить на следующий серьезный вопрос: что стоит за высокими и сверхвысокими значениями *IQ*? С точки зрения сторонников идентификации одаренных детей с помощью тестов интеллекта –

интеллектуальная одаренность (т. е. высокий интеллектуальный ресурс); с альтернативной точки зрения – различные формы нарушения психического развития (т. е. проявления деструкции интеллектуального ресурса).

Рассмотрим некоторые факты, касающиеся особенностей психологического статуса детей с высокими и сверхвысокими значениями IQ.

Во-первых, у одаренных 10-летних детей с высокими значениями IQ (среднее значение – 123) отмечается высокий перепад между уровнем вербального и невербального IQ: в среднем разность этих показателей составляет 18,6 единицы, – сравнительно с 9,7 единицей в стандартизированной выборке детей с нормальным интеллектом (Schiff, Kaufman, Kaufman, 1981). В случае такого перепада могут наблюдаться либо очень высокие значения вербального интеллекта (на фоне низкого невербального), либо очень высокие значения невербального интеллекта (на фоне низкого вербального). В целом большая величина разности между уровнями IQ вербального и IQ невербального интеллекта (вне зависимости от знака) характерна именно для детей с высокими значениями IQ: чем выше IQ, тем больше перепад вербального и невербального интеллекта.

Можно предположить, что дискоординация вербальных и невербальных функций – это косвенный индикатор недостаточной сформированности базового механизма понятийного мышления – способности к обратимому переводу информации с визуального языка на словесно-речевой.

Во-вторых, в выборках детей и школьников по мере повышения величины IQ имеет место уменьшение силы связей между отдельными когнитивными способностями, вплоть до появления отрицательных связей (Facon, 2006; Detterman, Daniels, 1989; Legree, Pifer, Grafton, 1996; и др.). Напомним, что общий интеллект в тестологическом подходе операционализируется как мера тесноты связей между разными способностями. Таким образом, именно в выборке одаренных детей наблюдается снижение проявлений «общего интеллекта».

Объяснения этого эффекта могут быть разными. В частности, ослабление корреляций между разными способностями и тем более появление отрицательных корреляций в выборках с высоким IQ может свидетельствовать либо о перераспределении индивидуального интеллектуального потенциала и специализации отдельных видов интеллектуальной деятельности (Ушаков, 2003), либо о низком уровне интеграции различных когнитивных функций в системе интеллекта, связанном с недостаточной сформированностью понятийного мышления (Холодная, 2012). Однако как чрезмерная

специализация, так и низкая интеграция разных видов когнитивных способностей свидетельствуют о снижении индивидуального интеллектуального ресурса.

В-третьих, школьники с высокими и сверхвысокими показателями *IQ* достаточно часто испытывают трудности в обучении. Для обозначения этой категории детей было введено понятие «дважды исключительные» (*twice exceptional*), что означает наличие у таких детей, с одной стороны, высокого уровня интеллекта в виде *IQ*, с другой стороны – трудностей в обучении вплоть до неспособности усвоить чтение, арифметику и другие школьные предметы (Щебланова, 2008; и др.). Низкая успешность обучения в сочетании с высоким *IQ* говорит о том, что важные ресурсы интеллектуального развития, связанные с усвоением знаний и умственных навыков, остаются за границами показателей тестов интеллекта. К таким ресурсам относятся имплицитная и эксплицитная обучаемость, которые во многом определяются уровнем развития понятийных способностей ученика.

В-четвертых, у детей с высоким *IQ* отмечается целый ряд личностных проблем – эмоциональная неуравновешенность и повышенная эмоциональная впечатлительность, чрезмерный перфекционизм в сочетании с завышенной самооценкой, неготовность противостоять препятствиям, конфликтные отношения со сверстниками (такие дети крайне редко становятся лидерами в своей дворовой или учебной группе) и т. д. Наличие таких психологических проблем, по-видимому, связано с нарушением механизмов произвольной и произвольной психической саморегуляции. Поскольку способность к саморегуляции в детском и особенно подростковом возрасте, согласно Л. С. Выготскому, связана с уровнем сформированности понятийного мышления, то можно предположить, что при высоком *IQ* может иметь место дефицит понятийных способностей и как результат – недостаточная сформированность механизмов саморегуляции.

Таким образом, у части детей и подростков с высокими и сверхвысокими значениями *IQ* может иметь место недостаточная сформированность понятийных способностей. Аналогичный вывод был сделан при изучении интеллектуально одаренных подростков. В зависимости от уровня и типа интеллекта, с которым они вступили в подростковый возраст (7 класс), были выявлены два варианта личностного развития. Если у одаренных подростков было полноценно сформировано понятийное мышление, то в дальнейшем наблюдались успешное становление базовых когнитивных операций, а также интенсивное интеллектуальное и гармоничное личностное развитие. В противном случае происходило торможение интеллектуального и искажение личностного развития, наблюдались деста-

билизация эмоционального состояния и формирование негативных коммуникативных установок (Ясюкова, Белавина, 2010).

Неудивительно, что Д. К. Саймонтон, отмечая, что сверхвысокий показатель *IQ* может быть помехой для человека, сделал вывод, что высокий интеллект – это «плохая вещь» (Simonton, 2000). Это парадоксальное утверждение легко объяснить. Традиционные тесты интеллекта, включая наиболее известные шкалы (Векслера, Амтхауэра), являются достаточно надежными инструментами для диагностики уровня сформированности определенных когнитивных способностей. Тем не менее, они не отвечают критерию валидности по отношению к механизмам интеллектуальной одаренности, которая не может быть сведена ни к набору когнитивных способностей, ни тем более к какой-либо одной когнитивной способности. Соответственно, высокий *IQ* может быть индикатором дефицитов развития интеллектуальной сферы, поскольку он не отражает другие базовые составляющие индивидуального интеллектуального ресурса, – в частности, понятийные (прежде всего, концептуальные, или порождающие) способности.

Понимание роли особых механизмов интеллектуальных возможностей человека, которые были проигнорированы в тестологическом подходе, вынудило некоторых авторов полностью пересмотреть традиционный взгляд на проблему интеллекта. Так, Дж. Браун и Е. Лангер ввели понятие «осмысленности» (*mindfulness*), противопоставляя его традиционному понятию «интеллект». Осмысленность – это состояние, в котором субъект способен строить ментальные репрезентации специфического типа: он открыт восприятию привычной информации в новом свете, чувствителен к контексту и тонким деталям, способен создавать новые категории, имеет представление о множестве возможных перспектив какой-либо ситуации, отличается вариативностью способов мышления и т. д. (Brown, Langer, 1990). Очевидно, что в данном подходе на первый план выходит особый вид понятийных способностей – способность к специфической форме концептуализации происходящего.

Итак, если вернуться к природе эффекта инверсии развития интеллектуальной одаренности от детства к взрослости, то одно из его объяснений заключается в следующем: одаренные дети «не превращаются» в одаренных взрослых потому, что в детстве они ошибочно были идентифицированы как одаренные в силу чрезмерного доверия к их *IQ* (в частности, в ряде случаев за высокими показателями *IQ* может скрываться дефицит понятийных способностей, который обуславливает регрессивный тип интеллектуального развития). В свою очередь, обычные дети «превращаются» в одаренных

взрослых, так как они на самом деле имели высокий уровень интеллектуальных ресурсов (прежде всего, за счет понятийных способностей), который в их детские годы был «пропущен» из-за недостаточной чувствительности тестов интеллекта.

Литература

- Ушаков Д. В. Интеллект: Структурно-динамическая теория. М., 2003.
- Холодная М. А. Эволюция интеллектуальной одаренности от детства к взрослости: эффект инверсии развития // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 69–78.
- Холодная М. А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М., 2012.
- Щебланова Е. И. Неуспешные одаренные школьники. Обнинск, 2008.
- Ясюкова Л. А., Белавина О. В. Роль интеллектуальных способностей в становлении личности подростка // Вестник РГНФ. 2010. № 3. С. 150–164.
- Brown G., Langer E. Mindfulness and intelligence: A comparison // Educational Psychologist. 1990. V. 25. № 3–4. P. 305–335.
- Detterman D. K., Daniels D. Correlations of mental tests with each other and with cognitive variables are highest for low IQ groups // Intelligence. 1989. V. 13. P. 349–359.
- Facon B. Are correlations between cognitive abilities highest in low-IQ groups during childhood? // Intelligence. 2006. V. 34. P. 375–386.
- Legree P. I., Pifer M. E., Grafton F. C. Correlation between cognitive abilities are lower for higher ability group // Intelligence. 1996. V. 23. P. 45–57.
- Schiff M. M., Kaufman A. S., Kaufman N. L. Scatter analysis of WISC-R profiles for learning disabled children with superior intelligence // Journal of Learning Disabilities. 1981. V. 14. № 7. P. 400–404.
- Simonton K. D. Genius and giftedness: Same ore different // International handbook of giftedness and talent / Ed. by K. Heller et al. Amsterdam, 2000. P. 111–121.

Can high indicators of IQ mean deficiency of individual intellectual resource?

M. A. Kholodnaya (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of laboratory,
Institute of Psychology of RAS

The principal limitation of the test approach is the idea that intellectual giftedness is identified and reduced to the level of the formation of cogni-

tive functions. In the article features of the psychological status of children with high and super high *IQ* values are considered. The conclusion is drawn that a high *IQ* can be an indicator of developmental deficits in the intellectual sphere, in particular, the insufficient formation of conceptual abilities as the most important part of an individual intellectual resource.

Keywords: intellectual giftedness, intellectual resource, the effect of inversion in development of giftedness, high *IQ*.

Раздел VII

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ РЕЧИ И ДИСКУРСА

Метафоры научного психологического дискурса

К. И. Алексеев (Москва)

кандидат психологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: const_al@mail.ru

Анализируются такие метафоры научного психологического дискурса, как «психологические законы», «психологические механизмы», «внутренний мир» (внутренняя сущность). Метафора «психологические законы» акцентирует всеобщность знания; метафора «психологические механизмы» – неизменность изучаемой реальности; метафора «внутренний мир» (внутренняя сущность) – ненаблюдаемость психических явлений. Сформулированы положения о возможности использования альтернативных метафор в научном психологическом дискурсе – например, отказ от механистической метафоры и замена ее на организмическую («психологическая организация»); отказ от помещения сущностей внутрь вместилищ и выведение их наружу.

Ключевые слова: метафора, научный дискурс, психологические законы, психологические механизмы, внутренняя сущность.

Постановка проблемы

Семантическая функция для метафоры (метафора как средство мышления) выделяется только в XX в., начиная с работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (Лакофф, Джонсон, 2004¹). Авторы утверждают, что «процессы человеческого мышления во многом метафоричны» (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27), и делают акцент на процессах мышления при определении метафоры: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» (там же). В дальнейшем был накоплен большой материал в исследованиях метафо-

1 Первое издание книги на английском языке вышло в 1980 г.

ры как средства мышления в разных видах дискурса, в том числе и в научном. Здесь мы рассмотрим такие метафоры научного психологического дискурса, как «психологические законы», «психологические механизмы», «внутренняя сущность».

Метафоры научного психологического дискурса

Метафора «психологические законы» сконструирована по образцу метафор «физические законы», «химические законы», «биологические законы» и т. д. Исторически первой является, по-видимому, метафора «физические законы»; к тому же именно в физике количество законов велико по сравнению с другими науками. Эта метафора использовалась по отношению к конкретным научным результатам и отраслям знания: закон Архимеда, закон Бойля–Мариотта, законы Ньютона и закон всемирного тяготения, закон Кулона (физические законы); закон сохранения массы, периодический закон, закон Авогадро (химические законы); биогенетический закон, законы Менделя, закон гомологических рядов в наследственной изменчивости (биологические законы). В психологии тоже есть свои законы: закон Вебера–Фехнера, закон Йеркса–Додсона, закон Эммерта. Отметим, что эта метафора была распространена в научном дискурсе до XX в. – в современной науке она уже не используется: о новых знаниях уже не говорят в терминах закона.

Однако метафора психологических законов широко распространена в дискурсе прикладной и популярной психологии. Назовем здесь психологические законы управления (закон неопределенности отклика, закон неадекватности взаимного восприятия, закон неадекватности самооценки, закон искажения информации, закон самосохранения, закон компенсации), 25 законов управления людьми, 39 законов управления собой, 31 закон карьерного роста, 7 духовных законов процветания, психологические законы Грэйс и т. д.

Чем же объясняется факт отсутствия метафоры психологических законов в современном научном дискурсе, но использование ее в дискурсе прикладной и популярной психологии? В прямом и буквальном смысле этого слова закон – установленные государственной властью общеобязательные правила (Ожегов, Шведова, 1996, с. 203). И хотя законы являются обязательными для исполнения (за их нарушение предусматривается ответственность), сами они могут устанавливаться и изменяться по усмотрению и произволу органов власти. Психологические законы также устанавливаются по усмотрению их авторов. И если в науке существуют строгие правила и процедуры обоснования знания, то в прикладной и особен-

но в популярной психологии такая строгость отсутствует. Вместе с тем метафора закона придает дискурсу популярной психологии оттенок наукообразия, что является дополнительным средством воздействия на читателя.

Рассмотрим теперь *метафору «психологические механизмы»*. Она широко распространена в научном психологическом дискурсе. Приведем лишь несколько примеров, где она фигурирует в названиях монографий, диссертаций и статей: «Психологические механизмы мотивации человека», «Психологические механизмы научного мышления», «Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов», «Психологические механизмы развития креативности личности», «Психологические механизмы криминальной агрессии», «Психологические механизмы возникновения и коррекции внушенных детских страхов» и т. п. Эта метафора также распространена и в дискурсе прикладной психологии: «Психологические механизмы влияния на личность в культуре», «Психологические механизмы психотерапии: смысл, как общее поле значений», «Археология детства. Психологические механизмы семейной жизни», «Духовно-психологические механизмы преодоления страха смерти у воинов» и т. п.

Во всех этих и им подобных случаях термин «механизм» используется для обозначения некоторых объяснительных конструктов каких-либо явлений – в этом плане «механизм» относится к сущностям того же рода, что и теория, концепция, модель и т. п. (т. е. к некоторым теоретическим сущностям, призванным объяснять наблюдаемые явления). Такое переносное значение слова «механизм» вошло в язык. В словаре Ожегова содержатся следующие его определения: «Система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности (государственный механизм); последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление (механизм кровообращения)» (Ожегов, Шведова, 1996, с. 346).

Подчеркивая устойчивость, с которой действие механизма приводит к определенному результату. В. Ф. Спиридонов отмечает еще одну особенность психологического механизма – независимость его работы от сознания и сознательного контроля: «Ни сознательное управление со стороны человека, ни даже знание им о существовании психологических механизмов для их успешной работы обычно не требуются» (Спиридонов, 2006, с. 18). В этом смысле психологический механизм похож на некоторый модуль психики (по Дж. Фодору), для которого характерны, в частности, специфичность относительно определенного материала, принудительный характер работы, локальность результата (см: Спиридонов, 2006, с. 19).

Причем все эти характеристики относятся к особенностям функционирования реальных механизмов. Отметим еще одну особенность, которая обычно не попадает в поле зрения исследователей: механизмы конструируются человеком, который создает их для достижения нужных ему целей. Человек как конструктор механизмов также может вносить в них разного рода изменения и дополнения; сами же механизмы не могут меняться без участия человека-конструктора (если, конечно, не считать изменением поломку – но такое изменение оценивается как выход из строя, влекущее за собой необходимость починки и наладки механизма, но не его какое-то развитие).

Такой аспект использования метафоры механизма в научном психологическом дискурсе можно оценить, на наш взгляд, двояко. С одной стороны, эта метафора подчеркивает конструктивистский характер научного исследования: ученый сам создает и конструирует объяснительные сущности (теории, концепции, модели и т. п.), а не обнаруживает и не открывает их в изучаемой реальности. С другой стороны, неизменность механизма, как и вообще механистический взгляд на мир, вступает в противоречие с природой изучаемой психологией реальности (человек, его психический мир и поведение, которые меняются и развиваются с течением времени). Поэтому имеет смысл отказаться от использования механистической метафоры в психологии и заменить ее на организмическую, т. е. на метафору организма и организации. Тогда соответствующие примеры приобретут совсем другое звучание: «психологическая организация мотивации человека», «психологическая организация научного мышления», «психологическая организация функционирования системы личностных смыслов», «психологическая организация развития креативности личности» и т. п. С одной стороны, при использовании метафоры организма и организации сохранен конструктивистский аспект деятельности психолога-исследователя (поскольку именно он организует и упорядочивает соответствующие явления), с другой же, изучаемая реальность представлена как процессы и явления, которые могут изменяться и трансформироваться естественным образом с течением времени (как это происходит с организмами, но не с механизмами).

Перейдем теперь к рассмотрению *метафоры внутренней сущности*. В психологии эта метафора проявляется в локализации психических процессов, состояний и структур внутри организма человека, «за поверхностью кожи» (Леонтьев, 1977, с. 48) или «под поверхностью кожи» (Асмолов, 2007, с. 407). Такая локализация является традиционной для психологии; она сразу появляется в учебниках при определении психических явлений: «Специфический круг

явлений, которые изучает психология, выделяются отчетливо и ясно – это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т. п. – все то, что составляет *внутреннее* содержание нашей жизни...» (курсив наш. – К. А.) (Рубинштейн, 1999, с. 10); «Под психическими явлениями обычно понимают факты *внутреннего*, субъективного опыта. Что такое *внутренний*, или субъективный, опыт? Вы сразу поймете, о чем идет речь, если обратите взор „*внутрь* себя“. Вам хорошо знакомы ваши ощущения, мысли, желания, чувства. Вы видите это помещение и все, что в нем находится; слышите, что я говорю, и пытаетесь это понять; вам может быть сейчас радостно или скучно, вы что-то вспоминаете, переживаете какие-то стремления или желания. Все перечисленное – элементы вашего *внутреннего* опыта, субъективные или психические явления» (курсив наш. – К. А.) (Гиппенрейтер, 1997, с. 18–19).

Истоки метафоры внутренней сущности восходят к Аристотелю и связаны с его концепцией сущности вещи. Полемизируя с Платоном, помещавшим идею вещи в особый мир идей, радикально отличающийся от мира вещей, Аристотель помещает идею вещи в саму вещь, внутрь вещи. Вот как пишут об этом А. Ф. Лосев и А. А. Тахо-Годи: «...самым главным для Аристотеля было именно пребывание идеи вещи *в самой же* вещи, функционирование идеи вещи *внутри* самой же вещи, то есть всякое отсутствие разрыва между тем и другим и отсутствие какого бы то ни было дуализма. Этот тезис о пребывании идеи вещи *внутри* самой же вещи есть то основное и принципиальное, в чем заключается аристотелизм и его отличие от платонизма. И это есть то, в чем Аристотель разошелся с Платоном и его школой» (курсив наш. – К. А.) (Лосев, Тахо-Годи, 2005, с. 300). Применительно к психологии концепция Аристотеля выразилась в том, что душа как идея тела помещается в само тело, внутрь тела. Впоследствии, при переходе от психологии души к психологии сознания, метафора внутренней сущности сохраняется. Вот как пишет об этом А. Н. Ждан, излагая взгляды Р. Декарта: «Психика стала пониматься как *внутренний* мир человека, открытый самонаблюдению» (курсив наш. – К. А.) (Ждан, 1990, с. 76). При этом начиная с Декарта утверждается дуализм двух субстанций – протяженной (тело) и мыслящей (сознание, психика).

Основания для использования метафоры внутренней сущности применительно к психическим явлениям очевидны: в отличие от поведения, психика недоступна для внешнего наблюдения. А раз так, то можно поместить ее внутрь организма – ведь внутренние органы тоже недоступны внешнему наблюдению. При этом сохраняется метафоричность такой локализации, поскольку, в отличие

от внутренних органов, психику нельзя обнаружить внутри организма. Именно ненаблюдаемость психических явлений порождает проблему их локализации, которая разрешается с помощью метафоры внутренней сущности.

Тем не менее, на наш взгляд, совершенно необязательно «прятать» ненаблюдаемые сущности внутрь явления: они могут быть и внешними по отношению к нему. Так, сущность человека может быть помещена не внутрь него, а снаружи – мы будем придерживаться именно такого разрешения проблемы локализации психических явлений. В связи с этим обратим внимание на альтернативные концепции психики, в которых метафора внутренней сущности не является определяющей, а картезианский дуализм преодолевается. И в первую очередь, здесь надо назвать теории, развитые в советской психологии, которые опирались на шестой тезис Маркса о Фейербахе: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 3). Тем не менее, такая внешняя по отношению к человеку локализация его сущности не отменяла существование внутреннего мира, который появлялся в результате интериоризации, т. е. перевода внешних сущностей (знаки, деятельность) во внутренний план (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин и др.). Идея интериоризации также опирается на известное положение Маркса: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 21).

В заключение упомянем еще один вариант метафоры внутренней сущности, в котором она используется применительно не к локализации психических явлений внутри организма человека, а к локализации значений слов внутри самого слова. Как показал М. Редди (Reddy, 1993), в естественном языке применительно к коммуникации используется составная метафора канала связи (*conduitmetaphor*), которую он сформулировал следующим образом:

«Идеи (или значения) – это объекты;

Слова – это вместилища;

Коммуникация – это передача (отправление)» (Reddy, 1993, p. 170).

Иными словами, говорящий помещает свои мысли и чувства в слова и отправляет их по каналу связи слушающему, который снова извлекает эти мысли и чувства из слов. Вот несколько примеров, иллюстрирующих использование этой метафоры: «Мне трудно облечь мои мысли в слова»; «Смысл заключен как раз в этих словах»; «Я подал вам эту мысль»; «Ваши доводы дошли до нас».

Основание для использования метафоры внутренней сущности относительно значений слов ровно такое же, как и для психических явлений – это их ненаблюдаемость. Однако, как мы видели на примере выведения сущности человека изнутри наружу у К. Маркса, ненаблюдаемыми могут быть и внешние по отношению к объекту сущности; совершенно необязательно «прятать» их внутрь. Поэтому можно поставить вопрос об альтернативных концепциях языка, не использующих метафору внутренней сущности. Подробный анализ этой проблематики, однако, выходит за пределы настоящей работы. Здесь мы только обозначили проблему локализации психических явлений, следующую из их ненаблюдаемости, и сформулировали тезис о необходимости преодоления в психологии метафоры внутренней сущности (внутреннего мира человека) и выведения этих внутренних сущностей наружу.

Заключение

Таким образом, метафора «психологические законы» акцентирует всеобщность знания; метафора «психологические механизмы» – неизменность изучаемой реальности; метафора «внутренний мир» (внутренняя сущность) – ненаблюдаемость психических явлений. Вместе с тем в научном психологическом дискурсе существует возможность использования и альтернативных метафор – например, отказ от механистической метафоры и замена ее на организмическую («психологическая организация»); отказ от помещения сущностей внутрь вместилищ и выведение их наружу. Отметим, что такое изменение научного психологического дискурса представляет собой естественный процесс (наподобие эволюции), что может требовать неопределенного количества времени (и к тому же может вообще не состояться). Не исключен также вариант отказа от каких-либо метафор (механистических, организмических и др.) и расширение дискурса собственно теоретического уровня (теория, концепция, модель и т. д.).

Литература

- Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
- Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. М., 1997.
- Ждан А. Н. История психологии. М., 1990.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 2005.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
- Спирidonov В. Ф. Функциональная организация процесса решения мыслительной задачи: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2006.
- Reddy M. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language about Language // *Metaphor and Thought* / Ed. by A. Ortony. 2nd ed. Cambridge, 1993. P. 164–201.

Metaphors in scientific psychological discourse

K. I. Alekseev (Moscow)

Candidate of psychological sciences, associate professor
of Russian state university for the humanities

Such metaphors of scientific psychological discourse as “psychological laws”, “psychological mechanisms”, “inner world” (an internal essence) are analyzed. Metaphor “psychological laws” accents generality of knowledge; metaphor “psychological mechanisms” – invariance of studied reality; metaphor “inner world” (an internal entity) – not observability of the mental phenomena. Regulations on a possibility of use of alternative metaphors in a scientific psychological discourse are formulated – for example, refusal of a mechanistic metaphor and its replacement on organismic (“the psychological organization”); refusal of a metaphor “internal essence” and bringing out mental phenomena.

Keywords: metaphor, scientific discourse, psychological laws, psychological mechanisms, internal essence.

Организация повседневного студенческого дискурса

*В. А. Афиногенова**, *Н. Д. Павлова*** (Москва)

** кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник
Института психологии РАН e-mail: viktoriyamail87@mail.ru*

*** доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии
речи и психолингвистики Института психологии РАН;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru*

Представлены результаты эмпирического исследования интенциональной организации повседневного студенческого дискурса. С использованием метода интент-анализа описаны 58 повседневных диалогов студентов (= 29 реплик, $min=5$, $max=195$): юношей ($N=6$) и девушек ($N=28$) в возрасте 17–21 года, которые обучались в одной группе и были хорошо знакомы друг с другом. Охарактеризованы актуальные интенции коммуникантов, выделены ведущие интенциональные направленности дискурса, описано его интенциональное пространство. Проведено сопоставление интенциональной организации повседневного студенческого дискурса с другими видами дискурса, выявлена его интенциональная специфика.

Ключевые слова: повседневный студенческий дискурс, диалог, ведущие интенциональные направленности дискурса, интенции собеседников, интент-анализ.

Постановка проблемы

Стремительное развитие технических средств коммуникации, расширение возможностей опосредованного речевого общения, происходящие в последние десятилетия, обуславливают возрастающий интерес к проблеме эффективности вербальной коммуникации. Значительное продвижение в изучении этой проблемы связано с формированием коммуникативного подхода, в русле которого проводятся междисциплинарные теоретические и эмпирические исследования

дискурса. Одним из ключевых направлений этих исследований является изучение интенционального аспекта дискурса. Интенции образуют психологическую основу дискурса и во многом обуславливают его характер. На основе метода интен-анализа (Павлова, Гребенщикова, 2017) активно исследуются интенциональные особенности массмедийного, научного, семейного, психотерапевтического и других видов дискурса (Зачесова, Гребенщикова, 2014; Григорьева, Павлова, 2012; Кубрак, 2007; Ушакова и др., 2000; и др.). Однако повседневный студенческий дискурс специальному изучению с этих позиций не подвергался.

Эмпирическое исследование интенциональной организации повседневного студенческого дискурса

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей интенциональной организации повседневного студенческого дискурса. Были поставлены задачи выявления актуальных интенций субъектов общения и их иерархии, а также сопоставления полученных данных с результатами исследования других видов дискурса.

Высказана *гипотеза* о том, что повседневный студенческий дискурс имеет особые интенциональные характеристики, что обусловлено спецификой коммуникативной ситуации.

Объектом исследования выступали повседневные диалоги студентов в перерывах учебных занятий. Было записано и транскрибировано 58 диалогов средней продолжительностью 29 реплик ($n=1659$ реплик, $\min=5$, $\max=195$). В разговорах принимали участие от 2 до 11 собеседников.

Выборку исследования составили студенты 3–4 курсов факультета психологии ГАУГН, обучавшиеся в одной группе и хорошо знакомые друг с другом. В исследовании приняло участие 34 человека: 6 юношей и 28 девушек в возрасте от 17 лет до 21 года (средний возраст – 18,7 года).

Процедура и методы исследования

При сборе эмпирического материала производилась запись диалогов методом «скрытого диктофона» (Земская, 1978) с последующим транскрибированием по методике Аткинсона–Херитаджа с дополнениями Китайгородской–Розановой (Китайгородская, Розанова, 2005; Atkinson, Heritage, 1984). При анализе речевого материала для выявления интенционального содержания речи с учетом социально-психологического контекста был использован метод ин-

тент-анализа (Павлова, Гребенщикова, 2017). Для статистической обработки данных использован программный пакет Statistica 6.0, способы непараметрического анализа данных. Для анализа результатов экспертной оценки применены коэффициент согласованности Флейса для номинальных переменных и статистика отношения шансов.

Результаты исследования

Интен-анализ повседневного студенческого дискурса выявил 53 интенциональные категории. Разработан словарь, в котором очерчивается содержание каждой категории, приводятся примеры ее речевого проявления, количественные показатели выраженности, а также дифференциальные признаки, разграничивающие сходные категории между собой (Афиногорова, Павлова, 2016а, 2016б).

Проведена экспертиза данных интен-анализа, которая показала, что эксперты работали согласованно, данные ими оценки не случайны (χ -критерий=0,41, $p=0,002$) и с высокой вероятностью совпадают с результатами интен-анализа ($w=7,1$; станд. ошибка $w=3,34$ при $p=0,02$). Это свидетельствует о валидности процедуры интен-анализа и надежности полученных результатов.

Выделенные категории интенций иерархически соподчинены и образуют 8 ведущих интенциональных направленностей (ВИН) дискурса: побудить к действию («дать указание», «настоять» и др.); побудить к общению, обсуждению («поинтересоваться», «узнать мнение» и др.); поддержать общение, обсуждение («уточнить», «сообщить» и др.); поддержать партнера и его действия («похвалить», «успокоить», «помочь» и др.); уклониться, возразить, не поддержать («отклонить», «уйти от ответа» и др.); изменить мнение партнера («убедить», «скорректировать» и др.); выразить отношение, состояние («упрекнуть», «выразить недовольство», «выразить радость» и др.); проявить или охарактеризовать себя («выразить свое мнение», «похвастаться» и др.). Выявлены значимые различия между ВИН (коэффициент χ^2 -Пирсона, $p<0,01$), что указывает на статистическую обоснованность их выделения и качественную специфику каждой направленности.

Как показывает рисунок 1, в повседневном студенческом дискурсе преобладают ВИН «поддержать общение, обсуждение» (39,2% общего числа реализованных интенций), ВИН «побудить к общению, обсуждению» (15,8%), ВИН «выразить отношение, состояние» (11,6%) и ВИН «уклониться, возразить, не поддержать» (9,5%) (φ -критерий, $p<0,001$). Примерно в равных долях в материале представ-

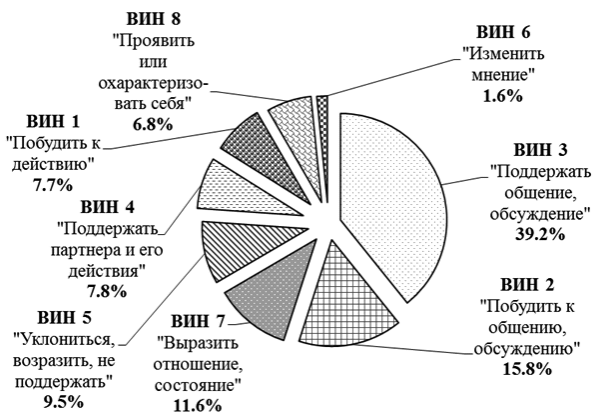

Рис. 1. Выраженность ведущих интенциональных направленностей повседневного студенческого дискурса (в % от общего количества выявленных интенций, $n=2299$)

лены ВИН «поддержать партнера и его действия» (7,8%), ВИН «побудить к действию» (7,7%) и ВИН «проявить или охарактеризовать себя» (6,8%) (φ -критерий, $p>0,2$). Наименее частотной оказалась ВИН «изменить мнение» – 1,6% (φ -критерий, $p<0,001$).

Преобладание ВИН «поддержать общение, обсуждение» и ВИН «побудить к общению, обсуждению» отражает приоритетную направленность субъектов на поддержание и развитие коммуникации.

Выраженность в повседневном студенческом дискурсе ВИН «поддержать партнера и его действия» и «уклониться, возразить, не поддержать» демонстрирует актуальную направленность на регуляцию межличностных отношений и поддержание позитивного психологического климата. Проявление собеседниками интенций «уклониться, возразить, не поддержать» в студенческом дискурсе не приводит к острой конфронтации: говорящий не стремится поссориться с партнером или обидеть его, а лишь указывает на имеющиеся разногласия относительно обсуждаемой темы или наличие иной точки зрения. Собеседники демонстрируют нацеленность на поддержание дружеских отношений, что указывает на неконфликтность этого вида дискурса.

Еще одной отличительной особенностью дискурса этого вида выступает его эмоциональная экспрессивность и непринужденный характер, на что указывает значительная выраженность и разнообразие интенционального состава ВИН «выразить отношение, состояние». Субъекты общения стремятся показать свое отношение

к происходящему или обсуждаемому в диалоге, рассказать собеседнику о своем внутреннем состоянии, поделиться впечатлениями.

ВИН «изменить мнение партнера» обнаруживается в повседневном студенческом дискурсе достаточно редко: намерение повлиять на мнение другого не относится в этом виде дискурса к числу основных и проявляется в связи с другими устремлениями собеседников. Это отличает его, например, от повседневного семейного дискурса, где доля одноименной направленности велика и состав ее более разнообразен (Гребенщикова, Зачесова, 2014).

Специфика анализируемого вида дискурса обнаруживается также в том, что в нем не проявляется, к примеру, такая направленность повседневного семейного дискурса, как «выступить против партнера». В то же время присущая семейному общению ВИН «поддерживать отношения с партнером» близка по составу с выделенными в студенческом дискурсе ВИН «выразить отношение, состояние» и «проявить или охарактеризовать себя» («поделиться», «пожаловаться», «выразить мнение» и др.). Примечательна, однако, значительная выраженность названных направленностей студенческого дискурса, указывающая на его повышенную экспрессивность и свойственную возрасту потребность заявить о себе. Для повседневного студенческого дискурса не характерно проявление выраженных вариантов конфронтации: собеседники стараются избегать конфликтных ситуаций и возможного ухудшения межличностных отношений. В семейном дискурсе такие проявления допустимы: обнаруживаются столкновение интересов партнеров, стремление переубедить собеседника, склонить его на свою сторону (там же). В этом случае собеседниками выступают близкие люди, которые хорошо знают особенности партнера и не обижаются друг на друга. Повседневный семейный дискурс направлен на регуляцию повседневной жизни семьи и развитие отношений между близкими людьми, в то время как в исследуемом дискурсе прослеживается направленность на процесс общения, обсуждение актуальных тем, а также на регуляцию отношений коммуникантов.

В сопоставлении с диалоговыми формами других видов дискурса особенности анализируемых материалов высвечиваются особенно ярко. Так, в числе ведущих направленностей предвыборных теледебатов – оказание воздействия, критика и разоблачение оппонентов, анализ ситуации (Григорьева, Павлова, 2012; Ушакова и др., 2000), которые в повседневном студенческом дискурсе не выражены. Для дискурса психологического консультирования характерны направленности клиента на получение помощи, самооправдание, обвинение (Кубрак, 2007). Сравнение с этими данными обнаружи-

вает, что из типовых направленностей субъекта общения: на себя, на партнера, на окружающую действительность, – в повседневном студенческом дискурсе преобладает направленность на партнера и коммуникацию (побудить к действию или обсуждению, поддержать, изменить мнение, возразить).

Полученные данные говорят о гибкости и непринужденности разговорной коммуникации в студенческой среде. В отличие от таких высоко структурированных видов дискурса, как интервью или выступление политиков, повседневный студенческий дискурс не имеет формальных ограничений (статус партнера, его социальная роль и т. п.) и характеризуется высокой контекстной обусловленностью, наличием множества локальных целей, которые, как правило, не отличаются устойчивостью.

Заключение

Интеннт-анализ повседневного студенческого дискурса выявил 53 категории интенций, формирующие 8 качественно специфичных ведущих интенциональных направленностей (ВИН) дискурса: побудить к действию; побудить к общению/обсуждению; поддержать общение/обсуждение; поддержать партнера и его действия; уклониться, возразить, не поддержать; изменить мнение партнера; выразить отношение/состояние; проявить или охарактеризовать себя.

Обнаружены две приоритетные направленности студенческого дискурса: поддержание и развитие коммуникации, а также регуляция межличностных отношений. Вместе с тем анализируемый вид дискурса отличается эмоциональной экспрессивностью и неконфликтностью. Он не имеет формальных ограничений (статус партнера, его социальная роль и т. п.), что придает ему непринужденный характер.

Проведенное исследование положило начало изучению повседневного студенческого дискурса, в частности, его интенциональных оснований. Выявлены актуальные интенции коммуникантов, их иерархическая соподчиненность и преобладающие интенциональные направленности. Осуществленный анализ способствует конкретизации представлений о видах дискурса, что является одной из актуальных задач современных дискурсивных исследований.

Литература

Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Интенциональные категории повседневного дискурса в студенческой среде // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности /

- Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2016а. С. 102–130.
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д.* Метод интент-анализа: проблема интенциональных категорий // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барбанщиков. М., 2016б. С. 718–724.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М., 2014.
- Григорьева А. А., Павлова Н. Д.* Взаимосвязь интенциональных характеристик масс-медийного дискурса и используемых в нем приемов речевого воздействия // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М., 2012. С. 163–178.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 2005.
- Кубрак Т. А.* Интенциональная модель психотерапевтического дискурса // Языковое сознание: парадигмы исследований / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.–Калуга, 2007. С. 284–297.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М., 2017.
- Русская разговорная речь. Тексты* / Под ред. Е. А. Земской, Л. А. Капанадзе. М., 1978.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Латынов В. В., Алексеев К. И., Цепцов В. А.* Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000.
- Atkinson J. M., Heritage J.* Structures of Social Action: Studies in Conversation analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Organization of everyday student discourse

V. A. Afinogenova, N. D. Pavlova** (Moscow)*

* Candidate of psychological sciences, researcher associate of Institute of psychology of RAS

** Doctor of psychological sciences, Head of laboratory of speech psychology and psycholinguistics, Institute of psychology of RAS

The results of the empirical study of intentional structure of everyday student discourse are presented. Using the method of intent-analysis the authors describe 58 everyday dialogues of students (= 29 turns, $min=5$, $max=195$): men ($N=6$) and women ($N=28$) aged 17 to 21 years studying in one group and well know each other. Actual intentions of communications' subjects, leading intentional directions and intentional organiza-

tion of everyday student discourse in whole are characterized. Comparative analysis of intentional organization of everyday student and other discourse types is done. As the result peculiarities of everyday student discourse are found.

Keywords: everyday student discourse, dialogue, leading intentional directions, interlocutors' intentions, intent-analysis.

Дискурсивные способности и когнитивный ресурс как факторы разнообразия межличностного общения¹

А. Н. Воронин (Москва)

доктор психологических наук, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: voroninan@bk.ru

В статье рассматривается обусловленность особенностей межличностного общения уровнем развития дискурсивных способностей и мощностью когнитивного ресурса. Показано, что дискурсивные способности определяют изменение характера межличностного общения в направлении моноличностность/диалогичность. Мощность когнитивного ресурса определяет характер межличностного общения по степени понимания «происходящего» в конкретной ситуации и складывающейся ситуации. Предпринята попытка описания различных типов межличностного общения в системе координат: «уровень дискурсивных способностей» и «мощность когнитивного ресурса», позволившая расширить типологию межличностного общения, включив в ее состав фатическое и эллиптическое общение.

Ключевые слова: дискурсивные способности, когнитивный ресурс, межличностное общение.

Дискурсивные способности позволяют человеку эффективно инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. Наличие этого вида способностей обеспечивает достижение эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения, ускоряя процесс выработки стратегии взаимодействия (Воронин, 2015). Дискурсивные способности непосредственно связаны с дискурсом, который характеризуется как речь, «погруженная в жизнь», как «коммуникативное

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00433.

событие в прагматическом контексте», компонент коммуникативного процесса, форма целенаправленного, соотнесенного с контекстом, вербального поведения, обеспеченного сложной системой знаний (Павлова, 2002; Алексеев и др., 2011; Журавлёв, Павлова, 2007; и др.).

Уровень развития дискурсивных способностей определяет особенности коммуникации между людьми. Так, было показано, что эффективность совместной интеллектуальной деятельности при решении творческих задач выше в группах с высоким и низким уровнем дискурсивных способностей. Средний уровень дискурсивных способностей при групповом решении творческих задач является пессимом при оценке эффективности совместной интеллектуальной деятельности (Воронин, 2016). Рассматривая межличностное общение людей с различным уровнем развития дискурсивных способностей, можно ожидать, что его характер будет меняться в направлении монологичность/диалогичность. Отсутствие значимых различий в уровне развития дискурсивных способностей будет способствовать диалогичности общения собеседников при прочих равных условиях. Значимые различия в уровне дискурсивных способностей будут смещать характер общения в сторону монологичности. При этом паттерн общения будет зависеть от специфики ситуации общения и межличностных отношений собеседников. При нейтральном отношении друг к другу вероятнее всего будет наблюдаться какой-либо вариант делового общения с доминированием формальных способов взаимодействия. Негативные отношения собеседников неизбежно приведут к конфликтным взаимодействиям. Обе стороны конфликта будут испытывать непонимание при общении. Сторона с высоким уровнем дискурсивных способностей будет возмущена ригидностью и неадекватностью собеседника, а сторона с низким уровнем развития дискурсивных способностей – ощущать непоследовательность и нелогичность высказываний собеседника. В любом случае общение будет свертываться по инициативе стороны с низким уровнем дискурсивных способностей.

Другим существенным фактором, определяющим межличностное общение, является когнитивный ресурс человека. В самом общем виде когнитивный ресурс определяется через множество когнитивных элементов, которые симультанно используются человеком в процессе переработки сложной информации. Когнитивный ресурс является количественной характеристикой когнитивной системы и отвечает за активное создание многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности (Воронин, Горюнова, 2016). Предполагается, что одной из функций когнитивной системы является порождение и поддержание в активном состо-

янии той части «субъективной реальности», которая представлена в ментальном плане в виде модели, отражающей проблемную ситуацию, в том числе, и ситуацию межличностного общения. В общении, понимаемом как самостоятельная форма активности субъекта, результатом которой являются отношения с другим человеком, с другими людьми (Ломов, 1984), постоянно возникают коммуникативные задачи, от решения которых зависит складывающееся межличностное общение. В самом общем виде мощность когнитивного ресурса будет определять характер межличностного общения по степени понимания «происходящего» в конкретной ситуации, как и самой складывающейся ситуации.

При дефиците когнитивного ресурса симультанно актуализируется множество когнитивных элементов, недостаточное для построения адекватной модели задачи, вследствие чего возникают ошибки: неправильное понимание собеседника, неверное представление о складывающейся ситуации, неадекватные вербальные средства для поддержания коммуникации; появляется необходимость повтора реплик, возникают «неоправданные паузы» по ходу беседы. Возрастает вероятность «блокады» межличностного общения, вследствие чего «беседа заходит в тупик». Индивидуальный когнитивный ресурс может соответствовать требованиям общения, тогда проблем с его поддержанием не возникает. При наличии свободного когнитивного ресурса (избыточного по отношению к требованиям задачи) возможно дивергентное мышление, выход за пределы «заданного поля» общения, появляется возможность использования дополнительной информации и модифицирования общения. Наличие свободного когнитивного ресурса предопределяет полноту и ясность ситуации общения, позволяет прогнозировать развитие беседы, изменять ее направленность, сложность и темп. При рассмотрении особенностей межличностного общения при дефиците/избытке когнитивного ресурса речь идет об определении степени контроля за ситуацией общения.

Собственно, подход к проблеме влияния когнитивных факторов на межличностное общение рассматривался и раньше. Так, было эмпирически верифицировано проявление большей общительности у лиц с низкой понятийной дифференцированностью и высокой полезависимостью. Лица с высокой аналитичностью стремятся к сужению круга общения, а для людей с низкой аналитичностью широкий круг общения является доступным, поскольку они ориентируются преимущественно на стереотипы поведения в той или иной ситуации (Шкуратова, 1994). Было показано, что когнитивно сложные люди имеют более высокий социометрический статус и больший

удельный вес взаимных выборов, чем когнитивно простые. При этом первые более точно прогнозируют ответные симпатии со стороны привлекательных для себя лиц, в то время как вторые реже ошибаются в вероятности отказа от сотрудничества с ними (Южанинова, 1990). Особенности общения когнитивно сложных испытуемых можно соотнести с конвенциональным уровнем общения, который предполагает соблюдение норм и правил, «писанных» и «неписанных» законов, их выделение и различение. При этом для когнитивно простых испытуемых трудности общения в большей степени являются проблемой. Когнитивно сложные испытуемые легче находят общий язык с людьми в процессе общения; в присутствии незнакомых ведут себя более естественно и непринужденно; в большей степени, по сравнению с когнитивно простыми испытуемыми, способны следить за ходом контакта; чаще прибегают к шутке в напряженных ситуациях.

Одной из наиболее дифференцированных и развернутых классификаций межличностного общения является типология С. Д. Братченко, который рассматривал направленность личности в общении как совокупность более или менее осознанных личностных смысловых установок и ценностных ориентаций в сфере межличностного общения, как индивидуальную «коммуникативную парадигму», включающую представление о смысле общения, его средствах, желательных и допустимых способах поведения (Братченко, 1997). Коммуникативная направленность проявляется в форме готовности, с одной стороны, к восприятию воздействий партнера и, с другой стороны, к определенному коммуникативному поведению по отношению к нему. Межличностное общение может происходить принципиально различными способами – по типу межличностного диалога и по типу межличностного монолога. Всего выделено 6 типов межличностного общения: один – на основе диалогической коммуникативной направленности и пять – на основе монологической направленности: авторитарный, манипулятивный, альтеро-центрический, конформный, индифферентный.

Нам представляется, что описанные типы межличностного общения можно расположить в системе координат: «уровень дискурсивных способностей» и «мощность когнитивного ресурса», определив тем самым их влияние на характер особенностей межличностного общения (рисунок 1).

Уровень дискурсивных способностей и когнитивного ресурса предопределяет направленность в межличностном общении и/или накладывает ограничения на характер общения, сводя его к одному из указанных типов.

Высокий уровень дискурсивных способностей

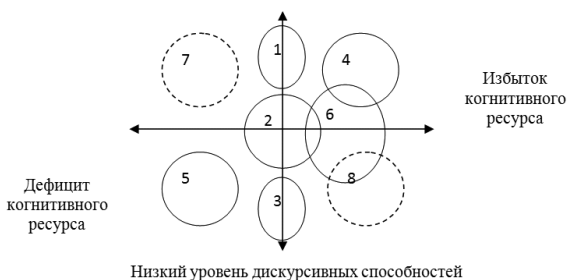

Рис. 1. Типы межличностной коммуникации в зависимости от уровня дискурсивных способностей и когнитивного ресурса.

1 – диалогическая коммуникативная направленность (КН), 2 – авторитарная КН, 3 – альтеро-центрическая КН, 4 – манипулятивная КН, 5 – конформная КН, 6 – индифферентная КН, 7 – фатическое общение, 8 – эллиптическое общение

При диалогической направленности коммуникации необходим средний или высокий уровень дискурсивных способностей для успешного поддержания диалога. Низкие дискурсивные способности будут нарушать естественный ход коммуникации, провоцировать ее прекращение. При этом оптимальным для диалогической направленности следует признать средний уровень когнитивного ресурса, так как его дефицит снизит вероятность понимания сообщений собеседника, а избыток будет провоцировать постоянное снижение интереса к разговору. Низкий уровень дискурсивных способностей и средний уровень когнитивного ресурса будут способствовать сохранению интереса к разговору, но не позволят четко выражать свою точку зрения, что делает направленность коммуникации альтеро-центрической. Низкий уровень когнитивного ресурса и дискурсивных способностей оставляет единственный вариант коммуникации – конформный, предполагающий отказ от равноправия в общении в пользу партнера, ориентацию на подчинение силе авторитета, на «объектную» позицию для себя, на некритическое согласие и избегание противодействия. Избыток когнитивного ресурса и высокий уровень дискурсивных способностей предоставляют человеку определенные преимущества, что позволяет осуществлять различного рода манипуляции по ходу коммуникации. Авторитарная и индифферентная (деловая) направленность возможны при среднем уровне развития дискурсивных способностей и среднем или высоком уровнях когнитивного ресурса. Роднит эти два типа

коммуникации то, что они разворачиваются для достижения некоторой цели, лежащей за рамками собственно коммуникации. Оказать влияние на другого при средних возможностях удастся лишь путем доминирования в общении, стремления подавить личность партнера, подчинить его себе, т. е. прибегая к авторитарной направленности коммуникации. Избыток когнитивного ресурса позволяет сохранить партнерские отношения и сделать общение более ровным – деловым, индифферентным.

Возможность связать разнообразие межличностного общения с уровнем дискурсивных способностей и объемом когнитивного ресурса позволяет описать еще два типа межличностного общения. Так, при высоком уровне дискурсивных способностей и низком когнитивном ресурсе можно говорить о фатическом общении – общении ради общения. Высокие дискурсивные способности позволяют легко поддерживать контакт с собеседником, но глубина разговора при этом минимальна, а общая цель общения быстро забывается и/или отсутствует вследствие дефицита когнитивного ресурса. Низкий уровень дискурсивных способностей и избыток когнитивного ресурса определяют эллиптичность общения, использование незаконченных предложений, пропуск слов и целых словосочетаний. Обычно подразумевается, что собеседники в курсе событий и пропуски могут быть легко восстановлены из контекста, из предыдущих реплик в диалоге, из прежних знаний людей. Такой тип общения предельно ситуативен и возможен лишь в случае хорошего взаимопонимания собеседников и общности предмета обсуждения.

При рассмотрении проблемы соотношения различных типов межличностного общения с уровнем дискурсивных способностей и когнитивным ресурсом крайне важен ситуационный аспект коммуникации. Дефицит и/или избыток когнитивного ресурса зависит от конкретной коммуникативной ситуации, от коммуникативной задачи, которую решает человек в данный момент времени. Когнитивный ресурс непосредственно соотнесен с ситуацией, что позволяет связать содержательный аспект межличностного общения с типом межличностных отношений. В зависимости от сложности содержания беседы будет меняться и ее характер. При таком рассмотрении вопрос о личностной детерминации разнообразия общения переходит в ситуационную плоскость, а тип общения становится связанным с коммуникативной ситуацией, конкретной задачей. Такой подход позволяет объяснить изменение характера беседы по ходу ее развития как следствие складывающейся ситуации и связать тип межличностного общения с особенностями содержания беседы.

Таким образом, характер межличностного общения обусловлен уровнем развития дискурсивных способностей собеседников и избыточностью или дефицитом когнитивного ресурса при решении коммуникативной задачи. Личностная детерминация разнообразия межличностного общения должна быть дополнена формальными когнитивными характеристиками, связанными с конкретной ситуацией общения.

Литература

- Алексеев К. И., Алмаев Н. А., Воронин А. Н., Горюнова Н. Б., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Павлова Н. Д., Зачесова И. А.* Дискурс в современном мире. Психологические исследования. М., 2011.
- Братченко С. Л.* Диагностика личностно-развивающегося потенциала: Методическое пособие для школьных психологов. Псков, 1997.
- Воронин А. Н.* Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М., 2015.
- Воронин А. Н.* Эффективность совместной интеллектуальной деятельности при групповом решении задач // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2016. №4. С. 49–62.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Когнитивный ресурс: структура, динамика и развитие. М., 2016.
- Журавлев А. Л., Павлова Н. Д.* К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М., 2007. С. 6–11.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Павлова Н. Д.* Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса. М., 2002. С. 8–43.
- Шкуратова И. П.* Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону, 1994.
- Южанинова А. Л.* Типы затруднений в общении у лиц с низким уровнем когнитивной сложности // Психологические трудности общения: диагностика и коррекция. Ростов-на-Дону, 1990. С. 21–28.

Discursive capabilities and cognitive resource as factors of the diversity of interpersonal communication

A. N. Voronin (Moscow)

Doctor of psychological sciences, chief scientific officer,
Institute of psychology of RAS

The article discusses the conditionality of features of the interpersonal level of development of discursive capabilities and the cognitive capacity of the resource. It is shown that the discursive capabilities to determine the changing nature of interpersonal relations in the direction of “monologist – dialogic”. The capacity of a cognitive resource determines the nature of interpersonal relations in the sense of “happening” in a particular situation and understanding the situation. An attempt to describe different types of interpersonal communication in the coordinate system “level discursive abilities” and “power of cognitive resource” that allowed us to expand the typology of interpersonal relationships to include and the composition of phatic communication and elliptical.

Keywords: discursive capabilities, cognitive resource, interpersonal communication.

Психологические проблемы искусственного билингвизма¹

А. Н. Воронин*, А. С. Рафикова** (Москва)

* доктор психологических наук,
главный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: voroninan@bk.ru

** аспирантка Государственного академического
университета гуманитарных наук;
e-mail: antoninaraf@yandex.ru

Статья посвящена психологическим проблемам искусственного билингвизма. Показаны основные направления изучения данного феномена. На основе обобщения данных из различных источников определены основные психологические аспекты искусственного билингвизма: мотивационные факторы изучения языка, вторичная языковая личность, межкультурная коммуникация и межличностное восприятие. Проанализирован процесс изменения этих компонентов на разных этапах становления искусственного билингвизма. Представлены результаты эмпирических исследований, в том числе описаны особенности субъективных представлений монолингвов и билингвов.

Ключевые слова: искусственный билингвизм, мотивация, вторичная языковая личность, межкультурная коммуникация, межличностное восприятие.

Постановка проблемы

В последние годы появляется все больше исследований, посвященных изучению феномена билингвизма. Билингвы составляют больше половины населения мира. Существует множество вариантов

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00433.

определения понятия «билингвизм», отражающих различные нюансы понимания этого концепта: одинаково совершенное владение двумя языками; взаимодействие двух или нескольких языков в одном и том же языковом коллективе; способность составлять законченные и осмысленные высказывания на другом языке (Истомина, 2012). По способу овладения иностранным языком выделяют естественный и искусственный типы билингвизма. Естественный билингвизм возникает в иноязычной языковой среде при спонтанной речевой практике. Второй язык при искусственном билингвизме осваивается в учебной обстановке; при этом необходимо использование волевых усилий и специальных методов и приемов (Белянин, 2002). Психологические аспекты становления таким образом определенного искусственного билингвизма являются предметом нашего исследования.

В лингвистике и лингводидактике процесс формирования искусственного билингвизма изучен достаточно хорошо. Так, С. Крашеном и Т. Тэрреллом был предложен естественный подход к усвоению иностранного языка (ИЯ), в рамках которого были выделены основные этапы процесса усвоения второго языка: предречевой, раннеречевой, речевой, этап порогового свободного владения и этап продвинутого свободного владения (Krashen, Terrell, 1983).

В многочисленных исследованиях, посвященных рассмотрению процесса изучения иностранного языка, были упомянуты различные внелингвистические компоненты, описание которых на каждом этапе овладения иностранным языком, однако, не являлось предметом отдельного изучения (Воронин, Рафикова, 2016; Воронин, Рафикова, 2017; Халеева, 1989; Gardner, 2000).

Анализ литературных источников позволил выделить следующие психологические компоненты: мотивационные факторы изучения ИЯ (интенсивность мотивации изучения ИЯ, интерес к изучению ИЯ, позитивное отношение к носителям ИЯ и уровень этноцентризма, интегративная ориентация), уровень языковой тревожности, вторичная языковая личность, межкультурная коммуникация и межличностное восприятие (Воронин, Рафикова, 2017).

Существенной проблемой при изучении феномена искусственного билингвизма является соотнесение различных психологических компонентов с разными этапами изучения иностранного языка. В нашем исследовании мы предприняли попытку решить данную проблему, опираясь на общеевропейскую систему оценки знания иностранных языков и на подход, разработанный Крашеном и Тэрреллом.

Мотивационные факторы изучения иностранного языка

Интенсивность мотивации в процессе изучения иностранного языка носит, как правило, волнообразный характер. На предречевом этапе изучающий ИЯ сильно мотивирован, но дальнейшее уменьшение или увеличение мотивации во многом зависит от индивидуальных качеств человека, от его уверенности в себе, от того, насколько он способен не акцентировать свое внимание на неизбежных ошибках. На раннеречевом этапе при возникновении трудностей при первых попытках говорения уровень мотивации может незначительно понизиться вследствие снижения уровня уверенности в себе. Если человек целенаправленно изучает иностранный язык для достижения совершенного уровня, то проблемы с поддержанием должного уровня мотивации не возникают. Многим же сложно продолжать себя мотивировать к изучению иностранного языка после достижения базового уровня владения ИЯ, т. е. речевого этапа (Воронин, Рафикова, 2017).

Интерес к иностранным языкам является предположительно одним из наиболее устойчивых мотивов при изучении иностранного языка. Если человек проходит все пять этапов освоения иностранного языка и достигает продвинутого свободного этапа, то этот интерес только усиливается по ходу процесса изучения иностранного языка. В определенной степени этот интерес может быть обусловлен наличием способностей к изучению иностранного языка и желанием их развить.

Отношение к носителям иностранного языка может часто меняться на протяжении всего периода овладения иностранным языком. Он может присутствовать с самого начала изучения иностранного языка и быть основным мотивирующим фактором, может возникнуть при первом опыте общения с иностранцем на изучаемом языке. Позитивное отношение к носителям изучаемого языка может быть выражено незначительно, но в любом случае оно должно быть скорее положительным, чем отрицательным, так как отрицательное отношение к представителям другого культурно-языкового сообщества, как правило, сопровождается этноцентризмом.

Этноцентризм представляет собой психологическую установку воспринимать и оценивать другие культуры и поведение их представителей через призму своей культуры. Чаще всего этноцентризм подразумевает, что собственная культура превосходит другие культуры, и в этом случае она расценивается как единственно правильная, превосходящая все другие, которые, таким образом, недооце-

ниваются (Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002). Установлено, что изучающие ИЯ с высоким уровнем этноцентризма менее интегративно ориентированы и меньше стремятся к общению с иностранцами (Gardner, 2000).

Интерес к иностранным языкам, позитивное отношение к его носителям и низкий уровень этноцентризма были объединены Р. Гарднером в понятие «интегративность», которое также включает в себя интегративную ориентацию. В своих исследованиях Гарднер показал, что интегративная ориентация может быть основным мотивирующим фактором в изучении ИЯ. Она соединяет в себе неподдельный интерес к изучению языка, позитивное отношение к представителям другого языкового сообщества и желание интегрироваться в это сообщество (Gardner, 2000). Интегративная ориентация связана с желанием и готовностью принять нормы и систему ценностей другой культуры и, вероятно, возникает после первых контактов с представителями этого сообщества.

Языковая тревожность

Высокий уровень языковой тревожности негативно сказывается на готовности человека общаться на ИЯ. Но чем ниже уровень языковой тревожности у изучающего и чем легче им иницируется общение на ИЯ, тем быстрее он достигает прогресса в процессе изучения языка. При рассмотрении проявлений тревожности на этапах овладения ИЯ необходимо отметить, что на предречевом этапе уровень тревожности может быть достаточно низким, но при переходе на раннеречевой этап ее уровень, скорее всего, резко повысится. Кроме этого, различия практически во всех аспектах структуры родного и иностранного языков также могут предопределять повышение уровня тревожности. Это может быть характерно как для раннеречевого, так и для речевого этапов, когда изучающие начинают применять в речи сложные грамматические структуры.

Вторичная языковая личность

Понятие вторичной языковой личности было предложено И. И. Халевой и определено как «совокупность способностей (готовности) человека к „производству“ речевых поступков в условиях аутентичного общения с представителями других культур» (Халеева, 1989, с. 7). Разработанная ею модель вторичной языковой личности представлена 3 уровнями: вербально-семантическим, связанным с формированием вторичного языкового сознания, тезаурусным, связанным

с формированием вторичного когнитивного сознания, и прагматическим. На предречевом этапе формируется вторичное языковое сознание; на раннеречевом этапе – вторичное когнитивное сознание, а на речевом этапе – прагматикон. О наличии сформированной вторичной личности можно говорить, когда изучающий достиг порогового свободного и продвинутого свободного этапов развития искусственного билингвизма.

Межкультурная коммуникация

Межкультурная коммуникация на последних стадиях радикально меняется, наполняется новыми когнитивными стратегиями, знанием новых коммуникативных ситуаций и навыками корректного общения в них. Появляется возможность осознанного конструирования межкультурных интеракций. В процессе становления «искусственного» билингва как коммуникативной личности Е. К. Черничкиной было выделено несколько стадий. Так, уровень «интуитивного дилетанта», как и уровень «рефлексирующего дилетанта», соответствуют предречевому этапу, когда изучающий использует невербальные, паралингвистические средства для достижения взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации; уровень «рефлексирующего теоретика» охватывает и раннеречевой, и речевой этапы; уровень «рефлексирующего практика» соответствует пороговому свободному этапу. Когда изучающий приближается по параметрам своего коммуникативного поведения к носителю языка, он достигает продвинутого, свободного этапа и становится компетентным билингвом (Черничкина, 2007).

Межличностное восприятие

Межличностное восприятие билингвов трансформируется под влиянием гибкости, подвижности и многомерности билингвального сознания. На продвинутом и свободном уровне становления билингва межличностное восприятие базируется на оценке интеллектуальных особенностей и отношении человека к труду. Появляется чувство «превосходства» и «покровительственное отношение» к окружающим, возможность более дифференцировано воспринимать себе подобных.

Наиболее важной проблемой изучения феномена искусственного билингвизма является эмпирическая верификация представленных выше компонентов. Например, предположение о существовании вторичной языковой личности было подтверждено итогами

исследований группы американских специалистов. Их основной задачей было эмпирически установить влияние эффекта «переключения культурных систем» на личность (Ramírez-Esparza, Gosling, Benet-Martínez, Potter, Pennebaker, 2006). С помощью адаптированной версии опросника «Большой пятерки» исследовались следующие личностные параметры: «экстраверсия», «конформность», «сознательность», «невротизм», «открытость». Н. Рамирез-Эспарза и соавторы изучали, проявляют ли билингвы различные личностные свойства при использовании английского и испанского языков и коррелируют ли данные различия с англо- и испаноговорящими культурами. Было установлено, что билингвы более экстравертированы, конформны, проявляют больше «сознательности» в ответах на английском, чем в ответах на испанском языке, и эти расхождения коррелируют со «среднестатистической личностью» той или иной культуры. Таким образом, показано, что на последних этапах формирования искусственного билингвизма, т. е. на пороговом свободном и продвинутом свободном уровнях у владеющего иностранным языком, проявляются признаки сформированной вторичной языковой личности.

Нами была предпринята попытка психосемантического изучения межличностного восприятия людей, владеющих иностранным языком (Воронин, Рафикова, 2016, 2017). Было выявлено 4 фактора, максимально схожих для всех испытуемых: «открытость общению», «чувство собственного превосходства» или «покровительственное отношение», «необычная активность», «перфекционизм». При этом была выявлена специфика структуры субъективных представлений, характерная как для билингвов, так и для монолингвов. Семантическое пространство билингвов характеризуется преобладанием показателей, связанных с уровнем интеллектуального развития («интеллектуалы», «эрудированные», «сообразительные») и описывающих отношение к труду («ответственные», «организованные», «дисциплинированные»). У монолингвов конструкты «веселые», «жизнерадостные» и «простые» получили более высокую факторную нагрузку в выделенных общих факторах семантического пространства восприятия искусственного билингвизма. Билингвы при «восприятии» билингвов дают более контрастные характеристики, нежели при «восприятии» монолингвов. Среди монолингвов подобная характеристика не была отмечена, т. е. они оценивают примерно одинаково, как монолингвов, так и билингвов.

На основе обобщения данных из различных источников определены основные психологические аспекты искусственного билингвизма:

- мотивационные факторы: мотивации изучения ИЯ, интерес к изучению ИЯ, позитивное отношение к носителям ИЯ, интегративная ориентация и уровень этноцентризма;
- языковая ситуативная тревожность;
- становление вторичной языковой личности;
- межкультурная коммуникация;
- межличностное восприятие и субъективные представления о себе.

Различные психологические компоненты феномена искусственного билингвизма соотнесены с разными этапами его становления, показана динамика их изменения.

Установлено, что межличностное восприятие при становлении искусственного билингвизма базируется на 4 факторах, обобщающих инвариантные смысловые категории: «открытость общению», «чувство собственного превосходства», или «покровительственное отношение», «необычная активность» и «перфекционизм». Искусственный билингвизм позволяет более контрастно дифференцировать людей, владеющих иностранным языком.

Литература

Белянин В. П. Психоллингвистика. М., 2003.

Воронин А. Н., Рафикова А. С. Исследование структуры представлений об искусственном билингвизме методом репертуарных решеток // Педагогика и психология: от вопросов к решениям: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Томск, 2016. С. 65–68.

Воронин А. Н., Рафикова А. С. Структура субъективных представлений об искусственном билингвизме // Успехи современной науки. 2017. № 4. С. 137–151.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А. П. Садохина. М., 2002.

Истомина О. Б. Билингвизм: социальная типология языковых контактов // Грамота. 2012. № 1 (15). С. 70–74.

Черничкина Е. К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007. URL: <http://dlib.rsl.ru/01003061861> (дата обращения: 14.05.2017).

Халева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М., 1989.

- Gardner R. C.* Correlation, Causation, Motivation, and Second Language Acquisition // *Canadian Psychology*. V. 41 (1). Feb, 2000. P. 10–24. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9907/66883fb85e9ad3785db-d8e4886df477f5958.pdf> (дата обращения: 13.05.2017).
- Krashen S. D., Terrell T. D.* The natural approach: Language acquisition in the classroom. Hayward, 1983.
- Ramírez-Esparza N., Gosling S. D., Benet-Martínez V., Potter J., Pennebaker J. W.* Do bilinguals have two personalities? A special case of cultural frame switching // *Journal of Research in Personality*. 2006. V. 40. P. 99–120.

Psychological issues of the artificial bilingualism

*A. N. Voronin**, *A. S. Rafikova*** (Moscow)

* Doctor of psychological sciences, chief scientific officer,
Institute of psychology RAS

** Postgraduate at the State academic University of humanitarian Sciences

The article discusses psychological issues of the artificial bilingualism. The article shows the main research directions of the phenomenon. The integration of the data received from various sources has allowed to reveal the main psychological components of the artificial bilingualism: motivation in a foreign language, secondary linguistic personality, intercultural communication, interpersonal perception. The process of the development of these components on different stages of language acquisition is analysed. The results of various empirical studies were presented and as well the special aspects of bilinguals' and monolinguals' subjective perceptions were described.

Keywords: artificial bilingualism, motivation, secondary linguistic personality, intercultural communication, interpersonal perception.

Интенциональные характеристики городской среды мегаполиса

И. А. Зачесова (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: zachiosova-2004@mail.ru*

В работе исследовались письменные обращения к горожанам, реализованные в разнообразных ситуациях и воплощенные в различных жанрах: городские вывески и плакаты, рекламные щиты, объявления, афиши и пр. Эмпирический материал был собран на улицах города, в транспорте, объектах торговли и проанализирован с помощью метода интент-анализа. Показано, что текстовые формы в городской среде реализуют информационную и фатическую направленность, ориентированы на насущные потребности горожан и направлены на их информирование и регуляцию поведения. Выявлены и описаны интенциональные характеристики выраженных в разных жанрах и представленных в разных локусах мегаполиса городских текстовых обращений.

Ключевые слова: внешняя городская среда, интенции, информационная и фатическая направленность, городские вывески, рекламные плакаты, объявления.

Проблема организации городской среды мегаполиса в последние годы активно разрабатывается представителями разных отраслей знания, является предметом исследований архитекторов, географов, философов, культурологов, социологов, филологов, лингвистов. В психологических исследованиях городская среда обычно рассматривается в социально-психологическом контексте (Дробышева, Журавлёв, 2016). Основные направления исследований связаны с изучением особенностей восприятия города, его предметно-пространственной, пространственно-временной и социальной среды, механизмов ментальных репрезентаций городского пространст-

ва в обыденном сознании горожан (Социально-психологические..., 2016; Габидулина, 2012). В настоящем исследовании, продолжающем изучение организации и функционирования повседневного дискурса (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Афиногенова и др., 2015; Зачесова, 2016; Зачесова и др., 2016), мы обратились к анализу дискурсного пространства городской среды мегаполиса, в которой существует горожанин.

Повседневное существование жителей мегаполиса протекает в двух типах пространств – в открытом пространстве внешней городской среды (на улице) и в городских объектах разного функционального назначения, имеющих свое внутреннее пространство: магазины, вокзалы, театры, банки, поликлиники и т. п. (Китайгородская, Розанова, 2010). Внешняя городская среда разделена на зоны, которые различаются по своему функциональному назначению (улицы, площади, дворы жилых домов и т. п.). Городские объекты, имеющие свое внутреннее пространство, также несут особую функциональную нагрузку, имеют разное целевое назначение (практическое, культурно-развлекательное). Настоящее исследование обращено к изучению внешней городской среды мегаполиса. В фокусе внимания находились интенциональные направленности, формирующие дискурсное пространство внешней городской среды, и типовые способы оказания воздействия на жителей мегаполиса.

Материалом для анализа послужили формирующие внешний облик города типовые «обращения» к жителям, реализованные в разных ситуациях и воплощенные в различных жанрах. Эмпирический материал был собран на улицах города, в транспорте, на объектах торговли и представлен в блокнотных записях, фото- и видеоматериалах. Здесь следует оговорить, что городской транспорт и объекты торговли мы относим к внешней городской среде, поскольку жители мегаполиса повседневно пользуются их услугами и сталкиваются с представленной там текстовой информацией. В качестве основного в работе использовался метод оценки психологического содержания речи – интен-анализ (Павлова, Гребенщикова, 2017).

Письменные текстовые обращения в городском пространстве имеют разное жанровое воплощение. Это разного рода объявления, городские вывески, рекламные щиты, плакаты нерекламного характера, кино- и театральные афиши и мн. др. Следует отметить, что в названных малых жанрах текстовое представление часто соседствует с соответствующими графическими изображениями. В совокупности они формируют ту среду, в которой, хочет он того или нет, существует горожанин. Большая часть текстовых форм, реализуемых в городской среде, нацелена на насущные потребнос-

ти людей, на их информирование, регуляцию поведения в городском пространстве.

Жизнь в мегаполисе постоянно требует от жителей умения ориентироваться. При этом люди перемещаются не только пешком, но и при помощи городского и личного транспорта. Ориентирами в системе городских координат служат названия улиц, госучреждений, городских объектов разного функционального назначения (поликлиники, больницы, банки и пр.), дорожные и городские указатели. Все они направлены на информирование людей об организации городской среды, оптимизируют ориентацию на улицах города. В данном случае информационную, прагматическую направленность реализуют частные интенции поименовать объект, указать, обозначить местоположение. Особую нишу занимают типовые дорожные указатели, регламентирующие правила дорожного движения, регулирующие действия его участников.

В наше время улицы и транспортные магистрали мегаполиса пестрят городскими вывесками и плакатами. В большинстве своем они носят рекламный характер; их задача – убедить горожан приобрести рекламируемый товар, обратиться к рекламируемым услугам. Интересно отметить появление в последнее время на улицах пролонгированных рекламных плакатов, когда на определенном рекламном щите сначала появляется интригующая информация (*Володя, ты с нами?*), и только через несколько дней ее сменяет конкретная реклама (*Мы ждем тебя в Оки Доки*). Некоторые рекламные вывески одновременно являются территориальными указателями (*Мужик, гвоздь забил? Рынок строительных материалов в Никулино. До поворота налево 900 м*). Элементы рекламы часто включены в названия торговых объектов (*пиццерия Пицца из дровяной печи, палатка Пирог от очага*). Как правило, рекламные вывески и плакаты не содержат прямого побуждения к действию, скорее, они нацелены на то, чтобы привлечь внимание горожан к объектам именованию, подтолкнуть их к совершению тех или иных действий. Реализуемые в них интенции самопрезентации интегрируют в себе косвенные компоненты воздействия, формируя у потенциальных покупателей и клиентов представления, мнения, оценки.

Наряду с рекламными плакатами, на улицах города располагаются социальные информационно-просветительские плакаты, направленные на освещение актуальных событий, изменение моделей общественного поведения, на привлечение внимания к проблемам мегаполиса и его жителей. Это могут быть афиши, информирующие жителей о театральной жизни города (*Театр Современник – Сезон на Яузе – 2016–2017; Кремлевский балет – Кремлевские сезо-*

ны – с 1 по 24 июня), информационно-просветительские плакаты, посвященные важным городским событиям и приглашающие людей посетить те или иные мероприятия, например акцию «Бессмертный полк»: *Мы пронесем портреты дедов по Красной площади. Ты с нами?* Просветительский, дидактический характер носят социальные плакаты, связанные с реализацией городских программ различных направлений. Наиболее распространенными примерами такой социальной рекламы являются кампании, пропагандирующие здоровый образ жизни (*Трезвая Россия – В здоровом теле здоровый дух – Я выбираю трезвость – ГТО*) и охрану окружающей среды (изображение несчастного кота сопровождает текст: *Не оставляй меня на даче; на стенде подъезда: Покорми птиц зимой. Меню: сало несоленое, семечки нежареные, ячмень, пшеница; на улице: Город – наш дом. Чистота и порядок в нашем доме зависят от нас*). Социальные плакаты в городском пространстве способствуют формированию новых моделей поведения и часто нацелены на непосредственное (прямое) побуждение к действию. Например, плакаты налоговой службы: *Ты любишь свой город? Докажи делом. Заплати налоги*; плакаты ГИБДД: *Зебра главнее всех лошадей. Сбрось скорость на переходе*. В последнее время на улицах стали появляться информационные плакаты, призывающие автомобилистов и пешеходов принять участие в оптимизации транспортной ситуации на улицах города. Подобные плакаты демонстрируют готовность городских служб учитывать мнения жителей в деле организации движения (например: *Свои замечания по светофорам и ПДД вы можете сообщить по телефону 8800*). Такие обращения направлены на формирование новых стереотипов социального поведения и ценностей в сознании горожан. Агитационную направленность носят плакаты предвыборных кампаний (*Голосуй за ЛДПР*). Среди городских социальных плакатов следует выделить плакаты-поздравления с праздником, реализующие фатическую направленность, создающие праздничное настроение и способствующие консолидации гражданского общества (*С Новым годом, дорогие москвичи!; Поздравляем с Пасхой госпожой!; С Днем Победы! Мы наследники победителей!*).

Локализованные в разных зонах городской среды уличные объявления обращены к проблемам города и регуляции повседневной жизни горожан. В роли их авторов могут выступать как городские службы (префектура, управа, транспортная компания, администрация магазинов и пр.), так и частные лица. Официальные объявления городских служб направлены на передачу социально-полезной информации, адресованной жителям города. Тексты таких объявлений различаются по интенциональным характеристикам:

- интенция «информировать» (*Магазин закрыт на учет. Приносим свои извинения; 16 апреля «Булочка Бриош» работает до 16:00 по техническим причинам; Важные телефоны и адреса: управа района Раменки 8 (495) 93..., диспетчерская служба района*);
- интенция «напомнить» (*Уважаемые пассажиры, при выходе не забывайте свои вещи*);
- интенция «инструктировать» (*При обнаружении бесхозных вещей не трогайте их и сообщите водителю; Для экстренной связи с машинистом поезда нажмите кнопку и говорите*);
- интенция «предупредить» (*Осторожно, листопад; Чтобы уберечься от грабителей и других злоумышленников, полиция на метрополитене предлагает вам соблюдать следующие правила: не пересчитывайте деньги в людных местах, не следует... Защищите себя! Внимание! Сквозной проезд по Сахалинской улице временно закрыт. Выбирайте маршруты объезда*);
- интенция «запретить» (*Выгул собак запрещен; Курение у вестибюля метрополитена запрещено; Не отвлекайте водителя во время движения; Запрещен несанкционированный доступ и самовольное размещение любой информации на стенде*).

Объявления частных лиц касаются повседневных бытовых нужд отдельных горожан. Это покупка/продажа, аренда, ремонт жилья, потеря/находка чего-либо, поиск работы, обращение за помощью и предложение услуг. Обычно в числе речевых интенций, реализуемых в частных объявлениях, представлены такие интенции, как «информировать» (*8 января в парке найдена собака. Небольшая, черная, лапки белые. Обращаться по тел. 8...*), «предложить услугу» (*Ремонт одежды любой сложности. Тел. 8...; Сдам комнату. Недорого*), «обратиться с просьбой» / «просить помощь» (*В районе ул. Лобачевского 3 января пропала йорк-девочка. Зовут Луна, стрижена, в розовом ошейнике. Вознаграждение за информацию о собаке гарантируем. Тел. 8...*).

Частное авторство имеют и шаблонные реплики-наклейки в салонах автомобилей. Такие наклейки, реализующие фатическую направленность, могут быть приурочены к праздничным датам (*Спасибо деду за Победу*). Наклейки шутливого характера могут заменять стандартные знаки ГИБДД, служить предупреждением для участников дорожного движения (*Осторожно, путаю педали!*) или призывом к кооперативному поведению на дороге (*Не прижимайся, мы незнакомы!*).

С учетом всего массива полученных данных можно сделать вывод о том, что текстовые обращения в разных локусах мегаполиса имеют свои особенности, определяемые ситуативно-территориальными потребностями горожан. Выявлены и описаны интенциональ-

ные характеристики представленных в разных локусах мегаполиса городских текстовых обращений. Названия улиц, городских объектов различного назначения, дорожные указатели служат информированию людей об организации городской среды и реализуют частные интенции обозначить местоположение, указать, поименовать объект. Вывески, рекламирующие разного рода продукцию и услуги, нацелены на привлечение внимания горожан к объекту именованию с целью подтолкнуть их к совершению тех или иных действий. Выраженные в них интенции самопрезентации, стремления убедить, обещать, посоветовать и пр. интегрируют косвенные компоненты воздействия, формируя у потенциальных покупателей и клиентов представления, мнения, оценки. Информационно-просветительскую направленность имеют афиши, информирующие жителей о культурной жизни города, плакаты, посвященные важным городским событиям, приглашающие людей посетить те или иные мероприятия. Просветительский, дидактический характер носят социальные плакаты, призванные привлечь внимание горожан к реализации городских программ разных направлений. Особую направленность имеют городские социальные плакаты-поздравления, приуроченные к знаменательным датам, реализующие фатическую направленность и создающие праздничное настроение, способствующие консолидации гражданского общества. Официальные объявления городских служб, адресованные жителям города, направлены на передачу социально-полезной информации и служат информированию, напоминанию, предупреждению, инструктированию, запрещению тех или иных действий. В городских дворах обычны частные объявления, касающиеся повседневных бытовых нужд отдельных горожан, реализующие разного рода информацию, просьбы, предложение услуг. Фатической направленностью характеризуются шаблонные реплики-наклейки в салонах автомобилей. Они могут быть приурочены к праздничным датам, часто имеют шуточный характер. В совокупности эти и другие подобные обращения формируют интенциональное пространство внешней городской среды, в котором, хочет он того или нет, существует горожанин.

Литература

Афиногенова В. А., Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интенциональная структура повседневного студенческого дискурса // 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов конференции. В 5 т. Т. 3 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М., 2015. С. 261–264.

- Габидулина С. Э. Психология городской среды. М., 2012.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М., 2014.
- Дробышева Т. В., Журавлёв А. Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213.
- Зачесова И. А. Интент-анализ в изучении дискурса неформального общения коллег по работе // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М., 2016. С. 730–735.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А. Интенциональная организация дискурса повседневного общения незнакомых людей // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлёва, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2016. С. 27–49.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М., 2010.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт исследования. М., 2016.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлёв. М., 2016.

Intentional characteristics of the urban environment in the megalopolis

I. A. Zachiosova (Moscow)

Candidate of psychological sciences, senior researcher officer,
Institute of psychology of RAS

The study is focused on the written addresses to citizens realized in various situations and embodied in different genres: city signs and posters, billboards, announcements, advertising bills and so forth. Empirical data was collected on city streets, in transport, objects of trade and was analyzed by an intent-analysis method. It is shown that text forms in the urban environment realize information and fatig orientation, are focused on compelling needs of citizens and directed to their informing and regulation of their behavior. Intentional characteristics of the city text addresses expressed in different genres and represented in different locuses of the megalopolis are revealed and described.

Keywords: external urban environment, intentions, information and fatig orientation, city signboards, advertisement boards, announcements.

Социокультурные аспекты информационно-психологической безопасности в кинодискурсе

Т. А. Кубрак (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: kubrak_tina@hotmail.com*

Обозначается возрастающее значение кино в межкультурной коммуникации, в то же время ставится проблема обеспечения информационно-психологической безопасности в контексте общей глобализации культуры. Поднимаются вопросы воздействия кино на российского зрителя и его позитивной роли в обеспечении информационно-психологической безопасности. Зритель рассматривается как активный участник коммуникации, что проявляется в процессе осмысления фильмов, в приписывании и извлечении из кинотекста определенных значений. Представлены результаты эмпирического исследования, демонстрирующего роль социокультурных переменных в восприятии и понимании фильма, а также в эффективности воздействия.

Ключевые слова: кинодискурс, информационно-психологическая безопасность, психологическое воздействие кино, психология кино, психология дискурса, массмедийный дискурс.

Постановка проблемы

В настоящее время в контексте общей глобализации культуры возрастает роль кино в межкультурной коммуникации. Фильмы становятся тем «общим языком», посредством которого люди могут общаться вне зависимости от географического положения, национальной и культурной принадлежности. В то же время глобализация информационного пространства остро ставит проблему информационно-психологической безопасности личности и общества, в том числе вопросы сохранения национальной культурной идентичности (Кубрак, 2016).

Кино, как один из видов массмедийного дискурса, все больше определяющего видение людьми окружающей реальности, может оказывать значительное влияние на формирование норм и ценностей (Кубрак, 2014; Латынов, 2013; Журавлёв, Павлова, 2012). Сегодня фильмы создают представления о реальности, транслируют образы, меняют установки и стереотипы: например, гендерные и этнические стереотипы, образы профессий и семейных отношений, представления о справедливости мира и др. (Behm-Morawitz, Mastro, 2008; и др.). Современный кинодискурс, учитывая очень высокую скорость производства кино, может рассматриваться «как актуальный... срез восприятия реальности, являющийся социальный диалог, в котором интерпретируются и переинтерпретируются такие категории восприятия, как время, пространство, прошлое, будущее, свобода, право, допустимое, поощряемое, мужское, женское, власть, любовь, долг, благодарность и т. д.» (Сорока, 2002, с. 48). Особенно это касается современных сериалов, которые быстрее реагируют на значимые события в обществе, могут исследовать сложные проблемные ситуации, имея больше возможностей для развития сюжетных линий и проработки различных точек зрения (Anderson, 2008; и др.).

Значимость кинодискурса ставит вопросы его воздействия и на российского зрителя. Поднимается проблема «культурно-идеологической экспансии» и так называемого «гуманитарного суверенитета», потеря которого представляется угрозой национальной безопасности. Проблема сохранения национальной культурной идентичности активно обсуждается в настоящее время не только в России; она не теряет своей актуальности и во всем мире. Например, в европейских исследованиях регулярно обсуждаются вопросы, связанные, с одной стороны, с американской информационной экспансией и ее последствиями, с другой стороны, с процессами внутри самой Европы; выражается озабоченность, что зачастую европейцы намного больше берут из американских фильмов, чем из медиапродукции своих ближайших соседей.

В связи с разнообразием процессов, относящихся к такому транснациональному движению глобальных медиа (кино и ТВ), выделяются две наиболее влиятельные парадигмы: культурный империализм и культурная глобализация (Mirrlees, 2013). Представляется, что если не рассматривать глобализацию исключительно как вопрос доминантности и угрозы национальным интересам, то открываются позитивные стороны этого процесса: глобализация позволяет устанавливать связи между разными культурами, способствует их вза-

имному обогащению и включению «других» в собственную картину мира (Appadurai, 1996). Так, М. Мейен были получены данные о том, что европейские фильмы действительно формируют представления зрителей о других европейских странах – такие выводы были сделаны при исследовании роли фильмов и сериалов в повседневной жизни молодых немцев путем проведения с ними интервью и фокус-групп (European Cinema..., 2015). Кроме того, даже принимая во внимание все опасения, связанные с культурной интервенцией и навязыванием «иных» взглядов, необходимо понимать, что человек не является пассивным объектом влияния массмедиа.

Разрабатываемый нами дискурсивный подход к исследованию кино рассматривает кино как коммуникативное событие в реальном социальном, культурном контексте. Зритель рассматривается как активный участник коммуникации, что проявляется в процессе осмысления фильмов, в приписывании и извлечении из кинотекста определенных значений, во многом обусловленном личностными, контекстными и др. переменными. Показателен в этом отношении анализ восприятия и последствий воздействия фильма «Аватар», относящегося к американской кинопродукции. Оказалось, что «Аватар» избежал узко национального понимания и стал транснациональным полисемантическим «текстом», открытым и допускающим разнообразие интерпретаций в зависимости от национальных историй, политических обстоятельств и культурной идентичности зрителей. Так, в США зрители видели в нем аллегорию американского империализма и милитаризма и связывали с проблемами вторжения в Ирак; в Китае проводили параллели с судьбой китайского крестьянского населения, которое насильственно выселяли с их земель; а в Боливии, Канаде, Малайзии утверждали, что фильм отражает их собственную борьбу за защиту природы (Mirrlees, 2013). Современные транснациональные фильмы становятся «текстами» глобального характера: с одной стороны, отражают и транслируют общепризнанные нормы и ценности, с другой стороны, содержат сюжеты, открытые для интерпретаций во всем мире.

В нашей работе предполагалось выявить роль социокультурных переменных в восприятии и понимании фильмов (приписываемых ему значений) русско- и англоязычной аудиторией. Кроме того, опасения, связанные с угрозами информационно-психологической безопасности, стимулировали дополнительную задачу, относящуюся к определению потенциала воздействия на российских зрителей кино не российского производства.

Эмпирическое исследование

Целью исследования являлось выявление особенностей восприятия и понимания кинофильмов в зависимости от культурной специфики зрителя.

Организация исследования

Материалом исследования явились высказывания зрителей по поводу просмотренного фильма (мнения, отзывы, рецензии). Выбор фильма, отзывы на который подвергались анализу, определялся задачами исследования, а также популярностью фильма у зарубежного и российского зрителя, хорошими оценками в рейтинге кинофильмов, понятностью сюжетных линий и наличием дискуссии в медиапространстве. Был выбран фильм «Отель „Мэриголд“: Лучший из экзотических» (Великобритания, США, ОАЭ). «Фильм повествует о группе британских пенсионеров, которые решили „удалиться на покой“ в менее затратную по расходам и гораздо более экзотическую Индию. Соблазнившись рекламой о заново восстановленном отеле „Мериголд“ и в предвкушении жизни, полной удовольствий и безделья, они прибывают на место, только чтобы обнаружить, что отель, на самом деле, представляет собой лишь бледную тень своего бывшего величия. Но, несмотря на то, что окружающая обстановка далека от той роскоши, которую они себе представляли, совместные приключения бесповоротно меняют каждого из них, и они осознают, что можно начать жить заново и найти любовь, если отпустить прошлое...» (www.kinopoisk.ru).

Было проанализировано 100 текстов, представляющих собой отзывы на выбранный фильм, из них 50 высказываний русскоязычных зрителей и 50 высказываний – англоязычных. Рецензии были взяты, соответственно, с русскоязычного интернет-ресурса kinopoisk.ru, посвященного кинематографу, и крупнейшего в мире веб-сайт о кинематографе imdb.com.

Результаты исследования

В результате проведенного качественно-количественного анализа обнаруживаются различия по группам зрителей (русско- и англоязычных) в отношении восприятия и понимания кинофильма. В зависимости от культурной принадлежности зрителя изменяется и структура приписываемых фильму значений.

Представленность тем («межличностные отношения», «Индия», «проблемы пожилых людей», «расизм», «не бояться перемен», «удо-

вольствие от жизни», «любовь», «уверенность в себе», «драма жизни», «размышления о жизни» и др.) в отзывах русско- и англоязычных зрителей различна. Например, тема «проблемы пожилых людей» обозначается в 47% высказываний русскоязычных зрителей и в 30% – англоязычных; тема «Индия» – в 44% отзывов русскоязычной аудитории и 73% – англоязычной; «не бояться перемен» – соответственно, в 27% и 4% откликов.

Следует отметить, что 62% русскоязычных зрителей употребляют в высказываниях слова «старики», «пожилые люди» и т. п., связывая и приписываемые значения именно с этим объектом (это «проблемы пожилых людей»), в отличие от англоязычных, которые в большинстве высказываний относят обсуждаемые в фильме проблемы ко всем людям. Кроме того, показательны используемые преимущественно в текстах российских зрителей достаточно «безнадежные» выражения, касающиеся пожилых людей: «...о людях, которые переживают свои последние годы»; «британские пенсионеры на закате жизни»; «о пожилых людях, которые вплотную приблизились к концу своей жизни» и пр.

Обнаружены темы, которые почти не упоминаются в русскоязычном кинодискурсе, в отличие от англоязычного. Это темы «расизма» (у русскоязычного зрителя только 1 раз), «отношения Запад–Восток», «секс», «гей-история» (только 1 раз у русскоязычного зрителя, но при этом с отрицательной коннотацией). Не встречаются в отзывах российских зрителей и отрицательные мнения о фильме в плане искаженного взгляда на Индию («снисходительного взгляда белого человека»).

Оказалось, что англоязычный зритель в значительно большей степени воспринимает этот фильм как кино про Индию со всей ее спецификой («прекрасная» и «проблемная»), многие – как знакомство с другой культурой; в англоязычном дискурсе выявляется большее количество дискуссионных тем, широко обсуждаемых в современном мире.

Российский зритель понимает этот же фильм в основном как кино про пожилых людей, но при этом кино оптимистичное, дающее надежду и меняющее представления о пожилом возрасте («никогда не поздно менять свою жизнь»).

Обе группы зрителей видят в фильме вдохновляющие примеры, но если российский зритель их преимущественно относит к проблемам пожилых людей, то англоязычный зачастую вообще не упоминает, что это фильм о пожилых людях, а идеи фильма понимаются как относящиеся ко всем людям. Видимо, это связано с отношением к пожилым, определяемым культурной спецификой.

В результате проведенного анализа кинодискурса были получены данные по воздействию фильма. В равном количестве у русско- и англоязычных зрителей отмечаются эмоциональные эффекты («поднимает настроение»; «улыбалась и смеялась до слез»; «согревает сердце» и др.), однако когнитивные последствия выявляются почти в 2 раза больше у российского зрителя («заставляет задуматься, что жизнь проходит, и не стоит откладывать на потом»; «дает мотивацию изменить себя и что-то в своей жизни»; «учит жить» и пр.). Российский зритель продемонстрировал значительно большее влияние на себя иностранного фильма, чем его англоязычный зритель, и, прежде всего, в вопросе представлений о пожилых людях, изменив их в положительную сторону.

Таким образом, была определена роль культурной специфики в кинодискурсе, проявляющаяся в связи социокультурных переменных с различиями в восприятии и понимании фильма, а также с его воздействием.

Заключение

Глобализация культурного и информационного пространства ставит проблему информационно-психологической безопасности, связанную напрямую с воздействием массмедиа. Вместе с тем глобализация не обязательно предполагает культурную экспансию: она способствует взаимному обогащению культур, расширяет представления о мире, что может проявляться и в позитивном воздействии глобальных медиа. В то же время восприятие и понимание фильмов зрителем, являющимся активным участником массмедийной коммуникации, определяется не только личностными и ситуативными факторами, но и в значительной степени его социокультурными особенностями.

Литература

- Журавлёв А. Л., Павлова Н. Д. Предисловие // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлёва, Н. Д. Павловой. М., 2012. С. 5–8.
- Кубрак Т. А. Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2017).
- Кубрак Т. А. Роль психологических характеристик восприятия кино в процессе его воздействия // Психологическое воздействие

- в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.Д. Павлова. М., 2014. С. 94–111.
- Латынов В.В.* Психология коммуникативного воздействия. М., 2013.
- Сорока Ю.Г.* Кинодискурс повседневности постмодерна // Постмодерн: новая магическая эпоха / Под ред. Л.Г. Ионина. Харьков, 2002. С. 47–49.
- Anderson T.* “24, Lost and Six Feet Under: Post-traumatic television in the post 9/11 era”, MA Thesis. University of North Texas, 2008.
- Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- Behm-Morawitz E., Mastro D.* Mean girls? The influence of gender portrayals in teen movies on emerging adults gender-based attitudes and beliefs // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2008. V. 85. P. 131–146.
- European Cinema and Television: Cultural Policy and Everyday Life /* Eds I. Bondebjerg, E. Redvall, A. Higson. Palgrave Macmillan, 2015.
- Mirrlees T.* Global entertainment media: between cultural imperialism and cultural globalization. N. Y.–London: Routledge, Taylor & Francis, 2013.

Sociocultural aspects of information and psychological security in cinema discourse

T. A. Kubrak (Moscow)

Candidate of psychological sciences, research officer,
Institute of psychology of RAS

The increasing importance of cinema in intercultural communication is denoted, at the same time the problem of providing information and psychological security in the context of global culture globalization is posed. The questions of the impact of cinema on the Russian viewer and its positive role in providing information and psychological security are being raised. The viewer is seen as an active participant in communication. The results of an empirical study are presented. They demonstrate the role of sociocultural variables in the perception and understanding of the film, as well as in the effectiveness of the impact.

Keywords: cinema discourse, information and psychological security, psychological impact of the films, psychology of the films, mass media discourse.

Дискурс самоактуализирующейся/виктимной личности (на материале текстов автобиографического характера)

М. А. Лаппо (Новосибирск)

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: lapko2000@mail.ru*

В статье анализируются вербальные маркеры самоактуализации/виктимизации личности в автобиографическом дискурсе. Доказывается, что с точки зрения компенсации психологические установки личности противопоставлены по следующим ключевым оппозициям: самопринятие/виктимизация; ценность бытия вне социальной иерархии/ценность социального признания; целостность/амбивалентность личности; внутренний/внешний локус контроля. Реализацией установок первого типа в дискурсе самоактуализирующейся личности является использование вербальных стратегий самопринятия, самокритики, принятия ответственности, практически полного отсутствия заботы о производимом впечатлении. Реализацией установок второго типа в дискурсе виктимной личности является использование вербальных стратегий виктимизации и парадоксальной дестигматизации своего опыта, самопрезентации, резкой критики и стигматизации других.

Ключевые слова: дискурс, самоактуализация, виктимность, внутренний и внешний локусы контроля, психологическая компенсация.

Постановка проблемы

Основные условия реализации принципа системности в психологии, заложенные в трудах Б. Ф. Ломова, – антропоцентрический и междисциплинарный характер исследований (Ломов, 1996), в аспекте психологии речи/дискурса были развиты в целом ряде работ (Журавлёв, Павлова, 2007; Ушакова, 2011; и др.). Однако до сих пор «не решена

проблема синтеза разнородного знания о психических явлениях», «усилилось противостояние естественно-научной и социокультурной парадигм» (Барабанщиков, 2007, с. 92), «собственный арсенал системных технологий психологической науки и практики очень скромнен, а его развитие представляет непростую исследовательскую задачу» (там же, с. 97).

Вклад лингвистики в изучение дискурса как междисциплинарного феномена видится нам в анализе речевых стратегий и речевых фактов с учетом определенных задач, ставящихся в практической или теоретической психологии. Используемые в психологии методы интен- и контент-анализа (Гребенщикова, Зачёсова, 2014; Павлова, Гребенщикова, 2017) могут и должны быть скорректированы и дополнены накопленными в лингвистической семантике принципами анализа вербального материала.

Задача данной статьи заключается в описании вербальных маркеров и стратегий самоактуализации или виктимизации личности в автобиографическом дискурсе. А. Маслоу, понимая под самоактуализацией «стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций», которое «можно назвать стремлением к идиосинкразии, к идентичности» (Маслоу, 1999, с. 90), противопоставляет самоактуализированную личность личности среднестатистической. В связи с тем, что самоактуализация относится к высшим потребностям человека, этого уровня достигает далеко не каждый индивид. Идентифицировать самоактуализированных индивидов можно по ряду признаков: а) эффективное восприятие реальности и комфортные взаимоотношения с ней; б) принятие (себя, других, природы); в) спонтанность, простота, естественность; г) наличие призвания, «дела жизни»; д) автономность, независимость от культуры и среды; е) воля и активность и др.

Если самоактуализация относится к полюсу успешной социальной адаптации и идентификации, то к противоположному полюсу – неуспешной адаптации и идентификации – относится не «среднестатистическая личность», а личность виктимной направленности (направленности к ролевой позиции жертвы). В работах виктимологов намечается указанное противопоставление виктимности и самоактуализации (Руденский, 2012), виктимности и психологического благополучия (Андронникова, Ветерок, 2016). Это противопоставление становится возможным, прежде всего, за счет расширения понимания как самоактуализации, так и виктимности. Так, согласно Ю. С. Савенко, самоактуализация – это и процесс (постоянное стремление личности к наиболее полной реализации, максимальному соответствию своей среде), и результат (преодоление

внешних или внутренних препятствий); она свойственна любому индивиду (Савенко, 2008, с. 623). Виктимность, по мнению психологов, – это результат психологической дезадаптации, запускающей процессы виктимизации и деформации поведения, идентификации себя в жертвенной позиции, обусловленной не только и не столько опытом насилия, сколько склонностью интерпретировать события своей жизни как травмирующие (Андронникова, 2016). Следовательно, виктимная личность характеризуется определенными деформациями; в ее поведении присутствуют идентификационные признаки, прямо противоположные обозначенным выше признакам самоактуализирующейся личности.

В нашем исследовании речь и другие формы поведения не противопоставлены друг другу; речевое поведение – это и отражение «внутреннего мира» говорящего субъекта, и реализация тех или иных потребностей, средство функционирования психологических установок и конструирования идентичности. Проанализируем вербальные маркеры психологической компенсации в дискурсах субъектов, относящихся к разным типам психологической адаптации. Материалом для анализа послужила переписка Ю. М. Лотмана и Ф. С. Сонкиной¹.

Маркеры дискурса самоактуализирующейся личности

Ю. М. Лотман чаще всего берет на себя ответственность за неприятности, что выражается в формах первого лица, местоимении я (*я привел, я вступил, я переругался, я устал*) или местоимения мой + отглагольное сущ. (*мои усилия привели*):

*«Наша домработница сбежала, а мастера, которые проводят горячую воду, запили. Вернее, запила уже третья партия мастеров, которую **я привел** на место второй, сменившей, в свою очередь, первую. **Мои усилия** провести горячую воду **приведут** к тому, что весь рабочий класс Тарту сохнет. **Я, кажется, вступил** на тот же путь (не в смысле проводки горячей воды, а в смысле спивания)»² (05.12.74) (цит. по: Сонкина, 2016, с. 149).*

«У нас сейчас в у<ниверсите>те на почве контроля и проч. совершенно сошли с ума. Я надеялся освободить себе хоть 3–4 дня, чтобы подзаняться и съездить по всяким накопившимся делам, но ме-

1 Сонкина Ф. С. Юрий Лотман в моей жизни. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2016.

2 Здесь и далее в других фрагментах писем курсив и выделение мой. – М. Л.

ня не отпустили. Я крепко со всеми переругался, да с тем и уехал в Питер» (31.10.76) (там же, с. 158).

Неприятности представляются как неизбежное и повторяющееся зло, что выражается в локативах у нас начался учебный год, у нас сейчас в университете; конкретные «носители зла» практически никогда не называются: используются неопределенно-личные предложения (не сообщили):

«У нас начался учебный год со всей его морокой, собраниями, проверками и мелкими неприятностями» (05–06.10.76) (там же, с. 157).

«Я, кажется, писал Вам о возможной командировке в Польшу – здесь тоже все неясно. С 1 ноября я должен был уже в Познани начинать курс лекций, но до сих пор мне ничего положительного не сообщили. Думаю, что это и есть ответ. Скажу Вам совершенно искренне, что меня это не огорчает, скорее даже – наоборот» (31.10.76) (там же, с. 158).

В приписке к письму от 31.10.76, являющейся извинением и объяснением своих неудач, дается причина подобного неуместного поведения, что также указывает на внутренний локус контроля:

«Р. С. Перечел и подумал: зачем Вам эти подробности? Но просто я настолько полон пылом ссоры с начальством, что должен был это выпалить, как заряженная пушка» (там же, с. 158).

В письмах к Ф. Сонкиной есть фрагменты, в которых выражается ценность бытия вне социальной иерархии, например:

«Что же до „академических“ слухов, то это ерунда. То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник... Из всего набора претендую лишь на плотника, т<ак> к<ак> действительно очень люблю запах свежей древесины (вот привез же из Норвегии пилу!), стружек и мечтаю обзавестись полным набором столярных инструментов и верстаком...» (20.03.87) (там же, с. 218).

Здесь и в других письмах престижное для многих ученых высокое звание академика обозначается как дурацкое, не как самое желанное (быть плотником – желанней), описывается эмоциональное состояние безразличия в данной ситуации (ерунда, безразлично, так можно ли беспокоиться о том...) и даже злости, что получение звание отнимает у него свободное время, которого у него осталось мало¹: *«Мне хочется иметь свободное время, думать, работать и быть спокойным. Ничего этого нет и не будет уже. Мне хочется видеть тех, кого хочется, и не видеть тех, кого не хочется. И это невозможно. А осталось уже немного»* (там же, с. 222).

1 В этом случае ощущение своего возраста как старости приобретает особый смысл: у Ю. М. остается мало времени для выражения своих идей.

Ю. М. Лотман также приуменьшает свою значимость в ситуации, когда появляется важная для него книга¹², подсмеивается над собой, сравнивая себя с курицей, которая снесла яйцо:

«А вот брошюрка, которой я самонадеянно придаю большое значение, появится, если Господь благословит труды меня, нечестивого, еще в этом году – к зиме. Но ведь автору свойственно переоценивать значение работ. Ведь и курица, когда снесет яйцо, кудахчет, искренне думая, что произвела великое нечто» (27.04.91) (там же, с. 277).

Назовем признаки целостности личности, которые демонстрирует Ю. М. Лотман: 1) его огорчает, а не злит, когда он встречает неадекватное поведение других; 2) он утешает адресата, стремится его поддержать; 3) неудачи не относит к себе лично, считает их некоей закономерностью; 4) извиняется за выражение своих слабостей, описание негативных переживаний, болезней и др. Приведем примеры:

«Но не будем предаваться элегиям, как говорят, „на печально-го и вошь лезет“. Как говорил Пушкин, будем живы – будем и веселы. А живы мы еще будем. Так что – нос кверху!» (09.03.85) (там же, с. 206).

«Жизнь нас бьет в главное уязвимое место – отучает радоваться. Тогда мы и погибаем. Усталость вытесняет радость. А надо сопротивляться, бороться за радость и не забывать, как мы, неблагодарные, часто делаем, что радость вокруг нас» (23.02.86) (там же, с. 216).

«Прости, мой милый друг, что я немного поныл. Вообще это неблагодарность по отношению к жизни, которая так много дала» (19.05.91) (там же, с. 280).

Ю. М. Лотман, неверующий человек, даже готов стать верующим, поддерживая адресата в тяжелый момент:

«Как бы я хотел верить в Бога, чтобы было кому молиться за твое благополучие» (20.07.91) (там же, с. 289).

Маркеры дискурса виктимной личности

Основное личностное противоречие этого периода для Ф. Сонкиной касается вопроса принятия или непринятия ею своего статуса эмигранта. Способ описания новой жизни можно назвать «эмоциональными качелями», т. е. постоянной сменой позитивных и негативных впечатлений. Так, в письме от 26 ноября 1990 г. она пишет:

1 Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

«Мои занятия, увы, **однообразны и скучны**. <...> Только одна мысль: как Вы, что с Вами – вот моя жизнь. **Ужасно тянет домой**. Знаю, что ничего хорошего, кроме голода и одиночества, меня там не ожидает. **Да вот – чужие берега**. Но я не хочу Вам жаловаться» (26.11.90) (Сонкина, 2016, с. 252).

Затем 25 февраля 1991 г. Монреаль кажется ей «украинским городом детства»:

«Вообще знаешь ли, как странно, иногда мне кажется, что я вернулась домой в южный украинский город моего детства. Город [Монреаль. – М. Л.] вообще прелестный, очень красивый. Недаром его называют маленьким Парижем»(25.02.91) (там же, с. 266).

А 12 ноября 1991 г. – снова уныние, выраженное в критике местных традиций проведения дней рождений, в глаголах «рыдаю» (как знака печали, грусти, тоски) и «опротивел» (негативное эмоциональное отношение к работе местных преподавателей), негативная оценка последних также выражена словосочетанием «никчемные халтурщики»:

«Отметили скромно день рождения Марины – ей 40 лет! Было, кроме нас, пять человек ее друзей, не очень близких. А для нее теперь это нормально. Я много ей помогала, в общем это даже не было и днем рождения в нашем понимании: так, посидели, выпили вина, именинницу даже как-то и не замечали. Где там русские тосты за здравие, где комплименты?.. Каждый в уголочке говорил о своем. <...> **Читаю Бунина, слушаю русские романсы и рыдаю, как все и всегда эмигранты, вот до чего дошло. Опротивел мне английский с их никчемными халтурщиками-преподавателями, а одной как-то уже не хочется**» (там же, с. 306–307).

Ф. Сонкина проявляет зависимость своего «Я», собственного внутреннего благополучия от других людей – от самого адресата и своей дочери:

«А жизнь моя, постылая жизнь, **приобрела бы смысл, которого лишилась вот уже почти полтора года** [если бы они встретились. – М. Л.]» (25.12.91) (там же, с. 315).

«Юрочка, Юрочка, **если бы ты был со мною! Как цвела бы жизнь! Неважно, что мы старые, ты болен, неважно. Я помню, как я боялась тебя увидеть после моей тяжелой операции в 70 году, и как, придя ко мне, ты сказал, что если бы от меня совсем мало осталось, то и тогда...**» (начало июля 1993 г.) (там же, с. 394).

«Но, что делать, когда **своего нет, – живешь отраженной жизнью дочери**» (26.05.92) (там же, с. 342).

«Но жизнь почему-то, моя жизнь, каким-то образом направлена только в сторону ее интересов и желаний» (26.10.91) (там же, с. 303).

Виктимизация и парадоксальная дестигматизация в письмах Ф. Сонкиной выражаются в тактиках самооговаривания (самоуверения), образного описания – в использовании развернутых метафор с семантикой разрушения (*казнь, слом*), а также негативно окрашенной лексики (*постылый*) и лексики, описывающей отрицательные эмоции (*тошнехонько*):

«Каково живется тебе, мой милый, на чужбине? Мы вот в 70 км от Москвы, а писем – нет, и тошнехонько... Но нечего плакаться, ибо в общем все не так плохо. Цветут мои цветы – в очередь, поют птицы. Чего же еще?» (06.06.89) (там же, с. 241).

Следует обратить внимание на противоречие в рамках одного фрагмента: *тошнехонько* (очень плохо) и *«в общем все не так плохо»*.

Тактика образного описания выполняет защитную функцию:

«А жизнь сейчас на каком-то переломе, я чувствую. Что-то сломалось во мне крепко, и надо как-то менять жизнь. Весь вопрос в том, как. Это я пытаюсь решить» (начало февраля 1992 г.) (там же, с. 323).

Внешний локус контроля отражается выбором определенных грамматических конструкций – склонностью при описании негативного опыта к номинализациям (*страх, ужас, отчаяние, расплата*). В следующем фрагменте автор прямо пишет о том, что локус контроля ее жизни находится вовне:

«Ты знаешь, я всегда примеривала свою жизнь по чужой жизни, по стихам, по романам. Мне казалось, что я неправильно живу, что надо не так» (начало июля 1993 г.) (там же, с. 393).

Итак, мы видим, что, с точки зрения психологической компенсации, вербальные стратегии самоактуализирующейся и виктимной личности различаются. В автодокументальном дискурсе самоактуализирующейся личности используются вербальные стратегии самопринятия, самокритики, принятия ответственности, практически полного отсутствия заботы о производимом впечатлении, что выражается в формах первого лица и местоимении *я*; конкретные «носители зла» практически никогда не называются и используются неопределенно-личные предложения, самоирония, выражение огорчения, а не гнева при описании неприятных ситуаций. В дискурсе виктимной личности используются вербальные стратегии виктимизации и парадоксальной дестигматизации своего опыта, самопрезентации, резкой критики и стигматизации других, обнаруживаются противоречия (так называемые, «эмоциональные качели»), имеются «сильные» метафоры с семантикой разрушения,

склонность при описании негативного опыта к номинализациям, описание резко негативных эмоций.

Литература

- Андронникова О. О.* Макро- и мезосоциальные факторы виктимизации личности и сообществ. Новосибирск, 2016.
- Андронникова О. О., Ветерок Е. В.* Психологическое благополучие и здоровье как актуальная потребность современного человека в рамках девиктимизации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. №1 (65). С. 72–76.
- Барабанщиков В. А.* Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 86–99.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М., 2014.
- Журавлев А. Л., Павлова Н. Д.* К междисциплинарной проблематике дискурса (Вместо предисловия) // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2007. С. 6–11.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. М.–Воронеж, 1996.
- Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М., 2017.
- Руденский Е. В.* Концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию. Новосибирск, 2012.
- Савенко Ю. С.* Проблема психологических компенсаторных механизмов и их типология // Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2008. С. 662–639.
- Ушакова Т. Н.* Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М., 2011.

Discourse of self-actualizing/victim personality (on the material of autobiographical texts)

М. А. Ларпо (Novosibirsk)

Candidate of philological sciences, Docent, associated professor
of the Novosibirsk state pedagogical University

The article analyzes the verbal markers of self-actualization/victimization of identity in autobiographical discourse. It is proved that from the point of

view of compensation the psychological orientations are contrasted in the following key oppositions: self-acceptance/victimization; the value of being outside of the social hierarchy/the value of social recognition; integrity/the ambivalence of identity; internal/external locus of control. Realization of the installations of the first type in the discourse of self-actualized personality is the use of verbal strategies of self-acceptance, self-criticism, acceptance of responsibility, the almost complete neglect of the produced impression. The implementation of systems of the second type in the discourse of victimization of the individual is the use of verbal strategies of victimization and paradoxical destigmatization of one's own experience, self-presentation, harsh criticism and stigmatization of others.

Keywords: discourse, self-actualization, victimization, internal and external loci of control, psychological compensation.

Метод виньеток в исследовании межличностного дискурса

В. В. Латынов (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: vladlat5@lenta.ru*

Рассмотрены возможности и ограничения метода виньеток. Представлены результаты исследования межличностного дискурса, проведенного с применением данного метода. Целью исследования был анализ факторов, влияющих на эффективность объяснения (апологизации) неэтичных поступков. Участникам ($N=153$ чел.) предлагалась методика «Поведение в этически неоднозначных ситуациях». Для диагностики индивидуально-психологических особенностей респондентов использовались: адаптированный на российской выборке опросник этических диспозиций Ф. Брэди, опросник «Вера в справедливый мир», индекс доверия к людям, индекс этического цинизма. Обнаружены значимые различия в эффективности различных приемов апологизации. Помимо собственно «качества» приемов апологизации их эффективность зависела от индивидуально-психологических характеристик объекта воздействия. Значимыми в данном отношении оказались мировоззренческие (справедливость мира, locus контроля, доверие к людям) и этические (этический формализм, утилитаризм, этический цинизм) особенности личности.

Ключевые слова: метод виньеток, дискурс, психологическое воздействие, неэтичное поведение, извинение, оправдание.

Постановка проблемы

Виньетка представляет собой краткое описание гипотетической ситуации или объекта, которые респонденты должны оценить по тем или иным параметрам. Респондентам предъявляется несколько вариантов описания одной ситуации, различающихся

по одному или нескольким измерениям. Эти измерения варьируются в виньетках не случайным образом, а систематически: они представляют собой различные уровни независимой переменной. Варьирование уровнями независимых переменных позволяет оценить их влияние на зависимую переменную или переменные. Метод виньеток используется для изучения таких психологических феноменов, как представления молодежи о сексуальности, оценки справедливости распределения доходов, популярные концепции заблуждений, процесс принятия решения о наказании и др. (Григорян, Горинова, 2016; Fesser, 2015; Spalding, Phillips, 2007).

По сравнению с наиболее распространенными в психологии методами получения данных (экспериментом и корреляционным исследованием), метод виньеток имеет ряд преимуществ. Так, будучи более простым, чем эксперимент, с точки зрения процедуры исследования, метод виньеток позволяет варьировать независимой переменной, что дает возможность выявлять причинно-следственные связи между изучаемыми переменными. В отличие от корреляционного исследования, метод виньеток позволяет не только выявлять взаимосвязи между переменными, но также изучать причинно-следственные связи между ними. Еще одно достоинство метода виньеток состоит в том, что респондент оценивает поведение персонажа винюетки, а не свое собственное, что снижает вероятность социально одобряемых ответов, тем самым ослабляя действие фактора социальной желательности.

Следует отметить, что у метода виньеток есть и определенные недостатки. Традиционному эксперименту метод виньеток проигрывают с точки зрения экологической валидности: в случае оценок респондентами ситуаций, описанных в виньетках, исследователь имеет дело с их суждениями, а не с поведенческими реакциями. Поскольку для каждого конкретного исследования, как правило, используется свой набор виньеток, определенную сложность представляет сам процесс создания их текстов. Отсутствие стандартного набора виньеток ко всему прочему затрудняет процедуру сравнения данных, полученных в различных исследованиях.

Как уже отмечалось, метод виньеток используется для исследования различных психологических феноменов (убеждений, социальных представлений, процесса принятия решений и др.). Мы постарались расширить указанный список, обратившись к методу виньеток при изучении психологического воздействия межличностного дискурса.

Одной из целей дискурса является создание и поддержание позитивного представления окружающих о его субъекте (Дискурс в совре-

менном..., 2011; Психология дискурса..., 2016; Ушакова и др., 2000). Особенно актуальной эта цель становится в том случае, когда человек совершает поступок, выходящий за рамки социально принятых стандартов поведения. Оказавшись в подобной ситуации, человек стремится при помощи различных речевых приемов ввести неэтичный поступок в круг социально приемлемых форм поведения и сделать так, чтобы подобное поведение не повредило его репутации.

Принято выделять два основных способа объяснения (апологизации) ненормативных поступков: извинение и оправдание. Извинение – речевое высказывание, в котором лицо, совершившее неожиданный или неэтичный поступок, признает его неверность или неадекватность, однако отрицает (полностью или частично) свою ответственность за данное поведение. Примером извинения может служить следующая фраза: «У меня не было намерения совершить подобное действие, это произошло случайно». В случае оправдания человек, совершивший неожиданный или неэтичный поступок, признает свою ответственность за него, но стремится представить поступок или его последствия в более выгодном для себя свете. В свое оправдание человек может заявлять, что его действие не имело негативных последствий, либо апеллировать к высшим целям, ценностям или авторитетным фигурам.

Процедура и методики эмпирического исследования

Основными *целями* нашего исследования были: а) оценка эффективности действия различных приемов дискурсивной апологизации неэтичного поступка; б) изучение характера влияния индивидуально-психологических характеристик человека – объекта воздействия на эффективность приемов дискурсивной апологизации.

Выборку составили 153 студента (66 мужчин и 87 женщин) в возрасте от 18 до 27 лет (средний возраст – 20,2 года).

Методики исследования

Участникам предлагалась *методика* «Поведение в этически неоднозначных ситуациях», включающая 7 виньеток – 7 вариантов описания ситуации из жизни предпринимателя. Варианты описания ситуации (виньетки) различались тем, оправдывался ли и, если оправдывался, то каким образом, совершенный поступок – невозврат долга. *Ситуация 1*: Один предприниматель занял у другого крупную сумму денег, однако в положенный срок долг не вернул. Оправданий не последовало.

В шести других ситуациях предлагались различные варианты апологизации поступка: «Во всем виноват мой бухгалтер, который занимается всеми финансовыми вопросами, в том числе и отслеживанием сроков возвращения долгов»; «Я был вынужден отдать эти деньги своему другу, который оказался в сложной финансовой ситуации»; «В последнее время я был сильно загружен на работе и просто забыл вернуть долг»; «В мире бизнеса мало кто вовремя отдает долги, и я лично знаю немало бизнесменов, задерживающих возврат занятых денег»; «Я хотел вернуть долг вовремя, но дела у меня пошли плохо и я оказался не в состоянии вернуть занятые деньги»; «Я знаю, что предприниматель, у которого я занял деньги, сам никогда долги в срок не отдает». Три из указанных приемов апологизации относились к извинениям («виноват бухгалтер», «забыл», «плохо пошли дела»), три других являлись оправданиями («отдал деньги другу», «в мире бизнеса редко кто вовремя возвращает долги», «кредитор сам долги в срок не отдает»).

Участники исследования должны были ответить при помощи 6-балльной шкалы на ряд вопросов, касающихся оценки предпринимателя и его поступка: Какой оценки заслуживает поступок? Насколько склонен предприниматель совершать подобные действия? Как часто предприниматель будет совершать подобные поступки в будущем? Насколько порядочен этот предприниматель?

Для диагностики индивидуально-психологических особенностей респондентов, оказывающих влияние на эффективность приемов апологизации, использовались: адаптированный на российской выборке опросник этических диспозиций Ф. Брэди (Brady, Wheeler, 1996), опросник «Вера в справедливый мир» (Rubin, Replau, 1975), индекс доверия к людям, индекс этического цинизма. Опросник Ф. Брэди позволяет диагностировать два подхода (диспозиции) к принятию этических решений: этический формализм и утилитаризм. При формальном подходе человек в ситуации этического выбора стремится следовать системе правил или принципов, а оценка этичности или неэтичности поступка зависят от того, насколько этот поступок соответствует (или не соответствует) указанной системе. Напротив, при утилитарной установке важнейшим критерием этичности поступка является его результат, т. е. то, насколько он полезен для социума. Сами по себе (без оценки их последствий) поступки не могут признаваться этичными или неэтичными; только их результат позволяет вынести этическое суждение.

Собранные данные были подвергнуты статистическому анализу (метод корреляций и дисперсионный анализ).

Результаты исследования

Кратко остановимся на результатах, полученных в ходе нашего исследования. Более подробно они изложены в других наших статьях (Латынов, 2014, 2015).

Рассмотрим результаты, касающиеся эффективности различных приемов дискурсивной апологизации неэтичного поступка. Наиболее эффективными в плане формирования позитивного восприятия совершенного поступка были такие формы постсобытийного дискурса, как просоциальное оправдание (*«Отдал занятые деньги другу, который оказался в сложном финансовом положении»*) и оправдание, касающееся затруднения в делах (*«Дела пошли плохо, и я оказался не в состоянии вернуть занятые деньги»*). Самыми неэффективными оказались объяснения типа: *«В мире бизнеса мало кто вовремя отдает долги»*, *«Виноват бухгалтер»*, *«Забыл»*, *«Лицо, у которого заняты деньги, сам не отдает долги»*. Если сравнить действенность извинений и оправданий, то обнаруживается следующее. На оценки неэтичного поступка два указанных класса объяснений влияли сходным образом: средний балл для извинений – 2,51, средний балл для оправданий – 2,37, т. е. различия в эффективности минимальны.

Рассмотрим далее, как воздействовали различные приемы апологизации на оценку моральных качеств предпринимателя. Склонность бизнесмена к совершению неэтичных поступков признавалась максимальной в тех случаях, когда он оправдывал свой поступок аморальностью бизнеса в целом (*«Редко кто отдает долги вовремя»*) и аморальностью лица, у которого были взяты деньги (*«Сам долги не отдает»*). Наиболее благоприятное впечатление достигалось при указании на трудности в бизнесе, с которыми столкнулся предприниматель, а также на необходимость помочь попавшему в трудное положение другу.

Сходную картину обнаруживают оценки, касающиеся склонности совершать неэтичные поступки в будущем. Эта склонность признавалась максимальной в тех случаях, когда предприниматель оправдывал свой поступок аморальностью бизнеса в целом, аморальностью лица, у которого были взяты деньги, и собственной забывчивостью. Наиболее же благоприятное впечатление достигалось при указании на трудности в бизнесе, с которыми столкнулся предприниматель, на необходимость помочь попавшему в трудное положение другу, а также при отсутствии каких-либо объяснений. Самыми эффективными приемами в плане формирования представления о порядочности предпринимателя оказались дискурсы типа:

«Помог другу» и «Плохо пошли дела». Самыми неэффективными были: «В бизнесе долги не отдают», «Тот, у кого занимались деньги, сам долги не отдает», «Виноват бухгалтер».

В случае вынесения суждений о моральных качествах предпринимателя (склонность совершать неэтичные поступки, будущая вероятность их совершения, порядочность) извинения демонстрируют более высокую эффективность с точки зрения создания позитивного, социально приемлемого облика предпринимателя. Например, средний балл извинений при оценке порядочности предпринимателя равен 2,92, средний балл оправданий – 2,56. Таким образом, человеку, не отрицающему аморальность поступка, а пытающемуся снять с себя ответственность за его совершение («*Не подумал о последствиях*», «*Не проконтролировал*» и т. п.), удастся сохранить достаточно позитивное впечатление в глазах окружающих. Если же он старается оспаривать аморальность поступка, приводя различные доводы в пользу его обоснованности, то подобная стратегия провоцирует у окружающих негативную оценку его морального облика. Конечно, из этого правила есть исключения: умело подобранное оправдание поступка (в нашем случае это ссылка на необходимость помочь другу) позволяет сохранить позитивное отношение окружающих.

Рассмотрев вопросы эффективности различных приемов аполוגизации, обратимся к анализу влияния личностных особенностей объекта воздействия на их эффективность. Вычислялись коэффициенты корреляции между этическими оценками поступка и лица его совершившего и переменными, характеризующими индивидуально-психологические особенности объекта воздействия. Как показал корреляционный анализ, наибольшее количество значимых корреляций с этическими оценками имели такие переменные, как утилитаризм (6 корреляций) и этический формализм (6 корреляций). Свое влияние на эффективность приемов аполוגизации оказывали также доверие к людям (5 корреляции), этический цинизм (2 корреляции), вера в справедливость мира (3 корреляции), локус контроля (2 корреляции).

Обращает на себя внимание тот факт, что утилитаризм имел значимые корреляции только в тех ситуациях, когда для аполугизации использовалось извинение. Напомним, что при извинении человек, признавая неэтичность поступка, пытается тем или иным способом снять с себя ответственность за его совершение. В нашем исследовании респондентам предъявлялись три варианта извинения: «*забыл*», «*виноват бухгалтер*», «*плохо пошли дела*». Оказалось, что чем выше у респондентов были значения по шкале утилитариз-

ма, тем ниже они оценивали этичность поступка и порядочность лица, его совершившего. Таким образом, на людей с выраженным утилитаризмом извинения действовали слабо. «Этические формалисты», вне зависимости от предлагаемых вариантов аполлогизации, весьма критически и осуждающе относились к совершенному проступку – невозвращению долга в срок. Исключение составила лишь ситуация, в которой причиной указанного поступка была необходимость помочь другу. Подобный просоциальный поступок был расценен «этическими формалистами» как вполне приемлемое оправдание совершенного действия и указанная зависимость не прослеживалась.

В отношении лиц, признающих справедливость мира, оказались эффективны приемы аполлогизации, при использовании которых субъект воздействия стремился принизить свою ответственность за совершение неэтичного поступка. Приемы аполлогизации типа «*плохо пошли дела*» и «*забыл*» оказались эффективны в отношении лиц с интернальным локусом контроля, т. е. считающих, что за жизненные успехи и неудачи ответственен сам человек, а не некоторые внешние силы. Использование указанных приемов вызывало у респондентов (объектов воздействия) значимое изменение оценок порядочности предпринимателя. На лиц с повышенной доверчивостью к людям действовали следующие приемы аполлогизации: «*виноват бухгалтер*» (извинение), «*отдал деньги другу*» (оправдание), «*забыл*» (извинение). На лиц с высокими баллами по индексу этического цинизма действовал такой вариант оправдания, как «*сам не отдает долги*» и не действовал такой прием, как «*забыл*» (извинение).

Анализ влияния различных приемов аполлогизации на оценку неэтичного поступка и моральных качеств совершившего его лица позволил выявить приемы, наиболее эффективные и, напротив, недейственные в плане формирования позитивного впечатления о предпринимателе и его поступке. Установлено, что, помимо собственно «качества» приемов аполлогизации, их эффективность зависела от индивидуально-психологических характеристик объекта воздействия. Следует отметить, что характеристики, релевантные теме, – аполлогизация неэтичного поведения (утилитаризм, этический формализм) оказывали более ощутимое влияние на эффективность приемов аполлогизации, по сравнению с характеристиками, не столь близко связанными с ней (справедливость мира, локус контроля, доверие к людям). Проведенное исследование показало, что использование такого методического приема, как метод виньеток, позволяет получить новые данные о закономерностях психологического воздействия межличностного дискурса.

Литература

- Григорян Л. К., Горинова Е. В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // Социальная психология и общество. 2016. № 2. С. 142–157.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М., 2011.
- Латынов В. В. Средства воздействия и личностные характеристики его объекта как факторы эффективности психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М., 2014. С. 222–240.
- Латынов В. В. Психологические закономерности объяснения неэтичных поступков // Психологический журнал. 2015. № 1. С. 61–70.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2016.
- Ушакова Т. Н. и др. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000.
- Brady F. N., Wheeler G. E. An empirical study of ethical predispositions // Journal of Business Ethics. 1996. V. 15. P. 927–940.
- Fesser K. B. Normative influence on athletes' intentions to intervene in sports. University of Saskatchewan, 2015. URL: <https://ecommons.usask.ca/bitstream/handle/10388/ETD-2015-08-2143/FESSER-THE-SIS.pdf?sequence=4> (дата обращения: 10.05.2017).
- Rubin Z., Peplau L. A. Who believes in a just world? // Journal of Social Issues. 1975. № 31. P. 65–89.
- Spalding N., Phillips T. Exploring the use of vignettes: from validity to trustworthiness // Qualitative Health Research. 2007. V. 17. P. 954–962.

The method of vignettes in the study of interpersonal discourse

V. V. Latynov (Moscow)

Candidate of psychological sciences, senior researcher officer,
Institute of psychology of RAS

The possibilities and limitations of the vignette method are considered. The results of the study of interpersonal discourse conducted using this method are presented. The purpose of the study was to analyze the factors affecting the effectiveness of the explanation (apologization) of unethical acts. Participants (N=153 people) were offered the technique “Behavior

in ethically ambiguous situations". To diagnose the individual psychological characteristics of the respondents, a questionnaire of ethical dispositions, the questionnaire Faith in a Just World, an index of trust in people, and an index of ethical cynicism were used. Significant differences in the effectiveness of various methods of apologization have been revealed. In addition to the "quality" of the methods of apologizing, their effectiveness depended on the individual psychological characteristics of the object of influence. Significant in this regard were worldview (justice of the world, the locus of control, trust in people) and ethical (ethical formalism, utilitarianism, ethical cynicism) personality characteristics.

Keywords: vignette method, discourse, psychological impact, unethical behavior, excuse, justification.

Эффекты и закономерности психологического воздействия массмедийного дискурса

В. В. Латынов (Москва)

*кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: vladlat5@lenta.ru*

В статье рассматриваются эффекты и закономерности психологического воздействия массмедийного дискурса. Показано, что эффективность воздействия массовой коммуникации во многом определяется тем, на какие аспекты психики оно направлено. Как правило, труднее изменить поведение человека, нежели его мнения и оценки. Однако и в отношении поведения имеются многочисленные свидетельства эффективного воздействия массмедийного дискурса. К факторам, благоприятствующим его воздействию, относятся: степень погруженности человека в информационный поток, наличие личного опыта, связанного с темой массмедийного дискурса, идентификация с массмедийными персонажами, личностные и социокультурные особенности человека, мотивация выбора человеком конкретного СМИ, реалистичность массмедийного содержания для субъекта, количество альтернативных источников информации.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, массовая коммуникация, психологическое воздействие, средства массовой информации, эффективность воздействия, закономерности психологического воздействия.

Воздействие массмедийного дискурса пронизывает все стороны жизни общества. Оно является значимым элементом таких сфер общественной жизни, как политика, экономика, здравоохранение, экология. Проблема психологического воздействия массмедийного дискурса в современном обществе давно уже вышла за рамки науки. Активная медиатизация современной жизни придает ей особую

остроту. Насколько выражено воздействие массовой коммуникации на психику людей, в какой степени изменяются картина мира человека, его эмоции и поведение под воздействием сообщений СМИ, – вот вопрос, поиском ответа на который в течение многих десятилетий заняты как психологи, так и социологи, политологи, лингвисты.

Существуют различные точки зрения по данному вопросу: от оценки массмедийного воздействия как несущественного до постулирования выраженной зависимости представлений и поступков людей от массовой коммуникации (Латынов, 2013). Однако с каждым годом появляется все больше эмпирических исследований, обнаруживающих ощутимые эффекты психологического воздействия массмедийного дискурса.

Так, были получены данные о воздействии массовой коммуникации на позицию людей в отношении распространенности насилия и преступности в обществе, восприятия преступлений и оценки деятельности полиции, страха людей перед преступностью (Латынов, 2014б). Например, новости криминальной тематики, передаваемые американскими телеканалами, влияли на озабоченность людей проблемой преступности, оценки распространенности преступности, а также на их отношение к неграм. Ученые, обобщив результаты многих исследований, пришли к выводу о том, что массовая коммуникация оказывает определенное, хотя и не очень выраженное, воздействие на восприятие человеком социальной реальности (Латынов, 2013). Р. Хавкинс и С. Пингри (1981), проанализировав результаты 41 исследования, обнаружили, что существует определенная взаимосвязь между транслируемым СМИ образом реальности и представлениями о ней людей. Еще один мета-анализ, проведенный М. Морганом и Дж. Шанаханом в 1997 г., дал сходные результаты: имеется постоянный и статистически значимый психологический эффект от просмотра телевидения.

Исследования показали, что СМИ не только формируют представления людей о социальной реальности, но и воздействует на оценки и суждения, касающиеся более близких личности сфер (Латынов, 2014б). Так, просмотр роликов, в которых товары рекламировались молодыми и красивыми моделями, способствовал тому, что зрители начинали более высоко оценивать роль внешней привлекательности как фактора личного благополучия и успеха отношений с противоположным полом. Просмотр видеоклипов, в которых действовали стройные участницы, вызывал у молодых негритянок неудовлетворенность собственным телом и желание стать более стройными. Следует отметить, что указанная зависимость отмечалась только у негритянок с низким уровнем этнической идентичности.

О неспецифическом влиянии рекламы на психику молодежи свидетельствуют и результаты исследования К. Лютер (2009). Зрители, прежде всего молодые, стремились сравнивать себя с рекламируемыми товарами моделями. Выраженность подобной установки на сравнение была связана со степенью значимости для человека физической привлекательности и такой личностной чертой, как публичное самосознание. В работе С. Барана и В. Бласко (1984) зафиксировано влияние рекламы на ожидания, касающиеся отношений с другим полом. В зависимости от того, какой автомобиль был у юноши и какой зубной пастой он пользовался, ему приписывалось различное поведение в вымышленной ситуации ухаживания. Например, владелец «Шевроле-Камаро», чья реклама была агрессивна и напориста, вел себя более активно и несдержанно, чем обладатель более спокойно рекламируемой «Хонды-Аккорд». Любители «мыльных» опер становились более единомышленными в оценках типов личных проблем, вероятнее всего возникающих у людей (Латынов, 2013).

Массмедийный дискурс может вызывать изменения не только представлений и установок людей, но и их поведения. Зрители, не являющиеся донорами, после просмотра телевизионных сериалов, в которых донорство органов было позитивно подано, с большей вероятностью принимали решение о собственном донорстве (Morgan et al., 2009). Эмоциональная вовлеченность испытуемых в просмотр сериалов о врачах, диагностируемая специальным опросником, благоприятствовала принятию ими решения разрешить использовать их органы после смерти для пересадки другим людям.

Об эффективности массмедийного воздействия говорят и результаты исследований кампаний по охране здоровья и борьбе с вредными привычками (Латынов, 2014а). Мета-анализ 48 работ, в которых изучались поведенческие эффекты массмедийных профилактических кампаний, выявил, что после их проведения количество лиц, выполняющих предлагаемые рекомендации по здоровому образу жизни, возрастает на 9%. Анализ эффективности 29 кампаний, проводившихся в США с 1980 по 1994 г. показал, что 69% кампаний (20 из 29) имели положительный результат в плане изменения поведения людей.

К выводу о том, что профилактические кампании оказывают слабое, но все-таки значимое позитивное воздействие на поведение людей, приходят и Л. Снайдер с соавт. (Snyder et al., 2004). Интересные данные были получены этими авторами в отношении сравнительной эффективности таких кампаний. Наиболее результативными были кампании по использованию детских кресел в автомобилях и охране здоровья зубов; средняя результативность оказалась

у кампаний по борьбе с употреблением алкоголя; низкая – у кампаний, направленных на коррекцию привычек, связанных с сексуальным поведением, борьбу с курением, профилактику онкологических заболеваний, предотвращение болезней сердечно-сосудистой системы.

Результативность воздействия массовой коммуникации во многом определяется тем, на какую область человеческой психики оно направлено. Когнитивные, эмоциональные и поведенческие структуры индивида обладают различной «податливостью» коммуникативному воздействию. Как правило, труднее изменить поведение человека, нежели его мнения и оценки. Однако, например, в отношении агрессивного поведения имеются достоверные свидетельства влияния показа насилия по телевизору на проявления реальной агрессивности (Латынов, 2013).

В наши дни исследователи массовой коммуникации стремятся не просто обнаружить эффекты воздействия массмедийного дискурса, но и выявить переменные, влияющие на их выраженность. Список такого рода промежуточных переменных оказался весьма широк: наличие личного опыта, связанного с темой массмедийного дискурса; степень реалистичности для субъекта телевизионного содержания; глубина идентификации с телевизионными героями; интеллект и др. (Латынов, 2014б; Психологическое воздействие..., 2014).

Существенную роль, с точки зрения оценки эффективности психологического воздействия массовой коммуникации, играет степень погруженности человека в информационный поток. Эмпирически установлена следующая закономерность: при низкой и средней степени включенности людей (измеряемой количеством времени, затрачиваемого на просмотр, чтение, прослушивание материалов СМИ) в массмедийный дискурс его воздействие на их мнения, оценки и действия, как правило, незначительно (Wimmer, Dominick, 2009). Однако в отношении тех людей, которых трудно оторвать от телевизора, газет или радио, наблюдается скачкообразное возрастание эффективности воздействия массовой коммуникации.

Кроме того, оказалось, что более важную роль в плане результативности воздействия массовой коммуникации играет время, затрачиваемое на просмотр программ определенного жанра, а не общее время просмотра телевизора. Для человека, который смотрит телевизор 20 часов в неделю (все это время детективные сериалы), эффект воздействия СМИ (например, появление неадекватных оценок уровня преступности) будет более выражен по сравнению с человеком, посвящающим телевизору 80 часов в неделю (в том числе детективным сериалам те же 20 часов).

Определенную роль в порождении эффектов массмедийного воздействия играют и личностные особенности человека. Р. Наби и К. Риддл, исследуя влияние на выраженность массмедийных эффектов таких черт личности, как тревожность, психотизм и поиск стимуляции, обнаружили, что наиболее подвержены воздействию массовой коммуникации нетревожные и ориентированные на поиск стимуляции люди (Nabi, Riddle, 2008). Наряду с личностными особенностями, следует принимать в расчет и межкультурные различия в подверженности массмедийному воздействию. Эффективность воздействия массмедийного дискурса в отношении представителей различных культур может существенно различаться (Латынов, 2014б). Так, американцы в сравнении с корейцами оказались более подвержены воздействию рекламных сообщений, подчеркивающих личную выгоду от приобретения товара. Напротив, реклама, указывающая на полезность товара для родных и знакомых, более эффективна в отношении корейцев.

Согласно предложенной Ю. Ван Евра (1990) многофакторной модели, в качестве важных факторов, влияющих на выраженность эффектов воздействия СМИ, выступают мотивация выбора человеком конкретного СМИ, реальность для субъекта массмедийного содержания, количество альтернативных источников информации, длительность обращения к СМИ (VanEvra, 1990). По мнению автора, максимальный эффект от массмедийного воздействия достигается в том случае, когда обращение к СМИ побуждается потребностью в информации, отсутствуют альтернативные источники информации, а человек верит в реальность массмедийной «картинки» и много времени уделяет СМИ.

Интересный подход к анализу механизмов психологического воздействия массовой коммуникации реализован в теории транспортиции (Green, Brock, 2000). Эта теория была разработана именно с целью объяснения воздействия на психику человека нарративов – художественных произведений в печатной и аудиовизуальной форме. Существительное «транспортиция» является «калькой» английского слова «transportation» (от глагола «transport» – увлекать, приводить в состояние восторга, ужаса и пр.). Таким образом, транспортиция представляет собой особое состояние погруженности в мир художественного произведения, характеризующееся сдвигом фокуса внимания от реального мира к миру нарратива, появлением образов и эмоциональных реакций, связанных с изображенной в произведении реальностью.

Для выяснения того, в какой степени человек оказывается погруженным в мир нарратива, разработаны специальные мето-

дики (Green, Brock, 2000). Активно изучаются различные детерминанты и корреляты состояния транспортиции. Так, М. Грин с соавт. (2008) исследовали роль такой индивидуальной особенности, как потребность в познании (need for cognition) в качестве коррелята состояния транспортиции. Потребность в познании – это стабильная индивидуальная особенность, проявляющаяся в ориентации человека на тщательный и подробный анализ поступающей к нему информации. Было обнаружено, что люди с высокой потребностью в познании оказались более погруженными в мир художественного произведения при его чтении, а люди с низкой потребностью в познании – при просмотре его экранизации.

Следует отметить, что при изучении эффектов и закономерностей воздействия СМИ имеет значение даже такая, на первый взгляд, несущественная переменная, как когнитивная установка человека – участника исследования (Shrum, 2001). В ситуации ответа на вопросы анкеты он может быть ориентирован либо на использование эвристических (т. е. простых правил, сокращающих время, однако порождающих далеко не оптимальные решения), либо на систематический и вдумчивый подход к поставленной задаче. В том случае, когда исследования по выявлению массмедийных эффектов проводились в форме телефонного опроса (а значит, действовал фактор дефицита времени, побуждающий человека к использованию эвристических), величина эффекта оказывалась выше, по сравнению с исследованиями, основанными на полученных по почте данных (что позволяло респондентам проводить систематический анализ релевантной информации).

Современные исследования психологического воздействия массмедийного дискурса свидетельствуют о том, что его эффективность во многом определяется тем, на какие аспекты личности оно направлено. Существует гораздо больше данных об изменении под воздействием СМИ представлений и оценок людей, нежели их поведения. Однако и в отношении поведения имеются достоверные свидетельства эффективного воздействия массмедийного дискурса. К факторам, благоприятствующим его воздействию, относятся: степень погруженности человека в информационный поток; наличие личного опыта, связанного с темой массмедийного дискурса; глубина идентификации с телевизионными героями; личностные и социокультурные особенности человека; мотивация выбора человеком конкретного СМИ; реалистичность массмедийного содержания для субъекта; количество альтернативных источников информации.

Литература

- Латынов В. В. Психология коммуникативного воздействия. М., 2013.
- Латынов В. В. Пропагандистское воздействие на примере здорового образа жизни // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлёва, Н. Д. Павловой. М., 2014. С. 347–371.
- Латынов В. В. Психологическое воздействие массмедийного дискурса // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлёва, Н. Д. Павловой. М., 2014. С.11–31.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М., 2014.
- Green M. C., Brock T. C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 79. P. 701–721.
- Morgan S. E., Movius L., Cody M. J. The power of narratives: The effect of entertainment television organ donation storylines on the attitudes, knowledge, and behaviors of donors and nondonors // *Journal of Communication*. 2009. V. 59. P. 135–151.
- Nabi R., Riddle K. Personality traits, television viewing and the cultivation effect // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2008. V. 52 (3). P. 327–348.
- Shrum L. Processing strategy moderates the cultivation effect // *Human Communication Research*. 2001. V. 27 (1). P. 94–120.
- Snyder L. B., Hamilton M. A., Mitchell E. W., Kiwanuka-Tondo J., Fleming-Milici F., Proctor D. A meta-analysis of the effect of mediated health communication campaigns on behavior change in the United States // *Journal of Health Communication*. 2004. V. 9. P. 71–96.
- Van Evra J. Television and child development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1990.
- Wimmer R. D., Dominick J. R. Mass Media Research: An Introduction. Boston, MA: Cengage Learning, 2010.

Effects and regularities of the psychological impact of mass media discourse

V. V. Latynov (Moscow)

Candidate of psychological sciences, senior researcher officer,
Institute of psychology of RAS

The article examines the effects and patterns of the psychological impact of mass media discourse. It is shown that the effectiveness of the impact of mass communication is largely determined by the extent to which it is directed to the human psyche. As a rule, it is more difficult to change a person's behavior, rather than his opinions and assessments. However, in relation to behavior, there is reliable evidence of the effective impact of mass media discourse. The factors favoring the impact of the mass media discourse include: the depth of the person's immersion in the information flow, the availability of personal experience related to the theme of the mass media discourse, the depth of identification with television heroes, personal and cultural characteristics of a person, the motivation for choosing a particular media, the subjective realism of mass media content, alternative sources of information.

Keywords: mass media discourse, mass communication, psychological influence, mass media.

Неравновесность интеграции и дифференциации речемыслительных функций у детей-билингвов в период после дошкольного возраста¹

Д. С. Медведева, В. Ю. Хотинец** (Ижевск), Б. А. Вяткин*** (Пермь)*

** аспирантка кафедры общей психологии
Удмуртского государственного университета;
e-mail: medvedevadarya23@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
общей психологии Удмуртского государственного университета;
e-mail: khotinets@mail.ru*

**** доктор психологических наук, профессор,
научный руководитель Института психологии
Пермского государственного гуманитарно-педагогического
университета; e-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com*

На основе дифференционно-интеграционного подхода средствами регрессионного и дисперсионного анализов установлено, что с момента целенаправленного обучения речи развитие речемыслительных функций у детей (N=80) с естественным билингвизмом (бессистемным и неосознанным владением обоими языками с раннего детства в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской, татарско-русской) происходит через интенсивную их интеграцию. Результаты демонстрируются в сравнении с детьми-монолингвами (N=43), социализирующимися в своей этнокультурной среде, у которых этот процесс характеризуется как экстенсивная дифференциация различных видов мышления.

Ключевые слова: билингвизм, монолингвизм, речемыслительные функции, речевое развитие, мышление, интенсивное/экстенсивное развитие.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ отделения гуманитарных и общественных наук, проект № 17-16-59007а (р).

Постановка проблемы

Вопрос о соотношении интеграции и дифференциации психических функций в развитии детей в свете современных воззрений постнеклассической научной рациональности требует поиска новых ответов. В каких случаях эти взаимодействия и отношения являются синергичными или же взаимно подавляющими друг друга, а в каких одни отношения доминирует над другими со сдерживающим эффектом, обеспечивая себе «жизненный» ресурс? (Поддяков, 2007).

Развиваемый Н. И. Чуприковой (1997) дифференционно-интеграционный подход опирается на положение о том, что умственное развитие ребенка подчиняется принципу системной дифференциации как универсальному принципу развития органических систем. При образовании сложных психических функций изначально существующее недифференцированное целое служит материалом для формирования дифференцированных подструктур, впоследствии объединяющихся в новую интегрированную целостность.

Согласно мнению Н. Н. Поддякова (1997), в дошкольном возрасте происходит доминирование процессов интеграции, являющихся основой целостности любых психологических структур, над дифференциацией. Интеграционные процессы, интенсивно развивающиеся во всех сферах психики ребенка, становятся основой возникновения целого ряда важных психических новообразований (речи, мышления, произвольного поведения и т. д.), подчиняющих себе, регулирующих и координирующих функционирование и развитие образований более низкого уровня (психических, физиологических).

В ряде работ (Пьянкова, 2009; и др.) когнитивная интегрированность и дифференцированность исследуются по аналогии с «собщающимися сосудами», где рост (снижение) когнитивной интегрированности сопряжен с одновременным снижением (ростом) дифференцированности, и наоборот. Результаты подтверждают гипотезу о том, что меньшая когнитивная дифференцированность характерна для ранней стадии развития и для стадии формирования развитой системной целостности.

С позиций А. Н. Поддякова (2007), для описания систем более адекватным является представление о неравновесном отношении между интеграцией и дифференциацией. В связи с этим системы можно подразделить на два типа в соответствии с преобладанием того или иного вида развития на данном этапе. Развитие систем первого типа идет в основном через формирование новых нижележащих уровней, подчиняющихся существующим. Развитие систем второго типа связано преимущественно с возникновением новых,

более высоких уровней, берущих на себя координацию и перестройку функционирования нижележащих. Подчеркивается, что большинство реальных систем развивается в обоих направлениях, однако одно из них может преобладать. Б. А. Вяткин и Л. Я. Дорфман считают, что направленность неравновесности процессов интеграции и дифференциации в развитии системы фиксируется эффектами полиморфизма и изомерии в отношениях между свойствами различных уровней системы (Вяткин, Дорфман, 2017).

В этом ключе становятся актуальными вопросы, касающиеся взаимодействия процессов интеграции и дифференциации речемыслительных функций детей-билингвов в период после дошкольного возраста, когда они включаются в учебно-познавательную деятельность и начинают активно овладевать, как родным, так и вторым языками (Хотинец, 2012). Для объяснения затруднений и ошибок, связанных с овладением вторым языком, используется понятие «промежуточный язык» (С. Кордер, Л. Силинкер) как отдельная целостная языковая система, составленная из правил, полученных с помощью разных стратегий, в частности упрощения, сверхобобщений, переноса. Согласно А. А. Залевской (1999), промежуточный язык есть развивающаяся промежуточная языковая система последовательных аппроксимаций с принципиальными характеристиками системности и динамичности, приближающимися к системе второго языка. Должно быть, становление системы промежуточного языка определенным образом влияет на динамику процессов интеграции и дифференциации в речемыслительной деятельности детей-билингвов.

Процедура и методика эмпирического исследования

В связи с вышесказанным *цель* настоящей работы – изучение особенностей взаимодействия процессов интеграции и дифференциации речемыслительных функций у детей-билингвов в период после дошкольного возраста для раскрытия возможностей их развития.

Исследовательская *гипотеза* заключалась в предположении о том, что для детей-билингвов с началом организованного обучения и овладения родным и вторым языками в ходе учебно-познавательной деятельности характерна интенсивная интегрированность речемыслительных функций.

Выборка исследования

В эмпирическом исследовании (сентябрь–октябрь 2016 г.) участвовали:

- *дети дошкольного возраста* (всего 48 чел., 26 мальчиков, 22 девочки) от 5 до 6 лет ($M=5,6$, $Med=6$, $SD=0,49$), являющиеся воспитанниками детских дошкольных учреждений г. Ижевска; среди них: 1) с естественным билингвизмом (бессистемным и неосознанным владением обоими языками с раннего детства в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской, татарско-русской) из национальных групп – 30 чел., 2) монолингвы, владеющие только родным русским языком – 18 чел.;
- *дети младшего школьного возраста* (всего 75 чел., 32 мальчика, 43 девочки) от 6 до 8 лет ($M=7,4$, $Med=7$, $SD=0,63$), обучающиеся в общеобразовательных учреждениях г. Ижевска; среди них: 1) с естественным билингвизмом из национальных классов гимназий – 50 чел., 2) монолингвы, владеющие только родным русским языком – 25 чел.

Методика и процедура исследования

Для исследования речемыслительных функций применялась методика Л. А. Ясюковой «Определение готовности к школе. Прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе» (в русскоязычном варианте). Каждый блок методики содержит задания на исследование мыслительных и речевых операций, выполнение которых позволяет диагностировать следующие показатели: речевое развитие, визуальное (линейное) мышление, визуальное (структурное) мышление, понятийное интуитивное мышление, понятийное логическое мышление, понятийное речевое мышление, понятийное образное мышление, абстрактное мышление.

Результаты исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика, регрессионный анализ (линейная регрессия), одномерный и многомерный однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). В обеих процедурах в качестве независимой переменной рассматривался показатель речевого развития, зависимых переменных – показатели семи видов мышления: визуальное (линейное), визуальное (структурное), понятийное интуитивное, понятийное логическое, понятийное речевое, понятийное образное, абстрактное.

Показателями интеграции/дифференциации речемыслительных функций в первом случае являлись сплоченность (связь) функций, подстройка их друг к другу, во втором – взаимосвязь различных функций, появление новых функций (Волкова, 2014). Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 11.5 for Windows.

Результаты исследования

В результате измерения уровня речевого развития детей в каждой из обследованных групп с использованием методики Л. А. Ясюковой в русскоязычном варианте установлено, что в дошкольном возрасте речевое развитие у детей-билингвов приближается к среднему уровню с некоторыми затруднениями и ошибками в русской речи, у детей монолингвов зафиксирован уровень выше среднего с активным словарным запасом и грамматическим строем русской речи; в школьном возрасте у детей-билингвов – уровень ниже среднего, свидетельствующий о наличии определенных проблем в овладении русской речью, у детей монолингвов – средний уровень, достаточный для обучения по общеобразовательной программе начальной школы.

По данным линейной регрессии в группе детей-билингвов дошкольного возраста выявлена отрицательная связь ($B = -0,640$) между независимой (речевое развитие) и зависимой (визуальное, структурное мышление) ($F = 4,637$, $p = 0,041$; $R^2 = 0,156$) переменными. В свою очередь, у детей, первичная социализация которых осуществляется в русскоязычной среде, речевое развитие становится предиктором понятийного речевого ($F = 21,875$, $p = 0,0001$; $R^2 = 0,578$) и понятийного интуитивного ($F = 11,273$, $p = 0,004$; $R^2 = 0,413$) мышления.

Данные многомерного однофакторного дисперсионного анализа (тест Левена на равенство дисперсий показал однородность дисперсии для каждой зависимой переменной в обеих выборках) с учетом критерия «след Пиллая» позволили отклонить нулевую гипотезу о том, что между сравниваемыми группами в выборке младших школьников-билингвов не наблюдается различий для независимой переменной – речевое развитие ($p = 0,018$) (см. таблицу 1). В группе младших школьников-монолингвов суммарный эффект независимой переменной на показатели мышления получил недостоверное значение ($p = 0,268$). По результатам одномерных тестов для каждого вида мышления в этой группе детей влияние речевого развития проявляется статистически достоверно в отношении понятийного образного ($p = 0,016$) и понятийного логического ($p = 0,016$) мышления.

По результатам установлено, что у дошкольников с бессистемным и неосознанным овладением, как родным, так и русским языками показатель речевого развития находится в антагонистических отношениях с показателем мышления, обеспечивающего закономерные взаимосвязи в организации элементов образов и оперировании этими закономерностями. По мнению А. Н. Поддьякова (2007), об-

Таблица 1

Результаты однофакторного многомерного дисперсионного анализа в группе младших школьников-билингвов

Эффект		Значение	F	Гипотеза df	Ошибка df	Значимость
Отрезок	След Пиллая	0,982	329,506	7,000	42,000	0,000
	Лямбда Уилкса	0,018	329,506	7,000	42,000	0,000
	След Хоттелинга	54,918	329,506	7,000	42,000	0,000
	Максимальный характеристический корень по методу Роя	54,918	329,506	7,000	42,000	0,000
Речевое развитие	След Пиллая	0,317	2,782	7,000	42,000	0,018
	Лямбда Уилкса	0,683	2,782	7,000	42,000	0,018
	След Хоттелинга	0,464	2,782	7,000	42,000	0,018
	Максимальный характеристический корень по методу Роя	0,464	2,782	7,000	42,000	0,018

разования новых уровней в системе могут включаться в конфликтные взаимодействия с образованиями предшествующих и только что возникших. В результате этого взаимодействия формируется целостность, характеризующаяся новым уровнем интегрированности и дифференцированности. Заметим, что процесс соединения мышления с речью начинается с появления внутренней речи ребенка, надлежащее развитие которой совершается в школьном возрасте (Выготский, 2003). Выявлено, что с началом целенаправленного изучения речи происходит интенсивная интеграция (подстройка по отношению друг к другу, сплоченность (Волкова, 2014)) речемыслительных функций.

В отношении детей-монолингвов, социализирующихся в своей этнокультурной среде, этот процесс характеризуется экстенсивным развитием через дифференциацию различных видов мышления (взаимосвязь различного, появление новых элементов) (Волкова, 2014). В дошкольном возрасте появляется принципиально новый вид мышления – наглядное интуитивное, по мнению Н. Н. Поддъякова (1997), не сводимое ни к одному из других видов мышления со своими особенными закономерностями становления и развития. В ходе организованного обучения, наряду с понятийным образным, появляется понятийное логическое мышление, что подтверждает классическую закономерность развития мышления в онтогенезе: у младших школьников появляется возможность перехода от оперирования

образами предметов к мысленному оперированию их наиболее существенными или актуальными свойствами и характеристиками. Л. С. Выготский (1935) был убежден, что правильно организованное обучение есть источник умственного развития детей – обучение, создающее зону ближайшего развития и вызывающее к жизни целый ряд таких процессов, которые вне обучения были бы вообще невозможными.

Заключение

В ходе эмпирического исследования получены данные о том, что в дошкольном возрасте у детей с естественным билингвизмом (бессистемным и неосознанным владением обоими языками) наблюдаются антагонистические отношения между речемыслительными функциями, тогда как в период после дошкольного возраста с момента целенаправленного обучения речи развитие функций происходит через их интенсивную интеграцию. У детей-монолингвов этот процесс можно характеризовать как экстенсивную дифференциацию различных видов мышления. Авторы статьи не претендуют на исчерпывающую полноту и окончательность сделанных выводов, но, тем не менее, считают, что полученные результаты дают ориентир в исследовательском поиске решений поставленной проблемы.

Литература

- Волкова Е. В.* Единство дифференционно-интеграционных механизмов развития специальных способностей и креативности в контексте роста научных знаний // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 54–70.
- Выготский Л. С.* Основы дефектологии. СПб., 2003.
- Выготский Л. С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. М.–Л., 1935.
- Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я.* Теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина: история и современность // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 2. С. 145–160.
- Завская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 301–303.
- Поддьяков А. Н.* Сравнительная психология развития Х. Вернера в современном контексте // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 63–72.
- Поддьяков Н. Н.* Доминирование процессов интеграции в развитии детей дошкольного возраста // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 103–111.

- Пьянкова С. Д. Когнитивное развитие и самоорганизация // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма / Сост. Н. И. Чуприкова. М., 2009. С. 103–115.
- Хотинец В. Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: Учебное пособие. М., 2012.
- Чуприкова Н. И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации. М., 1997.

Imbalance between integration and differentiation of speech and thinking functions in bilingual children after pre-school age

*D. S. Medvedeva**, *V. Yu. Khotinets*** (Izhevsk),
*B. A. Vyatkin**** (Perm)

* Postgraduate at the Department of General psychology of the Udmurt state University

** Doctor of psychological sciences, Full professor, Head of the Department of General psychology of the Udmurt state University

*** Doctor of psychological sciences, Full professor, scientific adviser of Psychological Institute of Perm state humanitarian-pedagogical University

On the basis of differential-integrational approach, regression and dispersion analysis, it is stated that starting with purposeful speech development, speech and thinking functions of natural bilingual children (N=80) (that is unconscious use of both languages since childhood as a result of communications in bilingual Udmurt-Russian or Tatar-Russian environments) are developed through their intensive integration. The research findings are demonstrated in comparison with monolingual children (N=43), who are socialized in their ethno-cultural environment. With them, this process is characterized as an extensive differentiation of various types of thinking.

Keywords: bilingualism, monolingualism, speech and thinking functions, speech development, thinking, intensive/extensive development.

Голоса мастеров сценического искусства в экспериментальных исследованиях¹

В. П. Морозов (Москва)

доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: mail@vmorozov.ru

В статье приводятся сравнительные компьютерные исследования мужских голосов известных актеров театра и кино, а также певцов – ведущих солистов Большого театра России. В качестве объективных характеристик голоса используются особенности его спектра как объективного эквивалента тембра и показателя эстетических свойств голоса – звонкости и полётности. Выявлены индивидуальные особенности спектров голоса и типологические групповые различия актеров и певцов. Обнаружено, что в голосах певцов доминируют по амплитуде высокие обертоны (2400–2700 Гц), определяемые понятием «высокая певческая форманта», придающая голосу звонкость и полётность, а в голосах актеров более выражена «высокая речевая форманта» (ок. 1000–1500 Гц), придающая голосу хорошую разборчивость, дикцию и в известной степени также полётность. Указанные различия статистически достоверны. Результаты объясняются с позиций специфики театрального и вокального искусства, а также резонансной теории искусства пения и речи.

Ключевые слова: речь, пение, тембр, полётность голоса, спектральный анализ

Постановка проблемы

Основатель нашего Института, Б. Ф. Ломов, в качестве важнейшей проблемы выделил проблему *общения*, назвав ее «базовой категорией... логическим центром общей системы психологической проб-

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0009.

лематики» (Ломов, 1984, с. 242–243). Он также выделил ряд других важных психологических проблем, которые начали разрабатываться в лабораториях Института и продолжают успешно разрабатываться в настоящее время. В числе значимых Борис Федорович обозначил и проблему психологии искусства и невербальной коммуникации.

Важнейшим средством общения является, как известно, речь, включающая в себя как вербальные средства (слова), так и невербальные (интонационно-тембровые, эмоционально-эстетические и другие особенности голоса), изученные в несравненно меньшей степени, чем вербальные. В этой связи проблема невербальной коммуникации с 1987 г. разрабатывается автором этой статьи и сотрудниками на модели обычной разговорной, а также вокальной (искусство пения) и актерской речи (Морозов, 2011). Исследования проводятся нами в рамках тематики Лаборатории психологии речи и психолингвистики (Павлова, Журавлев, 2014, с. 5–7).

Тема искусства пения и речи относится не только к невербальной коммуникации, но и к психологии художественного творчества и в этой связи близка проблеме одаренности и психологии творчества, интенсивно разрабатывавшейся Я. А. Пономаревым (Пономарев, 1976), а в настоящее время – Д. В. Ушаковым (Ушаков, 2005; Журавлев, Ушаков, Холодная, 2015). Существует также глубокая эволюционная связь вербального и невербального – невербальный язык художественного творчества нередко проявляется и у представителей мыслительного типа личности (Художественный тип человека, 1994). Основным носителем невербальных свойств речи является голос.

О «загадочном» свойстве голоса

Предметом нашего рассмотрения выступают практически неизученные в науке особенности голосов известных актеров и певцов. Так, удивительным свойством обладал голос известного итальянского актера Томмазо Сальвини. Как-то на даче его друзья, увлекшись охотой и уйдя в лес за километр от дома, опаздывали на обед. Сальвини вышел на террасу и позвал их своим обычным разговорным голосом, и они услышали его, как будто он находился рядом (Сальвини, 1971, с. 284). Описанный случай – реальный пример свойства голоса, известного под названием «полётность голоса».

В вокальном искусстве полётность голоса ценится чрезвычайно высоко, так как позволяет певцу, не слишком напрягая гортань, быть слышимым в большом концертном зале и даже на фоне музы-

кального сопровождения («резать оркестр», по выражению дирижера). Не говоря уже о том, что свободная ненапряженная гортань – это благо, которое сохраняет голос певца и актера на долгие годы сценического творчества. Любопытно, что бывают небольшие голоса, но хорошо слышимые в большом зале. И наоборот – большой, казалось бы, при восприятии вблизи голос плохо слышится в большом зале. В литературе, к сожалению, нам не удалось найти работ по исследованию полётности голоса.

Разгадке тайны полётности голоса мы посвятили не одно десятилетие (Морозов, 1977, 2012). В результате выяснилось, что одна из основных причин хорошей полётности голоса таится – в особенностях его обертонового состава, т. е. в *спектре звука*, который, в свою очередь, зависит от техники образования голоса и прежде всего – от *активности резонаторов* голосового аппарата. Роль резонаторов выполняют все воздухоносные полости: ротоглоточная, носовая, а также трахея и самый маленький резонатор – полость гортани (Морозов, 2008, 2013). В процессе речи или пения все эти резонаторы находятся в сложном взаимодействии, и их роль в усилении голоса и его полётности может быть весьма разной: от минимальной, не эффективной, до весьма эффективной, что зависит и от природных данных, и – главное – от совершенства метода обучения певца или актера.

Известно, что в спектре хорошего певческого голоса содержится группа высоких обертонов: около 2400–2700 Гц в мужских голосах и 2800–3200 Гц – в женских, что обозначается понятием «высокая певческая форманта» (ВПФ) (Sundberg, 2003; и др.). Нами было показано, что удаление из голоса певца высокой певческой форманты (с помощью полосовых акустических фильтров или специальной компьютерной программы) лишает его звонкости, серебристости тембра, полётности (Морозов, 2008). Сама же высокая певческая форманта в изолированном виде «прелестна, напоминает соловьиную трель», – как писала одна из слушательниц моих лекций. Соответственно, по уровню высоких обертонов в области высокой певческой форманты (2400–3200 Гц) можно судить о полётности, звонкости, как певческого, так и речевого (в том числе актерского) голоса.

Данная методика была реализована нами в настоящей работе. Были исследованы голоса группы актеров – Ф. Шаляпина (речевой голос), Ю. Левитана, К. Станиславского, В. Качалова, И. Прудовского, О. Басилашвили, Б. Щукина, Н. Черкасова и группы певцов – Ф. Шаляпина, Б. Христова, М. Рейзена, Н. Гяурова, А. Пирогова, Б. Гмыри, М. Михайлова, Е. Нестеренко, Е. Кибкало, П. Лисициана.

Основная терминология и методика исследования

Важнейшей характеристикой голоса актера или певца является его *тембр*, определяющий, наряду с внешностью, характер сценической роли актера и амплуа певца. Для изучения особенностей тембра голоса актеров и певцов применим общепринятый в научных исследованиях метод *спектрального анализа звука*. Термин «*спектр*» в данном случае является объективным акустическим эквивалентом термина «*тембр голоса*» и, вместе с тем, объективным показателем эстетических свойств голоса.

Графически спектр голоса изображается в виде обертонов голоса, т. е. вертикальных линий разной высоты и частоты, указанной на горизонтальной шкале снизу. Поясним это на примере спектра певческого голоса Шаляпина (рисунок 1).

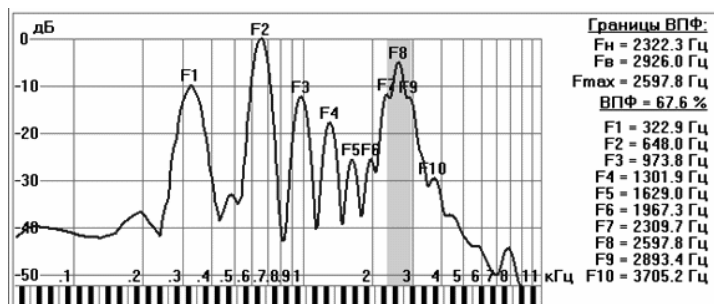

Рис. 1. Спектр обертонов певческого голоса Ф. Шаляпина, исполняющего романс М. И. Глинки «Сомнение».

Спектр гласной А (гласная А в слове «*жАрко*» во фразе: «...и *жАрко* с устами сольются...», нота *mi*¹) в форме *огibaющей*, т. е. линии проходящей по вершинам обертонов. F1, F2, F3 и т. д. – частота основного тона (F1) и обертонов (Гц). По *горизонтали* – логарифмическая шкала частот (кГц). ВПФ отмечена вертикальной полосой затенения. Цифровые обозначения справа: F_{max} – максимальное значение амплитуды ВПФ в герцах (Гц). По *горизонтали* снизу приведена также клавиатура рояля в масштабе, соответствующем значениям каждой из нот рояля в единицах частоты звуковых колебаний в герцах. По *вертикали* – относительный уровень интенсивности обертонов в децибелах (дБ). За 0 дБ принята величина наиболее выраженного по амплитуде обертона; в данном случае это второй обертон (F2). Вершина высокой певческой форманты (ВПФ) соответствует восьмому обертому (F8)

Термином «*форманта*» обозначается группа наиболее усиленных по амплитуде обертонов, придающих голосу особые тембровые

или фонетические качества. На рисунке 1 вертикальной полосой затенения выделена *высокая певческая форманта (ВПФ)* голоса Шаляпина, состоящая из трех обертонов: наиболее сильного обертона F8 (имеет частоту 2597,8 Гц) и двух менее сильных F7 (2309,7 Гц) и F9 (2893,4 Гц).

Высокая певческая форманта (ВПФ) особенно важна для певцов, так как придает голосу приятную на слух яркость, звонкость, серебристость тембра, а кроме того – хорошую *полётность*, т. е. свойство голоса хорошо слышаться в больших концертных залах и преодолевать маскирующее влияние музыкального сопровождения (оркестра, хора). Причина такого воздействия ВПФ на восприятие голоса состоит в том, что частота колебаний обертонов в области ВПФ соответствует максимальной чувствительности слуха человека. Поэтому хорошо выраженная ВПФ – один из основных объективных показателей профессионализма певца.

Измерение ВПФ можно производить в процентах ее электрического напряжения (мВ) в полосе прозрачности голосового 1/3 октавного фильтра по отношению к интенсивности всего спектра. В хороших мужских певческих голосах уровень ВПФ достигает 40–60% и более, а в речевых мужских голосах – существенно меньше (около 5–15% и более, как мы увидим на примерах голосов актеров).

Более низкие обертоны по отношению к ВПФ (в области 1000–2000 Гц) также важны, так как обеспечивают разборчивость (дикцию), четкость, ясность, громкость и в известной мере полётность голоса. У хороших актеров эта область спектра (1000–2000 Гц) хорошо выражена даже лучше, чем у певцов. По аналогии с термином «*высокая певческая форманта*» назовем эту область (1–2 кГц) *высокой речевой формантой (ВРФ)*.

В числе основных измеряемых характеристик спектра оценим степень выраженности в голосе высоких обертонов в области высокой певческой форманты – ВПФ (около 2400–2700 Гц), обуславливающих полётность голоса, и высокой речевой форманты (в области 1000–2000 Гц), также в определенной степени влияющей на полётность, но главным образом – на разборчивость (дикцию), ясность и четкость речи певцов и актеров.

Рассмотрим по этим показателям (ВРФ и ВПФ) как индивидуальные характеристики спектра голоса каждого из указанных выше мастеров сценического искусства, так и типологические особенности голосов актеров и певцов (по среднегрупповым значениям спектра). ВРФ будем оценивать так же, как и ВПФ, в процентах ее интенсивности в 1/3 октавной полосе спектра по отношению к ин-

тенсивности всего спектра в целом. Оценку спектров произведем по гласным А и О, как наиболее звучным, определяющим в основном силу и полётность голоса.

Особенности спектров речевых и певческих голосов Ф. Шаляпина и Ю. Левитана и других деятелей искусства

Ф. Шаляпин и Ю. Левитан – два величайших мастера сценического искусства, получившие всеобщее признание: Левитан – как диктор радио, а Шаляпин – как оперно-концертный певец. «Шаляпин стал басом-эталоном, и его имя облетело континенты», – писал о нем известный солист театра Ла Скала Дж. Лаури-Вольпи. Уровень ВПФ Шаляпина в пении достигает 67,6%, при уровне ВРФ 10,4% (см. рисунок 1).

Шаляпин обладал красивым органоподобным речевым голосом и изумительным певческим голосом, и сегодня мы можем его слышать и изучать, в том числе и объективными компьютерными методами. К счастью, сохранилась единственная запись речевого голоса Шаляпина, сделанная им в Америке в 1922 г. Это стихотворение С. Надсона «Грезы», в котором речь идет о певце (паже), покрывшем своим пением королеву и толпу придворных. Уровень ВПФ в речевом голосе Шаляпина достигает 37,1% при ее среднем уровне 23,7%. Средний уровень ВРФ в его речи – 43,1%. Таким образом, в певческом голосе Шаляпина доминирует ВПФ при низком уровне ВРФ, а в речевом голосе наоборот – уровень ВРФ больше, а ВПФ – меньше. Эта закономерность подтверждается в среднегрупповых оценках ВПФ и ВРФ актеров и певцов.

Голос нашего выдающегося диктора радио Юрия Левитана – могучий, величественный, необычайно красивого тембра часто звучал по радио во время Великой Отечественной войны, передавая последние известия с фронта, обращения верховного главнокомандующего Сталина к народу и армии и вселяя в сердца людей уверенность в победе. Недаром Гитлер, говорят, обещал 100 тысяч марок за живого или мертвого Левитана – настолько велика была сила психологического воздействия его голоса, внесшего неоспоримый вклад в победу над врагом.

Исследования показали сравнительно большой уровень ВПФ в спектре голоса Левитана – (25–30%) при еще большем уровне ВРФ (50–55%) при чтении им последних известий по радио.

Результаты исследования голоса Левитана, так же как певческого и речевого голоса Шаляпина, свидетельствуют, что оба эти величайшие мастера сценического искусства в совершенстве вла-

дели *резонансной техникой* голосообразования. Они оставили нам образцы своих голосов, непревзойденных по эстетическим свойствам и силе эмоционально-психологического воздействия на слушателей. Сценой Левитана была многомиллионная аудитория радиослушателей. Сценами Шаляпина – крупнейшие театры всего мира, где он успел побывать, и многомиллионная аудитория слушателей звукозаписей его певческого искусства.

Для сравнения спектров речевых и певческих голосов по уровням ВПФ и ВРФ мы выбрали голоса известных актеров – Ф. Шаляпина (речевой голос), Ю. Левитана, К. Станиславского, В. Качалова, И. Прудовского, О. Басилашвили, Б. Щукина, Н. Черкасова и певцов – Ф. Шаляпина, Б. Христова, М. Рейзена, Н. Гяурова, А. Пирогова, Б. Гмыри, М. Михайлова, Е. Нестеренко, Е. Кибкало, П. Лисициана. Как и следовало ожидать, результаты исследования показали, что в спектрах актерских голосов доминирует высокая речевая форманта (ВРФ), которая выражена в большей степени (в среднем 34,94%), чем в певческих голосах (5,95%). А в спектрах певческих голосов высокая певческая форманта (ВПФ) больше (41,01%), чем в речевых (17,43%). Статистическая оценка различий между актерами и певцами по ВПФ и ВРФ по критерию МУпоказала их высокую достоверность ($p=0,0001$ и $p=0,0005$, соответственно) при значительных индивидуальных различиях в группе актеров. Так, в некоторых сценах ВПФ актеров заметно возрастает – почти до уровня, характерного для певцов: у Качалова в сцене «шкап» ВПФ=20,2%; у Щукина в роли Ленина (речь с трибуны) ВПФ=31,4%; у Черкасова в роли А. Невского ВПФ=30,9%; у Левитана при чтении Акта о капитуляции Германии ВПФ=33,5%. Это уже уровни ВПФ, соизмеримые с ВПФ в голосе певцов.

Заключение

Как уже говорилось в начале статьи, все форманты голоса являются результатом резонанса звука голоса в различных полостях голосового аппарата – ротоглоточной, носовой, а также трахеи, которая усиливает низкую певческую форманту. В этой связи важнейшим условием достижения высоких эстетических качеств сценического голоса – его тембра, легкости, необходимой громкости, полётности и неутомимости – является овладение актером (так же как певцом и оратором) *резонансной техникой* голосообразования, которой, несомненно, обладали великие мастера сценического искусства.

Теоретической основой здесь может служить предложенная нами резонансная теория голосообразования (Морозов, 2002), а прак-

тическим руководством – анализ опыта и высказываний мастеров певческого и речевого искусства, представленный в работе «Резонансная техника пения и речи. Методики мастеров» (2013).

Резонансную природу полётности голоса убедительно охарактеризовал упоминаемый выше солист театра Ла Скала – Джакомо Лаури-Вольпи: «Голос, лишенный резонанса, – это голос мертворожденный и распространяться не может!» – утверждал певец со знанием дела, так как его собственный голос «долетал до Луны», как писал о нем журнал «Париж» (Лаури-Вольпи, 1972).

Одной из практических перспектив представляется возможность самоконтроля актером или певцом полётности своего голоса по его спектру. Сегодня в нашу жизнь властно вторгся компьютер. Мобильный телефон, который все мы носим в кармане, уже сегодня наделен элементарными компьютерными свойствами, и, надо полагать, мобильному телефону можно будет поручить и оценку спектра голоса как объективного показателя его тембра и полётности.

Но так ли нужна голосу полётность в наш микрофонный век? Несомненно, нужна, так как полётность, как результат резонансной техники голосообразования, сопровождается рядом других ценных вокально-технических и эстетических качеств голоса, которые придает певцу или актеру резонансная техника, – необходимой громкостью, лёгкостью, неустойчивостью.

В целом работа носит психофизиологический характер, направлена на раскрытие связи эстетических свойств голоса мастеров сценического искусства с формантной структурой спектра гласных, выявление особенностей их происхождения в голосовом аппарате человека и определение возможностей практического использования полученных данных для совершенствования голоса в интересах вокальной и речевой педагогики.

Литература

Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В., Холодная М. А. Исследования интеллекта и творчества в Институте психологии РАН: научные школы Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина // Современные исследования интеллекта и творчества. М., 2015. С. 7–12.

Лаури-Вольпи Дж. Вокальные параллели. Л., 1972.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Морозов В. П. Биофизические основы вокальной речи. М.–Л., 1977.

Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. 2-е изд. М., 2008.

- Морозов В. П. Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М., 2011.
- Морозов В. П. Измерение полётности голоса // Голос и речь. 2012. № 3. С. 16–28.
- Павлова Н. Д., Журавлёв А. Л. Предисловие // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Н. Д. Павлова. М., 2014. С. 5–7.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
- Сальвини Ч. Томмазо Сальвини. М., 1971.
- Ушаков Д. В. Современные исследования творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 53–56.
- Художественный тип человека. Комплексные исследования / Под ред. В. П. Морозова и А. С. Соколова. М., 1994.
- Sundberg J. Research on the singing voice in retrospect // ТМН-QPSR. 2003. V. 45. P. 11–22.

Voices of the masters of performing arts in experimental studies

V. P. Morozov (Moscow)

Doctor of biological Sciences, Full professor, chief scientific officer
of the Institute of psychology of RAS

The article presents a comparative study of the male voices of famous actors of theatre and cinema, as well as singers – the leading soloists of the Bolshoi theatre of Russia. As objective characteristics of the voice are used the peculiarities of its spectrum, as an objective equivalent of timbre and increased aesthetic qualities of the voices – sonorous voice and the voice flight feature. Clarified the individual characteristics of the spectra and the typological group differences. Discovered that in the voices of the singers are dominated by the amplitude of the high overtones (2400–2700 Hz), known as “high singing formant”, giving sonority and flight to the voice. And in the voices of the actors – more pronounced “high speech formant” (approx. 1000–1500 Hz), giving good voice clarity, diction and also the flight. These differences are statistically significant. The results are explained from the standpoint of the specificity of theatrical and vocal art, as well as resonance theory of the art of singing and speech.

Keywords: speech, singing, timbre, voice flight feature, spectral analysis.

Оценка искренности/неискренности речи представителей художественных и мыслительных профессий

П. В. Морозов (Москва)

*ведущий специалист Отдела по связям с общественностью
Института психологии РАН; e-mail: outfrost@gmail.com*

В статье приводятся результаты экспериментальных исследований искренности/неискренности речи 20 выступающих по ТВ лиц разных профессий, в том числе 9 «художников» (музыканты, артисты, писатели) и 11 «мыслителей» (ученые, политики, программисты). По данным экспертов (31 чел.) группа «художников» характеризуется более высокими оценками искренности, открытости, убедительности и др. по сравнению с группой «мыслителей» ($p < 0,005$). Усредненный коэффициент соответствия аудио- и видео-оценок, т. е. показатель искренности группы «художников» оказался значимо выше такого же показателя у группы «мыслителей» ($p < 0,05$). Результаты дают основание полагать, что высокие показатели искренности речевого поведения являются типологическим свойством представителей художественного типа личности.

Ключевые слова: искренность, неискренность, художественный тип личности, мыслительный тип личности, эмоциональный слух.

Постановка проблемы

Искренность/неискренность говорящего – понятия общеизвестные с далеких исторических времен. Еще Конфуций поучал, что речь говорящего должна быть искренней, лицо ласково и т. п.

Понятие искренности неразрывно связано с понятиями правды и лжи, а также с их распознаванием по речи и поведению человека. В психологической науке имеется значительное число исследований, посвященных данным феноменам (Знаков, 1999; Экман,

2000; Bond, DePaulo, 2006; Davis, Markus, Walters, 2006; и др.), сформировалось несколько подходов в изучении распознавания лжи (Гулевич, 2014). Однако понятия искренности/неискренности в психологии остаются недостаточно изученными (Авакимян, 2008): даже в известных психологических словарях отсутствуют их определения.

Работа выполнена с применением впервые предложенного нами метода оценки искренности/неискренности говорящего по соответствию слуховых и визуальных оценок его невербального речевого поведения (Морозов, Морозов, 2007, 2010).

Было показано, что имеются значительные индивидуальные различия среди обследованных нами говорящих по степени искренности, открытости, убедительности и другим психологическим качествам, оцениваемым наблюдателями (экспертами) по особенностям их невербального речевого поведения (интонации речи, мимике, жестикуляции).

Вместе с тем есть основание полагать, что по качеству искренности и другим психологическим свойствам имеются не только *индивидуальные*, но и *типологические* различия среди говорящих, в частности – в зависимости от принадлежности их к *художественному* или *мыслительному* типу личности.

Разделение людей на художественный и мыслительный типы личности предложено, как известно, И. П. Павловым на основе изучения психофизиологических особенностей людей. Имеются и более ранние попытки такого рода классификации, принадлежащие, в частности, немецкому ученому В. Ф. Освальду (1910), а еще ранее – Б. Паскалю (1670).

Эмпирическое исследование

Задача работы состояла в исследовании типологических различий по характеристике искренности и другим психологическим свойствам у выступающих по ТВ представителей художественных и мыслительных профессий. Группу «художников» составили 9 чел. из числа писателей, артистов, музыкантов; группу «мыслителей» – 11 чел., политиков и ученых. Наблюдателями (экспертами) выступали студенты-психологи (31 чел.), имеющие высокий и средний эмоциональный слух по тесту В. П. Морозова¹ (Морозов, 2013).

1 Такой отбор экспертов по способности правильно слышать различные эмоциональные проявления в голосе человека представляется вполне оправданным и даже полезным в наших исследованиях, поскольку, по данным ряда исследователей, аудиальные показатели являются более надежными в распознавании лжи, нежели визуальные (Bond De Paulo, 2006; Devis, Markus, Walters, 2006; Masip et al., 2012).

Методика состояла в оценке искренности/неискренности говорящих, а также невербальных особенностей их речи.

Эксперты должны были оценить по методу семантически противоположных пар следующие психологические характеристики каждого из говорящих: *искренний/неискренний, располагающий/нерасполагающий, миролюбивый/агрессивный, открытый/скрытый, спокойный/тревожный, оптимист/пессимист, убедительный/неубедительный, чувствительный/жесткий* (всего 16 характеристик). Оценка производилась в баллах по шкале от 0 до 4 баллов; обработка всех данных проводилась по балльным значениям, после чего результаты переводились в проценты по отношению к максимальному баллу оценки с целью более привычного представления на графиках и возможного сопоставления с другими шкалами оценок.

Результаты исследования

Первичная обработка результатов состояла в вычислении средних значений для каждого обследуемого, отдельно для художников и мыслителей по данным всех экспертов. Результаты обработки представлены на рисунке 1.

Как видно на графике, средние значения по «плюс»- и «минус»-характеристикам сильно варьируются у разных групп испытуемых. Это свидетельствует о неоднородности выборки обследуемых. Как было

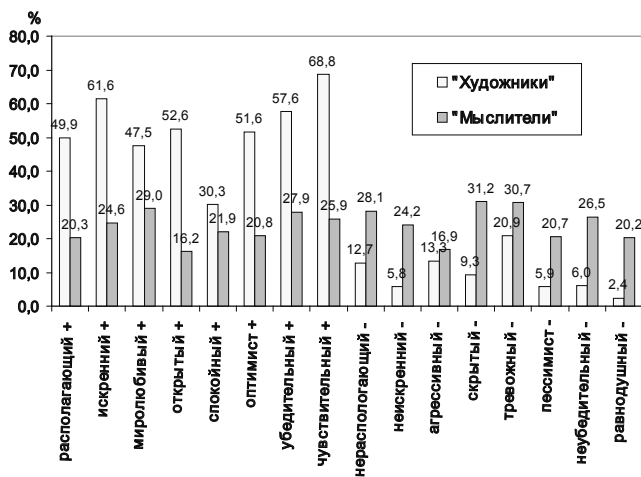

Рис. 1. Сопоставление средних балльных оценок «плюс» и «минус» психологических свойств говорящих «художников» и «мыслителей»

сказано, группа обследуемых состояла из представителей художественных профессий (актеры, музыканты и т. п.) и нехудожественных профессий (политики, ученые, программисты и т. п.). В соответствии с данной типологией, средние значения обследуемых четко разделились на две группы:

- 1) «художники» с высокими значениями «плюс»-характеристик и низкими значениями «минус»-характеристик;
- 2) «мыслители» со средними значениями «плюс»- и «минус»-характеристик.

Величина и значимость указанных различий представлена в таблице 1.

Таблица 1

Различия в балльных оценках психологических свойств «художников» и «мыслителей» по критерию Манна–Уитни

	Художники (n=9)		Мыслители (n=11)		разница средних, Δ	U	Asimpt. Sig (2-tailed)
	среднее, балл	Std. Dev.	среднее, балл	Std. Dev.			
искренность	2,46	1,23	0,98	1,10	1,48	2	0,0003
открытость	2,10	1,39	0,65	1,01	1,46	2	0,0003
убедительность	2,30	1,32	1,11	1,23	1,19	0	0,0002
среднее по «+»-характ.	2,29		0,91		1,38		
неискренность	0,23	0,68	0,97	1,26	0,73	5	0,0007
скрытность	0,37	0,85	1,25	1,26	0,87	6	0,0010
неубедительность	0,24	0,70	1,06	1,32	0,82	5	0,0007
среднее по «-»-характ.	0,28		1,09		0,81		

Обнаруженные типологические различия в оценке «художников» и «мыслителей» свидетельствуют о более богатом и развитом невербальном поведении представителей художественных профессий, по сравнению с представителями нехудожественных профессий. Их невербальное поведение характеризуется большей экспрессией и динамичностью. Оно, как правило, используется людьми художественных профессий в дополнение к речи, служит невербальным подтверждением смысла высказываемого ими содержания.

Но этого еще далеко недостаточно, чтобы наблюдатель мог оценить искренность говорящего высоким баллом. Согласно результатам наших предыдущих работ (Морозов, Морозов, 2010), искренность оценивается как высокая в случае хорошего соответствия элементов невербального поведения различных модальностей – интонации голоса, мимики, жестикуляции (способность эксперта к оценке этого соответствия мы предложили назвать «психологическим детектором лжи»). Этот важнейший показатель искренности/неискренности мы сочли необходимым включить в предложенные нами определения данной характеристики говорящего (Морозов, Морозов, 2010). Указанное соответствие определялось нами в данной работе путем вычисления коэффициентов ранговой корреляции (по Спирману) между балльными оценками интонации речи, мимики, жестикуляции. Данным коэффициентам нами было присвоено название *коэффициентов соответствия* ($K_{\text{соотв.}}$), например, $K_{\text{соотв.}}$ мимика/интонация; $K_{\text{соотв.}}$ жестикуляция/интонация; $K_{\text{соотв.}}$ мимика/жестикуляция.

В результате оказалось, что данные коэффициенты соответствия имеют у «художников» в среднем значительно более высокие значения (0,8531), чем у «мыслителей» (0,4872). Различия $K_{\text{соотв.}}$ у «художников» и «мыслителей» между отдельными элементами невербального поведения и в среднем представлены на рисунке 2.

Оказалось, что средние значения коэффициентов соответствия между интонацией речи, мимикой и жестикуляцией у группы «художников» значительно выше, чем у группы «мыслителей» и имеют в среднем следующие значения: «художники» – $K_{\text{соотв.}} = 0,8531$, «мыслители» – $K_{\text{соотв.}} = 0,4872$.

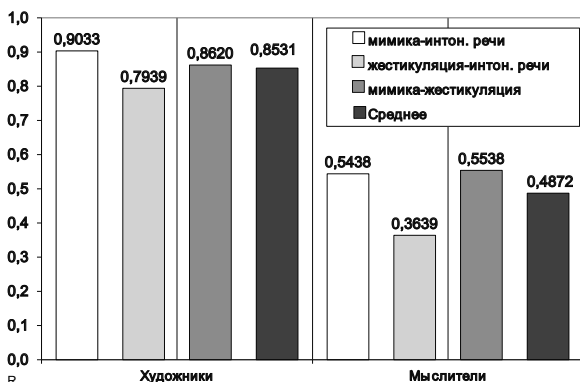

Рис. 2. Средние значения коэффициентов соответствия между интонацией речи, мимикой и жестикуляцией обследованных групп

Выводы

1. Исследования выявили более высокие значения балльных оценок *искренности, открытости, убедительности* у представителей художественных профессий, по сравнению с «мыслителями».
2. Указанные различия обусловлены большей выразительностью невербального поведения «художников», по сравнению с «мыслителями» (что, вероятно, связано с профессиональной деятельностью «художников», ее ориентацией на зрителя, слушателя), но главное – более высокими у «художников» *коэффициентами соответствия* (конгруэнтности) между различными элементами невербального поведения: интонация речи, мимика и жестикация, что, согласно предложенным нами определениям искренности/неискренности (Морозов, Морозов, 2010), является для внимательного коммуниканта (эксперта-наблюдателя) показателем искренности.

Литература

- Авакимян С. С. О понятии «искренность» и его трактовке в гуманитарных науках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 37. С. 5–9.
- Гулевич О. А. Распознавание правды и лжи: современные направления исследования // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М., 2014. С. 257–273.
- Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб., 1999.
- Морозов В. П. Эмоциональный слух: экспериментально-психологические исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 45–62.
- Морозов В. П., Морозов П. В. Способ оценки искренности-неискренности говорящего: Патент РФ. 2007.
- Морозов В. П., Морозов П. В. Искренность–неискренность говорящего и «психологический детектор лжи» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 54–67.
- Экман П. Психология лжи. СПб., 2000.
- Bond J. C., De Paulo B. M. Accuracy of deception judgments // Personality and Social Psychology Review. 2006. V. 10. P. 214–234.
- Davis M., Markus K. A., Walters S. B. Judging the credibility of criminal suspect statements: does mode of presentation matter? // Journal of Nonverbal Behavior. 2006. Vol. 30. P. 181–198.

Masip J., Bethencourt M., Lucas G., Sanchez-San Segundo M., Herrero C. Deception detection from written accounts // Scandinavian Journal of Psychology. 2012. Vol. 53. P. 103–111.

Assessment of sincerity/insincerity in speech of “artists” and “thinkers”

P. V. Morozov (Moscow)

Leading specialist of Department of public relations
of Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of experimental studies of speech sincerity – insincerity of 20 TV-speakers of different professions, including 9 “artists” (musicians, actors, writers) and 11 “thinkers” (scientists, politicians, programmers). According to 31 experts, a group of “artists” are characterized by higher ratings of sincerity, openness, credibility etc. compared to a group of “thinkers” ($p < 0,005$). The average correlation coefficient of the audio and video rates of the “artists” group were significantly above the same coefficient of the “thinkers” ($p < 0.05$). The results suggest that the high rates of sincerity of speech behavior are a typological property of the artistic personality type.

Keywords: sincerity, insincerity, artistic personality type, thinking personality type, emotional hearing.

Интенциональный паттерн как единица изучения взаимодействия собеседников

Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова** (Москва)*

**доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН; e-mail: pavlova_natalya@mail.ru*

***кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: gretiya@mail.ru*

Развитие различных форм коммуникации определяет актуальность темы взаимодействия субъектов. Рассматривается потенциал интент-анализа – экспертного метода, направленного на оценку интенционального содержания речи. На материале диалоговых форм дискурса в русле интент-анализа апробирована единица изучения интеракции – интенциональный паттерн. Основным механизмом образования интенционального паттерна – иллюкутивное согласование реплик по комплементарному и некомплементарному (отсутствие поддержки собеседника) принципу. Приводятся признаки интенциональных паттернов, показано их разнообразие в диалоговых формах повседневного дискурса. Выраженность интенциональных паттернов позволяет характеризовать структуру взаимодействия собеседников, их отношения, складывающиеся в диалоге, и конверсативные тактики, реализуемые в ходе совместных шагов.

Ключевые слова: интенции, интенциональные паттерны, диалоговые формы дискурса, интент-анализ, взаимодействие в коммуникации.

Постановка проблемы

Стремительно возрастающая роль коммуникации в современном мире и совершенствование информационных технологий определяют актуальность изучения дискурса, формирующегося в процессе взаимодействия субъектов в разнообразных коммуникативных

контекстах (Дискурс в современном..., 2011; Павлова, 2003). При изучении дискурса используются различные единицы анализа: интеракция (Э. Берн), речевой акт (Дж. Серль), коммуникативный акт (Е. А. Земская), коммуникативное действие (В. И. Карасик), коммуникативный ход (О. С. Иссерс) и др. Согласно Г. Г. Почепцову (Почепцов, 2001), единица анализа должна быть достаточно большой, чтобы выражать значение, и вместе с тем достаточно малой, чтобы не выражать много значений. При этом она должна легко идентифицироваться, и число единиц должно быть настолько велико, чтобы из них можно было делать выборку. Интент-анализ, опирающийся на теорию речевых актов, практику конверсативного анализа, контент-анализа и др., обладает большим потенциалом при изучении речевого взаимодействия, предлагая в качестве единицы его измерения интенциональный паттерн. Опыт применения этого экспертного метода обнаруживает влияние контекста на формирование интенционального содержания речи, что важно как при оценке состояния взаимодействующих субъектов в ходе коммуникации, так и организации дискурса в целом.

В настоящей работе будут рассматриваться диалоговые формы дискурса, которые возникают обычно в процессе непосредственного общения, существуют в устной форме и отличаются сменой ролей в системе «говорящий–слушающий». Исследовательские техники, обычно предлагаемые в русле изучения диалоговых форм речи, опираются на выделение парных реплик. Первая реплика пары определенным образом влияет на порождение второй, задавая ее в узком («приветствие–ответное приветствие»; «запрос новостей–сообщение») или широком диапазоне («обвинение–ответное обвинение»/«оправдание»/«вопрос»/«игнорирование»). Это может быть стимул и транзакционная реакция в составе транзакции (Э. Берн), первый и второй элемент в смежной паре (С. Goodwin, J. Heritage), иллокутивно связанные шаги в коммуникативном обмене (А. А. Кибрик, В. И. Подлесская), независимый и зависимый речевые акты в минимальном диалоге (А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин).

Опыт интент-анализа в этой области опирается на *реплику* – законченное смысловое единство, содержащее одну или несколько интенций (Зачесова, Павлова, 1990; Дискурс в современном мире, 2011; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Павлова, Афиногенова, 2014). Незаконченные высказывания, безусловно, тоже содержат в своей основе определенное интенциональное содержание, которое, однако, не всегда представляется возможным квалифицировать. Характер взаимодействия субъектов общения может быть оценен по выра-

женности тех или иных *интенциональных паттернов*, образованных репликами говорящих. Интенциональный паттерн имеет следующие признаки: 1) в его составе содержатся коммуникативные ходы, принадлежащие разным собеседникам (минимум двум); 2) между ходами существует интенциональная согласованность, которая может иметь, как поддерживающий, так и отклоняющий характер: «попросить – «согласиться»/«уклониться», «осуществить самопрезентацию – «проявить одобрение»/«неодобрение»; 3) соответствующие интенции могут находиться в соседствующих ходах или быть разделенными несколькими ходами собеседников; 4) полиинтенциональная реплика может образовывать несколько интенциональных паттернов; 5) интенции, формирующие интенциональный паттерн, обычно имеют отношение к одному референциальному объекту, которым в общем случае может выступать сам говорящий, собеседник или ситуация общения.

Результаты исследований

Интенциональный паттерн как единица анализа взаимодействия применялся в серии исследований повседневного дискурса: студенческого (52 образца), семейного (126 образцов), а также дискурса общения коллег по работе (26 образцов). Основным методом исследования – интент-анализ (Павлова, Гребенщикова, 2017).

На материале неформальных диалогов студентов (Павлова, Афиногенова, 2014) обнаружено несколько вариантов интенциональных паттернов, в которых находит отражение иницирующая интенция и отклик партнера на ее проявление. В типичном варианте интенциональный паттерн предполагает соотнесение иницирующей и ответной интенции по типу «один к одному»: «предложить–отклонить предложение»; «пожаловаться–посочувствовать». Менее частотны паттерны, отражающие совмещенный (единый) отклик собеседника на несколько проявленных интенций: «поинтересоваться, выразить удивление–рассказать»; «уточнить понимание, информировать–дать указание». Третий вариант интенциональных паттернов содержит множественный отклик на иницирующую интенцию: «выразить возмущение–оправдаться, дать обещание», «уточнить–пояснить, предложить». Составляющие такой паттерн реплики могут не соседствовать друг с другом непосредственно и реализоваться разными участниками диалога; отклик партнера может иметь как подтверждающий, так и отклоняющий характер. В целом, по данным исследования, интенциональная координация реплик предполагает четыре типовые формы реагирования на ре-

чевые интенции субъекта: безотлагательное, отсроченное, совмещенное и множественное.

Безотлагательное реагирование реализуется в реплике, непосредственно следующей за данной. Оно характерно для таких категорий интенций, как «предположить», «сообщить», «поинтересоваться», «запросить информацию», «уточнить». *Отсроченный* отклик осуществляется спустя несколько реплик и чаще всего связан с включением во взаимодействие трех и более собеседников, которые могут перебивать друг друга (характерно для интенций «запросить информацию», «поинтересоваться», «предположить», «пояснить», «узнать мнение»). Нередко отсроченный отклик получает одна из интенций в полиинтенциональной реплике, обычно менее явная. При *совмещенном* реагировании на реплику ответ собеседника относится одновременно к нескольким выраженным интенциям, некоторые из них самостоятельного отклика не вызывают («поинтересоваться, выразить удивление–рассказать», «уточнить понимание, информировать–дать указание»). *Множественный* отклик предполагает безотлагательное и вместе с тем отсроченное реагирование на проявление интенции, что типично для диалога с участием нескольких лиц. Указанные варианты реагирования и их сочетания образуют различные структуры диалогического взаимодействия (согласованный *линейный тип*, содержащий несколько интенциональных линий, *разветвленный* и более сложный, имеющий общие для нескольких собеседников инициирующие интенции *узловой тип*).

Выделение интенциональных паттернов представляется продуктивным не только при анализе развития диалогового взаимодействия, но и при изучении складывающихся в коммуникации отношений собеседников. Интенциональные паттерны, репрезентирующие отношения доминирования/подчинения собеседников, описаны на материале повседневного дискурса в двух ситуациях непринужденного повседневного общения (Зачесова, Гребенщикова, 2013): между сослуживцами на работе и между членами семьи дома. Доминирование/подчинение рассматривается в плане контроля за ходом взаимодействия: посредством того или иного высказывания собеседники как бы задают друг другу определенные варианты коммуникативных ходов (П. Вацлавик, Дж. Остин, П. Грайс, А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин, Ф. Е. Millar, L. E. Rodgers). На метауровне такого рода отношения реализуются более очевидно: кажется, что просьба всегда умаляет просителя, и он выступает в зависимом положении от оказывающего услугу, но на более высоком уровне рассмотрения эта пара в случае согласия выглядит как доминирование (просить)–подчинение (согласиться). Это тем более

верно для коммуникативной среды, в которой участники не находятся в конфронтации. В таком аспекте интенциональные паттерны, реализующиеся последовательно в ходе диалога, фиксируют отношения партнеров по линии доминирования/подчинения и различные варианты уклонения от этой линии.

По результатам данного исследования, на основе сочетания интент-анализа и методики Миллара–Роджерс (Millar, Millar-Rogers, 1979) выделено 6 типов интенциональных паттернов, которые свойственны каждой из коммуникативных ситуаций: комплементарное подчинение («напомнить–оправдаться»; «дать указание–принять»; «попросить–согласиться»), уход от линии доминирования («напомнить–сменить тему»; «поинтересоваться–уточнить»; «высказать мнение–пошутить»), симметрия подчинения («оправдаться–выразить сочувствие»; «пожаловаться–пожаловаться»; «оправдаться–согласиться»), комплементарное доминирование («оправдаться–упрекнуть»; «пожаловаться–дать совет»), симметричное доминирование («критиковать–критиковать»; «упрекнуть–выразить сомнение»; «выразить мнение–возразить»), нейтральная симметрия («поболтать–поболтать»; «поделиться–выразить мнение»; «выразить мнение–выразить мнение»). В целом обнаруживается, что как в диалогах дома, так и между коллегами на работе подчинение является наименее предпочитаемым типом отношения, выражаемого в ответ на доминирование партнера. При этом складывающиеся профили отношений свидетельствует о том, что повседневное общение на работе проходит более сглаженно: коммуниканты в меньшей степени защищают свои позиции, в большей избегают столкновения интересов, игнорируя стремление собеседника доминировать. Если на работе наиболее предпочтителен уход от линии доминирования/подчинения, то в семье высока вероятность «симметрии доминирования», что может в случае нарастания противоречий вести к конфликтам. Выраженность в семейном дискурсе стремления к кооперации также свидетельствует о более разнообразной реализации отношений в кругу близких, по сравнению с общением сослуживцев.

Особый интерес представляют формирующиеся в процессе взаимодействия конверсативные тактики, образованные последовательностью интенциональных паттернов. На материале повседневного семейного дискурса (Гребенщикова, Зачесова, 2014) было выделено 49 интенциональных паттернов, каждый из которых состоит из пары согласованных ведущих интенциональных направленностей дискурса (ВИН). Описано 7 ВИН, включающих частные интенции коммуникантов на основе их общей функциональной специфики (ВИН «побудить к действию», «побудить к обсуждению»,

«поддержать обсуждение», «изменить мнение партнера», «уклониться (от воздействия)», «поддержать отношения (с партнером)», «выступить против партнера»). По данным исследования в семейных диалогах фатического характера, представленных болтовней или беседами «ни о чем», могут реализовываться следующие конверсативные тактики: на полюсе кооперативности взаимоотношений, в том числе «чистой» фатики, может формироваться последовательность: «побудить к обсуждению»–«поддержать обсуждение»–«поддержать отношения»–«поддержать отношения». Возможна также последовательность: «побудить к обсуждению»–«поддержать обсуждение»–«поддержать обсуждение» и др. Диалоги подобного типа связаны с удовлетворением потребности в общении и эмоциональной близости, когда собеседники могут развивать и поддерживать тему только одного из них. К сфере информационной, содержательной коммуникации относятся следующие варианты развития взаимодействия: последовательности «побудить к обсуждению»–«поддержать обсуждение»–«изменить мнение собеседника»–«уклониться от обсуждения» или «побудить к обсуждению»–«поддержать обсуждение»–«изменить мнение собеседника»–«изменить мнение собеседника» и др. Игнорирование интенций собеседника, выражаемое в уклончивом ответе, предложении своей темы, отшучивании, является отдельной тактикой, которая свидетельствует о стремлении коммуниканта выйти из-под влияния собеседника.

В целом преобладание определенных паттернов («побудить к обсуждению»–«поддержать обсуждение»; «поддержать обсуждение»–«поддержать отношения» и др.) позволяет характеризовать семейный дискурс как отличающийся высокой выраженностью лишнего информативной необходимости «общения ради общения» и свободной реализацией многоходовых конверсативных тактик, игнорирующих сопротивление собеседника. При этом в среде близких собеседников при оказании воздействия наиболее распространены тактики убеждения и уговаривания, для которых характерно преобладание интенциональных паттернов, выступающих в паре с ВИН «изменить мнение партнера».

Заключение

Опыт применения интент-анализа, позволяющий подойти к описанию закономерностей процесса взаимодействия собеседников и развития их отношений, может представлять интерес при изучении микро- и мезоуровня общения (по Б. Ф. Ломову). В качестве единиц анализа диалоговых форм дискурса в рамках указанного ме-

тогда выступают интенциональные паттерны, которые образуются репликами двух и более собеседников. Основной принцип образования интенционального паттерна – иллокутивное согласование реплик по комплементарному и некомплементарному (отсутствие поддержки собеседнику) принципу. Каждая реплика содержит одну и более интенцию, и в случае полиинтенциональной реплики интенциональный паттерн может образовываться с каждой интенцией в ее составе, что определяет разнообразие диалоговых структур (линейная, разветвленная, узловая). Эмпирические исследования различных видов повседневного дискурса (студенческого, семейного и дискурса общения коллег) показали, во-первых, что в интенциональных паттернах выражаются разнообразные виды реагирования собеседников на иницирующие реплики. Существуют интенции, которые характерны для того или иного вида реагирования. Во-вторых, в интенциональных паттернах фиксируются складывающиеся отношения собеседников в ходе диалога: симметрия доминирования, комплементарное подчинение, уход от линии доминирования/подчинения. В-третьих, последовательность паттернов можно рассматривать как реализацию конверсативных тактик, образующихся в результате совместных шагов коммуникантов.

Литература

- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А. Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М., 2014.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова, М., 2011.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А. Отношения доминирования–подчинения собеседников в повседневном диалоге в разных коммуникативных ситуациях // Человек, субъект, личность в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2013. Т. 1. С. 309–312.
- Зачесова И. А., Павлова Н. Д. Отражение в речи особенностей взаимодействия партнеров общения // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 136–140.
- Павлова Н. Д. Психология дискурса // Психология XXI века / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М., 2003. С. 396–414.
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А. Интенциональная структура речевого взаимодействия // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.05.2017).
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М., 2017.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. К.–М., 2001.

Rogers L. E., Millar F. E. Domineeringness and dominance: a transactional view // Human communication research. 1979. Vol. 5. № 3. P. 238–246.

The intentional pattern as the unit of measurement of interlocutors' interaction

*N. D. Pavlova**, *T. A. Grebenshchikova*** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Head of laboratory of psychology of speech and psycholinguistics of Institute of psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, senior research office, Institute of psychology of RAS

The relevance of the theme of interaction is defined by development of the various types of communication. The potential of intent-analysis, which is an expert method of the estimation of intentional speech content, is discussed in the paper. Approbation of the unit of measurement of interaction was conducted on the dialogical types of discourse. Illocutive alignment based on complement and non-complement (non-support) principle is the basic intentional pattern forming mechanism. The traits of the intentional patterns are performed and their variety is demonstrated in the dialogical discourses. Realization of the intentional patterns in discourse reveals the structure of interlocutors' interaction, their relationship formed in the dialogue and conversational tactics, which are the results of mutual activity of communicants.

Keywords: speech intentions, intentional patterns, dialogical types of discourse, interaction in communication.

Экстремальные переговоры: проблема экспериментального исследования дискурсивных и когнитивных компонентов

В. А. Цепцов (Москва)

*кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: tsep@nm.ru*

Предложен новый подход к исследованию переговоров в кризисной ситуации. Выделены принципиальные основания психологического подхода и обосновано понятие экстремальных переговоров. Проведена аналитическая работа по выделению психологического содержания в междисциплинарном подходе и предложены основные компоненты модели: когнитивные и дискурсивные. Предложена модифицированная методика имитационного моделирующего эксперимента, позволяющего получать данные высокой степени экологического валидности. Получены результаты предварительного исследования, основанного на предложенной модели, которые подтверждают ее эффективность для описания психологической стороны экстремальных переговоров. Выявлены группы дескрипторов дискурсивного плана, хронологическая коммуникативная структура экстремальных переговоров и наиболее важные когнитивные аспекты: хронологический и установочный. Рассмотрена проблема соотношения дискурсивных и когнитивных данных, полученных в исследовании экстремальных переговоров.

Ключевые слова: психология переговоров, дискурс, экстремальные переговоры, когнитивные процессы, моделирование.

Настоящее исследование имеет целью выявление специфики психологического подхода к изучению переговоров в кризисной ситуации. В литературе, посвященной этому явлению, преимущественно используется понятие кризисных переговоров, которое отражает

особенности ситуации, в которой протекают переговоры и ее предметное содержание. Мы полагаем, что в психологическом исследовании предпочтительно использовать понятие экстремальных переговоров. При таком подходе можно четко определить границы исследовательской модели, отражающей психологическую сторону явления. В качестве экстремальных следствий кризисной ситуации выступают психологические реакции и вызванные ею состояния, а также влияние этих состояний на деятельность человека и его взаимодействие с окружающими. На наш взгляд, это соответствует парадигме целостного, комплексного и системного изучения человека, реализующего принципы системного подхода, разработанного Б. Ф. Ломовым (Ломов, 1984).

Структурная модель переговорного процесса предложена нами ранее структурограммой (Цепцов, 2007): $SV = \langle EU, PC, SA, S \rangle$, где субъективная ценность исхода (SV) = \max (Полезность – EU) + \max (Личная консистентность – PC) + \max (Социальная приемлемость – SA) + \max (Безопасность – S).

Эта структурограмма представляет основные блоки и идеальные параметры, при которых реализация переговорного процесса ведет к оптимальному результату. Особенность переговоров в кризисной ситуации, прежде всего, меняет последнюю составляющую модели. Сюда относятся такие случаи, когда первые три компонента будут зависеть от последней, и их совокупный вклад в представление о субъективной ценности исхода будет меньше. Эта структурная модель позволяет разложить любую задачу переговоров на составляющие, соотносящиеся с субъективными представлениями о ней. В свою очередь, в зависимости от конкретных условий задачи переговоров составляющая «безопасность» может включать личную безопасность. Субъективная ценность исхода таких переговоров будет в большей мере определяться соображениями безопасности, а полезность и другие компоненты получать пониженные коэффициенты. Фактор личной безопасности можно считать одним из главных внутренних амплификаторов экстремальных переговоров.

При анализе основных исследований по экстремальным переговорам очевидно, что на первом плане стоят переговоры с террористами, с преступниками, напряженные межгосударственные переговоры, а также переговоры с руководителями или конкурентами. Однако экстремальные психологические требования наиболее отчетливо обнаруживаются на переговорах, которые ведутся в кризисной ситуации, требующей взаимодействия, например, в случае природной или техногенной катастрофы. В случае катастрофы явно проявляются влияние внешних условий на состояние человека,

повышенные требования к вовлеченным сторонам при организации совместных действий.

Значение экстремальных переговоров для сложных видов деятельности высоко. К. Паттерсон, Д. Гренни, Р. Макмиллан, Э. Свитцлер (Паттерсон и др., 2012) пишут, что человек на генетическом уровне не способен правильно вести себя во время экстремальных переговоров. Проблема, по их мнению, заключается в эмоциях, которые мешают мыслить конструктивно, а также отсутствие умения пользоваться аргументацией.

В семейных отношениях тоже могут возникать экстремальные переговоры. Как правило, споры возникают из-за различия взглядов на какие-то вещи, например, как тратить семейный бюджет или как воспитывать детей. В частности, исследователями отмечаются устойчивые паттерны поведения в кризисной ситуации: использование угроз и оскорблений; молчаливое эмоциональное напряжение; открытое общение. Также показано, что открытое обсуждение проблем в семье или фирме – действенный метод преодоления экстремальных ситуаций, сохранения хороших отношений.

С. М. Марков (Марков, 2010) справедливо утверждает, что обсуждаемая тема изучена слабо, хотя является весьма актуальной. Он указывает также, что алгоритмизация переговоров с преступниками возможна и необходима.

Необходимо отметить, что в работах, касающихся кризисных переговоров, существенно преобладают исследования, посвященные социальным конфликтам, в то время как разработки, посвященные изучению переговоров в условиях техногенных и природных катастроф, практически отсутствуют. Несмотря на сходство, с точки зрения экстремальных требований к участникам переговоров, данные ситуации коренным образом отличаются, так как переговоры в ситуации катастроф являются интегративными – в них отсутствует несовпадение в целях и мотивах, присущее конфликту, а есть лишь ограничения во времени, выборе средств и способов взаимодействия.

Значительное место в экстремальных переговорах занимает проблема эффективной коммуникации. В этом направлении перспективным представляется анализ дискурса (Журавлев и др., 2016; Павлова, 2003; Психология дискурса..., 2016; Дискурс в современном..., 2011), так как в большинстве кризисных ситуаций имеет место взаимодействие двух или нескольких сторон, от которых зависит результат преодоления кризисной ситуации, а эффективность взаимодействия связана с особенностями обмена сообщениями.

Дискурс переговоров, с одной стороны, включен в различные сферы деятельности – экономическую, политическую, управленческую; с другой, он обладает универсальным системным строением, поскольку выполняет функцию регуляции отношений и решения задач взаимодействия. Важной особенностью дискурса переговоров является его динамический характер. Последнее ставит перед исследователем сложную задачу контроля динамических связей между частями дискурса в его хронологической последовательности. По этой причине дискурс экстремальных переговоров необходимо исследовать как завершенное целое, сформированное в ходе таких переговоров, и как динамическую последовательность связанных этапов разрешения кризисной ситуации.

Одна из наиболее сложных проблем при исследовании экстремальных переговоров – имитация кризисных условий в лабораторном эксперименте. Несмотря на критические замечания, мы полагаем, что варьирование таких переменных, как время выполнения экспериментального задания, создание сенсорных помех в ходе их выполнения и эмоциональной напряженности посредством повышения уровня ответственности за результат выполняемого задания, могут быть использованы для изучения экстремальных переговоров в ходе имитационного моделирования кризисной ситуации.

Методика имитационного моделирования кризисной ситуации была разработана нами ранее для изучения процесса дискурсивного представления кризисной ситуации в печатных материалах СМИ (Цепцов, 2002). Модификация этой методики, имитирующей пост-событийную продукцию дискурса как реакцию на авиакатастрофу, была осуществлена посредством введения этапа экстремальных переговоров в ходе аварийной ситуации.

Модифицированная методика получила проверку в предварительном исследовании. Первые результаты показали, что методика эффективно мотивирует участников экспериментального исследования. Анализ дискурса экстремальных переговоров показал, что в нем можно выделить несколько смысловых подструктур:

- 1) распределение ролей между вовлеченными в переговоры, в ходе которого закрепляются функциональные позиции участников экстремальных переговоров: руководитель – исполнитель; виновный – обвинитель и т. д.;
- 2) представление ситуации и ее кризисных характеристик с технической, психологической сторон;
- 3) предложение способов выхода из кризисной ситуации;
- 4) управление психологическим состоянием участников экстремальных переговоров.

Выделены основные кластеры дескрипторов экстремальных переговоров: эмоциональная напряженность, которая носит, как позитивный (мобилизация сил, бодрость, подъем, активация психологических ресурсов), так и негативный (волнение, беспокойство, тревога, страх, слабость) характер; нарушение переживания времени, выражающееся в большинстве случаев в виде опасения лимита или отсутствия возможности регулировать временные параметры кризисной ситуации; наличие экстремальных сенсорных раздражителей (мешающие звуки, параметры освещенности и др.); ситуативные препятствия, препятствующие осуществлению привычных действий; нарушение привычных условий коммуникации (громкость речи, контроль смысловых связей высказываний). Определены основные индикаторы экстравербальных и невербальных составляющих дискурсивной стороны экстремальных переговоров, однако отмечается недостаточно высокая согласованность между индикаторами и состояниями, которые, как предполагается, они отражают.

Еще один важный результат связан с выделением в отдельную программу эмпирического исследования кризисных переговоров между конфликтующими сторонами (переговоров при захвате заложников или между воюющими сторонами), в которых первичным источником экстремальных требований выступает несовпадение или даже конфликт интересов и целей. Первичный анализ результатов имитационного моделирования показал, что дискурсивные паттерны экстремальных переговоров в случае конфликта интересов и совместного преодоления кризисной ситуации существенно различны. Совместное преодоление кризисной ситуации, когда все стороны заинтересованы в одном и том же результате, отличается от переговоров конфликтующих сторон также тем, что во втором случае стороны могут быть не заинтересованы в преодолении кризисной ситуации и, более того, могут усиливать экстремальный характер переговоров для достижения своих целей, отличных от целей другой стороны. Это позволяет сформулировать гипотезу о влиянии дискурсивного плана переговоров на соотношение и роль структурных блоков модели переговоров в конечном результате.

Заключение

Междисциплинарный характер исследований переговорного процесса требует комплексного подхода и сведения воедино различных методологических схем для целостного представления в мо-

дели всех функциональных подсистем, отвечающих за реализацию этого сложного вида взаимодействия. Разработанная методика экспериментального изучения экстремальных переговоров дает возможность соотнести дискурсивный и когнитивный планы общения в режиме реальной деятельности. Выявленные характеристики экстремальных переговоров продемонстрировали существенное отличие переговоров с конфликтом интересов от переговоров с общими целями в кризисной ситуации. Дальнейшая проработка модели в эксперименте позволит проверить ряд гипотез о структурных особенностях дискурса экстремальных переговоров и его динамических характеристиках во взаимосвязи с когнитивными компонентами.

Литература

- Журавлёв А. Л., Павлова Н. Д., Зачесова И. А.* О дискурсе, дискурсивном воздействии и информационно-психологической безопасности (вместо предисловия) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлёва, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2016. С. 5–10.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М., 2011.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Марков С. М.* Управление переговорами с преступниками в экстремальных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 3 (22). С. 92–100.
- Павлова Н. Д.* Психология дискурса // Психология XXI века / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М., 2003. С. 396–414.
- Паттерсон К.* и др. Ключевые переговоры. Что и как говорить, когда ставки высоки. М., 2012.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлёва, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2016.
- Цепцов В. А.* Композитный тренинг символично-конструктивной деятельности: эмоциональная насыщенность информационного сообщения в СМИ // Психологические исследования дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой. М., 2002. С. 98–117.
- Цепцов В. А.* Психологические детерминанты переговоров: индивидуальные особенности целеполагания // Общение и познание / Отв. ред. В. А. Барабанщиков, В. С. Самойленко. М., 2007. С. 274–299.

Extreme negotiations: the problem of experimental research of discursive and cognitive components

V. A. Tseptsov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of psychology of RAS

A new approach to the study of negotiations in a crisis situation is proposed. The principal grounds of the psychological approach are singled out and the concept of extreme negotiations is suggested. Analytical work has been carried out to identify the psychological content in the interdisciplinary approach and the main components of the model have been proposed: cognitive and discursive. A modified technique is proposed for the simulation experiment, which allows obtaining data of a high degree of ecological validity. The results of a preliminary study based on the proposed model are obtained, which confirm its effectiveness for describing the psychological side of extreme negotiations. Observed main descriptors of the discursive plan, chronological communicative structure of extreme negotiations and the most important cognitive aspects: time and biases. The problem of correlating the discursive and cognitive data obtained in the study of extreme negotiations is considered.

Keywords: Psychology of negotiations, discourse, extreme negotiations, cognitive processes, modeling.

Раздел VIII

**ПСИХОЛОГИЯ
ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА:
СИМПТОМАТИКА
И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Комплексная психическая травма у бездомных лиц¹

А. А. Бердичевский*, М. А. Падун** (Москва)

* соискатель ученой степени кандидата психологических наук
Института психологии РАН; e-mail: berdichevsky.alexey@gmail.com

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: maria_padun@inbox.ru

В настоящей статье предпринимается попытка описания комплексной психической травмы и механизмов ее регуляции у бездомных лиц. Под комплексной психической травмой понимаются психологические последствия переживания устойчивого во времени воздействия травматического события (или событий). В качестве основного метода исследования выступает обоснованная теория (версия А. Стаусс и Дж. Корбин). Показано, что к числу наиболее значимых психотравмирующих событий в период, предшествующий бездомности, относятся физическое и эмоциональное насилие в родительской семье, смерть родителей, потеря жилья и психическая травматизация вследствие судимости, а избегание является основным механизмом саморегуляции.

Ключевые слова: комплексная психическая травма, бездомность, бездомный, обоснованная теория, качественный методы исследования, интервью.

Введение

В настоящее время в России проблеме бездомности уделяется мало внимания, однако число бездомных на сегодняшний день достигает по некоторым данным до 4 млн человек (Клюева, 2013). «Бездомный – это человек, потерявший жилье или возможность проживания в нем, постоянную работу и социальные связи, и на данный

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0004.

момент находящийся во взаимодействии с такими же, как он, людьми без постоянного места проживания, и идентифицирующий себя с данной группой» (Клюева, 2013, с. 13).

Многие бездомные – выходцы из деструктивных семей, где частыми явлениями были алкоголизм родителей и отсутствие их внимания к детям (Кашин, 2011). Проблема психической травматизации бездомных в отечественной психологии изучена недостаточно, что обуславливает научный интерес к данной проблеме.

Под *комплексной психической травмой* понимаются психологические последствия переживания устойчивого во времени воздействия травматического события (или событий). Психолого-психиатрическим сообществом обсуждается диагноз комплексного посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) (Herman, 1992), которое, помимо основных симптомов ПТСР (вторжение, избегание, физиологическое возбуждение), включает нарушение психофизиологического функционирования трех видов: эмоциональные нарушения, нарушения самоорганизации, нарушения в системе отношений. По мнению зарубежных специалистов, бездомность сама по себе может выступать в качестве психотравмирующего фактора (Goodman, Saxe, Harvey, 1991).

Эмпирическое исследование

Целью исследования являлось описание и анализ психической травматизации и способов совладания с психическими травмами у бездомных лиц.

Исследование проводилось на базе Государственного казенного учреждения «Центр социальной адаптации „Люблино“» для лиц без определенного места жительства и занятий Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы. В исследовании принимали участие получатели социальных услуг Центра в количестве 6 человек и возрасте от 40 до 59 лет.

Методологические основы и методы исследования

Для изучения комплексной психической травмы у бездомных использовались качественные методы исследования, среди которых выделяют: контент-анализ, тематический анализ, анализ данных методом обоснованной теории, феноменологический анализ, дискурс-анализ, нарративный анализ и др. (Бусыгина, 2016). С нашей точки зрения, метод обоснованной теории является наиболее подходящим для описания исследуемого феномена (комплексной пси-

хической травмы) и механизмов его регуляции, так как последовательность действий исследователя в обоснованной теории четко прописана, благодаря чему данные, полученные таким путем, являются более валидными в отличие от других качественных методов исследования.

Важную роль в обоснованной теории занимает проблема индукции-дедукции. В классическом варианте упор делается на индуктивном построении теории, в основе которой находятся эмпирические данные. В более поздней версии А. Страусс и Дж. Корбин (Страусс, Корбин, 2007) настаивают на сочетании индуктивных и дедуктивных построений теории, говоря о том, что любой исследователь подходит к «сырым» данным с какой-либо теоретической базой, влияние которой на анализируемый материал очень сложно нивелировать. Они вносят также понятие «парадигма», вокруг которой строится обоснованная теория, тем самым четко прописывая структуру построения причинно-следственных связей.

В «парадигму» входят пять составляющих: *промежуточные условия* – условия, в которых развивается феномен и которые влияют на выбор тех или иных стратегий; сам *феномен* – главная категория, на описание которой направлена работа исследователя; *контекст* – свойства феномена, или те условия, которые влияют на феномен и стратегии действия/взаимодействия; *стратегии действия/взаимодействия* – то, благодаря чему можно воздействовать на феномен или взаимодействовать с ним; *следствия* – последствия, которые возникают после применения тех или иных стратегий.

В начале исследования участникам предлагалось ответить на вопросы методики LEQ с целью определения наиболее сложных травмирующих событий в их жизни. LEQ – опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ) (Тарабрина, 2007), предназначенный для оценки влияния на личность психических травм, предшествующих актуальной травме. Охватывая жизненный путь (с раннего детства) до настоящего момента, методика дает возможность определить степень влияния события на актуальное состояние человека.

Далее респонденты отвечали на вопросы полуструктурированного интервью, данные которого записывались на диктофон, транскрибировались и анализировались при помощи метода обоснованной теории. В данной статье описываются только травматические события, предшествующие бездомности; сопровождающие их эмоциональные состояния и механизмы саморегуляции. Психическая травматизация, вызванная самой бездомностью, будет рассматриваться отдельно.

Результаты исследования

Полученные в результате исследования интервью бездомных анализировались при помощи качественного метода анализа данных «обоснованная теория».

К числу основных часто встречающихся психотравмирующих ситуаций (*феноменов*) относятся проблемы в родительской семье, связанные с *сунижением, оскорблением, физическим насилием в детстве*, а также с алкоголизмом родителей. *Контекстом* (свойствами феномена) являются негативные эмоции (страх, гнев), чувство унижения и проявление переживаний на физическом уровне. Стратегиями, при помощи которых респонденты справлялись с переживаниями, были: уход из дома, бродяжничество, замкнутость в своих переживаниях, употребление психоактивных веществ. *Следствием* такого обхождения с травматическими переживаниями стали депрессивно-безысходные состояния, тревожные ожидания, ненависть к праздникам (как поводам для употребления алкоголя), сожаление о случившемся, сострадание к родителям и общая тяжесть воспоминаний. Основными социальными последствиями проблем в родительской семье являлись нарушения в системе отношений (разрыв отношений с близкими и негативное влияние отношений с родителями на собственную жизнь респондентов).

Принятие негативного события, произошедшего в детстве, его переоценка, поиск информации, помогающей справиться с тяжелыми переживаниями, ориентация в будущее, принятие собственных ошибок, рефлексия процесса своей жизни являются редко встречающимися стратегиями регуляции, к которым прибегали некоторые респонденты при осмыслении своей биографии уже во время периода бездомности.

Следующей составляющей комплексной травматизации является *смерть родителей* или опекунов в детском и юношеском возрасте. *Промежуточными условиями*, оказывающими влияние на феномен, здесь выступают плохие отношения с родственниками, страх находиться дома после смерти близкого, комплекс отсутствия родителя, наличие фигуры замещающего родителя (отчима), совместное пьянство биологического и замещающего родителя. *Контекст* составляют негативные эмоциональные переживания (печаль, стыд, чувство вины, переживание утраты и опустошения). В связи со смертью близких в жизни респондентов появляются родственники, которые раньше не уделяли им должного внимания («*Мама была моя родная, которая не занималась моим воспитанием, она появилась откуда ни возьмись*»), и другие люди, с целью завладения имуществом несовершеннолетних наследников («*Оказывается, там квар-*

тироръемицик сдал арендатору мою квартиру»). Стратегиями совладания со смертью близких становятся подавление переживаний, отсутствие переживания утраты, уход от конфликтов с родственниками, сокращение времени проводимого дома («Первые пять лет я жил дома, но не каждый день»), взаимодействие с бездомными, прием алкоголя. Следствием этого становятся эмоциональные спады, общая тяжесть воспоминаний, сожаления о невозможности вернуть все назад, нарушение когнитивных способностей. Основными социальными последствиями смерти близких является отстранение от друзей, прерывание учебы, жизнь на улице, утрата имущества, безденежье и совершение преступлений. Позже, во время периода бездомности, респонденты признают значимость родителей и испытывают желание побывать у них на могилах.

Потеря жилья также обозначалась как психотравмирующее событие. Респонденты лишались дома, либо находясь в местах лишения свободы, когда родственники продавали их доли в квартирах, либо став жертвой сложного и довольно долгого процесса махинаций третьих лиц, которым они оказались не способны противостоять. Психотравмирующий опыт связан с преследованиями благодаря наводкам правоохранительных органов; нанесением тяжких телесных повреждений; принуждением выписаться из квартиры; махинациями риэлтерских фирм, проводящих сделки по двойной продаже квартир. Перечисленные процессы сочетались с безответственным поведением в отношении жилья самих будущих бездомных («Ни за что не платил, я ни разу не ходил в этот ЖЭК»). В качестве поведенческих стратегий были выделены: отстаивание своих интересов, обращение в различные инстанции (полиция, центры социальной адаптации, юристы). В качестве когнитивных стратегий были выявлены попытки переоценить значимость бездомности в своей жизни («Если бы я трепыхался с этой квартирой... меня давно бы уже убили»); юмор («Сейчас с иронией к этому отношусь»), смирение, суицидальные намерения, фантазии о мести, мечты о возвращении жилья, принятие ответственности («Это был мой выбор, что я с ними встретился»). Следствием переживания людьми этих событий становится бездомность и внутренняя пустота («Страха не было, скорее всего – пустота, хотел встать на мосту на Москва-реке...»).

Судимость, как психотравмирующая ситуация, характерна для жизни многих бездомных людей. Как правило, судимость становится одной из причин бездомности. Позитивных стратегий совладания с проблемами, возникшими у бездомных после судимостей, не обнаружено, если не считать занятия спортом как отдушину, позволяющую выплеснуть негативные эмоции в процессе

тренировок. Чаще всего респонденты продолжали противоправную деятельность (незаконная торговля, вынос вещей из дома), сопровождающуюся зависимым поведением (алкоголизм, игровая зависимость). Они испытывают ложные надежды проскочить на авось («думал, что прорвусь как-нибудь») при пассивном настроении и без особого желания что-то делать, предпочитая сидеть дома. Следствием становится утрата жилья и другого имущества, разводы и угрозы семье со стороны криминального мира. Это вызывает негативные эмоциональные переживания, например, досаду и чувство сожаления о произошедшем.

Отдельно внимания заслуживает случай участия в боевых действиях в Югославии, который происходил в контексте череды травмирующих событий: это угрозы со стороны командования, связанные с физической расправой («Он приставил мне к виску пистолет и сказал, что взводом командовать назначу сержанта вместо тебя, а тебя просто застрелю за невыполнение приказа»), контузия и убийства сослуживцев, лично совершенные рассказчиком убийства. В качестве стратегий совладания описывается уход от негативных переживаний, следствием чего стали кошмарные сны и сожаление о случившемся.

Таким образом, к числу наиболее значимых психотравмирующих событий в период, предшествующий бездомности, относятся физическое и эмоциональное насилие в родительской семье, смерть родителей, потеря жилья и психическая травматизация вследствие судимости.

Представляется важным обозначить возрастную специфику психотравматизации: физическое и эмоциональное насилие в семье имеет место в детском и подростковом возрасте; переживание смертей близких – чаще в юношеском возрасте; судимости и потеря жилья – в юношеском и взрослом возрасте. Такое распределение дает основания утверждать, что именно имеющее место в детстве насилие и пренебрежение формируют виктимность в отношении других видов травматизации. Хроническая комплексная психотравматизация в детстве нарушает развитие личности, прежде всего, в сфере самоуважения и самооценки, отношений с другими и в сфере саморегуляции.

Обращает на себя внимание превалирование избегания в различных его вариантах – и на эмоциональном, и на когнитивном, и на поведенческом уровнях. Избегание, как следствие неспособности выносить негативные эмоции, выражается в следующих проявлениях:

- в общей пассивности и безответственности, которые ведут к потере жилья;

- в приеме психоактивных веществ при переживании трудностей, который заканчивается разрушением карьеры и отношений;
- в невозможности находиться дома после смерти близкого, приводящей к контактам с антисоциальными лицами;
- в уходе от конфликтов с родственниками с последующими ограничениями в отстаивании своих прав;
- в мечтах о возвращении попранных прав и фантазиях о мести обидчикам.

Таким образом, настоящее исследование указывает на высокую значимость детской травмы в формировании избегающе-пассивных стилей совладания. Преобладание избегания в совладании с последующими («взрослыми») стрессовыми и психотравмирующими ситуациями в сочетании с определенными внешними обстоятельствами в конечном итоге приводит к бездомности.

Заключение

Анализ данных, полученных при помощи полуструктурированного интервью методом обоснованной теории А. Страусс и Дж. Корбин, позволил описать комплексную психическую травматизацию бездомных лиц. Показано, что к числу наиболее значимых психотравмирующих событий в период, предшествующий бездомности, относятся физическое и эмоциональное насилие в родительской семье, смерть родителей, потеря жилья и психическая травматизация вследствие судимости. Ведущим механизмом переработки травмы у бездомных лиц является избегание, проявляющееся на всех уровнях личностной организации: эмоциональном, когнитивном, поведенческом.

Литература

- Бусыгина Н. П.* Качественные и количественные методы исследования в психологии: Учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2016.
- Кашин А. В.* Алкоголизм у бездомных лиц: клинические и социально-демографические аспекты: Дис. ... канд. мед. наук. М., 2011.
- Клюева Н. Ю.* Динамика инволюции качеств бездомного человека: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Коваленко Е. А., Строкова Е.* Бездомность: есть ли выход? М., 2010.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и закл. ст. Т. С. Васильевой. 2-е изд. М., 2007.

- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы: Практическое руководство / Под ред. Н. В. Тарабриной. М., 2007.
- Goodman L., Saxe L., Harvey M.* Homelessness as psychological trauma: Broadening perspectives // *American Psychologist*. 1991. V. 46 (11). P. 1219–1225.
- Herman J. L.* Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma // *Journal of Traumatic Stress*. 1992. V. 5. № 3. P. 377–391.

Complex psychological trauma in homeless people

A. A. Berdichevsky, M. A. Padun** (Moscow)*

* The competitor of a scientific degree of the candidate of psychological sciences of Institute of psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

This article discusses complex psychic trauma and mechanisms of its regulation in homeless people. Complex psychic trauma is defined as psychological consequences of experiencing long-term exposure to a traumatic event (or events). The research is based on the grounded theory by Strauss and Corbin. It was shown that some of the most significant psychological traumatic experiences that preceded homelessness are physical and emotional violence in the parental family, death of parents, loss of housing and psychic trauma as a result of convictions. It was also demonstrated that the basic mechanism of self-regulation is avoidance.

Keywords: complex trauma, homelessness, homeless, grounded theory, qualitative research methods, interviews.

Связь интенсивности переживания террористической угрозы с отношением к новостным сообщениям о терактах¹

*Ю. В. Быховец**, *Н. Н. Казымова*** (Москва)

** кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: bykhovets@yandex.ru*

*** младший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: bakusevan@mail.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей отношения к информации о терроризме и переживания террористической угрозы. Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени заинтересованности респондентов темой терроризма и его последствий, однако информация из источников СМИ в целом вызывает неудовлетворенность ее количеством и достоверностью. Показано, что заинтересованность темой терактов не связана с уровнем переживания террористической угрозы и не зависит от пола. При этом в женской части выборки в подгруппе с интенсивным переживанием угрозы терактов достоверно выше частота обсуждения темы террористических актов по сравнению с относительно устойчивыми к этой угрозе женщинами. Мужчины с интенсивным переживанием террористической угрозы более критично относятся к информации о терактах в СМИ, считая ее фрагментарной и не дающей полного представления о происходящем.

Ключевые слова: теракты, переживание террористической угрозы, СМИ, новости, информационно-психологическая безопасность.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-36-11108.

Постановка проблемы

Проблема терроризма и его последствий в последние десятилетия имеет статус чрезвычайно актуальной и значимой для национальной безопасности нашей страны. Мировая социально-политическая нестабильность создает почву для возрастания числа террористических актов в различных странах, а их глобальное освещение в СМИ приводит к тому, что об этих событиях узнают люди по всему миру. Такой преимущественно информационный характер воздействия террористической угрозы провоцирует возникновение отрицательных переживаний, тревоги и страха у населения даже в отдаленных от места теракта регионах. Воздействие информации о терактах из СМИ приравнивается к реальному событию, способному вызывать различные нежелательные психологические реакции: посттравматический стресс, депрессия, тревожные расстройства, стресс, интенсивные переживания террористической угрозы и т. д. (Ениколопов с соавт., 2004; Мкртычян, 2012; Тарабрина, Быховец, 2014; Propper et al., 2001). Современный терроризм немислим без СМИ. Высказывается мнение о взаимовыгодном «сотрудничестве» СМИ и террористов: так, цель террористов привлечь как можно большее внимание широкой общественности, а информирование населения о драматических событиях увеличивает количество просмотров новостных выпусков по ТВ и в Интернете и повышают продажи печатных изданий (Perešin, 2007).

Комплексное исследование устойчивости к переживанию террористической угрозы было проведено в Бельгии (Maesele et al., 2008). В этой работе поведение, связанное с получением информации в СМИ, было выделено в качестве одного из параметров модели устойчивости (resilience) к террористической угрозе и рассматривалось как аспект личностной вовлеченности в эту проблему. Высокий уровень объективной осведомленности по теме терроризма связан с проявлениями интереса к сообщениям из СМИ, более частыми коммуникациями со сверстниками, с потребностью в быстром получении информации, с более низкими оценками возможности совершения терактов в Бельгии. По всей видимости, эти люди ниже оценивают риски и обладают большей жизнестойкостью. Вместе с тем повышенная озабоченность новостями о теракте в СМИ, обсуждение темы терроризма с другими людьми является причиной уменьшения психологической дистанции и повышенной тревоги при восприятии новостей о терактах. Это подтверждается и в других исследованиях, в которых получение информации из СМИ рассматривается как предиктор стойких симптомов стресса.

Были также рассмотрены различные источники информации. Показано, что просмотр телевизора отрицательно связан с устойчивостью к психотравмирующему эффекту информационных сообщений о терактах. При этом чем больше люди смотрят ТВ, тем меньше они хотят получать «острую» информацию. Прослушивание радио не связано ни с одним из аспектов модели устойчивости. Люди, часто использующие Интернет, более осведомлены о терроризме; они имеют более высокие уровни социального взаимодействия и потребность в быстром получении надежной информации. Они также склонны испытывать меньший страх и ниже оценивать риск локальных атак, в то время как их устойчивость выше. В целом, смотрящие ТВ испытывают больший страх и выше оценивают риск террористических атак, что подтверждают более ранние исследования, в то время как использование Интернета приводит к противоположному результату (Maesele et al., 2008).

Таким образом, частота и глубина погружения в информацию о терроризме из разных источников СМИ оказываются связанными с общей устойчивостью человека к переживанию террористической угрозы.

Организация и методики эмпирического исследования

В 2016 г. в Лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение отношения к новостным сообщениям СМИ о терактах и сопряженность этого отношения с интенсивностью переживания террористической угрозы.

В качестве *гипотезы* выступило предположение о том, что большое значение для возникновения интенсивных переживаний террористической угрозы имеет канал передачи информации о теракте, а также такие параметры новостного сообщения, как надежность и количество предоставляемой информации.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 119 человек в возрасте от 17 до 45 лет. Респонденты были разделены на подгруппы по полу и возрасту. В юношескую группу вошли 67 человек в возрасте от 17 лет до 21 года: 39 девушек (средний возраст – 18,92 года) и 28 юношей (средний воз-

раст – 18,86 года). Группу от 22 до 45 лет составили 52 респондента: 37 женщин (средний возраст – 30,84 года) и 15 мужчин (средний возраст – 27,73 года).

Методики исследования

Особенности включенности населения в новостной дискурс о терроризме и отношение к новостной информации о нем были изучены с помощью анкеты. Респондентам предлагалось ответить на вопросы о том, каким способом они получают новостную информацию о терактах, как часто они ее обсуждают и как оценивают достаточность ее количества и надежность. Кроме того, респондентов спрашивали о том, какое место теракт занимает в их жизни: пострадали ли они сами или кто-либо из их близких непосредственно от теракта, были ли очевидцами, или сталкивались с терактом в рамках своей профессиональной деятельности.

Интенсивность переживания угрозы терактов оценивалась с помощью методики ОПТУ (Опросник «Переживание Террористической Угрозы»), разработанной в Лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН (Быховец, Тарабрина, 2010). Входящие в опросник 50 пунктов позволяют получить информацию об особенностях переживания данного вида угрозы респондентами по 3 направлениям: 1) признаки посттравматического стресса в связи с травматическим воздействием информации о терактах (шкала «Признаки ПТС»), 2) субъективная оценка вероятности новых терактов (шкала «Антиципация»), 3) эмоциональная устойчивость в связи с переживанием угрозы (шкала «Устойчивость»). Суммарный индекс по всем пунктам позволяет оценить общую интенсивность переживания террористической угрозы.

В более ранних исследованиях, рассматривающих СМИ как предикторов интенсивного переживания угрозы терактов, проводились различия относительно конкретного способа получения информации. В этих работах ставился акцент на том, что телевизионные образы практически беспрепятственно проходят в сознание зрителя и становятся частью его реального опыта (например: Нуркова и др., 2003; Maesele et al., 2008). Телевидение тогда рассматривались в качестве мощного средства воздействия на сознание населения, по сравнению, например, с радио или печатными изданиями. В наше время сложно представить мир без Интернета, где можно легко и быстро не только найти нужную информацию, но и полу-

чить попутно массу побочной информации в виде фото, видео, связанных ссылок. Предоставляя такие возможности, Интернет быстро завоевал популярность и стал неотъемлемой частью жизни современного человека.

Результаты исследования

В нашем исследовании мы не получили каких-либо статистически значимых различий между респондентами относительно предпочитаемого ими источника новостной информации. Подавляющее большинство респондентов использует сеть Интернет для получения новостей о последних событиях в мире, на втором месте – телевидение. Радио не очень популярно среди молодежи, а печатные источники информации не используются нашими респондентами совсем.

Респонденты проявляют интерес и не переключают выпуски новостей по ТВ или радио, содержащие информацию о терроризме в 63,6% случаев. Еще 32,2% респондентов сообщили, что не всегда уделяют внимание таким новостям и переключают такие новостные выпуски от случая к случаю. Только 4,2% из опрошенных нами людей ответили, что всегда переключают такие новости, отметив, что делают это сознательно и намеренно с целью уберечь себя от плохих известий.

Тема террористических актов не слишком активно обсуждается в межличностных коммуникациях респондентов: наибольшая доля опрошиваемых не обсуждала эту тему или обращалась к ней не больше 1–2 раз за последний месяц (41,2% в обоих случаях); примерно 3–4 раза за последний месяц обсуждали эту тему 9,2% респондентов; 8,4% респондентов сообщили, что обращались к этой теме в своих разговорах много раз (больше 4).

С помощью χ^2 -критерия Пирсона была проверена связь информационных предпочтений и пола респондентов. Показано, что наличие или отсутствие интереса относительно подробностей терактов и их последствий не связано с полом респондентов. Также не связано с полом мнение о полноте информации о терактах и терроризме в СМИ: только примерно четверть мужчин и женщин считает эту информацию полной и исчерпывающей, подавляющее же большинство, независимо от возраста, называет ее фрагментарной и не позволяющей составить представление о происходящем ($p > 0,05$).

На основании общего балла по ОПТУ среди всех опрошенных нами мужчин и женщин были выделены подгруппы респондентов с высоким и низким уровнем переживания угрозы терактов для сравнения их оценок восприятия и отношения к информации о терак-

тах. Показано, что в женской части выборки в подгруппе с интенсивным переживанием угрозы терактов достоверно выше частота обсуждения темы террористических актов ($U=203,00$, $p=0,0239$). Мужчины с интенсивным переживанием террористической угрозы более критично относятся к информации о терактах в СМИ, считая ее фрагментарной и не дающей полного представления о происходящем ($U=60,00$, $p=0,0174$). Заинтересованность темой терактов не связана с уровнем переживания террористической угрозы и не зависит от пола ($p>0,05$).

Мы также просили наших респондентов оценить отдельные компоненты новостной информации о террористической угрозе с точки зрения количества и надежности этой информации. Для оценки предлагались следующие темы: политические аспекты терроризма; кадры с мест терактов; объективные данные о материальных последствиях теракта; действия правительства по борьбе с терроризмом; информация об оказании помощи пострадавшим со стороны спецслужб; информация о том, как себя вести в случае теракта; сочувствие и помощь пострадавшим со стороны равнодушных граждан; высказывания экспертов; опыт выживших и свидетельства очевидцев. Респонденту предлагалось оценить достаточно или недостаточно информации по этой теме освещается в СМИ, можно ли ей доверять, или она вызывает сомнения.

На основании суммы оценок количества и надежности информации были выделены группы респондентов, которые дают низкие (сумма баллов 0–3), средние (4–6 баллов) и высокие (7–9 баллов) оценки этим параметрам. В целом, большинство респондентов (54%) можно отнести к группе средних оценок, склонной отмечать 4–6 параметров как достаточные по количеству предоставляемой информации и вызывающие доверие. На втором месте (30%) – низко оценивающие количество и надежность информации о терактах. Наименьшей по численности группой оказались люди, удовлетворенные количеством и надежностью информации (16%).

Проведенный с помощью критерия Манна–Уитни статистический анализ интенсивности переживания ТУ в выделенных группах показал отсутствие различий между группами, по-разному оценивающими количество и надежность информации ($p>0,05$).

В мужской части выборки было выявлено, что интенсивность переживания ТУ выше в группе, которая оценивает информацию о терактах в целом как фрагментарную и не позволяющую составить полное представление о происходящем ($U=74,00$, $p=0,04$), при этом в основном эта интенсивность повышается за счет интенсивности признаков посттравматического стресса ($U=71,00$, $p=0,04$). В жен-

ской подгруппе такой взаимосвязи выявлено не было: интенсивность переживания ТУ не связана с глобальным отношением к информации о терроризме из СМИ.

Заключение

Проведенный обзор литературы, а также наши собственные данные позволяют подойти к изучению террористической угрозы с точки зрения нарушения информационно-психологической безопасности населения. Предоставляемая СМИ информация о терроризме часто является противоречивой и вызывает сомнения в ее объективности. Более того, нередко можно встретить мнения о заказном характере освещения тех или иных аспектов терроризма, что гипотетически возможно, учитывая всю сложность социально-политической организации терроризма. Тем не менее, разворачивающаяся в информационном пространстве политическая борьба не учитывает интересы обычных людей, получающих информацию в ходе массовой и межличностной коммуникации. Особенно чувствительные к данному виду угрозы люди могут воспринимать транслируемые шокирующие подробности терактов практически беспрепятственно, становясь так называемыми косвенными жертвами терактов. В целом, проведенное исследование показало, что исследованная группа респондентов проявляет интерес к информации о терроризме и терактах, однако относится к этой информации настороженно и с определенной долей недоверия. Однако такое критическое отношение было выявлено нами в подгруппе с высоким уровнем переживания террористической угрозы, что говорит о том, что оно не выполняет своей защитной функции и является, скорее, проявлением общего недоверия как базовой установки личности при высокой заинтересованности темой терроризма.

Литература

- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М., 2010.
- Ениколопов С. П., Лебедев С. В., Бобосов Е. А.* Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. № 6. С. 73–81.
- Мкртычян А. А.* Влияние СМИ на социально-психологические последствия терроризма // Социология образования. Труды по социологии образования / Под ред. В. С. Собкина. М., 2012. С. 157–166.

- Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Э. Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 67–74.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Современное состояние психологических исследований террористической угрозы // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2011. № 5. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 01.05.2017).
- Peresin A. Mass media and Terrorism // Media Research. 2007. V. 13. № 1. P. 5–22.
- Propper R. E., Stickgold R., Keeley R., Stephen D. Is television traumatic? Dreams, stress and media exposure in the aftermath of September 11, 2001 // Psychological Science. 2001. V. 18. № 4. P. 334–340.
- Maesele P., Verleye G., Stevens I., Speckhard A. Psycho-social resilience in the face of a mediated terrorist threat // Media War & Conflict. 2008. № 1 (1). P. 50–69.

The relationship between intensity of experience of terrorist threat and attitude to a news about terrorist attacks

J. V. Bykhovets, N. N. Kazymova** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, senior researcher, Institute of Psychology of RAS

** Junior researcher officer, Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of empirical study of specific of attitude to an information about terrorism and experience of terrorist threat. Results show the high level of concernment of terrorist and its consequences issue, but the information from mass media causes dissatisfaction by its quantity and confidence. It has been showed that concernment of this issue not associated with level of intensity of terroristic threat experience and not affected on sex. However, women with high intensity of this experience statistically significant discuss about terrorism more frequently then resilient women. Men with intensive experience of terrorist threat regard to an information about terroristic attacks in mass media more critically and find it fragmentary and doesn't allowed to make a full representation of events.

Keywords: terrorist attacks, experience of terrorist threat, mass media, news, media-psychological safety.

Восприятие стрессоров повседневной жизни: половой и возрастной аспекты¹

*Л. А. Головей**, *О. Ю. Стрижицкая*** (Санкт-Петербург)

** доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
психологии развития и дифференциальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: lgolovey@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, профессор, доцент кафедры психологии
развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский
государственный университет; e-mail: o.strizhitskaya@spbu.ru*

В статье дан анализ восприятия частоты и характера стрессоров повседневной жизни у взрослых. Использованы авторский Опросник повседневных стрессоров, Шкала выраженности стресса. Обследованы 101 мужчина, 208 женщин в возрасте 24–65 лет. Показано, что все сферы жизнедеятельности взрослых воспринимаются ими, как нагруженные повседневными стрессорами, особенно сфера работы и эмоционально-личностная сфера. Выявлена достоверно более высокая частота повседневных стрессоров и большая выраженность стресса и перенапряжения у женщин. Обнаружена прямая корреляционная взаимосвязь стрессоров, относящихся к разным сферам жизни, и взаимосвязь частоты воспринимаемых стрессоров с выраженностью стресса и перенапряжения. Влияние возраста на характер стрессового напряжения обнаружено только у женщин.

Ключевые слова: повседневные стрессоры, пол, возраст, перенапряжение, выраженность стресса.

Введение

Общепризнанным является факт воздействия на человека в его повседневной жизни ситуаций, которые могут субъективно восприни-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 16-18-100088.

маться и оцениваться как стрессовые. Это могут быть разнообразные социальные по своей природе факторы, такие как экономические, профессиональные или семейные неудачи. Они нарушают или угрожают нарушить, подорвать обычную жизнь. Эти события необязательно негативны и не всегда приводят к объективному кризису (Dohrenwend, 1961). Р. Лазарус обозначил эти события термином «повседневные неприятности» (daily hassles), который он ввел в научный обиход. Он обратил внимание на то, что стрессы невысокой интенсивности, но длительно действующие в трудовой, семейной, учебной жизни, каждодневном социальном взаимодействии, могут превышать адаптивные возможности человека. Современные исследования показывают, что повседневные стрессы, накапливаясь, могут оказывать негативное влияние на здоровье и психологическое благополучие человека (Serido, Almeida, Wethington, 2004; Стресс, выгорание..., 2011; и др.). Авторы отмечают, что события повседневной жизни – рабочие стрессоры, межличностные и социальные стрессоры, ролевые стрессоры – выступают как «повседневные сложности», которые вызывают нарушения самочувствия и ощущаются как угрожающие, оскорбительные, фрустрирующие (цит. по: Kanner et al., 1981, с. 31). Установлено, что негативные эффекты от воздействия повседневного стресса могут быть значительней, нежели от кризисных событий жизни (Holahan, Holahan, 1987).

В связи с этим в последнее время все более актуальной становится проблема изучения *повседневного стресса*. Вместе с тем анализ работ показывает очень неравномерное исследование повседневных стрессов разных областей жизни. Основное внимание уделяется изучению повседневного стресса в группах, находящихся в ситуации большего стрессового риска, таких, как представители экстремальных профессий, население, проживающее на территориях повышенной террористической угрозы. В отечественных и зарубежных исследованиях наибольшее внимание уделяется повседневным стрессорам в профессиональной и семейной сферах. Стрессоры, касающиеся других областей повседневной жизни, изучены крайне неполно. Не в полной мере исследованы также особенности повседневных стрессоров и выраженность стресса в зависимости от пола и возраста человека. Хотя в литературе имеются указания на то, что оценка стрессоров повседневной жизни изменяется в зависимости от решаемых в разные периоды взрослости задач и изменения значимости жизненных сфер (Головей, Стрижикская, 2016), но они требуют уточнения; практически отсутствуют данные относительно влияния пола.

Задачи, методы и организация эмпирического исследования

Задачами настоящего исследования явились изучение восприятия стрессоров повседневной жизни взрослого человека, их выраженности в разных сферах жизнедеятельности, выявление влияния пола и возраста на характер восприятия повседневных стрессоров, а также раскрытие взаимосвязей восприятия стрессовых событий с выраженностью стресса.

Выборку составили 309 человек в возрасте от 24 до 65 лет, включая 101 мужчину и 208 женщин. Респонденты имели разный уровень образования (среднее, среднее профессиональное и высшее). Профессии были представлены учителями, средним медицинским персоналом, врачами, преподавателями вузов, пожарными, пенсионерами.

Методы исследования включали анкету, направленную на выявление социально-демографических сведений; Опросник «Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС-10) (Аббков и др., 2016); Опросник стрессовых событий, разработанный коллективом авторов на основе данных зарубежных публикаций о наиболее часто встречающихся стрессорах (Kanner, Coyne, Schaefer, Lazarus, 1981; Maybery, Graham, 2001)¹.

В Опроснике представлено 82 события, которые распределяются по восьми сферам жизнедеятельности: 1) профессиональная/ трудовая деятельность; 2) межличностное общение (с близкими, друзьями, знакомыми); 3) внешние стрессоры, связанные с окружающим миром (что-то сломалось, плохая погода, шум, проблемы с транспортом и пр.); 4) стрессоры, связанные с досугом (не хватало времени на отдых, пришлось отказаться от интересного занятия и пр.); 5) финансовые стрессоры (проблемы с кредитом, неожиданные расходы и пр.); 6) стрессоры, связанные с обслуживанием (медицинским, социальным, бытовым); 7) стрессоры, связанные с домашним бытом (ежедневные дела по хозяйству и пр.); 8) стрессоры, связанные с эмоционально-личностными переживаниями (чувство одиночества и др.). Респондентам предлагалось отметить те события, которые произошли с ними в течение последних двух недель, а также силу переживания события, используя шкалу от 1 до 10 баллов. Учитывая, что количество стрессоров в шкалах неодинаковое, результат по каждой шкале оценивался в процентах, чтобы можно было сопоставить показатели стрессовой нагруженности в разных жизненных сферах между собой.

1 В разработке Опросника принимали участие С. С. Савенышева, М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижницкая, Л. А. Головей.

Результаты исследования

Анализ результатов исследования выявил довольно выраженный уровень присутствия повседневных стрессоров во всех изученных сферах жизни. Общее количество повседневных неприятностей, отмеченное респондентами за две недели, составило 7679 событий. Средняя частота на одного человека – 25,6 стрессовых событий за две недели по выборке в целом; у мужчин – 21,2, у женщин – 28 событий, т. е. ежедневно женщины воспринимают как стрессовые 2–3 события, а мужчины – 1–2 события. Индивидуальная вариативность этого показателя высокая и составляет от 0 до 20 неприятностей в день. События, которые называют в качестве стрессовых более половины респондентов, связаны с дефицитом времени («я очень спешил»; «не успел выполнить все, что наметил»; «бывали дни, когда количество дел превышало мои возможности»), проблемами со здоровьем членов семьи, беспокойством за кого-то, физическим дискомфортом, озабоченностью внешним видом, погодными условиями, непредвиденными расходами. Процентное соотношение выраженности стрессоров, наблюдаемых в течение двух недель, свидетельствуют о том, что наиболее насыщенными повседневными стрессорами являются сферы работы ($M=24,25$), эмоционально-личностная ($M=17,33$), сфера взаимоотношений и внешняя сфера, связанная с окружающим миром ($M=15,8$), финансовая и хозяйственно-бытовая сферы (15,1 и 15,3, соответственно). Наименее насыщенными стрессорами оказались сферы, связанные с обслуживанием ($M=8,2$), а также с отдыхом и досугом ($M=12,4$). Анализ частоты повседневных стрессоров, проведенный с помощью таблиц сопряженности, обнаружил, что по всем 82 видам стрессоров значения существенно выше в женской выборке. Анализ стрессоров по основным жизненным сферам также показал, что во всех жизненных сферах выраженность повседневных стрессоров у женщин выше, при этом по шести сферам из восьми различия достоверны при $p<0,000$ (таблица 1).

Как видно из таблицы, у женщин наиболее нагружены повседневными неприятностями рабочая ($M=29,4$), эмоционально-личностная ($M=26,0$), хозяйственно-бытовая ($M=22,7$) и финансовая ($M=19,9$) сферы. У мужчин самые напряженные сферы – деловая ($M=19,1$), финансовая ($M=14,2$), сфера, связанная с проблемами внешнего мира ($M=12,5$); наименее напряженными являются хозяйственно-бытовая ($M=9,5$) и досуговая ($M=9,5$) сферы. Необходимо отметить, что в обеих выборках наименее проблемной является сфера социального обслуживания ($M=6,8$ у мужчин и $M=9,5$ у женщин).

Таблица 1
Выраженность стрессоров в различных сферах
повседневной жизни у мужчин и у женщин (в %)

Жизненные сферы	Среднее Мужч.	Сигма Мужч.	Среднее Женщ.	Сигма Женщ.	Р
1. Работа/дела	19,1	19,1	29,4	22,6	0,000
2. Межличн. общение	11,9	14,9	19,7	18,6	0,000
3. Внешняя среда	12,5	12,4	19,1	15,8	0,000
4. Отдых, досуг	9,5	13,6	15,34	16,3	0,000
5. Финансы	14,2	18,0	17,0	19,9	0,238
6. Социальное обслуживание	6,8	13,9	9,5	16,0	0,141
7. Хозяйственно-бытовая	9,5	15,2	21,1	22,7	0,000
8. Эмоционально-личностная	10,7	17,4	24,0	26,0	0,000

Корреляционный анализ показателей восприятия стрессоров в разных сферах жизнедеятельности выявил их высокую взаимосвязанность. Как в мужской, так и в женской группах, насчитывается по 28 высокозначимых корреляций ($p < 0,001$) выраженности стрессоров в разных сферах между собой. Это, возможно, свидетельствует о том, что количество повседневных стрессоров имеет способность распространяться из одной сферы в другую, захватывая все области жизнедеятельности и тем самым усугубляя характер их воздействия на человека. Тесную взаимосвязь характера восприятия стрессоров в разных сферах жизни, вероятно, можно также объяснить значительной, если не ведущей, ролью в этом процессе индивидуально-личностных особенностей в виде чувствительности к стрессовым воздействиям и ресурсов совладающего поведения.

Были выявлены взаимосвязи частоты повседневных стрессоров с уровнем переживаемого стресса, полученным при помощи методики ШВС-10. Методика позволяет получить три показателя: перенапряжение, уровень сопротивления стрессу и общую выраженность стресса. Анализ средних значений выявил, что основные показатели укладываются в границы нормативных значений (Абабков и др., 2016). При этом уровень перенапряжения и выраженность стресса достоверно выше у женщин по сравнению с мужчинами. Так, средние значения перенапряжения у женщин составляют 16,7 баллов (сигма 5,2), у мужчин – 13,6 баллов (сигма 4,9); различие достоверно при $p < 0,000$. Общая выраженность стресса у женщин равна 31,0 (сигма 5,9), у мужчин – 28,1 баллам (сигма 5,9); различие достоверно

но при $p < 0,000$. По шкале противодействия стрессу различий не получено ($M=9,5$ у мужчин и $M=9,7$ у женщин). Эти результаты указывают на то, что большая повседневная нагруженность стрессорами находит свое отражение, соответственно, в большем перенапряжении и общей выраженности стресса у женщин. Это подтвердил корреляционный анализ, выявивший многочисленные взаимосвязи интенсивности повседневных стрессоров и уровня стресса (всего 27 взаимосвязей при $p < 0,001$). Характер взаимосвязей в мужской и женской выборках имеет много общего. В мужской выборке выявлено 12 взаимосвязей (все связи при $p < 0,001$), в женской – 15 (все при $p < 0,001$). При этом каждая из групп стрессоров связана прямыми зависимостями с перенапряжением и с выраженностью стресса. Симптом противодействия стрессу не вовлечен в эти связи. Он обнаружил прямую взаимосвязь только в женской выборке с выраженностью стрессоров в эмоционально-личностной сфере, что, возможно, указывает на особую роль этого симптома в совладании со стрессорами в эмоционально-личностной сфере у женщин.

Взаимосвязи показателей выраженности стресса между собой различаются в мужской и женской группах. Так, в мужской выборке, перенапряжение имеет прямую связь с выраженностью стресса ($p < 0,001$), которая, в свою очередь, связана отрицательной зависимостью со шкалой противодействия стрессу ($p < 0,001$). Это указывает на то, что перенапряжение вносит вклад в общую выраженность стресса, а усиление противодействия стрессу ведет к понижению его выраженности. В женской выборке, так же как и в мужской, перенапряжение имеет прямую взаимосвязь с общей выраженностью стресса ($p < 0,001$). Однако выявленная прямая связь противодействия стрессу с перенапряжением ($p < 0,001$) указывает на обратный эффект: усиление противодействия стрессу способствует повышению перенапряжения. Возможно, эти взаимосвязи свидетельствуют о том, что само противодействие стрессу у женщин может способствовать перенапряжению, в то время как у мужчин оно снижает перенапряжение. Этим, вероятно, отчасти могут объясняться и более высокие показатели стресса у женщин.

Для выявления влияния возраста на частоту стрессовых событий и выраженность стресса был использован множественный регрессионный анализ, обнаруживший нелинейную зависимость в женской группе. Нелинейная регрессия свидетельствует о том, что перенапряжение и выраженность стресса понижаются в период от 24 лет к 30-летнему возрасту, находясь на минимальных значениях до 40 лет, после чего происходит их повышение, достигающее максимального уровня в возрасте 50 лет с понижением после

60 (значения достоверны при $p < 0,000$). Аналогичная кривая получена для показателей выраженности стрессоров в финансовой сфере и сфере досуга ($p < 0,05$). Это позволяет выделить периоды наименьшей (30–40 лет) и наибольшей (40–50 лет) подверженности стрессу у женщин. По-видимому, они связаны с прохождением возрастных нормативных кризисов. В мужской выборке такой зависимости не получено. На данном этапе исследования это, отчасти, может быть объяснено меньшей численностью мужской выборки.

Заключение

Проведенное исследование выявило высокую степень частоты встречаемости стрессоров в повседневной жизни. Наибольшая частота воспринимаемых стрессоров обнаружена в сферах работы, эмоционально-личностной сфере, сфере межличностных отношений, а также в сфере взаимодействия с окружающим миром. Выявлены половые различия, свидетельствующие о более высокой частоте воспринимаемых стрессоров у женщин. Различия в характере повседневных стрессоров проявились в том, что женщины чаще воспринимают как стрессовые события в эмоционально-личностной и хозяйственно-бытовой сферах; мужчинами эти сферы воспринимаются как наименее проблемные. Корреляционный анализ обнаружил высокую взаимосвязанность частоты повседневных стрессоров разных жизненных сфер. Выявлена взаимосвязь характера восприятия стрессоров с выраженностью стрессового перенапряжения и общей выраженностью стресса, указывающая на то, что увеличение частоты стрессоров способствует повышению стрессового напряжения и выраженности стресса, но не оказывает влияние на противодействие стрессу. Влияние возраста на частоту стрессовых событий и выраженность стресса обнаружилось только у женщин.

Литература

- Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер И. А., Горбунов И. А., Капанова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А.* Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 16. № 1. С. 6–15.
- Головей Л. А., Стрижицкая О. Ю.* Особенности структуры повседневных стрессоров и ресурсов личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия, совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев,

Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М., 216. С. 27–50.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2011.

Dohrenwend B. P. The social psychological nature of stress: A framework for causal inquiry // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. V. 62 (2). P. 294–302. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/h0040573> (дата обращения: 15.01.2016).

Holahan C. K., Holahan C. J. Life stress, hassles and self-efficacy in ageing: A replication and extension // *Journal of Applied Social Psychology*. 1987. V. 17. P. 574–592.

Kanner A. D., Coyne J. C., Schaefer C., Lazarus R. S. Comparison of two modes of stress measurements: Daily hassles and uplifts versus major life events // *Journal of Behavioral Medicine*. 1981. V. 4. P. 1–39.

Serido J., Almeida D. M., Wethington E. Chronic stressors and daily hassles: Unique and interactive relationships with psychological distress // *Journal of Health and Social Behavior*. 2004. V. 45. P. 17–33. URL: <http://dx/doi:10.1177/002214650404500102> (дата обращения: 15.01.16).

Perception of daily hassles: gender and age aspects

L. A. Golovey, O. Yu. Strizhitskaya** (St Petersburg)*

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor,
Head of the Department of developmental and differential psychology
of St Petersburg state University

** Candidate of psychological Sciences, Full Professor,
associate professor at the Department developmental
and differential psychology, St Petersburg state University

Paper analyses perceptions of frequencies and specifics of daily hassles among adults. For the study we used author Questionnaire of daily hassles, Scale of perceived stress. Participants were 101 males and 208 females aged 24–65. Results showed that all spheres are perceived by adults as filled with daily stressors, particularly, professional sphere and emotional and personality sphere. We revealed higher frequencies of daily hassles and greater expression of stress and tension among females. Correlation analysis identified direct association of daily stressors in different domains and their frequencies with expressions of stress and tension. Age effected experience of daily hassles only in women.

Keywords: daily hassles, gender, age, tension, stress expression.

Психологическое благополучие и посттравматический стресс в трудной жизненной ситуации¹

Е. Н. Дымова (Москва)

*младший научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: grebennikovakaty@mail.ru*

Представлены результаты исследования связи уровня посттравматического стресса, психопатологического статуса и психологического благополучия у солдат срочной военной службы и студентов г. Москва и Московской области. Проанализированы различия исследуемых групп по уровню посттравматического стресса, психопатологической симптоматики и психологического благополучия. Показано, что для солдат срочной военной службы характерен более высокий уровень посттравматического стресса, выраженная психопатологическая симптоматика и низкие показатели психологического благополучия по сравнению со студентами того же пола и возраста.

Ключевые слова: уровень посттравматического стресса, психологическое благополучие, психопатологическая симптоматика.

Постановка проблемы

Проблема психологического благополучия начинает разрабатываться в 1960-е годы и до сих пор остается весьма актуальной. Исходные представления о психологическом благополучии были заложены Н. Бредбурном и представлены в виде баланса между двумя аффектами: позитивным и негативным. Согласно этому подходу, переживания, связанные с приятными моментами в повседневной

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0004.

жизни человека, были названы позитивным аффектом, а переживания, связанные с отрицательными эмоциями, – негативным аффектом. Психологическое благополучие – это разница между позитивным и негативным аффектами (Bradburn, 1969). К. Рифф продолжила исследование психологического благополучия и дополнила данный конструкт следующими компонентами: позитивные отношения с окружающими, автономия, личностный рост, самопринятие, управление окружающей средой, цели в жизни. Основываясь на теории К. Рифф, Т. Д. Шевеленкова и П. П. Фесенко предложили понимать психологическое благополучие как феномен, отражающий и актуальные, и потенциальные аспекты жизни человека, состоящий из переживания удовлетворенности собственной жизнью, ощущения счастья, которые связаны с базовыми ценностями и потребностями.

Непосредственное влияние на психологическое благополучие личности оказывают не только внутренние, но и внешние факторы. В трудных жизненных ситуациях уровень психологического благополучия более выражен и выполняет регулирующую роль. Японскими учеными было показано, что такие компоненты, как уверенность человека в себе, адекватная самооценка и самоэффективность, влияют на уровень страха смерти и интенсивность психопатологической симптоматики (Hoeltherhoff, Chung, 2013).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования является выявление различий в уровне посттравматического стресса, психологического благополучия и выраженности психопатологической симптоматики между солдатами срочной службы и студентами вузов.

Гипотеза исследования: для людей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах, характерен высокий уровень посттравматического стресса, психопатологической симптоматики и низкий уровень психологического благополучия.

Выборку исследования составили лица мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет, проходящие военную службу в войсковых частях Московской области, всего – 123 человека, а также студенты вузов г. Москвы и Московской области, всего – 70 человек.

В исследовании были использованы следующие *методики:*

- Шкалы психологического благополучия (ШПБ) (The scales of psychological well-being – ШПБ), адаптированные П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой (Шевеленкова, Фесенко, 2005);

- Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (Гражданский вариант) (МШ) (Mississippi Scale-MS), адаптированная Н. В. Тарабриной с соавторами (Тарабрина, 2009);
- Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R), адаптированный Н. В. Тарабриной с соавторами (Тарабрина, 2009).

Обработка данных осуществлялись с помощью программного пакета Statistica 7.0.

Результаты исследования

В качестве основы для анализа результатов был использован коэффициент корреляции r Спирмена с целью выявления взаимосвязи между уровнем посттравматического стресса, выраженностью психопатологической симптоматики и шкалами психологического благополучия (таблица 1).

Результаты исследования выявили, что показатели посттравматического стресса (МШ) отрицательно коррелируют с показателями психологического благополучия (ШПБ) и положительно – с показателями психопатологической симптоматики (SCL-90-R).

Далее в процессе анализа были выявлены различия в уровне посттравматического стресса, психологического благополучия и выраженности психопатологической симптоматики между группами солдат (123 человека) и студентов (70 человек) (таблица 2).

Показано, что существуют различия между группами участников исследования по всем трем показателям. По методике SCL-90-R солдаты превосходят студентов по показателям обсессивности – компульсивности, депрессии, межличностной сензитивности, психотизма, а также по общему индексу тяжести симптомов. По остальным изучаемым параметрам психопатологической симптоматики различий обнаружено не было. Уровень посттравматического стресса выше у солдат, по сравнению со студентами. Различия по психологическому благополучию выявлены по шкалам: «позитивные отношения с окружающими», «цели в жизни», «самопринятие», «баланс аффекта», «осмысленность жизни», «человек как открытая система», а также общему баллу психологического благополучия.

В целом, можно говорить, что выдвинутая гипотеза подтвердилась, солдаты срочной военной службы более подвержены посттравматическому стрессу и психопатологической симптоматике, кроме того по некоторым шкалам психологического благополучия также имеются существенные различия между солдатами и студентами.

Таблица 1

Значения коэффициентов корреляции r Спирмена между показателем посттравматического стресса и показателями психологического благополучия и выраженности психопатологической симптоматики (193 человека)

Показатели методик ШПБ и SCL-90-R		R	p-level
ШПБ	Позитивные отношения с окружающими	-0,481*	0,000*
	Автономия 1	-0,115	0,110
	Управление средой	-0,446*	0,000*
	Личностный рост	-0,246*	0,001*
	Цели в жизни	-0,482*	0,000*
	Самопринятие	-0,526*	0,000*
	Общий балл ПБ	-0,521*	0,000*
	Баланс аффекта	0,566*	0,000*
	Осмысленность жизни	-0,449*	0,001*
	Человек как открытая система	-0,182*	0,011*
	Автономия 2	0,058	0,415
SCL-90-R	Соматизация (SOM)	0,274*	0,001*
	Обсессивность-компульсивность (О-С)	0,426*	0,000*
	Межличностная сензитивность (INT)	0,484*	0,000*
	Депрессия (DEP)	0,522*	0,000*
	Тревожность (ANX)	0,438*	0,000*
	Враждебность (HOS)	0,398*	0,000*
	Фобическая тревожность (PHOB)	0,286*	0,001*
	Паранойяльные симптомы (PAR)	0,482*	0,000*
	Психотизм (PSY)	0,481*	0,000*
	Общий индекс тяжести симптомов (GSI)	0,524*	0,000*
	Индекс симптоматического дистресса (PSDI)	0,395*	0,000*

Примечание: p-level – уровень значимости, * – значимость различий $<0,05$.

Заключение

В представленной работе было показано, что существует взаимосвязь между такими психологическими конструктами, как посттравматический стресс, психопатологическая симптоматика и психологическое благополучие. Также были выявлены различия по данным пока-

Таблица 2

Различия в выраженности психопатологической симптоматики, уровне посттравматического стресса и психологического благополучия между группами солдат и студентов

Шкалы		Сумма рангов гр. студентов	Сумма рангов гр. солдат	U	p-level
SCL-90-R	Соматизация (SOM)	6674,5	12046,5	4189,500	0,756
	Обсессивность– компульсивность (O–C)	8389,5	10331,5	2705,500*	0,001*
	Межличностная сензитивность (INT)	7973,5	10747,5	3121,500*	0,001*
	Депрессия (DEP)	8045,0	10676,0	3050,000*	0,001*
	Тревожность (ANX)	6901,0	11820,0	4194,000	0,764
	Враждебность (HOS)	7482,0	11239,0	3613,000	0,061
	Фобическая тревожность (PHOB)	6844,0	11877,0	4251,000	0,877
	Паранойяльные симптомы (PAR)	7429,0	11292,0	3666,000	0,085
	Психотизм (PSY)	7644,5	11076,5	3450,500*	0,012*
	Общий индекс тяжести симптомов (GSI)	7691,0	11030,0	3404,000*	0,016*
	Индекс симптоматического дистресса (PSDI)	8805,5	9915,5	2289,500*	0,000*
ШПБ	Позитивные отношения с окружающими	5638,5	13082,5	3153,500*	0,002*
	Автономия-1	6841,5	11879,5	4253,500	0,890
	Управление средой	6097,0	12624,0	3612,000	0,063
	Личностный рост	6669,5	12051,5	4184,500	0,746
	Цели в жизни	5560,5	13160,5	3075,500*	0,001*
	Самопринятие	5740,0	12981,0	3255,000*	0,005*
	Общий балл ПБ	5600,5	13120,5	3115,500*	0,001*
	Баланс аффекта	7818,5	10902,5	3276,500*	0,006*
	Осмысленность жизни	5329,0	13392,0	2844,000*	0,001*
	Человек как открытая система	5952,0	12769,0	3467,000	0,024*
	Автономия 2	6726,5	11994,5	4241,500	0,864
МШ	7911,5	10809,5	3183,500*	0,003*	

Примечание: p-level – уровень значимости, * – значимость различий <0,05.

зателям между двумя исследуемыми группами: солдатами срочной военной службы и студентами вузов г. Москвы и Московской области. Для солдат характерен более высокий уровень посттравматического стресса, выраженная психопатологическая симптоматика; они чувствуют себя психологически менее благополучно.

Гипотеза данного исследования строилась на представлении о службе в армии как трудной жизненной ситуации, которая требует от молодого человека дополнительных усилий в незнакомой среде. Для успешной адаптации молодому человеку необходима мобилизация значительных сил. Актуализация ресурсов в трудной жизненной ситуации при их недостаточности в количественном и качественном отношении, возможно, и является одной из причин повышенного уровня посттравматического стресса и психопатологической симптоматики. Результаты исследования показали, что для солдат характерны высокие показатели таких параметров психопатологического статуса, как «межличностная сензитивность» и «психотизм», которые включают проблемы во взаимодействии с другими людьми. Молодые люди прибегают к избегающему и изолированному стилю жизни, который сопровождается самоосуждением, чувством беспокойства и явным дискомфортом. Нередко на этом фоне появляется депрессия. Также при высоком уровне посттравматического стресса у личности появляется чувство ненужности себя в обществе и восприятие окружающих людей как враждебно настроенных по отношению к ней.

Необходимо отметить, что все участники исследования являются здоровыми людьми, и их результаты по методикам находятся в пределах нормы.

Относительно психологического благополучия, можно говорить о неоднозначности данного конструкта у солдат: с одной стороны, отсутствие привычного образа жизни и близких людей снижает уровень психологического благополучия, с другой стороны, находясь «наедине с самими с собой», молодые люди больше размышляют о своем будущем, строят планы, ставят перед собой цели, осмысливают свою жизнь в целом, тем самым повышая уровень психологического благополучия.

Литература

Маршук Л. В., Пыжьянова Е. В. Удовлетворенность качеством жизни как критерий психологического здоровья // Психология XXI века: Материалы Международной научно- практической конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 24–26 апреля 2008 г. / Ред. Н. В. Гришина. СПб., 2008. С. 457–459.

- Лазебная Е. О. Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология состояний: Хрестоматия / Под ред. А. О. Прохорова. М.–СПб., 2004. С. 373–385.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М., 2009.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Казымова Н. Н. Специфика психологического благополучия в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Психологическое исследование. 2012. № 2. С. 22. URL: <http://psystudy.ru>.
- Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Методика исследования психологического благополучия личности. М., 2005.
- Bradburn N. M. The Structure of psychological well-being [print]. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969.
- Hoelterhoff M., Chung M. Cheung Death anxiety and well-being; coping with life-threatening events // Traumatology. V. 19 (4). Dec. 2013. P. 280–291.
- Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. V. 57 (6). Dec. 1989. P. 1069–1081.
- Ryff C., Keyes C. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. V. 69 (4) Oct. 1995. P. 719–727.

The psychological well-being and the level of post-traumatic stress in the difficult life situation

E. N. Dymova (Moscow)

Junior researcher officer, Institute of Psychology of RAS

The results of a study of the relationship between the level of posttraumatic stress, the parameters of the psychopathological status and the scales of psychological well-being among military men and students of Moscow and the Moscow region are described. An analysis is made of the differences in people on the level of posttraumatic stress, the level of psychopathological symptoms and scales of psychological well-being. The soldiers are characterized by a higher level of post-traumatic stress, expressed psychopathological symptoms and low psychological well-being compared to students.

Keywords: posttraumatic stress, psychopathological symptoms, psychological well-being.

Факторы, определяющие отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия

Т. Г. Лебедева, Н. В. Солнцева** (Санкт-Петербург)*

** педагог-психолог Службы межведомственного взаимодействия на базе Санкт-Петербургского государственного учреждения социального обслуживания Социальный приют для детей «Транзит»;
e-mail: ta_tiana@bk.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: solntsevanatalia@herzen.spb.ru*

Последствия сексуального насилия тяжелы и требуют длительного процесса психосоциальной реабилитации. Решение о том, будет ли ребенок проходить реабилитацию, принимают родители. Но в большинстве случаев родитель уклоняется от обеспечения участия ребенка в реабилитационных занятиях с психологом. Поэтому необходимо понимать факторы, влияющие на решение родителя продолжать или прекращать реабилитационные занятия. На основании метода экспертной оценки 100 случаев сопровождения психологами детей в процессе следственных действий, связанных с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних (131 ст., 132 ст. УК РФ), было выделено восемь факторов, определяющих отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия. Выделенные факторы дают четкие ориентиры для мотивационной работы с родителями с целью побуждения их к обращению за необходимой их ребенку помощью.

Ключевые слова: факторы, определяющие отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия.

Последствия сексуального насилия тяжелы и требуют длительного процесса психосоциальной реабилитации. Решение о том, будет ли

ребенок проходить реабилитацию, принимают родители. Но в большинстве случаев родитель уклоняется водить ребенка на реабилитационные занятия с психологом. Поэтому необходимо понимать факторы, влияющие на решение родителя продолжать или прекращать реабилитационные занятия. На основании метода экспертной оценки 100 случаев сопровождения психологами детей в процессе следственных действий, связанных с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних (131 ст., 132 ст. УК РФ), было выделено восемь факторов, определяющих отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия. Выделенные факторы дают четкие ориентиры для работы с родителями с целью побуждения их обратиться за помощью, необходимой ребенку.

Сексуальное насилие над детьми – это использование ребенка или подростка другим лицом (взрослым или несовершеннолетним) для сексуальной стимуляции и получения сексуального удовлетворения. К основным видам сексуального насилия относятся: изнасилование, склонение к физическим сексуальным контактам (совращение, развращающие действия), инцест, сексуальные злоупотребления (бесконтрольный просмотр порнографии, присутствие при сексуальных отношениях взрослых), коммерческая сексуальная эксплуатация детей (КСЭД).

Последствия сексуального насилия в отношении детей являются наиболее тяжелыми среди всех видов насилия. У детей, пострадавших от сексуального насилия, практически всегда развивается посттравматическое стрессовое расстройство. Его проявления зависят, как от характера травмы, поскольку сексуальное насилие придает определенную специфику симптомам посттравматического стрессового расстройства, так и от возраста ребенка. Подобные состояния могут длиться долго, и при отсутствии соответствующей психологической помощи оставаться и во взрослом возрасте, влияя на всю жизнь человека и приводя его к ситуации социальной дезадаптации того или иного типа. Последствия сексуального насилия в ситуации, когда не была оказана своевременная помощь, разрушительно действуют не только на жизнь самого ребенка, но и на ближайшее окружение и, в конечном счете, оказываются разрушительными для общества в целом. Ребенку, пострадавшему от сексуального насилия, требуется длительный процесс психосоциальной реабилитации (Забадыкина, Храмченкова, 2013).

Решение о том, будет ли ребенок проходить реабилитацию, принимают родители. Прежде всего, тот родитель, который сопровождает ребенка в процессе следственных действий. Как правило, это

мама или лицо заменяющее ее (например, бабушка). Именно от ее решения зависит, получит ли ребенок необходимую ему помощь.

Представляется очевидной заинтересованность родителя в прохождении ребенком реабилитации после пережитого сексуально-го насилия. В реальности же ситуация очень часто выглядит иначе: часто родитель уклоняется от обеспечения участия ребенка в реабилитационных занятиях с психологом. На сегодня не существует никаких действенных юридических механизмов, позволяющих влиять на данную ситуацию. Единственный способ – это работа с родителем. Соответственно, необходимо понимать факторы, влияющие на решение родителя продолжать или прекращать реабилитационные занятия с ребенком.

Для выявления факторов, определяющих отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия, был использован метод экспертной оценки 100 случаев сопровождения ребенка в процессе следственных действий и судебных заседаний психологами Службы межведомственного взаимодействия. Психологи службы не только сопровождают ребенка, но и осуществляют психологическую реабилитацию несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия, и членов их семьи.

Были проанализированы ситуаций уклонения родителя от обеспечения участия ребенка в реабилитационных занятиях с психологом (86 ситуаций) и ситуации обращения родителя за необходимой для ребенка психологической помощью (14 ситуаций). Таким образом, в среднем из тех семей, которые участвовали в следственных действиях, связанных с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних (131 ст., 132 ст. УК РФ), на реабилитацию своих детей приводят только 14% родителей.

На основе экспертной оценки были выделены восемь факторов, которые играют решающую роль в том, будет ли родитель обращаться за психологической помощью для своего ребенка к психологу, который сопровождал его в процессе следственных действий. Все эти факторы действуют в совокупности. К ним относятся:

1. *Информирование родителя о необходимости и возможности прохождения ребенком реабилитации.* Чтобы родитель после завершения следственных действий привел ребенка на реабилитацию, психолог, сопровождающий процесс допроса ребенка, должен лично сообщить родителю о необходимости реабилитации, о возможном месте и времени ее прохождения. Важно, чтобы эта информация была получена в процессе следственных действий от человека, который поддерживает и помогает ребенку, и дана не только в устном, но и письменном виде (родитель

- должен получить визитку или брошюру, в которой указан телефон психолога и размещена информация о том, почему прохождение реабилитации необходимо ребенку).
2. *Быстрое прохождение мамой стадии отрицания психотравмирующей ситуации.* Ситуация сексуального насилия над ребенком является психической травмой не только для ребенка, но и для родителя. Переживание психотравмирующей ситуации проходит ряд стадий: отрицание ситуации, агрессия, депрессия, принятие ситуации (Забадыкина, Храмченкова, 2013). Наличие стадии отрицания – естественный защитный механизм, нормальная реакция на ненормальное обстоятельство, связанная с трудностью принятия происходящего. Стадии постепенно сменяют одна другую. Но порой возможно «застревание» на одной из стадий. Если следственные действия пришлось на стадию отрицания у мамы, то мама «не слышит» информацию о необходимости оказания психологической помощи ребенку. Если родитель «застревает» на стадии отрицания, это препятствует тому, чтобы ребенок двигался дальше в совладании с ситуацией и получил необходимую ему помощь. Если следственные действия пришлось на стадию агрессии или депрессии (эти стадии могут меняться местами и попеременно повторяться), то шансы обращения за необходимой для ребенка помощью возрастают.
 3. *Возраст ребенка и специфика ситуации сексуального насилия.* Возраст ребенка и специфика ситуации сексуального насилия выступают во взаимосвязи друг с другом. Можно выделить определенные тенденции. В ситуации семейного сексуального насилия родители с большой долей вероятности приведут на реабилитацию ребенка в возрасте до 10–11 лет. Можно предположить две причины этого. Во-первых, для родителя инцест с маленьким ребенком – это нарушение неких незыблемых табу в жизни семьи, которые являются абсолютной не нормой и требуют исправления и помощи со стороны специалистов. Во-вторых, у родителя-ненасильника в ситуации инцеста есть страх лишения родительских прав. Ребенок в подростковом возрасте скорее не приведут, так как начинают действовать стереотипы о том, что «сама виновата», «сама соблазнила», и ребенок часто перестает восприниматься как пострадавший. В случае внесемейного насилия ребенка до 10–11 лет, как правило, не будут водить на реабилитацию, потому что, во-первых, действуют стереотипы о том, что в этом нет необходимости, так как маленький ребенок все забудет сам, а во-вторых, проявляющиеся в поведении ребенка симптомы ПТСР не воспринимаются критично и припи-

связываются возрастным особенностям. А подростка будут водить, так как симптомы ПТСР – агрессивность, нарушения учебной деятельности, суицидальные попытки и т. д. – затрагивают социально значимые сферы, которые невозможно оставить без внимания (Забадыкина, Храмченкова, 2013).

4. *Наличие положительного прошлого опыта обращения к психологу.* Родитель скорее приведет ребенка на реабилитационные занятия в случае, если в прошлом уже происходило его обращение за психологической помощью, и взаимодействие с психологом привело к положительным результатам. Причем помощь могла оказываться как ребенку, так и членам семьи или близкому окружению. То есть у родителя сформировано представление о том, кто такой психолог, чем он может помочь, что эта помощь эффективна. Если прошлый опыт обращения был негативным, и психологическая помощь была не эффективной, то представление о бесполезности работы с психологом распространяется и на реабилитационные мероприятия. Данный фактор поднимает вопрос о социальной ответственности психолога за свою работу, так как недостаточно профессиональное оказание психологических услуг имеет более долгосрочные последствия, нежели просто единичная нерешенная ситуация клиента.
5. *Оказание психологом поддержки ребенку и родителю в процессе допроса.* Процесс следственных действий очень тяжел как для ребенка, так и для родителя. Значимым фактором для того, чтобы родитель привел ребенка на реабилитацию, является оказание психологом в процессе следственных действий эмоциональной поддержки, прежде всего, ребенку, а также и родителю. Это значит, что психолог на первой встрече сообщает правдивую информацию о том, что будет происходить в дальнейшем (что следственные действия будут продолжаться долго и много раз повторяться). В процессе допроса он сообщает ребенку о цели встречи и задаваемых вопросов, использует информированное согласие ребенка на работу, отражает его чувства, оказывает поддержку и т. д., т. е. работает с соблюдением всех необходимых правил (Забадыкина, Лебедева и др., 2010). Как следствие – у ребенка и родителя возникает доверие именно к данному специалисту, который сопровождал их в процессе следственных действий и оказал помощь и поддержку. В этом случае возможно преодоление прошлого негативного опыта взаимодействия с психологом.
6. *Наличие контакта между матерью и ребенком.* Одним из важных факторов успешного прохождения ребенком любой труд-

ной жизненной ситуации в целом, а в данном случае влияющим на возможность получения реабилитации, является наличие полноценного контакта между матерью и ребенком. Полноценный контакт предполагает, что родитель слышит своего ребенка, доверяет ему, понимает его потребности, использует прямую коммуникацию и строит честные взаимоотношения, находится на стороне ребенка и защищает его интересы. Это не означает, что в какой-то момент времени у родителя не появятся обвинения ребенка или отрицание происходящего, так как это нормальная реакция на экстремальную ситуацию, и подобное поведение является симптомом совладания с ней. Наличие благополучного контакта – это показатель благополучных детско-родительских отношений.

7. *Ресурсное состояние мамы.* Как было уже указано выше, ситуация сексуального насилия над ребенком является психической травмой не только для ребенка, но и для родителя. Соответственно, для прохождения данной ситуации требуются ресурсы и ребенку, и родителю. Но часто родитель (как правило, мама), в ситуации сексуального насилия над ребенком оказывается в нересурсном состоянии, которое возникает из-за переживания ситуации, связанной не с ребенком, а со своим прошлым опытом пережитого насилия, а также актуальными личностными или семейными кризисами. Травма ребенка заставляет родителя обратиться к своему опыту. Проблема заключается не столько в том, что маме, также, как и ребенку, требуется психологическая помощь. Причем маме эта помощь нужна вначале в отношении своей собственной ситуации, а потом – в отношении своего ребенка, пострадавшего от сексуального насилия. Проблема заключается в том, что родитель не готов работать со своей психотравмирующей или кризисной ситуацией. Если родитель в нересурсном состоянии пытается водить ребенка на реабилитацию, то изменения ребенка начинают «расшатывать» привычную семейную систему и приводить к изменениям, к которым родитель не готов. Поэтому процесс реабилитации ребенка может прекратиться.
8. *Территориальная близость проживания к месту прохождения реабилитации.* Территориальная близость очень важна, так как она связана с временными затратами на дорогу от дома до места проведения реабилитации. В ситуации, когда все остальные благоприятные факторы прохождения реабилитации присутствуют, но территориально семья проживает очень далеко, так что на дорогу в один конец уходит больше часа, родитель будет искать

возможность получения помощи ближе к дому, но не откажется от нее. В ситуации, когда действуют как отрицательные, так и положительные факторы, фактор территориальной близости или удаленности может оказать решающее значение.

Выделенные факторы дают четкие ориентиры для мотивационной работы с родителями с целью повышения для них значимости прохождения ребенком реабилитационных мероприятий после пережитого сексуального насилия. Они помогают грамотно выстроить работу с родителями в целях побуждения их обратиться за необходимой помощью.

Очевидно, что помощь ребенку, пострадавшему от сексуального насилия, должна оказываться в обязательном порядке. И очень желательно, чтобы родитель также проходил процесс реабилитации.

Заключение

На основании метода экспертной оценки 100 случаев сопровождения ребенка в процессе следственных действий, связанных с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних (131 ст., 132 ст. УК РФ), психологами Службы межведомственного взаимодействия было выделено восемь факторов, определяющих отношение родителей к реабилитации их детей, пострадавших от сексуального насилия. К ним относятся: информирование родителя о необходимости и возможности прохождения ребенком реабилитации; быстрое прохождение мамой стадии отрицания психотравмирующей ситуации; возраст ребенка и специфика ситуации сексуального насилия; наличие положительного прошлого опыта обращения к психологу; оказание психологом поддержки ребенку и родителю в процессе следственных действий; наличие контакта между матерью и ребенком; ресурсное состояние мамы; территориальная близость проживания к месту прохождения реабилитации. Выделенные факторы дают четкие ориентиры для мотивационной работы с родителями с целью побуждения их обратиться за необходимой их ребенку помощью.

Литература

Забადыкина Е. В., Лебедева Т. Г., Солнцева Н. В. Стратегия проведения интервью с ребенком для выявления возможного пережитого опыта сексуального насилия/сексуальной эксплуатации // Жизнь без насилия и трафика. СПб., 2010. С. 50–57.

Забадькина Е. В., Храмченкова А. М., Колпакова О. И. и др. Психологические аспекты оказания помощи детям, пострадавшим от коммерческой сексуальной эксплуатации: Набор методических материалов для учреждений социальной защиты населения «Оказание помощи детям, пострадавшим от коммерческой сексуальной эксплуатации». СПб., 2013.

Factors determining parents relation to rehabilitation of their children who affected of sexual abuse

T. G. Lebedeva, N. V. Solntseva** (St Petersburg)*

* Pedagogue-psychologist of Interagency cooperation service based on St Petersburg state Agency of social services Social shelter for children "Transit"

** Candidate of psychological Sciences, associate professor of Herzen state pedagogical University of Russia

Effects of sexual violation are hard and needed of long psychosocial rehabilitation process. Decision about rehabilitation passing for a child is made by parents. But in most cases parent evades to take the child to rehabilitation sessions with a psychologist. That's why it is necessary to understand factors, which could effect on parent's decision to continue or to stop rehab classes with a psychologist. Eight factors, which define parents' relation to rehabilitation their children affected by sexual abuse were determined on basis of expert valuation method of 100 cases of escort of children by psychologists in the course of investigative actions, related to infringement of the sexual inviolability of minors. Revealed factors give a precise waymark for motivational work with parents for appeal of help needed for their child.

Keywords: factors determining parents' relation to rehabilitation of their children who affected of sexual abuse.

Повседневный стресс и копинг в неполных семьях слепых и слабовидящих подростков¹

Н. Ф. Михайлова (Санкт-Петербург)

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mail.mikhailova@gmail.com

Сравнение полных и неполных семей, воспитывающих слепых детей демонстрируют различия в психической адаптации как у родителей, так и у их детей, которые обусловлены разными семейными контекстами. Характер и интенсивность переживаемых стрессоров, эмоций, каузальных атрибуций, копинг-поведения и эмоций после стресса показывают, что единственный родитель в силу своей ролевой позиции испытывает более серьезные финансовые, физические и психоэмоциональные нагрузки, нежели в полной семье. Их слепые дети также отличались большей конфликтностью отношений, как с родителями, так и с социальным окружением (ссоры учителем и друзьями), большей интенсивностью негативных эмоций в момент стресса (гнева, протеста, бессилия), а также более активным применением неадекватного индивидуального и семейного копинга (стратегий обвинения, самообвинения и обесценивания). Отсутствие динамики или пролонгация негативных стрессовых эмоций до конца дня свидетельствует о худшей психической адаптации слепых подростков, воспитывающихся единственным родителем.

Ключевые слова: семейный стресс, стрессовые эмоции, каузальные атрибуции, контролируемость, копинг, слепота.

Несмотря на то, что характеристики структуры семьи уже хорошо изучены, пока не предпринято значительных исследований семей с «особыми детьми», которые могли бы показать, как полнота семьи

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-06-00228.

влияет на успешность или неуспешность ее функционирования. Число одиноких родителей «особых детей» (в том числе никогда не вступавших в брак) растет, и существующие достаточно скудные эмпирические данные указывают, что единственные родители в таких семьях испытывают больший стресс, чем в полных семьях (Simpson, 1990; Vadasy, 1986). В полных семьях родители имеют возможность распределять между собой функции, что снижает нагрузку на каждого из них. Установлено, что одинокие матери, воспитывающие «особых детей», ощущают постоянную нехватку времени, значительные финансовые трудности, и это затрудняет их личностный рост (Holroyd, 1974). Виклер обнаружила, что матери детей с нарушениями реже имеют работу, чаще живут на социальное пособие и считают, что больше не смогут выйти замуж (Wikler, 1981). В целом большинство исследователей отмечают, что одинокое родительство приводит к финансовым, физическим и психологическим проблемам у матерей. Однако представления о связи неполной семьи и нарушений у детей по-прежнему достаточно противоречивы: исследователи далеко не всегда приходят к выводу о плохой приспособленности такой семьи. Например, Пресс и Нолан утверждают, что размер семьи, оформленность брачных отношений и социально-экономический статус семьи не сказываются на адаптации родителей и детей. Вместе с тем отмечается, что чем тяжелее воспринимается родителями заболевание ребенка, тем сложнее и менее успешно протекает адаптация (Pless, Nolan, 1991).

Эйсер указывает, что социальная и эмоциональная поддержка, в том числе удовлетворенность браком, повышают степень родительской и детской адаптации (Eiser, 1990). Кроме того, детские психологические проблемы имеют тенденцию к нарастанию с возрастом, особенно в пубертатном периоде, и категория, к которой относится болезнь, не позволяет четко предвидеть, как пойдет адаптация, хотя у детей с сенсорными нарушениями чаще следует ожидать обострение психосоциальных проблем (Garrison, McQuiston, 1989). В связи с этим выбор нами в качестве модели для исследования семейного стресса и копинга семьи с незрячими подростками является обоснованным, поскольку даже в обычных семьях эта фаза жизненного цикла семьи является самой стрессогенной.

Организация и методики эмпирического исследования

Задачей нашего исследования стало выявление стрессоров как внутри, так и вне семьи, которые влияют на результаты детской и родительской психической адаптации в «особых семьях».

В качестве *методического инструментария* использовались: анкета самонаблюдения за стрессом и копингом (M. Perrez), шкалы FACES-III (J. Olson) и SDSG (P. Becker). Слепым подросткам предьявлялись варианты, напечатанные в Брайле.

Каждому члену семьи предлагалось в течение 3 недель ежедневно вечером регистрировать стрессогенные события своей повседневной жизни, эмоции в момент стресса, каузальные атрибуции причин стресса, уровень контролируемости и решения проблемы, а также используемый копинг и его эффект – степень решения проблемы и эмоциональное состояние после стресса.

В систематическом исследовании принимали участие 34 семьи со слепыми и слабовидящими подростками (83 чел.), из них 15 полных (910 эпизодов) и 19 – с единственным родителем (421 эпизод). Репрезентативная выборка ежедневных наблюдений за стрессом и копингом в этих семьях составила 1361 стрессовый эпизод.

Результаты исследования

У матерей в неполных семьях выявлены следующие наиболее часто встречающиеся стрессоры повседневной жизни: ссоры с ребенком (20,4%); перегрузка на работе (17,3%); недостаток денег (13,0%); проблемы у ребенка в школе (12,6%); работа, которая должна быть выполнена (12,6%); собственная болезнь (12,0%); сегодняшнее или будущее положение одного из членов семьи (10,0%); слишком много домашних заданий у детей (8,9%); болезнь ребенка (8,3%); ссоры с начальником (7,3%); ссоры детей между собой (5,8%); ссоры с коллегами (5,8%); ограниченность своей деятельности (5,8%) и т. д.

Специфика стрессов повседневной жизни у матерей в полной и неполной семьях подтверждается статистически значимыми различиями в интенсивности их переживаний.

В *полных семьях* матери сильнее расстраивались из-за конфликтов с мужем ($p=0,046$) и с сотрудниками ($p=0,026$), из-за того, что «почувствовали себя отвергаемыми или игнорируемыми» ($p=0,011$), из-за школьных способностей одного из детей ($p=0,048$) и собственных производственных способностей ($p=0,052^*$, тенд.).

В *неполных семьях* матери сильнее переживали из-за ссор с ребенком ($p<0,001$) и отрицательной оценки в свой адрес ($p=0,020$).

У *слепых и слабовидящих подростков в неполных семьях* наиболее распространенными являются следующие стрессоры: ссоры с другом/подругой (25,1%); перегрузка домашними заданиями (22,1%); ссоры с родителем (20,3%) и учителем (17,7%); неудачи в школе

(16,8%); нехватка денег (10,8%); критика в свой адрес (10,0%); ссоры с одноклассниками (8,7%); мысли о своем будущем (8,2%); чувство отвержения или игнорирования другими (8,2%); запреты родителей (7,8%) и др.

В своих ежедневных отчетах их просили регистрировать не только испытываемые ими за день микрострессоры, но и то, в какой степени они «*были задеты или взволнованы этими событиями*». Частотные распределения ответов о пережитых стрессорах, а также степень выраженности (интенсивности) этих переживаний у незрячих подростков в полных и неполных семьях (χ^2 Пирсона) выявили следующие различия.

- В *полных семьях* было больше подростков, расстроенных из-за ссор с сестрой ($p=0,015$), перегрузки домашними заданиями ($p=0,011$), болезни родителей ($p=0,027$), своих школьных способностей ($p=0,06$, тенд.), нежели в *неполных семьях*.
- В *неполных семьях* было больше подростков, сильно расстроенных конфликтами с учителями, чем в *полных* ($p=0,006$).
- В *неполных семьях* подростки чаще отмечали, что чувствуют себя игнорируемыми, однако в *полных семьях* тех, кто переживал это сильнее, было больше ($p=0,034$).
- Из-за неудач в школе ($p<0,001$) и собственного будущего ($p=0,09$, тенд.) чаще и сильнее переживали слепые подростки в *полных семьях*.

Это также подтверждается статистически значимыми различиями в частоте проявления повседневных стрессогенных событий между подростками из *полных* и *неполных* семей (ANOVA). В *семьях с единственным* родителем незрячие подростки чаще отмечали ссоры с родителем ($p=0,005$) – как с отцом ($p=0,092$, тенд.), так и с матерью ($p=0,077$, тенд.), конфликты с учителем ($p=0,003$) и с другом ($p<0,001$), а также запреты своих родителей ($p=0,096$, тенд.). Слепые подростки в *полных семьях* чаще отмечали ссоры родителей между собой ($p=0,08$, тенд.), что естественно: поскольку в *неполных семьях* супружеская подсистема отсутствует, то и родительские конфликты ребенок видит редко.

Таким образом, незрячие подростки из *неполных* семей отличались большей конфликтностью как внутри семьи, так и вне ее, что косвенно может свидетельствовать об их худшей устойчивости к стрессу. Кроме того, стрессоры повседневной жизни в *полной* и *неполной* семьях различались в силу разных семейных контекстов. В *полной* семье социализация, взросление незрячих детей происходит в иных условиях, на что указывает характер наиболее зна-

чимых для них стрессоров. В полных семьях для подростков были важны: выполнение домашних заданий, оценки, собственное будущее, внутрисемейные проблемы (болезни родителей, усиление сиблинговой конкуренции), что обусловлено более высокими требованиями со стороны родителей и воспитанием «особого ребенка» в условиях гиперпротекции. В неполной семье слепые подростки чаще испытывали стресс, связанный с социальным и семейным окружением. Они ориентированы на отношения со значимыми фигурами (родитель, учитель). Эти различия можно объяснить тем, что в неполной семье концентрация власти в руках единственного родителя усиливает авторитарность и высокую амбивалентность чувств по отношению к ребенку. В таких условиях как взрослые, так и дети становятся чрезвычайно чувствительными к негативным оценкам окружающих, что, несомненно, отражается на их копинг-процессах:

Одинокие матери чаще отмечали внесемейный стресс: в качестве участников стрессовой ситуации они называли начальника ($p=0,058$, тенд.); у матерей в *полных* семьях чаще в этом контексте упоминался муж ($p<0,001$);

Подростки в неполных семьях участниками стрессовых эпизодов чаще называли учителей ($p=0,02$) или друга ($p<0,001$), а в полных семьях – одноклассников ($p=0,002$).

Одинокие матери в стрессовой ситуации сильнее ощущали себя разгневанными ($p=0,004$), взволнованными ($p<0,001$), нервными ($p<0,001$) и фрустрированными ($p=0,001$). Они *меньше*, нежели матери в полных семьях, проявляли протестные реакции ($p=0,081$, тенд.) и испытывали печаль ($p=0,031$).

В отличие от своих сверстников в *неполных* семьях, слепые подростки в момент стрессового события сильнее чувствовали гнев ($p=0,007$), бессилие что-либо изменить ($p<0,001$), протест ($p=0,012$) и в меньшей степени – испуг ($p=0,019$) и печаль ($p=0,041$).

Единственный родитель вынужден справляться с трудной жизненной ситуацией самостоятельно, и это отражается на характере его стрессовых эмоций (гнев, раздражение): поскольку супружеская подсистема отсутствует, то протестовать или обижаться (как в полной семье) не на кого. У подростков в *неполных* семьях характер переживаемых стрессоров и эмоций (гнев, протест, смирение) указывает на конфликтность и амбивалентность их межличностных отношений.

Подросткам же из полных семей, учитывая контекст описанных ими стрессовых эпизодов (ссоры с сиблингами, проблемы в школе и переживания по поводу жизненных перспектив), было больше

свойственно испытывать эмоции невротического регистра (страх и печаль), что может быть обусловлено, как повышенными требованиями к ребенку, так и характером *каузальных атрибуций родителей*.

В *полных* семьях матери виновником стресса чаще считали своего мужа ($p=0,004$), случайность ($p=0,020$) или судьбу ($p=0,056$, тенд.), а в *неполных* – своего ребенка ($p=0,035$) или других лиц, не относящихся к семье ($p=0,008$).

Кроме того, в *полных* семьях матери чаще считали своего мужа способным разрешать проблему ($p=0,001$) и, в конце концов, разрешившим ее ($p=0,004$). Ответственность за разрешение проблемы или, наоборот, ее осложнения они чаще приписывали судьбе ($p=0,063$, тенд.).

В *неполных* семьях матери чаще считали себя способными влиять на проблему ($p=0,074$, тенд.), однако в качестве ответственных за ее окончательное разрешение они видели других лиц, не относящихся к семье ($p=0,045$).

Поскольку вина за стресс в *полных* семьях матерями возлагалась на супруга или случайные факторы, в *неполных* семьях – на ребенка или посторонних, а контролирование стрессора – на себя, то можно заключить, что в *полных* семьях в стрессовых эпизодах «козлом отпущения» чаще становился супруг, а в *неполных* – ребенок.

В *неполных* семьях незрячие подростки ответственность за возникновение ($p=0,09$, тенд.), контролирование ($p=0,052$, тенд.) и разрешение стрессовой ситуации ($p=0,064$, тенд.) чаще были склонны возлагать на посторонних лиц, не имеющих отношения к семье (учителей и пр.). Тем не менее, заслугу в окончательном разрешении проблемы они чаще приписывали себе ($p=0,014$).

В *полных* семьях подростки, подобно своим матерям, способность контролировать стрессор чаще атрибутировали своему отцу ($p=0,061$, тенд.), а ответственность за ее разрешение – другим обстоятельствам ($p=0,022$).

Ролевая структура семьи детерминировала не только специфику стрессоров, эмоций и атрибуций, но и выбор ***копинг-поведения и его эффе́ктивность***:

- В *неполных* семьях матери чаще «думали над разрешением» ($p<0,001$), «пытались разрешать проблему» ($p=0,036$), «открыто упрекали других» ($p=0,064$, тенд.), «покорились этому» ($p=0,018$) и реже – «пробовали «уйти в себя» от ситуации» ($p=0,044$). Они также сильнее после стресса испытывали фрустрацию ($p=0,006$) и бессилие что-либо изменить ($p=0,052$, тенд.).

- В *неполных* семьях подростки чаще «в мыслях» ($p=0,002$) и открыто ($p=0,031$) упрекали других и себя ($p=0,061$, тенд.), уменьшали значимость события ($p=0,011$), пробовали разрешать проблему ($p<0,001$), просили помочь других ($p=0,012$), отмечали вмешательство других членов семьи ($p=0,002$), которое лишь «все осложнило» ($p=0,079$, тенд.), и реже в стрессовой ситуации «пробовали об этом не думать» ($p=0,004$).

Эффективность копинга оценивалась по динамике эмоций к концу дня, которая мало изменилась: в *неполных* семьях незрячие подростки испытывали протест ($p=0,085$, тенд.), а в *полных* – испуг ($p=0,007$) и печаль ($p=0,071$, тенд), что свидетельствует о пролонгации стресса у слепых. Это означает, что в *неполной* семье у подростков, несмотря на выбор ими широкого спектра проблемо-разрешающих и эмоционально – фокусированных стратегий, эмоциональной разрядки не наступало. В *полной* семье – как матери, так и их дети – лучше умели «дистанцироваться» от проблемы.

Подростки в *неполных* семьях также чаще отмечали семейный копинг – вмешательство других членов семьи в разрешение проблемы, которое, по их мнению, только осложняло проблему. Это свидетельствует о том, что *неполные* семьи характеризовались более высоким уровнем сплоченности/эмоциональной слитности, более диффузными внутрисемейными границами, нежели *полные* семьи. Границы личности между единственным родителем и незрячим ребенком были размыты, отсюда большее количество стычек с родителем, сильнее выражены негативные эмоции в момент стресса, задействован широкий копинг-репертуар, чтобы справиться с этим состоянием, которое, однако, сохранялось и вечером – на момент заполнения анкеты.

Большая востребованность копинг-поведения в семьях незрячих подростков, воспитывающихся единственным родителем, косвенно свидетельствует о более высоком уровне повседневного стресса в их непростой жизни, в очередной раз подтверждая основной тезис о специфике способа совладания – «...какова жизнь – таков и ее копинг».

Заключение

Таким образом, сравнение *полных* и *неполных* семей демонстрирует различия в психической адаптации как у матерей, так и у их незрячих детей. Характер и интенсивность переживаемых стрессоров, эмоций, каузальных атрибуций, копинг-поведения и эмоций по-

сле стресса показывают, что единственный родитель в силу своей функциональной позиции испытывает более серьезные физические и психоэмоциональные нагрузки, нежели в полной семье. Эмоциональная привязанность ребенка к матери в неполной семье подвергается серьезным испытаниям, так как вся власть сконцентрирована в одних руках. Нет триангулярной функции отца, который мог бы поддержать ребенка в конфликте с матерью, вследствие чего они «отданы друг другу» со всей амбивалентностью своих отношений. В полной семье многие конфликты между ребенком и родителем остаются «латентными» и не так страшны, потому что дети имеют возможность свободной разрядки в семейном треугольнике. Внутриспсихические конфликты у ребенка из неполной семьи могут определять и его конфликтность во внесемейной сфере – напряженные отношения с окружающими, поскольку семья «не смягчает» его психологические нагрузки, а сенсорный дефект делает его уязвимым и социально некомпетентным.

Таким образом, структура семьи – это очень важный аспект условий развития не только здорового, но и «особого» ребенка, сенсорное нарушение которого приводит к большей зависимости от родителей и социума. Специфику данного семейного контекста необходимо учитывать при оказании психологической помощи «особым» семьям.

Литература

- Eiser C.* Chronic Childhood Disease. An Introduction to Psychological Theory and Research. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Garrison W., McQuiston S.* Chronic illness During Childhood and Adolescence. Newbury Park: Sage, 1989.
- Holroyd J.* The questionnaire on resources and stress: An instrument to measure family response to a handicapped member // *Journal of Community Psychology*. V. 1974. № 2. P. 92–94.
- Simpson R. L.* Conferencing parents of exceptional children. Austin, TX: Pro-Ed. Simpson, 1990.
- Pless I., Nolan T.* Revision, replication and neglect in research on maladjustment in chronic illness // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1991. V. 32. P. 347–365.
- Vadasy P. F.* Single mothers: Asocial phenomenon and population in need // *Families of handicapped children* / Eds. R. R. Fewell, P. F. Vadasy. Austin, Texas: Pro-Ed, 1986. P. 221–249.
- Wikler L.* Chronic stresses of families of mentally retarded children // *Family Relations*. 1981. № 30. P. 281–288.

Daily stress and coping in one-parent families of adolescents with blindness and low vision

N. F. Mikhailova (St Petersburg)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate professor at the Department developmental and differential psychology, St Petersburg state University

The comparison between two- and one-parent families of blind children demonstrates differences in the mental adjustment of both the parents and their children. These differences result from different family contexts. The nature and intensity of stressors, emotions, causal attributions, coping and post-stress emotions have shown that the financial, physical and psychoemotional burden experienced by single parents, is greater, owing to their role position, than that of parents in two-parent families. Their blind children are also characterized by a greater relationship conflict-ness with both their parents and their social environment (conflicts with their teachers and friends), a higher intensity of negative emotions under stress (anger, protest and powerlessness) and a more active use of inadequate individual and family coping (strategies of accusation, self-accusation and devaluation). The lack of dynamics or the prolongation of negative stressful emotions till the end of the day, testify to a poorer mental adjustment of blind adolescents in single-parent families.

Keywords: family stress, coping, stress emotions, causal attributions, controllability, blindness.

Диспозициональная суверенность и моральные мотивы в юношеском возрасте¹

С. К. Нартова-Бочавер (Москва)

*доктор психологических наук, профессор Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: s-nartova@yandex.ru*

Статья посвящена изучению связи диспозициональной психологической суверенности и моральных мотивов в юношеском возрасте. Проверялись гипотезы о том, что 1) психологическая суверенность положительно связана с моральными мотивами и 2) эта связь модерирована полом. В исследовании приняли участие 539 студентов (125 юношей) разных специальностей, обучающихся в московских университетах $M_{\text{возраст}} = 21,0$, $SD_{\text{возраст}} = 3,5$. В качестве методов использовались многошкальные опросники «Суверенность психологического пространства – 2010» (Нартова-Бочавер, 2014) и «Модель моральных мотиваций» (Moral Motives Model (MMM) scale) (Janoff-Bulman, Carnes, 2013). Обнаружено, что суверенность действительно связана с моральными мотивами, преимущественно прескриптивными (побуждающими), а не проскрептивными (ограничивающими). Получены существенные гендерные различия: у юношей связи многочисленны, слабы (тенденции) и образованы суверенностью тела и территории; у девушек связи многочисленны, сильны и образованы суверенностью ценностей. Гипотезы исследования подтвердились.

Ключевые слова: суверенность, самоограничение, усердие, социальный порядок, социальная справедливость, помощь, непричинение вреда.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-06-00239/16.

Постановка проблемы

Психологическая суверенность – это черта личности нижнего порядка, ответственная за сохранение границ эмпирической личности человека и поддержание баланса между собственными потребностями субъекта и потребностями других людей (Нартова-Бочавер, 2005, 2007, 2015). Диспозициональная суверенность выполняет множество адаптивных функций, центральной из которых является сохранение психологического благополучия человека, включающая в себя шесть фасеток, относящихся к контролю над разными составляющими персонализированной среды: суверенность тела (СФТ), территории (СТ), вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных связей (СС) и ценностей (СЦ). В то же время, подчеркивая инструментальную роль суверенности в жизнедеятельности человека, исследования умалчивают о развивающей и стимулирующей роли этого личностного качества. В настоящей статье поставлена цель изучить связь суверенности и моральных мотивов. Поскольку и суверенность, и моральные феномены гендерно сензитивны, были выдвинуты следующие эмпирические гипотезы: 1) диспозициональная суверенность положительно связана с моральными мотивами 2) эта связь модерирована полом (Нартова-Бочавер, 2005; Гиллиган, 1992).

Из существующих теорий морального поведения и мотивации мы выбрали в качестве наиболее информативной шестифакторную модель моральных мотивов Р. Янофф-Бульман (Janoff-Bulman, 2013). Эта модель опирается на дуалистические регуляторные теории, которые различают поведение приближения–избегания, или активации–подавления, и хорошо зарекомендовали себя при изучении разного рода социальных феноменов (Carver, White, 1994). Многочисленные исследования говорят о том, что моральные правила бывают как прескриптивными (побуждающими), так и проскриптивными (запрещающими). «Возлюби...» и «Не убий...» – типичные примеры двух видов побудителей. В концепции Янофф-Бульман добавляется еще одно основание побудителя – социальный объект, на который он направлен, и различается три вида этих объектов: само действующее лицо, социальная группа и сообщество в целом. В результате сочетания мотивов и объектов получается шестифакторная модель моральных побуждений (таблица 1).

Мотивы имеют следующее содержание. Самоограничение (Self-restraint) предполагает защиту человека от соблазнов и искушений. Усердие (Self-reliance, industriousness) побуждает его к трудолюбию и добросовестности. Непричинение вреда (Not-harming) берега-

Таблица 1

Модель моральных мотивов (по Janoff-Bulman, 2013, с изм.)

Регуляция/Социальный объект	Я (личный)	Другие (межличностный)	Группа (коллективный)
Защита/подавление (проскриптивная регуляция)	Самоограничение/сдержанность	Непричинение вреда	Социальный порядок/общественная солидарность
Стимулирование/активация (прескриптивная регуляция)	Усердие	Помощь/честность	Социальная справедливость/социальная ответственность

от от эгоистичного поведения и стяжательства. Помощь/честность (Helping) стимулирует к тому, чтобы активно помогать другим. Социальный порядок/общественная солидарность (Social order) оберегают от опасностей и угроз, как извне, так и изнутри группы, что важно для сохранения верности группы. И наконец, социальная справедливость/социальная ответственность (Social justice) служит укреплению группы благодаря усилению социальной ответственности и взаимопомощи, основанной на честном распределении ресурсов и привилегий. В соответствии с моделью Янофф-Бульман разработала и многошкальный опросник.

Процедура эмпирического исследования

Наряду с основным методом исследования, опросником СПП-2010 (Нартова-Бочавер, 2014), использовался разработанный Р. Янофф-Бульман шестишкальный опросник «Модель моральных мотиваций» (Moral Motives Model (MMM) scale) (Janoff-Bulman, Carnes, 2013), включающий 30 утверждений, распределенных по описанным выше шкалам.

Участниками исследования были 539 студентов (125 юношей) разных специальностей, обучающихся в московских университетах $M_{\text{возраст}} = 21,0$, $SD_{\text{возраст}} = 3,5$.

Результаты исследования

В соответствии с ожиданиями, обнаружены положительные связи преимущественно между суверенностью ценностей и проскриптивными мотивами, подтверждая, что автономная жизненная философия (ценности) могут способствовать моральным мотивам субъекта (таблица 2). Иначе говоря, люди, которые привыкли к свободе и безопасности собственных вкусов и взглядов, чаще намерены по-

Таблица 2
Взаимосвязь (r_s) психологической суверенности
и выраженности моральных мотивов

Шкала	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
<i>Помощь</i>	0,04	0,02	0,03	0,05	0,03	0,02	0,08*
Непричинение вреда	0,08*	0,05	0,04	0,07	0,06	0,06	0,10**
<i>Социальная справедливость</i>	0,08*	0,00	0,07	0,04	0,06	0,06	0,14***
Социальный порядок	0,02	-0,01	0,04	-0,01	0,02	0,01	0,06
<i>Усердие</i>	0,10**	0,13***	0,08*	0,00	0,06	0,06	0,12***
Самоограничение	-0,04	-0,08*	-0,08*	0,00	-0,03	-0,01	0,03

Примечание: N=539; * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. Курсив – мотивы активности (прескриптивные).

могать другим, больше берегут людей, трудолюбивы и ценят социальную справедливость. Интересно, что обнаружено две тенденции к отрицательной связи с мотивом самоограничения: люди, привыкшие оберегать свое тело и территорию, оказываются неспособными к моральной мотивации такого содержания, хотя умеют быть моральными, тратя много сил на самосовершенствование и работу.

Парный регрессионный анализ показал, что несколько аспектов суверенности действительно вносят вклад в моральные мотивы: так, суверенность ценностей – значимый предиктор мотива социального порядка ($\beta=0,14$, $p=0,03$) и самоограничения ($\beta=0,15$, $p=0,02$), суверенность тела – усердия ($\beta=0,15$, $p=0,02$), а суверенность тела при этом оказалась анти-предиктором мотива самоограничения ($\beta=-0,13$, $p=0,03$). То есть суверенным психологически проще активно творить добро, нежели воздерживаться от дурных поступков или проявлять дисциплинированность.

Разделение выборки по полу (при отсутствии значимых различий в выраженности мотивов у юношей и девушек по критерию Манна–Уитни) не обнаружило ни одного значимого различия. Однако качество связей диспозициональной суверенности и моральных мотивов оказалось в зависимости от пола различным (таблицы 3–4). У юношей обнаружено несколько тенденций к связи между наиболее «брутальными» измерениями, суверенностью тела и территории и тремя из моральных мотивов.

Регрессионный анализ, впрочем, усилил некоторые тенденции: оказалось, что для мотива социального порядка предиктором является суверенность территории ($\beta=0,25$, $p=0,02$), а для мотива усер-

Таблица 3
Взаимосвязь (r_s) психологической суверенности
и выраженности моральных мотивов у юношей

Шкала	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
<i>Помощь</i>	0,12	0,16*	0,01	0,15*	0,06	-0,01	0,13
Непричинение вреда	0,06	0,06	0,05	0,10	0,05	0,08	-0,02
<i>Социальная справедливость</i>	0,04	0,01	0,09	0,01	-0,01	0,01	0,03
Социальный порядок	0,04	0,07	0,15*	-0,01	-0,05	-0,12	0,01
<i>Усердие</i>	0,12	0,16*	0,10	0,03	0,10	0,11	0,07
Самоограничение	0,04	0,05	0,03	0,06	0,05	-0,02	-0,01

Примечание: N=125. * – тенденции к связи $p < 0,1$. Курсив – мотивы активации (прескриптивные).

Таблица 4
Взаимосвязь (r_s) психологической суверенности
и выраженности моральных мотивов у девушек

Шкала	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
<i>Помощь</i>	0,04	0,00	0,02	0,02	0,04	0,04	0,09*
Непричинение вреда	0,10**	0,06	0,04	0,07	0,08*	0,06	0,15***
<i>Социальная справедливость</i>	0,10**	-0,01	0,05	0,05	0,09*	0,07	0,19***
Социальный порядок	0,04	-0,02	0,01	0,00	0,06	0,05	0,10**
<i>Усердие</i>	0,11*	0,15***	0,09*	0,02	0,06	0,04	0,13***
Самоограничение	-0,03	-0,09	-0,10**	0,01	-0,03	0,00	0,06

Примечание: N=125; * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,01$; курсив – мотивы активации (прескриптивные).

дия – суверенность тела. То есть обусловленность моральной мотивации в юношеской группе связана с наиболее «брутальными», близкими к природе измерениями психологического пространства, при этом все связи положительны и хорошо интерпретируемы.

У девушек были получены несколько иные данные. Связей больше; все, кроме одной, положительные, в основном образованы суверенностью ценностей. Отрицательная связь, обращающая на себя внимание, отмечена между мотивом самоограничения и суверенностью территории, таким образом, проявляется противоречивая роль суверенности территории в социальной жизни в юношеском возрасте.

Регрессионный анализ выявил несколько предикторов, среди которых наиболее сильным оказалась суверенность ценностей, вносящая вклад во все мотивы – помощи ($\beta=0,15$, $p=0,01$), непричинения вреда ($\beta=0,19$, $p=0,005$), социальной справедливости ($\beta=0,25$, $p=0,0004$), социального порядка ($\beta=0,17$, $p=0,014$), усердия ($\beta=0,16$, $p=0,02$) и самоограничения ($\beta=0,18$, $p=0,008$). Усердие обусловлено также и суверенностью тела ($\beta=0,15$, $p=0,017$). В то же время мотив самоограничения оказался отрицательно обусловлен суверенностью тела и территории (соответственно, $\beta=-0,13$, $p=0,04$, $\beta=-0,12$, $p=0,04$).

Таким образом, можно заключить, что суверенность имеет духовно развивающий потенциал, причем мотивы активации больше связаны с суверенностью, чем мотивы подавления, и все связи гендерно сензитивны. Вклад суверенности в выраженность моральных мотивов у девушек сильнее, однако при этом содержит противоречивые тенденции, вызывая в отношении некоторых установок противоположный ожидаемому эффект: у суверенных девушек есть проблемы с самоограничением, хотя при этом они помогают другим, трудолюбивы и не допускают причинения вреда другим людям. Гипотезы исследования подтвердились.

Литература

- Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1992.
- Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2005.
- Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлёва, Е. А. Сергиенко. М., 2007. С. 149–173.
- Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
- Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней зрелости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1 (13). С. 15–28.
- Janoff-Bulman R., Carnes N. C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. № 17 (3). P. 219–236.

The dispositional psychological sovereignty and moral motives in youth

S. K. Nartova-Bochaver (Moscow)

Doctor of psychological Science, Full professor, professor of National research University “Higher school of economics”

The article deals with the connection between the dispositional psychological sovereignty and moral motives in youth. 539 student (125 male, $M_{age}=21,0$, $SD_{age}=3,5$) of Moscow universities participated in the survey. There were assumed that 1) the expected connection will be positive, and 2) it will be moderated by gender. The multi-scale questionnaires The psychological sovereignty questionnaire – 2010 (Nartova-Bochaver, 2014) and Moral Motives Model (MMM) scale (Janoff-Bulman, Carnes, 2013) were used. The sovereignty revealed to be really positively connected with moral motives, especially with prescriptive but not with proscriptive ones. In addition, significant gender differences were found: in males, there were few connections, they were not strong, and formed by the Body and Territory sovereignty; in females, there were many connections, they were strong, and formed by Values sovereignty. Hypotheses were confirmed.

Keywords: dispositional sovereignty, self-restraint, self-reliance, social order, social justice, helping, not-harming.

Жизнестойкий и виктимный стили преодоления травматического жизненного события наркозависимыми и безработными

М. А. Одинцова (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
и педагогики дистанционного обучения Московского государственного
психолого-педагогического университета; e-mail: Mari505@mail.ru*

В статье представлен сравнительный анализ типов травмирующих событий в группах наркозависимых (N=29), безработных (N=27) и обычных людей (N=151). Обнаружено, что лица, страдающие наркотической зависимостью, отличаются выраженным виктимным стилем преодоления психотравмирующих ситуаций, в который вплетаются такие стратегии, как избегание, непрямые и асоциальные действия, стратегия поведения жертвы. Использование метода сказкотерапии позволило расширить перечень стратегий, используемых наркозависимыми. Агрессия и аутоагрессия, проявляющиеся в сказках 33% наркозависимых лиц, также включаются в виктимный стиль преодоления. Более жизнестойкими являются безработные, однако такие стратегии, как избегание и осторожные действия, гипертрофированные реакции страха и высокие субъективные оценки произошедшей с ними ситуации как психотравмирующего фактора, не позволяют однозначно утверждать, что у них в достаточной мере сформирован жизнестойкий стиль преодоления, который характерен для группы обычных людей.

Ключевые слова: жизнестойкий стиль преодоления, виктимный стиль преодоления, психологическая травма.

Постановка проблемы

Некоторые психологи с беспокойством заявляют о травматическом характере современной жизни и называют наше столетие веком гло-

бальных перемен, что проявляется в скорости, глубине, размахе, непредсказуемости и неподконтрольности изменений (Штомпка, 2001). В современных исследованиях демонстрируется, что большинство людей имеют опыт хотя бы одного травматического события в течение жизни, четверть из них в конечном итоге переживают посттравматические стрессовые расстройства (Bonanno, Mancini, 2008). Считается, что степень и характер реакций людей на травмирующее событие связаны с их невропатическим статусом, истощенностью или ослабленностью нервной системы (Лурия, 2003). Это именно то, что лишает человека возможности противостоять травматической ситуации, приводит к неадекватно резким реакциям на нее, нарушениям поведения и т. п. Речь идет о слабости «Я», которое сосредоточено на страданиях, жалости к себе и всеми силами цепляется за сохранение остатков разрушенного прежнего «Я» (Леонтьев, 2013). Вместе с тем при опоре на внутреннюю устойчивость и личностные ресурсы человек может двигаться через травмы с наименьшими потерями. Можно, таким образом, выделить несколько выраженных стилей преодоления травматического жизненного события: виктимный и жизнестойкий. Потенциально виктимогенные группы, среди которых, например, люди, потерявшие работу и получившие статус безработных, лица, страдающие наркотической зависимостью, являются особенно уязвимыми перед травматическими событиями. Для них почти каждая личная трагедия может приобрести характер катастрофы, сопровождаться болезненными, неприятными переживаниями и способствовать формированию виктимного стиля преодоления. Так ли это? Какие стили преодоления характерны для виктимогенных групп?

Организация и методики эмпирического исследования

Выборка исследования

Для ответа на данные вопросы было проведено исследование, в котором приняли участие 207 человек, из них 29 страдающих наркотической зависимостью, 27 получивших статус безработных и находящихся в данном статусе от полугода до полутора лет и группа обычных людей (N=151), неотягощенных данными проблемами.

Методики исследования

В исследовании были использованы следующие методики: 1. Шкала оценки влияния травматического события (Weiss, Marmar, Metzler, 1995) в адаптации Н. В. Тарабриной, позволившая получить инфор-

мацию о пережитом травматическом жизненном событии. 2. Опросник стратегий преодоления стрессовых ситуаций (Hobfoll, 1994) в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой, направленный на выявление способов, используемых людьми при преодолении стрессовых ситуаций. 3. Опросник ролевой виктимности (Одинцова, Радчикова, 2012), позволяющий получить информацию об уровне виктимизации (*англ.* victimization – превращение в жертву) личности при столкновении с психотравмирующими событиями. 4. Тест жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006), позволяющий выявить уровни вовлеченности, контроля и принятия риска. 5. Рисуночная методика «Человек под дождем» А. Эбрамса в модификации автора.

Участникам предлагался заранее подготовленный бланк для рисунка. Давалась следующая инструкция: «Нарисуйте на одной половине листа человека, на другой – человека под дождем». Далее предлагалось описать чувства, мысли, действия человека и человека под дождем. Затем необходимо было написать сказку о человеке под дождем, который пережил... (задавался тип ситуации, определенный самим участником в опроснике «Шкала оценки влияния травматического события»). Диагностической целью методики «Человек под дождем» с последующим написанием сказки стал анализ стратегий преодоления травмирующей ситуации в группе лиц, страдающих наркотической зависимостью.

Результаты исследования

Сначала мы проанализировали *типы травмирующих событий* (по классификации Ф. Рупперта), которые называли сами участники исследования. Чаще всего экзистенциальную травму, связанную с беспокойством о своем здоровье, и травму системных отношений, связанную с переживанием вины перед своими близкими, обозначали наркозависимые; травму, связанную с неудавшимися отношениями, – группа обычных людей (рисунок 1).

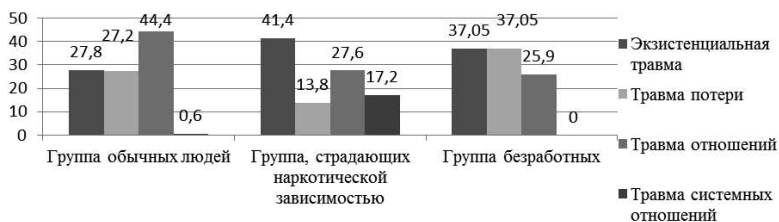

Рис. 1. Типы психологических травм в разных группах участников исследования (%)

Все типы психологических травм в группе безработных были распределены практически равномерно за исключением травмы системных отношений, которая не называлась вовсе, как, впрочем, и в группе обычных людей, где данный тип травмы был назван только в одном случае. Травму потери, связанную с переживаниями смерти близких, чаще всего называли в группе безработных и группе обычных людей ($\chi^2 = 31,9$, $p = 0,000$).

Было обнаружено, что группы различаются и по реакциям на психотравмирующее событие. Так, избегание ($p = 0,000$), физиологическая возбудимость ($p = 0,001$), интегральный показатель степени травматизации ($p = 0,002$) в большей степени характерны для лиц, страдающих наркотической зависимостью и безработных. Как видно, наиболее уязвимыми перед травматическими жизненными событиями действительно являются группы лиц, страдающих наркотической зависимостью и безработные (различий между ними не выявлено). Для данных людей характерны попытки смягчения болезненных переживаний, связанных с действием травмирующего события ($p = 0,139$), гипертрофированные реакции страха, физиологическое возбуждение ($p = 0,605$) и довольно высокие субъективные оценки произошедшей с ними ситуации в качестве психотравмирующего фактора ($p = 0,915$).

Ролевая виктимность как склонность демонстрировать поведение жертвы травмирующей ситуации также выражена в группах участников исследования по-разному. При этом все характеристики ролевой виктимности (игровая роль жертвы, социальная роль жертвы) в группе наркозависимых значительно выше ($p = 0,000$), чем в двух других. Иными словами, жертвами травмирующей ситуации в большей степени считает себя группа лиц, страдающих наркотической зависимостью. Жизнестойкость, как альтернатива психологии жертвы, и проявление вовлеченности, интереса к жизни, открытости миру и людям, умения контролировать ситуации и принимать события, связанные с неопределенностью, также в меньшей степени выражены в группе наркозависимых лиц ($p = 0,000$). Между группой безработных и обычных людей различий по данным исследуемым параметрам не обнаружено.

Следующей задачей, решаемой в ходе исследования являлось рассмотрение наиболее часто используемых стратегий преодоления в разных группах респондентов. Анализ показал, что ассертивные действия ($p = 0,073$), вступление в социальные контакты ($p = 0,516$) и обращение за социальной поддержкой ($p = 0,165$) одинаково используются всеми группами. Это наиболее конструктивные способы преодоления психотравмирующих событий. Однако в группе обыч-

ных людей все стратегии преодоления выражены одинаково ровно, в отличие от безработных и наркозависимых. Так, более осторожны в стрессовых ситуациях безработные, в отличие от обычных людей ($p=0,013$) и от наркозависимых ($p=0,003$). Группа безработных чаще обычных людей использует стратегию избегания ($p=0,041$). Наркозависимые чаще респондентов двух других групп используют такие стратегии, как избегание ($p=0,000$), непрямые ($p=0,000$) и асоциальные действия ($p=0,000$) (рисунок 2).

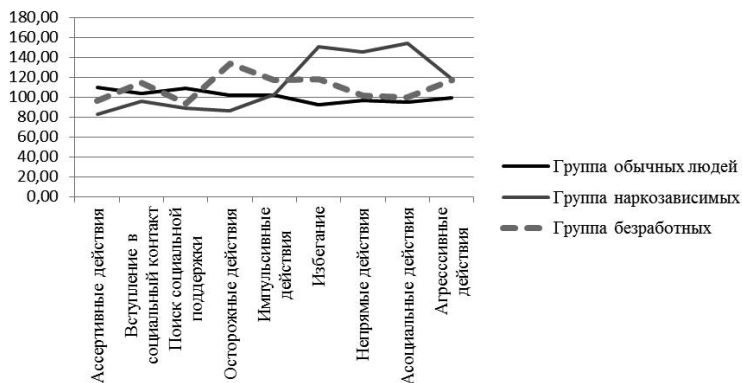

Рис. 2. Копинг-стратегии преодоления стрессовой ситуации в разных группах участников исследования (ср. ранги)

В целом, можно отметить, что участники исследования, страдающие наркотической зависимостью, отличаются более виктимным стилем преодоления, в который вплетаются такие стратегии, как избегание, непрямые и асоциальные действия, стратегия поведения жертвы, поэтому именно с данной группой был проведен сеанс сказкотерапии с использованием проективной методики «Человек под дождем».

В данной статье мы не будем приводить многочисленные примеры сказочных историй, написанных участниками исследования. Остановимся на результатах анализа способов преодоления той или иной психотравмирующей ситуации, отраженных в сказках, с помощью цитирования некоторых особенно примечательных отрывков. Отметим, что в некоторых сказках было обнаружено сразу несколько преодолевающих стратегий, что вошло в последующий анализ.

- 1) **Стратегия обращения за помощью и поддержкой.** 50% наркозависимых людей отразили в своих сказках данный способ преодоления как наиболее оптимальный для них. Это могло быть

использование «Волшебного Зонта», который спасает в любых ситуациях: и в дождь, и в жару; обращение к сверхъестественным силам. Например: «Вдруг он неожиданно увидел струю яркого света и услышал тихий голос: „Отпусти, прости и верь“. Парень последовал смыслу этих слов. После чего начал находить яркие, красочные цвета среди серого мира. Спустя некоторое время, вокруг все расцвело, тогда он посмотрел на небо и сказал: „Спасибо!“ С неба появилась та же струя света, и тихий голос ответил: „Творец, всему ты сам!“» (А., 24 года, травма отношений).

- 2) **Стратегия решения проблемы с позиции силы:** чаще всего это агрессия и аутоагрессия. Данные способы реагирования прослеживаются у 33% наркозависимых лиц. Герой продумывает план мести и мстит, либо развязывает жестокую войну. Такие сказки заканчиваются всегда трагически: как правило, герой погибает. Например: «Свет полностью померк, я уже ничего не слышал и начал чувствовать, что мое тело теряет вес и начинает подниматься над землей. Моргнул, открыл глаза и увидел перед собой огромные красные зрачки. Услышал шум, проснулся. Увидел в окне красное небо. Радиоактивный дождь все шел» (В., 25 лет, экзистенциальная травма). Еще один пример: «Он принял бой в одиночку и погиб. Время шло, война давно позади, но вот счастья у народа как не было, так и нет» (К., 26 лет, травма отношений). Еще один пример: «Он осознал, что теперь он сам убийца, так и не смог жить с этой мыслью и погиб» (Н., 33 года, травма системных отношений).
- 3) **Стратегия помощи другим людям, которая зачастую сочетается со стратегией обращения за помощью.** Данный способ реагирования выявлен в сказках 28% наркозависимых лиц. Например: «Он долго был один, стал обидчивым и недоверчивым, но теперь у него есть волшебная шкатулка, в которую он складывал все, что ему помогало. И он готов всем этим делиться со своим маленьким другом» (Т., 31 год, травма отношений). Еще несколько примеров: «Стоя на остановке под дождем, он увидел девушку, которая бежала промокая к остановке. Бумаги в ее руках почти растворились под дождем. Она положила их на лавочку, и он заметил, что это те же материалы, которые он брал в библиотеке. Тогда он предложил ей свои» (Б., 25 лет, травма отношений).
- 4) **Стратегия активного разрешения проблемы** обнаружена в сказках 16% наркозависимых лиц. Например: «Он шел уверенными шагами, несмотря на все несчастья, он чувствовал се-

бя одиноким и маленьким в этом чудовищном мире, но огонек в его душе был настолько светлым и теплым, что к нему начали тянуться люди, которые уже потеряли надежду увидеть хоть что-то хорошее. Он приглашал всех под свой зонтик, и все они начали чувствовать уверенность тепло и единство. Когда их стало очень много и все уже не умещались под маленьким зонтом, люди все равно держались вместе и им уже не было так сыро, ветер становился южным, облака рассеялись и на небо высыпали звезды. Человек сложил свой зонтик, пожелал всем спокойной ночи и отправился в путь искать людей, которые перестали верить в чудо» (М., 30 лет, экзистенциальная травма).

- 5) **Стратегия принятия травмирующей ситуации при отсутствии реальных возможностей ее изменения.** Данный способ реагирования был обнаружен в сказках 11% наркозависимых лиц. Например: «Человек понимает, что промокнуть это не так уж страшно, и что это всего лишь дождь, и он часть природы. Он увидел, как от деревьев исходило испарение, и как на листья ложатся капли дождя. Человек остался в лесу, не жалея ни одну секунду, что промок. Дождь прекратился, и он увидел радугу!» (М., 27 лет, травма отношений). Еще один пример: «Когда он наконец вышел под дождь, то обнаружил, что все не так плохо, и дождик спокойно ручейками стекает по куртке и волосам. А так как цвет и настроение дождика были такими же, как глаза Синего человека, он с облегчением понял, что сможет гулять один и даже под дождем» (К., 34 года, экзистенциальная травма).

Как видим, в большинстве сказок наркозависимых людей звучит призыв о помощи, и они сами охотно готовы оказывать помощь другим – более слабым и беспомощным. Среди конструктивных преодолевающих стратегий, описанных в сказках наркозависимыми людьми, обнаружена и стратегия активного преодоления; некоторые описывают такой способ, как принятие травмирующей ситуации. При этом герой благодарит за хороший опыт, который в итоге дала ему эта ситуация. Вместе с тем, в некоторых сказках (33%) наркозависимых людей все же звучит тема преодоления травмирующей ситуации с помощью агрессии и аутоагрессии. Данная стратегия выходит на второе место по частоте использования. По К. Хорни, это «движение против людей», заключающееся в недоверии окружающему миру, в стремлении наказать врагов, в демонстрации своей силы (Хорни, 2007). В таких сказках всегда звучит тема войны, борьбы, и заканчиваются они гибелью героя.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить стили преодоления психологических травм в разных группах людей, среди которых наиболее ранимой является группа, страдающая наркотической зависимостью. В сравнении с ними более жизнестойкими являются безработные, однако такие стратегии, как избегание и осторожные действия, а также гипертрофированные реакции страха перед угрозой и высокие субъективные оценки произошедшей с ними ситуации в качестве психотравмирующего фактора, не позволяют однозначно утверждать, что у них в достаточной мере сформирован жизнестойкий стиль преодоления, который характерен для группы обычных людей.

Литература

- Леонтьев Д. А. Многоуровневая модель взаимодействия с неблагоприятными обстоятельствами: от защиты к изменению. Кострома, 2013. Т. 1. С. 258–260.
- Лурья А. Р. Экзамен и психика // Психологическое наследие. Избранные труды по общей психологии. М., 2003. С. 126–182.
- Рупперт Ф. Психологическая травма // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2012. Т. 18. №4. С. 81–92.
- Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М., 2007.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Bonanno G. A., Mancini A. D. The Human Capacity to Thrive in the Face of Potential Trauma // *Journal Pediatrics*. 2008. V. 121. №2. P. 369–375.

Resilient and victimized styles of overcoming traumatic life events by drug addicts and unemployed

M. A. Odintsova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate professor of Moscow state University of psychology and education

This article describes a comparative analysis of traumatic event types in groups of drug addicts (N=29), unemployed (N=27) and ordinary people (N=151). It was determined that drug addicts have a more pronounced victimized style of overcoming psychotraumatic events, employing such strategies as avoidance, indirect and antisocial actions, behaving like a victim.

The use of the fairy tale therapy method allowed to expand the list of strategies, used by drug addicts. Aggression and auto-aggression, manifested in 33% of drug addicts fairy tales, are also included in the victim style of overcoming. The unemployed are more resilient, however such strategies as avoidance and cautious actions, as well as hypertrophied reactions of fear and high subjective assessments of the situation that occurred to them in terms of being a psychotraumatic factor, do not allow to unequivocally assert, that they have formed a sufficiently resilient style of overcoming, which is typical for the ordinary people group.

Keywords: resilient style of overcoming, victim style overcoming, psychological trauma.

Стратегии регуляции эмоций и эмоциональные состояния: кросс-культурные аспекты¹

*М. А. Падун * (Москва), А. Н. Зелянина** (Архангельск)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: maria_padun@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент Высшей школы психологии
и педагогического образования Северного (Арктического) федерального
университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: zelyanina-anna@yandex.ru*

В статье представлены результаты исследования на российской выборке двух стратегий регуляции эмоций – «подавление» и «когнитивная переоценка» в их соотношении с характеристиками эмоциональных состояний. Результаты сопоставлены с данными, полученными в американской культуре. Результаты свидетельствуют, как о сходствах, так и о различиях в механизмах регуляции эмоций между представителями американского и российского общества. В частности, показано, что способность менять отношение к ситуации («когнитивная переоценка») является самостоятельным предиктором позитивных эмоциональных состояний в обеих культурах. Подавление эмоций является деструктивным для эмоционального самочувствия у представителей американской культуры и носит нейтральный характер в отношении эмоциональных состояний россиян. Данные исследования подтверждают представление о том, что подавление эмоций является для России культурно нормативной стратегией.

Ключевые слова: регуляция эмоций, позитивный аффект, негативный аффект, культурные различия, подавление эмоций, когнитивная переоценка.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10892.

Постановка проблемы

Процессы глобализации постепенно приводят к тому, что интенсивная коммуникация людей, принадлежащих к различным культурам, становится повседневной реальностью. Миграционные процессы во всем мире ставят перед специалистами серьезные проблемы по адаптации и интеграции переселенцев. Одним из важных барьеров в успешном взаимодействии представителей разных культур является способ переработки и выражения эмоций. Индивидуальные различия в способах регуляции эмоций формируются в процессе социализации, в том числе, под воздействием культурных влияний. Таким образом, понимание культурных различий в специфике процессов регуляции эмоций имеет огромную научную и прикладную ценность. Формирование научных основ психологического консультирования, психокоррекции и психотерапии необходимо строить на понимании культурных различий в способах переработки и выражения эмоций.

Регуляция эмоций представляет собой совокупность эксплицитных и/или имплицитных психических процессов, направленных на ослабление, усиление или удержание на одном уровне интенсивности и валентности эмоциональной реакции или эмоционального состояния (Gross, Thompson, 2007; Падун, 2015). Дж. Гросс и Р.А. Томпсон рассматривают регуляцию эмоций как континуум от сознательного, требующего усилий процесса к неосознаваемому, автоматическому регулированию. Кроме того, отрицаются априорные предположения об эффективности или неэффективности той или иной стратегии регуляции эмоций (Gross, Thompson, 2007). Каждая стратегия регуляции в гипертрофированных вариантах становится дисфункциональной, т. е. может быть причиной тех или иных нарушений. Стратегии из продуктивных трансформируются в непродуктивные, если однообразно используются в разных жизненных ситуациях, т. е. являются тотальными, ригидными и устойчивыми способами регуляции эмоций (Падун, 2010).

Влияние культуры на процессы регуляции эмоций принято рассматривать через конструкты культурных моделей «Я» и отношений с другими. Имплицитная или эксплицитная цель, которую в конечном итоге преследует индивид в процессе регуляции эмоций – это достижение эмоционального и когнитивного соответствия с желаемым образом «Я», а также развитие удовлетворяющих отношений с другими. При этом культура, безусловно, влияет на особенности модели себя и другого, и – опосредованно – на возникающие эмоциональные реакции и их регуляцию (Mesquita, Albert, 2007).

Культурные модели себя и отношений с другими являются частью «картины мира», т. е. комплексами представлений, которые содержат глубинные экзистенциальные знания о том, каков «Я» и каким мне следует быть, а также о том, как достигаются удовлетворяющие отношения. В частности, в американской модели акцент делается на представлении о себе как автономном, имеющем опору в себе человеке, одной из самых важных характеристик которого является самоуважение. Близкие отношения имеют большое значение, но преимущественно в той их функции, которая способствует развитию и актуализации личной успешности и достижений.

В индивидуалистически ориентированных странах (США, Австралия, Германия и др.) родители стремятся содействовать детской самодостаточности, самостоятельности. Выражение эго-ориентированных эмоций (гнев, гордость, отвращение) рассматривается как приемлемое; взрослые стимулируют приобретение и успешное переживание подобных эмоций детьми. Во многих восточноазиатских обществах, в которых ценятся иерархические отношения (уважение к старшим, верность семье), выражение эго-ориентированных эмоций рассматривается как потенциально нарушающее межличностные отношения и, соответственно, предполагающее их строгое контролирование. В то же время культивируются межличностная чувствительность и проявление эмоций, ориентированных на других (сочувствие, стыд). В итоге создается ориентированная на отношения эмоциональная компетентность (Friedlmeier et al., 2011).

А. А. Панкратова и др. изучали культурные особенности эмоциональной компетентности у представителей российской и азербайджанской культур. Были обнаружены более низкие показатели понимания своих эмоций у азербайджанцев, что объясняется особенностями азербайджанской культуры как «культуры стыда». Таким образом, азербайджанцы при оценке своего поведения, прежде всего, ориентируются на мнение окружающих людей (Панкратова и др., 2013).

Как показали исследования в Тайской культуре, проведенные Ш. Зохар, применение стратегии подавления эмоций необязательно наносит ущерб человеку, если подавление является нормативным в культуре. Благодаря подавлению на индивидуальном уровне возможно предотвращение конфликтов на групповом уровне, что способствует сохранению статус-кво. Предполагается также, что в культурах, постулирующих необходимость удерживать эмоции и открыто их не выражать, легче достигаются «гладкие» межличностные отношения. Однако, помимо подавления, тайские студенты активно использовали стратегию переоценки (Zohar, 2012).

В наших предыдущих исследованиях (Падун, Псядло, 2016) выявлены различия в стратегиях регуляции эмоций у представителей российской и итальянской культур. Итальянцы чаще россиян прибегают к катастрофизации, приписывают произошедшим событиям глобальный масштаб, склонны преувеличивать негативные последствия случившегося.

На сегодняшний день в зарубежной психологии наиболее изучены индивидуальные различия в предпочтении таких стратегий регуляции эмоций, как «когнитивная переоценка» и «подавление». Использование «переоценки» связано с более высокой частотой переживания положительных эмоций и более низкой – отрицательных; «подавление эмоций» имеет обратные закономерности. Данная стратегия сопряжена с высокой физиологической ценой: было показано (Dozier, Kobak, 1993), что индивиды, использующие стратегию подавления, с трудом вспоминают негативно окрашенные события, но при этом демонстрируют высокую физиологическую реактивность во время выполнения задания.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью нашего исследования было изучение связей индивидуальных различий в регуляции эмоций с характеристиками эмоциональных состояний и личностными особенностями на российской выборке, а также сравнение выявленных закономерностей с результатами американских исследователей.

В исследовании приняли участие студенты вузов г. Архангельска в возрасте от 17 до 29 лет ($N=263$); возраст: $M=19,01$; $SD=1,41$); 139 юношей и 124 девушки.

В исследовании были использованы следующие *методики*:

- 1) «Опросник регуляции эмоций» (ОРЭ) (Gross, John, 2003) в апробации И. Н. Дорофеевой, М. А. Падун (Дорофеева, Падун, 2010), позволяющий оценить уровень выраженности двух тенденций в регуляции эмоций – когнитивной переоценки и подавления.
- 2) Опросник «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (ШПАНА) в апробации Е. Н. Осина (Осин, 2012), предназначенный для определения уровня и направленности аффекта (позитивный/негативный).
- 3) Личностный опросник Big Five (форма S) в адаптации М. В. Бодунова, С. Д. Бирюкова. Опросник включает следующие шкалы: «нейротизм», «экстраверсия», «склонность к согласию», «добросовестность», «открытость опыту». Показатели валидности бы-

ли опубликованы Митиной и др. (Митина и др., 2017). Шкалы опросника имеют показатель α Кронбаха не ниже 0,8 для всех шкал кроме шкалы «открытость». По шкале «открытость» получен коэффициент 0,6, что говорит об удовлетворительной согласованности.

Результаты исследования

Почти все изучаемые в исследовании переменные подчиняются закону нормального распределения. Исключение составили данные по субшкалам «негативный аффект» (ШПАНА) и «подавление» (ОРЭ). Обработка данных по двум этим шкалам велась с помощью непараметрических критериев.

Анализ различий в стратегиях регуляции эмоций между мужчинами и женщинами подтвердил полученные в исследованиях различных культур факты: мужчины в России в большей степени склонны к подавлению эмоций, чем женщины ($p < 0,001$), тогда как стратегия когнитивной переоценки присуща в одинаковой степени женщинами и мужчинам.

Были выявлены положительные корреляции между шкалой «позитивный аффект» и стратегией РЭ «когнитивная переоценка» ($r = 0,30$; $p < 0,001$). Выявленная закономерность совпадает с данными, полученными на американских выборках (Gross, Thompson, 2007). Однако склонность к переоценке значения ситуации на российской выборке, в отличие от американской, не связана с выраженностью негативного аффекта.

Что касается личностных особенностей, то выраженность позитивного аффекта отрицательно связана с нейротизмом ($r = -0,26$; $p < 0,001$) и положительно – с экстраверсией ($r = 0,48$; $p < 0,001$) и добросовестностью ($r = 0,44$; $p < 0,001$). В свою очередь, склонность переоценивать ситуацию с целью регуляции эмоций связана с экстраверсией ($r = 0,24$; $p < 0,001$), добросовестностью ($r = 0,26$; $p < 0,001$) и открытостью новому ($r = 0,22$; $p < 0,001$). Эти результаты не совпадают с данными исследований, полученных Джоном и Гроссом, где показано, что когнитивная переоценка имеет единственную значимую, но невысокую отрицательную связь с нейротизмом. Из этого авторы заключают, что раз склонность к переоценке не связана с экстраверсией, то она является самостоятельным предиктором позитивного аффекта, независимо от темпераментальных черт (John, Gross, 2004). Однако на нашей выборке показано, что все три переменные – позитивный аффект, экстраверсия и когнитивная переоценка – положительно связаны между собой.

Нормальность распределения всех связанных с позитивным аффектом переменных и невысокие величины корреляций между переменными позволили построить уравнение линейной регрессии, в котором зависимой переменной являются показатели выраженности позитивного аффекта, а переменными-предикторами – нейротизм, экстраверсия, добросовестность и выраженность стратегии регуляции эмоций «когнитивная переоценка». Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1. Регрессия является значимой ($p < 0,00$) и описывает 33% зависимой переменной.

Таблица 1
 Результаты регрессионного анализа
 (зависимая переменная «позитивный аффект»)

	Beta	Std. Err.	B	Std. Err.	t (258)	p-level
Intercept			7,84	3,43	2,28	0,02
Нейротизм	-0,05	0,06	-0,04	0,05	-0,86	0,39
Экстраверсия	0,33	0,06	0,31	0,05	5,87	0,00
Добросовестность	0,27	0,06	0,27	0,06	4,67	0,00
Когнитивная переоценка	0,15	0,05	0,15	0,06	2,76	0,01

Таким образом, предпочтение стратегии когнитивной переоценки, т. е. склонность осознанно воздействовать на свое мышление с целью изменения отношения к ситуации, наряду с такими личностными чертами, как экстраверсия и добросовестность, является предиктором позитивных эмоциональных состояний в виде состояния приятной вовлеченности, высокой энергичности и полной концентрации (Осин, 2012). Можно утверждать, что предпочтение когнитивной переоценки, как стратегии регуляции эмоций, является самостоятельным предиктором позитивных эмоциональных состояний, что говорит о схожести механизмов формирования позитивного аффекта у россиян и жителей США.

Анализ показателей выраженности подавления эмоций проводился с помощью непараметрических критериев. Склонность к подавлению эмоций не коррелирует со спецификой эмоциональных состояний (позитивный/негативный аффект). Выявленные взаимосвязи согласуются с полученными нами ранее данными (Падун, Псядло, 2016), однако имеют отличия по сравнению с закономерностями, выявленными американскими учеными (Gross, Thompson, 2007). Иными словами, американцы чувствуют себя хорошо тогда,

когда могут выражать и позитивные, и негативные эмоции вовне, тогда как у россиян не наблюдается такой закономерности, и их эмоциональное состояние не соотносится с тем, подавляют они эмоции или нет.

Из личностных особенностей подавление эмоций имеет связь только с экстраверсией; интроверты в большей степени склонны к подавлению, чем экстраверты (таблица 2).

Таблица 2
Коэффициенты корреляции Спирмена
между выраженностью стратегии подавления
и личностными свойствами

Личностные свойства (Big 5)	R	p
Нейротизм	-0,07	0,23
Экстраверсия	-0,25***	0,00
Открытость опыту	-0,08	0,22
Склонность к согласию	-0,02	0,73
Добросовестность	0,01	0,91

Американскими исследователями также получена единственная корреляция между подавлением и темпераментальными свойствами: экстраверсия отрицательно коррелирует со склонностью к подавлению эмоций. Таким образом, соотношение подавления эмоций и личностных особенностей одинаково для обеих культур.

Данные исследования подтверждают представление о том, что подавление эмоций является для России культурно нормативной стратегией. Для россиян, живущих в обществе, тяготеющем, скорее, к коллективизму, чем к индивидуализму, оказывается важным «настраивать» свои эмоции в соответствии с достижением гармонии в отношениях с людьми. Эта гармония, по всей видимости, имеет более важное значение для психологического благополучия россиян, чем возможность выражать свои эмоции. При этом возникает закономерный вопрос: если подавление эмоций приводит к неаутентичности (рассогласованию внешних проявлений и внутреннего состояния), что негативно влияет на отношения, то как это соотносится с представлениями о гармонии отношений? Вероятно, гармония в отношениях у россиян не связана с аутентичностью, а формируется за счет других механизмов.

Когнитивная переоценка по своим закономерностям в соотношениях с эмоциональным благополучием не отличается у россиян от таковой у представителей западных и восточных культур. По всей видимости, когнитивная переоценка, осуществляемая на более ранней фазе регуляции эмоций (во время оценки ситуации) является «более индивидуальным» процессом, в меньшей степени связанным с социальными взаимодействиями, чем подавление. Таким образом, склонность менять свое отношение к ситуации с целью регуляции эмоций является индивидуально, а не культурно детерминированной.

Заключение

Результаты свидетельствуют как о сходствах, так и о различиях в механизмах регуляции эмоций между представителями американского и российского общества. В частности, показано, что способность менять отношение к ситуации («когнитивная переоценка») является самостоятельным предиктором позитивных эмоциональных состояний в обеих культурах. Подавление эмоций является деструктивным для эмоционального самочувствия у представителей американской культуры и носит нейтральный характер в отношении эмоциональных состояний россиян.

Литература

- Дорофеева И. Н., Падун М. А.* Особенности саморегуляции и профиль латеральной организации мозга // Психологический журнал. 2012. № 1. С. 101–111.
- Митина О. В., Падун М. А., Зелянина А. Н.* Разработка русскоязычной версии методики «Тест имплицитного позитивного и негативного аффекта» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 104–121.
- Осин Е. Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
- Падун М. А.* Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. № 6. С. 57–69.
- Падун М. А.* Регуляция эмоций и ее нарушения. Психологические исследования. 2015. Т. 8 (39). № 5. URL: <http://psystudy.ru>.
- Падун М. А., Псядло И. А.* Регуляция эмоций и психологический дистресс у представителей российской и итальянской культур // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы,

- последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М., 2016. С. 124–138.
- Панкратова А. А., Осин Е. Н., Люсин Д. В.* Особенности эмоционального интеллекта у представителей российской и азербайджанской культур // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 11. URL: <http://psystudy.ru>.
- Dozier M., Kobak R. R.* Psychophysiology in attachment interviews: converging evidence for deactivating strategies // *Child Development*. 1993. V. 63. P. 1473–1480.
- Friedlmeier W., Corapci F., Cole P. M.* Emotion Socialization in Cross-Cultural Perspective // *Social and Personality Psychology Compass*. 2011. № 5. P. 410–427.
- Gross J. J., Thompson R. A.* Emotion Regulation: Conceptual foundations // *Handbook of Emotion Regulation* / Ed. J. J. Gross. N. Y.: Guilford Press, 2007. P. 3–26.
- John O. P., Gross J. J.* Healthy and Unhealthy Emotion Regulation: Personality Processes, Individual Differences and Life Span Development // *Journal of Personality*. 2004. V. 72. № 6. P. 1301–1334.
- Mesquita B., Albert D.* The cultural regulation of emotions // *The handbook of emotion regulation* / Ed. J. J. Gross. N. Y.: Guilford Press, 2007. P. 486–503.
- Zohar S.* Influence of Cultural Values on Emotion Regulation and Well-Being: A Study of Thai University Students, Ph. D. Thesis in Counseling Psychology, Graduate School of Psychology. Assumption University, Bangkok, Thailand, 2012.

Emotion regulation strategies and emotional states: cross-cultural issues

*M. A. Padun** (Moscow), *A. N. Zelyanina*** (Arkhangelsk)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological sciences, associate professor
of School of psychology and teaching education
of Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov

The results of research regarding two emotion regulation strategies “suppression” and “cognitive reappraisal” in correlation with emotional states characteristics in subjects of Russian sample are presented in this article. The results are compared with data obtained in American culture. It was revealed that there are both similarities and differences in mechanisms of emotion regulation between citizens of American and Russian society.

In particular, it was revealed that ability to change the attitude toward circumstance (“cognitive reappraisal”) is independent predictor of positive states in both cultures. The emotional suppression has negative consequences for emotional state of American culture representatives while for Russian this strategy has indifferent character. The results show that emotional suppression is normative strategy in Russian culture.

Keywords: emotion regulation, positive affect, negative affect, cultural differences, emotional suppression, cognitive reappraisal.

Повседневный и травматический стресс: современные направления исследований¹

*Н. В. Тарабрина**, *А. Л. Журавлев***, *Е. А. Сергиенко****,
*Н. Е. Харламенкова***** (Москва)

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: nvtarab@gmail.com*

*** академик РАН, профессор, директор Института психологии РАН;
e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

**** доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: elenas13@mail.ru*

***** доктор психологических наук, профессор,
заведующая лабораторией Института психологии РАН;
e-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com*

В статье представлен краткий обзор современного состояния проблем повседневного и травматического стресса, анализируются психологические аспекты изучения стресса, выделяются основные направления исследования: изучение роли хронологического и субъективного возраста в переживании проблемных жизненных событий; анализ различий в понимании, переживании и отношении к разным жизненным событиям и глобальным рискам; изучение индивидуально-личностных, межличностных или культурно-специфичных особенностей восприятия, понимания, переживания воздействия стрессора. В соответствии с проблемами повседневного и травматического стресса обсуждаются современные тенденции в исследовании защитно-совладающего поведения, жизнеспособности и других ресурсов преодоления последствий психотравматизации.

Ключевые слова: повседневный стресс, травматический и посттравматический стресс, совладание со стрессом.

1 Исследование выполнено в соответствии с Государственными заданиями ФАНО РФ №0159-2016-0004.

Одним из методологических просчетов в исследовании проблемы совладания личности с трудными жизненными ситуациями, по мнению Л. И. Анцыферовой, является такой подход к анализу этой проблемы, когда «то или иное событие рассматривается изолированно от ситуаций, предшествующих ему, и от состояния человека», в котором он находился до этого момента (Анцыферова, 1994, с. 4). Автор отмечает, что нередко внимание исследователей привлекает анализ поведения человека в экстремальных ситуациях, тогда как совладание с текущими проблемами, изучение повседневных неприятностей (*daily hassles*, по Р. Лазарусу), повседневных стрессов остается за рамками научного исследования.

На современном этапе развития науки с целью оценки вклада разных стрессоров в общий жизненный контекст личности наблюдается тенденция *системно* исследовать и повседневные, и травматические стрессоры, а также связанные с ними психологические последствия воздействия этих стрессоров на человека.

Остро актуальной проблеме *жизненных стрессов*, различных по причине возникновения, течению, уровню травматичности, психологическим последствиям их переживания для человека, совладанию с ними, посвящены как индивидуальные монографии (Бодров, 2006; Знаков, Турок, 2010; Журавлёв, 2016; Сергиенко, 2008; Тарабрина, Быховец, 2014), так и тематические коллективные работы авторов (Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; Психология повседневного и травматического стресса..., 2016). Обращение к этой теме связано, прежде всего, с изменением условий жизни современного общества, повышением уровня стрессогенности социальной, профессиональной, семейной среды, расширением количества стрессоров и увеличением диапазона их интенсивности, появлением проблем, имеющих *комплексный* характер. Наряду с этим, современный человек, благодаря развитию сети информационных технологий и рынка разнообразных услуг, развитию механизмов коллективного совладания с культурной травмой, получает достаточно необходимых ему сведений о поведении в трудных ситуациях, о последствиях воздействия тех или иных стрессоров и о возможных ресурсах совладания с жизненными проблемами (Нестик, 2016).

Повседневные стрессы являются сугубо индивидуальными событиями в жизни людей, однако их специфика зависит от хронологического возраста человека и значимости жизненных сфер, в которых они возникают, а также от субъективного возраста человека. В разные периоды жизни характер переживаемых стрессов и стратегий совладания с ними различается; при этом переживание стресса

и способность справиться с ним могут корректироваться самооценкой возраста, поэтому *первое направление* исследования повседневного и травматического стресса может быть связано с изучением роли *хронологического и/или субъективного возраста* человека в переживании проблемных жизненных событий.

Психологические проблемы влияния на человека трудных жизненных ситуаций обнаруживаются в том, что люди по-разному *переживают* и *понимают* их, меняют *отношение* к ним в зависимости от многих факторов, в том числе от специфики социального контекста, обстоятельств, социальной роли, которая в данный момент является для субъекта ведущей. Все это делает возможным выделить *второе направление* изучения стресса и его последствий, определяемое рамками проблемы различий в *понимании, переживании, отношении* к повседневным экстремальным жизненным событиям и глобальным рискам.

Следующий ракурс исследований связан с изучением проблемы повседневных и травматических стрессоров на *разных уровнях* психологического анализа – личностном, межличностном, групповом, межгрупповом, организационном, социетальном, или культурном. В зависимости от направления исследования, можно выделить собственно личностные факторы отношения к стрессам или разные по масштабности групповые факторы. Изучение *индивидуально-личностных и/или межличностных и/или культурно-специфических* и других особенностей восприятия, понимания, переживания стрессора является *третьим направлением* в исследовании повседневного и травматического стресса и его последствий для человека.

Наряду с тремя *общими* направлениями исследования повседневных и травматических стрессов, можно выделить и другие, не менее важные ориентиры области изучения этой проблемы.

Так, при исследовании влияния на человека стрессоров высокой интенсивности и их психологических последствий закономерным образом возникает вопрос о *характере таких стрессоров* (например, участие в военных действиях, угрожающее жизни заболевание, эмоциональное, физическое и др. виды насилия, природные и антропогенные катастрофы и др.) и об особенностях их влияния на человека или группы людей. За многообразием проблем, которые обычно решаются в подобного рода работах, просматривается особая тема исследования – изучение специфики психотравмирующих ситуаций, как *внешних*, так и *внутренних стрессоров*. Переживания, вызванные влиянием внутренних стрессоров, например, угрожающих жизни заболеваний, часто сопровождаются чувством

вины, что в значительной мере усугубляет состояние человека, имеющего такое заболевание (Тарабрина и др., 2005, 2010; и др.).

Воздействие психотравмирующих стрессоров и переживаемого дистресса может быть исследовано в диаде, например, «ребенок–мать», при оценке уровня дистресса одного или обоих членов семьи. Это направление исследования следует соотносить с изучением *индивидуального и/или семейного дистресса*. Анализ последствий влияния посттравматического стресса у одного из членов семьи на психическое состояние других ее членов – актуальное и интенсивно разрабатываемое направление в психологии посттравматического стресса, которое развивается благодаря усилиям российских, американских и европейских ученых (А. Б. Холмогорова, М. В. Дан, С. L. Rowe et al., С. Palmer и др.).

Приближая сугубо научные исследования проблемы повседневного и травматического стресса к реальной жизни, современные специалисты предлагают изучать не только единичные (точнее, отдельные) стрессоры и последствия их психотравмирующего влияния на людей, но и влияние нескольких (совокупности) стрессоров, которые пережил человек в течение своей жизни. Кумулятивный эффект их влияния может отражаться на уровне посттравматического стресса, усиливаться в сложных жизненных обстоятельствах или редуцироваться благодаря обращению к особым личностным ресурсам. Вполне закономерно в связи с этим исследовать, как повседневные, так и травматические стрессы с позиции оценки психологических последствий влияния *одного стрессора и/или комплекса травматических стрессоров* (Н. В. Тарабрина и др.).

Различные аспекты переживания и совладания со стрессами, которые продолжают уже сложившиеся традиции их изучения, в том числе по проблеме жизнеспособности, самодетерминации и суверенности личности (Л. И. Анцыферова, Т. Л. Крюкова, А. В. Махнач, С. К. Нартова-Бочавер и др.), аналогичным образом анализируются в современных работах в связи с изучением актуально переживаемого и отсроченного стресса. Например, в отдельных статьях коллективного труда (Психология повседневного и травматического стресса..., 2016), обсуждаются проблемы контроля поведения, совладания и защитных механизмов как индивидуального ресурса субъектной регуляции (Е. А. Сергиенко), а также индивидуальный и диадический копинг (Т. Л. Крюкова, Н. С. Шипова), жизнеспособность семьи (А. В. Махнач), континуум защитного поведения подростков (И. И. Ветрова), совладание при наличии опыта переживания стрессов высокой интенсивности (И. С. Хажуев, Н. В. Тарабрина). Общим ракурсом сопоставления этих теоретико-эмпирических ра-

бот может быть анализ отдельных стратегий совладания или, наоборот, учет целой системы (построение профиля) стратегий, т. е. изучение *индивидуальных стратегий и/или профиля совладания*.

Другим обобщающим ориентиром исследований совладания с повседневными и психотравмирующими стрессами является изучение внутренних ресурсов совладания, например, эмоционального интеллекта и условно внешних ресурсов, например, домашней среды как жизненной сферы человека (С. К. Нартова-Бочавер). В какой-то степени расширение внутренних ресурсов совладания происходит и при обсуждении проблемы *посттравматического роста*. Понимание того, что совладание со стрессом может происходить посредством саморегуляции, обращения к внутренним ресурсам и/или путем регуляции границ психологического пространства, открывает возможности для обсуждения этой проблемы с учетом континуума средств совладания: *внутренние–внешние ресурсы*.

Современные работы по проблеме совладания с жизненными трудностями и потерями характеризует смещение фокуса внимания с изучения отдельных стратегий совладания на понимание защитно-совладающего поведения как системы внутренних и внешних ресурсов, которая реализуется путем интеграции совладания в континуум защитного поведения человека, а также за счет расширения его возможностей обращением к стратегиям опережающего (проактивного) копинга. Выделение и сравнение индивидуальных и групповых копинг-стратегий, анализ представлений о жизнеспособности семьи как ресурсе совладающего и адаптивного поведения, системное исследование проблемы посттравматического стресса и посттравматического роста и др. – новые тенденции в разработке обсуждаемого нами научного направления.

Ценным и мало разработанным направлением в изучении последствий влияния на человека различных стрессоров является *анализ понятий*, который позволяет дифференцировать и специфицировать отдельные предметные области достаточно широкой научной проблематики – *психологии повседневного и травматического стресса*. Становление и развитие новой области исследования – психологии посттравматического стресса стимулировало исследователей к тому, чтобы провести сравнение понятий травматического и посттравматического стресса (Н. В. Тарабрина). В настоящее время обосновывается необходимость того, чтобы соотнести между собой категории интенсивного стресса и психологической безопасности, а также сопоставить отдельные виды безопасности – военную, экономическую, информационную, социальную, экологическую в контексте анализа проблемы интенсивного стресса на события и посттравматического стресса.

Заключение

Разнообразие обсуждаемых в статье направлений исследования повседневного стресса, а также таких его видов, как травматический и посттравматический стресс, подтверждает тот факт, что эта область исследования продолжает интенсивно развиваться. Подобное развитие приводит к естественной дифференциации ранее относительно целостной области исследования на отдельные предметные сферы со своими подходами, задачами, методами. Как можно было заметить, с целью повышения внешней валидности исследования усиливаются тенденции, связанные со сближением результатов эмпирических исследований, данных наблюдения и естественного эксперимента. Эти процессы происходят за счет включения в программу исследования новых факторов, например, не только переменной «хронологический возраст», но и переменной «субъективный возраст», не только индивидуально-психологических характеристик, но и социально-психологических и культурных факторов и др.

Совершенно очевидным стало использование в эмпирическом исследовании факторных планов эксперимента и учет влияния на психологию человека не одной, а целой совокупности переменных. Это проявляется в психологии повседневного, травматического и посттравматического стресса как тенденция анализа целостной «картины жизненных стрессоров, травматических событий» и их последствий, что в полной мере соотносимо с расширением предметного поля психологического исследования повседневного и травматического стресса как явлений, которые происходят в определенном контексте, в определенной системе отношений человека с другими людьми, в определенных жизненных обстоятельствах. Системный и вариативный характер стратегий защитно-совладающего поведения, обоснование возможностей личностного роста как последствий влияния на человека экстремальных стрессоров, ресурсность жизнеспособности и т. д. подтверждают открытость этой области психологии новым научным тенденциям.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Бодров В. А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006.

- Знаков В. В., Турок Е. М.* Понимание и переживание террористической угрозы // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 58–69.
- Журавлёв А. Л.* Особенности социально-психологического исследования терроризма (вместо предисловия) // В. А. Соснин. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М., 2016. С. 7–11.
- Нестик Т. А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. №2. С. 29–61.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М., 2016.
- Сергиенко Е. А.* Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. М., 2008. С. 67–84.
- Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2011.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза. Теоретико-эмпирическое исследование. М., 2014.
- Тарабрина Н. В., Генс Г. П., Журавлев А. Л., Короткова Л. И., Ворона О. А., Падун М. А.* Роль психосоциальных стрессоров в динамике угрожающих жизни болезней (на примере рака молочной железы) // Фундаментальные науки – медицине: Тезисы докладов. М., 2005. С. 42–44.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е.* Психофизиологические механизмы эмоционального реагирования на психическую травму, вызванную диагностированием угрожающего жизни заболевания (на примере рака молочной железы) // Фундаментальные науки – медицине: Тезисы докладов. М., 2010. С. 59–60.

Everyday and traumatic stress: current trends in research

*N. V. Tarabrina**, *A. L. Zhuravlev***, *E. A. Sergienko****,
*N. E. Kharlamenkova***** (Moscow)

*Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer of the Institute of Psychology of RAS

** Academician of RAS, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer of the Institute of Psychology of RAS

**** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of laboratory of the Institute of Psychology of RAS

Theoretical analysis of the problem of everyday and traumatic stress in modern psychology are presented. The psychological aspects of problem study and the main directions of research are discussed. They are the study of the role of the chronological and subjective age in experiencing of problem life events; the analysis of differences in understanding, experiencing and the relation to different life events and global risks; the study of individual, personal, interpersonal or culturally specific features of perception, understanding, experiencing of the stressors. In accordance with the problem of daily and traumatic stress, current trends in the study of protective-coping behavior, resilience and other resources for overcoming the consequences of psychotraumatization are discussed.

Keywords: everyday stress, traumatic and post-traumatic stress, coping with stress.

Экономические лишения и психологические последствия их влияния на человека¹

Н. Е. Харламенкова, Д. А. Никитина* (Москва)*

** доктор психологических наук, заведующая лабораторией
Института психологии РАН; e-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com*

*** лаборант кафедры социальная психология
Государственного академического университета гуманитарных наук;
e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru*

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования психологических последствий переживания человеком травматического события «экономические лишения» (разорение, отсутствие постоянного заработка и др.). На выборке респондентов в возрасте от 25 до 80 лет (n=182 чел.) с применением комплекса методик, используемых для диагностики посттравматического стресса (ПТС), получены следующие результаты: экономические потери в большей степени связаны не с личными или семейными обстоятельствами, а с социально-экономическими факторами (экономическими кризисами); выявлены различия в уровне ПТС как одного из последствий переживания экономических лишений и показано, что при высоких значениях ПТС его уровень коррелирует с признаками психопатологической симптоматики (тревожностью и паранойяльными симптомами); при низких значениях ПТС связь с признаками психопатологической симптоматики отсутствует. Обсуждаются различия в оценке частоты события «экономическое лишение» людьми разного пола и возраста и в уровне ПТС, связанным с этим событием.

Ключевые слова: экономические лишения, экономический кризис, посттравматический стресс, психопатологическая симптоматика.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Отделения гуманитарных и общественных наук, проект № 15-36-11108.

Постановка проблемы

В качестве одной из важнейших составляющих национальной безопасности государства принято считать экономическую безопасность, которая, согласно Л. И. Абалкину, представляет собой «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» (Абалкин, 1994, с. 4). Понятие «экономическая безопасность» во многом пересекается с понятием «экономическое благополучие», но не идентично ему полностью. Экономическая безопасность в большей степени ассоциируется с предотвращением и прогнозом воздействия на экономику страны различных угроз, с экономической защищенностью, а экономическое благополучие – с позитивными факторами: с удовлетворительным экономическим статусом, «экономикой счастья». На макроэкономическом уровне негативные последствия, снижающие уровень психологического благополучия, могут возникать по причине экономических кризисов (например, в 1990-х гг. в России наблюдался глубокий спад экономики), сопровождающихся падением уровня доходов населения, инфляцией, безработицей. Нарушение экономической безопасности оказывает комплексное влияние на человека и на его ближайшее окружение и в зависимости от обстоятельств, а также психологических факторов способно привести к интенсивному стрессу и его отдаленным последствиям (таким, например, как *посттравматический стресс*). Посттравматический стресс возникает вследствие влияния на человека стрессоров высокой интенсивности, которыми, в том числе могут быть экономические факторы, обстоятельства, события, вызвавшие стресс такого уровня. Материальные проблемы, серьезная экономическая нужда (разорение, отсутствие постоянного места жительства и постоянного заработка) категоризируются как трудные жизненные события, относящиеся к группе стрессоров высокой интенсивности, нарушающих нормальное функционирование личности (Тарабрина, 2007). В качестве немаловажного фактора в переживании интенсивного стресса следует рассматривать особенности личности, ее установки, предпочтения и ценности, которые могут выступать ресурсом совладания с жизненными, в том числе и с экономическими, трудностями или, наоборот, усугублять состояние дистресса. Важнейшим условием исследования последствий влияния на человека стрессоров высокой интенсивности является показатель возраста.

Организация и методики эмпирического исследования

Для проверки предположения о том, что экономические лишения можно отнести к группе травматических стрессоров, необходимо было провести эмпирическое исследование, направленное на изучение психологических последствий влияния на человека экономических потерь и лишений.

Цель исследования состояла в оценке уровня посттравматического стресса как реакции на экономические лишения, в определении давности влияния этих событий на человека, а также в их дифференциации по степени интенсивности.

В качестве *гипотезы* исследования было сформулировано предположение, согласно которому при высоких значениях посттравматического стресса его уровень коррелирует с психопатологической симптоматикой.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 182 чел. (114 женщин, 68 мужчин) в возрасте от 25 до 80 лет, из них в возрасте 25 лет–34 года – 16 человек, 35 лет–44 года – 38 человек, 45 лет–54 года – 26 человек, 55 лет–64 года – 64 человек, 65 лет–74 года – 29 человек и 75–80 лет – 9 человек. В сборе эмпирических данных участвовали: Ю. В. Быховец, Л. Ш. Мустафина, Н. Н. Казымова, Е. Н. Дымова, Н. Е. Шаталова, Д. А. Проценко, Д. А. Никитина, А. А. Бузина.

В качестве основной методики использовался «Опросник травматических событий» (LEQ). В настоящем исследовании более детально были проанализированы ответы респондентов на пункт 24 «Приходилось ли вам испытывать серьезную экономическую нужду (были ли вы бездомны, разорены или длительный период времени не имели работы)?» и пункт 27 «Приходилось ли вам испытывать серьезные физические лишения (например, недостаточное питание, очень плохая, несоответствующая сезону одежда или отсутствие необходимого ухода за вами во время серьезной болезни, или когда Вы были маленьким)?». Дополнительно использовался «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R), созданный Л. Дерогатисом (Derogatis, 1975) и адаптированный Н. В. Тарабриной с коллегами (Тарабрина, 2001).

Результаты исследования

Из всей обследованной выборки (n=182) 52 человека (28,6%) отметили пункт № 24 и 22 чел. (11,6%) – пункт № 27. Разделив выборку

на подгруппы по параметру «возраст» (25–44 года, 45–64 года, 65–80 лет), мы далее сравнили их по количеству указанных респондентами событий, связанных с экономическими и физическими лишениями.

По данным статистического анализа результатов (критерий угловое преобразование Фишера), в выборке респондентов 25–44 года событий, связанных с экономическими (пункт 24) и физическими (пункт 27) лишениями, оказалось значимо меньше, по сравнению с более старшими по возрасту респондентами. С учетом переменной «пол» были выявлены следующие различия: обнаружены различия как в мужской ($\varphi^*=3,9, p \leq 0,01$), так и в женской выборках ($\varphi^*=2,4, p \leq 0,01$) между возрастными группами 25–44 года и 45–64 года; также выявлены различия в мужской ($\varphi^*=1,65, p \leq 0,05$), но не выявлены различия в женской выборке ($\varphi^*=1,3, p > 0,05$) между возрастными группами 25–44 года и 65–80 лет. Различия между возрастными группами 45–64 года и 65–80 лет в мужской ($\varphi^*=0,8, p > 0,05$) и женской выборках ($\varphi^*=0,9, p > 0,05$) отсутствуют. С одной стороны, можно предположить, что этот результат связан с жизненным опытом и возрастом респондентов, который в группах 45–64 года и 65–80 лет естественно больше, а поэтому и больше событий как позитивного, так и негативного характера. С другой стороны, следует ожидать, что в основе возрастных различий лежат когортные различия, обусловленные различными социально-экономическими условиями жизни и разным опытом, в котором значительную роль играют не индивидуальные особенности взросления субъекта, а его социальный опыт. Для ответа на этот вопрос необходимо было проанализировать содержание событий и их давность, а также оценить степень их психотравмирующего влияния на человека, т. е. выявить уровень посттравматического стресса (см. таблицу 1).

Согласно описательной статистике, средним значением по переменной «год влияния» является 1990 г. для пункта № 24 (экономические лишения) и 1975,5 – для пункта № 27 (физические лишения); моды по этому показателю для двух переменных совпадают и равны 1990 г., как совпадает и давность их влияния – 26 лет назад. Интересно отметить, что для экономических лишений и потерь по переменной «возраст, в котором повлияло событие», указывается в среднем 33,8 года, а для физических лишений – 14 лет. Нижняя и верхняя квартили тоже различаются: «экономические лишения» соотносятся с возрастом профессионального становления и развития, а «физические лишения» – с детством, юностью и ранней зрелостью. При более детальном анализе материалов исследования удалось установить, что 60% респондентов, утвердитель-

Таблица 1

Описательная статистика по переменным давность/год влияния событий – экономических и физических лишений – для всех респондентов, указавших пункты 24 (n=52) и 27 (n=22)

Описательная статистика	Год влияния события		Давность влияния события		Возраст, в котором событие повлияло	
	24 пункт	27 пункт	24 пункт	27 пункт	24 пункт	27 пункт
Среднее	1992,12	1975,6	23,9	40,4	33,8	17,8
Медиана	1990	1981,5	26	34,5	33	14
Мода	1990	1990	26	26	–	–
Минимум	1950	1941	1	3	4	1
Максимум	2016	2013	66	75	57	50
Нижняя квартиль	1990	1960	16	26	26	5
Верхняя квартиль	2000	1990	26	56	43	29
Процентиль 10,00	1978,5	1941	10,5	15	19	2
Процентиль 90,00	2008	2002	37,5	75	50	41
Стандартное отклонение	13,09	21,7	12,9	21,7	12,8	14,3

но ответивших на вопрос об экономических лишениях, объяснили, что потеряли работу по причине экономического кризиса 1990-х годов («не имел работы по 2–3 месяца», «сидела без работы», «не было мест, где можно было работать», «потеря работы в связи с финансовым кризисом» и т. д.); 4% респондентов указали на 70–80-е годы, т. е. на годы своей юности; 5% – на 60-е годы и 1% – на годы Великой Отечественной войны, т. е. на годы своего детства. Остальные респонденты (21% опрошиваемых), пережившие экономические лишения, отметили 2000-е годы. Для респондентов, переживших экономические лишения в детстве, причиной бедности стала семейная ситуация («брат учился в Москве без стипендии», «семья жила очень бедно» и др.). Причинами личного и семейного характера объяснялись случаи переживания нужды в 2000-е годы («развод родителей, отец мало помогал», «тяжело заболел отец, много денег уходило на лечение», «снимаю квартиру» и др.). Физические лишения, как показало исследование, в большей степени соотносятся с семейными проблемами («мало денег в семье» и др.) и ассоциируются с детством, подростковым возрастом и юностью, т. е. с пери-

одами жизни, когда ребенок не может сам себя обеспечить и находится в том числе и в экономической зависимости от взрослого.

Полученные данные позволяют еще раз подтвердить исходное предположение о том, что *экономическое неблагополучие, угроза обнищания в основном определяются социально-экономическими факторами* и в меньшей степени зависят от личных и семейных обстоятельств.

В исследовании также было важно показать степень отсроченного воздействия на личность изучаемого события. Согласно полученным результатам, чуть более 20% респондентов продолжают переживать по поводу произошедшего несколько лет назад события, связанного с экономическими лишениями; 13,5% вспоминают и переживают события, связанные с физическими лишениями. Дополнительно к этим данным была подсчитана корреляция степени влияния анализируемых событий с общим индексом травматизации по методике LEQ. Оказалось, что чем выше отсроченное влияние экономических лишений (п. 24), тем выше общий показатель по методике LEQ – индекс травматизации ($r_s = 0,498$, $p \leq 0,05$). Корреляция отсроченного влияния физических лишений (п. 27) и индекса травматизации оказалась статистически незначимой ($r_s = 0,047$, $p > 0,05$). Полученный результат косвенно подтверждает предположение о том, что экономические лишения являются стрессором высокой интенсивности и делают существенный вклад в общий индекс травматизации, в котором учтено влияние всех травматических событий, произошедших в жизни человека, на его психику. Подсчитав статистические различия по количеству человек, которые оценили актуальное переживание в связи с экономическими потерями, произошедшими в 1090-е и 2000-е годы, 1–2 и 4–5 баллами, мы установили статистически значимые различия ($\varphi^* = 1,89$, $p \leq 0,05$). Среди респондентов, оценивших последствия экономических лишений 1–2 баллами, большинство (85,7%) тех, кто указал 1990-е годы, а среди респондентов, оценивших последствия экономических лишений 4–5 баллами, половина (54,5%) указала 1990-е годы, половина (45,5%) – 2000-е. Этот интересный факт говорит о том, что, с одной стороны, экономические потери, которые произошли сравнительно недавно, действительно переживаются сильнее, что подтверждает более высокий ПТС по пункту экономических лишений в среднем возрасте. С другой стороны, давние травматические события, в том числе и экономические лишения, продолжают переживаться частью общей выборки как актуальные события. Доказательством этого могут служить сопутствующие высокому уровню ПТС показатели психопатологической симптоматики. Статистичес-

кий анализ показал, что в группе респондентов, оценивших уровень ПТС, вызванного экономическими лишениями, 1, 2 или 3 баллами, не выявлено ни одной значимой корреляции ответов респондентов на пункт 24 «Опросника травматических событий (LEQ)» с показателями «Опросника SCL-90-R». Несколько иная картина наблюдается в группе респондентов, оценивших уровень ПТС, вызванного экономическими лишениями, 4 или 5 баллами. Выявлены значимые корреляции ответов респондентов на пункт 24 «Опросника травматических событий (LEQ)» с показателями «Опросника SCL-90-R» по шкалам: тревожность ($r_s=0,86$, $p=0,006$) и паранойяльные симптомы ($r_s=0,76$, $p=0,03$).

Заключение

Причина тесной связи между мировыми кризисами и индивидуальными переживаниями их последствий заключается не только в объективном снижении уровня жизни населения, но и в субъективном восприятии этой ситуации как угрожающей. Роль личности в восприятии экономических процессов и их влияния на социум не может быть абсолютно нивелирована. В зависимости от того, какими ресурсами владеет человек, может ли он их актуализировать, способен ли совладать с трудностями, последствия влияния экстремальных ситуаций, в число которых входят и экономические лишения, могут быть более или менее благоприятными. По нашим данным, большинство респондентов, отметивших 1990-е годы как годы экономических лишений, в настоящий момент, т. е. спустя четверть века после этих событий, не переживает эту ситуацию как катастрофическую. Однако последствия воздействия экономических потерь на психологию человека также подтверждают тот факт, что этот стрессор характеризуется *интенсивностью* своего влияния. По данным нашего исследования, значительная часть выборки, подвергшаяся воздействию такого травматического события, продолжает, спустя годы и даже десятилетия, актуально переживать его. Специфика экономических лишений и потерь состоит в том, что наблюдается сложная и необратимая картина события, травматический характер которого имеет двойственную природу: интенсивный стресс переживается субъектом как в момент получения информации об увольнении или непринятии на работу, так и в течение всего времени, пока человек остается без работы и средств существования, постепенно и кардинально изменяя его психологию – представление о себе, систему потребностей, мотивов и ценностей, способность принимать решения, планировать

свое будущее и др. При этом невозможность компенсировать потери, вызванные стрессором, справиться с травмой, научиться с ней жить, которые типичны для уязвимой части выборки, подвергшейся влиянию стрессора, является условием для развития ПТСР и сопутствующей ему психопатологической симптоматики. В качестве ресурсов совладания с тяжелыми жизненными событиями, в том числе и с экономическими лишениями, восстанавливающими психологическую безопасность личности, могут выступать различные способы компенсации, копинга и жизнестойкости (Крюкова, Гущина, 2015; Махнач, 2016; Харламенкова, 2016).

Литература

- Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
- Крюкова Т. Л., Гущина Т. В.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома, 2015.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи. М., 2016.
- Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001.
- Тарабрина Н. В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2 «Бланки методик». М., 2007.
- Харламенкова Н. Е.* Компенсация как один из механизмов психического развития личности // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М., 2016. С. 235–253.
- Derogatis L. R.* The SCL-90-R. Baltimore: Clinical Psychometric Research, 1975.

Economic losses and the psychological consequences of their influence on human

N. E. Kharlamenkova, D. A. Nikitina** (Moscow)*

* Doctor of psychological sciences, professor, head of laboratory of the Institute of Psychology of RAS

** Laboratory Assistant of department of social psychology of State academic university for Humanities

There are the results of theoretical and empirical research of traumatic events “economic losses” psychological consequences. With using the complex of methods for post-traumatic stress (PTS) diagnostics and on a sample of people aged 25 to 80 years (n=182) there were obtained such

a results: the economic losses are not related to personal or family circumstances, they are to a greater extent related to socio-economic factors (economical crises); it is discovered that the differences in the level of PTS are one of the consequence of economic losses and the high level of PTS correlates with psychopathological symptoms (anxiety and paranoid symptoms). The differences in the frequency of the “economic losses” in different sex and age samples and in the level of the PTS related to this event are discussed.

Keywords: economic losses, economic crisis, post-traumatic stress, psychopathological symptoms.

Особенности психоэмоциональной сферы пострадавших от секс-треффикинга

И. Е. Чуракова (Москва)

*аспирантка Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
e-mail: irinachurakova@yandex.ru*

В статье отмечается, что нарушения психического здоровья и психоэмоционального статуса (mentalhealth) пострадавших от секс-треффикинга носят устойчивый характер; исследователи указывают на выраженность расстройств, диагностированных по истечении 6 месяцев после вызволения из рабства и более медленном исчезновении данных симптомов по сравнению с нарушениями физического здоровья. Исследование, проведенное при РЦ МОМ, г. Москва, на выборке 78 женщин, пострадавших от секс-треффикинга, показало, что неблагоприятные психологические особенности личности, психоэмоционального статуса, когнитивно-эмоциональной сферы обусловлены, прежде всего, вовлечением женщин в секс-треффикинг, в то время как некоторые социально-демографические характеристики могут выступать условиями вовлечения. Выявлены основные психологические и социально-демографические предикторы ПТСР, депрессии и тревожности секс-рабынь в ситуации пост-треффикинг-ового сопровождения. Обнаружено, что психоэмоциональный статус пострадавших от секс-треффикинга не столько связан с наличием внутренних психологических ресурсов совладания с психотравмой, сколько обусловлен силой психотравмирующего воздействия сексуального рабства.

Ключевые слова: психоэмоциональный статус, секс-треффикинг, женщины, пострадавшие от торговли людьми, психотравма, ПТСР, депрессия, тревожность.

Постановка проблемы

В международных исследованиях последних лет изучаются факторы риска нарушений умственного и сексуального здоровья женщин, подвергшихся трэффикингу с целью сексуальной эксплуатации. Увеличению риска психических расстройств служит ряд причин, включая насилие до и во время трэффикинга, ограничение в свободе, тяжелые условия жизни в течение эксплуатации, а также отсутствие социальной поддержки и неудовлетворенные социальные нужды после освобождения (Abas et al., 2013; Kissane et al., 2014; Le, 2014; Oram et al., 2015; Ottisova et al., 2016; Tsutsumi et al., 2008; Varma et al., 2015; Zimmerman et al., 2006).

Нарушения психического здоровья и психоэмоционального статуса (mentalhealth) пострадавших от секс-трэффикинга имеют устойчивый характер; многие исследователи отмечают выраженность расстройств, диагностированных через несколько месяцев после освобождения (Abas et al., 2013), и более медленное исчезновение данных симптомов по сравнению с нарушениями физического здоровья (Zimmerman et al., 2006).

Исследования содержат данные о злоупотреблении пострадавших психоактивными веществами; обнаружена высокая выраженность нарко- и алкогольной зависимости среди женщин и детей, подвергшихся секс-трэффикингу. Не совсем понятно, применялись ли ими наркотики и алкоголь насильно (Le, 2014), или пострадавшие использовали их как копинговую стратегию во время эксплуатации и после освобождения.

Констатируется необходимость дальнейших исследований влияния секс-трэффикинга на психическое здоровье и психоэмоциональный статус личности как условия определения эффективных способов ускорения выздоровления, выявления адекватных программ психологической помощи лицам, подвергшимся насилию. Решению данных проблем отчасти посвящено наше исследование.

Нужно заметить, что термин «mentalhealth» в литературе применительно к пострадавшим от секс-трэффикинга используется для обозначения, как психического здоровья, так и психоэмоционального статуса женщин. В свою очередь, психоэмоциональный статус лиц, подвергшихся сексуальному рабству, и в отечественной, и в зарубежной психологии описывается через совокупность симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), включающих реактивную и личностную тревожность, иногда общую тревожность, состояние депрессии (Морозова, Семенов, 2009; Abas et al., 2013; Le, 2014; Ottisova et al., 2016; Tsutsumi et al., 2008; Zimmerman et al., 2006).

Организация и методы эмпирического исследования

Наше исследование проводилось на базе реабилитационного центра (РЦ) для пострадавших от торговли людьми при Международной организации по миграции (МОМ) г. Москвы.

Выборку эмпирического исследования составили: (1) основная группа, состоящая из 78 девушек-жертв сексуального рабства в возрасте от 15 до 35 лет, средний возраст – 21,12 года, проходивших реабилитацию на базе московского РЦ, и (2) контрольная группа, куда вошли 100 девушек-студенток разных курсов одного из государственных вузов, возрастной диапазон – 18–25 лет, средний возраст – 19,46 года. Впоследствии мы исключили из анализа 15-летнюю девушку в связи с требованиями к однородности выборки, оставив 77 пострадавших.

Средний возраст вовлечения женщин в проституцию составил 19,6 года. Средний срок, в течение которого женщины занимались проституцией, – 1,2 года.

Методический инструментарий

Методами сбора данных (наблюдение, анкетирование, психологическое тестирование) мы получили по 35 характеристик на каждого пострадавшего от секс-треффикинга, включающих особенности их личностной и когнитивной сфер, психоэмоционального статуса, а также социально-демографические данные.

Для исследования психоэмоционального статуса пострадавших – ПТСР, депрессии и тревожности – применялись методы клинической психологии: опросники CAPS, BDI A. Бека, а также опросник ситуативной и личностной тревожности Ч. Спилбергера. В качестве методов математической обработки использовали программу SPSS 17.0 – дисперсионный, регрессионный, факторный, кластерный анализ, анализ различий по U-критерию Манна–Уитни, F-критерий Краскела–Уоллиса, коэффициент α Кронбаха.

Результаты исследования

Анализ различий основной и контрольной групп с помощью U-критерия Манна–Уитни подтвердил основные выводы и результаты исследования. Сравнивались 17 показателей: память, особенности мышления, уровень развития, самооценка, уровень притязаний, ситуативная и личностная тревожность, локус контроля, инфантилизм, депрессия, суицидальные тенденции, эмоционально-волевая сфера в целом, особенности семьи, наличие либо отсутствие сексу-

ального насилия (до вовлечения в проституцию) и химической зависимости, а также материальное положение. Уровень значимости для каждой из переменных $p < 0,05$, следовательно, различия достоверны. Оставшиеся 18 признаков были неприменимы к сравнению в силу того, что характеризовали преимущественно психотравматический опыт, связанный с секс-треффикингом, а также вытекающие из него особенности психоэмоционального статуса женщин.

Таким образом, можно утверждать, что неблагоприятные психологические характеристики пострадавших женщин обусловлены, прежде всего, их вовлечением в секс-треффикинг, в то время как социально-демографические могут выступать условиями вовлечения.

Заметим, что 13 из 33 исследований торговли людьми, проведенных зарубежными авторами за последние 10 лет, содержат данные о психическом здоровье и психоэмоциональном статусе (mental health) пострадавших от секс-треффикинга. Девять касаются диагностированной или вероятной депрессии, тревожности и ПТСР; одно – комплексного ПТСР и три исследования говорят о клинически значимых симптомах психологического дистресса.

При этом исследователи применяли клинический инструментарий для диагностики психических расстройств (Abas et al., 2013; Kissane et al., 2014), а также оперировали диагнозами, установленными психиатрами (Oram et al., 2015; Varma et al., 2015). Так, для диагностики психических расстройств женщин в службах пост-треффикингского сопровождения Молдовы использовался метод структурированного клинического интервью DSM (Abas et al., 2013). Через 6 месяцев после вызволения у 55% пострадавших выявлены клинические показатели психического расстройства; у 36% – ПТСР; у 13% – депрессия; у 6% – тревожное расстройство.

Исследовав в службах вторичного сопровождения умственного здоровья 78 женщин, пострадавших от торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации в Великобритании, ученые пришли к выводу, что к наиболее распространенным диагнозам относились депрессия (32%), ПТСР, психологический дистресс и расстройства адаптации (28%), а также шизофрения (9%) (Oram et al., 2015).

Другие исследователи использовали скрининговые инструменты оценки возможных расстройств, что обусловило существенные отличия в полученных результатах. Обобщенные данные свидетельствуют о наличии тревожности в 50% случаях (95% CI 21,9–78,2%), депрессии в 52% случаях (95% CI 33,9–70,8%) и ПТСР в 32% случаях (95% CI 8,3–54,9%), однако данные оценки связаны с высокой гетерогенностью выборки ($I^2 = 97,0–98,5\%$), где CI – доверительный интервал (Ottisova et al., 2016).

По нашим данным, психоэмоциональный статус женщин, пострадавших от секс-треффинга, преимущественно характеризуется пост-травматическим стрессовым расстройством (67%), явно и умеренно выраженной депрессией (63%), а также высокой ситуативной (39%) и личностной (72%) тревожностью.

Мы провели многофакторный регрессионный анализ, в котором в качестве зависимых переменных выступили основные показатели психоэмоционального статуса пострадавших – ПТСР, депрессия, ситуативная и личностная тревожность, а в качестве независимых – 35 признаков, относящихся к психологическим особенностям личности, психоэмоциональному статусу, особенностям когнитивно-эмоциональной сферы, а также социально-демографическим характеристикам. По его результатам, 19 из 43 выявленных коэффициентов свидетельствуют о том, что соответствующие им переменные являются предикторами ПТСР, депрессии, а также ситуативной и личностной тревожности пострадавших. При этом другие 24 коэффициента говорят о взаимном влиянии соответствующих переменных на психоэмоциональный статус секс-рабынь и наоборот (при $p \leq 0,001$, $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$).

Психологическими предикторами ПТСР у секс-рабынь являются: внешний локус контроля и инфантилизм ($p \leq 0,001$). Социально-демографическими предикторами ПТСР выступают: низкий уровень образования, наличие сексуального насилия до вовлечения в проституцию ($p \leq 0,001$) и более длительный срок проституции ($p \leq 0,01$).

Что касается предикторов депрессии, то ее психологическими предикторами у пострадавших женщин являются снижение мышления ($p \leq 0,05$) и искажение мышления ($p \leq 0,01$), а к социально-демографическим предикторам относится низкий уровень развития ($p \leq 0,01$).

Психологическими предикторами высокой личностной тревожности у пострадавших являются: сниженная умственная работоспособность ($p \leq 0,001$), выраженная депрессия ($p \leq 0,05$), внешний локус контроля, инфантилизм и незначительно сниженный общий фон настроения в пределах нормы ($p \leq 0,001$).

Психологические предикторы высокой ситуативной тревожности у секс-рабынь –внутренний локус контроля, завышенный уровень притязаний ($p \leq 0,01$), сниженная способность к переобучению и инфантилизм ($p \leq 0,001$). Социально-демографическими предикторами являются: отсутствие сексуального насилия до вовлечения в проституцию и более поздний возраст вовлечения ($p \leq 0,001$).

По мнению ряда зарубежных авторов, к факторам риска (социально-демографическим предикторам) нарушения умственного

здоровья и психоэмоционального статуса женщин, пострадавших от секс-треффикинга (до, во время и после вызволения из рабства) относятся: сексуальное насилие в детстве; физическое и сексуальное насилие в ситуации трэффикинга; обедненность условий жизни и работы; ограничения в передвижении и длительный период эксплуатации; неудовлетворенные социальные потребности после освобождения (Abas et al., 2013; Kissane et al., 2014, Zimmerman et al., 2010).

Согласно Ли (Le, 2014), суммарный индекс насилия и жестокости, представленный факторами физического, сексуального, эмоционального насилия, трудовой эксплуатации, а также принудительного употребления алкоголя, является социально-демографическим предиктором степени психологического дистресса среди женщин в ситуации пост-треффикинга, находящихся на попечении соответствующих служб во Вьетнаме.

Хуссейн с соавторами (Zimmerman et al., 2010) исследовали зависимость между психотравмирующими событиями и психоэмоциональным статусом женщин и девушек, проданных с целью сексуальной эксплуатации. Методом многофакторной регрессии анализировались данные, полученные в ходе интервью: зависимые переменные – депрессия, тревожность, ПТСР; независимые – виды перенесенного насилия. Обнаружено, что побои и сексуальное насилие в ситуации трэффикинга являются социально-демографическими предикторами более высоких показателей ПТСР, депрессии и тревожности. При этом сексуальное насилие связано с повышенными показателями ПТСР (AOR=5,6; 95% CI 1,3–25,4); бóльший период эксплуатации коррелирует с повышенными значениями депрессии и тревожности (AOR=2,2; 95% CI 1,1–4,5). Бóльший срок со времени вызволения из ситуации трэффикинга соответствует более низким оценкам депрессии и тревожности, но не ПТСР (где AOR – adjusted odds ratio, CI – доверительный интервал).

Ряд исследователей констатируют, что более высокий уровень социально-психологической поддержки после вызволения из рабства связан с меньшим уровнем риска умственных расстройств (AOR=0,64, 95% CI 0,52–0,79) (Abas et al., 2013).

Эти выводы соответствуют данным, представленным в литературе об особенностях психотравмы и риске развития различных психологических реакций и расстройств, в частности ПТСР (Ташева, 2005), и свидетельствуют о кумулятивном риске от множественных психотравмирующих событий, а также важности социально-психологической поддержки в период после их завершения

Литература

- Морозова И. В., Семенов А. Н. Психоэмоциональный статус и комплаентность больных с гипертонической болезнью второй стадии // Вятский медицинский вестник. 2009. № 1. С. 16–24.
- Тащева А. И. Впечатления психолога о проблемах Беслана // Российский психологический журнал. 2005. № 3. С. 124–143.
- Abas M., Ostrovschi N. V., Prince M., Gorceag V. I., Trigub C., Oram S. Risk factors for mental disorders in women survivors of human trafficking: a historical cohort study // BMC Psychiatry. 2013. № 13 (204). P. 204–211.
- Kissane M., Szymanski L., Upthegrove R., Katona C. Complex posttraumatic stress disorder in traumatised asylum seekers: a pilot study// European Journal of Psychiatry. 2014. № 28. P. 137–144.
- Le P. D. Human trafficking and psychosocial well-being: A mixed-methods study of returned survivors of trafficking in Vietnam // Dissertation Abstracts International: Section B: The Sciences and Engineering 75. 2014. URL: <https://escholarship.org/uc/item/3c5088hh>.
- Oram S., Khondoker M., Abas M., Broadbent M., Howard L. M. Characteristics of trafficked adults and children with severe mental illness: a historical cohort study // Lancet Psychiatry. 2015. V. 2. P. 1084–1091.
- Ottisova L., Hemmings S., Howard L. M., Zimmerman C., Oram S. Prevalence and risk of violence and the mental, physical and sexual health problems associated with human trafficking: an updated systematic review // Epidemiology and Psychiatric Sciences. CJO, 2016. doi:10.1017/S2045796016000135.
- Tsutsumi A., Izutsu T., Poudyal A. K., Kato S., Marui E. Mental health of female survivors of human trafficking in Nepal // Social Science & Medicine. 2008. V. 66 (8). P. 1841–1847. doi:dx.doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.12.025.
- Varma S., Gillespie S., McCracken C., Greenbaum V. J. Characteristics of child commercial sexual exploitation and sex trafficking victims presenting for medical care in the United States // Child Abuse & Neglect. 2015. V. 44. P. 98–105.
- Zimmerman C., Hossain M., Yun K., Roche B., Morison L., Watts C. Stolen Smiles: A Summary Report on the Physical and Psychological Health Consequences of Women and Adolescents Trafficked in Europe. London, 2006.

Mental health problems associated with sex-trafficking

I. E. Churakova (Moscow)

Postgraduate at the National research University
“Higher school of Economics”

Mental health problems associated with sex-trafficking appear to be enduring, with studies reporting a high prevalence of diagnosed disorder 6 months post-trafficking and a slower decline in symptoms than for physical health problems. We explored the association between traumatic events, psychological characteristics and mental health among 78 girls and women trafficked for sexual exploitation, rescued and being in contact with the International Organization for Migration (IOM) post-trafficking services. Multivariate logistic regression models based on screening data were fitted for posttraumatic stress disorder (PTSD), depression and anxiety separately and adjusted for psychological characteristics to explore the pathways through which trafficking impacts mental health to inform interventions to promote recovery. Psychological typology of female survivors of sex-trafficking was portrayed based on the existing systems of attitudes and values in communication and interpersonal interaction between the women and their family, friends and peers, and reported to be predictive of various cognitive, emotional and psycho-social characteristics. The total index of mental distress, as indicated by a composite score of PTSD, depression and anxiety, was suggested to be less associated with the previously acquired psychological resources for coping with sexual slavery, and more determined by the severity of trafficking-related trauma exposures.

Keywords: sex-trafficking, predictors of mental health, female survivors, PTSD, depression, anxiety.

Трихотилломания как проявление стрессового состояния

С. В. Шапиро (Санкт-Петербург)

*кандидат философских наук, доцент Петербургского государственного
университета путей сообщения; e-mail: shapirosv@pgups.com*

Трихотилломания – психологическое расстройство, возникающее на фоне стресса и проявляющееся в навязчивом вырывании волос, бровей или ресниц. Приводит к неблагоприятным социальным последствиям. Многие из больных трихотилломанией становятся затворниками. Факторы формирования расстройства – длительное пребывание в стрессовых ситуациях, проблемы в семье, на работе или в учебе, кризис в личной жизни, болезнь близкого человека и др. Также отмечается влияние социального окружения – наличие родных и знакомых с навязчивостями в поведении. Для протекания трихотилломании характерна скрытность больных, отсутствие желания признаваться в проблеме и обращаться за помощью. Это определяет актуальность поиска деликатных форм помощи подобным больным с сохранением анонимности.

Ключевые слова: психологическое расстройство, стресс, трихотилломания, навязчивости, психоэмоциональное здоровье.

Под здоровым образом жизни подразумевается не только физический аспект, но и психологический: душевное состояние человека, преодоление стрессовых ситуаций, гармония с самим собой и окружающим миром. Психоэмоциональное здоровье не менее важно, чем физическое. Стрессы негативно сказываются и на нашем физическом здоровье (утомляемость и слабость организма), и на нашей нервной системе. Длительное пребывание в таком тяжелом состоянии приводит к появлению депрессии, тревожных расстройств и навязчивых состояний. Одним из них является трихотилломания.

Трихотилломания (ТТМ) – психологическое расстройство, возникающее на фоне стресса и проявляющееся в навязчивом вырывании волос (бровей или ресниц). Само заболевание еще только начинает оцениваться с точки зрения его сложности и характеристики людей, страдающих от него. Трихотилломания наблюдается как у детей, так и взрослых, как среди женщин, так и среди мужчин.

Помимо частичного или полного облысения, трихотилломания приводит и к неблагоприятным социальным последствиям. Многие из больных трихотилломанией становятся затворниками, меньше начинают контактировать с окружающими, боясь, что об их болезни узнают. Общее, что объединяет всех трихотилломанов, – чувство расстройства и подавленности. Помимо этого, их охватывает сильное чувство страха раскрытия болезни и стыда, которое приводит к тому, что больные скрывают наличие своей проблемы, отрицают серьезность заболевания (некоторые вообще не догадываются, что это заболевание). Больные трихотилломанией отказываются обращаться за помощью к специалистам, которые способны помочь им решить эту проблему.

В ходе социологического опроса среди пользователей интернет-форума «Сообщество Эйфории» выявлены некоторые характеристики протекания заболевания. Данное сообщество – первый русскоязычный форум психологической поддержки, созданный самими пользователями с трихотилломанией. На 2016 г. он объединил общей проблемой уже 1690 зарегистрированных пользователей.

Респонденты – пользователи форума в возрасте от 14 лет и старше. Было опрошено 137 человек, из них женщин – 87%, мужчин – 13%. Опрос проводился индивидуально с каждым участником в форме беседы, посредством обмена личными сообщениями на самом форуме. Большинство из опрошенных пользователей поделились личным опытом, комментариями и наблюдениями.

В результате опроса выявлено, что до 90% опрошенных не знали о своей проблеме или долгое время не подозревали, что такое трихотилломания, чем подтверждается низкий уровень осведомленности о заболевании. У подавляющего большинства опрошенных трихотилломания началась в возрасте от 11 до 26 лет. У 60% респондентов началу трихотилломании предшествовала травмирующая жизненная ситуация. В комментариях многие участники опроса упоминали постоянное пребывание в стрессовых ситуациях, развод родителей, проблемы в семье, кризис в личной жизни, проблемы на работе или в учебе, болезнь близкого человека (животного), гибель родных. В то же время около 20% дали ответ, что не помнят никаких травмирующих моментов до начала болезни.

У практически половины респондентов есть в окружении те, у кого были замечены какие-либо формы навязчивостей – покусывание ногтей, поглаживание волос, накручивание локонов волос на палец, постукивание пальцами по твердой поверхности в момент стресса или волнения. 41% участников исследования указали, что их родственники, члены семьи и друзья, как и они сами, страдают от трихотилломании.

Четверть респондентов обращалась за поддержкой к психологу, психотерапевту, неврологу и психиатру, однако признались, что делали это неохотно. Во многих комментариях было упомянуто, что лечение у специалиста имело низкую эффективность, а то и вовсе не дало положительных результатов. Остальные аргументировали свой отказ от помощи тем, что в нашей стране нет хороших специалистов, способных помочь в решении подобной проблемы, а некоторые признались, что просто побоялись обратиться к специалисту за помощью. Всего треть опрошенных рассказала окружающим о своей проблеме. Они открылись членам семьи, второй половине, друзьям и получили поддержку. Остальные не сделали этого, решив сохранить свою тайну.

По мнению 70% опрошенных, наиболее эффективными способом в борьбе с трихотилломанией является моральная поддержка близких, друзей, некоторые указали других пользователей форума, которые в нужный момент оказали им поддержку. Мнение, что родные и близкие действительно помогают бороться с трихотилломанией, разделяли и те пользователи, которые еще не осмелились рассказать кому-либо о своей проблеме, но им очень хотелось бы, чтобы близкие им люди, зная об их проблеме, отнеслись к ним с пониманием и в нужный момент смогли оказать моральную поддержку. 16% респондентов отметили положительный эффект сильной занятости в рабочей или учебной деятельности. Этот способ помогает им забыть о трихотилломании, пусть и на время.

Также можно отметить следующие закономерности: количество женщин, подверженных трихотилломании, превысило количество мужчин, страдающих от этой же проблемы. Средний возраст возникновения проблемы, связанной с вырыванием волос, у многих приходится на подростковый период, или период пубертатного кризиса, в процессе которого неоднократно актуализировались собственные комплексы, возникало недопонимание с членами семьи (особенно с родителями) и желание самоутвердиться среди своих сверстников.

Всего у нескольких человек трихотилломания проявилась в более раннем возрасте (до 10 лет), однако на форуме все чаще стали регистрироваться и обращаться за помощью родители, у детей которых трихотилломания появилась в возрасте от 4 до 10 лет. Не-

сколько респондентов признались, что, когда пытались понять, почему человек из их окружения вырывает волосы (брови, ресницы), из любопытства сделали то же самое, а позже не заметили, как сами оказались в числе трихотилломанов.

Среди опрошенных не было ни одного человека, который бы получил информацию о трихотилломании не через Интернет. Каждый в своем ответе написал комментарий, что узнал о своей проблеме именно через форум, группу в контакте, увидев видео. Таким образом, подавляющее большинство опрошенных долгие годы не были осведомлены о своей проблеме; как поделились некоторые, они считали себя ненормальными и не догадывались, сколько людей страдает от такого же заболевания. Страдающие от трихотилломании предпочитали не афишировать наличие проблемы, скрывали ее (многие продолжают это делать). Большинство трихотилломанов так и не рассказали членам своей семьи и близким людям о своей проблеме. По их ответам, им куда легче соврать, что причина отсутствия волос кроется не в трихотилломании, а в каком-то ином факторе, например в алопеции.

Процесс вырывания волос у большинства участников форума отнимает большое количество времени: от часа в сутки и более. Отсюда можно сделать вывод, что у каждого трихотилломана в день, как минимум, имеется один свободный час своего личного времени, которое они тратят во вред себе.

Печальным оказалось то, что подавляющее большинство участников форума очень скрытны и пассивны. Несмотря на наличие явной проблемы, не все пользователи форума согласились принять участие в социологическом опросе, а согласившиеся попросили об анонимности. Подобное говорит о том, что люди, страдающие трихотилломанией, очень боятся раскрытия своей проблемы и негативной реакции со стороны окружающих. Практически треть пользователей уверена, что если окружение узнает об их проблеме, то сразу «наклеит» ярлык «ненормальный» или «сумасшедший». Многие респонденты – школьники, студенты, молодые специалисты – ведут пассивный образ жизни и много времени проводят за компьютером.

Для того чтобы изменить отношение общественности к ситуации, связанной с трихотилломанией, и людям, страдающим от нее, оказать им необходимую психологическую поддержку, необходимо изучить и косвенную целевую аудиторию социальной проблемы. К ней относятся волонтеры, журналисты, редакторы СМИ, некоммерческие организации, общественно активные молодежные движения, организаторы мероприятий, потенциальные спонсоры и партнеры, а также блоггеры как лидеры мнений на специальных

мероприятиях. Известное лицо привлечет аудиторию, повысит интерес к мероприятию.

По результатам проведенного исследования можно отметить, что трихотилломания – сложное для сопровождения и организации лечения проявление стрессового состояния. Из-за скрытности и нежелания больных признавать проблему важно активно использовать такие информационные ресурсы, где участники коммуникации будут уверены в сохранении конфиденциальности. Таким образом, социальные сети могут стать каналом просвещения и даже терапевтической поддержки для больных трихотилломанией и их близких.

Литература

Абанкина Т. В. PR некоммерческой организации: теоретические основы современных PR-технологий и моделей. URL: <http://www.future.museum.ru/part01/010501.htm>.

Артемяева Т. В. Фандрейзинг: привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования. СПб., 2010.

Ишкова А. Связи с общественностью в некоммерческих организациях. URL: http://www.pr-club.com/pr_lib/pr_raboty/earlier/techn_18.htm.

Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях. 2-е изд. М., 2014.

Trichotillomania as a manifestation of a stressful condition

S. V. Shapiro (St Petersburg)

Candidate of philosophical Sciences, associate professor
of St Petersburg state University of communications

Trichotillomania is a psychological disorder that occurs on the background of stress and manifests itself in the obsessive pulling out of hair, eyebrows or eyelashes. It leads to adverse social consequences. Many of the patients with trichotillomania become hermits. Factors for the formation of a disorder are long-term stays in stressful situations, problems in the family, a crisis in one's personal life, problems at work or school, illness of a loved one, etc. There is also the influence of the social environment-the presence of relatives and acquaintances with obsessions in behavior. The course of trichotillomania is characterized by the secretiveness of patients, a lack of desire to admit the problem and seek help. Because of this peculiarity, the search for delicate forms of care for such patients, with the preservation of anonymity, becomes especially urgent.

Keywords: psychological disorder, stress, trichotillomania, obsessions, psycho-emotional health.

Раздел IX

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

Параметрические измерения емкости ментального внимания¹

М. Арсалиду (Москва, Торонто), О. В. Мартынова**,
Т. Н. Котова*** (Москва)*

** Ph. D., доцент, Департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», адъюнкт-профессор факультета последипломного образования, Йоркский университет; e-mail: marie.arsalidou@gmail.com*

*** Ph. D., зав. лабораторией высшей нервной деятельности человека, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН; e-mail: olmart@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы; e-mail: tkotova@gmail.com*

Когнитивные способности ребенка развиваются в детстве и в подростковом возрасте. Наблюдения педагогов подтверждаются психологическими исследованиями, которые показывают, что основные когнитивные способности в значительной степени улучшаются в школьные годы. Ментальное внимание – это общий когнитивный ресурс, емкость которого определяется количеством элементов, которые человек может удерживать в сознании одновременно, манипулируя ими в ходе решения задачи. Это ограниченный ресурс, и его развитие может рассматриваться как одна из составляющих развития рабочей памяти. Функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) широко используется для обнаружения нейронной основы таких процессов, как ментальное внимание и рабочая память; однако нейронные корреляты, которые мы наблюдаем у взрослых, не совпадают с таковыми у детей. В данной статье мы представим текущее состояние фМРТ-исследований когнитивных процессов у детей и подчеркнем существенную противоречивость имеющих-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01047.

ся данных. В завершении статьи мы покажем, что применение параметрических измерений емкости когнитивных ресурсов может внести существенный вклад в понимание активности мозга у детей в процессе когнитивного развития.

Ключевые слова: ментальное внимание, когнитивное развитие, фМРТ.

Школьные годы – период важных изменений в ходе когнитивного развития ребенка, что подтверждается как фактами психологических исследований, так и образовательными практиками. Многие теории когнитивного развития нацелены на объяснение механизмов, которые приводят к этим изменениям (Pascual-Leone, 1970). В этих теориях развитие рассматривается сквозь призму становления основных когнитивных процессов, таких как рациональное мышление (rational thinking) и ментальное внимание (mental-attention) (там же). Нейронаука предлагает передовые методы для определения нейронных коррелят когнитивных процессов. Функциональная нейровизуализация, например, предоставляет замечательную возможность увидеть с высоким пространственным разрешением изображения активности живого мозга. Определение областей мозга, лежащих в основе когнитивных процессов, позволяет лучше понять, как функционирует человеческий мозг. Системные когнитивные процессы, такие как ментальное внимание и рабочая память были широко изучены у взрослых. Метааналитические исследования, по данным функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ), указывают на стандартный набор областей, которые активируются в заданиях, связанных с вовлечением определенных когнитивных процессов у взрослых (Owen et al., 2005; Rottschy et al., 2012). Результаты фМРТ-исследований когнитивных процессов у детей, тем не менее, остаются в значительной степени противоречивыми. Данная статья описывает текущее состояние фМРТ-исследований когнитивных процессов у детей, с выделением недостатков существующих результатов по этой теме. Также мы уделим особое внимание тому, что применение параметрических измерений когнитивных процессов способно внести уникальный вклад в исследования когнитивного развития детей.

Поиск литературы на сайте webofknowledge.com с ключевыми терминами «fMRT» и «cognitive» выдает более чем 13000 статей. Когда мы добавляем в поиск термин «children», это число падает до 1075. Эти цифры показывают, что исследования фМРТ с участием взрослых преобладают в современной когнитивной нейронауке. Обилие данных фМРТ по взрослым позволило провести множественные ис-

следования второго порядка с использованием количественного метаанализа данных фМРТ (Rottschy et al., 2012; Owen et al., 2005). Общей мерой измерения рабочей памяти, которая подходит для фМРТ, является n-back задание. В типичном n-back задании участники просматривают стимулы один за другим и должны указать, являются ли стимулы, на которые они смотрят в данный момент, одними и теми же или различными по сравнению с предъявленными n раз назад. Сложность обычно увеличивается от 0 до 2 раз назад. Первые метааналитические исследования по фМРТ-данным с участием взрослых, которые использовали n-back задание, описывали активность в поясной извилине, префронтальной и теменной коре головного мозга (Owen et al., 2005), часто относимые к сети рабочей памяти или лобно-теменной сети. Последующие мета-аналитические исследования воспроизводили эти результаты у взрослых (например, Rottschy et al., 2012).

Число фМРТ-исследований с участием детей увеличивается, но полученные результаты противоречивы. Одно из первых фМРТ-исследований с участием детей показывает, что у детей и у взрослых при решении когнитивного задания активность регистрируется в очень похожих отделах мозга (Thomas et al., 1999). Более поздние исследования описывают, что у детей активируется другая сеть областей мозга, по сравнению со взрослыми (Ciesielski et al., 2006), или отмечают более широко распространенную активацию мозга у детей (Geier et al., 2009). Важно отметить, что авторы часто, пытаясь установить вклад префронтальной коры в когнитивные способности, фокусируются только на вызванной активности в этих областях. Например, некоторые фМРТ-исследования сообщают об активности в префронтальной коре у здоровых детей по сравнению с различными клиническими популяциями, полагаясь исключительно на анализ областей интереса. Тем не менее, когда рассматриваются результаты типично развивающихся детей, участие префронтальной коры в когнитивных процессах во многом неясно. Крайне важно, что существующие в наше время данные метаанализа исследований детей ограничиваются усреднением по различным когнитивными показателям или использованием небольшого количества исследований, недостаточного, чтобы сделать достоверные выводы.

Несомненно, есть связь между развитием и активностью мозга, однако это отношение еще семантически не установлено (Arsalidou, Im-Bolter, 2016). Причины противоречивости ранее полученных данных могут быть связаны как с выбором методологии, так и с типичными для детей биологическими и психологическими изме-

нениями, которые не всегда учитываются в фМРТ-исследованиях когнитивных способностей детей. Например, из поведенческих исследований известно, что в течение школьных лет у детей наблюдаются несколько уровней усовершенствования когнитивных способностей, однако в исследованиях фМРТ результаты выполнения заданий и активность мозга часто усредняются для больших возрастных диапазонов. Методологический подход, который определяет вариацию развития, заключается в выборе когнитивного задания. Задания, которые подходят для детей постарше, могут привести к нулевой производительности в более младшей группе или случайному выполнению заданий, а задания, которые подходят для детей помладше, могут привести к стопроцентному выполнению заданий для старших детей. Важно отметить, что подобное выполнение заданий не всегда соответствует похожей активности мозга.

Для преодоления вышеописанных методологических недостатков при изучении связей в развивающемся мозге мы предлагаем использовать параметрические когнитивные измерения (Arsalidou, Im-Bolter, 2016). Параметрические измерения являются ценным инструментом в исследованиях когнитивного развития, потому что они могут оценивать выполнение заданий на нескольких уровнях сложности. В данной статье мы фокусируемся на параметрических показателях/измерениях способности к ментальному вниманию. Ментальное внимание можно рассматривать как общий ресурс, который активирует схемы, относящиеся к данному заданию, на короткий период времени в рабочей памяти, отвечающей за способность удерживать и манипулировать информацией в уме.

Первым, кто применил параметрические показатели при измерении когнитивных способностей детей, был Х. Паскуаль-Леоне (Pascual-Leone, 1970), в теории развития которого предполагалось, что емкость ментального внимания возрастает на одну единицу каждый год с трехлетнего возраста и до 15 лет. Существуют многочисленные доказательства, подтверждающие вышеописанный рост емкости ментального внимания в различных когнитивных доменах, включая зрительный, пространственный и вербальный (например, см. обзор: Arsalidou, Im-Bolter, 2016).

Классическое параметрическое измерение емкости ментального внимания – задание на пересечение фигур (Pascual-Leone, 1970). Это визуально-пространственное задание, которое решается на бумаге карандашом, с находящимися отдельно и/или пересекающимися фигурами. В этом задании детям предлагается по-

местить точку на совокупность фигур в правой части страницы, а в левой части страницы определить, где совпадают все фигуры, которые взяты из правой половины (например, найти точку полного пересечения). Количество фигур варьируется от двух до восьми и соответствует уровню сложности. Правило для задания остается неизменным на всех уровнях; участники должны определить точку полного пересечения. Выполнение задания на пересечение фигур значительно соотносится с академической успеваемостью учащихся в различных областях, таких как математика, химия, физика, биология, и в естественнонаучных дисциплинах в целом (см. обзор: Onwumere, Reid, 2008). Это соотношение предполагает, что параметрический подход является показательным для определения когнитивного уровня учащихся, что особенно важно для образования.

Поведенческие тесты отражают результат когнитивных процессов, происходящих в мозге. Метод фМРТ позволяет проследить эти текущие процессы, которые приводят к поведенческому результату. Тем не менее, задания, которые используются в поведенческих тестах, плохо применимы к протоколу фМРТ из-за физических ограничений процедуры сканирования мозга. Например, большинство заданий для фМРТ визуальны и требуют только нажатия кнопки пальцем; это необходимо для того, чтобы свести до минимума любые физические движения. Протокол презентации заданий также ограничен по времени и требует соблюдения определенной последовательности с постоянными интервалами между заданиями, которая обеспечивает вовлечение участников в исследуемый когнитивный процесс (Arsalidou, Im-Bolter, 2016). Одним из примеров таких заданий, разработанных для параметрических измерений емкости ментального внимания с одновременной регистрацией активности мозга при помощи фМРТ, является задание на соотнесение цветов. На экране появляются цветные изображения, и для каждого текущего изображения дети должны указать, совпадают ли его окрашенные цвета с цветами предшествующего изображения. Количество соответствующих цветов, которое должно совпасть, варьируется от одного до шести, что создает шесть уровней сложности. Требования по выполнению заданий остаются постоянными независимо от уровня сложности. Задание на соотнесение цветов было валидизировано в исследовании с фМРТ. Данные фМРТ, полученные с использованием задания на соотнесение цветов, демонстрируют устойчивую активность набора областей мозга, а именно префронтальной, теменной и поясной коры (там же). Схожие поведенческие (Powell et al., 2014) и фМРТ (Vogan et al., 2016) данные были полу-

чены для вербальной вариации данного задания на сопоставление букв для различных возрастных групп.

Таким образом, параметрические измерения емкости ментального внимания обладают некоторыми преимуществами, являясь средством нейровизуализации в исследованиях когнитивного развития (Arsalidou, Im-Bolter, 2016). Во-первых, они позволяют оценивать когнитивное выполнение задания у людей с разными способностями. Поскольку правила для решения заданий остаются неизменными на всех уровнях сложности, дети младшего возраста могут успешно завершить простые уровни, а дети старшего возраста могут успешно справиться с более высокими уровнями. Во-вторых, параметрические измерения емкости ментального внимания следуют одной и той же теории, и таким образом позволяют получить метрические оценки выполнения заданий, сопоставимые для различных когнитивных доменов. Это особенно полезно для оценки выполнения заданий детьми с определенным когнитивным дефицитом. В-третьих, они позволяют записывать поведенческие индексы (например, точность и скорость реакции), так же как и индексы нейровизуализации (например, сигнал фМРТ), которые связаны с разными уровнями сложности. Наконец, параметрические измерения емкости ментального внимания позволяют проводить лонгитюдные исследования выполнения когнитивных заданий у детей.

Таким образом, мы рассмотрели результаты фМРТ-исследований когнитивного развития и хотели бы подчеркнуть их противоречивость, которая может быть обусловлена биологическим и психологическим показателям развития. Для учета особенностей развития мы предлагаем использовать параметрические парадигмы, которые оценивают емкость ментального внимания, являющегося одним из индексов когнитивного развития детей. Мы считаем, что параметрический дизайн и количественная методология обладают практическими преимуществами, и обращаем внимание на их применимость в профилировании нейрокогнитивной производительности при нетипичном развитии. Подобное профилирование может быть информативным для разработки комплексных программ лечения, а также дополнять тестирование когнитивных способностей для предоперационных обследований.

Литература

Arsalidou M., Im-Bolter N. Why parametric measures are critical for understanding typical and atypical cognitive development // *Brain Imaging and Behavior*. 2016. P. 1–11.

- Ciesielski K. T., Lesnik P. G., Savoy R. L., Grant E. P., Ahlfors S. P. Developmental neural networks in children performing a Categorical N-Back Task // *Neuroimage*. 2006. V. 33 (3). P. 980–990.
- Geier C. F., Terwilliger R., Teslovich T., Velanova K., Luna B. Immaturities in reward processing and its influence on inhibitory control in adolescence. *Cerebral Cortex*. 2009. bhp225.
- Onwumere O., Reid N. Field dependency and performance in mathematics // *European Journal of Educational Research*. 2008. V. 3 (1). P. 43–57.
- Owen A. M., McMillan K. M., Laird A. R., Bullmore E. N-back working memory paradigm: A meta-analysis of normative functional neuroimaging studies // *Human Brain Mapping*. 2005. V. 25 (1). P. 46–59.
- Pascual-Leone J. A mathematical model for the transition rule in Piaget's developmental stages // *Acta Psychologica*. 1970. V. 32. P. 301–345.
- Powell T. L., Arsalidou M., Vogan V. M., Taylor M. J. Letter and Colour Matching Tasks: Parametric Measures of Developmental Working Memory Capacity // *Child Development Research*. 2014.
- Rottschy C., Langner R., Dogan I., Reetz K., Laird A. R., Schulz J. B. et al. Modelling neural correlates of working memory: a coordinate-based meta-analysis // *Neuro Image*. 2012. V. 60 (1). P. 830–846.
- Thomas K. M., King S. W., Franzen P. L., Welsh T. F., Berkowitz A. L., Noll D. C. et al. A developmental functional MRI study of spatial working memory // *Neuro Image*. 1999. V. 10 (3). P. 327–338.
- Vogan V. M., Morgan B. R., Powell T. L., Smith M. L., Taylor M. J. The neuro developmental differences of increasing verbal working memory demand in children and adults // *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2016. V. 17. P. 19–27.

Parametric measures of mental-attentional capacity

*M. Arsalidou** (Toronto, Canada), *O. V. Martynova***, *T. N. Kotova**** (Moscow)

* PhD, assistant Professor, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics (Moscow); Adjunct Professor of Faculty of Graduate Studies, York University

** PhD, Head of the Laboratory of Human Higher Nervous Activity, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of RAS

*** Candidate of psychological Sciences, Senior researcher of the Laboratory of Cognitive Research, Russian Academy for National Economy and Public Administration

Children's cognitive abilities advance over childhood and adolescence. Educators' observations have been validated from psychological research that

shows that core cognitive abilities improve significantly over school-age years. Mental-attention is a general cognitive resource that corresponds to the amount of items that can be held and manipulated in mind. It is a limited resource and can be viewed as the maturational component of working memory. Functional magnetic resonance imaging (fMRI) has been used extensively to identify the neural basis of processes such as mental-attention and working memory; however, brain correlates we observe for adults are not expressed similarly in children. In this paper we will present a current state of fMRI research of cognitive processes in children and underline critical inconsistencies in the results. We will conclude with the unique contribution parametric measures can make in understanding of brain responses of children across development.

Keywords: mental-attentional capacity, cognitive development, fMRI.

Дедифференциация системного обеспечения поведения в начале научения¹

А. В. Бахчина, Ю. И. Александров** (Москва)*

** кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: nastya18-90@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией психофизиологии им. В. Б. Швыркова Института психологии РАН; e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru*

Работа посвящена исследованию психофизиологических механизмов научения. Проведено сопоставление динамики достигаемых в поведении результатов в ситуации новизны и неопределенности и динамики вариабельности сердечного ритма. Сложность динамики сердечного ритма рассматривалась как показатель дифференциации набора систем, включенных в организацию поведения. Показано, что в начале научения – в периоды реализации проб без достижения промежуточных результатов – снижается сложность динамики сердечного ритма. Сформировано предположение о том, что в начале научения присутствует этап временной дедифференциации системной организации разворачиваемого поведения.

Ключевые слова: системная организация поведения, научение, эмоции, системная дедифференциация, вариабельность сердечного ритма, сложность.

Постановка проблемы

Исследования научения (learning) исторически проводились в тесной связи с феноменологией эмоций. С одной стороны, это обосновано используемыми в исследованиях экспериментальными моделями научения, которые всегда включали эмоциогенные стимулы

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-28-00229.

(удар электрическим током – fear-conditioning – или пищевое подкрепление – instrumental-learning). С другой стороны, это связано с теоретическими сложностями в попытках онтологического разделения эмоциональных и когнитивных процессов в поведении (Александров, 2006; Gray, 1990; и др.). В итоге, на данный момент эмоциональное сопровождение фиксировано как фактор, необходимый для научения и определяющий его эффективность (D’Mello et al., 2014). Иными словами, большинство исследований ставит вопрос о том, какую роль играют эмоции в научении, и делают вывод, что важную роль, описывая механизмы этого через общность структур мозга, функционально специфичных одновременно к эмоциям и когнитивным процессам, или общность нейрохимических каскадов, наблюдаемых при эмоциональных реакциях и влияющих на эффективность запоминания, т. е. эти процессы продолжают рассматриваться как отдельные, но пересекающиеся.

В данной работе приведены результаты исследования динамики интенсивности эмоций (arousal), измеренной по характеристикам вариабельности сердечного ритма, в процессе научения с позиций системно-эволюционного подхода (Швырков, 1995).

Системно-эволюционный подход рассматривает физиологическое и психическое как разные аспекты описания единых системных процессов – актуализации в поведении взаимодействующих функциональных систем, составляющих структуру индивидуального опыта (Александров, 2006). Реализация конкретного поведенческого акта, т. е. достижение полезного приспособительного результата в соотношениях организма со средой, обеспечивается актуализацией набора функциональных систем в их взаимодействии.

Научение – это процесс, включающий формирование новой функциональной системы (ФС) как элемента индивидуального опыта (системогенез). Формирование новой ФС в процессе научения не заменяет ранее сформированные ФС, а модифицирует их (процесс приспособительной ре-консолидации). Развитие проявляется в структуре индивидуального опыта как формирование новых ФС, обеспечивающих все более дифференцированные соотношения индивида со средой, чем ранее сформированные ФС (Швырков, 1995; Александров, 2006). Дифференциация в соотношениях со средой предполагает достижение более конкретных и точных результатов, которые характеризуются и описываются такими аспектами поведения, как усложнение, детализация.

Системная дедифференциация – это временное обратимое увеличение вклада более рано сформированных систем в обеспечение поведения. Дедифференциация характеризуется и описывается та-

кими аспектами поведения, как повышение эмоциональности, упрощение, игнорирование деталей, снижение когнитивного контроля и прочие (Александров, 2016). Иными словами, эмоции, с позиций системно-эволюционного подхода, – это не отдельный самостоятельный процесс, а характеристика поведения, представляющая достижение менее дифференцированных результатов в соотношении организма со средой, за счет реализации систем, сформированных на более ранних этапах развития.

Процесс научения имеет своим началом новизну и рассогласование (между имеющимся опытом и новыми условиями существования), которые в свою очередь приписываются и стрессу, и эмоциям (Gray, 1990). Кроме того, биохимически (на гормональном уровне) научение, эмоции и стресс также имеют схожие картины описания, в частности, во всех трех случаях наблюдается повышение концентрации глюкокортикоидов и эндогенных опиоидов в крови (Wassum, 2010). Все эти и другие экспериментальные и теоретические соображения дают основания предполагать, что в основе научения, на начальных его этапах, лежит механизм временной дедифференциации системной организации поведения (Александров, 2016).

Ранее в наших исследованиях мы показали, что временная системная дедифференциация, вызванная ситуацией стресса или употреблением алкоголя, качественно и количественно отражается в снижении сложности динамики сердечного ритма, вычисленной по оценке аппроксимированной энтропии (Арутюнова и др., 2016). Поэтому оценка сложности динамики сердечного ритма может быть использована как адекватный инструмент для идентификации временной дедифференциации.

Процедура экспериментального исследования

В исследовании проверялась гипотеза о том, что в начале развертывания научения в системной организации поведения наблюдается временная системная дедифференциация, которая в физиологической перспективе проявляется в снижении сложности сердечного ритма.

Экспериментальное формирование процесса научения у участников исследования проводилось с использованием программы «A-Ware» (А. А. Созинов, А. И. Бохан), разработанной для оценки поведенческих характеристик человека в ситуации неопределенности – новизны и рассогласования, предполагающей необходимость формирования нового опыта.

Экспериментальная задача включала игру «Обхват», в которой перед участником появлялось белое квадратное поле на черном фо-

не. Нажатие клавиш «мыши» не приводило ни к какому эффекту. Участнику предстояло обнаружить, что выделение прямоугольного участка экрана с помощью нажатия и удержания левой клавиши «мыши» приводит к демонстрации результата (количеству набранных баллов) и началу следующего хода. С начала игры на белом поле располагался невидимый объект. В случае попадания объекта в выделенный участок, объект становился видимым (появлялась квадратная картинка в синей рамке), и количество очков заметно возрастало – чем меньше площадь выделенного участка с объектом (чем плотнее «обхват»), тем больше очков начислялось в конце хода. Максимальное число очков (10000) начислялось, если площадь выделенного участка с объектом не превышала установленного значения. Игра включала 8 уровней, переход на следующий уровень происходил при достижении максимального количества очков в течение трех ходов подряд. Инструкцией задавалась цель – пройти как можно больше уровней в игре, при этом участники могли остановить игру на любом уровне, который они сочли достаточным. С каждым уровнем увеличивалась трудность игры «Обхват» за счет добавления новых пунктов, которые участнику необходимо было определить для достижения результата.

На всем протяжении игры у участников исследования регистрировали сердечный ритм с использованием датчика Zephyr (HxM BT) и программы «HR-reader» (С. А. Полевая). Фиксировались моменты начала и окончания игры. Сложность сердечного ритма определяли оценкой выборочной энтропии (SampEn), которая отражает степень нерегулярности, непредсказуемости динамики последовательности. Вычисление SampEn проводилось по стандартному алгоритму (Richman et al., 2000) с входными параметрами: $m=2$ (размерность вложения), $r=0,2*SDNN$ («фильтрующий фактор»), скользящим окном длиной 100 с и шагом сдвига окна 10 с на всей последовательности кардиоинтервалов в течение игры. Дополнительно для последовательностей в окнах вычисляли стандартное отклонение RR-интервалов – SDNN (мс) и среднюю длительность RR-интервалов – $cpRR$ (мс).

Выборку исследования составили 20 человек (10 мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, медиана – 26 лет).

Критерием эффективного научения было прохождение участником минимум трех уровней игры и возможность в интервью после эксперимента сформулировать все правила игры. В итоге данные 5 человек были исключены из анализа результатов.

В динамике поведения, получаемых за каждый ход баллов, выделяли фрагменты «неудачных» проб, т. е. последовательности 5 ходов,

суммарное количество баллов в которых не превышало 10000 (рисунок 1А). Поведенчески эти периоды могут быть охарактеризованы, как периоды рассогласования (недостижения промежуточных результатов), новизны и неопределенности, и отнесены к первой стадии научения согласно классической кривой научения Э.Л. Торндайка. Эти периоды, как правило, приходились на начало нового

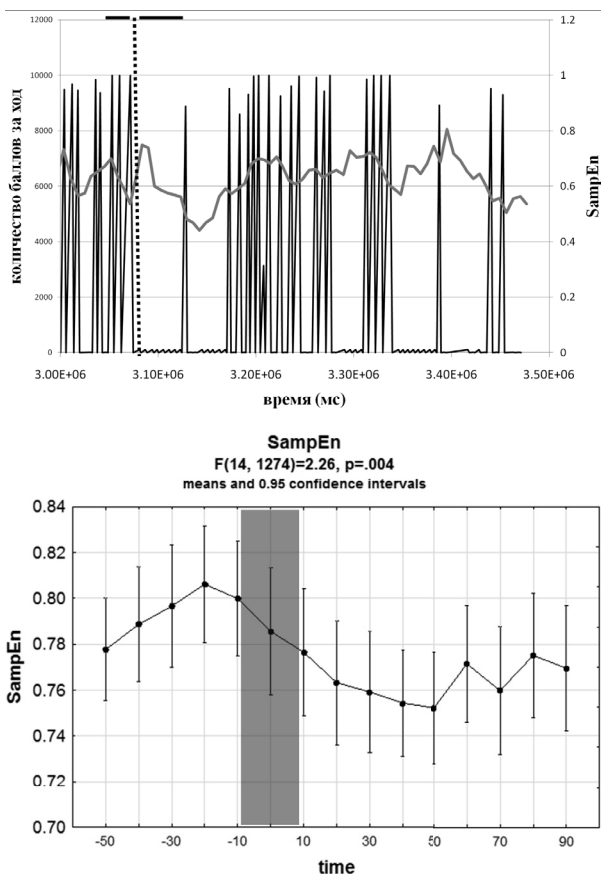

Рис. 1. Динамика SampEn в периоды недостижения результатов.

А. пример, серая линия – динамика SampEn, черная сплошная – динамика полученных баллов за каждый ход, вертикальная пунктирная линия – момент начала периода недостижения результатов, горизонтальные черные линии сверху – фрагмент динамики SampEn, взятый для анализа (150 с: 60 с слева, 90 с справа).

Б. средняя по всем испытуемым динамика SampEn, связанная с моментом начала периода недостижения результатов; выделенная серым вертикальная область – примерное время начала периода

уровня в игре. В последовательностях показателей сердечного ритма были выделены фрагменты длительностью по 150 с, ориентированные относительно моментов начала «неудачных» проб в динамике поведения (рисунок 1А).

Выделенные фрагменты, соответствующие периодам недостижения промежуточных результатов в поведении, оценивались статистически на вероятность наличия неслучайных изменений в них с помощью критерия Фридмана.

Результаты исследования

В результате было получено, что в динамике SDNN и cpRR нет неслучайных изменений в периодах, связанных с недостижением промежуточных результатов (SDNN: $X^2(N=99, df=14)=14,21, p=0,43$; cpRR: $X^2(N=99, df=14)=22,43, p=0,07$). Неслучайные изменения были выявлены в динамике SampEn ($X^2(N=99, df=14)=46,55, p=0,00$) (рисунок 1Б). Сложность сердечного ритма уменьшалась в периоде недостижения промежуточных результатов.

Стоит отметить, что поскольку последовательности показателей поведения и SampEn имеют разную частоту дискретизации по времени (в обоих случаях непостоянную), то точное временное сопоставление их затруднено, поэтому проведенное сопоставление имеет точность 10 с.

Заключение

Таким образом, в данной работе продемонстрировано снижение сложности динамики сердечного ритма, указывающее, как мы полагаем, на снижение сложности системной *общеорганизменной* организации поведения в периоде недостижения результата, что косвенно свидетельствует в пользу правильности гипотезы о том, что в начале научения присутствует этап временной дедифференциации. Поскольку эмоции – это характеристика, свойственная реализации систем, обеспечивающих сравнительно низкодифференцированные соотношения организма со средой (Александров и др., 2006), постольку высказанное предположение можно рассмотреть как объяснение закономерностей, лежащих в основе таких описанных в литературе феноменов, как повышение эмоционального возбуждения при научении (Phelps, 2006), положительная связь между уровнем эмоционального возбуждения и эффективностью научения (D’Mello et al., 2014), или повышение скорости научения при стрессе (Крылов, 2016).

Литература

- Александров Ю. И.* От эмоций к сознанию // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М., 2006. С. 293–328.
- Александров Ю. И.* Регрессия // Седьмая Международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. М., 2016. С. 100–101.
- Арутюнова К. Р., Бахчина А. В., Крылов А. К., Александров Ю. И.* Воздействие алкоголя на сердечный ритм и оценку действий при решении моральных дилемм // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 1. С. 5–22.
- Крылов А. К.* Моделирование эффектов интерференции, совершенствования и переноса навыка при научении // XVIII Международная научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2016»: Сборник научных трудов. Ч. 2. М., 2016. С. 255–264.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М., 1995.
- D'Mello S., Lehman B., Pekrun R., Graesser A.* Confusion can be beneficial for learning // Learning and Instruction. 2014. № 29. P. 153–170.
- Gray J. A.* Brain Systems that Mediate both Emotion and Cognition // Cognition and Emotion. 1990. № 4 (3). P. 269–288.
- Phelps E. A.* Emotion and Cognition: Insights from Studies of the Human Amygdala // Annu Rev Psychol. 2006. № 57. P. 27–53.
- Richman J. S., Moorman J. R.* Physiological time-series analysis using approximate entropy and sample entropy // Am. J. Physiol. Heart Circ. Physiol. 2000. № 278. P. H2039 – H2049.
- Wassum K. M.* Neurochemistry of desire: Endogenous opioid and glutamate involvement in incentive learning and reward seeking actions: Thesis ... Ph.D. of Neuroscience, 2010.

Dedifferentiation of system subserving of behaviour in the starting of learning

*A. V. Bakchina**, *Y. I. Alexandrov*** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, research officer of Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Science, Full Professor, Corresponding member of the RAO, Head of the laboratory of neural basis of mind named of Shvirkov V. B., Institute of Psychology of RAS

The study aimed to investigate psychophysiological mechanisms of learning. We investigated whether the dynamics of behavioural results achieving in conditions of novelty and uncertainty has specific patterns in the

dynamics of heart rate variability. Heart rate complexity was considered as an index of arousals level. It was shown that there was a phase of decreasing of heart rate complexity, which meant increasing of arousal in the start of learning. In other words, we can hypothesise there is a stage of temporary system dedifferentiation in the start of learning.

Keywords: system subserving of behaviour, learning, emotions, system differentiation, heart rate variability, complexity.

**Метод выявления
одноименных электрических потенциалов мозга,
связанных с выполнением
разных по сложности задач¹**

Б. Н. Безденежных (Москва)

*доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Институт психологии РАН;
e-mail: bezbornik@mail.ru*

В рамках актуальной для психофизиологии проблема выявления идентичных по содержанию электрических потенциалов мозга, связанных с выполнением разных по сложности действий, решалась путем сопоставления компонентов связанных с событием потенциалов (ССП) с системным процессом – афферентным синтезом (АС) (по П. К. Анохину), который является инвариантным для разных действий и отражает количество систем, вовлеченных в действие. Предполагалось, что процессу АС соответствует тот компонент СПП, который имеет устойчивую связь с количеством одновременно активных систем. В задаче сенсомоторного выбора было выявлено прямая связь между негативацией, переднего фронта Р300 и количеством одновременно активных систем. В задаче категоризации слов была выявлена прямая связь между количеством одновременно активных систем, связанных со словами, и негативацией переднего фронта Р600. Приведены аргументы в пользу представления о том, что Р300 и Р600 связаны с системным процессом АС и в этом отношении являются одноименными.

Ключевые слова: системные процессы, афферентный синтез, дифференцированные действия, сенсомоторный выбор, категоризация слов, связанные с событием потенциалы, Р300, Р600.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-28-00229.

Постановка проблемы

Суммарная электрическая активность мозга – электроэнцефалограмма (ЭЭГ) применяется в разных областях нейронауки и клинической практики. Устойчивость ЭЭГ показателей активности мозга, наблюдаемых при многократном повторении определенного действия, позволила проводить статистическую обработку ЭЭГ методом усреднения ее фрагментов, связанных во времени с этим действием. Получаемые усредненные электрические потенциалы мозга – связанные с событием потенциалы (ССП) – состоят из последовательности позитивных и негативных компонентов. Предполагалось, что сопоставление процессов, изучаемых в когнитивной психологии с компонентами СПП в реальном режиме времени позволит сблизить концепции, развиваемые в психологии и клеточной нейрофизиологии (Swick et al., 1994).

Однако прямое сопоставление гипотетических информационных или когнитивных процессов с определенными компонентами СПП уже полвека не приводит исследователей к какому-то единому мнению о связи какого-либо компонента с каким-либо процессом. Анализ СПП, полученные в экспериментах на человеке и животных и широкое применение метода СПП в клинических исследованиях требуют точного описания мозговых процессов, проявляющихся в тех или иных компонентах СПП. Для такого описания мы исходим из представления о том, что ЭЭГ, это – суммарная составляющая электрической активности большой популяции нервных клеток. Эта активность не хаотична. С позиции системно-эволюционного подхода, на разных этапах активности организма некоторые нейроны образуют системы, необходимые для достижения конкретного приспособительного результата для организма (Швырков, 2006). Каждая система формируется на основе и в тесном взаимодействии с ранее сформированными системами. Отсюда предполагается, что и реализация любого действия обеспечивается активностью набора систем (Швырков, 1978; Безденежных, 2004). Системные процессы, обеспечивающие реализацию любого действия у человека и у животных, развиваются по единому сценарию (Анохин, 1978). В компонентах СПП отражается именно системная организация импульсной активности нервных клеток (Александров, Максимова, 1985; Александров и др., 1997; Безденежных, 2002).

Поскольку организация системных процессов, обеспечивающая реализацию любых действий, является единой, то мы предлагаем сопоставлять компоненты СПП не с гипотетическими информационными или когнитивными процессами, а с системными процессами

организации нейронной активности. И показателем идентичности компонентов ССП, полученных при выполнении разных действий будет связь этих компонентов с одним и тем же системным процессом.

Наиболее удобным для изучения в эксперименте системным процессом, является афферентный синтез (АС). Во время АС происходит объединение систем, которые будут обеспечивать действие. Для объединения систем необходимо чтобы их нейроны были активны (Александров, Максимова, 1985; Безденежных, 2004). Поэтому только во время АС возникает электрический потенциал, отражающий одновременную активность нейронов всех систем, обеспечивающих действие. Следовательно, если какой-либо из компонентов ССП будет иметь устойчивую связь с количеством одновременно активных систем, то этот компонент соответствует развитию АС.

Организация экспериментального исследования

В настоящей работе проведен анализ времени, субъективной оценки сложности и ошибок при выполнении испытуемыми двух разных по сложности задач выбора – задачи сенсомоторного выбора и задачи категоризации слов, и связанные с выполнением этих действий электрических потенциалов мозга.

Целью исследования было выявление компонентов ССП, соответствующих процессам АС в ходе выполнения этих задач.

Эксперимент 1. Задача сенсомоторного выбора

Выборку исследования составили 22 женщины и 28 мужчин в возрасте от 18 до 37 лет, медиана – 21 год.

Процедура исследования

Испытуемый сидел перед монитором компьютера, на который с равной вероятностью в случайном порядке предъявляли альтернативные сигналы («А» или «Б»). Каждый сигнал состоял из общей для обоих альтернативных сигналов светлой вертикальной полоски на черном фоне, выполняющей функцию предупреждения (ПрС). После ПрС через 700 мс для сигнала «А» и через 950 мс для сигнала «Б» предъявлялись пусковые сигналы (ПуС) – светлые полоски разной высоты для сигналов «А» и «Б». В ответ на ПуС нужно было как можно быстрее нажать соответствующую клавишу. Следующий сигнал предъявлялся через 1,5 с после ответа на предыдущий сигнал. При сохранности равновероятного предъявления альтер-

нативных сигналов разница интервалов в 250 мс между ПрС и ПуС в сигналах «А» и «Б» служила скрытой подсказкой о появлении сигнала «Б» и тем самым облегчала испытуемому более точное прогнозирование сигнала «Б», по сравнению с сигналом «А». Испытуемый всегда прогнозирует очередной ПуС. Причем сигнал «А» он прогнозирует с меньшей вероятностью и поэтому при ошибочном прогнозе активируется: в ответ на ПуС активны оба набора систем, тогда как на ПуС сигнала «Б» чаще активируется только один набор систем. После завершения исследования каждый испытуемый отвечал на вопрос: на какой сигнал было легче отвечать?

ЭЭГ регистрировали хлорсеребряными электродами монополярно в отведениях F3, F4, Cz, P3, P4 по международной системе 10–20; индифферентным электродом служили объединенные электроды, прикрепленные к мочкам ушей. Время от момента ПуС до момента нажатия клавиши отчета рассматривалось как время ответа. Сравнивали медианы времени ответов на сигналы «А» и «Б» по t -критерию для парных случаев. ССП получали при усреднении безартефактных фрагментов ЭЭГ, связанных с определенным ответом. ССП получали для каждого испытуемого и по отдельности для ответов на сигналы «А» и «Б». Усредненные потенциалы анализировали визуально: определяли интервал, в котором наиболее выражены различия между потенциалами, связанными с разными сигналами; в этом интервале вычисляли средние мгновенных амплитуд от средней линии, которые сравнивали по t -критерию для парных случаев.

Результаты исследования

У всех испытуемых время ответа на сигнал «Б» было достоверно короче времени ответа на сигнал «А» и составляло соответственно $315,8 \pm 30,7$ мс и $376,6 \pm 52,5$ мс ($t=12,113$, $df=49$, $p<0,001$). Все они совершали меньше ошибочных действий на сигнал «Б» и им было легче на него отвечать, чем на сигнал «А». В ССП, связанных с ответами на сигналы «А» и «Б» наиболее выраженным и устойчивым был компонент P300. Было проведено сравнение P300 для ответов на сигналы «А» и «Б». Анализ средних мгновенных амплитуд показал, что передний фронт P300 (в интервале от 200 до 350 мс) имеет выраженный негативный сдвиг в потенциалах, связанных с ответами на сигнал «А», по сравнению с P300, связанным с ответом на сигнал «Б» ($t=5,6$, $df=49$, $p<0,001$). Если участник ждал появления сигнала «Б», а был предъявлен сигнал «А», то происходит рассогласование, и одновременно с системами, связанными с ошибочно

прогнозируемым сигналом, из памяти извлекаются системы, связанные с предъявленным сигналом. Негативный сдвиг переднего фронта Р300 в сигнале «А» по сравнению с сигналом «Б» может отражать активность двух оппонентных наборов систем в АС.

Эксперимент 2. Категоризация слов

Выборку исследования составили 24 мужчины и 26 женщин в возрасте от 18 до 25 лет, медиана – 20 лет.

Категоризация слов проводилась с использованием *методики семантической преднастройки*.

Процедура исследования

Испытуемым в случайном порядке и равновероятно в течение 200 мс предъявлялось одно из двух слов-праймов, обозначающих определенную категорию («организмы» или «предметы»). Через 750 мс после предъявления слова-прайма предъявлялось слово-мишень, обозначающее конкретный предмет или организм. Слова-мишени были примерно одинаковыми по частотности и предъявлялись в случайном порядке. В ответ на предъявление слова-мишени испытуемым нужно было дать дифференцированный ответ: быстрым нажатием той или другой клавиши нужно было указать, соответствует или не соответствует категориально предъявленное слово-мишень слову-прайму. Предполагалось, что в ситуации несоответствия слова-мишени слову-прайму должны активироваться системы, связанные с обеими категориями слов («организмы» и «предметы»), тогда как при категориальном соответствии слова-мишени слову-прайму будут активироваться системы, связанные только с одной категорией слов («организмы» или «предметы»).

У испытуемых сравнивали время категоризации каждого слова-мишени – время от момента предъявления слова-мишени до момента нажатия клавиши отчета. Также анализировались количество ошибочных категоризаций и субъективный отчет о степени сложности категоризации. В ходе исследования у участников регистрировали ЭЭГ-потенциалы в отведениях F3, F4, P3, P4 и Cz. ССП получали при усреднении безартефактных фрагментов от момента предъявления слова-мишени в следующих ситуациях: а) при соответствии и при несоответствии между словом-праймом и словами-мишенями, б) при соответствии слова-прайма и слов-мишеней, обозначающих организмы, и при соответствии слова-прайма и слов-мишеней, обозначающих предметы.

Результаты исследования

Сопоставление времени категоризации в случае соответствия слова-мишени слову-прайму показало, что время категоризации слов, обозначающих организмы, достоверно короче времени категоризации слов, обозначающих предметы (post-hoc анализ, $p < 0,001$). По отчетам испытуемых, им сложнее было категоризовать слова при несоответствии прайма и мишени.

При визуальном анализе ССП оказалось, что наиболее устойчивым компонентом является позитивный компонент Р600. Анализ мгновенных амплитуд ССП в интервале от 400 до 640 мс по выборке из 40 участников исследования показал, что фронт N400-Р600 достоверно негативнее у потенциала, связанного с категоризацией слова-мишени, не соответствующего слову-прайму ($t = 5,65$, $df = 8$, $p < 0,001$). При этом этот фронт достоверно негативнее при категоризации слов, обозначающих предметы, нежели при категоризации слов, обозначающих организмы ($t = 3,6$, $df = 38$, $p < 0,001$).

При категориальном несоответствии слова-мишени слову-прайму в задаче категоризации слов эти слова активируют два набора систем, связанных с двумя категориями, в результате время категоризации слов-мишеней в этой ситуации достоверно больше, чем в ситуации категориального соответствия слов-мишеней слову-прайма, когда оба слова активируют только один набор систем. Причем, при обоих видах категориального несоответствия время категоризации одинаково, что может указывать на то, что в нашей задаче при несоответствии слова-прайма и слова-мишени всегда активируются одни и те же наборы систем. И в этой ситуации выявляется компонент ССП, характеристики которого устойчиво связаны с количеством одновременно активных систем. Это позитивный компонент Р600. При увеличении количества активных систем, наблюдаемое при категориальном несоответствии слова-прайма и слова-мишени, имеет место негативный сдвиг переднего фронта этого компонента.

Заключение

При выполнении испытуемыми задачи сенсомоторного выбора и категоризации слов экспериментально контролировался системный процесс – афферентный синтез действия, а именно, количество одновременно активных систем, объединяющихся для реализации действия. В электрических потенциалах мозга, связанных с действиями сенсомоторного выбора и категоризации слов, были выявлены компоненты Р300 и Р600 соответственно, негативация переднего

фронта которых была связана с увеличением количества одновременно активных систем и субъективно переживается как более сложное действие. Предполагается, что P300 и P600 отражают мозговые процессы, связанные с афферентным синтезом в разных действиях, поэтому данные компоненты являются системно идентичными.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е. Функциональное значение колебания P300 // Психологический журнал. 1985. Т. 6. №3. С. 86–95.
- Александров Ю. И., Самс М., Лавикайнен Ю., Рейникайнен К., Наатанен Р. Зависимость свойств, связанных с событиями потенциалов от возраста элементов субъективного опыта, актуализируемых при категоризации слов родного и иностранного языков // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 133–145.
- Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1978.
- Безденежных Б. Н. P300 как показатель системных процессов // Психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 2. «Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г.». М., 2002. С. 155–166.
- Безденежных Б. Н. Динамика взаимодействия функциональных систем в структуре деятельности. М., 2004.
- Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М., 2006.
- Swick D., Kutas M., Neville H. Localizing the Neural Generators of Event-Related Brain Potentials // Localization and Neuroimaging in Neuropsychology. Academic Press Inc., 1994. P. 73–121.

The method of detecting of eponymous electrical brain potentials associated with performance of different tasks

B. N. Bezdenezhnykh (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, leading researcher of the Institute of Psychology RAS

In the framework of contemporary neuroscience to the problem of revealing of content identical electrical potentials of the brain related to the performance of action with different complexity was decided by matching of the components of event-related potentials (ERP) to system process – afferent synthesis (AS) (by P.K. Anokhin), which is invariant for different actions and reflects the number of systems involved in the action. It was

assumed that the process corresponds to the AS component of the ERP, which has a stable relationship with the number of simultaneously active systems. It was revealed a direct link between the amplitude of negative shift of the of P300's frontal slope and the number of simultaneously active systems. In the task of categorization of words it was revealed a direct correlation between the number of simultaneously active systems-related words and the amplitude of the negative shift of the frontal slope P600. Arguments in favor of the notion that P300 and R600 are associated with the system process – AS and are of the same name.

Keywords: systemic processes of afferent synthesis, differentiated actions, sensorimotor selection, categorization of words, event-related potentials, P300, P600.

Нейропсихологический аспект исследования жизнеспособности молодежного населения региона экологического и социального неблагополучия (на примере студентов Забайкальского края)¹

И. Л. Галиакберова (Чита)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической
и прикладной психологии, Забайкальский государственный университет;
e-mail: ira.bryansk@yandex.ru*

Описано использование нейропсихологического подхода для диагностики состояния психических функций молодежного населения региона экологического и социального неблагополучия (на примере студентов Забайкальского края), осуществляемое в рамках исследования жизнеспособности указанного контингента. Нейропсихологические показатели рассматриваются как биопсихологические составляющие изучаемого явления. Включение нейропсихологического подхода позволяет, отчасти, компенсировать недостаточность учета биологической составляющей при изучении жизнеспособности в контексте психологического изучения. Выявлено преобладание симптомов слабости премоторной области головного мозга у молодежи, проживающей на территории экологического неблагополучия. Данные согласуются с результатами, полученными ранее в нейропсихологических исследованиях детских популяций, проживающих на указанной территории.

Ключевые слова: жизнеспособность, нейропсихологические показатели, молодежное население, экологическое неблагополучие, области мозга.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00151 «Изучение жизнеспособности молодежного населения региона экологического и социального неблагополучия (на примере школьников и студентов Забайкальского края)».

Введение

Необходимость и значимость системного взгляда на феномены психики давно оформлена в принцип системности в психологии и других смежных отраслях знания. Экопсихологическая проблематика, как и любая другая, так же наиболее глубоко может быть разработана лишь в контексте системного, комплексного подхода (Сараева, Суханов, 2010). Учет особенностей жизненной среды является краеугольным камнем во многих современных психологических исследованиях (Сараева, 2010), где вместе с другими факторами оценивается экопатогенное влияние на качество психического функционирования.

В этом контексте системность предполагает учет не только разнообразных факторов, сопряженно действующих с экологически неблагоприятными, но и структурных уровней психики и ее составляющих, состояние которых может быть обозначено в некоторых случаях как следствие полифакторного влияния, а в некоторых – как его же предпосылка. Биологические (Горлачев, 2003), медицинские (Говорин, 2005), психологические (Сараева, 2008) исследования, проведенные на территориях экологического неблагополучия Забайкалья, красноречиво иллюстрируют сложность изучения проблемы психического функционирования и доказательно обосновывают необходимость комплексного ее решения. Комплексность же может предполагать включение более широких масштабных понятий, но способствующих конкретизации исследуемых особенностей. Одним из таких психологических конструктов может быть жизнеспособность, под которой понимают и психологическую способность, и биопсихосоциальный процесс и результат (Махнач, 2016).

Исходя из тенденций глобализации науки, использование и изучение сути и структуры такого междисциплинарного (там же) понятия, как жизнеспособность, не может ограничиваться рассмотрением лишь социально-психологических его компонентов. Рядоположенные психологические конструкты в некоторых работах подразделяются на уровни (например, адаптация – уровни психофизиологический, психический, и социально-психологический) (Сараева, 2010). Вероятно, и жизнеспособность может иметь разные уровни.

В рамках психологического исследования изучение базисных уровней (в данном случае биопсихологических) может быть весьма затруднительно без использования специальных «инструментов». Нейропсихологический подход, предложенный А. Р. Лурией для оценки локальных поражений мозга, давно зарекомендовал себя в качестве

глубокого и продуктивного для изучения индивидуальных особенностей состояния психических функций детей и взрослых при наличии/отсутствии каких-либо дефектов. Он же может быть весьма эффективным при исследовании популяционных закономерностей психического функционирования. «Такие закономерности могут быть обнаружены при нейропсихологическом скрининге больших выборок детей...» и взрослых, «...находящихся в определенных условиях онтогенеза, к которым относятся социально-экономические, экологические, климато-географические и некоторые другие» (Поляков, 2003, с. 199). А сами нейропсихологические показатели, в качестве индивидуальных характеристик, изучаемых на популяционном уровне, вполне могут описывать биопсихологические составляющие жизнеспособности.

С применением нейропсихологической квалификации особенностей психического функционирования, неоднократно проведенной в регионах экологического неблагополучия (Хомская, 1997; Горина, 2000; Морозова, 2007), начиная с работ, посвященных изучению нейропсихологических показателей у ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС (Нейропсихология, 2003), появляется возможность для невозможного в обычном классическом психологическом исследовании прямого учета нейропсихологических и психофизиологических последствий и механизмов компенсации экотоксического воздействия на мозговом уровне. Исходя из этого, внедрение нейропсихологического аспекта в исследование жизнеспособности как междисциплинарного метапонятия может быть очень продуктивным.

Организация и методика исследования

Целью нашей работы является определение нейропсихологических особенностей состояния психических функций как биопсихологических показателей жизнеспособности молодежного населения региона экологического и социального неблагополучия (на примере студентов Забайкальского края).

Гипотеза исследования основывается на положении о полифакторной обусловленности развития и функционирования психики. Предполагается, что проживание в условиях экологического неблагополучия может быть условием наличия нейропсихологических особенностей состояния психических функций молодежного населения региона экологического и социального неблагополучия (на примере студентов Забайкальского края) и быть как следствием, так и предпосылкой жизнеспособности.

Методика исследования

Для достижения поставленной цели на основании модификаций нейропсихологической диагностической системы А. Р. Лурии – методики нейропсихологического блиц-обследования Т. Г. Визель (Визель, 2005) и схемы нейропсихологического обследования, предлагаемой в учебнике по нейропсихологии (Хомская, 2003), нами была разработана *схема нейропсихологического обследования, состоящая из 45 проб*. Все задания апробированы в работе с детьми и взрослыми Забайкальского края в процессе многолетней работы в Краевой психиатрической больнице им. В. Х. Кандинского по нейропсихологической диагностике состояния высших психических функций у больных психическими пограничными расстройствами, а также в негосударственном психотерапевтическом центре «Катарсис» г. Читы при работе с людьми условной нормы. Разработанная нами схема включает нейропсихологические пробы на исследование двигательных, перцептивных, речевых, мнестических, интеллектуальных функций, а также счета, чтения, письма.

Выборку пилотажного нейропсихологического обследования составили 38 студентов ЗабГУ в возрасте 19–21 года (33 девушки, 5 юношей), постоянно проживающих в городе Чита, который признан зоной экологического неблагополучия (Государственный доклад..., 2003).

Результаты исследования

Обобщенные данные обследования показали, что у подавляющего большинства обследуемых на первый план выступают симптомы слабости премоторной области головного мозга (таблица 1), проявляющиеся в трудностях выполнения проб на динамический праксис и слухомоторные координации (у 98%). В речевой сфере так же были отмечены ошибки, свидетельствующие о заинтересованности фактора серийной организации психической деятельности, локализуемого в вышеуказанной премоторной области (нарушение последовательности воспроизведения слогов, слов при повторении, при воспроизведении по памяти, персеверации элементов при письме). Также значительная частота встречаемости приходится на симптомы поражения теменно-височно-затылочной области, что проявляется слабостью пространственных ориентировок (а именно трудностями понимания логико-грамматических конструкций, решения математических задач, копирования пространственно-ориентированных изображений и др.). В своем большинстве признаки слабости пространственного фактора приходятся на испытуемых женского

Таблица 1

Число испытуемых, у которых при нейропсихологическом обследовании обнаруживаются признаки слабости зон головного мозга

Зона Мозга	Всего человек	%	Число девушек	%	Число юношей	%
Лобная премоторная	35	92	32	96	3	60
Теменно-височно-затылочная	27	71	26	78	1	20
Передне-теменная	6	15	4	12	2	40
Затылочная	5	13	5	15	–	–
Височная	4	10	2	6	2	40
Лобная префронтальная	2	5	–	–	2	40
Подкорковые структуры	1	2	–	–	1	20

пола. Эти особенности в литературе нередко описываются как гендерно обусловленные (Нейропсихология, 2003).

Полученные результаты согласуются с ранее выявленными данными о локализации дисфункций в головном мозге у детей, проживающих на территории экологического неблагополучия Забайкалья (Морозова, 2007), свидетельствующими о дисфункции стволово-диэнцефальных структур и лобно-теменных областей. В психологическом плане выявленные особенности могут проявляться в слабости последовательности осуществления психической деятельности, что, вероятно, косвенно позволяет компенсировать ее энергозатратность и может быть расценено как специфический нейропсихологический механизм жизнеспособности, выявленный у молодежного населения, проживающего на территории экологического неблагополучия Забайкалья.

В планах нашей работы проведение популяционного изучения состояния психических функций молодежи, проживающей на территориях чрезвычайной экологической ситуации Забайкальского края (г. Балей и г. Краснокаменск) с увеличением числа наблюдений. По данным предлагаемого пилотажного исследования, апробированная схема вполне соответствует задачам и может быть рекомендована к дальнейшему использованию.

Заключение

Исследование таких междисциплинарных понятий как жизнестойкость может быть весьма эффективным с использованием нейропси-

хологического подхода. Определяемая с его помощью преобладающая функциональная слабость премоторных зон головного мозга у молодежи, проживающей на территории экологического неблагополучия Забайкалья, расценивается как специфический нейропсихологический механизм жизнеспособности.

Литература

- Визель Т. Г.* Нейропсихологическое блиц-обследование. М., 2005.
- Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в Читинской области за 2002 г.». Чита, 2003.
- Горина И. С.* Нейропсихологические синдромы нарушения психических функций у участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М., 2016.
- Морозова И. Л.* Нейропсихологическая структура задержки психического развития дошкольников, проживающих на территории экологического неблагополучия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Нейропсихология: Учебник для вузов. 3-е изд. СПб., 2003.
- Поляков Ю. В.* Нейропсихология в скрининговых исследованиях детских популяций // А. Р. Лурия и психология XXI века: Доклады Второй Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия / Под ред. Т. В. Ахутиной и Ж. М. Глоzman. М., 2003. С. 198–205.
- Сараева Н. М.* Обоснование необходимости применения принципа системности в эконейропсихологическом исследовании // Гуманитарный вектор. № 1. 2010. С. 93–99.
- Сараева Н. М., Суханов А. А.* Показатели психофизиологического и психологического уровней психологической адаптации человека в условиях жизненной среды Забайкальского края // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2010. № 5. С. 234–239.
- Хомская Е. Д.* Компьютерное изучение произвольной регуляции движений у лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС // Нейропсихология: Хрестоматия. 3-е изд. / Под ред. Е. Д. Хомской. СПб., 2010. С. 670–677.
- Хомская Е. Д.* Анализ последствий Чернобыльской катастрофы с позиций экологической нейропсихологии // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 84–95.

Neuropsychological Aspect of Resilience Study of the Youth Population of the Region of Ecological and Social Distress (research analysis of Transbaikal students)

I. Galiakberova (Chita)

Candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of theoretical and applied psychology, Transbaikal State University

The study of resilience using the neuropsychological approach in diagnosis the state of the mental functions of the youth population of the region of ecological and social distress (for example, students in Zabaykalsky Krai) is described. Neuropsychological results are considered as bio-psychological components of the resilience. The study of resilience and its bio-psychological part by neuropsychological way allows to compensate the lack of the biological component in the context of psychological study. The symptoms of the weakness of the premotor brain zone prevail in youth population living in the Ecological Trouble Region. Data are consistent with the results previously obtained in neuropsychological studies of childhood populations living in the specified territory.

Keywords: resilience, neuropsychological indicators, youth population, environmental problems, brain zone.

Некоторые особенности структуры индивидуального опыта, выявляемые по активности специализированных нейронов¹

А. Г. Горкин (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: agorkin@yandex.ru*

Регистрация активности нейронов в поведении животных позволяет выявлять специализированные относительно элементов индивидуального опыта нейроны. Активность таких нейронов в поведении вне времени реализации специфического акта отражает состояние соответствующих компонентов опыта при реализации других компонентов, что позволяет реконструировать структуры опыта, лежащие в основе наблюдаемого поведения. Применение хронической регистрации нейронной активности в разнообразных формах поведения позволило выявить отношения между компонентами разных доменов опыта и сравнить количественно отношения внутри одного домена опыта и между доменами. Было показано, что компоненты опыта внутри домена связаны большим числом отношений, чем между доменами.

Ключевые слова: структура индивидуального опыта, нейронная активность, специализированные нейроны, компоненты опыта, отношения компонентов опыта.

На современном этапе развития психологии ее предметом может считаться структура индивидуального опыта (Пономарев, 1973). В таком случае все психические явления являются проявлениями или аспектами формирования и реализации структуры индивидуального опыта во взаимодействии организма с окружающей средой.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0158-0009-2017 в рамках исследовательской программы Ведущей научной школы РФ (НШ-9808.2016.6).

Эта структура реализована в индивиде на субстрате головного мозга (Швырков, 2006) и может быть исследована объективными методами регистрации его активности. Для возможности объективного изучения структуры индивидуального опыта принципиально важным было открытие феномена специализации нейронов относительно поведенческих актов (Швырков, 2006, Александров и др., 1997), так как поведенческий акт является базовой единицей индивидуального опыта взаимодействия со средой. Также крайне важным является предложенный В.Б. Швырковым принцип системоспецифичности нейрона, утверждающий принадлежность специализированного нейрона только одной функциональной системе поведенческого акта разного фило- или онтогенетического возраста (Швырков, 2006). Соответственно нейроны, принадлежащие системам филогенетически древним или онтогенетически ранним, считаются специализированными относительно «прасистем», т. е. таких систем, которые у взрослого индивида представлены не целостными актами, а их составляющими. Целостная структура индивидуального опыта может быть разделена на две составляющие – репертуар компонентов и отношения между этими компонентами, которые увязывают их в целостную динамически реализующуюся структуру.

Проведенные нами исследования активности корковых нейронов в поведении животных позволили выдвинуть положение о специализации нейрона относительно этапа обучения (Горкин, 1988; Швырков, 2006), а также уточнить, какие именно компоненты сформированного в экспериментальной ситуации поведения соответствуют нейронным специализациям или другими словами описать реальные компоненты поведенческого репертуара животного. Так, дополнительно к специализациям относительно отдельных поведенческих актов, соответствовавших этапам формирования поведения, было обнаружено большое количество специализаций, охватывающих последовательности поведенческих актов. Также были найдены нейроны, чьи активации наблюдались внутри поведенческого акта при таком соотношении организма со средой, которое было этапным результатом во время обучения, но перестало соответствовать отдельному акту после завершения формирования поведения (нейроны «середины стенки») (Горкин, 1988). Эти результаты показали значимость для выделения реальных компонентов структуры индивидуального опыта регистрации активности отдельных нейронов и ее сопоставления с поведением. Анализ специфической активации нейрона в сравнении с активностью вне времени реализации специфического акта показал, что она является особой формой активности нейрона не только по критерию свя-

занности с одним определенным актом, но и по таким параметрам как вариативность частоты импульсации (Горкин, Шевченко, 1990) и тип связи с временными параметрами реализуемого поведения (Горкин, Кузина, 2017).

Кроме выявления компонентного состава структуры индивидуального опыта, регистрация активности специализированных нейронов позволяет выявлять отношения между его компонентами. В соответствии с принципом системоспецифичности нейрона уровень активности специализированного нейрона отражает состояние специфического элемента опыта в диапазоне от полного исключения из субъекта поведения до уровня, соответствующего реализации этого элемента (Швырков, 2006). В таком случае активность специализированного нейрона вне времени реализации специфического акта отражает уровень актуализации представленного этим нейроном компонента индивидуального опыта при реализации другого компонента (Александров, 2006). Так, на основе анализа активности большой выборки специализированных нейронов в циклическом пищедобывательном поведении животных нами были выявлены отношения компонентов, соответствующие структуре реализуемого циклического поведения, а также связанные с общностью движений и целей реализуемых поведенческих актов (Горкин, Шевченко, 1995). В той же работе было показано различие отношений в структуре опыта при разных последовательностях формирования идентичного циклического поведения у разных индивидов, что было названо отражением истории обучения (там же). В той же работе было показано различие отношений в структуре опыта при разных последовательностях формирования идентичного циклического поведения у разных индивидов, что было названо фактором истории обучения (там же). Специальный анализ всей совокупности зарегистрированных в этой работе нейронов позволил выявить типы отношений компонентов индивидуального опыта, сходные с некоторыми отношениями, выявляемыми при анализе поведения испытуемых в игре с нулевой суммой (Александров и др., 1999).

Новые возможности выявления закономерностей строения и функционирования структуры индивидуального опыта открываются с применением методики длительной регистрации нейронной активности хронически живленными счетверенными микроэлектродами – тетрами (Горкин, 2011). Без применения хронической регистрации исследование структуры индивидуального опыта по нейронной активности было ограничено одной формируемой в экспериментальной клетке формой поведения животного. Это позволяло выявлять отношения компонентов индивидуального опы-

та только в рамках одного его раздела – опыта циклического пищедобывательного поведения. Применение хронической регистрации позволило расширить репертуар форм поведения, сопоставляемых с активностью регистрируемого нейрона, до большинства характерных для жизни экспериментального животного в условиях лаборатории. Была разработана модель эксперимента, предполагавшая многократное повторение не только формируемого циклического пищедобывательного поведения, но и естественно возникающих эпизодов поискового, комфортного, ориентировочного, питьевого поведения. Также за счет введения в эксперимент определенных манипуляций проводили регистрацию нейронной активности при многократно повторяющихся эпизодах оборонительного и межиндивидуального поведения. Многократное повторение сходных поведенческих эпизодов необходимо для выявления специализированных относительно них нейронов, так как применяемый нами критерий 100% активации во всех реализациях конкретного акта становится статистически достоверным только при достаточном числе актов – около 10. Проведенные эксперименты по регистрации активности корковых нейронов в разнообразных формах поведения позволили обнаружить в той же корковой структуре, где были зарегистрированы нейроны пищедобывательных специализаций, специализации относительно актов оборонительного, поискового и исследовательского поведения. Кроме того, представляется принципиально важным, что расширение поведенческого репертуара, с которым сопоставлялась активность нейронов, не привело к обнаружению клеток, демонстрировавших активации, соответствующие критерию специфических, в актах разных форм поведения. На наш взгляд, это является важным аргументом в пользу упомянутого выше принципа системоспецифичности нейрона.

Расширение поведенческого репертуара при регистрации нейронной активности позволяет за счет анализа активности специализированных нейронов в актах разнообразных форм поведения выявлять отношения компонентов опыта, связывающие подструктуры опыта (домены), лежащие в основе разных форм поведения. Критерием наличия отношения между специфическим компонентом и другим компонентом, наблюдавшимся в сессии регистрации нейронной активности, нами было выбрано наличие при реализации такого неспецифического компонента закономерного (неслучайного) уровня активности специализированного нейрона. Такой закономерный уровень активности выявлялся на основании статистического сравнения выборок активности специализированного нейрона в реализациях пар неспецифических актов и проявлялся

в достоверных различиях активности в парах актов. Набор выявляемых таким образом отношений компонентов опыта по активности одного специализированного нейрона мы назвали проекцией структуры индивидуального опыта на конкретный нейрон. Таким образом, в отличие от выявлявшихся в экспериментах с кратковременной регистрацией активности нейронов отношений компонентов опыта на основе усреднения распределения активности группы нейронов с одинаковой специализацией в последовательности актов пищедобывательного цикла (Горкин, Шевченко, 1995), мы можем выявлять присутствие отношения между компонентами опыта по активности одного специализированного нейрона. В то же время эти проекции отличаются у нейронов с идентичной специализацией (там же) и тем более для разных специализаций. Поэтому более полно и убедительно свидетельствует о наличии определенных отношений между компонентами опыта из разных доменов картина, получаемая на основании анализа группы нейронов, специализированных относительно компонентов конкретного домена опыта. Наиболее представленными по количеству были специализации относительно пищедобывательного и оборонительного поведения, что позволило поставить вопрос об отношениях, которые могут связывать компоненты этих разных доменов опыта между собой. А также количественно сравнить отношения внутри одного домена и между компонентами опыта из разных доменов. Для выявления отношений между доменами опыта пищедобывательного и оборонительного поведения животного мы строили матрицу статистических сравнений активности конкретного специализированного нейрона в выборках реализаций всех возможных пар актов, регулярно наблюдавшихся в экспериментальной сессии регистрации нейронной активности. Такое сравнение показало, что количество отношений между компонентами опыта внутри домена одной формы поведения достоверно больше, чем между компонентами разных доменов. Кроме того, удалось показать асимметрию в отношениях между этими доменами индивидуального опыта животного – в активности специализированных относительно компонентов оборонительного поведения нейронов чаще удавалось выявить отношения с компонентами пищедобывательного поведения, чем у специализированных относительно компонентов пищедобывательного поведения.

Таким образом, представленные результаты проделанной работы свидетельствуют о больших возможностях в формировании общих принципов реконструкции структуры индивидуального опыта на основании регистрации активности нейронов в поведении животных.

Литература

- Александров И. О. Формирование структуры индивидуального знания. М., 2006.
- Александров И. О., Максимова Н. Е., Горкин А. Г., Шевченко Д. Г., Тихомирова И. В., Филиппова Е. В., Никитин Ю. Б. Комплексное исследование структуры индивидуального знания // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 49–69.
- Александров Ю. И., Греченко Т. Н., Гаврилов В. В., Горкин А. Г., Шевченко Д. Г., Гринченко Ю. В., Александров И. О., Максимова Н. Е., Безденежных Б. Н., Бодунов М. В. Формирование и реализация индивидуального опыта // Журнал высшей нервной деятельности. 1997. Т. 47. № 2. С. 243–260.
- Горкин А. Г. Специализация нейронов в обучении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.
- Горкин А. Г. Параметры оптимальной фильтрации сигнала при тетродной регистрации нейрональной активности // Журнал высшей нервной деятельности. 2011. Т. 61. № 5. С. 1–11.
- Горкин А. Г., Кузина Е. А. Корреляция дифференцированности нейронной активности ретроспленальной коры и параметров инструментального поведения // Нейронаука для медицины и психологии: 13 Международный междисциплинарный конгресс. Судак, Крым, Россия, 30 мая–10 июня 2017 г. М., 2017. С. 129–130.
- Горкин А. Г., Шевченко Д. Г. Стабильность поведенческой специализации нейронов // Журнал высшей нервной деятельности. 1990. Т. 40. № 2. С. 291–300.
- Горкин А. Г., Шевченко Д. Г. Различия в активности нейронов лимбической коры кроликов при разных стратегиях обучения // Журнал высшей нервной деятельности. 1995. Т. 45. № 1. С. 90–100.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М., 1983.
- Швырков В. Б. Системно-эволюционный подход к изучению // Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М., 2006.

Some features of the structure of individual experience, revealed by the activity of specialized neurons

A. G. Gorkin (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

Recording the activity of neurons in animal behavior allows you to identify the neurons specialized in relation to elements of individual experience. The activity of these neurons in behavior outside the specific act reflects the state of the respective components of the experience during realization of other components that allows to reconstruct the structure of experience underlying the observed behavior. The chronic registration of neural activity in various forms of behavior allowed to identify the relationships between the components of different domains of experience and to compare quantitatively the relationships within a single domain of experience and between domains. It has been shown that the components of experience within a domain are connected by a large number of relations than the components of different domains.

Keywords: structure of individual experience, neural activity, specialized neurons, components of the experience, the relationship of the components of the experience.

Электрические осцилляции у растений¹

Т. Н. Греченко*, А. Н. Харитонов**, А. В. Жегалло** (Москва)

* доктор психологических наук,
ведущий научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: grecht@mail.ru

** кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: ankhome47@list.ru

*** кандидат психологических наук,
научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: zhegs@mail.ru

Ритмические осцилляции регистрируются у организмов разной сложности как у прокариот, так и у более высоко организованных многоклеточных существ. Предполагается, что весь имеющийся набор ритмов подготовлен эволюционно. Для проверки идеи об эволюционной консервативности основных ритмов осцилляторной активности были выполнены электрофизиологические эксперименты на срезах плодов растений – яблоках *Malus domestica* 'Jonagold' и моркови *Daucus carota subsp. Sativus*. Анализ спектрального состава ритмической активности показал локализацию пиков в области 7–12, 15–16, 28–32 Гц, а кросскорреляционный анализ активности, отводимой одновременно двумя электродами, выявил динамичные связи между разными зонами плода. Полученные результаты подтверждают правомерность предположения о сохранении в эволюции частотных параметров электрических осцилляций, существенных для взаимодействия организма со средой.

Ключевые слова: осцилляции, растения, эволюция, ритмическая активность, коммуникация.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0009 и 0159-2017-0004.

Введение

Механизмы и функциональное значение ритмов до сих пор остаются предметом дискуссий. Многообразное и противоречивое понимание функциональной роли электрической ритмики демонстрирует отсутствие прямой связи между нейрофизиологическим проявлением мозговой активности и ее значением для реализации определенного поведения. Поскольку ритмические осцилляции регистрируются у организмов разной сложности и у существ, не имеющих нервной системы, можно предполагать, что весь имеющийся набор ритмов подготовлен эволюционно, а актуальный, реализуемый в данный момент частотный паттерн связан с текущим состоянием. Ранее полученные результаты доказали справедливость этого предположения – осцилляторная электрическая активность сходных частотных диапазонов присутствует, как у прокариот (цианобактерий, сенной палочке и др.), так и у более высоко организованных многоклеточных существ (пиявке, моллюске) (Греченко и др., 2015). Для повышения уровня значимости идеи об эволюционной консервативности основных ритмов осцилляторной активности, нужно проверить ее распространение и на представителей мира флоры – растения.

Методика исследования

Электрофизиологические опыты выполнены на срезах моркови *Daucus carota subsp. sativus* и яблока *Malus domestica 'Jonagold'*. Толщина срезов 2–2,5 мм. Для отведения электрической активности применяли стеклянные электроды, заполненные 1 М раствором KCl. В части опытов использовалась регистрация одновременной двумя электродами, помещенными в разные области среза плода. Фрагменты записи электрической активности оцифровывались и подвергались спектральному анализу в среде статистической обработки R 3.0 (R Development Core Team, 2011). Спектральный анализ выполнялся для исходной записи путем построения периодограммы с использованием быстрого преобразования Фурье. 95% доверительные интервалы мощности спектра вычислялись на основе аппроксимации χ^2 распределением. Наличие электрической связи между парой локусов биопленки при их одновременной регистрации выявлялась при помощи кросскорреляционного анализа. Длительность оцифрованных участков была равна 3 с.

Результаты исследования

Регистрация макроэлектродами от клеток плодов моркови *Daucus carota subsp. sativus* и яблока *Malus domestica Jonagold* позволила обнаружить ритмическую электрическую осцилляторную активность, организованную в веретена (рисунок 1А). Следовательно, эти клетки имеют генераторы осцилляций, синхронизация которых порождает различные ритмы. Анализ спектрального состава показал локализацию пиков в области 7–12, 15–16, 28–32 Гц (рисунок 1Б). В части опытов применялась регистрация двумя электродами, расположенными в разных зонах исследуемого объекта (рисунки 1Аа, б). В этом случае анализировалось взаимодействие между клетками плода, разделенными некоторым расстоянием – в проведенных опытах это 0,3–1,5 см. Кросс-коррелограммы показали, что между клетками плода устанавливаются функциональные отношения, которые претерпевают определенные изменения во времени (рисунок 1Ва, б). Длительность регистрации осцилляторной активности, организованной в специфические паттерны – веретена, группы осцилляций или одиночные волны – может быть разной как на срезах одного и того же плода, так и у разных плодов. Через 2–3 часа после изготовления препарата электрическая активность срезов плодов снижается – амплитуда колебаний падает, а вспышки веретена или групп происходят значительно реже. Есть и отличия в ритмической активности, зарегистрированной от целого плода, без изготовления среза. Электрическая регистрация суммарной активности показала, что свежие срезы яблока, моркови, а также проросшие горошины и корни картошки имеют ярко выраженные осцилляторные колебания.

Обсуждение полученных результатов

Эксперименты, выполненные на живых существах разного таксономического положения и эволюционного возраста, показывают наличие осцилляторной ритмической электрической активности не только у разных представителей животного мира, но и у растений. Электрические сигналы у растений были впервые описаны еще в XIX в. Работы Дж. Бурдон-Сандерсена и Ч. Дарвина, а потенциалы действия зарегистрированы уже в XX в. у целого ряда различных растений. Нейроны и клетки растений имеют общую способность генерировать спонтанные потенциалы действия и с их помощью передавать электрические сигналы по тканям мультиклеточных организмов (Trewavas, 2016). То, что растения имеют не только элек-

трическую возбудимость, но и способны генерировать потенциалы действия и ритмические осцилляции, показано во многих работах (Воденеев и др., 2007; Токо et al., 1990), в частности, в исследовании Хойта (1947) рассмотрены осцилляции, зарегистрированные от проростков картофеля. Получены факты о роли электрических сигналов во многих жизнеобеспечивающих процессах – дыхании, потреблении воды, сбрасывании листьев и др., однако большая часть исследований проведена в условиях применения воздействий, повреждающих наземную часть растения.

В опытах, выполненных на плодах растений – в данном случае яблоках и моркови – осцилляторные электрические ритмы представлены в традиционных для нейрофизиологии частотных диапазонах. Это дает основания считать, что выдвинутое предположение о сохранении в эволюции параметров электрических сигналов, существенных для взаимодействия организма со средой (внутренней и внешней), справедливо. Тем не менее, необходимо отметить, что частотные диапазоны ритмической активности в проведенных опытах выше, чем в работах таких авторов, как Токо и др. (1990) и Хойт (1947). Можно предположить, что причина заключается в различии исследуемых объектов – работы этих авторов выполнены на ростках картофеля, на стеблях и листьях растений. В нашем случае регистрации проведены на плодах. Весьма существенным может оказаться и вид механизма синхронизирующего осцилляторы отдельных клеток. В плодах – яблоке и моркови – клетки, имеющие генераторы ритмов, образуют весьма плотные объединения, в которых электрический сигнал может быстро вовлекать значительное число единиц, тем самым объединяя во времени многие электрически выраженные события. При этом возможно объединение при помощи межклеточных контактов и непосредственное действие электрического поля на все ткани, окружающие клетку-генератор. В опытах показана роль различных ионов в распространении сигналов – например, роль входа кальция и выхода хлора и калия в распространении электрического сигнала внутри жилок на листьях. Изменение концентрации этих ионов в клетке может оказаться важным для внутриклеточных и для дистантных коммуникаций. У растений не обнаружены «настоящие» синапсы, однако имеются их функциональные аналоги. Кроме того, в исследованиях по молекулярной биологии растений идентифицированы нейротрансммиттеры, типичные для нервных систем животных, а также ацетилхолин эстераза, глутаматные рецепторы, ГАБА рецепторы, эндоканнабиноидные сигнальные компоненты, показана сигнальная функция АТФ, NO и ROS (Ripoll et al., 2009). Один из хорошо изученных и ши-

роко распространенных возбуждающих нейромедиаторов – это глутамат, который действует через глутаматные рецепторы синапсов. Эти глутаматные рецепторы присутствуют и у прокариотических бактерий, и у растений (Davenport, 2002). Важно, что рецепторы растений имеют все свойства, типичные для них у нейронов, а глутамат вызывает у растений генерацию потенциалов действия. Это приводит к предположению о том, что и в этом случае глутамат выполняет функцию нейротрансмиттера при коммуникации типа «клетка–клетка». На растениях есть области, отвечающие на действие глутамата быстрой деполяризацией плазматической мембраны, и этот ответ блокируется специфическим антагонистом ионотрофного глутаматного рецептора 2-amino-5-phosphonopentanoate (Davenport, 2002).

Несмотря на отсутствие у растений нервной системы, появляется все больше свидетельств того, что они обмениваются информацией. Хорошо известно, что повреждение листьев травоядными животными может привести к защитным реакциям у рядом расположенных растений (Moreira et al., 2016; Liechti, Farmer, 2006). В опытах на плодах яблока с одновременной регистрацией активности из двух разных зон мы получили результаты, показывающие взаимодействие между отдаленно стоящими клетками. Эти «диалоги» показывали изменение приоритета регистрируемых областей плода и были весьма динамичны.

Растения выполняют нейроподобные операции не только для того, чтобы приспособиться к быстро изменяющимся физическим условиям, но и для того, чтобы обмениваться информацией с другими растениями того же вида (Karban, 2008; Trewavas, 2017). Результаты многих исследований показывают, что растения могут запоминать определенные воздействия, угрожающие их жизни. Роль запоминания заключается в усилении интегративного ответа на многие изменяющиеся стимулы, постоянно поступающие из окружающей среды (Ripoll et al., 2009; Volkov et al., 2014).

Результаты опытов показали, что вольт-управляемые К-каналы возбудимой ткани растений имеют свойства, которые помогают понять механизмы обучения, памяти и биологических часов (Baluška, Mancuso, 2009).

Заключение

Ритмические осцилляции регистрируются у организмов разной сложности, начиная с прокариот. Электрофизиологические опыты выполненные на срезах моркови *Daucus carota subsp. sativus* и ябло-

ка *Malus domestica* 'Jonagold' показали присутствие ритмической осцилляционной активности, а анализ спектрального состава показал локализацию пиков в области 7–12, 15–16, 28–32 Гц. Следовательно, весь набор основных ритмов – альфа, бета, дельта – подготовлен эволюционно и присутствует у всех живых существ, включая растения.

Литература

- Воденев В. А., Опритов В. А., Мысягин С. А., Пятыгин С. С. Дистанционные электрические сигналы у растений: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 2007.
- Греченко Т. Н., Харитонов А. Н., Жегалло А. В., Александров Ю. И. Психфизиологический анализ осцилляторных процессов в поведении биосоциальных систем // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 75–87.
- Baluška F. Recent surprising similarities between plant cells and neurons // Plant Signaling and Behavior. 2010. V. 5. № 2. P. 87–89.
- Davenport R. Glutamate receptors in plants // Annals of Botany. 2002. V. 90. P. 549–557.
- Hoyt R. C. Potential oscillations in the onion root resulting from current flow // J. Cell Comp Physiol. 1947. V. 29. № 2. P. 131–147.
- Moreira X., Nell C. S., Katsanis A., Rasmann S., Mooney K. A. Herbivore specificity and the chemical basis of plant–plant communication in *Baccharis salicifolia* (Asteraceae) // New Phytol. 2016. V. 6. № 9 [Epub ahead of print] (дата обращения: 30 апреля 2017 г.).
- Ripoll C., LeSceller L., Verdus M.-C., Norris V., Tafforeau M., Thellier M. Memorization of abiotic stimuli in plants: a complex role for calcium // Plant–Environment Interactions From Sensory Plant Biology to Active Plant Behavior Editors / Ed. F. Baluška. 2009. P. 267–283.
- Shabala S., Shabala L., Gradmann D., Chen Z., Newman I., Mancuso S. Oscillations in plant membrane transport: model predictions, experimental validation, and physiological implications // Journal of Experimental Botany. 2006. V. 57. № 1. P. 171–184.
- Toko K., Souda M., Matsuno T., Yamafuji K. Oscillations of electrical potential along a root of a higher plant // Biophysical journal. 1990. V. 57. P. 269–279.
- Trewavas A. The foundations of plant intelligence // Interface Focus. 2017. V. 6. № 7 (3). 20160098 Epub 2017 Apr. 21. Review (дата обращения: 29.04.2017).
- Volkov A. G., Tucket C., Reedus J., Volkova M. I., Markin V. S., Chua L. Memristors in plants // Plant Signaling and Behavior. 2014. V. 9. e28152. Epub 2014 Feb. 20 (дата обращения: 30 апреля 2017 г.).

Electric oscillations at plants

*T. N. Grechenko**, *A. N. Kharitonov***, *A. N. Zhegallo**** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, leading researcher
of the Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, senior research officer
of the Institute of Psychology of RAS

*** Candidate of psychological Sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

Rhythmic oscillations are registered at organisms of different complexity both at procariotes and at more highly organized multicellular entities. It is supposed that all available set of rhythms is prepared evolutionarily. For check of the idea about evolutionary conservatism of the main rhythms of oscillatory activity electrophysiological experiments on cuts of fruits of plants – *Malus domestica* ‘Jonagold’ apples and *Daucus carota Sativus* were executed. The analysis of a spectral distribution of rhythmic activity showed localization of peaks in the area 7–12, 15–16, 28–32 Hz, and the crosscorrelational analysis of the activity which is taken away at the same time by two electrodes revealed dynamic communications between different zones of a fruit. The received results confirm legitimacy of the assumption of preservation in evolution of the parameters of the electric oscillations essential to interaction of an organism with environment.

Keywords: oscillations, plants, evolution, rhythmic activity, communication.

Сенсорная чувствительность у людей с хроническими заболеваниями

Т. А. Забродина, А. С. Сорокин (Тула)

** кандидат психологических наук, доцент кафедры
физкультурно-оздоровительных технологий Института физической
культуры, спорта и туризма Тульского государственного университета;
e-mail: tatzab53@mail.ru*

*** кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной физиологии
Медицинского института Тульского государственного университета*

Исследование посвящено изучению сенсорной чувствительности людей с тяжелой формой патологии (онкология, ДЦП, аллергодерматозы). Установлено, что, по сравнению со здоровыми лицами, уровень чувствительности у людей с хроническими заболеваниями зависит от вида патологии, и может быть как выше, так и ниже нормы.

Ключевые слова: сенсорная чувствительность, хронические заболевания.

Введение

Исследования сенсорно-перцептивных процессов у людей с различными формами психопатологии (шизофрения, психопатия, неврозы) свидетельствуют о нарушениях в работе их сенсорных систем по сравнению со здоровыми людьми (Бардин и др., 1972; Корж, Вайтквичус, 1972). Вместе с тем практически не изучены особенности сенсорных процессов у людей, страдающих хроническими соматическими заболеваниями. Такое исследование предпринято в нашей работе.

Организация и метод исследования

На первом этапе определялись показатели решения сенсорной задачи по зрительному различению длин линий с помощью психофизи-

ческого метода «да–нет» у 20 здоровых взрослых людей (64 серии испытаний). Существенных различий этих показателей в зависимости от возраста участников исследования выявлено не было.

На втором этапе те же показатели определялись у трех категорий людей, имеющих соматические заболевания (онкология, ДЦП, аллергодерматозы; 20 человек в каждой группе). Статистическая достоверность различий показателей у здоровых людей и людей, имеющих заболевание, оценивалась с помощью t-теста Стьюдента. Исследование проведено на базе стационарных отделений клинических больниц г. Тулы.

Результаты исследования

Представим сравнительные усредненные результаты исследования в таблице 1 и на рисунках 1–2.

Таблица 1

Характеристики сенсорного процесса у здоровых людей и при различных заболеваниях

Показатели	Здоровые люди	Онкология	ДЦП	Аллергодерматозы
Вероятность обнаружения	0,79	0,84	0,61*	0,97*
Вероятность ложной тревоги	0,14	0,32*	0,42*	0,42*
Время ответа	1,06	1,57*	2,12*	1,04
Показатель чувствительности	1,88	1,46*	0,48*	2,08

Примечание: Звездочкой отмечены значимые различия у людей с хроническим заболеванием по сравнению с контрольной группой здоровых людей.

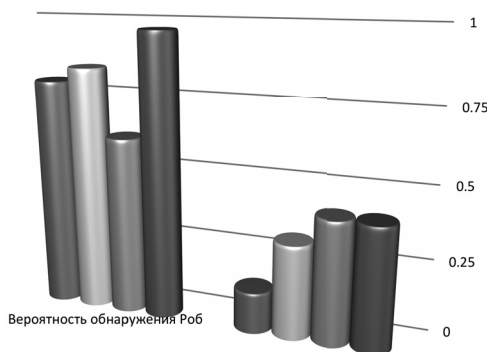

Рис. 1. Сравнительная динамика показателей вероятности обнаружения и вероятности ложной тревоги при различных заболеваниях и в норме

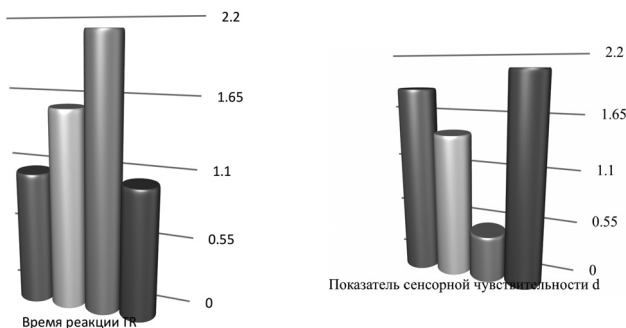

Рис. 2. Сравнительная динамика времени реакции у людей с хроническими заболеваниями и в норме

Рис. 3. Сравнительная динамика показателей сенсорной чувствительности при хронических заболеваниях и в норме

Вероятность обнаружения сигнала в группе ДЦП значительно ниже, чем у здоровых лиц ($p < 0,01$), а в группе аллергодерматозов она существенно выше, по сравнению с группой здоровых $p < 0,01$. Вероятность ложной тревоги во всех группах людей с хроническими заболеваниями значимо выше, чем у здоровых ($p < 0,01$). Время ответа по сравнению с здоровыми людьми существенно повышалось только у людей с онкологией и ДЦП ($p < 0,01$).

Полученные данные указывают на нарушения работы сенсорных систем при тяжелых хронических заболеваниях. Обращает на себя внимание некоторое повышение сенсорной чувствительности при аллергодерматозах. Избыточная чувствительность и реактивность являются характерными отличительными особенностями этих участников исследования.

Проведенное исследование посвящено изучению особенностей сенсорной чувствительности при хронических соматических заболеваниях (онкология, ДЦП и аллергодерматозы). Полученные результаты свидетельствуют о наличии нарушений сенсорного звена в системе приема и переработки зрительной информации у людей с исследованными хроническими заболеваниями. Динамика изменений носит разнонаправленный характер: у людей с онкологическим заболеванием и людей с ДЦП уровень сенсорной чувствительности существенно ниже, а у людей с аллергодерматозами – выше по сравнению со здоровыми людьми. Временные характеристики сенсорного процесса также отличаются от нормы: время реакции сенсорного ответа увеличивается в группе людей с онкологическим заболеванием и, особенно, у людей с ДЦП.

Литература

Бардин К. В., Забродин Ю. М., Иваницкий А. М., Матвеева Л. В. Особенности регуляции сенсорно-перцептивного процесса при некоторых психических расстройствах // Психофизика сенсорных систем. М., 1979. С. 153–189.

Корж Н. Н., Вайткявичус Г. Г. О механизме сенсорных процессов при обнаружении сигналов у больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1972. Т. 72. Вып. 11. С. 1689–1694.

Sensory sensitivity of chronic patients

*T. A. Zabrodina**, *A. S. Sorokin*** (Tula)

* Candidate of Psychology, associate professor of the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism of Tula state University

** Candidate of Medical Sciences, associate professor of the Department of Normal Physiology of the Medical Institute of Tula state University

The aim of the work is to study of sensory sensitivity of patients with severe pathology (oncology, cerebral palsy, allergic dermatosis). It was found that, in comparison with healthy individuals, the level of sensitivity of patients depending on the type of pathology can be either higher or lower than normal.

Keywords: sensory sensitivity, chronic patients.

**Психофизиологические индикаторы
динамики эмоциональных состояний
в процессе социально-психологического тестирования
межэтнических и межконфессиональных установок¹**

С. А. Исайчев*, А. М. Черноризов**, Т. В. Адамович***, В. Н. Гудков****
(Москва)

* кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии
факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: Isaychev@mail.ru

** доктор психологических наук, заведующий кафедрой психофизиологии
факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: amchern53@mail.ru

*** студент кафедры психофизиологии факультета психологии
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: tadamovich11@gmail.com

**** старший преподаватель кафедры психофизиологии факультета
психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: gydkov-msu@mail.ru

Излагаются результаты пилотного исследования динамики эмоциональных состояний человека в процессе проведения социально-психологического тестирования на предмет выявления личностных установок в области межнациональных и межконфессиональных отношений. Суть примененного в исследовании подхода заключается в контроле эмоционального состояния респондента по комплексу психофизиологических реакций в процессе прохождения опроса. Для оценки интенсивности реакций на разные смысловые, эмоциональные и личностно значимые вопросы теста проводилось их сравнение с реакциями на физические стрессоры. Такой подход позволяет выявить наиболее стрессогенные группы вопросов, наиболее адекватно отражающих индивидуальную и популяционную струк-

1 Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 15-18-00109 и с использованием оборудования, приобретенного за счет средств «Программы развития Московского университета имени М. В. Ломоносова до 2020 года».

туру межнациональных и межконфессиональных личностных установок, а также повысить надежность и валидность социально-психологического тестирования.

Ключевые слова: психофизиологические методы, эмоциональные состояния, объективное тестирование, межнациональные и межконфессиональные личностные установки.

Постановка проблемы

Анализ отечественных и зарубежных исследований по использованию психофизиологических методов для диагностики эмоциональных состояний человека свидетельствует об их высокой эффективности при диагностике как явно выраженных эмоциональных проявлений, так и при воздействии эмоциогенных стимулов, не отражающихся на поведенческом уровне в виде мимических и пантомимических коррелятов эмоциональных переживаний (DePaulo et al., 2003; Matsumoto et al., 2011; Meijer et al., 2016; Vrij, Granhag, 2012). Сфера межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений достаточно стрессогенна, особенно в тех случаях, если человек уже сталкивался с проявлениями межнациональной и межконфессиональной напряженности. Вопросы анкеты или теста часто вызывают значительное эмоциональное и стрессовое напряжение, которое отражает степень личностной значимости содержания вопроса для данного реципиента. К сожалению, если личностные установки респондента по конкретному вопросу расходятся с общепринятыми, то срабатывает установка на социально одобряемые ответы, т. е. наиболее значимые для выявления исследуемой структуры взаимоотношений ответы оказываются «ложными».

Для нивелирования этого эффекта мы предлагаем использовать парадигму исследования, которая эффективно работает в области детекции скрываемой информации (Chernorizov et al., 2016; Isaychev et al., 2011; Сошников, Пеленицын, 2009). Значимость вопросов в этом случае оценивается по интенсивности и временным параметрам регистрируемых психофизиологических реакций, а также по их сравнению с аналогичными реакциями на нейтральные вопросы. Использование такой парадигмы исследования при проведении опросов в области межнациональных и межконфессиональных отношений позволяет предположить, что применение психофизиологических методов поможет выявить те группы вопросов, которые наиболее адекватно отражают индивидуальную и популяционную структуру межнациональных и межконфессиональных установок.

Организация экспериментального исследования

Основная *цель исследования* – поиск комплекса информативных социометрических, психофизиологических и поведенческих индикаторов, позволяющих качественно и количественно оценить степень воздействия вопросов социально-психологического теста, направленного на выявление структуры межнациональных и межконфессиональных установок экспериментальной группы реципиентов.

Выборку исследования составили 16 студентов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (11 женщин и 5 мужчин) в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст – 23,6 года). Все испытуемые не имели отклонений по состоянию здоровья и дали добровольное письменное согласие на участие в исследовании.

Процедура исследования

Эксперименты проводились на установке, которая состояла из набора аппаратных и программных средств и позволяла проводить синхронную регистрацию комплекса психофизиологических и поведенческих показателей во время предъявления различного по модальности и продолжительности стимульного материала. В качестве стимулов использовались: 1) громкие звуковые сигналы; 2) электрокожная стимуляция; 3) вспомогательные (не имеющие отношения к тематике теста) вопросы; 4) вопросы теста на выявление структуры личностных установок; 5) нейтральные вопросы; 6) контрольные вопросы. Вопросы предъявлялись на экране монитора компьютера. Ответы испытуемого в письменной форме регистрировались с помощью устройства сенсорного графического ввода (монитор-планшет Wacom CINTIQ 13HD).

Громкие звуковые сигналы служили для вызова ориентировочных или оборонительных реакций. По динамике затухания реакций на эти стимулы оценивались индивидуальные параметры стрессоустойчивости испытуемого. Электрокожная стимуляция использовалась в качестве безусловного стимула, и психофизиологические показатели ответов на эту стимуляцию использовались в качестве реперных точек для построения условной неметрической шкалы и последующего сравнения с реакциями на вопросы анкеты. Аналогичную функцию выполняли и вспомогательные вопросы, которые составляли две группы: нейтральные вопросы (Готовы ли вы к тестированию? Вы гражданин РФ? Где вы проживаете? В каком году вы родились?); контрольные или лично значимые (далее – значимые) вопросы (Насколько вы честны в своих ответах? Насколь-

ко вы жестоки? Вы когда-либо списывали на экзамене? Вам можно доверять?). Основные вопросы анкеты затрагивали различные этнические, религиозные и социально значимые аспекты поведения человека и его отношение к данным социально-психологическим категориям. Вопросы стимульных этапов сравнивались с фоновым этапом (регистрация показателей при отсутствии стимуляции).

Регистрация психофизиологических показателей активности центральной и периферической нервной системы (НС) проводилась с помощью портативных телеметрических устройств производства фирмы «Медиком-мтд» (г. Таганрог, РФ). В качестве показателей активности мозга рассматривались показатели мощности спектров в альфа- и бета-диапазонах и их соотношение (альфа/бета). Для анализа активности периферической НС использовались данные анализа электрокардиограммы (ЭКГ), электроокулограммы (ЭОГ), электромиограммы мимических мышц лица (M. Zygomaticus minor/major, M. buccinator, M. Corrugator supercilii), фотоплетизмограммы (ФПГ), сатурации гемоглобина кислородом (SpO₂), кожно-гальванической реакции (КГР), рекурсии абдоминального дыхания. Для регистрации поведенческих и мимических реакций использовалась веб-камера Logitech HD Webcam C525960-000723.

Сценарий исследования включал 7 временных этапов: этап 1 – «регистрация фона»; этап 2 – «громкие звуки» (испытуемому внезапно предъявляются громкие птичьи крики на фоне спокойной музыки); этап 3 – «электростимуляция» (испытуемый стимулируется электрическим током 35 мА после 10-секундного отсчета); этап 4 – «нейтральные вопросы»; этап 5 – «значимые вопросы»; этап 6 – «вопросы анкеты на межэтнические установки»; этап 7 – «вопросы анкеты на российскую гражданскую идентичность». В начале исследования испытуемого информировали о целях и условиях проведения опроса. Ориентировочное время прохождения испытуемым всего сценария – 40–45 мин.

Результаты исследования

После регистрации и первичной обработки психофизиологических показателей динамических изменений реакций центральной и периферической НС в ответ на предъявление разного рода стимульной информации полученные данные сводились в электронные таблицы Microsoft Excel и проводился анализ групповых и индивидуальных различий по всем экспериментальным этапам и регистрируемым показателям. Установлено, что по ряду психофизиологических показателей, отражающих интенсивность реакций и изменения

психоэмоционального состояния испытуемых на различные типы стимульного воздействия, имеются статистические достоверные различия. В представленных ниже таблицах в качестве примера приведены результаты статистического анализа индекса соотношения альфа- и бета-ритмов (таблица 1) и амплитуды систолической волны фотоплетизмограммы (АСВ ФПГ) (таблица 2). Аналогичный анализ проводился по всему комплексу других регистрируемых показателей (ЭКГ, КГР и др.).

Заключение

Результаты сравнительного анализа межгрупповых и межиндивидуальных различий показателей активности центральной и периферической НС на действие физических, эмоциональных и информационных стрессоров позволяют сделать ряд следующих выводов.

1. Этапы, связанные с подачей стимулов разного качества (содержания) и интенсивности, достоверно отличаются от фонового этапа. Это свидетельствует о том, что физические, эмоциональ-

Таблица 1

Оценка различий между отдельными фоновыми и стимульными этапами исследования по индексу соотношения альфа-бета-ритмов ЭЭГ

	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4	Этап 5	Этап 6	Этап 7
Этап 1	0	55	115**	103	106*	106*	106*
Этап 2	81	0	117**	109*	119**	122	118**
Этап 3	21**	19**	0	42	50	80	73
Этап 4	33	27**	94	0	68	105	99
Этап 5	30*	17**	86	68	0	106*	93
Этап 6	30*	14**	56	31	30*	0	68
Этап 7	30*	18**	63	37	43	68	0

Примечание: Этап 1 – «регистрация фона»; этап 2 – «громкие звуки» (испытуемому внезапно предъявляются громкие птичьи крики на фоне спокойной музыки); этап 3 – «электростимуляция» (испытуемый стимулируется электрическим током 35 мА после 10-секундного отсчета); этап 4 – «нейтральные вопросы»; этап 5 – «значимые вопросы»; этап 6 – «вопросы анкеты на межэтнические установки»; этап 7 – «вопросы анкеты на российскую гражданскую идентичность». Значения статистики критерия Вилкоксона: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Таблица 2

Оценка различий между отдельными фоновыми и стимульными этапами исследования по показателю амплитуды систолической волны фотоплетизмограммы (АСВ ФПГ)

	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4	Этап 5	Этап 6	Этап 7
Этап 1	0	77	138**	138**	139	133**	121**
Этап 2	76	0	138**	133**	136**	129**	112
Этап 3	15**	15**	0	51	73	86	73
Этап 4	15**	20**	102	0	106	112	98
Этап 5	14**	17	80	47	0	74	71
Этап 6	20**	24**	67	41	79	0	74
Этап 7	32*	41	80	55	82	79	0

Примечание: Обозначения, как в таблице 1.

ные и информационные стрессоры вызывают неспецифическую реакцию активации различных структур центральной и периферической НС.

2. Анализ межиндивидуальных различий показал, что у отдельных испытуемых различные типы стрессоров вызывают специфические паттерны реакций, которые могут отличаться количественно по своей интенсивности и могут быть описаны только комплексом психофизиологических показателей. Отсутствует индивидуальная специфика психофизиологической или поведенческой реакции, которая была бы связана с конкретным стрессором и регистрировалась бы у всех испытуемых одинаковым образом.
3. Сравнение реакций показателей активности центральной и периферической НС на действие физических, эмоциональных и информационных стрессоров показало, что интенсивность реакций на отдельные стрессоры определяется индивидуальными особенностями психофизиологической конституции и стрессоустойчивостью испытуемых.
4. Группы вопросов анкеты по шкале межэтнических установок, шкале российской гражданской идентичности, а также группа контрольных вопросов достоверно отличаются от фонового этапа. Это означает, что интенсивность реакций на смысловые, эмоциогенные и лично значимые вопросы сравнима с реакциями на физические стрессоры.

5. Применение психофизиологических методов в процессе проведения социально-психологического тестирования позволяет выявить стрессогенные группы вопросов, наиболее адекватно отражающих индивидуальную и популяционную структуру межнациональных и межконфессиональных установок, а также повысить надежность и валидность используемого теста.

Литература

- Сошников А. П., Пеленицын А. Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М., 2009.
- Chernorizov A. M., Isaychev E. S., Isaychev S. A. The Integral Emotional-Cognitive-Executive Approach to Detect an Intentionally Hidden Information // International Journal of Psychophysiology. Elsevier BV (Netherlands). 2016. V. 108. P. 86–87.
- De Paulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E., Muhlen-Bruck L., Charlton K., Harris C. Cues to deception // Psychological Bulletin. 2003. № 129. P. 74–112.
- Isaychev S. A., Edrenkin I. V., Chernorizov A. M., Isaychev E. S. Event-Related Potentials in Deception Detection // Psychology in Russia: State of the Art. 2011. V. 4. P. 438–447.
- Matsumoto D., Hwang H. S., Skinner L., Frank M. Evaluating truthfulness and detecting deception // FBI Law Enforcement Bulletin. 2011. URL: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/june>.
- Meijer E. H., Verschuere B., Gamer M., Merckelbach H., Ben-Shakhar G. Deception detection with behavioral, autonomic and neural measures: Conceptual and methodological considerations that warrant modesty // Psychophysiology. 2016. V. 53 (5). P. 593–604.
- Vrij A., Granhag P. A. Eliciting cues to deception and truth: What matters are the questions asked // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2012. V. 1 (2). P. 110–117.

Psychophysiological indicators of emotional states in the process of socio-psychological testing ethnic and religious attitudes

*S. A. Isaychev**, *A. M. Chernorizov***, *T. V. Adamovich****,
*V. N. Gudkov***** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, assistant professor of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Doctor of psychological Science, Full professor of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

*** Student Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

**** Senior lecturer, Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The article presents the results of the pilot study the dynamics of emotional states in the process of conducting socio-psychological testing to identify attitudes in the field of interethnic and interfaith relations. The essence of the applied research approach is to control the emotional state of the respondent's using complex of his/her psychophysiological responses in the process of test execution. To assess the intensity of responses to different semantic, emotional and personally important questions of the test have been compared with responses to physical stressors. This approach allows anyone to identify the most stressful issues, which most adequately reflect individual and population structure of ethnic and religious attitudes, and to increase the reliability and validity of socio-psychological testing.

Keywords: psychophysiological methods, emotional state, objective testing, ethnic and religious attitudes.

**Возрастная динамика активности мозга
в диапазоне медленных волн
при интеллектуальной работе за компьютером**

*О. И. Клочкова**, *И. В. Погорелова***, *М. С. Старцева***,
*Е. Ю. Воробьева*****, *А. А. Рыбченко******, *Г. А. Шабанов******
(Владивосток)

* кандидат физико-математических наук, доцент,
зав. кафедрой физики и математики, Тихоокеанский государственный
медицинский университет Министерства здравоохранения
Российской Федерации; e-mail: vgtm2012@bk.ru

** старший преподаватель кафедры физики и математики,
Тихоокеанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации;
e-mail: 2003liz@mail.ru

*** старший преподаватель кафедры физики и математики,
Тихоокеанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации;
e-mail: startsevams@mail.ru

**** старший преподаватель кафедры физики и математики,
Тихоокеанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации;
e-mail: helena_viktory@mail.ru

***** доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией
экологической нейрокибернетики, Научно-исследовательский центр
«Арктика» ДВО РАН; e-mail: neurokib@mail.ru

***** кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
лаборатории экологической нейрокибернетики, Научно-
исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН; e-mail: neurokib@mail.ru

Исследовалась биоэлектрическая активность мозга 14 человек в процессе второго сеанса позиционной компьютерной игры. Выделено 4 возрастных группы в возрастном диапазоне 22–58 лет с шагом 18 лет. Анализировались медленные спектры (менее 1 Гц), где функция биоэлектрической активности имеет максимумы или минимумы в за-

висимости от возраста. Выявлена тенденция изменения таких частот с возрастом в области медленной ритмики в правом полушарии. Показано, что функция значительно различается для каждого полушария в указанном диапазоне частот.

Ключевые слова: биоэлектрическая активность мозга, когнитивные процессы в мозге, возрастные изменения вызванной биоритмики мозга, взаимодействие с компьютером в процессе позиционной игры.

Постановка проблемы

Функциональная устойчивость и лабильность, отраженная в частотных характеристиках нервного субстрата, является одной из основных идей российской нейрофизиологической школы (Швырков, 1995). Психические явления понимаются не как статические неизменные в своей структуре внутримозговые феномены, а как деятельность (гностическая, перцептивная, мнемическая, мыслительная, коммуникативная и т. д.). Измеряя характеристики вызванных потенциалов, можно исследовать изменения памяти человека с возрастом и при различных когнитивных нарушениях (Гнездицкий, Чацкая, Корепина, Клочкова, 2016); регистрируя спектр разностной функции биоэлектрической активности (фБА) в процессе позиционной компьютерной игры, правомерно судить об изменениях биоэлектрических частот, которые возникают в мозге человека (Клочкова, Шабанов, Рыбченко и др., 2016). Интегративная роль медленных (менее 1 Гц) и сверхмедленных биопотенциалов (менее 0,5 Гц) определена в механизмах нейрогуморального, биохимического межорганного и межсистемного взаимодействия. В последнее время такие колебания рассматриваются как управляющая система головного мозга (Филиппов, Кребс, Пугачев, 2013). Была выявлена соизмеримость амплитудно-временных параметров таких биопотенциалов, регистрируемых совместно в головном мозгу, в висцеральных органах (сердце, легкие, печень, почки), в железах внутренней и внешней секреции.

Процедура и методы исследования

Целью настоящей работы является исследование проявлений возрастных изменений медленной (менее 1 Гц) биоритмики коры головного мозга человека путем регистрации спектра функции биоэлектрической активности (фБА) в процессе одного (второго) сеанса позиционной компьютерной игры.

Процедура исследования

Каждый игрок проводил по 4 сеанса игры. Смысл игры состоял в скорейшем нахождении одинаковых картинок, которые находятся в закрытом виде (рубашкой вверх). Цель игры – очистить все поле от картинок. Минимальное количество кликов – 36 (Клочкова, 2014). Среднее время сеанса – 157 с.

Методы исследования

Измерения выполнены в лаборатории экологической нейрокибернетики Научно-исследовательского центра «Арктика» Дальневосточного отделения РАН на программно-аппаратном комплексе «Регистратор спектра биоэлектрической активности головного мозга – «РС МЭГИ-01». Методика съема позволила надежно регистрировать глобальную активность мозга в диапазоне 27–0,1 Гц при длительности кадра 160 с (Патент..., 2008). На этой основе Г. А. Шабановым, А. А. Рыбченко, А. Л. Максимовым разработана технология функционально-топической диагностики внутренних органов человека и оценки его состояния. При анализе медленных ритмов фБА использованы только 247 точек амплитудной матрицы, частоты которой меньше 1 Гц. По матрице идет поиск общих закономерностей в диапазоне медленных частот.

При построении разностной спектральной функции биоэлектрической активности мозга испытуемого из амплитуды фБА в процессе второго сеанса позиционной компьютерной игры вычиталась амплитуда фона соответствующей частоты.

В фоновом состоянии (до компьютерной игры) перед испытуемым стоял включенный ноутбук с позиционной игрой: испытуемый бесцельно двигал компьютерную мышь, случайным образом нажимая на левую клавишу этой мыши указательным пальцем правой руки (Клочкова, Шабанов, Рыбченко и др., 2016). Спектральная разностная фБА является безразмерной благодаря нормировке.

Выборка исследования

Измерены данные разностной спектральной функции четырнадцати испытуемых лиц женского пола, учеба или работа которых постоянно связана с использованием компьютера. Возрастной диапазон испытуемых – от 23 до 58 лет. Для анализа испытуемые были объединены в возрастные группы (по 3–4 человека): группа студенты «Студ» (средний возраст – 22,5 года); группа среднего возраста «Ср»

(средний возраст – 40 лет); группа средне-старшего возраста «СрСт» (средний возраст – 54 года); группа старшего возраста «Ст» (средний возраст – 58 лет). Возрастная разница между группами составляет 18 лет (Студ и Ср), 14 лет (Ср и СрСт) и 4 года (СрСт и Ст).

Статистический анализ проводился в программах Statistica 10, вычисления и графики сделаны в MS Excel 2010. После проверки на нормальность распределения данных использовалась параметрическая статистика при доверительной вероятности $P=0,95$.

Результаты исследования

Распределения медленной биоритмики левого и правого полушария испытуемых каждой группы, полученные во втором сеансе компьютерной игры, подчиняются нормальному распределению, согласно критерию χ^2 .

Как видно из таблицы 1, максимальные значения безразмерной амплитуды разностной фБА для левого полушария больше, чем для правого. Максимальное значение фБА больше единицы у испытуемых самой молодой группы (Студ) для левого полушария. Значимость различий выборки определялась по значениям 247 точек каждого полушария каждой группы. Согласно t-критерию Стьюдента, значения разностной фБА более молодой группы (Студ) и группы Ср значительно отличаются от значений фБА всех остальных групп, а также между собой для левого и правого полушарий испытуемых. Незначимые различия по этому критерию выявлены для амплитудных значений фБА двух старших групп (СрСт и Ст), как для левого, так и для правого полушарий. Наиболее вероятно, что это связано с небольшой разницей в среднем значении возраста (4 года).

Таблица 1

Описательная статистика амплитуды разностной фБА медленной биоритмики мозга

Группы	Полушарие	Среднее + ст. откл.	Минимум	Максимум
Студенты	левое	0,167+0,243	-0,595	1,372
	правое	0,234+0,153	0,118	0,77
Средний возраст	левое	0,009+0,237	-0,516	0,831
	правое	-0,019+0,189	-0,602	0,514
Старший возраст	левое	0,311+0,179	-0,058	0,903
	правое	0,155+0,111	-0,2	0,523

Положительные и отрицательные пики графиков разных групп не совпадают не только по амплитудам, но и по положению (по частоте). В более старшей группе много маленьких пиков и отрицательных значений. В самой молодой группе (Студ) количество положительных пиков разностной фБА – 190 (левое полушарие) и 240 (правое полушарие), а отрицательных – 57 (в левом полушарии) и 7 в правом. В старшей по возрасту группе (Ст) положительных пиков – 241 (левое) и 228 (правое полушарие); а отрицательных – 6 в левом и 19 в правом полушариях. Динамика возрастных изменений количества пиков фБА в области спектра медленных волн в целом показана на рисунке 1.

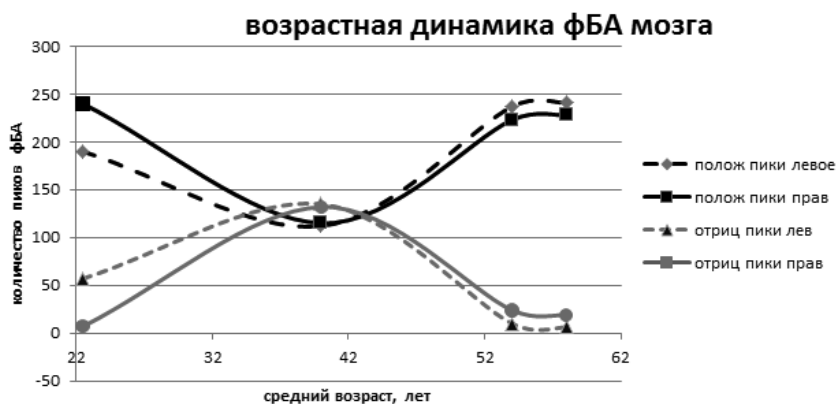

Рис. 1. Возрастная динамика изменений количества пиков разностной фБА в области спектра менее 1 Гц.

Пики левого (пунктирный тип линий) и правого (сплошной тип линий) полушарий испытуемых в процессе второго сеанса позиционной компьютерной игры в зависимости от среднего возраста группы; черный цвет линий – количество положительных пиков фБА, серый цвет – количество отрицательных пиков фБА

Кривые на рисунке 1 близки к симметричным относительно показаний группы Ср (средний возраст – 40 лет). В этой точке количество положительных пиков (115) фБА почти совпадает с количеством отрицательных пиков (132) как для правого полушария, так и для левого полушарий (112 положительных пиков, 135 отрицательных).

У испытуемых молодой группы наибольшие размахи колебаний фБА в левом полушарии наблюдаются в интервале частот 0,27879–0,28696 Гц. Рост составляет 130% к фоновой функции в левом полу-

шарии и 50% – в правом. Наибольший отрицательный пик (падение на 59% в левом полушарии) соответствует частоте 0,23896 Гц.

Отметим большое количество отрицательных пиков правого полушария, маленьких по амплитуде. Частота размашистого отрицательного пика (падение 20% к фону) составляет 0,91104 Гц.

Совсем иная картина наблюдается у испытуемых средней по возрасту группы. Размашистые положительные пики функции фБА левого полушария (рост на 80%) присутствуют при частотах 0,34824 и 0,33756 Гц. Сразу необходимо отметить, что амплитуда максимума фБА (возбуждение) в левом полушарии в 2–3 раза больше, чем в правом для всех обследуемых возрастных групп.

Размах отрицательной амплитуды фБА (возможное торможение) в левом полушарии у младшей возрастной группы (Студ) больше, чем в правом. У групп Ср и СрСт амплитуды соизмеримы, а у испытуемых старшей по возрасту группы (Ст) амплитуда фБА правого полушария больше, чем левого (разница составляет 20%).

Значения частот, при которых наблюдаются максимумы и минимумы амплитуды фБА, ведут себя с увеличением возраста в левом и правом полушарии различно. Согласно непараметрическому U-критерию Манна–Уитни, значимые межполушарные различия отмечаются только между частотами, при которых наблюдаются отрицательные амплитуды фБА (т. е. возможного торможения). Для частот возбуждения межполушарные различия незначимы.

В правом полушарии (рисунок 2) для испытуемых старшей группы (Ст) наибольший размах отрицательной амплитуды (минимума)

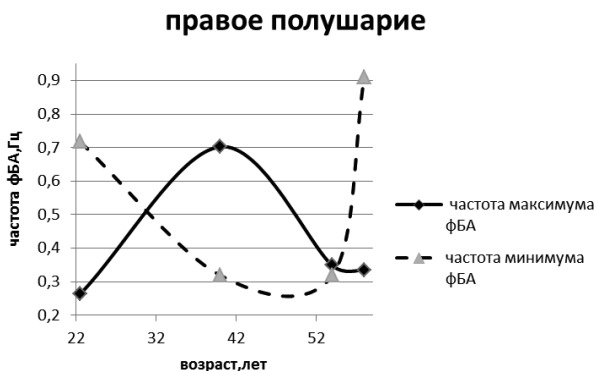

Рис. 2. Изменение с возрастом частоты максимума и минимума фБА для правого полушария в области спектра менее 1 Гц в процессе второго сеанса позиционной компьютерной игры в зависимости от возраста группы.

Черный цвет линий – частоты положительных пиков фБА, пунктир – частоты отрицательных пиков фБА

фБА получен при частоте $\nu=0,91104$ Гц. Это больше, чем частота минимума фБА группы Студ, значение которой составляет $\nu=0,71689$ Гц. Отметим, что амплитуда минимального значения у молодой группы меньше, чем у старшей (падение 11%).

Наибольшее значение частоты максимума фБА (возможного возбуждения) в правом полушарии зафиксировано у испытуемых группы Ср – оно составляет $\nu=0,70251$ Гц. С дальнейшим увеличением возраста происходит смещение в сторону меньших значений: у испытуемых самой старшей группы (Ст) $\nu=0,33491$ Гц, т. е. значение почти совпадает с частотой максимума молодежной группы (Студ) ($\nu=0,26314$ Гц).

Таким образом, при интеллектуальной нагрузке у испытуемых женского пола группы Ср (средний возраст – 40 лет) в правом полушарии отмечается наибольшее значение частоты максимума (возбуждения) и наименьшее значение частоты минимума (торможения) амплитуды разностной фБА в диапазоне медленных ритмов.

Обсуждение полученных данных

Во втором сеансе игры отмечен наибольший среди остальных спектров суммарный вклад медленных и сверхмедленных волн фБА мозга левого полушария (Клочкова, Шабанов и др., 2016). Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что возрастные изменения в диапазоне 22–58 лет с шагом 18 лет у испытуемых женщин при компьютерной интеллектуальной нагрузке проявляются в изменении количества, частоты и величины амплитуды положительных и отрицательных пиков фБА. Поскольку частота есть количество колебаний в единицу времени, т. е. по смыслу – скорость изменения, можно предположить, что скорость возбуждения падает, а торможения медленно нарастает: правое полушарие испытуемых старшей группы медленнее возбуждается и сильнее тормозится в диапазоне медленных ритмов (менее 1 Гц). Выявленная тенденция, возможно, объясняется возрастными изменениями в правом полушарии механизмов регуляции функциональных состояний головного мозга, настройкой и синхронизацией уровня возбудимости/торможения и синаптической пластичности в рамках упомянутой выше концепции об участии медленной и сверхмедленной управляющей системы головного мозга.

Литература

Гнездицкий В. В., Чацкая А. В., Корепина О. С., Клочкова О. И. Оценка объема оперативной памяти по данным эндогенных вызванных

- потенциалов (метод Р300) без психологического тестирования // *Анналы неврологии*. 2016. Т. 10. № 1. С. 27–34.
- Клочкова О. И.* Количественная оценка использования кратковременного эпизодического буфера рабочей памяти студентов при взаимодействии с компьютером // *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2014. № 3. С. 93–96.
- Клочкова О. И., Шабанов Г. А., Рыбченко А. А., Погорелова И. В., Старцева М. С., Переломова О. В., Воробьева Е. Ю.* Проявление инерционности работы мозга по спектральной функции вызванной электромагнитной активности // *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2016. № 4. С. 26–30.
- Патент на полезную модель № 72395. Заявка № 2007145888. Приоритет от 3 декабря 2007 г. Магнитоэнцефалографический спектральный анализатор сумматор биопотенциалов головного мозга человека. Авторы: Ю. А. Лебедев, Г. А. Шабанов, А. А. Рыбченко, А. Л. Максимов. ГУ РЧ МНИЦ «Арктика» ДВО РАН, директор А. Л. Максимов. Опубликовано: 20.04.2008 г. Бюллетень № 11.
- Филиппов И. В., Кребс А. А., Пугачев К. С.* Сверхмедленная биоэлектрическая активность головного мозга человека при действии различных сенсорных стимулов // *Сенсорные системы*. 2013. Т. 27. № 3. С. 274–288.
- Швырков Б. В.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М., 1995.
- Ribchenko A. A., Shabanov G. A., Lebedev U. A., Korochentsev V. I.* RS ME-GI-01 Coil Recorder of Spectrum of Magnetolectric Activity of Human Brain // *Biomedical Engineering*. 2014. V. 47. № 6. March. P. 282–284.

Age dynamics of activity in the range of slow waves during intellectual work at the computer

*O. I. Klochkova**, *I. V. Pogorelova***, *M. S. Startseva****,
*E. Y. Vorobyeva*****, *A. A. Ribchenko******, *G. A. Shabanov******
 (Vladivostok)

- * Candidate of physico-mathematical Sciences, associate Professor, Head of the Department of physics and mathematics, Pacific Ocean State Medical University Ministry of healthcare of the Russian Federation
- ** Senior lecturer in physics and mathematics, Pacific Ocean State Medical University Ministry of healthcare of the Russian Federation
- *** Senior lecturer in physics and mathematics, Pacific Ocean State Medical University Ministry of healthcare of the Russian Federation
- **** Senior lecturer in physics and mathematics, Pacific Ocean State Medical University Ministry of healthcare of the Russian Federation
- ***** Senior lecturer in physics and mathematics, Pacific Ocean State Medical University Ministry of healthcare of the Russian Federation

***** Doctor of technical Sciences, Professor, Head of laboratory
for ecological Neurocybernetics, Research center “Arktika” Pacific
Division of the Russian Academy of Sciences

***** Candidate of biological Sciences, senior researcher of the laboratory
for ecological Neurocybernetics, Research center “Arktika” Pacific
Division of the Russian Academy of Sciences

In this article it was investigated the brain activity of 14 people in the process of the second session of the positional computer game. We selected 4 age groups in the age range 22–58 years with a step of 18. The spectra of slow (less than 1 Hz) was analyzed. It was shown that the function of bioelectric activity has highs or lows depending on age. It was revealed the tendency of change of these frequencies with age in the slow rhythm in the right hemisphere. It is shown that the function is significantly different for each hemisphere in the computer game.

Keywords: cognitive processes in the brain, age-related changes caused by biological rhythms of brain in the process of positional computer game.

Микроструктурный анализ движений глаз как метод изучения динамики протекания иллюзии движения собственного тела¹

А. И. Ковалёв (Москва)

*младший научный сотрудник лаборатории «Восприятие»,
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: artem.kovalev.msu@mail.ru*

Иллюзия движения собственного тела представляет собой восприятие неподвижным наблюдателем собственного перемещения при рассматривании движущегося зрительного стимула, занимающего значительную часть зрительного поля. В данном исследовании для изучения динамики этой иллюзии использован метод микроструктурного анализа движений глаз. В качестве стимуляции выступал виртуальный оптокинетический барабан, вращающийся со скоростями 30, 45 и 60 град/с. Стимуляция предъявлялась в системе виртуальной реальности CAVE-system. Были проанализированы длительности медленных фаз оптокинетического нистагма во время восприятия испытуемыми иллюзии движения собственного тела. Оказалось, что интенсивность восприятия иллюзии и длительность медленных фаз оптокинетического нистагма тем больше, чем больше скорость вращения виртуального стимула. Таким образом, динамика нистагматических движений глаз отражает динамику переживания иллюзии движения собственного тела.

Ключевые слова: зрительное восприятие, векция, виртуальная реальность, движения глаз, оптокинетический нистагм.

Постановка проблемы

Способность к свободному перемещению и навигации в окружающей среде является неотъемлемым и важнейшим свойством жи-

1 Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-36-01101.

вых организмов. У человека для реализации данной цели в процессе эволюционного развития были успешно сформированы мозговые механизмы, позволяющие интегрировать и анализировать информацию, поступающую от различных органов чувств. Однако в некоторых ситуациях восприятие оказывалось неадекватным. Одним из примеров таких «ошибок» является иллюзия движения собственного тела, или векция (от *англ.* «vection» – перенос), переживание человеком иллюзорного движения собственного тела в отсутствие реального физического его перемещения в пространстве (Fischer, Kornmüller, 1930; Palmisano et al., 2015). В повседневной жизни данный феномен проявляется в ряде ситуаций, например в случае наблюдения пассажиром за отправлением поезда с соседнего пути, когда, оставаясь физически неподвижным, человек ощущает иллюзорное движение в направлении, противоположном направлению движения соседнего поезда.

Для объяснения причин возникновения векции с опорой на протекание физиологических процессов в организме человека была разработана теория сенсорного конфликта, которая стала основной парадигмой для изучения иллюзии (Reason, 1978). Согласно данной теории, векция возникает в результате рассогласования между сигналами сенсорных систем различных модальностей, принимающими участие в формировании представления об ориентации, и положением тела в пространстве. К ним относят, в первую очередь, вестибулярную, проприоцептивную и зрительную сенсорные системы. Предполагается, что каждая из систем вносит свой вклад в интегральное представление об ориентации, а нарушения или неадекватные сигналы одного из каналов могут привести к возникновению иллюзии движения собственного тела и ряду дискомфортных симптомов – головокружению, тошноте и головной боли.

Одно из важнейших методологических проблем в изучении векции является отсутствие адекватного объективного индикатора выраженности данной иллюзии и динамики ее протекания. Как было показано в ряде исследований (Kovalev et al., 2015; Menshikova et al., 2014), в качестве такого показателя может выступать глазодвигательная активность человека. Например, известно, что во время наблюдения за движущимся стимулом глаза совершают характерные движения, состоящие из плавного протракивания стимула и возвратной саккады, – реализуется оптокинетический нистагм (ОКН). Определенные параметры ОКН – скорость медленной фазы и частота ударов нистагма – являются индикаторами протекания процессов психической деятельности, в частности процессов внимания (Романов, 1973).

Организация экспериментального исследования

В данном эксперименте была выдвинута *гипотеза* о том, что на восприятие иллюзии движения собственного тела оказывает влияние скорость движения наблюдаемого стимула, в частности, большая скорость вращения стимула вокруг испытуемого приведет в восприятию векции большей интенсивности, что найдет отражение в динамике нистагматических движений глаз.

Целью данного эксперимента стало изучение динамики нистагматических движений глаз при наблюдении стимуляции, индуцирующей восприятие круговой векции.

Задачами исследования стали разработка виртуальной среды, вращающейся вокруг испытуемого в горизонтальной плоскости с различными угловыми скоростями; осуществление качественного и количественного анализа нистагматических движений глаз; выделение основных параметров оптокинетического нистагма, свидетельствующих о динамике восприятия иллюзии движения собственного тела.

Выборку экспериментального исследования составили 17 испытуемых (10 мужчин и 7 женщин) в возрасте от 19 до 27 лет. Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение, а также не имели органических поражений вестибулярно-го аппарата или иных нарушений в работе вестибулярной функции.

Процедура исследования

Для предъявления стимуляции использовалась установка виртуальной реальности CAVE-system (CAVE active virtual environment). Установка состояла из четырех больших плоских квадратных экранов, соединенных в куб. Программное обеспечение для проведения эксперимента в CAVE системе было представлено специальным приложением Vir Tools 4.0. Для регистрации движения глаз использовался прибор SMI Eyetracking glasses. Отслеживание положения глаз обеспечивалось двумя маленькими камерами, которые размещены в дужках очков, в то время как третья камера, расположенная по центру (на переносице) вела запись того, что попадало в поле зрения наблюдателя. Частота записи равна 30 Гц.

В качестве стимуляции был использован виртуальный оптокинетический барабан, вращающийся по часовой стрелке и против часовой стрелки с угловыми скоростями, 30, 45 и 60°/с. Внутренняя поверхность виртуального барабана была окрашена чередующимися черными и белыми полосами шириной в 12 угловых градусов каждая (рисунк 1).

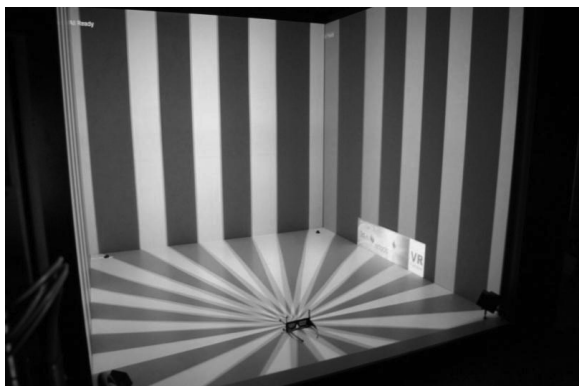

Рис. 1. Предъявление виртуальной среды «Оптокинетический барабан» в установке виртуальной реальности CAVE-system

Испытуемый помещался в центр виртуальной комнаты CAVE. Инструкция состояла в том, чтобы испытуемый стоял неподвижно и не совершал движений головой в течение предъявления стимуляции. При этом у испытуемого имелась возможность свободного осмотра зрительной сцены. Оптокинетический виртуальный барабан совершал вращения вокруг испытуемого длительностью 2 мин каждое в случайном порядке в разные стороны с различными скоростями. Всего было осуществлено 18 вращений для каждого испытуемого (3 скорости \times 2 направления \times 3 повторения). Во время наблюдения вращения стимуляции испытуемый должен был нажимать на кнопку электронной мыши каждый раз, когда он воспринимал векцию. После каждого вращения испытуемого просили оценить, не меняя своего положения, интенсивность переживаемой иллюзии векции по 10-балльной шкале. Между вращениями виртуального барабана испытуемому предоставлялся 5-минутный промежуток на отдых.

Таким образом, независимыми переменными выступили фактор скорости вращения и фактор направления вращения. Для изучения динамики нистагматических движений глаз был применен оригинальный метод микроструктурного анализа глазодвигательной активности. В качестве зависимых переменных были использованы следующие показатели:

- 1) Оценки интенсивности иллюзии движения собственного тела, измеренные по 10-балльной шкале. Оценки интенсивности были усреднены для каждого испытуемого для каждой скорости и направления вращения.

- 2) Латенция возникновения иллюзии движения собственного тела в первый раз относительно начала действия стимуляции.
- 3) Относительное значение длительности (ОЗД) медленной фазы ОКН. В качестве данного параметра было использовано отношение длительности медленных фаз ОКН вне промежутков восприятия векции при данной скорости вращения к длительности медленных фаз ОКН в течение промежутков восприятия векции. Относительные значения длительности медленных фаз ОКН были усреднены по каждому испытуемому для всех скоростей вращения и всех направлений. Необходимость использования относительных значений продиктована требованием к корректному сравнению длительностей медленных фаз ОКН между условиями с различными скоростями вращения стимула, от которых зависит длительность медленных фаз нистагма.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями был обнаружено (по результатам многомерных тестов) значимое влияние фактора скорости вращения стимула на зависимые переменные ($F=143,438$, $p<0,001$). Значимого влияния фактора направления вращения обнаружено не было ($F=1,470$, $p=0,267$). Взаимодействие факторов также не достигает значимого уровня ($F=0,160$, $p=0,992$).

Оценки интенсивности иллюзии движения собственного тела были усреднены по двум направлениям вращения по каждой скорости вращения, так как влияние фактора направления вращения оказалось не значимым. Анализ сравнения оценок интенсивности векции обнаружил значимые различия между оценками, полученными при скорости вращения $60\text{ }^\circ/\text{с}$ по сравнению с другими условиями ($Z=3,325$, $p=0,001$ и $Z=3,634$, $p=0,001$, при сравнении с условиями с $30\text{ }^\circ/\text{с}$ и $45\text{ }^\circ/\text{с}$, соответственно).

Относительные значения длительности (ОЗД) медленных фаз (рисунок 2) при скорости вращения $60\text{ }^\circ/\text{с}$ значимо отличались от ОЗД при других скоростях вращения ($p<0,001$, $t=6,771$ и $t=5,112$, при сравнении с 30 и $45\text{ }^\circ/\text{с}$ соответственно). Значимых отличий по данному показателю между скоростями 30 и $45\text{ }^\circ/\text{с}$ обнаружено не было ($t=1,175$, $p=0,257$).

Значения латенции возникновения иллюзии движения собственного тела ($p=0,001$, $t=4,048$, $p<0,001$, $t=14,585$, $p<0,001$, $t=11,840$ при сравнении с 30 и $45\text{ }^\circ/\text{с}$, 30 и $60\text{ }^\circ/\text{с}$ и 45 и $60\text{ }^\circ/\text{с}$, соответственно) значимо отличаются для различных скоростей вращения.

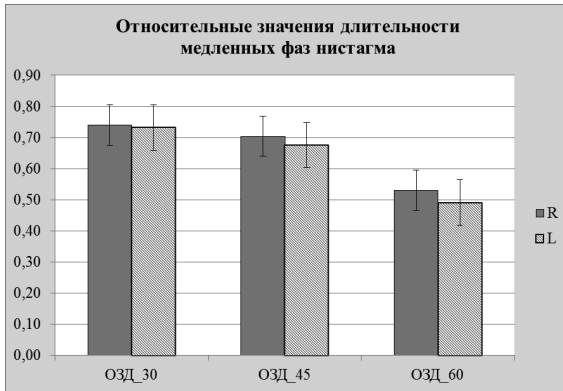

Рис. 2. Средние относительные значения длительности медленных фаз оптокинетического нистагма.

R – вращение в правую сторону, L – вращение в левую сторону

Таким образом, экспериментальная гипотеза о том, что вращение стимуляции с наибольшей угловой скоростью приведет к восприятию иллюзии наибольшей интенсивности, подтвердилась. Анализ профилей траекторий движений глаз обнаружил динамические изменения в длительностях медленной фазы оптокинетического нистагма в течение восприятия иллюзии. Результаты данного эксперимента согласуются с данными других ученых, изучающих взаимосвязь параметров нистагма и выраженности иллюзии векции. В частности, было показано, что увеличения длительности медленных фаз нистагма соответствовали промежуткам наиболее интенсивного восприятия иллюзии при наблюдении линейно движущихся стимулов слева направо и справа налево относительно испытуемого (Palmisano, Gillam, 1998).

Уменьшение латенции возникновения иллюзии относительно начала эксперимента с увеличением скорости вращения стимуляции было обнаружено и другими авторами с использованием стимулов различного содержания (Seno et al., 2011). В качестве объяснительного механизма данного эффекта принято считать увеличение веса зрительного сигнала в возникающем сенсорном конфликте (Wertheim, 1992). Увеличение скорости движения стимуляции приводит к большей интенсивности зрительного сигнала, что, в свою очередь, усиливает контрадикцию по отношению к сигналам других модальностей.

С точки зрения использования показателей скорости ОКН, или длительностей как в настоящем эксперименте, так как ампли-

туда медленных фаз сохранялась постоянной, для оценки функции внимания (Романов, 1973) можно заключить, что в моменты восприятия иллюзии внимание испытуемого к движущейся стимуляции ослабевает и переключается на восприятие собственного иллюзорного перемещения. Данный процесс разворачивается во времени, о чем свидетельствует постепенное увеличение длительностей медленных фаз. Этот результат косвенно согласуется с результатами нейрофизиологических экспериментов (Kleinschmidt et al., 2011), показавших, что во время восприятия векции происходит избирательная активация определенных участков мозга (например, узелок мозжечка) при снижении активации зрительных областей, ответственных за восприятие движения объектов (зоны V5/MT). Т. е. в случае восприятия векции начинает работу иная функциональная система, представленная особыми зонами головного мозга, отличными от процесса обычного восприятия движущегося стимула. Следуя логике теорий сенсорного конфликта (Reason, 1978); сигнал от зрительной системы приобретает в процессе наблюдения движущейся стимуляции наибольший вес среди других сигналов, что приводит к возникновению сенсорного конфликта и служит причиной переключения внимания с восприятия движения стимула на восприятие собственного движения. В конечном итоге, восприятие векции и соответствующие этому моменту максимальные значения длительностей медленных фаз ОКН определяют полное переключение внимания на собственное движение тела от восприятия движения стимуляции.

Заключение

Таким образом, результаты настоящего исследования показывают, что иллюзия движения собственного тела представляет собой сложный субъективный феномен, внутренняя динамика которого зависит от такого сенсорного фактора, как скорость движения наблюдаемого стимула. При этом чем больше скорость движения стимула, тем с большей интенсивностью у испытуемых возникает иллюзия векции. Параметры движений глаз, в частности, длительность медленной фазы оптокинетического нистагма, могут быть использованы в качестве достоверных объективных индикаторов восприятия иллюзии и изменений в интенсивности ее переживания. Система виртуальной реальности выступает как наиболее адекватный инструментарий для создания условий инициации восприятия иллюзии движения собственного тела.

Литература

- Романов В. Я. Исследование свойств зрительного перцептивного процесса методом ФОКН // Исследования зрительной деятельности человека. М., 1973.
- Fischer M., Kornmüller A. Optokinetisch ausgelöste Bewegungswahrnehmungen und optokinetischer Nystagmus // Journal für Psychologie und Neurologie. 1930. V. 41. P. 273–308.
- Kleinschmidt A., Thilo K., Buchel C., Gresty M., Bronstein A., Richard S., Frackowiak R. Neural Correlates of Visual-Motion Perception as Object- or Self-motion // NeuroImage. 2002. V. 116. P. 873–882.
- Kovalev A., Menshikova G., Klimova O. Figure skaters eye movements as indices of vection: VR study // Perception. 2014. V. 43. Is. 1. P. 105–106.
- Menshikova G., Kovalev A., Klimova O., Chernorizov A. Eye movements as indicator of vestibular dysfunction // Perception. 2015. V. 44. Is. 8–9. P. 1103–1110.
- Palmisano S., Allison R., Schira M., Barry R. Future challenges for vection research: definitions, functional significance, measures and neural bases // Frontiers Psychology. 2015. V. 6. Is. 193. P. 1–15.
- Palmisano S., Gillam B. Stimulus eccentricity and spatial frequency interact to determine circular vection // Perception. 1998. V. 27. Is. 9. P. 1067–1077.
- Reason J. Motion sickness adaptation: a neural mismatch model // Journal of the Royal Society of Medicine. 1978. V. 71 (11). P. 819–829.
- Seno T., Palmisano S., Hiroyuki I. Independent modulation of motion and vection aftereffects revealed by using coherent oscillation and random jitter in optic flow // Vision Research. 2011. V. 51. Is. 23–24. P. 2499–2508.
- Wertheim A. H. Motion perception during self-motion – the direct versus inferential controversy revisited // Behavioral and Brain Sciences. 1994. V. 17 (2). P. 293–311.

The microstructural eye movement analysis as a method for vection dynamics investigation

A. I. Kovalev (Moscow)

Junior research officer of the Laboratory “Perception”,
Lomonosov Moscow State University

Vection describes the sensation of ego-motion induced by moving visual stimuli that cover a large part of the visual field. In the present study the microstructural eye movement analysis was used to examine the vec-

tion perception dynamics. Vection was evoked by the rotating optokinetic drum with black and white stripes in CAVE virtual reality system. Rotational velocity was 30, 45 or 60 °/s. Durations of optokinetic nystagmus slow phases during vection perception were investigated. It was found that increasing rotational velocity led to growing of vection intensity and duration of optokinetic nystagmus slow phases. Therefore the OKN dynamics may be used as objective indicator of vection perception.

Keywords: visual perception, vection, virtual reality, eye movements, optokinetic nystagmus.

Недизъюнктивность мышления, по А. В. Брушлинскому, как временная дедифференциация¹

А. К. Крылов (Москва)

кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: neuru@mail.ru

При анализе процесса мышления важное значение имеет результат, полученный в экспериментах А. В. Брушлинского, позволивший описать мышление как «недизъюнктивный» процесс. Недизъюнктивность мышления понимается в психологии в широком смысле. В настоящей работе проведен анализ результатов экспериментов А. В. Брушлинского с помощью системной психофизиологии и предлагается возможный психофизиологический механизм феномена недизъюнктивности – временная дедифференциация происходящая в процессе мышления при смене одной гипотезы на другую. Это позволило формализовать с системных позиций значение термина «недизъюнктивность» и показать, что недизъюнктивность мышления является неотъемлемой характеристикой реализации системной структуры опыта. Описанный механизм дедифференциации при поиске решения задачи реализован нами в модели. Предложен метод верификации этого психофизиологического механизма с помощью регистрации мозговой активности.

Ключевые слова: мышление, недизъюнктивность, системная психофизиология.

«Недизъюнктивность» процесса мышления выявлена А. В. Брушлинским при анализе содержания размышлений вслух испытуемыми при решении ими логической задачи: «Будет ли гореть свеча в космосе?» (Брушлинский, 1979). Такой эксперимент, конечно, не позволяет обнаружить психофизиологические механизмы мышления.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-28-00229.

В настоящей работе мы рассмотрим, на основе системной психофизиологии, какие могут быть системные причины, приводящие к полученным А. В. Брушлинским феноменам мышления, описанным им термином «недизъюнктивность». Сначала обратимся к содержанию этого термина и попробуем его уточнить, исходя из системных позиций (Швырков, 1995; Alexandrov, 2008; Alexandrov et al., 2000).

Нечеткость определения этого термина самим Брушлинским, на наш взгляд, связана с нечетким смыслом этого термина, используемым автором для отрицания возможности формально-логического подхода к анализу мышления (Брушлинский, 1996). Вместе с тем такая роль понятия «недизъюнктивность» отрицает и саму возможность дать строгое формально-логическое определение этого термина. Уже сама лингвистическая структура термина включает в себе приставку отрицания «не», что тоже показывает значение слова – отрицание дизъюнктивности (разбиения на части). В этом недизъюнктивность отличается от похожего по смыслу термина «континуальность», в котором нет отрицания. Представление о недизъюнктивности было позже расширено, как самим автором (Брушлинский, 1996), так и другими авторами (Александров, Сергиенко, 2003), которые рассматривают непрерывность («континуальность») на разных уровнях работы мозга как развитие идеи А. В. Брушлинского о «недизъюнктивности». Если смысл этого термина понимается слишком абстрактно, то приводит к дискуссиям о соотношении дискретного и непрерывного, выходящими за рамки психологии (Костин, 2004). Для того чтобы сохранить обсуждение процесса мышления в рамках психологии, рассмотрим саму экспериментальную задачу и возможные психофизиологические механизмы, которые могут приводить к обнаруженному феномену мышления, названному «недизъюнктивность». Для уточнения значения термина и анализа возможных механизмов этого феномена мышления проанализируем первичное значение этого термина и рассмотрим конкретный эксперимент, в котором этот термин возникает.

Недизъюнктивность процесса мышления определяется автором как «абсолютная непрерывность», «внутренняя взаимосвязь и преемственность между всеми стадиями, аспектами, компонентами процесса» (Брушлинский, 1996, с. 290), отмечается, что «различные стадии возникновения и развития прогнозируемого искомого непрерывно, недизъюнктивно переходят друг в друга» (там же, с. 288). Этот термин используется при описании процесса, поэтому именно в процессуальности и следует искать определение этого понятия. Недизъюнктивность используется для описания перехода между стадиями процесса мышления и указывает на то, что в сме-

не стадий мышления есть определенная закономерность, которая и выражается А. В. Брушлинским термином «недизъюнктивность».

Рассмотрим наиболее яркий для Брушлинского пример проявления недизъюнктивности – когда испытуемый при решении задачи «Будет ли гореть свеча в космосе?» переходит от одной конкретной гипотезы – «конвекция» – к другой конкретной гипотезе – «диффузия». Этот переход от одной гипотезы к другой испытуемый делает не напрямую, скачком переходя от рассуждения про конвекцию, к рассуждению про диффузию, а через промежуточную стадию – абстрактную гипотезу «движение»: конвекция → движение → диффузия – такие стадии мышления как процесса Брушлинский обнаруживает при анализе размышлений вслух испытуемыми над задачей (Брушлинский, 1979). Именно появление этой абстрактной промежуточной стадии в процессе мышления при переходе от одной гипотезы к другой и привело автора к постулированию недизъюнктивности мышления. Именно наличие этой промежуточной абстрактной, низкодифференцированной ступени в смене гипотез и отличает, с точки зрения Брушлинского, мышление человека от выбора из готовых дизъюнктивных альтернатив в искусственном интеллекте (Брушлинский, 1996).

С позиций системной психофизиологии, можно полагать, что каждая стадия мышления актуализирует свой набор систем индивидуального опыта (Alexandrov et al., 2000, Alexandrov, 2008; Александров, 2006). Наборы систем можно условно объединить в домены элементов опыта (Александров, 2006), которые для сопоставления с результатами экспериментов А. В. Брушлинского по решению испытуемыми физических задач, могут быть названы доменами «конвекция», «диффузия», «движение». Представляется, что «конвекция» и «диффузия» являются частными формами более абстрактного физического понятия «движение» (так это трактует и сам А. В. Брушлинский), значит, и домены опыта, описываемые понятиями «конвекция» и «диффузия», являются более дифференцированными (более дробными), чем менее дифференцированный (более абстрактный) домен «движение» (рисунок 1А).

В рассматриваемой А. В. Брушлинским физической задаче о том, будет ли гореть свеча в невесомости, процесс мышления испытуемого, с точки зрения математической логики и искусственного интеллекта, должен был бы идти как выбор из готовых альтернатив – либо конвекция, либо диффузия как причины движения воздуха, т. е. как перебор взаимоисключающих (дизъюнктивных) гипотез (рисунок 1В). Однако его эксперименты показали, что процесс мышления при решении этой задачи не строится как перебор независимых

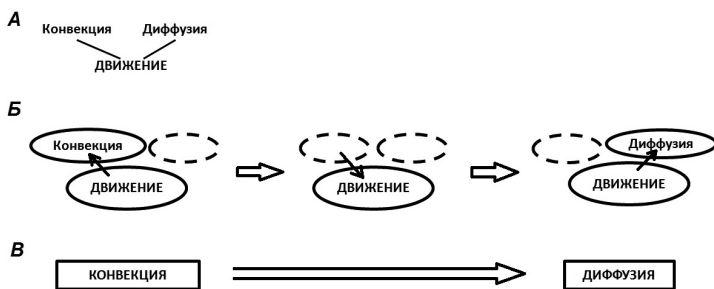

Рис. 1. Соотношение понятий в экспериментах А. В. Брушлинского.

А – соотношение понятий и соответствующих доменов опыта в задаче, использованной в экспериментах А. В. Брушлинского. Низкодифференцированное понятие «движение» и строящиеся на его основе более конкретные формы движения – «конвекция» и «диффузия». Б – недизъюнктивная последовательность стадий мышления, обнаруживаемая в экспериментах А. В. Брушлинского как актуализация доменов опыта. В середине – этап временной дедифференциации, феномен «недизъюнктивности» процесса мышления. В – предполагаемая «выбором из альтернатив» дизъюнктивная последовательность стадий мышления, опровергнутая результатами экспериментов А. В. Брушлинского

вариантов решения (Брушлинский, 1979). А. В. Брушлинский обнаружил, что переход от одного варианта решения к другому (от гипотезы о конвекции к гипотезе о диффузии) происходит не сразу; выявляется промежуточная стадия, в которой «для испытуемого не существует альтернативы между четко разделенными и равновероятными причинами движения воздуха – конвекции и диффузии. Они еще как бы сращены, синкретически объединены, и потому испытуемый пока очень плохо их дифференцирует и почти совсем не расчленяет. В частности, поэтому и создается ошибочное впечатление, что испытуемый незаметно для себя нарушает закон противоречия. Другой испытуемый в аналогичной ситуации прямо говорит о „конвекционной диффузии“, отчетливо выражая этим еще недостаточную расчлененность разных причин движения воздуха» (Брушлинский, 1996, с. 249). Иногда в этом переходном процессе испытуемый рассматривает «расплывание» воздуха «как нечто „среднее“ между конвекцией и диффузией» (там же, с. 245). По мнению Брушлинского, «для испытуемого вначале на передний план выступает и прогнозируется их общность (самый факт движения), и потому он еще недостаточно расчленяет функции конвекции и диффузии в этом глобальном, пока что мало дифференцированном движении воздуха» (там же, с. 244). Таким образом процесс мышления

при решении этой задачи проходит через три стадии: актуализация домена опыта, связанного высококодифференцированным понятием «конвекция», затем переходная стадия актуализации домена низкокодифференцированного понятия «движения», затем стадия актуализация домена опыта, связанного с высококодифференцированным понятием «диффузия» (рисунок 1Б). Именно наличие промежуточной стадии актуализации домена опыта низкокодифференцированного понятия и отличает мышление как процесс от «выбора из альтернатив», и мы полагаем, что именно такой переходный процесс описывается термином «недизъюнктивность мышления».

Обнаруженная Брушлинским недизъюнктивность процесса мышления в терминах системно-эволюционного подхода (Швырков, 1995; Alexandrov et al., 2000; Alexandrov, 2008) означает, что процесс мышления разворачивается по следующим стадиям (рисунок 1Б): 1) происходит актуализация домена опыта высококодифференцированного понятия (например «конвекция») и его базового низкокодифференцированного понятия («движение»); 2) происходит отвержение текущей конкретной гипотезы и деактуализация домена опыта высококодифференцированного понятия (например «конвекция»), но остается актуализированным домен опыта базового низкокодифференцированного понятия («движение») – происходит временная дедифференциация; 3) на основе текущего актуализированного домена низкокодифференцированного понятия («движение») дополнительно к нему актуализируется домен опыта другого высококодифференцированного понятия (например, «диффузия») из этого родового низкокодифференцированного понятия. Вторая стадия не связана с конкретной гипотезой, имеет как бы переходный характер и играет роль семантически связующего звена между конкретными гипотезами первой и третьей стадий. Именно в этом последовательном развитии актуализации доменов опыта, сохраняющих низкокодифференцированную составляющую, по нашему мнению, и состоит суть понятия «недизъюнктивность». Наличие этой второй стадии как раз и отличает мышление человека от математической логики, от «выбора из альтернатив» рассматриваемого как способ решения задач в искусственном интеллекте. И эта промежуточная, переходная стадия, увязывающая мышление в единый процесс, столь отличная от «выбора из альтернатив», на чем так настаивал Брушлинский, является следствием системной структуры опыта, в которой в процессе индивидуального развития высококодифференцированные системы опыта наслаиваются на низкокодифференцированные (рисунок 1А). Так, результаты работ А. В. Брушлинского позволяют нам утверждать, что актуализация доменов опыта в процессе мыш-

ления (при поиске решения задачи) происходит в определенном порядке: высокодифференцированный–низкодифференцированный–высокодифференцированный, причем, низкодифференцированный актуализирован на всех трех стадиях и является родовым (обобщением) по отношению к первой и третьей стадиям. Таким способом мы предлагаем психофизиологически раскрыть результаты экспериментов А. В. Брушлинского и термин «недизъюнктивность» процесса мышления как временную дедифференциацию, являющуюся следствием системной структуры опыта. Понятие недизъюнктивности можно обобщить и рассмотреть на разных уровнях работы мозга (Александров, Сергиенко, 2003). В то же время из таких обобщений недизъюнктивности не удастся обратно вывести рассмотренный частный случай, поскольку при обобщениях будет упущен сам механизм феномена.

Предложенная выше формализация недизъюнктивности уже реализована нами в модели обучения (Крылов, 2016). В этой модели формируется структура опыта из низко- и высокодифференцированных систем, и поиск решения задачи происходит аналогично (рисунок 1Б). Активация элементов опыта разной степени дифференциации обеспечивается нейронной активностью, что позволяет при регистрации мозговой активности судить об активации элементов опыта (Швырков, 1995; Alexandrov et al., 2000; Alexandrov, 2008). Из представленного нами системного описания недизъюнктивности мышления следует возможность его верификации с помощью регистрации мозговой активности: при смене гипотез должно быть прекращение активации высокодифференцированных нейронов домена первой гипотезы, далее на переходном этапе будут работать преимущественно нейроны низкодифференцированных систем, а затем нейроны высокодифференцированного домена другой гипотезы; при этом нейроны низкодифференцированных систем должны быть активны во всех 3 фазах (рисунок 1Б).

Описанный выше предполагаемый механизм временной дедифференциации при поиске решения в процессе мышления, реализуемый фазой снижения дифференциации при переходе от одной гипотезы к другой (рисунок 1Б, в середине), как мы полагаем, является частным случаем универсального механизма регрессии (т.е. обратимой системной дедифференциации), реализация которого характеризует также ситуации обучения, стресса, высоко эмоциональных и других состояний (Александров, 2016).

Таким образом, нами проведен анализ результатов экспериментов А. В. Брушлинского по изучению мышления с помощью систем-

ной психофизиологии и моделирования. Предложено формальное описание возможного психофизиологического системного механизма недизъюнктивности мышления как временной дедифференциации, происходящей при переходе в процессе мышления от одной гипотезы к другой. Сделаны выводы относительно моделирования мышления и предложен метод верификации с помощью регистрации мозговой активности.

Литература

- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М., 2006.
- Александров Ю. И.* Регрессия // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М., 2016. С. 100–101.
- Александров Ю. И., Сергиенко Е. А.* Психологическое и физиологическое: континуальность и/или дискретность // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 98–109.
- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж, 1996.
- Костин А. Н.* Еще раз о парадоксе недизъюнктивности психики и дискретности импульсных нейрофизиологических процессов // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 94–98.
- Крылов А. К.* Моделирование эффектов интерференции, совершенствования и переноса навыка при научении // XVIII Международная научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2016»: Сборник научных трудов. Ч. 2. М., 2016. С. 255–264.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики / Под ред. Ю. И. Александрова. М., 1995.
- Alexandrov Y. I.* How we fragment the world: the view from inside versus the view from outside // Social sciences information. 2008. V. 47. № 3. С. 419–457.
- Alexandrov Y. I., Grechenko T. N., Gavrilov V. V., Gorkin A. G., Shevchenko D. G., Grinchenko Y. V., Aleksandrov I. O., Maksimova N. E., Bezdenezhnych B. N., Bodunov M. V.* Formation and realization of individual experience in humans and animals: a psychophysiological approach // Complex Brain Functions: Conceptual Advances in Russian Neuroscience. Series “Conceptual Advances in Brain Research”. Amsterdam, 2000. P. 181–200.

The Brushlinskii term “nondisjunctiveness” of thinking as a temporal dedifferentiation

A. K. Krylov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences,, research officer,
Institute of Psychology of RAS

The results of Brushlinskii experiments are analyzed from systemic psychophysiology view. It is proposed a possible mechanism of the nondisjunctiveness of thinking – temporal dedifferentiation happens during changing of hypothesis while thinking. It allows to give a formal description of nondisjunctiveness of thinking. It is shown that nondisjunctiveness of thinking happens as a result of systemic structure of individual experience. The proposed mechanism has been implemented in a model. A method of verification of the possible psychophysiological mechanism by registration of brain activity is described.

Keywords: thinking, nondisjunctiveness, systemic psychophysiology.

Многократное повторение инструментального поведения и реорганизация его мозгового обеспечения¹

Е. А. Кузина*, Ю. И. Александров** (Москва)

* младший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: ehofir@mail.ru

** доктор психологических наук, заведующий лаборатории
психофизиологии им. В. Б. Швыркова Института психологии РАН;
e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

В работе проводилось сопоставление системных характеристик активности нейронов ретроспленальной коры крыс на разных временных интервалах после формирования инструментального навыка и в зависимости от количества его повторных реализаций после обучения. У крыс, обученных циклическому пищедобывательному навыку нажатия на педаль для получения пищи из кормушки, активность одиночных нейронов регистрировали в течение первых двух недель после формирования поведения и после 30 сессий его ежедневного повторения. Была обнаружена общая тенденция в динамике состава нейронов, специализированных относительно разных актов поведенческого цикла, с увеличением интервала времени после обучения независимо от числа повторений нового поведения.

Ключевые слова: специализация нейронов, инструментальное поведение, обучение, ретроспленальная кора, повторение навыка.

Постановка проблемы

К настоящему времени на основе анализа результатов поведенческих и нейрофизиологических исследований консолидации памяти были выделены факторы, определяющие особенности и динамику сопровождающей этот процесс реорганизации активности разных структур мозга. К наиболее существенным из них относят время, наличие повторений выученного поведения после первоначального обучения и тип экспериментальной задачи (Dudai et al., 2015). Если в таких видах однократного научения, как, например, пассивное избегание, была обнаружена положительная связь интервала времени (между обучением и первым воспроизведением этого опыта) с вовлечением корковых областей, имевших повышенную активность

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0009 и исследовательской программой «Ведущая научная школа РФ „Системная психофизиология“» (НШ-9808.2016.6).

также и при первоначальном обучении (там же, 2015), то в моделях с ежедневным повторением навыка в моторной, зрительной, цингулярной коре со временем и в зависимости от структуры и слоя коры наблюдалось увеличение процента и/или стабильности активаций нейронов, которые были специфически (неизменно) активны в актах выученного поведения (например, при нажатии на педаль или рычаг, беге на вращающемся колесе, исследовании знакомых объектов или лиц), но не клеток, неспецифически вовлекавшихся в его реализацию, для которых характерно, наоборот, снижение частоты и вариативности активности (Dudai et al., 2015; Clopath et al., 2017; Miller et al., 2014; Weible et al., 2012). Однако при обучении инструментальным навыкам была описана динамика поведенческих (Vuitrago et al., 2004) и нейрофизиологических показателей (Dudai et al., 2015), характерная как для первого, так и второго типа экспериментальных моделей. Было показано, что формирование нового элемента опыта при обучении инструментальному навыку включает в себя специализацию нейронов относительно системы нового поведенческого акта и, одновременно, реорганизацию активности клеток, принадлежащих к системам прошлого опыта («аккомодационную реконсолидацию») (Александров и др., 2015), причем связанные с этими процессами морфологические и функциональные модификации клеток на разных этапах консолидации в разных структурах мозга могут различаться в зависимости от соотношения в этих областях нейронов, специализированных относительно систем, которые возникли на разных этапах индивидуального развития (Александров и др., 2015; Miller et al., 2014). В исследовании Созинова и коллег было показано, что у кроликов при ежедневном повторении инструментального циклического поведения на второй неделе после обучения снижалась частота активности нейронов передней цингулярной коры и, одновременно, увеличивалась доля актов с повышенной вероятностью активации клеток ретросплениальной коры (РК), при этом указанные изменения были выявлены только в группе клеток, вариативно вовлекавшихся в реализацию выученного навыка (Александров и др., 2015). С другой стороны, у крыс обнаружили значимые различия между паттернами распределения нейронов РК, специализированных относительно разных актов пищедобывательного цикла, на первой и второй неделе после обучения (Кузина, Александров, 2016). Однако в отличие от предыдущего исследования, крысы, участвовавшие в эксперименте на второй неделе после формирования циклического навыка, не повторяли это поведение в течение семи дней после обучения.

Процедура и методика экспериментального исследования

Основной задачей настоящей работы было сравнение характеристик активности нейронов разной специализации в группах животных, имевших или не имевших опыт повторения нового поведения сразу после обучения.

Процедура и методика исследования

Крыс (Long-Evans, 7–15 месяцев, самцы) поэтапно обучали нажимать на педаль для получения пищи из кормушки (подробнее см.: Кузина, Александров, 2016). Регистрация активности одиночных нейронов РК проводилась по стандартному протоколу, описанному ранее (Горкин и др., 2017): в первой группе ($n=5$) – в течение первой недели сразу после обучения последнему этапу нажатия на педаль, во второй группе ($n=5$) – с 7 по 15 день после завершения обучения (Кузина, Александров, 2016), и в третьей группе крыс ($n=3$) – в течение недели после 30 сессий ежедневного повторения навыка. Поведенческую специализацию нейронов определяли в соответствии с критериями полуторакратного превышения частоты разряда над средней во всех (100%) реализациях данного акта или группы актов (Горкин и др., 2017). Нейрон считался специализированным относительно систем выученного поведения, если данные активации были только в актах циклического поведения (ЦП): подходе к педали (1) и ее нажатии (2), подходе к кормушке (3), наклоне и захвате пищи из кормушки (4), нахождении в кормушечном углу и начале поворота к педали (5). Если активации нейрона наблюдались также и в других формах поведения, имеющих с актами ЦП общий двигательный компонент, то такие клетки относили к группе специализации относительно систем, сформированных до обучения в экспериментальной клетке («Д-нейроны»). Нейроны, не имеющие стабильных активаций в актах ЦП, считались «неспециализированными относительно ЦП». Для измерения индивидуального профиля активности нейронов во всех актах ЦП у каждой клетки определялся «индекс селективности» (ИС) – количество значимых различий частоты разрядов при попарных сравнениях (по критерию Вилкоксона, $p < 0,05$) между всеми актами ЦП (макс. ИС=10) (Кузина, Александров, 2016). Кроме специфических активаций у нейронов, специализированных относительно актов ЦП, были проанализированы профили «неспецифической» активности (превышение частоты активности в более чем 58–60% реализациях других, помимо специфического, актов ЦП), которые могут служить показате-

лем отношений данной системы с системами других актов выученного поведения (Александров и др., 2015).

Все статистические сравнения проводились в пакете Statistica 10.0.

Результаты исследования

Временные характеристики реализации пищедобывательного навыка

У крыс в первые пять дней после обучения было достоверно больше сессий регистрации с меньшим временем цикла, чем через неделю и 30 дней повторения (Медианный тест, $\chi^2=29,27$, $df=1$, $p<0,0001$), при этом значимо меньше была только длительность актов нажатия на педаль в первой группе животных, по сравнению с двумя другими ($\chi^2=16,33$, $df=1$, $p<0,001$). Анализ динамики времени цикла в течение 30 дней повторения ЦП показал, что на протяжении этого периода у животных не было резкого увеличения или уменьшения времени цикла (Friedman $\chi^2=13,9$ $p=0,12$).

Активность нейронов РК во время выполнения ЦП

При сравнении общего паттерна специализации нейронов в трех группах крыс не было обнаружено значимых различий в проценте клеток, специализированных относительно актов ЦП и групп актов, приобретенных до обучения инструментальному навыку, а также нейронов, не имеющих специфических активаций в поведении ($\chi^2=1,51$, $p=0,82$). Доли нейронов, специализированных относительно новых и «старых» актов, а также «не вовлекающихся в ЦП», составляли в каждой группе 13–16%, 13–15% и 68–75%, соответственно. У Д-клеток не было обнаружено значимых межгрупповых различий по частоте нормализованной активности, параметрам селективности и вероятности активаций в ЦП (Медианный тест, $p>0,14$). Однако средние частоты в актах подхода и нажатия на педаль, а также подхода к кормушке значимо снижались с первой по 5 неделю (3 группа крыс) после обучения (критерий J-T= $-2-2,5$, $p<0,05$). На рисунке 1Б показано, что данное снижение частоты Д-нейронов происходило преимущественно за счет сокращения доли клеток с высокой средней частотой активности в этих актах и уменьшения внутригрупповой вариабельности средних частот через неделю и 30 дней повторения навыка.

В первой группе крыс достоверно больше нейронов, специализированных относительно подхода или/и нажатия на педаль, активиро-

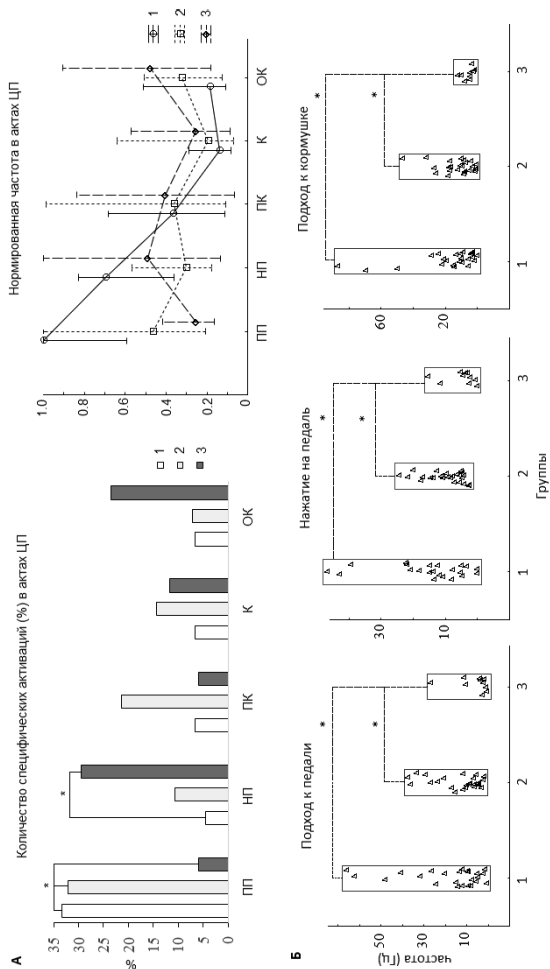

Рис. 1. Динамика показателей частоты активности и специфической связи с поведением нейронов ретроспленальной коры крыс при реализации актов инструментального поведения спустя разное время после их формирования.

А. Слева: процентное соотношение нейронов в трех группах крыс (1 – первая неделя, 2-вторая неделя после обучения, 3–30 дней повторения), специализированных относительно разных актов ЦП. **Обозначения актов:** ПП – подход к педали, НП – нажатие на педаль, ПК – подход к кормушке, К – опускание головы в кормушку, ОК – отход от кормушки. **Справа:** Нормированная частота активности специализированных нейронов в разных актах ЦП у трех групп животных. В качестве показателей взяты медианные оценки частот и 25–75 перцентили.

Б. Частота активности Д-нейронов в трех группах крыс (обозначения такие же, как на рис 1, А) при подходе к педали, нажатии на педаль и подходе к кормушке. Символы внутри столбцов – средние частоты отдельных нейронов. Звездочками обозначены достоверные различия частоты активности между животными с 30-дневным повторением ЦП и двумя другими группами ($p < 0,05$, критерий Манна–Уитни)

вались не в одном, а в двух и более последовательных актах (например, как при подходе, так и нажатии на педаль) (Fisher exact $p=0,0004$). Было обнаружено, что в первые дни клетки «педальной» группы более дифференцированно активируются в актах ЦП, чем через неделю (ИС в 1 группе= 7 ± 2 , ИС во 2 группе= 5 ± 1 , (M-W), $Z=2,69$, $p=0,007$, в 3 группе – $5,7\pm 2,2$), ИС «кормушечных» нейронов не различался ((M-W), $Z=0,33$, $p=0,77$). Показатель вариативности частоты в неспецифических актах суммарно для подгруппы «педальных» нейронов был также достоверно выше в первые дни после обучения (M-W), $Z=2,2$, $p=0,024$). (Кузина, Александров, 2016). В группе с 30-дневным повторением было значимо меньше нейронов, специализированных относительно подхода к педали (1 из 13), по сравнению с первыми днями (15 из 25) (Fisher exact, $p=0,0022$) и недель после обучения (9 из 24) (Fisher exact, $p=0,042$), и достоверно больше клеток, специфически активных только при нажатии на педаль (5 из 11), по сравнению с первыми днями (2 из 25) (Fisher exact, $p=0,025$).

На рисунке 1А (справа) показан паттерн нормированных (относительно максимальной у каждого нейрона) частот активности специализированных нейронов в разных актах ЦП у крыс трех экспериментальных групп. Сдвиг общего количества активаций с подхода к педали к «кормушечной» части от первых дней после обучения к последующим оказался значимым, как по относительному числу нейронов подхода к педали (см. выше), так и суммарной доле «неспецифических» активаций: в «педальной» группе актов в первые дни после обучения она была выше, чем на последующих временных интервалах после обучения (Fisher exact, $p<0,05$).

Обсуждение результатов

На протяжении всего периода тестирования (до 45 дней, начиная с первого дня обучения) у крыс не наблюдалось снижения длительности и вариативности времени выполнения ЦП от сессии к сессии, что, как было показано в ряде исследований, отличает формирование инструментальных навыков от обучения новым моторным координациям (Vuitrago et al., 2004; Karni, Kogman, 2011). При сравнении всей совокупности нейронов РК крыс на разных интервалах времени после обучения новому инструментальному навыку не было обнаружено значимых различий в соотношении частот встречаемости нейронов, специализированных и не имеющих специфических активаций в ЦП. Эти результаты соответствуют данным ряда исследований с регистрацией активности нейронов РК у разных видов животных, где также было показано, что в дефинитивном поведении

для этой области коры характерно сохранение устойчивой пропорции специфически и вариативно активирующихся в данном поведении нейронов (Александров и др., 2015; Кузина, Александров, 2016; Miller et al., 2014). Однако, несмотря на стабильность состава нейронов РК с первых дней после обучения (Кузина, Александров, 2016; Miller et al., 2014), было обнаружено изменение параметров активности *внутри* групп по-разному специализированных клеток. Так, несмотря на то, что профиль активности Д-нейронов (выделенный на основе паттерна нормированных частот) в актах ЦП в трех группах крыс не различался, т. е. соотношение уровня активации между актами цикла было одинаковым, степень выраженности и вариативности частотных параметров активности с течением времени снижалась. Таким образом, обнаруженное ранее в других формах обучения и структурах мозга уменьшение частоты и вариативности активности нейронов по мере консолидации навыка (Dudai et al., 2015; Clorath et al., 2017) было характерно в настоящем исследовании для группы клеток, специализированных относительно систем актов, приобретенных на более ранних этапах онтогенеза.

С первого по 45 день после обучения в подгруппе Н-нейронов снижался процент «дополнительных» активаций, и возрастала пропорция клеток, имеющих активации в «кормушечной» части пищедобывательного цикла (Кузина, Александров, 2016), причем увеличение относительного числа «кормушечных» нейронов происходило, как через 30 дней повторения навыка, так и у животных второй группы, которые начинали выполнять ЦП только через неделю после обучения. Поэтому перераспределение состава специфически активирующихся в ЦП нейронов РК, спустя разное время после обучения инструментальному навыку, скорее всего, не могло быть связано только с количеством или частотой воспроизведения этого поведения. Поскольку изменилось относительное число клеток, данный сдвиг мог быть связан, прежде всего, с уменьшением доли нейронов, специфически активных при подходе к педали, который крысы на первых этапах после обучения могли выполнять наиболее вариативно (Кузина, Александров, 2016), что отражалось также на сокращении частоты и вариативности частоты клеток «старых» систем в этих актах, но не длительности их реализации, которая, по-видимому, зависела только от индивидуальной скорости каждого животного.

Заключение

Таким образом, обнаруженная в настоящем исследовании тенденция в динамике активности нейронов ретроспленальной коры

крыс в процессе консолидации инструментального пищедобывательного навыка соответствовала увеличению интервала времени после его формирования и в меньшей степени была связана с наличием ежедневных повторений этого поведения. При этом от первой к седьмой неделе после обучения в группе клеток, принадлежащих системам, возникшим, по-видимому, на более ранних этапах индивидуального развития, уменьшалась частота и вариативность активности, а у нейронов, специализированных относительно нового поведения, повышалась доля активаций в кормушечных актах, которые животные приобретали на первых этапах обучения пищедобывательному поведению. Можно предположить, что меньший вклад фактора повторений поведения (по сравнению с количеством дней после обучения) в наблюдаемых изменениях активности клеток связан с тем, что в данной модели инструментального поведения не происходило формирования новых актов в рамках циклической последовательности при многократном ее воспроизведении, в отличие от экспериментальных методик, в которых каждое повторение включает в себя определенную модификацию поведения, т. е. дополнительное обучение (Dudai et al., 2015; Buitrago et al., 2004; Clopath et al., 2017; Karni, Korman, 2011; Weible et al., 2002).

Литература

- Александров Ю. И. Научение и память: традиционный и системный подходы // Журнал высшей нервной деятельности. 2005. Т. 55. № 6. С. 842–860.
- Александров Ю. И., Горкин А. Г., Созинов А. А., Сварник О. Е., Кузина Е. А., Гаврилов В. В. Консолидация и реконсолидация памяти: психофизиологический анализ // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 1–13.
- Горкин А. Г., Кузина Е. А., Ивлиева Н. П., Соловьева О. А., Александров Ю. И. Паттерны активности нейронов ретроспленальной области коры в инструментальном пищедобывательном поведении у крыс разного возраста // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. Т. 67. № 3. С. 334–340.
- Кузина Е. А., Александров Ю. И. Выделение устойчивых и вариативных характеристик активности нейронов ретроспленальной коры крыс на разных этапах консолидации навыка // Сборник материалов Международной научной конференции памяти Е. Н. Соколова и Ч. А. Измайлова «Человек–нейрон–модель». 19–20 августа 2016 г. М., 2016. С. 126–132.
- Buitrago M. M., Ringer T., Schulz J. B., Dichgans J., Luft A. R. Characterization of motor skill and instrumental learning time scales in a skilled reach-

- ing task in rat // Behavioral Brain Research. 004. V. 155. P. 249–256.
- Clopath C., Bonhoeffer T., Hübener M., Rose T.* Variance and invariance of neuronal long-term representations // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2017. V. 372 (1715). P. 2016–20161. doi: 10.1098/rstb.2016.0161.
- Dudai Y., Karni A., Born J.* The Consolidation and Transformation of Memory // Neuron. 2015. V. 88. № 1. P. 20–32.
- Karni A., Korman M.* When and where in skill memory consolidation: neuro-behavioral constraints on the acquisition and generation of procedural knowledge // Biological Web of Conferences. 2011. doi: 10.1051/bioconf/20110100047.
- Miller A. M. P., Vedder L. C., Law L. M., Smith D. M.* Cues, context and long-term memory: the role of the retrosplenial cortex in spatial cognition // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. V. 8 (586). doi: 10.3389/fnhum.2014.00586.
- Weible A. P., Rowland D. C., Monaghan C. K., Wolfgang N. T., Kentros C. G.* Neural correlates of long-term object memory in the mouse anterior cingulate cortex // Journal of Neuroscience..2002. V. 32 (16). P. 598–608.

Everyday repetition of the instrumental behavior and reorganization of the associated brain activity

E. A. Kuzina , Y. I. Alexandrov** (Moscow)*

* Junior research officer, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Science, Full Professor, corresponding member of the RAO, Head of the laboratory of neural basis of mind named of Shvirkov V. B., Institute of Psychology of RAS

System characteristics in activity of rats' retrosplenial neurons were compared between sequential time intervals and different number of repeated executions of the instrumental skill after its formation. We recorded single unit activity during the first two weeks after rats learned to press a pedal for food, or following a month of everyday repetition of the task. There was a general dynamics in proportions of neurons specialized in relation to different acts of a behavioural cycle on successive stages of consolidation of the instrumental skill irrespective of the number of repetitions of the learned skill.

Keywords: specialization of neurons, instrumental behavior, learning, retrosplenial cortex, repetition of a skill.

Б. Ф. Ломов и современные психофизиологические исследования проблемы волевой регуляции в спорте¹

В. А. Москвин, Н. В. Москвина** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор кафедры психологии,
Российский государственный университет физической культуры,
спорта молодежи и туризма (ГЦОЛИФК);
e-mail: luria-2007@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Российский государственный университет физической культуры,
спорта молодежи и туризма (ГЦОЛИФК);
e-mail: luria-2007@mail.ru*

Рассмотрено значение работ Б. Ф. Ломова и А. Р. Лурия в методологическом обеспечении исследований психических процессов человека. Изучены психофизиологические основы индивидуальных различий волевых функций на примере студентов спортивного вуза (юноши 18–25 лет, n=100) с разными признаками асимметрии регулятивного блока мозга по А. Р. Лурия. Использовались тесты: методика определения волевых качеств личности по М. В. Чумакову, опросник Р. Кеттелла (форма А) и методика диагностики устойчивости выбора цветовых стимулов по В. А. Москвину. По результатам проведенного исследования выявлены индивидуальные различия – более высокий уровень регулятивных возможностей у юношей связан с левополушарным доминированием.

Ключевые слова: психофизиология, индивидуальные особенности, волевая регуляция поведения, функциональные асимметрии, спорт.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-50146-а (ф): «Комплексное исследование индивидуальных особенностей регуляторных процессов человека в норме и патологии (онтогенетические и психофизиологические аспекты)».

Постановка проблемы

Проблема индивидуальных особенностей волевой регуляции имеет большое значение в отечественной психологии. Она важна и в спортивной психологии при отборе и подготовке спортсменов высокой квалификации и уже давно находится в центре внимания спортивных психологов (Москвин, Москвина, 2011, 2015, 2016; Moskvin, Moskvina, 2016). Рассмотрим взгляды ведущих представителей отечественной психологии на проблему исследования высших психических функций и волевой регуляции человека.

Б. Ф. Ломов отмечал, что «в разработке программ психофизиологических исследований сознания важно учитывать специфику основных психических функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной... Вряд ли можно раскрыть особенности организации физиологического обеспечения сознания без специального изучения того, как формируются и развиваются функциональные системы у человека, связанные с целенаправленным приобретением знаний, произвольной регуляцией действий и общением» (Ломов, 1984, с. 361). Говоря об исследованиях нейрофизиологического обеспечения психических процессов человека, Б. Ф. Ломовым особенно отмечает работы А. Р. Лурия и его учеников (Ломов, 1984, с. 356).

Концепция А. Р. Лурия о парциальном доминировании зон мозга позволяет говорить о том, что основы индивидуальных различий здоровых людей связаны с вариабельностью сочетаний парциального доминирования сенсорных и моторных признаков, что определяет разный их вклад в процессы реализации высших психических функций (Лурия, 2000). Для изучения особенностей функциональных асимметрий человека в настоящее время широко используются методики А. Р. Лурия, направленные на оценку «парциального левшества» (или парциального доминирования определенных зон мозга), а также пробы других авторов, включенных в «Карту латеральных признаков» (Москвин, Москвина, 2011). Парциальное доминирование определенных зон мозга усиливает соответствующие функции (в том числе, и в сфере двигательной активности), что имеет прямое отношение и к проблеме двигательной одаренности в спорте.

Учет особенностей функциональных асимметрий мозга (ФАМ) в спортивной деятельности имеет значение для выявления одаренности в определенных сферах психики (например, в двигательной сфере), что связано с парциальным доминированием двигательных отделов мозга, в особенности его левой лобной доли. Воспитание спортсменов высокого класса проводится на уровне предельных физических и психических напряжений, что определяет углубление

представлений о физиологических механизмах совершенствования функциональных резервов человеческого организма в процессе адаптации к возрастающим нагрузкам и требует обязательного учета индивидуальных особенностей спортсмена (в том числе и латеральных) (там же).

Обучение юных спортсменов с учетом их индивидуальных латеральных профилей является одной из центральных задач применения знаний нейропедагогике в спорте. Психофизиологическая диагностика индивидуальных особенностей может быть использована для тестирования и выявления двигательно одаренных детей и подростков к определенным видам спорта (там же).

Регуляторные процессы человека А. Р. Лурия (2000) в большей степени связывал с третьим блоком мозга, который включает в себя лобные отделы. Современные исследования подтверждают имеющееся мнение о наличии асимметрии блоков мозга А. Р. Лурия, в том числе и третьего блока. Сегодня установлено, что регуляторные аспекты (по крайней мере у мужчин) по преимуществу обеспечиваются структурами лобных отделов левого полушария. Эти положения подтверждаются данными психодиагностических исследований лиц с разными латеральными особенностями и тем, что доминирование левой лобной доли (у лиц мужского пола) связано с более высокими показателями сформированности целобразующих функций.

В отечественной психологии (в советский период) успешно развивались исследования волевых усилий человека. Усилие рассматривалось как центральный и специфический признак воли. Этот подход берет свое начало от работ А. Ф. Лазурского, М. Я. Басова и развивающих их идеи трудов В. Н. Мясищева, В. С. Мерлина. В отечественной психологии 1950–1980-х годов он разрабатывался и в психологии спорта (А. Ц. Пуни, П. А. Рудик и др.). Следует отметить, что данный подход можно считать сугубо отечественным, поскольку за рубежом усилие не рассматривалось как центральная черта воли.

Под руководством П. А. Рудика (Рудик, 1962) на кафедре психологии ГЦОЛИФК были осуществлены исследования по четырем основным направлениям. К первому направлению относятся исследования характерных особенностей различных психологических процессов как существенных компонентов физических упражнений. Ко второму – экспериментальные исследования некоторых сенсорных процессов и двигательных реакций в их отношении к физическим упражнениям. К третьему – психологические исследования по проблеме обучения физическим упражнениям и спортивной тренировки. К четвертому – исследования по проблеме воспитания волевых качеств личности на занятиях физическими упражнениями и спортом.

П. А. Рудик рассматривал волю как способность человека действовать в направлении поставленной цели, преодолевая при этом внешние препятствия. Таким образом, воля является синонимом волевой регуляции, функция которой – преодоление трудностей и препятствий (Рудик, 1962).

В настоящее время в связи с ростом профессионализации спорта высших достижений и возрождением массового и юношеского спорта изучение психологических основ процесса развития волевой активности у занимающихся спортом и волевой подготовки спортсменов по различным видам спорта с учетом их индивидуальности и спортивной специализации является важной научно-исследовательской задачей.

Сегодня на кафедре психологии Российского государственного университета физической культуры, спорта молодежи и туризма, продолжая традиции П. А. Рудика, проводятся дальнейшие исследования волевых (регуляторных процессов) у спортсменов с позиций современной спортивной психофизиологии (Москвин, Москвина, 2015). Получены новые данные, которые свидетельствуют о наличии индивидуальных особенностей волевой регуляции человека, связанных с особенностями его функциональных асимметрий. Выявлены индивидуальные особенности склонности к риску и импульсивности на примере студентов спортивного вуза (Москвин и др., 2012) с разными признаками доминирования регулятивного блока мозга, по А. Р. Лурии. Выявлены индивидуальные особенности контроля за действием, обусловленные функциональными асимметриями (Москвин и др., 2013). Полученные данные могут быть полезны при подготовке спортсменов высокой квалификации (с учетом индивидуальных особенностей произвольной регуляции и контроля за действием). Разработаны и апробированы методики психологической и психофизиологической диагностики регуляторных процессов в спорте, изданы методические рекомендации, рассматривающие вопросы связи функциональных асимметрий человека с его регуляторными (волевыми) характеристиками применительно к спортивной деятельности. Приведены результаты апробации психологических и психофизиологических методик диагностики индивидуальных особенностей регуляторных процессов на выборке подростков-спортсменов (Москвин, Москвина, 2016).

Организация и методика исследования

Целью исследования являлось изучение индивидуальных особенностей произвольной регуляции на примере студентов спортивного вуза с учетом признаков функциональных асимметрий.

Выборку исследования составили 100 студентов спортивного вуза в возрасте от 18 до 25 лет (юноши).

Методики исследования

Использовался комплекс методик: 1) личностный опросник Р. Кеттелла (форма А); 2) опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) М. В. Чумакова, включающий 9 шкал: «Ответственность», «Инициативность», «Решительность», «Самостоятельность», «Выдержка», «Настойчивость», «Энергичность», «Внимательность», «Целеустремленность» (Чумаков, 2006); 3) методика диагностики устойчивости выбора цветовых стимулов (Москвин, Москвина, 2015).

Для исследования особенностей функциональных асимметрий использовались критерии диагностики парциального доминирования, выделенные А. Р. Лурия. Учитывалась проба «перекрест рук», которая отражает парциальное доминирование контралатеральных лобных отделов мозга. Индивидуальные латеральные профили определялись в системе измерений «рука–ухо–глаз». Вся выборка была разделена на две подгруппы – по признаку доминантного локтя (или парциального доминирования лобных отделов). Были выделены испытуемые с правыми показателями пробы «перекрест рук» и с левыми. При статистической обработке данных использовался U-критерий Вилкоксона–Манна–Уитни.

Результаты исследования

Сравнение усредненных данных по методике ВКЛ М. В. Чумакова показало, что испытуемые с доминированием левых лобных отделов обнаруживают более высокие показатели по шкалам «Ответственность» (4,7 и 4,0 балла соответственно, $p < 0,05$), «Инициативность» (4,9 и 4,0 балла, $p < 0,05$), «Энергичность» (6,7 и 6,1 балла, $p < 0,03$) и «Целеустремленность» (6,4 и 5,6 балла соответственно, $p < 0,05$).

По данным опросника Р. Кеттелла по фактору F («Экспрессивность–Сдержанность»), более высокие значения отмечены в группе лиц с доминированием левых лобных отделов (5,5 балла), чем в группе с доминированием правых лобных отделов (4,7 балла) ($p < 0,03$), что свидетельствует о большей активности, живости и гибкости поведения испытуемых первой группы. Значения по фактору N («Наивность–Проницательность») ниже в группе лиц с доминированием правых лобных отделов (5,1 балла), по сравнению с группой с доминированием левых отделов (5,9 балла) ($p < 0,03$).

Испытуемые с доминированием левых лобных отделов также обнаружили более высокие показатели в восьмицветовом варианте теста Люшера по показателю устойчивости выбора (80,7 и 68,5 балла соответственно, $p < 0,04$), что говорит об устойчивости избранных программ поведения.

Обсуждение результатов

В результате анализа было выяснено, что испытуемые с доминированием левых лобных отделов по данным методики ВКЛМ. В. Чумакова обнаруживают более высокие показатели по шкалам «Ответственность», «Инициативность», «Энергичность» и «Целеустремленность». Они чаще проявляют такие качества, как живость, энергичность, жизнерадостность (по данным теста Р. Кеттелла). Выявлено, что значения по фактору N в тесте Кеттелла («Наивность–Проницательность») оказались ниже в группе испытуемых с доминированием правых лобных отделов (5,1 балла), чем в группе с доминированием левых лобных отделов (5,9 балла) при ($p < 0,03$), что может соответствовать проявлению таких качеств, как проницательность, расчетливость, утонченность. Показатель устойчивости выбора цветовых стимулов также оказался выше у лиц с доминированием левых лобных отделов, что может говорить о большей устойчивости принятых планов поведения.

Ранее в наших работах были выявлены проявления левополушарной недостаточности при аддиктивных формах поведения, что позволяет объяснить слабость прогнозирующих и регулятивных функций у подростков с наркотической зависимостью (Москвин, Москвина, 2011). Полученные нами данные показывают, что испытуемые с разными показателями пробы А. Р. Лурия «перекрест рук» при диагностике волевых процессов обнаруживают достоверные различия по ряду шкал использованных методик.

Выводы

Результаты исследования говорят о наличии индивидуальных различий в особенностях волевых функций молодых спортсменов, связанных с особенностями функциональных асимметрий. Они могут быть практически использованы для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции при подготовке спортсменов высокой квалификации, прогнозировании поведения человека в экстремальных ситуациях и в условиях воздействия сложных средовых факторов.

Литература

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М., 2000.
- Москвин В. А., Москвина Н. В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М., 2011.
- Москвин В. А., Москвина Н. В. Спортивная психофизиология как новое направление психологии // Спортивный психолог. 2015. №4 (39). С. 10–14. doi: 10.18411/d-2016–041.
- Москвин В. А., Москвина Н. В. Индивидуальные особенности волевой регуляции у спортсменов-подростков // Спортивный психолог. 2016. №3 (42). С. 52–57.
- Москвин В. А., Москвина Н. В., Шумова Н. С., Ковалевский А. Г. Индивидуальные особенности склонности к риску и импульсивности (на примере студентов спортивного вуза) // Теория и практика физической культуры. 2012. №5. С. 6–11.
- Москвин В. А., Москвина Н. В., Шумова Н. С., Ковалевский А. Г. Индивидуальные особенности контроля за действием в спорте // Теория и практика физической культуры. 2013. №1. С. 76–79.
- Рудик П. А. Психологические основы морально-волевой подготовки спортсмена // Проблемы психологии спорта. М., 1962. С. 9–20.
- Чумаков М. В. Диагностика волевых особенностей личности // Вопросы психологии. 2006. №1. С. 169–178.
- Moskvin V. A., Moskvina N. V. Asymmetry and individual characteristics of strong-willed regulation teenage athletes // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. №5–6. P. 22–24. doi: 10.20534/AJH-16–5.6–22–24.

B. F. Lomov and modern psychophysiological researches of the problem of volitional regulation in sport

V. A. Moskvin, N. V. Moskvina** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, professor of the Department of psychology, Russian state University of physical culture, sport, youth and tourism

** Candidate of psychological Sciences, associate professor of the Russian state University of physical culture, sport, youth and tourism

The significance of the works of B. F. Lomov and A. R. Luria in the methodological support of research on the human mental processes. The psychophysiological foundations of individual differences in volitional functions

were studied using the example of students of a sports university (young men aged 18–25, n=100) with different signs of asymmetry in the regulating block of the brain according to A. R. Luria. Tests were used: the method of determining the strong-willed qualities of a personality according to M. V. Chumakov, a questionnaire by R. Cattell (Form A) and a technique for diagnosing the stability of the choice of color stimuli according to V. A. Moskvin. According to the results of the study, individual differences were revealed – a higher level of regulatory capacity in young men is associated with left hemispheric dominance.

Keywords: psychophysiology, individual features, volitional regulation of behavior, functional asymmetries, sport.

Гипотеза пресинаптического ожидания

Т. А. Палихова (Москва)

*кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: palikhova@mail.ru*

Представляемая гипотеза «пресинаптического ожидания» основана на результатах многолетних исследований идентифицированных синапсов виноградной улитки. Предполагается, что одним из механизмов селективной синаптической пластичности является изменение чувствительности пресинаптических рецепторов к действию обратных посредников. Изменение чувствительности «клеточных акцепторов результата действия» возникает в результате повышения внутриклеточного кальция, вызванного активностью пресинаптического нейрона. Гипотеза пресинаптического ожидания решает проблему селективности и не исключает постсинаптических механизмов механизмов пластичности. Гипотеза пресинаптического ожидания предполагает, что долговременные изменения происходят только в синаптических окончаниях активных нейронов и только в синапсах, попавших в область влияния обратных посредников, распространяющихся по механизму объемной передачи.

Ключевые слова: ассоциативное научение, идентифицированный синапс, пресинаптическая пластичность, обратный посредник, пресинаптические рецепторы.

Механизмы формирования памяти всегда привлекали внимание исследователей в психологии. Проблема селективной пластичности синапсов при ассоциативном научении остается одной из ключевых и пока нерешенных проблем нейронауки. Для решения проблемы был предложен механизм обратных посредников, среди которых большое внимание уделяется нейротрофическим факторам, которые определяют пресинаптическую пластичность, вызывая повы-

шение уровня внутриклеточного кальция. Но обратные посредники распространяются по механизму объемной передачи и потому проблемы селективности синаптической пластичности не решают. Мы предположили существование дополнительного пресинаптического механизма, обеспечивающего селективность пластичности синапсов при обучении. Он основан на изменении чувствительности рецепторов к обратным посредникам в результате активности пресинаптического нейрона. Представляемая гипотеза «пресинаптического ожидания» основана на результатах многолетних исследований идентифицированных синапсов виноградной улитки.

Моллюски, и среди них виноградные улитки *Helix pomatia* и *Helix lucorum*, являются признанным объектом для изучения механизмов синаптической пластичности. В центральных ганглиях этих беспозвоночных животных идентифицированы нейроны, морфология, электрическая активность и участие в поведении которых хорошо изучены (Иерусалимский и др., 1992). В париетальных и плеврельных ганглиях виноградных улиток идентифицированы сенсорные нейроны, имеющие прямые синаптические связи с командными нейронами оборонительного поведения (Палихова, 2000; Malyshev, Balaban, 2002). Евгений Николаевич Соколов предложил называть синаптические контакты между идентифицированными нейронами «идентифицированными синапсами» (Sokolov, Palikhova, 1999).

К одним из наиболее интенсивно исследуемых обратных посредников принадлежат нейротрофические факторы (brain delivered neurotrophic factors – BDNF, NT-3 и др.). Примером пресинаптических «клеточных акцепторов результата действия» могут служить рецепторы нейротрофинов (trkR). Чувствительность trk-рецепторов является кальций-зависимой. Пресинаптическая кратковременная пластичность, такая как гомосинаптическая потенцияция, вызванная разрядом потенциалов действия, также является Ca^{2+} -зависимой (Палихова и др., 2006). В то же время активация рецепторов при действии нейротрофических факторов меняет уровень внутриклеточного кальция (Cheng et al., 2017). Таким образом, нейротрофины, как и другие обратные посредники, отсутствующие в случае постсинаптической неэффективности, на пресинаптическом уровне должны влиять только на аксонные окончания предварительно активных нейронов, готовых воспринять обратные сигналы.

В экспериментах с одновременной внутриклеточной регистрацией активности пресинаптического сенсорного и постсинаптического командного нейронов было показано, что даже двух пресинаптических потенциалов действия, следующих с коротким (менее 200 мс) временным интервалом, достаточно, чтобы возникло увеличение

амплитуды постсинаптического потенциала, вызванного третьим, тестовым потенциалом действия (Палихова 2000; Sokolova, Palikhova, 1999). Сходные результаты получены для нейронов на срезах мозга млекопитающих (Тао, Роо, 2001). В связи с этим правомерно предположить, что кратковременная пресинаптическая пластичность может служить тестом для выявления изменения чувствительности пресинаптических рецепторов, так как оба процесса имеют общий пусковой стимул – высокочастотных разряд пресинаптических потенциалов действия.

Гипотеза пресинаптического ожидания постсинаптического ответа не исключает постсинаптических механизмов долговременной пластичности, но расширяет круг ассоциативных изменений за пределы глутаматергических синапсов. Роль серотонина, как пресинаптического модулятора входа ионов кальция, сохраняется для объяснения кратко- и средневременных процессов синаптической пластичности, но селективности долговременных, в том числе структурных изменений связей между нейронами, не объясняет. Гипотеза пресинаптического ожидания не требует селективности зависящего от генома изменения синтеза белка, так как структурные изменения происходят только в тех аксонных окончаниях, которые получили ожидаемые сигналы об эффективности своей активности.

Таким образом, гипотеза пресинаптического ожидания результата активности нейрона состоит в следующем:

1. Пресинаптическая потенциация идет параллельно с повышением чувствительности пресинаптических рецепторов к действию обратных посредников.
2. Пресинаптическая потенциация развивается параллельно с изменением уровня кальция, вызванного действием обратных посредников.
3. Пресинаптическая активность изменяет чувствительность пресинаптических рецепторов к действию обратных посредников.

В настоящее время влияние модулирующих факторов, и обратных посредников в том числе, на пластичность синапсов интенсивно исследуется в экспериментах с одновременной внутриклеточной регистрацией активности синаптически связанных нейронов высших животных и не только на срезах, но и в свободном поведении. Однако сложность организации не позволяет идентифицировать нейроны и синапсы у этих животных. Мы предлагаем использовать для проверки гипотезы пресинаптического ожидания идентифицированные синапсы виноградных улиток. Дополнительное преимущество этой экспериментальной модели научения связано с возможностью

одновременной регистрации активности пресинаптических сенсорных нейронов, моносинаптически связанных с одним постсинаптическим командным нейроном и обладающих разной эргичностью. Так, показано, что париетальные сенсорные нейроны с рецептивными полями в области внутренних органов являются холинергическими (Абрамова и др., 2007; Палихова и др., 2006), тогда как пресинаптические механоафферентные нейроны плевральных ганглиев с рецептивными полями в области ноги имеют глутаматергическую природу (Bravarenko et al., 2003).

В заключении подчеркнем, что ассоциативным долговременным изменениям подвержены только синаптические окончания активных нейронов и только синапсы, попавшие в область влияния обратных посредников, распространяющихся по механизму объемной передачи.

Литература

- Абрамова М. С., Палихова Т. А., Пивоваров А. С. Синаптическая потенциация холинергических возбуждающих постсинаптических ответов командных нейронов виноградной улитки // Журнал высшей нервной деятельности. 2007. Т. 57. № 5. С. 588–596.
- Иерусалимский В. Н., Захаров И. С., Палихова Т. А., Балабан П. М. Нервная система и картирование нейронов брюхоногого моллюска *Helix lucorum* L. // Журнал высшей нервной деятельности. 1992. Т. 42. № 6. С. 1075–1089.
- Палихова Т. А. Синапсы, идентифицируемые в париетальных ганглиях виноградной улитки // Журнал высшей нервной деятельности. 2000. Т. 50. № 5. С. 775–790.
- Палихова Т. А. Нейроны и синапсы виноградной улитки в векторной психофизиологии Е. Н. Соколова // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2010. № 4. С. 149–154.
- Палихова Т. А., Абрамова М. С., Пивоваров А. С. Холинергические сенсорные входы к командным нейронам виноградной улитки // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2006. Т. 142. № 9. С. 244–247.
- Bravarenko N. I., Korshunova T. A., Malyshev A. Y., Balaban P. M. Synaptic contact between mechanosensory neuron and withdrawal interneuron in terrestrial snail is mediated by L-glutamate-like transmitter // *Neurosci Lett*. 2003, May. V. 341. № 3. P. 237–240.
- Cheng Q., Song S.-H., Augnetine G. Y. Calcium-dependent and synapsin-dependent pathways for the presynaptic action of BDNF // *Front Cell Neurosci*. 2017. March 24.

- Malyshev A. Y., Balaban P. M.* Identification of mechanoafferent neurons in terrestrial snail *Helix Lucorum*. L., 2002.
- Sokolov E. N., Palikhova T. A.* Immediate plasticity of identifiable synapses in the land snails *Helix lucorum* // *Acta Neurobiologiae Experimentalis*. 1999. V. 59. P. 161–169.
- Tao N. W., Poo V.* Retrograde signaling at central synapses. *PRAS*. 2001. V. 98. №20. P. 11009–11015.

Presynaptic waiting hypothesis

T. A. Palikhova (Moscow)

Candidate of biological Sciences, senior research officer of the Department of Psychophysiology, Lomonosov Moscow State University

A hypothesis of “presynaptic waiting” presented here concerns with a problem of associative synaptic plasticity and is based on the results of long-lasting investigations of the snail’s identified synapses. It is proposed that one of the mechanisms of selective synaptic plasticity is based on excitability of presynaptic receptors for backwards messengers. Excitability of the receptors is changed because of elevation of intracellular calcium concentration evoked by an activity of a presynaptic neuron. The presynaptic waiting hypothesis answers the question about selectivity of synaptic plasticity and does not reject postsynaptic mechanisms of associative learning. It is proposed that the back-messengers, and the neurotrophic factors for example, would be effective only for the previously activated presynaptic terminals where presynaptic receptors were activated by calcium ions elevated during neuronal activity.

Keywords: associative learning, identified synapse, presynaptic plasticity, backward messengers, presynaptic receptors.

Закономерности реактивации памяти¹

О. Е. Сварник (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: olgaesvarnik@yandex.ru*

Регистрация нейронной активности мозга показывает, что нейроны, специализированные относительно того или иного поведения, реактивируются и вне этого поведения, хотя и с меньшей интенсивностью. В наших работах было показано, что формирование нового опыта сопровождается реактивацией нейронов, связанных с предыдущими навыками. Закономерности таких нейронных реактиваций в настоящее время недостаточно изучены, однако, при исследованиях формирования памяти необходимо учитывать вероятность реактивации того опыта, который уже существует у индивидов.

Ключевые слова: нейрон, активность, мозг, память.

С точки зрения селекционных теорий научения (например: Швырков, 1995), в процессе приобретения нового опыта происходит функциональное формирование новой системы или группы нейронов (из числа молчащих нейронов или из нейронов, образованных в процессе взрослого нейрогенеза), активность которых связана с выполнением приобретенного поведения. Однако системное описание научения на нейронном уровне включает в себя две группы неразрывно связанных процессов: процессов системной специализации и процессов аккомодационной реконсолидации. Под системной специализацией понимается функциональная и морфологическая модификация неспециализированных нейронов, связанная с их вовлечением во вновь формируемую группу нейронов, обеспечивающую реализацию нового поведенческого акта. А процессы аккомодационной реконсолидации описывают функциональные и морфологические

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 17-06-00999.

модификации нейронов, уже специализированных относительно ранее сформированных систем индивидуального опыта и претерпевающих модификации в связи с изменениями структуры индивидуального опыта (Alexandrov et al., 2001).

При приобретении нового поведения специфические для него нейронные активации могут выявляться практически сразу, как было показано, например, для формирования инструментального поведения (Горкин, 2009) или обследования нового пространства (Wilson, McNaughton, 1993). Однако нейронные активации, по-видимому, продолжают и вне того поведения, при котором изначально возникла нейронной группы, что позволяет говорить о продолжающейся модификации опыта и без поведения. Реактивации определенных групп гиппокампальных нейронов (нейронов «места») были обнаружены у крыс во время периодов неактивности между побежками вдоль одного рукава лабиринта (Foster, Wilson, 2006), в концах которого располагались кормушки с едой. Добегая до конца коридора, животное останавливалось на некоторое время и собирало еду. Оказалось, что в этот момент гиппокампальные нейроны, активность которых была связана с определенным местоположением крысы в коридоре, воспроизводили свою активность, причем последовательность их активностей совпадала с той последовательностью, которая наблюдалась во время реального перемещения по рукаву, т. е. последовательность реактиваций нейронных групп воспроизводилась, но реактивация содержала только 1–3 спайка каждого нейрона и занимала меньше секунды. Оказалось, что в новой обстановке число таких реактиваций было достоверно больше, чем в знакомой (Foster, Wilson, 2006). Реактивации нейронных последовательностей в гиппокампе были также обнаружены и вне периодов остановок, но, так же как и в предыдущих случаях, во время высокочастотных пульсаций с острой волной (140–200 Гц), выявляемых в локальных полевых потенциалах.

Интересно, что у людей также наблюдаются своего рода реактивации образов. Так, например, было показано, что испытуемые, игравшие в тетрис, сообщали о повторяющихся образах этой игры в периоды непосредственно перед сном; такой же эффект наблюдался даже у амнестичных пациентов с двухсторонним повреждением медиальной височной доли, хотя пациенты с таким диагнозом даже не помнили самого факта игры (Stickgold et al., 2000).

Реактивации нейронных групп, распределенных по нескольким структурам мозга, могут быть продемонстрированы и с помощью метода картирования экспрессии непосредственного раннего гена *arc*. Известно, что мРНК данного гена детектируется через

5 минут после приобретения нового опыта в ядрах нейронов и через 30 минут – в цитоплазме, что позволяет оценить вовлеченность нейронов в повторные активации. Картирование активности данного гена было осуществлено сразу после помещения крыс в новую обстановку и после периода «отдыха» (Gheidi et al., 2012). В этих исследованиях было показано, что во время периода отдыха с большей вероятностью реактивируются те же нейронные группы, которые были активны при обследовании новой обстановки (однако число нейронов с повторными активациями составляет приблизительно 25% от первоначального состава). При этом реактивация нейронов обнаруживается в области CA1 и CA3 гиппокампа и в нескольких корковых структурах (Gheidi et al., 2012). Подобными методами картирования нами было показано, что при формировании второго (из двух последовательно формируемых) навыка происходит активация нейронов, связанных с выполнением первого навыка, даже если данные навыки принадлежат разным доменам опыта (Сварник и др., 2014; Булава, Гринченко, 2015).

Подавление активности нейронов области CA3 гиппокампа у трансгенных мышей в течение четырехнедельного периода после обучения условно-рефлекторному замиранию приводит к ухудшению памяти об обстановке, в которой осуществлялся удар током, а также к снижению выраженности высокочастотных осцилляций и реактиваций специфических нейронных пар области CA1 гиппокампа во время состояний сна или спокойного бодрствования (Nakashiba et al., 2009). Было также отмечено, что у пожилых крыс, демонстрирующих ухудшения памяти в пространственных задачах, наблюдается снижение выраженности реактиваций специфических нейронных последовательностей в гиппокампе во время периодов спокойного бодрствования после тренировки, причем чем лучше воспроизводилась последовательность, тем лучше впоследствии оказывалась память (Gerrard et al., 2008).

На основании огромной базы данных отчетов о текущем содержании мыслительной деятельности разных людей в случайные моменты времени было показано, что практически в половине случаев текущие размышления не связаны с той деятельностью, которую осуществляет человек. Можно предположить, что после формирования подходящего нейронного паттерна активности реактивация этой группы воспроизводится время от времени. Такие реактивации лежат в основе спонтанных припоминаний. Причем чем короче период после формирования, тем вероятнее реактивация этого паттерна. У человека, по-видимому, эти периоды могут исчисляться годами. Можно предположить, что чем «старее» память, тем реже

она реактивируется, и тем сложнее ее потерять. Феномен спонтанной реактивации и накопление смешивающихся пространственно-временных паттернов нейронной активности могут лежать в основе появления усталости и снижения когнитивных способностей в условиях депривации сна.

Таким образом, регистрация нейронной активности мозга показывает, что нейроны, специализированные относительно того или иного поведения, реактивируются и вне этого поведения, хотя и с меньшей интенсивностью. В наших работах было показано, что формирование нового опыта сопровождается реактивацией нейронов, связанных с предыдущими навыками. Закономерности таких нейронных реактиваций в настоящее время недостаточно изучены, однако при исследованиях формировании памяти необходимо учитывать вероятность реактивации того опыта, который уже существует у индивидов.

Литература

- Булава А. И., Гринченко Ю. В.* Транскрипционная активность гена *c-Fos* в головном мозге крыс в задаче пассивного избегания после формирования инструментального пищедобывательного навыка // Биомедицинская радиоэлектроника. 2015. №4. С. 25–26.
- Горкин А. Г.* Нейрональное обеспечение первых успешных реализаций поведенческих актов // Психология человека в современном мире. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, М. И. Воловикова, Л. Г. Дикая, Ю. И. Александров. М., 2009. С. 332–334.
- Сварник О. Е., Анохин К. В., Александров Ю. И.* Опыт первого, «вибриссного», навыка влияет на индукцию экспрессии *c-Fos* в нейронах бочонкового поля соматосенсорной коры крыс при обучении второму, «невибриссному», навыку // Журнал высшей нервной деятельности. 2014. Т. 63. №. 6. С. 77–81.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики / Под ред. Ю. И. Александрова. М., 1995.
- Alexandrov Y. I., Grinchenko Y. V., Shevchenko D. G., Averkin R. G., Matz V. N., Laukka S., Korpusova A. V.* A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behavior // Acta Physiol. Scand. 2001. V. 171. P. 87–97.
- Foster D. J., Wilson M. A.* Reverse replay of behavioural sequences in hippocampal place cells during the awake state // Nature. 2006. V. 440 (7084). P. 680–683.

- Gerrard J.L., Burke S.N., McNaughton B. L., Barnes C.A. Sequence reactivation in the hippocampus is impaired in aged rats // *J. Neurosci.* 2008. V. 28 (31). P. 7883–7890.
- Gheidi A., Satvat E., Marrone D.F. Experience-dependent recruitment of Arc expression in multiple systems during rest // *J. Neurosci Res.* 2012. V. 90 (9). P. 1820–1829.
- Nakashiba T., Buhl D.L., McHugh T. J., Tonegawa S. Hippocampal CA3 output is crucial for ripple-associated reactivation and consolidation of memory // *Neuron.* 2009. V. 62 (6). P. 781–787.
- Stickgold R., Malia A., Maguire D., Roddenberry D., O'Connor M. Replaying the game: hypnagogic images in normals and amnesics // *Science.* 2000. V. 290 (5490). P. 350–353.
- Wilson M.A., McNaughton B.L. Dynamics of the hippocampal ensemble code for space // *Science.* 1993. V. 261 (5124). P. 1055–1058.

Regularities of memory reactivation

O. E. Svarnik (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

Registration of neuronal activity of the brain shows that neurons specialized in relation to this or that behavior are reactivated outside of this behavior, albeit with less intensity. In our works it was shown that the formation of new experience is accompanied by the reactivation of neurons associated with previous skills. The patterns of such neuronal reactivation are not sufficiently studied at present, however, in studies of memory formation, it is necessary to take into account the probability of reactivation of the experience that already exists in individuals.

Keywords: neuron, activity, brain, memory.

Функциональная асимметрия полушарий головного мозга и восприятие музыкальных произведений разных жанров

Р. Ф. Сулейманов (Казань)

*доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей психологии,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова;
e-mail: souleimanov@mail.ru*

Исследование посвящено проблеме зависимости функциональной асимметрии полушарий головного мозга (ФАП) от восприятия музыкальных произведений различных жанров. Выборка включала 1 профессионального музыканта и студентов психологического факультета (N=24) в возрасте от 17 до 19 лет. Особенностью эксперимента является то, что использование прибора позволяет в реальном времени отслеживать изменение динамики ФАП при восприятии разножанровой музыки (примерно 1 фиксация/1,5 мин). Выявлено 4 типа межполушарного взаимодействия: доминирование левополушарное (ЛП), правополушарное (ПП), межполушарной симметрии (МС) и универсальное (УН) (сочетание ЛП, ПП, МС). ЛП доминирование связано с восприятием «сложной» музыки, в частности, классической. Ее сложность обусловлена как структурой, так и образным содержанием музыкальных произведений. ПП доминирование связано с «простой» музыкой (народной). УН доминирование наблюдалось при восприятии музыки, занимающей серединную позицию в системе «простая–сложная». Связано как джазовой, так и поп-музыкой. Знание специфики межполушарного взаимодействия при восприятии разножанровой музыки позволяет гармонизовать мыслительные способности человека.

Ключевые слова: восприятие музыки, асимметрия полушарий головного мозга.

Введение

Существует разные методы диагностики психофизиологических состояний человека, а также функциональной асимметрии полушарий головного мозга (ФАП): на основе самооценки (опросники, интервью, беседа), а также аппаратурных методик. При помощи опросников, анкет невозможно отследить изменения ситуативных параметров, которые происходят в достаточно короткие промежутки времени. Аппаратурные же методики позволяют это сделать, поэтому мы в своем исследовании воспользовались аппаратурой методикой для диагностики ФАП (Цагарелли, 2009). Известно, что активность левого полушария связана с абстрактно-логическим мышлением, а правого – с эмоционально-образным. Опираясь на информацию о специфике левого и правого полушарий головного мозга, можно судить о доминировании положительных или отрицательных эмоций: положительные эмоции сосредоточены в левом полушарии мозга, а отрицательные эмоции – в правом (Ильясов, 1987).

Процедура и методика исследования

Целью нашего исследования выступало изучение возможности оперативного изучения ФАП при прослушивании музыкальных произведений разных жанров.

В качестве *материала для восприятия* были выбраны 2 концерта разных музыкальных групп, состоящих из джазовых композиций, 2 классических музыкальных произведения крупной формы, 1 концерт поп-музыки и 1 концерт народной музыки.

В эксперименте были использованы: концерт известного французского джазового музыканта Ришара Гальяно с группой «Септет», который состоял в основном из произведений Пьяццолы и самого Гальяно; джазовая группа под руководством Рейнхарда, а также классическая музыка: а) С. Баха «Концерт для клавира с оркестром ре минор», состоящий из 3 частей и б) Л. Бетховена «Концерт для фортепиано с оркестром № 5» в исполнении выдающегося пианиста Глена Гульда. В качестве поп-музыки использовался концерт «Mademoiselle Zhivago» в исполнении Лоры Фабиан (композитор Игорь Крутой), а народной музыки – альбом «Заман» с разными исполнителями.

В эксперименте принял участие испытуемый, имеющий высшее музыкальное образование. Выбор музыкальных произведений был обусловлен его предпочтениями.

Прослушивание музыки осуществлялось поэтапно в разные дни. Это было сделано для того, чтобы уменьшить влияние впечатления от восприятия одной музыки на восприятие другой.

Результаты исследования

На 1 этапе испытуемому был предложен концерт Ришара Гальяно с группой «Септет», состоящий из 20 произведений. Концерт длился 1 ч 42 мин, транслировался по видео. Всего было произведено 66 фиксаций (в среднем 1,5 мин/фиксация). Такая частота диагностики позволяла практически в режиме реального времени наблюдать изменения ФАП испытуемого.

Результаты исследования показали, что при восприятии джазовых музыкальных произведений (в 18 музыкальных произведениях из 20) у испытуемого в основном доминировало правое полушарие головного мозга.

Сравнение показателей активности левого и правого полушарий показало преимущество активности правого над левым ($t=5,895$; $p\leq 0,001$). Средний балл левого полушария – 9,35; правого – 16,16. Из 66 замеров, проведенных на 1 этапе эксперимента, левое полушарие головного мозга доминировало в 4 случаях, правое – в 58 случаях; в 4 случаях наблюдалась межполушарная симметрия.

На первый взгляд, результаты доказывают известные факты о том, что восприятие музыки, как и других видов искусств, связано с эмоционально-образным мышлением (активацией правого полушария головного мозга). Джазовая музыка обусловлена энергичностью, эмоциональностью, интеллектуальностью жанра, охватывающего широкую сферу эмоциональных состояний (переживаний) слушателя.

2 этап эксперимента был связан с восприятием концерта джазовой группы под руководством Рейнхарда. Концерт состоял из 12 музыкальных произведений (композиций) и продолжался 1 ч и 10 минут.

Из 66 замеров, проведенных на 2 этапе эксперимента, левое полушарие головного мозга доминировало в 23 случаях, правое – в 35 случаях; в 8 случаях активность левого и правого полушарий была одинаковой, т. е. наблюдалось межполушарная симметрия. Средний показатель активности левого полушария – 14,45 (усл. ед.); правого – 15,48 (усл. ед.).

Мы предполагаем, что чередование левого и правого полушарий головного мозга, а также межполушарной симметрии играет важную роль в процессе восприятия музыкальных произведений, и связано это с саморегуляцией состояния человека. Переключение с активности одного полушария на другое дает ему возможность поддерживать деятельность в тонусе, в данном случае – восприятие музыки на оптимальном уровне. По-видимому, восприятие музыки только одним полушарием утомляет слушателя, а чередование пе-

реключения с одного полушария на другое помогает сохранить оптимальную активность.

На 3 этапе испытуемому подлежало классическое музыкальное произведение Баха «Концерт для клавира с оркестром ре минор», состоящий из 3 частей, в исполнении выдающегося пианиста Глена Гульда. Общее время звучания – 24 минуты.

Из 21 измерения, проведенных на 3 этапе эксперимента, левое полушарие головного мозга доминировало в 17 случаях (80,9%), правое – в 1 случае (4,7%); в 3 случаях (14,2%) наблюдалась межполушарная симметрия. Сравнение по χ^2 -критерию показало их значимое отличие от равномерного распределения ($\chi^2=21,714$; $p=0,001$). Видно, что частота активности левого полушария превышает частоту активности правого полушария и межполушарной симметрии.

Можно ли утверждать, что классическая музыка воспринимается преимущественно левым полушарием головного мозга, с доминированием абстрактно-логического мышления? Да, и это можно объяснить тем, что классическая музыка более сложна, как по структуре музыки, так и по образному содержанию. Восприятие классической музыки сводится в основном к «созданию» художественного образа произведения, к прочтению замысла композитора. Слушая классическую музыку, человек задумывается о смысле жизни, склонен к размышлениям.

В дополнение к нашим выводам приведем результаты испытуемого при восприятии концерта № 2 для фортепиано с оркестром си-бемоль мажор Бетховена.

Продолжительность звучания концерта – 29 минут. Всего было сделано 21 измерение. Концерт состоит из 3 частей: 1 часть «Allegro con brio» («Быстро с огнем») длилась 15 минут, было зафиксировано 10 измерений; 2 часть «Adagio (Не спеша)» по времени длится 9 минут, зафиксировано 6 измерений; 3 часть «Рондо» длилась 5 минут, зафиксировано 5 измерений.

Из 21 замера, проведенного на 4 этапе эксперимента, левое полушарие головного мозга доминировало в 12 случаях (57,1%), правое – в 1 случае (4,7%); в 8 случаях (38,1%) наблюдалась межполушарная симметрия. Сравнение между собой частоты проявления активности левого, правого полушарий и межполушарной симметрии показало отличие их от равномерного распределения ($\chi^2=8,857$; $p=0,012$). Таким образом, активность левого полушария, связанного с абстрактно-логическим мышлением и межполушарной симметрией, является доминирующей. В этом случае наблюдается универсальность в межполушарном взаимодействии.

В целом классическая музыка, как более сложная, связана больше с работой левого полушария головного мозга, с абстрактно-логическим мышлением.

Дополнительным доказательством сказанного может послужить исследование, проведенное с группой студентов психологов в возрасте 17–19 лет в количестве 24 человек. Для восприятия был выбран концерт Моцарта для фортепиано с оркестром Ля мажор в 3 частях.

Результаты показали, что при восприятии концерта наблюдалось значимое изменение по ФАП: до прослушивания «правополушарных» было 2 чел., с межполушарной симметрией – 7 и «левополушарных» – 6. После прослушивания: 2, 2 и 11, соответственно. Различия значимы и произошли в сторону увеличения «левополушарных» испытуемых ($\chi^2=14,773$; $p\leq 0,001$). Результаты показали, что восприятие классической музыки связано с абстрактно-логическим мышлением.

Следующий этап был связан с восприятием песен из альбома «Mademoiselle Zhivago» (13 произведений). Общее время звучания равно 58 минут. На протяжении концерта было сделано 89 замеров. Частота доминирования левого полушария, межполушарной симметрии и правого полушарий головного мозга составили: 9, 45 и 35, соответственно; χ^2 -критерий показал значимое отличие от равномерного распределения ($\chi^2=23,281$; $p=0,000$). В данном случае доминирует межполушарная симметрия и правое полушарие головного мозга. Можно утверждать, что на этом этапе доминировал универсальный тип межполушарного взаимодействия.

При восприятии народной музыки (альбом «Заман», 12 произведений) было сделано 75 замеров. Общее время звучания равно 44 минутам. Частота доминирования левого полушария, межполушарной симметрии и правого полушария головного мозга составили: 2, 7 и 66 соответственно ($\chi^2=101,360$; $p=0,000$). Частота доминирования активности правого полушария головного мозга преобладает. Восприятие народной музыки связано с эмоционально-образным мышлением.

Заключение

Результаты выявили закономерности, по которым изменяется функциональная асимметрия полушарий головного мозга при восприятии музыкальных произведений в зависимости от разных жанров.

Выявлено 4 типа межполушарного взаимодействия при восприятии разных жанров музыки: доминирование левополушарное (ЛП), правополушарное (ПП), межполушарной симметрии (МС) и универ-

сальное (УН) (сочетание ЛП, ПП, МС). Левополушарное доминирование в межполушарном взаимодействии связано с восприятием «сложной» музыки, к которой, несомненно, относится классическая музыка, но не только. Есть высокохудожественные образцы других жанров, которые не в меньшей степени заставляют задуматься о вечном, смысле жизни. При восприятии же более легких жанров музыки доминирует правополушарный тип, связанный с эмоционально-образным мышлением.

Нам представляется, что доминирование универсального типа при восприятии музыки обусловлено саморегуляцией слушателя: чередование активности левого и правого полушарий оптимизируют процесс восприятия.

При восприятии музыкальных произведений крупной формы активность ФАП относительно стабильна, изменяется медленно, носит устойчивый характер. При восприятии коротких пьес, песен, активность ФАП носит изменчивый характер. В данном случае крупные произведения обуславливают «длинные» мысли, а при восприятии коротких пьес – «короткие».

Результаты позволяют существенно улучшить процесс восприятия разной музыки с возможностью гармонизировать мыслительные способности человека.

Литература

- Ильясов Ф. Н.* Информационная специализация и функциональная асимметрия мозга // Психологический журнал. 1987. № 6. С. 44–47.
- Цагарелли Ю. А.* Системная диагностика человека и развитие психических функций: Учебное пособие. Казань, 2009.

Functional asymmetry of the cerebral hemispheres and perception of musical works of different genres

R. Suleymanov (Kazan)

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of general psychology,
V. G. Timiryasov Kazan Innovative University

The study deals with the problem of functional asymmetry of hemispheres of a brain (FAP) from the perception of musical works of various genres. The sample included 1 professional musician and students of psychological faculty (N=24) aged 17 to 19 years. A feature of the experiment is that

the use of the device allows real-time tracking of the changing dynamics of the PLL in the perception of different genres of music (about 1 fixation/1.5 min). Identified 4 types of hemispheric interaction: dominance the left hemisphere (LH), the right hemisphere (RH), interhemispheric symmetry (IS) and universal (UN) (a combination of LH, RH, IS). LH dominance is associated with the perception of “difficult” music, particularly classical. Its complexity is due to both the structure and figurative content of music. RH dominance is associated with “simple” music (folk). UN dominance was observed in the perception of music, which occupies the middle position in the system of “simple–complicated”. Due both jazz and pop music. Knowledge of hemispheric relationship interaction in the perception of different genres of music allows to harmonize the mental abilities of the person.

Keywords: music perception, asymmetry of the cerebral hemispheres.

Молекулярная психофизиология: внутриклеточное исследование пластичности

Л. К. Хлудова (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: khludova@yandex.ru*

Молекулярные механизмы пластичности лежат в основе нейрональных и поведенческих реакций. Изучение механизмов пластичности на внутриклеточном уровне методом последовательной замены физиологического раствора, омывающего препарат изолированной ЦНС или изолированного нейрона виноградной улитки, позволяет исследовать вклад ионных проводимостей мембраны в условиях исключения основных ионов натрия и кальция, обеспечивающих генерацию потенциалов действия. Кроме этого дополнительный вклад в пластические изменения вносит калиевый ток, активация которого зависит от ионов кальция, входящего в клетку при возникновении потенциалов действия. Блокада кальций-зависимого калиевого тока приводит к изменениям паттерна электрического ответа клетки, но она сохраняет свою электрическую чувствительность и способность к пластическим изменениям при многократном применении внутриклеточных деполяризующих импульсов.

Ключевые слова: пластичность, ионные проводимости, песмекерный механизм, привыкание.

Молекулярная психофизиология изучает молекулярные основы психических процессов, состояний и индивидуальных различий. Основой осуществления этих процессов служит пластичность, т. е. способность к модификациям реакций нервной системы и поведения. Нейронные механизмы пластичности традиционно рассматриваются как два основных процесса: синаптический и эндонейронный. Эндонейронная пластичность обеспечивается пластичностью электровозбудимой мембраны нейрона и ритмоводящего

пейсмекерного потенциала, наличие которого в командных нейронах моллюсков превращает их из простых сумматоров синаптических воздействий в управляемые генераторы (Соколов и др., 1975). Исследование пластичности проводилось на идентифицированных командных нейронах оборонительного поведения виноградной улитки, имеющих латентный пейсмекерный механизм. В составе концептуальной рефлекторной дуги эти элементы выполняют функцию «принятия решения» (Соколов, 1981). Изучение механизмов пластичности на препаратах нервной системы беспозвоночных животных соответствует представлениям об идентичном строении мембран нервных клеток независимо от эволюционного уровня развития организма.

Для исследования внутриклеточной пластичности использовался оригинальный метод последовательной замены физиологического раствора, окружающего препарат. Путем трансформации состава раствора – безнатриевый (замена хлорида натрия буфером), бескальциевый (замена хлорида кальция на хлорид марганца) и безнатриевый + бескальциевый (замена хлоридов натрия и кальция буфером) – изучались реакции потенциалзависимых ионных каналов мембраны нейронов и пейсмекерных потенциалов (Хлудова, 1989).

Это исследование показало, что электрическая активность нейронов обеспечивается натриевой и кальциевой проводимостью мембраны. В целом электрогенез командных нейронов имеет мультиионный характер, и определенный вклад в него вносит эндогенный пейсмекерный потенциал. При последовательной функциональной изоляции каждого вида проводимости электрогенез и пейсмекерные потенциалы сохраняются, изменяется только порог их появления при действии внутриклеточного деполяризующего тока. При этом нейрон не утрачивает пластическую способность к привыканию и сенситизации, и это свойство прямо связано с ионной проводимостью мембраны.

Контрольная серия экспериментов в исследованиях свойств мембраны была проведена на полностью изолированных командных нейронах совместно с Т. Н. Греченко. Вклад ионных проводимостей в электрогенез и генерацию пейсмекерных потенциалов командных нейронов полностью подтвердился (Хлудова, Греченко, Соколов, 1986).

У командных нейронов, зарегистрированных в составе ЦНС и полностью изолированных в нормальном физиологическом растворе, многократное применение деполяризующих импульсов надпороговой интенсивности приводит к развитию привыкания в виде постепенного снижения числа потенциалов действия. Этот процесс

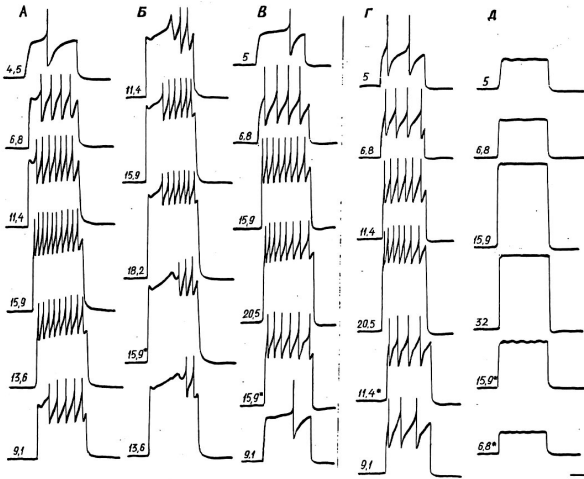

Рис. 1. Нейрограмма электрической активности нейрона ЛпаЗ.

А – в нормальном растворе; Б – в растворе, блокирующем кальциевую проводимость (15 мМ хлорида кобальта); В – в нормальном растворе (после отмывки); Г – в безнатриевом растворе; Д – в безнатриевом растворе, содержащем 15 мМ хлорида кобальта.

Цифрами отмечена интенсивность внутриклеточного тока, звездочкам значения тока при снижении интенсивности.

Калибровка: 10 мВ, 1 с

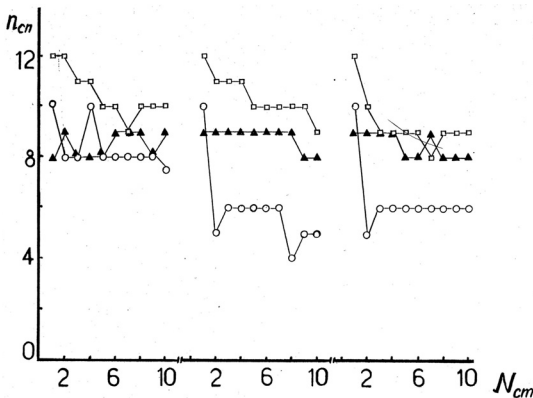

Рис. 2. Привыкание нейрона ЛпаЗ в трех сериях по 10 раздражителей, интервал между сериями – 5 мин.

По оси абсцисс – номер стимула, по оси ординат – количество ПД. Квадраты – в нормальном растворе; кружки – безнатриевый раствор; треугольники – раствор, содержащий хлоридкобальта

сопровождается постепенным увеличением межспайковых интервалов и возрастанием латентного периода первого ПД в разряде. Перевод объекта в безнатриевый раствор ускоряет привыкание: генерация ПД исчезает уже на третий стимул. В растворе, блокирующем кальциевую проводимость, привыкание к внутриклеточному деполяризационному стимулу не развивается, и число ПД, генерируемых командным нейроном, остается постоянным.

С целью выявления изменений, вносимых в пластичность командного нейрона кальций-зависимого калиевого тока был проведен контрольный эксперимент на изолированных командных нейронах с использованием растворов, содержащих хинин – специфический ингибитор этого вида проводимости.

В этом эксперименте исследовалась пластичность командных нейронов путем проведения серий привыкания к внутриклеточным деполяризующим импульсам тока при последовательной замене нормального раствора безнатриевым и бескальциевым, каждый из которых содержал 0,5 мМ хинина. При замене омывающего раствора на нормальный с добавлением хинина пейсмекерные потенциалы в некоторых из них не возникают, увеличивается длительность потенциалов действия в разряде. В бескальциевом растворе с хинином снижается амплитуда ПД по сравнению с нормальным раствором и нормальным раствором с хинином.

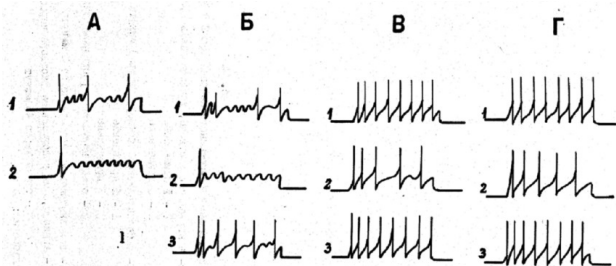

Рис. 3. Нейрограммы изолированного нейрона ЛПа3.

А – в нормальном растворе, интенсивность 0,9 нА, длительность 3 с: 1–1-е применение, 2–5-е применение.

Б – в бескальциевом растворе через 3 мин: 1–1-е применение, 2–5-е применение, 3 – отмыв нормальным раствором через 3 мин.

В – в безнатриевом растворе через 3 мин: 1–1-е применение, 2–5-е применение, 3 – отмыв нормальным раствором через 3 мин.

Г – хинин 0,5 мМ в нормальном растворе через 4 минуты: 1–1-е применение, 2–5-е применение, 3 – отмыв нормальным раствором через 45 мин.

Калибровка: 10 мВ

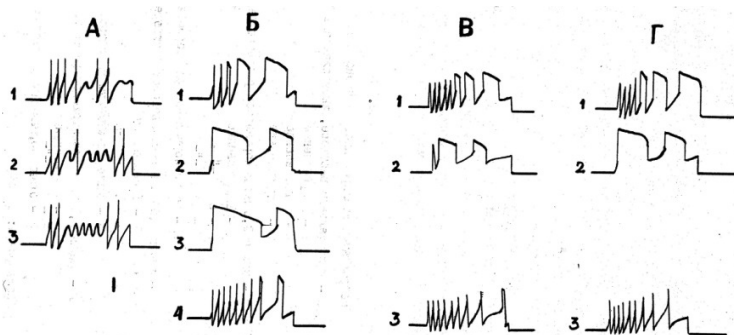

Рис. 4. Нейрограмма изолированного нейрона Лпа2.

А – в нормальном растворе, интенсивность 1,0 нА, длительность 2,5 с: 1–1-е применение, 2–5-е применение, 3–10-е применение;

Б – хинин 0,5 мМ в нормальном растворе через 3 мин.: 1–1-е применение, 2–5-е применение, 3–10-е применение, 4 – отмыв нормальным раствором через 7 мин.

В – хинин 0,5 мМ в бескальциевом растворе через 2,5 мин.: 1–1-е применение, 2–4-е применение, 3 – отмыв нормальным раствором через 15 мин.

Г – хинин 0,5 мМ в безнатриевом растворе через 5 мин: 1–1-е применение, 2–4-е применение, 3 – отмыв нормальным раствором через 22 мин.

Калибровка: 10 мВ

Входящий быстрый натриевый ток не может обеспечить нормальную амплитуду ПД. При этом увеличение длительности ПД отличается от предыдущей серии, где длительность уменьшалась от первого к последующим ПД. В бескальциевом растворе с хинином длительность ПД постепенно растет от первого к последующим ПД. Замена раствора на безнатриевый с хинином при первом применении стимула приводит к увеличению длительности ПД, аналогично бескальциевому раствору с хинином. Последующие стимулы в серии показывают такое же увеличение длительности, как в нормальном растворе с хинином. Проведенное исследование пластичности командных нейронов с инактивацией кальций-зависимых калиевых токов показало, что нейроны сохраняют электрическую чувствительность и способность к привыканию в составе нервной системы и полностью изолированными. При использовании блокатора кальций-зависимых калиевых токов соматических мембран командных нейронов резко изменяется паттерн разрядов за счет перекомбинации входящих и выходящих мембранных токов. Эффе́ктом после-

действия растворов, содержащих хинин, является усиление частоты разрядов командных нейронов, обусловленное активацией пейсмекерного механизма. Активация пейсмекерных потенциалов обнаруживается в клетках Гольджи мозжечка, нейронах гиппокампа и других структурах мозга млекопитающих. Показано, что в нейронах мозга высших животных эти потенциалы кальциевой природы и возникают в соме нейронов, а натриевой – в основном на отростках (D'Angelo, 2008; Llinas, Sugimori, 1980). Эти данные совпадают с классическими представлениями о локализации и плотности разных типов ионных каналов на мембране сомы и отростков. Пейсмекерная активность, возникающая в эволюции на самых ранних этапах, расширяет пластические свойства простого организма или сложной нервной системы млекопитающих.

Пластические реакции нейронов могут носить кратковременный или долговременный характер. Кратковременные пластические процессы не могут обуславливать сложные поведенческие реакции без участия генома клетки. Долговременная память включает, как мгновенное запечатление объектов и событий, так и постепенные преобразования пре- и постсинаптических структур при повторении стимуляции. Кратковременные процессы дополняются структурными перестройками, которые включают экспрессию ранних и поздних структурных генов, передающихся от ядра нейрона к шипику дендрита с помощью микротубулярного аппарата клетки. В свою очередь, от шипика дендрита перенос макромолекул также может осуществляться микротубулами, которые, возможно, выполняют транспортную функцию, связывая между собой отдельные синапсы нейронов (Соколов, Палихова, 2007).

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что пластичность командных нейронов виноградной улитки представлена двумя механизмами: спайкгенерирующим и пейсмекерным. Потенциалы действия командных нейронов могут быть натриевой и кальциевой природы. Одновременное исключение носителей натриевой и блокада кальциевой проводимостей мембраны приводит к полному прекращению генерации потенциалов действия нейронами. Пластичность нейронов, обусловленная потенциалазависимыми каналами мембраны, состоит в постепенном изменении порога и амплитуды потенциалов действия, а пластичность пейсмекерного механизма проявляется в изменениях амплитуды и частоты пейсмекерных осцилляций. Изменение состава раствора, окружающего нейроны, позволяет выявить вклад натриевой, кальциевой и кальций-зависимой калиевой проводимостей в пластические перестройки электрической активности нейронов.

Литература

- Соколов Е. Н. Физиология высшей нервной деятельности. Ч. 2. М., 1981.
- Соколов Е. Н. и др. Пейсмекерный потенциал нейрона. Тбилиси, 1975.
- Соколов Е. Н., Палихова Т. А. Нанонейроника памяти // Журнал высшей нервной деятельности. 2007. Т. 57. № 6. С. 8.
- Хлудова Л. К. Механизмы пластичности командного нейрона: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Хлудова Л. К., Греченко Т. Н. Проблемы нейроэкологии: действие солей тяжелых металлов на нейроны // Вестник Московского университета. Сер. 14 «Психология». 1994. № 1. С. 28–36.
- Хлудова Л. К., Греченко Т. Н., Соколов Е. Н. Участие натриевых и кальциевых потенциалзависимых ионных каналов в пластичности командных нейронов при внутриклеточных раздражениях // Первая Всесоюзная конференция по нейронаукам. Киев, 1986.
- Хлудова Л. К., Соколов Е. Н., Греченко Т. Н. Ионные механизмы пластичности командного нейрона // Современные проблемы нейробиологии. Тбилиси, 1986. С. 375–376.
- D'Angelo E. The critical role of Golgicells in regulating spatio-temporal integration and plasticity at the cerebellum input stage // *Frontiers in Neuroscience*. 2008. V. 2. Is. 1. P. 35.
- Llinas R., Sugimori M. Electrophysiological properties of in vitro Purkinje cell somata in mammalian cerebellar slices // *Journal of Physiology*. 1980. V. 305. P. 171–195.

Molecular psychophysiology: an intracellular study of plasticity

L. K. Khludova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, associate professor
of the Department of Psychophysiology Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University

Molecular mechanisms of plasticity underlie neuronal and behavioral reactions. The study of mechanisms of plasticity at the intracellular level by the method of successive replacement of a physiological solution washing the preparation of an isolated central nervous system or an isolated neuron of a grape snail allows one to study the contribution of ionic conductivities of a membrane under the exclusion of the main sodium and calcium ions that provide the generation of action potentials. In addition, an additional contribution to plastic changes is made by the potassium current, the ac-

tivation of which depends on the calcium ions entering the cell when the action potentials arise. Blockade of calcium-dependent potassium current leads to changes in the pattern of the electrical response of the cell, but it retains its electrical sensitivity and the ability to plastic changes with repeated use of intracellular depolarizing pulses.

Keywords: plasticity, ionic conductivity, pacemaker mechanism, habituation.

Перспективные направления в изучении движений и сенсомоторной координации: фундаментальные проблемы и прикладные аспекты

А. М. Черноризов, В. М. Девшивили**, С. А. Исайчев***,
К. С. Назаров**** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: amchern53@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психофизиологии факультета психологии
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: vmdev@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психофизиологии факультета психологии
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: isaychev@mail.ru*

***** студент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова*

В работе описываются основные идеи и результаты апробации на практике классических и современных технологий исследования и реабилитации моторных навыков и сенсомоторных координаций. Акцент делается на следующих методах: 1) методе, основанном на использовании обратной связи о силовых, пространственных, временных и биоэлектрических характеристиках движений; метод может существенно повысить эффективность процесса освоения и восстановлении моторной функции; 2) методе исследования сенсомоторных взаимодействий с помощью систем виртуальной реальности; 3) «мышца–компьютер»-интерфейсе, основанном на использовании для управления внешним устройством (курсором мыши) с помощью пары мышц, не включенных в патологические функциональные системы (метод апробирован на больных с ДЦП).

Ключевые слова: психофизиология движений, реабилитация, биологическая обратная связь, виртуальная реальность, интерфейс «мышца–компьютер», детский церебральный паралич.

Одним из значимых направлений в реабилитационной медицине является восстановление частично или полностью утраченных моторных функции человека в результате травм, заболеваний и других внешних и внутренних факторов. Большой вклад в развитие этого направления внесли научные исследования в области медицины, физиологии и психофизиологии движений, протезирования, биомеханики, педагогики, техники и спорта. За последние пять десятилетий в практике восстановления моторной функции человека были освоены и внедрены многие научные достижения. Были разработаны и созданы разнообразные механические устройства, электронные и цифровые системы, позволяющие регистрировать, анализировать и предъявлять пациенту результаты в виде сигналов обратной связи в процессе освоения, совершенствования или реабилитации моторного действия.

Разработанные в 1960–1970-е годы перспективные методы и методики, применявшиеся для восстановления двигательной функции, утраченной в результате травм, а также при освоении и совершенствовании спортивных движений, не нашли в свое время широкого применения по техническим, экономическим и ряду других причин. В настоящей работе приводится обзор этих «классических» и некоторых новых методов восстановления, освоения и совершенствования движений, которые могут быть реализованы в настоящее время на базе современного уровня технических, методических и процедурных достижений. Эти разрабатывались с учетом достижений науки и практики в области физиологии, психологии, биомеханики, педагогики и других смежных наук. В качестве сигналов обратных связей применялись различные варианты динамических (силовых), кинематических (пространственных) и электромиографических характеристик движения, а также их различные сочетания. Целесообразность предъявления этих параметров движения в качестве обратной связи в различных формах и сочетаниях обоснована научными достижениями и практическим опытом. Так, при восстановлении утраченной моторной функции, схожей с процессом освоения нового незнакомого движения, субъект на основе словесных инструкций и зрительной информации пытается найти и освоить технические приемы первой и последующих фаз целостного движения. Эти фазы восстановления утраченной моторной способности или же освоения нового незнакомого движения здоровым субъектом реализуются практически с помощью одной психофизиологической системы и по одинаковым принципам формирования произвольных движений. Сначала освоение произвольного движения осуществляется под непосредственным контро-

лем сознания (Бернштейн, 1961). При этом происходит поиск в моторной памяти необходимых последовательных фаз, эффективных способов связи между ними, и определяется временная структура осваиваемого движения. Элементы, заимствованные из ранее запомненных других целевых двигательных действий, в большинстве случаев не могут полностью соответствовать новому осваиваемому движению, что приводит к необходимости коррекции для образования целостного моторного действия. К числу проблем, возникающих на этом этапе, прежде всего, можно отнести проблему согласования переходов от одной фазы движения к другой в случае, когда эти фазы заимствованы из ранее хорошо отработанных и устойчивых двигательных навыков. Если субъекту не удастся достичь достаточной эффективности, то такая ситуация вынуждает искать более подходящую замену или строить на базе старой новую фазу (элемент) движения, которая сможет обеспечить в требуемой мере координацию между предшествующими и последующими фазами движения. Введение обратной связи о силовых, пространственных, временных и биоэлектрических (ЭМГ, ЭЭГ) характеристиках движения может значительно повысить эффективность процесса освоения и восстановления моторной функции. Существуют различные способы предъявления динамических, кинематических и биоэлектрических характеристик. Предпочтительными способами являются комбинированные комплексы предъявляемых характеристик движения, содержащие информацию о множестве параметров. Выбор комбинации параметров для предъявления зависит от характера психомоторных нарушений и личности субъекта, от типа движения и условий среды, в которых будет совершаться данное движение. Недооцененной представляется результативность предъявляемых комбинированных комплексов параметров движения в формировании трехмерного образа психомоторного действия. Когда у субъекта уже сформировано представление (образ) о осваиваемом движении в пространстве, то процесс подбора средств и способов реализации моторного действия протекает более эффективно. Перспективным является также векторное отображение характеристик движения для освоения согласованной работы мышц-антагонистов, звеньев тела. Примером комплекса векторного отображения силовых, кинематических и электромиографических характеристик может служить собственное исследование автора, в котором при педалировании на велоэргометре испытуемому предъявлялись на мониторах в векторном отображении горизонтальные и вертикальные усилия, прикладываемые к педалям и ЭМГ мышц-антагонистов (Девяшвили, Ратов, 1966). Испытуемому предлагалось повторять дви-

жения при двух видах контроля за исполнением. В одном случае на монитор выводилась динамические характеристики движения в векторном виде, а во втором случае – векторы электромиограмм мышц-антагонистов. Причем, для повышения качества повторения на монитор также выводилась эталонная векторная форма, которой должны были следовать испытуемые. Второй способ обратной связи оказался значительно эффективнее, и стабильность повторения силовых и кинематических характеристик движения качественно улучшалась.

Биоэлектрические потенциалы, предъявляемые в качестве обратной связи, многие годы широко используются в реабилитационной медицине, протезировании и спорте. Необходимо упомянуть в этой связи об устройстве, преобразующем электромиограмму в различные тональные сигналы, которые предъявляются акустически испытуемому, осваивающему моторные действия. Этот метод представляется особенно эффективным для освоения профессиональных движений и управления различными механизмами лицами со слабым зрением (автор И. Р. Ратов). Еще в конце 1960-х гг. Д. В. Басмаджан одним из первых продемонстрировал возможность волевого управления частотой тонической активности двигательной единицы отображаемого на экране осциллографа. Этот факт волевого управления на столь низком уровне палеорегуляции стимулировал поиски многих специалистов в области реабилитационной медицины и спорта.

Новые возможности для исследования сенсомоторных взаимодействий предоставляет технология виртуальной реальности (VR). В последнее время появились работы, в которых взаимодействия вентральной (система «Что?») и дорсальной (система «Где?») зрительных систем (Баарс, Гейдж, 2014) исследуются при помощи технологий VR, которые позволяют осуществлять регистрацию поведенческих, вербальных и физиологических реакций человека в сложных средах. На факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова разрабатывается метод, основанный на комбинации классических методик экспериментальной психологии с современными технологиями VR. В качестве классических методик используются такие методики, как тахистоскопическое предъявление стимулов, метод изменения соотношения шум/сигнал, метод маскировки. Традиционно в таких исследованиях стимуляция предъявляется на экране двумерного монитора, и испытуемый решает задачи «Был стимул или нет?», «Отличается один стимул от другого или нет?». Однако результаты такого типа экспериментов не позволяют прогнозировать ответы наблюдателя в реальных ситуациях, в которых человеку необходимо решать разнообразные поведенческие задачи. Такие задачи требуют от че-

ловека выполнения действий, согласованных со сложной когнитивной задачей (например, запомнить определенные виртуальные объекты на пути следования). Это означает, что, кроме классических когнитивных задач на опознание, в экспериментальную ситуацию включаются сопутствующие важные задачи на пространственную ориентацию, концентрацию внимания на целевых стимулах, формирование когнитивной карты окружающей среды. В основе разработанного на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова метода изучения когнитивной деятельности с помощью ВР лежат следующие методические приемы. Испытуемый инструктирован на выполнение сложной когнитивной задачи (например, запоминание «виртуальных» объектов, нахождение «спрятанных» объектов) при прохождении через «3D-виртуальный лабиринт», предъявляемый с помощью шлема ВР «eMagin Z8003D Visor». Выполнение любой когнитивной задачи осложняется введением ряда стрессообразующих факторов, которые приводят к увеличению времени решения. Например, в качестве таких факторов может использоваться неожиданное предъявление пугающих виртуальных объектов, включение неприятных звуковых сигналов. Выполнение задачи реализуется в двух разных ситуациях прохождения через лабиринт. В ситуации пассивного прохождения (ПП) испытуемый выполняет задачу без каких-либо собственных движений. В ситуации же активного прохождения (АП) решение задачи сопровождается собственной моторной активностью в двух вариантах: в первом случае моторные действия испытуемого согласованы с пространственной структурой виртуального лабиринта (его движения повторяют повороты в лабиринте), а во втором – не согласованы (т. е. он должен осуществлять движения, противоположенные поворотам лабиринта). В последнем случае испытуемый должен в процессе тренировок преодолеть такую «несогласованность» путем формирования соответствующего зрительно-моторного навыка. Все виды активности наблюдателя в обеих ситуациях сопровождаются регистрацией ЭЭГ, КГР, ЭКГ, ФПГ и ЭМГ. Предполагается, что в ситуации ПП когнитивные процессы испытуемого доминируют над моторной активностью. В ситуации же АП когнитивная деятельность субъекта дополняется собственной моторной активностью в виде целенаправленных двигательных актов. При этом степень взаимодействия когнитивных процессов с моторной активностью наблюдателя может регулироваться при помощи «рассогласования» зрительной и моторной составляющих. Данный метод позволяет проводить многофакторные психологические и психофизиологические эксперименты для исследования взаимодействия между когнитивными процессами (воспри-

ятие, память, мышление) и поведенческими актами (действиями) и может оказаться эффективным для таких областей прикладной психологии, как спортивная и транспортная психология, инженерная психология и психология безопасности.

В реабилитологии выделено и описано множество нарушений двигательной системы со своими специфическими патогенетическими механизмами. Некоторые из них не требуют специальной коррекции, но существуют и тяжелые нарушения, при которых овладение движениями сильно затруднено. Одна из таких форм патологий двигательной системы – детский церебральный паралич (ДЦП). При таком диагнозе социализация больного оказывается сильно затрудненной вследствие чрезвычайно ограниченного репертуара двигательных актов. В настоящее время одним из ведущих факторов индивидуального и социального развития является возможность ребенка получить доступ к информационным технологиям. Одним из способов организации взаимодействия человека и компьютера является мускульно-компьютерный интерфейс («muscle-computer interface»). Это устройство, позволяющее использовать электрические сигналы мышц (миограмму) для управления компьютером или иным техническим устройством путем обработки биологического сигнала. На факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова разработан новый метод организации взаимодействия человека и компьютера, учитывающий специфику двигательных поражений при тяжелых формах детского церебрального паралича, основанный на теоретических разработках Н. А. Бернштейна о формировании движений (Назаров и др., 2015). Основная идея метода заключается в использовании для управления курсором мыши пары разнесенных в пространстве мышц, не включенных в патологические функциональные системы, что позволяет манипулировать виртуальным объектом, используя новую функциональную систему, не включающую в себя патологических синергий и синкинезий, характерных для спастических форм ДЦП. Предполагается, что произвольное движение (движение курсором мыши) у больного ДЦП может быть сформировано путем использования активности мышц, не включенных в патологические функциональные системы, под воздействием адекватного набора сенсорных коррекций. Данный метод, апробированный на здоровых и больных людях, позволяет проектировать и создавать мускульно-компьютерные интерфейсы, обеспечивающие управление курсором мыши и учитывающие, как общие закономерности формирования произвольных движений, так и специфику расстройств двигательной системы при детском церебральном параличе.

В заключении отметим, что, по данным анализа классических и современных методов исследования двигательной активности и сенсомоторной координации, можно сделать вывод о том, что наиболее эффективной технологией коррекции и реабилитации двигательной сферы является комбинация методов биоуправления, виртуальной реальности и интерфейсов «мышца–компьютер».

Литература

- Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум. Введение в когнитивные нейронауки. В 2 т. М., 2014.
- Басмаджан Д. В. Тренировка отдельных спинальных нервных клеток и ее применение в обучении управлению миоэлектрическими свойствами для больных с физическими недостатками. Биоэлектрическое управление // Человек и автоматические системы. М., 1970. С. 326–331.
- Бернштейн Н. А. Очередные проблемы физиологии активности // Вопросы кибернетики. М., 1961. С. 101–160.
- Девিশвили В. М., Ратов И. П. Специфика реакций в структуре движений при автоконтроле за выполнением задач на постоянство кинематики, динамики и электроактивности мышц // Материалы итоговой научной сессии института за 1966 г. М., 1966.
- Назаров К. С., Буданов А. А., Исайчев С. А. Новый принцип мускульно-компьютерного интерфейса в реабилитации детей с ДЦП // Материалы конгресса «Нейрореабилитация – 2015». М., 2015. С. 302–304.

Perspective Directions in the Study of Motor Actions and Sensory-Motor Coordination: Fundamental Problems and Applied Aspects

*A. M. Chernorizov**, *V. M. Devishvili***, *SA. Isaychev****,
*K. S. Nazarov***** (Moscow)

* Doctor of psychological Science, Full professor of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Candidate of psychological Sciences, Assistant Professor of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

*** Candidate of psychological Sciences, Assistant Professor of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

**** Student of the Department of Psychophysiology,
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The paper describes the main ideas and results of approbation on the practice of classical and modern technologies of research and rehabilitation of motor skills and sensorimotor coordination. The emphasis is on the following techniques: 1) the method, based on the use of feedback about the power, spatial, temporal and electrical characteristics of the movements; the method can significantly improve the efficiency of the development process and the restoration of motor functions; 2) method of studying sensorimotor interactions using virtual reality systems; 3) “muscle–computer interface”, based on the using the control an external device (a mouse cursor) by a pair of muscles, which are not included in the pathological functional system (the method was tested on patients with cerebral palsy).

Keywords: psychophysiology of movements, rehabilitation, biofeedback, virtual reality, “muscle–computer interface”, cerebral palsy.

Динамика индивидуального опыта, связанная с невозможностью инструментальной реализации субъективно значимого поведения¹

*Ю. Р. Чистова***, *Н. П. Ивлиева***, *А. Г. Горкин****,
*Ю. И. Александров***** (Москва)

** аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); e-mail: yulia_chistova@inbox.ru*

*** аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); e-mail: natali.ivli@gmail.com*

**** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН; e-mail: agorkin@yandex.ru*

***** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий лаборатории психофизиологии им. В. Б. Швыркова Института психологии РАН; e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru*

В данном исследовании были выделены варианты ситуаций, в которых индивид устойчиво не достигает желаемого результата – ситуация, в которой реализуемое поведение теряет эффективность (но сохраняется возможность реализации поведения, без достижения результата), и ситуация утраты объекта взаимодействия (инструмента достижения полезного приспособительного результата, т. е. «запрет» на реализацию поведения вообще). Были проведены эксперименты с регистрацией нейронной активности у крыс в инструментальном пищедобывательном поведении в обеих ситуациях. Были обнаружены изменения вероятности активации нейронов, изменения в частоте спайковой активности некоторых специфически активирующихся нейронов, и нейронов с неспецифической активностью в ситуации потери эффективности поведения. В экспери-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-06-00909/17-ОГОН и выполнена в рамках исследовательской программы «Ведущая научная школа РФ. Системная психофизиология» (НШ-9808.2016.6).

ментах с «запретом» на реализацию обнаружилось, что некоторые нейроны, специфически активирующиеся в актах на второй стороне клетки, изменяют свою активность после введения животного в ситуацию «запрета» нажатия педали на первой стороне. Также были выделены изменения в количестве и длительности реализаций актов на стороне клетки с отмененной педалью.

Ключевые слова: индивидуальный опыт, нейронная активность, инструментальное пищеводобывательное поведение, рассогласование, невозможность реализации поведения.

Постановка проблемы

Динамика структуры индивидуального опыта в онтогенезе предполагает формирование новых элементов, их реализацию, перестройку отношений между элементами, а также прекращение актуализации элементов опыта (функциональных систем), обуславливающего реализацию соответствующего «внешнего» поведения в случае потери возможности достижения полезного приспособительного результата данным способом.

С позиций системно-эволюционного подхода, приобретаемый индивидом новый опыт фиксируется в группах нейронов, специализированных относительно вновь формируемых функциональных систем. Специализация нейрона относительно функциональной системы постоянна. В качестве «функции» рассматривается организованная совокупность активности, которая приводит к достижению адаптивного полезного результата для организма, фиксированная в видовом или индивидуальном опыте и воспроизводимая как целостные акты поведения (Швырков, 1995).

Предметом данного исследования являлась динамика структуры индивидуального опыта в ситуации потери возможности реализации определенного поведения.

Были выделены варианты ситуаций, в которых индивид устойчиво не достигает желаемого результата: ситуация, в которой реализуемое поведение теряет эффективность (но сохраняется принципиальная возможность его реализации), и ситуация утраты объекта взаимодействия (инструмента достижения полезного приспособительного результата, т. е. физический «запрет» на реализацию поведения). С позиций системного подхода, эти ситуации рассматриваются как вносящие рассогласование между имеющимся опытом индивида и отсутствием необходимого результата.

Изменения в структуре индивидуального опыта, связанные с невозможностью использования опыта субъективно значимого пове-

дения, могут быть связаны, в первую очередь, именно с фактором рассогласования, возникающего из-за отсутствия результата. Рассогласование является началом формирования памяти; оно устраняется поиском и фиксацией новых вариантов объединения элементов, т. е. развертыванием процессов системогенеза (Александров и др., 2015). Таким образом, предполагается, что рассогласование, возникающее в обеих ситуациях – отсутствия результата при сохранении возможности реализации поведения и невозможности реализации данного поведения – должно быть устранено. В первом случае (ситуация, возникающая в начале научения новому навыку) рассогласование невозможно устранить с помощью уже имеющихся в опыте способов согласования, и индивид формирует новый навык, позволяющий достигать результат и устранить рассогласование. Во втором случае (при невозможности инструментальной реализации поведения) способ устранения рассогласования не определен. Предполагается, что в структуре индивидуального опыта в данной ситуации происходят изменения, направленные на минимизацию эффектов рассогласования.

На уровне отдельных нервных клеток при возникновении рассогласования происходит экспрессия ранних генов, сменяющаяся экспрессией поздних генов. Эти изменения лежат в основе морфологических модификаций нейрона (Анохин, 1996). Для отдельного нейрона в ситуации необходимости устранить рассогласование имеется альтернатива – вовлечение в системогенез, претерпевание морфологических изменений или гибель в результате апоптоза (Александров, 2004). Так как системная специализация постоянна, предполагается, что в ситуации невозможности инструментальной реализации поведения будут иметь место перестройки в межсистемных отношениях, выраженные в изменении паттерна неспецифической активности специализированных нейронов, обеспечивавших реализацию поведения, подвергшегося «запрету». Клетки с неидентифицированной специализацией (неспецифически активные), которые демонстрируют активации в отдельных реализациях актов исследуемого поведения, могут быть нейронами «старых» систем (сформированных до обучения инструментальному поведению), и их активации обусловлены межсистемными связями. Предположительно, нейроны, активные более чем в 40–50% реализаций, можно рассматривать как участвующие в обеспечении данного поведения.

Предполагается, что перестройки в межсистемных отношениях (изменения в связях между ранее сформированными элементами) будут проявляться в изменении активности, или постепенном снижении активности некоторых нейронов.

Методика исследования

Исследование было проведено на крысах 6–10 мес. породы Long-Evans весом 200–350 г. Все эксперименты проводились в специальной двухсекционной экранированной клетке, в разных углах одной из секций которой были расположены две кормушки и две педали. Было проведено предварительное обучение крыс инструментальному пищедобывательному поведению. Крысы поэтапно обучались пищедобывательному поведению только на одной стороне (педаль–кормушка) клетки. Обучение было разбито на 6 этапов: подход к кормушке; опускание головы в кормушку; отход от кормушки и движение в сторону педали; подход в угол педали; нахождение в углу педали; нажатие на педаль. В соответствии с этими этапами, были выделены акты, объединенные в цикл инструментального пищедобывательного поведения, относительно которых могут быть обнаружены специализированные нейроны. Животное считалось обученным после непрерывного совершения более 10 самостоятельных реализаций цикла инструментального пищедобывательного поведения.

После завершения обучения проводили операцию по вживлению электродов в мозг для дальнейшей регистрации нейронной активности. В ходе экспериментальной сессии проводилась регистрация активности нейронов ретроспленальной коры в поведенческих циклах добывания животным пищи на той стороне клетки, на которой проходило обучение, для выявления нейронов, специализированных относительно этого поведения. Затем рабочая педаль выключалась и нажатия на нее не приводили к подаче пищи, становились неэффективными. Включалась вторая педаль (на другой стороне клетки), и животное должно было обучиться нажатию на нее. После того, как крыса обучалась, экспериментатор вновь делал эффективной первую, и так далее – по 20 нажатий на каждую педаль. На протяжении всего эксперимента, велась видеозапись поведения животного на цифровую видеокамеру. Также велась запись поведенческих отметок нажатия педали, прохождения середины стенки между педалью и кормушкой и опускания головы крысы в кормушку. По завершении эксперимента, данные последовательно обрабатывались с помощью двух программ – Act (автор – M. L. Shapiro) и NeuRu (автор – А. К. Крылов). Активации нейрона сопоставлялись с реализацией актов пищедобывательного поведения (по поведенческим отметкам и видеозаписям поведения) для выявления поведенчески специализированных нейронов.

Критерием специализации служило наличие 100% вероятности активации в конкретном поведенческом акте или не менее 80%

вероятности активации в каждом из нескольких следующих друг за другом актов (100% активация на определенном отрезке пищедобывательного цикла) (Горкин, Шевченко, 1995).

Если связать активации нейрона с определенными актами поведения не удавалось, или не наблюдалось активации нейрона в изучаемом пищедобывательном поведении, то такие клетки считались клетками с неустановленной специализацией. Среди таких клеток нами выделялись те, вероятность активации которых достигала более 40–50% при реализациях одного или нескольких последовательных актов. Мы предполагаем, что такие нейроны могут обладать специализацией относительно другого поведения (не входящего в цикл инструментального пищедобывательного поведения), но также вовлекаться в обеспечение реализации данного поведения.

Результаты исследования

В результате проведения первой части исследования (ситуация потери эффективности поведения при сохранении принципиальной возможности его реализации) было зарегистрировано 62 нейрона; из них – 11 нейронов, специализированных относительно изучаемого нами пищедобывательного поведения (вероятность активации $P > 80\%$), и 51 нейрон был неспецифически активен в инструментальном пищедобывательном поведении ($P > 40\%$). Были обнаружены изменения вероятности активации нейронов, изменения в частоте спайковой активности некоторых специфически активирующихся нейронов и нейронов, дающих только неспецифические активации. Обнаружено снижение частоты реализаций актов пищедобывательного поведения, а также изменение длительности временных интервалов актов пищедобывательного поведения. Полученные данные позволяют предположить, что фактор потери результативности поведения приводит к реорганизации отношений в структуре индивидуального опыта.

Во второй части исследования проведен эксперимент с невозможностью реализации пищедобывательного поведения. После нескольких дней реализации пищедобывательного поведения на двух сторонах клетки первая выученная животным педаль изымалась, и животное не могло реализовать поведение на данной стороне клетки. Производилась видеозапись поведения и регистрация нейронной активности в течение трех дней «отмены педали». Были выделены следующие акты поведения: подходы к отверстию в месте изъятой педали, обнюхивание отверстия, нахождение в углу изъятой педали, проверки кормушки на стороне изъятой педали, ак-

ты грумминга и ориентировочно-исследовательского поведения (стойки) в углу изъятый педали, последовательности актов на стороне изъятый педали (подход к отверстию на месте педали – проверка соответствующей кормушки).

Предварительный анализ полученного материала показал, что некоторые нейроны, специфически активирующиеся в актах на второй стороне клетки, изменяют свою активность в ситуации запрета при реализации пищедобывательного поведения на первой стороне клетки. Также выделяются изменения в количестве и длительности реализаций актов на стороне клетки с отмененной педалью.

Обсуждение результатов

Перестройки, происходящие в структуре индивидуального опыта в ситуации потери результативности, но с сохранением возможности реализовывать неэффективное поведение, начинаются при возникновении рассогласования, на самых ранних этапах, предваряющих научение новому навыку. Через определенное количество неуспешных проб возникает ориентировочно-исследовательское поведение, приводящее к нахождению новых способов достижения полезного приспособительного результата, к формированию нового элемента индивидуального опыта. Изменения в активности нейронов, участвующих в обеспечении поведения ставшего неэффективным, происходят в рамках аккомодационной реконсолидации (изменения в структуре индивидуального опыта, связанные с включением новой системы в уже существующую структуру индивидуального опыта) (Александров, 2004).

В ситуации невозможности инструментальной реализации поведения вопрос о том, происходит ли формирование нового опыта, пока остается открытым. Если предположить, что индивид обучается тому, что данное поведение «невозможно», и «запрет» на определенную часть опыта сам по себе может являться новым опытом, то это должно быть отражено в формировании новых нейронных специализаций относительно данного опыта. При попытке нахождения этих новых специализаций мы сталкиваемся с определенными методическими трудностями, которые заключаются в том, что для обнаружения новых специализаций необходимо формальное описание поведенческих актов, относительно которых эти новые специализации должны быть обнаружены.

В экспериментах с изъятием педали были зафиксированы акты, уже имеющиеся в опыте животного, такие как стойки на задних ла-

пах, подходы в угол педали и к кормушке и др. Акт обнюхивания отверстия на месте изъятой педали, предположительно, может считаться новым актом, и в случае обнаружения новых специализаций относительно него можно будет говорить о возможности приобретения нового опыта «запрета».

Альтернативной гипотезой является то, что в ситуации «запрета» не формируется новый акт, а происходят некоторые перестройки в неспецифической активности нейронов (отражающие реорганизацию межсистемных связей в индивидуальном опыте). В наших экспериментах были обнаружены изменения, происходящие при недостижении результата в обеих ситуациях – выключения и изъятия педали. В дальнейшем необходимо проверить устойчивость изменений в ситуации «запрета». Это можно сделать, восстановив поведение, подвергнутое «запрету», для проверки, будет ли оно реализовано в тех же характеристиках, что и до «запрета» (по показателям динамики «восстановления», скорости выполнения актов, количества подходов, длительности пауз между подходами, и в характеристиках нейронной активности сравнительно с характеристиками до «запрета» и во время него). В дальнейших исследованиях планируется проведение экспериментов с восстановлением поведения, подвергнутого «запрету».

Литература

- Александров Ю. И. Системогенез и смерть нейронов // *Нейрохимия*. 2004. Т. 21. № 1. С. 5–14.
- Александров Ю. И. Научение и память: традиционный и системный подходы // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2005. Т. 55. № 6. С. 842–860.
- Александров Ю. И., Горкин А. Г., Созинов А. А., Сварник О. Е., Кузина Е. А., Гаврилов В. В. Консолидация и реконсолидация памяти: психофизиологический анализ // *Вопросы психологии*. 2015. № 3. С. 133–144.
- Анохин К. В. Обучение и память в молекулярно-генетической перспективе // XII Сеченовские чтения. М., 1996. С. 23–47.
- Горкин А. Г., Шевченко Д. Г. Различия в активности нейронов лимбической коры при разных стратегиях обучения // *Журнал высшей нервной деятельности*. 1995. Т. 45. № 1. С. 90–100.
- Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М., 1995.

Dynamics of the structure of individual experience related to the instrumental disability of realization of the subjectively meaningful behavior

*Y. R. Chistova**, *N. P. Ivlieva***, *A. G. Gorkin****, *Y. I. Alexandrov*****
(Moscow)

* Postgraduate State academic University of humanitarian science (GAUGN)

** Postgraduate, State academic University of humanitarian science (GAUGN)

*** Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

**** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Corresponding member of the Russian Academy of education, Head of Laboratory of psychophysiology, Institute of Psychology of RAS

In this study, we selected versions of the situations in which the individual steadily attains the desired result – a situation in which the implemented behavior loses its effectiveness (but retained the possibility of implementing behavior without achieving a result), and the situation of loss of the object of experience (a tool to achieve useful adaptive result, i. e. the “ban” on implementation of behavior at all). Experiments were carried out with the registration of neural activity in rats in instrumental food-acquisition behavior in both situations. Were detected changes of the probability of the activation of neurons, changes in the frequency of spiking activity of some specialized neurons, and neurons with non-specific activity in a situation of loss of efficiency of behaviour. In the experiments with the “ban” on implementation it was discovered that some neurons that are specifically activated in the acts on the second side of the cage changed their activity after switching the situation to the “ban” of pedal pressing on the first side. Also, were detected changes in the number and duration of acts realizations on the side of the cage with the removed pedal.

Keywords: individual experience, neural activity, instrumental food-acquisition behavior, misalignment, inability to implement behavior.

Влияние цветовой фотостимуляции на показатели умственной работоспособности в условиях физической нагрузки

М. В. Яценко (Барнаул)

*кандидат биологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет; e-mail: e.yatsenko@mail.ru*

Целью настоящей работы явилось изучение влияния цветовой фотостимуляции на показатели умственной работоспособности в условиях физической нагрузки. В исследовании приняли участие 43 студента, которые выполняли корректурную пробу Анфимова в состоянии покоя, через две минуты после выполнения физических упражнений (приседания), а также после двух минут цветовой фотостимуляции с частотой мельканий светодиодов 10 Гц, также после физической нагрузки. В каждом цикле эксперимента испытуемым предъявлялся один из трех цветов: красный, синий, зеленый. Были получены результаты, свидетельствующие о положительном влиянии цветовой фотостимуляции в большей степени на качественные показатели умственной работоспособности. Наибольший эффект на исследуемые показатели пробы Анфимова оказала фотостимуляция зеленым и синим цветом.

Ключевые слова: умственная работоспособность, цветковая фотостимуляция, альфа-ритм, корректурная проба, физическая нагрузка, точность, внимание.

Введение

В современной структуре человеческой деятельности отмечается тенденция возрастания доли умственного труда. С развитием информационных технологий развиваются условия для повышения качества производства и управления в различных сферах человеческой деятельности. Однако, кроме положительных эффектов дан-

ная, ситуация приводит к возрастанию информационной нагрузки, возникновению стрессовых ситуаций, связанных с напряжением систем организма, что сопровождается ухудшением восприятия информации. В текущих условиях, когда цена ошибки человека участвующего в управлении производственными процессами неимоверно возросла, это является фактором риска возникновения аварий и несчастных случаев.

Основным звеном в переработке информационных потоков является центральная нервная система, от функционального состояния которой будет зависеть эффективность восприятия информации, ее переработки и реакции организма (Каратыгин, 2015; Рождественская, 1973; Basar, Basar-Eroglu et al., 2000). Таким образом, коррекция функционального состояния в зону оптимума позволит создать условия для лучшей переработки информации. Можно предположить, что данного эффекта можно добиться, используя воздействие ритмичных световых мельканий, при котором наблюдается синхронизация активности с частотой предъявляемого фотостимула (Зенков, 2004). Согласно литературным данным, маркером такого оптимального состояния ЦНС является альфа-ритм ЭЭГ частотой 10Гц (Гладыш и др., 1995; Кайгородова, Яценко, 2001; Klimesch, 1999; Rosenfeld et al., 1997). Таким образом, применяя визуальную фотостимуляцию, можно целенаправленно формировать оптимальный уровень мозговой активности для создания такого функционального состояния ЦНС, которое соответствует высоким показателям умственной работоспособности.

Организация и методы исследования

Целью нашего исследования являлось выяснение того, какой вклад вносит цвет при фотовизуальной стимуляции и как цветковое фотостимуляционное воздействие влияет на показатели умственной работоспособности в условиях нагрузки на сердечно-сосудистую систему.

Выборку исследования составили 48 студентов Алтайского государственного университета в возрасте 20 ± 2 лет разного пола.

Методы исследования

Фотостимуляция проводилась аппаратом ГСПИ-1Ц, который представляет собой прибор с затемненными очками, с внутренней стороны которых встроены светодиоды трех цветов: красного, синего и зеленого. Электронная часть устройства обеспечивает автомати-

ческое ритмическое предъявление фотостимула соответствующего цвета на выбранной частоте в диапазоне от 0,5 до 25 Гц с возможностью регулировки уровня яркости свечения светодиодов. На основании имеющихся данных (Кайгородова, Яценко, 2001; Williams et al., 2006) для предъявления стимула была выбрана частота, равная 10 Гц. Яркость свечения диодов составляла 30%, что позволяло избежать негативной нагрузки на зрительный анализатор. В целях достижения оптимального результата время предъявления стимула составляло 2 мин.

Умственная работоспособность определялась с помощью корректурной пробы Анфимова (Основы психологии..., 2006), время проведения пробы – 2 мин. Для анализа корректурной пробы использовались следующие показатели:

V – объем переработанной информации (общее количество знаков, просмотренных за 2 мин.);

S – скорость переработки информации (количество знаков, просмотренных за первую минуту);

ПТ – показатель точности;

ПВ – показатель внимания.

В качестве физической нагрузки были выбраны приседания. Дозирование осуществлялось путем контроля частоты сердечных сокращений с помощью кардиомонитора «Корос 300». Показатель ЧСС измерялся в спокойном состоянии, во время нагрузки, которая определялась по значению ЧСС (140 ± 5 уд./мин).

Корректурная проба Анфимова проводилась с каждым испытуемым три раза. Первый раз тест проводится в спокойном состоянии. Во второй раз проба проводилась через 2 мин после физической нагрузки. Третий раз тест проводится после физической нагрузки и 2 мин фотостимуляции. Фотостимуляция проводилась каждым цветом отдельно после выполнения испытуемым приседаний. Полученные результаты систематизировались и подвергались статистической обработке с применением критерия Манна–Уитни. Для статистического анализа использовалось программное обеспечение Statgraphics Plus 2.1.

Результаты исследования

Фотостимуляция зеленым цветом в течение 2 мин после физической нагрузки, показала, что объем переработанной информации достоверно ($p < 0,05$) увеличился, по сравнению с аналогичным показателем корректурной пробы Анфимова, зарегистрированным в со-

стоянии покоя и в случае фотостимуляции красным цветом после физической нагрузки. Воздействие синим цветом не выявило достоверных изменений данного показателя по сравнению с исходным значением, при этом наблюдалась лишь тенденция к увеличению показателя. Фотостимуляция красным цветом не привела к росту данного показателя относительно исходного состояния. Объем переработанной информации достоверно не изменился после физической нагрузки без фотостимуляции.

Фотостимуляционное воздействие синим и зеленым цветом после физической нагрузки привело к достоверному ($p < 0,05$) увеличению показателя скорости переработанной информации по сравнению с аналогичным показателем пробы Анфимова, зарегистрированным в состоянии покоя. Показатель скорости достоверно не изменился после воздействия красным цветом и после нагрузки без фотостимуляции.

Полученные данные свидетельствуют о том, что воздействие фотостимуляции в синем и зеленом цветах в течение 2 минут после физической нагрузки оказали достоверное ($p < 0,05$) увеличение показателя внимания относительно исходного значения. Показатель после нагрузки без фотостимуляции достоверно ($p < 0,05$) снизился в сравнении с исходным, а также после стимуляции синим и зеленым цветом. Кроме того, показатель внимания при воздействии красным цветом был достоверно ($p < 0,05$) ниже, чем при фотостимуляции синим и зеленым цветом.

При изучении влияния цветовой фотостимуляции на показатель точности пробы Анфимова было выявлено достоверное ($p < 0,05$) его повышение при стимуляции синим и зеленым цветом, а также его снижение ($p < 0,05$) после физической нагрузки без фотостимуляции относительно исходного состояния. Кроме того, различия проявились в случае сравнения показателя точности после нагрузки и после нагрузки с применением фотостимуляции; так, воздействия красным, синим и зеленым цветом привели к его увеличению. При этом наибольший эффект на точность выполнения задания после нагрузки оказали синий и зеленый цвета фотостимуляции.

Заключение

Показатели корректурной пробы можно разделить на две группы: количественные (объем и скорость переработки информации) и качественные (показатели внимания и точность выполнения задания). Как видно из представленных результатов, наибольший эффект фотостимуляция оказала на качественные показатели, что выразилось

в большем количестве достоверных различий. При этом максимальное увеличение показателей наблюдалось при воздействии зеленым и синим цветом; не оказала влияния фотостимуляция красным цветом. Полученные результаты можно объяснить тем, что фотостимуляция проводилась на частоте 10 Гц, которая соответствует альфа-диапазону ЭЭГ. Из литературы известно, что альфа-ритм выполняет функцию временного считывания информации и тесно взаимосвязан с механизмами восприятия и памяти. Кроме того, полагается, что альфа-активность играет роль в своеобразной функциональной стабилизации состояний мозга и обеспечении готовности к реагированию (Klimesch, 1999). Показано, что фотостимуляция частотой 10 Гц позитивно отражается на процессах запоминания и воспроизведения информации (Williams et al., 2006). Кроме того, в ходе настоящего исследования было выявлено, что, кроме эффекта навязывания ритма с помощью фотостимуляции частотой 10 Гц, большое значение на эффективность оказывает цвет, которым осуществляется воздействие. Можно предположить, что эффект цветового обеспечивает лучшую синхронизацию альфа-ритма на частоте при фотостимуляции.

Литература

- Гладыш А. В., Горев А. С., Фарбер Д. А. Отражение индивидуальных особенностей скорости переработки информации в параметрах ЭЭГ детей школьного возраста // Физиология человека. 1995. Т. 21. № 1. С. 99–110.
- Зенков Л. Р. Клиническая электроэнцефалография (с элементами эпилептологии). 3-е изд. М., 2004.
- Кайгородова Н.З., Яценко М.В. Исходный уровень активации и эффективность умственной работоспособности в зависимости от индивидуально-типологических особенностей (закона Йеркса–Додсона) // Валеология. 2001. № 4. С. 31–36.
- Каратыгин Н. А. Электрофизиологические корреляты различной результативности интеллектуальной деятельности: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2015.
- Основы психологии: Практикум / Ред.-сост. Л. Д. Столяренко. 7-е изд. Ростов-на-Дону, 2006.
- Рождественская В. И. Влияние силы нервной системы и уровня активации на успешность монотонной работы // Вопросы психологии. 1973. № 5. С. 49–58.
- Basar E., Basar-Eroglu C. et al. Brain oscillations in perception and memory // Int. Psychophysiol. 2000. V. 35 (2–3). P. 95–124.

- Klimesch W.* EEG alfa and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: a review and analysis // *Brain research reviews*. 1999. V. 29. P. 169–195.
- Rosenfeld J. P., Reinhart A. M., Srivastava S.* The effects of alpha (10-Hz) and beta (22-Hz) “entrainment” stimulation on the alpha and beta EEG bands: individual differences are critical to prediction of effects // *Appl. Psychophysiol. Biofeedback*. 1997. V. 22. P. 3–20.
- Williams J., Ramaswamy D., Oulhaj A.* 10 Hz flicker improves recognition memory in older people // *BMC Neuroscience*. 2006. V. 7. P. 230–237.

Раздел X

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЕЕ ОТРАСЛИ

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Социально-психологическая адаптация российских дауншифтеров

Р. М. Айсина (Москва)

кандидат психологических наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета; e-mail: reiner@bk.ru

В статье обсуждается феномен карьерного дауншифтинга, который трактуется автором как сознательный отказ высококвалифицированных профессионалов от вертикальной карьеры на условиях стандартной занятости в пользу альтернативных форм профессиональной самореализации, в большей степени соответствующих системе индивидуальных ценностей. Приведены результаты эмпирического исследования, которое проводилось на выборке российских дауншифтеров ($N=247$). В исследовании использовались методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонд и ММРІ (СМИЛ). Выявлено, что большинство респондентов характеризуются высоким и средним уровнем социально-психологической адаптации. По результатам статистического анализа (расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена), обнаружены статистически значимые взаимосвязи различных компонентов социально-психологической адаптации российских дауншифтеров с их определенными личностными особенностями. В дальнейших исследованиях предполагается выявить личностные факторы, влияющие на психологическое благополучие дауншифтеров.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, индивидуализация карьеры, нестандартная занятость, дауншифтинг, самореализация.

Введение

Понятие «дауншифтинг» (от англ. «downshifting» – буквально «сдвиг вниз», «переключение коробки передач в автомобиле на меньшую

скорость») обозначает сознательное изменение стиля повседневной жизни, состоящее в отказе от хорошо оплачиваемой и престижной работы на условиях стандартной занятости в пользу альтернативных форм профессиональной самореализации, с целью достижения большего баланса между работой, отдыхом, общением с близкими и саморазвитием (Breakspear, Hamilton, 2004; Tan, 2004). В научных кругах дауншифтинг оценивается как неоднозначный, многогранный социокультурный феномен, который характеризуется и положительными эффектами, и определенными рисками (Айсина, 2016; Зарицкая, 2014; Овечкина, 2015; Breakspear, Hamilton, 2004). Исследователи подчеркивают, что успешность дауншифтинга детерминирована множеством субъективных и объективных факторов, среди которых на первом месте – продуманность решения об изменении стиля жизнедеятельности, тщательная подготовка к его реализации, высокий уровень автономии и ответственности дауншифтеров, эффективность саморегуляции и самоконтроля, толерантность к неопределенности (Breakspear, Hamilton, 2004; Tan, 2004).

Важным вопросом для определения границ исследования психологической феноменологии дауншифтинга является выделение критериев, дифференцирующих действительных дауншифтеров и людей, только лишь считающих себя таковыми, но не реализующих дауншифтинг на практике. Многие авторы (Я. В. Овечкина, Н. Ю. Зарицкая, Е. В. Лисова, Н. В. Бутонова и др.) трактуют данное явление очень широко, например, относя к дауншифтерам людей, которые добровольно уволились с работы, имея значительный финансовый капитал, и не планируют продолжение трудовой деятельности в какой-либо форме, а также тех, кто является безработным и только рассматривает для себя перспективу дауншифтинга, но пока не предпринял каких-либо реальных шагов в этом направлении. Мы понимаем дауншифтинг более узко. Опираясь на оригинальный смысл англоязычного термина, мы считаем, что принципиальным моментом является, во-первых, предшествующий дауншифтингу опыт успешной (в социальном плане) вертикальной карьеры, во-вторых, сохранение трудовой активности: ведь «переход на пониженную передачу» совсем не то же самое, что полная остановка.

В данной работе нам представляется важным рассмотреть дауншифтинг в контексте проблемы социально-психологической адаптации личности. Разделяя позиции экзистенциально-гуманистического подхода к пониманию сущности адаптационных процессов (А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мэй, И. Ялом, Д. Бьюдженталь и др.), мы полагаем, что об эффективности социально-психологической адаптации можно говорить только в том случае, если человек не скован

узкими рамками конформизма и шаблонного мышления, а способен к осознанию своего творческого потенциала и применению личностных ресурсов как для решения жизненных задач, так и для саморазвития. Похожую позицию мы встречаем и у отечественных исследователей (А. А. Реан, Н. Н. Мельникова, Л. А. Коростылева и др.), которые понимают социально-психологическую адаптацию как непрерывный процесс спиралеобразного развития личности, приобретающей новые адаптивные свойства (ресурсы) с каждым пройденным циклом. В частности, А. А. Реан подчеркивает, что социально-психологическая адаптация несводима к усвоению механизмов, установок, правил и норм социального поведения, а является более объемным понятием, включающим также и способность к активному самоизменению, стремление к самореализации и самоактуализации (Реан, 1995).

Дауншифтеры стремятся к конгруэнтности между тем, что они делают в мире, и тем, что они собой представляют (Breakspear, Hamilton, 2004). Многие из них реализуют стилежизненные практики, в которых есть место и профессиональным амбициям (ведь в большинстве профессий можно развиваться не только «вверх», но и «вглубь», становясь мастером своего дела), и отношениям с дорогими людьми, наполненным подлинной близостью и заботой, и получению нового опыта, новых впечатлений в тех жизненных сферах, которые ранее вынужденно игнорировались за неимением времени и сил (спорт, природа, искусство, путешествия и т. д.). Поэтому мы считаем возможным отнесение дауншифтинга к одной из современных форм социально-психологической адаптации личности.

Процедура и методики исследования

С целью изучения особенностей социально-психологической адаптации дауншифтеров в российском контексте нами было предпринято эмпирическое исследование, которое предполагало проверку следующих гипотез: 1) российские дауншифтеры характеризуются эффективной социально-психологической адаптацией; 2) различные аспекты социально-психологической адаптации российских дауншифтеров соотносимы с их определенными личностными особенностями.

На первом этапе исследования мы провели онлайн опрос по разработанной нами анкете «Оценка опыта дауншифтинга», в котором приняли участие 364 респондента. По результатам опроса была сформирована выборка из 247 респондентов (64,8% мужчин и 35,2% женщин, возраст – от 34 до 55 лет), которым было предло-

жено пройти диагностику по опроснику социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса, Р. Даймонд и тесту СМИЛ (ММРІ в адаптации Л. Н. Собчик).

Критерии включения в выборку были следующими: предшествующий дауншифтингу опыт успешной вертикальной карьеры со стандартной занятостью (полный рабочий день) в должности специалиста или руководителя среднего/высшего звена не менее 5 лет; актуальный на момент исследования опыт дауншифтинга длительностью не менее 3 лет.

Критерии исключения из выборки: регистрация респондента в качестве безработного на момент исследования; отсутствие у респондента подтвержденного статуса безработного при фактической безработице и актуальной потребности в трудоустройстве или поиске других вариантов занятости; отсутствие у респондента какой-либо занятости и стремления возобновить трудовую деятельность в любом из вариантов (позиция/статус рантье); пенсионный возраст.

Результаты исследования

Диагностическое исследование уровня и различных аспектов социально-психологической адаптации дауншифтеров с помощью методики СПА показало, что в выборке преобладают высокие значения по интегральным показателям «Адаптация» (78,14% респондентов), «Самопринятие» (69,63%), «Интернальность» (63,16%), «Доминирование» (61,3%). Средние значения наиболее выражены по показателям «Принятие других» (58,29%) и «Эмоциональный комфорт» (55,87% респондентов). При этом низкие значения встречаются редко: 4,9% респондентов имеют низкие значения по показателю «Доминирование»; 5,66% – по показателю «Адаптация»; 11,74% – по показателю «Эмоциональный комфорт»; 12,95% – по показателю «Принятие других». По двум оставшимся интегральным показателям – «Интернальность» и «Самопринятие» – низкие значения в выборке отсутствуют.

Предметом нашего дальнейшего поиска стало выявление связей различных компонентов социально-психологической адаптации с личностными особенностями российских дауншифтеров, которые мы диагностировали с помощью СМИЛ. В таблице 1 приведены наиболее тесные корреляционные связи ($r_s > 0,50$) между показателями опросника СПА и базисными шкалами СМИЛ.

Как видно из таблицы 1, адаптация дауншифтеров может быть затруднена в случае преобладания в структуре личности интроверсивных черт, которые предполагают выраженность потребности

Таблица 1
Взаимосвязь различных аспектов
социально-психологической адаптации
и личностных особенностей российских дауншифтеров
(коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена, $p < 0,01$)

Показатели СПА	СМИЛ – базисные шкалы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Адаптация										-0,63
Деадаптация	0,54			0,53			0,61	0,58		
Принятие себя										
Непринятие себя				0,51						
Принятие других	-0,68	-0,54					-0,63	-0,64		-0,54
Непринятие других	0,57			0,56			0,52	0,51		
Эмоциональный комфорт										
Эмоциональный дискомфорт	0,65	0,56		0,68			0,72	0,63		
Внутренний контроль										
Внешний контроль				0,58			0,53	0,63		
Доминирование										
Ведомость										
Эскапизм	0,67	0,55					0,68	0,73		

в уединении и обычно проявляются в низкой социальной активности, застенчивости, избегании публичных мероприятий (обратная корреляция показателя «Адаптация» и 0 шкалы СМЛ). Сложности в адаптации на пути дауншифтинга также могут быть связаны со склонностью к сверхконтролю, импульсивностью, тревожностью и индивидуалистичностью, проявляющейся в эмоциональной отстраненности и формализации контактов с другими людьми (корреляции показателя «Деадаптация» с 1, 4, 7 и 8 шкалами СМЛ). При этом импульсивность и склонность к негативизму, которые соотносимы с высокими показателями по 4 шкале СМЛ, повышают риск актуализации конфликтов, связанных с недостатком позитивного самоотношения, неуверенностью в себе, а также могут стать пусковым механизмом дестабилизации межличностных взаимодействий из-за обесценивания других людей и пренебрежения

ими (корреляция 4 шкалы СМИЛи показателей «Непринятие себя» и «Непринятие других»). Личностные особенности, маркируемые 4 шкалой СМИЛ, могут приводить и к нарастанию эмоционального дискомфорта в сочетании с потребностью к усилению внешнего контроля (корреляции данной шкалы с показателями «Эмоциональный дискомфорт» и «Внешний контроль»). Кроме того, потребность во внешнем контроле еще более возрастает, если в личности дауншифтера выражены особенности, соотносимые с высокими значениями 7 и 8 шкал СМИЛ.

Построению эффективных межличностных отношений, основанных на доверии и уважении к Другому, могут препятствовать тревожные и депрессивные черты, склонность к чрезмерному контролю, замкнутость, низкая эмпатия и дистантность в общении (обратная корреляция показателя «Принятие других» с 1, 2, 7, 8 и 0 шкалами СМИЛ). Эти же личностные характеристики, наравне с упомянутой выше импульсивностью, определяют риск повышения эмоционального дискомфорта и, вероятно, предполагают возникновение неблагоприятных эмоциональных состояний при столкновении с нестабильностью жизненного контекста, определяемого дауншифтингом. Наконец, связь показателя «Эскапизм», понимаемого авторами методики СПА как «уход от проблем», с 1, 2, 7 и 8 шкалами СМИЛ позволяет говорить о том, что дауншифтеры, характеризующиеся астеническим типом реагирования, пассивностью, страхом неудачи и ориентацией на внутренние переживания, могут испытывать значительные трудности в проявлении социальной инициативы и дистанцироваться от проблем, возникающих при реализации стратегий дауншифтинга, отрицая или вытесняя их, что таит в себе опасность нарушения адаптации вследствие снижения способности к осознанному и целенаправленному регулированию происходящего.

Заключение

Практики дауншифтинга встречают неоднозначную оценку как в обществе в целом, так и в научном сообществе в частности. Транслируемые в современном российском социуме ценности карьерного роста и статусных достижений определяют критерии успешности довольно жестко и однозначно: успешным считается человек, который умеет ставить амбициозные цели и добиваться их, параллельно высоко поднимаясь по ступеням служебной иерархии. Но есть на этом пути свои опасности и ловушки. В этой связи вспоминаются слова В. Н. Дружинина: «Как снайпер видит в момент выстрела

только мишень, так и „человек дела“ ослеплен будущим, ожидаемым результатом и видит весь мир через призму своих ожиданий. Но белый цвет, проходя через призму Ньютона, распадается на многоцветный спектр, между тем как, проходя через «призму» цели, мир упрощается и становится черно-белым: в нем есть лишь средства и препятствия, люди полезные и люди бесполезные, соратники и враги, успехи и неудачи» (Дружинин, 2010, с. 70). Вместе с тем особенностью современной действительности является возможность индивидуализации процессов самореализации личности (по выражению В. Н. Дружинина, возможность выработки различных «вариантов жизни»). В условиях постоянно трансформирующейся повседневности у человека все более четко и настойчиво проявляется стремление к поиску собственного жизненного пути, который имеет для него высокую субъективную ценность и может не подходить другим либо даже быть неприемлемым для других. Дауншифтинг является одним из таких «вариантов жизни».

Результаты проведенного нами эмпирического исследования показали, что российские дауншифтеры характеризуются, преимущественно, высоким и средним уровнем социально-психологической адаптации. При этом дезадаптивные риски соотносимы с выраженностью в структуре личности дауншифтера интроверсивных черт, пассивности, индивидуалистичности, склонности к сверхконтролю и импульсивному поведению. В дальнейших исследованиях мы предполагаем выявить механизмы социально-психологической адаптации российских дауншифтеров и продолжить научный поиск ответа на вопрос, какими именно личностно-типологическими особенностями должен обладать дауншифтер, чтобы его альтернативная профессиональная самореализация оказалась успешной и способствовала повышению психологического благополучия и качества жизни.

Литература

- Айсина Р. М. Карьерный дауншифтинг как стратегия преодоления кризиса, связанного с потерей работы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2016. № 4. С. 31–40.
- Дружинин В. Н. Варианты жизни. СПб., 2010.
- Заршуккая Н. Ю. Альтернативные стилижизненные практики в украинском обществе (на материалах кейс-стади в г. Киеве) // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 78–86.

- Овечкина Я. В. Интернет-сообщество дауншифтеров: особенности стиля жизни // Социологические исследования. 2016. №4. С. 131–137.
- Реан А. А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПбГУ. 1995. Сер. 6. Вып. 3. № 20. С. 74–79.
- Breakspear C., Hamilton C. Getting a Life. Understanding the downshifting phenomenon in Australia // The Australia Institute: Discussion Paper. 2004. № 62. URL: http://www.tai.org.au/sites/default/files/DP62_8.pdf (Accessed: 21.03.2017).
- Tan P. Leaving the Rat Race to Get a Life: A Map for Charting Your Sea Change. Milton, Qld.: Wrightbooks, 2004.

Social and psychological adaptation of Russian downshifters

R. M. Aysina (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, Docent, Moscow state University of psychology and education

The author interprets career downshifting as a high-skilled professionals' refusal from vertical career growth and regular employment in favour of flexible employment and the search for a more fulfilling life. Results of an empirical study that was conducted on a sample of 247 Russian downshifters are given. Participants completed the social and psychological adaptation questionnaire by K. Rodgers and R. Diamond and MMPI (adapted by L. N. Sobchik). The results suggest that most of the participants had high or medium levels of social and psychological adaptation. Additionally, it was revealed that components of social and psychological adaptation were significantly correlated with certain personality characteristics (the data was analysed using Spearman's rank correlation coefficient). Future research should explore personality predictors of downshifters' wellbeing.

Keywords: social and psychological adaptation, career individualization, nonstandard employment, downshifting, self-fulfillment.

Нелинейная природа позитивных чувств к супругу как родителю¹

М. М. Басимов* (Москва), Е. А. Падурина** (Курган)

* доктор психологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет;
e-mail: basimov_@mail.ru

** кандидат психологических наук, доцент,
Курганский государственный университет; e-mail: len04ka.06@mail.ru

В статье представлена часть результатов эмпирического исследования системы позитивных родительских чувств с использованием авторского метода изучения статистических связей (Басимов, 2008). Система позитивных родительских чувств включает в себя четыре компонента: «Позитивные родительские чувства к ребенку», «Позитивные чувства к себе как родителю», «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю», «Позитивные чувства к родительству». Статья содержит подробное описание нелинейных зависимостей компонента «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» с пятью параметрами. Результаты исследования существенно дополняют концепцию о нелинейной природе позитивных родительских чувств.

Ключевые слова: нелинейные связи, множественное сравнение, кварталы, позитивные родительские чувства, супруги, семья.

Введение

Позитивные родительские чувства – это система чувств родителя характеризующихся сочетанием позитивного содержания и позитивной социальной значимости, имеющих направленность на родителя, на ребенка, на супруга/гу как родителя и на родительство в целом (Падурина, 2008).

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а.

Модель структуры позитивных родительских чувств как системы чувств родителя включает следующие компоненты: позитивные родительские чувства к ребенку, позитивные чувства к себе как родителю, позитивные чувства к супругу/ге как родителю, позитивные чувства к родительству и составляющие: когнитивную, эмоциональную и поведенческую (Овчарова, 2004; Падурина, 2008).

Организация и методики исследования

В течение последних лет для изучения феномена позитивных родительских чувств используется авторский метод изучения связей (Басимов, 2012а), который реализуется через множественное сравнение (Басимов, 2011) квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных (объектов) по каждому измеряемому параметру. В итоге определяется сила связи и форма зависимости, а линейные зависимости определяются как частный случай (Басимов, 2008, 2012а).

Исследование проводилось на *выборке родителей*, имеющих детей дошкольного возраста. Выборка включает 73 полные семьи, находящиеся в зарегистрированном браке и имеющие общего ребенка дошкольного возраста. В выборку вошли семьи, имеющие различный социальный статус, материальное положение, уровень образования. *Диагностический инструментарий*, используемый для исследования родительских чувств: 1) опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» И. М. Марковской; 2) опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия Е. И. Захаровой; 3) методика «Профиль чувств в отношениях» Л. В. Куликова; 4) методика «Позитивные родительские чувства» Е. А. Падуриной; 5) методика Б. И. Додонова «Эмоциональная направленность личности».

Результаты исследования

Результаты, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что достаточно большой ряд параметров, влияющих на систему позитивных родительских чувств, построен на нелинейных зависимостях, а не на линейных связях. Нами уже опубликована часть результатов, подтверждающих нелинейную природу позитивных родительских чувств (Падурина, 2014; Basimov, Padurina, 2012, 2014).

Следующим параметром, представляющим научный интерес в аспекте изучения нелинейности системы позитивных родительских чувств, является компонент «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю».

Современное родительство предполагает содействие прогрессивному развитию ребенка, достижению им автономии в доброжелательной, безопасной и психологически комфортной среде, формируемой родителями. Важнейшая функция семьи – психотерапевтическая, т. е. функция эмоционально-психологической супружеской взаимоподдержки. Как следствие, важным фактором эффективности родительства является тот социальный контекст, в котором оно осуществляется, – позитивный характер супружеских и брачных отношений и хорошие социальные связи семьи. Значимой чертой родительских отношений является согласованность отцовской и материнской позиций в отношении целей развития ребенка и способов их реализации. Именно гармония в убеждениях родителей, их взглядах на воспитание ребенка, разделяемых семейных ценностях, является залогом успешного развития личности ребенка. Благоприятные отношения в семье и социальная поддержка являются ключевыми условиями успешности развития ребенка. И наоборот, одними из важных причин девиантного и дисгармоничного родительства являются высокая конфликтность и негативное отношение супругов друг к другу.

Компонент «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» отражает позитивное эмоциональное отношение родителя к другому родителю, проявляющееся в чувстве товарищества при воспитании ребенка и в чувстве семейной безопасности. Наличие у родителя чувства товарищества отражает его потребность совместно с другим родителем выполнять общее дело – воспитание ребенка. Чувство семейной безопасности характеризуется верой в недопустимость причинения физического и психического вреда окружающими, ущемления чувства собственного достоинства и личного статуса родителя. Благодаря наличию позитивных чувств к супругу как родителю, родитель чувствует себя в безопасности, чувствует поддержку в воспитании ребенка, уверенность в себе как родителе. Позитивные чувства к супругу как родителю обуславливают позитивные чувства родителя к себе и к ребенку (Падурин, 2008).

От параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю», в свою очередь, зависят восемь параметров: «Отсутствие сотрудничества–сотрудничество», «Способность воспринимать состояние ребенка», «Пугническая эмоциональная направленность» (зависимости с минимумом, обрезанные слева – общее возрастание); «Позитивные чувства к себе как родителю» (зависимость с минимумом, обрезанная слева – общее возрастание, сдвиг вправо); «Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями» (зависимость монотонная возрастающая, равномерно); «Пред-

шествующие события» (зависимость – колебания $\max\text{--}\min$; 1 тип: $V2 > V3$ – общее возрастание); «Позитивные чувства к родительству», «Позитивные чувства к ребенку, основанные на безусловном принятии» (зависимости, которые сложно отнести к какому-либо виду).

В качестве примера, рассмотрим некоторые из полученных зависимостей.

1. Зависимость параметра «Способность воспринимать состояние ребенка» (Y) от параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X – 1 (Y = -755); X – 2 (Y = -3657); X – 3 (Y = 780); X – 4 (Y = 4111).

Коэффициент силы связи = 0,53 (0,16).

Коэффициент корреляции = 0,21.

Таким образом, имеет место положительная динамика (1 и 4 кварталы независимой переменной). На фоне первичного роста позитивных чувств к супругу/ге как родителю отмечается экстремальное отсутствие способности воспринимать состояние ребенка (-3657), наблюдаемое во второй четверте независимого параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю», после чего начинается резкий рост способности воспринимать состояние ребенка. Таким образом, первоначально развитие позитивных чувств к супругу/ге как родителю связано с концентрацией родителей друг на друге, на своих эмоциональных взаимоотношениях, что на данном этапе отрицательно сказывается на способности родителей воспринимать состояние ребенка. Дальнейшее развитие и усиление позитивных чувств к супругу/ге как родителю делает возможным переключение внимания родителей с друг друга на ребенка и, как следствие, – развитие способности родителей воспринимать состояние ребенка.

2. Зависимость параметра «Позитивные чувства к себе как родителю» (Y) от параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X – 1 (Y = -3613); X – 2 (Y = -2777); X – 3 (Y = 141); X – 4 (Y = 8637)

Коэффициент силы связи = 0,61 (0,64).

Коэффициент корреляции = 0,29.

Полученные данные свидетельствуют о том, что незначительное увеличение параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» связано с небольшими увеличениями параметра «Позитивные чувства к себе как родителю», в то время как значительное увеличение параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как роди-

телю» приводит к резкому увеличению «Позитивных чувств к себе как родителю». Позитивные чувства к себе как родителю отражают эмоциональное отношение родителя к себе, проявляющееся в наличии чувств уверенности в себе как родителе, собственного достоинства, уважения себя как родителя. Под чувством уверенности в себе как родителе подразумевается переживание родителем своих возможностей как адекватных задачам, которые перед ним стоят на этапе воспитания и социализации ребенка-дошкольника, так и тем, которые он ставит перед собой в будущем. Чувство собственного достоинства родителя сопровождается осознанием им ценности своей личности, своих высоких моральных качеств и уважением их в самом себе. Наличие чувства уважения себя как родителя характеризуется положительным эмоциональным отношением к себе, практически признающим достоинство своей личности и равенство прав с другими членами семьи.

Итак, первоначально, когда уровень позитивных чувств к супругу/ге как родителю не высок, уровень позитивных чувств к себе как родителю чрезвычайно низкий. Это может быть связано с тем, что формирование положительного образа себя как родителя не может осуществляться в вакууме, изолированно от другого родителя, и пока позитивные чувства к супругу как родителю не велики, нет и позитивных чувств к себе как к родителю. Благодаря наличию высокого уровня позитивных чувств к супругу как родителю родитель чувствует себя в безопасности, ощущает поддержку в воспитании ребенка, уверенность в себе как родителе. Таким образом, значительные позитивные чувства к супругу как родителю обуславливают позитивные чувства родителя к себе как к родителю.

3. Зависимость параметра «Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями» (Y) от параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

$X - 1 (Y = -3699); X - 2 (Y = -1253); X - 3 (Y = -92); X - 4 (Y = 6444).$

Коэффициент силы связи = 0,51 (0,32).

Коэффициент корреляции = 0,25.

Исходя из полученных данных, следует, что постепенное увеличение значений параметра «Позитивные чувства к супругу (е) как родителю» влечет за собой близкое к равномерному увеличение значений параметра «Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями». Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями, отражают эмоциональное отношение родителя к ребенку, включающее в себя

чувства родительской гордости и благодарности. Чувство родительской гордости проявляется в эмоциональном отношении, характеризующемся удовлетворением ребенком и, как следствие, – собой как родителем за предпринятые им усилия и достигнутые успехи. Чувство благодарности (признательности) ребенку за его старания – это моральное чувство, характеризующееся чувством обязанности, одобрения, уважения и любви к ребенку (в частности, выраженные в соответствующих действиях) за оказанное им «благодетельство». Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями, являются для ребенка индикатором успешности его деятельности, поведения, а для родителя – индикатором своих родительских успехов.

Таким образом, усиление позитивных чувств к супругу/ге как родителю, характеризующееся наличием постоянно усиливающихся чувств товарищества и семейной безопасности, становится залогом успеха родителей в воспитании ребенка, достоинства и достижения которого обуславливают данный аспект эмоционального отношения к нему родителей.

4. Зависимость параметра «Предшествующие события» (Y) от параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X – 1 (Y = -2277); X – 2 (Y = -723); X – 3 (Y = -2105); X – 4 (Y = 2590).

Коэффициент силы связи = 0,53 (0,09).

Коэффициент корреляции = 0,16.

Увеличение значений параметра «Позитивные чувства к супругу (е) как родителю» приводит к следующей динамике значений параметра «Предшествующие события»: низкий уровень параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» связан с неприятными событиями в жизни родителей; средний уровень параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» – с нейтральными и неприятными событиями; а высокий – с достаточно приятными событиями. Таким образом, только высокий уровень позитивных чувств к супругу/ге как родителю определяет эмоциональную окрашенность предшествующих событий, связанных с ребенком.

5. Зависимость параметра «Позитивные чувства к родительству» (Y) от параметра «Позитивные чувства к супругу (е) как родителю» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X – 1 (Y = -3943); X – 2 (Y = -1510); X – 3 (Y = -268); X – 4 (Y = 8712).

Коэффициент силы связи = 0,63 (0,44).

Коэффициент корреляции = 0,28.

Данная зависимость близка к монотонному неравномерному возрастанию, т. е. наблюдается положительная динамика (с 1 и по 4 кварталы независимой переменной), характеризующаяся монотонным возрастанием зависимой переменной. Постепенное увеличение значений параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» влечет за собой неравномерное увеличение значений параметра «Позитивные чувства к родительству». Рост позитивных чувств к супругу/ге как родителю обуславливает позитивные чувства к родительству в целом, проявляющиеся в удовольствии от родительства, в удовлетворении своей родительской роли, в чувствовании себя счастливым родителем.

Заключение

Таким образом, на основе полученных результатов можно говорить о влиянии параметра «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» на особенности проявления системы позитивных родительских чувств не столько на основе линейных связей, сколько в значительно большей степени на основе простейших нелинейных зависимостей. Мы с помощью анализа и интерпретации зависимостей компонента «Позитивные чувства к супругу/ге как родителю» дополнили свою концепцию о нелинейной природе позитивных родительских чувств.

Литература

- Басимов М. М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.–Воронеж, 2008.
- Басимов М. М.* Математические методы в психологических исследованиях: Монография. Курган, 2011.
- Басимов М. М.* Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган, 2012а.
- Басимов М. М.* Нелинейная социология: Монография. Курган, 2012б.
- Овчарова Р. В.* Психология родительства. М.: Академия, 2004.
- Падурин Е. А.* Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: Дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Падурин Е. А.* Позитивные родительские чувства: линейная и нелинейная психология: монография. Курган, 2014.
- Basimov M., Padurina E.* Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). Supplement 1, 2012. V. 47. P. 403.

Basimov M., Padurina E. Non-linear influence of understanding of the reasons conditions on parental feelings // The 28th International Congress of Applied Psychology, 08–13 July 2014. France, Paris, IAAP, 2014.

The nonlinear nature of positive feelings to the spouse as a parent

*M. M. Basimov** (Moscow), *E. A. Padurina*** (Kurgan)

* Doctor of psychological Sciences, Professor,
Russian state social University

** Candidate of psychological Sciences, associate Professor,
Kurgan state University

The article presents part of the results of the empirical study of positive parenthood, using the author's method of analysis of statistical dependences (Basimov, 2008). System of positive parenthood, includes four components: "positive parent feelings to the child", "positive feelings about yourself as a parent", "positive feelings toward spouse(s) as parent", "positive feelings toward parenthood". The article contains a detailed description of non-linear dependencies of the component "positive feelings toward spouse(s) as the parent" with five parameters. The results of the study serve to complete the concept of the nonlinear nature of positive parent feelings.

Keywords: nonlinear dependence, multiple comparison, quarts, positive parental feelings, presents, family.

Социальные представления молодежи об измене в романтических отношениях

Е. О. Голынчик, Н. Н. Гудкова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
кафедра социальной психологии, факультет психологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: elena_golynchik@mail.ru*

*** студентка 6-го курса факультета психологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: gudkovann@bk.ru*

Настоящая статья представляет собой опыт осмысления феномена измены с методологической позиции социального конструкционизма и теории социальных представлений. Представлены результаты опроса 132 человек в возрасте от 18 до 30 лет, а также результаты дискурс-анализа транскриптов двух фокус-групп. Было обнаружено, что есть структурные и эмоциональные особенности представлений об измене и верности, а также различное отношение общества к мужской и женской измене. Были найдены интерпретативные репертуары, которые поддерживают данное «властное» распределение.

Ключевые слова: социальные представления, дискурс, измена, верность, интерпретативный репертуар.

Постановка проблемы

XXI век – период кризисов, развития информационных технологий и огромных возможностей, которые они открывают перед человеком. Вместе с тем противоречивые потоки информации, размывание границ традиционных норм и правил, регулирующих повседневное взаимодействие, которые были жестко представлены в Советской России, а также возможность включаться в более раз-

ноплановые формы отношений друг с другом, проявлять себя в разных видах деятельности зачастую приводят в возникновению противоречий и внутренних конфликтов. Именно в такое время очень остро ощущается «связь проблем неопределенности общественной организации и социальной идентичности личности» (Андреева, 2009), а для человека встает «основной вопрос – сохранит ли он себя как целостную личность в новых условиях» (Марцинковская, 2014), ведь личность и общество тесно связаны.

Однако все эти вопросы мало волнуют обычного молодого человека, который занят повседневными делами: учится, работает, влюбляется, создает семью. Юноши и девушки, находящиеся в романтических отношениях, и молодые семьи проходят через ряд кризисов, например, кризис, связанный с распределением ролей в паре, которые влекут за собой, как положительные, так и отрицательные последствия (Олифинович, 2006; Губина, 2011). Одним из тяжелых моментов, с которыми может столкнуться пара, находящаяся в романтических отношениях, или молодая семья, является супружеская измена. Измена нередко становится причиной обращения к психотерапевту, как со стороны того, кому изменили, так и со стороны изменяющего. Проблематике измены уделяется внимание в психоаналитических работах, а также в статьях, посвященных научной рефлексии практики семейного консультирования. В фокусе интереса, как ученых, так и консультирующих психологов, чаще оказываются те, кому изменяют (например, Волкова 1989). Однако, несмотря на значительное внимание, уделяемое причинам и последствиям измены, эта проблема остается относительно мало разработанной в научной литературе, особенно в области социальной психологии, для которой отдельный интерес представляет анализ норм и принципов, регулирующих человеческое взаимодействие в романтических взаимоотношениях, а также существующих на уровне общественного дискурса доминирующих предписаний, запрещающих измену или делающих ее легитимной, и гендерных представлений, отражающих отношение общества к мужской и женской измене.

Организация и методики исследования

Целью нашего исследования выступало изучение социальных представлений молодежи об измене в романтических отношениях. Для получения более полной картины было решено сравнить представления об измене и верности, а также о мужской и женской измене.

Нам было интересно проанализировать, какой смысл вкладывают в понятие «измена» современные молодые люди, живущие

в период трансформаций традиционных ценностей и гендерных представлений, выявить идеи и суждения, на которые опираются изменяющиеся, чтобы оправдать свои действия, а также глубже понять отношение к измене и причины эмоциональных переживаний молодых людей, столкнувшихся с изменой.

В качестве *методологической основы* исследования была выбрана теория социальных представлений С. Московичи (Московичи, 2007). Подход к анализу структуры социального представления, предложенный Ж.-К. Абриком, с нашей точки зрения, дает простор для исследования представлений об измене. Дискурсивный подход, также использовавшийся в нашем исследовании, позволяет взглянуть на тему измен с разных сторон, раскрыть личностные и социально-психологические аспекты представлений (Potter, 1987).

Методика исследования

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе использовалась методика свободных ассоциаций, и результаты обрабатывались по прототипической методике П. Вержеса (Бовина, 2007), позволяющей определить элементы зон ядра и периферии представлений. Выборку составили 132 человека в возрасте от 18 до 30 лет (студенты и люди с высшим образованием, проживающие в Москве и Московской области, не имеющие детей; 32 мужчины и 100 женщин).

На втором этапе были проведены две фокус-группы на выборке в 10 (5 девушек и 5 юношей в возрасте от 20 до 25 лет) и 4 человека (2 девушки и 2 юноши в возрасте от 20 до 30 лет) с последующим дискурс-анализом текста их стенограмм.

Результаты исследования

Обработка свободных ассоциаций дала следующие результаты (в скобках представлена частота упоминания ассоциации в процентах и ее ранг по последовательности упоминания): предательство (54; 1,7), боль (28; 2,5), ложь (26; 2,8), секс (23; 2,46), обман (23; 2,53), обида (15; 3,26) – элементы, попавшие в ядро социального представления об измене; любовь (51; 2,42), доверие (24; 2,3), честность (23; 2,5), преданность (19; 2,4), уважение (19; 2,6), семья (15; 2,8) – ключевые составляющие ядра представлений о верности. В мужской группе в зоне периферии представления об измене возникают такие ассоциации, как грех (7; 2) и постель (7; 2,5), а в женской группе – страсть (7; 2,5) и любовь (9; 2,38). В женской группе в зоне периферии представления о верности есть «дружба».

По результатам фокус-группового исследования, представления об измене наполнены конкретными примерами, образами, телесными проявлениями и эмоциональными реакциями. Представления о верности содержат ценностные ориентиры и почти не содержат эмоциональных реакций. Данная категория нагружена такими понятиями, как «труд», «обязанности». Это позволяет говорить о том, что представления об измене содержат так называемые «горячие» когнитии, более тесно связанные с жизненным опытом респондентов, яркими и зачастую травмирующими эмоциональными переживаниями, необходимостью совладать с последствиями таких переживаний; а о верности – «холодные», скорее абстрактные когнитии, связанные с представлениями об идеальных отношениях, общечеловеческими моральными нормами и принципами.

Также по результатам дискурс-анализа стенограмм фокус-групп мы выделили основные темы, которые поднимают респонденты, говоря о своем понимании измены. Они частично пересекаются с научными представлениями об измене. Однако есть и важное отличие. Так, Н. Олифрович определяет измену как «половую связь с лицами из других пар или с одинокими мужчинами и женщинами» (Олифрович, 2006, с. 93). В дискурсе наших респондентов под понятие «измена» попадает целый спектр разнообразных поведенческих проявлений: например, *«подумал о другом, подержался за ручку, поцеловался, обнял, переспал»*, *«во взгляде и в каком-то разговоре и потом уже в сексе»*. Среди респондентов есть и те, для кого *«секс не является изменой»*. Нам кажется важным обратить внимание на данный результат, поскольку он показывает разрыв между научно-практическим пониманием феномена измены и житейским. Можно предположить, что фактические поведенческие проявления не являются ключевыми для категоризации измены; здесь на передний план выступают психологические переживания предательства и боли (категории, вошедшие в зону ядра представления), сопровождающие эти проявления.

С нашей точки зрения, результаты как методики свободных ассоциаций, так и фокус-групп говорят о преимущественно негативном отношении молодежи к измене в романтических отношениях и свидетельствуют о существовании доминирующего предписания «изменять – плохо», так как именно об этом говорили все участники фокус-групп. Однако это предписание не является абсолютно категоричным, в текстах обсуждений можно встретить и противоречащие ему суждения (которые попадают реже), допускающие измену при определенных жизненных обстоятельствах. Вероятно, респонденты выстраивают альтернативный дискурс, о том, что «из-

мена возможна», а иногда и полезна, встраивая его в противоречивую и изменчивую реальность современных гендерных представлений. Мы выделили интерпретативные репертуары, на которые они при этом опираются: «измена как показатель» (если измена происходит – это показатель того, что в отношениях нет любви и взаимопонимания, т. е. измена выступает как индикатор проблем, несостоятельности отношений), «измена бывает разная» (например, измена допустима, если совершена только на уровне тела, физиологии, без глубоких чувств) и другие («чувства – основной компонент близкого контакта», «контекст как основание для оценки», «верность как труд»), которые из-за ограниченного объема статьи нет возможности проанализировать. Функция данных репертуаров заключается в том, чтобы, с одной стороны, сохранить неизменным ядро представления об измене, с другой, – дать возможность «чувствовать себя в праве» изменять партнеру в контексте отдельных жизненных ситуаций, сохраняя при этом позитивную идентичность, несмотря на общественное осуждение. Подобный эффект достигается через перечисление определенного набора условий, в которых измена, конечно, не будет восприниматься как норма, но и осуждаться сильно не будет. Выделенная нами тема «градация измен» предполагает описание в дискурсе большого количества вариантов измен (даже шкалы измен), на фоне которых совершенная субъектом измена должна выглядеть самой безобидной (например, «душевная сильнее, чем физика»).

Таким образом, результаты фокус групп показывают наличие противоречия между доминирующим предписанием о том, что изменять плохо, и существующими альтернативными суждениями, а также жизненным опытом многих респондентов (более 50% из них указали, что совершали измену в своей жизни), которые «уживаются» в одном представлении.

Отдельно остановимся на представлениях о женской и мужской изменах. Они во многом похожи по структуре на социальные представления об измене в целом, ядра почти идентичны. Вместе с тем, есть отличия в зоне периферии. Так, в периферии представления о женской измене появляется «ветреность» (7; 2,1). В периферии мужской – «секс» (12; 2,8), «алкоголь» (9; 3), «слабость» (11; 3), «любовница» (9; 3), а также «похоть» (7; 2) в представлении о женской измене. Важно заметить, что «секс» фигурирует только в представлениях о мужской измене. У женщин в периферии представлений о женской измене появляется «глупость» (12; 2,72) и «страсть» (11; 2,2), а у мужчин – «разочарование» (11; 3,67) и «грязь» (10; 2,67). У женщин в периферии представлений о мужской измене фигу-

рирует «алкоголь» и «любовница», а у мужчин – «страсть», «секс» и «слабость».

Есть различия в суждениях относительно мужской и женской измен и по материалам фокус-групп. Мужчины опираются на представление о недопустимости преимущественно женской измены и более терпимом отношении к мужской, т. е. о том, что «женская измена другая»: «к женской измене относятся хуже, чем к мужской, это факт», «к мужской измене относятся легче, чем к женской». Данное суждение поддерживает и большинство девушек, говоря об ответственности женщин за их сексуальное поведение («женщина почти всегда может остановиться... а парень... там бессознательный процесс») и объясняя мужское поведение через их принадлежность к гендеру («подруг я пожурю, а с парнями все понятно – ну, они же все одинаковые»).

При сравнении представлений о мужской и женской измене можно также заметить, что для описания первой используются «сильные» ярлыки («пожиратели», «нормальный самец»), затрагиваются современные ценности («успешность»). Мужчины представлены в активной позиции, а женщины – скорее, в пассивной. Данные результаты соответствуют традиционным гендерным представлениям о мужской и женской ролях. Распространенные стереотипы представляют мужчин активными, агрессивными и эффективно действующими, а женщин – пассивными, зависимыми и эмоциональными (Берн, 2001). И во многих современных российских СМИ формируется нормативный образ мужской сексуальности – «мачо». В его основе лежат представления об обязательной гетеросексуальности мужчины, имеющего множество сексуальных партнерш. Декларируемая норма сексуального поведения женщин отлична от мужской: ей предписывается пассивность и моногамия в гетеросексуальных отношениях, в отличие от гиперсексуальности «настоящего» мужчины (Чернова, 2002). Альтернативные суждения о женской измене выдвигаются группой меньшинства, представленной преимущественно девушками.

Заключение

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

- 1) Ядро социальных представлений об измене в романтических отношениях составляют категории предательства, боли, лжи, обмана, секса и обиды. На первых местах по частоте встречаемости и рангу упоминания находятся понятия, имеющие негативную коннотацию и относящиеся к психологической и эмо-

циональной стороне измены (а не поведенческой, телесной, физиологической, за исключением категории «секс»). Трактовки поведенческой стороны измены разнообразны. Акцент ставится не на факте совершения определенных действий, а на переживании предательства партнером.

- 2) Представления об измене, в отличие от представлений о верности, наполнены так называемыми «горячими» когнициями, более тесно связанными с жизненным опытом респондентов и сильными эмоциональными переживаниями, а о верности – «холодными», скорее абстрактными, связанными с представлениями об идеальных отношениях, общечеловеческими моральными нормами и принципами.
- 3) Представления о женской и мужской изменах имеют сходные элементы ядра, отражающие психологические переживания и осуждение нарушения норм морали в общении с близкими людьми, включают нормирующие суждения о негативной оценке и недопустимости измены в романтических отношениях; вместе с тем анализ зоны периферии представлений, по П. Вержесу, и дискурс-анализ группового интервью показывает, что представления содержат и противоречащие доминирующему предписанию суждения о допустимости измен при определенных обстоятельствах. Элементы периферии представления связывают статичное и консервативное ядро с конкретными жизненными ситуациями и практиками реальных человеческих взаимодействий в изменяющемся мире. Были выделены интерпретативные репертуары, позволяющие выстроить альтернативный дискурс, легитимизирующий измены в романтических отношениях, но при этом защитить ядро от изменений.
- 4) Различия в представлениях о мужских и женских изменах соответствуют традиционным гендерным представлениям о мужской и женской ролях, что приводит к оценке мужской измены как более допустимой и менее преднамеренной. Носителем альтернативного дискурса, больше связанного с эгалитарными гендерными представлениями, является меньшинство, которое составляют преимущественно девушки.

Литература

Андреева Г. М. Социальная психология: векторы новой парадигмы // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2009. Т. 1. № 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.04.2017).

- Берн Ш. Гендерная психология СПб., 2001.
- Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. М., 2007.
- Волкова А. Н. Опыт исследования супружеской неверности // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 98–106.
- Губина С. Т. Психологическое консультирование семьи в ситуации ненормативного кризиса. Глазов, 2011.
- Марцинковская Т. Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 37. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.04.2017).
- Московичи С. Социальная психология. СПб., 2007.
- Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. А. Психология семейных кризисов. М., 2006.
- Чернова Ж. А. Нормативная мужская сексуальность: (ре)презентации в медиадискурсе // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2002. С. 527–549.
- Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. London: Sage, 1987.

Social representations of youth about betrayal in romantic relations

E. O. Golyinchik, N. N. Gudkova** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Student of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow state University

This article is an experience of understanding the phenomenon of betrayal from the methodological standpoint of social constructionism and the theory of social representations. The results of a survey of 132 people aged 18 to 30 years, as well as the results of a discourse – analysis of transcripts of two focus groups are presented. It was found that there are structural and emotional features of the notions of betrayal and loyalty, as well as the different attitude of society towards male and female betrayal. The author has found interpretative repertoires that support this “imperious” distribution.

Keywords: discourse, betrayal, loyalty, position, interpretative repertoire.

Ценностные компоненты профессионального самосознания (на примере студентов-психологов)

В. В. Колосова (Нижний Новгород)

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии управления
Нижегородского университете им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: kovv27@mail.ru*

В статье раскрывается содержание понятия профессиональное самосознание и условия формирования системы ценностных ориентаций (ЦО) личности. Представлены эмпирические результаты исследования структуры и иерархии ЦО психологов первого курса. Полученные результаты отражают предпочитаемые, индифферентные и отвергаемые терминальные и инструментальные ценности студентов в образах Я-реальное и Я-идеальное. Обнаружена значимая взаимосвязь между рядом терминальных и инструментальных ЦО в образах реального и идеального Я. Установленная иерархия ЦО студентов определяет возможность построения прогноза профессиональной перспективности обучающихся.

Ключевые слова: ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, профессиональное самосознание, Я-реальное, Я-идеальное.

Постановка проблемы

Ключевая проблема социально-психологической науки – проблема взаимосвязи личности и общества – традиционно рассматривается как двусторонний процесс усвоения индивидом социального опыта и, одновременно, как воспроизводства им освоенных социальных норм и ценностей в различных видах деятельности. Современные проблемы российского общества, обсуждение которых мы находим на страницах научных изданий, характеризуют условия, в которых

личность формируется, стремится к пониманию происходящего и делает выбор возможных или наиболее целесообразных для настоящего времени моделей поведения. Изменения системы ценностей всех сфер современного общества, отмечаемые в исследованиях Г. М. Андреевой, М. И. Воловиковой, Т. П. Емельяновой, А. Л. Журавлёва, Н. А. Журавлёвой, Е. Н. Резникова, А. В. Юревича, определяют актуальность изучения ценностей личности в современной социальной ситуации, в новом социально-психологическом пространстве. Как пишет К. А. Абульханова, ценностный подход в психологии обладает одной особенностью: он позволяет увидеть личность таковой, какова она есть сейчас, и такой, какой она могла бы быть и будет (Абульханова, 1999).

Практическая направленность исследования ценностей личности особенно важна для периода юности, когда юноши и девушки во всех сферах жизни стоят перед выбором, что неизбежно рождает раздумья, сомнения и колебания (Кон, 1999). Кроме того, это период формирования профессионального самосознания, содержание которого отражает виды трудовой активности субъекта деятельности, динамику социальных взаимосвязей и систему ценностей на всех этапах социализации личности.

Проблема нашего исследования обусловлена, с одной стороны, новыми социальными феноменами российского общества, включая многочисленные перемены, наблюдаемые в поведении и личностных характеристиках граждан России. С другой стороны, проблема исследования определена сложностью и противоречивостью процесса становления человека как гражданина и профессионала, проходящего в течение своей жизни через множество реально или виртуально существующих социальных систем со своей структурой, узлами, элементами и нормами отношений (Забродин, 2010).

Быстро меняющаяся социально-экономической ситуация предъявляет особые требования к представителям социономических профессий: речь идет не только об освоении обучающимися конкретных знаний, умений и навыков, формируемых в учебном процессе образовательного учреждения, но и о конкретизации системы ценностных ориентаций (ЦО) личности, которая может обеспечить социальную и профессиональную адаптацию выпускника. Осмысленная структура ЦО и социальная, и индивидуальная одновременно выполняет функцию регулятора активности личности, конструирования ее нравственной позиции для принятия социально значимых жизненных решений.

Цель и методика исследования

Целью нашего исследования было изучение структуры и иерархии ЦО студентов-психологов, исходя из представления студентов о двух формах Я-концепции – реальной и идеальной. Образ Я-реального содержит установки, связанные с актуальными способностями, ролями и статусами; образ Я-идеального содержит установки, связанные с представлениями индивида о том, каким он хотел бы стать.

В качестве рассматриваемой в данной статье *выборки* выступали студенты-первокурсники.

При определении иерархии ценностей студентов была использована получившая признание *методика* М. Рокича в модификации Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 1992). Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета апробированных прикладных компьютерных программ.

Автор концепции ЦО личности М. Рокич характеризовал человеческие ценности следующими основными признаками: истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе, его институтах и личности; влияние ценностей проявляется практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения; общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени; ценности организованы в системы (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Согласно инструкции № 1 испытуемые ранжировали списки ценностей по порядку значимости в настоящем (Я-реальное); в соответствии с инструкцией № 2 испытуемые ранжировали списки ценностей по порядку значимости в будущем (Я-идеальное).

Результаты исследования

Полученные данные были разделены на три группы: предпочитаемые ценности (ранги с 1 по 6), индифферентные ценности (ранги с 7 по 12) и отвергаемые ценности (ранги с 13 по 18).

В иерархии терминальных ценностей реального «Я» приоритетными выборами стали ценности любви, счастливой семейной жизни, здоровья, наличия хороших и верных друзей, развития и уверенности в себе. Среди незначимых ценностей – материально обеспеченная жизнь, счастье других и замыкает список творчество. Приоритетными инструментальными ценностями были выбраны: жизнерадостность, ответственность, воспитанность, честность, независимость и образованность; к группе отвергаемых были отнесены: рационализм, эффективность в делах, аккуратность.

При анализе содержания ценностей в образе Я-идеальное в группе приоритетных ценностей следует отметить появление ценности активной деятельной жизни, которая отражает заинтересованное, неравнодушное отношение к жизни. Как писал Э. Фромм, быть активным – значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми – хотя и в разной степени – наделен каждый человек (Фромм, 1990). Однако по-прежнему ценность интересной работы находится в группе индифферентных ценностей-целей, а среди незначимых ценностей – творчество.

Переосмысление ЦО в образе Я-идеальное можно наблюдать в иерархии инструментальных ценностей, где на вершине иерархии оказывается самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) и подтверждается значимость ценности ответственности. Немаловажно для психологов пополнение этой группы доминирующих ценностей и такими ценностями, как терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения) и чуткость (заботливость).

Но наиболее существенное изменение связано с ценностью воспитанности, которая переместилась «сверху вниз»: с 3 ранговой позиции на 14 ранговую позицию. Отметим, что аналогичные изменения ранговых позиций этой ценности были обнаружены нами и в предыдущих исследованиях (Колосова, 2013). В будущем эта ценность не воспринимается обучающимися как значимая. Видимо, тактичность, умение вести себя, соблюдая правила поведения в обществе, проявляя такт в отношениях с другими людьми, выглядит архаично и даже разумные запреты и ограничения вызывают сопротивление будущей интеллигенции.

Полезным для дальнейших исследований и проектирования образовательного процесса является обнаружение значимых взаимосвязей ценности продуктивной жизни и воспитанности ($-0,58$, $p < 0,001$), а также ценностей творчества и воспитанности ($-0,54$, $p < 0,01$).

Как видим, воспитанность не рассматривается респондентами в качестве личного ресурса успешной жизни и добродетельной личности. Рассматривая воспитание как специально организуемую деятельность по развитию общечеловеческих ценностей и нравственных норм личности, полученный нами результат следует рассматривать как важную социальную, психологическую и педагогическую проблему формирования качеств благовоспитанной, благонравной, вежливой, предупредительной и учливой личности. Список отвергаемых инструментальных ценностей завершает

ся категориями «непримиримость к недостаткам в себе и других» и «высокие запросы», что косвенно подтверждает отмеченный выше результат.

Для целей нашего исследования важно было выявить характер и степень связи между представлениями студентов в образе Я-реальное и Я-идеальное. В процессе корреляционного анализа была выявлена сильная положительная связь высокой степени значимости (коэффициент корреляции Спирмена) между терминальными ценностями в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное» ($r=0,927$, $p<0,001$) и умеренная достоверная положительная связь между инструментальными ценностями в образах Я-реальное и Я-идеальное ($r=0,634$, $p<0,05$). Ряд авторов отмечает, что в большинстве случаев образы Я-реального и Я-идеального обязательно различаются. Так, по мнению А. А. Реана, безосновательно ожидать полного совпадения образов Я-реального и Я-идеального. Р. Бернс подчеркивает, что между содержанием реального «Я» и содержанием идеального «Я» могут наблюдаться существенные расхождения. Мы рассматриваем совпадение, связанность образов-представлений как недостаточную сформированность и дифференцированность представлений испытуемых, что может свидетельствовать об отсутствии у последних содержательного, осознанного размышления (в прошлом и в настоящем) о своем ближайшем и далеком будущем, в том числе, о правилах и нормах жизнедеятельности, социальном и профессиональном взрослении. Примечательно, что, по мнению Фромма, будущее может переживаться так, словно оно имеет место здесь и сейчас. Это происходит в тех случаях, когда какое-то будущее событие мы предвидим с такой точностью, что оно относится к будущему только «объективно», т. е. как внешний факт, но не субъективно, не в нашем внутреннем опыте (Фромм, 1990).

Обратим внимание на ряд ценностей, характеризующих сферу профессиональной самореализации – интересная работа, познание, творчество. И в образе Я-реальное, и в идеальном образе эти ценности находятся в середине и второй половине иерархии, т. е. в списке индифферентных и отвергаемых ценностей. Существует группа ценностей, которые оказались в целом не актуальными для данной выборки: общественное признание, счастье других, красота природы и искусства.

Сравнение полученных нами данных совпадает с аналогичными результатами других авторов относительно ценности творчества. Так, Е. П. Ермолаева отмечает, что происходит сдвиг ценностей и профессиональной этики от общественного к личному благу и снижение порога моральных запретов в сферах профессиональ-

ного труда, подвергшихся коммерциализации. Из всех мотивов выбора и пребывания в профессии реально действенным оказывается материальный мотив выбора, а не моральный, не интерес, не творчество (Ермолаева, 2014).

Проведенное нами сравнение иерархии терминальных ценностей по двум инструкциям показывает, что среднегрупповые показатели значимости терминальных ценностей выше по второй инструкции (в образе Я-идеальное), чем по первой. Сопоставление групп ценностей обнаруживает совпадение и, вероятно, достижение пяти из шести позиций в группе предпочитаемых ценностей, в группе индифферентных ценностей – четырех из шести позиций и в группе отвергаемых ценностей также обнаружено совпадение четырех из шести позиций.

Заключение

Таким образом, в процессе исследования ЦО студентов-психологов первого курса нами получены эмпирические результаты, описывающие иерархии ЦО студентов, в том числе группы (типологии) предпочитаемых, индифферентных и отвергаемых ценностей в образах Я-реальное и Я-идеальное. При этом наибольшие различия по среднегрупповым показателям значимости обнаружены в группе индифферентных ценностей. Стабильной во своей структуре является группа отвергаемых ЦО.

Конструктивная направленность изменений в иерархии ценностей, важная для формирования профессионала и гражданина, обнаружена в приоритетной группе ЦО. С одной стороны, здесь сохраняется интеллектуальная ценность развития (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) и всей совокупности ценностей, имеющих отношение к сфере здоровой, семейной жизни, с другой стороны, «почетное» место заняла ценность активной деятельной жизни (полнота и эмоциональная насыщенность жизни). Следует признать, что в условиях глобальной модернизации всех сторон социальной реальности стремление к получению нового, более совершенного результата деятельности (ценность творчества) не воспринимается первокурсниками как значимый регулятор социального поведения, полезным оказывается стандарт, заданный образцом, шаблон поведения и деятельности.

Установленная иерархия ЦО студентов определяет возможность построения прогноза профессиональной перспективности выпускников. При этом следует подчеркнуть, что в силу особенностей

юношеского возраста в образах-представлениях испытуемых присутствует неопределенность выборов в сфере профессиональной самореализации, что требует дополнительной проверки и новых направлений исследований.

Литература

- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности. Избранные психологические труды. М.–Воронеж, 1999.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности. М., 2001.
- Ермолаева Е. П.* Современные тенденции маргинализации личности профессионала в общественном сознании // *Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2014. С. 761–775.
- Забродин Ю. М.* Психология акмеогенеза анализ движения личности в социальном пространстве // *Вестник практической психологии образования*. 2010. № 2. С. 35–42.
- Колосова В. В.* Парадигма профессионально-личностного развития и задачи модернизации образовательных программ // *Наукосведение*. 2013. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/84pvn413.pdf> (дата обращения: 16.04.2017).
- Колосова В. В.* Научный потенциал социально-психологического знания: проблемы становления и перспективы развития // *Приволжский научный вестник*. 2014. № 11 (39). С. 147–152.
- Кон И. С.* Социологическая психология. М.–Воронеж, 1999.
- Леонтьев Д. А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.
- Фромм Э.* Иметь или быть? / Пер. с англ., ред. В. И. Добренъков. М., 1990.

Value components of professional consciousness (on the example of students-psychologists)

V. V. Kolosova (Nizhni Novgorod)

Candidate of psychological Sciences, associate Professor
at the Department of psychology of management,
Lobachevsky Nizhny Novgorod University

The article deals with the meaning of “professional identity” and conditions of formation of the system of value orientations (TSO) personality. Empirical results of a study of the structure and hierarchy of the TSO

professional self-awareness psychologists are first rate. The results reflect preferred, indifferent and unwelcome Terminal and instrumental values students in the images I'm real and I'm perfect. Detected a significant relationship between the number of Terminal and instrumental TSO in images of real and ideal I installed hierarchy TSO determines whether students build prediction professional prospects of trainees.

Keywords: value orientations, terminal values, instrumental values, professional identity, I am real, I am the perfect.

Психологические особенности Я-концепции бездомного человека

Т. Н. Кочеткова (Хабаровск)

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии Тихоокеанского государственного
университета; e-mail: psydv@ya.ru*

Трудно оценить реальные масштабы проблемы бездомности при незначительном количестве специальных исследований и отсутствии государственной системы регистрации бездомных людей. Социально исключенные аутсайдеры регулярно и безнаказанно подвергаются стигматизации и дискриминации, фактически выступая в навязанной им роли безопасной жертвы. Теоретический анализ литературы привел к выводу о дисгармоничности Я-концепции бездомного человека, сформировавшейся в результате ежедневных стрессовых ситуаций и отрицательного отношения окружающих. В пилотном исследовании приняло участие 15 человек. Средний возраст респондентов – 49,7 лет, подавляющая часть выборки имеет законченное среднее образование (80%). За время длительного проживания на улице (средний стаж бездомности – 6,5 лет), респонденты приобрели не только хронические заболевания, но и искаженную Я-концепцию, проявляющуюся в неадекватной самооценке и негативном самоотношении, отсутствии рефлексии прошлого опыта, отрицательной идентификации с категорией «лишний человек».

Ключевые слова: бездомность, бездомные люди, стигма, «лишний человек», идентификация, рефлексия, Я-концепция.

Введение

Несмотря на то, что образ жизни бездомных нередко становится предметом исследования, преимущественно, в социологической литературе, особенности их Я-концепции остаются мало изученными.

Я-концепция личности – доступный для осознания набор восприятий, переживаний и образов, влияющих на мировосприятие и поведение человека. В ее структуре В. В. Столин выделил три уровня: схему тела, социальную идентичность, дифференцирующий Я-образ. Схема тела обусловлена потребностью в физическом благополучии организма. Социальная идентичность обеспечивает принадлежность человека к общности, частью которой он стремится быть. Дифференцирующий образ «Я» характеризует знание о себе в сравнении с другими людьми, что дает человеку чувство собственной уникальности, обеспечивающей потребности в самоопределении и самореализации (Столин, 1983).

Становление Я-концепции обусловлено факторами внутреннего и внешнего порядка, но наиболее сильное влияние на ее формирование оказывает социальная среда (подробнее см.: Соснин и др., 2014; и др.). При самоидентификации с социальной ролью «бомж» бездомный человек резко теряет веру в себя, сопряженную с осмысленностью жизни, внутренне принимая навязанную другими стигму (Клюева, 2013). С получением от других негативной обратной связи представление человека о себе существенно деформируется, и он утрачивает способность бессознательно представлять собственное тело. Некоторые даже «умирают для самих себя», так как для окружающих они уже «мертвы» (Эммануэли, 2008, с. 60). Результатом нечувствительности к телесному «Я» становится *дезадаптация и самоотчужденность*, вследствие утраты чувства индивидуальности, понимания и управления собственными психологическими границами (Буренкова, Орлова, 2008; Психология адаптации..., 2007; и др.).

Современные представления о проблеме бездомности

В нашем законодательстве до сих пор отсутствует понятие «бездомность». В СМИ и научной литературе бездомных людей называют «бомжами», «социальными аутсайдерами», «маргиналами», «лишними людьми», «социально избыточным материалом» и т. п. По мнению В. В. Волкова, бездомными людьми являются, как граждане, фактически проживающие на улице, так и те люди, которые не имеют личной жилплощади и составляют значительный костяк потенциальной и латентной бездомности (Волков, 2010).

Отношение общества к бездомным людям носит враждебный или безразличный характер, и чем реже опрошенные встречались с ними, тем терпимее выбирали меры для работы с социальными аутсайдерами (Стивенсон, 1996). И. З. Карлинский, эксперт по проблеме бездомности, дает следующее описание социального «видения» без-

домного: грязный, пьяный, опустившийся человек, роющийся в мусорных баках и урнах, гадающий в подъездах и дворах, занимающийся воровством и попрошайничеством (Карлинский, 2009, с. 9–10). Данные характеристики автоматически запускают механизмы, работающие на социальную исключенность «лишнего человека». Чаще всего насилию со стороны подростков, молодежи и полиции подвергаются люди, ночующие в нежилых помещениях, зарабатывающие средства милостыней или сбором вторсырья. Поводами к насилию выступают: презрение к бездомным, их «виновность» в выборе социального образа жизни, беззащитность и бесправность.

В России средний стаж бездомности составляет 7 лет. Массовому распространению бездомности способствуют: институт прописки, безработица, постоянно растущая инфляция, периодическая утрата сбережений, дефолты как следствие проводимых реформ (Алексеева, 2003; Платонова, 2009). В 2009 г. без жилья оставались 4–4,5 миллиона человек, в возрасте от 23 до 65 лет, при этом 70% бездомных – мужчины, 30% – женщины (Карлинский, 2009).

Проживание на улице пагубно воздействует на здоровье человека, приводя к необратимым последствиям в психике. Практически все бездомные люди чувствуют социальную неполноценность (Стивенсон, 1996). Постоянное неудовлетворение витальных потребностей в безопасности, нормальном отдыхе и еде обуславливает *развитие дистресса и различных аддикций*. Для большинства из них (90%) нахождение в состоянии алкогольного опьянения предпочтительнее бездомности в трезвом виде (Алексеева, 2003; Стивенсон, 1996; Эммануэли, 2008). Длительное пребывание в сложной жизненной ситуации заставляет человека искать выгоду в собственных проблемах (например, основанием для получения пособия и места в социальном приюте становится ампутация конечностей).

Социальная дискриминация вызывает у бездомных людей экзотермальность, негативизм, деперсонализацию, что нередко становится причиной агрессии, которую они направляют против себя или своих обидчиков. Девиантные проявления поведения бездомных людей часто продиктованы стремлением привлечь к себе хотя бы негативное внимание окружающих.

Организация и методики эмпирического исследования Я-концепции бездомного человека

Объектом нашего исследования стали бездомные люди, а *предметом* изучения – психологические особенности Я-концепции бездомного человека.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что бездомный человек имеет искаженную Я-концепцию, сложившуюся в результате систематического неудовлетворения витальных потребностей и дистресса.

Базой проведения выступил «Хабаровский центр социальной адаптации граждан, попавших в экстремальную ситуацию»¹. В исследовании приняли участие 15 мужчин в возрасте от 32 до 65 лет, средний возраст респондентов – 49,7 лет, средний стаж бездомности – 6,5 лет. Уровень образования респондентов: 80% имеет полное среднее образование; 13,3% – среднее профессиональное образование, 6,7% – высшее.

В работе был использован следующий *психодиагностический инструментарий*: «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд); «Самооценка уровня онтогенетической рефлексии» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов); тест-опросник самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантилеев).

Результаты исследования

Согласно данным эмпирического исследования, бездомные люди обладают неадекватной самооценкой, средним уровнем рефлексии, живут только сегодняшним днем, идентифицируют себя с «придонным слоем», именуют себя «бомжами» или «лишними для общества», наибольшее предпочтение отдают личностным характеристикам: «любитель природы», «человек без будущего», «равнодушный», «дурак», «призрак» и пр. В их ответах полностью отсутствовали упоминания о семье.

Полное отсутствие рефлексии прошлого опыта осложняет жизнь людей, поскольку их решениями в настоящем недовольны ни они, ни окружающие. Большая часть выборки (87%) сделала негативное самописание, говорящее о самообвинительной позиции. Всем участникам исследования свойственно низкое самоуважение, ожидание негативного отношения окружающих, непонимание своих мыслей и чувств, повышенный уровень самообвинения, принятие себя при компенсаторном росте аутосимпатии.

Проживание на улице не прошло для людей бесследно: каждый из них имеет ряд хронических заболеваний (алкоголизм, хронический гастрит, цирроз печени и др.), низко оценивает личные качества, не верит в возможность самостоятельно изменить свою жизнь, что становится основной причиной для формирования *дисгармоничной Я-концепции* и отстраненной социальной позиции.

1 Сбор данных под нашим руководством осуществляла Н. Демченко в рамках работы над дипломным проектом.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, проблема бездомности по-прежнему остается непопулярной и нерешаемой, но ее игнорирование не меняет сути этой проблемы для людей, попавших в сложную жизненную ситуацию, с которой они не в силах справиться самостоятельно.

Во-вторых, потеря жилья не только лишает человека социальных связей, материальных ресурсов, психосоматического здоровья, но и «дополняется» самоотчуждением, лежащим в основе деструктивных личностных изменений.

В-третьих, Я-концепция бездомного человека носит дисгармоничный характер, так как строится на неадекватной самооценке и негативном самоотношении, осознании собственной незначимости и чуждости для других, закрытости прошлого травматично-го для человека опыта, разрыве связей с ближайшим окружением.

Литература

- Алексеева Л. С.* Бездомные в России // Социологические исследования. 2003. №9. С. 56–62.
- Буренкова Е. В., Орлова Д. В.* Образ тела как метафорическая репрезентация эмоционального состояния девушек 19–20 лет // Психология телесности: теоретические и практические исследования: Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Пенза, 2008. С. 63–74.
- Волков В. В.* Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. №4 (1). С. 366–370.
- Карлинский И. З.* Бездомные в зеркале российских СМИ // Бездомность в современной России: Материалы Всероссийской студенческой конференции. СПб., 2009. С. 98–106.
- Клюева Н. Ю.* Динамика инволюции качеств бездомного человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Ляшенко В. В.* Общая модель избегающего поведения при психогенных расстройствах // Психология и психотехника. 2016. №2 (89). С. 154–161.
- Платонова Н. М.* Бездомность в современной России: причины и следствия // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. №1. С. 56–60.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М., 2007.

- Соснин В. А., Журавлёв А. Л., Красников М. А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
- Стивенсон С. А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. №8. С. 26–33.
- Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983.
- Эммануэли К. Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям? / Пер. с франц. О. Е. Иванова. М., 2008.

Psychological features of a homeless person's self-concept

T. N. Kochetkova (Khabarovsk)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate professor of the Department of Psychology, Pacific state University

It is difficult to estimate the real extent of homelessness problem with so small number of widespread researches and the absence of the state system to register the homeless people. Socially excluded outsiders are constantly stigmatized and being discriminated with impunity, in fact acting in the role of a safe victim imposed on them. A theoretical analysis of the scientific literature led to the conclusion about the disharmony of the homeless man self-concept, formed as a result of daily stressful situations and negative attitudes of surrounding people. In the pilot research, 15 people took part. The average age of the respondents is 49,7 years; the overwhelming part of the sample has a complete secondary education (80%). During the long staying on the streets (the average length of homelessness is 6,5 years), the respondents acquired not only chronic diseases, but also a distorted self-concept, which is manifested in inadequate self-esteem and negative self-attitude, absence of past experience reflection, negative identification with the category of “*odd person*”.

Keywords: homelessness, homeless people, “*odd person*”, stigma, identification, reflection, self-concept.

Эмоционально-чувственные характеристики взаимоотношений свекрови и невестки¹

Л. В. Куликов, Д. К. Петрова** (Санкт-Петербург)*

** доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: leon-piter@mail.ru*

*** магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: petrodar2512@mail.ru*

Исследовались качественные и количественные характеристики чувств во взаимоотношениях свекрови и невестки с использованием авторской анкеты по изучению представлений о партнере по свойственным отношениям и методики «Профиль чувств в отношениях» в интернет-опросе. Обнаружено, что гедонические (приятные) чувства, наполняющие отношение свекрови к невестке, более выражены, чем чувства невестки к свекрови. У невесток отношение к свекрови преимущественно наполнено астеническими чувствами (чувствами бессилия). Интеракционные (диспозиционные) чувства находятся в согласии с чувственным тоном настроения: чем благоприятнее настроечные чувства, тем сильнее сближающие и слабее удаляющие интеракционные чувства. Эти чувства непосредственно связаны с характеристиками настроения субъекта и отношений с конкретным человеком. Низкому уровню настроения соответствует повышенный уровень удаляющих чувств и пониженный уровень сближающих чувств, и наоборот: высокому уровню настроения соответствует пониженный уровень удаляющих чувств и повышенный уровень сближающих чувств.

Ключевые слова: семейные отношения, свекровь и невестка, чувства, межличностное взаимодействие.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-50140.

Методики и процедура исследования

Методики исследования

В данной статье представлены результаты, полученные по двум методикам: авторской анкете по изучению представлений о партнере по свойственным отношениям и методике Л. В. Куликова «Профиль чувств в отношениях» (ПЧО) (Куликов, 2003). Назначение этой методики – выявление чувственного тона отношения опрашиваемого субъекта к другому человеку. Методика позволяет составить представление о том, какие чувства осознает опрашиваемый субъект, анализируя свое отношение к другому человеку. В инструкции опрашиваемого просят вспомнить о тех чувствах, которые он испытывает в типичных ситуациях общения с одним из значимых для него людей (с кем именно – оговаривается в соответствии с конкретными задачами психологического исследования). В опроснике пять шкал (кластеров): три шкалы настроечных чувств и две шкалы интеракционных чувств. 26 чувств, составляющих чувственный тон настроения, разделены на три шкалы настроечных чувств: 1) гедонические чувства (чувства удовольствия, приятные чувства); 2) астенические чувства (чувства бессилия, немощи); 3) меланхолические чувства (чувства уныния, гнетущие чувства). В дополнение к этим трем шкалам в методике есть две шкалы интеракционных (диспозиционных) чувств, регулирующих *межличностную дистанцию* – сближающих и удаляющих чувств – которые образуют девять пар противоположных друг другу чувств. В сближающих чувствах выражено принятие другого человека, стремление сблизиться с ним, уменьшить межличностную дистанцию (ее понимание близко по содержанию к «психологической дистанции») (см.: Купрейченко, Журавлёв, 2001; и др.). В этот перечень входят: единство (или общность), дружелюбие, добросердечие, уверенность, собственная значимость, гордость, признательность, уважение, любовь. В удаляющих чувствах выражено неприятие, стремление удалиться. В этот перечень входят: одиночество, отвращение/неприязнь, злость, вина, зависть, стыд, обида, презрение, ненависть. Сила каждого чувства оценивалась по семибалльной шкале. Опрашиваемого просят иметь в виду, что обсуждаются чувства, возникающие при общении с тем человеком, который является предполагаемой причиной чувств, инициирует в той или иной степени их появление.

Процедура исследования

Анонимно и на добровольной основе был проведен интернет-опрос с помощью бесплатного онлайн-сервиса Google Docs (ссылка на опрос-

ник для невесток – <https://goo.gl/forms/T6l1MgYcueFBmQuQ2>, для свекровей – <https://goo.gl/forms/Au51MiLfamrDV5ky2>). Желающим предлагался вариант опросников в формате Word.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 109 женщин, 79 из которых являются невестками и 30 – свекровьями. Средний возраст вступления в брак у невесток нашей выборки – 22,6 года, брачный стаж – 10, 9 года; у свекровей – 23,8 и 27,3 года соответственно. Чуть больше половины невесток (55,7%) имеют одного ребенка; у 22,8% – двое и более детей, у 21,5% нет детей. Две трети свекровей (66,7%) имеют двоих и более детей, у трети – один ребенок (33,3%). Высшее образование имеется у 72,2% невесток и 80% свекровей.

Результаты эмпирического исследования

Были вычислены базовые статистики и проверена достоверность различий. При сравнении шкальных показателей обнаружено, что у свекровей в их отношениях к невесткам гедонические (приятные) чувства значимо ($p < 0,05$) сильнее (средняя величина шкальной оценки – 41,97), чем у невесток (27,36) в их отношениях к свекровям. У невесток значимо ($p < 0,05$) сильнее астенические (31,81) и меланхолические (25,15) чувства, чем у свекровей (23,85 и 12,44, соответственно). Видно, что чувственный тон настроения у партнеров диады «свекровь–невестка» существенно различен. Различия также значимы ($p < 0,05$) и в интеракционных чувствах: сближающие чувства у свекровей более выражены (39,87), чем у невесток (28,69), а удаляющие слабее: у свекровей средняя величина шкальной оценки равна 11,70, а у невесток – 22,00.

Обнаружены различия в интеракционных чувствах. Выявлена следующая иерархия выраженности сближающих интеракционных чувств свекровей в отношении с невесткой: дружелюбие (5,24), уважение (5,17), добросердечие (5,10), уверенность (4,83), признательность (4,81), любовь (4,56), гордость (4,52), единство/общность (4,14), собственная значимость (4,07). Такие удаляющие интеракционные чувства невесток, как обида (4,94), отвращение (4,73), ненависть (4,67), презрение (4,58), злость (4,38), собственное одиночество (4,07) по своей силе значимо ($p < 0,05$) сильнее выражены, чем у свекровей. В интенсивности вины, стыда и зависти значимых различий не обнаружено, есть лишь тенденция превышения стыда и вины у свекровей.

Выявлена иерархия *выраженности настроечных чувств*. Получена следующая иерархия выраженности чувств свекровей в отношениях с невестками (в скобках указаны средние величины силы чувств). *Гедонические* чувства: интерес (4,97), радость (4,93), уверенность (4,89), счастье (4,85), спокойствие (4,60), удовлетворенность (4,50), удовольствие (4,37), бодрость (3,78), раскрепощение/свобода (3,75), восторг (3,68). Все перечисленные чувства гедонического кластера значимо ($p < 0,05$) сильнее у свекровей в сравнении с невестками. Иерархия выраженности гедонических чувств невесток по отношению к их свекровьям выглядит так: уверенность (3,69), радость (3,60), спокойствие (3,59), интерес (3,59), удовольствие (3,56), удовлетворенность (3,47), счастье (3,41), бодрость (3,21), раскрепощение/свобода (3,04), восторг (2,85).

Средние величины баллов отдельных *астенических* чувству свекровей таковы: тревога (3,70), тщетность/напрасность (3,64), бессилие (3,63), неудовлетворенность собой (3,43), напряжение (3,42), усталость (3,26), страх (2,88), скованность (2,79), растерянность (2,53). Средние баллы силы астенических чувств невесток таковы: напряжение (4,88), тщетность/напрасность (4,80), усталость (4,77), бессилие (4,39), тревога (4,32), скованность (4,25), растерянность (4,00), неудовлетворенность собой (3,92), страх (3,66), меланхолических чувств: скука (4,71), разочарование (4,67), досада (4,64), уныние (4,46), грусть (4,00), печаль (3,95), тоска (3,86).

Показатели *меланхолических* чувств свекровей (средние величины баллов) следующие: грусть (3,06), печаль (3,00), разочарование (2,91), досада (2,83), тоска (2,78), уныние (2,33), скука (2,15). Неприятные чувства – астенические и меланхолические – значимо ($p < 0,05$) более ярко выражены у невесток. За исключением неудовлетворенности собой все показатели неприятных чувств (астенических и меланхолических) у невесток значимо ($p < 0,05$) выше, чем у свекровей.

Анкета по изучению представлений о партнере по свойственным отношениям помогла выявить иерархию значимости различных причин их ухудшения. Указывая причины возникающих конфликтов, невестки наиболее часто называли ревность, борьбу за внимание мужа/сына (59,5%). Несколько реже в качестве причин были отмечены домашние дела и бытовые стороны жизни (50,0%), воспитание детей (45,2%). Финансовые вопросы редко выступают причиной конфликтов (28,6%). Наряду с перечисленными причинами конфликтов, невестки называли и другие варианты ответов, но они составили всего 11,9%. Таким образом, можно утверждать, что у невесток перечень причин конфликтов не отличается значи-

тельным разнообразием. Наиболее частым выбором из ряда причин конфликтов у свекровей был ответ «домашние дела, быт». Скорее всего, такой выбор причин связан с устоявшимся укладом ведения хозяйства у свекровей, их желанием давать невесткам советы и наставления, воспринимая невесток как менее опытных. На втором месте по частоте встречаемости оказалось воспитание детей (52,4%), затем – ревность, борьба за внимание мужа/сына (33,3%), финансовые вопросы (28,6%).

Обсуждение результатов

Сравнение средних шкальных оценок по методике «Профиль чувств в отношениях» показало, что невестки и свекрови в ситуациях межличностного взаимодействия друг с другом испытывают широкую гамму чувств. Полученные данные свидетельствуют о том, что гедонические чувства, наполняющие отношение свекрови к невестке, более выражены, чем чувства невестки к свекрови. Средний балл силы чувств гедонического кластера у свекровей находится в диапазоне от 3,68 до 4,97 (сила каждого чувства оценивается по семибалльной шкале), а у невесток – от 2,85 до 3,69 баллов. У невесток отношение к свекрови преимущественно наполнено астеническими чувствами. В ситуации общения со свекровью немалое количество невесток отметили признаки переживания чувств бессилия. Интеракционные чувства находятся в ожидаемом согласии с чувственным тоном настроения: чем благоприятнее настроечные чувства, тем сильнее сближающие и слабее удаляющие интеракционные чувства.

У свекровей чаще встречаются гедонические чувства в отношениях к своим невесткам. В ситуации межличностного взаимодействия они переживают интерес, радость, уверенность, счастье. Редко свекрови испытывают зависть, ненависть, злобу, стыд и презрение к своим невесткам. В отношении невестки свекрови проявляют довольно сильные чувства – уверенности, радости, спокойствия, интереса. Слабо выражены чувства зависти, скуки, ненависти, уныния и презрения.

Интеракционные чувства (сближающие и удаляющие) непосредственно связаны с характеристиками настроения субъекта и отношений с конкретным человеком. Низкому уровню настроения соответствует повышенный уровень удаляющих чувств и пониженный уровень сближающих чувств, и наоборот. Вероятно, причинные связи понижения настроения и удаляющих интеракционных чувств являются двунаправленными – с взаимным обуславлива-

нием, т. е. ухудшение межличностных отношений негативно влияет на настроение и состояние в целом. Но пониженное настроение так или иначе приводит к различным трениям в межличностном взаимодействии. В общении с партнером по диаде невестки и свекрови больше испытывают сближающие, нежели удаляющие чувства. Однако различия по силе между шкальными оценками удаляющих и сближающих чувств с превышением сближающих чувств над удаляющими у свекровей гораздо больше, чем у невесток (28,2 и 6,7 балла соответственно). Это говорит о том, что свекрови склонны более полно принимать своих невесток, и у них, в большинстве случаев, нет желания увеличивать межличностную дистанцию в общении с ними. Выявленные различия в характеристиках чувственного тона отношений выступают проявлениями удовлетворенности взаимоотношениями, а удовлетворенность больше у свекровей, чем у невесток.

В кругу семейных отношений невестки и свекрови не являются самыми близкими друг другу людьми. Есть супруг, дети, родители, с которыми отношения имеют большее эмоционально-чувственное наполнение. Нечасто невесткам и свекровям удается установить близкий душевный контакт друг с другом. В связи с этим недостаточно оснований ожидать большой интенсивности чувств данных членов расширенной семьи по отношению друг к другу. Невестка негативно относится к вмешательству свекрови в супружеские и родительно-детские отношения, в домашние дела, к необходимости подстраиваться под ее стиль жизни. Весьма существенно, что жене приходится конкурировать со свекровью в борьбе за эмоциональную связь с супругом. Это достаточно непросто, поскольку мать и ребенка соединяют многие прочные связи, среди которых на первом месте – уникальные биологические связи – вынашивание и рождение сына. Таким образом, в целом свекрови в большей мере удовлетворены своими отношениями с невесткой, чем невестки – со свекровью.

Литература

- Купрейченко А. Б., Журавлёв А. Л. Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М., 2001. С. 36–59.
- Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению. СПб., 2003.

Emotional-sensual characteristics of relationships between mother-in-law and daughter-in-law

L. V. Kulikov, D. K. Petrova** (St Petersburg)*

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of social psychology, St Petersburg state University

** Magister, Saint Petersburg state University

The qualitative and quantitative characteristics of feelings in the relationship between the mother-in-law and the daughter-in-law were studied using the author's questionnaire on the partner's perceptions of the relationship and the technique "Profile of feelings in relationships" in the Internet survey. It is found that hedonic (pleasant) feelings, filling the attitude of the mother-in-law to the daughter-in-law, are more pronounced than the feelings of the daughter-in-law to the mother-in-law. At the daughters-in-law the attitude to the mother-in-law is mainly filled with asthenic feelings (feelings of powerlessness). Interactive (dispositional) feelings are in accord with the sensual tone of the mood: the more favorable are the moods, the closer together and weaker the interacting feelings that weaken. Interactive feelings (bringing together and removing) are directly related to the mood characteristics of the subject and the relationship with a particular person. A low level of mood corresponds to an increased level of depressive senses and a decreased level of convergent feelings, and vice versa: a high level of mood corresponds to a lower level of separative feelings and an increased level of sensory feelings.

Keywords: family relationships, mother-in-law and daughter-in-law, feelings, interpersonal interaction.

Современная психология внешнего облика сквозь призму идей А. А. Бодалева¹

В. А. Лабунская (Ростов-на-Дону)

*доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной психологии и психологии личности
Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет;
e-mail: vlab@aanet.ru*

Рассматриваются исследования, выполненные в рамках отечественной психологии внешнего облика. Подчеркивается, что идеи А. А. Бодалева способствовали формированию нескольких направлений в изучении внешнего облика человека. К ним относятся направления, в рамках которых уделяется особое внимание исследованию контекстов, ситуаций, влияющих на восприятие своего и чужого внешнего облика, интегральных социально-психологических факторов отношения к своему внешнему облику и внешнему облику Другого человека. Отмечается, что разработанные А. А. Бодалевым подходы к изучению внешнего облика актуализировали поиск субъектных факторов восприятия внешнего облика и поставили задачи исследования таких феноменов, как значимость внешнего облика и переживания, связанные с ней, удовлетворенность и обеспокоенность внешним обликом, социокультурное «давление» на отношение к своему и чужому внешнему облику. Констатируется, что в психологии внешнего облика, разрабатываемой А. А. Бодалевым, вырисовывается объяснительная схема лукизма, изучаемого в различных контекстах взаимодействия.

Ключевые слова: внешний облик, восприятие, оценка, самооценка внешнего облика, направления исследований, социально-психологические факторы, субъектные факторы.

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17180126.

В работе А. А. Бодалева «Восприятие и понимание человека человеком» впервые в отечественной психологии были сформулированы теоретические положения психологии внешнего облика, а сам внешний облик рассматривался как неотъемлемая часть целостного процесса общения (Бодалев, 1982). Ряд выводов, которые были сделаны А. А. Бодалевым в процессе изучения им внешнего облика человека, становятся все чаще теоретическими принципами современных исследований. Как известно, А. А. Бодалев уделял особое внимание повседневному общению, которое является неотъемлемой частью бытия человека, и полагал, что каждый человек осознано либо не осознано обращает внимание на внешность партнера, отражает его физический облик, детали оформления внешности, выразительное поведение. Он наметил направления трактовок взаимосвязей между внешним обликом и психологическими, социально-психологическими особенностями личности, высказав принципиально важную для понимания этой взаимосвязи идею о том, что «совокупность признаков» существует не сама по себе, а выступает, как показатель скрытых для непосредственного наблюдения психических процессов и свойств личности (Бодалев, 1982, с. 99).

Создавая психологию внешнего облика, А. А. Бодалев сделал акцент на таком явлении, как физический облик человека, включая в него тип сложения – конституция (совокупность морфологических признаков), половые, возрастные и расовые особенности. Важным является определение пространства психологических интерпретаций различных компонентов физического облика. Так, с точки зрения А. А. Бодалева, взаимодействующие друг с другом люди, оценивая и дифференцируя анатомические признаки, определяют пол, возраст, расовую принадлежность, судят о состоянии здоровья и т. д. Физический облик, презентующий перечисленные характеристики человека, рассматривается в современных исследованиях. Мысль А. А. Бодалева о том, что «важнейшим элементом в физическом облике человека является лицо», выступающее как «важнейший инструмент общения» (Бодалев, 1982, с. 17), становится центральной в контексте комплексного системного подхода к исследованию лица человека как объекта познания и средства общения (Барабанщиков, 2012). А. А. Бодалев одним из первых ввел в структуру внешнего облика такой компонент, который впоследствии получил название «социальный внешний облик» или «оформление внешнего облика» (одежда, прическа, украшения и т. д.). И в процессе анализа физического компонента внешнего облика, и при рассмотрении такого компонента, как оформление внешнего облика, А. А. Бодалев указывал, прежде всего, на его индикативные функции, на связь

оформления внешнего облика с возрастом, полом, профессией, социальным статусом, ролевой позицией и национальной принадлежностью, что подтверждается многими работами (Харитонов, Ананьева, 2012). Кроме этого, А. А. Бодалев ввел принцип оценки этого компонента внешнего облика сквозь призму этико-эстетических норм, а затем перенес данный принцип на оценку всего внешнего облика. С его точки зрения, в зависимости от этико-эстетических оценок внешнего облика формируется эмоциональное отношение к партнеру, которое вносит коррективы в образ, представление о нем, способствует выделению одних черт и «затушевыванию» других (Бодалев, 1982, с. 49).

Указывая на сложность организации выразительного поведения, А. А. Бодалев сформулировал одно из важнейших положений, касающихся полимодальности восприятия различных элементов внешнего облика человека, а также положение об устойчивости и вариативности компонентов внешности, образующих «концепт внешнего Я». Он подчеркивал на примере выразительного поведения, что субъекту восприятия необходимо создать целостный образ, объединяя, как постоянные, характерные для конкретного человека компоненты внешнего облика, так и ситуативные, определить типичные или случайные проявления внутреннего во внешнем. Вместе с этим А. А. Бодалев считал, что опора на отдельные компоненты внешнего облика (элементы выразительного поведения), отнесенные к постоянным, может приводить к ошибкам восприятия, если не учитывать «силы переживания в связи с тем или иным событием в жизни человека... в зависимости от значения события для личности и степени сохранения контроля над своими движениями...» (Бодалев, 1982, с. 26). Подход к анализу экспрессивного поведения в контексте бытия и со-бытия человека, в связи со значимыми событиями, изучение экспрессий лица, как события является одним из магистральных направлений исследования лица человека в контексте общения (Барабанщиков, 2012). Подход, рассматривающий внешний облик в контексте бытия и со-бытия, представлен также в других работ (Лабунская, 2005).

Рассматривая внешний облик человека, А. А. Бодалев поместил его в пространство общения, в определенную ситуацию взаимодействия, предполагающую наличие Другого, следовательно, изменив объектный статус внешнего облика, придав ему, его интерпретациям субъектно-ситуативное свойство, связав данный процесс с опытом познающих людей. А. А. Бодалев, вслед за С. Л. Рубинштейном, подчеркивал, что восприятие, понимание, «чтение» внешней стороны поведения осуществляется «бегло», сопровожда-

ется поиском смыслов, внутреннего плана, психологического подтекста (Бодалев, 1982, с. 29), особенно тогда, когда партнер по общению демонстрирует иные паттерны поведения, отходит от манеры поведения, свойственной для него. Отражая внешний облик одних и тех же людей, человек преломляет его через ту «систему образно-понятийного знания о людях», которая у него сложилась на данном жизненном этапе. Этим положением А. А. Бодалев подчеркивал связь восприятия, оценок как своего, так и внешнего облика другого человека, с этапом жизненного пути, следовательно, с жизненными событиями, удовлетворенностью жизнью, качеством жизни, которые могут изменяться при переходе с одного этапа на другой, а эти изменения, в свою очередь, будут корректировать восприятие внешнего облика. В этой связи характер осмысливания разными людьми своего внешнего облика или других людей всегда будет не только различным, но и постоянно корректироваться.

Таким образом, одно из центральных положений психологии внешнего облика, развиваемой А. А. Бодалевым, становится ключевым моментом в объяснении «сдвига взгляда на личность», на ее внешний облик и ее внутренний мир. А. А. Бодалев констатировал, что познающие субъекты, прежде всего, отмечают во внешнем облике другого человека некоторые отклонения от образцов. Сензитивность различных категорий людей к «отклонениям» во внешнем облике, превращение ими определенных параметров своего внешнего облика в предмет пристального внимания отмечается в современных исследованиях, посвященных рассмотрению проблемы удовлетворенности внешним обликом, проблемы факторов изменения своего внешнего облика (Варлашкина, Дементий, 2010; Лабунская, Капитанова, 2016; и др.). Подчеркнутая А. А. Бодалевым индивидуальная манера видения другого человека, сопрягается в эмпирических работах со значимостью определенных элементов в своем и чужом внешнем облике, в целом, со значимостью Другого как субъекта восприятия и оценки внешнего облика. Об этом свидетельствуют выводы исследований, выполненных в рамках развивающегося в настоящее время направления «внешний облик – субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью», а также работ, касающихся межличностного познания, оценок и самооценок внешнего облика. В исследованиях проблема, сформулированная А. А. Бодалевым, рассматривается также как проблема влияния внешнего облика человека на систему его социальных, межличностных отношений, на оценку им различных сторон жизнедеятельности, на состояния и переживания (Крупец, Нартова, 2014; Фаустова, Яковлева, 2015).

Изучение проблемы восприятия человеком своего собственного внешнего облика, отраженного Другими, восприятия «впечатлений», которые порождает внешний облик и которые представлены в оценках Другого, а также переживания, связанного с «Зеркальным Я», приближает к исследованию бытийных и бытовых аспектов жизни человека. В качестве стрессогенных факторов могут выступать негативные оценки внешнего облика различными партнерами по взаимодействию. Данные, выполненного нами исследования (Лабунская, 2005), указывают на то, что уровень негативных переживаний (фрустрация), агрессия, возникшие в результате негативных оценок внешнего облика «значимыми другими», «деловыми партнерами», лицами своего пола, взаимосвязан со стремлением изменять свой внешний облик, выбирая различные практики, в том числе эстетическую хирургию. Иными словами, негативная оценка именно этих партнеров выступает в роли мотивационного фактора, что можно считать одним из социально-перцептивных эффектов негативного оценивания внешнего облика Другими.

Развивая положение А. А. Бодалева о значимости определенных элементов в своем и чужом внешнем облике для его оценки, о значимости Другого как субъекта восприятия и оценки внешнего облика, мы провели исследование (Лабунская, Капитанова, 2016), в котором с помощью специально разработанной социометрической процедуры были выделены в студенческой группе те ее члены, мнение которых о внешнем облике является значимым. Выполненное исследование дополняет выводы А. А. Бодалева о факторах, влияющих на восприятие и оценку внешнего облика, в частности, в нем в качестве фактора рассматривается особый статус члена группы – «значимый/незначимый оценщик внешнего облика», который, в свою очередь, определяется тем, насколько позитивны/негативны самооценки, оценки внешнего облика других членов группы и групповая оценка компонентов и характеристик их внешнего облика.

Зафиксированная в экспериментах А. А. Бодалева связь между физическим обликом и интегральными характеристиками личности является предметом исследований до настоящего времени, а также восприятия внешнего облика в зависимости от интегральных личностных, социально-психологических особенностей субъекта познания. В качестве примера можно сослаться на исследования, в которых констатируется влияние на удовлетворенность/неудовлетворенность внешним обликом типов привязанности к матери, сформировавшихся в детстве и влияющих на оценку взрослыми физических компонентов своего внешнего облика (Цуркин,

Разуваева, 2013), на работы, рассматривающие воздействие видов перфекционизма (Варлашкина, Дементий, 2010), самоотношения к образу физического «Я» в сочетании с реальностью телесного самовосприятия (Черкашина, 2012), на данные о влиянии выраженности манипулятивных тенденций на распознавание выражений лица (Рюмшина, 2015).

Таким образом, А. А. Бодалев, разрабатывая психологию внешнего облика, видел за целостностью внешнего облика целостность образа, который отличается взаимосвязанностью элементов его структуры. Вместе с этим он подчеркивал, что, прежде чем человек станет способным к целостному восприятию внешнего облика «во всем богатстве признаков», научится дифференцировать эти признаки в зависимости от их значимости, приобретет умение адекватно интерпретировать их, он проходит длительный путь накопления опыта общения и познания людьми друг друга. По мнению А. А. Бодалева, «восприятие человеком других людей включается в его жизнь и вместе с ним претерпевает изменения» (Бодалев, 1982, с. 109).

Заключение

Таким образом, в психологии внешнего облика, созданной А. А. Бодалевым, вырисовывается, на наш взгляд, две линии. Первая линия ведет в сторону поиска контекстов, ситуаций, влияющих на восприятие своего и чужого внешнего облика, интегральных социально-психологических факторов отношения к своему внешнему облику и внешнему облику Другого человека. Вторая указывает на необходимость включения в изучение феноменов восприятия внешнего облика субъектных факторов: значимости внешнего облика, переживания, связанного с ним, зависимости от жизненных событий, складывающейся системы отношений, в целом, от модальности опыта общения и т. д. В рамках как одного, так и другого направления исследований внешнего облика, которые не являются полностью автономными друг от друга, актуальными становятся положения о целостности восприятия внешнего облика; о неравноценности его компонентов, с точки зрения выполнения ими регулятивной и осведомительной функций; о своеобразных редукциях – не выраженности каких-то признаков во внешнем облике, что является нормальным для обыденного общения, но может разрушать целостность восприятия внешнего облика, приводить к ошибкам в интерпретации поведения человека; о дифференцированном, индивидуальном видении внешнего, физического облика человека; о сензитивности людей к величине, форме того или иного элемен-

та физического облика; о фиксированности на определенных параметрах физического облика. Целостность, редукции, дифференцированность, фиксированность восприятия внешнего облика и его оценок отмечаются в работах, направленных на изучение различных видов дискриминации, в том числе лукизма – преследования человека на основе особенностей его внешнего облика (Погонцева, 2013; Погонцева, Лабунская, 2016).

Литература

- Барабанщиков В. А. Экспрессии лица и их восприятие. М., 2012.
- Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Варлашкина Е. А., Дементий Л. И. Перфекционизм как личностная детерминанта отношения к внешности // Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2010. Вып. 9. С. 5–15.
- Крупец Я. Н., Нартова Н. А. «Худой значит нормальный»: управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 523–538.
- Лабунская В. А., Капитанова Е. В. Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 72–87.
- Погонцева Д. В. Виды дискриминации по внешнему облику // Психология и психотехника. 2013. № 9. С. 858–861.
- Погонцева Д. В., Лабунская В. А. Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения. Гл. 6. М., 2016. С. 56–72.
- Фаустова А. Г., Яковлева Н. В. Особенности индивидуальной концепции внешности у пациентов с ожогами различной локализации // Медицинская психология в России. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru>. (дата обращения: 10.05.2017).
- Цуркин В. А., Разуваева Т. Н. Особенности физического «Я» у лиц с разными типами привязанности к матери // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. Т. 20. № 27 (170). С. 308–313.

Modern psychology of appearance through the prism by A. A. Bodalev's ideas

V. A. Labunskaya (Rostov-on-Don)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, professor
of the Department of Social psychology and personality psychology
of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

This article discusses the research carried out within the framework of Russian psychology of appearance. It emphasizes that A. A. Bodalev's ideas contributed to the formation of several directions in the study of human appearance. These include such directions, in which special attention is paid to research contexts, situations, that affect the perception of his and others' appearance, integrated socio-psychological factors of the attitude towards its appearance and the appearance of the Other person. The article notes, that designed by A. A. Bodalev approaches to the study of the appearance stimulated the search of the subjective factors of perception of appearance and have set the tasks of the study of such phenomena, as the importance of appearance and experiences, associated with it, satisfaction and concern about appearance, socio-cultural "pressure" on attitude toward one's own and foreign appearance. In conclusion of article it is noted, that in the psychology of appearance, developed by A. A. Bodalev, the explanatory scheme of the lookism, studied in different contexts of interaction.

Keywords: appearance, perception, evaluation, self-evaluation of appearance, the direction of research, socio-psychological factors, subjective factors.

Система работы с детьми из аддиктивных семей в учреждениях образования

И. И. Лусто, Н. Ю. Ясева** (Могилев)*

** старший преподаватель кафедры педагогики детства и семьи,
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова;
e-mail: irinalusto@mail.ru*

*** старший преподаватель кафедры педагогики детства и семьи,
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова;
e-mail: yasevanata@mail.ru*

Статья посвящена одной из острых социальных проблем современной семьи – семейному алкоголизму и пьянству. В статье рассматриваются основные черты, присущие детям из аддиктивных семей; факторы, влияющие на формирование личности ребенка, определяются социально-психологические проблемы детей пьющих родителей; предлагается система психолого-педагогической помощи и поддержки детей из алкогольных семей в условиях общеобразовательной школы, включающая содержание, формы и методы психолого-педагогической помощи и поддержки детей пьющих родителей. В помощь специалистам системы образования предлагается программа и методические материалы по профилактике аддиктивного поведения у несовершеннолетних, воспитывающихся в алкогольных семьях. Целью программы является формирование у несовершеннолетних знаний по проблеме зависимого поведения и ответственного отношения к своему здоровью.

Ключевые слова: аддикция, дети из аддиктивных семей, созависимость, психолого-педагогическая помощь и поддержка.

В настоящее время проблема семейного алкоголизма является одной из актуальных социальных проблем и вызывает особую обеспокоенность современного общества. Пьянство и алкоголизм порождают множество социальных проблем. По причине злоупотребления ал-

коголем одного или обоих супругов разрушаются семьи. От злоупотребления спиртными напитками в семье в первую очередь страдают дети. У детей пьющих родителей могут возникать серьезные нарушения физического здоровья, а также психической сферы. Кроме того, алкоголизм в семье значительно влияет на социальное развитие ребенка и его дальнейшую судьбу (Ковалевская, 2010).

Изучая психику детей и внуков алкоголиков, американский нарколог Э. Смит выделяет основные черты, присущие детям людей, больных алкоголизмом: низкая самооценка; фокусировка на внешнее окружение; неспособность идентифицировать или выразить свои чувства; неспособность попросить о помощи; экстремальное мышление.

Э. Смит обращает внимание на тот факт, что дети из аддиктивных семей, взрослея, не могут избавиться от этих недостатков, а неправильно сформировавшаяся эмоциональная сфера накладывает отпечаток на их дальнейшую жизнь. Таким образом, возникает круг проблем, обусловленных трудностями во взаимоотношениях, низкой самооценкой, большой раздражительностью и многих других, что препятствует нормальному вхождению во взрослую жизнь (Смит, 1991).

Российские исследователи также рассматривают основные факторы, влияющие на формирование личности ребенка пьющих родителей. Например, говоря о так называемом «секрете семьи», дается характеристика поведения членов аддиктивной семьи, когда взрослые (мать, бабушки и другие члены семьи) скрывают от детей и окружающих факт употребления отцом алкоголя. А когда злоупотребление становится очевидным, детям запрещается рассказывать посторонним о том, что происходит в семье.

Следующий фактор – негативные эмоции: чувство непредсказуемости, страх и тревога. В алкогольной семье атмосфера характеризуется хаосом, непредсказуемостью. Ребенок из аддиктивной семьи мучается плохими предчувствиями, никогда не уверен в том, что именно застанет дома. Это приводит к ощущению безысходности. Ему не хочется идти домой, он допоздна гуляет по улицам, оттягивая момент возвращения в семью, что, в свою очередь, развивает склонность к бродяжничеству.

Постоянное переживание негативных эмоций и невозможность признаться кому-либо в своих бедах, чтобы хоть немного облегчить душу, приводит к тому, что чувства ребенка как бы «замораживаются», появляется своего рода эмоциональная притупленность.

Эмоциональная недоступность родителей, отсутствие теплых взаимоотношений с детьми, необходимость подавлять свои чувства и скрывать свои переживания усугубляется еще и тем, что в ал-

когольных семьях доминирует альтернирующее воспитание в сочетании с неконгруэнтностью в общении.

Размытость, нечеткость границ, определяющих поведение ребенка, противоречивое отношение родителей, отсутствие стабильности, традиций, норм и правил в семье, нравственных ориентиров, постоянное ощущение запутанности, разъединенности с самыми близкими людьми, незащищенности лишают ребенка надежного фундамента, опираясь на который можно научиться познавать себя, принимать правильные решения, учиться преодолевать трудности.

Кроме того, в семье, отягощенной алкогольной зависимостью, ребенок постоянно ощущает недостаток внимания к себе. Мать, поглощенная мыслями о пьянстве мужа, отдающая всю свою энергию на сокрытие «секрета» семьи, на решение финансовых проблем, на домашние хозяйственные дела, редко имеет силы еще и для общения с ребенком, проявления по отношению к нему любви и поддержки. Отсутствие заботы и внимания становится стилем воспитания; вместо поддержки и доброжелательности к себе со стороны родителей дети встречают либо раздражение и гнев, либо равнодушные. Они чувствуют себя ненужными, отвергаемыми, нежеланными.

Некоторые дети считают, что решить проблемы в алкогольной семье можно благодаря изменению собственного поведения; они действительно начинают изо всех сил стараться заслужить похвалу родителей: хорошо учатся, выполняют работу по хозяйству, заботятся о себе, младших братьях и сестрах. По сути, такой ребенок берет на себя несвойственные его возрасту функции взрослого человека. Однако, видя, что все это никак не влияет на отца и не вызывает признательности со стороны матери, он испытывает горькое разочарование от крушения надежд, чувствует себя раздавленным, опустошенным и ничтожным. Укоренившееся в сознании чувство вины, хроническое неудовлетворение психологических (а часто и витальных) потребностей, ощущение своей заброшенности, стыд за отца, который ребенок переносит на себя, – все это создает условия для формирования заниженной самооценки, неприятия образа «Я» (Максимова, Милютина, 2000).

В связи с вышесказанным, большое значение приобретает своевременная и целенаправленная работа с детьми из аддиктивных семей. Появляется необходимость более углубленного изучения особенностей таких детей для повышения эффективности оказания им психолого-педагогической помощи и поддержки в условиях общеобразовательной школы. Система работы по оказанию помощи и поддержки детям из аддиктивных семей включает следующие направления работы:

- Правовое направление имеет своей основной целью разъяснение последствий от действия и поведения лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения и их ответственности перед законом.
- Медико-физиологическое направление осуществляется врачами, прежде всего наркологами и психиатрами.
- Социально-педагогическое направление реализуется преимущественно учреждением образования, которое посещает ребенок, совместно с другими учреждениями и организациями. Его главная цель – раскрытие родителям и учащимся отрицательного влияния алкоголя на взаимоотношения между людьми, в том числе на семейные отношения, ущерба, который пьянство и алкоголизм наносит семье.
- Социально-психологическая поддержка и коррекция направлены на создание благоприятного микроклимата в семье в период кризиса. Коррекция межличностных отношений происходит, когда в семье имеет место психическое насилие над ребенком, приводящее к нарушению его нервно-психического и физического состояния. Наиболее эффективной работа будет в том случае, когда помощь семье оказывается комплексно: определяется проблема, анализируются межличностные отношения в семье, положение подростка в ней, отношения семьи с обществом (Мастюкова, 1989).
- Посредническое направление работы включает в себя три составляющие: помощь в организации, координации и информировании. Например, предусматривается помощь в организации семейного досуга, включающей в себя создание клубов по интересам, проведение семейных праздников, конкурсов, различных курсов, летнего отдыха и др. Помощь в координации направлена на активизацию различных служб по совместному разрешению проблемы конкретной алкогольной семьи и положения конкретного ребенка. А помощь в информировании направлена на обеспечение семьи информацией по вопросам социальной защиты, которая проводится в форме консультирования. Консультации могут касаться жилищного, семейно-брачного, трудового, гражданского, пенсионного законодательства, прав детей, женщин, инвалидов, а также проблем, которые существуют внутри конкретной семьи.

Учитывая вышеперечисленные проблемы детей из аддиктивных семей и факторы, влияющие на формирование личности ребенка, в помощь педагогам и психологам учреждений образования нами была предложена программа и методические материалы по про-

филактике аддиктивного поведения у несовершеннолетних, воспитывающихся в алкогольных семьях. Целью программы является формирование у детей знаний по проблеме зависимого поведения и ответственного отношения к своему здоровью.

Задачи программы:

1. Дать детям необходимые знания о влиянии алкоголя на организм человека и его социальную жизнь.
2. Ознакомить подростков с нормативно-правовой базой регулирования аддиктивного и девиантного поведения.
3. Формировать у учащихся ответственное отношение к своему здоровью.
4. Обучить навыкам противостояния явлениям, возникающим по причине употребления алкоголя их родителями.

Программа включает 3 модуля.

Медико-социальный модуль. В рамках этого модуля учащиеся знакомятся с влиянием алкоголя на внутренние органы человека, репродуктивную и нервную системы, а также с особенностями влияния алкоголя на растущий организм.

Социально-психологический модуль. В этом модуле изучаются социальные и психологические проблемы, возникающие у человека в связи с употреблением алкоголя.

Социально-правовой модуль. Он направлен на повышение уровня правовой информированности, изучение нормативно-правовых актов, которые регулируют аддиктивное и девиантное поведение, в том числе, и информирование об организациях и службах, оказывающих помощь несовершеннолетним, воспитывающимся в алкогольных семьях.

Психолого-педагогическая помощь включает лечебные мероприятия, консультации, психотерапию и психокоррекцию всех членов аддиктивной семьи. При работе рекомендуется использовать методы, которые делятся на две группы: методы повседневного общения, делового, доверительного взаимодействия и методы педагогического и психологического воздействия педагога на личность подростка в целях коррекции его сознания и поведения.

Работа психологов, социальных педагогов, классных руководителей должна сосредоточиться на том, чтобы обучить несовершеннолетнего, «как выжить, имея родителя-алкоголика». В связи с этим специалисты должны способствовать тому, чтобы ребенок не боялся обсуждать свои чувства, связанные с семейной ситуацией, не стеснялся говорить о себе лично, не заикливался на обсуждении проблем родителей-алкоголиков.

К сожалению, статистика показывает, что медицинская реабилитация лиц с алкоголизмом имеет до настоящего времени невысокую эффективность и большой процент рецидивов, так как пролеченный пациент возвращается в ту же среду, которая толкнула его к пьянству. Поэтому работа с семьей, где родители злоупотребляют алкоголем, включает в себя формирование мотивации самого пьющего человека и его семьи на безалкогольное существование и построение другой системы взаимоотношений; психокоррекционные мероприятия направлены на воспитание личности злоупотребляющего алкоголем человека, способной быть хозяином собственной судьбы. В качестве одной из самых эффективных технологий по созданию благоприятной среды, способствующей длительному излечению от алкоголизма, можно отметить движение «Анонимные алкоголики» (Романек, 2006).

Заключение

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем отражена актуальность проблемы употребления алкоголя в семье; физиологические и социально-психологические проблемы детей из алкогольных семей; определены направления работы специалистов учреждений образования по проблеме зависимого поведения родителей учащихся.

Практическая значимость исследования заключается в разработке программы профилактики аддиктивного поведения несовершеннолетних, воспитывающихся в алкогольных семьях, а также методических материалов, необходимых для реализации программы.

Важно помнить, что психолог и педагог учреждения образования не в силах излечить человека с алкоголизмом, они лишь могут с помощью различных мер воздействия предотвратить опасные последствия для ребенка. Решить проблему аддиктивного поведения можно только в том случае, если будут задействованы все возможные меры профилактики: ведь известно, что болезнь легче предотвратить, чем ее вылечить.

Литература

- Ковалевская А. В.* Семейное неблагополучие и нарушения психологического здоровья // Народная асвета. 2010. № 8. С. 84–90.
- Максимова Н. Ю., Милютин Е. Л.* Курс лекций по детской патопсихологии. Ростов-на-Дону, 2000.

- Мастюкова Е. М.* Профилактика и коррекция нарушений психического развития детей при семейном алкоголизме. М., 1989.
- Романек Н. В.* Пропаганда здорового образа жизни в контексте социально-педагогической работы // Сацыяльна-педагагічная работа. 2006. № 10. С. 59–61.
- Смит Э. У.* Внуки алкоголиков: Проблемы взаимозависимости в семье. М., 1991.

The system of work with children from addictive families in educational institutions

I. I. Lusto, N. Yu. Yaseva** (Mogilev, Republic of Belarus)*

* Senior lecturer of the Department of pedagogy of childhood and family, Mogilev state University named A. A. Kuleshov

** Senior lecturer of the Department of pedagogy of childhood and family, Mogilev state University named A. A. Kuleshov

The article is devoted to one of the acute social problems of the modern family that is family alcoholism and drunkenness. The article examines the main features inherent in children from addictive families; factors that affect the formation of the child's personality, determine the socio-psychological problems of children who drink parents; A system of psychological and pedagogical assistance and support for children from alcoholic families is offered in the conditions of the general education school, including the content, forms and methods of psychological and pedagogical assistance and support for children of drinking parents. A program and methodological materials for the prevention of addictive behavior in minors raised in alcohol families are offered to help specialists of the education system. The aim of the program is to develop knowledge among minors on the problem of dependent behavior and responsible attitude towards one's health.

Keywords: addiction, children from addictive families, codependence, psychological and pedagogical help and support.

К вопросу о социальной креативности и методах ее диагностики¹

Н. В. Мешкова (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры
теоретических основ социальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет;
e-mail: nmeshkova@yandex.ru*

В статье рассматривается креативность в социальном взаимодействии как универсальный феномен, необходимый в любых сферах деятельности и повседневном взаимодействии. Рассматриваются виды креативности в социальном взаимодействии. Представлено авторское понимание терминов социальная и асоциальная креативность. Анализируется проблема диагностики социальной креативности и креативного потенциала, а также методы, используемые при изучении феномена. Приводится специфика исследований социальной креативности и социальных ситуаций, в которых может выявляться антисоциальная креативность. На основе данных пилотажного исследования формулируются рекомендации, которые следует учитывать при диагностике социальной креативности.

Ключевые слова: социальная креативность, асоциальная креативность, креативный потенциал, социальная ситуация, диагностика социальной креативности.

Вопрос о том, является ли креативность универсальным феноменом или имеет специфические особенности в различных областях деятельности человека, остается одним из основных в ее исследовании (Julmi, Scherm, 2015).

Об универсальных характеристиках креативности можно судить по такому ее виду, как социальная креативность. Креативность

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00608.

в социальном взаимодействии необходима для решения возникающих проблем не только непосредственно в профессиональной социальной деятельности, но и при межличностных и межгрупповых проблемах/конфликтах, возникающих вне зависимости от видов профессий там, где существует социальное взаимодействие, и, разумеется, в обыденной жизни. По результатам оригинального решения проблемы в социальном взаимодействии выделяется несколько видов креативности: социальная, антисоциальная и негативная. Основанием для такой классификации является отсутствие вреда для окружающих в результате решения проблемы или наличие намеренного/ненамеренного вреда, соответственно (Мешкова, Ениколопов, 2016а). Намеренный вред наносится в результате террористических актов, мошенничества и других криминальных деяний.

Анализ литературы, посвященной социальному и асоциальному видам креативности, позволяет дать следующее толкование этих терминов: социальная креативность – это оригинальные решения в социальных ситуациях, максимально соблюдающие интересы всех участников, вовлеченных в ситуацию; асоциальная креативность – оригинальные решения в ситуациях социального взаимодействия, которые учитывают только собственные интересы субъекта и игнорируют интересы других людей, вовлеченных в ситуацию. Валентность результата для окружающих обусловлена психологическими характеристиками создателя или реализатора решения.

В любой области деятельности, а также в социальном взаимодействии в повседневной жизни, люди разрабатывают, принимают и реализовывают решения возникающих проблем. Решения могут быть новыми и оригинальными для всего человечества или только для принимающего их человека и иметь разные последствия: приносить пользу или вред другим людям или объектам, а также самому исполнителю. После создания продукта или реализации решения при предъявлении решения проблемы экспертам или в результате действий, поведенческих актов можно оценить креативность создателя. До этого момента можно лишь предполагать наличие у индивида креативного потенциала. Креативный потенциал – качественное и количественное соотношение ресурсов, определяемых задачей в определенной области активности (Barbot et al., 2016) – интеллектуальные способности, знания в определенной области, когнитивные стили, личность, ее мотивация и эмоции, физический и социокультурный контекст (Caroff, Lubart, 2012).

Б. Барбот с коллегами показали, что креативный потенциал в большей степени зависит от специфики активности, задачи и мыслительных операций, чем от мышления испытуемых как общей ха-

рактики, и пришли к выводу о том, что использование одной методики для диагностики не достаточно для полноценной оценки наличия креативного потенциала (Barbot et al., 2016). К данному выводу исследователи пришли при изучении креативности в таких областях, как рисование и литературное творчество. Относительно диагностики социальной и антисоциальной видов креативности, на наш взгляд, существует еще одна проблема: методы, используемые при лабораторной диагностике креативности, направлены на выявление креативного потенциала и, как правило, не дают представления о поведении индивида в реальных ситуациях.

Социальная креативность исследуется с помощью ряда методов – опросников, самоотчетов, проблемных ситуаций и др.

К самоотчетам относятся адаптированные на российских выборах опросники Майерс-Бригс (для возрастной категории от 14 лет) и М. Киртона, направленные на выявление креативности личности и стиля инновационного мышления и широко используемые российскими авторами. С помощью, например, опросника Рензулли учителя или родители оценивают уровень креативности/творческих способностей у учащихся детей и подростков.

Однако недостатки перечисленных методов состоят в том, что, во-первых, самоотчеты не всегда адекватно отражают представления испытуемых о собственных характеристиках и отражают часто не реальные, а желаемые качества. Иными словами, обследуемые могут заблуждаться в наличии или отсутствии у себя изучаемых параметров. Во-вторых, опрашиваемые учителя и родители могут судить только о тех характеристиках, которые реально проявлялись в поведении оцениваемых ими детей и подростков. Между тем, как показывают исследования, креативный потенциал, имеющийся у индивида, не всегда выявляется при диагностике, поскольку для этого необходимы специальные условия и ситуации (Мешкова, 2015).

Вышеперечисленных недостатков лишены социальные ситуации, позволяющие выявить людей с дивергентным мышлением, направленным на эффективное решение проблем в межличностном взаимодействии. К достоинствам данного метода можно отнести то, что проблемные ситуации можно разработать для испытуемых разных возрастов.

Зарубежные психологи используют следующие ситуации для изучения социальной креативности у младших школьников: получить разрешение у двух сверстников, играющих на школьной перемене, присоединиться к ним; получить разрешение родителей посмотреть вечером телевизионную программу; убедить друга поиграть в ту игру, в которую он играть не хочет. У старших школьни-

ков и студентов выявить креативность можно с помощью задания за 20 минут придумать программу мероприятий на выходные дни. Такие программы оцениваются по 4 параметрам: оригинальность, разработанность, гибкость и беглость (см.: Мешкова, Ениколопов, 2016а). По параметрам оригинальности и этичности креативный потенциал можно исследовать в следующих, так называемых, житейских ситуациях/заданиях: «Вы должны были подготовить презентацию, но забыли и обнаружили это перед самым выступлением. Что вы сделаете для того, чтобы не получить порицание от шефа?» или «Вы едете без билета в электричке и не имеете денег, чтобы расплатиться с контролерами. Если вас высадут из поезда, то вы опоздаете на свидание. Ваши действия при встрече с контролерами?».

Перечисленные проблемные ситуации позволяют выявить оригинальные и эффективные решения, направленные на соблюдение интересов всех участников ситуации, т. е. «доброжелательную» креативность. Между тем для выявления креативности, направленной на нанесения вреда другим людям, требуются специальные ситуации.

Отметим, что впервые внимание психологов к тому, что креативность имеет «темную сторону» и может наносить вред, привлек Р. Макларен (R. McLaren) в специальном выпуске журнала «Creativity research journal» (1993), посвященном исследованию взаимодействия креативности и морали/нравственности. Он пришел к мысли о том, что вне морального контекста понимание креативности не может быть полным. Его мысль поддержал M. Runco, полагавший, что создание нового, сопровождаемое нарушением общепринятых норм, правил и морали, нельзя рассматривать вне конвенциональности (Runco, 1993). Идеи данных авторов дают возможность выявить, во-первых, креативность, нарушающую мораль и нравственность, во-вторых, проблемы морали, нуждающиеся в креативном решении. Также они наметили перспективу исследования креативности в социальных ситуациях с неопределенно воспринимаемыми стандартами морали и этики, т. е. социальных и моральных дилеммах, а также ситуациях, в которых оправдана агрессия (см.: Мешкова, Ениколопов, 2016б).

Если говорить об антисоциальной креативности, то, как показывают исследования, некоторые задания, предлагаемые испытуемым для выявления гибкости и оригинальности с помощью обычных, не направленных специально на выявление такого вида креативности методик, могут использоваться как индикаторы наличия креативности антисоциальной и даже криминальной направленности у обследуемого контингента. В качестве иллюстрации приведем задание, использованное Д. Андреани и А. Пагнин (1993): «Чтобы

вы сделали в случае, если бы стали невидимым?». Представляется, что имеющие повышенные показатели враждебности и агрессивности испытуемые при ответе на нейтральный по значению вопрос могут предложить оригинальные ответы, не соответствующие заложенной в вопросе валентности. Так, в одном из наших исследований учащимся 10-х классов московской школы было предложено нейтральное задание на «доброжелательную» креативность: «Придумать как можно больше оригинальных поздравлений друга с днем рождения». Некоторые ответы можно было классифицировать как агрессивные и не учитывающие интересы всех вовлеченных в ситуацию: *«облить друга ведром холодной воды при всех, а затем подарить подарок»; «разбудить друга ночью, сначала напугать, а потом поздравить всем классом»; «прийти к нему в 5 утра всем классом».*

Пример ситуации, направленной непосредственно на выявление антисоциальной креативности, представлен коллективом авторов под руководством М. Ранко: «Придумать как можно больше идей скрытой мести за нанесенный ущерб». Этими же авторами был предложен опросник вредоносной креативности. Он включает в себя три шкалы, касающиеся ситуаций, в которых чаще всего применяются оригинальные решения, наносящие вред другим людям (Нао et al., 2016). Опросник показал надежные корреляции вредоносной креативности с параметрами диагностируемой с помощью методики Басса-Перри агрессии. Учитывая, что важной характеристикой опросника Басса-Перри является связь между самоотчетом о склонности к агрессии и реальным агрессивным-насильственным поведением, ситуация мести будет способствовать реализации креативности в девиантном поведении (Мешкова, Ениколопов, 2016б).

Моральные и социальные дилеммы также могут быть использованы с соответствующим модифицированием инструкции для выявления вредоносной креативности, как намеренно наносящей вред, так и негативной с ненамеренно наносимым вредом. Иллюстрацией является дилемма для исследования моральных суждений у одаренных подростков, использованная Д. Андреани и А. Пагнин (Andreani, Pagnin, 1993). Одна из двух длительное время воюющих стран разработала оружие, применение которого приведет к выигрышу, но и к огромным жертвам противника; командующий армией решает, что делать, поскольку получил приказ применить оружие, когда посчитает нужным. В данном случае можно предложить такие вариации инструкций: придумать оригинальные оправдания, почему командующий применил/не применил оружие (Мешкова, Ениколопов, 2016б).

Наше пилотажное исследование, проведенное на школьниках 10-х классов, показало, что, во-первых, уровень социальной креативности при решении проблем в социальном взаимодействии ситуативен и значительно отличается в ситуациях, угрожающих ценностям испытуемых, по сравнению с нейтральной ситуацией. Во-вторых, валентность ответов может как соответствовать, так и не соответствовать типу социальной ситуации, и опосредуется данный факт такими психологическими характеристиками, как враждебность, агрессивность, поиск новизны.

Литература

- Мешкова Н. В.* Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. №2. С. 8–21.
- Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н.* Направления исследований креативности в социальном взаимодействии // Вопросы психологии. 2016а. №4. С. 118–128.
- Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н.* О психологических исследованиях асоциальной креативности // Психологические исследования. 2016б. Т. 9. №50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.01.2017).
- Andreani O. D., Pagnin A.* Moral judgment in creative and talented adolescents // Creativity Research Journal. 1993. V. 6. №1–2. P. 45–63.
- Barbot B. et al.* The generality-specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC // Learning and Individual Differences. June 2016.
- Caroff X., Lubart T.* Multidimensional Approach to Detecting Creative Potential in Managers // Creativity Research Journal. 2012. V. 24. №1. P. 13–20.
- Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M. A.* A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. V. 7. P. 682.
- Julmi C., Scherm E.* The Domain-Specificity of Creativity: Insights from New Phenomenology // Creativity Research Journal. 2015. V. 27. №2. P. 151–159. doi: 10.1080/10400419.2015.1030310.
- McLaren R. B.* The dark side of creativity // Creativity Research Journal. 1993. V. 6. №1–2. P. 137–144.
- Runco M. A.* Creative morality: Intentional and unconventional // Creativity Research Journal. 1993. V. 6. P. 17–28.

To the problem of social creativity and its diagnostics

N. V. Meshkova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, associate professor,
Moscow state University of Psychology and Education

Creativity in social interaction is universal phenomenon, necessary in all spheres of activity and everyday interaction. The types of creativity in social interaction are considered. The author's understanding of the terms social and asocial creativity is presented. The problem of diagnosing social creativity and creative potential, as well as the methods used in studying the phenomenon, is analyzed. Specificity of research of social creativity and social situations in which antisocial creativity can be revealed is cited. Based on the data of the pilot study, recommendations are formulated that should be taken into account when diagnosing social creativity.

Keywords: social creativity, asocial creativity, creative potential, social situation, diagnostics of social creativity.

**Индивидуально-психологические детерминанты
статусно-ролевых позиций личности
в системе внутригрупповых межличностных отношений
(на примере коллектива сотрудников ДОУ)**

*С. Е. Поддубный**, *Е. В. Эгамбердиева**, *Т. С. Панкова****
(Одинцово, Московская обл.)

** кандидат психологических наук, доцент кафедры
общей и социальной психологии, Одинцовский филиал МГИМО РФ;
e-mail: serpodd@mail.ru*

*** старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии,
Одинцовский филиал МГИМО РФ;
e-mail: egamberdievaev@rambler.ru*

**** заведующая детским садом №4 «Солнышко»; e-mail: nica.1973@mail.ru*

Статья посвящена выявлению индивидуально-психологических детерминант статусно-ролевых позиций сотрудников ДОУ в системе внутригрупповых межличностных отношений. Выдвигалась гипотеза о том, что показатели предписанной роли, характеризующие положение личности как объекта внутригрупповых межличностных отношений, в большей степени обусловлены ценностными ориентациями личности, чем личностными качествами, а показатели демонстрируемой роли, характеризующие положение личности как субъекта внутригрупповых межличностных отношений, в большей степени обусловлены личностными качествами, чем ценностными ориентациями. Проведен анализ степени влияния индивидуально-психологических особенностей личности на статусно-ролевые позиции сотрудников ДОУ в системе внутригрупповых межличностных отношений. Установлено, что индивидуально-психологические особенности личности (личностные качества и ценностные ориентации) оказывают существенное влияние на статусно-ролевые позиции сотрудников ДОУ: как объекта (предписанная роль), так и субъекта (демонстрируемая роль) внутригрупповых межличностных отношений.

Ключевые слова: статусно-ролевые позиции, предписанная роль, демонстрируемая роль внутригрупповые межличностные отношения, индивидуально-психологические детерминанты.

Введение

Внутригрупповые межличностные отношения являются одной из наиболее традиционных тем в социальной психологии (Коломинский 2000; Кричевский, 2009; Методики социально-психологического исследования..., 1995; и др.); в настоящее время актуальность этой темы по-прежнему возрастает. Одним из аспектов данной проблемы является изучение положения личности (статусно-ролевых позиций) в системе внутригрупповых межличностных отношений. Несмотря на большой объем научных работ по проблеме (Журавлёв, Хащенко, 1995; Методики социально-психологической диагностики..., 1990; Современная психология..., 2002; и др.), широкий спектр вопросов остается малоизученным на сегодняшний день. Социальные психологи, изучающие внутригрупповые отношения, зачастую, недостаточно учитывают индивидуально-психологические особенности личности, детерминирующие эти отношения (Головаха, 2000; Смелзер, 2005; Совместная деятельность..., 1992; и др.). Особый интерес представляет исследование влияния индивидуально-психологических особенностей личности на статусно-ролевые позиции в системе внутригрупповых межличностных отношений.

Организация и методики исследования

Объект нашего исследования – индивидуально-психологические особенности и статусно-ролевые позиции личности в системе внутригрупповых межличностных отношений.

Предмет исследования – индивидуально-психологические особенности как детерминанты статусно-ролевых позиций сотрудников дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) в системе внутригрупповых межличностных отношений.

Цель исследования – выявление индивидуально-психологических детерминант статусно-ролевых позиций сотрудников ДОУ в системе внутригрупповых межличностных отношений.

Задачи исследования:

- 1) Изучить индивидуально-психологические особенности сотрудников ДОУ: личностные качества и ценностные ориентации личности.

- 2) Определить статусно-ролевые позиции сотрудников ДОУ – и как объекта внутригрупповых межличностных отношений на основе показателей предписанной роли (социометрический статус и ожидаемая эмоциональная экспансивность), и как субъекта внутригрупповых межличностных отношений на основе показателей демонстрируемой роли (эмоциональная экспансивность и ожидаемый социометрический статус).
- 3) Выявить индивидуально-психологические детерминанты статусно-ролевых позиций сотрудников ДОУ в системе внутригрупповых межличностных отношений.

Гипотеза исследования: показатели предписанной роли, характеризующие положение личности как объекта внутригрупповых межличностных отношений, отражающие отношение группы к личности, в большей степени обусловлены ценностными ориентациями личности, чем личностными качествами, а показатели демонстрируемой роли, характеризующие положение личности как субъекта внутригрупповых межличностных отношений, отражающие отношение личности к группе, в большей степени обусловлены личностными качествами, чем ценностными ориентациями личности.

Для решения поставленных задач были применены следующие *методики*: «Шкала приемлемости» с использованием прямого и рефлексивного критериев оценивания – для определения статусно-ролевых позиций личности в малой группе; методика «Личностный профиль» Г. Ю. Айзенка – для диагностики личностных качеств; опросник Ш. Шварца – для диагностики ценностных ориентаций личности. Используемые методики вполне соответствуют современным требованиям, предъявляемым к социально-психологическому исследованию (подробнее см.: Журавлёв и др., 2008; Социальная психология, 2002; Хащенко и др., 2003; и др.). Обработка данных проводилась при помощи АППК «Мультитсихометр-05» и статистического пакета «Статистика – 8.0».

Выборку исследования составили 43 женщины, сотрудницы ДОУ в возрасте от 23 до 55 лет. Исследование проводилось в Муниципальном дошкольном образовательном учреждении Детский сад №4 «Солнышко» городского округа Власиха Московской области.

Под *индивидуально-психологическими детерминантами* мы понимаем личностные качества, составляющие следующие *факторы*: нейротизм, психотизм, экстраверсию и ценностные ориентации личности, оказывающие влияние на статусно-ролевые позиции со-

трудников ДОУ в системе внутригрупповых межличностных отношений. Статусно-ролевые позиции определяются как соотношение показателей предписанной роли личности в группе (социометрический статус и ожидаемая эмоциональная экспансивность) и показателей демонстрируемой роли (эмоциональной экспансивности и ожидаемого социометрического статуса).

Социометрический статус характеризует личность как объект реальных внутригрупповых межличностных отношений и отражает отношение группы к личности, т. е. насколько группа приемлет данного члена группы.

Ожидаемая эмоциональная экспансивность характеризует личность как объект рефлексивных внутригрупповых межличностных отношений и отражает ожидаемое группой отношение к ней данной личности, т. е. представление группы о том, насколько она принимается для данного члена группы

Эмоциональная экспансивность характеризует личность как субъект реальных внутригрупповых межличностных отношений и отражает отношение личности к группе, т. е. насколько для данной личности приемлема группа.

Ожидаемый социометрический статус характеризует личность как субъект рефлексивных внутригрупповых межличностных отношений и отражает ожидаемое личностью отношение к ней группы, т. е. представление личности о том, насколько она приемлема другими членами группы.

Для определения *влияния* индивидуально-психологических характеристик личности на статусно-ролевые позиции личности – предписанную роль (показатели социометрического статуса и ожидаемой эмоциональной экспансивности) и демонстрируемую роль (показатели эмоциональной экспансивности и ожидаемого социометрического статуса) использовался метод множественной пошаговой линейной регрессии. Общее влияние индивидуально-психологических характеристик на соответствующие показатели определялось по значениям коэффициента множественной детерминации, показывающего, какая доля дисперсии изучаемого показателя объясняется личностными качествами и ценностными ориентациями. Полученные уравнения регрессии содержат значения стандартизированных коэффициентов регрессии, величина которых показывает степень влияния отдельных индивидуально-психологических характеристик, а знак – на направленность (положительную или отрицательную) этого влияния. (Далее по тексту в скобках указаны значения стандартизированных коэффициентов регрессии.)

Индивидуально-психологические детерминанты предписанной роли личности в группе

Влияние личностных качеств и ценностных ориентаций на социометрический статус

Положительное влияние на социометрический статус оказывают такие качества личности, как: тревожность (0,32) и склонность к риску (0,28). Отрицательное влияние на социометрический статус оказывают общительность (-0,22) и самоуничижение (-0,23). Следовательно, чем больше выражены у сотрудника тревожность и склонность к риску и чем меньше выражены общительность и самоуничижение, тем в большей степени группа его приемлет.

Положительное влияние на социометрический статус оказывают такие ценности как: «традиции» (0,44), «самостоятельность» (0,34), «стимуляция» (0,13), «гедонизм» (0,24), а отрицательное влияние – «достижения» (-0,13) и «безопасность» (-0,24). Следовательно, чем более значимы для личности такие ценности, как «традиции», «самостоятельность», «гедонизм», «стимуляция» и менее значимы «безопасность» и «достижения», тем в большей степени группа приемлет личность.

В целом, социометрический статус на 49,5% детерминирован личностными качествами и ценностными ориентациями.

Относительный вклад ценностных ориентаций в социометрический статус составляет 59,2%, а личностных качеств – 40,8%, что говорит о ведущей роли ценностных ориентаций в позитивном отношении группы к личности по сравнению с личностными качествами.

Влияние личностных качеств и ценностных ориентаций на ожидаемую эмоциональную экспансивность

Положительное влияние на ожидаемую эмоциональную экспансивность оказывают тревожность (0,21) и склонность к риску (0,09). Отрицательное влияние на ожидаемую эмоциональную экспансивность оказывают общительность (-0,45) и агрессивность (-0,58). Следовательно, чем более выражены у сотрудника тревожность, склонность к риску и менее выражены агрессивность и общительность, тем более позитивного отношения от личности ожидают члены группы.

Положительное влияние на ожидаемую эмоциональную экспансивность оказывают такие ценности, как: «универсализм» (0,29), «стимуляция» (0,31) и «гедонизм» (0,31). Следовательно, чем более значимы для личности такие ценности как «стимуляция», «гедо-

низм» и «универсализм», тем более позитивного отношения от личности ожидают члены группы.

В целом, ожидаемая эмоциональная экспансивность на 54,4% детерминирована личностными качествами и ценностными ориентациями.

Относительный вклад личностных качеств в ожидаемую эмоциональную экспансивность составляет 40,6%, а ценностных ориентаций – 59,4%, что говорит о ведущей роли ценностных ориентаций в ожиданиях положительного отношения личности от группы, по сравнению с его личностными качествами.

Индивидуально-психологические детерминанты демонстрируемой роли личности в группе

Влияние личностных качеств и ценностных ориентаций на ожидаемую эмоциональную экспансивность

Положительное влияние на эмоциональную экспансивность оказывает тревожность (0,26). Следовательно, уровень тревожности сотрудника определяет его положительное отношение к группе: чем более выражена тревожность у сотрудника, тем более позитивно он относится к членам группы.

Положительное влияние на эмоциональную экспансивность оказывает ценность универсализма (0,28), а отрицательное – конформности (–0,31). Следовательно, чем более значима для сотрудника такая ценность, как «универсализм», и менее значима ценность конформности, тем более позитивно он относится к своим коллегам.

В целом, ожидаемая эмоциональная экспансивность на 29,1% детерминирована личностными качествами и ценностными ориентациями.

Относительный вклад ценностных ориентаций в эмоциональную экспансивность составляет 69,4%, а личностных качеств – 30,6%, что говорит о ведущей роли ценностных ориентаций в положительном отношении сотрудника к другим членам группы по сравнению с его личностными качествами.

Влияние личностных качеств и ценностных ориентаций на ожидаемый социометрический статус

Отрицательное влияние на ожидаемый социометрический статус оказывают такие личностные качества как: тревожность (–0,24), подавленность (–0,24) и импульсивность (–0,36). Следовательно, чем менее выражены у сотрудника тревожность, подавленность

и импульсивность, тем более позитивного отношения со стороны группы он ожидает.

Положительное влияние на ожидаемый социометрический статус оказывают такие ценности, как: «традиции» (0,55), «доброта» (0,13) и «универсализм» (0,32), отрицательное влияние – «конформность» (-0,53) и «достижения» (-0,28). Следовательно, чем более значимы для сотрудника такие ценности как «традиции», «универсализм», «доброта» и менее значимы ценности конформности и достижения, тем более позитивного отношения от группы он ожидает.

В целом, ожидаемый социометрический статус на 60,1% детерминирован личностными качествами и ценностными ориентациями.

Относительный вклад ценностных ориентаций в ожидаемый социометрический статус составляет 68,3%, а личностных качеств – 31,7%, что говорит о ведущей роли ценностных ориентаций сотрудника в ожидании положительного отношения к себе со стороны группы, по сравнению с его личностными качествами.

В результате проведенного исследования установлено, что ведущую роль в детерминации статусно-ролевых позиций личности в системе внутригрупповых межличностных отношений играют ценностные ориентации личности.

Литература

- Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000.
- Журавлёв А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология: Учебное пособие. М., 2008.
- Журавлёв А. Л., Хащенко В. А. Разработка методик социально-психологической диагностики: некоторые итоги // Труды Института психологии РАН. В 2 кн. М., 1995. С. 153–157.
- Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности): Учебное пособие. Минск, 2000.
- Кричевский Р. Л. Социальная психология малой группы: учебное пособие. М., 2009.
- Методики социально-психологической диагностики личности и группы. М., 1990.
- Методики социально-психологического исследования личности и малых групп. М., 1995.
- Смелзер Н. Социализация: основные проблемы и направления исследований // Социальная психология: хрестоматия / Сост. Е. Белинская, О. Тихомандрицкая. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/psihol/belin/29.php.

Совместная деятельность: методы исследования и управления / Отв. ред. А. Л. Журавлёв. М., 1992.

Современная психология: состояние и перспективы исследований: юбилейная научная конференция. Ч. 5. «Программы и методики психологического исследования личности и группы». М., 2002.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М., 2002.

Хащенко В. А., Журавлёв А. Л., Роцин С. К., Шорохова Е. В. История и методы социальной психологии // Психология XXI века: Учебник для вузов. М., 2003. С. 613–634.

Individual psychological determinants of status-role positions of the individual in the system of intra-group interpersonal relationships (among employees of Preschool educational institution)

S. E. Poddubny, E. V. Egamberdieva**, T. S. Pankova*** (Odintsovo, Moscow region)*

* Candidate of psychological Sciences, associate professor, Odintsovo branch of the MGIMO Russia

** Senior lecturer of the Odintsovo branch of the MGIMO Russia

*** Head of the kindergarten № 4 “Solnyshko”

The article is devoted to the identification of individual-psychological determinants of status-role positions of employees of DOE in the system of intra-group interpersonal relationships. Was hypothesized that the performance of prescribed roles that characterize the position of the individual as the object of intra-group interpersonal relationships, and to a lesser extent due to personal qualities, rather than indicators of the demonstrated roles that characterize the personality as a subject of intragroup interpersonal relationships. The analysis of the degree of influence of individual psychological characteristics of personality on the status and role of employees of DOE in the system of intra-group interpersonal relations, on the mutual evaluation of DOE employees in the system of intra-group interpersonal relationships. Using multiple linear regression analysis identified the degree and direction of influence of various individual psychological characteristics of personality on the status and role of employees of DOE in the system of intra-group relations as object (prescribed role), and subject (demonstrable role) interpersonal interaction.

Keywords: status-role positions, intra-group interpersonal relationships, individually-personal characteristics, socio-psychological characteristics of individual psychological determinants.

Особенности зрительного восприятия студентами лиц людей с различным типом гендерной самопрезентации

*П. С. Павлова**, *Н. Г. Мальшева***, *Е. Г. Луныкова**** (Москва)

** выпускница кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: eksyneet@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: tasha.malysheva@gmail.com*

**** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии восприятия факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: Eglun@mail.ru*

В современном мире становится более видимой вариативность гендерной идентичности и внешнего облика. В проведенном исследовании применением айтрекинга изучались сходства и различия в восприятии внешности людей с «типичной» и «нетипичной» гендерной самопрезентацией, т. е. тех, чей внешний облик соответствует принятым гендерным нормам, и не вписывающихся в классическую дихотомию гендера. Полученные результаты демонстрируют, что показатели окулографии (время рассматривания стимула и количество фиксаций) при оценке лиц людей с «нетипичной» гендерной самопрезентацией выше показателей при оценке людей с «типичным» гендером. А также что существует различие между основными зонами интереса при визуальной оценке людей с разной гендерной самопрезентацией – высокий интерес к зонам волос, лба и носа отличает восприятие людей с «нетипичной» гендерной самопрезентацией от «типичной», а минимальный интерес к зонам рта, линии челюсти и шеи характерен для восприятия цисгендерных людей с «традиционной» самопрезентацией, а внимание к зоне глаз является сходным независимо от гендерной самопрезентации воспринимаемого лица.

Ключевые слова: гендер, гендерная самопрезентация, айтрекинг, окулография, восприятие лиц.

Введение

В современном обществе можно наблюдать усложнение процессов гендерной идентификации и категоризации: наряду с идеей дихотомии гендера, предполагающей разделение всех людей на две группы (мужчины и женщины), все большее распространение получает идея о множественности гендерных групп, позволяющая выйти за пределы бинарной парадигмы (Здравомыслова, Темкина, 2015; Conell, 2010). Можно вспомнить громкие обсуждения возможности записи в официальных документах о неопределенности пола; предложения социальной сети Facebook своим пользователям выбирать гендерную идентичность из 50 вариантов; дискуссии о депатологизации трансгендерности и другие примеры, демонстрирующие тенденции социальных изменений в понимании гендерной идентичности. В нашей стране пока эти процессы воспринимаются как «единичные случаи», однако уже сейчас мы можем наблюдать рост вариативности способов гендерной самопрезентации, особенно в молодежной среде. Таким образом, мы на уровне уже каждодневной задачи сталкиваемся с необходимостью понимания того, кто перед нами, и как к этому человеку обращаться, и решить это бывает непросто.

Есть множество факторов, которые определяют течение и исход процесса распознавания гендера, но важность информации, поступающая из зрительного канала, неоспорима – мы всегда реагируем на внешний облик человека. Новые технологии позволяют анализировать механизмы и закономерности, лежащие в основе процесса распознавания визуальных аспектов гендера, что и стало отправной точкой нашего исследования.

Организация и метод исследования

Объектом исследования стал процесс гендерной категоризации на основе визуальной информации. В качестве *предмета* выступили сходства и различия в восприятии внешности людей с «типичной» и «нетипичной» гендерной самопрезентацией¹.

На основании обзора существующей по данной теме научной литературы мы заключили, что результатов исследований восприятия

1 В данной работе к людям с «типичной» гендерной самопрезентацией отнесены те, чей внешний облик воспринимается как соответствующий идее дихотомии гендера, т. е. как «мужской» или «женский»; к людям с «нетипичной» гендерной самопрезентацией – те, чей внешний облик воспринимается как не вписывающийся в бинарную парадигму гендера.

лиц с точки зрения их половой принадлежности недостаточно, чтобы выдвинуть конкретные гипотезы для нашего исследования. Это связано с тем, что в подобных работах чаще всего использовались различные варианты компьютерной модификации лиц (морфинга) для достижения неопределенности восприятия (Cheng, O'Toole, Abdi, 2001; Wild, Barrett, 2000), а наш интерес был сфокусирован на восприятии гендерного многообразия реальных людей. Однако мы сочли возможным предположить, что показатели окулографии при оценке лиц людей с «нетипичной» гендерной самопрезентацией отличаются от показателей при оценке людей с «типичным» гендером, а также существует различие между основными зонами интереса при визуальной оценке людей с разной гендерной самопрезентацией.

Выборку исследования составили 38 человек (28 женщин, 10 мужчин) в возрасте от 18 до 26 лет ($M=21$), с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Все участники исследования, кроме одного, – студенты МГУ им. М. В. Ломоносова.

Метод и процедура исследования

В нашем исследовании использовался метод окулографии, который проводился с помощью айтрекера SMI Hi-Speed 1250. В ходе экспериментальной серии голова испытуемых была зафиксирована с помощью специальной установки. Испытуемые располагались на расстоянии 75 см от LCD-монитора с диагональю 23" и разрешением 1920×1080 пикселей, на котором предъявлялась стимуляция. Регистрация движений глаз проводилась в бинокулярном режиме с частотой 500 Гц.

На этапе подготовки исследования были отобраны 79 фотографий, на которых были изображены люди с различной гендерной идентичностью и самопрезентацией. Мы отказались от использования постановочных фотографий из открытых баз данных, а провели поиск фото реальных людей, размещенных ими на различных тематических вебсайтах. От каждого из этих людей было получено информированное согласие на использование их изображения в исследовании. Все фотографии были сделаны в анфас (с незначительными вариациями угла съемки). Мы провели обработку фотографий, чтобы привести их к единому формату, – сходные размеры по высоте и ширине, равномерный серый фон, все изображения заканчивались на уровне плеч.

В ходе опроса на этапе пилотажного исследования каждое изображение было оценено по критериям «типичности» гендерной репре-

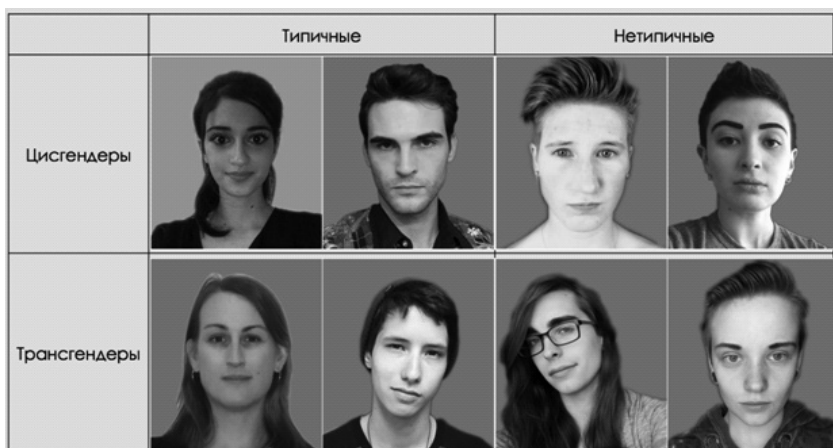

Рис. 1. Примеры стимульного материала

зентации группой студентов (N=65). На основе полученных оценок были отобраны 35 фотографий, которые позволили выделить четыре группы стимулов для основного исследования (см. рисунок 1).

В ходе пилотного исследования нами были отобраны фотографии четырех типов:

- группа 1 – цисгендерные люди¹, имеющие традиционную («типичную») гендерную самопрезентацию внешнего облика и воспринимаемые как «женщины» и «мужчины»;
- группа 2 – цисгендерные люди, имеющие менее традиционную («нетипичную») гендерную самопрезентацию внешнего облика и воспринимаемые как «неопределенные»;
- группа 3 – трансгендерные люди², имеющие «типичную» гендерную самопрезентацию и воспринимаемые как «женщины» и «мужчины»;
- группа 4 – трансгендерные люди, имеющие «нетипичную» гендерную самопрезентацию, обычно распознаваемые как трансгендеры.

1 Цисгендерные люди – так обозначают тех, чья гендерная идентичность совпадает с приписанным им при рождении биологическим полом, т. е. имеет односторонний характер, что и обозначается латинской приставкой *cis*.

2 Трансгендерные люди – люди, совершающие или совершившие «переход» (*transition*), в связи с тем, что их гендерная идентичность не соответствует приписанному им при рождении бинарному биологическому полу.

По результатам основного исследования с применением окулографии были проанализированы показатели времени рассматривания стимула, средней продолжительности фиксации, продолжительности первой фиксации и количества фиксаций. Средние значения полученных результатов по группам стимулов представлены в таблице 1.

Таблица 1
Средние значения показателей окулографии
по группам стимулов

Стимульная группа	Время рассматр. (мс)	Средняя продолжит. фиксации (мс)	Время первой фиксации (мс)	Количество фиксаций
1	4336,6	257,2	148,9	14,3
2	6786,8	263,2	155,2	22,4
3	4690,7	260,3	153,9	16,8
4	6719,1	260,7	151,3	23,3

В таблице 1 можно увидеть, что больше всего различаются значения времени рассматривания и количества фиксаций группы 1 и 3, которые имеют более низкие показатели по этим параметрам, чем группы 2 и 4. Значения средней продолжительности фиксации и времени первой фиксации, на первый взгляд, кажутся практически идентичными для всех четырех стимульных групп.

Мы проверили значимость различий с помощью статистического анализа, сравнив показатели между всеми группами. Проверка по критерию Шапиро–Уилка показала, что все данные распределены нормально. В связи с этим для сравнения данных использовался t-критерий Стьюдента.

По параметру общего времени рассматривания стимулов было обнаружено значимое ($p < 0,01$) различие между группами 1–2, 1–4, 3–2 и 3–4. Таким образом, время рассматривания гендерно-типичных стимулов (группы 1 и 3) значимо ниже, чем время рассматривания гендерно-нетипичных стимулов (группы 2 и 4). Такая же картина обнаруживается по параметру количества фиксаций – при рассматривании стимулов с «нетипичной» гендерной самопрезентацией испытуемые продемонстрировали значимо большее количество фиксаций. При этом между показателями средней продолжительности фиксации и времени первой фиксации значимых ($p < 0,05$) различий между всеми группами обнаружено не было. Таким образом, можно заключить, что восприятие лиц с «нетипичной» гендерной самопрезентацией отличает не сама по себе продолжительность време-

ни рассматривания, а то, что она связана с фиксацией испытуемыми на большем количестве элементов.

Для более детального анализа мы разделили лица, представленные на стимульном материале, на зоны наиболее интересные для исследования. На основании эмпирических данных, полученных в других исследованиях, посвященных вопросу категоризации лиц по полу (Burton, Bruce, Dench, 1993), мы выбрали следующие зоны интереса: лоб, глаза и брови, нос, рот. Мы также добавили в анализ три другие зоны, обычно в подобных исследованиях не использующиеся: волосы, линия челюсти и шея. Пример деления лица на зоны интереса представлен на рисунке 2.

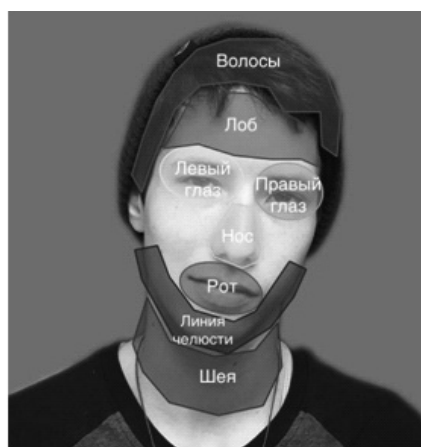

Рис. 2. Пример деления стимульного материала на зоны интереса

В таблице 2 представлено среднее время пребывания взгляда испытуемых в каждой из выделенных зон в зависимости от стимульной группы. Проверка с помощью критерия Шапиро-Уилка показала, что распределение данных по всем зонам отличается от нормального. В связи с этим для проверки значимости различий между зонами интереса использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Различия между группами практически во всех зонах заметны, причем, во многих зонах, как и можно было бы предположить на основании результатов анализа общих показателей времени рассматривания стимулов, показатели для групп 2 и 4 («нетипичная» гендерная самопрезентация), на первый взгляд, выше, чем для групп 1 и 3 («типичная» гендерная самопрезентация). Этому паттерну следуют показатели для следующих зон интереса: волосы, лоб, нос, ле-

Таблица 2

Среднее время пребывания взгляда испытуемых в зонах интереса по группам стимулов

	Время пребывания в зоне интереса (мс)			
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
Волосы	128,6	205,1	131,8	219,8
Лоб	64,2	187,4	77,5	192,1
Левый глаз	835,6	880,5	843,8	901,4
Правый глаз	781,6	863,1	802,7	892
Нос	469	715,5	503,4	723,2
Рот	570,5	684,8	679,8	705,3
Линия челюсти	176,4	304,8	303,9	332,8
Шея	100,2	187,4	175,5	192,2

вый и правый глаза. В таблице 2 видно, что для этих зон показатели времени пребывания практически идентичны для групп 1 и 3, а также для групп 2 и 4, при этом в последних двух группах показатели выше.

Для статистического анализа по этим зонам мы объединили группы в пары и сравнили показатели «типичных» (совместные данные по группам 1 и 3) и «нетипичных» (совместные данные по группам 2 и 4) стимулов. Результаты демонстрируют, что статистически значимыми оказались различия по зонам волос ($U=80$, $p=0,016$), лба ($U=52$, $p=0,001$) и носа ($U=59$, $p=0,002$). Статистическая значимость различий по зонам левого и правого глаза не подтвердилась ($U=114$, $p=0,198$ и $U=110$, $p=0,156$ соответственно).

Данные по зонам рта, линии челюсти и шеи следуют несколько иному паттерну: в таблице 2 можно увидеть, что для этих зон средние значения по стимульной группе 1 значительно меньше, чем по группам 2, 3 и 4, и при этом значения в трех последних группах близки друг к другу. Мы решили сравнить все четыре группы между собой. Статистически значимыми ($p<0,05$) оказались различия по этим зонам между группой 1 и группами 2, 3 и 4. При этом различия между группами 2, 3 и 4 значимыми не оказались.

Таким образом, были обнаружены различия по всем зонам, кроме области левого и правого глаза. В связи с тем, что зоны глаз и носа являются ключевыми для визуального восприятия лиц, наши данные свидетельствуют о том, что из этих зон именно зона носа при-

влекает к себе больше внимания при распознавании гендера. Зоны волос и лба, которые испытуемые значимо дольше рассматривали у стимулов с «нетипичной» гендерной самопрезентацией, нередко содержат в себе информацию, связанную с определенными гендерными стереотипами (прическа, цвет и длина волос, линия роста волос и т. д.). Нижняя часть лица, по-видимому, является важной для дифференцирования цисгендерных людей с «типичной» самопрезентацией от людей с остальными типами гендерной идентичности и самопрезентации – в нашем исследовании стимулы группы 1 меньше всего привлекали внимание испытуемых к рту, линии челюсти и шее. Мы полагаем, что это связано со скоростью распознавания этих зон как проявлений привычного и нормативного гендерного облика. Таким образом, несмотря на то, что большинство испытуемых по всем прочим показателям воспринимали сходным образом «типичную» самопрезентацию трансгендерных и цисгендерных людей, но зоны рта, линии челюсти и шеи на фотографиях трансгендеров все же привлекали к себе больше внимания. Возможно, именно информация, полученная при рассматривании этих зон – фемининность или маскулинность губ, структура челюстных костей, наличие или отсутствие кадыка – имеет ключевое значение для распознавания трансгендерных людей.

В целом полученные нами данные позволяют уточнить предположения, на которые мы опирались в начале своей работы. В частности, продемонстрировано, что некоторые показатели окулографии (время рассматривания стимула и количество фиксации) при восприятии лиц людей с «нетипичной» гендерной самопрезентацией выше, чем с «типичной». Но при этом показатели средней продолжительности фиксации и времени первой фиксации в зависимости от гендерной типичности значимо не различаются.

Кроме того, обнаружено, что существуют некоторые различия между основными зонами интереса при визуальной оценке людей с разной гендерной самопрезентацией. Интерес к зонам волос, лба и носа значимо выше при оценке стимулов с «нетипичной» гендерной самопрезентацией, чем с «типичной». Наименьший интерес к зонам рта, линии челюсти и шеи возникает при восприятии цисгендерных людей с «традиционной» самопрезентацией. Зона глаз вызывает у испытуемых одинаковый интерес независимо от гендерной самопрезентации воспринимаемого лица.

Результаты демонстрируют перспективность применения методов окулографии для анализа процессов конструирования гендера и дальнейшего изучения закономерностей восприятия людей с различным типом гендерной самопрезентации.

Литература

- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб., 2015.
- Burton M., Bruce V., Dench N. What's the difference between men and women? Evidence from facial measurement // Perception. 1993. V. 22. P. 153–176.
- Cheng Y. D., O'Toole A. J., Abdi H. Classifying adults' and children's faces by sex: computational investigations of subcategorical feature encoding // Cognitive science. 2001. № 25. P. 819–838.
- Connell C. Doing, undoing or redoing gender? Learning from the workplace experiences of transpeople // Gender and society. 2010. V. 24. № 1. P. 31–55.
- Wild H. A., Barrett S. E. Recognition and sex categorization of adults' and children's faces: examining performance in the absence of sex-stereotypes cues // Journal of experimental psychology. 2000. № 77. P. 269–291.

Features of students' visual perception of faces of people with different type of gender self-presentation

*P. S. Pavlova**, *N. G. Malysheva***, *E. G. Luniakova****
(Moscow)

* Graduate of Department of Social psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of Social psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

*** Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Laboratory of Perception psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The diversity of gender identity and representation becomes more visible in the modern society. We studied the similarities and differences in perception of individuals whose gender self-presentation fits the social norms (“typical” gender self-presentation) and individuals whose gender self-presentation exists outside the socially accepted gender binary (“atypical” gender self-presentation). Oculography was the main method used in this study. Data shows oculographic measures such as total dwell time and fixation count are significantly higher when students perceive the stimuli with “atypical” gender self-presentation. There are different areas of attention in perception of faces of people with different self-presentation. The hair, forehead and nose zone are dwelled on significantly longer in

cases of gender-atypical stimuli. The mouth, jawline and neck zone attract less attention for cisgender people with “typical” gender self-presentation. The eyes attract the same amount of attention from the subjects regardless of gender self-presentation of the stimulus.

Keywords: gender, gender self-presentation, eyetracking, oculography, face perception.

Типы психологического отношения к табакокурению среди некурящих студентов московских вузов¹

С. А. Решетко (Москва)

*аспирантка лаборатории социальной и экономической психологии
Института психологии РАН; e-mail: swetlana.reshetko@yandex.ru*

Проблема табакокурения в последние годы не теряет своей актуальности. Большое количество исследований посвящено проблеме приобщения к курению и индивидуально-психологическим характеристикам курящих людей. Однако на данный момент практически нет исследований, где объектом изучения выступают некурящие люди и их отношение к табакокурению, поэтому представляется важным изучение психологических особенностей некурящих представителей молодежи, в частности, особенностей их психологического отношения к табакокурению. Выделение типа психологического отношения к табакокурению среди некурящих представителей молодежи даст возможность обозначить круг причин некурения, а также составить психологический портрет некурящего человека. В результате проведенного эмпирического исследования были получены четыре типа психологического отношения к табакокурению.

Ключевые слова: табакокурение, социальная психология, психологические отношения, семантический дифференциал, типология.

Постановка проблемы

В настоящее время в связи с активной реализацией мер по сохранению здоровья граждан становится актуальным вопрос профилактики табакокурения. Несмотря на активные профилактические меры, курение остается распространенной причиной заболеваний

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-10231а «Социально-психологические факторы успешного отказа от курения».

среди взрослого населения и подростков (Тобассо, 2017). Рассмотрение проблемы табакокурения происходит на нескольких уровнях: макросоциальном (политика государства в отношении курения, влияние рекламы и СМИ), микросоциальном (особенности семейного воспитания и внутрисемейного взаимодействия, отношения со сверстниками, влияние социальных норм образовательной среды) и личностном (индивидуальные особенности человека) (Позняков, Хромова, 2010). При всем разнообразии социально-психологических исследований данной проблемы акцент в основном делается на выявлении причин курения и личностных особенностях курильщиков. Никогда не курившие люди в данных исследованиях чаще выступают не объектом изучения, а объектом сравнения.

Научный интерес к изучению психологического отношения некурящих людей к табакокурению обусловлен наличием ряда нерешенных в социально-психологической науке проблем – отсутствием исследований, где объектом изучения выступают некурящие люди. Поскольку на данный момент практически нет исследований, где объектом изучения выступают некурящие люди и их отношение к табакокурению, нам представляется важным изучение психологических особенностей некурящих представителей молодежи, в частности, особенностей их психологического отношения к табакокурению.

Организация эмпирического исследования

В качестве *гипотезы исследования* выступает предположение о том, что, с психологической точки зрения, некурящие люди представляют собой неоднородную группу, включающую в себя как никогда не куривших, так и бросивших курить. Внутри самой группы никогда не куривших людей мы предполагаем наличие подгрупп, представители которых различаются структурными и содержательными особенностями отношения к табакокурению.

В структуре психологического отношения выделяются когнитивный (знание об объекте отношения), эмоциональный (эмоции человека в отношении объекта отношения), поведенческий (готовность человека действовать определенным образом по отношению к объекту), ценностной (место объекта отношения в системе ценностей субъекта) компоненты (Позняков, 2000). Исследование различий в ценностном компоненте психологического отношения к курению, построение на его основе типологии психологического отношения к курению некурящих представителей молодежи позволит конкретизировать научные представления о психологических

отношениях личности. Изучение группы некурящих людей и их отношения к курению во многом позволит использовать данную информацию при построении профилактических программ для работы с молодежью (Позняков, Решетко, 2015).

Цель исследования – выявление и описание типов психологического отношения некурящих представителей молодежи к табакокурению.

Объект исследования – студенческая молодежь в возрасте от 18 до 22 лет (г. Москва и Московская область).

Предмет исследования – психологическое отношение некурящих представителей молодежи к табакокурению.

Общая выборка некурящих составила 99 человек: никогда не курившие – 74 человека и бросившие курить – 25 человек. *Выборка курящих* респондентов составила 91 человек.

Эмпирическое исследование проводилось на базе таких вузов, как МАИ (Московский авиационный институт), МПГУ (Московский педагогический государственный университет), РУДН (Российский университет дружбы народов), МосГУ (Московский гуманитарный университет).

Поскольку основным объектом исследования является группа некурящих людей, необходимо начать со сравнения данной группы с группой курящих для выделения значимых отличий некурящих людей и составления психологического портрета некурящего человека. Для сравнения групп курящих и некурящих был применен критерий Манна–Уитни. Полученные данные позволяют говорить, что некурящие молодые люди склонны негативно оценивать сам феномен «табакокурение», в то время как курящие относятся к курению нейтрально. Они не склонны идеализировать свою привычку, скорее воспринимают ее как один из атрибутов жизни.

Результаты исследования

Если суммировать полученные данные, то можно описать социально-психологический портрет некурящего человека. Некурящие молодые люди более высоко оценивают вред курения для организма, описывают табакокурение как что-то «темное» и «грязное», при этом склонны выбирать стратегию ухода от взаимодействия с незнакомыми курящими людьми. Как мы полагаем, поддержка закона о запрете табакокурения во многом обусловлена пассивной позицией некурящих людей, когда защита их интересов перекладывается на государство. Другой некурящие респонденты склонны выбирать среди некурящего окружения. У некурящих представителей молодежи

жи, в отличие от курящих, не наблюдается значимого расхождения между значимостью и доступностью ценностей. Данное состояние характеризуется как «нейтральная зона», гармоничное состояние человека. Это позволяет говорить, что некурящие люди не испытывают внутреннего конфликта.

При сравнении некурящих мужчин и женщин статистически значимым оказалось различие в показателе «независимость» (как поощрение к самостоятельности в принятии решений), полученном по методике «Шкала семейного окружения». У некурящих женщин данный показатель оказался выше, чем у мужчин. Можно предположить, что это связано с желанием родителей воспитать у дочери самостоятельность при принятии решения в отношении психоактивных веществ (ПАВ), когда отказ, например, от курения будет самостоятельным решением человека, а не следствием запрета со стороны родителей.

Для выделения группы никогда не куривших респондентов со значимо схожими результатами был использован кластерный анализ K-means.

В *первой группе* оказалось 20 человек. Представители данной группы статистически значимо отличаются по важности таких ценностей, как «активная, деятельная жизнь», «интересная работа», «любовь». Респонденты, входящие в данный кластер, в ситуации нахождения в накуренной комнате с незнакомыми людьми, высказывают готовность проветрить комнату. Вредное влияние последствий курения на организм оценивается ими достаточно высоко. В методике «Семантический дифференциал» понятие «табакокурение» респонденты данной группы ассоциируют с прилагательным «пассивный». Учитывая, что для представителей данной группы важна ценность активной жизни, вполне ожидаемо, что для них табакокурение ассоциируется с прилагательным «пассивный», в более широком смысле – как пассивный образ жизни. Респонденты, входящие в первый кластер, значимо отличаются по ценностному компоненту отношения. Мы полагаем, что представители данной группы имеют четко сформулированные цели и ценности в жизни и понимают, что для их достижения им необходимо занимать активную жизненную позицию, а табакокурение для них скорее будет выступать тормозящим фактором.

Второй кластер составляют 10 человек. Респонденты, составляющие данную группу, в методике «Семантический дифференциал» склонны при оценивании понятия «табакокурение» выбирать прилагательные «тяжелый», «темный», «гнилой», «грязный». То есть, у представителей данной группы более выраженным, по сравнению

с другими, оказался эмоциональный компонент отношения. Для респондентов данной группы значимы ценности «познание» и «творчество». Факт собственного отказа от курения воспринимается ими как значимый и важный. В авторском опроснике они оценивают значимость данного факта по 5-балльной шкале как 4,35. Респонденты данного кластера реже представителей других групп склонны связывать снижение сопротивляемости организма инфекционным заболеваниям с курением человека. Можно предположить, что, поскольку ценность познания является важной для данной группы, ее представители склонны проверять информацию о вредном влиянии табака на организм. Представители второй группы поддерживают закон о запрете табакокурения в общественных местах, поскольку считают это заботой о правах некурящих. Однако соблюдение законов как более общая ценность не является для них значимой. Респонденты других групп единогласно поддерживают закон, однако, с точки зрения его полезности для здоровья.

Третий кластер включает 32 человека. Для представителей данной группы наиболее значимыми оказываются такие ценности, как «здоровье», «счастливая семейная жизнь» и «любовь». Учитывая важность ценности здоровья для данной группы, мы полагаем, что отказ от курения является логическим следствием высокой значимости для них данной ценности. При оценивании понятия «табакокурение» по методике «Семантический дифференциал» представители данной группы некурящих респондентов склонны выбирать прилагательные «гнилой», «глупый». В ситуации нахождения в накуренной комнате среди незнакомых людей они предпочтут выйти из комнаты. Если же комната пуста или в ней знакомые люди – высказывают готовность проветрить комнату. Учитывая предпочтение таких ценностей, как «здоровье», «счастливая семейная жизнь» и «любовь», можно предположить, что представители этой группы ориентированы в будущем на создание семьи, где будет исключено вредное влияние табака на членов семьи.

Четвертая группа включает в себя 12 человек. Ее представители, в отличие от респондентов трех других групп, не высказывают никакого отрицательного отношения к табакокурению: ни в когнитивном, ни в ценностном, ни в эмоциональном компонентах отношения. В методике «Семантический дифференциал» при описании понятия «табакокурение» они выбирают прилагательные «легкий» и «чистый». Представители данного кластера чаще других в ответ на вопрос «Почему Вы не курите?» отвечают: «Так получилось». Представители данной группы выше других оценивают значимость соблюдения законов, что можно принимать как фактор, удержива-

ющий от начала курения. На основании полученных результатов респондентов можно отнести к «группе риска», кто в будущем может начать курить.

Заключение

Полученные эмпирическим путем данные позволяют говорить, что психологическое отношение к табакокурению некурящих представителей молодежи характеризуется, как общими свойствами, отличающими их по данному показателю от курящих людей, так и специфическими особенностями, характерными для различных групп некурящих, которые можно квалифицировать как типы психологического отношения.

Литература

Позняков В. П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М., 2000.

Позняков В. П., Решетко С. А. Программа исследования типов психологического отношения к табакокурению (на примере некурящих представителей молодежи) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 270–276.

Позняков В. П., Хромова В. Л. Социально-психологическое исследование отношения к табакокурению. М., 2010.

Tobacco // World Health Organization // URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs339/en> (дата обращения: 12.04.2017).

Types of psychological attitudes toward tobacco smoking among non-smoking students at Moscow universities

S. A. Reshetko (Moscow)

Postgraduate, Institute of Psychology of RAS

The tobacco smoking problem doesn't lose the relevance in recent years. A large number of researches is devoted to a problem of familiarizing with smoking and individual and psychological characteristics of the smoking people. However at the moment there are practically no researches where non-smoking people and their relation to tobacco smoking therefore studying of psychological features of non-smoking representatives of youth, in particular, of features of their psychological relation to tobacco smoking is obviously important act as object of studying. Allocation like the psychological relation to tobacco smoking among non-smoking representa-

tives of youth will give the chance to designate a circle of the reasons of no smoking, and also to make a psychological portrait of the non-smoking person. As a result of the conducted empirical research four types of the psychological relation to tobacco smoking have been received.

Keywords: social psychology, tobacco smoking, psychological relations, semantic differential, typologies.

Взаимосвязь ценностных ориентаций и представлений о ребенке у матерей из семей с наемным работником (няней)

М. А. Романовская (Московская область)

*соискатель Института психологии РАН, педагог-психолог гимназии
«Мастер-класс»; e-mail: m.a.romanovskaya@yandex.ru*

В статье представлены результаты сравнительного исследования представлений о ребенке в двух группах матерей – из семей с наемным работником (няней) и воспитывающих ребенка без помощи няни. Описана структура ценностных ориентаций матерей из двух групп. Проведен анализ взаимосвязи ценностных ориентаций и элементов представлений. Различия в представлениях мам из двух групп связаны с оценками нравственных, интеллектуальных, эмоциональных и волевых качеств их детей. Не выявлены различия в оценках социальных качеств ребенка. Представления матерей из семей с наемным работником включают полярные характеристики нравственной, волевой сфер ребенка и завышенные оценки интеллектуальных способностей ребенка. Их представления в большей степени связаны с ориентациями на активную деятельную жизнь и любовь, которые высоко оцениваются респондентами данной группы. В то время как представления о ребенке в другой группе мам связаны с ценностью свободы и творчества.

Ключевые слова: социально-психологические свойства, няня, наемный работник, представления мамы о ребенке, факторы ранней социализации.

Постановка проблемы

Исследователи, изучавшие факторы становления личности через образ жизни, общение с ближайшим окружением, в своих работах делали акцент на роли микросреды в процессе формирования

личности, всей системы ее межличностных отношений, посредством которой развиваются ее социально-психологические свойства (Е. В. Шорохова, Б. Ф. Ломов, Л. И. Божович, Н. Н. Авдеева, Э. Г. Эйдемиллер и др.). Совокупность воздействующих на человека социальных детерминант, по мнению Б. Ф. Ломова, образует сложную систему (Ломов, 1996). Нередко одни элементы этой системы (факторы и условия) противостоят воздействию других, что может приводить к изменению темпа или направления развития личности и отражаться на его результате. Представляя процесс социального развития как непрерывную смену детерминант, согласимся с тем, что достигнутое на одной стадии выступает в качестве внутреннего фактора, предпосылки или опосредующего звена по отношению к результату следующей стадии. Так, в качестве эффектов развития на ранних этапах социализации можно рассматривать сложившуюся систему взаимодействия личности с окружающими, включающую стратегии и схемы поведения, представления, способы воздействия и реагирования и т. п. Расширение системы социальных связей на следующем этапе развития индивида приводит к изменению и системы детерминант.

В процессе социализации, с одной стороны, происходит присвоение личностью ценностей и норм поведения, задаваемых извне, с другой стороны, сама личность включается в процесс формирования социально-психологических характеристик (самодетерминация). Однако чем младше ребенок, тем выше значимость социальных агентов. В раннем возрасте процесс социализации опосредован ближайшим кругом взрослых людей (родственники и наемные помощники). В условиях конкретной семьи в ходе активного общения друг с другом они обмениваются информацией о предпочитаемых стратегиях воспитания ребенка, стиле взаимодействия с ним, представлениях о нем. Однако роль матери и роль няни имеют принципиальные отличия, начиная с психологической и социальной дистанции и заканчивая функциями, которые выполняют мать и наемный работник по уходу за ребенком в семье. Как показывают наши исследования (Дробышева, Романовская, 2012, 2013; и др.), представления матери и няни о ребенке и взаимодействии с ним имеют отличия. Тем не менее, приглашая наемного работника в семью, мать часто переносит на няню не только обязанности по уходу за ребенком, но и свои материнские функции, связанные с формированием материнской привязанности. Нами было выявлено, что есть разные типы нянь в зависимости от предпочитаемого ими стиля профессионального взаимодействия с ребенком как объектом труда и его родителями – матерью, в первую очередь (Дробы-

шева, Романовская, 2013). Также были выявлены различия в выраженности социально-психологических свойств детей дошкольного возраста в зависимости от присутствия/отсутствия няни в семье в период с рождения и до 3 лет ребенка (Дробышева, Романовская, 2016). Некоторые из выделенных различий, которые характеризуют особенности группы детей из семей с наемным работником, были связаны с представлениями матери и ее социально-психологическими характеристиками (ценностными ориентациями, мотивацией достижения и т. п.). Однако не полностью раскрыт вопрос о предпосылках психологической готовности матери к приему в семью наемного работника и степени передачи ему своих материнских функций по формированию надежной привязанности у ребенка (Романовская, 2016). Также представляет интерес изучение внутренних детерминант конструирования представлений матери о ребенке, поскольку содержание этих представлений дает нам понимание о природе отношений матери и ребенка, степени их близости. Все вышеизложенное определило цель нашего исследования.

Организация и методики исследования

Итак, целью исследования стало выявление связи между элементами представлений о ребенке и ценностными ориентациями мам в семьях с наемным работником по уходу за ребенком и без него.

Выборку исследования составили 82 матери, из них 41 мама – из семей с наемным работником (далее – экспериментальная группа, ЭГ) и 41 мама, воспитывающая ребенка без приглашения в семью чужого взрослого (контрольная группа – КГ). Все участвующие в исследовании семьи полные; отцы заняты в разных сферах профессиональной деятельности; количество детей варьируется от одного до пяти. Наличие бабушек и дедушек нами не контролировалось. Для исследования были отобраны семьи, в которых няня присутствовала с рождения ребенка или с первых месяцев жизни и до трех лет. График работы няни составлял полный рабочий день; многие проживали с семьями на постоянной основе. Некоторые мамы из ЭГ работали по своему графику, некоторые не работали, но имели достаточно времени и желания заниматься своими делами, потому проводили со своими детьми столько же времени, сколько и работающие мамы. Детская выборка была выровнена по полу и возрасту. В нее отбирались дети в возрасте от 4 до 6 лет, мальчики и девочки поровну.

В качестве основных *методов исследования* использовались: авторская анкета, мини-сочинение, методика ценностных ориентаций А. Б. Фанталовой.

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на ценностный подход к конструированию представлений (Дробышева, 2013; и др.), мы предположили, что особенности представлений мам из двух групп обусловлены их системой ценностных ориентаций. Корреляционный анализ показал наличие связей между элементами исследуемых представлений – характеристиками детей и ЦО матерей из двух групп.

Выявлены различия в представлениях о ребенке и структуре ЦО мам из двух групп (по критерию Манна–Уитни при $p < 0,05^*$ и $p < 0,001^{**}$). Частотный анализ выраженности качеств личности ребенка в представлениях матерей показал следующее. В экспериментальной группе в представлениях матерей полностью отсутствуют отрицательные характеристики интеллекта ребенка (0%). Данные мамы ориентированы на завышенные оценки проявления умственных способностей их детьми, в то время как мамы из КГ, наряду с позитивными характеристиками интеллекта, называют и негативные (25% подвыборки). Данные различия подтверждаются показателем χ^2 ($\chi^2 = -2,68^*$). Выявлены статистически значимые различия и в оценках мам из двух групп нравственных качеств ребенка ($\chi^2 = -3,067^*$). Мамы из КГ в большей степени (39%), чем мамы из ЭГ (8%), склонны приписывать детям нейтральные (т.е. безоценочные) характеристики нравственных качеств ребенка. Аналогичные различия обнаружены при сравнении высоких оценок позитивных эмоциональных качеств ребенка ($\chi^2 = -2,64^*$). В данном случае завышенные оценки чаще дают мамы из ЭГ (67%), чем КГ (42%). Последние не преувеличивают эмоциональность своего ребенка. Выявлены различия и относительно нейтральных оценок эмоциональной сферы детей в двух группах мам ($\chi^2 = -2,98^*$). К таким оценкам более склонны мамы из КГ (48%), чем из ЭГ (20%). Наконец, волевые качества детей также по-разному оцениваются мамами из двух групп ($\chi^2 = -3,902^{**}$). Почти половина мам из КГ (43%) описывает волевые качества своих детей, не давая какой-либо оценки их, в то время как в ЭГ только 3% мам разделяют такое же мнение. В завершении следует отметить, что и самооценки матерей («Я как мама») также отличаются в ЭГ и КГ ($\chi^2 = -2,228^*$). Мамы из семей с наемным работником реже оценивают себя как хорошую мать (только 27% подвыборки) по сравнению с мамами из КГ (56%).

Анализ иерархической структуры ЦО мам показал следующее. В ЭГ ценностная структура имела такую последовательность: «здоровье» (1 ранг), «счастливая семейная жизнь» (2 ранг), «любовь» (3 ранг), «активная деятельная жизнь» (4 ранг) «материальная обеспеченность» (5 ранг), «познание» (6 ранг), «свобода» (7 ранг), «ин-

тересная работа» (8 ранг), «наличие друзей» (9 ранг) «уверенность в себе» (10 ранг), «творчество» (11 ранг), «красота природы и искусства» (12 ранг). В КГ данная структура характеризовалась в первую очередь значимостью счастливой семейной жизни (1 ранг), здоровья (2 ранг) и любви (3 ранг) и далее по убыванию – материально обеспеченной жизни (4 ранг), активной деятельной жизни (5 ранг), наличия хороших и верных друзей (6 ранг), свободы (7 ранг), уверенности в себе (8 ранг), познания (9 ранг), творчества (10 ранг), интересной работы (11 ранг), красоты природы и искусства (12 ранг). Как можно заметить, мамы из ЭГ отличаются от мам из КГ приоритетом здоровья по сравнению с семьей (группа ядерных, т. е. наиболее значимых ценностей), а также более высокими оценками ценностей активной жизни, интересной работы, уверенности в себе и более низкими оценками значимости друзей.

Корреляционный анализ (по критерию Спирмена) между представлениями мам о ребенке и их ЦО в экспериментальной группе показал следующее. В ЭГ наибольшее число связей обнаружила такая ЦО как «активная деятельная жизнь», высокая значимость которой является дифференцирующей характеристикой ценностной сферы мам из двух групп. Она образует связи с позитивными ($r=0,342$; $p=0,031$) и негативными ($r=0,419$; $p=0,007$) оценками эмоциональных характеристик ребенка, а также с негативными оценками его нравственных качеств ($r=0,434$; $p=0,005$) в представлениях мам этой группы. Две другие ЦО, значимость которых различается в двух группах («уверенность в себе» и «свобода») образуют связь с нейтральными оценками нравственной сферы ребенка в представлениях мам ($r=0,407$; $p=0,009$ и $r=0,314$; $p=0,048$). Таким образом, можно сказать, что чем выше значимость ориентаций на ценности индивидуализма в сознании мам, тем выше вероятность включения в «психологический портрет» ребенка выраженных позитивных и негативных оценок его эмоциональных характеристик и негативных оценок нравственных качеств. Интересно, что вторая ЦО, образующая не одну связь с элементами представлений, – это ориентация на ценность любви. Ее высокая значимость обеспечивает включение с «портрет ребенка» из ЭГ позитивных оценок его интеллекта ($r=0,326$; $p=0,04$) и нейтральных оценок нравственных качеств ($r=0,395$; $p=0,012$). Последние характеристики связаны и с ценностью познания ($r=0,323$; $p=0,042$). Остальные ЦО мам ЭГ образуют по одной связи с элементами представлений. Установлено, что отрицательные оценки социальных качеств ребенка в представлениях мам ЭГ связаны с их ориентацией на счастливую семейную жизнь ($r=0,322$; $p=0,043$). Напомним, что данная ЦО невысоко значима

в этой группе. Отрицательные оценки волевых качеств ребенка связаны с ориентацией на эстетические ($r=0,315$; $p=0,047$) и материальные ($r=0,332$; $p=0,036$) ЦО мам ЭГ. Таким образом, в конструировании представлений о ребенке в ЭГ мам (т. е. из семей с наемным работником) представлены, как наиболее, так и наименее значимые ЦО. Интересно, что в меньшей степени социальные качества ребенка в представлениях мам связаны с их ЦО. Именно эти качества, раскрывающие особенности взаимодействия ребенка с другими людьми, в том числе сверстниками, не вызывают у мам сомнения. Как упоминалось ранее, эти мамы, описывая своего ребенка, надеялись его хорошими коммуникативными навыками и т. п. Реально же данные дети отличаются низкими показателями социально-психологической зрелости, выражающейся в проблеме адекватного взаимодействия со сверстниками (см. Дробышева, Романовская, 2016).

Не углубляясь в подробный анализ взаимосвязей ЦО и элементов представлений о ребенке в группе мам из семей без няни, заметим, что наибольшее число связей образовала такая ЦО, как «творчество» (4 связи с элементами представлений о социальных качествах ребенка (нейтральные, позитивные, негативные оценки) и нейтральными оценками эмоциональных характеристик). В целом, в КГ наибольший «ценностный контроль» в сознании мам был выявлен в связи с конструированием представлений о социальных качествах ребенка (6 связей с ценностями: материально обеспеченной жизни, наличия друзей, уверенности в себе, счастливой семейной жизни, творчества), в то время как в представлениях мам ЭГ обнаружены по три связи с оценками нравственных, волевых качеств и эмоциональных характеристик ребенка.

Опираясь на «ценностный подход» к конструированию представлений (Дробышева, 2013; и др.), можно сделать вывод, что механизм конструирования представления о ребенке в сознании мам из двух групп отличается по доминированию ценностного контроля за включением личностных качеств ребенка: в одной группе – нравственных, волевых, эмоциональных, в другой – его социальных качеств.

Заключение

Представления матерей из семей с наемным работником характеризуются полярными оценками нравственных и волевых качеств их детей. Они либо неадекватно завышенные, либо заниженные. Такой разброс в оценках указывает на то, что данные мамы в большей степени описывают либо идеальный (ожидаемый) образ своего ребенка, либо отвергаемый, построенный на мнении окружающих,

но не его реальный «психологический портрет». Данный факт дополнительно подтверждается, с одной стороны, отсутствием низких оценок интеллектуальных качеств ребенка, с другой стороны, включением завышенных оценок позитивных эмоциональных характеристик. Однако мамы ЭГ не проводят с ребенком достаточно времени и судят о его эмоциональном состоянии в большей степени по рассказам няни или по опыту совместного досуга в выходные дни. Мамы из контрольной группы, наоборот, демонстрируют тенденцию к адекватным, средним оценкам личностных качеств своего ребенка. Выявленная картина во многом объясняется ориентацией мам из семей с наемным работником на ценности индивидуализма, достижения, которые в сочетании с низкой самооценкой своих материнских качеств усиливают обнаруженные тенденции. Анализ взаимосвязи между ЦО и элементами представлений о ребенке в сознании мам из двух групп продемонстрировал различия в механизме конструирования данных представлений.

Литература

- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М., 2013.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлениях мамы воспитанника // Развитие психологии в системе человекознания. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М., 2012. С. 354–357.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально-психологического исследования // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2013. С. 357–373.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 81–97.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Особенности социально-психологических свойств личности в зависимости от условий ранней социализации в семье // Новое в социально-педагогических исследованиях. 2016. № 3 (43). С. 83–97.
- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // Системность в психологии. Избранные психологические труды / Под ред. В. А. Барбанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.–Воронеж, 1996.

Романовская М. А. Социально-психологические типы мам детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (няней) // Вестник Московского областного университета. Сер. «Психологические науки». 2016. № 1. С. 44–53.

**The relationship of value orientations and beliefs
about the child from mothers from families
with an employee (a nanny)**

M. A. Romanovskaya (Moscow region)

Applicant degree of candidate of Sciences of Institute of Psychology of RAS, teacher-psychologist gymnasium “Master-class”

The article presents the results of a comparative study of the perceptions of the child in the two groups of mothers from families with an employee (a nanny) and raising a child without the help of a nanny. The structure of value orientations of the mothers of the two groups. The analysis of the relationship of value orientations and presentation elements. Differences in the views of mothers from the two groups are associated with the estimates of moral, intellectual, emotional and volitional qualities of their children. Not identified differences in the evaluation of social qualities of the child. The representation of mothers from families with an employee include the polar characteristics of moral, strong-willed spheres of the child and inflated assessment of the intellectual abilities of the child.

Keywords: socio-psychological internals, nanny, employee, representations mother of the child, factors of early socialization.

Опыт изучения социально-психологических детерминант внутренней картины здоровья

Э. В. Смирнова (Воронеж)

*аспирант кафедры общей и социальной психологии
Воронежского государственного университета
e-mail: 2012smirnova@mail.ru*

Анализируются социально-психологические детерминанты внутренней картины здоровья как одного из стержневых элементов мотивации человека в отношении своего здоровья и соответствующих паттернов его поведения. В качестве таковых выступают социальный самоконтроль личности, социально-психологическая адаптированность и социальная фрустрированность. Описаны авторские типологии внутренней картины здоровья, основывающиеся на таких критериях, как уровень самооценки индивидом своего физического и психического состояния и своего здоровья в целом, валидность представлений человека о собственном состоянии и самочувствии, направленность мотивации поведения на здоровье. Излагаются результаты эмпирического исследования, в котором проверялась связь между различными типами внутренней картины здоровья и уровнем социального самоконтроля. Обнаружены прямые статистически значимые связи высокого уровня социального самоконтроля с адекватным типом внутренней картины здоровья и низкого уровня социального самоконтроля – с негативным типом. Наряду с этим установлена обратная связь низкого уровня социального самоконтроля и объективного типа внутренней картины здоровья.

Ключевые слова: внутренняя картина здоровья, личность, социально-психологическая адаптированность, социальный самоконтроль, социальная фрустрированность.

Постановка проблемы

Научный подход в любой сфере познания предполагает, прежде всего, выявление и анализ причин и условий изучаемых объектов, явлений, процессов. Поэтому ключевое значение приобретает понятие детерминации. Это в полной мере относится и к социальной психологии. В современной психологической науке категория детерминации призвана фиксировать и аргументированно обосновывать причинно-следственную и функциональную связи между различными социальными и социально-психологическими явлениями и процессами в их последовательности и взаимозависимости. Иначе говоря, концепция детерминации в системном ключе раскрывает, как и под воздействием каких побудительных причин формируется и реализуется поведение личности, каковы его внутренние и внешние истоки, факторы, как взаимодействуют различные детерминанты между собой (Деулин, 2007). Под детерминантами принято понимать условия, причины, факторы от которых зависят формирование, развитие личности и ее поведения.

Как показали наши исследования, применительно к внутренней картине здоровья функцию социально-психологических детерминант личности выполняют социально-психологическая адаптированность, социальный самоконтроль и социальная фрустрированность. В своей совокупности они обуславливают поведение человека по отношению к своему здоровью, формируют соответствующую мотивацию и установки.

Важнейшую роль во взаимодействии личности и общества играет *социальный контроль* (Кузнецова, 2005). С одной стороны, это нормативный механизм социальной регуляции общественных отношений, целостная система средств и методов воздействия на членов социума, с другой стороны, – практика их использования и применения конкретной личностью. Функционирование социального контроля основано на интериоризации личностью принятых в обществе норм и требований, а также на мониторинге поведения других людей и оценке его соответствия социальным предписаниям и ожиданиям. Человек осознает себя во многом через наблюдение за другими членами общества (организации, группы, общности), постоянно сопоставляя себя с ними, усваивая в процессе социализации определенные нормы поведения, социальные установки и ценности.

В результате социальный контроль органично дополняется *самоконтролем*. Говоря о социальном самоконтроле личности, необходимо подчеркнуть способность субъекта управлять своим поведением, поступками, эмоциональными реакциями в ситуациях

взаимодействия, общения, совместной деятельности с другими людьми (группами). Социальный самоконтроль системно поддерживает и корректирует процессы социально-психологической адаптации личности. Социальный самоконтроль можно определить, как механизм поддержания социального порядка, основанный на проверке субъектом достигнутых им результатов деятельности в соответствии с имеющимися ожиданиями и нормами. Он обязательно включает систему различных способов и стратегий, с помощью которых личность согласовывает свое поведение с социальными предписаниями и ожиданиями окружающих (Никифоров, 1989).

Особое значение самоконтроль приобретает в деле заботы человека о здоровье, которая практически неотделима от ориентации на здоровый образ жизни и от отказа от вредных привычек. А действенность последнего прямо зависит от самоконтроля поведения и жизненного стиля. И наоборот, состояние здоровья человека и его представления о нем, отношение к здоровью выражаются в социальном самоконтроле личности, влияют на него.

Социально-психологическая адаптированность характеризует уровень включения личности во все происходящее с нею, степень гармонизации ее отношений с внешними условиями, прежде всего, социальными. При этом уровень психологического комфорта, отражающий сбалансированность эмоций человека и степень удовлетворения его потребностей, можно рассматривать как индикатор социально-психологической адаптированности.

Если индивиду не удастся достичь требуемого уровня социально-психологической адаптированности, он переживает состояние фрустрации, более того, рискует приобрести фрустрированность как устойчивую личностную характеристику. Фрустрированностью принято называть один из параметров психического состояния, при котором человек утрачивает позитивное и конструктивное отношение к окружающему миру и к самому себе, в том числе к своему здоровью. В этом состоянии он испытывает значительное и устойчивое внутреннее напряжение, вызванное конфликтом потребностей, ценностей и установок.

Понятие внутренней картины здоровья мы определяем, как устойчивую интегрированную систему социальных представлений, переживаний и установок человека в отношении своего физического, психического, психологического и социального состояния, своего здоровья в прошлом, настоящем и будущем. На ее основе у каждого субъекта складывается своя имплицитная концепция здоровья.

На основе теоретического анализа, исходя из различных оснований, нами предложено несколько типологий внутренней карти-

ны здоровья с целью систематизации многообразных ее вариантов, обнаруживающихся у людей (Смирнова, 2015). Эти типологии позволяют на теоретическом и эмпирическом уровне осуществить последовательное изучение различных представлений людей о своем здоровье, определенных отношений к нему, намерений поддерживать его на том или ином уровне.

Первая типология внутренней картины здоровья основывается на такой критерии, как уровень самооценки индивидом своего физического и психического состояния и здоровья в целом. С этой точки зрения, выделены три типа: оптимистический, пессимистический и адекватный.

Вторая типология внутренней картины здоровья базируется на критерии валидности представлений человека о своем собственном состоянии, о самочувствии. В ней различаются субъективный, объективный и интегративный типы.

Третья типология внутренней картины здоровья опирается на направленность мотивации поведения индивида, предметом которого является собственное здоровье. Этот критерий позволяет обозначить следующие типы: позитивный, индифферентный и негативный.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью проведенного эмпирического исследования явилось определение взаимосвязи социального самоконтроля и типов внутренней картины здоровья. Были выдвинуты следующие предположения:

- 1) оптимистический и пессимистический типы внутренней картины здоровья будут связаны с низким уровнем социального самоконтроля, в то время как адекватный – с высоким;
- 2) субъективный тип внутренней картины здоровья может быть связан со средним уровнем социального самоконтроля, объективный – со средним или низким его уровнями, а интегративный тип – с высоким;
- 3) следует ожидать связи позитивного типа внутренней картины здоровья с высоким уровнем социального самоконтроля, а негативного и индифферентного типов – с низким.

Выборку исследования составили студенты вузов г. Воронежа. Объем выборки основного исследования составил 271 человек (из них 42 мужчины и 229 женщин в возрасте от 17 до 24 лет).

Исследование проведено посредством комплекса следующих *методик*:

- 1) Опросник уровня субъективного контроля Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда (Бажин и др., 1993), который использовался для выявления степени выраженности уровня субъективного контроля личности над разнообразными жизненными ситуациями и, в частности, относительно здоровья (шкала интернальности в отношении здоровья и болезни), а также для подтверждения данных, полученных по методике «Шкала социального самоконтроля».
- 2) «Шкала социального самоконтроля» М. Снайдера в адаптации А. А. Рукавишникова и М. В. Соколовой (Рукавишников, Соколова, 1999) применялась для выявления уровня социального самоконтроля, выражающегося в способности человека управлять своим поведением и выражением своих эмоций.
- 3) Разработанный нами опросник «Типы внутренней картины здоровья», предназначенный для выявления типа внутренней картины здоровья у испытуемых, согласно разработанной типологии.

Данные обрабатывались с помощью процедур процентильной нормализации и корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты исследования

Эмпирическое исследование показало, что среди опрошенных студентов заметно преобладает средний уровень социального самоконтроля. Доля среднего уровня социального самоконтроля составляет около половины от общего числа испытуемых (52,6%). Примечательно, что доля высокого уровня социального самоконтроля почти вдвое превышает долю низкого уровня (30,4% от выборки против 17,0%). Суммарно высокий и средний уровни социального самоконтроля представлены у более трех четвертей от общего числа испытуемых. Это свидетельствует о хорошем качестве социального самоконтроля у большинства обследованных студентов.

Согласно полученным данным, имеется статистически значимая связь высокого уровня социального самоконтроля и адекватного типа внутренней картины здоровья, выделенного нами в рамках первой типологии, основанной на уровне самооценки индивидом своего здоровья (коэффициент корреляции 0,62 значим при $\alpha \leq 0,05$).

В рамках второй из предложенных нами типологий внутренней картины здоровья удалось выявить значимую связь объективного типа внутренней картины здоровья и низкого уровня социально-

го самоконтроля. Однако важно подчеркнуть, что эта связь оказалась обратной (коэффициент корреляции $-0,46$ значим при $\alpha \leq 0,05$), в то время как в исходной гипотезе она предполагалась прямой. Другими словами, чем больше человек ориентируется в своих представлениях о здоровье и в отношении к нему на объективную информацию, данные медицинских обследований с одновременным игнорированием субъективных ощущений, самочувствия, своего эмоционального настроя, тем в большей степени у него выражен самоконтроль. Видимо, объективная информация о состоянии своего здоровья в большей степени стимулирует человека держать под контролем состояние своего здоровья, чем субъективные ощущения, хотя возможно и обратное: склонность к социальному самоконтролю побуждает субъекта получать достоверную о нем информацию, что способствует формированию объективного типа внутренней картины здоровья.

Что касается третьей типологии внутренней картины здоровья, то подтвердилась связь низкого уровня социального самоконтроля с негативным типом внутренней картины здоровья (коэффициент корреляции $0,56$ значим при $\alpha \leq 0,05$). Скорее всего, действительно, можно ожидать от людей со сниженным социальным самоконтролем неумения прикладывать сознательные усилия при организации собственного поведения в системе общественных отношений, в том числе и относительно своего здоровья. Это выражается, в частности, в том, что индивиды не в состоянии отказаться от своих вредных привычек, ограничить свою гедонистическую активность, держать ее под контролем, что и характеризует негативный тип внутренней картины здоровья.

Таким образом, можно заключить, что наша гипотеза подтвердилась частично. Высокий уровень социального самоконтроля прямо связан с адекватным типом внутренней картины здоровья, а низкий уровень социального самоконтроля – с негативным типом. В то же время выявлена обратная связь низкого уровня социального самоконтроля и объективного типа внутренней картины здоровья.

Заключение

Проведенное исследование позволяет глубже и точнее понять сущность внутренней картины здоровья, раскрывающей особенности осознания личностью статуса и динамики своего здоровья, оценки своих физиологических и психологических возможностей и ресурсов для поддержания и защиты здоровья. Возможности эмпирического изучения данного феномена и его социально-психологических

детерминант будут способствовать выработке научно обоснованных рекомендаций по организации социально-психологической работы с населением, нацеленной на формирование устойчивой направленности населения на активные действия относительно поддержания и укрепления своего здоровья, актуализации действенного самоконтроля в этой области.

Литература

- Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинц А. М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М., 1993.
- Деулин Д. В.* Системный подход в философско-психологической парадигме // Психологическая наука и образование. 2007. № 1. С. 60–68.
- Кузнецова Е. М.* Социальный контроль: сущность и роль в современном обществе // Становление и развитие рыночных отношений в регионе: Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2005. URL:<http://www.aup.ru/articles/socupr/10.htm> (дата обращения: 14.09.2016).
- Никифоров Г. С.* Самоконтроль человека. Л., 1989.
- Рукавишников А. А., Соколова М. В.* Шкала социального самоконтроля: Руководство. Ярославль, 1999.
- Смирнова Э. В.* Концепт «внутренняя картина здоровья» в психологии // Современные тенденции в научной деятельности: Материалы VII Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 1272–1277.

The experience of studying socio-psychological determinants of internal picture of health

E. V. Smirnova (Voronezh)

Postgraduate, Department of General and social psychology,
Voronezh State University

The article analyzes the socio-psychological determinants of the internal picture of health as one of the core elements of the person's motivation for his health and the corresponding patterns of his behavior. As such, social self-control of the person, social-psychological adaptation and social frustration act. Author's typologies of the internal picture of health are described, based on such criteria as the individual's level of self-assessment of his physical and mental state and his health in general, the validity of the person's ideas about his own state and state of health, the

direction of motivation of behavior on health. Outlines the results of an empirical study in which the relationship between various types of internal picture of health and the level of social self-control was checked. Direct, statistically significant connections of a high level of social self-control with an adequate type of internal picture of health and a low level of social self-control were found with a negative type. Along with this, the feedback of a low level of social self-control and an objective type of internal picture of health is established.

Keywords: inner health picture, personality, socio-psychological adaptation, social control, social frustration.

Динамика коммуникативной компетентности студентов-музыкантов

Л. Э. Филатова (Воронеж)

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры практической психологии, Воронежский государственный педагогический университет; e-mail: filatova_liliya@list.ru

Рассматривается проблема диагностики и развития коммуникативной компетентности. Отражены результаты эмпирического исследования динамики коммуникативной компетентности студентов – музыкантов. Показано, что студенты – музыканты старших курсов обучения более коммуникативны, они умеют понимать не только речь, но и мимику, жесты, обладают восприимчивостью к настроению окружающих. Несмотря на различия уровней коммуникативной компетентности, студенты – музыканты и второго и четвертого курсов ценят сплоченность коллектива, умение понимать настроение партнера.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, диагностический инструментарий, студенты-музыканты.

Коммуникативная компетентность является важнейшим условием жизни людей, без которой невозможно полноценное формирование не только отдельных психологических функций, процессов и свойств человека, но и личности в целом. Необходимость общения обуславливается совместной деятельностью в обществе, обменом знаниями и социального опыта, возможностью не только проявить себя и помочь окружающим, но и самоутвердиться перед обществом и перед собой, достигнуть поставленных целей и задач. Общение раскрывает общественную деятельность и расширяет ее новыми связями и межличностными отношениями. В результате человеческой деятельности возникают непосредственные коммуникации, которые выявляют общие интересы и потребности партнеров. Формирова-

ние коммуникативной компетентности у студентов-музыкантов является одним из важнейших критериев их становления как будущих профессиональных деятелей искусства.

Актуальность выбранной темы обусловлена требованиями Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) к результатам освоения программы бакалавриата по направлению подготовки музыкально-инструментальное искусство, которая определяет коммуникативные компетенции выпускников как готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранных языках для решения межличностного и межкультурного взаимодействия, умение работать в коллективе, осуществлять связи со средствами массовой информации и общественными организациями.

Теоретической основой исследования послужили труды Л. А. Петровской, В. А. Лабунской, Ю. М. Жукова и др. Рассмотрев философские и психологические аспекты проблемы общения, мы, вслед за Л. А. Петровской, понимаем подкоммуникативной компетентностью совокупность внутренних ресурсов личности, позволяющих эффективно выстраивать процесс общения (Петровская, 2007).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью проведенного эмпирического исследования было выявление динамики развития коммуникативной компетентности у студентов-музыкантов.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что динамика коммуникативной компетентности у студентов-музыкантов носит выраженный характер и проявляется в следующем. От 2 к 4 курсу обучения у студентов повышается уровень рефлексии и эмпатии, возрастает коммуникативный контроль, а также снижается затрудненность в общении.

Исследование проводилось на одном контингенте с интервалом в два года. В эмпирическом исследовании принимали участие 60 студентов-музыкантов 2 и 4 курсов очной формы обучения Воронежского государственного педагогического университета и Воронежской государственной академии искусств.

Методики исследования

- 1) Опросник «Социально-психологические характеристики субъекта затрудненного общения» В. А. Лабунской (Лабунская, 2001).

- 2) Опросник «Шкала эмоционального отклика» А. М. Меграбяна и Н. Эпштейна.
- 3) Методика «Диагностика рефлексии» А. В. Карпова (Карпов, 2003).
- 4) Методика диагностики оценки самоконтроля в общении М. Снай-дера.

Результаты исследования

Особенности партнерского общения изучались с помощью опросника В. А. Лабунской; были обследованы пять студенческих групп. Интерпретация полученных данных показала, что студенты-музыканты 2 курса наиболее чувствительны к такому компоненту общения, как навыки взаимодействия (НВ), т. е. для данных студентов на первый план выходит сплоченность коллектива, умение взаимодействовать, понимать особенности друг друга. Также важным фактором продуктивного общения является обращение друг с другом (ОО) – дружелюбность, добродушие, заинтересованность в проблемах других, умение и стремление показать себя с лучшей стороны, уважительность, почтительность, доверительность. Значимым компонентом положительных отношений в данной группе опрашиваемых являются социально-перцептивные качества партнера (СП) – способность понимания намерения партнера, умение чувствовать партнера, оценочная характеристика, чувствительность к настроению, стремление наделять человека качествами, присущими только себе, демонстрируя это партнеру. Обобщая, необходимо отметить, что для группы студентов-музыкантов 2 курса наиболее важна сплоченность в коллективе, доверительные партнерские отношения и отсутствие оценочной деятельности по отношению к внешнему виду; наиболее важной для них является оценка поступков, умение сопереживать и понимать партнеров.

Через 2 года у студентов-музыкантов 4 курса наиболее выражен компонент обращения друг с другом. Данным студентам очень важен отклик партнера по общению, его мнение, взаимопонимание в коллективе. Также следует отметить важность социально-перцептивных качеств партнера (СП), таких как оценочная характеристика, способность понимания намерения партнера, чувствительность к настроению, умение чувствовать партнера, наделять человека качествами, присущими только себе, демонстрируя это партнеру. Необходимо заметить, что чувствительность группы также акцентируется на характеристиках УО – умениях и навыках организации взаимодействия, таких как способность вести диалог, слушать, объяснять, понимать, беседовать, аргументировать свою

точку зрения, вносить и понимать замечания и предложения, умение воспринимать оценку партнера, понимать время в общении. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что наиболее раздражающими факторами в общении у студентов-музыкантов 4 курса являются: оценка их деятельности, а не оценочное отношение по внешнему виду либо по рассказам других людей; также огромное значение для данной группы представляют отношение партнеров, их мнение, суждения.

Изучение эмпатии проводилось с помощью опросника «Шкала эмоционального отклика» А. М. Меграбяна и Н. Эпштейна. Исследование показало, что большинство респондентов готовы в нужный момент проявить сочувствие к тому человеку, который в этом нуждается. Они мысленно способны пожалеть человека, с которым случилась неудача. Однако далеко не каждый готов действительно принимать серьезное участие в судьбе незнакомого человека. Даже если личность им знакома, это не значит, что они предпочтут отложить все свои срочные дела и погрузиться в решение чей-то проблемы.

Установлено, что у студентов и 2 и 4 курса преобладает высокий уровень эмпатии. Это свидетельствует о том, что студенты-музыканты готовы проявлять заботу, выражать свои чувства. При этом к 4 курсу уровень эмпатии меняется незначительно.

Изучение уровня рефлексии с помощью методики «Диагностика рефлексии» А. В. Карпова показало, что у 95% студентов рефлексия выражена на среднем уровне, что означает наличие аналитического мышления, умения оценивать свою деятельность, события из прошлого. Данный вид рефлексии направлен на полное понимание, осознание и структурирование произошедшего. Возможен анализ мотивов и основных условий, которые привели к определенным действиям. Данная форма рефлексии помогает анализировать собственные ошибки для того, чтобы не повторять их в настоящем. Исследование показало, что уровень развития рефлексии у студентов 4 курса становится выше: студенты размышляют о предстоящей деятельности, о том, что будет происходить в будущем.

Диагностика оценки самоконтроля в общении по методике М. Снайдера показала, что у студентов-музыкантов 2 и 4 курсов уровень коммуникативного контроля – средний, определяющий их как искренних, обладающих спонтанностью поведения, низкой саморегуляцией личностей, которые могут проявлять несдержанность, быть довольно обидчивыми и склонными к конфликтам.

Статистический анализ значимости различий данных, полученных по методикам, осуществлялся с помощью критерия Стьюдента для независимых выборок и критерия Манна–Уитни.

Результаты по методике В. А. Лабунской показали, что для студентов второго курса социально-перцептивные качества партнера и навыки взаимодействия между партнерами являются наиболее важными критериями общения в социальной группе, в отличие от студентов-музыкантов четвертого курса.

По методикам «Шкала эмоционального отклика» А. М. Меграбяна и Н. Эпштейна и «Диагностика рефлексии» А. В. Карпова статистически значимых различий студентов- музыкантов второго и четвертого курса не обнаружено.

По результатам анализа оценки самоконтроля в общении (методика М. Снайдера) выявлены статистически значимые различия по показателю высокого уровня самоконтроля, что подтверждает более развитый самоконтроль у студентов-музыкантов четвертого курса по сравнению со студентами второго курса.

Выводы

В результате исследования динамики коммуникативной компетентности у студентов-музыкантов, можно сделать следующие выводы.

Отмечается рост коммуникативного контроля от 2 к 4 курсу: студенты чаще следят за собой и своим поведением, знают, как себя вести в любой ситуации, но испытывают трудности реагирования в спонтанных ситуациях самовыражения, не любят сюрпризов и не планируемых обстоятельств.

Затрудненность в общении снижается с повышением курса обучения; у студентов меняются приоритеты в партнерских отношениях: наиболее важным фактором на 4 курсе является оценочная характеристика – партнеры уже хорошо друг друга знают, не проявляется оценка по внешнему виду, стереотипное представление не лидирует над практическим.

Повышается уровень рефлексии от 2 к 4 курсу: развивается умение оценивать свою деятельность, события из прошлого, растет понимание, осознание и структурирование произошедшего, анализ собственных ошибок.

Уровень эмпатии в общении повышается в процессе обучения: студенты готовы проявлять заботу, выражать свои чувства.

В целом можно сказать, что, несмотря на различия в уровне коммуникативной компетентности, для студентов-музыкантов и второго, и четвертого курсов важна сплоченность коллектива, умение понимать настроение партнера; у них отсутствует оценка партнера по внешности. Все это способствует развитию коммуникатив-

ной компетентности не только отдельных личностей, но и коллектива в целом.

Литература

- Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Наука. 2003. № 5. С. 45–57.
- Лабунская В. А., Менджеричкая Ю. А., Бреус Е. Ю.* Психология затрудненного общения. М., 2001.
- Петровская Л. А.* Общение, компетентность, тренинг: избранные труды. М., 2007.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Музыкально-инструментальное искусство» (уровень бакалавриата). URL: <http://минобрнауки.рф/документы/8880>.

Dynamics of communicative competence of students-musicians

L. Filatova (Voronezh)

Candidate of Psychological Sciences, senior lecturer of the Department of Practical psychology, Voronezh state pedagogical University

The article is devoted to the problem of diagnostics and development of communicative competence. It reflects the results of an empirical study of the dynamics of the communicative competence of musician students, which showed that students – older musicians are more communicative, they are able to understand not only speech but also facial expressions, gestures, and receptivity to the mood of others. Despite the differences in the levels of communicative competence, the music students of the second and fourth years appreciate the cohesiveness of the team, the ability to understand the partner's mood.

Keywords: communicative competence, diagnostic tools, music students.

Динамика отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста¹

Т. А. Шкурко, В. А. Лабунская** (Ростов-на-Дону)*

** кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
и психологии личности Академии психологии и педагогики,
Южный Федеральный университет; e-mail: shkurko@sfedu.ru
** доктор психологических наук, профессор кафедры социальной
психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики,
Южный Федеральный университет; e-mail: vlab@aanet.ru*

Целью работы было изучение динамики отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста. Гипотеза исследования: отношение к воспринимаемому субъекту («модели») может быть взаимосвязано с его хронологическим и воспринимаемым возрастом. Участники исследования (60 человек в возрасте от 20 до 89 лет: 51 женщина, 9 мужчин) оценивали визуальные презентации возраста «модели», представленной на фотографии, и свое отношение к ней. Было использовано 8 фотографий одной и той же «модели» (голливудская киноактриса М. Уэст), по одной фотографии на каждое десятилетие, начиная с 17 лет. Проведенное исследование позволило обнаружить динамику отношений симпатии, уважения, близости к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста. Динамика уважения имеет «позитивный скачкообразный» профиль (уважение к «модели» возрастает в связи с динамикой ее воспринимаемого возраста); динамика симпатии и близости – «негативный U-образный» профиль: интенсивность симпатии и близости постепенно

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

снижается при восприятии «модели» средних лет и далее повышается к возрасту 72/85 лет.

Ключевые слова: внешний облик, отношение, динамика отношений, возраст, восприятие внешнего облика, восприятие возраста, воспринимаемый возраст.

Введение

В современной социальной психологии проблема *динамики отношений личности* и ее факторов всегда была в фокусе внимания исследователей (см., например: Психология отношений человека..., 2007; Психология отношений человека..., 2016; и др.), так как именно через призму выстраиваемых личностью отношений с собой, миром и другими людьми, как убедительно показано в работах основоположника отечественной психологической концепции отношений В. Н. Мясищева (Мясищев, 2004), только и может быть понята личность. В качестве одного из ведущих факторов отношений человека к другим людям выступает «личностный» фактор – его разнообразные характеристики как субъекта, так и объекта отношения, а в качестве отправной точки формирования отношения к воспринимаемому субъекту – его внешний облик. В современных работах обнаружены закономерности влияния различных компонентов и характеристик внешнего облика воспринимаемого субъекта на формирование и динамику отношения к нему. Так, в работе В. А. Лабунской и А. А. Безьян (Лабунская, Безьян, 2014) показано влияние этнокультурного типа внешнего облика на проявление дискриминационного отношения к представителям этно-культурных групп; в исследованиях В. А. Лабунской и Д. В. Погонцевой (Лабунская, Погонцева, 2016; Погонцева, 2011) продемонстрировано влияние внешней привлекательности, «красоты» внешнего облика на формирование отношения к субъекту восприятия, возникновение явлений лукизма; в работе В. А. Лабунской и Е. В. Капитановой (Лабунская, Капитанова, 2016) оценка внешнего облика членов реальной социальной группы рассматривается в качестве предиктора отношений межличностной значимости.

Роль *внешнего облика человека* в возникновении отношения к нему трудно переоценить. С одной стороны, внешний облик человека, как отправная точка его восприятия другими людьми, запускает последовательность процессов социальной перцепции – процессов отражения, отношения, обращения (Мясищев, 2004), с другой стороны, именно в современную эпоху, как, может быть, ни в какую

другую, внешний облик становится «способом визуальной коммуникации и стратификации» (Лабунская, 2010, с. 36). Ряд отечественных и зарубежных исследователей (Шкурко, Николаева, 2015; Rhodes, 2009; Voelkle, Ebner, Lindenberger, Riediger, 2012) рассматривают внешний облик человека как маркер его возраста, выделяя те его элементы, параметры и характеристики, которые влияют на восприятие возраста человека, на процессы отнесения его к тем или иным возрастным группам («молодой», «пожилой», «старый» и т. п.). Также в данных работах выделяется особый вид возраста – «воспринимаемый возраст», который является результатом социального восприятия и представляет собой возраст, приписанный воспринимаемому субъекту воспринимающим его человеком. В исследованиях показано, что воспринимаемый возраст является маркером психофизиологических, биологических и психологических характеристик человека (показателей физического и когнитивного функционирования, длины теломер лейкоцитов, риска смерти, отношения к жизни и т. п.).

Организация и методики эмпирического исследования

В данном исследовании мы поставили перед собой *цель* выявить динамику отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста.

Предметом исследования выступили интенсивность и модальность отношений к другому (симпатия/антипатия, уважение/неуважение, близость/отдаленность, эмоциональное, частично неосознаваемое, отношение), воспринимаемый возраст другого.

В качестве *гипотезы* исследования выступило предположение, что отношение к воспринимаемому субъекту («модели») взаимосвязано с его хронологическим и воспринимаемым возрастом.

Эмпирическим объектом исследования выступили 60 человек в возрасте от 20 до 89 лет: 51 женщина, 9 мужчин.

Методы и процедура исследования

В качестве объекта восприятия («модели») в работе выступила голливудская киноактриса М. Уэст, находящаяся на различных этапах жизненного пути, фотографии которой размещены в сети Интернет в открытом доступе. Были подобраны 8 фотографий «модели», сделанные с промежутком в 7–14 лет между ними (в среднем десять лет): возраст «модели» на фотографиях – 17 лет, 27 лет, 41 год, 50 лет, 57 лет, 64 года, 72 года, 85 лет. Фотографии предъявлялись

испытуемым в случайном порядке. Испытуемый оценивал возраст «модели». Также измерялось отношение испытуемого к «модели» с использованием следующего инструментария: 1) цветовой тест отношений А. М. Эткинды – использовался для диагностики эмоционального (частично неосознаваемого) отношения участников исследования к воспринимаемому субъекту («модели»); 2) методика исследования отношений человека к Другому, разработанная нами на основе классификации видов отношений В. В. Столина (Шкурко, 1997) – использовалась для диагностики интенсивности осознаваемых личностью отношений к воспринимаемому субъекту («модели») следующих модальностей: симпатия/антипатия (С-А), уважение/неуважение (У-Н), близость/отдаленность (Б-О)¹.

Результаты исследования

На *первом этапе* обработки данных был проведен сравнительный анализ выраженности симпатии/антипатии, уважения/неуважения, близости/отдаленности, эмоционального (частично неосознаваемого) отношения участников исследования к «модели» в связи с ее реальным (хронологическим) возрастом. Был применен критерий Фридмана – непараметрический аналог дисперсионного анализа повторных измерений, который применяется в математической статистике для анализа повторных измерений, связанных с одним и тем же испытуемым. Проведенный анализ показал, что статистически значимыми являются различия интенсивности отношения к «модели» следующих модальностей: симпатия/антипатия (С-А), уважение/неуважение (У-Р), близость/отдаленность (Б-О). Изменения эмоционального (частично неосознаваемого) отношения к «модели», измеренного с помощью процедуры ЦТО, не являются статистически значимыми, что позволило нам сделать вывод об отсутствии его динамики в связи с хронологическим возрастом «модели».

Полученные при применении критерия Фридмана средние ранги отношений участников исследования к «модели», а также средние значения выраженности отношений по шкалам С-А, У-Н, Б-О позволили выделить «негативный скачкообразный» профиль динамики отношений симпатии, уважения, близости к «модели». Этот и другие профили динамики описаны в одной из наших работ (Шкурко, 1997). Рассмотрим динамику отношения к «модели» по модальностям С-А, У-Н, Б-О.

1 Авторы статьи благодарят за помощь в сборе эмпирических данных Д. В. Королёва.

- 1) Отношение симпатии – самое интенсивное к «модели» в возрасте 17 лет (ср. балл –6,25 при 8 баллах максимального значения), далее с увеличением возраста «модели» симпатия снижается скачкообразно, несколько повышаясь на отдельных периодах. Средняя интенсивность отношения симпатии к «модели» в возрасте 85 лет – 4, 88.
- 2) Интенсивность уважения к «модели» в возрасте 17 лет – 5,4 балла, снижается в период 27 лет (4,75 балла) и 41 год (4,86), далее растет скачкообразно: 50 лет – 5,55; 57 лет – 5,57; 64 года – 5,36, 72 года – 5,68; и затем незначительно падает в 85 лет до 5,28.
- 3) Близость по отношению к объекту восприятия изменяется следующим образом: в возрасте 17 лет – 4,88 балла, в период 27 лет интенсивность близости достигает 3,6 балла, в 41 год – 3,55, в 50 лет – 3,35. Далее несколько повышается: в 57 лет – 3,83; в 64 года – 3,98, в 72 года – 4,15, а затем падает в 85 лет до 3,63.

Выделены пики интенсивности отношения к «модели», которые по всем изученным модальностям отношений совпадают: это возраст 17 лет и возраст 72 года.

На *втором этапе* анализа данных был высчитан средний воспринимаемый возраст «модели», который, как оказалось, не совпал с хронологическим: «модели» в возрасте 17 лет испытуемые «давали» 18 лет, в возрасте 27 лет – 30 лет, в возрасте 41 год – 29 лет, в возрасте 50 лет – 43 года, в возрасте 57 лет – 54 года, в возрасте 64 года – 45 лет, в возрасте 72 года – 67 лет, и в возрасте 85 лет – 64 года. Далее показатели интенсивности отношений участников исследования к «модели» были выстроены в зависимости от ее воспринимаемого возраста и к ним также был применен критерий Фридмана. Проведенный анализ обнаружил значимую динамику отношений симпатии, уважения, близости и не значимую – эмоционального (частично неосознаваемого) отношения к «модели».

Анализ средних рангов отношений, полученных по критерию Фридмана, а также средних значений выраженности отношений по шкалам С-А, У-Н, Б-О позволил выделить иные профили динамики отношений симпатии, уважения, близости к «модели» в связи с ее воспринимаемым возрастом:

- 1) Профиль динамики симпатии по отношению к «модели» по мере увеличения ее воспринимаемого возраста – «негативный U-образный»: начиная с достаточно высокой интенсивности отношений (6,25 балла), далее наблюдается спад уровня выраженности симпатии по отношению к «модели» на протяжении первых трех десятилетий ее жизненного пути. После заметного спада,

средние ранги выраженности симпатии/ антипатии остаются приблизительно на одном уровне, доходя до 5,21 балла по отношению к «модели», которая воспринимается как наиболее «возрастная».

- 2) Динамика уважения к «модели» в зависимости от ее воспринимаемого возраста происходит по «позитивному скачкообразному» профилю: начинаясь с показателя 5,4, далее несколько падает по отношению к «модели» на первых трех десятилетиях ее жизненного пути, сменяется внезапным скачком на уровне средних лет «модели», продолжая делать небольшие скачки, доходит до наивысших значений в 5,68 относительно «модели», которая воспринимается участниками исследования как самая «возрастная».
- 3) Профиль динамики близости – «негативный U-образный». Начинаясь с достаточно высоких показателей интенсивности близости (4,88) по отношению к «модели», воспринимаемой участниками исследования как наиболее молодой, затем показатели несколько снижаются (при оценке «модели» в возрасте средних лет), после чего следует заметный скачок отношения близости к «модели», сопровождающийся небольшим падением, и далее – финальный скачок близости (4,15).

В целом, динамика симпатии, уважения, близости по отношению к «модели» в связи с ее воспринимаемым возрастом является более «ровной», без хаотичных скачков, которыми характеризовалась динамика отношений в связи с хронологическим возрастом модели.

Заключение

Проведенное исследование позволило обнаружить динамику отношений симпатии, уважения, близости к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста. Эта динамика имеет различные профили в зависимости от того, какой критерий возраста воспринимаемого субъекта берется за основу: хронологический или воспринимаемый возраст.

При анализе динамики отношений к воспринимаемому субъекту в зависимости от его хронологического возраста выделен «негативный скачкообразный» профиль динамики отношений симпатии, уважения, близости к «модели», при котором начальные показатели (по отношению к самой молодой «модели») выше финальных (по отношению к самой «возрастной» «модели»), между ними показатели отношений изменяются скачкообразно – то несколько повышаясь, то снижаясь.

Динамика отношений к воспринимаемому субъекту в связи с его хронологическим возрастом не совпадает с динамикой отношений в связи с его воспринимаемым возрастом.

Динамика отношений симпатии, уважения, близости к воспринимаемому субъекту в связи с его воспринимаемым возрастом более ровная, без хаотичных скачков отношений. Выделены следующие профили динамики: «позитивный скачкообразный» (модальность уважения/неуважения) и «негативный U-образный» (модальности симпатии/антипатии, близости/отдаленности).

Динамика эмоциональных (частично неосознаваемых) отношений к «модели» в связи с увеличением ее хронологического и воспринимаемого возраста не обнаружена.

Выделены пики отношений симпатии, уважения, близости к субъекту восприятия (в 17 и 72 года), которые, на наш взгляд, связаны со среднеустойчивым и динамическим компонентами внешнего облика «модели» (Лабунская, 2010), их соответствием гендерно-возрастным конструктам, что нуждается в последующем анализе, выходящем за рамка данной статьи.

Литература

- Лабунская В. А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26–39.
- Лабунская В. А., Безьян А. А. Особенности дискриминационного отношения к представителям этно-культурных групп: гендерно-возрастной анализ // Гендерные реалии 21 века. 2014. С. 130–134.
- Лабунская В. А., Капитанова Е. В. Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 72–87.
- Лабунская В. А., Погонцева Д. В. Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения. М., 2016. С. 98–110.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М., 2004.
- Погонцева Д. В. Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 1. С. 73–82.
- Психология отношений человека и психическая регуляции деятельности. Владимир, 2007.
- Психология отношений человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир, 2016.

Шкурко Т. А. Динамика отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1997.

Шкурко Т. А., Николаева Е. Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 78–90.

Rhodes M. G. Age estimation of faces: A review // Applied Cognitive Psychology. 2009. V.23. Is. 1. P. 1–12.

Voelkle M. C., Ebner N. C., Lindenberger U., Riediger M. Let me guess how old you are: Effects of age, gender and facial expression on perceptions of age // Psychology and Aging. 2012. V. 27. Is. 2. P. 265–277.

Dynamics of attitude to perceived subject in connection with the perception of the visual presentations of its age

T. A. Shkurko, V. A. Labunskaya** (Rostov-on-Don)*

* Candidate of psychological Sciences, associate professor, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

The aim of this work was to study the dynamics of attitude to a perceived subject in connection with the perception of visual presentations of its age. Research hypothesis: the attitude to perceived subject (“model”) can be correlated with its chronological and perceived age. Respondents (60 people aged from 20 to 89 years: 51 women, 9 men) evaluated visual presentation of the age of the “model”, and their attitude to her. They were given eight photos of the same “model” (Hollywood actress M. West), one photo from every decade of her life starting from the age of 17. The conducted research allowed detecting the dynamics of sympathy and respect, “proximity” to perceived subject in connection with the perception of visual presentations of its age. The dynamics of respect had “intermittent positive” profile (respect to a “model” became higher in dependence of the dynamics of perceived age); the dynamics of the sympathy and proximity had “negative U-shaped” profile: the intensity of liking and proximity gradually decreased in course of the perception of the middle-aged “model”, and further increased close to her age of 72/85 years.

Keywords: appearance, attitude, dynamics of the attitude, age, perception of appearance, perception of age, perceived age.

Глава 2

ПСИХОЛОГИЯ ГРУППЫ И МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Метафорические представления взрослых, различающихся стратификационными характеристиками, о «своих» и «чужих» людях с разным этнокультурным внешним обликом¹

В. Д. Альперович (Ростов-на-Дону)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
и психологии личности Академии психологии и педагогики
Южного федерального университета;
e-mail: valdmalp@rambler.ru alper@sfedu.ru*

Исследование посвящено проблеме различия представлений, выраженных в метафорах и нарративах, о «своих» и «чужих» людях с разными типами этнокультурного внешнего облика. Цель исследования заключалась в том, чтобы провести сравнительный анализ метафор «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом у субъектов с разными стратификационными характеристиками (пол, возраст, уровень образования). Впервые описаны четыре интерпретативных репертуара восприятия «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом, различающиеся свойствами «своих» и «чужих» людей и оценкой взаимодействия данных партнеров по общению. Впервые разработана эмпирическая модель взаимосвязей метафор «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом и стратификационных характеристик личности.

Ключевые слова: метафоры, «свои» люди, «чужие» люди, стратификационные характеристики, этнокультурный внешний облик, интерпретативный репертуар.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-36-00049 по теме «Социально-психологическая эмпирическая модель исследования отношения к этнолукизму – практики дискриминации на основе обыденных обозначений типов внешнего облика» (внутренний номер темы – 213-01-13/2016-01 РГНФ).

Постановка проблемы

Межэтнические конфликты и иммиграционные процессы остаются в фокусе внимания исследователей как общественные явления (о других значимых явлениях см.: Психологические исследования..., 2013; Психологические проблемы..., 2012; и др.), связанные с актуализацией диалога «своих» и «чужих». В. В. Знаков подчеркивает, что негативные проекции способствуют созданию образа врага и мешают самопониманию (Знаков, 2016). Т. Ф. Камышникова и ее соавторы отмечают, что этнические стереотипы и «лейблы», на которых основана этническая идентичность, функционируют посредством жесткого деления окружающих на «своих» и «чужих» (Камышникова, Гросс, 2012; Качмазова, Тамерьян, 2014). Так, А. У. Качмазова и Т. Ю. Тамерьян анализируют когнитивные механизмы этнических стереотипов коренных жителей относительно поселенцев и иммигрантов на примере русских, американцев и осетин. Они показывают, что клишированные речевые выражения включают негативно маркированные оценки «чужих» – иммигрантов, приписывая им негативные общественные явления: пьянство, преступность и т. д. (Качмазова, Тамерьян, 2014).

Разработка проблематики конструирования образов «своих» и «чужих» людей, «врагов» и «друзей» связана с эскалацией дискриминационных практик по отношению к представителям различных групп, наделяемых отрицательными и положительными свойствами. Внимание многих исследователей привлекают негативные языковые и поведенческие практики дискриминации по разным критериям, основными из которых является гендер, внешний облик, в том числе этнокультурный внешний облик, вес, возраст, этническая, национальная принадлежность субъекта. Так, В. А. Лабунская отмечает, что «запрет со стороны общества на проявления этнолукизма как „обыденной“ дискриминационной практики, направленной на представителей этно-культурных групп с определенным типом внешнего облика, приводит к актуализации маскируемых, скрываемых форм данного вида дискриминации. Это обуславливает актуальность перехода к изучению непрямых способов выражения этнолукизма» (Лабунская, 2016, с. 19). *Этнолукизм* рассматривается автором как преследование людей на основе их этнического внешнего облика, сконструированного в межэтническом взаимодействии. Этнолукизм связан с иными видами дискриминации. В рамках теоретико-методологической модели, разработанной Лабунской, выполнены исследования Д. В. Погонцевой и А. А. Бзеян. Так, Погонцева установила, что «существуют значимые раз-

личия принятия дискриминационного поведения в случаях, когда оценивают принятие отношения к дискриминации девушек со славянским и кавказским, кавказским и азиатским внешним обликом, однако не существует значимых различий в принятии дискриминационного отношения по отношению к девушкам славянского и азиатского внешнего облика» (Погонцева, 2016, с. 39). Автор делает выводы о том, что ситуация взаимодействия с объектом оценивания и его этническая принадлежность влияют на принятие дискриминационного поведения людей молодого возраста (18–35 лет). Лабунская и Бзезян (Бзезян, 2014) установили различия когнитивного компонента отношения (так называемых «арреанс» – стереотипов) к представителям разных этнокультурных групп, обозначения внешнего облика которых сконструированы в межличностном общении («славянский», «кавказский», «азиатский»). «Арреанс» – стереотипы жителей ЮФО по отношению к субъектам со «славянским» типом этнокультурного внешнего облика более позитивные, а по отношению к субъектам с «кавказским» типом этнокультурного внешнего облика – более негативные. Авторы проанализировали взаимосвязи между «арреанс» – стереотипами по отношению к субъектам с разными типами этнокультурного внешнего облика и уровнем выраженности дискриминационного поведения по отношению к ним.

Дискриминационные стереотипы и поведение в межгрупповых отношениях, в частности, обусловлены «наклеиванием ярлыков» на членов иных этнических, гендерных групп. Они включают атрибуцию негативных свойств, предрассудки и предубеждения и составляют «язык вражды» («hate speech»). По мнению М. И. Фадеичевой, экзистенциальными основаниями этого феномена выступает социально-экономическая нестабильность, снижение заработной платы, безработица и т. д. (Фадеичева, 2015). А. В. Гладилин рассматривает «язык вражды» в качестве формы дискриминации, выраженной в повседневной коммуникации и в масс-медиа, расцениваемой как оскорбительная для представителей разных групп (Гладилин, 2013). Е. В. Тихонова согласна с утверждением о том, что СМИ задают фильтры восприятия и процессы стереотипизации. По ее мнению, в российских СМИ «имплицитно формируется стереотипный образ малограмотного, агрессивного, полукриминального мигранта, являющегося разносчиком целого ряда заболеваний, потенциально опасного для общества и не стремящегося к интеграции в новый социальный контекст» (Тихонова, 2015, с. 492). Тихонова рассматривает «язык вражды» как ключевой элемент формирования стереотипов, чьими базисными основаниями выступают *предубеждения*

и дискриминация. По мнению автора, «язык вражды» – это «любая форма (блатантная или имплицитная) репрезентации информации, оскорбительной для расовых, этнических, религиозных или иных групп (как правило, групп меньшинств, выступающих в качестве аутгруппы в рамках конкретного социума)» (там же, с. 495). Автор подчеркивает, что «язык вражды» включает репрезентации противоречия «недостатков» аутгруппы и «достоинств» ингруппы. В приведенных нами работах показано, что дискриминационные стереотипы и дискриминационное поведение по отношению к другому человеку, в свою очередь, базируются на повседневных языковых практиках. В когнитивной лингвистике и в когнитивной психологии изучаются метафоры и нарративы как механизмы формирования содержания конструкторов «свой/чужой», «друг/враг», отражаемые в речевом поведении индивида, в частности в «языке вражды».

Метафоры становятся инструментами социального познания, мышления человека (Аванесян, 2015; и др.), средствами конструирования, репрезентации социальных и психологических явлений, индивидуального опыта, жизненного пути, системы отношений личности, в том числе образов «своих» и «чужих» людей, «врагов» и «друзей».

Мы обнаружили некоторые *противоречия* в исследованиях, посвященных различным способам конструирования образов других людей. Недостаточно рассмотрены взаимосвязи принятия дискриминационного отношения к другим людям и восприятия субъектом партнеров по общению в качестве «своих» и «чужих» людей. Не разработаны эмпирические модели представлений личности о «врагах» и «друзьях» с разными типами этнокультурного внешнего облика.

Организация и методический инструментарий исследования

Проблемой нашего исследования являются особенности представлений, выраженных в метафорах и нарративах о «своих» и «чужих» людях с разными типами этнокультурного внешнего облика.

Цель эмпирического исследования заключалась в том, чтобы выявить различия метафор «своих» и «чужих» людей со «славянским», «кавказским» и «азиатским» этнокультурным внешним обликом у лиц с разными стратификационными характеристиками (пол, возраст, уровень образования).

Предметом нашего исследования выступили метафоры «своего» и «чужого» человека, «Врага» и «Друга» у мужчин и женщин, находящихся на этапах ранней и средней зрелости, с незаконченным высшим образованием и имеющих высшее образование.

Сформулированы следующие *гипотезы* исследования:

1. Метафоры «своих» и «чужих» людей с разным типом этнокультурного внешнего облика у мужчин и женщин могут различаться.
2. Метафоры «своих» и «чужих» людей с разным типом этнокультурного внешнего облика у лиц, находящихся на разных возрастных этапах, могут различаться.
3. Метафоры «своих» и «чужих» людей с разным типом этнокультурного внешнего облика у лиц, не имеющих и имеющих высшее образование, могут различаться.

В исследовании использован следующий *методический инструментарий* контент-анализ метафор, методы математической статистики (квартилирование, кластерный анализ, Н-критерий Краскела–Уоллиса, U-критерий Манна–Уитни). Разработана и применена авторская методика «Метафоры «своих» и «чужих», «Врага» и «Друга» как членов иных этнокультурных групп» (Альперович, 2017).

Эмпирическим *объектом* исследования стали 83 человека в возрасте 19–53 лет (студенты вузов, сотрудники различных предприятий г. Ростова-на-Дону).

Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов математической статистики и стандартного программного пакета для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 20.0.

Результаты исследования

Полученные *результаты* подтверждают выдвинутые гипотезы.

В рамках данной выборки с возрастом, к периоду средней и поздней взрослости, усиливается тенденция наделять положительными социально-психологическими свойствами «чужих» людей со «славянским» внешним обликом, «своих» и «чужих» людей с «кавказским» внешним обликом, позитивно оценивать их роль в общении. Респонденты с незаконченным высшим образованием более склонны приписывать отрицательные социально-психологические свойства «своим» и «чужим» людям с «кавказским» и с «азиатским» внешним обликом, негативно оценивать их роль в общении, чем респонденты с высшим образованием. Респонденты-мужчины более склонны подчеркивать различия с «чужими» партнерами по общению, особенно с представителями иных этнокультурных групп, имеют более ограниченные критерии категоризации окружающих людей на «своих» и «чужих», чем респонденты-женщины.

Описаны четыре *интерпретативных репертуара восприятия* «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом, различающихся в той степени, в которой субъекты наделяют положительными и отрицательными социально-психологическими свойствами «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом, а также восприятием взаимодействия данных партнеров по общению как конкурентного или как кооперативного. Выделены интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей, в которых «чужим» людям приписываются положительные характеристики. В рамках *первого* интерпретативного репертуара взаимодействие людей с разным этнокультурным внешним обликом воспринимается как *кооперативное*. Партнеры по общению с «кавказским» и с «азиатским» внешним обликом в качестве «чужих» не наделяются отрицательными социально-психологическими свойствами. Позитивные социально-психологические свойства «своих» людей, «друзей» не гиперболизируются. В рамках *второго* интерпретативного репертуара взаимодействие людей с разным этнокультурным внешним обликом воспринимается как *конкурентное*. Позитивно оценивается роль в общении «чужих» людей со «славянским» и с «азиатским» внешним обликом. Также выделены интерпретативные репертуары восприятия «своих» и «чужих» людей, в которых «чужим» людям с разным этнокультурным внешним обликом приписываются отрицательные свойства. В рамках *третьего* интерпретативного репертуара взаимодействие людей с разным этнокультурным внешним обликом воспринимается как *конкурентное*. Гиперболизированы негативные социально-психологические характеристики партнеров по общению с разным этнокультурным внешним обликом в качестве «чужих». В рамках *четвертого* интерпретативного репертуара взаимодействие людей с разным этнокультурным внешним обликом воспринимается *более дифференцированно*: оно оценивается, с одной стороны, как кооперативное, с другой стороны, – как конкурентное. Партнерам по общению с разным этнокультурным внешним обликом в качестве «своих» приписываются положительные социально-психологические свойства. Однако субъекты негативно оценивают роль в общении «чужих» людей с «кавказским» внешним обликом.

Разработанная нами эмпирическая модель интерпретативных репертуаров восприятия «своих» и «чужих» людей с разным этнокультурным внешним обликом применима в исследованиях феномена «дискриминация» и дискриминационных практик по отношению к другим людям.

Литература

- Аванесян М. О. Понимание переносного смысла на примере метафоры // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 46–60. doi: 10.17223/17267080/55/2.
- Беззян А. А. Особенности этнической идентичности как предиктор принятия дискриминационного отношения к этнокультурным группам // Национальная безопасность. Nota bene. 2014. № 3. С. 454–464.
- Гладиллин А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2013. Вып. 80. № 21 (312). С. 144–153.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М., 2016.
- Камышникова Т. Ф., Гросс А. А. Межэтническая толерантность как фактор политической стабильности: некоторые аспекты определения «своих» и «чужих» и несовпадение ментальных и географических границ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 4. С. 32–38.
- Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 298–305.
- Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 19–33. doi: 10.17759/sps.2016070402.
- Погонцева Д. В. К вопросу о дискриминации юношей и девушек со славянским, кавказским и азиатским обликом // Здоровоохранение, образование и безопасность. 2016. № 2 (6). С. 36–40.
- Психологические исследования проблем современного российского общества. М., 2013.
- Психологические проблемы современного российского общества. М., 2012.
- Тихонова Е. В. Стереотипизация и дискриминация этнокультурных групп: «отмывание информации» и «язык вражды» новых медиа // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сборник научных трудов / Под общ. ред. Л. К. Раицкой, С. Н. Курбаковой, Н. М. Мекеко. М., 2015. С. 485–503.
- Фадеечева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12. № 1 (18). С. 20–24.

Metaphorical representations of adults with different stratificational characteristics about “friend” and “alien” persons with various ethnocultural external appearance

V.D. Alperovich (Rostov-on-Don)

Candidate of psychological Sciences, associate professor
at the Department of Social psychology and of psychology of person,
Academy of Psychology and of Pedagogics, Southern Federal University

We touched on the problem of distinctions of representations about “friend” and “alien” persons with different ethnocultural external appearance reflected in metaphors and narratives. Purpose of this research was comparative analysis of metaphors of “friends” and of “aliens” with different ethnocultural external appearance of persons with different stratificational characteristics (gender, age, level of education). Four interpretative repertoires of perception of “friends” and of “aliens” with different ethnocultural external appearance are described by us. Empirical model of interconnections between metaphors of “friends” and of “aliens” with different ethnocultural external appearance and personal stratificational characteristics has been demonstrated.

Keywords: metaphors, “friend”, “alien”, stratificational characteristics, ethnocultural external appearance, interpretative repertoire.

Функциональная дихотомия социальной перцепции Другого: постановка проблемы и состояние исследований¹

М. В. Балева (Пермь)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии развития Пермского государственного национального
исследовательского университета;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru*

Процесс социального восприятия Другого описывается как дихотомический процесс активизации противоположных перцептивных модусов. Дихотомия рассматривается на двух уровнях: каузальном, который задается контрастными полюсами внешних (информационных) и внутренних (когнитивно-диспозициональных) факторов восприятия, и инструментальном, который представлен контрастными полюсами рациональности-эвристичности восприятия образа Другого. Выдвигается предположение о том, что экспериментальное усиление апперцептивности (реалистичности) объекта социального восприятия снижает вклад когнитивно-диспозициональных факторов в формирование его образа. При этом рациональность – эвристичность восприятия обнаруживает специфическую обусловленность когнитивными механизмами и личностными диспозициями воспринимающего субъекта. Приводятся результаты начального этапа исследования, свидетельствующие о том, что в основе стереотипизации образа обезличенного Другого лежат индивидуальные особенности переработки информации, которые представлены показателями когнитивных стилей и дивергентного мышления, а основу ингрупповой предвзятости и межгрупповой стереотипизации составляют, соответственно, мотивационные и когнитивные факторы.

1 Исследование осуществляется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-16-59006.

Ключевые слова: функциональная дихотомия, социальная перцепция, межгрупповая стереотипизация, ингрупповая предвзятость (фаворитизм), когнитивные стили, диспозиции, апперцептивность образа Другого.

В психологии существует большое число дихотомических теорий, которые представляют собой подкласс когнитивной (в противовес бихевиористической) парадигмы (Strack, Deutsch, 2015). Их отличительным признаком является функциональный подход к процессам переработки информации, предполагающий, что функционирование различных психических процессов либо их модусов носит адаптивный характер и зависит от условий и общего контекста ситуации (см. также: Психология адаптации..., 2007; и др.).

В социальной психологии можно найти множество примеров дуалистических концепций. Например, модель комплексной вероятности (Petty, Cacioppo, 1986), согласно которой социальный аттитюд формируется как функция параметров входящей информации (например, ее объема или качества аргументации), характеристик объекта восприятия (например, привлекательности) и характеристик субъекта восприятия (например, когнитивных качеств, мотивации или настроения). При этом аттитюд может формироваться в автоматическом либо осознанном режиме. Еще одним примером может служить модель эвристико-систематической аргументации (Chaiken, 1980), согласно которой выделяется два модуса обработки информации – эвристический (автоматический) и систематический (осознанный), активизация которых зависит от простоты/сложности обрабатываемой информации, а также когнитивных ресурсов субъекта. К этому же классу теорий можно отнести объяснение феномена фундаментальной ошибки атрибуции в терминах фокусных характеристик восприятия, то есть его направленности на человека при слабой фокусировке на внешних обстоятельствах.

Идея *социальной перцепции* берет начало в работе Дж. Брунера и С. Гудман (Bruner, Goodman, 1947). Первоначально она понималась как социальная обусловленность процессов восприятия. Однако позже под социальной перцепцией стали понимать восприятие социальных объектов: людей и групп. С 1970-х годов в исследованиях социальной перцепции начинают преобладать два методологических направления. Одно из них развивается в рамках атрибутивных теорий, а второе опирается на когнитивный подход. Ядром «атрибутивного» направления становятся исследования социальных стереотипов и предубеждений (например: Park, Rothbart, 1982).

Когнитивное направление развивает, скорее, общепсихологический подход к социальной перцепции: восприятие социальных объектов все чаще трактуется с позиций общих законов переработки информации (например: Houston, 1990).

Помимо методологических направлений в исследованиях социальной перцепции, можно выделить несколько актуальных тематических линий, которые задаются, по сути, разными представлениями о ее каузальных факторах.

Первая берет начало в работах Г. Тэджела и его коллег (например: Tajfel, Turner, 1986). В рамках данной области, широко распространенной в этнической психологии, существует традиция исследования *межгрупповых отношений*, в частности конфликтов, как функции социальной идентичности. Предполагается, что сам факт осознания принадлежности к социальной группе является необходимым и достаточным условием негативного отношения, вплоть до враждебности по отношению к представителям аутгрупп.

Вторая тематическая линия представлена анализом *диспозиционных характеристик субъекта* восприятия, определяющих его отношение к социальным объектам. В качестве таких характеристик выделяются конформность, доминантность, интернальность, агрессивность, авторитаризм и др.

Третья линия ориентирована на обнаружение *ключевых характеристик объектов* социальной перцепции, определяющих специфику их восприятия. К ним относят тип культуры, социально-экономический статус, специфику автостереотипа.

В рамках четвертой линии рассматривается *влияние ситуативных (информационных) факторов* на характер социального восприятия. Независимыми переменными здесь выступают, в частности, угрожающий характер информационного воздействия, его эмоциональная окрашенность, политическая тенденциозность.

В последние годы появилось еще одно тематическое направление, связанное с изучением *позитивных и негативных эмоциональных реакций*, сопровождающих социальную перцепцию. В частности, исследуется восприятие лицевой экспрессии и в этом контексте – феномен эмоционального заражения.

Существование нескольких направлений в изучении социальной перцепции обусловлено *комплексным* характером данного феномена. Дифференцированные исследования его каузальных факторов позволяют, с одной стороны, получить четкие представления об источниках формирования межличностных установок, с другой стороны, препятствуют целостному видению изучаемого процесса. Не случайно в последнее время появилась *тенденция интегра-*

тивных исследований социального восприятия (Корниенко, Балева, 2013), которая фактически основана на методологии комплексного и системного подходов в системной психологии (см., например: Методология комплексного человекознания..., 2008; и др.).

Одновременно с этим в исследованиях социальной перцепции обращает на себя внимание тот факт, что разные образы социального Другого (этнические, политические, религиозные, профессиональные, художественные и др.) рассматриваются изолированно друг от друга. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в отечественной психологии. Анализ проблематики научных публикаций российских исследователей за последние 10 лет показывает, что наибольший интерес и усилия направлены на изучение *межэтнических отношений*. Имеются также отдельные публикации, освещающие вопросы социальной перцепции лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, наркозависимых, ВИЧ-инфицированных, представителей профессиональных групп. Каждая из этих групп имеет специфичный стереотипизированный образ, который формирует доминирующее отношение к ней. При этом в существующей исследовательской традиции не принято сравнивать этнические и профессиональные или конфессиональные стереотипы. То есть изучение процессов стереотипизации имеет жесткую привязку к конкретному объекту социального восприятия. Следствием сложившейся ситуации является тот факт, что, например, результаты исследования механизмов восприятия лиц кавказской национальности не только не могут прояснить формирование образа наркозависимого или инвалида, но и являются неприменимыми даже к восприятию лиц другой, например, украинской, национальности. В какой-то мере такое положение вещей является закономерным и объяснимым: существенная доля стереотипного образа вытекает из специфической информации об уникальном образе жизни, неповторимых отличительных особенностях представителей контактных аутгрупп.

Вместе с тем не менее существенной составляющей процесса формирования представлений являются *когнитивные схемы*, составляющие каркас категоризации и принятия решений. В исследованиях ряда авторов (De Wall et al., 2009; Machunsky, Thorsten, 2014; и др.) показано, что данные схемы являются универсальными и проявляются вне зависимости от конкретного содержания обрабатываемой субъектом информации. Однако существующие в социальной психологии дихотомические концепции, констатируя активизацию в процессе социального восприятия различных психических процессов либо модусов, не исследуют их функционирование в качест-

ве закономерно обусловленного адаптивного процесса, имеющего кросс-групповой и кросс-ситуативный характер.

Наше исследование реализуется в традициях *интегративно-го и функционального подходов* к восприятию образа Другого. В качестве интегрирующего объяснительного принципа его формирования используется идея дихотомии. Дихотомия рассматривается нами на двух уровнях. Первый уровень – каузальный; он задается контрастными полюсами внешних (информационных) и внутренних (когнитивно-диспозициональных) факторов восприятия. Второй уровень можно условно обозначить как инструментальный; он задается контрастными полюсами рациональности – эвристичности восприятия образа Другого.

В качестве *критериев* определения Другого используются его а) формально-статусные и б) индивидуально-личностные характеристики. Под формально-статусными характеристиками понимается принадлежность Другого к социальным аутгруппам разного типа: этническим, идеологическим, стратификационным. Под индивидуально-личностными характеристиками понимаются черты личности Другого, которые контрастируют с чертами субъекта восприятия. Другими словами, в качестве критерия отнесения воспринимаемого объекта к категории «Другой», помимо формально-ролевого, рассматривается личностный контраст с воспринимающим субъектом. Дополнительно предполагается рассматривать Другого как конвенционально «хорошую» или «плохую» личность.

Внешние (информационные) факторы восприятия задаются в исследовании экспериментально через манипулирование формальными характеристиками информации о Другом: степенью апперцептивности его образа (т. е. возможностью вписать в контекст предыдущего опыта в противовес ситуативному конструированию). В качестве внутренних (личностных) факторов восприятия предполагается рассмотрение индивидуальных приемов обработки информации: когнитивных стилей, а также релевантных диспозиций (особенностей самоотношения, показателей «социальности»: аффилиативных мотивов, межличностных свойств, черт «Темной триады»). Степень рациональности–эвристичности восприятия Другого мы рассматриваем через классические феномены социальной перцепции – стереотипизацию и предвзятость. Их высокая выраженность свидетельствует в пользу эвристичности, а низкая – рациональности восприятия.

Таким образом, в исследовании предпринимается попытка обнаружить универсальные (сквозные) и контент-специфичные факторы восприятия Другого. В качестве объяснительного принципа

вводится понятие *функциональной дихотомии*, предполагающее активизацию ситуативно-личностного (на уровне каузальных факторов) и рационально-эвристического (на уровне зависимых переменных) модусов социальной перцепции. Активизация данных модусов связывается с усилением/ослаблением апперцептивности образа Другого.

Основная гипотеза исследования состоит в предположении, что восприятие Другого представляет собой функционально-адаптивный процесс, который определяется параметрами предъявления стимульного объекта. Предполагается, что варьирование степенью апперцептивности образа Другого задает специфику его восприятия в рамках ситуационно-личностного и рационально-эвристического континуумов. Выдвигаются *частные гипотезы* о том, что 1) взаимодействие внешних и внутренних каузальных факторов в процессе социальной перцепции носит взаимодополняющий (реципрокный) характер: при ослаблении информационной апперцептивности образа Другого усиливается каузальная роль внутренних (личностных) факторов восприятия; 2) взаимодействие эвристических и рациональных механизмов в процессе социальной перцепции Другого носит взаимодополняющий (реципрокный) характер и обнаруживает специфическую обусловленность внешними (информационными) и внутренними (личностными) факторами; 3) в условиях низкой апперцептивности образа Другого стереотипизация обнаруживает взаимосвязи с когнитивными, а предвзятость – с диспозиционными факторами личностного каузального уровня.

Исследование будет включать четыре *тематических блока*, отличающихся объектами восприятия: а) восприятие Другого как представителя искусственных аналогов социальных групп (низкая апперцептивность образа); б) восприятие Другого как представителя реально существующих социальных групп (высокая апперцептивность образа); в) восприятие индивидуально-контрастного Другого (низкая апперцептивность образа); г) восприятие «хорошего»/«плохого» Другого (высокая апперцептивность образа). Общими во всех перечисленных блоках будут измерения стереотипизации и предвзятости, а также личностных свойств и когнитивных стилей субъекта восприятия.

В настоящее время осуществляется сбор эмпирических данных в рамках первого тематического блока. *Выборка* начального этапа исследования составила 206 человек: 156 девушек и 50 юношей, студенты вузов, обучающихся на 1–3 курсах ($M=19,30$, $SD=0,83$, $Me=19$). Обнаружено, что в основе стереотипизации образа Другого лежат индивидуальные особенности переработки информации, которые пред-

ставлены некоторыми показателями когнитивных стилей и дивергентного мышления. При высоких показателях полнезависимости, гибкого познавательного контроля, рефлексивности, когнитивной сложности и оригинальности дивергентного мышления снижается уровень стереотипизации Другого, что выражается в большем акцентировании на фактах его поведения, чем на обобщенных чертах. Показано также, что субъективная оценка значимости информации о социальных группах может опосредовать влияние когнитивных стилей на стереотипизацию. В частности, при росте полнезависимости и гибкого познавательного контроля стереотипизация снижается быстрее, если информация о социальных группах мало значима для субъекта. В исследовании получены также интересные данные, позволяющие предполагать, что основу ингрупповой предвзятости и межгрупповой стереотипизации составляют разные процессы. *Ингрупповая предвзятость* может трактоваться, скорее, в терминах мотивационных, в то время как *межгрупповая стереотипизация* – в терминах когнитивных механизмов.

Таким образом, являясь лишь фрагментом намеченного системного исследования, полученные результаты не противоречат выдвигаемой нами концепции и, в частности, поддерживают гипотезу о связи стереотипизации с когнитивными, а предвзятости – с диспозиционными факторами личностного каузального уровня социального восприятия в условиях низкой апперцептивности образа Другого.

Литература

Корниенко Д. С., Балева М. В. Структура интраэтнических факторов в комплексной модели межэтнического взаимодействия // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. «Психологические и педагогические науки». 2013. № 1. С. 76–84.

Методология комплексного человекознания и современная психология. М., 2008.

Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М., 2007.

Bruner J. S., Goodman C. C. Value and need as organizing factors in perception // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1947. V. 42 (1). P. 33–44.

Chaiken S. Heuristic versus systematic information processing and the use of source versus message cues in persuasion // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. V. 39. P. 752–766.

- DeWall C. N., Maner J.K., Rouby D.A.* Social exclusion and early-stage interpersonal perception: Selective attention to signs of acceptance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 96 (4). P. 729–741.
- Houston D.A.* Empathy and the self: Cognitive and emotional influences on the evaluation of negative affect in others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59 (5). P. 859–868.
- Machunsky M., Meiser T.* Cognitive Components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception // *Social Psychology*. 2014. V. 45 (1). P. 15–30.
- Park B., Rothbart M.* Perception of out-group homogeneity and levels of social categorization: Memory for the subordinate attributes of ingroup and out-group members // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V. 42 (6). P. 1051–1068.
- Petty R.E., Cacioppo J.T.* The elaboration likelihood model of persuasion // *Advances in experimental social psychology* / Ed. L. Berkowitz. San Diego, CA: Academic Press, 1986. V. 19. P. 123–205.
- Strack F., Deutsch R.* The duality of everyday life: dual-process and dual-system models in social psychology // *APA Handbook of Personality and Social Psychology* / Eds M. Mikulincer, P. R. Shaver. 2015. V. 1. “Attitudes and Social Cognition”. P. 891–927.
- Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. / Eds S. Worchel, W. G. Austin. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Functional duality of social perception of the Other: the main theses of research problem

M. V. Baleva (Perm)

Candidate of psychological Sciences, associate professor at the Department of psychology of development, Perm state national research University

The process of social perception is described as a dual process of activating opposing perceptive modes. Duality is considered on two levels: causal, which is defined by contrasting poles of external (informational) and internal (cognitive-dispositional) perception factors, and instrumental, which is set by the contrasting poles of rational-heuristic perception of the Other's image. It is suggested that the experimental enhancement of the apperceptivity (realism) of the object of social perception reduces the contribution of cognitive-dispositional factors to the formation of his or her image. At the same time, rational-heuristic perception reveals a specific conditioning with cognitive mechanisms and dispositions of the per-

ceiving subject. The results of the initial stage of the study show that the stereotyping of the depersonalized image of the Other is based on individual characteristics of information processing, which are represented by cognitive styles and divergent thinking, and that the motivational and cognitive factors are the basis respectively of ingroup bias and intergroup stereotyping.

Keywords: functional duality, social perception, intergroup stereotyping, ingroup bias (favoritism), cognitive styles, dispositions, apperceptivity of the Other's image.

Этапы развития группового субъекта: типологический подход

К. М. Гайдар (Воронеж)

*доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и социальной психологии,
Воронежский государственный университет;
e-mail: marlen_lora@mail.ru*

Статья посвящена малоизученной проблеме этапов группового развития. Показан продуктивный путь ее разработки на основе субъектного подхода к группе. При этом возможны различные варианты исследовательского проекта, опирающегося или на типологию групповой субъектности, или на видоспецифические свойства группы, проявляющей субъектность в конкретном виде совместной активности. На основе типологического подхода автором проведено исследование студенческих групп, в котором проверялась гипотеза о том, что динамика поэтапного развития группового субъекта связана со сменой доминирующего по уровню развития типа субъектности. В итоге удалось не только подтвердить гипотезу, показав, что с 1 по 5 курс у большинства изученных групп меняется доминирующий тип субъектности (от типа «потенциальная субъектность» к типу «реальная субъектность»), но и выявить, что динамика поэтапного развития группы как субъекта связана еще и с изменением характера этого процесса: от однотипного на младших курсах, когда доминирует один тип субъектности, к двухтипному на старших курсах (преобладают два из трех типов групповой субъектности) и трехтипному на выпускном курсе, когда не обнаруживается доминирование того или иного типа субъектности.

Ключевые слова: групповой субъект, субъектность группы, тип групповой субъектности, этап субъектного развития группы, характер поэтапного развития группового субъекта.

Постановка проблемы

Необходимость расширения исследований малых групп сталкивается с трудностью, связанной с господством так называемой «индивидуалистической» парадигмы, когда групповые феномены изучаются сквозь призму отдельного человека. Это не позволяет полностью раскрыть характеристики и механизмы, присущие малой группе как социальной единице общества. Один из путей преодоления данного затруднения видится в разработке *субъектного подхода* к изучению малой группы (Журавлёв, 2000; и др.), с позиций которого *групповой субъект* трактуется как системное и динамическое качество малой группы, проявляющееся, когда она осуществляет свою жизнедеятельность в социальной системе, взаимодействуя как единое целое с социальным окружением, в том числе преобразуя ситуации жизнедеятельности и саму себя, осознавая при этом, что именно она (группа) является источником этих действий и преобразований (Гайдар, 2013).

Одной из наиболее сложных областей психологии группового субъекта является проблема его *развития*, разработка которой затруднена по причинам теоретико-методологического и методического характера. Вместе с тем движение вперед в этой проблемной области способствовало бы не только дальнейшему развитию социально-психологической теории, но и переводу на качественно новый уровень практики психологического сопровождения малых групп в целях полноценного субъектного развития как отдельных личностей, так и их объединений (подробнее см.: Личность и бытие..., 2008; Психология человека..., 2009; Субъектный подход..., 2009; и др.).

Ниже рассмотрим такой аспект проблемы развития группового субъекта, как его *поэтапное развитие*, поскольку оно в российской социальной психологии изучено менее подробно, чем развитие по уровням.

Идея поэтапного развития группы была заложена работами А. С. Макаренко. Впоследствии ее разрабатывали многие психологи и педагоги нашей страны (А. Г. Ковалев, Т. Е. Конникова, Е. С. Кузьмин, Л. И. Новикова, А. В. Петровский, К. К. Платонов, Л. И. Уманский, А. Л. Журавлёв, А. С. Чернышев и др.). Основной вывод состоял в том, что в своем развитии группа проходит ряд этапов, каждый из которых отражает качественные изменения ее психологии. Кроме того, были разработаны *модели этапов* группового развития, которые можно подразделить на линейные – однофакторные и многофакторные (И. П. Волков, А. Г. Кирпичник, А. Н. Лутошкин) и нелинейные (Ю. В. Синягин и др.). Установленные в нелинейных моделях закономерности поэтапного развития группы согласуются с положе-

ниями синергетики о колебательном режиме «жизненного цикла» живых и неживых систем, позволяющем им сохранять целостность и динамично развиваться. Отсюда следует, что и развитие *субъектности* малой группы как открытой нелинейной системы не может быть только линейным прогрессивным процессом, на чем ставился акцент в предшествующие периоды развития российской социальной психологии (см. также: Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; и др.).

Этап развития группового субъекта понимается как определенный период, отличающийся качественными особенностями проявления его субъектности. На наш взгляд, проявления групповой субъектности могут иметь общий и особенный характер. В первом случае реализуется предложенный А. Л. Журавлёвым *типологический подход*, в котором обозначены *три типа* групповой субъектности, каждый из которых на конкретном этапе развития может доминировать: потенциальная субъектность, реальная субъектность, рефлекслирующая субъектность (Журавлёв, 2000, 2005; и др.). Особенности проявления группового субъекта могут быть выделены путем анализа его свойств, актуализирующихся в отдельных видах совместной активности. Назовем такой подход *видоспецифическим* (Гайдар, 2013). Поскольку группа может проявлять субъектность в одном или сразу в нескольких видах активности, это обуславливает ее качественные особенности в определенном временном промежутке и знаменует тот или иной этап развития. К примеру, доминирование субъектности группы в общении выводит на первый план такие ее свойства, как коммуникативность, интерактивность, перцептивное единство, а преобладание субъектности группы в совместной деятельности – целостность, целенаправленность, мотивированность, организованность, согласованность, структурированность, результативность (подробнее см.: Журавлёв, 2005; Совместная деятельность..., 1988; и др.). Исходя из того, на какой подход к выделению этапов развития группового субъекта будет опираться исследователь, это направление процесса группового развития может иметь разную картину.

Организация и методика эмпирического исследования

В связи с недостаточной изученностью особенностей поэтапного развития группового субъекта нами было проведено исследование этого процесса с опорой на типологический подход.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что динамика поэтапного развития группового субъекта связана со смежной доминирующего по уровню развития типа субъектности.

В качестве основной *методики* использовался авторский тест-опросник «Типы групповой субъектности» – для определения в группах доминирующего по уровню развития типа субъектности (Гайдар, 2012).

С целью уточнения результатов методика проводилась в индивидуальном и групповом вариантах с последующим сопоставлением данных. В основном исследовании участвовали лишь те группы, которые показали совпадение усредненных индивидуальных и общегрупповых результатов, что позволило сделать однозначный вывод о доминировании у них типа групповой субъектности.

Объем *выборки* составил 110 учебных групп трех воронежских вузов (2462 студента). Из них 32 группы (704 человека) были включены в лонгитюдное исследование с 1 по 5 курс (для подтверждения результатов, полученных по выборке в целом). Поскольку исследование проводилось в первом десятилетии XXI в. (до перехода системы высшего образования на двухуровневое обучение), то изучались группы специалистов, обучавшихся в вузах пять лет.

Результаты исследования

Выявлено, что у 66,0% групп первокурсников доминирует тип «потенциальная субъектность», развитый на среднем уровне. У значительной доли групп тип «реальная субъектность» выражен ниже среднего уровня, в то время как тип «рефлексирующая субъектность» оказался развит слабо. Вместе с тем тип «реальная субъектность» преобладает у 27,3% групп 1 курса, причем, уровень его развития может быть признан выше среднего или средним. То есть 1 курс знаменует собой становление субъектности групп, большинству которых свойствен умеренно выраженный тип «потенциальная субъектность».

Развитие субъектности учебных групп продолжается на 2 курсе. Примерно у двух третей групп преобладает тип «реальная субъектность», развитый на среднем уровне. Одновременно уровень двух других типов групповой субъектности («потенциальная субъектность» и «рефлексирующая субъектность») может быть отнесен к уровню ниже среднего. Возрастание субъектности академических общностей подтверждает и то, что на 2 курсе почти у 25,0% из них начинает преобладать тип «рефлексирующая субъектность», в то время как он практически не был характерен группам первокурсников. И лишь у немногим более 10,0% групп 2 курса преобладает среднеразвитый тип «потенциальная субъектность».

3 курс отчетливо закрепляет тенденции предыдущего периода: подавляющему большинству групп (около 82,0%) свойствен тип

«реальная субъектность», причем теперь он достигает уровня развития выше среднего. И лишь незначительная часть групп демонстрирует в качестве доминирующего либо тип «потенциальная субъектность», либо тип «рефлексирующая субъектность» (выражены умеренно). К тому же впервые именно на 3 курсе высокого уровня развития у 27,3% групп достигается тип «реальная субъектность», а у 9,1% общностей – тип «рефлексирующая субъектность».

На 4 году обучения снова наблюдаются определенные трансформации, причем, существенные: изменяется характер развития студенческих групп как целостных субъектов. В первые три года обучения этот процесс носит *однотипный* характер, т. е. на каждом курсе какой-то один из трех типов групповой субъектности доминирует по уровню развития. Теперь же оно приобретает многотипный характер. Этот вариант субъектного развития учебных групп назван нами *двухтипным*. На уровне выше среднего становятся развитыми одновременно два типа субъектности: «реальная субъектность» и «рефлексирующая субъектность» (у 63,7% групп). Причем первый чаще проявляется на уровне выше среднего (36,4% групп), реже – на высоком уровне (27,3% групп), а второй тип, наоборот: чаще – на высоком (40,9% групп), реже – на уровне выше среднего (22,7% групп).

Изменения характера развития групповых субъектов именно в этот период можно объяснить накоплением ими достаточных ресурсов, позволяющих самостоятельно проявлять себя и организовывать различные виды совместной активности, успешно взаимодействовать с другими общностями, включаясь в жизнь вуза. Важную роль, на наш взгляд, играет и происходящий во время обучения личностный рост многих студентов, обеспечивающий способность к результативному взаимодействию в группе и за ее пределами, продуктивным взаимоотношениям членов группы между собой и группы – с другими общностями. Это обеспечивает группам выход на новую фазу развития. Они демонстрируют усиление своей субъектности, что выражается, как в возрастании уровня отдельных типов субъектности, так и в обретении самой субъектностью множественного характера. Теперь группы проявляют себя как *субъекты различных видов совместной активности*, а уровень их самосознания позволяет обращать рефлексию на самих себя, когда они одновременно являются и субъектом, и объектом саморефлексии.

Выпускной 5 курс отличается тем, что «закрепляет» тенденцию изменения характера субъектного развития групп. Большая их часть не имеет какого-то одного преобладающего типа субъектности. Выпускной курс характеризуется *трехтипным* субъектным развитием групп, поскольку у 66,0% общностей в равной степени

умеренно развиты все три типа групповой субъектности. Это позволяет утверждать, что в конце обучения происходит спад субъектного развития групп: все типы субъектности умеренно выражены. Лишь менее, чем у 20,0% групп 5 курса выявлен уровень развития того или иного типа субъектности выше среднего или высокий. Главная черта этого этапа – сохранение многотипного характера субъектного развития групп – отражает, на наш взгляд, их достаточный потенциал проявления себя в качестве целостных субъектов, обретенный благодаря накопленному опыту. Однако реальная ситуация, в которой находятся группы выпускного курса, обуславливает спад уровня их субъектности. Не исключено, что многие групповые субъекты приходят к этому вполне осознанно: сокращая свою субъектную активность, переводя ее из актуального плана в потенциальный (на что указывает и весьма распространенный у групп 5 курса тип «потенциальная субъектность»), они уменьшают силу психологических связей и облегчают тем самым предстоящий распад группы, обусловленный окончанием вуза.

Для подтверждения выявленной динамики поэтапного развития студенческих групп как субъектов был проведен однофакторный дисперсионный анализ. Опираясь на его результаты, можно заключить, что различия между курсами статистически значимы для типа «потенциальная субъектность» при $\alpha \leq 0,05$, для типов «реальная субъектность» и «рефлексирующая субъектность» при $\alpha \leq 0,001$.

То, что ни на одном этапе не было обнаружено абсолютного преобладания типа «рефлексирующая субъектность», обусловлено спецификой групп студентов и самих вузов, которые ожидают от них, в первую очередь, реализации возможностей и достижений в разных сферах активности, а не усиленной рефлексии как основной области, в которой они проявляют себя.

Отсутствие у большинства изученных групп высокого уровня развития определенного типа субъектности также можно объяснить особенностями социальной ситуации их жизнедеятельности в вузах, где недостаточно внимания уделяется именно субъектному формированию учебных групп. Чаще всего оно протекает стихийно, и естественные условия жизни этих общностей не обеспечивают, видимо, широких возможностей для достижения группами стабильно высоких уровней субъектного развития.

Заключение

Можно констатировать, что выдвинутая гипотеза подтвердилась. Это позволяет сделать следующий вывод: динамика поэтапного

развития учебных групп представляет собой смену доминирующего по уровню развития типа субъектности. Кроме того, оказалось, что она связана и с изменением характера субъектного развития групп, с их переходом от однотипного развития на младших курсах к многотипному – на старших, когда из трех типов групповой субъектности два являются преобладающими в равной степени (двухтипное развитие) либо на выпускном курсе вообще отсутствует доминирующий тип групповой субъектности (трехтипное развитие).

В качестве *перспектив* изучения проблемы поэтапного развития групповых субъектов видится анализ выявленной динамики на малых группах других категорий (семейных, спортивных, творческих), существующих более длительный период времени, чем студенческие группы.

Литература

- Гайдар К. М. Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта: на материале исследования молодежных учебных групп: Дис. ... докт. психол. наук. Воронеж, 2013.
- Гайдар К. М. Социально-психологическая диагностика группового субъекта: Учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж, 2012.
- Журавлёв А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 133–151.
- Журавлёв А. Л. Психология совместной деятельности. М., 2005.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М., 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М., 2015.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М., 2007.
- Психология человека в современном мире. Т. 4. М., 2009.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М., 1988.
- Субъектный подход в психологии. М., 2009.

The stages of development of group subject: typological approach

K. M. Gaidar (Voronezh)

Doctor of Psychology, Docent, head of Department
of General and social psychology, Voronezh state University

The article is dedicated to the insufficiently studied problem of the stages of group development. A productive way of its research on the basis of the subject approach to the group is shown. There are various options of the research project, based either on a typology of the group subjectness or on the species-specific features of the group, showing subjectness in the specific form of joint activity. On the basis of the typological approach the author conducted a study of student groups, which tested the hypothesis that the dynamics of the phased development of the group subject is associated with the change of the dominant type of subjectness by the level of its development. In the end we've managed not only to confirm the hypothesis, showing that from the 1 to 5 year the most of the groups change the dominant type of subjectivity (from the type "potential subjectivity" to the type "real subjectivity"), but also to identify that the dynamics of the gradual development of the group as a subject is also connected with the changing of nature of the process: from one-type for the junior classes, when one type of subjectness is dominated, to two-type at the senior classes (two of the three types of group subjectness are dominated) and three-type at the graduating class, when the dominance of a particular type of subjectness is not detected.

Keywords: group subject, subjectness of the group, type of group subjectness, stage of the subject development of a group, nature of the phased development of the group subject.

Возрастные особенности мотивации социометрического выбора в группе сверстников

Л. Н. Гридяева, Ю. В. Клепач** (Воронеж)*

** кандидат психологических наук, доцент кафедры
практической психологии, Воронежский государственный
педагогический университет; e-mail: lgridyaeva@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры
практической психологии, Воронежский государственный
педагогический университет; e-mail: y-klepach@mail.ru*

Исследование посвящено проблеме мотивации социометрического выбора в группах подростков и юношей. В ходе эмпирического исследования выявлено, что в разных возрастных группах проявляются различные мотивы социометрического выбора. Это происходит в связи с тем, что у учеников в разные возрастные периоды происходит формирование жизненных ценностей, становление мировоззрения и собственного отношения к окружающей действительности. А также может зависеть от того, что ученики переживают различные стрессовые ситуации, к примеру, ученики подросткового возраста сталкиваются с переходом в среднюю школу и некоторым изменением системы обучения. Перед учениками юношеского возраста становится проблема выбора будущей профессии и дальнейшего образования.

Ключевые слова: социометрический статус, мотивационное ядро выбора, межличностные отношения, социометрия, подростки, юноши.

Введение

Взаимоотношения в подростковых и юношеских группах во многом определяют их поведение, деятельность, а в дальнейшем влияют на развитие личностных качеств и социальных установок. Для школь-

ника важно занять значимое место среди сверстников, быть признанным в группе или стать лидером в своем коллективе (Шэффер, 2003). Но не каждый может этого добиться, так как ученик может не обладать теми качествами, которые выступают мотивами социометрического выбора в группе (Шпалинский, 1991; Кон, 1980).

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время существует множество исследований, посвященных распределению социометрического статуса в группе в зависимости от пола, возраста и других характеристик. Однако исследований, посвященных выявлению мотивации социометрического выбора, очень мало.

Выявление мотивационного ядра выбора в межличностных отношениях, т. е. определение мотивов, по которым личность готова осуществлять эмоциональный и деловой контакт с одними членами группы и отвергать других, представляет научный интерес (Кондратьев, Ильин, 2012). В настоящее время изучаются социометрические статусы учащихся, возрастные особенности и межличностные отношения в целом, однако изучению мотивов социометрического выбора уделяется недостаточное внимание (Райс, 2000). Остается открытым вопрос о значении возрастных особенностей мотивации социометрического выбора в группе сверстников (Божович, 2008).

Проблема межличностных отношений, межличностного общения является фундаментальной проблемой психологии, общение является базовой категорией психологической науки (Белинская, Тихомандрицкая, 2009). Данная проблема освещена в исследованиях А. Д. Алферова, А. А. Амелькова, Г. М. Андреевой, Е. А. Васиной, А. В. Петровского, В. В. Шпалинского и др.

Значение возрастных особенностей в формировании мотивов социометрического выбора исследовалось в работах Г. С. Абрамова, Л. А. Головей, И. Ю. Кулагиной, В. С. Мухиной, Е. Ф. Рыбалко, Е. А. Соколоумовой, И. В. Шаповаленко.

Проблема взаимодействия и взаимовлияния сверстников в одной группе рассматривалась в работах В. П. Вахтерова, Б. С. Волкова, М. В. Гамезо, И. В. Дубровиной, Я. Л. Коломинского, Г. Крайг, В. С. Мухиной, А. А. Реан.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования являлось выявление возрастных особенностей мотивации социометрического выбора в группе сверстников.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что существуют возрастные особенности мотивации социометрического выбо-

ра в группе сверстников. Представители разных возрастных групп определяют различные критерии выбора: в подростковом возрасте доминирующими мотивами социометрического выбора будут критерии дружелюбие и трудолюбие, в старшем подростковом возрасте – честность, принципиальность, в юношеском – общительность и веселость.

Методики исследования

В исследовании использовалась батарея психодиагностических методик: 1) методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений на основании социометрического метода Дж. Морено (Морено, 2004); 2) авторская анкета, направленная на выявление межличностных отношений в группе; 3) рисуночная методика «Мой класс» (Модифицированная методика К. Маховер) (Маховер, 1996); 4) модифицированная методика определения степени ценностно-ориентационного единства группы (В. С. Ивашкин, В. В. Онуфриева). При анализе данных использовался Н-критерий Краскела–Уоллиса.

Эмпирическое исследование проходило на базе Муниципального Бюджетного Общеобразовательного Учреждения гимназии им. академика Н. Г. Басова (г. Воронеж). Выборку исследования составили 69 человек – 27 девочек и 42 мальчика. Из них сформированы 3 группы: подростки – 5 «В» класса в возрасте 10–12 лет (30 человек), старшие подростки – 8 «Е» класса в возрасте 14–15 лет (19 человек), юноши – 10 «Д» класса в возрасте 16–17 лет (20 человек).

Результаты исследования

Результаты показали, что подростковая и юношеская группы имеют наименьшее количество испытуемых со статусом «Звезда». В старшей подростковой группе самая малочисленная категория – испытуемые с социометрическим статусом «Предпочитаемые». В подростковой группе самая многочисленная группа – с социометрическим статусом «Отвергнутые», а в старшей подростковой и юношеской группах по численности преобладают категории с социометрическим статусом «Менее предпочитаемые». Отношения в своем классе большинство испытуемых всех возрастных групп оценивают, как дружеские. При этом несколько испытуемых подросткового возраста ответили, что отношения между учениками в их классе безразличные. Большинство старших подростков и юношей высоко оценивают умение принимать совместные решения в классе. В то же время

большая часть подростков отмечают, что их класс редко приходит к единому мнению. Уровень взаимопомощи большинство старших подростков оценили высоко. Средний и низкий уровни взаимопомощи отмечен у большинства подростков и юношей. Незаконченное предложение «Если ваш одноклассник затрудняется с ответом, вы выберете...» большинство испытуемых всех возрастных групп продолжили фразой «подсказать ему».

Большинство испытуемых – подростков и юношей нарисовали рисунок с метафоричным изображением, при этом половине испытуемых принадлежат изображения всего класса и нескольких отдельных персонажей.

При оценке одноклассников у представителей всех возрастных групп доминируют параметры «дружелюбие» и «веселость». Для старших подростков ведущим параметром относительно других является «честность», а для подростков – «трудолюбие». Также, по сравнению с другими возрастными группами, в юношеской группе «справедливость» выбирают меньшее число испытуемых. Испытуемые всех возрастных групп определяют «деловитость» и «скромность» как наименее значимые качества. У испытуемых юношеского возраста доминирует параметр «настойчивость», у подростков – «приветливость» и «исполнительность», а у старших подростков – «принципиальность».

Мотивации выбора партнера в структуре межличностных отношений может служить показателем того уровня, которого достигла данная группа в своем развитии. На начальной стадии формирования группы выбор характеризуется непосредственной эмоциональной окраской, а ориентации в выборе партнера направлены в большей степени на его внешние достоинства (общительность, внешняя привлекательность, манера одеваться и т. п.). Выбор же в группе более высокого уровня развития осуществляется не только на основании чувств, возникающих при первом впечатлении, но и исходя из оценки более глубоких личностных качеств, которые проявляются в совместной деятельности и в значимых для личности поступках.

По мере развития группы повышается значимость таких качеств личности, которые характеризуют мировоззрение и отношение к труду, т. е. особенностей личности, формирующихся и проявляющихся в совместной деятельности.

В результате исследования было выявлено, что в разных возрастных группах проявляются различные мотивы социометрического выбора. Это происходит в связи с тем, что у учеников в разные возрастные периоды происходит формирование жизненных ценностей, становление мировоззрения и собственного отношения к окружа-

ющей действительности. А также это зависит от того, что ученики могут переживать различные стрессовые ситуации, к примеру, учащиеся подросткового возраста сталкиваются с переходом в среднюю школу и некоторым изменением системы обучения. Перед учениками юношеского возраста стоит проблема выбора будущей профессии и дальнейшего образования.

Заключение

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в сборе, систематизации и обобщении теоретической информации по проблеме возрастных особенностей мотивации социометрического выбора в группе сверстников.

Эмпирическое исследование частично подтверждает выдвинутую гипотезу. В подростковом возрасте доминирующими мотивами социометрического выбора являются дружелюбие и трудолюбие, в старшем подростковом возрасте – честность, в юношеском – общительность и веселость, но при этом в старшем подростковом возрасте принципиальность не является доминирующим мотивом выбора.

Полученные данные могут быть использованы в работе практических психологов при разработке развивающих программ, тренингов и занятий, способствующих сплочению коллектива на основе выявленных мотивов социометрического выбора в разных возрастных группах.

Литература

- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2009.
- Божович Л. И.* Проблемы формирования личности. М., 2008.
- Кон И. С.* Психология старшеклассника. М., 1980.
- Кондратьев М. Ю., Ильин В. А.* Социальный психолог в общеобразовательном учреждении: Учебное пособие. М., 2012.
- Махвер К.* Проективный рисунок человека. М., 1996.
- Морено Дж.* Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2004.
- Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.
- Шпалинский В. В.* Психолого-педагогические основы изучения личности и коллектива: Учебное пособие. Днепропетровск, 1991.
- Шэффер Д.* Дети и подростки: психология развития. 6-е изд. СПб., 2003.

Age peculiarities of motivation of sociometric choice in a group of peers

L. N. Gridyaeva, Yu. V. Klepach** (Voronezh)*

* Candidate of psychological Sciences, associate professor of the Department of practical psychology, Voronezh state pedagogical University

** Candidate of psychological Sciences, associate professor of the Department of practical psychology, Voronezh state pedagogical University

The article is devoted to the problem of motivation sociometric choice in groups of teenagers and young men. In the course of empirical research revealed that in different age groups manifest different motives sociometric choice. This happens due to the fact that students in different age periods is the formation of life values, the formation of the world and their own relationship to reality. And also this depends on what the students can experience a variety of stressful situations, for example, the disciples of adolescence are faced with the transition to high school and some changes in the system of education. Before the students of adolescence becomes a problem of choosing future profession and further education.

Keywords: sociometric status, motivational – choice, interpersonal relations, sociometry, Teens, boys.

Влияние оценок внешнего облика на «деловой» и «эмоциональный» статус студентов в группе¹

И. И. Дроздова, В. А. Лабунская** (Ростов-на-Дону)*

** кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии образования
Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет;
e-mail: ir_iv2004@mail.ru*

*** доктор психологических наук,
профессор кафедры социальной психологии и психологии личности
Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет;
e-mail: vlab@sfedu.ru*

Приводятся результаты исследования особенностей самооценки внешнего облика студентов и оценки их внешнего облика членами группы, в котором проверялась гипотеза о влиянии оценок внешнего облика на деловой и эмоциональный статус студентов в группе. Получены данные о влиянии групповых оценок внешнего облика на «эмоциональный» и «деловой» статус студентов в группе. Показаны различия в оценках и самооценках различных характеристик внешнего облика у студентов с высоким и низким социально-психологическим статусом. Сделан вывод о том, что при значимости внешнего облика, его самооценка и оценка внешнего облика молодых людей членами группы во многом определяют их место в системе межличностных отношений в студенческих группах.

Ключевые слова: самооценка внешнего облика, студенческая группа, групповая оценка, социально-психологический статус, «деловой» и «эмоциональный» статусы.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 171801260.

Постановка проблемы

В социальной психологии проявляется устойчивый интерес к изучению студенческих групп. Традиционно отмечается, что студенческая группа является важнейшим институтом *социализации* молодых людей, оказывающим влияние на развитие их личности; отмечается высокая референтность этих групп для ее участников (Гайдар, 2011; Кондратьев, 2012; Кондратьев, Сачкова, 2011; Соина, Журавлёв, 2007; и др.). Студенческий период характеризуется смелой ведущей деятельностью, изменением социального статуса, вхождением молодых людей в новую социальную роль. Данный период характеризуется интенсивностью межличностного взаимодействия, расширением круга общения. Особенно значимым для студентов является неформальное общение, потребность в признании, самоуважении, самопринятии.

Характеризуя студенческий возраст, исследователи указывают, что в процессе профессионального образования происходит не только становление личности как субъекта профессии (подробнее см.: Личность профессионала..., 2013; и др.), но и как субъекта межличностных взаимоотношений, поэтому, важно то, какое место занимает субъект в системе межличностных взаимоотношений в группе, его социально-психологический статус в ней. Я. Л. Коломинский (Коломинский, 2010) определяет статус в качестве интегрального понятия, включающего, как объективные параметры, такие как положение личности во внутригрупповой структуре, так и субъективное отражение своего положения, отрефлектированное в разной степени. В современной социальной психологии статус рассматривается как положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности, определенные привилегии в группе, а также уровень признания и принятия личности членами группы. Социально-психологический статус определяет содержание и характер межличностных отношений в группе.

В социальной психологии традиционно принято выделять *деловое* и *эмоциональное* лидерство. Роль инструментального «делового» лидера, заключается в действиях, направленных на решение поставленных перед каждым участником и группой в целом задач, а роль эмоционального лидера взаимосвязана с эмоциональными компонентами взаимоотношений в группе (Кричевский, Дубовская, 2001).

В исследованиях, посвященных изучению студенческих групп, факторов, оказывающих влияние на социально-психологический статус студентов, традиционно основное внимание уделяется рас-

смотрению проблемы взаимосвязи личностных особенностей членов групп и складывающейся системы формальных и неформальных отношений (Дроздова, Капитанова, 2014; Крушельницкая, 2012; Социальная психология, 2012; Чернышова, 2012). В работах, посвященных особенностям юношеского возраста, студенческого периода, постоянно декларируют значимость оценки и самооценки внешнего облика как важной характеристики социальной ситуации развития в этих возрастах. Однако внешний облик участников групп не часто рассматривается в качестве фактора, влияющего на взаимоотношения в студенческих группах.

В социальной психологии принято рассматривать внешний облик с точки зрения его влияния на формирование образов и представлений людей друг о друге. На основе теоретических представлений о структуре внешнего облика, его функциях в жизни человека В. А. Лабунская (Лабунская, 2009) характеризует *внешний облик* как сложное образование, регулятор системы отношений личности. В соответствии с концепцией о динамической взаимосвязи внешнего и внутреннего «Я» личности она определяет *внешнее «Я»* человека как совокупность устойчивых (физиогномика, индивидуально-конституциональные характеристики человека), среднеустойчивых (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда) и динамических (экспрессивное, невербальное поведение) параметров. В. А. Лабунская указывает, что все компоненты внешнего облика «образуют специфическую пространственно-временную целостность» и одновременно они могут существовать в качестве «отдельных объектов восприятия и интерпретации». В этой связи, по ее мнению, можно говорить о *визуальной диагностике личности* на основе физических (конституциональных, индивидуальных характеристик); социальных (оформление внешнего облика) признаков, экспрессивного поведения (Лабунская, 2009).

В то же время В. А. Лабунская обращает внимание на то, что самопрезентации, самоотношения и отношения к внешнему облику практически не рассматриваются как факторы динамики системы отношений личности, их значимая составляющая. В отечественной психологии не принято включать внешний облик в систему ценностей личности, вводить его в контекст ценностно-смысловой сферы человека, регулирующей его переживания, взаимоотношения с окружающим миром.

Несмотря на устойчивый интерес к проблеме внешнего облика как регулятора системы отношений личности, в социальной психологии не изученным остается *влияние оценок внешнего облика на социально-психологический статус студентов в группе*.

Организация и методика эмпирического исследования

Целью проведенного нами исследования выступало изучение особенностей самооценки внешнего облика студентов и оценки их внешнего облика членами группы.

Проверялась гипотеза о влиянии оценок внешнего облика на деловой и эмоциональный статус студентов в группе.

Процедура и методика исследования

Участники исследования, юноши и девушки – студенты пяти учебных групп, обучающиеся в вузе более двух лет, оценивали свой внешний облик и внешний облик каждого члена своей группы по ряду заданных характеристик методики «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» (Лабунская, 2009). Исходя из *многокомпонентной структуры* внешнего облика, были выбраны следующие группы характеристик внешнего облика: физические (лицо; телосложение); социальные (оформление внешнего облика) и экспрессивные (выразительное поведение). Одновременно определялись индексы социометрического статуса каждого члена группы по двум критериям: эмоциональному (совместное проведение свободного времени) и деловому (обращение за помощью в учебе).

Результаты исследования

Результаты показали, что в целом по всей выборке студенты достаточно высоко оценили свой внешний облик и внешний облик друг друга. *Уровень самооценок* оказался выше среднего уровня по всем изучаемым параметрам (лицо; телосложение; оформление внешнего облика; выразительное поведение). *Групповые оценки* внешнего облика по тем же характеристикам соответствуют среднему уровню, т. е. оказались ниже самооценок.

С помощью *корреляционного анализа* были выявлены статистически значимые связи между показателями уровня разных видов социально-психологического статуса студентов и самооценками различных компонентов их внешнего облика, а также групповыми оценками компонентов внешнего облика студентов. Обнаруженные взаимосвязи представлены в таблице 1.

Анализ связей между самооценками, групповыми оценками компонентов внешнего облика и индексами социально-психологического статуса показал, во-первых, что каждый вид социально-психоло-

Таблица 1

Взаимосвязи каждого вида статуса с самооценками и групповыми оценками внешнего облика

Показатели оценки внешнего облика	Виды социально-психологического статуса	
	Эмоциональный статус (коэффициенты корреляции)	Деловой статус (коэффициенты корреляции)
Самооценка	самооценка лица ($r=0,203$)	самооценка лица ($r=0,092$)
	самооценка телосложения ($r=0,267^*$)	самооценка телосложения ($r=0,179$)
	самооценка оформления внешнего облика ($r=0,278^{**}$)	самооценка оформления внешнего облика ($r=0,096$)
	самооценка выразительного поведения ($r=0,315^{**}$)	самооценка выразительного поведения ($r=0,142$)
Групповая оценка	групповая оценка лица ($r=0,575^{**}$)	групповая оценка лица ($r=0,246^*$)
	групповая оценка телосложения ($r=0,402^{**}$)	групповая оценка телосложения ($r=0,298^{**}$)
	групповая оценка оформления внешнего облика ($r=0,516^{**}$)	групповая оценка оформления внешнего облика ($r=0,222^*$)
	групповая оценка выразительного поведения ($r=0,531^{**}$)	групповая оценка выразительного поведения ($r=0,316^{**}$)

Примечания: * – уровень значимости 0,05; ** – уровень значимости 0,01.

гического статуса в учебной группе («эмоциональный», «деловой») имеет значимые связи с групповыми оценками внешнего облика. Чем выше групповые оценки внешнего облика студентов, тем выше социально-психологический статус студента в группе. Во-вторых, эмоциональный статус студента в группе имеет взаимосвязи как с групповыми оценками, так и с самооценками.

То есть, на эмоциональный статус студента в группе оказывает влияние сочетание групповых оценок и самооценок внешнего облика студентов, в то время как социально-психологический статус по деловому критерию связан только с групповыми оценками компонентов внешнего облика.

В соответствии с задачами исследования, выявлялись различия между самооценками выбранных компонентов внешнего облика студентов, имеющих высокий и низкий эмоциональный статус в группе. Проверка различий на значимость по U-критерию показала, что различия значимы по следующим компонентам внешнего облика: телосложение ($p<0,05$); оформление внешнего облика ($p<0,01$); выразительное поведение ($p<0,01$). Учащиеся с высоким уровнем эмоционального статуса в студенческих группах выше,

чем учащиеся с его низким уровнем оценивают свой внешний облик, особенно, свое выразительное поведение и оформление внешнего облика.

Между самооценками внешнего облика студентов, имеющих высокий и низкий «деловой» статус в группах, различия оказались значимыми только по показателю «телосложение» ($p < 0,05$). Участники групп с высоким уровнем делового статуса выше, чем участники групп с низким его уровнем, оценивают свое телосложение.

Выявлены значимые различия в групповых оценках внешнего облика студентов с высоким и низким «эмоциональным» статусом в группах по всем компонентам внешнего облика: лицо ($p < 0,05$); телосложение ($p < 0,05$); оформление внешнего облика ($p < 0,01$); выразительное поведение ($p < 0,01$). Групповые оценки внешнего облика студентов с высоким уровнем эмоционального статуса выше, чем студентов с низким уровнем эмоционального статуса.

Между групповыми оценками внешнего облика студентов с высоким и низким «деловым» статусом в группе также обнаружены значимые различия по экспрессивному параметру: выразительное поведение ($p < 0,05$) и близкие к значимым по другим параметрам. Члены групп оценивают внешний облик студентов с высоким уровнем «делового» статуса значимо выше, чем внешний облик студентов с низким его уровнем.

Заключение

Результаты показали, что в целом по всей выборке студенты достаточно высоко оценивают свой внешний облик по изучаемым параметрам: физическим (лицо; телосложение); социальному (оформление внешнего облика) и экспрессивному (выразительное поведение). Полученные результаты подтверждают предположение о влиянии оценок внешнего облика на деловой и эмоциональный статус студентов в группе.

Важно отметить, что привлекательность внешнего облика, высокую оценку его отдельных параметров традиционно связывают с социально-психологическим статусом юношей и девушек по эмоциональному критерию. В то время как высокий социально-психологический статус по «деловому» критерию, как правило, не связывают с оценкой внешнего облика. Результаты проведенного исследования показали, что члены групп оценивают внешний облик студентов, имеющих высокие показатели статуса по «деловому» критерию выше, чем внешний облик других членов группы. В первую очередь, это относится к их выразительному поведению.

Проблема влияния оценок внешнего облика на социально-психологический статус студентов в группе нуждается в дальнейшем исследовании. Но, уже сейчас можно сделать вывод о том, что при значимости внешнего облика, самооценка внешнего облика и оценка внешнего облика молодых людей другими членами группы, во многом определяют их место в системе межличностных отношений в студенческих группах.

Литература

- Гайдар К. М. Особенности студенческой группы как субъекта самовосприятия // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. №4 (20).
- Дроздова И. И., Капитонова Е. В. Социально-психологические факторы статуса личности в студенческой группе // Инженерный вестник Дона: Электронный журнал. 2014. № 4.
- Коломинский Я. Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. М., 2010.
- Кондратьев М. Ю. О социально-психологическом аспекте разработки проблематики студенчества в отечественной психолого-педагогической науке // Психологическая наука и образование: Электронный журнал. 2012. № 1.
- Кондратьев Ю. М., Сачкова М. Е. Специфика отношений межличностной значимости в студенческой группе на разных этапах обучения // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39945.shtml (дата обращения: 21.05.2017).
- Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. М., 2001.
- Крушельницкая О. Б. Особенности референтных отношений студентов как фактор учебно-профессиональной мотивации // Психологическая наука и образование: Электронный журнал. 2012. № 1.
- Лабунская В. А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону, 2009.
- Личность профессионала в современном мире. М., 2013.
- Соина И. А., Журавлёв А. Л. Основные категории значимых других в социально-психологическом пространстве личности // Современное состояние теоретических и прикладных психологических исследований в социальной и педагогической психологии: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Иваново, 2007. С. 12–17.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлёв. М., 2002.

Чернышова Е. А. Взаимосвязь особенностей систем личностных конструктов студентов и их статусной позиции в учебных группах // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 59–72.

The influence of the external appearance on the “business” and “emotional” status of students in the group

I. I. Drozdova, V. A. Labunskaya** (Rostov-on-don)*

* Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of social psychology and personality psychology of the Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University

** Doctor of psychological Sciences, professor at the the Department of social psychology and personality psychology of the Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University

The authors give the results of a study of the features of self-evaluation of the external appearance of students and an assessment of their external appearance by the members of the group, in which the hypothesis about the influence of external appearance evaluations on the business and emotional status of students in the group was tested. Data are received on the effect of group assessments of the external appearance on the “business” and “emotional” status of students in the group. Differences in assessments and self-assessments of various characteristics of the external appearance of students with a high and low socio-psychological status are shown. The conclusion is drawn that, given the significance of the appearance, for young people, the self-image of the external appearance and the assessment of their external appearance by the members of the group, their place in the system of interpersonal relations in student groups.

Keywords: self-image of external appearance, student group, group assessment, socio-psychological status, “business» and “emotional” statuses.

Социальное обучение как условие развития групповой надежности инкассаторов

А. И. Дука (Белгород)

*соискатель кафедры психологии
Курского государственного университета;
e-mail: angelina.duka@bk.ru*

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение роли социального обучения групп инкассаторов и их руководителей в развитии групповой надежности инкассаторов. Предполагается, что реализация социального обучения в процессе групповой работы приведет к повышению групповой надежности инкассаторов, что проявится в улучшении взаимодействия внутри групп инкассаторов, достижении согласованности их действий, повышении результативности деятельности, а также в устойчивости результатов деятельности в изменяющихся условиях.

Ключевые слова: надежность, групповая надежность, инкассаторы, социальное обучение, развитие надежности.

Введение

Условия профессиональной деятельности групп инкассаторов основанно считаются экстремальными. В СМИ регулярно публикуется информация о вооруженных нападениях на сотрудников инкассаторских служб, а также сговорах сотрудников этих служб с криминалом и о социально опасных последствиях таких событий. Увеличение числа преступлений, связанных с крупными денежными хищениями, убийствами и захватами заложников из числа инкассаторов, причинением им существенного вреда при осуществлении инкассаторских перевозок, объясняет актуальность вопросов изучения групповых социально-психологических процессов, анализа причин, влияющих на профессиональную совместную дея-

тельность группы инкассаторов, на ее результативность в экстремальных условиях.

Особенно значимым для социальных психологов является изучение социально-психологических условий развития групповой надежности инкассаторов, поскольку такие данные позволяют на более высоком уровне организовать работу подразделений банков с целью эффективного отбора кандидатов в подразделения инкассации, а также повысить компетентность руководителей этих подразделений в вопросах организации профессиональной деятельности их подчиненных.

Анализ социально-психологической литературы, осуществленный нами с целью поиска средств оптимизации совместной деятельности групп инкассаторов, привел к необходимости исследования *надежности групп инкассаторов* как системы групповых мотивов и социальных установок на совершенствование организации совместной деятельности группы в экстремальных условиях.

Понятия экстремальных, особых, затрудненных, необычных, напряженных условий профессиональной деятельности часто используются как синонимичные. Каждое из перечисленных понятий связано с проявлением действующих постоянно или периодически экстремальных факторов. Несмотря на общую синонимичность данных понятий, наблюдаются попытки их развести, и тогда к собственно экстремальным условиям деятельности относят только те, в которых действие экстремальных факторов постоянно, остальные же перечисленные понятия связаны с действием экстремальных факторов эпизодически (Забродин, Зазыкин, 1985).

Будучи приверженцами субъективного подхода, термин «экстремальная ситуация» мы понимаем как ситуацию, возникшую в ходе выполнения служебных обязанностей, субъективно воспринимаемую сотрудником трудной, опасной, которая требует большей мобилизации психологических ресурсов специалиста и вызывает определенные изменения в его психическом состоянии.

В нашем исследовании¹ профессия инкассатора является моделью опасной профессиональной деятельности, которая связана с источниками повышенной опасности: наличие огнестрельного оружия, возможность вооруженного нападения, ожидание возможного нападения и т. д. Отличительной особенностью функциониро-

1 Автор выражает благодарность своему научному руководителю – заведующему кафедрой психологии Курского Государственного университета, доктору психологических наук, профессору Сергею Васильевичу Сарычеву за ценные советы при планировании исследования и наставничество на протяжении всех этапов диссертационной работы.

вания бригад инкассаторов является то, что их деятельность протекает в условиях непостоянства состава участников при выполнении служебных обязанностей. Исходя из того, что выполнение этих обязанностей требует оптимальной и гибкой организации совместной деятельности, большой точности и оперативности взаимодействия, четкой согласованности действий и т. д., постоянная смена участников внутри бригад обостряет необходимость их максимальной взаимозаменяемости и взаимодополняемости. Г. М. Андреевой «взаимозаменяемость» и «взаимодополняемость» рассматриваются в контексте психологической совместимости, которая, в свою очередь, определяется как «фундамент сплоченности, сработанности» (Андреева, 2007). Таким образом, рассмотрение надежности группы инкассаторов неотделимо от анализа совместной деятельности такой группы в экстремальных условиях.

При рассмотрении проблемы надежности исследователи, изучающие совместную деятельность и поведение группы в напряженных и экстремальных условиях, направляют внимание на устойчивость и на то, что связано с нею: «стрессоустойчивость», «помехоустойчивость», «резистентность» (Сарычев, 2008). Мы считаем, что недостаточно описать и изучить психологические факты только с позиции устойчивости. Важно уточнить изложенный подход и дополнить его динамическим подходом, при котором исследователем учитывается возможность изменений в группе, а также степень адекватности ее действий возникшей ситуации. Как отмечает С. В. Сарычев, одним из плодотворных способов, повышающих надежность групп, является обучение групп совместной деятельности в различных условиях (там же).

Исходя из теоретического анализа имеющихся работ по проблеме надежности, мы полагаем, что в основу развития групповой надежности инкассаторов должно быть положено социальное обучение членов и руководителей этих групп. Социальное обучение представляет собой новое направление в социальной психологии, разработанное отечественными психологами А. С. Чернышёвым, Ю. А. Лунёвым, С. В. Сарычевым, Ю. Л. Лобковым, Т. А. Антопольской, С. Г. Елизаровым.

Это направление предполагает организацию процесса формирования знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия, которое направлено на существенные достижения в области различных целей, имеющих общественную значимость, и охватывает три уровня – социальный, межгрупповой и внутригрупповой.

В отличие от принятой ныне практики работы с группами инкассаторов, внедренное нами социальное обучение имеет целью

формирование знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на достижение разнообразных общественно значимых целей. Доказано, что социально-психологическим эффектом социального обучения является повышение групповой надежности инкассаторов.

Мы предположили, что психологическим содержанием групповой надежности инкассаторов является изменение характера внутривнутригрупповых функциональных связей, приводящее группу к оптимальному функционированию в экстремальных условиях совместной деятельности. Воздействие на когнитивные, эмоциональные и регулятивные личностные особенности инкассаторов как субъектов совместной деятельности и общения посредством социального обучения в групповой работе, а также в условиях групповой плановой подготовки и переподготовки специалистов приводит к развитию групповой надежности.

Ведущие условия успешности социального обучения – наличие действенных практических умений членов группы, связанных с умением ориентироваться в экстремальных условиях жизнедеятельности, с желанием и умением жить в гармоническом единстве с другими людьми и в согласии с самим собой, которые проявляются в разных личностных сферах: в когнитивной (в оптимистическом мироощущении, дифференцированной рефлексии достижения жизненных целей), в эмоциональной (в развитости высших чувств, в палитре эмоциональных переживаний) и в поведенческой (в богатом репертуаре навыков адекватного поведения при осуществлении совместной деятельности в группе).

Организация экспериментального исследования

Экспериментальное исследование надежности групп инкассаторов включало два этапа. Первый этап – *констатирующий*. Целью данного этапа было изучение уровня надежности в группах инкассаторов, а также предполагаемых социально-психологических условий ее развития в каждой из групп. В результате исследования уровня групповой надежности вся выборка была разделена на две группы: «группа с высокой надежностью» (или группа I типа) и «группа с низкой надежностью» (или группа II типа).

Второй этап – *формирующий*. Целью данного этапа стала проверка гипотезы о роли социального обучения в развитии групповой надежности инкассаторов. Были выявлены условия развития групповой надежности инкассаторов. Полученные эмпирические

кие данные были подвергнуты математической обработке, адекватной схеме исследования; обобщены и систематизированы результаты, разработаны методические рекомендации по развитию надежности в группах инкассаторов для руководителей подразделений. На данном этапе исследования была сформирована группа из 68 инкассаторов, основным методом изучения выступил формирующий эксперимент, проведенный по плану для двух нерандомизированных групп с предварительным и итоговым тестированием. В качестве стратегии построения групп использовалось привлечение реальных групп.

Верификация гипотезы исследования потребовала организации специальных развивающих занятий в экспериментальной группе, в процессе которых создавались условия для развития когнитивных, эмоциональных и регулятивных особенностей инкассаторов ЭГ в ходе групповой работы: концентрации и распределения внимания, численных, вербальных и геометрических способностей, способности к обобщению и анализу материала, логического мышления, осведомленности, гибкости мышления; для профилактики эмоционального выгорания, развития эмоциональной стабильности, самоотношения и субъектности.

Специальные методические приемы групповой работы с инкассаторами были направлены на комплексное развитие инкассаторов как субъектов совместной деятельности и общения. В течение эксперимента экспериментатором применялся принцип «мозаичного» обучения: структура обучения строилась экспериментатором на принципах сотрудничества; совместная деятельность инкассаторов была направлена на достижение общих целей. Именно такой способ организации занятий в наибольшей степени соответствовал цели исследования. Анализ данных предварительного и итогового тестирования с помощью критерия Мак-Немара установил, что различия между замерами существенно значимы ($p < 0,05$). Это позволило сделать вывод, что развитие групп инкассаторов в качестве субъектов совместной деятельности и общения с помощью специально созданной программы, затрагивающей когнитивные, эмоциональные и регулятивные личностные особенности инкассаторов посредством социального обучения, ведет к повышению уровня надежности групп инкассаторов

Заключение

Групповая надежность – это системное интегральное качество группы, актуализирующееся в напряженных и экстремальных услови-

ях совместной деятельности. Групповая надежность проявляется в совместимости взаимодействия членов группы, согласованности действий в процессе группового взаимодействия, результативности совместной деятельности и устойчивости результатов в изменяющихся условиях. Специально организованное социальное обучение, заключающееся в применении технологий, направленных на построение отношений сотрудничества в континууме от межличностного до межгруппового взаимодействия для групп инкассаторов и их руководителей, позволяет повысить уровень надежности групп инкассаторов. Групповым эффектом реализации социального обучения является повышение уровня групповой надежности инкассаторов.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М., 2007.
- Забродин Ю. М., Зызыкин В. Г.* Основные направления исследований деятельности оператора в особых и экстремальных условиях // Психологические проблемы деятельности в особых условиях: Сборник статей / Под ред. Б. Ф. Ломова. М., 1985. С. 5–17.
- Сарычев С. В.* Надежность группы как психологический феномен // Ярославский педагогический вестник. 2008. №3 (56). С. 100–104.

Social training as condition of development of group reliability of collectors

A. I. Duka (Belgorod)

Postgraduate at the Department of psychology, Kursk state University

Results of the research directed to studying of a role of social training of groups of collectors and their heads in development of group reliability of collectors are presented in article. It is supposed that realization of social training in the course of group work will lead to increase in group reliability of collectors that will be shown in improvement of interaction in groups of collectors, achievement of coherence of their actions, increase in effectiveness of activity, and also in stability of results of activity in the changing conditions.

Keywords: reliability, group reliability, collectors, social training, reliability development.

**«Авансированное доверие»
как социально-психологический механизм
мотивационно-ценностной включенности
малой учебной группы**

С. Г. Елизаров (Курск)

*доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии,
Курский государственный университет; e-mail: sergei_elizarov@mail.ru*

Обсуждаются итоги исследования особенностей «авансированного доверия» как социально-психологического механизма мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы в обычные и развивающие социальные (образовательные) среды. Представлены основные аспекты изучения данного явления групповой психики: от негативного, через нейтральное к позитивному. Рассмотрены основные характеристики проявления этого механизма применительно к обычным социальным (образовательным) средам и образовательным средам типа «развивающая социальная среда». Осуществлен анализ действия данного механизма в условиях временных и постоянных малых учебных групп.

Ключевые слова: мотивационно-ценностная включенность малой группы, развивающая социальная среда, социально-психологический механизм «авансированное доверие», групповой субъект, временные и постоянные малые учебные группы.

Современная социальная (образовательная) среда с ее поливариантностью путей личностного и профессионального самоопределения предъявляет новые требования к условиям жизнедеятельности и активности личности и учебных групп школьников и студентов (подробнее о связи самоопределения и социальной активности личности и группы см., например: Купрейченко, Журавлёв, 2006; и др.). Это позволяет говорить о наличии в настоящее время актуальной теоретической и практической потребности в изучении способнос-

ти личности школьников и студентов, а также молодежных групп включаться в жизнедеятельность, как традиционных, так и новых социальных институтов (см.: Проблемы субъектов..., 2007; и др.).

Целью проведенного исследования являлось установление социально-психологических механизмов формирования мотивационно-ценностной включенности учебных групп старших школьников в социальные (образовательные) среды, понимаемые нами как системы малых учебных групп.

В качестве *объекта* исследования выступали учебные группы старшекласников и студентов, обучающихся в ряде образовательных учреждений г. Курска и Курской области, а также учебные группы старшекласников и студентов – участников летних сборов профильных молодежных центров Курской области (экспериментальных площадок кафедры психологии Курского государственного университета) «Комсорг», «Монолит», «Магистр». Они рассматриваются нами в качестве «развивающих социальных сред», отличающихся от обычных социальных сред (обычных образовательных учреждений) внедрением в процесс их жизнедеятельности современных образовательных технологий, способствующих созданию особой системы отношений между основными элементами данной социальной (образовательной) среды и содействующих интенсивному развитию, как личностных, так и групповых социально-психологических феноменов (Чернышев и др., 2016). Кроме того, в связи со спецификой жизнедеятельности развивающих социальных сред (функционирование преимущественно в форме летних учебных сборов) был осуществлен анализ, как постоянных, так и временных учебных групп старших школьников и студентов.

Мотивационно-ценностная включенность учебной группы в социальную (образовательную) среду понимается нами как динамическое социально-психологическое состояние малой учебной группы, выступающее основой ее взаимоотношений с социальной средой, элементом которой она является, и показателем «меры участия» малой группы в этом процессе (Елизаров, 2009). Особенности выраженности компонентов структуры мотивационно-ценностной включенности определяют ее типологию, выражающуюся в «формах мотивационно-ценностной включенности малой группы»: позитивной, позитивно-отстраненной, отстраненно-позитивной, отстраненной, отстраненно-негативной, негативно-отстраненной, негативной (Елизаров, 2016).

В процессе исследования мы установили, что одним из ведущих социально-психологических механизмов формирования мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы является ме-

ханизм «авансированного доверия» социальной (образовательной) среды по отношению к взаимодействующей с ней малой группе. Он проявляется в создании такой средой условий, правил, норм и психологической атмосферы, регулирующих процесс взаимодействия и взаимоотношений в данной среде как между группами – ее элементами, так и между группами и самой социальной средой.

Данный механизм имеет различную *направленность* – от создания социальной (образовательной) средой атмосферы доброжелательной взаимной поддержки групп, являющихся ее элементами, внимательного отношения к успехам, достижениям, а равно и случающимся неудачам каждой учебной группы, до отстраненности и создания обстановки жесткой конкуренции, нетерпимости и даже конфронтации, что подтверждается, как нашими исследованиями, так и, например, исследованиями М. Шерифа (см.: Агеев, 1990). Действие данного механизма проявляется в создании и «транслировании» социальной средой определенного образа «идеального» *группового субъекта*, а также в создании системы условий для продвижения к данному образу, что способствует формированию мотивационно-ценностной включенности посредством преобразования компонентов ее структуры и, следовательно, форм.

Само название данного социально-психологического механизма мы посчитали возможным заимствовать у А. С. Макаренко (Макаренко, 1988), который, как известно, понимал под «авансированным доверием» формирование благоприятной, «поддерживающей» обстановки в коллективе, создаваемой педагогом, воспитателем, руководителем. Хотя в ряде случаев можно говорить и об «авансированном недоверии», что только подтверждает разнонаправленное действие данного механизма.

Было установлено, что *нейтральная выраженность* данного механизма, как в учебных группах социальных сред обычного типа, так и в учебных группах, элементах развивающих социальных сред, оказалась связана с формированием отстраненных форм (отстраненно-позитивной, отстраненной, отстраненно-негативной) мотивационно-ценностной включенности малой группы.

В обычных социальных средах это было связано с тем, что в них не было необходимых условий, правил и норм, регулирующих процесс взаимодействия и взаимоотношений, как между учебными группами, так и между группами и самой социальной средой, что проявлялось в отсутствии в таких социальных средах образа «идеального» группового субъекта и условий для продвижения учебных групп к нему. В тоже время в развивающих социальных средах это яв-

лялось следствием либо неантагонистичного отношения учебной группы к существующим в них условиям, правилам, нормам, регулирующим процесс взаимодействия и взаимоотношений между группами и между группами и самой социальной средой такого типа, хотя и не принимаемыми группой (постоянные учебные группы), либо недостаточностью знания учебными группами условий, правил, норм, регулирующих процесс взаимодействия и взаимоотношений между группами, а также между группами и самой социальной средой (временные учебные группы).

Также было установлено, что *положительная выраженность* данного механизма оказалась связана с формированием «*позитивных*» форм мотивационно-ценностной включенности малой группы (позитивной, позитивно-отстраненной).

В обычных социальных средах это явилось следствием внедрения в них ряда элементов системы жизнедеятельности, характерной для «развивающих социальных сред». Одним из результатов этого являлось создание обычной социальной средой образа «идеального» для нее группового субъекта, а также информирование учебных групп об условиях, правилах, нормах, регулирующих процесс взаимодействия и взаимоотношений как между группами – элементами среды, так и между группами и самой социальной средой для продвижения малых групп к данному «идеальному» групповому образу. Кроме того, в ряде случаев это являлось и следствием особых принципов жизнедеятельности самих исследованных учебных групп, самостоятельно конструирующих образ «идеального» группового субъекта и создающих условия для его формирования в процессе интенсивного взаимодействия между собой и обычной социальной средой (Елизаров, 2017).

В развивающих социальных средах положительная выраженность данного механизма проявлялась в создании такой средой атмосферы доброжелательной взаимной поддержки групп, являющихся ее элементами, внимательном отношении к успехам, достижениям, а равно и случающимся неудачам каждой учебной группы. Она оказалась связана с изменением (хотя бы на время летних сборов) «идеального» образа своей группы в условиях данной «развивающей социальной среды» (постоянные учебные группы) либо с построением учебной группой такого «образа» и использованием созданных социальной средой условий для его формирования (временные учебные группы).

Отрицательная выраженность рассматриваемого механизма была установлена во всех исследованных социальных средах, независимо от их типа, и была связана с формированием негативных

форм (негативно-отстраненной, негативной) мотивационно-ценностной включенности малой группы.

В обычных социальных средах она явилась следствием существования в учебных группах собственного негативного образа «идеального» группового субъекта и самостоятельного создания группой условий для его формирования в ситуации отсутствия в такой социальной среде условий, правил, норм, регулирующих процесс взаимодействия и взаимоотношений как между группами, так и между группами и самой социальной средой.

В развивающих социальных средах отрицательная выраженность исследованного нами механизма являлась следствием существования обстановки жесткой конкуренции и нетерпимости, вплоть до конфронтации, создаваемой социальной средой. Кроме того, в постоянных учебных группах отрицательная выраженность данного механизма оказалась связана с антагонистичностью существующего образа «идеального» группового субъекта образу, транслируемому социальной средой, а во временных учебных группах – с отрицательным отношением лидеров группы к образу «идеального» группового субъекта, транслируемому данной социальной средой, элементом которой являлась учебная группа на период учебных сборов (Елизаров, 2016).

Таким образом, исследованный нами механизм «авансированного доверия» социальной (образовательной) среды по отношению к взаимодействующей с ней малой учебной группе, проявляясь в создании системы условий для продвижения учебной группы, от «будничного» к «идеальному» (Бодалев, 1997), раскрывает, кроме того, важный аспект формирования малой группы – переход от одного уровня самореализации группового субъекта к другому в конкретных условиях социальной среды. Как показывают исследования, малая группа, как правило, обладает большими ресурсами внутренней активности, чем те, которые она использует в обычных условиях. Это нередко проявляется группой, функционирующей в экстремальных условиях (см., например: Хащенко, Журавлёв, 1989; и др.). Поэтому движение посредством данного механизма от «будничного» к «идеальному» способствует изменениям, как в общем формировании группы (прежде всего, организационном), так и в формировании ее мотивационно-ценностной включенности. В связи с этим представляется возможным говорить о «стратегии жизни» (Абульханова-Славская, 1991) применительно к малой группе, формируемой и развивающейся под воздействием той системы условий, правил, норм, психологической атмосферы и т. д., которые характерны для конкретного типа социальной среды (обычная или «развивающая») и связаны с ее традициями, нормами и ценностями.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
- Бодалев А. А. Смысл жизни и акме человека: соотношение «будничного» и «высшего Я» // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни (Материалы I–II симпозиумов). М., 1997. С. 29–32.
- Елизаров С. Г. Духовно-нравственный потенциал развивающей социальной среды как основа формирования индивидуального и группового субъекта // Духовность и нравственность в условиях кризисного социума: Материалы Международной научно-практической конференции «Духовность и нравственность в условиях кризисного социума» (ЛНР, г. Луганск, ЛНАУ, 28–29 апреля 2016 г.). Луганск, 2016. С. 252–258.
- Елизаров С. Г. Мотивационно-ценностная включенность малой группы в социальную систему: опыт исследования. Курск, 2009.
- Елизаров С. Г. Трансформация лидерства как социально-психологический механизм формирования взаимоотношений малой группы с социальной средой // Новая парадигма организационного управления в условиях вызовов XXI века (к 95-летию Л. И. Уманского): Монографические материалы Всероссийского симпозиума. Кострома, 27–29 октября 2016 / Отв. ред.-сост. Н. П. Фетискин, А. Л. Журавлёв. В 2 т. Т. 1. Кострома, 2016. С. 281–287.
- Елизаров С. Г. Мотивационно-ценностная включенность как условие формирования субъектности студенческого психологического клуба // Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 3-й Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В. В. Константинов. Пенза, 2017. С. 59–62.
- Купрейченко А. Б., Журавлёв А. Л. Самоопределение личности и группы в изменяющихся экономических условиях // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2006. № 1. С. 6–19.
- Макаренко А. С. О воспитании. М., 1988.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М., 2007.
- Хашченко В. А., Журавлёв А. Л. Динамика представления личности о себе в экстремальных условиях жизнедеятельности группы // Психическая напряженность в трудовой деятельности. М., 1989. С. 272–288.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Елизаров С. Г., Гребеньков Н. Н. Кафедра психологии Курского государственного университета. 1971–2016. Курск, 2016.

“Advance trust” as a socio-psychological mechanism of motivational and value involvement of a small training group

S. G. Elizarov (Kursk)

Doctor of psychological Sciences, Docent,
professor at the Department of Psychology, Kursk state University

The article discusses the results of the study of the features of “advanced trust” as a socio-psychological mechanism of motivational and value involvement of a small study group in ordinary and developing social (educational) environments. The main aspects of the manifestation of this phenomenon of the group psyche are presented: from the negative, through the neutral to the positive. The main characteristics of the severity of this socio-psychological mechanism applied to ordinary social (educational) environments and educational environments such as the “developing social environment”, as well as an analysis of the implementation of this mechanism in conditions of temporary and permanent small study groups are analyzed.

Keywords: motivational and value involvement of a small group, developing the social environment socio-psychological mechanism “advanced trust”, group entity, temporary and permanent small study groups.

Библиометрический анализ основных показателей публикаций по теме «Психология» в наукометрической базе Web of Science core collection¹

К. Б. Зуев, Т. А. Нестик** (Москва)*

** начальник отдела по связям с общественностью Института психологии РАН; e-mail: konstantin.zyev@gmail.com*

*** доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН; e-mail: nestik@gmail.com*

В статье проводится сравнение основных библиометрических показателей массива публикаций по теме «Психология» в базе Web of Science core collection (WoS) с результатами экспертного опроса о будущем психологии, проведенном специалистами Института психологии РАН в 2016 г. Проанализирован языковой и региональный охват публикаций. Показано, что в базе присутствует значительное количество материалов, написанных на русском языке, что может свидетельствовать как о возрастающем качестве отечественных исследований, так и о региональной замкнутости российской психологической науки. Тематический анализ показал, что большинство исследований, представленных в WoS выполнены в междисциплинарных и прикладных отраслях психологии, что не совпадает с российскими трендами. В то же время можно отметить, что значительное количество экспертных оценок совпадают с объективными библиометрическими данными.

Ключевые слова: наукометрия, психология, типы публикаций, количественные показатели, будущее психологии.

В последнее время изучение количественных показателей научной деятельности значительно активизировалось. (Юревич, Юревич, 2016; Костригин, Калинин, 2017). Связано это в первую очередь

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-06-00675А.

с тем, что наукометрия стала инструментом, который напрямую влияет на финансирование научных организаций и отдельных научных сотрудников, т. е. с научно-организационными причинами. При этом в рамках российских традиций науковедения количественные методы всегда использовались с пониманием того, что наукометрия – один из инструментов и не может заменить собой другие методы, например, экспертную оценку. Также существуют примеры использования наукометрии в историко-психологических исследованиях (Колышкина, Олейник, 2002); в исследованиях влияния тех или иных ученых на исследования, отраженные в статьях, опубликованных в ведущих российских журналах (Коннов, Юревич, 2014); в социальной психологии знаний (Журавлёв и др., 2016) и др.

В международной практике принято рассматривать тренды развития как науки в целом, так и отдельных областей знания. В России начинают появляться исследования общенаучных тенденций, пока что по преимуществу носящие чисто статистический характер. Наукометрических исследований *отдельных областей* знания относительно немного. Цель данной статьи – провести краткий библиографический анализ публикаций по психологии, индексируемых в наукометрической базе Web of Science core collection и сравнить полученные данные с результатами экспертного пороса, проведенного в 2016 г. специалистами Института психологии РАН (Журавлёв, Нестик, Юревич, 2016). Результаты опроса позволили выявить представления психологов о наиболее актуальных и перспективных областях нашей науки, соотношении науки и практики, поиске единой теории или же мультипарадигмальности и др. В целом опрос направлен на изучение и формирование *будущего* психологии. Одним из значимых результатов исследования является попытка определения места российской психологии в мировом научном пространстве. В этой связи представляется значимым провести сравнение основных перспективных направлений в российской психологии с актуальным состоянием мировых исследований.

Для более корректного сравнения российской и мировой психологии было бы логично использовать отечественный Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Но, к сожалению, пока это не представляется возможным, поскольку принципы формирования базы на данный момент до конца не устоялись. Последняя реформа, выделившая фактически три отдельных наукометрических базы, произошла весной 2017 г. Кроме того, рубрикатор РИНЦ калькирован из Государственного рубрикатора научно-технической информации (ГРНТИ) и в значительной мере устарел. Сказанное не означает, что рубрикаторы зарубежных наукометрических баз со-

вершенны. В условиях стремительной динамики современной науки, когда «период полураспада» научных направлений иногда исчисляется буквально десятком лет, сложно создать идеальный рубризатор. Вторая причина кроется в том, что в наукометрии достаточно сложно найти подходящие единицы для строгого количественного сравнения. Поэтому и в нашей статье будет проводиться не сравнение в строгом математическом смысле, а скорее анализ зарубежной наукометрической базы с комментариями, опирающимися на мнение российских и зарубежных экспертов.

Для анализа нами была выбрана база Web of Science core collection (далее по тексту – WoS). Данная база представляется наиболее сбалансированной по параметрам качество/репрезентативность. Критерии обора журналов весьма строгие, «текучесть» журналов (т. е. включение и исключение из базы), по сравнению с другой популярной междисциплинарной базой Scopus, минимальная. В то же время можно говорить о репрезентативности массива представленных научных данных, особенно после создания и включения в указанную базу Emerging Science Citation Index (далее по тексту – ESCI).

В базе был выбран массив публикаций по теме психология (в контекстном меню поисковой строки был выбран тип «topic», в саму поисковую строку введено слово «psychology»). Общее количество публикаций составило около 124 тысяч наименований.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это *динамика количества публикаций* по годам. В 2016 г. было опубликовано 7985 работ. Если сравнивать с другими, в первую очередь техническими, областями науки – это немного. Но, если сравнить с количеством психологических публикаций в другие годы, можно заметить некоторый рост. Так в 2015 г. было опубликовано 7863 работы, что примерно соответствует уровню 2016 г. Значительный прирост был зафиксирован между 2014 и 2015 гг. и составил 1000 единиц. В 2011–2013 гг. количество публикаций оставалось на уровне примерно 6200 в год. Между 2007 и 2008 гг. количество публикаций так же выросло примерно на 1000 единиц (3849 и 5876, соответственно). Отметим, что в 1997 г. количество публикаций было равно 2395. На основании только этих данных, без сравнения с динамикой в других отраслях, нельзя однозначно утверждать о развитии психологической науки. Возможно, наука в целом переживает рост. Но можно точно утверждать, что психология не переживает спада или стагнации. Напомним, что российские психологи не прогнозируют роста приоритета психологии и наступления «Психозойской эры» (Журавлёв, Нестик, Юревич, 2016, с. 46).

На следующем этапе были проанализированы *регионы и языки публикаций*. Очевидно, что наиболее распространенным языком является английский. На нем написано 88% материалов. На втором месте идет немецкий язык (4%). Третье место фактически разделяют русский, французский и испанский языки (1,9%). Вхождение русского языка, пусть и с большим отрывом, в тройку лидеров может создать ложное чувство гордости. Необходимо остановиться на как минимум двух факторах, которые могли повлиять на данный результат. Первое. В последний год значительное число российских журналов было подключено к ESCI, который, в свою очередь, вошел в ядро WoS. Второе. Представленные данные косвенно свидетельствуют о неготовности российских психологов публиковать свои работы в зарубежных журналах. Сказываются такие факторы, как языковой барьер и непринятие сложности правил, выдвигаемых зарубежными журналами (Двойнин, 2015). Полученные данные полностью согласуются с результатами экспертного опроса. Большинство опрошенных (52%) считают, что отечественная психологическая наука будет ориентироваться на зарубежные образцы, но отчасти сохранит свою самобытность. Именно в таком положении сейчас находится российская психология в базе WoS. Представляется, что для отечественной психологии существуют две противоположные опасности: полного «слияния» с западной наукой и полного «капсулирования». Дискуссия о статусе национальных наук не теряет своей актуальности и велась, в том числе, на страницах «Психологического журнала». Вслед за А. В. Юревичем (Юревич, 2015) мы склонны придерживаться точки зрения, что в социогуманитарных науках, к которым относится значительная часть психологических исследований, говорить об универсализме невозможно. Однако же представляется желательной несколько более высокая представленность публикаций российских психологов именно на английском языке, который по-прежнему остается главным международным языком науки. Часто приходится слышать возражение, что в современной науке, во-первых, остается влиятельным немецкий язык, а во-вторых, становится все более и более значимым китайский. Отметим, что психологические публикации на китайском языке занимают восьмую строчку рейтинга и составляют всего две десятых процента. Особенно значимыми эти данные представляются при соотнесении с *региональным охватом* публикаций. Первое место ожидаемо занимают США, покрывая 41% всех публикаций, на второй позиции находится Великобритания (10%), на третьем месте – Канада. Германия находится на пятой позиции, Россия на 13, Китай на 6. Это означает, что в области психологичес-

ких наук китайские авторы уверенно используют английский язык для публикаций.

Перейдем к анализу *направлений и категорий* исследований в рамках психологии. Наиболее представленным направлением ожидаемо оказалась «Психология». Затем следуют следующие три направления: «Исследования в области образования», «Бизнес и экономика», «Другие темы социальных наук». Интересно отметить, что сюда не входят когнитивные исследования, а исследования в области компьютерных наук находятся лишь на девятой строчке. Возможно эти, а так же ряд других тем, входят в основное направление. Несколько более объемную картину позволяет получить *анализ категорий* (см. таблицу 1).

Напомним, что в качестве основных приоритетных направлений российские психологи выделяют когнитивную психологию; психологию личности и дифференциальную психологию; социальную, экономическую и организационную психологию; нейропсихологию; клиническую психологию (Журавлёв, Нестик, Юревич, 2016).

Таблица 1
Категории Web of Science по теме «Psychology»

Название категории	% от общего числа публикаций	Название категории	% от общего числа публикаций
Мультидисциплинарные исследования в области психологии	26	Философия	2,7
Прикладная психология	7	Междисциплинарные исследования в области социальных наук	2,5
Клиническая психология	6,9	Защита публичного здоровья	2,4
Социальная психология	6,7	Бизнес	2,3
Исследования в области образования	5,9	Нейронауки	2,3
Психология образования	4,7	Социология	1,9
Психиатрия	4,6	Науки о поведении	1,6
Экспериментальная психология	4,6	Исследования искусственного интеллекта	1,6
Менеджмент	3	Религия	1,6
Психология развития	2,7	Науки о спорте	1,6

Сравним полученные результаты так же с теми точками роста, которые выделил для психологической науки Джеймс Брей, бывший президент Американской психологической ассоциации. Он выделяет следующие территории роста для психологической науки: трансляционная наука и исследования сравнительной эффективности, поведение и изменения климата, поведенческие аспекты генетических исследований, прикладная эргономика и психотехника (авиация, здоровье, компьютер «человек-машина»), психология как ядро дисциплин STEM (science, technology, engineering, mathematics – термин используемый для обозначения ключевых научных дисциплин: наука, технология, инженерия, математика); поведенческая экономика, когнитивные нейронауки, компьютерное моделирование, анализ данных, нелинейные методы (Bray, 2010, с. 263). При этом автор подчеркивает, что основным трендом современных междисциплинарных исследований является так называемая большая наука – масштабные проекты, в которых принимают участие специалисты из самых разных областей.

Как можно заметить отечественные эксперты склонны в целом выделять перспективы в рамках собственно психологии, в то время, как эксперт из США максимально расширяет область применения психологического знания и подчеркивает его принципиальный междисциплинарный характер. Результаты же библиометрического анализа показывают, что как отечественные, так и западные эксперты в чем-то правы, а в чем-то ошибаются. Действительно междисциплинарные исследования лидируют в общем числе публикаций, однако же, что касается отдельных отраслей психологии – отечественные эксперты более точно выделяют наиболее влиятельные области, в том числе клиническую и социальную психологию. Удивительным представляется отсутствие в категориях военной психологии и относительно небольшой процент публикаций по вопросам психологии здоровья. Именно на этих двух областях делают акцент в своих статьях Д. Брей и известный американский психолог Мартин Селигман (Seligman, Fowler, 2011). Возможно, что, как и в случае с когнитивной психологией, анализ заголовков поможет разрешить это затруднение. Существует и другое объяснение, предложенное Д. Бреiem: ученые, фактически занимающиеся психологическими исследованиями, не идентифицируют себя как психологи. Свои работы они обозначают как медицинские, военные, биологические и др.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться, – *типы публикаций*, представленных в WoS. Первую строчку ожидаемо занимают статьи (62% всех публикаций), на второй позиции находятся обзо-

ры книг (15%), далее следуют тезисы и материалы конференций (9,6%), редакторские материалы (6%), обзоры (4,7%), главы из книг (3,5%), письма (0,9%), заметки (0,6%) и на последнем месте – книги (0,5%). Как известно, WoS создавалась Юджином Гарфилдом именно для анализа журнальных публикаций. Однако как в отечественной науке, так и в зарубежной (правда, в меньшей степени) авторские монографии являются влиятельными публикациями. Монографии и статьи служат разным научным целям, и тенденция игнорировать монографию как вид публикации является неприемлемой, особенно для социогуманитарных наук (Зуев, 2016). Представители наукометрических баз в целом придерживаются такой же точки зрения, но возникает сложность с критериями отбора монографий.

Представленные в статье данные показали только общие тенденции. Для более детального анализа в будущем планируется провести анализ заголовков, ключевых слов, тематики журналов и др. Акцент будет сделан на месте отечественной психологии в мировой науке и сопоставление прогнозов отечественных и зарубежных ученых относительно будущего психологической науки с объективными данными.

Литература

- Двойнин А. М.* Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94–107.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддьяков А. Н., Юревич А. В.* Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Зуев К. Б.* Культура научных публикаций в России и западных странах на примере психологии // Инициативы XXI века. 2016. № 3–4. С. 57–60.
- Кольшикина А. В., Олейник Ю. Н.* Использование количественных методов в исследованиях тенденций развития современной психологии // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы Юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 288–298.

- Коннов В. И., Юревич М. А. Тенденции цитирования в российских и зарубежных психологических журналах // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 42–51.
- Костригин А. А., Калинин И. В. К проблеме публикационной активности российских ученых в научных журналах (ко дню российской науки) // Наука. Мысль. 2017. № 2. С. 6–12. URL: www.enews.esrae.ru/53-700 (дата обращения: 30.05.2017).
- Юревич А. В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123–132.
- Юревич А. В., Юревич М. А. Наукометрические показатели научной продуктивности и их форсирование в российском психологическом сообществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2017).
- Seligman M. E. P., Fowler R. D. Comprehensive Soldier Fitness and the Future of Psychology // *American Psychologist*. 2011. V. 66. № 1. P. 82–86.
- Bray J. H. The Future of Psychology Practice and Science // *American Psychologist*. 2010. V. 65. № 5. P. 355–369.

Bibliometric analysis of the main characteristics of publications on topic “Psychology” in Web of Science core collection

*К. В. Зувев, Т. А. Нестик** (Moscow)*

* Head of Public Relations Department of Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

In this article bibliometric characteristics of publications on topic “Psychology” in Web of Science core collection were compared with obtained by the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences expert survey results on future of psychology. Languages and regions of publications were analyzed. It was found there are a lot of publications in Russian. The findings can be evidence of either the growing quality of Russian publications or regional narrow-mindedness of Russian psychological science. Web of science category analysis results showed the prevalence of researchers in multidisciplinary and applied psychology categories, that is different from Russian publications. At the same time expert opinion supports objective bibliometric data.

Keywords: scientometrics, psychology, document type, metrics, future of psychology.

Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов¹

Ю. В. Ковалева*, А. Л. Журавлёв** (Москва)

* кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: julkov@inbox.ru

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru

Представлены основания, задачи и возможные перспективы развития нового научного направления – глобальной психологии, акцентирующей свое внимание на психологических причинах, механизмах функционирования и развития, а также последствиях глобальных явлений, вызовов и угроз современного мира. Приводятся критерии выделения глобальных проблем, обсуждается интеграционный и деструктивный характер глобализации. Подчеркивается роль и значение информационно-психологического взаимодействия субъектов глобализации, обсуждаются основные «мишени» такого воздействия, например, такие как историческая и психологическая субъектность больших социальных групп. Показаны различия глобальной психологии, геополитической психологии и психологии международных отношений.

Ключевые слова: макропсихология, глобализация, глобальные вызовы, глобальная психология, информационно-психологическое противостояние, большие социальные группы.

Масштаб и темпы социальных изменений, а подчас их необратимый характер, вынуждают современные гуманитарные науки пересматривать собственные теоретические основания и вырабатывать новые методы анализа общественных изменений. Так, в последнее десятилетие уверенно заявил о себе *макропсихологический подход*,

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0008.

в рамках которого стали рассматриваться явления, имеющие отношение и существенное значение для развития всего общества в целом (Макропсихология..., 2009; и др.). В последние годы в социально-политический дискурс прочно вошли понятия «глобализация», «глобальные проблемы», «глобальные вызовы, риски и угрозы» (см., например: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.). Таким образом, новизна и масштаб событий, происходящих в мире, их универсальный для различных государств и общественных устоев характер создают реальные социальные условия и ставят задачу перехода на такой уровень анализа, который можно назвать глобальным, а психологическое направление, решающее такие задачи, – *глобальной психологией*.

Этот термин не является новым; о нем было заявлено еще в середине 1990-х годов, когда зарубежная, в частности американская, психология столкнулась со сложностями в понимании результатов психологических исследований, проводимых в так называемом «третьем мире» – развивающихся странах Африки, Азии и Южной Америки. Тогда было предложено опираться не на понятия психологии индивидуальных различий, а на такие феномены, как *коллективные смыслы, время, правила и договоренности*. С тех пор эти положения получили достаточное развитие в русле различных научных направлений, однако движение в сторону глобального уровня продолжает быть актуальным в настоящее время в плане осознания психологией, в частности социальной, современных и потенциальных предметов и объектов исследований (подробнее см.: Прогресс психологии..., 2009).

Глобализация как разнонаправленное и многофакторное явление, с одной стороны, проявляется через *интеграцию*, отражающую потребность, прежде всего, экономического развития современного мирового сообщества, но, с другой стороны, зачастую сопровождается *насаждением* новых политических и культурных установок со стороны более сильных и активных участников этого процесса. Глобализация, на первый взгляд, подразумевает трансформацию экономических и культурных границ без видимого нарушения границ политических и тем более территориальных, но она, как правило, сопровождается *геополитической динамикой*, активизирующей различные социальные процессы, в том числе связанные с психологическим состоянием общества и возможными рисками для его благополучия (Психологические исследования..., 2013). Обе стороны глобализации стимулируются и сопровождаются бурным развитием средств коммуникации, благодаря которым обеспечивается ее информационно-психологическое воздействие (Проблемы психологической безопасности, 2012; Психологическое воздействие..., 2012).

Основными «бенефициарами» процессов глобализации являются различные транснациональные структуры, в первую очередь экономические, имеющие в качестве обеспечения своей деятельности информационные ресурсы. Информационное воздействие – необходимое условие реализации любых глобальных интересов. В этом проявляется сущность современного противостояния политических и экономических интересов, поскольку переформатирование геополитического пространства-мишени требует изменения ценностных установок и отношений его представителей в соответствии с теми или иными глобальными интересами. Основная проблема глобализации – поиск средств регулирования массового сознания и поведения людей.

Таким образом, анализ процессов глобализации требует профессиональной рефлексии и осмысления проблематики информационно-психологического взаимодействия в ближайшей исторической перспективе.

Ведущими критериями выделения *глобальных проблем* являются следующие: их повсеместное распространение фактически затрагивает интересы человечества в целом; отсутствие разрешения таких проблем может привести к серьезным рискам, угрозам и даже, как минимум, трансформации жизнедеятельности человечества в современном его виде; разрешить их возможно только совместными усилиями, т. е. они не могут быть принципиально и тем более полностью разрешены в рамках отдельного государства или региона мира. Глобальные проблемы сводятся к трем *основным*: уничтожение человечества в мировой термоядерной войне; всемирная экологическая катастрофа; духовно-нравственный кризис человечества. Помимо этих масштабных явлений, выделяются также более конкретные, так называемые *глобальные вызовы*, нередко представляющие собой *глобальные риски и угрозы*, среди которых – выраженное экономическое неравенство населения, массовая бедность, недоедание и голод, демографические и миграционные проблемы, массовые инфекционные заболевания и эпидемии, межнациональные, межконфессиональные и межцивилизационные конфликты, международный терроризм, нарастающий дефицит природных ресурсов, в частности, пресной воды, и др.

Как процесс глобализации в целом, так и глобальные вызовы, которые обращены ко всему человечеству и могут быть преодолены и устранены только общими, причем, согласованными действиями, являются вызовами и для психологической науки. Они представляют собой также *актуальные психологические проблемы*, поскольку, с одной стороны, могут быть обусловлены различными социально-

психологическими факторами, как, например угроза и риск распространения и применения ядерного оружия (Журавлёв и др., 2016; Нестик, 2016; Ковалева, Соснин, 2016), с другой стороны, способны влиять на психологию больших социальных групп – наций, этносов, гражданского общества, что ставит задачу их изучения, а также практического психологического сопровождения и коррекции (Ковалева, Соснин, 2017).

Объекты влияния и последствия процессов глобализации, а также способы противодействия нежелательным явлениям могут быть рассмотрены в рамках глобальной психологии с позиций более известных и разработанных научных направлений, в частности, психологии больших социальных групп как коллективных субъектов (Журавлёв, Емельянова, 2009). В качестве направления исследования может выступать также анализ приемов психологического воздействия, используемых идеологами глобализации для продвижения своих интересов, нередко подрывающих основы национальной идентификации, самосознания и психологического благополучия оппонента (Психологическое воздействие..., 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012).

В качестве *уровней* такого глобального воздействия могут быть выделены три основных – информационный, концептуальный, метафизический (смысловой), а к основным его «мишеням» относятся образование, социогуманитарные науки, СМИ, а также другие сферы, существенные для функционирования гражданского общества (подробнее см.: Доверие и недоверие..., 2013). Одной из таких форм воздействия является взаимное информационно-психологическое противостояние. К другим, более конкретным и частным формам относится, например, «поведенческая война», подрывающая основные поведенческие модели, характерные для конкретного общества, т. е. изменяющая способы взаимодействия человека с объектами и, самое главное, – с информацией. Необходимо заметить, что в существующей на данный момент литературе рассматриваемые понятия строго не дифференцированы, что объяснимо и вызвано высокой сложностью и многоплановостью способов взаимного воздействия.

Таким образом, в настоящее время под *глобальной психологией* следует понимать направление психологической науки, акцентирующее свое внимание на психологических причинах, механизмах функционирования и развития, а также психологических последствиях глобальных явлений, вызовов и угроз современного мира.

В качестве одного из основных процессов, способствующих продвижению интересов глобализации, может выступать потеря *исторической субъектности* геополитического оппонента. Таким образом,

конкретными «мишенями» глобальных вызовов становятся, прежде всего, большие социальные группы, объединенные на основе общности национальных, этнических, территориальных, половозрастных, профессиональных, социально-культурных и других признаков.

Однако представляется, что уход с политической арены того или иного исторического субъекта не означает его исчезновения как психологического или коллективного субъекта (Журавлёв, Емельянова, 2009), чему есть очевидные подтверждения в общественной жизни целого ряда стран, но пока это не стало предметом специального научного анализа. Например, акция «Бессмертный полк», начавшись в 2012 г. с частной инициативы в одном из российских городов, почти сразу была подхвачена в странах СНГ, а с 2015–2016 гг. переросла в общемировое движение, которое на данный момент поддерживает около 60 стран. Общая история бывших соотечественников и совместная борьба многих народов мира против фашизма в середине XX в. явились основой демонстрации их современных намерений, направленных против потери исторической памяти. Акция «Бессмертный полк» позволила продемонстрировать не только коллективную память, эмоции и чувства, но и психологическую готовность действовать сообща, а также способность к самоорганизации. Представляется, что широкое распространение и развитие этого движения в течение последних нескольких лет можно отнести к глобальным явлениям, а его психологическое содержание и роль в современной истории еще только предстоит изучить и оценить.

Психологические исследования больших социальных групп открывают возможности анализа уровня их социальной активности, появления новых групповых феноменов, изменений в осознания ими своего места, а также новых функций и ролей в обществе, т. е. такой динамики, которая отражает их способность быть субъектами, и, следовательно, влиять на состояния всего общества в целом. Можно заметить, что в различные исторические эпохи, а также в различных социально-экономических условиях на первый план могут выходить те или иные факторы, влияющие на *субъектность* больших социальных групп. При этом характеристики больших групп-«мишеней» также будут различаться в зависимости от конкретных условий и обстоятельств.

На настоящем этапе, как уже отмечалось ранее, в связи с интенсивным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным СМИ, возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит *фактор внедрения систем взглядов, идей, концепций*.

Так называемые «историческая политика», политическая история и идеологизация истории с конца XX в. становятся глобальной тенденцией, а по отношению к России она принимает характер особой враждебности. Информационно-психологическое воздействие на российское общество как относительно *целостный коллективный субъект* в связи с событиями Великой Отечественной войны породило очень разные, как негативные, так и позитивные процессы. К негативным процессам относятся, прежде всего, рост уровня нетерпимости к мнению оппонентов, ксенофобия, которые проявляются, например, в агрессивном стиле проведения дискуссий в СМИ, в частности, на телевидении, ставшим общепринятым на большинстве каналов, и, несомненно, являющимся не только средством привлечения внимания аудитории. Вероятно, такой стиль отражает также внутреннее состояние дискуссионщиков – выразителей того или иного общественного мнения, и, возможно, является средством канализации социального напряжения.

В обществе стали ярко проявляться различные феномены, несущие символический смысл и направленные на восстановление и укрепление национальной идентичности, что относится, безусловно, к позитивным явлениям.

Таким образом, возможное развитие *субъектности* больших социальных групп можно рассматривать как ресурс социально-психологического благополучия общества в целом. Активные, саморазвивающиеся большие социальные группы, способные к саморефлексии и рефлексии, т. е. осознающие собственную историю, актуальные условия своего существования и активно взаимодействующие в связи с решением различных проблемных внутригрупповых процессов, потенциально могут являться основой перспективного развития общества (Макропсихология, 2009). Очевидно, что данное предположение требует, как дальнейшего теоретического обоснования, так и эмпирического подтверждения.

В заключение следует подчеркнуть, что глобальная психология как формирующееся научное направление исследований имеет существенные отличия от близких ей направлений – геополитической психологии и психологии международных отношений. Эти две научные дисциплины в большей степени отвечают на вопросы, поставленные в рамках политологии и политической психологии, и изучают психологические явления и закономерности различных политических и геополитических процессов, а также специфики международных взаимодействий – коммуникаций, сотрудничества, разрешения споров, конфликтов и др. Предметом исследований психологических основ геополитических процессов и международ-

ных отношений становятся психологические характеристики субъектов мировой политики, имеющие свою специфику для различных стран и народов.

Важной сущностной особенностью глобальной психологии становится ее направленность не на специфику того или иного явления, а на поиск *психологических универсальных образований*, лежащих в основе актуальных мировых событий, происходящих в различных геополитических условиях, имеющих различные способы реализации и проявления в культурной, социальной и экономической активности, а также политических взаимодействиях тех или иных стран и их лидеров.

Глобальная психология совместно со смежными социально-гуманитарными науками призвана продемонстрировать возможности общества по обладанию собственными ресурсами противодействия нежелательным процессам, возникающим вовне и поступающим извне. Эти ресурсы проявляются в различных групповых психологических процессах, направленных на защиту большой социальной группой собственной субъектности. В связи с этим могут быть поставлены для исследования следующие *перспективные вопросы*. Каков ресурс субъектности общества в целом и тех или иных больших социальных групп, составляющих его в частности? Какая социальная группа способна стать ведущей при реализации сопротивления информации-психологическому воздействию или нейтрализации его последствий? Какой признак субъектности наиболее подвержен тому или иному информационно-психологическому влиянию? Какие способы противодействия специфичны для групп и отдельных групповых свойств, характеризующих ее субъектность? Эти и многие другие вопросы ожидают дальнейших специальных исследований.

Литература

- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М., 2013.
- Журавлёв А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М., 2016.
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-пси-

хологические детерминанты // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).

Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание в XXI веке // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 28.12.2016).

Макропсихология современного российского общества. М., 2009.
Нестик Т. А. Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 143–173. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document203.pdf> (дата обращения: 15.04.2016).

Проблемы психологической безопасности. М., 2012.

Прогресс психологии: критерии и признаки. М., 2009.

Психологические исследования проблем современного российского общества. М., 2013.

Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М., 2012.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М., 2007.

Global psychology and contemporary global calls

*Yu. V. Kovaleva**, *A. L. Zhuravlev*** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological
Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

The bases, tasks and possible prospects of researches of the new scientific direction – the global psychology focusing the attention on the psychological reasons, mechanisms of functioning and development and also consequences of the global phenomena, calls, and threats of the modern world presented. Criteria for allocation of global problems given, the integration and destructive nature of globalization discussed. The role and value of information interaction of subjects of globalization emphasized

the primary targets of such influence, for example, such as historical and psychological subjectivity of big social groups discussed. The distinction of global psychology from geopolitical psychology and psychology of the international relations shown.

Keywords: macropsychology, globalization, global calls, global psychology, informational and psychological opposition, big social groups.

Психологические аспекты выделения эмоциональной основы организационного вандализма¹

О. В. Кружкова, И. В. Девятковская** (Екатеринбург)*

** кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: galiat1@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: rosirin@yandex.ru*

В статье представлено осмысление эмоциональной основы организационного вандализма. Авторами предложено понятие «организационный вандализм» персонала, указано на иррациональный характер вандальных действий, в основе которого лежат эмоции человека. При определении эмоциональной основы организационного вандализма авторы опираются на эволюционную теорию эмоций Р. Плутчика, что позволяет соотнести основные виды вандальных действий сотрудников и инициирующие их эмоции. В итоге выделяются восемь основных мотивационных видов вандализма персонала в организации: агрессивный вандализм,отреагирующий вандализм, конформный вандализм, вандализм отчуждения, экзистенциальный вандализм, вандализм некомпетентности, случайный вандализм, средовой вандализм. Предложенная теоретическая модель эмоциональной основы организационного вандализма требует дальнейшей эмпирической проверки.

Ключевые слова: вандальное поведение, организационный вандализм, персонал, организация, эмоции.

Вандальное поведение имеет высокое распространение в современном мире, начиная от участвовавших случаев организационного ван-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Российского гуманитарного научного фонда), проект № 17-06-00819.

дализма (порча оборудования, приведение в негодность помещений, хакерство информационных ресурсов организации ее персоналом) и заканчивая вопиющими случаями культурного вандализма (уничтожения Бамианских статуй Будды, древнего города Пальмиры и пр.). Однако, несмотря на широкий общественный резонанс, проблема квалификации и всесторонней оценки вандализма достаточно сложна. Как правило, общество не замечает тот существенный урон, который наносят общераспространенные «привычные» вандальные деяния, поэтому данному виду деструктивному поведению и обнаружению его причин уделяется недостаточное внимание.

При этом распространенным и укоренившимся является мнение, что в вандальная активность встречается исключительно в подростковой и молодежной среде. Однако это обманчивое впечатление, связанное, как с устоявшимися стереотипами, так и с активным освещением результатов асоциального поведения молодежи в информационном пространстве (в том числе в социальных сетях). В то же время и среди поступков взрослых встречаются, как случайные, так и преднамеренные акты вандализма, хотя их частота и характер имеют существенные отличия от подросткового и юношеского вандализма. Данные отличия в сфере распространения и направленности вандальной активности опосредованы социальными ролями взрослого человека, его погруженностью в профессиональную деятельность и вовлеченностью в организационную культуру рабочего места.

Вандализм, целенаправленно совершаемый взрослыми людьми, – достаточно редко описываемое явление, поскольку большинство организаций не стремится к афишированию подобных случаев деструктивного поведения персонала, так как это наносит дополнительный репутационный ущерб. На этот факт указывает С. Коэн, как на одну из причин «толерантного» отношения к вандализму в мире взрослых. Кроме того, это еще и достаточно скрытое явление со стороны самого субъекта его совершения: взрослые в отличие от подростков и юношей, не стремятся к «разрисовыванию» транспорта, стен, разрушению памятников и прочим формам демонстративно позиционируемого в общедоступной среде поведения; совершаемые ими вандальные акты локальны, замаскированы социально приемлемыми мотивами сотрудников и часто не классифицируются организацией как вандализм. Основной причиной подобной метаморфозы становится развитие способности взрослого человека сублимировать свои вандальные устремления в социально приемлемые формы. Однако есть среда, в которой вандальная активность зрелого человека часто находит свою непосредственную реализацию – это

среда организации, где работает человек. Несмотря на широкое распространение, вандализм взрослых, в том числе организационный вандализм (часто описываемый как деструктивное организационное поведение), не находит свое отражение в современных работах по организационной и социальной психологии и акмеологии. Безусловно, открытое насилие по отношению к другим сотрудникам организации больше привлекает СМИ, описывается и активно обсуждается в публикациях, имеющих широкий социальный резонанс. Но, как отмечает А. Kaukiainen и соавторы, физическое насилие по отношению к окружающим в организации – не самый распространенный тип деструктивного поведения сотрудников по сравнению с вербальной агрессией и нанесением «тайного» ущерба, т. е. вандальными действиями персонала (Kaukiainen и др., 2001). Именно на последние необходимо обращать более пристальное внимание, поскольку вандальные действия персонала зачастую влекут за собой гораздо больший негативный эффект, чем физическое насилие.

Под организационным вандализмом понимается социально-психологическое явление, характеризующееся несанкционированным изменением (порча, разрушение, деформация, преобразование и пр.) персоналом организационной среды (материальной, информационной, культурной), наносящим ущерб (экономический, экологический, социальный) организации (Кружкова, 2017). При этом организационный вандализм имеет негативные последствия не только для организации, но и для самого совершающего его субъекта.

Как правило, вандализм относят к иррациональным действиям, совершение которых является способом отреагирования эмоций и их проживания в определенной среде. В организации, сталкиваясь с различными воздействиями, человек испытывает стресс, способствующий интенсификации широкого спектра эмоций, дестабилизирующих и иррационализирующих его поведение.

В. В. Гуленко выделяет характерные черты, присущие иррациональному поведению. В частности, среди прочих, указываются сглаженность движений (незаметный переход от конструктивных к деструктивным действиям), волнообразный внутренний ритм (цикличность обращения человека к средствам организационного вандализма при достижении критичного уровня интенсивности эмоциональных переживаний), естественность (эволюционная закрепленность), пластичность (легкая изменяемость поведения при изменении условий внешней и внутренней среды), зависимость реакции от эмоционального состояния (Гуленко, 2003).

На эмоциональную составляющую совершения вандальных действий указывали также С. Коэн, Д. Кантер, Р. Бэрн, В. М. Венма-

йер и др. Именно переживаемые субъектом эмоциональные состояния могут лежать в основе совершения им организационного вандализма. При этом эмоции выступают как определенные цепи событий с обратными связями, выполняющими стабилизирующую функцию по отношению к поведенческому гомеостазу. События, происходящие в среде, подвергаются когнитивной оценке, результатом которой становятся переживания и эмоции, сопровождаемые физиологическими изменениями. В ответ на эти изменения организм осуществляет поведение, призванное оказать эффект на стимул (Plutchik, 1980). Именно такое понимание связи эмоций и поведения является одним из базовых положений эволюционной теории эмоций Р. Плутчика, позволяющей объяснить механизм возникновения организационного вандализма с учетом его эмоциональной основы.

В теории Р. Плутчика описываются восемь первичных эмоций, которые являются образцами прототипов поведения, проявляющегося в биологической адаптации на всех эволюционных уровнях (начиная от примитивнейших одноклеточных организмов и заканчивая человеком). Эти образцы прототипов поведения включают: разрушение, защиту, объединение, отторжение, воспроизводство, лишение, ориентацию и исследование. Они, по мнению Р. Плутчика, представляют биполярные факторы или оси, где разрушение противостоит защите, объединение – отторжению, воспроизводство – лишению, и ориентация – исследованию. При этом они сгруппированы по парам антагонистов как варианты разрешения одного из четырех «экзистенциальных кризисов» или «универсальных проблем адаптации» любого живого существа. Данное положение становится более понятным, если эти первичные эмоции описываются в тех терминах, которые используются для иллюстрации эмоциональных состояний у человека, где радость является противоположностью печали, принятие противостоит отвращению, удивление противоположно ожиданию (Plutchik, 1997). Таким образом, разрешение любого кризиса возможно только в двух направлениях, каждое из которых сопровождается возникновением определенной эмоциональной реакции (базисной эмоции). Эмоции, характерные для разрешения одного и того же кризиса, являются полярными, т. е. противоположными друг другу. В то же время все восемь базисных эмоций объединяются в подобие спектрального круга эмоций, где смежные, рядом стоящие эмоции являются «подобными», сходными друг с другом по ряду характеристик. Противостоящие в круге элементы – полярно противоположны друг другу.

Таким образом, учитывая ведущую роль эмоций в активации поведения, в том числе его деструктивных форм, можно выделить

Таблица 1

Эмоциональная основа мотивационных видов вандализма персонала в организации

Экзистенциальный кризис	Способ адаптации	Базисные эмоции	Мотивационные виды вандализма персонала
Иерархия	Разрушение	Гнев	Агрессивный вандализм
	Защита (самосохранение)	Страх	Отреагирующий вандализм
Идентичность	Объединение	Доверие (принятие)	Конформный вандализм
	Отторжение	Отвращение	Вандализм отчуждения
Временность	Воспроизводство	Радость	Экзистенциальный вандализм
	Лишение	Печаль	Вандализм некомпетентности
Территориальность	Ориентация	Удивление	Случайный вандализм
	Исследование	Ожидание	Средовой вандализм

взаимосвязи между базисными эмоциями и отдельными мотивационными видами организационного вандализма (таблица 1).

Каждый из представленных выше мотивационных видов вандализма имеет свои особенности и четкую привязку к переживаемым до активации поведения эмоциям.

Агрессивный вандализм. При данном виде вандализма разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление. При этом разрушение имущества организации представляет собой отложенный ответ на действие ее руководства или других сотрудников и совершается анонимно. Р. Бэрн и его сотрудники к одной из причин вандального поведения относили деструктивную критику в адрес субъекта вандализма, поскольку она вызывает напряжение и чувство гнева (Varon, 1983).

Отреагирующий вандализм. Данный вид вандализма базируется на эмоции страха. Сотрудник рассматривает вандальные действия как попытку защиты или самосохранения, возможность снизить через обесценивание и разрушение угрозу со стороны организации. Так, страх потерять работу, должность, снизить показатели инициируют действия, связанные с нанесением ущерба организации в виде «выживания» других сотрудников.

Конформный вандализм. Совершение вандальных действий здесь является следствием явного или воображаемого давления группы, необходимости или желания субъекта подражать другим, чтобы

быть принятым ими, испытать чувство единения. Наиболее часто так проявляется социально-психологический вандализм в форме коллективного моббинга.

Вандализм отчуждения. Пусковой эмоцией выступает отвращение, как к самой организации, так и к представителям менеджмента, персоналу, нормам и в целом организационной культуре. Это приводит к попыткам через деструктивные действия (даже не явно-го характера) дистанцировать элементы организации от себя, своего личного, социального и профессионального пространства.

Экзистенциальный вандализм. Вандализм может выступать и как средство самоутверждения в форме исследования возможности своего влияния на общество, руководство организации, других сотрудников, привлечения внимания к себе. По мнению Л. С. Ватовой, мотив самоутверждения при совершении вандальных действий характерен для субъектов, склонных к лидерству (Ватова, 2007). Л. Берковиц предположил, что проявление вандального поведения может быть основано на желании оказать влияние на других людей, завоевать власть, продемонстрировать превосходство над окружающими, создать впечатление, заслужить одобрение от значимых лиц и т. п. Как правило, разрушители такого типа не пытаются избежать наказания и стараются сделать из своего поступка публичное событие (Берковиц, 2002).

Вандализм некомпетентности. Данный вид вандализма проявляется по причине недостаточной компетентности сотрудника, что сопровождается эмоциональной угнетенностью. Ощущение предела своих возможностей приводит к временной негативной коррекции самооценки и переживанию печали, а в крайних случаях – отчаянья. В свою очередь, деструктивные действия сотрудника выступают здесь попыткой «самонадеянного» и поэтому часто ошибочного выполнения действий за рамками своей компетентности для ее маскировки.

Случайный вандализм. Эмоция удивления и необходимость ориентации в новых ситуациях запускает случайный вандализм, являющийся осознанным действием, но не целенаправленным актом нанесения ущерба организации. В этом случае попытка действия в изменившихся условиях может сопровождаться непрогнозируемыми со стороны сотрудника вандальными последствиями. Зачастую он приобретает форму детского импульсивного непосредственного поведения, когда результат вандальной активности представляется как результат игры.

Средовой вандализм. Этот вид вандализма инициируется каким-либо неудобством окружающей среды, желанием субъекта из-

менить ее для себя, ради персонального удобства, комфорта, чувства безопасности. При этом субъект, как правило, имеет определенный замысел и ожидает некий конкретный положительный результат от своих действий, которые, зачастую, даже не воспринимаются им как деструктивные, а позиционируются как рационализаторское преобразование среды организации. Предвкушение позитивных последствий вандальной активности выступает как эмоциональная основа и мотиватор ее реализации.

Предложенное теоретическое описание эмоциональной основы организационного вандализма требует дальнейшего осмысления и сопутствующей эмпирической проверки с учетом дополнительных факторов, связанных с генезисом вандальной активности личности и механизмом ее реализации в условиях организационной среды.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующие результаты представленного исследования.

1. Организационный вандализм является одной из форм деструктивной активности личности, реализованной в условиях и по отношению к организационной среде. Деструктивность вандальной активности обусловлена ее иррациональным характером и выраженной эмоциональной основой.
2. Как теоретическая основа выделения эмоциональной базы организационного вандализма была выбрана эволюционная теория эмоций Р. Плутчика, позволяющая соотнести мотивационные виды организационного вандализма не только с эмоциональными состояниями, но и с первичными вызовами среды, формирующими у субъекта программируемые адаптационные реакции, в том числе, в виде деструктивной вандальной активности.
3. Уточнена эмоциональная основа таких видов организационного вандализма, как агрессивный вандализм, отреагирующий вандализм, конформный вандализм, вандализм отчуждения, экзистенциальный вандализм, вандализм некомпетентности, случайный вандализм, средовой вандализм.

Литература

- Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.–М., 2002.
- Ватова Л. С.* Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. М., 2007.

- Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды: Соционика и социо-анализ для руководителей. М., 2003.
- Кружкова О. В., Девятковская И. В. Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 150–169.
- Baron R. M., Fisher J. D. The equity-control model of vandalism: A refinement // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. C. Levy-Leboyer. Amsterdam–N. Y.–Oxford: North Holland, 1983. P. 63–76.
- Kaukiainen A., Salmivalli C., Bjorkqvist K., Osterman K., Lahtinen A., Kostamo A., Lagerspelz K. Overt and covert aggression in work settings in relation to the subjective well-being of employees // *Aggressive Behaviour*. 2001. V. 27. P. 360–371.
- Plutchik R. *Emotion. A psycho evolutionary synthesis*. N. Y.: Harper & Row, 1980.
- Plutchik R. The measurement of emotions // *Acta Neuropsychiatrica*. 1997. V. 9. Is. 2. P. 58–60.

Psychological aspects of highlighting the emotional basis of organizational vandalism

O. V. Kruzhkova, I. V. Devyatovskaya** (Ekaterinburg)*

* Candidate of psychological Sciences, Docent, head of Department of Philosophy and Acmeology, Ural State Pedagogical University

** Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor at the Department of Philosophy and Acmeology, Ural State Pedagogical University

The article presents an understanding of the emotional basis of organizational vandalism. The authors gave the concept of “organizational vandalism” of staff, pointed to the irrational nature of vandalism, which is based on human emotions. In determining the emotional basis of organizational vandalism, the authors rely on R. Plutchik’s evolutionary theory of emotions, which allows to correlate the main types of employees’ vandal acts and the emotions that initiate them. As a result, there are eight main motivational types of staff’s vandalism in the organization: aggressive vandalism, reactive vandalism, conformal vandalism, vandalism of alienation, existential vandalism, vandalism of incompetence, accidental vandalism and environmental vandalism. The given theoretical model of the emotional basis of organizational vandalism requires further empirical verification.

Keywords: vandalism, organizational vandalism, staff, organization, emotions.

Включенность работников в организацию: социально-психологический подход

С. А. Липатов (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: s_lipatov@mail.ru*

В статье рассматривается проблема понимания конструкта «вовлеченность работника в организацию» в научной и практической литературе. Показано, что понятия «организационная приверженность», «организационное гражданское поведение», «организационная идентификация» и «увлеченность работой» часто рассматриваются как пересекающиеся с конструктом «вовлеченность работника в организацию». Отмечается также многообразие понятий, описывающих взаимосвязь работника с организацией, что создает терминологическую путаницу и затруднения для их практического использования. Предлагается понятия «идентификация с организацией», «приверженность к организации» и «увлеченность работой» объединить в более общее понятие «включенность работников в организацию». Кратко описываются результаты эмпирического исследования, которые частично подтверждают эвристичность данного подхода.

Ключевые слова: вовлеченность персонала, организационная идентификация, организационная приверженность, увлеченность работой, включенность работника в организацию.

Постановка проблемы

Вот уже три десятилетия одной из самых актуальных в области теории и практики менеджмента является проблема взаимосвязи и взаимоотношений работника и организации. В современных условиях для владельцев и менеджмента компаний становится важным не просто удержание особо ценных кадров, а стимулирование работ-

ников к максимальному использованию ими своих возможностей при выполнении профессиональных задач на протяжении своей работы в организации. Исследователей интересует то, какие внутренние возможности человека могут способствовать его продуктивности и желанию эффективно работать конкретно в той или иной компании. Интенсивная разработка данной проблемы привела к возникновению таких понятий, как «приверженность и лояльность организации», «увлеченность работой», «идентификация с организацией», «вовлеченность» и других синонимичных им терминов.

В последнее время одной из самых актуальных является проблема вовлеченности персонала в работу организации. В литературе утверждается, что создание и поддержание высокого уровня вовлеченности работников в деятельность организации чрезвычайно важно для успешности ее функционирования. Многие исследователи данной проблемы в своих работах отмечают, что вовлеченные сотрудники работают более качественно и эффективно; они преданы своей компании, разделяют ее ценности и цели, прикладывают значительные усилия для снижения издержек и увеличения прибыли (Handbook of employee..., 2010; Truss et al., 2014). Тем не менее, в отношении понимания данного конструкта до сих пор нет единства ни среди практиков, ни среди исследователей. Общим является представление о том, что вовлеченность работников является желательным условием, имеет организационную цель, ассоциируется с приверженностью, страстью, энтузиазмом, целенаправленными усилиями и энергией, включает, как установочные, так и поведенческие компоненты (Masey, Schneider, 2008). Конкретные же определения вовлеченности сотрудников звучат чаще всего подобно другим более известным и уже устоявшимся в науке конструктам. Прежде всего, это «организационная приверженность» (organizational commitment), «организационное гражданское поведение» (organizational citizenship behavior), «вовлеченность в работу» (job involvement), и «увлеченность работой» (work engagement). Более того, в англоязычной литературе термины «employee engagement» и «work engagement» часто используют как синонимы (Липатов, 2016).

В связи с этим у некоторых исследователей возникает вопрос, не является ли вовлеченность персонала просто новым термином для обозначения старого содержания (Newman, Harrison, 2008). Некоторые зарубежные авторы утверждают, что это не так, что в понятии «вовлеченность работника» отражается степень, в которой человек внимателен к работе и увлекается исполнением своей роли в организации. Более того, в то время как понятие «организационно-гражданское поведение», например, фокусируется на доброволь-

ном и неформальном поведении, которое может помочь сотрудникам и организации, в центре внимания исследований вовлеченности находится исполнение формальной роли, а не чисто экстраролевое и добровольное поведение (Saks, 2006). Другие авторы утверждают, что, хотя вовлеченность содержит многие элементы, сближающие ее с такими понятиями как «приверженность» и «организационное гражданское поведение», данное понятие отнюдь не идентично любому из них (Robinson et al., 2004).

На основе анализа литературы можно констатировать, что за многие годы исследований в организационных науках было введено в оборот множество понятий со сходной коннотацией: вовлеченность в организацию (*organizational involvement*), привязанность к организации (*employee attachment to organization*), включенность в организацию (*organizational embeddedness*). Однако с появлением все большего количества терминов, описывающих взаимоотношения сотрудника и организации, становится все сложнее определить их соотношение друг с другом и с реальными феноменами, которые за ними стоят. Отсутствие единого понимания и способа измерения того, как сотрудник относится к организации, в которой он работает, создает терминологическую путаницу, а добавление все новых терминов для обозначения уже изученных феноменов только усугубляет ситуацию.

Мы предлагаем обратить внимание на понятие «включенность работников в организацию», которое используется в последние годы в отечественной социологии труда (Тукумцев, Бочаров, 2011) как конструкт более высокого порядка, который существует латентно, но объединяет содержание многих понятий, связанных с системой «работник–организация». В российской социологии под включенностью работников в организацию понимается «характеристика степени субъективной предрасположенности индивида рассматривать проблемы организации, в которой он трудится, как лично значимые, его готовности способствовать успеху организации» (Тукумцев, 2006, с. 31).

Необходимо также отметить, что некоторыми зарубежными авторами понятие «вовлеченность работников в организацию» рассматривается именно как конструкт более высокого порядка (*higher-order latent construct* или *aggregate multidimensional construct*). Когда несколько известных конструктов умеренно или сильно коррелируют, и их основополагающие определения разделяют общее содержание, может быть полезным определение и эмпирическая проверка наличия скрытого общего фактора, лежащего в основе данной совокупности конструктов (Newman, Harrison, 2008). Если конструкты являются не просто синонимами, а каждый из них отражает

особый уникальный аспект изучаемого феномена, мы рискуем потерять важные сущностные признаки феномена, устранив хотя бы одно из таких понятий. Поэтому в подобных случаях решением может стать объединение имеющихся переменных в некий обобщенный конструкт – в последнее время этот процесс принято называть моделированием многомерных конструктов.

На этом основании мы предлагаем тесно взаимосвязанные понятия «идентификация с организацией», «приверженность к организации» и «увлеченность работой» (Липатов, 2016) объединить в более общее понятие «*включенность работников в организацию*» (по аналогии с социально-психологическим понятием «включенность личности в группу»). Можно предполагать, что «включенность в организацию» является многомерной исследовательской конструкцией, включающей в себя, в том числе, традиционное понимание социальной идентичности и социальной установки.

Дипломная работа И. А. Зубахиной (2017), выполненная под нашим руководством, была посвящена изучению проблемы «включенности работников в организацию» как конструкта более высокого уровня и представляет собой попытку построения многомерной модели данного конструкта. Многомерный конструкт предполагает не просто наличие в своем составе нескольких измерений, но и разложение этих измерений на уровни. В этом и состоит основное отличие многомерных конструктов от одномерных – оно заключается в возможности концептуализации различных измерений на уровне теоретического значения. Многомерные конструкты позволяют получить целостное представление о сложном феномене, благодаря чему исследователи могут сопоставить большое количество предикторов с большим количеством следствий и при этом расширить вариабельность объяснений и интерпретаций.

При рассмотрении включенности работников в организацию мы, вслед за зарубежными авторами, опираемся на идею о том, что измерение аттитюдов в организации может выступать основой для прогноза поведения сотрудников, так как аттитюды и рабочая продуктивность являются основными конструктами индивидуального уровня в организационных исследованиях (Harrison et al., 2006). Применительно к организационному контексту сама компания выступает для сотрудника тем социальным объектом, к которому он вынужден формировать отношение и упоминать компанию, в которой он работает, в рамках самоопределения. Возможность использования аттитюдного подхода при рассмотрении включенности работников в организацию обусловлена наличием большой совокупности понятий, описанных выше, которые характеризуют

отношение сотрудника к своей организации и укладываются в три основных компонента установочной системы – когнитивный, аффективный и поведенческий. Так, например, О. Сакс рассматривает вовлеченность как многомерный конструкт и определяет ее как «уникальный конструкт, включающий когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, связанные с исполнением индивидом рабочей роли» (Saks, 2006, p. 602).

На основании вышеизложенного нами была предложена возможная структура конструкта «включенность работника в организацию».

Когнитивный компонент. Идентификация с организацией – осознание работником себя членом организации и самоопределение в терминах организации.

Аффективный компонент. Приверженность организации – желание работника оставаться членом организации, принятие ее целей и ценностей.

Поведенческий компонент. Увлеченность работой – активное освоение работником своей рабочей роли (Липатов, 2016).

В настоящее время, помимо когнитивного, аффективного и поведенческого аспекта, говорят также об интенциональном компоненте установки, который прямо связан с намерениями субъекта в отношении социального объекта (Зимбардо, Ляйпе, 2000).

На наш взгляд, с намерениями сотрудников в отношении своей организации может быть связан ряд параметров, среди которых можно выделить, как индивидуальные характеристики, так и личностно-ситуационные, связанные с восприятием социального объекта.

В качестве индивидуальных характеристик мы рассматриваем, в первую очередь, такие социально-демографические параметры, как пол, возраст респондентов, занимаемую должность и стаж работы в конкретной организации. В качестве дополнительных личностно-ситуационных факторов нами были выбраны: потребность в идентификации, привязанность на работе, образ организационной культуры у сотрудников и удовлетворенность трудом.

Таким образом, в концептуальную модель включенности в рамках данного исследования вошло 11 переменных, часть из которых представлены несколькими измерениями, что позволяет рассматривать их в совокупности как основу многомерного конструкта с латентными факторами.

Организация и методики исследования

Цель исследования – эмпирическая проверка концептуальной модели включенности работников в организацию.

Основные задачи исследования:

1. Определение возможности включения перечисленных переменных в модель на основании количественных критериев.
2. Выявление взаимосвязей между итоговыми структурными компонентами модели и латентным конструктом включенности.

Объектом исследования выступает включенность работников в организацию как социальная установка.

Предметом исследования являются структурные компоненты включенности работников в организацию.

Основные гипотезы исследования:

1. В итоговую модель включенности работников в организацию войдут все 11 исследуемых переменных:
 - индивидуальные переменные будут являться факторами включенности;
 - личностно-ситуативные переменные будут являться структурными компонентами включенности.
2. Взаимосвязи между всеми переменными и латентным конструктом «включенность работника в организацию» будут значимы на уровне $p < 0,05$.

Выборка в данном исследовании представлена 95 сотрудниками разных организаций, среди которых – 19 мужчин и 76 женщин. Возраст респондентов варьируется от 21 до 69 лет; представлены, как начинающие специалисты, так и опытные сотрудники, занимающие руководящие позиции.

Исследование проводилось с использованием онлайн-платформы для дистанционного участия.

В исследовании использовались следующие методики: 1) «Методика на выявление уровня идентификации с организацией» Ф. Маэла и Б. Эшфорта, позволяющая выявить силу идентификации с организацией в целом; 2) методика «Потребность в организационной идентификации» Г. Крейнера и Б. Эшфорта для выявления наличия потребности в идентификации с организацией у ее работников; 3) методика организационной приверженности Дж. Мейера и Н. Аллен, позволяющая определить уровень аффективной, нормативной и текущей приверженности организации; 4) методика Ф. Скрима и его коллег для определения типа привязанности на работе, позволяющая выявить безопасный, избегающий или амбивалентный тип привязанности у работников; 5) опросник «Утрехтская шкала увлеченности работой» (сокращенная версия) для выявле-

ния выраженности структурных составляющих увлеченности работой – энергичности, энтузиазма и поглощенности; б) методика OSAI К. Камерона и Р. Куинна для сравнения воспринимаемого и предпочитаемого типа организационной культуры. Также в рамках данного исследования рассматривалась степень удовлетворенности сотрудников такими условиями труда, как заработная плата и денежные компенсации, дополнительные льготы, возможности карьерного роста и продвижения, стиль руководства, взаимоотношения с коллегами, содержание выполняемых задач, информирование внутри организации, расположение офиса.

Для построения структурной модели включенности работников в организацию был использован метод моделирования структурными уравнениями (SEM – structural equation modeling).

Результаты исследования

Была подтверждена эмпирическая модель включенности работников в организацию как суперординатного конструкта второго порядка, где на уровне первого порядка присутствуют самостоятельные конструкты, объединяющие в себе ряд измерений. Такими конструктами, по результатам исследования, можно назвать организационную идентификацию ($r=0,78$), приверженность организации ($r=0,89$) и увлеченность работой ($r=0,77$). Связи данных переменных с конструктом включенности являются формирующими, конструкты первого порядка нельзя назвать взаимозаменяемыми.

Заключение

На основании результатов проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

- 1) Анализ ряда переменных, связанных с отношением сотрудника к своей организации, позволил построить модель включенности работников в организацию как суперординатного конструкта второго порядка.
- 2) Факторами первого порядка для конструкта включенности работников в организацию выступили приверженность организации, увлеченность работой, организационная идентификация.

Полученные результаты позволяют рассматривать разработанную модель включенности работников в организацию как конструкт, лежащий в основе ряда других параметров, и проводить дальнейшие исследования по включению в модель дополнительных факторов.

Литература

- Липатов С. А.* Структура включенности работников в организацию как социально-психологическая проблема // Психология развития человека как субъекта труда. Развитие творческого наследия Е. А. Климова: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 12–15 октября 2016 г. / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. Б. Леоновой, О. Г. Носковой. М., 2016. Электронное издание – 1 CD (17 Mb). С. 701–705.
- Тукумцев Б. Г.* Включенность в организацию // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В. А. Ядов. СПб., 2006. С. 31–32.
- Тукумцев Б. Г., Бочаров В. Ю.* Оценка включенности персонала в деятельность предприятия // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей, посвященных памяти А. О. Крыштановского / Отв. ред. и вст. ст. О. А. Оберемко. М., 2011. С. 123–128.
- Handbook of employee engagement: Perspectives, issues, research and practice / Ed. S. L. Albrecht. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2010.
- Harrison D. A., Newman D. A., Roth P. L.* How important are job attitudes? Meta-analytic comparisons of integrative behavioral outcomes and time sequences // Academy of Management Journal. 2006. V. 49. № 2. P. 305–325.
- Macey W. H., Schneider B.* The meaning of employee engagement // Industrial and Organizational Psychology. 2008. V. 1 (1). P. 3–30.
- Newman D. A., Harrison D. A.* Been there, bottled that: Are state and behavioral work engagement new and useful construct “wines”? // Industrial and Organizational Psychology. 2008. V. 1 (1). P. 31–35.
- Robinson D., Perryman S., Hayday S.* The Drivers of Employee Engagement. Brighton: Institute for Employment Studies, 2004.
- Saks A. M.* Antecedents and consequences of employee engagement // Journal of Managerial Psychology. 2006. V. 21 (6). P. 600–619.
- Truss C., Delbridge R., Alfes K., Shantz A., Soane E.* Introduction // Employee engagement in theory and practice / Eds C. Truss, R. Delbridge, K. Alfes, A. Shantz, E. Soane. N. Y.: Routledge, 2014. P. 1–11.

The inclusion of employee in the organization: social psychological perspective

S. A. Lipatov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, associate Professor
at the Department of social psychology Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University

The article deals with the problem of understanding the construct “employee engagement” in scientific and practical literature. It is shown that the concepts of “organizational commitment”, “organizational citizenship behavior”, “organizational identification” and “work engagement” are often seen as overlapping with the construct of “employee engagement”. There is also the diversity of concepts describing the relationship of the employee with the organization that creates the terminological confusion and difficulties for their practical use. It is proposed to aggregate the concepts of “organizational identification”, “organizational commitment” and “work engagement” in the higher order construct “inclusion of employees in the organization”. The results of the empirical studies are briefly described, some of which confirm this heuristic approach.

Keywords: Employee engagement, organizational identification, organizational commitment, organizational citizenship behavior, work engagement, inclusion of employees in the organization.

Влияние пола на структуру ценностных ориентаций молодежных лидеров юношеского возраста

И. Н. Логвинов, С. В. Сарычев** (Курск)*

** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии,
Курский государственный университет; e-mail: ewredika67@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой
психологии, Курский государственный университет;
e-mail: kursk-psychol@yandex.ru*

В статье обсуждаются итоги социально-психологического исследования структуры ценностных ориентаций лидеров молодежных групп юношеского возраста разного пола. Исследование выполнено в рамках концепции развивающих социальных сред (социальных оазисов) и концепции социального обучения, разрабатываемых курской научной школой в социально-педагогической психологии. Раскрыты особенности иерархии терминальных и инструментальных ценностей молодежных лидеров как в условиях социального обучения в курской областной школе молодежных лидеров «Комсорг», так и в обычных условиях с учетом их пола и места постоянного проживания.

Ключевые слова: лидер, ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, социальная ситуация развития, развивающая социальная среда, пол.

Постановка проблемы

Оказание действенной психологической помощи молодежи в процессе социализации, формирование позитивного отношения к социальным реалиям современной России и решение сложных задач социальной стабилизации вызывает закономерный интерес психологов к феномену лидерства в молодежных учебных группах и коллективах. Молодежные лидеры нашего времени в среднесрочной перспективе являются потенциальными руководителями и соци-

ально активной частью населения нашего региона и страны в целом. Следовательно, диагностика и последующий прогноз гендерных особенностей лидерства в молодежной среде представляется актуальным, как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Лидерство исследуется в социальной психологии уже более века, является наиболее изученным и, одновременно, наименее понятным теоретическим конструктом в социальной психологии (Алифанов, 1991). Можно найти множество недостаточно изученных аспектов молодежного лидерства (Алифанов, 1991; Бендас, 2000). Анализ зарубежной психологической литературы свидетельствует о том, что закономерности, установленные в зарубежных исследованиях, не всегда подтверждаются данными, полученными в рамках других культур (Бендас, 2000; Кричевский, 2001). В связи с этим становится очевидной неприемлемость экстраполяции результатов западноевропейских и американских исследований по проблеме лидерства на социально-психологические реалии современного российского общества.

Классические исследования лидерства в молодежных группах в нашей стране относятся к трем историческим периодам – 1920–1930-е, 1950–1970-е и 1980–1990 годы. Современные представления о феномене лидерства базируются, главным образом, на данных указанных выше исследований, относящихся к прошлому веку. Значительные социально-политические изменения и динамические процессы в экономике страны, социально-политической жизни, новые реалии российского общества требуют уточнения и верификации социально-психологических концепций лидерства, разработанных в иной социальной ситуации развития юношей и девушек. Гендерные же аспекты лидерства специально не исследовались психологами ни на одном из указанных выше этапов. Исключение, пожалуй, составляют работы Т. В. Бендас, однако ею рассматриваются гендерные аспекты лидерства в сочетании с этническими, а проблема лидерства в молодежных группах и его специфики в ее работах не ставится (Бендас, 2002).

Известно, что ценностные ориентации личности являются одной из важнейших проблем гуманитарного знания, исследуемых гуманитарными науками – философией, психологией, педагогикой, социологией. В современных условиях переосмысления и пересмотра ценностей проблема ценностных ориентаций личности приобретает особую значимость, так как именно они определяют функционирование и развитие личности. Будучи социальными в силу социально-исторической обусловленности, индивидуальными по отношению к опыту конкретного субъекта, ценностные ориентации являются важнейшим компонентом структуры лич-

ности. Они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности. Исследователи проблемы демонстрируют многообразие подходов к трактовке и пониманию сущности ценностей. По справедливому замечанию В. А. Ядова, ценности являются важнейшим компонентом структуры личности, в них как бы резюмируется весь жизненный опыт, накопленный ею в индивидуальном развитии (Ядов, 1979). И. Р. Сушков считает, что в сознании личности культура представлена в виде системы ценностей, наполняющих индивидуальную жизнь смыслом, а по сути, организующих персональное поведение в духе взаимоотношений (Сушков, 1999).

Исследование структуры и содержания ценностных ориентаций молодежных лидеров в малой учебной группе дает возможность углубить изучение групповых феноменов, раскрыть групповые потенциалы и разработать рекомендации по оптимизации учебно-воспитательного процесса в школе (Сарычев, 2015; Уманский, 1980; Чернышев и др., 2005, 2007).

Организация и методический инструментарий исследования

Цель исследования – выявление влияния пола на структуру терминальных и инструментальных ценностей молодежных лидеров.

Объект исследования – лидерство в малой учебной группе.

Предметом исследования являлась структура терминальных и инструментальных ценностей молодежных лидеров разного пола юношеского возраста.

В качестве *гипотезы* исследования выступило предположение о том, что структура терминальных и инструментальных ценностей молодежных лидеров юношеского возраста детерминирована половой принадлежностью и особенностями социальной ситуации развития личности (местом проживания и фактом социального обучения, в частности).

Выборку исследования составили лидеры молодежных групп из числа учащихся десятых-одиннадцатых классов общеобразовательных школ г. Курска и Курской области, а также воспитанники ОШМЛ «Комсорг». Объем выборки – 1240 человек.

Методы исследования

Ведущим методом исследования был избран социально-психологический эксперимент. В качестве зависимой переменной выступала структура ценностных ориентаций лидеров молодежных групп

юношеского возраста. Независимыми переменными были определены половая принадлежность испытуемых, социальное обучение (опыт социального обучения в курской областной школе молодежных лидеров (ОШМЛ) «Комсорг» (Чернышев и др., 2007) или отсутствие такового.

Нами применялись методы и методики исследования, которые мы объединили в два блока: 1) методики выявления лидеров малых групп; 2) методика по изучению ценностных ориентаций. В первый блок вошли «Карта-схема психолого-педагогической характеристики направленности активности группы» (Чернышев и др., 2009) и аппаратный социально-психологический эксперимент с использованием прибора-модели совместной деятельности «Арка» (Чернышев и др., 2005). Во второй блок был включен тест М. Рокича.

Результаты исследования

Исследование структуры терминальных ценностей молодежных лидеров юношеского возраста из обычных школ, проживающих в «чистых» районах, показало, что для юношей-лидеров основными ориентирами в жизни являются: любовь (ранг 1,5), здоровье (ранг 1,5), счастливая семейная жизнь (ранг 3) и хорошие и верные друзья (ранг 4). Они считают существенными такие цели жизни, как интересная работа (ранг 5,5), материальная обеспеченность (ранг 5,5), познание (ранг 7). К числу целей жизни, которые не обязательно ставить перед собой, испытуемые отнесли общественное признание (ранг 8,5), самостоятельность (независимость в суждениях и оценках) (ранг 8,5), уверенность в себе (ранг 10), свобода и независимость в поступках и действиях (ранг 11), активная деятельная жизнь (ранг 12). Лидеры-юноши считают, что не стоит ставить перед собой такие цели в жизни, как удовольствие (ранг 13), красота (ранг 14), творчество (ранг 15), равенство (ранг 16).

Исследование структуры терминальных ценностей девушек-лидеров из обычных школ, проживающих в «чистых» районах, показало, что них на ведущих позициях оказались следующие цели жизни: счастливая семейная жизнь (ранг 1), хорошие и верные друзья (ранг 2), любовь (ранг 3,5) и свобода и независимость в поступках и действиях (ранг 3,5). Несколько ниже респондентами женского пола были оценены познание (ранг 5,5), общественное признание (ранг 5,5), удовольствие (ранг 7,5), интересная работа (ранг 7,5). Эти достаточно традиционные для этого возраста ценности, связанные с общением со сверстниками и близкими, семьей, остаются весьма значимыми для них. А без таких целей жизни, как материальная

самостоятельность (независимость в суждениях и оценках) (ранг 10,5), здоровье (ранг 10,5), активная деятельная жизнь (ранг 10,5), равенство (ранг 10,5), по их мнению, вполне можно обойтись. Обращает на себя внимание достаточно низкие ранги таких ценностей, как уверенность в себе (ранг 13,5) и красота (ранг 13,5). Активное отрицательное отношение девушек проявляется к материальной обеспеченности (ранг 15), возможности творческой деятельности (ранг 16). Это также, по нашему мнению, связано с особенностями социальной ситуации развития современной молодежи, когда идет активное внедрение в массовое сознание идеи эгоизма и достижения высокого личного статуса любыми способами даже если это будет в ущерб другим.

Если сравнивать отвергаемые и низко оцениваемые терминальные ценности лидеров мужского и женского пола, то обнаруживается много общего. Независимо от пола, испытуемые сходным образом оценивают такие терминальные ценности, как самостоятельность (независимость в суждениях и оценках) ($p \geq 0,05$), интересная работа ($p \geq 0,05$), любовь ($p \geq 0,05$), красота ($p \geq 0,05$), хорошие и верные друзья ($p \geq 0,05$), познание ($p \geq 0,05$), счастливая семейная жизнь ($p \geq 0,05$), творчество ($p \geq 0,05$), активная деятельная жизнь ($p \geq 0,05$). По оставшимся семи эмпирическим референтам зафиксированы статистически достоверные различия, проявляющиеся в различной оценке респондентами исследуемых целей жизни.

Обратимся к анализу результатов исследования терминальных ценностей лидеров-юношей из обычных школ, проживающих в радиоактивно загрязненных районах Курской области. Как следует из полученных данных, для лидеров мужского пола основными ориентирами являются любовь (ранг 1,5), здоровье (ранг 1,5), счастливая семейная жизнь (ранг 3) и хорошие и верные друзья (ранг 4). Вызывает определенное состояние уверенности в будущем тот факт, что в число ведущих ценностей современных лидеров вошли хорошие и верные друзья и счастливая семейная жизнь. Они считают, что человеку стоит жить ради таких целей, как интересная работа (ранг 5,5), материальная обеспеченность (ранг 5,5), познание (ранг 7). К числу целей жизни, которые вовсе не обязательно ставить перед собой, испытуемые отнесли общественное признание (ранг 8,5), самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (ранг 8,5), уверенность в себе (ранг 10), свобода и независимость в поступках и действиях (ранг 11), активная деятельная жизнь (ранг 12). Лидеры-юноши считают, что не стоит ставить перед собой такие цели в жизни, как удовольствие (ранг 13), красота (ранг 14), творчество (ранг 15), равенство (ранг 16).

Исследование структуры терминальных ценностей девушек-лидеров показало, что на ведущих позициях у них оказались такие цели жизни, как счастливая семейная жизнь (ранг 1), хорошие и верные друзья (ранг 2), любовь (ранг 3,5) и свобода и независимость в поступках и действиях (ранг 3,5). Несколько ниже девушки оценивают познание (ранг 5,5), общественное признание (ранг 5,5), удовольствие (ранг 7,5), интересная работа (ранг 7,5). Традиционные для этого возраста ценности, связанные с общением со сверстниками и близкими, семьей, остаются очень привлекательными для респондентов. А без таких целей жизни, как материальная самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (ранг 10,5), здоровье (ранг 10,5), активная деятельная жизнь (ранг 10,5), равенство (ранг 10,5), по их мнению, вполне можно обойтись. Весьма низкие ранги у таких ценностей как уверенность в себе (ранг 13,5) и красота (ранг 13,5). Активное отрицательное отношение девушек обнаруживается к материальной обеспеченности (ранг 15), возможности творческой деятельности (ранг 16). Это, вероятно, связано с особенностями современной социальной ситуации развития в юношеском возрасте, характеризующейся активным внедрением в массовое сознание идеи эгоизма и достижения высокого личного статуса любыми способами (даже в ущерб другим).

Сравнение структуры терминальных ценностей показало, что, независимо от пола, испытуемые сходным образом оценивают материальную обеспеченность ($p \geq 0,05$), удовольствия ($p \geq 0,05$), здоровье ($p \geq 0,05$), наличие хороших и верных друзей ($p \geq 0,05$). По оставшимся двенадцати показателям зафиксированы статистически достоверные различия, проявляющиеся в различной оценке респондентами исследуемых целей жизни.

Обратимся к анализу результатов исследования терминальных ценностей лидеров-юношей из обычных школ, проживающих в «чистых» районах, прошедших социальное обучение в ОШМЛ «Комсорг». Для лидеров мужского пола основными ориентирами являются здоровье (ранг 1), «любовь (ранг 2), счастливая семейная жизнь (ранг 3) и хорошие и верные друзья (ранг 4). Вызывает определенное состояние уверенности в будущем факт того, что в число ведущих ценностей современных лидеров вошли хорошие и верные друзья, и счастливая семейная жизнь. Они также полагают, что стоит жить ради таких целей, как материальная обеспеченность (ранг 5), интересная работа (ранг 6), познание (ранг 7), самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (ранг 8). К числу целей жизни, которые не обязательно ставить перед собой, лидеры указали общественное признание (ранг 9), уверенность в себе (ранг 10), сво-

бода и независимость в поступках и действиях (ранг 11), активная деятельная жизнь (ранг 12). Лидеры-юноши также считают, что ставить перед собой такие цели в жизни, как удовольствие (ранг 13), красота (ранг 14), равенство (ранг 15), творчество (ранг 16) не является обязательным.

У девушек-лидеров ведущими являются такие цели жизни, как счастливая семейная жизнь (ранг 1), хорошие и верные друзья (ранг 2), свобода и независимость в поступках и действиях (ранг 3) и любовь (ранг 4). Несколько ниже девушки оценивают познание (ранг 5), общественное признание (ранг 6) и интересную работу (ранг 7). Радует, что достаточно традиционные для этого возраста ценности, связанные с общением со сверстниками и близкими, семьей остаются очень привлекательными для респондентов. А без таких целей жизни, как материальная самостоятельность как здоровье (ранг 9), удовольствие (ранг 9), самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (ранг 10), активная деятельная жизнь (ранг 11), равенство (ранг 12), по их мнению, вполне можно обойтись. Достаточно низко они оценили красоту (ранг 13). Активное отрицательное отношение девушек проявляется к уверенности в себе (ранг 14), материальной обеспеченности (ранг 15), возможности творческой деятельности (ранг 16). Это, по нашему мнению, связано с особенностями социальной ситуации развития современного юноши, когда идет активное внедрение в массовое сознание идеи эгоизма и достижение высокого личного статуса любыми способами даже, если это будет в ущерб другим.

Если сравнить структуры терминальных ценностей испытуемых разного пола, то можно увидеть много общего. Независимо от пола, испытуемые сходным образом оценивают такие терминальные ценности, как самостоятельность как независимость в суждениях и оценках ($p \geq 0,05$), интересная работа ($p \geq 0,05$), любовь ($p \geq 0,05$), хорошие и верные друзья ($p \geq 0,05$), красота ($p \geq 0,05$), познание ($p \geq 0,05$), счастливая семейная жизнь ($p \geq 0,05$), творчество ($p \geq 0,05$), активная деятельная жизнь ($p \geq 0,05$). По оставшимся семи показателям зафиксированы статистически достоверные различия, проявляющиеся в различной оценке респондентами исследуемых целей жизни. Лидеры мужского пола юношеского возраста, по сравнению с испытуемыми-девушками, более высоко оценили такие терминальные ценности, как материальная обеспеченность (разность рангов – 4, $p < 0,01$), уверенность в себе (разность рангов – 4, $p < 0,01$), здоровье (разность рангов – 8, $p < 0,01$).

Девушки-лидеры, по сравнению с лицами мужского пола, более высоко оценили следующие терминальные ценности: удовольст-

вие (разность рангов – 4, $p < 0,01$), общественное признание (разность рангов – 3, $p < 0,05$), равенство (разность рангов – 3, $p < 0,05$), свобода и независимость в поступках и действиях (разность рангов – 8, $p < 0,01$).

Результаты изучения иерархии ценностей девушек и юношей ОШМЛ «Комсорг», проживающих в районах радиоактивного загрязнения, показывают, что для лидеров юношеского возраста мужского пола основными ориентирами в жизни выступают уверенность в себе (ранг 1), хорошие и верные друзья (ранг 2), интересная работа (ранг 3) и счастливая семейная жизнь (ранг 4). Вызывает определенное состояние уверенности в будущем тот факт, что в число ведущих ценностей современных лидеров вошли интересная работа, и счастливая семейная жизнь. Они также считают, что человеку стоит жить ради таких целей, как здоровье (ранг 5), любовь (ранг 6), познание (ранг 7), самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (ранг 8). К числу целей жизни, которые не обязательно ставить перед собой, испытуемые отнесли общественное признание (ранг 9), равенство (ранг 10), красота (ранг 11), творчество (ранг 12). Лидеры-юноши считают, что не стоит ставить перед собой такие цели в жизни, как материальная обеспеченность (ранг 13), удовольствие (ранг 14), активная деятельная жизнь (ранг 15), свобода и независимость в поступках и действиях (ранг 16).

Как следует из полученных эмпирических данных, у девушек-лидеров на ведущих позициях оказались следующие цели жизни, к которым должен стремиться, по их мнению, каждый человек: хорошие и верные друзья (ранг 1), любовь (ранг 2), здоровье (ранг 3), самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (ранг 4). Несколько ниже девушками были оценены общественное признание (ранг 5), интересная работа (ранг 7), красота (ранг 7), счастливая семейная жизнь (ранг 7). К числу целей жизни, которые не обязательно ставить перед собой, испытуемые женского пола отнесли активную деятельную жизнь (ранг 9), свободу и независимость в поступках и действиях (ранг 10), познание (ранг 11), уверенность в себе (ранг 12). Ценности, связанные с общением со сверстниками и близкими, семьей, остаются очень привлекательными для респондентов. Вместе с тем, респонденты невысоко оценивают равенство (ранг 13). Активное отрицательное отношение девушек проявляется к творческой деятельности (ранг 16), удовольствию (ранг 14), а также к материальной обеспеченности (ранг 15).

Если сравнить структуры терминальных ценностей лидеров мужского и женского пола, то можно увидеть много общего. Независимо от пола, испытуемые сходным образом оценивают такие терминальные ценности, как материальная обеспеченность ($p \geq 0,05$), удовольствие ($p \geq 0,05$), хорошие и верные друзья ($p \geq 0,05$), здоровье ($p \geq 0,05$). По оставшимся двенадцати эмпирическим референтам зафиксированы статистически достоверные различия, проявляющиеся в различной оценке респондентами исследуемых целей жизни. Лидеры мужского пола, по сравнению с испытуемыми-девушками, более высоко оценили такие терминальные ценности, как уверенность в себе (разность составляет 11 рангов, $p < 0,01$), интересная работа (разность рангов – 4, $p < 0,01$), познание (разность рангов – 4, $p < 0,01$), счастливая семейная жизнь (разность рангов – 3, $p < 0,05$), равенство (разность рангов – 8, $p < 0,01$) и творчество (разность рангов – 4, $p < 0,01$).

Девушки-лидеры, по сравнению с лицами мужского пола, более высоко оценили следующие терминальные ценности: самостоятельность как независимость в суждениях и оценках (разность составляет 4 ранга, $p < 0,01$), любовь (разность рангов – 4, $p < 0,01$), свобода и независимость в поступках и действиях (разность рангов – 6, $p < 0,01$), красота (разность рангов – 4, $p < 0,01$), общественное признание (разность рангов – 4, $p < 0,01$), активная деятельная жизнь (разность рангов – 6, $p < 0,05$).

Заключение

Результаты исследования структуры терминальных и инструментальных ценностей лидеров молодежных групп юношеского возраста позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Независимо от пола, социальной ситуации развития и наличия опыта социального обучения, у молодежных лидеров среди ведущих терминальных ценностей доминируют абстрактные ценности.
- 2) Молодежные лидеры, независимо от пола, социальной ситуации развития и наличия опыта социального обучения, имеют терминальные ценности, ведущими в которых являются преимущественно личные ценности ($p \geq 0,05$).
- 3) Девушки-лидеры, независимо от их места проживания и наличия опыта социального обучения, ориентируются на этические ценности, в то время как юноши-лидеры, независимо от их места проживания и наличия опыта социального обучения, предпочитают ценности дела ($p < 0,01$).

- 4) Юноши-лидеры, независимо наличия опыта социального обучения, ориентируются на конформистские и индивидуалистские ценности, в то время как девушки-лидеры, независимо от наличия опыта социального обучения, предпочитают конформистские и альтруистические ценности (для проживающих в «чистых» районах), а также индивидуалистические и альтруистические ценности (для проживающих в радиоактивно загрязненных районах) ($p < 0,01$).
- 5) Юноши и девушки-лидеры, независимо от наличия опыта социального обучения, ориентируются преимущественно на ценности самоутверждения. Отметим, что у лидеров женского пола наблюдается тенденция к более высокому удельному весу этих ценностей.

Литература

- Алифанов С. А. Основные направления анализа лидерства // Вопросы психологии. 1991. № 3. С. 90–98.
- Бендас Т. В. Гендерная психология лидерства. Оренбург, 2000.
- Кричевский Р. Л. Психология малой группы. М., 2001.
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М., 1999.
- Сарычев С. В. Лидерство как социально-психологический механизм надежности молодежных групп в напряженных условиях // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 5 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М., 2015. С. 380–382.
- Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980.
- Чернышев А. С., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В., Скурятин В. И. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход). Воронеж, 2007.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лунев Ю. А. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М., 2005.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В. Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. № 11. URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=11>.
- Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения. Л., 1979.

Influence of gender on the structure of value orientations of youth small group leaders

*I. N. Logvinov**, *S. S. Vasilievich*** (*Kursk*)

* Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of Psychology, Kursk State University

** Doctor of psychological Sciences, Professor, head of the Department of Psychology, Kursk State University

The paper deals with the results of socio-psychological study of the structure of value orientations of youth leaders of both sexes. The study was performed within the framework of developing social environment (social oases) and the concept of social learning developed Kursk scientific school in the social educational psychology. The features of the hierarchy of terminal and instrumental values of youth leaders in terms of social learning in Regional Youth Leaders School “Komsorg”, and under normal conditions with regard to their sex and dwelling place.

Keywords: leader, value orientations, terminal values, instrumental values, social development situation, developing social environment, gender.

Социально-психологические факторы долгосрочной ориентации научного сообщества¹

Т. А. Нестик (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией
социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

В статье анализируются социально-психологические предпосылки долгосрочной ориентации научного сообщества – готовности ученых планировать свои исследования на долгосрочную перспективу и обсуждать их связь с долгосрочными вызовами. Рассматриваются сценарии развития науки до 2035 г. Выделяются личностные, межличностные, групповые и организационные факторы формирования долгосрочной ориентации научного сообщества. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного среди профессоров РАН различных отделений РАН (N=101). Данные свидетельствуют о том, что в российском научном сообществе конкурируют несколько альтернативных образов желаемого будущего науки. Основным фактором протяженности временной перспективы при обсуждении исследований в научных сообществах является внутренняя логика и скорость развития научного знания, а не ориентация ученых на социальный заказ и долгосрочные вызовы. Индивидуальное планирование исследовательской деятельности и групповое обсуждение перспективных исследований имеют разную детерминацию. Намечены перспективные направления дальнейших психологических исследований образа будущего научных сообществ.

Ключевые слова: научное сообщество, научная политика, большие вызовы, долгосрочная ориентация, коллективный образ будущего, временная перспектива.

1 Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00675.

Ориентация научной политики развитых стран на «большие вызовы» – сложные и масштабные проблемы, угрозы и возможности, на которые невозможно ответить за счет одного лишь увеличения ресурсов, – не только ставит задачу планирования приоритетных направлений исследований (Вызовы..., 2016), но и требует повышения долгосрочной ориентации научных сообществ. И если проблема выделения приоритетов научно-технологического развития получила достаточно широкое освещение в литературе, посвященной научной политике (см., например: Выявление..., 2016), то *долгосрочная ориентация* – готовность ученых планировать свои исследования на долгосрочную перспективу и обсуждать их связь с долгосрочными вызовами – как социально-психологический феномен остается практически не изученной (подробнее см.: Журавлёв, Нестик, Юревич, 2016, а также содержание дискуссии, состоявшейся на страницах «Психологического журнала» в 2017 г.).

В отечественной социологии науки основное внимание исследователей было сосредоточено на текущих проблемах научного сообщества, вопрос же о *будущем науки* затрагивался в основном в связи с последствиями кризисных явлений в академических кругах, сменой поколений ученых, глобализацией науки, переходом к сетевым формам научной работы, необходимостью формирования социального заказа отечественной науке, реформами в академической науке. Представления о будущем имеют важное значение для научного самоуправления (В. И. Коннов и др.) и интеллектуальных движений (К. С. Фурсов и др.). Проблема прогнозирования будущего в социальной психологии науки поставлена в теоретическом плане (А. В. Юревич и др.), но эмпирически пока исследовалась недостаточно.

Как показывают исследования в области социологии науки, формирование представлений о перспективных направлениях исследований и критерии отбора исследовательских заявок в значительной мере определяются когнитивным стилем и дисциплинарной культурой, а также самопрезентацией, политическими факторами и групповыми интересами, которые также влияют на оценку актуальности темы, ориентацией на те или иные нормы научной деятельности. Социально-психологические исследования указывают на важное значение взаимодополнительности разных когнитивных стилей (адапторов и новаторов), наличия в ролевой структуре научных коллективов роли «эрудита», «генератора» и «критика», «привратника» (работы В. П. Карцева, А. Г. Аллахвердяна, А. В. Юревича и др.). Можно предположить, что ролевая структура научных коллективов влияет на уровень их долгосрочной ориентации и от-

ношение к планированию исследований (см. об этом: Журавлёв и др., 2016; и др.).

Будущее науки изучается в рамках научно-технологического прогнозирования и форсайтных исследований, в том числе с опорой на экспертные опросы (Журавлёв, Нестик, Юревич, 2016). Вместе с тем внимание исследователей в рамках данного направления сосредоточено на обеспечении достоверности прогноза, а не на социально-психологических особенностях представлений о будущем в среде российских ученых (Прогноз научно-технологического развития России, опубликованный Форсайт-центром НИУ ВШЭ в 2014 г.). В европейской науке существуют коммуникативные пространства для обсуждения будущего науки (например, проходящие раз в два года форумы Euroscience, проект Horizon 2020, виртуальные форсайт-площадки Евросоюза и др.). В России будущее науки как социального института обсуждается преимущественно на последних стадиях разработки, посвященных науке стратегических документов по заказу Правительства РФ, Совета по науке и образованию Законодательного собрания РФ и др. Образ будущего науки конструируется и легитимируется в рамках относительно небольших и относительно закрытых экспертных сообществ. Между тем, лейтмотивом современных научных публикаций в области футурологии стал призыв к укреплению процессов коллективного диалога, осмысления и рефлексивности (Нестик, 2017). Такого рода рефлексия и коллективное прогнозирование особенно востребованы сегодня, так как вместе со сменой технологических платформ происходит переопределение места социальных и гуманитарных наук в обществе.

При обсуждении будущего науки эксперты опираются на оценку последствий *глобальных трендов* в управлении научными исследованиями, которые сегодня уже хорошо заметны: ориентация на «большие вызовы»; ускорение цикла НИОКР; обеспечение публичного доступа к результатам исследований (открытая наука); сокращение государственного финансирования исследований и разработок, «научное предпринимательство»; развитие гражданской науки (участие энтузиастов-любителей в серьезных исследованиях на основе краудсорсинга); совмещение образовательной и научной деятельности (гумбольдтовская модель университета); поддержка междисциплинарных исследований; стимулирование мобильности ученых и создание исследовательских платформ Science 2.0; переход от больших исследовательских институтов к сетям небольших научных коллективов. Обсуждаются *новые компетенции*, необходимые исследователям: работа с большими данными, управление

проектами, создание и развитие команды, понимание бизнеса и знания в области защиты интеллектуальных прав, востребованность так называемых «Т-компетенций» – коммуникативных навыков, кругозора и способности интерпретировать результаты исследований за пределами своей дисциплины (OECD, 2016; Вызовы..., 2016).

Представление о том, как эти тенденции могут повлиять на отдаленное будущее науки, дает проведенный при поддержке Евросоюза в 2013 г. международный форсайт «Будущее исследований и инноваций 2030» (Research & Innovation Futures, 2013). В ходе структурированных мозговых штурмов эксперты из европейских стран, представляющие разные заинтересованные стороны научной политики (ученые, государственные чиновники, работники научных фондов, представители бизнеса), разработали несколько альтернативных сценариев развития мировой науки к 2030 г.

Согласно *первому* сценарию «Открытые исследовательские платформы», к 2030 г. исследователи объединятся для решения научных проблем в самоуправляемые глобальные виртуальные сообщества, открытые для других участников. Приоритетные направления исследований будут определяться самими сообществами, а их результаты будут публиковаться в открытом доступе.

Второй сценарий «Парламенты знаний» предполагает более активную роль гражданского общества в научной политике. Развитие механизмов электронной демократии и краудфандинга даст возможность рядовым гражданам и общественным организациям влиять на определение приоритетных направлений исследований. В дебатах за общественную поддержку будут конкурировать исследовательские консорциумы, гражданская наука и различные проекты «нетрадиционного», ненаучного знания.

Третий сценарий «Большие вызовы» предполагает концентрацию усилий исследователей на решении крупных общественно значимых задач. Приоритетными будут считаться исследования, направленные на решение масштабных региональных и глобальных проблем. С этой целью правительство и бизнес будут поддерживать создание инновационных сообществ, объединяющих академическую науку, университеты, компании и социальных предпринимателей.

В *четвертом* сценарии «Исследовательские цепочки создания стоимости» приоритеты научных исследований определяются конкуренцией крупных корпораций и национальных экономик. В организации науки будет широко использоваться передовой опыт управления бизнесом, подразделениями НИОКР и высокотехнологическими стартапами.

Наконец, *пятый* сценарий «Свободные исследователи» отводит основную роль в развитии науки отдельным ученым. В этой версии будущего престиж академических структур и традиционных университетов падает, молодые ученые уходят из них для работы в собственных научных и образовательных сетевых проектах. Каждый сам определяет свои исследовательские приоритеты, преобладают ценности непрограммной, поисковой, «медленной науки».

На наш взгляд, к этим пяти сценариям, выделенным в рамках европейского форсайта, с учетом российского контекста можно добавить *шестой* – «Государственный протекционизм». При его реализации восстанавливается централизованная система организации российской науки, приоритетные направления исследований определяются стратегическими государственными интересами, в том числе заказами военно-промышленного комплекса и других ведомств.

В целом анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что *представления о коллективном будущем* изучались в основном на трудовых коллективах организаций, образ будущего крупных социальных групп и профессиональных сообществ исследован крайне недостаточно (Нестик, 2014). Незучеными остаются психологические механизмы формирования коллективного образа будущего в социальной группе ученых.

Можно выделить несколько групп *факторов*, влияющих на долгосрочную ориентацию научного сообщества. На *внутриличностном* уровне анализа – это особенности индивидуальной временной перспективы участников исследовательского коллектива (ориентация на будущее, ориентация на отложенное вознаграждение и др.), когнитивный стиль, а также социальная идентичность (множественность социальных категорий, с которыми себя идентифицирует ученый, гражданская и глобальная идентификация) и социальная вовлеченность (интенсивность контактов со СМИ, участие в международных конференциях и т. п.). На *межличностном* уровне анализа – это число «слабых связей», разнородность сети профессиональных контактов и уровень межличностного доверия. На *групповом* уровне это ролевой состав исследовательского коллектива (наличие «эрудита», «генератора» и «критика», «привратника» и «визионера»), стиль лидерства, уровень групповой рефлексивности и психологической безопасности, групповая самоэффективность и групповые эмоциональные состояния, коллективная память. На *организационном* уровне – это временной горизонт планирования и критериев оценки научной деятельности, продолжительность трудовых контрактов и грантовой поддержки, объем финансирования, участие организации в междисциплинарных и международных проектах,

регулярность внутриорганизационных форм научной коммуникации, используемых для обсуждения перспективных направлений исследований.

Для изучения *социальных представлений* российских ученых о будущем российской науки и уточнения социально-психологических детерминант отношения ученых к планированию своих исследований в 2016 г. было проведено анкетирование, участниками которого стали профессора РАН всех отделений РАН (N=101; 81% – мужчины, 19% – женщины; возраст – от 34 до 51 года). Использовались полная и сокращенная версии опросника, поэтому по различным шкалам число ответов колебалось от 60 до 101 человека. Профессора РАН представляют особый интерес для исследователей в связи с тем, что данная категория ученых призвана стать своего рода «лидерами изменений» в российской науке и «кадровым резервом» для формирования состава членов Российской академии наук. Для выявления представлений о будущем науки использовались открытые вопросы с последующим контент-анализом; для измерения временной перспективы и отношения к будущему своей научной области – модифицированные методики «Временные аттитюды» Ж. Нюттена, проективный тест «Круги» Т. Коттла, «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна.

Опираясь на результаты предшествующих исследований группового отношения к будущему (Нестик, 2014), в качестве *основной гипотезы* исследования было выдвинуто предположение о том, что индивидуальное планирование исследовательской деятельности и групповое обсуждение перспективных исследований имеют разную детерминацию.

Среди *вызовов*, на которые предстоит ответить российской науке в ближайшие 20 лет, респонденты чаще всего указывали на проблемы здравоохранения (33,3% ответов), угрозы продовольственной безопасности (28,2%), изменение климата (23,1%), экологическую катастрофу (20,5%), переход к новому технологическому укладу (20,5%), угрозы энергетической безопасности (20,5%), рост международной напряженности (15,4%) и др. В целом результаты исследования указывают на то, что российские ученые хорошо осведомлены о глобальных рисках, в предотвращении негативного действия которых может участвовать наука.

Выделяя *факторы*, которые сильнее всего повлияют на развитие российской науки в ближайшие 20 лет, респонденты чаще всего указывали на объем финансирования (19,8% ответов), соотношение между фундаментальной и прикладной наукой (13,6%), престиж науки в обществе (11,1%), уровень бюрократии и формализма в управ-

лении наукой (8,6%), степень открытости доступа к информации и результатам исследований (8,6%), уровень образования в стране и степень омоложения научных кадров (7,4%), соотношение между глобализацией и изоляционизмом в российской науке (7,4%) и др.

Части респондентов было предложено познакомиться с описанием шести альтернативных сценариев развития науки в России на перспективу до 2035 г. (см. выше) и оценить каждый из них: А) по вероятности от 1 (наименее вероятный) до 5 (наиболее вероятный); Б) по желательности для Вас от 1 (наименее желательный) до 5 (наиболее желательный). Результаты свидетельствуют о том, что в российском научном сообществе конкурируют несколько альтернативных образов желаемого будущего науки (см. таблицу 1).

В среднем российские научные сообщества при обсуждении будущих исследований заглядывают на перспективу 5 лет. По экспертным оценкам респондентов, наиболее долгосрочно ориентированными оказались научные сообщества физического отделения, сельскохозяйственного (около 7 лет) и историко-филологического (около 5 лет), тогда как наиболее краткосрочно ориентированными являются научные сообщества отделения нанотехнологии и информационных технологий, а также отделения химии и наук о материалах (2 года). По-видимому, данные различия могут объясняться разной скоростью исследовательского цикла и временными характеристиками изучаемых процессов в соответствующих научных областях.

Таблица 1

Сценарии развития российской науки в оценках профессоров РАН (N=60)

Сценарии развития российской науки до 2030 г.	Вероятность сценария	Желательность реализации сценария	% указавших данный сценарий как наиболее желательный*
«Государственный протекционизм»	4,0	3,6	46%
«Большие вызовы»	3,3	3,6	39%
«Открытые исследовательские платформы»	2,5	3,3	37%
«Исследовательские цепочки создания стоимости»	2,6	2,7	15%
«Свободные исследователи»	2,1	2,1	12%
«Парламенты знаний»	1,6	2,0	10%

Примечание. Респонденты могли выбирать более одного варианта.

Как показал *линейный регрессионный анализ* методом обратных шагов ($R^2=0,502$; $F=6,37$, $p=0,004$), оценка респондентами временного горизонта обсуждаемых в их научном сообществе перспективных исследований прямо зависит от скорости обновления знаний в научной области, индивидуальной ориентации на долгосрочное планирование исследований, а также обратно зависит от желательности реализации сценария «Большие вызовы», предполагающего увязывание исследовательских приоритетов с масштабными общественными проблемами (см. таблицу 2). Можно предположить, что в долгосрочно ориентированных исследовательских сообществах научная политика, основанная на «больших вызовах», воспринимается как навязанное сверху ограничение возможностей для поиска перспективных научных проблем самими учеными.

Таблица 2

Детерминанты оценки российскими учеными долгосрочной ориентации своего научного сообщества (коэффициенты линейной регрессии, $N=101$)

Зависимая переменная	Предикторы, β			R^2
	Время, за которое устареет половина знаний в вашей научной области	На какой период времени вы сами обычно планируете тематику своих исследований	Желательность развития российской науки по сценарию «Большие вызовы»	
Временной горизонт обсуждения перспективных направлений исследований в своей области	-0,527**	0,497**	-0,351**	0,502

Примечание. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 – доля дисперсии.

Как оказалось, индивидуальная ориентация на долгосрочное планирование учеными тематики своих исследований имеет другие предикторы ($R^2=0,675$; $F=5,54$, $p=0,003$): она прямо зависит от субъективной значимости будущего российских исследований в своей научной области ($\beta=0,661$), возраста ученого ($\beta=0,508$), желательности реализации сценария «Большие вызовы» ($\beta=0,397$) и протяженности временной перспективы при мыслях о будущем России ($\beta=0,566$). При этом она обратно зависит от субъективной предсказуемости будущего российских исследований в своей научной области ($\beta=-0,538$) и частоты обсуждения перспективных исследований

с коллегами ($\beta = -0,284$). Различия в детерминации протяженности временной перспективы на групповом и индивидуальном уровнях указывают, что «большие вызовы» будущего осознаются учеными, но их влияние на приоритеты исследований не становится предметом групповой рефлексии в научном сообществе. Регрессионный анализ показывает также ($R^2 = 0,695$; $F = 15,21$; $p < 0,001$), что респонденты оценивают будущее российских исследований в своей области тем более позитивно, чем больше вера в способность научного сообщества влиять на будущее своей науки в России ($\beta = 0,622$), чем более отдаленное будущее России пытаются представить себе ученые ($\beta = 0,507$), и чем ниже скорость обновления знаний ($\beta = -0,319$). Очевидно, что идентификация себя с российской наукой и российским обществом имеет для ученых большее значение при планировании ими своих исследований, чем при обсуждении ими же перспективных направлений с коллегами.

Таким образом, основным фактором протяженности временной перспективы при обсуждении исследований в научных сообществах является внутренняя логика и скорость развития научного знания, а не ориентация ученых на социальный заказ и долгосрочные вызовы. Видимо, обсуждение долгосрочных направлений развития научной области стимулируется изменением картины мира, появлением новых теорий. Напротив, по-видимому, стабильные условия нормальной науки, накапливающей наблюдения, снижают ориентацию научного сообщества на будущее.

Подводя *итоги*, можно выделить несколько *перспективных направлений* психологических исследований формирования образа будущего и долгосрочной ориентации научного сообщества. *Во-первых*, требуется прояснить роль отношения к коллективному прошлому в формировании образа будущего науки. По-видимому, представления исследователей об истории развития своей научной области, в том числе о ее политическом и организационном контексте, могут быть основой для конструирования образа будущего науки. *Во-вторых*, мало изучено влияние эффектов защиты позитивной идентичности на прогнозирование будущего науки. Эта проблема является особенно острой для российского экспертного сообщества, большинство представителей которого прошли через травмирующий опыт в 1990-е годы, связанный с падением экономического статуса и социального престижа ученых. При проведении российских корпоративных и отраслевых форсайтов этот эффект проявляется в том, что экспертам оказывается трудно сформировать позитивный образ будущего: внимание смещается с возможностей на угрозы и поиск способов их избежать. Защита экспертами своей

позитивной идентичности (корпоративной, профессиональной, национальной) провоцирует возникновение эффекта рамки, запускает эскалацию приверженности принятым когда-то решениям, привычным для экспертов концепциям (Нестик, 2017). *В-третьих*, мало изученным остается влияние характеристик социальной сети внешних контактов исследовательского коллектива на представления его участников о будущем своего научного направления и их отношение к планированию своей совместной научной деятельности. Влияние социальной сети на формирование долгосрочной ориентации научного сообщества может быть связано, как с ее структурными характеристиками (например, степень разнородности, вовлеченность в контакты с представителями других научных отраслей и заказчиками прикладных исследований), так и с содержательными (например, уровень доверия к заинтересованным сторонам научной деятельности – от экспертов фондов и рецензентов научных журналов до администрации университетов и менеджеров компаний-заказчиков). Наконец, *в-четвертых*, особого внимания исследователей требует изучение связи между масштабом пространственно-временных категорий, которыми оперируют ученые в своих исследованиях, и долгосрочной ориентацией (например, можно ожидать различия в характеристиках индивидуальной и групповой временной перспективы в астрономии и палеонтологии, в физике элементарных частиц или прикладной социологии).

Литература

- Вызовы научно-технологического и инновационного развития. Международный опыт. Выводы для России. Справка. М., 2016. URL: <http://sntr-rf.ru/materials/vyzovy-nauchno-tekhnologicheskogo-i-innovatsionnogo-razvitiya-mezhdunarodnyy-opyt-vyvody-dlya-rossii> (дата обращения: 21.04.2017).
- Выявление приоритетных научных направлений: междисциплинарный подход / Отв. ред. И. Я. Кобринская, В. И. Тищенко. М., 2016.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Звезды Ярославской психологии. Ярославль, 2016. С. 15–45.
- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Позняков А. Н., Юревич А. В. Социальная психология знания. М., 2016.
- Нестик Т. А. Социальная психология времени. М., 2014.
- Нестик Т. А. Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 4.

С. 16–60. URL: <http://soc-econom-psychology.ru> (дата обращения: 21.04.2017).

Нестик Т.А. Психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М., 2016б. С. 100–123.

Нестик Т.А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2017. Т. 11 (принято к публикации).

Нестик Т.А., Журавлёв А.Л. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.

OECD horizons can of megatrends and technology trends in the context of future research policy. København: Danish Agency for Science, Technology and Innovation, 2016.

Research & Innovation Futures 2030: From explorative to transformative Scenarios. EU, 2013. URL: www.rif2030.eu/scenarios-templated.

The socio-psychological predictors of scientific community long-term orientation

T. A. Nestik (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

The article is concerned to the problem of socio-psychological determinants of scientific community long-term orientation, i.e. readiness to long-term planning of research and attention to global 'big challenges'. Global trends and scenarios of the science development are discussed. Personal, interpersonal, group, organizational precedents of scientists' long-term orientation are described. The results of an empirical study among professors of Russian academy of sciences are presented (N=101). It has been shown that there are several competing images of future in Russian scientific community. The key predictor of discussion of future research directions in research communities is the speed of knowledge renewal and not the attention to social needs. Individual planning of research and group discussion of future research directions have different determinants. The further research directions in the field are proposed.

Keywords: scientific community, science and innovation policies, big challenges, long-term orientation, collective image of future, time perspective.

Проявления субъектных свойств группы в принятии совместных решений (на примере производственных коллективов)

В. Э. Третьякова (Воронеж)

*аспирант кафедры общей и социальной психологии,
Воронежский государственный университет;
e-mail: antarestar@mail.ru*

В статье анализируется проблема малой группы как субъекта принятия совместных решений. Показано, что изучение проблемы принятия решений группой с позиций субъектного подхода к ней позволит расширить имеющиеся на сегодняшний день представления об особенностях этой деятельности, реализуемой не только индивидуально, но и групповым субъектом. В результате теоретико-эмпирического исследования раскрыты следующие свойства группы как субъекта принятия совместных решений: решительность в выборе, целеустремленность в поиске, кооперативность в обсуждении, интеллектуальное единство и рефлексивность. На материале производственных коллективов установлено, что, во-первых, эти свойства достигают разных уровней развития в процессе групповой жизнедеятельности, во-вторых, сами коллективы как субъекты принятия совместных решений отличаются по уровню выделенных свойств. Обнаружены проявления уровней от низкого до высокого, но наиболее распространенным среди производственных коллективов (примерно в половине случаев) является средний уровень их развития как субъектов принятия совместных решений.

Ключевые слова: малая группа, групповой субъект, совместное принятие решения, групповой субъект принятия решения, свойства группового субъекта принятия решения.

Свойства группового субъекта принятия совместных решений

В современном мире во многих сферах общественной жизни востребованными становятся групповые решения, субъектом которых выступает, в первую очередь, малая группа. Вследствие этого исследование проблемы принятия решений малой группой обретает особую значимость, поскольку практические запросы общества обуславливают ценность решений, принятых людьми совместно в процессе общения и группового взаимодействия (подробнее см.: Совместная деятельность..., 1988; и др.). Изучение проблемы принятия совместного решения малой группой с позиции перспективного для социальной психологии *субъектного подхода* (Журавлёв, 2000; и др.) представляется весьма актуальным, так как он позволяет раскрывать общие, базовые феномены и характеристики групповой субъектности, а на их основе – частные, конкретные процессы, в том числе, и свойства группы как единого субъекта.

Под *свойствами группового субъекта* принятия решения мы понимаем устойчивые социально-психологические особенности, характеризующие его субъектность в таком интегративном виде совместной активности, как принятие решений.

К настоящему времени социальными психологами изучены и описаны субъектные свойства малой группы в разных видах *совместной активности*: в совместной деятельности, групповом поведении, общении, взаимоотношениях (Гайдар, 2013а, 2013б; Журавлёв, 1999). Однако в социально-психологической литературе, посвященной проблемам группового субъекта, мы не обнаружили даже упоминания интересующих нас свойств. Поэтому проанализировав и обобщив данные о психологии группового субъекта, о процессах принятия группой совместных решений, имеющиеся в литературных источниках, мы выделили следующие *свойства*, характеризующие группу как субъекта принятия совместных решений: решительность в выборе, целеустремленность в поиске, кооперативность в обсуждении, интеллектуальное единство и рефлексивность. Охарактеризуем подробнее каждое из них.

Решительность исследовалась преимущественно в рамках психологии личности как одно из ее волевых качеств, определяемое по времени, требующемуся для принятия решения, и характеризующееся неуклонным продвижением к цели, несмотря на встречающиеся преграды и трудности (Ильин, 2009; Лучинская, 2016; Петяйкин, 1978).

Отталкиваясь от наиболее распространенных дефиниций решительности индивидуального субъекта, решительность в выбо-

ре группового субъекта принятия решений мы предлагаем определять как его способность уверенно, самостоятельно, энергично и своевременно выбирать окончательный вариант решения задачи/проблемы из нескольких возможных в ситуациях трудностей и помех. При этом подчеркнем, что решительность означает не просто быструю и активную реакцию группового субъекта, но – и это самое главное – способность на основе проведенного анализа ситуации обдуманно и уверенно, без сомнений и колебаний выбрать наиболее целесообразное, аргументированное и обоснованное решение. Решительность в выборе – это такое свойство группового субъекта, которое наиболее ярко проявляется в сложных ситуациях, когда ему необходимо выбрать один из нескольких предложенных вариантов решения, а также когда избранная альтернатива связана с риском (Корнилова, 2003). Решительность предполагает также способность группового субъекта взять на себя ответственность за принятое решение, его реализацию на практике.

Противоположным свойством является *нерешительность*, которая подразумевает отсутствие у группового субъекта стойкого и интенсивного стремления к осуществлению цели, продолжительные сомнения, предшествующие принятию совместного решения и/или неуверенность в принятом решении, уклонение от принятия ответственности за сделанный выбор. Проявляя нерешительность, групповой субъект, даже договорившись о том, какой именно вариант он выбирает, зачастую не имеет возможности привести его в исполнение, так как либо находит различные причины для того, чтобы отложить необходимые действия по его воплощению в жизнь, либо убежден в том, что его осуществление можно отсрочить.

Перейдем к следующему свойству – *целеустремленности*. Ее принято относить к важнейшим положительным мотивационно-волевым качествам личности (Ильин, 2009). Целеустремленность помогает справиться с препятствиями, возникающими на пути к цели, сконцентрироваться на решении задач в ближайшей и долгосрочной перспективе, мобилизовать волевые усилия для преодоления всего, что мешает продвижению к цели.

Целеустремленность в поиске группового субъекта принятия решений мы трактуем как проявление его волевого единства, выражающееся в осознанном стремлении непременно выработать взаимоприемлемый вариант совместного решения, несмотря на возникающие разногласия, затруднения, препятствия. Целеустремленность предполагает обязательное приложение групповым субъектом волевых усилий в ходе выработки, обсуждения и принятия решения. И этим она отличается, по нашему мнению, от целенаправленности,

под которой в психологии обычно понимают сознательную и активную ориентированность субъекта на определенный результат деятельности, не предполагающую обязательной мобилизации усилий.

Противоположной целеустремленности является *целевая нефокусированность*, понимаемая нами как отклонения группового субъекта от настойчивого следования поставленной цели – периодические или систематические, отвлечения внимания и ресурсов от основной цели на посторонние внешние и внутренние факторы, неспособность приложить волевые усилия и подчинить свою активность последовательному выполнению намеченного, ведущие к полному или частичному недостижению изначально поставленных целей.

Кооперативность как свойство группового субъекта принятия решения есть основополагающий момент его совместной активности. В самом общем значении кооперативность раскрывается как способность социальных систем к самоорганизации на основе единых ценностей равенства, взаимной помощи, солидарности и др., являющаяся неременной предпосылкой реализации совместной деятельности. Кооперация выражается во взаимодействии и взаимодополнении, сконцентрированности усилий, действий, ресурсов, что ведет к повышению их эффективности и получению целостного результата, отвечающего намеченной цели. Следовательно, кооперативность есть способность группы, общности координировать отдельные силы всех своих членов, т. е. объединять, согласовывать, упорядочивать их, налаживать результативный обмен ими (Андреева, 2003).

Кооперативность в обсуждении группового субъекта принятия решений – это вовлеченность в процесс всех участников, налаженный взаимный обмен информацией, знаниями, представлениями, опытом, совместность в анализе, оценке и сравнении разнообразных альтернатив ради выработки общего решения, объединение усилий в его поиске и формулировании.

Кооперативности группового субъекта принятия решений противостоит свойство *разобщенности*, заключающееся в разрозненности, несвязанности конкретных проявлений групповой активности в процессе принятия решения. В основе разобщенности лежит неумение или нежелание договариваться, достигать общего результата, психологическая отчужденность между образующими групповой субъект отдельными лицами, микрогруппами, их дистанцированность друг от друга, игнорирование общности целей, интересов, психологических характеристик и, возможно, культивирование обособленности.

Далее рассмотрим *интеллектуальное единство* группового субъекта. Оно представляет собой систему когнитивных процес-

сов, протекающих на групповом уровне, иначе говоря, в виде совместной интеллектуальной деятельности, а также их результатов, к которым можно отнести общегрупповые представления и мнения (Гайдар, 2013б).

Интеллектуальное единство группового субъекта принятия решений – это совместная интеллектуальная деятельность группы, направленная на отражение и осмысление внутри- и внешнегрупповых процессов и приводящая к формированию общих для группы представлений, знаний, мнений, позиций, оценок как основы принятия совместного решения. Оно проявляется в совместном обсуждении задачи/проблемы, отборе, анализе, осмыслении необходимой для этого информации, сопоставлении индивидуальных критериев решения, определении стратегии решения, выработке на этой основе общности мнений, позиций, оценок и др. (именно общности, а необязательно совпадения), формулировании взаимоприемлемого критерия и нахождении согласованного, устраивающего всех или большинство членов группы оптимального варианта решения из ряда альтернатив.

Противоположное свойство – *интеллектуальная несогласованность* как неумение, неспособность группового субъекта сформировать общегрупповой «фонд» знаний и информации, достичь единства в обсуждаемых позициях, выработать общий подход к решаемой задаче/проблеме, влекущие за собой столкновение взглядов и оценок, расхождение мнений относительно критерия решения, а также его окончательного варианта.

Наконец, следует выделить такое свойство группового субъекта принятия решений, как *рефлексивность*. Она представляет собой реализуемую направленность группы на осознание и осмысление своей активности, в том числе, на ее изменение в результате проведенного анализа. Групповая рефлексивность подразумевает способность группы извлекать уроки и из своего, и из чужого опыта – коллективного и индивидуального. В качестве групповой характеристики рефлексивность была выделена А. Л. Журавлёвым как один из важнейших критериальных признаков группового субъекта (Журавлёв, 2000; и др.), а позднее были представлены основные подходы к ее изучению и перспективы исследования (Нестик, Журавлёв, 2012; и др.).

Мы полагаем, что групповой субъект в ходе принятия совместного решения может проявлять, как собственно рефлексивность (оценочно-аналитическую интеллектуальную деятельность, предметом которой служат внешние по отношению к группе процессы, события, объекты, субъекты), так и *саморефлексивность* (Журавлёв, 2000; и др.) (оценочно-аналитическую интеллектуальную

деятельность, предметом которой выступает сам субъект и его характеристики, в том числе, групповое мышление). Итак, рефлексивность группового субъекта принятия совместного решения можно определить как его способность осуществлять оценочно-аналитическую интеллектуальную деятельность, имеющую ценностно-смысловую вектор и направленную на окружающую среду и на самого себя, результатом которой являются осмысление и уточнение стоящих перед группой целей и задач, анализ и проработка необходимой для принятия решения информации, нахождение взаимоприемлемого варианта решения, осознание собственных сильных и слабых сторон, способствовавших или препятствовавших принятию решения, и определение на этой основе дальнейших путей совершенствования процесса принятия группового решения, а также поиск новых способов организации этого процесса.

По отношению к рефлексивности полярным свойством группового субъекта принятия решений выступает *импульсивность*. При принятии решений групповой субъект, отличающийся импульсивностью, не стремится собрать и проработать как можно больше информации, чтобы принять наилучшее решение, не обдумывает всевозможные его варианты, не тратит время на выработку определенной стратегии принятия решений, а без достаточных на то оснований выбирает первую попавшуюся версию, не прогнозируя при этом последствия, возможно негативные, ни для себя самого, ни для других. Проявление импульсивности ведет к тому, что решение принимается в весьма короткие сроки, но его качество, как правило, оставляет желать лучшего.

Организация эмпирического исследования

На основе теоретических представлений о субъектных свойствах группы, проявляемых ею в принятии совместных решений, мы провели *эмпирическое исследование*, в которое были включены 46 производственных коллективов г. Воронежа (общий объем выборки – 463 человека). Использовался опросник «Свойства группового субъекта принятия решений» (авторы – К. М. Гайдар и В. Э. Третьякова).

Результаты исследования

В результате было выявлено, что такие свойства группового субъекта принятия решений, как целеустремленность в поиске и кооперативность в обсуждении в производственных коллективах развиты в основном на среднем уровне (у 78,3% обследованных групп).

Уровень ниже среднего превалирует в развитии такого свойства, как решительность в выборе (у 67,4% групп). Свойства интеллектуального единства и рефлексивности чаще проявляются либо на среднем уровне, либо на уровне ниже среднего (в совокупности у 60,1% коллективов).

Вся выборка изученных нами производственных коллективов была дифференцирована по преобладающему уровню развития субъектных свойств в принятии решений на следующие подгруппы: у 43,5% групп доминирует в целом средний уровень развития субъектных свойств, у 19,6% – уровень ниже среднего, у 17,4% – уровень выше среднего, у 13% – высокий и у 6,5% – низкий уровень. Различия между выделенными подгруппами по критерию Стьюдента оказались статистически значимыми на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Заключение

Таким образом, полученные результаты позволяют заключить следующее. Из всех изученных субъектных свойств, проявляющихся в принятии совместных решений, у производственных коллективов лучше развиты целеустремленность в поиске и кооперативность в обсуждении, хотя далеко не всегда эти свойства отличаются повышенным уровнем сформированности. В целом, примерно половина коллективов как субъекты принятия решений имеет средний уровень развития соответствующих свойств, одна треть демонстрирует повышенные уровни развития субъектных свойств и примерно одна четверть – заниженные уровни. Это указывает на необходимость развития свойств группы как субъекта совместного принятия решений у большинства производственных коллективов, что позволит обогатить и улучшить как производственный процесс в целом, так и взаимодействие внутри самих коллективов, в частности (см., например: Служба социального развития..., 1989; и др.). На наш взгляд, это возможно реализовать посредством проведения с ними специально организованной развивающей работы с использованием активных методов социально-психологического обучения. В этом видятся перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2003.
Гайдар К. М. Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп): Дис. ... докт. психол. наук. Воронеж, 2013а.

- Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж, 2013б.
- Журавлёв А. Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: Дис. ... докт. психол. наук в виде научн. доклада. М., 1999.
- Журавлёв А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М., 2000. С. 133–151.
- Ильин Е. П. Психология воли. СПб., 2009.
- Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М., 2003.
- Лучинская А. Я. Взаимосвязь решительности, как характеристики волевой сферы, с регулятивно-поведенческими характеристиками личности: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2016.
- Нестик Т. А., Журавлёв А. Л. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Петяйкин И. П. Психологические особенности решительности. М., 1978.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М., 1989.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М., 1988.

Manifestations of subjective properties of a group in co-decision making (on the example of production collectives)

V. E. Tretiakova (Voronezh)

Postgraduate of General and Social Psychology Department,
Voronezh State University

In the article we analyze the problem of a small group as the subject of co-decision making. It is shown that studying the problem of a group's decision making from the point of subjective approach will allow to widen today's understanding about characteristics of this activity performed not by individual but by the group subject. As a result of theoretical and empirical research we discovered the following characteristics of a group as the subject of co-decision making: decisiveness in making a choice, sense of purpose while searching, cooperation in discussion, intellectual unity and reflexivity. Based on the materials of production collectives it was stated that, firstly, these characteristics reach different levels of devel-

opment in the process of group life; secondly, the collectives themselves as subjects of co-decision making differ by the level of highlighted qualities. We discovered manifestations of levels from low to high, but the most common among production collectives (approximately in a half of cases) is the medium level of their development as subjects of co-decision making.

Keywords: small group, group subject, co-decision making, group subject of decision making, characteristics of a group subject of decision making.

Личностно-диспозиционные факторы эффективности совместной управленческой деятельности

С. Ю. Флоровский (Краснодар)

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной психологии и социологии управления
Кубанского государственного университета;
e-mail: florowsky@mail.ru*

Обсуждаются результаты эмпирического исследования личностно-диспозиционных факторов эффективности совместной управленческой деятельности, не зависящих от ситуационно-деятельностного и организационно-культурного контекста. Это: личный профессиональный опыт (выражающийся в величине общего управленческого стажа и продолжительности работы в занимаемой должности), ориентация на ценности сохранения отношений при разрешении конфликтных ситуаций, сочетание интернальности в сфере межличностных отношений с экстернальностью в сфере производственной деятельности, хорошие рефлексивные способности в аспекте осмысления взаимодействия и будущей деятельности, общительность, доверие к окружающим, осторожный консерватизм, сбалансированность дизъюнктивных и конъюнктивных тенденций интерперсонального поведения. Данные личностные характеристики можно рассматривать как структурные компоненты интегральной способности (компетенции) руководителя быть успешным партнером в большинстве ситуаций взаимодействия с другими членами управленческого коллектива (команды) организации.

Ключевые слова: совместная управленческая деятельность, управленческое взаимодействие, эффективность, личность руководителя, личностные диспозиции, регуляция.

Постановка проблемы

Доминирующей моделью активности руководителей высшего и среднего ранга современных организаций является *совместная управленческая деятельность* (СоУД). В онтологическом плане она представлена множеством межличностных интеракций, предполагающих осуществление несколькими руководителями системы управленческих функций, связанных с регуляцией межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений и/или организационных подсистем и направленных на решение проблем функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности (Флоровский, 2000, 2005, 2009).

Раскрытие закономерностей и механизмов личностной регуляции СоУД составляет ключ к пониманию того, почему в одних случаях интеракции в системе «руководитель – руководитель» протекают эффективно и достигают своих целей, а в других ситуациях этого не происходит; почему одни руководители успешно решают проблемы, активно взаимодействуя при этом и со своим начальством, и с руководителями смежных подразделений, а для других управленцев осуществление подобного взаимодействия представляет высокую степень сложности.

Личностно-диспозиционные механизмы регуляции СоУД высоко сензитивны к ситуационно-деятельностному и организационно-культурному контекстам ее реализации (Флоровский, 2005). Варианты взаимосвязей личностных характеристик руководителей и параметров их управленческих интеракций существенно варьируют от организации к организации, а также на различных этапах жизненного цикла одной и той же компании.

Закономерен вопрос: существуют ли личностные диспозиции, влияние которых на эффективность СоУД носит однозначный характер независимо от особенностей ситуационно-деятельностного и организационно-культурного контекстов реализации этой деятельности? Решению данного вопроса и посвящено наше исследование.

Методологические основания и методический инструментарий исследования

Осуществлялся мета-анализ результатов многолетних (начиная с 1987 г.) исследований закономерностей и механизмов личностно-диспозиционной регуляции СоУД. Эти исследования базировались на следующей системе положений.

1. Значимым показателем эффективности совместной управленческой деятельности являются отношения между ее индивидуальными субъектами. В форме этих отношений сознанию руководителей презентуется содержание осуществляемой ими совместной деятельности по управлению организацией (Журавлёв, 2005), а также отражается уровень функционально-ролевой и личностной взаимоприемлемости в качестве партнеров по СоУД.
2. Адекватным средством операционализации данных отношений служат перекрестные оценочные суждения руководителей о двух составляющих управленческого взаимодействия: продуктивности/непродуктивности (содержательная составляющая) и легкости/затрудненности (формальная составляющая). Объединение этих суждений характеризует общий уровень эффективности взаимодействия.
3. Операциональная схема изучения личностно-диспозиционной регуляции СоУД предполагает выявление и анализ устойчивых связей между стабильными свойствами личностной организации руководителей и персонализированными интегральными характеристиками управленческого взаимодействия (общая эффективность/неэффективность, продуктивность/непродуктивность, легкость/затрудненность).

Системообразующим представлением выступал тезис о том, что свойства личностной организации партнеров, с одной стороны, и характеристики их взаимодействия, с другой, взаимно отражают и дополняют друг друга (см.: Совместная деятельность..., 1988, с. 151–167). По утверждению Б. Ф. Ломова, «специфика тех или иных видов взаимодействия определяется по тем свойствам участвующих в нем предметов, явлений и т. д., которые в этом взаимодействии проявляются (может быть, точнее, существуют). В общении людей проявляются те свойства, которые характеризуют их как субъектов» (Ломов, 1984, с. 261).

Организация и методический инструментарий исследования

Исследования проводились в организациях (более сорока) различных по масштабу (малые, средние и крупные), сфере деятельности (промышленное производство, торговля, финансово-кредитная сфера, образование, здравоохранение, правоохранительная деятельность, государственное и муниципальное управление), фор-

мам собственности (частная, смешанная, государственная, муниципальная), а также по типу доминирующей культуры и уровню развития.

Общая выборка респондентов превышает 3000 человек.

В качестве методов сбора первичной информации, наряду с анализом документации, наблюдением и беседами, выступали стандартизированные психометрические инструменты, позволяющие диагностировать максимально широкий спектр личностных характеристик: методика диагностики ценностных ориентаций личности (М. Рокич), методика выявления ценностных ориентаций руководителей при разрешении конфликтных управленческих ситуаций (А. А. Ершов), опросник локализации субъективного контроля (преимущественно в версии Е. Г. Ксенофоновой), методика оценки рефлексивности личности (А. В. Карпов, В. В. Пономарёва), тест 16PF Р. Б. Кеттелла (формы А и В), методика диагностики стиля межличностных отношений (Л. Н. Собчик) и др. Оценка эффективности СоУД осуществлялась посредством авторской методики (Флоровский, 2000, с. 132–140).

Основанием для категоризации личностно-диспозиционных факторов эффективности СоУД в качестве неспецифически контекстных выступала стабильная воспроизводимость значимых связей свойств личности руководителей с интегральными характеристиками их управленческого взаимодействия во всех анализируемых организациях (включая и тенденциальные связи на уровне значимости $p < 0,10$).

Результаты исследования и их обсуждение

Значимые с позиции эффективности СоУД «над-контекстные» личностно-психологические характеристики управленцев относятся к разным сферам личности: профессиональный опыт, ценностные ориентации, самосознание, рефлексивные, коммуникативные и эмоционально-волевые качества, особенности межличностных отношений и интерперсонального поведения. При этом необходимо отметить, что регулирующее влияние этих факторов (за исключением локуса контроля) сосредоточено на формальной стороне взаимодействия, что выражается в минимизации субъективных трудностей, испытываемых руководителями при взаимодействии друг с другом, и не связано каким-то конкретным образом со степенью продуктивности управленческих контактов.

*Личный профессиональный управленческий опыт:
общий управленческий стаж и продолжительность работы
в занимаемой должности*

Репутация руководителей как эффективных партнеров по управленческому взаимодействию возрастает по мере увеличения их общего управленческого стажа и продолжительности работы в занимаемой должности. В свою очередь, эти социально-демографические характеристики положительно коррелируют с *величиной опыта совместной работы оценивающих друг друга управленцев*. Данный результат представляется вполне закономерным в свете наших исследований, посвященных проблеме восприятия и интерпретации руководителями реалий СоУД (Флоровский, 2009). Было обнаружено, что по мере профессионализации повышается уровень контроля управленцев над событиями, локализованными в данной области профессиональной активности, что указывает на рост компетентности руководителя в качестве субъекта СоУД (пусть даже и происходящий в большинстве своем стихийно). И, конечно, руководители нарабатывают систему «поправок» на индивидуальность друг друга.

*Ориентация на «отношенческие» ценности
при разрешении конфликтных ситуаций*

Установка на сохранение и развитие отношений с другими управленцами – партнерами по хронически конфликтному взаимодействию – выступает значимым условием формирования ценностной «рамки» конфликтного поведения, позволяющим руководителю удерживать себя и своих партнеров в едином *психологическом пространстве* совместной деятельности и совокупной управленческой субъектности не только в актуальном настоящем и ближайшем будущем, но и в отдаленной перспективе («нам в любом случае и дальше работать вместе»). Это делает линию поведения в конфликте более реалистичной и конструктивной.

*Локус контроля: сочетание интернальности
в сфере межличностных отношений с экстернальностью
в сфере производственной деятельности*

Дифференцированная оценка руководителями сфер отношений и производственной деятельности как имеющих разную степень «податливости», с точки зрения воздействия и целенаправленного регулирования, может рассматриваться в качестве значимой

лично-психологической предпосылки формирования адекватного содержания СоУД *профиля компетентности*, в котором субъект-субъектный аспект превалирует над субъект-объектным. Особенностью данной личностной диспозиции выступает то, что механизм ее регуляторного влияния на СоУД варьирует в различных организационно-культурных контекстах. В ряде случаев рост эффективности достигается не только за счет фасилитации управленческого взаимодействия, но и вследствие повышения продуктивности совместной работы руководителей (см. также: Психология, управление, бизнес..., 2016; Российская деловая культура..., 1998; и др.).

Рефлексивные качества: рефлексия взаимодействия и будущей деятельности

Включение данной категории личностных характеристик в число над-контекстных факторов эффективности СоУД представляется закономерным, учитывая психологический статус рефлексии как механизма метарегуляции любой деятельности (Карпов, 2015). В случае же СоУД, повышению ее эффективности содействуют парциальные характеристики, сфокусированные на взаимодействии, перспективах и последствиях деятельности. «Интерактивная» рефлексия помогает руководителю лучше понимать события и партнеров по взаимодействию, продуктивно осмысливать и структурировать опыт контактов и отношений в системе связей «руководитель–руководитель». «Перспективно-деятельностная» рефлексия поддерживает высоту «когнитивного горизонта», необходимую для того, чтобы видеть решаемые проблемы во всей их многоаспектности, системности, комплексности, прогнозировать отдаленные последствия управленческих решений и действий (о роли рефлексивных процессов в организации см.: Нестик, Журавлёв, 2011; и др.).

Коммуникативные и эмоционально-волевые качества: общительность, доверие к окружающим, осторожный консерватизм

Общительность и эмоциональная теплота (А+) обеспечивают руководителю необходимый «энергетический запас прочности» в управленческом взаимодействии, поддерживая доброжелательный интерес к людям и минимизируя «коммуникативные страхи». Склонность доверять окружающим и принимать предлагаемые другими «правила игры» (L-) обуславливает необходимый для конструктивного взаимодействия уровень конвенциональности поведения. Кроме то-

го, наличие данного качества позволяет партнеру такого руководителя – по контрасту – чувствовать себя более «сильным», что очень важно для большинства отечественных управленцев, ориентирующихся на модель «самоутверждения сильной личности в мягком социальном окружении» (подробнее: Культура и поведение в организации..., 2008; и др.). Консерватизм, нелюбовь к переменам, уважение традиций (Q1–) отражают характерную для управленческого мышления ориентацию на использование ранее апробированных моделей решения проблем и задач до тех пор, пока они демонстрируют хотя бы минимальный «потенциал пригодности», вместо поиска, изобретения и принятия новых моделей (что хорошо отражено в известной формуле «не сломалось – не чините»). Кроме того, общительные (A+) и доверяющие людям (L–) руководители предрасположены к более позитивному восприятию своего взаимодействия с партнерами по совместной управленческой деятельности (Флоровский, 2000).

Стиль межличностного поведения: сбалансированность дизъюнктивных и конъюнктивных тенденций

Трудности управленческого взаимодействия минимизируются по мере выравнивания степени выраженности в поведении руководителей, с одной стороны, властно-лидирующих, независимо-доминирующих, прямолинейно-агрессивных, недоверчиво-скептических, а с другой, – покорно-застенчивых, зависимо-послушных, сотрудничающе-конвенциональных и ответственно-великодушных тенденций. С точки зрения концепции Т. Лири, первые из названных тенденций отражают активную позицию человека в межличностных отношениях, что одновременно создает риск конфликта и увеличения психологической дистанции с окружающими, вторые – пассивную, ведомую, содействующую межличностному сближению и минимизации конфликтных рисков (Собчик, 2005, с. 75–91). Укорененность данной сбалансированности в личностной организации руководителя обуславливает гибкость поведения и социального мышления, а также необходимую в динамичных и вариативных условиях СоУД.

Заключение

Эмпирически подтверждено существование *личностно-диспозиционных факторов* эффективности совместной управленческой деятельности, не зависящих от ситуационно-деятельностного и орга-

низационно-культурного контекстов. Это следующие относительно стабильные характеристики личностной организации руководителей: личный профессиональный опыт (выражающийся в величине общего управленческого стажа и продолжительности работы в занимаемой должности), ориентация на ценности сохранения отношений при разрешении конфликтных ситуаций, сочетание интернальности в сфере межличностных отношений с экстернальностью в сфере производственной деятельности, хорошие рефлексивные способности в контексте осмысления взаимодействия и будущей деятельности, общительность, доверие к окружающим, осторожный консерватизм, сбалансированность дизъюнктивных и конъюнктивных тенденций межличностного поведения. Данные характеристики можно рассматривать как структурные компоненты интегральной способности (компетенции) руководителя быть успешным партнером в большинстве ситуаций взаимодействия с другими членами управленческого коллектива (команды).

Литература

- Журавлёв А. Л. Психология совместной деятельности. М., 2005.
- Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. Т. 1. «Метасистемный подход». М., 2015.
- Культура и поведение в организации: российский опыт. М., 2008.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Нестик Т. А., Журавлёв А. Л. Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Тверь, 2016.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М., 1998.
- Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М., 1988.
- Флоровский С. Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: Личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар–Ярославль, 2000.
- Флоровский С. Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей и культура организации (психологические механизмы со-бытийности в управленческих коллективах и командах) // Личность и бытие: теория, исследо-

вания, практика: коллективная монография / Под ред. З.И. Рябикиной и др. Краснодар, 2005. С. 251–279.

Флоровский С. Ю. Руководители как субъекты восприятия и интерпретации реалий совместной управленческой деятельности // Субъектный подход в психологии. М., 2009. С. 373–386.

**Personal and dispositional factors of efficiency
of joint managerial activities: to a problem
of the general psychological prerequisites of success
of the manager in managerial interaction**

S. Yu. Florovski (Krasnodar)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor
at the Department of Social psychology and managerial sociology,
Kuban State University

The article is discussed a results of an empirical researches of personal and dispositional factors of efficiency of joint managerial activities which aren't depending on a situational and activity and organizational and cultural context. It is such factors: the personal professional experience (which is expressed in the size of the general administrative experience and period of operation in a post), orientation to values of preservation of the interpersonal relations at permission of conflict situations, combination of internality in the interpersonal relations and externality in the production activity, good reflexive abilities in aspect of judgment of interaction and future activity, sociability, trust to people around, careful conservatism, balance of disjunctive and conjunctive tendencies of interpersonal behavior. These personal characteristics can be considered as structural components of difficult integrated ability (competence) of the manager to be "usually" successful partner in the majority of situations of interaction with other members of managerial collective (team) of the organization.

Keywords: joint managerial activities, managerial interaction, efficiency, personality of manager, personal dispositions, regulation.

Темпоральная организация групповой динамики эвристической сессии

Ю. Э. Ширков (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
кафедры социальной психологии,
факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: shirkov@mail.ru*

В групповых дискуссиях, направленных на решение творческих задач, имплицитно, но неизбежно присутствует темпоральный аспект. Проделанный в статье обзор различных форм групповой работы и видов творчества обнаруживает их преимущественную ориентацию на определенное время. Эволюционно сложившиеся практики групповой дискуссии естественным образом опираются на продуктивный потенциал четкой временной перспективы, а искусственные методы управления групповой работой существенно выигрывают от продуманной темпоральной организации. Наиболее простое и эффективное средство образования временной перспективы в групповой дискуссии – построение речи, всегда маркирующей время на уровне грамматики. В статье предпринята попытка применить принципы лингвопрагматики для темпоральной организации творческого взаимодействия.

Ключевые слова: эвристическая сессия, групповая динамика, темпоральная организация, временная перспектива, риторическое построение, лингвопрагматика.

Введение

Метод групповой дискуссии является единственной социально-психологической формой решения творческих задач. Групповая дискуссия – территория, где встречаются естественные законы групповой динамики и искусственные приемы управления групповым

процессом. Это уникальное поле проявления и применения психологических закономерностей.

Группа складывается естественно (Беннис, Шепард, 1984; Tuckman, 1985). Групповая сессия организуется искусственно. Эвристическая сессия – уникальное поле, которое создается искусственно ради того, чтобы естественно складывалась атмосфера группы, и групповая динамика естественным образом способствовала эффективному решению проблемной задачи или оригинальному решению творческой задачи.

Темпоральная организация – это то, как организована сессия во времени. Благодаря авторитетному мнению Ф. Зимбардо и Дж. Бойда эта область отношений между людьми и временем шире известна под названием временной перспективы (ВП). При переносе ВП из экзистенциальных переживаний в контекст группового взаимодействия дополнительно возникает момент управляемости ситуации извне. Для этого более широкого контекста уместно обозначение «темпоральная организация».

На поверхности этого процесса находится сценарий, руководство модератора. Управление этой частью сюжета задает тему исследований групповой динамики. Прежде всего, важны общая продолжительность и временная структура сессии: членение на интервалы, наличие и длительность перерывов (от минут до дней), возможная смена состава участников в эстафетном режиме. Но наряду с порядком событий, существует самостоятельный субъективный план, вектор отношения к временной перспективе.

Временная перспектива в групповых формах работы

Внимание к темпоральной организации групповой дискуссии прослеживается от античности до современности.

Аристотель предложил концепцию риторического построения суждений, не потребовавшую ревизии до сих пор. Ее краткое описание в следующем. Содержание судебных речей направлено в прошлое, их задача – обвинять или оправдывать, цель – «справедливое» или «несправедливое»; содержание совещательных речей направлено в будущее, их задача – склонять к решению или отклонять от решения, цель – «польза» или «вред»; содержание показательных речей направлено в настоящее, задача – похвала или порицание, цель – «прекрасное» или «постыдное» (Аристотель, 2007). Для современной версии «речей» – групповой дискуссии – обнаруживается вопрос о том, гармонирует или диссонирует ее тематика со временем, в течение которого идет обсуждение.

Установки относительно времени оказывают очень сильное влияние на жизнь и при этом плохо осознаются, а средства по их контролю ограничены (Зимбардо, Бойд, 2010, с. 16). Ф. Зимбардо и Дж. Бойд расположили на временной шкале целые психологические парадигмы. Психоанализ, экзистенциальная и гуманистическая психология действительно имеют разную внутреннюю ориентацию, соответственно, – на прошлое, настоящее и будущее.

Такую же временную привязку можно проследить и в сложившихся формах групповой работы, которые практикуют социальные психологи. Некоторые из них намеренно ориентированы на определенное время, и это является частью их методического замысла. Различить их можно по тому, какую цель они преследуют.

Фокус-группа никак не касается будущего; она чаще всего сосредоточена на прошлом опыте респондентов, реже – на непосредственной реакции на стимульный материал в настоящем. Но даже постановка вопроса перед группой, направленная на получение непосредственной реакции, актуализирует прошлый опыт участников, и это является целью фокус-группы. Непродуктивны попытки фокусировать внимание участников фокус-групп на будущее, возможные события. Обычным респондентам часто трудно себе представить условную ситуацию.

Тренинговые группы, направленные на личностный рост участников, концентрируются на настоящем в соответствии с принципом «здесь и сейчас».

Ближе всего к будущему расположены *командные игры*. Они направлены на будущий результат – отработывая приемы взаимодействия и развивая компетенции в настоящем, участники игры готовятся проявить их потом, но в новом виде, а совсем не в играх с веревками или барабанами.

Эвристическая сессия решает свой тип задач. Она не направлена ни на развитие участников (как тренинг) или самой группы (как командообразование), ни на выявление объективно, пусть и латентно, существующей информации (как фокус-группа). Она создает новую информацию.

Создание нового всегда направлено в будущее. Можно согласиться с тем, что чем больше ориентированность групповой дискуссии на будущее, тем меньше репродуктивных и больше креативных действий будет совершено. Однако в интересах драматургии сессии, «питающей» участников настроением и напряжением, целесообразно управляемое чередование времен: в нужный момент – ретроспекция, в другой момент – осознанный фокус на настоящем и отсечение всего, что было и будет, а в подходящее время – открытость

будущему, не отягощенная балластом прошлого и суетой настоящего.

Модульная организация эвристической сессии, большое количество лоскутных техник и приемов позволяют создавать сценарий групповой работы произвольным образом. Без специального внимания к временной перспективе теряется контроль над той частью групповой динамики, которая не лежит на поверхности, но пронизывает стержнем весь групповой процесс. Смещение временного фокуса внимания является сильным средством направления воображения участников в едином русле к общей цели.

Приемы, используемые для искусственной стимуляции творчества, связаны с обычными формами творческой деятельности и темпорально ориентированы так же, как и их естественные прототипы.

Естественные виды творчества, с точки зрения их темпоральной организации, также распределяются на соответствующие категории. Художественное творчество, изобразительное искусство, кино и другие жанры, создающие художественный продукт, направлены на сочинение того, что будто бы случилось в прошлом. Даже фантастическое описание будущего представляет уже произошедшие события. Эта парадоксальная особенность творчества, в котором новый результат заранее оказывается в прошлом, неизбежно наследуется и эвристическими приемами, производными от форм художественного творчества – написание историй, сказок, рисуночные техники, коллажи – не просто создает новое, но и воссоздает прошлое. Т. е. они ориентированы ретроспективно.

Исполнительское творчество сосредоточено на настоящем. Произведение, созданное когда-то, звучит оригинально именно сейчас и теряет свою прелесть в записи. В арсенале эвристических приемов творческому исполнению, импровизации соответствует ролевая игра. Участники театрального действия целиком поглощены происходящим сейчас. Не нужно быть актером, чтобы догадаться, что игра в кино и в театре – принципиально различны по переживаниям.

Творчество, сосредоточенное на будущем, встречается реже. Его хорошим примером являются планируемые события – хэппенинги, флэшмобы, ивенты. Их креативное исполнение заканчивается до того, как состоится само событие. Творчество в этом случае действительно ориентировано в будущее, а само событие становится переживанием художественного замысла аудитории.

В практической жизни, где творчество требуется не ради себя самого, а в прагматических целях, ориентация на будущее

встречается очень часто. Этот тип задач заслужил отдельного названия – инновационные задачи. Для них необязательна аура талантливости творческого решения. Они честно и деловито ориентированы в будущее. Решение, найденное сегодня, будет реализовано завтра.

Современные приемы и практики эвристической работы имеют, хотя и не всегда прямо утверждают, узнаваемую временную привязку. В метафоре «шести думающих шляп» Эдварда де Боно – шести режимов проработки творческой задачи – подразумеваемое время легко узнать и оправдать его релевантность оперативной задаче (Боно, 2006). Разграничение режимов групповой дискуссии с целью концентрации на каждом из них и устранения отвлекающего влияния других происходит, в том числе с помощью их разнесения во времени. Переключение временного ракурса может способствовать концентрации группы в общем направлении (хотя может и отвлекать при неправильном использовании).

Специального обсуждения в литературе этот вопрос не получил, но режимы дискуссии (метафорически представленные в данном подходе «шляпами», направляющими находящийся под ними мозг) удивительным образом сбалансированы по времени. «Белая шляпа», под которой происходит синтез опыта, фактов, ориентирована в прошлое. «Черная шляпа», направляющая критическое рассуждение, тоже оценивает произошедшее. «Синяя шляпа» контролирует процесс обсуждения; она явно сосредоточена на настоящем. Также на настоящем сосредоточена «красная шляпа», концентрирующая внимание на текущих эмоциональных переживаниях, которые нужно выразить открыто. «Зеленая» (альтернативного видения) и «желтая» (оптимистического выявления позитивных последствий) «шляпы» нацелены в будущее. Сценарий групповой дискуссии, соответствующий этому подходу, последовательно сменяет режимы обсуждения. Объявленная цель этого «переодевания» – обеспечение синхронности и целенаправленности размышлений участников групповой дискуссии. Но, как видно, этот популярный метод имплицитно организует и временную перспективу, обеспечивая баланс времен и свежесть взгляда при частом переключении режимов.

Языковые средства образования временной направленности

И сама групповая дискуссия, и средства управления ею строятся с помощью речи. Грамматическое время отчетливо звучит в вопросах и формах предполагаемых ответов, в инструкциях модератора

и вообще повсюду, придавая каждому предложению временной вектор. С учетом слабой осознанности этого обстоятельства временная перспектива обязательно должна использоваться как внешний фактор направления творчества. Прежде всего, это касается времени глаголов, но не только.

Авторы идеи временной перспективы Ф. Зимбардо и Дж. Бойд предложили и усложнение психологического времени, выделив шесть временных перспектив – негативное и позитивное прошлое, фаталистическое и гедонистическое настоящее, будущее и трансцендентное будущее (Зимбардо, Бойд, 2010, с. 59).

Действительно, времен – не три. Это хорошо заметно в грамматике языков. В известном большом количестве времен современном французском языке существует 10 времен в изъявительном наклонении и 10 – в сослагательном: одно настоящее, три будущих, четыре прошедших и два предпрошедших. В древнегреческом – настоящее, предпрошедшее, три прошедших, два будущих, но эти семь времен нужно умножить на четыре наклонения. В более близком к русскому языку древнеславянском было четыре формы прошедшего и две формы будущего. Это разнообразие было утрачено, но появилась категория вида, функцию образования времени также приняли на себя причастия. Действительно, по разному воспринимаются инструкции «делайте задание» (несовершенный вид) и «сделайте задание» (совершенный вид). Первый вариант настраивает на процесс, второй – на результат. Если искать решение задачи в неопределенном будущем, то и результат представляется неопределенным. Если смотреть на возможное решение задачи ретроспективным взглядом из будущего, решение увидится более конкретно – через его определенные последствия. Такой взгляд более продуктивен, но для его темпоральной характеристики в русском языке нет специальной формы времени, хотя она есть в некоторых иностранных языках (*фр.* *futur antérieur*) и была в древнеславянском языке: «преждебудущее» время – будущее действие, которое совершится ранее другого будущего действия (Горшкова, Хабургаев, 1981).

Это подсказывает возможности более тонкого управления групповой дискуссией через временной аспект инструкций участникам, шаблонов решений, вопросов, примеров и т. п. – всей текстовой ткани обсуждения. Закономерности формирования впечатления языковыми средствами рассматриваются в специальной филологической дисциплине – лингвопрагматике, которая изучает организацию высказывания в связи с его целями и контекстом отношения говорящего к адресату и содержанию сообщения (Падучева, 1996). Однако прежде чем обращаться к нюансам конструирования группо-

вой атмосферы, во многом предстоит разобраться с тремя простыми векторами времени – прошлым, настоящим и будущим. А главное – воспринять основную идею лингвопрагматики: искать ответы на вопрос «как?», зная ответ на вопрос «зачем?». Приоритетная задача для социальной психологии творчества – драматургия психологических переживаний группы, решающей творческую задачу.

Заключение

Как сложившиеся виды творчества, так и методы их имитации с целью решения творческих задач неизбежно относятся к прошлому, настоящему или будущему. Эффективные формы творческого взаимодействия отличает внятная спецификация времени, что делает внимание к темпоральному аспекту обязательным условием организации эвристической сессии. Вербальный характер самой групповой дискуссии и средств управления ею подсказывают необходимость искать правила управления временной перспективой в грамматике речи. Однако знание языка на общекультурном уровне оказывается достаточным только для принципиального понимания преимуществ обращения к трем основным временам. Для оперативного управления тонкой динамикой творческого поиска необходимо обращение к лингвопрагматическому опыту анализа языковых средств образования всей палитры оттенков ощущения времени.

Литература

- Аристотель*. Риторика. Поэтика. 2-е изд., перераб. М., 2007.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Беннис У., Шепард Г.* Теория группового развития // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984. С. 142–161.
- Боно Э.* Шесть шляп мышления. Минск, 2006.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб., 2010.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Tuckman B.* Developmental sequence in small groups // Psychological Bulletin, 1965. № 63 (6). P. 384–399.

Temporal organization of group dynamics of the heuristic session

Y. E. Shirkov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer
at the Department of social psychology, Faculty of psychology,
Lomonosov Moscow State University

Creative group discussions always have the temporal aspect – sometimes implicitly, but inevitably. The undertaken review of various forms of group work and types of creativity reveals their preferential orientation for a certain time. The evolutionary practices of group discussion naturally rely on the productive potential of a clear time perspective, and the artificial methods the group management significantly benefit from a thoughtful temporal organization. The simplest and most effective means of forming a temporary perspective in a group discussion is the construction of speech, always marking time at the level of grammar. The article attempts to apply the principles of linguopragmatics for the temporal organization of creative interaction.

Keywords: heuristic session, group dynamics, temporal organization, time perspective, rhetoric statement, linguopragmatics.

Глава 3

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Модель «глубинной демократии» в осмыслении проблем взаимодействия человека и организации

М. Р. Арпентьева (Калуга)

*доктор психологических наук, доцент, профессор, старший научный
сотрудник кафедры психологии развития и образования,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;
e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Концепция глубинной демократии содержит важные моменты, позволяющие существенно оптимизировать управление самыми разными организациями и сообществами. Обращаясь к диалогическим компонентам человеческих отношений как наиболее общим и глубинным характеристикам, она использует их потенциал для эффективного и продуктивного решения различных проблем внутри и вне сообщества (организации).

Ключевые слова: глубинная демократия, субъектность, интересубъектность, управление, организация.

Введение

Различные государства, сообщества, организации, личности современного мира выбирают разные пути решения проблемы совместной жизни и развития. Центральным аспектом их решения оказывается вопрос о соотношении нравственных и правовых, содержательных и формальных сторон взаимодействия людей, а также о необходимости противостояния асимметрии управления, сложившейся в классический и неклассический периоды: преобладание «бюрократических монолитов» над интересубъектным управлением и самоуправлением; отстранение групп и людей от прав и обязанностей участия в управлении и от самоуправления. Игнорирование, неуважение нравственных ценностей ведет к коллапсам, ги-

бели сообществ, на пути которых они постигают различные грани социальной аномии, репрессий и подавления, фашизма и рабства.

И государство, и общество могут отказаться от своих обязанностей по отношению к себе и друг другу. Государство может лишиться многих обязанностей общества, заменяя их тотальным подчинением с помощью запугивания и иных репрессивных акций. Однако вместе с этим государство может отказываться и от собственных обязанностей и далее полностью потерять легитимность. Общество, лишенное обязанностей государством или переложившее обязанности на государство, внутренне, таким образом, сливается с ним, его идеологией, пониманием происходящего, форм взаимодействия, усваивает репрессии и, в итоге, уничтожает государство и само себя. Личность имеет возможность выбирать, однако и ее выбор ограничен возможностями, предоставляемыми государством и обществом. Выход за эти границы, существование в транскультурном пространстве и времени требуют усилий и означают создание новых, по своей сути, альтернативных систем управления и самоуправления: более гармоничных, целостных, гибких. В этом – суть *субъектного* подхода: целостное, гибкое и гармоничное «выигрывает», трансформируя дисгармоничное, фрагментарное и ригидное. На это нужно только время и пространство. Необходимы новые разработки в теории и практике управления.

Современная постнеклассическая модель управления опирается на постулат о фундаментальном единстве человека и культуры, в том числе, о первичности «Мы», всеединстве человечества, на представление о том, что человеческая общность и человек не противопоставлены, а, напротив, едины. Если же рассматривать их со стороны аспекта первичности и вторичности, то человек неразрывно связан с культурой, с общностью. Общность «конституирует» человека как человека, а человек образует общности, социум. Культура, которая создает человека, им же и создается, и воссоздается. Поэтому в управлении сообществами, государствами, организациями и людьми существуют и взаимно дополняют друг друга модус «индивидуальный», предполагающий существование стоящего «над» обществом менеджера, руководителя, лидера, и модус «коллективный», представленный прямым участием людей в решении касающихся их вопросов (см. также: Российская деловая культура..., 1998; и др.).

Основная часть исследования

Глубинная демократия – это позиция, которая сосредотачивается на осознании как общепринятых, так и маргинальных, как «силь-

ных», так и «слабых» представлений, пониманий, моделей. Данный тип отношений может быть обращен на группы, организации, личный внутренний опыт, конфликтующих людей и т. д. Серьезное отношение к неважным, на первый взгляд, событиям или чувствам часто может приводить к неожиданному разрешению групповых или внутренних конфликтов. В отличие от «классической» демократии, которая сосредотачивается на имитации «власти большинства» с приведенным к власти управляющим бюрократическим монолитом, глубинная демократия предлагает считать все варианты поведения, понимания и ценностей важными (Гальтунг, Икеда, 1995; Mindell, 2010, 2014).

Глубинная демократия также предполагает, что информация – знания и умения, которые содержатся в этих вариантах поведения, понимания и ценности нужны в своей полноте для того, чтобы целостно осознать процесс, протекающий в системе, так как консенсус невозможен без диссенсуса. Значение этой информации становится понятным, когда различные структуры и точки зрения вступают в отношения друг с другом. Глубинная демократия – это процесс построения и развития реальных, включенных нравственных отношений, а не схема статичных состояний или набор правил: «Глубинная демократия – это наше ощущение того, что мир существует, чтобы помочь нам обрести свою полноту, и что мы здесь для того, чтобы помочь миру обрести целостность» (Mindell, 2010, p. 20).

Государству и иным бюрократическим монолитам часто весьма сложно поддерживать проявления протеста и неподчинения, так как идеологическая и структурная бюрократическая инерция не позволяет ему быть открытым для изменений извне. Поэтому если говорить о *гармонизации управления* в системах цефаличных, то задача заключается в достижении баланса: защитить право свободы слова и собраний, одновременно поддерживая порядок и предотвращая попытки насилия. Данный баланс в цефаличных структурах крайне трудно поддерживать. В целом это определяется приверженностью властей идеалам демократии, правам общества и личности, а не только правам государства, а также пониманием своих и общества обязанностей, поддержкой этих идей большинством населения и добровольным регулированием (управления) форм выражения своего протеста со стороны несогласных групп.

Глубинная демократия реализует концепцию принятия разнообразия и диалога между представителями социальных групп с разными точками зрения. Одна из ключевых фигур в ней – модератор/медиатор или фасилитатор, который принимает и не принимает, включает и отстраняется, заботится и игнорирует, руководст-

вываясь неподдельным стремлением достичь консенсуса. Он использует свои внутренние реакции для более полной поддержки своих интервенций, высказываний, осмыслений, поэтому огромное значение имеет человеческое развитие, внутренний психологический и духовный рост, спокойствие фасилитатора.

Основной глубинной демократии является принцип мировой работы (world work). Этот термин предложен А. Минделлом и М. Шупбахом. «Мировая работа» является инновационной системой организации, развития и управления общественной жизнью в любых структурах, подразумевающих коллективное участие и совместный труд людей (от нескольких человек до миллионов людей). Важным в этой теории является феномен бессознательной, необъяснимой, с точки зрения формальной логики, синхронии и единства (действий, понимания действительности и духовных устремлений) членов одного социума, или «процессуальный ум». Условием процветающего функционирования является не противостояние сторон – большинства и меньшинства (как в классической демократии), а справедливый и равный учет мнения каждого члена общества: любой член сообщества может рассчитывать на то, что его голос будет не только услышан, но и учтен, независимо от того, идет ли он вразрез с позицией большинства или, наоборот, вторит ей. «То, кем мы являемся во всей сложной полноте, определяет то, как мы управляем... „программы лидерства“ зачастую терпят неудачи потому, что они пытаются выпускать готовых „лидеров“, а не глубоко осознающих себя людей... следование своей, глубинной сути усиливают потенциал... Однако эта глубина, существующая в людях и в группах, не является явной. Это траектория, которая следует скрытым организующим принципам», – пишет Шупбах (Schupbach, 2004, р. 14–15). Он говорит о том, что целью глубинной демократии является раскрытие естественных решений и использование их во всех областях. Она обращена к «эволюционному лидерству»: не устраняющему, а принимающему «преграды» как часть пути. Ее реализация – это формирование «большой семьи», члены которой учатся гордиться своими знаниями, ценностями, убеждениями и традициями, умениями управлять конфликтами, развивать коммуникативные, перцептивные и интерактивные навыки, которые позволяют повысить сотрудничество внутри и между группами. Эта концепция также расширяет понимание социального несогласия и согласия, раскрывает некоторые проблемы прямого и структурного насилия. С насилием как подавлением нужд связан основной конфликт отношений, его главные причина и цель. Разрешение как прекращение подавления приводит к тому, что разные желания перестают переживаться и осозна-

ваться как разнородные, достигается консенсус – внутренне целостное, универсальное постижение сути происходящего вне и внутри человека (Тойнби, Икеда, 2008; Schupbach, 2007).

По сути, многие вопросы и проблемы *отношений* связаны с постоянными попытками нового решения вопроса о первичности «Я» или «Мы», на который достаточно давно Э. Гуссерль и А. Шюц, Л. Выготский, А. Адлер и другие исследователи дали однозначный, но не вполне эмпирически понятный ответ. Они обосновали значительную интересубъективность человеческого сознания: «Мы» предшествует «Я». Эта фундаментальная идея и положена в основу эвргетики и иных теорий интересубъективного управления, а также концепции «второй демократии» А. Адлера как субъектного («метасубъектного») управления. Аналогична и позиция С. Л. Франка с его идеей «всеединства». Все эти концепции и модели раскрывают диалектичность развития человека и общества, основанную на внутреннем единстве этих часто сложно управляемых систем.

Франк полагал, что всеединство человечества, преодолевающее индивидуализацию как распад человека и бытия, не может быть достигнуто усилиями духовных лидеров, наставников, т. е. отдельных людей и тем более одного человека. Необходимы усилия всех, нужна *культура как основа отношений* людей, в том числе управления. В работах Франка «культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие» (Струве, Франк, 2001, с. 49). Однако «парадокс культуры» состоит в том, что ее основания не укоренены в эмпирических условиях жизни людей, но при этом они не являются внешними по отношению к этим условиям: «Все старые – или вернее, недавние прежние – устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, избобличая если не их ложность, то их относительность... Кто ориентируется только на них, рискует... потерять разумное и живое отношение к жизни... а если он ограничивается их отрицанием – духовно развратиться и быть унесенным потоком всеобщей подлости и бесчестности» (Франк, 1990, с. 114). Этот «парадокс» неразрешим, пока человек и культура разделены, нужна их целостность – «культура-в-человеке». На пути к «онтологии культуры» ученый приходит к положению об *онтологической значимости личности* (Франк, 1990), духовной жизни личности (Струве, Франк, 2001, с. 50). Поэтому «мир должен мыслиться состоящим из реальных деятельных существ или индивидов» (Франк, 1910, с. 183).

Культура предстает как сфера *непрерывного творчества личностей*, направляемого общей для них целью. При этом «свободное

культурное творчество отдельного человека должно быть ограничено всеобщностью культурных целей. Но признание может быть и не свободным, а вынужденным», – отмечает В. Порус (2012, с. 383). «Отсюда невольно рождается убеждение, что развитие культуры может быть обеспечено только подчинением личностей воле целого, только разумным, руководимым общими идеалами деспотизмом» (Струве, Франк, 2001, с. 54). Однако «прямо на этом убеждении общество и въедет в „скотный двор“: деспотизм не был бы самим собой, если бы не подменял „общие идеалы“... своими частными интересами, а разумность – софистическими парадоксами» (Порус, 2012, с. 384). Именно эти две подмены мы и наблюдаем в классической и неклассической науке и практике управления. Франк полагал, что, если противоречие непреодолимо, его нужно признать фундаментальной чертой онтологии, а не фактом ее неприемлемости (слова приводятся по: Порус, 2012, с. 385). Ни Бог, ни культура не нуждаются в оправдании, но в усилении веры, любви и творчества. Жизнеспособная культура не является внешней; если «овнешнение» возникает – это симптом утраты жизнеспособности, кризиса: духовный мир человека превращается в сферу имитаций, игры с «фикциями» и симулякрами: «Подлинность вытесняется подделками, ценности – ценниками, жизнь людей – театром марионеток» (Порус, 2012, с. 387). Призрак этой культуры, лишенной Бога, – не безобиден: «...доверившись ему, человечество сползает в пучину мировых катастроф» (там же).

Отчуждение человека от участия в решении проблем повседневности, от управления собой и сообществом разрушает сообщество, уничтожая культурные основы его бытия. Глубинная демократия, философия всеединства и иные подходы и модели управления постнеклассической науки восстанавливают внутренние связи и гармонию отношений, непосредственно включая человека в процесс управления (см. также: Проблемы субъектов..., 2007; и др.).

Заключение

Помимо констатации проблем управления, исследователям и практикам необходимо понимание механизмов и путей, которыми проблемы современного мира, а точнее, проблемы отношений «бюрократических монолитов» – государств и общественности, социальных групп и конкретных людей – могут быть решены, возможно, более простым, внутренне и внешне адекватным (отвечающим нуждам человеческого существа и человечества), продуктивным и эффективным способом.

В российской науке одно из решений предложено в работах С. Л. Франка и его идее всеединства, развиваемой в том числе в эвергетике и иных постнеклассических моделях управления. Концепция «глубинной демократии» содержит важные элементы, позволяющие существенно оптимизировать управление самыми разными организациями и сообществами. Обращаясь к диалогическим компонентам человеческих отношений как наиболее общим и глубинным характеристикам, она использует их потенциал для эффективного решения различных проблем внутри и вне сообщества (организации).

Литература

- Гальтунг Дж., Икеда Д. Выбирайте мир: диалог между Й. Гальтунгом и Д. Икеда. Sterling, VA: PlutoPress, 1995.
- Порус В. Н. Онтология культуры С. Л. Франка // Семен Людвигович Франк / Под ред. В. Н. Поруса. М., 2012. С. 373–416.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М., 2007.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М., 1998.
- Струве П. Б., Франк С. Л. Очерки философии культуры // Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 46–54.
- Тойнби А., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог А. Тойнби и Д. Икеды. М., 2008.
- Франк С. Л. Личность и вещь // Франк С. Л. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 164–217.
- Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 113–182.
- Mindell A. Processmind: A user's guide to connecting with the mind of God. San Francisco: Quest Books, 2010.
- Mindell A. The leader as martial artist: An introduction to deep. San Francisco: Harper, Deep Democracy Exchange, 1992, 2000, 2014.
- Schupbach E. The Gold at the End of the Rainbow: A Hermeneutic Study of a Therapist's Spiritual Experience. Cincinnati, Union Institute, 2004.
- Schupbach M. Worldwork: Ein Multidimensionales Change Management Modell // Organisations Entwicklung, 2007. № 4 (Erfahrung). S. 56–64.

The model of deep democracy in comprehending the problems of the interaction of man and organization

M. R. Arpentieva (Kaluga)

Doctor of psychological Sciences, Docent, professor and senior researcher of the Department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University

The concept of deep democracy includes important points to significantly optimize the management of a variety of organizations and communities. Referring to the dialogical components of human relations as the most General and deep characteristics, it uses their potential for effective and productive solutions for various issues within and outside the community (organization).

Keywords: deep democracy, subjectivity, intersubjectivity, management, organization.

Представления о городе проживания в разных группах москвичей

М. Ю. Войтенко (Москва)

*соискатель лаборатории социальной и экономической психологии
Института психологии РАН; e-mail: m.voytenko@yandex.ru*

В статье изложены результаты исследования представлений о городе проживания в группах коренных и некоренных москвичей. В исследовании принимали участие родители дошкольников. В теоретической модели исследования их представления о городе рассматриваются как один из факторов социально-психологического благополучия детей. Для изучения характеристик родителей и семьи, использовали авторскую анкету, ориентированную на выявление социальных и пространственно-временных характеристик проживания семьи в мегаполисе, а также социально-демографических характеристик родителей. Обнаружено, что «коренные москвичи» чаще выражают эмоциональное отношение к своему городу, характеризуют его как «близкий», «родной». Для «некоренных москвичей» характерно «деловое» отношение к городу, они воспринимают его как площадку для карьерного, «материального» роста.

Ключевые слова: социально-психологическое благополучие личности, мегаполис, представления о городе и условиях проживания в нем, социальная идентичность.

Постановка проблемы

Многие исследователи, занимающиеся проблемами благополучия человека в условиях проживания в городе, косвенно задавали вопрос о том, насколько благоприятна природная, предметно-пространственная и социальная среда большого города для жизнедеятельности человека (Дробышева, Журавлёв, 2016; Емельянова, 2016; Заборова, Исмалова, 2013; Микляева, Румянцева, 2011; и др.). Разрабаты-

ваемый нами феномен социально-психологического благополучия личности (СПБЛ) тесно связан с проблемой изучения благополучия людей, проживающих в мегаполисе. Важнейшей отличительной характеристикой условий проживания в мегаполисе, по мнению ряда исследователей, наряду со стрессом, вызванным нехваткой личного пространства, нарушением личных границ, высоким уровнем шума, автомобильными пробками, высокой плотностью населения, является именно специфика коммуникаций (Г. Зиммель, И. Альтман, М. Вебер, Ч. Кули и др.). Для коммуникаций в мегаполисе характерны такие проявления, как: низкий уровень социальной поддержки и социальной солидарности, отсутствие ответных реакций на поведение партнера по взаимодействию (Штейнбах, Еленский, 2004).

Социально-психологическое благополучие (СПБЛ) детей в условиях мегаполиса отличается от аналогичного благополучия взрослых. Уже на этапе первичной социализации, проявляя свои субъектные качества, ребенок конструирует собственную «картину мира». Выделяя себя из окружающей социальной среды, он выстраивает систему социальных связей с близкими, сверстниками, со значимыми чужими, в которой ключевым (стержневым) элементом является он сам, точнее его образ «Я» как субъекта этих отношений.

По нашему мнению, социально-психологическое благополучие личности на этапе первичной социализации базируется на самопринятии (положительное эмоционально-ценностное отношение к себе), автономии (как независимость суждений и самостоятельность принятия решений в контексте взаимоотношений со значимыми другими) и выражается в позитивных взаимоотношениях со значимыми другими.

Если рассматривать систему факторов СПБЛ детей, то она имеет уровневую организацию. На макросоциальном уровне это пространственно-временные характеристики условий мегаполиса, в которых проживают семьи респондентов. На микросоциальном уровне – совокупность социальных, социально-демографических и социально-психологических характеристик семьи и родителей, среди которых – состав семьи, ее размер, социально-демографические характеристики родителей, удовлетворенность родителей условиями проживания в мегаполисе, социальная идентичность родителей.

Многие исследователи рассматривают городскую идентичность как фактор психологического благополучия горожанина (Микляева, Румянцева, 2011). Среди других факторов они отмечают: место рождения, продолжительность времени проживания в городе, качество социальных отношений. При этом авторы указывают, что именно идентификация с местом проживания способствует переживанию

комфорта и восприятию среды как дружелюбной (Микляева, Румянцева, 2011). Поскольку социальная идентичность начинает формироваться уже в дошкольном возрасте, то можно предположить, что у рожденных в мегаполисе родителей с большей вероятностью сформирована позитивная городская идентичность, кроме того, взрослые, сами воспринимающие условия города в детстве как данность, более эмоционально воспринимают город и будут транслировать детям такое же отношение к мегаполису (Микляева, Румянцева, 2009).

Таким образом, социально-психологическое благополучие ребенка в мегаполисе обусловлено, как объективными, так и субъективными условиями его проживания в семье.

Организация и методики исследования

В рамках данной публикации будут представлены результаты поискового исследования, целью которого стало выявление содержания и модальности представлений родителей старших дошкольников о городе и условиях проживания в нем. В общей модели исследования данные представления рассматриваются как микросоциальные факторы СПБЛ ребенка в мегаполисе.

В качестве гипотезы выступило *предположение*, что когнитивный компонент представлений родителей дошкольников о городе будут включать характеристики предметно-пространственной, социальной, природной среды города, а также те из них, которые указывают на восприятие респондентами города проживания как мегаполиса. *Первая частная гипотеза* состояла в предположении о том, что представления родителей о городе будут различаться в зависимости от времени проживания в нем, а также удовлетворенности своим материальным положением. *Вторая частная гипотеза*: эмоционально положительное восприятие Москвы родителями может быть связано с наличием значимых эмоциональных воспоминаний о городе и наличием социально-значимых связей в городе, что в большей степени характерно для взрослых, родившихся в Москве.

Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие *эмпирические задачи*:

- 1) Провести анализ содержания представлений о городе и условиях проживания в нем в группе родителей дошкольников.
- 2) Выявить взаимосвязь между временем проживания в мегаполисе и эмоциональным восприятием города родителями, их социальной идентичностью.

- 3) Проанализировать различия в представлениях родителей о городе у коренных москвичей и горожан, не родившихся в Москве.

Общая характеристика выборки

В исследовании принимали участие 22 родителя, жители ЗАО и ЮЗАО г. Москвы. Группа респондентов была представлена преимущественно мамами детей, посещающих дошкольные образовательные учреждения, из них 81,4% – с высшим образованием, остальные – со средним специальным; 41% мам воспитывают одного ребенка дошкольного возраста, 27,3% – двух детей, 22,7% – трех детей, остальные – свыше трех детей. Также опрос показал, что 59,1% мам этой выборки являются коренными москвичками, 9,1% проживают в городе свыше 20 лет, 13,6% из них проживают в Москве менее 5 лет, остальные – от 5 до 20 лет. Большинство семей участников исследования проживают в домах «сталинского периода» постройки (68,2%), меньшее число семей – в многоквартирных домах типового проекта или индивидуальной застройки (31,8%). В группе респондентов 90% мам работают, 10% – домохозяйки. Среди работающих мам те, кто ежедневно затрачивает от часа до двух часов на дорогу на работу и домой составляют 36,4% выборки; в пределах одного часа – 32%; от двух до четырех часов – 18,2% респондентов; небольшой процент работающих мам (3,4%) ежедневно затрачивает более 4 часов для того, чтобы добраться на работу и вернуться домой.

Методики исследования

Для изучения характеристик родителей и семьи в целом была разработана авторская анкета, ориентированная на выявление социальных (состав, размер семьи, число детей) и пространственно-временных характеристик проживания семьи в мегаполисе (продолжительность времени проживания в мегаполисе; расстояние от дома до работы, которые ежедневно преодолевают члены семьи; время, затрачиваемое на дорогу), социально-демографических характеристик родителей (возраст, сфера профессиональной деятельности, должность, образовательный статус). Также выявляли социально-психологические характеристики родителей: удовлетворенность условиями проживания в мегаполисе; показатели территориальной идентичности. Для обработки данных, полученных с помощью открытых вопросов, применяли метод контент-анализа. Были выбраны такие категории, как «достопримечательности Москвы», «любимые и нелюби-

мые места», «семейные традиции». В программу также был включен ассоциативный тест (ассоциации со словом «Москва»), ориентированный на выявление эмоционального компонента исследованных представлений. А также был проведен тест для выявления социальной идентичности родителей.

В работе применяли следующие методы статистики: описательную статистику (средние, распределение, частотный анализ), корреляционный анализ по Спирмену, сравнение независимых выборок по Манна–Уитни.

Результаты исследования

Представления родителей о городе и условиях проживания в нем основывались на данных стандартизированного опросника и результатах исследований ассоциаций. Выявлено, что город проживания (Москва) у половины родителей (50%) вызывает разные эмоциональные переживания. Для их определения они чаще использовали положительные («красивый», «красота», «великолепие» и т. п.) (36,4%), чем отрицательные («суетливый», «загруженный», «непокойный») (13,6%) характеристики. 68,2% респондентов отмечали статусные характеристики Москвы. Причем чаще всего респонденты воспринимают Москву как город (72,7% данной части выборки), затем – как столицу (50%) и очень редко (4,5%) – как мегаполис. В представлениях 50% респондентов образ Москвы как города проживания включал объекты городской архитектуры, у 27% родителей – исторические объекты- символы (Кремль, Красная площадь, конкретные исторические здания). Значительная часть участников исследования ассоциировала Москву с плохой экологической обстановкой в городе и многочисленностью населения (по 23%). Можно сказать, что жители Москвы редко воспринимают свой город как мегаполис, а скорее – как просто город, в котором живут.

В качестве наиболее любимых мест досуга в городе все респонденты (100%) единодушно указали на парковые зоны города (Парк культуры, Нескучный сад, Тропаревский, Ново-Переделкинский и т. п.), 50% из них включили в список любимых мест в городе усадьбы – Коломенское, Царицыно, 41% – архитектурные памятники, находящиеся на территории Кремля. Т.е. в восприятии участников исследования, предметно-пространственные характеристики города, связанные с природой и историческим центром города, имеют положительную эмоциональную окраску. Они не ассоциируются с тем, что обычно отмечается исследователями в мегаполисе – скученность, зашумленность и т. п.

Вопрос, касающийся нелюбимых мест у 54,5% вызвал затруднение, остальные отметили дороги и рынки (по 13,6% каждый ответ), спальные районы и окраины Москвы (18,2%). Таким образом, в обыденном сознании респондентов негативно окрашенные ассоциации больше характеризуют образ Москвы как мегаполиса, а позитивные – как город проживания и столицу.

*Взаимосвязь представлений родителей дошкольников
о городе проживания и их социальной идентичности*

Исследование показало, что респонденты чаще всего идентифицируют себя с ближайшим окружением – с семьей (68,2%), друзьями (72,7%), с соседями (18,2%). Территориальная идентичность была представлена общностью с двумя макросоциальными группами: с москвичами (22,7% респондентов) и горожанами (18,1%).

Обнаружена положительная связь между идентификацией респондентов с группой москвичей и эмоциональным отношением к городу, причем как с позитивной ($r=0,328$, $p=0,05$), так и негативной модальностью отношения ($r=0,302$, $p=0,05$). Выявлена связь между идентичностью с группой москвичей и модальностью характеристик города проживания. Так, респонденты, идентифицирующие себя с москвичами, чаще характеризуют город, как родной, любимый ($r=0,316$, $p=0,05$). Эта же группа респондентов указывает в качестве любимых мест в городе его «исторический центр», «старые улочки» в центре города ($r=0,308$, $p=0,05$), ландшафтно-архитектурные ансамбли (исторические усадьбы в черте города и пригороде) ($r=0,302$, $p=0,05$). Таким образом, горожане, идентифицирующие себя как «москвичи» относятся к Москве как к родному городу, с которым связано множество эмоциональных событий, воспоминаний.

*Взаимосвязь между показателями материального благополучия,
удовлетворенности материальным благополучием,
представлениями о городе и территориальной идентичностью*

Исследование показало, что респонденты, оценивающие свое материальное благополучие как хорошее, чаще идентифицируют себя с теми или иными социальными группами (семья, друзья, горожане, россияне и др.). В частности, выявлена связь между показателями идентичности с москвичами и удовлетворенностью уровнем материального благосостояния семьи ($r=0,440$, $p=0,05$). Найдена взаимосвязь между субъективным материальным благополучием и восприятием города как близкого, родного ($r=0,470$, $p=0,05$).

Следовательно, можно сказать, что принадлежность к группе москвичей выполняет функцию поддержания удовлетворенности уровнем материального благосостояния респондентов. Поскольку в качестве респондентов принимали участие преимущественно мамы дошкольников, посещающих детские сады, можно предположить, что в их восприятии Москва предоставляет возможности для поддержания достойного уровня материального благополучия.

Различия между выборками коренных и некоренных москвичей

Найдены статистически значимые различия между выборками коренных и некоренных москвичей (по критерию Манна–Уитни) по таким показателям, как эмоциональное отношение к городу ($p=0,002$) (100 и 66,7%) и психологическая дистанция ($p=0,038$) (53,8 и 22,2%). В последнем случае речь идет о том, что коренные москвичи чаще называют свой город любимым, родным и чаще проявляют по отношению к нему различные эмоции. При этом коренные москвичи реже связывают «Москву» с различными возможностями, перспективами в мегаполисе, а также с работой ($p=0,032$). Существуют различия в любимых и нелюбимых местах города: среди любимых коренные москвичи указывают маленькие тихие улочки центра ($p=0,031$), а среди нелюбимых – промзоны и спальные районы, в то время как некоренные москвичи, часто проживающие в них или живущие на съемных квартирах, совсем не указывают такие места.

Заключение

Таким образом, существуют статистически значимые различия в представлениях о городе и отношении к нему у коренных и некоренных москвичей. Некоренные москвичи чаще, чем коренные, характеризуют Москву как мегаполис, отмечают какие-либо архитектурные достопримечательности, связывают проживание в ней с различными перспективами и работой. Коренные же москвичи реже указывают на архитектурные особенности города, но при этом чаще выражают эмоциональное отношение к своему городу, характеризуют его как «близкий», «родной». Возможно, у некоренных москвичей проявляется «деловое» отношение к городу, они воспринимают его как площадку для карьерного, «материального» роста, как красивый, интересный, но все же не «свой» город, а у коренных москвичей, напротив, демонстрируют «родственные», эмоционально близкие отношения с городом. При этом у коренных и некоренных москвичей нет различий по идентификации себя с теми или иными сообществами. Можно предположить, что коренные москвичи, вос-

принимающие свой город как данность, как «свой», более эмоционально и «близко к сердцу», формируют такое отношение у своих детей, а поскольку дети сами являются коренными москвичами, у них создается картина города по такому же принципу, что способствует социально-психологическому благополучию личности в мегаполисе.

Литература

- Дробышева Т. В., Журавлёв А. Л. Город как объект социально-психологического исследования // Социально-психологические исследования города. М., 2016. С. 5–27.
- Емельянова Т. П. Городская среда в представлениях молодых москвичей: рациональное и чувственное // Социально-психологические исследования города. М., 2016. С. 105–124.
- Заборова Е. Н., Исламова А. Ф. Город как социальное пространство // Социс. 2013. № 2. С. 97–101.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. Структура социальной идентичности личности: возрастная динамика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 129–132.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб., 2011.
- Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. СПб., 2004.

Different groups of Muscovites' representation about city of the living

M. Y. Voytenko (Moscow)

Applicant degree of candidate of Sciences, Institute of Psychology of RAS

The results of the study of representation about city of the living of different groups of preschoolers' parents are presented. In the theoretical model of the study their representations about the city of the living are considered as one of the factors of socio-psychological well-being of children. The author's questionnaire was used to explore the characteristics of parents and families. It is shown that parents who were born in Moscow express emotional attitude to the city more often, characterize it as "close", "native". For parents who were not born in Moscow, "business" attitude to the city is typical, they perceive it as a platform for a career, "material" growth.

Keywords: personality's socio-psychological well-being, megapolis, representations about the city and the living conditions, social identity.

Молодежный вандализм как реакция на информационные вызовы современной городской среды: постановка проблемы¹

*И. В. Воробьева**, *О. В. Кружкова*** (Екатеринбург)

** кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, конфликтологии и управления, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: lorisha@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: galiat1@yandex.ru*

В статье формулируется проблема отсутствия целостных научных представлений о механизмах детерминации вандального поведения молодежи и роли в этих процессах современной информационной среды города, представленной в реальном городском пространстве и сети Интернет. Обосновывается необходимость выявления субъектных и социальных детерминант генезиса молодежного вандализма в современных условиях многовариативных информационных воздействий в городском пространстве. Описываются основные подходы, в контексте которых вандализм изучается как научный феномен. В целом, результаты исследования будут способствовать более глубокому пониманию функций вандализма не только как формы девиации и деструктивного поведения, но и как коммуникативной технологии, используемой молодежью в современном социальном пространстве.

Ключевые слова: вандализм, вандальное поведение, молодежь, городская среда, информационная среда.

В веке информационных технологий, интенсивного развития науки и техники по-прежнему актуальной остается острая социальная

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01278.

проблема – несанкционированное преобразование или разрушение чужой и общественно собственности, или вандализм. Как правило, вандализм имеет однозначную и крайне негативную оценку в обществе, поскольку влечет за собой материальные затраты в связи с ущербом, наносимым окружающей среде. Подобные действия не только осуждаются, но и имеют юридический статус – противоправные и делинквентные, т. е. нарушающие закон, что автоматически переводит их из разряда поведенческих девиаций в конкретное правовое поле, которое классифицирует их субъекта как правонарушителя и предполагает наложение наказания за их совершение в соответствии со степенью причиненного ущерба. Зачастую мотивация подобных поступков остается вне зоны внимания специалистов и объясняется индивидуальными особенностями вандала или негативным групповым влиянием. Между тем детерминация и механизмы активизации данной модели поведения имеют определенные закономерности, некоторые из которых изучены в немногочисленных исследованиях данного феномена.

Действительно, в современной психологической науке отсутствует полнота представлений о вандализме, начиная с описания его допустимости для каждого человека, факта сознательности действий (случайный вандализм или целенаправленный), особенностей людей, склонных выбирать такой вариант действий, мотивов, инициирующих вандальные поступки, и заканчивая индивидуально-психологическими, социально-психологическими, средовыми детерминантами, лежащими в основе осознанного и случайного вандализма. На сегодняшний день существуют данные, описывающие отдельные аспекты обозначенной проблемы. В частности, вандальное поведение наиболее полно рассматривается применительно к возрастным группам подростков и юношей (Ватова, 2007; Shannon, 1983) как в плане их личностных особенностей, так и с позиции профилактических мероприятий в условиях образовательной и семейной среды. В отечественной психологии В. Ф. Пирожковым в 1994 г. были проведены одни из первых исследований вандализма. Он рассматривал его как вид делинквентного поведения в рамках криминальной психологии несовершеннолетних, в частности, определяя вандальное поведение как вариант агрессивной реакции несовершеннолетнего правонарушителя. Последующие работы в области психологии и социологии также в основном освещали проблемы деструктивного поведения детей (Воробьева, Кружкова, 2015), подростков (Ватова, 2007; Патрушева, 2010; Белкин, 2009; Воробьева, Кружкова, 2015) и юношей (Ватова, 2007; Воробьева, Кружкова, 2015). При этом по вопросу средовой обусловленности вандального

поведения, его взаимосвязи с качеством жизни населения и благополучием городской среды работы отечественных авторов практически не представлены. Изучение вандального поведения на сегодняшний день в России относительно широко представлено в рамках юридической науки. Так, по обозначенной проблеме за несколько последних лет было защищено несколько диссертаций (Х. К. Алиев, С. Н. Вязов, М. М. Москаленко, О. С. Пашутина, Л. М. Самохина, Э. Н. Харина, Н. А. Черемшова, В. А. Шурухнов). Все они, так или иначе, касаются вопроса наказания за причинение вреда общественной или частной собственности, а также ставят вопрос о критериях определения вандального поведения, так как существует вариант его классификации как хулиганства.

В российском Уголовном кодексе до 1996 г. такой вид правонарушений вообще не рассматривался; позже вандализм стали определять, как «осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». Нужно отметить, что Уголовный кодекс РФ содержит несколько статей, связанных с уничтожением или порчей материальных и культурных ценностей и имущества. Помимо «вандализма», это «хулиганство», «умышленное уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры», «умышленное уничтожение или повреждение имущества». В последнее время появляются работы по педагогике (Патрушева, 2010; Белкин, 2009), в которых рассматриваются вопросы профилактики и предотвращения актов вандализма в среде образовательных учреждений. Однако на сегодняшний день отсутствуют работы по комплексному изучению понимания молодежного вандализма, его внутриличностных и средовых детерминант, а также мер профилактического воздействия для предотвращения подобного деструктивного поведения в городской среде. Тем более вандализм не рассматривается как диагностический момент в изучении общественных настроений и механизмов криминализации и радикализации населения, в том числе молодежи.

В зарубежной науке проблемой вандализма активно занимаются с конца 60-х годов XX столетия. При этом особый всплеск интереса к данной проблеме проявился уже в XXI веке. В зарубежных исследованиях вандализм рассматривается многоаспектно: как явление на стыке девиации и искусства (Y. ElRashidi, E. Mushtaha, F. Hamid, V. Luvaas и др.), как историческая реальность (F. Brandfon, J. Barnatt и др.), как проблема образовательных учреждений (G. R. Mayer, P. A. C. Van Lier, F. Vinaro и др.), как стратегия взаимодействия человека и городской среды (L. Barr, T. Yilmaz, R. Olgun, G. Diogenes,

Е. Richardson и др.). Также вандализм рассматривается с позиции статистических показателей ущерба в различных отраслях народного хозяйства отдельных стран: промышленности, на транспорте, строительстве и пр. В последние годы в зарубежных публикациях при исследовании вандального поведения особое внимание уделяется информационным повреждениям в среде интернет, их причинам, развитию, вероятным последствиям и мерам противостояния (A. G. West, S. Kannan, I. Lee, S. M. Mola-Velasco, S. Heindorf, A. Susuri, J. Tramullas, P. B. de Laat и др.). Тем не менее, несмотря на наличие отдельных публикаций, посвященных изучению средовых и личностных факторов вандализма в городской среде (Brown, Devlin, 2003; Duneier, Molotch, 1999), комплексное исследование данной проблемы в современных условиях динамичного изменения информационной виртуальной и реальной среды городского пространства не проводится.

Таким образом, анализ современных направлений и тенденций развития исследований в данной научной области показал, что основное число работ сосредоточено на характеристике вандального поведения в подростковой и юношеской группе и затрагивает вопросы адекватного наказания за уже совершенные действия. Вместе с тем объективная картина научного понимания распространенности этой девиации среди молодежи достаточно дискретна и не охватывает многочисленных факторов, появившихся в информационно насыщенной среде современного города. При этом городская среда не может сегодня рассматриваться только в качестве территории, которую преобразовывают или разрушают вандалы; она также может быть своеобразным «провокатором» вандальных действий. Так, можно предположить, что в определенных типах визуального пространства города люди испытывают похожие эмоциональные состояния и могут демонстрировать сходные поведенческие реакции. Вандализм как одна из них, безусловно агрессивная и деструктивная, зачастую является своеобразной защитой субъекта, находящегося в дискомфортных для него условиях. Кроме того, город может провоцировать вандальные действия жителей и иной мотивационной направленности – протест, творчество, самовыражение и пр. Обнаружение и раскрытие закономерностей связи субъекта и его поведения с особенностями городской среды позволит не только минимизировать риски разрушений последней, но и прогнозировать социальные настроения молодежи посредством анализа пространства города. При этом практическая целесообразность такого комплексного изучения города и его жителей, относящихся к конкретной возрастной группе, с одной стороны, обусловлена существ-

венной экономией средств муниципалитетов за счет снижения затрат на ремонт и восстановление целостности объектов среды города, с другой – возможностью своевременного предупреждения распространения среди молодежи крайне нежелательных социальных настроений: экстремизма, радикализма и пр. Научная новизна исследования заключается в попытке комплексного изучения феномена вандализма, как с позиции человека или потенциального субъекта вандальной активности, так и со стороны среды – как пространства, которое подвергается разрушительным действиям, а также может провоцировать их. Кроме того, предполагается детальное изучение информационного контента города, представленного как в реальном или материальном вариантах, так и в репрезентированном виде посредством сети Интернет. Последнее не только отражает актуальную на сегодняшний день ситуацию жизнедеятельности общества (особенно представителей молодежи), но и существенно обогащает возможные научные результаты изучения вандализма, который с этой точки зрения не исследовался. Помимо этого, многовариантная типологизация городского пространства позволит более детально и точно просчитывать ущерб от вандальных актов, определять наиболее уязвимые типы городской среды и прогнозировать поведение ее жителей.

Заключение

Таким образом, вандализм сегодня, безусловно, острая социальная, экономическая, правовая, политическая проблема, но многочисленные проявления данного явления стали привычным фоном существования человека в современных городах. Тем не менее, изучение этой области как в отечественной, так и в зарубежной науке – единичные случаи, являющиеся, скорее, исключением, чем правилом. Отсутствие комплексных, междисциплинарных представлений о данном феномене, его происхождении и генезисе, предикторах и формах проявлений как в реальной, так и виртуальной информационной среде города делает невозможными эффективное предупреждение вандализма и борьбу с его деструктивными последствиями. Вандальные проявления опасны для современного общества не только своими последствиями, связанными с нарушением эстетики пространства и явными экономическими потерями из-за разрушения, приведения в негодность, затратами на восстановление объектов общественной, муниципальной, государственной собственности, памятников истории и культуры. Вандализм опасен еще тем, что при отсутствии в обществе согласованной позиции относительно его проявлений,

продолжающихся споров о его сопричастности к искусству (стрит-арт) и попустительскому отношению к его бытовым формам (неаккуратное обращение или использование элементов городского пространства не по назначению, ритуальные действия и пр.), подобное деструктивное поведение закрепляется как нормативное, допустимое у представителей молодежи и способствует их криминализации, радикализации и уязвимости для вовлечения в экстремистские сообщества. Тем не менее, изучение молодежного вандализма не только как явной формы девиации поведения, но и как стратегии взаимодействия в информационном пространстве города, разработка методики семантического анализа его проявлений, оценки экономического ущерба от его последствий, выявления зон уязвимости для вандальных проявлений с позиции субъекта и среды, основанные на достижениях современной психологической, социологической, культурологической, психолингвистической, экономической науки, позволят построить эффективную систему профилактики молодежного вандализма в городской среде; определять общественные настроения среди городской молодежи по маркерам радикализма в их вандальной активности; определить роль городской среды в провокации деструктивного поведения молодежи для дальнейшего управления городской застройкой и благоустройством городского пространства в целях повышения качества жизни и социального благополучия населения.

Литература

- Белкин А. И. Феномен граффити: психологические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 2. Ч. I. С. 291–299.
- Ватова Л. С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. М., 2007.
- Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология вандального поведения: Монография. Екатеринбург, 2015.
- Патрушева З. В. Основные направления профилактики вандализма несовершеннолетних в отечественной и зарубежной педагогике // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 12. С. 172–177.
- Brown G., Devlin A. S. Vandalism: Environmental and Social Factors // Journal of College Student Development. 2003. V. 44. Is. 4. P. 502–516.
- Duneier M., Molotch H. Talking city trouble: Interactional vandalism, social inequality and the “Urban interaction problem” // American Journal of Sociology. 1999. V. 104. Is. 5. P. 1263–1295.

Shannon L. W. The role of vandalism in delinquent careers // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

**Youth vandalism as a reaction to the information challenges of the modern urban environment:
the formulation of the problem**

*I. V. Vorobyeva**, *O. V. Kruzhkova*** (*Ekaterinburg*)

* Candidate of psychological Sciences, associated Professor at the Department of social psychology, conflictology and management, Ural state pedagogical University

** Candidate of psychological Sciences, Docent, Head of the Department of philosophy and acmeology, Ural state pedagogical University

The article sets formulation of the problem of lack of comprehensive scientific ideas about the mechanisms for determining the vandal behavior of youth and the role of the modern information environment of the city, represented in the real urban space and the Internet, in these processes. The necessity of revealing the subjective and social determinants of the genesis of youth vandalism in modern conditions of multivariate informational influences in the urban space is substantiated. The main approaches are described, in the context of which vandalism is studied as a scientific phenomenon. In general, the results of the research will contribute to a deeper understanding of the vandalism functions, not only as a form of deviation and destructive behavior, but also as a communicative technology used by young people in today's social space.

Keywords: vandalism, vandal activity, youth, urban environment, information environment.

Социально-психологический анализ подходов к дифференциации поколений: психологические ресурсы¹

Т. В. Дробышева (Москва)

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: tdrobysheva@mail.ru*

В статье представлены результаты анализа социологических и психологических подходов к дифференциации поколений. Показано, большинство специалистов основываются не на демографическом объединении людей одного возраста. Выделяют «значимое поколение», поведенческие образцы, символы и ценности которого формируются «значимыми группами». Общность каждого поколения основывается на: коллективной памяти, коллективном переживании значимых событий, менталитете и т. п. Психологические ресурсы каждого поколения являются основой его жизнеспособности и проявляются в совокупности черт, которые составляют образ типичного представителя того или иного поколения.

Ключевые слова: психологические ресурсы поколения, критерии дифференциации поколений, коллективная память, черты поколения, макросоциальная психология.

Проблема исследования ресурсов разных поколений связана с другой не менее важной проблемой, – определением критериев их дифференциации. Кроме собственно хронологического возраста, объединяющего поколение, выделяют временные рамки формирования определенных возрастных групп, на которые приходится особо значимые события в развитии общества. Так, Г. С. Беккер (Беккер, 2003) в качестве критериев выделял: наиболее важные события для по-

1 Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00854.

коления; состояние средств массовой информации; систему социализации представителей того или иного поколения; социальные возможности времени; биографические (ценностные ориентации, жизненный путь представителей поколения) и системные характеристики поколения. Данная точка зрения разделяется и отечественными исследователями Б. В. Дубиным, Н. А. Головиным, Ю. А. Левадой, М. И. Постниковой, В. И. Пищик, В. В. Семеновой, Е. Б. Шестопал, Н. В. Шахматовой, Т. Шаниным и др., считающими, что не только хронологический фактор объединяет людей одного и того же поколения. Поколенческая общность основывается на коллективном переживании значимых событий, приверженности людей ключевым ценностям конкретного периода, идеологически окрашенным символам (Е. Б. Шестопал и др.), коллективной памяти (Х. Шуман, Ж. Скотт), «культурных синдромах» (В. В. Семенова), менталитету (В. И. Пищик) и т. п., а проявляется в отношении к представителям своего и других поколений (А. А. Смолькин, М. И. Постникова, О. И. Маховская и др.). Определяя феномен поколения, И. Калита, весьма точно подметила, что это не столько хронологическая категория, сколько способ восприятия действительности; общее самовыражение жизненного стиля, ценностей, символов и способов репрезентации, вызывающих взаимную эмпатию у людей при встрече, благодаря чему они подсознательно идентифицируют другого человека как своего (Kalita, 2013).

В любом случае, выделяя в исследовании то или иное поколение, большинство специалистов основываются не на демографическом объединении людей одного возраста, а на «значимом поколении», поведенческие образцы, символы и ценности которого формируются «значимыми группами» – массовыми или элитарными. В частности, Ю. А. Левада выделяет шесть таких поколений XX в. (Левада, 2006), каждое из которых включает значимые группы, отличающиеся наибольшей активностью в этот период. Первое из них – поколение «революционного перелома» (1905–1930 гг.). Его наиболее активная часть – это люди, рожденные в 90-е годы XIX в. В выделенный период самые старшие представители поколения вступили 15-летними подростками, а к окончанию этого периода стали зрелыми 40-летними людьми. Второе значимое поколение Левада связывает со «сталинской» мобилизационной системой 1930–1941 гг. Активная группа этого поколения – рожденные в начале века (с 1900 по 1915 г.). Они непосредственные участники тех событий, которые характеризуют революционный перелом. Период их активного личностного становления (с 5 до 15 лет) пришелся на революционные события начала XX в. – мировую, а потом и Граж-

данскую войну. Третий период в классификации Левады – «военный и послевоенный» периоды (1941–1953 гг.). Активные участники событий эпохи – люди, рожденные с 1920 по 1928 г. Возможно, что их искренняя, подчас фанатичная вера в идеи коммунизма, в будущее своей страны, сформированная «советской школой», поколением их родителей – непосредственных участников революционных преобразований, и стала тем *психологическим ресурсом*, который они реализовали в тяжелое военное время и период послевоенного восстановления. Следующий период, выделяемый Левадой, – период «оттепели» (1953–1964 гг.) – породил первое в советской истории поколение (точнее, значимую поколенческую группу), свободное от массового страха и пережившее надежду на «гуманизацию социализма». По мнению Левады, это преимущественно люди, не захваченные войной, т. е. родившиеся в конце 1920–начале 1940-х годов (условно 1929–1943 гг.). Это «дети войны», чья убежденность в правоте власти и непримиримость к «внешнему врагу» основывалась на воспоминаниях «военного детства». Значимой группой пятого периода – «застоя» (1964–1985 гг.) – стало поколение «шестидесятников», представители которого родились с середины 1940-х до конца 1960-х годов (1946–1968 гг.). На долю их поколения – поколения «несбывшихся надежд» – выпало пережить развал мощной идеологической системы, цементирующей «советскую империю». Заметим, что их личностное становление (детство и отрочество) проходило в период «оттепели», что и породило, с нашей точки зрения, остроту «внутреннего конфликта» поколения. В период «перестройки» и «реформ» (1985–1999 гг.) в активную жизнь вошло новое поколение, не знавшее переломов и исканий, – это люди, родившиеся с середины – конца 60-х и до начала – середины 1980-х годов. Будучи активными участниками социально-экономической трансформации общества, они наиболее легко (по сравнению с предыдущими поколениями) переживали крушение советской системы. Их потребность в кардинальных преобразованиях сформировалась в период застоя, под влиянием несбывшихся надежд их родителей. Иногда их называют поколением «Х», поколением «прагматиков» и т. п. Внешнеполитическая ситуация в стране сформировала готовность этих людей к изменениям. Их характеризуют глобальная информированность и техническая грамотность, а также индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни, прагматизм, надежда только на себя (Федулова, 2016).

В XXI столетии выделяется новый период, о котором пока мало пишут, так как его ключевые события происходят «здесь и сейчас». Прошедшие полтора десятка лет отличаются остротой финансовых

кризисов, глобализацией, интеграцией с мировым сообществом, с одной стороны, и наметившейся в последние годы дифференциацией с ним (санкции ЕС, война за Крым, в Сирии, события на Украине) – с другой. Его значимыми группами становятся люди, рожденные с середины 1980-х (примерно, с 1984 г.) и конца 1990-х годов. Одни исследователи называют их «послеперестроечным поколением» и подчеркивают направленность активности ядерной группы поколения на достижение личного успеха и благополучия, предпочтение гедонизма чувству долга и ответственности (В. В. Семенова и др.). Другие исследователи описывают его как «поколение Y» (millennials, поколение «некст», поколение эхо-бумеров) и подчеркивают характерную для них особенность – глубокую вовлеченность в цифровые технологии. Поколение «игрек» также соотносится с так называемым «поколением бумеранга», или «поколением Питера Пэна», в связи с тем, что его представители склонны оттягивать переход во взрослую жизнь на более долгий срок, чем их сверстники в предыдущих поколениях, а также дольше оставаться жить в родительском доме (Левада, 2006).

Резюмируя, заметим следующее. Выделяя ключевые характеристики «значимых групп» одного и того же поколения, специалисты косвенно указывают и на различия в ресурсах (физических, психологических, экономических, социальных и т. п.) каждого поколения, которые определяют его жизнеспособность. Они зависят от социально-экономических условий развития общества, политической ситуации в стране, сложившейся на период активного личностного становления представителей того или иного поколения, т. е. этап первичной социализации. На следующем этапе развития общества (исторический период) данное поколение становится активной группой и реализует свой потенциал. Ресурс каждого поколения «детей», с одной стороны, базируется на той системе ценностей, нравственных норм, идеалов, которые присваиваются ими в семье под воздействием поколения «родителей». В связи с этим психологи уделяют пристальное внимание изучению таких феноменов, как: особенности межпоколенческих отношений в семье; психологические факторы отчуждения; механизмы трансмиссии элементов культуры, менталитета в контексте преемственности поколений; предпочитаемые способы совладания в процессе межпоколенческих конфликтов; социально-психологические особенности представителей разных поколений; феномен «разрыва поколений»; изменение отношения к другим поколениям в процессе взаимодействия с ними и т. п. (О. И. Маховская, М. В. Сапорова, Н. В. Сиврикова, В. И. Пичик, Т. А. Петрова, М. И. Постникова, Т. И. Шнуренко и др.). Вмес-

те с тем психологический ресурс каждого поколения формируется в ситуации «конфликта» или противостояния тому, что было важным условием жизнеспособности предыдущего поколения. К примеру, поколенческие черты «шестидесятников», их социальная активность, обостренное чувство справедливости, неприятие любой «фальши» и т. п. формировались в условиях развенчивания «культы личности» и «культы власти», изменения «образа врага» и т. п., которые были столь значимыми символами предыдущего поколения. Однако их «готовность к изменениям» так и не была реализована. В развале «советской системы» принимали участие представители следующего поколения – поколения «X», чей психологический ресурс (ориентация на индивидуализм, прагматизм, потребность в саморазвитии и т. п.) основывался на отвержении идей коллективизма, значимых для «шестидесятников». Однако многие исследователи обращают внимание на то, что «шестидесятники» – это «прагматичные романтики», которые в сравнении с предыдущим поколением высоко ценили «материальные блага» и стремились к высокому уровню достатка. Возможно, по этой причине большой процент людей, которые впоследствии уехали из страны в поисках себя и материально обеспеченной жизни, – это представители «шестидесятников». Детство и подростковый период поколения «Y» протекали в условиях ценностной трансформации в обществе, снижения нравственных норм и возрастания роли финансового дохода, материальных ценностей. Традиционно в ситуации внешнего неблагополучия повышается сплоченность внутри семьи. Она формирует зависимость поколения «детей» от поколения «отцов». Сами же родители, несмотря на то, что «буря» прошла, также не готовы «выпустить в самостоятельную жизнь» своих детей. Следствием этого является нежелание представителей «поколения Y» жить самостоятельно, строить свою семью, нести ответственность за нее. Для них важно иметь высокую зарплату (при отсутствии опыта работы), но при этом мало работать и т. п. Все это указывает на «социальный инфантилизм» поколения. Однако именно зависимость «поколения Y» раскрывает психологическую природу их ресурсов – это семейные отношения.

Заключение

Итак, психологические ресурсы каждого поколения являются основой его жизнеспособности и проявляются в совокупности черт, которые составляют образ типичного представителя того или иного поколения. Наиболее точно эти черты воплощаются в собирательных образах литературных героев и персонажей художественных

произведений, в чертах характера тех значимых реальных людей, которые являются носителями ценностей, норм, образцов поведения, мировоззрения, характерных для субкультуры того или иного поколения. Однако есть нечто общее, что составляет глубинную основу связи между предшествующим и последующим поколениями и может быть рассмотрено как социально-психологический ресурс каждого из поколений. Речь идет о коллективной памяти поколения, т. е. о разделяемых представителями поколения воспоминаниях об историческом прошлом, пропущенных через призму групповой идентичности, воссозданных с учетом и в контексте сегодняшних интересов и целей группы (Емельянова, 2016). Остается лишь открытым вопрос о роли коллективной памяти в конструировании образа будущего каждого поколения.

Литература

- Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003.
- Емельянова Т. П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. URL: <http://psystudy.ru>.
- Левада Ю. А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.
- Федулова А. Поколение X и поколение Y – кто они и в чем разница // MOIARUSSIA. Вып. 14 февраля 2016 г. URL: <http://moiarussia.ru/pokolenie-y-pokolenie-x>.
- Kalita I. Generational Identity (New Literature at the Crossroads of Modernity) // North American, European and Russian literature: modern problems of study. CIBUNET Publishing Monograph Series / Ed. M. Asper. N. Y.: CIBUNET Publishing–NGO Premier–ORT Publishing, 2013. № 2. P. 3–22.

Socio-psychological analysis of approaches to differentiation of generations: psychological resources

T. V. Drobysheva (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

The results of the analysis of sociological and psychological approaches to the differentiation of generation are presents. Most experts do not consider the demographic criterion as the main one for describing the generation. Researchers identify a “significant generation”, as generation whose be-

havioral patterns, symbols and values are formed by “meaningful groups”. The commonality of each generation is based of: the collective memory, collective experience of significant events, mentality, etc. Psychological resources of each generation are the basis of its viability. They are manifested in the totality of traits that make up the image of a typical representative of one or another generation.

Keywords: psychological resources of the generation, criteria for differentiation of generations, collective memory, generation traits, macrosocial psychology.

К истории становления отечественной социальной психологии города: основные этапы и направления исследований¹

*Т. В. Дробышева**, *А. Л. Журавлёв*** (Москва)

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: tdrobysheva@mail.ru*

*** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

В статье изложены результаты анализа основных этапов становления нового научного направления в отечественной науке – «социальной психологии города». Выделены основные феномены предметного поля, методологические подходы к изучению психики и поведения горожан, критерии институционализации нового научного направления. Показана общность взглядов разных специалистов (философов, социологов и психологов) в понимании города как системного объекта исследования. Обоснована актуальность изучения социально-психологических феноменов, порождаемых условиями жизнедеятельности человека и группы в мегаполисе.

Ключевые слова: социальная психология города, системный подход, психика и поведение горожан, мегаполис, предметно-пространственная, природная и социальная среда города.

Разработка нового научного направления – социальной психологии города – ставит перед исследователями серию задач, связанных, во-первых, с анализом накопленного к данному периоду времени фактологического материала, во-вторых, с дифференциацией исследований со смежными дисциплинами (социологией, урбано­логией и т. п.) по предмету и объектам исследования; в-третьих, поиском не только дисциплинарной идентичности, но и специфичности,

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-17-0001.

характерной для отечественной науки. Поставленные задачи требуют глубокого и всестороннего анализа. В связи с этим целью данной статьи стало изучение состояния социально-психологических исследований, выполненных в отечественной науке к настоящему времени, и выделение их перспективных направлений.

Идеи о необходимости социально-психологического анализа духовной жизни горожан, специфики их межличностных отношений, коммуникаций, организации эмоциональной сферы как специфичных групповых феноменов высказывались в начале XX в. Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, М. Вебером, Ч. Кули, Ф. Тённисом и др. социологами и философами.

Однако, обращаясь к истории вопроса, следует заметить, что в конце XIX–начале XX в. идея проведения широкого спектра прикладных исследований города до начала планирования городской застройки была предложена Патриком Геддесом, обосновавшим их необходимость спецификой социальной жизни сообществ, которые будут жить в том или ином районе города.

Идея Геддеса успешно воплотилась в концепции Кевина Линча, выход книги которого (*The Image of the City*) в 1960 г. многие считают началом становления социальной психологии города. Системный характер концепции Линча, которая вполне согласуется с принципами системного подхода в психологии, разработанного в 1970-е годы Б. Ф. Ломовым (Ломов, 1984; и др.), проявляется в трактовке города как «*системного объекта*, существующего в потоке времени, непрерывно изменяющегося и несущего в себе следы преемственности культуры и единства исторического процесса» (Иконников, 1982, с. 6). Соединяя пространственное и временное измерения окружающей среды, Линч перешел от анализа чувственного восприятия физической среды к изучению более сложной организации образа города, который является «продуктом двустороннего процесса, связывающего наблюдателя и объект наблюдения» (Линч, 1982, с. 112). Он отмечал общность переживаемых жителями положительных и отрицательных эмоций при восприятии предметно-пространственной среды района, города; подчеркивал зависимость психологического благополучия горожан от модальности восприятия окружающей среды; заложил основы ценностного подхода к оценке жизнедеятельности горожан и т. п.

Другое направление в области социальной психологии города позднее стал разрабатывать американский социальный психолог Стенли Милграм, который рассматривал город как социальное явление, а представления о нем – как коллективные. Независимо от различий в изучении образа города, существующих в работах Линча

и Милграма, можно предположить, что общность их исследований была связана с пониманием авторами роли *активности субъекта восприятия (горожанина или групп горожан), конструирующего «свой» образ города*. Эта характеристика субъекта является его атрибутивным признаком во всех вариантах субъектного подхода, развиваемого в Институте психологии РАН (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлёв, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко, В. П. Позняков, Н. Е. Харламенкова, Т. В. Дробышева и др.).

Анализируя вклад классиков так называемой «городской психологии», сложно обойти вниманием работы социологов Эрнста Бёрджесса и Роберта Парка, а также их ученика Луиса Вирта, которые фиксировали внимание на изучении особенностей поведения горожан. По мнению Вирта, *пространственные и социальные характеристики города (плотность, территория, гетерогенность населения) накладывают отпечаток на психологию его жителей*. Так, плотность населения в городе определяет анонимность, равнодушные, бесстрастные личности горожанина (Вирт, 2005).

Обращаясь к российским (и советским) исследованиям, выполненным в рамках социальной психологии города, следует отметить, что многие идеи о различиях городской и сельской жизни, больших и малых городов, успешно развиваемые западными социологами и специалистами по планированию городской среды, впервые были описаны на рубеже XIX и XX вв. русским ученым, публицистом и видным теоретиком анархистского движения П. А. Кропоткиным. В начале 1970-х годов проблемы влияния урбанизации на психологическое здоровье человека поднимались одним из сотрудников ИП РАН К. К. Платоновым. Позднее, с середины 1970-х годов, особенно в 1980-е годы, эстонские психологи Ю. Круусвалл, Т. Нийт, М. Раудсепп, М. Хейдметс, Х. Миккин, Д. Р. Михайлов и др. провели серию исследований и выпустили несколько сборников научных трудов, объединивших работы специалистов, занимающихся изучением взаимодействия человека и окружающей среды, в частности, городской. Следует отметить, что опубликованные работы выше упомянутых авторов и их коллег (В. И. Смотриковский, Р. Кильгас, М. Куйвитс, Э. Мюлла, К. Паадам, А. В. Степанов, К. Лийк, Я. Вальсинер и др.) внесли существенный вклад в создание основ современной отечественной *социальной психологии города*. Исключая работы выше названных эстонских психологов, исследования других отечественных психологов, социологов, архитекторов, выполненные в «советский» период в рамках психологии окружающей среды, по их предмету трудно назвать собственно социально-психологическими.

Новый этап в становлении отечественной социальной психологии города можно рассматривать с того периода (конец 1990-х – начало 2000-х годов), когда стали выполняться диссертационные работы в этой научной области по специальности «социальная психология», общей темой исследования которых была взаимосвязь предметно-пространственной среды города и социально-психологических характеристик его жителей (С. А. Башкова, А. А. Балакина, О. А. Браун, Т. В. Семенова (Иванова), Ю. А. Пиподня, Л. В. Давыдкина, С. А. Богомаз, Д. Н. Сазонов, И. С. Самошкина и др.). Основной акцент в этих исследованиях ставился на различиях в содержании, структуре, факторах и механизмах ментальных репрезентаций города в обыденном сознании представителей разных социальных групп, проживающих в нем; возможностях реализации ценностей, которые предоставляет тот или иной город своим жителям. В качестве другого институционального критерия становления отечественной социальной психологии города следует принять выпуск монографических работ, объединивших социально-психологические исследования города (Семенова, 2008; Социально-психологические исследования города, 2016; Радина, 2015). Более известные работы С. Э. Габидулиной и Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленского выполнены в рамках общепсихологического подхода, но по предмету они граничат с социальной психологией города (Габидулина, 2012; Штейнбах, Еленский, 2004).

В целом, следует отметить основные, сложившиеся к настоящему времени, *отечественные направления социально-психологического исследования города.*

Первое направление объединяет работы, связанные с изучением восприятия города, его предметно-пространственной, пространственно-временной и социальной среды. Это различные виды репрезентаций города в групповом сознании жителей, различающихся по социальному и образовательному статусу, времени, месту и району проживания, роду деятельности, городской идентичности. Другой ракурс данного направления исследований связан с изучением разных (идеальные, реальные и т. п.) образов города в обыденном сознании большой социальной группы – горожан. В качестве факторов, обуславливающих данные феномены, выступают, как личностные, так и групповые характеристики.

Второе направление включает немногочисленные работы, в которых образ города выступает фактором социальной идентичности жителей, соблюдения ими социальных норм поведения, реализации базовых ценностей, разных видов благополучия. К этому же направлению относятся работы, в которых проживание в условиях горо-

да изучается, как территориальный фактор адаптации конкретных групп населения, их представлений о будущем, особенностей политических или экономических представлений и т. п. Каждое из заявленных направлений может быть дифференцировано на подходы в зависимости от базовых теоретических оснований (когнитивный, психосемантический, ценностной, системный, субъектный, поведенческий, социально-экологический, клинический, социально-экономический и т. п.) (Дробышева, Журавлёв, 2016; и др.).

Третье направление в области социальной психологии города – изучение условий жизни в мегаполисе как фактора, обуславливающего психику и поведение его жителей. Урбанисты отмечают, что только несколько больших населенных пунктов планеты (Токио-Иокогама, Джакарта, Сеул-Инчхон, Пекин, Дели, Мехико, Нью-Йорк и т. п.) имеют право именоваться мегаполисом. Объективными критериями дифференциации большого города и мегаполиса называют: стирание границ между городом и близко расположенными малыми городами (городами-спутниками), большая численность населения, размеры территории расположения агломерации при условии сохранения свободы миграционных потоков внутри города и т. п. Тем не менее, термин «мегаполис» применяют и для описания жизнедеятельности города особо крупного размера, в связи с чем два наиболее крупных города нашей страны – Москву и Санкт-Петербург – специалисты рассматривают как мегаполисы. Данный факт еще не означает, что любое социально-психологическое исследование, выполненное на группах респондентов, одна из которых включает жителей этих городов, может быть отнесено к данному направлению исследований. Проблема изучения взаимодействия человека и социальных групп с предметно-пространственной, природной и социальной средой мегаполиса связана с выявлением специфичности социально-психологических эффектов, порождаемых условиями жизнедеятельности людей в мегаполисе.

С. А. Ильиных считает характерным признаком мегаполиса специфике зонирования города (Ильиных, Табарков, 2016). Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский, опираясь на работы эстонских психологов, выделяют различия между малым и большим городом (Штейнбах, Еленский, 2004). Некоторые из описанных авторами особенностей могут быть отнесены и к мегаполису. Речь идет о специфике коммуникаций: общение в большом городе носит не личный, а преимущественно деловой характер; оно гомогенно, т. е. протекает в узком кругу (семья, работа, учеба). Продолжая анализ данного направления, заметим, что общение в мегаполисе имеет высокий уровень опосредствования (интернет-общение, смс-общение, телефонное общение). Ком-

муникации между поколениями одной семьи мегаполиса во многом зависят от степени близости проживания ее членов, времени проживания семьи в мегаполисе («коренные москвичи», «москвичи первого поколения», «новые москвичи», «приезжие» и т. п.), частоты и устойчивости связей, традиций совместного времяпрепровождения и т. п. Поведение жителей мегаполиса, как и большого города, обусловлено сниженным социальным контролем. Одним из эффектов этого явления является высокий уровень девиантного поведения его жителей. Однако для мегаполиса особенно остро встает вопрос о районировании девиантного поведения. В центральных районах города его уровень снижен, но выделяются районы (так называемые «криминальные»), в которых процент случаев правонарушений выше. Именно в мегаполисе проявляется *амбивалентный характер взаимодействия* его жителей. С одной стороны, имеет место отчужденность, эмоциональная отстраненность, с другой – высокий уровень толерантности к людям другой культуры, иных политических или религиозных взглядов. Заметим, что полиэтническая культура мегаполиса может порождать целый спектр феноменов, представляющих интерес для социальных психологов. В целом же, субкультура одного микрорайона (района, округа) может существенно отличаться от субкультуры другого микрорайона по нормам, традициям, ценностям, идентичности его жителей. Хорошо известны случаи поддержания соседских отношений у москвичей, длительное время проживавших в одном районе, при переезде в другой район. Анализируя исследования разных авторов, можно выделить пространственно-временные и пространственно-предметные характеристики мегаполиса: удаленность мест работы (учебы, досуга) от места проживания, временные затраты на дорогу, высокий уровень шума, «пробки» на дорогах, наличие разнообразных мест досуга жителей мегаполиса и т. п.

Таким образом, в качестве наиболее *актуальных направлений* социально-психологических исследований мегаполиса можно рассматривать изучение следующих феноменов: качества жизни и разных видов благополучия (психологическое, социальное, социально-психологическое, эмоциональное, социально-экономическое и т. п.), как отдельных людей, так и социальных групп населения; особенностей субкультуры того или иного района (микрорайона, округа и т. п.); специфики восприятия города жителями разных районов (центр/периферия), ее взаимосвязи с разными видами социальной идентичности жителей мегаполиса; коллективных переживаний жителей разных районов мегаполиса и т. п. Можно также выделить феномены, которые порождаются специфическими условиями про-

живания в мегаполисе и могут представлять большой интерес для исследователей: «знакомый незнакомец», «блазированность» (пресыщенность), амбивалентная городская идентичность и т. п.

Можно привести пример исследования нового феномена – «социально-психологического благополучия личности» в разных условиях проживания человека в мегаполисе (Дробышева, Войтенко, 2017). Специфика разрабатываемого подхода связана с изучением заявленного феномена на этапе первичной социализации личности. Показано, что представления о городе проживания в обыденном сознании маленьких москвичей в большей степени имеют позитивную модальность и в меньшей – негативную. В содержании представлений более всего отражены элементы предметно-пространственной (здания, дороги, транспорт) и природной (деревья) среды города. Наиболее позитивно дети воспринимают те объекты предметно-пространственной и природной среды мегаполиса, которые связаны с их совместным с родителями времяпрепровождением. Городская идентичность детей проявляется в представлениях по изменению тех объектов городской среды, которые снижают их удовлетворенность условиями проживания в мегаполисе (там же).

Данная работа также является продолжением таких исследований благополучия, выполненных сотрудниками лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, как субъективное экономическое благополучие личности (В. А. Хащенко), психологическое благополучие представителей конкретных социальных групп (Т. П. Емельянова), субъективное экологическое благополучие (Н. Н. Хащенко) и др., которые прямо или косвенно затрагивают вопросы жизнедеятельности человека в городской среде, особенно в сложной предметно-пространственной, природной и социальной среде мегаполиса.

В заключение следует отметить, что проведенный анализ психологических исследований, в которых понятие «город» рассматривается в социально-психологическом контексте, позволил выявить *перспективные направления* в современной социальной психологии города. Прежде всего, это междисциплинарные исследования, в которых предметно-пространственная, социальная и природная среда города выступает фактором (условием) становления субъективных качеств личности (группы), проявляющихся в активности человека (группы), взаимодействующего с городом. Здесь наиболее важным видится изучение социальных групп горожан как коллективных субъектов с разными формами группового сознания и поведения. Кроме того, перспективным является продолжение иссле-

дований, в которых город предоставляет жителям потенциальные возможности для реализации базовых ценностей; становления личности; обретения социальной и персональной идентичности; психологического и др. видов благополучия и т. п. Исследования феноменов («знакомые чужие», «очередь», «соседство», «блазированность» и т. п.), порождаемых спецификой коммуникаций в мегаполисе, могут сформировать относительно самостоятельный раздел социальной психологии города.

В связи с нарастанием процессов урбанизации, проблемы взаимодействия человека, социальных групп с условиями проживания в мегаполисе, становятся актуальными с позиции обеспечения их благополучия.

Литература

- Вирт Л.* Избранные работы по социологии: Сборник переводов. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии / Отв. ред. Л. В. Гирко. М., 2005.
- Габидулина С. Э.* Психология городской среды. М., 2012.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе: представления о городе проживания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. № 1. С. 169–189.
- Дробышева Т. В., Журавлёв А. Л.* Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213.
- Ильиных С. А., Табарков А. В.* Мегаполис как объект социологического исследования // Дискуссия. 2016. № 3 (66). URL: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1567>.
- Иконников А. В.* В поисках путей к «очеловеченному» окружению // Линч К. Образ города. М., 1982. С. 5–14.
- Линч К.* Образ города / Под ред. А. В. Иконникова. М., 1982.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Радина Н. К.* Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Н. Новгород, 2015.
- Семенова Т. В.* Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара, 2008.

Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлёв. М., 2016.

Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. СПб., 2004.

To the drafting of the national social psychology of the city: the main stages and directions of research

T. V. Drobysheva, A. L. Zhuravlev** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer,
Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological
Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

The article presents an analysis of the basic stages of formation of a new scientific direction in domestic science – “Social Psychology of the city”. Isolated phenomena subject field, and methodological approaches in the study of consciousness and behavior of citizens, the criteria for the institutionalization of a new scientific field are proposed. The commonality of views of different experts (philosophers, sociologists and psychologists) perception of the city as a system object is done. The urgency of studying the socio-psychological phenomena generated by life conditions of human and groups in the city is considered.

Keywords: social psychology of the city, a systematic approach, the psyche and behavior of citizens, the metropolis, the subject-spatial, natural and social environment of the city.

Память детства: особенности воспоминаний поколения «детей войны»¹

Т. П. Емельянова (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: t_emelyanova@inbox.ru*

В статье поднимается тема коллективных воспоминаний о войне и послевоенных годах представителей поколения «детей войны». Обсуждаются различные подходы к изучению коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Подчеркивается важность обращения к «живым» воспоминаниям о войне. На материале анализа интернет-ресурсов обсуждаются основные темы, затрагиваемые в воспоминаниях представителей поколения «детей войны». В этих воспоминаниях превалирует героико-патриотическая тема. С помощью метода нарративного интервью собраны и проанализированы воспоминания представителей этого поколения о первых послевоенных годах. Обнаруживается, что в них преобладают темы бедности и голода, а также темы помощи семье, товарищества, взаимопомощи и поддержки.

Ключевые слова: коллективная память, поколение «дети войны», патриотизм, раннее взросление, нарративное интервью, человеческие качества.

Коллективная память включает в себя разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе. Коллективная память, являясь социально-психологическим феноменом, не перекрывается исторической наукой и не поглощается исторической институциональной

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00854 «Коллективная память как ресурс конструирования образа будущего у представителей разных поколений россиян».

памятью. Она имеет специфические черты, выполняет важные социально-психологические функции в сознании групп, несет в обычном сознании эмоциональный и нравственный заряд. Можно наблюдать большое разнообразие содержания коллективной памяти о войне в разных поколениях россиян. Отчасти это связано с периодами их политической социализации и ресоциализации, отчасти – с их политическими установками и мировоззрением.

Исследования, посвященные памяти о войне, проводились, как правило, на базе опросов, касающихся отношения респондентов к тем или иным событиям военного времени, полноты знаний о них (Афанасьева, Меркушин, 2005; Саралиева, Балабанов, 2005; и др.). В наших предыдущих работах мы изучали типологию представлений коллективной памяти о войне, существующих в обществе (Емельянова, Мишарина, 2015а), уровневое строение коллективных воспоминаний о войне (Емельянова, Мишарина, 2015б), кросс-культурные различия в памяти о войне (Емельянова, 2002). Между тем такая важная в историко-психологическом плане группа, как «дети войны», не подвергалась специальному изучению. Память этих людей несет в себе непосредственные, «живые» воспоминания, имеющие большую ценность. «Дети войны» – это, по закону РФ, люди, родившиеся с 3 сентября 1927 по 2 сентября 1945 г. включительно, т. е. те, которым на момент окончания Второй мировой войны не исполнилось 18 лет. Именно их детство или подростковый возраст пришлось на военное время. Имея место в личном опыте, их воспоминания сохраняются в «живой» событийной памяти и могут передаваться из поколения в поколение, занимая свое место и в коллективной памяти. В нашей работе мы сосредоточились на анализе наиболее характерных воспоминаний, опубликованных на интернет-сайтах (Дети войны – поколение особое, 2014; Дети войны. Воспоминания, 2016; и др.) и рассказов этих людей, собранных нами непосредственно с помощью метода нарративного интервью.

В исследованиях было показано (Pennebaker, Banasik, 1997), что, если у людей разных возрастов спрашивали, какие исторические изменения или события представлялись им особенно важными, они значительно чаще говорили о событиях, происходивших в их подростковом возрасте. Активное формирование идентичности в этом возрасте во многом определяет социально-психологические характеристики людей в будущем. Именно поэтому детские и подростковые воспоминания о войне ценны для социально-психологической характеристики поколения «детей войны». Как можно видеть из воспоминаний, собранных на тематических сайтах, представители этого поколения в полной мере впитали принципы советской

идеологии той поры. Вера в светлое будущее, в построение общества «для всех», труд ради всеобщего блага и активная мобилизация для борьбы с врагами вошли в ядро их мировоззрения. «Дети войны» выросли раньше, чем их сверстники в мирное время. Нехватка пищи и рабочих рук, голод – в подобных условиях каждый ребенок должен был помогать семье наравне со взрослым человеком. Поэтому «дети войны» оценивались не только окружающими, но и самими собой как взрослые, сформировавшиеся личности, готовые к тяжелой работе и психологически, и физически. В детские игры во время войны не играли. У детей изменились игры, появилась новая игра – в госпиталь. Частыми были случаи, когда семья теряла отца или мать, в таких ситуациях старшие дети полностью принимали на себя опеку над младшими и зачастую «кормили» семью вместо отца. Многим приходилось работать на заводах и в селе на собственных земельных участках, свой даже небольшой урожай позволял выжить и не умереть с голода. С первых дней войны у них было огромное желание хоть чем-нибудь помочь фронту. В тылу дети изо всех сил помогали взрослым во всех делах: участвовали в противовоздушной обороне – дежурили на крышах домов во время вражеских налетов, строили оборонительные укрепления. Дети воевали наравне со взрослыми и в действующей армии, и в партизанских отрядах. И это были не единичные случаи. Таких ребят, по данным советских источников, во время Великой Отечественной войны были десятки тысячи. Ранний труд и активная включенность в экстремальную ситуацию военного времени позволяют говорить о ранней «взрослости» детей того времени.

Исследование с использованием нарративного интервью (Теория и практика нарративного анализа в социологии, 2006) было проведено под руководством автора статьи Д. А. Семибиковым. В применении этого метода важным является то, что рассказчик должен вести повествование на основе своих личных переживаний и воспоминаний. Предполагается, что у рассказчика нет возможности заранее подготовиться к исследованию, т. е. речь идет о рассказе-экспромте. Именно такая форма рассказа была применена в исследовании. Особое внимание придавалось форме построения рассказа, его структуре. Он должен отвечать определенным правилам:

- 1) *Целостность и законченность.* Рассказчик должен заканчивать начатое повествование отдельных сюжетов и эпизодов своей жизни и делать понятной их взаимосвязь для слушателя, тем самым каждый конкретный эпизод получает законченный вид.
- 2) *Сгущение.* Поскольку рассказчик понимает, что в его распоряжении ограниченное количество времени, он вынужден оста-

навливаться только на тех обстоятельствах и событиях своей жизни, которые он считает наиболее значимыми и имеющими решающее значение.

- 3) *Детализация*. Вводя новую тему или говоря о каком-либо частном событии (персоне, явлении, связи между событиями и т. д.), рассказчик старается уточнить и прояснить конкретные обстоятельства (временные, пространственные, каузальные), сопутствующие данному событию.

После того как респондент включился в рассказ, функция интервьюера сводится к роли слушателя и стимулированию продолжения повествования только приемами активного слушания. Пассивная роль интервьюера позволяет рассказчику в наибольшей степени сконцентрироваться на своем жизненном опыте. Обработка текста интервью может иметь характер либо анализа повествования, в котором предполагается «препарирование» текста (удаление частей, перегруппирование кусков с их качественной интерпретацией), либо собственно контент-анализа.

В нашей работе был выбран второй путь: устанавливалась причинно-следственная связь между событиями и социальной ситуацией в обществе, частота упоминания конкретных ситуаций и событий и некоторые эмоциональные реакции, которые могли свидетельствовать о важности конкретного воспоминания. То есть контент-анализ имел не только психологическую, но прагматико-семантическую направленность. Респондентами выступили десять человек, принадлежащих к поколению «детей войны». Предметом исследования были воспоминания респондентов о первых послевоенных годах. Респондентам задавался вопрос: «Какие события вашей жизни первых лет после войны запомнились вам лучше всего?». Этот вопрос становился «нарративным импульсом», который стимулировал рассказчика.

Основные результаты контент-анализа представлены в процентных долях каждой темы от общего числа затронутых тем.

- Бедность и голод, характерные для обсуждаемого периода, – 100%.
- Идея дружбы в отношениях со сверстниками в школе, с друзьями, воспоминания о доброжелательной атмосфере между соседями, взаимной помощи и поддержке – 80%.
- Помощь своим родителям, семье в воспитании младших, в работе по дому, в сельском хозяйстве – 70%.
- Воспоминания, связанные с возвращением солдат и офицеров с фронта, всеобщее ликование, радость их близких – 70%.

- Тяжелые бытовые условия, старая одежда, бедность жилищ, неблагоустроенная жизнь, отсутствие элементарных удобств – 40%.
- Общие усилия по восстановлению производства, которое находилось в том населенном пункте, где жили респонденты, – 30%.

Следует отметить, что для всех респондентов было характерно проявления эмоциональных переживаний, связанных с этими событиями.

Результаты свидетельствуют о том, что условия бедности и голода вспоминаются как определяющие жизнь послевоенного времени всеми респондентами в своих рассказах. Отношение к пище как к величайшей ценности сохранилось у этого поколения до сих пор. Нехватка самого необходимого явилась тяжелым испытанием для детской психики. Однако лишения не ожесточали детей, а делали их более гуманными. По воспоминаниям, когда речь шла о дружбе, в качестве примеров приводились ситуации, когда ребенок делился со своими друзьями едой. Практически все наши респонденты говорили о человеческой солидарности, взаимопомощи, добрых доверительных отношениях с соседями, готовности поддерживать тех, кому еще труднее. Раннее взросление воспитывало в детях ответственность за младших в семье, понимание своей роли в семье как помощника, берущего на себя необходимые хозяйственные заботы. Травмированная войной детская психика, разумеется, ярко запечатлела также и радость, связанную с возвращением фронтовиков. Эти счастливые события отмечали вместе с друзьями, соседями, родственниками.

Заключая, можно отметить, что в этих послевоенных воспоминаниях, по сравнению с памятью военного времени, более значительную долю составляют эпизоды, связанные с повседневной жизнью, ее тяготами и заботами. Тяжелые годы восстановления страны стали суровым жизненным опытом и для детей. В сравнении с послевоенным временем военные воспоминания детей носят во многом героический и патриотический характер: вера в победу, стремление любой ценой внести в нее свой вклад вплоть до побегов на фронт, приписывания себе лет, достаточных для мобилизации, помощь в госпиталях и т. п. По-видимому, в сложных условиях детская психика остро откликается на запрос времени, многие дети, романтизируя опасность, ведут себя самоотверженно. Наше исследование на примере живых воспоминаний показало, что военное и послевоенное время стало фактором объединения общества, проявления лучших человеческих качеств как взрослых, так и детей.

Литература

- Афанасьева Л. И., Меркушин В. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
- Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Отечественная война в памяти трех поколений // СОЦИС. 2005. № 11. С. 29–36.
- Дети войны. Воспоминания. URL: <http://www.voluszn.ru/content-view-40.html> (дата обращения: 21.04.2017).
- Дети войны – поколение особое. URL: <http://www.tarumovka.ru/deti-voynu-pokolenie-osoboe> (дата обращения: 21.04.2017).
- Емельянова Т. П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Представления о Великой Отечественной войне в коллективной памяти // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015а. № 1 (78). С. 61–72.
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Спектр представлений о победе в Великой Отечественной войне у четырех поколений россиян // Вопросы психологии. 2015б. № 2. С. 108–119.
- Теория и практика нарративного анализа в социологии. М., 2006.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М., 2007.
- Pennebaker J. W., Banasik B. L. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah (N. J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 3–19.

Childhood memories: traits of wartime children generation memories

T. P. Emelyanova (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

The article raises the topic of collective memories of the war and the post-war years of representatives of the wartime children generation. Various approaches to the study of the collective memory of the Great Patriotic war are discussed. The importance of referring to “living” memories about the war is underlined. Based on the analysis of Internet resources, the main topics discussed in the memories of the wartime children gen-

eration are discussed. In these memories the heroic-patriotic theme prevails. With the help of the method of narrative interview, the memories of representatives of this generation about the first post-war years were collected and analyzed. It is found that the themes of poverty and hunger prevail in them, as well as themes of family assistance, camaraderie, mutual assistance and support.

Keywords: collective memory, wartime children generation, patriotism, early maturation, narrative interview, human qualities.

Образ России XX века у россиян разных возрастных групп

М. О. Жукова, В. А. Баранова** (Москва)*

** выпускница факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: mari.mash@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры
социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: bva06@mail.ru*

В работе излагаются результаты эмпирического исследования, посвященного выявлению представлений о России XX в. В рамках теории социальных представлений проверяются предположения о том, что у разных возрастных групп респондентов образ России XX в. имеет свои отличия. Представления о России XX в. у россиян разных возрастных групп образованы элементами, имеющими символическую, политическую и геополитическую коннотации. Важнейшее место в образе России XX в. занимает Великая Отечественная война. Наиболее значимыми и часто упомянутыми политическими лидерами является И. В. Сталин, В. И. Ленин, Л. И. Брежнев Н. С. Хрущев. У возрастной группы 19–35 лет образ России разнообразен и не характеризуется единством оценок событий. Старшая возрастная группа, 36–60 лет, уже склонна оценивать события XX в. скорее негативно, а группа от 61 лет идеализирует события прошлого.

Ключевые слова: образ России XX в., социальные представления, содержание социальных представлений, разные возрастные группы, социальная группа.

Постановка проблемы

Изучение образа России на сегодняшний день является актуальным направлением психологических исследований. На наш взгляд, для самих граждан России образ собственной страны является

средством формирования национальной идентичности, определения социальных ценностей, конструирования будущего, поэтому исследования в данной области необходимы для успешного развития гражданского общества.

Большое внимание уделяется анализу образа России в странах, воспринимаемых как центры влияния. Например, в исследовании образа России принимали участие студенты трех стран, воспринимаемых как мировые державы – Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики (Мальшева, Стефаненко, Тихомандрицкая, 2012).

Согласно данному исследованию, можно говорить о следующих выводах: во-первых, в представлениях американских и китайских студентов Россия не является одной из наиболее влиятельных стран в мире (что говорит о тенденции к этноцентризму в выборе мировой державы); во-вторых, представления о России у всех трех групп формируются, исходя из геополитических коннотаций; в-третьих, межкультурные различия проявляются чаще всего при анализе межнациональных конфликтов.

В результате исследования обыденных представлений молодежи о России в современном мире авторы пришли к выводу о том, что наиболее влиятельными странами на момент исследования респонденты считали Соединенные Штаты Америки, Россию, Китай, Японию, Германию, Францию и страны Европейского Союза (в целом). Главенствующая роль отводилась именно США и России, что позволило сделать вывод о биполярности мира. Представления о «многополярном мире» находятся на этапе формирования; образ России строится под влиянием политических и экономических аспектов, культура не является ключевым элементом в структуре представлений (Бовина и др., 2010).

Результаты исследования, направленного на изучение образа россиян, позволили сделать выводы, о том, что образ русского человека зависит от национальности, возраста и территории проживания респондентов. Содержание образа определяется личным опытом взаимодействия с представителями русского народа, информацией в СМИ, элементами коллективной памяти (Емельянова, Паттисон, 2010).

Что касается изучения образа России в исторической перспективе, то, исследуя представления респондентов, родившихся после распада Советского Союза, об СССР и современной России, удалось выявить, что у студентов на момент проведения исследования существовал запрос на единую идею, объединяющую общество. Однако у студентов отсутствовали идеалы и ценности, на которые

они могли бы ориентироваться в жизни, как это было у старшего поколения. СССР представлялся студентам как великая страница в истории России, наполненная дружелюбной атмосферой, взаимопомощью, достижениями и социальными гарантиями (Касама-ра, Сорокина, 2014).

Исследования, посвященные изучению процесса формирования образа России в СМИ, показывают, что в большинстве случаев у человека нет возможности опираться на личный опыт, составляя представление о какой-либо стране. В таком случае в качестве основного инструмента конструирования образа выступает журналист, формирующий повестку дня и способ ее трансляции. Важными представляются исследования, результаты которых отражают позитивные и негативные тенденции в формировании образа России под влиянием рекламы. Так, например, использование в рекламе большого количества иностранных брендов и логотипов отрицательно сказывается на образе страны как экономически независимого государства. Выявлено, что россияне негативно отзывались об использовании образа России в рекламе, в частности, в рекламе алкоголя и табачной продукции. Положительное отношение вызвала реклама, демонстрирующая продукты российского производства или же социальная реклама, упоминающая Россию как мировую державу (Гордякова, 2009).

Столь явный рост интереса к исследованию образа России за последние десятилетия говорит о наличии запроса в обществе на данную тематику.

Процедура и методика исследования

Целью нашего исследования являлось изучение содержания образа России у разных поколений.

Выборку составили 60 человек (30 женщин, 30 мужчин). Возраст: 10 мужчин и 10 женщин в возрасте от 19 до 35 лет; 10 мужчин и 10 женщин в возрасте от 35 до 60 лет; 10 женщин и 10 мужчин старше 60 лет. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации, проживающими в разных регионах страны. Респонденты были разбиты на три возрастные группы: 19–35 лет, 36–60 лет, старше 60 лет.

Методика исследования

Ответы испытуемых каждой возрастной группы на задание «Напишите 5–7 ассоциаций, возникающих у вас при словосочетании Рос-

сии XX века» обрабатывались по методике П. Вержеса (именно ассоциативная методика дает возможность получить символический, имплицитный материал, необходимый для построения образа). Ассоциации были подвергнуты прототипическому и категориальному анализу, опираясь на два параметра: частота появления понятия и его ранг.

Результаты исследования

Всего было собрано 280 ассоциаций. В результате подсчета частоты появления понятий, были выявлены те ассоциации, которые встречаются не менее чем у 5% респондентов.

Зона ядра представлений о России образована элементами: Революция 1917 года, освоение космоса, Великая Отечественная война, СССР. Первая периферическая система образована элементами: мощь, распад СССР, Сталин, технический прогресс. Вторая периферическая система образована элементами: перестройка, социализм, царская Россия, холодная война, репрессии, оттепель.

Вышеуказанные результаты интерпретируются нами следующим образом. Самой высокочастотной и низкой по рангу является ассоциация «революция 1917» (24; 2,1). Это говорит о том, что значительная часть респондентов воспринимает данное событие как самое значимое событие XX в., по итогам которого на свет появилось новое государство, определившее курс развития страны на ближайшие 70 лет.

В зоне ядра представлений о России XX в. также располагается понятие «освоение космоса» (20; 2,1). Данное событие является особым предметом гордости для граждан России. Не менее важным событием в истории России XX в. стала «Великая Отечественная война» (18; 2,2), и респонденты подтверждают в своих ответах, что Великая Отечественная война действительно обладает для россиян наиболее высокой значимостью.

Еще одним понятием, входящим в зону ядра представлений, является понятие «СССР» (16; 2,2). Можно констатировать, что это был не просто исторический период в существовании страны, а отдельная эпоха с особыми идеалами, ценностями и целями.

В периферической системе понятия, формирующие представления о России, конкретизируются следующими элементами: технический прогресс, мощь, распад СССР, Сталин, перестройка, социализм, царская Россия, холодная война, репрессии, Ленин, оттепель.

Результаты данного исследования показывают, что в число значимых фигур XX в. респонденты чаще включают И. В. Сталина (7;

2,3), а не В. И. Ленина (3; 4,2). Мы предполагаем, что причиной этого может служить культ личности (также упоминаемый некоторыми респондентами), вклад в победу в Великой Отечественной войне и репрессии конца 1920–1950-х годов (5; 3,3).

В работах, посвященных исследованию значимых фигур российской истории в коллективной памяти, также можно найти данные, подтверждающие важность фигуры Сталина для россиян. В исследовании Т. П. Емельяновой и А. В. Кузнецовой отмечается, что несмотря на то, что Сталин является одной из самых часто упоминаемых фигур (после Петра I), однако большая часть оценок относительно его личности носит негативный оттенок (Емельянова, Кузнецова, 2013).

Также в зоне периферии располагается понятие «социализм» (6; 3,1). Мы считаем, что социализм упоминается респондентами как воплощение и реализация основной идеологии России XX в., в которой в качестве цели и идеала выдвигается осуществление социальной справедливости, свободы и равенства.

Если в зоне ядра представлений находится понятие «СССР», то в периферии мы выявили уже «распад СССР» (8; 2,5). Для граждан, еще вчера живших в одной стране с определенным строем, нормами и ценностями, переход в другую социально-политическую реальность оказался весьма травмирующим событием, характеризующимся масштабными переменами во всех сферах общественной жизни.

«Царская Россия» (6; 3,4) в XX в. просуществовала 17 лет. В сознании граждан зафиксированы скорее негативные события, связанные с императорским двором: «кровавое воскресенье», конец Дома Романовых, расстрел царской семьи.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что представления о России XX в. у россиян разных возрастных групп образованы элементами, имеющими символическую, политическую и геополитическую коннотации. XX столетие в истории России было богато крупными, значительными, эпохальными событиями, которые лежат в основе социальных представлений о России того времени у наших современников.

Для респондентов *возрастной группы 19–35 лет* образ России XX в. содержательно представлен следующими элементами: Революция 1917 года, В. И. Ленин, И. В. Сталин, сталинские репрессии. Молодое поколение – единственное, которое в своих ответах упоминало события, связанные с царской Россией.

Возрастная группа от 35 до 60 лет в большинстве своем оценивает Россию XX в. негативно. Образ России XX в. включает воспоминания не только о достижениях и победах нашей страны, но и о кровавых деяниях ее политических лидеров. Примечательно, что группа

35–60-летних респондентов чаще других в своих ответах воспроизводила события, связанные с демократизацией и появлением нового государства – Российской Федерации.

Социальная группа старше 60 лет демонстрирует наиболее позитивные представления о России XX в. и проявляет тенденцию к идеализации этого временного периода в целом. Для респондентов из этой возрастной группы Россия XX в. ассоциируется исключительно с Советским Союзом, а упоминания царской России или Российской Федерации являются довольно редкими. Респонденты этого поколения чаще других говорят о различных достижениях Советского Союза, будь то спорт, наука или культура, искусство. Для данной возрастной группы особо важное значение имеют воспоминания о Великой Отечественной войне.

Заключение

Исследуя социальные представления о России XX в., мы выявили, что зона ядра представлений образована следующими элементами: Революция 1917, освоение космоса, Великая Отечественная война, СССР. Представления о России XX в. у россиян разных возрастных групп образованы элементами, имеющими символическую, политическую и геополитическую коннотации.

Важнейшее место в образе России XX в. занимает Великая Отечественная война. Данное событие является самым часто упоминаемым и наиболее конкретизированным. Наиболее значимыми и часто упомянутыми политическими лидерами являются И. В. Сталин, В. И. Ленин, Л. И. Брежнев Н. С. Хрущев.

У разных возрастных групп образ существуют особые, отличные друг от друга образы России XX столетия. У возрастной группы 19–35 лет образ России насыщен различными воспоминаниями, разнообразен в своих проявлениях и не характеризуется единством оценок событий. Молодое поколение еще находится в поисках истины, пытается определить свое собственное отношение к событиям прошлого. В то время как старшая возрастная группа 36–60 лет уже склонна оценивать события XX в. скорее негативно, а группа от 61 года, напротив, идеализирует события прошлого.

Литература

Бовина И. Б., Голынчик Е. О., Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А., Мальшева Н. Г. Обыденные представления молодежи о России в современном мире // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2.

URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Bovina~Stefanenko~Tikhomandritskaya~Malysheva~Golynchik> (дата обращения: 10.06.2017).

Гордякова О. В. Образ России в условиях социально-экономического кризиса // Психологические и психоаналитические исследования М., 2009. URL: npsycho.ru/student/biblioteka/stati-prepodavatelej/obraz-rossii-v-usloviyah-socialno-ekonomicheskogo-krizisa (дата обращения: 10.06.2017).

Емельянова Т. П., Кузнецова А. В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123–129.

Емельянова Т. П., Паттисон А. С. Особенности социальных представлений о русских у жителей Чехии и США // Психологические исследования. 2010. № 5 (13). URL: <http://psystudy.ru/num/2010n5-13/379-emelyanova-pattison13> (дата обращения: 10.06.2017).

Касамара В. А., Сорокина А. А. Представления о прошлом студентов топовых московских вузов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 57–69.

Мальшева Н. Г., Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А. Образ России в многополярном мире: кросс-культурный анализ // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2012. № 2. С. 61–73.

The image of Russia of the 20th century among Russians of different age groups

*M. O. Zhukova**, *V. A. Baranova*** (Moscow)

* Graduate of the Faculty of Psychology of Moscow State University

** Candidate of psychological Sciences, senior research officer of the Department of Social psychology of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow state University

The paper describes the results of an empirical study devoted to the identification of ideas about Russia in the twentieth century. Within the framework of the theory of social representations, the assumptions that among the different age groups of respondents the image of Russia of the 20th century has its differences differ. Representations about Russia of the 20th century among Russians of different age groups are formed by elements that have symbolic, political and geopolitical connotations. The Great Patriotic War is the most important place in the image of Russia of the 20th century. The most significant and often mentioned political leaders are I. V. Stalin, V. I. Lenin, L. I. Brezhnev, N. S. Khrushchev. In the age group

19–35, Russia's image is diverse and not characterized by a unified assessment of events. The older age group 36–60 is already inclined to assess the events of the 20th century rather negatively, and the group of 61 years old, idealizes the events of the past.

Keywords: the image of Russia of the twentieth century, social representations, the content of social representations, different age groups, social group.

Субъективное благополучие как основа социальной стабильности в обществе высокого культурного разнообразия¹

Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова**, Р. С. Шилко*** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой методологии психологии, декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: zinchenko_y@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com*

**** кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: rshilko@mail.ru*

В статье рассматриваются современные теоретические представления об объективном и субъективном благополучии и методы, предназначенные для их измерения. Обосновывается необходимость разработки моделей благополучия, учитывающих культурное многообразие современного общества, не только в международном масштабе, но и в пределах одного государства. Приводятся обобщенные результаты пилотажного исследования субъективного благополучия, проведенного на основе выделенных показателей и индикаторов в нескольких субъектах Российской Федерации с различными социокультурными особенностями. Результаты демонстрируют выраженную социокультурную обусловленность субъективного благополучия, с одной стороны, отражающую специфику объективной социальной ситуации, сложившейся в конкретном регионе, а с другой, определяемую особенностями этнокультурной идентичности проживающего в регионе населения.

Ключевые слова: субъективное благополучие, социальная стабильность, этнокультурная идентичность, социокультурное опосредование.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00109.

Объективное и субъективное благополучие

На протяжении длительного времени в области оценивания социальной стабильности и благополучия населения доминировала совокупность объективных экономических показателей, таких как экономический рост, уровень занятости, величина дохода. В 1930-е годы эта совокупность показателей нашла свое выражение в понятии валового внутреннего продукта, предложенном американским экономистом Саймоном Кузнецом, ставшим впоследствии обладателем Нобелевской премии. Несмотря на признание несомненной значимости данного понятия для экономики, уже во второй половине XX в. исследователи в разных странах начали отмечать кажущееся парадоксальным отсутствие прямой зависимости между уровнем дохода и ощущением людьми счастья, выражающееся в том, что в долговременной перспективе рост уровня валового внутреннего продукта и других связанных с ним экономических показателей не сопровождается ростом уровня счастья (Easterlin et al., 2010).

Попытки преодолеть ограниченность использования чисто экономических показателей для оценки благополучия привели к разработке целого ряда других объективных индикаторов социальной стабильности и развития общества, а также комплексных индексов, таких как индекс человеческого развития (с 1990 до 2013 г. – индекс развития человеческого потенциала), созданный группой известных специалистов на основе концепции Амартии Сена и применяемый ООН для ежегодного сравнения уровня жизни различных стран и регионов. Индекс включает три объективных показателя: 1) ожидаемая продолжительность жизни; 2) уровень грамотности; 3) реальный доход на душу населения по покупательской способности. Используется целый ряд других подобных индексов, среди которых наиболее известны Индекс лучшей жизни (Better Life Index), Индекс социального прогресса Портера (Porter's Social Progress Index), Индикатор подлинного прогресса (Genuine Progress Indicator). Каждый из индексов акцентирует те или иные аспекты, поэтому их значения для разных стран могут существенно отличаться.

Наряду с расширением перечня объективных индикаторов социальной стабильности, благодаря выявленному расхождению между уровнем экономического развития и ощущением счастья, международные организации и исследователи переключили свое внимание с экономических и других объективных показателей на оценивание воспринимаемого благополучия населения, в результате чего возникло и получило широкое распространение понятие «субъективное благополучие» (*англ.* subjectivewell-being – SWB).

Значительный вклад в изучение субъективного благополучия был сделан в психологии, в особенности представителями направления позитивной психологии, которые систематизировали исследования субъективного благополучия, сопоставили теоретические подходы к нему и методы его измерения (Wilson, 1967; Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999). Наряду с понятием субъективного благополучия, были введены и широко используются порой взаимозаменяемые термины «жизненная удовлетворенность», «счастье», «психологическое благополучие». В одних концепциях эти понятия определяются соотношением позитивных (радость, восторг, привязанность, счастье) и негативных (чувство вины, стыд, гнев, депрессия) эмоций и состояний, в других включают в себя целый комплекс составляющих, таких как принятие себя, качество отношений с другими людьми, владение ситуацией, жизненные цели, автономия, личностное развитие, удовлетворенность важными сферами жизни – работой, семьей, здоровьем, референтной группой (Bradburn, 1969; Ryff, Keyes, 1995). В многочисленных исследованиях выявлены факторы, влияющие на субъективное благополучие, среди которых – уровень дохода, возраст, гендерная и расовая принадлежность, наличие работы, уровень образования, степень религиозности, семейное положение, социальная поддержка, определенные жизненные события, вовлеченность в различные виды деятельности, личностные особенности, состояние здоровья.

Представления о субъективном благополучии не являются устоявшимися, и это понятие продолжает обсуждаться и уточняться. Серьезные трансформации в его понимании произошли после перехода от изначального рассмотрения субъективного благополучия только в его связи с отсутствием негативных явлений в жизни человека (болезней, проблем и т. д.) к признанию определяющей роли наличия позитивных аспектов. Содержательно современное понимание субъективного благополучия включает два основных компонента – эмоциональное благополучие (переживание удовлетворенности, счастья) и позитивное функционирование (независимость, личностный рост и т. д.) (Ryan, Deci, 2001).

Большинство экспертов признают сегодня бесспорной необходимость принимать во внимание, как объективный, так и субъективный аспекты благополучия человека. Даже при оценивании экономического благополучия, наряду с объективными показателями (прожиточный минимум, степень экономического неравенства, богатство и бедность), учитывается восприятие индивидом собственного материального благополучия, которое является результатом сравнения человеком своего социального статуса с его притязаниями

и потребностями (Хашченко, 2011). Учет субъективных показателей позволяет объяснить тот факт, что разные люди с одинаковым материальным доходом по-разному оценивают свое экономическое благополучие. По сути, не столько объективное, сколько субъективное экономическое благополучие лежит в основе социальной стабильности.

Признание важности субъективного компонента благополучия человека и общества, наряду с объективным, привело к созданию инструментов, учитывающих оба аспекта, например, Международного индекса счастья (Happy Planet Index), который включает в себя оценку субъективной удовлетворенности людей своей жизнью. Согласно данным, первое и второе места по уровню счастья занимают такие страны, как Коста-Рика и Мексика, тогда как, например, Россия и США не попадают даже в первую сотню (см. Happy Planet Index: <http://happyplanetindex.org>).

Таким образом, результаты измерения благополучия, полученные посредством различных инструментов, часто противоречат друг другу, вызывая сомнения в обоснованности используемой методологии, способов измерения и в том, что значения индексов отражают реальное состояние.

Социокультурное опосредование субъективного благополучия

Одним из направлений критики используемой при оценивании благополучия методологии и связанных с ней измерительных методов является обвинение разработчиков в отсутствии или недостатке внимания к существующим в мировом масштабе культурным различиям и культурному разнообразию. Данный пробел можно отнести к одному из ключевых факторов, затрудняющих оценивание и сравнение степени благополучия населения разных стран и регионов. В ответ на критику появилось несколько культурно чувствительных моделей и методов оценивания благополучия, пытающихся учитывать социокультурное опосредование восприятия благополучия, счастья, успеха и т. д. В психологических и социологических исследованиях также все большее внимание уделяется взаимосвязи субъективного благополучия с культурными особенностями и ценностями. В то же время попытки учитывать социокультурный контекст сталкиваются с серьезными препятствиями, связанными с изначально господствующим в этой области западноевропейским и североамериканским этноцентризмом.

Во-первых, большинство методов изучения и измерения субъективного благополучия разработано в контексте западных пред-

ставлений о счастье, жизненной удовлетворенности, психологическом и физическом здоровье. Не учитывается тот факт, что эти представления могут варьировать от культуры к культуре. Жизненные ценности, достижение которых способствует ощущению счастья и удовлетворенности в западной культуре, – независимость, индивидуальный успех и т. д., не имеют такого же значения в восточных, или коллективистских, культурах, где на первый план выходит группа, семья, взаимозависимость.

Во-вторых, в качестве одного из важнейших показателей субъективного благополучия рассматривается соотношение позитивных и негативных эмоций. В то же время выявлено, что некоторые эмоции, которые считаются негативными, с точки зрения их роли в субъективном благополучии в западном контексте, могут играть положительную роль в субъективном благополучии в восточных культурах. К таким эмоциям, например, относится пессимизм, который в классификации М. Селигмана рассматривается как слабая сторона личности, но который в азиатской культуре способствует поведению, направленному на решение проблем, а не приводит к депрессии (Magyar-Moe et al., 2015). Таким образом, классификации эмоций, разработанные с позиций традиционных западных ценностей, не могут служить основой для оценивания субъективного благополучия в других культурах.

В-третьих, некоторые индикаторы субъективного благополучия могут иметь разную степень значимости в разных культурах. Так, отмечается, что переживаемые эмоции, хотя и важны, но в целом вносят меньший вклад в субъективное благополучие в восточных культурах по сравнению с западными.

Необходима дальнейшая разработка моделей изучения благополучия, учитывающих культурное многообразие современного общества, как в международном масштабе, так и в пределах одного государства (Солдатов, Шайгерова, 2016). Культурно-исторический подход Л. С. Выготского может стать важной методологической платформой, позволяющей осмыслить социокультурный контекст как среду, преломляющую объективное отражение действительности в субъективном представлении личности.

Исследование субъективного благополучия в различных субъектах РФ

Сравнительное исследование субъективного благополучия было проведено нами в 2015 г. в следующих субъектах РФ: Кемеровской и Ростовской областях, Республике Дагестан, Республике Крым

и г. Севастополе. Всего было опрошено 387 человек (248 женщин и 139 мужчин) в возрасте от 15 до 83 лет.

Целью исследования была разработка системы показателей субъективного благополучия и ее апробация, позволяющая рассмотреть влияние социальной ситуации и этнокультурной идентичности на субъективное благополучие.

Для изучения субъективного благополучия были определены следующие показатели: субъективная оценка социальной стабильности общества в целом; субъективная оценка социальной стабильности в различных сферах жизни общества; восприятие степени безопасности в различных жизненных сферах; субъективная оценка собственного материального положения; уровень толерантности к различным социальным группам и категориям. Для каждого показателя были разработаны специальные индикаторы. Предварительно были проанализированы объективные показатели социальной стабильности и их индикаторы в рассматриваемых субъектах Российской Федерации (Шайгерова, Шилко, Зинченко и др., 2016).

Сравнительный анализ результатов выявил значимые различия в субъективном благополучии респондентов по всем рассматриваемым показателям в зависимости от региона проживания. Приведем лишь некоторые из полученных результатов.

Уровень социальной стабильности общества в целом наиболее негативно оценивается жителями Кемеровской области, где 64% опрошенных считают состояние общества напряженным, тогда как в других регионах этот показатель не превышает 40%, а в Крыму составляет не более 20%.

Сравнение восприятия *социальной стабильности в различных сферах общественной жизни* (37 актуальных проблем, степень беспокойности каждой из которых оценивалась по шкале от 1 до 4), наряду с общими для всех регионов тенденциями, выражающимися в беспокойности материальными проблемами и недовольстве системой здравоохранения, выявило региональную специфику: так, в Дагестане еще большее беспокойство, чем материальные проблемы, вызывает угроза терроризма (M=3,63); в Кемеровской области на третьем месте по значимости – проблема экологии (M=3,59); крымчан в большей степени волнует состояние инфраструктуры (транспорт, дороги, коммуникация) (M=3,29). Наличием проблем в российском обществе в целом больше всего обеспокоены жители Дагестана (M=3,18), а наименьшую обеспокоенность различными проблемами демонстрируют крымчане (M=2,8).

Проблема безопасности больше всего беспокоит жителей Кемеровской области (M=1,77), меньше всего – жителей Крыма (M=1,4).

Кузбассовцев значительно больше волнует безопасность в Интернете (M=2,19), в стране (M=2,15), в своем районе (M=2,11) и в городе (M=2,03), тогда как, например, жители Ростовской области, по сравнению с другими, чувствуют себя в меньшей безопасности за границей, на месте учебы и работы.

Субъективное материальное благополучие ниже всего оценивается жителями Кемеровской области, где третья часть респондентов на вопрос о материальном положении выбирает ответ «ниже среднего», тогда как в остальных регионах такой ответ выбирают лишь от 10 до 15% респондентов.

Сравнение *степени толерантности по отношению к различным группам* продемонстрировало наиболее интолерантное отношение к другим группам в Кемеровской области (M=2,11). Наибольшей толерантностью в целом отличаются респонденты из Дагестана: по большинству параметров они оценивают степень чуждости других групп как менее значимую (M=1,73). Для крымчан важнейшей основой для интолерантности оказываются разные политические взгляды, а также принадлежность к разным социальным группам.

Заключение

Предварительный сравнительный анализ объективных показателей социальной стабильности и субъективного восприятия социальной стабильности в нескольких регионах России показал, что для изучения социальной стабильности необходимо учитывать оба ряда показателей: субъективное восприятие зачастую расходится с реальным положением, так как оно может определяться другими ситуативными или диспозиционными факторами. Исследование субъективного благополучия респондентов в нескольких субъектах РФ и его сравнение с объективными показателями позволило выявить целый ряд различий, обусловленных региональной спецификой. Можно предположить, что в одних случаях выявленные различия отражают объективные условия, тогда как в других – особенности менталитета и этнокультурной идентичности населения, проживающего в разных регионах одной страны с высоким этнокультурным разнообразием. Влияние этнокультурной идентичности на субъективное благополучие в межрегиональном контексте в пределах одного государства имеет высокую практическую значимость с точки зрения социальной стабильности общества, но до настоящего времени остается практически неизученным.

В качестве ситуативных факторов могут выступать конкретные события в регионе в данный временной отрезок, тогда как диспозиционными факторами являются особенности, связанные с этнической, культурной, конфессиональной принадлежностью, неизбежно оказывающие влияние на психологию личности, группы и социально-психологические процессы в обществе в целом.

Литература

- Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А.* Психология межкультурной коммуникации и этнокультурная гетерогенность общества: перспективы развития с позиций отечественной гуманитарной науки // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Смоленск, 2016. С. 42–45.
- Хащенко В. А.* Субъективное экономическое благополучие: измерение и типология. М., 2011.
- Шайгерова Л. А., Шилко Р. С., Зинченко Ю. П., Ушков Ф. И., Черный Е. В., Макарчева Е. Б., Горшкова С. В.* Показатели социальной стабильности: проблема разнообразия и поиск принципов систематизации // Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России / Под ред. Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгеровой. В 2 т. Т. 1. М., 2016. С. 76–149.
- Bradburn N. M.* The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1969.
- Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L.* Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. V. 125. № 2. P. 276–302.
- Easterlin R. A., McVey L. A., Switek M., Sawangfa O., Smith Z. J.* The happiness-income paradox revisited // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. V. 107 (52). P. 22463–22468.
- Magyar-Moe J. L., Owens R. L., Conoley C. W.* Positive Psychological Interventions in Counseling // The Counseling Psychologist. 2015. V. 43. № 4. P. 508–557.
- Ryan R. M., Deci E. L.* To be happy or to be self-fulfilled: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual Review of Psychology / Ed. S. Fiske. 2001. V. 52. P. 141–166.
- Ryff C. D., Keyes C. L. M.* The Structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 69. № 4. P. 719–727.
- Wilson W.* Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin. 1967. V. 67. P. 294–306.

Subjective Well-Being as the Foundation of Social Stability in a Society of High Cultural Diversity

*Y. P. Zinchenko**, *L. A. Shaigerova ***, *R. S. Shilko**** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, member of the Russian Academy of Education, Dean of the faculty of psychology, Lomonosov Moscow state University

** Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow state University

*** Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow state University

In this article, we discuss conceptualizations of objective and subjective well-being and methods for their measurement. There is a necessity of modelling well-being in adaptation to the cultural diversity of the contemporary society, not only internationally, but also within countries. The article provides a summary of the results from the pilot study of subjective well-being, based on selected indicators and indicators in several districts of the Russian Federation with various socio-cultural characteristics. Results demonstrate an evident sociocultural mediation of subjective well-being, on one hand, reflecting the specificity of the objective social situation in a particular region, and on the other hand, defined by the distinctiveness of the ethnocultural identity of the region's population.

Keywords: subjective well-being, social stability, ethno-cultural identity, socio-cultural mediation.

Воздействие финала фильма ужасов на когнитивную и аффективную сферу зрителей

М. В. Зубакин (Пермь)

*старший преподаватель кафедры психологии развития,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет;
e-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru*

Приводятся результаты эмпирического исследования различий в психосемантических оценках и депрессии зрителей фильмов ужасов с разными сюжетными финалами: положительным и отрицательным. В первом случае отрицательные персонажи повержены активными действиями главного героя, преодолевшего свой страх. Во втором все положительные персонажи погибли от активных действий отрицательных персонажей. В исследовании приняли участие 236 студентов вузов Перми в возрасте от 18 до 24 лет, из них 113 юношей и 113 девушек. Фильмы оценивались респондентами семантическим дифференциалом Ч. Осгуда, а также у них измерялась депрессия вопросником депрессии А. Бэка. Одной половине испытуемых предъявлялся фильм с положительным финалом, а другой – с отрицательным. Было обнаружено, что различия в психосемантических оценках фильмов с разными финалами менее значительны, чем по показателям депрессии. Факторные структуры психосемантических оценок фильмов с разными финалами были различны, как и структуры показателей депрессии. Вероятно, сложное когнитивно-аффективное состояние зрителей после фильмов ужасов с отрицательным финалом, является важной причиной для выбора их к просмотру.

Ключевые слова: фильмы ужасов, сцены насилия в кинофильмах, семантический дифференциал, депрессия.

Введение

Проблема влияния насилия в СМИ и, в частности, художественных фильмах, не теряет своей актуальности (Винтерхофф-Шпрук, 2016). Настоящая работа является продолжением линии исследований психосемантического оценивания зрителями фильмов со сценами насилия, а также изменений их эмоционального состояния после просмотра таких фильмов (Дорфман, Зубакин, 2012; Зубакин, 2012, 2016). Эти исследования выполнялись в рамках идей психосемантики (Петренко, 2009). Кроме того, использовалась когнитивная концепция депрессии А. Бэка и соавторов (Бек, Раш, Шо, Эмери, 2003), согласно которой депрессивные когнитивные схемы и соответствующие им аффективные реакции могут активироваться специфическими стимулами, в том числе, фильмами ужасов. В предыдущих работах изучались изменения семантического пространства и депрессии зрителей после фильмов ужасов в сравнении с мелодраматическими фильмами без сцен насилия. Было обнаружено, что зрители оценивают фильмы ужасов как менее привлекательные, но как более сильные и активные. Также было выявлено снижение по ряду показателей депрессии и взаимодействие этих показателей с психосемантическими оценками фильмов. Эти результаты свидетельствовали в пользу гипотезы катарсиса, которая объясняет привлекательность фильмов со сценами насилия для зрителей. Однако при изучении эффектов фильмов ужасов не учитывался такой фактор, как сюжетная развязка, финал фильма. Вместе с тем, этот фактор может влиять на впечатление зрителей о фильме, что было отмечено рядом исследователей (например: Mares et al., 2008).

Организация и методический инструментарий исследования

Целью настоящего исследования являлось выявление того, может ли фактор финала фильма влиять на впечатление зрителей фильмов ужасов, или, по-другому, обнаружатся ли значимые различия в показателях оценки и эмоционального состояния зрителей после просмотра фильмов ужасов с различным финалом.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что фактор финала фильма окажет значимое влияние на переменные семантических оценок и эмоциональное состояние зрителей.

Выборку исследования составили 236 студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и Пермской государственной академии искусства и культуры, в том чис-

ле 113 юношей и 113 девушек в возрасте от 18 до 22 лет ($M=19,36$, $SD=0,85$).

Процедура исследования

В исследовании использовались похожие по эстетике и сюжету фильмы ужасов, однако с разными финалами: «Техасская резня бензопилой» (реж. М. Ниспел, 2003) и «Техасская резня бензопилой. Начало» (реж. Д. Либесман, 2006). В первом фильме в финале отрицательные персонажи побеждены или наказаны, а главная героиня преодолела свой страх и победила отрицательных персонажей активными действиями; добро победило. Условно можно назвать такой финал «положительным». Во втором фильме в финале отрицательные персонажи побеждают, а все положительные герои погибают; зло торжествует. Условно такой финал можно назвать «отрицательным».

Участники исследования в смешанных по полу группах (численностью от 5 до 15 человек) в ходе отдельных сессий просматривали в случайном порядке один из этих фильмов. Первый фильм просматривали 113 участников исследования, второй также 113 студентов. При обработке данных пропущенные значения по отдельным переменным уменьшали количество случаев, которые использовались в статистических анализах.

Методика исследования

Фильмы оценивались участниками исследования стандартным 25-пунктным вербальным семантическим дифференциалом (СД) Ч. Осгуда в адаптации А. М. Эткинда (1979). Методика позволяет измерить субъективное и аффективное значение стимулов, категоризируемое по шкалам Оценки, Активности, Силы. Также после просмотра фильмов у участников измерялось состояние эмоциональной подавленности при помощи вопросника депрессии А. Т. Бека в переводе И. А. Бенза (2002). Вопросник изучает проявления депрессии в виде перечня наличия или отсутствия 21 ее симптома (настроение, пессимизм, чувство несостоятельности, неудовлетворенность, чувство вины, ощущение предстоящего наказания и т. п.). Кроме того, изучается агрегированный показатель депрессии, который вычисляется суммированием пунктов. Результаты вопросника рассматриваются, как с клинических, так и психометрических позиций. В данной работе его результаты рассматривались с психометрических позиций, поскольку выраженность симптомов определялась в количественном виде.

Различия в психосемантических оценках и шкалах депрессии изучались при помощи межгруппового Т-критерия Стьюдента. В качестве межгруппового фактора выступал один из видов финала фильма ужасов – положительный или отрицательный. Также отдельные психосемантические оценки подвергались процедуре эксплораторного факторного анализа в подгруппах, которые просматривали фильмы с различными финалами. Результаты факторного анализа сравнивались аналитически. В соответствии с идеей В. Ф. Петренко (Петренко, 2009), количество факторных структур может говорить о разной категориальной структуре индивидуальных значений, которая описывает тот или иной субъективный феномен. В нашем случае таким феноменом является субъективное отношение зрителя к фильму ужасов.

Результаты исследования

Были обнаружены следующие статистически значимые различия по отдельным шкалам СД между фильмами ужасов с разными финалами. Фильм ужасов с положительным финалом оценивался зрителями как менее гладкий ($t=-2,55$, $p<0,01$) и менее унылый ($t=2,58$, $p<0,01$). Кроме того, фильм ужасов с положительным финалом оценивался как более активный ($t=3,02$, $p<0,01$), быстрый ($t=2,41$, $p<0,05$) и острый ($t=2,47$, $p<0,05$).

Статистически значимые различия в психосемантических оценках фильма ужасов с положительным и отрицательным финалом были обнаружены только по шкале-фактору Активность ($t=2,77$, $p<0,01$). Психосемантические Оценка и Сила фильмов с разными финалами статистически значимо не различались.

Выявлены следующие статистически значимые различия по отдельным симптомам депрессии после просмотра фильмов с разными финалами. После фильма ужасов с положительным финалом, по сравнению с негативным финалом, у зрителей было выше настроение ($t=-3,59$, $p<0,001$) и слезливость ($t=3,17$, $p<0,01$). Однако были меньше пессимизм ($t=-3,10$, $p<0,01$), чувство несостоятельности ($t=-3,85$, $p<0,001$) и неудовлетворенности ($t=-2,47$, $p<0,01$). Также ниже были отвращение к себе ($t=-4,73$, $p<0,001$), суицидальные мысли ($t=-3,01$, $p<0,01$), раздражительность ($t=-2,08$, $p<0,05$), ощущение нарушения социальных связей ($t=-5,21$, $p<0,001$), изменение образа тела ($t=-5,30$, $p<0,001$), нарушения сна ($t=-2,22$, $p<0,05$) и потери веса ($t=-2,93$, $p<0,01$). Агрегированный показатель депрессии при этом статистически значимо не различался у зрителей в зависимости от финала фильма ужасов.

Полученные результаты могут свидетельствовать о следующем. Семантическое пространство зрителей в плане эмоциональной оценки и восприятия силы воздействия после фильма ужасов мало различается в зависимости от вида финала кинопроизведения. Однако отрицательный финал, по сравнению с положительным финалом, фильма ужасов, все же оставляет зрителя в более активном, возбужденном состоянии. В отношении депрессии зрителей наблюдается гораздо больше различий. Отрицательный финал, по сравнению с положительным финалом, фильма ужасов в большей степени связан с плохим настроением, слезливостью, пессимизмом, раздражительностью, ощущениями несостоятельности и неудовлетворенности, отвращения к себе, нарушения социальных связей и одиночества. Зрителям больше приходят суицидальные мысли, у них меняется отношение к собственному телу, они ощущают его как более легкое, их одолевают мысли о бессоннице. При этом общий показатель депрессии в зависимости от финала фильма не отличался.

Факторный анализ показал, что психосемантические оценки фильмов с положительным финалом объединяются в 6 факторов (с долей объяснимой дисперсии, далее ДОД: 63,23%), а с негативным финалом – в 7 факторов (ДОД: 66,95%). Психосемантические оценки обоих фильмов группируются в смешанные факторы, а не распадаются по классическим шкалам-факторам Оценки, Активности и Силы. При этом содержательно факторные структуры психосемантических оценок больше различны, чем схожи. А также смешение в факторной структуре психосемантических оценок фильма с отрицательным финалом было меньше.

Факторный анализ показателей депрессии зрителей после фильмов с разными финалами также обнаружил различия в факторных структурах. После фильма с положительным финалом показатели депрессии объединились в 7 факторов (ДОД: 65,73%), а после фильма с отрицательным финалом – в 6 факторов (ДОД: 60,73%). Структура факторов показателей депрессии частично совпала и частично различалась.

В контексте теории управления настроением (Zillmann, 1989) можно предположить, что зрители предпочитают фильмы ужасов с разным финалом для того, чтобы погружаться в сложное когнитивно-аффективное состояние, которое характеризуется одновременно эмоциональным напряжением и повышенным уровнем активации после просмотра. Фильмы ужасов с отрицательным финалом являются привлекательными в том случае, если зритель хочет добиться состояния активации, возбуждения на фоне эмоциональной

подавленности, неудовлетворенности, ощущения одиночества, несостоятельности и т. д.

Заключение

Проведенное исследование показало, что вид финала фильма ужасов в большей степени влияет на эмоциональное состояние зрителей, которое связано с проявлениями депрессии, чем на семантические оценки фильма. Однако различия в структурах психосемантических оценок фильма и показателей депрессии поддерживают предположение об эффектах разного финала и на когнитивную и аффективную сферу зрителей. Возможно, именно этот эффект позволяет зрителям выбирать к просмотру фильм ужасов с тем или иным финалом.

Литература

- Бенз И. А. Опросник депрессии Бека // Шкалы для оценки депрессии. М., 2002. С. 16–19.
- Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб., 2003. С. 7–22.
- Винтерхофф-Шпрук П. Медиapsихология. Основные принципы. Харьков, 2016.
- Дорфман Л. Я., Зубакин М. В. Психосемантическая оценка сцен насилия в художественных кинофильмах, и депрессия зрителей // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». Челябинск, 2012. Вып. 17. № 19 (278). С. 20–29.
- Зубакин М. В. Сцены насилия в кинофильмах и депрессия зрителей // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: Материалы XV Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (29–30 ноября 2012 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2012. С. 350–355. URL: <http://www.uresearch.psu.ru/main>.
- Зубакин М. В. Семантическое оценивание кинофильмов (на материале жанров «мелодрама и хоррор») // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Материалы международного конгресса, посвященного 80-летию со дня рождения А. А. Леонтьева (Москва, 23–26 мая 2016 г.). Ч. 2 / Ред. коллегия: А. Г. Асмолов (отв. ред.), Д. А. Леонтьев, А. А. Леонтьева. М., 2016. С. 89–90.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб., 2009.

- Эткинд А. М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 17–27.
- Mares M. L., Oliver M. B., Cantor J. Age differences in adults' emotional motivations for exposure to films // Media Psychology. 2008. V. 11. P. 488–511.
- Zillmann D. Mood management through communication choices // American Behavioral Scientist. 1988. V. 31. № 3. P. 327–341.

The effect of horror film final on cognitive and affective spheres of the audience

M. V. Zubakin (Perm)

Senior lecturer of the Department of developmental psychology,
Perm state national research University

The aim of the research is to answer the question: why do horror films attract the audience? For the study two kinds of horror films were selected: with “good” or “bad” narrative finals. In the film with “good” final the protagonist wins the struggle with his own fear; and all villain-like characters are defeated by his own successful actions. In the film with “bad” final villain-like characters kill all protagonists, it is Evil’s victory. 236 students at the age of 18–22 years, 113 males and 113 females, took part in the research. Participants were randomized into two experimental groups, each of 113 persons: one watched film with “good”, the other with “bad” final. After watching each participant completed two questionnaires: semantic differential (C. Osgood) and questionnaire of depression (A. Beck). A number of group sessions were conducted, each with 10–15 persons including both males and females. T-test and Exploratory Factor analysis were used to investigate differences between the groups in film semantic evaluations and the variables of depression. It was established that semantic evaluations of films with different finals didn’t show considerable differences between groups. Only film Activity with “bad” final was higher than film Activity with “good” final. However, the groups significantly differed by the depression variables. In the group watching film with “bad” final the depression variables were higher in comparison with the group watching film with “good” final. Different factors structures of semantic evaluations and depression variables were found in the groups watching different kinds of films. Probably, the audience choice of horror film is made on the basis of its effect on cognitive and affective spheres which was found in the research.

Keywords: horror movie, media violence, semantic differential, depression.

Поколение эгоистичных конформистов: современные тенденции социализации молодежи

П. А. Кисляков (Москва), Е. А. Шмелева** (Иваново)*

** доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии Российского государственного социального университета; e-mail: pask.81@mail.ru*

*** доктор психологических наук, доцент, заместитель директора Шуйского филиала Ивановского государственного университета; e-mail: noc_shmeleva@mail.ru*

В статье актуализируется проблема формирования у подрастающего поколения просоциального поведения как важного фактора социализации. Показано, что в современных условиях произошла трансформация ценностных ориентаций и Я-концепции с установлением индивидуализма и эгоцентризма, некогда чуждых российскому обществу. В статье представлены результаты исследования показателей социализации молодежи: просоциальность (альтруизм) и эгоцентризм, конфликтоустойчивость и агрессивность, внушаемость и конформизм, готовность к риску, социальная толерантность. Проведенное исследование позволило выявить высокий уровень эгоцентризма и низкий уровень альтруизма у большинства студентов, а также высокий уровень конформизма. В студенческой среде наблюдается тяготение к конвенциональной идентичности – конвенциональным нормам (нормы-соглашения, нормы-правила). Данные тенденции могут привести к серьезным дисфункциональным последствиям для индивида и общества в целом.

Ключевые слова: просоциальное поведение, альтруизм, эгоцентризм, конформизм, социализация, молодежь.

Постановка проблемы

Негативные социокультурные трансформации, происходящие в современном обществе, и, как следствие, психологическая трансфор-

мация личности и ее образа жизни настоятельно требуют поиска путей и разработки процесса формирования просоциального поведения (prosocial behavior) подрастающего поколения, включая альтруизм, гуманистическую позицию, толерантное сознание и пр. В современной социокультурной практике процесс социализации, формирования социальной идентичности (национальной, гражданской, религиозной, политической и пр.) молодого поколения осложняется потребительским отношением к жизни многих молодых людей; недостаточным уровнем из социальной защищенности, выражающемся в трудностях материального, бытового порядка; размыванием традиционных нравственных ценностей (Журавлёв, Ушаков, Юревич, 2017; Кисляков, 2015; Стрункина, Шмелева, 2015). Присутствующая в российском обществе западная идеология индивидуализма способствовала развитию у молодого человека стремления к саморазвитию, самоактуализации, самореализации, личностной свободе и независимости, в то время как коллективизм, свойственный отечественной культуре и образованию, формировал отношения взаимозависимости, связи с сообществом. В итоге в последние десятилетия произошли серьезные изменения в общественном сознании, проявляющие в утверждении индивидуалистических тенденций (Kislyakov, 2015). Со стороны государства стало проявляться уважение к активной жизненной позиции современного молодого поколения, его независимости, желанию выделиться и продвигнуться в обществе. Безусловно, утверждение этой ценности при воспитании молодежи выступает фундаментом социально-политического и экономического развития, но в России индивидуальная самореализация стала приобретать и деструктивный характер. Современная молодежь, ориентированная на свое «Я», собственные потребности и интересы, личный комфорт, зачастую не интересуется проблемами своего Отечества, своих соотечественников, близких и знакомых людей. Вице-президент РАО, академик Д. И. Фельдштейн в докладе на общем собрании Российской академии образования 18 декабря 2012 г., характеризуя проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI в., приводит следующий пример: «Один старшеклассник выложил в социальной сети следующий пост: „Если завтра начнется война – я немедленно сдамся в плен“, – чем вызвал массу восторженных откликов. Что перед нами – эпатаж? Возможно. Однако, по данным различных социологических опросов, более половины опрошенных старшеклассников готовы уехать из России при первой же возможности» (Фельдштейн, 2012, с. 52). И таких примеров можно привести немало.

По данным социологического опроса, проведенного Центром социального прогнозирования в мае 2009 г., только 7,7% опрошенных готовы «безоговорочно» пожертвовать своими личными интересами, если это будет необходимо для блага страны.

Образцом для молодежи зачастую служит агрессивное поведение, сопровождающееся ощущением вседозволенности. Библийские заповеди «Возлюби», «Помоги ближнему» забыты: слабому не помогают, а пытаются использовать его беспомощность в своих интересах. По мнению Н. К. Смирнова, пронизывая школу, этот безнравственный прагматизм подвергает наибольшему разрушению именно неокрепшие детские души (Смирнов, 2005). Таким образом, ценности собственного благополучия, а также концентрация внимания только на своих потребностях в сознании молодежи стали приоритетными. Доминирование индивидуалистских ценностей ограничивает социальные перспективы страны, потому что в «эгоистическом пространстве» нет места духовному богатству (Калясина, 2009). Как результат – современное молодое поколение нашего общества оказалось разделенным на множественные общественные, социальные, политические, национальные и религиозные группы, что существенно ослабило обеспечение национальной безопасности государства в целом.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью проведенного нами эмпирического исследования являлось выявление у студенческой молодежи уровня развития следующих показателей социализации: просоциальность (альтруизм) и эгоцентризм, конфликтоустойчивость и агрессивность, внушаемость и конформизм, готовность к риску, социальная толерантность.

Выборку исследования составили 112 студентов, обучающихся по направлениям подготовки бакалавриата «Педагогика», «Психология», «Психолого-педагогическое образование». Средний возраст респондентов – 19 лет.

Методики исследования

Исследование уровня *просоциальности* студентов осуществлялось с использованием методики «Диагностика личностной установки альтруизм–эгоизм» и методики «Диагностика личностного эгоцентризма» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов).

Для диагностики общего уровня *социальной толерантности* студентов был использован экспресс-опросник «Индекс толерантности», разработанный группой психологов центра «Гратис» под ру-

ководством Г. У. Солдатовой. Три субшкалы опросника направлены на диагностику следующих аспектов толерантности: этнической толерантности (отношение к людям иной расы и этнической группы), социальной (отношение к меньшинствам, нищим, психически больным людям), а также толерантности как черты личности (готовность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству).

Для оценки *критичности мышления* использовалась методика О. П. Елисеева «Оценка суггестивности (внушаемости)».

Диагностика *конформизма* осуществлялась с помощью методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (Шкала склонности к преодолению норм и правил) (А. Н. Орёл).

Для определения у студентов уровня *конфликтоустойчивости* использовалась одноименная методика (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов).

Также выявлялся уровень *агрессивности* у студентов с помощью методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (Шкала склонности к агрессии и насилию) (А. Н. Орёл).

Результаты исследования

Выявлены высокий уровень эгоцентризма и низкий уровень альтруизма у большинства студентов, что соответствует обозначенным нами в теоретическом анализе тенденциям роста индивидуализма в российском обществе.

Данные проведенного исследования показали, что у большинства студентов толерантность выражена на среднем уровне. Анализ структуры толерантности позволил выявить наибольший уровень развития этнической и социальной толерантности. В меньшей степени у студентов развита толерантность как личностная черта.

Проведенное исследование показало, что только около половины студентов имеют низкий уровень внушаемости. При этом внушаемость соотносится с таким социально-психологическим показателем личностного развития, как конформизм. Конформизм может проявляться не только в следовании общепринятым социальным нормам, но и в приобщении к деструктивным идеологиям под влиянием реального или воображаемого (информационного) давления. Результаты диагностики конформизма у студентов показали, что большинство студентов можно отнести к конформному типу личности.

Исследование показало, что только у 10% студентов на высоком уровне развита конфликтоустойчивость; каждый третий студент склонен к агрессии.

Проведенный корреляционный анализ по критерию Пирсона (при $p < 0,005$) выявил наличие связи между показателями конформизма и эгоцентризма на высоком уровне достоверности. Данный факт свидетельствует о том, что в студенческой среде наблюдается тяготение к конвенциональной идентичности, конвенциональным нормам (нормы-соглашения, нормы-правила). Студенты в целом разделяют национальные интересы, идеи гражданского патриотизма и любви к Родине, проявляют сопричастность к национальной культуре, в том числе религии. Они готовы принимать участие в массовых мероприятиях («День народного единства», «День Победы», «Крымская весна» и пр.), движениях (волонтерство, «Православная молодежь», «Молодая гвардия» и пр.). Однако, как правило, такие групповые акции используются студенческой молодежью для достижения личных целей, соответствующих принятым в их референтной группе нормам (получение образования, материальная помощь, карьерный рост и пр.). Данный факт согласуется с данными опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения. Они показывают, что около 60% россиян считают себя гражданами страны и гордятся ее историей (90%) и культурой (88%), сильной армией (90%), наукой (82%), спортом (75%) и позицией России на международной арене (72%).

Полученные нами результаты соответствуют тенденциям, выявленным в исследованиях европейских социологов. Мониторинг, который более 25 лет проводит американский социолог, профессор Р. Инглехарт, показывает, что в демократических странах с высоким уровнем экономического развития происходит неуклонный рост значимости «постматериалистических» ценностей – возможности свободно выбирать стиль жизни и выражать себя (Inglehart, 2000). По мнению У. Бека, у новых поколений сильно развита мораль, и она не ограничивается национальными границами. Молодежь проявляет, по словам У. Бека, эгоистичный альтруизм (Beck, Willms, 2003). К эгоистичным альтруистам относятся, например, те, кто строят свою карьеру и при этом находят время на помощь бездомным или инвалидам. И это не самопожертвование, а отчасти расчет, сочетание любопытства и желания помочь, а также стремления узнать другой мир и что-то новое о себе (Солдатова, Нестик, 2011).

Заключение

Какие имеются сегодня перспективы укоренения ценностей эгоцентризма и конформизма в общественном сознании? С нашей точки зрения, данные тенденции указывают на возможность возник-

новения у современной молодежи внутриличностного конфликта между социальными нормами и собственными желаниями, потребностями, побуждениями. Длительная фрустрация этих влечений может привести к серьезным дисфункциональным последствиям для индивида и общества в целом. Взрывная сила «загнанных внутрь» нереализованных потребностей, побуждений молодого человека может быть использована заинтересованными общностями (националистическими, антиобщественными движениями). В связи с этим сегодня перед социальными институтами (семья, образование, общественные организации, религия, наука, искусство и пр.) стоит задача формирования просоциального поведения, позитивной гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности через разработку и реализацию соответствующих программ. Формирование просоциального поведения личности призвано обеспечить интеграцию знаний и навыков, социально значимых качеств (ответственность, социальная активность, толерантность, патриотизм, эмпатия, альтруизм, сотрудничество и т. д.) в единую систему, которая определяет психологическую готовность личности к осуществлению действий, приносящих пользу другим людям и обществу в целом.

Литература

- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.
- Калясина Н. А. «Поколение Путина»: ценностные ориентации // Социальная безопасность учащейся молодежи: проблемы и технологии обеспечения: Материалы Международной научно-практической конференции (14 октября 2009 г.). Шуя, 2009. С. 246–250.
- Кисляков П. А. Факторы риска социализации подрастающих поколений // Образование личности: стандарты и ценности: Сборник научно-методических материалов. М., 2015. С. 183–186.
- Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе. М., 2005.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 15–24.
- Стрункина Т. С., Шмелева Е. А. Социокультурные потребности молодежи как ресурс формирования национально-государственной идентичности // Научный поиск. 2015. № 2. С. 52–54.

- Фельдштейн Д. И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века: Доклад на общем собрании РАО 18.12.2012 // Проблемы современного образования. 2012. № 6. С. 48–70.
- Beck U., Willms J. Conversations with Ulrich Beck. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Inglehart R. Globalization and Postmodern Values // Washington Quarterly. 2000. V. 23. № 1. P. 215–216.
- Kislyakov P. A. Retro-innovation of 21st century education as a resource for ensuring national security // Russian Education and Society. 2015. T. 57. № 11. P. 979–990.

Generation of selfish conformists: modern tendencies of youth socialization

P. A. Kislyakov (Moscow), E. A. Shmeleva** (Ivanovo)*

* Doctor of psychological Sciences, associate Professor,
Head of Department of labor and special psychology,
Russian state social University

** Doctor of psychological Sciences, branch Director of Shuya branch
of Ivanovo state University

The article actualizes the problem of the formation of the younger generation of prosocial behavior as an important factor of socialization. It is shown that in modern conditions there was a transformation of value orientations and self-concept with the establishment of individualism and self-centeredness, once alien to Russian society. The article presents the results of a study of indicators of socialization of youth: prosociality (altruism) and self-centeredness, conflictologist and aggression, suggestibility and conformity, the willingness to take risks, social tolerance. The conducted research allowed to reveal a high level of egocentrism and a low level of altruism most of the students, as well as a high level of conformism. Among students there is the attraction to the conventional identity – conventional norms (rules-agreements rules-the rules). These trends can lead to serious dysfunctional consequences for the individual and society as a whole.

Keywords: prosocial behavior, altruism, egocentrism, conformity, socialization, youth.

Коррупция в предметном поле психологических исследований¹

*Д. А. Китова**, *А. Л. Журавлёв***, *В. А. Соснин****, *А. В. Юревич*****
(Москва)

** доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: j-kitova@yandex.ru*

*** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras*

**** кандидат психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: sosnirus@rambler.ru*

***** доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора по науке Института психологии РАН; e-mail: avyurevich@mail.ru*

Коррупция является острой социальной проблемой, которая неуклонно разрастается и становится угрозой развитию государства. В статье произведен теоретический и методологический анализ социально-психологических исследований коррупции в отечественной и зарубежной литературе, рассмотрены методы исследований. Представлены результаты эмпирического исследования: коррупционных факторов в экономическом правосознании несовершеннолетних (на примере старшекласников); представлений молодежи о коррупции, сферах ее распространения и способах противодействия; отношения населения к коррупции и коррупционным правонарушениям; психологических факторов и условий совершения коррупционных преступлений. Показаны социально-психологические направления противодействия коррупции.

Ключевые слова: правосознание старшекласников, представления молодежи о коррупции, отношение населения к коррупции, психологические факторы и условия совершения коррупционных преступлений, противодействие и профилактика коррупции.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-03271.

Актуальность проблемы

Коррупция является острой и многоаспектной проблемой современного общества, пронизывает многие социальные институты и становится серьезной угрозой стабильному развитию государства. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности.

Исследователи отмечают, что в современном обществе происходит «корпоративизация коррупции» (Глинка, 2012), начинает формироваться феномен «принуждения к коррупции» (Макеев, 2016), коррупционное поведение превращается в «образ жизни» (Алексеев, 2011), а Россия причисляется не просто к коррумпированным, а «системно коррумпированным» государствам (Ниненко, 2012), где количество желающих дать взятку превышает «коррупционный спрос» (Алексеев, 2011; Журавлёв, Юревич, 2012; и др.). Коррупция имеет и психологические последствия. Она угнетает субъективное благополучие человека (Китова, 2016), деформирует правосознание молодежи (Китова, 2016; Соснин, Журавлёв, 2013).

Состояние социально-психологических исследований коррупции

Коррупция исследуется с различных позиций (экономической, правовой, социальной, морально-нравственной). В частности, коррупция рассматривается как исторически обусловленный социально-психологический феномен, общенациональная государственная проблема, источник прямой угрозы экономической безопасности государств, глобальная общемировая проблема (Д. И. Аминов, Е. А. Вандышева, И. А. Сапсай, В. Р. Соловьев, Й. Ламмерс, Э. Мигел, С. Роуз-Аккерман, Р. Фисман, А. А. Цвырко и др.).

Коррупция активно изучается и психологами, которые выделяют теоретические и практические аспекты проблемы, исследуют структурные, содержательные и процессуальные факторы коррупции (Ю. А. Антонян, О. В. Вановская, Е. Е. Гаврина, А. Л. Журавлёв, Л. М. Закирова, Д. А. Китова, Т. А. Нестик, В. А. Соснин, А. В. Юревич).

Психологами выделяются следующие *направления исследований*:

- психология субъектов коррупционных отношений (А. Л. Журавлёв, А. П. Лиферов, В. А. Соснин, А. В. Юревич);
- психологические особенности формирования коррупционного поведения у госслужащих (Е. Е. Гаврина, Д. В. Сочивко);
- психологические методы противодействия коррупции (Ю. А. Антонян, Е. Е. Гаврина, А. В. Молоткова, Т. А. Симакова);

- взаимосвязь коррупции и агрессии (А. В. Юревич, Д. В. Ушаков, И. П. Цапенко);
- психологические причины коррупционного поведения (Ю. М. Антонян);
- психологические особенности вымогательства и взяточничества (К. А. Болотова, О. М. Иванова, В. М. Статный, О. В. Цикайло);
- нравственные аспекты коррупционного поведения (А. В. Сульдина);
- коррупционная устойчивость личности (Э. П. Бахчеева);
- социально-психологические факторы коррупции (С. В. Алексеев, А. Л. Журавлёв, А. В. Юревич);
- исторический анализ коррупционных преступлений (Ю. А. Антонян);
- представления молодежи о коррупции, отношение населения к коррупционным правонарушениям (Д. А. Китова).

Из литературных источников можно выделить новые, формирующиеся направления исследований коррупции: коррупции и греха; «бифуркационного» состояния современного мира как фактора распространения коррупции; влияния на коррупцию индивидуалистических и коллективистических концепций развития; коррупционных угроз государственного уровня и их психологических коррелятов; психологических последствий коррупции для развития государства и рыночных отношений.

Методологические подходы к исследованию коррупции

Разнообразие теоретических позиций исследователей накладывает свой отпечаток на *методологические* подходы к исследованию коррупции. Вот некоторые их примеры.

- исследуя коррупцию исходя из базового принципа бизнеса – «как можно больше прибыли для себя», Моррис с коллегами показали, что этическая ориентация руководящих менеджеров современных компаний скорее подтверждает их приверженность к коррупции, чем приверженность к следованию законодательным нормам государства (Morris, Rehbein, Hosseini, Armacost, 1995);
- влияние ситуационных параметров на коррупцию в организациях выявлялось с акцентом на такие эмпирические факторы, как размер «сообщества», «время существования бизнес-организации» (Rabl, 2011);

- в основу экспериментального выявления типологии коррупционного поведения был положен механизм «оправдания» (Lascomes, Tomescu-Hatto, 2008);
- в основу исследования была заложена авторская модель коррупционного поведения: коррупционная среда–мотивация–коррупционное поведение и коррупционная саморегуляция (Климовицкий, Кареева, 2016) и др.

С методологических позиций целесообразно акцентировать внимание на *междисциплинарном исследовании* коррупции, необходимости разработки специфических методологических подходов к изучению различных уровней коррупции, сложности разграничения коррупционных правонарушений и других видов экономических преступлений. Разнообразие методологических подходов накладывает дополнительные трудности на разработку *конкретных исследовательских методик* и их валидизацию.

Эмпирические исследования коррупции

Для борьбы с коррупцией важно изучение так называемой «третьей стороны» коррупционных сделок – «простого человека», а также норм и ценностей массового сознания.

Наиболее полно отношение личности к коррупции и коррупционным правонарушениям выражается в сфере ее *экономического сознания*. Исследование экономического сознания личности, тесно связанного с социально-экономической активностью, стало ведущим основанием изучения *отношения к коррупции* различных слоев населения (несовершеннолетних, молодежи, взрослых и др.).

В основе проведенного эмпирического исследования лежит использование незавершенных предложений. В исследовании приняли участие более 500 респондентов (Социально-психологические исследования..., 2016).

Эмпирический анализ факторов коррупции в экономическом сознании старшеклассников позволил сформулировать ряд выводов.

Концепция экономической самореализации в основных своих чертах ко времени окончания школы формируется практически у всех старшеклассников, но у подавляющего их большинства она складывается стихийно, оказывается фрагментарной и неадекватной условиям рыночных отношений. Способы, которыми респонденты намерены достичь желаемого экономического благополучия, можно свести в шесть подгрупп: работать в бюджетной сфере; работать по полученной специальности; создать свой бизнес; работать

там, где хорошо платят; занимать руководящие должности; работать за рубежом; позиция «пока ничего не могу сказать».

Многие старшеклассники хотят связать свою судьбу с государственными структурами, но весьма своеобразно: трудовая деятельность рассматривается ими как средство получения доступа к распределению материальных и духовных благ, которые находятся в ведении государства. Намерения части старшеклассников по достижению экономического благополучия характеризуются откровенно криминальной направленностью: ведущим является мнение, что значительное богатство можно нажить только посредством нарушения законодательства, в том числе и через участие в коррупционных сделках.

Старшеклассники связывают коррупцию с взяткой (а это еще целый ряд преступлений с использованием служебного положения), с деньгами (хотя это не только деньги, но и предоставление услуг или иных имущественных прав), с вымогательством (хотя это может быть добровольно выраженная благодарность, реализованная после оказания услуги), с незаконными действиями, (но взятка за законные действия по службе – это тоже преступление), с платой за конкретные услуги (но это может быть плата за общее покровительство или попустительство по службе), с действиями должностного лица (но субъектом коррупционного правонарушения может стать любой человек, предлагающий или дающий взятку должностному лицу), с крупным экономическим преступлением (вопреки распространенному заблуждению, у взятки фактически нет минимального размера), просто с благодарностью или подарком (но ни один из опрошенных старшеклассников не смог назвать отличия подарка от взятки).

Приведенные позиции демонстрируют многочисленные заблуждения старшеклассников в отражении экономических реалий. Эти негативные экономические явления могут стать опасными для общества и губительными для самой развивающейся личности.

Эмпирический анализ представлений молодежи о коррупции показал, что большинство респондентов (83,7%) указывает на коррупцию как на разновидность экономических преступлений.

К ведущим *социальным факторам* коррупционного поведения личности респонденты относят наличие традиционной устоявшейся коррумпированной среды в государственных организациях, вынужденную необходимость следовать стереотипам коррупционного поведения.

Респонденты склонны считать, что *пренебрежение культурно-исторической обусловленностью* коррупции может расцениваться

окружающими как вызов принятым правилам поведения и провоцировать социальное осуждение.

К *экономическим детерминантам* коррупционного поведения респонденты относят низкий уровень жизни представителей бюджетных организаций и населения в целом. Эти социальные слои населения имеют еще и низкий уровень социальных гарантий со стороны государства, считают респонденты.

Экономические и социальные детерминанты коррупционного поведения вызывают у многих респондентов *сочувствие к коррупционерам*, создают вокруг них ситуацию если не одобрения, то понимания их поведения.

В представлениях молодежи о коррупции актуализируются *более 30 сфер* ее распространения, которые имеют разный вес и величину.

Анализ полученных ответов позволяет говорить о том, что лишь десятая часть молодежи (9,75) *осознает социальные последствия* коррупции: рост социального неравенства, увеличение социальной напряженности, снижение качества государственных услуг, дисфункции системы государственного управления, снижение имиджа власти.

В ходе исследования было выявлено также *отношение взрослой части населения к коррупции*. Полагаясь на мнения респондентов, которым приходилось реально сталкиваться с коррупцией, обобщены социально-психологические характеристики коррупционеров, среди которых выделено несколько структурных блоков таких характеристик: система отношений коррупционера к окружающему миру; природные задатки и способности; психологические особенности поведения; морально-нравственные характеристики коррупционера; эмоциональная оценка внутреннего мира коррупционера; стилевые особенности поведения; отношение к работе.

В *структуре отношения населения к коррупции* обнаруживается наличие моральных, социальных, правовых и экономических *противоречий*, которые могут оказывать негативное влияние на социальное поведение и психологическое благополучие человека.

Так, практически все респонденты (97,3%) указывают на недопустимость преступлений против внешнеполитических интересов государства (что может свидетельствовать даже о высоком уровне патриотизма), но при этом абсолютное большинство из них (87,9%) считает допустимыми те или иные экономические правонарушения, направленные против государства и (или) государственной собственности.

Представления респондентов о коррупции противоречат друг другу в зависимости от того, оценивает ли человек свои действия

со стороны «дающего» или «берущего» взятку: разница в ответах на одни и те же вопросы в пользу «берущего» составляет 44,9%.

Основная масса респондентов (92,6%) признает коррупцию острой проблемой современного общества. Тем не менее, 69,7% из них утверждают, что им уже приходилось участвовать в коррупционных сделках; более 60% допускают возможность нечестной уплаты налогов в бюджет государства; 37,3% признают, что прибегли бы к «даче взятки» для положительного разрешения своих личных экономических или социальных проблем.

Одними из главных препятствий в борьбе с коррупцией в современной России являются коррумпированность значительной части чиновников, размытость границ между высшей государственной властью и властвующей элитой, практическая безнаказанность крупных коррупционеров и др. Основными направлениями участия психологов в борьбе с коррупцией могут стать мониторинг проектов законов антикоррупционной направленности; выявление психологических особенностей чиновников и построение социально-психологической типологии; психологический отбор к выполнению профессиональной деятельности; применение социально-психологических методов диагностики и профилактики коррупционного поведения.

Перспективные направления социально-психологического исследования коррупции: макропсихологические факторы коррупции; социально-психологические особенности и типы коррупционеров; социально-психологические характеристики коррумпирующих; личностные и групповые факторы отношения к коррупции в обществе; социально-психологические меры противодействия коррупции; этнопсихологические и региональные особенности коррупционного поведения и некоторые другие.

Заключение

Коррупция в современном обществе является острой социальной проблемой, сложность противодействия которой обусловлена историческими традициями и коррумпированностью среди самих чиновников.

Проблемы коррупции в современной психологической науке находятся пока в недостаточно разработанном состоянии.

Субъектами коррупционного поведения и одновременно объектами социально-психологического исследования коррупции выступают должностные лица и население.

Наиболее полно отношение личности к коррупции выражается в сфере его экономического сознания.

В сознании части несовершеннолетних (старшеклассников) экономический фактор порождает негативные эмоциональные переживания, граничащие с коррупционными намерениями.

Многие молодые люди (студенты) уверены, что коррупционные угрозы связаны с низким уровнем жизни населения и наличием относительно устоявшейся коррумпированной среды в современном обществе.

В структуре отношений взрослой части населения к коррупции актуализированы психологически обусловленные противоречия, которые могут оказывать негативное влияние на их самочувствие и поведение.

Основными социально-психологическими технологиями противодействия коррупции являются: психологическая экспертиза проектов законодательных актов и диагностика психологических характеристик личности, а перспективными направлениями исследований – формирование антикоррупционных установок и ценностей, норм и правил поведения среди различных социальных групп российского населения, особенно детей, подростков и молодежи.

Литература

- Алексеев С. В.* Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: Дис. ... докт. социол. наук. Новочеркасск, 2008.
- Глинкина С. П.* Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М., 2010. С. 264–267.
- Журавлёв А. Л., Соснин В. А.* Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
- Журавлёв А. Л., Юревич А. В.* Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
- Китова Д. А.* Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016. № 6. С. 131–140.
- Китова Д. А.* Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 5. С. 91–97. .
- Климовицкий С. В., Карпова С. Г.* Концепция социально-психологического измерения коррупции. М., 2013.
- Макеев Я. А.* Институциональные особенности коррупции в местном сообществе: Дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2013.

- Ниненко И. С. Декларации о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера публичных должностных лиц. Применение в России и в мире // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Т. 1. М., 2012. С. 521–530.
- Соснин В. А., Журавлёв А. Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. №4 (67). С. 6–16.
- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М., 2017.
- Юревич А. В., Журавлёв А. Л. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №3. С. 43–52.

Corruption in the field of psychological research

*D. A. Kitova**, *A. L. Zhuravlev***, *V. A. Sosnin****, *A. V. Yurevich*****
(Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Professor, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

*** Candidate of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

**** Doctor of psychological Sciences, corresponding member of the RAS,
Professor, deputy director the Institute of Psychology of RAS

Corruption is an acute social problem that is steadily expanding and becoming a threat to the state. The article presents theoretical, methodological analysis of socio-psychological studies of corruption in domestic and foreign literature, and analyzes research methods. The results of an empirical study of factors of corruption in infants' worldview (on the example of high school students) are shown; thoughts of youth about corruption, its distribution and ways of counteraction; attitudes of the population to corruption and corruption offenses; psychological factors and conditions of commission of corruption crimes. Furthermore, socio-psychological aspects of counteracting corruption are analyzed.

Keywords: the sense of justice of senior pupils, youth's views of corruption, the attitude of the population towards corruption, psychological factors and conditions of commission of corruption crimes, counteraction and prevention of corruption.

Большие социальные группы как мишени информационных войн: уязвимость и ресурс сопротивления¹

Ю. В. Ковалёва, В. А. Соснин** (Москва)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: julkov@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: sosninrus@rambler.ru*

Выдвинуто предположение, что исчезновение с исторической и политической арен исторического субъекта не означает его исчезновение как субъекта психологического или коллективного. На примере атаки, которая осуществляется против истории Великой Отечественной войны, показаны как негативные явления, свидетельствующие об актуализации процессов, подрывающих субъектность группы, так и позитивный ресурс противостояния российского общества информационному воздействию, в частности, роль акции «Бессмертный полк», ее символическое и репарационное значение, обращение к глубинной народной традиции.

Ключевые слова: психоисторическая война, информационная война, макропсихология, исторический субъект, большие социальные группы, коллективный субъект, автофобия, субъектность группы, Бессмертный полк, психологическое противодействие.

Информационные войны направлены на подрыв субъектности геополитического оппонента. Мишенями информационных войн могут являться *большие социальные группы*, объединенные на основе общности национальных, территориальных, половозрастных, профессиональных, культурных и других признаков. В качестве примера такой войны можно назвать так называемую «холодную войну» и ее

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0001.

промежуточный успех в виде распада в 1991 г. СССР, когда прекратила свое существование такая уникальная общность, как «советский народ». Тем не менее, представляется, что исчезновение с политической арены того или иного исторического субъекта не означает его исчезновения как субъекта психологического или коллективного (Журавлёв, 2002; Журавлёв, Емельянова, 2009). Этому явлению есть очевидные подтверждения в общественной жизни ряда стран постсоветского пространства, но пока оно не стало предметом специального научного анализа. Например, акция «Бессмертный полк», начавшись в 2012 г. с частной инициативы в одном из российских городов, почти сразу была подхвачена в странах СНГ и начиная с 2015–2016 гг. переросла в общемировое движение, которое на тот момент поддерживало около 60 стран. В 2017 г. в акции приняло участие уже 66 стран. Общая история бывших соотечественников и совместная борьба многих народов мира против фашизма в середине XX в. явились основой демонстрации их современных намерений, направленных против потери исторической памяти. Акция «Бессмертный полк» позволила продемонстрировать не только коллективную память, эмоции и чувства, но и готовность действовать сообща, а также способность к самоорганизации.

Таким образом, социально-психологический анализ больших социальных групп как *коллективных субъектов*, являющихся основными мишенями информационных войн, с позиции не только их уязвимости, но и ресурса сопротивления различным информационным воздействиям, может выступать одним из направлений изучения проблематики психоисторической войны.

Проблема воздействия, в том числе информационного, является одной из актуальных для современного российского общества в плане его информационно-психологической безопасности (Проблемы психологической безопасности, 2012). Проблема деструктивных воздействий информации, ее сознательного искажения и конструирования специальных дискурсов остро встает в связи с активной медиацией современной жизни, влияние которой направлено на большие социальные группы. Исследования конкретных технологий, например, закономерностей психологического воздействия СМИ и тенденций модификации постсобытийного дискурса по отношению к исходному новостному поводу, на данный момент уже получили свое развитие (Психология дискурса..., 2016).

Психологические исследования больших социальных групп открывают возможности анализа уровня их социальной активности, появления в них новых групповых феноменов, изменений в осознании ими своего места, а также новых функций и ролей в обществе,

т. е. динамики, которая отражает их способность быть субъектами, и, следовательно, влиять на состояния всего общества в целом.

Большим социальным группам может быть приписано качество субъектности на основе *признаков* коллективного субъекта – взаимосвязанности членов группы, их совместной активности и саморефлексивности (Журавлёв, 2002). В работах последних лет выделяется также признак, в значительной степени аккумулирующий то, что латентно подразумевается другими признаками – *способность к саморазвитию*, связанному с внутригрупповыми процессами: осмыслением собственных проблем, потребностей и т. д. (Журавлёв, Емельянова, 2009, с. 8). Однако отнесение этого признака к большим социальным группам является отдельной научной проблемой.

Таким образом, *субъектность* больших социальных групп можно рассматривать как ресурс психологического благополучия общества в целом. Активные, саморазвивающиеся большие социальные группы, способные к саморефлексии, т. е. осознающие собственную историю, актуальные условия своего существования и активно взаимодействующие с целью разрешения различных проблемных внутригрупповых процессов, могут являться основой перспективного развития общества (Доверие и недоверие..., 2013; Макропсихология, 2009). Данное теоретическое предположение требует, как дальнейшего теоретического анализа, так и эмпирического подтверждения.

Можно заметить, что в различные исторические периоды, а также в различных общественно-экономических условиях на первый план могут выходить те или иные факторы, влияющие на субъектность больших социальных групп. К факторам, влияющим на уровень субъектности большой социальной группы, относятся: актуальная общественная ситуация, традиции совместных действий, устойчивая историческая память, опыт совместной активности и система взглядов, внедряемых в групповое сознание (Журавлёв, Емельянова, 2009).

В начале XX в. в период смены общественно-исторических формаций в России в трансформационных процессах оказались задействованы такие большие социальные группы, как классы, при этом основную роль сыграл *фактор политического строя* страны – монархия, а также глубокие противоречия между правящим классом и трудящимися. Межгрупповая разобщенность больших социальных групп, не способных к совместной активности в решении экономических и военных проблем, сыграла роковую роль в судьбе страны.

На настоящем этапе в связи с бурным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным СМИ,

возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит *фактор внедрения* систем взглядов, идей или целостных концепций.

Так называемая «историческая политика», или политизация и идеологизация истории, с конца XX в. становится глобальной тенденцией и по отношению к России принимает характер особой враждебности (Серегин, 2012). За последние десятилетия оппонентам России удалось распространить значительный объем информации ложного или неоднозначного содержания по самым разным поводам, направленный на разрушение национальной идентичности. Особым нападкам подвергаются сложные или самые значимые моменты отечественной истории. Это, прежде всего, касается Великой Отечественной и Второй мировой войн. Пересматривается ответственность за начало войны, роль Советского Союза в победе над фашизмом, обесценивается вклад лидеров страны и полководцев, высказываются сомнения о правильности тех или иных решений (Гареев, 2014). Например, общественному мнению как дискуссионная была преподнесена тема обороны Ленинграда. Герои обороны Москвы, 28 панфиловцев, и их бой на Волоколамском шоссе директором Государственного архива были названы мифом. Освобождение стран Восточной Европы переформулировано как оккупация и т. д. (Серегин, 2012). Таким образом, история Великой Отечественной войны стала «лакмусовой бумажкой многих современных политических процессов», точкой идеологического и политического противостояния (Чубарьян, 2016, с. 387–388).

Можно увидеть, что построение историко-политического курса такого рода укладывается в формулу «кто владеет прошлым, тот владеет будущим». Атака на историю России осуществляется в рамках *психоисторической войны* с целью ослабления политической системы и экономического развития страны, ее конкурентоспособности.

Все информационные воздействия, описанные выше, так или иначе, влияли на состояние российского общества. Дискуссии, споры, высказывания отдельных лиц демонстрировали раскол мнений, резкость суждений, обиду одной из сторон, обвинения, апелляцию к морально-нравственным качествам и другие эмоционально острые реакции и состояния. Типичными итогами столкновения мнений по таким значимым вопросам, как правило, являются поляризация мнений и разделение первоначальной целостной группы на «мы» и «они» или на «своих» и «чужих» (Соснин и др., 2011; и др.).

С позиций психологии больших социальных групп как коллективных субъектов можно сказать, что таким образом актуализируются процессы, подрывающие субъектность группы.

Во-первых, совместная активность и взаимодействие приобретают негативный характер, т. е. по факту являются конфликтом, который дифференцирует группу, разрывая взаимные связи и взаимозависимость членов группы, разрушая ее целостность как коллективного субъекта.

Во-вторых, саморефлексивность группы, так или иначе, фиксирует эти процессы, что приводит к осознанию разрыва и разобщенности. Потеря чувства «мы», соотносимая с утратой значимого объекта, логично должна приводить к негативным эмоциональным состояниям, актуализации таких коллективных негативных чувств, как тревога и страх (Емельянова, 2016). Таким образом, разрыв связей между прошлым, настоящим и будущим, с которым сталкивается группа, делает невозможным реализацию саморазвития, что фактически свидетельствует о потере субъектности.

Однако подобное моделирование ухватывает лишь негативную сторону процесса, не учитывая позитивный ресурс, существующий в обществе, в том числе активизацию защитных процессов, коупингов, направленных, как на преодоление разрыва реальных отношений и связей между людьми, так и на сглаживание коллективных когнитивных противоречий и ментальных «пустот» (Емельянова, 2016).

Информационное воздействие на российское общество как *целостный* коллективный субъект в отношении событий Великой Отечественной войны породило очень разные негативные и позитивные процессы. К негативным процессам относятся, прежде всего, рост уровня нетерпимости к мнению оппонентов, ксенофобия. Это, например, проявилось в агрессивном стиле проведения дискуссий в СМИ, в частности, на телевидении, ставшем общепринятым на большинстве каналов и, несомненно, являющемся не только средством привлечения внимания аудитории. Вероятно, он также отражает внутреннее состояние дискуссионщиков – выразителей того или иного общественного мнения и, возможно, является средством канализации общественного напряжения.

Вместе с тем в обществе стали ярко проявляться различные явления, несущие символический смысл и направленные на восстановление и укрепление *национальной идентичности*. Среди них можно назвать такой феномен, как ношение георгиевской ленточки, первоначально сопровождавший празднование Дня Победы, но впоследствии фактически приобретший смысл идентификационного знака. Особый сакральный смысл ленточки подтверждает то, что и она довольно скоро стала объектом дискредитации.

Однако наиболее ярким примером активизации репарационных внутригрупповых процессов остается описанная выше акция «Бессмертный полк», обеспеченная «феноменальным распространением гражданской инициативы». По данным социологических опросов (Мониторинг общественного мнения..., 2015), большинство респондентов (83%) считают необходимым вести борьбу с фальсификацией отечественной истории, при этом 54% замечали факты фальсификации истории, а 19% называют главным объектом фальсификации события Великой Отечественной войны. Конкретно об акции «Бессмертный полк» слышали 93% респондентов, 13% приняли в ней личное участие, 73% отметили, что она способствует сохранению памяти об этом событии, 60% опрошенных заявили, что планируют собственное участие в этом движении.

Акция «Бессмертный полк» стала уникальным явлением в современной истории страны, которое еще предстоит осмыслить с самых разных научных позиций. Однако уже сейчас можно назвать такие моменты, которые могут иметь отношение к динамике субъектности российского общества как большой социальной группы. Обсуждаемое народное движение – это явление, связанное с процессами утраты социальной идентичности (чувства «мы») и ее конструированием на новых основаниях, дефицитом способов демонстрации принадлежности к референтной группе и актуализации глубинных народных способов самовыражения, преодолением разрыва и восстановлением связи поколений (исторической памяти, саморефлексии). Потребность народа в условиях глобализации и размывания символических кодов в визуализации и подкреплении собственной идентичности, привлечении народных традиций и использовании народных архетипов, реализуется в таком праздновании Дня Победы.

Литература

- Гареев М. А. Великая Победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 30–34.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М., 2013.
- Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Журавлёв А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002. С. 51–81.

- Журавлёв А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Макропсихология современного российского общества. М., 2009.
- Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3 (127).
- Проблемы психологической безопасности. М., 2012.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М., 2016.
- Серегин А. В. Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57–64.
- Соснин В. А., Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 158–163.
- Чубарьян А. О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387–395.

Big social groups as the goals of the information war: vulnerability and the resource of resistance

Y. V. Kovaleva, V. A. Sosnin** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, senior research officer, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, leading researcher, Institute of Psychology of RAS (Moscow)

The large social groups as collective subjects were considered as the targets of the psychohistorical war. The assumption was that disappearance from historical and political arenas of the historical Subject does not mean his disappearance as the psychological Subject or the collective Subject. On the example of the attack against The Great Patriotic War history the processes of the undermining of the group's subjectivity as well as the positive resource of the Russian society's opposition to the information influence – the “Immortal Regiment” action role, its symbolical and reparation values, its appeals to the deep national tradition, were shown.

Keywords: psychohistorical war, information war, macropsychology, historical Subject, large social groups, collective Subject, autophobia, group's subjectivity, “Immortal Regiment”, psychological opposition.

Проблема террористической виктимности: культурно-специфический аспект

Е. Н. Лисова (Воронеж)

*кандидат психологических наук, преподаватель,
Воронежский государственный университет;
e-mail: lisova.yekaterina@yandex.ru*

Подчеркнута малая изученность и большая значимость анализа террористической виктимности. Данный термин распространим на любого социального субъекта, характеризуя его разную возможность стать жертвой терроризма. Раскрыты противоречия между позициями разных авторов по поводу универсальности террористической виктимности и ее культурной специфичности: случайный характер жертвы терроризма не согласуется с данными о разных рисках ею стать в зависимости от психологических и социальных характеристик, в то же время последние могут обладать этнокультурной вариативностью. Выделены общекультурные (поддержание средствами массовой информации, мирное время, место и характер проявления, образование вследствие ущемления интересов определенной группы, травматизация за счет неожиданности, незащищенности, идентификации с непосредственными жертвами) и культурно специфические особенности террористической виктимности (по степени устойчивости, уязвимости и мотивационному обеспечению). Намечены основные направления разработки данной проблемы в процессе кросс-культурного исследования.

Ключевые слова: виктимность, терроризм, террористическая виктимность, культурно-специфические особенности террориста, культурно-специфические особенности жертвы террориста.

Обращение к проблематике *террористической виктимности* произошло лишь в 70-х годах прошлого века благодаря Е. А. Фаттабаху, что, по мнению А. П. Шмидта, обусловлено невниманием к жертвам

терроризма со стороны общества, в то время как именно пострадавшие должны являться наиболее полноправными участниками анти-террористической деятельности (Schmid, 2012). Мало того, что вред от террористической деятельности значителен, ответные действия государства на нее в зависимости от их содержания и направленности могут способствовать еще большей виктимизации населения (там же), а жертвы могут становиться впоследствии субъектами насилия, в том числе в террористической форме.

В особенности виктимизация населения и увеличение деструктивного эффекта обеспечиваются за счет характера оповещения в СМИ, так как показано наличие корреляции между последним и ростом терроризма. Фактически можно утверждать наличие «психологической войны», которая воздействует на виктимизацию граждан, влияя на их эмоции, отношения, желания и поведение, обеспечивая ассоциативные ряды и идентификацию с ролью жертвы, даже если они не были непосредственными участниками событий (Соснин, 2012; Slone, Shosbani, 2008).

В этой связи С. И. Корсун ввел понятие террористической виктимности (Корсун, 2015), означающее возможность, в том числе потенциальную, стать жертвой терроризма. Термин распространяется на личность и группу, в том числе большую, вплоть до всей системы общественных отношений.

Существуют противоречия между разными научными подходами к пониманию потенциала террористической виктимности – как, с одной стороны, имеющегося у любого человека (Вишневицкий, 2013), так, с другой стороны, зависящего от психологических характеристик субъекта. То есть существует *предрасположенность* стать жертвой терроризма (Кабанов, 2016), актуализируемая в связи с рядом социальных факторов – уровнем дохода, возрастом семейным положением, особенностями основной деятельности. Изучение данного феномена столь же сложно, как и исследование самой террористической активности (см., например: Журавлёв, 2016; и др.)

Анализ виктимологических эффектов на территории Израиля продемонстрировал, что вероятность стать жертвой терроризма выше у непоселенцев и студентов, а ниже – у поселенцев и лиц с выраженной религиозностью. Женщины имеют большую вероятность стать жертвами террористов-смертников (Canetti-Nisim, Mesch, Pedahzur, 2012). Авторы исследования, высказавшие данные положения, вместе с тем, ставят вопрос об эксклюзивности его результатов и отмечают необходимость их проверки в других странах, что позволит выявить наличие *культурно-специфических* особенностей жертв террористов.

Массовость террористических угроз и включенность в них ни в чем не повинных граждан, которые переживают слом глубинных слоев психики, по своим последствиям настолько значительный, что он может вызывать даже идентификацию с агрессором (Вишневицкий, 2013).

Существуют основания утверждать значимую роль *этнополитических факторов* в становлении терроризма, в частности, его мотивации (месть, жажда свободы, стремление к объединению разделенных государственными границами этнических групп, выражение путем устрашения населения определенных ценностей) (Раевский, 2015). Последние могут сплачивать одну группу населения и противопоставлять ей другую, выступая атрибутом затяжных межэтнических конфликтов, а также усиления этнической идентичности, поддерживаемой за счет идеи об общей травме, нанесенной другой этнической группой. Раскрытие культурно-специфических особенностей, как террориста, так и его жертвы имеет значение для теории и практики антитеррористической деятельности.

Общекультурными особенностями террористической виктимности выступают: ее поддержание средствами массовой информации, мирное время, место и характер проявления, ущемление интересов определенной группы (Мусиенко, Федорова, 2008), травматизация за счет неожиданности, незащищенности, идентификации с непосредственными жертвами (Ильясов, 2007).

Наряду с выделением этнических террористических групп, отличающихся направленностью на насилие относительно представителей других этносов (в варианте право ориентированной идеологии – против любого члена враждебного этноса и лево ориентированной – против лидеров этноса), возможно обозначить также обладающие террористической виктимностью этнические общности. В зависимости от роли в террористической деятельности она обретается непосредственно или опосредованно, а по вкладу в террористическую активность может быть нейтральной, сочувствующей, неправомерной и правомерной (Макарова, 2013).

Интерес представляют не формальные данные о большей предрасположенности к обретению статуса жертвы терроризма представителями тех или иных этносов, а именно культурно-специфические черты этой виктимности, которая должна учитываться при проведении международной и региональной политики противодействия терроризму.

Думается, что культурно-специфические черты террористической виктимности характеризуются:

- ее ситуативным или устойчивым характером в зависимости от межпоколенного опыта притеснения и в его крайнем варианте – геноцида того или иного народа;
- национально-характерологическими особенностями, которые этому способствуют (в плане агрессивности или, напротив, уступчивости);
- мотивационным обоснованием проявления, т. е. какие именно потребности и в какой степени удовлетворяет жертва, занимая такой статус (привлечение внимания, ожидание или получение помощи и др.), ведь сама по себе приемлемость терроризма и оценка его жертв также является культурно обусловленной.

Для их анализа требуется кросс-культурное исследование данного вопроса, охватывающее разные социальные группы внутри этносоциальных сообществ. Оно в идеале должно позволить ответить на следующие *вопросы*:

- каковы степень и типы виктимизации представителей различных социальных групп внутри того или иного этноса;
- какие психологические особенности представителей конкретных этнических общностей обеспечивают повышенную уязвимость либо, напротив, устойчивость против виктимизации;
- при каких мотивационных условиях возникает трансформация психотипа жертвы в психотип террориста в разных этнических культурах;
- какие культурно-специфические методы могут обеспечивать профилактику и реабилитацию лиц с разной террористической виктимностью?

В заключение необходимо подчеркнуть, что проблема террористической виктимности требует повышенного внимания в связи со значительными возможностями ее проявления, как на индивидуальном, так и групповом уровнях, усиливающимися вследствие ответных мер по отношению к террористам на государственном уровне и в СМИ.

Охватывая возможность, в том числе потенциальную, стать жертвой терроризма, террористическая виктимность является дискуссионным феноменом в плане ее наличия у любого субъекта или обладающего к этому предрасположенностью, ее интернациональности и культурно-исторической специфики.

Общекультурные особенности террористической виктимности (ее поддержание средствами массовой информации, мирное время, место и характер проявления, ущемление интересов определенной группы, травматизация за счет неожиданности, незащищенности, идентификации с непосредственными жертвами) можно по-

полнить ее культурно-специфическими чертами, определяющими степень устойчивости, уязвимости и мотивационного обеспечения. Это позволит при проведении соответствующего кросс-культурного исследования оценить ее у разных этносов и обеспечить соответствующую профилактику и реабилитацию лиц с разной террористической виктимностью.

Литература

- Вишневицкий К. В.* Терроризм. Виктимологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. №5. С. 333–339.
- Журавлёв А. Л.* Особенности социально-психологического исследования терроризма (вместо предисловия) // В. А. Соснин. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М., 2016. С. 7–11.
- Ильясов Ф. Н.* Терроризм от социальных оснований до поведения жертвы // Социс. 2007. №6. С. 78–86.
- Кабанов П. А.* Виктимология терроризма: вопросы формирования и развития // Виктимология. 2016. №4. С. 12–22.
- Корсун С. И.* Психологические основы террористической виктимности // Юридическая психология. 2015. №1. URL: <http://www.naiu.kiev.ua/psychped/images/documents/vupysk-1-2015/ru/21.pdf> (дата обращения: 04.05.2017).
- Макарова Т. В.* Типология жертв терроризма // Вопросы права и политики. 2013. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_9338.html (дата обращения: 04.05.2017).
- Мусиенко Т. В.* Международный терроризм: концепты и модели политического анализа // Credo New. 2007. №1. URL: http://www.intelros.ru/2007/08/20/tv_musienko_tn_fedorova_mezhdunarodnyjj_terrorizm_koncepty_i_modeli_politicheskogo_analiza.html (дата обращения: 04.05.2017).
- Раевский А. Е.* Социально-психологические факторы религиозного терроризма в Японии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Соснин В. А.* Психология суицидального терроризма: исторические аспекты и геополитические тенденции в XXI веке. М., 2012.
- Canetti-Nisim D., Mesch G., Pedahzur A.* Victimization from terrorist attacks: randomness or routine activities? // Terrorism and political violence. 2012. №7. P. 485–501. URL: http://www.daphnacanetti.com/image/users/230034/ftp/my_files/Victimization%20from%20Terrorist%20Attacks-1.pdf (дата обращения: 04.05.2017).
- Schmid A. P.* Strengthening the role of victims and incorporating victims in efforts to counter violent extremism and terrorism // ICCT The Hague

research paper. 2012. August. URL: <https://icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Strengthening-the-Role-of-Victims-August-2012.pdf> (дата обращения: 04.05.2017).

Slone M., Shosbani A. Indirect victimization from terrorism: a proposed post-exposure intervention // Journal of mental health. 2008. V. 30. URL: <http://www.biomedsearch.com/article/Indirect-victimization-from-terrorism-proposed/181813400.html> (дата обращения: 04.05.2017).

The problem of terrorist victimization: a cultural-specific aspect

E. N. Lisova (Voronezh)

Candidate of psychological Sciences, lecturer, Voronezh state University

The article highlighted a small study and the large significance of the analysis of terrorist victimization. Emphasized that the term spread in any social subject, describing its different possibility of becoming a victim of terrorism. Revealed contradictions between the positions of different authors about the universality of terrorist victimization and its cultural specificity, namely: the random nature of the victims of terrorism is not consistent with the data on the different risks to be depending on psychological and social characteristics, at the same time, the latter may have ethnic and cultural variationally. Selected cultural (maintenance media, a peaceful time, place and nature of the manifestation, education due to infringement of interests of a particular group, trauma at the expense of surprise, insecurity, identification with direct victims) and cultural specific features of terrorist victimization (for sustainability, vulnerability and motivational support). Outline the main directions of development of the problem in the process of cross-cultural research.

Keywords: victimization, terrorism, terrorist victimization, culture specific characteristics of a terrorist, culture specific especially the victims of the terrorist.

Психологические основания идентичности с городом современной молодежи российских городов¹

*С. А. Литвина**, *О. И. Муравьева***, *С. А. Богомаз**** (Томск),
*О. В. Кружкова***** (Екатеринбург)

** кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: litvina65@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: muravey59@mail.ru*

**** доктор психологических наук, заведующий кафедрой организационной психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: bogomazsa@mail.ru*

***** кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: galiat1@yandex.ru*

В статье поднимается проблема психологических оснований идентичности с городом. В исследовании приняли участие 1762 респондента от 17 до 34 лет из 6 городов России. Обнаружено три вида структуры идентичности с городом, отражающие разные основания для идентификации в различных городах: в Санкт-Петербурге («вторая столица России») идентификация с городом в большей степени основывается на внешней ценности и привлекательности города; в Барнауле и Петропавловске-Камчатском («нестолличные» города) – на эмоционально-утилитарном отношении – чувстве «привычности», родства, безопасности; в Екатеринбурге, Владивостоке и Томске («региональные столицы» и культурно-образовательные центры) – как на внешней привлекательности, так и на эмоционально-утилитарном отношении.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10803 «Психологические факторы среды самоидентичности».

Ключевые слова: идентичность с городом, безопасность, молодежь, целеполагание, ценности.

Постановка проблемы

Проблематика идентичности на сегодняшний день является одной из «болевых точек», как в социальной жизни, так и в пространстве наук о человеке. «Болевой» эту тему делает, прежде всего, радикальность и масштабность политических и экономических трансформаций, а вместе с этим и возрастание социальной вариативности – возникновение новых групповых норм и ценностей, социальных ролей и видов деятельности, увеличение многообразия способов и принципов организации социальных групп и общностей. Поэтому в сегодняшнем «множественном» мире следует говорить не столько о поисках идентичности, сколько о постоянно идущей идентификации, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или осознанно вовлечены» (Белинская, 2015, с. 12). Это дает основание Е. П. Белинской утверждать, что в понятии идентичности сегодня конституируется, прежде всего, проблема изменчивости/устойчивости личности.

Особенно актуальными в последние 15–20 лет становятся исследования идентичности как внутренней самосоздающейся, динамической организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории человека в контексте его взаимодействия с окружающей средой: вводятся такие понятия, как «пространственная идентичность» (Кувенева, Манаков, 2003), «территориальная идентичность» (Самошкина, 2008), «идентичность с местом» (place-identity, settlement identity) (Lewicka, 2011; Kashima, Paladino, Margetts, 2014; Ujanga, Zakariya, 2015), «городская идентичность», или идентичность с городом (city identity, urban-related identity) (Lalli, 1992; Montgomery, 1998; Valera, Guardia, 2002; Bernardo, Palma-Oliveira, 2016). Современные процессы урбанизации, с одной стороны, и формирования номадических культур, с другой, обостряют интерес к взаимоотношениям человека и города как социокультурной среды, к проблеме идентификации с городом. «Является ли город как социокультурная общность той социальной группой, которая может послужить основанием для самоидентификации?», «Что такое город для человека сегодня?» – вопросы, которые задаются и в фундаментальных, и в прикладных исследованиях в рамках истории, философии, социальной экологии, культурологии, урбанистики, архитектуры, а также междисциплинарных исследований. Психологическое изучение

проблемы идентификации с городом позволяет получить представление о психологических основаниях укорененности и/или мобильности человека в городской среде, его активности, готовности развивать свой город, реализуя в нем свои жизненные планы, дает возможность объяснить поведение горожан, найти решение социальных, экономических, демографических вопросов, которые возникают в реальной городской практике.

Программа эмпирического исследования

Целью нашего исследования было выявление тех психологических оснований, на которых «держится» идентичность с городом современных молодых людей в разных городах России: Барнаула, Владивостока, Екатеринбурга, Петропавловска-Камчатского, Санкт-Петербурга, Томска.

Исследование проводилось в 2015–2016 гг. *Выборку* исследования составили 1762 респондента в возрасте от 17 до 34 лет, проживающих в российских городах: Барнаул (n=61), Владивосток (n=201), Екатеринбург (n=1197), Петропавловск-Камчатский (n=140), Санкт-Петербург (n=53), Томск (n=110). Распределение респондентов по возрасту близко к нормальному.

Для измерения городской идентичности был использован опросник «Шкала идентификации с городом» М. Lalli (Lalli, 1992), которая включает пять семантических блоков – шкал методики: Внешняя ценность, Общая привязанность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание. Один из них – Внешняя ценность, по мысли автора, содержит вопросы, связанные с отраженными аут-групповыми и ин-групповыми стереотипами, остальные четыре отражают личный опыт бытия в городе, субъективное восприятие человеком среды города и являются доминирующими в структуре идентичности с городом. Максимально возможный балл по каждой шкале равен пяти.

Основными *задачами* нашего исследования было 1) выявление сходства или различий идентичности с городом у респондентов, проживающих в разных городах, 2) выявление вклада тех или иных составляющих в общую идентичность с городом. Для решения этих задач сравнивался, как уровень выраженности интегрального показателя опросника «Идентификации с городом» в шести городах, так и соотношение уровней выраженности значений отдельных шкал опросника в выборках по каждому отдельному городу. Сравнение проводилось и по средним (Mn), и по медианам (Md).

Статистический анализ первичных данных производился при помощи программы Statistica 8.0, использовались дисперсионный анализ Фридмана по критерию χ^2 (для сравнения зависимых переменных).

Результаты исследования

Первое, что показал статистический анализ полученных данных, – это то, что достоверных различий в интегральных показателях городской идентичности в разных городах не обнаружилось. Однако выявились статистически значимые различия в структурных особенностях (конфигурации компонентов) городской идентичности в разных городах. Сравнение позиций каждой шкалы методики M. Lalli относительно остальных шкал внутри городской выборки показывает специфику структуры городской идентичности молодежи разных российских городов.

В Санкт-Петербурге наиболее высокие значения, статистически значимо (Хи-квадрат=13,4; $p=0,01$) отличающиеся от всех остальных шкал, получены по шкале «Внешняя ценность» ($Mn=3,4$; $Md=4,0$). Между другими шкалами статистически значимых различий не наблюдается: «Общая привязанность» ($Mn=2,9$; $Md=2,8$), «Связь с прошлым» ($Mn=2,8$; $Md=3,0$), «Восприятие близости» ($Mn=2,8$; $Md=2,8$), «Целеполагание» ($Mn=2,8$; $Md=2,8$).

В Екатеринбурге также наиболее высокими оказались значения по шкале «Внешняя ценность» ($Mn=3,7$; $Md=3,8$), далее значимо ниже, чем «Внешняя ценность», но значимо выше остальных шкал выражен показатель шкалы «Общая привязанность» ($Mn=3,5$; $Md=3,5$). Значимо ниже всех шкал значения параметра «Связь с прошлым» ($Mn=3,0$; $Md=3,0$). Различия между шкалами статистически достоверны на уровне $p=0,00001$, $\chi^2=721,1$. Шкалы «Восприятие близости» ($Mn=2,8$; $Md=2,8$) и «Целеполагание» ($Mn=2,8$; $Md=2,8$) в выборке Екатеринбурга статистически не различаются.

В выборке Владивостока самыми высокими оказались значения по шкалам «Внешняя ценность» ($Mn=3,6$; $Md=3,8$) и «Общая привязанность» ($Mn=3,5$; $Md=3,5$), самые низкие – по шкале «Связь с прошлым» ($Mn=2,7$; $Md=2,8$). Различия достоверны на уровне $p=0,00001$, $\chi^2=175,5$. При этом значения первых двух шкал статистически не различаются между собой. Также не выявлено различий между шкалами «Восприятие близости» ($Mn=2,9$; $Md=3,0$) и «Целеполагание» ($Mn=2,9$; $Md=3,0$).

В Томске выявили самые высокие значения по шкале «Общая привязанность» ($Mn=3,4$; $Md=3,8$), значимо ниже – по шкале «Внешняя

ценность» ($Mn=3,2$; $Md=3,3$). При этом в томской выборке, в отличие от всех остальных городов, никто из респондентов не поставил минимальный балл по этой шкале. Еще менее выражены (статистически достоверно) значения по шкалам «Связь с прошлым» ($Mn=2,9$; $Md=3,0$) и «Восприятие близости» ($Mn=2,9$; $Md=3,0$), при этом между собой эти шкалы статистически не различаются. Самыми низкими оказались показатели по шкале «Целеполагание» ($Mn=2,7$; $Md=2,8$). Здесь различия значимы на уровне $p=0,001$, $\chi^2=41,6$.

В Барнауле самые высокие значения обнаружены по шкале «Общая привязанность» ($Mn=3,6$; $Md=3,8$), самые низкие – по шкалам «Внешняя ценность» ($Mn=2,6$; $Md=2,5$) и «Целеполагание» ($Mn=2,7$; $Md=2,5$). Различия между шкалой «Общая привязанность», с одной стороны, и шкалами «Внешняя ценность» и «Целеполагание», с другой, статистически значимы на уровне $p=0,0001$, $\chi^2=63,3$. Значения шкал «Связь с прошлым» ($Mn=2,8$; $Md=2,8$) и «Восприятие близости» ($Mn=2,9$; $Md=2,8$), занимая среднее положение по шкале, не обнаружили статистических различий между собой.

В Петропавловске-Камчатском соотношение шкал опросника М. Lalli в целом похоже на барнаульскую выборку. Самые высокие значения принимает шкала «Общей привязанности» ($Mn=3,4$; $Md=3,5$), самые низкие – шкалы «Внешняя ценность» ($Mn=2,7$; $Md=2,5$) и «Целеполагание» ($Mn=2,7$; $Md=2,8$). Различия между показателями шкалы «Общая привязанность», с одной стороны, и шкал «Внешняя ценность» и «Целеполагание», с другой, статистически достоверны на уровне $p=0,0001$, $\chi^2=77,5$. Значения шкал «Связь с прошлым» ($Mn=2,8$; $Md=2,8$) и «Восприятие близости» ($Mn=2,9$; $Md=2,8$) занимают на шкале среднее положение, не обнаруживая статистически значимых различий между собой.

Проанализируем и обсудим полученные данные. Сначала обратимся к той тенденции, которую показывает шкала «Внешняя ценность». Можно видеть, что наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом эта шкала вносит в таких городах, как Санкт-Петербург, Екатеринбург и Владивосток, наименьший – в Барнауле и Петропавловске-Камчатском. Томск занимает промежуточное положение. С нашей точки зрения, этот результат можно объяснить особенностями самих городов. Санкт-Петербург называют второй столицей России, Екатеринбург и Владивосток фактически являются региональными столицами, тогда как города Барнаул и Петропавловск-Камчатский скорее можно отнести к провинциальным городам. Особое место в этом ряду занимает город Томск. По своему социально-экономическому положению и количеству жителей его также можно отнести к провинциальным городам, одна-

ко он обладает богатой историей, культурными, научными и образовательными традициями. Достаточно отметить хотя бы тот факт, что при численности населения Томска в полмиллиона человек, город имеет пять крупнейших вузов, причем, два из них – Госуниверситет и Политехнический университет – входят в топ-10 вузов страны. И это, безусловно, является особенно привлекательным именно для молодежи, стремящейся получить достойное образование. Таким образом, можно сделать следующий вывод: чем больше в городе объектов, воспринимаемых жителями в качестве признаков культурного центра, богаче его история, традиции и т. п., тем больше вклад в городскую идентичность вносит параметр «Внешняя ценность».

Обратимся к результатам, полученным по тем шкалам, которые являются, по мысли автора используемой в нашем исследовании методики, доминирующими в структуре идентичности с городом и отражают субъективное восприятие человеком среды города и личный опыт бытия в нем. Речь идет о шкалах: «Общая привязанность», «Связь с прошлым», «Восприятие близости», «Целеполагание». Здесь выявлена следующая тенденция: практически во всех городах, вошедших в нашу выборку, наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом вносит шкала «Общая привязанность», наименьший – шкала «Целеполагание». Какой же опыт бытия молодых людей в городе демонстрируют полученные результаты? Идентичность с городом молодежи скорее основывается не на свободном и аутентичном переживании близости, эмоциональной связи с городом, приверженности ему, а именно на привязанности к городу.

Таким образом, можно говорить, что жители всех городов, принявшие участие в исследовании, воспринимают свой город или с точки зрения внешней привлекательности, или с позиции эмоционально-утилитарного отношения – чувства «привычности», родства, безопасности. В же то время представление о развитии города и планирование своего будущего как тесно связанного с ним, осуществление жизненных целей в городе проживания не являются важным основанием идентификации с городом. Город воспринимается как «своя среда», пусть даже и субъективно бесперспективная, если с ней многое связывает, она хорошо знакома и позволяет чувствовать себя «по-настоящему дома».

Заключение

В заключение можно сделать следующие обобщения и выводы: 1) параметры внешней привлекательности и общей привязанности являются основными в структуре идентичности с городом российской

молодежи; 2) выделились три вида структуры идентичности с городом, отражающие разные основания для идентификации в различных городах: в Санкт-Петербурге («вторая столица России») идентификация с городом в большей степени основывается на внешней ценности и привлекательности города; в Барнауле и Петропавловске-Камчатском («нестоличные» города) – на общей привязанности, т. е. на эмоционально-утилитарном отношении – чувстве «привычности», родства, безопасности; в Екатеринбурге, Владивостоке и Томске («региональные столицы» и культурно-образовательные центры) – как на внешней привлекательности, так и на эмоционально-утилитарном отношении; 3) параметр целеполагания вносит незначительный вклад в интегральный показатель идентичности во всех городах. Последний вывод, с нашей точки зрения, имеет не только психологическое, но и существенное социально-практическое значение, поскольку выраженность этого параметра свидетельствует о стремлении молодого человека связать свое будущее с городом.

Литература

- Белинская Е. П.* Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.05.2017).
- Кувенева Т. Н., Манаков А. Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84.
- Самошкина И. С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2008.
- Bernardo F., Palma-Oliveira J-M.* Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. V. 45. P. 239–251. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2016.01.010>.
- Kashima Y., Paladino A., Margetts E. A.* Environmentalist identity and environmental striving // *Journal of Environmental Psychology*. 2014. V. 38. P. 64–75. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2013.12.014>.
- Lalli M.* Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. 1992. V. 12 (4). P. 285–303. doi: [http://10.1016/S0272-4944\(05\)80078-](http://10.1016/S0272-4944(05)80078-).
- Lewicka M.* Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // *Journal of Environmental Psychology*. 2011. V. 31. P. 207–230. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2010.10.001>.

Montgomery J. Making a City: Urbanity, Vitality and Urban Design // Journal of Urban Design. 1998. V. 3 (1). P. 93–116. doi: <http://10.1080/13574809808724418>.

Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // Procedia – social and behavioral sciences. 2015. V. 170. P. 709–717. doi: <http://10.1016/j.sbspro.2015.01.073>.

Psychological bases of urban-related identity in youth of the Russian cities

*S. A. Litvina**, *O. I. Muraviova***, *S. A. Bogomaz**** (Tomsk),
*O. V. Kruzhkova***** (Ekaterinburg)

* Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of organizational psychology, Tomsk state University

** Candidate of psychological Sciences, associate Professor at the Department of psychology of personality, Tomsk state University

*** Doctor of psychological Sciences, Chair of the Department of Organizational psychology, Tomsk state University

**** Candidate of psychological Sciences, Docent, Chair at the Department of philosophy and acmeology, Ural state pedagogical University

The article focuses on the problem psychological bases of urban-related identity. The study was conducted with 1762 participants who were young people aged from 17 to 34 and living in 6 Russian cities. Three types of the structure of urban-related identity have been found, each of them reflects different bases for identification, depending on the city. Three types of the structure of urban-related identity have been found, each of them reflects different bases for identification, depending on the city. In Saint Petersburg (“The second capital of Russia”) identification is based largely on external evaluation and attractiveness of the city; in Barnaul and Petropavlovsk-Kamchatsky “provincial cities” identification is based on emotional grounds: through familiarity, feel of safety and general attachment to the city; in Vladivostok, Ekaterinburg and Tomsk (“regional capitals”, cultural and educational centers) identification is based on external evaluation and on emotional grounds.

Keywords: urban-related identity, safety, youth, commitment, values.

Гендерный фактор в коммуникативном дискурсе в сети Интернет

*Л. В. Матвеева**, *А. Е. Позерт*** (Москва)

** доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: matweewa-com@yandex.ru*

*** студент 6-го курса факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: apozert@gmail.com*

В данном исследовании была предпринята попытка проследить различия в коммуникативных предпочтениях использования интернет-дискурса в молодежной аудитории по фактору гендера. Было выявлено, что гендерный фактор является существенным основанием для обнаружения и объяснения различий в структуре предпочтений молодежи в интернет-среде, а также особенностей коммуникации, опосредованной современными технологиями. Для мужчин и женщин с разным уровнем выраженности маскулинности–фемининности обнаружена дифференциация в оценке возможностей и использования интернет-дискурса для самореализации и коммуникации. Характеристики образов партнеров по общению в интернете у мужчин с высоким и низким показателем маскулинности различаются: для мужчин с низкой маскулинностью желаемым партнером является человек, осуществляющий поддержку и повышающий уверенность в себе и активность, более маскулинные мужчины ищут равных себе партнеров, уверенных и самодостаточных. Сопоставление образов для группы женщин выявило большее количество фемининных образов для менее фемининных женщин и большее количество маскулинных образов для женщин с высокими показателями фемининности.

Ключевые слова: интернет-дискурс, гендерная идентичность, фемининность, маскулинность, коммуникативная мотивация, образ партнера по общению.

Постановка проблемы

В мировом масштабе можно наблюдать неравномерную возможность доступа полов к компьютерам и относительно низкую заинтересованность представительниц женского пола во взаимодействии с информационными технологиями. Результатом является то, что большинство рекомендаций по овладению навыками эффективной работы на компьютере базируются на исследованиях и опросах, проведенных, главным образом, на мужской выборке испытуемых. Подобное положение дел ведет к еще большему «отставанию» женщин, хотя их доля в общей совокупности исследований неизбежно будет возрастать в перспективе, о чем свидетельствуют многие тенденции в развитии современного общества (см.: Новое в науках..., 2015; Россия..., 2007; Современная социальная реальность..., 2014; и др.). Таким образом, в СМИ процесс работы с компьютером выступает сферой мужской деятельности; получается, что, как учебные, так и игровые компьютерные программы и приложения имеют в качестве адресатов скорее мальчиков, чем девочек (Арестова, Войскунский, 2000). Для женщин и мужчин, пользующихся интернетом, система интересов различна. Сетевое пространство для женщин – это, главным образом, коммуникация и поддержание связей с другими людьми; система же интернет-активности мужчин более широкая. Относительно небольшое внимание женской аудитории к возможностям и сервисам интернет-пространства связано в том числе с малой представленностью предназначенных только для них сетевых ресурсов. В коммуникации, осуществляемой через интернет, женская аудитория склонна проявлять более выраженную тревожность и депрессивность; отношение женщин к интернету менее позитивно, чем отношение мужчин. Немаловажно также, что у мужчин наблюдаются более высокие показатели по шкале «одиночества»: женщины-пользователи, активно общаясь с помощью сервисов Интернета, компенсируют одиночество, а пользователи-мужчины, тратя меньше время на общение, усугубляют чувство одиночества.

Обобщенные данные можно найти у Ш. Текл (Turkle, 1995) и Дж. Морахан Мартин (Morahan-Martin, 1998). Так, в коллективных обсуждениях, чатах, в ходе групповых игр женщины склонны демонстрировать соглашательскую и подчиненную роль; мужчины чаще всего берут на себя доминирование в групповой активности и инициацию новых тем и повесток для обсуждения. Сообщения женщин характеризуются большей эмоциональностью, являются более короткими, чем сообщения мужчин. Темы, которые предлагают женщины, часто не обнаруживают поддержки среди участников коллективной активности, либо встречают открытую и дале-

ко не всегда обоснованную критику, а зачастую и конфронтацию. Сходные данные ранее были получены в исследованиях управленческой деятельности (Журавлёв и др., 1989; и др.) и предпринимательства (Позняков и др., 2008; и др.).

Мужчины утверждают собственный статус посредством вербальных средств, более часто описывают действия или призывают к ним, а также инициируют обсуждение и/или сообщают факты; практически все суждения мужчин решительны и безапелляционны. Реплики женщин зачастую служат смягчению возникающего в группе напряжения и конфронтации, поддержанию эмоциональной обстановки и стабильности, а предлагаемые мнения высказываются в осторожной и гипотетичной форме. Однако женщины сравнительно чаще, чем мужчины, заводят не вполне приятные обсуждения, скандалы и разборки («флейминг» или «троллинг»).

Организация и методический инструментарий исследования

Гипотезы исследования

- 1) Цели обращения к интернету различаются в группах с разной гендерной идентичностью.
- 2) Образы «идеального партнера» по общению в интернете различаются в группах с разной гендерной идентичностью.

Методики исследования

- 1) Анкетирование проводилось на основе анкеты, разработанной в совместном исследовании факультета журналистики и факультета психологии МГУ авторской группой: Л. В. Матвеева, Л. Г. Свитич, О. А. Карабанова, Е. Л. Варганова, Н. В. Трофимова, Г. В. Перипечина, Т. Я. Аникеева и Ю. В. Мочалова (2008).
- 2) Метод психосемантического дифференциала. Построение психосемантической шкалы проведено на основе работ В. Ф. Петренко по изучению феноменов массовой коммуникации и изучению образов, символов и представлений в идеологической борьбе за ментальное пространство (2013).
- 3) Методика С. Бэм по выявлению гендерной идентичности (2003).

Процедура исследования

Все методики были приведены в электронный формат с целью выполнения интернет-исследования с помощью ресурса для созда-

ния онлайн-опросников www.1ka.si. Респонденты заполняли анкеты и методики в электронном виде.

Недобросовестные респонденты были исключены и в конечную выборку не вошли (критерий – нулевая дисперсия баллов хотя бы по одной из методик).

Формирование конечной выборки происходило на основании ранжирования показателей по методике С. Бэм; были сформированы 4 группы: мужчины с высокими показателями маскулинности; мужчины с низкими показателями маскулинности; женщины с высокими показателями фемининности; женщины с низкими показателями фемининности.

Таблица 1
Характеристика итоговой выборки

	Мужчины с низкой маскулинностью	Мужчины с высокой маскулинностью	Женщины с низкой фемининностью	Женщины с высокой фемининностью
Количество	20	20	20	20
Сред. возраст	25,35	26,35	25,65	26,45
Сред. IS (С. Бэм)	0,63	-0,75	-0,5	0,97

Далее по всем трем методикам для каждой из четырех групп был применен факторный анализ для последующего выявления различий. Используемый статистический пакет – SPSS Statistic 17.0.

Результаты исследования

Сопоставление результатов по видам мотивации обращения к Интернету в группе мужчин

Группа мужчин в зависимости от различных показателей маскулинности имеет существенные расхождения в мотивации пользования Интернетом. В первую очередь, это относится к сфере общения: если про менее маскулинных мужчин можно сказать, что общение интересно им только ради общения, то для более маскулинных мужчин характерно отношение к общению как к средству. Общение у них встраивается в более широкий контекст других видов деятельности.

Более маскулинные мужчины также более активны в отношении самореализации, а всевозможный контент для них выступает в роли посредника в социальном взаимодействии. Самореализация

Таблица 2

Сравнение направлений мотивации более маскулинных и менее маскулинных мужчин

Мужчины с низкими показателями маскулинности	Мужчины с высокими показателями маскулинности
Игровая компенсация	Социализированные развлечения (контент как средство)
Общение ради общения	Направленная коммуникация
Интеллектуальное саморазвитие	Активная самореализация/ демонстративная самопрезентация
Пассивная самореализация	«Быть в тренде»
Нецеленаправленный сёрфинг	Социальный гейминг
Поддержание обсуждения	Всегда на связи
Авторский блог/искренний дневник	

у менее маскулинных мужчин выступает как цель «для себя», а у более маскулинных – как самопрезентация в обществе «для других».

Сопоставление результатов по видам мотивации обращения к Интернету в группе женщин

Таблица 3

Сравнение направлений мотивации более фемининных и менее фемининных женщин

Женщины с низкими показателями фемининности	Женщины с высокими показателями фемининности
Развитие, задаваемое обществом/ Стремление к первенству	Здоровая самоактуализация/ Развитие ради развития
Деловая коммуникация	Контент как досуг
Интернет как досуг	Реализация социальной ответственности
Познание через игры	Развитие коммуникации
Пополнение и презентация внутреннего мира	Антиэскапизм
Общение само по себе	Самовыражение

У более маскулинных женщин сильнее дифференциация общения и развития навыков коммуникации, в то время как у фемининных женщин эти стороны слиты в единую мотивацию.

Менее фемининные женщины стремятся скорее доминировать в общественном интернет-дискурсе, а более фемининные не связывают саморазвитие с общественной деятельностью, так как она для них представляет отдельную мотивацию.

Женщины с низкими показателями фемининности склонны видеть в играх возможность получения информации или даже ответов на интересующие вопросы, а у противоположной группы игры противопоставляются коммуникации. Для женщин вообще характерна тенденция объединения мотивов саморазвития и расширения кругозора, что может свидетельствовать о стремлении к «гендерному эгалитаризму», осуществление которого получает большие возможности в интернет-среде.

На следующем этапе исследования изучался обобщенный образ идеального партнера в коммуникации с использованием интернет-дискурса у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью.

Сопоставление результатов факторной структуры образа идеального партнера в интернет-коммуникации в группе мужчин

Таблица 4
Сравнение образов партнеров по общению
более маскулинных и менее маскулинных мужчин

Мужчины с низкими показателями маскулинности	Мужчины с высокими показателями маскулинности
«Идущий навстречу»	«Для диалога на равных»/ «Достойный собеседник»
«Источник информации»	«Понимающий и авторитетный»
«Жилетка»/«Эмпатийный»	«Независимый»
«Поддерживающий»	«Можно рассказать всё»
«Соглашающийся»	«Для разговора по душам»
«Беспомощный»	
«Имеет собственное мнение»	

Выявлены существенные различия в образах, полученных в группе мужчин: для менее маскулинных их представителей характерны образы, являющиеся источниками поддержки, одобрения, заинтересованности, уверенности и активности; более маскулинные мужчины ищут равных себе партнеров, уверенных и самодостаточных, они не боятся различий во взглядах, а также более открытых и даже грубых диалогов.

В целом, для менее маскулинных мужчин характерен выбор фемининного партнера, а для более маскулинных соответственно – маскулинного.

Сопоставление результатов факторной структуры образа идеального партнера в интернет-коммуникации в группе женщин

Таблица 5
Сравнение образов партнеров по общению более фемининных и менее фемининных женщин

Женщины с низкими показателями фемининности	Женщины с высокими показателями фемининности
«Универсальный»	«Близкий человек»
«Компетентный»/«Независимый»	«Захватывающий»/«Независимый»
«Партнер для живого общения»	«Беспомощный»
«Для обсуждения увлечений»	«Брутальный авторитет»/«Последний, кто может помочь советом»
«Одобряющий»	«Черствый»
«Понимающий»/«Эмпатийный»	«Советчик»

Сопоставление образов в группе женщин выявило большее количество фемининных образов для менее фемининных женщин и большее количество маскулинных образов для женщин с высокими показателями фемининности. Причем для второй группы были обнаружены негативные образы: «Беспомощный» и «Брутальный авторитет»/«Последний, кто может помочь советом». На основании этих двух образов можно сделать вывод о том, что у фемининных женщин в равной степени выражены тенденции к подчинению и доминированию в ситуации общения.

Таким образом, распределение образов у женщин можно считать прямо противоположным аналогичному распределению у мужчин. Возможно, женщинам важнее (чем мужчинам) видеть в партнере противоположную гендерную роль.

Заключение

Выявлены особенности коммуникативных предпочтений в Интернете у представителей мужской аудитории с высоким и низким уровнями маскулинности: для менее маскулинных мужчин об-

щение интересно ради самого общения, а для более маскулинных мужчин характерно отношение к общению как к средству саморазвития и самореализации. Для более маскулинных мужчин контент Интернета выступает в роли посредника в социальном взаимодействии.

Коммуникативные предпочтения общения в интернете в женской аудитории имеют свои особенности в зависимости от гендерной идентичности: у более маскулинных женщин сильнее выражена дифференциация типов общения и более развиты навыки коммуникации. В то же время характер общения в Интернете у женщин с фемининной гендерной идентичностью отличается меньшей дифференциацией. Менее фемининные женщины стремятся скорее доминировать в общественном интернет-дискурсе, а более фемининные не связывают саморазвитие с общественной деятельностью. Для женщин вообще характерна тенденция объединения мотивов саморазвития и расширения кругозора.

Образы партнеров по общению в Интернете у мужчин с высокой и низкой гендерной идентичностью различаются: для менее маскулинных мужчин характерны образы партнеров по общению, являющиеся источниками поддержки, одобрения, заинтересованности, уверенности и активности. Более маскулинные мужчины ищут равных себе партнеров, уверенных и самодостаточных.

Сопоставление образов для группы женщин выявило большее количество фемининных образов для менее фемининных женщин и большее количество маскулинных образов для женщин с высокими показателями фемининности.

Результаты в группе женщин в целом сходные, однако имеется одно важное различие: более фемининные женщины склонны оценивать коммуникационное интернет-пространство как враждебное (агрессивное и небезопасное).

Литература

- Арестова О. Н., Войскунский А. Е. Гендерные аспекты деятельности в Интернете // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М., 2000.
- Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
- Журавлёв А. Л., Хащенко В. А., Хащенко Н. Н. Влияние фактора пола на формирование стиля руководства производственным коллективом // Социально-психологические резервы повышения деятельности трудового коллектива. М., 1989. С. 113–125.

- Матвеева Л. В., Свитич Л. Г., Карабанова О. А., Вартанова Е. Л., Трофимова Н. В., Перипечина Г. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В.* Ценностные ориентации, коммуникативные установки, информационные интересы автора и зрителя в телевизионной коммуникации. Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Т. II. М., 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М., 2015.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2013.
- Позняков В. П., Журавлёв А. Л., Титова О. И.* Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102–115.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М., 2007.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 1. М., 2014.
- Morahan-Martin J.* Males, females and the Internet // *Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal and transpersonal implications* / Ed. J. Gackenbach. San Diego, 1998.
- Turkle Sh.* Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N. Y., 1995.

Gender factor in communicative discourse on the Internet

L. V. Matveeva, A. E. Pozert** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, Professor
at the Department of methodology of psychology,
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Student of the Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University

In this study, an attempt has been made to trace differences in the communicative preferences of using Internet discourse in the youth audience for the gender factor. It was revealed that gender is an essential reason for discovering and explaining differences in the structure of youth preferences in the Internet environment, as well as features of communication mediated by modern technologies. For men and women with different levels of masculinity-femininity, a differentiation has been found in assessing the possibilities and use of Internet discourse for self-realization and communication. Characteristics of the images of partners in the Internet

for men with high and low masculinity are different: for men with low masculinity, the desired partner is a person who supports and enhances self-confidence and activity, the more masculine men seek equal partners, confident and self-sufficient. Comparison of images for a group of women revealed more feminine images for less feminine women and more masculine images for women with high femininity rates.

Keywords: Internet discourse, gender identity, femininity-masculinity, communicative motivation, the image of a partner in communication.

Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований¹

Е. А. Михеев, Т. А. Нестик** (Москва)*

** соискатель Института психологии РАН; e-mail: mih-news@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор РАН,
заведующий лабораторией социальной и экономической психологии,
Институт психологии РАН; e-mail: nestik@gmail.com*

Рассматриваются основные подходы к изучению дезинформации в отечественной и зарубежной социальной психологии. Особое внимание уделяется психологическим механизмам дезинформации в социальных сетях: эффектам подтверждения уже сложившегося мнения, нормативного влияния, межличностной аттракции на основании воспринимаемого сходства, создания однородных сообществ и групповой поляризации («эхо-камеры»), формирование негативных коллективных эмоциональных состояний и др. Рассматриваются способы противодействия распространению ложной информации в сетевых сообществах. В статье также предложены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: дезинформация, отношение к дезинформации, информационно-психологическое воздействие, социальные сети, групповая идентичность, защитные механизмы, Я-концепция, коллективные эмоции, групповая поляризация, эхо-камеры.

Дезинформация является одной из форм информационно-психологического воздействия и сегодня тесно связана с другими видами глобальных угроз: таких как крах государства, социальная нестабильность, масштабные интернет-атаки, международные конфликты. Проблема социально-психологических механизмов дезинформации

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-17-0001.

становится все более актуальной в связи с ростом числа информационных угроз для национальной безопасности Российской Федерации (Ковалева, Соснин, 2017). Широкое распространение получило такое явление как «фэйковые новости», которые являются одним из новых методов проведения информационно-психологических операций. В 2013 г. Всемирный экономический форум включил массовую цифровую дезинформацию в число наиболее серьезных глобальных рисков.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать научную литературу, посвященную психологическим механизмам дезинформации в сетевых сообществах, и наметить перспективные направления социально-психологических исследований в данной области.

Под термином «дезинформирование» понимается сообщение неверных сведений, введение в заблуждение ложной информацией; мероприятие, рассчитанное на введение в заблуждение лиц или организаций путем подтасовки и подделки документальных доказательств, с тем чтобы вызвать ответное действие со стороны лиц или организаций, компрометирующее ее (Г. В. Грачев); способ маскировки, который реализуется с помощью преднамеренного распространения ложных сведений об объектах, их составе и деятельности, а также имитация деятельности в соответствии с этими сведениями (А. И. Доронин). Дезинформирование рассматривается как тип скрытного, тайного принуждения в ходе информационно-психологического воздействия на сознание объекта (К. Х. Каландаров, А. В. Манойло), как форма «разорванной коммуникации», при которой диалогическое межличностное взаимодействие субъект–субъект подменяется в СМИ опосредованным, манипулятивным и неравноправным взаимодействием субъект–объект (Рюмшина, 2008).

Дезинформирование является одним из видов информационно-психологического воздействия (ИПВ) на социальные группы, отдельные лица и сферы психики человека с целью изменения их социально-психологических характеристик. Каналами ИПВ выступают отдельные лица, некоммерческие организации (НКО) и средства массовой коммуникации (СМК). Такие виды СМК, как блоги, социальные сети, приобретают все большее влияние на поведение и образ жизни людей. Социальные сети выступают зачастую не только каналом одностороннего воздействия, но и глобальной базой данных о социально-психологических характеристиках людей. Причем, как отмечают некоторые исследователи, эти данные намного точнее информации, получаемой при традиционных социологических опросах (исследования М. Козински и др.).

В результате информационно-психологического воздействия через социальные сети может быть нанесен урон информационно-психологической безопасности личности, т. е. состоянию защищенности психики личности от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом, жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъективных отношений к окружающему миру и самому себе.

В современной социальной психологии проблема дезинформации рассматривается преимущественно в связи с показаниями свидетелей, отношением к социально значимым проблемам (таким, как риски вакцинации, использование ГМО, межэтнические конфликты), а также в связи другими угрозами: терроризмом, экстремизмом, гибридными войнами, стихийными бедствиями). Единицей анализа выступают в основном индивиды, которые выступали в качестве дезинформаторов или объектов дезинформирования как в реальном общении, так и посредством коммуникационных технологий (сети Интернет, СМК). Исследования, в которых используется групповой уровень анализа, пока крайне немногочисленны.

В отечественной социальной психологии можно выделить несколько перспективных подходов к изучению дезинформации: во-первых, исследования влияния дезинформации на межличностное общение; во-вторых, изучение влияния дезинформации на групповые защитные механизмы, в том числе на механизмы защиты позитивной групповой идентичности; в-третьих, исследования динамики коллективных переживаний в процессе воздействия СМК на массовое сознание; в-четвертых, исследования связи дезинформации и я-концепции при виртуальном межличностном общении в Интернет.

На внутриличностном и межличностном уровне социально-психологического анализа большой интерес представляют психологические изменения, происходящие в процессе дезинформирования. М. А. Красниковым установлено, что дезинформирование влияет на содержание, эмоциональный фон и интенсивность общения (Красников, 2006). Отмечены следующие тенденции: а) исключение из обсуждения темы дезинформации; б) ухудшение эмоционального фона; в) уменьшение интенсивности общения. В случае разоблачения конфликт из латентной формы переходит в открытую, значительно ухудшая эмоциональный фон. Выделены личностные изменения, происходящие в ходе дезинформации. Для дезинформатора это приобретение и выполнение особой роли «дезинформа-

тора»; изменение установок и представлений о партнере, ситуации в связи с избеганием разоблачения; появление новой цели – избежать разоблачения различным путем. Для дезинформируемого это возникновение искаженных представлений о предмете общения и личности партнера; неадекватное поведение; переоценка (обычно негативная) в связи с разоблачением партнера как дезинформатора; возникновение недоверия к партнеру; сдвиги в поведении – от прекращения общения до его углубления в зависимости от характера сложившихся к моменту разоблачения взаимоотношений.

На групповом уровне социально-психологического анализа воздействие дезинформации может рассматриваться как запуск защитных групповых механизмов, снижающих рефлексивность группы, в том числе защиты позитивной групповой идентичности, а также как провокация определенных коллективных переживаний.

Позитивная оценка группы ее членами является одним из проявлений групповой идентификации, которая, в свою очередь, выступает основой центрального феномена психологии малых групп – психологической общности группы, содержащего в себе явления сходства, общности индивидов, входящих в малую группу (общность мотивов, целей, ценностных ориентаций и социальных установок). Поддержание позитивной групповой идентичности рассматривается в качестве одной из социально-психологических функций групповой рефлексивности, под которой понимается ориентация группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа. По мнению Т. А. Нестика, именно групповая рефлексивность делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям (Нестик, 2014). Дезинформация и слухи при дефиците информации могут провоцировать панические, тревожные эмоциональные состояния, снижающие рефлексивность, а также запускают защитные групповые механизмы, направленные на поддержание позитивной оценки группы ее членами (см. работы В. А. Штроо и др.). На наш взгляд, это предположение требует дальнейшего изучения и уточнения.

Проблемами коллективных эмоциональных переживаний в отечественной социальной психологии занимались Г. М. Андреева, Д. В. Ольшанский, Б. Д. Парыгин, Б. Ф. Поршнев, Е. В. Шорохова, Т. П. Емельянова, А. В. Юревич и др. По мнению Т. П. Емельяновой, на формирование коллективных чувств большое внимание оказывает СМИ (Емельянова, 2016). Исследования, выполненные в рамках конструкционистского подхода, проливают свет на механизмы целенаправленного конструирования несуществующих проблем,

когда СМИ провоцируют тем самым ответ общества в форме интенсивных коллективных переживаний, и, наоборот, способы нивелирования реальных проблем, что «приглушает» острые переживания публики. При дезинформировании публики используется распространение ложной информации, слухов, формирование иллюзий; организация «утечки» конфиденциальных сведений; преувеличение тех или иных событий и фактов, распространение противоречивых сообщений.

В современной зарубежной психологии проблема дезинформации изучается в рамках нескольких исследовательских направлений: во-первых, это исследования, посвященные личностным характеристикам, делающим человека более подверженным дезинформации; во-вторых, исследования эффекта ложных воспоминаний; в-третьих, нейробиологические исследования когнитивных процессов, связанных с дезинформированием; наконец, исследования, посвященные различным способам снизить подверженность личности дезинформации (Frenda et al., 2011).

Установлено, что подверженность дезинформированию связана с когнитивными способностями и коммуникативными личностными характеристиками. При этом внушаемость и эффект ложной памяти связаны с разными детерминантами: например, тревожность, депрессивные состояния, избегание и аффективно-ориентированный стиль совладания с трудными ситуациями делают человека более внушаемым, тогда как уверенность в себе, упорство и низкий страх негативной оценки окружающими усиливают подверженность ложным воспоминаниям.

В связи с использованием социальных сетей в маркетинговых и политических проектах, в последние годы сформировалось еще одно направление исследований – изучение психологических механизмов распространения и воздействия ложной информации в социальных медиа. Воздействие дезинформации исследователи связывают с механизмами нормативного влияния и конформности, воспринимаемого межличностного сходства, эмоционального заражения, а также эффектами каскадов доступности информации, групповой поляризации и подтверждения уже сложившегося мнения.

Как показывают зарубежные исследования, важную роль в формировании подверженности дезинформации среди пользователей социальных сетей играет Я-концепция. Социальная сеть Facebook является местом удовлетворения потребностей личности в подтверждении собственной ценности и целостности. Оказалось, что интернет-пользователи склонны проводить в Facebook больше времени после удара по их Я-концепции, так как неосознанно стремятся по-

высить самооценку. При этом чем больше времени пользователи проводят в социальных сетях, чем более они склонны к депрессивным состояниям из-за сравнения себя с другими, более успешными пользователями. Все это делает пользователей более восприимчивыми к ложным сообщениям, поддерживающим их позитивную самооценку, в том числе через межгрупповое сравнение и аутгрупповую дискриминацию.

Общение в социальных сетях и посредством других коммуникационных технологий (мгновенные сообщения, SMS, мессенджеры) неразрывно связано с использованием различных видов дезинформации. Выявлены три типа лжи, характерных для онлайн-коммуникаций: «дворецкий» (ложь для избегания или задержки контакта), «марионетка» (создание сообщений от чужого имени или сообщений от вымышленного лица с помощью клонов или интернет-ботов), «китайская водная армия» или «астротурфинг» (массовый найм блоггеров и троллей, которые за небольшое вознаграждение пишут посты в социальных сетях, имитируя общественное мнение в государственных или корпоративных целях). Если первые два вида лжи существовали еще до эпохи Интернета, то третий вид дезинформации получил распространение в ходе психологических операций с использованием СМИ и социальных медиа (Hancock, 2012).

Типичная психологическая операция с использованием социальных сетей начинается с целенаправленного сбора информации, в том числе с применением фишинговых сайтов, взлома и перехвата аккаунтов, кражи личных данных. На втором этапе генерируется контент: распространяются истории для прессы, мемы, создаются фейковые аккаунты и боты. На третьем этапе происходит амплификация лжи, т. е. собственно астротурфинг: через созданные фейковые аккаунты, «бригады троллей» и боты распространяются мемы, создаются вымышленные группы, осуществляется спам комментариев.

Получив ложную информацию через СМИ или в сети, пользователи продолжают верить в нее даже после того, как она будет официально опровергнута, если первоначальные сообщения соответствовали их убеждениям. Например, даже после многократных официальных опровержений, значительная часть американцев продолжала верить в то, что в Ираке находилось оружие массового поражения и что военное вторжение в Ирак было абсолютно необходимым. Устойчивость воздействия дезинформации связана с тем, что пользователи остаются нечувствительными к опровержениям, если вера в них заставляет изменить уже сложившиеся взгляды.

Одним из ключевых социально-психологических феноменов, которые облегчают распространение ложной информации, явля-

ются так называемые «эхо-камеры» – однородные по составу интернет-сообщества, участники которых слушают только себе подобных и становятся нечувствительными к альтернативным точкам зрения. Исследования показывают, что виртуальные дискуссии в таких сообществах, вне зависимости от их тематики, повышают выраженность негативных эмоциональных состояний и сдвигают участников к крайним, радикальным оценкам (Zollo et al., 2015). Участники таких «эхо-камер» характеризуются рядом черт: высокой эмоциональной стабильностью и высокой открытостью к новому в сочетании с низкой экстраверсией, низкой доброжелательностью и низкой сознательностью.

Доверие к сообщению в социальных медиа предполагает доверие к его содержанию, мотивации отправителя и веру в то, что он тот, за кого себя выдает. Распространению дезинформации через астротурфинг, т. е. через троллей и ботов, способствуют несколько психологических эффектов: множественности источников, неопределенности, воспринимаемого сходства и мотивации пользователей (Zhang et al., 2013). Во-первых, различные аргументы от разных пользователей воспринимаются личностью как более весомые, чем один и тот же аргумент от разных источников или разные аргументы от одного пользователя. Во-вторых, пользователи более подвержены информационному влиянию при обсуждении вопросов, по которым еще не сложилось однозначное общественное мнение. В-третьих, интернет-пользователи более подвержены влиянию со стороны подобных себе и при отсутствии у них высокой мотивации разобраться в соответствующем вопросе.

Противодействие распространению ложной информации в сетевых сообществах может опираться как на машинные алгоритмы, так и на более сложные социальные технологии, повышающие рефлексивность сообществ.

Первый подход уже реализуется: например, выдача ссылок на первоисточник и альтернативные версии новостного сообщения помогает пользователям более критично отнестись к информации. Кроме того, как указывает Дж. Хэнкок, технологии не только повышают подверженность дезинформации, но и ограничивают возможности для лжецов: цифровые следы личности – от электронных сообщений до геометок – хранятся в сети и могут легко быть сопоставлены для выявления обмана. Опираясь на ряд лингвистических и паралингвистических маркеров (эмоциональная лексика и эмотиконы, многословность, отсутствие деталей, ссылки на третьих лиц и т. п.), самообучающиеся программы уже сегодня могут со 100% точностью идентифицировать лжеца, превращаясь в своего рода он-

лайн-полиграфы (Hancock, 2012; Ho et al., 2016). Вместе с тем следует признать, что, оставаясь исключительно на внутриличностном и межличностном уровнях анализа, невозможно купировать социально-психологических эффекты, лежащие в основе дезинформирования в социальных медиа.

Второй подход, основанный на социальных технологиях поддержания коллективной рефлексивности, критического мышления и коллективного эмоционального интеллекта, еще только предстоит разработать. На наш взгляд, он должен быть направлен на повышение устойчивости сетевых сообществ к «информационной войне» за счет формирования определенных групповых норм работы с информацией, распределения ролей и использования специальных фасилитационных техник.

В заключение хотелось бы выделить несколько перспективных направлений дальнейших исследований в этой области. Остро стоят проблемы разработки концептуально-терминологического аппарата описания и классификации видов и форм дезинформации в интернете; по-прежнему ощущается острый дефицит методического инструментария для изучения проявления дезинформации в реальных жизненных ситуациях и отношения к ней в интернет-сообществах; противоречивыми являются и результаты эмпирических исследований, направленных на установление взаимосвязи подверженности дезинформации с личностными характеристиками.

Требуют прояснения социально-психологические механизмы формирования отношения личности к дезинформации в социальных сетях. Особое внимание следует уделить изучению роли коллективных эмоциональных состояний в распространении дезинформации, особенно в связи с травмирующими, катастрофическими событиями. Уже проведенные эмпирические исследования не позволяют пока определить связь отношения к дезинформации в СМК с социально-психологическими характеристиками личности, предположительно влияющими на эффективность информационно-психологического воздействия: доверием к миру, людям и государству; ценностными ориентациями; тревожностью; социальной идентичностью, объемом социального капитала и др. Наконец, для повышения устойчивости общества к информационно-психологическим операциям необходимо выявить социально-психологические типы отношения личности к дезинформации в социальных сетях. От изучения факторов индивидуальной внушаемости интернет-пользователей и их доверия к сообщениям необходимо перейти к исследованию особенностей антиципации, переживания

и осмысления интернет-сообществом угрозы дезинформации, а также совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на создание, использование или предотвращение дезинформации.

Литература

- Емельянова Т. П.*. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. №1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А.* Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. №1. С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).
- Красников М. А.* Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Нестик Т. А.* Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014. №2. С. 134–141.
- Рюмишина Л. И.* Манипуляции в СМИ как следствие «разорванной коммуникации» // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 226–234.
- Frenda S. J., Nichols R. M., Loftus E. F.* Current Issues and Advances in Misinformation Research // Current Directions in Psychological Science. 2011. V. 20. №1. P. 20–23.
- Hancock J. T.* The future of lying. Technology, Education & Design (TED). Winnipeg, MN, 2012. URL: http://www.ted.com/talks/jeff_hancock_3_types_of_digital_lies (дата обращения: 01.06.2017).
- Ho Sh. M., Hancock J. T., Booth Ch., Liu X.* Computer-Mediated Deception: Strategies Revealed by Language-Action Cues in Spontaneous Communication // Journal of Management Information Systems. 2016. V. 33. №2. P. 393–420.
- Zollo F., Novak P. K., Del Vicario M., Bessi A., Mozetič I., Scala A.* et al. Emotional Dynamics in the Age of Misinformation // PLoS ONE. 2015. V. 10 (9). doi: e0138740. doi:10.1371/journal.pone.0138740.
- Zhang J., Carpenter D., Ko M.* Online astroturfing: A theoretical perspective // Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on

Information Systems, Chicago, Illinois. August 15–17, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041 (дата обращения: 01.06.2017).

Disinformation in social networks: current state and perspective research directions

*E. A. Mikheev**, *T. A. Nestik*** (Moscow)

* Applicant degree of candidate of Sciences, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

The approaches toward studying the disinformation in social psychology are analyzed. The socio-psychological mechanisms of disinformation in network communities are described: motivated reasoning that confirms pre-existing beliefs, normative influence, homophily, polarization (echo-chambers), negative collective emotions etc. The ways for counteracting online astroturfing are discussed: detecting liars by linguistic analysis, setting group norms, role structure and facilitation technics that promote group reflexivity. The further directions of research are proposed.

Keywords: disinformation, misinformation, social networks, attitudes toward deception, group identity, online astroturfing, homophily, polarization, protective mechanisms, collective emotions, echo-chambers.

Психология отношения человека к глобальным рискам: состояние и перспективы исследований¹

Т. А. Нестик, А. Л. Журавлёв** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН; e-mail: nestik@gmail.com*

*** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

В статье рассматривается проблема социально-психологической детерминации индивидуального и группового отношения к глобальным рискам. На основе анализа существующих исследований выделены психологические особенности глобальных рисков, дано определение отношения личности и группы к глобальным рискам как психологического феномена, предложена его теоретическая структура и психологические детерминанты (личностные, межличностные, групповые, организационные, межгрупповые, социетальные). Рассматриваются результаты серии эмпирических исследований отношения к глобальным рискам среди российской студенческой молодежи (N=191, N=365; N=335; N=241; N=96). Показано, что вес макросоциальных и глобальных рисков в содержании представлений студентов об угрозах будущего в 2016 г. оказался выше, чем в 2012 г. В ядро представления об угрозах будущего входят войны и риск использования ядерного оружия, природные катастрофы, терроризм, а также климатические изменения. Обнаружены различия в социально-психологической детерминации субъективной значимости глобальных рисков и готовности личности участвовать в их предупреждении: предикторами первой является идентификация с человечеством, тревожность и фатализм, тогда как предикторами второй являются глобальная идентификация, ориентация на планирование буду-

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0159-17-0001.

щего и вера в благосклонность мира и сострадание. Делается вывод о том, что при предотвращении глобальных рисков алармизм менее эффективен, чем поддержка оптимизма и верой в способность влиять на будущее. Намечены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: глобальные риски, социальные представления, глобальная идентификация, временная перспектива, тревожность, социальные аксиомы, базовые убеждения личности.

На протяжении последних 10 лет глобальные риски все больше смещаются из разряда периферийных тем в центр внимания социальных психологов. Актуальность данного направления исследований связана с все более острым переживанием глобальных геополитических, социальных, экономических и технологических рисков в обществе (см.: Новое в науках о человеке..., 2015; и др.). Отношение личности и группы к глобальным природным и антропогенным рискам все больше сказывается на социальном поведении. Связанные с глобальными рисками *коллективные страхи* используются в избирательных кампаниях и информационных войнах (от изменения климата и экстремальных погодных явлений до кибератак, терроризма и ядерной угрозы). Однако *социально-психологические механизмы формирования отношения личности и группы к глобальным рискам* до сих пор остаются не разработанными. Проблематика психологии глобальных рисков все еще остается раздробленной между различными дисциплинами: социология общества риска (Н. Луманн, Э. Гидденс, У. Бек и др.), психология рисков (П. Слович и др.), теория геополитических рисков и психология ядерного сдерживания (работы Р. Джервиса, Дж. Химанс, Дж. Леви и др.; также см.: Соснин и др., 2011; Нестик, 2016б; Журавлёв и др., 2016), психология терроризма (Соснин, Нестик, 2008), психология устойчивого развития, экологических рисков и природосберегающего поведения (П. Стокнис, А. Дер-Карапетян и др.), психология отношения к новым технологиям (Журавлёв, Нестик, 2016б; Нестик, Солдатова, 2017).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, во-первых, предложить определение феномена отношения личности и группы к глобальным рискам, его структуру и детерминанты, а во-вторых, на основании проведенных нами эмпирических исследований раскрыть содержание социальных представлений о глобальных рисках и некоторые из социально-психологических детерминант субъективной значимости глобальных рисков и готовности личности участвовать в их предупреждении.

Под *глобальными рисками* понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики. В пятерке наиболее вероятных рисков, по мнению экспертов, оказались экстремальные погодные явления, массовая вынужденная миграция населения, крупные природные катастрофы, крупномасштабные террористические атаки, а также кража данных в интернете. Катастрофу можно считать глобальной, если масштабы человеческих жертв составляют не менее 10% населения земли. В качестве наиболее вероятных в настоящий момент рисков называют угрозы ядерной войны и глобальной эпидемии.

В исследованиях, посвященных глобальным рискам, среди барьеров на пути к своевременному выявлению и предотвращению таких рисков выделяются психологические: недооценка людьми вероятности таких рисков и отнесение времени их наступления в отдаленное будущее (см. работы Э. Юджосковского, П. Словича, А. Турчина и др.).

На наш взгляд, *психологическая специфика глобальных рисков* определяется целым рядом особенностей: 1) неподтверждаемостью повседневным опытом, автобиографической и коллективной памятью; 2) субъективной отдаленностью во времени и пространстве, увеличивающей вероятность когнитивных искажений при их оценке; 3) сопряженностью с коллективными тревожными состояниями, затрудняющими поиск решений; 4) необходимостью ряда социально-психологических условий для их предвидения и предотвращения, которые не могут быть обеспечены в одночасье (доверие, глобальная идентификация, групповая рефлексивность); 5) разрушительностью для веры человека в свою способность влиять на будущее; 6) психологической амбивалентностью способов предотвращения, которые сами по себе могут рассматриваться как новые источники глобальной угрозы; 7) включенностью представлений о глобальных рисках в межгрупповые отношения, их подверженностью манипуляциям в интересах конкретных политических и экономических элит (Журавлёв, Нестик, 2016а; Нестик, 2016а).

Человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от *отношения к глобальным рискам*, т.е. характерных для членов определенной социальной группы особенностей антиципации, переживания и осмысления самих глобальных угроз, а также совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их выявление, создание, использование или предотвращение.

К *ценностно-мотивационным компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам можно отнести субъективную значи-

мость глобальных рисков для настоящего и будущего, как личности, так и группы, ценность человеческой жизни, продолжения человеческого рода и благосостояния будущих поколений. Сюда же относится оценка моральной допустимости различных способов использования, провокации или предотвращения глобальных кризисов.

К его *когнитивным компонентам* относятся: содержание представлений о глобальных угрозах, их источниках и последствиях; оценка вероятности рисков и возможности выживания; оценка способности отдельных людей, социальных групп и человечества в целом прогнозировать риски и влиять на развитие будущих событий; оценка отдаленности рисков во времени, долгосрочности их воздействия и последствий; представления о своем и чужом вероятном поведении в условиях катастрофы; представления о способах предотвращения рисков, их последствиях; представления о социальных группах, с действиями которых связана реализация риска или его преодоление.

В числе *аффективно-оценочных компонентов* следует выделить уровень тревоги в связи с определенными рисками, выраженность позитивной или негативной оценки ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего человечества, общий уровень оптимизма в отношении будущего – своего и своей социальной группы.

Наконец, к *когнитивным (предповеденческим) компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам относятся готовность участвовать в тех или иных совместных действиях по прогнозированию, предотвращению, использованию или провоцированию глобальных угроз; готовность к тем или иным действиям во время и после катастрофы.

Среди *содержательных* характеристик отношения личности и группы к глобальным рискам можно выделить индивидуальные и групповые представления о рисках, их причинах и последствиях, вероятности и отдаленности во времени, возможных и допустимых способах их предотвращения, а также представления о социальных группах, вовлеченных в формирование глобальных рисков и управление ими. Отношение личности и группы к глобальным рискам может быть генерализованным или, напротив, парциальным, когда представления об одних угрозах достаточно отчетливы, а представления о других не сформировались.

Среди *формально-динамических* характеристик отношения к глобальным рискам следует выделить их значимость для личности и социальной группы, структуру, внутреннюю согласованность и когнитивную сложность представлений о глобальных рисках, устойчивость этих представлений во времени, скорость их конструирования и трансляции в обществе, степень распространенности

и однородности отношения к глобальным рискам в различных социальных группах.

На отношение личности и группы к глобальным рискам влияют *психологические механизмы* различного уровня (Нестик, 2016в): внутриличностные (мотивационно-когнитивные искажения, временная перспектива, уровень тревожности, эффекты «управления ужасом смерти», ценностные ориентации, социальная идентичность); межличностные (сеть контактов, дискурсивные практики); групповые (самосбывающиеся пророчества, сдвиг к риску, когнитивные процессы в условиях групповой тревоги и дефицита времени); межгрупповые (уровень ксенофобии, межгрупповая напряженность, групповые стереотипы); организационные (механизмы интерпретации «слабых сигналов» о приближающихся изменениях, когнитивные искажения при коллективном прогнозировании и принятии решений в организациях); социетальные (социально-экономическая ситуация в обществе, обсуждение рисков в СМИ и социальных медиа, формирование коллективных эмоциональных состояний, коллективная «память о будущем», создаваемая футурологами и индустрией развлечений), и др.

Для изучения *социальных представлений* о глобальных рисках и уточнения социально-психологических характеристик, влияющих на отношение личности к глобальным рискам, Т. А. Нестиком была проведена серия эмпирических исследований.

Целью первого исследования было определение *места глобальных рисков в представлениях* студенческой молодежи г. Москвы об угрозах, связанных с будущим (N=191 в 2012 г., N=365 в 2016 г. и N=335 в 2017 г.; 31% – мужчины, 69% – женщины; средний возраст – 21,2 года; при сравнении выборки были выравнены по полу и возрасту). Использовалась методология анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом и позволяющая выделить ядерные и периферийные ее элементы на основании сопоставления частоты встречаемости семантических категорий и очередности указания их респондентами в свободных ответах (Емельянова, 2016). При сравнении ядра и периферии представлений об угрозах будущего в 2012 и 2016 гг. заметны существенные различия. В 2016 г. в состав ядра вошли понятия, бывшие в 2012 г. на его периферии: безработица (частота 61; средний ранг 1,66), ядерная война (32; 1,84), терроризм (32; 1,88), политические риски (30; 1,87). Из периферии в близкую к ядру зону «поднялись» страхи инфляции, социальной нестабильности, авторитаризма, миграции, страх за свою старость и судьбу детей. Напротив, из ядра и потенциальной зоны изменений в периферию сместились такие страхи, как «конец света», «одиночество», «трудности в учебе», «неудачный

брак», «коррупция». Стабильными элементами ядра остаются страхи войны (153; 1,65), экономического кризиса (98; 1,76), бедности (31; 1,71), ухудшения экологии (40; 1,90), неудовлетворенности жизнью (101; 1,64), потери близких (58; 1,78) и неизвестности будущего в целом (37; 1,51). При этом страх войны вышел на первое место и по частоте упоминания, и по рангу.

Таким образом, тревоги по поводу будущего становятся все более связанными с макросоциальными явлениями и глобальными рисками. Анализ значимых различий между «глобалистами» (назвали в числе страхов в основном глобальные риски, N=178) и «локалистами» (назвали в основном страхи, связанные с личной судьбой, N=173) показал, что студенты, озабоченные глобальными рисками, больше ценят свое прошлое, обладают более протяженной временной перспективой и более убеждены в своей способности влиять на будущее, отождествляют себя с большим числом социальных категорий.

Для уточнения состава глобальных угроз, значимых для российской молодежи, в 2017 г. Т. А. Нестиком и Е. В. Волошиной было предложено респондентам назвать 3 наиболее серьезные угрозы человечеству (N=335). Прототипический анализ по методу П. Вержеса показал, что в ядро представления о глобальных рисках входят природные катастрофы (частота 130; ранг 2,0); гражданские и региональные войны (112; 1,6); терроризм (85; 1,7); ядерная война (60; 1,8), а также изменение климата и экстремальные погодные явления (48; 2,0). В зону потенциальных изменений ядра вошли экономические угрозы, такие как финансовый кризис, бедность, безработица (43; 2,0); антропогенные риски в целом, связанные с действиями человечества (19; 2,0); угроза голода (17; 1,9); распространение различных зависимостей, таких как алкоголь, наркомания, интернет-зависимость и т. п. (16; 1,9), а также негативные последствия развития новых технологий, таких как роботизация, искусственный интеллект, и ускорение НТР в целом (10; 2,0). Наши предшествующие исследования показали, что коллективные страхи менее разнообразны по своему содержанию, чем коллективные мечты (Нестик, 2014). Мы мечтаем о разном, но боимся одного и того же, поэтому страхи оказываются благодатной почвой для манипуляций общественным мнением. В обществе риска коллективные страхи используются для повышения солидарности и политической мобилизации. Наши данные указывают на то, что глобальные риски становятся все более значимыми для молодежи, а значит, могут стать «оружием» в информационных войнах и политических кампаниях.

Целью второго исследования было выявление социально-психологических предикторов субъективной значимости глобальных

рисков (N=241, студенты г. Москвы; 30% – мужчины, 70% – женщины; средний возраст – 21 год). Были использованы как адаптированные методики, так и специально разработанные для данного исследования. В частности, использовалась шкала озабоченности глобальными рисками ($\alpha=0,926$), основанная на перечне глобальных рисков Давосского экономического форума и позволяющая измерить отношение к природным рискам (7 пунктов, $\alpha=0,900$; M=3,29; SD=0,895), социально-политическим рискам (6 пунктов, $\alpha=0,809$; M=3,22; SD=0,869), технологическим рискам (6 пунктов, $\alpha=0,742$; M=2,85; SD=0,973), экономическим рискам (4 пункта, $\alpha=0,715$; M=3,16; SD=0,958), рискам войны и терроризма (4 пункта, $\alpha=0,756$; M=3,69; SD=0,921). Использовалась также «Шкала принадлежности к глобальному сообществу» А. Малш и А. Омото ($\alpha=0,678$; M=2,94; SD=0,647); Стенфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо; опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леонга; методика «Базовые убеждения личности» Р. Янов-Бульман.

Проведенный *линейный регрессионный анализ* (N=241, F=9,37; $p<0,001$; R2=0,217) показал, что субъективная значимость глобальных рисков прямо зависит от выраженности идентификации с человечеством ($\beta=0,317$), а также от веры в предопределенность судьбы ($\beta=0,137$), в случайность событий ($\beta=0,213$), от ориентации на фаталистическое настоящее ($\beta=0,184$), и обратно зависит от веры в контролируемость мира ($\beta=-0,129$). При этом линейный регрессионный анализ (N=241, F=16,79; $p<0,001$; R2=0,228) показал, что у готовности участвовать в коллективных действиях, направленных на предотвращение глобальных рисков, другие предикторы: помимо глобальной идентичности ($\beta=0,278$), это ориентация на планирование будущего ($\beta=0,146$) и вера в благосклонность мира ($\beta=0,234$).

В другом исследовании нами было обнаружено, что на субъективную значимость глобальных рисков влияет, прежде всего, чувство тревоги в связи с прогнозами будущего человечества в СМИ (N=96; R2=0,364; F=12,74, $p<0,001$; $\beta=0,434$), тогда как готовность содействовать предотвращению глобальных рисков повышается при переживании сострадания (N=96; R2=0,180; F=6,56, $p<0,001$; $\beta=0,314$) и снижается при переживании тревоги ($\beta=-0,193$).

Различия в предикторах озабоченности глобальными рисками и готовности к их предотвращению указывают на то, что напоминания о неизбежности катастрофы сами по себе не повышают готовность общества к большим вызовам XXI столетия. Напротив, нагнетание тревоги снижает групповую креативность и ориентацию на обмен знаниями, которые так необходимы для поиска способов предотвращения коллективных угроз; а негативные формулиров-

ки целей, фиксирующие на избегании угроз, а не на возможностях, делают нас еще более приверженными принятым ранее решениям и еще более склонными к рискованным, непродуманным решениям (см. работы А. Тверского и Д. Канемана). Наши данные хорошо согласуются с результатами исследований в области жизнеспособности, которые показывают, что проактивное поведение связано с оптимизмом и верой в способность влиять на будущее. Исследования в области психологии изменения климата и природосохраняющего поведения свидетельствуют о том, что побуждением к действию становятся не столько алармизм, сколько формирование позитивных целей, поиск взаимной выгоды и возможностей для развития, повышение самооценки.

Подводя итоги, можно выделить несколько *перспективных направлений* психологических исследований отношения к глобальным рискам. Психологам предстоит ответить на целый ряд *вопросов*: почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, и каковы социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности и долгосрочной ориентации; каким образом коллективные эмоциональные состояния, распространяющиеся через социальные медиа, влияют на оценку глобальных рисков, приемлемость тех или иных способов их предупреждения; каковы социально-психологические закономерности прогнозирования рисков и формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах; каковы социально-психологические механизмы, провоцирующие и усиливающие глобальные социальные кризисы, также социально-психологическая типология индивидуальных и групповых субъектов, создающих глобальные риски; каковы психологические механизмы, поддерживающие формирование глобальной идентификации в условиях международной напряженности. От решения этих вопросов во многом зависит выживание человечества в ближайшие 25–30 лет, и оно не может быть найдено без участия психологической науки.

Литература

- Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М., 2016.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Владимир, 2016а. С. 12–17.

- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 6. С. 5–14.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М., 2016.
- Нестик Т. А. Социальная психология времени. М., 2014.
- Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016а. № 1 (50). С. 24–38.
- Нестик Т. А. Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016б. Т. 1. № 1. С. 143–173.
- Нестик Т. А. Психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М., 2016в. С. 100–123.
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 90–118.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М., 2015.
- Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ: Монография. М., 2008.
- Соснин В. А., Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.

Psychology of attitudes toward global risks: current state and perspective research directions

T. A. Nestik, A. L. Zhuravlev** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

The article addresses the problem of social-psychological determination of personal and group attitudes toward global risks. The psychological peculiarities of global risks are considered. The structure of individual and

group attitudes toward global risks are proposed (motivational, cognitive, affective, behavioral). The socio-psychological antecedents of global risks prevention are analyzed. The results of a series of empirical studies among Russian young adults (N=191, N=365; N=335; N=241; N=96) are presented. They reveal the growing proportion of global risks in Russian youth social representations about future threats in 2012 and 2016. It has been shown that the concern about global risks and readiness to participate in collective actions to prevent global catastrophes have different predictors. Person's concern about global risks is affected by global identity (PSGC), fate control (SAS), fatalistic present (ZTPI) and randomness (WAS), and anxiety. Readiness for actions to prevent global catastrophes is affected by global identity, future orientation (ZTPI), benevolence of the world (WAS), and compassion. A positive image of future and clarification of opportunities are more effective in global long-term risk prevention than alarmist approach. The directions for further psychological research are proposed.

Keywords: global risks, social representations, global identification, time perspective, anxiety, social axioms, world assumptions.

Психология отношения человека к новым технологиям: состояние и перспективы исследований¹

Т. А. Нестик (Москва), Э. В. Патраков** (Екатеринбург),
А. С. Самекин*** (Павлодар)*

** доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией
социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

*** кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
социальной безопасности Уральского федерального университета;
e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru*

**** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
и педагогики Павлодарского государственного университета
им. С. Торайгырова; e-mail: s_adil@list.ru*

В статье рассматривается проблема социально-психологической детерминации отношения человека к новым технологиям. Выделены теоретические подходы к изучению механизмов формирования отношения личности к технологиям. Определены когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие отношения к новым технологиям, а также его характеристики и психологические функции. Проанализированы крайние проявления отношения личности к новым технологиям: технооптимизм и технофилия, технопессимизм и технофобия. Приводятся результаты проведенных автором эмпирических исследований отношения личности к новым технологиям (N=1209; N=192, N=60, N=230). Результаты указывают на то, что ключевым фактором принятия новых технологий, является вовлеченность личности в коммуникацию с другими пользователями. Социальные представления студентов о будущем технологий характеризуются амбивалентностью: признавая неизбежность технологического развития, респонденты связывают с ним как комфорт, так и социальную деградацию. Показано, что в отличие от оценки

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0159-17-0001.

опасности нанотехнологий, оценка опасности ГМО тесно связана с характеристиками социальной идентичности. Предикторами технооптимизма являются доверие к заинтересованным сторонам технологического прогресса, ориентация на будущее, верой в награду за усилия, низкая религиозность и низкий уровень уважения к авторитетам. Показано, что отношение к научно-техническому прогрессу и ориентация на будущее в целом играют менее существенную роль при использовании новых технологий, чем ориентация на получение удовольствия в настоящем, привлекательность технологии и легкости в использовании. Намечены перспективные направления социально-психологических исследований отношения личности и группы к новым технологиям.

Ключевые слова: отношение к новым технологиям, ГМО, нанотехнологии, технооптимизм, технопессимизм, технофилия, технофобия, социальная идентичность, социальное доверие, временная перспектива, социальные аксиомы, моральные основания.

Теоретический анализ проблемы

Четвертая промышленная революция и переход к новому технологическому укладу происходят в условиях обостряющегося техно-гуманитарного дисбаланса, когда скорость развития технических систем опережает способность социальных групп осмысливать новые технологии и договариваться о нормах их использования (см., например: Журавлёв и др., 2016). При этом ускорение развития технологий практически во всем мире оказалось сопряжено с социальным пессимизмом, снижением доверия к социальным институтам. С одной стороны, дальнейшие технологические инновации требуют выявления социально-психологических факторов готовности общества к их использованию, выявления причин различного вида технофобий. С другой стороны, крайне мало изучено влияние новых технологий на общество, растет потребность в понимании социально-психологических последствий распространения искусственного интеллекта, интернета всего и больших данных, умных материалов, генной инженерии и нейротехнологий.

Можно выделить несколько *теоретических подходов* к изучению механизмов формирования *отношения личности к технологиям*: клинический, маркетинговый, инженерно-психологический, конструкционистский, интеракционистский. При клиническом подходе основное внимание уделяется индивидуально-психологическим механизмам формирования технофобии или технофилии (ра-

боты М. Броснана и др.). При маркетинговом подходе отношение к новым технологиям рассматривается с точки зрения их полезности и трудоемкости для пользователей (работы В. Венкатеша и др.). При инженерно-психологическом подходе рассматривается включенность технологии в решение профессиональных задач и разрабатывается феномен доверия к технике (работы А. Б. Купрейченко, А. А. Обознова и А. Ю. Акимовой). В рамках конструкционистского (работы В. Байджкера, Т. Пинча и др.) и интеракционистского (работы Р. Сильверстоуна и др.) подходов основное внимание уделяется конструированию представлений о технологии в межличностной и межгрупповой коммуникации. Развитие робототехники, умных систем и интернета всего делает чрезвычайно эвристичным обращение к акторно-сетевой теории Б. Латура, в рамках которой технические устройства получают статус субъектов в совместной деятельности. Исследования отношения к цифровым технологиям, нанотехнологиям и ГМО (А. А. Войскунский, Г. А. Солдатова и др.) свидетельствуют о том, что оно в значительной степени определяется институциональным и межгрупповым доверием. При этом на отношение к новым технологиям все больше влияет обсуждение технологического будущего в сетевых сообществах, которые воздействуют на настоящее, запуская и легитимируя технологические изменения.

Социологические исследования, проведенные в 2016 г. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и МВШСЭН РАНХиГС, показывают, что в российском обществе нет широкого спроса на технологические инновации (Войнилов, Фурсов, 2017). При этом вера в науку и технику не опирается на повседневный опыт и носит скорее декларативный характер, а технооптимизм может быть компенсацией недоверия к социальным институтам (Вахштайн и др., 2017). Результаты зарубежных и отечественных исследований дают возможность охарактеризовать отношение различных категорий населения к новым технологиям в данный момент, но не позволяют его прогнозировать, не отвечают на вопрос о социально-психологических типах и механизмах отношения личности и группы к новым технологиям.

Отношение к новым технологиям включает в себя когнитивные составляющие (представления о возможностях и ограничениях технологии, процессе ее создания и применения), эмоционально-оценочные (степень значимости технологии для личности или группы, а также выраженность и знак оценки ее использования), поведенческие составляющие (готовность личности и группы к их использованию в тех или иных ситуациях). Оно может быть в разной степени осознанным, парциальным (в разной степени сформированным

по отношению к разным технологиям) или генерализованным (позитивная или негативная оценка новых технологий в целом), когнитивно сложным или простым, однозначным или амбивалентным (когда позитивное отношение к одной технологии сопровождается крайне негативным отношением к другим технологиям или к технологическому прогрессу в целом).

Отношение к новым технологиям может выполнять разные *социально-психологические функции*: мировоззренческую (поддержка непротиворечивого образа мира, системы ценностей), идентификационную (маркировка принадлежности к определенной социальной группе, основание социальной категоризации), копинговую (совладание с изменениями), нормативную (поддержка групповых норм, в том числе нравственных), регулятивную (поведение покупателей, пользовательские предпочтения), коммуникативную (поддержка пользовательского общения, обмена опытом).

Отношение к технологиям может проявляться в множестве групповых феноменов, таких как социальные представления, социальные ожидания, связанные с технологиями коллективные переживания (например, тревога, любопытство или удовольствие от использования), групповые нормы, регулирующие пользование технологией и др.

Если принять за основу когнитивные компоненты отношения к новым технологиям, его феноменологию можно представить как континуум, крайними полюсами которого являются технологический оптимизм и технологический оптимизм. Если же принять за основу эмоциональные и поведенческие компоненты, то полюсами такой воображаемой шкалы будут технофобия и технофилия. *Технооптимизм* – это мировоззренческая и жизненная позиция, в соответствии с которой техническим достижениям и научно-техническому прогрессу в целом придается первостепенное значение в преодолении социальных проблем; технооптимизм сопровождается переоценкой скорости развития технологий. *Технопессимизм* – система взглядов, в соответствии с которыми научно-технический прогресс рассматривается в качестве главной причины нарушения баланса в отношениях общества и природы, появления и резкого обострения экологических, ресурсных, социальных и многих других проблем. *Технофилия* – позитивное отношение к большинству технологий, удовольствие от использования новых технологий, готовность к приобретению опыта их использования. Ее противоположностью является технофобия. *Технофобия* – это внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; страх или тревога, связанная

с использованием технологии; враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии. Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты: 1) негативно окрашенные представления о новой технологии в целом и ее воздействии на общество; 2) тревога в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с технологией; 3) самопорицание во время пользования технологией. *Предикторами* технофобии являются высокая тревожность, низкая самооффективность, низкая открытость к новому и высокая сознательность. Она чаще наблюдается у женщин и пожилых людей, при низком уровне образования, при негативном предшествующем пользовательском опыте.

Особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности полностью отказаться от ее использования. Это подтверждается исследованием цифровой компетентности, которое Т. А. Нестик, совместно с Г. В. Солдатовой и Е. И. Рассказовой и Аналитическим центром Юрия Левады провели в 2013 г. при поддержке компании Google среди родителей российских подростков (N=1209) по специально разработанной методике Фонда развития Интернета (Солдатов и др., 2013).

Данные проведенного эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что технофобия и технофилия проявляются не столько в интенсивности пользования интернетом, сколько в разных профилях интернет-активности и разных моделях цифровой компетентности. Пользовательский опыт и навыки *технофобов* связаны в основном с поиском информации, тогда как ядром модели цифровой компетентности у *технофилов* является использование интернета как средства общения. Иными словами, для технофобов технология не связана с другими людьми, она как бы «заслоняет собой» социальный мир. Это существенно снижает возможности технофобов по конструированию и «одомашниванию» новых технологий. Они «выключены» из жизни пользовательских сообществ. Результаты исследования показывают, что технофобы реже берут на себя активные социальные роли в интернет-пространстве, в качестве пользователей они исключены из совместного творчества (Журавлёв, Нестик, 2016б), из процессов обмена опытом и обсуждения места новой технологии в обществе. Это проявляется и в их отношениях с собственными детьми: по сравнению с технофилами, технофобы значительно реже обсуждают опыт пользования сетью с ребенком, реже интересуются успехами и проблемами детей при овладении интернет-технологиями (Нестик, Солдатов, 2016; Солдатов, Нестик, 2016).

Данные эмпирических исследований

Для уточнения *социально-психологической детерминации* отношения личности к ним, под руководством Т. А. Нестика была проведена серия эмпирических исследований ($N=192$, $N=60$, $N=230$)¹. Использовались как авторские методики, так и адаптированные методики зарубежных авторов: «Отношение к нанотехнологиям» Ш.-Ф. Лин; «Отношение к ГМО» У. Пуртинги; шкала технооптимизма из Евробарометра; Стенфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо; опросник «Социальные аксиомы» Д. Бонда и К. Леонга; «Опросник моральных оснований» Дж. Грэхема в адаптации О. А. Сычева.

Анкетирование студентов московских вузов ($N=192$, мужчины – 21%, женщины – 79%, средний возраст – 21 год) показало, что социальные представления о будущем технологий характеризуются *амбивалентностью*: признавая неизбежность технологического развития, респонденты связывают с ним как комфорт, так и социальную деградацию. Позитивные суждения относительно будущего интернет-технологий составляют 24% ответов, нейтральные – 24,8%, тогда как негативные – 51%. Наибольшее число ответов представлены категориями «Сокращение живого межличностного общения», а также «Деградация личности и общества». Весьма характерны в этом отношении некоторые из ответов наших респондентов: «Разложение общества из-за чересчур развитых технологий», «Все разучатся думать мозгами, но при этом мы можем жить более развито», «Изобретут что-то грандиозное, а все будут продолжать смотреть котиков в Инстаграм».

Линейный регрессионный анализ показал ($R=0,392$; $R^2=0,153$; $F=4,039$; $p<0,001$), что на выраженность негативных оценок в представлениях о будущем Интернета влияют негативные переживания при пользовании интернетом ($\beta=0,147$), представления о социальной сложности, т. е. вера в изменчивость социальной ситуации ($\beta=0,185$) и фаталистическое отношение к будущему ($\beta=0,203$). Предпочтение активных социальных ролей в интернете («творец», «защитник», «посредник» и «наставник») обратно связано с негативными представлениями о будущем интернета ($\beta=-0,123$). Значительно меньше выраженность негативных представлений о будущем интернета у тех респондентов, которые характеризуются как «бунтари», т. е. любят покритиковать, поспорить, потроллить в комментариях

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных А. В. Власову, Е. А. Дергачевой, В. В. Спасенникову, С. В. Сарычеву, Д. А. Багдасаряну, Е. О. Петровой, М. Ю. Шепельковой, А. Е. Воробьевой, И. А. Панарину, Ю. В. Шведенко.

($\beta = -0,165$). Наиболее весомыми предикторами технооптимизма ($R^2 = 0,160$) оказался уровень социального доверия – к ученым, разработчикам и продавцам новых технологий, государству ($\beta = 0,294$) и использование интернета для общения ($\beta = 0,157$). Результаты указывают на то, что ключевым фактором принятия новых технологий – и в конечном счете – формирования технооптимизма является вовлеченность личности в коммуникацию с другими пользователями, в ходе которой разрешаются проблемы, происходит обмен опытом, открыто высказываются и оспариваются мнения.

Было установлено, что в оценку полезности нанотехнологий наибольший вклад вносят общее отношение к технологиям ($b = 0,230$), а также ориентация на социальную сложность ($b = 0,232$), гармонию ($b = 0,231$) и низкая ориентация на фаталистическое настоящее ($b = -0,297$). В оценку полезности генно-модифицированных продуктов, наряду с социальной сложностью, наибольший вклад вносят характеристики социальной идентичности респондентов: оценка принадлежности к гражданам России ($b = -0,306$) и отнесение себя к россиянам ($b = -0,244$), тогда как отношение к технологиям здесь оказывает значительно меньшее влияние ($b = 0,144$). Можно предположить, что при низкой информированности о технологии оценка ее опасности прямо связана с воспринимаемой угрозой для позитивной групповой идентичности.

Проведенный Т. А. Нестиком и Д. А. Багдасаряном прототипический анализ представлений о будущем цифровых технологий у менеджеров IT-компаний г. Москва ($N = 60$) свидетельствует о том, что технооптимизм более характерен для экспертов, чем для рядовых пользователей: в ядро социальных представлений о социальных последствиях цифровых технологий входят нейтральные или позитивные аспекты (виртуализация общения, автоматизация, глобализация бизнеса, развитие медицины, рост качества жизни и др.), тогда как негативные – оттеснены на периферию (угрозы здоровью, рост контроля за гражданами и др.). Это указывает на необходимость диалога разных заинтересованных сторон при прогнозировании развития технологий: разработчиков, продавцов, пользователей, представителей государства и т. д.

Исследование, проведенное Т. А. Нестиком среди российской молодежи 17–30 лет ($N = 230$, мужчины – 25%, женщины – 75%, средний возраст – 23,6 год), позволило выявить *предикторы технооптимизма* ($R = 0,500$; $R^2 = 0,250$; $F = 10,05$; $p < 0,001$): он прямо связан с доверием к заинтересованным сторонам технологического прогресса ($\beta = 0,354$), ориентацией на будущее ($\beta = 0,134$), верой в награду за усилия ($\beta = 0,243$), социальной сложностью ($\beta = 0,119$) и обратно

связан с ориентацией на позитивное прошлое ($\beta=-0,167$), религиозностью ($\beta=-0,204$) и уважением к авторитетам ($\beta=-0,232$). У готовности использовать новые технологии другие предикторы: она прямо связана с доверием к заинтересованным сторонам технологического прогресса ($\beta=0,295$), ориентацией на гедонистическое настоящее ($\beta=0,197$), социальный цинизм ($\beta=0,284$) и обратно связана с уважением к авторитетам ($\beta=-0,232$) и с зависимостью от судьбы ($\beta=-0,259$). Полученные данные указывают на то, что технооптимизм как мировоззренческая позиция может сопровождаться неготовностью использовать новые технологии, а также на то, что ориентация на получение удовольствия в настоящем более важна для готовности к использованию новых технологий, чем ориентация на будущее. Отношение к научно-техническому прогрессу в целом не играет существенной роли при использовании новых технологий.

Эти данные подтверждаются результатами факторного анализа критериев, принимаемых респондентами во внимание при использовании новых технологий. Были выделены 5 факторов: 1) легитимность использования (13,8% объясненной дисперсии), 2) престижность (12,8%), 3) привлекательность и легкость в использовании (12,6%), 4) доверие к экспертам при оценке выгоды технологии (9,4%), 5) идентификация с авторами технологии (7,5%). Причем, именно критерии привлекательности технологии и легкости в использовании имеют наибольшее значение как для технооптимистов, так и технопессимистов.

Заключение

Подводя *итоги*, можно выделить несколько *перспективных направлений* психологических исследований отношения человека к новым технологиям: отношение человека к возникающей «умной среде» (телеприсутствие, большие данные, интернет вещей, нейронет), отношения с умными вещами как субъектами, групповые и межгрупповые факторы технофобии, а также участие пользователей в создании новых продуктов и услуг. Все более важное значение приобретает психологическая подготовка различных групп населения к совместной жизнедеятельности в условиях техногенных рисков (см.: Патраков и др., 2017). Растущая скорость технологического развития повышает востребованность *социально-психологических технологий* (подробнее см.: Соснин и др., 2011) для поддержки индивидуальной и коллективной рефлексии при использовании новых технологий (в том числе – через особую организацию пользовательского интерфейса).

Литература

- Вахитайн В., Степанцов П., Чурсина Ю., Бардина С. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М., 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
- Войнилов Ю. Л., Фурсов К. С. Социальный спрос на новые технологии // Наука, технологии, инновации. Вып. №41 от 21.02.2017. М., 2017. URL: https://issek.hse.ru/data/2017/02/21/1166418486/NTI_N_41_21022017.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Владимир, 2016а. С. 12–17.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016в. № 6. С. 5–14.
- Нестик Т. А. Социальная психология времени. М., 2014.
- Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016а. № 1 (50). С. 24–38.
- Нестик Т. А. Психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М., 2016б. С. 100–123.
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 90–118. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document316.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).
- Патраков Э. В., Разикова Н. И., Попов В. Д., Шустерова А. А. Организационные и психологические аспекты определения категорий населения для проведения массовой информационно-разъяснительной работы по обеспечению радиационной безопасности // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2017. № 2 (18). С. 45–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29435083> (дата обращения: 01.08.2017).

Соснин В. А., Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 158–163.

The psychology of person's attitudes toward new technologies: current state and further research directions

T. A. Nestik (Moscow), E. V. Patrakov** (Ekaterinburg),
A. S. Samekin*** (Pavlodar)*

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of psychology of RAS

** Candidate of pedagogical Sciences, head of Department of social safety, Ural Federal University

*** Candidate of psychological Sciences, associated professor at the Department of the psychology and pedagogy, Pavlodar state University

The article is concerned to the problem of socio-psychological determination of techophilia and techophobia. The current theoretical approaches toward studying person's attitudes toward new technologies are identified. Cognitive, affective and behavioral components of person's attitudes toward new technologies are described. The dimensions "technooptimism–technopessimism" and "technophilia–technophobia" are analyzed. The results of several empirical studies are presented (N=1209; N=192, N=60, N=230). It has been shown that person's attitudes toward new technologies are affected by involvement in communications with other users. Social representations of Russian youth about social impact of new technologies are ambivalent: technological advancement is related not only with comfort, but also with social degradation. It is revealed that, in opposite to the evaluation of nanotechnologies, the evaluation of safety of genetically modified food is closely related with social identity. Among predictors of techno optimism are trust toward counterparts of technological progress (scientists, dealers, experts, state agencies), future orientation (ZTPI), reward for application (SAS), low religiosity (SAS), and low authority/respect (MFQ). Results show that technooptimism and future orientation are less important for using new technologies than present hedonistic orientation, estimation of pleasure and easiness of new technology using. The further research directions in the field are proposed.

Keywords: attitudes toward new technologies, genetically modified food, nanotechnology, technooptimism, technopessimism, technophilia, technophobia, social identity, social trust, time perspective, social axioms, moral foundations.

Среда большого города как фактор, детерминирующий вандальное поведение¹

А. Г. Оболенская (Екатеринбург)

*кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и акмеологии
Уральского государственного педагогического университета ;
e-mail: a.obolenskaya@mail.ru*

В статье освещены особенности вандального поведения населения большого города в зависимости от района. Проявления вандальной активности различаются в районах с разным социальным статусом. В статье представлены мотивы внешней среды, детерминирующие деструктивное поведение. Рассмотрен психологический и экономический подход к проблеме вандализма в городской среде, обозначено взаимообразное влияние среды и личности в данной проблематике. Целью представленной статьи является выявление основных тенденций распространенности типов вандального поведения городской среды (на примере крупного города Екатеринбурга). Результатом стало подтверждение гипотезы исследования о том, что наибольшее число результатов вандальной активности (разрушений, граффити, других видов распоряжения и использования чужой собственности) будет представлено в том пространстве города, где среда в целом менее благополучна, куда не стремятся успешные люди, инфраструктура отсутствует или повреждена.

Ключевые слова: вандализм, вандальная активность, экономическое поведение, экономическая психология, конкурентоспособность территории, личность.

На современном этапе развития социально-экономических процессов, быстрого совершенствования технологий человеческая психика не всегда успевает адаптироваться к происходящим изменениям.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 17-18-01278.

Неодинаковые стартовые условия зачастую вызывают не конкуренцию и стремление догнать, апатию, разочарование. Такая дезадаптация выражается в вандальной активности – преобразовании, распоряжении и использовании чужой собственности (Воробьева, Кружкова, 2012).

Особенно быстрые изменения видны в больших городах, столь привлекательных своими возможностями, а потому все более укрупняющихся и густонаселенных. Вместе с тем в них отчетливо появляется диссонанс (особенно на территориях с хаотичной застройкой) в виде соседствования современных бизнес-центров и деревянных бараков 1920–1930-х годов, где люди живут в некомфортных условиях, глядя с раздражением на элитную жизнь. Такие условия вызывают побуждения преобразовать свою некомфортную, некрасивую обстановку. Однако часто преобразования касаются чужой собственности – частной или общественной, муниципальной.

Изменение экономической ситуации не позволяет жителю большого города получить то, о чем он мечтал; это может вызывать иждивенчество, депрессию, скуку. Скучающие жители заполняют свое время вандальной активностью.

Проблемой влияния среды на развитие личности и ее деструктивное поведение занимались Уилсон и Келлинг, авторы теории «разбитых окон», обосновывающей конформное поведение в разрушенной среде. Конечно, ситуативно такое поведение может быть отмечено у всех, однако отсутствие социального контроля и порицания ослабляют контроль личности, боязнь негативной социальной оценки, регуляторные механизмы поведения.

Нами было проведено исследование, городской среды г. Екатеринбурга (зарегистрированное население – более 1,5 миллиона жителей), гипотезой которого было предположение о том, что в неблагополучных районах г. Екатеринбурга будет обнаружено больше актов проявления вандализма. Проведено полевое исследование всей территории города, каждой улицы и сопоставление данных фотофиксации с информацией о стоимости и комфортности условий проживания.

Административно г. Екатеринбург состоит из семи районов: Орджоникидзевский, Кировский, Чкаловский, Октябрьский, Верх-Исетский, Железнодорожный, Ленинский. Каждый из них, в свою очередь, разделен на несколько микрорайонов: площадь одних внушительна, другие, напротив, не такие большие, но имеют свои особенности (рисунок 1).

Было обнаружено, что наибольшее количество вандальных актов отмечается в микрорайонах Уралмаш, Эльмаш (Орджоникид-

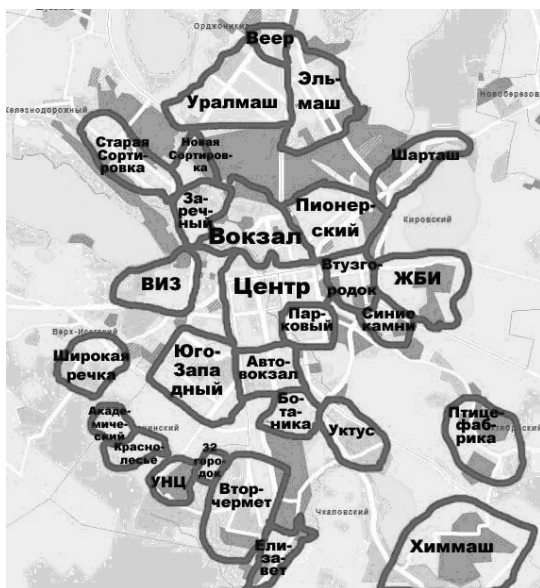

Рис. 1. Карта районов Екатеринбурга¹

зевский административный район), Химмаш, Вторчермет, Елизавет (Чкаловский район), Старая Сортировка (Железнодорожный район). Случаи вандализма на улицах города чаще фиксируются в отдаленных районах, особенно густонаселенных со старой застройкой и проявляются в виде несанкционированной росписи зданий, рекламных сообщений.

Эти районы являются окраинами с большой концентрацией промышленных объектов; жилье в них представлено временками 1930–1940-х годов, «хрущевками» и большим числом бывших общежитий (теперь на рынке недвижимости позиционирующихся как малосемейки). Инфраструктура не развита, а редкие сервисные объекты не выживают. В свою очередь, в районах расположенных ближе к центру, с современной застройкой, бизнес-центрами из стекла и бетона, наличием видеонаблюдения и охраны, случаев вандализма наблюдается значительно меньше.

Плотность заселения также влияет на напряженность и попытки ее разрядки доступным способом. Расселение в городе неравномерное. Так, в Орджоникидзевском районе проживает наибольшее

1 См.: Районы и недвижимость Екатеринбурга. URL: <http://nesiditsa.ru/city/ekaterinburg>.

число жителей (21%), при этом район имеет достаточно тяжелые характеристики. Район разделен на микрорайоны – Уралмаш (порядка 200 тыс. жителей) и Эльмаш (около 190 тыс. чел.), которые получили название благодаря промышленным предприятиям. По своим эргономическим характеристикам две части Орджоникидзевского района (Уралмаш и Эльмаш) похожи друг на друга: дороги здесь ремонтируются редко, проезды во дворы затруднены, много спортивных комплексов, новостройки соседствуют с двух – трехэтажными деревянными бараками. Имеются детские площадки, хотя не в самом лучшем состоянии, есть различные секции. Именно поэтому в микрорайоне часто селятся молодые родители. В 1990-х годах именно эти районы стали территориями с наибольшим числом преступлений. Все это приводит к депривации жителей (Эллард, 2016).

Несмотря на тяжелую обстановку, население в районе только прибывает, девелоптеры приобретают недорогие участки и возводят относительно дешевое бюджетное жилье. Уезжать отсюда никто не спешит. Здесь есть как деревянные многоквартирные трущобы, почти непригодные для жизни, но, тем не менее, еще не снесенные, так и новые здания, причисленные к классу элитного жилья, и четырехкомнатные апартаменты в доме сталинско-хрущевской застройки.

Уралмаш – один из самых неоднозначных микрорайонов города, который, с одной стороны, отличается выгодным месторасположением и большим выбором транспорта, с другой стороны, характеризуется ямами и выбоинами, украшающими местные дороги, частыми коммунальными авариями, скудностью и однообразием мест отдыха.

В Октябрьском и Железнодорожном районах проживает по 10% населения города. В связи с большими промышленными площадями в этих районах обстановка не самая благоприятная, однако близость к центру и наличие доступной транспортной и досуговой инфраструктуры облегчает принятие среды, и как следствие – число вандальных проявлений здесь значительно ниже.

В Чкаловском, Кировском, Верх-Исетском и Ленинском районах проживает по 12–15% населения; они составляют центр города. Вандальные проявления здесь имеются, но число их значительно меньше, чем в отдаленных районах. Это обусловлено наличием современной застройки: торговых и бизнес-центров, спортивных комплексов, административных зданий с охраной, видеонаблюдением, применением современных материалов при строительстве. В целом условия жизни достаточны комфортны для людей.

В зависимости от удаленности от центра стоимость жилья распределяется по поясам (таблица 1), и это может говорить о сепарации уровня жизни в микрорайонах, что может приводить к депривации.

Таблица 1
Вандазная активность и качество среды большого города¹

Пояс	Жилые районы*	Средняя цена предложения на 08.05.2017, руб./кв. м	Основные типы застройки	Вандазная активность
	Средняя по городу	66749		выше средней
Центр	Границы улиц: Московская, Челюскинцев, Восточная, Декабристов, Луначарского, Большаякова	94437	Бизнес-центры, старинные дома, сталинки, новостройки	низкая (редкие граффити)
1 пояс	Автовокзал, Ботанический, ВИЗ, Вокзальный, Втузгородок, Заречный, Парковый, Пионерский, Шарташский рынок, Юго – Западный	71726	мало старой застройки, строения конец 80-х, новостройки	средняя (отдельные граффити)
2 пояс	Академический, ЖБИ, Завокзальный, Новая Сортировка, Сибирский, Синие камни, Уктус, Уралмаш, Широкая речка, Эльмаш	60720	баракы, сталинки, хрущевки, советские многоэтажки, новостройки	высокая (граффити всюду, отдельные разрушения)
3 пояс	Елизавет, Компрессорный, Лечебный, С. Сортировка, Совхоз, УНЦ, Химмаш, Чермет	56132	сталинки, хрущевки, советские многоэтажки	высокая (граффити, отдельные разрушения)
4 пояс	Верхнемакарово, Горный щит, Изоплит, Исток, Калининский, Колоцово, Медный, Н – Исетский, Палкино, Птицефабрика, Пышма, Рудный, Садовый, Северка, Семь ключей, Чусовское озеро, Шабровский, Шарташ, Шувакиш.	47939	удаленность от центра, баракы, сталинки, хрущевки, панельные многоэтажки 80–90-х годов	высокая (множественные граффити, отдельные разрушения)

Примечание: * – состав ценовых поясов рынка жилья, принятый для целей аналитики рынка недвижимости Екатеринбургa в Уральской палате недвижимости.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 17-18-01278.

Из полученных данных (таблица 1) можно сделать вывод о том, что в районах с более низкой стоимостью жилья вандализм проявляется чаще и, наоборот, вандальные разрушения обесценивают территорию, делают ее более неприемлемой для состоятельных горожан, вызывают тревожность и опасения за покой, социальную защищенность.

На окраинах районов, имеющих застройку 1940–1960-х годов, наблюдается больше граффити, носящих характер криминальной коммуникации, романтических посланий и несанкционированной рекламы.

В продолжение исследование представляется интересным семантический анализ полученных фотоматериалов, отслеживание в динамике изменения вандальной активности на обследуемых территориях.

Заключение

Вандальная активность может рассматриваться как маркер психологического дискомфорта жителей, которые пытаются преобразовать среду, сделать ее более удобной, эстетичной (граффити, сломанные ограждения, замочки на мостах). Неблагоприятная городская среда депривирует горожан.

Отсутствие досуговой инфраструктуры приводит к невозможности удовлетворить потребности во впечатлениях, а также зрительных образах, что приводит к созданию граффити и предложениям по организации досуга (реклама саун и т.п.).

Горожане познают мир через «эксперименты» с разрушением среды, преодолевая при этом социальные и нормативные ограничения – когнитивная депривация приводит к вандализму. Эстетическое преобразование как копинг-стратегия в эклектичной среде означает манифестацию необходимости изменений.

Подростки, не получая достаточного внимания со стороны родителей и общества, не имея возможностей дополнительного образования и развития, испытывают социальную депривацию и сигнализируют об этом через вандальную активность.

Литература

Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология городской среды: монография. Екатеринбург, 2012.

Районы и недвижимость Екатеринбурга. URL: <http://nesiditsa.ru/city/ekaterinburg>.

Сайт Уральской Палаты Недвижимости (УПН). URL: <http://upn.ru/analytics/1793/2017/5/17714.htm>.

Соколов А. П. Дизайн как средство противодействия вандализму // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2016. № 4. С. 86–90.

Эллард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М., 2016.

Wednesday of the Big City as a Factor Determining Vandal Behavior

A. G. Obolenskaya (Ekaterinburg)

Candidate of economic sciences, associate Professor of the Department of Philosophy and Acmeology, Ural state pedagogical University

In the article the peculiarities of the vandal behavior of the metropolitan population depending on the area are consecrated. The manifestations of vandalism vary in areas with different social status. The article presents the motives of the external environment, which determine destructive behavior. The psychological and economic approach to the problem of vandalism in the urban environment is considered, and the mutual influence of the environment and personality in this problem is indicated. The purpose of this article is to identify the main trends in the prevalence of types of vandalism in the urban environment (the example of a large metropolitan city of Yekaterinburg). The result was the confirmation of the research hypothesis that the largest number of results of vandal activity (destruction, graffiti, other types of disposal and use of alien property) will be represented in that space of the city where the environment as a whole is less prosperous, where successful people do not seek, infrastructure is absent or Damaged.

Keywords: vandalism, Deprivation, economic behavior, economic psychology, territorial competitiveness, personality.

Изменения в ценностях российской молодежи

В. Е. Семёнов (Санкт-Петербург)

*доктор психологических наук, профессор,
научный руководитель Центра политических и психологических
исследований; e-mail: vsm88@yandex.ru*

В статье рассматриваются изменения в ценностях российской молодежи за последние 15 лет (неизменность лидирования ценностей семьи и здоровья, возрастание значения ценности справедливости, снижение значения патриотизма и коллективизма и др.). При этом анализируются данные эмпирических социологических и социально-психологических исследований молодежи, выполненных автором и его коллегами. Специально рассматривается социальная справедливость как принцип достижения адекватной российской идентичности, патриотизма и национальной безопасности.

Ключевые слова: ценности, вера, патриотизм, герои времени, индивидуализм-коллективизм, российские менталитеты, социальная справедливость.

Опросы, проведенные в 2013–2017 гг. сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований, Центром политических и психологических исследований и молодыми сотрудниками петербургского молодежного журнала «5 углов», в которых автор был руководителем или экспертом, позволяют на основе ответов около 20 тысяч молодых людей, прежде всего петербуржцев – школьников и студентов, получить своеобразный социально-психологический эскиз к портрету нашего молодого современника. Как и в прежних исследованиях молодежи, выполненных под руководством автора в 2001–2010 гг. (Семёнов, 2015, 2016), среди жизненных ценностей на первом месте остается *семья*. Несмотря на все неурядицы современной брачно-семейной жизни, возрастание количества официально незарегистрированных браков, семья остается российской мечтой. На втором

месте по-прежнему – *ценность здоровья*. На третьем месте (хотя, как ни странно, уже не у большинства) – *друзья*. Далее следуют три близкие по значимости ценности: *интересная работа*, *деньги* и *справедливость*. В последнее время происходит рост значения справедливости в сознании молодежи, что связано с усилением финансово-имущественного неравенства и снижающимся уровнем жизни у большинства населения. Особенно удивляет то, что *ценность веры* находится в самой нижней части списка основных ценностей. И это притом что на прямой вопрос о вере более половины молодых людей всегда отвечают, что они верующие, религиозные люди. Однако, когда надо выбрать наиболее значимые ценности из списка, вера оказывается на последнем месте. Подобная картина наблюдается нами уже в течение ряда лет (с 2001 г.). Только в городах провинции, в отличие от Петербурга, процент молодых людей, выбирающих веру, поднимается выше 20%.

Особое внимание в наших исследованиях было обращено на *проблему патриотизма как ценности*. Опрос, проведенный в начале 2014 г., показал, что только половина опрошенных молодых людей считали себя патриотами своей страны; лишь 18% респондентов готовы жертвовать личными интересами ради общества; для 15% патриотизм – устаревшее понятие. Но под влиянием событий в Крыму и Новороссии, замечательной акции «Бессмертный полк», исследование, проведенное весной 2015 г., засвидетельствовало увеличение количества молодых петербуржцев-патриотов. В то же время обозначилась целая группа молодых людей, которые, по сути, не имеют российской идентичности и отвергают понятие патриотизма. Они низко оценивают Россию, желают уехать на Запад, называют себя «гражданами мира», «глобалистами», «космополитами». Эти молодые люди извращенно понимают смысл термина «патриотизм», трактуя его как «атавизм», «национализм», «расизм», «фанатизм», «пропаганда», лицемерие». Как показало наше исследование петербуржцев в 2013 г., с патриотизмом явно неблагополучно именно в группе молодежи моложе 25 лет: почти 40% из них не считают себя патриотами своей страны.

В связи с проблемой патриотизма следует рассмотреть ответы на вопрос о *героях нашего времени и личностях для подражания*. Оказалось, что такие у молодежи имеются. При этом герои российские и зарубежные разделились почти поровну. Обнаружился *любопытный феномен*: среди российских героев 53% являются родственниками и знакомыми опрошенных, которыми они нередко восхищаются. Среди российских героев также называют исторических личностей, современных политиков, людей искусства, однако

каждое имя упоминают лишь по 1–2 раза, за исключением В. В. Путина. И остались совсем неназванными российские ученые, воины и космонавты (даже Юрий Гагарин, который обычно до сих пор называли всегда). Можно сделать вывод об отсутствии в настоящее время в молодежном сознании национальных героев как эталонных личностей, сплывающих нацию, народ, общество. То есть либерально-прозападная дегероизация и очернение российской и советской истории не прошли без последствий для патриотического сознания молодежи. А ведь удивительные герои есть и в наше смутное время: юный русский солдат Евгений Родионов, не отказавшийся от своей православной веры под угрозой варварской казни и погибший во время Чеченской войны; молодой офицер Александр Прохоренко, вызвавший огонь на себя во время боя в Сирии; лейтенант полиции Магомед Нурбагандов, захваченный в плен бандитами в Дагестане, погибший смертью храбрых. Причем два последние стали героями в 2016 г. А рекордсмен из рекордсменов, путешественник и священник Федор Конюхов?.. Но об этих истинных героях российские СМИ сообщают только в коротких новостях, зато каждодневно демонстрируют антигероев-антипатриотов вроде одиозной «светской львицы» К. Собчак, ненавистника православия А. Невзорова и вульгарнейшего «музыканта» С. Шнурова. Последний в прошлом 2016 г. получил за свою нецензурную истероидную «музыку» 11 миллионов долларов, в то время как Нобелевские лауреаты за свои научные открытия, на которые уходит едва ли не вся жизнь, получают чуть более одного миллиона. Этот и другие примеры девальвации труда, творчества и настоящих ценностей постоянно видит современная молодежь. СМИ и реклама «раскручивают», прежде всего, «идолов потребления» и развлечений, а не настоящих героев труда и патриотизма.

Как уже отмечалось, работа (даже интересная) не относится к важнейшим ценностям петербургской молодежи. Примечательно, что учиться в вузе собирается 91% опрошенных, учиться в среднем учебном заведении – 6%, а *работать на какой-то работе, не требующей высшего и среднего специального образования* – лишь 2%. Казалось бы, имеется уже достаточно информации о «перепроизводстве» юристов, экономистов-финансистов и менеджеров. Оказывается, нет, так как наиболее предпочитаемыми среди молодежи остаются именно эти профессии. Но одновременно все-таки растет число молодых, выбирающих инженерно-технические специальности, правда, прежде всего, в сфере информационных технологий.

Были получены данные, которые заставляют взглянуть на проблему «молодежь и труд» еще более внимательно. Молодым петер-

буржцам задавался вопрос: «Если бы вам представилась возможность жить, не работая, вы бы ею воспользовались?». Ответы распределились следующим образом: «да» – 41%, «нет» – 35%, «затрудняюсь ответить» – 24%. Прошедшая многовековая история нашей страны, включая и советское время, была под знаком библейского изречения «Кто не работает, тот не ест». И вот наступило другое время, когда стало возможно не соблюдать этот нравственный закон, а это значит – жить за чужой счет. Впрочем, следует вспомнить о таком все шире распространяющемся в мире явлении, как *прекариат* (от precarious – случайный, ненадежный, рискованный), – новый социальный слой, страта, люди, постоянно живущие в условиях безработицы, неполной занятости, необеспеченного, смутного будущего. И таких становится все больше. Это очередное порождение несправедливого, античеловечного капитализма (Стэндинг, 2014). Кстати, чем же занимаются наши молодые люди в любимое ими нерабочее, внеучебное время? Опрос в конце 2015 г. показал, что в сфере досуга главным видом деятельности у молодежи является *виртуальное общение в социальных сетях* (48% опрошенных).

В других наших исследованиях было зафиксировано, что индивидуализм начинает преобладать над коллективизмом в молодежной среде. Так, в общегородской выборке населения Петербурга (2013) индивидуалистами себя считали 52%, а коллективистами – 43% петербуржцев в возрасте 18–24 лет (остальные затруднились ответить). В то же время среди горожан от 40 лет и старше во всех возрастных группах преобладали коллективисты. В исследовании учащихся средних специальных учебных заведений Санкт-Петербурга (выборка 1227 чел., 2015 г.) индивидуалистами считали себя 46% студентов, а коллективистами – 36% (остальные затруднились ответить). Ранее во всех наших исследованиях, хотя и не на много, преобладали коллективисты. Неужели «рубикон» перейден, и к радости либералов-западников наша молодежь скоро «изживет» русские соборно-общинно-коллективистские традиции?

Можно сделать общий вывод о том, что среди молодежи, как и во всем нашем обществе, сохраняется приоритет микрообщности «Я и семья» или «партнерство», но это уже не идейно-коллективистская структура. Работа (труд) рассматривается, в первую очередь, как средство материального потребительского обеспечения себя и семьи или только себя. Более высокие и творческие цели в этой сфере ставятся редко.

Цикл исследований молодежи показал разрастание мозаично-эклетического менталитета в молодежной среде с его вопиющими и неосознаваемыми противоречиями, «ползучей» деморализа-

цией, отчуждением от социального целеустремленного мышления, замыканием в индивидуальном микромире и мозаичном, виртуальном мире Интернета. При этом российская идентичность и патриотизм у молодежи заметно размылись, вестернизировались и дегероизировались под влиянием более чем 25-летнего прозападно-либерального «брейнвошинга» посредством телевидения и других СМИ, Интернета, кинопроката, массового искусства, всех видов рекламы и пропаганды, которые, в сущности, были частью информационно-психологической войны Запада, направленной на трансформацию российского, русского менталитета, его ценностно-нормативного ядра.

В заключение остановимся на современной духовно-нравственной ситуации в стране и возможностях ее позитивного развития. Напомним, что 29 мая 2015 г. премьер-министр РФ подписал распоряжение «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (Стратегия развития..., 2015). Целью воспитания считается *«развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности»* (курсив мой. – В. С.). Это означает, что духовно-нравственное воспитание наконец-то возвращается в учебные заведения (по крайней мере, такое воспитание стало легитимным). В последний день 2015 г., 31 декабря, В. В. Путин подписал Указ Президента № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ» (Стратегия..., 2015), в котором впервые так четко говорится о том, что к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности в области культуры относятся *«сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны»* (курсив мой. – В. С.). При этом к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся *«приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины»*... Таким образом, «Стратегия» становится той самой чаемой всеми патриотами российской идеологией, с которой действительно можно быть гражданином своей страны и *возродить российскую идентичность*, в единстве ее с гармонизированной полиментальности, ядром которой является понятие и феномен *социальной справедливости*.

Еще Аристотель утверждал: «Справедливость является величайшей из добродетелей... Общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности» (Этика, 1908, с. 91). В свою очередь, Ф. М. Достоевский писал: «Высшая и самая характерная черта русского народа – это чувство справедливости и жажда ее» (Достоевский, 1956, с. 549). Однако этим аксиомам противостоит духовно-нравственная и финансово-имущественная поляризация нашего современного общества (децильный коэффициент слишком высок, выше, чем в странах Запада), что противоречит конституционному положению о том, что Россия является социальным государством. Как показывают результаты социологического исследования «Левада-центра» в мае 2016 г., *сильнее всего россияне ощущают противоречия между богатыми и бедными* (76% опрошенных) (Точки..., 2016). Исследования также показывают, что в современной России общество социальной справедливости, прежде всего, востребовано представителями коллективистско-социалистического и православного менталитетов, которые составляют большинство наших граждан. Членов этих групп объединяют именно ценности справедливости, патриотизма, коллективизма, веры, русской культуры и языка (Семёнов, 2015). Для носителей либерально-индивидуалистического менталитета характерны выраженная направленность на ценность денег и гораздо меньший интерес к вере и справедливости. Либералы не разделяют эгалитарную концепцию социальной справедливости; они сторонники элитарной концепции «социальной несправедливости», принимая и оправдывая жестокую конкурентную борьбу (в сущности, «без правил»), олигархат (господство «денежных мешков»), аморализм и эгоизм капитализма.

В подобных условиях патриотизм, как основной ориентир внутренней политики Российского государства, обязательно должен быть подкреплён декларацией о формировании общества социальной справедливости.

Безусловно, общество социальной справедливости невозможно построить, не преодолев современных размеров коррупции и безнравственности в российской жизни. Только добрая воля власти, церкви и народа способна победить современный, в сущности, духовно-нравственный кризис. Поэтому главным национальным проектом в стране должен стать проект *«Духовно-нравственное преображение России и построение в ней общества социальной справедливости»*. Это должен быть, прежде всего, кадровый проект. Ибо кадры – честные, умные, справедливые люди – решают все. И здесь, конечно, не обойтись без социально-психологической науки.

Литература

- Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома // Собр. соч. В 10 т. Т. 3. М., 1956.
- Семёнов В. Е.* Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // *Историогенез и современное состояние российского менталитета* / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 403–429.
- Семёнов В. Е.* Ценностно-ментальная идентичность и социальная поляризация // *Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблемы социокультурных идентичностей: Материалы Международной научной конференции. Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований.* СПб., 2016. № 2. С. 88–96.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ, № 683 от 31.12. 2015). URL: // www.kremlin.ru/acts/bank/40391.
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ № 996р от 29.05.2015). URL: // <http://government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- «Точки разногласий» в обществе // Левада-центр. 27.06.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/27/tochki-raznoglasij-v-obshhestve/>.
- Этика Аристотеля. СПб., 1908.

Changes in the values of Russian youth

V. E. Semenov (St Petersburg)

Doctor of psychological sciences, Professor, Scientific director of the Centre of political and psychological researches

The article examines changes in the values of Russian youth over the past 15 years (the invariability of the leadership of family values and health, the growing importance of the value of justice, the decline in the importance of patriotism and collectivism etc.). At the same time, the data of empirical sociological and social-psychological studies of young people performed by the author and his colleagues are analyzed. Special consideration is given to social justice as the principle of achieving adequate Russian identity, patriotism and national security.

Keywords: values, faith, patriotism, heroes in our time, individualism–collectivism, Russian mentalities, social justice.

Психология конфликта как направление исследований в социальной психологии: история и современные тенденции¹

В. А. Соснин (Москва)

*кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: sosninrus@rambler.ru*

Представлен психологический анализ современного состояния проблемы конфликтов. Проанализированы *основные тенденции* исследований проблематики конфликта, поскольку на рубеже XX и XXI веков возникли новые проблемы и исследования, которые рассматриваются в социальной психологии как относительно самостоятельные направления: психология массового поведения, межнациональные и межконфессиональные конфликты, психологические операции как инструмент разрешения конфликтов, технологии социальной деструкции (на примере цветных революций), информационно-психологическая война в международном противоборстве, терроризм как глобальная проблема конфликта современной цивилизации, проблематика переговоров при разрешении конфликтов, психологические проблемы стратегической стабильности и ядерного сдерживания и др. Рассматривается возможность интеграции этих исследований в психологию конфликта как самостоятельное научное направление исследований.

Ключевые слова: конфликт, макропсихология, терроризм, психологические операции, переговоры, стратегическая стабильность.

Конфликты – это неотъемлемое условие развития цивилизации, и, как проблема глобального характера, она занимает значительное место в исторических, политологических, социологических и психологических, в том числе социально-психологических, исследова-

1 Выполнено по Госзаданию ФАНО РФ №0159-2017-0001.

ниях. На рубеже XX–XXI вв. стали возникать новые социальные явления, которые можно отнести к проблематике конфликта. К ним относятся феномены, входящие в сферу интересов психологии массового поведения, этнопсихологии и психологии религии (межнациональные и межконфессиональные конфликты), политической психологии (психологические операции как инструмент разрешения и проектирования конфликтов, технологии социальной деструкции на примере цветных революций, информационно-психологическая война в международном противоборстве, терроризм, психологические проблемы стратегической стабильности и ядерного сдерживания) и др. Эти проблемы, однако, до сих пор рассматриваются в социальной психологии как самостоятельные направления исследований и не интегрированы в собственно психологию конфликта, хотя по существу они относились именно к проблематике этого научного направления. Таким образом, в современной социальной психологии оказался накоплен большой массив данных, которые требуют профессиональной рефлексии, нового осмысления и включения непосредственно в психологию конфликта.

История исследований конфликта: основные детерминанты и функции конфликта

Конфликт, в соответствии с современными представлениями, – это не просто деструктивное или продуктивное явление, так как оно одновременно содержит в себе обе эти возможности. *Цель* разрешения конфликта состоит не в том, чтобы избегать его появления, подавлять или устранять, а научиться управлять им так, чтобы деструктивные элементы находились под контролем, а конструктивные использовались для его эффективного разрешения и урегулирования. *Суть социально-психологического подхода* (см. также: Журавлёв, Вахин, 2001; и др.) к анализу конфликтов можно свести к следующим положениям:

- участники конфликта при взаимодействии исходят из своих субъективных представлений о конфликтной ситуации и социальном контексте, хотя эти представления могут не совпадать с объективной реальностью;
- конфликтное взаимодействие детерминируется первоначальными мотивами участников конфликта, но сам конфликтный процесс формирует новые мотивы и изменяет старые;
- необходимо учитывать более широкий социальный контекст конфликтного взаимодействия (учет исторических, экономи-

ческих, политических и иных факторов, на фоне и в условиях которых протекает конфликт);

- закономерности конфликтной динамики на индивидуальном уровне применимы для анализа конфликтов как на групповом, так и на межгрупповом уровне, при этом необходим учет детерминант социально-политического и экономического содержания (Deutsch, 1973; Соснин, 1979).

Проблема типологии и определения конфликта

Рассмотрим проблему определения и типологии конфликта, опираясь на концептуальную схему социального конфликта, разработанную в отечественной социальной психологии (Соснин, 1979). Эта схема отражает системный многоуровневый характер социального конфликта и является методологической основой для понимания и анализа его дефиниции и типологии. Схему можно представить в матричном виде, строки которой – это уровни анализа социального конфликта; столбцы – структурные элементы конфликта. Схема дает обобщенный «набор» возможных оснований для типологии, определения, систематизации и возможного сравнения результатов исследований конфликтных явлений (таблица 1).

В 1990–2000-х годах в социальной психологии интенсивно развивалось прикладное направление исследований конфликта – *разрешение конфликтов* в разных вариантах посредничества и переговоров (Бурмистрова, Журавлёв, 2012; и др.). В этом прикладном направлении психологами были выработаны процедуры и правила, способствующие разрешению конфликтов (см.: Вахин, Журавлёв, 2004; Соснин, 1994, 2015; и др.).

Новые направления исследований проблематики конфликтов

Представим кратко новые направления исследований конфликта.

- Исследования, посвященные влиянию СМИ на сознание и поведение больших групп населения*

Предпринимаются попытки теоретического объяснения социальных процессов в обществе, связанных с влиянием СМИ на общественное сознание. Средства массовой информации в современном мире являются одним из наиболее влиятельных социальных институтов по силе их воздействия на повседневную жизнедеятельность людей. Социальное воздействие СМИ носит весьма разносто-

Таблица 1
 Концептуальная схема анализа объекта исследования «Социальный конфликт»
 (теоретическая основа для определения и классификации явления)

Уровни исследования	Структурные элемента процесса				Последствия
	Участники	Причины и цели конфликта	Формы взаимодействия	Физическая и социальная среда	
Социально-философский	Общественно-экономическая формация (классы)	Противоречие между способом производства и общественными отношениями	Диалектика единства и борьбы противоположностей, революционно-эволюционный скачок	Уровень развития науки и техники, общественно-политическая надстройка	Смена общественно-экономической формации
Социологический	Большие общности: классы, расовые и этнические группы, нации, государство	Классовые, этнические, расовые, межгосударственные противоречия, типологические характеристики общностей	Отдельные выступления, бунт, переговоры, революционная борьба	Материальные, социальные, интеллектуальные ресурсы и значимые другие	Изменение или неизменение «позиции» в социальной структуре общества
Социально-психологический	Организация, группа, диада	Объективные противоречия материального производства, различия групповых интересов, типологические и личностные характеристики	Регулируемая/нерегулируемая, мирная/агрессивная, направленная на дефицитный объект/на конкурента	То же самое	Изменение или неизменение материальных условий совместной деятельности, позиций индивида и групп в структуре, адаптация к новым условиям, эскалация конфликта

ронный и неоднозначный характер и изучается в теории массовых коммуникаций в контексте их «эффектов». Отметим только те сферы, которые связаны с психологией массового поведения больших социальных групп: воздействие на политические кампании и голосование на выборах; эффекты пропаганды в идеологической сфере; эффекты социального контроля; протестные движения.

СМИ передают идеи, изменяют ценностные установки, предлагают «правильное» понимание того, что собой представляет современный мир и как людям следует вести себя. В целом влияние СМИ на сознание и поведение больших масс населения традиционно описывается как когнитивное, эмоциональное и поведенческое (в соответствии с представлениями о структуре социальной установки). Все эти аспекты изучения содержательно «вписываются» в проблематику конфликтов.

Проблема негативного влияния СМИ обусловлена, прежде всего, их содержательным наполнением (контентом). Исторический опыт показывает, что характерная прежде всего для западных стран тенденция коммерциализации масс-медиа приводит к преимущественному отбору контента по критерию его продаваемости, что способствует насыщению его негативной информацией, привлекающей внимание аудитории.

б) Проблематика терроризма: социальная и социокультурная мотивация терроризма

Накоплены значительные массивы исследовательских данных, посвященных этой проблеме в политологии, социологии и социальной психологии. Социокультурный подход к анализу проблемы терроризма и оснований мотивации деятельности потенциальных террористических групп признается многими исследователями, наряду с другими подходами, одним из наиболее перспективных. В социокультурном подходе к проблеме мотивации терроризма меньше внимания уделяется индивидуальной мотивации, хотя при этом признается полезность учета индивидуально-психологических характеристик.

в) Психологические операции как один из инструментов борьбы с терроризмом в современном мире

Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в конце XX–начале XXI в. значительно возросла роль информационного противоборства. Информационные угрозы из-

вестны с древних времен, когда враждующие стороны использовали дезинформацию военного противника, отдельных групп населения либо конкретных людей как метод достижения своих целей (Смирнов, 2015).

Данный процесс включает следующие основные составляющие: 1) признание информационной среды (прежде всего киберпространства) в качестве новой сферы военных действий и применения технологий «мягкой силы»; 2) появление и совершенствование специализированных информационных средств воздействия на противника; 3) формирование специальных институтов ведения информационного противоборства. В настоящее время информационные войны стали одним из главных инструментов в геополитическом противостоянии основных субъектов международных отношений и современной цивилизации в целом. В основе такого противостояния лежит борьба двух мировоззренческих парадигм – *Западной* с доминированием индивидуалистических ценностей и *Восточной* – коллективистических ценностей социальной справедливости, взаимопомощи, главенства группового над индивидуальным и т. п. (о содержании менталитета см.: Кольцова, Журавлёв, 2016; и др.).

В рамках информационных войн одним из важных направлений работы является *проведение информационно-психологических операций*, ориентированных на формирование условий для принятия выгодных для зарубежных государств и их деловых кругов решений в военной, политической, экономической и других областях в странах-мишенях, являющихся объектами информационно-психологического воздействия. Комплексное использование психологических операций является распространенным средством политической борьбы не только во внешнеполитической деятельности, но и внутривнутриполитической.

г) *Информационно-психологическая война как механизм международного противоборства: проблема космополитизма и русофобии в современном мире*

Проблема социально-политической и духовно-нравственной консолидации российского общества в условиях современного кризиса цивилизации – это проблема безопасности России и ее будущего развития. Поэтому оправданно рассматривать проблему космополитизма и русофобии с позиций национальной безопасности России как субъекта исторического процесса (Вдовин, 2013). В социально-психологической литературе проблема космополитизма имеет свою историю и непосредственное отношение к проблеме социально-по-

литической и духовно-нравственной консолидации России в современных геополитических условиях, в том числе, социально-психологической проблеме конфликта.

Информационно-психологическое противостояние Запада России, Китаю и другим странам с коллективистическим типом культуры – это реалии и истории, и современности (см. также: Современная конфликтология..., 2004, т. 1 и 2; и др.). Каждая цивилизация стремится сохранить свои ценности и представления о «правильности мироустройства» и отстаивать их для сохранения себя как субъекта истории. В этом состоят объективные условия развития цивилизаций. Русофобия как феномен и инструмент противодействия в информационно-психологической борьбе с Россией достаточно известен (см., например: Фурсов, 2016). Также хорошо известны в политической практике примеры использования идеи космополитизма в качестве идеологического инструмента в противостоянии Запада и России (см., например: Соснин, 2015; Ковалёва, Соснин, 2017). Но обострившаяся геополитическая ситуация требует нового осмысления информационно-психологической борьбы в грядущей исторической перспективе.

Необходимо отметить, что сложившиеся новые направления исследований конфликта значительно шире представленных в данной работе. Например, дополнительно можно назвать такие глобальные проблемы, как социальная справедливость, психологические аспекты стратегической (геополитической) стабильности и др. Однако на данный момент была сделана попытка ввести в круг проблем психологии конфликта вопросы, которым уделяется внимание в рамках других научных направлений. Представляется, что это может иметь позитивное значение и для изучения самого конфликта, и для интеграции как различных социально-психологических направлений, а также всего социогуманитарного знания в этой области.

Литература

- Бурмистрова Н. Н., Журавлёв А. Л.* Изменение оценок эффективности разрешения конфликта в условиях изменения представлений участников конфликта о третьей стороне // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №8. С. 236–243.
- Вахин А. А., Журавлёв А. Л.* Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 101–108.

- Вдовин А. Мировое правительство и будущее русского народа // Наш современник. 2013. № 1. С. 90–101.
- Журавлёв А. Л., Вахин А. А. Социально-психологические аспекты исследования конфликта // Современная конфликтология в контексте культуры мира: Материалы I международного конгресса конфликтологов. М., 2001. С. 357–372.
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 2. 2017. № 1 (5). С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
- Кольцова В. А., Журавлёв А. Л. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М., 2016. С. 7–37.
- Смирнов А. А. Эволюция угроз информационной безопасности // Информационные войны. 2015. № 2. С. 69–74.
- Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия: Тезисы докладов и выступлений на II международном конгрессе конфликтологов / Отв. ред. Е. И. Степанов. СПб.: Наука, 2004. Т. 1.
- Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия: Тезисы докладов и выступлений на II международном конгрессе конфликтологов / Отв. ред. Е. И. Степанов. СПб.: Наука, 2004. Т. 2.
- Соснин В. А. Исследования социального конфликта в социальной психологии США: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
- Соснин В. А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 5. С. 130–141.
- Соснин В. А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42–56.
- Фурсов А. И. Русофобия – психоисторическое оружие Запада // Наш современник. 2016. № 1. С. 141–148.
- Deutsch M. The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes. New Haven, 1993.

Conflict psychology as the direction of researches in social psychology: history and current trends

V.A. Sosnin (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, leading research officer,
Institute of Psychology of RAS

The psychological analysis of the modern social problem of the conflicts was submitted. The current trends of the researches were analyzed because at the turn of the century appeared the new problems and researches which belong to the conflict perspective, but are considered in social psychology as the independent directions. These are the psychology of mass behavior, the international and interfaith conflicts, the psychological operations as the instrument of resolution of conflicts, the technology of social destruction on the example of color revolutions, the information war in the international information antagonism, terrorism as the global problem of the conflict of a modern civilization, the perspective of negotiations as the resolution of conflicts, the psychological problems of strategic stability and nuclear control. The ability to integrate these questions into conflict psychology as the separate direction of researches was analyzed.

Keywords: conflict, macropsychology, terrorism, psychological operations, negotiations, stability.

Социально-психологические аспекты исследования геополитической стабильности¹

*В. А. Соснин**, *А. Л. Журавлёв***, *Т. А. Нестик**** (Москва)

** кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: sosnintrus@rambler.ru*

*** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

**** доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией
социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

Рассматривается предметная область геополитической психологии и психологические механизмы, участвующие в поддержании стратегической безопасности. Представлены результаты эмпирических исследований социально-психологических механизмов, влияющих на отношение к ядерной угрозе в обществе (N=633, N=503, N=433). Выделены семь типов отношения к ядерной угрозе, различающихся прежде всего оценкой управляемости этого риска и выраженностью просоциальной ориентации: альтруистические фаталисты, алармисты, выживающие, гедонистические фаталисты, религиозные фаталисты, романтики, сторонники разоружения. Показано, что оценка вероятности ядерной войны прямо связана с фатализмом и недоверием социальным институтам. Выделены ситуации, при которых применение ядерного оружия может найти поддержку среди молодежи. Выделен психологический синдром «сторонника применения ядерного оружия», при котором патриотизм, низкое социальное доверие, негативное отношение к прошлому и предопределенность судьбы сочетаются с иллюзией возможности выживания в ядерной войне и завышенной оценкой защищенности государства от ядерного удара. На практике это означает, что нагнетание тревоги и формирование представлений о неизбежности ядерной войны способны запус-

1 Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ № 0159-2017-0001.

тить самосбывающееся пророчество. Вместо готовности к действиям по снижению международной напряженности такого рода алармизм может провоцировать приверженность радикальным силовым мерам. Намечены перспективные направления исследований в области ядерного сдерживания и стратегической стабильности.

Ключевые слова: геополитическая психология, стратегическая безопасность, отношение к ядерной угрозе, социальное доверие, фатализм.

Проблему психологии ядерного сдерживания и стратегической стабильности можно рассматривать как формирующееся междисциплинарное направление социальной и политической психологии, которое можно представить в качестве *геополитической психологии*. Ключевой ее проблемой являются предпосылки отношения личности и группы к глобальным политическим феноменам, а также роль психологических механизмов в поддержании стратегической безопасности и устойчивого развития человечества. Отличие геополитической психологии от психологии международных отношений состоит в том, что рассматриваемые в ней проблемы носят *глобальный характер*, затрагивают все человечество, а не только отношения между теми или иными конкретными странами.

Предметная область геополитической психологии включает в себя целый ряд феноменов. Во-первых, это особенности индивидуального отношения к глобальным политическим явлениям, проявляющиеся в результате межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия, а также социально-психологических процессов на уровне общества в целом; во-вторых, влияние глобальных процессов и явлений на социально-психологические характеристики личности и группы (например, влияние роста информации о глобальном политическом кризисе на коллективные эмоциональные состояния в больших социальных группах); в-третьих, особенности отношения к глобальным проблемам в групповом сознании и совместной деятельности, несводимые к психологическим характеристикам отдельной личности (например, механизмы защиты позитивной групповой идентичности при формировании коллективных представлений о потенциальных глобальных рисках, не сводимые к личностным характеристикам членов группы).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, с опорой на проведенные нами эмпирические исследования, выделить социально-психологические механизмы, влияющие на отношение к ядерной угрозе в обществе, а также наметить перспективные направления

исследований в области ядерного сдерживания и стратегической стабильности.

По мере совершенствования стратегических вооружений, увеличения диспропорций между ядерными державами в средствах доставки зарядов, обнаружения и защиты, а также ускоряющегося распространении ядерного оружия, психологические аспекты ядерного сдерживания становятся не менее важными для обеспечения стратегической стабильности, чем собственно техническое превосходство (Журавлёв и др., 2011; Ковалева, Соснин, 2016; Соснин и др., 2012). На геополитическую стабильность все больше влияют психологические механизмы принятия решений по поводу приобретения ядерного оружия и демонстрации готовности его использовать: защита позитивной идентичности, дилемма безопасности и самосбывающиеся пророчества, эффект сверхуверенности политического руководства, реактивной девальвации уступок и др. (Нестик, 2016б). Кроме того, в условиях изменения правил игры на геополитической арене и «консервативной революции», и новой волны популизма в развитых странах, ядерная угроза становится инструментом манипулирования массовым сознанием. Сползание к ядерному конфликту может стать следствием психологической «цепной реакции», когда описанные нами психологические эффекты при принятии решений в высоких кабинетах усиливаются эффектами массового сознания.

Для выявления *типов отношения личности к ядерной угрозе и психологических детерминант* признания допустимости применения ядерного оружия Т. А. Нестиком в 2012 и 2016 гг. было проведено исследование среди студентов вузов г. Москвы (N=633). Использовались, как авторские методики, так и адаптированные методики зарубежных авторов: «Опросник отношения к ядерным проблемам» М. Ньюкомба; адаптированная нами методика «Ядерные ориентации» С. Гамильтона; «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леонга; «Стенфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо. Кластерный анализ методом к-средних позволил выявить несколько типов отношения к ядерной угрозе, различающихся, прежде всего, оценкой управляемости этого риска и выраженностью просоциальной ориентации.

К *первому* типу – «Альтруистические фаталисты» (13%) – были отнесены респонденты, считающие, что ядерная война неизбежна, хотя и не приведет к исчезновению человеческого рода, а поскольку нам лично пережить ее не удастся, нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества. Для них характерны низкий уровень социального цинизма и высокая ориентация

на гармонию в отношениях с людьми. По сравнению с другими типами, они меньше всего озабочены глобальными рисками, не склонны отождествлять себя с широкими социальными категориями людей, а принадлежность к гражданам России чаще вызывает у них негативные чувства – равнодушие и стыд.

Во второй тип – «Алармисты» (17%) – вошли участники исследования, считающие, что пережить ядерную катастрофу невозможно, но можно предотвратить ее, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям. Для них характерны относительно высокая степень информированности о проблемах ядерного сдерживания, высокая оценка вероятности ядерной катастрофы, высокая ориентация на гармонию в отношениях с людьми и озабоченность большим числом других глобальных рисков (социальных, техногенных и т. д.).

Третий тип – «Выживающие» (11%) – объединил респондентов, которые считают, что ядерную войну вполне можно пережить, если заранее к ней подготовиться, и что лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. По сравнению с другими типами, «Выживающие» характеризуются высокой ориентацией на будущее, самым высоким показателем «социального цинизма», т. е. не склонны доверять политикам и социальным институтам. При этом они сильнее других отождествляют себя с категорией «россияне», позитивнее оценивают будущее России и больше других убеждены в предопределенности судьбы. Также они ниже других оценивают свою информированность о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях, но более уверены в допустимости применения ядерного оружия.

К четвертому типу – «Гедонистические фаталисты» (11%) – были отнесены участники исследования, считающие, что ввиду возможной глобальной катастрофы нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие. По сравнению с другими типами, они мало озабочены глобальными рисками и меньше всех ориентированы на гармонию в отношениях с людьми. Как и «Альтруистические фаталисты», они мало ориентированы на будущее.

В пятый тип – «Религиозные фаталисты» (20%) – были объединены респонденты, считающие, что ядерный апокалипсис и его исход целиком зависят от воли Бога. По сравнению с другими типами, «Религиозные фаталисты» больше ориентированы на фаталистическое настоящее, считая, что будущее предопределено. Они характеризуются высокой религиозностью и низким социальным цинизмом.

Шестой тип – «Романтики» (13%) – объединяет респондентов, уверенных, что государственные лидеры не допустят ядерной вой-

ны, так как будут действовать рационально и в интересах всего человечества. Романтики также верят в возможность воздействия на правительства через общественные инициативы. При этом именно «Романтики» ниже всего оценивают вероятность ядерной войны и менее других ее опасаются. По сравнению с другими группами, для них характерна наиболее сильная идентификация себя с широкими социальными категориями («единомышленники», «люди вашей национальности», «люди вашей религии», «человечество»). Среди всех типов у «Романтиков» наиболее позитивная гражданская идентичность: мысли о своей принадлежности к россиянам у них вызывают чувства гордости и уверенности.

Наконец, в *седьмой* тип – «Сторонники разоружения» (15%) – вошли респонденты, считающие, что ядерную войну можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям. Наряду с «Алармистами», «Сторонники разоружения» наиболее высоко оценивают свою информированность о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях. По сравнению с другими типами отношения к ядерной угрозе, для «Сторонников разоружения» характерна наибольшая уверенность в своей способности влиять на свою судьбу и будущее России, а также мнение о том, что применение ядерного оружия нельзя оправдать никакими обстоятельствами.

В целом, анализ выделенных типов отношения к ядерной угрозе показывает, что фатализм и недоверие социальным институтам связаны с признанием допустимости применения ядерного оружия.

Низкое социальное доверие и фатализм повышают оценку личностью вероятности ядерного конфликта. Проведенный *линейный регрессионный анализ* ($N=503$, $F=4,19$; $p=0,002$; $R^2=0,392$) показал, что оценка вероятности ядерной войны в ближайшие 10 лет прямо зависит от идентификации респондентами себя с категорией «европейцы» ($\beta=0,287$), значимости будущего России ($\beta=0,387$), уровня социального цинизма ($\beta=0,277$) и веры в предопределенность судьбы ($\beta=0,373$) и отрицательно связана с уровнем доверия к людям ($\beta=-0,322$) и верой в справедливость мира – награду за усилия ($\beta=-0,330$). При этом было показано, что озабоченность ядерной угрозой и ориентация на активные действия по ее предотвращению связаны с уверенностью личности в своей способности влиять на будущее, социальным доверием, идентификацией себя с широкими социальными категориями и позитивной гражданской идентичностью.

Чтобы определить, при каких ситуациях применение ядерного оружия может найти поддержку в массовом сознании, в 2016 г. мы

не только измеряли допустимость применения ядерного оружия, но и просили студентов московских вузов (N=433) назвать обстоятельства, при которых нанесение ядерного удара оправданно. Лишь 19,5% респондентов признали применение ядерного оружия допустимым. Среди случаев, в которых применение ядерного оружия допустимо, респонденты чаще всего отмечали ответ на ядерный удар другой державы (35% ответивших на вопрос), защиту суверенитета при военном вторжении с использованием неядерного оружия (28%), а также превентивный удар для предотвращения ядерной войны (15%) и предотвращение глобальной природной или антропогенной катастрофы (14%).

Чтобы выявить психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия, нами были сопоставлены ответы студентов московских вузов, считающих, что применение ядерного оружия недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137), и студентов, считающих применение ядерного оружия в исключительных случаях вполне оправданным (N=140). Оказалось, что убеждение в допустимости применения ядерного оружия сопряжено с уверенностью в неизбежности ядерной войны, возможности выиграть ее упреждающим ядерным ударом, возможности выжить в ядерной войне и в защищенности России от вероятной ядерной атаки (таблица 1).

Особенно важным в этой связи является эффект сверхуверенности. Как показал регрессионный анализ, при наличии данного синдрома (фатализм, низкое социальное доверие, низкая личностная тревожность и патриотические чувства), чем более информированными о ядерном сдерживании считают себя респонденты, тем более они склонны оправдывать применение ядерного оружия (таблица 2).

Таким образом, можно говорить о психологическом синдроме «сторонника применения ядерного оружия», при котором низкое социальное доверие, негативное отношение к прошлому и предопределенность судьбы сочетаются с иллюзией возможности выживания в ядерной войне и завышенной оценкой защищенности государства от ядерного удара. На практике это означает, что нагнетание тревоги и формирование представлений о неизбежности ядерной войны способны запустить самосбывающееся пророчество. Вместо готовности к действиям по снижению международной напряженности такого рода алармизм может провоцировать приверженность радикальным силовым мерам.

Сегодня кризис социального доверия отмечается во всем мире (Edelman Trust Barometer, 2017). Полученные нами эмпирические данные указывают на то, что потеря уверенности в социаль-

Таблица 1

Социально-психологические характеристики и допустимость применения ядерного оружия (результаты анализа значимых различий; приводятся средние значения, $p < 0,05$)

	Респонденты, считающие, что применение ядерного оружия недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ядерного оружия в исключительных случаях допустимо (N=140)
Уверенность в том, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	1,2	3,6
Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее	3,0	3,5
Россия хорошо защищена от вероятной ядерной атаки	1,7	4,1
Гордость в связи с принадлежностью к гражданам России	3,6	4,1
Негативное прошлое (ZTPI)	2,8	3,1
Контроль судьбы (SAS)	2,7	2,9
Социальный цинизм (SAS)	3,0	3,2
Социальное доверие	2,6	2,3
Сколько у вас знакомых (за исключением родственников), на поддержку которых вы рассчитываете в случае, если окажетесь жертвой стихийного бедствия?	22,3	11,3
Число социальных категорий, с которыми идентифицирует себя респондент	6,0	4,9

ной стабильности, снижение доверия к другим людям, нарастание апокалиптических настроений могут запустить в обществе «спираль» поддержки радикальных мер, повышают число сторонников использования ядерного оружия для защиты позитивной национальной идентичности (см. также: Доверие и недоверие..., 2013; Современная социальная реальность..., 2014). Ксенофобия и вера в предопределенность судьбы могут быть использованы политиками для обеспечения поддержки обществом решений о нанесении упреждающего ядерного удара.

Именно использование чувств уязвленного достоинства, превосходства, недоверия, несправедливости, беспомощности и уязвимости позволяет политическим лидерам оправдать начало военных действий в национальном массовом сознании. Например, именно

Таблица 2
 Психологические детерминанты допустимости использования ядерного оружия
 (коэффициенты линейной регрессии, N=433, 2016 г.)

	Предикторы, β						R^2	
	Зависимая переменная	Контроль судьбы	Доверие к людям	Позитивная оценка будущего России	Убежденность в том, что лучший способ предотвратить удар – нанести его первыми	Личностная тревожность		Число социальных категорий, с которыми себя идентифицирует респондент
Допустимость применения ядерного оружия	0,159****	-0,130****	0,168****	0,300****	-0,131***	-0,148**	0,121**	0,340

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; **** $p < 0,0001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 – доля дисперсии.

к этим чувствам апеллировала администрация Дж. Буша, обосновывая необходимость вторжения в Ирак в марте 2003 г. защитой США от террористических атак и ядерного оружия, якобы скрываемого Саддамом Хусейном (Eidelson, 2013).

Этим эффектам может противостоять реалистичный и позитивный образ коллективного будущего, конструирование которого возможно в открытом публичном внутригражданском и международном диалоге (Новое в науках о человеке..., 2015; Россия в глобализирующемся мире..., 2007). Путь к снижению ядерной угрозы лежит через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у политических элит всех заинтересованных сторон.

Можно выделить несколько *перспективных направлений* социально-психологических исследований в области психологии геополитической стабильности.

Требуют более пристального внимания исследователей психологические особенности особого типа межличностного и межгруппового взаимодействия «проигравший–проигравший», мало изученного в отечественной и зарубежной психологии, т. е. взаимодействия, целью или наиболее вероятным исходом которого является взаимный проигрыш, вплоть до полного взаимного уничтожения.

До сих пор в контексте ядерного сдерживания изучались лишь те личностные характеристики руководителей, которые связаны с политическими ценностями, внутригрупповым и межгрупповым взаимодействием. Между тем, мало изученной остается роль таких характеристик, как доверие к миру, оптимизм, характеристики временной перспективы (Доверие и недоверие..., 2013; Нестик, 2016б).

Требует уточнения роль социальной идентичности в принятии решения о приобретении и применении ядерного оружия. Мы все еще не имеем ясного представления о том, какие психологические факторы позволяют разрешить противоречие нормами международного сообщества и стремлением действовать в интересах своей социальной группы (политико-экономической, национальной, религиозной и др.).

Важной задачей остается изучение психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров. Исследования в области организационной психологии и межличностного доверия позволяют предположить, что в кризисных ситуациях критерии доверия и недоверия сторон друг к другу меняются как по значимости, так и по содержанию. Это не может не влиять на практические рекомендации по разрешению кризисных ситуаций в международных отношениях.

По-прежнему мало изучены социально-психологические аспекты ядерного терроризма, т. е. проблема использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа. Между тем вероятность применения оружия массового уничтожения террористическими организациями продолжает расти.

Наконец, требуют дальнейшего изучения психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Необходимо изучение влияния постапокалиптических фильмов, игр и книг на отношение к ядерной угрозе. В связи с ростом масштабов терактов и других травмирующих катастрофических событий, требует все более пристального внимания динамика коллективных эмоциональных состояний и дискурса ненависти, распространяющихся через социальные медиа.

Литература

- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М., 2013.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М., 2016.
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание в XXI веке: геополитические риски и социально-психологические проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 168–205. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document284.pdf> (дата обращения: 10.04.2017).
- Нестик Т. А. Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 1. С. 143–173. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document203.pdf> (дата обращения: 10.04.2017).
- Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016б. № 1 (50). С. 24–38.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М., 2015.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М., 2007.

Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 1. М., 2014.

Соснин В. А., Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. №3. С. 116–123.

Edelman Trust Barometer. Executive Summary 2017. URL: <http://www.edelman.com/executive-summary/> (дата обращения: 10.04.2017).

Eidelson R. J. How Leaders Promote War by Exploiting Our Core Concerns // Peace Review. 2013. V. 25. №2. P. 219–226.

Socio-psychological aspects of geopolitical stability

V. A. Sosnin, A. L. Zhuravlev**, T. A. Nestik*** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, leading research officer, Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

The problems and subjects of geopolitical psychology are discussed. Results of a series of empirical studies of Russian students' attitudes toward the threat of nuclear war are presented. The seven types of attitudes toward the threat of nuclear war are identified: altruistic fatalists, alarmists, survivalist-liquidators, hedonistic fatalists, religious fatalists, romanticists, disarmament supporters. The findings showed that there is a "psychological syndrome" of nuclear strike acceptability supporter that includes a set of socio-psychological characteristics. In this syndrome the patriotism and belief in the strong state are paradoxically combined with low social trust, low social capital, negative past and fatalism. It means that fostering of atmosphere of alarm and forming beliefs about the more and more likely nuclear war can produce self-fulfilling prophecies. Instead of the readiness to proactive interventions to reduce international tension the alarmism can provoke commitment to the drastic, radical measures. The directions for further psychological research in the field are proposed.

Keywords: geopolitical psychology, strategic safety, attitudes toward the threat of nuclear war, social trust, fatalism.

Представление о коллективных переживаниях и чувствах в работах отечественных ученых¹

Е. В. Харитонова (Москва)

*кандидат психологических наук, ученый секретарь
Института психологии РАН; e-mail: kharitonova-fish@mail.ru*

В статье обозначена значимость изучения коллективных переживаний и чувств в связи с изменениями социальных связей в России. Показана динамика коллективных переживаний в переломные моменты общественного развития. Отражены особенности подходов к изучению коллективных чувств в работах русских ученых. Особое внимание уделено чувству тревоги, описанному в работах Г. Е. Шумкова.

Ключевые слова: коллективные переживания, коллективные чувства, общество, внушение, паника, тревога.

Для современного российского общества характерно ослабление социальных связей, что обусловлено тенденцией ориентации на индивида в новых экономических условиях «общества потребления». Однако изменения в социальных связях влияют на стабильность и устойчивость общества в целом. В свою очередь, в ситуации нестабильности, напряжения, повышенных эмоциональных нагрузок на индивида его индивидуальные чувства и представления заменяются социальными представлениями и чувствами. Индивид в подобной ситуации имеет тенденцию к вхождению в социальную группу и разделяет групповые или коллективные представления и чувства. В сложных ситуациях человеку свойственно интерпретировать внешние воздействия в логике коллективного субъекта. Термин «коллективный субъект» трактуется А. Л. Журавлёвым как «всякая совокупность людей, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т. д.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10394.

есть коллективный субъект» (Журавлёв, 1999, с. 69). Коллективно-му субъекту присущи разделяемые всеми входящими в него индивидами коллективные чувства. «Коллективные чувства – это устойчивые, разделяемые членами группы, аффективные переживания, связанные, преимущественно, с относительно стабильными экономическими, политическими, региональными условиями жизни людей... Коллективные эмоции, социальные эмоции и коллективные чувства могут быть объединены одним общим понятием – «коллективные переживания»» (Емельянова, Дробышева, 2015).

Коллективные переживания охватывает большие массы людей, объединяют их тождественными эмоциями, настроениями, чувствами, которые далее могут проявляться в основе массовых общественных движений. Интерес к массовым социально-психологическим явлениям в общественных науках особенно ярко проявляется в связи с ситуациями социальной напряженности в стране. В России конца XIX–начала XX вв. происходили многочисленные преобразования в экономической, политической, социальной жизни, которые, в свою очередь, нашли отражение, как в жизни каждого отдельного человека, так и в массовом сознании и поведении. В социально-политической жизни страны огромное значение приобретает влияние и использование масс людей в своих интересах разными политическими течениями. «Борьба за умы», управление и прогнозирование поведения больших групп людей становятся вопросами, которых пытаются решить представители разных гуманитарных наук. Изучение коллективных чувств направлено, прежде всего, на исследование формирования данных чувств и их влияния на общественную жизнь.

О механизмах возникновения и распространения коллективных переживаний посредством внушения писал В. М. Бехтерев в работе «Роль внушения в общественной жизни». В данной работе представлен текст его доклада на собрании Императорской Военно-медицинской Академии в 1897 г., это первое обращение Бехтерева к общественной психологии и ее феноменам: «...внушение есть один из способов влияния одних лиц на других, которое может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица, и которое может осуществляться совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение...» (Бехтерев, 1997, с. 335). Внушение может передаваться не только в вербальной форме, но и путем непосредственной передачи «идей, чувствований и ощущений». Таким образом, пути воздействия через внушение и передачи психических состояний всегда более разнообразны и многочисленны, чем словесно-логическое убеждение. Бехтерев полагает, что такая

«прививка идей» особенно распространена в «простом классе населения», который более подвержен внушению.

К коллективным эмоциональным переживаниям обращается в своих работах Л. Н. Войтоловский, один из основателей отечественной марксистской социальной психологии, литературовед, публицист. Окончив в 1901 г. медицинский факультет Харьковского университета, Войтоловский работал в клинике нервных и душевных болезней в Киеве, и в то же время опубликовал несколько глав одного из первых в отечественной науке трудов по социальной психологии «Роль чувств в коллективной психологии».

К коллективным эмоциональным состояниям Войтоловский относит, прежде всего, настроение коллектива, коллективные переживания. Одной из важнейших характеристик коллективного эмоционального состояния является динамичность. Колебания коллективных настроений связаны с социальными детерминантами: «Чем больше мы чувствуем себя господами обстоятельств, тем больший прилив энергии ощущаем мы в себе. И наоборот, когда нас постигает тяжелая неудача, непоправимое горе, все наше существо опускается» (Войтоловский, 1908, с. 7).

Интерес представляет закономерность, на которую указывает Войтоловский: «Чем сложнее и обширнее становится мир явлений, с которыми приходит в соприкосновение личность, тем больше поводов представляется для упадка и подъема энергии» (Войтоловский, 1908, с. 8).

Динамика переживаний человека связана с его включенностью в ту или иную группу и зависит не только от его собственного опыта переживаний успеха или неуспеха, но и от группового опыта или от тех влияний, которые оказываются на группу извне. Коллективные чувства в таком случае могут зависеть не от реально существующих обстоятельств, желаний или стремлений группы. Они характеризуются «превращаемостью», т. е. способностью сравнительно легко переходить от одного вида к другому. Соответственно, можно предположить, что и коллективные чувства, и энергия группы, связанная с переживанием какого-либо события, не всегда соответствует реальности и адекватна объективному ходу вещей (Войтоловский, 1908).

Автор подчеркивает, что общность коллективных чувств лежит в основе возникновения психологии классов и других общественных групп: «...общие умственные интересы, общие практические задачи отдельной группы, а также классовые и национальные формы общежития придают однородную эмоциональную окраску воспринимаемых событий, вызывают то духовное единство, то единяю-

щее настроение, на почве которого создается типическая классовая или иная общественная психология, и время от времени вырастают своеобразные вспышки и столкновения в сфере общественных настроений» (Войтоловский, 1908, с. 9).

Важность изучения природы общественных колебаний в историческом контексте в России представлялось Войтоловскому первоочередной задачей. С его точки зрения, важно выяснить, «как произошла эта внезапная перемена, захватившая все отдельное личное и унесшая, слившая всю эту сумму разнородных стремлений, традиций, идеалов в один неразделенный психический поток, как бы подчиненный внезапно одному колоссальному чувствулицу, одной колоссальной напряженной вспыхнувшей воли...» (Войтоловский, 1908, с. 10).

Особый подход к изучению коллективных переживаний и чувств возникает в военно-психологических исследованиях, направленных на изучение особенностей совместных боевых действий, психического состояния солдата во время боя, роли настроения, способов воздействия, внушаемости. Специальные работы были посвящены изучению такого явления, как паника.

Случаи паники в армии часто скрывались, но после поражений в русско-японской войне П. И. Измestьев написал: «...сам факт паники может быть и поучителен, так как всестороннее ее исследование может помочь избежать ее в будущем» (Измestьев, 1911, с. 8). Описывая и изучая в своей работе случаи паники, Измestьев приходит к выводу, что «паника всегда была, есть и будет. Паника – дело инстинкта самосохранения» (Измestьев, 1911, с. 25). При этом автор отмечает необходимость формирования в армии такого коллективного чувства, как «дух товарищества». «К сожалению, его сейчас в армии нет. Мы, военные, должны чувствовать и сознавать, что все мы одна семья, соединенная одной и той же задачей и призванием. Надо развивать любовь, уважение, доверие одного рода оружия к другому, сознание, что одни без другого существовать не могут» (Измestьев, 1911, с. 35).

Психологические исследования солдат и офицеров в реальных боевых условиях на протяжении двух лет проводил ученик В. М. Бехтерева, участник действующей армии в русско-японской войне, врач Г. Е. Шумков. Собрав богатейший материал, он пишет книгу «Психика бойцов во время сражения», но она включает в себя только незначительную часть результатов проведенного исследования. Многие материалы Г. Е. Шумков публикует в журнале «Военный сборник» с 1912 по 1914 г. Представляется, что работы автора не утратили своей актуальности, и современное издание собранных им ориги-

нальных материалов было бы полезно, как для научного осмысления, так и для практического использования.

В рамках нашей работы заслуживает внимания описываемое Г. Е. Шумковым «начало», объединяющее людей в совместной военной деятельности. Автор выделяет особое чувство, которое доминирует над всеми, объединяет людей, нивелирует индивидуальность каждого, заставляет объединяться в общность – это чувство тревоги. «Чувством, объединяющим индивидуальности разных настроений и характеров, чувством, стирающим особенности личностей и превращающим человека как бы в один для всех людей шаблон, является, по нашему мнению, чувство тревоги» (Шумков, 1914, с. 89).

Чувство тревоги, которое испытывают солдаты перед боем, вызывает и другие общие чувства и настроения: «коллективную радость», «коллективную печаль». «В силу общих совместных коллективных чувств или настроений у находящихся в тревоге появляются коллективные же поступки и действия, по крайней мере, в простых проявлениях: идти, достичь, разрушить, удалиться...» (Шумков, 1914, с. 92). Чувство тревоги, таким образом, оказывает влияние на психологическое сплочение толпы, в которой непременно появится выразитель общих мыслей и чувств, взявший на себя роль лидера. «Чувство тревоги есть тот психологический цемент, при помощи которого люди, даже разных душевных свойств, могут объединяться „психологически“ с наличием однородных мыслей, чувств и действий. Без наличия чувства тревоги не может произойти в людях объединения в „психологическую толпу“» (Шумков, 1914, с. 94).

В заключение заметим, что чувство тревоги, как представляется, достаточно распространено и в современном российском обществе, в связи с чем изучение его социально-психологических особенностей предполагает необходимость теоретического и эмпирического исследования коллективных чувств. Обращение к историческому материалу сохраняет актуальность и значимость, открывая возможность рассмотрений исторических параллелей России в начале XX в. и современной России.

Литература

- Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека / Под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой. М., 1997.
- Войтоловский Л. Н.* Текущий момент и текущая литература (К психологии современных общественных настроений). СПб., 1908.

Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. №4 (июль–август). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/4/Drobysheva_Emelyanova_Collective-Feelings (дата обращения: 10.08.2017).

Журавлёв А. Л. Понимание «коллективного субъекта»: основные подходы в психологии // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М., 1999. С. 68–70.

Изместьев П. И. Из области военной психологии. Варшава, 1911.

Шумков Г. Е. Роль чувства тревоги в психологии масс, как начала нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. №9. С. 86–94.

The idea of collective experiences and feelings in the works of national scientists

E. V. Kharitonova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, Scientific Secretary
of the Institute of Psychology of RAS

The article identifies the importance of studying collective experiences and feelings in connection with changes in social ties in Russia. The dynamics of collective experiences in the critical moments of social development is shown. The features of approaches to the study of collective feelings in the works of Russian scientists are reflected. Particular attention is paid to the feelings of anxiety described in the works of G. E. Shumkov.

Keywords: collective experiences, collective feelings, society, suggestion, panic, anxiety.

Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики¹

А. В. Юревич, А. Л. Журавлёв**, Т. А. Нестик*** (Москва)*

** доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
заместитель директора по науке Института психологии РАН;
e-mail: av.yurevich@mail.ru*

*** академик РАН, профессор, директор Института психологии РАН;
e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

**** доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией
социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

Статья посвящена прогнозу развития психологии на перспективу до 2030 г. Дается оценка инициатив отечественных и зарубежных психологов, направленных на прогнозирование будущего психологии. Выделяются тенденции в развитии психологической науки: объединение различных направлений психологического знания на основе наук о мозге и генетики, исследования на больших выборках, публикация данных и обеспечение воспроизводимости результатов, изучение психологических явлений в реальном контексте и др. Рассматриваются вызовы для психологической науки и практики, связанные с развитием цифровых технологий: больших данных, искусственного интеллекта, виртуальной реальности, «умных» материалов, телеприсутствия, интерфейсов «мозг – компьютер». Намечаются пути развития рефлексии психологического сообщества в отношении больших вызовов для общества, их последствий для проблематики и методов исследований.

Ключевые слова: большие вызовы, будущее психологии, цифровая революция, большие данные, виртуальная реальность, телеприсутствие, нейронет, воспроизводимость.

1 Исследование выполняется при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00675.

Ускоряющиеся изменения в обществе и технологиях, происходящие в первые два десятилетия XXI века, а также нарастание глобальных природных и антропогенных рисков ставят перед наукой новые задачи, требующие осмысления научным сообществом.

С одной стороны, глобальные изменения влекут за собой изменения в *научной политике*: ориентация финансирования науки на общественно значимые «большие вызовы», сокращение цикла НИОКР и трансляционные исследования, формирование открытой науки 2,0 и растущая доступность результатов исследований для широкого обсуждения в обществе, возникновение гражданской науки на основе краудсорсинга, переход от крупных исследовательских институтов к сетевым, распределенным формам совместной научной деятельности. Под влиянием больших данных и интернета вещей меняются методы исследований.

С другой стороны, *проблематика исследований*, особенно в области общественных наук, становится более ориентированной на *процессы глобальных изменений*, поведение людей в турбулентном, «текущем» обществе. Вместе со сменой технологических платформ происходит переопределение места социальных и гуманитарных наук в обществе. В России один из первых шагов в этом направлении был сделан социологическим сообществом в апреле 2017 г. на VII Грушинской социологической конференции, целиком посвященной будущему прикладной социологии.

Несмотря на рост актуальности глобальных вызовов для теоретической и прикладной психологии и осознание самими психологами важности диалога о будущем (Bray, 2010; Benet-Martínez et al., 2015; Pavlović, 2015), можно отметить удивительно небольшое число *проектов и публикаций* на тему будущего психологии. Рефлексия будущего в психологической науке связана в основном с традиционным выделением перспективных направлений исследований и библиометрическим анализом. Форсайты были признаны как инструмент, повышающий влияние прикладной психологии на правительственные решения, но широкого распространения в психологической среде не получили (из личной беседы Т. А. Нестика с Т. М. Баптиста, Президентом Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA) на 15-м Европейском психологическом конгрессе в Амстердаме, 11–14 июля 2017 г.).

Периодически долгосрочные перспективы развития обсуждаются на страницах журналов и в рамках профессиональных ассоциаций психологов. Так, например: журнал «Frontiers in Psychology» создал рубрику «Большие вызовы для психологии в 21 веке», в рамках которой в 2015–2017 гг. вышла серия публикаций (см., например:

Boyatzis, 2015). Начиная с 2017 г. «Психологический журнал» ввел новую рубрику «Перспективы психологической науки» (см., например: Журавлёв, Занковский, 2017). В 2008 г. Американская психологическая ассоциация (APA) определила большие вызовы для общества, на которые предстоит ответить психологам: старение населения, изменение климата, расслоение общества по уровню здоровья и качеству жизни. На саммите APA в мае 2009 г. 150 экспертов в области психологии, экономики, медицины, бизнеса и политики разработали видение будущего прикладной психологии (Brag, 2010). Ассоциация за психологическую науку (APS) к своему 25-летию в 2013 г. опубликовала серию интервью о будущем. На 16-й ежегодной конференции Общества персональной и социальной психологии (SPSP) в 2015 г. была организована пленарная секция, посвященная будущему психологии. К числу наиболее часто упоминаемых в публикациях и дискуссиях относятся такие *тенденции*, как поиск «большой теории» и объединение отраслей психологического знания вокруг наук о мозге, риск растворения психологии в науках о жизни, вулгаризация психологии и низкий авторитет психологов-исследователей в обществе, переход к «открытой науке» и борьба за повышение воспроизводимости результатов научных исследований, использование цифровых технологий в исследованиях и психологической практике, растущая междисциплинарность, увеличение выборок и новые статистические методы (о современных тенденциях см. также: Прогресс психологии..., 2009).

В этой связи заслуживает внимания блиц-опрос ведущих психологов, проведенный в 2012 г. редакцией «Национального психологического журнала» незадолго до V Съезда Российского психологического общества. Опыт форсайт-сессии «Психология бизнеса – 2023», проведенной департаментом психологии НИУ ВШЭ в 2013 г., а также одного из первых в России форсайтов в области гуманитарных наук, организованного Форсайт-Центром НИУ ВШЭ в 2014 г., показывает, что наибольший результат обеспечивают не однократные экспертные оценки или разовые встречи, а постоянно действующие коммуникационные площадки и сообщества, ориентированные на поиск перспективных исследовательских направлений.

В рамках форсайта «Российская психология – 2030» Институт психологии РАН на рубеже 2015–2016 гг. провел экспертный опрос (N=50), направленный на выявление мнений специалистов о том, какими станут психологическая наука и практика в нашей стране и мире к 2030 г. (Журавлёв и др., 2016). Среди принципиально *новых направлений исследований* большинство экспертов указывает на проблемы, связанные с развитием IT-технологий (23% всех от-

ветов): психологию социальных сетей, виртуальной реальности и нейроинтерфейсов человека и компьютера, искусственного интеллекта, психологию людей-киборгов, людей с имплантированными ложными воспоминаниями и т. п. По мнению опрошенных экспертов-психологов, следует ожидать интеграции традиционных психологических направлений с когнитивными исследованиями, нейронауками и эволюционной психологией. На основе достижений медицины, генетики и психофармакологии будет развиваться психология геной инженерии, психология программируемой одаренности и творчества.

С одной стороны, в условиях ускоряющихся изменений и высокой неопределенности будут востребованы психологические технологии работы с ценностно-смысловой сферой личности и жизненными сценариями. Можно ожидать развития психологии личностных смыслов и духовности, включая психологию религиозных, эзотерических и других практик развития. С другой стороны, дальнейшая разработка информационно-коммуникационных технологий и опора на большие данные позволят не только проводить дистанционную психологическую диагностику, но и более эффективно манипулировать массовым сознанием. Эксперты ожидают развития макропсихологии как прикладной науки о воздействии на массовое сознание и поведение.

Старение населения и трансформация института семьи создадут масштабные социальные проблемы, над которыми будут работать психологи. Потребуется профессиональная помощь незащищенным категориям населения, прежде всего, пожилым людям, а также специальные программы для детей из разных категорий семей.

Сложность стоящих перед психологами практических проблем, а также внутренняя логика развития самой науки будут подталкивать исследователей к поиску своего рода «большой теории» в психологии (проработка парадигмальных основ существующих направлений, общая теория и методология прикладной психологии, системные исследования практической работы психолога с академических позиций) и др.

Поскольку новые направления развития психологии эксперты связали в первую очередь с цифровыми технологиями, целесообразно более внимательно проанализировать *последствия цифровой революции* для подходов к проведению исследований и оказанию психологической помощи. Многие из этих последствий пока остаются вне внимания российских психологов.

Во-первых, вместе с распространением технологий Big Data и «Интернета всего» изменятся *скорость, масштабы и методы сбора*

данных в психологических исследованиях (Kosinski et al., 2016). Радикально изменится соотношение типов данных, выделенных Р. Кеттелом: L-данных (объективных фактов о жизни и поведении) и T-данных (результатов тестов) становится гораздо больше, чем Q-данных (опросников, основанных на самоотчетах респондентов) и O-данных (оценок человека другими знающими его людьми). Если сегодня под «цифровыми следами» личности понимаются преимущественно «клики мышкой» при пользовании интернетом, то в ближайшие 10 лет мы можем оказаться в условиях, когда не только наши перемещения в пространстве (например, по городу), но и наши слова и действия будут регистрироваться в сети. Иными словами, в мире интернета вещей и больших данных жизнь человека станет преимущественно «цифровой», доступной для наблюдений, фиксирования и диагностики. Семантический анализ SMS, интернет-запросов и постов в сетях, а также обработка «цифровых следов», которые человек оставляет в реальном мире, соприкасаясь с сетью электронных устройств, не говоря уже о триангуляции его положения по системам GPS, – все это уже сегодня позволяет более точно, чем с помощью стандартизированных психологических опросников оценивать некоторые психологические характеристики человека.

Появление владельцев данных (интернет-гигантов, социальных сетей, банков и страховых компаний, платежных систем и т. п.), которые, возможно, знают нас лучше, чем мы сами, создают целый ряд этических и социальных проблем, которыми в том числе придется заниматься психологам. С одной стороны, эти изменения расширяют возможности количественных методов проверки психологических гипотез. С другой стороны, эти процессы повысят востребованность качественных методов анализа и теоретического обоснования его результатов (Benet-Martínez et al., 2015).

Под влиянием больших данных психологическое знание становится все более *предиктивным*, ориентированным не на интерпретацию уже собранных данных, а на прогнозирование психологических процессов в режиме реального времени. Кроме того, все больше психологических явлений будет преимущественно изучаться не в лаборатории, а в реальном контексте.

Более доступными становятся не только объективные данные о поведении людей, но и их самоотчеты, а также результаты прохождения тестов. Благодаря социальным сетям и инструментам краудсорсинга, таким, например, какие имеются в компании Amazon, психологам стало легче собирать выборки (Crump et al., 2013). К давно открытым многолетним базам социологических опросов, таким как World Values Survey, International Social Survey, European Social

Survey и Eurobarometer (см.: <http://www.re3data.org>), добавляются новые, собственно психологические (например, Journal of Open Psychology Data). Например, на сайте [my Personality.org](http://my.Personality.org) собраны более 6 миллионов результатов тестов (в том числе 3,1 млн результатов по тесту Big 5) вместе с 4 миллионами личных страниц в Facebook.

Доступность психологических данных растет вместе с переходом психологии к модели «Открытая наука». Все больше журналов требуют размещения в открытом доступе баз с сырыми данными, а такие как «Experimental Psychology» – даже предварительной публикации и одобрения дизайнера исследования до проведения эксперимента. С этой тенденцией связаны надежды на преодоление кризиса воспроизводимости результатов исследований в психологии, по разным оценкам не превышающей 30–39% (см., например: Replication Project, <https://osf.io/wx7ck>). Так, в 2017 г. журнал «Psychological Science» открыл новую рубрику, в которой будут публиковаться отчеты о воспроизведении исследований, публиковавшихся ранее на его страницах.

Во-вторых, психологическая практика будет меняться под влиянием трансформаций в *медицине*, где происходит *персонализация* на основе генетических данных, переход от лечения к превентивной диагностике и поддержанию здоровья, от очных встреч с врачом к дистанционным консультациям 24/7. Как и в медицине, дальнейшая персонализация приведет к тому, что депрессия, тревожные расстройства, шизофрения и аутизм станут рассматриваться как широкие категории заболеваний, в рамках которых для каждого конкретного пациента будут определяться свои причины на молекулярно-генетическом уровне, с учетом специфических жизненных условий и отношений с конкретными людьми. Уже сегодня растет число дистанционных психологических услуг. Примером может служить интернет-портал Therachat (<https://therachat.io>), за 10 \$ в месяц позволяющий практикующим психологам давать онлайн-консультации и поддерживать непрерывный контакт с клиентами между встречами посредством домашних заданий, ведения дневников, мгновенных сообщений, записи всех чатов и последующего сентимент-анализа. По аналогии с медицинской удаленной диагностикой через носимые датчики, часть показателей психологического состояния будет считываться непрерывно на основании айтрекинга, КГР и ЭКГ. Можно ожидать появления рынка психологических данных, аналогичного тому, который сложился сегодня в области медицины, где миллионы историй болезни загружаются в память программы-врача IBM Watson. Появляется возможность совмещать психологические исследования с привлечением масси-

вов генетических данных, чем уже начали пользоваться психологи, например, при изучении болезни Альцгеймера.

Несомненно, продолжится наметившееся в последние годы сближение социальной психологии и нейронаук. Мониторинг ЭЭГ, КГР и других физиологических показателей одновременно у множества участников совместной деятельности позволит сделать шаг вперед в изучении так называемого «социального мозга» и психофизиологии коллективного субъекта.

В-третьих, в практической психологии будет все более широко использоваться *искусственный интеллект*. Сегодня это интернет-боты, но уже через несколько лет на рынке появятся более сложные самообучающиеся системы, вооруженные не только о закономерностях человеческого поведения, но и данными о нашем собственном поведении. Компания психологов из Стэнфорда в 2017 г. уже вывела на рынок бота-психотерапевта (<https://www.woeobot.io>), за 39 \$ в месяц отслеживающего эмоциональные состояния пользователя и дающего психологические консультации. Люди более склонны раскрываться в общении с программой, чем в беседе с реальным человеком, так как меньше опасаются оценки окружающих и меньше заботятся об управлении впечатлением (Lucas et al., 2014).

Вместе с распространением технологий дополненной реальности будет расширяться применение автоматизированных экспертных систем, подсказывающих пользователю то или иное направление действий с учетом оценки состояний и намерений окружающих людей. По-видимому, опираясь на данные о своем предшествующем поведении в аналогичных ситуациях, с помощью персонального помощника люди смогут более точно прогнозировать свои эмоции и поступки. Интегрированные с носимыми датчиками, экспертные системы открывают путь для разработки новых технологий в области ускоренного обучения, технологий саморегуляции на основе биологической обратной связи.

Вне зависимости от того, как будет регулироваться использование подобных технологий законодательством и нормами морали, психология неизбежно будет изменяться: при объяснении индивидуального и группового поведения психологам придется учитывать «поправки», предусмотренные машинными алгоритмами для компенсации или предотвращения различного рода эвристик, мотивационно-когнитивных искажений, социально-психологических эффектов. Изменится и психологическая помощь: психотерапевт и коуч должны будут рассматривать как целое личность и ее цифровой мир, включая ее персональных виртуальных помощников, различные виды искусственного интеллекта в трудовой и до-

суговой сферах, окружающие ее «умные» вещи и т. п. Психотерапия станет невозможной без одновременного воздействия на цифровую среду клиента.

Применение *виртуальной реальности* уже сегодня существенно расширяет возможности для психологической практики, например при работе со страхом авиаперелетов, агорафобией и различными видами посттравматического стрессового расстройства, которые требуют воспроизведения ситуации *in vivo* (Rivera et al., 2015). Технологии виртуальной реальности широко используются в обучении для моделирования будущего поведения в различных ситуациях. В дальнейшем можно ожидать появления психологических сервисов, направленных на обеспечение путешествия человека в различные сценарии его собственной жизни или жизни близких ему людей. По-видимому, онлайн-игры и виртуальная реальность будут широко использоваться при разработке групповых решений, при диагностике совместимости и семейном консультировании. Появятся сетевые сообщества, участники которых «играют» в жизни друг друга с целью оказания психологической помощи или для развлечений.

Использование искусственного интеллекта, программируемых «умных материалов» и технологий *телеприсутствия* позволит автоматически конфигурировать помещения, в которых находится человек или группа, с учетом личностных особенностей и психологических требований решаемой в данный момент задачи (от расположения и цвета стен до формы коммуникаций с людьми за пределами комнаты). Можно ожидать появления спроса на услуги очных или виртуальных психологов-консультантов, которые будут объединять в себе роли (функции) дизайнера помещений, социального или семейного психолога и специалиста по инженерной психологии. Существенно возрастут возможности влияния на поведение горожан посредством непрерывного перепроектирования их непосредственной жизненной среды.

Развитие интерфейсов «*мозг–компьютер*» и «*мозг–компьютер–мозг*» (в рамках Национальной технологической инициативы они обсуждаются как «нейронет») неизбежно приведет к появлению новых социально-психологических феноменов, не имеющих аналогов в известной нам психологии. Академическая психология столкнется с вызовом, который заставит социальных психологов объединить усилия с нейробиологами, психофизиологами, когнитивными, личностными и экзистенциальными психологами. С одной стороны, в совокупности с достижениями нейронаук и психофармакологии, новые инструменты коммуникаций и психологического воздействия откроют дополнительные возможности для практической психологии. С другой стороны, они будут способствовать распростра-

нению различных форм самопомощи, подтолкнут пользователей к психологическим и социальным экспериментам с риском для своего и чужого психического здоровья.

Не нужно говорить и о том, что «цифровая революция» открывает не только путь к «психозойской эре» и духовному развитию человека, но и к новым формам *психологических манипуляций*, невиданным по охвату и глубине воздействия. В этих условиях чрезвычайно актуальным становится развитие рефлексии внутри самого психологического сообщества, направленной на осмысление последствий глобальных изменений для психологической науки и российского общества, в целом.

Для развития «дальнозоркости» психологического сообщества необходимы регулярные форсайт-сессии, прежде всего по междисциплинарным психологическим проблемам; специальные секции на конференциях, посвященные глобальным трендам и будущему психологии; соответствующие редакционные колонки и рубрики в психологических журналах, видео-интервью известных психологов на тему социальных вызовов и будущего психологии и др.

Литература

- Журавлёв А. Л., Занковский А. Н. Тезисы развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. №2. С. 77–88.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. №5. С. 45–64.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлёва, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Benet-Martínez V., Donnellan M. B., Fleeson W., Fraley R. Ch., Gosling S. D., King L. A., Robins R. W., Fund D. C. Six Visions for the Future of Personality Psychology // APA Handbook of Personality and Social Psychology. Vol. 4. Personality Processes and Individual Differences, M. Mikulincer and P. R. Shaver (Editors-in-Chief). N. Y.: APA, 2015. P. 665–689. doi: 10.1037/14343–030.
- Boyatzis R. E. Organizational psychology on the way to 2065: a challenge to scholars // Frontiers in Psychology. 2015. V. 6 (948). P. 1–2. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00948.
- Bray J. H. The Future of Psychology Practice and Science // American Psychologist. 2010. V. 65. №5. P. 355–369. doi: 10.1037/a0020273.

- Crump M. J. C., McDonnell J. V., Gureckis T. M.* Evaluating Amazon's Mechanical Turk as a Tool for Experimental Behavioral Research // PLoS ONE. 2013. V. 8 (3): e57410. doi: 10.1371/journal.pone.0057410.
- Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J.* Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // Big Data in Psychology. Special issue of Psychological Methods. 2016. V. 21. № 4. P. 493–506.
- Lucas G. M., Gratch J., King A., Morency L.-P.* It's only a computer: Virtual humans increase willingness to disclose // Computers in Human Behavior. 2014. V. 37. P. 94–100. doi: 10.1016/j.chb.2014.04.043.
- Pavlović J.* Imagining Possible Futures: Scenarios for Constructivist Psychology // Studies In Meaning. 2015. V. 5. P. 221–245.
- Rivera R. M. B., Arbona C. B., García-Palacios A., Castellano S. Q., López J. B.* Treating Emotional Problems with Virtual and Augmented Reality // The Handbook of the Psychology of Communication Technology. Oxford: John Wiley & Sons, 2015. P. 548–566. doi: 10.1002/9781118426456.ch25.

The future of psychology and digital revolution: forecasting the development of psychological science and practice

*A. V. Yurevitch**, *A. L. Zhuravlev***, *T. A. Nestik**** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, corresponding member of the RAS, Professor, deputy director the Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

The society's grand challenges that the psychological science and practice should address are discussed. The initiatives of psychologists to envision their science' future are reviewed. The emerging and growing trends in psychological science and practice are analyzed: uniting different streams of psychological research based on the field of brain sciences and genetics, the large sample studies, open science and overcoming the crisis of replicability, merging the lab studies and real life context. A special attention is paid to the consequences that the digital technologies (Big Data, Artificial Intelligence, Virtual Reality, smart materials, telepresence, brain-to-computer interfaces) imply for the psychological research and practice in next 15 years. The ways are proposed for developing the psychological community's reflexivity and future orientation.

Keywords: grand challenges, future of psychology, digital revolution, Big Data, Artificial Intelligence, Virtual Reality, smart materials, telepresence.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Основные характеристики психологического состояния российского общества в период экономического кризиса

Т. А. Жалагина (Тверь)

*доктор психологических наук, профессор,
декан факультета психологии Тверского государственного университета;
e-mail: zhalagina.ta@tversu.ru*

Выполнен анализ психологического состояния российского общества в условиях экономического кризиса. Дается обоснование необходимости исследования экономической ситуации с учетом ее основных психологических характеристик. Выделены и проанализированы значимые характеристики психологического состояния общества: недостаточность психологического знания и психологической практики, низкая психологическая грамотность при постановке и решении задач, неполная психологическая безопасность. Делается вывод о необходимости продолжения социально-экономических реформ с целью изменения психологического состояния общества в положительную сторону и с опорой на психологические характеристики российского общества.

Ключевые слова: рыночная экономика, психологические характеристики, экономический кризис, психологическое состояние, психологическое знание, психологическая безопасность.

Введение

Последнее десятилетие весь мир живет в условиях экономического кризиса. Отражением этих условий в нашей стране является состояние рыночной экономики, которая проникла во все наиболее важные сферы деятельности человека, начиная от промышленности и сельского хозяйства и заканчивая таким направлением развития общества, как образование. Хочется напомнить, что образование, как социальная система, неразрывно связано с наукой, которая

долгое время (практически весь советский период) существовала в условиях государственного финансирования, а в период реформ оказалась без необходимых средств существования, без государственной поддержки. В настоящее время ситуация несколько изменяется к лучшему, однако экономический кризис продолжает оказывать негативное влияние на развитие научного потенциала страны.

Особенно тревожной, с одной стороны, и важной, с другой, становится проблема *психологического состояния общества*, которое характеризуется отсутствием адекватной постановки задач и целей развития, неустойчивостью направлений деятельности. Все это не могло не сказаться на общем не благополучном психологическом состоянии российского общества (Журавлёв и др., 2013; Современная социальная реальность..., 2014; и др.). Проанализировать психологическое состояние нашего общества можно с позиции входящих в его состав компонентов. Одним из них является психологическая культура общества и обуславливающее ее состояние развития психологического знания.

Роль психологического знания и психологической практики в процессе развития общества

В течение многих веков любая область научного знания, будь то математика, биология, экономика или психология, базировалась на четком теоретико-методологическом постулате. Суть его заключалась в том, что любое новое знание должно быть концептуально обосновано, доказано экспериментально и только после этого внедрено в практику. Здесь хотелось бы упомянуть известную концепцию создания совершенного теоретического объекта Е. А. Климова (Климов, 2004), согласно которой, соответствующие научные методы интерпретация, индукция, генерализация и т. д.) из полуобъектов (эмпирических и теоретических) позволяют получить современный объект теории (там же).

Российские экономические реформы, сопряженные с продолжительным кризисом, внесли серьезные изменения в работу хорошо отлаженного действия основного научного постулата: теоретико-методологические основы–эксперимент–практика (Жалагина, Короткина, 2012).

В области психологического знания это проявилось в бурном развитии психотерапевтической практики, которая «в конце XX века бурно разрослась количественно и охватила новые сферы... оказавшиеся весьма востребованными в обществе» (Журавлёв, Ушаков,

2011). Сложное психологическое состояние общества, отсутствие выхода из трудных ситуаций заставляло искать новые пути развития. Психотерапия многим казалась единственным источником эффективного практического знания, которое реально могло помочь решить имеющиеся проблемы. В стране появился огромный частный сектор психотерапевтических услуг, который начал заниматься психологической практикой, извлекая при этом неплохую финансовую прибыль. Нарботанные методики, технологии, программы превратились в долгосрочный инструмент зарабатывания денег. Столь широкое распространение практической психологии поражает своей неразборчивостью, стиранием границ и критериев профессионального подхода. Как пишет В. А. Мазиллов, психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно «теорий», но только не из концепций научной психологии (Мазиллов, 2006).

В сложившихся условиях социально-экономических перемен психологическая практика является основанием для появления новых целей и задач развития психологической науки, а также основанием для получения нового психологического знания (см., например: Психология, управление, бизнес..., 2016; и др.). Таким образом, психологическое знание и психологическая практика – это два взаимосвязанных фактора развития общества и науки. В условиях вхождения психологической практики в жизнь общества и сопутствующее этому приращение психологического знания в условиях жесточайшей конкуренции, несомненно, будут способствовать формированию конкурентоспособной личности.

За последние десятилетия развития общества психология стала одним из важнейших направлений развития. Не вызывает сомнения ее значение, как для накопления теоретического знания, так и для решения разного рода практических проблем. Сложность явлений, изучаемых психологией, неизбежно порождает многообразие подходов к изучению психологической реальности. В данном контексте соотношение теории и практики рассматривается в трудах известного отечественного психолога Я. А. Пономарева (см.: Журавлёв, Ушаков, 2011). В своих трудах он достаточно подробно рассматривает основы методологии выделения типов научного знания: созерцательно-объяснительного, эмпирического и действенно-преобразующего. Основной акцент им делается на двух последних типах, которыми характеризуется поведение человека. Подчеркивается, что для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая локальный характер (там же). На следующем этапе происходит синтез или интеграция локальных моделей и появляется континуум, на котором объясни-

тельные модели расположены в последовательности от наиболее локальных к все более и более синтетическим. Таким образом, происходит соотнесение понятий «локальности» и «глобальности» с позиции вовлечения целостной личности. Локальные модели призваны решать локальные практические задачи (приводится пример инженерной психологии), а глобальные связаны с вовлечением целостной личности, как это происходит в психотерапии (там же). Данные рассуждения представляются весьма интересными, так как они сопровождаются очень важными выводами относительно значимости локальных моделей в качестве действенного инструмента в деятельности профессионала и необходимости развития интегрирования имеющихся локальных и создаваемых глобальных моделей. Таким образом, психология разрабатывает схемы, которые ориентируют консультантов и специалистов-психологов, снабжают их чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их эффективного или оптимального действия (там же).

Значимость подобных моделей не вызывает сомнения. Сегодняшний день российской психологии является ярким примером наличия большого количества локальных моделей, которые существуют разрозненно и нуждаются в фундаментальном обосновании с целью создания глобальных моделей в виде единой парадигмы целостной личности. Психологическая практика ставит новые задачи исследования для фундаментальной психологии и, таким образом, еще раз доказывает существующую модель развития общества в целом и общественных явлений по спирали: фундаментальная психология → эксперимент → практика → новая задача → эксперимент → фундаментальная психология и т. д. (Жалагина, Короткина, 2012).

Причем, постановке новой задачи необходимо уделять особое внимание. Как считал Я. А. Пономарев, задача должна быть связана с практикой (трудовой или педагогической), ее следует представить в простой и понятной форме, она должна быть наглядно-действенной и интересной (Пономарев, 1999).

В основе представленной модели лежит творческий подход, так как именно творчество представляет единство взаимодействия и развития, что, в свою очередь, служит основой «эволюции типов знания» (там же).

Анализируя различные подходы к определению научного и методологического статуса психологии в обществе, можно сделать вывод о том, что, к сожалению, вопрос о формах и технологиях приращения и использования психологического знания еще недостаточно изучен и нуждается в дальнейшем профессиональном сопровождении.

Развитие психологии с позиции соотношения прикладного и теоретико-методологического направлений

Сегодня можно с уверенностью признать, что в психологии существуют различные типы отношений между теорией и практикой. Так, например, индивидуальное консультирование отличается от использования психологии для массового воздействия не только своими целями, но и своей эпистемической и методологической организацией (Данилова, 2010). Характеристикой-обоснованием многообразия и разнородности современной российской психологии и психологической практики является то, что государство не имеет монополии ни в подготовке психологов, ни в их трудоустройстве. В подобных ситуациях продуктивнее рассматривать внутреннее многообразие как ресурс и обсуждать формы его использования. Столь же необходимо четко осознавать и оценивать риски такого положения дел и возникающие в связи с ними проблемы (там же).

Нельзя рассматривать психологическое состояние общества без определения теоретико-методологических подходов к его исследованию. Возникает вопрос о приоритетности естественно-научного подхода. Психологию нередко относят к гуманитарной сфере, хотя психологическое знание связано, прежде всего, с естественно-научным блоком научных дисциплин. Но в последнее время все больше профессиональных психологов начинают сомневаться в привлекательности этого подхода в развитии психологии. Вопрос о том, может ли психология строиться по образцу естественных экспериментальных наук, или же особенности ее задач таковы, что требуют другой познавательной стратегии (например, понимания, а не объяснения), продолжается с момента возникновения психологии как области научного знания. Обе позиции имеют достаточно серьезные основания; вопрос о соотношении в психологии естественно-научных и гуманитарных подходов не может быть решен простым выбором между «науками о природе» и «науками о культуре» (там же). В современной психологии представлены как естественно-научные, так и гуманитарные исследовательские программы, и любая попытка восстановления методологического монизма сделала бы психологическое познание беднее (Айламазьян, 2010).

Можно сказать, что естественно-научное и гуманитарное мышление реализуют разные позиции в познании. Гуманитарное мышление и гуманитарное исследование воспринимают жизнь не отстраненно, а, наоборот, заинтересованно, ответственно, являясь частью той жизни, которую стремятся познавать, описывать и созидать. Парадоксальным образом те моменты, которые для естественно-науч-

ного подхода становятся недопустимыми, сводящими на «нет» объективность исследования, при гуманитарной позиции являются условием изучения той или иной психологической проблемы и психической реальности. Неустранение (как предлагает классическая парадигма естествознания) и неучет субъектности (как предлагает неклассическая парадигма естествознания), а опора на субъектность, на субъекта, на общение и взаимопонимание с другим человеком способствует познанию и преобразованию сознания этих субъектов (там же). Таким образом, развитие естественно-научного и гуманитарного мышления на *интеграционной* основе – еще одна психологическая характеристика состояния российского общества, которая на сегодняшний день не очень ярко выражена в силу недостатка психологической грамотности при постановке и решении задач, связанных с общественным развитием (также см.: Журавлёв и др., 2013; и др.).

Наше общество нельзя рассматривать без такого важного феномена, как *психологическая безопасность*, выступающая необходимым условием нормального существования и развития человека. Она реализуется в обществе через устойчивые структуры социального взаимодействия, совместную деятельность в рамках системы взаимосвязанных личных и групповых интересов, способов их достижения. Поэтому человек так нуждается в связи с окружающим миром, другими людьми, в принадлежности к определенным социальным группам и общественным структурам (Зинченко, Зотова, 2010). В условиях кризиса и состояния нестабильности можно говорить только о *неполной* психологической безопасности и стремиться к улучшению сложившейся ситуации путем приращения психологического знания, расширения психологической практики, реализации творческого подхода к решению поставленных задач, интеграции естественно-научного и гуманитарного подходов в развитии психологии.

Заключение

Позитивные изменения психологического состояния общества предполагают осознание и актуализацию его общественной психологии, максимальное развитие «человеческого капитала», повышения психологической культуры, эффективное использование возможностей и ресурсов психологической науки и применение их для решения социально значимых задач общественной практики.

Реформы, происходящие в нашем обществе, наглядно показывают, что многие экономические и социальные задачи не могут быть

решены без учета и опоры на психологические знания, реальную психологию человека и народа в целом. Таким образом, перед психологией стоит важная задача оценки психологического состояния общества в условиях экономического кризиса, создания механизмов, регулирующих продуктивное взаимодействие человека и разных социальных институтов общества.

Перспективной представляется оценка психологического состояния общества по макропсихологическим показателям. Их разработка позволяет более объективно исследовать включенность психологических характеристик в социальные взаимодействия, оценить те или иные последствия политического и социального характера, связанные с изменениями психологического состояния общества (Юревич, Цапенко, 2010).

Литература

- Айламазьян А. М. Реплики к дискуссии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 68–76.
- Данилова В. Л. Проблема субъекта познания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 77–84.
- Жалагина Т. А., Короткина Е. Д. Психология на пути интеграции науки и практики // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 137–140.
- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная наука и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 31. № 3. С. 5–16.
- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Ч. I. «Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи» // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
- Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Основы безопасности личности и общества. М., 2010.
- Климов Е. А. Введение в психологию труда: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
- Мазлов В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1999.
- Психология управления, бизнес: проблемы взаимодействия / Отв. ред. А. Л. Журавлёв и др. Тверь, 2016.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 12. М., 2014.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М., 2010.

The main characteristics of Russian society's psychological state in the period of economic crisis

T. A. Zhalagina (Tver)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Dean of Faculty of Psychology, Tver state University

The article is devoted to the analysis of the Russian society's psychological state in the period of economic crisis. The necessity of investigating the economic situation from the point of view of the main characteristics is given. The following psychological characteristics are defined: inefficient psychological knowledge, psychological practice, absence of psychological illiteracy to solving the main tasks, incomplete psychological security. At the end of the article the following conclusion is given. It is necessary to continue the social and economic reforms in the country with the aim of positive correction of Russian society's psychological state on the basis of society's psychological characteristics.

Keywords: market economy, psychological characteristics, economic crisis, psychological state, psychological knowledge, psychological security.

Экономические реформы и социально-психологическая динамика¹

А. Л. Журавлёв, В. П. Позняков** (Москва)*

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор,
директор Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: pozn_v@mail.ru*

Представлен сравнительный анализ результатов историко-психологической реконструкции динамики психологии личности и группы в условиях НЭПа в начале 1920-х годов и результатов эмпирических исследований динамики социально-психологических явлений в период осуществления радикальных экономических реформ в России начала 1990-х годов. Сделан вывод о существовании общих закономерностей, характеризующих взаимосвязь и взаимозависимость психологических и экономических факторов в изменяющемся обществе. Изменение организационно-экономических условий деятельности работников, связанное прежде всего с изменением формы собственности на предприятиях и в организациях, выступает существенным фактором социально-психологической динамики личности и группы. Активность экономических субъектов проявляется, с одной стороны, в их избирательных, осознаваемых психологических отношениях к этим изменениям, а с другой – в их экономическом поведении, связанном с выбором форм собственности и видов экономической деятельности, в направленности и уровне деловой активности.

Ключевые слова: социальная психология, экономическая психология, экономические реформы, форма собственности, психологические отношения, ценностные ориентации.

1 Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10082.

Введение

В 2017 г. российское общество отмечает своеобразный юбилей – 25-летие начала экономических реформ, вошедших в историю российского общества под названием «рыночных» или «гайдаровских». Основными ключевыми событиями этих реформ было установление свободных цен на продукты потребления, чековая приватизация и переход от монополии государственной собственности на средства производства к многоукладной экономике. С позиции социогуманитарных наук (социологии, психологии, экономики и т. д.), подобного рода радикальные социально-экономические изменения можно рассматривать как масштабный *естественный социальный эксперимент*, в рамках которого осуществляемые правительством реформы выступают в качестве независимой переменной, а изменения, происходящие вследствие этих преобразований в жизни общества и в частности в социальной психологии населения и его отдельных социальных групп и представителей, – в качестве зависимой переменной.

Такие организационно-экономические *нововведения*, как бригадная форма организации труда на промышленных предприятиях, создание коллективных органов самоуправления и выборы руководителей трудовых коллективов, и раньше привлекали внимание исследователей лаборатории социальной психологии Института психологии РАН (См.: Социально-психологические проблемы..., 1987; и др.). Однако перечисленные нововведения касались лишь частных аспектов организации управления и не затрагивали таких фундаментальных экономических отношений, как отношения собственности на средства производства. Принципиально иная общественно-политическая ситуация сложилась в начале 1990-х годов, когда в результате политических реформ законодательно был провозглашен переход к многоукладной экономике, частной собственности на средства производства и свободному предпринимательству. По масштабам и радикальности проводимые изменения могут быть сопоставимы только с одним радикальным преобразованием российского общества в двадцатом веке – введением новой экономической политики (НЭП).

В этой связи особый интерес представляет историко-психологический анализ психологических особенностей социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-х годов XX в., проведенный главным научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН Е. В. Шороховой (Шорохова, 1999). Автор анализирует *динамику социально-психологических феноменов* в условиях изменения отношений

собственности на трех уровнях: психологических отношений личности, внутригрупповых и межгрупповых отношений. В результате социально-психологического анализа исторических, экономических, юридических исследований, художественной и публицистической литературы, посвященной социально-экономическим преобразованиям в российской деревне, автор делает ряд важных теоретических *выводов и обобщений* о характере взаимосвязи и взаимной зависимости экономических отношений собственности и социально-психологических отношений. Во-первых, отношения собственности отражались и проявлялись в социально-психологических отношениях личности и группы. Во-вторых, изменения отношений собственности выступали факторами изменения социально-психологических отношений. В-третьих, экономические и психологические отношения собственности выступали как взаимосвязанные и взаимозависимые процессы. Социально-психологические феномены, в их числе психологические отношения к собственности, внутригрупповые и межгрупповые отношения, отражая объективные экономические отношения, одновременно выполняли функцию регуляторов экономического и социального поведения личности и групп, оказывая существенное влияние на экономические отношения и социально-экономическое развитие деревни в целом.

В эти же годы Е. В. Шороховой был проведен историко-психологический анализ социально-психологической динамики в условиях экономических преобразований в России в период НЭПа (Шорохова, 1998). Результаты проведенного исследования позволили выявить много сходных, повторяющихся феноменов, характеризующих взаимодействие экономических и социально-психологических факторов. К их числу автор относит: возрастание значимости экономических ценностей и ориентации на материальное благополучие в структуре ценностей представителей разных социальных групп, формирование и усиление индивидуалистической направленности экономической активности, усиление межгрупповой напряженности как следствия роста имущественного расслоения общества, появление новых социально-психологических типов людей, характеризующихся качественно новыми признаками их деловой активности и новых социальных групп российского общества («нэпманы» и «кулаки», торговцы и предприниматели).

Первое эмпирическое исследование, посвященное динамике социально-психологических феноменов в связи с *изменением отношений собственности*, было выполнено авторами статьи в 1988–1990 гг. (Журавлёв, Позняков, 1992). Исследование было посвящено изучению динамики социально-психологических отношений в трудовых

коллективах в условиях организационно-экономического нововведения, связанного с изменением формы собственности. Объектами эмпирического исследования выступали первичные трудовые коллективы подразделений сельскохозяйственного предприятия при переходе на *арендный подряд*, который рассматривался как одна из форм радикального изменения организационно-экономических отношений на селе. Результаты исследования показали, что в процессе осуществления организационно-экономического нововведения происходит *смена ведущих оснований дифференциации и интеграции* первичных коллективов и подразделений. Наряду с производственно-технологическими и организационными связями, ведущим основанием формирования и обособления первичных коллективов становятся экономические отношения *совместной групповой собственности* (на арендной основе) на средства производства и продукты труда. Арендный коллектив формируется как субъект не только совместной трудовой деятельности (производства определенного общественного продукта), но и как субъект совместной экономической (хозяйственной) деятельности, экономических отношений производства, обмена и распределения, связывающих его как с другими подразделениями, так и с организацией в целом.

Как самостоятельные субъекты совместной трудовой и хозяйственной деятельности, первичные арендные коллективы вступают между собой в экономические отношения в качестве партнеров, имеющих свои групповые экономические интересы, не совпадающие друг с другом и нередко отличные от интересов всего предприятия. При этом рассогласование, а иногда и противоборство экономических интересов различных подразделений может выступать фактором *межгрупповой дезинтеграции*, поскольку объективно способствует разъединению и противостоянию первичных коллективов. Отмечается возрастание выраженности таких качеств, как хозяйское, бережное отношение к средствам производства, выступающим совместной собственностью членов арендного коллектива, добросовестное отношение к работе, взаимная требовательность, ответственность, как за общие результаты личного труда, так и за результаты работы своего подразделения. Работники арендных коллективов проявляют большую заинтересованность в улучшении результатов совместной хозяйственной деятельности. Следствием изменений в отношении к работе является улучшение производственных результатов, оперативности и качества выполнения работ, отмечаемых самими членами арендных коллективов.

В процессе формирования арендных подразделений и их работы в условиях арендного подряда происходит возрастание *внутри-*

групповой интеграции. Оно проявляется в усилении эмоциональной приверженности работников своему первичному коллективу, повышении удовлетворенности своей принадлежностью к нему. Отмечается возрастание групповых оценок таких качеств как сплоченность, сотрудничество и взаимопомощь в коллективе, забота об интересах своего коллектива, привлекательность коллектива для его членов. Изменение экономических связей выступает важным фактором динамики межгрупповых психологических отношений, в которых происходит возрастание частоты конфликтов, проявлений недоброжелательности, даже враждебности и т. п. Эти явления свидетельствуют об эффекте межгрупповой дезинтеграции, сопровождающей переход к новым экономическим отношениям.

Результаты исследования показали, что в сходных социально-экономических условиях динамика психологических отношений носит неоднозначный характер. При этом сложившиеся в трудовых коллективах *отношения доверия и партнерства* способствуют достижению более высоких экономических результатов и сохранению единства даже при неблагоприятных условиях. Психологические отношения являются не только следствием, результатом экономических изменений, но и сами могут играть определяющую роль в ходе и результатах совместной экономической деятельности.

Результаты серии исследований, выполненных под руководством В. П. Позняка в 1992–1994 гг. на ряде сельскохозяйственных предприятий Центрального региона России, показали значительную дифференциацию сельских жителей по их отношению к формам собственности и хозяйственной деятельности (Позняков, 1997, 2000; и др.). При этом выделяются социально-психологические группы (или типы) сельских жителей, характеризующиеся разным сочетанием отношения к новым формам собственности и психологической готовности к соответствующему экономическому поведению. На личностном уровне психологических отношений формируется феномен предпочтения формы собственности и вида экономической деятельности. Он проявляется в эмоционально окрашенной оценке привлекательности разных видов экономической деятельности и личной готовности субъекта к работе в рамках предприятия с государственной, коллективной или частной формой собственности на средства производства или к ведению самостоятельной экономической деятельности. Сторонников работы в условиях частной формы собственности характеризуют более оптимистичная оценка и прогноз изменения жизненного уровня семьи, повышенный уровень притязаний в сфере экономической деятельности, более высокая оценка и прогноз собственной деловой активности. Они более

высоко оценивают успешность своей экономической деятельности и благоприятность экономических условий для ее осуществления. Сторонников частного предпринимательства отличает, кроме того, более высокая оценка собственных возможностей в повышении успешности своей хозяйственной деятельности, склонность к конкуренции и умеренному риску, ориентация на самостоятельность в экономической деятельности. Определяя выбор формы собственности и уровень деловой активности субъектов, психологические отношения выполняют *функцию регуляции* экономической деятельности и выступают *факторами изменения* ее условий.

В условиях радикальных экономических изменений индивиды и группы выступают не пассивными объектами происходящих изменений, а *активными субъектами*. С одной стороны, активность субъектов проявляется в их избирательных, осознаваемых психологических отношениях к этим изменениям, а с другой – в их экономическом поведении, связанном с выбором форм собственности и видов экономической деятельности, в направленности и уровне деловой активности. Эмпирические данные, полученные на выборках, представляющих различные социальные группы, позволяют выделить социально-психологические типы субъектов, различающихся психологическими отношениями к новым форм собственности и видам экономической деятельности и реальным экономическим поведением, связанным с их выбором: «традиционный», «пассивно выжидающий», «пассивно приспособляющийся», «условно активный», «вынужденно активный» и «активно реализующийся» (см. также: Общественное сознание..., 1990, с. 7–10; и др.).

Изучению динамики социально-психологических явлений в условиях экономических изменений, связанных с проведением радикальных экономических реформ в России, был посвящен целый ряд эмпирических исследований, выполненных сотрудниками и аспирантами лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН в 1990-е гг. (см.: Динамика..., 1996; Журавлёв, 1998; Социально-психологическая динамика..., 1998; Социальная психология..., 1999; и др.). Изменения в сознании людей, связанные с приобретением ими статуса собственников приватизированных предприятий, проводилось Я. И. Жуковой (Динамика..., 1996, с. 103–108) и Е. В. Журавлёвой (Социально-психологическая динамика..., 1998, с. 185–204; Социальная психология..., 1999; и др.). Авторами был проведен контент-анализ содержания публикаций в экономической газете «Деловой мир» за 1992–1994 гг., посвященных данной проблеме. Результаты этих исследований показали, что первый (чековый) этап приватизации государственных предприятий не достиг сво-

ей главной цели: в его результате не появился, как предполагалось реформаторами, многочисленный слой реальных собственников в социально-психологическом их смысле. Рядовые работники приватизированных предприятий так и не успели почувствовать себя хозяевами, осознать преимущества результатов приватизации. Крайне низкий уровень доли акций рядовых работников и невозможность лично влиять на организацию производственного процесса и политику предприятия препятствовал формированию «чувства хозяина» и ответственности за судьбу предприятия. Низкий уровень материального благополучия, неудовлетворенность условиями, организацией и оплатой труда приводил не только к снижению и утрате доверия к руководству предприятий, но и к разочарованию в экономической политике государства и негативному отношению к проводимым экономическим реформам в целом. Иной уровень «чувства собственника» оказался характерным для руководителей приватизированных предприятий. Многие из них, став владельцами крупных пакетов акций, почувствовали себя не только организаторами, но и реальными хозяевами, что значительно увеличило их личную ответственность за работу предприятия. Однако недостаточно полная самостоятельность в принятии организационных и финансовых решений, необходимость их согласовывать с общим собранием акционеров снижало эту ответственность, разделяя ее с другими держателями акций. Принципиально иной уровень развития «чувства хозяина» стал характерен для предпринимателей, выступающих, одновременно, и руководителями предприятия, и его собственниками. Для многих из них характерно не просто быстрое получение больших прибылей, но и забота о развитии и повышении эффективности собственного дела, ответственность за свою собственность. Серия последовавших исследований подтвердила наличие принципиальных социально-психологических особенностей российских предпринимателей (Социально-психологические исследования..., 1999; и др.).

Первые исследования динамики *ценностных ориентаций* (ЦО) представителей различных социальных групп, работающих на предприятиях с разными формами собственности, были проведены В. А. Хашченко (Социально-психологическая динамика..., 1999, с. 107–121) и Н. А. Журавлёвой (Социально-психологические исследования..., 1999, с. 228–262). Результаты показали, что для представителей всех исследуемых групп характерно возрастание значимости таких терминальных ценностей, как «материальное обеспечение» и «богатство». Эти ценности, объединенные в комплекс «экономических ценностей», наряду с такими традиционно значимыми ценностями, как «здоровье», «семья» и «любовь», вошли в пятерку

наиболее значимых ценностей у представителей большинства исследованных групп. Среди инструментальных ценностей опрошенных значительно повысился ранг такой ценности, как «предприимчивость». В целом, полученные результаты подтвердили предположение о том, что динамика ЦО представителей различных социальных групп явилась следствием происходящих в обществе радикальных экономических изменений.

Вместе с тем более детальный анализ полученных данных показал, что изменения организационно-экономических условий совместной трудовой деятельности, связанные со сменой формы собственности, дифференцированно влияют на динамику в структуре ЦО различных ее участников. Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что существует определенный *социально-психологический тип* деловой активности работников, который характеризуется более выраженной ориентацией на экономические ценности. При возникновении благоприятных для него организационно-экономических условий, представители этого типа сравнительно успешно адаптируются к новым условиям, что сопровождается соответствующим изменением в структуре их ЦО. Результаты исследований показали, что к числу представителей данного типа относятся, прежде всего, молодые работники, для которых характерна недостаточно устойчивая структура ЦО. У представителей более старших возрастных групп структура ЦО в целом оказалась более устойчивой к изменениям. В наибольшей степени устойчивость к изменениям продемонстрировали те респонденты, структуры ЦО которых организованы по типу «пирамиды», т. е. характеризуются доминированием каких-то определенных ценностей, выступающих ведущими, системообразующими, в отличие от тех, структуры ЦО которых организованы по типу «трапеции», то есть характеризуются наличием нескольких примерно одинаковых по значимости ценностей без выраженного доминирования ведущих.

Заключение

Сравнение результатов историко-психологической реконструкции динамики психологии личности и группы в условиях НЭПа 1920-х годов и результатов эмпирических исследований динамики социально-психологических явлений в период радикальных экономических реформ позволяет сделать вывод о существовании общих закономерностей, характеризующих взаимосвязь и взаимозависимость психологических и экономических факторов в изменяющемся российском обществе.

Результаты исследований динамики социально-психологических явлений в условиях изменения форм собственности показали, что изменение организационно-экономических условий деятельности работников, связанное с изменением формы собственности на предприятиях и организациях, выступает существенным фактором социально-психологической динамики личности и группы. Вместе с тем эти результаты показали, что данная динамика носит неоднозначный характер.

В условиях радикальных экономических изменений индивиды и группы выступают не пассивными объектами происходящих изменений, а активными субъектами. С одной стороны, активность экономических субъектов проявляется в их избирательных, осознаваемых психологических отношениях к этим изменениям, а с другой – в их экономическом поведении, связанном с выбором форм собственности и видов экономической деятельности, в направленности и уровне деловой активности.

Литература

- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлёв. М., 1996.
- Журавлёв А. Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
- Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
- Общественное сознание и идеологическая работа. В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. В. Ф. Матюшкина и др. Кострома, 1990.
- Позняков В. П. Групповая дифференциация в сельских общностях в условиях изменения форм собственности // Психологический журн. 1997. Т. 18. № 5. С. 62–73.
- Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 38–50.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. В. Шорохова. М., 1999.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. В. Шорохова. М., 1998.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. В. Шорохова. М., 1999.

- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. Е. В. Шорохова, А. Л. Журавлёв. М., 1987.
- Шорохова Е. В.* Динамика психологии личности и групп в условиях НЭПа // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М., 1998. С. 81–106.
- Шорохова Е. В.* Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-е годы XX века // Социальная психология экономического поведения. М., 1999. С. 28–55.

Economic reforms and socio-psychological dynamics

A. L. Zhuravlev, V. P. Pozniakov** (Moscow)*

* Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Professor, chief scientific officer of the Institute of Psychology of the RAS

Presents a comparative analysis of the results of the historical and psychological reconstruction of the dynamics of the psychology of individuals and groups in the conditions of NEP and the empirical studies the dynamics of socio-psychological phenomena in the period of implementation of radical economic reforms. The conclusion about the existence of General laws characterizing the interaction and interdependence of psychological and economic factors in a changing society. Change of the organizational-economic conditions of workers associated with the change of ownership at enterprises and organizations is an essential factor of socio-psychological dynamics of individuals and groups. The activity of the subjects is seen in their selective, conscious psychological relationship to these changes, and their economic behavior related to the choice of forms of ownership and kinds of economic activities, the focus and level of business activity.

Keywords: social psychology, economic psychology, economic reforms, form of ownership, psychological attitude, value orientations.

Экономический патриотизм: сущность и межкультурные особенности с позиции психологии

А. Д. Карнышев (Иркутск)

*доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией
«Психолого-экономические и кросс-культурные ресурсы регионального
развития и межнационального согласия», Иркутский государственный
университет; e-mail: ale3441@yandex.ru*

Понятие «экономический патриотизм», как считается, появилось в науке и практике в начале XXI века, и его авторство принадлежит Б. Карейону – депутату национального собрания Франции. В статье показано, что уровневые и организационные варианты экономического патриотизма значимы по трем причинам. Во-первых, можно «математическим» путем различать разные пропорции патриотизма даже в одном человеке (больше патриот организации или региона, страны). Во-вторых, можно утверждать, что различные «хлесткие» выражения из СМИ и социальных сетей типа «патриотизм – прибежище подлеца», «патриотизм – это рабство» и т. п. – это лишь односторонние и достаточно узкие эпитеты проявлениям патриотизма, и верить в их универсальность недопустимо. В-третьих, некоторые «уровневые» субъекты ярко демонстрируют сущность и значимость экономического патриотизма: патриот завода или корпорации. В статье приведены результаты кросс-культурных исследований.

Ключевые слова: отечественный бизнес, родина, патриотизм, космополитизм, собственность, справедливость распределения.

«Экономический патриотизм» становится тем междисциплинарным понятием, которое изучают экономисты, педагоги, психологи, историки и т. д. (Карнышев, 2016; Оринина, 2014; Сургуладзе, 2008). Если рассматривать в качестве предмета экономической психологии исследование «феноменов экономического сознания и экономического поведения» (Журавлёв, 2005), то «экономический пат-

риотизм» является ее значимой категорией, поскольку «носитель» экономического патриотизма отличается не только тем, что он думает, но и тем, что он делает. Причем данный феномен больше ориентирован на практическую сферу. Существует мнение, что авторство термина «экономический патриотизм» принадлежит Б. Карейону, депутату национального собрания Франции, автору специальных докладов о путях повышения конкурентоспособности французских предприятий, предусматривающих поддержку национального капитала. Отмечается даже год – 2003, когда Карейон, используя данное понятие, поставил вопрос о защите французского бизнеса от иностранного капитала, отметив, что это понятие относится не к идеологии, а к сфере общественной политики (Клинова, 2008).

В историческом плане понятие «патриот» имело высокий авторитет. У греков и римлян слово «родина» было одним из первых, которое начинали лепетать дети; матери погибших в битвах сыновей гордились тем, что «дали миру мужчин, ибо уже с колыбели они их учили, что первой матерью является родина» (Юнг, 1994, с. 21). Были времена, когда это понятие поднималось в разных странах на небывалую высоту, а затем дискредитировалось из-за корыстности и коррумпированности властей. К. Юнг весьма оригинально интерпретировал понятие «патриот» в связи с врожденной или приобретенной склонностью к миграции. Он отмечал, что странствования народов и этнических групп Европы еще не подошли к концу. Совсем немного времени минуло с той поры, когда англосаксы переселились из северной Германии на свою новую родину. Нормандцы пришли туда из Скандинавии через северную Францию еще позже – отсюда и сходная история у каждого народа Европы. Он считал, что девизом людей такой ориентации являются слова: «Ubibene, Ibi patrie» («Где хорошо, там и родина») (Юнг, 1994, с. 21). «Это девиз страстных патриотов. Так как мы все еще не утратили вкуса к странствиям, то воображаем себе, что – хуже или лучше – сможем жить где угодно» (там же). В связи с шенгенскими визами в ЕС подобная психология стала органичной для многих европейских граждан.

В содержании понятия «экономический патриотизм» важно, на наш взгляд, выделить три аспекта. *Во-первых*, патриотизм можно связать с уровнем собственности, шире – с социальным капиталом. Патриотические чувства людей со средним уровнем доходов и собственности «пульсируют»: находясь в средних «координатах», они осуществляют движение в сторону плюса и минуса и обратно в связи с экономической конъюнктурой и собственным настроением. В последние годы во многих развитых странах наблюдается определенная поляризация доходов: больше становится крайне богатых

и крайне бедных и заметно уменьшается доля среднего класса. Это чревато снижением экономической патриотичности и попытками ее компенсировать за счет националистических идей. Беднеющий человек охотнее и легче воспримет виновником своих бед «другого» человека, социальную группу или чужую страну. Во-вторых, патриотизм неотрывен от экономических отношений, их равенства и справедливости при распределении материальных благ. Специалисты так характеризуют данный аспект: «Социальное взаимодействие представляет собой обмен материальными и нематериальными ресурсами, который регулируется нормами *взаимности* и критериями *справедливого распределения*» (Позняков, Вавакина, 2016). Заостряя данную проблему, отметим, что справедливость в нашей стране становится той нравственной категорией, вне которой вообще невозможно говорить о патриотизме. В-третьих, учитывая все более укрепляющуюся связь в России между экономикой и экологией, патриотизм сегодня трудно рассматривать вне отношения человека к природе, ее сохранения и защиты. Психологи приводят результаты одного из исследований, в котором бесспорным среди критериев патриотизма оказалось отношение к родной природе. 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к ней, не может быть истинным патриотом (Журавлёв, Юевич, 2016). И если мы сегодня говорим об экологичной экономике, то ее составляющим компонентом должен стать экологический патриотизм.

Интерпретации слова «патриот» в лингвистическом, социальном и психолого-экономическом смысле позволяют, на наш взгляд, установить его *многоаспектное и многоуровневое* семантическое содержание. По крайней мере, можно дифференцировать, начиная с самого близкого для человека, следующие его иерархические уровни: от патриота малой родины, где человек родился, вырос, испытал самые сокровенные чувства, и патриота родного края разных ступеней (район, конкретный регион и т. п.) до патриота своей страны и планеты в целом – «Terra Patrie» (Э. Морен). Человек может быть патриотом организации, в которой он трудится, строит свои профессиональные и личные контакты и даже после ухода на пенсию сохраняет верность своей фирме, корпорации («пожизненный наем» у японцев и отношение старшего поколения к нему). Причем вряд ли у кого-то вызовет сомнение тот факт, что истинный патриот завода или корпорации – это явление экономически выгодное, поскольку преданность человека своей организации сопровождается более высокой отдачей в труде и социальной активности.

Конечно, в каждом из выделенных уровней есть свои особенности. Для нас уровневые и организационные варианты патриотизма

значимы по двум причинам. Во-первых, можно «математическим» путем различать разные пропорции патриотизма даже в одном человеке (больше патриот организации или региона, страны). Во-вторых, можно утверждать, что различные «хлесткие» выражения типа «патриотизм – последнее прибежище негодяев», «патриотизм – это рабство» и т. п. – это лишь сугубо субъективные формулировки, не отражающие сущности данного феномена.

Уровневый характер патриотизма имеет свои особенности и нюансы у разных категорий населения не только в отдельно взятой стране (Юревич, Журавлёв, 2016). Можно наблюдать заметные различия по рассматриваемому вопросу и в разных странах, и по известной оси «Восток–Запад». Это было подтверждено рядом теоретических и прикладных работ (Карнышев, 2016; Клинова, 2008). Данное обстоятельство побудило нас провести кросс-культурное исследование среди молодежи ряда стран и регионов России по выявлению взаимозависимости патриотических настроений и характера межэтнических отношений. Исследованием были охвачены студенты Китая, Монголии, трех регионов России и университета Париж-8 во Франции (по последней стране приводятся результаты лишь пилотного исследования). Методический инструментарий, процедуры опроса и обработки данных полностью соответствуют международным требованиям к кросс-культурному исследованию.

Кратко остановимся на принципах выбора регионов для исследования. Во-первых, были взяты в основном мононациональные азиатские страны: Китай, Монголия. Во-вторых, регионы России представлены субъектами РФ, в которых: а) большинство составляет русское население (Иркутская область); б) русские и представители других национальностей представлены в более-менее равных пропорциях (республика Бурятия) и в) превалирует коренное население (республика Тыва). Специфика исследований в экономической психологии изложена в коллективном труде (Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; и др.).

Одним из значимых в нашем исследовании был вопрос о понимании сущности патриотизма, которая отражалась в трех вариантах ответов. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Кратко прокомментируем лишь два заметно «выпадающих» из ряда результата.

Респонденты из Китая чаще выбирали второй вариант. На наш взгляд, этот факт объясняется тем, что, несмотря на целостность китайской нации, ее представители составляют население фактически четырех стран, или самостоятельных регионов (континентальный Китай, Гонконг, Сингапур, Тайвань). Это, наряду с высочайшей

Таблица 1

Отношение к феномену «патриотизм» у респондентов из разных стран и регионов России

№ п/п	Характер отношения к патриотизму	Варианты ответов по странам (%)					
		Россия (Ирк. обл.)	Россия (Бурятия)	Россия (Тува)	Китай	Монголия	Франция
11	Одно из обязательных слагаемых полноценной жизни в обществе	50,2	47,7	58,7	37,6	47,0	16,7
22	Содержание, значимое для людей, но не конкретное	26,6	26,6	17,3	46,5	22,5	29,2
33	«Где хорошо, там и родина»	15,0	13,7	10,7	8,9	8,0	37,5
44	Другое и затруднились ответить	8,2	11,0	13,3	7,1	22,5	16,7

миграционной адаптивностью китайцев во всем мире, вызывает неопределенные оценки.

Ответы французских студентов, на наш взгляд, обусловлены, возможно, толерантностью, присущей европейским народам, признающей за каждым человеком свободу самоопределения, право выбора своего жизненного пути, включая определение своего местожительства, гарантирующее ему наиболее благоприятные и комфортные условия существования. Кроме того, на результатах ответов сказывается ощутимый в последние десятилетия рост во Франции мигрантского населения, у которого действительно преобладают индивидуалистические, космополитические настроения.

Краткость статьи не дает нам возможность детально проанализировать связь отношения к патриотизму с характером оценок межнациональных отношений. Но о некоторых корреляциях дает представление таблица 2, опубликованная в нашей работе (Карнышев, 2016, с. 49).

Из приведенных в таблице 2 данных обратим внимание на особенности оценки конфликтности межнациональных отношений у представителей трех групп. Их рост (в 1,5–2 раза по сравнению с первой группой) особенно заметен у лиц с неопределенной и космополитической ориентацией. Толерантность более значима для патриотов, и это отражает их направленность на межнациональное согласие, что естественно в поликультурной стране.

Таблица 2

Оценка некоторых явлений и позиций по межнациональным отношениям у лиц с разными суждениями о патриотизме (%)

№ п/п	Содержание рассматриваемого явления (позиции)	Доля выборки (N=686)	Суждения о патриотизме по группам респондентов (выбрали ответ)		
			Одно из обязательных слагаемых полноценной жизни в обществе (N=320)	Содержание значимое для людей, но не конкретное (N=170)	«Где хорошо, там и родина» (N=96)
1	Наличие в обществе конфликтных, напряженных взаимоотношений	13,0	8,4	18,8	20,8
2	Положительная оценка влияния религии на межнациональные отношения	34,2	38,5	29,4	29,2
3	Согласие с позицией, что понятие толерантность значима и актуальна во всех современных ситуациях	55,6	62,5	49,4	45,8

Наше исследование показывает, что, кроме уровня и межкультурного значения экономического патриотизма в науке и практике, необходимо обращать внимание на следующие его особенности: патриотизм можно и нужно увязывать с уровнем собственности, шире – с социальным капиталом; патриотизм неотрывен от экономических отношений, их равенства и соблюдения в контактах людей нравственных норм; учитывая все более укрепляющуюся связь в России между экономикой и экологией, патриотизм сегодня трудно рассматривать вне отношения человека к природе, ее сохранения и защиты – так называемый экологический патриотизм.

Литература

- Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М., 2007.
- Журавлёв А. Л. Экономическая психология: место и роль в современной науке // Российский психологический журнал. 2005. Т. 2. № 1. С. 45–56.
- Журавлёв А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.

- Карнышев А. Д.* Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. №3. С. 509–517.
- Клинова М. В.* Новый экономический патриотизм в Европе: хорошо забытое старое // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №4. С. 32–41.
- Оринина Л. В.* Экономический патриотизм молодежи как полиаспектный объект современного профессионального образования // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». URL: <http://www.rae.ru> (дата обращения: 21.05.2017).
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства. М., 2016.
- Проблемы экономической психологии. Т. 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А. Б. Купрейченко. М., 2004.
- Проблемы экономической психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А. Б. Купрейченко. М., 2005.
- Сургуладзе В. Ш.* Экономический патриотизм в эпоху глобализации // Патриотизм как идеология возрождения России / Отв. ред. Т. С. Гузенкова. М., 2014. С.175–187.
- Юнг К. Г.* Йога и Запад. Львов, 1994.
- Юревич А. В., Журавлёв А. Л.* Проблемы российского патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2016. №1. С. 56–69.

Patriotism: the essence and cross-cultural features from positions of economic psychology

A. D. Karnyshev (Irkutsk)

Doctor of of psychological Sciences, Professor,
Head of the Laboratory of “Psycho-economic and cross-cultural resources regional development and ethnic harmony”, Irkutsk state University

The term “economic patriotism” appeared in science and practice at the beginning of the 21st century, and the authorship belongs to B. Kareyon – the member of National Assembly of France. The article reveals the significance of the evaluation of indicators of economic patriotism in accordance with their criteria and levels. First, even one individual person can demonstrate the quantitative evaluation of the different criteria (is he/she more a patriot of organization or a patriot of region than the patriot of the country?). Secondly, it can be argued those epithets: “patriotism is the refuge of a scoundrel”, “patriotism is slavery”, etc. are not to

be objectively scientific ones. Third, some groups of people demonstrate such economic patriotism categories as a patriot of the plant or a patriot of the Corporation. The results of cross-cultural studies are presented in the article.

Keywords: domestic business, homeland, nationalism, cosmopolitanism, property, income dispersion.

Психология семейного бизнеса как драйвер развития предпринимательства в России: поиск исторических параллелей и направления будущих исследований

Ю. С. Мурзина (Тюмень)

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и педагогики Тюменского государственного университета; e-mail: j.s.murzina@yandex.ru

В статье отдается дань уважения памяти ярчайшего ученого XX в. Б. Ф. Ломова – основателя инженерной психологии в России. Проводятся исторические параллели между зарождением инженерной психологии и психологии предпринимательства. Подчеркивается значимая роль исследований сотрудников Института психологии РАН в формировании психологии предпринимательства. Обосновывается актуальность развития психологии предпринимательства в свете задач Программы социально-экономического развития Российской Федерации «Стратегия Роста» до 2025 г. Анализируются научные публикации базы Scopus, посвященные семейному бизнесу, за 2010–2016 гг. Выделяются страны, университеты, предметные области, в рамках которых проходит изучение вопроса семейного бизнеса. Перечисляются психологические журналы и систематизируются темы в изучении психологии семейного бизнеса за рубежом.

Ключевые слова: инженерная психология, психология предпринимательства, семейный бизнес, экономический рост, психология семейного бизнеса.

Исторически сложилось так, что инженерная психология и эргономика своими истоками уходят в американскую научную мысль. Именно в США в начале XX в. зародилось новое научное направление – протехника (Industrial engineering), что в дальнейшем продолжилось в направлениях, развивающихся в русле «Управления

человеческими ресурсами» – Human Factors, Human engineering, Engineering psychology. Наиболее яркие исследования в этой области были проведены в США и Англии в 40-х годах XX столетия. Их целью было повышение эффективности работы человека с военной техникой (боевой авиацией и системами вооружения).

Интерес к инженерной психологии в СССР возник после окончания Второй мировой войны и был продиктован также потребностями военной отрасли. Началом ее успешного развития можно считать 1959 г., когда под руководством Бориса Федоровича Ломова была открыта первая в нашей стране Лаборатория инженерной психологии в Ленинградском университете.

Как признают современники, Борис Федорович был очень яркой и неординарной личностью. Он сыграл важную роль в становлении этой ветви психологии. При его непосредственном участии было проведено несколько конференций по инженерной психологии. Борис Федорович – автор многих фундаментальных работ по инженерной психологии: «Человек и техника» (1963), «Методологические проблемы инженерной психологии» (1977), «Человек и автоматы» (1984) и др. С 1972 по 1989 г. он возглавлял Институт психологии АН СССР.

Одновременно с зарождением инженерной психологии на Западе начинаются исследования в области психологии предпринимательства. Их появление связывается с работами экономиста Й. Шумпетера (1908), который в разработанной им «инновационной теории предпринимательства» сформулировал задачу изучения особого психологического типа предпринимателя-новатора, его способностей и личностных качеств. Эти идеи положили начало экономическим и социально-психологическим исследованиям в сфере предпринимательства, в том числе и семейного бизнеса.

На сегодняшний день в Европе 70–80% предприятий являются семейным бизнесом, это обеспечивает занятость 40–50% населения в таких секторах, как сельское хозяйство, производство, строительство, туризм и розничная торговля (Overview of Family Business Relevant Issues, 2008). Зарубежные исследователи накопили большой научный и практический опыт в вопросах содействия развитию семейного бизнеса.

В нашей стране из-за 70-летнего запрета на занятия предпринимательской деятельностью, который был снят только 30 лет тому назад¹, психология предпринимательства как прикладное направление социальной психологии находится на этапе формирования.

1 В 1986 г. вышел Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (от 19.11.1986 г.).

Вместе с тем экономические реалии сегодняшнего дня делают это направление особо актуальным. Так, среднесрочная программа социально-экономического развития Российской Федерации до 2025 г. «Стратегия Роста» новыми источниками роста называет производство «простых вещей»¹ и развитие малого и среднего бизнеса. Институт экономки роста им. П. А. Столыпина разрабатывает программу осуществления новой волны индустриализации и технологического обновления нашей страны (Институт роста, 2016). Для реализации этих планов предусматривается, как указывает председатель правительства РФ Д. А. Медведев, повышение доли малых предприятий в экономике до 50% (на сегодняшний день – это менее 20%) (ТАСС, 2017), что, в свою очередь, диктует необходимость изучения роли человеческого фактора в развитии предпринимательства, включая выявление особенностей семейного бизнеса.

Разработка проблемы психологии предпринимательства в России началась с 1990-х годов, и важной вехой в развитии этого направления стали исследования сотрудников Института психологии РАН – А.Л. Журавлёва и В.П. Познякова. Как отмечают их авторы, основными проблемами в психологических исследованиях предпринимательства в мировой науке являются изучение мотивации, локуса контроля и отношения к риску в предпринимательской деятельности (Журавлёв, Позняков, 2012, с. 49).

Принимая во внимание вышеизложенное, можно провести историческую параллель между нашим временем и технической революцией в СССР 1960-х годов, когда в нашей стране начинала развиваться инженерная психология. Как и сейчас, в 1950–1960-х годах это была социально ориентированная программа развития отраслей экономики СССР, предусматривающая опережающее развитие тяжелой промышленности (Пыжиков, 2002). Следует отметить, что в нашей стране пока отсутствует практика изучения семейного бизнеса (первые предприниматели 1990-х годов только сейчас приходят к осознанию необходимости передачи бизнеса следующему поколению своего семейного клана).

Проведенный нами анализ мирового опыта последних 25 лет² на основе собранной статистики (Overview of Family Business Relevant

- 1 Экономика «простых вещей» предполагает производство качественной еды, одежды и обуви, мебели, инвентаря, бытовой техники, лекарств. Иначе говоря, ставится задача преодоления зависимости от импорта в области производства продукции, востребованной населением.
- 2 В ЕС с 1994 г. разрабатываются рекомендации по улучшению деловой среды. Ежегодно они пополняются и совершенствуются (см., например, ежегодный отчет «Business-Dynamics research»).

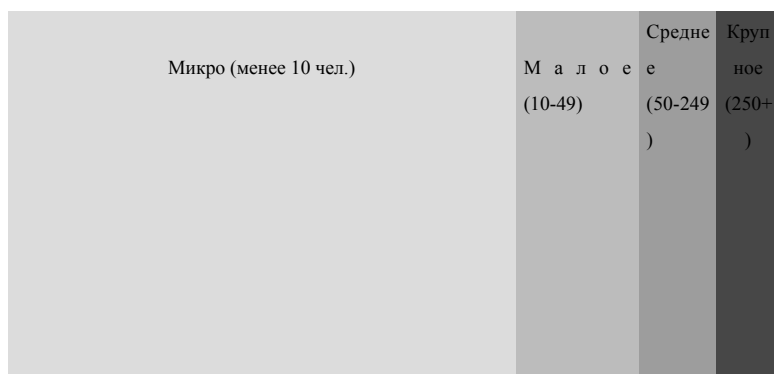

Рис. 1. Структура представленности семейного бизнеса в европейской экономике

Issues, 2008) позволяет утверждать, что чем меньше бизнес, тем больше доля проникновения в него семьи (рисунок 1).

Так же как и 100 лет назад, флагманом в психологических исследованиях семейного бизнеса остаются США. Поэтому для осмысления накопленного научного опыта иностранных коллег в изучении семейного бизнеса, необходимо обратиться к рассмотрению иностранных публикаций. Для этого мы проанализировали научные источники последних 10 лет, представленные в базе Scopus¹.

Выявлены страны, являющиеся лидерами по количеству научных публикаций за этот период (в порядке убывания): США, Англия, Австралия и Канада. В США основными центрами разработки проблем семейного бизнеса являются Университет Пердью (Purdue University) в штате Индиана и Вермонтский университет (The University of Vermont and State Agricultural College).

Представляет интерес динамика числа публикаций в области исследования семейного бизнеса (рисунок 2).

Как видно из рисунка 2, начиная с 2008 г. происходит значительное увеличение числа научных работ, что свидетельствует об актуальности и экономической целесообразности исследований по данной теме. Практическим воплощением решаемых задач стало увеличение в экономике стран ЕС доли малого бизнеса, уже превышающей 50% (Global Entrepreneurship Monitor, 2016). Напомним, это как раз тот целевой показатель, к которому стремится наше правительство.

1 Проанализированы данные за 2006–2016 гг., отобранные по ключевым словам «семейный бизнес», полученные в сфере социально-экономических и бизнес-исследований.

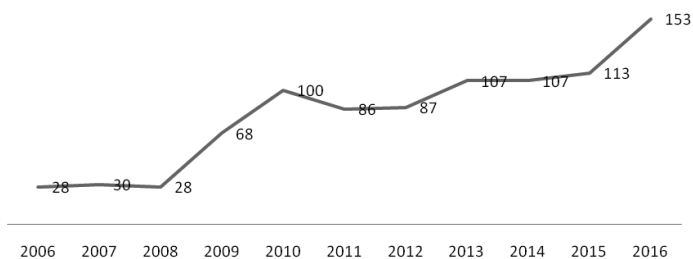

Рис. 2. Количество публикации по проблемам семейного бизнеса за 2006–2016 гг. из базы Scopus

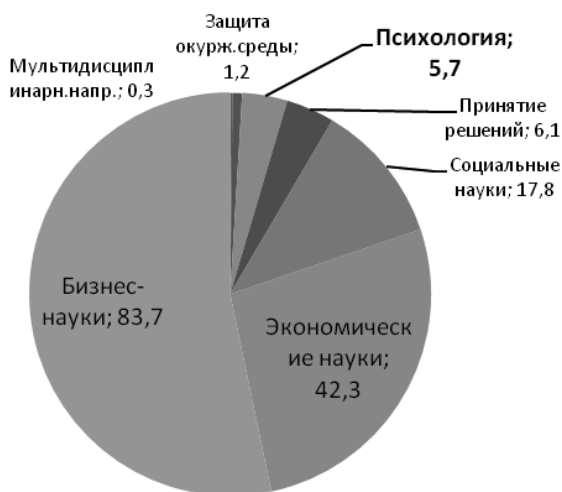

Рис. 3. Структура научных направлений в изучении семейного бизнеса (2006–2016 гг.) в %

Выявлены также те научные области, в которых осуществляется изучение проблемы семейного бизнеса (рисунок 3). Вполне очевидным и логичным представляется то, что семейный бизнес как разновидность форм предпринимательства изучается, прежде всего, в рамках экономических и бизнес-наук. На долю психологии приходится около 6% научных публикаций¹.

Научные исследования по психологии семейного бизнеса чаще всего были опубликованы в следующих научных журналах (согласно частоте публикаций – в порядке убывания):

¹ Некоторые статьи имели отнесение к нескольким научным направлениям, поэтому сумма всех долей не приравнивается к 100%.

- Journal of Family and Economic Issues (SJR 0,39)¹;
- Family Relations (SJR 0,68);
- European Journal of Work and Organizational Psychology (SJR 1,15);
- Journal of Business Research (SJR 1,68);
- Procedia – Social and Behavioral Sciences (SJR 0,16).

На основе анализа материалов 52 англоязычных источников (статьи и монографии) психологической направленности, посвященных исследованию семейного бизнеса, выделена тематика проводимых исследований:

- 1) *Отношения внутри бизнес-семей*: поиск баланса между бизнесом и семьей, проявляющегося в семейных отношениях; конфликты в бизнес-семьях; супружеские отношения и бизнес (Chrisman, Sharma, Taggar, 2007; Jennings, Breitkreuz, James, 2013; Pieper, Astrachan, Manners, 2013; Jensen, 2014; Saarenpää, 2015; Matzek, Gudmunson, Danes, 2010; Westman, Etzion, Chen, 2009; Stewart, Donald, 2006).
- 2) *Преемственность семейного бизнеса*: факторы передачи бизнеса от поколения к поколению; описание реальных жизненных историй владельцев бизнеса; процесс удержания преемника (Liu, Eubanks, Chater, 2015; Williams, Zorn, Crook, Combs, 2013; Solomon, Breunlin, Panattoni, Gustafson, Ransburg, Ryan, Hammerman, Terrien, 2011; Cubico, Togni, Bellotto, 2010; Khaleelee, 2008; Carr, Sequeira, 2007; Griffeth, Allen, Barrett, 2006).
- 3) *Лояльность и преданность бизнесу* (Dawson, Irving, Sharma, Chirico, Marcus, 2014; Mahto, Davis, Khanin, 2014).
- 4) *Управление семейным бизнесом*: цели; конкуренция; численность семей; социальная система; организационное поведение (Klein, 2009; Glover, 2010; Lee, Marshall, 2013; Spranger, Colarelli, Dimotakis, Jacob, Arvey, 2012; Remble, Marshal, Keeney, 2014; Von Schlippe, Vienna, 2013; Gagne, Sharma, Massis, 2014).
- 5) *«Выживаемость» во времени* (Drakopoulou Dodd, Anderson, Jack, 2013; Stafford, Bhargava, Danes, Haynes, Brewton, 2010).
- 6) *Социально-психологические явления в семейном бизнесе*: лидерство; создание команды; принятие решений; ценности и единство (Miller, 2014; Sharma, De Massis, Gagne, 2014; Pearson, Bergiel, Barnett, 2014; Pushkarskaya, Marshall, 2010; Distelberg, Blow, 2010; Griffeth, Allen, Barrett, 2006; Silva, Majluf, Paredes, 2006).
- 7) *Социальный и человеческий капитал* (Gudmunson, Danes, 2013; Yilmaze, Schrank, 2010; Togni, Cubico, Favretto, 2010; Malik, McKie,

1 В скобках указывается рейтинг журнала в 2015 г.

- Beattie, Hogg, 2010). Гендерные особенности бизнес-семей (Robinson, Liu, 2015; Lee, Jasper, Fitzgerald, 2010; Wang, 2010; Swift, 2009; Philbrick, Fitzgerald, 2007). «Особые» члены бизнес-семей: онкологические заболевания детей, ЛБГТ-сообщество, инклюзия (Berthod, Papadaniel, Brzak, 2016; Badgett, 2009; Peattie, 2008).
- 8) *Развитие семейного бизнеса: внедрение технологических инноваций, обучение, инновационность и производительность* (Niehm, Tyner, Shelley, Fitzgerald, 2010; Sharma, Hoy, Astrachan, Koironen, 2007; Hatak, Kautonen, Fink, Kansikas, 2016).
- 9) *Национальный контекст семейного бизнеса: Италия* (Ruggieri, Pozzi, Ripamonti, 2014); *Китай* (Nyberg, Jensen, 2009), *Латинская Америка* (Brenes, Madrigal, Molina-Navarro, 2006).

Поводя итог, отметим, что в связи с планами правительства по интенсификации экономического роста за счет усиления и расширения малого и среднего бизнеса перед законодательной и исполнительной властью, а также всем научным сообществом стоит задача по консолидации действий в этом направлении. Экономическая психология и психология предпринимательства получает «новый заказ» и толчок к развитию.

Нам представляется, что изучение зарубежного опыта разработки проблем психологии бизнеса в целом и семейного бизнеса, в частности, будет способствовать развитию этого направления в отечественной психологии, зарождению династий в предпринимательской среде, укреплению традиционных семейных ценностей в российском обществе, увеличению их значимости в общественном сознании.

Литература

- Global Entrepreneurship Monitor. Global Report 2016/17. URL: <http://www.gemconsortium.org> (дата обращения: 20.02.2017).
- Overview of Family Business Relevant Issues. Final Report. Austrian Institute for SME Research. Vienna, 2008. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/files/craft/family_business/doc/familybusiness_study_en.pdf.
- Библиографическая и реферативная база данных Scopus. URL: www.scopus.com (дата обращения: 13.05.2017).
- Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М., 2012.
- Институт экономки роста имени П. А. Столыпина. URL: www.институтроста.рф.

Психология труда, инженерная психология и эргономика / Под ред. Е. А. Климова, О. Г. Носковой, Г. Н. Солнцевой. М., 2015.
Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель»: 1953–1964. Олма-Пресс, 2002.
ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4193896> (дата обращения: 19.04.2017).

Psychology of the Family Business as the Driver of Business in Russia: the Search for Historical Parallels and the Direction of Future Research

J. S. Murzina (Tyumen)

Candidate of psychological Sciences, associate Professor
at the Department of General and social psychology,
Institute of Psychology and Pedagogy of Tyumen State University

The article tributes homage to the memory of the brightest scientist of the 20th century B. F. Lomov – the founder of engineering psychology in Russia. We try to find historical parallels between the engineering psychology and the psychology of entrepreneurship. The article emphasizes the importance of researches by Psychology Institute of RAS in business psychology. We claimed the important role of business psychology in the light of the Social and Economic Development Program in Russia “The Strategy of Growth” until 2025. In the article we analyzed scientific publications of the Scopus database, which are devoted to the family business (from 2010 till 2016). Also in article states main countries, universities centers and subject areas of family business study. Finally, we named psychological journals and systematized topics in the study of family business.

Keywords: Engineering psychology, business psychology, family business, economic growth, family business psychology.

Социальная психология российского предпринимательства – актуальное направление современной психологии¹

В. П. Позняков, А. Л. Журавлёв** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: pozn_v@mail.ru*

*** академик РАН, доктор психологических наук, профессор,
директор Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

Представлены результаты серии эмпирических исследований, проводимых группой научных сотрудников Института психологии РАН, в результате которых удалось выявить ряд социально-психологических особенностей современных российских предпринимателей: мотивов, ценностных ориентаций, психологических отношений. Выделена совокупность показателей, устойчиво связанных с оценкой предпринимателями уровня своей деловой активности. Такими показателями являются оценки: благоприятности внешних экономических условий предпринимательской деятельности, собственной конкурентоспособности, удовлетворенности экономическими результатами деятельности, успешности деятельности в настоящее время, степени надежности партнеров по бизнесу и своих возможностей в повышении успешности предпринимательской деятельности. Практическое приложение результатов проводимых исследований состоит в подготовке рекомендаций для государственных и предпринимательских структур по поддержке и развитию малого и среднего бизнеса в России.

Ключевые слова: социальная психология, экономическая психология, российские предприниматели, психологические отношения, деловая активность.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-12036в.

Введение

На рубеже 1980–1990-х годов в России произошли фундаментальные политические, экономические и социальные преобразования, которые существенным образом изменили социально-психологические особенности значительной части российского населения. Одним из важных событий, связанных с этими изменениями, явилось становление нового российского предпринимательства как социально-экономического явления, новой социальной общности и нового социально-психологического типа людей – *российских предпринимателей*.

Для российской психологической науки и, в первую очередь, для социальной психологии, это означало появление принципиально новых социальных явлений, а значит – новых объектов научных исследований и новых научных проблем. Масштабные социально-экономические изменения, начатые в России в начале 1990-х годов, явились своего рода *естественным социальным экспериментом*, который дал исследователям уникальную возможность зафиксировать, проанализировать и теоретически осмыслить закономерности, лежащие в основе происходящих изменений. Неслучайно именно в эти годы состоялось стремительное развитие *экономической психологии* – нового научного направления, призванного изучать закономерности взаимосвязей и взаимного влияния экономических и социально-психологических явлений (Журавлёв, Позняков, 2004; Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; и др.).

Первый в истории российской науки опыт проведения такого исследования был реализован в 1992 г. группой сотрудников лаборатории социальной психологии Института психологии РАН в сотрудничестве со специалистами Института системных исследований проблем предпринимательства и маркетинга. В качестве конкретной опытной площадки для проведения полевого исследования был выбран Союз арендаторов и предпринимателей, где весной 1992 г. был проведен первый опрос, и Международный конгресс «Малое и среднее предпринимательство в России», проходивший в Москве в июне того же года. В ходе этих исследований изучались мотивы выбора предпринимательской деятельности, цели и ценностные ориентации российских предпринимателей, их отношения с партнерами по бизнесу и т. д. Эти исследования способствовали выявлению социально-психологических особенностей российских предпринимателей а также социально-психологических факторов их деловой активности и успешности предпринимательской деятельности (Журавлёв, Позняков, 1993; Дорофеев, Журавлёв, Позняков, 1999; и др.). Результаты выполненных по данному направлению сотрудниками

разных лабораторий Института психологии РАН, были опубликованы в двух коллективных трудах, которые представляют собой библиографическую редкость (Психология предпринимательской деятельности, 1995; Социально-психологические исследования..., 1999).

Благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, исследования социальной психологии российских предпринимателей в Москве и регионах России стали проводиться регулярно, что позволило проанализировать динамику *социально-психологических характеристик* российских предпринимателей (Журавлёв, Журавлёва, 2002; Журавлёв, Кочеткова, 1997; и др.) В последние годы все большее внимание исследователи уделяют социально-психологическим проблемам *взаимоотношений* в предпринимательской среде. В частности, эмпирически выявлены и проанализированы социально-психологические факторы отношения российских предпринимателей к деловому партнерству (Позняков, Вавакина, 2009) и ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия (Позняков, Груздева, 2013).

Позднее возникла идея создания уникальной научно-исследовательской базы, где в обобщенном и удобном для пользователей виде были бы представлены не только результаты проведенных научных исследований (научные отчеты, публикации, диссертационные исследования участников проекта и дипломные работы, выполненные под их руководством), но и сами исходные эмпирические данные. Так был реализован первый в российской психологической науке проект по созданию возобновляемой *информационной базы данных* «Социальная психология российского предпринимательства» (Позняков, Познякова, Тихомирова, 2012).

Социально-психологические факторы деловой активности предпринимателей

Одним из конкретных научных результатов выполняемого проекта стало выявление и анализ социально-психологических факторов деловой активности предпринимателей. Был проведен анализ данных, полученных по единой программе в опросах 1997, 2003, 2007 и 2010 гг. Всего было опрошено 569 человек – представителей малого и среднего бизнеса. Во всех выборках представлены предприниматели разных возрастных групп, причем преобладают респонденты молодого и среднего возраста, т. е. наиболее активная часть данной социальной группы. Доля опрошенных мужчин значительно превышает долю женщин, что соответствует реальному их соотно-

шению. Во всех опросах представлены респонденты, различающиеся по опыту и сферам предпринимательской деятельности. В целом по своим социально-демографическим характеристикам все выборки являются достаточно представительными и сопоставимыми.

Основным методом сбора информации явилось стандартизированное интервью для изучения *психологических отношений* к предпринимательской деятельности, которые выступают, по нашему мнению, существенными социально-психологическими факторами деловой активности предпринимателей (Журавлёв, Позняков, 2002). Для оценки предпринимателями своей *деловой активности* использовался специальный методический прием: респондентам предлагалось оценить изменение своей активности в последнее время. При этом в качестве вариантов ответов предлагались суждения, характеризующие не только ретроспективную оценку изменения деловой активности в прошлом, но и прогнозируемую динамику ее изменения в будущем. Тем самым была реализована авторская идея анализа психологического отношения предпринимателя к своей деятельности в рамках временного континуума (прошлое, настоящее, будущее).

По результатам *корреляционного анализа* данных была выделена совокупность показателей, устойчиво связанных с оценкой предпринимателями уровня своей деловой активности. Такими показателями являются оценки: благоприятности внешних экономических условий предпринимательской деятельности, собственной конкурентоспособности, удовлетворенности экономическими результатами деятельности, успешности деятельности в настоящее время, степени надежности партнеров по бизнесу и своих возможностей в повышении успешности предпринимательской деятельности. Также были обнаружены значимые связи оценки деловой активности с оценками отношения к конкуренции, отношения к риску, оценкой собственного благосостояния предпринимателя и материального уровня семьи в настоящее время. Это позволяет формулировать совокупность социально-психологических феноменов, предположительно оказывающих действенное влияние на деловую активность предпринимателей и в значительной степени определяющих ее уровень и динамику. Представленные данные говорят о том, что степень деловой активности предпринимателя оказывается связанной как с оценками внешних условий предпринимательской деятельности, так и с самооценкой предпринимателя и результатов его деятельности.

Для выделения факторов деловой активности был проведен *факторный анализ* методом главных компонент с применением враще-

ния полученных осей по типу *varimax normalized*. Для определения количества факторов был использован критерий Кайзера (значимые факторы имеют собственные числа). Опираясь на результаты факторного анализа, мы выделили три фактора, характеризующие деловую активность предпринимателей. В *первый фактор* стабильно входят оценки удовлетворенности экономическими результатами деятельности, успешности деятельности в настоящее время, жизненного уровня семьи в настоящее время и уровня собственного благосостояния. Этот фактор можно интерпретировать, как «оценка достигнутых результатов своей деятельности». *Второй фактор* включает в себя оценки отношения к конкуренции, своей конкурентоспособности, степени надежности большинства партнеров по бизнесу. Этот фактор интегрально характеризует личное отношение предпринимателя к той среде, в которой протекает его деятельность, к ее законам и правилам, показывает, насколько комфортно и уверенно он себя чувствует в роли предпринимателя. *Третий фактор* включает, прежде всего, оценки собственных возможностей в повышении успешности бизнеса, ожидаемых изменений своей деловой активности, ожидаемых изменений жизненного уровня семьи. Этот фактор можно интерпретировать как «оценка предпринимателем собственного потенциала», возможностей и перспектив развития своего дела, которые непосредственно связаны с оценкой внешних экономических условий.

В ходе анализа данных сравнивались группы респондентов с высокими и низкими оценками своей деловой активности, в результате которого были обнаружены статистически значимые различия. Высокоактивные предприниматели склонны более позитивно относиться к существующим экономическим условиям и к результатам своего взаимодействия с другими субъектами экономической деятельности. Те факторы, которые низкоактивные предприниматели воспринимают как препятствия, высокоактивные чаще трактуют как нейтральные или как способствующие успешности, т. е. они видят перед собой больше потенциальных возможностей, а имеющиеся ресурсы (например, деньги) они стремятся реализовать более полно. Кроме того, они менее склонны избегать рискованных ситуаций, более позитивно относятся к конкуренции, более высоко оценивают свою конкурентоспособность и свои возможности в повышении успешности своего бизнеса. Анализ структуры ценностей предпринимателей дает основания полагать, что высокая значимость таких ценностей, как независимость и материальная обеспеченность, богатство, собственность, деньги, также влияют на уровень деловой активности. В случае если данные ценности занимают

ведущие места в иерархии, предпринимательская деятельность сама по себе может перестать быть формой заработка, реально становясь образом жизни. В целом, можно сказать, что психологические отношения предпринимателей к своей деятельности *опосредствуют влияние* внешних социально-экономических факторов.

Вместе с тем, на уровень деловой активности влияет ретроспективная оценка результатов своей экономической деятельности и материального статуса своей семьи. Высокоактивные предприниматели более высоко оценивают результаты своей экономической деятельности и степень самореализации в бизнесе, проявляют более высокую удовлетворенность предпринимательской деятельностью. Таким образом, психологические отношения предпринимателей к различным сторонам своей экономической деятельности регулируют уровень деловой активности. При этом существенным фактором выступает временная, динамическая составляющая психологических отношений. Чем благоприятнее оценивается прошлое и чем перспективнее воспринимается будущее, тем выше готовность и желание максимально реализоваться в предпринимательской деятельности, как и интенсивность самой деятельности.

Заключение

Социальная психология российского предпринимательства является перспективным, быстро развивающимся направлением психологической науки. В ходе первых эмпирических исследований, выполненных группой научных сотрудников Института психологии РАН, были выделены и проанализированы социально-психологические проблемы и трудности становления малого бизнеса в России. В результате серии исследований удалось выявить ряд существенных социально-психологических особенностей современных российских предпринимателей (мотивов, ценностных ориентаций, психологических отношений), определяющих направленность и уровень их деловой активности и успешность предпринимательской деятельности.

Выдвинутая ранее гипотеза о том, что психологические отношения к предпринимательской деятельности выступают существенными социально-психологическими характеристиками, определяющими уровень деловой активности предпринимателей и его динамику, подтвердилась. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень деловой активности предпринимателей и ее динамика (повышение, сохранение на том же уровне или понижение) в значительной степени определяются *социально-психологи-*

ческими факторами, к которым относятся: оценка предпринимателем достигнутых результатов своей деятельности; отношение к предпринимательству как виду своей деятельности и к среде, в которой она протекает, показывающее насколько комфортно и уверенно субъект чувствует себя в роли предпринимателя в существующих внешних условиях; оценка предпринимателем собственного потенциала, возможностей и перспектив развития своего дела. Выделенные факторы деловой активности можно также соотнести с временным континуумом: фактор 1 – «результаты» (прошлое), фактор 2 – «успешность» (настоящее), фактор 3 – «возможности» (будущее).

Сами психологические отношения к предпринимательской деятельности рассмотрены в работе как динамические образования. Во-первых, это выражается в том, что объекты отношений оценивались не только в статике (состоянии на момент опроса), но и в динамике их изменения, оцениваемой ретроспективно и в виде прогноза изменений. Во-вторых, наряду с изучением структурных особенностей психологических отношений по данным, зафиксированным в ходе единовременного опроса, проводился анализ динамики психологических отношений предпринимателей во времени путем сравнения значений отдельных показателей и их структурных взаимосвязей, полученных на сопоставимых выборках путем проведения регулярных «срезов». Такая организация исследования позволила зафиксировать как устойчивые типологические характеристики психологических отношений предпринимателей, так и тенденции их изменения в динамичных социально-экономических условиях.

Деловая активность предпринимателей представлена в их сознании социально-психологическими характеристикам, соотнесенными во времени с прошлым (оценка результатов деятельности), настоящим (оценка успешности деятельности в настоящее время) и будущим (оценка своих возможностей и перспектив развития бизнеса). Будучи связанными между собой, эти оценки могут проявляться и как относительно самостоятельные характеристики деловой активности. Учет субъективных оценок прошлой, настоящей и будущей предпринимательской деятельности в сочетании с анализом динамики этих оценок во времени позволяет надежно оценивать и прогнозировать деловую активность предпринимателей. Практическое приложение результатов проводимых исследований связано с подготовкой рекомендаций для государственных и предпринимательских структур по поддержке и развитию малого и среднего бизнеса в России.

Литература

- Дорофеев Е. Д., Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Социально-психологические факторы деловой активности и успешность деятельности предпринимателей // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М., 1999. С. 44–67.
- Журавлёв А. Л., Журавлёва Н. А. Динамика экономического сознания российских предпринимателей в 90-е годы XX века // Современные проблемы психологии управления. М., 2002. С. 122–144.
- Журавлёв А. Л., Кочеткова Н. А. Динамика социально-психологических качеств российских предпринимателей в изменяющихся экономических условиях // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М., 1997. С. 35–44.
- Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Социально-психологические трудности становления малого бизнеса в России // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.
- Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований. В 5 ч. М., 2002. Ч. 5. С. 90–110.
- Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С. Ценностные ориентации как фактор отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Психология в экономике и управлении. 2009. № 1. С. 51–64.
- Позняков В. П., Груздева Е. А. Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–234.
- Позняков В. П., Познякова Н. Н., Тихомирова С. В. Социальная психология российского предпринимательства. Разработка информационно-исследовательской базы данных // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 227–234.
- Проблемы экономической психологии. Т. 1. М., 2004.
- Проблемы экономической психологии. Т. 2. М., 2005.
- Психология предпринимательской деятельности / Под ред. В. А. Бодрова. М., 1995.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Под ред. А. Л. Журавлёва, Е. В. Шороховой. М., 1999.

Social psychology of Russian entrepreneurship is an important direction of modern psychology

*V. P. Pozniakov**, *A. L. Zhuravlev*** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Professor, chief scientific officer of the Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

Presents the results of empirical studies conducted by the group of scientific employees of Institute of psychology RAS. The studies were able to identify a number of significant socio-psychological characteristics of the modern Russian entrepreneurs: motives, value orientations, psychological relations. The selected set of indicators, closely and stably associated with the assessment of entrepreneurs the level of its business activity. Such indicators are assessment: external economic favorability of the business environment, the competitiveness, satisfaction economic outcomes, the success of current activities, the degree of reliability of business partners and in-house capabilities to increase the success of entrepreneurial activities. Practical application of current research findings related to recommendations for state and business structures for support and development of small and medium business in Russia.

Keywords: social psychology, economic psychology, Russian entrepreneurs, psychological relationships, business activity.

Психология стратегического управления: анализ зарубежных исследований

*Д. И. Тимофеев**, *Т. А. Нестик*** (Москва)

** аспирант Института психологии РАН;
e-mail: tindim75@gmail.com*

*** доктор психологических наук, профессор,
заведующий лабораторией социальной и экономической психологии
Института психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

В статье представлен обзор зарубежных исследований в области психологии стратегического управления. Анализ достижений и недостатков существующей исследовательской программы, объединяющей бихевиоризм, когнитивную и организационную психологии, позволяет сделать вывод о высоком потенциале применения отечественной психологической теории деятельности, концепции коллективного субъекта и концепции групповой временной перспективы для изучения социально-психологических механизмов разработки стратегии и создания динамических способностей организации. Выделены перспективные направления исследований в области психологии стратегического менеджмента.

Ключевые слова: стратегия, бихевиоризм, когнитивная психология, стратегическая организационная психология, динамические способности, деятельностный подход, коллективный субъект, временная перспектива.

Введение

Концептуальным основанием *стратегического управления* на протяжении всей истории его развития являлась экономическая теория, предполагающая рациональность принятия решений. Тем не менее, вместе с признанием ограниченной рациональности в экономике,

начиная с 1970-х годов постепенно расширялось применение психологических подходов в стратегических исследованиях, в которых широко стали использоваться положения бихевиоризма, когнитивной и организационной психологии (Healey, Hodgkinson, 2015). Так, в 1970–1980-х годах основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении роли психологических факторов при формулировании стратегии (индивидуальные ценности, особенности восприятия). В 1980–1990-х годах акцент сместился на переговорный процесс между коалициями в компании при ограниченной рациональности принимаемых решений, а также на изучение роли психологических факторов в управленческом контроле при реализации стратегии. В 2000–2010-х годах в фокусе внимания оказались ментальные модели стратегов, определяющие восприятие конкуренции и ответы на ее вызовы, при этом стали учитываться социально-психологические характеристики топ-менеджеров, типовые эвристики и стереотипы в разработке стратегических решений. Наконец, с 2011 г. по настоящее время в исследованиях в основном рассматриваются поведенческие механизмы корпоративной стратегии и развитие адаптивности команд топ-менеджеров к переменам, изучаются когнитивные ограничения стратегической гибкости, проясняется роль эмоций и групповых аффективных состояний в развитии динамических способностей организаций.

Поскольку накопленные зарубежными исследователями эмпирические данные и сложившиеся теоретические подходы пока не нашли своего отражения в российской психологии (см. также: Журавлёв, Нестик, 2009), нам представляется важным проанализировать в данной статье сильные и слабые стороны исследовательской программы, сложившейся за рубежом в области психологии стратегического менеджмента. Мы последовательно рассмотрим три основных подхода к изучению стратегического управления, сложившихся в рамках бихевиоризма, когнитивной психологии и организационной психологии.

Бихевиористский подход в области стратегического менеджмента

«Перезагрузка» в области применения бихевиористской психологии для совершенствования стратегического управления связана с отсутствием научно обоснованных психологических оснований в стратегиях, а также целесообразностью использования последних открытий, сделанных в поведенческой экономике и ней-

ропсихологии (Powell et al., 2011). Среди исследователей растет понимание того, что наряду с традиционными основаниями стратегического менеджмента (монополярная и предпринимательская ренты, фактор уникальности и редкости ресурсов) учет психологических факторов станет в XXI в. неотъемлемой частью корпоративных стратегий.

В рамках бихевиористского подхода корпоративная стратегия призвана соединить реалистичные предположения о человеческом познании, эмоциях и социальном поведении с теорией и практикой стратегического управления организациями. Главной проблемой данного подхода на данный момент является недостаток концептуального единства. Обширное поле исследований в данной области условно можно разделить на три группы: редукционистские, плюралистические и контекстуальные. *Редукционистские исследования*, основывающиеся на бихевиоризме, математических методах и лабораторных экспериментах, направлены на изучение когнитивных искажений при принятии стратегических решений. *Плюралистические исследования* опираются одновременно на различные теории и концентрируются на отдельных комплексных проблемах стратегического управления: ограниченная рациональность, обучение и принятие управленческих решений, групповая идентификация, конфликты в группе, организационные неврозы и т. д. *Контекстуальные исследования* основаны на экзистенциальной психологии и направлены на изучение процессов смыслопорождения в организациях, восприятия ситуации менеджерами, формирование когнитивных схем и карт, роль осознанности и рефлексивности в формировании стратегии.

По-видимому, дальнейшее развитие бихевиористского подхода к стратегическому менеджменту будет связано с решением нескольких задач. Во-первых, «бихевиористская стратегия» должна объединить различные подходы, в том числе когнитивные науки и социальную психологию, с теорией и практикой стратегического менеджмента. Во-вторых, для достижения синергии необходимо использовать открытия, полученные в редукционистских, плюралистических и контекстуальных исследованиях. В-третьих, дисциплинарное единство должно быть обеспечено за счет объединения исследовательских проблем и терминологии, интеграции различных методологий, а также формирования единого научного сообщества. Наконец, необходимо перейти от изучения отдельных процессов принятия решений к комплексному изучению стратегии, от индивидуальных когнитивных искажений к коллективному выбору, от интроспекции к нейропсихологии.

Когнитивная психология разработки стратегических решений

Одно из центральных понятий современной психологии стратегического управления – это «*стратегическая компетенция*», т. е. способность фирмы учитывать и предвосхищать изменения внешней среды, использовать их для развития и обновления. Исследования в данной области направлены на анализ социокогнитивных процессов, с помощью которых топ-менеджеры приобретают, хранят, разделяют и используют знания (подробнее см.: Нестик, Журавлёв, 2009; и др.) и предположения о мире как основу для принятия стратегических решений.

Когнитивная психология при изучении стратегов опровергла базовые предположения, на которых основывались классические теории стратегического менеджмента: положения о том, что люди, принимающие стратегические решения, якобы являются рационально действующими акторами; что бизнес-среда является объективной реальностью; что стратегии представляют собой результат тщательного планирования; что стратегия разрабатывается топ-менеджерами, а реализуется нижестоящими работниками организации (Ходкинсон, Сперроу, 2007).

Психологами были выдвинуты альтернативные базовые предположения стратегического управления. Оказалось, что *формирование стратегии* – это протекающий в сознании стратега процесс познания, при этом менеджеры не имеют ни полной информации, ни знаний, ни компетентности, ни даже возможности для обработки всей доступной им информации. В основе зарождения стратегий лежат ментальные карты и фреймы, предписывающие те или иные способы получения информации из окружающей среды. Когнитивные психологи применяют для анализа процессов переработки информации компьютерную метафору, т. е. проводится параллель между конструированием, моделированием и структурированием конкурентной среды менеджерами с одной стороны, и восходящая и нисходящая обработка информации «коллективным компьютером». При этом групповые ментальные модели менеджеров обуславливают стереотипность, инерцию и несовершенство стратегического мышления.

Когнитивная психология, наряду с экономической теорией, лежит в основе новой школы стратегического менеджмента, выросшей из ресурсного подхода, – *концепции динамических способностей фирмы*. Стратегическое управление рассматривается здесь как поисковая активность, развитие способности организации гибко адаптировать имеющиеся у нее уникальные ресурсы, в том числе групповые нормы, неявные знания сотрудников, групповые эмоцио-

нальные состояния, к непрерывно меняющимся условиям деятельности. Теория динамической способности фирмы призвана органично объединить «холодные» когнитивные и «горячие» эмоциональные процессы в ходе принятия управленческого решения (Hodgkinson, Neale, 2011). Благодаря последним открытиям в области нейронаук при изучении «социального мозга», получает признание тот факт, что способности топ-менеджеров к осмыслению и трансформации прямо зависят от интуитивных и эмоциональных процессов. Кроме того, акцент на интеграции индивидуального и коллективного уровней принятия решений позволяет эффективно обойти дисфункциональные паттерны мышления и преодолеть стратегическую инерцию, связанную с негативными эмоциональными реакциями менеджеров на изменения в организации. Гиперконкуренция, ускорение технологических и социальных изменений приводят к тому, что для эффективного функционирования динамических способностей фирмы приходится учитывать социально-психологические характеристики как всего трудового коллектива организации, так и отдельных рабочих групп и сотрудников.

Конкурентные преимущества с позиций организационной психологии

Широко обсуждаемым недостатком теории динамических способностей фирмы оказалась неопределенность самого понятия «способностей», которое оказалось настолько слишком широким, что его было трудно операционализировать (Тамбовцев, 2010). Необходимость уточнения механизмов, лежащих в основе динамических способностей, привела к возникновению нового направления исследований – *стратегической организационной психологии, изучающей микро-основания (т. е. индивидуальные, межличностные и групповые факторы) организационной гетерогенности и устойчивого конкурентного преимущества* (Ployhart, Hale, 2014). В условиях, когда внутренняя гетерогенность структуры и кадрового состава, разнообразие идей, уникальность знаний становятся условием конкурентоспособности, активизировались исследования того, как коллективные психологические ресурсы (человеческий капитал, организационный климат, социальные сети и доверие, корпоративная культура) влияют на эффективность и жизнеспособность фирмы (Нестик, 2009). Поиск ответа на вопрос о том, как формируются стратегически важные ресурсы организации, подталкивает организационных психологов к парадигмальному повороту от изучения отдельного работника или малых групп к многоуровневому исследованию взаимосвязей

между индивидуальными характеристиками, групповыми процессами и конкурентоспособностью организации в целом.

Чтобы корпоративные ресурсы давали стратегический эффект, они должны быть гетерогенными, редкими и не поддаваться имитации со стороны конкурентов, что обеспечивается социальной сложностью, т. е. взаимодополнительностью и разнообразием неосязаемых, психологических ресурсов в межличностном и межгрупповом взаимодействии. Социальная сложность воплощается в человеческом капитале организации, который является, с точки зрения стратегического менеджмента, наиболее важным ресурсом организации. Организационными психологами разработана многоуровневая модель *человеческого капитала*, позволяющая объяснить, как индивидуальные знания, навыки, способности и прочие характеристики работников интегрируются в человеческий капитал конкретного предприятия. Этот процесс состоит из двух этапов: на первом сложность задач производственной деятельности определяет степень взаимодействия работников, координации и синхронизации их поведения. На втором этапе возникает специфический фактор социального контекста, который способствует взаимодействию между членами коллектива. Медиатором между человеческим капиталом и эффективностью фирмы является операционная деятельность. Знания и навыки связаны с конкретными работниками и их деятельностью, они специфичны и уникальны для каждой компании, т. е. совокупный человеческий капитал может быть основой для конкурентного преимущества.

Организационная психология на протяжении долгого времени исследовала взаимосвязь психологических феноменов на различных уровнях организации. В соответствии с традиционной парадигмой, такие феномены возникали в познании, аффектах, поведении индивидов, потом через их взаимодействие трансформировались в коллективные феномены на уровне организации. В стратегическом менеджменте, как правило, объектом исследования была организация в целом, за исключением команды топ-менеджеров. Стратегическая организационная психология объединяет оба эти подхода, проясняя, как при создании и реализации стратегических ресурсов «индивидуальное» трансформируется в «коллективное».

Заключение

Признавая значительные достижения исследовательской программы, реализуемой в настоящее время за рубежом, целесообразно также отметить ряд ее объективных недостатков. Для бихевиоризма это мето-

дологические ограничения исходного принципа «стимул–реакция», риск развития манипулятивных практик стратегического управления на основе нейропсихологии. Для когнитивной психологии – это редуccionизм компьютерной метафоры при принятии ключевых решений, а также слабая связь между стратегическим мышлением и реализацией планов в практической деятельности. В организационной психологии недооценена роль операционной деятельности как медиатора между человеческим капиталом и стратегией.

Преодоление недостатков западной исследовательской программы в психологии стратегического управления возможно на основе российской общепсихологической теории деятельности, теории коллективного субъекта (Журавлёв, 2000) и концепцию групповой временной перспективы (Нестик, 2014). Рассматривая динамическую способность организации как совместную деятельность, в ходе которой формируется коллективный субъект, групповое отношение к коллективному прошлому, настоящему и будущему, можно выявить *ключевые психологические феномены*, критически важные для успешного стратегического управления. Можно предположить, что на первом этапе при анализе внешней среды успех зависит от доверия к миру, к себе и к членам управленческой команды, на втором этапе при определении наиболее привлекательной стратегической возможности важнейшую роль играют групповая рефлексия и конструирование коллективного образа будущего, а на завершающей стадии при реконфигурации активов фирмы важнейшими психологическими переменными являются коллективный эмоциональный интеллект, мудрость и производство смыслов.

Подводя итоги, можно выделить несколько *перспективных направлений* психологических исследований в области стратегического управления. Во-первых, требует углубленного изучения роль коллективных эмоциональных состояний и группового эмоционального интеллекта в стратегическом менеджменте. Во-вторых, мало изучены процессы межгруппового сравнения, роль идентичности и групповых стереотипов при сравнении топ-менеджерами своей компании с конкурентами в ходе разработки стратегии. В-третьих, необходимо дальнейшее исследование процессов формирования групповых ментальных моделей и транзакционной памяти в условиях неопределенности и быстрых изменений. Изучение рефлексивных процессов и метакогнитивной компетентности при разработке стратегии в управленческих командах должно быть увязано с другими признаками группового субъекта, с взаимосвязанностью и совместной активностью в ходе реализации стратегии. В-четвертых, требуется прояснить соотношение коллективной импровиза-

ции и планирования при принятии стратегических решений. В-пятых, в организационной психологии с теоретической и прикладной точки зрения остается не решенной задача поддержания долгосрочной ориентации, а также обеспечения быстрой смены временной ориентации в управленческих командах, переключения между ретроспективной и проспективной рефлексией при разработке стратегических решений. Наконец, все более актуальной задачей становится изучение социально-психологических факторов эффективности различных бизнес-моделей, а также групповых процессов при переходе от одной модели к другой.

Литература

- Журавлёв А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 2002. С. 51–81.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.
- Нестик Т. А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Часть II. // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 29–42.
- Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
- Нестик Т. А., Журавлёв А. Л. Социально-психологические факторы обмена знаниями в организации // Высшее образование для XXI века: VI международная научная конференция: Доклады и материалы. М., 2009. С. 3–12.
- Ходкинсон Дж., Сперроу П. Компетентная организация: психологический анализ процесса стратегического менеджмента. Харьков, 2007.
- Healey M. P., Hodgkinson G. P. Psychological Foundations of Strategic Management // The Blackwell Encyclopedia of Management: Strategic Management / 3rd ed. London: Wiley-Blackwell, 2015. V. 12. P. 1–3.
- Hodgkinson G. P., Healey M. P. Psychological foundations of dynamic capabilities: reflexion and reflection in strategic management // Strategic Management Journal. 2011. V. 32. № 13. P. 1500–1516.
- Ployhart R. E., Hale D. Jr. The Fascinating Psychological Microfoundations of Strategy and Competitive Advantage // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2014. V. 1. № 1. P. 145–172.

Powell T. C., Lovallo D., Fox C. R. Behavioral strategy // Strategic Management. 2011. V. 32. P. 1369–1386.

Psychology of strategic management: analysis of foreign studies

*D. I. Timofeev**, *T.A. Nestik ** (Moscow)*

* Postgraduate of the Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of RAS

The article presents an overview of foreign research in the field of strategic management psychology. An analysis of the achievements and shortcomings of the existing research program that integrates behaviorism, cognitive and organizational psychology, makes it possible to draw a conclusion about the high potential of the application of the Russian psychological theory of activity, theory of collective subject and conception of group time perspective for studying the socio-psychological mechanisms of strategic decision making and generation of organizational dynamic capabilities. The directions of further research are proposed.

Keywords: strategy, behaviorism, cognitive psychology, dynamic capabilities, strategic organizational psychology, activity theory, collective subject, time perspective.

Раздел XI

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА, ЭРГОНОМИКИ, ИНЖЕНЕРНОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 1

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Психосемантические особенности профессионально значимых объектов как показатели выгорания врачей¹

М. М. Абдуллаева, О. С. Коновалова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: mma11msu@gmail.com*

*** студентка факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: kon.olyaa@yandex.ru*

Данная статья посвящена психосемантическому описанию профессионально значимых для медицинских работников объектов. Всего в исследовании приняли участие 60 врачей городской клинической больницы. Идея работы заключалась в поиске семантических характеристик объектов в профессиональной деятельности врачей, которые могут выполнять роль диагностического критерия «нежелательного» развития специалистов. Полученные результаты позволяют утверждать, что особенности семантики разных типов описаний объектов в труде врача связаны со степенью выраженности деперсонализации как одного из существенных признаков развития выгорания. Актуальность изучения особенностей труда этой группы специалистов обусловлена необходимостью грамотной и своевременной психологической поддержки их деятельности, предупреждающей развитие негативных состояний и профессиональных деформаций.

Ключевые слова: психосемантика, объект труда, врачи, профессиональное выгорание, больница.

Постановка проблемы

Современный этап развития системы здравоохранения знаменуется, прежде всего, ее реформированием. Изменениям подвергаются

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00994а.

система оплаты труда, структура управления, распределение задач между медицинскими работниками (Власова, 2004; Чуднов, 2005; и др.). В связи с активной технологической модернизацией медицинской сферы наблюдается серьезный рост нагрузки на врачей, что требует грамотного психологического сопровождения их работы, постоянного внимания к их функциональному состоянию.

Важно понимать, что на фоне происходящих изменений наблюдается расширение предметной области профессиональной деятельности медицинских работников. Так, помимо человека, его здоровья и жизни как центральной «фигуры» в системе профессиональных ценностей в работе врачей все большее место занимают «дополнительные» объекты деятельности: информация, закодированная в разных знаках (результаты диагностики, различная медицинская документация), техника (офисная и исследовательская аппаратура), природные и организмические явления и т. д., что ставит под вопрос строгое отнесение медицинской профессии к социальномическому типу. В связи с этим в своей работе мы решили обратиться к рассмотрению содержания профессионального опыта врачей, в частности, к психосемантическому моделированию предметной области врачебной деятельности (Артемьева, 1999; Серкин, 2016). Несмотря на кардинальные изменения в наборе средств труда, схем лечения и системы показателей функционирования организма, сакральный смысл деятельности врачей заключается в обеспечении сохранности здоровья человека. Мы предположили, что доминирование человека в предметной области врачей, несмотря на организационные и технологические инновации в сфере медицинского обслуживания, связано с показателями психологического благополучия сотрудников медицинских учреждений. При этом взаимодействие врача с человеком (пациентом, больным) обеспечивает не уменьшающуюся долю эмоциональной и коммуникативной нагрузки в их труде. Именно на этом основании врачи как представители помогающей профессии традиционно относятся к группе риска возникновения профессионального выгорания, характеризующегося такими проявлениями, как эмоциональное опустошение, астенизация, негативное отношение к себе и окружающим, апатия, постоянная усталость и безразличие, и приводящего в крайнем варианте к «вытапливанию» специалистов из профессии (Сазонов, 2012; Сокульникова, 2011; Ясько, 2013; и др.). «Двойственный» характер человека как значимого элемента труда врачей, связанный, с одной стороны, с обеспечением личностного смысла деятельности, с другой – с эмоциональными и коммуникативными нагрузками, обеспечил постановку цели нашего исследования.

Программа эмпирического исследования

Целью нашего исследования является психосемантический анализ профессионально значимых объектов в деятельности врачей с разной степенью профессионального выгорания.

Программа исследования

Выборке врачей, в основном высшей и первой категории (72,6% от всей выборки), работающих в городской клинической больнице, имеющей амбулаторно-поликлиническое, стационарное и диагностическое отделения, было предложено заполнить пакет методик опросного типа, направленных на диагностику выраженности симптомов выгорания (Водопьянова, Старченкова, 2005), оценку степени удовлетворенности трудом (в разработке Розановой, 2003). А также каждый респондент должен был описать, отвечая на вопрос «Какой/ая?» и используя не менее трех прилагательных, 10 значимых «объектов» в деятельности врачей клинической больницы (Абдуллаева, 2004; Крис, 2007). Данный список был составлен по результатам предварительного этапа нашего исследования. Группе экспертов – 7 врачам (со стажем работы больше 5 лет в городской больнице) было предложено дать свободные ассоциации-существительные к слову «работа». Результаты частотного анализа позволили нам выделить слова, ассоциирующиеся с работой наших экспертов: «больница», «врач», «консилиум», «осмотр», «пациент», «рецепт», «лекарства», «палата», «консультация», «медицинская карта».

Выборку исследования составили 62 человека в возрасте от 26 до 64 лет, из них – 36 женщин и 26 мужчин. Средний возраст респондентов – 39 лет; стаж работы – 12 лет.

Результаты исследования

Рассмотрение результатов по методикам в среднем по выборке позволяет утверждать, что разброс данных достаточно широкий. В частности, по показателям эмоционального истощения и деперсонализации встречаются респонденты как с отсутствием данных симптомов, так и с крайней степенью их выраженности. При этом преимущественно респонденты и по той, и по другой шкале находятся в пределах средней выраженности данных симптомов.

Любопытно, что редукция личных достижений в нашей выборке представлена на высоком уровне; по-видимому, это связано с работой врача в государственной больнице, в которой ограничена воз-

Таблица 1
Общие показатели по симптомам выгорания
по всей выборке врачей

Симптомы выгорания	Минимум	Максимум	Среднее (σ)	Интерпретация
Эмоциональное истощение	12	34	21 (3,8)	0–15 – низкий уровень 16–24 – средний уровень 25 и > – высокий уровень
Деперсонализация	0	13	8 (2,8)	0–5 – низкий уровень 6–10 – средний уровень 11 и > – высокий уровень
Редукция личных достижений	4	25	17 (4,9)	37 и > – низкий уровень 31–36 – средний уровень 30 и < – высокий уровень

возможность карьерного роста, предлагается невысокая материальная оплата труда при большом потоке больных и достаточно жестком режиме труда (таблица 1).

Занижение профессиональных достижений дополняется показателем удовлетворенности трудом: хотя в целом врачи удовлетворены своей работой, полученный усредненный показатель (39 баллов) находится предельно близко к границе «неудовлетворенности», составляющей 40 баллов. Минимальный и максимальный показатели по данной методике составляют 27 и 53 балла, соответственно, что свидетельствует о наличии в нашей выборке как полностью удовлетворенных, так и не удовлетворенных трудом врачей.

Рассмотрим результаты контент-анализа семантических описаний врачами 10 значимых объектов труда. Выделялись следующие категории, предложенные при изучении мира профессии Е. Ю. Артемьевой и Ю. Г. Вяткиным (1986):

- эмоционально-оценочные описания – определения, характеризующие «эмоциональное состояние» объекта, или эмоционально-оценочное отношение самого испытуемого к объекту (например, приятный, симпатичный, грустный);
- метафорические – указание признаков, характерных для объектов иного класса, нежели сам стимул (например, летящая, мерцающая, завораживающий, горячий);
- антропоморфные – описание свойств живых объектов (например, терпеливый, опрятный, немногословный, умный, добрый);
- ссылочные описания – прямые предметные квалификации (например, клиническая, лекарственный, медицинский, научный, платная, большая);

Таблица 2
Описательная статистика по категориям описаний
по всей выборке

Категории описаний	Минимум	Максимум	Среднее (σ)
Ссылочные описания	1	10	6 (2,5)
Метафорические описания	1	9	5 (2,6)
Цвет	1	8	4 (2,3)
Антропоморфные описания	1	7	4 (1,5)
Эмоциональные описания	1	6	3 (1,9)

- описания цвета и его характеристик (например, белая, светлая, чистая, яркая) (см. таблицу 2).

Оказалось, что чаще всего врачами использовались ссылочные описания, наименее часто – эмоциональные. Возможно, это связано с тем, что в работе врачей достаточно много конкретных данных, предметных квалификаций и прописанных стандартов, что заставляет их мыслить в строго определенных категориях. Кроме того, в своей деятельности врачам часто приходится работать в стрессовых условиях, быстро принимать решения и сдерживать проявления своих эмоций.

Интенсивность нагрузок и высокая напряженность деятельности при большой цене врачебной ошибки, которая отражается на семантическом словаре описаний, позволила нам предположить, что врачи с высокой и низкой степенью профессионального выгорания будут различаться в описаниях значимых объектов труда. Для проверки нашей гипотезы мы использовали метод крайних групп, выделив респондентов с высокой и низкой выраженностью симптомов выгорания. Следует отметить, что только у трех врачей были выражены все три симптома выгорания; у большинства наблюдалось разное сочетание симптоматики выгорания (таблица 3).

Необходимость равноценности групп позволила нам сравнить словари описаний двух групп врачей с разной выраженностью симптома деперсонализации. Учитывая «человеконаправленный» характер деятельности врача, проявление этого симптома, выражающегося в холодности, черствости, бездушии, циничном отношении к человеку, является серьезным признаком развития неблагополучия специалиста. При этом деперсонализацию можно рассматривать и «как форму профессиональной защитной стратегии общения», оберегающей врача от лишней, эмоционально насыщенной информа-

Таблица 3
Количества респондентов
по выраженности симптомов выгорания

Симптомы выгорания, их сочетание	Количество человек	
	Высокая степень выраженности	Низкая степень выраженности
Эмоциональное истощение Деперсонализация Редукция личных достижений	3	0
Эмоциональное истощение Деперсонализация	3	2
Эмоциональное истощение Редукция личных достижений	8	0
Деперсонализация Редукция личных достижений	12	0
Эмоциональное истощение	8	4
Деперсонализация	10	9
Редукция личных достижений	62	0

ции, касающейся личности пациента (Носкова, 2004, с. 133; Ясько, 2013, с. 139). Неоднозначность проявлений деперсонализации обостряет проблему ее диагностики.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа показали, что врачи с выраженностью симптома деперсонализации, свидетельствующего о негативном изменении характера делового общения с больным, значимо чаще используют в описаниях профессионально значимых объектов ссылочные описания и значимо реже – антропоморфные и эмоциональные (рисунок 1).

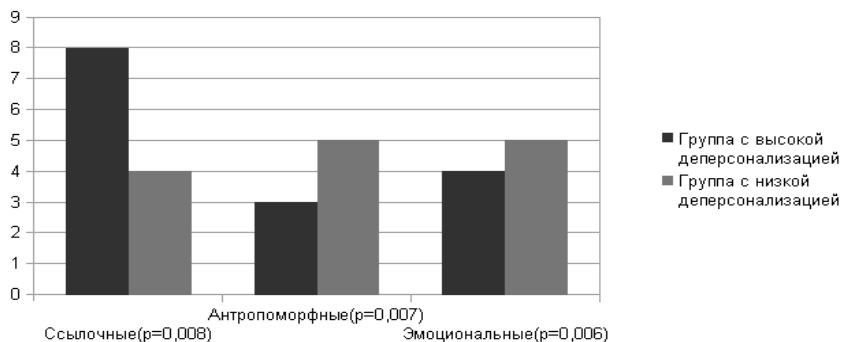

Рис. 1. Статистически значимые различия использования описаний в группах с высокой и низкой степенью деперсонализации

Исходя из жалоб и состояния пациента, существует определенный алгоритм необходимых врачебных действий и воздействий на больного. Также существует определенный стандарт по назначению лечения при конкретном диагнозе. Возможно, при выраженности деперсонализации общение врача с пациентом сводится только к формальному выполнению этих процедур. Можно предположить, что врач действует скорее по прописанному «шаблону» и в меньшей степени уделяет внимание живому, эмоциональному общению с пациентом, что отражается на лексике его описаний. Врачи, благополучные с точки зрения проявления деперсонализации, вероятно, в профессиональном общении видят возможность расширения собственных знаний, получения новой информации, а более тесное взаимодействие с пациентами помогает им добиваться лучших результатов в лечении.

Интересно, что «обратный» ход анализа, в котором были выделены группы врачей по разной частоте использования ссылочных и антропоморфных описаний, подтвердил связь этой особенности «семантизации» объектов в труде с выраженностью симптома деперсонализации (таблица 4).

Важно отметить, что показатели деперсонализации в разных группах значимо различаются, но при этом находятся не в крайне выраженных, а в средних показателях степени выраженности симптома. Также полученные показатели свидетельствуют о том, что при повышении количества ссылочных описаний наблюдается тенденция к снижению антропоморфных, и наоборот. Таким образом, при использовании психосемантических методов для диагностики симптомов выгорания стоит обращать внимание на повышение ссылочных описаний и на снижение антропоморфных как в отдельности, так и в связке друг с другом. Наблюдение подобных тенденций может являться дополнительным показателем при выявлении

Таблица 4

Значимые различия по группам врачей с разной частотой использования ссылочных и антропоморфных описаний

Тип описаний	Частота использования ссылочных описаний			Частота использования антропоморфных описаний		
	Высокая (17 чел.)	Низкая (9 чел.)	Уровень значимости	Высокая (10 чел.)	Низкая (14 чел.)	Уровень значимости
Деперсонализация	10	6	0,009	6	10	0,005
Ссылочные	–	–	–	5	7	0,02
Антропоморфные	3	5	0,027	–	–	–

у врачей групп риска развития профессионального выгорания, так как результаты корреляционного анализа позволяют утверждать наличие связи между выраженностью симптома деперсонализации с эмоциональным истощением ($p \leq 0,01$).

Выводы

Описание значимых объектов в деятельности врачей с разной степенью профессионального выгорания имеет свою специфику. У специалистов с высокой выраженностью деперсонализации наблюдается преобладание ссылочных описаний; у врачей с низкой выраженностью деперсонализации – антропоморфных и эмоциональных описаний. Это может быть связано с частичным выводом «индивидуальности» пациентов за рамки своей деятельности и сосредоточением внимания в основном на фактологических, ссылочных по содержанию данных истории болезни у врачей с развивающимся синдромом выгорания.

Значимых различий в описаниях у наших респондентов с высокой и низкой удовлетворенностью трудом не было обнаружено. Однако на уровне тенденции было выявлено преобладание ссылочных описаний у не удовлетворенных своим трудом врачей.

У респондентов с высокой и низкой частотой употребления ссылочных и антропоморфных описаний были выявлены значимые различия в уровне выраженности деперсонализации. При этом показатели по данному симптому находились в среднем диапазоне выраженности, что позволяет относить их к группе риска развития профессионального неблагополучия.

Выделенные нами психосемантические особенности описания значимых объектов в труде медицинских работников могут служить дополнительным инструментом для выявления врачей, относящихся к группе риска проявления симптомов профессионального выгорания и потому нуждающихся в психологической помощи до того момента, когда это можно диагностировать при помощи верифицированных опросников.

Литература

- Абдуллаева М. М.* Семантические характеристики текста и особенности профессионального труда // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2005. № 4. С. 25–36.
- Артёмьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

- Артемяева Е. Ю., Вяткин Ю. Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 127–133.
- Власова М. В. Реформа здравоохранения в России: микроинституциональный аспект: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Саратов, 2004.
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. СПб., 2005.
- Крис А. Свободные ассоциации. Метод и процесс. М., 2007.
- Носкова О. Г. Психология труда. М., 2004.
- Сазонов В. Я. Профессиональное выгорание у врачей-онкологов, особенности его формирования и психопрофилактика: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2012.
- Серкин В. П. Психосемантика: учебник. М., 2016.
- Сосильникова Е. А. Особенности синдрома эмоционального выгорания детских врачей-стоматологов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Удовлетворенность трудом (в разработке В. А. Розановой) // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб., 2003. С. 181–184.
- Чуднов В. П. Организация первичной медико-санитарной помощи на муниципальном уровне в современных условиях: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2005.
- Ясько Б. А. Организационная психология здравоохранения: персонал, лидерство, культура: монография. Краснодар, 2013.

Psychosemantic features of the labour objects of physicians with varying degrees of professional burnout

М. М. Abdullaeva, O. S. Konovalova ** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, associated professor of Department of Labor psychology and engineering psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow state University

** Student of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow state University

This article is devoted to the study of psycho-semantic features of the labour objects of physicians as indicators of the development of professional burnout symptoms. The study involved 60 employees of medical clinic. The data obtained allow us to assert that the semantics of the labour objects correlates with the different degrees of depersonalization as symptom of professional burnout of physicians and can be used as a diagnostic means of “undesirable” development of specialists.

Keywords: psychosemantics, the objects of labour, physicians, depersonalization, burnout, medical clinic.

Ценностно-смысловые ориентации у социальных воспитателей¹

*А. А. Алдашева**, *М. Е. Зеленова***, *Е. А. Понамарева****,
*О. В. Рунец***** (Москва)

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: aigultama@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: mzelenova@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, психолог Центра «Детство»;
e-mail: psychoan@list.ru*

***** аспирантка Института психологии РАН; e-mail: orunez@gmail.com*

Эмпирическое исследование проведено в контексте проблемы изучения психологических переменных, способствующих благополучию и устойчивости профессиональных приемных семей. Проведен анализ иерархии мотивационно-смысловых установок представителей новой социономической профессии «социальный воспитатель». Показано, что обычные родители ориентированы на традиционные общечеловеческие ценности («любовь», «счастливую семейную жизнь», «здоровье»), ценности принятия других людей, толерантность и альтруизм, а структура ценностных ориентаций социальных воспитателей имеет сбалансированный характер. Описаны противоречия, выявленные в ценностно-смысловом пространстве социальных воспитателей, требующие внимания со стороны специалистов в процессе отбора и сопровождения приемных семей. В исследовании приняли участие семейные пары, работающие социальными воспитателями. Иерархия ценностей выявлялась с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Ключевые слова: профессиональная приемная семья, социальные воспитатели, дети-сироты, иерархия ценностных ориентаций, терминальные и инструментальные ценности.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10508а.

Введение

В настоящее время внимание общества и государства в значительной степени направлено на решение проблем сиротства и формирование профессиональных приемных семей. Профессиональная приемная (замещающая) семья (организованное и дифференциальное целое) представляет собой открытую систему, готовую к приему на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. К основным функциями приемной семьи относятся: 1) нравственное и физическое воспитание, формирование ценностно-смысловой направленности личности приемного ребенка; 2) коррекция негативных последствий пребывания ребенка-сироты в интернатном учреждении либо кровной семье, находящейся в трудной жизненной ситуации; 3) вторичная социализация приемных детей.

Функции приемной семьи осуществляются на возмездной основе, что предполагает профессиональную вовлеченность замещающих родителей в процесс воспитания детей. Оказание данной социальной услуги получило в законопроекте ГД РФ наименование «социальный воспитатель». Цели, задачи, функции социального воспитателя позволяют отнести данный вид деятельности к помогающим профессиям социономического типа.

Известно, что длительное пребывание ребенка в государственных учреждениях приводит к трудностям его социальной адаптации, нарушениям в эмоционально-волевой сфере, отсутствию жизненной перспективы. В общественном сознании постепенно закрепляется представление о том, что продуктивное развитие ребенка-сироты и его интеграция в более широкий социум определяется значимым взрослым (воспитателем).

Одной из главных задач социальных воспитателей является нравственное и физическое развитие ребенка-сироты, формирование его мотивационной сферы, потребностей и жизненных целей, т. е. становление личности ребенка. Решение этой задачи не существуют вне субъект-субъектных отношений. В контексте рассмотрения субъект-субъектных отношений Б. Ф. Ломов отмечал важность правильной организации воспитательной работы, ее направленности на формирование свойств личности (Ломов, 1999). Выполнение этой задачи раскрывает перед человеком разные стороны общественных отношений, помогает создать упорядоченную и осмысленную картину мира (К. А. Альбуханова, А. В. Брушлинский, Б. С. Братусь, Е. А. Климов, Н. Ф. Наумова и др.), основа которой транслируется от поколения к поколению.

Показано, что ценностные ориентации являются одним из факторов социально-психологического благополучия детей и подрост-

ков (Дробышева, Войтенко, 2015), между тем дети-сироты, пережившие семейную депривацию и воспитывающиеся в детских домах, как правило, не имеют опыта усвоения межпоколенческих семейных ценностей (Сапоровская, 2017).

Статистика показывает, что, несмотря на тщательный отбор претендентов, желающих создать замещающую семью, наблюдается рост возвратов детей в попечительские учреждения. Данное тревожное обстоятельство усиливает актуальность практико-ориентированных научных исследований, направленных на выявление социально-психологических переменных, которые способствуют развитию института замещающих семей. Среди факторов, влияющих на эффективность приемной семьи, согласно исследованиям, выделяют социально-демографические характеристики ее членов, особенности детско-родительских отношений, внутрисемейного взаимодействия и взаимоотношений замещающих родителей с социальным окружением и государственными инстанциями (Алдашева, Зеленова, 2015; 2016; Махнач, Прихожан, Толстых, 2013; Швецова, 2013; и др.).

Особую роль играют индивидуально-психологические характеристики замещающих родителей. Анализ литературы показывает, что успешность последних определяется не только отсутствием у замещающих родителей недопустимых или нежелательных качеств, но и наличием личностных свойств, способствующих созданию атмосферы, благоприятной для психического и физического развития взятых на воспитание детей. Установлено, что профессионально важные качества приемного родителя раскрываются через осмысленное отношение к приемному ребенку как субъекту их воздействия, которое проявляется в форме этически обусловленных интенций, отражающих ценностно-смысловую направленность личности. При этом эффективные приемные родители не только ориентированы на проблемы, связанные с воспитанием детей, они, как правило, альтруистичны и социально активны в отличие от малоэффективных приемных родителей, которые зачастую сфокусированы на своих внутренних проблемах и переживаниях (Алдашева, Зеленова, Рунец, 2017; Куфтяк, 2017; Николаева, Япарова, 2007).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью нашего исследования является выявление предикторов успешности функционирования и устойчивого развития профессиональной семьи как открытой системы, что позволит решить актуальные практические задачи, связанные с формированием эффективных приемных семей.

Для достижения поставленной цели проведено эмпирическое исследование структуры ценностно-смысловых ориентаций замещающих родителей, рассматриваемых нами как внутренняя детерминация поведения (Дробышева, 2012).

Выборка исследования

В исследовании приняли участие следующие группы респондентов: 1) семейные пары, являющиеся социальными воспитателями (СВ): $n=96$ человек; $M=46\pm 7$ года; опыт приемного родительства – $3,92\pm 5$ лет; количество приемных детей в семье – 4 ± 32 ; количество кровных детей в семье – $2,23\pm 1,55$; 2) обычные родители (ОР): $n=32$ человека; $M=36,27\pm 8,04$; количество детей в семье – $1,83\pm 0,37$. Исследование проходило на базе ГБУ «Детство», г. Москвы.

Методики исследования

Проводилось собеседование и психологическое тестирование. Иерархия ценностей определялась с помощью опросника «Ценностные ориентации» М. Рокича. Статистическая обработка осуществлялась на основе программ SPSS 17, уровень достоверности – $p\leq 0,05$.

Результаты исследования

Результаты ранжирования ценностей по тесту М. Рокича социальными воспитателями и обычными родителями представлены в таблице 1.

Как следует из таблицы 1, наибольшее значение для социальных воспитателей имеют следующие терминальные ценности (ранги с 1-го по 6-й): «любовь», «счастливая семейная жизнь», «здоровье», «жизненная мудрость», «активная деятельная жизнь», «уверенность в себе». Шесть нижних позиций в списке терминальных ценностей (ранги с 18-го по 13-й) занимают: «развлечения», «красота природы и искусства», «творчество», «общественное признание», «свобода», «счастье других». Наиболее важными инструментальными ценностями СВ считают: «ответственность», «честность», «жизнерадостность», «образованность», «чуткость», «воспитанность». Среди наименее значимых ценностей в списке СВ – «непримиримость к недостаткам других», «высокие запросы», «смелость в отстаивании своего мнения», «твердая воля», «независимость», «эффективность в делах».

Анализ ценностей-средств, помещенных социальными воспитателями в нижнюю часть иерархии, показывает, что они в опре-

Таблица 1

**Иерархия терминальных и инструментальных ценностей
социальных воспитателей и обычных родителей**

Терминальные ценности	Ранг		Инструментальные ценности	Ранг	
	СВ	ОР		СВ	ОР
Любовь	1	2	Ответственность	1	2
Счастливая семейная жизнь	2	1	Честность	2	1
Здоровье	3	3	Жизнерадостность	3	3
Жизненная мудрость	4	11	Образованность	4	12
Активная деятельная жизнь	5	6	Чуткость	5	5
Уверенность в себе	6	7	Воспитанность	6	4
Наличие хороших и верных друзей	7	8	Рационализм	7	6
Интересная работа	8	5	Терпимость	8	7
Продуктивная жизнь	9	10	Самоконтроль	9	8
Развитие	10	9	Аккуратность	10	15
Познание	11	13	Исполнительность	11	9
Материально обеспеченная жизнь	12	4	Широта взглядов	12	13
Счастье других	13	15	Эффективность в делах	13	11
Свобода	14	12	Независимость	14	16
Общественное призвание	15	14	Твердая воля	15	14
Творчество	16	16	Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	16	10
Красота природы и искусства	17	17	Высокие запросы	17	18
Развлечения	18	18	Непримиримость к недостаткам	18	17

Примечания: СВ – социальные воспитатели; ОР – обычные родители.

деленной степени вступают в противоречие как с ведущими ценностями-идеалами, так и с педагогическими задачами воспитания приемных детей в большой семье, где вместе растут приемные и кровные дети. Такие ценности-средства, как «твердая воля» (умение настоять на своем, не отступить перед трудностями), «эффективность в делах» (трудолюбие, продуктивность в работе), «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов», которые в иерархии СВ занимают нижние ранги, не могут быть не востребованы в процессе воспитания и социализации детей-сирот, имеющих много-

численные психологические и соматические проблемы. Помимо «честности», «ответственности», «жизнерадостности» и т. д., отмеченных СВ в качестве ведущих ценностей-средств, замещающим родителям потребуются навыки саморегуляции, «твердая воля», «самоконтроль», «умение принимать обдуманное, рациональное решение». Данные, представленные в таблице 1 показывают также, что на уровне убеждений СВ довольно низко ставят «свободу» (самоостоятельность, независимость в суждениях и поступках). Ранее в ходе исследования особенностей стиля саморегуляции мы установили, что такой регуляторный компонент, как «самоостоятельность», у профессиональных замещающих родителей развит более слабо по сравнению с обычными родителями, а также фельдшерами СМП, являющимися представителями другого вида социомической профессии помогающего типа (Алдашева, Зеленова, Рунец, Сапожникова, Хакимзанова, 2016). Возможно, слабая ориентация СВ на ценность самостоятельности является следствием постоянного контроля жизни приемной семьи со стороны государства и общества.

Сопоставление у СВ иерархий ценностей в зависимости от их принадлежности к определенной группе: ценности абстрактные/конкретные, альтруистические/индивидуалистические, самоутверждения/принятия других, общения/дела и т. д. – обнаружило следующее. Выявлено, что социальные воспитатели в равной степени ориентированы на конкретные и абстрактные ценности, что является свидетельством реалистичности и сбалансированности их смысловых установок. Сравнение альтруистических и индивидуалистических ценностей показало, что СВ в большей степени ориентированы на альтруистические ценности. Сопоставление ценностей самоутверждения и ценностей принятия других людей выявило, что более важными для СВ выступают честность, чуткость, терпимость, относящиеся к значимым общечеловеческим гуманистическим ценностям. Различия между такими группами, как ценности личной жизни и ценности самореализации в профессии, ценности общения и ценности дела, не значимы, хотя ценности общения и ценности личной жизни занимают в иерархии ценностей СВ более высокие позиции.

Учитывая принадлежность профессии «социальный воспитатель» к помогающей профессии социомического типа и условия ее реализации, где цели и задачи семейной, личной и профессиональной жизни тесно переплетены, следует позитивно оценить полученные взаимосвязи и иерархию ценностей для успешности деятельности СВ. Не обнаружено достоверных различий в иерархии терминаль-

ных и инструментальных ценностей в зависимости от гендерной принадлежности социальных воспитателей.

Дальнейший анализ предполагал выявление уровня взаимосвязи между ценностными ориентациями СВ и ОР. Было установлено, что для группы терминальных ценностей коэффициент корреляции между оценками СВ и ОР составляет $\tau=0,85$ ($p<0,01$); для группы инструментальных ценностей – $\tau=0,84$ ($p<0,01$). В целом можно говорить о сходстве ценностных ориентаций у СВ и ОР.

Результаты сравнения объединенных на основе определенных критериев групп ценностей у СВ и ОР представлены в таблице 2.

Таблица 2

Согласованность в оценках разных групп ценностей у социальных воспитателей и обычных родителей (τ Кендалла)

Показатели	Группы ценностей									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Наличие связи в оценках СВ и ОР	да	да	да	да	нет	нет	да	да	нет	да

Примечание: 1 – ценности профессиональной самореализации; 2 – ценности личной жизни; 3 – этические ценности; 4 – ценности общения; 5 – ценности дела; 6 – индивидуалистические ценности; 7 – конформистские ценности; 8 – альтруистические ценности; 9 – ценности самоутверждения; 10 – ценности принятия других.

Как следует из таблицы 2, в большинстве случаев ценностные ориентации социальных воспитателей и обычных родителей тесно взаимосвязаны. Установки СВ и ОР значительно различаются в отношении к таким группам, как «ценности дела» ($\tau=-0,05$; $p<0,88$), «индивидуалистические ценности» ($\tau=0,3$; $p<0,62$), «ценности самоутверждения» ($\tau=0,54$; $p<0,21$). Содержательно это означает, что СВ по сравнению с ОР в меньшей степени ценят независимость, рационализм, волю, способность настаивать на своем и не отступать перед трудностями («индивидуалистические ценности»). Они в меньшей степени нацелены на самоутверждение в жизни: высокие достижения, расширение кругозора, культурное и интеллектуальное развитие, решительность в поступках. Для них менее значимы «ценности дела», т. е. аккуратность, исполнительность, трудолюбие, умение принимать обдуманное и рациональные решения, продуктивность в работе. Проверка согласованности оценок в отношении наиболее значимых и наименее значимых ценностей показала, что если

для терминальных ценностей достоверных различий не выявлено, то в оценках наиболее значимых и наименее значимых инструментальных ценностей позиции СВ и ОР не совпадают. Если среди ведущих ценностей-целей у социальных воспитателей и обычных родителей представлены наиболее распространенные ценности, традиционно передающиеся от поколения к поколению, то в своих представлениях о способах их достижения СВ и ОР значимо расходятся.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило получить структуру ценностно-смысловых ориентаций, характерных для представителей новой помогающей профессии социономического типа – социальный воспитатель. Анализ иерархии ценностей социальных воспитателей показал, что они ориентированы на традиционные общечеловеческие ценности – «любовь», «здоровье», «счастливая семейная жизнь». Они высоко ценят ответственность, честность, жизнерадостность, толерантность и ценность принятия других людей. Однако рассмотрение результатов иерархии терминальных и инструментальных ценностей у социальных воспитателей и сопоставление их с данными обычных родителей позволило выделить «тревожные зоны», учет которых мог бы способствовать большей упорядоченности жизни приемных семей и предотвращению ряда проблемных ситуаций. К ним можно отнести недостаточную направленность социальных воспитателей на некоторые ценности-средства – требовательность и деловитость как компоненты лидерства, что может снижать эффективность воспитательного воздействия, «эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность)», «независимость (способность действовать самостоятельно)», «твердая воля (умение не отступать перед трудностями)», «самоконтроль» (сдержанность, самодисциплина).

Литература

- Алдашева А. А., Зеленова М. Е.* Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда // *Семья, брак и родительство в современной России*. Вып. 2 / Под ред. А. В. Махнач, К. Б. Зуева. М., 2015. С. 17–25.
- Алдашева А. А., Зеленова М. Е.* К проблеме построения профессиональной программы специалиста «замещающий родитель» // *Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психологические науки»*. 2016. № 1. С. 99–114.

- Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Рунец О. В., Сапожникова Т. Н., Хакимзанова Е. А. О необходимости оценки стиля саморегуляции при отборе профессиональных приемных родителей // Психология развития человека как субъекта труда. Развитие творческого наследия Е. А. Климова. Материалы Международной научно-практической конференции 12–15 октября 2016 г. / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. Б. Леоновой, О. Г. Носковой. М., 2016. С. 622–629.
- Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Рунец О. В. Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости у замещающих родителей // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 75–92. doi:10.17759/sps.2017080105.
- Дробышева Т. В. Развитие идеи Б. Ф. Ломова о системной детерминации психики в социально-психологическом исследовании // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М., 2012. С. 26–35.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю. Социально-психологическое благополучие детей в условиях мегаполиса: методологические основы исследования // Известия Саратовского университета. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2015. Т. 4. Вып. 1 (13). URL: http://akmepsy.sgu.ru/sites/akmepsy.sgu.ru/files/5._drobysheva.pdf (дата обращения: 22.04.2017).
- Куфтяк Е. В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. N 6 (14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.04.2017 г.).
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М., 2013.
- Николаева Е. И., Япарова О. Г. Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии. 2007. №. 6. С. 37–43.
- Сапоровская М. В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2008. № 2 (2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.04.2017).
- Швецова М. Н. Социально-психологическое сопровождение замещающей семьи. М., 2013.

Value-semantic orientation among social educators

*A. A. Aldasheva**, *M. E. Zelenova***, *E. A. Ponamareva****,
*O. V. Runets***** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, research officer,
Institute of Psychology of RAS

*** Candidate of psychological Sciences, Leader of the selection group
of foster parents in the Pilot Project, the GBU "Detstvo"

**** Postgraduate, Institute of Psychology of RAS

The empirical study has been conducted in the context of studying psychological variables that contribute to the well-being and sustainability of professional foster families. The study has presented an analysis of the hierarchy of the motivational and semantic attitudes among the representatives of the new socio-economic profession 'social educator'. It has been shown that professional adoptive parents tend towards traditionally universal values ("love", "happy family life", "health"), the values of acceptance of other people, tolerance and altruism, whereas the value orientations among social educators has a balanced structure. Contradictions have been revealed in the value-semantic space of social educators that require experts' attention in the process of selection and support of foster families. Couples who work as social educators have participated in this study. The hierarchy of values has been identified with the help of M. Rokeach's methods 'Value Orientations.'

Keywords: foster child, foster family, social educators, value orientations.

Феноменология общения и отчуждение от работы

Л. В. Винокуров, А. А. Кожина (Санкт-Петербург)

** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности, Институт психологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: leon_1205@mail.ru*

*** аспирант кафедры психологии профессиональной деятельности, Институт психологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: nastasiia.kozhina@gmail.com*

Обосновывается возможность исследования отчуждения от работы на основе подхода Б. Ф. Ломова к анализу категории и процессов общения. Как субъективно переживаемое состояние отчуждение от работы может быть исследовано через описание процессов общения субъектов труда. Подход Ломова предоставляет методологическое преимущество в исследовании отчуждения от работы благодаря объективизации состояния отчуждения в ходе изучения генеза процессов общения на работе, в труде. Предлагается понимание конструкта отчуждения от работы как субъективно переживаемого состояния, связанного с нарушениями межличностных коммуникаций и возникающего в результате неудовлетворения значимых потребностей на рабочем месте.

Ключевые слова: общение, субъект труда, переживаемое состояние, отчуждение от работы.

Введение

Социальное ускорение как глобальная тенденция, характерная для многих сфер жизни современного общества, проявляется и в сфере общения (Rosa, 2005). Подобно тому как ускоренное движение технического прогресса (например, от телеграфа к телефону и, наконец, к интернету) ведет порой к неожиданным изменениям в восприятии жизненного пространства, так и в социальном взаимо-

действии в процессах труда человек не всегда может точно оценить, что ожидает его в будущем и как может измениться его жизнь. Выделение данной тенденции оказывается весьма важным для понимания некоторых актуальных проблем современной психологии труда. Так, на фоне изменения темпов работы и сокращения затрат предприятий возникают новые гибкие и дистанционные рабочие места, в частности, работа на дому (home office), телеработа (telework) или система незакрепленных рабочих мест (desk-sharing). Информационные технологии позволяют приобщать людей к работе без их обязательного присутствия на рабочем месте, а гибкий график работы способствует подкреплению ожиданий о возможности делать свою работу за пределами традиционно ограниченного рабочего времени. Между тем массовое использование интернета и электронной почты ведут нередко и к негативным последствиям – социальной изоляции, клинической депрессии и отчуждению (Rosa, 2005, 2013). В связи с этими тенденциями возникают и некоторые проблемы общения на рабочем месте.

Б. Ф. Ломов определял общение как «специфическую форму взаимодействия человека с другими людьми», в процессе которого происходит «взаимный обмен деятельностью, их способами и результатами, представлениями, идеями, установками, интересами, чувствами и т. д.» (Ломов, 2008 с. 248). При этом он анализировал общение как относительно самостоятельную базовую психологическую категорию, отмечая, что общение детерминирует все психические процессы. Особое внимание уделялось Ломовым роли общения в понимании целеобразования и мотивации, поскольку даже сравнительно кратковременное общение с тем или иным человеком (или группой людей) оказывает на психическое развитие индивида (например, на мотивацию) гораздо большее влияние, чем длительное выполнение им некоторой предметной деятельности (Ломов, 2008, с. 256). Таким образом, изменения в сфере общения применительно к контексту трудовой, профессиональной деятельности могут оказывать влияние на наиболее значимые психологические переменные субъекта труда – на удовлетворенность работой, трудовую мотивацию и др., определяющие степень влияния человеческого фактора на производительность труда.

В психологической литературе широко представлены вопросы, связанные с неклиническими нарушениями общения на рабочем месте, например, социальной изоляцией, остракизмом, депрессией, низкой удовлетворенностью трудом (Mann, Varey, Button, 2000; Cooper, Kurland, 2002). В то же время ряд проблем, в частности отчуждение от работы, остаются до сих пор малоизученными в пси-

хологии труда (Chiaburu, Thundiya, Wang, 2014). При этом в методологических и теоретических представлениях об этом конструкте среди исследователей также нет единства. Мы полагаем, что одним из перспективных направлений теоретико-психологической разработки данного конструкта является его рассмотрение с использованием разработанного Ломовым концептуального подхода к исследованию проблемы общения. Цель данной статьи заключается в тезисной аналитической иллюстрации правомерности данного утверждения.

Элементы подхода к отчуждению в контексте идей Б. Ф. Ломова о феномене общения

1. Мы полагаем, что исследование отчуждения от работы имеет широкую перспективу теоретического и эмпирического обоснования, содержательного описания, прежде всего, в свете подхода Б. Ф. Ломова к анализу категории и процесса общения. Ломов определял общение как форму субъектно-субъектных отношений. Он считал, что потребность в общении влияет на все другие потребности, и почти в каждой потребности содержится коммуникативный компонент (Ломов, 2008). Намечается возможность изучения совокупности потребностей субъекта как системы, отчасти структурно детерминированной различными коммуникативными составляющими. Заметим, что отчуждение от работы рассматривается большинством авторов как субъективно переживаемое состояние. Следовательно, теоретически оно может быть наиболее полно исследовано посредством психологического анализа и описания именно в контексте общения, в определенном смысле – как антипода общения. Б. Ф. Ломов утверждал, что субъективный мир человека раскрывается через описание процессов его общения, ибо «в том, кто с кем, по какому поводу и как общается, обнаруживаются мотивы и цели людей, их интересы и склонности, образ мышления, эмоциональная сфера, их характеры, т. е. психологический склад личностей в целом» (Ломов, 2008, с. 260).
2. В методическом плане большинство исследований отчуждения от работы проводилось с помощью опросного метода, который обладает рядом ограничений, заданных субъективным представлением об изучаемом конструкте. В процессе общения происходит «обмен представлениями, идеями, образами и т. д., то есть общение выступает в роли своего рода «обмена» идеальными отражениями» (Ломов, 2008, с. 263). Феномен отчуждения

от работы может быть использован как модель для прикладного экспериментального исследования некоторых механизмов и отрицательных (возможно, и положительных) следствий такого обмена через объективизацию состояния отчуждения непосредственно в ходе изучения генеза процессов профессионального общения, ведь общение – это «объективный материальный процесс» (там же).

3. Выделенные Б. Ф. Ломовым уровни анализа общения могут быть рассмотрены при формулировании и проверке гипотезы о роли общения в становлении отчуждения от работы.

Так, на *макроуровне* общение анализируется как наиболее важная сторона образа жизни; при этом изучается развитие общения в интервалах времени, сопоставимых с длительностью жизни человека; определяются трудовые коллективы, в которые он был включен, и тот круг лиц, с которыми он непосредственно и опосредствованно общался. Это позволяет понять, например, являются ли влияние общения, а также потребность в общении специфичными для конкретного места и условий работы или распространяются на всю профессиональную деятельность и жизнь человека в целом. Анализ на макроуровне позволяет гипотетически рассматривать отчуждение от работы и как черту, и как состояние, а также продуктивно обсуждать вопрос о соотношении явлений отчуждения личности и отчуждения от работы.

Анализ общения на *мезоуровне* предполагает исследование отдельных социальных контактов в процессе решения совместных задач. В связи с проблемой отчуждения от работы важным является изучение отдельных контактов в процессах совместной деятельности всех субъектов труда. На данном уровне изучаются периоды и содержание общения, например, периоды общения и их длительность с коллегами, начальством, клиентами и т. д. Особенно значимым представляется изучение содержания общения (обмен мнениями, планирование совместной деятельности, общение с целью эмоциональной разрядки и др.). Анализ на мезоуровне позволяет выдвигать предположения об условиях формирования отчуждения от работы. Именно этот уровень анализа, по мнению Ломова, важен для изучения динамики психических процессов и состояний человека.

На *микроуровне* анализа общения возможно «изучение отдельных сопряженных актов общения, выступающих в роли своеобразных элементарных его единиц» (Ломов, 2008, с. 273). Здесь могут исследоваться речевые диалоги с помощью трех циклов: сообщение – отношение к нему; вопрос–ответ; побуждение к действию – его выполнение. Кроме того, изучаются сопряженные эмоциональные

реакции через взаимосвязанные мимические и пантомимические движения. Таким образом, именно на микроуровне возникает прямая возможность непосредственного исследования проявлений отчуждения от работы, его эмоционально-волевых и поведенческих компонентов.

Заключение

Идеи Б. Ф. Ломова о феноменологии общения, его «сквозном» характере остаются актуальными и в современной психологии труда. Обращение к категории и процессу общения способно внести содержательную ясность в изучение конструкта отчуждения от работы, выработать продуктивное рабочее определение последнего. С использованием теоретической базы, заложенной Б. Ф. Ломовым в исследованиях общения, важно отметить, что такое определение должно отражать целый ряд аспектов, в частности, связанных с необходимостью учета двусторонней зависимости между отчуждением и общением. Ведь даже элементарный опыт восприятия отчуждения от работы может повлиять на частоту и содержание актуального общения, следствием чего порой оказывается социальная изоляция субъекта и т.д. Кроме того, в самом процессе общения отчуждение от работы может проявлять себя не только как кратковременная эмоционально-личностная реакция субъекта, но в некоторых случаях – как переживаемое субъектом труда психическое состояние. В целом же, опираясь на предложенный Б. Ф. Ломовым подход, конструкт отчуждения от работы следует предварительно определить, как субъективно переживаемое человеком состояние, связанное с разрушением межличностных коммуникаций, выражающееся в возникающих у субъекта труда чувствах беспомощности, бессмысленности, самоотчуждения, социальной изоляции и проявляющееся в нарушении и ошибках взаимодействия в результате неудовлетворения значимых потребностей на рабочем месте.

Литература

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Chiaburu D. S., Thundiyil T., Wang J. Alienation and its correlates: A meta-analysis // *European Management Journal*. 2014. № 32. P. 24–36.
- Cooper C. D., Kurland N. B. Telecommuting, professional isolation and employee development in public and private organizations // *Journal of Organizational Behavior*. 2002. № 23 (4). P. 511–532.

Mann S., Varey R., Button W. An exploration of the emotional impact of teleworking via computer-mediated communication // *Journal of Managerial Psychology*. 2000. № 15 (7). P. 668–690.

Rosa H. Beschleunigung: Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005.

Rosa H. Beschleunigung und Entfremdung: Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2013.

Phenomenology of communication and work alienation

L. V. Vinokurov, A. A. Kozhina** (St Petersburg)*

* Candidate of psychological Sciences, associate Professor of Department of Psychology of professional activities, Institute of Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia

** Postgraduate student of the Department of Psychology of professional activity, Institute of Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia

The possibility of studying work alienation on the basis of the definition used by B. F. Lomov for analysis of the category and processes of communication is argued. As a subjectively experienced state, work alienation can be studied through a description of the processes of communication between subjects of labor. Lomov's approach provides a methodological advantage in examining alienations from work provided by objectifying alienation states in the study of the genesis process of professional communication at work. An understanding of the construct of work alienation as a subjectively experienced state associated with violations of interpersonal communications and resulting from the dissatisfaction of significant needs in the workplace is offered.

Keywords: communication, subject of labor, experienced state, work alienation.

Мотивационный профиль курсантов-психологов вуза МВД России как предиктор эффективности деятельности

Л. Е. Дерягина, А. А. Булимова (Москва)

** доктор медицинских наук, профессор, кафедра психологии,
Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя;
e-mail: lderyagina@mail.ru*

*** психолог, 1 СП ДПС ГИБДД на спецтрассе ГУ МВД России по г. Москве;
e-mail: soninme@yandex.ru*

В работе представлены результаты исследования мотивационной сферы курсантов. По данным опросника В. К. Гербачевского выявлены 4 группы мотивов, определяющих деятельность. Определены доминирующие мотивы и мотивы с минимальным уровнем выраженности. В целом структура мотивационной системы курсантов создает предпосылки для активного типа поведения и эффективной деятельности. В то же время обнаруженные недостаточно сформированные мотивы оценки полученных результатов и сложности задания показывают направления педагогической и психологической коррекционной работы с курсантами.

Ключевые слова: мотивация, курсанты, деятельность, достижение успеха, избегание неудач.

Введение

В настоящее время в психологической науке уже сформированы базовые понятия, характеризующие мотивационную структуру личности, которую рассматривают как систему психологических факторов и побудителей, детерминирующих поведение человека (Вилюнас, 2003; Тихомиров, Богданова, 1983). Большое значение приобретает исследование мотивации, проявляющейся в разных сферах деятельности и влияющей на характер труда человека (Лукина, 2004; Хекхаузен, 2003). Описаны диаметрально противоположные стра-

тегии поведения, обусловленные мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач (Дерягина, Шерстенникова, 2015).

Обучение в вузе МВД сопряжено с рядом процессов, определенных профессиональной идентификацией обучающихся, условиями службы и обучения, их мотивационными и ценностными особенностями (Полозова, Михайлова, 2015). После успешной адаптации в образовательном учреждении на первый план выходит самоопределение курсантов в профессии, формирование их направленности на будущую профессиональную деятельность, отличающуюся определенной спецификой.

Организация эмпирического исследования

Целью проведенного исследования было изучение мотивационной сферы курсантов как предпосылки эффективности деятельности.

Выборку исследования составили курсанты 4-го курса факультета подготовки психологов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя в возрасте от 20 до 25 лет (9 юношей и 21 девушка).

В качестве *методик* для определения мотивационной составляющей и уровня притязаний личности выступили опросник В. К. Гербачевского и тест Т. Элерса. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS Statistics V21x86. Нормальность распределения проверяли по тесту Шапиро–Уилка для малых выборок. Поскольку распределение практически всех показателей было далеко от нормального, для сравнения внутригрупповых данных использовались методы непараметрической статистики (парный критерий Вилкоксона). Для описаний показателей в группах в качестве характеристик положения и рассеяния применялись медиана и квартили.

Результаты исследования

В исследовании (по методике В. К. Гербачевского) рассматривалась выраженность основных мотивов: познавательного, мотива избегания, мотива самоуважения, мотива смены деятельности.

Набрав наибольшее количество баллов по 2 (познавательный мотив) и 6 (мотив смены деятельности) компонентам мотивационной системы ($p \leq 0,001$), входящим в 1 группу мотивов, курсанты тем самым продемонстрировали ядро психологических факторов, влияющих на их учебную и служебную деятельность (рисунок 1).

Доминирование познавательного мотива объясняется особенностями актуальных задач, стоящих перед респондентами на дан-

Рис. 1. Ядро мотивационной структуры личности курсантов

ной стадии их подготовки, – получение знаний как базиса развития их профессиональных компетенций – и может оцениваться как фактор, оказывающий позитивное влияние на учебную и служебную деятельность курсантов. Значимость для респондентов мотива смены деятельности, возможно, обусловлена отсутствием у курсантов опыта практической деятельности и устойчивой ориентации на работу в избранной профессиональной сфере.

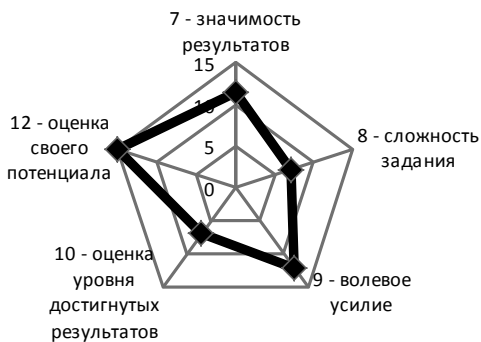

Рис. 2. Мотивы, связанные с достижением достаточно трудных целей

Во второй группе мотивов, связанных с достижением достаточно трудных целей (рисунок 2), выявлена значимость волевого усилия (9), результатов деятельности (7), оценки своего потенциала (12).

Данный факт можно объяснить мотивацией курсантов на получение более высокой оценки своей учебной деятельности.

В третьей группе мотивов, включающих прогнозные оценки деятельности (рисунок 3А), курсантами отмечается готовность к акти-

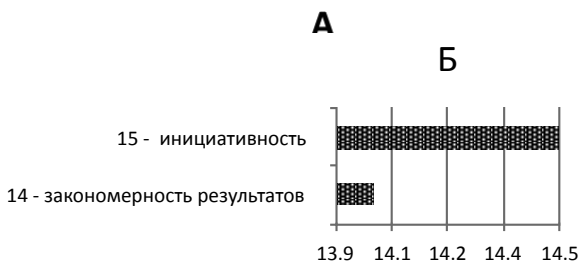

Рис. 3. Мотивы, составляющие прогнозные оценки деятельности (А) и отражающие факторы деятельности (Б)

визации своих возможностей и усилий вкупе с ожидаемым уровнем результатов.

Четвертая группа мотивов, отражающая факторы деятельности (рисунок 3Б), показала значимость результатов и инициативности для курсантов, достаточно высоко оценивающих свои возможности и связывающих результаты со своей непосредственной деятельностью.

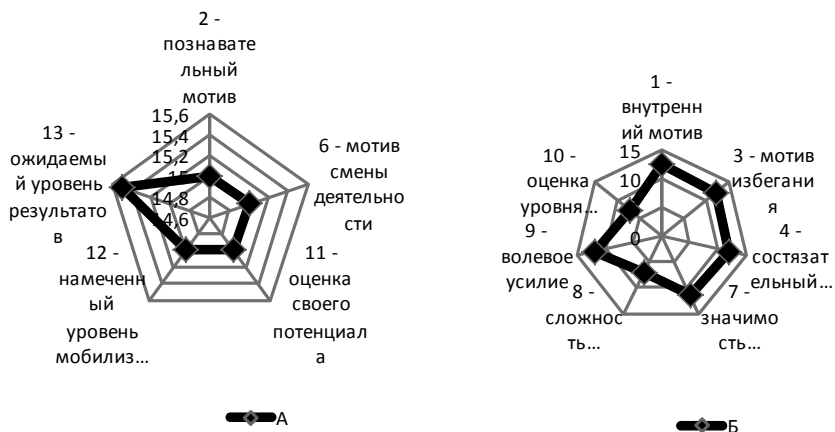

Рис. 4. Соотношение максимально (А) и минимально (Б) выраженных составляющих в мотивационной сфере курсантов

Комплексный анализ мотивационной структуры личности по опроснику Гербачевского позволил выявить в структуре мотивационной сферы курсантов максимально и минимально выраженные мотивы (рисунок 4).

Как видно из рисунков, на первый план у курсантов вышли ожидаемый уровень результатов, познавательный мотив, мотив смены деятельности, значимость оценки своего потенциала и волевого усилия. Подобную структуру можно трактовать как *активную и мобилизующую*. Данную структуру дополняет средний уровень мотива избегания неудач.

Мотивами-аутсайдерами, характеризующимися низким уровнем выраженности, оказались оценка уровня достигнутых результатов и сложность задания. Кроме того, недостаточно сформированы внутренний и связательный мотивы. Полученные результаты раскрывают слабые стороны мотивационной сферы курсантов, которые требуют психологической и педагогической коррекции.

По результатам теста Элерса выявлен дифференцированный уровень мотива достижения успеха. У 14 (47%) курсантов средний уровень мотивации достижения; у 2 (6%) – низкий; у 13 курсантов (43%) уровень мотивации достижения выше среднего, высокий, а у 1 курсанта (3%) слишком высокий уровень мотивации достижения. Таким образом, низкий уровень мотивации достижения успеха наблюдался лишь в 6% случаев, что можно трактовать как позитивный факт.

Заключение

Мотивационная структура личности – это совокупность мотивов, связанных и обусловленных смыслообразующим мотивом деятельности, определяющим общую мотивационную направленность личности. Полученные результаты исследования (наличие у большинства испытуемых мотивации достижения успеха) в целом свидетельствуют о направленности курсантов на успешность деятельности. Однако выявленные «белые пятна» – избегание сложности задания и оценки результатов деятельности – дают основание для проведения тренинговых занятий.

Литература

- Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 2003.
- Дерягина Л. Е., Шерстенникова А. К. Роль доминирующей мотивации в успешности (неуспешности) учебной деятельности и ее взаимосвязь с личностной и ситуативной тревожностью // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2015. № 12 (56). С. 3–14.

- Лукина В. С. Исследование мотивации профессионального развития // Вопросы психологии. 2004. № 5. С. 25–32.
- Полозова Т. Ю., Михайлова С. Ю. Взаимозависимость самооценки и ценностных ориентаций личности на этапе профессионального становления // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 318–320.
- Тихомиров О. К., Богданова Т. Г. Исследование структурирующей функции мотива // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 6. С. 54–61.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.–М., 2003.

Motivational profile of cadets psychologists of higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia as predictor of efficiency of activity

L. E. Deryagina, A. A. Bulimova** (Moscow)*

* Doctor of Medicine, Professor, Department of psychology, Kikot Moscow University of MIA of Russia;

** Psychologist, 1 Specialised regiment of traffic police on spectrace Main Department of the MIA of Russia in Moscow

The article presents the results of research of motivational sphere of cadets. According to the questionnaire, V. K Gerbachevskogo identified 4 groups of motives that define the activity. Identified dominant motifs and motifs with a minimum level of severity. In General, the structure of the motivational system of cadets creates conditions for active behaviors and effective activities. At the same time, discovered underdeveloped motives for the evaluation of the results obtained and the complexity of tasks show the direction of pedagogical and psychological remedial work with students.

Keywords: motivation, cadets, activities, success, avoiding of failure.

Исследование стратегий преодоления стресса у летчиков¹

*М. Е. Зеленова**, *А. А. Лекалов***, *В. С. Лим****, *Е. В. Костенко*****
(Москва)

** кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: mzelevova@mail.ru*

*** заведующий психофизиологической лабораторией, Филиал №1 ФГКУ им. Н. Н. Бурденко МО РФ; e-mail: lekalov.aleksandr2011@yandex.ru*

**** кандидат медицинских наук, начальник Филиала №1 ФГКУ ГВКГ им. Н. Н. Бурденко МО РФ; e-mail: 7cvkag@mail.ru*

***** клинический психолог, Филиал №1 ФГКУ им. Н. Н. Бурденко МО РФ; e-mail: costenko.lena@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме изучения внутренних ресурсов, способствующих сохранению профессионального здоровья специалистов, занятых в опасных видах деятельности. Проверялась гипотеза о взаимосвязи показателей медицинского, психического и личностного статуса военных летчиков с особенностями преодоления стресса. В эмпирическом исследовании применялся комплекс методик, направленных на выявление уровня психической напряженности, социально-демографических, профессиональных и личностных характеристик респондентов. Для диагностики преодолевающего поведения применялась методика С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) (Strategic Approach to Coping Scale, SACS). Установлено, что чем больше выражены такие копинг-стратегии как «ассертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки», тем ниже уровень хронического утомления, выгорания и стресса у обследованных профессионалов. Участники исследования: военные летчики, средний возраст – $33 \pm 8,64$ года, $n=76$ человек.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0159-2017-0010.

Ключевые слова: копинг-стратегии, стресс, хроническое утомление, выгорание, врачебно-летная экспертиза, профессиональное здоровье, личностные характеристики.

Введение

С позиций системного подхода, разработанного Б. Ф. Ломовым, психологическое познание должно базироваться на принципах системности и комплексности при изучении поведения и психики человека. Именно применение системного подхода, по мнению автора, дает возможность более эффективно осуществлять синтез и использовать многоплановые междисциплинарные знания в процессе решения конкретных практических и теоретических проблем (Ломов, 1996).

Вопросы, связанные с сохранением здоровья профессионалов, относятся к числу актуальных задач, традиционно решаемых в междисциплинарном контексте при тесном взаимодействии специалистов естественно-научных и гуманитарных отраслей знаний. В психологических науках изучение факторов, влияющих на здоровье и безопасность профессионалов, занятых в разных сферах трудовой деятельности, исследуется в рамках психологии профессионального здоровья (Никифоров, Шингаев, 2015). Среди первостепенных задач, стоящих перед исследователями, работающими в данной области, выделяется задача создания методической базы для диагностики психологических переменных, способствующих стрессоустойчивости и сохранению профессионального здоровья работающих субъектов. Особую значимость диагностика состояния здоровья имеет в опасных видах труда, к которым относится летная деятельность, характеризующаяся наличием большого числа физических и психических стрессоров и постоянных рисков для здоровья и безопасности членов экипажа. По данным РИА Новости, опубликованным со ссылкой на Международное аналитическое агентство «Безопасность полетов», причинами авиационных аварий, произошедших в 1997–2012 гг., в 68% случаев выступил «человеческий фактор»; отказ техники стал причиной 18% авиакатастроф, в 14% случаев причины точно не установлены. Среди наиболее частых причин аварий эксперты называют не только ошибки экипажа, связанные с нарушением стандартных летных процедур и влиянием сложных метеоусловий, но также усталость и проблемы со здоровьем у летного состава. Как отмечает В. А. Пономаренко, аварийная ситуация в летной деятельности имеет психогенное воздействие и «адресуется к психике человека», при этом характер воздействия во многом определяется особенностями психическо-

го состояния пилота на момент происшествия, а за ошибками типа «нарушение регламента в полете» часто скрываются психофизиологические факторы, влияющие на регуляцию деятельности (Пономаренко, 2006). Поэтому в последние годы в процедуре врачебно-лётной экспертизы все больше внимания уделяется диагностике психологических составляющих профессионального здоровья лётных специалистов. Активно разрабатываются методические комплексы, куда входят психологические тесты, направленные на выявление индивидуально-личностных особенностей, которые могут выступить в качестве внутренних ресурсов, обеспечивающих выносливость и работоспособность лётчиков в экстремальных условиях (Бодров, Зеленова и др., 2012; Разолов, 2017; и др.). Большое внимание уделяется изучению различных аспектов совладающего поведения в трудных повседневных жизненных ситуациях, так как «нерабочие» стрессоры также оказывают негативное влияние на процесс и результативность труда (Белинская, 2009; Бодров, 2006; Зеленова, 2006; Рассказова, Гордеева, 2011; и др.). Однако, несмотря на рост теоретических и эмпирических исследований, направленных на поиск психологических факторов, определяющих стрессоустойчивость индивида, вопрос о внутренних ресурсах, способствующих сохранению профессионального здоровья субъекта труда, по-прежнему останется открытым.

Организация и методический инструментарий исследования

Целью данного исследования явилось изучение связи между особенностями преодоления стресса и уровнем профессионального здоровья специалистов, занятых в опасных видах деятельности.

В качестве *гипотезы* высказано предположение о том, что особенности и конструктивность копинг-стратегий можно рассматривать в качестве значимого внутреннего ресурса, способствующего сохранению профессионального здоровья субъектов труда, работающих в условиях высокого уровня стресса и ответственности.

Исследование проводилось на базе Филиала №1 ФГКУ «ГВКГ им. акад. Н. Н. Бурденко» МО РФ (г. Москва). *Выборку* составили военные лётчики, направленные в госпиталь для прохождения плановой медицинской комиссии: $n=76$ человек; средний возраст – $33\pm 8,64$ года.

Методики исследования

В ходе клиничко-медицинского обследования использовался комплекс методик, позволяющих установить социально-демографи-

ческие, профессиональные и психологические характеристики респондентов.

Для диагностики уровня психического дистресса применялись: (1) «Шкала психологического стресса» (PSM-25) Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона; (2) «Шкала определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» (SRRS) Т.Х. Холмса, Р.Х. Раге; (3) методика «Степень хронического утомления» (СХУ) А.Б. Леоновой, И.В. Шишкиной; (4) методика «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОПС) А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской; (5) «Опросник выявления профессионального выгорания» (MBI) К. Маслач, С. Джексон.

Диагностика структуры и уровня конструктивности копинг-стратегий определялись при помощи методики С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale, SACS). Методика включает следующие шкалы: «Ассертивные действия»; «Вступление в социальный контакт»; «Поиск социальной поддержки»; «Осторожные действия»; «Импульсивные действия»; «Избегание»; «Непрямые действия»; «Асоциальные действия»; «Агрессивные действия». Обработка результатов SACS позволяет получить «общий индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения» (КСПП) и выделить группы с высокой, средней и низкой степенью конструктивности копинг-стратегий.

В ходе обследования применялись также методики, направленные на выявление индивидуально-личностных характеристик респондентов (подробнее см.: Зеленова, Лекалов, Костенко, 2016).

Методы статистической обработки данных включали корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и сравнительный анализ (Т-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни). При анализе учитывался уровень достоверности $p < 0,05$.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены результаты распределения летных специалистов в зависимости от уровня стресса, выгорания и утомления.

Как видно из таблицы 1, в основном летчики имеют низкий уровень стресса по шкале PSM-25 и отдельные признаки хронического утомления по шкале СХУ. Тем не менее около половины обследованных участников в ходе выполнения летных заданий отметили появление симптомов утомления и стресса «умеренной» степени (43,48% и 46,3%, соответственно). Показатели выгорания, согласно тестовым нормам, также имеют в основном низкую и среднюю

Таблица 1

Результаты распределения летных специалистов
в зависимости от уровня стресса, выгорания и утомления

Показатели	Уровень проявления признака		
	низкий	средний	Высокий
Уровень стресса по Шкале PSM-25	95,8%	4,2%	0
	низкий	умеренный	выраженный
Уровень стресса на рабочем месте по ДОРС	53,7%	46,3%	0
	низкий	умеренный	выраженный
Уровень утомления на рабочем месте по ДОРС	56,52%	43,48%	0
	отдельные признаки	начальная степень	выраженная степень
Уровень хронического утомления по методике СХУ	94,2%	2,9%	2,9%
	низкий	средний	высокий
Уровень выгорания по МВІ:			
1. Эмоциональное истощение	78,4%	16,4%	5,2%
2. Деперсонализация/цинизм	54,9%	39,5%	5,6%
3. Редукция личных достижений	35,3%	57,2%	7,5%
Уровень конструктивности копинг-стратегий по SACS	высокий	средний	Низкий

степени, при этом наиболее часто признаки выгорания проявляются по шкале МВІ «Редукция личных достижений».

Анализ стрессонаполненности жизни летчиков показал, что уровень стресса, при котором вероятность развития заболеваний находится в диапазоне от 30% до 50% случаев, отмечен у 43,42% обследованных специалистов; у 15,78% летчиков такая вероятность достигает 80%. Установлено, что в списке событий, отмеченных респондентами при заполнении опросника SRRS, изменения в профессиональной сфере занимают одно из существенных мест и встречаются в 33,62% случаев. При этом такие высоко стрессогенные жизненные события, как «развод» и «усиление конфликтов в семье», имели место в течение года у 5,25% и 7,89% летчиков соответственно; «травмы и заболевания» наблюдались у 14,47% обследованных.

Распределение летчиков в зависимости от величины индекса конструктивности преодолевающего поведения (КСПП SACS) выявило, что высокую степень конструктивности копинг-стратегий имеют 88,24% летных специалистов, среднюю – 8,82%, низкую –

2,94% обследованных. Последующая процедура корреляций показателей стресса, выгорания, утомления с индексом конструктивности КСПП показала, что данная взаимосвязь является обратной: чем выше значения КСПП, тем меньше значения шкал, отражающих уровень психической напряженности. Установлено также, что уровень соматического здоровья, определяемый по медицинским показателям на основе медицинских карт, также ниже у летчиков с более высоким индексом КСПП SACS.

Данные сравнительного анализа подтвердили наличие взаимосвязи между степенью конструктивности копинг-стратегий и выраженностью признаков психической напряженности. При сравнении групп в зависимости от выраженности отдельных копинг-стратегий и общего индекса SACS было установлено, что летчики с высокой степенью КСПП имеют более низкие значения стресса по тесту PSM-25 ($p < 0,001$); у них ниже шкалы СХУ «Нарушение эмоционально-аффективной сферы» ($p < 0,001$) и «Снижение мотивации и нарушения в сфере социального общения» ($p < 0,05$), ниже показатели утомления и монотонии теста ДОРС ($p < 0,05$), а также шкалы МБИ «Деперсонализация» ($p < 0,001$) и «Эмоциональное истощение» ($p < 0,05$).

Результаты сравнительного анализа групп летчиков с разным уровнем конструктивности копинг-стратегий позволили выявить статистически значимые различия в индивидуально-личностных характеристиках летных специалистов. Показано, что более жизнестойкие (согласно тесту С. Мадди), более интернальные (по шкалам УСК Дж. Роттера), позитивно воспринимающие мир и окружающих (согласно опроснику ИБУЛ Янофф-Бульман), имеющие высокую самооценку и уверенные в своем профессионализме (согласно опроснику Харитоновой-Ясько) респонденты имеют и более высокие значения показателя КСПП. Летные специалисты из группы с низким уровнем конструктивности КСПП по результатам сравнительного анализа показали более высокий уровень тревожности, агрессивности, внутренней конфликтности, эмоциональной нестабильности и депрессивности (согласно тесту FPI). В их преобладающем поведении статистически достоверно чаще встречаются копинг-стратегии «асоциальные действия» и «агрессивные действия» ($p < 0,05$).

Заключение

Таким образом, анализ результатов эмпирического исследования показал, что уровень профессионального здоровья летных специалистов, выполняющих полетные задания в условиях воздействия вредных факторов среды, требующих высокой степени сосредото-

ченности и психоэмоциональной устойчивости, предопределяющих постоянный риск для здоровья, успешности и безопасности полета в целом, тесно взаимосвязан с особенностями преодолевающего поведения. Медицинские показатели, уровень стресса, выгорания и утомления, отражающие соматическое и психологическое благополучие профессионалов, выше у летчиков, ориентированных в своем поведении на такие конструктивные копинг-стратегии, как «асертивные действия», «поиск социальной поддержки», «вступление в социальный контакт», позволяющие более эффективно преодолевать стресс. Использование летчиками менее конструктивных копинг-стратегий, таких как «избегание», «асоциальные действия», «агрессивные действия», тесно связано с ростом признаков психосоматического неблагополучия. Тем самым подтверждается, что активные и просоциальные стратегии преодоления стресса позволяют летчикам в большей степени сохранять профессиональное здоровье.

Выявленные в ходе эмпирического исследования взаимозависимости позволяют говорить о целесообразности включения в психодиагностический комплекс для обследования летных специалистов методики С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций». Результаты, полученные с помощью данного опросника, могут быть использованы в качестве дополнительного источника информации в процессе клинико-психологической экспертизы с целью прогнозирования возможных последствий воздействия стресса на профессиональное здоровье и успешность выполнения полетных заданий.

Литература

- Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.04.2017).
- Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006.
- Бодров В. А., Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Сиваш О. Н., Таяновский В. Ю. Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клинико-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4/ Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлёва. М., 2012. С. 381–414.
- Зеленова М. Е. Активность в структуре факторов преодоления негативных последствий военной травмы у ветеранов боевых действий в Афганистане // Материалы итоговой научной конферен-

- ции Института психологии РАН (1–2 февраля 2006) / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 84–94.
- Зеленова М. Е., Лекалов А. А, Костенко Е. В.* Диагностика психологического здоровья летчиков в практике врачебно-лётной экспертизы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. №3 (51). С. 114–121.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. Избранные психологические труды. М. – Воронеж, 1996.
- Никифоров Г. С., Шингаев С. М.* Психология профессионального здоровья как актуальное научное направление // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №2. С. 44–55.
- Пономаренко В. А.* Психология человеческого фактора. Красноярск, 2006.
- Рассказова Е. И., Гордеева Т. О.* Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. №3 (17). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/493-rasskazova-gordeeva17.html> (дата обращения: 26.04.2017). doi: 0421100116/0027.
- Разолов Н. А.* Врачебно-лётная экспертиза и безопасность полетов в гражданской авиации // Кафедра авиационной и космической медицины ФГБОУ ДПО «РМАНПО». URL: <http://medicine-avia.narod.ru/documents.html> (дата обращения: 26.04.2017).

Coping strategies research among pilots

*M. E. Zelenova**, *A. A. Lekalov***, *V. S. Lim****, *E. V. Kostenko*****
(Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, research officer, Institute of Psychology of RAS

** Head of the psychophysiological laboratory, Branch №1 FGKU “GVKG Burdenko of the Ministry of defence of the Russian Federation”

*** Candidate of medical Sciences, head of the Branch №1 FGKU “GVKG Burdenko of the Ministry of defence of the Russian Federation”

**** Psychologist of the psychophysiological laboratory, Branch №1 FGKU “GVKG Burdenko of the Ministry of defence of the Russian Federation”

The article is connected with the problem of studying the internal resources, contributing to the preservation of occupational health of specialists engaged in hazardous activities. The hypothesis about interrelation of indicators of medical, mental and personal status of military pilots with features of overcoming of stress was checked. In the empirical study, a set of techniques was used, aimed at the signs of negative mental states, so-

cio-demographic, professional and personal characteristics of the respondents. To diagnose overcoming behavior, S. Hobfoll's method "Strategic Approach to Coping Scale" (SACS) was used. It has been found that the more such coping strategies as "Assertive Action", "Social Joining", "Social Support", the lower the level of chronic fatigue, burnout and stress among the surveyed professionals. Participants of the research: military pilots, the average age – 33 ± 8.64 years, $n=76$ persons.

Keywords: coping strategies, stress, burnout, chronic fatigue, clinical examination, occupational health, personal characteristics.

Со-бытийная сущность профессиональной подготовки специалистов

Л. Ж. Караванова (Тверь)

*доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры,
Тверской государственный университет;
e-mail: karavanova_154@mail.ru*

Рассматривается профессионализм личности, привлекаются такие характеристики, как мотивы и цели деятельности. Анализируется со-бытийная сущность подготовки специалистов как ценностно-смысловое объединение людей, предполагающее наличие со-участников, субъектов деятельности. Выделены три уровня продуктивности со-бытийной сущности профессионально-личностной подготовки специалиста социальной сферы: адаптивно-ориентировочный (минимальный), субъектно-продуктивный (средний) и инновационно-творческий (максимальный).

Ключевые слова: специалист социальной сферы, профессиональная подготовка, профессионал, профессионализм, профессиональная среда, образовательное пространство.

В современном мире профессиональная подготовка направлена на формирование специалиста, обладающего не только знаниями, но и владеющего навыками их эффективного использования при решении входящих в его компетенцию задач.

Отечественные психологи (А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн и др.) отмечают, что личность формируется и проявляется в процессе осуществления деятельности. А. К. Маркова, называя профессиональное становление профессионализацией, подчеркивает, что профессионализм личности содержит требования к уровню развития различных характеристик и свойств субъекта труда, которые во многом определяют высокую эффективность профессиональной деятельности. Профессионализм личности до-

стигается во многом в процессе развития способностей и зависит от обогащения профессионально важных качеств субъекта труда.

Описывая профессионала, Е. Н. Волкова выделяет четыре атрибутивные характеристики субъектности: активность, сознательный характер деятельности, самосознание и ответственность как следствие свободы выбора. При этом автор отмечает, что данные характеристики не являются исчерпывающими.

Наибольшее внимание исследователей (Е. А. Климов, А. К. Маркова, В. Д. Шадриков) привлекают такие характеристики профессионала, как мотивы и цели деятельности. Б. Ф. Ломов (1984) подчеркивает, что направление деятельности и величина развиваемых ее субъектом усилий определяется вектором «мотив–цель». Цель не привносится в деятельность извне, а формируется самим индивидом, при этом она не является результатом его спонтанного развития. Процесс целеобразования в деятельности определяется уровнем развития общества, включающим опыт, накопленный человечеством и усвоенный индивидом в процессе обучения и воспитания (там же).

Как отмечает Г. В. Суходольский (1988), под процессом формирования индивидуального стиля деятельности подразумевается не самоактивность субъекта, а механизм его приспособления к реальности, не процесс самостоятельного формирования индивидуального способа деятельности с опорой на культурные образцы, а интериоризация нормативно одобренного способа деятельности с учетом индивидуальных особенностей. Механизм выработки индивидуального стиля деятельности рассматривается в режиме экстериоризации как процесс воплощения образа, абстрактной мысли, фантазии в действие, а его продукт в большинстве исследований практически не рассматривается.

В представлении С. А. Дружилова (2002), критерии профессионализма могут быть двух видов: внешние по отношению к человеку (результативность деятельности: количество и качество произведенной продукции, производительность и т. д.) и внутренние (оценка уровня профессионализма, включающая а) профессионально важные качества; профессиональные знания, умения и навыки; б) профессиональную мотивацию; в) профессиональную самооценку и уровень притязаний; г) способность к саморегуляции; д) особенности профессионального взаимодействия).

Понимая профессиональную подготовку в контексте специально организуемого изменения личности, мы опираемся на три обобщенных критерия, выделенных Ю. П. Поваренковым (2002):

- 1) критерий *профессиональной продуктивности*, характеризующий уровень профессионализма человека и степень соответствия его социально-профессиональным требованиям (количество и качество произведенной продукции, производительность, надежность профессиональной деятельности т. д.);
- 2) критерий *профессиональной идентичности*, характеризующий значимость для человека профессии и профессиональной деятельности как средства удовлетворения своих потребностей и развития своего индивидуального ресурса (удовлетворенность трудом, профессией, карьерой, собой); профессиональная Я-концепция включает представление о себе как члене профессионального сообщества, носителе профессиональной культуры, в том числе определенных профессиональных норм, традиций, присущих профессиональному сообществу;
- 3) критерий *профессиональной зрелости*, свидетельствующий об умении человека соотносить свои профессиональные возможности и потребности с предъявляемыми к нему профессиональными требованиями (самооценка, уровень притязаний, способность к саморегуляции и др.).

Рассмотрение специалиста только как специально обученного человека, обладающего определенными знаниями, умениями и навыками, приводит к появлению таких работников, деятельность которых сводится к простому воспроизведению полученных знаний, отсутствию понимания собственной деятельности. Существенной попыткой уйти только от передачи знаний и формирования умений и навыков к развитию способностей, в особенности способности творческого отношения к деятельности, рефлексии собственного опыта, является подход, в котором модель специалиста выступает не в виде жесткой стандартной схемы, а как гибкая ориентировочная основа подготовки профессионала.

Основу психолого-педагогической модели подготовки специалиста составляют три компонента, выделенные А. А. Деркачом и В. Г. Зазыкиным (1997) и формирующиеся в следующей последовательности:

- профессионализм знаний как основание, базис формирования профессионализма в целом;
- профессионализм общения как готовность и умение использовать систему знаний на практике, установка на деятельность типа «человек–человек»;
- профессионализм самосовершенствования – феномен, обеспечивающий динамичность, развитие целостной системы профес-

сионализма деятельности посредством справедливого самооценивания и самокоррекции профессиональной деятельности.

Общественная природа деятельности проявляется как в индивидуальной, так и в совместной деятельности. Взаимоотношения людей в процессе выполнения совместной деятельности определяются системой общественных, прежде всего производственных, отношений. Б. Ф. Ломов (1984) отмечал, что психологически содержание совместной деятельности значительно богаче индивидуальной, так как каждый участник этой деятельности вносит в нее свой уникальный опыт, а общение образуется общий фонд информации, которым пользуется каждый.

Рассмотренное Б. Ф. Ломовым понятие «совместная деятельность» у В. И. Слободчикова (1994) получило дальнейшее осмысление; он ввел понятие «со-бытийная сущность», предполагающее наличие со-участников, другими словами, субъектов деятельности, самостоятельно и ответственно строящих собственную деятельность. Тем самым со-бытийная общность онтологически предполагает субъектность ее участников. Рассматривая со-бытийную общность, И. С. Павлов (1996) отмечает, что многообразие общностей задает процессы коммуникации, соотнесения их с культурными образцами деятельности, тем самым происходит самоопределение и развитие профессионалов.

Общим и бесспорным является то, что в процессе становления профессионализма у человека формируется особый профессиональный тип личности, отличающийся от профессионализма в данном конкретном виде деятельности. Профессионализм – это не только высокий уровень знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности, но и определенная *системная организация его психики* (Е. А. Климов). Более того, профессионализм не сводим к совокупности признаков, а представляет собой системное свойство личности, т. е. систему определенным образом организованных компонентов.

В последнее время многие исследователи рассматривают профессионализацию как процесс становления и развития профессионального сознания и самосознания, который протекает на протяжении всей жизни индивида. Данный подход опирается на основополагающий принцип отечественной психологии – принцип единства деятельности и сознания личности, введенный С. Л. Рубинштейном.

Содержание профессионального сознания включает в себя систему осознанных профессионально необходимых смыслов деятельности, обобщенных и оперативных знаний о целях и средствах, планах и программах, об объектах и субъектах взаимодействия, нормах

и критериях оценки успешности, эффективности деятельности и др. В качестве основных блоков профессионального сознания исследователи выделяют профессиональные ценности, идеалы и цели, концептуальные модели деятельности, программы действий, профессиональное самосознание.

Профессионализация предстает как способ бытия, способ самореализации человека, становления его субъектности, позволяющий самостоятельно и творчески строить и развивать собственную профессиональную деятельность, т. е. профессионализация – процесс становления профессионала, осуществляющийся субъектом на протяжении всей жизни. Процесс подготовки профессионала включает формирование и развитие как ценностно-смысловой, так и операционально-предметной стороны деятельности в их взаимосвязи. Важным является тот факт, подчеркиваемый в целом ряде исследований, что на определенном этапе становления профессионал начинает развивать саму профессиональную деятельность, проектировать ее среду или даже создавать новую профессию.

Таким образом, профессионализм является многомерным, сложно организованным образованием, включающим подструктуры профессионализма деятельности и профессионализма личности. Деятельность является основой профессионального развития личности. Человек как личность формируется в общественных отношениях, в которые он вступает в процессе деятельности. «В процессе деятельности, приобщающей человека к системе общественных отношений, раскрывающей перспективы его движения в этой системе, формируются и соответствующие субъективные отношения личности. Только при этом условии деятельность действительно становится эффективным средством воспитания. ... эффективность определяется тем, в какой мере она обеспечивает формирование и развитие субъективных отношений личности, а также ее мотивационной сферы, потребностей и жизненных целей, т. е. направленности» (Ломов, 1984, с. 336).

Определяющую роль в профессиональном развитии будущего специалиста социальной сферы играет осознание себя субъектом профессиональной деятельности, субъектом саморегуляции и самоуправления. Со-бытийная сущность профессиональной подготовки специалиста предполагает, помимо формирования специальной профессиональной мотивации, необходимость управления процессом развития профессиональных способностей и профессионально важных качеств.

Исходя из принципов, целей и задач профессионального развития будущего специалиста социальной сферы в рамках вуза, разра-

ботаны критерии, показатели и уровни его продуктивности, которые характеризуют не только учебно-познавательную деятельность студентов, но и психолого-технологическую, коррекционно-развивающую систему.

Для всесторонней оценки продуктивности профессионально-личностной подготовки студента-специалиста разработано критериальное оценочное основание, включающее интегральный и частные критерии, а также соответствующие им показатели. Критерии и показатели как самостоятельные элементы единого оценочного блока находятся в определенной взаимосвязи. Предложенный подход к формированию критериев и показателей продуктивности профессиональной деятельности специалиста дает возможность содержательно наполнить каждый из элементов оценочного блока, определить взаимосвязи между его основными составляющими.

Использование разработанных критериев и показателей позволило выделить три уровня продуктивности событийной сущности профессионально-личностной подготовки специалиста социальной сферы: адаптивно-ориентировочный (минимальный), субъектно-продуктивный (средний) и инновационно-творческий (максимальный).

Первый уровень – адаптивно-ориентировочный. Интерес к собственному внутреннему миру выражен слабо; происходит приспособление к образовательной среде, овладение основами профессионализма и начальным жизненным опытом. Осознаются те особенности своей личности, о которых человек часто слышит от окружающих. Собственной активности в плане познания себя не проявляется, не анализируются собственные поступки. Человек, представляющий этот уровень, не считает нужным заниматься саморазвитием.

Второй уровень – *субъектно-продуктивный*. У будущего специалиста социальной сферы формируется устойчивый интерес к избранной профессии и своему внутреннему миру. Проявляется устойчивое желание заняться самосовершенствованием. Формируются устойчивые профессионально-личностные ценности, мотивы; студент воспринимает себя как субъекта профессионального развития, анализирует свои поступки, действия; он осознает необходимость целенаправленного саморазвития, реально проявляет мотивацию и интерес к системному саморазвитию.

Третий уровень – *инновационно-творческий*. Субъект постоянно рефлексировывает по поводу особенностей своей личности, отражает и анализирует особенности характера, мотивы поведения, результативность усилий в различных видах деятельности. Он читает специальную литературу (необходимую для его профессии), использует

полученные знания в познании себя. Студент применяет диагностические средства в познании самого себя и в целях саморазвития. Саморазвитие связывается им с совершенствованием себя и воспринимается как условие самореализации своей личности в профессиональной деятельности.

Профессиональное развитие будущего специалиста как субъекта деятельности формируются только в той образовательной среде, в которой созданы определенные условия: мотивационно-развивающая образовательная среда вуза как система влияния и формирования активного и мотивированного обучения и воспитания; эффективная организация учебно-воспитательного процесса, включающего результативность деятельности всех субъектов; мониторинг личностно-профессионального развития студентов как системное социально-психологическое воздействие на личность и самосовершенствование будущего специалиста социальной сферы, т. е. творческая активность. Как подчеркивает С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1986), «способность развития деятельности по собственной инициативе обуславливает „построение самого субъекта“, является системообразующим фактором конкурентоспособности личности, обеспечивая поступательное развитие деятельности, инновационный продукт которой постоянно опережает заданные, исходные условия конкуренции» (Рубинштейн, с. 108).

Согласно А. К. Марковой (Маркова, 1996), важнейшим внешним условием достижений в личностном и профессиональном развитии специалиста является благоприятная профессиональная среда, побуждающая человека к раскрытию его подлинных профессиональных возможностей, а также наличие акме-событий, могущих стать толчком к «пикам», кульминациям в профессиональном развитии. В значительной степени эффективность определяется «важнейшими внутренними факторами совместной деятельности (сотрудничество, взаимное содействие) и соперничество (соревнование)» (Ломов, 1984, с. 238).

С целью изучения со-бытийной сущности профессиональной подготовки будущего специалиста в современном социокультурном пространстве образования важно понимание и соотношение понятий «среда» и «пространство», что, по мнению ряда авторов, аналогично соотношению «части» и «целого» (Зеер, Мешкова, 2007). Среда может быть включена в пространство, поскольку пространство является многомерным, а среда – лишь одно из его измерений. Пространство включает в себя одновременно прошлое, настоящее и будущее время, а среда содержит представленность событий каждый раз в настоящее время.

Согласно определению авторов (Зеер, Мешкова, 2007), «развивающее профессионально-образовательное пространство» – это процесс и результат активного взаимодействия человека с образовательной и социально-профессиональной средами. Развивающее профессиональное образование – это определенным образом спроектированная организация процесса обучения и воспитания, создающая условия для развития у обучаемых способности к самообразованию, самообучению, самовоспитанию, саморазвитию, самоопределению, самодеятельности и самореализации, позволяющая более полно проявить и реализовать возможности обучаемого в профессиональной деятельности.

В заключении следует подчеркнуть, что со-бытийная сущность профессиональной подготовки специалиста социальной сферы является важным этапом профессионального развития личности будущего специалиста как субъекта деятельности, самостоятельно и ответственно строящего собственную деятельность в развивающем профессионально-образовательном пространстве вуза. Существует высокая потребность в создании психолого-педагогических условий, обеспечивающих развитие профессионализма будущего специалиста социальной сферы.

Развивающее профессионально-образовательное пространство является значимым фактором развития активности личности. Наличие стимулирующей, поддерживающей и корректирующей функций профессионально-образовательного пространства выступает значимым условием осуществления продуктивной личностно-профессиональной подготовки специалиста.

Совокупность частично рассмотренных в данной статье вопросов, безусловно, требует дальнейших теоретико-практических исследований, результаты которых будут востребованы не только такими отраслями психологии, как психология труда и педагогическая психология, но и смежными науками – прежде всего, педагогикой и социальной работой.

Литература

- Деркач А. А., Зазыкин В. Г.* Психологические факторы эффективности профессиональной деятельности кадров госслужбы // Психология профессиональной деятельности кадров государственной службы. М., 1997. С. 20–39.
- Дружилов С. А.* Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития. Новокузнецк, 2002.

- Зеер Э. Ф., Мешкова И. В.* Образовательная среда колледжа как фактор формирования развивающего профессионально-образовательного пространства // Мир психологии. 2007. №2. С. 105–110.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М., 1984.
- Маркова А. К.* Психология профессионализма. М., 1996.
- Павлов И. С.* Общность как единица проектирования региональной программы развития образования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.
- Поваренков Ю. П.* Психологическое содержание профессионального становления человека. М., 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики // Вопросы психологии. 1986. №4. С. 101–109.
- Слободчиков В. И.* Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
- Суходольский Г. В.* Основы психологической теории деятельности. Л., 1988.

Event essence of vocational training of experts

L. Z. Karavanova

Doctor of psychological Sciences, Docent, Professor at the Department, Tver State University (Tver)

Professionalism of the personality is considered, and such characteristics as motives and the purposes of activity are attracted. The event essence of training of specialists as the valuable and semantic association of people assuming presence of accomplices, subjects of activity is analyzed. Three levels of efficiency of event essence of professional and personal training of the expert of the social sphere are allocated: adaptive and approximate (minimum), subject and productive (average) and innovative and creative (maximum).

Keywords: expert of the social sphere, vocational training, professional, professionalism, professional environment, educational space.

Психологические формулы и их роль в процессе профессионального самопознания педагогов

А. А. Крцулина (Курск)

*доктор психологических наук, профессор кафедры методики,
педагогике и психологии профессионального образования,
Курский государственный университет; e-mail: anitim@list.ru*

В статье анализируются основные психологические формулы, используемые при подготовке будущих педагогов профессионального обучения по дисциплине «Психология профессионального образования». Выделены следующие функции психологических формул: мнемотехническая, ауторефлексивная, регуляторная, аргументирующая. Показан вклад каждой функции в процесс профессионального самопознания педагогов.

Ключевые слова: психологическая формула, профессиональное самопознание, функции формул, психология профессионального образования, педагог профессионального обучения.

В психологии давно стали привычными понятия, заимствованные из других областей научного знания: «шкала», «климат», «рисунок поведения», «эталон» и др. Не является новым для психологической науки и математическое понятие «формула». Краткий экскурс в историю психологии показывает, что еще в XIX в. Э. Вебер и Г. Фехнер сформулировали и дали математическое описание основных законов психофизики. В начале XX в. бихевиористы предложили формулу «стимул–реакция», которую необихевиористы дополнили еще одним элементом, названным «промежуточные переменные». В настоящее время разные авторы предпринимают настойчивые попытки вывести формулы для более сложных феноменов, например, таких, как любовь, счастье, здоровье, жизнь, успех, удача, душа и др.

В данной статье на конкретных примерах будет показано, какие из психологических формул и в каком направлении влияют на про-

цесс профессионального становления будущих педагогов профессионального обучения. При этом под формулой понимается «точное определение какого-либо правила, отношения, закона и т. п., применимое в определенных случаях ко всем частным случаям; вообще – всякое определение, выраженное в краткой форме» (Словарь..., 1986, с. 537), т. е. правило, с помощью которого в краткой форме описано конкретное психологическое понятие.

Наибольшую известность благодаря широким возможностям практического применения получила *формула профессии*, разработанная Е. А. Климовым. Для полного обзора множества профессий он предложил четырехъярусную структуру, которая в кратком, но емком виде содержит в себе четыре вида классификаций профессий, расположенных снизу вверх по следующим основаниям: по *предмету труда*, по *признаку целей труда*, по *признаку орудий, средств труда*, по *условиям труда*. В графическом виде каждый ярус обозначен начальными буквами их названия. Составление формулы профессии заключается в том, что нужно выбрать соответствующие конкретной профессии буквы из каждого яруса. По мнению автора формулы, она пригодна не только для ориентировки в мире профессий и для выбора своей профессии; ее успешно можно применять для «обдумывания, проектирования, корректировки своего трудового пути» (Климов, 1996, с. 123). Опыт ее применения в работе с будущими педагогами профессионального обучения показывает, что формула и четырехъярусная структура обеспечивают надежное запоминание всего многообразия существующих профессий. С определенной долей осторожности их можно интерпретировать как оперативные единицы восприятия. При решении конкретных задач они превращаются в оперативные единицы памяти и таким образом выполняют в дальнейшем роль мнемотехнических средств.

Хорошим информативным дополнением к формуле служит тест «Профессиональные предпочтения». Он позволяет детально анализировать субъективные представления будущих педагогов о пяти профессиях нижнего яруса, выделенных по предмету труда. В дальнейшем формула профессии служит студентам хорошей основой для составления психологического портрета «Я как профессионал», являющегося промежуточным зачетным заданием по дисциплине «Психология профессионального образования».

Классификация профессий, предложенная Е. А. Климовым, была дополнена В. В. Пчелиновой. В результате изучения мира труда и мира профессий как сложного множества она построила четырехъярусную 53-признаковую классификацию профессий и специальностей в виде схемы и дескрипторного словаря (Пчелинова, 2010).

Отметим, что модификация классификации является более сложной и вместе с тем более точной, так как предназначена для применения профессиональными психологами в профконсультационной работе. Предполагаем, что она может быть полезна при повторном выборе профессии человеком, оказавшимся в ситуации временной незанятости, или обучающимся, осознавшим ошибку, допущенную в выборе профессии. Как более сложную по содержанию формулу В. В. Пчелиновой уместно использовать в работе с будущими педагогами профессионального обучения на второй ступени их образования – в магистратуре.

Формула темперамента, предложенная А. Беловым, позволяет определить компонентный состав личностных качеств каждого типа, присущих конкретному человеку. Вместе с тем такой результат служит хорошим аргументом для опровержения распространенного мифа о чистоте типов темперамента. Работая с методикой А. Белова, легко убедиться в том, что каждому человеку свойственна своя индивидуально неповторимая комбинация качеств разных типов темперамента. В интерпретации результатов заданы разные интервалы значений, полученных в соответствии с методикой. Они позволяют определить, к какой категории можно отнести качества того или иного типа темперамента: к доминирующему типу (встречается не у всех тестируемых), ярко выраженному типу, выраженному средне или слабо выраженному. Данная информация является также полезной и необходимой для актуализации сознательных механизмов выработки и реализации индивидуального стиля деятельности будущими педагогами профессионального обучения.

Известный врач-психотерапевт И. Вагин в одной из своих монографий предложил *алгоритм удачи*, который, как он полагает, зашифрован в русских народных сказках. Если понимать алгоритм как список операций, применяемых по строго определенным *правилам* для решения поставленной задачи, то можно считать, что данный алгоритм включает в себя следующие *формулы*: открытость внешнему миру; активность, действие; склонность к риску, отсутствие боязни перед трудностями при решении проблем; оптимизм (Вагин, 1999, с. 111). Внимательное прочтение этой формулы и последующий ее анализ в учебной группе подводит будущих педагогов к закономерному выводу о значимости компонентов формулы для профессии педагога, относящейся к социономическому типу профессий, о необходимости целенаправленного воспитания данных качеств у себя.

Особый интерес для современных молодых людей приобретает поиск *формулы успеха*. Предваряя обзор таких формул, отметим,

что формулу могут найти как сами успешные люди (взгляд на трудовой путь «изнутри»), так и журналисты или ученые, являющиеся внешними наблюдателями их трудового жизненного пути (взгляд «извне»). В свое время Э. Эриксон предложил метод психобиографии как фундаментальный прием изучения «великих» мужчин и женщин, способ реконструкции жизненного пути исторических фигур (см.: Фрейджер, Фейдимен, 2008). Близок к этому методу анализ биографии активных и наиболее успешных интеллектуальных людей, выполненный А. Маслоу и позволивший ему сформулировать черты самоактуализирующихся людей. Их он называл «лучшими людьми», хотя понимал, что процент таких людей от общего числа проживающих на земле невелик (там же). Важно подчеркнуть, что опыт Эриксона и Маслоу в области анализа биографий сыграл основополагающую роль в решении применить психологический анализ биографий и автобиографий успешных людей в образовательном процессе.

Формулы успеха для сферы предпринимательства обозначила журналист Е. Ленина в своей книге, обобщающей основные результаты изучения трудовых биографий успешных российских бизнесменов и двух бизнес-леди. Формулы представляют собой перечень факторов, обеспечивающих достижение исследуемыми лицами вершин профессионального мастерства. По мнению автора книги, к наиболее значимым факторам для профессионального становления молодых людей можно отнести следующие: невосприимчивость к критике, образование, высочайшая работоспособность, умение идти на риск (см. третье правило в формуле удачи), внедрение нововведений (Ленина, 2006).

Важно подчеркнуть особую значимость первого и второго факторов. Первый фактор созвучен простой истории из жизни Стива Джобса, успешного предпринимателя и человека с неординарной судьбой. Незадолго до смерти С. Джобс поведал студентам Стенфордского университета три простых истории. В одной из них он призывал молодых людей не тратить понапрасну время своей жизни, которая слишком коротка, и не слушать шум чужих мнений, способных заглушить внутренний голос, важный в любом профессиональном деле для прохождения своей дороги (см.: Айзексон, 2012).

Второй фактор позволяет опровергнуть миф, получивший большое распространение в России в конце прошлого века, о социальной и профессиональной успешности троечников и практической непригодности к жизни отличников. Оказалось, что это не так, и самым лучшим аргументом для опровержения названного мифа служат реальные биографии множества успешных людей как в Рос-

сии, так и за рубежом. Дополнительным аргументом служит то обстоятельство, что из пятнадцати сфер жизнедеятельности человека, выделяемых культурологами, самой важной является сфера образования. В постоянно меняющемся мире усиливается необходимость обновления профессиональных знаний («век живи – век учись»). Также полезно помнить, что сфера образования является источником профессиональных кадров для всех других сфер жизнедеятельности. Данный тезис опровергает еще один древний миф о том, что образование не является производительной сферой. Важно обращать внимание будущих педагогов на то, что это особая сфера духовного производства.

Продолжая экскурс в историю жизненного и профессионального пути С. Джобса, отметим, что *формулой* его личного успеха в творчестве стал девиз знаменитого хоккеиста У. Грецки: «Я мчусь туда, где будет шайба, а не туда, где она была несколько мгновений назад». На языке психологии, это явление называется опережающим отражением, способностью к предвидению, к прогнозированию. Ближе к концу творческого пути Джобс поведал своему биографу о личных правилах успешного предпринимательства. Одно из них является отголоском девиза У. Грецки: «Наша работа – угадывать, что понадобится потребителям, прежде них самих». Второе правило: «Если хочешь идти новым путем, ты должен проложить его сам». Третье правило – своего рода личная философия жизни: «Мы стараемся с помощью тех талантов, какие имеем, выражать наши сокровенные чувства, нашу признательность за все, что было вложено до нас, привносить в копилку человечества что-то свое» (цит. по: Айзексон, 2012, с. 650).

Именно эти качества обеспечивали С. Джобсу возможность всегда оставаться первым в своей отрасли. Эти же качества полезно прививать студентам, будущим педагогам профессионального обучения. А они в свое время займутся аналогичной прививкой полезных качеств своим будущим воспитанникам в системе среднего профессионального образования сначала во время прохождения педагогической практики, а затем в самостоятельной профессиональной деятельности после завершения обучения в бакалавриате.

Пример С. Джобса поучителен также при изучении проблемы отношения человека к своей работе (профессиональной деятельности). С теорией вопроса будущие педагоги знакомятся по монографии, в которой описаны следующие виды отношений: перфекционизм, лень, ургентная зависимость, трудоголизм, выученная беспомощность, явление прокрастинации (Ильин, 2011). Практические примеры проявления здорового трудоголизма и перфекциониз-

ма они находят в биографии С. Джобса. Стремление к совершенству во всем, даже в мелочах Стиву привил приемный отец. Став взрослым, он продолжал реализовать это стремление в своей профессиональной деятельности, что не всегда нравилось его коллегам. В то же время Стив был готов принимать формулы успеха, предлагаемые другими коллегами, если они были компетентнее его в решении конкретных проблем.

В свое время Стив оценил по достоинству «Философию маркетинга Apple», предложенную его сотрудником М. Маракуллой, и неукоснительно ей следовал. Она включала следующие три ключевых пункта (правила): «Первый – эмпатия, понимание чувств покупателя». «Второй – сосредоточенность. Чтобы преуспеть в том, чем мы занимаемся, нужно отбросить все второстепенное». Третье правило – «люди составляют мнение о компании или продукте на основе первого впечатления» (цит. по: Айзексон, 2011, с. 106). Для будущих педагогов профессионального обучения важны все три пункта, но акцент делается на первом из них, так как эмпатия входит в число профессионально значимых качеств педагога. Подкрепляется значимость эмпатии методиками для ее измерения, а также анализом других проявлений профессиональной идентификации (эмпатия – лишь ее частный случай), примерами из практики школьных учителей.

М. Маракулле принадлежит и *формула успеха в бизнесе*: «Создавая компанию, нужно не стремиться разбогатеть, а просто делать то, во что веришь. Только так можно добиться успеха» (там же, с. 105).

В связи с обсуждаемой формулой интересен факт из биографии молодого и успешного российского предпринимателя Аяза Шабутдинова, с которой знакомятся будущие педагоги. В начале своего предпринимательства Аяз стремился разбогатеть, но когда в 20 с небольшим лет заработал свой первый миллион, изменил цель и решил, что гораздо важнее заниматься таким бизнесом, который облегчит жизнь другим людям и станет привлекательным для других молодых людей. Сравнение двух фактов из биографии двух успешных людей подводит будущих педагогов к мысли о важности умения ставить правильные цели. Акцент на обязательности достижения целей – к серьезному разговору о необходимости развития волевых качеств.

Более сложные формулы успеха, содержащиеся в биографических изданиях и интернет-источниках, целесообразно предлагать будущим педагогам профессионального обучения для анализа на второй ступени их образования – в магистратуре. В качестве примера приведем формулу успеха, предложенную Ш. А. Кабульга-

новой: успех=искусство общения + целеполагание + проактивность + время (Кабульганова, 2017). Такая формула потребует изучения дополнительных научных источников по психологии и обстоятельного разговора на практических занятиях по таким учебным дисциплинам, как «Психология профессиональной деятельности», «Проектирование образовательного пространства». Обе дисциплины входят в базовый модуль рабочей программы для магистров. Отметим, что первая и вторая составляющие формулы обеспечивают преемственность в формировании профессиональных компетенций, так как с ними в первом приближении будущие педагоги знакомятся еще в бакалавриате.

Следует подчеркнуть целесообразность использования в процессе изучения дисциплины «Психология профессионального образования» будущими педагогами профессионального обучения готовых психологических формул, а также стимулирования их к самостоятельному поиску таких формул в текстах биографий и автобиографий успешных профессионалов. Оба вида формул – как готовых, так и найденных студентами самостоятельно – вносят определенный вклад в формирование профессионального самопознания будущих педагогов.

Анализ конкретных психологических формул и опыт их применения в профессиональной подготовке будущих педагогов позволил выделить следующие основные функции, содействующие развитию профессионального самопознания. Как мнемотехническое средство они облегчают процесс запоминания больших объемов полезной психологической информации о мире профессий, о своей будущей профессии. Как средство развития рефлексии будущего педагога формулы способствуют осознанию студентами собственного места в мире профессий, траектории построения профессиональной карьеры, качества ее прохождения, необходимости развития профессионально значимых качеств и индивидуального стиля профессиональной деятельности. Как образные регуляторы они полезны профессионалу на следующих фазах его становления: опанта, адепта и адаптанта. Как убедительный аргумент в опровержении негативных социальных мифов они позволяют будущему профессионалу избавиться от ошибочной информации.

Возникающая нередко дилемма выбора чужой формулы успеха или конструирования своей вполне разрешима. В начале профессионального пути допустимо использовать чужую формулу успеха. Рано или поздно она приведет успешного человека к открытию своей собственной формулы. А та, в свою очередь, может стать достоянием других людей, вступающих на путь построения карьеры.

Литература

Айзексон У. Стив Джобс. М., 2012.

Вагин И. Заяц, стань тигром! Практическая психология. М., 1999.

Ильин Е. П. Работа и личность: трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб., 2011.

Кабульганова Ш. А. Успешная личность. Формула личной эффективности. URL: <https://www.all-psy.com/stati/detail/692/1> (дата обращения: 29.04.2017).

Климов Е. А. Психология профессионала. М.–Воронеж, 1996.

Ленина Е. Multimillionaires. М., 2006.

Пчелинова В. В. Дескрипторный словарь в формировании представлений психолога о мире труда // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010. № 3. С. 76–87.

Словарь иностранных слов. М., 1986.

Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Большая книга психологии. Личность. Теории, управления, эксперименты. СПб., 2008.

Psychological formulas and its role in the process of professional, pedagogical self-knowledge

A. A. Kriulina (Kursk)

Doctor of psychological Sciences, Professor at the Department of Methodology of Professional Education Pedagogy and Psychology, Kursk State University

This article provides the analysis of basic psychological formulas, typical for the professional training of young pedagogues of professional training as applied to the university discipline “Professional education psychology”. The following pedagogical functions are distinguished here: mnemotechnic, self-reflective, regulatory, rationalizing. The significance of the above mentioned functions is defined for the process of professional self-knowledge.

Keywords: psychological formula, professional self-knowledge, formulas functions, professional education psychology, pedagog of professional training.

Психология отдыха современного профессионала: актуальные направления исследований и перспективы развития

А. С. Кузнецова, М. С. Лузянина** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда
и инженерной психологии факультета психологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: kuznetsovamsu@rambler.ru*

*** кандидат психологических наук, консультант по оценке персонала
компании Landmark – Assessment & Development centers;
e-mail: mluzyanina@gmail.com*

В статье обсуждается актуальность психологического анализа отдыха специалистов, работающих в условиях динамичной и напряженной организационной среды. Сформулированы основные направления разработки психологической проблематики отдыха, представлены основные результаты эмпирических исследований особенностей организации отдыха у представителей разных профессий и организаций. Обсуждаются выделенные на основе анализа собранных материалов признаки проактивного и реактивного подходов к самостоятельной организации отдыха, представлены главные признаки данных подходов, связанные с планированием отдыха и оценкой его восстановительного потенциала. В качестве примера исследований специфики отдыха представителей разных профессий приводятся данные о характере организации отдыха и оценке его эффективности профессиональными психологами. На основании результатов психосемантического анализа понятий из сфер работы и отдыха обсуждаются взаимосвязь отношения к отдыху и эффективности копинг-поведения профессионалов разных регионов проживания в динамичной организационной среде.

Ключевые слова: отдых, работа, психологическая саморегуляция функционального состояния, восстановление ресурсов, проактивный и реактивный подходы к отдыху.

Постановка проблемы

Масштабные изменения форм организации труда и технологий выполнения профессиональных задач во многих отраслях производства и сервисной сферы позволяют утверждать, что особенностями новой организационной реальности становятся: постоянное обновление содержания труда и требований к компетентности работников; широкий круг рабочих задач в пределах одной должностной позиции; жесткие требования к соблюдению поставленных сроков завершения проектных заданий при значительной степени неопределенности и нестандартности путей их решения; гибкий организационный контроль за процессом труда; высокая степень автономности и самостоятельности сотрудников в распределении временных ресурсов для выполнения работы. Возросшая инновационность и гибкость организационной среды задают особые требования к саморегуляции, уровень развития которой способствует не только успешной самореализации в динамичной рабочей среде, но и сохранению здоровья и укреплению потенциала личностного развития (Дикая, Журавлёв, Занковский, 2016; Занковский, 2015).

Учитывая нарастающую тенденцию выхода трудовой деятельности за рамки отведенного для работы времени и проникновения рабочей активности в другие сферы жизни современного человека (типичные примеры – продолжение работы после завершения рабочего дня, в домашних условиях, выполнение трудовых заданий в выходные дни), необходимо рассматривать исследования особенностей использования психологических ресурсов как одну из актуальных практических задач в сфере анализа соотношения «работы и жизни» (Штроо, Козак, 2015; Haworth, Veal, 2004). Изучение ресурсов психологической саморегуляции (ПСР) функционального состояния (ФС) в динамичной среде в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с научной необходимостью выявления и систематизации психологических механизмов, обеспечивающих успешную актуализацию средств и приемов, позволяющих обеспечить оптимальное для выполнения рабочих задач ФС. Отечественные научные школы изучения состояний человека и ФС в трудовой деятельности, связанные с именами В. А. Бодрова, А. Б. Леоновой, Л. Г. Дикой, Г. С. Никифорова, А. О. Прохорова, их многочисленных коллег, учеников и последователей, показали широкие возможности психологической науки в решении значимых практических задач повышения работоспособности, поддержки надежности трудовой деятельности, развития стрессоустойчивости, обеспечения высокой эффективности труда в нормальных и экстремальных условиях.

Освоение и умелое применение приемов ПСР позволяет обеспечивать требуемое ФС путем оптимального использования необходимых ресурсов (без чрезмерного их расходования), препятствует развитию утомления, способствует поддержке стресс-резистентности и как следствие – сохранению здоровья (Леонова, Кузнецова, 2007). В современных динамичных условиях труда для разработки эффективных технологий саморегуляции ФС задачи психологического анализа ресурсов и механизмов саморегуляции ФС, как нам представляется, должны быть включены в более широкий круг исследований, связанных с проблематикой *психологического изучения отдыха*.

Проблема психологии отдыха

Изучение психологии отдыха с начала XXI в. становится популярным, но пока еще недостаточно разработанным направлением. До недавнего времени отдых рассматривался как объект философских, экономических и социологических исследований (Пожитной, Хромешкин, 2011; Haworth, Veal, 2004). Многие десятилетия в области психологии труда об отдыхе упоминалось лишь в рамках традиционной проблематики обоснования оптимальных режимов труда и отдыха, где отдых рассматривался фактически лишь как временные периоды для восстановления в течение рабочего дня (рабочей смены). В настоящее время исследования отдыха целесообразно развивать в более широком контексте, рассматривая отдых как целенаправленную деятельность, реализуемую человеком для того, чтобы быть способным сохранять и укреплять здоровье как необходимую базу профессионального развития.

Если подходить к изучению отдыха таким образом, то можно выделить ряд ключевых направлений разработки психологической проблематики отдыха:

- исследование места отдыха в структуре индивидуальных ценностей работающего человека;
- выявление представлений об отдыхе и отношения к отдыху у работающего человека;
- анализ особенностей организации отдыха у представителей разных сфер трудовой деятельности и разных профессий, сотрудников организаций разного типа;
- выявление и систематизация средств отдыха и рекреации, используемых непосредственно на рабочих местах; описание их психологического содержания и механизмов действия.

- оценка эффективности отдыха в целом и отдельных средств восстановления;
- формирование проактивного отношения к отдыху и субъективного принятия необходимости отдыха в качестве важной составляющей в процессах восполнения ресурсов и формирования механизмов стресс-резистентности;
- обоснование рекомендаций и принципов проектирования режимов труда и отдыха для видов труда, реализуемых в новых организационных формах;
- обоснование содержательного наполнения способов отдыха и восстановления в течение рабочего дня.

Следует отметить, что в течение последнего десятилетия в трудах психологов Нидерландов и Германии активно развиваются психологического исследования восстановления – «recovery» (Zijlstra, Sonnentag, 2006). Во многом эти работы близки традициям изучения ФС и работоспособности в российских научных школах и связаны с анализом возможностей восстановления человека после интенсивной работы и оценкой эффективности восстановительных процедур. Что касается исследований отдыха в системе ценностных ориентаций, представлений о том, чем является отдых для современного специалиста, нацеленного на высокий уровень достижений и построение успешной профессиональной карьеры, то в этой области исследования только начались.

Результаты эмпирических исследований

Один из первых шагов в разработке этой темы был сделан в рамках исследовательской программы сотрудников и аспирантов кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова (Кузнецова, Лузянина, 2014; Лузянина, 2015). По результатам исследования, выполненного на контингенте специалистов разных профессий, общей особенностью труда которых является высокая степень организационно разрешенной самостоятельности в планировании времени, выделяемого для выполнения трудовых задач (объем выборки – 123 специалиста), было выявлено отношение профессионалов к отдыху как к весьма важной инструментальной ценности, средству сохранения здоровья и восстановления работоспособности (в рейтинге 73 ценностей отдых занял весьма почетное 18-е место).

Данный результат был вполне ожидаем. Но при этом у подавляющего большинства опрошенных признание ценности отдыха носит

исключительно декларативный характер. Выявленные особенности планирования отдыха в течение рабочего дня не дают оснований подтвердить эксплицитно выраженную значимость отдыха: при всех возможностях самостоятельно организовать отдых как заранее продуманную последовательность временных периодов для эффективного восстановления и восполнения ресурсов, люди этим не пользуются и фактически пренебрегают отдыхом.

Вместе с тем среди опрошенных были и такие профессионалы, которые планируют отдых иначе – с учетом динамики текущего ФС и как систему обязательных мер, чередующихся с периодами работы. К ним относятся те специалисты, которые (1) в качестве основной цели отдыха рассматривают восстановление сил; (2) во время рабочего дня стараются отслеживать изменения своего ФС и предотвращать кумуляцию утомления; (3) организуют перерывы для отдыха заблаговременно, а не только тогда, когда практически падают с ног от усталости.

Анализ полученных в исследовании данных позволил выделить и описать два во многом противоположных подхода к организации отдыха, обозначенных нами как *реактивный* и *проактивный* подходы (таблица 1).

Для *реактивного* подхода характерно пренебрежительное отношение к собственному здоровью; представление о физиологичес-

Таблица 1

Эмпирически выявленные признаки проактивного и реактивного подходов к организации отдыха

Подходы к самостоятельной организации отдыха (основные признаки)	
<i>Проактивный подход</i>	<i>Реактивный подход</i>
<p>Равная ценность профессиональной и рекреационной сфер и представление о высокой индивидуальной ценности отдыха</p> <p>Баланс жизненных сфер и интересов: семьи, работы, саморазвития, социальных контактов и материального положения</p> <p>Основное целевое назначение отдыха – восстановление ресурсов и повышение работоспособности</p> <p>Позитивное отношение к отдыху</p> <p>Планирование периодов отдыха с учетом динамики текущего ФС</p> <p>Выраженный многоуровневый восстановительный эффект отдыха</p>	<p>Большая значимость сферы профессиональной деятельности по сравнению с иными сферами жизнедеятельности</p> <p>Редукция различных жизненных интересов</p> <p>Отрицание позитивного значения и важности рекреационной цели отдыха</p> <p>Отсутствие текущего контроля за изменениями ФС и выделение перерывов для отдыха только по факту чрезмерного утомления</p> <p>Недостаточно выраженный восстановительный эффект отдыха</p>

ких и психологических ресурсах как самовосполняемых и не зависящих от произвольной активности человека; восприятие отдыха как вынужденного перерыва в работе, заполненного непродуманными и спонтанными способами восстановления. Специфика *проактивного* подхода, напротив, заключается в осознании и принятии необходимости относиться к отдыху как к целенаправленной и специально организованной деятельности, обеспечивающей своевременное и эффективное восстановление; такое отношение проявляется в опережающем планировании отдыха.

На основе полученных результатов были развернуты серии исследований особенностей отношения к отдыху, планирования отдыха и оценки его эффективности у представителей разных профессий, сотрудников различных организаций, представителей разных регионов проживания, специалистов разного возраста и находящихся на разных этапах профессионального развития. Исследования проведены на профессиональных контингентах сотрудников госслужбы, системы образования, налоговых органов, сферы обслуживания. В настоящий момент общий объем выборки принявших участие в исследовании составил 438 человек; из них 157 мужчин и 281 женщина в возрасте от 18 до 60 лет (средний возраст – 34,8). Данные собраны в Москве, Ташкенте и Севастополе; выбор городов для проведения исследования связан с задачей подбора профессионалов, проживающих в мегаполисах или прилегающих к ним населенных пунктах и вынужденных тратить большое количество времени на путь до работы.

Парадоксальные результаты получены в исследовании отдыха психологов (всего – 47 специалистов, работающих в двух разных регионах России): установлено, что безусловное признание ценности и необходимости отдыха для восполнения ресурсов не подкреплено у психологов намерением его целенаправленно планировать. Таким образом, эти данные опровергают гипотезу о том, что обследованные специалисты по оказанию психологической помощи и профессионально владеющие средствами оптимизации ФС должны существенно отличаться от представителей других профессий в плане умения организовывать эффективный отдых (Кузнецова, Лузянина, 2016).

Особая линия исследований психологии отдыха связана с анализом признаков кумуляции симптоматики стресса в напряженных условиях труда у специалистов с реактивным и проактивным подходом к организации отдыха. Собранные данные показали, что у профессионалов с выраженными признаками реактивного подхода есть тенденция к накоплению симптоматики эмоционального истоще-

ния по сравнению с теми, кому свойствен проактивный подход ($t=1,9$; $p=0,063$). Несмотря на наличие всего лишь статистической тенденции, можно предположить, что отсутствие опережающей организации отдыха снижает эффективность актуализируемых копинг-средств, а проактивное отношение к отдыху целесообразно рассматривать как основу для эффективного применения адекватных профессиональной ситуации средств преодоления трудового стресса.

Заключение

Активная разработка психологической проблематики отдыха только началась. Безусловно, необходимо продолжать расширение базы эмпирических данных, позволяющих с высокой степенью достоверности выявить и проинтерпретировать закономерности восполнения, сохранения и использования ресурсов, эффективного отдыха и успешной оптимизации состояния в ситуациях, требующих точного выбора и быстрого запуска приемов целевой психологической саморегуляции ФС. Вместе с тем полученные данные требуют разработки и внедрения обучающих программ эффективной организации отдыха, предназначенных в первую очередь для тех профессионалов, работа которых осуществляется в условиях рабочего дня высокой продолжительности при повышенных эмоциональных и коммуникативных нагрузках, действии факторов повышенной ответственности не только за результаты работы, но и за строгое соблюдение сроков ее выполнения. Подобные программы будут способствовать полноценному восстановлению ресурсов и развитию навыков психологической саморегуляции, необходимых для достижения профессиональной успешности и сохранения здоровья.

Литература

- Дикая Л. Г., Журавлёв А. Л., Занковский А. Н.* Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений // *Организационная психология и психология труда*. 2016. Т. 1. № 1. С. 7–48.
- Занковский А. Н.* Перспективы развития организационной психологии // *Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии* / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлёва, А. Н. Занковского. М., 2015. С. 37–47.
- Кузнецова А. С., Лузянина М. С.* Психологические проблемы планирования и организации отдыха: проактивный и реактивный подход //

- Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2014. №2. С. 16–30.
- Кузнецова А. С., Лузянина М. С. Психологические проблемы эффективности отдыха: как работают и отдыхают психологи // Мир психологии. 2016. №4 (88). С. 141–153.
- Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М., 2007.
- Лузянина М. С. Роль представлений об отдыхе в саморегуляции функциональных состояний: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Пожитной Н. М., Хромешкин Н. М. Основы теории отдыха. СПб., 2011.
- Шпроо В. А., Козяк А. А. Личностный смысл баланса между работой и личной жизнью // Мир психологии. 2015. №3. С. 253–267.
- Haworth J. T., Veal A. J. Work and leisure: themes and issues // Work and leisure / Eds J. T. Haworth, A. J. Veal. L.–N. Y.: Routledge, 2004. P. 213–230.
- Zijlstra F. R. H., Sonnentag S. After work is done: psychological perspectives on recovery from work // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2006. V. 15. P. 129–138.

Psychology of modern professionals' rest: important lines of research and future development

A. S. Kuznetsova, M. S. Lusianina** (Moscow)*

* Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor of work and engineering psychology, faculty of psychology, Lomonosov Moscow state University

** Candidate of psychological Sciences, assessment consultant in Landmark – Assessment & Development Centers

The article is focused on the problems of psychological rest research due to rest problems of professionals in dynamic organizational environment. The main rest research trends and topics are defined. Two approaches of rest planning (proactive and reactive) are discussed. As an example of rest research in specific occupations the results of rest planning data in psychologists are presented. The research data about the relationship between type of rest approach and coping efficiency under tensed work conditions, obtained in professionals of different residence regions showed that proactive approach to great extent contributes to stress prevention.

Keywords: rest, work, psychological self-regulation of a functional state, recovery, proactive and reactive approach to rest.

Составляющие психологической готовности инженера к инновационной деятельности¹

Е. В. Леонова (Калуга)

*кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;
e-mail: evl.tksu@yandex.ru*

Анализируется содержание профессиональной деятельности инженера на различных этапах технологического цикла производства инновационного продукта. Обосновано принципиальное различие подходов к построению профессиограммы инновационного инженера и человека-оператора. Обосновано включение в модель психологической готовности к инновационной деятельности мотивационно-ценностных, личностных, социально-психологических компонентов, необходимых для успешности профессиональной деятельности инновационного инженера и имеющих различную значимость в зависимости от этапа разработки продукта. Определены методы их оценки. На выборке студентов инженерных направлений подготовки ИАТЭ НИЯУ МИФИ показано, что профессионально важные качества и компетенции инновационного инженера у студентов формируются стихийно.

Ключевые слова: профессионально важные качества инженера, инновационная деятельность, этапы производства инновационного продукта, модель психологической готовности к инновационной деятельности.

Постановка проблемы

В классических работах по психологии труда (Б. Г. Ананьев, В. А. Бодров, К. М. Гуревич, В. Н. Дружинин, Е. А. Климов, Н. В. Кузьмина, А. Б. Леонова, А. Г. Маклаков, А. К. Маркова, Ю. К. Стрелков, Б. М. Теп-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-16-40008a(p).

лов) центральное место занимает анализ трудовой деятельности человека-оператора и построение соответствующей профессиографической модели, включающей описание условий профессиональной деятельности специалиста, объективных требований к психофизиологическим и личностным свойствам специалиста, которые обеспечивают успешное выполнение профессиональных обязанностей в соответствии с формами и содержанием трудовой деятельности (Бодров, 2007). В отличие от человека-оператора, профессиональная деятельность инновационного инженера может быть конкретизирована и профессиографически детализирована в гораздо меньшей степени. Если для профессиональной деятельности оператора первоочередными выступали психофизиологические качества работника как показатели его надежности, то в современных условиях иницилирующее, творческое начало специалиста является ключевым для его успешной профессиональной деятельности. Заметим также, что перечисленные в профессиональных стандартах инженеров различного профиля умения по-разному значимы при наличии либо отсутствии таких качеств, как инициативность, креативность, восприимчивость к новому, умение работать в команде, лидерские качества, организованность.

К инновационной деятельности сегодня принято относить поиск новаторских идей и решений на всех этапах производства. Полный технологический цикл от зарождения идеи, ее технологической проработки и документального оформления до проведения необходимых коммерческих процедур с целью выхода на рынок в качестве товара, услуги или технологии описан Т. Ф. Берестовой (Берестова, 2008). С. В. Пшеничников определяет структуру инновационной деятельности как взаимосвязанную совокупность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), технологических разработок, подготовки и проведения промышленных испытаний, патентной и лицензионной деятельности, поиска инвестиций, приобретения патентов, лицензий и ноу-хау, сертификации и стандартизации, маркетинга, подготовки и переподготовки кадров (Пшеничников, 2010). Эти этапы (идея–разработка идеи–реализация в производстве) характерны для различных инновационных производств, что позволяет проанализировать необходимые на каждом этапе профессионально важные качества специалиста в обобщенном виде, тогда как определение профессионально важных качеств (ПВК) человека-оператора требует детализации конкретного вида профессиональной деятельности.

Следует отметить, что многие из современных подходов к определению инновационной деятельности и ее этапов значительно ра-

нее были обоснованы в посвященных проблеме творчества работах И. Канта (2006), П. К. Энгельмейера (1910), Р. Стернберга (2002), а также других отечественных и зарубежных авторов. П. К. Энгельмейер в «Теории творчества» указал на три акта творческой деятельности (Энгельмейер, 1910, с. 116–117): первый – интуиция и желание, происхождение замысла – начинается с проблеска идеи и заканчивается ее уяснением; второй – знание и рассуждение, выработка схемы, плана – дает полный и выполнимый план, схему, содержащие все необходимое и достаточное для реализации замысла, идеи; третий – умение, конструктивное выполнение замысла в материале – не требует творчества, но здесь нужна практическая подготовка, умения и навыки. Говоря о человеческих дарованиях, П. К. Энгельмейер обращает внимание на то, что классификация И. Канта – «гений, талант, прилежание» совпадает с этими актами творческой деятельности. Гений проявляется на первом этапе, где он «дарит» идею; талант – на втором этапе, предлагая план, схему; на третьем этапе достаточно прилежания и профессиональной подготовки. Законченность технического решения П. К. Энгельмейер видит в единстве идеи и ее внешнего воплощения, красоты идеи, замысла и мастерства ее исполнения.

Указанные три этапа творческой деятельности нашли свое отражение в теории Р. Стернберга, в соответствии с которой для получения значимого результата необходимо органичное сочетание синтетических, аналитических и практических способностей. К синтетическим способностям относятся способности к генерированию необычных, интересных идей, видению связей, невидимых для других людей, и нового целого среди разрозненных и на первый взгляд несвязанных частей; к аналитическим – умение мыслить критически, анализировать и оценивать идеи, что необходимо для оценки выдвинутых идей и проработки замысла; к практическим – умение превращать теорию в практику и находить абстрактным идеям практическое применение.

Обратим внимание на то, что в вышеизложенных подходах акцент ставится преимущественно на когнитивные предпосылки успешности творческой деятельности. Вместе с тем к настоящему времени выполнено достаточно исследований, авторы которых раскрывают мотивационно-ценностные, личностные, социально-психологические качества, необходимые для успешности инновационной деятельности. Как правило, в психограмму современного инновационного инженера включаются следующие группы ПВК: знания (фундаментальные, общетехнические, специальные, междисциплинарные); способность решать задачи (творческие, инженерные);

способность к проектированию и конструированию; способность к изобретательству; способность к постановке задачи и самостоятельному принятию решения; умение работать в команде; способность представлять решение в конечном виде; знание технологии производства.

В работах А. Г. Асмолова, С. А. Дружилова, А. К. Марковой, К. К. Платонова, В. Д. Шадрикова рассматриваются психологические предпосылки формирования ПВК будущего инженера, к числу которых авторы относят мотивационно-ценностную сферу личности, волевые качества, инициативность и настойчивость, стрессоустойчивость, стремление к самоактуализации в профессии, общие (интеллектуальные и творческие) и специальные способности. В исследовании О. А. Кудряшова, Т. А. Майбороды и Е. В. Селезневой на выборке 276 инженеров, осуществляющих инновационную деятельность на производстве, экспериментально доказано, что в число ПВК инновационного инженера входят целеустремленность, стремление к достижению успеха, к независимости, а также созданию образов, предметов, идей, не похожих на существующие (Кудряшов и др., 2013). Г. Н. Сериковым определены следующие структурные элементы готовности к инновационной деятельности: компетентность, профессиональная нравственность, инициативность и профессиональная состоятельность (Сериков, 2002). Как отмечает В. В. Синов (2007), современный инженер должен обладать восприимчивостью к новым идеям, умением генерировать идеи для инноваций, действовать в условиях неопределенности и риска, способностью к командной работе, высокой продуктивностью и коммуникабельностью. Профессионально важным качеством инженера современного инновационного предприятия становится субъектность – иницирующе-творческое начало в человеке, проявляющееся в самостоятельной осознанной активности, актуализации и развитии своих возможностей (ресурсов) для достижения поставленных целей.

Модель психологической готовности инженера к инновационной деятельности

Разработанная нами модель психологической готовности инженера к инновационной деятельности (см.: Леонова и др., 2016) включает следующие этапы разработки инновационного продукта: 1) преобразование первичной идеи в инновационный замысел, оформление инновационного предложения; 2) проведение всестороннего экспертного анализа инновационного предложения с привлечением специалистов различного профиля; 3) разработка технологии про-

изводства инновационного продукта. Установлено, что профессионально важные качества и компетенции инженера имеют свою специфику для каждого из перечисленных этапов:

Первый этап: восприимчивость к новым идеям, высокий уровень развития интеллектуальных способностей, инициативность, способность быстро адаптироваться к меняющимся условиям, способность к инженерному творчеству, изобретательству и рационализации, способность генерировать новые идеи, способность к продолжению работы в условиях неопределенности, отсутствия ожидаемого результата.

Второй этап: личная ответственность за достижение поставленных целей, готовность отстаивать свои проекты, планы, разработки, несмотря на внешнее сопротивление, мотивация достижения успеха в профессии, способность самостоятельно принимать решение, умение доводить результаты научных исследований до нового либо усовершенствованного продукта (технологии).

Третий этап: высокая самоорганизация, лидерские качества, вера в свою способность контролировать события, мобилизация воли для достижения конечного результата, самоконтроль и рефлексия в профессиональной деятельности, стрессоустойчивость, способность к командной работе, умение организовать работу исполнителей для выполнения проекта, умение осваивать и использовать новую технику, технологии, готовность к применению прогрессивных производственных технологий.

Помимо этого, для результативности инновационной деятельности на каждом этапе важны такие базовые субъектные качества инженера, как потребность в непрерывном образовании и саморазвитии; стремление к развитию своих ресурсов, получению новых знаний, необходимых для достижения цели; наличие перспективных целей в жизни и профессии; построение карьеры в соответствии с собственными представлениями о смысле жизни; готовность к изменению профессиональной карьеры для достижения жизненных целей.

Организация и методический инструментарий исследования

Целью исследования являлись выявление и оценка сформированности указанных ПВК и компетенций у студентов инженерных направлений подготовки.

Выборку исследования составили 64 студента инженерных направлений подготовки ИАТЭ НИЯУ МИФИ. Контрольную группу составили 13 второкурсников ИАТЭ экономических направлений подготовки.

Для оценки ПВК и компетенций использовался комплект *психодиагностических методик*, включающий в себя: тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева; опросник по выявлению учебно-профессиональной мотивации А. А. Реана, В. А. Якунина; опросник по изучению отношений В. Н. Абрамовой; опросник по исследованию учебной активности А. А. Волочкова; опросник по изучению креативности Э. Торренса; опросник по исследованию коммуникативных и организаторских способностей В. В. Синявского и Б. А. Федоришина; методика диагностики самоактуализации личности (САМОАЛ); опросник 16PF Р. Кеттелла (16 фло). Анализ данных производился с помощью программы Statistica 13.

Результаты исследования

С помощью U-критерия Манна–Уитни были выявлены различия между студентами инженерных направлений подготовки и студентами социально-экономических направлений подготовки по показателям самоконтроля и рефлексии в профессиональной деятельности ($U=122$, $p\leq 0,01$), а также по шкале утилитарных мотивов ($U=131$, $p\leq 0,01$). Выявленные различия указывают на готовность будущих инженеров к ответственному профессиональному поведению и осознанному выбору дальнейшей профессиональной занятости, с получением достойной заработной платы. При сопоставлении результатов будущих инженеров, находящихся на разных ступенях профессиональной подготовки (2 и 4 курс) были выявлены различия в сфере познавательных потребностей: студенты четвертого курса продемонстрировали значимо более высокие показатели по шкале познавательных потребностей ($U=83$, $p\leq 0,01$).

Таким образом, по итогам анализа полученных данных по большинству профессионально значимых качеств инновационного инженера статистически значимых различий между студентами различных специальностей и различных курсов обучения выявлено не было. Данный факт мы связываем, во-первых, с отсутствием в вузе системы целенаправленного формирования компетенций и профессионально важных качеств инновационной деятельности у студентов инженерных направлений подготовки. Во-вторых, развитие психологических качеств, важных на каждом из трех этапов разработки инновационного продукта (в соответствии с предложенной моделью), значительно опережает начало обучения в высшей школе, но не оценивается у абитуриентов при поступлении в вуз. В-третьих, на развитие ПВК и компетенций инновационного инженера, относящихся к общим способностям человека, а не к специальным

знаниям, оказывают влияние все организационные формы образования: формального (школа, вуз), неформального (дополнительного) и информального (самостоятельного) образования.

Литература

- Берестова Т. Ф.* Инновация и инновационная деятельность: пределы понятия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. №3 (15). С. 70–76.
- Кант И.* Критика способности суждения // И. Кант. Соч.: В 4 т. Т. II. М., 2006.
- Кудряшов О. А., Майборода Т. А., Селезнева Е. В.* Личностно-профессиональный потенциал инженера-новатора // Вестник АПК Ставрополя. 2013. №3 (11). С. 10–13.
- Леонова Е. В., Седин В. И., Борботько М. В., Морозова А. Н., Шилова А. А.* Модель психологической готовности к инновационной деятельности // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных и общественных наук. Вып. 17. Калуга, 2016. С. 182–187.
- Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия / Сост. В. А. Бодров. М., 2007.
- Пшеничников С. В.* Инновационная деятельность и ее структура // Вестник ОмГУ. Сер. «Экономика». 2010. №2. С. 72–75.
- Сериков Г. Н.* Образование и развитие человека: монография. М., 2002.
- Синов В. В.* Человеческие ресурсы инновационной деятельности // Креативная экономика. 2007. №5. С. 58–65.
- Стернберг Р.* Практический интеллект. СПб., 2002.
- Энгельмейер П. К.* Теория творчества. СПб., 1910.

Components of engineers' psychological readiness to innovation activity

E. V. Leonova (Kaluga)

Candidate of psychological Sciences, Docent, head of Department of General and Law Psychology Department, Tsiolkovsky Kaluga State University

The content of the engineer professional activity on the stages of the production cycle of innovation analyzed. The fundamental difference of approaches to profессиogram modeling for innovative engineers and operators is shown. Model of psychological readiness for innovation includes motivational and values, personality, socially-psychological qualities re-

quired for innovative engineers' professional activity success. According to the model of psychological readiness for innovation psychological qualities and competencies required for innovative engineers' professional activity success are determine. These qualities and competencies are not formed purposefully, the results show.

Keywords: innovation, innovation production stages, innovative engineers' professional qualities, professiogram, the model of psychological readiness to innovation activity, innovation activity of engineer, competencies of engineering student.

Эмоциональное выгорание и особенности ценностно-мотивационной сферы представителей социномических профессий

С. Г. Ловков, С. А. Гапонова**, И. А. Майорова*** (Нижний Новгород)*

** аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; e-mail: lovscom@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и организационной психологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; e-mail: sagap@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности Приволжского института повышения квалификации ФНС России; e-mail: maiorova-irina@mail.ru*

Исследовались развитие эмоционального выгорания и особенности ценностно-мотивационной сферы у медицинских работников как представителей социномических (помогающих) профессий. Показано, что существует связь между развитием эмоционального выгорания и ведущими потребностями личности: чем выше уровень потребности в пирамиде Маслоу, тем ниже уровень выгорания. Выявлена связь между развитием эмоционального выгорания и ценностными ориентациями личности: преобладание альтруистических ценностей замедляет развитие эмоционального выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, ценностно-мотивационная сфера, работники социномических (помогающих профессий).

Постановка проблемы

Современное общество характеризуется все увеличивающимся числом социальных контактов, в которые вынуждены вступать люди как в процессе своей трудовой деятельности, так и в повседневной жизни. Другим характерным признаком современного общества является конкуренция, которая, как в скрытой, так и в явной форме сопровождает человека практически во всех сферах его существо-

вания. Крайней выраженности эти нагрузки чаще всего достигают у представителей социономических или «помогающих» профессий. Эти профессии относятся к сфере отношений «человек–человек» и включают такие распространенные специальности, как врач, педагог, психолог, юрист, социальный работник и пр.

К особенностям социономических профессий относится то, что основным орудием труда в них является сам субъект со своими навыками, компетенциями, личностными качествами и т. д., его работа сопряжена с повышенной моральной ответственностью, глубокой личностной включенностью в деятельность.

Если говорить о профессиях, подверженных в этом аспекте наибольшим рискам, то это профессии медицинских работников. Не случайно впервые феномен эмоционального выгорания был выделен именно у врачей и, несмотря на то, что после его открытия прошло достаточно много времени, подлинный механизм этого явления все еще недостаточно изучен (Орёл, 2005).

Существующие на данный момент теоретические подходы к изучению выгорания можно условно разделить на две группы. Первая группа объединяет так называемые структурные или результативные подходы. В них выгорание представляется как совокупность нескольких конструктов, действующих относительно независимо друг от друга. Модели, предлагаемые исследователями в рамках этой группы, отличаются лишь количеством и составом входящих конструктов. Наиболее распространенной оказалась трехкомпонентная модель (Maslach, Jackson, 1984), которая выделяет конструкты истощения, являющиеся следствием эмоциональной нагрузки, деперсонализации, выражающиеся в нежелании эмоционального вовлечения в общение с другими и редукции личностных достижений. При всей своей проработанности структурные модели не отвечают на вопрос о развитии эмоционального выгорания.

Группа процессуальных подходов рассматривает феномен эмоционального выгорания как процесс, проходящий ряд последовательных стадий. Хотя в этой группе также имеется несколько различных моделей, большинство из них так или иначе сводит процесс выгорания к хорошо известным стадиям развития стресса: напряжению, сопротивлению и истощению.

Что касается факторов, влияющих на развитие эмоционального выгорания, то их принято разделять на три группы: внутренние, внешние и ролевые. Внутренние факторы определяются свойствами самой личности. Многие исследователи отмечают среди них интроверсию, внешний локус контроля, пониженную самооценку и пр. (Водопьянова, 2009; Орёл, 2005). Внешние факторы включают влия-

ние среды и могут именоваться также организационными. Наконец, ролевые факторы являются результатом взаимодействия личности сотрудника с организационной средой. Чаще всего это выражается в ролевых конфликтах, неопределенности ролей и пр.

Вместе с тем в ряде работ отмечается неоднозначность влияния тех или иных факторов на развитие выгорания или их недостаточная корреляция. В описаниях феномена выгорания часто используются понятия «более высоких порядков» – «крушение иллюзий», «потеря идеализма», «эрозия души» (Маслач, Гриффитс, 1984; Орёл, 2001; Ермакова, 2010). В. Е. Орёл указывает на общеличностный, тотальный характер феномена. Начинаясь в профессиональной сфере, он со временем пронизывает все области человеческой жизнедеятельности. По мнению автора, речь идет о некотором образовании, «антисистеме», работа которой нарушает когнитивные, регуляционные и мотивационные функции. Е. В. Ермакова, напротив, считает необходимым отказаться от гипотезы существования «антисистемы», предположив вместо этого исследование рассогласования самой системы, реализующей указанные функции.

В настоящее время существует несколько теорий, описывающих интересующую нас систему. Это, например, диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности В. А. Ядова и концепция динамической смысловой системы Д. А. Леонтьева. Обе указывают на ведущую роль ценностей и ценностных ориентаций в процессах восприятия окружающего мира и осуществления деятельности (Ядов, 1994; Леонтьев, 2003).

В зарубежной психологии подобный подход представлен в работах В. Франкла (Франкл, 2001). И хотя сам Франкл не ставит своей целью описание системы, осуществляющей названные выше функции, он говорит о том, что важное место в организации восприятия и деятельности играют смыслы, которые, в свою очередь, реализуются в виде совокупности ценностей.

Таким образом, можно говорить о том, что ценности и ценностные ориентации, во многом определяющие протекание деятельности человека, должны оказывать значимое влияние и на развитие эмоционального выгорания.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью проведенного исследования было выявление взаимосвязи между развитием эмоционального выгорания и особенностями ценностно-мотивационной сферы у медицинских работников как представителей социномических профессий.

Гипотезы исследования

- Существует связь между развитием эмоционального выгорания и ведущими потребностями личности. Чем выше уровень потребности, согласно «пирамиде» Маслоу, тем ниже уровень выгорания.
- Существует связь между развитием эмоционального выгорания и ценностными ориентациями личности. Преобладание альтруистических ценностей замедляет развитие эмоционального выгорания.

Выборку исследования составили 44 сотрудника Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Нижегородской области «Детская городская поликлиника №39». Возраст испытуемых – от 35 лет до 61 года. Все испытуемые имеют среднее специальное или высшее образование. В силу специфики организации в выборку вошли только женщины. Стаж работы испытуемых по специальности составляет не менее 10 лет.

Методики исследования

Для решения поставленных задач использовались следующие методики: 1) методика ценностных ориентаций М. Рокича; 2) методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей по модели А. Маслоу; 3) «Шкала экзистенции» А. Лангле; 4) методика диагностики уровня профессионального выгорания В. В. Бойко; 5) методика МВІ, определяющая степень развития выгорания в рамках структурного подхода (Бойко, 1996; Водопьянова, Старченкова, 2008). Обработка результатов проводилась с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты исследования

Обсуждение результатов исследования следует начать с обзора данных о развитии выгорания. Методика МВІ, созданная в рамках структурного подхода, показала, что у 18% испытуемых наблюдается низкий уровень эмоционального выгорания, у 47% – средний, у 35% – высокий. Похожие результаты показывает методика диагностики уровня профессионального выгорания В. В. Бойко, основанная на процессуальном подходе. Согласно ей, выгорание отсутствует у 14% сотрудников; 5% сотрудников испытывают начальную стадию эмоционального выгорания – напряжение. 59% испытуемых перешли на стадию сопротивления. Наконец, 23% принявших

участие в исследовании находятся на завершающей стадии истощения.

Таким образом, полученные результаты хорошо согласуются с данными других авторов, согласно которым распространенность эмоционального выгорания среди представителей социально-экономических профессий составляет 60–80% (Трухан, Азарко, 2013).

Методика определения удовлетворенности основных потребностей показала, что для 5% испытуемых ведущими являются материальные потребности; 73% выделяют в качестве основной потребность в безопасности; 22% – социальные потребности. В силу небольшого объема выборки анализировать уровень выгорания в группе с материальными потребностями не имеет смысла, поскольку результат анализа в любом случае будет иметь низкую достоверность. Вместе с тем можно отметить, что средний уровень выгорания в этой группе выше, чем в двух других (221 балл по методике В. В. Бойко). Группа испытуемых с актуальной потребностью в безопасности имеет средний уровень выгорания (152 балла по методике В. В. Бойко), что существенно выше, чем уровень выгорания, продемонстрированный группой с социальными потребностями (107 баллов). Различие между показателями выгорания последних двух групп является статистически значимым ($t_{\text{ст}}=3,29$; $df=19$; $p=0,0038$).

Можно сделать вывод о том, что развитие эмоционального выгорания связано с актуальными потребностями сотрудников. Чем выше уровень потребности, согласно модели А. Маслоу, тем медленнее развивается эмоциональное выгорание. При этом следует помнить, что данные по группе с актуальными материальными потребностями не являются достоверными. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что минимальные уровни выгорания были практически одинаковы в группах с социальными потребностями и потребностью в безопасности, а почти 40% испытуемых с актуальной потребностью в безопасности имеют уровень выгорания не выше, чем испытуемые с ведущими социальными потребностями. Это говорит о том, что существуют и другие факторы, вызывающие дисперсию внутри указанных групп.

При анализе результатов, полученных с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича, обращает на себя внимание распределение выраженности инструментальных ценностей, отражающих отношение индивида к другим. Можно назвать это альтруистической, индивидуалистической или конформистской ориентацией личности. В проведенном исследовании численность группы с альтруистической ориентацией составила 18%, с индивидуалистической – 68%, с конформистской – 14%. Что касается уровня вы-

горания, полученного по методике В. В. Бойко, то для группы с альтруистической ориентацией он составил 113 баллов, для группы с индивидуалистической ориентацией – 167 баллов, а для группы с конформистской ориентацией – 154 балла. Таким образом, различие между уровнями выгорания в первых двух группах является статистически значимым ($t_{ст}=5,04$; $df=22$; $p=0,0003$).

Можно сделать вывод о том, что альтруистическая ориентация личности препятствует развитию эмоционального выгорания. Однако так же, как и при рассмотрении ведущих потребностей, обращает на себя внимание довольно большая дисперсия уровней выгорания. Особенно это заметно на группе с альтруистической ориентацией. Две трети испытуемых этой группы имеют самые низкие уровни выгорания из всех, обнаруженных в исследовании. Уровень выгорания оставшейся трети превышает даже средний уровень для группы с индивидуалистической ориентацией. Таким образом, очевидно влияние некоего постороннего фактора, препятствующего продуктивной регуляции деятельности на основе ценностей.

Как уже обсуждалось ранее, влияние ценностей на протекание деятельности носит опосредованный характер. Существуют различные концепции, объясняющие механизм этого влияния. Во многих из них ключевым является понятие смысла, который становится связующим звеном между ценностями и конкретной деятельностью. Для практической оценки способности человека транслировать содержание собственных ценностей посредством смыслов в деятельность нами применялась методика «Шкала экзистенции» А. Лангле, основанная на работах В. Франкла. Четыре шкалы этой методики показывают, насколько успешно человек может находить и реализовывать в конкретной ситуации смыслы, отражающие его ценности.

Анализ данных, полученных с помощью методики «Шкала экзистенции», показывает, что испытуемые с низким уровнем эмоционального выгорания набрали очень высокие баллы по шкале «Ответственность» (от 65 до 83). И наоборот, те, у кого уровень выгорания был высоким, набрали от 37 до 51 балла по этой шкале. Разумеется, речь здесь идет только об испытуемых с альтруистической ориентацией. Низкие показатели ответственности трети из них свидетельствуют о том, что эти люди не могут в полной мере реализовать альтруистические ценности, которые в наибольшей степени отвечают профессии медицинского работника.

В своих работах В. Франкл описывает подобные затруднения в реализации ценностей (Франкл, 2001). По его мнению, это связано с конфликтом ценностей. Однако большинство ценностей представлено в виде иерархии, основой которой служит их личностное пережива-

ние, т. е. в случае конфликта именно это переживание почти во всех случаях довольно быстро выберет «главную» ценность, конфликт будет разрешен. Если этого не происходит, то, очевидно, указанная ценность не переживается человеком. В контексте данного исследования это означает, что часть испытуемых лишь декларирует альтруистические ценности. При этом в условиях конкретной деятельности у них возможно возникновение конфликта ценностей, что закономерно приводит к значительному повышению уровня выгорания.

Заключение

Целью данного исследования было подтверждение гипотезы о связи развития эмоционального выгорания с особенностями ценностных ориентаций и ведущих потребностей личности на примере медицинских работников. Эти гипотезы подтвердились. Полученные в исследовании результаты показывают, что:

- 1) существует связь между актуальной потребностью и развитием эмоционального выгорания: у медицинских работников, для которых ведущей была потребность в безопасности, уровень эмоционального выгорания был существенно выше, чем у тех, для кого ведущими были социальные потребности;
- 2) существует связь между ценностными ориентациями и развитием эмоционального выгорания: у медицинских работников с альтруистической ориентацией уровень эмоционального выгорания был существенно ниже, чем у испытуемых с индивидуалистической ориентацией.

Кроме того, поскольку исследование проведено на медицинских работниках, которые относятся к высшему типу по критерию «трудности и вредности» среди социономических профессий, то его результаты, касающиеся взаимосвязи эмоционального выгорания и характеристик ценностно-мотивационной сферы, можно распространить и на другие профессии данной группы: педагогов, социальных работников, юристов и пр.

Литература

- Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других: Учебное пособие. М., 1996.
- Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб., 2008.

- Ермакова Е. В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 27–39.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
- Орёл В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 90–101.
- Орёл В. Е. Синдром психического выгорания личности. М., 2005.
- Трухан Е. А., Азарко Т. В. Полимотивированность деятельности и профессиональное выгорание // Психологический журнал. 2013. № 1/2. С. 43–50.
- Франкл В. Теория и терапия неврозов: Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ. СПб., 2001.
- Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Maslach C., Jackson S. E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // Journal of Health and Human Resources Administration. 1984. V. 7. P. 189–212.

Emotional Burnout and especially value-motivational sphere of representatives socioeconomic professions

S. G. Lovkov, S. A. Gaponova**, I. A. Maiorova*** (Nizhny Novgorod)*

* Postgraduate of chair of social and organizational psychology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University of K. Minin

** Doctor of psychological Sciences, Professor at the Department of chair of social and organizational psychology of Nizhni Novgorod State Pedagogical University of K. Minin

*** Candidate of psychological Sciences. Senior lecturer of the Department psychology chair, Privolzhsky Institute of improvement of professional skill of the FTS of Russia

Investigated the development of burnout and especially value-motivational sphere among health workers as representatives of socioeconomic (helping) professions. It is shown that there is a link between the development of burnout and the needs of the individual: the higher the level of Maslow's pyramid of needs, the lower the level of burnout. Revealed the relationship between the development of burnout and value orientations of personalities: dominance of altruistic values slows the development of burnout.

Keywords: Burnout, value-motivational sphere workers socioeconomic (helping) professions.

Связь результативности инновационной и рутинной бизнес-деятельности¹

Г. Г. Минасян, Д. И. Канахин** (Саратов)*

** младший научный сотрудник Центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН на базе Поволжского институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС;
e-mail: gubaidyllina@mail.ru*

*** магистрант Поволжского институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС;
e-mail: daniil.kanakhin@yandex.ru*

В данной статье рассматривается проблема соотношения инновационной и рутинной бизнес-деятельности. Описывается процедура экспериментального исследования данных видов деятельности. Приводятся результаты сравнения результативности инновационной деятельности в бизнесе и рутинной бизнес-деятельности. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии линейной связи между результативностью данных видов деятельности, однако сравнение долей испытуемых с различным уровнем результативности, а также результаты регрессионного анализа показывают, что большинство испытуемых с низким результатом инновационной деятельности получили высокий результат при выполнении бизнес-деятельности. На основании проведенного анализа авторами выдвигается предположение о различии личностных факторов, определяющих результативность инновационной и рутинной бизнес-деятельности.

Ключевые слова: инновационная деятельность, бизнес-деятельность, результативность, рутинная деятельность, экономическая психология.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-36-01054 «Психологические особенности инновационной активности российских бизнесменов».

Постановка проблемы

Одной из наиболее социально важных проблем современной России является обеспечение устойчивого профессионального функционирования бизнеса, его перевод на инновационный путь. Бизнес как вид профессиональной деятельности в современном мире вошел в число ведущих профессиональных занятий, что требует осмысления и изучения психологических компонентов, детерминирующих профессиональное развитие бизнесмена, его направленность и ценностные компоненты. Выделение психологических особенностей инновационной деятельности и ее анализ способны расширить психологические знания об особенностях формирования и развития необходимых личностных и профессиональных качеств у человека, наметить пути совершенствования процесса профессиональной подготовки предпринимателей, уточнить и обеспечить психологический фундамент для оптимизации государственной политики в сфере стимулирования инновационной активности малого и среднего бизнеса.

Профессиональная деятельность бизнесмена включает в себя два режима. Первый режим можно обозначить как рутинный, автоматический. Согласно определению Р. Нельсона и С. Уинтера, рутины в экономике представляют собой «нормальные и предсказуемые образцы поведения» (Нельсон, Уинтер, 2002), т. е. выбор решения, основывающийся на предыдущем удачном опыте. С точки зрения бизнес-деятельности рутинной можно назвать деятельность, базирующуюся на использовании распространенных бизнес-схем, доказавших свою состоятельность. Традиционно именно этот вид деятельности попадает в поле зрения исследователей, занимающихся изучением психологических особенностей бизнесменов (Иванова, Патоша, 2012; Журавлёв, Позняков, 2012; Штроо, 2015; и др.). В рамках второго режима – инновационного – можно предположить существенное сближение бизнес-деятельности с характеристиками творческой деятельности (Ермасов, 2004; Неверов, 2005; и др.). При этом важным является предположение о том, что инновационное творчество в бизнесе не совпадает с творчеством изобретателя, поскольку заключается в создании только того, что участвует в процессе экономического обмена. Кроме того, анализ мотивов, выделяемых специалистами в соответствующих проблемных областях, показал, что инновационная деятельность отличается от научной, изобретательской и экономической, однако эмпирическая проверка этого положения не проводилась.

Процедура и методический инструментарий экспериментального исследования

В качестве *гипотезы исследования* выступало предположение о наличии различий между инновационной и рутинной бизнес-деятельностью.

С целью проверки данной гипотезы было проведено экспериментальное исследование, в ходе которого испытуемые выполняли оба этих вида деятельности; по итогам их проведения осуществлялось сравнение результативности инновационной и бизнес-деятельности.

Выборку исследования составили 71 испытуемый от 16 до 19 лет, студенты экономических специальностей. Среди испытуемых – 79% женского пола, 14% мужского и 7% не указали пол.

Процедура исследования

В рамках выполнения *рутинной бизнес-деятельности* испытуемые принимали участие в экономическом тренажере, отражающем экономическую систему совершенной экономики (рыночные цены формируются исходя из закона спроса и предложения, т. е. полностью зависят только от принимаемых участниками решений). Испытуемым предлагалось принять решения о покупке и продаже товаров на протяжении десяти итераций. Последующие решения зависели от результатов предыдущих. Начальные условия используемой симуляционной модели содержат фиксированный набор экономических благ, распределенных на группы в соответствии с определенной ценовой категорией: товары первой необходимости, товары средней ценовой категории, предметы роскоши. На начало выполнения деятельности испытуемые находились в равных условиях, однако различались по стартовой позиции (продавец–покупатель). На последующих ходах испытуемые могли покупать и продавать товары, имеющиеся у них в наличии. Целью деятельности для них выступало получение прибыли, определяемой как разница между стартовыми условиями и конечным результатом.

В ходе выполнения инновационной деятельности испытуемые должны были составить бизнес-план нового продукта. Были разъяснены блоки, по которым необходимо было составить описание. Полученные бизнес-планы оценивались пятью экспертами, имеющими опыт в сфере бизнес-планирования и предпринимательской деятельности. Оценки ставились по 10-балльной шкале по трем параметрам: оригинальность, обоснованность, реалистичность. По-

сле оценки вычислялась средняя от этих трех параметров, обозначенная нами как инновационность.

Для выявления влияния социальных факторов проводилась оценка уровня доходов семьи: в группу с доходом от 0 руб./мес. до 15000 руб./мес. попали 14% испытуемых; от 15001 руб./мес. до 45000 руб./мес. – 49%; от 45001 руб./мес. до 75000 руб./мес. – 27%; от 75001 руб./мес. до 150000 руб./мес. – 3%; не указали доход своей семьи – 7%. Также испытуемые отметили уровень своей материальной обеспеченности: низкий уровень отметили 4%; ниже среднего – 6%; средний – 61%; выше среднего – 21%; не указали – 7%.

Для сопоставления уровня результативности мы разделили респондентов на группы: с высоким, средним и низким результатом инновационной деятельности и с высоким, средним и низким результатом рутинной бизнес-деятельности. В группу с высоким результатом бизнес-деятельности попали испытуемые, получившие по результатам деятельности прибыль. В группу со средним результатом попали испытуемые, не получившие прибыль, но «не ушедшие в долги». Группу с низким результатом составили испытуемые, имеющие при завершении деятельности отрицательный уровень денежных средств («ушедшие в долги»). Низкий результат деятельности показали 6% испытуемых; средний результат – 76%; высокий результат деятельности – 18%. По уровню результативности инновационной деятельности 12,5% испытуемых показали низкий уровень, 62,5% – средний, 23,6% – высокий.

После этого мы рассчитали доли испытуемых с высоким, средним и низким результатом рутинной бизнес-деятельности в каждой группе испытуемых инновационной деятельности.

Результаты исследования

В первую очередь мы рассмотрели группу с низкой результативностью инновационной деятельности (рисунок 1).

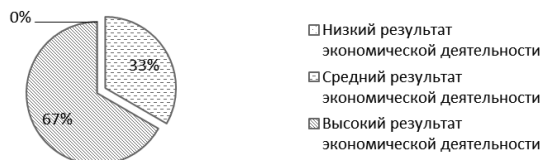

Рис. 1. Результативность рутинной бизнес-деятельности испытуемых с низкой результативностью инновационной деятельности

Как видно из диаграммы, большинство испытуемых (67%), имеющих низкий результат инновационной деятельности, показали высокий результат экономической деятельности. Оставшиеся респонденты (33%) – средний результат. Примечателен тот факт, что в данную группу не попали респонденты с низким результатом бизнес-деятельности.

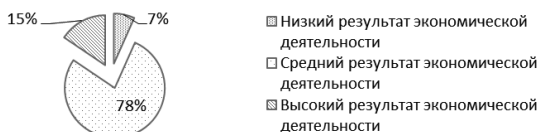

Рис. 2. Результативность рутинной бизнес-деятельности испытуемых со средней результативностью инновационной деятельности

Данная диаграмма (рисунок 2) показывает, что большинство испытуемых (78%) со средним уровнем инновационной деятельности также получили средний результат экономической деятельности. 15% испытуемых показали высокий результат, и самая меньшая доля пришлось на респондентов с низким результатом бизнес-деятельности (7%).

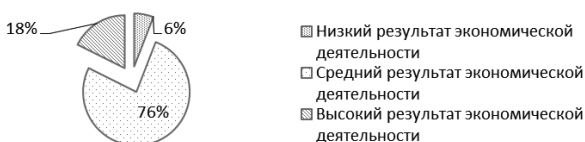

Рис. 3. Результативность рутинной бизнес-деятельности респондентов с высокой результативностью инновационной деятельности

Эта диаграмма (рисунок 3) показывает, что, как и в случае со средней результативностью инновационной деятельности, большинство испытуемых получили средний результат бизнес-деятельности. На втором месте – высокая результативность (18%); наименьшее количество соответствует низкому уровню бизнес-деятельности (6%).

По результатам данного анализа можно предположить, что существует обратная связь между результативностью инновационной и рутинной бизнес-деятельностью. С целью проверки данной гипотезы нами был проведен корреляционный анализ, результаты, которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень связи результативности инновационной и рутинной бизнес-деятельности (при уровне значимости $p < 0,05$)

Показатель результативности инновационной деятельности	Результативность бизнес-деятельности
Оригинальность	0,080284
Реалистичность	-0,131174
Обоснованность	-0,096049
Инновационность	-0,075329

Корреляционный анализ показал, что статистические связи между результативностью инновационной и бизнес-деятельностью отсутствуют, однако видна обратная направленность практически по всем показателям результативности инновационной деятельности.

Тот факт, что корреляционный анализ обычно демонстрирует наличие линейной связи, а его показатели в проведенных нами расчетах близки к нулю, может свидетельствовать о наличии нелинейных связей между исследуемыми параметрами. С целью проверки данной гипотезы нами было рассчитано корреляционное отношение между показателями результативности. Показатель корреляционного отношения $\eta = 0,127$ при $p < 0,05$, что также свидетельствует об отсутствии функциональных связей.

Далее нами было рассчитано уравнение регрессии с выбором в качестве зависимой и независимой переменных поочередно сначала результативности инновационной и рутинной бизнес-деятельности, а затем – наоборот. Результаты представлены в таблицах 2–3.

Таблица 2

Зависимость результативности рутинной бизнес-деятельности от результативности инновационной деятельности

Итоги регрессии для зависимой переменной: результат рутинной бизнес-деятельности (Таблица данных 1); $R=0,06926926$, $R^2=0,00479823$, $p < 0,05$						
	БЕТА	Ст. Ош. – БЕТА	B	Ст. Ош. – B	t (69)	p-знач.
Св. член			5,54	0,82	6,72	0,00
Инновационность	-0,06	0,12	-0,03	0,05	-0,57	0,56

Уравнение регрессии в данном случае примет следующий вид: $y = 5,54 - 0,03x$, где y – результативность рутинной бизнес-деятельности, x – результативность инновационной деятельности.

Таблица 3

Зависимость результативности инновационной деятельности от результативности рутинной бизнес-деятельности

Итоги регрессии для зависимой переменной: инновационность; R=0,06926926, R2=0,00479823, p<0,05						
	БЕТА	Ст. Ош. – БЕТА	B	Ст. Ош. – B	t (69)	p-знач.
Св. член			14,6	1,39	10,50	0,00
Результат рутинной бизнес-деятельности	-0,06	0,12	-0,14	0,25	-0,57	0,56

Уравнение регрессии в данном случае примет следующий вид: $y = 14,66 - 0,14x$, где y – результативность инновационной деятельности, x – результативность рутинной бизнес-деятельности.

Полученные в рамках проведенного исследования данные свидетельствуют об отсутствии статистически значимых связей между результативностью инновационной и рутинной бизнес-деятельности в условиях совершенной экономики. Результаты регрессионного анализа отражают негативное влияние результативности данных видов деятельности друг на друга. Так, согласно полученному уравнению, при увеличении результативности инновационной деятельности на 1 единицу, результативность рутинной бизнес-деятельности уменьшается на 0,14. Сходная тенденция наблюдается и в обратном случае. При увеличении результативности рутинной бизнес-деятельности на 1 единицу, результативность инновационной деятельности уменьшается на 0,03, т. е. результативность инновационной деятельности оказывает более негативное влияние на результативность рутинной бизнес-деятельности, чем обратное влияние.

Заключение

В рамках нашего исследования путем проведения корреляционного и регрессионного анализов получены данные об отсутствии линейной зависимости между результативностью инновационной и рутинной бизнес-деятельности. При этом сравнение долей испытуемых с различным уровнем результативности показало, что большинство испытуемых с низким результатом инновационной деятельности показали высокий результат при выполнении бизнес-деятельности. Полученные результаты позволяют выдвинуть статистически обоснованную гипотезу о том, что на результативность инновационной и бизнес-деятельности оказывают влияние различные личностные факторы. Данная гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

Литература

- Ермасов С. В. Психологические основы предпринимательской деятельности // Психология и экономика. 2004. № 1. С. 70–89.
- Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М., 2012.
- Иванова Н. Л., Патюша О. И. Наставничество как фактор самоопределения личности в бизнесе // Психология обучения. 2012. № 12. С. 88–99.
- Минасян Г. Г. К вопросу о ведущем мотиве инновационной деятельности // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2014. № 3 (35). С. 57–64.
- Неверов А. Н. Предприниматель как экономический субъект // Психология и экономика. 2005. № 2. С. 136–148.
- Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
- Штроо В. А. Индивидуальность в бизнесе и организации // Организационная психология. 2015. Т. 5. № 4. С. 82–86.

Relationship between the effectiveness of innovative and routine business activities

G. G. Minasyan, D. I. Kanakhin** (Saratov)*

* Junior research officer of the Center of Psycho-Economic Researches of the SSC RAS on the basis of the Stolypin Volga Region Institute of Administration – branch of RANEPA

** Undergraduate, the Center of Psycho- Economic Researches of the SSC RAS on the basis of the Stolypin Volga Region Institute of Administration – branch of RANEPA

In this article it is considered the problem of the correlation of innovation and routine business activities. The procedure of experimental research of these types of activities is described. The results of comparing the effectiveness of innovation in business and routine business activities are presented. The obtained data testify to the absence of a linear relationship between the effectiveness of these activities, however, comparing the proportions of subjects with different levels of effectiveness, as well as the results of regression analysis, show that the majority of subjects with a low innovation result achieved a high result in doing business. Based on the analysis carried out by the authors, it is made the assumption about the difference in personal factors that determine the effectiveness of innovative and routine business activities.

Keywords: innovation activity, business activity, efficiency, routine activity, economic psychology.

Профессиональная мотивация педагогов в структуре личностного самоактуализационного потенциала

С. А. Наличаева (Севастополь)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Филиала Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова в Севастополе; e-mail: espritsn@yandex.ru*

Самоактуализация составляет основу продуктивности педагогической деятельности. Самоактуализационный потенциал является системообразующим ресурсом личности педагога. Проблема управления собственными ресурсами личности педагога находит свое отражение в системном и комплексном феномене жизнеспособности. Существуют различия в структуре мотивации у педагогов с разным личностным самоактуализационным потенциалом. В структуру высокого личностного самоактуализационного потенциала педагогов входят компоненты внутренней мотивации и мотивов выбора профессиональной деятельности, отражающие педагогическое призвание.

Ключевые слова: самоактуализация, личностный самоактуализационный потенциал, мотивация педагогов, жизнеспособность, ресурс личности педагога.

Введение

Самоактуализация является предиктором полноценного и продуктивного процесса профессионализации педагогов. В психологии самоактуализация рассматривается как фундаментальный процесс, присущий каждому организму (К. Гольдштейн), на уровне человека состоящий в реализации его потенциала как условия формирования полноценно функционирующей личности (К. Р. Роджерс), актуализации заложенных потенций с целью становления человека тем, кем он может быть (А. Маслоу). В отечественной психологии

самоактуализация определяется через категорию направленности и активности субъекта (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова). Важнейшее из качеств человека – быть субъектом, «творцом собственной истории, вершителем своего жизненного пути», инициировать и осуществлять практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и добиваться результатов (Брушлинский, 2002). В контексте этого подхода самоактуализация определяется как процесс становления человека субъектом собственной жизнедеятельности (Вахромов, 2001).

Особый интерес феномен самоактуализации представляет для педагогической деятельности, выступая в качестве условия успешной профессионализации педагогов. Ценностно-смысловые особенности личности, взаимосвязанные между собой и определяющие резистентность педагога к неблагоприятным психофизиологическим состояниям, профессиональному выгоранию (Дикая, Наличаева, 2011; Наличаева, 2011), составляют интегральную характеристику развития личности – *личностный самоактуализационный потенциал*. В самоактуализационный потенциал личности входят: потребность в самоактуализации и связанные с ней ценностно-смысловые особенности личности, мотивы, особенности самоотношения и отношения к профессии.

Самоактуализационный потенциал является системообразующим ресурсом личности педагога. Проблема управления собственными ресурсами личности педагога находит свое отражение в комплексном феномене жизнеспособности (Махнач, Дикая, 2016). Жизнеспособность – индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами – здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, строить нормальную, полноценную жизнь, преодолевая и разрешая возникающие трудности и проблемы (Махнач, Лактионова, 2007).

Одним из аспектов изучения самоактуализационного потенциала является анализ особенностей мотивационной сферы педагогов. Особый интерес представляет отношение педагогов к деятельности (особенности направленности, субъективно значимые характеристики деятельности, удовлетворенность профессией педагогов). Мотивы профессиональной деятельности можно условно разделить на мотивы трудовой деятельности, выбора профессии и места работы. Мотивы деятельности включают в себя побуждения общественного характера, стремление к материальным благам, удовлетворение потребности в самоактуализации и т. д. Выбор профессии является сложным, длительным мотивационным процессом; от правильного выбора профессии зависит удовлетворенность педагога

жизнью в целом. В основе выбора профессии могут лежать ценности общественного престижа, интереса к самой деятельности и т. д.

Для педагогов важными являются мотивы, лежащие в основе альтруистического (просоциального) поведения, направленного на благо других и не ориентированного на внешнюю награду. Оно обусловлено наличием у человека таких душевных качеств, как сострадательность, заботливость, чувство долга, ответственность и отсутствие качеств, не способствующих проявлению альтруизма (подозрительности, жадности, скептицизма). Основой альтруистического поведения выступает эмпатия (сопереживание и сочувствие) (Ильин, 2003).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования являлся анализ мотивации у педагогов с разным личностным самоактуализационным потенциалом.

Гипотеза исследования: существуют различия в структуре мотивации у педагогов с разным самоактуализационным потенциалом.

Выборку исследования составили 60 педагогов.

Методики исследования

Для решения поставленных задач использовались следующие психодиагностические методики: самоактуализационный тест (Шостром, 1963, Гозман, 1995); методика смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2006); методика исследования самоотношения (Пантилеев, 1989); опросник по изучению терминальных ценностей (Сенин, 2005); методика Ш. Шварца «Ценностные ориентации» (Ильин, 2003); методика К. Замфир «Мотивация профессиональной деятельности» (Реан, 1999); методика изучения мотивационного профиля личности (Ричи, Мартин, 2004).

Использованы методы статистической обработки данных: факторный анализ, анализ статистической значимости различий (U-критерий Манна–Уитни), анализ корреляционных связей показателей мотивации и самоактуализационного потенциала (r Пирсона).

Результаты исследования

В результате диагностики показателей личностного самоактуализационного потенциала у педагогов с последующей факторизацией были получены следующие подгруппы педагогов с разным самоактуализационным потенциалом.

Структура высокого самоактуализационного потенциала личности включает в качестве ядра высокие значения интегрального уровня самоактуализации, ценностей самоуважения, спонтанности, представления о природе человека, креативности, дополняемые ценностями поддержки, компетентности во времени, терминальными ценностями достижений, сохранения собственной индивидуальности, позитивным самоотношением (самопринятием, самопривязанностью, отраженным самоотношением, самооценностью, самоуверенностью, саморуководством), высоким показателем осмысленности жизни.

Структура низкого самоактуализационного потенциала личности педагога включает низкие значения таких показателей, как познавательные потребности, спонтанность, сензитивность к себе, контактность, дополняемые низким уровнем саморуководства, самоуверенности, самопринятия, самооценности, самообвинения, внутренней конфликтности, закрытости. Согласно моделям высокого и низкого самоактуализационного потенциала личности педагогов, было установлено, что у 26 педагогов – высокий самоактуализационный потенциал, у 3 педагогов – средний, у 31 – низкий самоактуализационный потенциал.

С учетом структур высокого и низкого самоактуализационного потенциала было проведено исследование мотивации педагогов. Так, диагностика мотивации педагогов позволила выделить три подгруппы с различным типом мотивации, соотносящиеся с показателями самоактуализационного потенциала.

Показано, что педагоги с высоким самоактуализационным потенциалом обладают внутренней мотивацией и потребностями в социальных контактах, склонны ставить для себя сложные цели и достигать их, направлены на разнообразие, перемены, интересную, общественно-полезную работу. Они ориентированы в профессиональной деятельности на ее общественную и личную значимость, удовлетворение, которое приносит работа благодаря ее творческому характеру, решение сложных и разнообразных задач, возможность общения. Для педагогов с внутренней мотивацией характерны следующие ценности: традиции, универсализм, доброта, безопасность, достижения, наименее значимы – гедонизм, власть, конформизм.

Педагогов с низким самоактуализационным потенциалом отличает внешняя отрицательная мотивация, потребности во власти, влиятельности, в хороших условиях работы, четком структурировании работы. Мотивирующей силой обладают внешние воздействия и санкции извне. Для педагогов с внешней отрицательной мотивацией характерны ценности власти, гедонизма, стимуляции,

а наименее значимыми являются ценности доброты, достижения и безопасности.

Получены статистически значимые различия между показателями мотивации у педагогов с разным самоактуализационным потенциалом ($p < 0,01$). Анализ корреляций показателей самоактуализационного потенциала у педагогов показал связь самоактуализации и ее показателей с внутренней мотивацией и мотивами выбора профессии педагога, отражающими педагогическое призвание.

Заключение

Таким образом, в структуру высокого самоактуализационного потенциала педагогов входят компоненты внутренней мотивации и мотивов выбора профессиональной деятельности, отражающие педагогическое призвание (интерес к работе, значимость работы, стремление передать опыт и знания). Существуют различия в структуре мотивации у педагогов с разным самоактуализационным потенциалом. Педагоги с высоким самоактуализационным потенциалом обладают внутренней мотивацией и потребностями в социальных контактах, склонны ставить сложные цели и достигать их; они ориентированы в профессиональной деятельности на значимость работы, возможность общения. Педагогов с низким самоактуализационным потенциалом отличают внешняя отрицательная мотивация, потребности во власти, влиятельности, в хороших условиях работы, четком структурировании работы. Мотивирующей силой обладают внешние воздействия и санкции извне.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 2002.
- Вахромов Е. Е.* Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. М., 2001.
- Дикая Л. Г., Наличаева С. А.* Самоактуализация как ведущая детерминанта субъектной саморегуляции эмоционального выгорания педагога // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте: сборник статей / Под ред. А. Л. Журавлёва, Е. А. Сергиенко. М., 2011. С. 422–442
- Ильин Е. П.* Мотивы и мотивация. СПб., 2003.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Махнач А. В., Дикая Л. Г. Междисциплинарные и межсистемные исследования жизнеспособности человека: состояние и перспективы // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 10–12.

Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2007. С. 290–312.

Наличаева С. А. Самоактуализационный потенциал личности как детерминанта профессионального выгорания педагогов: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.

Professional motivation of teachers in the structure of personal self-actualization potential

S. A. Nalichaeva (Sevastopol)

Candidate of psychological Sciences, associate Professor of psychology, Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol

Self-actualization is the basis of the productivity of pedagogical activity. Self-actualization potential is a system-forming resource of the teacher's personality. The problem of managing the teacher's own resources is reflected in the systemic and complex phenomenon. There are differences in the structure of motivation among teachers with different personal self-actualization potential. The structure of high personal self-actualization potential of teachers includes components of internal motivation and motives for choosing professional activity, reflecting the pedagogical vocation.

Keywords: self-actualization, personal self-actualization potential, motivation of teachers, resilience, teacher's personal resource.

Особенности мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин: содержательный аспект

М. В. Прохорова (Нижний Новгород)

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: personalgerente@mail.ru

Цель исследования – выявить особенности мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин. В исследовании приняли участие 200 испытуемых, среди которых равное количество женщин (n=100) и мужчин (n=100). Средний возраст испытуемых (34 года) в обеих группах совпадает. Установлено, что мужчины чаще, чем женщины, готовы работать на этапах формирования и спада бизнеса. Внешняя отрицательная мотивация трудовой деятельности у женщин выражена сильнее, чем у мужчин. Установлены различия в общих структурах положительной и отрицательной мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин. Среди смыслообразующих мотивов у женщин достоверно преобладают утилитарно-прагматический и кооперативный, у мужчин – конкурентный.

Ключевые слова: мотивация трудовой деятельности, смыслообразующие мотивы, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, положительные мотивы труда, отрицательные мотивы труда, организационное развитие.

Введение

В последние десятилетия происходит стирание границ в образовании, социальных и профессиональных ролях женщин и мужчин. Исследователи обозначают значительное сходство в положении женщин и мужчин на рынке труда (Костюнина, 2010; Ходосевич, 2010). Дискутируются вопросы о возможности применения единого подхода к мотивации трудовой деятельности работников вне зависимости

ти от их пола. Возникает необходимость в проведении серии эмпирических исследований, направленных на выявление общности и/или различий в мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин. Определенные шаги в этих направлениях уже предприняты (Прохорова, 2001а, б).

Организация и методики эмпирического исследования

Цель исследования – выявление особенностей структуры мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин.

Методологическим обоснованием исследования послужили двухкомпонентная теория мотивации труда Ф. Хербцера; положение о разделении мотивации труда на внутреннюю, внешнюю положительную и внешнюю отрицательную (Замфир, 1984); концепция смыслообразующих мотивов труда (Кокурина, 1990); идея о положительных и отрицательных мотивах трудовой деятельности (Прохорова, Мазанова, 2016; Прохорова, Овсянникова, 2017).

Выборку исследования составили 200 испытуемых, среди которых было равное количество женщин ($n=100$) и мужчин ($n=100$). Средний возраст испытуемых в обеих группах составляет 34 года; минимальный возраст женской выборки – 19 лет, мужской – 20 лет; максимальный возраст испытуемых совпадает и составляет 60 лет. Все участники исследования получили среднее или высшее образование, по уровню которого выборки распределены приблизительно одинаково: 45% женщин и 52% мужчин закончили вузы; 55% женщин и 48% мужчин закончили средние образовательные учреждения. По роду профессиональной деятельности выборки распределены равномерно: 70% женщин и 70% работают на должностях руководителей и специалистов; 30% женщин и 30% мужчин трудятся на рабочих местах.

Методики исследования

Для сбора данных использовалась батарея методик, позволяющих выявлять содержательные аспекты мотивации труда женщин и мужчин: 1) ситуационное интервью мотивации работника на разных этапах организационного развития «СИМ» (Прохорова, 2016); 2) методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир (1983) в модификации А. А. Реана (2013); (3) тест смыслообразующих мотивов «Словарь» И. Г. Кокуриной (1990).

Методы обработки данных выбирались в зависимости от типа шкал, в которых представлены измерения, а также вида распреде-

ления данных. При обработке результатов использовались непараметрические и параметрические методы сравнения независимых выборок. Вербальные ответы, полученные от испытуемых в ходе ситуационного интервью, сначала переводились с помощью контент-анализа в цифровые значения, а в дальнейшем результаты женской и мужской выборок сравнивались с использованием таблиц сопряженности 2×2 и критерия χ^2 Пирсона. Для количественного анализа данных, представленных в ранговой шкале, полученных в ходе анкетирования по методике «Мотивация профессиональной деятельности», применялся непараметрический критерий U Манна–Уитни. Для анализа результатов психологического тестирования, проведенного с помощью методики «Словарь», представленных в интервальной шкале и имеющих выборочные распределения, не отличающиеся от нормального, применялся параметрический критерий t Стьюдента. Обработка данных производилась с помощью программного пакета Statistica 10.0.

Результаты исследования

С помощью ситуационного интервью «СИМ» была выявлена готовность женщин и мужчин работать на разных этапах развития бизнеса (рисунок 1). Установлено, что мужчины достоверно чаще, чем женщины, готовы выбирать для своей трудовой деятельности организации, находящиеся на этапах формирования ($\chi^2=8,83$; $p=0,003^*$) (*уровень значимости $p<0,05$) и спада ($\chi^2=5,14$; $p=0,0234^*$).

Готовность работать на четырех этапах бизнеса обусловлена широким спектром положительных мотивов (рисунок 2): важная работа,

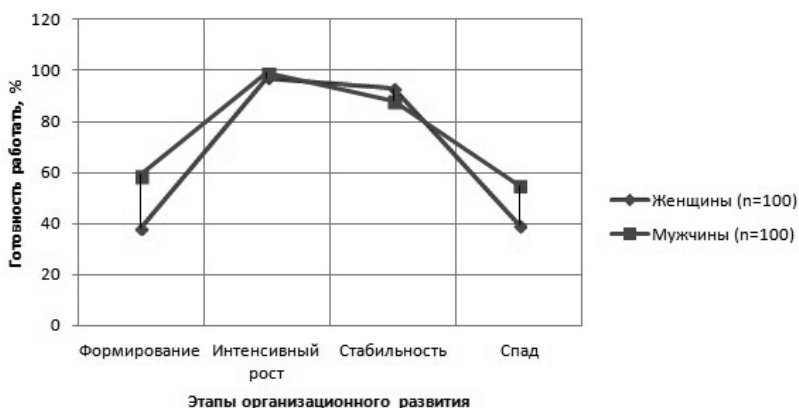

Рис. 1. Готовность женщин и мужчин работать на разных этапах организационного развития

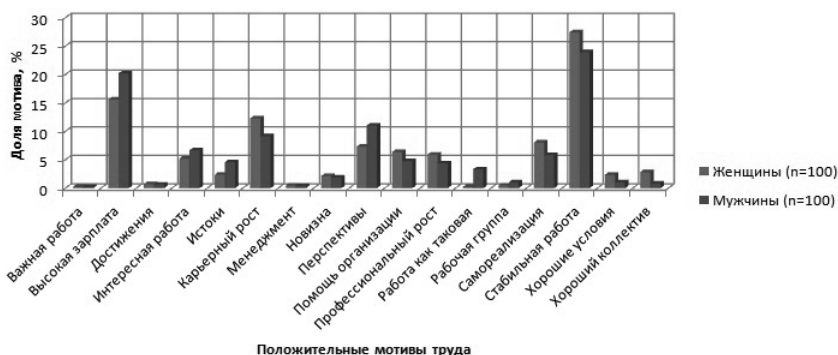

Рис. 2. Общие структуры положительной мотивации труда

высокая заработная плата, достижения, интересная работа, желание стоять у истоков бизнеса, карьерный рост, эффективный менеджмент, новизна, перспективы, помощь организации в достижении ее целей, профессиональный рост, работа как таковая, принадлежность к рабочей группе, самореализация, стабильная и надежная работа, хорошие условия работы, хорошие отношения в коллективе.

Достоверно значимые различия по уровню выраженности положительных мотивов у мужчин и женщин выявлены в пяти случаях. Во-первых, мужчины больше, чем женщины, ориентированы на получение *высокой заработной платы* ($\chi^2=7,40$; $p=0,0065^{**}$) (** – уровень значимости $p<0,01$). Во-вторых, для мужчин более важны, чем для женщин, *перспективы трудовой деятельности* ($\chi^2=6,44$; $p=0,0112^*$), что и обуславливает большую готовность первых работать на этапе формирования бизнеса. В-третьих, мужчины с большей готовностью, чем женщины, выбирают этап формирования бизнеса, потому что предпочитают *стоять у истоков бизнеса* ($\chi^2=4,69$; $p=0,0304^*$). В-четвертых, мужчины чаще, чем женщины, могут согласиться *на любую работу*, лишь бы обеспечить свою занятость, что детерминирует готовность к труду на этапе спада бизнеса ($\chi^2=13,52$; $p=0,0002^{**}$). В-пятых, женщины чаще, чем мужчины, отдают предпочтение коллективам, в которых между сотрудниками *хорошие отношения* ($\chi^2=4,08$; $p=0,0434^*$).

Общие структуры отрицательной мотивации труда женщин и мужчин различаются не только по уровню каждого мотива, но и по их составу (рисунок 3). Во-первых, для женщин *отсутствие карьерного роста* не является тем мотивом, из-за которого они отказываются от вакансии или имеющейся работы. Во-вторых, мужчины не будут отказываться от *тяжелой работы*. В-третьих, мужчины

Рис. 3. Общие структуры отрицательной мотивации женщин и мужчин

не учитывают такой отрицательный мотив, как *плохие отношения в коллективе*. Значимые различия выявлены при анализе мотива *нестабильная и ненадежная работа* ($\chi^2=4,69$; $p=0,0304^*$), что повышает вероятность отказа женщин от трудовой деятельности на этапе формирования бизнеса. Достоверно значимые различия между женщинами и мужчинами получены при анализе выраженности отрицательного мотива *боязнь увольнения* ($\chi^2=5,84$; $p=0,0157^*$), который обуславливает отказ женщин от работы на этапе спада.

Женщины и мужчины достоверно значительно различаются по одному виду направленности мотивации трудовой деятельности (рисунок 4). *Внешняя отрицательная мотивация труда* у женщин выражена сильнее, чем у мужчин ($U=3524,5$; $p=0,0031^{**}$). В основе преобладания указанного вторичного фактора в женской выборке по сравнению с мужской лежит более высокий уровень следующих отрицательных мотивов труда: *стремление избежать критики со стороны руководителя и коллег* ($U=3893,00$; $p=0,0068^{**}$), а также *стремление избежать возможных наказаний или неприятностей* ($U=3655,0$; $p=0,0010^{**}$).

Среди выделенных И. Г. Кокуриной (1990) смыслообразующих мотивов труда по трем выявлены достоверно значимые различия между женщинами и мужчинами (рисунок 5). *Утилитарно-прагматический* ($t=2,38$; $p=0,0178^*$) и *кооперативный* ($t=3,92$; $p=0,0001^{**}$) мотивы у женщин выражены достоверно сильнее, чем у мужчин. Женщины больше, чем мужчины, склонны через трудовую деятельность решать другие задачи, а если это не получается, то беречь в работе свою энергию и здоровье. В основе трудовой деятельности женщин чаще, чем у мужчин, лежат социальные причины: помощь близким, родным или обществу в целом. Это согласуется с карьерными стратегиями *интеграции стилей жизни, служения*, которые

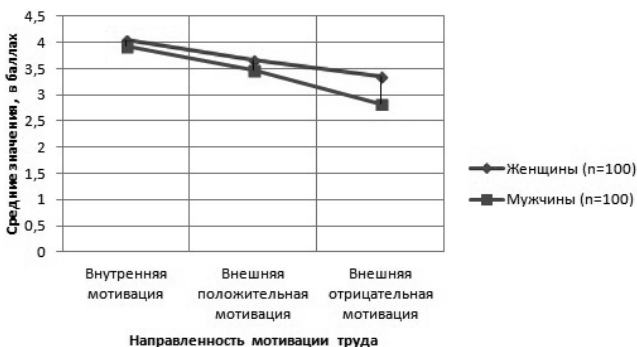

Рис. 4. Направленность мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин

более выражены у женщин (Ходосевич, 2010). Для мужчин больше, чем для женщин, характерно стремление быть лучшим, успешным, завоевать высокий авторитет, получить одобрение, высокую оценку, что нашло отражение в достоверно значимых различиях по *конкурентному мотиву* ($t=6,24$; $p=0,0000^{**}$). По остальным мотивам достоверно значимых различий не выявлено. *Результирующая* и *процессуальная* ориентация у женщин и мужчин имеют равные значения.

Заключение

В ходе проведенного исследования были установлены значимые различия в содержательных аспектах мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин.

1. Мужчины чаще, чем женщины, готовы работать на более рискованных этапах развития бизнеса – его *формировании* и *спаде*.

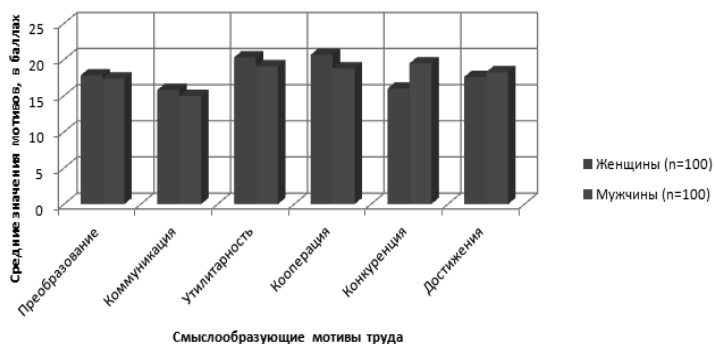

Рис. 5. Смыслообразующие мотивы трудовой деятельности женщин и мужчин

2. В общих структурах положительной мотивации трудовой деятельности у мужчин по сравнению с женщинами преобладают следующие мотивы: *высокая заработная плата, перспективы, желание стоять у истоков бизнеса, работа как таковая*. Женщины чаще, чем мужчины, отдают предпочтение *хорошим отношениям в коллективе*.
3. Общие структуры отрицательной мотивации женщин и мужчин различаются по своему составу, а также по уровню выраженности отдельных мотивов. Женщины чаще, чем мужчины, *боятся увольнения, отказываются от нестабильной и ненадежной работы*. В общей структуре отрицательной мотивации труда мужчин представлен мотив *отсутствия карьерного роста*, который не выражен у женщин. Между тем в общей структуре отрицательной мотивации женщин имеются следующие мотивы, которые не выражены у мужчин: *тяжелая работа и плохие отношения в коллективе*.
4. *Внешняя отрицательная мотивация* трудовой деятельности у женщин выражена сильнее, чем у мужчин. В основе данного вида направленности мотивации стоят мотивы *избегания критики и наказания*.
5. Среди смыслообразующих мотивов у женщин достоверно по сравнению с мужчинами преобладают *утилитарно-прагматический и кооперативный*, у мужчин по сравнению с женщинами – *конкурентный*.

Полученные результаты исследований свидетельствуют о широком спектре различий в мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин на современном этапе. Выявленные особенности содержательных аспектов трудовой мотивации полезно учитывать при отборе кандидатов на вакансии, разработке и внедрении мотивационных программ в организациях. Перспективы дальнейших исследований связаны с увеличением выборки, что повысит точность и надежность результатов.

Литература

- Замфир К. Удовлетворенность трудом. М., 1983.
- Кокурина И. Г. Методика изучения трудовой мотивации: Учебно-методическое пособие. М., 1990.
- Костюнина А. А. Гендерные аспекты профессиональной и трудовой мотивации личности // Грани познания. 2010. № 2 (7). Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. URL: <http://grani.vspu.ru> (дата обращения: 24.04.2017).

- Прохорова М. В. Особенности структур мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2016а. Вып. 3. С. 321–325.
- Прохорова М. В. Ситуационное интервью «Мотивация трудовой деятельности работника на разных этапах организационного развития» (СИМ) // Экономика и предпринимательство. 2016б. № 11. С. 715–722.
- Прохорова М. В., Мазанова А. Е. Опросная методика оценки положительных и отрицательных мотивов трудовой деятельности // Вестник ВЭГУ. 2016. № 5 (85). С. 87–101.
- Прохорова М. В., Овсянникова О. М. Разработка многофакторной методики мотивации трудовой деятельности // Психологический журнал. 2017. № 1. С. 73–97.
- Прохорова М. В., Прохоров В. М. Особенности внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 3. С. 53–57.
- Реан А. А. Психология личности. СПб., 2013.
- Ходосевич А. С. Гендерные различия в профессиональной направленности личности работников сферы услуг // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 4 (94). С. 146–148.

Features of women's and men's work motivation: content aspect

M. V. Prokhorova (Nizhny Novgorod)

Candidate of psychological Sciences, Docent, associate Professor of Management Chair, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The goal of the investigation is to reveal peculiarities of work motivation of women and men. 200 testees have taken part in the investigation, where there has been equal number women (n=100) and men (n=100). The average age (34 y. o.) of the testees in both groups coincides. Men more often, than women, are ready to work at *formation and decline stages of business*. *Extrinsic negative work motivation* is expressed stronger in women than in men. General structures of positive and negative work motivation are different among women and men. Among sense-making motives *utility-pragmatic* and *cooperative* ones accurately dominate in women, in comparison with men, and *competitive* one in men compared to women.

Keywords: work motivation, sense-making motives, intrinsic motives, extrinsic motives, positive motives, negative motives, oorganizational development.

Временная (диахроническая) система мотивации научной деятельности, обусловленная встроенным метасистемным уровнем

Т. В. Разина (Ярославль)

*доктор психологических наук, доцент,
Филиал ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»
в г. Ярославле, заместитель директора
по научной и воспитательной работе;
e-mail: razinat@mail.ru*

В работе представлено описание временной (диахронической) системы мотивации научной деятельности (МНД), полученной в результате теоретического анализа функциональных закономерностей систем с встроенным метасистемным уровнем, а также эмпирических исследований структурной организации системы МНД и ее изменений во времени. Временная (диахроническая) система МНД имеет три уровня: ситуативной детерминации соответствует самый узкий временной уровень – микровременной. Целевой детерминации соответствует более широкий мезовременной уровень. Метацелевой детерминации соответствует макровременной уровень. Каждый из уровней, если брать за точку отсчета текущий момент, простирается как в будущее, так и в прошлое, что возможно за счет антиципирования и пролонгирования. Подобная временная организация дает возможность МНД сопровождать научную деятельность таким образом, чтобы параллельно управлять достижением как ближних, так и дальних целей, оперативно реагировать на изменения текущей ситуации, но при этом работать на осуществление предельных, метацелей научной деятельности.

Ключевые слова: мотивация научной деятельности, система со встроенным метасистемным уровнем, временная (диахроническая) система.

Актуальность и теоретическая разработанность проблемы

Функциональный аспект исследования систем является не только максимально общим, но и предельно многоплановым. В соответствии с ним рассматриваются и временные характеристики, временная системность. Тем не менее временные компоненты существования психического явления не только в психологии мотивации, но и в других областях исследованы крайне недостаточно. Это относится, в частности, к психологии профессиональной деятельности и личности профессионала, активно разрабатываемой в Институте психологии РАН (Бодров, Журавлёв, 2003; Личность профессионала..., 2013; Проблемы фундаментальной..., 2008; и др.).

Мотивация научной деятельности (МНД) может быть отнесена к специфическому классу систем со встроенным метасистемным уровнем и адекватно изучена с позиций метасистемного подхода, реализация которого предполагает ряд этапов осуществления комплексной стратегии исследования, соответствующих основным гносеологическим аспектам: метасистемному, структурному, функциональному, генетическому и интегративному. В данной работе мы остановимся на *функциональном аспекте*. Основной характеристикой процессуальной организации систем со встроенным метауровнем является постоянное взаимодействие актуального и потенциального содержания, при необходимости – переход этого содержания из одного состояния в другое. Функциональный аспект теснейшим образом связан со структурным. Важнейшую роль в структурно-уровневой организации системы МНД играет качественно специфический уровень – субсистемный, занимающий в ней центральное место, внутренне гетерогенный, образованный синтезом десяти мотивационных субсистем.

В системе МНД как системе со встроенным метауровнем воплощен качественно специфический *принцип временной (диахронической) системности*. Сам процесс функционирования системы МНД предполагает временную протяженность, динамику получения знаний как диахронический процесс (Szulanski, 2000), соответственно *мотивация* получения знаний также является диахроническим процессом. Невозможно зафиксировать функцию и раскрыть ее суть, выявить закономерности, не рассматривая ее протекание во времени. Помимо этого, система МНД создает собственное *субъективное время*. По результатам бесед с испытуемыми установлены феномены субъективного растяжения и сжатия времени в связи с МНД. При наличии крайне сильной мотивации, направленной на достижение какой-либо цели (например, защиты диссертации),

время, которое будет затрачено на ее достижение, перестает играть существенную роль. Таким образом, происходит субъективное сжатие времени, и система МНД начинает функционировать в ускоренном темпе. При этом субъективно время растягивается, поскольку момент ожидания искомой цели становится эмоционально тягостен.

Можно предположить наличие нескольких временных уровней организации системы, соответственно и функционирования. Это связано с особенностями *целеобразования* системы МНД, которая будет иметь свою определенную цель, выступающую в качестве *системообразующего элемента* (о его роли см.: Ломов, 2006; и др.), а как система со встроенным метауровнем – метаяцель и ситуативные цели. С одной стороны, система должна оставаться целостной и не терять функциональные возможности, т. е. силы когерентности должны превосходить силы дивергентности. При этом чем выше уровень когерентности системы, тем шире ее функциональные возможности (Шадриков, 1996). С другой стороны, для достижения всех упомянутых выше целей необходима непрерывная вариативность актуального и потенциального содержания субсистемного уровня системы МНД, что осуществляется за счет его переструктурирования и в зависимости от того, какие субсистемы становятся «ядерными». О временной динамике системы МНД может свидетельствовать уровень ее отдельных субсистем и ее общий уровень, а также структурные характеристики системы – соотношение уровня когерентности и дивергентности.

В наших работах было установлено, что уровень (сила) субсистем МНД обладает значительной устойчивостью во времени как в условиях изменений широкой социальной и узкой научной среды, так и в относительно неизменной ситуации¹. Однако структурные характеристики системы обнаруживают очень интенсивную динамику как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

Организация и методический инструментарий исследования

Исследование функциональной динамики системы МНД происходило на базе Сыктывкарского государственного университета и бывшего Коми государственного педагогического института, который вошел в структуру СыктГУ. Испытуемыми выступили 104 преподавателя, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность.

1 Подробная информация об изменении силы мотивационных субсистем при различных внешних условиях опубликована в работе Т. В. Разиной (2015).

Все испытуемые прошли два тестирования с помощью авторской методики «МНД»¹ с промежутком в 12 месяцев. Для фиксации изменений в широкой социальной или узкой научной среде использовалось включенное наблюдение.

Для обработки эмпирических результатов применялся коэффициент линейной корреляции Пирсона и t-критерий Стьюдента для связанных выборок, а также методы подсчета структурных индексов (ИКС – индекс когерентности системы – позволяет определить степень интегрированности структуры; ИДС – индекс дивергентности системы – позволяет определить меру дифференцированности структуры; ИОС – индекс организованности системы – позволяет выявить общую степень организации структуры) и метод экспресс- χ^2 для сравнения матриц на гомогенность–гетерогенность.

Результаты исследования

По результатам включенного наблюдения общая выборка испытуемых была поделена на две подгруппы. В первую из них, условно обозначенную «без изменений» (54 человека, из которых – 7 мужчин и 47 женщин; средний возраст=46,28, σ =12,77), попали испытуемые, в судьбе и научной деятельности которых за прошедшие 12 месяцев не произошло существенных перемен. Во вторую подгруппу, условно названную «с изменениями» (50 человек, из них – 16 мужчин и 34 женщины; средний возраст=43,60, σ =9,88), попали испытуемые, в судьбе которых за прошедшие 12 месяцев происходили события, так или иначе, повлиявшие на их научно-исследовательскую деятельность (увольнение, выход на пенсию, смена руководства структурного подразделения, выход в декрет, переезд в другой город, сокращение, включение в новый трудовой коллектив).

Чтобы установить особенности динамики структуры МНД, в обеих подгруппах были использованы индексы структурной организации системы (таблица 1).

В обоих замерах подгруппы «без изменений» доминируют сильные связи между подсистемами МНД, следовательно, структуры достаточно стабильны. Однако значения индекса χ^2 показывают, что структуры системы в первом и втором замерах принципиально различаются. Каждая подсистема входит в совершенно новую композицию связей с другими подсистемами, несмотря на то, что внешних объективных факторов, способных вызвать изменение стро-

1 Методика и результаты ее психометрических проверок опубликованы в работе Т.В. Разиной (2014).

Таблица 1

Значение индексов структурной организации системы МНД

Под-группы	За-мер	Индексы структурной организации системы			Количество внутрисистемных связей			Значение индекса χ^2
		ИКС	ИДС	ИОС	$p \leq 0,01$	$0,05 \geq p > 0,01$	$0,10 \geq p > 0,05$	
Без изменений	1-й	43	-5	38	13	4	1	-0,11, $p=0,77$
	2-й	40	-6	34	12	3	1	
С изменениями	1-й	58	-13	45	19	4	4	0,57, $p=0,09$
	22-й	51	-6	45	6	3	3	

ения системы МНД, в данной подгруппе не наблюдалось. Тот же самый эффект обнаружен и в системах МНД отдельных испытуемых, изученных с помощью метода индивидуальных коррелограмм (Карпов, 2016). Возможно в подгруппе «без изменений» изменения все же были, но носили не внешний, а внутренний, субъективный характер. По-видимому, постоянное переструктурирование – довольно типичная, естественная форма существования системы МНД как системы со встроенным метауровнем. Такой механизм позволяет обеспечить вариативность содержания системы МНД и, гибко изменяясь, достигать столь же динамичных ситуативных целей.

В подгруппе «с изменениями» значения ИКС так же высоки и более, чем в три раза, выше значений ИДС (как в первом, так и во втором замере), при этом значения ИОС неизменны. Данный механизм, вероятно, обеспечивает реализацию целевой и метацелевой детерминации. Тем не менее в первом замере ИДС достаточно велик (-13), что свидетельствует о том, что система МНД готовится к перестройке или находится в процессе перестройки. Но высокие значения ИКС не дают системе МНД разрушиться полностью. Во втором замере ИДС уже существенно меньше (-6), что может свидетельствовать об окончании трансформации системы.

В подгруппе «с изменениями» уровень когерентности как в первом, так и во втором замере выше, чем в подгруппе «без изменений» на 20–25%. Возможно, путем усиления внутрисистемных связей система борется с дестабилизирующим действием внешних факторов, повышая свой запас прочности. Это подтверждается и высоким количеством сильных связей в системе. Уровень ее дивергентности на порядок выше в первом замере, т. е. пережитые изменения оказали дестабилизирующее действие на систему МНД.

В подгруппе «с изменениями» значение индекса χ^2 показывает, что структура субсистемного уровня системы МНД отличается в первом и во втором замерах, хотя и не так значительно, как в подгруппе «без изменений». Возможно, изменения, имеющие довольно глобальный характер, на субъективном уровне для испытуемых «еще не прошли»; люди все еще продолжают переживать случившееся. Тенденция к сходству структур МНД в замерах позволяет предположить, что система ИНД приняла такой структурный вид еще до начала объективных изменений среды. Эти события ожидалось, что уже изменяло структуру МНД. Механизмом такого предвидения, вероятно, является способность системы МНД со встроенным метауровнем создавать ментальные репрезентации метасистем, в которые она включена. На основе этих моделей и осуществляется прогнозирование изменений среды, их антиципация. Наличие встроенного метасистемного уровня (в особенности личной метасистемы) позволяет субъекту предвидеть некое событие, и само предвидение способно изменить структуру МНД. Также благодаря метасистемному уровню событие остается в «памяти» системы МНД и даже по прошествии некоторого времени по-прежнему переживается, продолжая обуславливать особенности структуры МНД. Таким образом, есть все основания говорить о существовании «собственного» времени системы МНД.

Установленные закономерности и механизмы дают возможность перейти к описанию *диахронической системы* МНД. Эффекты антиципирования и пролонгирования системы МНД позволяют предположить, что каждый из уровней простирается как в будущее, так и в прошлое, за счет чего данные эффекты и возможны. Непосредственно вокруг точки на оси времени, обозначающей «настоящее», локализуется самый узкий микровременной уровень, соответствующий ситуативной детерминации. По-видимому, некоторые события данного уровня в силу их неожиданности и быстроты система МНД предвидеть не может, поэтому на ситуативном уровне эффекты пролонгирования будут преобладать над антиципированием.

Графически временная (диахроническая) система МНД представлена на рисунке 1.

Мезовременной уровень захватывает значительно больший временной отрезок, как в прошлом, так и в будущем. Он подчиняется целевой детерминации. Еще до того, как та или иная цель окончательно поставлена субъектом научной деятельности, мысли о ее возможности «посещают» научного работника. Иногда это неосознанные идеи, мечты, фантазии, которые подготавливают почву

Рис. 1. Схема уровней временной (диахронической) системы МНД

для дальнейших мотивов и действий. Благодаря антиципации того, что некая цель будет поставлена, система МНД начинает заранее перестраиваться. Когда цель достигнута, то система МНД, обладая определенной инертностью, еще некоторое время будет продолжать пребывать в исходном состоянии, т. е. будет проявляться пролонгирующий эффект.

Аналогичные закономерности действуют и на самом широком (с позиции временного периода) макровременном уровне, который подчиняется метацелевой детерминации. Некоторые мотивационные предпосылки для возникновения системы МНД и осуществления научной деятельности возникают, по-видимому, еще в детстве или несколько позже, в процессе обучения в школе, в вузе (см.: Принцип развития..., 2016; Феномен и категория зрелости..., 2007; и др.). Вероятно, метацель не формируется сразу, но, сформировавшись, детерминирует поведение и научную деятельность субъекта на макровременном уровне в течение всей его последующей жизни. Соответственно, тут антиципирование будет преобладать над пролонгированием.

Заключение

Трёхуровневая диахроническая организация системы МНД включает микровременной, мезовременной и макровременной уровни, соответствующие различным видам целевой детерминации. Это дает возможность системе МНД сопровождать научную деятельность таким образом, чтобы параллельно иметь возможность управлять достижением как ближних, так и дальних целей, оперативно ре-

агировать на изменения текущей ситуации, но при этом не упускать из внимания и главные, предельные цели научной деятельности. Это достигается за счет ряда механизмов, обусловленных метасистемными особенностями. Во-первых, это повышение силы внутрисистемных связей вообще и увеличение числа сильных связей, в частности, тех, которые предохраняют систему от разрушений. Во-вторых, это нарастающие процессы дифференциации, которые позволяют системе гибко перестраиваться в зависимости от условий среды. В-третьих, это превентивное, антиципирующее изменение структуры на основе предвидения, прогнозирования и пролонгированное действие сложившейся структуры некоторое время после действия внешнего фактора.

Литература

- Бодров В. А., Журавлёв А. Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Карпов А. В.* Метод индивидуальной коррелограммы в экспериментально-психологических и профессиографических исследованиях. М., 2016. С. 928–938.
- Личность профессионала в современном мире. М., 2013.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М., 2006.
- Принцип развития в современной психологии. М., 2016.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности. М., 2008.
- Разина Т. В.* Психология мотивации научной деятельности: методология, теория, эмпирические исследования: монография. Сыктывкар, 2014.
- Разина Т. В.* Устойчивость мотивационных subsystemов научной деятельности к воздействиям широкой социальной и узкой научной среды // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. Психолого-педагогические науки. № 12. С. 129–133.
- Феномен и категория зрелости в психологии. М., 2007.
- Шадриков В. Д.* Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. М., 1996.
- Szulanski G.* The process of knowledge transfer: the diachronic analysis of stickiness // Organization and human decision processes. 2000. V. 82. Issue 3. P. 9–27.

Temporal (diachronic) system of motivation of scientific activity, due to the built-in meta-systemic level

T. V. Razina (Yaroslavl)

Doctor of psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Educational Work, Campus MPSU in Yaroslavl

The paper deals with the temporary (diachronic) scientific activity motivation system (SAMS), its description being the result of a theoretical analysis of the functional patterns of systems with a built-in metasystemic level, as well as empirical studies of the structural organization of the SAMS and its changes over time. The temporal (diachronic) SAMS comprises three levels: situational determination corresponds to the narrowest time level, the microtemporal one. Goal determination corresponds to a broader mesotemporal level. Metagoal determination corresponds to the macrotemporal one. Each of the levels, the current moment being taken as the reference point, extends both into the future and back into the past, a possibility due to anticipation and prolongation. Such a temporal organization gives SAMS control over scientific activity in such a way as to simultaneously manage the achievement of both near and far goals, react promptly to changes in the current situation, and at the same time make possible the implementation of ultimate, metascientific activities.

Keywords: scientific activity motivation, system with built-in metasystemic level, temporal (diachronic) system.

«Измерения» профессиональной пригодности субъекта как предмет исследования

В. А. Толочек, Л. Ш. Гаршвили* (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: tolochekva@mail.ru*

*** учитель, Муниципальное автономное образовательное учреждение
Домодедовская средняя общеобразовательная школа № 10;
e-mail: lika_art@mail.ru*

Анализируются особенности исторической эволюции изменений предмета исследования в психологии труда, инженерной психологии, психологии организационного развития. Выделяется «вектор смещения» предмета и восемь исторических этапов в изучении профессиональной пригодности субъекта на протяжении XX в.: от 1-го этапа – изучение отдельных качеств работников (профессионально значимых, профессионально важных качеств – ПВК), до 8-го – развитие качеств субъекта и личности, индивидуальность, социальные роли, миссия. Выделяется типичное пространство и время изучения условий пригодности – от непосредственного рабочего места как социального пространства в системе «человек–задача» до многогранной профессиональной активности на протяжении жизни в системе «человек–общество» и «человек–мир». Выделяются *психологические и социально-психологические феномены* – от изучения отдельных ПВК до таких, как наставничество, руководство, обучение, династии, формирование и развитие субкультуры организации, построение и развитие профессиональной сферы.

Ключевые слова: ресурсы, условия, среда, субъекты, профессиональная, карьера, успешность.

Введение

Со второй половины XX в. такие явления, как эффективность труда, сохранность профессионального здоровья и долголетия, сработан-

ность в группах, совместимость людей, ученые объясняют, прибегая к интегративным понятиям – «ресурсы», «потенциалы», «компетенции» и т. п. Если «потенциал» связывают, прежде всего, с собственными возможностями человека как индивида, субъекта, личности, то в «ресурсы» включают довольно широкий спектр условий внешней и внутренней среды человека, а «компетенции» связывают с формальной и неформальной структурой конкретной организации на данной стадии ее развития.

На протяжении XX в. имело место выраженное историческое смещение типичного предмета исследования – от оценок отдельных качеств работника, реализуемых в решении им ограниченного набора трудовых задач, до изучения меры согласованности деятельности и поведения людей в рабочих группах; от оценок качеств работника, рассматриваемых как стабильные, до изучения динамичных взаимосвязей человека с другими людьми в процессах развития организации; от определения способов профессионального отбора работников до обоснования необходимости систематических инвестиций в их профессиональное и личностное развитие.

Ограничиваться такой констатацией – значит лишь обозначить контуры проблемы, выделить закономерности исторической эволюции предмета исследований в дисциплине, получить возможности научного прогноза развития социальных объектов. Последнее в праве считаться достойной *целью* научного исследования.

Этапы исторической эволюции предмета научного исследования

На протяжении XX в. предметом исследования в психологии труда (психотехнике, индустриальной, промышленной психологии), инженерной психологии, позже – в организационной психологии выступали разные психологические и социально-психологические реалии (Водопьянова, 2014; Личностный потенциал..., 2011; Поваренков, 2013; Толочек, 2007, 2016). Исторический вектор смещения научных интересов, оформляемых как «предмет исследования» включает переходы: от оценки отдельных качеств отдельного работника (т. е. не подготовленного к данной деятельности человека) к изучению множества «тонких» связей личности с субкультурой организации; от понимания качеств работника как стабильных на протяжении десятков лет к изучению сложных отношений эволюции/инволюции психологических структур, формируемых в процессах подготовки и осуществления высокопрофессиональной деятельности; от оценки качеств отдельных работников к по-

знанию и управлению взаимодействиями людей; от идеологии отбора к философии развития человека.

Обобщенно изучаемые феномены, методические и методологические средства науки, исторически изменчивые концепции человека можно условно назвать «*измерениями*». В таких «измерениях» фиксируются разные социальные, социально-психологические и психологические эффекты, выделяются психологические факты с их различной содержательной наполненностью, выявленные «эмпирические факты» получают разную интерпретацию как «научные факты». Условно названные нами «*измерениями*» феномены выступают как следствия концентрации определенных исторических условий, типичные для данного времени формы организации труда, образовательный уровень и подготовленность работников, их мотивация и вовлеченность в работу, типичные физическое и социальное пространства их деятельности, типичные отношения всех участников производства товаров и услуг.

Такие эффекты, порождаемые взаимодействиями людей в процессах труда, типичные для определенного типа пространства деятельности, уровня или стадии профессионального и личностного развития субъектов, можно представить в следующей последовательности.

Первый этап – *традиционный* – характеризуется стремлением работодателя к максимальному использованию возможностей разных людей, различающихся по возрасту и полу, физическим и иным качествам (что обеспечивает сокращение издержек производства).

Второй этап характеризуется стремлением работодателя управлять адаптацией человека к труду (что также способствует сокращению издержек производства); повышение эффективности деятельности работника достигается преимущественно вследствие более четкой и почти предельно допустимой определенности в его трудовой деятельности (регламентацией всех операций в каждой профессии).

Третий этап отличается реализацией эффектов аддитивности (использованием возможностей рационального механистического объединения отдельных функций отдельных людей и отдельных видов трудовой деятельности); при этом усиление *потенциала* работника обеспечивается посредством развития и совершенствования его узкой специализации.

Четвертый этап включает расширение и перенос опыта усиления потенциала подготовленного работника – уже как «специалиста», как «руководителя» (посредством создания базовых форм их профессиональной подготовки и развития).

Пятый этап характеризуется использованием эффектов неаддитивности (обобщения и расширения опыта использования спонтанно и целенаправленно возникающих социально-психологических эффектов – сработанности, психологической совместимости и т. п.), а также управления такими эффектами посредством создания специфической субкультуры – корпоративной культуры организации, ее неформальной структуры и пр.

Шестой этап включает целенаправленное использование ресурсов определенных видов; систематический поиск и привлечение новых ресурсов, поддерживающих и обеспечивающих профессиональное развитие людей, актуализацию их потенциала в процессах их взаимодействия; изучение и использование эффектов синергии (рост продуктивности работы субъектов вследствие эффектов развивающего обучения, управления карьерой, использования «команд» в управлении, в проектных группах и т. п.).

Седьмой этап характеризуется стремлением менеджмента выделять и стандартизировать социальные технологии, поддерживающие профессиональное и психологическое сопровождение процессов становления субъекта как профессионала и как личности, регулировать факторы, влияющие на становление и развитие профессиональной карьеры сотрудников.

Прогнозируя дальнейшее развитие общественного производства, выделим и восьмой этап, отличительной особенностью которого, вероятно, будет стремление менеджмента всех уровней активно использовать эффекты оперативного становления и передачи другим лицам технологий доступа к определенным ресурсам (вследствие расширения мерности пространства деятельности субъектов, актуализации роли «виртуальных других»).

«Измерения» профессиональной пригодности субъекта и ресурсы социальной успешности

Обращение к феномену ресурсов позволяет проводить анализ изучаемых в психологии труда явлений более последовательно и в их более полных фазах эволюции. Представим возможности такого анализа на примере изучения проблемы *профессионального становления субъекта* (ПСС) (Толочек, 2007, 2009, 2015). Как выше отмечалось, в истории вопроса можно выделять несколько исторических этапов. Так, в начале XX в. в качестве критериев профессиональной пригодности *работника* признавались его *отдельные качества*, определяющие успешность решения им отдельных задач. Эти качества называли «профессионально значимыми качествами» (т. е. имеющими

Таблица 1

Эволюция профессиональной пригодности субъекта как предмета исследования

Задачи, трудовые функции, области активности	Качества субъекта деятельности	Пространство и время реализации (среда, окружение) качеств субъекта	Психологические/социально-психологические феномены
1. Отдельные задачи, отдельные действия	Отдельные качества	Рабочее место как социальное пространство. Система «человек–задача»	Профессионально значимые качества (ПЗК), профессионально важные качества (ПВК)
2. Трудовые функции (в целом)	Совокупность отдельных качеств	Стабильные качества субъекта. Система «человек–профессия».	Профессиональная пригодность. Эффективность деятельности
3. Профессия и специализация	Структуры ПВК, развитие ПВК	Деятельность (на данном рабочем месте). Система «человек–профессия»	Профессиональная пригодность, ПВК, компетенции
4. Решение профессиональных задач на протяжении карьеры	Развитие качеств субъекта и личности	Профессиональная деятельность на протяжении карьеры. Система «человек–профессия»	Потенциал, ресурсы, профессиональное здоровье, профессиональное долголетие. Надежность деятельности
5. Совместная профессиональная деятельность (в организации)	Развитие качеств субъекта и личности. Поведение. Социальные роли	Деятельность на конкретном рабочем месте в конкретной стадии развития организации. Система «человек–организация»	Организационное поведение, лояльность, карьера, корпоративная культура; неформальная и неформальная структура
6. Совместная деятельность (взаимодействия в рабочих группах)	Развитие качеств субъекта и личности. Поведение, социальные роли. Взаимодействия	Деятельность на конкретном рабочем месте в конкретной рабочей группе. Система «человек–группа»	«Команды», «рабочие группы», «групповые нормы», моббинг и т. п.
7. Карьера профессиональная	Развитие качеств субъекта и личности. Индивидуальность. Поведение, социальные роли	Профессиональная деятельность (выходящая за границы отдельной специализации) на протяжении жизни. Система «человек–общество»	Интеграция с культурой организации. Интеграция с индивидуальностью партнеров
8. Профессиональная сфера (в целом)	Развитие качеств субъекта и личности. Индивидуальность. Поведение, социальные роли. Миссия	Многогранная профессиональная активность (выходящая за границы профессии) на протяжении жизни. Системы «человек–общество», «человек–мир»	Наставничество, руководство, обучение. Династии. Формирование и развитие субкультуры организации. Построение, развитие профессиональной сферы

решающее значение), позже – «профессионально важными качествами» (т. е. необходимыми, желательными, но не обязательно играющими решающую роль – качествами, которые можно развивать, а их недостаточное развитие компенсировать другими). В середине XX в. (второй этап) соответствие *индивида* требованиям профессии уже рассматривали как соответствие его качеств в целом *психограмме* профессии в целом. С 1970-х годов в отечественной психологии труда утверждается понятие «*субъект*» с определенным содержанием. На третьем этапе субъект понимается как специалист, успешно прошедший все необходимые стадии своей *подготовки* как *профессионала*. В 1980–1990-е годы внимание ученых сместилось к *профессиональному развитию субъекта и личности* в ее позитивных и негативных аспектах (четвертый этап). С середины 1950-х годов начинаются исследования феномена карьера; с 1990-х годов описания ПСС нередко проводятся в контексте *карьеры субъекта* (пятый этап). На шестом этапе важнейшими задачами считаются аспекты совместной деятельности людей в организациях и рассматриваются факторы успешности человека в широком смысле – как его *социальной успешности* (т. е. внимание ученых смещается к вопросам полноты самореализации человека в разных сферах жизнедеятельности, к психофизиологической «цене» результатов труда и т. п.). На седьмом этапе рассматриваются возможности интеграции человека с новыми, динамично изменяющимися условиями труда и жизни, с его партнерами, способность субъекта использовать разные интра- и внесубъектные условия как *ресурсы*.

Восьмой этап может характеризоваться направленностью внимания ученых на *мета-субъектные* явления профессиональной деятельности человека, раскрывающиеся через *роль человека как субъекта, личности и индивидуальности в его воздействии на профессиональное становление других людей* (участие в обучении и подготовке молодежи, продуктивное наставничество, эффективное руководство, становление и продолжение профессиональных династий и т. п.), через его роль в изменениях и *развитии самой профессиональной сферы* (реорганизации производства, инициировании и внедрении новых технологий деятельности и технологий обучения, развитии специализаций, смежных профессиональных сфер и т. п.).

Заключение

Исторические изменения акцентов социального заказа и, соответственно, приоритетов научных исследований сопряжены с открытием, изучением и использованием новых социальных, социально-пси-

хологических и психологических феноменов. Научная рефлексия исторических тенденций этой эволюции позволяет делать спонтанные процессы поиска новых ресурсов развития общественного производства и общества в целом более целенаправленными, предсказуемыми, связанными с меньшими социальными издержками.

Литература

- Водопьянова Н. Е.* Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2014.
- Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011.*
- Поваренков Ю. П.* Психология профессионального становления личности. Саратов, 2013.
- Толочек В. А.* Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные контексты // *Методы исследования психологических структур и их динамики / Под ред. Т. Н. Савченко и Г. М. Головиной. М., 2007. С. 69–81.*
- Толочек В. А.* Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // *Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.*
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
- Толочек В. А.* Психология труда. СПб., 2016.

“Measuring” the professional suitability of the subject as a subject of research

V. A. Tolochek, L. Sh. Garishvili** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Psychology of RAS

** Teacher, Municipal Autonomous Educational Institution Domodedovo Secondary School № 10

The features of the historical evolution of changes in the subject of research in the psychology of labor, engineering psychology, and the psychology of organizational development are analyzed. The “displacement vector” of the subject and eight historical stages in the study of the professional suitability of the subject throughout the XX century are singled out: from the 1st stage, the study of individual qualities of workers (professionally significant, professionally important qualities – PVK), until the 8th – the

development of the qualities of the subject And personality, individuality, social roles, mission. A typical space and time for studying the conditions of suitability – from the immediate workplace as a social space in the system “person–task” to multifaceted professional activity throughout life in the system “man–society” and “man–world” is singled out. Psychological and socio-psychological phenomena are distinguished – from studying individual PVKs to such as mentoring, leadership, training, dynasties, the formation and development of the subculture of the organization, the construction and development of the professional sphere.

Keywords: resources, conditions, environment, subjects, professional, career, success.

Оценка и развитие профессиональных компетенций психологов сферы образования

Т. Л. Худякова, А. Н. Севрюкова** (Воронеж)*

** кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой практической психологии, Воронежский государственный педагогический университет; e-mail: tanya.dom@list.ru*

*** педагог-психолог, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 18; e-mail: qweerts@rambler.ru*

В статье рассматриваются особенности современного этапа внедрения профессиональных стандартов деятельности работников сферы образования, в частности, педагогов-психологов. В качестве основной проблемы этого этапа называется проблема оценки профессиональных компетенций психологов сферы образования. Модель оценки, предложенная авторами, предполагает диагностику профессиональных компетенций с применением комплекса методов. В статье представлен опыт формирования и апробации профессионального опросника, который может быть применен для оценки профессионально важных качеств и формирования индивидуальной траектории профессионального развития психологов сферы образования.

Ключевые слова: модернизация образования, профессиональный стандарт, профессиональные компетенции, кейс-метод, профессиональный опросник.

Обоснование проблемы исследования

На данном этапе развития общества происходит изменение критериев оценки успешности и эффективности индивида в разных областях профессиональной деятельности, в частности, в сфере образования. Связано это, прежде всего, с модернизацией самой системы российского образования. Если традиционно цели среднего и основ-

ного общего образования определялись набором знаний, умений, навыков, которыми должен владеть выпускник школы, то сегодня такой подход уже не является достаточным. Согласно требованиям федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, современный выпускник школы должен не просто обладать определенным набором знаний и умений, но и быть готовым проявлять самостоятельность и активность для решения поставленных задач, уметь организовывать собственную деятельность, быть творчески развитой личностью. Указанные задачи, стоящие перед системой образования России, предъявляют принципиально новые требования к подготовке педагогических кадров и к уровню их профессиональной компетентности. Современный педагог должен уметь реализовывать индивидуальный подход к обучению, способствовать всестороннему развитию личности учащихся, формировать у них способность самостоятельно добывать знания и вести исследовательскую деятельность. Соответственно, сам педагог должен владеть принципиально иными компетенциями.

Таким образом, модернизация системы среднего образования привела к изменению требований к уровню компетентности педагогических кадров и к результатам их деятельности. Эти требования закреплены в профессиональных стандартах разных категорий педагогических работников. Ю. М. Забродин подчеркивает, что профессиональный стандарт является основным документом, который задает нормативно регулируемое описание профессиональной деятельности специалиста и содержит перечень основных трудовых функций и действий, а также знаний и умений, необходимых для эффективного выполнения того или иного вида профессиональной деятельности (Забродин, 2016). Соответственно, именно профессиональный стандарт устанавливает критерии оценки качества и результативности труда специалиста. В 2013 г. был утвержден профессиональный стандарт педагога, регламентирующий основные требования, предъявляемые к специалистам данной области. Однако изменения, происходящие в системе образования, затрагивают не только педагогов. В последние годы наблюдается возрастание роли педагога-психолога в осуществлении образовательного процесса, так как реализация новых федеральных государственных образовательных стандартов невозможна без грамотного психологического сопровождения. Соответственно, ключевой фигурой наравне с педагогом становится и педагог-психолог. В связи с этим появилась необходимость четкой регламентации требований, предъявляемых к психологам сферы образования. И, как следствие, в 2013 г.

появился проект профессионального стандарта педагога-психолога, который был утвержден 24 июля 2015 г. Именно этот документ регламентирует требования к деятельности педагога-психолога и его профессиональной компетентности. В стандарте закреплены две обобщенные трудовые функции психолога, работающего в сфере образования: 1) психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в образовательных организациях, а также сопровождение основных и дополнительных образовательных программ; 2) оказание психолого-педагогической помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья. Каждая из указанных обобщенных трудовых функций включает в себя несколько трудовых функций, конкретизирующих ее содержание. В частности, согласно требованиям стандарта, основными трудовыми функциями психолога сферы образования являются психологическая экспертиза, психологическое консультирование, коррекционно-развивающая работа, психологическая диагностика, психологическое просвещение и психопрофилактика. Каждая трудовая функция рассматривается с точки зрения необходимых для ее выполнения знаний, умений и трудовых действий.

Таким образом, в профессиональном стандарте перечислены требования, предъявляемые к уровню знаний и умений педагога-психолога, к его уровню подготовки и содержанию профессиональной деятельности. Однако сложность и многокомпонентность психолого-педагогической деятельности, а также отсутствие четких критериев ее эффективности и недоступность результатов труда для непосредственного измерения затрудняют объективную оценку результативности деятельности педагога-психолога и его профессиональной компетентности. Именно отсутствие стандартных критериев оценки деятельности педагога-психолога обуславливает неадекватность ожиданий относительно его работы в образовательном учреждении (Марголис и др., 2010). В связи с этим можно констатировать, что одной из наиболее актуальных проблем современного этапа внедрения профессионального стандарта является проблема оценки профессиональных компетенций психологов сферы образования. Соответственно, поиск эффективных методов оценки должен стать одним из ключевых направлений исследований.

Методы исследования

Нами проводится исследование, направленное на формирование инструментов оценки профессиональных компетенций студентов-психологов на этапе их профессионального обучения в вузе.

Формализованная процедура оценки необходима для повышения эффективности образовательного процесса и продиктована потребностью в получении информации о готовности выпускников выполнять свои профессиональные обязанности.

Существует множество возможных методов оценки труда. А. А. Марголис предлагает использовать для оценки профессиональных компетенций контрольно-измерительные процедуры, включающие в себя тесты профессиональных знаний, умений и компетенций, а также набор кейсов (Марголис и др., 2015). Он подчеркивает, что единственным способом определения компетентности является оценка и измерение конечного результата и предлагает алгоритм оценивания решения специалистом психологических задач (Марголис, Коновалова, 2010). Таким образом, *кейс-метод* является одним из основных методов диагностики профессиональной компетентности. Данный метод реализуется нами в процессе профессионального обучения студентов-психологов и представляет собой моделирование ситуации психолого-педагогического взаимодействия с целью проверки правильности планирования студентами профессиональных действий и полноты их реализации. Метод предполагает необходимость последующего самоанализа и получения рекомендации супервизора. Набор кейсов формируется нами в соответствии с требованиями профессионального стандарта педагога-психолога и позволяет оценить уровень сформированности профессиональных компетенций, необходимых для выполнения трудовых действий.

Параллельно с кейс-методом для оценки уровня профессиональных компетенций нами используется *метод экспертного оценивания*, заключающийся в оценке уровня развития профессиональных компетенций студентов-психологов преподавателями. Преподавателям предлагается опросник, включающий вопросы, направленные на оценку уровня предметной, коммуникативной, рефлексивной, мотивационной, аксиологической компетентности. Перспективным представляется учет мнения потенциальных работодателей и их привлечение к процедуре экспертного оценивания.

Однако очевидно, что профессиональная компетентность педагога-психолога – это понятие гораздо более широкое, чем просто набор знаний и профессиональных умений. Современная система образования предъявляет ряд требований не только к знаниям и профессиональным умениям педагога-психолога, но и к его личностным особенностям, необходимым для успешного выполнения им своей профессиональной деятельности, таким как высокая культура, нравственность, сформированность системы ценностей и убеждений, эмпатичность, рефлексивность, способность к само-

совершенствованию и профессиональной активности и т. д. В связи с этим другим реализуемым нами направлением диагностики профессиональной компетентности является *диагностика с помощью профессионального опросника* (Худякова, Севрюкова, 2016).

Профессиональный опросник для оценки уровня профессиональных компетенций педагогов-психологов

Нами разработан профессиональный опросник, который может быть использован для оценки уровня профессиональных компетенций педагогов-психологов, а также представителей смежных профессий. Опросник направлен на выявление личностных качеств и метакомпетенций, необходимых для эффективного выполнения психолого-педагогической деятельности. Работа по конструированию и апробации опросника проходила в несколько этапов. Первоначально был проведен опрос экспертов, который позволил выявить основные требования, предъявляемые к психологу, работающему в сфере образования. С учетом мнения экспертов нами была разработана система шкал опросника, в основу которой легли профессиональные компетенции педагога-психолога и личностные качества, необходимые для эффективного выполнения педагогом-психологом своей профессиональной деятельности, в частности, такие как эмпатичность, рефлексивность, этичность, гибкость, способность к саморегуляции, быстрая ориентация в ситуации, умение выстраивать межличностные коммуникации и др. Далее были сформулированы дескрипторы, наиболее полно отражающие содержание каждой из двадцати пяти шкал (по семь дескрипторов на каждую шкалу). Полученные 175 дескрипторов были объединены в 35 блоков таким образом, чтобы в тексте опросника произошла однократная встреча дескриптора каждой шкалы с дескрипторами остальных шкал. Затем было проведено пилотажное исследование с целью проверки статистической значимости связи каждого дескриптора с общими значениями по шкале. Процедура разработки опросника предполагала ранжирование дескрипторов внутри каждого блока. На этапе пилотажного исследования были опрошены студенты психолого-педагогического факультета, преподаватели и практикующие психологи. По результатам корреляционного анализа полученных результатов из текста опросника были исключены дескрипторы, имеющие низкие коэффициенты корреляции с общим показателем по шкале, а также высокие коэффициенты корреляции с общими показателями других шкал. После этого был получен итоговый вариант опросника. Итоговый вариант опросника

содержит 25 шкал и 125 дескрипторов (по 5 на каждую шкалу). Обработка ответов включает в себя следующие стадии: формирование матрицы ответов, оценка каждого опрошенного специалиста в соответствии с заданными критериями, оценка статистической взаимосвязи между ответами психологов одной группы, оценка статистической взаимосвязи между шкалами. На данном этапе опросник сформирован, апробирован на группе студентов ВГПУ, обучающихся по направлению «Психолого-педагогическое образование», и проходит апробацию на группе практикующих психологов, имеющих разный опыт работы в системе образования. Параллельно проводится процедура получения экспертной оценки относительно места каждой шкалы в структуре профессиональной компетентности педагога-психолога.

Заключение

Таким образом, нами разработан диагностический инструментарий для оценки профессиональных компетенций студентов-психологов, практикующих психологов сферы образования, а также представителей смежных профессий. Модель оценки выстроена в соответствии с содержанием деятельности педагога-психолога и требованиями профессионального стандарта. Результаты профессионального обучения рассматриваются нами как компоненты профессиональной компетентности. С учетом сложности и многокомпонентности деятельности педагога-психолога нами используется комплекс методов, взаимодополняющих друг друга. Для диагностики умений и владений выпускников применяются активные методы, моделирующие погружение в профессиональную деятельность, а диагностика профессионально важных качеств и метакомпетенций проводится с применением профессионального опросника. Кроме того, профессиональный опросник может применяться для формирования индивидуальной траектории профессионального развития психологов сферы образования.

Литература

- Забродин Ю. М.* Профессиональные стандарты работников социальной сферы, имеющие межведомственный характер – их роль в повышении качества профессионального труда // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 119–129.
- Забродин Ю. М., Гаязова Л. А., Сергоманов П. А.* Дифференцированные уровни квалификации педагога и структура профессиональной

- деятельности педагога // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 2. С. 59–65.
- Марголис А. А., Коновалова И. В. Критерии профессиональной компетентности педагога-психолога // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 13–20.
- Марголис А. А., Сафронова М. А., Шишлянникова Л. М., Панфилова А. А. Апробация инструментария оценки сформированности профессиональных компетенций будущих педагогов // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 5. С. 77–91.
- Худякова Т. Л., Севрюкова А. Н. Оценка уровня сформированности профессиональной компетентности педагога-психолога в соответствии с требованиями профессионального стандарта // Современная психология образования: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Воронеж, 20–22 октября 2016 года) / Под ред. Т. Л. Худяковой. Воронеж, 2016. С. 22–25.

Assessment and development of professional competencies of educational psychologists

*L. K. Tatyana**, *A. N. Sevryukova*** (Voronezh)

* Candidate of psychological Sciences, Docent, Head of Department of practical psychology, Voronezh State Pedagogical University

** Teacher-psychologist, Municipal budget educational institution secondary school № 18

In the article features of a modern stage of introduction of the professional standards of educators, particularly educational psychologists. As the main problem of this stage is the problem of assessing the professional competencies of educational psychologists. The assessment model proposed by the authors assumes the diagnosis of professional competencies using a set of methods. The article presents the experience of the formation and testing of a professional questionnaire, which can be used to assess professionally important qualities and the formation of an individual trajectory of professional development of educational psychologists.

Keywords: modernization of education, professional standards, professional competencies, case study, professional questionnaire.

ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЭРГОНОМИКА

Опросник для оценки доверия и недоверия технике (для машинистов локомотивов железнодорожного транспорта)¹

А. Ю. Акимова (Нижний Новгород)

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ведущий психолог Горьковской дирекции здравоохранения ОАО «РЖД»; e-mail: anna_ak@rambler.ru

Представлен опросник для оценки доверия и недоверия технике машинистов локомотивов. Доверие и недоверие технике рассматриваются как психологические отношения, формирующиеся и проявляющиеся во взаимодействии с ней и включающие когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Опросник дает возможность дифференцированной оценки доверия и недоверия машинистов локомотивов технике, выраженности каждого компонента, он состоит из 30 утверждений, оцениваемых по степени согласия с ними по 5-балльной шкале Лайкерта. Опросник соответствует требованиям, предъявляемым к психодиагностическому инструментарию: определены надежность по внутренней согласованности, ретестовая надежность, конструктная и содержательная валидность, проведена стандартизация.

Ключевые слова: доверие технике, недоверие технике, психологическое отношение к технике, валидность, надежность, репрезентативность, стандартизация.

Состояние разработки проблемы

Проблема отношения человека к технике, в частности доверия и недоверия ей, привлекает внимание исследователей различных науч-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10296а.

ных направлений. В настоящее время существует широкий спектр работ, в которых представлены концептуальные подходы к пониманию содержательной сущности доверия и недоверия технике, результаты изучения их структуры, соотношения, проявлений в разных условиях и у различных субъектов.

Несмотря на значительное количество исследований по указанной проблеме, актуальным остается вопрос объективного измерения уровня доверия и недоверия технике и их компонентов.

В научной литературе представлен ряд методических подходов для оценки доверия и недоверия технике, отличающихся концептуальными представлениями авторов об этих феноменах, а также поставленными ими исследовательскими задачами. К наиболее известным методам оценки доверия технике, разработанным зарубежными авторами, относятся: метод субъективной оценки доверия человека компьютеру М. Мадсена и С. Грегора (Madsen, Gregor, 2000); многомерная шкала для измерения доверия автоматическим системам Ц. Цзянь соавт. (Jian at al., 2000) и др. Некоторые авторы отмечают целесообразность использования тех или иных методов в разных условиях и применительно к различной технике, однако не имеют единого мнения относительно объективности полученных данных (Kelly at al., 2003).

Автором представленного исследования ранее был предложен опросник «Доверие машиниста локомотива технике», позволяющий оценить уровень выраженности доверия технике, факторов «надежность техники» и «освоенность техники». Была подтверждена валидность, надежность опросника, проведена его стандартизация (Акимова, 2013).

Все вышеуказанные методы позволяли провести измерение доверия технике. Недоверие технике рассматривалось в них как аналог низкого уровня доверия.

Впервые дифференцированный подход к оценке доверия и недоверия технике был предложен А. Б. Купрейченко (Купрейченко, 2012). Реализация указанного методического подхода позволяет оценить выраженность пяти составляющих доверия технике: надежности, единства, предсказуемости, приязни и расчета, а также – выраженность недоверия по степени опасности техники. К недостаткам данного метода можно отнести невозможность оценки соотношения доверия и недоверия у отдельных субъектов, а также отсутствие стандартизации показателей.

Необходимо отметить, что в основе перечисленных методов лежат различные методические подходы, кроме того, они предназначены для определенного круга задач. Вместе с тем постановка

новых целей предполагает разработку соответствующих методических подходов и методик. В этой связи актуальной является разработка надежного, валидного, стандартизированного диагностического инструмента, позволяющего дифференцированно оценивать уровень доверия и уровень недоверия технике, а также определять их соотношение.

Авторский методический подход при разработке опросника

Методический подход при разработке опросника был основан на понимании доверия и недоверия технике как осознанных психологических отношений человека к технике, которые формируются и проявляются во взаимодействии с ней и выполняют функцию регуляции этого взаимодействия. Являясь психологическими отношениями, доверие и недоверие технике включают когнитивные, эмоциональные поведенческие компоненты. В когнитивных компонентах представлены характеристики техники, дифференцирующие ее на вызывающую доверие или недоверие, в эмоциональных компонентах – переживания, по поводу техники, в поведенческих – действия, связанные в ее эксплуатации (Акимова, Обознов, 2016).

В ранее проведенных исследованиях получены данные о том, что доверие и недоверие технике являются взаимосвязанными, но относительно автономными феноменами. В пространстве их критериев и проявлений условно можно выделить область, в которой они относительно автономны и не связаны между собой, а также область, где они взаимосвязаны и противоположны друг другу (там же).

Согласно этим исследованиям, к основным характеристикам техники, вызывающим доверие, относятся: стабильность и исправность работы, комфортность использования, безопасность, внешняя привлекательность, небольшой срок эксплуатации и др.; к эмоциональным проявлениям – позитивные переживания по поводу ожидаемого взаимодействия с техникой, спокойствие, уважение; к поведенческим проявлениям – готовность к использованию техники в любых ситуациях, стремление к сохранению и поддержанию ее характеристик, уверенная эксплуатация.

В то же время при недоверии техника имеет характеристики нестабильности в работе и неисправности, дискомфорта эксплуатации, небезопасности, непривлекательности внешнего вида, бесполезности некоторых характеристик и др. В этом случае эмоциональные отношения к ней – негативные переживания по поводу ожидаемого взаимодействия, напряжение, разочарование, раздражение, опасения за жизнь и здоровье, поведенческие проявления – избегание экс-

плуатации, чрезвычайно осторожная эксплуатация либо стремление к использованию техники только в прогнозируемых ситуациях.

Кроме того, были получены данные, согласно которым критерии (характеристики техники), а также эмоциональные и поведенческие проявления доверия и недоверия технике имеют отличия у людей, взаимодействующих с ней в различных жизненных сферах. Полученные результаты привели к выводу о целесообразности создания инструментария, опирающегося на общий методический подход к изучению доверия и недоверия технике, но имеющего свою специфику в зависимости от вида техники и категории субъектов, взаимодействующих с ней.

Цель и задачи исследования

Цель представленного исследования заключалась в разработке стандартизированного опросника для оценки доверия и недоверия технике машинистов локомотивов, отвечающего требованиям, предъявляемым к психодиагностическому инструментарию.

При разработке диагностического инструмента необходимо было учесть, во-первых, относительную независимость изучаемых отношений, во-вторых, специфику деятельности машинистов локомотивов.

Задачи исследования включали: разработку стимульного материала опросника; подбор соответствующей измерительной шкалы; апробацию опросника на репрезентативной выборке испытуемых; проверку его валидности, надежности.

Описание опросника

Опросник разработан для оценки доверия и недоверия железнодорожной технике машинистов локомотива. Его структура предполагает оценку двух основных показателей («доверие технике» и «недоверие технике»), каждый из которых включает три дополнительных показателя, отражающих выраженность когнитивных, эмоциональных, поведенческих компонентов этих отношений.

Стимульный материал опросника содержит 30 утверждений, оцениваемых по степени согласия с ними по 5-балльной шкале Лайкерта (Татарова, 1999). 15 утверждений направлены на оценку уровня доверия технике, столько же – на оценку уровня недоверия технике (по 5 утверждений для оценки выраженности каждого компонента отношений).

Респонденту объясняется цель исследования и предъявляется следующая инструкция: «Просим вас принять участие в исследова-

нии отношения к технике, с которой вы работаете. Прочитайте, пожалуйста, каждое утверждение и оцените, насколько вы с ним согласны, проставив соответствующую цифру (5 – полностью согласен, 4 – в целом согласен, 3 – не совсем согласен, 2 – в целом не согласен, 1 – совсем не согласен) в отведенной ячейке».

По полученным данным рассчитываются эмпирические значения уровня доверия и уровня недоверия технике, а также выраженности их компонентов в соответствии с ключом. В дальнейшем полученные эмпирические значения указанных показателей переводятся в стандартные баллы.

Этапы разработки и психометрическая проверка

Разработка опросника включала несколько стандартных этапов: выбор метода шкалирования в соответствии с решаемой задачей; генерирование заданий; конструирование шкалы; создание и апробация окончательного варианта методики; стандартизация; сбор нормативных показателей; валидизация; подготовка отчета о результатах обработки и руководства для пользователей (Бурлачук, 2006; Батурин, Мельникова, 2009).

На первом (предварительном) этапе был сформирован рабочий вариант опросника, включающий 117 утверждений, содержательно отражающих характеристики когнитивных, эмоциональных, поведенческих компонентов отношений доверия и недоверия технике.

Отбор утверждений для окончательного варианта опросника производился в процессе пилотного исследования. В результате были отобраны 30 утверждений (по 5 утверждений, содержательно соответствующих определенным компонентам доверия или недоверия технике, и имеющих по ним наибольший факторный вес по результатам факторного анализа).

К оценке содержательной валидности опросника были привлечены 8 экспертов (психологов, работающих в системе железнодорожного транспорта не менее 10 лет), которые оценивали соответствие содержания отобранных утверждений концепту, непротиворечивость утверждений, простоту формулировок и их однозначность для восприятия.

По рекомендациям экспертов были отредактированы некоторые утверждения опросника. Мнение экспертов послужило основой принятия решения о его содержательной валидности.

В апробации окончательного варианта опросника приняли участие 300 машинистов железнодорожных локомотивов. Репрезентативность выборки испытуемых по отношению к генераль-

ной совокупности определялась согласованностью эмпирического распределения полученных данных с нормальным. Распределение полученных в результате апробации опросника значений доверия и недоверия технике не отличалось от нормального (по обоим показателям уровень статистической значимости $p > 0,20$ по критерию Колмогорова–Смирнова).

Конструктивная валидность была подтверждена соответствием факторной структуры полученных данных предполагаемой теоретической модели, а также наличием корреляционных связей шкал разработанного опросника с показателями методики А. Б. Купрейченко для изучения доверия технике со стороны людей, которые занимаются ее эксплуатацией (Купрейченко, 2012).

При проведении факторного анализа была получена 6-факторная структура. Утверждения, касающиеся различных компонентов отношений доверия и недоверия технике, вошли в разные факторы со значимым положительными нагрузками (не ниже 0,38). Совокупная объясненная дисперсия по выделенным факторам составила 61,12%.

Кроме того, при проведении корреляционного анализа данных, полученных в результате апробации опросника, с показателями доверия технике (надежность, единство, предсказуемость, приязнь, расчет) и недоверия технике (опасность) методики А. Б. Купрейченко, была выявлена положительная высокозначимая корреляция по всем компонентам доверия технике разработанного опросника с показателями надежности, единства, предсказуемости, приязни, расчета, а также компонентов недоверия технике опросника с показателем опасности (уровень статистической значимости коэффициентов линейной корреляции Пирсона $p \leq 0,01$ по всем показателям).

Для повышения надежности утверждения опросника, касающиеся определенных компонентов отношений доверия и недоверия технике, были расположены в случайном порядке. Внутренняя согласованность пунктов окончательного варианта опросника, оцениваемая по коэффициенту надежности α Кронбаха, по показателю «доверие технике» составила $\alpha = 0,906$, по показателю «недоверие технике» – $\alpha = 0,814$, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности шкал опросника.

При оценке результатов повторного исследования, проведенного спустя 1 месяц после апробации окончательного варианта опросника в группе из 97 машинистов, были получены данные, свидетельствующие о высокой корреляции первоначальных и ретестовых данных (коэффициенты линейной корреляции Пирсона по показателям доверия технике и недоверия технике – 0,781 и 0,714, уровень

статистической значимости $p \leq 0,01$ в обоих случаях). Полученные данные свидетельствуют о высокой ретестовой надежности изучаемых показателей.

На заключительном этапе разработки опросника была проведена *стандартизация* основных показателей и выведены *тестовые нормы*. Для проведения стандартизации были рассчитаны основные статистические характеристики изучаемых переменных (среднее арифметическое, стандартное отклонение), сформирована конверсионная таблица перевода эмпирических результатов исследования в стандартную шкалу стенов.

Заключение

В результате проведенного исследования был разработан опросник, позволяющий оценить доверие и недоверие машинистов локомотивов технике, используемой ими в профессиональной деятельности. В ходе психометрической проверки опросника было подтверждено, что он является стандартизированным, валидным и надежным психодиагностическим инструментом.

Отличие от существующих методик опросник дает возможность дифференцированной оценки доверия и недоверия рабочей технике машинистов локомотивов, выраженности каждого компонента (когнитивного, эмоционального, поведенческого) изучаемых отношений. Использование опросника позволяет отнести участников исследования к различным группам в зависимости от соотношения оценок доверия и недоверия технике, а также соотношения их различных компонентов. Можно полагать, что в реальных условиях взаимодействия с техникой у машинистов таких групп это может проявляться в разной скорости принятия решений, следовательно, в выборе определенных действий по ее эксплуатации, а также в преобладании позитивных либо негативных переживаний по отношению к технике.

Возможности использования опросника могут быть расширены при включении в исследовательскую программу вопросов изучения социальных, индивидуально-психологических и других факторов, оказывающих влияние на доверие и недоверие технике.

Литература

- Акимова А. Ю. Методика оценки доверия машиниста локомотива к технике // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 109–120.
- Акимова А. Ю., Обознов А. А. Доверие и недоверие человека технике // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 56–69.

- Батурин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов: часть I // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2009. Вып. 6. С. 4–14.
- Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб., 2006.
- Купрейченко А. Б. Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: обоснование методического подхода // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлёва. М., 2012. С. 331–350.
- Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии (введение). Учебник для вузов. М., 1999.
- Jian J.-J., Bisantz, A. M. & Drudy, C. G. Foundations for an empirically determined scale of trust in automated systems // Journal of Cognitive Ergonomics. 2000. V. 4 (1). P. 53–71.
- Kelly C., Boardman M., Goillau P., Jeannot E. Guidelines for Trust in Future ATM Systems: A Literature Review. EUROCONTROL. 1.0 edition, 2003.
- Madsen M., Gregor S. Measuring human-computer trust // Proceedings of Eleventh Australasian Conference on Information Systems. Brisbane, 2000. V. 53. P. 6–8.

The questionnaire for an assessment of trust and mistrust to the equipment (for drivers of locomotive of railway transport)

A. Y. Akimova (Nizhni Novgorod)

Candidate of psychological Sciences, senior lecturer of general and social psychology of Lobachevsky state University of Nizhni Novgorod, leading psychologist of the Gorky Directorate of health care of Russian Railways

The questionnaire for an assessment of trust and distrust to the equipment of drivers of locomotives is presented. The trust and distrust to the equipment are considered by the psychological relations which are formed and shown in interaction with it and include cognitive, emotional and behavioural components. The questionnaire gives the chance of the differentiated assessment of trust and distrust of drivers of locomotives to the equipment, estimates of expressiveness of each component, consists of 30 statements estimated on degree of a consent with them on 5 ball of Likert scale. The questionnaire conforms to requirements imposed to psychodiagnostic tools: reliability by internal coherence, retest reliability, constructive and substantial validity are determined, standardization is carried out.

Keywords: trust to the equipment, distrust to the equipment, psychological relation to the equipment, validity, reliability, representativeness, standardization.

Визуализация ранжирования критериев субъектом в процессе профессиональной деятельности¹

А. С. Баканов (Москва)

*кандидат технических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: arsb2000@pochta.ru*

В статье описан способ визуализации ранжирования критериев субъектом в процессе профессиональной деятельности. При решении производственных задач специалисту приходится учитывать большое число различных факторов и решать задачи многокритериального выбора. Принятие решений в процессе трудовой деятельности можно описать с помощью различных функциональных моделей: моделей памяти пользователя, алгоритмических моделей описывающих профессиональную деятельность и т. д. Предложенный в статье способ визуализации ранжирования критериев позволяет не только выявить и визуализировать значимость критерия для испытуемого, но и количественно оценить динамику изменения значимости конкретного критерия. Количественная оценка динамики изменения значимости критериев в процессе профессиональной деятельности может быть использована при разработке функциональных моделей, описывающих профессиональную деятельность субъекта труда, а также в качестве дополнительного источника информации для оценки профессиональной подготовленности специалиста.

Ключевые слова: принятие решений, профессиональная деятельность, ранжирование критериев, визуализация.

Введение

Особенности самосознания, индивидуальный стиль, личностная и профессиональная идентичность оказывают регулирующее воз-

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0010.

действие на трудовую деятельность субъекта, играют важную роль в постановке и достижении целей, обуславливают успешность реализации производственных заданий (Бодров, 2001). Согласно данным многочисленных исследований (В. А. Бодров, Л. Г. Дикая, Ю. К. Стрелков и др.), успешность работы специалистов зависит не только от уровня их профессиональной и технической подготовки, наличия профессиональных навыков и компетенций, опыта работы и т. д., но во многом определяется индивидуально-личностными характеристиками участников трудового процесса (Дикая, 2003; Стрелков, 2003).

Принятие решений входит в любую деятельность и может относиться и ко всей деятельности в целом, и к отдельным действиям, и даже к его компонентам. Процесс принятия решения включает выявление проблемной ситуации, мысленное выдвижение гипотез (вариантов решения, альтернатив), их оценку, выбор той альтернативы, которая наилучшим образом обеспечивает достижение результата. Проблема принятия решений исследуется в различных отраслях научного знания: психологии, математике, информатике, экономике и т. д. С позиций системного подхода, предложенного Б. Ф. Ломовым, психологическое познание должно базироваться на принципе системности и комплексности при изучении поведения и психики человека. Именно применение системного подхода, по мнению автора, дает возможность более эффективно осуществлять синтез и использовать многоплановые междисциплинарные знания в процессе решения конкретных практических и теоретических проблем (Ломов, 1996). Как отмечает Б. Ф. Ломов, принятие решения «на психологическом уровне не является некоторым изолированным процессом. Оно включено в контекст реальной деятельности человека» (Ломов, 1996). Тем самым подчеркивается, что психологические процессы принятия решений представляют собой иерархическую, многоуровневую систему, которую нельзя рассматривать в отрыве от реальной деятельности конкретного человека.

Процедура экспериментального исследования

В любую профессиональную деятельность субъекта труда включен процесс принятия решений (Журавлёв, 2004; Алдашева, 2014). Рассмотрим процесс принятия решений как процесс выбора одной альтернативы из нескольких имеющихся.

Для оценки альтернатив и выбора наилучшей используются критерии, определяющие привлекательность той или иной альтернативы. Принято считать, что к моменту принятия решения специалист

имеет уже сформированную и ранжированную совокупность критериев, т. е. упорядоченную по степени значимости для конкретного субъекта (Петровский, 2004). Однако наличие дополнительной информации, полученной в процессе принятия решения, может изменить степень значимости одного или нескольких критериев. С целью выявления и визуализации изменения степени значимости критериев при получении дополнительной информации в процессе принятия решения были проведены экспериментальные исследования.

В экспериментальном исследовании, моделировалась профессиональная деятельность специалистов, принимающих решение о выборе одной альтернативы из некоторой совокупности альтернатив (Баканов, Зеленова, 2015). Испытуемым предлагались специально подготовленные тексты, содержащие альтернативы, составляющие множество Эджворта–Парето. После прочтения текста испытуемый принимал решение. Эксперимент проводился в несколько серий, между которыми с испытуемыми обсуждались решения, а также им сообщалась дополнительная информация. Экспериментатор фиксировал ответы испытуемых и визуализировал их графически. В том случае, если испытуемому предлагалось осуществить выбор из двух альтернатив по двум критериям, визуализация не составляла труда (рисунок 1).

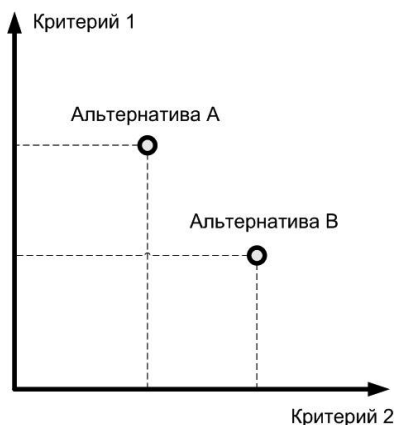

Рис. 1. Выбор решения из двух альтернатив по двум критериям

Если испытуемый выбирал одну из предложенных альтернатив, например, альтернативу А (см. рисунок 1), то это означало, что для него значимость критерия 1 выше, чем критерия 2. Однако в том случае, если испытуемый осуществлял выбор из нескольких альтернатив по нескольким критериям, использование декартовых координат

		1	2	N
1	Критерий 1	△ ₃	○	○
2	Критерий 2	○	△ ₂	○
	• • •			○
N	Критерий N	○	▽	○

Рис. 2. Выбор решения из нескольких альтернатив по нескольким критериям

не давало желаемого результата. Поэтому визуализация процесса ранжирования критериев испытуемым осуществлялась иным образом (см. рисунок 2).

На рисунке 2 по оси ординат представлены критерии в порядке значимости, а по оси абсцисс – результаты серий экспериментов. В треугольнике с вершиной, направленной вверх, указывается, насколько увеличилась значимость критерия в данной серии; если цифра в треугольнике не указывается, считается, что значимость критерия возросла на 1. В треугольнике с вершиной, направленной вниз, указывается, насколько уменьшилась значимость критерия в данной серии. Если изображена окружность, то это означает, что значимость критерия не изменилась.

Заключение

Отображая таким образом динамическое ранжирование критериев, возможно выявить и визуализировать не только значимость критерия для испытуемого, но и количественно оценить динамику изменения значимости конкретного критерия. Используя данную форму визуализации критериев, можно исследовать корреляции когнитивного стиля испытуемого с динамикой изменения значимости критериев. Успешность принятия решений в процессе профессиональной деятельности зависит не только от уровня подготовленности профессионала, его профессиональных компетенций, опыта работы и т. д., но во многом определяется личностными особенностями (Холодная, 2004). В исследованиях В. А. Бодрова, Л. Г. Дикой, М. А. Котика, О. А. Конопкина, М. А. Холодной, В. А. Толочка и др. показано, что индивидуально-стилевые характеристики, способы принятия решений, структура самосознания и уровень профессиональной мотивации оказывают регулирующее влияние на все аспекты поведения человека, в том числе играют важную роль в успешности выполнения производственных заданий (Толочек, 2015).

Представленный способ визуализации критериев субъектом в процессе профессиональной деятельности может быть использован при разработке функциональных моделей, описывающих профессиональную деятельность субъекта труда, а также в качестве дополнительного источника информации для оценки профессиональной подготовленности специалистов.

Литература

- Алдашева А. А.* Индивидуальные стратегии экологического поведения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. №3 (43). С. 31–36.
- Баканов А. С., Зеленова М. Е.* Когнитивно-стилевые детерминанты успешности профессиональной деятельности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. №2. С. 61–75.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности. М., 2001.
- Дикая Л. Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М., 2003.
- Журавлёв А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М., 2004.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. Избранные психологические труды. М.–Воронеж, 1996.
- Петровский А. Б.* Многокритериальное принятие решений по противоречивым данным: подход теории мультимножеств // Информационные технологии и вычислительные системы. 2004. №2. С. 56–66.
- Стрелков Ю. К.* Инженерная и профессиональная психология. М., 2003.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М., 2015.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.

Visualization of the ranking of criteria by the subject in the process of professional activity

A. S. Bakanov (Moscow)

Candidate of Technical Sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

The article describes a method for visualizing the ranking of criteria by the subject, in the process of professional activity. When solving production problems, a specialist must take into account a large number of dif-

ferent factors and solve multicriteria choice problems. Decision making in the work process can be described using various functional models: user memory models, algorithmic models describing professional activity etc. The method of visualizing ranking of criteria suggested in the article allows not only to reveal and visualize the significance of the criterion for the subject, but also to quantify the dynamics of the change in the significance of a particular criterion. Quantitative assessment of the dynamics of changes in the importance of criteria in the process of professional activity can be used in the development of functional models describing the professional activity of the subject of labor, and as an additional source of information for assessing the professional preparedness of the subject of labor.

Keywords: decision making, professional activity, criteria ranking, visualization.

Окуломоторные маркеры искажения информации¹

Ю. В. Бессонова*, Д. Л. Петрович**, А. А. Обознов***,
Н. А. Алмаев*****, О. В. Мурашева***** (Москва)

* кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: farandi@mail.ru

** кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник
Института психологии РАН e-mail: dlpe@mail.ru

*** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: aao46@mail.ru

**** доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: almaev@mail.ru

***** кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: olgalogatskaia@gmail.com

Точность определения значимых стимулов и фактов искажения ответа лежит в основе валидности всей психодиагностики. Одним из способов ее повышения является применение метода айтрекинга. В статье приведены результаты нескольких серий экспериментального исследования, позволившие выявить комплекс окуломоторных маркеров внимания к субъективно значимым стимулам. Установлены универсальные, независимые типы стимульного материала и виды искажения информации, окуломоторные и вербальные маркеры, позволяющие достоверно дифференцировать ложный ответ. Выявлены также специфичные окуломоторные и вербальные признаки разных типов искажения ответов – выбор случайного ответа, социально желательного, утаивания информации.

Ключевые слова: окуломоторная активность, вербальная активность, айтрекинг, искажение информации, движения глаз и диагностика лжи.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-10675а.

Постановка проблемы

Наиболее распространенным методом выявления искажения информации представляется полиграфическое тестирование, однако объем претензий к методу соответствует его популярности. Вопросы к валидности тестирования на полиграфе возникали с самого начала его практического применения. Научное сообщество не располагает сколько-нибудь обоснованными теоретическими подтверждениями достоверности тестирования на полиграфе, которые были бы опубликованы в серьезных рецензируемых источниках (Jarrett, 2012). Неправомочность результатов детекции лжи с помощью полиграфа, особенно в расследовании уголовных преступлений, послужила предметом специального меморандума Управления конгресса США по оценке технологий (US Congress Office of Technology Assessment), а позднее – расследования национального исследовательского совета (National Research Council) США, в котором подтвердились опасения, высказанные ранее: при тестировании на полиграфе велика вероятность ошибок, достоверность наиболее распространенных методик – теста контрольных вопросов (Control Question Test, CQT) и так называемого теста на знания виновности (Guilty Knowledge Test, GKT) – основана не на когнитивных подходах к детекции лжи или на данных нейронаук, а на предположении, что искажение информации вызывает более сильное возбуждение симпатической нервной системы (Walczyk et al., 2013). В 2004 г. уже Британское психологическое общество (BPS) крайне негативно отозвалось о достоверности и валидности применения полиграфа. В 2012 г. К. Джаррет опубликовал статью с результатами провального тестирования полиграфа полицией Хертфордшира, проведенного для выявления лиц, склонных к преступлениям сексуального характера (Jarrett, 2012).

Основными претензиями к полиграфу как методу выявления лжи является целый комплекс проблем, решение которых в настоящее время либо не найдено, либо затруднительно; это, прежде всего, низкая валидность самих тестов; вариабельность индивидуальных реакций; субъективизм полиграфолога в процессе проведения испытания и при интерпретации результатов; эффекты установки, подробно описанные П. Экманом (1992); измененные состояния испытуемого – от сильного генерализованного страха до состояния алкогольного опьянения (Ioffe et al., 2007); возможность испытуемого противодействовать тестированию, а также трудность дифференциации того, что послужило причиной изменения психофизиологических показателей – реакция на ситуацию тестирования или на значимый стимул. Выход видится в разработке методов диа-

гностики лжи по совокупности проявлений – вербальных, невербальных и физиологических (Vrij, 2008). Одним из предложенных решений является анализ окулomotorной активности.

Совершенствование аппаратуры для регистрации движений глаз позволило в последние годы активно внедрить метод айтрекинга в психологические исследования. Регистрация окулomotorной активности как метода диагностики правды/лжи обладает рядом существенных преимуществ. Во-первых, метод базируется на измерении когнитивных реакций вместо эмоциональной реакции, которая считается ненадежной, зависимой от состояния респондента и условий тестирования. Во-вторых, технический уровень айтрекинг-систем позволяет осуществлять измерения дистанционно, неинвазивно, с высокой точностью и меньшими затратами времени на калибровку, проведение обследования и обработку результатов. В-третьих, применительно к процедуре диагностики многие каналы регистрации психофизиологических показателей оказываются слишком инертными, реагирующими на появление стимула с большой латентностью и потому малоинформативными, тогда как айтрекинг ведется с высокой частотой и позволяет уловить даже самые тонкие изменения окулomotorной активности. В-четвертых, айтрекинг не предъявляет серьезных требований к стимульному материалу и квалификации эксперта, проводящего тестирование.

Регистрация окулomotorной активности все более широко применяется в качестве полноценной замены полиграфа при детекции правды/лжи. Регистрация непроизвольного внимания к субъективно значимым стимулам, построенная на распознавании отношения к предъявляемым эмоционально окрашенным стимулам и эффекте «value-driven attention» (ценностно-ориентированное внимание), в настоящее время используется в полиции как замена многоканальной регистрации на полиграфе при расследовании причастности к противоправным действиям.

Накопленные данные подтверждают валидность метода, но они чрезвычайно обширны и противоречивы. Противоречия касаются как самого набора окулomotorных маркеров лжи, так и их проявления. Установлено, что продолжительность взгляда как маркера лжи зависит от возраста: уменьшается у детей в возрасте 7–9 лет и увеличивается в более старшем возрасте (Pereira et al., 2016). Эмоциональная валентность стимулов оказывает противоположное влияние: положительно окрашенные стимулы отличаются большим по сравнению с нейтральными количеством фиксации и их большей длительностью (Огнев, Лихачева, 2015), отрицательно окрашенные (избегаемые, вытесняемые), наоборот, меньшим коли-

чеством фиксации и их меньшей длительностью (Cook et al., 2012), меньшей длительностью первой фиксации вследствие генерализованного проявления так называемого «anger superiority effect» (эффект превосходства гнева). Противоречивые данные получены в отношении окуломоторных характеристик, которые могут считаться маркерами лжи. А. Кук с соавт. (Cook et al., 2012) в качестве указывающих на ложь маркеров перечисляют критерии повышенной активности: расширение зрачков, удлинение времени отклика, времени на просмотр, количество повторных взглядов и число ошибок. А. С. Огнев (2015) в публикациях и патенте выделяет длительность и количество фиксации как маркеры выявления зон предпочтительной произвольной фиксации внимания. М. Перейра с соавт. (2016) указывает на различие в паттернах взора: при правдивом ответе фокус внимания сосредотачивается на лице изображенного персонажа, при ложном – на его фигуре.

Процедура и метод экспериментального исследования

Цель и задачи исследования

Наше исследование проводилось в рамках изучения проявлений мотивационной направленности личности в окуломоторной активности. Одной из задач был поиск ответа на вопрос, чем обусловлена избирательность внимания испытуемых: внешними характеристиками самого стимула либо его субъективной значимостью и мотивационной преднастройкой процесса приема-переработки информации? Соответственно *первая задача* заключалась в поиске окуломоторных маркеров внимания к субъективно значимым стимулам, достоверно отличающих его от внимания к нейтральным стимулам и стимулам, выделенным с помощью композиционных приемов. *Вторая задача* заключалась в дифференциации правдивых/ложных ответов и поиске маркеров искажения информации. В итоге, *целью исследования* был комплекс окуломоторных проявлений, позволяющих выявить значимый стимул среди прочих даже при стремлении респондента скрыть его истинную значимость.

Эксперимент базировался на представлении о трех типах искажения информации. П. Экман (2010) основными видами лжи называет умалчение (пассивная ложь) и активное искажение, в свою очередь, подразделяющееся на «ложные описания» (конструирование воображаемого события) и «ложные отрицания» (отрицание реального события). Результаты решения первой задачи подробно изложены в публикациях (Бессонова и др., 2016). Выявлен комплекс

окуломоторных маркеров значимого стимула – *последовательность рассматривания, временные показатели фиксации* (суммарное время, уделенное рассматриванию, длительность первой фиксации, усредненная длительность фиксации) и *скоростные характеристики саккад* (их длительность и скорость).

Дизайн и метод исследования

Экспериментальный дизайн решения второй задачи включал два этапа.

На первом этапе предъявлялись картинки, предварительно отобранных экспертами (10 человек) как эмоционально нейтральные. Согласно теории П. Каванаха, рисунки представляли собой замкнутый контур черного цвета на белом фоне с целью уменьшения сложности когнитивной переработки информации. Предъявление картинок разделялось маской (25% серый цвет, длительность предъявления – 500 мс).

В фоновой серии респондентам предлагалось свободное рассматривание слайдов, затем, согласно инструкции, требовалось честно ответить на вопрос и выбрать кликом мыши правильную картинку (16 слайдов), затем – неправильную (16 слайдов). Местоположение рисунков на слайде подвергалось позиционному уравниванию. Время предъявления – 10000 мс. С целью поиска специфичных окуломоторных истинности/ложности ответа были введены десять калибровочных вопросов, предъявляемых до начала тестирования и предполагающих достоверные ответы на стандартные социально-демографические вопросы (пол, возраст, образование и т. п.). После окончания тестирования эти же вопросы предъявлялись снова с инструкцией дать ложный ответ. Регистрация окуломоторной активности проводилась с помощью айтрекера SMI-Red 250Hz.

На *втором этапе* проводился совмещенный анализ окуломоторной и вербальной реакции при правдивом или ложном ответе. Стимулы – 10 картинок проективного теста TGM (Алмаев, Мурашева, 2012), предъявляемые с тремя вариантами инструкции: 1) свободное рассматривание и свободный проективный рассказ; 2) социально желательный рассказ; 3) рассказ, в котором нужно скрыть некоторые элементы содержания. Время предъявления – 10000 мс; предъявление картинок разделялось маской (25% серый цвет, длительность предъявления – 500 мс).

Выборку составили 108 человек в возрасте 20–56 лет, из них 56 женщин и 52 мужчин. По сути, дизайн исследования соответствовал классическому тесту контрольных вопросов (CQT), состоящему

из нейтральных, значимых и контрольных стимулов, а также подходу А. Врея о сочетанном применении вербальных и физиологических индикаторов лжи.

Результаты исследования

Результаты дискриминантного анализа окулomotorной активности при правдивом и ложном ответе на текстовые и на графические стимулы позволили выявить комплекс информативных маркеров, достоверно идентифицирующих ложный ответ (таблицы 1–2).

Вне зависимости от стимульного материала (текст или рисунок) выявлен сходный комплекс взаимосвязанных окулomotorных маркеров ложного ответа. Правдивый ответ сопровождается преобладанием фокального внимания: характеризуется меньшим количеством повторных фиксаций, более медленным моторным ответом, боль-

Таблица 1
Окулomotorные маркеры правдивого и ложного ответа
(текстовые стимулы)

	Тип ответа, Ср. знач.		Дискриминантный анализ			
	Ложный	Правдивый	Wilks'	Partial	F-remove	p-level
Усредненная длительность фиксации (мс)	344,02	411,78	0,97	1,00	19,51	0,000010
Суммарная длительность фиксаций (мс)	985,22	1565,88	0,99	1,00	40,04	0,000000
Количество фиксаций	3,08	4,18	0,85	0,98	9,43	0,002237
Длительность первой фиксации (мс)	186,94	183,79	0,97	0,99	36,09	0,000000
Амплитуда саккад (°)	58,16	56,91	0,99	1,00	14,44	0,000145
Усредненная скорость саккад (°/с)	99,90	96,94	0,99	1,00	22,10	0,000003
Пиковая скорость саккад (°/с)	186,55	180,44	0,99	1,00	5,50	0,021107
Последовательность рассматривания	6,47	3,66	0,97	1,00	5,04	0,024761
Суммарное время сосредоточения внимания (мс)	1027,16	1620,52	0,97	1,00	12,67	0,000374
Количество взглядов	1,88	2,52	0,97	1,00	7,53	0,006091
Количество возвратов	4,77	2,67	0,97	1,00	5,42	0,019976
Время ответа – клика мышью (мс)	2854,98	3586,37	0,97	1,00	9,72	0,001830

Таблица 2

Окуломоторные маркеры правдивого и ложного ответа при различных типах искажения информации

	Тип инструкции			Дискриминантный анализ			
	Средние значения	Социально желательный	Утаивание информации	Wilks'	Partial	F-remove	p-level
Свободный рассказ	504154,46	336924,85	307088,52	0,95	0,99	142,40	0,000000
Total Duration Blink	98,15	106,25	90,07	0,95	1,00	82,73	0,000000
Fixation Count	197125,80	227438,93	217156,76	0,95	1,00	61,74	0,000000
Fixation Duration	4,12	4,04	4,03	0,96	0,99	170,93	0,000000
Fixation Average Pupil Diameter [mm]	108,06	113,52	93,34	0,97	1,00	19,06	0,000000
Saccade Count	25875,47	22491,72	24066,30	0,97	1,00	22,44	0,000000
Saccade Total Duration	4,77	3,71	3,60	1,00	1,00	8,98	0,002733
Saccade Amplitude Average [°]	303,30	292,34	256,99	0,98	0,99	187,97	0,000000
Saccade Velocity Peak [°/s]	136,35	123,04	107,68	0,97	1,00	23,51	0,000000
Saccade Velocity Average [°/s]	11270,56	9555,72	8904,75	0,97	1,00	17,34	0,000000
Revisits	33,97	38,95	39,82	0,93	1,00	0,35	0,051900
Dwell Time [ms]	1527,17	1504,39	1425,27	0,93	0,99	5,55	0,018698
First Fixation Duration [ms]	282,32	200,05	185,81	0,93	0,99	5,97	0,014742
Average Fixation Duration [ms]	329,50	311,48	305,95	0,93	0,99	6,31	0,012199
Sequence	33,56	38,51	39,56	0,93	1,00	0,39	0,031096
Glances Count	2,51	1,65	1,62	0,93	1,00	1,09	0,029720

шим количеством фиксаций на ответе, высокоскоростными низкоамплитудными саккадами. Искажение информации проявляется в изменении последовательности рассматривания, в увеличении амплитуды и скоростных показателей саккад, росте количества повторных взглядов при снижении количества фиксаций на выбираемом ложном ответе, снижении общего времени, уделенного рассматриванию, и длительности фиксации на ответе. Выбор ложного ответа, особенно при количестве альтернатив более одной, отражает процесс решения дополнительной мыслительной задачи, что согласуется с данными Кука (Cook et al., 2012).

Ряд показателей зависит от типа сокрытия информации. *Случайный выбор ложных ответов* сопровождается преобладанием ориентировочного рассматривания (удлинением общей траектории взгляда, количества возвратов, бóльшей амплитудой саккад и их скорости) и ускорением моторного ответа как разрешения дополнительной когнитивной нагрузки. Ложный ответ не соответствует выделенным ранее маркерам «значимости стимулов», что позволяет идентифицировать такие ответы как «пассивную ложь». Активная ложь отличается резким снижением количества морганий и сужением зрачка. *Ответ по типу «ложного описания»* (социально желательный ответ), помимо общих критериев ложности ответа, отличается повышением количества и длительности фиксаций на стимуле, ростом количественных и снижением скоростных показателей саккад, что отражает включение рассматриваемого стимула в канву ложного вербального ответа и, таким образом, присвоение ему некоей важности. *Ответ по типу «ложного отрицания»* (утаивание информации) обладает иными особенностями – еще более резким снижением времени рассматривания, количества фиксаций, снижением как количественных, так и скоростных показателей саккад и ростом числа повторных возвратов.

Анализ паттерна рассматривания несет информацию о субъективно значимых областях стимульного поля. Для рисуночного стимула более важными критериями становятся не количественные, а временные и скоростные. Количественные показатели (число повторов и возвратов, фиксаций, саккад и пр.), а также средняя длительность первой фиксации являются особенностями рассматривания и при повышении плотности стимульного поля не могут служить маркерами искажения ответа в случае «активной лжи», которая предполагает решение дополнительной задачи – конструирования рассказа по рисунку с включением либо исключением стимулов.

Совместный анализ вербальной и окуломоторной активности выполнил функцию «двойного резервирования» и выявил допол-

нительные маркеры искажения ответа. Инструкции, провоцирующие искажение ответов, вызывают общие изменения речевой активности: *увеличение латентности вербализации до 2,5–3 секунд; рост количества повторов отдельных слов и переформулировок идеи рассказа разными словами; увеличение латентности между рассматриванием элемента картинки и включением его в рассказ; увеличение количества ошибочных выборов при попытке сокрытия информации; ускорение моторного ответа; преобладание моторной реакции над вербальной* (респондент сначала кликает ложный ответ, потом его вербализирует); при сокрытии позитивной информации *уменьшается латентность вербализации с сохранением неизменной скорости нажатия клавиши мыши*, а при сокрытии негативной информации *латентность вербализации увеличивается, зато сокращается время клика мышью по выбранному неискреннему ответу*. Общей для всех респондентов особенностью искажения информации является относительная стандартность фабулы рассказа (сужение перечня типичных сюжетов). Отдельно величину латентности при начале вербализации неправомерно считать показателем истинности/ложности: некоторое количество респондентов испытывало страх в ситуации эксперимента и проблемы с вербализацией или же обладало низкими навыками связного рассказа.

Найдены специфические особенности разных типов искажения информации. В случае утаивания информации в качестве дополнительных маркеров отмечались: *преобладание моторной реакции над вербальной* (респондент сначала кликает ложный вариант ответа, потом его вербализирует), *сокращение длительности рассказа*. Инструкция, провоцирующая сокрытие информации при ответе, способствует *уменьшению речевой продукции* (от 139 слов при свободном рассказе до 102 слова при утаивании), но *не ведет к уменьшению количества фиксаций на избегаемом стимуле*. При инструкции, провоцирующей социальную желательность рассказа, наоборот, происходит *удлинение рассказов, увеличение вербальной продукции* (в среднем 173 слова). Особенностью социально желательного рассказа является *«отрыв от контекста»* (фантазирование без опоры на стимульный материал). Другой особенностью социально желательных рассказов является проявление *личного отношения к изображенной ситуации и персонажам путем присваивания им характеристик и оценок, фантазирование по поводу мотивации и желаний персонажей*. Особенностью утаивания являются *повышение доли описательных рассказов, перечисление предметов обстановки, изображенных на картинке, уход от фиксаций на лицах персонажей*.

Разработан общий показатель соотношения вербальной и невербальной активности как отношения числа фиксации глаз на картинке проективного теста к числу слов в рассказе по данной картинке (Ф/С). Соотношение Ф/С в пределах до 3,0 соответствует свободному (искреннему) ответу респондента; показатель Ф/С выше 3,2 является специфичным маркером угнетения речевой продукции при утаивании информации (Алмаев и др., 2015).

Заключение

Отобранные универсальные показатели истинности/ложности ответов и выявленные ранее окуломоторные маркеры субъективной значимости легли в основу технологии распознавания истинных ответов при психологическом тестировании. Процедура реализована в специальном программном обеспечении (ООО «ЭргоЛаб», 2016), позволяющем провести «фоновый» замер стандартной индивидуальной окуломоторной реакции на визуальные стимулы в условиях правдивости ответов. С этой индивидуальной нормой реакции впоследствии сравниваются показатели окуломоторной активности при компьютерном заполнении психологического теста, что позволяет выявить области повышенного внимания, соответствующие значимым стимулам, и задать критерии для выявления ложных ответов.

Литература

- Алмаев Н. А., Бессонова Ю. В., Мурашева О. В. Показатель относительного угнетения речевой продукции / Айттрекинг в психологической науке и практике / Под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2015. С. 166–171.
- Бессонова Ю. В., Обознов А. А., Петрович Д. Л. Окуломоторные маркеры субъективной значимости стимулов // Материалы Седьмой Международной конференции по когнитивной науке (20.06.2016–24.06.2016, Светлогорск, Россия). 2016. С. 152–153.
- Огнев А. С., Лихачева Э. В. Валидность айттрекинга как инструмента психодиагностики // Успехи современного естествознания. 2015. № 1–8. С. 1311–1314.
- Экман П. Психология лжи. СПб., 2010.
- Cook A. E., Hacker D. J., Webb A. K., Osher D., Kristjansson S., Woltz D. J., Kircher J. C. Lyin' Eyes: Ocular-motor Measures of Reading Reveal Deception // *Experimental Psychology*. 2012. № 18 (3). P. 301–313. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3763937/> (дата обращения: 18.04.2017).

- Ioffe S., Yesin S., Afanasjev B.* The Role of Subconscious Effects During the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder with Alcohol Dependencies in Military Personnel // *Polygraph*. 2007. № 36 (3). P. 133–148.
- Jarrett C.* The polygraph on trial // *The Psychologist*. 2012. V. 2. № 2. P. 104–105.
- Pereira M. S., Cozijn R., Postma E., Shahid S., Swerts M.* Comparing a Perceptual and an Automated Vision-Based Method for Lie Detection in Younger Children // *Frontiers in Psychology*. 12 December 2016. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2016.01936/full> (дата обращения: 15.05.2017).
- Vrij A.* *Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities*, Second Edition. Chichester, England: Wiley, 2008.
- Walczyk J. J., Griffith D. A., Yates R., Visconte S., Simoneaux B.* Eye movements and other cognitive cues to rehearsed and unheard deception when interrogated about a mock crime // *Applied Psychology in Criminal Justice*. 2013. № 9 (1). P. 1–23.

Oculomotor markers of deception

*Y. V. Bessonova**, *D. L. Petrovich***, *A. A. Oboznov****,
*N. A. Almayev*****, *J. V. Murasheva****** (Moscow)

* Candidate of psychological Sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, associate research Fellow
at the Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer
of the Institute of Psychology of RAS

**** Doctor of psychological Sciences, leading researcher
of the Institute of Psychology of RAS

***** Candidate of psychological Sciences associate research Fellow
at the Institute of Psychology of RAS

Accurate value-driven attention and lie detection is crucial for all psychodiagnostics validity. Eye-tracking is one way to improve it. The article presents the results of several experimental studies for identification a complex of oculomotor markers of value-driven attention. We found an universal oculomotor and verbal markers free of stimulus types and types of deception. Specific oculomotor and verbal markers were established which allow reliably differentiate false answer in case of any types of deception – random choice, socially desirable reply, hiding information.

Keywords: oculomotoric, verbalization, eye-tracking, deception, eye movements and lie detection.

Развитие эмоционального интеллекта операторов контактного центра

Е. Н. Бочкарева (Новосибирск)

*ассистент кафедры психологии и педагогики
Новосибирского государственного технического университета;
e-mail: ekaterina.bochkareva@gmail.com*

Целью исследования было изучение возможностей развития эмоционального интеллекта сотрудников контактного центра при помощи тренинга. 23 оператора контактного центра (экспериментальная группа) прошли тренинг, направленный на развитие эмоционального интеллекта, 30 операторов, не участвующих в тренинге, составляли контрольную группу. Группы были согласованы по возрасту и стажу работы. Уровень эмоционального интеллекта оценивался опросником «ЭМИн» Д. В. Люсина. Сравнение результатов двух групп после проведения тренинга показало увеличение уровня межличностного эмоционального интеллекта у участников экспериментальной группы в сравнении с участниками контрольной группы, остальные компетенции эмоционального интеллекта не изменились. Посттренинговое интервью показало различие между группами в оценке понимания и управления своими эмоциями и эмоциями других людей. Развитие эмоционального интеллекта операторов улучшает понимание собственных эмоций и эмоций окружающих.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, операторы контактного центра, понимание эмоций, управление эмоциями, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект.

Постановка проблемы

Вопрос о возможностях развития эмоционального интеллекта (ЭИ) при помощи тренингов в последние годы становится все бо-

лее актуальным. При этом исследования, направленные на изучение влияния тренингов на развитие эмоциональных компетенций их участников, показывают различные результаты. Так, исследование учителей, проведенное Р. Коркоран и Р. Тормей (Corcoran et al., 2010), не показало изменения среднего уровня ЭИ между контрольной и экспериментальной группой, хотя в то же время наблюдалось статистически незначимое увеличение средних значений компонентов ЭИ у участников тренинга (Chambel et al., 2012). В работе С. Херпертс с соавт. (Herpertz et al., 2016) после тренинга у испытуемых значимо увеличилась способность к распознаванию эмоций по лицам (по результатам теста MSCEIT), при этом результаты определения эмоций по изображениям не изменились. В ряде других исследований обнаружено увеличение среднего показателя ЭИ после проведенного тренинга (Хлевная и др., 2012; Crombie et al., 2011; Reuben et al., 2009). Н. Шутте с соавт. отмечают, что, несмотря на недостаточность исследований, связанных с развитием компонентов эмоционального интеллекта, испытуемые в результате развития этих компетенций получают преимущества (Schutte et al., 2013).

Процедура, этапы и методический инструментарий исследования

Целью данного исследования являлось выявление того, насколько программы, ориентированные на развитие эмоционального интеллекта, способны влиять на изменение компетенций ЭИ на примере операторов контактного центра.

Работа операторов контактного центра характеризуется высокой интенсивностью (порядка 200 звонков в день). Такая нагрузка сопровождается рядом ограничений: короткое время диалога; запрет на проявление непосредственной эмоциональной реакции на высказывания клиентов; регламентированные перерывы; отсутствие закрепленного рабочего места (Жеглова 2007; Chambel et al., 2012). Сами операторы часто описывают свою работу как скучную, напряженную, связанную с высоким уровнем стресса (Chambel et al., 2012; Hu et al., 2014).

Концепция эмоционального интеллекта может быть успешно использована для обучения операторов контактных центров, так как она позволяет определить необходимые для эффективной работы эмоциональные навыки (например, понимание и управление своими эмоциями и эмоциями других людей). В данном исследовании мы опирались на концепцию ЭИ Д. В. Люсина (Люсин, 2009).

Гипотеза исследования: программа по развитию эмоционального интеллекта позволит увеличить уровень ЭИ у участников тренинга.

Для проверки данной гипотезы был проведен и организован эксперимент: сформирована тренинговая программа по развитию эмоционального интеллекта. Сотрудники контактного центра, приняли участие в серии тренингов, направленных на развитие эмоциональных компетенций.

Выборку исследования составили респонденты двух групп – экспериментальной, включающей 23 человека, отобранных в случайном порядке, и контрольной, представленной 30 операторами контактного центра, не участвовавшими в тренинге. Средний возраст участников экспериментальной группы – 31 год, из них 19 женщин и 4 мужчины. Средний стаж работы испытуемых в контактном центре – 41 месяц. Контрольная группа также преимущественно состояла из женщин (26 человек); средний возраст – 29,6; средний стаж работы – 39 месяцев.

Методики исследования

Обе группы испытуемых заполнили опросник ЭИ на определение уровня эмоционального интеллекта до и после тренинга (тест № 1 и тест № 2). Экспериментальная группа, помимо прохождения тренинга, также участвовала в посттренинговом интервью. В интервью были рассмотрены компоненты ЭИ, выделенные Д. В. Люсиным (Люсин, 2009), а также задавались вопросы об эмоциональном опыте участников тренинга.

Тренинг включал в себя следующие основные этапы:

- 1) обсуждение важности осознания эмоций в профессиональной и личной жизни, концентрация на том, как эмоции, которые участники тренинга испытывают на работе, влияют на их продуктивность;
- 2) расширение словарного запаса описания эмоций, осознание собственных эмоций, осознание чувств других участников тренинга при постоянной обратной связи;
- 3) работа с агрессией и злостью, осознание агрессии и поиск эффективных и безопасных способов ее выражения;
- 4) обучение техникам регуляции эмоций, выполнение домашнего задания с целью применения новых навыков.

Процесс обучения проходил при поддержке участников группы тренером и другими участниками; использовался метод обратной связи, позволяющий расширить понимание особенностей проявления и выражения эмоций.

Контрольная группа не проходила тренинга по развитию эмоционального интеллекта.

Результаты исследования

Сравнение демографических показателей контрольной и экспериментальной групп с использованием критерия Манна–Уитни показало отсутствие между ними разницы по стажу работы и среднему возрасту. Коэффициент внутренней согласованности (α Кронбаха) для методики «Эмоциональный интеллект» составил 0,916, что позволяет рассматривать результаты исследования как достоверные.

Для проверки нормальности распределения признаков использован критерий Шапиро–Уилка. В экспериментальной группе результаты теста № 1 МЭИ, ВЭИ, ПЭ распределены нормально; УЭ не распределен нормально. При проведении теста № 2 ни одна из компетенций эмоционального интеллекта не оказалась распределена нормально. В контрольной группе (N=30) в тесте № 1 и тесте № 2 ни один из компонентов ЭИ не распределен нормально. В связи с этим для сравнения выборок использовался критерий Манна–Уитни.

Сравнение при помощи критерия Манна–Уитни не показало значимых различий в пре- и посттренинговых результатах значений компетенций эмоционального интеллекта испытуемых в экспериментальной группе. В контрольной группе различия также отсутствуют.

Для проведения сравнения пре- и посттренинговых результатов исследования компетенций эмоционального интеллекта у контрольной и экспериментальной групп по каждой из групп мы вычли результат каждого участника в Тесте 2 из его показателей в Тесте 1 и сравнили средние для контрольной и экспериментальной групп. Позитивные и негативные значения отражают уменьшение или увеличение значения компетенции. Результаты показывают, что в экспериментальной группе по всем компетенциям ЭИ произошло увеличение среднего значения минимум на 1,13, в то время как в контрольной группе изменения среднего значения близки к 0. Сравнение средних в экспериментальной и контрольной группах при помощи критерия Манна–Уитни показало, что значимые различия наблюдаются для МЭИ.

Интервью, проведенное с участниками исследования после тренинга, прояснило некоторые аспекты воздействия тренинга на участников. Так, участники экспериментальной группы отметили, что после тренинга они с большим вниманием стали относиться к собственным эмоциям, а также способам их понимания, осознали, что часто неправильно определяют эмоции других лю-

дей. Кроме того, они указали, что в процессе тренинга сформировали для себя новые способы оценки состояний других людей – через мимику и язык тела, стали чаще ставить себя на место других людей и пытаться понять их состояние, начали обращать внимание на то, что проявляемые ими самими эмоции не всегда соответствуют переживаемым чувствам. Участники тренинга также отметили рост качества понимания эмоций других, а также усиление интереса к чувствам окружающих.

Заключение

Таким образом, в группе, прошедшей тренинг развития эмоционального интеллекта, отмечается значимый рост показателя межличностного эмоционального интеллекта, наблюдается рост средних значений внутриличностного эмоционального интеллекта, понимания эмоций и управления эмоциями. Результаты повторного тестирования в контрольной группе не выявили значимых изменений компетенций ЭИ.

Интервью, проведенные с участниками тренинга, показали большую чувствительность и осведомленность респондентов о своих эмоциональных состояниях в процессе работы. Несмотря на то, что понимание собственных состояний и их контроль представлял собой сложную задачу и для сотрудников, прошедших тренинг, их понимание своего эмоционального состояния стало более оформленным и осмысленным. Кроме того, сотрудники отметили рост интереса к собственным эмоциям и их влиянию на других людей.

Таким образом, можно предположить, что развитие у сотрудников контактных центров интереса к собственной эмоциональной сфере, а также обучение их навыкам управления эмоциями может иметь положительное влияние на их эмоциональное состояние и на тот уровень стресса, с которым они сталкиваются в процессе работы.

Литература

- Жеглова К. Ю.* Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007.
- Люсин Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2009. С. 264–278.

- Хлевная Е. А., Штроо В. А., Киселева Т. С.* Экспериментальное исследование возможности развития эмоционального интеллекта // Психологическая наука и образование. psyedu.ru. 2012. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/3/3018.phtml> (дата обращения: 02.02.2017).
- Chambel M. J., Castanheira F.* Training opportunities and employee exhaustion in call centres: mediation by psychological contract fulfilment // *International Journal of Training and Development*. 2012. V. 16. № 2. P. 107–117. Doi:10.1111/j.1468–2419.2011.00394.x
- Corcoran R., Tormey R.* Teacher education, emotional competencies and development education // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2010. V. 2. № 2. P. 2448–2457. Doi: 10.1016/j.sbspro.2010.03.352
- Crombie D., Lombard C., Noakes T.* Increasing emotional intelligence in cricketers: An intervention study // *International Journal of Sports Science and Coaching*. 2011. V. 6. № 1. P. 69–86. Doi: 10.1260/1747-9541.6.1.69.
- Herpertz S., Schütz A., Nezelek J.* Enhancing emotion perception, a fundamental component of emotional intelligence: Using multiple-group SEM to evaluate a training program // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 95. P. 11–19. doi: 10.1016/j.paid.2016.02.015.
- Hu Q. et al.* “East is East and West is West and never the twain shall meet”: work engagement and workaholism across eastern and western cultures // *Journal of Behavioral and Social Sciences*. 2014. V. 1. P. 6–24.
- Reuben E., Sapienza P., Zingales L.* Can we teach emotional intelligence // *Columbia Business School Research Paper*. 2009. doi: 10.2139/ssrn.1915471.
- Schutte N. S., Malouff J. M.* Increasing Emotional Intelligence through Training: Current Status and Future Directions // *The international journal of emotional education*. 2013. V. 5. № 1. P. 56–72.

Development of call center operator’s emotional intelligence

E. N. Bochkareva (Novosibirsk)

Assistant of the Department of Psychology and Pedagogy,
Novosibirsk state Technical University

The aim of the work was to study the possibilities of developing the emotional intelligence of contact center employees through training. 23 operators of the contact center (experimental group) participated training of developing emotional intelligence, 30 operators who did not participate constituted a control group. The groups were agreed on by age and length of service. The level of emotional intelligence was estimated by the ques-

tionnaire “Emin”. Comparison of the results of the two groups after the training showed an increase in the level of interpersonal emotional intelligence among the participants in the experimental group, in comparison with the participants in the control group, the remaining competences of emotional intelligence did not change. Post-training interviews showed the difference between groups in assessing understanding and managing their emotions and emotions of other people. The development of the emotional intelligence of operators improves understanding of one’s own emotions and the emotions of others.

Keywords: emotional intelligence, contact center operators, understanding emotions, managing emotions, interpersonal emotional intelligence, intrapersonal emotional intelligence.

Интеграция разделенного (коллективного) субъекта как условие его безопасности и надежности

И. И. Васильева (Москва)

*кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник
Института психологии РАН; email: vir7@inbox.ru*

В статье рассмотрены основные механизмы интеграции разделенного (коллективного) труда: формальная структура, лидерство, организационная культура, справедливость. Нарушения в реализации интегрирующих функций приводят к утрате коллективным субъектом способности действовать адекватно своему объекту (проблемной ситуации) – утрате функциональности, которая на опасных производствах сопровождается возникновением рисков аварийности и травматизма персонала. Приведены примеры из области энергетики, иллюстрирующие это утверждение.

Ключевые слова: коллективный субъект, безопасность, формальная структура, лидерство, организационная культура, культура безопасности, справедливость.

Введение

Разделенный (коллективный) труд имеет несколько механизмов интеграции, которые представляют собой дифференцированное единство, проявляющее себя по-разному при разных условиях. Так, формальная структура (график, должностная инструкция, штатное расписание и т. п.) преодолевает разделенность субъекта простейшим способом – через предписание поведения. Лидерство интегрирует его в условиях фонового конфликта одновременно актуальных целей. Организационная культура оказывает влияние в условиях принципиальной неполноты любых формальных предписаний. Справедливость выступает как рациональное основание к целесообразному объединению усилий, как мотив, включающий испол-

нителей в совместный труд (Психология совместной жизнедеятельности ..., 2001; Совместная деятельность..., 1988; и др.).

Нарушения в механизме интеграции любого типа являются главной причиной того, что *разделенный (коллективный) субъект* утрачивает главное свойство субъектности – способность действовать адекватно объекту, проблемной ситуации (о признаках субъекта см.: Журавлёв, 2000; и др.). При этом коллективный труд полностью или частично теряет свою функциональность. На опасных производствах это сопровождается снижением надежности и возникновением угроз безопасности как для персонала, так и для окружающей среды.

Любую устойчиво воспроизводящуюся проблему безопасности можно распознать как нарушение того или иного *механизма (функции) интеграции*. Приведем ряд примеров из области энергетики, иллюстрирующих это положение.

Дисфункция формального механизма интеграции

На строительстве ответственного энергетического объекта сложилась следующая производственная ситуация. Возведение монолитных корпусов объекта осуществлялось методом непрерывного бетонирования, при котором требуется согласованное взаимодействие трех производственных подразделений: бетонно-растворного хозяйства (БРХ), автотранспортного хозяйства (АТХ) и собственно производственных участков. *Согласованность* должна была проявляться в том, что к определенному моменту времени

- БРХ было предписано произвести определенное количество бетонной смеси заданного качества;
- АТХ было предписано предоставить необходимое количество автомашин-бетоновозов;
- участки должны были принять поставленный бетон и уложить его в подготовленную опалубку без превышения технологически допустимых интервалов времени – это обязательное условие достижения высокой прочности бетонного монолита.

Такая сложнокоординированная деятельность регулировалась графиком, который автоматизированно разрабатывался ежедневно отделом диспетчеризации производства на основе предварительно поданных заявок с участков. График выступал при этом как *формальный механизм* координации и интеграции разделенного труда.

Главным диспетчером в силу ошибочно понимаемой им оптимизации была введена практика «ручного управления»: удовле-

творение неплановых заявок ведущих производственных участков за счет других участков, которые оценивались главным диспетчером как «второстепенные» в нарушение выработанного накануне и утвержденного руководством графика.

Нарушение диспетчерского графика самим главным диспетчером – одним из руководителей производства – следует считать фатальной *управленческой ошибкой*. Оно приводило к дискредитации графика как формального механизма координации, вызвало защитные компенсирующие действия всех участников производства и нарастающую *дезорганизацию* их взаимодействия.

«Второстепенные» участки в результате недопоставок бетона не могли выдержать технологический цикл непрерывного бетонирования, что существенно ухудшало прочностные характеристики бетонного монолита. Пытаясь исправить ситуацию, они начинали заказывать бетон с избытком, при этом не всегда имея возможность принять заказанное количество. Часто случалось, что бетонная смесь застывала в бетоновозах и вырубалась в отходы, в результате чего убытки уже терпели смежные подразделения БРХ и АТХ. Эти подразделения, в свою очередь, пытались оградить себя от таких убытков, либо приостанавливали производство бетона (БРХ), либо выводили машины в ремонт (АТХ), поскольку даже в ремонте им гарантировалась минимальная выручка, которую они не получали при таком «ручном» управлении главного диспетчера. Цепная реакция отказов во всех звеньях приводила к нарастающей несогласованности совместного труда, где каждый его участник начинал заботиться только о том, чтобы первым оправдаться перед начальством за срыв заданий, обвинив в этом, а иногда и спровоцировав смежников, и гарантировать для себя хотя бы минимальную безубыточность.

Следствием разрушения формального механизма координации – графика – стало критическое снижение эффективности производства и, как следствие, нарушение сроков ввода объекта в эксплуатацию (более чем на год). В аспекте рассматриваемой проблемы безопасности и надежности следует отметить, что среднее значение качества бетонных работ на всех участках равнялось 3,2 (по 5-балльной шкале), что расценивалось как чрезвычайно низкий показатель для энергетического объекта с предельно высокими расчетными нагрузками.

Можно констатировать, что причиной неприемлемо высоких рисков в опасной сфере энергопроизводства стало нарушение действия формального механизма координации совместного труда.

Дисфункция лидерства

В электроэнергетике на протяжении десятилетий прослеживался и по сей день не преодолен *конфликт* между двумя основными производственными ориентирами: выполнением диспетчерского графика и обеспечением безопасности персонала. Это конфликтующие производственные цели: сделать быстро, как правило, означает сделать рискованно. Сделать безопасно и надежно означает, как правило, сделать медленнее, поскольку обеспечение безопасности требует дополнительных усилий и времени.

В практике управления совместной деятельностью то одна, то другая цель может выходить на первый план (подробнее см.: Нес-тик, Журавлёв, 2009; и др.). Любое повышение статистики травматизма ужесточает наказание за нарушения и усиливает административный пресс в обеспечении безопасности работ. И, наоборот, внезапный дефицит мощностей заставляет руководителей пренебрегать правилами техники безопасности, побуждая исполнителей действовать чрезвычайно рискованно. Исполнителями при этом могут стать руководители нижестоящих структур, как это случилось в предреформенный период на одной из теплоэлектроцентралей (ТЭЦ) московского региона. Там в результате повреждения водовода, обеспечивавшего станцию водой для охлаждения пара в градирнях, возникла угроза приостановки мощностей и прекращения генерации электроэнергии. От руководства энергосистемой было получено распоряжение немедленно устранить аварию и не допустить обесточивания целого района. Аварийной бригадой был вырыт котлован глубиной 7 метров. Правила техники безопасности предусматривали обязательное укрепление стенок котлована перед проведением сварочных работ, что требовало дополнительного времени. Выдача наряда на проведение сварочных работ без этого условия являлось грубым нарушением правил, за которым следовала административная и даже уголовная ответственность руководителей. Поэтому руководством ТЭЦ было принято экстраординарное решение. Для выполнения аварийных работ в котлован спустились... сами руководители – директор с главным инженером, которые и устранили повреждение.

Отдавая должное их личному мужеству и гражданской ответственности, в плане оценки выполнения ими лидерской функции мы должны констатировать «технический отказ». Всему персоналу станции в этой критической ситуации руководители послали отчетливый и чрезвычайно эмоционально заряженный «сигнал»: безопасность – на втором месте, когда надо выполнять диспетчерский график.

Будет справедливым отметить, что причины этой двойственности крылись в решениях высшего руководства энергосистемы, которые, в свою очередь, опирались на общую управленческую идеологию того времени. Нерешенность *проблемы приоритетов* конкурирующих производственных целей сказывалась по всей управленческой вертикали отрасли, лишая исполнителей всех уровней уверенности при принятии критических решений, разрушая культуру безопасности, утверждая в сознании исполнителей допустимость при определенных условиях рисков и нарушения норм безопасности. Проблема безопасности, как показывает статистика, не получила радикального разрешения в условиях двойственности критериев эффективности управления (подробнее см.: Нестик, Журавлёв, 2009; и др.).

Дисфункция организационной культуры

Ведущая роль лидера в формировании организационной культуры признается большинством современных исследователей, начиная с Э. Шейна (Шейн, 2013). Принимая то или иное производственное решение, руководитель тем самым задает образец поведения для подчиненных во всех сходных производственных ситуациях, как это было показано в выше приведенном примере. Совокупность такого рода образцов и составляет организационную культуру (подробнее см.: Культура и поведение в организации..., 2008; Российская деловая культура..., 1998; и др.). Устойчивый приоритет какой-либо стратегической цели придает организационной культуре типические черты. Таким образом, приоритет целей безопасности во всех ситуациях конфликта интересов формирует культуру безопасности.

Эргономический мониторинг, который проводился на предприятиях энергетики московского региона в 1993–2007 гг., неоднократно фиксировал противоречия в организационной культуре, задаваемые взаимоисключающими ориентирами (Васильева, 2012; Журавлёв и др., 1999; Крайкин, 2003). На фоне показательной «борьбы за безопасность» руководство одновременно негласно вынуждало персонал действовать с нарушением правил техники безопасности (ТБ). На вопрос: «Случалось ли так, что начальство вынуждало вас нарушать правила ТБ?», – в ОАО «Мосэнерго» и в ОАО «Владимирэнерго» было получено 83% и 80% утвердительных ответов соответственно (Крайкин, 2003). Противоречия в смысловых ориентирах, что показано многочисленными исследованиями психологов, вызывают защитное поведение – как групповое, так и индивидуальное, провоцируют имитационные «игры в безопасность», что в целом разрушает функциональность субъекта. При необходимости экстренно реаги-

ровать на угрозу развития аварийной ситуации оператор не выбирает единственно правильное и точное решение, а начинает анализировать «игровую матрицу» платежей и выигрышей, решая, какой из ходов будет безопасным для него лично. При таких условиях инциденты, угрожающие безопасности, становятся только вопросом времени. Спонтанно возникающие при этом имитационные игры в виде периодических кампаний «за безопасность» – «месячник безаварийной работы», «год борьбы с электротравматизмом», профессиональный отбор по соответствию ПВК и т. п. – призваны маскировать дефект лидерской функции и выполнять компенсаторную функцию. Противоречия в трудовых ориентирах – организационной культуре – консервируют предпосылки возникновения аварийных ситуаций (см. также: Проблемы психологической безопасности, 2012; и др.).

Дисфункция справедливости

Мы рассматриваем справедливость как род социальной рациональности, фактор, сохраняющий основания для включения исполнителей в совместную деятельность, обеспечивающий результативность и смысл прилагаемой активности, а также как мотив к целесообразному сложению усилий в коллективной деятельности (Васильева, 2017).

Нарушение справедливости уничтожает этот мотив, ослабляет включенность исполнителей в достижение целей организации, снижает производительность труда, нейтрализует рациональные основания сотрудничества и взаимопомощи, провоцирует халатность и противодействие коллективным целям. Оно разрушает интеграцию коллективного субъекта, превращает коллектив в разобщенную группу имитаторов полезной активности, каждый из которых действует, прежде всего, в соответствии со своей личной, а не коллективной рациональностью. Это подтверждается как многочисленными экспериментами, так и примерами повседневной жизни. Забастовка как коллективное противодействие несправедливости делает излишними какие-либо дополнительные примеры для доказательства разрушающего влияния несправедливости на функциональность коллективного субъекта.

Заключение

Из четырех рассмотренных выше механизмов интеграции коллективного субъекта три – социально-психологические, что свидетельствует о высокой значимости методов психологии в обеспечении надежности и безопасности труда и их практической валидности.

Когда в теоретическом плане формулируется вопрос о причинах, разрушающих механизмы интеграции разделенного (коллективного) субъекта, то в практическом плане мы получаем ответы на то, почему он неэффективен и ненадежен.

Литература

- Васильева И. И.* Психология – энергетике: на пути к безопасности и эффективности: Монография. М., 2012.
- Васильева И. И.* Справедливость в организации: системно-функциональный подход // Системная психология и социология. 2017. № 1 (21). С.16–28.
- Журавлёв А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 133–151.
- Журавлёв Г. Е., Парсонс С. О., Тэйлор Л. П.* Психологическая концепция культуры безопасности атомной энергетики. М., 1999.
- Крайкин В. И.* Отдельные психологические аспекты работы с персоналом и роль учебно-курсового пункта в профилактике травматизма // Охрана труда в энергетике: Сборник докладов. М., 2003. С. 58–60.
- Культура и поведение в организации: российский опыт. М., 2008.
- Нестик Т. А., Журавлёв А. Л.* Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.
- Проблемы психологической безопасности. М., 2012.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М., 2001.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М., 1998.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М., 1988.
- Шейн Э. Г.* Организационная культура и лидерство. СПб., 2013.

The integration of the labor team as the background of safety and reliability

I. I. Vasileva (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, associate research Fellow at the Institute of Psychology of RAS

The article considers the main mechanisms of integration of divided (collective) labor: formal structure, leadership, organizational culture, justice. Disorders in the running of these integrating functions lead to loss of the

collective subject's ability to act adequately to its object and are regarded as the loss of functionality. In hazardous works, the loss of functionality results in risks of accidents and staff injuries. The examples from the energy sector are to illustrate this assertion.

Keywords: a collective subject, safety, formal structure, leadership, organizational culture, safety culture, justice.

Баланс автономии и интеграции в профессиональном становлении оперативных руководителей потенциально опасных производств

*Л. Н. Горюнова**, *Н. Е. Водопьянова***, *С. И. Фёдоров****
(Санкт-Петербург)

**кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры эргономики и инженерной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: lgorynova@mail.ru*

*** доктор психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: vodop@mail.ru*

**** кандидат физико-математических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: s.i.fedorov@spbu.ru*

Профессиональное становление предполагает успешное преодоление проблем, соответствующих стадиям профессионального развития. В исследовании выявлены психологические основания перехода от стадии интернала к стадии мастера оперативных руководителей, которые заключаются в изменении баланса качеств автономия – интеграция. Нарушение выявленного баланса качеств автономия и интеграция сопровождается снижением профессионального благополучия, удовлетворённости профессиональными компетенциями и составляет психологические риски безопасности и охраны труда.

Ключевые слова: профессиональное становление, автономия, интеграция, обеспечение безопасности.

Введение

В предыдущих исследованиях в связи с обеспечением безопасного труда в электроэнергетике были изучены характеристики индивидуального пути становления профессионала. Было показано, что на различных стадиях профессионального становления в отно-

шении безопасности проявляются определенные паттерны профессионального поведения (Горюнова, 2016).

Например, на *стадии адаптанта* требуется актуализация мотивации безопасности, формирование четкого понимания системы поощрений и наказаний, ориентированных на поддержание безопасности. Паттерны профессионального поведения, проявляющиеся на данной стадии, связаны с тем, что работник не имеет достаточно знаний, чтобы предвидеть последствия своих действий в аспекте безопасности, переоценивает свои профессиональные возможности, демонстрирует отсутствие осторожности, пониженную личную ответственность.

На *стадии интернала*, после утверждения субъекта труда в качестве полноценного профессионала, происходит актуализация навыков взаимодействия в критических ситуациях. Паттерны профессионального поведения, проявляющиеся на данной стадии, связаны с возросшим уровнем профессионализма, уверенностью в своих возможностях, но пока еще низкой готовностью к взаимодействию, особенно в критических ситуациях, со стремлением полагаться только на себя. Это приводит к нарушениям взаимодействия и к тому, что интернал, проявляя свою активность, действует с нарушением принципов безопасности, не учитывая изменяющиеся условия и работу других сотрудников.

На *стадии мастера*, когда работник уже приобрел свой индивидуальный стиль деятельности, показывает высокую эффективность и имеет основания считать себя незаменимым, паттерны поведения, связанные с безопасностью, основаны на сложностях перестройки поведения в постоянно изменяющихся условиях и на необходимости им соответствовать для поддержания своего авторитета.

Затруднения профессионального становления могут усиливаться неблагоприятными условиями и фиксироваться в ощущениях низкого профессионального благополучия, неудовлетворенности своими профессиональными достижениями, что, как известно, порождает высокие риски при обеспечении безопасности труда, приводя к дезинтеграции и отделению работника от профессиональной среды. В системе краткосрочного дополнительного обучения таким работникам необходимо оказывать соответствующую психологическую поддержку в целях успешной интеграции в целостный процесс профессионального развития.

Организация и методики исследования

Цель данного исследования заключалась в выявлении психологических факторов перехода от одной стадии к другой в профессио-

нальном становлении оперативных руководителей на потенциально опасных производствах.

В качестве *гипотез исследования* выступили следующие предположения.

1. На стадии интернала в качестве психологических факторов риска безопасности труда могут выступать сопротивление давлению и карьерные мотивы. Психологическим фактором понижения данного риска будет выступать интеграция как способность интегрироваться в социальном контексте.
2. На стадии мастера психологический фактор риска безопасности труда – фрустрированный мотив признания и уважения, недостаток внимания к достижениям со стороны руководства и коллег. Основными психологическими факторами обеспечения безопасности на данном этапе могут выступать профессиональная автономия как способность действовать согласно своим личным установкам, и устойчивость к психологическим стрессам.

Выборка исследования

В исследовании участвовали оперативные руководители энергетических предприятий (65 человек); руководители организаций сферы частного бизнеса (16 человек), руководители государственных учреждений (19 человек) – всего 100 человек. Средний возраст респондентов составил 34,5 лет, общий стаж работы – от 2 до 44 лет, стаж работы в должности руководителя – от 0,5 года до 37 лет. Выбор данных категорий обусловлен высоким уровнем профессионализма и ответственности за безопасность выполняемых работ, соблюдением правил охраны труда и безопасности.

Методики исследования

В исследовании изучались особенности субъектности как способности человека к самоуправлению в социальном контексте (опросник «Уровень развития субъектности личности» М. А. Шукиной); стратегии совладания (опросник регуляции когнитивных эмоций CERQ); профессионального благополучия (методика оценки профессионального благополучия «МОПБ» Р. А. Березовской); жизненной позиции (методика «РОП-17» – реализм, оптимизм, пессимизм); профессионального здоровья (анкета «Профессиональное здоровье» Г. С. Никифорова, Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой). Также ис-

пользовалась биографическая анкета, включающая открытые вопросы, направленные на выявление мотивации безопасности и опыта участия в критических ситуациях.

Результаты исследования

В ходе исследования получены следующие результаты.

1. Установлено, что в зависимости от *возраста* статистически достоверно различаются показатели *активности, реализма, катастрофизации*, а также *общие показатели здоровья*. С возрастом, показатель активности уменьшается, а показатели реализма и катастрофизации увеличиваются. Шкала «Активность» связана с такими качествами, как энергичность, жизнерадостность, беспечность, безмятежность и рискованность. Шкала «Реализм» показывает устойчивость к психологическим стрессам, оценку ситуации в рамках своих возможностей, удовлетворенность тем, что есть. Шкала «Катастрофизация» отражает силу воспринимаемого пережитого события (например: *«Мне кажется, что никто и никогда не сталкивался с такой сложной ситуацией»*). От молодого возраста к среднему (30–40 лет) показатели общего здоровья сильно падают (от 46 до 26), затем к старшему возрасту – незначительно повышаются.
2. В зависимости от *общего стажа работы* достоверно различаются показатели *активности, катастрофизации, самооценности и обвинения других* (перекладывание вины за произошедшее на других). Показатель активности уменьшается, а показатель катастрофизации увеличивается. Показатель самооценности возрастает в группе работников, имеющих до 18 лет общего стажа, а затем падает. Показатель обвинения других последовательно возрастает с увеличением общего стажа.
3. В зависимости от *стажа руководящей работы* достоверно различается показатель *автономности* в профессиональной деятельности, который возрастает с увеличением стажа руководящей работы до 8 лет, а затем уменьшается. Шкала «Автономность в профессиональной деятельности» показывает степень независимости в профессиональных действиях, противодействия социальному давлению и способности действовать согласно своим установкам.
4. Факторный анализ показателей субъектности (по опроснику «Уровень развития субъектности личности») позволил выделить два фактора (объясненная совокупная дисперсия – 67%). Первый фактор интерпретирован как качество автономии и объединил

показатели *активности/реактивности, автономности/зависимости, опосредованности/неопосредованности, креативности/стандартности, самооценности/малоценности*. Второй фактор объединил переменные *целостности/дезинтегративности* и *креативности/стандартности*. Показатель «креативность/стандартность» вошел в оба фактора с одинаковой нагрузкой и поэтому был исключен из рассмотрения влияния факторов на другие переменные. Таким образом, выделились два фактора, которые интерпретированы как «Автономия» и «Интеграция».

Установлено, что фактор «Автономия» влияет на показатели общего здоровья, психологического благополучия, усилий, физической работоспособности, активности, оптимизма, реализма, автономности в профессиональной деятельности, профессионального самопринятия, удовлетворенности уровнем компетенции, удовлетворенности профессиональными достижениями, профессионального развития, профессионального роста, профессиональных целей, позитивных отношений в коллективе, общего показателя профессионального благополучия, позитивной переоценки, катастрофизации. Все указанные показатели возрастают при высоких показателях фактора автономии, кроме показателей реализма и катастрофизации. Значение показателей реализма и катастрофизации падают с ростом значений фактора «Автономия».

Второй фактор – «Интеграция» – влияет на следующие переменные: «целостность/дезинтегративность», «опосредованность/неопосредованность», «усилия». Переменная «целостность/деинтегративность» характеризует степень интегрированности человека в социальном аспекте (в профессиональное сообщество и широкое социальное окружение), но при сохранении своей самобытности. Переменная «опосредованность/неопосредованность» характеризует степень импульсивности человека и осмысленности его поведения. Переменная «усилия» характеризует усилия, которые направляет работник на укрепление профессионального здоровья и на переменную «фокусирование на планировании». Переменные «целостность/деинтегративность», «опосредованность/неопосредованность» и «усилия» возрастают с увеличением значений фактора. Переменная «фокусирование на планировании» имеет высокое значение при средних значениях фактора, а при его низких и высоких значениях – уменьшается.

5. По результатам кластерного анализа, на основе факторных значений выделены эмпирические типы работников, которые по ха-

характеристикам стажа, возраста и описания критических ситуаций могут быть отнесены к стадиям «интерналы» и «мастера». Данные стадии также составляют этапы освоения профессии и могут характеризоваться, как позитивным направлением развития (интеграция в профессию), так и негативным (дезинтеграция). Дезинтеграция в профессиональной среде ведет к рискам снижения безопасности выполняемых работ и угрозам при сохранении профессионального здоровья и долголетия.

Сравнение средних показателей полученных характеристик позволило составить описание выделенных эмпирических типов и прогнозировать направление их изменений.

Группа «Деятели» (*интерналы*) характеризуется высокими показателями по фактору «Автономия» и низкими – по фактору «Интеграция». Представляющих ее респондентов отличают хорошее здоровье, работоспособность, активность, недоверие к социальному окружению в рамках ситуации, неудовлетворенность существующим порядком вещей.

Группа «Соглашатели» (*мастера*) характеризуется высокими показателями по фактору «Интеграция» и низкими – по фактору «Автономия». Представляющих ее респондентов характеризуют снижение активности, способность оценивать ситуацию в рамках своих возможностей, удовлетворенность тем, что имеют, устойчивость к психологическим стрессам, гибкость при решении проблем, позитивная переоценка ситуации, интегрированность в социальном контексте, преувеличение силы и значимости переживаний.

Сравнение групп показывает, что направление профессионального развития предполагает формирование у интерналов способности к интеграции и изменению баланса факторов «Автономия» и «Интеграция» на противоположный.

Качественный анализ анкет участников с низкими показателями профессионального благополучия позволил предположить, что нарушение выявленного баланса данных факторов сопровождается снижением профессионального благополучия и удовлетворенности профессиональными компетенциями как в группе «деятели», так и в группе «соглашатели». Однако очевидно, что без изменения баланса невозможны дальнейшее профессиональное развитие, интеграция в профессию и переход на другую стадию, следовательно, изменение баланса качеств на одной стадии является отправной точкой профессионального развития и началом перехода на другую стадию.

Заключение

Таким образом, профессиональное становление оперативных руководителей потенциально опасных производств при переходе с одной стадии на другую предполагает изменение баланса способности к автономии и способности к интеграции на противоположный. Изменение баланса этих качеств сопровождается увеличением реализма как умения оценивать ситуацию в рамках своих возможностей.

На стадии интернала при возникновении сопротивления давлению и фрустрации карьерных мотивов психологическим фактором преодоления риска ухудшения безопасности труда будет выступать способность интегрироваться в профессиональном контексте. В данном случае эти работники, прагматичные и ориентированные на успех, принимают поддержку других, приобретают способность сами оказывать поддержку, преодолевают тревогу, больше не чувствуют, что им надо доказывать что-либо, и переходят в группу «согласители». В противоположном случае они теряют активность, вовлеченность в производственный процесс.

На стадии мастера основным психологическим фактором обеспечения безопасности может выступать профессиональная автономия как способность действовать согласно своим личным установкам. В этих условиях субъекты становятся более уверенными в возможности успешно действовать в изменяющихся условиях и заинтересованными в профессиональном развитии, более деятельными и решительными в принятии решений. Возможно, это будет обеспечивать переход на следующую стадию – «авторитет». В противном случае они становятся беспомощными, теряют свои способности, не способны к активным действиям, уклоняются от решения проблем.

Литература

- Горюнова Л. Н. Психологическое обеспечение безопасности труда субъектов профессиональной деятельности в электроэнергетике // Психология развития человека как субъекта труда. Развитие творческого наследия Е. А. Климова. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 12–15 октября 2016 г. / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. Б. Леоновой, О. Г. Носковой. М., 2016. С. 249–256.
- Щукина М. А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 7–22.

Березовская Р. А. Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 2.

Белая М. С. Уровень развития субъектности как фактор профессионального здоровья. Магистерская диссертация. СПб., 2017.

On a balance of autonomy and integration in the process of professional development of operational managers of potentially dangerous industries

*L. N. Gorjunova**, *N. E. Vodopjanova***, *S. I. Fedorov****
(St Petersburg)

* Candidate of psychological Sciences, senior lecturer of the Department of ergonomics and engineering psychology, St Petersburg state University

** Doctor of psychological Sciences, associate Professor of psychology of professional activity, St Petersburg state University

*** Candidate of physico-mathematical Sciences, associate Professor of ergonomics and engineering psychology, St Petersburg State University

It is usually presupposed by the process of professional formation that the person needs to overcome successfully the problems that appear on the certain stages of professional development. In the study we explore the psychological bases of person's passage from the internal stage to the stage of the master of operational managers. These bases consist in the change of a balance of the qualities autonomy–integration. The violation such a balance of these qualities leads to the lowering of professional prosperity, decrease of the satisfaction by professional competence and make up the psychological risks of the professional safety.

Keywords: professional development, autonomy, integration, professional safety.

Качество расследования авиационных инцидентов и организационные меры авиапредприятия по его повышению

*А. Г. Гузий**, *А. В. Мишин***, *Ю. А. Майорова**** (Москва)

** доктор технических наук, профессор, заместитель директора по управлению безопасностью полетов ПАО «Авиакомпания „ЮТэйр“»; e-mail: anatoliy.guziy@utair.ru*

*** заместитель директора по инспектированию ПАО «Авиакомпания „ЮТэйр“»; e-mail: alexandr.mishin@utair.ru*

**** кандидат педагогических наук, и. о. зав. кафедрой, Московский психолого-социальный университет; e-mail: jul_g@mail.ru*

Показана информативная значимость материалов расследования авиационных событий при реализации системного управления уровнем безопасности полетов. Приведены результаты анализа качества расследования авиационных инцидентов (АИ) в гражданской авиации России: выявленные системные недостатки в организации и проведении расследования; организационные причины низкого качества расследования АИ и низкой эффективности использования материалов расследования в управлении безопасностью полетов. Представлены организационные меры, разработанные и реализуемые в Авиакомпании «ЮТэйр» по повышению качества, по увеличению объема и глубины выполняемых расследований (исследований) АИ и событий, не подлежащих обязательному расследованию. Показан путь повышения эффективности использования материалов расследований (исследований) в корпоративной системе управления безопасностью полетов.

Ключевые слова: авиационные инциденты, факторы опасности, расследование, нормативно-правовая база, безопасность полетов, организационные меры.

Международные и государственные стандарты безопасности предписывают всем авиапредприятиям (поставщикам авиационного

обслуживания), включая авиакомпании (эксплуатантов воздушных судов), внедрять и совершенствовать системы управления безопасностью полетов (СУБП) (Приложение 19 к Конвенции о международной гражданской авиации, 2013; ФАП-128, 2015). Согласно основному постулату менеджмента, управлять можно только тем, что измеримо. Измерить или оценить уровень безопасности полетов (БП) как состояния авиационно-транспортной системы (АТС) возможно лишь при наличии достоверных и полных данных о всех имевших место авиационных событиях (АС), а также при исчерпывающей информации об их причинах и факторах опасности (ФО), прямо или косвенно обуславливающих и/или способствующих развитию АС. Поэтому качество и глубина расследования АС – необходимое условие формирования базы данных, обеспечивающей процедуру оценивания уровня БП (Гузий, 2009).

Из АС, подлежащих обязательному расследованию, чаще происходят авиационные инциденты (АИ). Достоверность и полнота информации об АС и об обуславливающих их ФО зависит от качества расследования, глубины анализа причин и причинно-следственных связей. Расследование АИ возлагается на государственные регулирующие органы, проводится комиссией под председательством представителя регулирующего органа с привлечением представителей авиапредприятий, причастных к АИ.

В силу децентрализации структур гражданской авиации России, происходящих изменений и по ряду других причин качество расследования АИ не обеспечивает требуемую эффективность даже реактивного управления БП, когда международные стандарты и рекомендуемая практика уже предписывают реализацию проактивных и прогнозных методов СУБП авиапредприятий.

Системные недостатки организации и проведения расследования АИ:

- 1) поверхностный анализ причин и причинно-следственных связей в развитии АС;
- 2) субъективность классификации АС по их тяжести, чем обуславливается мотивация на сокрытие АС или на занижение его категории авиапредприятиями-участниками АС;
- 3) необъективное определение причин, «назначение виновных»; при расследовании АС на границе ответственности имеет место откровенное «перетягивание одеяла» между предприятиями, причастными к АС;
- 4) низкая оперативность расследования; при задержках с расследованием некоторые ФО, имеющие скрытый, либо временный

характер влияния, трудно идентифицируются, т. е. «уходят» до следующего АС;

- 5) формализм в разработке рекомендаций по предупреждению АС, по управлению БП; как правило, предписывается «выполнить анализ риска», но не указывается, в чем, где, по каким ФО;
- 6) необоснованные опоздания с расследованием АС и разработкой мер регулирования уровня БП; в результате снижается актуальность мер регулирования риска, обусловленного факторами временного (сезонного) характера;
- 7) предусмотренный нормативным документом разбор обстоятельств, причин и ФО АИ, как правило, не проводится или проводится формально.

Организационные причины низкого качества расследования:

1. АТС – сложная динамическая система открытого типа, состояние которой подвержено как внутренним, так и внешним изменениям. Меняется парк ВС, персонал, оборудование аэропортов, подготовка персонала, международные и государственные стандарты. В таких условиях государственная нормативно-правовая база должна соответствовать происходящим изменениям и тенденциям. Ранее существовавшая система нормативных документов охватывала и регламентировала все виды деятельности. Принятая в начале 1990-х годов концепция «горизонтального» документооборота, когда каждая авиакомпания разрабатывала свои документы при отсутствии государственных стандартов, привела к тому, что за 25 лет в стандартах авиапредприятий одни и те же вопросы начали излагаться по-разному (Яковлев, 2017). Децентрализация управления авиапредприятиями усугубила состояние нормативного регулирования. Обилием несогласованных между собой нормативных документов авиапредприятий как компонентов АТС нарушается принцип системности управления состоянием АТС.

Правила расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами РФ (ПРАПИ-98, 1998) остаются неизменными около 20 лет, утрачена связь и с государственными, и с международными нормативными документами.

2. Полеты в России в основном выполняют ВС зарубежного производства. Заложенная в них философия и ограничения, установленные производителем, позволяют выполнять полеты в условиях, которые внесены в ПРАПИ-98 как подлежащие обязательному

расследованию. Поскольку перечень событий, подлежащих расследованию, в ПРАПИ-98 шире, чем в Приложении 13 (Приложение 13 к Конвенции о международной гражданской авиации, 2010), очевидна разница в классификации АС. Отсутствие четкости в разграничении видов событий типа «АИ» и «серьезный инцидент» (СИ) приводит к субъективности при классификации АС и идентификации причинных факторов. Таким образом, несовершенство нормативных документов предоставляет возможность искусственного снижения тяжести АС участниками расследования: явные СИ переквалифицируются в АИ, явные АИ снимаются с учета, а значит, не расследуются и мероприятия по ним не обрабатываются. Тем самым создаются условия для сокрытия АИ авиапредприятиями в ущерб безопасности полетов. Анонимный опрос руководителей в области управления БП показывает, что от 30% до 50% АС, подлежащих расследованию, скрываются. Более того, вполне реальна парадоксальная ситуация, когда, согласно Перечню минимального оборудования (MEL), с некоторым отказом разрешается дальнейшее выполнение полетов, а по ПРАПИ-98 требуется остановка воздушного судна (ВС) для выполнения расследования, поскольку отказ классифицируется, как АИ. Парадокс с техническими отказами усугубляется еще и тем, что многие ВС зарубежного производства зарегистрированы за рубежом, т. е. поддержание летной годности выполняется по документам страны регистрации ВС, а эксплуатанты ВС зарегистрированы в России, поэтому летная эксплуатация ВС должна выполняться в соответствии с российскими сертификационными требованиями. Признание Россией приоритета международных стандартов в еще большей степени снижает интерес руководителей авиапредприятий к государственным стандартам.

3. Располагаемый уровень подготовки персонала к расследованию событий с ВС зарубежного производства зачастую не соответствует современным условиям и требованиям. Это наиболее актуально для госинспекторов с недостаточным уровнем знания английского языка, не имеющим опыта эксплуатации зарубежной техники. В результате обновления нормативно-правовой базы обязательное ранее сертификационное требование по подготовке расследователей для авиапредприятий оказалось упущенным. Итог: одни специалисты в комиссии по расследованию не знают техники, другие – процедур расследования. К сожалению, от авиапредприятий в комиссию по расследованию чаще включаются специалисты не по критерию компетентнос-

- ти, а по критерию «кто свободен». Подготовка и содержание расследователей – дополнительные расходы.
4. На момент формирования комиссии по расследованию, как правило, причины события и ФО не известны, следовательно, не известен профиль и требуемый профессиональный уровень специалистов для проведения углубленного анализа по направлениям деятельности. Это допускает включение в комиссию по расследованию специалистов «не по специальности».
 5. Безответственным использованием ресурсов являются: необоснованное увеличение количественного состава комиссии по расследованию; отвлечение высокопрофессиональных специалистов от выполнения не менее важных функций в рамках СУБП; выезды членов комиссии в командировки для выполнения формальностей по составлению отчета «на месте», когда причины АС изначально очевидны.
 6. Кадровые ресурсы государственных регулирующих органов по проведению расследований ограничены, в результате чего времени, выделяемого на расследование, как правило, не хватает даже при наличии компетентных расследователей. В периоды интенсивной летной деятельности целесообразное направление расследователей на место АС не всегда представляется возможным.
 7. При анализе причин АС использование группы «Факторы человека» ограничивается, как правило, «ошибкой пилотирования» и/или «принятием ошибочного решения командиром ВС», т. е. в отчетах о расследовании преобладают «Факторы экипажа». При этом не учитывается эволюция мышления в области БП, согласно которой общепринято преобладание «Организационного фактора» (РУБП ИКАО, 2013). Не используется классификация «Факторы человека», установленная Руководством по информационному обеспечению автоматизированной системы обеспечения БП ВС гражданской авиации РФ, где первая позиция отведена командно-руководящему составу предприятий и организаций гражданской авиации, а не экипажам ВС, которые находятся на третьей позиции (АСОБП, 2002).

Авиапредприятия располагают специалистами высокого профессионального уровня, способными к успешной нормотворческой деятельности, но не имеющими на это полномочий. Государственные регулирующие органы располагают полномочиями разработки и совершенствования авиационного нормативно-правового обеспечения, но не располагают специалистами соответствующего профессионального уровня.

С целью исключения случаев сокрытия информации об АС, а также о ФО, реально или потенциально обуславливающих АС, эксплуатанты ВС в силу предоставляемых им полномочий вынуждены самостоятельно предпринимать меры по повышению эффективности расследования АС, в том числе (на примере Авиакомпании «ЮТэйр»):

1. Разрабатывать, документировать и реализовывать процесс расследования (участие в расследованиях АИ с государственными регулирующими органами) и дорасследования АС в авиакомпании.

При этом в рамках СУБП авиакомпании внедряется в практику:

- действие персонала авиакомпании при подозрении на АС;
 - оформление особого мнения члена комиссии, назначенного от эксплуатанта ВС (при наличии разногласий по причинам АС и по ФО, повлиявшим на развитие АС);
 - при поверхностном анализе АС в официальном отчете о расследовании – проведение дополнительного расследования в целях более глубокого анализа события и динамики его развития, идентификации ФО (выявлении «слабого» компонента в эксплуатируемой АТС);
 - оперативная разработка целенаправленных воздействий на «слабый» компонент в АТС, на идентифицированные ФО с опережением или дополнением к рекомендациям, содержащимся в официальном отчете о расследовании АС;
 - увеличение количества событий, подлежащих расследованию, сверх перечня событий, определенных Приложением 1 ПРА-ПИ-98.
2. Назначать внештатных расследователей (исследователей) из числа наиболее компетентных и опытных специалистов по направлениям деятельности авиакомпании.
 3. Вводить в программу внутреннего обучения персонала дополнительные темы по организации и проведению расследования (исследования) событий и участию в комиссиях по расследованию (Гузий, Лушкин, Мишин, 2016).
 4. Оценивать все расследуемые (исследуемые) АС по степени их опасности, а идентифицированные ФО – по уровню обуславливаемых ими рисков.
 5. Вносить расширенный объем информации о всех расследованных и исследованных событиях в корпоративную базу данных СУБП.

Таким образом, проблема нормативно-правового обеспечения БП в России реально существует, и в ближайшее время ее решение маловероятно. Вместе с тем на уровне эксплуатанта ВС эта проблема решаема, как показывает опыт внедрения и совершенствования контура нормативного управления (контура обеспечения БП) в СУБП Авиакомпании «ЮТэйр». Однако остается проблема на уровне остальных поставщиков авиационного обслуживания. Наиболее приемлемый путь ее решения – поэлементная интеграция СУБП поставщиков обслуживания с ранее разработанными СУБП ведущих российских авиакомпаний (Гузий, Мишин, 2016).

Литература

- Гузий А. Г. Системный подход к управлению безопасностью полетов // Проблемы безопасности полетов. М., 2009. Вып. 8. С. 9–15.
- Гузий А. Г., Лушкин А. М., Мишин А. В. Система управления безопасностью полетов в гражданской авиации. Специальный курс обучения руководителей: монография. М., 2016.
- Гузий А. Г., Мишин А. В. Перспективы и направления интеграции СУБП эксплуатантов воздушных судов и поставщиков обслуживания: Сборник трудов Общества независимых расследователей авиационных происшествий. М., 2016. Вып. №28. С. 154–159.
- Правила расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в РФ (ПРАПИ-98). М., 1998.
- Приложение 13 к Конвенции о международной гражданской авиации. Руководство по расследованию авиационных происшествий и инцидентов. 10-е изд. ИКАО, 2010.
- Приложение 19 к Конвенции о международной гражданской авиации. Управление безопасностью полетов. 2-е изд. ИКАО, 2016.
- Руководство по управлению безопасностью полетов (РУБП). 3-е изд. Doc.9859-AN/474. ИКАО, 2013.
- Руководство по информационному обеспечению автоматизированной системы обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации Российской Федерации (АСОБП). М., 2002.
- Федеральные авиационные правила «Подготовка и выполнение полетов в Гражданской Авиации Российской Федерации» (ФАП-128). М., 2014.
- Яковлев А. Нормативно-правовой вакуум требует заполнения. Из выступления на годовом собрании Экспертного совета в области гражданской авиации 26.01.2017. URL: <http://www.aex.ru/docs/4/2017/2/22/2567> (дата обращения: 22.02.2017).

The quality of investigation of aviation incidents and organizational measures of the airline for improving it

A. G. Guziy, A. V. Mishin**, Y. A. Mayorova*** (Moscow)*

* Doctor of technical Sciences, Professor, Deputy Director for Flight Safety Management, “UTair” Airline,

** Deputy Director for Inspection, “UTair” Airline

*** Candidate of pedagogical Sciences, deputy Head of the Department, Moscow psycho-social University

Informative shown the importance of the investigation of aviation events ie implementation of the safety management system (SMS). Given the results of the analysis of the quality of investigation of aviation incidents (AI) in civil aviation of Russia: identified systemic weaknesses in the organization and conduct of the investigation; the organizational causes of poor quality of the investigation of AI and low efficiency in the use of materials of investigation in SMS. Presents the organizational measures developed and implemented in “UTair” Airline for the improvement of quality, increasing volume and depth of investigation (research) of the AI and events, not subject to mandatory investigation. The ways of increase of efficiency of use of materials of investigation (research) in the corporate SMS.

Keywords: aviation, incidents, hazards, investigation, regulatory, safety, organizational measures.

Принципы инженерно-психологического проектирования автоматизированных информационных систем

И. В. Кожанова (Нижний Новгород)

*кандидат психологических наук, доцент,
проректор по учебной и научной работе, Приволжский институт
повышения квалификации Федеральной налоговой службы;
e-mail: mn-bo3@mail.ru*

Представлен пример применения системного подхода к инженерно-психологическому проектированию автоматизированной информационной системы, направленной на автоматизацию профессиональной деятельности. Раскрыто предметное содержание принципов инженерно-психологического проектирования в результате изучения профессиональной деятельности сотрудников налоговых органов.

Ключевые слова: инженерно-психологическое проектирование, анализ профессиональной деятельности, системный подход.

Роль Б. Ф. Ломова в развитии отечественной психологии очень велика, а одним из важных его достижений по праву считается создание инженерной психологии, задачи которой становятся актуальнее с каждым новым витком технического развития человечества. Создание компьютерной техники и активное использование программного обеспечения в процессе выполнения профессиональной деятельности определяют значимость инженерно-психологических аспектов при проектировании автоматизированных информационных систем.

Так, профессиональная деятельность сотрудников Федеральной налоговой службы уже более 20 лет осуществляется с использованием современных информационных технологий, что позволяет им справляться с поставленными задачами, требующими оперативной обработки огромного потока разнообразной информации. Фе-

деральная налоговая служба, безусловно, является самой крупной и информационно-развитой службой Правительства РФ, существующей на сегодняшний день. При этом качество создаваемого и используемого программного обеспечения оказывает значительное влияние на эффективность деятельности службы в целом.

Системный подход, разработанный Б. Ф. Ломовым, позволяет создать методику, которая определяет ключевые факторы, влияющие на эффективность деятельности сотрудников при использовании современных информационных технологий.

Очевидно, что создание качественной автоматизированной информационной системы невозможно без предварительного психологического анализа профессиональной деятельности.

Основываясь на результатах исследований Б. Ф. Ломова (Ломов, 1984, 2007), В. Д. Шадрикова (Шадриков, 1980), Г. В. Суходольского (Суходольский, 2008), можно выделить следующие компоненты психологической системы деятельности.

Целевой компонент – нормативно заданная и принятая человеком цель профессиональной деятельности, выполняющая системообразующую, направляющую функцию. К целевому компоненту мы относим цели совместной и индивидуальной профессиональной деятельности.

Мотивационный компонент – мотивационные составляющие, которые выполняют побудительную, смыслообразующую и структурирующую функции. К мотивационному компоненту относятся мотивы индивидуальной профессиональной деятельности, общий мотив совместной деятельности, а также миссия организации.

Результативный компонент отражает результаты профессиональной деятельности, включая общий результат совместной деятельности и результаты индивидуальной деятельности сотрудников.

Исполнительский компонент – представление сотрудников о необходимой последовательности действий для осуществления деятельности. К исполнительскому компоненту отнесем информационную (ориентировочную) основу деятельности, принятие решений, программу деятельности, образ технологии выполнения программы деятельности.

Б. Ф. Ломов, рассуждая о создании инженерно-психологического проекта, писал: «Существенным для проекта деятельности является определение того, какие действия должны быть автоматизированы, т. е. доведены до уровня навыка, и в отношении каких действий автоматизация может оказаться вредной. Особенно важно выявить те „зоны“ в общем процессе деятельности, которые требуют творческих решений. Проект должен предусматривать также пути фор-

мирования у человека-оператора умения планировать собственную деятельность, осуществлять самоконтроль и управление собственными резервами» (Ломов, 2007, с. 740–741).

Перефразируя данную мысль в современных условиях использования информационных технологий, сформулируем ее следующим образом: существенным для проекта деятельности является определение того, какие действия должны быть автоматизированы, т. е. переданы на исполнение программному обеспечению автоматизированной информационной системы без непосредственного участия сотрудника, и в отношении каких действий автоматизация может оказаться вредной. Таким образом, при создании инженерно-психологического проекта автоматизированной информационной системы важная задача состоит в том, чтобы сбалансировать технологически неизменные процедуры и возможности реализации творческого подхода сотрудников к решению поставленных профессиональных задач.

Можно определить следующие принципы инженерно-психологического проектирования автоматизированных информационных систем, создаваемых для автоматизации выполнения профессиональной деятельности:

Принцип полноты содержания психологической структуры деятельности – воссоздание в технологии программного обеспечения проектируемой автоматизированной информационной системы полного содержания психологической структуры профессиональной деятельности, т. е. реализация целевого, мотивационного, исполнительского и результативного компонентов.

Принцип поддержки – обеспечение полной информационной основы деятельности для пользователей программного продукта с оказанием поддержки и сопровождения в течение всего процесса деятельности.

Принцип соответствия технологии – максимальная приближенность технологии электронной обработки данных к технологии, предусмотренной нормативными документами и регламентами, для более быстрого, точного и полного создания образа технологии выполнения программы деятельности пользователем.

Принцип целостности (конструктивности) – обеспечение возможности формирования у сотрудника целостного образа реального результата собственного действия посредством организации технологически взаимосвязанных блоков и логических переходов между ними, а также началом действия и его окончанием.

Принцип взаимодействия – включение в программное обеспечение автоматизированной информационной системы содержа-

ния психических регуляторов предметно-направленного взаимодействия сотрудников при выполнении совместной деятельности.

Принцип творческой активности – обеспечение вариантов дополнительного анализа информации, имеющейся в распоряжении сотрудника, для реализации возможности творческого подхода к решению поставленных задач (Кожанова, 2009, 2010).

Учет предложенных принципов позволяет сконструировать такую автоматизированную информационную систему, которая будет существовать не изолированно, а сбалансированно войдет в единый общий процесс выполнения профессиональной деятельности, что повысит ее эффективность и обеспечит создание предпосылок для удовлетворения значимых потребностей использующих ее сотрудников.

Последовательность психологического анализа профессиональной деятельности для определения наполнения принципов инженерно-психологического проектирования программного обеспечения может быть представлена в виде следующих этапов:

- определение компонентного состава структуры и свойств профессиональной деятельности;
- анализ содержания составляющих психологической структуры профессиональной деятельности: целевого, мотивационного, исполнительского и результативного;
- исследование организации и осуществления делового взаимодействия сотрудников;
- синтез полученных результатов и определение наполнения принципов инженерно-психологического проектирования программного обеспечения автоматизированной информационной системы;
- создание инженерно-психологического проекта программного обеспечения автоматизированной информационной системы с учетом установленных принципов;
- реализация проекта, апробирование и анализ полученного результата.

Так, в результате изучения психологического содержания деятельности сотрудников налоговых органов было установлено, что данная деятельность строго регламентирована нормативными документами, как по процедурным действиям, так и по срокам ее выполнения. Образ программы деятельности сотрудников налоговых органов формируется на основе нормативных регулирующих документов, составляющих информационную основу их деятельности (Кожанова, 2011б).

При использовании программного обеспечения сотрудникам свойственно стремление максимально приблизить последовательность своих действий к технологии, определенной нормативными документами. Данная особенность обусловлена еще и необходимостью иметь образ выполнения деятельности без использования программного обеспечения, так как существующие должностные регламенты не содержат исключений по срокам в случае сбоев в программе, либо если его еще не успели модифицировать в соответствии с изменением законодательства. В то же время совершение действий в программном продукте в соответствии с нормативно-установленными документами позволяет быстрее освоить новые режимы. А необходимость быстрого освоения новых версий вызвана частым внесением изменений в нормативные документы, регламентирующие деятельность сотрудников налоговых органов, что неизбежно влечет за собой изменение программного обеспечения автоматизированной информационной системы.

Для сотрудников налоговых органов преобладающим является механизм переработки информации, ориентированный на стремление избежать нежелательного результата или совершить ошибку. Следовательно, данные сотрудники будут испытывать чувство удовлетворенности, когда в технологии работы максимально реализованы принципы полноты, соответствия технологии и целостности. Наличие возможности однозначного получения требуемого результата может создать предпосылки для повышения эффективности трудовой деятельности сотрудников за счет исключения необходимости повторных попыток получения желаемого результата иным способом для самопроверки (там же).

Предложенный подход к созданию программного обеспечения позволяет сделать процесс сличения собственного образа программы действий, сформированного на основе нормативно-регулирующих документов, и образа последовательности действий пользователя, заложенного разработчиком в программное обеспечение, более быстрым, точным и успешным. А учет ценностно-мотивационных особенностей сотрудников позволяет повысить удовлетворенность процессом выполнения профессиональной деятельности.

Применение системного подхода и инженерно-психологического проектирования при создании автоматизированных информационных систем, направленных на автоматизацию профессиональной деятельности, повышает качество создаваемого продукта и оказывает значительное влияние на эффективность деятельности в целом.

Научные знания, накопленные инженерной психологией, актуальны и востребованы на современном этапе развития информационных технологий, а инженерный психолог – это посредник между конечным пользователем и разработчиком программного обеспечения автоматизированной информационной системы.

Литература

- Кожанова И. В.* Инженерно-психологическое проектирование программного обеспечения деятельности сотрудников налоговых органов // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлёва. М., 2009. С. 491–506.
- Кожанова И. В.* О технологии инженерно-психологического проектирования программного обеспечения // Вестник университета (Государственный университет управления). 2010. № 23. С. 41–42.
- Кожанова И. В.* О качестве психической регуляции деятельности пользователя программного обеспечения // Приволжский научный журнал. 2011а. № 2 (18). С. 216–220.
- Кожанова И. В.* Ценностно-мотивационная и целевая сфера профессиональной деятельности сотрудников налоговых органов // Акмеология. 2011б. № 3 (специальный выпуск). С. 575–577.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Ломов Б. Ф.* О путях построения теории инженерной психологии на основе системного подхода // Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия / Сост. В. А. Бодров. М., 2007а. С. 733–744.
- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия / Сост. В. А. Бодров. М., 2007б. С. 105–113.
- Суходольский Г. В.* Основы психологической теории деятельности. 2-е изд. М., 2008.
- Шадриков В. Д.* Психологический анализ деятельности как системы // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 3. С. 33–46.

Principles of engineering and psychological design Automated information systems

I. V. Kozhanova (Nizhny Novgorod)

Candidate of psychological Sciences, Docent, Vice-rector for educational and scientific work, Privolzhsky Institute of Advanced Studies, Federal Tax Service of Russia

The example of application of the system approach to creation of principles of engineering-psychological designing of the automated information system directed on automation of professional activity is presented. The subject content of the principles, obtained as a result of studying the professional activities of employees of tax authorities, is disclosed.

Keywords: Engineering-psychological designing, the analysis of professional activity, the system approach.

Аппарат экспертного анализа в процедурах управления состоянием сложных динамических систем

Ю. А. Майорова (Москва)

*кандидат педагогических наук, и. о. зав. кафедрой,
Московский психолого-социальный университет; e-mail: jul_g@mail.ru*

С позиций основных положений методологии экспертного исследования нестандартных состояний сложных динамических систем (СДС) предложены методологические подходы к практическому применению теории экспертного анализа в процедурах оценивания, прогнозирования и управления состоянием СДС при недостатке или отсутствии статистических данных. Представлена методика апостериорного анализа достоверности индивидуальных оценок количественных показателей безопасности полетов (БП) при коллективном экспертном прогнозировании состояний эксплуатируемой авиационно-транспортной системы (АТС) и ее компонентов. В качестве показателя достоверности прогнозирования предлагается коэффициент совпадения, отражающий степень соответствия всех индивидуальных прогнозов фактическим показателям БП. Приведена область реализованного и потенциального применения аппарата экспертного анализа состояний АТС при решении проблемы безопасности полетов в гражданской авиации России.

Ключевые слова: эксперт, сложная динамическая система, состояние, оценивание, прогнозирование, управление, достоверность.

Издавна человечество сталкивается с проблемами, решение которых требует одновременно большого объема специальных знаний, практического опыта и особых интеллектуальных способностей. При исследовании нестандартных состояний сложных динамических систем (СДС) экспертный анализ, основанный на методах экспертных оценок, оказывается наиболее приемлемым, а иногда и единствен-

ным инструментом для решения неформализуемых задач в условиях дефицита необходимых статистических данных.

В теории и практике современного управления актуально решение множества специфических задач, которые можно классифицировать по категориям: анализ объекта (субъекта) управления; оценка и прогнозирование его состояния; контроль за изменениями; идентификация и оценивание степени влияния факторов; синтез; рейтинговое ранжирование; выбор и реализация вариантов управленческих решений; априорное и апостериорное оценивание результативности и эффективности управляющих воздействий; анализ качества, оптимизация управление и др. Уровень развития точных наук позволяет для некоторой части перечисленных задач выполнить соответствующую математическую постановку (модель) и подобрать приемлемый аппарат их решения. Возникающие при этом сложности в той или иной степени преодолимы для человека, использующего собственный запас специальных знаний, практический опыт работы в исследуемой области и интуицию. Только человек (эксперт) способен к решению нечетко сформулированных задач; оцениванию текущих и предстоящих изменений (тенденций); прогнозированию (или предвидению) возможных событий, в том числе маловероятных и крайне редких; генерированию идей; выработке, принятию решений и даже к действиям в условиях неполной, недостоверной или противоречивой информации. Формализация процесса решения трудно структурируемых задач получила название «методы экспертных оценок» (Анохин, 1994).

Применительно к СДС могут использоваться как интегральные оценки общего состояния исследуемой СДС, так и частные оценки некоторых нестандартных (редких, аномальных, нежелательных, небезопасных) состояний СДС и/или ее отдельных компонентов.

В отличие от индивидуальных исследований, коллективные экспертные исследования предусматривают наличие группы экспертов, соответствующего методического обеспечения и математического аппарата для получения и обработки результатов высказываний (альтернатив, измерений, суждений, прогнозов, заключений) экспертов (Гузий, Лушкин, Майорова, 2015). Мнение группы экспертов надежнее, чем мнение отдельного эксперта, поскольку при достаточном обеспечении информацией коллективные методы оценивания состояний основываются на использовании принципа «хорошего измерителя», т. е. эксперт – источник достоверной информации, а групповое мнение экспертов приближается к истине по мере увеличения количества оценок (измерений, наблюдений), благодаря возможности минимизации случайных ошибок при синтезе и оце-

нивании альтернатив (Шишкин, 1990). Групповое экспертное исследование предполагает создание некоторого широкофункционального коллективного разума («мультиразума»), обладающего значительно большими способностями, объемом теоретических знаний и практическим опытом в исследуемой области, нежели отдельный индивид, обладающий пусть даже самыми уникальными возможностями, знаниями, опытом.

Основные этапы экспертного исследования нестандартных состояний СДС (Анохин, 1994; Гузий, 2006: 2007):

- планирование экспертного исследования;
- формирование перечня характеристических параметров и признаков состояний объекта (субъекта) экспертного исследования;
- разработка анкет для проведения планируемого исследования;
- подбор и формирование группы экспертов;
- опрос (анкетирование) экспертов;
- анализ и обработка информации;
- синтез предложений по управлению состоянием объекта (субъекта) экспертного исследования;
- экспертная априорная оценка эффективности синтезированных предложений по управлению состоянием (ранжирование предложений по их значимости, результативности, эффективности);
- текущее уточнение (промежуточное оценивание изменений) состояния объекта (субъекта) исследования по динамике характеристических параметров и признаков за некоторую прошедшую часть периода прогноза (этап, желательный при прогнозировании состояний СДС);
- апостериорное оценивание достоверности коллективных и индивидуальных суждений, оценивание сходства результатов экспертного прогнозирования с фактическими значениями характеристических параметров и признаков состояния объекта (субъекта) исследования по окончании периода прогнозирования;
- оптимизация количественного и качественного состава группы экспертов – этап, желательный при проведении многоуровневых, повторяющихся исследований.

Наиболее распространенные и апробированные методы экспертного анализа и их разновидности (Шишкин, 1990; Гузий, 2007; Дворников и др., 2013):

- метод ассоциаций;
- метод фокальных объектов;

- метод парных (бинарных) сравнений (метод попарного сравнения);
- метод множественного сравнения;
- метод вектора предпочтений;
- метод ранжирования (упорядочивания, предпочтения);
- метод Черчмена–Акоффа (последовательное сравнение);
- метод фон Неймана–Моргенштерна;
- метод непосредственной оценки;
- индивидуальный экспертный опрос;
- метод средней точки;
- метод «Мозговой штурм»;
- метод Дельфи (дельфийский метод);
- метод анализа иерархий (Орлов, 2002).

Для решения задачи оценивания состояния и мониторинга развития (или деградации) СДС, отличающихся повышенной динамичностью (т. е. изменениями, обусловленными влиянием совокупности факторов как внешнего, так и внутреннего происхождения), целесообразно использовать системный подход с многопараметрическим представлением, в общем случае конечного количества непрерывных неравнозначных нормируемых информативных параметров (Лушкин, Майорова, Онуфриенко, 2014).

При решении задачи коллективного экспертного прогнозирования состояния СДС (в частности, прогнозирования на очередной год показателей безопасности полетов авиационно-транспортной системы (АТС) выявлена целесообразность апостериорного анализа достоверности индивидуальных оценок прогнозирования количественных показателей (характеристических параметров), который может быть выполнен по коэффициенту совпадения, отражающему степень соответствия всех индивидуальных оценок (прогнозов) i -го эксперта фактическим показателям (характеристическим параметрам) состояния СДС за период прогноза (Гузий, Лушкин, Майорова, 2015).

$$K_{i_{\text{совп.кол}}} = \frac{3m_{MO} + 2m(\bar{\sigma}) + m(2\bar{\sigma}) + 0,5m(3\bar{\sigma}) - 0,5m(\geq 3\bar{\sigma}) - 0,5m_{\text{—}}}{3m_{\Sigma}}$$

где m_{MO} – количество дискретных количественных показателей состояния СДС, по которым индивидуальная оценка, данная экспертом, совпадает с действительным (фактическим) значением показателя (т. е. с оценкой математического ожидания); $m(\bar{\sigma})$ – количество показателей, по которым индивидуальная оценка находится в пределах одного среднего квадратичного отклонения от индивидуальных экспертных оценок в группе; $m(2\bar{\sigma})$ – количество показате-

лей, по которым индивидуальная оценка вышла за пределы одного, но находится в пределах двух СКО (1σ - 2σ); $m(3\sigma)$ – количество показателей, по которым индивидуальная оценка вышла за пределы двух, но находится в пределах трех СКО (2σ - 3σ); $m(\geq 3\sigma)$ – количество показателей, по которым индивидуальная оценка находится за пределами трех СКО; m_{\geq} – количество показателей, по которым экспертом не дана оценка; m_{Σ} – общее количество оцениваемых количественных показателей.

По результатам анализа достоверности индивидуальных оценок выявляются наиболее и наименее компетентные эксперты для оптимизации качественного состава группы экспертов на предстоящие исследования (Гузий, 2006).

Как наиболее доступный для эксплуатантов воздушных судов инструмент исследования состояний эксплуатируемой АТС методология экспертного анализа нашла практическое применение при решении задач оценивания и прогнозирования уровня БП при выработке, оптимизации и оценке эффективности управленческих воздействий в системе управления безопасностью полетов (СУБП) (Гузий, Лушкин, Майорова, 2015).

Практический опыт ведущих авиакомпаний России показывает, что аппарат экспертного анализа состояний АТС и выработки управленческих решений в СУБП может успешно применяться:

- при формировании на государственном уровне единой системы показателей безопасности полетов, согласно требованиям международных стандартов;
- при проведении ежегодного SWOT-анализа гражданской авиации России;
- при выполнении требования ИКАО по определению в государстве приемлемого уровня БП, при дифференцировании приемлемого уровня БП и распределении его между видами воздушных перевозок и поставщиками авиационных услуг;
- при формировании перечня необходимого исправного оборудования (MEL), при текущем оценивании риска для БП и принятии решения по выполнению полетов с отложенными неисправностями;
- при отработке перечня дополнительных мер по снижению риска для БП на этапах планирования и выполнении полетов на сложные аэродромы;
- при выборе провайдеров – поставщиков авиационного обслуживания;
- при практической реализации процедур в рамках СУБП эксплуатанта ВС: периодическое оценивание текущего (достиг-

- нутого) уровня БП; определение (уточнение) устанавливаемых в авиакомпаниях целевых и пороговых уровней БП; прогнозирование показателей БП на предстоящий период эксплуатации; выявление угроз; идентификация факторов опасности и факторов предотвращения авиационных происшествий («барьеров»), определение их приоритетности и оценивание значимости; классификация и категорирование отклонений контролируемых параметров с эксплуатационными ограничениями; оценка риска для БП на предмет его приемлемости; синтез и ранжирование мероприятий по управлению уровнем БП; оценивание затрат, обусловленных авиационными событиями; априорное и апостериорное оценивание эффективности мероприятий по управлению уровнем БП; контроль за изменениями и обусловленными ими рисками; разработка и внедрение системы управления риском, обусловленным утомлением экипажей; выработка предложений и планов развития СУБП; формирование и разработка баз данных и информационно-аналитических систем БП и др.;
- при формировании, адаптации и внедрении автоматизированной системы многопараметрического мониторинга: выбор информативных параметров и признаков, определение их информативности и значимости; выбор способов и границ для нормирования параметров; определение областей возможного изменения характеристических параметров; определение требований и оценочных критериев;
 - при формировании, адаптации и внедрении автоматизированной системы мониторинга уровня БП: определение перечня показателей безопасности и степени их значимости, установление уровней безопасности, уточнение условной вероятности перехода авиационных событий в более тяжкие;
 - при разработке средств контроля и прогнозирования функционального состояния и потенциальной ненадежности действий летчика в условиях воздействия на него неблагоприятных факторов полета;
 - при разработке средств контроля и оценивания функциональной надежности летчика в процессе тренажерной подготовки.

Наибольшее применение аппарат экспертного анализа находит при исследовании состояний СДС, процессов и явлений в технических науках (эргатические системы и комплексы, системы обеспечения жизнедеятельности, военная и бытовая техника, транспорт, энергетика, технологическое оборудование).

Литература

- Анохин А. Н. Опыт применения экспертных оценок в решении задач системного анализа энергетических объектов // Сборник научных трудов №9 кафедры АСУ / Под ред. В. А. Острейковского. Обнинск, 1994. С. 72–80.
- Гузий А. Г. Формирование и оптимизация состава группы экспертов в области безопасности полетов и предотвращения авиационных происшествий // Проблемы безопасности полетов. Информационный сборник. Вып. 11. М., 2006. С. 8–18.
- Гузий А. Г. Математическое и методическое обеспечение экспертного прогнозирования авиационных событий в авиакомпании // Труды общества независимых расследователей авиационных происшествий. Вып. 19. М., 2007. С. 163–171.
- Гузий А. Г., Лушкин А. М., Майорова Ю. А. Теория и практика экспертного анализа состояний сложных динамических систем: монография. М., 2015.
- Дворников М. В., Кукушкин Ю. А., Шишов А. А., Богомолов А. В. Использование экспертных знаний о профессиональном риске и связанных с ним неблагоприятных событий в системе мониторинга работоспособности космонавтов в длительных космических полетах // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2013. Т. 47. № 4. С. 48–49.
- Лушкин А. М., Майорова Ю. А., Онуфриенко А. В. Методика многопараметрического мониторинга функционального состояния человека-оператора // Актуальные вопросы исследований в авионике: теория, обслуживание, разработки. Сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции «Авиатор». Воронеж, 2014. С. 197–198.
- Орлов А. И. Экспертные оценки. Учебное пособие. М., 2002.
- Шишкин И. Ф. Метрология, стандартизация и управление качеством. М., 1990.

The apparatus of the expert analysis in the management procedures as complex dynamic systems

Y. A. Mayorova (Moscow)

Candidate of pedagogical Sciences, deputy Head of the Department, Moscow psycho-social University

From the standpoint of the main provisions of the methodology of the expert research of unusual states of complex dynamical systems (CDS) proposed methodological approach to the practical application of the theory of expert analysis in assessment procedures, prediction and control of

the CDS with a deficiency or absence of statistical data. The presented method of a posteriori analysis of the reliability of individual estimates of quantitative indicators of safety when predicting peer-state operated aviation transportation system (ATS) and its components. As an indicator of the validity of the proposed prediction coefficient of coincidence, reflecting the degree of conformity of all the individual predictions the actual of safety performance. Given the scope of realized and potential applications of the apparatus of the expert analysis of states ATS in solving the safety problem in civil aviation of Russia.

Keywords: expert, complex dynamic system, state, estimation, forecasting, management, reliability.

Методологический подход к решению управленческой дилеммы коммерческой авиации «безопасность–стоимость»

Ю. А. Майорова*, А. В. Фокин** (Москва)

* кандидат педагогических наук, и. о. зав. кафедрой,
Московский психолого-социальный университет; e-mail: jul_g@mail.ru
** специалист отдела, Департамент транспортной безопасности
и специальных программ Минтранса России; e-mail: fokinav@mintrans.ru

Показано международное нормативно-правовое происхождение управленческой дилеммы в коммерческой авиации. Раскрыта проблема определения приемлемого уровня безопасности и организационный подход к ее решению эксплуатантами воздушных судов. Продемонстрирована зависимость ущерба авиационных происшествий и затрат на управление безопасностью полетов от вероятности авиационного происшествия. Предложен методологический подход к решению дилеммы «безопасность коммерческих полетов – стоимость безопасности полетов» через оптимизацию управления уровнем безопасности полетов по критерию эффективности. Представлена методика минимизации затрат на достижение приемлемого уровня безопасности полетов. Показана зависимость эффективности управления безопасностью полетов от культуры безопасности в авиакомпании.

Ключевые слова: безопасность полетов, приемлемый уровень, стоимость, дилемма, мифы безопасности, оптимизация, эффективность.

Исходящая из международных стандартов и рекомендованной практики, инициированная в отечественной гражданской авиации в 2008 г. активная стратегия превентивного управления уровнем безопасности полетов (БП) направлена, в первую очередь, на предотвращение авиационных происшествий (АП) через снижение статистической вероятности (частоты) АП при выполнении полетов (А. Г. Гузий, 2008). Рекомендованная Международной организа-

цией гражданской авиации, сокращенно ИКАО (International Civil Aviation Organization – ICAO) к разработке, внедрению и развитию система управления безопасностью полетов (СУБП) эксплуатантов воздушных судов (ВС) предусматривает эффективный менеджмент без снижения ожидаемой прибыли при предоставлении авиационно-транспортных услуг. Согласно ИКАО, *управление безопасностью полетов – это одна из основных бизнес-функций, которая должна рассматриваться на таком же уровне и с такой же степенью важности, как и другие основные бизнес-функции в авиакомпании.* Необходимо сбалансированное выделение ресурсов на производственные задачи и средства защиты (Руководство..., 2008).

Очевидно, что реализация дополнительных управленческих воздействий, ориентированных на повышение уровня БП, сопряжена с дополнительными затратами для эксплуатантов ВС, основная деятельность которых направлена на получение прибыли от предоставления авиационных услуг. Эволюция понятий в области безопасности полетов усложнила управленческую дилемму «безопасность–стоимость». Переход от утопической концепции абсолютной безопасности к концепции приемлемого риска для БП отразился в обновленном определении основного понятия: *БП – состояние авиационной транспортной системы, при котором риски, связанные с авиационной деятельностью, относящейся к эксплуатации воздушных судов или непосредственно обеспечивающей такую эксплуатацию, снижены до приемлемого уровня и контролируются* (Руководство ..., 2013).

Понятие «приемлемый риск для БП» исходит из понятия «приемлемый уровень БП», который, согласно требованиям международных стандартов, должен определяться и вводиться государственным регулирующим органом. Однако в России приемлемый уровень БП не определен (как и в других государствах). В таких условиях эксплуатанты ВС сами устанавливают в качестве цели в СУБП так называемый целевой уровень БП. Очевидно, что чем выше целевой (приемлемый) уровень БП, тем сложнее задача для СУБП и дороже обходится решение, а безаварийность не гарантируется (необходимое условие абсолютной безопасности полетов – прекращение полетов). В сознание высшего менеджмента эксплуатантов ВС из прошлого тысячелетия возвращается миф БП: «Безопасность – дорогое удовольствие». Экономия на безопасности полетов (препятствие развитию СУБП) мотивируется и другими мифами: «Нет авиационных происшествий – безопасная авиакомпания», «Техника и процедуры обеспечивают нашу безопасность», «Безопасность – работа инспекции по БП», «В нашей авиакомпании АП не случится». Не способст-

ует выделению дополнительных ресурсов на СУБП и обязательное страхование, т. е. разделение финансовых рисков авиакомпаний с авиационными страховщиками. Влияние мифов БП усугубляется синдромом «погоня за прибылью». Естественно, что сколько бы прибыли ни было, лишней она никогда не бывает. Отношение руководства авиакомпании к дилемме «безопасность–стоимость» во многом определяется культурой безопасности в авиакомпании, особенно в ее высшем менеджменте. Но эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

В условиях рыночной экономики, особенно в ситуации кризисных явлений, при наблюдающемся дефиците финансовых ресурсов очевидно, что авиакомпании, как и любые другие коммерческие организации, должны осуществлять управление (в частности, управление БП) не только результативно, но и эффективно, т. е. соизмеряя результат и его стоимость. С учетом сложившейся экономической ситуации в России, когда авиакомпании не могут себе позволить вкладывать огромные средства в долгосрочные и дорогостоящие (наукоемкие) мероприятия, все шаги, направленные на повышение уровня БП, должны обеспечивать достижение приемлемого (установленного в авиакомпании) уровня БП при минимальных затратах.

Общеизвестно, что БП требует очевидных, зачастую не окупаемых, тем не менее крайне необходимых затрат, потребность в которых может оставаться незамеченной при отсутствии АП. Решение руководства авиакомпании излишне увеличить выделение ресурсов на защиту может отрицательно повлиять на ее финансовое состояние и в конечном счете привести к банкротству. Поэтому важно определить приемлемый (установленный в авиакомпании) уровень БП и границы для оптимизации управления уровнем БП с гарантией обеспечения установленного в авиакомпании уровня.

Практика бизнес-управления в области БП преследует цель создания некоторого пространства безопасности, в котором организация функционирует, предоставляя авиационно-транспортные услуги с гарантией пребывания в пределах устойчивости к факторам опасности, свойственным летной практике (рисунок 1) (Руководство..., 2013). Следует признать, что в современных условиях предкризисного состояния коммерческой авиации России зона, определяемая как «пространство безопасности», имеет устойчивую тенденцию к сужению.

Какой уровень БП следует считать приемлемым, с точки зрения бизнеса?

Затраты (С), требуемые для снижения вероятности АП ($P_{АП}$), уходят в бесконечность, не обеспечивая нулевой вероятности АП ($P_{АП} > 0$).

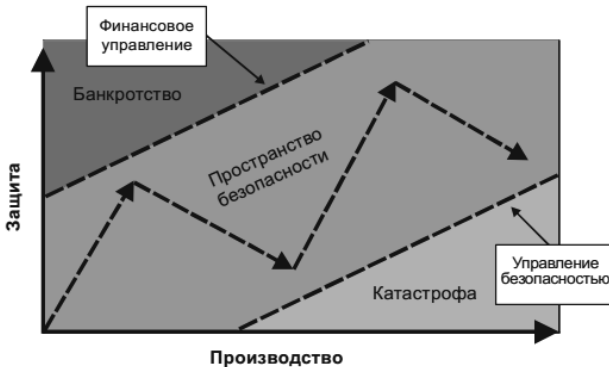

Рис. 1. Дилемма менеджмента в области безопасности полетов

Ущерб от авиационных событий, даже при отсутствии таковых, начинается с затрат на обязательное страхование и растет с увеличением вероятности АП. Обе функции («Затраты на БП» и «Ущерб от АП») отражают финансовые расходы эксплуатанта ВС; их сумма (C_{Σ}) имеет минимум при некотором вполне определенном (определяемом) уровне БП. Для бизнеса этот уровень – оптимальный по критерию минимума затрат, т. е. «стоимость» ($C_{\text{опт}} = C_{\text{мин}}$), но уровень БП ($P_{\text{АП}}$) при этом на несколько порядков отличается от приемлемого (целевого) уровня БП ($P_{\text{АП при } C_{\text{опт}}} > P_{\text{АП пр.}}$) по шкале «вероятность АП». Требуемые затраты ($C_{\text{тр}}$) на достижение $P_{\text{АП пр.}}$ превышают затраты, оптимизированные по критерию стоимости $C_{\text{опт}}$. Ущерб от АП трудно поддаются регулированию, поэтому предпочтительнее уменьшать суммарные затраты C снижением затрат на БП. Это реализуемо развитием СУБП по направлению оптимизации процесса управления БП, например, по такому критерию эффективности, как приращение вероятности АП в результате реализации корректирующих действий/затраты на разработку и реализацию корректирующих действий, т. е. соотношение «результат/стоимость» (Гузий, Лушкин, Щукин, 2013).

Управленческие воздействия по минимизации риска для БП обычно синтезируются с некоторой избыточностью и отличаются одно от другого своей эффективностью, т. е. степенью влияния на риск (результативностью) и требуемыми затратами на реализацию. В соответствии с терминологией ISO 9000:2000, эффективность – соотношение достигнутых результатов ($\Delta P_{\text{БП}}$) и использованных ресурсов ($\Delta C_{\text{БП}}$).

Целесообразно в ранее описанный контур управления риском для БП (Гузий, Лушкин, 2014) дополнительно включить контур оп-

тимизации управления, где управленческие воздействия подвергаются априорной оценке по критерию эффективности «результат/стоимость» ($\Delta P_{\text{БП}}/\Delta C_{\text{БП}}$), после чего выполняется ранжирование синтезированных управленческих воздействий. По результатам ранжирования формируется перечень наиболее эффективных мер по снижению риска. Формирование перечня завершается при условии, что остаточный риск для БП не превышает приемлемое значение. Синтез управленческих воздействий и априорное оценивание их эффективности выполняется с использованием аппарата экспертного анализа (Гузий, Лушкин, Майорова, 2015).

После реализации оптимизированного перечня мер производится апостериорная оценка остаточного риска в целях контроля полноты выполнения управленческих воздействий и результативности воздействия на риск.

Контур оптимизации управления БП по критерию эффективности снижает дополнительно требуемые затраты на достижение приемлемого уровня БП, тем не менее они остаются выше оптимизированных по минимуму суммарных, которых недостаточно для обеспечения приемлемого уровня БП. Таким образом, дилемма менеджмента в области безопасности полетов решается только на некотором этапе функционирования эксплуатируемой авиационно-транспортной системы. При очередном распределении ресурсов (выделении ресурсов на обеспечение приемлемого уровня БП) руководству авиакомпании предстоит принимать решение, от которого зависит эффективность СУБП. Особое значение при этом имеет культура безопасности в авиакомпании и в ее высшем руководстве. Выполнению обязательств высшего руководства, обычно декларируемых в корпоративной политике БП, способствует уровень компетентности персонала в вопросах СУБП.

Целесообразно в Программу внутреннего обучения персонала вопросам СУБП, рекомендуемую стандартом безопасности IOSA, включить специальный курс обучения руководителей авиапредприятий (Гузий, Лушкин, Мишин, 2015).

Литература

- Гузий А. Г., Лушкин А. М. Методологический подход к формированию корпоративной стратегии управления безопасностью полетов // Проблемы безопасности полетов. Научно-технический журнал. М., 2008. Вып. 9. С. 3–9.
- Гузий А. Г., Лушкин А. М. Теория и практика управления риском для безопасности полетов // Сборник трудов Общества незави-

- симых расследователей авиационных происшествий. М., 2014. Вып. 26. С. 139–143.
- Гузий А. Г., Лушкин А. М., Майорова Ю. А. Теория и практика экспертного анализа состояний сложных динамических систем: монография. М., 2015.
- Гузий А. Г., Лушкин А. М., Мишин А. В. Система управления безопасностью полетов в гражданской авиации. Специальный курс обучения руководителей: монография. М., 2016.
- Гузий А. Г., Лушкин А. М., Шукин А. В. Методологический подход к оптимизации управления уровнем безопасности полетов по критерию эффективности // Сборник трудов Общества независимых расследователей авиационных происшествий. М., 2013. Вып. 25. С. 189–195.
- Руководство по управлению безопасности полетов (РУБП). Дос 9859. Изд. 2-е. Монреаль: ИКАО, 2008.
- Руководство по управлению безопасности полетов (РУБП). Дос 9859. Изд. 3-е. Монреаль: ИКАО, 2013.
- ISO 9000: Система менеджмента качества. Основные принципы и словарь. ИСО, 2000.

Methodological approach to solving “safety–value” management dilemmas of commercial aviation

*Y. A. Mayorova**, *A. Y. Fokin*** (Moscow)

* Candidate of pedagogical Sciences, deputy Head of the Department, Moscow psycho-social University

** Specialist of the Department, Transport Security and Special Programs Department of the Ministry of Transport of Russia

Shown international legal origin of the managerial dilemma in commercial aviation. Disclosed the problem of determining an acceptable level of safety and organizational approach by the aircraft operators. Demonstrated the dependence of damage and accident costs safety management from the probability of an accident. The proposed methodological approach to the solution of the dilemma “the safety of commercial flights – the cost of safety” through the optimization of the management of safety on the criterion of efficiency. Presents a method of minimizing the cost of achieving an acceptable level of safety. The dependence of effectiveness of safety management from safety culture in the airline.

Keywords: flight safety, acceptable level, the cost, dilemma, myths of safety, optimization, efficiency.

**Психоэмоциональная устойчивость
и адаптивный потенциал
как необходимые слагаемые успешности деятельности
операторов химического производства**

О. А. Макарова (Елабуга), А. И. Фукин** (Казань)*

**старший преподаватель кафедры психологии Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета;
e-mail: gavrily.oksana@mail.ru*

***доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии
труда и предпринимательства, Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова; e-mail: aifukin@yandex.ru*

Рассматриваются теоретические аспекты изучения психоэмоциональной устойчивости и личностного адаптационного потенциала, а также особенностей их проявления в структуре операторского труда. Представлен анализ результатов профессиографического исследования, в котором приняли участие сотрудники предприятия по производству стекловолокна ООО «П-Д Татнефть-Алабуга Стекловолокно». Перечислены критерии успешности в профессиональной деятельности оператора, среди которых можно выделить личностный адаптационный потенциал и обусловленный им высокий уровень психоэмоциональной устойчивости в условиях производственно-технологического процесса. Приводятся результаты эмпирического исследования статистических различий по исследуемым показателям в зависимости от степени успешности респондентов в профессиональной деятельности, а также взаимосвязи показателей психоэмоциональной устойчивости и адаптационных способностей у «более успешных» и «менее успешных» операторов получения непрерывного стекловолокна.

Ключевые слова: оператор получения непрерывного стекловолокна, психоэмоциональная устойчивость, личностный адаптационный потенциал.

Введение

Исследования психологических особенностей реализации профессиональной деятельности операторов приобретают все большую актуальность в психологической науке. Однако некоторые разновидности операторского труда остаются по-прежнему вне зоны внимания ученых, особенно в аспектах мотивационного компонента, критериев успешности работника в профессии, межличностных отношений в трудовом коллективе. Дефицит исследований в этой сфере обусловлен разнообразием видов производственного труда. Изучаются психологические аспекты таких профессий и сфер деятельности, как летчики (Пономаренко, 1991; Бодров, Пономаренко, 1989; Сочнев, 2005; и др.), инженеры (Бысюк, 2012; Исхакова, 2006; и др.), водители (Ljdokova, Talysheva, Gaifullina, 2014; и др.), операторы машиностроения (Яшин, Егоров, Ел-Грейд, 2011) и газотранспортных систем (Егоров, Ел-Грейд, 2010) и др.

В исследовании в качестве респондентов выступили представители химического промышленного производства – операторы получения непрерывного стекловолокна (ПНС).

Сотрудники отдела труда предприятия с ограниченной ответственностью «П-Д Татнефть-Алабуга Стекловолокно» отмечают достаточно большую текучесть кадров. Соискатели и сотрудники производства оказываются психологически не подготовленными к выполнению функциональных обязанностей, установлению бесконфликтных отношений с коллегами; они не склонны демонстрировать моральную ответственность и безошибочность в управлении техникой. В связи с этим многие рабочие предприятия, в том числе и операторы ПНС, принимают решение о смене места работы и профессии.

Деятельность оператора ПНС технологически заключается в производстве стекловолоконной нити и ее производных. В исследовании принимали участие операторы, задействованные на участках запуска оборудования и намотки.

На участке прядения или запуска оборудования происходит процесс заправки элементарных стекловолокон. Основная рабочая операция – запуск оборудования для получения непрерывного стекловолокна – включает следующие шаги: сбор элементарных нитей; заправка их в вытяжные ролики мотального аппарата; включение замасливающего устройства; заправка собранного пучка во вспомогательный нитесборник; включение мотального аппарата с установленными на нем картонными манжетами и запуск процесса намотки изготавливаемой продукции.

Оператор участка намотки должен проверять работоспособность наматывающих аппаратов и надевать картонные манжеты на бобинодержатель.

Описанные операции требуют от сотрудника выносливости, высокого уровня концентрации внимания, склонности к монотонной деятельности. Этого можно достичь, прежде всего, за счет высоких адаптивных способностей и психоэмоциональной устойчивости.

А. Г. Маклаков и С. В. Чермянин (2006) утверждают, что адаптивность предполагает достаточно легкую и адекватную ориентировку в любой ситуации. Адаптация как постоянный процесс активного приспособления к условиям социальной среды, затрагивает разные уровни функционирования человека, включая профессиональную деятельность. Искажение или недостаточное развитие представлений о себе того или иного оператора ведет к нарушению адаптации, что сопровождается повышенной конфликтностью в трудовом коллективе, непониманием своей социальной роли и позиции в нем, ухудшением состояния здоровья. Оператору ПНС необходимо уметь быстро вырабатывать стратегию своего поведения, в случае поломки или обрыва нити – устранять ошибки самостоятельно или мгновенно обращаться за помощью к более квалифицированным специалистам, желательно не иметь конфликтов с другими сотрудниками, что возможно в случае преобладания высокой эмоциональной устойчивости.

Процедура исследования

Целью данного исследования являлось выявление психоэмоциональной устойчивости и личностного адаптационного потенциала операторов ПНС (64 респондента)¹.

Участники исследования предварительно по объективным показателям профессионального функционала были разделены на две группы: «более успешных» и «менее успешных». В каждой группе оказалось по 32 сотрудника.

Исследуемые характеристики были выделены нами ранее и вошли в перечень личностных и психофизиологических свойств, значимых для оператора ПНС, среди них – способность быстро переключать внимание; устойчивость и концентрация внимания; склонность к монотонии, положительное отношение к однообразной работе; высокая координация движений; скорость реакций; высо-

1 Выражаем благодарность администрации и сотрудникам предприятия с ограниченной ответственностью «П-Д Татнефть-Алабуга Стекловолокно» за оказание помощи в проведении исследования.

кие адаптивные способности; нервно-психическая устойчивость; коммуникативные способности; моральные способности; высокий объем оперативной памяти; абсолютная безошибочность действий; умение приема и переработки информации; частота движений; склонность к физическому труду, высокая работоспособность; высокая личная ответственность за свои действия по управлению системой; положительная внутренняя мотивация профессиональной деятельности; удовлетворенность трудом (Makarova, Pianova, Panfilov, Minakhmetova, 2016).

Результаты исследования

На первом этапе исследования была проведена экспресс-диагностика психоэмоциональной устойчивости операторов (на АПК «Активациометр АЦ-9К»), что позволило выявить реакции испытуемых на воздействия реального или мнимого стрессора в ситуации его моделирования. В момент максимального воздействия стрессора на испытуемого программа фиксировала показатели психоэмоциональной устойчивости, далее сравнивались показатели стрессового и фонового психоэмоционального состояния, на основе разности определялся показатель (оценка) психоэмоциональной устойчивости у операторов ПНС.

Полученные данные показывают, что низкий уровень и уровень ниже среднего не представлены в выборках операторов; средние показатели выявлены только в выборке «менее успешных» операторов – у 6% обследованных. Также всего лишь 6% членов этой группы испытуемых обнаружили отличный уровень психоэмоциональной устойчивости, а подавляющее большинство (88%) – высокий уровень. В группе «более успешных» операторов оценки

Таблица 1

Результаты диагностики психоэмоциональной устойчивости операторов получения непрерывного стекловолокна

Оценка психоэмоциональной устойчивости	Более успешные операторы	Менее успешные операторы
Отличная	17 (53%)	2 (6%)
Высокая	15 (47%)	28 (88%)
Средняя	0 (0%)	2 (6%)
Ниже среднего	0 (0%)	0 (0%)
Низкая	0 (0%)	0 (0%)

распределились между отличным, т. е. очень высоким (53%), и высоким (47%) уровнями психоэмоциональной устойчивости. Причем в группе «более успешных» операторов показатели значительно выше показателей второй группы – «менее успешных». Использование критерия Манна–Уитни подтвердило сделанные выше выводы путем сравнения показателей психоэмоциональной устойчивости у «более» и «менее» успешных респондентов. Установлено, что Уэмп (172) находится в зоне значимости при критических значениях 338 для $p \leq 0,01$ и 389 для $p \leq 0,05$. Таким образом, показатели психоэмоциональной устойчивости «более успешных» операторов статистически значимо выше показателей «менее успешных»; различия выявлены на уровне $p \leq 0,01$.

Соответственно в группе «более успешных» операторов выше показатели толерантности к эмоциогенным стрессовым воздействиям; они с легкостью переносят различные эмоциональные нагрузки. В группе же «менее успешных» операторов имеется более низкий уровень психоэмоциональной устойчивости, возникает вероятность соматических заболеваний, так как они чаще подвержены стрессу. Это затрудняет эффективное выполнение ими профессиональных операций в силу концентрации на своем внутреннем состоянии.

На следующем этапе при помощи многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» проведена диагностика адаптивных возможностей операторов путем оценки психофизиологических и социально-психологических характеристик, к которым авторы относят поведенческую регуляцию, коммуникативный потенциал, моральную нормативность и адаптационные (деадаптационные) способности. Выявлена общая характеристика – личностный адаптационный потенциал (ЛАП) (см. таблицу 2).

Установлено, что в группе «более успешных» операторов преобладает высокий и нормальный адаптационный потенциал (44%).

Таблица 2

Результаты диагностики личностного адаптационного потенциала операторов получения непрерывного стекловолокна

Группа ЛАП	Более успешные операторы	Менее успешные операторы
1-я группа (высокий ЛАП)	7 (22%)	0 (0%)
2-я группа (нормальный ЛАП)	7 (22%)	1 (3%)
3-я группа (удовлетворительный ЛАП)	14 (44%)	8 (25%)
4-я группа (низкий ЛАП)	4 (12%)	23 (72%)

У таких операторов наблюдаются хорошие адаптационные способности, они легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения и социализации. Как правило, они не конфликтны. Функциональное состояние лиц этой группы в период адаптации остается в пределах нормы; работоспособность сохраняется, что позволяет оператору оставаться успешным в профессии при любых условиях.

Столько же «более успешных» операторов (44%) продемонстрировали удовлетворительный уровень адаптации. Предполагается, что респонденты с таким уровнем ЛАП обладают признаками различных акцентуаций, которые в привычных условиях частично компенсированы и могут проявляться при смене деятельности. Поэтому успешность их адаптации во многом зависит от внешних условий среды. Эти лица, как правило, обладают невысокой эмоциональной устойчивостью. Процесс социализации у них осложнен: возможны асоциальные срывы, проявления агрессивности и конфликтности. Функциональное состояние в начальные этапы адаптации может быть нарушено. Лицам этой группы требуется постоянный контроль со стороны руководителей.

В выборке же «менее успешных» операторов однозначно преобладает низкий адаптационный потенциал (72%). Это значит, что операторы данной группы могут демонстрировать признаки явных акцентуаций характера и некоторые признаки психопатий, а их психическое состояние в целом можно охарактеризовать как пограничное. Процесс адаптации к новым условиям протекает тяжело. Возможны нервно-психические срывы, длительные нарушения функционального состояния. Лица этой группы конфликтны, могут допускать делинквентные проявления. Данные характеристики могут значительно затруднять реализацию межличностных взаимоотношений в бригаде.

При помощи критерия Манна–Уитни была проверена значимость различий в группах «более успешных» и «менее успешных» операторов по шкале «Личностный адаптационный потенциал». Полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$ (132) находится в зоне значимости при критических значениях 338 для $p \leq 0,01$ и 389 для $p \leq 0,05$. Таким образом, в выборке «более успешных» уровень адаптационного потенциала значительно выше, чем в выборке «менее успешных». Это значит, что «более успешные» операторы намного быстрее и легче адаптировались в свое время к вредным условиям химического производства.

Корреляционный анализ показателей успешности в деятельности операторов показал, что существует взаимосвязь между уровнем психоэмоциональной устойчивости и личностным адаптационным потенциалом «более успешных» операторов, так как абсолютное значение, полученного коэффициента корреляции ($r_{xy} = 101,03 / (14,74 \times 13,59) = 0,5$), больше критического значения, взятого из таблицы, т. е. чем выше психоэмоциональная устойчивость «более успешных» операторов, тем выше их адаптационные способности, и наоборот.

Расчет коэффициента корреляции Пирсона между оценкой психоэмоциональной устойчивости и личностным адаптационным потенциалом «менее успешных» операторов выявил отсутствие статистически значимых взаимосвязей между данными показателями.

Заключение

Психоэмоциональная устойчивость и личностный адаптационный потенциал можно считать необходимыми слагаемыми успешности в процессе получения непрерывного стекловолокна: чем выше психоэмоциональная устойчивость и личностный адаптационный потенциал, тем выше успешность оператора.

Литература

- Бысюк А. С. Психологические факторы успешности профессиональной деятельности инженеров-метрологов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2012.
- Егоров В. В., Ел-Грейд М. Исследование уровней профессиональных возможностей операторов газораспределительных станций и эффективности их трудовой деятельности // Энергоэффективные технологии. Образование. Наука. Практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 20–21 мая 2010 г.: В 3 т. Т. 1 / Под. ред. В. Л. Соломахо. Минск, 2010. С. 51–55.
- Исхакова А. М. Психологические условия повышения эффективности профессиональной деятельности инженеров-проектировщиков: Дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2006.
- Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2006. С. 549–672.

- Пономаренко В. А. Профессиональное здоровье и профессиональная надежность летных экипажей // Техника. Экономика. Сер. «Эргономика». М., 1991. Вып. 4. С. 77–85.
- Психофизиологическая подготовка летчика. Методическое пособие / Под ред. В. А. Бодрова, В. А. Пономаренко. М.–Л., 1989.
- Сочнев В. Н. Психофизиологические детерминанты успешности профессиональной деятельности летчиков-инструкторов: Дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2005.
- Яшин К. Д., Егоров В. В., Ел-Грейд М. Информационные ресурсы для определения степени развития профессионально-значимых качеств операторов // Управление информационными ресурсами: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Минск, 10 февр. 2011 г. / Под ред. А. В. Ивановского и др. Минск, 2011. С. 64–66.
- Ljdokova G. M., Talysheva I. A., Gaifullina N. G. Psychophysiological and psychological characteristics of young drivers // Life Science Journal. 2014. V. 11 (10). P. 694–696.
- Makarova O. A., Pianova E. N., Panfilov A. N., Minakhmetova A. Z. External criteria of success in the professional activities of representatives of socio-technical professions // Journal of Language and Literature. 2016. V. 7. № 2. May. doi: 10.7813/jll.2016/7-2/72.

Psychoemotional resilience and adaptive capacity as essential components of the success of the operators in the chemical industry

O. A. Makarova (Elabuga), A. I. Fukin** (Kazan)*

* Senior lecturer of the Department of psychology at the Elabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Labor and Entrepreneurship Psychology, Kazan state University of Innovation named after V. G. Timiryasova

The research reviews the theoretical aspects of the study of psycho-emotional stability and personal adaptive potential, likewise the characteristics of their manifestations in the structure of the operator's labor. The results of the analysis of the professional graphic research, in which participated employees of the glas fiber production company LLC "P-D Tatneft-Alabuga Fiberglass" were presented. Listed the success criteria in the professional activities of the operator, among which were personal adaptational potential and the resulting high level of emotional stability in the conditions of production and technological process. The results of the em-

pirical investigation of statistical differences in the studied parameters depending on the degree of success of the respondents in their professional activities, as well as the relationship of indicators of psychoemotional stability and adaptation abilities of “more successful” and “less successful” operators producing continuous glass fiber.

Keywords: operator producing continuous glass fibers, psycho-emotional stability, personal adaptation potential.

Психологическое благополучие или психологическая безопасность – две стороны одной монеты?¹

А. А. Обознов, Ю. В. Бессонова** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: aao46@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: farandi@mail.ru*

Определена роль психологического благополучия в субъектном потенциале безопасности труда в опасных профессиях. Получены результаты, подтверждающие, что благополучие может рассматриваться как показатель психологической безопасности личности, особенно в профессиональной деятельности в опасных условиях. Показаны социодемографические, организационные и профессиональные корреляты благополучия, а также его связь с культурой безопасности представителей экстремальных профессий.

Ключевые слова: культура безопасности, психологическое благополучие, психологическая безопасность, психология экстремальности, психология безопасности.

Постановка проблемы

Причины роста количества техногенных катастроф и аварий, несмотря на возрастающее совершенство техники, следует искать, прежде всего, в идеологии обеспечения безопасности. Ключевую значимость ее подтверждают работы, в которых культура безопасности персонала представлена системообразующим фактором снижения рисков и одной из ключевых проблем обеспечения безопасности деятельности по человеческому фактору (Абрамова, 2009;

1 Исследование выполнено по Государственному заданию ФАНО РФ, №0159-2016-0008.

Козлов, 2010; Львов и др., 2002; Обознов и др., 2014). Показано, что ядро при анализе производственных рисков (технических, технологических, психологических и пр.) составляет именно отношение всех участников технологического процесса (от конструкторов до ремонтного персонала) к обеспечению безопасности и представления о допустимых нормах профессионального поведения. Базовым тезисом исследований культуры безопасности является положение о том, что психологическими рисками возможно управлять через целевые, организационные, технологические и средовые характеристики, влияя, таким образом, на безопасность функционирования всей технической системы. Управление рисками, в свою очередь, предполагает переход от ретроактивного к проактивному подходу, т. е. от запаздывающего, констатирующего расследования уже происшедших аварий к проведению прогностической работы по упреждающему выявлению и устранению потенциальных опасных факторов (Козлов, 2010).

В структуру культуры безопасности (в соответствии с трактовкой многозначного понятия культуры) включена совокупность устойчивых форм социально значимой информации и способов ее практической реализации в деятельности профессионала – поведенческих навыков безопасного поведения, профессиональных знаний, опыта и компетенций, совокупности материальных средств поддержания безопасности и т. д. Но базовым ядром ее является *приоритетная ценность безопасности* и соответствующее отношение к производственному процессу и его участникам. По аналогии с общим понимаем культуры культура безопасности также рассматривается как продукт взаимодействия и взаимного обогащения личности и среды, только в данном случае – как часть организационной культуры. Следствием того, что культура безопасности является открытой системой и ее субъекты включены также во множество непрофессиональных отношений, выступают как их продукты и носители, оказывается сложность формирования и оценки культуры безопасности, прежде всего, необходимость учета множества влияющих на нее внешних факторов. Неоднократно подчеркивалось, что бесполезно требовать от работника соблюдения техники безопасности и надеяться на технические средства ее обеспечения, если отсутствуют соответствующие внешние условия (организационные, технические, технологические, коммуникативные и т. д.), обеспечивающие возможности для соблюдения и проявления культуры безопасности в профессиональной деятельности. Расследования многочисленных инцидентов показали, что высокой культуры безопасности невозможно добиться в условиях, допускающих кон-

курению противоположных требований или побуждений (Котик, 1987), например, безопасности и выгоды, безопасности и подчинения начальству, безопасности и избегания наказания, так же как при отсутствии необходимых технических средств или несвоевременности технологических процедур. Или в условиях, в которых не обеспечивается базовая потребность личности в безопасности. Профессионал отличается от дилетанта не столько тем, что выполняет поставленную задачу за вознаграждение или обладает высокой компетентностью, сколько тем, что выполнит ее в соответствии с заданными требованиями, невзирая на условия и обстоятельства и с минимальной «психологической ценой».

Итак, психологическая составляющая культуры безопасности состоит не только в приоритете ценности безопасности на уровне конкретной личности, но и в поддержании требуемой «ресурсности», определенного уровня состояний, чувств и переживаний защищенности, готовности не только справиться с трудными ситуациями, но и выполнить в этих условиях поставленную профессиональную задачу.

При попытке дефинировать эту предметную область определяются два наиболее близких понятия – «психологическая безопасность» и «психологическое благополучие». Первое из них трактуется не столько как отсутствие угрозы, сколько как состояние защищенности жизненно важных интересов личности от многочисленных воздействий, проявляющееся в переживаниях, связанных с положением в настоящем и перспективами на будущее (Вербина, 2013; Харламенкова, 2012). В тезаурус проявлений психологической безопасности также включают: переживание целостности личности, высокое качество жизни, соблюдение интересов личности и наличие оптимальных возможностей для удовлетворения ее потребностей в настоящем и дающих основания для уверенности в будущем (Рощин, Соснин, 1995), устойчивость к внешним факторам среды и возможность развития, эмоциональная и адаптационная устойчивость (Приходько, 2013), ресурсообеспеченность и др. Эти компоненты (чувства, переживания, установки, отношения) объединяются, по словам Г. Г. Вербиной (2013), в эмоциональной доминанте общего благополучия.

Анализ второго понятия – психологического благополучия – и его соотношения с безопасностью показал (Бессонова, Броневицкий, 2016), что оба этих феномена взаимно перекрываются и отражают переживания по поводу успешности собственного функционирования, отсутствия потенциальных угроз или ресурсов для их преодоления. Психологическая безопасность личности, особенно в профессио-

нальной деятельности в опасных условиях, может рассматриваться через уровень психологического благополучия. Синтез различных определений психологической безопасности личности показывает, что психологическая безопасность определяется через совокупность признаков, объединяемых в понятие психологического благополучия – критериями и проявлениями безопасности являются качество жизни, позитивный эмоциональный фон, благоприятное функциональное состояние, отсутствие патопсихологической симптоматики и успешность функционирования в социуме. Эмпирически было установлено сходство компонентов психологического благополучия, препятствующих развитию неблагоприятных функциональных состояний: наибольшее значение имеют «осмысленность жизни» и «самопринятие».

Однако среди нерешенных в настоящее время остается вопрос о том, является ли психологическое благополучие критерием и проявлением безопасности личности, если трактуется как состояние защищенности либо же психологическое благополучие выступает в роли предиктора безопасности, обеспечивая необходимые ресурсы для его достижения.

Второй нерешенной проблемой является нераскрытый механизм взаимосвязи психологической безопасности профессиональной деятельности, проявляемой в субъективной культуре безопасности специалистов, с рядом внешних и внутренних факторов, обуславливающих восприятие и оценку степени потенциальной угрозы и возможных рисков для личности и для деятельности. Предположительно ключевую роль играют особенности ценностно-смысловой сферы личности, так как было обнаружено сходство комплекса ценностей, присущих только представителям экстремальных профессий и «ответственных» за профилактику негативных функциональных состояний и успешность адаптации к посттравматическому стрессу.

Организация и методики исследования

С учетом изложенного *цель исследования* заключалась в изучении благополучия на контингенте представителей экстремальных профессий в рамках ресурсной парадигмы и субъектного подхода. В 2015 г. показано сходство структуры и проявлений психологических феноменов субъективного благополучия и психологической безопасности личности.

Исследование проведено на двух *выборках*: экспериментальная группа – пожарные-спасатели (122 чел.¹); контрольная группа – ме-

1 Данные получены совместно с Г. Г. Броневицким.

неджеры (504 чел.¹). В качестве контролируемых переменных выступали: возраст, пол, стаж общий и стаж в профессии, семейное положение.

Методики исследования: «Шкала психологического благополучия» (адаптированного опросника К. Рифф «The scales of psychological well-being»); опросник «Культура безопасности – 360°» (Обознов, Бессонова, Петрович, 2014); опросник «Стресс-факторы профессиональной деятельности» (модификация JSS теста трудового стресса Ч. Спилбергера); «Опросник оценки и приобретения персональных ресурсов» (Н. Е. Водопьянова, М. Штейн); шкала психологического стресса PSM-25 (Lemur–Tessier–Fillion); опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса; экспертная оценка успешности профессиональной деятельности (6 дифференциальных и интегральный показатель).

Результаты исследования

Уровень психологического благополучия у специалистов, деятельность которых протекает в условиях экстремальности, по суммарному индексу находится в пределах общепопуляционной нормы – в зоне средневысоких значений, а по отдельным шкалам даже превышает результаты специалистов гражданских профессий. Профессиональная деятельность в экстремальных условиях отражается на уровне и структуре психологического благополучия личности профессионала. При общем усредненном показателе благополучия, находящемся в пределах общепопуляционной нормы, изменения проявляются в структурных компонентах благополучия, обеспечивающих общий позитивный эмоциональный фон и оценку личностью собственной успешности. Экстремальность влечет за собой характерные изменения, прежде всего, рост показателей осмысленности жизни, автономности, позитивного социального взаимодействия и управления средой. Наибольшие различия в уровне и структуре психологического благополучия детерминированы восприятием личностью факта непосредственной опасности, угрозы жизни и здоровью. Степень опасности в профессии сказывается на выраженности шкал «Управление средой», «Позитивные отношения с окружающими», «Автономия».

Роль социально-демографических факторов на выраженность психологического благополучия проявляется различным образом на обеих выборках – у представителей экстремальных и неэкстре-

1 Данные получены совместно с Г. А. Сыченковой.

мальных профессий. Установлена отрицательная взаимосвязь благополучия с возрастом ($R=-0,31$, $p=0,0009$) и общим стажем ($R=-0,20$, $p=0,04$) у пожарных; при этом отсутствует корреляция с иными социально-демографическими факторами. У офис-менеджеров уровень благополучия тесно коррелирует только с семейным положением ($R=-0,21$, $p=0,0005$), т. е. с отсутствием поддержки в семье (статус «вдовец» или «холост»), и положительно – с наличием детей ($R=0,14$, $p=0,04$). При этом разведенные и семейные работники отличаются статистически более высокими показателями психологического благополучия. Можно предположить, что профессиональные требования и условия деятельности определяют специфику переживания успешности своего функционирования (т. е. благополучие); изменяется значимость ресурсных факторов его обеспечения.

Взаимосвязь благополучия с профессиональными факторами также различается у представителей экстремальных и неэкстремальных профессий. Методика исследования предполагала дифференциальную оценку частоты и субъективной значимости профессиональных стрессоров разной этиологии: организационных, коммуникативных, информационных, собственно профессиональных (например, условия труда). У пожарных установлена отрицательная корреляция благополучия только с субъективной значимостью стрессоров. Переживание благополучия работников гражданской

Таблица 1
Уровень психологического благополучия
у представителей разных профессий

Шкалы методики	Менеджеры	Пожарные-ликвидаторы	Пожарные-командиры	Пожарные-водители	F	P
Позитивные отношения с окружающими	62,00	63,85	60,46	63,37	2,97	0,03
Автономия	59,32	59,02	56,15	61,21	6,52	0,00
Управление средой	61,01	62,20	61,92	61,00	7,95	0,00
Личностный рост	65,54	63,29	58,62	60,47	1,05	0,37
Цели в жизни	66,84	63,98	63,00	61,74	6,02	0,00
Самопринятие	60,08	59,77	58,12	58,79	2,35	0,07
Суммарный показатель	374,79	372,11	358,27	366,58	4,41	0,01

Примечание: Полужирным шрифтом обозначены статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$).

профессии тесно связано как с частотой стрессоров, так и с их субъективной значимостью. При этом наибольшее значение для офисных работников имеют все типы стрессоров, а для пожарных – только организационные и информационные.

Психологические предикторы благополучия показывают тесную корреляцию его не только с негативными переживаниями и функциональными состояниями, что логично и предсказуемо. Установлена также гораздо более тесная связь с их субъективной оценкой личностью (положительная – с показателем «сумма приобретенных ресурсов» по шкале Н. Е. Водопьяновой) и субъективной активностью личности по их преодолению (положительная – с копинг-стратегиями решения проблем и положительной переоценки ситуации, отрицательная – со стратегиями бегства и дистанцирования). Сходные результаты получены на обеих профессиональных выборках и отражают психологические механизмы формирования оценочного суждения о самоэффективности.

В обеих группах обнаружено отсутствие взаимосвязи психологического благополучия и успешности профессиональной деятельности, что подтверждает наши предыдущие результаты. В оценках экспертов не учитывались выраженные различия функционального состояния работников. Это подтверждает выдвинутую гипотезу об отсутствии прямой связи между экспертной оценкой успешности деятельности по внешним критериям и параметрами состояния исполнителя, отражающими уровень его функциональной надежности. Фактически, оценивая успешность профессионала, эксперты ориентируются на процедурные и количественные показатели. Успешность же реализации других целей деятельности, связанных с поддержанием собственной способности к ее выполнению, т. е. целей «обеспечения безопасности», не учитывается экспертами при формировании суждения о профессиональной успешности того или иного пожарного. Иными словами, оцененный при таком подходе как «успешный» профессионал за счет высокой мотивации способен в течение какого-то времени поддерживать высокий уровень работоспособности и высокое качество деятельности, но функциональная надежность исполнителя, следовательно, эффективность и надежность его деятельности в целом будет низкой. В этом случае неизбежен перерасход системных ресурсов организма и психики, т. е. цена успешности в профессии будет недопустимо высокой. Такое положение обязательно скажется рано или поздно, и на самочувствии профессионала, и на результатах труда, и в других областях социального функционирования субъекта, поскольку ведет к его выраженной дезадаптации.

У представителей обеих обследованных выборок установлена тесная взаимосвязь психологического благополучия и культуры безопасности профессионального поведения; с помощью методов структурного моделирования оценена роль благополучия в обеспечении и поддержании культуры безопасности профессионала. В статьях (Обознов и др., 2014, 2016) обосновано представление о культуре безопасности как единстве когнитивного, эмоционального, поведенческого и ценностного компонентов психологического отношения к ее обеспечению. Подтвердилась наша экспериментальная гипотеза о роли психологического благополучия, выступающего как ресурс культуры безопасности за счет обеспечения функциональной надежности деятельности: установлено влияние высокого уровня благополучия на положительную оценку внешних и внутренних факторов культуры безопасности (оценку организации работ, документации, технического оснащения и пр.), на поддержание высокого уровня готовности личности к включению в контур обеспечения безопасности и к принятию личной ответственности. Однако оказалось, что наибольший эффект благополучие оказывает не на эмоциональный компонент КБ, а на ценностный. Возможно, в основе и высокой культуры безопасности, и переживания благополучия лежит сходный комплекс ценностных ориентаций личности.

Заключение

Определена роль психологического благополучия в субъектном потенциале безопасности труда в опасных профессиях. Получены результаты, подтверждающие, что благополучие может рассматриваться как показатель психологической безопасности личности, особенно в профессиональной деятельности в опасных условиях. Синтез различных определений психологической безопасности личности показывает, что понятие трактуется в совокупности признаков, объединяемых в рамках феномена психологического благополучия: критериями и проявлениями безопасности являются качество жизни, позитивный эмоциональный фон, благоприятное функциональное состояние, отсутствие патопсихологической симптоматики и успешность функционирования в социуме. Показана неоднозначная связь благополучия личности и культуры безопасности в профессиональной деятельности: благополучие является критерием и проявлением безопасности личности, состояния защищенности и в то же время выступает в роли предиктора безопасности, обеспечивая необходимые ресурсы для ее достижения.

Литература

- Абрамова В. Н. Организационная психология, организационная культура и культура безопасности в атомной энергетике. Ч. I. «Психология и методы оценки организационной культуры и культуры безопасности на атомных станциях». М.–Обнинск, 2009.
- Бессонова Ю. В., Броневицкий Г. Г. Психологическое благополучие у представителей опасных профессий // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлёв, Н. Е. Харламенкова. М., 2016. С. 327–351.
- Вербина Г. Г. Психологическая безопасность личности // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 196–202.
- Козлов В. В. Безопасность полетов: от обеспечения к управлению. М., 2010.
- Котик М. А. Психология и безопасность. 2-е изд. испр. и доп. Таллин, 1987.
- Львов В. М., Багрецов С. А., Шлыкова Н. Л. Проблемы обеспечения психологической безопасности личности в производственной среде. Кн. 1. «Концептуальные и методологические основы». Учебно-методическое пособие / Под общей ред. В. М. Львова. Тверь, 2002.
- Обознов А. А., Бессонова Ю. В., Петрович Д. Л., Енина Е. С., Сериков В. В. Культура безопасности на железнодорожном транспорте // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. Вып. 4 (71). С. 45–52.
- Обознов А. А., Грачев А. А., Бессонова Ю. В. Культура безопасности: система оценки и формирование в организациях повышенного риска // Труды Второй Международной научно-практической конференции «Человеческий фактор в сложных технических системах и средах» (Эрго-2016) (Санкт-Петербург, Россия, 6–9 июля 2016) / Под ред. А. Н. Анохина, П. И. Падерно, С. Ф. Сергеева. СПб., 2016. С. 440–447.
- Приходько И. И. Психологическая безопасность личности специалистов экстремальных видов деятельности: концепция, трансформационная модель, механизмы медико-психологической коррекции // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 4. С. 88–95.
- Роцин С. К., Соснин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 26–36.

Харламенкова Н. Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М., 2012.

Are the psychological well-being and psychological security two sides of the same coin?

*A. A. Oboznov**, *Y. V. Bessonova*** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, research officer, Institute of Psychology of RAS

The psychological well-being is crucial for the subject potential of safety in extreme occupations. The results confirm that well-being can be considered as an indicator of a person's psychological security, especially in professional activity in hazardous conditions. Sociodemographic, organizational and professional correlates of well-being are shown, as well as its correlation with the safety culture of extreme professionals.

Keywords: safety culture, psychological well-being, psychological security, extreme psychology, psychology of safety.

Некоторые актуальные и перспективные направления развития отечественной эргономики

А. А. Обознов (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: aao46@mail.ru*

В статье кратко рассмотрен понятийный аппарат отечественной эргономики, обозначены некоторые ее актуальные и перспективные направления развития.

Ключевые слова: эргономика, человеческий фактор, направления развития, проблемы.

Предпосылки возникновения эргономики в системе наук и в свете запросов практики

Возникновение эргономики как общенаучной дисциплины было обусловлено необходимостью изучения возможностей человека по управлению сложными техническими системами, объектами и производствами в разнообразных условиях рабочей среды, в том числе экстремальных. Эргономика как исследовательская дисциплина была нацелена на изучение взаимовлияний свойств человека, характеристик техники и рабочей среды в процессе трудовой деятельности. Эргономические исследования исходно были ориентированы главным образом на решение задач по созданию новых сложных технических систем, что требовало заранее, еще на этапах разработки технического задания и проектирования этих систем учитывать возможности человека по их управлению. Возникла необходимость согласовать между собой отдельные рекомендации психологии, физиологии и гигиены труда, социальной психологии, анатомии в единую систему требований к деятельности человека в будущих сложных технических системах. Появилась потребность в исследованиях, базирующихся на системной трактовке человеческих факторов в тех-

нике, открывающих возможность их применения в проектировании и использовании систем, оборудования, технически сложных потребительских изделий. Такой подход позволил не только приспособить технику и условия ее функционирования к человеку, но и развивать его возможности в соответствии с требованиями сложных систем (Зинченко, Мунипов, 1979; Эргономика в определениях, 1980).

Понятия эргономики

Центральным в эргономике является понятие человеческого фактора. В отличие от иногда бытующих представлений содержание данного понятия отнюдь не тождественно совокупности качеств человека – антропометрических, биомеханических, физиологических, психофизиологических, психических, социально-психологических. Дело в том, что влияние качеств человека на показатели его деятельности и функционирование системы всегда является опосредствованным, т. е. зависит от технических, организационных, средовых характеристик системы. Например, показатели скорости и точности считывания надписи на экране монитора зависят не только от свойств зрительного анализатора и памяти человека, но также от вида, размера, яркостного контраста и цвета символов. Показатели скорости и точности ввода команд в устройство управления системой определяют не только биомеханическими и антропометрическими качествами человека, но и параметрами самого устройства ввода, в частности, взаиморасположением, размерами и формой его элементов. Поддержание работоспособности человека в системе зависит не только от его индивидуальных качеств. Неудовлетворительная организация различных компонентов работы человека – неоптимальный алгоритм его действий, неудачно спроектированные средства отображения информации и управления и т. п. – приводит к преждевременному развитию у него утомления и других неблагоприятных функциональных состояний, снижению удовлетворенности работой.

Таким образом, в понятии человеческого фактора отражается то влияние на показатели функционирования системы, которое порождается взаимодействием качеств человека с целевыми, организационными, техническими, средовыми характеристиками системы. Поэтому, определяя параметры устройств ввода-вывода информации, режим работы человека, организацию рабочего места и другие показатели системы, ее разработчики (отдают они себе в этом отчет или нет) тем самым определяют и характер проявления человеческого фактора в системе (Зинченко, Мунипов, 1979; Баканов, Обознов, 2011).

В эргономике существуют два направления учета человеческого фактора – «от системы к человеку» и «от человека к системе». В рамках направления «от системы к человеку» учет человеческого фактора реализуется как процесс приспособления возможностей человека к требованиям системы. Основное допущение этого направления состоит в том, что характеристики человека, особенно психические, обладают чрезвычайно высокой адаптивностью. За счет обучения, специальной подготовки и тренировки человека достигаются требуемые показатели функционирования системы. Но в эргономике основным является направление «от человека к системе», когда учет человеческого фактора реализуется как процесс придания целевым, техническим, организационным, средовым характеристикам системы *эргономических* свойств.

Эргономические свойства имеют иерархическую структуру: они образуются на базе комплексных эргономических показателей, которые состоят из групповых, а те, в свою очередь, из единичных эргономических показателей. Выделяют следующие эргономические свойства: управляемость, обслуживаемость, осваиваемость и обитаемость (Зинченко, Мунипов, 1979). Первые три свойства характеризуют то, насколько технические и организационные характеристики системы соответствуют психологическим, психофизиологическим, биомеханическим, антропометрическим и другим качествам пользователя, от которых зависит управление, обслуживание и освоение системы. Обитаемость – эргономическое свойство системы, характеризующее степень соответствия ее средовых характеристик оптимальным условиям для жизнедеятельности человека. В своей совокупности эргономические свойства определяют эргономичность системы в целом.

Основными критериями эргономичности системы являются:

- показатели деятельности человека;
- длительность поддержания его работоспособности;
- удовлетворенность человека своей деятельностью;
- повышение квалификации человека.

Придание системе эргономических свойств и достижение необходимого уровня эргономичности системы осуществляется посредством реализации *эргономических* требований, которые классифицируются по двум основаниям.

Исходя из качественного своеобразия свойств человека, образуются следующие группы эргономических требований:

- гигиенические (санитарно-гигиенические), которые определяют безвредные и безопасные условия жизнедеятельности чело-

- века и ограничивают воздействие на него вредных и опасных факторов рабочей среды;
- антропометрические, обусловленные габаритно-весовыми характеристиками человеческого тела и его частей и определяющие пространственно-метрическую конфигурацию рабочего места человека;
 - биомеханические, обусловленные возможностями мышечно-двигательного аппарата человека;
 - психологические и психофизиологические, обусловленные особенностями сенсорных систем, восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения человека и определяющие облик средств отображения информации в системе.

По предметно-функциональному основанию образуются группы эргономических требований к:

- условиям рабочей среды;
- режимам работы человека в системе;
- рабочему месту и его отдельным зонам;
- средствам отображения информации, на которых предъявляются необходимые человеку сведения для управления и контроля системы;
- средствам управления, с помощью которых человек оказывает управляющие воздействия на функционирование системы (Зинченко, Мунипов, 1979).

Указанные классификации носят соподчиненный характер: гигиенические, антропометрические, биомеханические, психологические и психофизиологические требования являются основой для разработки предметно-функциональных эргономических требований.

Приведенные выше положения характеризуют сложившийся понятийный аппарат эргономики на этапе ее становления как исследовательской и проектировочной дисциплины.

Данные, подтверждающие практическую результативность эргономических разработок, приведены в ряде работ (Береговой и др., 1978; Мунипов, Зинченко 2001; Анохин, Острейковский, 2001; Шлаен, Львов, 2004; Зараковский, 2012; и др.).

Некоторые актуальные направления отечественной эргономики

В последующий период в нашей стране получил развитие ряд направлений эргономики. Отметим некоторые из них.

Важным направлением стала подготовка нормативных документов, определивших место эргономических требований в разработке, создании и эксплуатации новых образцов сложных технических систем – государственных и отраслевых стандартов, методических руководств и т. п. В этой работе необходимо отметить роль научно-производственного предприятия «Эргоцентр» (г. Тверь), которое в разные годы возглавляли П. Я. Шлаен и В. М. Львов, а также Научно-исследовательского испытательного центра авиакосмической медицины и военной эргономики, где такая работа проводилась в течение долгих лет под руководством Г. М. Зараковского. Это направление в настоящее время требует особого внимания, поскольку оно во многом определяет практическую востребованность эргономики.

Другим направлением стало практическое применения эргономики не только в областях сложных технических систем, но и в других областях, в частности при разработке бытовой техники, различных технических устройств для людей с ограниченными возможностями, в области физкультуры и спорта и т. п.

Еще одно направление – применение знаний, накопленных в эргономике, для психического и личностного развития человека (Зараковский, 2012).

Особо следует выделить несколько новых направлений, связанных с развитием эргономики как исследовательской и проектировочной дисциплины: эргодизайна, когнитивной эргономики, нейроэргономики, социальной и медицинской эргономики и др.

Некоторые перспективные направления развития отечественной эргономики

Остановимся на некоторых перспективных направлениях, от решения которых, на наш взгляд, во многом зависит дальнейшее развитие эргономики как теоретической и проектировочной дисциплины.

Первое из этих направлений связано с необходимостью разработки теоретических моделей, позволяющих целостно представить знания о психических, психофизиологических, физиологических и физических качествах человека. Такая задача, как отмечено выше, была поставлена уже на этапе становления эргономики как общенаучной дисциплины, однако еще далека от своего решения. Одна из интересных попыток создания такой модели с позиций ресурсного подхода приводится в работе Г. М. Зараковского и В. В. Павлова (1987).

Другое направление теоретического плана связано с разработкой общих положений и принципов эргономики в разных по сложности и назначению системах, в нормальных и экстремальных усло-

виях окружающей среды. Приведем высказывание А. В. Юревича о том, что современной «научной психологии свойственен *плюрализм способов познания*, а основными источниками психологического знания служат: а) специально организованное – в соответствии с научными стандартами – психологическое исследование, б) психологическая практика, в) обыденный опыт» (Юревич, 2005, с. 176–177). В этой связи необходима, по его мнению, легализация практической психологии в качестве не только области психологической практики, но и сферы производства психологического знания. По аналогии следует считать практическую эргономику, включая эргономическое проектирование, важным источником для развития теоретических основ эргономики. Именно практика позволяет выявить закономерности проявления теоретических и методологических положений и принципов эргономики в конкретных технических системах и производствах, существенно обогатить и систематизировать научные представления о человеке как субъекте трудовой деятельности.

Еще одно направление связано с решением задачи, имеющей основополагающее значение для жизнеспособности эргономики. Как показали итоги проведенного в апреле 2016 г. в Институте психологии РАН научно-практического семинара «Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики», эргономические требования далеко не всегда включаются в содержание исходных технических заданий к вновь создаваемым техническим системам и объектам. В результате – проектирование, создание и эксплуатация этих систем и объектов проводятся без учета человеческого фактора и осуществления их эргономической оценки. Одним из путей решения данного вопроса могут стать более активные выступления представителей эргономики в прессе, интернете, на телевидении и т. д., раскрывающие роль эргономики в жизни общества.

Разумеется, поставленные вопросы не исчерпывают перечень актуальных и перспективных направлений развития отечественной эргономики, однако их решение является важной научно-практической задачей.

Литература

- Анохин А. Н., Острейковский В. А. Вопросы эргономики в ядерной энергетике. М., 2001.
- Баканов А. С., Обознов А. А. Эргономика пользовательского интерфейса: от проектирования к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия. М., 2011.

- Береговой Г. Т., Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А.* Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике. М., 1978.
- Зараковский Г. М.* Дизайн, эргономика и качество жизни населения России // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлёва. М., 2012. Вып. 4. С. 45–72.
- Зараковский Г. М. Павлов В. В.* Закономерности функционирования эргатических систем. М., 1987.
- Зинченко В. П., Мунипов В. М.* Основы эргономики. М., 1979.
- Мунипов В. М., Зинченко В. П.* Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. М., 2001.
- Шлаен П. Я., Львов В. М.* Эргономика для инженеров: Эргономическое обеспечение проектирования человеко-машинных комплексов: проблемы, методология, технологии. Тверь, 2004.
- Эргономика в определениях. М., 1980.
- Юревич А. В.* Психология и методология. М., 2005.

Some development trends of ergonomics in Russia

A. A. Oboznov (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer, Institute of Psychology of RAS

The article briefly considers the ergonomics' conceptual apparatus, it outlines some of its development trends and problem areas.

Keywords: ergonomics, human factor, development trends.

Парадигмы инженерного и профессионального образования в эволюционирующем техногенном мире¹

С. Ф. Сергеев (Санкт-Петербург)

доктор психологических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, заведующий НИЛ «Эргономика сложных систем», профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ssfpost@mail.ru

В статье рассматривается связь содержания и технологий инженерного и профессионального образования с господствующими в обществе технологическими укладами и типами научной рациональности. Показано, что можно выделить парадигмы образования, соответствующие классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Исследуется технико-технологический, научно-методический и психолого-педагогический базис выделенных типов инженерного и профессионального образования. Рассматриваются сильные и слабые стороны институциональных форм указанных парадигм инженерного и профессионального образования. Предложена концепция симбиотического образования, отражающая представления постнеклассической научной рациональности.

Ключевые слова: типы образования, научная рациональность, классическое и неклассическое образование, симбиотическое образование.

Постановка проблемы

Особенностью современного этапа развития человеческой цивилизации является интенсивное развитие глобальной техногенной среды, превращение ее в высокоинтегрированное единство, объ-

1 Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания Минобрнауки России, № 25.8444.2017/БЧ «Инженерно-психологическое проектирование тренажеров и обучающих систем на базе симбиотических полимодальных техногенных сред».

единяемое и управляемое всеми видами деятельности и жизнедеятельности человека и общества. Наблюдается чрезвычайное ускорение роста научной и технологической мощи человечества, что позволяет говорить о нелинейном характере развития возможностей человеческой цивилизации, ее приближении к точке технологической сингулярности. В условиях развивающихся в настоящее время 5 и 6 технологических укладов появляются новые виды инженерной деятельности, связанные с процессами NBICS-конвергенции, облачные и распределенные информационные технологии, глобальные методы доступа, хранения и обработки информации. Активно формируются новые технологии интеграции человека с сервисами глобальной техногенной среды человечества, появляются машины и механизмы высокой сложности, вступающие в различные нетривиальные формы взаимодействий с управляющими и эксплуатирующими их операторами. Наблюдается резкое ускорение процессов создания техники, наделенной различными формами искусственного интеллекта, возникают формы гибридного объединения естественного и искусственного интеллекта. Началась фаза формирования технобиода – единого самоорганизующегося планетарного единства, объединяющего человека и технологию (Сергеев, 2013а).

Новый мир организованной и организующейся техногенной среды требует изменения парадигмы технического образования, так как классические формы обучения не позволяют готовить специалистов, готовых к деятельности в условиях непрерывно усложняющейся эволюционирующей техно-социальной среды, требующей непрерывного обучения новому и трансдисциплинарного видения мира. Можно говорить о наблюдающемся в настоящее время переходе от классического инженерного образования, построенного на институциональной, кабинетно-предметной технологии обучения, отражающей естественно-научные представления о классической научной рациональности (Степин, 2009), к неклассической и постнеклассической моделям, отражающим реалии самоорганизующегося и эволюционирующего техногенного, технобиотического мира. Развитие науки, превращение ее в технонауку, отражающую симбиоз науки и технологии, создает условия для появления новых объектов инженерной деятельности, составляющих интегрированные сетевые объединения, работающие в рамках новых технологических парадигм, таких как «интернет вещей» (Internet of Things), киберфизические системы (cyber-physical system), квантовые системы, «умное» производство, «умные среды», распределенные реестры и т. д. Это требует соответствующих изменений в фор-

мах и методах инженерного образования. По мнению В. С. Степина, «сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития» (Степин, 2009, с. 264).

Типы политехнического образования в техногенном мире

Можно предположить, что действующая система политехнического образования отражает потребности в кадрах, обеспечивающих существование и эволюцию текущего этапа развития техногенной среды и соответствующей этому формы социально-политической системы. Следует отметить, что содержание научно-технологического строя инженерной деятельности общества представляет собой неоднородный социокультурный процесс, отражающий доминирующие в обществе формы инженерии, технонауки, технологического уклада и типа научной рациональности. Их взаимодействие ведет к изменениям в инженерно-технологическом строе, позволяет конструировать новые системные инженерные объекты. Отметим, что научно-техническая и инженерная деятельность оказывают существенное влияние на особенности функционирования экономической системы общества, образуя длинные «волны» экономической конъюнктуры (Кондратьев, 1925). Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие типы и особенности существующих и перспективных моделей политехнического образования в условиях эволюционирующей техногенной среды:

- *классическое инженерное образование* – примат естественно-научного образования, выраженный уклон на создание и применение технологий изменения физического мира, обучение на локальных, модельных объектах формирующейся техносреды;
- *неклассическое политехническое инженерное образование* – примат классической науки и ее конвергентных объединений, междисциплинарный синтез, рост новых форм организации взаимодействия науки и технологии, гуманизация образования, переход к фундаментальному образованию, обучение на локальных фрагментах эволюционирующей, взаимодействующей с человеком техногенной среды, симбиотические формы интеграции, техноинтеграция человека с интеллектуальной средой;
- *постнеклассическое технообразование* – примат технонауки, технологически ориентированное обучение, переход к сетевым и средоориентированным историческим формам технообразования, работа с организующей человека и общество самораз-

вивающейся техногенной средой, техномодификация человека в среде, решение проблемы гармонизации человека и техногенного мира.

Отметим, что в реальных образовательных системах все три рассматриваемые формы образовательного процесса существуют одновременно, образуя культурную среду и дискурс учебных организаций, отражающий в своем компонентном составе текущий этап развития техносреды. Рассмотрим особенности и технологии образования в рамках выделенных моделей и технологий с учетом эволюции техногенной среды и включенного в нее человека.

Классическое инженерное и профессиональное образование

Данная форма порождена потребностями первых пяти технологических укладов, отражающих развитие индустриального и первой фазы постиндустриального общества (Глазьев, Львов, 1985). Она включает на первом этапе своей эволюции классическую механическую и электродинамическую картины мира, в которых господствует классическая научная рациональность, основные черты которой связаны с представлениями о существовании абсолютной истины и картины мира, основанной на причинно-следственных отношениях, что и определяет цели обучения. Основные педагогические концепты, используемые в классическом инженерном и профессиональном образовании: знания, умения, навыки, которые могут быть переданы, сформированы и получены в результате тренировки. В соответствии с ними постулируется особая активная роль преподавателя в педагогической системе. Он рассматривается как носитель передового знания, эталон, к которому должен стремиться студент. Основные формы классического образования – кабинетно-институциональные. В них формируются среды обучения и строится учебная коммуникация педагога с группой обучающихся. Каждый учебный предмет имеет свою среду обучения и вызывает в ученике свою обучающую среду.

Классическое инженерное образование ориентировано на освоение прикладных применений фундаментальных естественных наук, особенно физики и математики. Вершиной классического инженерного образования можно считать разработанный в 1916 г. в Петербургском политехническом институте «физико-технический подход» (А. Ф. Иоффе, С. П. Тимошенко), сочетавший в себе решение инженерно-технических проблем методами прикладной математики и физики с широким применением инженерных методов

при проведении научных экспериментов. Связь практики, науки и образования – основная черта классического инженерного образования. Инженер должен быть одновременно и ученым, и техническим специалистом, и организатором производства (Сапрыкин, 2012). Кроме того, отметим выраженную институциональность и консерватизм классического обучения. Образовательная система является особой формой селекции и аккумуляции практического опыта. Все это позволяет иметь высокую степень организованности среды обучения, возможность применения административных методов управления и планирования образования для обеспечения образовательных стандартов и преемственности опыта в педагогическом коллективе. Широко используются методы поэтапного обучения, реализующие принцип «от простого к сложному».

Недостатки классического образования – негибкость в условиях интенсивного развития и смены технологий, необходимость в фундаментальной подготовке учащихся в области физики и математики, что ограничивает возможность массовой инженерной подготовки. Кроме того, требуется высокий общий профессиональный уровень преподавателей, их связь и участие в исследованиях, специализация в сфере прикладной науки, что предполагает в целом высокие затраты на подготовку специалиста-выпускника.

Неклассическое инженерное образование

Неклассическое образование подготовлено развитием физики и особенно квантовой механики, показавших ограниченность механической картины мира. Выяснились и ограничения классического понимания причинности. Возникла форма неклассической научной рациональности, основанная на идеях вероятностной причинности. Появились новые формы системной организации – сложные системы, работающие на кибернетических и синергетических принципах. Основные метафоры неклассической науки – «мир как организм», «мир как процесс». Введены представления о гомеостазе, саморегуляции и самоорганизации, которым подчиняются биологические, социальные и технобиотические системы (Сергеев, 2012б). Связь образования и технологии (образование, инактивированное в технологию и среду) – основная черта неклассического образования. Основной педагогический концепт – образовательная среда и обучающая коммуникация (Сергеев, Сергеева, 2015). Институционализация образования сочетается с деятельностью обучающегося в сетевых сообществах, специализированных базах данных и других источниках профессионального опыта. В моделях неклассического

образования наблюдается интенсивное внедрение и использование компьютерных технологий, с помощью которых делаются попытки исключения из образовательных траекторий педагога, сделан акцент на самообразование ученика, используются конструктивистские представления об обучении живых систем. Человек рассматривается как познающая и конструирующая мир система. Особое значение в неклассическом мире имеют сложные саморегулирующиеся и самоорганизующиеся системы с искусственным интеллектом, вступающие в симбиотические отношения с пользователем, что позволяет создавать распределенные обучающие и профессиональные иммерсивные среды (Сергеев, 2009).

Неклассическое инженерное образование позволяет вместо индивидуальных алгоритмизированных образовательных технологий, основанных на технологиях педагогического тестирования, использовать «индивидуальные образовательные среды», под которыми понимаются формы организации учебной среды, меняющей свое содержание в зависимости от этапов реализации выбираемой учеником учебной программы (Сергеев, 2012а). Предлагается методами машинного обучения и использованием анализа больших данных определять мотивационные характеристики и учебные предпочтения обучаемого, включать ассоциативные механизмы обучения в дружественной среде. Рассматривается возможность разработки открытого сетевого контента, содержащего динамически организуемый материал дисциплин и требования к их усвоению (Сергеев, 2013б). Процесс индивидуализации учебной среды содержит этап выбора дисциплин студентами и обсуждение процесса их освоения с ведущим преподавателем. Оценка за курс строится на основании посещения лекций, участия в семинарах, письменных работ, научно-исследовательской и инженерной деятельности и автоматизированной оценки активности ученика в среде обучения.

Неклассическое образование включает использование симбиотических объединений естественного и искусственного интеллекта, позволяющих получить мультипликативный эффект за счет интеграции возможностей человека и сетевых источников порядка (Сергеев, 2012в).

Постнеклассическое инженерное образование

Эта форма инженерного образования связана с представлениями об эволюционирующих во времени, саморазвивающихся системах. Концепция саморазвития включает представления о самоорганизации и саморегуляции, но не сводится к ним. Саморазвиваю-

щиеся системы относятся к исторически развивающимся системам. Этот тип системных объектов характеризуется целенаправленным изменением организации системы, в ходе которого происходит переход от одного вида системной самоорганизации и саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща способность порождать в процессе своего исторического развития новые уровни и формы организации. Каждый новый этап развития организации, аккумулируя опыт системы в среде, оказывает обратное воздействие на ранее сложившуюся форму, перестраивает ее, в результате чего система обретает новые свойства, целостность и функциональность. С появлением новых форм организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы, перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

К данному классу систем относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек–компьютер, сеть Интернет, социальная коммуникация и все социальные объекты и процессы, рассмотренные с учетом их исторического развития.

Формула постнеклассического инженерного образования – органическая связь и взаимообусловленность эволюции человека с эволюцией техносреды. Главные его черты – отсутствие институализации и широкое развитие симбиотических форм взаимодействия агентов среды, образующих и формирующих историю обучаемого. Образовательное содержание распределено по уровням самоорганизации саморазвивающейся системы, порождающим новые уровни ее эволюции.

Заключение

При создании систем профессионального обучения и образования целесообразно и перспективно использование моделей, включающих процессы самоорганизации и эволюции человека, техногенно-го мира и социальной коммуникации.

Литература

- Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Вып. 1. Т. I. С. 28–79.
- Львов Д. С., Глазьев С. Ю.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.

- Сапрыкин Д. Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137.
- Сергеев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. М., 2009.
- Сергеев С. Ф. Образовательные среды в постнеклассических представлениях когнитивной педагогики // Открытое образование. 2012а. № 1 (90). С. 90–100.
- Сергеев С. Ф. Регуляция, саморегуляция, самоорганизация, саморазвитие в понятийном базисе психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлёва. М., 2012б. С. 238–259.
- Сергеев С. Ф. Проблема интеллектных симбионтов в техногенных образовательных средах // Образовательные технологии. 2012 в. № 3. С. 36–50.
- Сергеев С. Ф. Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д. И. Дубровского. М., 2013а. С. 158–168.
- Сергеев С. Ф. Образование в глобальных информационно-коммуникативных и техногенных средах: новые возможности и ограничения // Открытое образование. 2013б. № 1 (96). С. 32–39.
- Сергеев С. Ф., Сергеева А. С. Обучающая коммуникация и интерфейс в компьютерных образовательных системах и средах // Открытое образование. 2014. № 5 (106). С. 41–48.
- Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249–295.

Paradigms of engineering and professional education in evoluntary technogenic world

S. F. Sergeev (St Petersburg)

Doctor of psychological Sciences, associate Professor
of Peter the Great St Petersburg Polytechnic University,
Professor of St Petersburg state University

The article deals with the relationship between the content and technologies of engineering and vocational education with the prevailing technological structures and types of scientific rationality in society. It is shown that it is possible to single out educational paradigms that correspond

to classical, nonclassical and post-non-classical rationality. The technical-technological, scientific-methodological and psychological-pedagogical basis of the selected types of engineering and vocational education is explored. The strengths and weaknesses of institutional forms of these paradigms of engineering and vocational education are considered. The concept of symbiotic education, reflecting the views of post-non-classical scientific rationality, is proposed.

Keywords: types of education, scientific rationality, classical and non-classical education, symbiotic education.

Динамика актуализации ресурсов в процессах становления профессионала

Н. А. Тимашкова, Н. И. Журавлёва**, В. Г. Денисова*** (Москва)*

** Директор гимназии № 1587 г. Москвы; e-mail: Sch1587@sinerji.ru*

*** кандидат психологических наук, ассоциированный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: n.zhuravleva2009@yandex.ru*

**** ассоциированный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: denisovav@gmail.com*

Анализируются результаты цикла исследований динамики актуализации ресурсов в процессах профессионального становления субъектов (ПСС) – представителей разных профессий (111 менеджеров, 58 предпринимателей, 54 бухгалтера, 112 преподавателей вуза, 52 учителя средних школ, 29 воспитателей детских дошкольных учреждений), полученных по исследовательской методике «Динамика ПСС». Показано, что, согласно представлениям субъектов в возрасте 30–50 лет, на протяжении их профессиональной карьеры (рассматриваемой в интервале 20–65 лет) имеет место поэтапная актуализация ресурсов разной природы и вида (интра-, интер- и внесубъектных ресурсов). Последовательная актуализация разных ресурсов сопряжена с большей профессиональной успешностью субъектов, их ориентация лишь на определенные ресурсы – с меньшей успешностью «вертикальной» карьеры, с меньшей полнотой самореализации в сфере семьи, с большей выраженностью деструктивных процессов.

Ключевые слова: ресурсы, профессиональное, становление, субъекты, динамика, развитие, деструкции.

Введение

Становление профессионала, или профессиональное становление субъекта (ПСС), рассматривается специалистами как сложные процессы сопряженных изменений отдельных составляющих и сложив-

шихся структур, определяющих профессионализм субъекта на протяжении его активной профессиональной деятельности, включая этапы обучения, профессиональной реабилитации и восстановления (Денисова и др., 2011; Журавлёва, 2014; Шадриков, 2013; и др.).

Под *профессионалом*, как правило, подразумевается субъект профессиональной деятельности, длительно специализирующийся в определенной трудовой сфере, успешно справляющийся с возложенными на него должностными обязанностями, имеющий высокую квалификацию, который при этом успешно интегрирован в локальном профессиональном сообществе (в контактных социальных группах в границах организации, в своем профессиональном сообществе) (Водопьянова, Старченкова, 2005; Поваренков, 2013; Проблемы субъектов..., 2007; и др.).

Под *ресурсами* подразумевают присущие субъекту свойства (*интрасубъектные ресурсы*), качества взаимодействующих с ним партнеров (*интерсубъектные ресурсы*), а также разнообразные условия социальной среды (*внесубъектные ресурсы*), которые могут прямо или косвенно влиять на успешность его профессиональной деятельности (Винокуров и др., 2015; Денисова и др., 2011; Толочек, 2008).

Организация и методики исследования

Целью нашего исследования является изучение связей ресурсов и динамики профессионального становления, отраженных в представлениях субъектов.

Объект исследования – профессиональное становление субъекта в профессиях разных типов. *Предмет исследования* – ресурсы профессионального становления, привлекаемые субъектами на протяжении их профессиональной карьеры (отраженные в представлениях субъектов).

Гипотезы

1. Ресурсы, используемые субъектами, могут изменяться.
2. Динамика становления субъектов (как и деструкции) связаны с особенностями используемых ресурсов.

Выборка исследования

На разных этапах исследования было обследовано 111 менеджеров частных компаний, 58 предпринимателей, 54 бухгалтера, 112 преподавателей психологии, 52 учителя средних школ, 29 воспитате-

лей детских дошкольных учреждений, всего 416 человек в возрасте от 30 до 50 лет.

Методы исследования: наблюдение, беседа; опрос профессионалов; психодиагностика (личностный 16 PF опросник Р. Б. Кеттелла; УСК К. Томаса; тест для исследования интеллекта Дж. Фланагана; авторские методики Д. Денисона); методика В. А. Толочка «Динамика ПСС».

Базовый метод исследования – метод *квазиизмерения* (Виноградов и др., 2015; Денисова и др., 2013) реализовался посредством анкеты «Динамика ПСС». Использовалась 9-балльная шкала; респонденты оценивали реальную эволюцию/инволюцию системы измеряемых показателей: их характеристики до возраста респондента на момент обследования (например, до 40 лет) и предполагаемую динамику (например, от 40 до 65 лет) в 5-летних интервалах в возрастном диапазоне от 20 до 65 лет. 22 вопроса анкеты направлены на оценку произвольной и непроизвольной памяти, обучаемости, физической и интеллектуальной работоспособности, физического и духовного здоровья, профессиональной компетентности, интуиции, эмоциональной и интеллектуальной саморегуляции и др.

В настоящей статье обсуждаются только данные, полученные по методике «Динамика ПСС»; результаты комплексных исследований представлены в других наших публикациях (Данилова и др., 2011; Журавлёва, 2014; и др.).

Результаты исследований

В проведенных пилотажных пробах установлено, что методика В. А. Толочка «Динамика ПСС» имеет удовлетворительные показатели надежности и валидности (Винокуров и др., 2015; Денисова и др., 2013; Журавлёва, 2014; и др.). В цикле основных исследований изучались представительные выборки профессионалов. Для обработки полученных данных использовались методы параметрической статистики (корреляционный, факторный, кластерный, дискриминантный, множественный регрессионный анализ, t-сравнение). В процессе статистического анализа группы профессионалов многократно разделялись на подгруппы по нескольким критериям (пол, возраст, профессиональная принадлежность, успешность «вертикальной» карьеры, полнота самореализации в сфере семьи и др.).

Большая часть рабочих гипотез получила эмпирическое подтверждение.

Так, например, установлено, что корреляции рассматриваемых переменных (*актуального возраста* экспертов, *свойств личности*

и интеллекта, социально-демографических, служебных характеристик) с оценками профессионализма чаще незначительны, а в уравнениях МРА (множественного регрессионного анализа) *актуальный возраст* экспертов кратко уступал влиянию других переменных (Журавлёва, 2014).

Общая картина динамики ПСС у представителей разных профессиональных групп (менеджеров, предпринимателей, бухгалтеров, преподавателей, учителей средних школ, воспитателей) имеет много сходного. У всех субъектов динамика ПСС имеет четыре стадии – *эволюцию*, «*плато*» (на котором выражено различаются стадии *роста* и *снижения*), *инволюцию*. Динамику ПСС можно описывать следующим образом:

1. Слабо выраженная вершина на рубеже 35–45 лет с монотонно восходящей и нисходящей кривыми, сравнительно непродолжительное «плато» в 10–15 лет, на котором явно различаются две разные части – *стадии роста* и *снижения*.
2. Изменения в развитии разных систем (памяти, обучаемости, работоспособности физической и интеллектуальной, саморегуляции работоспособности физической и интеллектуальной, широты и цельности интересов и др.) неравномерны и гетерохронны.
3. ПСС имеет выраженную индивидуальную вариативность в эволюции всех составляющих.
4. Внутренние условия субъекта (которые могут выступать как *интрасубъектные* ресурсы) можно рассматривать как своеобразную призму, фокусирующую или рассеивающую разные влияния внешних причин; организацию внутренних условий – как определяющую чувствительность и разную реактивность человека на внешние, средовые условия (которые могут выступать как *внесубъектные* ресурсы).
5. Все рассматриваемые группы субъектов характеризуются предпочтением и частичным использованием ресурсов лишь определенного типа. При этом даже малая представленность отдельных ресурсов оптимизирует динамику ПСС.
6. Сопоставление динамики ПСС у субъектов разных профессий показывает, что наименее оптимальна она у учителей (сравнительно продолжительное достижение «вершины» к 45–60 года, последующее быстрое снижение уровня профессионализма, слабая актуализация разных ресурсов, выраженное снижение уровня основных психических функций в середине карьеры с параллельным возрастанием выраженности деструктивных процессов уже с 35–40 лет).

Обсуждение результатов исследования

Социономические профессии, в том числе педагогические, всегда выступали объектом пристального внимания психологов (Бодров, Журавлёв, 2003; Личность профессионала..., 2013; Водопьянова, Старченкова, 2005; Винокуров и др., 2015; Поваренков, 2013; и др.). Один из предметов изучения – *профессиональное становление субъекта*, понимаемое как специфическая форма социализации человека, его научения и развития, как часть жизненного пути, согласно работам Б. Г. Ананьева, В. А. Бодрова, И. С. Кона, Е. С. Кузьмина, Б. Д. Парыгина и др. В последние десятилетия ПСС, а также изменения личности и деятельности педагогов на протяжении их карьеры рассматриваются специалистами уже не только как исключительно позитивные процессы, обогащающие и развивающие человека, но и в аспекте выявления различных тенденций – позитивных и негативных. Показано, что личностное и профессиональное развитие сочетается с личностными деформациями и профессиональными деструкциями, психическим выгоранием; представители разных социономических профессий систематически переживают профессиональные стрессы (см.: Стресс, выгорание..., 2011; и др.).

В изучении *негативных синдромов* ПСС можно выделить несколько ключевых моментов: 1) деструкциям и выгоранию наиболее подвержены представители именно социономических профессий, в группе последних – педагоги, среди обследуемых нами педагогов (преподавателей вузов, учителей и воспитателей) – учителя; 2) основными детерминантами таких синдромов выступают как интрасубъектные факторы (личностные особенности, стаж работы, отношение к работе и др.), так и внесубъектные – социальные институты, актуальный уровень социальной защиты и т. п.; 3) наиболее опасными факторами в развитии данных синдромов являются их неосознаваемость, недостаточная отрефлексированность субъектом на первых стадиях (что отмечается многими специалистами); 4) некоторые негативные процессы (снижение физической и интеллектуальной работоспособности, нарастание уровня профессиональных деструкций и заболеваний) у некоторых субъектов начинают проявляться достаточно рано – уже после 3–5 лет работы.

Примечательно также, что профессиональная эволюция у представителей разных социономических профессий (в том числе учителей и воспитателей) характеризуется значительными межгрупповыми различиями, высокой межиндивидуальной вариативностью

динамики рассматриваемых систем в начале и конце карьеры, слабыми корреляциями переменных разных групп (основных психических функций и навыков саморегуляции, состояния физического и духовного здоровья, широты и цельности интересов и др.). Но после достижения «вершины» в динамике профессионализма во всех рассматриваемых группах отмечаются «согласованные» изменения систем, поддерживающих профессионализм (компетентности и интуиции, широты и цельности интересов, общительности, темпов нарастания деструкций и заболеваний). Следовательно, не состав и не уровень развития отдельных систем, а их структура определяет, с одной стороны, восприимчивость человека к средовым факторам, способность их «чувствовать», интегрировать, делать своим достоянием, с другой – актуализировать свои системы саморегуляции, выводить их на уровень «мета-способностей» (А. В. Карпов, М. А. Холодная) как психологические инструменты.

Выводы

1. Представители всех рассматриваемых профессиональных групп (менеджеры, предприниматели, бухгалтеры, преподаватели вузов, учителя средних школ, воспитатели) отличаются сравнительно низкой восприимчивостью к условиям социальной среды, ее разным элементам. Представители выделенных по разным критериям социальных групп (мужчины/женщины, руководители/специалисты, состоящие в браке и имеющие детей/не состоящие и не имеющие, лица, имеющие управленческий опыт/не имеющие такового) различаются по уровню восприимчивости негативных воздействий социальной среды. Разные негативные изменения в динамике профессионального становления субъектов более выражены во второй половине карьеры профессионалов.
2. Представители разных социальных групп, выделяемых по критериям пола, «вертикальной» карьеры, быстроты должностного продвижения, наличия управленческого опыта, полноты самореализации в семье, как правило, статистически значимо ($p < 0,05$, $p < 0,01$) различаются по полноте и спектру актуализируемых ими ресурсов на протяжении профессиональной карьеры – от 20 до 65 лет. Профессионализм успешных работников сопряжен с актуализацией разных ресурсов в их довольно широком спектре, с относительно невысокой значимостью отдельных видов ресурсов, с изменением их состава, силы влияния и валентности (знака) в первой и во второй половине карьеры.

Профессионализм менее успешных субъектов сочетается с актуализацией ограниченного состава ресурсов и высокой значимостью отдельных ресурсов.

3. Стержневыми интрасубъектными ресурсами успешных профессионалов выступают профессиональная компетентность (в 20–45 лет), которая в 45–50 лет сменяется профессиональной интуицией и саморегуляцией интеллектуальной деятельности, эмоционального и физического состояния; ресурсом профессионализма в 25–30 лет также выступает широта жизненных интересов, в 35–40 лет – обучаемость; в 40 лет – интеллектуальная работоспособность.
4. Периодические изменения видов и меры актуализации ресурсов отражают закономерности ПСС на протяжении профессиональной жизни. Последовательное обращение человека к использованию новых ресурсов происходит при ограничении функциональной роли или ослаблении тех из них, которые характеризуют физиологические функции организма. Эти ограничения могут замещаться «операционными» системами, формирующимися в деятельности. Формируемые первоначально как общие широкофункциональные и специфические профессиональные «операционные» системы на более поздних стадиях развития *переструктурируются и дополняются метасистемами* саморегуляции, интуиции, цельности интересов как новых вариантов и способов интеграции ресурсов.

Литература

- Бодров В. А., Журавлёв А. Л. Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.
- Винокуров Л. В., Журавлёва Н. И., Толочек В. А. Условия социальной среды как ресурсы профессиональной успешности субъектов // Вестник МГУ. Сер. «Психология». 2015. №4. С. 39–54.
- Денисова В. Г., Журавлёва Н. И., Толочек В. А. Динамика и условия становления субъекта в социномических профессиях // Психологический журнал. 2011. Т. 32. №6. С. 41–48.
- Денисова В. Г., Журавлёва Н. И., Толочек В. А. Квази-измерения в решении научных и прикладных задач комплексного человекознания: надежность и валидность // Проблемы социальной психоло-

- гии личности: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11. Саратов, 2013. С. 32–45.
- Журавлёва Н. И. Роль представлений о внесубъектных и интрасубъектных ресурсах в становлении профессионала: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014.
- Личность профессионала в современном мире. М., 2013.
- Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов, 2013.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М., 2007.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М., 2011.
- Толочек В. А. Интрасубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2 (40). С. 155–161.
- Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М., 2013.

Dynamics of the actualization of resources in the processes of becoming a professional

*N. A. Timaschkova**, *N. I. Zhuravleva***, *V. G. Denisova**** (Moscow)

* Director of the Gymnasium №1587 of Moscow,

** Candidate of psychological Sciences, associate researcher Fellow at the Institute of Psychology of RAS

*** Associate research Fellow at the Institute of Psychology of RAS

The results of the cycle of studies of the dynamics of resource actualization in the processes of professional development of subjects (PSS) – representatives of various professions (111 managers, 58 entrepreneurs, 54 accountants, 112 university teachers, 52 teachers of secondary schools, 29 pre-school teachers) are analyzed. Dynamics of the PSS. It is shown that, according to the views of the subjects aged 30–50 years, stepwise updating of resources of different nature and type (intra-, inter- and extra-subject resources) takes place during their professional careers (considered in the interval of 20 to 65 years). Consecutive actualization of different resources is associated with greater professional success of the subjects, their orientation to only certain resources – with less success of the “vertical” career, with less completeness of self-realization in the family sphere, with greater severity of destructive processes.

Keywords: resources, professional, formation, subjects, dynamics, development, destruction.

Типы структурной организации концептуальных моделей у ведущих инженеров по управлению ядерным реактором

Е. Д. Чернецкая (Обнинск)

*кандидат психологических наук, руководитель УМЦ
«Психофизиологическое обеспечение профессиональной надежности
персонала», НОУ ДПО «ЦИПК Росатома»; e-mail: chered73@mail.ru*

Выявлены два типа структурной организации концептуальных моделей энергоблока атомной станции у ведущих инженеров по управлению ядерным реактором. Типы концептуальных моделей различаются по количеству представленных в них субъективно сильных связей между характеристиками энергоблока атомной станции. Ведущим инженерам с концептуальными моделями «комплексного» типа в отличие от ведущих инженеров с концептуальными моделями «специализированного» типа присущ, во-первых, более высокий уровень успешности профессиональной деятельности и, во-вторых, паттерн личностных свойств, характерный для субъектов деятельности, способных принимать самостоятельные и ответственные решения в штатных и нештатных ситуациях.

Ключевые слова: операторы атомной станции, типы структурной организации концептуальных моделей, субъективная сила связей, профессиональная успешность, паттерн личностных свойств.

Введение

В отечественной инженерной психологии и эргономике человеку-оператору всегда отводилась активная роль в управлении техническими объектами, признание за ним права и возможности принятия самостоятельных решений с одновременным возложением ответственности за их последствия (Завалова, Ломов, Пономаренко, 1971; и др.). Для того чтобы эффективно действовать, у человека-операто-

ра должна быть сформирована концептуальная модель человеко-машинного комплекса (Ломов, 1977; Галактионов, 1992; Обознов, 2009; Обознов, Волков, Чернецкая, 2012; Чернецкая, 2014; и др.).

В исследованиях Д. А. Ошанина, В. П. Зинченко, А. А. Обознова и других авторов изучались когнитивный (представления человека-оператора о функционировании технического объекта и условиях рабочей среды) и регулятивный (представления оператора о программах управляющих воздействий и их последствиях) компоненты концептуальной модели (Ошанин, 1999; и др.). При этом допускалось, что руководство объектом осуществляет единственный человек-оператор, поэтому его представления о взаимодействиях группы операторов, включенных в управление современными крупномасштабными человеко-машинными комплексами, не рассматривались.

Проблема состоит в выявлении того, как организованы знания и сведения, которые должны содержаться в концептуальной модели. Как отмечал Д. А. Ошанин, концептуальная модель есть не некий конгломерат сведений, а их структурная организация, которая должна быть раскрыта. Эта проблема остается к настоящему времени мало изученной и является актуальной не только в инженерной психологии и эргономике, но и в современной когнитивной психологии. Эффективность применения имеющихся у человека сведений и знаний зависит, прежде всего, от их организации в памяти (Величковский, 2006).

Структурная организация концептуальных моделей рассматривается нами применительно к операторам крупномасштабных человеко-машинных комплексов, которые объединяют несколько систем «человек–машина» (Голиков, 2003; Костин, Голиков, 2014). Примером таких комплексов является энергоблок атомной станции. Энергоблок включает две системы «человек–машина» – реакторный цех и турбинный цех, которые, в свою очередь, состоят из целого ряда подсистем. В управлении энергоблоком участвует дежурная смена операторов, каждый из которых несет персональную ответственность за работу и контроль определенной системы или подсистемы энергоблока. Поставленная проблема изучается на примере структурной организации концептуальной модели у ведущего инженера по управлению ядерным реактором. Его управляющие действия имеют последствия для состояния не только реакторного, но и турбинного цеха. Поэтому для понимания работы энергоблока, предвидения тенденций и принятия решений, особенно в нештатных ситуациях, в концептуальной модели у ведущего инженера должны быть представлены как внутрисистемные связи между харак-

теристиками реакторного цеха, так и межсистемные связи между характеристиками реакторного и турбинного цехов. Принципиальное различие этих видов связей, как подчеркивают А. Н. Костин и Ю. Я. Голиков (2014), состоит в том, что в силу ограниченности взаимовлияний подсистем в одной системе внутрисистемные связи являются более предсказуемыми, в то время как межсистемные связи существенно менее предсказуемы вследствие многообразия и опосредованности взаимовлияний между системами. Это определяет значительную потенциальную опасность функционирования человеко-машинных комплексов для общества и природы.

В нашем исследовании связи между характеристиками энергоблока атомной станции рассматриваются в трех аспектах. Первый аспект: связи рассматриваются с точки зрения выполняемой функции – когнитивной, регулятивной и коммуникативной. В зависимости от этой функции связи включаются в соответствующие компоненты концептуальной модели. Второй аспект: связи рассматриваются с точки зрения их субъективной силы для ведущих инженеров – как сильные, средние и слабые. Третий аспект: связи рассматриваются с точки зрения их принадлежности – как внутрисистемные и межсистемные, а также как связи операторов дежурной смены с оперативным руководством энергоблока.

Цель исследования – выявление уровня успешности профессиональной деятельности и особенностей личностных свойств ведущих инженеров с разными типами структурной организации концептуальной модели.

Эмпирическую базу исследования составили 64 ведущих инженера по управлению ядерным реактором, работавших на 5 атомных станциях России.

Результаты исследования

Содержание компонентов концептуальных моделей

Когнитивный компонент содержит представления ведущих инженеров о связях между техническими характеристиками энергоблока: оборудованием, агрегатами, подсистемами и их параметрами. Эти связи отражают работу энергоблока как технического объекта без прямого вмешательства операторов. Регулятивный компонент содержит представления ведущих инженеров о связях обязанностей операторов дежурной смены с управлением и контролем оборудования, агрегатов и параметров энергоблока, а также о программах управляющих воздействий. Эти связи отражают заданные зоны

персональной ответственности каждого оператора дежурной смены за управление и контроль определенного участка энергоблока. Коммуникативный компонент содержит представления ведущих инженеров о взаимодействиях операторов дежурной смены энергоблока и оперативного руководства энергоблока. Эти взаимодействия отражают совместный характер их деятельности по управлению и контролю энергоблока.

Нами были проанализированы особенности понимания ведущими инженерами по управлению реактором субъективной выраженности связей между характеристиками энергоблока, содержащимися в когнитивном, регулятивном и коммуникативном компонентах концептуальных моделей. Общим моментом в понимании сильных связей является то, что они в отличие от слабых и средних по силе связей позволяют ведущим инженерам иметь представление о закономерных и ожидаемых событиях в работе энергоблока и уверенно прогнозировать изменения обстановки. Именно сильные связи, отражающие наиболее устойчивые взаимовлияния характеристик и объединяющие их в целостные ментальные структуры, позволяют ведущим инженерам предвидеть изменения в энергоблоке.

Типы структурной организации концептуальных моделей

Анализ полученных результатов показал, что у ведущих инженеров существуют два типа концептуальных моделей – «комплексный» и «специализированный». Различение этих типов основывается на результатах кластерного анализа (метод K-means). Критерием для различения типов служило относительное количество сильных и слабых внутрисистемных и межсистемных связей, а также коммуникативных связей. Относительное количество сильных (6–7 баллов) связей каждого вида в концептуальных моделях «комплексного» типа значительно (в 1,9 ÷ 2,1 раза) больше, чем в концептуальных моделях «специализированного» типа ($p \leq 0,01$; F-критерий). Напротив, относительное количество слабых (1–2 балла) связей каждого вида в концептуальных моделях «комплексного» типа значительно меньше, чем в концептуальных моделях «специализированного» типа ($p \leq 0,01$; F-критерий). Можно полагать, что концептуальные модели «комплексного» типа позволяли ведущим инженерам создавать представления о более предсказуемой работе энергоблока атомной станции. Из 64 обследованных ведущих инженеров 37 человек (58%) имели концептуальные модели «комплексного» типа, остальные 27 человек (42%) – «специализированного» типа.

*Уровень успешности профессиональной деятельности
ведущих инженеров с концептуальными моделями
разного типа*

Выявлена прямая статистически достоверная корреляция между уровнем успешности профессиональной деятельности ведущих инженеров и количеством сильных межсистемных связей (R Спирмена = 0,24; $p < 0,05$). Это значит, что при нарастании количества сильных межсистемных связей, т. е. переходе от концептуальных моделей «специализированного» типа к концептуальным моделям «комплексного» типа уровень успешности профессиональной деятельности ведущих инженеров также возрастает.

*Личностные свойства ведущих инженеров
с концептуальными моделями разного типа*

По данным опросника УСК Дж. Роттера и 16-факторного опросника Р. Кеттелла, установлены различия в степени интеграции личностных свойств ведущих инженеров с концептуальными моделями разного типа. В группе ведущих инженеров с концептуальными моделями «комплексного» типа выявлена корреляционная плеяда, включавшая 39 статистически достоверных положительных корреляционных связей (значения коэффициента корреляции R Спирмена варьировали от $R = 0,28$ до $R = 0,72$). Положительно связанными были следующие личностные свойства: «интернальность в области производственных отношений», «общая интернальность», «интернальность в области межличностных отношений», «интернальность в области достижений» (опросник УСК), а также «высокий уровень самоконтроля», «общительность», «высокая нормативность поведения», «смелость», «эмоциональная стабильность», «конформизм» (16-факторный опросник Р. Кеттелла). Анализ содержания положительно коррелируемых личностных свойств позволяет считать, что они образуют паттерн, который характерен для субъекта, способного проявлять ответственную позицию и принимать самостоятельные решения в профессиональной деятельности. В группе ведущих инженеров с концептуальными моделями «специализированного» типа степень интеграции личностных свойств оказалась существенно ниже – корреляционная плеяда включала 22 положительных связи. При этом паттерна личностных свойств, который отмечался у ведущих инженеров с концептуальными моделями «комплексного» типа, выявить не удалось.

Заключение

Ведущим инженерам с концептуальными моделями «комплексного» типа в отличие от ведущих инженеров с концептуальными моделями «специализированного» типа присущ, во-первых, более высокий уровень успешности профессиональной деятельности и, во-вторых, паттерн личностных свойств, характерный для субъектов, способных принимать самостоятельные и ответственные решения в штатных и нештатных ситуациях.

Для обеспечения безопасности сложных человеко-машинных комплексов необходимо формировать у операторов концептуальные модели «комплексного» типа, способствующие созданию представлений о более предсказуемой работе энергоблока атомной станции и принятию самостоятельных решений в непредвиденных ситуациях.

Литература

- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. Т. 2. М., 2006.
- Галактионов А. И.* Системное исследование психических образов, формируемых оператором-технологом // Системный подход в инженерной психологии и психологии труда. М., 1992. С. 92–105.
- Голиков Ю. А.* Методология психологических проблем проектирования техники. М., 2003.
- Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А.* Принцип активного оператора и распределение функций между человеком и автоматом // Вопросы психологии. 1971. № 3. С. 3–12.
- Костин А. Н., Голиков Ю. Я.* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М., 2014.
- Ломов Б. Ф.* О путях построения теории инженерной психологии на основе системного подхода // Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение. М., 1977. С. 31–55.
- Обознов А. А.* Структура концептуальной модели у человека-оператора: системный подход // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В. А. Бодрова и А. Л. Журавлёва. М., 2009. С. 403–413.
- Обознов А. А., Волков Э. В., Чернецкая Е. Д.* Образно-концептуальные модели в деятельности операторов сложных эргатических систем // Мехатроника, автоматизация, управление. 2012. № 5. С. 21–30.
- Ошанин Д. А.* Предметное действие и оперативный образ: Избранные психологические труды. М.–Воронеж, 1999.

Чернецкая Е. Д. Типы концептуальных моделей у операторов атомных станций // Труды Международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика 2014» (Эрго 2014) (Санкт-Петербург, Россия, 3–5 июля 2014) / Под ред. А. Н. Анохина, П. И. Падерно, С. Ф. Сергеева. СПб., 2014. С. 194–201.

Types of the structural organization of conceptual models at the leading engineers on control of the nuclear reactor

E. D. Chernetskaya (Obninsk)

Candidate of psychological Sciences, Head of the Educational and Methodological Center “Psychophysiological Support of Professional Staff Reliability”, Central Institute for Advanced Studies “ROSATOM”

Identified two types of structural organization of the conceptual model of the nuclear power plant unit from senior engineers on management of a nuclear reactor. Types of conceptual models vary in the number of presented subjectively strong relationships between the characteristics of the nuclear power plant unit. Leading engineers with conceptual models of “complex” type, in contrast to the leading engineers with the conceptual models of “specialized” type, inherent, first, a higher level of success of professional work and, secondly, the pattern of personality traits that are characteristic of the stakeholders is able to make independent and responsible decisions in routine and emergency situations.

Keywords: nuclear power plant operator, types of the structural organization of conceptual models, subjective strength of links, professional efficiency, pattern of personality traits.

Глава 3

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ: АДАПТАЦИЯ, РЕСУРСЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Особенности влияния внешних и внутренних факторов на жизнеспособность эмигрантов

О. Е. Алексанова (Москва)

аспирант Института психологии РАН; e-mail: olga.aleksanidu@yandex.ru

В статье рассматриваются основные внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на жизнеспособность мигрантов, выделяются личностные, культурные и социально-экономические аспекты жизнеспособности человека, способствующие процессу адаптации или тормозящие ее на новом месте жительства, описывается феномен «культурного шока», рассмотрены основные аспекты адаптации, такие как: стресс, психологические трудности и мотивационная составляющая.

Ключевые слова: жизнеспособность, эмиграция, адаптация, «культурный шок», психологические аспекты эмиграции, внешние и внутренние факторы.

Глобализация и миграция определяют ритм и темпы развития современного общества. Растущая мобильность и продолжающееся движение людей через континентальные, национальные и региональные границы теперь воспринимается многими как норма. Процессы миграции достигли небывалых масштабов и превратились в крупную общемировую проблему. Согласно данным Международной организации по миграции, число международных мигрантов во всем мире возросло со 173 млн человек в 2000 г. до 244 млн в 2015 г., и с каждым годом эти показатели растут. Глобальные перемещения людей – следствие социально-политического и экономического состояния мирового сообщества. Эмиграция представляет собой сложный многоуровневый процесс как в социальном, так и в психологическом плане.

Решение о смене места жительства и переезде в другую страну возникает у людей по разным причинам, под влиянием как внеш-

них, так и внутренних мотивов. К этому побуждают региональные войны и конфликты, нищенское состояние людей во многих странах «третьего мира», стремление найти работу, обеспечить своим детям достойную жизнь и мн. др. С миграцией связаны ожидания и надежды людей на разрешение их важнейших жизненных проблем. Однако завышенные ожидания по поводу результатов миграции могут стать источником возникновения стресса: несостоявшиеся ожидания переживаются крайне болезненно. «Бегство» от трудностей жизни на родине оборачивается появлением множества проблем на новом месте проживания: необходимость социального и психологического встраивания в незнакомую среду и поиска работы, отсутствие знания языка, правовых, моральных, социальных и культурных норм, религиозные расхождения и др. (Хотинец, 2000). Нередко наибольшие трудности возникают в культурных аспектах при принятии ценностей и моделей поведения, присущих новой среде.

Получив статус мигранта, который иногда воспринимается в социуме как некое «социальное клеймо», человек вместе с тем приобретает трудности во взаимодействии с местным населением, которое часто с настороженностью относится к переселенцам, тем более что, как показывают недавние события в ряде европейских стран, экстремистские и противоправные действия отдельных из них, дают к этому серьезные основания. Эти трудности побуждают к пересмотру прежних привычных форм взаимодействия с окружающей средой и поиску новых моделей поведения. Все эти проблемы имеют свои особенности в ситуации миграции и всесторонне воздействуют на человека, создавая тем самым препятствия в проявлении его физических и психологических возможностей и личностной реализации (Apfelthaler, 1999).

Чаще всего проблемы в адаптации люди испытывают из-за культурной дистанции (определяемой степенью различий в культуре, языке, религии и т. д. у мигрантов и местного населения), что предъявляет повышенные требования к жизнеспособности человека. Чем больше культурных различий, тем ниже жизнеспособность человека, а значит, и адаптация не будет успешной (Садохин, 2016).

Понятие жизнеспособности сегодня играет важную роль в исследованиях, направленных на улучшение жизни и психологического состояния вынужденных мигрантов в разных странах. Жизнеспособность определяется как активный процесс, обусловленный особенностями культурного и исторического развития человека. Это «индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных

норм и средовых условий» (Махнач, Лактионова, 2007, с. 294). Очевидно, что особенно ярко жизнеспособность проявляется в сложных условиях, в том числе связанных с коренным изменением образа жизни человека.

Важным аспектом адаптации к новой среде является «культурный шок» (К. Оберг), возникающий после эмиграции в результате изменений в системе ценностей. «Культурный шок» является серьезным препятствием для успешной адаптации мигрантов; порой люди оказываются не способны справиться с ним, и тогда их переезд нельзя назвать удачным.

Одним из важных факторов адаптации мигрантов является их семейная структура и отношения внутри семьи. В исследованиях эти переменные определяются как поддержка друг друга между членами семьи, что является одним из ключевых аспектов, повышающих жизнеспособность человека в новой среде. Так, перенос ролей из прошлой жизни в новую при условии, что они устраивают всех членов семьи, увеличивает жизнеспособность каждого. Поддержка и взаимопомощь очень важны для позитивной адаптации, особенно когда функции лидера возложены на одного члена семьи, от которого зависит общее благополучие домашних (Широкова, 2015).

Очевидно, что большинство эмигрантов испытывают различные трудности, связанные с поиском работы и построением карьеры на новом месте. Как известно, жизнеспособность человека на протяжении карьерного роста становится все более важным, но недостаточно исследованным феноменом. Жизнеспособность человека играет важную роль среди других характеристик личности профессионала: самооценки карьерного роста, современных представлений о карьере, удовлетворенности ею и социальным окружением на рабочем месте и т. д. (Махнач, 2017). Большинство трудовых эмигрантов заранее изучают перспективы профессиональных возможностей и имеют определенное представление о том, что их может ожидать. Жизнеспособность человека как профессионала в миграции будет снижаться, если его ожидания относительно устройства на работу будут завышены. Как известно, эмигранту, имеющему статус профессионала в родной стране, не всегда удается перенести карьерный успех в новые условия; часто приходится начинать с самых низов карьерной лестницы.

В эмиграции неизбежны стрессовые ситуации и психологический дискомфорт как следствие смены привычной окружающей среды и условий жизни, и в этом случае жизнеспособность выступает как основной фактор успешной адаптации – для приобретения прежней статусности и реализации новых возможностей (Магх, 1999).

При этом жизнеспособность зависит от психологической устойчивости индивида, от его гибкости и способности принять новый образ жизни, а также от внешних факторов эмиграции, ее причин, продолжительности, возраста и семейного положения мигранта.

Внешние факторы представляют собой условия принимающей стороны, которые прямым образом воздействуют на процесс адаптации, стимулируя или усложняя жизнеспособность человека. К ним можно отнести экологическое и экономическое состояние региона, предоставляемые возможности трудоустройства и карьерного роста, отношение к мигрантам местного населения, формы социальной поддержки, особенности миграционной политики государства и т. д. К внутренним факторам относятся знание языка, социальная гибкость, мотивация, готовность к интеграции в новую среду, психологическая устойчивость, коммуникабельность и др. (Бритвина, 2005). Различия реакций людей на социокультурные изменения отличаются в зависимости от их личностных характеристик, и с этим связана их жизнеспособность (Махнач, 2014).

Внутренним факторам в условиях стресса, вызванного переселением, необходимо уделять особое внимание. Каждый человек имеет уже сформированное представление о себе, однако иногда возникает ситуация, при которой субъективное оценивание себя расходится с отношением в принимающей стране, когда, например, бывшие профессионалы становятся невостребованными в новых условиях, их профессиональный опыт, знания и способности не получают адекватной оценки.

Серьезной проблемой, с которой сталкиваются почти все мигранты при культурном переходе, является осознание своего Я и своей социальной роли в новой общественной структуре. Мигранты должны иметь адекватное представление о ценностных и культурных ориентирах своего народа, что может помочь им понять и принять социальные нормы принимающей страны, интегрироваться в новое сообщество.

Объективность в оценке реальной ситуации – наиболее действенный способ обеспечения успеха. Склонность к реализму повышает жизнеспособность человека, позволяя точно оценить свои возможности и предстоящие трудности. Однако завышенные требования как к себе, так и к окружающей среде наряду с заниженными ожиданиями препятствуют повышению жизнеспособности (Güngör, Bornstein, 2009).

Можно представить жизнеспособность мигрантов как системную характеристику большой социальной группы. В этом случае следует изучать не только личностные характеристики индивида,

семьи эмигрантов, но и среду, в которой они оказываются, обращая внимание на процесс адаптации к социокультурным условиям принимающей стороны. Важным является анализ факторов, способствующих более высокому уровню контакта эмигрантов с принимающим обществом. Интерес представляет изучение эмигрантов, которые проживают в стране длительное время, их жизнеспособности и социально-экономической приспособленности, психологических особенностей, близости к новой культуре. Рассматривая процесс эмиграции в рамках системного подхода, считаем необходимым исследование жизнеспособности и аккультурации в новых условиях.

Более глубокое и детальное изучение жизнеспособности мигрантов позволит людям успешно адаптироваться к новым условиям и ответить на ключевые вопросы: «Кто я? Гость, и эмигрант или полноправный член общества?».

Следует также с новых позиций оценить феномен «культурного шока» не только как негативное явление, но и как важный источник обретения человеком опыта, позволяющего глубже осознать особенности собственной и новой культуры.

Литература

- Бритвина И. Б.* Факторы, детерминирующие процесс адаптации вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья // Известия Челябинского научного центра УРО РАН. 2005. № 2. С. 124–128.
- Махнач А. В.* Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 67–75.
- Махнач А. В.* Теоретические основания методов оценки жизнеспособности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 23–53. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document239.pdf> (дата обращения 24.04.2017)
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2007. С. 290–312.
- Садохин А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М., 2016.
- Хотинец В. Ю.* Этническое самосознание. СПб., 2000.
- Широкова О.* Психологические проблемы при эмиграции. 2015. URL: <http://psipagalba.lt/blog/2015/05/01/психологические-проблемы-при-эмигра> (дата обращения: 12.03.2017).

Apfelthaler G. Interkulturelles Management. Wien, 1999.

Güngör D., Bornstein M. H. Gender, development, values, adaptation and discrimination in acculturating adolescents // *Sex Roles: A Journal of Research*. 2009. V. 60 (7). P. 537–548.

Marx E. Breaking through culture shock: what you need to succeed in international business. London, 1999.

The aspects of the influence of internal and external factors on migrants' resilience

O. E. Alexanova (Moscow)

Postgraduate of the Institute of Psychology of RAS

This article presents main internal and external factors that influence on migrants' resilience. The author marks personal, cultural and socio-economic aspects of human resilience, which facilitate or slow down the process of adaptation at a new place of residence; describes the phenomenon of "the culture shock" and reviews main aspects of adaptation, such as: stress, psychological problems and motivation.

Keywords: resilience, emigration, adaptation, "the culture shock", psychological aspects of emigration, internal and external factors

Личностные ресурсы преодоления психического выгорания у девушек-футболисток

Е. И. Берилова (Краснодар)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма; e-mail: berilovanew@mail.ru*

Постоянные физические и психические перегрузки приводят к появлению хронического стресса и, как следствие, к развитию психического выгорания у спортсменов. В спорте психическое выгорание проявляется в уменьшении чувства достижения, эмоциональном/физическом истощении, обесценивании достижений. В нашем исследовании в качестве ресурсов преодоления психического выгорания у спортсменов рассматриваются такие личностные свойства, как копинг-стратегии, самооценка и эмоциональный интеллект. По результатам исследования можно сделать заключение, что развитию психического выгорания у девушек-футболисток способствуют завышенный уровень притязаний, большое расхождение между самооценкой и уровнем притязаний, а также низкий уровень эмоционального интеллекта. Результаты исследования подчеркивают важность развития компонентов психологической культуры спортсменов для предотвращения и преодоления выгорания в спорте.

Ключевые слова: психическое выгорание, личностные ресурсы, мотивация, эмоциональный интеллект, самооценка, копинг-стратегии, психологическая культура.

Введение

Для спорта высших достижений сегодня характерны высокие физические и психические перегрузки, жесткая конкуренция, сложная система отбора в команду. Постоянное воздействие этих факторов может приводить к появлению *психического выгорания* у спортсме-

нов (Барабанщикова, Климова, 2015; Горская, 2012; Kaufman, 2014). Психическое выгорание негативно влияет не только на здоровье, но и на деятельность спортсменов в целом. В спорте оно проявляется в снижении чувства достижения и значимости достигнутых результатов, развитии эмоционального и физического истощения (Raedeke, Smith, 2001). При этом следует подчеркнуть ограниченность имеющейся сегодня научной информации о психологических ресурсах преодоления выгорания в спорте. Несмотря на большое количество исследований, направленных на изучение особенностей психического выгорания, неправомерно экстраполировать полученные в них результаты на спорт, так как каждый вид деятельности человека имеет свою специфику. Таким образом, особенности проявления психического выгорания, а также факторы его развития и преодоления имеют особую специфику у специалистов разных областей деятельности. К личностным ресурсам преодоления стресса у спортсменов относятся личностная тревожность, самооценка, эмоциональный интеллект, мотивация, ценностно-смысловые ориентации личности, саморегуляция и т. д. (Берилова, Мищенко, Дорошина, 2013; Штефаненко, 2012; Raedeke, Smith, 2001).

Своевременное определение личностных свойств спортсменов, обеспечивающих преодоление психического выгорания, способствует реализации спортсменами своих возможностей и их спортивному долголетию. В нашем исследовании в качестве ресурсов психического выгорания у спортсменов рассматривались копинг-стратегии, самооценка и эмоциональный интеллект.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования являлось изучение психического выгорания и его взаимосвязей с самооценкой, копинг-стратегиями и эмоциональным интеллектом у девушек-футболисток.

Методики исследования

Для измерения психического выгорания у спортсменок применялся опросник эмоционального выгорания К. Маслач и С. Джексона, адаптированный нами. Он содержит три шкалы: Уменьшение чувства достижения, Эмоциональное/Физическое истощение, Обесценивание достижений (Берилова, 2016). Копинг-стратегии изучались с помощью опросника Р. Лазаруса. Самооценка исследовалась на основе методики Дембо–Рубинштейн в адаптации А. М. Прихожан. Эмоциональный интеллект измерялся с помощью методики Холла.

Выборку исследования составили 28 девушек-футболисток, имеющих разряды «мастер спорта» и «кандидат в мастера спорта».

Результаты исследования

На первом этапе исследования у девушек-футболисток были измерены показатели психического выгорания, эмоционального интеллекта, копинг-стратегий и самооценки.

Анализ средних значений показателей психического выгорания у девушек-футболисток выявил, что все показатели находятся в интервале средних значений. Таким образом, у большинства девушек-футболисток имеются симптомы психического выгорания. Психическое выгорание может проявляться в снижении уровня мотивации достижения в спортивной деятельности, появлении эмоционального/физического истощения, а также уменьшении значимости для спортсменок достигнутых результатов.

Далее были исследованы копинг-стратегии, самооценка и эмоциональный интеллект которые нами рассматриваются как ресурсы преодоления психического выгорания у спортсменок.

В результате анализа было установлено, что значения всех показателей находятся в интервале средних значений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что у спортсменок нет предпочитаемых копинг-стратегий. В стрессовых ситуациях для них характерно применение как конструктивных (принятие ответственности, самоконтроль, положительная переоценка, поиск социальной поддержки, поиск решения проблемы, дистанцирование), так и деструктивных способов разрешения трудностей (конфронтативный копинг, уход от решения проблемы).

У девушек-футболисток показатель самооценки находится в диапазоне очень высоких значений, а показатель уровня притязаний – в диапазоне средних значений. У спортсменок выявлено большое расхождение между самооценкой и уровнем притязаний. Сочетание завышенной самооценки, среднего уровня притязаний и большого расхождения между ними может приводить к нереалистичной оценке спортсменками своих качеств и способностей, а также к сложностям в постановке значимых целей.

Для девушек-футболисток характерны трудности в управлении своими чувствами и эмоциями. Показатели «эмпатия», «эмоциональная осведомленность», «самотивация» находятся в диапазоне средних значений. Интегральный показатель эмоционального интеллекта» находится в интервале низких значений. Таким образом, для большинства девушек-футболисток характерны труд-

ности в управлении собственными эмоциями и в их выражении, а также в понимании и распознавании эмоций и чувств окружающих их людей.

Следующей задачей исследования было изучение взаимосвязи между показателями психического выгорания, копинг-стратегий, самооценки и эмоционального интеллекта у девушек-футболисток. В корреляционном исследовании были установлены прямые и обратные достоверные взаимосвязи между показателями психического выгорания, самооценки и эмоционального интеллекта. Так, высокая эмоциональная осведомленность, способность к эмпатии и управлению своими эмоциями, а также высокий уровень эмоционального интеллекта снижают риск развития психического выгорания у спортсменок.

Достоверных взаимосвязей между показателями психического выгорания и копинг-стратегиями у девушек-футболисток установлено не было.

В исследовании были выявлены обратные достоверные взаимосвязи между показателем самооценки «уровень притязания» и показателями психического выгорания: «уменьшение чувства достижения» и «интегральный показатель психического выгорания». Также были установлены прямые достоверные взаимосвязи между показателем самооценки «расхождение между самооценкой и уровнем притязаний» и такими показателями психического выгорания, как «обесценивание достижений» и «интегральный показатель психического выгорания».

Таким образом, чем лучше девушки-футболистки понимают и отслеживают свои эмоции, проявляют эмпатию и могут влиять на эмоции окружающих их людей, тем меньше вероятность развития у них психического выгорания. Завышенный уровень притязаний и большое расхождение между самооценкой и уровнем притязаний также могут привести к развитию психического выгорания у девушек-футболисток.

Таким образом, результаты исследования показали, что у большинства девушек-футболисток имеются проявления психического выгорания. У большей части спортсменок установлен низкий уровень эмоционального интеллекта, что может проявляться в сложностях при распознавании собственных эмоций и чувств окружающих, в управлении своими чувствами, низком уровне эмпатии. В трудных ситуациях большинство девушек-футболисток применяют различные копинг-стратегии, т. е. способов преодоления стресса в исследовании выявлено не было. У спортсменок установлена очень высокая самооценка. У большинства девушек выявлен сред-

ний уровень притязаний и большое расхождение между самооценкой и уровнем притязаний. Это может проявляться в завышенной оценке спортсменками собственных качеств и возможностей, а также в сложности выбора и достижения значимых целей.

Заключение

По результатам корреляционного исследования можно сделать следующее заключение. Эмоциональный интеллект и самооценка являются основными личностными регуляторами психического выгорания у девушек-футболисток. Следовательно, развитию психического выгорания у девушек-футболисток способствуют нереалистичная самооценка, низкий уровень притязаний и большое расхождение между ними, а также низкий уровень эмоционального интеллекта.

Результаты исследования свидетельствуют о значимости развития компонентов эмоциональной культуры девушек-футболисток для предотвращения и преодоления психического выгорания. Овладение навыками правильной оценки и управления собственными эмоциями, формирование реалистичной самооценки и развитие навыков целеполагания, а также обучение конструктивным способам разрешения стрессовых ситуаций являются важнейшими компонентами психологического сопровождения спортсменов, которые способствуют предотвращению развития психического выгорания.

Литература

- Барабанщикова В. В., Климова О. А.* Профессиональные деформации в спорте высших достижений // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 3–12.
- Берилова Е. И.* Адаптация опросника Т. Raedeke, А. Smith для оценки психического выгорания у российских спортсменов // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2016. № 4. С. 79–85.
- Берилова Е. И., Мищенко А. В., Дорошина О. В.* Личностные регуляторы профессионального выгорания у спортивных тренеров и судей // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2013. № 2. С. 24–29.
- Горская Г. Б.* Организационный стресс в спорте: источники, специфика проявлений, направления исследований // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2012. № 4. С. 74–76.
- Штефаненко И. И.* Взаимосвязь эмоционального выгорания, индивидуально-психологических свойств личности и уровня разви-

тия группы у спортсменов-гандболистов // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2012. № 4. С. 77–82.

Kaufman K. A. Understanding Student-Athlete Burnout. National Collegiate Athletic Association, December 10, 2014.

Thomas D. Raedeke & Alan L. Smith. Development and Preliminary Validation of an Athlete Burnout Measure // Journal of Sport & Exercise Psychology. 2001. № 23. P. 281–306.

Personal resources to overcome burnout of female soccer players

E. I. Berilova (Krasnodar)

Candidate of psychological Sciences, assistant professor of the Department of Psychology, Kuban state University Physical Education, Sports and Tourism

Athlete burnout is a cognitive-affective syndrome characterized by perceptions of emotional and physical exhaustion, reduced accomplishment, and devaluation of sport. The study purpose was interrelations of burnout, coping-strategies, self-esteem and emotional intelligence of female soccer players. Thus, the development of burnout contribute to unrealistic self-esteem and level of aspiration, a high discrepancy between self-esteem and level of aspiration and low level of emotional intelligence. The results of the study reveal the importance of emotional intelligence and self-esteem for female soccer players as a factor to overcome burnout.

Keywords: burnout, personal characteristics, self-esteem, level of aspiration, emotional intelligence, emotional competence.

Самооценка будущих профессионалов как фактор нравственного и профессионального становления личности

А. Н. Бражникова (Брянск)

*кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и профессиональной психологии, Брянский государственный
университет им. И. Г. Петровского; anb5262@mail.ru*

На основе теоретического анализа показано, что самооценка будущих профессионалов может выступать одним из факторов нравственного и профессионального становления личности. В результате эмпирического исследования установлены различия в показателях уровня самооценки будущих профессионалов различных специальностей и ступеней профессиональной подготовки.

Ключевые слова: самооценка, будущие профессионалы, нравственное и профессиональное становление личности.

Постановка проблемы

Современная действительность российского общества характеризуется социально-экономическим, политическим и нравственным кризисом. Выход из кризиса возможен только при наличии высокопрофессионализма во всех сферах жизнедеятельности человека, и когда центральной образующей личности профессионала будет выступать нравственность.

Указание на высокую значимость нравственных факторов для жизни и деятельности человека содержится в работах Л. С. Выготского, М. Вебера, И. А. Ильина, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Э. Фромма и др. Современные психологи (Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв, А. Н. Занковский, А. Б. Купрейченко, В. М. Пряжников, Е. Ю. Пустовалов, Н. А. Коваль, А. Ю. Трубецкой, А. В. Юревичи др.) доказывают, что нравственные факторы нельзя рассматривать как на одном

уровне с экономическими, политическими и т. д. Многие экономико-психологические феномены (мотивы, притязания, принципы, стратегии и т. д.) имеют нравственную природу, поскольку определяются базовыми отношениями субъекта к окружающему миру, людям, самому себе (Купрейченко, 2010, с. 3).

Существует высокая потребность общества в подготовке профессионалов, соответствующих не только «общецивилизационным нормам выполнения профессиональных функций на уровне мировых стандартов» (Дикая, 2007, с. 29), но и обладающих высоконравственными характеристиками.

Профессиональное образование оказывает огромное влияние на психический мир молодого человека, становление его личности. В ходе профессионального обучения как особой формы социального регулирования и сопровождения профессионализации личности происходит качественный скачок в развитии человека: он становится профессионалом, у него формируется системное качество «готовность к профессиональной деятельности». А поскольку готовность к профессиональной деятельности только формируется, по отношению к ее субъекту целесообразно использовать понятие «будущий профессионал». За время обучения в учебном заведении при наличии благоприятных условий у будущих профессионалов происходит развитие всех уровней психики. Они определяют склад мышления, который характеризует профессиональную направленность личности. В этот период наиболее активно развиваются нравственные качества и чувства человека, формируется система его ценностных ориентаций и т. д. Другими словами, нравственное и профессиональное становление личности находятся в тесной взаимосвязи между собой и в сложном динамическом процессе совершенствования человеческой психики дополняют друг друга (Бражникова, 2015, с.285).

На успешность нравственного и профессионального становления личности будущего профессионала влияет его самооценка, отражающая уверенность человека в своих учебных, профессиональных и личных силах, его отношение к самому себе, самоуважение.

В психологической литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, самооценке уделяется большое внимание. Понятие, структура, функции, а также проблема развития самооценки обсуждаются в работах Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой, Р. Бернса, Л. И. Божович, Т. В. Галкиной, А. А. Деркача, Б. В. Кайгородова, И. С. Кона, М. И. Лисиной, А. И. Липкиной, В. Н. Мясищева, К. Роджерса, В. Ф. Сафина, Х. Хекхаузена, Э. Эриксона и др. При этом различными авторами самооценка интерпретируется по-разному: как компонент само-

отношения, как фундаментальное свойство личности, играющее ведущую роль в структуре ее мотивационной сферы, в регуляции поведения человека и его деятельности, как автономная характеристика личности, ее центральный компонент, отражающий своеобразие внутреннего мира личности и формирующийся при ее активном участии.

Самооценка, по мнению Б. В. Кайгородова, возникает чаще всего в процессе согласования продуктов самопонимания и реальности. Если человек считает, что он обладает определенными склонностями к успешному выполнению деятельности, то в результате успеха или неуспеха на арену выходит самооценка, которая и будет в какой-то степени изменять отношение молодого человека к себе (Кайгородов, 2000, с. 98). А. И. Липкина, подчеркивает, что от самооценки зависят взаимоотношения человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам. Тем самым самооценка влияет на эффективность жизнедеятельности человека и дальнейшее развитие его личности (Липкина, 1976). Таким образом, самооценка играет важную роль становления личности будущего профессионала.

Среди исследователей, указывающих на то, что самооценка может рассматриваться как условие нравственного развития личности, можно назвать А. Г. Ковалева, Л. Н. Корнееву, Н. Ф. Коваль, В. А. Крутецкого, Г. И. Морева, С. Г. Якобсона и др. Так, Л. Н. Корнеева в своих исследованиях доказывает, что самооценка студентами различных сфер (нравственной, познавательной, эстетической, духовной и др.) своего личностного развития является одним из важных условий их профессионального становления, позволяет личности увидеть сформированность отдельных компонентов духовности, их роль в профессиональном самоопределении, регулировании своего поведения в системе отношений, в которые личность включена (Корнеева, 2007).

В зависимости от уровня и адекватности самооценки различна ее роль в нравственном и профессиональном становлении личности будущего профессионала. При адекватной самооценке человек правильно соотносит свои возможности и способности, достаточно критически относится к себе, стремится реально смотреть на свои успехи и неудачи, старается ставить перед собой достижимые цели, которые можно осуществить. Иными словами, адекватная самооценка является итогом постоянного поиска реальной меры – без слишком большой переоценки, но и без излишней критичности к своему поведению, деятельности, отношениям. Такая самооценка является наилучшей для нравственного и профессионального становле-

ния личности. Но самооценка может быть и неадекватной – чрезмерно завышенной или слишком заниженной. Низкая самооценка означает неприятие себя, самоотрицание, негативное отношение к своей личности, приводит к пассивности, боязни ответственности, к склонности будущего профессионала ставить легкие, заведомо достижимые цели и задачи, к ожиданию неуспеха. На основе неадекватно завышенной самооценки у человека возникает неправильное представление о себе, идеализированный образ своей личности и возможностей, своей ценности, завышенный уровень притязаний. Неудачи в учебной деятельности будущий профессионал связывает с предвзятостью преподавателя и внешними обстоятельствами. Неадекватная самооценка не позволяет будущему профессионалу полностью реализовать свои возможности в учебно-профессиональной деятельности. Таким образом, самооценка способна оказать стимулирующее или тормозящее влияние на процесс нравственного и профессионального становления личности. В этой связи важность исследования самооценки студентов на начальном этапе их профессиональной подготовки не вызывает сомнения.

Организация и методики исследования

Цель данной работы состояла в исследовании самооценки будущих профессионалов как фактора нравственного и профессионального становления личности.

Поскольку начальный этап профессиональной подготовки осуществляется в системе профессионального образования, которая, в свою очередь, включает среднее специальное образование (профессиональные колледжи, техникумы) и высшее образование (бакалавриат, специалитет), в процессе исследования решались следующие эмпирические задачи:

- выявить уровень выраженности показателей самооценки у будущих профессионалов различных специальностей и ступеней профессиональной подготовки;
- определить уровень адекватности самооценки будущих профессионалов.

Гипотеза эмпирического исследования состоит из предположения о том, что существуют различия в показателях уровня самооценки у будущих профессионалов различных специальностей и ступеней профессиональной подготовки.

Выборку исследования составили будущие профессионалы, обучающиеся в учреждениях среднего специального образования –

будущие учителя начальных классов (N=24), будущие учителя технологии и безопасности жизнедеятельности (N=22), и высшего образования (бакалавриат) – будущие специалисты по защите в чрезвычайных ситуациях (спасатели) (N=19) и будущие автомеханики (N=25). Общий объем выборки составил 90 человек в возрасте 16–18 лет.

Методика исследования

Психодиагностическим инструментарием послужила «Методика исследования самооценки личности» С. А. Будасси. Результаты исследования подсчитывались с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, и могут быть интерпретированы так: r от -1 до $0,3$ – неадекватно низкий уровень самооценки; r от $0,31$ до $0,8$ – адекватная самооценка; r свыше $0,8$ – неадекватно высокий уровень самооценки.

Результаты исследования

Проанализируем показатели уровней самооценки будущих профессионалов различных специальностей (таблица 1).

Из таблицы 1 видно, что наибольший процент (75%) адекватной и наименьший процент (12,5%) завышенной самооценки имеют будущие учителя начальных классов; наименьший процент (50%) адекватной самооценки и наибольший процент (36,4%) завышенной, а также заниженной (13,6%) самооценки показали будущие учителя

Таблица 1

Распределение показателей уровней выраженности самооценки у будущих профессионалов различных специальностей (%)

Группы испытуемых	Уровни самооценки		
	Неадекватно низкий	Адекватная самооценка	Неадекватно высокий
Будущие учителя начальных классов (N=24)	12,5	75	12,5
Будущие учителя технологии и безопасности жизнедеятельности (N=22)	13,6	50	36,4
Будущие специалисты по защите в чрезвычайных ситуациях (спасатели) (N=19)	0	73,7	26,3
Будущие автомеханики (N=25)	4	64	32

ля технологии и безопасности жизнедеятельности. У будущих специалистов по защите в чрезвычайных ситуациях заниженная самооценка не была выявлена. Адекватной самооценкой в данной группе респондентов обладает 73,7%. Следует отметить, что для специалистов по защите в чрезвычайных ситуациях адекватность самооценки имеет особую значимость, поскольку их профессиональная деятельность часто осуществляется в опасных (экстремальных) условиях труда и требует повышенной стрессоустойчивости. Если будущие профессионалы оценивают себя адекватно, они будут воспринимать стрессовые ситуации как преодолимые, и при возникновении стресса справятся с ним лучше, чем люди с низкой самооценкой.

Было также установлено, что, несмотря на преобладание адекватной самооценки у будущих профессионалов всех специальностей, наблюдаются различия в показателях самооценки респондентов различных ступеней профессиональной подготовки. Наибольший процент неадекватной завышенной (31,4%) и заниженной (6,8%) самооценки показали респонденты Брянского государственного университета; выборка средних профессиональных учебных заведений демонстрирует наибольший процент (69,5%) адекватной самооценки (рисунки 1).

Таким образом, для большинства будущих профессионалов характерна адекватная самооценка, однако значительная часть исследуемой выборки показала завышенный и заниженный уровни самооценки, т. е. неадекватное оценивание себя. Следует акцентировать внимание на том, что лишь адекватная самооценка позволяет будущему профессионалу правильно оценивать соотношение своих

Рис. 1. Распределение показателей уровней выраженности самооценки у будущих профессионалов различных ступеней профессиональной подготовки по всей выборке (%)

учебно-профессиональных и личностных возможностей и способностей. Следовательно, адекватная самооценка является важным психологическим ресурсом для нравственного и профессионального становления личности.

Выводы

1. На основе теоретического анализа показано, что самооценка будущих профессионалов может выступать одним из факторов нравственного и профессионального становления личности. Самооценка как оценка соответствия реальных результатов собственной деятельности отражает уверенность человека в своих учебных, профессиональных и личных силах, его отношение к самому себе, самоуважение и адекватное отношение к происходящему. В зависимости от уровня и адекватности самооценки различна ее роль в становлении будущих профессионалов. Наилучшей для нравственного и профессионального становления личности является адекватная самооценка.
2. Проведенное эмпирическое исследование позволило установить, что, несмотря на преобладание адекватной самооценки исследуемой выборки, существуют различия в показателях самооценки у будущих профессионалов разных специальностей и ступеней профессиональной подготовки. Выборка среднеспециальных учебных заведений г. Брянска, демонстрирует наибольший процент адекватной самооценки, а выборка Брянского государственного университета неадекватно завышенный уровень самооценки.
3. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости поддерживать и формировать адекватность самооценки будущих профессионалов.

Литература

- Дикая Л. Г.* Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. 2007. Т. 28. №3. С. 29–44.
- Кайгородов Б. В.* Самопонимание: Миф и реальность. М., 2000.
- Корнеева Л. Н.* Самооценка как механизм саморегуляции учебной деятельности // Вестник ЛГУ. 2007. Вып. 4. С. 91–96.
- Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Автореф. ... дис. д-ра психол. наук. М., 2010.

- Липкина А. И. Самооценка школьника. М., 1976.
- Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под ред. Ю. С. Шойгу. М., 2007.
- Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв, А. Н. Занковский. М., 2015.
- Шафажинская Н. Е. Личностная и учебная самооценка студента педвуза. М., 2009.
- Якобсон С. Г., Морева Г. И. Адекватная самооценка как условие нравственного воспитания дошкольников // Вопросы психологии. 1983. № 8. С. 55–61.

The match of future professionals as a factor of moral and professional formation of the person

A. N. Brazhnikova (Bryansk)*

* Candidate of psychological Sciences, associate professor of General and applied psychology, Bryansk State University named after I. G. Petrovsky

On the basis of theoretical analysis it is shown that self-evaluation of future professionals can be one of the factors of moral and professional formation of personality. As a result of the empirical study, differences in the indicators of the level of self-esteem of future professionals, various specialties and levels of training have been established

Keywords: self-esteem, future professionals, moral and professional formation of personality.

Жизнеспособность личности субъекта деятельности

С. В. Забегалина (Ульяновск)

*кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедры психологии Ульяновского государственного
педагогического университета им. И. Н. Ульянова;
e-mail: svetlanviktorovn@mail.ru*

В статье обосновывается использование такого сочетания понятий, как «личность» и «субъект деятельности» в объединенном понятии, при анализе тех характеристик субъекта деятельности, которые не связаны напрямую с эффективностью, успешностью и другими показателями деятельности, но оказывают качественное влияние на ее протекание. Жизнеспособность личности влияет на успешность, эффективность деятельности, детерминирует планку притязаний профессионала. Выделяются качественные особенности деятельности, анализируются подходы к пониманию ее субъекта в психологии, отношение понятий «личность» и «субъект деятельности», выявляются точки их соприкосновения и границы каждого из них. Ставится вопрос о роли прогностических способностей личности в жизнеспособности, при этом выделяется жизнеспособность личности и субъекта деятельности. Жизнеспособность личности субъекта деятельности складывается из характеристик собственно личности (ответственность, зрелость, сформированность ценностей, идеалов и т. д.), а также особенностей субъекта выполняемой деятельности (эффективность, успешность).

Ключевые слова: личность, деятельность, субъект деятельности, прогностические способности, жизнеспособность, личность субъекта деятельности.

Деятельность традиционно рассматривается в отечественной психологии как целенаправленная активность, направленная на преобразование действительности. В процессе деятельности происходит

познание объектов действительности для дальнейшего оптимального воздействия на них и их преобразования. Как отмечает Б. Ф. Ломов, в ходе деятельности «осуществляется субъективное отражение объекта (предмета деятельности), а вместе с тем превращение этого объекта в ее продукт соответственно субъективной цели» (Ломов, 1984, с. 190).

Понятие «субъект деятельности» в психологической литературе имеет различные трактовки. Прежде всего, с ним связываются свойства, характеризующие его как исполнителя деятельности – показатели его эффективности, ответственности, успешности и т. д. Наряду с этим выделяются цели субъекта деятельности, его способность превосходить результат, мотивы деятельности. Также важно соответствие субъекта требованиям выполняемой им деятельности с точки зрения его способностей, подготовки, профессионально важных качеств. Реже при описании субъекта деятельности отмечается роль других его личностных особенностей – характера, ценностей, идеалов и т. д.

Субъектом деятельности может выступать не только конкретный индивид, выполняющий определенную деятельность, обладающий сознанием и личностными характеристиками, но и группа, коллектив, таким образом, выделяют индивидуального и коллективного субъекта деятельности.

В последние годы в психологии предметом рассмотрения является проблема становления личности субъектом деятельности, включающая следующие основные положения. Во-первых, каждая конкретная личность задействует свои психические возможности и способности как ресурсы для оптимального осуществления деятельности. Во-вторых, личность становится субъектом деятельности в силу объективных социально-исторических условий своего существования, определяющих необходимость воздействия на природный и предметный мир, его преобразование в соответствии с поставленными целями. При этом «совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений» (Ананьев, 1980, с. 141).

Субъект деятельности связан определенными отношениями не только с выполняемой им деятельностью, но и ее условиями, имеет представления о ней, очерчивает для себя некий «контур», «пространство», в рамках которых она может осуществляться. В этом плане важным является адекватное представление о деятельности не только в плане ее качественного выполнения, но и возмож-

ностей совершенствования самой деятельности, расширения ее границ, перехода к качественно новому исполнению или даже переводу деятельности на новый уровень сложности, общественной значимости, творчества. Точное представление о деятельности и ее качественных характеристиках позволяет модернизировать характер выполняемых операций, предложить новый способ их выполнения, наметить изменения в привычном продукте деятельности или предложить качественно новый.

Б. Г. Ананьев подчеркивает необходимость изучения субъекта деятельности не только с точки зрения его «подготовленности, опытности, мастерства, производительности и качества выполняемой в данный момент работы» (Ананьев, 1980, с. 168), но и в аспекте раскрытия его личностного потенциала, «внутренних сил личности». Таким образом, ставится вопрос о дифференциации качеств субъекта на связанные непосредственно с осуществляемой деятельностью (эффективность, успешность, точность и т. д.) и на характеризующие его личностные особенности. Именно с этой позиции для удобства мы используем понятие «личность субъекта деятельности», подчеркивая те характеристики личности, которые являются значимыми для выполнения деятельности.

Акмеологическое понимание субъекта деятельности заключается в анализе его как профессионала, обладающего определенными знаниями, умениями, способного целесообразно использовать свои личностные, профессиональные ресурсы. Субъект деятельности наделяется ответственностью, личностной зрелостью, стремлением к самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации.

Важной составляющей выполнения деятельности является предвосхищение ее успешности, основой которого выступают не только собственно подготовка (как в плане обучения, так и непосредственного выполнения) к деятельности, но и наличие прогностических способностей личности.

Способность к прогнозированию определяет то, насколько субъект деятельности точно и адекватно оценивает условия деятельности, ее качественные особенности, препятствия на пути к успеху, благоприятствующие факторы, время выполнения, характер предполагаемого результата. Являясь личностным образованием, способность к прогнозированию оказывает большое влияние на характер выполнения деятельности. Таким образом, развитие способности к прогнозированию как способности личности тесно связано с выполняемой ею деятельностью, так как личность прогнозирует в первую очередь свою деятельность. Прогностические способности личности детерминируют успешность субъекта деятельности в силу того,

что прогноз направляется деятельностью, проверяется в ее ходе и становится точным или ошибочным в зависимости от ее результативности.

В деятельности прогноз строится не относительно ее содержания или структуры (предмет, средства, условия, продукт) самих по себе, а в первую очередь относительно ее субъективного плана: формы, виды, уровни и динамика познания, оценки и изменения действительности. Прогноз реализуется в деятельности, а строится – в процессе психического отражения действительности. Образ мира, понимание действительности при принятии решений и реализации действий человека выступают направляющим вектором становления прогностической активности (Смирнов и др., 2016) и развития прогностических способностей. Кроме понятия «прогноз», активно используемого в психологии в последние десятилетия, при анализе деятельности применяется понятие «антиципация» (Ломов, Сурков, 1980), однако эти понятия не тождественны по своему содержанию и кругу охватываемых явлений.

Жизнеспособность личности определяется тем, насколько личность адаптирована к настоящим условиям, способна адекватно прогнозировать тенденции и перспективы общественного развития, те изменения, которые могут произойти в социуме (Забегалина, 2016). Жизнеспособность субъекта деятельности детерминирована его соответствием требованиям деятельности в настоящем и ее прогнозируемым особенностям в будущем. Личность субъекта деятельности изменяется вследствие изменения содержания, сложности, условий осуществления деятельности, которые происходят независимо от конкретного индивида, определяясь многими объективными факторами. Жизнеспособность личности субъекта деятельности складывается из жизнеспособности его как личности и как субъекта деятельности, т. е. происходит объединение личностного и деятельностного аспектов, обуславливающих жизнеспособность в целом (Жизнеспособность человека..., 2016).

Первоначально психология изучала феномен жизнеспособности на индивидуальном уровне – как жизнеспособность конкретного человека, реализующего ту или иную общественную функцию, выполняющего определенные виды деятельности. Именно в деятельности жизнеспособность человека раскрывается как развивающееся системное качество; сама же деятельность выступает в качестве ведущей детерминанты жизнеспособности ее субъекта. Если один из самых сложных вопросов психологии – о соотношении отражения (психики) и деятельности – решался Б. Ф. Ломовым с позиции принципа единства «внешнего» и «внутреннего» (Ломов, 1984),

что было обосновано еще С. Л. Рубинштейном (Рубинштейн, 1998), то и жизнеспособность субъекта деятельности закономерно описывать как качество, обусловленное внешними и внутренними факторами, личностными и деятельностными.

Вместе с тем, как подчеркивается в отечественной психологии (в частности, см.: Ломов, 1984), под влиянием внешнего изменяется и внутреннее; личность меняется в зависимости от характера деятельности, которую она выполняет, естественно, в первую очередь профессиональной и учебной. Хотя нельзя отрицать и обратное: личность накладывает отпечаток на характер выполнения деятельности, что проявляется, в частности, в индивидуальном стиле деятельности. Влияние личности на деятельность имеет свои границы и обусловлено жесткостью требований самой деятельности к выполняющему ее субъекту. Б. Ф. Ломов на материале исследований различных видов операторского труда описывает механизм психической регуляции деятельности как многоуровневую систему, компонентами, или составляющими, которой выступают: мотив, цель, концептуальная модель, план деятельности, действия, а также процессы переработки текущей информации, принятия решения, проверки результатов и коррекции действий.

Следует отметить, что деятельность того или иного индивида не является достаточной для полного и всестороннего психологического анализа. Любая индивидуальная деятельность *опосредованно* связана с деятельностью многих других субъектов (тех, кто обучал индивида, изготовлял орудия труда, которыми он пользуется, разрабатывал современные технологии производства, определял социальный заказ для производителей тех или иных продуктов и т. д.). Но, наряду с этим существует и собственно *совместная деятельность*, и в этом случае понять и описать индивидуальную деятельность – значит, определить ее место в совместной деятельности, вклад субъекта труда в ее реализацию и особенности взаимодействия с ее участниками.

Деятельность коллективного субъекта имеет в целом те же психологические «составляющие», что и у индивидуального субъекта, но они распределены между членами группы и выступают как «закрепленные» за ними функции. Жизнеспособность коллективного субъекта деятельности в таком случае определяется адекватностью распределения функций, уровнем их дифференциации, а также эффективностью управления и самоуправления в группе.

Прогнозирование деятельности коллективного субъекта опирается на осознание общей цели, плана, характера принятия решения, критериев оценки результата, уровня доступности «совокупного

фонда информации», который формируется совместно всеми участниками деятельности. Вместе с тем прогнозирование деятельности коллективного субъекта подчиняется другим закономерностям, так как несводимо к простой сумме прогнозов отдельных субъектов, как и жизнеспособность коллективного субъекта деятельности не подлежит суммированию. Прогноз деятельности коллективного субъекта опирается на учет взаимоотношения мотивов, идей, программ отдельных субъектов, слаженность их действий при дифференциации позиций и функций и т. д. Связь прогноза и деятельности, жизнеспособности и деятельности носит динамический характер и в конкретных жизненных условиях и ситуациях принимает различные формы.

Наиболее полно жизнеспособность личности субъекта деятельности может быть выявлена в исследованиях совокупного субъекта деятельности, когда оценка личности каждого из составляющих его индивидов создает целостную картину, с которой нивелируются отдельные особенности и на первый план выходят существенные аспекты, составляющие собственно основу для прогноза.

Заключение

Деятельность выступает как целенаправленная активность, имеющая своей целью преобразование действительности.

Субъект деятельности связан определенными отношениями не только с выполняемой им деятельностью, но и ее общими условиями, имеет определенное представление о ней. Адекватное представление о деятельности и ее качественных характеристиках позволяет ее совершенствовать.

Дифференциация качеств субъекта, связанных с выполнением деятельности (эффективности, успешности, точности и т. д.), и его личностных характеристик, значимых для ее осуществления, обуславливают возможность использования понятия «личность субъекта деятельности». Совокупность личностных и деятельностных свойств определяют жизнеспособность субъекта деятельности.

Важной составляющей выполнения деятельности является предвосхищение успешности деятельности. Развитие способности к прогнозированию как личностного образования связано с выполняемой деятельностью и детерминирует успешность субъекта деятельности. Влияние личности на деятельность имеет свои границы и обусловлено жесткостью требований самой деятельности.

Литература

- Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. I / Под ред. А. А. Бодалева и др. М., 1980.
- Анкин А. Н., Стадник О. С. Соотношения прогностических способностей и нервно-психической устойчивости у студентов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 4. С. 102–111.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Забегалина С. В. Прогностические и адаптационные способности как детерминанты жизнеспособности человека // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 356–373.
- Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л. Я. Карпенко / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону, 1998.
- Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
- Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.

Personality resilience of the subject activity

S. V. Zabegalina (Ulyanovsk)

Candidate of psychological Sciences, Senior lecturer
of the Department of Psychology, Ulyanovsk state pedagogical University
named after I. N. Ulyanova

In the article justified the use of such a combination of concepts like “personality” and “subject” joint concept in analyzing those characteristics of the subject activities that are not directly related to the effectiveness, success and other performance indicators, but have a qualitative impact on its course. The viability of the personality influences the success, performance, determines the bar claims professional. Stand out qualitative features activities, analyses approaches to understanding its subject in psychology. Examines the relevance of the concepts of “identity” and “subject”, iden-

tifies the points of contact and the boundaries of each of them. Question about the role of predictive abilities of the individual resilience, allocates of personality resilience and subject of activity. The individual subject' resilience consists of the actual characteristics of the individual (responsibility, maturity, the well-formed values, ideals etc.), as well as the characteristics of the subject of the executed activities (effectiveness, success).

Key words: personality, the subject of activity, predictive ability, resilience, the personality of the subject activities.

Способ определения уровня жизнеспособности у представителей трудных профессий

С. В. Котовская (Москва)

*кандидат биологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет;
e-mail: s.marunyak74@mail.ru*

В работе представлен имеющий высокую степень информативности, доступный и простой способ определения жизнеспособности у лиц трудных профессий, который может применяться при проведении профессионально-психологического отбора, коррекционных и профилактических мер. На основе эмпирических и статистических данных установлено, что недоверчиво-скептический тип межличностных отношений, дистимичность, тревожность и паранойальность в своей совокупности являются составляющими коэффициента жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность, способ определения, регрессионный коэффициент, представители трудных профессий.

Постановка проблемы

Жизнедеятельность современного человека протекает в экстремальных условиях, обусловленных профессиональными, политическими, информационными, социально-экономическими, экологическими факторами и стимулирующих развитие стресса. Безопасность каждого человека зависит как от безопасности существования человечества, государства, так и от его личной безопасности (Александрова, 2004; Дорошев, 2000). Сформировать культуру безопасности жизнедеятельности возможно, решив проблемные вопросы, касающиеся каждого гражданина России путем качественных изменений в сфере науки, образования и здравоохранения за счет формирования механизмов управления ресурсами собственного здоровья.

Несмотря на осуществляемые в последние годы масштабные организационные мероприятия в области обеспечения жизнеспособности и защищенности жизнедеятельности, уменьшение размеров людских потерь, морального и материального ущерба от аварий, природных, техногенных и социогенных катастроф, данная деятельность оказывается малоэффективной без учета человеческого фактора, так как именно этот фактор является основным при авариях или катастрофах в 70% – 85% случаев (Бойко, 2009).

В нашей стране и за рубежом большой объем исследований нацелен на поиск составляющих эластичности психики к воздействию экстремальных факторов, путей и способов восстановления организма, ранней диагностики деструктивного профессиогенеза личности, а также на обучение копинг-стратегиям (А. В. Баранов, В. А. Бодров, Н. Е. Водопьянова, В. Г. Дорошев, Л. Г. Дикая, Э. Ф. Зеер, А. Г. Маклаков, А. В. Махнач, В. Е. Орел, А. А. Реан, Е. С. Старченкова, Э. Э. Сыманюк и др.).

Проблемы трудных и экстремальных жизненных ситуаций разрабатываются Н. В. Тарабриной, М. Ш. Магомед-Эминовым, М. М. Решетниковым, Н. Н. Пуховским, Ф. Е. Василюком и др. (Александрова, 2004). В работах В. А. Бодрова уделяется большое внимание профессиональному психологическому стрессу; он являлся одним из основоположников концепции информационного стресса у специалистов «субъект-объектного» типа деятельности (Бодров, 2000). Л. Г. Дикая и А. В. Махнач, анализируя зарубежный опыт исследования факторов, определяющих индивидуальную оценку стрессогенности и отношение к ним человека, обозначают особый класс ситуаций – «неблагоприятные жизненные события» (Дикая, Махнач, 1996). Ряд отечественных психологов объединяют стрессовые, конфликтные, фрустрирующие, травматические, экстремальные и другие напряженные ситуации понятием «трудные ситуации» (В. Л. Блинова, А. В. Либин, А. В. Либина, Е. Г. Суркова и др.), характеризующиеся невозможностью удовлетворять свои потребности, используя модели, выработанные ранее, из-за внешних или внутренних изменений, нарушивших существовавшую адаптацию и требующих создания новых паттернов и конструктов. В трудной ситуации, по мнению Е. Г. Сурковой, индивид изначально пытается разрешить проблему привычным способом, проходя тяжелый эмоциональный период (Суркова, 2011). Если кризисность ситуации принимается и отрицается ее безвыходность, человек переходит к творческому процессу поиска решения проблемы через когнитивную руминацию, которая в последующем приводит к инсайту (нахождению вариантов выхода из трудной ситуации) и его верификации на практике. По мне-

нию В. Л. Блиновой, оценка человеком своего физического здоровья и психологического благополучия является важным критерием для субъективного выбора способа разрешения трудной ситуации и формирует вектор развития индивида (Блинова, 2011).

В зарубежных периодических изданиях с 1973 г. публикуются результаты научно-исследовательских работ о психологическом резильянсе (*фр.* «resilience» – сопротивление, устойчивость), который предполагает активное использование преимущественно внутренних ресурсов человека с целью совладания с различного рода неблагоприятными трудными ситуациями. Резильянс позволяет справиться с текущей ситуацией и является фактором, способствующим толерантности к воздействию в будущем, психологическому благополучию и отражающимся на качестве жизни человека.

Проблема ресурсов восстановления, способствующих устойчивости и нивелирующих воздействие стресс-факторов, актуальна в свете Международной классификации болезней 10-го пересмотра, где среди причин, влияющих на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения, указана рубрика «Стресс, связанный с трудностями поддержания нормального образа жизни», в связи с этим проблема ментальной упругости выходит на первый план. На Европейской конференции ВОЗ (2005) отмечалось, что стресс, связанный с работой, является важной проблемой примерно для одной трети трудящихся стран Европейского союза, стоимость решения проблем психического здоровья в связи с этим составляет в среднем 3% – 4% валового национального дохода. Экономические потери от производственного стресса и проблем, связанных с психическим здоровьем работающих, оказываются достаточно высокими.

Интенсивный рост экспериментальных работ по изучению факторов риска, внешних критериев совладания, продуктивности защитных механизмов личности и копинг-стратегий способствовал введению и разработке в отечественной психологии категории «жизнеспособность». В работе экспертов по проекту «Методологические и контекстуальные проблемы в исследовании детской и подростковой жизнеспособности: международное сотрудничество в исследовании психического здоровья детей и подростков, находящихся в группе риска», в 2003 г. был предложен наиболее подходящий русскоязычный научный термин, отражающий содержание понятия «resilience» (устойчивость) (Handbookforworking..., 2005; Makhnach, Laktionova, 2005).

Исторически понятие «жизнеспособность» формировалось в течение пяти этапов:

- 1) исследования Н. Гармези в рамках проекта «Компетентность»;
- 2) лонгитюдное изучение Э. Вернер и ее сотрудниками «неуязвимых» детей;
- 3) проведение сопоставления роли индивидуальных и социальных ресурсов;
- 4) изучение индивидуальной способности человека в выборе адекватных и приемлемых для него ресурсов психологического здоровья в рамках конкретной культуры и социума;
- 5) формирование четырех аспектов (микро-, мезо-, экзо- и макро-система) экологической модели, по Ю. Бронфенбреннеру, становящейся в настоящий момент, по данным А. В. Махнача (2014), теоретическим метаконструктом.

Дефиниция жизнеспособности оформилась в понятии об универсальной индивидуальной способности человека сохранять здоровье, управлять эмоциональной, когнитивной, мотивационно-волевой сферами в контексте конкретных культурно-средовых условий, отражающейся на качестве жизни индивида, позволяющей ему справляться с текущей ситуацией и обеспечивающей толерантность к воздействию в будущем.

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

Цель исследования заключается в установлении способа определения уровня жизнеспособности.

Методики исследования

Исходя из дефиниции жизнеспособности, использовалась батарея методик: тест эмоционального выгорания В. В. Бойко для оценки эмоциональной сферы; методика «S-тест» для оценки когнитивной сферы – способности к оперированию пространственными образами и темпа мыслительных операций; цветовой тест М. Люшера по 9 направлениям с использованием математической обработки, предложенной И. Цыганок, для определения мотивационно-волевой составляющей; авторская социально-психологическая анкета для установления удовлетворенности качеством жизни и восприятия условий профессиональной деятельности.

Критериями включения в группу с высоким уровнем жизнеспособности выступали: высокая способность к оперированию пространственными образами, высокий темп мыслительных операций

(по данным методики S-тест); отсутствие эмоционального выгорания и сформированных/формирующихся стадий стресса (по данным методики эмоционального выгорания В. В. Бойко); отсутствие стрессового состояния, высокая работоспособность (по данным М. Люшера); субъективное восприятие профессиональной нагрузки как обычной и удовлетворенность условиями жизни (по результатам социально-психологической анкеты).

Критериями включения в группу с низким уровнем жизнеспособности являлись: низкая способность к оперированию пространственными образами, низкий темп мыслительных операций; наличие эмоционального выгорания и сформированных стадий стресса; стрессовое состояние; низкая работоспособность; субъективное восприятие профессиональной нагрузки как экстремальной, не удовлетворенность условиями жизни.

Способ определения уровня жизнеспособности основывался на изучении психологических характеристик представителей высокого и низкого уровней жизнеспособности. Для этого на основе изучения особенностей личности применен множественный регрессионный анализ. В качестве прогнозируемого признака использовался бинарный показатель – высокий уровень жизнеспособности/низкий уровень жизнеспособности. Отбор признаков для включения во множественный регрессионный анализ способа осуществлялся с помощью одномерного анализа. С этой целью использовался критерий Манна–Уитни для интервальных признаков, имеющих ненормальное распределение. При проведении регрессионного анализа применялся метод пошагового исключения переменных.

Результаты исследования

По результатам регрессионного анализа получены регрессионные коэффициенты для каждого из признаков и уровень их статистической значимости (таблица 1).

Распределение 298 респондентов в зависимости от уровня жизнеспособности, выведенное с использованием синтезированной логистической модели и выбранной точки разделения (0,5), представлено в таблице 2.

Использование данной модели показало правильное прогнозирование влияния психологических особенностей личности на жизнеспособность 265 респондентов из 298, что соответствует диагностической точности 88,9%. Чувствительность модели составила 96,0%, а специфичность – 52,1%. Это позволяет с относительно высокой степенью точности прогнозировать состав группы риска по низко-

Таблица 1
Регрессионные коэффициенты
для независимых прогностических признаков

Признак	Код	Коэффициент регрессии модели	Значение статистики Вальда	р-уровень
ДМО-4 (недоверчиво-скептический тип)	X1	0,306	16,724	0,001
Шкала 6 (паранойальность)	X2	0,038	5,248	0,022
Тревожный	X3	0,089	5,202	0,023
Дистимичный	X4	0,176	11,864	0,001
Константа		-6,968	48,173	0,001

Таблица 2
Распределение респондентов, спрогнозированное
с помощью логистической модели, в сравнении с распределением,
наблюдаемым в действительности

Наблюдаемое в действительности		Спрогнозированное с помощью построенной логистической модели (разделяющее значение – 0,50)		Итого
		Жизнеспособность		
		Высокий уровень	Низкий уровень	
Жизнеспособность	Высокий уровень	240	10	96,0%
	Низкий уровень	23	25	52,1%
Итого				88,9%

му уровню жизнеспособности и предлагать соответствующую психокоррекционную и психотерапевтическую работу.

Таким образом, полученный способ имеет следующий вид:

$$P(\hat{y})=1/(1+e^{-y}) \text{ или } P(\hat{y})=1/(1+1/e^y),$$

где: $y=0,306 \cdot X1+0,038 \cdot X2+0,089 \cdot X3+0,176 \cdot X4-6,968$; $P(\hat{y})$ – уровень жизнеспособности ($0 \leq \hat{y} \leq 1$); значение, приближающееся к «1–0,7», свидетельствует о низком уровне жизнеспособности, а к «0–0,3» – о высоком уровне жизнеспособности, значения «0,6–0,4» интерпретируются как средний уровень; X1 – значение недоверчиво-скептического типа межличностных отношений (балл, ДМО); X2 – значение паранойи (балл, тест Мини-мульти); X3 – значение тревожного компонента (балл, тест К. Леонгарда); X4 – значение дистимичного компонента (балл, тест К. Леонгарда); e – коэффициент равный 2,71.

Пример

Респондент А., общий стаж работы 12 лет. По данным методики К. Леонгарда, направленной на выявление акцентуаций характера, тревожность составила 14 баллов, дистимичность – 14 баллов. По данным теста Мини-мульт, ригидность имеет показатель, равный 60. Значение недоверчиво-скептического типа по методике ДМО соответствует 14 баллам. Расчет уровня жизнеспособности производится следующим образом:

$$P(\hat{y})=1/(1+2,71^{-(0,306*14+0,038*60+0,089*14+0,176*14-6,968)})=1/(1+2,71^{-3,306})=1/(1+0,037)=1/1,037=0,96$$

$$\text{или } P(\hat{y})=1/(1+1/(2,71^{(0,306*14+0,038*60+0,089*14+0,176*14-6,968)}))=1/(1+(1/(2,71^{3,306})))=1/(1+0,037)=1/1,037=0,96.$$

На основании расчета с использованием построенной логистической модели коэффициент равен 0,96. Отсюда следует, что респондент А имеет низкий уровень жизнеспособности, что, в свою очередь, определяет необходимость использования в работе с ним специальных психокоррекционных методов.

На основании полученных регрессионных коэффициентов и значений взвешенных отношений шансов для каждого из признаков можно сделать вывод о том, что недоверчиво-скептический тип межличностных отношений, по ДМО, является самым значимым признаком (X1), отражающим уровень жизнеспособности; далее по значимости располагаются показатели дистимичности (X4) и тревожности (X3), по методике определения акцентуаций характера К. Леонгарда, паранояльности (X2), по тесту Мини-мульт.

В результате проведенного анализа установлен способ определения жизнеспособности, характеризующийся достаточной доступностью и простотой, имеющий высокую степень информативности, который может применяться для проведения коррекционных и профилактических мероприятий для лиц трудных профессий.

Литература

Александрова А. А. Концепция жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. 2004. № 2. С. 82–90.

Бойко И. М. Психофизиологический статус авиационных специалистов в условиях Европейского Севера России: Дис. ... канд. мед. наук. Архангельск, 2009.

- Блинова В. Л.* Особенности жизнестойкости и копинг-поведения личности при разных типах готовности к саморазвитию // Вестник ТГПУ. 2011. № 4 (26). С. 378–382.
- Бодров В. А.* Роль личностных особенностей в развитии психологического стресса // Психические состояния. Хрестоматия. СПб., 2000. С. 135–157.
- Дикая Л. Г., Махнач А. В.* Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 137–148.
- Дорошев В. Г.* Системный подход к здоровью летного состава в XXI веке. М., 2000.
- Махнач А. В.* Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 67–75.
- Суркова Е. Г.* Теоретическая парадигма процесса совладания с трудными жизненными ситуациями // Знание, понимание, умение. 2011. № 2. С. 222–227.
- Handbook for working with children and youth: pathways to resilience across cultures and contexts / Ed. M. Ungar. Thousand Oaks–London: Sage, 2005.
- Makhnach A. V., Laktionova A. I.* Social and cultural roots of Russian youth resilience interventions by the state, society and the family // Handbook for working with children and youth: pathways to resilience across cultures and contexts / Ed. M. Ungar. Thousand Oaks–London: Sage, 2005. P. 371–386.

Method for determining the level of resilience in representatives of difficult occupations

S. V. Kotovskaya (Moscow)

Candidate of Biological Sciences, associate professor
of the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow state University
of Humanities and Economics

The paper presents a highly informative, accessible and simple way of determining the resilience in persons with difficult occupations, which can be used for professional psychological selection, correctional and preventive measures. On the basis of empirical and statistical data it is established that distrustful – skeptical type of interpersonal relations, dysthymic, anxiety and paranoia in their totality are components of the viability coefficient.

Keywords: resilience, method of determination, regression coefficient, representatives of difficult professions.

Смысловые образования как «ключевой ресурс» жизнеспособности¹

А. И. Лактионова (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: apan@inbox.ru*

В статье жизнеспособность рассматривается в качестве метаспособности. Компонентами жизнеспособности выступают индивидуальные способности человека к сознанию и рефлексии, выступающие в качестве метапроцессуального регулятора активности человека – деятельностной, поведенческой, коммуникативной. Эти компоненты определяют оптимальный/неоптимальный способ индивидуальной регуляции и регулирующих факторов социальной среды на разных уровнях организации психики (индивидуальный, личностный, субъектный). Показывается, что именно смысловые образования можно рассматривать в качестве «ключевого ресурса» жизнеспособности. Приводятся данные экспериментальных исследований, подтверждающих данное положение.

Ключевые слова: жизнеспособность, смысловые образования, саморегуляция, рефлексивность.

Постановка проблемы

Понятие «жизнеспособность» было введено в российскую психологию Б. Г. Ананьевым еще в 1968 г.. Он рассматривал жизнеспособность в числе основных потенциалов развития. Понимание жизнеспособности Ананьевым можно соотнести с термином «resilience» в зарубежных исследованиях, обозначающим способность человека или группы людей хорошо развиваться вопреки дестабилизирующим событиям, трудным условиям жизни и серьезным травмам

1 Работа выполнена в соответствии с госзаданием ФАНО РФ № 0159-2017-0010.

(Théorêt, 2005). Б. Г. Ананьев говорил о целостности человека и необходимости единой науки о нем. Этой целостностью, с его точки зрения, обладают также резервы и ресурсы человека как индивида, субъекта и личности, «между линиями развития, которых не только допустимы, но и необходимы аналогии» (Ананьев, 1968, с. 325). Он считал, что на основе выявления этих аналогий и взаимосвязей возможно построить в будущем «некоторую общую модель резервов и ресурсов личности, которые проявляют себя в самых различных направлениях в зависимости от реального процесса взаимодействия человека с жизненными условиями внешнего мира и от структуры личности самого человека» (там же).

С нашей точки зрения, жизнеспособность человека, во-первых, представляет собой всю систему его ресурсов, рассматриваемых в рамках биолого-генетического, психологического и средового контекста развития и функционирования, во-вторых, предполагает способность человека к управлению этими ресурсами, поскольку без этой способности ресурсы человека могут оставаться не задействованными. Таким образом, оптимальный способ их индивидуальной интеграции определяет высокий предел личностной адаптации и жизнеспособности (Лактионова, 2016).

Создание такой «общей модели резервов и ресурсов» на сегодняшний день является, с нашей точки зрения, задачей малодостижимой. Так, до последнего десятилетия, эмпирические исследования жизнеспособности преимущественно были сосредоточены на изучении поведенческих и психологических переменных, а нейробиологические или генетические корреляты жизнеспособности практически не изучались. Исследователям не хватало знаний о развитии мозга и его функций, реализующих свою роль в генезисе и эпигенезе нормальных и отклоняющихся психических процессов, не говоря уж об их вкладе в развитие жизнеспособности человека. Достижения в области молекулярной генетики и нейровизуализации, а также в измерении различных биологических аспектов поведения сделали целесообразными исследования путей жизнеспособного функционирования человека на разных уровнях, в том числе на биологическом (Cicchetti, 2010).

Следует отметить, что в настоящее время не существует единой концепции жизнеспособности человека, так как, по сути, ее изучение предполагает раскрытие положительного полюса развития. Между тем как вопрос о детерминантах развития, так и варианты долгосрочного прогноза развития остаются неопределенными и слабо объяснимыми (см.: Принцип развития..., 2016). Согласно А. В. Махначу, к формирующейся концепции жизнеспособности в психоло-

гии вполне применимы слова Л. М. Веккера о том, что «из логической необходимости аналитической стадии (на которой находятся исследования жизнеспособности. – А. М.) вытекает неизбежность первоначальной множественности психологических концепций, каждая из которых соответствует отпрепарированному ею аспекту психической реальности. <...> В существующих в психологии концепциях „эмпирический и теоретический языки“ еще не разведены, и, соответственно, не сформулированы проблемы, с необходимостью требующие перехода к конкретно-научной метатеории» (Веккер, 2000, с. 52; цит. по: Махнач, 2017).

Все существующие на сегодняшний день концепции жизнеспособности опираются на полученные экспериментальные данные раннее проведенных исследований, но в последние годы понятие жизнеспособности получило более динамическую и системно-ориентированную трактовку. Проявления жизнеспособности отражают многочисленные глубинные процессы, идущие на разных уровнях, особенно если речь идет о такой сложной, живой системе, как человек (Махнач, 2016).

Конечно, такие исследования предполагают реализацию междисциплинарного и межпарадигмального подхода: кибернетика, генетика, психофизиология, социальная когнитивная нейробиология, психология, педагогика, культурология, социология, история, экономика и медицина могут сказать свое слово в углублении понимания проблемы развития индивидуальности человека в целом и его жизнеспособности, в частности. Но важны не только отдельные исследования; необходим интегративный подход, который позволит понять, каким образом взаимосвязаны между собой все эти линии развития человека (Гусельцева, 2007; Лактионова 2016; Махнач, 2016; Постылякова, 2004; и др.). Так, говоря, например, о влиянии семьи на жизнеспособность ребенка, мы должны понимать, какие процессы происходят в обществе, в каком направлении изменяется сам институт семьи, как влияют на развитие семьи, ее ценностей экономика и культура и т. д. В противном случае наши исследования оказываются оторванными от жизни (Лактионова, 2016).

Организация междисциплинарных исследований или хотя бы совместного обсуждения проблемных областей для дальнейшей координации усилий могла бы, по нашему мнению, серьезно повлиять на развитие научного понимания. Это согласуется с точкой зрения М. С. Гусельцевой (Гусельцева, 2007) о том, что постнеклассическая психология представляет собой такое состояние знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели, описы-

вающие отдельные аспекты психической реальности) составляют взаимосогласованную сеть.

Считаем правомерным рассматривать жизнеспособность как метасистемный феномен/понятие (метаспособность). Компонентами, жизнеспособности выступают индивидуальные способности человека к сознанию и рефлексии в качестве метапроцессуального регулятора активности человека – деятельностной, поведенческой, коммуникативной, определяющие оптимальный/неоптимальный способ индивидуальной интеграции всех компонентов регуляции и регулирующих факторов социальной среды на разных уровнях организации психики (индивидуальном, личностном, субъектном) (Лактионова, 2016).

Предполагается, что уровень развития жизнеспособности соотносится со сформированностью ее компонентов, в качестве которых мы выделяем следующие:

- 1) активность как индивидуально-типологическое, функциональное качество личности, представляющее собой индивидуальный ресурс жизнеспособности и включающее активность личности, формально-динамические темпераментальные проявления активности и активность на индивидуальном уровне (нейродинамические проявления активности);
- 2) сознание как система знаний о мире и о «себе в мире», проявляющееся в виде смысловых образований, ведущая роль которых как личностных детерминант процессов регуляции и саморегуляции человека рассматривается многими исследователями (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. В. Знаков, Д. А. Леонтьев и др.); с нашей точки зрения, именно смысловые образования возможно рассматривать в качестве «ключевого ресурса» жизнеспособности;
- 3) способность к рефлексии как процессуального аспекта сознания.

В качестве компонентов регуляции мы рассматриваем:

- способность к саморегуляции как одну из базовых способностей личности, которая осуществляется на трех уровнях: физиологическом, включающем механизмы энергетического обеспечения саморегуляции, психодинамическом и личностном;
- контроль поведения как психологический индивидуальный ресурс субъектной саморегуляции;
- психологические защиты и совладающее поведение как комплекс единых механизмов саморегуляции, включающих разные уровни регуляции (неосознаваемые и осознаваемые);

- метапроцессы (операционные механизмы рефлексии) как система метакогнитивной регуляции. Метакогнитивные способности рассматриваются в качестве особого типа интеллектуальных способностей, которые проявляются в виде характеристик стилевого поведения. Когнитивные стили в качестве метакогнитивных способностей являются одним из проявлений сформированности базовых механизмов регуляции поведения; симптомокомплекс «метакогнитивной одаренности» включает высокую самооценку, внутренний локус контроля, высокую мотивацию достижений, гибкость и эффективность копинг-механизмов (Deci, 2001).

В качестве регулирующих факторов социальной среды мы рассматриваем роль семьи и общества как микро- и макросоциальные факторы жизнеспособности.

Выполненные нами ранее эмпирические исследования жизнеспособности и социальной адаптации подростков (Лактионова, 2014), подтвердили предположение о том, что смысловые образования возможно рассматривать в качестве «ключевого ресурса» жизнеспособности как интегральной способности к адаптации. Низкая самооценка и негативное отношение к другим людям являются основными характеристиками, отрицательно связанными с жизнеспособностью в группах дезадаптивных подростков и подростков-сирот. Была подтверждена также взаимосвязь жизнеспособности с саморегуляцией, контролем поведения, совладающим поведением и психологическими защитами, мотивацией достижения и коммуникативными особенностями. Исследование также выявило вклад симптомокомплекса «метакогнитивной одаренности» в уровень развития жизнеспособности и социальной адаптации подростков. Положительная самооценка, внутренний локус контроля, высокая мотивация достижений, гибкость и эффективность копинг-механизмов связаны с социальной адаптацией и жизнеспособностью подростков (Лактионова, Махнач, 2009).

Организация и методики эмпирического исследования

Целью исследования, проведенного нами на выборке взрослых (18–65 лет), являлся анализ взаимосвязей между жизнеспособностью, смысловыми образованиями и уровнем развития рефлексивности, которые, согласно нашей гипотезе, выступают в качестве индивидуальных компонентов жизнеспособности. При этом мы предположили, что базовые убеждения в зависимости от их содержания могут являться как ресурсом жизнеспособности, так и фактором риска (Лактионова, 2017).

Методики исследования

В исследовании использовались следующие методики: 1) методика определения уровня рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева); 2) «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации О. Кравцовой; 3) «Тест жизнеспособности взрослых» (RRC-ARM) Исследовательского центра жизнеспособности (Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM), оценивающий три фактора жизнеспособности: индивидуальные характеристики (индивидуальные навыки, индивидуальную поддержку со стороны друзей и индивидуально-социальные навыки), семейную поддержку (показатели физической и психологической заботы), контекст (показатели культуры, образования и духовности): чем выше показатель каждого фактора, тем выше показатель общей жизнеспособности; 4) тест «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда.

Результаты исследования

В результате было выявлено, что:

- 1) индивидуальные характеристики жизнеспособности данной выборки, в качестве которых мы исследовали смысловые образования (базовые убеждения и интернальность) и уровень развития рефлексии, являются ресурсом жизнеспособности, если включают в себя интернальность, положительную самооценку и убеждение в том, что мир полон смысла;
- 2) при этом интернальность испытуемых положительно связана с отношением к миру как осмысленному и контролируемому и отрицательно – с базовым убеждением «случайность как принцип распределения происходящих событий»;
- 3) уровень развития рефлексивности у данной выборки связан с оценкой мира как справедливого и контролируемого. Это базисное убеждение является ресурсом жизнеспособности. Таким образом, рефлексивность опосредованно связана с жизнеспособностью;
- 4) рассматривая особенности изучаемых характеристик и специфику их взаимосвязей с жизнеспособностью в группах мужчин и женщин, мы получили ряд различий:
 - рефлексивность в группе мужчин в отличие от группы женщин является адаптивным регулятивным механизмом, связанным с их общей жизнеспособностью;

- базовыми убеждениями, представляющими ресурс жизнеспособности у мужчин, являются осознание ими мира как благо-склонного, наполненного добротой людей, в то время как в группе женщин жизнеспособность связана с убеждением о справедливости и контролируемости мира.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Гусельцева М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психология. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 107–109.
- Лактионова А. И. Формирование жизнеспособности подростков // Психология профессиональной деятельности и работы с профессионалом / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2014. С. 224–247.
- Лактионова А. И. Развитие жизнеспособности человека в онтогенезе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 79–86.
- Лактионова А. И. Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 37–50.
- Лактионова А. И., Махнач А. В. Влияние личностных и средовых характеристик на жизнеспособность и социальную адаптацию старшеклассников // Другое детство. Сборник тезисов участников Второй Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития / Ред. Л. Ф. Обухова, И. А. Корепанова. М., 2009. С. 216–218.
- Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М., 2016.
- Махнач А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16.
- Постылякова Ю. В. Психологическая оценка ресурсов совладания со стрессом в профессиональных группах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2016.
- Théorêt M. La résilience, de l'observation du phénomène vers l'appropriation du concept par l'éducation // Revue des Sciences de l'éducation. 2005. V. 31. № 3. P. 633–658.

Structures of meaning as a “key resource” of resilience

A. I. Laktionova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

Resilience is considered as a meta-ability. Resilience components are the individual's ability to consciousness and reflection, and acting as a metaprocessual regulator of human activity – activity, behavior, communication. Those components are determining the optimal/non-optimal way of individual integration of regulation and regulating factors of the social environment at different levels of mental organization (individual, personal, subjective). It was shown that it is possible to consider structures of meanings as a “key resource” of resilience. The data of experimental studies confirming this provision are given.

Keywords: resilience, structures of meaning, self-regulation, reflexivity.

Социальная поддержка жизнеспособности профессионалов сферы защиты прав детей-сирот¹

Т. Ю. Лотарева (Москва)

аспирант Института психологии РАН; e-mail: lotaya@mail.ru

Жизнеспособность как способность человека к преодолению трудностей, восстановлению и развитию обеспечивает такое качество профессионалов социальной сферы, которое помогает позитивно адаптироваться к стрессам недостатка ресурсов и обеспечивает профессиональный рост. Ресурсы социальной поддержки выступают факторами защиты жизнеспособности профессионалов. Выдвинуто предположение о значении семейных ресурсов для жизнеспособности профессионалов сферы защиты прав детей-сирот. Приведены результаты исследования шести компонентов жизнеспособности (по А. В. Махначу) на выборке из 100 специалистов, работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Показаны связи семейных ресурсов с компонентами Самоэффективность, Настойчивость, Совладание, Духовность. Выявлены специфические механизмы совладания профессионалов, которые позволяют говорить о значении семейных ресурсов для их жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, социальная поддержка, семейные ресурсы, профессионалы сферы защиты прав детей-сирот.

Постановка проблемы

Традиция изучения жизнеспособности профессионалов социальной сферы берет начало в работах исследователей Европы и США. Подчеркивается, что жизнеспособность обеспечивает такое качество профессионала социальной сферы, которое помогает ему позитив-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00702.

но адаптироваться к стрессам недостатка ресурсов, ограниченной поддержки, текучести кадров, высокого уровня ответственности (Collins, 2008) и обеспечивает профессиональный рост (Morrison, 2007). Поэтому жизнеспособность социальных работников следует развивать на этапе профессионального обучения в целях обеспечения, как их собственного благополучия, так и качественной работы с социальными клиентами (Grant, Kinman, 2012).

В отечественной психологии понятие «жизнеспособность человека» разрабатывается в исследованиях А. И. Лактионовой, А. В. Махнача, Е. А. Рыльской. Они убедительно показали, что жизнеспособность человека интегрирует способности человека к адаптации, выживанию, развитию, стрессоустойчивости, и определили это понятие как «способность человека к управлению собственными ресурсами, обеспечивающими высокий предел личностной психической адаптации в контексте развития личности, а также социальной и профессиональной самореализации человека в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Лактионова, 2013, с. 115). Принимая во внимание средовой и культурный контекст, А. В. Махнач выделяет такие компоненты жизнеспособности человека, как: самоэффективность, настойчивость, интернальный локус контроля, совладание, духовность и нравственность, семейная и социальная поддержка (Махнач, 2016).

Деятельность профессионалов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот, связана с поиском и усилением необходимых для этого социальных ресурсов (устройством детей в кровные и приемные семьи, воспитанием детей-сирот в условиях групп семейного типа). При этом психологической науке недостаточно известно о значении семейных ресурсов для самих профессионалов в формировании их жизнеспособности. Семейные ресурсы определяются как «ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные и физические качества, которые члены семьи используют при ответе на стрессор» (Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Махнач, Постылякова, 2013). По нашему предположению, семейные ресурсы имеют особое значение и могут выступать в качестве факторов поддержания и развития жизнеспособности исследуемой группы профессионалов, что показано в наших исследованиях (Лотарева, 2016, 2017).

Организация и методы эмпирического исследования

Цель исследования – определение связи компонентов жизнеспособности с семейными ресурсами.

Выборку исследования составили 100 специалистов: 17 социальных педагогов, 7 социальных работников, 31 воспитатель, 33 педагога-психолога, 6 инспекторов органов опеки и попечительства, 3 логопеда, 3 учителя-дефектолога. Среди специалистов 2 мужчин и 98 женщин. Средний возраст по выборке – 40 лет. В группе респондентов 60 человек – состоящие в браке и 40 человек – на период обследования в браке не состоящие. 36 человек не имеют детей, 64 человека имеют детей.

Методики исследования

Для изучения взаимосвязей семейных и социальных ресурсов и жизнеспособности профессионалов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот, были использованы следующие методики: Шкалы общей самооффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В. Г. Ромека (Шварцер и др., 1996); Шкала копинг-поведения в стрессовых ситуациях Н. Эндлера, Д. Паркера (Крюкова, 2001); Вопросник самоактуализации личности (Калина, 1998); тест «Жизнеспособность взрослого человека», (Махнач, 2016); тест «Семейные ресурсы» А. В. Махнача, Ю. В. Постыляковой (Махнач, Прихожан, Толстых, 2013).

Для определения связи семейных ресурсов с компонентами жизнеспособности профессионалов проведена статистическая обработка данных с использованием корреляционного анализа по Спирмену. В целях выявления связи переменных «брак» и «дети» были использованы критерии Манна–Уитни, Краскела – Уоллеса.

Результаты исследования

Шкала «Самооффективность» имеет значимые положительные корреляции с такими шкалами теста «Семейные ресурсы», как: «Решение проблем в семье» ($r=0,45$; $p \leq 0,05$), «Управление семейными ресурсами» ($r=0,48$; $p \leq 0,05$), «Финансовая свобода» ($r=0,38$; $p \leq 0,05$). Эти данные позволяют предполагать, что развитые системные семейные ресурсы специалистов положительно сказывается на их уверенности в собственной эффективности. Последняя определяется тем, что респонденты ощущают свою уверенность в умении использовать семейные ресурсы в нужное время, обращаясь к ним для решения проблем. Вместе с тем важным условием самооффективности выступает уверенность профессионалов в финансовом благополучии своей семьи. Связанность ощущения финансовой независимости и самооффективности также свидетельствует о том, что многие

профессионалы связывают свою эффективность с оценкой своего труда, выраженной в материальном поощрении – заработной плате, премиях по результатам эффективной деятельности.

Выявленные корреляционные связи между показателями шкал «Самозффективность» и «Копинг, ориентированный на решение задач» ($r=0,3$; $p\leq 0,01$) закономерны, так же как и отрицательная связь между шкалами «Самозффективность» и «Копинг, ориентированный на эмоции» ($r=-0,48$; $p\leq 0,01$). Эти данные свидетельствуют о преимущественной направленности на решение задачи в профессионально сложных стрессогенных ситуациях с намерениями проанализировать всевозможные варианты решений и принять наиболее оптимальное. Вместе с тем выявленная положительная корреляция между шкалами «Самозффективность» и «Копинг социальное отвлечение» ($r=0,44$; $p\leq 0,01$) указывает на наиболее часто встречающуюся форму социального поведения в совладании с трудными ситуациями: респонденты стараются искать помощь у окружающих их близких, коллег, поддерживать общение с ними для того, чтобы справиться с этими ситуациями. «Социальное отвлечение» как механизм совладания представляет собой способ совладания посредством отвлечения на отношения с другими людьми. Также была выявлена корреляция между шкалами «Настойчивость» (тест «Жизнеспособность взрослого человека») и «Копинг социальное отвлечение» ($r=0,4$; $p\leq 0,01$). Настойчивость как компонент жизнеспособности человека свидетельствует о его упорстве, определяет самодисциплину и желание восстанавливать баланс после воздействия неблагоприятных событий жизни, и это происходит благодаря поиску социальной поддержки, конструктивной активности, направленной на общение, обсуждение случившихся событий с коллегами и близкими. Также полученные данные свидетельствуют о том, что более выраженный ресурс общения с эмоционально близкими людьми (родными и коллегами) связан с готовностью проявлять настойчивость, и указывают на перспективу развития системы поддерживающих профессиональных сообществ в среде специалистов, работающих с детьми-сиротами.

Для исследования влияния фактора «Брак» на жизнеспособность профессионалов, работающих с детьми-сиротами, выборка была поделена на 2 группы. Поскольку среди профессионалов, не состоящих в браке, были выявлены разные стадии развития семейной системы (после развода, вдовы или женщины, еще не вступившие в брак), шкалы теста «Семейные ресурсы» не рассматривались (таблица 1).

Выявлено, что респондентов, состоящих в браке, отличает выраженный копинг, ориентированный на решение задач, и ко-

Таблица 1

Различия по критерию Манна–Уитни в двух группах профессионалов: состоящих и не состоящих в браке

Тесты	Показатели	Группа	Средний ранг	Сумма рангов	Асимпт. знач. (двухсторонняя)
I	Копинг, ориентированный на решение задач	0	40,38	1655,5	0,003
		1	57,53	3394,5	
	Копинг социальное отвлечение	0	43,16	1769,5	0,03
		1	55,60	3280,5	
II	Совладание и адаптация	0	40,26	1610,5	0,05
		1	57,33	3439,5	

Примечание: Группы: 0 – не состоят в браке (n=40), 1 – состоят в браке (n=60); I – шкала копинг-поведения в стрессовых ситуациях Н. Эндлера, Д. Паркера; II – тест «Жизнеспособность взрослого человека».

Таблица 2

Различия по критерию Манна–Уитни в двух группах профессионалов, имеющих и не имеющих детей

Тесты	Показатели	Группы	Средний ранг	Сумма рангов	Асимпт. знач. (двухсторонняя)
I	Спонтанность	0	66,16	2315,50	0,001
		1	42,07	3394,50	
II	Настойчивость	0	48,10	1491,00	0,049
		1	37,49	1912,00	
	Семейные взаимосвязи	0	57,37	1778,50	0,001
		1	31,85	1624,50	
	Совладание и адаптация	0	42,18	1518,50	0,03
		1	55,18	3531,50	

Примечание: Группы: 0 – имеют детей (n=65), 1 – не имеют детей (n=35); I – Вопросник самоактуализации личности; II – тест «Жизнеспособность взрослого человека».

пинг социального отвлечения, а также более высокие показатели по шкале «Совладание и адаптация». По-видимому, факт нахождения в браке способствует развитию механизмов совладания профессионалов с трудностями и расширяет диапазон поведенческих стратегий.

Похожим образом на структуру жизнеспособности профессионалов влияет переменная «Дети» (таблица 2). Респонденты, имеющие в семье детей, высоко оценивают свою способность к совладанию и адаптации. Их отличают более выраженная настойчивость, опора на семейные взаимосвязи и высокая оценка ресурса эмоциональных связей в своей семье. Значимо выше респонденты, имеющие детей, оценивают свою спонтанность, что выступает признаком самоактуализации личности. Таким образом, наличие детей связано с усилением таких компонентов жизнеспособности профессионалов, как духовность и нравственность, совладание, настойчивость, социальная поддержка.

Изучение связей независимых переменных с компонентами жизнеспособности профессионалов позволило выявить, что наиболее жизнеспособными являются профессионалы, состоящие в браке и имеющие детей. Настойчивость, наиболее выраженная в группе респондентов, имеющих детей, проявляется в способности осваивать новые, необходимые для ситуации навыки, стремиться выполнять стоящие перед ними задачи, проявляя включенность и выдержку.

Заключение

Исследование корреляционных связей показало связь самоэффективности как компонента жизнеспособности с семейными ресурсами. Наличие брака и детей связано с более развитыми механизмами совладания в группе профессионалов социальной сферы. Эти данные свидетельствуют о значении семейной поддержки для жизнеспособности профессионалов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот.

Выявлен специфический механизм совладания профессионалов с трудными ситуациями, который состоит в поиске общения с друзьями, коллегами, близкими и связан с настойчивостью и самоэффективностью как компонентами жизнеспособности.

Таким образом, результаты исследования актуализируют задачу развития системы социальной поддержки профессионалов сферы защиты прав детей-сирот как условия сохранения и поддержания их жизнеспособности.

Литература

Калина Н. Ф. Вопросник самоактуализации личности // Журнал практического психолога. 1998. № 1. С. 65–75.

- Крюкова Т. Л. О методологии исследования и адаптации опросника диагностики совладающего (копинг-) поведения // Психология и практика. Вып. 1 / Ред. В. А. Соловьева. Кострома, 2001. С. 70–82.
- Лактионова А. И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности как метаспособности // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2013. С. 109–126.
- Лотарева Т. Ю. Влияние социальной поддержки на формирование жизнеспособности профессионалов социальной сферы // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 570–581.
- Лотарева Т. Ю. Роль социальной поддержки в развитии жизнеспособности профессионалов социальной сферы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 64–72.
- Махнач А. В. Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 46–70.
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И., Постылякова, Ю. В. Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108–122.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В. Модель жизнеспособности семьи // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 438–460.
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: практическое руководство. М., 2013.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Г. Русская версия шкалы общей самоофективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.

Social support in resilience of the professionals dealing with protecting of the orphans' rights

T. Y. Lotareva (Moscow)

Postgraduate of the Institute of Psychology of RAS

Resilience as a person's ability to overcome difficulties, restore and develop ensures such a quality of professionals in the social sphere, which helps them to adapt positively to the stresses, provides professional growth

within a lack of resources. The resources of social support are the factors protecting of the professionals' resilience. The assumption about the importance of family resources for the professionals' resilience dealing with protection of the orphans' rights is proposed. The results of a study of six components of resilience (according to A.V. Makhnach) on a sample of 100 specialists working with orphans are presented. The relationship of family resources with resilience components (self-efficacy, perseverance, coping, spirituality) is shown. Specific mechanisms of coping of professionals that allow us to talk about the importance of family resources for their resilience are revealed.

Keywords: resilience, social support, family resources, professionals dealing with protection of the orphans' rights.

Актуальность изучения жизнеспособности: человека, семьи, общества¹

А. В. Махнач, Л. Г. Дикая** (Москва)*

** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: atak@inbox.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: larchick38@mail.ru*

В статье описываются актуальные темы изучения жизнеспособности взрослых, семьи и общества. Делается акцент на исследовании этих новых для психологии понятий посредством изучения психологических факторов защиты и риска. Высказывается идея воспитания жизнеспособного поколения, которая должна быть выдвинута на уровень национального приоритета в общегосударственной, социальной, семейной, молодежной политике. Обращено внимание на необходимость разработки общепсихологической концепции жизнеспособности человека, семьи, общества и теоретическую готовность к этому современной науки. Подчеркивается важность лонгитюдных исследований для понимания феномена жизнеспособности человека, семьи или большой социальной группы. Отмечается появление нового понятия в психологии – «жизнеспособность семьи», концептуализация которого только начинается в современной науке. Тема жизнеспособности семьи с акцентом на ее междисциплинарности раскрывается на примере замещающих семей, воспитывающих сироту. В связи с этим обращено внимание на изучение жизнеспособности группы профессионалов, работающих в социально значимой сфере защиты прав ребенка-сироты.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, жизнеспособность семьи, компоненты жизнеспособности человека, замещающая семья, экологический подход к жизнеспособности.

1 Работа выполнена в соответствии с госзаданием ФАНО РФ №0159-2017-0010.

Бурное развитие новых технологий в деятельности человека, постоянные изменения и нестабильность в социальной, производственной среде, в семейных отношениях, приводящие к росту рисков и неблагоприятия в жизни человека, определяют научный интерес к феномену жизнеспособности. Для устойчивого развития общества необходимо формировать в нем установку на создание условий и норм нравственно-личностного участия граждан в процессе управления развитием социума как базового основания его жизнеспособности. По словам Д. С. Лихачева, «нравственная основа – это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество» (Лихачев, 2000, с. 155).

Проблема влияния природных, социально-психологических факторов на адаптивность, ресурсность и в конечном итоге – на жизнеспособность человека, семьи и общества является чрезвычайно сложной. В качестве специального объекта исследования она выступает относительно недавно. В «Глобальном индексе жизнеспособности» по трем ключевым его факторам («Политический риск», «Эффективность инфраструктуры», «Воздействие рисков и способность к управлению ими») Россия за последний год ухудшила свои показатели и перешла с 68 на 75 место из 130, имея по двум последним драйверам развития оценку 30,7 и 24,2 из 100 баллов соответственно. По показателю «Эффективность инфраструктуры, способствующей качеству жизни населения», включающей контроль коррупции, наличие и качество инфраструктуры, Россия имеет худшие показатели среди оцениваемых стран – 89 место, однако отмечается незначительное улучшение: оно было 94 в 2015 г. (Жизнеспособность..., 2016; Resilience Index, 2016). Социально-экономическое состояние российского общества постоянно на протяжении последних тридцати лет определяется теми психологическими вызовами политических, экономических и социальных событий, через которые прошла Россия. Не случайно в связи с этим сложным, тяжелым, а иногда и критическим состоянием общества в разные периоды его развития «формируется запрос на участие психологии в решении задач, связанных с психологическими факторами социально-экономических успехов общества» (Журавлёв и др., 2013, с. 4). Продуманная стратегия в направлении требуемых для общества изменений и необходимых усилий достигается адаптацией человека, семьи и общества в целом к изменяющимся условиям жизни. Делается это с опорой на характеристики жизнеспособности, которые

необходимо изучать. На адаптацию человека к воздействию условий различного генеза значительное влияние оказывают факторы риска и защитные факторы тех контекстов (природного, социального, семейного, культурного), в которых ему приходится жить и работать. Природные, социальные, семейные, производственные, культурные факторы, оказывающие влияние на жизнеспособность человека, способствуют его позитивной социализации (обучение, поиск работы, устройство на работу, создание условий для собственной жизни и жизни его семьи, формирование социально-экономического статуса) и постоянному развитию.

Актуальность изучения защитных факторов, которые относятся к факторам жизнеспособности, связана с тем, что они уменьшают опасность развития у человека нарушений адаптации, тогда как факторы риска увеличивают вероятность возникновения у него трудностей различного генеза. Поэтому выделение группы факторов при условии, когда одно и то же событие может выступать, как в качестве защитного фактора, так и в качестве фактора риска, и их изучение в зависимости от контекста, в котором они возникают, определяет нашу позицию в изучении жизнеспособности человека, семьи или общества.

Любое общество заинтересовано в жизнеспособных людях, живущих и работающих конструктивно и реализующих свой потенциал. Работы в этом направлении проводились и проводятся, но проблема исследования жизнеспособности человека и особенно семьи в психологии стала приоритетной сравнительно недавно, так как после ухода от идеологии советского времени ценностные ориентиры перестали задаваться извне государством. Следствием этого стала потеря российским обществом нравственных ориентиров – в жизни конкретных людей, семей, коллективов. Это вызвано современным состоянием российского общества, которое характеризуется многочисленными проявлениями системного кризиса, охватывающего все сферы жизни – семейной, социальной, экономической, культурной и духовной. Социальное расслоение, трансформация устоявшихся общественных отношений, общая социальная нестабильность, дисгармоничность межличностных отношений и отсутствие уверенности в завтрашнем дне порождают неадаптивные формы социальной жизни людей, детерминируя снижение жизнеспособности целых поколений, их адаптацию в сложных экономических и политических условиях. В этой связи идея формирования жизнеспособного поколения должна быть выдвинута на уровень национального приоритета в общегосударственной, социальной, семейной, молодежной политике. Научная новизна изучения жиз-

неспособности человека, семьи или общества состоит в теоретическом и эмпирическом исследовании этих феноменов в отдельности и в их сочетании и взаимовлиянии.

Теоретическое осмысление данного феномена, его изучение проводится в рамках экологического (Махнач, 2005), ресурсного (Постылякова, 2016), компетентностного (Кондратенко, 2011), метасистемного (Лактионова, 2016), нарративного (Рыльская, 2013), социально-психологического (Нестерова, 2011) подходов. Научный анализ жизнеспособности человека происходит на субъектном, личностном и индивидуальном уровнях.

Возможность разработки общепсихологической концепции жизнеспособности человека, семьи, общества обусловлена теоретической готовностью к этому современной науки. Многочисленные лонгитюдные исследования этого феномена в зарубежной психологии, а также работы российских ученых по изучению адаптации, саморегуляции, контроля поведения, механизмов совладания и жизнестойкости позволяют нам приблизиться к пониманию феномена жизнеспособности человека, семьи и большой социальной группы.

Социальные условия и жизненный опыт, способствующие развитию жизнеспособности человека, следует рассматривать в контексте семьи, общества, культуры в целом и взаимоотношений с близким и широким кругом общения. Жизнеспособность не является универсальной характеристикой человека; она изменяется в зависимости от вида факторов риска и контекстов, в которых живет и работает человек. Семья также становится фактором развития и формирования жизнеспособности человека, который живет, работает в различных неблагоприятных условиях; при этом семейные ресурсы могут выступать адаптирующим или дезадаптирующим фактором.

Говоря о жизнеспособности семьи, мы отмечаем факт появления этого нового понятия в психологии. Во многом термин «жизнеспособность семьи» еще не концептуализирован; его понятийное поле еще менее точно описано по сравнению с понятием «жизнеспособность человека». Необходимость обращения к жизнеспособности семьи вызвана тем, что она традиционно является наиболее существенным ресурсом человека, к которому он обращается в критических ситуациях. Семья дает поддержку, социальную стабильность и защищенность, позволяет обращаться к индивидуальным ресурсам членов семьи и семьи в целом, формирует навыки использования ресурсов и т. п. (Махнач, 2016; Постылякова, 2003).

В наших исследованиях мы раскрываем тему жизнеспособности на примере замещающих семей, воспитывающих сирот. Важным видится проведение теоретического анализа психологической рабо-

ты (психодиагностики, обучения, сопровождения) с замещающими родителями, которая должна осуществляться в контексте развития жизнеспособности всей замещающей семьи. Значимость нашего исследования также обусловлена тем, что в настоящее время активно разворачивается процесс семейного жизнеустройства сирот. Работа с замещающей семьей должна основываться на теоретических положениях социальной модели, а не на традиционной медицинской модели и иметь соответствующее ей практическое обеспечение (Махнач, 2014). Также необходимо учитывать, что в России не проводятся исследования (и, соответственно, отсутствуют данные) замещающих семей, имеющие временную глубину изучения – осуществляющиеся с помощью методов срезов или лонгитюда. Феноменология сиротства и социального неблагополучия детства в лонгитюдном формате позволила бы увидеть такие закономерности и особенности развития замещающей семьи, которые необходимо изучать, как и любое социальное явление, во временной перспективе. Поэтому мы убеждены в том, что научно обоснованным и крайне важным является необходимость проведения в России лонгитюдных исследований такого социально значимого феномена, как сиротство, последствия которого могут проявиться не сразу. С учетом того, что каждый 130–150-й житель страны является сиротой и, соответственно, не всегда имеет позитивный опыт жизни в семье, феноменология сиротства, проанализированная в рамках лонгитюда, является уникальной для российских ученых исследовательской целью, реализация которой поможет углубить понимание жизнеспособности замещающей семьи. Полученные нами ранее данные эмпирического исследования жизнеспособности замещающих родителей позволили увидеть специфику этой группы, выраженность компонентов их жизнеспособности и определить взаимосвязанность этих компонентов с семейными ресурсами и психопатологической симптоматикой (Лактионова, 2016; Махнач, Прихожан, Толстых, 2013; Постылякова, 2016; Проблема сиротства..., 2015). При этом акцент на междисциплинарность исследований позволит увидеть максимально широко риски и защитные факторы для замещающей семьи и приемного ребенка в их полноте – как препятствий, так и возможностей, помогающих развитию их жизнеспособности (Махнач, Дикая, 2016).

В связи с этим тема изучения жизнеспособности группы профессионалов, работающих в социальной сфере защиты прав ребенка-сироты (психологи, социальные работники, педагоги) и интегрирующих способности человека к управлению собственными ресурсами, остается актуальной. Психологическое благополучие самих профессионалов, работающих в социальной сфере, зависит от их представ-

лений о ресурсах, умения видеть их и пользоваться ими. Под нашим руководством Т. Ю. Лотаревой были изучены компоненты жизнеспособности профессионала, работающего в этой сфере (Лотарева, 2016).

Исследование жизнеспособности – индивида, группы, семьи, общества – всегда сопряжено с изучением контекста, в котором она проявляется: индивидуального, социального, экономического, культурного, исторического. Если жизнеспособность человека не опирается на внутренние ресурсы личности, а зависит только от внешних источников, то социальная адаптация достигается условно и существует до тех пор, пока оказывается внешняя поддержка. Как индивид может быть ресурсом для семьи или источником ее проблем, так и семья может способствовать его жизнеспособности или ослаблять ее. Общество может поддерживать семью, профессиональное сообщество или отдельных людей, но может и отвергать их, отказывая в понимании, принятии и т. п. Иногда сложности могут возникать и из-за того, что отдельные люди, семьи и сообщества не умеют воспользоваться имеющимися ресурсами или не располагают доступом к ним. Масштабность и многоаспектность данной проблемы предполагает исследование проявлений разных видов жизнеспособности и ее компонентов на различных выборках и в разных контекстах, изучение специфики их взаимосвязей и изменений в зависимости от контекста.

Таким образом, разработка понятий «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи», объединяющих ряд терминов, часто близких по содержанию, должна привести к построению взаимосвязей между внешними и внутренними факторами, воздействующими на человека и семью, к определению структуры их жизнеспособности и к выделению на основе этого ее системообразующего фактора. Перед научным сообществом остро стоит задача определения дальнейших направлений в исследовании жизнеспособности человека, семьи, коллектива, организации и общества в целом, разработки методологических оснований и методического инструментария для измерения этого качества. С этой точки зрения, представляется важным изучение социума, в котором черпаются ресурсы жизнеспособности человека, и каждый его член обучается умению ими пользоваться. Усилия психологов, исследователей и практиков должны привести к пониманию жизнеспособности как системной характеристики человека и семьи. Концептуализация и операционализация сравнительно нового для отечественной науки понятия, определение его концептуального поля является важной частью дальнейших исследований, в том числе и работы с инструментарием для эмпирического исследования жизнеспособности человека и семьи.

Литература

- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Ч. I «Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи» // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
- Лактионова А. И. Развитие жизнеспособности замещающей семьи в процессе ее сопровождения // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 254–271. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document214.pdf> (дата обращения: 10.04.2017).
- Лактионова А. И., Махнач А. В. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М., 2015. С.193–223.
- Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000.
- Лотарева Т. Ю. Влияние социальной поддержки на формирование жизнеспособности профессионалов социальной сферы // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 570–581.
- Махнач А. В. Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 67–75.
- Махнач А. В. Жизнеспособность семьи: новый объект и концептуальные предпосылки исследования // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М., 2016. С. 350–375.
- Махнач А. В., Дикая Л. Г. Междисциплинарные и межсистемные исследования жизнеспособности человека: состояние и перспективы (вместо введения) // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 7–28.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В. Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108–122.
- Постылякова Ю. В. Ресурсный подход в изучении семейного стресса // Психологические проблемы современной российской се-

мьи: материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. М., 2003. С. 69–72.

Постылякова Ю. В. Повышение ресурсности и жизнеспособности кандидатов в замещающие родители в ходе обучения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 272–283. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document215.pdf> (дата обращения: 10.04.2017).

Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М., 2015.

Contemporary problems of studying resilience: the individual, family, and society

A. V. Makhnach*, L. G. Dikaya** (Moscow)

*Candidate of psychological Sciences, senior researcher officer of the Institute of Psychology of RAS

** Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, chief scientific officer of the Institute of Psychology of RAS

The paper describes contemporary topics of studying resilience of adults, families and society. The emphasis is placed on the study of these new concepts for psychology through the study of psychological factors of protection and risk. The idea of bringing up a resilient generation is stated, which should be put forward to the level of the national priority in the nation-wide, social, family, and youth policy. Attention to the need to develop a general psychological concept of human, family, and society resilience and theoretical readiness for that modern science is drawn. The importance of longitudinal studies for understanding resilience phenomenon of a person, a family or a large social group is underlined. The emergence of a new concept in psychology – “family resilience”, the conceptualization of which is only in the beginning point in modern science is discussed. The topic of family’s resilience with an emphasis on its interdisciplinarity is revealed by the example of foster families raising the orphans. In this regard, attention to the study of resilience of professionals working in the socially significant sphere of protecting the rights of an orphaned child is drawn.

Keywords: human resilience, family resilience, human resilience components, foster family, ecological approach to resilience.

Потребностно-мотивационный и регуляторный компоненты жизнеспособности безработной молодежи

А. А. Нестерова (Москва)

*доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии
Московского государственного областного университета;
e-mail: anesterova77@rambler.ru*

В статье рассматриваются особенности регуляционной, мотивационно-потребностной и ценностной сфер безработных и их влияние на адаптивность и жизнеспособность в условиях безработицы. В исследовании принимало участие 423 человека (безработные молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет). Выявлено, что безработные молодые люди характеризуются реципрокной и утилитарной системой ценностей, внутренней конфликтностью системы ценностей, в то время как в подгруппе работающих молодых людей, ценности в большей мере ориентированы на деятельность и результат. Безработные молодые люди в системе ценностей ориентированы на гедонизм, деньги, власть, межличностные отношения, которые имеют для них большое значение и являются доминирующими в процессе смыслообразования и жизнестроительства.

Ключевые слова: жизнеспособность, молодые безработные, потребностно-мотивационная сфера, саморегуляция, ценности.

Жизнеспособность в ситуации потери работы

На сегодняшний день ученые во всем мире все больше в своих исследованиях рассматривают различные аспекты жизнеспособного поведения людей, находящихся в различных трудных жизненных ситуациях. Так, например, в зарубежной психологии проведена целая серия исследований, посвященных факторам риска в развитии молодежи и жизнеспособности как условию преодоления этих рисков.

В зарубежной психологии есть также ряд исследований, посвященных жизнеспособности в ситуации безработицы. Эти исследования показывают, что безработица оказывает сильное влияние на жизнь и самого безработного, и его семьи. Потеря работы занимает одно из лидирующих мест в рейтинге десяти самых травмирующих личность событий жизни (Hanisch, 1999). Безработицу можно считать одним из потенциальных источников возникновения трудной жизненной ситуации для взрослого человека, так как потеря работы снижает или полностью депривирует экономические ресурсы, социальные контакты с коллегами, возможности самореализации и самоидентификации.

В рамках научной школы экологического реализма исследователями было установлено, что основными факторами риска в ситуации потери работы являются длительные периоды отсутствия работы, наличие финансовых затруднений, ощущение собственной невостребованности, отсутствие навыков поиска работы. К числу личностных качеств, характеризующих жизнеспособные и эффективные формы поведения в ситуации потери работы, относят низкий уровень дезадаптивности, высокий уровень социальной активности, способности к контролю и эмоциональной саморегуляции (Glantz, Sloboda, 1999). Среди наиболее важных черт, способствующих жизнеспособности безработных, Г. Вагнилд и Х. Янг отмечают личностную компетентность (уверенность в своих силах, независимость, идентичность, мастерство, находчивость, настойчивость) и принятие себя и своей жизни (адаптируемость, гибкость, стабильная жизненная перспектива) (Wagnild, Young, 1993). Получены эмпирические доказательства защитной функции ресурсов личности в смягчении эффектов тяжелой ситуации – выносливости (Farber et al., 2000), механизмов совладания (Folkman, Moskowitz, 2000), социальной поддержки (Neill, Dias, 2001).

Стратегия совладания в ситуации потери работы является важным условием, определяющим психологическое благополучие, субъективную оценку человеком своего статуса. Отрицательные атрибуции потери работы связаны с уменьшением благополучия безработных. Ванберг и его коллеги выяснили, что высокое самоуважение, интернальный локус контроля, уверенность человека, что он сможет найти работу, являются важным предсказателем того, что безработный быстро и эффективно решит эту задачу (Wanberg et al., 2005). Поскольку многие зарубежные авторы рассматривают жизнеспособность как процесс, предполагается, что положительные результаты преодоления ситуации потери работы – результат действия различных компонентов жизнеспособности, которые смягчают отрицательные воздействия безработицы.

Предикторы жизнеспособности в ситуации потери работы

Изначально понятие жизнеспособности возникло в рамках психопатологии, но со временем оно стало широко использоваться во многих отраслях знания вследствие растущих научных запросов: генетического, физиологического, когнитивного, социально-экономического и социокультурного. Учитывая столь широкое и разнообразное внимание к понятию жизнеспособности в разных отраслях науки, неудивительно, что существует целый ряд дефиниций жизнеспособности. Отсюда возникает методологическая проблема разобщенности терминологии, необходимости создания интегрального, объединяющего разные аспекты, конструкта этого явления.

Мы в своих исследованиях трактуем жизнеспособность как способность людей, семей, групп и сообществ осознать и использовать свои внутренние и внешние ресурсы, содействующие эффективно сопротивлению бедствиям и депривирующим факторам теми стратегиями, которые детерминируют благополучие, социальное здоровье, личностный рост и навыки конструктивно преодолевать трудные жизненные ситуации (Нестерова, 2010).

Одной из важнейших проблем психологической науки является поиск наиболее устойчивых во времени и обнаруживающих кросс-ситуативную стабильность индивидуально-личностных детерминант успешного поведения, физического и психического благополучия, адаптивности и жизнеспособности человека. На сегодняшний день не так много исследований, которые выявляют личностные предикторы эффективного поведения в трудных жизненных ситуациях, в том числе в ситуации потери работы. Самой удобной моделью для изучения этой проблемы продолжают оставаться лонгитюдные исследования, позволяющие проследить ход возрастных изменений в пространстве-времени жизни субъекта. Замечено, что коэффициенты стабильности поведения увеличиваются с возрастом, и их величина уменьшается с увеличением временных интервалов между экспериментами и наблюдениями. Росс и Нисбет отмечают низкую возможность личностно-индивидуальных особенностей выступать в качестве предиктора поведения в конкретной ситуации. Коэффициент корреляции между диспозиционной чертой личности и проявлением этой черты в ситуации составляет около 0,30, но даже этот коэффициент является весьма значимым для прогностики поведения человека в ситуации нестабильности, а также для разработки сопровождающих и коррекционных мероприятий для человека, находящегося в ситуации кризиса и жизненных проблем (Росс, Нисбет, 1999).

Результаты эмпирического исследования

В проведенном нами эмпирическом исследовании были выявлены следующие особенности регуляционной, мотивационно-потребностной и ценностной сфер безработных и их влияние на адаптивность и жизнеспособность в условиях безработицы.

В качестве преобладающего стиля регуляции у безработных выделено программирование ($t=4,05$, $p<0,01$). Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о сформировавшейся у человека потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, о детализированности и развернутости разрабатываемых программ.

Показатели самостоятельности у безработной молодежи ниже, чем в группе работающих молодых людей ($t=2,73$, $p<0,01$). Планы и программы действий разрабатываются ими несамостоятельно; они часто и некритично следуют чужим советам.

В группе безработной молодежи значительно выше общий уровень саморегуляции ($t=2,52$, $p<0,05$), что объясняется напряженностью ситуации потери и последующего поиска работы. В этих условиях у безработного возникает необходимость контролировать свое эмоциональное состояние и поведение, хотя сверхконтролируемость зачастую не способствует адаптивному поведению и жизнеспособности в ситуации потери работы.

Среди выборки безработных молодых людей статистически значимо чаще встречается конвенциональный тип личности ($t=3,13$, $p<0,01$). Люди конвенционального типа предпочитают структурированную деятельность. Они любят заранее планировать, хорошо выполняют рутинную работу, четко придерживаются существующих инструкций и предписаний. Вместе с тем они в меньшей степени способны к инновациям, творчеству и креативности.

Группа безработных характеризуется следующими показателями.

В структуре мотивационно-ценностной сферы в большей мере на жизнеспособность и конструктивные стратегии совладания с потерей работы влияют такие мотивы и ценности, как ориентация на труд, результат, альтруизм. Безработные в большей части ориентированы на деньги ($t=2,06$, $p<0,05$), а работающие – на результат ($t=1,98$, $p<0,05$).

Среди ценностей у безработных наиболее выражены: гедонизм ($t=2,08$, $p<0,05$), власть ($t=2,05$, $p<0,05$), конформность ($t=3,84$, $p<0,01$), традиции ($t=2,30$, $p<0,05$), которые в меньшей степени определяют жизнеспособность личности в трудной жизненной си-

туации. Безработные, ориентированные на вышеперечисленные ценности, отличаются низким уровнем жизнеспособности.

Результаты исследования дают основания утверждать, что безработные в меньшей степени интернальны в отношении ситуации с поиском работы. Они считают, что в ситуации с поиском работы от них мало что зависит. Примечательно, что безработные молодые люди, в чьей системе ценностей и мотивации преобладает ориентация на материальное благополучие, выбирают неэффективные стратегии совладающего поведения – разрядку или отрицание наличия проблем. Безработные, ориентированные в системе ценностей на власть, чаще прибегают к неэффективным способам совладания с проблемной ситуацией; им сложно действовать структурировано и поэтапно.

Корреляционный анализ показал, что наиболее конструктивной мотивацией в структуре потребностной сферы безработных является ориентация на процесс, на труд и альтруизм. Именно эти типы мотивации в большей мере связаны с высоким уровнем жизнеспособности молодежи. Среди наименее эффективных мотивационных ориентаций, влияющих на жизнеспособность молодых людей, можно отметить ориентацию на власть и эгоизм.

Заключение

Подводя итог результатов исследования потребностно-мотивационной и регуляторной сфер респондентов, можно выявить общие закономерности в подгруппах работающих и безработных молодых людей. Для подгруппы исследованных безработных молодых людей характерны утилитарная система ценностей, наличие внутренних ценностных конфликтов и диссонансов. В подгруппе работающих молодых людей в большей мере отмечается ориентированность на деятельность и результат. В потребностно-мотивационной и ценностной сферах безработных преобладает ориентация на деньги, власть, гедонизм, межличностные отношения. Межличностные отношения имеют для безработной молодежи большое значение и являются доминирующими в процессе смыслообразования и жизнетворчества. Среди наиболее конструктивных ценностей, влияющих на жизнеспособность и эффективное совладающее поведение безработных, можно отметить ценность саморегуляции, стимулирования и достижения, среди отрицательно влияющих ценностей – ценность гедонизма, чрезмерную привязанность к традициям и конформность.

Ситуации потери работы, поиска работы отличаются неопределенностью и нестабильностью, что часто предопределяет изме-

нение потребностно-ценностной сферы человека, ее переориентацию с ценностей-целей на ценности-средства. Стоит также отметить возрастание значимости близких людей в ценностных ориентирах молодежи. Друзья, семья, знакомые становятся приоритетными составляющими жизни молодого человека, так как именно в ближайшем окружении они ищут поддержки и помощи в сложившейся ситуации. Часто общезначимые ценности отходят на второй план. Для молодого человека ценно то, что находится в пределах доступности для него и способно оказать поддержку в трудную минуту, то, на что он может рассчитывать и в чьей судьбе может принимать деятельное участие.

Жизнеспособность в ситуации поиска работы зависит от стабильности системы ценностей и мотивов молодых людей, их способности к саморегуляции в сложных условиях потери работы.

Литература

- Нестерова А. А.* Жизнеспособность и ресурсы совладания молодежи в ситуации безработицы // Человеческий капитал. 2010. №6. С. 78.
- Росс П., Нусбет П.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.
- Farber E., Schwartz J., Schaper P., Moonen D., McDaniel J.* Resilience factors associated with adaptation to HIV disease // Psychosomatics. 2000. V. 41. P. 140–146.
- Folkman S., Moskowitz T. J.* Positive affect and the other side of coping // American Psychologist. 2000. V. 55. P. 647–654.
- Glantz M. D., Sloboda Z.* Analysis and reconceptualization of resilience // Resilience and development: Positive life adaptations / Eds M. D. Glantz, J. L. Johnson. N. Y.: Kluwer Academic/Plenum, 1999. P. 109–126.
- Hanisch K. A.* Job loss and unemployment research from 1994 to 1998: A review and recommendations for research and intervention // Journal of Vocational Behavior. 1999. V. 55. P. 188–220.
- Neill J. T., & Dias K. L.* Adventure education and resilience: The double-edged sword // Journal of Adventure Education and Outdoor Learning. 2001. V. 1. P. 35–42.
- Wagnild G. M., Young H. M.* Development and psychometric evaluation of the Resilience Scale // Journal of Nursing Measurement. 1993. V. 1. P. 165–178.
- Wanberg C. R., Glomb T. M., Song Z., Sorenson S.* Job-search persistence during unemployment: A 10-wave longitudinal study // Journal of Applied Psychology. 2005. V. 90. P. 411–430.

Need-motivational and regulatory components of the resilience of unemployed youth

A. A. Nesterova (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Professor of The Department of social psychology, Moscow State Regional University

The article considers the features of the regulatory, motivational, need and value spheres of the unemployed and their impact on adaptability and resilience in the conditions of unemployment. The study involved 423 people (unemployed young people aged 18 to 30 years). Revealed that unemployed young people are characterized by a reciprocal and utilitarian value system, an internal conflict of values, while in a subgroup of working young people, values are more action-oriented and result-oriented. Unemployed young people in the value system are focused on hedonism, money, power, interpersonal relations, which are of great importance for them and are dominant in the process of meaning formation and life creation.

Keywords: resilience, young unemployed, need-motivational sphere, self-regulation, values.

Роль жизнеспособности в формировании ценностно-мотивационной сферы у молодежи, склонной к девиантному поведению

А. А. Ощепков (Дмитровград, Ульяновская обл.)

*кандидат психологических наук, старший преподаватель
Дмитровградского инженерно-технологического института – филиал
Национального исследовательского ядерного университета МИФИ;
e-mail: sladkod@yandex.ru*

В статье приводится теоретический анализ проблемы формирования ценностно-мотивационной сферы личности современной молодежи. В результате, обозначена важность изучения системы ценностных ориентаций и мотивации молодежи, регулирующей поведение молодого человека, с целью превенции проявления различных форм девиантного поведения. В рамках такого подхода жизнеспособность рассматривается как важный фактор развития у молодежи ориентации на нормативное поведение.

Ключевые слова: личность, ценностные ориентации, жизнеспособность, мотивация, молодежь, девиантное поведение.

В условиях коренных преобразований во всех сферах современного российского общества актуальным становится обретение человеком системы координат, в русле которых он мог бы осмысливать свою жизнедеятельность и перспективы будущего. В связи с этим повышается роль ценностей, выступающих осознанными ориентирами в формировании отношения к миру и к себе. Такая постановка проблемы становится особенно важной в отношении девиантного поведения молодежи. Девиации в поведении человека проявляются в разных формах – как традиционных (агрессия и аутоагрессия, алкоголизм и наркомания, правонарушения и преступления), так и относительно новых (например, интернет-зависимость). В отношении девиантного поведения важность системы ценностей прояв-

ляется как проблема деформации нормативно-ценностной системы личности, связанной с неблагоприятными социальными влияниями в процессе социализации личности.

Проблема формирования ценностных ориентаций личности активно разрабатывается в отечественной психологии. Так, Т. В. Васильева считает, что в современных условиях переосмысления и пересмотра ценностей тема ценностных ориентаций личности приобретает особую значимость, так как именно ими определяется функционирование и развитие человека (Васильева, 2014). Политические и социально-экономические изменения в нашей стране привели к разрушению многих традиционных ценностей, таких как отечество, семья, дружба, общение и др. (Сабирова, Техтелева, 2014). При этом наблюдается перенос центра тяжести в системе взаимодействий «социум – семья – индивид» с общества на индивида (Кудзиева, 2014). В обществе наблюдается недостаток сознательно принимаемых большинством граждан принципов и правил жизни, отсутствие созидательных ориентиров; ценности формируются стихийно (Закревская, 2013).

Особое влияние общественные трансформации оказывают на ценностные ориентации молодого поколения. Проведенный мониторинг ценностных ориентаций молодежи позволил выявить тенденции изменения ценностей и приоритетов современного массового молодежного сознания. В частности, установлено, что одним из негативных его проявлений является снижение толерантности и рост напряженности в сфере межнациональных отношений (Савруцкая, Устинкин, 2014). Известно, что формирование ценностных ориентаций происходит на протяжении всей жизни человека, но наиболее системно, последовательно и глубоко оно осуществляется в период взросления, что требует особого внимания психологов к исследованию ценностной сферы молодежи (Закревская, 2013).

Ценность – это комплексное понятие, разрабатываемое в философии, социологии, психологии, педагогике и других гуманитарных дисциплинах. Понятие ценностей используется для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности человека и общества, определяющие направленность мировоззрения человека и входящие в структуру личности в виде системы ценностных ориентаций.

Изучению проблемы ценностных ориентаций личности посвящены труды К. А. Альбухановой, Б. Ф. Ломова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, и др. Теоретические основы формирования ценностных ориентаций личности разрабатываются в трудах О. Г. Дробницкого, А. Г. Здравомыслова, В. П. Тугаринова и др.

В. А. Сушко, проанализировав теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций Н. А. Бердяева, С. С. Бубновой, Я. Гудечка, Д. А. Леонтьева, М. Рокича, Н. Ф. Сержантова, Э. Шпрангера, приходит к определению ценности как положительной или отрицательной значимости явлений социального мира для человека, которые определяют фундаментальные основы его существования – материальные и духовные. Критерии и способы оценки этой значимости получают выражение в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях (Сушко, 2014).

Автор ставит вопрос о дифференциации ценностей, ссылаясь на выделяемые А. В. Рябовым и Е. Ш. Курбангалеевой «мужские» и «женские» ценности. В частности, в число «мужских» включены следующие ценности: законность, могущество, независимость, природа, профессионализм, равенство, родина, свобода, сотрудничество, труд, убеждения и удовольствие; к «женским» отнесены: вера, внимание к людям, здоровье, милосердие, мир, надежда, образование, покой, порядочность и семья. Особый интерес представляет описание ценностей, которые можно отнести к «молодежным»: дружба, известность, любовь, могущество, независимость, образование, профессионализм, развитие, свобода, смысл жизни, сотрудничество, удовольствие и успех (Рябов, Курбангалеева, 2003). В. А. Сушко обращает внимание на столкновение доминирующих ценностей молодежи, на отсутствие устойчивой системы ценностей, отвечающей перспективам развития общества, указывает на стирание граней между тем, что хорошо, и что плохо (Сушко, 2014).

Т. В. Васильева полагает, что ценностные ориентации являются результатом внутреннего и внешнего взаимодействия в процессе развития личности и представляют собой субъективное отражение объективного мира в сознании конкретного индивида. Ценностные ориентации отражают общечеловеческие позиции, в соответствии с которыми строится поведение индивида в различных жизненных ситуациях. Они образуют фундамент, определяющий качество жизни молодого человека (Васильева, 2014).

К. Э. Тагирова отмечает, что система ценностных ориентаций является важнейшим компонентом структуры личности, так как в ней концентрируется весь жизненный опыт, накопленный личностью в ходе ее индивидуального развития, и в этом плане она выполняет роль регулятора поведения молодого человека (Тагирова, 2010). Под влиянием современных социокультурных условий происходит трансформация старых и формирование новых ценностных ориентаций, в свою очередь регулирующих поведение и деятельность молодежи, ее отношение к разным сторонам действительности, по-

становку и способы достижения значимых для нее целей (Кудзиева, 2014).

Согласно В. А. Ядову, ценностные ориентации, в основе которых лежит система ценностей, являясь одним из центральных личностных образований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности. Система ценностей напрямую связана с направленностью личности, определяет ее содержательную сторону и составляет основу мировоззрения человека, его взглядов на окружающий мир, отношений к другим людям, к себе (Ядов, 2013).

Наряду с ценностными ориентациями, важным психологическим фактором позитивного развития молодого человека является его жизнеспособность. В работах А. А. Нестеровой указывается на то, что одной из важнейших переменных жизнеспособности являются ценности, которые ориентируют на просоциальное поведение; отмечается, что жизнеспособность включает в себя установочно-целевой и мотивационные компоненты. В структуре жизнеспособности человека А. А. Нестерова выделяет также способность к самомотивации и достижениям (Нестерова, 2016).

А. В. Махнач определяет жизнеспособность как «способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы, способности к жизни во всех ее проявлениях, способности не только существовать, но и развиваться вопреки неблагоприятным жизненным событиям» (Махнач, 2016, с. 63). Все это, учитывая интегральный характер ценностно-мотивационной сферы личности и жизнеспособности человека, позволяет говорить о перспективах изучения жизнеспособности как важной характеристики просоциального развития человека и эффективной профилактики девиантного поведения у молодых людей.

Заключение

Таким образом, проблема изучения ценностно-мотивационной сферы личности молодежи в условиях современной российской действительности приобретает особую значимость. Очень важно, чтобы ценностно-мотивационная система личности современной молодежи приобретала нормативный характер, ориентировала молодых людей не на девиантное, а на просоциальное поведение. И в этом плане жизнеспособность выступает важной интегративной характеристикой личности, условием ее позитивного развития.

Литература

- Васильева Т. В.* Проблема формирования ценностных ориентаций студентов // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 87–91.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Закревская О. В.* Особенности ценностных ориентаций старших подростков // Система ценностей современного общества. 2013. № 29. С. 97–103.
- Кудзиева Ф. С.* Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи // Известия Саратовского ун-та. Сер. «Социология. Политология». 2014. № 2. С. 61–65.
- Махнач А. В.* Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 46–70.
- Нестерова А. А.* Социально-психологический подход к пониманию конструкта «жизнеспособность личности» // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 88–111.
- Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш.* Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003.
- Сабирова К. М., Техтелева Н. В.* К проблеме формирования ценностных ориентаций детей-сирот в условиях детского дома // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 3. С. 169–175.
- Савруцкая Е. П., Устинкин С. В.* Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект // Власть. 2014. № 10. С. 123–128.
- Сушко В. А.* Теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций современной молодежи // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 31. С. 128–137.
- Тагирова К. Э.* Система ценностных ориентаций как регулятор поведения личности // Система ценностей современного общества. 2010. № 13. С. 195–200.
- Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.

The role of resilience in the formation of the value-motivational sphere for young people inclined to deviant behavior

A. A. Oshhepkov (Dimitrovgrad, Ulyanovsk region)

Candidate of psychological Sciences, senior lecturer
at the Dimitrovgrad Engineering and Technology Institute –
branch of National Research Nuclear University

In the article it is discussed the condition of contemporary Russian society associated with high transformation rate, exhibited on different levels, and projected into human personality. The exceptional significance is taken by the interiorization of modern values system into the values orientations system of young man, performing as a main behavioral regulator and motivator. For this reason, in this work, the conclusions about the necessity of norms-oriented value-motivational sphere of youth's personality forming as a possibility of deviant orientation prevention and correction are substantiated. In the framework of such approach resilience is considered as a main factor of youth's orientation to normative behavior.

Keywords: personality, values orientations, resilience, motivation, youth, deviant behavior.

Формирование социально-личностной жизнеспособности у детей с ограниченными возможностями здоровья

М. Э. Паатова (Майкон)

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы
и туризма, Адыгейский государственный университет;
e-mail: mpaatova@mail.ru*

В статье обсуждается важность ориентации на общекультурное и личностное развитие обучающегося с ОВЗ и умственной отсталостью как основного результата образования, обеспечивающего возможность их успешной социализации и социальной адаптации. Достижение данной цели предполагается в процессе формирования жизненно важных компетенций особого ребенка. Опираясь на исследования А. В. Махнача и А. И. Лактионовой, автор определяет структуру социально-личностной жизнеспособности, которая может послужить методологическим основаниям для проектирования психолого-педагогических механизмов формирования жизненно важных компетенций особого ребенка. В статье представлена программа духовно-нравственного развития, воспитания и социализации детей с ОВЗ и с умственной отсталостью в соответствии с требованиями федеральных стандартов.

Ключевые слова: социально-личностная жизнеспособность, дети с ограниченными возможностями здоровья.

В Федеральных государственных образовательных стандартах начального общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и с умственной отсталостью установлена следующая цель – развитие личности в соответствии с требованиями современного общества, обеспечивающее возможность их успешной социализации и социальной адаптации (Федеральный государственный..., 2016).

В соответствии с поставленной целью должны решаться две основные задачи:

- формирование общей культуры, обеспечивающее нравственно-эстетическое и социальное развитие личности;
- формирование основ гражданской идентичности и мировоззрения в соответствии с принятыми духовно-нравственными и социокультурными ценностями.

Решение этих задач, в свою очередь, должно осуществляться в процессе формирования жизненно важных компетенций особого ребенка. К сожалению, в федеральных стандартах нет четкого перечня этих компетенций, их подробного описания и психолого-педагогических механизмов формирования. В литературе (И. М. Бгажнова, А. И. Гаурилюс, Е. Л. Гончарова, С. Д. Забрамная, Т. Н. Исаева, С. В. Комарова, О. И. Кукушкина, А. Р. Маллер, Н. Н. Малофеев, О. С. Никольская и др.) также отсутствует единство в определении перечня и содержания жизненно-важных компетенций детей с ОВЗ и умственной отсталостью.

Мы предлагаем решить данную проблему, используя разработанные нами представления о социально-личностной жизнеспособности (Науменко, Паатова, 2013; Паатова, 2017).

Социально-личностная жизнеспособность рассматривается нами вслед за А. В. Махначем и А. И. Лактионовой как социально-личностный феномен субъектного управления собственными ресурсами (эмоциональная, мотивационно-волевая, когнитивная сферы) в контексте социальных, культурных норм и средовых условий с целью социальной адаптации (Жизнеспособность человека..., 2016; Лактионова, Махнач, 2007; Махнач, 2016).

В связи с этим под социально-личностной жизнеспособностью мы понимаем особое личностное качество, характеризующее готовность индивидуума к самоопределению (нравственному, личностному, социальному, профессиональному) по собственному жизненному сценарию, а также способность управлять (модифицировать) этот сценарий и нести ответственность за результаты своих решений по жизненному самоопределению (Паатова, 2017).

При определении структуры социально-личностной жизнеспособности человека мы опирались на результаты исследований А. В. Махнача и А. И. Лактионовой по описанию иерархической структуры жизнеспособности человека во взаимосвязи (интеграции) с ресурсами личности (саморегуляция, контроль поведения, совладающее поведение, механизмы психологической защиты, мотивация

достижений и коммуникативные особенности) (Науменко, Паатова, 2013; Паатова, 2017).

Соответственно выделена следующая структура социально-личностной жизнеспособности:

- системообразующий элемент – экзистенциальный;
- подчиненные ему интегрированные элементы – эмоционально-поведенческий и мотивационно-волевой.

Используя описанные выше представления, спроектируем программу духовно-нравственного развития, воспитания и социализации детей с ОВЗ и с умственной отсталостью в соответствии с требованиями федеральных стандартов к адаптированной основной образовательной программе (Науменко, Науменко, 2014).

Цель духовно-нравственного развития, воспитания и социализации детей с ОВЗ и с умственной отсталостью – комплексное социально-психолого-педагогическое формирование, укрепление и развитие социально-личностной жизнеспособности в повседневной жизнедеятельности через специально организованные воспитательные ситуации.

Задачи патриотического воспитания:

- формирование гражданской идентичности, включающей идентичность себя как члена семьи, школьного коллектива, территориально-культурной общности, этнического сообщества, российской нации в целом;
- укрепление веры в Россию, чувства личной ответственности за отечество, заботы о процветании своей страны.

Ожидаемые изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка:

- *в экзистенциальном* – формирование представлений: а) о символах государства (флаге, гербе и гимне России и региона проживания); б) о народах России и народах малой родины, их общей исторической судьбе, о единстве народов нашей страны; в) о героях России и малой родины;
- *в эмоционально-поведенческом* – формирование интереса к государственным праздникам и важнейшим событиям в жизни России и малой родины;
- *в мотивационно-волевом* – формирование осознанного желания участвовать в мероприятиях патриотической и социальной направленности как ответственного гражданина России, принимающего судьбу отечества как свою личную, осознающего от-

ветственность за настоящее и будущее своей страны и малой родины.

Задачи правового воспитания:

- формирование представлений об общественных приоритетах и ценностях, а также об ориентированных на эти ценности образцах поведения;
- формирование морали как осознанной необходимости поведения, ориентированного на благо других людей и определяемого традиционными представлениями о добре и зле, справедливом и несправедливом, добродетели и пороке, должном и недопустимом.

Ожидаемые изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка:

- *в экзистенциональном* – формирование представлений: а) о правилах поведения в школе, дома, на улице, в населенном пункте, на природе; б) о правах и об обязанностях гражданина России; в) об институтах гражданского общества, о возможностях личного участия в общественном управлении;
- *в эмоционально-поведенческом* – формирование отрицательного отношения к нарушениям порядка в классе, школе, дома, на улице и негативного отношения к невыполнению человеком своих обязанностей;
- *в мотивационно-волевом* – формирование: а) умения оценивать свои поступки и поступки окружающих по выполнению социально-культурных и правовых норм поведения и общения; б) готовности отвечать за свои поступки; в) готовности к организации и осуществлению сотрудничества с педагогами, сверстниками, родителями, старшими и младшими в решении лично и социально значимых проблем.

Задача воспитания ответственного и уважительного отношения к семье – формирование представления о семье как источнике личного благополучия и ответственного поведения.

Ожидаемые изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка:

- *в экзистенциональном* – формирование представлений: а) о базовых национальных ценностях (справедливость, милосердие, честь, достоинство, любовь, семья, ответственность, забота, сын-дочь, отец-мать, труженик); б) о значении семьи для устойчивого и успешного развития человека; в) о традициях семьи, куль-

турно-исторических и этнических семейных традициях своего народа и других народов России;

- в *эмоционально-поведенческом* – формирование: а) уважительного отношения к старшим, доброжелательного отношения к сверстникам и ответственности за младших; б) отрицательного отношения к аморальным поступкам, грубости, оскорбительным словам и действиям; в) отрицательного отношения к несоблюдению семейных традиций; г) неприятия пренебрежительного отношения к семье;
- в *мотивационно-волевом* – формирование готовности к установлению дружеских взаимоотношений в коллективе (в том числе, в семье), основанных на взаимопомощи и взаимной поддержке.

Задача трудового воспитания – формирование способности к реализации творческого потенциала в предметно-продуктивной, социально ориентированной и общественно полезной деятельности на основе традиционных нравственных установок и моральных норм.

Ожидаемые изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка:

- в *экзистенциональном* – формирование представлений: а) о ведущей роли образования, труда и творчества в жизни человека; б) об основных профессиях, доступных людям с ОВЗ и умственной отсталостью;
- в *эмоционально-поведенческом* – формирование: а) уважения к труду и творчеству в любых формах проявления; б) ценностного отношения к учебе как виду трудовой деятельности; в) бережного отношения к результатам своего труда, труда других людей, к чужому и общественному имуществу, к личным вещам; г) отрицательного отношения к лени и небрежности в труде и учебе, небрежливому отношению к результатам труда людей;
- в *мотивационно-волевом* – формирование: а) дисциплинированности, последовательности и настойчивости в выполнении учебных, социальных и учебно-трудовых заданий, умений соблюдать порядок на рабочем месте; б) элементарных трудовых навыков и навыков самообслуживания; в) навыков коллективной работы при разработке и реализации учебных, социальных и учебно-трудовых проектов.

Задача формирования здорового образа жизни – формирование ценностного отношения к здоровью и готовности вести здоровый образ жизни.

Ожидаемые изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка:

- *в экзистенциональном* – формирование представлений: а) о здоровье как социально-культурном феномене (единство физического, психологического, душевного и социального здоровья); б) о психологическом и душевном благополучии как показателе личностного здоровья человека; в) о здоровом образе жизни как индивидуальной стратегии сохранения и укрепления здоровья во всех его проявлениях; г) об индивидуальных психофизиологических особенностях и возможностях;
- *в эмоционально-поведенческом* – формирование: а) понимания важности систематических занятий физической культуры и спорта для поддержания работоспособности в образовании, труде и творчестве; б) представления об оздоровительном влиянии природы и занятий творчеством; в) представления о негативном влиянии современного социума на здоровье человека; г) стойкого отрицательного отношения к безответственному отношению к своему здоровью;
- *в мотивационно-волевом* – формирование: а) знания и готовности выполнять санитарно-гигиенические правила и правила организации разумного режима дня; б) устойчивого интереса к прогулкам на природе, готовности к активному участию в спортивных соревнованиях и подвижных играх; в) готовности к поддержанию своего здоровья через систематическое выполнение физкультурно-оздоровительных упражнений; г) готовности сознательно и активно противостоять негативному влиянию социума на здоровье окружающих людей.

Задачи художественно-эстетического воспитания – формирование ценностного отношения к прекрасному в природе, в общении, в результатах трудовой и творческой деятельности людей.

Ожидаемые изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка:

- *в экзистенциональном* – формирование представлений: а) о единстве и многообразии красоты человека (физической и духовной); б) о потребностях человека и их удовлетворении по законам красоты и гармонии; в) об эстетике и этике повседневной жизни человека; г) о религиозной картине мира, роли православия и других традиционных конфессий в развитии российского государства, в истории и культуре нашей страны и малой родины;
- *в эмоционально-поведенческом* – формирование: а) стойкого интереса к чтению, к знакомству с произведениями искусств-

- ва, к посещению детских спектаклей, концертов и выставок; б) осознанной потребности к занятиям художественным творчеством; в) устойчивого интереса к природе, природным явлениям и формам жизни, понимания активной и ответственной роли человека в окружающей среде; г) уважения к проявлению чувств окружающими и их переживаниям, а также отрицательного отношения к любым проявлениям нетерпимости;
- в *мотивационно-волевом* – формирование: а) осознанного стремления к красоте в поступках, внешнем виде и взаимоотношениях; б) опыта природоохранительной деятельности, бережного отношения к растениям и животным; в) осознанного стремления к красоте быта, к порядку и чистоте; г) готовности прилагать усилия к тому, чтобы быть лучше на основе нравственных национальных идеалах.

На наш взгляд, достичь изменения в компонентах социально-личностной жизнеспособности особого ребенка возможно средствами включения детей с ограниченными возможностями здоровья в воспитательные ситуации. Воспитательные ситуации – это ситуации, которые имеют воспитательный потенциал и могут быть использованы в целях воспитания в качестве средства (Н. И. Алексеева).

Опираясь на исследования С. В. Беловой, Е. А. Крюковой, В. В. Серикова, мы выделили следующие виды воспитательных ситуаций:

- ситуации успеха воспитанника в социально значимой деятельности;
- ситуации «столкновения» с событиями, миром вещей и поступков, в которой пробуждается желание усовершенствовать себя;
- ситуация анализа, оценки и поиска решения жизненных проблем;
- ситуация встречи с *другой* личностью.

Таким образом, включение детей с ограниченными возможностями здоровья в представленные нами виды воспитательных ситуаций способствует решению поставленных воспитательных задач в правовом, патриотическом, художественно-эстетическом воспитании, а также в формировании ответственного и уважительного отношения к семье и навыков здорового образа жизни.

Литература

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования для обучающихся с ограниченными

- возможностями здоровья. URL: <http://www.минобрнауки.рф> (дата обращения: 21.08.2017).
- Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями). URL: <http://www.минобрнауки.рф>.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Лактионова А. И., Махнач А. В. Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков // Ребенок в современном обществе / Ред. Л. Ф. Обухова, Е. Г. Юдина. М., 2007. С. 184–191.
- Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М., 2016.
- Науменко Ю. В., Паатова М. Э. Социально-личностная жизнеспособность подростков: психолого-педагогическая коррекция // Народное образование. 2013. № 7. С. 249–257.
- Науменко Ю. В., Науменко О. В. ФГОС начального общего образования, и дети с ОВЗ: образ выпускника // Коррекционно-развивающее образование: Научно-методический журнал. 2013. № 2 (24). С. 56–64.
- Науменко Ю. В., Науменко О. В. Содержательные особенности адаптированной образовательной программы начального общего образования // Коррекционно-развивающее образование: Научно-методический журнал. 2014. № 3 (29). С. 28–45.
- Паатова М. Э. Формирование социально-личностной жизнеспособности в процессе социально-педагогической реабилитации девиантных подростков в учреждениях закрытого типа // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 3. «Педагогика и психология». 2017. № 1 (193). С. 40–45.

Forming of social-personal resilience in children with disabled health opportunities

M. E. Paatova (Maikop)

Candidate of pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Social Work and Tourism, Adyghe state University

In the paper the orientation to the general cultural and personal development of the student with HIA and mental backwardness (intellectual disabilities) as the main result of education, ensuring the possibility of their successful socialization and adaptation is discussed. Achieving this goal

is expected in the process of forming the vital competences of a special child. Based on research A. V. Makhnach and A. I. Laktionova the structure of social and personal resilience, which can serve as a methodological basis for designing psychological and pedagogical mechanisms for the formation of resilient competencies of a special child is presented. As a practical application of author's theoretical representations, the article presents a program of spiritual and moral development, education and socialization of children with HIA and with mental retardation in accordance with the requirements of federal standards.

Keywords: social and personal resilience, children with disabilities.

Жизнеспособность специалистов помогающих профессий: субъективное представление о факторах профессионального риска и защитных факторах

О. А. Плющева (Москва)

соискатель Института психологии РАН, ведущий психолог-супервизор АНО «Проект СО-действие», клинический психолог МНПЦ наркологии; e-mail: plolal@yandex.ru

В статье обсуждается тема жизнеспособности в профессиональной сфере. Описываются результаты исследования жизнеспособности специалистов помогающих профессий на примере субъективного представления психологов-консультантов горячей линии по онкологии о факторах риска, защиты и ресурсности. Проведенное исследование позволило выделить наиболее значимые критерии жизнеспособности специалистов, что в дальнейшем может быть применимо в построении эффективной системы управления жизнеспособностью организации и благополучием ее сотрудников.

Ключевые слова: профессиональная жизнеспособность, специалисты помогающих профессий, профессиональное выгорание, факторы риска, защитные факторы, внутренние и внешние ресурсы специалистов.

Постановка проблемы

В то время как за рубежом проблеме жизнеспособности посвящены многочисленные исследования, в отечественной психологии она до сих пор остается малоизученной. Наиболее полно концептуальное описание феномена жизнеспособности, его структуры, функций в жизни человека и общества, в преодолении трудных ситуаций представлено в работах А. В. Махнач, А. И. Лактионовой и Е. А. Рыльской и др. (Лактионова, 2010, 2014; Махнач, 2012, 2013, 2016; Рыльская, 2011; и др.).

Между тем проблема жизнеспособности человека и общества становится все более актуальной в наше время, характеризующееся быстрыми и кардинальными изменениями разных сторон социальной действительности. В широком смысле под жизнеспособностью понимают способность к выживанию, самостоятельному существованию и развитию, вопреки воздействию неблагоприятных внешних обстоятельств. Факторы, определяющие жизнеспособность системы, включают в себя множество взаимодействующих друг с другом биологических, психологических, социальных и культуральных компонентов.

Первые исследования феномена жизнеспособности человека проводились в рамках детской патопсихологии; позже интерес к этой теме приобрел более широкий характер. В ряде западных исследований было выделено три категории защитных факторов человека: индивидуальные (оптимизм, духовность и др.), семейные (поддержка, сплоченность и др.) и внешние (система социальной защиты, интеграции и др.) (Гармези, 1983; Вернер, 1993).

Последние разработки в области исследования жизнеспособности проводятся в русле экологического подхода. Так, в рамках данного подхода была создана четырехаспектная модель жизнеспособности М. Унгара и его коллег (2005, 2008), включающая четыре блока сопряженных с ней явлений/факторов/областей проявления:

- черты личности и индивидуальные характеристики;
- социальные отношения;
- общество и государство;
- культура.

Отечественные ученые также подчеркивают необходимость при анализе жизнеспособности учитывать совокупность и взаимосвязь факторов окружающей среды, условий жизни человека, его микро- и макросоциального окружения (Лактионова, 2014; Нестерова, 2016; Махнач, 2016). В своих исследованиях А. В. Махнач выделяет шесть взаимосвязанных компонентов, позволяющих оценивать и анализировать жизнеспособность человека (пять внутренних и один внешний):

- самоэффективность;
- настойчивость;
- совладание и адаптация;
- внутренний локус контроля;
- религиозная вера, духовная жизнь;
- семейные и социальные взаимосвязи.

В зарубежной психологии жизнеспособность как способность больших и малых предприятий прогнозировать свои риски и конструктивно на них реагировать подробно изучается в рамках организационной психологии. В отечественных работах внимание исследователей в большей степени сосредоточено на индивидуальном уровне изучения данного феномена – жизнеспособности специалистов, особенно тех, кто работает в сложных условиях труда.

В исследованиях жизнеспособности в контексте профессиональной деятельности выделяют три уровня (Березовская, 2016):

- 1) организационный, включающий:
 - а) способность организации адаптироваться к сложным и неблагоприятным условиям и минимизировать связанные с ними негативные последствия;
 - б) умение восстанавливаться после неблагоприятных событий и использовать полученный опыт для дальнейшего развития;
 - в) способность поддерживать выполнение требуемых функций и достигать необходимых результатов, несмотря на оказываемое давление;
- 2) межличностный или групповой, в котором выделяются:
 - а) характеристики сетей контактов и межличностных отношений;
 - б) особенности лидерства;
- 3) индивидуальный, включающий:
 - а) наличие определенных знаний, умений, навыков и опыта, которые обеспечивают возможность выживать в трудных профессиональных ситуациях;
 - б) особое состояние человека, его жизненный и профессиональный опыт, обеспечивающие личностную ситуационную адаптацию к социуму;
 - в) потенциальные возможности личности, способствующие успешному поиску индивидуально-личностного способа существования в профессии;
 - г) личностные характеристики, обеспечивающие эффективную адаптацию и высокую результативность профессиональной деятельности.

Перечисленные уровни представляют функциональное значение как факторы защиты, способствующие поддержанию жизнеспособности в профессиональной сфере.

К факторам риска следует отнести состояния монотонии, утомления, психического напряжения, хронической усталости, выгорания, а также профессиональные кризисы и заболевания. В большинстве случаев внимание обращается на факторы риска, а факторы защиты остаются на периферии научных интересов исследователей, вместе с тем именно они вносят значимый вклад в формирование феномена жизнеспособности человека.

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

Нами было проведено эмпирическое исследование жизнеспособности специалистов помогающих профессий.

Выборку исследования составили психологи-консультанты, работающие в качестве волонтеров на Всероссийской горячей линии «Ясное утро», оказывающей информационно-психологическую помощь онкологическим больным и их родственникам. Был исследован 51 человек – мужчины и женщины в возрасте от 25 до 50 лет.

Работа, осуществляемая на телефонной линии по онкологии, представляет собой кризисное консультирование в связи со сложностью тем, касающихся вопросов смерти, беспомощности, безысходности и отчаяния, заявляемых абонентами, а также эмоциональной нестабильностью обращающихся, оказавшихся в объективно тяжелых жизненных обстоятельствах.

Процедура исследования

Для оценки факторов риска мы попросили консультантов Горячей линии оценить он-лайн степень кризисности состояния позвонившего им абонента по 10-балльной шкале (где «10» – максимальный уровень), а также собственное состояние по той же шкале в момент работы с этим звонком. Анализу был подвергнуто 3000 звонков. В среднем каждый десятый звонок на линию, по оценке консультантов, был расценен ими как кризисный. Наиболее часто эти звонки касались тем суицида, терминальных стадий, страха смерти, детской онкологии и скорби по умершему родственнику. Были получены данные об изменении внутреннего субъективно переживаемого консультантами состояния, собирательно описываемого в задании как «кризисность» (повышающаяся при увеличении уровня кризисности поступавших на линию звонков).

В целях изучения факторов защиты мы предложили специалистам заполнить анкету, из которой для наших целей мы отобрали один вопрос и четыре незаконченных предложения:

- Что помогало и поддерживало вас во время работы на Горячей линии?
- Личными качествами, помогающими мне в работе на линии, я считаю...
- Моим ресурсом в работе является...
- В этой работе мне помогает то, что...
- Профилактикой профессионального выгорания мне служит...

В результате опроса было получено 129 ответов респондентов. Для обработки данных был использован метод контент-анализа, в результате которого удалось выделить несколько подгрупп понятий, обозначенных самими специалистами и субъективно оцениваемых ими как защитные, ресурсные, противостоящие профессиональному выгоранию.

Результаты исследования

В результате проведенного анализа было обнаружено, что наибольшее количество упоминаемых в тексте ответов опрашиваемых специалистов заняли такие факторы защиты, как «атмосфера коллегиальности» (30%), «профессиональное совершенствование» (27%), «супервизия» (19%), комфортные условия работы (12%) и наличие хобби (12%). Отдельно хочется сделать акцент на категории «супервизия», обнаружившей высокий процент упоминаний. Несмотря на то, что ряд работ (Махнач, 2002; Плющева, 2015) и практический опыт подтверждают важность этого метода в профилактике синдрома профессионального выгорания, он до сих пор не является регулярно используемым способом психопрофилактики.

Кроме перечисленных выше, специалистами был также назван ряд факторов, обеспечивающих поддержание профессиональной жизнеспособности психологов-консультантов в кризисных ситуациях:

- черты личности, помогающие в работе (стрессоустойчивость, рефлексия, ответственность, сдержанность, самоуважение, рассудительность и др.) – 23%;
- гуманистические ценности (эмпатия, доброжелательность, толерантность, безоценочность и др.) – 22%;
- способности (умение слушать, говорить, молчать, соблюдать границы, находить ресурс клиента, быстро ориентироваться в информации и др.) – 14%;
- семейная поддержка – 7%;
- забота о себе – 6%;
- приобретение и применение полученного опыта – 5%;

- желание помогать другим людям – 10%;
- чувство своей нужности, значимости для других людей – 5%;
- общение – 3%;
- вера – 2%;
- достаточный сон – 2%;
- использование защитных ритуалов – 1%.

Таким образом, можно говорить о том, что вышеперечисленные факторы могут быть отнесены к защитным, так как они способствуют поддержанию профессиональной жизнеспособности психологов-консультантов, работающих в кризисном телефонном консультировании. Мы предполагаем, что дальнейшие исследования на эту тему могут быть полезны, в частности, при проведении профотбора, профобучения, командообразующих мероприятий и других способов оптимизации рабочего процесса.

Заключение

Профессиональная жизнеспособность как многокомпонентный конструкт, представленный на разных уровнях (организационном, межличностном и индивидуальном), для разных специальностей, форм организации труда и профессиональных коллективов носит особый характер, требует внимательного изучения и может быть рассмотрена через призму различных факторов риска и защиты. Проведенное нами эмпирическое исследование позволило выделить наиболее значимые критерии жизнеспособности, отраженные в представлениях психологов-консультантов о своей ресурсности и защите в работе на горячей линии по онкологии.

Полученные результаты предваряют тему изучения жизнеспособности специалистов помогающих профессий и могут быть в дальнейшем применены в практических целях. Мы полагаем, что подобные исследования могут помочь в обнаружении «мишеней» для построения эффективной системы управления жизнеспособностью организации и благополучием ее сотрудников.

Литература

- Лактионова А. И.* Жизнеспособность в структуре психологических понятий // Вестник МГОУ. Сер. «Психологические науки». 2010. № 3. С. 11–15.
- Лактионова А. И.* Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход // Личность профессионала в современном мире. М., 2014. С. 109–126.

- Махнач А. В. Опыт представления и обсуждения концептов на супервизиях семейных консультантов // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 100–109.
- Махнач А. В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества. М., 2013. С. 54–83.
- Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М., 2016.
- Нестерова А. А. Социально-психологический конструкт к пониманию конструкта «жизнеспособность личности» // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Плющева О. А. Практика супервизии в профилактике СЭВ у консультантов Горячей линии // Сборник материалов конференции «Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий». М., 2015. С. 71–75.
- Плющева О. А. Субъективное представление специалистов помогающих профессий о критериях своей жизнеспособности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С. 87–93.
- Рыльская Е. А. К вопросу о психологической жизнеспособности человека: концептуальная модель и эмпирический опыт // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 3. С. 9–38.

**The resilience of specialists of helping professions:
a subjective view on the occupational risk factors,
protection and resource**

O. A. Plyushcheva (Moscow)

Applicant of the Institute of Psychology of RAS, psychologist-supervisor of ANO “Project CO-operation”, clinical psychologist of Moscow research center of narcology

The article discusses the theme of resilience in the professional field. Describes the results of a study of the resilience of specialists of helping professions for example, subjective perceptions of psychologists-consultants of the hotline of cancer about their risk factors, protection and resource.

The conducted research allowed to identify the most significant criteria of resilience specialists that can later be applied to building an effective system of control resilience and well-being of its employees.

Keywords: professional resilience, the specialists of helping professions, burnout, risk factors, protective factors, internal and external professional resources.

Перспективы изучения жизнеспособности образовательной среды¹

Ю. В. Постылякова (Москва)

кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН; e-mail: postylyakova@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы изучения жизнеспособности образовательной среды вуза. Показано, что исследования жизнеспособности образовательной среды может осуществляться в рамках: а) феноменологического подхода в целях описания разнообразных проявлений жизнеспособности образовательной среды; б) экологического подхода, ориентированного на создание модели жизнеспособности образовательной среды с выделением ее составных элементов, взаимосвязей между ними и с другими более широкими контекстами – экономическим, социальным, политическим и т. п.; в) ресурсного подхода, предполагающего исследование ресурсов образовательной среды. Показано, что исследования жизнеспособности образовательной среды должны осуществляться на мультидисциплинарном уровне, с привлечением широкого круга специалистов в области психологии и педагогики, социологии, культурологии, экономики и др.

Ключевые слова: образовательная среда, жизнеспособность образовательной среды, ресурсы.

Ежегодно российские вузы, открывая прием абитуриентов на свои специальности, предлагают им не только возможность обучения выбранной профессии, но и информируют их об иных возможностях вуза, способных сделать студенческую жизнь более интересной, насыщенной, полезной и запоминающейся. Иными словами, вуз предоставляет студентам образовательную среду и имеющиеся в ней возможности как для обучения, освоения профессии, так и для лич-

1 Работа выполнена в соответствии госзадания ФАНО РФ № 0159-2017-0010.

ностного развития путем включения в разные виды социально-полезной активности, например, волонтерство, участие в различных спортивных и культурных мероприятиях и т. п. Насколько ресурсной для студентов будет эта среда, сколь разнообразны, полезны, интересны, доступны, безопасны будут имеющиеся в ней возможности, настолько успешным будет процесс профессионального становления будущих специалистов.

В отечественной научной литературе проводятся исследования *образовательной среды* как составной части среды социальной. Некоторые из них посвящены изучению образовательной среды высшего учебного заведения. Под образовательной средой авторы понимают систему влияний и условий формирования личности, возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении (Ясвин, 2001); совокупность информационных ресурсов образовательного учреждения, технологий обучения и обеспечения учебного процесса (Кривых, 2010); окружение участников образовательного процесса в пространстве образования, включающие педагогические условия, ситуации, систему отношений между лицами, объединенными общностью педагогической и учебной деятельности (Иванова, 2015); совокупность условий, в которых происходит формирование и развитие человека на протяжении большого отрезка жизни, а также развивающий и поддерживающий ресурс личностного потенциала обучающихся (Баева, 2016). Кроме того, ряд авторов подчеркивают «важность создания в вузе такой образовательной среды, которая бы не только обеспечивала эффективный процесс овладения общенаучными и профессиональными компетенциями, но и стимулировала собственную активность обучающихся в их профессиональном и личностном развитии и саморазвитии» (Новиков, 2012, с. 2), содействовала процессу формирования и развития личности (Баева, Тарасова, 2016), и доказывают необходимость и возможность целенаправленной организации профессионально и личностно стимулирующей среды в вузе (Новиков, 2012).

Эти далеко не исчерпывающие все существующие определения образовательной среды объединяет то, что авторы в своих дефинициях выделяют в образовательной среде совокупность условий, возможностей, влияний, отношений, в рамках которых происходит формирование и развитие обучающегося. Это позволяет говорить о перспективности изучения образовательной среды в рамках экологического подхода (Ю. Бронфенбреннер), согласно которому совокупность средовых возможностей и условий находятся в отношениях дополнительности к жизненным потребностям индивида.

Еще одним подходом, с помощью которого можно изучать образовательную среду вуза, является компетентностный подход. На его основе сегодня строится высшее образование в нашей стране. Он предполагает формирование и развитие как общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущих специалистов, так и ряд общекультурных компетенций, подразумевающих формирование мировоззренческой и гражданской позиций, толерантности, развитие способности к межличностному и межкультурному взаимодействию, к самоорганизации и самообразованию, понимание социальной значимости своей деятельности, приверженность здоровому образу жизни и др. Понятно, что все эти компетенции формируются не только в рамках освоения тех или иных дисциплин, т. е. в учебное время, но и во внеучебное – в ходе общения и взаимодействия с преподавателями, другими студентами, участия в различных молодежных программах, культурных, спортивных, волонтерских и других мероприятиях, которые предлагает вуз. Это свидетельствует о необходимости учета в исследованиях других контекстов, которые соприкасаются с образовательной средой и оказывают влияние на ее участников.

Оба этих подхода используются в изучении такого понятия, как «жизнеспособность», в частности, «жизнеспособность образовательной среды» (Лактионова, 2015; Махнач, 2013, 2016; Постылякова, 2016; Мастэн, 2014; и др.).

Необходимо отметить, что ранние исследования жизнеспособности осуществлялись преимущественно в индивидуальном плане, где она определялась как личностная способность сохранять гибкость, ресурсность, стойкость в неблагоприятной обстановке, т. е. понятие жизнеспособности рассматривалось как личностная характеристика. Не отменяя это направление исследований, впоследствии возник другой подход, в рамках которого жизнеспособность стала рассматриваться на институциональном уровне – как сложная экосистема, состоящая из определенного числа людей, их поведения и решаемых ими задач (Weller, Anderson, 2013). Изменился и предмет исследований жизнеспособности – им стали группы людей (семьи, сообщества, организации). Так, организационная жизнеспособность начала рассматриваться уже в качестве не постоянной, а процессуальной, динамической характеристики, проявляющейся в процессах, протекающих в рамках организации (Сатклифф, Вогас, 2003; Канней, 2012), – приспособлении, адаптации и позитивном развитии организации в сложных ситуациях на основе использования внешних и внутренних ресурсов с целью создания и укрепления своего потенциала для решения будущих проблем.

С позиции жизнеспособности организации некоторые зарубежные исследователи подходят и к изучению жизнеспособности образовательной среды университетов. Под жизнеспособностью образовательной среды понимается «развитие жизнеспособных организаций, руководителей и сотрудников, которые способны адаптироваться, восстанавливаться и процветать, несмотря на невзгоды» (Юззеф, 2004). Р. Холл, Дж. Винн также применили концепцию жизнеспособности к образованию, говоря о том, что она «развивает включенность, образование, самостоятельность и поощрение, расширяет возможности. Жизнеспособные формы высшего образования должны помогать студентам, сотрудникам и широким сообществам в развитии их способностей, качеств и др.» (Холл, Винн, 2010, с. 54). В таких исследованиях учитываются не только факторы риска и ресурсы изучаемой среды, в частности, образовательной, но и позитивные и/или негативные эффекты, идущие от более широкого социального, экономического и других контекстов, и оценивается их воздействие на проявление жизнеспособности среды и индивида. Это свидетельствует о том, что исследования жизнеспособности образовательной среды должны осуществляться на мультидисциплинарном уровне; они требуют участия специалистов не только в области психологии и педагогики, но и социологии, культурологии, экономики и др.

Чтобы быть жизнеспособной, образовательная среда вуза должна быть гибкой, открытой инновациям, способной отвечать на ряд требований, идущих от изменений на рынке труда, адаптироваться к меняющимся экономической и демографической ситуациям, к новым технологиям и т. п. Кроме того, образовательная среда должна включать в себя ресурсные факторы, содействующие развитию, укреплению и проявлению индивидуальной жизнеспособности учащихся, сотрудников, а также организации в целом. В качестве примеров можно указать необходимость адаптации образовательной среды под возможности учащихся с ограниченными возможностями; учета потребностей рынка труда, что, в свою очередь, означает выявление тенденций рынка труда, его потребностей в тех или иных специалистах, а, значит, и планирование на несколько лет вперед приема абитуриентов на определенные специальности, закрытие невостребованных и открытие новых специальностей и направлений подготовки (Постылякова, 2015).

Проявление жизнеспособности образовательной среды хорошо видно на примере использования цифровых технологий в высшем образовании в рамках дистанционного или on-line обучения, когда основные образовательные функции вуза сохраняются, но реализу-

ются в новых формах цифровой среды, например, дистанционно. Если, как уже отмечалось, жизнеспособность предполагает адаптацию и развитие в меняющихся новых условиях и/или в новой окружающей среде, но при сохранении своей уникальности, идентичности, то в плане организации это означает, что ее основные функции остаются неизменными, хотя они и могут быть реализованы новыми, нередко лучшими способами (Талеб, 2012). Должны меняться методы, с помощью которых реализуются основные функции. Применительно к образовательной среде вуза ее способность выполнять свои главные функции, используя для этого различные формы, есть один из показателей проявления жизнеспособности образовательной среды, ее адаптивности к новым вызовам и изменениям, а значит – к развитию.

Концепция жизнеспособности образовательной среды предполагает изучение ее ресурсов: внешних и внутренних, их взаимосвязей и взаимовлияний, а также их связей и влияний на ресурсность индивидов, включенных в образовательную среду. Этот подход развивается в ряде исследований (Лактионова, Махнач, 2010; Махнач, Постылякова, 2003; Постылякова, 2010, 2016; Бенсон, 1997; Рохлкепатайн, 2003; и др.). Именно за счет использования ресурсов образовательной среды вуза и связанных с ней других сред (социальной, экономической, профессиональной, рынка труда и т. п.) возможно усиление и развитие индивидуальной жизнеспособности.

Необходимо отметить, что в отечественных исследованиях образовательной среды вуза сегодня исследуется ряд проблем, связанных с пониманием компонентов и структуры образовательной среды, средовых условий и их влияния на обучающихся; ставятся вопросы разработки целостной технологии создания профессионально и личностно стимулирующей среды в вузе; обсуждаются методологические основания для ее формирования (Новиков, 2012). Исследуются вопросы обеспечения психологической безопасности образовательной среды, существующие в ней угрозы, а также индивидуальные ресурсы, способствующие стрессоустойчивости обучающихся (Баева, Тарасова, 2016), формированию социальной устойчивости личности в условиях высшего профессионального образования (Ефимова, 2014).

Изучаются психологические механизмы процесса стимулирования обучающихся с целью вовлечения их к деятельности, повышения их заинтересованности, инициативы, активности (Новиков, 2012), а также понимания того, каким образом образовательная среда и ее компоненты могут оказывать стимулирующее влияние и способствовать профессиональному и личностному развитию и саморазвитию ее участников.

На наш взгляд, концепция жизнеспособности образовательной среды вуза способна объединить в себе все вышеперечисленные аспекты ее изучения. Будучи иерархичной, многоуровневой по своей структуре, концепция жизнеспособности дает возможность учета различных контекстов при изучении жизнеспособности, позволяет оценивать как различные проявления жизнеспособности образовательной среды, так и ее влияния на индивидуальную жизнеспособность обучающегося, на жизнеспособность студенческих сообществ и профессорско-преподавательских коллективов, структур управления вуза и др., а также учитывать позитивные или негативные влияния более широких контекстов и способы и виды реагирования на них.

Таким образом, перспективы изучения жизнеспособности образовательной среды могут осуществляться в следующих направлениях:

- феноменологическом, предполагающем описание разнообразных проявлений жизнеспособности образовательной среды, например, происходящих изменений в образовательной среде как ее способности реагировать на возникающие вызовы (требования) со стороны общества, рынка труда, новых технологий и др.;
- экологическом, предполагающем создание модели жизнеспособности образовательной среды с выделением ее составных элементов, взаимосвязей между ними и с другими более широкими контекстами: экономическим, социальным, политическим и т. п.
- ресурсном, предполагающем исследование ресурсов образовательной среды и их использование студентами, преподавателями, работодателями и др.

Исследования жизнеспособности образовательной среды должны осуществляться на мультидисциплинарном уровне, требуют участия специалистов не только в области психологии и педагогики, но и социологии, культурологии, экономики и др.

Литература

- Баева И. А., Тарасова С. В.* Психологическая безопасность образовательной среды // *Профессиональное образование. Столица.* 2016. № 4. С. 9–13.
- Лактионова А. И.* Влияние образовательной среды на развитие социальной адаптации и жизнеспособности старшеклассников //

- Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №3 (47). С. 24–32.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 1 / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2010. С. 459–477.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М., 2013. С. 54–83.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М., 2016.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В.* Ресурсный подход в изучении семейного стресса // Научный поиск. Вып. 4. Ярославль, 2003. С. 97–100.
- Постылякова Ю. В.* Психологическая оценка ресурсов совладания со стрессом в профессиональных группах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Постылякова Ю. В.* Ресурсный потенциал субъекта профессиональной деятельности / Социальная психология труда: теория и практика / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлёва. М., 2010. С. 224–241.
- Постылякова Ю. В.* Индивидуально-психологические ресурсы и переживание профессиональной востребованности у выпускников вузов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. №3 (51). С. 126–130.
- Weller M., Anderson T.* Digital resilience in higher education // European Journal of Open, Distance and e-Learning. 2013. V. 16. № 1.

Perspectives for the study of the resilience of the educational environment

Y. V. Postylyakova (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, research officer
of the Institute of Psychology of RAS

In the article is discussed the prospects of studying the resilience of the educational environment of the University. The research of the resilience of the educational environment can be carried out in the phenomenological perspective- through the description of the various manifestations of the resilience of the educational environment; in the ecological perspective through the creation of models of the resilience of the educational en-

vironment, its elements and relationships between them and other contexts – economic, social, political etc.; and in the resource perspective that involves the research of the educational environment resources. It is shown that the study of the resilience of the educational environment should be carried out on a multidisciplinary level.

Key words: educational environment, resilience of the educational environment, resources.

Критерии профессионального благополучия: анализ социальных представлений¹

Е. И. Рут, Р. А. Березовская* (Санкт-Петербург)*

** магистр психологии, психолог-консультант;
e-mail: profwellbe@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, консультант проректора
по научной работе Санкт-Петербургского государственного
университета; e-mail: r.berezovskaya@spbu.ru*

Исследование социальных представлений о профессиональном благополучии проведено с целью описания и выделения критериев его оценки. Использован метод индивидуального полустандартизированного интервью. Результаты контент-анализа собранных в ходе интервью данных позволили сформулировать рабочее определение: профессиональное благополучие рассматривается как интегральный показатель позитивного функционирования личности в профессиональной сфере, который включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, характеризующие отношения человека к себе как к профессионалу, к своей профессиональной деятельности и организационному контексту. Выделены три группы критериев оценки профессионального благополучия: при этом группа когнитивных критериев, которые охватывают ценностно-смысловые образования и систему отношений личности, является наиболее обширной по своему содержанию и наименее разработанной с точки зрения психодиагностики профессионального благополучия, по сравнению с аффективными и поведенческими индикаторами.

Ключевые слова: психологическое благополучие, профессиональное благополучие, социальные представления, критерии оценки.

1 Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10638.

Постановка проблемы

Среди перспективных направлений развития организационной психологии в настоящее время можно выделить изучение профессионального благополучия в рамках позитивной психологии профессионального здоровья (Березовская, 2016; Дикая, 2013). Интерес к данной области наблюдается не только в научной психологии, но и в современной HR-практике и консультационных проектах, направленных на развитие и поддержание уровня профессионального благополучия¹, которое можно рассматривать, как фактор эффективности труда профессионала и организации в целом (Бояркин, 2007; Бородкина, 2012; Дружилов, 2016; Жизнеспособность человека..., 2016). Однако наблюдается несоответствие между практикой и теорией, выражающееся в отсутствии единых взглядов и методов изучения феномена благополучия в профессиональной деятельности. Это обусловлено наличием важной методологической и методической проблемы – отсутствием в отечественной психологии не только теоретической концепции и общепринятого определения профессионального благополучия, но, как следствие, и психодиагностического инструмента для его измерения.

Также открытым остается вопрос о выделении критериев оценки профессионального благополучия, в качестве которых чаще всего выступают удовлетворенность трудом, увлеченность работой и общее психологическое благополучие, косвенно выполняющее роль маркера благополучия специалиста, в том числе и в контексте его профессиональной деятельности. Часто названный феномен изучают сквозь призму профессионального неблагополучия (профессиональные деформации, синдром выгорания, профессиональный маргинализм и т. д.). Анализ дизайна эмпирических исследований благополучия в профессиональной деятельности показал, что в большинстве работ используются методики, направленные на изучение состояния общего психологического благополучия, которые не учитывают контекста профессиональной деятельности, ее условий и особенностей (Бояркин, 2007; Бессонова, 2012; Бородкина, 2012). Такой подход, на наш взгляд, не отражает полной картины профессионального благополучия.

1 Сайты проектов «Счастье в деятельности» – <http://happinessinaction.ru>, «Профессиональное благополучие» – <http://tailored.ru>.

Процедура и методический инструментарий эмпирического исследования

Для решения методологической проблемы с целью описания структуры профессионального благополучия и выделения критериев его оценки проведено исследование социальных представлений о благополучии в профессиональной деятельности с помощью метода индивидуального полустандартизированного интервью (Емельянова, 2016). Использован перечень строго необходимых вопросов, которые расширялись дополнительными вопросами, сформулированными в соответствии с ситуацией развития интервью, и стимульный материал в виде ассоциативных карт. Ответы фиксировались посредством аудиозаписи с последующим транскрибированием. Обработка данных проводилась методом контент-анализа.

В исследовании приняли участие 31 человек (12 мужчин и 19 женщин) от 23 до 35 лет с общим стажем работы более 4 лет и законченным высшим образованием.

Рабочая гипотеза не формулировалась, так как исследование носило поисково-описательный характер и являлось отправной точкой основной работы по созданию методики оценки профессионального благополучия.

Результаты исследования

В ходе качественного исследования было операционализировано понятие и сформулировано рабочее определение. Результаты контент-анализа ответов на вопрос «Что для вас профессиональное благополучие?» показали, что, по мнению большинства респондентов, профессиональное благополучие – это позитивное состояние, вызванное положительными переживаниями во время профессиональной деятельности: чувство удовольствия от увлеченности работой (желание, интерес к работе), от условий труда (уровень зарплаты, возможности построения карьеры и профессионального роста, межличностные отношения в коллективе) и от результата работы, а также осознание собственного профессионализма и возможностей самореализации в работе.

Для выделения критериев оценки мы спрашивали респондентов об организационных условиях и личностных качествах, повышающих и понижающих уровень благополучия в профессиональной деятельности. Из организационных условий, способствующих ощущению благополучия, были выделены следующие наиболее весомые категории: возможность профессионального роста/развития – 17%; хорошие условия труда (в основном материальные) – 15%; общая

позитивная атмосфера и эмоциональный фон в коллективе (доверие, сплоченность, поддержка и т. д.) – 14%; стиль руководства, выражающийся в признании со стороны начальства, справедливости, компетентности руководителя, умении слышать – 12%. Категории организационных условий, отражающие отрицательное влияние на профессиональное благополучие, распределились следующим образом: неконструктивный стиль руководства (например, ограничение деятельности подчиненного, постоянные претензии, отсутствие обратной связи, неправильное распределение нагрузок) – 19%; низкая зарплата при прочих неудовлетворительных условиях (отсутствие инструментария, неудобный график, плохо организованное рабочее место и т. д.) – 19%; отсутствие возможности профессионального роста/развития – 17%; неудовлетворительная система взаимоотношений в коллективе – 13%.

Разница в частоте высказываний относительно положительных и отрицательных факторов в категориях «стиль руководства» и «условия труда» может объясняться тем, что при удовлетворенности руководством и условиями труда профессиональное благополучие в большей степени детерминировано предоставлением организацией условий по развитию профессиональных навыков и карьерного роста, хорошими межличностными отношениями с коллегами, оптимальным объемом и сложностью задач, ощущением стабильности работы и организации в целом и т. д. Однако неудовлетворенность руководством и условиями труда были названы респондентами чаще других организационных факторов, понижающих уровень профессионального благополучия.

Что касается личностных свойств, то высокий уровень профессионального благополучия чаще всего соотносится со следующими категориями: лично значимые профессиональные цели – 19%; трудолюбие – 16%; стремление к профессиональному росту и развитию – 13%; умение налаживать позитивные отношения с коллегами – 13%; высокий уровень компетентности – 12%; принятие себя как профессионала (уровня своего профессионализма, проявления личностных качеств в процессе профессиональной деятельности, удовлетворенность профессиональными достижениями и пр.) – 11%; автономность в профессиональной деятельности (умение принимать рабочие решения на основе собственных субъективных убеждений, ответственность за профессиональные решения и результат, субъектность по отношению к профессиональной деятельности) – 8%.

Профессиональное неблагополучие описывается респондентами в следующих категориях: отсутствие профессиональных целей – 16%; лень, нежелание работать – 15%; низкий уровень профессио-

нального самопринятия, оценки профессиональных достижений, неадекватное профессиональное самоопределение – 15%; неумение выстраивать и поддерживать хорошие отношения с коллегами – 13%; отсутствие интереса к профессиональному росту и развитию – 10%; низкий уровень автономности в профессиональной деятельности – 7%.

Отдельно укажем еще одну категорию, выделенную при анализе ответов респондентов о личностных свойствах, повышающих или понижающих уровень профессионального благополучия. По мнению респондентов, профессиональное благополучие во многом определяется наличием личностных ресурсов (10%), в основном связанных с саморегуляцией и умением преодолевать различные сложные эмоциональные ситуации посредством сохранения душевного равновесия. Однако отсутствие личностных ресурсов способствует ощущению неблагополучия, при этом вес категории возрастает до максимального значения по сравнению с другими категориями, выделенными как понижающими уровень благополучия в профессиональной деятельности, – 19%.

Стоит отметить, что при ответе на вопрос относительно личностных свойств, способствующих ощущению профессионального благополучия или неблагополучия, в своих рассуждениях респонденты часто говорили об удовольствии, наличии интереса к работе, увлеченности, потоковом состоянии. Если объединять подобные высказывания в категории, то наиболее весомыми являются получение удовольствия от работы – 13%; интерес к работе – 9% и увлеченность – 6%.

Таким образом, обобщая результаты ответов, полученных на вопросы относительно личностных свойств, способствующих ощущению благополучия в профессиональной деятельности, можно сделать вывод о важности не только наличия определенных личностных качеств (описанных выше), но и субъективного интереса к работе, потокового состояния и положительного эмоционального фона, выражающегося в ощущении удовольствия от работы.

Заключение

В результате исследования социальных представлений принято рабочее определение и выделены критерии оценки профессионального благополучия. Профессиональное благополучие – это интегральный показатель позитивного функционирования личности в профессиональной сфере, который включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, характеризующие отношения человека к себе как к профессионалу, к своей профессиональной среде

и организационному контексту. Таким образом, профессиональное благополучие понимается как доминирующее состояние человека (близкое по временной характеристике к свойствам личности), возникающее в процессе выполнения профессиональной деятельности.

В результате анализа социальных представлений о профессиональном благополучии с учетом того, что организационные условия его достижения и поддержания рассматриваются сквозь призму субъективного отношения к ним профессионала, выделены следующие группы критериев для совокупной оценки благополучия в профессиональной деятельности:

- аффективные критерии, отражающие чувства и эмоций, возникающие у человека в процессе работы, при оценке условий труда и его результатов;
- поведенческие критерии, включающие такие мотивационно-потребностные ориентации, как увлеченность, потоковое состояние, субъектная активность профессионала, поступки и стратегии поведения;
- когнитивные критерии, охватывающие ценностно-смысловые образования и систему отношений личности: оценка осмысленности профессиональной жизни, наличие профессиональных целей, отношение к себе как к профессионалу, оценка способности использовать свои знания, умения и навыки в процессе трудовой деятельности (уровень компетентности и умение налаживать рабочие отношения), оценка степени конформизма и способности быть автономным на работе, оценка стремления к профессиональному росту.

При этом группа когнитивных критериев, отражающая профессионально важные свойства личности, является наиболее обширной по своему содержанию и наименее разработанной с точки зрения психодиагностики профессионального благополучия по сравнению с аффективными и поведенческими индикаторами.

На основе представленных результатов исследования ведется работа по созданию методики оценки профессионального благополучия (МОПБ), включающей когнитивные критерии оценки, а также разработана первичная версия МОПБ (Рут, 2016) и проводится ее апробация на различных профессиональных группах.

Литература

Березовская Р. А. Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // Психологические

- исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.04.17).
- Бессонова Ю. В.* Психологическое благополучие личности в труде // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. М., 2012. С. 412–415.
- Бородкина Е. В.* К вопросу изучения субъективного благополучия в профессионально-педагогической деятельности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2012. № 28. С. 31–34.
- Бояркин М. Ю., Долгополова О. А.* Психологическое и профессиональное благополучие государственных служащих: Монография. Волгоград, 2007.
- Дружилов С. А.* Профессиональное благополучие человека и психологические аспекты профессиональной адаптации и профессиональных деструкций // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/12/76347> (дата обращения: 12.04.2017).
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М., 2016.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2013.
- Рут Е. И.* Профессиональное благополучие сотрудников коммерческих организаций: критерии и методика оценки: Дис. ... магист. психол. наук. СПб., 2016. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/2888/1/Rut_E_I.doc (дата обращения: 12/04/17).

Criteria of professional well-being: the analysis of social representations

E. I. Ruth, R. A. Berezovskaya** (St. Petersburg)*

* Master of psychology, psychologist-consultant

** Candidate of psychological Sciences, Docent, Advisor of Vice-Rector for Research, St Petersburg State University

The article discusses the results of empirical research, the purpose of which was to examine social representations of the occupational well-being in order to define and describe criteria for its assessment. The method of individual pre-standardization interview was used. It is shown that, in general, occupational well-being can be defined as a complex indicator of person-

ality's positive functioning in professional life, which includes emotional, cognitive, and behavioral components that characterize relations of person to him/her self as a professional, his/her professional activity and organizational context. Three groups of criteria of occupational well-being were obtained on the basis of content analysis: the group of cognitive criteria, which includes personal values, meanings and personal relations, is the most extensive in its content but the least developed from the point of view of currently existing occupational well-being's psychodiagnostic techniques, compared to the groups of affective and behavioral indicators.

Keywords: psychological well-being, occupational well-being, social representations, assessment criteria.

Актуальные проблемы жизнеспособности и конкурентоспособности человека в современном обществе

Е. А. Рыльская (Челябинск)

*доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры экономики
и менеджмента Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал;
e-mail: elena_rylskaya@mail.ru*

В статье представлен анализ растущей динамики суицидов как отражения низкой жизнеспособности и конкурентоспособности населения современной России. Особое внимание уделено подростковым самоубийствам, показана роль так называемых «групп смерти» в их стимулировании. На примере эмпирически выделенного типа «депассионарной» жизнеспособности обозначены стратегии поддержания конкурентоспособности человека: стратегия доминирования и стратегия сотрудничества. Делается вывод о том, что фундаментальные, собственно человеческие свойства составляют основу, «ядро» жизнеспособности и конкурентоспособности. Акцентируется внимание на условиях развития и поддержания жизнеспособности и конкурентоспособности человека на уровне государственной политики, психологической поддержки и психологического просвещения.

Ключевые слова: жизнеспособность, конкурентоспособность, суицид, «группы смерти», «депассионарная» жизнеспособность.

Актуальность проблемы жизнеспособности человека даже на уровне обыденного сознания понятна всякому: человек, прежде всего, должен жить; нет ничего дороже человеческой жизни. Вместе с тем на протяжении десятков лет средняя частота суицидов в мире составляет 14 случаев на каждые 100 тысяч человек. Согласно данным Росгосстата, с 2011 по 2015 г. количество самоубийств в нашей стране стабильно снижалось на 10% в год. Однако в 2016 г. отмечен

рост на 57%. Можно сказать, что мы резко откатились назад на пять лет. Одной из причин такого положения многие считают лавинообразное распространение так называемых «групп смерти» в социальных сетях. Проводя собственное независимое расследование, «Новая газета» (№ 78 от 21.07.2017) связалась с матерью одной из погибших девочек. Она рассказала, что 130 детей, совершивших суициды, состояли в одних и тех же закрытых группах: *«Они выполняли задание! И только если выполнили, их брали на третий, самый замумный уровень. И меня взяли, я ночами сидела, разгадывала все символы, потом вместе с программистами многое поняла. Смотрите, наш город на карте здесь только тонкой чертой или стрелкой обозначен, а жирными точками выделены Челябинск, Уссурийск, Москва, Краснодар и Тула. Я нашла это в январе, а уже с февраля пошли суициды детей именно в этих городах»*, – приводит высказывание родительницы погибшей девочки «Новая газета» (Мурсалиева, 2017).

Однако есть и другое объяснение подростковых самоубийств. Руководитель следственного управления СКР по Челябинской области Д. Чернятьев, опираясь на статистические данные, заявляет, что высокий уровень детских самоубийств был еще до появления «групп смерти». «Из 28 фактов только в двух случаях можно сказать о склонении ребенка к суициду в Интернете. Что касается остальных случаев – потерпевшие были оставлены один на один со своими проблемами», – пояснил Д. Чернятьев. Главными причинами, по его словам, стали непонимание со стороны окружающих, отсутствие педагогического и родительского контроля, конфликты в семье, неразделенная любовь и неуважение со стороны взрослых и сверстников. Группы смерти являются лишь дополнительным фактором (Чернятьев, 2017).

Основной причиной нежелания жить оказываются психологические проблемы, с которым подросток (да и не только подросток, а человек любого возраста¹) остается один на один. Так, например, выявлено, что 2016 учебном году 47% школ в РФ не имели в своем штате педагогов-психологов. Подросток предоставлен сам себе: родителям некогда, психолога нет.

Зачастую и взрослый человек оказывается не в состоянии противостоять враждебным и опасным воздействиям внешней среды. Нередко мы даже не улавливаем психологической подоплеку наших проблем и ищем причины совсем в других сферах. Тем не менее еще в конце прошлого века ученые Германии заговорили о но-

1 Статистика по зрелому возрасту не менее печальна, а это самое работоспособное население любой страны.

вой болезни, которая, по скромным подсчетам, поразила около 12 миллионов людей. Характерные признаки недуга: головные боли, учащенный пульс, повышение давления, панический страх, экземы и дерматиты, ухудшение слуха, воспаление слизистой оболочки желудка, тошнота, ожирение. У болезни нет научного названия, но психиатры и терапевты называют ее причину: больных «„лиши любви“ или просто перестали замечать» (Бовкун, 1994).

Совершенно очевидно, что современному человечеству, говоря тривиальным языком, явно недостает жизнеспособности. Понятие «жизнеспособность» в условиях рыночной экономики нередко соотносят с весьма конъюнктурной и широко употребительной категорией «конкурентоспособность». Так, например, П. И. Бабочкин предлагает собственную модель личности, жизнеспособной в условиях социально-политической и экономической нестабильности общества. В предложенной педагогической концепции содержится ряд идей, перспективных и в психологическом плане, в частности, идеи о специфике становления жизнеспособности, о нелинейном характере ее развития и самоорганизующейся природе, о роли социальной активности в реализации жизнеспособности. Вместе с тем нам кажутся несколько противоречивыми два сформулированных автором тезиса. Первый: жизнеспособность молодого поколения в социокультурном плане означает, насколько оно отвечает духовным запросам общества на данном историческом этапе его развития. Второй: в современной российской социальной реальности одним из наиболее важных показателей уровня жизнеспособности человека в условиях формирования рыночной экономики является конкурентоспособность. Не означает ли это, что конкурентоспособность как раз и отвечает духовным запросам общества на данном историческом этапе?

Безусловно, жизнеспособность и конкурентоспособность – категории родственные, но не тождественные, соотносящиеся как общее к частному. Исследователи включают конкурентоспособность в число наиболее важных показателей уровня жизнеспособности человека в условиях господства рыночной экономики. Если обратиться к семантической стороне понятий, то оказывается, что конкурентоспособность – это способность выдерживать конкуренцию, противостоять соперникам в чем-либо. Жизнеспособность в общем виде – способность к решению любых жизненных задач и не только в ситуации конкуренции. Обеспечивать свою собственную конкурентоспособность человек может разными способами, используя разнообразные стратегии – как стратегию собственно конкуренции или субъект-объектного доминирования, так и стратегию со-

трудничества, т. е. субъект-субъектной кооперации. Человек может быть конкурентоспособным, не только конкурируя, но и сотрудничая с другим. Причем как жизненно-исторический опыт, так и исследования показывают, что последний вариант является более конструктивным.

Обратимся к трагическому для всего человечества опыту фашистских концентрационных лагерей смерти. Сегодня они принадлежат истории. Однако у нас нет уверенности, что идея насильственного изменения личности человека в угоду государству умерла вместе с ними. Более того, она возрождена и бурно развивается в технологиях подготовки бойцов для ИГИЛ и террористов-смертников. Известно, что концлагеря служили нескольким различным, хотя и связанным между собой целям. Главная – разрушить личность заключенных и превратить их в послушную массу, где невозможно ни индивидуальное, ни групповое сопротивление. Что же делало возможным выживание в таких условиях? Оказывается, это принадлежность к группе, не конкуренция, а сотрудничество с другими, взаимная поддержка, защита и участие. В условиях лагерей смерти Дахау и Бухенвальд такая принадлежность к группе обеспечивала возможность выжить физически и морально (не сойти с ума от голода холода, пыток) в условиях постоянного страха и утраты желания жить, вспоминает один из узников, психиатр Б. Беттельгейм. Героизм в лагере измерялся не степенью готовности умереть, а усилиями, направленными на то, чтобы выжить, не утрачивая при этом человеческого облика (Беттельгейм, 1960).

В нашем исследовании типов жизнеспособности современного человека были получены результаты, которые можно соотнести с отмеченной выше закономерностью. Среди людей, относящихся к так называемому «депаSSIONарному» типу жизнеспособности, существует две относительно самостоятельные разновидности. Первая включает в основном суицидентов, внешне вполне социально адаптированных людей. Тем не менее во внутреннем, духовном плане они характеризуются полной утратой смысла жизни, способности любить, «вынужденной», мучительной коммуникацией и нежеланием жить. Вторая разновидность – это люди социального дна, «биологическое» существование которых полностью замыкается на органических потребностях и телесных проявлениях. Нежелание жить у них, как ни парадоксально, выражено в меньшей степени. Причем собственно выживание часто воспринимается как подлинная жизнь. Люди пытаются «приукрасить» ее некими атрибутами, например, созданием квазисемей, формированием некоей социальной квазиерархии статусов, попыткой любить, не конкурировать

с другими, а заботиться о других, искать поддержку и даже удовлетворять эстетические потребности («я люблю ногти покрасить»). Физическая продолжительность такой «жизни» оказывается тем длиннее, чем в большей степени она «украшена» и дополнена подобными атрибутами, за которыми видится не что иное, как проявления остатков сущностных свойств человека. Следовательно, фундаментальные, собственно человеческие свойства не только выступают как основа человеческого проживания жизни (при высокой выраженности этих свойств), но и гарантируют большую выживаемость (при их остаточных проявлениях). Они же, на наш взгляд, составляют основу, «ядро» не только жизнеспособности, но и собственно человеческой конкурентоспособности.

Жизнеспособность и конкурентоспособность – это способности, т. е. потенциалы, ресурсы, которые поддаются развитию, и значение психологической поддержки здесь неопределимо. В современных публикациях постоянно подчеркивается значимая роль психологии в решении этой задачи. Так, например, Л. И. Анцыферова отмечала, что именно работа психологов над выявлением конструктивных, неконструктивных и самопоражающих стратегий в драматических жизненных условиях привела к выделению личностных характеристик, которые либо способствуют, либо препятствуют индивиду совладать с ситуацией, заключающей в себе угрозу человеческим ценностям: жизни, здоровью, самоуважению, смыслу существования (Анцыферова, 1994). Жизнеспособность и конкурентоспособность человека относятся именно к этим характеристикам. Они стоят в одном ряду и вызывают все больший интерес представителей различных наук во всем мире. Их развитие возможно как в процессе социализации человека, его воспитания, так и в ходе специальной целенаправленной психопрофилактической и психокоррекционной работы, которая должна осуществляться при условии всесторонней поддержки со стороны государства на устойчивой законодательной базе. На уровне государственной политики такие действия уже предпринимаются. В настоящее время ведется работа по выявлению и блокированию интернет-ресурсов, содержащих информацию о способах совершения самоубийства, а также призывы к совершению суицида. По данным Роскомнадзора, с 2012 г. в рамках функционирования Единого реестра запрещенных интернет-ресурсов было получено более 50 тыс. сообщений о размещении такой информации в сети. Установление уголовной ответственности за осуществление подобной деятельности предусмотрено законопроектом, внесенным в Государственную Думу группой депутатов в начале марта этого года.

Отдельное направление деятельности по предотвращению самоубийств – оказание психологической помощи. В настоящее время существует целый ряд телефонов доверия (Шувалова, 2017). Тревожную закономерность выявил президент Российской ассоциации телефонной экстренной психологической помощи А. Камин. Он заметил, что учителя и другие специалисты, работающие с детьми, сообщают об их психологических, личностных проблемах гораздо чаще, чем родители: доля обращений последних составляет примерно треть от всех поступающих обращений. Тем не менее надо полагать, что предотвращение самоубийств подростков, развитие и поддержание их жизнеспособности и конкурентоспособности возможно только совместными усилиями семей, образовательных учреждений и специалистов. Именно поэтому так необходимо сейчас задуматься о разработке и утверждении государственной программы предупреждения самоубийств среди всех возрастных категорий населения.

Проведенное нами исследование позволило выявить трагический парадокс. Дело в том, что для некоторых людей жизненный смысл заключается, как ни странно, в бессмысленности существования. Одна из граней взаимосвязи содержания жизненного смысла и жизнеспособности вскрывается в работе над собой: жизнеутверждающим является не просто смысл жизни, а смысл духовный, ибо бездуховный смысл не «творит» жизнь человека, а разрушает ее. Поэтому нужны дополнительные исследования в изучении фундаментальных свойств человека, которые составляют основу его жизнеспособности и конкурентоспособности. А для решения этих задач необходимы условия развития и поддержания жизнеспособности и конкурентоспособности человека на уровне государственной политики, психологической поддержки и психологического просвещения.

Литература

- Андреева Н.* Страшная статистика: число детских суицидов выросло почти на 60% // Слово без границ. 20.03.2017. URL: <https://www.miasskiy.ru/38004-2> (дата обращения: 10.04.2017).
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 1. № 1. С. 3–9.
- Бабочкин П. И.* Становление жизнеспособности молодежи в динамично изменяющемся обществе. М., 2000. URL: <http://www.twirpx.com/file/381822> (дата обращения: 10.05.2017).

- Беттельгейм Б.* Просвещенное сердце. Пер. с нем. 1986. URL: www.zone4iphone.ru/index.php?p_id=7&b_id=8256 (дата обращения: 30.04.2017).
- Бовкун С.* Когда человеку отказывают в любви, он заболевает // Известия. 1994. 6. 10.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Мурсалиева Г.* Лис признал свою вину // Новая газета. 2017. № 78. 2017. 21. 07. URL: <https://www.miasskiy.ru/38004-2> (дата обращения: 10.04.2017).
- Рыльская Е. А.* Психологическая концепция жизнеспособности человека. Челябинск, 2013.
- Чернятьев Д.* «Группы смерти» не являются основной причиной самоубийства подростков в Челябинской области // Урал-пресс-информ. 2017. 30. 03. URL: <http://uralpress.ru/news/2017/03/30/chernyatev-gruppy-smerti-ne-yavlyayutsya-osnovnoy-prichinoy-samoubiystva-podrostkov> (дата обращения 10.04.2017).
- Шакуров Р. Х.* Психология руководства педагогическим коллективом. М., 1995.
- Шувалова М.* Противодействие подростковому суицидам не должно ограничиваться борьбой с «группами смерти» // Бухвести РФ. 29.03.2017. URL: <http://eshche.ru/news/30-03-2017/protivodeystvie-podrostkovym-suitsidam-ne-dolzno-ogranichivatsya-borboj-s-gruppami-smerti> (дата обращения: 10.04.2017).

Actual problems of person's resilience and competition-ability in the modern society

E. A. Rylskaya (Chelyabinsk)

Doctor of psychological Sciences, Docent, Professor
at the Department of Economics and Management
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch

The article deals with the analysis of growing dynamic of the suicides as the reflection of low resilience and competition-ability of the population of modern Russia. Particular attention is paid to teenage suicides, shows the role of the so-called "group of death" in their incentives. On the example of empirically selected type of "non-passionary" resilience designated strategy of maintaining the competitiveness of the person: the dominance of strategy and collaboration strategy. The conclusion is that the fundamen-

tal, in fact human qualities are the basis, the “core” actually human viability and competitiveness. It focuses on the conditions of the development and maintenance of the viability and competitiveness of the person on the level of state policy, psychological support and psychological education.

Keywords: resilience, competition-ability, suicide, “the groups of death”, “non-passionary” resilience.

Особенности саморегуляции специалистов социономических профессий в стрессогенных условиях деятельности

Ю. А. Сапрыкина (Москва)

*соискатель Института психологии РАН;
e-mail: ysaprykina@yandex.ru*

В статье приведены результаты исследования, показывающие роль когнитивно-эмоциональной регуляции функциональных состояний в работе специалистов социономического профиля. Актуальность исследования связана с повышением стрессогенности и экстремальности массовых социономических профессий, а также необходимостью для специалистов овладения средствами внутренней саморегуляции состояний. В статье раскрыты особенности когнитивно-эмоциональной саморегуляции и ее взаимосвязь с индивидуальными свойствами специалистов. В результате анализа были обнаружены 3 группы специалистов, различающихся особенностями когнитивно-эмоциональной регуляции: группа, устойчивая к воздействию стрессовых факторов деятельности, группа, подверженная влиянию стрессовых факторов, и группа со средней степенью устойчивости к стрессовым факторам. Обнаружены значимые межгрупповые различия по ряду индивидуальных свойств. Полученные результаты могут применяться в отборе, оценке и психологическом сопровождении деятельности специалистов.

Ключевые слова: трудные профессиональные ситуации, функциональные состояния, индивидуальные свойства, саморегуляция, стресс, когнитивные и эмоциональные оценки.

Постановка проблемы

Мир современных профессий характеризуется постоянным ростом степени экстремальности и стрессогенности труда. Возраста-

ют неопределенность, значимость и ответственность специалистов, в том числе в массовых профессиях, которые не так давно считались безопасными. Особенно сильно данные факторы проявляются в социономических профессиях, в которых устойчивость к психоэмоциональной нагрузке является показателем профессиональной успешности. Как отметила Л. Г. Дикая, в современных условиях деятельности возможности изменения условий труда специалистов ограничены, в связи с чем необходимо управлять функциональным состоянием специалистов за счет внутренней саморегуляции (Дикая, 2003). Индивидуальный способ саморегуляции специалистов наиболее полно проявляется в напряженных условиях деятельности.

В проведенном исследовании были изучены стрессогенные условия труда на примере деятельности страховых агентов. Профессия страхового агента характеризуется напряженными условиями в связи с финансовой ответственностью, отсутствием стабильных условий оплаты труда, ненормированным графиком, коммуникацией с разными категориями клиентов. В связи с этим в деятельности специалистов возникает ряд трудных ситуаций, воздействие которых на функциональное состояние может отражаться на результатах деятельности.

В. А. Бодров рассматривал функциональные состояния и связанные с ними личностные и индивидуальные характеристики в качестве показателей свойств профессиональной пригодности (Бодров, 2001). Для выявления степени влияния трудных профессиональных ситуаций на субъекта труда необходимо учитывать такие факторы, как когнитивные оценки, мотивационные установки, эмоциональные переживания.

Как считает Н. Е. Водопьянова, трансактный подход наиболее полно учитывает психологические факторы в процессе возникновения стресса (Водопьянова, 2009; Водопьянова, Старченкова, 2005). В соответствии с трансактным подходом, трудные профессиональные ситуации являются «единицами» взаимодействия специалиста и среды. При этом воздействие подобных ситуаций на специалиста опосредовано рядом внутренних факторов – интерпретациями, смыслами, эмоциями. Для качественной оценки профессионального стресса должны учитываться качественные характеристики самих трудных профессиональных ситуаций и особенности их восприятия человеком, включенным в них. Представители трансактного подхода указывали также на особую роль когнитивной оценки и эмоциональных переживаний в возникновении психологического стресса (Лазарус, 1976; Кокс, 1981).

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

В проведенном нами исследовании изучались особенности когнитивно-эмоциональной саморегуляции трудных профессиональных ситуаций для специалистов социномического профиля.

Цель исследования заключалась в изучении характера взаимосвязи когнитивных и эмоциональных оценок трудных профессиональных ситуаций и индивидуальных свойств у специалистов социномического профиля.

Объект исследования – профессиональная деятельность страховых агентов; *предмет исследования* – соотношение когнитивно-эмоциональных оценок ситуаций и индивидуальных свойств специалистов социномического профиля.

Задачи исследования: 1) выделить группы специалистов в зависимости от соотношения когнитивной и эмоциональной оценок; 2) определить характер соотношения когнитивной и эмоциональной оценки трудных профессиональных ситуаций для специалистов в разных группах; 3) выявить индивидуальные свойства, связанные с характером когнитивно-эмоциональной саморегуляции специалистов.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, согласно которому соотношение когнитивных и эмоциональных оценок в процессе саморегуляции функциональных состояний в трудных профессиональных ситуациях связано с индивидуальными свойствами специалистов. Характер соотношения когнитивной и эмоциональной оценок в процессе саморегуляции зависит от степени выраженности индивидуальных свойств специалистов.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На *первом этапе* проводилось выявление перечня трудных профессиональных ситуаций методом экспертного опроса. В качестве экспертов выступили 40 страховых агентов, различающихся по возрасту, стажу работы, общей успешности деятельности (финансовому результату). В предложенной анкете респонденты в свободной форме описывали трудные профессиональные ситуации, характерные для разных этапов их деятельности.

На *втором этапе* проводилось анкетирование с целью выявления когнитивных и эмоциональных оценок, в котором приняли участие 100 страховых агентов. Общая выборка составила 140 специалистов страховой отрасли. Специалисты, принимавшие участие в исследовании, работали в разных страховых компаниях Волгограда и Липецка. Специалисты различались по стажу (стаж респонден-

тов составил от 3 месяцев до 32 лет), возрасту (от 21 года до 60 лет) и успешности (финансовые показатели деятельности). Специфика выборки состоит в том, что в профессии большинство составляют женщины (95% респондентов); это репрезентативно в целом для генеральной совокупности.

Трудные профессиональные ситуации оценивались с помощью методики Н. Водопьяновой, Е. Старченковой «Шкала оценки стрессогенности профессионально-трудных ситуаций на рабочем месте» и модифицированной анкеты «Эмоционально-напряженные ситуации» Е. Борисовой, Е. Старченковой, которая позволяет определить негативные эмоциональные переживания (оценки), возникающие в трудных профессиональных ситуациях. В дальнейшем в соответствии с целью исследования для анализа использовались усредненные показатели когнитивной и эмоциональной оценок.

На *третьем этапе* исследования выявлялись индивидуальные особенности специалистов, для оценки которых применялась методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (сокращенный вариант N 105, 16 PF-опросник). Для оценки функциональных состояний использовались следующие опросники: 1) методика самооценки психических состояний Г. Айзенка; 2) шкала для измерения уровня стресса PSM-25 Лемира–Тесье–Филлиона (Lemur–Tessier–Fillion) в адаптации Н. Е. Водопьяновой; 3) методика диагностики мотивационных установок в трудовой сфере О. Ф. Потемкиной; 4) методика Дж. Роттера на определение локуса контроля в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда.

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSSStatistics 23. Для обработки данных использовались методы кластерного анализа (K-means), непараметрический критерий сравнения нескольких независимых выборок Н Краскела–Уоллиса.

Результаты исследования

На первом этапе исследования были выделены семь значимых для специалистов трудных профессиональных ситуаций: 1) клиент избегает контакта; 2) недоверие клиента страховому агенту; 3) конфликтное поведение клиента; 4) организационные сложности в работе; 5) клиент высказывает возражения; 6) клиент не доволен обслуживанием; 7) сложности в расчетах страхового тарифа. В дальнейшем анализе использовались усредненные показатели когнитивной и эмоциональной оценки по всем ситуациям.

В результате анализа, проведенного на основе метода, K-means выборка была поделена на 3 группы в зависимости от соотношения

когнитивной и эмоциональной оценок. В первую группу вошли 38 специалистов, которые характеризуются самыми низкими значениями показателями когнитивных ($M=2,17$) и эмоциональных ($M=1,07$) оценок. Вторую группу составили 23 человека, характеризующихся средним по выборке значением показателя когнитивной оценки ($M=3,14$) и высоким значением показателя эмоциональной оценки ($M=1,42$). В третью группу вошли 38 человек, для которых характерен самый высокий показатель когнитивной оценки ($M=3,47$) и среднее среди всех групп значение показателя эмоциональной оценки ($M=1,14$). Уровень значимости составил $p < 0,001$.

С целью определения значимых различий в личностных свойствах специалистов было проведено межгрупповое сравнение с применением критерия Н Краскела–Уоллиса. Результаты и медианные значения представлены в таблице 1.

Межгрупповой анализ показал, что группы различаются по ряду индивидуальных свойств (самооценке, интеллекту, эмоциональной устойчивости, напряженности, общей интернальности) и состояний (агрессивности, ригидности). Также обнаружена тенденция к различию по показателям мотивационной установки «ориентация на труд» и интернальности в области неудач.

Сравнение медианных значений показало, что самая высокая самооценка свойственна специалистам первой группы с наиболее низкими значениями когнитивной и эмоциональной оценки. Можно

Таблица 1
Значения личностных свойств (по медиане) в 3 группах

Личностные свойства	1 группа (n=38), М	2 группа (n=23), М	3 группа (n=38), М	Н Краскела– Уоллиса	Уровень значи- мости, р
Самооценка	9,00	6,00	7,00	14,844	0,001
Интеллект	3,00	5,00	4,00	8,013	0,02
Эмоциональная стабильность	9,00	8,00	9,00	6,509	0,04
Напряженность	5,00	6,00	5,00	5,741	0,05
Агрессивность	6,00	9,00	7,00	8,295	0,01
Ригидность	8,00	10,00	8,00	6,676	0,04
Ориентация на труд	7,00	5,00	5,00	4,989	0,08
Интернальность в области неудач	4,00	5,00	4,00	5,144	0,07
Интернальность общая	5,50	6,00	4,00	6,830	0,03

предположить, что высокая самооценка способствует устойчивости к трудным профессиональным ситуациям. Показатели эмоциональной стабильности более высокие в группах с самыми низкими значениями показателей когнитивной и эмоциональной оценок и в группе с высоким показателем когнитивной оценки и средним показателем эмоциональной оценки. Показатель напряженности самый высокий в группе со средним показателем когнитивной и высоким показателем эмоциональной оценок. Показатели агрессивности и ригидности наиболее выражены в группе со средними показателями когнитивных и высокими показателями эмоциональных оценок. Показатель мотивации к труду больше выражен в группе с низкими показателями когнитивных и эмоциональных оценок. Показатели интернальности в области неудач и общей интернальности наиболее выражены во второй группе со средними показателями когнитивной и высокими показателями эмоциональной оценок.

Заключение

В результате исследования получены данные, подтверждающие взаимосвязь когнитивных и эмоциональных оценок трудных профессиональных ситуаций и индивидуальных свойств специалистов. Выделены 3 группы специалистов: 1) специалисты с низкими когнитивными и эмоциональными оценками, наиболее устойчивые к воздействию трудных профессиональных ситуаций; 2) специалисты со средне выраженной когнитивной оценкой и высоко выраженной эмоциональной оценкой ситуаций, наиболее подверженные влиянию трудных профессиональных ситуаций; 3) специалисты с высокими когнитивными оценками ситуаций и средне выраженными эмоциональными оценками – группа со средней степенью устойчивости к воздействию трудных профессиональных ситуаций. С показателем соотношения когнитивных и эмоциональных оценок связаны следующие индивидуальные свойства: самооценка, интеллект, эмоциональная стабильность, напряженность, агрессивность, ригидность, ориентация на труд, интернальность в области неудач, общая интернальность. Полученные результаты могут применяться при подборе, оценке, а также профилактике и коррекции стрессовых состояний у специалистов социномических профессий.

Литература

Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов. М., 2001.

Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.

Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М., 2003.

Кокс Т. Стресс. М., 1981.

Lazarus R. S. Patterns of Adjustment. N. Y., 1976.

Peculiarities of self-regulation of specialists “help” professions in stressful conditions

Y. A. Saprykina (Moscow)

Applicant of the Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of studies showing the role of cognitive-emotional regulation of functional States in work of specialists “help” profile. The relevance of the study is to increase stressogenic and extreme mass “help” professions, as well as the necessity of mastering specialists with the means of self-regulation of internal States. In the article the features of cognitive-emotional self-regulation and its relationship with individual properties specialists. As a result of the analysis showed 3 groups of professionals distinguished features of cognitive-emotional regulation group, resistant to stress factors activities, the group exposed to stress factors, and the group with a medium degree of resistance to stress factors. They found significant between-group differences on several individual properties. The obtained results can be used in selection, assessment and psychological support professionals.

Keywords: difficult professional situation, functional status, individual characteristics, self-regulation, stress, cognitive and emotional appraisal.

**Энергетический фактор
психологической адаптации человека
как интегральный показатель его жизнеспособности
в экологически неблагоприятной жизненной среде¹**

Н. М. Сараева, А. А. Суханов** (Чита)*

** доктор психологических наук, доцент, профессор Забайкальского государственного университета; e-mail: saraiewa@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, доцент Забайкальского государственного университета; e-mail: suhanov-71@mail.ru*

В статье обсуждается вопрос о причинах снижения показателей психологической адаптации человека, родившегося и проживающего в экологически неблагоприятных условиях жизненной среды. На примере жизнедеятельности детского населения конкретного экологически неблагоприятного региона – Забайкальского края – показано, что в связи с кислородной недостаточностью, связанной с природно-климатическими условиями и экологическим загрязнением территорий, у детей ослаблен энергогенез, имеются нарушения энергетического метаболизма. Кроме общей недостаточности энергетического обеспечения жизнедеятельности, снижение показателей психологической адаптации обусловлено конкурентной борьбой за энергию между биологическим и психологическим уровнями системной организации человека и необходимостью реализации энергосберегающей – минимизирующей – стратегии адаптации. В итоге высказано предположение о том, что энергетически обусловленное снижение характеристик психологической адаптации людей на экологически неблагоприятных территориях есть проявление ослабления их жизнеспособности.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00151 «Изучение жизнеспособности молодежного населения региона экологического неблагополучия (на примере школьников и студентов Забайкальского края)».

Ключевые слова: экологически неблагоприятная жизненная среда, энергогенез, заболеваемость, психологическая адаптация, минимизирующая адаптация, жизнеспособность.

Понимая жизнеспособность человека как интегральное свойство системы «человек–среда», отечественные исследователи называют среди основных ее показателей/компонентов возможности адаптации (Махнач, 2016; Нестерова, 2011; Рыльская, 2014).

Специфика психологической адаптации человека в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды изучается в течение ряда лет в Забайкальском государственном университете. Жизненная среда понимается как совокупность природных и социальных условий и факторов, во взаимодействии с которыми происходит развитие организма и психики человека. С системных позиций психологическая адаптация трактуется как процесс и результат приспособления человека к средовым условиям на уровне целостной психики в системе «человек – жизненная среда» с целью сохранения ее динамического равновесия.

По результатам исследования установлено существование тенденции к общему снижению (в пределах нормы) психической активности детского населения, родившегося и постоянно проживающего на экологически неблагоприятных территориях. Выявлена специфика психологической адаптации молодежного населения, родившегося и проживающего в регионе экологического неблагоприятия. Она заключается в общем, но неодинаковом по выраженности на разных уровнях снижении (в пределах нормы) показателей психологической адаптации данной категории людей, дрейф показателей в диапазон сниженной нормы. Это снижение рассматривается как следствие реализации особой стратегии адаптации – стратегии минимизирующей адаптации, обусловленной энергетическим фактором (Психологическая адаптация..., 2014).

Известно, что пусковым для адаптации является энергетический механизм. Изменение энергетики – составная (неспецифическая) часть всех адаптационных процессов. Адаптация к любым условиям жизненной среды имеет «энергетическую» цену (Казначеев, 1980; и др.). Тем более это относится к осложненным условиям жизненной среды, в нашем случае – к условиям экологического неблагоприятия, не вполне адекватным гено- и фенотипическим свойствам человека и потому особенно энергозатратным.

Как отмечает В. П. Казначеев, при продолжительной жизнедеятельности в неадекватных условиях имеет место сложное сочетание как острых, так и хронических напряжений. Это требует пе-

рестройки энергетических потоков в организме – универсального механизма адаптации к длительным напряжениям. «При хронических напряжениях должна наступить некоторая минимизация функций с направленными более экономичными потоками информации, энергии, материалов, гарантирующими (насколько это возможно) продолжительное функционирование системы в экстремальных условиях» (Казначеев, 1980, с. 35). Подобная перестройка энергетических основ жизнедеятельности человека, по нашему мнению, происходит и в значительно экологически «загрязненных» условиях природной среды, требующих напряжения жизненных сил и дополнительных энергозатрат.

В Забайкальском крае, который относится к регионам экологического неблагополучия, причиной направленности на снижение интенсивности реакций жизнедеятельности человека является общая недостаточность энергии для их обеспечения. Природно-климатические условия Восточного Забайкалья отличаются суровостью по отношению ко всему живому. Акцентируем внимание на таком важном средовом природном факторе Забайкальского края, тесно связанном с экологическим неблагополучием, как флюктуирующая кислородная недостаточность, усиливаемая холодом. Забайкалье – среднегорная страна. 70% территории края занимает горно-таежная зона. Недостаток кислорода может быть назван фактором, лимитирующим жизнедеятельность населения многих районов края. Адекватное снабжение клеток кислородом является основным условием сохранения жизнедеятельности организма. У человека процессы аэробного окисления, т. е. происходящие с участием кислорода, являются преобладающими. При всех видах гипоксии происходит повреждение биоэнергетических процессов. Гипоксия влечет за собой недостаточный энергогенез (Сердцев, 1996).

В Забайкальском крае большое число детей рождается с признаками гипоксии организма, респираторного дистресса, гипоксицидона. Следствием гипоксицидона являются нарушения энергетического метаболизма, падение энергообразования, которые влекут за собой изменения в тканях основных систем организма.

Снижение энергетического обеспечения жизнедеятельности человека в Забайкальском крае отчетливо проявляется в заболеваемости населения, особенно детского. Согласно медицинским исследованиям, у детей экологически «загрязненных» районов края наблюдается заметное снижение функциональных возможностей организма. Заболеваемость детей и подростков в крае, в том числе количество экологозависимых, индикаторных патологий среди детей, выше средних показателей по России (Абашкина, 2002;

и др.). В регионе экологического неблагополучия страдают наиболее энергозависимые функции детского организма. У детей отмечаются значительные изменения в состоянии дыхательной системы, абсолютное уменьшение показателей жизненной емкости легких во всех возрастных группах. Обнаружено функциональное напряжение сердечно-сосудистой системы. Сходные сдвиги характеризуют состояние иммунной системы детей, жителей экологически «загрязненных» районов. Особенно чувствительны к недостатку кислорода ткани мозга. Показатели биологической адаптации населения снижены.

В силу системной организации целостного человека (Леонтьев, 1977; Ломов 1984) и системного характера его взаимодействия со средой изменение показателей функционирования биологического уровня неизбежно влечет за собой изменение состояния психики человека вследствие экологической деформации природной составляющей жизненной среды. В частности, происходит общее снижение в пределах нормы показателей психологической адаптации людей, родившихся и постоянно проживающих в экологически неблагополучной жизненной среде.

Снижение энергетического обеспечения психической деятельности обуславливается не только общей недостаточностью энергии в организме человека, но и дисбалансом в распределении и без того недостаточной энергии между уровнями системной организации человека: биологическим, с одной стороны, психологическим и социальным (личностным) – с другой. В «конкуренции за энергию» биологический уровень оттягивает на себя энергию, необходимую для поддержания, прежде всего, материальных основ жизни в не вполне адекватных средовых условиях. Совершается, по словам нейропсихологов, «энергетическое обкрадывание психической деятельности человека» (Семенович, 2005, с. 45).

Однако снижение показателей психологической адаптации не является равномерным. Оно имеет разную степень выраженности на разных ее уровнях, что находит эмпирическое подтверждение (Психологическая адаптация..., 2014). Внутри структуры психологической адаптации также действуют закономерности «конкурентного межуровневого взаимодействия». Более высокие показатели адаптации на психическом уровне обеспечиваются за счет сниженных показателей на психофизиологическом уровне. А показатели адаптации на социально-психологическом уровне обеспечиваются за счет более сниженных показателей на двух нижележащих уровнях. Кроме того (и это главное), чем выше уровень психической деятельности, тем сильнее действие факторов социальной компенсации.

Если вслед за Б. Г. Ананьевым понимать жизнеспособность как общий энергетический потенциал, общую способность человека к эффективному функционированию, определяющую уровень осуществления жизненных функций (Ананьев, 1968), а психологическую адаптацию – как интегральный показатель жизнеспособности, то обоснованным представляется предположение о том, что энергетически обусловленное снижение характеристик психологической адаптации людей, родившихся и проживающих на экологически неблагоприятных территориях, может быть проявлением ослабления их жизнеспособности. Подтверждение или опровержение гипотезы определяет постановку следующих проблем: с помощью каких механизмов в психике происходит компенсация негативных средовых влияний, достигается относительный баланс с деформированной жизненной средой и в известной мере достаточный уровень жизнеспособности человека? Какова цена жизнеспособности человека в экологически неблагоприятных условиях жизненной среды? Разработка этих проблем только начинается.

Представленные материалы дают возможность сделать следующие *выводы*.

Рассматривая жизнеспособность человека в системном контексте как один из его основных ресурсов, интегральное свойство, отечественные психологи тесно связывают ее с адаптацией, включают адаптацию в структуру жизнеспособности или прямо определяют жизнеспособность человека как адаптацию (Жизнеспособность человека..., 2016). Это позволяет назвать адаптационные характеристики интегральным показателем жизнеспособности человека.

Многолетние исследования психологической адаптации детского и юношеского населения, родившегося и постоянно проживающего в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды, проводимые в ЗабГУ, выявили общее, но неодинаковое по выраженности на разных уровнях снижение (в пределах нормы) показателей психологической адаптации данной категории людей. Это снижение рассматривается как следствие реализации особой стратегии адаптации – стратегии минимизирующей адаптации, обусловленной энергетическим фактором. В экологически неблагоприятной жизненной среде адаптация человека требует напряжения и повышенного энергетического обеспечения.

Между тем в связи с осложненными природно-климатическими и экологическими условиями в Забайкальском крае у детей отмечается изменение энергетического метаболизма, снижение энергообразования. Это проявляется в повышенной заболеваемости, снижении функциональных возможностей организма, показа-

телей биологической адаптации. По законам поведения системы недостаточное энергетическое обеспечение жизнедеятельности на биологическом уровне системной организации человека снижает активацию психической деятельности и вызывает необходимость соблюдения принципа энергосбережения и минимизирующей психологической адаптации.

Понимание жизнеспособности, по Б. Г. Ананьеву, как общего энергетического потенциала, а психологической адаптации как показателя жизнеспособности позволяет предположить, что энергетически обусловленное снижение характеристик психологической адаптации людей, родившихся и проживающих на экологически неблагоприятных территориях, может быть проявлением ослабления их жизнеспособности и поставить вопрос о ее компенсации.

Литература

Абашкина Е. В. Эпидемиология нервно-психических расстройств у детей в зоне экологического неблагополучия в Забайкалье (город Балей): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Чита, 2002.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980.
Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Махнач А. В. Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 33–48.

Нестерова А. А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2011.

Психологическая адаптация человека в осложненных условиях жизненной среды: коллективная монография / Под ред. Н. М. Саревой. Чита, 2014.

Рыльская Е. А. Психология жизнеспособности человека: Дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2014.

Семенович А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учебное пособие. М., 2005.

Сердцев М. И. Экология, метаболизм, здоровье. Чита, 1996.

**Energy factor of psychological adaptation
as an integral indicator of resilience
in ecologically unfavourable living environment**

*N. M. Sarayeva**, *A. A. Sukhanov*** (Chita)

* Doctor of psychological Sciences, Docent,
Professor of Transbaikal state University

** Candidate of psychological Sciences, Docent,
associate Professor of Transbaikal state University

The authors discuss causes that lead to decreased indicators of a person's psychological adaptation if he was born and lives in ecologically unfavourable conditions of living environment. The authors, referring to children's population's vital activity in a certain ecologically unfavourable region – that of Transbaikal, prove that anoxia, which is the result of natural-climatic conditions and the regions' environmental pollution, causes children's energy genesis weakening and energy metabolic disturbance. Except general *deficiency in energy* required for vital activity *maintenance*, competitive fighting for energy between biological and psychological levels in human system organization and the necessity to realize energy-efficient – minimizing – adaptation strategy condition decreased indicators of human psychological adaptation. Eventually the author suggests that energetically conditioned decrease of human psychological adaptation characteristics on ecologically unfavourable territories is their resilience weakening.

Keywords: ecologically unfavourable living environment, energy genesis, morbidity (rate), psychological adaptation, decreased indicators, minimizing adaptation, resilience.

Профессионально важные качества личности психологов-консультантов как составляющие их жизнеспособности

Е. В. Тарасова (Нижний Новгород)

*соискатель Института психологии РАН,
преподаватель психологии Нижегородского медицинского колледжа;
e-mail: psychologist.tarasova@yandex.ru*

В статье рассматривается феномен «жизнеспособность профессионалов». Анализируются профессионально важные качества личности психолога и субъективные представления профессионалов о качествах, присущих психологам. Предполагалось, что у психологов присутствуют некоторые качества, отражающие жизнеспособность профессионалов. Получены и проанализированы данные по результатам теста Р. Кеттелла и анкеты с незаконченными предложениями в трех группах профессионалов, разделенных по возрасту. Выявлены характерные для психологов качества личности: лидерство, беспечность, самодисциплина, сдержанность, высокий интеллект, доброжелательность, социальная активность, нормативность, стремление к соблюдению правил и порядку, самостоятельность, которые составляют компонент личностных характеристик жизнеспособности профессионалов. Показана взаимосвязь качеств личности психологов от стажа работы и возраста.

Ключевые слова: жизнеспособность профессионалов, психолог-консультант, профессионально важные качества.

Проблема жизнеспособности профессионала является актуальной в современном мире, поскольку остро встают вопросы обеспечения качества труда и устойчивости в трудных условиях профессиональной деятельности, поиска путей преодоления профессиональных кризисов. Особенно актуальны исследования жизнеспособности психолога и психотерапевта, поскольку представители данных про-

фессий принадлежат к группам риска по суицидам, зависимостям от алкоголя и медикаментов, эмоциональным и психическим расстройствам (Виртц, Цобели, 2014).

В этой связи встает вопрос о профессионально важных качествах этой группы специалистов. По мнению С. Глэддинга, эффективные консультанты способны быть искренними, творческими и сопереживающими (Глэддинг, 2002). К качествам, деструктивно влияющим на их жизнеспособность, согласно его мнению, относятся отсутствие мотивации и воли к жизни, выученная беспомощность, аддитивные расстройства, состояние дистресса, социально-психологическая неустойчивость и др. (там же).

Жизнеспособность, по мнению ряда исследователей, охватывает знания, личностные качества и навыки, необходимые для построения устойчивой и успешной карьеры (Махнач, 2017; Постылякова, 2004; Kinman, Grant, 2011). Жизнеспособность профессионала понимается как элемент в цепи взаимосвязанных факторов, который может служить индикатором качества заботы о клиентах, с одной стороны, и показателем условий труда, с другой (Лотарева, 2013), является условием профессионального роста (Morrison, 2007), при котором качества личности профессионала являются составляющими его жизнеспособности.

Экспериментальная выборка и методы исследования

Выборку эмпирического исследования составили 50 психотерапевтов и психологов, работающие в сфере оказания психологической помощи в городах России, Белоруссии (Минск, Гомель) и Казахстана (Алма-Ата) (42 женщины, 8 мужчин, возраст $41 \pm 7,74$ года; из них 2 человека – врачи-психотерапевты, 8 человек – психотерапевты без медицинского образования, остальные респонденты – психологи).

Методики исследования

Для оценки качеств личности психологов-консультантов использовался тест Кеттелла 16PF (форма А), для оценки субъективных представлений о важных для психолога качествах личности использовалась авторская анкета с незаконченными предложениями.

Статистическая обработка материала проводилась с помощью программы Statistica 10; использовались следующие методы статистической обработки данных: метод средних, метод кластеризации, метод корреляционного анализа.

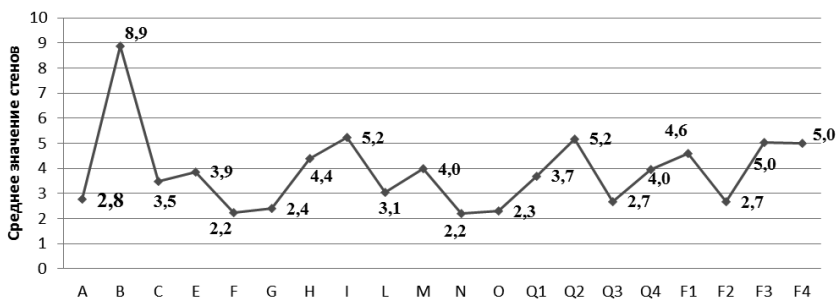

Рис. 1. Личностный профиль респондентов по тесту Р. Кеттелла

Результаты исследования

Анализ данных, полученных на основе теста Кеттелла, позволил сформировать личностный профиль психологов (рисунок 1).

По результатам теста Кеттелла выявлен высокий уровень интеллекта (фактор В) у специалистов по выборке, что подтверждают данные, полученные в сравнительном исследовании психотерапевтов с медицинским и психологическим образованием (Горобец, 2008), а также психологов (Быкова, 2015; Вачков, 2004). Было показано, что высокий интеллект связан с удовлетворенностью психологов своей деятельностью (McCann et al., 2013), что позволяет отнести интеллект к прогностической характеристике благоприятной жизнеспособности профессионалов.

Также было выявлено, что респонденты обладают значительной «силой Я», характеризующейся эмоциональной устойчивостью, выдержанностью, спокойствием, трезвым взглядом на вещи, работоспособностью, эмоциональной зрелостью, постоянством интересов, склонностью реально оценивать обстановку (фактор С). Выборка характеризуется доминантностью (фактор Е), смелостью, предприимчивостью, склонностью к риску, общительностью, активностью, отзывчивостью, эмоциональностью (фактор Н). Последнее было также отмечено у психотерапевтов с медицинским образованием (Горобец, 2008; Махнач, Горобец, 2010). Респондентам также свойствен высокий творческий потенциал (фактор М) и сдержанность (фактор F2).

Респонденты обладают лидерским потенциалом, который проявляется в привычных рабочих ситуациях, развитие которых можно предвидеть, а появление трудностей – предотвратить (высокие значения факторов Е, Q2). Лидерские качества в работе психолога помогают ему отстаивать свою точку зрения в профессиональном

сообществе, а также оставаться уверенным в работе с клиентами; они необходимы для организации работы в частной практике.

Стоит отметить, что с увеличением возраста специалистов снижаются показатели интеллектуальности (фактор В), увеличиваются значения показателей эмоциональной устойчивости (фактор С), моральной нормативности (фактор G), смелости в социальных контактах (фактор Н), эмоциональной чувствительности (фактор I), самостоятельности и самодисциплины (факторы Q2, Q3). Как известно, самоконтроль важен для поддержания психологического благополучия специалистов помогающих профессий (McCann et al., 2013). Выявленные качества, несомненно, влияют на развитие индивидуальной способности управления своими ресурсами, что позволяет связать их наличие с жизнеспособностью профессионала.

Также был проведен кластерный анализ (методом К-средних) с целью выделения свойств личности специалистов в зависимости от возраста.

В кластер 1 вошли молодые специалисты (до 32 лет), которым свойственны высокая конформность, склонность к использованию дополнительных интеллектуальных усилий и временных затрат для понимания смысла проблемной ситуации, выбора вариантов решений; при этом обнаруживается склонность использовать проверенные способы и приемы. По-видимому, у молодых специалистов сохраняется неуверенность, и поэтому они предпочитают не рисковать и опираться в своей работе на то, что они знают и в чем уверены.

В кластер 2 вошли респонденты в возрасте от 33 лет до 41 года. Было выявлено, что они обладают высокой «силой Я», наибольшей интравертностью, доброжелательностью, без предубеждений относятся к окружающим. Указанные качества помогают им в формировании здоровых, доверительных отношений, что благоприятно отражается на взаимоотношениях психолога с клиентами и коллегами.

В кластер 3 вошли психологи в возрасте 46 лет и старше, характеризующиеся такими чертами личности, как экспрессивность, свехосторожность, самодостаточность, склонность к риску в ситуациях его оправданности и достижимости результата. В этой группе респондентов отмечается тенденция к стремлению находить позитивное в жизни.

В целом три кластера, соответственно, три группы испытуемых различаются по следующим свойствам: доминантность, беспечность, экстравертированность/интровертированность, что свидетельствует о связи личностных характеристик профессионалов с их возрастом. Стоит отметить, что в психологической литературе возраст, пол, баланс в работе и жизни, развлекательные мероприятия

(тренировки, хобби, отпуска), личные и профессиональные ценности рассматриваются в контексте их влияния на сохранение жизнеспособности профессионалов (McCann et al., 2013). Такие качества личности, как доброжелательность, умение находить позитивные моменты в жизни, интеллектуальность, склонность к использованию проверенных приемов в работе, по нашему мнению, отражают жизнеспособность профессионала.

Далее, изучая взаимосвязи между характеристиками, измеренными с помощью шкал теста Р. Кеттелла, было проведено сопоставление значения стенов по факторам. Была получена положительная корреляция между показателями факторов F (беспечность) и F2 (экстраверсия) ($r=0,815$; $p\leq 0,05$); факторов H (смелость) и F2 (экстраверсия) ($r=0,698$; $p\leq 0,05$). По-видимому, свойство личности специалистов, отражающее активность в социальных контактах, взаимосвязано с проявлением состояния, возникающего, когда человек не акцентирует внимание на признаках потенциальных неприятностей. Было отмечено, что активность в социальных контактах помогает справляться со стрессовыми ситуациями: 90% психологов сообщили, что они справились со сложной жизненной ситуацией, поговорив с коллегами, и почти треть обратились за помощью к другим людям (McCannetal., 2013).

Нами также было выявлено, что существует положительная корреляционная связь между показателями факторов Q4 (напряженность) и F1 (тревожность) ($r=0,743$; $p\leq 0,05$), что свидетельствует об общем состоянии напряженности у специалистов, которое может являться стимулом для реализации замыслов и продуктивных идей. Отрицательная корреляция наблюдается между показателями факторов C (эмоциональная устойчивость) и F1 (тревожность) ($r=- 0,534$; $p\leq 0,05$), что указывает на снижение показателей тревожности у специалистов с увеличением эмоциональной устойчивости.

Рассмотрим далее субъективные представления психологов о наличии у них тех или иных качеств личности, которыми должен обладать профессионал. Были проанализированы данные, полученные в ходе заполнения анкеты с незаконченными предложениями. В анкете с незаконченными предложениями проанализирован блок «Качества личности» («У меня есть следующие качества, которыми должен обладать психолог...»). Анализ ответов специалистов позволил выделить перечень наиболее часто называемых респондентами качеств личности. Среди них – эмпатия (встречается у 58% респондентов), терпение, толерантность (у 24%), умение слушать и слышать (у 22%), интерес к людям (у 14%).

Заключение

Жизнеспособность профессионалов включает взаимодействие индивидуальных и ситуативных факторов, обеспечивающих поддержание профессионального благополучия (McCann et al., 2013). Компонент жизнеспособности – индивидуально-психологические качества – состоит из профессионально важных качеств психологов и выполняет ключевую роль в профессиональной деятельности.

Исследование качеств личности психологов позволят сделать вывод о том, что такие качества, как лидерство, самодисциплина, сдержанность, высокий интеллект, доброжелательность, социальная активность, стремление к соблюдению правил и самостоятельность, выступают составляющими жизнеспособности психологов. Благодаря наличию указанных качеств, психологи преодолевают трудности в деятельности, становясь опытными профессионалами.

Литература

- Быкова Е. А. Особенности профессионально важных качеств психолога. URL: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/2015-3-23.pdf> (дата обращения: 21. 08.2017).
- Вачков В. И. Гриншпун И. Б., Пряжников Н. С. Введение в профессию «психолог»: Учебное пособие / Под ред. И. Б. Гриншпуна. М., 2004.
- Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла: Человек в экстремальных ситуациях: Пределы психотерапии. М., 2014.
- Глэддинг С. Психологическое консультирование. СПб., 2002.
- Горобец Н. Л. Профессиограмма деятельности психотерапевта в контексте интегративного подхода к психотерапии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016.
- Лотарева Т. Ю. Социально-психологические факторы жизнеспособности профессионалов социальной сферы // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома, 2013. Т. 2. С. 124–127.
- Махнач А. В. Теоретические основания методов оценки жизнеспособности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. Электрон. журн. 2017. Т. 2. № 1. С. 23–53. URL: <http://work->

org-psychology.ru/engine/documents/document239.pdf (дата обращения 15.04.2017).

Махнач А. В., Горобец Н. Л. Психологический анализ деятельности и личности психотерапевта // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 1 / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2010. С. 255–278.

Постылякова Ю. В. Психологическая оценка ресурсов совладания со стрессом в профессиональных группах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

McCann C. M., Beddoe E., McCormick K., Huggard P., Kedge S., Adamson C., Huggard J. Resilience in the health professions: A review of recent literature // International Journal of Wellbeing. 2013. V. 3 (1). P. 60–81.

Professionally important qualities of the counselors' personality as part of their resilience

E. V. Tarasova (Nizhny Novgorod)

Applicant of the Institute of Psychology of RAS, lecturer of psychology of the Nizhniy Novgorod medical college

In the article the phenomenon of “resilience of professionals” is discussed. Analysis of professionally important qualities of psychologist and counselors and their subjective perceptions about those qualities is presented. It was assumed that psychologists are some of the qualities that reflect the resilience of professionals. Obtained and analyzed data on the results of semi-structured interview and questionnaire R. Cattell. The identified characteristic of the sample qualities: leadership, carelessness, self-discipline, humility, high intelligence, kindness, leniency, social activity, normativity, desire for order and respect for rules, courage, and independence are the components of the resilience professionals. The qualities of the individual professionals vary depending on age and experience.

Keywords: resilience of the professionals, the psychologist, professionally important qualities.

Формирование структурных компонентов жизнеспособности личности в педагогической превенции зависимого поведения подростков

Е. Г. Шубникова (Чебоксары)

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии
и социальной педагогики, Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»; e-mail: ivsuf@rambler.ru*

Современный этап развития педагогической профилактики зависимого поведения детей и подростков в образовательной среде определяет необходимость обоснования его новых целей и задач. Позитивная превенция аддикций предполагает развитие адаптивной модели совладающего поведения, включающей продуктивные копинг-стратегии, направленность мотивации, высокий уровень развития личностных и средовых ресурсов преодоления трудных жизненных ситуаций. В статье описываются результаты психодиагностического исследования копинг-стратегий, личностных ресурсов и жизнеспособности подростков. Выявлены взаимосвязи между моделями совладающего поведения, уровнем развития ресурсов личности и уровнем жизнеспособности подростков. Обосновано формирование жизнеспособности в качестве базовой цели педагогической профилактики зависимостей в образовательной среде.

Ключевые слова: зависимое поведение, педагогическая профилактика, жизнеспособность личности, копинг-поведение, ресурсы личности.

Современное состояние проблемы

Актуальность исследования обусловлена развитием превентивной деятельности и необходимостью обоснования новых целей и задач педагогической профилактики зависимого поведения в образовательной среде. Современный этап развития превентивной деятельности обозначен нами термином «педагогическая профилактика

зависимого поведения в образовательной среде». Это во многом объясняется результатами исследований ряда ученых (Великанова, 2006; Карпов, Горячев, 2011; Менделевич, 2003; и др.), согласно которым существует единый этиопатогенетический механизм зависимого (аддиктивного) поведения. Так, В. Д. Менделевич рассматривает зависимость как личностное образование, лежащее в основе любых форм аддиктивного поведения. По его мнению, невозможно выделить кардинальные различия и специфические личностные или характерологические особенности, предопределяющие алкоголизм, табакокурение, наркоманию или сверхсильное увлечение азартными играми, виртуальной реальностью (интернетом). Ученый говорит о существовании базовых характеристик аддиктивной личности, которые являются общими для всех форм зависимого поведения, в связи с чем им ставится вопрос о нецелесообразности разработки разных программ профилактики различных видов зависимости. Этим же во многом обусловлено возникновение новых целей и задач превентивной педагогической деятельности на современном этапе (Менделевич, 2003).

Сегодня основной и единой целью первичной педагогической профилактики в отношении всех видов зависимого поведения является снижение факторов риска на основе расширения жизненных компетенций детей и подростков, формирования у них активных стратегий разрешения проблем, личностных свойств и качеств (ресурсов), помогающих эффективно справляться с трудными жизненными ситуациями.

Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский с соавт. предложили три теоретические модели копинг-поведения здоровых и больных наркоманией и алкоголизмом людей: 1) модель адаптивного совладающего поведения; 2) модель псевдоадаптивного копинг-поведения; 3) модель дезадаптивного преодолевающего поведения. Характеристика каждой модели включает в себя следующие компоненты: применяемые копинг-стратегии и адекватное использование их компонентов; направленность мотивации; уровень развития личностных и средовых ресурсов (возможностей) преодоления трудных жизненных ситуаций (Сирота и др., 2001).

На основании изучения современных превентивных подходов и моделей копинг-поведения трех контрастных групп подростков авторы разработали концептуальную модель копинг-психопрофилактики психосоциальных расстройств в подростковом возрасте, базирующуюся на теоретических основах транзакционной когнитивной теории стресса и копинга Р. Лазаруса. Общей целью для всех видов превенции является осознание форм собственного поведе-

ния, развитие личностных ресурсов и стратегий с целью адаптации к требованиям среды или изменения дезадаптивных форм поведения на адаптивные. Конкретные цели первичной профилактики зависимого поведения подростков включают в себя развитие поведенческих стратегий, процесса оценки стрессовой ситуации, процесса принятия решений, ресурсов личности (там же).

На наш взгляд, перечисленные выше характеристики адаптивной модели копинг-поведения, являясь защитными факторами от употребления психоактивных веществ, в полном смысле слова обеспечивают жизнеспособность личности (Шубникова, 2013). Введение понятия «жизнеспособность личности» в рассматриваемом контексте обусловлено необходимостью обозначения совокупности необходимых и достаточных условий для эффективной профилактики зависимого поведения подростков. Поэтому стратегическим приоритетом первичной превенции следует рассматривать создание системы позитивной профилактики, которая ориентируется не на патологию, не на проблему и ее последствия, а на защищающий от возникновения проблем потенциал здоровья – освоение и раскрытие ресурсов психики и личности, поддержку молодого человека и оказание ему помощи в самореализации им своего жизненного предназначения. Очевидная цель позитивно направленной педагогической профилактики состоит в воспитании жизнеспособного человека, который самостоятельно справляется с собственными психологическими трудностями и жизненными проблемами.

Анализ структурных компонентов жизнеспособности

Проведенный теоретический анализ позволяет рассматривать формирование жизнеспособности личности в качестве ведущей цели превентивной педагогической деятельности и базовой категории превентивной педагогики.

Особое значение в связи с этим для нашего исследования имеет анализ структуры понятия «жизнеспособность» в психологии. А. В. Махнач при диагностике жизнеспособности человека предлагает опираться на шесть ее структурных компонентов: 1) самоэффективность; 2) настойчивость; 3) внутренний локус контроля; 4) овладение и адаптация; 5) духовная жизнь, религиозная вера; 6) семейные и социальные взаимосвязи (Махнач, 2016).

Введение понятия «жизнеспособность личности» в качестве одной из задач педагогической профилактики зависимого поведения в образовательной среде обусловлено тем, что структурные компоненты жизнеспособности очерчивают совокупность необходимых

и достаточных условий для эффективной защиты подростков от различных видов аддиктивного поведения (Шубникова, 2016 б). На основе анализа исследований мы предлагаем рассматривать три теоретические модели жизнеспособности личности:

- 1) жизнеспособность, когда в основе поведения лежат социальная интеграция и конструктивная адаптация, которые могут быть достигнуты с помощью целенаправленного обучения и формирования продуктивных копинг-стратегий и использования личностных и средовых копинг-ресурсов, являющихся психологическими факторами устойчивости к стрессу и определяющих способность сохранять здоровье;
- 2) псевдожизнеспособность, предполагающая развитие позитивных и негативных вариантов совладающего поведения, имеющих различную эффективность взаимодействия копинг-стратегий и копинг-ресурсов;
- 3) нежизнеспособность, когда результатом поведения является дезадаптация и социальная изоляция вследствие неэффективного функционирования копинг-стратегий и копинг-ресурсов (Шубникова, 2016 б).

Организация, методики и результаты исследования

Наше эмпирическое исследование было проведено на базе МБОУ «СОШ № 27» г. Чебоксары Чувашской Республики. В ней приняли участие 25 подростков 9-го класса, средний возраст испытуемых – 15–16 лет.

На первом этапе эмпирического исследования на основе выявленных структур жизнеспособности мы использовали методику «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) – вариант методики Н. Эндлера и Д. Паркера «Coping Inventory for Stressful Situations» (CISS), адаптированный Т.Л. Крюковой (2007).

Полученные данные свидетельствуют о том, что лишь у 8 подростков (32% испытуемых) выявлена адаптивная модель поведения, которое характеризуется целенаправленным устранением или изменением влияния стрессовой ситуации, ослаблением стрессовой связи личности с ее окружающей средой. К группе с псевдоадаптивным поведением относятся 12 школьников (48% опрошенных). Они не избегают контакта с окружающей действительностью и не уходят от решения трудной жизненной ситуации, но иногда им свойственно избегание неуспеха, стремление остаться внутри меняющейся социальной ситуации, пассивное ее принятие и приспособление к ней. У 5 подростков (20% испытуемых) выявлена дезадаптивная

модель поведения. У них наблюдается низкий уровень проблемно-ориентированного копинга и высокий уровень копинга, ориентированного на избегание. Это свидетельствует о том, что они не способны определять проблему и находить альтернативные решения, эффективно справляться со стрессовыми ситуациями, сохраняя как психологическое, так и физическое здоровье.

На втором этапе нашего эмпирического исследования использовался опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда. Данный личностный опросник предназначен для диагностики интернальности/экстернальности, т. е. степени готовности человека брать на себя ответственность за то, что происходит с ним и вокруг него.

В классе у 19 подростков преобладает низкий уровень субъективного контроля (76% испытуемых). По шкале «Интернальность в области достижений» 16 школьников (64% опрошенных) имеют низкие показатели, а по шкале «Интернальность в области неудач» наблюдается низкий показатель у всех 25 подростков. Полученные данные свидетельствуют о том, что школьники не готовы и не хотят брать ответственность за свои действия и события, происходящие с ними, склонны приписывать вину окружающим, обстоятельствам.

На третьем этапе исследования использовался «Тест-опросник для измерения мотивации достижений» А. Мехрабиана в модификации М. Ш. Магомед-Аминова, предназначенный для диагностики двух обобщенных устойчивых мотивов личности: мотива стремления к успеху и мотива избегания неудачи.

Проанализировав полученные результаты, мы пришли к выводу, что в мотивации достижения успехов у 6 подростков (24% испытуемых) доминирует стремление к успеху. О доминировании стремления к избеганию неудачи можно говорить у 12 школьников (48% респондентов). Доминирования не выявлено у 7 обучающихся (28% испытуемых).

На четвертом этапе исследования был применен тест оценки жизнеспособности детей и подростков «Child and Youth Resilience Measure» (CYRM), состоящий из двух частей – «национальной» и «международной», созданных по единому стандарту в рамках международного проекта по исследованию жизнеспособности. Авторы национальной части А. И. Лактионова и А. В. Махнач (Лактионова, Махнач, 2008). В настоящей работе была использована только национальная часть этого теста, состоящая из 15 утверждений. При помощи данной методики возможно изучение жизнеспособности как индивидуальной способности человека управлять собственными ресурсами. Она позволяет оценить степень развития жизнеспособности подростков.

Оказалось, что 6 подростков (24% респондентов) имеют высокий уровень развития жизнеспособности, что свидетельствует об их готовности преодолевать жизненные трудности, приспосабливаться к окружающему миру, противостоять его негативному влиянию. У 14 школьников (56% испытуемых) выявлен средний уровнем развития жизнеспособности. Это подростки, которые могут успешно развиваться в привычных условиях, но им требуется помощь других людей в кризисных ситуациях. 5 подростков (20% опрошенных) характеризуются низким уровнем развития жизнеспособности, т. е. имеют низкие показатели по социальной адаптивности и продуктивности жизни. При преодолении проблем данные испытуемые используют минимальную опору на личностные ресурсы и в большинстве случаев оказываются беспомощным перед жизненными трудностями.

На основе полученных в эмпирическом исследовании результатов нами была разработана программа формирования жизнеспособности личности в подростковом возрасте (Шубникова, 2016а). После констатирующей стадии исследования с подростками были проведены тренинговые занятия, направленные на формирование личностных ресурсов и препятствующие развитию саморазрушающих форм поведения.

Заключение

После проведения тренинговых занятий мы вновь провели исследование копинг-стратегий, уровня субъективного контроля, мотивации достижений и уровня жизнеспособности. При сравнении результатов можно отметить, что у 11 подростков (44% опрошенных) была выявлена адаптивная модель копинг-поведения; количество школьников с псевдоадаптивной моделью поведения снизилось до 10 подростков (40% респондентов); у 4 школьников выявлена дезадаптивная модель поведения. По шкале общей интернальности у 15 подростков (60% испытуемых) был зафиксирован низкий уровень субъективного контроля, а у 10 школьников (40% опрошенных) – высокий уровень субъективного контроля. Количество обучающихся, имеющих стремление к успеху, увеличилось вдвое и было выявлено у 12 подростков (с 24% до 48% респондентов), отсутствие мотивации сократилось у 3 подростков (с 28% до 16% опрошенных), стремление избегать неудачи было выявлено у 3 школьников (36% респондентов). Таким образом, количество подростком с высоким уровнем жизнеспособности увеличилось с 6 человек (24% опрошенных) до 11 (44% опрошенных), средний уровень сократился с 14 человек (56% респондентов) до 7 человек (28% испытуемых), а низ-

кий уровень жизнеспособности был выявлен только у 1 подростка (4% опрошенных), ранее на констатирующей стадии эмпирического исследования их было 5 человек (20% респондентов).

Качественный анализ полученных результатов у каждого школьника показал, что для подростков с высоким уровнем жизнеспособности характерны высокий уровень самомотивации, активности, развитая система целеполагания в отношении собственной жизни. Высокий уровень жизнеспособности предопределяет инициативную позицию в отношении своей жизни, в принятии повседневных решений, в попытке разрешить трудную жизненную ситуацию. Они оптимистично воспринимают все происходящее, стараются найти даже в негативных событиях смысл и значение. В проблемной ситуации эти подростки проявляют активность, часто обращаются за помощью к родным и друзьям. Школьники, относящиеся к группе с псевдоадаптивным копинг-поведением, имеют в большинстве своем средний уровень развития жизнеспособности, средний и низкий уровень субъективного контроля. Это подростки, которые могут успешно функционировать в привычных условиях, но им требуется помощь посторонних людей в кризисных ситуациях. Подростки с дезадаптивным совладающим поведением имеют низкий уровень развития жизнеспособности. У них низкий уровень личностных ресурсов, школьники беспомощны в трудной жизненной ситуации. У всех испытуемых с дезадаптивным поведением отсутствует какая-либо мотивация в жизни, наблюдается низкий уровень субъективного контроля. Это свидетельствует о том, что подростки не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать их развитие и полагают, что большинство этих событий являются результатом случая или действий других людей.

Литература

- Великанова Л. П.* Наркология. Ростов-на-Дону, 2006.
- Карпов А. М., Горячев Д. Н.* Структурно-динамическое единство алгоритмов формирования химических и поведенческих зависимостей // Практическая медицина. 2011. № 1 (49). С. 37–41.
- Крюкова Т. Л.* Опросник способов совладания // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–103.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психологический журнал. 2008. № 6. С. 39–47.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М., 2016.

- Менделевич В. Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты). М., 2003.
- Сирота Н. А., Ялтонский В. М., Хажилина И. И., Видерман Н. С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике. М., 2001.
- Шубникова Е. Г. Первичная профилактика зависимого поведения в детской и молодежной среде: Монография. М., 2013.
- Шубникова Е. Г. Педагогическая превенция зависимого поведения подростков: программы и технологии: монография. Чебоксары, 2016а.
- Шубникова Е. Г. Педагогическая профилактика зависимого поведения детей и молодежи: формирование жизнеспособности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016б. С. 508–522.

The formation of structural components of the resilience of the personality in pedagogical prevention of addictive behavior of teenagers

E. G. Shubnikova (Cheboksary)

Candidate of pedagogical sciences, associate Professor of the Department of Psychology and social pedagogy, I. Yakovlev Chuvash state Pedagogical University

The formation of the modern stage of development of pedagogical prevention of addictive behavior of children and adolescents in the educational environment determines the need for justification of its new goals and objectives. Positive prevention of addictions suggests the development of an adaptive model of coping behavior, including productive coping strategies, the direction of motivation, a high level of development of personal and environmental resources to overcome difficult life situations. We carried out psychodiagnostic investigation of the coping strategies, personal resources and vitality of teenagers. Identified the relationship between the models of coping behavior, the level of development of the resources of the person and the level of resilience adolescents. Justified the formation of a viability as a basic goal of pedagogical prevention of dependency in an educational environment.

Keywords: Addictive behavior, pedagogical prevention, of resilience a personality, coping behavior, personal resources.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Доверие профессионала к себе в помогающих профессиях социономического типа¹

А. А. Алдашева*, О. В. Рунец** (Москва)

* доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: aigultama@mail.ru

** аспирантка Института психологии РАН; e-mail: orunez@gmail.com

В статье обсуждается феномен доверия профессионала к себе как интегративное образование, включающее самоотношение личности и ее отношение к своей профессиональной роли с позиции системного подхода Б. Ф. Ломова. Показано, что специалисты помогающей профессии с разным уровнем личностного доверия (высоким, средним, низким) характеризуются своеобразием отношения к профессиональной деятельности, которое проявляется в выборе стратегий профессионального поведения и качеством исполнения работы. Эмпирически установлено, что личностное доверие связано с доверием профессионала к себе. Так, специалисты с высоким уровнем доверия к себе склонны брать на себя ответственность, открыты к межличностному взаимодействию, более эффективны. Напротив, специалисты с низким уровнем доверия к себе избегают профессиональных взаимодействий, характеризуются как менее профессионально успешные.

Ключевые слова: доверие профессионала к себе, отношение, самоотношение, стратегии поведения, профессиональная успешность, помогающие профессии.

Введение

Одним из профессионально важных качеств в помогающих профессиях социономического типа выступает доверие профессионала к себе, которое может рассматриваться, согласно Б. Ф. Ломову, в ка-

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0010.

честве стабилизирующей детерминанты (Ломов, 1984, с. 101), обеспечивающей профессиональную успешность.

Данный феномен является интегративным образованием, включающим базовое (личностное) и ролевое (профессиональное) доверие профессионала к себе. С позиции системной детерминации элементы конструкта соотносятся как общее и частное. Общим выступает доверие к себе как самоотношение (Алдашева, 2016), обеспечивающее относительную автономность и являющееся стержневой характеристикой личности (Р. Бернс, В. В. Столин, С. Р. Пантеев). Частное представлено в форме ролевого доверия к себе как отношении субъекта к своей профессиональной деятельности, проявляющееся в уверенном поведении и позитивной оценке своих возможностей, направленных на получение должного результата (А. Бандура, А. Эллис, Р. Райдер). Немногочисленные исследования роли доверия в профессиональной деятельности показали, что доверие рассматривается как механизм, определяющий успешность личностного и профессионального развития субъекта труда (Пухарева, 2009). О. Г. Фатхи обращает внимание на сбалансированность меры доверия к себе и другим, являющейся важнейшей детерминантой успешной адаптации специалистов в экстремальных ситуациях (Фатхи, 2003). Существенную роль доверие к себе приобретает при принятии адекватных решений в межличностном взаимодействии (Аллахвердов, 2010), формировании доверительных отношений в управленческой деятельности (Купрейченко, 2008). Как показали исследования Б. А. Ясько, феномен доверия в профессии врача является одним из признаков профессионализма (Ясько, 2005). Практически все исследования показывают, что доверие связано с необходимостью принимать решения в ситуации неопределенности, а неполнота информации об объекте вынуждает профессионала идти на риск. Неопределенность ситуации, в которой специалисты должны принимать решения и, соответственно, нести ответственность, часто возникает в помогающих профессиях, к которым относится работа фельдшера скорой медицинской помощи (СМП).

Работа фельдшера СМП предполагает готовность незамедлительно оказывать медицинскую помощь; его задача – сохранение жизни и здоровья пациента. К основным требованиям профессии фельдшера относятся: способность работника своевременно оказать помощь пациенту, организовать получение информации и обеспечить обратную связь (Шелехов, 2009). Перечисленные требования предполагают, в свою очередь, необходимость, во-первых, проведения квалифицированного анализа и выбора лечебно-тактического решения; во-вторых, оценки состояния пациента и получения необхо-

димой для этого информации не только от пациента, но и из других источников (родственники, свидетели и др. лица); в-третьих, организации взаимодействия как межличностного, так и с использованием телекоммуникативных средств с разными группами: узкими специалистами, экспертами, пациентами и их окружением. В частности, взаимодействие фельдшера с «группой специалистов узкого медицинского профиля и экспертами» как системой профессионального сопровождения направлено на получение помощи в виде рекомендаций, инструкций, информационной и психологической поддержки. Результатом такого взаимодействия являются новые знания, расширение профессионального опыта, все это профессионал должен «приложить» к реальной ситуации для достижения наилучшего результата. Во взаимодействии «медицинский работник–пациент» В. М. Мясищев выделял два типа отношений: субъекта-человека, относящегося к другому человеку как объекту-субъекту – субъект-объектные отношения и субъект-субъектные (Иовлев, Карпова, 1999). В условиях оказания медицинской помощи субъект-субъектное взаимодействие выступает как форма профессионального общения, в процессе которого формируется «совместный общий план» (Ломов, 1984, с. 253), предусматривающий сопряженность действий партнеров в пространстве профессиональной деятельности (Купрейченко, 2008). Субъект-объектное взаимодействие является необходимым в ситуации безотлагательной помощи, когда дееспособность пациента объективно ограничена и человек находится в позиции объекта воздействия со стороны. В своих исследованиях Б. А. Ясько наглядно показала необходимость использования данного типа отношения в деятельности медицинских работников преимущественно в кризисной ситуации, когда сохранение жизни пациента определяется квалифицированными действиями и фактором времени (Ясько, 2005).

С позиции системного подхода, помогающие профессии рассматриваются как открытая система, способная перестраиваться, согласно изменяющимся условиям как внешней (ситуации), так и внутренней (состояние реципиента) среды. Основываясь на положениях системного подхода Б. Ф. Ломова, в деятельности специалистов помогающих профессий можно выделить два основных элемента системы – цель и личность работника, которые выступают в качестве системообразующих факторов. Поскольку основным средством труда в помогающих профессиях является личность работника, наполняющая содержанием отношения между элементами системы и снижающая степень неопределенности ситуации, то профессиональная успешность специалиста во многом зависит от спо-

способности профессионала доверять себе. Как показали наши исследования (Алдашева, 2016), доверие профессионала себе выступает условием взаимодействия человека с собой, с другими и ситуацией в целом. Мы предполагаем, что доверие профессионала себе – сложный социально-психологический конструкт, характеризующийся мерой личностного доверия, определяющий ролевое (профессиональное) доверие.

Организация и методический инструментарий исследования

Целью исследования являлось изучение социально-психологического феномена «доверие профессионала себе» в пространстве помогающей профессии социономического типа. Было проведено эмпирическое исследование по выявлению структуры феномена «доверия профессионала себе» в деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи (СМП).

Выборку исследования составили 100 выездных фельдшеров Станции скорой медицинской помощи им. А. С Пучкова г. Москвы. Средний возраст фельдшеров – $32 \pm 7,83$ года; средний стаж работы – $9 \pm 6,25$ лет.

Методический инструментарий исследования

Основными методами эмпирического исследования выступили: контент-анализ, структурированное интервью, анкетный опрос, психологическое тестирование. Исследование ролевого (профессионального) доверия себе включало: выявление показателя успешности деятельности и проведение структурированного интервью.

Вопросы интервью были направлены на изучение выбора профессионального поведения в типичных ситуациях, представленных в стандартах оказания медицинской помощи, а также в нетипичных (неопределенных) ситуациях, когда фельдшер при принятии решений опирается на профессиональные знания, опыт, берет на себя риск и ответственность за свои действия или бездействие. Анализировались особенности взаимодействия фельдшера с экспертами, с различными группами и пациентами.

Успешность профессиональной деятельности фельдшеров основывалась на показателе ежегодной оценки качества труда фельдшеров СМП.

Исследование базового (личностного) доверия себе осуществлялось с помощью опросника «Методика изучения доверия к себе» Н. Б. Астаниной.

Для выявления самоотношения применялась «Методика исследования самоотношения» (Пантелеева). Статистическая обработка проводилась на базе пакета Statistica 6.0.

Результаты исследования

Психологический анализ доверия профессионала себе как социально-психологического конструкта

Принятие решения в ситуации неопределенности и мера ответственности профессионала во многом определяются доверием профессионала себе. Для выявления структуры доверия профессионала себе был использован древовидный кластерный анализ по методу «ближайшего соседа». Полученная дендрограмма представлена на рисунке 1.

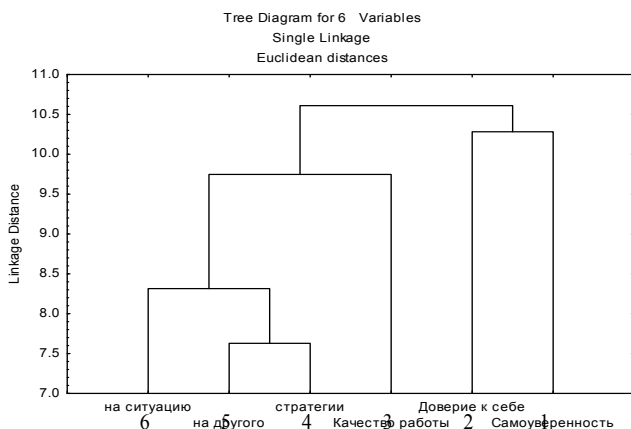

Рис. 1. Структура доверия профессионала к себе.

1 кластер: 1 – самоуверенность, 2 – базовое (личностное) доверие;
2 кластер: 3 – качество работы, 4 – количество стратегий, 5 – ориентация на других, 6 – ориентация на ситуацию

Кластерный анализ выделил два основных кластера. Первый кластер объединяет два показателя – базовое (личностное) доверие и самоуверенность (МИС), которые позволяют рассматривать личностное доверие как один из видов самоотношения. Согласно С. Р. Пантелееву, самоотношение связано с разграничением в едином процессе самосознания двух аспектов: процесса получения знаний о себе (и самих этих знаний) и процесса самоотношения. Эти аспекты составляют целостную картину Я-концепции как совокупности

всех представлений индивида о себе. Второй кластер объединяет показатель успешности деятельности (качества работы) и ориентацию профессионала на ситуацию. Как показывают исследования (Т. П. Скрипкина, Е. П. Ильин, Н. Б. Астанина и др.), условием для проявления доверия является ситуация неопределенности. Неопределенность может быть связана с неполной, недостаточной информацией об объекте, процессе, явлении, в отношении которого принимается решение, что заставляет профессионала идти на риск. Преодоление неопределенности, согласно результатам кластерного анализа, связано с количеством выбираемых стратегий профессионального поведения и ориентацией профессионала на других. В целом второй кластер объединяет уровень компетентности и профессиональной успешности специалиста.

Объединение первого и второго кластеров в единый социально-психологический конструкт, получивший название «Доверие профессионала себе», включает личностное доверие, выраженное в самоотношении к себе как к достойному уважения, и ролевое (профессиональное) доверие себе как исполнителю профессиональной роли.

Таким образом, результаты кластерного анализа подтверждают гипотезу о том, что доверие профессионала себе – сложный социально-психологический конструкт, характеризующийся мерой личностного доверия, как самоотношения профессионала и ролевое (профессиональное) доверие, обеспечивающий профессиональную адаптацию специалиста. Показаны наиболее значимые стратегии профессионального поведения, способствующие профессиональной эффективности и успешности в помогающих профессиях социномического типа.

Особенности доверия профессионала себе в социномических профессиях помогающего типа (на примере профессии фельдшера)

С целью выделения ролевого (профессионального) доверия использовалось структурированное интервью. Респонденты были разделены на три группы по уровню (высокий, средний, низкий) личностного доверия себе (Алдашева, 2016). Анализ интервью показал, что в группе с высоким уровнем доверия себе «доверие профессионала себе» понимается, как «уверенность в своем опыте», в то время как респонденты группы со средним уровнем формулируют его как «внутреннее качество, без которого невозможно осуществить качественно деятельность». В группе с низким уровнем доверия оно определяется, как «уверенность в правильности своих действий».

Так, группа фельдшеров, имеющих высокий уровень личностного доверия в работе, вне зависимости от ситуации ориентированы на себя, стремятся действовать, опираясь на собственный опыт. Они взаимодействуют с группой экспертов «по необходимости, в сложной ситуации». В профессиональной деятельности представители группы со средним уровнем доверия дифференцируют профессиональное поведение в зависимости от ситуации. В типичной ситуации они действуют, согласно требованиям деятельности, с учетом состояния больного, в ситуации неопределенности – с опорой на себя, свой опыт и профессиональную интуицию, принимая на себя ответственность за результат. Обращение за помощью к группе экспертов рассматривается как «необходимость», обусловленная сложными ситуациями, и условие «получения недостающего опыта». В группе с низким уровнем доверия в ситуациях неопределенности фельдшеры часто используют при решении возникших проблем алгоритмы, описанные в стандартах профессионального поведения в типовых условиях.

Согласно полученным данным, при взаимодействии с пациентом фельдшеры с высоким и средним уровнями доверия себе используют большее количество стратегий поведения по сравнению с респондентами третьей группы ($p < 0,001$). Фельдшеры с высоким и средним уровнями учитывают ситуацию, свои возможности и состояние пациента, в то время как фельдшеры с низким уровнем доверия выбирают одну или максимум две стратегии. Чаще всего они контролируют себя и свои действия, объясняя выбор стратегии поведения тем, «чтобы не провоцировать конфликт». Избегание взаимодействия с пациентом фельдшеров с низким уровнем доверия себе, вероятно, связано с трудностью выстраивания профессиональных отношений, которые возникают вследствие слабой ориентации человека на обратную связь (Лабунская, 2001), что приводит к снижению качества оказания медицинских услуг.

При сравнении групп с высоким и средним уровнями доверия себе по показателю «качество работы» существенных различий не выявлено, однако при сравнении обеих групп с группой с низким уровнем доверия выявлены различия по данному показателю; группы также различаются в зависимости от ориентации специалиста на «ситуацию» или на «другого» ($p < 0,01$).

Выводы

1. Представленное исследование позволяет охарактеризовать феномен доверия профессионала себе как конструкт, основными

- элементами которого выступают личностное и ролевое (профессиональное) доверие себе.
2. Установлено, что основными стратегиями профессионального поведения в помогающих профессиях являются ориентация специалиста на «ситуацию» и на «другого».
 3. Выделены три уровня доверия профессионала себе: высокий, средний и низкий. Показано, что фельдшеры с высоким уровнем доверия себе как профессионалу вне зависимости от ситуации полагаются на себя и свой опыт, при необходимости в ситуации неопределенности взаимодействуют с группой экспертов, с пациентами, используют большее количество стратегий профессионального поведения. Фельдшеры со средним уровнем доверия себе характеризуются следующими стратегиями поведения: в обычной ситуации они следуют предписанному алгоритму лечения или опираются на свой опыт. В ситуации неопределенности они открыты к взаимодействию с группой экспертов и пациентами и используют разные стратегии профессионального поведения. Фельдшеры с низким уровнем доверия себе в любых ситуациях следуют алгоритму оказания помощи, имеют тенденцию избегать взаимодействия с группой экспертов, при общении с пациентом используют меньшее количество стратегий поведения с преимущественной ориентацией на себя и свои действия.
 4. Установлено, что уровень доверия профессионала себе связан с качеством работы. Так, профессионалы с высоким и средним уровнями доверия себе как профессионалу более успешны в профессии по сравнению с фельдшерами с низким уровнем доверия себе. Результаты исследования позволяют охарактеризовать группу с низким уровнем доверия себе как допускающую большее количество ошибок при выполнении своей профессиональной деятельности.

Литература

- Аллахвердов М. В. Имплицитная теория доверия как основа принятия решений // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: Материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 14–16.
- Алдашева А. А. Доверие профессионала к себе в пространстве профессиональной деятельности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С. 62–71.
- Иовлев Б. В., Карпова Э. Б. Психология отношений. Концепция В. Н. Мясищева и медицинская психология. СПб., 1999.

- Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
- Лабунская В. А., Менджерщицкая Ю. А., Бреус Е. Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2001.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Ю. М. Забродина, Е. В. Шороховой. М., 1984.
- Пухарева Т. С. Значение доверия в деловых отношениях // Социокультурные проблемы современного человека. Новосибирск, 2009. Ч. II. С. 155–158.
- Фатхи О. Г. Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- Шелехов К. К., Смолева Э. В., Степанова Л. А. Фельдшер скорой помощи / Под ред. Б. В. Карабухина. 7-е изд. Ростов-на-Дону, 2009.
- Ясько Б. А. Психология личности и труда врача: Курс лекций. Ростов-на-Дону, 2005.

Self-trust of a professional in helping professions of a socionic type

*A. A. Aldasheva**, *O. V. Runets*** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

** Postgraduate of the Institute of Psychology of RAS

The article discusses the phenomenon of professional's self-trust as integrative education that includes the self-relation of the individual and the relation to his professional role from the viewpoint of the systemic approach of B. F. Lomov. It demonstrates that the specialists of a helping profession with different levels of personal trust (high, medium, low) are characterized by unique attitudes toward professional activity, which manifests in the choice of strategies for professional behavior and performance quality. The study has empirically established that professionals with a high level of self-trust are inclined to take responsibility, are open to interpersonal interaction, are more effective. On the contrary, specialists with a low level of self-trust avoid professional interaction, and are characterized as less successful people professionally.

Keywords: professional self-trust, attitude, self-attitude, behaviour strategies, professional success, helping professions.

Специфика переживания организационного стресса субъектами разных профессиональных, должностных и социально-демографических сегментов

Ю. К. Вольвич (Краснодар)

*аспирант кафедры управления персоналом
и организационной психологии
Кубанского государственного университета;
e-mail: ulyasha_180286@mail.ru*

В статье представлены результаты исследования особенностей переживания организационного стресса субъектами, включенными в организационные процессы разных сфер и видов деятельности. Обосновывается актуальность исследований проблемы устойчивости личности к стрессам. Высказывается предположение, что существует специфика переживания организационного стресса субъектами разных профессиональных, должностных и социально-демографических сегментов. Проведен сравнительный анализ уровня толерантности к стрессу у респондентов разных сфер и видов деятельности. Установлено, что более всего подвержены влиянию стресс-факторов в организациях мужчины и руководители. Получены данные, свидетельствующие о том, что наиболее подвержены риску острого переживания стресса лица, занятые в сфере коммерции.

Ключевые слова: организационный стресс, стрессоустойчивость личности, толерантность к стрессу, активность и продуктивность, принятие ценностей других.

Актуальность проблемы исследования

В современной социально-экономической ситуации включенность личности в организационные процессы сопряжена с многочисленными и нередко значительными стрессами. Неслучайно психологи все пристальнее изучают феномен организационного стресса – пси-

хического напряжения, связанного с преодолением субъектом несовершенства условий труда, высоких рабочих нагрузок в конкретной организационной структуре, а также с поиском новых неординарных решений при форс-мажорных обстоятельствах (Водопьянова, 2009). Отмечается, что общим признаком и главной причиной организационного стресса выступает переживание субъектом внутреннего конфликта между требованиями со стороны организации, привлекательностью работы в ней, ожиданиями, с одной стороны, и реальными возможностями личности, с другой (Бодров, 2006; Водопьянова, 2009; Занковский, 2002; Леонова, 2004; Организационная психология..., 2013; Ясько, 2013; и др.). В этой связи анализ специфики переживания и преодоления стресса субъектом разнообразных организационных процессов, выявление психологических ресурсов регуляции стресс-преодолевающего поведения, определение условий и факторов обеспечения жизнеспособности, устойчивости личности в организации можно рассматривать как актуальное направление исследований. Сформированные и развитые психологические ресурсы регуляции стресс-преодолевающего поведения – это существенный элемент личностной компетентности современного работника, обеспечивающий в совокупности с другими психологическими и профессиональными компетенциями комплекс условий устойчивости организации, ее успешного функционирования (Ясько, 2013).

Организация исследования

Представим один из аспектов проведенного нами исследования.

Гипотеза исследования состояла в предположении о существовании специфики переживания организационного стресса субъектами разных профессиональных, должностных и социально-демографических сегментов.

Исследование проведено в трех организациях г. Новороссийска. В нем приняли участие 186 человек: сотрудники банка (70 чел.), педагоги негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования (54 чел.), работники предприятий торговой сферы (62 чел.).

Использована методика «Шкала организационного стресса» Маклина.

Результаты исследования

Анализ показателей диагностики организационного стресса выявил, что в целом по выборке средний показатель находится в диапазо-

не высоких значений ($M=51,8\pm 6,04$), т. е. в организациях имеются системные стресс-факторы дезадаптирующего влияния. Анализ дифференцированно по уровням выраженности стресса показал, что 123 обследованных респондента (66,1%) демонстрируют высокий уровень стресса. Устойчивость к стрессу не выявлена. У 63 обследованных (33,9%) обнаружен средний уровень предрасположенности к различным стресс-синдромам, в том числе к риску профессионального выгорания (Водопьянова, 2009).

Сравнение по группам специалистов и руководителей показало, что более всего подвержены влиянию организационных стресс-факторов руководители: из 42 респондентов, составляющих эту выборку, высокий уровень выявлен у 31 человека (73,8%), что достоверно ($p\leq 0,05$) выше, чем среди рядовых сотрудников (92 чел.; 63,9%).

При интерпретации результатов мы проанализировали две шкалы, позволяющие увидеть, насколько стрессогенными являются отсутствие или слабое развитие толерантного отношения к ценностям коллег по организационному взаимодействию (шкала «Принятие ценностей других») и увлеченности работой, активности (шкала «Активность и продуктивность»). Высокая выраженность стрессогенного воздействия этих факторов определяется максимальным показателем в 20 баллов. Соответственно были определены границы (диапазоны) уровней: от 20 до 10 баллов – высокая стрессогенность; от 9 до 7 баллов – средняя; от 6 до 1 балла – низкая.

Средний балл по шкале «Принятие ценностей других» составил 8,8 ($\sigma=2,06$), что соответствует диапазону среднего уровня. Однако более трети опрошенных (69 человек; 37,1%) обнаружили показатели в диапазоне от 20 до 10 баллов, т. е. на переживание ими стресса в организации значительное влияние оказывает отсутствие способностей выслушивать и принимать мнение другого, уважать иную точку зрения, принимать без критики решения руководителя. Средний уровень стрессогенности данного фактора испытывают 93 респондента (50,0%) и только 24 опрошенных (12,9%) имеют низкие значения по данной шкале, т. е. характеризуются развитыми способностями толерантного отношения к коллегам по организационному взаимодействию.

Наиболее подвержены воздействию данного фактора руководители: если в показателях сравнения долей выраженности высокого уровня в подгруппах «специалисты»–«руководители» различий нет, то они очевидны в долях выраженности среднего уровня стресса как результата непринятия ценностей других: в группе руководителей таких лиц значительно больше, чем в группе рядовых сотрудников организаций (при $\phi^*=1,65$, $p\leq 0,05$).

Готовность принимать ценности коллег, проявлять толерантность к иным мнениям и точкам зрения имеют 17,4% специалистов (25 чел.), в то время как в среде руководителей только два респондента обнаружили эту способность.

Сравнение стрессогенности фактора «Принятие ценностей других» в женской и мужской подвыборках показало, что интолерантность более склонны проявлять мужчины: в этой среде достоверно более выражен средний уровень переживания стресса (при $\varphi^*=2,00$, $p \leq 0,02$) и менее выражены способности к толерантному отношению с коллегами (при $\varphi^*=1,29$, $p \leq 0,1$).

Увлеченность работой, активность (шкала «Активность и продуктивность») имеет более выраженный стрессогенный характер. В среднегрупповых значениях показатель находится в диапазоне высокого уровня ($M=11,7 \pm 2,25$), причем различий в группах специалистов и руководителей нет ($M=11,6$ и $11,8$, соответственно).

Если рассматривать содержание характеристик, определяющих суть данного фактора стресса, то можно констатировать, что большая часть респондентов (82,8%) обнаруживает высокий уровень психоэмоционального напряжения, испытывая беспокойство по поводу сохранения своей работы, не получая удовлетворения от работы; для них зачастую и в выходные дни нет возможности для активного отдыха. Лишь 4 человека (причем они все – рядовые работники) не подвержены влиянию этого стресс-фактора. Отмечается, что высокий уровень выраженности стресса по фактору «Активность и продуктивность» достоверно преобладает в группе руководителей ($\varphi^*=1,63$, $p \leq 0,05$).

Дифференцированный анализ по группам респондентов, занятых в разных сферах деятельности, показал следующее.

У работников банка при среднегрупповом показателе, находящемся на границе высокой восприимчивости организационного стресса ($M=49,7 \pm 4,41$), высокий уровень стресса испытывают более половины опрошенных (57,1%), а остальные (42,9%) демонстрируют среднюю стресс-толерантность.

Наиболее подвержены переживанию организационного стресса руководители ($M=52,6$, что достоверно выше, чем в группе специалистов: 48,9 балла при $t=4,74$, $p < 0,001$). По данным сравнения долей выраженности высоких показателей, подтверждается наибольшая восприимчивость к стрессу руководителей (при $\varphi^*=5,50$, $p \leq 0,000$) и мужчин, занятых в банковской сфере (при $\varphi^*=1,77$, $p \leq 0,04$).

В принятии ценностей других (шкала «Принятие ценностей других») у работников банка наиболее стрессогенным влиянием обладают неумение общаться с людьми различных воззрений, а также

частое несогласие с непосредственным или вышестоящими руководителями. Эти позиции обуславливают переживание напряжения в общении с коллегами большинством опрошенных (68,6%). Только 31,4% опрошенных (22 чел.) обладают психологическими навыками толерантного взаимодействия. Здесь так же, как в целом по группе, наиболее подвержены стрессу руководители и мужчины.

Увлеченность работой, активность (шкала «Активность и продуктивность») имеет для лиц, занятых в банковской сфере, так же, как и в целом по совокупной выборке, более выраженный стрессогенный характер. В среднегрупповых значениях показатель находится в диапазоне высокого уровня ($M=11,4\pm 2,66$). Наиболее подвержены влиянию этого фактора стресса руководители, что подтверждается как достоверно более высоким среднегрупповым показателем (при $t=2,98$, $p<0,05$), так и долей выраженности высоких показателей по сравнению со специалистами (100,0% против 67,9%, соответственно). Следует отметить, что высокая выраженность стресс-фактора «Активность и продуктивность» проявляется в группах и мужчин, и женщин.

Педагоги вуза также испытывают воздействие стресс-факторов в организации. В средних значениях измерения степени восприимчивости к стрессу показатель находится на границе высоких значений ($M=49,0\pm 4,36$), причем различий в группах специалистов и руководителей, а также в группах, дифференцированных по полу, не отмечается.

Важно отметить, что и в этой среде не выделены показатели, соответствующие устойчивости к стрессу. 44,4% опрошенных педагогов и руководителей испытывают высоковыраженный стресс в организации, а остальные 55,6% респондентов обнаруживают средний уровень стресс-толерантности. В целом соответствуют этим показателям и данные в подгруппах специалистов, руководителей, мужчин и женщин.

Анализ выраженности стресс-фактора «Принятие ценностей других» показывает, что наиболее подвержены его воздействию руководители различных подструктур вуза и педагоги-женщины (в сравнениях «специалисты–руководители» $p\leq 0,02$ при $\varphi^*=1,97$; «мужчины–женщины» $\varphi^*=3,46$, $p\leq 0,000$). Лишь два респондента из числа педагогов-женщин обладают способностями толерантного общения и не подвержены действию данного стресс-фактора.

Аналогично выглядит картина и по фактору «Активность и продуктивность». Все среднегрупповые показатели находятся в диапазоне высоких значений (свыше 10 баллов), при этом большая часть обследованных (более 70,0%) имеют выраженные симптомы пере-

живания стресса под воздействием неудовлетворенности трудовой активностью, опасений за имеющееся место работы и перспективы карьерного роста.

У лиц, занятых в сфере торговли, констатируются все показатели, маркирующие высокий уровень стресса. Это относится, как к среднегрупповому измерению ($M=56,5\pm 3,02$), так и к показателям долей выраженности высокого и среднего уровней. Высокую восприимчивость к организационному стрессу обнаружили 95,2% опрошенных, и только 4,8% (3 человека) имеют среднюю стресс-толерантность. Вместе с тем отмечается, что наиболее остро переживают стресс в организационных процессах рядовые работники по сравнению с руководителями (при $t=1,96$, $p<0,05$). Возможно, здесь находит отражение перегруженность сложным общением с клиентами, слабо развитые коммуникативные навыки делового общения работников торговли. Несмотря на немногочисленность подгруппы мужчин (12 человек), мы видим, что у них переживание организационного стресса проходит более остро, чем у женщин (при $t=2,87$, $p<0,05$).

Переживание стресса по параметру «Принятие ценностей других» также высоко выражено ($M=10,2\pm 1,94$). У более чем половины опрошенных (64,5%) этот фактор вызывает высокое психоэмоциональное напряжение, а у остальных (35,5%) – среднее. Устойчивости к данному фактору стресса не обнаружил никто. Наиболее подвержены негативному влиянию последствий неумения и нежелания принимать иную точку зрения, терпимо относиться к партнерам по взаимодействию рядовые работники (при $t=2,93$, $p<0,05$) и мужчины (при $t=2,07$, $p<0,05$). Это наблюдение подтверждается не только сравнением среднегрупповых показателей измерения, но и преобладанием долей выраженности высокого уровня стрессогенности данного фактора в названных подгруппах (в сравнениях: «руководители–специалисты» $p\leq 0,03$ при $\varphi^*=1,88$; «мужчины–женщины» $p\leq 0,03$ при $\varphi^*=1,83$).

Еще более стрессогенное воздействие на личность, деятельность которой связана с организацией торговой сферы, оказывает фактор «Активность и продуктивность». Среднегрупповой показатель измерения находится в диапазоне высоких значений ($M=12,8\pm 1,72$), причем и здесь отмечается более выраженная подверженность действию данного фактора рядовых работников по сравнению с руководителями ($M=13,1$ и $11,9$, соответственно, при $t=2,17$, $p<0,05$) и мужчин по сравнению с женщинами ($t=2,06$, $p<0,05$).

Подавляющее большинство респондентов этой группы (96,8%) находятся под сильным воздействием стресса неуверенности в сохранении рабочего места, неудовлетворенности трудом.

Далее было проведено сравнение основных показателей, полученных в группах респондентов, дифференцированных по сферам занятости. Результаты показали, что наиболее подвержены стрессу в организации лица, занятые в торговой сфере. Это подтверждается данными статистического анализа как среднегрупповых значений, так и сравнений в подгруппах специалистов, руководителей, женщин, мужчин.

Аналогично выглядит картина и по выраженности стресс-факторов интолерантного отношения к чувствам и ценностям других (шкала «Принятие ценностей других»), а также уверенности, заинтересованности в выполняемой работе (шкала «Активность и продуктивность»). Эти результаты дают основание рассматривать организации торговли как сферу повышенных рисков развития у субъектов (рядовых работников, руководителей) стресс-синдромов.

Менее всего подвержены влиянию стресса педагоги вуза. Однако в показателях сравнения с данными по группе работников банковской сферы педагоги демонстрируют более выраженную интолерантность в принятии ценностей других (шкала «Принятие ценностей других»). Это связано с позицией активной критики иного мнения (утверждение *«На работе я часто вступаю в спор с людьми, которые думают иначе, чем я»* – $M=4,3$ при максимальном значении 5 баллов) и часто выражаемого несогласия с решениями непосредственных или вышестоящих руководителей (утверждение: *«Я часто не согласен (а) с моим непосредственным начальником или вышестоящими руководителями»* – $M=4,4$). При этом педагоги вуза значительно активнее, чем респонденты других сфер, ведут себя в трудовом процессе, выражают в нем заинтересованность (шкала «Активность и продуктивность»). Достоверно менее выраженный стресс в целом, а также по группе руководителей отмечается в сравнении с банковской сферой и по всем показателям в сравнениях с работниками сферы торговли.

Заключение

Поведение личности в организации независимо от сферы деятельности и должностного статуса находится под влиянием выраженного переживания стресса, обусловленного недостаточно развитыми умениями общаться, принимать ценности других людей, адекватно оценивать ситуацию без ущерба для своего здоровья и работоспособности.

Наиболее подвержены влиянию организационных стресс-факторов мужчины, а в банковской сфере и в системе вузовского образования – руководители.

Сравнительный анализ показал, что лица, занятые в сфере коммерции, наиболее подвержены риску острого переживания организационного стресса. Менее стрессогенной организационная среда является в системе образования.

Наиболее толерантное отношение к ценностям коллег по организационному взаимодействию демонстрируют работники банковской сферы.

Литература

Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006.

Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.

Занковский А. Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М., 2002.

Леонова А. Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 75–85.

Организационная психология: Учебное пособие / Под ред. А. Б. Леоновой. М., 2013.

Ясько Б. А. Введение в организационную психологию. Краснодар, 2013.

The specificity of the experiences of organizational stress actors of different professional, job and socio-demographic segments

Y. K. Volvich (Krasnodar)

Postgraduate of the Department of Human Resource Management and Organizational Psychology, Kuban State University

The article presents the results of empirical studies of experiences of organizational stress subjects included in the organizational processes and activities. Relevance of research problems of stability of personality to stress. It is suggested that there is a specific organizational stress experiences of actors of different professional, job and socio-demographic segments. A comparative analysis of the level of tolerance to stress among the respondents of different areas and activities. Found to be more exposed to the influence of the stress factors in organizations men and leaders. The obtained data indicate that the most vulnerable to the acute experience of stress persons engaged in commerce.

Keywords: organizational stress, stress personalities, tolerance to stress, activity and productivity, the adoption of values of other.

Опыт исследования внутреннего имиджа организации: методический прием

Т. П. Емельянова, Е. Н. Викентьева** (Москва)*

** доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: t_emelyanova@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент; e-mail: vikentieva@mail.ru*

Излагаются результаты практико-ориентированного исследования внутреннего имиджа и организационной культуры производственной компании. При помощи оригинального блока методик обнаружены эмоциональные компоненты восприятия организации ее сотрудниками, уточняющие параметры ее организационной культуры. Выстроен профиль внутреннего имиджа компании, позволяющий выделить ключевые группы факторов, вызывающие тот или иной эмоциональный отклик у сотрудников. Результаты исследования апробированы в ходе организационного консультирования.

Ключевые слова: внутренний имидж организации, организационная культура, эмоциональный отклик, лояльность, методический прием.

Постановка проблемы

Вопрос внутреннего имиджа компании в настоящее время имеет ярко выраженное прикладное значение. Менеджмент многих компаний оценивает значимость данного феномена; практические разработки по управлению имиджем направлены на повышение заинтересованности, лояльности, вовлеченности сотрудников. Наша работа имела практико-ориентированный характер и была направлена, в частности, на апробацию комплекса методических приемов изучения внутреннего имиджа организации.

Рассматривая имидж как социально-психологический феномен, мы опираемся на традиционное понимание его как сложившегося в массовом сознании и имеющего характер стереотипа эмоциональ-

но окрашенного образа кого-либо или чего-либо. Характеристики имиджа как особого психического образа описаны в работе Е. Н. Богданова и В. Г. Зазыкина (2004). В общем виде его можно представить как иллюзорный, целостный, непротиворечивый, неконстантный (динамичный), при этом реалистичный и прагматичный феномен. Эмоциональный отклик является его ключевым психологическим содержанием. Организационную культуру мы трактуем как комплексный феномен, включающий в себя когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие. Внутренний имидж, по нашему мнению, пересекается с организационной культурой в плоскости ее эмоциональных компонентов.

Психологический подход к проблеме имиджа компании в последние годы разрабатывался в ряде работ (Алешина, 1998, 2007; Богданов, Зазыкин, 2004; Томилова, 2008; и др.). Внутренний имидж преимущественно трактуется авторами (Алешина, 1998; Schoenfeld, 1963) как один из компонентов имиджа организации, под которым понимается интегрированная и эмоционально окрашенная система представлений сотрудников об организации. Феноменологически психологическое содержание и структура внутреннего имиджа идентичны содержанию и структуре внешнего имиджа. Отличия состоят в наполнении: в случае внутреннего имиджа в качестве параметров, вызывающих эмоциональный отклик, выступают внутренние корпоративные компоненты, относящиеся как к нормативно-этической сфере, управленческой системе, так и к применяемым технологиям управления персоналом.

Параметры, посредством которых выстраиваются модели имиджа, на наш взгляд, комплексно представлены В. В. Меньшиковой (1998). К ним исследователи относят представления о финансовом положении организации, ее истории, традициях и репутации, о личности руководителя, об особенностях «паблисити», отношении к персоналу, о социальной ответственности перед обществом, об управлении организацией, о фирменном стиле, об этичности деятельности и отношений. Механизм формирования имиджа авторы видят в интегрировании информации о компании по перечисленным выше параметрам.

Внутренний имидж компании выполняет следующие функции:

- создание эмоционального тона восприятия идеологических установок;
- иллюстрация идеологии в ярких и доходчивых образах;
- формирование у персонала личной заинтересованности в принадлежности к идеологическому сообществу.

В нашей работе мы исходим из того, что имидж – глубинный феномен, на формирование которого влияют и название компании, и миссия, и послы, исходящие от руководства. Безусловно, важным фактором являются ценности, которые культивируются, и то, каким образом это делается. Важнейшей детерминантой является упорядоченность, монолитность в управленческом звене.

Организация и методический инструментарий исследования

Наше исследование было направлено на изучение корпоративного имиджа как социально-психологического феномена при помощи блока методик, позволяющих выявить его психологическое содержание. Мы полагаем, что используемые методики позволят обнаружить глубинные пласты исследуемого феномена и таким образом дополнить описание организационной культуры изучаемой организации.

Объектом нашего исследования была сравнительно молодая производственная западная компания (менее 10 лет на российском рынке), находившаяся на этапе смены руководства. Численность компании – около 700 человек. *Выборку* исследования составили 80% ее персонала.

Методика исследования

Изучение данной компании вне контекста имиджа осуществлялось, в частности, в направлении оценки ее организационной культуры. Для диагностики культуры нами была применена качественно-количественная методика «Культурный аудит», разработанная британскими авторами Б. Флетчером и Ф. Джонсоном (Fletcher, Jones, 1992) и адаптированная на факультете психологии Тверского государственного университета. Разработчики «Культурного аудита» опираются на представления об организационной культуре как о совокупности когнитивных интерпретаций работниками окружающей их организационной среды. Диагностика культуры, согласно авторам этой методики, предполагает определение положения организации в континууме каждого из конкретных культурных параметров (рабочие требования, межличностные отношения, рабочая поддержка, рабочие цели, внешние аспекты рабочей среды и факторы «результата», свидетельствующие о степени принятия организации ее сотрудниками).

При обработке результатов анализируются данные дескриптивной статистики (средние по группе и стандартные отклонения), корреляционные связи (полученные с использованием коэффициента

Спирмена) и статистически достоверные различия между представлениями о реальной и идеальной ситуации, (вычисленные при помощи критерия U Манна–Уитни).

Результаты исследования

При обработке и анализе результатов были выявлены особенности организации в восприятии ее сотрудниками.

Рабочие требования – восприятие рабочей нагрузки, скорости, сложности, многоплановости работы и трудностей, возникающих при решении профессиональных задач.

В целом картина выглядит следующим образом: работа полна разнообразия; работникам нетрудно выполнять требования, предъявляемые начальником; они полагают, что темп работы высок, часты перемены.

Межличностные отношения на рабочем месте – восприятие межличностных отношений с коллегами, руководством и подчиненными, изолированности, сотрудничества и трудностей при делегировании задач.

Работники считают, что в организации дружелюбная среда; отношения между руководителем и подчиненными ближе к формальным.

Рабочая поддержка и принуждение – восприятие обратной связи, участия в принятии решений, ролевой ясности, поддержки от руководства и сотрудников, автономности и того, насколько ясно сформулированы цели.

Сотрудники считают, что получают рабочую поддержку друг от друга и от руководителей; служащим ясна их роль в компании, но они не участвуют в процессе принятия решений. Организация ставит четкие и достижимые цели.

Физическая среда – восприятие работником эргономических характеристик среды.

Работники удовлетворены внешними аспектами.

Кроме того, выделены отдельные шкалы, измеряющие *эмоциональное состояние сотрудников, удовлетворенность трудом и мотивы продолжения работы в компании*. Данные шкалы представляют собой субъективные параметры, имеющие самостоятельное диагностическое значение, с одной стороны, и при оценке их взаимосвязи с организационными параметрами показывающие степень субъективной значимости и проблемности последних, с другой стороны.

По данным шкалам был получен следующий результат: сотрудникам в целом нравится работа; управлением они удовлетворены отчасти, возможностями развития – в наименьшей степени. Лояль-

ность, однако, недостаточно высока, люди задумываются о том, чтобы покинуть организацию.

Согласно нашим данным, существуют следующие статистически достоверные взаимосвязи:

Удовлетворенность работой связывают с дружелюбной рабочей атмосферой; нормальной степенью самостоятельности и достижимостью целей. Сотрудники считают, что удовлетворенный работник является более преданным компании.

Обязательства перед компанией находятся в зависимости от реалистичности требований, предъявляемых руководителем, существующей степенью самостоятельности, ясностью роли в компании, хорошими внешними аспектами рабочего места, удовлетворенностью работой и управлением, эффективностью своей работы.

Благоприятному эмоциональному состоянию способствуют четкость границ работы, помощь и поддержка от руководителя, обратная связь о проделанной работе, ясность роли в компании, четкость целей, поставленных организацией.

Опираясь на понимание имиджа как образа, в исследовании мы использовали следующие методические приемы: фоносемантический анализ названия и слогана, проведенный при помощи психолингвистической экспертной системы ВААЛ (R); семантический дифференциал, позволивший изучить ассоциативное восприятие компании персоналом, шкалы были сгруппированы в три ведущих фактора: «Сила», «Активность», «Отношение»; анкетный опрос, позволивший выявить разделяемые убеждения и ожидания персонала с помощью ранжирования двух списков утверждений в отношении организации (ожидания и выполнение их организацией). Данные обрабатывались с помощью программного пакета SPSS 22.

Показано, что название компании способствует созданию имиджа организации в подсознании людей как несколько тяжеловесного, неуютного. Условно его можно описать через метафору «Крепкое строение». По биполярным шкалам (система ВААЛ) преобладали параметры «мужественный», «тихий», «темный» по монополярным шкалам – «тихий», «темный», «угрюмый», «тоскливый».

Обработка параметров семантического дифференциала факторным анализом позволила выделить следующие группы факторов:

- 1) Бизнес: Успешный, Надежный, Стабильный, Продуктивный. (Фактор средний);
- 2) Стратегия (динамика): Новаторский, Сильный. (Фактор сильный);
- 3) Отношение (уют): Обычный, Теплый, Занимательный. (Фактор слабый).

Таким образом, в профиле субъективированного личностного значения внутренней среды компании параметры стратегии и бизнес-ориентации компании выражены четко. По компоненту «Отношение» восприятие сотрудников носит неопределенный характер: «Уют» не прослеживается, «Необычный» и «Холодный» отражают некоторый дискомфорт и отстраненность. «Занимательный» имеет невысокие и неустойчивые показатели. Такой профиль свидетельствует о восприятии образа компании как самодостаточной, последовательной, крепкой бизнес-единицы. При этом очень четко прослеживается эмоциональная дистанцированность компании (как целостного образования) от персонала.

Данные анкетного опроса подверглись обработке с помощью дескриптивной статистики как по шкалам реального, так и по шкалам идеального, а также выявлению значимых различий между ними.

Ключевыми ожиданиями были:

- иметь достойную оплату;
- ощущать уверенность в завтрашнем дне;
- заниматься делом, дающим чувство удовлетворения;
- работа должна оставлять время и силы для личной жизни;
- работать в слаженном коллективе.

Параметры реального выстроились следующим образом:

- работать в слаженном коллективе;
- сохранять и использовать имеющийся профессиональный опыт;
- ощущать себя частью коллектива, чувствовать общность с ним;
- пополнять свои профессиональные знания, учиться чему-то новому;
- видеть конкретные, ощутимые результаты своего труда.

Статистически достоверные различия были установлены по всем параметрам, за исключением:

- видеть конкретные, ощутимые результаты своего труда;
- работать с людьми, готовыми помочь в случае необходимости;
- заниматься интересным делом;
- ощущать уважение и чувство справедливости со стороны начальника.

Таким образом, на когнитивном уровне выявляется совпадение ожиданий и представлений о реальной ситуации по параметрам, относящимся к индивидуальному уровню и к уровню межличностных взаимоотношений. Параметры, относящиеся к уровню организации, – предсказуемость, отношение компании к личному времени сотрудников и др. – оказались в зоне различий.

Заключение

Результаты исследования внутреннего имиджа компании позволяют констатировать, с одной стороны, наличие структурированного образа бизнес-организации, с другой стороны, дистанцированность организации и человека. Полученный результат, на наш взгляд, объясняет выявленную ранее тенденцию к низкой лояльности сотрудников. Полагаем, что в рассматриваемом случае полученный результат закономерен. Во-первых, имидж компании, как неконстантный феномен, таким образом, отреагировал на процесс смены руководства, на практике сопровождающийся неопределенностью для персонала и некоторой закрытостью процессов внутри менеджерского звена. Во-вторых, имидж данной компании формировался спонтанно, специальные технологии, направленные на повышение лояльности, не применялись.

Таким образом, анализ приведенных выше результатов позволяет заключить, что выявленные компоненты внутреннего имиджа организации не противоречат основным организационно-культурным переменным. Более того, блок методик, использованный нами для изучения внутреннего имиджа, позволяет более объемно представить репрезентацию организационной среды. Считаем дальнейшее исследование имиджа перспективным направлением, позволяющим более содержательно изучать психологическую ткань организации как особого вида социальной группы.

Литература

- Алешина И. В.* Корпоративный имидж: стратегический аспект // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 1. URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/04.shtml> (дата обращения 05.04.2017).
- Алешина И. В.* Корпоративный имидж // Маркетинг. 2007. № 1. С. 50–53.
- Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г.* Психологические основы паблик рилейшнз. СПб., 2003.
- Томилова М. В.* Модель имиджа организации // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 1. URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/04.shtml> (дата обращения 05.04.2017).
- Меньщикова В. В.* Регуляция взаимоотношений организации с общественностью службами PR (социально-психологический аспект): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
- Fletcher B., Jones F.* Measuring Organizational Culture. The Cultural Audit // Managerial Auditing Journal. 1992. V. 7. № 6. P. 30–34.
- Schoenfeld C.* Publicity Media and Methods. N. Y., 1963.

The study of inner image of organization: research method

*T. P. Emelyanova**, *E. N. Vikentieva*** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

** Candidate of psychological Sciences, Docent

Outlines the results of a practice-oriented study of the internal image and organizational culture of the manufacturing company. With the help of the original block of techniques, emotional components of the perception of the organization by its employees were found, specifying the parameters of its organizational culture. A profile of the company's internal image is built up, which allows to identify the key groups of factors that cause this or that emotional response from employees. The results of the study are tested during organizational consultation.

Keywords: internal image of the organization, organizational culture, emotional response, loyalty, methodical reception.

Современные тенденции динамики профессиональной идентичности

Е. П. Ермолаева (Москва)

*доктор психологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН;
e-mail: ermlen@yandex.ru*

В статье рассматриваются идентификационные аспекты социальной реализации профессионала. Определяется место социально-реализационных стратегий профессионала в континууме идентичность–маргинализм. Показано, что эффективность прогноза профессиональной динамики на основании сравнительного анализа «вчера–сегодня–завтра» различна на уровнях индивидуального и общественного сознания. На уровне индивидуального профессиогенеза прогноз основывается на знании предыстории человека и его ресурсов. На уровне общественного сознания предсказать динамику профессиональных предпочтений напрямую невозможно по причине быстрых социально-экономических изменений, так как новые технологии и профессии появляются быстрее любых прогнозов.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональный маргинализм, социальная реализация профессионала.

Введение

Юбилейные даты в существовании научных учреждений и жизни выдающихся ученых заставляют снова обращаться к их достижениям в поиске ответов на проблемы сегодняшнего дня. И находя эти ответы, понимаешь, что настоящая наука – вневременный феномен. Здесь рассмотрены лишь некоторые вопросы, имеющие отношение к идентификационным аспектам социальной реализации профессионала.

Усиление маргинального статуса профессионала в современном мире

В условиях современной России, пережившей ряд социогенных профессиональных кризисов за период, меньший по длительности индивидуального профессионального пути человека, и вступившей в новую, психологически неоднозначную эпоху глобализации, неизбежно встает проблема социальной реализации профессионала, возникает угроза деформации его профессиональной идентичности. Поэтому актуальным представляется выделение особого социального компонента в структуре профессиональной идентичности как индикатора нарушений в отношениях человека с социумом и профессией и регулятора процессов адаптации профессионала к новым условиям. Спецификой предлагаемого нами подхода является определение *социальной реализации профессионала как функции от профессиональной идентичности*, которая является результирующей индивидуальных, социальных и профессиональных взаимодействий в конкретном историческом периоде.

Идентификация может быть либо положительной, предполагающей полное принятие профессии как смысла бытия и способа реализации себя не только как профессионала, но и как личности, либо нейтральной, означающей бесконфликтное принятие своей профессии как средства заработка и достижения социального статуса (частичная самореализация в профессиональной деятельности), либо отрицательной, отвергающей профессию в качестве средства достижения социальных амбиций и отдающей предпочтение самореализации в иных сферах личностной активности. Профессионалы, ментально не сопричастные своей профессии, по сути, становятся *профессиональными маргиналами*, поскольку их отношения с профессией строятся по «периферийному принципу»: поскольку она для них находится на периферии сознания и ценностного ориентирования в социальном пространстве, постольку и они для профессии выступают «персонами нон-грата» в том смысле, что выполняемые ими профессиональные функции перестают соответствовать социальным требованиям, одновременно искажая общественное мнение о внешней и внутренней этике самой профессии. Невыполнение социальной функции профессии при наличии профессиональных знаний, умений, навыков мы определяем как профессиональный маргинализм, если должностное лицо продолжает оставаться на рабочем месте. Тогда его прерогативой становятся теньевые функции профессиональной роли, т. е. обращение своих профессиональных умений, знаний и навыков на иные цели, часто прямо противополо-

ложные социальному назначению профессии. Социально опасными неадекватные действия профессионала становятся при условии, если они изменяют ролевую функцию профессии в индивидуальном или массовом сознании либо сдвигают мировоззренческие координаты общества в целом. В последнем случае степень социальной значимости профессиональной ошибки наибольшая.

Параметры сформированности и регулирующая роль профессиональной идентичности, а также признаки маргинализма заметнее всего проявляются в условиях, нарушающих естественный ход профессиогенеза или устойчивость уже сложившихся отношений между профессионалом, его профессией и обществом, когда успешное функционирование в рамках прежней идентичности становится невозможным.

Социально-профессиональное пространство может быть представлено как система «человек–профессия–общество», каждый из элементов которой формирует индивидуальную, инструментальную и социальную модели профессии, а профессионал, находясь в фокусе этой системы, выступает как субъект, наделенный одновременно социальной, индивидуальной и инструментальной сущностью. Соответственно в структуре профессиональной идентичности, так или иначе ориентированной на эти модели, существуют индивидуальный, инструментальный и социальный компоненты, последний из которых наиболее подвержен деформации. Таким образом, идентичность в профессиональной сфере выходит за пределы личности и несет одновременно две функции: функцию личностного самоопределения и функцию соответствия профессиональным требованиям и социальным запросам.

При нарушении связи «человек–профессия» инверсия субъективного смысла профессии путем многократного дублирования в типовых профессиональных ошибках переходит в массовое сознание и провоцирует снижение социально приемлемого уровня профессионализма. Нарушение связи «человек–общество» приводит к нарастанию противоречия между значением и смыслом профессии в современном мире и к смещению целевой функции профессиональной роли с социально востребованной на индивидуально-целесообразную. При нарушении связи «профессия–общество» социальная модель профессии перестает совпадать с ее социальным предназначением. Инверсия социального смысла профессии идет в направлении усиления прагматической мотивации и снижения порога моральных запретов. В результате нарушения координирующей функции профессионала как «ядра» системы «человек–профессия–общество» снижается эффективность оценки социальных

последствий принимаемых решений. Общесистемный дисбаланс усиливает неадекватные внутрипрофессиональные представления о взаимосвязях профессионала и общества.

В условиях кризиса происходит ослабление идентификационного и усиление маргинального статуса профессионала. Профессиональный маргинализм не только уничтожает морально конкретного профессионала, но и подрывает профессиональную основу функционирования общества. Оно не получает того специалиста, на которого имеет право рассчитывать, а профессионал не ощущает своей значимости для общества и не стремится к полноценной самореализации.

Методологический принцип нашего подхода (Ермолаева, 2008) – определение места социально-реализационных стратегий профессионала в континууме «идентичность–маргинализм». Предложенный нами термин «профессиональный маргинализм» определяется как социально-пограничное состояние, поведенческий и концептуальный антагонист профессиональной идентичности и особая стратегия социальной реализации активного субъекта в затрудненных условиях. «Ядерную» структуру свойств профессионального маргинала составляют: псевдопрофессиональный менталитет, имитация морали и деятельности, «потребление профессии», «краевой эффект».

В рамках этого подхода разработаны методы анализа и преодоления рассогласований между индивидуальной, корпоративной и социальной идентичностью профессионала, которые позволяют определять и корректировать его статус по следующим шкалам: Профессиогенез (вчера–сегодня–завтра); Компетенции (должность–дело–экология); Социальная ответственность (социум–сотрудники–клиенты).

Профессионал в глобальном мире

Эпоха глобализации предлагает правила поведения, ценностные ориентиры и критерии профессионального соответствия, когда каждый из элементов системы «человек–профессия–общество» приобретает качество, соотносимое с метасистемой глобального мира.

Глобализация отменила главную функцию профессиональной структуры национальных обществ – обеспечение преемственности при изменении условий. Наиболее последовательные идеологи глобализации признают, что глобальная экономика ориентирована не на любой рынок, а на рынок с высоким уровнем потребления либо на крупных индустриальных клиентов, оставляя «за бортом» остальное человечество.

Глобализация – процесс объективный, развивающийся по естественным законам; это – данность, современная среда профессиональной и социальной активности субъекта. В развитых странах психологическая глобализация сопровождается развитием средств связи, передвижения и универсальных технологий. Но если процесс информационно-технологической глобализации искусственно задержан, прерван или, наоборот, форсирован из прагматических, политических, корпоративных соображений, он неизбежно расходитя во времени с психологической глобализацией, которая может либо опережать его, либо отставать от него, либо противодействовать ему. Антиглобалисты есть во всем мире, главным образом по экономическим и политическим причинам. Но у нас, помимо исторических, экономических и политических корней, в идеологии антиглобализма велика доля психологических факторов.

В теоретическом плане глобализация является рациональной моделью мира, предполагающей наличие космополитической способности сознания встать выше национальных или узкопрофессиональных интересов, т. е. апеллирующей к приоритету общих целей и ценностей над узконациональными и групповыми (корпоративными, политико-партийными и т. д.) и ассоциирующей с положительно окрашенными понятиями толерантности, терпимости, общего блага. Антиглобализм как иррациональная модель мира, напротив, ориентирован на приоритет частных целей и ценностей узких профессиональных или политических сообществ; он ассоциируется с негативно окрашенными понятиями национального эгоизма и т. п.

На практике происходит смысловая трансформация, а иногда и инверсия целей и мотивов этих движений. Антиглобализм часто смыкается с более высокими общечеловеческими ценностями – неэкономическими и непрагматическими: экология, гуманизм, право на свободу выбора собственного пути. Глобализация, являясь жесткой прагматической моделью, неизбежно стягивает капитал и творческие человеческие ресурсы в центры мировой экономики в ущерб остальным регионам. Антиглобализм – ответная компенсаторная реакция на противоречия интересов глобального мира и национальных, профессиональных, групповых интересов.

Экономисты-прагматики при оценке глобализационных перспектив экономики России исходят исключительно из расчетных критериев экономической эффективности без учета социального эффекта и потерь от психологического сопротивления профессионалов новым условиям. Отчасти поэтому психология глобализма не обрела массового характера в среде профессионалов: рядовому профессионалу ее ценности в лучшем случае безразличны, а в худ-

шем – неприемлемы для него; более того, глобализация совпала по времени со снижением жизненного уровня и потерей привычной работы, а подобные связи имеют тенденцию закрепляться в сознании как причинно-следственные.

В связи с вынужденным отказом от сырьевых приоритетов наша экономика имеет шанс перейти от дилетантизма экстенсивной модели к интенсивному пути развития, который требует более креативных механизмов управления и профессионалов с высоким творческим потенциалом. Однако этому препятствует сложившееся в массовом сознании давление иждивенческой системы социальных представлений о неиссякаемости «нефтяной трубы», «кормлении чиновников на местах», «невозможности преодолеть коррупцию». Низкий уровень социальной ответственности и профессиональной компетентности приводит к нарастанию иррациональных тенденций в сознании, мировоззрении, поведении профессионалов.

Социальная опасность толерантного отношения к профессионалу

В современных условиях проблема опасности и безопасности профессионала не ограничивается только техногенными аспектами, а все более тяготеет к личностным, субъектным и идентификационным подходам (Психология опасности и безопасности, 2012), поэтому рассмотрение психологической безопасности/опасности профессионала в контексте толерантного/интолерантного отношения к нему становится особенно актуальным.

Толерантное отношение к профессионалу и безопасность его поведения связаны неоднозначно. На разных этапах профессионализма, в разных типах профессий и у профессионалов с разной степенью социальной защищенности толерантность и безопасность могут вступать не только в содружественные, но и в реципрокные отношения. Часто крупные руководители, совершившие серьезные ошибки и правонарушения, не подвергаются не только реальному наказанию, но и моральному осуждению со стороны излишне толерантного к ним общества.

Толерантность потребителей к неадекватным профессионалам снижает общий уровень требований к ним со стороны работодателей. Толерантность профессионального сообщества к некомпетентности своего представителя дискредитирует не только конкретного профессионала, но и все сообщество в целом. На уровне общества излишняя толерантность к нарушителям профессиональных обязанностей и этики свидетельствует либо о равнодушии, ли-

бо о недоверии населения к соответствующим профессиональным или властным структурам.

Степень опасности ошибочных действий профессионала обусловлена их социальной значимостью, которая, в свою очередь, зависит от его профессиональной роли, властных полномочий и обладания ресурсами воздействия (на общество, природу, экономику, политику).

Социальные требования не всегда предъявляются профессионалу в виде прямых инструкций по безопасности: они могут быть скрытыми и заданными в виде служебных инструкций и субординаций, поэтому в ряде случаев общество даже не знает, имеются ли нарушения и как к ним следует относиться.

Говоря о толерантности к неадекватному профессиональному поведению как внешней оценочной категории, нельзя упускать из внимания зависимость безопасности от субъектно-активационной и индивидуальной или социально-мотивационной направленности профессионала. Первая обуславливает форму реагирования и принятие тактических решений в кризисных ситуациях, вторая – принятие стратегических решений. В структуре мотивов профессионала не всегда могут преобладать мотивы профессиональной чести, долга и ответственности. Мощнейший фактор опасности при принятии стратегических решений – преобладание корыстных личных мотивов или корпоративных интересов.

Заключение

Понятия профессиональной идентичности и профессионального маргинализма на переломе эпох претерпевают смысловую инверсию. Профессиональная идентичность все чаще кажется архаичной, а профессиональный маргинализм становится нормой, как на уровне индивидуального, так и общественного сознания.

Профессиональный маргинализм сегодня имеет два источника пополнения. Снизу он подкрепляется недалекостью населения, не привыкшего мыслить критически. Сверху он обусловлен давлением властных структур, преследующих своекорыстные цели, не связанные с потребностями общества. Это профессиональный маргинализм второго порядка, когда власть и политика целенаправленно вмешиваются в профессиональную практику в целях экономии бюджета, снижения доходов населения и социальных расходов государства, не понимая отдаленных негативных последствий этих вмешательств.

В центре сознания профессионала оказалась должность, а не профессия, поэтому даже сам термин «профессионал» стал неадекватен. Все более заметны прагматические мотивы профессионального вы-

бора и заниженные критерии социальной приемлемости решений и поступков профессионалов.

Реальная потребность в социально-значимых профессиях не всегда осознается обществом, и они остаются невостребованными аутсайдерами. Малопопулярное сейчас создание нового продукта, этой трудоемкой нравственной миссии, ударяет не только по настоящему, но и будущему, в котором этот продукт оказывается остро социально востребованным. А потребление готового продукта происходит на уровне условного рефлекса, когда человек не задумывается о том, откуда этот продукт произошел и какова в нем доля творчества, а какова – рекламы.

Эффективность прогноза профессиональной динамики на основании логики сравнительного анализа «вчера–сегодня–завтра» различна на уровнях индивидуального и общественного сознания. На уровне индивидуального профессиогенеза предсказать, что будет «завтра», легче, зная предысторию человека и его ресурсы. На уровне общественного сознания предсказать динамику профессиональных предпочтений напрямую невозможно. Исходя из известных состояний «вчера» и «сегодня», в условиях быстрых социально-экономических изменений сказать, что будет «завтра», нереально, так как новые технологии и профессии появляются быстрее любых прогнозов, о чем свидетельствует новейшая история XX–XXI столетий.

Прогнозирование будущих тенденций профессиональной динамики можно проследить, по крайней мере, по трем направлениям:

Первое – *инерционное*. Оно исходит из предположения, что принципиальных изменений в рейтингах популярных профессий не будут и что динамика профессиональных предпочтений будет проходить в парадигме того развития, которое существовало у нас в досанкционный период (до 2014 г.). Второе – *реалистическое*, исходящее из потребностей страны в условиях изоляции. Третье – *теоретико-прогностическое*, которое представлено в проекте Атласа перспективных профессий, составленного Министерством труда и социальной защиты РФ и Агентством стратегических инициатив. Однако в этом обширном документе, к сожалению, не выделены существенные психологические признаки профессий будущего.

Проблема профессионала в современном мире включает не только психологические, но и политические, идеологические, социальные, макроэкономические, экологические и другие аспекты жизнедеятельности. Все они оказываются взаимосвязанными и включенными в единые причинно-следственные отношения. Это подводит нас к необходимости привлечения мультидисциплинарного подхода для их исследования.

Литература

Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М., 2008.

Психология опасности и безопасности: В 2 кн. Сочи, 2012.

Modern tendencies of professional identity dynamics

E. P. Ermolaeva (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, leading researcher,
Institute of Psychology of RAS

The article deals with the identification aspects of social realization of a professional. The place of the social and the implementation strategies of a professional in the continuum of identity–marginalism is determined. The comparative analysis of “yesterday–today–tomorrow” showed that the efficiency of the forecast of professional dynamics has differences at the levels of individual and social consciousness. At the level of individual professionalogenesis forecast is based on the knowledge of the prehistory of man and his resources. At the level of social consciousness to predict the dynamics of occupational preferences directly is impossible because of the rapid socio-economic changes, as new technologies and occupations appear faster than other forecasts.

Keywords: professional identity, professional marginalism, social realization of a professional.

Современная организационная психология: основные тенденции развития

*А. Л. Журавлёв**, *А. Н. Занковский*** (Москва)

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

*** доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии
труда, эргономики, организационной и инженерной психологии,
Институт психологии РАН; e-mail: azankovsky@gmail.com*

В статье рассмотрено современное состояние и перспективы развития организационной психологии. Показано, что, даже развиваясь во многом самостоятельно, организационная психология в проблематике, методах и подходах неразрывно связана с психологией труда. Представлены и обобщены исследования и актуальные проблемы этой отрасли психологии, проанализированы наиболее важные факторы, предопределяющие ее дальнейшее развитие, главное среди которых – это глобализация и технологические изменения. Влияние указанных факторов выразится в большей ориентации на реальные потребности организаций и результаты деятельности организационных психологов, повысится интерес к индивиду и управлению талантами, особое внимание будут привлекать проблемы организационной этики, повышения жизнеспособности организации, произойдут изменения в базовых навыках и роли организационных психологов. Сделан вывод о том, что любые изменения разумны и позитивны только в том случае, если они не пытаются отрицать свою противоположность – стабильность, т. е. опыт и знания, ранее накопленные человечеством в конкретной сфере жизнедеятельности.

Ключевые слова: организационная психология, труд, субъект труда, тенденции развития, глобализация, технологические изменения, управление талантами, организационная этика, жизнеспособность организации, согласование деятельности индивида и организации.

Введение

В последние годы в нашей стране и за рубежом наблюдается заметный рост интереса к организационной психологии: проводятся многочисленные исследования, создаются журналы, организуются конференции, выпускаются фундаментальные монографии и учебники (Власов, Маничев, Суходольский, 2008; Геберт, Розеншталь, 2006; Организационная психология..., 2013). Популярность организационной психологии во многом обусловлена тем огромным значением, которое в сегодняшнем мире играют крупные транснациональные корпорации, ставшие источником экономической власти и важным фактором глобальной мировой политики.

История становления организационной психологии

Сформировавшись в недрах психологии труда, организационная психология лишь в последние десятилетия приобрела широкую популярность и получила интенсивное развитие (Журавлёв, Купрейченко, 2010; Занковский, 2009; Using industrial organizational psychology..., 2013). Организационную психологию, прежде всего, интересуют психологические особенности и закономерности трудовой деятельности людей как членов организации, представляющей собой целостное коллективное образование, которое нельзя свести к простой сумме индивидов (работников), из которых она состоит. Тем не менее, даже развиваясь во многом самостоятельно, психология труда и организационная психология неизбежно пересекаются и дополняют друг друга в проблематике, методах и теоретических подходах.

Определения организационной психологии, которые предлагают разные исследователи, при некоторых различиях достаточно точно очерчивают предметное поле этой дисциплины. *Организационная психология* – прикладная отрасль психологии, изучающая все аспекты психической деятельности и поведения людей в организациях с целью повышения организационной эффективности и создания благоприятных условий для труда, индивидуального развития и психологического здоровья членов организации (Занковский, 2009). В «Оксфордском руководстве по организационной психологии» она определена как «прикладное направление психологии, использующее всю совокупность психологических знаний применительно к труду и организации. <...> Эта отрасль знания изучает широкий круг разнообразных вопросов и проблем, связанных с постоянным изменением организаций и природы человеческого труда» (Kozlovski, 2012, p. 6).

Важной особенностью развития организационной психологии в нашей стране является то, что, помимо психологии труда, она также вобрала в себя и достижения отечественной *психологии управления*, которая преимущественно изучает психологию управленческой деятельности и ее субъекта с целью повышения эффективности и качества работы в системе управления. Здесь необходимо отметить работы Б. Ф. Ломова, А. И. Китова, В. Ф. Рубахина, А. В. Филиппова, И. С. Мангутова, Л. И. Уманского и др. (Ломов и др., 1977; Мангутов, Уманский, 1975; Китов, 1984; Филиппов, 1980). Несмотря на то, что психология управления необходимым образом затрагивает проблемы управления организационной системой, например, психологию управленческого взаимодействия, она тем не менее не ставила перед собой задачи выхода на уровень исследования организации в целом (Журавлёв, 2004; Ломов, Журавлёв, 1978).

Современное состояние организационной психологии

Подчеркивая единство психологии труда и организационной психологии, британские психологи Я. Ротман и К. Купер отмечают, что первая преимущественно занимается вопросами молекулярного уровня, а вторая – молярного, т. е. рассматривает организацию как целостную систему (Rothmann, Cooper, 2008).

Довольно полное представление о современном состоянии и структуре отрасли дает «Оксфордское руководство по организационной психологии», в котором выделены следующие разделы: методологические основы индустриальной и организационной психологии; перспективы проектирования организаций и систем человеческих ресурсов; проектирование деятельности и структуризация профессионального опыта; основы профессионального отбора и развития; специфические методы и проблемы профессионального отбора; оценка индивидов и их деятельности; системы оценки; развитие персонала; отношение к работе и организации; формирование позитивной рабочей среды; решение проблем и организационная политика; планирование изменений, а также организация и среда (Kozlovski, 2012).

Традиционно индустриально-организационные психологи работают с организациями по следующим направлениям: профессиональный отбор сотрудников и их распределение на работу; профессиональное обучение и развитие; организационное развитие; измерение выполнения работы; качество рабочей жизни; психология потребителей; инженерная психология и эргономика (Джуэлл, 2002).

Среди вопросов, которые стали рассматриваться организационной психологией преимущественно в последние полтора десятилетия, следует отметить следующие: психология коучинга; этические проблемы; отчуждение сотрудников; исследование роли глобальных, международных и кросс-культурных факторов; инклюзивность и креативность; моделирование компетенций; организационное гражданство; баланс личной и организационной жизни и организационная справедливость (Olson-Buchanan, 2013).

Организационная психология и кардинальные социально-экономические изменения

В последние десятилетия человечество переживает драматические изменения. Некоторые из них, затрагивая базовые принципы организационной деятельности и систему традиционных норм и требований, неизбежно отражаются на задачах организационной психологии. Нынешнее ускорение процессов развития во всех сферах человеческой жизнедеятельности, на наш взгляд, является результатом невиданного ранее многообразия и обострения противоречий, с которыми сегодня сталкивается человечество. Возможности понять действительные закономерности и движущие силы изменений открывает диалектический анализ *противоречий* взаимодействия природных явлений, общественной жизни и сознания человека. Поэтому, говоря о тенденциях развития организационной психологии, нужно особое внимание уделять тем внутренним и внешним противоречиям, которые ей свойственны, предопределяли и определяют историю и логику ее изменений.

Тенденции развития организационной психологии

Любые прогнозы с их стремлением заглянуть в будущее носят вероятностный характер, обусловленный множеством факторов. И если прогнозы были непростым делом в прошлом, то заглядывать в будущее сегодня, когда темп изменений стал еще более быстрым, стало почти безнадежным делом.

Известно, что драматические изменения заставляют большинство людей чувствовать себя неподготовленными и беззащитными, озадаченными и фрустрированными. Как будет развиваться организационная психология в мире постоянных изменений? Как должны измениться подходы и методы в таких условиях? Где данная отрасль может найти ресурсы для того, чтобы в полной мере соответство-

вать новым требованиям? Какие проблемы и навыки их решения будут наиболее востребованными?

На основе собственного видения, а также анализа организационно-психологической и управленческой литературы, опросов и интервью с ведущими менеджерами и специалистами мы попытались теоретически смоделировать *основные тенденции развития* организационной психологии в ближайшие 10 лет. Эти тенденции остаются крайне противоречивыми, но представляющими основной диапазон возможных изменений, вплоть до самых радикальных.

Влияние глобализации. Как уже отмечалось, она кардинальным образом изменила среду, в которой действует организация, преобразая международные, государственные и общественные институты, принципы и формы организационной деятельности. Учет глобализации станет основной тенденцией в практической работе организационного психолога. При этом предметом исследования и воздействия станут глобальные компании, глобальное лидерство, глобальное рабочее место, глобальные виртуальные команды и глобальное управление талантами.

Влияние технологических изменений. Технологические изменения вызвали существенные трансформации не только профессиональной деятельности, но и жизнедеятельности человека в целом. Новые технологии будут все больше интегрированы и в деятельность организационных психологов: интернет-тестирование, онлайн-обучение, виртуальный ассесмент, использование социальных сетей, новых устройств и программных продуктов. Новые технологии будут изменять характер работы сотрудников, и психологи должны будут оказывать помощь организациям в психологическом сопровождении этих изменений.

Усиление ориентации на потребности организаций и конкретные результаты деятельности организационных психологов. Возрастет необходимость в новых креативных решениях, а также возрастут способности прогнозировать будущие психологические проблемы, с которыми могут столкнуться организации. Будут возрастать требования бизнеса к оценке реального вклада организационных психологов в деятельность организации. Психологам будет необходимо откликаться на реальные проблемы бизнеса, используя методы, которые реально работают.

Произойдет *консолидация области*, которая сейчас представлена множеством индивидуальных ученых, работающих в научно-практической сфере; сегодня это очень фрагментарный рынок; в будущем знания и экспертный потенциал организационных психологов будут востребованы крупными фирмами, в том числе компаниями,

занятыми поиском персонала и управлением человеческими ресурсами в целом. Будет усиливаться интеграция психологии со смежными областями (прежде всего, с наукой об управлении, социологией, экономической наукой и др.).

Будет усиливаться *интеграция между организационно-психологическими исследованиями и практикой*. Будет сформирован эффективный и циклический процесс, обеспечивающий более быстрое, чем сегодня, превращение исследовательских разработок и идей в практические технологии и прикладные инструменты.

Возрастет миграция организационных психологов из производства в бизнес-школы. Это позволит им расширить свое участие в обучении бизнес-лидеров будущего, которые получают более полное представление о том, какой вклад может внести психология в повышение организационной эффективности.

Повысится интерес к индивиду и управлению талантами. Фокус работы психолога сместится на индивидуальный уровень, реализуясь в форме коучинга, индивидуального ассесмента, обратной связи, карьерного развития и консультирования. В исследовательской работе произойдет сдвиг акцента с традиционных сфер (анализ деятельности, профотбор и управление деятельностью) в области развития лидерских навыков, управления талантами, организационного развития. Управление талантами станет частью организационной стратегии, что будет способствовать росту востребованности организационных психологов. В практике управления все в меньшей мере будет использоваться директивный стиль, в большей степени опираясь на коучинг и «мягкие» формы влияния.

Особое внимание специалистов будут *привлекать проблемы* организационной этики, повышения жизнеспособности организации и экологии. Усилия психологов будут способствовать укреплению корпоративной социальной ответственности, росту жизнеспособности организаций и культурной интеграции в интересах самих организаций и общества в целом. Возрастающее многообразие персонала и рост продолжительности жизни потребуют от организационной психологии исследований и разработки рекомендаций по оптимальному использованию новых секторов трудовых ресурсов. По оценкам специалистов, через 15–20 лет бизнес на постоянной основе будет использовать примерно 20% трудоспособного населения, а 80% будут работать по временным договорам в сфере услуг и торговли. Все это серьезно скажется на мотивации, адаптации, моделях лидерства и др. и потребует проведения крупных организационно-психологических исследований.

Изменения в базовых навыках. Будет наблюдаться уход от узкой специализации к более широкому и глубокому взгляду на проблемную область (например, не просто владение каким-либо методическим подходом к подготовке лидеров, а глубокое и всестороннее знание и понимание всей проблемы развития лидерских навыков). Возрастет роль исследовательских и аналитических навыков применительно к HR-сфере, обучению взрослых, диагностике и развитию способностей и талантов, эффективной коммуникации с топ-менеджментом.

Изменение роли организационных психологов, которые будут привлекаться к решению широкого спектра организационных проблем и осуществлять психологическое сопровождение деятельности сотрудников, от их приема на работу и до ее завершения (увольнения).

Выводы

Таким образом, основные тенденции развития организационной психологии будут определяться, прежде всего, влиянием глобализации и технологических изменений. Они выразятся в большей ориентации на реальные потребности организаций и результаты деятельности организационных психологов. Повысится интерес к индивиду и управлению способностями и талантами; особое внимание будут привлекать проблемы организационной этики, повышения жизнеспособности организации и экологии; усилится миграция организационных психологов в бизнес-школы; произойдут изменения в базовых навыках и роли организационных психологов.

Источники будущих изменений организационной психологии произрастают из истории и логики ее развития. Изменения окажутся разумными и позитивными в том случае, если в их процессе не будет отрицаться их противоположность – стабильность, т. е. опыт и знания, ранее накопленные человечеством в конкретной сфере жизнедеятельности. В целом же организационную психологию, труд и организации, которые она изучает, ожидают серьезные изменения. И было бы ошибкой просто ожидать, когда изменения наступят сами собой, не пытаясь сохранить, применить и совершенствовать то, что накоплено за многие десятки лет развития психологии труда, психологии управления и организационной психологии.

Литература

Власов П. К., Маничев С. А., Суходольский Г. В. Организационная психология. СПб., 2008.

- Геберт Д., Розенталь Л. Организационная психология. Человек и организация. Харьков, 2006.
- Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. СПб., 2002.
- Журавлёв А. Л. Психология управленческого взаимодействия. М., 2004.
- Журавлёв А. Л., Купрейченко А. Б. Отечественная социальная психология труда: некоторые тенденции развития // Психологический журнал. Т. 31. № 6. 2010. С. 18–29.
- Занковский А. Н. Организационная психология. М., 2009. С. 16.
- Китов А. И. Психология хозяйственного управления. М., 1984.
- Ломов Б. Ф., Журавлёв А. Л. Психология и управление. М., 1978.
- Ломов Б. Ф., Китов А. И., Рубахин В. Ф., Филиппов А. В. Актуальные проблемы психологии управления. М., 1977.
- Мангутов И. С., Уманский Л. И. Организатор и организаторская деятельность. Л., 1975.
- Организационная психология: Учебное пособие / Под ред. А. Б. Леоновой. М., 2013.
- Филиппов А. В. Вопросы психологии управления // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 2. С. 19–28.
- Kozlovski S. W. J. (Ed.). The Oxford handbook of organizational psychology. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 6.
- Olson-Buchanan J. et al. (Eds). Using industrial organizational psychology for the greater good: helping those who help others. N. Y.: Routledge, 2013.
- Rothmann I., Cooper C. Organizational and Work Psychology. London: Hodder Education, 2008.

Modern organizational psychology: the main tendencies of development

A. L. Zhuravlev, A. N. Zankovsky** (Moscow)*

* Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, head of the Laboratory of labor Psychology, ergonomics, organizational, and engineering psychology, Institute of Psychology of RAS

The article discusses the current state and prospects of development of organizational psychology. It is shown that even developing largely independently, organizational psychology in the issues, methods and approaches is inseparably connected with the psychology of work. Presents and summarizes the research and current issues in this research area, analyzed the most important factors that determine its further development.

It is shown that the main trends in the development of organizational psychology will be determined by the impact of globalization and technological changes. The effect of these factors would translate into greater focus on the real needs of the organizations and practical results, achieved by organizational psychologists, increase the interest in the individual and talent management, special attention will attract the problems of organizational ethics, enhance the of the organizational resilience, there will be changes in basic skills and the role of organizational psychologists. It is concluded that any changes are reasonable and positive only in the case if they are not trying to completely deny its opposite – stability, i. e. the experience and knowledge accumulated by mankind in a specific field of activity.

Keywords: organizational psychology, work, subject of work, development trends, globalization, technological change, talent management, organizational ethics, the viability of the organization, compliance of the individual and the organization.

Психология виртуальной организации: основные проблемы исследования¹

А. Н. Занковский*, А. Л. Журавлёв** (Москва)

* доктор психологических наук, заведующий лабораторией Психологии труда, эргономики, организационной и инженерной психологии, Институт психологии РАН; e-mail: azankovsky@gmail.com

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru

Статья посвящена исследованию виртуальных организаций – новой модели организации, становление которой обусловлено развитием информационно-коммуникационных технологий. Цель работы – выявить специфику виртуальных организаций, их принципиальные отличия от традиционных организаций, проанализировать те организационно-психологические проблемы, которые возникают в виртуальной организационной среде.

Ключевые слова: организационная психология, виртуальная организация, ценности, функции управления, общение.

Постановка проблемы

В последние десятилетия организационный мир и трудовая деятельность переживают *кардинальные изменения*, которые ставят перед организационной психологией и психологией труда совершенно новые проблемы и задачи (Занковский, 2015; и др.). К этим изменениям, прежде всего, следует отнести активное внедрение новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которое затрагивает *базовые принципы* функционирования организации, открывает принципиально новые возможности для совместной деятельности людей, находящихся в разных географических

1 Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ № 0159-2017-0010.

и временных поясах, кардинально меняет систему тех требований, которые традиционно стояли перед индивидуальным и групповым субъектом труда в недавнем прошлом.

Эти тенденции в наиболее яркой форме, по-видимому, воплотились в совершенно новой, ранее неизвестной человечеству организационной форме – *виртуальной организации* (ВО), которая в последние годы стала популярным предметом как научных исследований, так и общественных обсуждений. Определение «виртуальный» было позаимствовано из компьютерных технологий, где используется термин «*виртуальная память*» (англ. virtual memory), под которым понимается специфический метод управления памятью компьютера, позволяющий выполнять программы, требующие больше оперативной памяти, чем имеется на компьютере (Ebrahim et al., 2009). Аналогичным образом, виртуальная организация для достижения своих целей стремится использовать не только свои внутренние, но и *внешние*, виртуальные, *не принадлежащие* ей ресурсы. Эта новая организационная форма, неразрывно связанная с ИКТ, обладает совершенно новыми структурными и функциональными характеристиками, что ставит перед психологами множество *новых вопросов, проблем и задач*.

Трактовка виртуального аспекта организации чрезвычайно широка: под общей темой ВО часто обсуждаются различные и даже противоположные организационные и групповые концепции (Riemer et al., 2012). В подавляющем большинстве *определений* акцент ставится на том, что ВО – динамичная, открытая система, объединяющая независимых экономических агентов (субъектов), позволяющая в едином информационном пространстве объединить капиталы и ключевые компетенции участников для более быстрого и эффективного удовлетворения бизнес-запросов (Иванов, 2003; Ebrahim et al., 2005; Riemer et al., 2012). При этом, по-видимому, находясь под влиянием немногочисленных, но ярких примеров успешного использования ИКТ (чаще всего в самом виртуальном пространстве), таких как создание Facebook, Google, Википедии, программного обеспечения с открытым кодом (так называемое open-source software) и т. д., исследователи ВО особый акцент ставят на некоей *спонтанности, добровольности и независимости* экономических агентов, которые, объединяясь, способны эффективно и качественно создавать продукты, услуги, информацию и др.

Действительно, прибыль, например, компании Facebook в 2016 г. составила более 10 млрд долларов, веб-сайт компании входит в число наиболее посещаемых в мире, объединяя миллиарды пользователей. Однако стихийно возникающие *виртуальные сообщества* – лишь

одна и, по нашему глубокому убеждению, не самая востребованная и важная организационная форма в виртуальной среде. Поэтому, несмотря на желание поддаться надеждам, что скоро любой виртуальный бизнес будет столь же успешным, как Facebook, для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться не к отдельным, исключительным примерам, а к адекватному *научному анализу* ВО.

Традиционно *организация* определяется как сознательно координируемое социальное образование с определенными границами, функционирующее на относительно постоянной основе для достижения общей цели (Занковский, 2012; и др.). Исходя из основных признаков организации, на основании обширной научной литературы мы выявили три *основных типа* ВО: 1) сетевые, мультиагентные; 2) распределенные, аутсорсинговые и 3) «виртуальные офисы».

Сетевые, мультиагентные ВО, как правило, представляют собой сеть малых и средних организаций, которые реализуют свои узкопрофессиональные компетенции, объединяясь с другими компаниями для того, чтобы оперативно отреагировать на возникший запрос рынка. По сути дела, здесь речь идет не о полноценной организации, а о *партнерстве*, ориентированном на выполнение конкретного проекта. Для этого типа ВО характерен *децентрализованный тип управления*, при котором все управленческие процессы осуществляются только за счет локальных взаимодействий участников сети. Организационная структура имеет переменную, нефиксированную форму. ВО этого типа носят *временный характер*; они возникают при выявлении/появлении рыночной возможности или поступлении рыночного/социального заказа и, как правило, распадаются после его выполнения. Для консолидации заказов и придания этой организационной форме большей стабильности в сети стали формироваться специальные *сообщества поддержки*: пулы (pools), веб-платформы, сети фрилансеров, группы разработчиков программного обеспечения с открытым кодом и т. д. (Журавлёв, Нестик, 2016а).

Распределенные, аутсорсинговые ВО – это организационные формы, которые создают материнские компании с целью передачи части (иногда даже основной) своих бизнес-функций сети поставщиков. Для этого создается *сеть внешних партнеров*, которая координируется с помощью ИКТ. Такие ВО имеют *распределенный тип управления*, осуществляемого посредством общего координационного центра, и представляют собой совокупность независимых или зависимых агентов, действующих между собой на контрактной основе в соответствии с предварительно определенными нормами и правилами поведения и взаимодействия. Они имеют *гибкую*, но пред-

варительно определенную организационную структуру. ВО этого типа носят *постоянный характер*, они ориентированы на постоянный поиск и получение заказов в определенной сфере деятельности, при этом один из участников управляет сетью и осуществляет общую координацию выполнения заказов. Типичными примерами подобных ВО могут служить такие компании, как Dell, Benetton, Nike, Puma, Apple и др.

«*Виртуальный офис*» – это внутренняя ВО, которая функционирует в рамках конкретной корпорации. На основе ИКТ организация создает *сеть виртуального взаимодействия* индивидов, команд, отделов, департаментов и филиалов компании, которые могут быть широко распределены в пространстве и времени. Эти ВО представляют собой совокупность зависимых агентов, объединенных фиксированной иерархической организационной структурой и жесткими субординационными вертикальными связями. ВО такого типа, как и распределенные ВО, носят *постоянный характер*, ориентированы на постоянный поиск и получение заказов в определенной сфере деятельности, но сама сеть и выполнение заказов *управляются централизованно*. Типичным примером таких ВО могут служить крупные транснациональные корпорации.

Каждому типу ВО свойственны как общие, так и специфические для конкретного типа психологические проблемы. Общие проблемы, например контроля, мотивации, доверия или личностных проблем, имеют ярко выраженную специфику для сетевых, мультиагентных ВО, обусловленную «плоской», динамичной организационной структурой, краткосрочностью существования и неопределенностью возникновения рыночного заказа. Это вызывает необходимость изучения роли такого явления, как «быстрое» доверие, без которого функционирование подобных организаций сталкивается с серьезными трудностями. Тем не менее проблемы виртуальных организаций, во многом обусловленные интенсивным использованием ИКТ, тесно связаны между собой, и их можно условно разделить на несколько групп: проблемы управления, общения, разрешения конфликтов, трудовой мотивации, ценностей и организационной культуры, организационной адаптации и социализации сотрудников.

Проблемы управления, прежде всего, связаны с *реализацией основных управленческих функций*: планирования, организации, руководства, контроля и др. В отсутствии непосредственного взаимодействия каждая из этих функций требует качественно новой реализации как с содержательной, так и с формальной стороны. Как поставить задачу, чтобы она была правильно понята и стала основным ориентиром деятельности сотрудника даже при отсутствии

постоянного взаимодействия с менеджером? Как и какую поддержку оказать сотруднику в плане организации его труда и самоорганизации? Как эффективно координировать усилия членов виртуальной команды, не имея возможности в реальном взаимодействии увидеть особенности их личностей и поведения? Каким образом контролировать работу сотрудников, если они работают дома, на другом континенте или в ином временном поясе?

Проблемы общения. Эта группа психологических проблем ВО, вероятно, относится к наиболее изученной на сегодняшний день (Riemer et al., 2012; Pink, 2011). При виртуальном взаимодействии затруднено установление личных *неформальных отношений*, характерных для традиционных организаций. Отсутствие информации о личностных особенностях сотрудника, исполнителя или руководителя затрудняет формирование целостного образа человека и препятствует эффективному обмену информацией.

При виртуальном общении, как правило, отсутствует *невербальная информация*, что затрудняет правильное восприятие основной информации, ведет к искажениям, недопониманию и конфликтам. При непосредственном общении собеседники считывают невербальную информацию и корректируют свое поведение в соответствии с ней. В виртуальных командах ограниченность каналов передачи информации часто негативно отражается на установлении деловых и личных отношений и снижает эффективность деятельности организации. Члены ВО нередко ошибочно оценивают намерения своих коллег, когда, например, не получают от них своевременного ответа по электронной почте; достаточно часты случаи неверной оценки содержания и эмоциональной направленности письменных сообщений и т. д.

Проблемы разрешения конфликтов. Отдельной и особо острой проблемой выступает управление конфликтом в ВО. Латентные фазы конфликтов могут быть длительное время незаметны и/или не осознаваемы сотрудниками даже при непосредственном общении. Однако их негативное влияние в виртуальной среде может иметь более деструктивные последствия. Предупреждение, диагностика и конструктивное преодоление конфликтов, на наш взгляд, является чрезвычайно актуальным не только для ВО, но и для всего виртуального пространства в целом.

Проблемы трудовой мотивации. Сквозной темой для всех типов ВО являются вопросы мотивации. Нахождение вне поля зрения руководителя и социального влияния группы, краткосрочность трудовых отношений (в сетевой ВО), отсутствие социальной фасилитации и харизматического влияния лидеров отрицательно сказыв-

ваются на мотивации персонала, требуя разработки новых методов и средств для ее поддержания. В этом контексте особое внимание привлекают *новые модели мотивации*, основанные на автономности, творчестве, мастерстве и цели (Pink, 2011).

Проблема ценностей и организационной культуры. Пожалуй, наиболее острыми являются проблемы доверия, открытости, ответственности и приверженности, связанные с невозможностью встретиться с сотрудником лично и убедиться в том, в какой мере он разделяет указанные *ценности*. Эта проблема особенно важна для интерактивных виртуальных групп, результат деятельности которых возникает в процессе взаимодействия и зависит от добросовестности и исполнительности каждого из сотрудников. Проблема ценностей в ВО становится особенно актуальной в силу того, что отсутствие доверия, открытости, ответственности и приверженности может оказывать негативное влияние и даже блокировку открытого информационного обмена, без которого эффективная работа в виртуальном пространстве просто невозможна.

Опосредованность взаимоотношений сотрудника и менеджера может усиливать субъективные искажения в интерпретации соответствия трудового вклада сотрудника и организационных вознаграждений, которые он получает. Подобные ситуации могут восприниматься как нарушения организационной справедливости и оказывать негативное влияние на мотивацию персонала ВО. Помимо аксиологического конфликта и потенциального снижения мотивации к труду, могут возникнуть сложности с принятием и трансляцией принципов *организационной культуры* в тех случаях, когда ВО состоит из большого числа изолированных виртуальных команд. Специфика ВО накладывает ограничения на формирование и поддержание *общей* организационной культуры, что требует разработки новых подходов в этой сфере. В целом виртуальные формы работы рекомендуется предварять достаточным периодом адаптации и социализации, во время которого сотрудники могут ознакомиться с нормами и ценностями компании и принять их.

Кроме того, не признавая каких-либо границ, ВО обязательным образом включают сотрудников, представляющих различные культуры, конфессии и мировоззрения. *Непонимание*, обусловленное культурными различиями в восприятии, мышлении, социальных нормах и ролях, часто является серьезной помехой в работе виртуальных групп. Негативное влияние на эффективность ВО также могут оказывать языковые барьеры, различия в опыте, возрасте, усвоенных принципах корпоративной культуры и т. д. (подробнее о роли

менталитета см.: *Историогенез...*, 2016; *Культура и поведение в организации...*, 2008; и др.) Указанные моменты, прежде всего, затрудняют формирование у членов ВО близкого понимания миссии, стратегии и общих целей ВО.

Проблемы организационной адаптации и социализации сотрудников. Известно, что, сталкиваясь с невозможностью удовлетворить свои социальные потребности в реальном мире, люди пытаются найти такую возможность в мире виртуальном. Невозможность регулярного и полноценного общения с коллегами может приводить к *социальной дезадаптации* сотрудников ВО, к еще большему *чувству изолированности* и отражаться на показателях эффективности, удовлетворенности трудом и психологическом здоровье. Выходом из сложившейся ситуации может быть специализированный *профессиональный отбор* и введение *испытательного срока*, в течение которого можно определить, насколько эффективно потенциальный сотрудник способен работать в ВО. Неопределенность и краткосрочность трудовых отношений, высокая конкуренция, при которой вакансии могут быть заполнены кандидатами из любой страны, часто меняющиеся требования и задачи создают условия для *стресса и невротизации* личности. Кроме того, существует возможность возникновения так называемой *технофобии*: сотрудники ВО часто не обладают необходимыми техническими навыками удаленной работы, не имеют достаточных профессиональных навыков для пользования теми или иными программными продуктами (Журавлёв, Несвик, 2016б). Все это также может негативно отражаться на их мотивации и эффективности деятельности.

Отсутствие непосредственного взаимодействия и контроля предъявляет совершенно новые требования к *самоорганизации* сотрудника. Если у него отсутствуют достаточные навыки для планирования собственной деятельности, ее организации и выполнения, а также развитый самоконтроль, опосредованное управленческое воздействие, как показывают исследования, не способно в полной мере компенсировать указанные индивидуальные недостатки. Полезные данные были накоплены ранее (см., например: *Психология адаптации...*, 2007; и др.).

Заключение

Таким образом, в настоящее время и организации, и трудовая деятельность переживают существенные изменения, которые затрагивают базовые принципы функционирования и развития организации и меняют систему тех требований, которые традиционно

стояли перед субъектом труда в недавнем прошлом. Особый интерес и вызов для психологии представляет становление и развитие *виртуальной организации* – новой организационной формы, базирующейся на использовании информационно-коммуникационных технологий. Исследование ВО ставит перед психологией множество острых вопросов, проблем и конкретных задач. Эти проблемы тесно связаны между собой, однако они могут быть условно разделены на несколько обобщенных групп. Есть все основания утверждать, что изучение виртуальной организации становится одним из наиболее *перспективных* направлений развития современной психологии труда и организационной психологии.

Литература

- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 5–14.
- Занковский А. Н. Организационное лидерство в пространстве корпоративной культуры: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2012.
- Занковский А. Н. Психология организационного лидерства: в поисках корпоративной синергии. М., 2015.
- Иванов Д. А. Виртуальные предприятия и логистические цепи. СПб., 2003.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М., 2016.
- Культура и поведение в организации: российский опыт / Отв. ред. С. П. Дырин, А. Л. Журавлёв, Т. О. Соломанидина. М., 2008.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлёв. М., 2007.
- Ebrahim K., Shamsuddin A., Zahari T. Virtual Teams: a Literature Review // Australian Journal of Basic and Applied Sciences. 2009. V. 3 (3). P. 2653–2669.
- Riemer K., Vehring N. Virtual or vague? A Literature Review Exposing Conceptual Differences in Defining Virtual Organizations in IS Research. Electronic Markets, Aug. 2012.
- Pink D. H. The surprising truth about what motivates us. N. Y.: Riverhead Books, 2011.

Psychology of virtual organization: main research problems

A. N. Zankovsky, A. L. Zhuravlev** (Moscow)*

* Doctor of psychological Sciences, head of the Laboratory of labor psychology, ergonomics, organizational and engineering psychology, Institute of Psychology of RAS

** Academic of the Russian Academy of Sciences, Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Psychology of RAS

The paper is devoted to the study of virtual organizations – new organizational model that evolved due to the development of informational and communicational technologies. The aim of the paper is to outline the specific characteristics of virtual organization, its differences from traditional organizational model, to outline the organizational and psychological problems that arise in virtual organizational environment

Keywords: organizational psychology, virtual organization, values, managerial functions, communication.

Проориентационная социализация как обновленная парадигма социально-психологической подготовки к трудовой деятельности

*Л. Н. Захарова**, *В. Ю. Власкин***, *О. М. Орлова****
(Нижний Новгород)

** доктор психологических наук, профессор, факультет социальных наук,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: zlnnpov@mail.ru*

*** аспирант, факультет социальных наук, Национальный
исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского; e-mail: wvy-mulino@mail.ru*

**** ассистент кафедры психологии управления, факультет социальных
наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: oom800@ya.ru*

Анализируется проблема психологической готовности потенциальных сотрудников предприятий к работе в условиях современного предприятия на примере военнослужащих срочной службы. Выявлено, что 90% военнослужащих связывают свою будущую профессиональную деятельность с гражданской сферой, но практически третья часть их не имеет конкретной профессиональной ориентации. Большая часть военнослужащих (80%) ценностно ориентирована на отсталые типы организационной культуры, основывающиеся на ценностях отношений и иерархии, в чем они близки с безработными гражданами. Показаны ограничения традиционной проориентации. Вводится и обосновывается понятие проориентационной социализации, цель которой состоит в раскрытии вариативности организационных условий современной России и в подготовке потенциального персонала к освоению социальных ролей сотрудников перспективных предприятий.

Ключевые слова: военнослужащие срочной службы, социальный лифт, профессия, современное предприятие, организационные условия, агенты социализации, проориентационная социализация.

Введение

Социализация личности относится к числу фундаментальных социально-психологических проблем, поскольку работа над ее решением позволяет раскрыть законы и механизмы трансляции культурного и социального опыта от общества к личности, его воспроизводства в каждом новом человеке, возможности социального управления этим процессом в интересах развития личности и общества. Социально-экономические преобразования обуславливают необходимость осмысления последствий трансляции накопленного опыта, который не всегда адекватен условиям новой реальности, что имеет место в условиях транзитивной экономики. Тиражирование прошлого опыта ведет к стагнации, кризисным явлениям в экономике и социальной сфере, попыткам возрождения прежних социальных институтов и моделей управления, влечет за собой новые виды социального неравенства, обусловленные недостаточной доступностью для значительных социальных групп нового, еще ограниченного, но перспективного опыта.

Результаты исследований

Примером результата не вполне адекватной трансляции социального опыта может служить социально-психологическая неготовность, молодых людей, временно пополняющих ряды вооруженных сил, к трудовой деятельности в гражданском секторе экономики, находящемся в стадии глубоких, неудачных, затянувшихся преобразований. В исследовании профессиональных намерений военнослужащих срочной службы (ВСС), проведенном за два месяца до демобилизации, выявлено, что значительная их часть (90%) связывает свою профессиональную жизнь с внеармейской средой, и только около 10% намерены посвятить себя армейской службе. Около трети не определились профессионально (Саралиева, 2016). Вместе с тем на высшем государственном уровне неоднократно подчеркивалась задача превращения службы в армии из повинности в привилегию и необходимости выполнения армией функции «социального лифта» (Путин, 2012). Однако в глазах потенциальных ВСС – часто это дети из небогатых сельских и рабочих семей – служба в армии не является позитивным условием дальнейшей успешной жизни, что указывает на далеко не полную реализуемость в армии социализационных задач.

Социализация человека предполагает освоение им необходимого и достаточного комплекса социальных ролей применительно к настоящему и будущему (Смелзер, 1998), т. е. речь идет не о прошлых,

а об актуальных и перспективных социальных ролях, в том числе профессиональных. Формирующаяся роль определяется не только информацией о содержании деятельности, но и готовностью, а также поведенческой компетентностью действовать в социальных и организационных условиях реализации роли. Например, 10% ВСС, желающих работать в гражданском секторе, связывают свою будущую профессиональную деятельность с предпринимательством. Но за этим понятием практически не стоит никакого конструктивного содержания. Обычно они называют свой профессиональный выбор «простой предприниматель», что указывает на отсутствие знаний молодых людей о содержании социальной роли предпринимателя.

Исследования показывают, что существует целый комплекс социально-психологических барьеров перехода российской экономики в рыночно-инновационный формат развития, в первую очередь, эти барьеры связаны с ценностями как предикторами поведения (Scott et al., 2009) и соответствующими им поведенческими моделями, характерными для дореформенного времени. В настоящее время организационные условия российских предприятий вариативны и принципиально различаются на успешных инновационных предприятиях и предприятиях с многолетними трудностями модернизации (Захарова, 2010).

В таблице представлены сравнительные данные об организационных ценностях как базисе организационных условий, представленных в организационной культуре предприятий, ВСС, мужчин-безработных и мужчин – сотрудников инновационных предприятий. Данные об организационных ценностях офицерского корпуса представлены как основа для понимания характера ценностных влияний на ВСС со стороны офицеров. Данные таблицы 1 показывают, что только пятая часть ВСС разделяет ценности, которые являются перспективными или в той или иной мере адекватными организационным условиям современных предприятий, развитие которых строится на рыночных и инновационных ценностях. Ценности остальных соответствуют дореформенному времени и близки ценностям безработных граждан с доминантой в организационных условиях иерархических и клановых ценностей (Захарова, 2010).

Молодые люди обычно хотели бы работать на успешных предприятиях, но по уровню организационных ценностей и моделей поведения могут быть востребованы только на отсталых. Безусловно, это относится в той или иной степени к потенциальному персоналу и другим категориям населения: выпускникам колледжей и вузов, безработным гражданам (Захарова, 2010).

Таблица 1

Оценка ВСС безработными мужчинами и мужчинами и женщинами – сотрудниками инновационных предприятий фактического и предпочтительного состояния организации организационной культуры (представленность компонентов ОК дана в %)

Респонденты	Типы ОК													
	Клановая			Адхоратическая			Деловая			Иерархическая				
	Ф	П	У	Ф	П	У	Ф	П	У	Ф	П	У		
Офицеры	14,79	28,06	*	14,99	19,04	–	32,76	23,62	*	37,70	28,79	*		
Военнослужащие ср. службы (ВСС)	25,42	35,74	*	16,57	20,33	*	25,26	21,30	*	32,80	22,64	*		
ВССвс	29,33	34,36	*	17,23	19,58	–	21,67	20,31	–	30,78	26,74	–		
ВССгр	25,02	35,12	*	15,21	20,95	*	26,21	22,21	–	33,62	21,75	–		
БМ	21,7	38,3	*	6,1	20,1	*	18,0	12,1	Т	54,2	30,5	*		
МСПП	18,1	20,6	–	30,3	32,0	–	40,9	36,6	–	10,7	10,8	–		
W Офицеры-ВСС	*	*	–	–	*	–	*	*	–	–	*	–		
W Офицеры – ВССвс	*	*	–	–	–	–	*	–	–	–	–	–		
W Офицеры – ВССгр	*	*	–	–	–	–	*	–	–	–	*	–		
W ВССвс-ВССгр	–	–	–	–	–	–	*	–	–	–	*	–		
W ВССгр – БМ	–	–	–	*	–	–	*	*	*	*	–	–		
W ВССгр – МСПП	–	*	–	**	*	–	**	*	*	*	*	*		

Примечание: Ф – фактическое, П – предпочтительное состояние ОК. Достоверность различий: VУ – по критерию Уайта; W – по критерию Вилкоксона; * – $p \leq 0,05$; – различия статистически не значимы. ВССвс – военнослужащие срочной службы, предполагающие в дальнейшем службу в вооруженных силах или силовых структурах; ВССгр – военнослужащие, предполагающие в дальнейшем работу на гражданских предприятиях; МСПП – мужчины, сотрудники переспективных предприятий; БМ – безработные мужчины.

Однако военнослужащие находятся в очень специфической ситуации. Над их социализацией трудятся офицерский корпус и войсковые психологи. Но эти социализационные процессы как в России, так и за рубежом касаются, в первую очередь, армейской адаптации (Агранат, 2010; Cobb et al., 2011; Dalenberg et al., 2013) и оставляют в стороне будущее ВСС в гражданском секторе. Еще больший драматизм придает ситуации тот факт, что ВСС, ориентированные на работу в гражданском секторе экономики, не испытывают доверия к традиционным агентам армейской социализации. Это вполне оправданно, поскольку офицерский корпус замкнут ценностно и поведенчески на иерархические модели организационных условий, и бывшие офицеры, пытающиеся устроиться на работу на гражданские предприятия, сами испытывают серьезные трудности, будучи психологически неадаптированными к современному рынку труда (Аверьянов, 2009). Даже войсковые психологи не вызывают чаще всего доверия. ВСС ориентированы на конструктивное взаимодействие с психологами-мужчинами средних лет, состоящими в браке и успешными в профессиональной деятельности (Власкин, Захарова, 2014). Но далеко не все войсковые психологи обладают такими характеристиками. Недоверие снижает эффективность социализационных влияний.

Вместе с тем условия армейского уклада имеют широкие возможности для поддержки процесса профессионального самоопределения молодого человека: моральная и физическая подготовка, развитие готовности к напряженной и продолжительной деятельности, формирование устойчивости к физическим и психологическим стрессам. Армия более успешно выполнила бы роль «социального лифта» для молодых людей, лишенных возможности приобщиться к содержанию тех преобразований, которые ведутся в стране и не случайно идут с большим трудом, если предложить армейским агентам социализации новую парадигму воспитательной работы, в частности, по профессиональной ориентации. Это парадигма профориентационной социализации, цель которой состоит в обеспечении ценностно-мотивационной и компетентностной готовности ВСС к трудовой деятельности на современном предприятии. Содержательно профориентационная социализация является этапом допрофессиональной и первичной профессиональной подготовки. На первом этапе обеспечивается выбор профессии в условиях максимальной информированности о современных профессиях в сочетании с выявлением психофизиологической, когнитивной и личностной предрасположенности к выполнению конкретной трудовой деятельности. Эта часть подготовки к настоящему времени

достаточно разработана и нуждается только в адаптации перечня востребованных на перспективу профессий.

Вторая часть подготовки является в полной мере социализационной. Ее задача – обеспечить ориентированность потенциального персонала к освоению социальной роли сотрудника современного предприятия (организации) во всей полноте психологического и компетентностного обеспечения. Основными результатами такой ориентации является ценностно-мотивационная готовность к работе в рыночно-инновационных организационных условиях современного предприятия с преобладанием поддерживающей модели организационного поведения менеджмента и командного характера трудового взаимодействия. Принципиальным моментом такой формы социализации является обеспечение у обучающихся широкой информационной основы, позволяющей им ориентироваться в многообразии сосуществующих организационных условий, имеющих свою специфику, зависящую от уровня развития предприятия и конкретного вида деятельности. Это позволит им свободно и осмысленно включаться в организационные условия разного типа и сохранять готовность реализовать себя, в частности в армейской деятельности, для которой характерны и оптимальны условия иерархически-кланового типа. Профориентационная социализация как новая парадигма подготовки потенциального персонала к трудовой деятельности предполагает не только выявление психологической предрасположенности к освоению того или иного класса профессий в виде наличия профессионально важных качеств (ПВК), но и обеспечение становления организационно важных качеств (ОВК). Эти качества позволят потенциальному персоналу адекватно встроиться в современный рынок труда, успешно трудоустроиться, реализовать карьерные амбиции. В настоящее время программа профориентационной социализации проходит апробацию в университетской школе как модуль метапредмета в воинской части ВС РФ Западного военного округа.

Заключение

Военнослужащие срочной службы в силу возрастных и социальных характеристик нуждаются в широкой социализационной поддержке, направленной на подготовку к успешной реализации многообразных социальных ролей, характерных для современного человека. Эта поддержка по своему содержанию шире воспитательной работы, предусмотренной нормативными документами, и эта задача требует специальной разработки содержания социализационной работы.

Военнослужащие срочной службы испытывают дефицит информации о современных гражданских профессиях и специфике организационных условий современных перспективных предприятий. Большая часть военнослужащих срочной службы имеют характеристики ценностно-мотивационной готовности к трудовой деятельности, сходные с характеристиками безработных граждан, что делает их неконкурентоспособными на современном рынке труда.

Представители офицерского корпуса, выполняющие воспитательные функции и воплощающие поведенческие модели для военнослужащих срочной службы, в силу специфики армейской деятельности могут способствовать формированию некоторых трудовых компетенций, но далеко не в полной мере способны обеспечить становление информационной и психологической готовности к будущей трудовой деятельности в гражданском секторе экономики. Целесообразно перестроить систему воспитательной работы в войсках, создав специальные модули, которые представляют собой профориентационную социализацию личности. Они должны включать не только ознакомление с современными профессиями, востребованными на рынке труда и психологически привлекательными для молодых людей, но и со спецификой организационных условий перспективных предприятий. Профориентационная социализация предполагает целенаправленную подготовку как офицерского корпуса, выполняющего воспитательные функции, так и войсковых психологов, социальных работников и педагогов, способных решить задачи ценностно-мотивационной психологической подготовки военнослужащих срочной службы с использованием методов поведенческого тренинга и принятия решений.

Общие характеристики неготовности потенциального персонала к работе в организационных условиях современных предприятий свидетельствуют о том, что профориентационная социализация актуальна не только для ВСС, но и для других категорий граждан. Комплексный подход к проблеме профориентационной социализации может существенно повысить качество персонала российских предприятий и снизить издержки на адаптацию персонала и корпоративное обучение.

Литература

Аверьянов И. А. Адаптация граждан, уволенных с военной службы: вопросы и противоречия // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 276–279.

- Агранат Д. Л.* Социализация личности в военизированных организациях: проблема нормы и отклонения: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2010.
- Власкин В. Ю., Захарова Л. Н.* Отношение военнослужащих к профессии войскового психолога // *Личность. Культура. Общество.* 2014. Т. 16. С. 213–222.
- Захарова Л. Н.* Психологические барьеры становления инновационной экономики в России // *Социальная психология труда. Теория и практика* / Под ред. А. Л. Журавлёва. Л. Г. Дикой. М., 2010. Т. 2. С. 313–330.
- Путин В. В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // *Российская газета.* 2012. 20. 02.
- Саралиева З. Х.-М., Захарова Л. Н., Власкин В. Ю.* Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы // *Известия УрФУ. Сер. 3. «Общественные науки».* 2016. № 1 (149). С. 41–51.
- Смелзер Н.* Социология. М., 1998.
- Cobb M. G., Sluss D. M., Muraca S. T.* Improving the Trainee Socialization Process in Basic Combat Training. United States Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences. Alexandria, Va. 2011.
- Dalenberg S., Op den Buijs T.* Military Socialization: Effects and Effective Leadership Behavior in Operations // *Moral Responsibility and Military Effectiveness* / Eds H. Amersfoort et al. T. M. C. Asser Press and Contributors, 2013. P. 97–116.
- Scott A., Herbst S. A., Houmanfar R.* Psychological Approaches to Values in Organizations and Organizational Behavior Management // *Journal of Organizational Behavior Management.* 2009. V. 29 (1). P. 47–68.

Vocational socialization as an updated paradigm of socio-psychological work preparation

*L. N. Zakharova**, *V. J. Vlaskin ***, *O. M. Orlova****
(*Nizhny Novgorod*)

* Doctor of psychological sciences, Professor at the Department of Social sciences, National research Lobachevsky State University

** Postgraduate, Faculty of Social sciences, National research Lobachevsky State University

*** Assistant, Faculty of Social sciences, National research Lobachevsky State University

The article deals with the problem of psychological readiness of potential employees for working in the modern enterprise using the example

of military conscripts. It is revealed that 90% of soldiers link their future professional activity with the civil sector, but almost one third of them do not have a specific professional orientation. Most of the military personnel (80%) are value-oriented to backward types of organizational culture based on values of relationships and hierarchies (like the unemployed citizens). The limitations of traditional career guidance are shown. The notion of vocational socialization is introduced and justified, which purpose is to disclose the variability of the organizational conditions of modern Russia and to train potential personnel for the social roles of employees of prospective enterprises.

Keywords: conscripts, social elevator, profession, modern enterprise, organizational conditions, agents of socialization, vocational socialization.

Типология конкурентного поведения в профессиональной деятельности

О. А. Ключева (Тверь)

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
труда и клинической психологии факультета психологии, Тверской
государственный университет; e-mail: klyueva.olga@mail.ru*

Деятельность человека (профессиональная, производственная) протекает в условиях явной или неявной конкуренции и оказывается более или менее продуктивной и созидательной. Как следствие, конкурентоспособность требует наличия высокой степени активности, гибкости, интеллектуальности и креативности в регуляции деятельности. Но расширение круга психологических исследований привело к необходимости изучения личности в контексте естественных социальных ситуаций, в которых она функционирует. Структурно-функциональный, факторный и корреляционный анализ позволяют расширить описание феноменологии конкурентоспособности личности и классифицировать стратегии конкурентного поведения.

Ключевые слова: субъект, деятельность, конкуренция, конкурентоспособность, конкурентное поведение, стратегии конкурентного поведения.

Постановка проблемы

В условиях глобализации особую актуальность приобретает деятельность государственных структур по обеспечению конкурентоспособности страны на мировом рынке как условия и источника повышения качества жизни.

Для управления комплексом компетенций, повышающих благосостояние страны, разработаны факторные модели оценки *объективных показателей* конкурентоспособности (Международный институт управления развитием, Лозанна; Всемирный экономический

форум, Давос) (Garelli, 2014; Schwab, 2013). Анализ современных исследований доказывает, что проблему конкурентоспособности необходимо решать не только на макро- и мезо-, но и на микроуровне (конкурентоспособность персонала) посредством оценки *субъективных показателей* (Фатхутдинов, 2009).

Несомненно, существенными личностными детерминантами конкурентоспособности являются когнитивные и мотивационные особенности (активность, мотив достижения, интеллект, креативность) (Журавлёв, Ушаков, 2009; Шмелев, 2014). В этом аспекте прогрессивной является концептуальная модель развития конкурентоспособной личности, разработанная Л. М. Митиной (2003). Автор рассматривает профессиональное развитие как конструктивный путь личности в профессии, где основным психологическим механизмом является превращение собственной жизнедеятельности в предмет практического преобразования. В качестве интегральных характеристик, являющихся объектом развития, выступают направленность, компетентность и гибкость.

В исследованиях данного направления конкурентоспособность личности рассматривается как комплекс индивидуально-психологических свойств личности, дающих ей возможность саморазвиваться в изменяющихся и нестандартных условиях жизнедеятельности, находить оптимальные, гуманистические способы достижения поставленной цели и быть востребованной и успешной как личностно, так и профессионально. Но, описание конкурентоспособности личности в зависимости от социально-психологических и индивидуально-типологических переменных носит изолированный, «аспектный» характер (Журавлёв, Ушаков, 2009).

Согласно нашему предположению, конкурентоспособность как системное качество личности представляет собой многомерную структуру, состоящую из различных уровней в зависимости от степени их обобщенности и актуализированности.

Структура конкурентоспособности включает в себя три иерархических уровня: интегральная оценка (индекс конкурентоспособности), базовые компоненты, единичные характеристики-индикаторы. Для эмпирического обоснования теоретической модели и разработки инструмента для измерения необходима операционализация базовых компонентов модели – создание исходного набора индикаторов. Источником отбора индикаторов выступили данные, полученные в ходе теоретического анализа, а также индикаторы, выявленные в специально проведенном исследовании конкуренции как критической ситуации в профессиональной деятельности.

Поведение является функцией непрерывного процесса взаимодействия личности и ситуации, где существенными ситуационными детерминантами выступают психологические значения ситуации. Операционализация и измерение конкурентоспособности личности без учета модели личностно-ситуационного взаимодействия, т. е. вне контекста конкурентной среды, конкуренции как социальной ситуации, в которой функционирует личность, приводит к редукции содержания, «фундаментальной ошибке атрибуции» (Бурлачук, Михайлова, 2002).

Конкурирующий субъект активно ставит перед собой цели, выработывает стратегические планы, а не просто реагирует на изменения во внешней среде. Так, например, самостоятельное исследовательское поведение субъекта является одной из стратегий противодействия «троянскому обучению», обеспечивая более высокий ресурс в условиях конкуренции участников образовательного процесса (Поддьяков, 2006). Анализ понятия «конкуренция» в контексте метакатегорий психологии – деятельности и общения – позволяет описать не только конкурентное поведение (поведение человека в ситуации соревнования или соперничества), но и конкурентную деятельность как специфический вид целенаправленной активности субъекта по отношению к объекту, удовлетворяющему его потребности, поэтому конкуренция, по мнению А. Г. Шмелева (Шмелев, 2014а, б), может быть отражена посредством схемы «субъект–объект–субъект», где каждый субъект стремится воздействовать на некий объект при наличии других субъектов, которые воздействуют на тот же самый объект.

Теоретическая модель: типы конкурентного поведения

Структурно-функциональный анализ конкуренции по ряду признаков (предметная направленность, репертуар действий, операций и сценариев поведения, ситуационный опыт, субъективная категоризация ситуации и т. п.) позволил нам расширить описание феноменологии конкурентоспособности личности посредством классификации типов конкурентного поведения (Klyueva, 2016). Выделены следующие типы конкурентного поведения:

Контрпродуктивный, нерациональный тип конкурентного поведения (кавказиконкурентоспособность) детерминирован осознанием субъектами полной несовместимости интересов относительно объекта конкуренции. Соответственно он проявляется в форме различных интриг-диверсий (актов вероломства), когда конкурент подвергается с помощью разнообразных способов деструкции/дис-

криминации/ катаклизмам/инвективам, различного рода инсинуациям, что не способствует повышению профессионализма, положительным изменениям, вызывает недоверие и имеет негативную оценку со стороны партнеров по конкурентному взаимодействию.

Конструктивно-рациональный, зависимый тип конкурентного поведения (социально-экономическая модель конкуренции), при котором взаимодействие участников протекает по определенным правилам с принятием определенных ролей, что способствует повышению профессионализма и качества деятельности в условиях стабильной конкурентной среды. Субъекты осознают неполную совместимость интересов в ситуации конкуренции, что выступает в качестве детерминанты выбора данной стратегии конкурентного поведения.

Конструктивно-рациональный, свободный тип конкурентного поведения (конкурентоспособный) ориентирован на преобразование или создание нового объекта с положительным экономическим эффектом как предмета конкуренции в результате развития деятельности по инициативе самого субъекта. При этом субъекты стремятся к обладанию одними и теми же объектами, эффективно ограничивая возможности друг друга и создавая динамичность конкурентной среды, хотя могут и не знать о наличии конкурентов и не взаимодействовать с ними.

В общем случае ситуация конкуренции не предполагает, что объект оспаривания (благо) невозможно поделить (Шмелев, 2014а, б).

На основании результатов однофакторного дисперсионного анализа Краскела–Уоллиса обоснована конкурентная конструктивная валидность, выделены и описаны конструкты для прогнозирования типа конкурентного поведения ($p=0,000$). Также получены статистически достоверные различия, где средние ранги в группе «конструктивно-рациональный, свободный тип» конкурентного поведения выше, чем в группах «контрпродуктивный, нерациональный» и «конструктивно-рациональный зависимый» типы конкурентного поведения» ($p<0,05$).

Статистическая проверка эмпирической пригодности предложенной типологии осуществлялась с помощью процедуры дискриминантного анализа, который позволяет оценить соответствие теоретической классификации критических инцидентов с классификации эмпирической. Возможно ли, используя данный набор поведенческих индикаторов (компетенций), отличить один класс от другого; насколько хорошо данные компетенции позволяют провести различение и какие из них наиболее информативны?

В целом теоретическое и эмпирическое «разделение» совпадает в 86,8% случаев. Максимальное соответствие теоретической типо-

логии эмпирическим данным было получено по типам «контрпродуктивный, нерациональный» и «конструктивно-рациональный, зависимый» типы конкурентного поведения – число совпадений 90% и 97,4% соответственно. По типу «конструктивно-рациональный, свободный» точность оказалась несколько ниже – 70%, но все же статистически достоверна. Были рассчитаны классификационные функции для каждого типа. В уравнение классификации для типа «конструктивно-рациональный, свободный» вошли все шкалы с положительным весом. Таким образом, типология конкурентного поведения эмпирически верифицирована, описан и обоснован набор индикаторов и их содержание.

Эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент, метод вращения – варимакс) позволил установить эмпирическую структуру каждого типа. Эмпирическая структура конструктивно-рационального, свободного типа включает три умеренно коррелирующих латентных фактора, каждый из которых характеризует отдельный компонент (шкалу). Факторное решение объясняет 60% вариаций признака. Структура контрпродуктивного, нерационального, зависимого типа также включает три умеренно коррелирующих латентных фактора, каждый из которых характеризует отдельный компонент (шкалу). Факторное решение объясняет 68% вариаций признака. Структурная валидность моделей эмпирически подтверждает многомерность феномена конкурентоспособности.

Учитывая необходимость измерения конкурентоспособности как интегрального показателя посредством системы шкал, объединяющих всю совокупность поведенческих индикаторов, мы создали список из 55 утверждений.

Эмпирическая проверка теоретической модели

Выборка исследования

Разработка и эмпирическая проверка модели проводилась на выборке в 212 человек, из них 98 мужчин и 104 женщины. Средний возраст участников составил 37,9 лет ($SD=6,43$). В выборку были включены топ-менеджеры, менеджеры среднего звена, менеджеры, г. Москвы, г. Твери и г. Брянска.

Процедура исследования

Опрос проводился в индивидуальной и групповой формах. Каждый пункт опросника оценивался с помощью шкал 5-балльной размер-

ности. Процедура опроса предполагала ознакомление с вопросом, с вариантами ответов, выбор того из них, который в большей мере соответствовал мнению респондента.

Для обоснования структурной валидности модели, а также конструирования системы измерительных шкал необходимо, чтобы все пункты были подвергнуты процедуре психометрической проверки. Эксплораторный факторный анализ и анализ согласованности пунктов позволил сократить количество вопросов до 46.

Для обоснования критериальной валидности были разработаны карты оценки компетенций, а также некоторых ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators, KPI). В экспертной оценке приняли участие руководители структурных подразделений организаций (N=20, 10 мужчин и 10 женщин).

Структурная валидность модели. Эксплораторный факторный анализ (с выделением факторов методом главных компонент и последующим косоугольным вращением) позволил установить эмпирическую структуру с десятью умеренно коррелирующими латентными факторами, каждый из которых характеризует отдельный компонент (шкалу). Факторное решение объясняет 84,554% вариаций признаков.

Первый фактор (Инновативность) характеризует способность адаптировать или создавать новые методы или продукты, прилагая чрезвычайные усилия для приобретения новых навыков и знаний, поддерживая широкую сеть профессиональных контактов. Второй фактор (Ассертивность) характеризует независимость от внешних влияний и оценок, эффективность и самостоятельность в регуляции поведения. Третий фактор (Инициатива) объединяет способность быстро и эффективно выполнять поставленные задачи, расширяя свои обязанности, предвосхищая различные изменения (политические, социально-экономические) и их исход. Четвертый фактор (Гибкость) характеризует способность гибко применять правила и процедуры, адаптируя тактики и стратегии в соответствии с ситуациями. Пятый фактор (Предприимчивость) в интегрированном виде представлен способностью ставить трудные цели, вкладывать значительные ресурсы, используя новую стратегию. Шестой фактор (Оценка предпринимательских рисков) характеризует способность к оценке предпринимательских рисков и принятию эффективного решения. Седьмой фактор (Конкурентность) отражает способность создавать собственную меру измерения результатов в соответствии со стандартами и эффективно достигать поставленной цели. Восьмой фактор (Ответственность) включает способность принимать ответственное решение, высокую мотивированность на достиже-

ние цели, несмотря на сложившиеся обстоятельства и негативные результаты, требовательность к себе и другим. Девятый фактор (Прогностичность) включает способность быстро принимать и эффективно реализовывать правильные решения, предвосхищая возникновение критических ситуаций и прогнозируя их исход. Десятый фактор (Требовательность к другим) включает способность устанавливать стандарты в одностороннем порядке в соответствии с приказами и собственными просьбами.

На основании экспертной оценки уровня компетенций и критериев KPI все участники опроса были разделены на контрастные группы. Сравнивая результаты ответов, мы получили статистически обоснованные различия по 46 пунктам.

Также необходимо отметить, что все факторы умеренно коррелируют между собой. Наличие среднего уровня корреляции между факторами указывает на то, что возможно уточнение и выделение суперфакторной модели, где десять факторов являются функциями более общей латентной конструкции.

Структурная валидность модели эмпирически подтверждает многомерность феномена конкурентоспособности, но требует дальнейшей проверки и уточнения с помощью конфирматорного анализа.

Литература

- Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 5–18.
- Журавлёв А. Л., Ушаков Д. В. Образование и конкурентоспособность нации: Психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. № 30 (1). С. 5–13.
- Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. М., 2003.
- Поддьяков А. Н. Психология конкуренции в обучении. М., 2006.
- Фатхутдинов Р. А. Глобальная конкурентоспособность. На стол современному руководителю. М.: РИА «Стандарты и Качество», 2009.
- Шмелев А. Г. Конкуренция как метакатегория современной психологии. Сообщение 1 // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2014а. Т. 7. № 3. С. 105–115.
- Шмелев А. Г. Конкуренция как метакатегория современной психологии. Сообщение 2 // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2014б. Т. 7. № 4. С. 197–108.
- Garelli S. The Fundamentals and History of Competitiveness. IMD World Competitiveness Yearbook. URL: <http://www.imd.org/uupload/imd.website/wcc/Fundamentals.pdf> (дата обращения: 23.07.2017).

Klyueva O. A. Competitiveness of personality as a psychological phenomenon: The content of the construct and its typology // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. V. 9 (2). P. 151–166.

Schwab K. The Global Competitiveness Report 2013–2014: Full Data Edition is published by the World Economic Forum within the framework of The Global Competitiveness and Benchmarking Network. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (дата обращения 23.04.2017)

The typology of competitive behavior in professional activity

O. A. Klueva (Tver)

Candidate of Psychological Science, Docent of the Chair of Psychology of labour and Clinical Psychology, Tver State University

Human activity (professional and production-related) occurs in explicit or implicit competition and proves to be more or less productive and creative. As a consequence, competitiveness requires high degree of energy, flexibility, intelligence and creativity in activity regulation. However, expanding the domain of psychological studies necessitated the study of personality in the context of natural social situations in which it has been functioning. The structural and functional, factor and correlation analysis enables to expand description of the personality competitiveness phenomenology and classify the competitive behaviour strategies.

Keywords: subject, activity, competition, competitiveness, competing behaviour, competitive behaviour strategies.

Модель психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний при вахтовой организации труда в условиях Арктики¹

*Я. А. Корнеева**, *Н. Н. Симонова***, *Т. О. Тюлюбаева**** (Архангельск)

** кандидат психологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой психологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: ya.korneeva@narfu.ru*

*** доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: n.simonova@narfu.ru*

**** ассистент кафедры психологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: tusya1991@bk.ru*

Статья посвящена обоснованию компонентов психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний в условиях Арктики и определению различий ее компонентов у специалистов пяти профессиональных групп (операторы по добыче нефти и газа, другие операторы, водители, инженерно-технические работники и специалисты по техническому обслуживанию).

Ключевые слова: психологическая безопасность, вахтовый труд, добыча нефти и газа, функциональные состояния, регуляторы труда, профессиональные группы, экстремальные условия.

Введение

Достижение высокого уровня промышленной безопасности на всех предприятиях топливно-энергетического комплекса, в том числе и на объектах нефтегазодобычи, – одна из приоритетных задач «Энергетической стратегии России на период до 2020 года» (Морозов

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, кандидатов наук (МК-7500.2016.6).

и др., 2013). Безопасность в промышленной деятельности, в первую очередь, зависит от самого работника и не только от его отношения к соблюдению охраны труда, но также и от особенностей личности и эффективности его психологической саморегуляции. Личностный фактор в аварийности определяется как совокупность всех психических и физических свойств личности, которые могут быть связаны с происшествием (Котик, 1990; Котик, Емельянов, 1993). В связи с этим изучение безопасности производственной деятельности предполагает учет не только особенностей организации и условий труда, но и психологической безопасности работника как важного ресурса недопущения ошибок и аварийных ситуаций.

М. А. Котик и А. М. Емельянов отмечают, что психологическая безопасность как профессиональная характеристика зависит от устойчивых индивидуальных качеств человека и его текущего состояния, от отношения к выполняемой деятельности и ее безопасности, а также от профессионально важных качеств, знаний, умений и навыков (Котик, Емельянов, 1993).

При этом психологическая безопасность имеет такие функции, как формирование и развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня нервно-психической и энергетической экономии, оптимизация резервных возможностей человека в деятельности, нейтрализация воздействий экстремальных факторов, стабилизация мотивационно-потребностных механизмов, упорядочивание социальных контактов, психофизиологическое регулирование (Шлыкова, 2006). В связи с этим изучение психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний при вахтовой организации труда в условиях Арктики является актуальным, так как позволяет снизить неблагоприятное воздействие экстремальных климатогеографических, производственных и социально-бытовых факторов на персонал.

Для разработки более адресного психологического сопровождения персонала нефтегазодобывающих компаний необходимо изучение особенностей психологической безопасности работников различных профессиональных групп, что, в свою очередь, предполагает рассмотрение и учет специфики условий и организации их труда.

Организация и методический инструментарий исследования

Цель исследования состоит в обосновании модели и определении компонентов психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний различных профессиональных групп при вахтовой организации труда в условиях Арктики.

Теоретическое обоснование модели психологической безопасности

Под психологической безопасностью мы понимаем психическое состояние подконтрольности субъекту комплекса внешних и внутренних факторов эргатической системы, обеспечивающее актуализацию внутренних ресурсов личности для достижения эффективности профессиональной деятельности на психофизиологическом и психологическом уровнях. В таком понимании психологическая защищенность выступает как критерий психологической безопасности.

Опираясь на основные положения концепций А. Б. Леоновой, В. И. Медведева (Леонова, 1984), Е. А. Климова (Климов, 2004), мы разработали теоретическую модель психологической безопасности, которая включает в себя пять основных компонентов: функциональные состояния на психофизиологическом и психологическом уровнях; «образ объекта», «образ субъекта» и «образ субъектно-субъектных и субъектно-объектных» отношений, опосредующих структуру психической регуляции (Тюлюбаева, Корнеева, Симонова, 2016).

Полученные эмпирические данные позволили обосновать компоненты психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний при вахтовой организации труда в условиях Арктики и дать их качественную характеристику (рисунок 1).

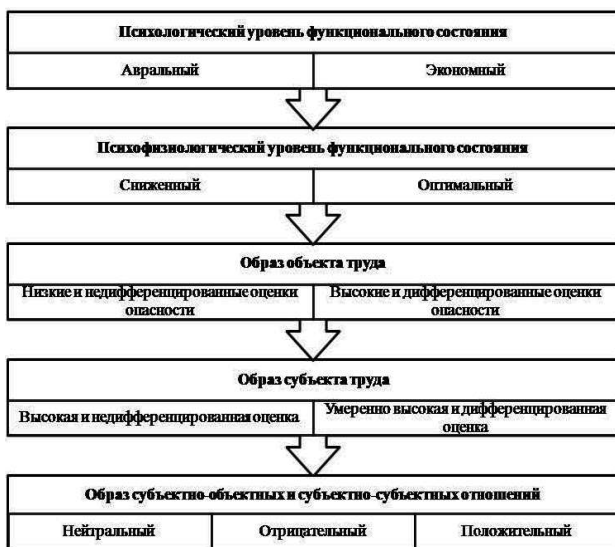

Рис. 1. Компоненты психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний, выявленные в результате эмпирического исследования

Выборка исследования

Для достижения поставленной цели проведено исследование на нефтегазодобывающем производстве с вахтовой организацией труда на территории Ненецкого автономного округа (длительность вахтового заезда – 30 дней). В исследовании приняли участие 70 работников в возрасте от 24 до 60 лет (средний возраст – $38,7 \pm 1,3$). Стаж работы вахтовым методом обследованных варьируется от 0,5 года до 31 года ($9,53 \pm 1,2$).

Методический инструментарий исследования

В ходе исследования проводилось изучение документации, осуществлялось наблюдение за рабочим процессом.

Использовалась следующая совокупность методик:

- 1) авторская анкета, направленная на получение информации о биографических данных работников и особенностях их трудовой деятельности;
- 2) методика «Сложная зрительно-моторная реакция» (СЗРМ) с использованием устройства психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог»;
- 3) методика вариационной кардиоинтервалометрии (ВКМ) с использованием устройства психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог», направленная на исследование функционального состояния и адаптационных возможностей сердечно-сосудистой системы;
- 4) методика измерения активациометрии полушарий головного мозга с помощью аппаратно-программного комплекса «Активациометр» для фиксации показателей активации каждого полушария отдельно, функциональной асимметрии полушарий, а также глазамера правого и левого глаза;
- 5) опросник «Самочувствие. Активность. Настроение», разработанный В. А. Доскиным, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шараем и М. П. Мирошниковым (см.: Карелин, 2007), позволяющий проводить оценку самочувствия, активности и настроения;
- 6) тест цветовых предпочтений М. Люшера в адаптации Л. Н. Собчик (2001), направленный на выявление эмоционально-характерологического базиса личности и ее актуального состояния;
- 7) экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в трудовом коллективе О. С. Михалюка и А. Ю. Шалыто (Дмитриев, 2010), позволяющая выявить эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты взаимодействия в коллективе.

Статистические методы анализа: описательные статистики; таблицы сопряженности с расчетом критерия χ^2 Пирсона. Статистическая обработка данных производилась с применением статистического пакета IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Анализ профессиональной деятельности работников вахтовым режимом труда показал, что профессии, востребованные на нефтегазодобывающем производстве, имеют значительные различия в задачах, условиях и средствах труда. На основе изучения документации, литературы и наблюдений за рабочим процессом проведен анализ всех профессий специалистов, принявших участие в исследовании, позволивший разделить их на пять групп: операторы по добыче нефти и газа; другие операторы; водители; инженерно-технические работники; специалисты по техническому обслуживанию.

В связи с тем, что для выявления пяти компонентов психологической безопасности работников нами применялись двухэтапные кластерные анализы, по результатам которых определялась принадлежность каждого обследованного специалиста к конкретному полюсу компонентов модели (см. рисунок 1), для выявления различий по данным критериям применялись таблицы сопряженности (χ^2 Пирсона).

Оказалось, что преобладающее количество операторов по добыче нефти и газа принадлежит к группе, характеризующейся по психологическим параметрам функциональных состояний авральной адаптационной стратегией и более высокими показателями психофизиологических параметров функционального состояния ($X^2=11,349$ при $p=0,045$). Они более высоко и дифференцированно оценивают воздействие неблагоприятных факторов и опасность ситуаций, возникающих во время вахты, обладают адекватной самооценкой своих профессиональных умений и навыков и в основном нейтрально относятся к характеру отношений в коллективе.

Следует отметить, что наибольшее количество работников, применяющих авральную адаптивную стратегию, наблюдается именно в группе операторов по добыче нефти и газа ($X^2=21,760$ при $p=0,001$). Это может быть связано со спецификой выполняемых ими профессиональных задач, поскольку их работа сопряжена с длительными физическими нагрузками на открытом воздухе, осуществляется в значительной удаленности от производственного промысла. Оператор обязан регулировать работу оборудования, а в случае воз-

никновения технических проблем – устранять их в соответствии с заданным режимом, что требует мобилизации функциональных состояний, интенсивного вхождения в рабочий процесс, ориентации в основном на собственные силы; это приводит в итоге к более длительному восстановлению сил.

Для операторов котельной и очистных сооружений, относящихся ко второй группе, характерно использование экономной адаптивной стратегии, ориентированной на сбережение ресурсов. Фактором риска выступают преимущественно низкие психофизиологические показатели операторской работоспособности, нестабильность зрительно-моторной реакции. Так как выполнение профессиональных задач специалистов данной группы заключается в использовании автоматизированного оборудования, это предполагает наличие высокого и стабильного уровня скорости реакции, остроты зрения, безошибочности действий в ситуации, требующей принятия решения в ограниченный промежуток времени. По остальным параметрам компонентов психологической безопасности операторы котельной и очистных сооружений в основном относятся к группе с более высокими и дифференцированными субъективными оценками неблагоприятных факторов и опасных ситуаций, нейтрально-положительно отношением к социально-психологическому климату коллектива.

Группа водителей состоит в основном из работников с низкими показателями психофизиологических параметров функционального состояния. Как и специалисты других групп профессий, они в основном дают высокую и дифференцированную оценку воздействия неблагоприятных факторов и опасных ситуаций. При этом в этой группе представлен наибольший процент респондентов, демонстрирующих отрицательное отношение к взаимоотношениям в коллективе ($\chi^2=19,227$ при $p=0,037$). Постоянные психоэмоциональные перегрузки, связанные с необходимостью выезжать в достаточно удаленные места от промысла и выполнять свои профессиональные задачи в любых погодных условиях, отсутствие в определенных случаях четкого инструктажа или поставленной цели могут способствовать возникновению трудностей в установлении контактов и организации взаимодействия водителей с другими работниками нефтегазодобывающего производства.

Инженерно-технические работники относятся к группе с наименьшими факторами риска, поскольку обладают направленностью на сбережение внутренних сил и ресурсов, что может свидетельствовать о выборе экономной адаптивной стратегии. Данные специалисты в основном дают дифференцированную и более вы-

сокую оценку неблагоприятным влияниям производственных, социально-бытовых, климатогеографических факторов и опасных ситуаций. Для них характерна адекватная самооценка профессиональных умений и навыков; они нейтрально относятся к социально-психологическому климату в коллективе.

Полученные результаты могут быть связаны с условиями труда инженерно-технических работников. Несмотря на высокий уровень ответственности за организацию непрерывного производственного процесса, с чем связаны частые нервно-психические перегрузки специалистов инженерно-технического профиля, в основном их профессиональная деятельность проходит в комфортной обстановке вне воздействия интенсивных негативных производственных факторов, при возможности обратиться к коллегам за помощью, что оказывает положительное влияние на их психоэмоциональное и психофизическое состояние.

Специалисты технического обслуживания распределились по изучаемым параметрам в группы кластеров, идентичных в своей совокупности с группой инженерно-технических работников.

Заключение

1. Компоненты психологической безопасности в зависимости от принадлежности к профессиональной группе имеют следующие различия. Психологический уровень функционального состояния, выражающийся в экономной адаптивной стратегии, наблюдается преимущественно у операторов очистных сооружений и котельной, инженерно-технических работников и специалистов технического обслуживания. Авральная стратегия характерна в основном для операторов нефти и газа. Низкие показатели психофизиологического уровня функциональных состояний отмечены у представителей групп водителей и операторов очистных сооружений и котельной. Более высокие показатели по данному компоненту психологической безопасности выявлены у инженерно-технических работников, операторов по добыче нефти и газа, а также у специалистов технического обслуживания.
2. Среди компонентов психологической безопасности, которые относятся к структуре психической регуляции, не выявлены сильные различия в зависимости от принадлежности работников к той или иной профессиональной группе. Во всех профессиональных группах преобладают высокие и дифференцированные оценки воздействия неблагоприятных факторов и возможных

опасных ситуаций во время вахты и умеренно высокие самооценки личного профессионализма. Однако по компоненту образа субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений преимущественно отрицательная оценка социально-психологического климата выявлена только у водителей; в остальных группах специалистов преобладает нейтральное или положительное отношение.

Литература

- Дмитриев М. Г., Белов В. Г., Парфенов Ю. А.* Психологическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб., 2010.
- Карелин А. А.* Большая энциклопедия психологических тестов. М., 2007.
- Климов Е. А.* Введение в психологию труда. М., 2004.
- Котик М. А.* Психология безопасности деятельности: от первых публикаций в Дерпте до современных исследований в Тартусском университете // Познание и регуляция деятельности: исторические, онтогенетические и прикладные проблемы: Ученые записки Тартусского ун-та. Вып. 894. 1990. С. 78.
- Котик М. А., Емельянов А. М.* Природа ошибок человека-оператора: на примере управления транспортными средствами, М., 1993.
- Леонова А. Б.* Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984.
- Морозов И. С., Кривецкий И. М., Волохина А. Т., Глебова Е. В.* Анализ особенностей профессиональной деятельности персонала ООО «Газпром добыча Надым», влияющих на безопасность производственного процесса // Труды российского гос. ун-та нефти и газа им. И. М. Губкина. 2013. № 4 (273). С. 132–142.
- Собчик Л. Н.* Метод цветowych выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. Практическое руководство. СПб., 2001.
- Тюлюбаева Т. О., Корнеева Я. А., Симонова Н. Н.* Модель психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний при вахтовой организации труда в условиях Арктики // Психология и психотехника. 2016. № 5 (92). С. 457–467.
- Шлыкова Н. Л.* Формирование нового направления в психологии – психологическая безопасность субъектов профессиональной деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2006. № 3. С. 6–8.

The model of psychological safety of the employees of oil and gas companies in rotational labor organization in Arctic conditions

*Y. A. Korneeva**, *N. N. Simonova***, *T. O. Tulubaeva**** (Arkhangelsk)

* Candidate of Psychological Science, Docent, Associate Professor of the department of Psychology of The Northern Arctic Lomonosov Federal University

** Doctor of Psychological Science, Professor, Professor of the department of Psychology of The Northern Arctic Lomonosov Federal University

*** Assistant of the department of Psychology of The Northern Arctic Lomonosov Federal University

This article examines the components of psychological safety of the employees of oil and gas companies in the Arctic. The differences of the components of psychological safety from the experts of the five occupational groups (operators of oil and gas, other operators, drivers, engineering staff and service technicians) are determined.

Key words: psychological safety, shift work, oil and gas extraction, functional status, regulators, labor, professional groups, extreme conditions.

Мотивационный потенциал персонала в период подготовки предприятия к выводу из эксплуатации

Л. Н. Котлярова (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»;
e-mail: lnkot-konf@yandex.ru*

В статье приводятся результаты изучения мотивационного потенциала персонала высокотехнологичного промышленного предприятия в период вывода из эксплуатации в связи выработанностью технологического ресурса.

Ключевые слова: мотивационный потенциал, тип, персонал.

Введение

Промышленные предприятия, выработав свой технологический ресурс, выводятся из эксплуатации. Перед менеджментом выдвигаются задачи по обеспечению эффективной деятельности предприятия на завершающем этапе и сохранению ресурсов для отрасли, включающих в себя технологические, финансовые и организационные составляющие и трудовой потенциал работников (Горемыкин, 2014). Важными компонентами трудового потенциала являются квалификационные и личностные компетенции сотрудников. В свою очередь, в структуре личностных компетенций ведущими являются мотивационные, интеллектуальные, коммуникативные, морально-нравственные и психофизиологические качества (Карпов, 2012; Максимцев, 2014). Знания о личностном потенциале работников могут использоваться для оптимизации процессов ротации, подбора и формирования резерва кадров.

Организация и методики эмпирического исследования

Цель настоящего исследования – изучение мотивационного потенциала персонала в период подготовки предприятия к выводу из эксплуатации.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение следующих *задач*. Первая – определение мотивационной готовности персонала к продолжению деятельности на этапе ликвидации предприятия, переводу в другие структурные подразделения отрасли. Вторая задача состояла в определении особенностей мотивационного потенциала персонала в группах, выделенных по критерию мотивационной готовности к продолжению деятельности.

Процедура, этапы и методики исследования

Результаты изучения мотивационного потенциала, представленные в настоящей статье, являются частью более масштабного исследования, проведенного в период с 2014 г. по 2016 г. и включающего в себя ряд этапов.

На первом этапе проведен опрос сотрудников, направленный на определение мотивационной готовности к продолжению деятельности. В опросе участвовало 87% сотрудников от общей штатной численности, представляющих все структурные подразделения предприятия. Результаты описаны в ранее опубликованной работе (Сысоева, Котлярова, 2017). Выделено три группы: 1) желающие заключить трудовой контракт на продолжение деятельности; 2) не определившиеся с выбором; 3) не планирующие продолжать работу на предприятиях отрасли.

На втором этапе исследования решалась задача, связанная с определением особенностей мотивационного потенциала сотрудников, для чего была сформирована выборка, в которую вошли 270 человек из основной группы. При формировании данной выборки применялись принципы рандомизации и равномерной представленности различных категорий сотрудников из всех основных отделов предприятия (Наследов, 2004).

Для выявления мотивационной готовности персонала к продолжению деятельности составлен опросник, включающий 63 вопроса. Для выявления мотивационного потенциала использовалась методика В. Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» (Мильман, 2005). Мотивационные шкалы, в соответствии с концепцией автора, отражают основные направленности личности – потребительскую и производительную. Мотивационная картина личности отражается в личностно-мотивационном профиле,

представляющем в количественном или графическом виде соотношение разных мотивационных шкал, зафиксированных психодиагностически. Характер мотивационного профиля личности поддается типологизации. Поэтому после определения особенностей мотивационной структуры каждого работника определялась принадлежность мотивационного профиля к одному из девяти типов: прогрессивный (Пр), регрессивный (Рег), экспрессивный (Эк), импульсивный (Им), уплощенный (Уп) или смешанный – прогрессивно-экспрессивный (Пр-Эк), прогрессивно-импульсивный (Пр-Им), регрессивно-импульсивный (Рег-Им) и регрессивно-экспрессивный (Рег-Эк). Встречаются рисунки мотивационного профиля, не укладывающиеся в один конкретный тип, а принадлежащие по своим критериям одновременно к двум типам. В этих случаях возникают смешанные мотивационные профили: прогрессивно-экспрессивный, прогрессивно-импульсивный, регрессивно-экспрессивный, регрессивно-импульсивный.

Полученные в исследовании данные были подвергнуты математико-статистической обработке с использованием пакета SPSS 17.0, применялись факторный анализ и выявление различий. При сборе данных применялся комплексный подход как в традиционной форме, так и в форме интернет-технологии (опрос с помощью бланковых анкет, индивидуального тестирования, Psychometric Expert 6, Survey Monkey).

Результаты исследования

Рассмотрим результаты опроса персонала о готовности к продолжению деятельности. Опрос показал, что 82% (группа 1) работников выражают готовность к продолжению работы на предприятиях отрасли. Из них 43% (подгруппа А) предпочитают продолжение деятельности на предприятии в период его закрытия, несмотря на возможные изменения в условиях труда, снижающие их комфортность (предполагается введение вахтового режима работы, проживание в рабочем поселке, отдаленном от социальных инфраструктур и др.). 22% (подгруппа В) из числа опрошенных данной группы отметили, что их устраивают любые варианты трудоустройства в отрасли. 35% (подгруппа С) респондентов продемонстрировали готовность к продолжению деятельности на предприятиях отрасли, расположенных только в регионах с благоприятным климатом и развитой социальной инфраструктурой.

В таблице 1 представлено распределение типов (в процентном выражении) мотивационных профилей в каждой из групп, выде-

Таблица 1

Распределение типов мотивационного профиля в группе с установкой на продолжение деятельности на станции в период ее вывода из эксплуатации

Тип мотивационного профиля	Пр	Рег	Эк	Им	Уп	Пр-Эк	Пр-Им	Рег-Им	Рег-Эк
Подгруппа «А» (%)	30,5	12,6	14,7	6,2	1,2	14,7	4,2	7,4	8,5
Подгруппа «В» (%)	45,0	8,1	14,2	6,2	0	14,2	4,1	4,1	4,1
Подгруппа «С» (%)	15,6	24,7	15,6	5,2	2,5	9,1	5,2	7,8	14,3

ленных по критерию мотивационной установки на продолжение деятельности.

Из представленных данных видно, что в подгруппе «А» выражено преобладание трех типов мотивационных профилей: прогрессивно-го, экспрессивного и прогрессивно-экспрессивного. В соответствии с концепцией В. Мильмана, данные типы мотивационных профилей отражают производительную мотивационную направленность личности, стремление к достижениям, развитию.

В подгруппе «В» отчетливо прослеживается тенденция к доминированию одного типа мотивационного профиля – прогрессивного. Прогрессивный тип мотивационного профиля положительно коррелирует «с успешностью рабочей... активности. Чаще других этот тип мотивационного профиля встречается у людей творчески активных... Одновременно, этот тип характерен и для личности с социально направленной позицией, что включается в представление о созидательной, производительной направленности личности (Мильман, 2005, с. 42).

В подгруппе «С» представлены преимущественно два типа мотивационных профилей: регрессивный и регрессивно-экспрессивный, что соотносится с выраженностью потребительских мотивов, постоянного повышения уровню притязаний.

Во вторую группу (10%) включены респонденты, указавшие в своих ответах на то, что на момент опроса они еще не определились, будут ли заключать контракт на продолжение деятельности в отрасли или примут решение об увольнении и дальнейшем самостоятельном трудоустройстве. В данной подгруппе выявлено следующее распределение типов мотивационных профилей: прогрессивный – 9,1%, регрессивный – 27,3%, экспрессивный – 9,1%, импульсивный – 13,7%, уплощенный – 4,5%, прогрессивно-экспрессивный – 4,5%, прогрессивно-импульсивный – 9,1%, регрессивно-импульсивный –

22,7% и регрессивно-экспрессивный – 0%. Отчетливо прослеживается тенденция к преобладанию регрессивного и регрессивно-импульсивного типов. Регрессивный тип, как уже отмечалось выше, характеризуется выраженной направленностью потребительских мотивов. Для импульсивного типа характерна корреляция с «импульсивным» типом акцентуации характера личности (Гройсман, 1995).

Третья подгруппа (составила 8% от количества опрошенных) образована из сотрудников, указавших при опросе на то, что они не планируют продолжать работать на предприятиях отрасли, у них есть план своего дальнейшего трудоустройства. В данной подгруппе выявлено следующее распределение типов мотивационных профилей: прогрессивный – 5,6%, регрессивный – 11,1%, экспрессивный – 5,6%, импульсивный – 11,1%, уплощенный – 0%, прогрессивно-экспрессивный – 5,6%, прогрессивно-импульсивный – 27,7%, регрессивно-импульсивный – 27,7% и регрессивно-экспрессивный – 5,6%. Соответственно, можно сделать вывод о доминировании прогрессивно-импульсивного и регрессивно-импульсивного типов.

Обобщая данные, полученные в процессе исследования, следует отметить, что персонал предприятия, готовящегося к выводу из эксплуатации, продемонстрировал высокую мотивационную готовность по отношению к продолжению деятельности на предприятиях отрасли. При этом почти половина из числа опрошенных работников выразили готовность к продолжению деятельности на ликвидирующемся предприятии, несмотря на возможные изменения в условиях труда, снижающие комфортность жизнеобеспечения персонала (вахтовый режим, отдаленность от социальных инфраструктур и пр.). Анализ мотивационного потенциала у персонала показал, что в данной группе доминирует производительная мотивационная направленность, стремление к достижениям, развитию, высокая вовлеченность в деятельность.

Численность сотрудников, проявивших высокую профессиональную мобильность (готовность к переводу на любые предприятия отрасли), составила 22%. Следует также подчеркнуть, что состав данной группы образовали специалисты высших уровней квалификации и руководители линейных уровней. В данной группе доминирует один тип мотивационного профиля – прогрессивный, отличительной особенностью которого является направленность личности на развитие деятельности по собственной инициативе, а также высокий уровень социальной и личностной зрелости.

Третья часть от числа опрошенных респондентов (35%) продемонстрировали готовность к продолжению деятельности на предприятиях отрасли, расположенных в регионах с благоприятным кли-

матом и развитой социальной инфраструктурой. В данной группе прослеживается тенденция к преобладанию регрессивного и регрессивно-экспрессивного типов мотивационных профилей, что соотносится с выраженностью потребительских мотивов, постоянного повышения уровню притязаний.

Данные об особенностях мотивационного потенциала персонала использовались для дальнейшего более детального изучения потребностей специалистов в профессиональном развитии, разработки программ обучения и профессионального роста, а также ротации кадров, оценки индивидуальных достижений работников.

Выявленные в исследовании закономерности могут использоваться при разработке технологий работы с персоналом, отвечающих требованиям деятельности предприятия в период вывода из эксплуатации.

Литература

Горемыкин В. А. Планирование на предприятии. М., 2014.

Гройсман А. Л. Медицинская психология: Лекции для врачей слушателей курсов последипломного образования. М., 1995.

Карпов А. В. Организационная психология. М., 2012.

Максимцев И. А. Управление человеческими ресурсами. М., 2015.

Мильман В. Э. Мотивация творчества и роста: Структура. Диагностика. Развитие. М., 2005.

Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб., 2004.

Сысоева Е. А., Котлярова Л. Н. Мотивационная готовность персонала высокотехнологичного промышленного предприятия к продолжению деятельности в период вывода его из эксплуатации // Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом. Новосибирск, 2017. С. 129–132.

Personnel motives for fulfilling working activities in the period of industrial plant shutdown

L. N. Kotlyarova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Docent, National Research Nuclear University (NRNU "MEPhI"), The department of HR management

The article presents the results of studying the motivational potential of the personnel of a high-tech industrial enterprise during the decommissioning period in connection with the depletion of the technological resource.

Key words: motivational potential, motivational profile type, personnel.

Организационный контекст анализа феномена «вовлеченность в работу» у представителей современных видов труда¹

А. Б. Леонова, Н. А. Будилина** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
e-mail: ableonova@gmail.com*

*** выпускница факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

Возрастающий интерес к проблеме вовлеченности в работу сотрудников организаций и ее влияния на эффективность совместной деятельности требует разработки системного подхода к изучению этого сложного психологического феномена. Иерархическая модель анализа организационных взаимодействий на разных уровнях деятельности персонала может служить адекватной методологической базой для проведения исследований в этой области. Представленные результаты проведенного эмпирического исследования позволили выделить комплексы достоверных предикторов формирования основных структурных компонентов вовлеченности в работу (энергичности, преданности и погруженности в работу) на каждом из трех основных уровней функционирования сотрудников организаций: «исполнитель–работа», «специалист–рабочая группа», «служащий–персонал организации». Полученные данные позволяют обосновать структурную модель анализа степени выраженности и качественных проявлений вовлеченности в работу у различных категорий сотрудников современных организаций разного типа и профиля.

Ключевые слова: вовлеченность в работу, энергичность, преданность, погруженность в работу, иерархия организационных взаимодействий.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00994.

Постановка проблемы

Современный мир труда предъявляет высокие требования к профессиональной компетентности и включенности в работу сотрудников организаций, несущих, как правило, личную ответственность за результаты своей деятельности и качество выполнения рабочих заданий (Бодров, 2010; Организационная психология, 2013). Именно этим определяется то, что в последние десятилетия одним из доминирующих направлений исследований в области психологии труда и организационной психологии стало изучение различных видов профессионально-обусловленных личностных деформаций, негативно влияющих на эффективность деятельности, личностное благополучие и здоровье разных категорий специалистов (Выгорание и профессионализация, 2013). К наиболее типичным из них относятся общеизвестный синдром выгорания, доминирование типов А, В и Д поведения, трудоголизм, прокрастинация и др. (Водопьянова, Старченкова, 2008; Schmitt et al., 2015). Вместе с тем в настоящее время все большее внимание в прикладной психологии начинает уделяться изучению конструктивных форм устойчивой индивидуально-личностной адаптации сотрудников к напряженным условиям деятельности. Прежде всего к их числу следует отнести феномен «вовлеченности в работу», который, хотя и имеет по отдельным чисто внешним признакам сходство с проявлениями трудоголизма, но по своей содержательной трактовке и внутренней структуре проявлений принципиально отличается от него (Мандрикова, 2012; Schaufeli, 2013).

Понятие «вовлеченность в работу» как объект специальных психологических исследований стало использоваться в науке сравнительно недавно. Этот термин стал использоваться в начале 1990-х годов в работах американского специалиста в области менеджмента и организационного поведения В. А. Кана. Он интерпретировал значение этого понятия как направленное вовлечение сотрудников организаций в процесс реализации своих трудовых ролей, что обеспечивает возможность их полноценного физического, эмоционального и когнитивного самовыражения (Shmidt et al., 2015). Пристальный интерес к разработке психологических аспектов этой проблематики сформировался к середине 2000-х годов (Бодров, 2010; Психология менеджмента, 2010; и др.). При этом исследования в области прикладной психологии велись по двум взаимосвязанным направлениям:

- 1) создания адекватного методического инструментария для дифференциальной диагностики проявлений «вовлеченности в работу» и противоположных ему по типу негативных личностных деформаций (прежде всего, синдрома выгорания и трудоголизма);

- 2) выявления содержательной характеристики данного конструкта как комплексного феномена, который отражает стойкое позитивное отношение сотрудника к работе, приносящее ему удовлетворение, и который связан с формированием устойчивых мотивационно-личностных установок продуктивного типа (Мандрикова, 2012; Schaufeli, 2013).

На основе обобщения данных этих концептуально-эмпирических разработок был обоснован тезис о том, что вовлеченность в работу следует рассматривать в качестве одного из главных критериев при оценке степени психоэмоционального благополучия человека в труде, в котором отражается уровень сбалансированности внутренней и внешней трудовой мотивации (Schmitt et al., 2015). Кроме того, В. Шауфели разработал операциональную схему для анализа компонентного состава и расчета основных показателей вовлеченности в работу, которые были обозначены как: а) «энергичность», б) «преданность» и в) «погруженность в работу» (Schaufely, 2013). На этой основе им был разработан психодиагностический тест, который широко используется в практической работе организационных психологов в разных странах (Психология менеджмента, 2010; Schmitt et al., 2015).

Следует подчеркнуть, что описанная структура основных показателей вовлеченности в работу позволяет дать полноценную качественную и количественную характеристику данного профессионально-важного личностного качества сотрудников организаций, что определяет возможность проведения системного анализа факторов развития и целостного синдрома проявлений этого феномена. Адекватным методологическим аппаратом для проведения таких разработок может служить иерархическая модель анализа организационных взаимодействий, позволяющая реконструировать структуру взаимосвязей в целостной системе обеспечения деятельности персонала в конкретных производственных условиях (Организационная психология, 2013; Roe, 2002). В рамках этой модели выделяются три уровня функционирования человека в зависимости от ракурса рассмотрения его позиции в структуре организации:

- *отдельный исполнитель, или работник*, непосредственно включенный в процесс выполнения трудовых заданий на конкретном рабочем месте;
- *специалист как член рабочей группы*, входящий в состав структурного подразделения организации;
- *служащий*, являющийся членом организационного сообщества, или персонала организации.

Важно отметить, что использование этой модели не ограничивается анализом объективных особенностей содержания труда, процессуальных и технических средств обеспечения деятельности, формального распределения властных полномочий и описания нормативных правил работы персонала, как это обычно делается при проведении традиционных профессиографических и социально-демографических исследований. Напротив, в рамках применения иерархической модели анализа организационных взаимодействий основное внимание уделяется оценке требований, предъявляемых к человеческим ресурсам и психологическим механизмам регуляции деятельности, которые актуализируются на разных уровнях функционирования сотрудника как «исполнителя», «члена рабочей группы» и «служащего организации» (Леонова, 2016; Roe, 2002).

При изучении феномена вовлеченности в работу центральное место занимают такие психологические характеристики сотрудников, как эмоционально-оценочные компоненты рефлексивных действий, различные формы доминирующей трудовой мотивации, стилевые особенности поведения и общения, жизненные приоритеты и морально-ценностные ориентации, которые обеспечивают ту или иную степень успешности индивидуальной адаптации к напряженным условиям деятельности у разных контингентов работающих лиц (Бодров, 2010; Выгорание и профессионализация, 2013; Schmitt et al., 2015). Выявление закономерных причинно-следственных взаимосвязей между этими характеристиками и показателями вовлеченности в работу требуют проведения специальных эмпирических исследований, которые в настоящее время находятся на стадии зарождения.

Организация и методический инструментарий эмпирического исследования

В данной статье представлены результаты проведенного нами пилотажного исследования сотрудников ряда организаций, целью которого являлось обоснование возможности выявления факторов, оказывающих влияние на формирование различных компонентов в структуре показателей вовлеченности в работу на базе иерархической модели анализа организационных взаимодействий.

Методики исследования

Исследование проводилось в форме опроса сотрудников трех организаций с помощью комплекса стандартизованных психодиагности-

ческих тестов, направленных на оценку разноуровневых компонентов в структуре проявлений их отношения к своей работе. В состав комплекса методик вошли: (1) Утрехтский опросник для оценки вовлеченности в работу (UWES, В. Шауфели и А. Бэккер); (2) Анкета для оценки субъективно важных составляющих труда (JDS, Дж. Олдхем и Г. Хакман); (3) Диагностика мотивационной структуры личности В. Э. Мильмана; (4) Атмосфера в группе Ф. Фидлера; (5) Определение стиля руководства Р. Блейка и Д. Мутона; (6) Опросник трудового стресса (JDS, Ч. Спилбергера); (7) Дифференциальная оценка состояний сниженной работоспособности (ДОПС, А. Б. Леонова и С. Б. Величковская); (8) Оценка удовлетворенности и привлекательности труда в организации В. М. Снеткова¹. Комплект названных методик предъявлялся для заполнения в форме распечатанного буклета каждому из обследуемых респондентов.

Выборку исследования составили 79 человек (21 мужчина и 58 женщин в возрасте от 21 года до 64 лет; средний стаж работы в организации – 5,7 лет). В состав выборки вошли: инженерно-технический персонал крупного военного завода (37 человек, из них – 10 мужчин и 27 женщин в возрасте от 29 до 48 лет; средний стаж работы – 3,5 года); специалисты по работе с персоналом в подразделении банка ВТБ (20 человек, из них 2 мужчин и 18 женщин в возрасте от 26 до 40 лет; средний стаж работы – 6,1 года); преподаватели средней школы г. Москвы (22 человека, из них – 9 мужчин и 13 женщин в возрасте от 22 до 64 лет; средний стаж – 9,7 лет). После инструктажа, все обследуемые самостоятельно заполняли буклет методик.

По результатам проведенного тестирования была подготовлена сводная база данных по всей выборке респондентов, которая включала основные показатели по каждой из диагностических методик. Далее проводилась статистическая обработка результатов с помощью пакета статистических программ SPSS (версия 22,0). Она включала: а) оценку наличия значимых различий между результатами тестирования персонала разных организаций (на основе непараметрического критерия Манна–Уитни); б) факторный анализ основных показателей диагностических тестов (по методу главных компонент) как базы для расчета интегративных показателей по укрупненным блокам соответствующих диагностических тестов; в) корреляционный анализ для определения значимых взаимосвязей между основными показателями методики UWES – «энергичность», «преданность», «погруженность в работу» (расчет коэффициентов корреляции Пир-

1 Описание стандартизованных русскоязычных версий этих методик см.: Психология менеджмента / Под ред. Г. С. Никифорова, 2010; Организационная психология / Под ред. А. Б. Леоновой, 2013.

сона); г) выделение достоверных предикторов для каждого основного показателя методики UWES со стороны интегративных показателей, рассчитанных по блокам релевантных диагностических тестов (модель линейного регрессионного анализа).

Результаты исследования

При проведении сравнительного анализа по всему массиву данных, собранных на сотрудниках разных организаций, достоверных различий между ними выявлено не было. Это позволило перейти к анализу взаимосвязей и обоснованию процедур расчета интегративных диагностических показателей как потенциальных предикторов уровня вовлеченности в работу в целом по всей выборке обследованных респондентов, что отвечает требованиям к проведению пилотажных исследований.

По результатам факторного анализа результатов тестирования, направленного на оценку степени удовлетворенности и привлекательности труда (методика В. М. Снеткова), была выявлена устойчивая трехфакторная структура оценок по основным диагностическим шкалам, которая позволила обосновать расчет следующих показателей интегративного типа: (1) «Удовлетворенность нематериальными аспектами мотивации труда» (вес=5,19, % σ =43,6); (2) «Удовлетворенность материальными аспектами труда» (вес=1,82, % σ =15,1) и (3) «Неудовлетворенность содержательной насыщенностью труда» (вес=1,60, % σ =13,4). Факторизация данных по методике В. Э. Мильмана, отражающих доминирующие мотивационные установки в деятельности сотрудников организаций, позволила выделить два основных интегративных показателя: (1) «Социальная включенность» (вес=3,11, % σ =44,4) и (2) «Удовлетворенность базовых потребностей» (вес=2,13, % σ =30,4). Более развернутая структура интегративных показателей была получена по результатам факторизации частных индексов по шкалам методики «Опросник трудового стресса» Ч. Д. Спилбергера. В этом случае было выделено 7 факторов, которые интерпретируются как: «Отсутствие признания ценности как сотрудника» (вес=6,59, % σ =21,6), «Конфликтная среда» (вес=3,82, % σ =12,7), «Отсутствие свободного времени» (вес=2,13, % σ =30,4), «Сложные новые задачи» (вес=2,21, % σ =10,5), «Чрезмерная перегрузка» (вес=2,15, % σ =7,17); «Неадекватное распределение трудовых задач» (вес=2,13, % σ =7,1), «Прерывания в работе» (вес=2,06, % σ =6,9). По остальным диагностическим методикам (тест JDS Дж. Олдхема и Г. Хаккмана, методика «Атмосфера в группе» Ф. Фидлера и опросник ДОРС) факторная структура интегратив-

ных показателей полностью соответствовала комплексам стандартных оценок по этим тестов (Организационная психология, 2013).

Отметим, что каждый из рассчитанных интегративных показателей содержательно характеризует те или иные мотивационно-оценочные аспекты отношения сотрудников к своей работе, которые могут быть достаточно четко соотнесены с разными уровнями организационных взаимодействий: «человек–работа», «сотрудник–член рабочей группы», «служащий–персонал организации». Результаты корреляционного анализа и факторного анализа показали, что существует большое число достоверных взаимозависимостей между основными показателями вовлеченности в работу («энергичность», «преданность» и «погруженность в работу») и целым рядом рассчитанных интегративных показателей по блокам других диагностических тестов. Эти данные обосновали возможность применения процедур линейного регрессионного анализа, направленного на определение достоверных предикторов по каждому из основных показателей вовлеченности в работу со стороны выделенных блоков интегративных данных. В сводном виде полученные результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1.

Полученные результаты эмпирического исследования обосновывают предположение о наличии устойчивой структуры причинно-следственных связей между основными показателями вовлеченности в работу и различными аспектами «видения» своей позиции сотрудником на разных уровнях организационных взаимодействий в целостном контексте выполнения трудовой деятельности. В этом проявляется качественная неоднородность выявленных предикторов вовлеченности в работу, которые связаны с влиянием разноразрядных факторов: 1) условий и процесса реализации трудовых заданий на рабочем месте; 2) особенностей социально-опосредованных взаимодействий в рабочей группе; 3) формата функционирования сотрудника как члена организационного сообщества.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, следует отметить, что гипотеза о наличии закономерного влияния субъективного отношения сотрудников к своей работе на показатели вовлеченности в работу подтвердилась. Также показано, что качественная специфика этого влияния зависит от уровня анализа организационных взаимодействий. В содержательном плане были выявлены достоверные зависимости между степенью вовлеченности в работу и показателями напряженности труда, мотивационно-ценностными установ-

Таблица 1

Сводная характеристика основных показателей вовлеченности в работу и их предикторов на разных уровнях анализа организационных взаимодействий

Показатели вовлеченности в работу	Уровень организационных взаимодействий		
	Человек–работа	Специалист–член рабочей группы	Служащий–персонал организации
Энергичность	<ul style="list-style-type: none"> – Индекс монотонии ($t=-4,80$); – Индекс пресыщения ($t=-5,49$); – Неудовлетворенность насыщенностью работы ($t=-4,70$) 	<ul style="list-style-type: none"> – Ориентация руководителя на задачу ($t= 3,82$) – Социальная включенность ($t=6,90$) 	<ul style="list-style-type: none"> – Удовлетворенность нематериальными аспектами мотивации труда ($t=6,13$) – Использование трудовых ресурсов ($t=3,60$)
Преданность	<ul style="list-style-type: none"> – Индекс потенциальной мотивации ($t=9,96$); – Индекс пресыщения ($t=-7,08$); – Отсутствие признания своей ценности как сотрудника ($t=-6,96$) 	<ul style="list-style-type: none"> – Эмоциональный комфорт в коллективе ($t=5,23$); – Ориентация руководителя на персонал ($t=4, 38$) 	<ul style="list-style-type: none"> – Удовлетворенность нематериальными аспектами мотивации труда ($t=4,10$); – Выполнение социального заказа/продукции ($t=4,14$)
Погруженность в работу	<ul style="list-style-type: none"> – Индекс монотонии ($t=-5,76$); – Индекс стресса ($t= -5,65$); – Удовлетворенность базовых потребностей ($t=4,36$) – Сложные новые задачи ($t=4,24$) 	<ul style="list-style-type: none"> – Эффективность совместной деятельности ($t=3,16$); – Ориентация руководителя на задачу ($t=6, 09$) – Социальная включенность ($t=4,72$) 	<ul style="list-style-type: none"> – Удовлетворенность нематериальными аспектами мотивации труда ($t=5,89$); – Неудовлетворенность содержательной насыщенностью труда ($t=4,87$)

ками сотрудников, особенностями стиля руководства, спецификой социально-групповых отношений и общими управленческими требованиями, принятыми в организации. Это указывает на то, что иерархическая модель анализа организационных взаимодействий является адекватной концептуальной базой для проведения исследований в данной области. Несмотря на пилотажный характер проведенного исследования, полученные результаты демонстрируют перспективность дальнейшей разработки предложенного подхода для системного анализа таких сложных феноменов, как «вовлеченность в работу», которые оказывают существенное влияние на эффективность совместной деятельности коллективного субъекта труда.

Литература

- Бодров В. А. Удовлетворенность работой как социальная и психологическая детерминанта профессиональной пригодности субъекта труда // Социальная психология труда: Теория и практика. М., 2010. Т.1. С. 140–160.
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008.
- Выгорание и профессионализация. Сборник научных трудов / Под ред. В. В. Лукьянова, А. Б. Леоновой, А. А. Обознова и др. Курск, 2013.
- Леонова А. Б. Психологи-практики в организациях производительного типа: прошлое, настоящее, будущее // Мир психологии. 2016. №4 (88). С. 87–97.
- Мандрикова Е. Ю. Увлеченность работой: обзор современных исследований // Психология в вузе. 2012. №6. С. 53–64.
- Организационная психология. Учебник / Под ред. А. Б. Леоновой. М., 2013.
- Психология менеджмента: практикум / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2010.
- Roe R. What makes a competent psychologists // The European Psychologist. 2002. V. 7. №3. P. 192–203.
- Schaufeli W. What is engagement? // Employee Engagement in Theory and Practice / Eds C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, E. Soane. London: Routledge. 2013. P. 5–37.
- Schmitt A., Den Hartog D. N., Belschak F. D. Transformational leadership and proactive work behaviour: A moderated mediation model including work engagement and job strain // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2015. V. 89. №3. P. 588–610.

Organizational context of analyzing the phenomenon of work engagement at representatives of modern types of jobs

*A. B. Leonova**, *N. A. Budilina*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, the head of department of Work and Engineering psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Post-graduate student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The increased interest to the problem of work engagement and its influence on the efficiency of joint activity of organizational staff emphasize the necessity to elaborate the systemic approach to investigating this complex psychological phenomenon. The hierarchical model of analyzing the

types of organizational interactions at different levels could be used as the adequate methodological base for such research. The results of our empirical study allow to define the sets of significant predictors for main components in the structure of work engagement (vigor, dedication, absorption in work) at each of the three-levels model that describes a specificity of the mode of functioning the organizational staff in concrete conditions: “worker–job task execution”, “specialist–working team”, “employee–personnel of organization”. These results could be used as a base for elaborating the structural model for evaluations of the degree and qualitative manifestations of work engagement at different groups of staff who are working in modern organizations of various types and profiles.

Keywords: work engagement, vigor, dedication, absorption in work, hierarchy of organizational interactions.

Профессиональный контекст трудовой деятельности¹

*С. А. Маничев**, *М. В. Старикова*** (Санкт-Петербург)

** кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой эргономики и инженерной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: s.manichev@spbu.ru*

*** ведущий специалист СПб ГБОУ ДПО «Ресурсный центр»;
e-mail: mary.starikova@gmail.com*

Проведено эмпирическое исследование для выявления дескрипторов, описывающих профессиональный контекст работы (профессиональную биографию). На основе анализа ранее опубликованных данных разработан опросник для оценки профессионального контекста, содержащий 324 вопроса, затем было проведено эмпирическое исследование (N=301). После кластерного, факторного и корреляционного анализа данных были выделены 10 факторов (шкал): две шкалы профессионального успеха – «Успех профессиональной карьеры», «Удовлетворенность профессией», пять шкал личностного потенциала профессиональной карьеры – «Настойчивость», «Адаптивность», «Цель», «Профессиональная мобильность», три шкалы контекста – «Справедливость», «Корректность выбора», «Место работы как фактор успеха».

Ключевые слова: успешность, карьера, биография, профессиональный контекст, карьерный потенциал.

Постановка проблемы

Профессиональный контекст представляет собой группу рабочих ролей, которые обладают сходными требованиями к выполнению работы и компетенциям работника, целям и т. д., независимо от того, в какой организации эти роли исполняются.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10546.

Поскольку работник может менять должностные позиции и организации, наиболее общий профессиональный контекст его деятельности образуют профессиональная биография и профессиональная карьера как последовательная смена профессиональных ролей и организационных контекстов деятельности, типичных для представителей определенной профессии. Дескрипторами общего профессионального контекста выступают те обстоятельства профессиональной биографии, которые являются факторами успеха профессиональной карьеры. Эти «измерения» профессиональной биографии характеризуют ресурс и возможности достижения профессионального успеха.

Карьерный успех является частным случаем успеха вообще и может быть определен как аккумулированные положительные объективные результаты работы, а также субъективные показатели психологического состояния, которые основываются на опыте, связанном с карьерой (Kramer, 2001).

Критерии успеха, соответственно, могут разделяться на две группы: субъективные и объективные, причем субъективные критерии успешности преобладают над объективными – такими как должность, доход, образование и другие факты биографии, касающиеся прошлых измеримых достижений. Достижение значимых целей по-разному воспринимается каждым человеком и может не совпадать с тем, как это оценивают другие люди, следовательно, субъективные и объективные критерии успеха должны рассматриваться отдельно друг от друга.

Отмечается также, что есть некоторые трудности с использованием показателей объективного карьерного успеха для оценки профессиональной успешности человека. Возникновение новых тенденций в сфере карьерного развития (аутсорсинга, фриланса и др.) привело к тому, что возросло количество работающих, для которых иерархическая позиция в организации не имеет большого значения (Cable, Judge, 1996, p. 91). Кроме того, объективные показатели могут находиться под влиянием факторов, которые не регулируются самим человеком, например, премии, поощрения, конкуренция между компаниями и другие условия рынка (Heslin, 2005). Эти факторы могут влиять на зарплату и иерархическую позицию, но часто – независимо от результатов работы человека.

Предикторы карьерного успеха можно найти в профессиональной биографии работника. В целом в литературе описываются следующие подходы к определению предикторов карьерного успеха: индивидуальный, структурный и поведенческий. Индивидуальный подход опирается на индивидуальные характеристики чело-

веческого капитала и мотивационные составляющие. Поведенческий подход указывает на то, что карьерное продвижение зависит от конкретных стратегий выстраивания карьеры, например, проактивности. В соответствии со структурным подходом делается акцент на обеспечивающих успешную карьеру организационных факторах: размерах компаний, внутренних процедурах продвижения, принятых в компаниях и т. д. (Ballout, 2007, p. 743).

Индивидуальные характеристики и поведенческие стратегии выстраивания карьеры образуют личностный потенциал карьеры. Этот потенциал выражается в фактах биографии, свидетельствующих о карьерной активности, адаптивности, использовании возможностей влияния на окружающих, целеустремленности и профессиональной мобильности. *Активность, решительность и настойчивость в построении карьеры* характеризуют восприятие работником себя как человека, способного принимать и выполнять решения относительно карьерных целей (Hartung, Marco, 1998). Имеются данные о влиянии способности к актуализации карьеры и ее воздействию на профессиональный успех (Kuijpers, Scheerens, 2006). *Адаптивность* включает в себя освоение новых знаний, адекватное представление о своих сильных и слабых сторонах, гибкость при общении с другими людьми, быструю адаптацию в изменяющихся условиях (Duffy, 2010, p. 420). *Влияние* подразумевает наличие своей точки зрения, уверенность в дискуссии. Стремление оказывать влияние выделяется в качестве детерминирующего фактора карьерного роста (Каграманян, 2008, с. 95). *Целеустремленность* описывается как стратегия успешного развития и подразумевает понимание промежуточного и конечного результатов своей карьеры, постановку целей на длительную временную перспективу, планирование ресурсов и способов их получения. *Управление карьерой* включает стратегии выбора, оптимизации и компенсации. *Выбор* – это развитие, разработка целей. *Оптимизация* – это приобретение, усовершенствование и применение необходимых для достижения цели навыков и умений. *Компенсация* – достижение целей, исходя из выгод и потерь (Dries, Pepermans, 2008, p. 88). *Профессиональная мобильность* может быть внешней или внутренней. Внутренняя мобильность – некоторые изменения в рабочих обязанностях, иерархическом уровне или должности внутри организации (продвижение, трансфер, понижение). Внешняя мобильность – любые смены организаций-работодателей. Исследования показывают, что, несмотря на распространение концепции «карьеры без границ», сотрудники по-прежнему хотят следовать традиционному представлению о карьере, т. е. иметь смену

позиций в рамках стабильного карьерного пути (Dries, Pepermans, 2008).

К числу предикторов успешности, кроме характеристик карьерного потенциала работника, относятся также структурные характеристики, т. е. особенности организаций, которые работник последовательно избирает в качестве места своей работы. Эти характеристики образуют основу для успешного продвижения в организации и, согласно эмпирическим данным, включают в себя справедливость действий компании по отношению к работникам, готовность работника оставаться в компании (приверженность компании), а также удовлетворенность компанией как перспективным местом работы. *Справедливость организации* – это особенности корпоративной культуры или организационных процедур компании, которые обеспечивают наличие зависимости зарплаты от результатов деятельности и признание заслуг сотрудников. Это позволяет людям чувствовать, что компания правильно управляется и уважает свой персонал, т. е. является «добродетельной» (Rego, Ribeiro, Cunha, 2010, p. 229). *Удовлетворенность компанией* как местом работы отражает отношение сотрудников к своей организации. Она включает в себя ощущение, что компания нравится, в ней четко определены обязанности сотрудников, их ожидания оправдываются. В биографическом плане, удовлетворенность компанией означает соответствие в системе «человек–организация» (Ballout, 2007; Young, Hurlic, 2007). Это соответствие выступает в роли субъективного критерия правильности карьерных решений, принимаемых работником. *Приверженность организации и солидарность с ее целями* также является значимым обстоятельством, обеспечивающим карьерную успешность. Это подразумевает стремление оставаться в компании, разделять ее ценности (Cable, Judge, 1996), достигать цели компании и видеть в ней свое будущее.

Организация и метод эмпирического исследования

Нами был составлен перечень биографических предикторов успеха профессиональной карьеры успешности, обнаруженных в различных исследованиях и описанных в научной литературе. Перечень биографических предикторов был затем переработан в опросник, состоящий из 324 вопросов, раскрывающий различные стороны биографии человека.

Далее было проведено эмпирическое исследование с использованием разработанного опросника.

Целью исследования была проверка гипотезы о том, что отдельные биографические пункты опросника интегрируются в шкалы

опросника, описывающие, с одной стороны, субъективный и объективный карьерный успех работника, а, с другой стороны, биографические предикторы успеха: индивидуальный карьерный потенциал и структурные характеристики организаций, в которых человек работал.

Выборка исследования

В исследовании участвовали 301 человек, 201 из них являются сотрудниками железнодорожной компании (специалисты и руководители среднего звена), и 100 человек – контрольная выборка, в которую вошли врачи разного профиля, сотрудники крупного медицинского центра. В группе железнодорожников 73 мужчины, 128 женщин; возраст испытуемых – от 22 до 67 лет. Возраст контрольной выборки – от 31 года до 54 лет; среди них 66 женщин и 34 мужчины.

После проведенных кластерного, факторного и корреляционного анализа на выборке в 301 человек были получены группы переменных, соответствующих отдельным шкалам показателей успешности:

- Успех карьеры – показатель объективной успешности. В него вошли 4 переменных, касающихся количества полученных ранее предложений карьерного роста и осуществленных повышений (коэффициент α Кронбаха=0,897).
- Удовлетворенность профессией – субъективный показатель успешности. В него вошли 5 переменных, касающихся самооценки того, насколько работа соответствует потребностям, интересам, личности, ощущения того, что работа – это призвание, сама по себе важная и значимая деятельность (коэффициент α Кронбаха = 0,872).

Помимо показателей успешности, выделены шкалы, характеризующие карьерный потенциал человека:

- Настойчивость, включающая в себя 6 переменных, которые касаются активности при достижении карьерных планов, независимости и активности в «выстраивании карьеры», готовности идти на риск при использовании возможностей продвижения, разнообразного профессионального опыта и стремления внести что-то новое в свою работу (коэффициент α Кронбаха=0,803).
- Адаптивность, включающая в себя 10 переменных, которые оценивают эффективность приспособления к новой организационной культуре в компании, понимание своих сильных и слабых сторон, скорость понимания новой информации, способность нестандартно подходить к решению проблем, а также быстро

- приспособляться к изменениям (коэффициент α Кронбаха = 0,801).
- Влияние, включающее в себя 9 переменных, которые отражают готовность отстаивать свою точку зрения, даже когда ее не поддерживают окружающие, способность убеждать людей и принимать решения самостоятельно, оказывая влияние на мнение других и ход событий в целом, поддерживать новых сотрудников и устанавливать социальные контакты (коэффициент α Кронбаха = 0,784).
 - Цели, включающие 4 переменных, которые оценивают понимание конечного и промежуточных результатов своей карьеры, осознание карьерных целей на 5–10 лет вперед и требуемых для этого ресурсов (коэффициент α Кронбаха = 0,756).
 - Профессиональная мобильность, включающая 3 переменных, которые описывают готовность поменять работу, если не будут удовлетворены основные потребности, сменить компанию-работодателя или сферу деятельности целиком для карьерного роста (коэффициент α Кронбаха = 0,803).

Помимо показателей карьерного потенциала, выделены шкалы, характеризующие особенности организаций, в которых ранее работал человек:

- Справедливость, включающая 10 переменных, которые оценивают связь в компании между результатами труда и вознаграждением, признание профессиональных заслуг в компании, внимание к деталям в работе, справедливости по отношению ко всем сотрудникам, поощрение автономии и самостоятельности при принятии решений, уважение к работникам как к главному капиталу и ценности компании (коэффициент α Кронбаха = 0,885).
- Корректность выбора (удовлетворенность организацией), включающая в себя 7 переменных, которые оценивают удовлетворенность деятельностью организации, ее ценностями, распределением должностных обязанностей, ощущение, что компания развивается в правильном направлении и соответствует ожиданиям сотрудников (коэффициент α Кронбаха = 0,875).
- Место работы как фактор успеха (приверженность организации), включающее в себя 7 переменных, которые оценивают солидарность с ценностями компании, готовность прилагать усилия для достижения ее целей, использовать возможности для развития, осознавать хорошую репутацию компании в обществе (коэффициент α Кронбаха = 0,872).

Таким образом, подтвердилась гипотеза о структуре биографических данных, описывающих профессиональную карьеру: выделены характеристики субъективного и объективного успеха, а также биографические предикторы успеха – характеристики карьерного потенциала работника и структурных характеристик организаций, в которых последовательно протекала его профессиональная деятельность.

Было проведено также сравнение основной и контрольной выборок по выделенным характеристикам (шкалам опросника). В результате сравнения по критерию U Манна–Уитни были обнаружены различия по следующим шкалам: Успех карьеры ($p=0,000$), Удовлетворенность профессией ($p=0,000$), Настойчивость в выстраивании карьеры ($p=0,000$), Справедливость организации ($p=0,001$) и Удовлетворенность организацией ($p=0,000$). Показатели успеха карьеры у работников транспортной организации выше, чем у врачей, хотя уровень субъективной удовлетворенности профессией у врачей выше. Врачи отличаются большей настойчивостью в построении карьеры и работают в более комфортных организационных условиях (у них выше оценки организационной справедливости и удовлетворенность организацией). Таким образом, шкалы опросника достаточно чувствительны к профессиональному контексту и обнаруживают различия карьерного потенциала и структурных характеристик карьеры представителей различных профессиональных групп.

Литература

- Каграманян Э. В. Социальные аспекты детерминации карьерного роста // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. С. 91–99.
- Ballout H. I. Career success. The effects of human capital, person-environment fit and organizational support // Journal of Managerial Psychology. Emerald Group Publishing Limited. 2007. V. 22. № 8. P. 741–765.
- Cable D., Judge T. Person-organization fit, job choice decisions and organizational entry // Organizational Behavior & Human Decision Processes. 1996. V. 67. № 3. P. 294–311.
- Dries N., Pepermans R. «Real» high-potential careers. An empirical study into the perspectives of organizations and high potentials // Personnel Review. 2008. V. 37. № 1. P. 85–108.
- Duffy R. D. Sense of Control and Career Adaptability among Undergraduate Students // Journal of Career Assessment. 2010. V. 18. № 4. P. 420–430.

- Hartung P.J., Marco C.D.* Refinement and further validation of the Decisional Process Inventory // *Journal of Career Assessment*. 1998. V. 6. P. 147–162.
- Heslin P.A.* Conceptualizing and evaluating career success // *Journal of organizational behavior*. 2005. V. 26. №2. P. 113–136.
- Kramer S.* The five-factor model of personality and career success // *Journal of vocational behavior*. 2001. V. 58. P. 1–21.
- Kuijpers M., Scheerens J.* Career competencies for the modern career // *Journal of Career Development*. 2006. №32. P. 303–319.
- Young A.M., Hurlic D.* Gender enactment at work: the importance of gender and gender-related behavior to person-organizational fit and career decisions // *Journal of Managerial Psychology*. 2007. V. 22. №2. P. 168–187.

Professional context of work

*S. A. Manichev**, *M. V. Starikova*** (St Petersburg)

* Candidate of Psychological Science, Docent, the Head of the department of ergonomics and engineering psychology of St Petersburg State University

** Leading specialist, SPb “Resource center”

We conducted an empirical study to verify the descriptors that describe the professional context (professional biography). Professional context assessment questionnaire based on an analysis of published data was developed, containing 324 questions, then a study was conducted (N=301). After the cluster, factor and correlation analysis of the data 10 factors (scales) were allocated: two scales of professional success – “The success of a professional career”, “Satisfaction of the profession”, five scales of personal potential professional career – “Perseverance”, “Adaptability”, “Influence”, “Goal”, “Occupational mobility”, three scales of context: “Justice”, “Selection Correctness”, “Place of work as a factor of success”.

Keywords: success, career, biography, professional context, career potential.

**Особенности первичного этапа
адаптации опросника
«Новая шкала активной прокрастинации»**

Г. И. Марусанова, В. В. Барабанщикова** (Москва)*

** доцент, доктор психологических наук, доцент кафедры психологии
труда и инженерной психологии факультета психологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: vvb-msu@bk.ru*

*** аспирант кафедры психологии труда
и инженерной психологии факультета психологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: marusanova.galina@mail.ru*

Статья посвящена вопросам диагностики специфики функционирования феномена прокрастинации (как психологической стратегии отсрочивания исполнения должностных обязанностей) в труде специалистов. В статье дифференцируются два типа прокрастинации: «пассивная» и «активная»; раскрывается сущность феномена прокрастинации в профессиональной деятельности; описываются особенности первичного этапа осуществления адаптации на русский язык зарубежной методики «Новая шкала активной прокрастинации» (Choi, Moran, 2009). Русскоязычная версия опросника апробирована на выборке, состоящей из 133 российских профессионалов. Впервые в психологической науке феномен «активной» прокрастинации изучается на материале труда взрослых трудоустроенных специалистов (ранее подобные исследования охватывали лишь академическую деятельность студентов).

Ключевые слова: прокрастинация, «активная» прокрастинация, «пассивная» прокрастинация, профессиональная деятельность, психодиагностическая методика, русскоязычная адаптация зарубежной методики.

Постановка проблемы

Прокрастинация в профессиональной деятельности – это психологическая стратегия откладывания реализации должностных задач субъектами труда (Барабанщикова, Каминская, 2013; Барабанщикова, Марусанова, 2015).

В большинстве научных исследований настоящий феномен рассматривается как негативный компонент деятельности, оказывающий деструктивное воздействие на ее качество и результативность. При этом в психологической науке существуют альтернативные теории, констатирующие возможность положительного влияния прокрастинации на жизнедеятельность индивида.

А. Х. Чу и Дж. Чой (Chu, Choi) в 2005 г. предложили концепцию разделения многообразия проявлений психологической стратегии откладывания «на потом» тех или иных действий на два типа: «пассивная» прокрастинация и «активная» прокрастинация.

В рамках данной концепции «пассивная» прокрастинация в традиционном понимании термина мыслится как отрицательное явление, при котором из-за неспособности субъекта своевременно и быстро принять решение приступить к началу работы происходит затягивание с осуществлением даже очень важных функций. Напротив, «активная» прокрастинация трактуется в качестве сознательного намерения отложить реализацию некоторой части запланированных задач с целью получения оптимального итога деятельности. Это достигается за счет возможности гибкого и многократного перераспределения приоритетов (субъективно неважные задания выполняются в последнюю очередь), а также благодаря усилению внутренней мотивации индивидуума в условиях нехватки времени. В складывающейся ситуации задача начинает восприниматься «активным» прокрастинатором как своеобразный «вызов», «проверка на прочность» (Chu, Choi, 2005).

Правомерность данной теории была подтверждена в ряде исследований, участниками которых стали студенты высших учебных заведений. Также было показано, что учащиеся, демонстрирующие «активную» прокрастинацию, добиваются хороших академических результатов, сравнимых с достижениями не склонных к прокрастинации сверстников. Более того, они могут завершать работу над проектами к установленному сроку, несмотря на то, что фактически деятельность была начата с серьезным промедлением (Chu, Choi, 2005; Choi, Moran, 2009; Lee, 2013; Demeter, Davis, 2013).

Для выявления особенностей «активной» прокрастинации был разработан опросник «Шкала активной прокрастинации» («Active procrastination scale») (Chu, Choi, 2005). Позднее был создан усовер-

шенствованный вариант данной методики, который получил название «Новая шкала активной прокрастинации» («The new active procrastination scale») (Choi, Moran, 2009). Дополненная версия опросника содержит расширенный перечень пунктов (40 по сравнению с исходными 12 пунктами) и имеет более высокий показатель надежности как внутренней согласованности.

В основу обеих методик заложена четырехфакторная модель «активной» прокрастинации:

Шкала 1. «Неудача при выполнении задания»;

Шкала 2. «Удовлетворенность результатом»;

Шкала 3. «Умышленное промедление»;

Шкала 4. «Предпочтение дефицита времени».

В связи с актуальностью изучения специфики функционирования феномена «активной» прокрастинации в профессиональной деятельности было принято решение осуществить адаптацию опросника «The new active procrastination scale» на русский язык. Работа проводилась при полной информационной поддержке автора оригинала методики Дж. Чой (Choi), доктора психологических наук, профессора кафедры организационного поведения и управления персоналом Сеульского национального университета.

Методика

Русскоязычный текст опросника «Новая шкала активной прокрастинации» был создан в два этапа с привлечением в общей сложности 14 экспертов: 4 эксперта на стадии авторского перевода англоязычного текста методики на русский язык и 10 экспертов на стадии оценки качества подготовленных переводов.

Далее был запущен первичный этап эмпирического исследования, в ходе которого были собраны данные 200 российских специалистов (58 мужчин и 142 женщины). Была проведена отбраковка дефектных экземпляров анкет (процент некачественных бланков – 9,5%) и выравнивание соотношения гендерных групп до уровня 60% женщин и 40% мужчин. Поскольку работников-женщин в выборке оказалось гораздо больше, было решено сократить количество их анкет путем случайного отбора.

Так, участниками исследования стали 53 специалиста мужского пола и 80 специалистов женского пола (133 профессионала всего). Возраст респондентов колебался от 22 до 53 лет (средний возраст – 29,5 лет). Подавляющее большинство участников исследования имели высшее образование (высшее образование – у 117 специалистов,

неоконченное высшее – у 8 специалистов, среднее специальное – у 5 специалистов, среднее – у 3 специалистов). Респонденты имели стаж работы от 0,5 года до 34 лет (средний стаж – 5,5 лет).

Полученные данные были подвергнуты математической обработке с применением статистического пакета IBM SPSS Statistics 20.0.

Обсуждение результатов

Ответы участников исследования подчинялись нормальному распределению, что было проверено посредством проведения частотного анализа и теста Колмогорова–Смирнова (асимптотическая значимость 0,817 подтвердила наличие нормального распределения).

Оценка надежности русскоязычной версии опросника «The new active procrastination scale» осуществлялась путем подсчета коэффициента α Кронбаха (значение коэффициента равно 0,859, что свидетельствует о достаточно высокой внутренней согласованности пунктов методики). После осуществления ряда повторных расчетов коэффициента α Кронбаха были выделены 10 пунктов опросника, удаление которых приводило к незначительному увеличению этого показателя.

Данные были подвергнуты факторному анализу по методу главных компонент с использованием вращения Varimax. В результате были выделены 4 относительно независимых фактора, в сумме объясняющих 49,8% общей дисперсии (17,3%, 17%, 8,6% и 6,9% дисперсии соответственно), т. е. четырехфакторная концепция «активной» прокрастинации подтверждается на выборке российских специалистов.

Не было выявлено значимых корреляционных связей между показателями «активной» прокрастинации и полом, возрастом, трудовым стажем участников исследования. Отсутствие корреляции прокрастинации и пола респондентов подтверждает ранее опубликованные за рубежом результаты, демонстрирующие одинаковую характерность психологической стратегии откладывания необходимых дел для мужчин и для женщин (Ferrari, Puchyl, 2000).

Следует отметить, что полученные данные носят предварительный характер. Для уточнения выводов необходима стандартизация методики с привлечением большего количества участников.

Заключение

С учетом того, что по некоторым данным прокрастинация свойственна почти 95% взрослых граждан, причем около четверти из них

расценивают свою склонность к отсрочиванию реализации задуманного как хроническую (Steel, 2010), высокую теоретическую и прикладную значимость имеют вопросы разработки надежных психодиагностических инструментов, направленных на выявление особенностей феномена прокрастинации в трудовой деятельности специалистов. На сегодняшний день завершен первичный этап адаптации на русский язык опросника «The new active procrastination scale». В качестве специфики работы выделяется то, что в настоящем исследовании данный психологический конструкт впервые рассматривается на примере труда специалистов – представителей професий различных типов.

Литература

- Барабанщикова В. В., Каминская Е. О. Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 43–51.
- Барабанщикова В. В., Марусанова Г. И. Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 130–140.
- Choi J. N., Moran S. V. Why not procrastinate? Development and validation of a new active procrastination scale // The Journal of Social Psychology. 2009. № 149 (2). P. 195–211.
- Chu A. H. C., Choi J. N. Rethinking procrastination: positive effects of “active” procrastination behavior on attitudes and performance // The Journal of Social Psychology. 2005. № 145 (3). P. 245–264.
- Demeter D. V., Davis S. E. Procrastination as a tool: exploring unconventional components of academic success // Creative Education. 2013. № 4. P. 144–149.
- Ferrari J. R., Pychyl T. A. Procrastination: Current Issues and New Directions [Special Issue] // Journal of Social Behavior and Personality. 2000. № 15 (5). P. 197–202.
- Lee D. Differences in Passive/Active Procrastination, Happiness and Depression by the Clusters of Perfectionism in College Students // Korea Journal of Counseling. 2013. № 14 (2). P. 857–875.
- Steel P. Arousal, avoidant and decisional procrastinators: Do they exist? // Personality and Individual Differences. 2010. № 48 (8). P. 926–934.

Features of the initial stage of adaptation of “The new active procrastination scale”

*V. V. Barabanschikova**, *G. I. Marusanova*** (Moscow)

* Doctor of psychological Sciences, Docent, assistant Professor of faculty of psychology, Lomonosov Moscow state University

** Postgraduate of faculty psychology, Lomonosov Moscow state University

The article is devoted to the questions of diagnostics of the specifics of functioning of the procrastination phenomenon (as a psychological strategy for the delaying of performance of job responsibilities) in specialists' work. In the article the two types of procrastination: “passive” (destructive) and “active” (productive) are differentiated; disclosed the nature of the “active” procrastination phenomenon; described the features of the primary stage of the adaptation to the Russian language of “The new active procrastination scale” (Choi, Moran, 2009). The Russian-language version of the questionnaire was tested on a sample of 133 Russian professionals. For the first time in psychological science the phenomenon of “active” procrastination is studied on the basis of the work of adult employed professionals (all of previous researches covered only the academic activity of students).

Keywords: procrastination, “active” procrastination, “passive” procrastination, professional work, psychodiagnostic technique, Russian-language adaptation of foreign methods.

К проблеме психологических аспектов управленческой компетентности врача-руководителя «линейного» уровня

М. Г. Остроушко (Краснодар)

*руководитель кадровой службы Государственного бюджетного
учреждения здравоохранения «Краевая клиническая больница № 2»
министерства здравоохранения Краснодарского края;
e-mail: marina-ostroush@mail.ru*

В статье показано, что заведующие отделениями в многопрофильном учреждении здравоохранения опираются преимущественно на два типа индивидуальных стилей принятия управленческих решений («реализаторский» и «ситуационный») и на два типа организационной власти («экспертный» и «харизматический»). Делается вывод о целесообразности формирования двух основных направлений развивающей работы. Первое – работа с представителями «реализаторского» управленческого стиля и экспертного типа власти, обладающими «символическим» типом профессионального мышления. Второе – работа с руководителями, ориентированными на «ситуационный» управленческий стиль, харизматический тип власти, имеющими преимущественно гуманитарный склад ума и развитые творческие способности.

Ключевые слова: многопрофильное лечебное учреждение, управление персоналом, индивидуальный стиль принятия управленческих решений, харизматическая власть, экспертная власть, профессиональное мышление, креативность.

Введение

В исследованиях, посвященных анализу проблем медицинского труда, отмечается, что эффективный врач-руководитель должен быть не только профессионалом высокого уровня, но и владеть знаниями, значительно выходящими за рамки профессиональных меди-

цинских. У него, наряду с профессионально важными качествами врача-клинициста, должны быть сформированы качества эффективного менеджера – управленческие компетенции (Казарин, Ясько, 2011; Yasko, Kasarin, 2011). Будучи высококвалифицированным клиницистом, врач оказывается зачастую неподготовленным к управлению коллективом, формированию «социального капитала» организации. О. Г. Носкова и Б. А. Ясько, основываясь на систематизации кризисов профессионализации субъекта медицинского труда, определяют этот период в профессиональной карьере врача как кризис «вступления в должность» (Носкова, Ясько, 2004). Данный вид кризиса психологически маркируется снижением самооценки, фрустрированностью, накоплением симптомов профессионального выгорания (Ясько, 2013).

Парадокс нормативных условий, регламентирующих систему менеджмента организаций здравоохранения, состоит в том, что, в отличие от топ-менеджеров (главный врач, заместитель главного врача), врачи – заведующие отделениями не обязаны проходить специализацию по организации здравоохранения¹. Вместе с тем именно на них ложится главное бремя ответственности за качество медицинских услуг, успешность решения разнообразных клинических задач в процессе работы медицинского персонала вверенного отделения. Высокую актуальность приобретает проблема компетентностной, в частности психологической, готовности врача к менеджерской деятельности «линейного» уровня.

Организация и методики эмпирического исследования

Цель первого этапа проводимого нами исследования состояла в эмпирическом обосновании психологических «мишеней» практико-ориентированного воздействия, направленного на формирование у руководителей «линейного» уровня (заведующих отделениями), компетентностной готовности к управленческой деятельности в профессиональных группах, иными словами, навыков и умений организационного лидера. Существенное место в их совокупности, как отмечается в известных концепциях управленческого труда, занимают индивидуальные стили руководства, реализации властных функций и принятия управленческих решений (Занковский, 2011; Карпов, Маркова, 2003; Толочек, 2013; и др.).

1 Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 ноября 2012 г. №982н «Об утверждении условий и порядка выдачи сертификата специалиста медицинским и фармацевтическим работникам, формы и технических требований сертификата специалиста».

Исследование проведено на базе многопрофильного учреждения здравоохранения регионального статуса, оказывающего все виды амбулаторной и стационарной помощи населению Краснодарского края, включая проведение современных высокотехнологичных операций. В организационную структуру больницы входят 114 подразделений, 60 из которых являются клиническими, непосредственно оказывающими медицинские услуги в 1260-коечном стационаре. Штатный состав медицинского персонала – свыше 2,5 тысяч сотрудников. Учреждение является постоянным участником государственных проектов и программ модернизации здравоохранения, в 2014 г. стало лауреатом премии Правительства РФ в области качества медицинских услуг.

В группу испытуемых были включены заведующие отделениями – всего 57 человек.

Методики исследования

Были применены следующие психодиагностические методики: «Стиль принятия управленческих решений» (А. В. Карпов, Е. В. Маркова); методика изучения предпочтений руководителем различных форм власти в организации (Л. Ю. Левкович); опросник «Профиль мышления» (В. А. Ганзен, К. Б. Малышев, Л. В. Огинец).

Результаты исследования

Установлено, что наиболее выражены в среде врачей-заведующих отделениями два стиля принятия управленческих решений: «реализаторский» и «ситуационный» (таблица 1).

Сниженные показатели по шкале «Властность», сочетающиеся с активным принятием на себя ответственности за управленческие решения в проблемных ситуациях, свойственные обладателю «реализаторского» типа, очевидно, являются маркерами индивидуального стиля, объективно обусловленного спецификой врачебного труда. В клинической практике заведующий отделением несет персональную ответственность за результаты оказания медицинской помощи во вверенном ему подразделении, формулирование окончательного диагноза и определение тактики ведения пациента.

Партисипативные отношения в подразделениях, управляемых врачами с «ситуационным» стилем принятия решений, имеют в своей основе опору на профессионализм и взаимную поддержку персонала. В терминах Д. Френча и Б. Равена, такой тип реализации властных функций носит название «экспертного» (French, Raven, 1959).

Таблица 1
 Типология индивидуальных стилей принятия
 управленческих решений и власти
 в группе врачей-заведующих отделениями (чел./%)

Типы стилей принятия УР				
Авторитар- ный	Реализатор- ский	Попуститель- ский	Маргиналь- ный	Ситуацион- ный
7/12,3	19/33,3	7/12,3	8/14,0	16/28,1
Типы власти				
Вс	Вв	Вэ	Вт	Вх
3/5,3	5/8,9	15/26,3	1/1,8	33/57,9

Примечание: Вс – власть принуждения; Вв – власть вознаграждения; Вх – харизматическая власть; Вэ – экспертная власть; Вт – традиционная власть.

Мы предположили, что для этой группы заведующих отделениями именно названный тип власти является базовым.

Для проверки этой промежуточной гипотезы врачи были опрошены по методике изучения предпочтений руководителем различных форм власти в организации. Установлено, что наиболее выражен в среде заведующих отделениями тип харизматической власти (57,9%). Второе место по выраженности занимает экспертная власть (26,3%) (см. таблицу 1).

Если рассмотреть распределение данных по выделенным подгруппам типов принятия управленческих решений, то видно, что руководители «ситуационного» и «реализаторского» стилей более всего склонны опираться на харизматические методы управления (таблица 2).

Тем не менее 25,0% «ситуативных» руководителей используют ресурс экспертной власти, который состоит в умении привлекать к решению сложных задач в совместной деятельности высокопрофессиональных работников.

Требование безоговорочного следования и поддержки тесно связано с высокими показателями по шкале «Властность» у большей части заведующих отделениями (72,4% опрошенных). Детальный анализ показал, что среди руководителей, опирающихся на ресурс харизматических качеств (33 чел.), значительная часть (26 чел.; 78,8%) проявляет завышенные властные требования к подчиненным (шкала «Властность», $M=99,5\pm 12,4$). Именно в этой части обследованных (26 чел.) обнаружена достоверная положительная ли-

Таблица 2

Представленность различных типов индивидуальных стилей принятия управленческих решений в группах, дифференцированных по типологическим предпочтениям власти в организации

Типы власти	В целом	Типы индивидуальных стилей принятия управленческих решений				
		1 (7 чел.)	2 (19 чел.)	3 (7 чел.)	4 (8 чел.)	5 (16 чел.)
Вс	3/5,3	2/28,6	–	–	1/12,5	–
Вв	5/8,9	1/14,3	2/10,5	–	1/12,5	1/6,3
Вэ	15/26,3	2/28,6	3/15,8	4/54,1	2/25,0	4/25,0
Вт	1/1,8	–	1/5,3	–	–	–
Вх	33/57,9	2/28,6	13/68,4	3/42,9	4/50,0	11/68,8

Примечание: В столбцах обозначены типы индивидуальных стилей принятия управленческих решений: 1 – авторитарный; 2 – реализаторский; 3 – попустительский; 4 – маргинальный; 5 – ситуационный.

нейная взаимосвязь властности и харизматических предпочтений в ее реализации ($r=0,393$, $p<0,05$).

Анализ специфики профессионального мышления показал, что наиболее выражен в среде врачей-руководителей «линейного» уровня знаково-символический тип мышления, что в целом соответствует имеющимся данным, представленным в публикациях (Ясько, 2008). Среднегрупповые показатели по этим шкалам находятся в диапазоне значений высокого уровня. При этом отмечается, что креативность как интегральное проявление творческих способностей субъекта имеет средний уровень выраженности.

Отмечено наличие взаимосвязей между экспертным и харизматическим типами власти, «реализаторским» и «ситуационным» стилями принятия управленческих решений, с одной стороны, и знаково-символическим типом мышления – с другой (рисунок 1).

«Реализаторский» индивидуальный стиль принятия управленческих решений положительно связан с мышлением, фиксирующим существенные отношения в анализируемой ситуации («символический» тип), но при этом находится в отрицательной созависимости с качествами креативности. Возможно, активизация творческого подхода для такого руководителя усложняет решение управленческих задач ($r=0,416$ и $-0,431$, соответственно).

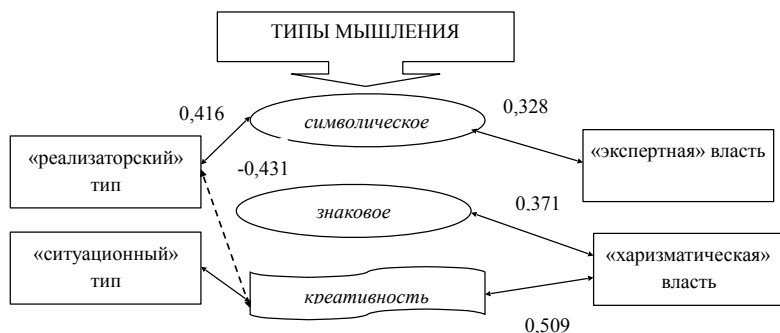

Рис. 1. Корреляционные плеяды взаимосвязей (r) типов мышления, креативности и типологических особенностей реализации управленческих функций

Руководители, ориентированные на ситуацию («ситуационный» тип), наоборот, при принятии управленческих решений склонны проявлять творческий подход к решению разнообразных задач управления коллективом.

Экспертный тип власти положительно связан с символическим мышлением. Такая тесная связь является психологическим ресурсом глубокого анализа ситуаций, исследования их разных проявлений, формулирования решения в четких, профессионально выверенных формах. У руководителей харизматического типа установлены взаимосвязи с гуманитарным, «знаковым» складом ума, а также со способностью к новаторским, творческим приемам и решениям в профессиональной деятельности.

Заключение

Полученные и проанализированные данные психодиагностики позволяют выделить два основных направления психологической работы по формированию психологической компетентности врача-заведующего отделением. Первое – работа с заведующими отделениями, ориентированными преимущественно на «реализаторский» тип, «либеральные» отношения в группе, экспертную власть, обладающими преимущественно «символическим» типом профессионального мышления. Концепция работы с данной группой должна быть направлена на развитие навыков решения проблем, творческого подхода, умений влиять на окружающих, налаживать групповую работу, на формирование понимания особенностей управленческого труда.

Второе – работа с руководителями, ориентированными на «ситуационный» стиль управленческих действий, харизматический тип власти, имеющими преимущественно гуманитарный склад ума («знаковое» мышление) и творческие способности. Слабым звеном в их управленческой подготовленности являются поведенческие особенности названных качеств – экспрессивность, авторитарность, недостаточные способность управлять собой и понимание особенностей управленческого труда; преобладание образного, чувственного компонента в мышлении, что может осложнять четкость в постановке задач перед коллективом и отдельными его членами. Повышенная креативность может вызывать чувство фрустрации от ежедневной, неизбежной в медицинском труде рутинной работы (составление и ведение медицинской документации, статистической отчетности и пр.), поэтому одним из направлений развития у этих руководителей лидерского ресурса является развитие понимания особенностей управленческого труда, навыков решения проблем, умений налаживать групповую работу, распределять и делегировать ответственность между подчиненными.

Литература

- Занковский А. Н.* Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М., 2011.
- Казарин Б. В., Ясько Б. А.* Личностная готовность врача-клинициста к менеджерской деятельности в условиях социальной нестабильности // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 5. С. 107–110.
- Карпов А. В., Маркова Е. В.* Психология стилей управленческих решений. Учебное пособие. Ярославль, 2003.
- Носкова О. Г., Ясько Б. А.* О кризисах профессионально-личностного развития врача // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2004. № 2. С. 21–30.
- Толочек В. А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М., 2013.
- Ясько Б. А.* Профессиональное мышление врача: психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2008. № 4. С. 82–91.
- Ясько Б. А.* Организационная психология здравоохранения: персонал, лидерство, культура. Краснодар, 2013.
- Yasko B. A., Kasarin B. V., Rimmavi M. H.* Analysis of managerial competencies in the system of post-graduate education of health care managers // International journal of experimental education. 2011. № 2.

French J. R., Raven B. H. The Bases of Social Power // Studies in Social Power / Ed. D. Cartwright. University of Michigan Press, 1959.

**To the problem of psychological aspects
of managerial competence of the doctor-head
of the “linear” level**

M. G. Ostroushko (Krasnodar)

*Human resources manager, “Regional clinical hospital №2”
of Ministry of Health of Krasnodar region*

The article explains the relevance of the search of organizational and psychological resources of administrative competence of “linear” multi-hospital leaders – heads of departments. Using the psycho-diagnostic procedures it shows that the heads of departments are based mainly on two types of individual styles of decision-making (“realizational” and “situational”), on two types of organizational power – the power of expertise and the power and charismatic. According to the results of the correlation analysis of selected types relationships with the established prevailing types of professional thinking and creativity the conclusion is the expediency of formation of two main directions of the developing work. The first is the work with representatives of “realizational” type, the expert power, possessing mainly “symbolical” type of professional thinking. It has to include the development of problem-solving skills, creativity, ability to influence others, to adjust teamwork, the understanding of managerial work. The second direction has to cover the heads focused on situational administrative actions style, a charismatic type of power, humanitarian mindset and creativity. Work assumes development of administrative work understanding, problem solving skills, ability to establish teamwork, distribute and delegate responsibilities among subordinates. The designated concept of the developing work with the staff “linear” managers is put in a basis of the program of special courses in system of additional education of department head of multifunctional medical institution.

Keywords: versatile medical institution, personnel management, individual style of management decision making, charismatic authority, expert power, professional thinking, creativity.

Субъективные показатели производственно-экономической и социально-психологической эффективности производственных групп¹

А. В. Сидоренков (Ростов-на-Дону)

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии управления и юридической психологии, Южный федеральный университет; e-mail: sav@micro-cosm.ru

Представлены результаты анализа двух показателей субъективно воспринимаемой производственно-экономической («выполнение плана и решение текущих задач» и «деятельность в трудных условиях») и трех показателей социально-психологической («удовлетворенность членов», «психологический комфорт членов» и «содействие развитию членов») эффективности производственных групп и неформальных подгрупп в группах. Исследование проводилось на компьютере посредством двух опросников, включенных в компьютерную технологию «Групповой профиль – Универсал». На выборке из 42 производственных групп (N=334 работников) выявлена умеренная связь между восприятием производственно-экономической эффективности группы ее членами и внешними экспертами. Установлено, что неформальные подгруппы имеют значимо более высокие показатели этих двух видов эффективности, чем группы, в которые они включены.

Ключевые слова: эффективность группы, эффективность подгруппы, производственно-экономическая эффективность, социально-психологическая эффективность, показатели эффективности.

Введение

Малые группы – отделы, смены, бригады, команды и т. п. – играют большую роль в жизнедеятельности организации и ее сотрудников.

- 1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 16-36-00006 «Противоречия, конфликты и эффективность малых групп в организациях и на предприятиях».

Они представляют собой базовые структурно-функциональные единицы организации и выполняют определенные функции в жизнедеятельности ее членов. От эффективности малых групп напрямую зависит эффективность и конкурентоспособность организации в целом.

В настоящее время нет единого представления о сложном феномене эффективности группы. Некоторые авторы разрабатывают концептуальные модели групповой эффективности, но, как правило, эмпирически их не обосновывают (например: Hackman, 1990; Cohen, Bailey, 2001). Однако большинство специалистов оценивают отдельные показатели эффективности (без отнесенности к какой-либо модели) в связи с теми или иными характеристиками группы.

В микрогрупповой теории групповая эффективность рассматривается как многомерный конструкт, включающий в себя связанные между собой аспекты (потенциальная и реальная) и виды (предметно-деятельностная и социально-психологическая) эффективности (Сидоренков, 2010). Этот феномен рассматривается на уровне группы в целом и каждой неформальной подгруппы, входящей в группу. Потенциальная эффективность – это совокупность внутренних характеристики группы/подгруппы, которые в сочетании с внешними условиями и особенностями организации деятельности обуславливают реальную эффективность. Она содержит ряд блоков переменных, таких как количественно-структурные и социально-психологические характеристики группы/подгруппы и др. В свою очередь, реальная эффективность – достижение группой/подгруппой заданных извне или изнутри нормативов (стандартов) выполнения основной целевой функции, конкретных задач (предметно-деятельностная эффективность) или создание позитивных отношений – непосредственных и/или опосредованных совместной работой (социально-психологическая эффективность). Реальная предметно-деятельностная (например, производственно-экономическая) эффективность малых производственных групп/подгрупп может оцениваться по определенным критериям (целевая и процессуальная эффективность, технологическая и экономическая эффективность и др.), каждый из которых может быть представлен конкретными объективными и/или субъективными показателями. В первом случае имеются в виду формально операционализируемые и измеряемые посредством объективных методов показатели, которые дают независимую оценку совместной деятельности работников. Для оценки субъективных показателей эффективности часто используются опросники, основанные на методе экспертных оценок, а в качестве экспертов выступают члены группы, руководители и др. Важно отметить, что объективные и субъективные показатели эффективности не являются взаимозаменяемыми,

поскольку их связь, как установлено, является относительно слабой (Bommer et al., 1995). Более того, субъективные показатели используются тогда, когда они представляются крайне важными, когда количество объективных показателей крайне ограничено или их невозможно выделить и измерить объективным способом. Реальная социально-психологическая эффективность может изучаться лишь на основе оценок членов группы (в том числе ее руководителя), а значит, может иметь только субъективные показатели.

Исследования по проблеме эффективности имеют некоторые ограничения. Во-первых, практически отсутствуют исследования, в которых изучалось бы соотношение субъективных показателей эффективности группы, получаемых по оценкам разных категорий экспертов. Во-вторых, авторы принимают во внимание только эффективность группы в целом, но не рассматривают эффективность неформальных подгрупп в группе. Вместе с тем практически во всех группах, состоящих из трех и более человек, возникают подгруппы, которые играют большую роль в жизнедеятельности группы и ее членов. В настоящем исследовании установлено, что во всех обследованных группах (за исключением одной) выявлены неформальные подгруппы. Их количество варьировало от одной до четырех в каждой группе. В среднем более половины членов групп (63,5%) были включены в подгруппы. В-третьих, во многих исследованиях по проблеме эффективности изучались не трудовые коллективы, а студенческие группы с оценкой специфических показателей групповой эффективности, характерных для учебной деятельности. В-четвертых, во многих исследованиях измеряется ограниченное количество показателей эффективности (как правило, один–три), причем без деления эффективности на производственно-экономическую и социально-психологическую.

Организация и методика эмпирического исследования

Цель исследования – выявление соотношения субъективно воспринимаемой производственно-экономической и социально-психологической эффективности группы и неформальных подгрупп, в том числе по оценкам разных категорий экспертов.

Гипотезы исследования

1. Существует умеренное сходство между восприятием производственно-экономической эффективности группы ее членами и внешними экспертами.

2. Субъективно воспринимаемая производственно-экономическая эффективность групп и подгрупп примерно одинаково выражена, тогда как социально-психологическая эффективность подгрупп значительно выше аналогичной эффективности групп.

Выборка исследования

Было обследовано 42 группы – малочисленные по составу компании и первичные структурные подразделения в средних и крупных организациях и предприятиях. Группы отличались по содержанию деятельности: торговля, социальные услуги населению, банковская и производственная сферы и др. Общее число испытуемых, принявших участие в исследовании, составило 334 человека. Численный состав групп варьировал от 4 до 21 (среднее число – 8,0) человека. Выборка включала 62,2% женщин и 37,8% мужчин от 19 до 70 лет (Med=35). Дополнительно в качестве внешних экспертов привлекались непосредственные руководители производственных групп и/или другие руководители. На каждую группу приходилось от одного до трех экспертов.

Методический инструментарий

Для выделения существующих в группе неформальных подгрупп и их состава, а также не включенных в подгруппы членов организации использовался специальный формализованный алгоритм (Горбатенко, Горбатенко, 1984).

Опросник предметно-деятельностной (производственно-экономической) эффективности (Сидоренков, Ульянова, 2011) позволяет изучать такие показатели эффективности, как «выполнение плана и решение текущих задач группой/подгруппой» и «деятельность в трудных условиях группы/подгруппы». Два показателя эффективности группы оценивались отдельно членами группы и внешними экспертами, а каждой неформальной подгруппы – только экспертами.

Опросник социально-психологической эффективности (Сидоренков, Ульянова, 2011) направлен на оценку трех показателей: «удовлетворенность членов группой/подгруппой и результатами ее деятельности», «психологический комфорт членов в группе/подгруппе» и «содействие группы/подгруппы личностному и профессиональному развитию своих членов». Предполагается работа с ним только членов группы.

Указанные два опросника включены в компьютерную технологию «Групповой профиль – Универсал» (ГП-У) и интегрированы

в ней с формализованным методом определения неформальных подгрупп в группе (Sidorenkov, Pavlenko, 2015). Обследование проводилось в индивидуальной форме на персональном компьютере с последующей обработкой результатов посредством ГП-У. Технология имеет ряд функциональных возможностей: текущий контроль и блокирование работы испытуемого в случае пропуска заданий или явного искажения ответов, автоматический расчет тестовых результатов и др. Благодаря этому обеспечивалась высокая достоверность данных по сравнению с бланковой формой исследования и «ручной» обработкой результатов.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе SPSS 17.0 с использованием описательной статистики (среднее значение), корреляционного анализа Пирсона и непараметрических критериев Манна–Уитни и Уилкоксона.

Результаты исследования

Сравнение показателей производственно-экономической эффективности группы по оценкам членов и внешних экспертов

Корреляционный анализ показал, что существует значимая связь между воспринимаемой членами группы и внешними экспертами эффективностью группы по показателям «выполнение плана и решение текущих задач» ($r=0,51$, $p=0,000$) и «деятельность в трудных условиях» ($r=0,48$, $p=0,001$). Однако значения коэффициентов свидетельствуют об умеренной, а не о высокой линейной связи. Дополнительно проведенное сравнение оценок членов группы и экспертов посредством критерия Уилкоксона показало их значимое различие по первому показателю ($Z=-1,97$, $p=0,04$) и отсутствие – по второму ($Z=-1,21$, $p=0,22$). Причем по первому показателю более высокие оценки даны членами группы ($\bar{=15,89$), чем экспертами ($\bar{=15,23$). Таким образом, первая гипотеза подтвердилась, но в большей степени относительно показателя «деятельность в трудных условиях».

Однако невозможно уверенно утверждать, чьи оценки – членов группы или внешних экспертов – являются более точными. Для каждой категории людей, которые выступают в качестве экспертов, оценивающих производственно-экономическую эффективность группы, характерна определенная субъективность. Члены многих групп и их непосредственные руководители склонны более позитивно оценивать данный вид эффективности своей группы, чем это есть на самом деле. Это обусловлено, во-первых, их стремлением к позитивной групповой идентичности и поддержанию более высокой самооценки; во-вторых, их опасением негативного отношения

со стороны высшего руководства в случае низкой оценки эффективности группы, чем определяется желание представить свою группу (и себя как ее часть) в позитивном свете перед высшим руководством. Руководители других подразделений как эксперты могут неточно оценивать какую-то группу в силу того, что: а) недостаточно хорошо знают результаты работы «чужой» группы; б) имеют хорошие отношения с непосредственным руководителем оцениваемой группы, а потому склонны давать более высокие оценки; в) понимают, что руководители оцениваемых ими групп со временем также могут выступить в качестве экспертов, оценивающих уже их собственную группу; поэтому многие из них стремятся давать более позитивные оценки. Представители высшего руководства организации, привлекаемые в качестве экспертов, могут не иметь полного представления о том, как работают группы, а значит, их оценки будут недостаточно точными. В нашем исследовании компьютерная программа осуществляла текущий контроль за явным искажением ответов и в подобных случаях блокировала работу программы, так что член группы или эксперт вынужден был пересматривать свои ответы. Однако это полностью не решает проблему объективности-субъективности оценок.

Сравнение групп и подгрупп по показателям их производственно-экономической и социально-психологической эффективности

Проведено сравнение между группами и подгруппами по каждому из двух показателей производственно-экономической эффективности (по оценкам внешних экспертов) и трех показателей социально-психологической эффективности (по оценкам членов группы) посредством расчета среднего значения и применения критерия Манна–Уитни. Установлено, что по показателю «выполнение плана и решение текущих задач» между группой ($x=15,23$) и подгруппой ($x=16,36$) существует статистически значимое различие ($Z=-2,06$, $p=0,04$), что свидетельствует о более высокой выраженности данного показателя эффективности у неформальных подгрупп по сравнению с группами. В свою очередь, по показателю «деятельность в трудных условиях» не выявлено существенного различия ($Z=-0,81$, $p=0,41$) между группами ($x=15,90$) и подгруппами ($x=16,31$).

Выявлено значимое различие между группами и подгруппами по всем показателям социально-психологической эффективности: «удовлетворенность членов групп/подгрупп и результатами ее деятельности» (соответственно, $x=8,32$ и $x=10,53$; $Z=-4,80$, $p=0,000$), «психологический комфорт членов в группе/подгруппе»

($\bar{x}=9,57$ и $\bar{x}=11,75$; $Z=-5,49$, $p=0,000$) и «содействие группы/подгруппы развитию своих членов» ($\bar{x}=9,29$ и $\bar{x}=11,26$; $Z=-5,22$, $p=0,000$). Во всех случаях социально-психологическая эффективность подгрупп выше, чем групп.

Следовательно, вторая гипотеза подтвердилась относительно одного из двух показателей производственно-экономической эффективности и всех показателей социально-психологической эффективности. Полученные результаты позволяют считать, что некоторые подгруппы могут более успешно решать определенные задачи совместной деятельности по сравнению с группой в целом. Однако они способны показывать высокие результаты тогда, когда мотивированы на решение стоящих перед ними задач и имеют высокую неформальную норму продуктивности. Поэтому в достаточно многочисленных по составу группах целесообразно организовывать совместную деятельность не только в рамках всей группы, но и в подгруппах, ставя перед ними определенные задачи.

Заключение

1. Производственно-экономическая эффективность группы должна оцениваться не только по объективным, но во многих случаях и по субъективным показателям. В последнем случае в качестве экспертов могут выступать члены группы, непосредственный руководитель изучаемой группы, руководители других структурных подразделений, представители руководства организации, а также клиенты. Оценки этих категорий экспертов могут варьировать и полностью не совпадать. В частности, в исследовании выявлена умеренная связь между восприятием производственно-экономической эффективности группы ее членами и внешними экспертами.
2. Целесообразно оценивать не только производственно-экономическую и социально-психологическую эффективность группы, но и каждой неформальной подгруппы, входящей в состав группы. Как установлено, неформальные подгруппы имеют значительно более высокие показатели этих двух видов эффективности, чем группы, в которые они включены.

Литература

Горбатенко А. С., Горбатенко Т. М. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 112–118.

- Сидоренков А. В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория: монография. Ростов-на-Дону, 2010.
- Сидоренков А. В., Ульянова Н. Ю. Методики изучения эффективности малых производственных групп // Российский психологический журнал. 2011. № 4. С. 9–16.
- Bommer W. H. et al. On the interchangeability of objective and subjective measures of employee performance: A meta-analysis // Personnel Psychology. 1995. V. 48. P. 587–605.
- Cohen S. G., Bailey D. E. What makes teams work: group effectiveness research from the shop floor to the executive suite // Journal of management. 1997. V. 23 (3). P. 239–290.
- Hackman J. R. Work teams in organizations: An orienting framework // Groups that work (and those that don't) / Ed. J. R. Hackman. San Francisco: Jossey-Bass, 1990. P. 1–14.
- Sidorenkov A. V., Pavlenko R. V. GROUP PROFILE Computer Technique: A Tool for Complex Study of Small Groups // SAGE Open. 2015. V. 5 (1). P. 1–13.

Subjective indicators of performance and social effectiveness of work groups

A. V. Sidorenkov (Rostov-on-Don)

Doctor of psychological Sciences, Professor, head of the Department of psychology and legal psychology, Southern Federal University

This paper contains the results of a study of two indicators perceived performance effectiveness and three indicators of social effectiveness of the work groups and informal subgroups in groups. Two corresponding questionnaires were developed for the study. Both questionnaires are included in the computer technology *Group Profile*, and they are integrated with a formalized method of depicting informal subgroups. 334 employees from 42 groups participated in the research. Moderate relationship between the production efficiency of group apprehended by members and external experts has been found. Informal subgroups have much higher rates of performance and social effectiveness in comparison with groups in which they are included.

Keywords: effectiveness of group, effectiveness of subgroup, performance effectiveness, social effectiveness, effectiveness indicators.

Основные стратегии достижения личностью социально-профессиональной востребованности

Ев. В. Харитонова (Краснодар)

*доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики
высшего образования, Кубанский государственный университет;
e-mail: veha_2000@mail.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования стиливых особенностей достижения личностью социально-профессиональной востребованности. С учетом двух возрастных этапов профессионализма СПВЛ (начального этапа – юношеский возраст и первый период среднего возраста; основного этапа – второй период среднего и пожилой возраст) проанализированы две основные эталонные (максимально адаптивные) стратегии достижения востребованности, в том числе представлены основные адаптивные способы взаимодействия с социально-профессиональной средой.

Ключевые слова: социально-профессиональная востребованность личности (СПВЛ), стили СПВЛ, стратегии достижения СПВЛ.

Введение

Произошедшие во всем мире в условиях растущей глобализации изменения привели к значительной трансформации рынка труда, обусловившей интерес многих исследователей к проблеме избыточности, неиспользуемости, невостребованности человеческих ресурсов. В английском языке термин «избыточный» обозначает одновременно «сокращенный» и «уволенный». По мнению З. Баумана быть «избыточным» означает, что другие в вас не нуждаются, могут сделать дело без вас и лучше вас (Бауман, 2008; Bauman, 2004). Анализ востребованности в основном проводится в контексте рассмотрения эффективности использования «человеческого капитала», причин

и последствий невостребованности или недовостребованности трудового потенциала различных поколений.

Можно выделить четыре основных подхода к изучению востребованности, представляющих различные уровни ее оценки: макроанализ востребованности трудовых ресурсов как показателя эффективности их использования; экзоанализ факторов формирования востребованности специалистов в контексте функционирования рынка труда (в том числе особенностей подготовки и переподготовки востребованных специалистов и альтернативных источников рабочей силы); мезоанализ различных моделей формирования благоприятных условий по рациональному использованию профессиональных способностей (знаний, опыта) и актуализации скрытых возможностей персонала в организации; микроанализ механизмов и факторов активизации личностных ресурсов социально-профессиональной востребованности.

Во многих исследованиях подчеркивается важность социальной и личностной составляющих для достижения человеком своей востребованности, но при этом их анализ сводится лишь к выявлению роли социальных сетей в построении карьеры и поиске работы, что значительно ограничивает роль социума и самой личности в создании системы востребованности, что обуславливает актуальность данного исследования.

Организация и методики эмпирического исследования

Целью нашего исследования являлся анализ стратегий достижения личностью социально-профессиональной востребованности.

В качестве *гипотезы* выступило предположение о наличии стилевых особенностей стратегий достижения личностью социально-профессиональной востребованности.

Выборку исследования составили 1004 человек (385 мужчин и 619 женщин) в возрасте от 17 до 74 лет.

Методический инструментарий исследования

В исследовании были использованы следующие *методики*: опросник «СПВЛ» (Е. В. Харитоновна, Б. А. Ясько); «Обзор ценностей» и «Профиль личности» (Ш. Шварц); «Тест смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев); «Эссе о смысле жизни» (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин); «Шкала базисных убеждений» (Р. Янофф-Бульман – в обработке М. А. Падун, А. В. Котельниковой); русскоязычная версия «Теста жизнестойкости» (С. Мадди – в обработке Д. А. Леонтьева и Е. И. Рас-

сказовой); «Диагностика мотивационной структуры личности» (Э. Мильман); тест-опросник самооотношения (В. В. Столин); «Стиль саморегуляции поведения (В. И. Моросанова); «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (в адаптации Т. Л. Крюковой); а также «Многоуровневый личностный опросник» (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин). Для статистической обработки полученных данных был использован пакет статистических программ SPSS 20.0: оценка однородности дисперсии с помощью F-критерия Ливиня, сравнение независимых выборок с помощью параметрического t-критерия Стьюдента или непараметрического U-критерия Манна–Уитни, иерархическая кластеризация, метод K-средних.

Результаты исследования

В целом полученные результаты можно представить в виде следующих положений.

В рамках трехфакторной модели социально-профессиональной востребованности личности были выделены восемь стилей СПВЛ, которые дифференцированы по уровню сформированности социально-, личностно- и профессионально-ориентированных характеристик, в свою очередь, обуславливающих разный уровень выраженности у личности социального интереса, самооотношения и способов взаимодействия с окружающей ее действительностью: НЗ – незрелая зависимая личность, не доверяющая миру и себе, высокоподвластная средовым воздействиям; Н2 – незрелая депрессивная личность с выраженным комплексом неполноценности; Н1 – созерцатель, не готовый к изменениям, ожидающий поддержки от других; СЗ – гедонист; С1 – созерцатель, стремящийся к самореализации; С2 – средневостребованная личность, избегающая неудач; В2 – максималист, стремящийся к успеху и склонный к риску; В1 – зрелая личность с выраженным социальным интересом, способная своевременно объективировать свою активность (Харитоновна, 2012).

С учетом выделяемых нами двух возрастных этапов профессиогенеза СПВЛ (начального этапа – юношеский возраст и первый период среднего возраста; основного этапа – второй период среднего возраста и пожилой возраст) можно охарактеризовать две основные эталонные (максимально адаптивные) стратегии достижения востребованности.

На начальном этапе профессиогенеза СПВЛ личность достигает востребованности, прежде всего, за счет стремления к максимальной самореализации в личностно-значимой деятельности. Высокий уровень принятия риска является отражением представления личности

о жизни как способе приобретения опыта, готовности действовать на свой страх и риск, даже не имея надежных гарантий успеха, отсутствии стремления к простому комфорту и безопасности как обедняющих жизнь личности. Такой человек активно усваивает знания из опыта (как позитивного, так и негативного) и эффективно их использует. При этом у личности снижены показатели оценивания результатов своей деятельности, что проявляется в невнимании к своим ошибкам и отсутствии критичности к собственным действиям. Недостаточная устойчивость субъективных критериев успешности может привести к резкому ухудшению качества результатов при возникновении внутренних или внешних трудностей. Такой человек ориентирован в своем поведении на самостоятельность и достижения; он выступает потребителем в житейской сфере при выраженной производительной ориентации в рабочей сфере. Ведущим мотивационным ориентиром в рабочей сфере выступает творческая активность. Это оптимисты с выраженной активной позицией, высоким уровнем жизнелюбия, уверенные в себе и позитивно себя оценивающие. Такой специалист востребован, способен активно преодолевать трудности, конкурентоспособен на рынке труда.

На основном этапе профессиогенеза СПВЛ человек достигает своей востребованности за счет серьезного вдумчивого отношения к выполняемой работе, приверженности социальным интересам и социальной уступчивости. Такой человек способен активно преодолевать трудности; ориентирован в своем поведении на доброту, достижения и безопасность. Ведущими мотивационными ориентирами выступают творческая активность и общественная польза при выраженной производительной ориентации в рабочей сфере. Система саморегуляции поведения характеризуется высоким уровнем сформированности. Такая личность стремится к избеганию неуспеха, обращена в мир внутренних переживаний, привержена социальным интересам и социальной уступчивости при выраженной аффилиативной потребности.

Особого внимания заслуживает анализ стратегий достижения СПВЛ представителями стиля С2 (личность, избегающая неудачи). Это люди зрелого возраста, в сложившихся условиях не имеющие возможности максимально реализовать свой профессиональный потенциал. При выраженной ориентации в своем поведении на доброту, самостоятельность и безопасность в житейской сфере они в рабочей сфере ориентированы на поддержание жизнеобеспечения, комфорта, мотивов творческой активности и общественной пользы. Широкий круг проблемных ситуаций, требующих своего разрешения, приводит их к преобладанию пассивной личностной позиции

с выраженной тенденцией к избеганию неудачи. Сниженные показатели СПВЛ, по сравнению с представителями стиля В1, являются отражением их осознанного выбора в пользу создания условий для благополучия своих близких, несмотря на значимость для них самореализации в профессиональной деятельности.

При преобразовании внешних или внутренних условий, ограничивающих возможности для социально-профессиональной самореализации личности, в отличие от дезадаптивных стратегий, демонстрируемых представителями стилей Н1, Н2 и Н3, для обоих эталонных стилей (В1 и В2), а также стиля С2 характерен целый ряд стратегий взаимодействия с социально-профессиональной средой: изменения личности в направлении достижения соответствия требованиям конкретной социально-профессиональной среды; изменения самой среды (например, переход на новую работу, расширение/сужение круга общения и др.) либо изменение отношения к среде в противовес пассивному ожиданию представителей стилей Н1, Н2 и Н3 изменения социально-профессиональной среды, в рамках которой они осуществляют свою деятельность.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволило подтвердить выдвинутое предположение о наличии стилевых особенностей стратегий достижения социально-профессиональной востребованности. Достижению личностью социально-профессиональной востребованности способствует ее способность к своевременному проявлению активности в личностно и социально значимой деятельности при одновременном учете требований к ней со стороны социума и профессии. При этом если молодое поколение достигает востребованности, прежде всего, за счет стремления к максимальной самореализации в личностно значимой деятельности при сниженном оценивании собственных результатов, некритичном отношении к своим действиям и склонности к высокому уровню принятия риска, то старшее поколение серьезно и вдумчиво относится к выполняемой работе, проявляя при этом социальный интерес и социальную уступчивость.

Литература

- Бауман З. *Текучая современность (Liquid:Modernity)*. СПб., 2008.
- Харитоновна Е. В. *Структура и динамика социально-профессиональной востребованности личности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2012.*

Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK: Polity, 2004.

Key strategies to achieve the identity of a social professional demand

E. V. Kharitonova (Krasnodar)

Doctor of psychological Sciences, Docent, Professor at the Department of social work, psychology and pedagogics of higher education, Kuban state University

The article presents the results of empirical research of stylistic peculiarities of the personality achievement of socio-professional demand. Taking into account two age stages profессиogenesis SPVL (initial stage – adolescence and the first period of middle age; the main stage – the second period of the middle and older age) analyzed the two main reference (most adaptive) strategy for achieving relevance, including presents the basic adaptive ways of interacting with the socio-professional environment.

Keywords: socio-professional relevance of personality (SPVL), SPWL styles, strategies for achieving SPVL.

Организационная логика в региональном контексте¹

*В. Ю. Хотинец**, *О. В. Кожевникова*** (Ижевск)

**доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Удмуртский государственный университет;
e-mail: khotinets@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии, Удмуртский государственный университет;
e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com*

Обсуждается вопрос о разнообразных формах организационной логики (легитимирующего принципа институционализированных отношений власти – М. Кастельс) в разных культурных (национальном, региональном) контекстах. Средствами структурного моделирования (SEM) построена итоговая (апостериорная) структурная модель, подтверждающая гипотезу о том, что параметрические характеристики организационной культуры согласованы с ценностями региональной культуры на примере организаций, функционирующих на территории с различным культурным фоном (с персональным составом преимущественно русскоязычным, N=86, удмуртскоязычным, N=112).

Ключевые слова: культурные ценности, региональная культура, организационная логика, структурное моделирование.

Постановка проблемы

Возрастающий интерес психологов к исследованию современной организации обусловлен важностью организационно-психологических исследований и развитием внутренней логики психологии в направлении учета широкого социокультурного контекста. В менеджменте в последние десятилетия активно развивается новое на-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-18-00049.

правление – управление изменениями, позволяющее перемещать индивидов, группы и организации в будущее желательное состояние. Организации стремятся к тому, чтобы неизбежно возникающие противоречия приводили не к кризисам, а к «будущему, желательному состоянию» (Журавлёв, Занковский, 2017).

В этом плане практика управления пытается определиться с некоей базовой опорой, на основе которой можно просчитывать потенциальные траектории развития организации с высокой возможностью достижения реального результата вне разрушающих рисков. В науке и практике все больше утверждается, что национальная культура фундаментально проявляет себя через свою встроенность в институты и организации. Имеющая значение для структуры и развития экономической системы культура воплощается в организационных логиках – легитимирующих принципах институционализированных отношений власти (Кастельс, 2000) культурного региона. В статье под культурным регионом понимается форма территориальной организации социальной структуры общества, социальных связей и отношений, социальных процессов и институтов с разделяемыми ценностями.

Региональная культура все чаще привлекает внимание исследователей в связи с обсуждением способов осуществления деятельности организации. Так, М. Мейер подчеркивает значительные различия между отдельными городами и штатами США, в том числе в плане организации делового взаимодействия (Meyer, 2014). А. Джеймс осуществляет детальный анализ влияния региональной культуры штата Юта, ассоциируемой, прежде всего, с мормонизмом, определяющим не только религиозные воззрения, но и жизненный уклад значительной части населения, на организационную. Автор установил, что региональная культура в целом и региональная индустриальная культура определяют специфику отдельных корпоративных культур на уровне корпоративной стратегии организации и каждодневных практик (James, 2003). Китайские исследователи из Харбинского технологического института высказывают предположение об изоморфности региональной и организационной культур. На примере одной из крупных китайских нефтяных корпораций наглядно продемонстрировано, что выявленные формы организационной культуры – клан и иерархия – гармонируют с доминирующими в регионе коллективизмом и ориентацией на командную работу, соответствующими так называемому «духу Дацин» (Wang, 2011).

Надо полагать, что композиция фундаментальных оснований жизнедеятельности (национальная, этническая, региональная культура) (Хотинец, 2012) и смысловых оснований профессиональной

деятельности (организационная культура) позволяет менеджменту в неустойчивой среде превзойти границы выживаемости и решительно ответить на всевозможные вызовы и риски (Хотинец, Кожевникова, 2017).

Организация и методики эмпирического исследования

На основании поставленной проблемы в исследовании была выдвинута *гипотеза* о согласованности параметрических характеристик организационной культуры с ценностями региональной культуры.

Цель исследования – построение модели влияния ценностей региональной культуры на организационную эффективность предприятий для обеспечения управления организационными процессами в поликультурном регионе.

Выборку исследования составили 198 сотрудников крупной организации с филиалами в районных центрах Удмуртской Республики: с русофоном (персональный состав – преимущественно русскоязычный) (всего 86 чел.) и удмуртофоном (персональный состав – преимущественно удмуртскоязычный) (всего 112 чел.).

Для сбора эмпирических данных применялись следующие *методики*: VSM-13 (The Values Survey Module), диагностирующая особенности национальной культуры (Г. Хофстеде); OCAI (Organizational Culture Assessment Instrument), измеряющая специфику организационной культуры (К. Камерон, Р. Куинн).

Эмпирические данные обрабатывались с помощью методов математической статистики: описательная статистика, непараметрический критерий U Манна–Уитни. В качестве основного статистического метода была применена процедура структурного моделирования (моделирование структурными уравнениями – structural equation modeling, SEM) с применением специализированного программного обеспечения IBM SPSS Statistics 22.0 for Windows со встроенным модулем IBM SPSS AMOS 22.0. Структурное моделирование в нашем исследовании позволило выявить набор факторов – региональных ценностей (независимые переменные), привносящих вклад в становление того или иного типа существующей организационной культуры (зависимые переменные) – и спрогнозировать их будущие изменения.

Результаты исследования

В ходе анализа описательной статистики показателей (оценки на индивидуальном уровне) национальной культуры (Г. Хофстеде) выяв-

лено, что все значения культурных ценностей в выборочной совокупности занимают средние позиции, что подтверждает утверждение Г. Хофстеде о стремлении оценок большинства культур к условному центру между выделяемыми полюсами. Здесь нужно иметь в виду культурную специфику «серединности» России, расположенной на пограничье Запада и Востока, с одной стороны, на восточных границах Западного цивилизационного ареала, при этом включенной в круг культурно-исторических событий Восточного мира, с другой.

По результатам применения методики ОСАИ нами были построены актуальные и предпочтительные профили организационной культуры предприятий с разным культурным фоном (рисунок 1а, б).

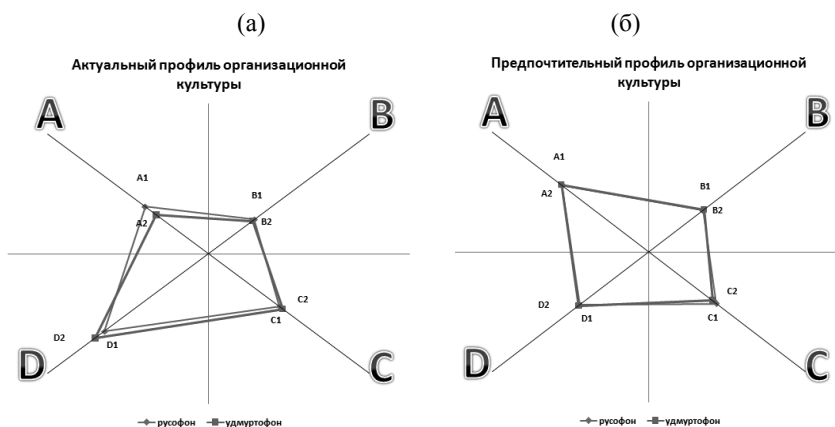

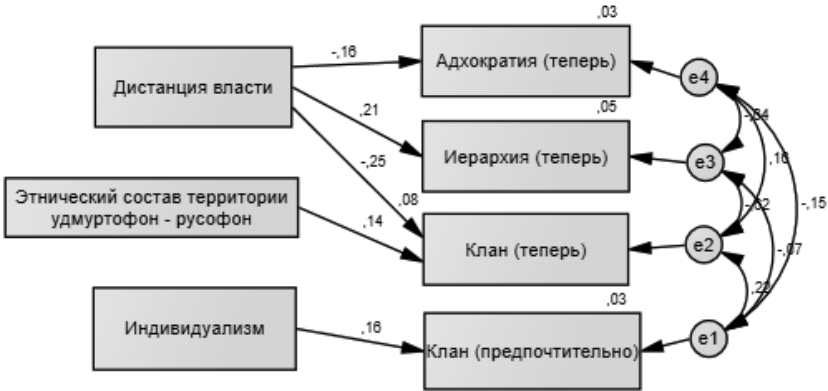
Рис. 1. Профиль организационной культуры.

(а) – актуальный профиль, (б) – предпочтительный профиль, русофон – организации с персональным составом преимущественно русскоязычным, удмуртофон – организации с персональным составом преимущественно удмуртскоязычным; А – клановая культура, В – адхократическая культура, С – рыночная культура, Д – иерархическая культура

В актуальном профиле организационной культуры (рисунок 1а) большую выраженность в обоих выборках получила иерархическая культура, критериями эффективности которой являются рентабельность, своевременность, плавное функционирование и предсказуемость. Однако в организациях с удмуртофоном средние значения показателей иерархической культуры выше, а клановой – достоверно ниже ($U=3566, p \leq 0,005$). Заметим, что для всех респондентов именно клановая организационная культура (рисунок 1б) является предпочтительной, привлекая сплоченностью организации,

высоким уровнем морали и удовлетворенностью наемных рабочих условиями труда, развитием человеческих ресурсов и бригадной формой работы. Повышение предпочтительности клановой культуры происходит на фоне ослабления иерархической, предполагается переход из области стабильности и контроля в зону гибкости и дискретности.

Для верификации гипотезы о влиянии региональной культурной среды на организационную культуру была проведена процедура структурного моделирования AMOS (рисунок 2).

Хи-квадрат=13,288; df=10; p=.208; CFI=.974; GFI=.997; RMSEA=.041

Рис. 2. Итоговая апостериорная модель влияния ценностей региональной культуры на организационную эффективность предприятия.

В прямоугольных контурах – явные переменные-индикаторы (экзогенные/независимые и эндогенные/зависимые), в округлых контурах – ошибки эндогенных переменных, обусловленные их спецификой, числа у направленных (односторонних) стрелок – стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных (двусторонних) стрелок – величины корреляций между переменными

Использование в качестве независимых переменных ценностей «дистанция власти» и «индивидуализм/коллективизм» в структурном моделировании объясняется тем, что первая в большей мере влияет на формирование организационной структуры, а вторая – на функционирование людей в рамках организации. Кроме того, по результатам исследования Г. Хофстеде, эти ценности являются отличительными в российской культуре (Hofstede, 2010).

С учетом направленности отношений между переменными установлено, что высокая дистанция власти (неравенство между властью и институционализированными группами) порождает сложную иерархическую структуру в организации с множеством уровней менеджмента, громадным количеством стандартизованных процедур с подкрепленными правилами всех сторон деятельности и бюрократической волокитой.

В тех организациях, где уровень дистанции власти ниже, но вместе с тем деятельность персонала строго специализирована, организационная культура приближается к адхократической форме с необходимостью производства новаторской продукции и услуг, быстрой адаптацией к новым возможностям при изменении требований к производству.

Когда быстро меняющаяся внешняя среда создает менеджерам трудности в долгосрочном планировании, а принятие решений сопряжено с неопределенностью, эффективным принципом координации организационной деятельности становится клановый с привлечением наемных работников в бизнес и делегированием им определенных полномочий. По результатам моделирования такая система управления в большинстве своем функционирует на предприятиях в районных центрах с русофоном. К тому же установлено, что в организациях с коллективистическими ценностями предпочтительной является именно клановая структура управления с опорой на коллектив, поддержанием групповой идентичности, разделением корпоративных ценностей и целей, поддержкой и заботой со стороны руководства (Cameron, 2006).

Заключение

Согласно результатам проведенного исследования, организационная логика, проявляющаяся в разнообразных формах в разных институциональных и культурных контекстах, упорядочивает пространство организационных ценностей в согласовании с культурным фоном региона. На основании построенной итоговой (апостериорной) структурной модели подтверждается гипотеза о том, что параметрические характеристики организационной культуры согласованы с ценностями региональной культуры. Традиционное сознание русских, основанное на этнической картине мира с общинной организацией пространства жизнедеятельности, предопределяет предпочтительность клановой структуры организации с высокой сплоченностью коллектива и благоприятным психологическим климатом. Религиозно-мифологические представления удмуртов со строгой ие-

рархической соподчиненностью в пантеоне языческих богов до сих пор отражаются в различных сферах жизнедеятельности современных удмуртов, поныне придерживающихся языческих воззрений. Для них наиболее эффективными в системе управления являются принципы иерархической культуры, связанные с распределением властных полномочий, обязанностей, ответственности, стандартизованными правилами и процедурами, действенными механизмами контроля со стороны руководства.

Литература

- Журавлёв А. Л., Занковский А. Н.* Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77–88.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000.
- Хотинец В. Ю.* Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: Учеб. пособие. М.: Форум, 2012.
- Хотинец В. Ю., Кожевникова О. В.* Организационная логика в институциональном и культурном контекстах // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. «Экономика и право». Ижевск: Изд-во УдГУ, 2017. Т.27. № 1. С. 62–72.
- Cameron K. S., Quinn R. E.* Diagnosing and changing organizational culture: based on the competing values framework. Revised ed. San Francisco. Jossey-Bass: Wiley Imprint, 2006.
- Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M.* Cultures and organizations: software of the mind. Revised and expanded third edition. N. Y.: McGraw-Hill, 2010.
- James A.* Regional culture, corporate strategy and high tech innovation: Salt Lake City. Ph. D. dissertation, University of Cambridge, 2003.
- Meyer E.* The culture map: breaking through the invisible boundaries of global business. Public Affairs, 2014.
- Wang Y., Hao Y., Shi S.* Isomorphic relationship between regional culture and organizational culture: A case study of Daqing Oilfield Limited Company // MSIE 2011. Harbin, 2011. С. 65–69.

Organizational logic in the regional context

*V. Yu. Khotinets**, *O. V. Kozhevnikova*** (*Izhevsk*)

* Doctor of psychological Sciences, Full Professor,
head of the Department of General psychology, Udmurt State University

** Candidate of psychological Sciences, Docent, Associate Professor
of General psychology, Udmurt State University

The question of various forms of organizational logic (which is defined as a legitimating principle of the institutionalized power relations (M. Castells)) in different cultural (national & regional) contexts is discussed. Using structural modeling (SEM) procedures, we have constructed a final (a posteriori) structural model proving our hypothesis that parametrical characteristics of organizational culture are conformed with values of regional culture in the organizations functioning in the territory with various cultural backgrounds (having mainly Russian-speaking (N=86) and Udmurt-speaking (N=112) employees).

Keywords: cultural values, regional culture, organizational logic, structural modeling.

Профессиональный оптимизм: размышления о понятии и психологических маркерах

Б. А. Ясько (Краснодар)

*доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры
управления персоналом и организационной психологии,
Кубанский государственный университет; e-mail: shabela@yandex.ru*

Предлагается подход, согласно которому профессиональный оптимизм рассматривается как система, включающая операциональный и психологический компоненты. Приведены данные эмпирического исследования, демонстрирующие психологические маркеры профессионального оптимизма (позитивные профессиональные ожидания; высокая самооценка профессиональной востребованности, уровня реализации профессионального потенциала, принадлежности к профессиональному сообществу; преобладание профессиональной гиперидентичности, ориентация на профессиональные достижения) и пессимизма (размеренная профессиональная активность, подверженность редукции достижений; малая значимость для субъекта отношения других к его деятельности; сниженный уровень самоотношения к себе как профессионалу, обостренное переживание профессиональной востребованности; склонность к кризису профессиональной идентичности).

Ключевые слова: профессиональный оптимизм, профессиональная востребованность; профессиональная идентичность (гиперидентичность, мораторий идентичности, достигнутая идентичность); редукция профессиональных достижений.

Постановка проблемы

Понятие оптимизма давно признано психологами практически всех направлений и школ и наполнено достаточно емким содержанием. В энциклопедических словарях оптимизм определяется как пред-

ставление о том, что в мире господствует положительное начало, добро (Советский энциклопедический словарь, 1980, с. 943).

Сегодня можно выделить три основных подхода в изучении феноменов оптимизма и пессимизма: исследования оптимизма в конструктах диспозиционных концепций (Муздыбаев, 2003; Carver, Scheier, 2002; и др.); атрибутивного стиля (Селигман, 2006; Peterson, 2000; и др.), а также работы, посвященные анализу позитивных аспектов пессимизма, в которых подвергается критике преувеличение достоинств оптимизма и позитивного мышления (Held, 2004; и др.).

О. А. Сычев делает попытку рассмотреть сильные и слабые стороны оптимизма и пессимизма личности в профессиональной деятельности. Он предполагает, что сильные стороны оптимистов проявляются в настойчивости и способности относительно легко преодолевать трудности и неудачи. Слабая сторона оптимизма связана с недооценкой опасности, сложности ситуации. Если цена неудачи высока, то оптимизм – неверная стратегия, поэтому в некоторых сферах деятельности пессимисты оказываются незаменимы, заключает О. А. Сычев. Ссылаясь на данные М. Селигмана, автор называет виды деятельности, в которых прогностически более успешны оптимисты или пессимисты. Так, оптимизм – необходимая черта для тех профессий, где необходимо идти на риск, принимать решения, проявлять настойчивость. В качестве примера приводится деятельность страховых агентов, которые постоянно сталкиваются с отказами и должны при этом сохранять настойчивость, не принимая неудачи на свой счет. Пессимисты же более эффективны в профессиях, требующих не столько настойчивости и креативности, сколько предусмотрительности и аналитичности. В качестве примера приводятся профессии инженера по технике безопасности, финансово-директора, бухгалтера (Сычев, 2008).

С нашей точки зрения, профессиональный оптимизм является конструктом, включающим два равнозначных компонента: операциональный и психологический. Операциональный оптимизм означает уверенность субъекта в компетентностной готовности к исполнению профессиональных задач в конкретных видах деятельности. Операциональная оптимистичность состоит не только в позитивной оценке достигнутого уровня профессионализма, но, что весьма существенно, – в ориентации на постоянный профессиональный рост, самосовершенствование и саморазвитие.

Противостоит операциональному оптимизму пессимизм – неуверенность в собственной компетентности или в компетентностных возможностях той профессиональной среды, к которой субъект принадлежит.

Психологический компонент профессионального оптимизма, вероятно, можно обозначить в характеристиках позитивной профессиональной идентичности, профессиональной востребованности, направленности на профессиональные достижения. Здесь оптимистичный настрой профессионала состоит в высокой оценке социальной значимости профессии и преданности ей, в принятии профессиональной роли, в служении профессиональному долгу, независимо от складывающихся жизненных, социальных обстоятельств. Именно такие специалисты остаются в рядах профессионалов, ведут за собой молодых, учат их, создают профессиональные школы не только в светлые и благодатные социальные периоды, но и в самые трудные времена (вспомним, к примеру, опытных специалистов сыска, инженеров, архитекторов, врачей – многих представителей российской интеллигенции, верой и правдой служивших стране после революции 1917 г.).

Организация и методики эмпирического исследования

Для первичной проверки *гипотезы* о психологических составляющих профессионального оптимизма было проведено эмпирическое исследование.

Выборку исследования составили специалисты, имеющие высшее образование (медицинские работники, менеджеры по персоналу). Первоначально в группу вошли 62 человека с продолжительностью профессионального стажа от 5 до 10 лет; средний возраст $33,4 \pm 3,3$ лет (26 мужчин; 36 женщин).

Методики исследования

Использована следующая совокупность методик: Тест на оптимизм («Life Orientation Test Revised», «LOT-R») Ч. Шейера и М. Карвера в адаптации О. А. Сычева (О. Сычев, 2008); «Опросник профессиональной востребованности личности» (Харитоновна, Ясько, 2009); методика на определение статусов профессиональной идентичности (Шнейдер, 2007); шкала «Редукция профессиональных достижений» опросника на выгорание, адаптированного Н. Е. Водопьяновой для медицинских работников и менеджеров (Водопьянова, 2009).

Результаты исследования

На первом этапе исследования была проведена диагностика всех участников по методике «LOT-R». Поскольку интерпретация резуль-

татов теста предполагает выделение четырех уровней выраженности оптимизма как личностного качества (высокий, выше среднего, ниже среднего, низкий), было принято решение взять за основу два дифференцирующих критерия: высокий и низкий уровни, что соответствует полярным диспозициям оси «оптимизм–пессимизм». Респонденты, диагностические показатели которых попадали в зону уровней «выше среднего» и «ниже среднего», выбывали из дальнейших обследований.

В группе респондентов первоначального состава выраженный оптимизм как личностное качество обнаружили 28 человек (45,2%), а пессимистические склонности оказались характерны для 20 испытуемых (32,3%). Следует отметить, что оптимизм более выражен в женской среде (17 человек из 28, т. е. 60,7%), а пессимизм – в мужской части нашей выборки (11 человек из 28, т. е. 39,3%).

Таким образом, в дальнейшем исследовании приняли участие 48 респондентов, из них лиц мужского пола 23 человек, женского пола – 25 человек. Для упрощения дальнейшего описания вводим условные обозначения двух образовавшихся групп испытуемых: «оптимисты» (28 человек) и «пессимисты» (20 человек.).

Анализ показателей профессиональной востребованности обнаружил, что для «оптимистов» высокую значимость в профессиональной самооценке имеют: осознание принадлежности к профессиональному сообществу; профессиональный авторитет; профессиональная компетентность. Для них характерно позитивное отношение к себе как профессионалу. Показатели по всем шкалам, определяющим названные компоненты профессиональной востребованности, находятся в диапазоне высоких значений (таблица 1).

«Пессимисты» не склонны к высоким оценкам собственного профессионального статуса. Только по одному показателю установлен высокий уровень – это восприятие отношения других к себе как профессионалу, отражающее убежденность респондентов в своем профессиональной авторитетности в глазах других. Парадоксальность результатов тестирования состоит в том, что высокие оценки по шкале «Отношение других» сочетаются со сниженными по шкале «Соотношение», что свидетельствует об ущемленности чувства профессионального достоинства и самоуважения.

Корреляционный анализ вскрыл определенные линейные взаимосвязи между показателями профессиональной востребованности и оптимизмом/пессимизмом в обследованных группах. Для «оптимистов» свойственна опора на такие компоненты профессиональной востребованности, как профессиональная компетентность и авторитет, высокий уровень самоотношения к себе как профес-

Таблица 1

Диагностические показатели по шкалам опросника профессиональной востребованности личности (ПВЛ) в группах «оптимистов» и «пессимистов»

Шкалы ПВЛ	«Оптимисты» (28 чел.)		«Пессимисты» (20 чел.)	
	М±σ	уровень	М±σ	уровень
Уровень реализации профессионального потенциала (УРПП)	27,4±4,12	средний	23,8±1,92	средний
Принадлежность к профессиональному сообществу (ППС)	30,4±1,40	высокий	25,6±3,08	средний
Переживание профессиональной востребованности (ППВ)	30,2±1,25	средний	18,4±1,40	низкий
Профессиональная компетентность (ПК)	29,7±1,85	высокий	27,4±2,63	средний
Профессиональный авторитет (ПА)	30,4±2,04	высокий	20,8±3,07	средний
Оценка результатов профессиональной деятельности (ОРПД)	28,7±3,06	средний	22,6±2,54	средний
Отношение других (ОД)	30,8±2,46	средний	35,8±1,96	высокий
Самоотношение (СО)	28,7±2,13	высокий	18,0±3,41	низкий

сионалу, чувство принадлежности к профессиональному сообществу.

Снижение уровня оптимизма и преобладание пессимистических личностных установок ведет к уменьшению значимости для профессионала отношения других к его деятельности, обостряет переживание профессиональной востребованности, снижает уровень самооценки, что отражается в отрицательных показателях корреляций по шкалам «ППВ»; «ОД» и «СО» (рисунок 1).

Своеобразно выглядят и преобладающие типы (статусы) профессиональной идентичности в группах, дифференцированные по уровню оптимизма. У выраженных оптимистов в среднегрупповых значениях констатируется статус «гиперидентичности» ($M=4,9\pm 1,42$); у «пессимистов» – статус «достигнутой» ПИ ($M=3,4\pm 0,81$). Сравнение показывает достоверно более выраженный оптимальный тип профессиональной идентичности у «пессимистов» и повышенной профессиональной активности («гиперидентичность») у «оптимистов» (таблица 2).

Эти данные можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в интерпретации профессионального пессимизма как размеренного, продуманного и организованного в жизненном про-

Таблица 2

Выраженность основных типов профессиональной идентичности в группах «оптимистов» и «пессимистов»

Статусы ПИ	«Оптимисты»		«Пессимисты»		Различия
	Абс. (чел.)	%	Абс. (чел.)	%	
Навязанная	–	–	–	–	–
Диффузная	1	3,6	–	–	–
Мораторий	1	3,6	6	30,0	–
Достигнутая	8	28,6	10	50,0	$\varphi^*=1,51; p\leq 0,06$
Гиперидентичность	18	64,3	4	20,0	$\varphi^*=3,19; p\leq 0,000$

странстве бытия личности в плане отношения к профессии и к уровню актуальной профессиональной активности.

Корреляционный анализ вскрыл тенденцию положительной связи между высокими показателями оптимизма и возрастающей идентификацией личности с профессией ($r=0,301$). При этом устойчивых связей между показателями профессиональной идентичности и пессимизмом не выявлено ($r=0,015$).

Оптимистическая жизненная позиция, очевидно, сказывается на формировании симптоматики профессионального выгорания, в частности, редукции профессиональной успешности. Результаты тестирования обнаружили, что в выборке «оптимистов» нет показателей, маркирующих состояние «выгорания» в профессии. Данные распределились в два блока: 8 респондентов (28,6%) проявляют некоторую тенденцию к развитию редукции достижений (средний уровень выгорания), остальные не имеют признаков дезадаптации по данному параметру.

У «пессимистов» более разнообразная картина: 17 респондентов (85,0%) обнаружили средние показатели, и лишь двое из опрошенных показали отсутствие данного симптома.

Выявлена корреляционная зависимость между редукцией достижений и оптимизмом/пессимизмом: чем выше оптимистические установки личности, тем менее она склонна к редуцированию профессиональных достижений. Характерно, что такая связь обнаружена в обеих группах (рисунок 1).

Заключение

Приведенные данные эмпирического исследования показали, что психологический компонент профессионального оптимизма может рассматриваться как *позитивные профессиональные ожидания, ос-*

--	--

Примечания

Типы линий		Направление связей		Уровень достоверности (p)	
		Положительные		0,05 > p < 0,01	
		Отрицательные			
положительные/ отрицательные как тенденция (p < 0,1)					
1	ПА (проф. авторитет); r=0,543				
2	СО (самоотношение) r=0,506	7	ОД (отношение других) r= -0,522		
3	ППС (принадлежность к проф. сообществу) r=0,367	8	ППВ (переживание профессиональной востребованности) r= -0,423		
4	ПК (проф. компетентность) r=0,875	9	СО (самоотношение) r= -0,737		
5	РД (редукция достижений) r=0,644	10	РД (редукция достижений) r=0,811		
6	ПИ (проф. идентичность) r=0,301				

Рис. 1. Корреляционные связи переменных оптимизма и пессимизма с показателями шкал профессиональной востребованности, профессиональной идентичностью, редукцией достижений, интерперсональными защитами

нованные на высокой самооценке личностью профессиональной востребованности и ее составляющих (уровня реализации профессионального потенциала; принадлежности к профессиональному сообществу; профессионального авторитета; самоотношения к себе как профессионалу).

Профессиональный пессимизм, с одной стороны, способствует размеренной, продуманной и организованной профессиональной активности. С другой стороны, пессимистически настроенная личность склонна к редукции достижений; ей свойственны малая значимость отношения других к ее деятельности, сниженный уровень самоотношения к себе как профессионалу, обостренное переживание профессиональной востребованности.

Разработку содержательного обоснования конструкта «профессиональный оптимизм» можно рассматривать как актуальное,

востребованное современной социальной практикой направление исследований в области психологии труда и организационной психологии. Возможно, что определенным ресурсом обладает подход, согласно которому профессиональный оптимизм будет рассматриваться как система, включающая два компонента: операциональный и психологический.

Литература

- Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
- Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности (опыт социолого-психологического исследования) // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 87–96.
- Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. Пер. с англ. М., 2006.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
- Сычев О. А. Психология оптимизма: учебно-методическое пособие к спецкурсу. Бийск, 2008.
- Харитонова Е. В., Ясько Б. А. Опросник «Опросник профессиональной востребованности личности» (ПВЛ): методическое руководство. Краснодар, 2009.
- Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.
- Carver C. S., Scheier M. F. Optimism // Handbook of Positive Psychology / Eds C. R. Snyder, S. J. Lopez. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Held B. S. The negative side of positive psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2004. V. 44. № 1. P. 9–46.
- Peterson C. The Future of Optimism // American Psychologist. 2000. V. 55. № 1. P. 44–55.

Professional optimism: reflections on the concept and psychological markers

B. A. Yasko (Krasnodar)

Doctor of psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of personnel management and organizational psychology, Kuban State University

We propose an approach, according to which professional optimism is regarded as a system that includes operational and psychological components. The results of empirical research demonstrate the psychological markers of professional optimism (positive job expectations; high self-esteem of

the professional demand, the level of implementation of professional capacity, the professional community; the prevalence of professional hyperidentity, focus on professional achievements) and pessimism (measured by professional activity, exposure reduction achievements; small relevance to the subject of the relation to its other activities; reduced level of the self to itself as a professional, a heightened experience of the professional demand; the tendency to crisis of professional identity).

Keywords: professional optimism, professional relevance; professional identity (hyperidentity, moratorium identity, achieved identity); reduction of professional achievements.

Раздел XII
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность

А. Л. Журавлёв (Москва), Н. В. Тарабрина** (Москва),
Л. А. Головей*** (Санкт-Петербург)*

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Института психологии РАН; e-mail: adm3@psychol.ras.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
ИП РАН; e-mail: nvtarab@gmail.com*

**** доктор психологических наук, профессор, СПбГУ,
зав. кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии;
e-mail: lgolovey@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению проблемы междисциплинарных исследований в психологической науке. В историческом аспекте рассматривается учение Ананьева о психологической структуре человека и месте психологии в системе наук в качестве основания для постановки проблемы междисциплинарных исследований. В качестве предпосылки для постановки этой проблемы подчеркивается роль системного подхода Ломова. Проанализированы уровни организации междисциплинарных исследований и трудности, с которыми сталкиваются исследователи на современном этапе. Рассмотрены примеры современных междисциплинарных исследований в разных областях психологии.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, отрасли психологии, методология науки, комплексные исследования, психологическая структура человека

Актуальность междисциплинарных исследований сегодня

В современной науке роль междисциплинарных исследований возрастает, более того, «приоритетными все в большей мере становятся именно междисциплинарные исследования, и это касается

не только психологии, но и всей науки в целом» (Журавлёв, 2003, с. 7). Факторами, обосновывающими необходимость междисциплинарных исследований, можно считать, в первую очередь, накопление знаний о человеке в самой психологии и смежных областях, которые делают очевидным невозможность силами одной какой-либо науки исследовать и объяснить закономерности психической жизни человека. Более того, с учетом сложной структуры человека, включающей свойства индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности с их многочисленными иерархическими связями и отношениями, становится очевидно, что *целостное познание человека* возможно только в *междисциплинарных* исследованиях. Стремление к целостному познанию человека и понимание необходимости этого способствуют появлению все новых зон взаимодействия и роста. Известно, что точки роста научного знания появляются на стыках научных областей. Так было с биофизикой, биохимией, нейробиологией и многими другими современными науками. В настоящее время появляются целые самостоятельные отрасли, например, когнитивные науки, генетика поведения, которые в содружестве с психологией добывают новые знания о человеке (см., напр.: Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; и др.). Этому способствует и прогресс самой психологической науки, совершенствование методов научного познания, благодаря чему психологическая наука может предложить другим наукам апробированные принципы и методы решения актуальных проблем современности (Прогресс психологии..., 2009).

Помимо этого, в настоящее время значительную роль играют потребности психологической и социальной практики, которые показывают, что эффективное решение психологией проблем современного общества возможно либо с помощью знаний, накопленных другими науками, либо в совместных исследованиях с представителями смежных дисциплин. Важно отметить, что современный этап развития общества с его многочисленными угрозами и вызовами предъявляет все более высокие требования к адапционным возможностям человека, его ресурсам и требует более полного знания о закономерностях человеческой психики и ее развитии (см.: Психология адаптации..., 2007; и др.). Все эти чрезвычайно сложные проблемы невозможно решить усилиями только одной науки.

Немаловажную роль играет появление все новых отраслей психологии. Если в 1960-х годах Б. Ф. Ломов писал о существовании более чем 40 областей психологии, то сейчас их можно насчитать более сотни, и при этом возникают все новые отрасли, что, безусловно, является следствием углубления и дифференциации знаний о чело-

веке и надежным показателем интенсивного развития психологической науки. Сегодня подчеркивается *атрибутивная междисциплинарность* психологической науки как неотъемлемо принадлежащий ей признак, выделяются три уровня организации междисциплинарных исследований. Одним из первых ее уровней можно считать *внутрипсихологический* – исследование тех проблем, которые возникают на границах различных отраслей психологии (Журавлёв, 2003). Именно они определяют современное развитие психологической науки. Рассмотрение таких пограничных зон лишь одной только социальной психологией позволяет выделить: социопсихолингвистику, социально-политическую, социально-экономическую, социально-экологическую психологию, социальную психологию труда и управления, социальную психологию личности, социальную психологию искусства, социальную психологию развития и мн. др. *Внепсихологический* уровень междисциплинарных исследований подразумевает разработки, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, историей, социологией, этнологией, экологией и т. п. Специфика междисциплинарности, характерная для психологии, заключается в том, что она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и многие ее отрасли включились в состав других наук. К таким отраслям можно отнести инженерную психологию, клиническую (или медицинскую) психологию, физиологическую психологию, педагогическую психологию, экономическую психологию, экологическую психологию, политическую психологию и др. Все эти отрасли сохранили свою принадлежность и к психологической науке. Это новый третий уровень междисциплинарности – *внепсихологический*.

Методологические основания междисциплинарных исследований

Идеи междисциплинарных исследований в российской психологии берут свое начало от комплексных исследований человека, программы которых были разработаны и реализованы под руководством Б. Г. Ананьева. Рассматривая проблему человека как общую для науки, Ананьев писал о сближении и взаимодействии медицинских, педагогических, технических и других наук в единой *системе комплексного человекознания*. Он выделял стержневые проблемы, вокруг которых концентрировались междисциплинарные связи. При этом он говорил о том, что психология в силу своего центрального положения между естественными и социогуманитарными науками становится центром интеграции всех знаний о человеке и видел в этом

историческую миссию психологии (Ананьев, 1968). Эти идеи созвучны взглядам Ж. Пиаже на междисциплинарные связи психологии и ее место в системе наук, изложенным в лекции на XVIII Международном психологическом конгрессе, состоявшемся в Москве в 1966 г. (Пиаже, 1966). Пиаже полагал, что центральное место психологии объясняется тем, что интеграция знаний происходит благодаря интеллектуальным способностям человека: интеллект с его операциональными структурами он рассматривал как средство познания в любой научной отрасли. Взгляд Ананьева на эту проблему шире: он обосновал связи психологии с другими науками не только по когнитивным механизмам научного познания, но, прежде всего, по общему для них объекту – человеку, а также с опорой на понимание психологической структуры человека как сложной многоуровневой системы.

Идеи о необходимости междисциплинарных исследований воплотились в создание в 1965 г. на базе Ленинградского государственного университета научно-исследовательского Института комплексных социальных исследований (НИИКСИ), в составе которого наряду с лабораторией дифференциальной психологии и антропологии, которую возглавил Ананьев, были лаборатории экономики, социологии, проблем студенчества, позднее – социальной психологии и др. В начале 1970-х годов Ананьев писал: «После революции в бехтеревском институте по изучению мозга и психической деятельности были заложены основы комплексного изучения человека. Об этом уместно вспомнить теперь, в эпоху фронтального движения всех основных наук к познанию человека. По мере применения к изучению человека новейших физико-математических и математических методов, кибернетических концепций, учета человеческих факторов в технических науках все эти науки входят в систему современного человекознания наряду со многими биологическими, историческими, педагогическими, медицинскими и другими науками» (Ананьев, 1977, с. 315). Организационно идеи междисциплинарных исследований воплотились также в создание в Ленинградском государственном университете лабораторий, а затем и кафедр инженерной психологии, социальной психологии, дифференциальной психологии, открытие специализации по медицинской психологии и антропологии. Возглавили эти научные направления Б. Ф. Ломов, Е. С. Кузьмин, у истоков клинической (в те времена медицинской) психологии стоял В. Н. Мясищев. Развивая идеи Лазурского о субъективных отношениях личности, Мясищев разрабатывает собственную психологическую концепцию отношений личности и создает патогенетическую концепцию неврозов. Теория Мясищева стала ме-

тодологической основой комплексных медико-психологических исследований, которые по своей сути были результатом плодотворного междисциплинарного сотрудничества ученых и не утратили своего значения до сегодняшнего дня. В современной отечественной клинической психологии, которая прошла разные этапы становления в качестве самостоятельной прикладной области психологии, все больший акцент делается на изучение комплексных проблем психического здоровья человека, решение которых невозможно без проведения междисциплинарных исследований. Подходы и взгляды Ананьева на комплексное изучение человека разделяли его современники, крупнейшие ученые: Б. М. Теплов и представители его научной школы, В. Д. Небылицын, Э. А. Голубева и др.; В. С. Мерлин, создавший теорию интегральной индивидуальности, которая успешно продолжает разрабатываться его учениками.

Междисциплинарные исследования в современной науке

Начиная с 1970-х годов, междисциплинарный подход получил распространение в других научных психологических центрах. В настоящее время данная тенденция развивается (см., напр.: Методология комплексного человекознания..., 2008; и др.). Это можно проследить, на примере экономической психологии, которая интенсивно развивается в структуре психологической и экономической науки. Социальная психология представлена не только в психологических, но и в социологических науках; психофизиология – в биологических, медицинских и психологических. Можно предположить, что подобная тенденция будет только нарастать. Идеи междисциплинарных исследований получили свое принципиальное развитие в Институте психологии РАН, в разработанном Ломовым системном подходе и его реализации в многочисленных исследованиях сотрудников института. Здесь можно упомянуть разработку современной междисциплинарной концепции *психологической безопасности*, основанной на анализе макропсихологических процессов, соразмерных обществу в целом в сочетании с формированием чувства безопасности конкретной личности, факторами достижения которой выступают как индивидуально-психологические особенности человека, так и социальные факторы (Журавлёв, Тарабрина, 2012). Проблема жизнеспособности человека, впервые поставленная в психологии Ананьевым, успешно развивается в ряде отечественных и зарубежных исследований, в том числе в работах коллектива сотрудников ИП РАН, в которых реализуется междисциплинарный подход к пониманию природы данного феномена (Жизнеспособность челове-

ка..., 2016). Анализ современных тенденций развития профессиональной деятельности, ее характера, влияния на формирование профессионала, развитие корпоративных процессов в организациях свидетельствует о возрастании значения социальных аспектов при одновременной необходимости учета факторов личности профессионала, условий профессиональной деятельности, что порождает необходимость междисциплинарных исследований в области *психологии труда* (Актуальные проблемы..., 2012 и др.). В современных исследованиях психогенетики идеи о единстве индивида и личности, онтогенеза и жизненного пути человека реализуются при исследовании генетически-средовых влияний. Обнаружены эффекты усиления генетических влияний, наблюдаемые в чувствительные периоды развития, в которых отражается готовность индивида к новому средовому опыту, необходимому для реализации генетических возможностей. Это заставляет пересмотреть значение чувствительных периодов в развитии как фильтра средовых воздействий, определяющего меру избирательности внешних влияний (Сергиенко, 2003). Механизмы кризисов развития как генетических переходов между фазами жизненного пути, в основе которых лежат одновременно возникающие изменения, захватывающие разные уровни иерархической системы организации человека и перестройки в их взаимодействии, могут быть по-новому объяснены с позиций современных моделей динамических систем, которые рассматривают поведение и развитие человека как результат функционирования сложных систем, включающих психологические, биологические, физические компоненты. «Данная модель позволяет понять логику рассогласования между уровнем непрерывных изменений системы и дискретного перехода ее в новое состояние, к новому уровню функционирования» и объяснить развитие не как революционный, а как эволюционный процесс (Сергиенко, 2003, с. 265).

Заключение

Можно привести еще много примеров реализации междисциплинарного подхода в психологии. Этот подход получил широкое распространение в практике работы медико-психолого-педагогических комиссий, практике экспертной работы, консультативной практике. Представляется, что именно его применение поможет найти ответы на многочисленные вопросы, стоящие перед современной наукой и практикой. Однако на пути реализации междисциплинарного подхода встречаются ограничения и трудности, которые необходимо учитывать. Среди этих трудностей и ограничений можно назвать

вероятность редукции собственно психических явлений к тем, которые изучаются другими науками. В частности, до сих пор сохраняется психофизиологический редукционизм, попытка объяснить психические явления исключительно физиологическими процессами. Можно назвать также трудности, связанные с попытками вмешательства в дела психологии со стороны представителей других наук, что нередко ведет к размыванию предмета и понятийной системы науки. Одной из труднопреодолимых сложностей является множественность интерпретации получаемого знания, что может вызвать сложности в интеграции этого знания в современную науку (Журавлёв, 2003). Вместе с тем, несмотря на указанные трудности, междисциплинарные исследования выступают в качестве важнейшего инструмента познания. Перед психологией в настоящее время стоит задача разработки теоретической модели, обеспечивающей *интеграцию* психологического знания, чему может послужить, в частности, специальная коммуникативная методология (Мазилев, 2003; и др.).

Литература

- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлёва. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлёв А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 7–23.
- Журавлёв А. Л., Тарабрина Н. В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Мазилев В. А. Проблема интеграции психологического знания: разработка коммуникативной методологии психологической науки // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 417–432.

- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // Материалы XVIII Международного психологического конгресса. М., 1966.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Сергиенко Е. А. Психогенетика и пересмотр психологических постулатов // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 258–269.

Interdisciplinary researches are in psychology: history and contemporaneity

A. L. Zhuravlev (Moscow), N. V. Tarabrina (Moscow)**,
L. A. Golovey*** (St Petersburg)*

* Academician of RAS, Full Professor,

Director of the Institute of Psychology of RAS

** Doctor of psychological Sciences, Full Professor,

chief scientific officer of the Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of psychological Sciences, Full Professor,

Head of the Department of developmental and differential psychology
of St Petersburg state university

The article is dedication to consideration of problem of interdisciplinary researches in psychological science. In a historical aspect the studies of Ananiev B. G. are examined about the psychological structure of man and place of psychology in the system of sciences as grounds for raising of problem of interdisciplinary researches. As pre-condition the role of approach of the systems of Lomov B. F. is specified. The levels of organization of interdisciplinary researches and difficulties into that these researches run on the modern stage are analysed. The examples of modern interdisciplinary researches are considered in the different areas of psychology.

Keywords: interdisciplinary researches, department of psychology, science methodology, complex researches, psychological structure of man.

Алфавитный список авторов

- Абдуллаева М. М. 2154
Абитов И. Р. 630
Абульханова К. А. 158
Адамович Т. В. 1549
Айсина Р. М. 1648
Акбирова Р. Р. 630
Акимова А. Ю. 2281
Алдашева А. А. 2163, 2551
Александров И. О. 36
Александров Ю. И. 1508, 1583,
1633
Алексанова О. Е. 2408
Алексеев К. И. 1282
Алексеева Е. М. 1108
Алексеева Л. В. 46
Алмаев Н. А. 2295
Альперович В. Д. 1770
Ананьева К. И. 409, 582
Арпентьева М. Р. 1115, 1904
Арсалиду М. 1500
Артемцева Н. Г. 394, 638
Артемьева О. А. 167
Артемьева Т. И. 176
Артищева Л. В. 1121
Атаманова И. В. 646
Афиногенова В. А. 1290
Ахметова А. С. 816
Баканов А. С. 2289
Балева М. В. 1778
Бандурка Т. Н. 401
Банщикова Т. Н. 423
Барабанщиков В. А. 409, 417
Барабанщикова В. В. 2653
Баранова В. А. 1950
Бардашевич Е. М. 1064
Басимов М. М. 1656
Басюл И. А. 582
Бахчина А. В. 1508
Безденежных Б. Н. 1516
Бердичевский А. А. 1394
Березовская Р. А. 2506
Берилова Е. И. 2414
Беспрозванная И. И. 409
Бессонова Ю. В. 2295, 2367
Блинникова И. В. 432, 484
Богданова И. В. 441
Богомаз С. А. 646, 2003
Бойко О. В. 898
Большунова Н. Я. 903
Бондаренко И. Н. 449, 599
Борисова А. М. 660
Борисова Н. В. 652
Бочавер А. А. 666
Бочкарева Е. Н. 2306
Бражникова А. Н. 2420
Будилина Н. А. 2635
Будрина Е. Г. 1129
Булимова А. А. 2179
Быховец Ю. В. 1402
Васильева И. И. 2313

Васильченко Н. А. 674
Величковский Б. Б. 459
Викентьева Е. Н. 2568
Виленская Г. А. 913
Винокуров Л. В. 2173
Власкин В. Ю. 2603
Водопьянова Н. Е. 921, 2321
Войтенко М. Ю. 1912
Войтенко Т. П. 53
Волкова Е. В. 1137
Волкова Н. Э. 1145
Воловикова М. И. 660, 682,
691
Вольвич Ю. К. 2560
Воробьева Е. Ю. 1557
Воробьева И. В. 1920
Воронин А. Н. 1298, 1306
Выдрина Е. А. 851
Вяткин Б. А. 1354
Гайдар К. М. 1787
Галиакберова И. Л. 1524
Галкина Т. В. 183, 638, 682
Гапонова С. А. 2227
Гаришвили Л. Ш. 2266
Гильманов С. А. 61
Голзицкая А. А. 937
Голиков Ю. Я. 92
Головей Л. А. 1410, 2700
Головина Г. М. 468
Головина Е. В. 929
Голынчик Е. О. 1664
Горбачева А. Ю. 674
Горкин А. Г. 1531, 1633
Горюнова Л. Н. 2321
Гостев А. А. 194, 367
Грачев А. А. 205
Гребенщикова Т. А. 1378
Греченко Т. Н. 1538
Гридяева Л. Н. 1795
Грязева-Добшинская В. Г. 1152
Губенко А. В. 1160
Гудков В. Н. 1549
Гудкова Н. Н. 1664
Гузий А. Г. 2329
Данилова А. Г. 214
Данина М. М. 937
Деветьярова И. Н. 944
Девিশвили В. М. 1625
Деятовская И. В. 1839
Дегтярев С. Н. 1168
Дементий Л. И. 699
Денисова В. Г. 2393
Дерягина Л. Е. 2179
Дикая Л. Г. 2460
Дмитриева Ю. А. 1152
Дорфман Л. Я. 1176
Дробышева М. М. 221
Дробышева Т. В. 1927, 1934
Дроздова И. И. 1801
Дудникова Т. А. 1137
Дука А. И. 1809
Дымова Е. Н. 1418
Елизаров С. Г. 1815
Емельянова Т. П. 1943, 2568
Еремина Л. И. 1183
Ермолаева Е. П. 2576
Ефимова О. В. 566
Жалагина Т. А. 2101
Жегалло А. В. 477, 1538
Желанкин Р. В. 541
Жукова М. О. 1950
Журавлёв А. Л. 25, 183, 691,
1830, 1934, 2031, 2074, 2091,
2585, 2594, 2700
Журавлева Н. А. 2393
Забегалина С. В. 2428
Забродина Т. А. 1545
Завгородняя Е. В. 229
Занковский А. Н. 2585, 2594
Захарова Л. Н. 2603
Зачесова И. А. 1314
Зеленова М. Е. 2163, 2185
Зелянина А. Н. 1458
Зизевская Е. С. 888

- Зиновьева Е. В. 307
Зинченко Ю. П. 1958
Знаков В. В. 69, 953
Зубакин М. В. 1967
Зуев К. Б. 1822
Ивлиева Н. П. 1633
Измалкова А. И. 432, 484
Исайчев С. А. 1549, 1625
Казакова Н. Е. 237
Казымова Н. Н. 1402
Калугин А. Ю. 714
Канахин Д. И. 2235
Караванова Л. Ж. 2194
Карнышев А. Д. 2119
Карпинский К. В. 721
Карпов А. А. 85
Карпов А. В. 76, 85
Кибальченко И. А. 1191
Кисельникова Н. В. 937
Кисляков П. А. 1072
Китова Д. А. 1981
Клепач Ю. В. 1795
Клочкова О. И. 1557
Ключева О. А. 2612
Князева Т. С. 1198
Ковалёв А. И. 1566
Ковалева Ю. В. 1830, 1990
Кожанова И. В. 2337
Кожевникова О. В. 2681
Кожина А. А. 2173
Колосова В. В. 1672
Кольцова В. А. 25, 194, 245,
296
Коновалова О. С. 2154
Корбут А. В. 532
Корнеева Я. А. 2620
Корниенко Д. С. 800
Коробейникова Я. П. 729
Королева А. Ю. 253
Королева Н. А. 1025
Королькова О. А. 417
Костенко Е. В. 2185
Костин А. Н. 92
Котлярова Л. Н. 2629
Котова Т. Н. 1500
Котовская С. В. 2436
Кочеткова Т. Н. 1680
Криулина А. А. 2203
Кружкова О. В. 1839
Крылов А. К. 1575
Кубрак Т. А. 1321
Кузина Е. А. 1583
Кузнецова А. С. 2211
Кузьмина Е. И. 1206
Куликов Л. В. 1686
Куликовская Е. А. 736
Куминская Е. А. 937
Куфтяк Е. В. 961
Лабунская В. А. 1693, 1762,
1801
Лаврова Е. В. 937
Лактионова А. И. 2444
Лапкина Е. В. 743
Лаппо М. А. 1328
Латынов В. В. 1337, 1346
Лебедев Ал. Н. 751
Лебедев Ар. Н. 101
Лебедева Е. И. 970, 1025
Лебедева Т. Г. 1425
Лекалов А. А. 2185
Леонова А. Б. 2635
Леонова Е. В. 2219
Лим В. С. 2185
Липатов С. А. 1847
Лисова Е. Н. 1997
Литвина С. А. 2003
Лободинская Е. А. 417
Ловков С. Г. 2227
Логвинов И. Н. 1856
Логинова Н. А. 262
Лотарева Т. Ю. 2452
Лузянина М. С. 2211
Лунякова Е. Г. 1723
Лупенко Е. А. 494, 623

Лусто И. И. 1701
Мазиллов В. А. 108
Майорова И. А. 2227
Майорова Ю. А. 2344, 2352,
2329
Макарова О. А. 2358
Максимова Н. Е. 36
Маленов А. А. 978
Маленова А. Ю. 978
Мальшева Н. Г. 1723
Мамедова Л. Ю. 929
Маничев С. А. 2645
Маркина Н. А. 758
Мартынова О. В. 1500
Марусанова Г. И. 2653
Марченко Е. Е. 985
Марченко Ф. О. 1216
Матвеева Л. В. 2011
Махнач А. В. 2460
Маховская О. И. 1216
Медведева Д. С. 1354
Мединцев В. А. 116
Меньшикова Л. В. 994
Мешкова Н. В. 1708
Мешкова Т. А. 1009
Микляева А. В. 764
Минасян Г. Г. 2235
Минькова Е. С. 269
Михайлова Н. Ф. 1433
Михеев Е. А. 2021
Мишин А. В. 2329
Мишкевич А. М. 771
Морозов В. П. 1362
Морозов П. В. 1371
Моросанова В. И. 449, 501, 510
Москвин В. А. 1592
Москвина Н. В. 1592
Мотков О. И. 777
Муравьева О. И. 2003
Мурашева О. В. 2295
Мурзина Ю. С. 2127
Мустафина Л. Ш. 785
Назаров К. С. 1625
Наличаева С. А. 2243
Нартова-Бочавер С. К. 666,
872
Немов Р. С. 124
Нестерова А. А. 2468
Нестик Т. А. 1822, 1867, 2021,
2031, 2041, 2091, 2144
Никитина Д. А. 1476
Никитина Е. А. 1002
Никифоров Г. С. 921
Николаева Н. О. 1009
Новичихина И. В. 275
Носуленко В. Н. 441, 517
Няголова М. Д. 281
Обознов А. А. 2295, 2367, 2377
Обозов Н. Н. 289
Оболенская А. Г. 2051
Ованесбекова М. Л. 510
Одинцова М. А. 1449
Ожиганова Г. В. 1223
Олейник Ю. Н. 245, 296
Орлова О. М. 2603
Осаволюк Е. Ю. 1230
Остроушко М. Г. 2659
Ощепков А. А. 2475
Паатова М. Э. 2481
Павлова Н. Д. 1290, 1378
Павлова П. С. 1723
Падун М. А. 1394, 1458
Падурин Е. А. 1656
Палихова Т. А. 1600
Панкова Т. С. 1715
Патраков Э. В. 2041
Петрова Д. К. 1686
Петрович Д. Л. 615
Плаксиенко А. И. 1191
Плохих О. В. 526
Плющева О. А. 2490
Пляскина А. С. 1237
Погонцева Д. В. 794
Погорелова И. В. 1557

- Поддубный С. Е. 1715
Поддьяков А. Н. 1237
Позерт А. Е. 2011
Позняков В. П. 2109, 2135
Полежаева О. Д. 289
Польченко О. В. 551
Понамарева Е. А. 2163
Постылякова Ю. В. 2498
Прокопьева А. Е. 794
Прохоров А. О. 1243
Прохорова М. В. 2249
Радостева А. Г. 800
Разина Т. В. 2257
Рафикова А. С. 1306
Ребеко Т. А. 1251
Резниченко С. И. 666
Решетко С. А. 1733
Романовская М. А. 1740
Рунец О. В. 2163, 2551
Русалов В. М. 1137
Рут Е. И. 2506
Рыбченко А. А. 1557
Рыльская Е. А. 2514
Рябикина З. И. 807
Рябов В. Б. 131
Сабадош П. А. 1258
Савченко Т. Н. 468, 532
Садов В. А. 615
Салихова Н. Р. 816
Самекин А. С. 2041
Самойленко Е. С. 441, 517, 532
Самойлова И. Г. 826
Самохвалова А. Г. 1016
Сапрыкина Ю. А. 2522
Сараева Н. М. 2529
Сарычев С. В. 1856
Сварник О. Е. 1605
Севрюкова А. Н. 2274
Селина Я. М. 1041
Семёнов В. Е. 2058
Сергеев С. Ф. 2384
Сергеева О. М. 590
Сергиенко Е. А. 139, 1025,
1468
Сибгатуллина Л. Р. 630
Сидоренков А. В. 2667
Силина О. В. 1034
Симонова Н. Н. 2620
Синельникова Е. С. 307
Синякина Е. Г. 315
Скотникова И. Г. 541, 607
Скрипник Н. М. 1041
Скрябина О. Б. 1016
Славская А. Н. 324
Слепко Ю. Н. 1049
Смирнова Э. В. 1748
Соколовский М. Л. 423
Солнцева Н. В. 1425
Соловьева А. В. 834
Соломонов В. А. 575
Сорокин А. С. 1545
Соснин В. А. 1981, 1990, 2065,
2074
Старикова М. В. 2645
Старцева М. С. 1557
Степанова Г. С. 147
Столярчук Е. А. 921
Стоюхина Н. Ю. 331
Стрижицкая О. Ю. 1410
Суворов В. В. 340
Судейманов Р. Ф. 1610
Сунгурова Н. Л. 843
Суханов А. А. 2529
Сухарев А. В. 851
Тарабрина Н. В. 1468, 2700
Тарасова Е. В. 2536
Тимашкова Н. А. 2393
Тимофеев Д. И. 2144
Тимохин В. В. 851
Титова М. А. 559
Тихонова Э. В. 348
Толочек В. А. 1265, 2266
Третьякова В. Э. 1878
Тугайбаева Б. Н. 357

Тучина О. Р. 858
Тюлюбаева Т. О. 2620
Уланова А. Ю. 1025, 1058
Устинова О. А. 903
Фёдоров С. И. 2321
Федотова Ж. Э.
Филатова Л. Э. 1756
Флоровский С. Ю. 1887
Фокин А. В. 2352
Фомин А. Г. 367
Фомина Е. А. 563
Фомина Т. Г. 566
Фукин А. И. 2358
Хазова С. А. 1064
Харитонов А. Н. 582, 1538
Харитонова Ев. В. 2675
Харитонова Е. В. 376, 2085
Харламенкова Н. Е. 1468, 1476
Хачатурова М. Р. 872, 666
Хлудова Л. К. 1617
Холодная М. А. 1273
Холондович Е. Н. 382
Хотинец В. Ю. 1354, 2681
Хрисанфова Л. А. 590
Худякова Т. Л. 2274
Цепцов В. А. 1386
Цыганов И. Ю. 599
Челнокова А. В. 1176
Чернецкая Е. Д. 2401
Черноризов А. М. 1549, 1625
Чистова Ю. Р. 1633
Чуракова И. Е. 1485
Шабанов Г. А. 1557
Шайгерова Л. А. 1958
Шапиро С. В. 1493
Шапорева А. А. 851
Швалева Н. М. 1041
Шендяпин В. М. 607
Шилко Р. С. 1958
Ширков Ю. Э. 1896
Шкурко Т. А. 1752
Шляпников В. Н. 880
Шмелева Е. А. 1072, 1974
Шпагонова Н. Г. 615
Шубникова Е. Г. 2543
Шунто А. С. 623
Щебетенко С. А. 771
Щукина М. А. 888
Эгамбердиева Е. В. 1715
Эйдельман А. Б. 1080
Эйдельман Г. Н. 1089
Юревич А. В. 1981, 2091
Юсупов М. Г. 1098
Ясева Н. Ю. 1701
Ясько Б. А. 2689
Яценко Д. А. 124
Яценко М. В. 1641

Научное издание

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Результаты и перспективы развития

Редактор – О. В. Шапошникова

Оригинал-макет и верстка – С. С. Фёдоров

Корректор – Л. В. Бармина

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.ipras.ru

Сдано в набор 01.11.17. Подписано в печать 10.11.17
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура CharterС. Усл. печ. л. 168. Уч.-изд. л. 137
Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6